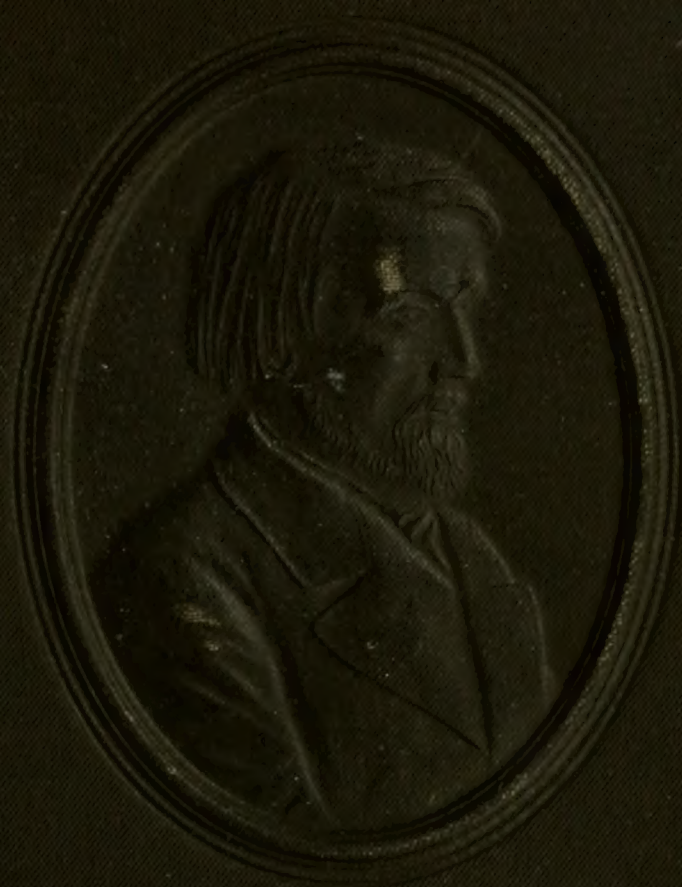

3 1761 08821270 9

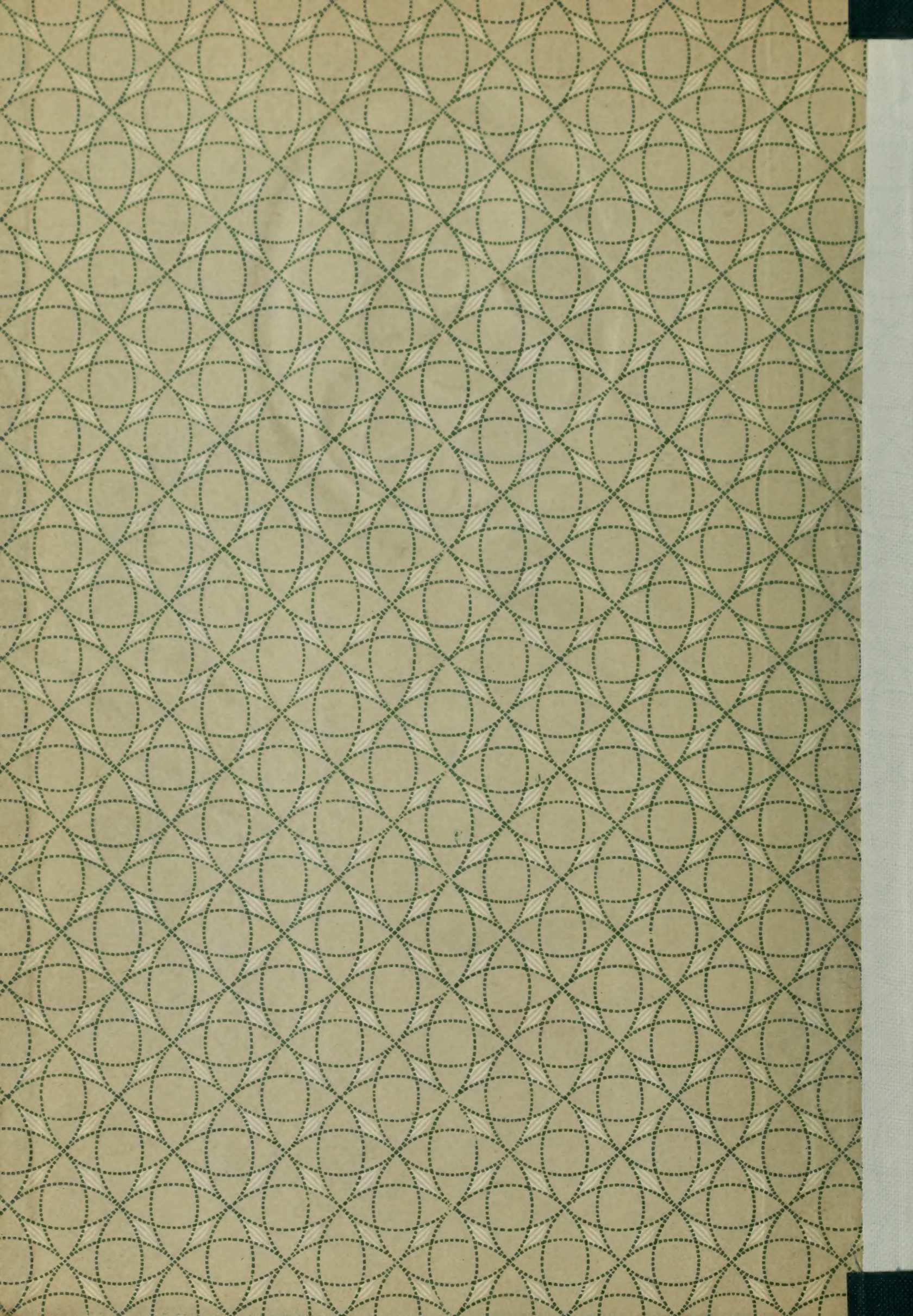

СОЧИНЕНІЯ

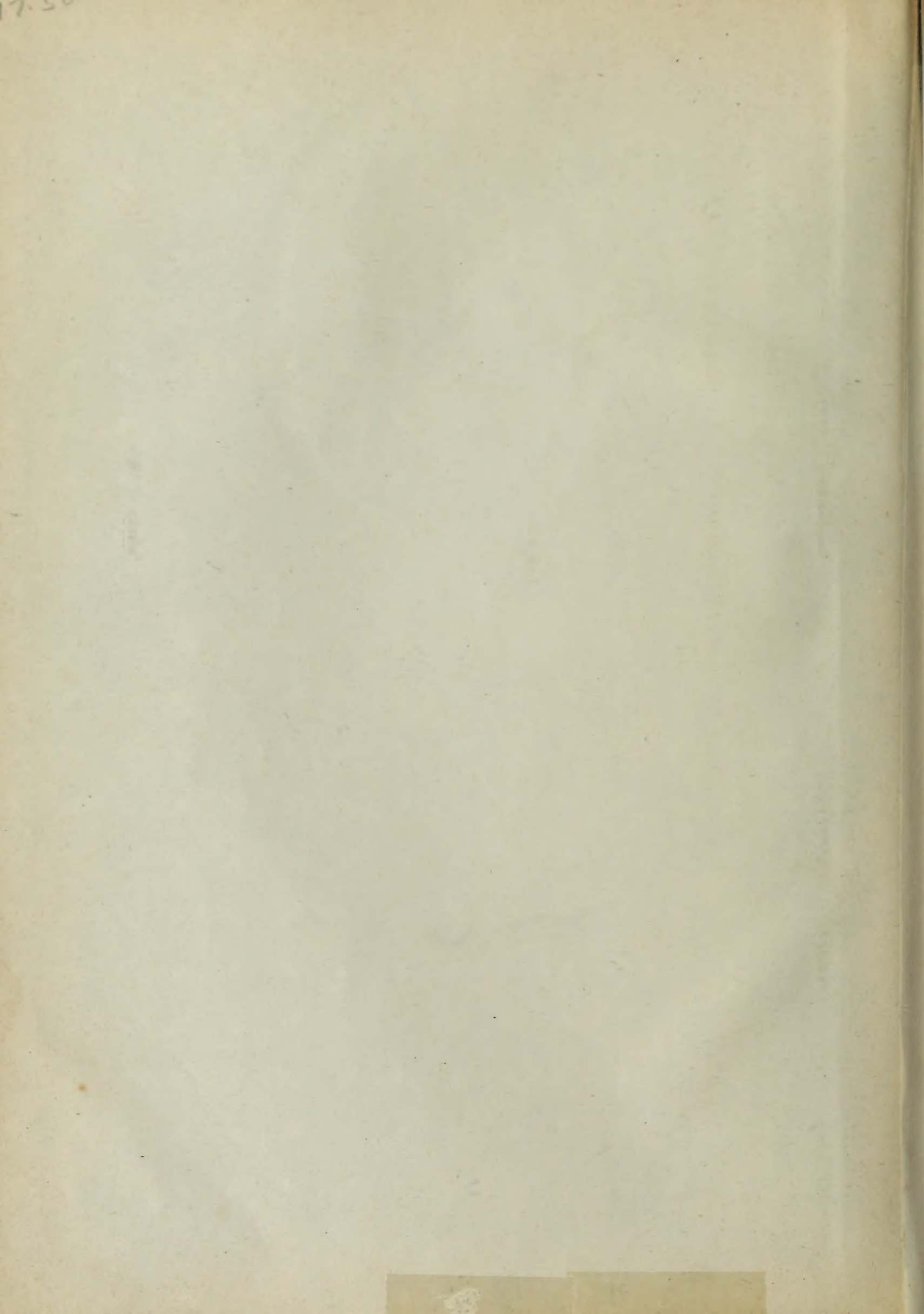
В. Г. БѢЛИНСКАГО

ПОД РЕДАКЦІЕЮ

ВЯНОВА-РАЗУМНИКА

65
3

В. Г. Бѣлинскій.

В99361

Byelinzky, Vissarion Grigor'evich

БИБЛИОТЕКА РУССКИХЪ КРИТИКОВЪ.

I)

Sobranie sochineny
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. Г. БѢЛИНСКАГО

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей **Иванова-Разумника**, съ его вступительными замѣтками
къ каждой статьѣ Бѣлинскаго, примѣчаніями и историко-критическимъ
и біографическимъ очеркомъ.

Съ приложеніемъ портрета Бѣлинскаго и именного алфавитнаго указателя
къ всѣмъ тремъ томамъ.

v. 1.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1834—1840.

(Ed. 2)
Изданіе второе.

Спб.—1913.

462770
6.6.47

4402

18 1/3
18 1/1
3 3

Отъ издателя.

Русская критика—это собраніе всего того, что дала русская общественная мысль, въ преимущественности ея выразителей, по вопросамъ социальнымъ, философскимъ, историко-литературнымъ и художественной оцѣнкѣ родной литературы. Бѣлинскій, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Михайловскій и многіе другіе менѣе выдающіеся критики—выразители идей и духа лучшей части общества своего времени. Нельзя изучить исторію русскаго общества и литературы безъ основательнаго знакомства съ ихъ произведеніями. Но чѣмъ на большемъ отдаленіи отъ насъ дѣятельность того или другого критика, тѣмъ труднѣе это знакомство для всякаго, кто не имѣетъ серьезныхъ знаній въ области матеріала, представляемаго критикомъ. Поэтому многія сочиненія нашихъ критиковъ не пользуются той широкой популярностью, какую они должны бы имѣть въ дѣйствительности. Всѣ предыдущія изданія сочиненій нашихъ критиковъ не были до сихъ поръ вполне приноровлены къ запросамъ современнаго читателя.

Все это побудило насъ приступить къ изданію совершенно новой „Библіотеки русскихъ критиковъ“, отличительной особенностью которой являются обширные комментаріи редактора-специалиста по изученію творчества того или другого критика. Разумѣется, первымъ номеромъ этой „Библіотеки“ долженъ быть Бѣлинскій. Съ него она и начинается. 17 ноября 1911 года выпущенъ второй номеръ—первое полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова, подъ редакціей М. К. Лемке.

OTU H8307218

The first thing I noticed when I stepped out of the car was the cold. It was a sharp contrast to the warm blanket I had been sitting under. I looked up at the sky, which was a pale, hazy blue. The air was crisp and clean, a welcome change from the stuffy interior of the car. I took a deep breath, feeling the cool air fill my lungs. The sun was just beginning to rise, casting a soft, golden glow over the landscape. The trees were bare, their branches reaching out like skeletal fingers against the sky. The ground was covered in a thin layer of frost, glistening in the early morning light. I walked slowly, my boots crunching on the ice. The silence was absolute, broken only by the occasional rustle of leaves or the distant chirp of a bird. It was a peaceful, almost surreal scene. I felt a sense of wonder and awe, as if I had stumbled upon a hidden world. The cold was not unpleasant; it was invigorating. It reminded me of the first snow of winter, a time of quiet reflection and new beginnings. I continued to walk, my mind wandering to the possibilities of the day ahead. The world was so different here, so much more alive than I had ever felt before. I was grateful for this moment, for this chance to see the world through a different lens. The cold was just the beginning of the experience. I knew that as the day progressed, the beauty of this place would reveal itself in ways I could not yet imagine. I was ready for whatever came next.

Отъ редактора.

Настоящее собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго составлено по совершенно особому плану. Особенности его заключаются въ слѣдующемъ:

Каждая статья Бѣлинскаго сопровождается вступительной замѣткой редактора, достигающей иногда размѣра большой статьи (см., напр., №№ 56 и 66); рядъ этихъ вступительныхъ замѣтокъ связываетъ всѣ статьи Бѣлинскаго въ одно развивающееся цѣлое: въ общей сложности всѣ эти замѣтки занимаютъ свыше двадцати печатныхъ листовъ обычнаго формата, т.-е. составляютъ цѣлую книгу. Появленіе въ сознаніи Бѣлинскаго новыхъ проблемъ; новое рѣшеніе старыхъ вопросовъ; перемѣна философскихъ, критическихъ и историко-литературныхъ сужденій; обстоятельства, сопровождавшія появленіе статей Бѣлинскаго; библиографическія указанія—все это составляетъ содержаніе вступительныхъ замѣтокъ. Многочисленныя примѣчанія къ тексту являются непосредственнымъ дополненіемъ къ этимъ замѣткамъ. Наконецъ, во вступительномъ біографическомъ очеркѣ намѣчена та общая связующая нить, которая проходитъ черезъ всѣ три тома и соединяетъ всѣ статьи Бѣлинскаго въ одно неразрывное цѣлое. Всѣ эти три тома являются поэтому одной цѣльной *книгой о Бѣлинскомъ*.

Весь матеріалъ удачно распредѣлился въ трехъ томахъ: первый томъ заключаетъ въ себѣ статьи Бѣлинскаго съ 1834 по 1840 годъ, статьи эпохи его шеллингианства, фихтианства и гегелианства, до момента перваго духовнаго кризиса Бѣлинскаго; во второмъ томѣ помѣщены статьи съ 1841 по 1845 годъ, статьи второй эпохи—эпохи его „соціальности“ вообще и социализма въ частности, до второго перелома міровоззрѣнія Бѣлинскаго; наконецъ, въ третьемъ томѣ находятся статьи третьей и послѣдней эпохи его жизни и дѣятельности, съ 1846 по 1848 годъ. Статьи расположены въ хронологическомъ порядкѣ—за двумя-тремя исключеніями, причины которыхъ указаны въ текстѣ (см. ст. №№ 24, 29); главнымъ исключеніемъ являются знаменитыя статьи о Пушкинѣ, печатавшіяся въ „Отеч. Запискахъ“ 1843—1846 гг. Мы сочли необходимымъ соединить ихъ въ одно цѣлое и отнести ихъ въ третій томъ, къ 1846 году: впрочемъ, подъ каждой отдельной статьей Бѣлинскаго мы всюду отмѣтили годъ ея появленія. Замѣтимъ кстати, что года написанія и напечатанія статей Бѣлинскаго болѣею частью совпадаютъ: Бѣлинскій обыкновенно дописывалъ вторую половину статьи въ то время, когда первая была уже въ типографіи (см. біографическій очеркъ). Совпаденія этого не бываетъ только въ *декабрьскихъ* статьяхъ Бѣлинскаго: такъ, напримѣръ, статья „Русская литература въ 1840 году“ помѣчена нами 1841 годомъ, такъ какъ появилась въ январскомъ №-рѣ „Отеч. Записокъ“ за 1841 г.; написана же она въ декабрѣ 1840 года. Отмѣтимъ также, что въ статьяхъ, не появившихся въ печати при жизни Бѣлинскаго (см. №№ 28, 29, 59, 64), нами поставлены года ихъ написанія.

Въ выборѣ статей мы руководствовались слѣдующими соображеніями: дать все, что характеризуетъ развитіе философскихъ и соціальныхъ воззрѣній Бѣлинскаго, а также—и главнымъ образомъ—его историко-литературныхъ сужденій. Бѣлинскій—первый и величайшій нашъ историкъ литературы, и мы постарались включить въ настоящее изданіе почти все, что имѣетъ отношеніе къ этому вопросу, не забывая однако, что фундаментомъ всюду являются соціально-философ-

скія воззрѣнія Бѣлинскаго. Можемъ смѣло сказать, что изъ статей, вошедшихъ въ настоящее изданіе, нельзя вычеркнуть ни одной безъ ущерба для полноты характеристики Бѣлинскаго и его отношеній къ современной ему эпохѣ и литературѣ; наоборотъ, можно было бы прибавить еще двѣ-три статьи изъ богатаго литературнаго наслѣдства, оставленнаго намъ великимъ критикомъ. Но въ этомъ отношеніи редакторъ не могъ выйти за границы *эти* печатныхъ листовъ большого двухколоннаго формата (размѣръ настоящаго изданія); надо однако замѣтить, что размѣръ этотъ составляетъ приблизительно *двадцать* печатныхъ листовъ обычнаго формата, т.-е. около шести—восьми томовъ обыкновеннаго in 8-vo. Границы эти достаточно широки, чтобы въ нихъ можно было включить все характерное для В. Г. Бѣлинскаго.

Всѣ статьи даны въ полномъ видѣ, безъ какихъ бы то ни было сокращеній (два исключенія и причины ихъ указаны нами въ текстѣ, — см. ст. №№ 10 и 30); къ концу третьяго тома приложенъ алфавитный указатель именъ, встрѣчающихся въ статьяхъ Бѣлинскаго. Въ основу текста этихъ статей положенъ *журнальный* текстъ. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ, рукописи которыхъ были у Кетчера, редактора перваго собранія сочиненій Бѣлинскаго (1859—1861 гг.), журнальный текстъ оказался менѣе полнымъ, чѣмъ текстъ редакціи Кетчера; въ этихъ случаяхъ мы все же даемъ журнальный текстъ въ примѣчаніяхъ. Текстъ статей первыхъ двухъ томовъ взятъ нами изъ цѣннаго многотомнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго редакціи С. Венгерова (съ 1900 по 1910 г. вышло девять томовъ); но текстъ этотъ въ большинствѣ статей снова свѣренъ нами съ журнальнымъ текстомъ. При этомъ мы отказались однако отъ сохраненія особенностей правописанія Бѣлинскаго перваго періода его литературной дѣятельности (Бѣлинскій писалъ тогда, напримѣръ: „возпитаніе“, „мѣлкій“ и т. п.); но всѣ стилистическія особенности нами строго соблюдены. Сохранены всюду, напримѣръ, характерныя для Бѣлинскаго пѣвучія окончанія на „ію“, „ею“, „ою“, вмѣсто отрывочныхъ современныхъ „ью“, „ей“, „ой“; „суровою нашею дѣйствительностію“, — писалъ, напримѣръ, Бѣлинскій. На цѣломъ рядѣ подобныхъ мелочей не считаемъ нужнымъ останавливаться въ этомъ предисловіи.

Указанное выше изданіе С. Венгерова доведено пока до 1845 года; поэтому весь третій томъ настоящаго изданія впервые даетъ провѣренный журнальный текстъ статей Бѣлинскаго 1846—1848 гг. Впервые появляется точный текстъ „пушкинскихъ статей“ Бѣлинскаго, восстановленъ цѣлый рядъ пропусковъ въ редакціи Кетчера, указаны цензурныя купюры во всѣхъ этихъ статьяхъ и т. п. Наконецъ, впервые печатается неизвѣстная доселѣ статья Бѣлинскаго (вторая часть ст. № 59), почему-то не вошедшая въ изданіе подъ редакціею Кетчера, а значитъ и во всѣ послѣдующія изданія. Таковы общія особенности настоящаго изданія; нѣкоторыя частности читатель найдетъ еще въ нашихъ вступительныхъ замѣткахъ.

Послѣ выхода въ свѣтъ *перваго* изданія настоящаго собранія сочиненій Бѣлинскаго, намъ удалось ознакомиться съ письмами Бѣлинскаго къ Боткину, Бакунину и др., хранящимся въ архивѣ А. Н. Пыпина (см. нашу книгу „Великія исканія“). Въ настоящемъ, *второмъ* изданіи, многія мѣста въ біографическомъ очеркѣ и вступительныхъ замѣткахъ дополнены цитатами изъ этихъ еще неопубликованныхъ полностью писемъ Бѣлинскаго; исправлены всѣ недосмотры перваго изданія, всѣ „дополненія“ внесены въ текстъ. Изданіе это, повторяю еще разъ, является неразрывной, связной, единой „книгой“; біографическій очеркъ, статьи, примѣчанія къ нимъ, вступительныя замѣтки—все это вмѣстѣ составляетъ одно неразрывное общее: всѣ эти три тома—одна цѣльная книга о Бѣлинскомъ.

Ивановъ-Разумникъ.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

«...Знаете ли вы, что такое *ревность по Господу, снѣдающая человека*? Что человекъ безъ Бога?—Трупъ холодный. Его жизнь въ Богѣ, въ Немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ. А что такое Богъ, если не понятіе человека о Богѣ?...»

Бѣлинскій.

Въ послѣдней четверти XVIII вѣка въ селѣ *Бѣлыни*, Пензенской губерніи, былъ священникомъ нѣкій о. Никифоръ, по позднѣйшимъ семейнымъ преданіямъ — праведникъ, аскетъ, подвижникъ. Сынъ его, Григорій Никифоровичъ, получилъ въ семинаріи фамилію *Бѣлинскій*; окончивъ въ послѣдствіи петербургскую медицинскую академію, онъ служилъ (съ 1809 по 1816 годъ) въ балтійскомъ флотѣ врачомъ. Онъ женился тамъ на дочери флотскаго офицера; въ Свеаборгѣ у нихъ родился сынъ—Виссаріонъ. Черезъ три съ половиной десятка лѣтъ послѣ этого событія, В. Г. Бѣлинскій писалъ своему другу Боткину въ мартѣ мѣсяцѣ 1846 года: „мая 30-го... стукнетъ мнѣ тридцать шесть лѣтъ“; такимъ образомъ самъ Бѣлинскій считалъ днемъ своего рожденія 30 мая 1810 года. Онъ ошибался и въ днѣ и въ годѣ своего рожденія: въ настоящее время документально установлено, что Бѣлинскій родился 1-го іюня 1811 года ¹⁾.

Когда маленькому Виссаріону минуло пять лѣтъ, отецъ его перешелъ на службу въ свои родные края—въ захолустный (хотя и уѣздный) городъ Пензенской губерніи

¹⁾ См. письмо Д. П. Иванова къ А. Н. Пыпину отъ 16 іюня 1876 года (помѣщено въ книгѣ Пыпина „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, изд. 2-ое, 1908 г., стр. 640—1); см. также „Русскую Старину“ 1899 г., № 4, стр. 200—1. Всѣ эти свидѣтельства устанавливаютъ годъ рожденія Бѣлинскаго; день установленъ недавно изысканіями г. Рудакова, вызвавшими однако рядъ возраженій.

Чембаръ. Здѣсь Виссаріонъ Бѣлинскій провелъ свои дѣтскіе годы; здѣсь, въ 1820 году, онъ поступилъ въ чембарское уѣздное училище и пробылъ въ немъ до 1825 года, когда его отравили въ пензенскую гимназію. Нерадостнымъ было дѣтство Бѣлинскаго, и оно во многихъ отношеніяхъ наложило свою печать на нѣкоторыя черты его характера... Тридцать лѣтъ спустя самъ онъ объяснялъ свою робость, свою конфузливость и свою боязнь людей—впечатлѣніями ранняго дѣтства. „Вспомнилъ я рассказъ матери моей,—писалъ Бѣлинскій Боткину 16 апр. 1840 г.:—она была охотница рыскать по кумушкамъ, чтобы чесать язычекъ; а я, грудной ребенокъ, оставался съ нянькою, нанятою дѣвкою; чтобъ я не беспокоилъ ее своимъ крикомъ, она меня душила и била... Впрочемъ, я не былъ груднымъ: родился я больнымъ при смерти, груди не бралъ и не зналъ ея... Потомъ: отецъ меня терпѣть не могъ, ругалъ, унижалъ, придирался, билъ нещадно и площадно—вѣчная ему память. Я въ семействѣ былъ чужой“... Въ юности Бѣлинскій платилъ за это отцу ненавистью и, будучи уже гимназистомъ, „декламировалъ свою ненависть къ отцу отчаянно-восторженными возгласами героевъ Шиллера“ ¹⁾. Врядъ-ли эта ненависть была

¹⁾ Воспоминанія о Бѣлинскомъ родственницы его, г-жи Ш., помѣщены въ „Дорожныхъ Запискахъ“ М. Погодина въ газетѣ „Русскій“, 1868 г., № 15.

вносилъ заслужена: отецъ Бѣлинскаго былъ, повидимому, незаурядный человѣкъ, стоявшій значительно выше окружавшей его уѣздной среды. Въ этой средѣ его не любили за рѣдкость и прямоту, за его „вольтеріанскія“ мнѣнія и сужденія; позднѣе, въ 1834 году, одинъ изъ молодыхъ родственниковъ Виссаріона писалъ ему изъ Чембара объ его отцѣ: „человѣкъ благороднѣйшій въ высшей степени, съ чувствами высокими, рожденный съ отличными способностями, но убитый мелочною жизнію въ Чембарѣ, заброшенный въ дикій бурьянъ, въ кругъ людей, между которыми тщетно ты будешь искать слѣдовъ истиннаго человѣчества. И часто былъ свидѣтелемъ благороднѣйшихъ поступковъ его, которые восхищали меня и въ минуту разсѣвали всѣ мои предубѣжденія“. Эти же родственники указываютъ, что тяжелую семейную обстановку семьи Бѣлинскихъ во многомъ усложнялъ характеръ матери Виссаріона; она отличалась „неистово-бѣшеннымъ нравомъ“, „своеправною независимостію“ и вообще „неумѣреннымъ темпераментомъ“... Мы не останавливались бы на всѣхъ этихъ частностяхъ, если бы онѣ не были такъ важны для пониманія характера „неистоваго Виссаріона“. Дѣйствительно, темпераментъ матери, рѣзкость и прямота отца, и, наконецъ, религиозный экстазъ подвижника-дѣда—все это въ новыхъ формахъ и съ новой силой воскресло въ „неистовомъ“, прямодушномъ, вѣчномъ подвижникѣ, вѣчномъ искателѣ истинной религіи Виссаріонѣ Бѣлинскомъ.

Въ одной изъ статей Бѣлинскаго 1839 года (о „Милордѣ Англинскомъ“) мы встрѣчаемъ интересное автобіографическое отступленіе, якобы заимствованное изъ „рукописныхъ мемуаровъ“ нѣкоего „добраго пріятеля“; этотъ alter ego Бѣлинскаго вспоминаетъ „золотые годы своего дѣтства“; „я снова—пишетъ онъ—становлюсь ребенкомъ, и вотъ уже, съ біющимъ сердцемъ бѣгу по пыльнымъ улицамъ моего родного городка, вотъ вхожу на дворъ родимаго дома съ тесовою кровлею, окруженнаго бревенчатымъ заборомъ... Вотъ отъ воротъ до крыльца треугольный палисадникъ, съ акаціями, черемуховымъ деревомъ и купою розановъ... Вотъ и огородъ, которому со двора служатъ оградой погребъ и другія службы, съ небольшими промежутками частокола, а съ остальныхъ трехъ сторонъ—плетень... Вотъ и маленькая баня при входѣ въ огородъ, даже и среди бѣлаго дня пугавшая мое дѣтское воображеніе своею таинственною пустотою... А вотъ, возлѣ нея, и стогъ сѣна, на которомъ я часто воображалъ себя то Александромъ Македонскимъ, то Ерусланомъ Лазаревичемъ... А въ домѣ—тамъ нѣтъ ни комнаты, ни мѣста на чердакѣ, гдѣ бы я не

читалъ, или не мечталъ, или позднѣе не сочинялъ“... Читать и мечтать—вотъ въ чемъ, очевидно, находилъ спасеніе отъ семейной обстановки не по возрасту задумчивый и (по впечатлѣнію Лажечникова) не по лѣтамъ умный ребенокъ. Изъ той же автобіографической статейки видно, какія книги прежде другихъ попались подъ руку маленькому Виссаріону, когда онъ „уже бойко читалъ по-толкамъ, хотя еще и не умѣлъ писать“: это были „Бова“ и „Ерусланъ“ *гражданскою печатью*, „Зеркало Добродѣтели“ съ раскрашенными картинками, „Повѣсти и романы господина Вольтера“, и, наконецъ, неизбѣжный „Милордъ Англинской“, жадно прочитанный въ огородѣ, между грядками бобовъ и гороха.

Но вотъ начинается періодъ школьнаго ученія—въ чембарскомъ уѣздномъ училищѣ: девятилѣтнимъ ребенкомъ поступилъ туда Виссаріонъ Бѣлинскій и четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ окончилъ въ немъ „курсъ наукъ“. Каковы были въ это время литературные вкусы мальчика, что онъ читалъ, чѣмъ увлекался? Отвѣтъ на это опять-таки даютъ слова самого Бѣлинскаго въ одной изъ рецензій 1835 года (о стихотвореніяхъ нѣкоего Коптева): Бѣлинскій снова вспоминаетъ въ ней „золотое время дѣтства, когда,—пишетъ онъ,—еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я въ огромныя кипы тетрадей, неумоимо, денно и нощно, и безъ всякаго разбору, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ, когда я плакалъ, читая Бѣдную Лизу и Марьину рошу, и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицомъ à la Эрастъ Чертополоховъ“... Этотъ же періодъ „неумоимаго“ чтенія и списыванія прочитаннаго „въ огромныя кипы тетрадей“ продолжался и въ 1825—1828 году, когда юноша Бѣлинскій продолжалъ свое ученіе въ пензенской гимназіи; до насъ дошла одна изъ такихъ тетрадокъ даже времени студенчества Бѣлинскаго (1831 г.). Въ гимназическую эпоху своей жизни Бѣлинскій—ему было тогда 14—17 лѣтъ—продолжалъ восхищаться старой русской литературой; самъ онъ впоследствии вспоминалъ, что въ это время зналъ наизусть „Димитрія Самозванца“ Сумарокова и вообще восхищался русской литературой XVIII вѣка¹⁾.

¹⁾ Однако уже въ 1829 году, только-что пріѣхавшій въ Москву Бѣлинскій, описывая отцу университетскую бібліотеку и стоящіе въ ней бюсты „великихъ гениевъ“—Ломоносова, Державина, Карамзина, замѣчаетъ тутъ же: „жалко, что между помянутыми бю-

Какимъ образомъ отъ этой литературы онъ перешелъ къ восторженному преклоненію предъ Пушкинымъ—объ этомъ самъ онъ подробно разсказалъ въ своемъ обзорѣ русской литературы за 1841 годъ: переходъ этотъ былъ эволюціей отъ Державина къ Пушкину черезъ Жуковского. (Замѣтимъ въ скобкахъ, что къ этому же времени относится сильное вліяніе на юношу-Бѣлинскаго сочиненій кн. В. Одоевскаго: чтеніе ихъ было для Бѣлинскаго „нравственнымъ ударомъ“, оставившимъ въ его душѣ „самыя благодатныя слѣдствія“... См. наст. изд. т. II, стр. 868 и 874). „Я въ дѣтствѣ зналъ Державина наизусть, — вспоминаетъ Бѣлинскій, — и мнѣ трудно было изъ міра его напряженно-торжественной поэзіи, бѣдной содержаніемъ, лишенной всякой художественности, всякой виртуозности, перейти въ міръ поэзіи Пушкина... Для моего дѣтскаго воображенія, поставленнаго державинскою поэзією на ходули, поэзія Пушкина казалась слишкомъ простою, слишкомъ кроткою и лишенною всякаго полета, всякой возвышенности... Переходъ отъ Державина къ Жуковскому для меня былъ очень легокъ: я тотчасъ же очаровался этимъ мистическимъ міромъ внутренней, задумчивой поэзіи, любилъ ее исключительно; но Державинъ все-таки оставался, въ моемъ понятіи, идеаломъ истиннаго поэта. Только постепенное духовное развитіе въ лонѣ пушкинской поэзіи могло оторвать меня отъ глубоко вкоренившихся впечатлѣній дѣтства и довести до сознанія тайны, сущности и значенія истинной поэзіи“ (подробнѣе см. наст. изд. т. II, стр. 256—257). И разумѣется, въ пушкинской поэзіи на юношу-Бѣлинскаго наиболѣе сильное впечатлѣніе должны были произвести его первыя поэмы и стихотворенія; когда въ 1827 г. появилась въ печати сцена изъ „Бориса Годунова“ (Пименъ и Григорій), то Бѣлинскій встрѣтилъ ее „непривѣтно“, по воспоминанію тогдашняго наставника Бѣлинскаго, М. Попова, одного изъ учителей пензенской гимназіи. Этотъ же учитель (впослѣдствіи видный чиновникъ знаменитаго III отдѣленія) разсказываетъ, что Бѣлинскій и въ то время не подавался на чужія мнѣнія; не соглашался съ какимъ-либо изъ критическихъ мнѣній, онъ или отмалчивался, или говорилъ: „дайте, подумаю; дайте еще прочту“; если же соглашался, то отвѣчалъ съ *страшной увѣренностію*: „совершенно справедливо!“ Съ *страшной увѣренностію*—это удивительно мѣткое опредѣленіе остается всецѣло примѣнимымъ рѣшительно ко всѣмъ критическимъ сужденіямъ всей дѣятельности великаго критика.

стами великихъ писателей стоятъ бюсты площаднаго Сумарокова, холоднаго, напыщеннаго и сухого Хераскова*.

Такъ развивались литературныя взгляды, вкусы и мнѣнія юноши-Бѣлинскаго. Само собою разумѣется, что въ это же время онъ пробовалъ свои силы и въ различныхъ „сочиненіяхъ“, прежде всего—въ стихотворныхъ опытахъ. „Еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковского“, — вспоминалъ впослѣдствіи Бѣлинскій въ цитированной выше рецензіи 1835 года; но и значительно раньше, въ письмѣ къ извѣстному намъ М. Попову (отъ 30 апрѣля 1830 г.), студентъ Бѣлинскій говоритъ, какъ о давно-прошедшемъ, о томъ времени, когда онъ, „бывши во второмъ классѣ гимназіи (это было въ 1826—1827 гг.—И.-Р.)... писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковского“... Къ сожалѣнію, изъ этихъ раннихъ опытовъ Бѣлинскаго до насъ не дошло ни одного ¹⁾, изъ позднѣйшей эпохи его студенчества сохранилось одно очень слабое стихотвореніе, напечатанное въ 1831 г. („Русская быль“). Бѣлинскій пробовалъ перейти къ „смиренной прозѣ“, сталъ писать повѣсти, тоже не дошедшія до насъ; но все это у него „не клеилось“, „шло туго“, по выраженію его учителя М. Попова. И Бѣлинскій, вѣроятно, вскорѣ самъ созналъ бесплодность этихъ своихъ юношескихъ попытокъ; онъ созналъ, что ему прежде всего нужно „ученье, ученье и ученье“... И вотъ онъ бросаетъ въ концѣ 1828 года пензенскую гимназію и ѣдетъ въ Чембарь, чтобы тамъ на свободѣ подготовиться къ вступительному университетскому экзамену. А тѣмъ временемъ его уже официально исключаютъ въ мартѣ 1829 г. изъ гимназіи „за нехождение въ классъ“...

Не легко было Бѣлинскому осуществить эту свою мечту о поѣздкѣ въ Москву и поступленіи въ университетъ: „съ большимъ грѣхомъ удалось мнѣ съѣхать“, — говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ къ родителямъ (отъ начала сентября 1829 г.). Наибольшимъ препятствіемъ было, разумѣется, отсутствіе денежныхъ средствъ у родителей Бѣлинскаго: обращаясь нѣсколько позднѣе къ отцу съ просьбой о высылкѣ 12—13 рубл. (54 р. ассигн.), Бѣлинскій пишетъ: „конечно, (эта) сумма для васъ не маловажная“ (письмо отъ 2 окт. 1829 г.). При такихъ условіяхъ много трудностей надо было преодолѣть юношѣ-Бѣлинскому, много униженій испытать; и самъ

¹⁾ Въ интересной статьѣ Н. Рыбкина „Матеріалы къ біографіи Лермонтова и Бѣлинскаго“ („Ист. Вѣстн.“ 1881 г., № 10) приводится одно стихотвореніе якобы Бѣлинскаго изъ его „Записной Книжки“ на 1828 г., содержащей въ себѣ рядъ произведеній Батюшкова, Пушкина, Лыжкова и др.; но это стихотвореніе („Видъ, дохни насъ упоеньемъ“), подписанное въ книжкѣ *B—ii*, принадлежитъ вовсе не Бѣлинскому, а Баратынскому.

онъ говорить, что часто въ его умѣ „невольнымъ образомъ вертѣлся стихъ Долго-рукова: о, бѣдность, горько жить съ тобой!“

Но какъ бы то ни было, всѣ пренія были, наконецъ, преодолены и Бѣлинскому удалось выѣхать въ Москву въ серединѣ августа 1829 года, вмѣстѣ со своимъ богатымъ родственникомъ Владыкинымъ, за лакея котораго Бѣлинскому разъ пришлось себя выдавать... Памятникомъ этого путешествія остался веденный Бѣлинскимъ „журналъ моей поѣздки въ Москву и пребываніе въ оной“¹⁾; въ немъ Бѣлинскій рассказываетъ между прочимъ, что по пути ему встрѣтилась цыганка, предложившая „поворожить“, на что онъ „отъ скуки и для смѣха“ согласился; „между многими глупостями, которыя обыкновенно врутъ сіи пророчицы,—пишетъ Бѣлинскій,—меня чрезвычайно удивили слѣдующія слова: *люди почитаютъ и уважаютъ тебя за разумъ, только языкомъ не сшибайся. Ты надеши получить и получишь, хотя и сверсъ чаянія*“... И если Бѣлинскій ѣхалъ за славой,—а кто изъ юношей не ѣдетъ за ней?—то онъ дѣйствительно получилъ ее, „хотя и сверсъ чаянія“, такъ какъ Бѣлинскому тогда, вѣроятно, и въ голову не приходила ожидающая его дорога...

II.

Послѣ разныхъ огорченій и недоразумѣній Бѣлинскій, наконецъ, сталъ студентомъ московскаго университета. „...Я теперь студентъ,—съ восторгомъ сообщаетъ Бѣлинскій своимъ родителямъ въ сентябрѣ 1829 г.,—состою въ XIV классѣ, имѣю право носить шпагу и треугольную шляпу!“ Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Бѣлинскому удалось попасть въ число „казеннокоштныхъ“ студентовъ и помѣститься въ общежитіи; первое время онъ былъ въ восторгѣ отъ этого обстоятельства, обеспечивавшаго ему жизнь въ Москвѣ. Онъ начинаетъ усердно посѣщать театръ, восторгается Мочаловымъ въ роли Отелло и Карла Моора, восхищается Щепкинымъ; въ отвѣтъ на увѣщательныя письма родителей—не ходитъ въ театръ, а обойти всѣ церкви Москвы—онъ пишетъ (въ январѣ 1830 г.), что, во-первыхъ, „шататься по церквамъ“ ему некогда, такъ какъ у него „чрезвычайно много другихъ, гораздо важнѣйшихъ дѣлъ, которыми должно заниматься“, и что, во-вторыхъ, театръ ему необходимъ: „я пошелъ по такому отдѣленію, которое требуетъ, чтобы имѣть познаніе и толкъ во всѣхъ изящныхъ искусствахъ“... Врядъ ли онъ думалъ при этомъ о критической дѣя-

тельности; вѣроятно, что онъ мечталъ о лаврахъ автора, произведенія котораго, быть можетъ, будутъ исполняться на подмосткахъ того же театра... И дѣйствительно, въ концѣ этого же 1830 года Бѣлинскій, подъ обаяніемъ „лестной и сладостной мечты о пріобрѣтеніи извѣстности“, пишетъ „драматическую повѣсть“ въ пяти дѣйствіяхъ—„Дмитрій Каливинъ“...

Не одно „стремленіе къ славѣ“ побудило Бѣлинскаго взяться за перо драматическаго писателя; онъ питалъ надежды „разжиться казною“ черезъ эту свою трагедію и благодаря этому „сорваться съ казеннаго кошта“, который уже къ концу 1830 года сталъ ненавистенъ Бѣлинскому. „Ежели моя трагедія будетъ имѣть успѣхъ,—писалъ Бѣлинскій въ началѣ января 1831 г.,—то вырученныя за оную деньги употреблю на освобожденіе себя отъ проклятаго, адскаго казеннаго кошта... Ежели первая моя надежда не сбудется, то я погибъ безъ возврата!.. Лучше соглашусь живой провалиться въ адъ и достаться на завтракъ чертямъ, нежели страдать на казенномъ коштѣ“... И вотъ въ концѣ 1830 г. Бѣлинскій заканчиваетъ свою трагедію, начатую, повидимому, значительно раньше. Въ это время въ Москвѣ свирѣпствовала холера, университетъ былъ закрытъ и „казеннокоштные“ были заперты въ немъ съ сентября по декабрь въ строгомъ карантинѣ. „Для разсѣянія отъ скуки,—разсказываетъ въ томъ же письмѣ Бѣлинскій,—я и еще челоѣкъ съ пять затворниковъ составили маленькое литературное общество. Ежедневно было у насъ собраніе, въ которомъ каждый изъ членовъ читалъ свое сочиненіе. Это общество, кончившееся седьмымъ засѣданіемъ, принесло мнѣ ту пользу, что заставило меня окончить мою трагедію, которая безъ этого едва-ли бы когда-нибудь была написана“... Но теперь Бѣлинскій ее закончилъ, прочелъ своимъ товарищамъ; съ ихъ помощью трагедія была переписана на-чисто и представлена авторомъ въ цензуру. Съ самыми радужными надеждами ожидалъ Бѣлинскій цензурнаго разрѣшенія, чтобы немедленно напечатать эту пьесу; онъ рассчитывалъ, что публика „расхватаетъ въ мѣсяцъ“ его трагедію, что это дастъ ему „тысячъ шесть“ денегъ, что произведеніе его „надѣлаетъ шуму“; его тѣшила „лестная, сладостная мечта о пріобрѣтеніи извѣстности“... Дѣйствительно, трагедія была напечатана, но не въ 1831 году, а ровно черезъ шестьдесятъ лѣтъ, въ „Сборникѣ Общества Любителей Россійской словесности“ 1891 года.

Причина этого—въ совершенной „нецензурности“ пьесы по николаевскимъ временамъ. Въ этомъ сочиненіи—говоритъ Бѣлинскій въ

¹⁾ Впервые напечатанъ въ „Живописномъ Обзорѣ“ 1898 г., № 22, въ статьѣ П. Шугаева „Изъ колыбели замѣчательныхъ людей“.

письмѣ къ отцу (отъ 17 февр. 1831 г.),—со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовью къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ довольно живой и вѣрной представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ“... Но этого мало: вся пьеса испещрена самыми „безправственными“ (съ точки зрѣнія николаевской цензуры) сентенціями, въ родѣ того, что „права происхожденія, предки, суть не что иное, какъ предразсудки, постыдные для человѣчества“, что церковный бракъ есть „ничтожное условіе, изобрѣтенное людьми для собственнаго своего мученія“, что любовь пренебрегаетъ „пустыми обрядами“, что „когда законы противны правамъ природы и человѣчества, правамъ самаго разсудка, то человѣкъ можетъ и долженъ нарушать ихъ“... Чего стоило, по николаевскимъ временамъ, хотя бы одно послѣднее оправданіе всякой „революціи“! Все второе дѣйствіе посвящено довольно яркому изображенію помѣщикаго „тиранства“; на сцену выведена помѣщица Лѣсинская, которая говоритъ сама о себѣ: „не больно люблю баловать проклятое хамово поколѣнѣе; у меня всякая вина виновата“; стоя въ церкви, она озабочена „житейскими“ мыслями: то нужно достать хорошую плетку для дѣвокъ, то надо отпороть кого-нибудь изъ лакеевъ“...¹⁾ Она нехотя оказываетъ скудную помощь бѣдной „благородной и достойной лучшаго приѣма женщинѣ“, и тутъ же щедро одаряетъ и оставляетъ гостить у себя двухъ монахинь. Она твердо убѣждена, что „богатые князья не могутъ быть низкими людьми“ и что съ хамами надо „тиранствовать“, а не то они „на шею сядутъ да поѣдутъ“... Ея „тиранства“, подробно описываемыя въ пьесѣ, вызываютъ гнѣвный монологъ героя драмы, Дмитрія Калинина: „кто далъ это гибельное право — однимъ людямъ поработать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, сорвать шкуру съ своего раба; можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоценно!.. Милосердный Боже, Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змievъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питаю-

щихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы“?..

Достаточно этихъ немногихъ цитатъ, чтобы убѣдиться, что не только пьеса эта не могла въ свое время попасть въ печать, но даже должна была такъ или иначе повредить молодому автору: вѣдь нѣсколькими годами ранѣе отдалъ же въ солдаты Полежаева за его „безправственную“ поэму „Сашка“. Въ драмѣ Бѣлинскаго мы тоже находимъ достаточное количество „безправственныхъ“ (хотя и въ другомъ смыслѣ) сентенцій и положеній, а рѣзкое обличеніе крѣпостного права, „тиранства“ господъ и вообще все „протестующее“ настроеніе этой драмы дѣлали ее совершенно „нецензурной“ въ 1831 году. Но этого мало: „Дмитрій Калининъ“ имѣетъ не одно только общественное значеніе; его замыселъ гораздо глубже. Дѣло въ томъ, что „протестъ“ этой пьесы шелъ значительно дальше обличенія „тиранства“ помѣщиковъ или отрицанія внѣшнихъ формъ и обрядовъ, стоящихъ на пути свободному чувству человека. Смыслъ драмы неизмѣримо шире, неизмѣримо глубже—онъ заключается въ тяжелой распрѣ человека съ Богомъ, въ „препіи живота со смертію“, какъ гласитъ заглавіе извѣстнаго апокрифа. Это настолько характерно для всего дальнѣйшаго хода развитія Бѣлинскаго, что намъ необходимо нѣсколько подробнѣе остановиться на этой сторонѣ его драмы.

Содержаніе этой драмы очень несложно и въ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ. Дмитрій Калининъ—пылкій и „неистовый“ юноша, съ „душою возвышенною, со страстями благородными“, какъ говоритъ онъ самъ о себѣ; „человѣкъ пылкій, со страстями дикими и необузданными“ — какъ рекомендуетъ его самъ Бѣлинскій въ цитированномъ выше письмѣ къ отцу. Этотъ Дмитрій—сынъ дворовыхъ людей, но съ дѣтства воспитывавшійся въ семьѣ своего „владѣльца“, помѣщика Лѣсинскаго, и пользующійся за это ненавистью всѣхъ другихъ членовъ семьи, жены Лѣсинскаго и двухъ его сыновей, — этотъ Дмитрій любитъ дочь своего пріемнаго отца Лѣсинскаго, Софью, и любитъ ею. „Воспламененные любовью“, они не думали о „пустыхъ обрядахъ“ и отдались другъ другу; осталось соединиться въ глазахъ свѣта, путемъ „пустыхъ обрядовъ“. Дмитрій собирается „упасть къ ногамъ“ отца Софьи и своего пріемнаго отца: „я упаду къ его ногамъ, признаюсь ему въ моей винѣ, и онъ, тронутый моимъ раскаяніемъ, моими просьбами, соединитъ мою руку съ рукою дочери“; но эти его мечтанія прерываются извѣстіемъ о смерти его пріемнаго отца, объ уничтоженіи „отпускной“ Дмитрія семьей умершаго и о приказаніи Дмитрію вернуться

¹⁾ Въ обрисовкѣ типа Лѣсинской замѣтно вліяніе Фонвизина (Простакова) и Екатерины II („О, время!“ — Ханжарина).

изъ Москвы въ деревню Лѣсинскихъ, такъ какъ Софья будто бы выходить замужъ за князя, „и такъ какъ... недостаетъ лакеевъ для служенія при свадебномъ столѣ“. Дмитрий, въ отчаяннѣйшемъ бѣшенствѣ, появляется на балу у Лѣсинскихъ и въ происшедшей ссорѣ убиваетъ за оскорбленіе — за слово „рабъ“ — одного изъ братьевъ Софьи, жестокаго и злого мучителя крѣпостныхъ. Заключение въ тюрьму, Дмитрий бѣжитъ, чтобы еще разъ повидаться съ Софьей; она уговариваетъ его умереть вмѣстѣ съ нею. Послѣ колебанія, онъ закалываетъ ее; но передъ тѣмъ какъ убить себя, онъ узнаетъ изъ оставленнаго ему пріемнымъ отцомъ письма, что этотъ „пріемный отецъ“ былъ его роднымъ отцомъ, что онъ, Дмитрий, — побочный сынъ Лѣсинскаго. И вотъ Дмитрий Калининъ, кровосмѣситель, братоубійца и убійца своей сестры-супруги — проклиная память своего отца, проклиная весь міръ и закалывается.

Уже изъ этого краткаго изложенія драмы ясно, что сущность ея — вовсе не въ обличеніи „тиранства“, что драма эта ставитъ не столько социальный, сколько этический, философскій и религіозный вопросъ. Этотъ вѣчный вопросъ: *кто виноватъ?* Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти намѣчается Бѣлинскимъ уже въ эпиграфѣ ко всей драмѣ: *...отъ судьбы защиты нѣтъ*. Но, разумѣется, это не отвѣтъ, это не рѣшеніе: пусть отъ судьбы защиты нѣтъ, это оправдываетъ человека; но оправдываетъ ли это Бога? И вотъ мы видимъ, какъ въ душѣ юноши-Бѣлинскаго борются два рѣшенія, двѣ мысли, двѣ вѣры: вѣра въ правосуднаго Бога и мысль, что „милосердный Богъ нашъ отдалъ свою несчастную землю на откупъ дьяволу“, какъ говоритъ герой драмы, Дмитрий Калининъ. Вотъ два отвѣта на вопросъ „кто виноватъ?“, два рѣшенія, которыя проходятъ черезъ всю драму. Первое рѣшеніе: преступленія Дмитрия Калинина объясняются „злонравіемъ“ самихъ людей. Ударъ судьбы падаетъ на семью отца Дмитрия — и этотъ отецъ первый, хотя и невольный виновникъ всѣхъ преступленій сына. „...Я проклиная тебя, низкій сластолюбецъ! — восклицаетъ Дмитрий по адресу давно умершаго отца: — проклиная тебя и этотъ бѣдственный даръ, эту преступную жизнь, которою тебѣ обязанъ! Я убійца, я кровосмѣситель!.. Я осужденъ на позорную казнь — и всѣмъ этимъ одолженъ тебѣ, мой отецъ!“ И онъ спрашиваетъ себя: „неужели я былъ орудіемъ Божьяго мщенія отцу моему?“ Итакъ — вотъ первый виновникъ всего — отецъ Дмитрия; второй виновникъ — самъ Дмитрий, „человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бѣшены и слѣдствіемъ ихъ была его гибель“ (изъ письма Бѣлинскаго къ отцу отъ 17 февр.

1831 г.). Вотъ первый отвѣтъ, первое рѣшеніе: кто виноватъ? — виноватъ *человѣкъ*, а слѣдовательно Богъ оправданъ. Вторая вѣра, второе рѣшеніе: виноватъ *Богъ*, и слѣдовательно оправданъ *человѣкъ*. Виноватъ Богъ, ибо онъ есть рокъ, судьба, а „отъ судьбы защиты нѣтъ“. И Дмитрий Калининъ готовъ проклясть за это Бога: „...Ты, Существо Всевышнее, скажи мнѣ — насытилось ли моими страданіями, натѣшилось ли моими муками, навеселилось ли моими воплями, упилось ли моими кровавыми слезами?.. Кто сдѣлалъ меня преступникомъ? Можетъ ли слабый смертный избѣжать опредѣленной ему участи? А кѣмъ опредѣляется эта участь? О, я понимаю эту загадку!“ Что же понимаетъ Дмитрий Калининъ? Мы уже знаемъ это: онъ думаетъ, что *міромъ правитъ не Богъ, а дьяволъ*... „Вотъ какъ играетъ безпощадная судьба слабыми смертными! — восклицаетъ Дмитрий: — нѣтъ, видно, милосердный Богъ нашъ отдалъ свою несчастную землю на откупъ дьяволу, который и распоряжается ею истинно по-дьявольски!“ Значительная часть третьей картины драмы посвящена столкновенію этихъ двухъ точекъ зрѣнія на Бога, на міръ и на жизнь; Сурскій, резонеръ драмы, добродѣтельный товарищъ Дмитрия, доказываетъ, что „хотя земля и есть поприще страданій большей части людей, однако въ этомъ виноватъ не Богъ, а сами люди, что „ежели они (люди) претерпѣваютъ горести, то для того, чтобы живѣе ощущать радости“, и что, наконецъ, истинно благородные и великодушные люди должны „терпѣть здѣсь, чтобы вѣчно наслаждаться тамъ“. Въ отвѣтъ на все это Дмитрий, предвосхищая мысли и слова Ивана Карамазова, „съ бѣшенствомъ“ восклицаетъ: „терпѣть... терпѣть здѣсь, чтобы вѣчно наслаждаться тамъ! Вотъ истинно-превосходная и вмѣстѣ преутѣшительная философія!.. Какъ!.. Неужели вѣчное блаженство непременно покупается цѣною ужаснѣйшихъ страданій? Дорого же оно приходится!“ („...Слишкомъ дорого оцѣнили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ!“ — воскликнетъ черезъ полвѣка Иванъ Карамазовъ). И въ отвѣтъ на всѣ другіе доводы Сурскаго Дмитрий упорно отвѣчаетъ отрицаніемъ „довѣренности къ Промыслу“ и даже „хулою на Бога, какъ на тирана, который утѣшается воплями своихъ жертвъ, который упивается ихъ слезами“... Но такой Богъ, очевидно, уже не Богъ, а дьяволъ, которому міръ отданъ на откупъ Богомъ...

Но какъ же рѣшаетъ эту вѣчную тяжбу между человѣкомъ и Богомъ самъ юноша-Бѣлинскій? Кто онъ — Сурскій или Калининъ? И кто же виноватъ — Богъ или человѣкъ? Калининъ такъ и не рѣшилъ этого вопроса; онъ

идеть съ этимъ вопросомъ о винѣ Бога на судъ къ самому Богу. Но Калининъ — не Бѣлинскій, хотя Бѣлинскій и придавъ своему неистовому герою цѣлый рядъ чертъ своего характера; Бѣлинскаго, очевидно, тоже мучали „мрачныя сомнѣнія“, но все же, повидимому, онъ еще склонялся оправдать Бога и обвинить человѣка въ вѣчной тяжбѣ между ними. Къ проклятіямъ Богу въ „революціонныхъ“ монологахъ Калинина Бѣлинскій дѣлаетъ слѣдующее подстрочное примѣчаніе: „такъ говоритъ дерзкое безуміе, неистовое отчаяніе человѣка, не упитаннаго чистыми струями религіи и нравственности“... Эту простодушную оговорку вызвали, разумѣется, цензурныя соображенія, но не они одни: Бѣлинскій дѣйствительно, какъ мы уже сказали, склонялся къ „оправданію Бога“, т.-е. къ признанію въ мірѣ вѣчной истины, вѣчной правды, вѣчной справедливости. Онъ съ чистымъ сердцемъ могъ заявить (въ цитированномъ письмѣ къ отцу), что это его сочиненіе „не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности и что цѣль его есть самая нравственная“; Бѣлинскій не сказалъ бы этого, если бы считалъ „дерзкое безуміе“ своего героя непобѣжденнымъ въ самой драмѣ. И въ предисловіи къ драмѣ Бѣлинскій прямо говоритъ читателямъ, что авторъ взялся за перо только „изъ чистаго, безкорыстнаго побужденія выразить этотъ внутренній міръ самого себя, этотъ міръ собственныхъ мыслей и чувствованій, возбуждаемыхъ въ немъ созерцаніемъ этой чудесной, гармонической, безпредѣльной вселенной, въ которой онъ обитаетъ, назначеніемъ, судьбою человѣка; сознаніемъ его нравственнаго величія“... А если такъ, то ясно, *кто* такой самъ Бѣлинскій въ этой драмѣ: по характеру, по темпераменту онъ Калининъ, по взглядамъ на жизнь и на міръ онъ — Сурскій, или хочетъ быть имъ... Но не менѣе ясно, что и „дерзкое безуміе“, и „мрачное отчаяніе“ и „преступныя сомнѣнія“ Калинина были порою очень и очень знакомы Бѣлинскому.

Мы такъ подробно остановились на юношеской драмѣ Бѣлинскаго потому, что видимъ въ ней удивительно яркое и полное предвосхищеніе всѣхъ трехъ основныхъ взглядовъ Бѣлинскаго тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ на міръ, на жизнь, на человѣка. Мы увидимъ еще, что въ первомъ періодѣ своей критической дѣятельности, въ „московскомъ періодѣ“ (1834 — 1840 гг.) — Бѣлинскій все болѣе и болѣе, все ревностнѣе и горячѣе отстаивалъ вѣру въ благодать Промысла, вѣру въ гармонию міра и жизни, и тѣмъ самымъ „оправдывалъ Бога“, признавая разумнымъ все существующее. Но затѣмъ, въ началѣ „петербургскаго періода“ своей жизни и дѣятельности (1840 — 1842 гг.) Бѣлинскій потерялъ эту

свою вѣру, впалъ въ „мрачное отчаяніе“, и сталъ повторять съ гораздо большей силой то, что пѣкогда вложилъ въ уста Дмитрія Калинина. И если въ 1830—31 г. Бѣлинскій заставлялъ этого своего героя утверждать, что „міръ на откупѣ у дьявола“, то десять лѣтъ спустя, въ знаменитомъ письмѣ къ Боткину отъ 1 марта 1841 г. Бѣлинскій заявляетъ почти дословно это же самое уже отъ своего имени: „я изъ числа людей, которые на всѣхъ вещахъ видятъ хвостъ дьявола — и это, кажется, мое послѣднее міросозерцаніе, съ которымъ я и умру“... Въ послѣднемъ Бѣлинскій не ошибся: еще долго продолжалъ онъ на многомъ видѣть „хвостъ дьявола“, хотя вмѣстѣ съ этимъ въ душѣ его скоро зародилась новая вѣра въ новаго Бога — въ „соціальность“, въ новыя, свободныя формы общественнаго устройства; эта новая вѣра была только широкимъ развитіемъ тѣхъ социальныхъ мотивовъ, которые впервые прозвучали у Бѣлинскаго въ его юношеской драмѣ. И, какъ видимъ, социальные, философскіе и религіозные мотивы этой драмы являются поистинѣ „лейтъ-мотивами“ драмы всей жизни Бѣлинскаго; удивительно, что до сихъ поръ на это не обращали достаточнаго вниманія и не видѣли, что „Дмитрій Калининъ“ является тѣмъ зерномъ, въ которомъ *in potentia* заключено все дальнѣйшее развитіе міровоззрѣнія Бѣлинскаго.

III.

Возвращаемся однако къ юношѣ-Бѣлинскому и къ судьбѣ этой его драмы, отправленной въ началѣ января 1831 г. въ московскій цензурный комитетъ... О послѣдовавшемъ надо рассказать словами самого Бѣлинскаго изъ цитированнаго выше письма къ отцу: „что же вышло? Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный комитетъ и узнаю, что мое сочиненіе цензуrowалъ *Л. А. Цвѣтаевъ*, заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ. Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: *Иванъ Алексѣвичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!* Не буду много распространяться, скажу только, что... мое сочиненіе... признано было безправственнымъ, безчестящимъ университетъ, и о немъ составили журналъ!.. Но послѣ это дѣло уничтожено, и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ подаваться особенныя донесенія“... И, разумѣется, это было еще сравнительно благополучнымъ окончаніемъ наивной юношеской затѣи и надежды — провести черезъ николаевскую цензуру такую пьесу, какъ „Дмитрій Калининъ“, пьесу, насквозь пропитанную „революціоннымъ“, про-

гестующимъ настроеніемъ ея главнаго героя. Изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что профессора-цензоры порядкомъ распекали Бѣлинскаго и пригрозили ему лишеніемъ правъ состоянія, ссылкой въ Сибирь, а можетъ быть даже каторгой или солдатчиной¹⁾; это такъ потрясло Бѣлинскаго, что онъ въ тотъ же день слегъ въ университетскую больницу. Черезъ немногое лѣтъ Бѣлинскій самъ радовался, что его юношеская драма не увидѣла свѣта; въ 1836 году въ рецензій на „сочиненіе С. Темнаго“ („Ночь“), Бѣлинскій выразился такъ: „замѣтно, что эта *Ночь* есть произведеніе молодого человѣка съ душою, съ пыломъ, но еще не созрѣвшаго для мысли, еще не умѣющаго отдавать самому себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, а уже сгорающаго желаніемъ написать и издать въ свѣтъ что-нибудь, непременно написать и издать... О, если бы каждый молодой человѣкъ, не лишенный чувства и сгорающій желаніемъ печататься, издавалъ всѣ плоды своей фантазій, сколько бы дурныхъ книгъ бросилъ онъ въ свѣтъ и сколько бы раскаянія приготовилъ себѣ въ будущемъ!.. Мы говоримъ это отъ чистаго сердца, говоримъ даже по собственному опыту, потому что имѣемъ причины благодарить обстоятельства, которыя помѣшали намъ приобрѣсть жалкую, эфемерную извѣстность мнимыми произведеніями искусства и занять мѣсто въ забавномъ ряду литературныхъ рыцарей печальнаго образа“... И, разумѣется, говоря такъ, Бѣлинскій былъ правъ; драма его имѣетъ теперь для насъ громадное значеніе для пониманія внутренней борьбы мировоззрѣній, происходившей въ юношѣ-Бѣлинскомъ, но какъ литературное произведеніе эта „драматическая повѣсть“ крайне слаба. Написана она въ приподнятомъ стилѣ псевдо-романтическихъ произведеній Марлинскаго, переполнена трескучими монологами героя, патетическими діалогами; художественное творчество не было доступно Бѣлинскому. Восемь лѣтъ спустя онъ еще разъ попытался написать пьесу для театра — на этотъ разъ попавшую на театральные подмостки, дважды исполнявшуюся въ московскомъ театрѣ и напечатанную въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1839 года; пьеса эта — пяти-актная драма „Пятидесятилѣтній дядюшка или странная болѣзнь“ — окончательно убѣдила Бѣлинскаго въ томъ, что художественное творчество — не его область.

Дѣло о „Дмитріи Калининѣ“ кончилось для Бѣлинскаго сперва сравнительно благополучно; „невзгода на меня, кажется, проходитъ и я начинаю дышать свободнѣе, — сообщалъ Бѣлинскій родителямъ въ письмѣ

отъ 24 мая 1831 г.:—начальство обо мнѣ забыло и думать“... Но тутъ же онъ прибавлялъ: „правда, при первомъ случаѣ оно не умедлитъ напомнить мнѣ, что *знаетъ* меня“... Говоря такъ, Бѣлинскій оказался пророкомъ; дѣйствительно, университетское начальство „не умедлило напомнить“ Бѣлинскому о себѣ: полтора года спустя, воспользовавшись первымъ удобнымъ предлогомъ—долговременной болѣзью Бѣлинскаго и пропускомъ экзаменовъ,—начальство это, въ сентябрѣ 1832 года, исключило Бѣлинскаго изъ университета „по слабому здоровью и при томъ по ограниченности способностей“... Могъ ли университетскій инспекторъ Щепкинъ, обезсмертившій свое имя этой характеристикой, могъ ли онъ предполагать, какъ ядовито посмѣется надъ нимъ будущее?

Исключенный „по ограниченности способностей“ изъ университета, въ тискахъ нужды, безъ поддержки и опоры, Бѣлинскій все-таки не палъ духомъ. Сообщая отцу объ этомъ исключеніи, Бѣлинскій просилъ отца не торопиться судить и осудить своего сына: „конецъ вѣнчаетъ дѣло, говорятъ умные люди, — писалъ Бѣлинскій: — только тогда при плескахъ вызываютъ или освистываютъ актера, когда совсѣмъ разыграетъ онъ свою роль; только тогда можно произнести судъ человѣку, когда онъ совсѣмъ окончилъ свое поприще“... (письмо отъ 21 мая 1833 г.). „Я нигдѣ и никогда не пропаду“, — пишетъ Бѣлинскій отцу четыремя мѣсяцами позднѣе; и онъ имѣлъ право на всѣ эти дышащія силою и увѣренностью заявленія. Немедленно послѣ исключенія изъ университета, Бѣлинскій лихорадочно началъ искать занятій, работы; съ сентября по декабрь 1832 года онъ, „не слѣзая съ мѣста“ переводилъ съ французскаго романъ, надѣясь продать свой переводъ рублей за триста, но удалось ему продать его только за 25 рубл. серебр. — три мѣсяца усидчивой работы! По этому примѣру можно видѣть, какъ нуждался Бѣлинскій и какъ онъ работалъ. Весною 1833 г. Бѣлинскому удалось познакомиться съ издателемъ „Телескопа“ и „Молвы“ — извѣстнымъ Надеждинымъ; въ этихъ журналахъ Бѣлинскій сталъ помѣщать сперва свои переводы съ французскаго, а затѣмъ, вѣроятно, и небольшія рецензій. Въ 1834 году, благодаря этимъ переводамъ и полученнымъ частнымъ урокамъ (между прочимъ, одинъ изъ этихъ уроковъ — Кавелину), дѣла Бѣлинскаго уже настолько поправляются, что онъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ около 15—20 рубл. на наши деньги (64 р. асс.) и сумма эта кажется ему громадной... Наконецъ, осенью 1834 года онъ печатаетъ въ „Молвѣ“ свои знаменитыя „Литературныя Мечтанія“, составившія эпоху въ русской критикѣ — и

¹⁾ „Русск. Старина“, 1880 г., № 5; воспоминанія Н. Аримандрера.

послѣ этого становится главнымъ критикомъ и рецензентомъ „Телескопа“ и „Молвы“, получая за это отъ Надеждина по 60 рублей въ мѣсяцъ (3000 р. асс. въ годъ): это уже цѣлое богатство! „И на моей улицѣ настанетъ праздникъ; терпѣль, терпѣль, да и вытерпѣль!“—воскликаетъ Бѣлинскій въ одномъ изъ писемъ 1834 года.

Какимъ образомъ однако совершилось это чудесное превращеніе: „недоучившійся студентъ“, исключенный въ 1832 году „по ограниченности способностей“ изъ университета, сразу становится въ 1834 г. самымъ выдающимся русскимъ критикомъ своего времени—и не только своего времени?—Университетъ ничего не могъ дать Бѣлинскому. Объ анекдотической профессурѣ той эпохи незачѣмъ много говорить: стоитъ вспомнить яркую главу изъ „Былого и Думъ“ Герцена. Изъ многочисленныхъ профессоровъ только Каченовскій и Надеждинъ могли оказать нѣкоторое вліяніе на Бѣлинскаго; но Каченовскій преподавалъ исторію, которою студентъ Бѣлинскій не очень интересовался, а Надеждинъ читалъ „теорію изящныхъ искусствъ и археологію“, только начиная съ 1831—2 г., когда Бѣлинскій кончалъ свое пребываніе въ университетѣ. Однако онъ несомнѣнно былъ сторонникомъ „скептической школы“ Каченовскаго, боровшагося съ теоріей „норманства“, доказывавшаго южно-азиатское происхождение Руси и баснословность лѣтописныхъ извѣстій до XIII—XIV вв. Эти взгляды Каченовскаго и его школы отразились въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“: Бѣлинскій говоритъ тамъ объ „Азіатцѣ-Руссѣ“ и въ обширномъ примѣчаніи присоединяется къ историческимъ мнѣніямъ Каченовскаго (см. наст. изд., т. I, стр. 28 и 85). Что же касается Надеждина, то его вліяніе на Бѣлинскаго было несомнѣннымъ—но это было не вліяніе лекцій профессора Надеждина, а вліяніе критическихъ статей журналиста Надеждина, „эксъ-студента Никодима Надоумко“—таковъ былъ его псевдонимъ¹⁾. Впрочемъ, вопросъ о степени вліянія Надеждина на Бѣлинскаго—вопросъ до сихъ поръ спорный; всѣ доводы противъ этого вліянія сконцентрированы С. Венгеровымъ въ I томѣ его изданія сочиненій Бѣлинскаго (тамъ же и краткая литература этого вопроса); возраженія на эти доводы высказаны П. Милюковымъ въ его статьѣ „Надеждинъ и первая критическія статьи Бѣлинскаго“ (въ книгѣ „Изъ исторіи русской интеллигенціи“). Мы стоимъ ближе къ послѣднему мнѣнію и полагаемъ, что въ статьѣ П. Милюкова вполнѣ доказана идеологическая зависимость эстетическихъ воззрѣній

Надеждина и Бѣлинскаго. Отсутствие этой зависимости было бы непонятно, если имѣть въ виду, что Бѣлинскій не только слушалъ лекціи Надеждина въ 1831—2 г., но и сотрудничалъ въ его журналѣ, начиная съ 1833 года, близко сошелся съ нимъ и даже одно время жилъ въ его квартирѣ и пользовался его библіотекой. Бѣлинскій былъ тогда еще слишкомъ юнымъ, начинающимъ литераторомъ, а Надеждинъ—уже опытнымъ и достаточно авторитетнымъ журналистомъ и безспорно умнымъ человекомъ, чтобы можно было а priori предполагать несомнѣнное вліяніе его на Бѣлинскаго. Это вліяніе и степень его прекрасно доказаны и выяснены въ указанной выше статьѣ П. Милюкова; къ нѣкоторымъ положеніямъ этой статьи мы присоединяемся во вступительныхъ замѣткахъ №№ 1—7.

IV.

Но все-таки не этимъ вліяніемъ объясняются „Литературныя Мечтанія“ Бѣлинскаго; все-таки не Надеждинъ былъ для Бѣлинскаго тѣмъ „университетомъ“, въ которомъ будущій великій критикъ сформировалъ свое міровоззрѣніе. Этимъ университетомъ для Бѣлинскаго былъ, какъ извѣстно, кружокъ Станкевича, хотя нельзя не замѣтить, что очень часто вліяніе на Бѣлинскаго этого кружка настолько же преувеличиваютъ, насколько преуменьшаютъ вліяніе Надеждина. Въ 1829—1832 годы—годы пребыванія Бѣлинскаго въ университетѣ—вмѣстѣ съ нимъ тамъ начинали или кончали курсъ ученія будущіе друзья по кружку: Станкевичъ, Константинъ Аксаковъ, поэты Ключниковъ и Красовъ, Ефремовъ, Петровъ, Невѣровъ и др.; въ это же время въ университетѣ былъ и Герценъ, вокругъ котораго группировался другой кружокъ, вскорѣ подвергшійся преслѣдованію правительства. Ближе всего Бѣлинскій сошелся съ К. Аксаковымъ и со Станкевичемъ; нѣсколько позднѣе, въ 1835—1836 году въ кружокъ вошли В. Боткинъ, впоследствии близкій другъ Бѣлинскаго, и М. Бакунинъ, ставшій въ 1837—1840 году главою кружка, вмѣсто уѣхавшаго за границу и вскорѣ умершаго Станкевича. Бакунинъ внесъ въ этотъ дружескій кружокъ нѣкоторыя черты специфической „кружковщины“, о чемъ мы еще скажемъ ниже; что же касается до кружка Станкевича первой половины тридцатыхъ годовъ, то это былъ просто дружескій кружокъ молодежи, объединенной страстной любовью къ искусству, къ поэзіи, музыкѣ, театру, и совокупными силами вырабатывавшей себѣ „міровоззрѣніе“. Сущность этого міровоззрѣнія была заранѣе predetermined: Станкевичъ на-

¹⁾ См. наст. изд. т. I, стр. 18.

ходилъ въ близкомъ знакомствѣ съ профессоромъ Павловымъ, у котораго онъ жилъ; а Павловъ былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей русскихъ „любомудровъ“ двадцатыхъ годовъ, сторонниковъ нѣмецкой натурфилософіи вообще и ученія Шеллинга въ частности. Напомнимъ также, что выше мы уже указывали на сильное вліяніе произведеній кн. В. Одоевскаго на юношу-Бѣлинскаго; а кн. Одоевскій былъ единомышленникомъ Павлова и вѣрнымъ ученикомъ Шеллинга (см. наст. изд., т. II, ст. № 48). Такимъ образомъ, почва была уже подготовлена. Станкевичъ тоже сдѣлался шеллингистомъ; въ письмахъ 1833 года онъ излагаетъ свой взглядъ на жизнь и на міръ („Моя философія“), и взглядъ этотъ является варіаціями на шеллингистскія темы. Нѣсколько позднѣе, въ 1836 году, Станкевичъ перешелъ къ Фихте и увлекъ его ученіемъ Бакунина; а еще черезъ годъ Бакунинъ перешелъ къ Гегелю и нашелъ союзника въ Катковѣ, въ то время студентѣ, и другихъ членахъ кружка ¹⁾.

Какое положеніе занималъ въ этомъ кружкѣ Бѣлинскій? — Кружокъ этотъ несомнѣнно сыгралъ для него роль университета, ввелъ Бѣлинскаго въ кругъ философской мысли Запада, далъ фундаментъ его эстетическимъ построеніямъ; Бѣлинскій не зналъ нѣмецкаго языка и воспринималъ философію Шеллинга, Фихте и Гегеля только отъ Станкевича, позднѣе—отъ Бакунина, еще позднѣе—отъ Каткова. Въ кружкѣ онъ былъ ученикомъ, другіе были учителями; поэтому и отношеніе къ Бѣлинскому было хотя и дружелюбное, но покровительственное, что не одинъ разъ прорывается въ письмахъ даже мягкаго Станкевича, не говоря уже о Бакунинѣ. Но кромѣ того, равенства отношеній не могло быть еще и потому, что Бѣлинскій былъ единственнымъ бѣднякомъ-разночинцемъ въ кругу обеспеченныхъ дворянъ-помѣщиковъ; въ трудныя минуты ему приходилось обращаться къ нимъ за денежной поддержкой, какъ это ни было для него мучительно. Къ тому же Станкевичъ довольно пренебрежительно относился къ журналистикѣ, считая себя стоящимъ выше этого поля дѣятельности; и это снисходительное-пренебрежительное отношеніе впоследствии передалось даже мягкосердечному Грановскому, который уже въ 1842 году пишетъ Бѣлинскому покровительственное письмо, съ заключеніемъ: „читай, Виссаріонъ, а не то черезъ годъ тебѣ трудно будетъ писать“... Извѣстенъ также фактъ, что въ 1838 году Бакунинъ, К. Аксаковъ и Боткинъ заявили Бѣлинскому, что онъ не имѣетъ права пи-

сать и печататься—по недостатку „объективнаго наполненія“... Извѣстно также, что уже много времени спустя послѣ смерти Бѣлинскаго его другъ и товарищъ Боткинъ заявлялъ, что каждый изъ членовъ кружка „клатъ свою посильную лепту въ общую сокровищницу, которою была критика Бѣлинскаго“.

Цѣлый рядъ подобныхъ фактовъ далъ возможность нѣкоторымъ историкамъ литературы переоцнить вліяніе кружка Станкевича на Бѣлинскаго, въ которомъ главной стороной имъ кажется „великое сердце“, а не пытливыя исканія разума (С. Венгеровъ). Такое мнѣніе намъ представляется крайне одностороннимъ, такъ какъ сильное вліяніе кружка замѣтно только въ одномъ, очень непродолжительномъ періодѣ жизни и критической дѣятельности Бѣлинскаго; „великое сердце“ остается при Бѣлинскомъ, но не въ этомъ главное значеніе дѣятельности великаго критика. Необходимо отмѣтить прежде всего упорную самостоятельность юноши Бѣлинскаго при выработкѣ своего міровоззрѣнія. Еще въ университетѣ сошелся онъ съ кружкомъ Станкевича, въ 1833 году онъ уже былъ близокъ со всѣми его членами, что видно изъ переписки Станкевича; осенью 1833 года Бѣлинскій пишетъ брату о своей дружбѣ и связи со многими „отборными по уму, образованности, талантамъ и благородству чувствъ молодыми людьми“; и однако Бѣлинскій не спѣшилъ примкнуть къ основной вѣрѣ Станкевича и его друзей—къ шеллингизму. Мы уже приводили мѣткое наблюденіе его гимназическаго учителя Попова, что Бѣлинскій, вообще говоря, „не скоро подавался на чужое мнѣніе“, но зато если съ чѣмъ соглашался, то выражалъ свое убѣжденіе „со страшною увѣренностью“. Такъ было и теперь. Уже три или четыре года Бѣлинскій былъ знакомъ со Станкевичемъ, который несомнѣнно проповѣдывалъ и ему свою философію—шеллингианство; но Бѣлинскій не принималъ этой новой вѣры, не подавался на доводы Станкевича. Въ чемъ была тогда вѣра Бѣлинскаго—мы теперь не знаемъ съ достаточной опредѣленностью: быть можетъ, этой вѣрой была философія энциклопедистовъ XVIII вѣка, быть можетъ, это были отзвуки ученія Руссо, какъ можно заключить по нѣкоторымъ мѣстамъ изъ „Дмитрія Калинина“. Какъ бы то ни было, но до середины 1834 года Бѣлинскій не раздѣлялъ философской вѣры Станкевича; какъ онъ пришелъ къ ней—намъ тоже неизвѣстно; быть можетъ, этому способствовало близкое знакомство въ 1833—4 г. съ такимъ сильнымъ умомъ, какъ Надеждинъ, который выросъ на системахъ нѣмецкой философіи. Такъ или иначе, но фактъ тотъ, что только передъ

¹⁾ Подробнѣе обо всемъ этомъ см. въ нашей „Исторіи русской общественной мысли“ 3-е изд., т. I, гл. VI „Отъ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ“.

самыми „Литературными Мечтаніями“ Бѣлинскій обратился въ новую вѣру и сталъ исповѣдывать ее, какъ всегда, „со страшною увѣренностію“. Онъ сообщилъ о своемъ переходѣ Станкевичу, и тотъ отвѣчалъ ему въ октябрѣ 1834 г.: „не знаю, радоваться ли твоему обращенію. Новая система, вѣроятно, удовлетворитъ тебя не болѣе старой“... Мы видимъ, какъ все это не похоже на обычное толкованіе идейной зависимости Бѣлинскаго отъ кружка Станкевича.

Но вотъ Бѣлинскій обращается въ 1834 году въ эту новую вѣру, въ „шеллингянство“ и начинаетъ „со страшною увѣренностію“ исповѣдывать и проповѣдывать его въ своихъ статьяхъ. Съ этого времени, дѣйствительно, начинается для Бѣлинскаго періодъ невольной идейной зависимости отъ членовъ кружка Станкевича: онъ не зналъ нѣмецкаго языка и долженъ былъ отъ своихъ друзей узнавать о тѣхъ или иныхъ частностяхъ философскихъ системъ. Но и тутъ Бѣлинскій, обладавшій (по извѣстному отзыву кн. В. Одоевскаго) „философской организаціей“, преломлялъ получаемыя свѣдѣнія и своеобразно отражалъ ихъ въ своихъ статьяхъ. Такъ совершилъ онъ, подъ руководствомъ друзей, свое философское развитіе отъ шеллингянства черезъ фихтианство къ гегелианству; но тутъ, съ 1838-го года, онъ рѣшительно пошелъ по своему пути, далъ свою интерпретацію гегелианства, вынесъ на этой почвѣ борьбу съ Бакунинымъ, отстаивалъ свои взгляды въ письмахъ къ Станкевичу, жестоко поссорился съ Герценомъ: много ли во всей русской литературѣ примѣровъ такой духовной самостоятельности? Одинокимъ переѣхалъ Бѣлинскій въ концѣ 1839 года въ Петербургъ; здѣсь, годъ спустя, онъ перенесъ жестокой идейный и религіозный кризисъ, пришелъ къ новой вѣрѣ, къ вѣрѣ въ „соціальность“, и быстро подчинилъ новымъ своимъ взглядамъ почти всѣхъ окружающихъ, а въ томъ числѣ и того самаго Боткина, который позднѣе желалъ представить критику Бѣлинскаго какимъ-то общимъ складочнымъ мѣстомъ мнѣній всѣхъ друзей. Лучшимъ доказательствомъ фантастичности этой мысли Боткина является переписка между нимъ и Бѣлинскимъ въ 1840—1843 гг.: слишкомъ чувствуется въ ней превосходство Бѣлинскаго надъ Боткинымъ. Если въ рѣдкихъ случаяхъ Бѣлинскій и бралъ какую-нибудь мысль Боткина въ свою статью, то почти всегда это была мысль самого Бѣлинскаго—быть можетъ только лучше выраженная. Но гораздо чаще Бѣлинскій отвѣчалъ своему другу: а о такомъ-то предметѣ ты врешь, хотя и мило врешь...

Все предыдущее — не защита самостоятельности Бѣлинскаго (въ такой защитѣ онъ

не нуждается), а простое установленіе факта, что періодъ вліянія кружка Станкевича на Бѣлинскаго былъ весьма непродолжителенъ и длился только съ 1835 по 1838 годъ; но и въ этотъ періодъ такое вліяніе относилось главнымъ образомъ къ области философіи и теоріи эстетики. Часто указываютъ на вліяніе Станкевича и въ области чисто литературно-критической: Станкевичъ отрицательно относился къ Бенедиктову, къ Кукольнику, къ Ершову („Конекъ Горбунокъ“) — и Бѣлинскій „раздѣлялъ“ эти мнѣнія. Не вѣроятно ли предположить, что въ той области, которая была главной спеціальностью Бѣлинскаго, въ области критики и исторіи литературы, не на него оказывали вліяніе, а самъ онъ могъ оказать вліяніе на своихъ друзей? И ужъ въ крайнемъ случаѣ такое вліяніе могло быть только взаимнымъ, обоюднымъ. Да наконецъ и самъ Станкевичъ съ удивленіемъ отвергалъ слухи, будто Бѣлинскій находится подъ его литературнымъ вліяніемъ; въ этой области — прибавлялъ Станкевичъ — я самъ радъ у Бѣлинскаго поучиться. (См. ниже въ примѣчаніи подлинныя слова Станкевича). И если Бѣлинскій вносилъ что-нибудь „свое“ въ кружокъ Станкевича и его друзей, то это могли быть именно историко-литературныя и критическія сужденія. Часто указываютъ, что многія изъ этихъ сужденій были высказаны въ печати еще задолго до „Литературныхъ Мечтаній“ Бѣлинскаго; но дѣло не въ этихъ отдѣльныхъ сужденіяхъ, а въ той общей широкой картинѣ, которую Бѣлинскій сдѣлалъ изъ исторіи русской литературы XVIII и начала XIX вѣка. Бѣлинскій въ сущности былъ Колумбомъ этой области, былъ первымъ историкомъ этой эпохи русской литературы.

„Литературными Мечтаніями“ началась въ концѣ 1834 года серьезная критическая дѣятельность Бѣлинскаго въ журналахъ Надеждина, „Телескопъ“ и „Молвъ“; закончилась она къ концу 1836-го года статьей Бѣлинскаго о книжкѣ „Опытъ системы нравственной философіи“. Мы не будемъ останавливаться на взглядахъ Бѣлинскаго этихъ двухъ лѣтъ его развитія; объ этомъ „телескопскомъ“ періодѣ мы подробно говоримъ во вступительныхъ замѣткахъ №№ 1—9 къ соотвѣтственнымъ статьямъ Бѣлинскаго (т. I). Впослѣдствіи, уже на исходѣ „московскаго“ періода своей жизни, въ концѣ 1839 года — Бѣлинскій, самъ указывая въ письмѣ къ Станкевичу на „смѣшныя стороны своего телескопскаго ратованія“, все же подчеркивалъ, что эти смѣшныя и слабыя стороны (главнымъ образомъ приподнятость и гиперболичность) не могутъ заслонить собою тѣхъ истинъ, которыя находились въ этихъ статьяхъ. „Мнѣ сладко думать, — пишетъ Бѣлинскій, — что я, лишенный не только наукообразнаго,

но и всякаго образованія, сказать *первый* и несколько истинъ, тогда какъ премудрый университетскій синедріонъ порою дичь...¹⁾ Бѣлинскій съ жаромъ отдался журнальной дѣятельности, особенно усилившейся съ середины 1835 года, когда Надеждинъ уѣхалъ за границу и передалъ на время своего отсутствія веденіе своихъ журналовъ Бѣлинскому. Станкевичъ въ письмѣ къ Невѣрову сообщалъ, что Надеждинъ „отдаетъ намъ Телескопъ“; но вскорѣ Станкевичъ сознался, что это подчеркнутое „намъ“ слишкомъ напоминаетъ извѣстное „мы нахали“, и въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ сообщилъ, что „Надеждинъ передаетъ свой Телескопъ Бѣлинскому“ и что остальные друзья будутъ только „помогать“ ему. И тутъ же Станкевичъ прибавлялъ: „разумѣется, что я не стану тратить времени на Телескопъ“... Такимъ образомъ Бѣлинскій сталъ полноправнымъ редакторомъ „Телескопа“ и почти цѣлый годъ посвящалъ ему всѣ свои силы. Вернувшись къ 1836 году изъ-за границы Надеждинъ остался, повидимому, доволенъ веденіемъ дѣла въ его отсутствіе, далъ возможность Бѣлинскому отдохнуть въ теченіе осени, — которую Бѣлинскій провелъ въ деревнѣ Бакуниныхъ, — и вообще собирался еще энергичнѣе приступить съ помощью Бѣлинскаго къ изданію своихъ журналовъ. Но какъ-разъ осенью этого года Надеждинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ знаменитое „Философическое письмо“ Чаадаева, за которое журналъ подвергся полному разгрому, а самъ Надеждинъ — ссылкѣ (въ февралѣ 1837 года). Бѣлинскій, возвращавшійся изъ Прямухина, деревни Бакуниныхъ, въ Москву (15 ноября 1836 года), былъ арестованъ на заставѣ, „представленъ“ въ полицію и подвергнутъ обыску, при чемъ однако въ его бумагахъ „ничего сумнительнаго не оказалось“, и онъ былъ освобожденъ. Видѣлся ли онъ послѣ этого съ Надеждинымъ — намъ неизвѣстно, но извѣстно зато, что на прощанье Надеждинъ совершилъ противъ Бѣлинскаго какой-то неблагоприятный поступокъ (см. письмо Бѣлинскаго къ К. Аксакову отъ 21 іюня 1837 года). Впрочемъ, къ этому времени Бѣлинскій и безъ того совершенно разочаровался въ Надеждинѣ, увидѣвъ въ немъ только безпринципнаго карьериста, хотя и умнаго человѣка.

Такъ закончился „телескопскій“ періодъ жизни и дѣятельности Бѣлинскаго, періодъ,

¹⁾ Въ этихъ словахъ — лишнее доказательство полной идейной самостоятельности Бѣлинскаго той эпохи: онъ не подчеркивалъ бы въ письмѣ къ Станкевичу свой пріоритетъ, если бы считалъ себя обязаннымъ за эти истинны Станкевичу. Да и самъ Станкевичъ, повторяемъ это еще разъ, писалъ, что „въ мнѣніяхъ всегда готовъ съ нимъ (Бѣлинскимъ) посоветоваться и очень часто слѣдовать его совѣтамъ“...

характеризуемый шеллингианствомъ; начиналась новая полоса развитія Бѣлинскаго, характеризуемая его „фихтианствомъ“, проявленіе котораго мы видимъ уже въ послѣдней статьѣ Бѣлинскаго, напечатанной въ „Телескопѣ“ (объ „Опытѣ системы нравственной философіи“). Но немедленно вслѣдъ за этой статьѣй литературная дѣятельность Бѣлинскаго прервалась на полтора года и возобновилась тогда, когда Бѣлинскій сталъ уже послѣдователемъ „гегелианства“; такимъ образомъ „фихтианскій“ періодъ развитія Бѣлинскаго почти совсѣмъ не отразился въ его статьяхъ, и мы не можемъ коснуться этого вопроса въ своихъ вступительныхъ замѣткахъ (за исключеніемъ ст. № 9, въ т. I). Этотъ пробѣлъ необходимо восполнить, и потому мы подробнѣе остановимся здѣсь на этомъ вообще малоизвѣстномъ періодѣ жизни Бѣлинскаго.

V.

Въ шеллингианствѣ Бѣлинскій и его друзья нашли отвѣтъ на нравственные, эстетическіе и отчасти соціологическіе запросы; въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ и слѣдующихъ статьяхъ Бѣлинскаго 1832—6 г. мы имѣемъ шеллингианское обоснованіе и развитіе мысли о свободномъ творчествѣ поэта, объ эстетическомъ чувствѣ, какъ основѣ добра, о внутренней связи свободно-творящаго поэта съ народомъ: обо всемъ этомъ мы подробно говоримъ во вступительныхъ замѣткахъ №№ 1—7. Сразу бросается въ глаза почти полное отсутствіе во всемъ этомъ вопросовъ *теоретико-познавательныхъ*, гносеологическихъ; а между тѣмъ миновать ихъ при знакомствѣ съ послѣ-кантовской философіей было невозможно. Знакомство съ философіей Фихте принудило Станкевича и его друзей вплотную подойти къ постановкѣ этихъ вопросовъ и заимствовать отъ Фихте не только его этической пантеизмъ, но и его субъективный идеализмъ. Последнее сперва было наиболѣе труднымъ; Станкевичъ, начавшій читать Фихте („Vorlesungen über die Bestimmung des Menschen“) весною 1836 года, сознается, что чтеніе это сперва произвело въ его головѣ такой сумбуръ, возможности котораго онъ и не подозрѣвалъ... Нравственный законъ — утверждаетъ Фихте — только тогда является реальнымъ, если внѣшній міръ не есть „вещь въ себѣ“, если между *Я* и *не-Я* существуетъ взаимодѣйствіе (а не одностороннее дѣйствіе объекта на субъектъ). Реальность нравственнаго закона отрицаетъ, такимъ образомъ, точку зрѣнія наивнаго реализма; болѣе того, она заставляетъ насъ въ концѣ концовъ придти къ заключенію, что внѣшній міръ есть лишь продуктъ нашего ощущенія

и мышления, есть только наше представление. Нѣтъ „вещи въ себѣ“, есть только „образы“, отображенія нашего сознанія, объективируемыя во-внѣ; внѣшній міръ *призраченъ*, реальное есть лишь самоосуществленіе *М*. Эти разлагающія міръ и личность умозаключенія приводятъ къ понятію *вѣры*, безъ которой не можетъ быть построена философская система.

Все это мы беремъ изъ той самой книги Фихте, которая произвела такую путаницу въ мысляхъ Станкевича¹⁾: доводы и выводы субъективнаго идеализма не могли не поразить реалистически настроенныхъ друзей кружка Станкевича. Но среди этого кружка появилось въ 1835—6 г. новое лицо—М. Бакунинъ, сильный философскій умъ, легко усваивавшій себѣ всѣ тѣ „философскія отвлеченности“, которыя смутили даже Станкевича и были совершенно чужды такому типичному реалисту, какъ Бѣлинскій. Съ 1836 года начинается близкая дружба Бѣлинскаго съ М. Бакунинымъ, этимъ будущимъ родоначальникомъ русскаго анархизма, а пока—ревностнымъ неопитомъ фихтианства; время съ августа по ноябрь 1836 г. Бѣлинскій, какъ мы уже знаемъ, проводитъ въ Прямухинѣ, деревнѣ Бакуниныхъ, и понекому самъ втягивается въ „фихтианскую отвлеченность“. Въ статьѣ о книгѣ „Опытъ системы нравственной философіи“ Бѣлинскій уже примѣнилъ эту новую точку зрѣнія и новую терминологию, о чемъ мы говоримъ во вступительной замѣткѣ № 9; до этого времени онъ былъ знакомъ только съ общимъ шеллингианскимъ воззрѣніемъ на міръ и на жизнь. „Есть два способа изслѣдованія истины: *a priori* и *a posteriori*, т.-е. изъ чистаго разума и изъ опыта“,—пишетъ Бѣлинскій въ этой своей статьѣ (т. I, стр. 336); а изъ письма Бѣлинскаго къ М. Бакунину (отъ 21 ноября 1837 г.) мы узнаемъ, что даже эти подчеркнутыя выраженія были новостью для Бѣлинскаго: „я написалъ нѣсколько статей, обратившихъ на меня вниманіе, и никакъ не подозрѣвалъ, чтобы развитыя въ нихъ идеи были идеями *a priori*“... И вотъ теперь Бѣлинскій сталъ проповѣдывать этические идеи Фихте, обосновывая ихъ на идеалистической теоріи познанія. Характерны въ этомъ отношеніи начальныя страницы все той же статьи № 9, гдѣ Бѣлинскій заявляетъ, что „факты и идеи не существуютъ сами по себѣ: они всѣ заключаются въ насъ“, что „внѣшніе предметы только даютъ толчокъ нашему *М* и возбуждаютъ въ немъ понятія, которыя оно придаетъ имъ“. Эти два положенія взаимно исключаютъ другъ друга (такъ какъ первое

построено на отрицаніи, а второе на признаніи „вещи въ себѣ“): если же прибавить къ этому, что два эти положенія раздѣлены третьимъ, въ которомъ проводится вовсе не фихтианское, а обычное платоновское ученіе объ идеѣ (см. т. I, стр. 337), то станетъ яснымъ, насколько своеобразно преломлялась фихтианская теорія познанія въ понятіи Бѣлинскаго и его „философскаго друга“ и учителя—Бакунина.

Итакъ, несомнѣнно, что фихтианство Бѣлинскаго и друзей было сильно „руссифицированнымъ“. Особенно это сказалось въ той терминологіи, которая подъ именемъ „фихтианской“ создавалась въ кружкѣ друзей и главнымъ авторомъ которой несомнѣнно былъ Бакунинъ. „Конкретная жизнь“, „абстрактная жизнь“, „внѣшняя жизнь“, „призрачность“, „полная жизнь духа“, „объективное наполненіе“, „благодать“, „нравственная точка зрѣнія толпы“, „добрые малыя“, „прекраснодушіе“ и т. п.—вотъ термины, которыми переполнена переписка Бѣлинскаго, начиная съ 1836 года. Нѣкоторые изъ этихъ терминовъ дѣйствительно можно встрѣтить у Фихте—напримѣръ, „призрачность“, „блаженная жизнь“ и т. п.; но большая часть ихъ несомнѣнно „московскаго“ происхожденія. Иной разъ заимствованный терминъ получалъ совершенно своеобразное значеніе: изъ извѣстнаго выраженія Гёте (а впоследствии и Гегеля)—„Schöne Seele“, Станкевичъ и Бакунинъ съ друзьями сдѣлали чуть не цѣлую философскую категорію. Подъ „прекраснодушіемъ“ понималось у нихъ состояніе среднее между низменной „нравственной точкой зрѣнія“ толпы и состояніемъ „благодати“ немногихъ избранныхъ. (Нѣсколько позднѣе, уже въ эпоху гегелианства, Бѣлинскій сталъ называть „прекраснодушіемъ“ всѣ безпочвенныя идеалистическія порывы, всякій безсильный протестъ противъ дѣйствительности). Весь внѣшній міръ былъ объявленъ „призрачнымъ“, а дѣйствительною считалась только „жизнь въ духѣ“, только высшія переживанія, этическія и эстетическія.

Бѣлинскій добросовѣстно старался убѣдить себя въ истинности этой новой фихтианско-бакунинской вѣры. Одно время онъ былъ просто подавленъ авторитетомъ своего „философскаго друга“ и покорился ему; это совпало съ періодомъ самобичеванія Бѣлинскаго, его признанія своей недостойности для состоянія „благодати“; въ то же время Бѣлинскій, живя въ Прямухинѣ, влюбился въ одну изъ сестеръ своего друга А. А. Бакунину, но не только не встрѣтилъ взаимности, а наоборотъ, увидѣлъ, что на него смотрятъ „сверху внизъ“... Все это очень повліяло на впечатлительнаго Бѣлинскаго, и онъ то падалъ духомъ, то воскресалъ,

¹⁾ Въ настоящее время книга эта („Die Bestim. des Menschen“) переведена подъ редакц. Н. Лосскаго на русскій языкъ: „Назначеніе человека“. Спб. 1905.

стремился къ самосовершенствованію, искалъ спасенія въ „объективномъ наполненіи“, въ области чистой мысли, знанія; онъ продолжалъ, съ рѣдкими всплесками протеста, покоряться авторитету Бакунина; онъ убѣдилъ себя, что окружающая „дѣйствительность“ есть „призрачность“ и что истинная дѣйствительность заключена только въ узкомъ кружкѣ избранныхъ, къ которымъ онъ не всегда смѣлъ причислить себя. Дорого стоила БѢлинскому эта борьба съ самимъ собою; „результатомъ этой борьбы — вспоминалъ позднѣе (1838 г.) БѢлинскій — должно было быть отчаяніе, оскудѣніе жизни, судорожное проявленіе жизни, въ проблескахъ, восторгахъ мгновенныхъ и днѣхъ, недѣляхъ апатіи смертельной. Я лицомъ къ лицу въ первый разъ столкнулся съ мыслию — и ужаснулся своей пустоты“... Спасеніе онъ думалъ найти, слѣпо увѣровавъ въ „фихтианство“: „ты первый — писалъ БѢлинскій Бакунину — уничтожилъ въ моемъ понятіи цѣлу опыта и дѣйствительности, втащивъ меня въ фихтианскую отвлеченность“; „я уцѣпился за фихтианскій взглядъ съ энергіею, съ фанатизмомъ“... Крайнее презрѣніе къ мѣщанской толпѣ, къ „добрымъ малымъ“; крайнее возвеличеніе личности немногихъ избранныхъ; принятіе идеалистической, фихтианской теоріи познанія — вотъ взгляды, которые „съ фанатизмомъ“ исповѣдывалъ въ это время БѢлинскій. „Прямухинская гармонія и знакомство съ идеями Фихте, благодаря тебѣ, — писалъ БѢлинскій 16 авг. 1837 года Бакунину, — въ первый разъ убѣдили меня, что идеальная-то жизнь есть именно жизнь дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота“...

Но БѢлинскій не могъ долго оставаться на высотахъ отвлеченной философской мысли; онъ былъ „весь земной“, онъ былъ въ душѣ глубочайшій реалистъ, какъ ни старался увѣровать въ гносеологическіе выводы фихтианства. Характернымъ признакомъ наступающей перемѣны философскихъ воззрѣній было измѣненіе соціально-политическихъ мнѣній БѢлинскаго въ 1836 — 7 г. Въ начальную эпоху своего фихтианства БѢлинскій продолжалъ держаться „либеральныхъ“ и „радикальных“ соціально-политическихъ убѣжденій, слегка отразившихся уже въ „Дмитріи Калининѣ“; этотъ радикализмъ, повидимому, еще болѣе развился къ 1836 году. Мы знаемъ, что БѢлинскій враждебно относился къ крѣпостному праву, вскрывалъ темныя стороны дворянскаго сословія; еще болѣе ненавистно было ему духовное сословіе, на что въ свое время Пыпинъ имѣлъ „положительныя указанія“¹⁾.

Такія же указанія дошли до насъ и относительно политическаго радикализма БѢлинскаго, особенно въ періодъ его фихтианства: по собственному его признанію (въ письмѣ къ Бакунину отъ 12 окт. 1838 г.), онъ понималъ фихтианство въ радикальномъ политическомъ значеніи. Гости въ деревнѣ Бакуниныхъ, БѢлинскій однажды за обѣдомъ, въ присутствіи большого общества, высказалъ рѣзкое сужденіе о событіяхъ великой французской революціи — повидимому о казни Людовика XVI, относясь къ этому факту вполне одобрительно. „Ты помнишь, — писалъ онъ впоследствии М. Бакунину, — какую фразу отпустилъ я за столомъ и какъ подѣйствовала она на Александра Михайловича...“¹⁾. И такое сужденіе было, конечно, не единичнымъ; по крайней мѣрѣ БѢлинскій впоследствии очень часто вспоминалъ объ „абстрактномъ героизмѣ“ этого періода своей жизни, о своемъ увлеченіи свободолюбивыми монологами героев Шиллера, о своей „прекраснодушной“ борьбѣ съ окружающей дѣйствительностью...

Но именно въ этой области прежде всего и произошелъ духовный переломъ въ БѢлинскомъ. Какъ это случилось — это пока недостаточно ясно, такъ какъ жизнь БѢлинскаго въ первой половинѣ 1837 года является менѣе всего извѣстной. Мы знаемъ, что БѢлинскій очень бѣдствовалъ въ это время, жилъ займами у друзей (Боткина, Аксакова, Ефремова), страдалъ отъ своей нераздѣленной любви къ А. Бакуниной, и чтобы заглушить нераздѣленное чувство, предавался чувственности: „во мнѣ умеръ человѣкъ, остался самецъ“ — говорилъ о себѣ самъ БѢлинскій. Такая жизнь довела его до болѣзни, и весной 1837 года ему пришлось ѣхать лѣчиться на Кавказъ, въ Пятигорскъ — разумѣется на средства друзей. Вотъ почти все, что извѣстно о жизни БѢлинскаго зимою 1836 — 7 г. Правда, извѣстно еще, что въ это время БѢлинскій закончилъ и издалъ свои „Основанія русской грамматики“, надѣясь поправить этой книгой свои денежные обстоятельства — и еще болѣе ухудшилъ ихъ этимъ, такъ какъ изданная въ долгъ грамматика эта туго расходилась; извѣстно также, что въ началѣ 1837 года БѢлинскій велъ переговоры съ петербургскими издателями, Краевскимъ и Плюшаромъ, о сотрудничествѣ въ ихъ изданіяхъ („Литературн. Прибавл. къ Русскому Инвалиду“ и „Энциклопед. Словарѣ“) и одно время собирался даже переѣзжать въ Петербургъ; планъ этотъ не состоялся, такъ какъ БѢлинскій увидѣлъ, что эти издатели „требуютъ невозможнаго“... Можно было бы указать еще на нѣсколько фактовъ изъ той эпохи жизни БѢлинскаго, но всѣ они не могутъ

¹⁾ Op. cit., стр. 91—95.

¹⁾ Хозяйка дома, отца М. Бакунина.

объяснить намъ причинъ рѣзкой перемены взглядовъ Бѣлинскаго въ 1837 году. Однако передъ нами фактъ, который мы должны принять: къ срединѣ 1837 года Бѣлинскій совершенно отказался отъ своего былого политическаго радикализма и этимъ самымъ началъ свое отторженіе вообще отъ „фихтианства“. Въ громадномъ письмѣ изъ Пятигорска (отъ 7 авг. 1837 г.) къ другу своего дѣтства, Д. П. Иванову, Бѣлинскій между прочимъ въ рѣзкихъ словахъ осуждаетъ всякую „политику“, восхваляетъ самодержавіе, называетъ „превосходной и похвальной“ мѣрой строгую цензуру свободного слова, восклицаетъ „къ чорту французовъ!“, вліяніе которыхъ ему представляется гибельнымъ. Уже въ это время, какъ видно изъ письма, Бѣлинскій былъ знакомъ съ философіей Гегеля.

Это было началомъ окончательнаго разрыва Бѣлинскаго съ кратковременнымъ „фихтианствомъ“; вскорѣ Бѣлинскій отвергъ не только политическій радикализмъ фихтианства, но и фихтианскую теорію познанія: типичный реалистъ въ душѣ, Бѣлинскій насилывалъ себя, исповѣдая „фихтианскую отвлеченность“. Мало-по-малу въ его душѣ назрѣвалъ протестъ противъ этой несвойственной ему „отвлеченной мысли“; нуженъ былъ только послѣдній толчокъ, чтобы разрывъ совершился. Этимъ толчкомъ и было болѣе близкое знакомство съ Гегелемъ. „Пріѣзжаю въ Москву съ Кавказа, — вспоминалъ впоследствии въ письмѣ конца 1839 г. къ Станкевичу Бѣлинскій, — пріѣзжаетъ Бакунинъ, мы живемъ вмѣстѣ. Лѣтомъ просмотрѣлъ онъ философію религіи и права Гегеля. Новый міръ намъ открылся.....—это было освобожденіе... Слово *дѣйствительность* сдѣлалось для меня равнозначительно слову *Богъ*“... Это было прежде всего реакціей субъективно-идеалистической философіи Фихте; *гегельянство* было понято Бѣлинскимъ въ смыслъ философскаго реализма. Бѣлинскій впоследствии говорилъ, что къ концу 1837 года онъ „утомился отвлеченностію“ и „жаждалъ сближенія съ дѣйствительностію“ (Шпинъ, *op. cit.*, стр. 190—1). „Моя природа враждебна (отвлеченному) мышленію“, — говорилъ о себѣ Бѣлинскій; — „я ненавижу мысль, какъ отвлеченіе“... „Я уважаю мысль, — снова говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Бакунину, — и знаю ей цѣну, но только *отвлеченная* мысль въ моихъ глазахъ ниже, бесполезна, дряннѣе эмпирическаго опыта“... Такой „отвлеченной мыслью“ было теперь для Бѣлинскаго мнѣніе о „призрачности“ виѣшней-дѣйствительнаго и о „дѣйствительности“ внутренне-идеальнаго; теперь Бѣлинскій призналъ „дѣйствительнымъ“ весь окружающій міръ, призналъ внутреннюю „разумность“ этого міра. „Я гляжу на дѣйствительность, столь пре-

зираемую прежде мною, — пишетъ Бѣлинскій Бакунину 10 сент. 1838 г. — и трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность, видя, что изъ нея ничего нельзя выкинуть и въ ней ничего нельзя похулить и отвергнуть... *Дѣйствительность!* — твержу я, вставая и ложась спать, днемъ и ночью — и дѣйствительность окружаетъ меня, я чувствую ее вездѣ и во всемъ“...

Такъ пришелъ Бѣлинскій къ знаменитой теоріи *разумной дѣйствительности*, увидя въ ней реалистическій оплотъ противъ идеалистическихъ отвлеченностей фихтианства: „ты первый, — писалъ Бѣлинскій Бакунину, — уничтожилъ въ моемъ понятіи цѣну опыта и дѣйствительности, втащивъ меня въ фихтианскую отвлеченность, и ты же первый былъ для меня благовѣстникомъ этихъ двухъ великихъ словъ“. Гегеліанскій періодъ жизни и дѣятельности Бѣлинскаго очень полно представленъ въ его статьяхъ 1838—1840 годовъ; во вступительныхъ замѣткахъ къ этимъ статьямъ (№№ 10—26) мы внимательно слѣдимъ за развитіемъ этихъ гегеліанскихъ взглядовъ Бѣлинскаго. Изъ этихъ замѣтокъ читатели увидятъ, въ чемъ заключалась существенная ошибка этихъ взглядовъ Бѣлинскаго, отождествившаго „разумную дѣйствительность“ съ окружающей реальною дѣйствительностію, съ обыденностію и затѣмъ съ исторической необходимостію. Такое реалистическое пониманіе „разумной дѣйствительности“ вызвало протестъ со стороны Бакунина, но Бѣлинскій скоро уже пересталъ подчиняться его авторитету. Переживъ фихтианство, Бѣлинскій пережилъ, по его выраженію, *католическій* періодъ своей жизни, когда онъ всецѣло былъ подъ нравственнымъ гнетомъ Бакунина, когда онъ „былъ убѣжденъ отъ всей души, — говоритъ онъ о себѣ, — что у меня нѣтъ ни чувства, ни ума, ни таланта, никакой и ни къ чему способности, ни жизни, ни огня, ни горячей крови, ни благородства, ни чести, что хуже меня не было никого у Бога, что я пошлѣйшее и ничтожнѣйшее созданіе въ мірѣ“... Теперь, увѣровавъ въ „разумную дѣйствительность“ всего сущаго, Бѣлинскій увѣровалъ и въ себя, въ свои силы, въ свое значеніе. „Съ весны (1838 года) — писалъ онъ годомъ позднѣе Станкевичу — я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковъ бы я ни былъ, но я *самъ по себѣ*“... И „разумную дѣйствительность“ Бѣлинскій поэтому понималъ „по-своему“, что крайне не понравилось привыкшему властвовать Бакунину. „Ему это крайне не понравилось, — продолжаетъ разсказывать Бѣлинскій: — онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ есть самостоятельность, сила и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно — сшибу, да еще копытомъ лягну“... Вкорѣ между недавними друзьями произошелъ раз-

ривъ, и Бѣлинскій навсегда освободился отъ двухлѣтней опеки своего „философскаго друга“. Такимъ образомъ Бѣлинскій находился подъ его вліяніемъ съ 1836 по 1838 годъ—т.-е. именно въ тотъ промежутокъ времени, когда Бѣлинскій не могъ напечатать ни одной статьи, за неимѣніемъ журнала. По этой причинѣ мы должны были подробнѣе остановиться здѣсь на этомъ періодѣ развитія Бѣлинскаго; о фикціанствѣ намъ не придется говорить въ замѣткахъ къ статьямъ.

VI.

Мы уже сказали, что Бѣлинскій понималъ „разумную дѣйствительность“ сперва въ смыслѣ окружающей дѣйствительности, а затѣмъ и въ смыслѣ исторической необходимости. „...Воля Божія—говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Бакунину—есть *предопредѣленіе* Востока, *fatum* древнихъ, *провидѣніе* христіанства, *необходимость* философіи, наконецъ *дѣйствительность*“. Но необходимость, рассматриваемая какъ „разумная дѣйствительность“, есть не что иное, какъ *цѣлесообразность*,—и именно этимъ послѣднимъ словомъ должно быть охарактеризовано все міровоззрѣніе Бѣлинскаго этой эпохи. Вѣра въ объективную цѣлесообразность бытія, вѣра въ объективную осмысленность міра составляла теперь для Бѣлинскаго святое святыхъ его міровоззрѣнія. Мятущееся отчаяніе Дмитрія Калинина исчезло—и какъ будто безъ слѣда; его мѣсто заступила радостная вѣра въ благую цѣлесообразность міра, въ благое высшее Провидѣніе, царящее надъ міромъ. Вѣра эта стала удѣломъ Бѣлинскаго еще съ начала его шеллингианства; съ выраженіемъ ея мы встречаемся и въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ (см. т. I, стр. 4 и 20—22), и въ другихъ статьяхъ начала тридцатыхъ годовъ, и въ письмахъ Бѣлинскаго той эпохи. „Все къ лучшему!“ „И все то благо, все добро!“—воскликаетъ Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ и письмахъ. И эту мысль онъ повторяетъ даже въ то время, когда самъ находится въ невыносимомъ положеніи, когда самъ „пьетъ горькую чашу, которая съ каждымъ днемъ переполняется черезъ края новыми ядовитѣйшими зельями“; даже въ это время Бѣлинскій утѣшаетъ себя мыслью, что, быть можетъ, „все настоящія несчастія суть не что иное, какъ зерна, изъ коихъ должны нѣкогда вырасти и расцвѣсти благоухающіе цвѣты счастья... Все къ лучшему!“ (изъ письма къ брату Константину отъ 19 іюля 1833 г.). Развитіе этихъ же мыслей о вѣрѣ въ жизнь и въ цѣлесообразность сущаго мы найдемъ и въ фикціанскомъ періодѣ жизни Бѣлинскаго (см. т. I, стр. 333 и 349—350); но только въ гегелианствѣ эта вѣра получила для Бѣлинскаго твердое обо-

снованіе, только въ ученіи о „разумной дѣйствительности“ увидѣлъ Бѣлинскій твердую точку опоры. Во вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 10 (и въ дальнѣйшихъ замѣткахъ мы останавливаемся на пониманіи Бѣлинскимъ „разумной дѣйствительности“ какъ *объективной цѣлесообразности* всего сущаго, то есть, говоря иными словами, на полномъ „принятіи міра“ Бѣлинскимъ. Невѣріе и отчаяніе Дмитрія Калинина повидимому окончательно побѣждено; надъ всей жизнью Бѣлинскаго теперь царитъ радостная вѣра въ объективную разумность міра и жизни. Страданія и муки отдѣльныхъ личностей, частныхъ индивидуальностей тонуть въ этомъ абсолютно цѣлесообразномъ развитіи міра—саморазвитіи и самопознаніи Абсолютнаго Духа. „Es herrschet eine Allweise Güte über die Welt“—надъ міромъ царитъ Премудрая Благодѣтельность: недаромъ это было любимой фразой еще Станкевича. И когда тотъ же Станкевичъ первый изъ друзей перешелъ къ изученію философіи Гегеля, то въ ней и онъ нашелъ прочную опору для подобнаго „принятія міра“. Передъ мыслью о развитіи Общаго, о самопознаніи Абсолютнаго Духа—стусеивались всѣ вопросы о мукахъ и страданіяхъ живой человѣческой личности: „я никогда почти не дѣлаю себѣ такихъ вопросовъ, — пишетъ Станкевичъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ.—Въ мірѣ господствуетъ Духъ, Разумъ: это успокаиваетъ меня насчетъ всего“... Именно такую вѣру и высказывалъ Бѣлинскій въ своихъ гегелианскихъ статьяхъ 1838-го и слѣдующихъ годовъ.

И однако въ это же самое время Бѣлинскому жилось далеко не сладко. Не говоря уже о томъ, что денежные его обстоятельства продолжали и послѣ 1837-го года оставаться крайне печальными, еще тяжелѣе, быть можетъ, отражались на немъ тѣ недоразумѣнія съ друзьями, которыя всегда неизбѣжны во всякомъ замкнутомъ кружкѣ. Впослѣдствіи Бѣлинскій жестоко бичевалъ эту *кружковщину*, въ которой друзья замкнулись особенно въ эпоху фикціанства, послѣ знакомства съ Бакунинымъ и подъ его непосредственнымъ вліяніемъ; особенно обрушился онъ на нее въ самой послѣдней своей статьѣ 1848-го года (см. т. III, ст. № 66). Говоря тамъ о молодомъ Адуевѣ изъ „Обыкновенной Исторіи“ Гончарова, Бѣлинскій пользуется случаемъ свести послѣдніе счеты съ „романтизмомъ“ своей молодости и даже съ терминологіей „кружковщины“ тридцатыхъ годовъ. Бѣлинскій говоритъ тамъ о юныхъ романтикахъ, которые съ избыткомъ надѣлены „нервическою чувствительностію“, а потому любятъ копаться въ собственныхъ ощущеніяхъ и называютъ это—„наслаждаться *внутреннею жизнью*“ въ кругу избранныхъ друзей. „Это они называютъ — иронизируетъ Бѣлинскій—

жить высшею жизнью, недоступною для презрѣнной толпы, парить горѣ, тогда какъ презрѣнная толпа пресмыкается долѣ... Люди эти—продолжаетъ Бѣлинскій—„бываютъ помѣшаны на трехъ завѣтныхъ идеяхъ: это—слава, дружба и любовь“; по и то, и другое, и третье очень дорого имъ обходится. Слава требуетъ упорнаго труда—но къ нему они неспособны. Дружба никогда не бываетъ у нихъ естественной и простой, а всегда напряженной и восторженной; они изливаютъ другъ передъ другомъ свои души, требуютъ другъ отъ друга отчета во всѣхъ дѣлахъ и помысленіяхъ; такая дружба скоро превращается во взаимное мученіе. Любовь обходится имъ еще дороже, такъ какъ они сперва составляютъ программу любви, а затѣмъ уже примѣняютъ эту теоретическую схему къ женщинамъ; „имъ любовь нужна не для счастья, не для наслажденія, а для оправданія на дѣлѣ своей высокой теоріи любви“; разумѣется, въ результатѣ снова взаимное мученіе. Вообще же люди эти „не хотятъ знать законовъ сердца, природы, дѣйствительности, они сочиняютъ для нихъ свои собственные, они гордо признаютъ существующій міръ призракомъ, а созданный своей фантазіей призракъ—дѣйствительно существующимъ міромъ“... ¹⁾).

До сихъ поръ не обращали достаточнаго вниманія на эти замѣчательныя страницы изъ послѣдней статьи Бѣлинскаго, направленной не столько противъ молодого Адуева, сколько pro domo sua, противъ самого себя второй половины тридцатыхъ годовъ. А въ томъ, что эта жестокая характеристика относится именно къ знакомой Бѣлинскому былой „кружковщинѣ“—сомнѣваться невозможно; слишкомъ часто Бѣлинскій въ интимныхъ письмахъ выражалъ эти же мысли, эти же чувства. Укажемъ на статью П. Милюкова „Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“, въ которой на основаніи переписки Бѣлинскаго, Станкевича, Бакунина ясно обрисованы всѣ мученія „идеалистовъ“ отъ столкновенія съ жизнью ихъ романтической теоріи любви. И самъ Бѣлинскій уже начиналъ смутно сознавать слабыя стороны этой теоріи любви, возвышенной, программной и головной; въ послѣдствіи, въ письмѣ къ Боткину отъ 13 марта 1841 года, вотъ какъ вспоминалъ Бѣлинскій объ этой кружковой теоріи любви, любви экстатической и мистической: „понимаешь ли ты теперь, что такая любовь нисколько не рѣшала съ бракомъ и вообще съ дѣйствительностію жизни?.. ²⁾“. Отсюда выходили...

экстажированныя понятія о брачныхъ отношеніяхъ, гдѣ каждый поцѣлуй долженъ былъ выходить изъ полноты жизни, а не изъ рефлексіи и пр. Признаюсь, это мнѣ всегда казалось страшною дичью, и я потому казался тебѣ и Мишелю (Бакунину) страшною дичью. Но я былъ правъ. Я понималъ, что въ жизни не разъ придется спросить жену, принимала ли она слабительное и хорошо ли ее слабило, и не лучше ли вмѣсто слабительнаго поставить клистиръ? Эта противоположность поэзіи и прозы жизни ужасала меня, но я не могъ закрыть на нее глаза, не могъ не видѣть, что она есть. Тебя это часто оскорбляло, и я внутренне презиралъ себя, видя, что ты по крайней мѣрѣ не уважаешь меня. Чтò дѣлать!—тогда ни одинъ изъ насъ не хотѣлъ быть собою, ибо каждый хотѣлъ быть абсолютнымъ, т.-е. безцѣпнымъ и абстрактнымъ совершенствомъ“ (подчеркнуто Бѣлинскимъ).

То же самое было и въ дружбѣ: тѣ же мученія при столкновеніи романтической теоріи дружбы съ дѣйствительностію, и та же узкая нетерпимость по отношенію къ людямъ, инако мыслящимъ, инако чувствующимъ. Еще въ своей „фихтианской“ статьѣ 1836-го года Бѣлинскій говорилъ, что любовь и дружба возможны только при общемъ уровнѣ сознанія между людьми, такъ что, наоборотъ, къ людямъ низшаго уровня сознанія чувствуешь родъ ненависти: „несносенъ ихъ видъ, тяжела ихъ бесѣда, словомъ, мучительно всякое соприкосновеніе съ ними“ (см. т. I, стр. 348—349). И такими „низшими“ людьми для Бѣлинскаго и его друзей несомнѣнно были почти всѣ люди, стоящіе внѣ ихъ узкаго кружка; самъ Бѣлинскій черезъ немного лѣтъ съ негодованіемъ вспоминалъ про это. Въ письмѣ отъ 9 дек. 1841 г. къ младшему брату М. Бакунина, Н. А. Бакунину, Бѣлинскій говоритъ: „всякій кружокъ ведетъ къ исключительности и какой-то странной оригинальности: рождаются свои манеры, свои привычки, свои слова, любезныя для кружка, странныя, непонятныя и непріятныя для другихъ. Но это бы еще ничего: хуже всего то, что люди кружка дѣлаются чужды для всего, чтò внѣ ихъ кружка, а все это—имъ. Я сужу по собственному опыту... Боже мой! Грѣшно вспомнить объ этой ограниченной исключительности, съ какою мы смотрѣли на весь міръ...“ Но внутри этого кружка избранныхъ самъ Бѣлинскій вскрываетъ напряженную, восторженную, взвинченную дружбу. „Мы любили другъ

¹⁾ Ср. также рецензію Бѣлинскаго о „Переводахъ“ Струговицкихъ статей Гёте („Отеч. Зап.“, 1846 г.; рецензія эта не вошла въ настоящее изданіе), въ ней Бѣлинскимъ высказываются эти же мысли о „кружковщинѣ“.

²⁾ Нагляднымъ доказательствомъ этого можетъ слу-

жить поразительный контрастъ между вѣжной поэзіей „любвонной“ переписки Герцена съ Наташей и суровой прозой ихъ брака.. См. эту переписку и „Былое и Думы“ Герцена; это лучшая иллюстрація столкновенія съ жизнью романтической теоріи любви.

друга,—пишетъ Бѣлинскій 27 іюня 1841 г. Боткину о всѣхъ членахъ бывшаго кружка,—любили горячо и глубоко... но какъ же проявлялась... наша дружба? Мы приходили другъ отъ друга въ восторгъ и экстазъ, мы ненавидѣли другъ друга, мы удивлялись другъ другу, мы презирали другъ друга, мы предавали другъ друга, мы съ ненавистію и бѣшеною злобою смотрѣли на всякаго, кто не отдавалъ должной справедливости кому-нибудь изъ нашихъ, и мы повосили и злословили другъ друга за глаза передъ другими, мы ссорились и мирились. мирились и ссорились; во время долгой разлуки мы рыдали и молились при одной мысли о свиданіи, иставали и исходили любовію другъ къ другу, а сходились и видѣлись холодно, тяжело чувствовали взаимное присутствіе и разставались безъ сожалѣнія. Какъ хочешь, а это такъ. Пора намъ перестать обманывать самихъ себя, пора смотрѣть на дѣйствительность прямо, въ оба глаза, не щурясь и не кривя душою. Я чувствую, что я правъ, ибо въ этой картинѣ нашей дружбы я не затемнилъ и ея истинной, прекрасной стороны...”

Факты подтверждаютъ эту характеристику „кружковщины“ Бѣлинскимъ; нельзя при этомъ не указать, что почти все отрицательное въ этой характеристикѣ было внесено въ жизнь кружка едва-ли не исключительно М. Бакунинымъ. Властный и требующій подчиненія (—„Мишель кромѣ глубокой натуры и генія требовалъ еще отъ удостаиваемыхъ его дружбы одинаковаго взгляда даже на погоду и одинаковаго вкуса даже въ гречневой кашѣ, условіе sine qua non!“—писалъ впоследствии Бѣлинскій), властный и требующій подчиненія, Бакунинъ не могъ однако подчинить себѣ надолго такую сильную индивидуальность, какъ Бѣлинскаго; борьбу между ними мы уже прослѣдили выше. Вообще „кружковщина“ эта царилъ среди друзей 1836—1839 гг.; журналъ друзей, „Московскій Наблюдатель“, былъ въ сущности яркимъ проявленіемъ этой „кружковщины“. Страницею выше мы привели слова Бѣлинскаго (изъ его письма къ Н. А. Бакунину) о томъ, что во всякомъ кружкѣ неизбежны свои манеры и свои слова, „любезныя для кружка, странныя, непонятныя, непріятныя для другихъ“. Именно это и отразилось на „Московскомъ Наблюдателѣ“, что вскорѣ призналъ и самъ Бѣлинскій. Въ письмѣ къ Станкевичу отъ конца 1839 года Бѣлинскій заявляетъ, что уже „давно видитъ“ слабыя и смѣшныя стороны этого журнала: „я довольно непосидѣвъ и не долго сижу на одномъ мѣстѣ, и потому я давно уже дальше *Наблюдателя*. Смѣшная и дѣтская сторона его... въ этомъ обилии философскихъ терминовъ (очень поверхностно понятыхъ), которые и въ самой

Германіи, въ популярныя сочиненія, употребляются съ большою экономіею. Мы забыли, что русская публика не нѣмецкая и, нападая на прекраснѣйшіе, сами служили самымъ забавнымъ примѣромъ его...” Полугодомъ позже, въ одной изъ рецензій въ „Отеч. Запискахъ“ по поводу изданія „Репертуаръ русскаго театра“, Бѣлинскій такъ вспоминалъ о „Московскомъ Наблюдателѣ“: „*Наблюдатель* весною 1838 г. вздумалъ ожить,—и вотъ поюнѣлъ, и позеленѣлъ, и заговорилъ живымъ языкомъ, восторженною рѣчью, словомъ, расходился, какъ рьяный нѣмецкій студентъ... Съ первой же книжки началъ онъ сыпать новыми идеями и новыми словами... Тщетно представлялъ онъ и изящную прозу, и изящныя стихотворенія, и новыя идеи; публика видѣла одни новыя, непонятныя для нея слова, да неаккуратность въ выходѣ книжекъ—и бѣдный юноша не хотѣлъ умирать медленною смертію, по филистерски, но скоропостижно исчезъ и пропалъ безъ вѣсти...” Бѣлинскій былъ правъ: „Московскій Наблюдатель“ былъ характернымъ проявленіемъ „кружковщины“; и если бы этотъ кружокъ Бѣлинскаго и его друзей былъ явленіемъ частнымъ, не связаннымъ съ предъидущимъ и послѣдующимъ развитіемъ русской общественной мысли, то и журналъ кружка не имѣлъ бы никакого историческаго значенія. Въ дѣйствительности было иначе: кружокъ Бѣлинскаго и его друзей былъ важнымъ звеномъ въ развитіи русской мысли, былъ тѣмъ горниломъ, гдѣ плавилось и отливало въ новыя формы общественное сознаніе. И каковы бы ни были отрицательныя проявленія кружковщины, но въ кружкѣ этомъ собралось въ 1836—1839 гг. все, что было тогда выдающагося въ молодомъ поколѣніи—если не считать разосланнаго и разбросаннаго по Россіи кружка Герцена и многихъ отдѣльных, одинокихъ личностей, въ родѣ, на примѣръ, В. Печорина. И самъ Бѣлинскій, такъ сурово осудившій кружковщину, въ то же время ясно видѣлъ и признавалъ, что въ кружкѣ его друзей соединилось все лучшее, молодое, полное нѣры въ жизнь и стоящее на много выше окружающихъ. „Есть люди,—писалъ Бѣлинскій Боткину 8 сент. 1841 года,—которыхъ жизнь не можетъ проявиться ни въ какую форму, потому что лишена всякаго содержанія; мы же люди, для необъятнаго содержанія жизни которыхъ ни у общества, ни у времени нѣтъ готовыхъ формъ. Я встрѣчалъ и внѣ нашего кружка людей прекрасныхъ, которые дѣйствительнѣе насъ, но нигдѣ не встрѣчалъ людей съ такою ненасытимомъ жаждою, съ такими огромными требованіями на жизнь, съ такою способностію самоотреченія въ пользу идеи, какъ мы. Вотъ отчего все къ

намъ льнетъ, все подлѣ насъ измѣняется...“ Герценъ въ „Быломъ и Думахъ“ (глава XXV) съ еще бѣльшей силой высказалъ это же мнѣніе о кружкѣ Станкевича, Бакунина и Бѣлинскаго.

Однако Бѣлинскій уже въ началѣ своего гегелианства стремился отрѣшиться отъ кружковой исключительности и узости, стремился войти въ „дѣйствительную“ жизнь — и это было очевиднымъ слѣдствіемъ проповѣдывавшейся имъ теоріи „разумной дѣйствительности“. Въ цитированномъ выше письмѣ 1841-го года къ Н. Бакунину онъ говоритъ: „у всякаго человѣка долженъ быть свой уголокъ, куда бы онъ могъ укрываться отъ ненастья жизни;... но уголокъ и долженъ быть уголкомъ, а не міромъ, жизнь же должна быть въ мірѣ...“ Но еще гораздо раньше, въ письмѣ къ М. Бакунину отъ 10 сент. 1838 года, Бѣлинскій отказывался отъ кружковой исключительности, разрывалъ съ нею: „нѣтъ ничего идеальнѣе, т.-е. пошлѣе — пишетъ Бѣлинскій (характерное „то-есть“, выпадъ противъ „прекраснодушія“) — какъ сосредоточеніе въ какомъ-то кругѣ, похожемъ на тайное общество, и не похожемъ ни на что остальное и враждебное всему остальному...“ И тутъ же Бѣлинскій, какъ „человѣкъ экстремы“ (по слову Герцена) переходитъ въ другую крайность: не желая быть „какъ никто“, онъ хочетъ теперь быть „какъ всѣ“; *разумную дѣйствительность* Бѣлинскій понималъ здѣсь какъ *обиденность*. Свое письмо къ М. Бакунину онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: „всякая форма, поражающая людей своею рѣзкостью и странностью и пробуждающая о себѣ толки и пересуды, — пошла, т.-е. идеальна. Надо во внѣшности своей походить на всѣхъ... Теперь единственное мое стараніе, чтобы всякій, знающій меня по литературѣ и увидѣвшій въ первый и во сто первый разъ, сказалъ: это-то Бѣлинскій? да онъ какъ всѣ!“ Разумѣется, Бѣлинскій не могъ осуществить такого своего стремленія; но оно является характернымъ показателемъ того, какъ стремился Бѣлинскій выйти изъ замкнутаго кружка на поле „дѣйствительной“ жизни.

VII.

Вскорѣ сама жизнь заставила его покинуть кружокъ московскихъ друзей: „Московский Наблюдатель“ прекратился, и Бѣлинскій, въ серединѣ 1839 года, опять остался не у дѣла, обремененный долгами, безъ журнала, безъ работы. А между тѣмъ въ Петербургѣ Краевскій уже второй годъ издавалъ „Отечественныя Записки“, не имѣя никого для веденія критическаго и библиографическаго отдѣла. Несмотря на это, онъ не при-

глашалъ Бѣлинскаго въ свой журналъ и пробовавалъ обойтись „своими средствами“, предоставивъ мѣсто перваго критика въ „Отеч. Запискахъ“ бездарному Межевичу, впоследствии сотруднику „Сѣверной Пчелы“. Еще въ 1838 году Краевскій говорилъ Кольцову про Бѣлинскаго, что это „большой негодяй“, „пишетъ чортъ знаетъ что...“ „Онъ мнѣ прислалъ двѣ статьи,—передаетъ слова Краевскаго Кольцовъ,—просилъ помѣстить въ журналъ, и чтобъ участвовать сотрудникомъ. Но его статьи никуда негодны. Человѣкъ началъ писать о томъ, повелъ рѣчь вовсе о постороннемъ, потомъ завлекся, что и не поймешь. Сдѣлалъ мнѣ предложеніе, чтобы въ журналъ быть въ родѣ панибрата. Я ему пишу, что въ этомъ журналѣ хозяинъ я,—а другого почему не надобно, и я, братъ, въ тебѣ не нуждаюсь...“ (Письмо Кольцова къ Бѣлинскому отъ 21 февр. 1838 года). Вскорѣ однако Краевскій увидѣлъ, что дальше дѣло не можетъ такъ идти. На журналъ его было уже около десяти тысячъ рублей долгу (39.000 р. ассигнаціями); и если что могло поднять „Отеч. Записки“ надъ конкурирующей съ ними „Библіотекой для Чтенія“ Сенковского, то это только выдержанный, цѣльный и серьезный критическій отдѣлъ. Умный, ловкій и оборотливый Краевскій понялъ, наконецъ, что все спасеніе и вся надежда его журнала — въ „негодяѣ“ Бѣлинскомъ. Но и для Бѣлинскаго — все спасеніе было въ „Отеч. Запискахъ“, иначе грозила либо жизнь на хлѣбахъ у друзей, либо сотрудничество у Сенковского и Булгарина, либо голодная смерть; разумѣется, Бѣлинскій выбралъ бы послѣднее. „Отеч. Записки“ были выходомъ, спасеніемъ; и какъ ни хотѣлось Бѣлинскому остаться въ Москвѣ, какъ ни угнетала его мысль о перѣздѣ въ чуждый Петербургъ, однако избѣжать этого было невозможно. Напечатавъ въ „Отеч. Запискахъ“ нѣсколько небольшихъ рецензій и статей, начиная съ августа 1839 года, Бѣлинскій получилъ отъ Краевскаго предложеніе постояннаго сотрудничества — и сталъ собираться въ Петербургъ. Въ началѣ октября 1839 года Бѣлинскій писалъ Станкевичу: „не дѣли черезъ двѣ послѣ отправленія этого письма ѣду въ Питеръ на житье. Зачѣмъ?

Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться.

...Знаю, что только теперь наступила пора полного развитія (духовныхъ силъ) и что еще долго онѣ будутъ идти возрастая... Чтобы привести въ исполненіе (намѣренія), мнѣ надо оторваться отъ своего родного круга, мнѣ — робкой, запертой въ самой себѣ натурѣ — надо перенестись въ сферу чуждую, враждебную; страшно подумать, а время близко!.. Москва погубила меня, въ ней нечѣмъ жить

и нечего дѣлать, а разстаться съ нею—тяжелый опытъ“... И вотъ въ концѣ октября Бѣлинскій уже въ Петербургѣ. Краевскій встрѣтилъ его какъ избавителя: свидѣтель первой ихъ встрѣчи, Изм. Срезневскій (впоследствии извѣстный профессоръ), рассказываетъ, что еще до пріѣзда Бѣлинскаго Краевскій говорилъ, что „вся его надежда на Бѣлинскомъ“. Бѣлинскій пріѣхалъ изъ Москвы и явился къ Краевскому при Срезневскомъ,—записаль со словъ послѣдняго впоследствии Добролюбовъ, въ своемъ дневникѣ отъ 7 янв. 1837 г.:—Краевскій побѣжалъ къ нему навстрѣчу, съ восклицаніемъ: наконецъ-то, спаситель! и при немъ опять повторилъ, что только Бѣлинскій можетъ поднять и поддержать его журналъ“... ¹⁾ Началась работа Бѣлинскаго въ журналѣ Краевскаго; не прошло и двухъ-трехъ лѣтъ, какъ „Отеч. Записки“ стали первымъ по распространенности русскимъ журналомъ. Работа эта продолжалась болѣе шести лѣтъ; за это время Краевскій сталъ богатымъ издателемъ, а Бѣлинскій надорвалъ и окончательно погубилъ свое здоровье „каторжнымъ“ трудомъ подневольнаго журналиста...

Начался „петербургскій періодъ“ жизни Бѣлинскаго—и начался окончательнымъ сведеніемъ счетовъ съ былымъ „москводушіемъ“, съ былой „кружковщиной“; для того, чтобы войти въ „дѣйствительность“, пужно было отказаться отъ многихъ былыхъ грезъ и мечтаній. Бѣлинскаго радушно встрѣтили въ Петербургѣ новые друзья—Панаевъ и его знакомые; его „обласкалъ“ кн. В. Одоевскій, радостно встрѣтилъ Краевскій—и все же Петербургъ произвелъ на Бѣлинскаго самое тяжелое впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что Бѣлинскій слишкомъ сжился съ кружкомъ своихъ московскихъ друзей и въ новой обстановкѣ чувствовалъ себя какъ рыба, вынутая изъ воды; кромѣ того житейская „обыденность“ предстала передъ нимъ во образѣ Греча, Булгарина и К°, предстала съ такой стороны, которую Бѣлинскій уже не въ силахъ былъ отождествить съ „разумной дѣйствительностью“. Цѣлый рядъ писемъ Бѣлинскаго конца 1839-го и начала 1840 года показываютъ намъ, какъ тяжело ему было тогда; и нѣтъ сомнѣнія, что именно эти мелкія петербургскія впечатлѣнія впервые поколебали въ Бѣлинскомъ психологическія основы его вѣры въ разумную цѣлесообразность всего окружающаго. „Питеръ навелъ на меня апатію, уныніе и чортъ знаетъ что,—писалъ Бѣлинскій въ началѣ 1840 года другу своего дѣтства, Д. Иванову:—счастливъ, кто можетъ жить въ Москвѣ и особенно не жить въ Петербургѣ“... Темнымъ петербургскимъ впе-

чатлѣніямъ Бѣлинскій хотѣлъ противопоставить вѣру въ объективную разумность всего, вѣру въ саморазвитіе Абсолютнаго Духа, вѣру въ бессмертіе души—вообще „религію“, которой можно было спасти свое міровоззрѣніе отъ ударовъ окружающей жизни. „Въ Питерѣ только поймешь,—пишетъ Бѣлинскій Боткину 22 ноября 1839 года,—что *религія* есть основа всего, и что безъ нея человекъ—ничто, ибо Питеръ имѣетъ необыкновенное свойство оскорбить въ *человѣкѣ* все святое и заставить въ немъ выйти наружу все сокровенное. Только въ Питерѣ человекъ можетъ узнать себя—человѣкъ онъ, полу-человѣкъ или скотина: если будетъ страдать въ немъ—человѣкъ, если Питеръ полюбитъ ему—будетъ или богатъ или дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ“... И въ письмѣ отъ 3-го февр. 1840 г. Бѣлинскій снова возвращается къ вопросу о бессмертіи, заявляя, что „объективный міръ страшенъ“ (а вѣдь еще недавно онъ былъ для Бѣлинскаго объективно разуменъ и цѣлесообразенъ!), и что „Петербургъ имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ христіанству“... Тяжело, видно, приходилось Бѣлинскому. Въ письмѣ отъ 1-го марта 1840 г. онъ снова убѣждаетъ себя и Боткина, что „Евангеліе—абсолютная истина, а бессмертіе индивидуальнаго духа есть основной его камень... Да, надо читать чаще Евангеліе—только отъ него и можно ожидать полнаго утѣшенія“ (ср. наст. изд., т. I, стр. 452); а когда Боткинъ отвѣтилъ, что къ вопросу о личномъ бессмертіи онъ равнодушенъ, то Бѣлинскій снова пишетъ: „погоди, придетъ время, не то запоешь. Увидишь, что этотъ вопросъ—альфа и омега истины и что въ его рѣшеніи—наше искупленіе“ (5 сент. 1840 г.). Къ этому времени Бѣлинскій узналъ о смерти Станкевича—и это еще болѣе ударило по его колеблющейся вѣрѣ въ объективную разумность міра. „...Меня теперь всего поглотила—пишетъ Бѣлинскій Боткину 4 окт. 1840 г.—идея достоинства человѣческой личности и ея горькой участи—ужасное противорѣчіе! М. Бакунинъ пишетъ, что Станкевичъ вѣрилъ личному бессмертію, Штраусъ и Вердеръ вѣрятъ. Но мнѣ отъ этого не легче: все такъ же хочется вѣрить и все такъ же не вѣрится...“

Какъ видимъ, въ душѣ Бѣлинскаго происходила какая-то тяжелая борьба. Спасаясь отъ своихъ петербургскихъ настроеній и впечатлѣній, Бѣлинскій пытается схватиться уже не за философскую доктрину объ объективной цѣлесообразности сущаго, а за религіозную вѣру; это значитъ, что философская доктрина перестала или переставала быть для него религіозной вѣрой. „Дѣйствительность“ показала свое лицо—и Бѣлинскій въ ужасѣ сталъ въ первый моментъ искать спа-

¹⁾ „Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда“, 1909 г., стр. 292.

сепія отъ открывавшейся передъ нимъ истины; истина же эта состояла въ томъ, что объективная цѣлесообразность сущаго, въ которую вѣрилъ московскій кружокъ друзей Бѣлинскаго, есть мифъ, что для *человѣка* міръ является объективно бессмысленнымъ или, по крайней мѣрѣ, неосмысленнымъ. Вотъ борьба, происходившая въ душѣ Бѣлинскаго; и вскорѣ онъ съумѣлъ отчетливо сознать ее и попытался взглянуть прямо въ лицо суровой истинѣ. Тяжело ему было. „Я не знаю свѣтлыхъ минутъ, — писалъ онъ Боткину 3 февр. 1840 г.:—самое страданіе посѣщаетъ меня въ рѣдкія, очень рѣдкія минуты. Въ душѣ моей сухость, досада, злость, желчь, апатія, бѣшенство и проч., и проч. Вѣра въ жизнь, въ Духа, въ дѣйствительность—отложена на неопредѣленный срокъ, до лучшаго времени, а пока въ ней—безвѣріе и отчаяніе... отчаяніе и ожесточеніе... Петербургъ былъ для меня страшною скалою, о которую больно стукнулось мое прекраснодушіе. Это было необходимо, и лишь бы послѣ стало лучше—я буду благословлять судьбу, загнавшую меня на эти гнусныя финскія болота. Но пока это невыносимо, выше всякой мѣры терпѣнія... Насъ губилъ китаизмъ... Мы весь божій свѣтъ видѣли въ своемъ кружкѣ..., (а) китаизмъ хуже прекраснодушія... Вообще, если бы я побывалъ у васъ, вамъ показалось бы, что я нюхнулъ петербургскаго душку и захватилъ его холодку, но вы ошиблись бы: я только поумнѣлъ, хотя отъ этого сталъ не счастливѣе, а несчастнѣе. Самая убивающая истина лучше радостной лжи; я глубоко сознаю, что неспособенъ быть счастливымъ черезъ ложь, какую бы ни было, и лучше хочу, чтобы сердце мое разорвалось въ куски отъ истины, нежели блаженствовало ложью“... Малая причины рождаютъ, какъ извѣстно, большія слѣдствія; такъ и здѣсь, мелкая пошлость и подлость нѣкоторыхъ петербургскихъ литературныхъ круговъ была для Бѣлинскаго поводомъ пересмотрѣть уже поколебавшуюся въ его душѣ былую вѣру въ „разумную дѣйствительность“. Въ этомъ отношеніи Петербургъ былъ для Бѣлинскаго дѣйствительно скалою, о которую разбилась его московская кружковая теорія. Въ Москвѣ Бѣлинскій жилъ „на необитаемомъ островѣ“ кружковщины, а „въ Петербургѣ, съ необитаемаго острова я—пишетъ Боткину Бѣлинскій—очутился въ столицѣ, журналъ поставилъ меня лицомъ къ лицу съ обществомъ,—и Богу извѣстно, какъ много перенесъ я! Для тебя еще не совсѣмъ понятна моя вражда къ *москводушію*, но ты смотришь на одну сторону медали, а я вижу обѣ. Меня убило это зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роли подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позор-

номъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ“ (13 іюня 1840 г.). И какъ ни тяжело было Бѣлинскому, но все же мало-по-малу онъ примирялся съ Петербургомъ именно за то, что жизнь въ этомъ городѣ открыла ему, Бѣлинскому, глаза на жизнь вообще. Въ этомъ же письмѣ къ Боткину онъ заявляетъ: „къ Питеру притерпѣлся. Спасибо ему. Я уже не узнаю себя и вижу ясно, что надо въ себѣ бить: это его дѣло“... А три мѣсяца спустя (5 сент. 1840 г.) Бѣлинскій снова восклицаетъ: „какъ немного времени и какъ много я измѣнился! А все Питеръ—спасибо ему! Безъ него я и теперь былъ бы восторженнымъ дуракомъ“... А три года спустя, въ письмѣ отъ 1 окт. 1843 г. къ своей будущей женѣ, М. В. Орловой, Бѣлинскій уже противопоставляетъ „петербургскихъ жителей“— „москвичамъ, татарамъ и калмыкамъ“ и замѣчаетъ: „я слово *человѣкъ* употребляю какъ антитезу *москвичу*“... Еще нѣсколько позже Бѣлинскій въ особой статьѣ развилъ свои мысли о Петербургѣ и Москвѣ; въ статьѣ этой мы найдемъ много отзвуковъ изъ приведенныхъ выше писемъ (см. ст. № 53 и особенно стр. 1091 второго тома настоящаго изданія).

VIII.

Вѣроятно читателю ясно, что „Петербургъ“ и „Москва“ являлись во все это время для Бѣлинскаго символами опредѣленныхъ душевныхъ переживаній, опредѣленныхъ философскихъ построеній. „Москва“—это романтизмъ, прекраснодушіе, блаженная вѣра въ Премудрую Благость, въ философію благодушнаго Сурскаго (вспомните юношескую пьесу Бѣлинскаго); „Петербургъ“—это суровая дѣйствительность, невѣріе въ объективную осмысленность міра, нахожденіе всюду „хвоста дьявола“, философія Дмитрія Калинина. Въ 1840—1841 гг. снова столкнулись въ душѣ Бѣлинскаго эти два міропониманія—и ему уже не удалось отдѣлаться отъ мучительныхъ вопросовъ Калинина утѣшительною философіею Сурскаго; а вѣдь мѣсто Сурскаго занималъ теперь въ душѣ Бѣлинскаго не кто иной, какъ великій „діалектикъ“ Гегель! Самопознаніе Абсолютнаго Духа; развитіе Общаго; Премудрая Благость, царящая надъ міромъ; разумная дѣйствительность сущаго; объективная осмысленность жизни:—все это не могло въ душѣ Бѣлинскаго выдержать тяжести одного маленькаго вопроса,—вопроса о мукахъ и страданіяхъ реальной *человѣческой личности*. Зачѣмъ, за что страдаетъ чело-
вѣкъ? и не чело-
вѣкъ „вообще“, а именно „вотъ этотъ“, опредѣленный, реальный чело-
вѣкъ, чувствующая боль и муку индивидуальность? Гдѣ оправданіе этихъ страданій?

Въ чемъ ихъ объективный смыслъ? Неужели же въ „развитіи“ Общаго? Но не слишкомъ ли дорого окупается тогда это развитіе? Не дорого ли платить человечество за входъ въ міровую гармонию? Эти и подобные имъ вопросы снова проснулись въ душѣ Бѣлинскаго; а вѣдь, казалось, какъ твердо были они придавлены идеалистической нѣмецкой философией! Съ тѣхъ поръ какъ Бѣлинскій, въ концѣ 1834 года, „увѣровалъ“ въ шеллингианство, а затѣмъ перешелъ черезъ Фихте къ Гегелю—съ этихъ поръ Бѣлинскій, какъ мы знаемъ, сталъ вѣрнымъ рыцаремъ Премудрой Благости, „разумной необходимости“. И вдругъ—старые вопросы и сомнѣнія снова оживаютъ, снова возвышаютъ голосъ, требуютъ отвѣта у Премудрой Благости за каждую страдающую человѣческую личность! Это былъ явный „бунтъ“—и Бѣлинскій сперва испугался. Мы видѣли, какъ онъ пробовалъ найти спасеніе въ неразсуждающей вѣрѣ въ „бессмертіе индивидуальнаго духа“: это было отвѣтомъ на вопросъ о смыслѣ мукъ страдающей личности. Мы помнимъ, что уже Сурскій этимъ же утѣшалъ Дмитрія Калинина; но вспомнимъ также и негодующій отвѣтъ Дмитрія: „неужели вѣчное блаженство непременно покупается цѣною ужаснѣйшихъ страданій? Дорого же оно приходится!“ И теперь, въ 1840 году, Бѣлинскій уже всецѣло присоединился къ дерзкому негодованію своего бывшаго героя. Правда, онъ попытался бороться съ нимъ; онъ попытался отстоять „разумную дѣйствительность“ сушаго въ области не только личной, но и общественной жизни. Въ „Отеч. Запискахъ“ конца 1839-го и начала 1840 года онъ помѣстилъ рядъ блестящихъ статей, защищающихъ „разумную дѣйствительность“ даже русской дѣйствительности того времени; во вступительныхъ замѣткахъ къ этимъ статьямъ (№№ 15—24) мы подробно останавливаемся на этомъ вопросѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что яростная защита Бѣлинскимъ „разумной дѣйствительности“ въ области социальной и общественной была только отчаянной попыткой отстоять вообще объективную осмысленность міра. Но ни то, ни другое не удалось Бѣлинскому, ему не удалось заглушить того скептического голоса, который заговорилъ въ немъ о мученіяхъ реальной человѣческой личности. И Бѣлинскій вскорѣ пересталъ бороться; болѣе того—онъ посмѣлъ взглянуть прямо въ лицо представшей предъ нимъ суровой истинѣ; и еще болѣе того—онъ сдѣлался пылкимъ ея провозвѣстникомъ.

Все это мы найдемъ почти исключительно въ письмахъ, а не въ статьяхъ Бѣлинскаго 1840-го и ближайшихъ слѣдующихъ годовъ. Правда, и въ статьяхъ мы находимъ яркую проповѣдь *прав личности* (см. нашу всту-

пительную замѣтку къ ст. № 24), но мы не найдемъ въ нихъ характернаго теперь для Бѣлинскаго невѣрія въ объективный смыслъ жизни, отрицанія разумной цѣлесообразности міра. Этого мало: въ статьяхъ своихъ Бѣлинскій продолжаетъ проповѣдь тѣхъ „святыхъ истинъ“, въ которыя онъ больше не вѣритъ! Этотъ удивительный фактъ, на который до сихъ поръ такъ мало обращали вниманія, настоятельно требуетъ объясненія. А фактъ неопровержимъ: мы сейчасъ увидимъ, какъ отзывался Бѣлинскій о жизни и о мірѣ въ своихъ письмахъ 1840—1841 гг., и пусть читатели сравнятъ съ этимъ проповѣдь Бѣлинскаго изъ его статей той же эпохи; такое сравненіе отчасти сдѣлано нами въ указанной выше замѣткѣ № 24 (см. т. I, стр. 891—2). Всѣ письма Бѣлинскаго за это время—сплошной вопль отчаянія челоѣка, теряющаго вѣру, вѣру въ міръ и жизнь; а въ статьяхъ своихъ онъ продолжаетъ восхваленіе „разумной дѣйствительности“, принятіе жизни, оправданіе міра. Умираетъ послѣ долгихъ страданій черкешенка Бѣла („Герой нашего времени“),—и Бѣлинскій признаетъ эти страданія „разумными“ и объективно осмысленными: „диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ!“ (т. I, стр. 827). И полугодомъ позже Бѣлинскій снова повторяетъ, что „въ музыкѣ гармонія условливается диссонансомъ, въ духѣ—блаженство условливается страданіемъ“ (т. I, стр. 949). Убить удалой боецъ Кирибѣевичъ, погибъ „смертью лютою, позорною“ купецъ Калашниковъ, а Бѣлинскій возглашаетъ осанну этимъ челоѣческимъ страданіямъ: пусть погибли люди, но зато остался подвигъ, осталась великая могила, вдохновившая поэта... „И потому, да перемѣнится печаль ваша на радость, и да будетъ эта радость свѣтлымъ торжествомъ побѣды бессмертнаго надъ смертнымъ, общаго надъ частнымъ! Благословимъ непреложные законы бытія и міродержавныхъ судебъ“... (т. I, стр. 932). Все это въ статьяхъ; а въ письмахъ...—мы сейчасъ увидимъ, что въ это же время говорилъ въ письмахъ къ Боткину Бѣлинскій о „диссонансахъ“ жизни, о страданіяхъ челоѣческихъ, о частномъ и объ общемъ.

„Права личнаго челоѣка такъ же священны, какъ и мірового гражданина,—провозглашаетъ Бѣлинскій еще въ концѣ 1839 года¹⁾:—кто на вопль и судорожное сжатіе личности смотритъ свысока, какъ на отпаденіе отъ общаго, тотъ или мальчикъ, или эгоистъ, или дуракъ,—а мнѣ тотъ, и другой, и третій равно несносны“... И въ то же самое время, въ статьѣ „О Менцелѣ“ (№ 17) Бѣлинскій выражаетъ именно этотъ

¹⁾ Всѣ нижеслѣдующія неоговоренныя цитаты изъ писемъ Бѣлинскаго къ Боткину.

столь „несносный“ ему взглядъ (см. т. I, стр. 889—890). Не будемъ указывать дальше на эти быющія въ глаза противорѣчія между статьями и письмами, а остановимся исключительно на послѣднихъ; въ нихъ все больше и больше проявляется полная потеря Бѣлинскимъ вѣры въ былую объективную осмысленность жизни. „Жизнь—ловушка, а мы—мыши; инымъ удастся сорвать приманку и выдти изъ западни, но большая часть гибнетъ въ ней, а приманку развѣ попохуетъ... Глухая комедія, чортъ возьми! Будемъ же пить и веселиться, если можемъ; нынѣшній день нашъ—*вѣдь нидѣ на нашъ вопль нѣту отъзыва* ¹⁾. Живетъ одно общее, а мы—китайскія тѣни, волны океана; океанъ одинъ, а волнъ много было, много есть и много будетъ, и кому дѣло до той или другой?“ (9 февр. 1840 г.). Здѣсь еще нѣтъ разрыва съ абсолютной нѣмецкой философіей; здѣсь просто—горькое признаніе факта, съ которымъ нѣтъ возможности бороться. И въ отвѣтъ на самоутѣшеніе, на попытки вѣры въ трансцендентное будущее, Бѣлинскій самъ же съ горечью отвѣчаетъ: „въ жизни..... помучусь, поколочусь, какъ собака, а тамъ издохну, т.-е. погружусь въ міровую субстанцію, и въ ней заживу на славу. Лестная перспектива впереди!“ (16 апр. 1840 г.). Однако, несмотря на все свое нарастающее безвѣріе и отчаяніе, Бѣлинскій все же чувствовалъ, что переживаемый имъ душевный процессъ приводитъ его къ чему-то новому, что это процессъ не омертвѣнія, а перерожденія: „въ душѣ холодъ, апатія, лѣнь непобѣдимая... И не люблю, и не страдаю. Однакожъ внутри что-то дѣлается само собою“... (ibid.). Тяжелъ и мучителенъ былъ однако этотъ процессъ.

А тутъ еще пришло извѣстіе о смерти Станкевича—и было послѣдней каплей, переполнившей чашу. Куда дѣвалась провозглашаемая имъ въ статьяхъ вѣра въ значеніе „великой могилы“, вѣра въ значеніе вѣчной памяти о герояхъ, вѣра въ разумно-осмысленную трагедію человѣческой жизни! Бѣлинскій больше не хочетъ вѣрить въ эти утѣшенія, довольно съ него! Онъ поднимаетъ теперь знамя возстанія противъ былой своей „преуѣшительной философіи“, противъ абсолютныхъ философскихъ системъ, противъ Общаго; въ замѣчательномъ письмѣ отъ 12 августа 1840 года Бѣлинскій горько высмѣиваетъ былую вѣру въ грядущее блаженство на ловѣ міровой субстанции. Счастливы были вѣровавшие: они „плакали и зывали“, но они же и надѣялись,—а теперь молча и гордо, твердымъ шагомъ идутъ въ

ненасытимое жерло смерти, и съ улыбкою отрываютъ отъ сердца лучшія его стремленія и чистѣйшія привязанности. Трагическое положеніе!—воскликнешь ты съ улыбкою торжества. Дитя, полно тебѣ играть въ понятія, какъ въ куклы! Твое трагическое—безмыслица, злая насмѣшка судьбы надъ бѣднымъ человѣчествомъ“... И далѣе Бѣлинскій съ горькой ироніей говоритъ о томъ, что для осуществленія „трагическаго“ избирается самая жизнь „герой, благороднѣйшій сосудъ духа, какъ самый жирный баранъ для закланія“; для осуществленія „нравственнаго закона“ герою этому приходится либо принести свое сердце въ жертву „долгу“—а значитъ страдать, либо быть побѣжденному своей страстью—т.-е. опять-таки страдать подъ гнетомъ „нравственнаго закона“ ¹⁾. „Стоить ли жить въ томъ и другомъ случаѣ! Я, Боткинъ, я не герой, но люблю героевъ, и въ инныя минуты мнѣ кажется, что я пожертвовалъ бы тысячью жизнями въ ознаменованіе моей безконечной любви и безконечнаго умиленія къ благородной жертвѣ долга, всегда предпочту ей безмолвное страданіе беззаконному, хотя и божественному, блаженству; но законъ-то, осуждающій на страданіе повинующагося ему, также какъ и неповинующагося, законъ-то этотъ, о, Боткинъ! я и ненавижу... и презираю... Общее—это палачъ человѣческой индивидуальности. Оно опутало ее страшными узами: проклиная его, служишь ему невольно“... Впослѣдствіи Бѣлинскій измѣнилъ свой взглядъ на „трагическое“, признавъ его субъективную осмысленность (см. ст. № 34), но теперь онъ ясно видѣлъ всю объективную безмысленность всякой „трагедіи“ человѣческаго духа. „Я не понимаю,—продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ,—къ чему все это и зачѣмъ: вѣдь всѣ умремъ и сгниемъ—для чего жъ любить, вѣрить, надѣяться, страдать, стремиться, страшиться? Умираютъ люди, умираютъ народы, умереть и планета наша, Шекспиръ и Гоголь будутъ ничто. Извѣстіе о смерти Станкевича только утвердило меня въ этомъ состояніи. Смерть Станкевича показалась мнѣ тѣмъ болѣе естественна и необходима, чѣмъ святѣе, выше, геніальнѣе его личность:

Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ.

Все вздоръ—калейдоскопическая игра китайскихъ тѣней. О чемъ же жалѣть!..“ Забудьте: смерть Станкевича Бѣлинскій готовъ оправдать „разумной дѣйствительностью“, ибо смерть эта „естественна и необходима“—но

¹⁾ Подчеркнутыя слова, часто повторявшіяся Бѣлинскимъ, взяты имъ изъ „Крейслеряны“ Гофмана.

¹⁾ Наглядный примѣръ перваго—Коріоланъ, второго—Макбетъ.

необходима только въ нашемъ мірѣ объективной безсмысленности; а потому сама „разумная дѣйствительность“, которую можно все оправдать,—сама она не имѣетъ оправданія. И когда Боткинъ, въ отвѣтъ на это письмо, попробовалъ отстоять „разумную дѣйствительность“, то БѢлинскій грустно отвѣтилъ: „другъ, это все слова и фразы, это тотъ дымъ, которымъ испарилась наша молодость. Ты переживаешь себя, заживо умираешь, а все по старой привычкѣ кричишь о разумности жизни“... И снова возвращаясь къ смерти Станкевича, БѢлинскій восклицаетъ: „нѣтъ, я такъ не отстану отъ этого Молоха, котораго философія назвала Общимъ, я буду спрашивать у Него: куда дѣлъ ты его и что съ нимъ стало? Ты говоришь—страшна потеря любимаго человѣка! А почему страшна она? Потому что она—потеря, потому что уже нѣтъ и не будетъ больше потеряннаго. *А должно ли въ жизни быть что-нибудь страшное?*—Заканчивается это письмо новымъ выпадамъ противъ разумной дѣйствительности: „бѣдный Кольцовъ, какъ глубоко страдаетъ онъ. Его письмо потрясло мою душу. Все благородное страждетъ—одни скоты блаженствуютъ, но и тѣ и другіе равно умрутъ: таковъ вѣчный законъ Разума. Ай да Разумъ!“ (5 сент. 1840 г.).

IX.

Такое настроеніе, такое міровоззрѣніе абсолютнаго нигилизма глубоко захватило БѢлинскаго; всѣ его письма 1840—1 гг. говорятъ все объ одномъ, объ одномъ и томъ же. „Мое теперешнее состояніе—пишетъ БѢлинскій Ефремову 23 авг. 1840 г.—можно характеризовать такъ: вѣры нѣтъ, знанія и не бывало, а сомнѣнія превратились въ убѣжденія“... Вѣра въ „разумную дѣйствительность“ исчезла—БѢлинскій увидѣлъ, что нѣтъ объективной осмысленности въ жизни; а вмѣстѣ съ этимъ рухнула и вѣра его въ разумность „россійской дѣйствительности“. Подробнѣе мы говоримъ объ этомъ во вступительныхъ замѣткахъ къ статьямъ 1839—1841 гг. (№№ 15—18), здѣсь намъ только хотѣлось бы подчеркнуть, какъ тѣсно была связана у БѢлинскаго переменна его общественныхъ и философскихъ взглядовъ. Интересно въ этомъ отношеніи письмо БѢлинскаго къ К. Аксакову отъ 23 авг. 1840 г.: „мнѣ все кажется, —пишетъ БѢлинскій,—что жизнь слишкомъ ничтожна для того, чтобы стоило труда жить; а между тѣмъ и живешь, и страдаешь, и любишь, и стремишься, и желаешь. Станкевичъ умеръ—и что послѣ него осталось? трупъ съ червяками. Однимъ словомъ, такъ или иначе, только результатъ одинъ и тотъ же:

И жизнь, какъ помотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, —
Такая пустая и глупая шутка.

Да и какая намъ жизнь-то еще? Въ чемъ она, гдѣ она? Мы люди виѣ общества, потому что Россія не есть общество! У насъ нѣтъ ни политической, ни религіозной, ни ученой, ни литературной жизни. Скука, апатія, томленіе въ безплодныхъ порывахъ—вотъ наша жизнь... Гадко, гнусно, ужасно! Нѣтъ больше силъ, нѣтъ терпѣнія“... Не будемъ останавливаться на праздномъ вопросѣ, что было причиной и что слѣдствіемъ въ мучительномъ отрицаніи БѢлинскаго—философія или общественность; мы знаемъ, что поводомъ, послѣднимъ толчкомъ были во всякомъ случаѣ петербургскія впечатлѣнія БѢлинскаго. Мы полагаемъ однако, что поводъ этотъ оказался бы совершенно недостаточнымъ, если бы въ душѣ БѢлинскаго не начинался уже мучительный процессъ сомнѣнія и отрицанія былого „пріятія жизни“. Какъ бы то ни было, но къ концу 1840 года въ душѣ БѢлинскаго погасла уже всякая вѣра въ разумность „дѣйствительности“ и въ социальномъ и въ философскомъ смыслѣ. Въ письмѣ къ Боткину отъ 26 дек. 1840 г. мы читаемъ: „жизнь страшно надула меня, безсовѣстно и предательски: назади—фантазія, въ настоящемъ—медленная смерть, впереди—гнѣеніе и смрадъ. Гадко! Зачѣмъ не умеръ я хоть за полгода передъ этимъ, когда еще могъ мечтать—о чемъ же?—о дѣйствительности!“ Но теперь уже никакихъ мечтаній, никакихъ иллюзій въ его душѣ не осталось, теперь онъ готовъ былъ вернуться къ горькому пессимизму своего былого героя, Дмитрія Калинина, который десятью годами ранѣе провозгласилъ, что міръ отданъ Богомъ на откупъ дьяволу. „Я изъ числа людей,—пишетъ БѢлинскій Боткину 1 марта 1841 г.,—которые на всѣхъ вещахъ видятъ хвостъ дьявола,—и это, кажется, мое послѣднее міросозерцаніе, съ которымъ я и умру“... Въ послѣднемъ БѢлинскій ошибался—ему суждено было пережить еще одну полосу новой вѣры; но пока онъ дѣйствительно видѣлъ въ жизни только одну черную сторону, видѣлъ на всемъ „хвостъ дьявола“ и боялся только одного—быть обмороченнымъ жизнью (по позднѣйшему выраженію Ренана). Въ письмѣ къ Боткину отъ 13 марта 1841 г., говоря о бывшихъ кружковыхъ терминахъ и теоріяхъ добровольнаго отреченія отъ жизни и смиренія передъ жизнью, БѢлинскій заявляетъ: „у меня теперь нѣтъ ни Entsagung, ни Resignation,—и я не хочу ни того, ни другого, не видя въ нихъ нужды. То и другое есть отрицаніе себя для Общаго, а я ненавижу общее, какъ надувателя и палача бѣдной человѣческой личности. Но я думаю, что человѣку надо

быть *себя* на умъ на счетъ жизни, и больше всего опасаться придавать ей долю важности... Одинаковая причина иногда рождаетъ различныя слѣдствія: ежели, съ одной стороны, минуты нашего бѣднаго существованія такъ кратки и подвержены надувательству, что намъ надо быть осторожными въ сколько-нибудь важныхъ случаяхъ, то, съ другой стороны, жизнь наша такъ коротка и дрявна, что если мы будемъ гадать—четъ или нечетъ, то она пронесется мимо носа, а мы останемся съ четомъ или нечетомъ“...

Сдѣлаемъ послѣднюю обширную выписку изъ двухъ писемъ Бѣлинскаго къ Н. Бакунину въ 1841 г.; въ письмахъ этихъ какъ бы подводятся послѣдній итогъ всѣмъ переживаніямъ Бѣлинскаго этихъ двухъ лѣтъ его жизни, двухъ первыхъ лѣтъ жизни въ Петербургѣ. „Я—пишетъ Бѣлинскій—уже не та экстагическая „прекрасная душа“, которая, обливаясь кровавыми слезами, избиваемая внутренними и внѣшними бѣдами, оскорбленная въ самыхъ законныхъ и святыхъ стремленіяхъ и желаніяхъ, клялась и увѣряла всѣхъ и каждого, а вмѣстѣ и себя, что жизнь—блаженство, и что лучше жизни нѣтъ ничего на свѣтѣ. Опытъ сорвалъ покровъ съ жизни—и я увидѣлъ румяна на очаровательныхъ щекахъ этого призрака, увидѣлъ, что объ руку съ нимъ идетъ смерть и тлѣніе,—противорѣчіе. Она хороша для тѣхъ, для кого хороша, и только на то время, когда хороша. Для меня она никогда не была добра, и я безкорыстно курилъ ей оиміамъ, какъ Донъ-Кихотъ своей Дульциней“... (6 апр. 1841 г.). Во второмъ письмѣ (отъ 9 дек. 1841 г.) Бѣлинскій между прочимъ говоритъ, что для него ужасна мысль — „остаться у жизни въ дуракахъ, быть ея дюпомъ“, но что несмотря на это онъ еще пробуетъ вѣрить въ жизнь, оправдать ее. „Сердце мое еще не отказалось отъ вѣры въ жизнь, ни отъ мечтаній;... но сознаніе мое покоряетъ сердце...: для моего же сознанія жизнь равна смерти, смерть — жизни, счастье — несчастію и несчастіе — счастью, потому что все это призраки, создаваемые субъективною настроенностію нашего духа въ ту или другую минуту, а сами мы — исчезающія волны рѣки, тѣни преходящія. Я не вѣрю моимъ убѣжденіямъ и не способенъ измѣнить имъ; я смѣшнѣе Донъ-Кихота: тотъ, по крайней мѣрѣ, отъ души вѣрилъ, что онъ рыцарь, что онъ сражается съ великанами, а не мельницами, и что его безобразная и толстая Дульциня — красавица; а я знаю, что я не рыцарь, а сумасшедшій, и все-таки рыцарствую; что я сражаюсь съ мельницами — и все-таки сражаюсь; что Дульциня моя (жизнь) безобразна и грустна — а все-таки люблю ее, на зло здравому смыслу и очевидности“...

Въ послѣднихъ словахъ — ключъ къ разгадкѣ противорѣчія между письмами и статьями Бѣлинскаго 1840 — 1 гг. Причины этого противорѣчія лежали глубоко въ душѣ Бѣлинскаго, но онъ ихъ не высказывалъ, таилъ ихъ про себя. Первая сокровенная причина заключалась въ опредѣленномъ пониманіи Бѣлинскимъ своего нравственного долга какъ журналиста, своего писательскаго призванія: это призваніе, этотъ долгъ — „будить высокое“ въ сердцахъ читателей, учить добру, открывать глаза на истину. Но какъ быть, если для писателя „высокое“ пало въ грязь, „добро“ стало зломъ, а „истина“ явилась въ образѣ скелета съ оскаленными зубами? А вѣдь такъ это было для Бѣлинскаго 1840—1841 гг. Неужели проповѣдывать эти новыя, страшныя истины? Бѣлинскій предпочелъ бы совсѣмъ бросить писать, если бы онъ даже и могъ провозглашать эти тяжелыя истины на страницахъ журнала. И дѣло тутъ вовсе не въ цензурныхъ затрудненіяхъ: могъ же Пушкинъ напечатать своего „Фауста“, „Даръ напрасный“ и другія подобныя стихотворенія, а Лермонтовъ — цѣлый рядъ еще болѣе опредѣленныхъ въ этомъ направленіи; нѣтъ, Бѣлинскій *нравственно* не считалъ себя въ правѣ, если бы даже и могъ фактически, печатать въ статьяхъ то, что онъ писалъ для одного себя, что онъ повѣрялъ только ближайшимъ друзьямъ. Противорѣчіе между своими подлинными чувствами и проповѣдью статей Бѣлинскій самъ сознавалъ и не скрывалъ его. Въ письмѣ къ Боткину отъ 9 февр. 1840 г., говоря о своемъ отчаяніи, о потерѣ вѣры въ жизнь, о пустотѣ своей души, Бѣлинскій прибавляетъ: „а дня черезъ два надо приниматься за статью о дѣтскихъ книжкахъ (наст. изд. № 21), гдѣ я буду говорить о любви, о благодати, о блаженствѣ жизни какъ полнотѣ ея ощущенія, — словомъ, обо всемъ, чего и тѣни, и призрака нѣтъ теперь въ пустой душѣ моей“... Но почему же надо говорить о томъ, чего нѣтъ въ душѣ, чему не вѣришь? А вотъ почему. Писатель долженъ „будить высокое“, а не соблазнять „малыхъ сихъ“ отрицаніемъ разумности міра и жизни; и если онъ самъ для себя дошелъ до такого взгляда, если онъ даже пишетъ объ этомъ своимъ ближайшимъ друзьямъ, то все же онъ *не долженъ*, онъ *не смѣетъ* обращаться съ проповѣдью этихъ взглядовъ къ жаждущимъ „поученія“ людямъ. Вѣдь писатель — „учитель“, онъ долженъ „будить высокое“ въ душахъ читателей; если даже — думаетъ онъ — горькія строки срываются съ моего пера, то —

... . этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшусь показывать...

Писатель не хочетъ, —

Чтобъ тайный изъ страницы знойной
 Смутить ребенка сонъ покойный
 И сердце слабое увлечь
 Въ свой необузданный потокъ...
 О, нѣтъ! — преступною мечтою
 Не селѣла жизнь мою,
 Такой тяжелой цѣною
 И вашей славы не куплю...

X.

Такъ говорилъ Лермонтовъ — такъ думалъ Бѣлинскій. И вотъ почему, горько издѣваясь въ письмахъ надъ всѣмъ „идеальнымъ“ и „высокимъ“, Бѣлинскій въ то же самое время считаетъ за „великое счастье“ — своими статьями „пробудить полетъ къ высокому въ иной дремлющей душѣ“ (т. I, стр. 902); вотъ почему, яростно возставая въ своихъ письмахъ противъ „Общаго“, отрицая объективную осмысленность жизни изъ-за ея „диссонансовъ“ — въ статьяхъ того же времени Бѣлинскій продолжаетъ проповѣдь пріятія „жизни“, подчиненія Общему (ibid., 905); въ письмахъ своихъ онъ „вопить“, какъ раненый звѣрь, а въ статьяхъ онъ продолжаетъ учить и проповѣдывать пріятіе міра. „Писатель подобенъ раненой тигрицѣ, прибѣжавшей въ свое логовище къ дѣтенышамъ. У нея стрѣла въ спинѣ, а она должна кормить своимъ молокомъ безпомощныя существа, которымъ дѣла нѣтъ до ея роковой равы“, — говоритъ именно по поводу Бѣлинскаго Л. Шестовъ, впервые подчеркнувшій это противорѣчіе между письмами и статьями Бѣлинскаго (Л. Шестовъ, „Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Нитше“, предисловіе). Прошло три четверти вѣка со времени скрытыхъ жукъ „отрицанія“ и явной проповѣди „утвержденія“ жизни и Бога Бѣлинскимъ; теперь писатели уже не считаютъ своимъ долгомъ „учить“ или „молчать“; мы видимъ, какъ въ современной литературѣ многіе изъ нихъ „вопятъ“, точно раненые звѣри... Но это не мѣшаетъ намъ понять психологію Бѣлинскаго и, не раздѣляя ея, преклониться передъ его высокимъ (хотя и ошибочнымъ) пониманіемъ призванія и обязанности писателя ¹⁾).

¹⁾ Надо замѣтить, что иногда Бѣлинскій высказывалъ въ своихъ письмахъ на первый взглядъ иные сужденія. Вотъ, на примѣръ, что онъ однажды писалъ Боткину: „разумъ и сознание — вотъ въ чемъ достоинство и блаженство человѣка; для меня видѣть человѣка въ позорномъ счастьи непосредственности — все равно, что дьяволу видѣть молящуюся невинность: безъ рефлексіи, безъ раскаянія разрушаю я, гдѣ и какъ только могу, непосредственность — и мнѣ мало нужды, если этотъ человѣкъ долженъ погибнуть въ чужой ему сферѣ рефлексіи, пусть погибнетъ“... (1841 г.). Но въѣдъ и здѣсь Бѣлинскій хотѣлъ разрушать „непосредственность“ и проводить человѣка черезъ „рефлексію“ только для того, чтобы ввести его въ „достоинство и блаженство“ разума и сознания; а значитъ задачей своей Бѣлинскій по-прежнему считаетъ — „будить высокое“...

Была однако и другая причина, по которой Бѣлинскій не рѣшался высказывать въ своихъ статьяхъ то, что говорилъ въ своихъ письмахъ, о чемъ думалъ „наединѣ съ своей душой“. Дѣло въ томъ, что всю свою мучительную „рефлексію“ 1840—41 гг. Бѣлинскій все время считалъ *только переходомъ* къ нѣкоторому еще неизвѣстному ему „высшему синтезу“; о томъ, что такое состояние можетъ быть постояннымъ, что ему *можетъ не быть исхода* — Бѣлинскій боялся и думать (см. вступительную замѣтку № 24): характернымъ доказательствомъ этого является отношеніе Бѣлинскаго къ типу Печорина, въ которомъ Бѣлинскій хочетъ видѣть тоже воплощеніе „мучительной рефлексіи“, которую надо преодолѣть (см. № 23). И въ своихъ письмахъ этой эпохи онъ не разъ подчеркиваетъ эту вѣру въ преходящность своей „мучительной рефлексіи“, своего отрицанія объективной осмысленности міра и жизни. Мы уже сказали, что отчасти Бѣлинскій былъ въ этомъ правъ: дѣйствительно, скоро пришла новая вѣра, пришелъ „синтезъ“; но и послѣ него Бѣлинскій не избавился всецѣло отъ своей „мучительной рефлексіи“ — кто разъ увидѣлъ наложенную на міръ „лапу дьявола“, тотъ никогда не вернется больше къ былой безпечальной и радостной вѣрѣ. Но все это осталось глубоко скрытымъ въ душѣ Бѣлинскаго подъ слоемъ новаго „синтеза“, новой вѣры; Бѣлинскій, повторяемъ, былъ правъ, надѣясь, что на смѣну отчаянію и непріятію міра придетъ снова вѣра въ міръ и жизнь. А потому и въ статьяхъ своихъ 1840—41 гг. онъ продолжалъ учить и проповѣдывать, чему онъ теперь уже не вѣрилъ, но на что еще надѣялся вѣрить въ будущемъ. И, наконецъ, ключемъ ко всему этому разбираемому нами противорѣчію является уже приведенное выше признаніе Бѣлинскаго, что противорѣчіе это лежало въ самой глубинѣ его души; онъ видѣлъ всѣ ужасы, всѣ неоправданныя страданія жизни — и все же любилъ эту самую жизнь, онъ отвергалъ ее — и принималъ ее. „Знаю, что Дульцинея моя (жизнь) безобразна и гнусна, а все-таки люблю ее, нѣ зло здравому смыслу, и очевидности“, — говоритъ Бѣлинскій Н. Бакунину и прибавляетъ: „но вы не поймете этого“... Но это необходимо понять — такъ какъ безъ этого непонятны всѣ душевныя переживанія Бѣлинскаго въ эти тяжелые для него 1840—41 годы. Бѣлинскій возненавидѣлъ безобразную и гнусную дѣйствительность — русскую дѣйствительность въ частности и всю міровую дѣйствительность вообще, такъ какъ увидѣлъ въ ней только неоправ-

данныя муки, только бессмысленныя страданія, только безжалостное подавленіе частнаго, индивидуальнаго Общимъ; но въ то же время онъ страдальчески полюбилъ эту индивидуальность, эту обреченную на погибель человѣческую личность, полюбилъ ея обреченную, осужденную, но многообразную жизнь. Такъ онъ отвергалъ — и принималъ, ненавидѣлъ — и любилъ. И любовь эта дѣйствительно стала ступенью къ его новой вѣрѣ: черезъ любовь къ отдѣльной индивидуальности, реальной человѣческой личности Бѣлинскій пришелъ къ социальности, которая и стала его новой страстной вѣрой.

Выше мы уже коснулись того, какъ Бѣлинскій, поднявъ знамя возстанія противъ „Общаго“, провозгласилъ взамѣнъ этого *права личности*. Можно было думать, что *личность* и станетъ тѣмъ новымъ „синтезомъ“, который воскреситъ душу Бѣлинскаго, вырветъ его изъ путъ „мучительной рефлексіи“: пусть въ мірѣ вѣтъ для человѣка никакой объективной цѣнности, цѣлесообразности и осмысленности, но сама *человѣческая личность* является такой цѣнностью, а міръ и жизнь являются для нея субъективно осмысленными, субъективно цѣлесообразными. И Бѣлинскій былъ близокъ къ этому: именно на почвѣ провозглашенія правъ личности и произошелъ разрывъ Бѣлинскаго съ гегелианствомъ, съ вѣрою въ „Общее“, въ Премудрую Благость. Прежде Бѣлинскій вѣрилъ въ „разумную дѣйствительность“ міра, въ цѣлесообразность человѣческихъ гекатомбъ для саморазвитія Абсолютнаго Духа, „Общаго“; а теперь онъ восклицаетъ: „о, пропадай это ненавистное Общее, этотъ Молохъ, пожирающій жизни!“ И еще: „проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностію!.. Для меня теперь *человѣческая личность* выше исторіи, выше общества, выше человѣчества“... „Для меня — такъ *человѣческая личность* природа есть оправданіе всего. Событіе — вздоръ, чортъ съ нимъ... Важна личность человѣка, надо дорожить ею выше всего“ (письма къ Боткину отъ 4-го и 25-го окт. 1840 г.). И при томъ — мы это уже подчеркивали — важна не личность вообще, не человѣкъ вообще, а „вотъ эта“ личность, „вотъ этотъ“ каждый реальный, чувствующій, страдающій человѣкъ. На этой почвѣ, разумѣется, былъ неизбеженъ разрывъ со всякими теоріями „разумной дѣйствительности“ міра, которыя всегда строятся на костяхъ реальныхъ страдающихъ людей; прежде всего это былъ, конечно, разрывъ съ Гегелемъ, о чемъ подробнѣе мы говоримъ въ замѣткахъ №№ 16—24. Въ знаменитомъ письмѣ къ Боткину отъ 1-го марта 1841 года Бѣлинскій съ громадной силой и страстью высказываетъ эти свои новые взгляды — одновременно и „непріятія

міра“, оправдываемаго абсолютной философіей, и признанія *человѣческой личности* „выше общества, выше человѣчества“... „Я давно уже подозрѣвалъ, — пишетъ Бѣлинскій, — что философія Гегеля только моментъ, хотя и великій, но что абсолютность ея результатовъ — что лучше умереть, чѣмъ помириться съ ними... Глупцы врутъ, говоря, что Гегель превратилъ жизнь въ мертвыя схемы; но это правда, что онъ изъ явленій жизни сдѣлалъ тѣни, сцѣпившіяся костяными руками и пляшущія на воздухѣ надъ кладбищемъ. Субъектъ у него не самъ себѣ цѣль, но средство для мгновеннаго выраженія общаго, а это Общее является у него въ отношеніи къ субъекту Молохомъ, ибо, пощеголявъ въ немъ (въ субъектѣ), бросаетъ его какъ старыя штаны... Ты, я знаю, будешь надо мною смѣяться... но смѣйся какъ хочешь, а я свое: судьба субъекта, индивидуума, личности, важнѣе судебъ всего міра и здравія китайскаго императора (т.-е. гегелевской *Allgemeinheit*). Мнѣ говорятъ: развивай всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ, плачь, дабы утѣшиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣстницы развитія, а споткнешься — падай — чортъ съ тобою — таковскій и былъ сукинъ сынъ.. Благодарю покорно, Егоръ Ѳедорычъ¹⁾ — кланяюсь вашему философскому колпаку; но, со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія, — я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условіи жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр., и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастья и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братій по крови... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи: можетъ быть это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участію идею дисгармоніи“...

Эти удивительныя слова Бѣлинскаго слишкомъ общеизвѣстны, они слишкомъ часто повторяются и треплются; и несмотря на это — до сихъ поръ не утратили они всей своей глубины, всего своего неизмѣримаго значенія. Вѣдь что, въ сущности, значитъ весь этотъ бурный протестъ Бѣлинскаго? въ чемъ его главный смыслъ? — въ рѣзкомъ отказѣ удовлетвориться когда бы то ни было какой бы то ни было теоріей „оправданія міра“, признанія „разумной дѣйствительно-

¹⁾ Т.-е. Гегель (Георгъ-Вильгельмъ-Фридрихъ).

сти" міра и жизни; это *mutatis mutandis* тотъ самый „бунтъ“, который былъ возобновленъ тридцать-сорокъ лѣтъ спустя Иваномъ Карамазовымъ. Бѣлинскій заявляетъ, что онъ останется гордо и навсегда непримиримымъ: не нужно ему „дыма фантазій“ и утѣшеній въ абсолютномъ значеніи человѣческой муки; человѣческія муки не имѣютъ оправданія. А если нѣтъ имъ оправданія, то нѣтъ оправданія и Премудрой Благости: „не міра я не принимаю, а Творца этого міра не принимаю и не могу согласиться принять“, — такъ бы могъ перевернуть Бѣлинскій слова Ивана Карамазова. Но развѣ можетъ человѣкъ жить безъ Бога? „Что человѣкъ безъ Бога? — писалъ Бѣлинскій 28 ноября 1842 г. Н Бакунину, и писалъ (замѣтьте это) уже въ эпоху ясно выраженного своего „атеизма“: — что человѣкъ безъ Бога? — Трупъ холодный. Его жизнь въ Богѣ, въ Немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ“... И Бѣлинскій заключаетъ рядъ этихъ мыслей типично-фейербаховской фразой: „а что такое Богъ, если не понятіе человѣка о Богѣ?“ Когда Бѣлинскій вѣрилъ въ „абсолютную философію“ — его Богомъ была *eine Allweise Güte*, мировая объективная разумность; когда вѣра эта погибла — Бѣлинскій поставилъ выше всего („выше исторіи, выше общества, выше человѣчества“), человѣческую личность, въ которой для него теперь было и воскресеніе, и смерть, и страданіе, и блаженство. Если бы Бѣлинскій остановился на этомъ, сдѣлалъ бы своимъ Богомъ человѣческую личность — это значило бы, что онъ принимаетъ міръ, прекрасно сознавая въ то же время отсутствіе въ немъ всякой объективной цѣлесообразности, наличность только субъективного смысла¹⁾. Это было бы тяжело, мучительно; Бѣлинскій жаждалъ „объективного“ Бога — и нашелъ его въ *Человѣчествѣ*: отъ человѣческой личности онъ перешелъ къ „соціальности“, а потомъ и къ социализму. Въ 1842—1845 гг. это было „понятіемъ Бѣлинскаго о Богѣ“.

Къ „соціальности“ Бѣлинскій подошелъ именно потому, что жаждалъ счастья „каждаго изъ своихъ братій по крови“... Черезъ полгѣода послѣ приведеннаго выше замѣчательнаго письма къ Боткину, Бѣлинскій сдѣлалъ этотъ шагъ въ не менѣе замѣчательномъ письмѣ отъ 8 сент. 1841 г. „Соціальность, соціальность — или смерть! — вотъ девизъ мой! — восклицаетъ Бѣлинскій: — что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? — Что мнѣ въ томъ, что гений на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что я понимаю идею, что *мы* открыть міръ идеи

въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними по Христу, но кто — мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда большая часть и не подозреваетъ его возможностей? Прочь же отъ меня блаженство, если оно — достояніе мнѣ одному изъ тысячъ! Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братьями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея представителей. Горе, тяжелое горе овладѣваетъ мною при видѣ и босоногихъ мальчишекъ, играющихъ на улицѣ въ бабки, и оборванныхъ нищихъ, и пьянаго извозчика, и идущаго съ развода солдата, и бѣгущаго съ портфелемъ подъ мышкою чиновника, и довольнаго собою офицера, и гордаго вельможи. Подавши грошъ солдату, я чуть не плачу, подавши грошъ нищей, я бѣгу отъ нея, какъ будто сдѣлавши худое дѣло и какъ будто не желая слышать шелеста собственныхъ шаговъ своихъ...¹⁾ И это жизнь: сидѣть на улицахъ въ лохмотьяхъ, съ идиотскимъ выраженіемъ на лицѣ, набирать днемъ нѣсколько грошей, а вечеромъ пропить ихъ въ кабацѣ — и люди это видятъ, и никому до этого нѣтъ дѣла!.. И это общество, на разумныхъ началахъ существующее, явленіе дѣйствительности!.. И послѣ этого имѣетъ ли право *человѣкъ* забываться въ искусствѣ, въ знаніи! Я ожесточенъ противъ всѣхъ субстанціальныхъ началъ, связывающихъ въ качествахъ вѣрованія волю человѣка. Отрицаніе — мой Богъ“... И мы дѣйствительно знаемъ, что отрицаніе овладѣло въ эти два года душою Бѣлинскаго. Но тутъ же, въ этомъ же письмѣ Бѣлинскій, самъ того не сознавая, открываетъ намъ, что теперь его Богъ — не отрицаніе, что теперь въ его душѣ растетъ новый „синтезъ“, новая вѣра — вѣра въ „соціальность“, вѣра въ социализмъ. Подчеркивая свое „отрицаніе“, Бѣлинскій востор-

¹⁾ См. объ этомъ нашу книгу „О смыслѣ жизни“, изд. 2-е, стр. 257—263.

¹⁾ Въ одной рецензіи 1836-го года („Молва“ № 11) Бѣлинскій — тогда еще полный вѣры въ разумность всего еущаго — писалъ: „...вотъ стоятъ нищіи! подойдемъ къ нему, скажемъ ласковое слово, подадимъ копейку — онъ нашъ братъ по Христу, узнаемъ, почему онъ нищій, зачѣмъ онъ нищій“... И Бѣлинскій готовъ былъ найти оправданіе и разумность во всякомъ случаѣ — будь то нищій, падшій подъ бременемъ несчастія, или нищій отъ гордости и презрѣнія къ людямъ, или юродивый, или лицемеръ и дармождъ... Теперь, по прошествіи пяти лѣтъ, — совсѣмъ не то; теперь Бѣлинскій уже не задается вопросомъ, *какъ* дошелъ человѣкъ до послѣдняго паденія, — теперь онъ спрашиваетъ *зачѣмъ* существуетъ человѣческое горе, человѣческая мука. Это сопоставленіе, думается намъ, ярко освѣщаетъ всю глубину пропасти, образовавшейся въ душѣ Бѣлинскаго между былымъ утвержденіемъ и настоящимъ отрицаніемъ разумности міра и жизни.

гается вѣкомъ отрицанія — XVIII-ымъ вѣкомъ, когда отрицаніе претворилось въ жизнь, когда „рубили на гильотинѣ головы аристократамъ, попамъ и другимъ врагамъ Бога, разума и человѣчности“... И вдругъ, немедленно вслѣдъ за этими строками—восторженное, убѣжденное исповѣданіе новой свѣтлой вѣры въ социальность, въ социализмъ, въ грядущій золотой вѣкъ на землѣ! „И настанетъ время—я горячо вѣрю этому—настанетъ время, когда никого не будутъ жечь, никому не будутъ рубить головы, когда преступникъ, какъ милости и спасенія, будетъ молить себѣ казни, и не будетъ ему казни, но жизнь останется ему въ казнь, какъ теперь смерть; когда не будетъ бессмысленныхъ формъ и обрядовъ, не будетъ договоровъ и условій на чувство, не будетъ долга и обязанностей, и воля будетъ уступать не волѣ, а одной любви; когда не будетъ мужей и женъ, а будутъ любовники и любовницы, и когда любовница придетъ къ любовнику и скажетъ: я люблю другого—любовникъ отвѣтитъ: я не могу быть счастливъ безъ тебя, я буду страдать всю жизнь, но ступай къ тому, кого ты любишь,—и не приметъ ея жертвы, если по великодушію она захочетъ остаться съ нимъ, но подобно Богу скажетъ ей: милости хочу, а не жертвы... Женщина не будетъ рабою общества и мужчины, но, подобно мужчине, свободно будетъ предаваться своей склонности, не теряя добраго имени, этого чудовища—условнаго понятія. Не будетъ богатыхъ, не будетъ бѣдныхъ, ни царей и подданныхъ, но будутъ братья, будутъ люди, и по глаголу апостола Павла, Христосъ дастъ свою власть Отцу и Отецъ—Разумъ снова воцарится, но уже въ новомъ небѣ и надъ новою землею“... Тогда наступитъ золотой вѣкъ на землѣ, царство „социализма“; тогда жизнь станетъ разумно осмысленной, тогда міръ будетъ „разумно дѣйствительнымъ“, тогда воцарится Отецъ—Разумъ... И религіозно вѣря въ это грядущее счастье человѣчества, Бѣлинскій побѣждаетъ этой вѣрой свое мучительное отрицаніе; вѣра эта согрѣла его жизнь, дала ему новаго Бога.

„Итакъ, я теперь въ новой крайности,—это идея *социализма*, которая стала для меня идеею идей, бытіемъ бытія, вопросомъ вопросовъ, альфою и омегою вѣры и знанія... Все изъ нея, для нея и къ ней. Она вопросъ и рѣшеніе вопроса. Она (для меня) поглотила и исторію, и религію, и философію“... Такъ восклицаетъ Бѣлинскій все въ томъ же письмѣ отъ 8 сент. 1841 года. Начинается восторженная, пылкая, неистовая вѣра Бѣлинскаго въ будущее устройство человѣчества, въ грядущій золотой вѣкъ на землѣ. Пусть это будетъ еще черезъ много-

много лѣтъ, пусть—но все же и теперь „мы счастливцы: очи наши узрѣли спасеніе наше и мы отпущены съ миромъ владыкою; мы дождались пророковъ нашихъ—и узнали ихъ, мы дождались знаменій—и поняли, и уразумѣли ихъ“... (изъ письма къ Панаеву отъ 5 дек. 1842 г.). И эта вѣра въ будущее даетъ Бѣлинскому силу жить въ настоящемъ. „Мнѣ стало легче жить,—пишетъ Бѣлинскій Н. Бакунину 7 ноября 1842 г.:—...въ душѣ моей есть то, безъ чего я не могу жить, есть вѣра, дающая мнѣ отвѣты на всѣ вопросы. Но это уже не вѣра, и не знаніе, а *религіозное знаніе* и *сознательная религія*“... Грядущее счастье человѣчества на землѣ, вѣра въ него—согрѣла душу Бѣлинскаго; остается только узнать, какъ теперь относится Бѣлинскій къ человѣческимъ страданіямъ каждой данной минуты, къ мученіямъ „каждаго изъ моихъ братьевъ по крови“... Вѣдь мы слышали отъ Бѣлинскаго, что онъ съ верхней ступени лѣстницы развитія бросится внизъ головою, если не получитъ отъ своего Бога „отчета во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи“; мы слышали проклятія Бѣлинскаго „Общему“, этому „Молоху, пожирающему личности“. Теперь у Бѣлинскаго новая, свѣтлая вѣра, сознательная религія и религіозное знаніе о блаженномъ будущемъ Человѣчества; какъ же относится эта вѣра въ будущее блаженство Человѣчества къ мученію личностей въ настоящемъ? Отвѣтъ на это даетъ самъ Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину отъ 28 іюня 1841 г., когда отъ провозглашенія правъ личности Бѣлинскій сталъ мало-по-малу переходить къ „социальности“, а затѣмъ и къ социализму: „личность человѣческая—пишетъ Бѣлинскій—сдѣлалась пунктомъ, на которомъ я боюсь сойти съ ума. Я начинаю любить человѣчество по-маратовски: чтобы сдѣлать счастливою малѣйшую часть его, я, кажется, огнемъ и мечемъ истребилъ бы остальную“... Итакъ, во имя блаженства человѣчества санкціонируются муки, страданія и гибель остальныхъ „братьевъ по крови“, за cadaго изъ которыхъ Бѣлинскій такъ еще недавно требовалъ отчета у судьбы; и такимъ образомъ „Человѣчество“ становится тѣмъ самымъ „Общимъ“, тѣмъ самымъ Молохомъ, для котораго личность—только средство, который является палачемъ индивидуальности и который строитъ развитіе на костяхъ страдавшихъ людей. У этого новаго Молоха Бѣлинскій уже не требуетъ отчета за страданія cadaго изъ своихъ братьевъ по крови; онъ все прощаетъ ему—за будущее счастье людей на землѣ, за грядущій золотой вѣкъ; „социальность“ приведетъ насъ къ этому золотому вѣку,—а съ неизбѣжностью жертвъ нужно примириться. „...Съ нравственнымъ

улучшеніемъ—пишетъ БѢлинскій Боткину въ томъ же 1841 году—должно возникнуть и физическое улучшение человѣка. И это дѣлается черезъ *соціальность*. И потому нѣтъ ничего выше и благороднѣе, какъ способствовать ея развитію и ходу. Но смѣшно и думать, что это можетъ сдѣлаться само собою, временемъ, безъ насильственныхъ переворотовъ, безъ крови. Да и что кровь тысячей въ сравненіи съ униженіемъ и страданіемъ милліоновъ. Къ тому же: *fiat justitia—pereat mundus!*“ Отъ Молоха философіи БѢлинскій пришелъ такимъ образомъ къ соціальному Молоху; вѣра въ него стала опорной точкой жизни и дѣятельности БѢлинскаго въ 1842—1845 гг. Второй томъ настоящаго изданія состоитъ изъ статей БѢлинскаго этого періода его жизни; во вступительныхъ замѣткахъ къ этимъ статьямъ (№№ 34 и сл.) мы подробно останавливаемся на цѣломъ рядѣ частныхъ вопросовъ, рѣшавшихся въ то время БѢлинскимъ съ точки зрѣнія его новой вѣры: тутъ и вопросъ объ искусствѣ, тутъ и отношеніе БѢлинскаго къ „гнусной расейской дѣйствительности“, тутъ и проблема личной трагедіи и т. д., и т. д. Читатель найдетъ тамъ въ примѣненіи къ русской жизни и русской литературѣ все то, о чемъ мы въ болѣе общей формѣ говорили словами БѢлинскаго на предыдущихъ страницахъ.

Такъ совершился, такъ заключился въ душѣ БѢлинскаго мучительный кризисъ 1840—1841 гг. Обычно его называютъ кризисомъ гегеліанства, крушеніемъ гегеліанской системы въ пониманіи БѢлинскаго; но мы видѣли, что вопросъ необходимо поставить гораздо шире: дѣло было не въ одномъ гегеліанствѣ, а во всякомъ абсолютномъ пониманіи міра. Съ болью и съ усиліемъ отказавшись отъ такого пониманія, воплощеннаго и въ гегеліанствѣ, БѢлинскій сперва впалъ въ абсолютный нигилизмъ, въ отрицаніе, въ мучительную „рефлексію“, преодолѣть которую ему удалось съ трудомъ, съ мученіемъ—путемъ признанія вершиной міра человѣческой личности. А отъ этого признанія БѢлинскій вскорѣ перешелъ къ „соціальности“ и социализму—и это стало его новой вѣрой, его высшимъ „синтезомъ“—синтезомъ былого утвержденія разумности міра съ недавнимъ отрицаніемъ его. Эта вѣра оставалась непоколебленной до конца 1845-го года.

XI.

Мучительная борьба происходила въ душѣ БѢлинскаго; мы видѣли, что особенно обострилась борьба эта со времени его переѣзда въ Петербургъ,—а съ внѣшней стороны жизнь

БѢлинскаго протекала въ это время въ однообразномъ руслѣ, спокойномъ и размѣренномъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ эта тусклая петербургская жизнь угнетала БѢлинскаго, несмотря на его новую свѣтлую вѣру, а можетъ быть именно вслѣдствіе контраста съ этой свѣтлой вѣрой... Какъ бы то ни было, но БѢлинскій освободился отъ былой нищеты, освободился отъ долговъ; „Отеч. Записки“ давали ему сперва 3500 р., а позднѣе около 5000—6000 рублей ассигн. въ годъ (около 1500 р. на теперешнія деньги). Въ Петербургѣ онъ жилъ одиноко, хотя и окруженный друзьями и почитателями; но среди этихъ новыхъ друзей не было человѣка, въ которомъ БѢлинскій могъ бы видѣть равнаго себѣ. „Многихъ людей я отъ души люблю въ Петербургѣ,—писалъ БѢлинскій Боткину 31 окт. 1840 г.,—многіе люди и меня любятъ тамъ больше, чѣмъ я того стою; но, мой Боткинъ, я одинъ, одинъ, одинъ! Никого возлѣ меня!..“ Эти новые друзья БѢлинскаго—И. И. Панаевъ, М. А. Языковъ, Н. Н. Тютчевъ, М. Т. Кульчицкій, И. И. Масловъ, И. И. Ханенко, А. С. Комаровъ, Зиновьевъ и др.—были все очень милые люди, „добрые малые“; но въ обществѣ „добрыхъ малыхъ“ БѢлинскій, разумѣется, долженъ былъ чувствовать себя одинокимъ. Къ этому же кружку принадлежалъ и К. Д. Кавелинъ—въ юные годы ученикъ БѢлинскаго, а теперь, въ 1842 году, магистрантъ, работавшій надъ своей диссертацией, которую БѢлинскій оцѣнилъ позднѣе; въ 1847 году БѢлинскій вступилъ въ оживленную переписку съ Кавелинымъ (переѣхавшимъ въ 1843 г. въ Москву; отрывки изъ этихъ писемъ см. въ замѣткахъ №№ 65 и 66), а теперь, въ 1842 году, БѢлинскій только подтрунивалъ надъ „молодымъ глупыремъ“, какъ онъ называлъ Кавелина. Въ кружкѣ этомъ,—разсказываетъ Кавелинъ,—БѢлинскаго „не только нѣжно любили и уважали, но и побаивались“: „это было дѣйствіе человѣка, который не только шелъ далеко впереди насъ,... не только освѣщалъ и указывалъ намъ путь, но всѣмъ своимъ существомъ жилъ для (передовыхъ) идей и стремленій,... отдавался имъ страстно, наполнялъ ими свою жизнь. Прибавьте къ этому гражданскую, политическую и всяческую безупречность, безпощадность къ самому себѣ при большомъ самолюбіи—и вы поймете, почему этотъ человѣкъ царилъ въ кружкѣ самодержавно...“¹⁾ Но это „самодержавіе“ было такое, отъ котораго БѢлинскій радъ былъ бы отказаться. Когда онъ познакомился въ 1843 году съ И. С. Тургеневымъ, то съ видимымъ удовольствіемъ онъ писалъ про него своему другу Боткину: „это человѣкъ

¹⁾ К. Д. Кавелинъ, „Воспоминанія о В. Г. БѢлинскомъ“, собр. соч., т. III, стр. 1036.

необыкновенно умный, да и вообще хороший человекъ. Бесѣда и споры съ нимъ отводили мнѣ душу. Тяжело быть среди людей, которые или во всемъ соглашались съ тобою, или если противорѣчатъ, то не доказательствами, а чувствами и инстинктомъ,—и отрадно встрѣтить человека, самобытное и характерное мнѣніе котораго, сшибаясь съ твоимъ, извлекаетъ искры“... (31 марта 1843 г.). И самому Тургеневу Бѣлинскій вскорѣ (8 іюня 1843 г.) писалъ то же самое: „если бы вы уѣхали изъ Питера, я не зналъ бы куда и дѣваться; съ вами я отводилъ душу—это не гипербола, а сущая правда“... Но Тургеневъ вскорѣ уѣхалъ за границу, гдѣ они черезъ нѣсколько лѣтъ и встрѣтились съ Бѣлинскимъ; впрочемъ къ тому времени, а особенно послѣ заграничной поѣздки Бѣлинскаго, между нимъ и Тургеневымъ произошло нѣкоторое охлажденіе¹⁾. Другія знакомства завязались у Бѣлинскаго; онъ сблизился съ Некрасовымъ, съ Анненковымъ,—но и въ дружбѣ съ ними не было равенства между сторонами, Бѣлинскій былъ по-прежнему одинокъ. Только два человека могли „помѣряться главами“ съ Бѣлинскимъ въ эпоху первыхъ лѣтъ его жизни въ Петербургѣ; это были *Герценъ* и *Катковъ*.

Герценъ еще въ 1839 году возсталъ противъ практическаго приложенія Бѣлинскимъ теории „разумной дѣйствительности“ міра къ русской политической и общественной жизни. Отрицаніе Герценомъ „разумности“ русской дѣйствительности въ частности и разумности міра вообще—привели Бѣлинскаго въ негодованіе, въ ярость; въ рядѣ статей онъ обрушился на взгляды и убѣжденія Герцена (мы подробно говоримъ объ этомъ въ замѣткахъ №№ 16—17); въ то же время въ письмахъ къ Боткину конца 1839 и начала 1840 года Бѣлинскій рѣзко отзывался о Герценѣ и его кружкѣ. Эти люди—воскликаетъ Бѣлинскій—„глубоко оскорбляютъ Духъ, о которомъ хлопчатъ и которому они не родня“; а что касается Герцена, то ему (иронически продолжаетъ Бѣлинскій)—„эхъ, заняться бы статистикою-то: славная наука!“ (30 дек. 1839 г.). Пусть Герценъ и его друзья занимаются агрономіей, статистикой, математикой, но пусть оставляютъ въ покоѣ общія проблемы философіи... Такъ негодовалъ тогда Бѣлинскій. Но годомъ позднѣе, переживая свой мучительный душевный кризисъ и уже съ ужасомъ отвергнувъ свое бывшее примиреніе съ „гнусной расейской дѣйствительностью“, Бѣлинскій созналъ свою неправоту и оцѣнилъ Герцена, который къ тому времени тоже переѣхалъ въ Петербургъ; съ нимъ Бѣлинскій

отдыхалъ душою отъ своего вынужденнаго „самодержавія“ среди „добрыхъ малыхъ“, петербургскихъ своихъ знакомыхъ и друзей. „Я начинаю замѣчать,—съ нѣкоторымъ удивленіемъ отмѣчаетъ Бѣлинскій,—что общество Герцена доставляетъ мнѣ больше наслажденія, чѣмъ ихъ: съ тѣми я или говорю о вздорѣ, или тщетно стараюсь завести общій интересный разговоръ, или проповѣдую, не встрѣчая противорѣчій, и умолкаю, не докончивши; а эта живая натура вызываетъ наружу всѣ мои убѣжденія, я съ нимъ спорю, и даже, когда онъ явно вретъ, вижу все-таки самостоятельный образъ мыслей“... „Вралъ“ Герценъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, въ вопросахъ искусства; „объ искусствѣ я съ нимъ говорю слегка, потому что оно и доступно ему только слегка, но о жизни не наговорюсь съ нимъ“¹⁾. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше сходился съ нимъ Бѣлинскій: „этотъ человекъ мнѣ все больше и больше нравится. Право, онъ лучше всѣхъ: какая воспріимчивая, движимая, полная интересовъ и благородная натура!.. Мнѣ съ нимъ легко и свободно. Что онъ ругалъ меня въ Москвѣ за мои *абсолютныя* статьи—это новое право съ его стороны на мое уваженіе и расположеніе къ нему“... (11 дек. 1840 г.). Такъ завязывался узелъ новой крѣпкой дружбы Бѣлинскаго съ человекомъ, который, во многомъ уступая Бѣлинскому, во многомъ и превосходилъ его; а это взаимное превосходство въ разныхъ областяхъ—главное условіе равенства въ дружбѣ. Но недолго пришлось Бѣлинскому „отводить душу“ съ Герценомъ: въ срединѣ 1841-го года Герцена постигла ссылка въ Новгородъ, откуда, годомъ позднѣе, ему разрѣшено было переѣхать въ Москву. Бѣлинскій снова остался одинъ.

Почти одновременно съ Герценомъ, въ срединѣ 1840-го года, пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ старый московскій знакомый Бѣлинскаго, Катковъ, и вскорѣ, поздней осенью того же года, уѣхалъ изъ Петербурга (за границу). Все это время, въ 1840 году, Катковъ усердно сотрудничалъ въ „Отеч. Запискахъ“; журналъ этотъ издавался тогда „трудами трехъ человекъ — Краевского, Каткова и меня“, — говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину (4 окт. 1840 г.). Бѣлинскій былъ очень высокаго мнѣнія о литературныхъ дарованіяхъ молодого Каткова; „эхъ, если бы мнѣ занять у Каткова его слогъ!“—восклидалъ Бѣлинскій, впрочемъ прибавляя: „я бы

¹⁾ Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Тургеневу см. ст. № 66.

¹⁾ Бѣлинскій продолжалъ думать такъ и много лѣтъ спустя; въ письмѣ къ Герцену отъ 6 апрѣля 1846 г., признавая всю громадную умственную силу Герцена, Бѣлинскій говоритъ: „я глупѣе тебя на много разъ, (а) искусство, если не ошибаюсь, мнѣ сроднѣе, чѣмъ тебѣ“... Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Герцену см. еще ст. № 66.

лучше его воспользовался имъ "... Съ Катковымъ въ Петербургѣ Бѣлинскій сошелся быстро, хотя впоследствии и призналъ, что дружба эта была только взвинченная, мнимая; однако Бѣлинскій самъ указывалъ кромѣ этого и на тотъ фактъ, что Каткову онъ многимъ обязанъ, что Катковъ оказалъ на него кратковременное, но сильное вліяніе. Уже послѣ отъѣзда Каткова Бѣлинскій, вполне разочаровавшись въ этомъ своемъ другѣ, все же писалъ про него Боткину, что „это натура сильная и голова крѣпко работающая. Онъ многое разбудилъ во мнѣ, и изъ этого многого большая часть воскресла и самостоятельно переработалась во мнѣ уже послѣ его отъѣзда... Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что пребываніе въ Питерѣ Каткова дало сильный толчокъ движенію моего сознанія. Личность его проскользнула по мнѣ, не оставивъ слѣда; но его взгляды на многое—право, мнѣ кажется, что они мнѣ больше дали, чѣмъ ему самому"... (15 янв. 1841 г.). О какихъ взглядахъ говорить здѣсь Бѣлинскій? Нѣкоторые изъ этихъ взглядовъ отмѣчены нами въ статьяхъ №№ 26, 27 и слѣдующихъ (т. I и II; см. также т. III, стр. 2); но здѣсь рѣчь идетъ не объ этихъ частных вопросахъ, а о вліяніи Каткова на все міровоззрѣніе Бѣлинскаго. Мы видѣли, что еще съ конца 1839-го года Бѣлинскій переживалъ мучительный кризисъ—продолжалъ признавать разумность дѣйствительности, въ то время какъ все его существо возмущалось отъ сознанія гнусности и „неразумности“ окружающаго. Процессъ этотъ неудержимо развивался въ душѣ Бѣлинскаго и окончательно созрѣлъ ко времени пріѣзда въ Петербургъ Каткова. „Ты помнишь,—писалъ 11 дек. 1840 г. Бѣлинскій Боткину,—ты помнишь мои первыя письма изъ Питера: ты писалъ ко мнѣ, что они производили на тебя тяжелое впечатлѣніе, ибо въ нихъ слышался скрежетъ зубовъ и вопли нестерпимаго страданія. Отъ чего же я такъ ужасно страдалъ?—отъ дѣйствительности, которую называлъ разумною и за которую ратовалъ... Странное противорѣчіе! Къ пріѣзду Каткова я былъ уже приготовленъ—и при первой стычкѣ съ нимъ отдался ему въ плѣнъ безъ противорѣчія. Смѣшно было: хотѣлъ спорить—и вдругъ вижу, что ужъ нѣтъ ни силъ, ни жару, а черезъ четверть часа вмѣстѣ съ нимъ началъ ратовать противъ всѣхъ, сбитыхъ съ толку мною же"... Въ своей известной біографіи Бѣлинскаго А. Н. Пыпинъ замѣчаетъ по поводу послѣдней фразы: „въ чемъ именно Бѣлинскій былъ *приготовленъ* къ его (Каткова) пріѣзду, и какой былъ предметъ ихъ *стычки*—не совсѣмъ ясно“ (стр. 342). Мы полагаемъ, что послѣ нашего подробнаго анализа сущности душевнаго перелома Бѣ-

линскаго читателю должна быть вполне ясна роль Каткова въ этомъ переломѣ и предметъ „стычки“ его съ Бѣлинскимъ. Предметомъ этимъ была *человѣческая личность* и „не-разумность“ окружающей эту личность дѣйствительности; Бѣлинскій хотѣлъ-было отстоять права „Общаго“, разумность окружающаго міра—и не могъ: онъ былъ уже „подготовленъ“; въ его душѣ уже созрѣло отрицаніе „абсолютныхъ теорій“ нѣмецкой философіи. А Катковъ пріѣхалъ подъ впечатлѣніемъ критической и пессимистической брошюры Фрауэнштета, вполне подтверждавшей муки и сомнѣнія Бѣлинскаго; кромѣ того, Катковъ ставилъ на первый планъ „человѣческую личность“, въ чемъ опять-таки сошелся съ Бѣлинскимъ, о чемъ послѣдній и сообщаетъ Боткину. Изъ всего этого видно, какую роль сыгралъ Катковъ въ развитіи воззрѣній Бѣлинскаго: онъ былъ тѣмъ внѣшнимъ толчкомъ, который ускорилъ разрывъ Бѣлинскаго съ уже пережитой имъ точкой зрѣнія. Катковъ былъ, несомнѣнно, очень умный человѣкъ; его вліяніе на Бѣлинскаго (въ указанныхъ выше размѣрахъ) тоже несомнѣнно и признавалось самимъ Бѣлинскимъ¹⁾. Но отъѣздъ Каткова за границу (осенью 1840 года) прервалъ всякія отношенія между нимъ и Бѣлинскимъ, который къ тому же скоро позналъ неблестящія нравственныя качества этого своего мнимаго друга. Въ письмѣ къ Боткину отъ 15 января 1841 года Бѣлинскій далъ исчерпывающую и чуть-ли не пророческую характеристику Каткова: „натура сильная и голова крѣпко работающая“ вмѣстѣ съ „бездной самолюбія и эгоизма“. „Самолюбіе поставитъ его въ такія положенія, что отъ случайности будетъ зависѣть его спасеніе или гибель, смотря по тому, куда онъ повернется“; самолюбіе дѣйствительно сдѣлало впоследствии Каткова властнымъ реакціоннымъ публицистомъ шестидесятыхъ—восьмидесятыхъ годовъ. Бѣлинскій вскорѣ сталъ отзываться о Катковѣ все отрицательнѣе; когда Катковъ вернулся въ 1843 г. изъ-за границы и посѣтилъ Бѣлинскаго, то послѣдній увидѣлъ въ немъ только „пузырь, надутый самолюбіемъ и готовый ежеминутно лопнуть“ (такъ передаетъ слова Бѣлинскаго Кавелинъ). „Катковъ—писалъ 6 февр. 1843 г. Бѣлинскій Боткину—знатный субъектъ для психологическихъ наблюденій. Это Хлестаковъ въ нѣмецкомъ вкусѣ. Я теперь понялъ, отчего во время самага разгара моей мнимой къ нему дружбы меня дико поражали его зеленые стеклянные глаза... Мы всѣ

¹⁾ Въ письмахъ Бѣлинскаго этого времени мы, между прочимъ, не одинъ разъ находимъ ссылки на Каткова: „Катковъ говоритъ“..., „Катковъ находитъ“ и т. п.

славно повели себя съ нимъ: онъ было-вошелъ на ходуляхъ, но наша полная презрѣнія холодность заставила его сойти съ нихъ“...

XII.

Такъ остался Бѣлинскій „самодержавствовать“ въ кругу своихъ друзей и знакомыхъ, „добрыхъ малыхъ“, среди которыхъ онъ былъ „одинъ, одинъ, одинъ“... Это гнетущее одиночество дѣлало то, что даже въ разгаръ своей новой свѣтлой вѣры, въ разгаръ восторженной проповѣди о блаженномъ будущемъ человѣчества—Бѣлинскій продолжалъ ясно видѣть „хвостъ дьявола“ на всей своей личной жизни. И если иногда онъ пытался оправдать свои муки настоящаго свѣтлой вѣрой въ блаженство будущаго, говоря, что „судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить“,—то другой разъ его возмущала эта безчеловѣчная теорія. „Будешь видѣть на всемъ хвостъ дьявола,—воскликаетъ съ горечью Бѣлинскій,—когда видишь себя живого въ саванѣ и въ гробѣ, съ связанными назади руками. Чтò мнѣ въ томъ, что я увѣренъ, что разумность восторжествуетъ, что въ будущемъ будетъ хорошо, если судьба велѣла мнѣ быть свидѣтелемъ торжества случайности, неразумія, животной силы? Чтò мнѣ въ томъ, что моимъ или твоимъ дѣтямъ будетъ хорошо, если мнѣ скверно, и если не моя вина въ томъ, что мнѣ скверно? Не прикажешь ли уйти въ себя? Нѣтъ, лучше умереть, чѣмъ быть живымъ трупомъ!“ (14 марта 1840 г. и 1 марта 1841 г.). И вотъ рядомъ съ радостной вѣрой въ грядущее блаженство человѣчества у Бѣлинскаго идетъ жгучее отчаяніе, горе о мукахъ личной своей жизни: „въ общемъ для меня есть еще надежды, и страсти, и жизнь; для себя—ничего. Скучно, холодно, пусто; на какое-либо личное счастье—никакой надежды. Горе! горе! Жизнь разоблачена!“ (20 апр. 1842 г.). Оставалась одна литература, одна журнальная дѣятельность—но и въ ней Бѣлинскій чувствовалъ себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. „Природа осудила меня лаять собакою и выть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вертѣть хвостомъ по-лисьи“,—говорилъ Бѣлинскій въ одномъ изъ писемъ къ Боткину. Бѣлинскій чувствовалъ себя „трибуномъ“, политическимъ дѣятелемъ, онъ чувствовалъ въ себѣ силу глаголомъ жечь сердца людей, проповѣдуя имъ свою новую вѣру въ социализмъ, въ разумное устройство человѣчества; а обстоятельства принуждали его ограничиться областью исторіи русской литературы. Правда, и въ этой области онъ былъ трибуномъ, былъ апосто-

ломъ новой вѣры, разума, добра и человѣчности—насколько это было возможно при „кнутовой“ цензурѣ того времени; горькія жалобы Бѣлинскаго на эту цензуру читатели еще встрѣтятъ въ нашихъ вступительныхъ замѣткахъ. Но и задавленный, задушенный николаевской цензурой, Бѣлинскій былъ и оставался въ литературѣ пророкомъ, будившимъ мысль, пробуждавшимъ сознаніе. „Статьи Бѣлинскаго—разсказываетъ Герценъ—судорожно ожидались молодежью въ Москвѣ и Петербургѣ, съ 25-го числа каждаго мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать, получены ли *Отечественныя Записки*; тяжелый номеръ рвали изъ рукъ въ руки. „Есть Бѣлинскаго статья?“—„Есть“¹⁾—и она поглощалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ, со спорами... и трехъ-четырехъ вѣрованій, *уважений* какъ не бывало“... („Былое и Думы“, гл. XXV). Бѣлинскій зналъ объ этомъ, онъ сознавалъ значеніе своей журнальной дѣятельности; но цензурное кнутобойство, а позднѣе и подневольность журнальнаго труда, подчиненіе Краевскому, необходимость рецензировать всякій вздоръ—„всѣ эти и другія причины огадили мнѣ русскую литературу и вранье о ней сдѣлали пыткой“,—говоритъ самъ Бѣлинскій (6 февр. 1843 г.). Такимъ образомъ и литературная дѣятельность не спасала его отъ того „хвоста дьявола“, котораго Бѣлинскій видѣлъ на всѣхъ проявленіяхъ своей личной жизни.

И чтобы уйти отъ этого мучительнаго сознанія, чтобы уйти отъ невыносимаго одиночества, чтобы создать себѣ хоть иллюзію личной жизни съ ея страстью, счастьемъ, горемъ, радостью—Бѣлинскій обратился къ карточной игрѣ въ кругу „добрыхъ малыхъ“, своихъ знакомыхъ и друзей. Въ концѣ 1842-го года Бѣлинскій научился играть въ преферансъ, и сталъ дни и ночи отдавать этой „благородной игрѣ“... Видно, велико было отчаяніе, велика душевная пустота, если Бѣлинскій могъ, въ разгаръ своей радостной вѣры въ грядущее блаженство людей, предаваться этой благородной игрѣ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь, хоть какъ-нибудь заглушить свое сверлящее горе. Это сопоставленіе на первый взглядъ смѣшно: чуть ли не „мировая скорбь“ съ одной стороны и „благородная игра“ въ преферансъ—съ другой; но Бѣлинскому, сознававшему причины своей страсти къ картамъ, было не до смѣха. „Дую себѣ въ преферансъ, —пишетъ Бѣлинскій Бот-

¹⁾ Надо замѣтить при этомъ, что ни одна статья Бѣлинскаго въ „Отеч. Запискахъ“ не была съ его подписью; въ отдѣлѣ критики и библиографіи всѣ статьи были безыменныя, отчего журнальные враги Бѣлинскаго и звали его „безыменнымъ критикомъ“,—см. т. II, стр. 571—2.

кину 6 февраля 1843 года,—ставлю ремизы страшные, ибо и игру знаю плохо, и горячусь, какъ сумасшедшій,—на мѣлокъ я долженъ рублей около 300, а переплатилъ мѣсяца въ два (какъ началъ играть въ преферансъ) рублей полтора — благородная, братецъ, игра преферансъ! Я готовъ играть утромъ, вечеромъ, ночью, днемъ, не ѣсть и играть, не спать и играть. Страсть моя къ преферансу ужасаетъ всѣхъ; но страсти нѣтъ: ты поймешь, что есть (курс. нашъ)... Надеждъ на жизнь никакихъ, ибо фантазія уже не тѣшитъ, а дѣйствительность глубоко понятна... Кавелинъ въ своихъ воспоминаніяхъ подробно рассказываетъ объ этой карточной игрѣ Бѣлинскаго въ кругу своихъ друзей; онъ и не подозрѣвалъ, что преферансъ былъ для Бѣлинскаго своего рода гашишемъ, которымъ тотъ опьянялъ себя, чтобы забыться отъ сверлящаго душу горя и найти въ игрѣ хоть иллюзію личной жизни. „Какъ только приходилъ Бѣлинскій послѣ обѣда — рассказываетъ Кавелинъ,—тотчасъ же начиналась игра въ карты, копеечная, но которая занимала и волновала его до смѣшного... Повѣрить ли читатель, что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оканчивалась рублемъ, двумя, Бѣлинскій вносилъ всѣ перипетіи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ? Садился онъ играть съ увлеченіемъ, и если ему везло, былъ доволенъ и веселъ. Разъ зацѣпившись и поставя ремизъ, онъ старался отыгаться, съ азартомъ объявлялъ отчаянныя игры и ставилъ ремизъ за ремизомъ. Кульчицкому, какъ нарочно, въ это время валили отборнѣйшія карты. Поставя нѣсколько ремизовъ, Бѣлинскій становился мрачнымъ..., жаловался на судьбу, которая его во всемъ преслѣдуетъ, и наконецъ съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату. Мы продолжали игру, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Кульчицкій ¹⁾ нарочно ремизился отчаянно, и мы шумно выражали свою радость, что наконецъ-то и „гадюка“ (такъ въ шутку обзывали Кульчицкаго) попалась. Послѣ двухъ-трехъ такихъ умышленныхъ ремизовъ и криковъ, сосѣдняя дверь тихонько приотворилась, и Бѣлинскій выглядывалъ оттуда на игру съ сіяющимъ лицомъ. Еще два-три ремиза—и онъ выходилъ изъ темной комнаты, съ азартомъ садился за игру и она продол-

жалась вчетверомъ по-прежнему. Такая наивность и ребячество меня всегда глубоко поражали въ замѣчательныхъ людяхъ и еще сильнѣе къ нимъ привязывали. Та же черта была и въ Герценѣ, съ которымъ Бѣлинскій имѣлъ всего болѣе родства по натурѣ. Они во многомъ напоминали другъ друга. Я дорожу этой чертой, какъ очень характеристической въ Бѣлинскомъ, и потому такъ подробно описываю случаи, повидимому совершенно ничтожные“ (Кавелинъ, собр. соч., т. III, стр. 1089—1090).

Кавелинъ былъ правъ—черта эта очень характерна и цѣнна въ Бѣлинскомъ; но зато Кавелинъ и его друзья, повторяемъ, и не подозрѣвали, что стоитъ за страстью Бѣлинскаго къ карточной игрѣ; этого Бѣлинскій имъ не рассказывалъ. И только въ письмахъ къ Боткину Бѣлинскій изливалъ свою душу, скорбѣлъ, мучался и по-прежнему „вопилъ“ отъ нравственной боли, задыхаясь въ окружавшей его „рассейской дѣйствительности“. Грядущее счастье человечества—это хорошо и утѣшительно, слѣдуетъ работать во имя его; но не можетъ эта мысль уврачевать боль Бѣлинскаго въ настоящемъ. Новая свѣтлая вѣра не уничтожила тѣднаго отчаянія Бѣлинскаго; вѣра въ радостное будущее людей—себѣ самому онъ иногда готовъ пожелать только смерти. Онъ завидуетъ Боткину, въ то время увлеченному своей трагикомической сердечной исторіей (такъ красочно описанной впоследствии Герценомъ въ очеркѣ „Базиль и Армансъ“, изъ „Былого и Думъ“), ибо переживаніе самаго остраго, мучительнаго чувства есть все же жизнь, а не прозябаніе. „Питать какое бы то ни было чувство, какой бы то ни было интересъ—пишетъ Бѣлинскій Боткину—все же лучше, чѣмъ въ тоскѣ, апатіи, съ холоднымъ отчаяніемъ убивать время на преферансъ, ставить ремизы, проигрывать послѣднія деньжонки, бѣситься, дойти до мальчишескаго малодушія, сдѣлаться притчею во языцѣхъ... Есть же такіе несчастные люди,—продолжаетъ Бѣлинскій,—надъ которыми отъ рожденія тяготеетъ проклятіе и которымъ нѣтъ удачи ни въ дѣлѣ, ни въ пустякахъ, и нѣтъ надежды на какое-либо счастье въ жизни. Усталъ я, брате, и мысль о смерти какъ-то чаще приходитъ на умъ и какъ-то меньше прежняго леденить сердце, „гдѣ такъ *бесплатно*, такъ напрасно съ враждой боролась любовь“, а умъ съ глупостью... Ждать уже нечего, и въ душѣ распространяется холодъ, сырость и смрадъ могилы. Я держался глупостью—подпора упала—и я падаю съ нею...“ (31 марта 1843 года). Какою это „глупостью“ держался Бѣлинскій? „Глупость“ эта—очевидно та самая былая вѣра въ жизнь, вѣра въ міръ, которую когда-то жилъ Бѣлинскій. Вѣра эта

¹⁾ Кульчицкій въ началѣ 1843 года даже нанечаталъ юмористическую брошюрку: „Нѣкоторые великія и полезныя истины объ игрѣ въ преферансъ, заимствованныя у разныхъ древнихъ и новѣйшихъ писателей и приведенныя въ систему кандидатомъ философіи П. Ремизовымъ“; брошюрка эта была подаркомъ друзей Бѣлинскому. О Кульчицкомъ и одной его повѣсти (подъ псевдонимомъ *Говорилина*) см. ст. № 55.

упала—и не можетъ замѣнить ее новая вѣра Бѣлинскаго въ будущую разумную жизнь, въ будущій золотой вѣкъ на землѣ, потому что Бѣлинскій *самъ* жаждетъ жизни, любитъ эту нелѣпую, мучительную человѣческую жизнь. И если въ минуты усталости и апатіи онъ иногда думаетъ о смерти, то въ другія минуты онъ дорожитъ своею жизнью, какъ бы тяжела она ни была. А между тѣмъ тяжелая журнальная работа и еще болѣе тяжелый мучительный душевный кризисъ уже окончательно подорвали жизненные силы Бѣлинскаго; чахотка прогрессировала медленно, но вѣрно. Еще въ концѣ 1839-го года Бѣлинскій писалъ Боткину, что „грудь физически здорова,—*противъ обыкновенія*,—я даже не кашляю“; значить, уже довольно давно въ Москвѣ началась въ немъ эта болѣзнь. Къ началу 1843 года болѣзнь приняла уже серьезныя формы; Бѣлинскій началъ лечиться „гидропатіей“,—„прѣю въ паровой ваннѣ, а потомъ леденѣю въ холодной, а тамъ костенѣю подъ дождемъ и душею“,—еще больше ускоряя этимъ теченіе своей болѣзни. „Я боленъ и крѣпко боленъ“—сознаетъ самъ Бѣлинскій. „Журналъ губитъ меня. Здоровье мое съ каждымъ днемъ ремизится, и въ душу вкрадывается грустное предчувствіе, что я скоро останусь безъ шести въ сюряхъ, т.-е. отправлюсь туда, куда страхъ какъ не хочется идти. Жизнь ничего мнѣ не дала, но люблю жизнь; смерть сулитъ мнѣ вѣчный покой, но не люблю смерть...“ (17 апр. 1843 г.).

Московскіе друзья Бѣлинскаго были встревожены этой его болѣзнью; они видѣли, что Бѣлинскому необходимъ отдыхъ въ дружескомъ кругу—безъ преферанса, безъ журнальных корректуръ, безъ журнальной спѣшки; да и самъ Бѣлинскій зналъ это. „Я боленъ и крѣпко боленъ; душа моя угнетена трудомъ, заботою и тоскою—мнѣ нуженъ отдыхъ, свобода, бездѣйствіе...“ (11 мая 1843 г.). Ему удавалось иногда на короткое время вырываться изъ своего журнальнаго плѣна въ Москву, къ своимъ друзьямъ: въ декабрѣ 1841-го и январѣ 1842-го года онъ провелъ недѣли двѣ-три въ Москвѣ (см. т. II, стр. 379), а на обратномъ пути въ Петербургъ заѣхалъ въ Прямухино, имѣніе Бакуниныхъ. Михаилъ Бакунинъ въ это время былъ уже за границей, но въ Прямухинѣ былъ его младшій братъ, Н. А. Бакунинъ (къ которому письма Бѣлинскаго мы нѣсколько разъ цитировали выше), и сестра, Александра Александровна Бакунина, когда-то—въ 1836 году—отвергнувшая былую любовь Бѣлинскаго. Теперь знакомство возобновилось, прежнее чувство вновь вспыхнуло въ Бѣлинскомъ—и ему страстно хотѣлось еще и еще побывать въ Прямухинѣ и Москвѣ, отдохнуть въ кругу близкихъ людей, дать

созрѣть воскресшему чувству. Уже мѣсяца черезъ два послѣ своей поѣздки Бѣлинскій писалъ Боткину: „лѣтомъ я опять въ Москвѣ, во что бы то ни стало, и при томъ не меньше, какъ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ. Зимняя поѣздка меня переродила—я поздоровѣлъ и помолодѣлъ...“ (14 марта 1842 года). Но лѣто 1842-го года Боткинъ самъ провелъ на дачѣ около Петербурга, въ Павловскѣ—быть можетъ, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ. Слѣдующею зимою 1842—3 г. Бѣлинскій снова собирался поѣхать въ Москву и Прямухино, но ему не удалось осуществить эту поѣздку отчасти изъ-за журнальных занятій, а отчасти изъ-за денежныхъ обстоятельствъ ¹⁾. Эта неудача привела Бѣлинскаго въ „страшное сухое отчаяніе“ и стоила ему „нравственной горячки“ (письма къ Боткину отъ 6 февр. и къ А. А. Бакуниной отъ 8 марта 1843 года); тогда московскіе друзья его, Боткинъ и Герценъ, прислали ему денегъ, чтобы дать ему возможность пріѣхать провести лѣто въ Москвѣ ²⁾. Бѣлинскій съ восторгомъ мечталъ объ этой своей поѣздкѣ: „если зимняя поѣздка въ Москву, продолжавшаяся съ проѣздомъ взадъ и впередъ какихъ-нибудь три недѣли, оживила меня и физически и нравственно, то какъ же долженъ я поправиться, проведя лѣто вдали отъ чухонскихъ болотъ, безъ труда и заботы?.. О, да я воскресъ бы!“ (17 апр. 1843 г.). Онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ первыхъ числахъ іюня 1843 года, побывавъ въ Прямухинѣ у Бакуниныхъ (собираясь заѣхать къ нимъ на обратномъ пути въ Петербургъ) и провелъ все лѣто въ Москвѣ у Боткина, побывавъ и въ подмосковной усадьбѣ Герцена. Герценъ записалъ 30-го іюня 1843 года въ свой дневникъ: „Бѣлинскій не перемѣнился ни на волосъ; вѣчно въ экстремѣ; но глубоко вникающій и симпатичный, рѣзкій до цинизма въ словахъ, но вѣрный въ смѣлости и не трусь, конечно, въ консеквентности. Я люблю его рѣчь, и недовольный видъ, и даже ругательства...“

¹⁾ Бѣлинскій никогда не умѣлъ „откладывать“ денегъ и самъ признавалъ въ себѣ наклонности къ „мотовству“. Характерно слѣдующее шутовское признаніе его Боткину въ цитированномъ выше письмѣ отъ 14-го марта 1842 г.: сообщая, что съ начала года имъ уже забрано въ редакціи „Отечеств. Записокъ“ 3500 рубл. ассигнаціями, Бѣлинскій прибавляетъ: „увъ! страшно подумать—3500 рубл.! Гдѣ жъ они?—спросишь ты:—

... все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ—ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? зачѣмъ? откуда? — Кто ихъ
спроситъ!..“

²⁾ Хотя Краевскій въ это время былъ долженъ Бѣлинскому за статьи 1727 р. асс.

XIII.

Только къ сентябрю мѣсяцу (30-го авг. 1843 г.) вернулся БѢлинскій въ Петербургъ, не захвативъ на обратномъ пути въ Прямухино и холодно увѣдомивъ А. А. Бакунину, что его намѣреніе снова посѣтить Прямухино — „не можетъ сбыться...“ Дѣло въ томъ, въ эти лѣтніе мѣсяцы 1843-го года БѢлинскій пережилъ въ Москвѣ вторую „весну своихъ дней и чувствъ“ — и уѣхалъ изъ Москвы уже „женехомъ“ Маріи Васильевны Орловой.

Уже давно стремился БѢлинскій заполнить любовью одиночество и тоску своей личной жизни. Еще въ 1836 году въ Прямухинѣ онъ полюбилъ глубоко и мучительно (иначе онъ не умѣлъ чувствовать) А. А. Бакунину, но встрѣтилъ съ ея стороны только пренебреженіе, взглядъ „сверху внизъ...“ Съ отчаяніемъ въ душѣ, потерявъ надежды на взаимность, БѢлинскій, по его же выраженію, „упалъ совершенно и лежалъ въ грязи... Во мнѣ умеръ человекъ — остался самецъ...“ И въ рѣзкихъ выраженіяхъ бичуетъ БѢлинскій свою „чувственность“, слѣдствіемъ которой отчасти была необходимость поѣздки на Кавказъ лѣтомъ 1837 года. Но годомъ позднѣе, лѣтомъ 1838 года, когда семья Бакуниныхъ пріѣхала въ Москву — любовь БѢлинскаго къ А. А. Бакуниной вспыхнула съ новой силой, и еще болѣе разгорѣлась послѣ приглашенія посѣтить Прямухино, гдѣ БѢлинскій и гостилъ въ іюлѣ этого года. Однако и на этотъ разъ А. А. Бакунина, подъ вліяніемъ своего брата М. Бакунина, бывшаго въ то время съ БѢлинскимъ въ очередной „кружковой“ ссорѣ, отнеслась къ БѢлинскому почти что враждебно, — и онъ уѣхалъ съ тяжелымъ сердцемъ, отказавшись отъ всякой надежды. Черезъ годъ БѢлинскій уѣхалъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ, также какъ и раньше въ Москвѣ, были у него мелкія увлеченія — въ родѣ той „исторіи съ гризеткою“, какая упоминается и въ перепискѣ БѢлинскаго и въ воспоминаніяхъ о немъ¹⁾; впрочемъ слова „мелкія увлеченія“ трудно примѣнимы къ „неистовому Виссаріону“ (какъ его всегда называли друзья): онъ и въ мимолетныя увлеченія вносилъ всю неистовость, всю страстность

¹⁾ „...БѢлинскій увлекся страстію къ одной молодой мастерицѣ, взялся было за ея умственное развитіе, съ помощью чтенія избранныхъ поэтическихъ произведеній; но она скоро разбила созданный имъ идеалъ. Вообще ему часто приходилось ослѣпляться и разочаровываться въ этомъ отношеніи...“ (Изъ воспоминаній о БѢлинскомъ его родственницы, г-жи Щ., въ газетѣ „Русскій“ 1868 г., № 15; Пыпинъ, стр. 142). Повидимому, объ этой „исторіи съ гризеткой“ вспоминаетъ БѢлинскій въ письмѣ къ Боткину отъ 16 дек. 1839 года.

своей натуры. Такъ, наприимѣръ, осенью 1840 г. съ нимъ случилась „маленькая исторія: простая дѣвушка, не красавица, а только что недурная, не граціозная, но и не безъ граціи — будь въ ней побольше идеальныхъ элементовъ, побольше стремленія къ очарованіямъ внутренней жизни, побольше пониманія поэзіи, — и я жилъ бы теперь весело и видѣлъ бы хорошіе сны...“ Такъ пишетъ БѢлинскій Боткину 10 дек. 1840 года. Казалось бы — простая исторія, одна изъ самыхъ обычныхъ, обыденныхъ; но БѢлинскій и въ нее внесъ всю „неистовость“ своей натуры, и ее перестрадалъ мучительно. Вотъ что писалъ онъ Боткину двумя мѣсяцами раньше (4-го окт. 1840 г.), еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго: „недавно со мною (съ мѣсяцъ назадъ) случилась новая исторія, которая до основанія потрясла всю мою натуру, возвратила мнѣ слезы и безконечное, томительное, страстное порываніе — и кончилась ничѣмъ, какъ и прежде. Долго ли это продолжится!.. Всякому своя доля, но, право, сквернѣй моей ничего нельзя вообразить. Натура страстная, любящая — танталова жажда, вѣчно остающаяся безъ удовлетворенія!..“ Неудивительно поэтому, что, получивъ отъ Боткина (еще въ началѣ 1840 г.) письмо, въ которомъ говорилось, что „нѣкая достойная дѣвица, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей“, любить читать статьи БѢлинскаго и заочно интересуется авторомъ — БѢлинскій, по собственному признанію, „безумствовалъ“: „голова моя... ходила кругомъ три дня“. Въ концѣ этого же года БѢлинскій снова получилъ сообщеніе отъ Боткина, что „извѣстная (БѢлинскому) дама“ — это была только заочно извѣстная БѢлинскому Софія Кроненбергъ — „жадно“ читаетъ статьи БѢлинскаго и дѣлаетъ изъ нихъ выписки; БѢлинскій узналъ это съ удовольствіемъ, хотя и безъ особаго энтузіазма. „Энтузіазма уже нѣтъ во мнѣ... А все Питеръ, спасибо ему; безъ него я и теперь былъ бы восторженнымъ дуракомъ и не зналъ бы, что все — дымъ...“ (5-го сент. 1840 г.). Обстоятельства однако скоро показали, что въ любви БѢлинскій по-прежнему остался, говоря его словами, „восторженнымъ дуракомъ“: стоило ему въ концѣ 1841 года получить снова приглашеніе въ Прямухино, чтобы голова пошла у него кругомъ отъ воскресшихъ надеждъ. „Я все тотъ же, что и былъ, — восклицаетъ БѢлинскій въ отвѣтномъ письмѣ къ Бакунинымъ, — все та же *прекрасная душа*, безумная и любящая; сердце мое еще не отказалось отъ вѣры въ жизнь, ни отъ мечтаній...“ (9 дек. 1841 г.). Черезъ мѣсяцъ послѣ этого БѢлинскій, какъ мы уже знаемъ, былъ проездомъ въ Прямухинѣ, снова видѣлся съ А. А. Бакуниной; послѣдняя въ 1840 — 1 гг. пережила тяжелый неудачный

„романъ“ съ другомъ Бѣлинскаго, Боткинымъ, а теперь, повидимому, готова была отвѣтить взаимностью на старую любовь Бѣлинскаго. Однако не съ нею показалъ себя Бѣлинскій прежнею „прекрасною душою“ („восторженнымъ дуракомъ“). Правда, онъ по-прежнему, „когда говорилъ съ нею—пьянѣлъ безъ вина, изъ глазъ сыпались искры“; однако тутъ же онъ прибавляетъ: „но вѣтъ ея—и все кончено. Да, не надуешь: полюби-ка сама сперва, да дай это знать—такъ, пожалуй, сойду съ ума и сдѣлаюсь такимъ дуракомъ, какого другого и не найти; но безъ этого, слуга покорный... А изъ сего, о, Боткинъ, слѣдуетъ ясно, что пора... ай! ай! святители! —ничего, ничего, молчаніе!“ (17 марта 1842 г.). Ясно, что пора жениться, — подразумеваетъ Бѣлинскій; но дѣло въ томъ, что, говоря о женитьбѣ, онъ имѣетъ въ виду (это ясно изъ контекста) не А. А. Бакунину, а М. В. Орлову, съ которой былъ знакомъ еще съ 1835 года и съ которой, очевидно, видѣлся въ Москвѣ во время зимней поѣздки 1841 — 2 г., когда онъ былъ и въ Прямухинѣ. И хотя еще весною 1843 года онъ стремился въ Прямухино и испытывалъ „сухое отчаяніе“ оттого, что не попалъ, но въ то же время его влекло все болѣе и болѣе къ М. В. Орловой, которой онъ и сдѣлалъ предложеніе во время своего пребывания въ Москвѣ лѣтомъ 1843 года. Оттого онъ и не заѣхалъ, на обратномъ пути въ Петербургъ, въ Прямухино, къ ожидавшей его А. А. Бакуниной¹⁾.

Въ любви своей къ М. В. Орловой Бѣлинскій по-прежнему показалъ себя восторженной „прекрасной душой“; онъ безумствовалъ, какъ юноша, несмотря на опытъ годовъ, на холодъ сознанія. Онъ сознавалъ, что женится, спасаясь отъ одиночества, отъ преферанса, отъ пустоты личной жизни, отъ гнетущей тяжести ея. „Жить становится все тяжелѣе и тяжелѣе,—писалъ Бѣлинскій Боткину 9 декабря 1842 г. (т.-е. именно въ разгаръ своей свѣтлой вѣры въ социализмъ, подчеркиваемъ это еще и еще разъ):—не скажу, чтобы я боялся умереть съ тоски, а не шутя боюсь или сойти съ ума, или шататься ничего не дѣлая, подобно тѣни, по знакомымъ. Стѣны моей квартиры мнѣ ненавистны; возвращаясь въ нихъ, иду съ отчаяніемъ въ душѣ, словно узникъ въ тюрьму, изъ которой ему позволено было выйти погулять. Это ты отъ меня уже слышалъ; но сколько бы я ни повторялъ тебѣ этого, никогда не буду въ силахъ выразить всей дѣйствительности этого страшнаго могильнаго ощущенія“... Семейная жизнь была для Бѣ-

линскаго единственной надеждой, единственнымъ спасеніемъ отъ этого холода одиночества; и онъ спокойно и обдуманно дѣлалъ этотъ шагъ, останавливая свой выборъ на одной изъ двухъ обратившихъ его вниманіе женщинъ, подготавливая почву. Онъ переписываетъ лермонтовскаго „Демона“ въ „завѣтную тетрадку въ сафьяновомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ“ и посылаетъ ее, черезъ Боткина, М. В. Орловой: „будь что будетъ—пишетъ онъ Боткину,—а надо завязать узелъ, и пусть судьба развязываетъ его, какъ хочеть—хуже не будетъ“... И тутъ же онъ хладнокровно прибавляетъ, говоря о М. В. Орловой, что „субъектъ шевелить мнѣ душу, и будь у него тысячь десять на первую обязанность—я лѣтомъ же бы женился, право. Но выходи она за другого—если онъ порядочный человекъ,—первый благословлю ее на радость и на счастье“... (31 марта 1842 г.). Какъ видимъ, все это — спокойное взвѣшивание, холодный расчетъ на почвѣ любви, симпатіи. Но все это — только въ теоріи. Лишь только дѣло дошло до примѣненія теоріи къ жизни, какъ всѣ холодные расчеты исчезли, и Бѣлинскій снова кипитъ, неистовствуетъ, снова является „восторженной душою“. Стоитъ только прочесть его письма къ „невѣстѣ“¹⁾, отъ сентября-октября 1843 года, чтобы воочию увидѣть передъ собою прежняго „неистоваго Виссаріона“.

А между тѣмъ жизнь больно ударила его, задолго до свадьбы выяснивъ ему нерадостную картину его будущей семейной жизни. М. В. Орловой было въ то время уже 32 года; она была классной дамой въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ. Повидимому, она видѣлась изъ общей среды, изъ обычнаго „институтскаго“ типа дамъ и дѣвицъ—иначе Бѣлинскій не могъ бы обратить на нее вниманія, увидѣть въ ней и умъ и сердце; но все же, хотя она и читала „жадно“ статьи Бѣлинскаго, вліяніе окружающей среды было сильнѣе вліянія этихъ статей. Бѣлинскій просилъ ее возможно скорѣе пріѣхать обвѣнчаться съ нимъ въ Петербургъ, а она настаивала на томъ, чтобы онъ пріѣхалъ (въ октябрѣ 1843 г.) въ Москву: прежде всего „принято“, что „женихъ“ пріѣзжаетъ къ „невѣстѣ“ („какіе гнусные термины!“—воскликаетъ Бѣлинскій), а не наоборотъ; затѣмъ необходимо сдѣлать визитъ m-me Charpiot, начальницѣ института; необходимо, чтобы при вѣнчаніи было человекъ 30—40 родныхъ и знакомыхъ; необходимо присутствіе на парадномъ обѣдѣ у дядюшки невесты; необходимо сдѣлать послѣсвадебные визиты, чтобы не „подпасть анаоемъ“ родственниковъ; необходимо, чтобы всѣ

¹⁾ Подробное изложеніе отношеній Бѣлинскаго къ А. А. Бакуниной см. въ статьѣ П. Милюкова „Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“.

¹⁾ Напечатаны полностью въ сборникѣ „Починъ“ („О-ва любит. російской словесности“). М. 1896 г.

обрядовыя и бытовыя условія свадьбы были исполнены „женихомъ“ („подлое слово, чтобы чортъ приснился тому, кто его выдумалъ!“ — снова восклицаетъ БѢлинскій). БѢлинскій пришелъ въ ужасъ отъ писемъ своей „невѣсты“, въ которыхъ излагались подобныя мнѣнія: „письмо ваше, Marie, — отвѣтилъ онъ ей, — заставило меня перегорѣть въ жгучемъ жупельномъ огнѣ такихъ адскихъ мукъ, для выраженія какихъ у меня нѣтъ словъ. Мнѣ хотѣлось броситься не на полъ, а на землю, чтобы грызть ее. Мой докторъ говорилъ на сторонѣ, что если бы я не послалъ къ нему..., я или бы умеръ къ утру отъ удара въ голову, или сошелъ бы съ ума“... (12 окт. 1843 г.). Невѣста вздумала утѣшить его тѣмъ, что она вполнѣ раздѣляетъ его мысли о любви, о бракѣ, о семьѣ, высказанныя БѢлинскимъ ad hoc въ сентябрьскомъ номерѣ „Отеч. Записокъ“ (см. наст. изд. т. III, стр. 95—102 и наши примѣчанія на стр. 98 и 102); но БѢлинскій грустно отвѣтилъ: „что касается до моей статьи, то взгляды мои въ ней вы раздѣляете только *теоретически*; ваше письмо доказываетъ, что на практикѣ мы розно понимаемъ вещи“... И БѢлинскій яростно обрушивается на всѣ доводы своей „невѣсты“, высказывая всю свою ненависть къ такъ называемому „быту“ (что крайне характерно для „перваго русскаго интеллигента“, какъ иногда называютъ БѢлинскаго): „покориться обычаямъ шутовскимъ и подлымъ, профанирующимъ святость отношеній, въ какія мы готовы вступить съ вами, обычаямъ, которые я презираю и ненавижу по принципу и по натурѣ моей! У дядюшки обѣды! Будь прокляты всѣ обѣды, всѣ дядюшки, всѣ тетюшки и всѣ чиновники съ ихъ гнусными обычаями!“ (1 окт. 1843 г.). БѢлинскаго приводило въ отчаяніе, что любимая имъ женщина трепещетъ передъ тѣмъ, что ~~будетъ~~ говорить княгиня Марья Алексѣвна: „меня убиваетъ мысль, что вы, кого считалъ я лучшею изъ женщинъ, что вы, въ рукахъ которой теперь счастье и бѣдствіе всей моей жизни, что вы, которую я люблю, вы — раба московскихъ кумушекъ, салопницъ и тетюшекъ. Вотъ чѣмъ Богъ-то наказалъ меня за грѣхи, а не тѣмъ, что вамъ 32 года и что вы больны! И тяжка наказующая меня Десница!“ (12 окт. 1843 г.).

„Какое разочарованіе, Боже великій, какое разочарованіе!“ — восклицаетъ БѢлинскій въ другомъ письмѣ того же времени къ М. В. Орловой. Отъ семейной жизни съ нею БѢлинскій „никогда не ожидалъ восторговъ“ („да и Богъ съ ними, съ этими восторгами“, — прибавляетъ онъ), но онъ ждалъ мирнаго, яснаго, спокойнаго существованія, охоты къ труду и любви къ своему углу. „Союзъ съ вами сулилъ мнѣ тихое и спокойное счастье. Но, увы! — мы еще не соединены, а я уже

глубоко несчастенъ и страдаю такимъ страданіемъ, котораго и возможности прежде не подозрѣвалъ. Я получилъ ударъ съ такой стороны, съ которой никогда не ожидалъ его“... Получивъ изложенное выше письмо отъ своей „невѣсты“, БѢлинскій, по его словамъ, „съ облаковъ упалъ на землю и больно ушибся. Самолюбіе мое было страшно поражено, и мнѣ какъ бы невольно лѣзли въ голову все эти этихи Пушкина:

Смпрились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья —
И въ поэтическій бокаль
Воды я много подмѣшалъ...

Но любовь къ вамъ побѣдила все“... (13 окт. 1843 г.). Несмотря на всѣ эти удары, БѢлинскій продолжалъ любить свою „Marie“ по-прежнему „неистово и страстно“... Но и ударъ произвелъ свое дѣйствіе: БѢлинскій уже начисто отказался отъ всѣхъ иллюзій, всѣхъ „высокопарныхъ мечтаній“ о своей будущей семейной жизни; явнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, созналъ онъ, что женитьба для него — не свѣтлое счастье молодой любви (какой была когда-то его любовь къ А. А. Бакуниной), а только средство противъ одиночества, противъ тоски и пустоты личной жизни. И если бы его свадьба даже и разстроилась — онъ не умеръ бы съ горя: „этого не бойтесь, — писалъ онъ М. В. Орловой; — по меня можетъ постигнуть иная смерть: мною овладѣтъ апатія, уныніе, лѣность, преферансъ, я опущусь до послѣдней степени“ (4 окт. 1843 г.). Бракъ по любви — но въ то же время бракъ, какъ спасеніе отъ одиночества, и въ этомъ смыслѣ — бракъ по расчету: такъ вступалъ БѢлинскій въ свою семейную жизнь... И хотя „невѣста“ въ концѣ концовъ рѣшилась пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ и состоялась свадьба 12-го ноября 1843 г., — однако вся эта исторія была для БѢлинскаго нерадостнымъ предуказаніемъ будущаго. Иллюзій быть не могло.

И онъ хорошо дѣлалъ, что не обольщалъ себя иллюзіями: много страданій принесла ему семейная жизнь. Послѣ трехъ лѣтъ этой жизни онъ говорилъ (въ письмѣ къ Боткину, въ мартѣ 1846 г.), что за эти три года онъ „пережилъ да передумалъ — и уже не голову, какъ прежде — право, лѣтъ за тридцать...“; и въ это же самое время, въ статьѣ о Кольцовѣ, онъ съ горечью замѣчалъ: „всѣмъ извѣстно, какова вообще наша семейственная жизнь“... (наст. изд., т. III, стр. 648). Но это были только рѣдкія вспышки, когда БѢлинскій говорилъ о семейной жизни вообще и о своей семейной жизни въ частности; вообще же онъ замкнулся въ себѣ и ничего никому не говорилъ о своей семейной жизни. Были и свѣтлыя минуты въ этой жизни: много радости

принесло Бѣлинскому рожденіе дочери Ольги (13-го іюня 1845 года): изъ писемъ Бѣлинскаго 1846—7 гг. видно, какъ онъ любилъ этого ребенка. Любилъ онъ и жену—по крайней мѣрѣ заботился и безпокоился о ней въ разлукѣ. Быть можетъ даже, въ разлукѣ онъ любилъ ее больше, чѣмъ дома ¹⁾... Къ тому же дома поселилась у него и сестра жены, Агриппина Васильевна Орлова, доставлявшая ему, заодно съ женой, не мало тяжелыхъ минутъ своимъ характеромъ. Кавелинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ называетъ этихъ двухъ сестеръ „женщинами очень посредственными, чтобы не сказать больше“... Переписка Бѣлинскаго съ женой въ 1846—47 гг. ²⁾ бросаетъ свѣтъ на эту сторону семейной его жизни. Мы узнаемъ изъ этой переписки, какъ жена жаловалась, что Бѣлинскій съ ней „дурно обращается“, что онъ уѣхалъ лѣчиться (за два года до смерти) „безъ причины“, а значитъ, не любитъ жену и ребенка; какъ сестра ея, Агриппина, заявляла въ письмахъ, что она „плюетъ“ на Бѣлинскаго; какъ обѣ онѣ мучали Бѣлинскаго своей мелочной раздражительностью, и такъ далѣе, и такъ далѣе. „Видно, вамъ не суждено понимать меня,—грустно отвѣчалъ на все это Бѣлинскій:—...ни житье вмѣстѣ, ни отдаленіе разлуки, ничто не научило васъ понимать мой характеръ“... (30 іюля 1846 г.).—Полвѣка спустя Агриппина Васильевна Орлова, въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ, хотѣла представить семейную жизнь его какимъ-то домашнимъ раемъ, а жену его—понимающей и цѣнящей своего мужа женщиной; она передаетъ также, что когда Бѣлинскій въ предсмертномъ бреду жаловался, что читатели и слушатели не понимаютъ его, то жена утѣшала его словами: теперь тебя не понимаютъ, но зато послѣ поймутъ... Все это слишкомъ явно придумано и обращаетъ въ мелодраму душевную трагедію Бѣлинскаго, котораго не понимали самые близкіе ему люди, котораго не понималъ самый близкій ему человекъ—жена.

Такъ смирились „высокопарныя мечтанья“ юности Бѣлинскаго, такъ были погребены иллюзіи и надежды его молодости. Отъ одиночества онъ искалъ спасенія въ семейной жизни; быть можетъ, онъ былъ бы радъ потомъ найти спасеніе отъ семейной жизни—въ быломъ одиночествѣ...

XIV.

А тяжелая, подневольная журнальная работа шла своимъ чередомъ. Надъ цѣлымъ рядомъ статей этой эпохи (1841—1845 гг.) Бѣлинскій работалъ съ увлеченіемъ; статьи эти читатель найдетъ во второмъ томѣ настоящаго изданія. Оцѣнка крупныхъ фактовъ текущей русской литературы; рѣшеніе вопросовъ объ искусствѣ и жизни; война съ „братьями-разбойниками“ русской журналистики, Булгаринымъ и Гречемъ, а также и Сенковскимъ; усиливающаяся борьба со славянофильствомъ; глубокое изученіе исторіи русской литературы, приведшее Бѣлинскаго къ знаменитымъ статьямъ о Пушкинѣ; повѣдь—въ рамкахъ николаевской цензуры—новой вѣры въ „соціальность“ и общественность: вотъ чѣмъ жилъ Бѣлинскій этой эпохи, вотъ о чемъ мы говоримъ въ нашихъ вступительныхъ замѣткахъ къ статьямъ второго тома (а также къ ст. № 56 третьяго тома). И въ первое время своего сотрудничества въ „Отеч. Запискахъ“ Бѣлинскій былъ совершенно удовлетворенъ своей журнальной дѣятельностью; въ концѣ 1840 года онъ писалъ Боткину, что въ Россіи теперь есть только двѣ возможности дѣйствовать—каѳедра и журналъ, лишь бы только аудиторія и въ томъ и въ другомъ случаѣ была достаточно велика. „О, если бы у Отечественныхъ Записокъ нынѣшній годъ зашло тысячи за три (подписчиковъ),—воскликаетъ онъ:—тогда было бы за что забыть даже (и Москву), и женщину, и свою краткую безотрадную жизнь, и поратовать, и костыми лечь, если нужно будетъ. О, если бы при этомъ можно было печатать хоть то, что печаталось назадъ тому десять лѣтъ въ Москвѣ! Тогда бы я умеръ на дести бумаги, и если бы червила всѣ вышли, отворилъ бы жилу и писалъ бы кровью“... Часть этихъ скромныхъ мечтаній вскорѣ исполнилась: благодаря Бѣлинскому, „Отеч. Записки“ вскорѣ получили гораздо больше трехъ тысячъ подписчиковъ, вліяніе его росло, онъ имѣлъ многочисленную и внимательную аудиторію, которая, по приведеннымъ нами выше словамъ Герцена, судорожно ждала статей Бѣлинскаго и съ лихорадочнымъ сочувствіемъ читала ихъ. Бѣлинскій зналъ про это, хотя и не сознавалъ всей величины своего вліянія; въ послѣдствіи, въ 1846 году, уже разорвавъ съ „Отеч. Записками“ и узнавъ, какое впечатлѣніе это произвело на широкіе круги читающей публики, Бѣлинскій писалъ Герцену: „...я просто изумленъ тѣмъ, какъ имя мое вездѣ извѣстно и въ какомъ оно почетѣ у російской публики: этого мнѣ и во снѣ не сни-

¹⁾ „Странные мы съ тобою, братецъ ты мой, люди: живемъ вмѣстѣ—не уживаемся, а врознь—скупаемъ... Поэтому я думаю, что для поддержанія супружескаго благосостоянія необходимы частыя разлуки“... (Изъ письма Бѣлинскаго къ женѣ отъ 7 мая 1846 года). Въ этой шуткѣ для Бѣлинскаго было много серьезнаго.

²⁾ Напечатана въ сборникахъ „Памяти Бѣлинскаго“, „Братская помощь“, „Дѣло“. М. 1898—1899 гг.

лось "... Годомъ позднѣе Бѣлинскій, во время своей заграничной поѣздки, встрѣтился въ Кельнѣ съ какимъ-то неизвѣстнымъ русскимъ путешественникомъ, который, говоря о русской литературѣ, между прочимъ сказалъ: „а вотъ у насъ драгоцѣнный человѣкъ!“ — „Кто?“ — „Бѣлинскій!“ — послѣ чего Бѣлинскій сконфузился и „постыдно обратился въ бѣгство“... Однако и раньше, еще въ 1841 году, Бѣлинскій безъ ложной скромности готовъ былъ признать себя *фактомъ русской жизни*, какъ называлъ его Боткинъ; но тутъ же Бѣлинскій называетъ себя „уродливымъ фактомъ“, изломаннымъ русской дѣйствительностью. „Мнѣ кажется — восклицаетъ Бѣлинскій, — дай мнѣ свободу дѣйствовать для общества хоть на десять лѣтъ и потомъ, пожалуй, хоть повѣсь, и я, можетъ быть, въ три года возвратилъ бы мою потерянную молодость“...

Итакъ, аудиторія у Бѣлинскаго была, было и большое вліяніе, но не было „свободы дѣйствовать“ — и это приводило Бѣлинскаго въ отчаяніе. Какъ „кнутобойничала“ цензура и какъ отзывалось это на Бѣлинскомъ — мы не одинъ разъ подчеркиваемъ въ нашихъ вступительныхъ замѣткахъ, приводя отдѣльные примѣры. „Чортъ возьми всѣ наши статьи, да и всѣхъ насъ съ ними! — съ отчаяніемъ восклицалъ Бѣлинскій послѣ одного изъ геройствъ — этой „варварской и татарской цензуры“ (см. т. II, стр. 665). Но не одна цензура затемняла литературную дѣятельность Бѣлинскаго; не меньшую отрицательную роль по отношенію къ великому критику сыгралъ и Краевскій, издатель „Отечественныхъ Записокъ“. Этотъ умный литературный предприниматель счумѣлъ, какъ мы видѣли, понять ту пользу, какую могъ принести Бѣлинскій его журналу; онъ вполне подчинился Бѣлинскому въ вопросѣ о направленіи журнала. Когда въ Бѣлинскомъ произошелъ душевный переломъ 1840—1 г., когда онъ, отъ преклоненія передъ разумной дѣйствительностью вообще и передъ російской дѣйствительностью въ частности, перешелъ къ рѣзкому осужденію этой дѣйствительности и сталъ, въ своихъ статьяхъ, врагомъ восхвалявшейся имъ въ тѣхъ же „Отеч. Запискахъ“ художественности и проповѣдникомъ осуждавшейся имъ раньше социальности — то Краевскій былъ очень сконфуженъ, но постарался скрыть свое смущеніе и будто бы по доброй волѣ принять новое направленіе журнала, котораго онъ былъ единственнымъ хозяиномъ и распорядителемъ. „Въ этомъ журналѣ хозяинъ я, а другого нипочему не надобно, и я, братъ, въ тебѣ не нуждаюсь“, — мы приводили уже эти слова по адресу Бѣлинскаго, сказанныя Краевскимъ въ 1838 году; мы видѣли, что уже

годомъ позднѣе положеніе измѣнилось и что Краевскій видѣлъ въ Бѣлинскомъ свое единственное спасеніе. Бѣлинскій сталъ единственнымъ идейнымъ хозяиномъ „Отеч. Записокъ“, въ то время какъ фактическимъ хозяиномъ оставался Краевскій. „Отечественныя Записки“, — вспоминалъ впоследствии Бѣлинскій, — начались плохо, безъ всякаго направленія; я спасъ ихъ, давъ имъ направленіе, нелѣпое и дикое, но направленіе. Съ третьяго (1841) года начали онѣ поправляться денежно; на четвертый (1842) Краевскій былъ въ барышахъ“... (письмо къ Боткину отъ 5 ноября 1847 г.). Эти барыши еще болѣе укрѣпляли Краевскаго въ рѣшеніи воздерживаться отъ вмѣшательства въ направленіе журнала; идейнымъ хозяиномъ „Отеч. Записокъ“ онъ не могъ не признавать Бѣлинскаго, но тѣмъ болѣе ревниво оберегалъ онъ свои права фактическаго хозяина, „директора“, — если и не направленія журнала, то по крайней мѣрѣ его составленія. Какъ редакторъ журнала, онъ маралъ и „выправлялъ“ (!) стиль и слогъ въ статьяхъ Бѣлинскаго; этого мало — онъ считалъ себя въ правѣ требовать отъ Бѣлинскаго обязательныхъ ежемѣсячныхъ рецензій на цѣлую кучу всякихъ макулатурныхъ книжонокъ. И Бѣлинскій почему-то подчинялся этому требованію, ежемѣсячно убивая не мало времени на рецензіи всякаго литературнаго хлама. Стоитъ хоть бѣгло просмотрѣть библиографическія статьи Бѣлинскаго въ „Отеч. Запискахъ“ 1841—1845 гг. (статьи эти собраны между прочимъ въ VI—IX томахъ собранія сочиненій Бѣлинскаго редакціи С. Венгерова): чего только тутъ нѣтъ! „Леонора, или Мщеніе Италіанки, драматическое представленіе Павла Ильина“; „Гуакъ, или непреоборимая вѣрность“; „Физиологія влюбленнаго“; „Послѣдній Хеакъ, поэма В. Зотова“; „Супружеская истина въ нравственномъ и физическомъ отношеніи“; „Книга судьбы, или Чародѣй гостинныхъ“; „Средство выдавать дочерей замужъ“; „Жила была одна собака, водевиль“; „Союзъ Любопытства съ Пользою, или способъ къ устройству порывовъ страстей — вновь изобрѣтенное гаданіе въ семидольныя карты“; „Азбука Русская Новѣйшая, или Букварь для обученія малолѣтнихъ дѣтей чтенію“; „Новыя Дѣтскія Поздравленія, въ стихахъ, съ Праздниками“; „Маленькій Фокусникъ, поучительные и занимательные домашніе фокусы для дѣтей“, — и такъ далѣе, и такъ далѣе... Въ рецензіи на одну изъ этихъ книжонокъ Бѣлинскій еще въ 1842 году желчно говорилъ, что иногда и живые могутъ позавидовать мертвымъ, „которые — счастливы! — не прочтутъ (этого издѣлія) и не пожалѣютъ о насъ, его прочитавшихъ... Изъ этого слѣдуетъ, что

смерть не совѣмъ зло, и что въ ней есть своя хорошая сторона... По крайней мѣрѣ, жизнь—величайшее зло для тѣхъ, кто, подобно намъ, не только долженъ читать, между прочимъ, все выходящее на заднемъ дворѣ россійской словесности, но еще и писать о прочитанномъ“ („Полное собр. соч. Бѣлинскаго“, ed. cit., т. VII, стр. 398—9). Лучшей иллюстраціей къ этимъ словамъ Бѣлинскаго является извѣстный рассказъ Панаева о томъ, какъ онъ, придя однажды къ Бѣлинскому, засталъ его ходящимъ по комнатѣ въ волненіи и съ усиленіемъ махающимъ правою рукою: „рука отекала отъ писанья,—объяснилъ ему Бѣлинскій.—И часовъ восемь сряду писалъ, не вставая. Говорятъ, я самъ виноватъ, потому что откладываю писанье свое до послѣднихъ дней мѣсяца. Можетъ быть, это отчасти и правда, но взгляните, Бога ради, сколько книгъ мнѣ присылаютъ... и какія еще книги—посмотрите: азбуки, грамматики, сонники, гадальныя книжонки! И я долженъ непременно хотъ по нѣскольку словъ написать объ каждой изъ этихъ книжонокъ“... Наконецъ, самъ Бѣлинскій, рѣшившись порвать съ Краевскимъ, такъ писалъ Герцену о своемъ положеніи въ „Отечественныхъ Запискахъ“: „онъ (Краевскій) даетъ мнѣ разбирать нѣмецкіе, французскіе, латинскіе буквари, грамматики; недавно я писалъ объ итальянской грамматикѣ. Все это не потому только, чтобы ему жаль было платить другимъ за такія рецензіи, кромѣ платы мнѣ, но и потому, чтобы заставить меня забыть, что я закваска, соль, духъ и жизнь его пухлаго, водяного журнала (въ которомъ все хорошее—мое, потому, что безъ меня ни ты, ни Боткинъ, ни Тургеневъ, ни многіе другіе ему ничего бы не давали), и заставить меня увѣриться, что я просто—чернорабочій, который беретъ не столько качествомъ, сколько количествомъ работы. Святители! о чемъ не пишу я ему, какихъ книгъ не разбираю! И по части архитектуры (да еще какой: византійской!), и по части медицины... Онъ сдѣлалъ изъ меня враля, шарлатана, свою собаку, осла, на которомъ онъ въѣзжаетъ въ Іерусалимъ своихъ успѣховъ“... (14 янв. 1846 г.).

Во всемъ этомъ несомнѣнно есть доля преувеличенія, но еще больше горькой правды; во всякомъ случаѣ Бѣлинскій хорошо понималъ, что „Отеч. Записки“ губятъ его—выматываютъ силы, заставляютъ исписываться, не даютъ „ни отдыха, ни срока“. Еще въ періодъ своего увлеченія журналомъ Краевскаго, въ 1840 году, Бѣлинскій (въ полу-шутливомъ письмѣ къ Боткину) выражалъ опасеніе, что постоянная работа „боюсь, скоро и мою дѣйствительно отмѣнноплодородную (какъ свинья, которая приноситъ въ годъ ста по три по-

росятъ) натуру обезплодитъ“... А Бѣлинскому дѣйствительно приходилось въ иной годъ писать для „Отеч. Записокъ“ свыше сотни статей, замѣтокъ и рецензій; да при томъ и писать приходилось на-спѣхъ, не имѣя возможности обработать статью—и это тоже мучало Бѣлинскаго. „Дай мнѣ написать въ годъ три статьи, дай каждую обработать, передѣлать,—писалъ 22 янв. 1841 года Бѣлинскій Боткину:—ручаюсь, что будетъ стоить прочтенія... Хорошо какому-нибудь Рётшеру ¹⁾ издать въ годъ брошюрку, много двѣ. А тутъ напишешь пять полулистовъ, да и плешь въ типографію, а прочіе дуешь какъ Богъ велитъ; а тутъ еще Краевскій стоитъ съ палкою да погоняетъ“... И мѣсяцемъ позднѣе, снова рассказывая о томъ, что „второй листъ (статей) пишется, когда перваго уже правится корректура“, Бѣлинскій съ горечью прибавляетъ: „разсуди самъ, Боткинъ, какого чорта на это станеть?“

И чѣмъ дальше, тѣмъ больше всѣ эти цензурныя и издательскія условія угнетали Бѣлинскаго: „все это и другія причины огладили мнѣ русскую литературу и вранье о ней сдѣлали пыткой“,—пишетъ онъ. И еще: „работа журнальная мнѣ опостылѣла до болѣзненности, и я со страхомъ и ужасомъ начинаю сознавать, что меня ненадолго хватить“ (письмо къ Боткину отъ 6 февр. 1843 года). А Краевскій требовалъ опредѣленнаго количества „критики и библіографіи“ для каждого номера своего журнала: „глядь, ужъ и 15-ое число на дворѣ,—Краевскій рычитъ, у меня въ головѣ ни полтъ-мысли, не знаю, какъ начну, чтò скажу; беру перо—и пошла писать“. „Отработался, и два-три дня у меня болитъ рука—видъ бумаги и пера наводитъ на меня тоску и апатію“... (ibid.). „Журнальная срочная работа—писалъ позднѣе Бѣлинскій Герцену—высасываетъ изъ меня жизненныя силы, какъ вампиръ кровь. Обыкновенно, я двѣ недѣли въ мѣсяцъ работаю съ страшнымъ, лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенѣютъ и отказываются держать перо; другія двѣ недѣли я, словно съ похмелья послѣ двухнедѣльной оргіи, праздно шатаюсь и считаю за трудъ прочесть даже романъ. Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и соромъ россійской словесности. Здоровье видимо разрушается“... (2 янв. 1846 г.). И чѣмъ дальше, тѣмъ больше нарастало сознаніе, что надо такъ или иначе разорвать связывающія цѣпи, спасти здоровье, спасти способность работать... „Я—Прометей въ каррикатурѣ,—горько шутитъ Бѣлинскій:—*Отечественныя Записки*—моя скала, Краевскій—мой кор-

¹⁾ О Рётшерѣ см. статьи №№ 13, 27 и 28.

шунъ. Мозгъ мой сохнетъ, способности тупѣютъ“... (6 февр. 1843 г.).

И БѢлинскій сдѣлалъ попытку лѣтомъ 1843 года разорвать свои отношенія съ Краевскимъ и „Отеч. Записками“. Мы знаемъ, что лѣто этого года БѢлинскій провелъ въ Москвѣ; онъ выѣхалъ изъ Петербурга 2-го іюня, а уже 8 іюня написалъ изъ Москвы Краевскому письмо, въ которомъ сообщалъ, что отказывается отъ отдѣла „критики“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Поводомъ послужило повидимому то, что Краевскій отказался выплатить БѢлинскому должную ему за статьи сумму (1727 р. асс.), предпочитая сперва расплатиться съ другими своими долгами. „Критикъ я не могу писать, — читаемъ мы въ письмѣ БѢлинскаго къ Краевскому отъ 16 іюня 1843 г., — потому что хочу, въ надеждѣ денегъ, составить исторію Робинзона Крузо, передѣлать въ книгу статью мою о дѣтскихъ книгахъ ¹⁾ и т. п. Бога ради, поимите проще и правдивѣе мое рѣшеніе: ваше несостояніе заплатить мнѣ извѣстную сумму слѣдующихъ мнѣ по 1-ое апрѣля денегъ и цензурный гнетъ дѣлаютъ для меня критики ярмомъ невыносимымъ, а необходимость заниматься другимъ для денегъ лишаетъ меня и времени заниматься ими“... Какъ-разъ въ это время БѢлинскій получилъ заманчивое предложеніе отъ одного богатаго человѣка, Коссиковского, поѣхать съ нимъ на два года за границу, при чемъ, кромѣ бесплатной поѣздки, Коссиковский предлагалъ за это БѢлинскому 6000 р. асс. ²⁾. „Предложеніе было соблазнительное, и часа два я былъ въ лихорадкѣ отъ него“, — говоритъ БѢлинскій. Но тутъ-то и выяснилось, какъ дорога была БѢлинскому журнальная дѣятельность, проклинаяшаяся имъ; тутъ самъ онъ увидѣлъ, что для него такое русская литература... „Этотъ случай — пишетъ онъ Краевскому (8 іюля) — посланъ мнѣ судьбою въ насмѣшку надо мною — видитъ око, да зубъ нейметъ; хороша клубничка, да жена сторожить. А жена эта — старая, кривая, рябая, злая, глупая старуха, словомъ, расейская литература, чортъ бы ее съѣлъ, да и подавился бы ею. Другой на моемъ мѣстѣ, чтобы только отъ нея убѣжать, бросился бы хоть въ киргизскія степи, а я — Донъ-Кихотъ нравственный, отказываюсь отъ поѣздки въ Италію, Францію, Германію, Голландію, на Рейнъ и пр., отказываюсь отъ чудесъ природы, искусства, цивилизаціи, отъ здоровья и можетъ быть еще чего-нибудь большаго. Таковъ ужъ моя натура“.

Краевскій испугался: замѣнить БѢлинскаго ему было нечѣмъ, безъ БѢлинскаго журналъ его погибъ бы. А потому, еще не зная о предложеніи Коссиковского, онъ отдалъ БѢлинскому свой долгъ, хотя и съ выраженіемъ крайняго своего неудовольствія. Деньги пришли къ БѢлинскому какъ нельзя болѣе кстати, а на неудовольствіе Краевскаго онъ не обратилъ вниманія, хотя тонъ письма Краевскаго его и „кольнулъ“; „а что вы бранитесь въ письмѣ, это — ваше благородіе, ангелъ вы мой — ужъ такой обычай у васъ — собачья натура, которая коли не лаеетъ, такъ рычитъ“, — отвѣчалъ БѢлинскій и, рѣшившись остаться въ „Отеч. Запискахъ“, оригинально утѣшалъ Краевскаго: „я душу васъ часто несвоевременными просьбами насчетъ денежной клубнички — это правда, но зато я въ вѣрѣ твердъ и хожу въ Отеч. Записки. . . . и въ будни и въ праздники“... Еще больше испугался Краевскій, узнавъ о предложеніи БѢлинскому заграничной поѣздки; онъ немедленно написалъ БѢлинскому „доброоеискреннее“ письмо, отговаривая его отъ этой поѣздки... Но БѢлинскій въ это время уже сдѣлалъ предложеніе М. В. Орловой, а потому и отвѣтилъ Краевскому, что не только не поѣдетъ за границу, но даже „если бы Европа сама пріѣхала ко мнѣ въ гости, я бы не принялъ ее теперь“ (22 іюля 1843 г.). Теперь не могло уже быть и рѣчи о разрывѣ съ „Отеч. Записками“ — и Краевскому въ этомъ отношеніи женитьба БѢлинскаго была какъ нельзя болѣе на руку; онъ повысилъ гонораръ БѢлинскому до 6000 р. асс. въ годъ ¹⁾ и былъ увѣренъ, что, связанный семьей, БѢлинскій уже не уйдетъ изъ его журнала. „Видно, насъ самъ чортъ связалъ веревочкой, какъ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, и намъ, видно, не развязаться“, — писалъ Краевскому БѢлинскій, рѣшившись остаться въ „Отеч. Запискахъ“. И вернувшись въ Петербургъ, БѢлинскій продолжалъ дѣятельно работать въ журналѣ Краевскаго, съ отвращеніемъ рецензируя азбуки, сонники, гадальныя книжки — и въ то же время отдыхая душою на такихъ статьяхъ, какъ широко задуманныя имъ статьи о Пушкинѣ. „...Трудъ мнѣ не опротивѣлъ, — писалъ впоследствии (въ 1846 г.) БѢлинскій Герцену: — я большой писалъ большую статью о *Жизни и сочиненіяхъ Кольцова*, и работалъ съ наслажденіемъ; въ другое время я въ три недѣли чуть не изготовилъ къ печати цѣлой книги, и эта работа была мнѣ сладка, сдѣлала меня веселымъ, довольнымъ и бодрымъ духомъ“... Но

¹⁾ См. статью № 21, наст. изд., т. I, стр. 732.

²⁾ О Коссиковскомъ см. въ „Дневникѣ“ Никитенко. Впоследствии у этого великодушнаго Коссиковского произошли какія-то денежные недоразумѣнія съ БѢлинскимъ, который вспоминалъ о Коссиковскомъ съ негодованіемъ и „сердечнымъ и всяческимъ щемленіемъ“.

¹⁾ Послѣдній фактъ нуждается еще въ подтвержденіи: есть версія, что Краевскій, наоборотъ, отказался повысить гонораръ БѢлинскому до 6000 р. въ годъ и что это послужило новой причиной охлажденія между ними (см. „Истор. Вѣстн.“ 1876 г. № 2).

журнальная, подневольная работа, работа изъ-подъ палки — по-прежнему осталась невыносимой для Бѣлинскаго.

Здѣсь кстати будетъ внести нѣкоторую поправку въ жалобы Бѣлинскаго на эту подневольную работу. Казалось бы, тутъ передъ нами явное противорѣчіе: Бѣлинскій рассказываетъ, съ какимъ трудомъ и отвращеніемъ беретъ онъ за перо, чтобы къ сроку написать для журнала статью, а мы, читая эту самую статью, поражаемся легкостью и блескомъ формы этой статьи, ея прочувствованностью, глубиной ея содержанія. Но противорѣчія тутъ нѣтъ. Бѣлинскій съ отвращеніемъ брался, понукаемый Краевскимъ, за подневольную работу; но стоило ему только приступить къ работѣ, какъ онъ преобразился, онъ овладѣвалъ темой, онъ „весь уходилъ въ нее,—справедливо говоритъ Пыпинъ,—работалъ быстро, съ увлеченіемъ, забывая все окружающее; это былъ импровизаторъ, преобразившійся въ минуту вдохновенія,—хотя бы оно вызывалось привычкой и необходимостью“ (ор. cit., стр. 430). Самъ Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину отъ конца февраля 1847 года, отвѣчая на упрекъ, что статья его о „Перепискѣ“ Гоголя написана „безъ довольной обдуманности и нѣсколько сплеча“, дѣлаетъ крайне характерное и цѣнное признаніе: „какъ ты меня мало знаешь!—воскликаетъ онъ:—всѣ лучшія мои статьи нисколько не обдуманы. Это импровизаціи; садясь за нихъ, я не зналъ, что я буду писать. Если первая строка хватить издалека—статья болтлива, о дѣлѣ мало сказано; если первая строка ближе къ дѣлу—статья хороша. И чѣмъ больше я ее запущу, чѣмъ меньше мнѣ времени писать ее, тѣмъ она энергичнѣе и горячѣе. Вотъ какъ я пишу!“¹⁾ Конечно, признаніе это надо понимать *simpliciter*: у Бѣлинскаго есть великолѣпныя „обдуманныя“ статьи, да и напримѣръ знаменитыя его статьи о Пушкинѣ, растянувшіяся на четыре года, не могли быть только „импровизаціей“; но это не устраняетъ признанія Бѣлинскаго, касающагося не столько внутренней сущности, сколько способа писанія его статей. Мы видѣли, что самъ Бѣлинскій называлъ свою ежемѣсячную срочную работу — „двухнедѣльной оргіей“, „лихорадочнымъ напряженіемъ“; напряжение это было губительно для его здоровья, но именно оно придавало статьямъ Бѣлинскаго ту энергію, бурность, горячность, которыми статьи эти до сихъ поръ увлекаютъ читателей.

Но Бѣлинскому хотѣлось бѣльшаго, ему хотѣлось досуга и возможности обработать тѣ блестящія импровизаціи, которыя выли-

вались изъ-подъ его пера. Въ письмѣ къ Каверину отъ 7 дек. 1847 года онъ говоритъ: „я вамъ прочту иную живую и горячую, но сплеча написанную статью мою — она вамъ понравится, можетъ быть приведетъ васъ въ восторгъ. Но дайте мнѣ время обработать эту импровизацію — вы не узнаете ея: живость и теплота въ ней останутся, а силы ума и таланта прибавится...“ И далѣе—новое интересное признаніе: „знаете ли, какія лучшія мои статьи? Вы ихъ не знаете—это тѣ, которыя не только не печатаны, а никогда не были и написаны, и которыя я слагалъ въ головѣ моей во время поѣздокъ, гуляній,—словомъ, въ нерабочее мое время, когда ничто извнѣ не понуждало меня приняться за работу. Боже мой! сколько яркихъ неожиданныхъ мыслей, сколько страницъ живыхъ, страстныхъ, огненныхъ! И многое, что особенно хорошо въ моихъ печатныхъ статьяхъ, большею частію удержанные въ памяти, ослабленные урывки изъ этихъ на свободѣ слагавшихся въ праздной головѣ статей... Я знаю, что моя сила не въ талантѣ, а въ страсти, въ субъективномъ характерѣ моей натуры, въ томъ, что моя статья и я—всегда нѣчто нераздѣльное...“ И именно въ этой нераздѣльности кроется отвѣтъ на то, какъ могъ Бѣлинскій совмѣщать въ своей душѣ и страстную любовь и ненависть къ литературѣ, къ своей журнальной дѣятельности. Какъ ни тяжело приходилось ему отъ подневольной журнальной работы, какъ бы ни проклиналъ онъ въ письмахъ свой рабскій трудъ, но всегда въ душѣ своей сознавалъ онъ ту великую общественную миссію, которая была возложена на его плечи; всегда онъ могъ бы повторить слова, сказанныя имъ еще въ 1840 году: „умру на журналъ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку Отечественныхъ Записокъ. Я литераторъ—говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ съ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь...“

XV.

Только два года спустя послѣ своей женитьбы Бѣлинскій твердо рѣшилъ уйти изъ журнала Краевскаго. Краевскій продолжалъ свою политику фактическаго хозяина журнала, заваливалъ Бѣлинскаго всяческой литературной макулатурой для рецензій (чтобы Бѣлинскій, первый критикъ его журнала, „не зазнавался“) и подъ шумокъ говорилъ своимъ пріятелямъ: „Бѣлинскій выписался и мнѣ пора его прогнать...“ Это онъ говорилъ въ 1845 году, когда Бѣлинскій писалъ такіа статьи, какъ „Тарантасъ“ (см. № 50) или девятую и десятую изъ своихъ статей о Пуш-

¹⁾ Подробнѣе см. эту цитату во вступительной запискѣ къ статьѣ № 63 (т. III, стр. 792).

кинѣ! Существуетъ версія, будто Краевскій былъ недоволенъ этими „пушкинскими статьями“ БѢлинскаго, которыя якобы никого не интересовали и оставались въ журналѣ неразрѣзанными¹⁾; но этотъ вздорный слухъ, противорѣчащій всѣмъ другимъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ (напримѣръ, дважды приведенному выше свидѣтельству Герцена), явно придуманъ ad hoc и post hoc, чтобы показать, что БѢлинскій не самъ ушелъ, а Краевскій „прогналъ“ выписавшагося и интереснаго критика... Въ дѣйствительности дѣло произошло иначе. БѢлинскій, заручившись временной денежной поддержкой Герцена, 6-го февраля 1846 года заявилъ Краевскому, что, „спасая здоровье и жизнь, бросаетъ работу журнальную“ и перестаетъ сотрудничать въ „Отеч. Запискахъ“ съ 1-го апрѣля этого года, — чѣмъ Краевскій „явно былъ смущенъ“. Какъ Краевскій вскорѣ нашелъ видную критическую силу въ лицѣ Валеріана Майкова, и какъ этотъ В. Майковъ вскорѣ началъ полемизировать съ БѢлинскимъ — объ этомъ мы между прочимъ говоримъ во вступительныхъ замѣткахъ къ статьямъ №№ 60 и 62; здѣсь намъ достаточно сказать, что БѢлинскій въ началѣ 1846 года навсегда распростился съ „Отеч. Записками“ и Краевскимъ, начавшимъ еще усиленнѣе распускать слухи о томъ, что БѢлинскій „исписался“. Вздорность этихъ слуховъ вскорѣ доказали новыя статьи БѢлинскаго, вышедшія въ началѣ 1846 года отдѣльными книгами (ст. №№ 60 и 61); впоследствии статьи 1847 и 1848 года показали, что и умиравшій БѢлинскій, уже черезъ силу диктовавшій ихъ, остался душою и талантомъ все тѣмъ же прежнимъ энергичнымъ и бодрымъ „неистовымъ Виссаріономъ“.

Бросивъ журнальную дѣятельность, БѢлинскій имѣлъ въ виду получить на первое время средства къ жизни изданіемъ громаднаго альманаха „Левіаѳанъ“, въ который московскіе и петербургскіе друзья тотчасъ же предложили и прислали ему цѣлый рядъ статей. Однако изданіе этого альманаха БѢлинскій рѣшилъ отложить на осень 1846 года („выпущу въ октябрѣ“), такъ какъ московскіе друзья его — главнымъ образомъ Герценъ, — обезпокоенные состояніемъ здоровья БѢлинскаго, пожелали дать ему возможность отдохнуть лѣтомъ этого года отъ всякой работы. А болѣзнь БѢлинскаго сильно обострилась — и самъ онъ сознавалъ свое положеніе, хотя и думалъ, что есть еще надежда оттянуть надвигавшуюся смерть. „Ахъ, братцы, плохо мое здоровье — бѣда! — писалъ БѢлинскій Герцену 14 янв. 1846 года; — ...не могу поворо-

титься на стулѣ, чтобы не задохнуться отъ истощенія. Полгода, даже четыре мѣсяца за границею — и, быть можетъ, я лѣтъ на пять или болѣе опять пошелъ бы какъ ни въ чемъ не бывало...“ Поѣздку за границу друзья не могли ему устроить, но устроили ему поѣздку по Россіи съ мая по октябрь 1846 года: знаменитый актеръ М. С. Щепкинъ, старый московскій знакомый БѢлинскаго, ѣхалъ на лѣтнія гастроли въ Калугу, Харьковъ, Николаевъ, Херсонъ, Одессу, Крымъ — и бралъ БѢлинскаго подъ свою опеку. Денежныя дѣла БѢлинскаго устроилъ Герценъ — и БѢлинскій пустился въ полугодовое путешествіе. Врядъ ли поѣздка эта могла принести пользу БѢлинскому; отъ журнальной работы онъ отдохнулъ и даже соскучился по ней, но сама поѣздка его измотала: лѣто было дождливое и до Харькова путешественники дрожали отъ сырости и тонули въ грязи, а въ Харьковѣ и другихъ южныхъ городахъ задыхались отъ пыли. Во всякомъ случаѣ БѢлинскій вернулся еще болѣе больнымъ, чѣмъ уѣхалъ.

Пока БѢлинскій путешествовалъ, петербургскіе его друзья (Панаевъ, Некрасовъ) совершенно неожиданно задумали приобрести журналъ „Современникъ“, основанный еще Пушкинымъ, а теперь влачившій жалкое существованіе подъ редакціей Плетнева. Такимъ образомъ, когда БѢлинскій вернулся — онъ получилъ возможность стать во главѣ своего журнала и не искать себѣ заработка невѣрнымъ путемъ изданія альманаха. Еще разрывая съ „Отеч. Записками“, БѢлинскій предвидѣлъ возможность созданія новаго журнала: „я надѣюсь, что буду издавать журналъ... Я увѣренъ, что не пройдетъ двухъ лѣтъ, какъ я буду полнымъ редакторомъ журнала“, — писалъ БѢлинскій Герцену еще до своего путешествія (6 апр. 1846 г.), когда о приобрѣтеніи „Современника“ не было еще и рѣчи. Надежды БѢлинскаго оправдались раньше, чѣмъ онъ думалъ: не черезъ два года, а черезъ полгода получилъ онъ возможность снова работать въ журналѣ; не осуществилась только надежда — стать полноправнымъ редакторомъ журнала. Издателями „Современника“ стали Панаевъ и Некрасовъ, официальнымъ редакторомъ они пригласили А. Никитенко, а БѢлинскій снова остался сотрудникомъ на жалованьи...

Какъ это случилось — теперь уже достаточно выяснено; главную и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не совсѣмъ красивую роль во всемъ этомъ сыгралъ Некрасовъ. Этотъ великій поэтъ былъ большой „дипломатъ и политикъ“; онъ понималъ, что официальное редакторство БѢлинскаго можетъ оказаться весьма неудобнымъ для журнала: во-первыхъ, БѢлинскій явно былъ на порогѣ смерти, а смерть официального редактора могла быть для нико-

¹⁾ Слухъ этотъ пущенъ, вѣроятно, самимъ Краевскимъ; см. статью А. Старчевскаго въ „Историч. Вѣстникѣ“ 1876 г. № 2.

лаевскихъ жандармовъ предлогомъ вмѣшательства въ дѣла журнала (такъ было съ тѣмъ же „Современникомъ“ послѣ смерти Пушкина), а во-вторыхъ, на редакторство Бѣлинскаго косо взглянули бы эти самые жандармы, знаменитое Третье Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, у которой Бѣлинскій и безъ того былъ на примѣтѣ. Гораздо безопаснѣе было пригласить редакторомъ „либеральнаго“ профессора А. Никитенко, который въ то же время былъ и цензоромъ, и безцвѣтный „либерализмъ“ котораго былъ вполне терпимъ даже въ николаевское время...

Причины эти были, быть можетъ, и уважительныя, но онѣ тяжело отразились на Бѣлинскомъ, тѣмъ болѣе, что въ это же время (въ концѣ 1846 и началѣ 1847 года) на его голову свалился рядъ ударовъ—усиленіе своей болѣзни, рожденіе, болѣзнь и смерть сына и т. д. „Мнѣ эта исторія (съ Некрасовымъ) обошлась дорого“,—признавался годомъ позднѣе Бѣлинскій въ письмѣ къ Кавелину (7 дек. 1847 г.); а вскорѣ послѣ этой исторіи Бѣлинскій такъ писалъ Тургеневу: „при объясненіи со мною, онъ (Некрасовъ) былъ нехорошъ: кашлялъ, заикался, говорилъ, что на то, что я желаю ¹⁾, онъ, кажется для моей же пользы, согласиться никакъ не можетъ, по причинамъ, которыя сейчасъ же объяснить, и по причинамъ, которыхъ не можетъ мнѣ сказать ²⁾. Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ—и сказалъ мои условія ³⁾. Онъ повеселѣлъ...“ (19 февр. 1847 г.). А между тѣмъ Бѣлинскій былъ единственной надеждой „Современника“, Бѣлинскій далъ возможность этому журналу сразу обратить на себя общее вниманіе—хотя бы однимъ тѣмъ, что онъ передалъ въ этотъ журналъ всѣ выдающіяся вещи, собранныя имъ для „Левіаѳана“; нечего уже и говорить о томъ, насколько привлекло читателей къ этому журналу одно имя Бѣлинскаго. И вотъ онъ принужденъ былъ снова только „сотрудничать“ въ журналѣ своихъ друзей. Правда, здѣсь его положеніе было болѣе свободно, чѣмъ въ журналѣ Краевскаго; правда, и здѣсь онъ былъ единственнымъ идейнымъ хозяиномъ журнала,—но все же и здѣсь фактическіе хозяева, издатель Некрасовъ и редакторъ Никитенко, проявляли надъ нимъ свою власть. Никитенко маралъ и „исправ-

лялъ“ статьи Бѣлинскаго,—примѣры этого мы указываемъ въ статьяхъ №№ 63 и 65, а Некрасовъ наложилъ свою руку на самую первую статью Бѣлинскаго въ „Современникѣ“ („Взглядъ на русскую литературу 1846 года“, № 62), требуя, чтобы Бѣлинскій измѣнилъ въ ней свое мнѣніе о повѣсти Григоровича, которая очень нравилась Бѣлинскому, но не нравилась Некрасову... И, повидимому, Бѣлинскому пришлось подчиниться, такъ какъ отзывъ его о „Деревнѣ“ Григоровича, которая ему такъ нравилась (т. III, стр. 781—2), является слишкомъ сдержаннымъ, а отчасти и противорѣчивымъ... ¹⁾. И если устраненіе Бѣлинскаго отъ редакторства могло еще быть оправдано разными тонкими дипломатическими соображеніями, то этотъ послѣдній поступокъ Некрасова, несмотря на всю свою незначительность, навсегда останется темнымъ пятномъ на его памяти... Повидимому, Бѣлинскій вскорѣ потребовалъ отъ Некрасова, чтобы тотъ не вмѣшивался въ отдѣлъ критики (см. выше примѣчаніе); во всякомъ случаѣ онъ съ горечью говорилъ обо всѣхъ этихъ неудовольствіяхъ своимъ московскимъ друзьямъ (письма къ Боткину отъ 29 янв. и 6 февр. 1847 г.). Впрочемъ, говорилъ онъ объ этомъ не часто: слишкомъ тяжело ему было разочароваться въ былыхъ надеждахъ и, освободившись отъ ига Краевскаго, попасть подъ власть Некрасова и Никитенко.

И однако Бѣлинскій, забывая обиды, горячо принялся за новый журналъ, идейнымъ руководителемъ котораго былъ все-таки онъ. Цѣлый годъ онъ велъ жестокую войну со своими московскими друзьями, которые были возмущены устраненіемъ Бѣлинскаго отъ редакторства и поступками Некрасова, а потому не желали оказывать исключительную поддержку „Современнику“ ²⁾. Бѣлинскій возмущался, негодовалъ, выходилъ изъ себя, упрекая своихъ московскихъ друзей (главнымъ образомъ Боткина, Грановскаго и Кавелина) за ихъ поддержку Краевскаго и „Отеч. Записокъ“,—но въ послѣдствіи призналъ отчасти основательность ихъ доводовъ. „Итакъ, дѣло вотъ въ чемъ,—писалъ Бѣлинскій (7 дек. 1847 г.) Кавелину:—вы остаетесь при томъ дурномъ мнѣніи о Некрасовѣ, при той недовѣрчивости къ нему, о которой вы писали мнѣ великимъ постомъ нынѣшняго года. Я, съ моей стороны, вполне сознавая несправедливость и неделикатность поступка со мною Некрасова, тѣмъ не менѣе не вижу въ немъ дурного человѣка...“ Но тутъ же Бѣ-

¹⁾ Очевидно, редакторство Бѣлинскаго въ „Современникѣ“.

²⁾ Эти причины указаны нами выше.

³⁾ Условія эти, вѣроятно, касались гонорара: Бѣлинскій получалъ въ „Современникѣ“ 8000 р. асс. за первый (1847) годъ и 12000 р. асс. за второй (1848) годъ. Быть можетъ, также условія эти касались невмѣшательства Некрасова въ критическій отдѣлъ „Современника“ (см. ниже).

¹⁾ О „Деревнѣ“ см. въ воспоминаніяхъ Тургенева о Бѣлинскомъ.

²⁾ См. воспоминанія Кавелина, собр. соч. т. III, стр. 1092—1093.

линскій признается, что исторія съ Некрасовымъ обошлась ему дорого и что онъ старался поскорѣе ликвидировать ее: „я признаюсь, у меня не доставало духа взглянуть на дѣло прямо. Да и то сказать, боленъ, близокъ къ смерти, безъ средствъ, я долженъ былъ, волею или неволею, ухватиться за Современникъ, какъ за надежду и спасеніе...“ Такъ или иначе, но БѢлинскій поставилъ крестъ надъ всей этой непріятной исторіей; онъ сталъ энергично ратовать за „Современникъ“, добывать для него статьи, искать новыхъ сотрудниковъ. Самъ онъ собирался дать этому журналу цѣлый рядъ критическихъ статей; въ концѣ 1847 г. онъ писалъ Боткину: „въ первой книжкѣ („Современника“ за 1848 г.) будетъ моя большая статья—обзоръ русской литературы въ 1847 г. Мнѣ хочется разобрать „Кто виноватъ?“ и „Обыкновенную исторію“. Эти двѣ вещи даютъ возможность поговорить обо многомъ такомъ, что интересно и полезно для русской публики, потому что близко къ ней. Во второмъ номерѣ—о Лермонтовѣ, кстати вышло новое его изданіе. Затѣмъ о Ломоносовѣ, Державинѣ и другихъ, изданныхъ теперь писателяхъ русскихъ, а тамъ о Гоголѣ. Такимъ образомъ „Современникъ“ сдѣлается по преимуществу критическимъ журналомъ, лишь бы только здоровье мое позволило...“

Но здоровье не позволяло. Не успѣлъ БѢлинскій вернуться къ ноябрю 1846 г. изъ своего путешествія по Россіи, не успѣлъ дать въ „Современникъ“ нѣсколько статей¹⁾, какъ доктора уже въ январѣ 1847 года стали посылать его на воды за границу, въ Силезію. И БѢлинскій хотѣлъ вѣрить, что „за границею можно закрѣпить готовый развязаться и расплзтись узелъ жизни“... Но средствъ на поѣздку не было, а снова обращаться къ помощи друзей БѢлинскій не хотѣлъ: „скажу тебѣ откровенно,—писалъ онъ Боткину 29 янв. 1847 г.:—эта жизнь на подавніяхъ становится мнѣ невыносимою“... Однако сами друзья БѢлинскаго—главнымъ образомъ Боткинъ—позаботились достать нужную для поѣздки БѢлинскаго сумму, такъ что БѢлинскій могъ осуществить эту заграничную поѣздку. Выѣхалъ онъ изъ Петербурга 5 мая, а вернулся 24 сентября 1847 года; путешествовалъ онъ съ Анненковымъ и Тургеневымъ. Сперва его повезли на воды въ Зальцбруннъ, гдѣ БѢлинскій пробылъ съ 22 мая по 3 іюля; здоровье его становилось все хуже и хуже. Но въ этомъ хилломъ тѣлѣ была душа гладіатора—это давно

уже сказано о БѢлинскомъ¹⁾; больной, умирающій, онъ нашелъ въ себѣ силы написать изъ Зальцбрунна письмо къ Гоголю, горящее негодованіемъ, проникнутое одушевленіемъ и силою; во вступительной замѣткѣ къ этому письму (ст. № 64) мы подробно говоримъ о всей этой исторіи. Зальцбруннъ не помогъ; рѣшено было ѣхать въ Парижъ, къ одному доктору, славившемуся своими излѣченіями чахотки. Въ Парижѣ БѢлинскій очутился въ обществѣ близкихъ своихъ друзей—семьи Герценовъ, М. Бакунина и др. Друзья видѣли, что передъ ними—умирающій человекъ, дни котораго сочтены; но докторъ взялся „вылѣчить“ его. Одно время БѢлинскій дѣйствительно сталъ чувствовать себя нѣсколько лучше: „я еще не выздоровѣлъ, но крѣпко и видимо выздоравливаю“—писалъ онъ женѣ (22 авг. 1847 г.). Докторъ, послѣ трехъ недѣль лѣченія, заявилъ БѢлинскому, qu'il le regarde comme guéri, что онъ считаетъ его уже вылѣченнымъ...

БѢлинскій вернулся въ Петербургъ—и не прошло нѣсколькихъ дней, какъ болѣзнь его снова обострилась: по его же выраженію, онъ „безпрестанно умиралъ“... Въ этомъ состояніи онъ снова принялся за журнальную работу, и, умирающій, писалъ и диктовалъ такіе статьи, какъ „Отвѣтъ Москвитянину“ и „Взглядъ на русскую литературу 1847 г.“ (№№ 65 и 66). Сколько энергіи, сколько ума и чувства, сколько силы въ этихъ статьяхъ умирающаго человека—это читатели видятъ сами; мы только должны прибавить, что въ эти послѣдніе два года жизни умирающаго БѢлинскаго въ душѣ его происходилъ новый мучительный процессъ переоцѣнки старыхъ цѣнностей, разрывъ со старой вѣрой, ростъ новыхъ взглядовъ. „Вѣчная подвижность“—эти слова самого БѢлинскаго характеризуютъ сущность натуры БѢлинскаго...

XVI.

Эта новая переоцѣнка основъ міровоззрѣнія началась, повидимому, еще во время путешествія БѢлинскаго по Россіи лѣтомъ 1846 года. Съ начала весны и до конца этого года БѢлинскій не писалъ статей, такъ какъ путешествовалъ и не имѣлъ въ своемъ распоряженіи журнала; письма же этого времени адресованы имъ главнымъ образомъ женѣ, съ которой бы онъ не сталъ говорить о происходящемъ съ нимъ новомъ переломѣ. А что переломъ совершился именно въ это время—это какъ нельзя яснѣе показываетъ намъ первая же статья БѢлинскаго въ первомъ номерѣ „Современника“ за 1847 годъ;

¹⁾ Изъ статей этого времени см. въ настоящемъ изданіи ст. №№ 62 и 63.

¹⁾ Герценъ, „Былое и Думы“, гл. XXV.

и переломъ этотъ коснулся не частныхъ, а главнаго стержня всего міровоззрѣнія Бѣлинскаго. Правда, въ новомъ журналѣ Бѣлинскій измѣнилъ и нѣкоторыя частности своихъ критическихъ взглядовъ, измѣнилъ тонъ отношенія къ нѣкоторымъ лицамъ и нѣкоторымъ вопросамъ, для того, чтобы сразу разорвать съ традиціей журнала Краевского; мы подробно говоримъ объ этихъ частностяхъ во вступительныхъ замѣткахъ къ статьямъ № 59, 62, 65, а потому не будемъ останавливаться на нихъ здѣсь. Гораздо важнѣе оцѣнить сущность того глубокаго внутреннего переворота, который опредѣляется словами—*потеря Бѣлинскимъ вѣры въ социализмъ*.

Мы внимательно слѣдили за душевнымъ переломомъ Бѣлинскаго въ 1840—1841 гг., когда онъ отъ признанія „разумной дѣйствительности“ міра и жизни пришелъ къ отчаянію, къ невѣрію въ жизнь, къ признанію бессмысленности ея; мы видѣли, въ чемъ тогда Бѣлинскій нашелъ спасеніе—онъ нашелъ его въ новой вѣрѣ, въ признаніи „разумной дѣйствительности“ не міра и жизни вообще, а только будущей земной жизни человѣчества. Для Бѣлинскаго начался періодъ „соціальности“, вѣры въ социализмъ—и продолжался съ 1841 по 1845 годъ (см. весь второй томъ настоящаго изданія); во второй половинѣ 1845 года Бѣлинскій, по словамъ познакомившагося съ нимъ тогда Достоевскаго, былъ еще ярымъ приверженцемъ утопическаго социализма и съ жаромъ проповѣдывалъ его своему новому знакомому. А годомъ позднѣе Бѣлинскій пишетъ статью, въ которой уже ясно выражается потеря вѣры въ социализмъ (№ 62 и сл.); еще годомъ позднѣе, въ письмахъ къ друзьямъ, онъ уже крайне рѣзко отзывается о социалистахъ, называя ихъ „новыми мусульманами, у которыхъ Руссо—Алла, а Робеспьеръ—пророкъ его“, считая ихъ „только шумливой, а въ сущности безсильной и ничтожной партіей“, именуя ихъ выродками изъ фантазіи Руссо, а также „соціальными и добродѣтельными ослами“... (ср. т. III, стр. 740). Въ вышеуказанной статьѣ конца 1846 года Бѣлинскій опредѣленно отказывается отъ „мечтаній“ утопическаго социализма: онъ говоритъ, что Европу теперь занимаютъ „новые великіе вопросы“, интересоваться которыми и слѣдить за которыми необходимо всѣмъ; но въ то же время „для насъ было бы вовсе безплодно принимать эти вопросы, какъ наши собственные. Въ нихъ нашего только то, что примѣнимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ... У себя, въ себѣ, вокругъ себя—вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ и ихъ рѣшенія“... (т. III, стр. 770). Врядъ ли мы ошибемся, если предположимъ, что одной изъ главныхъ причинъ этого разочарованія

въ общепримѣнимости и всеспасительности принциповъ утопическаго социализма и коммунизма—могло быть продолжительное путешествіе Бѣлинскаго по всей Россіи лѣтомъ 1846 г. Хорошо было Бѣлинскому вѣрить въ близкое осуществленіе коммунизма и жертвовать на это осуществленіе фиктивные милліоны (см. воспоминанія Гончарова), сидя въ своемъ кабинетѣ на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста, въ домѣ Лопатина, кв. № 43 (тамъ жилъ Бѣлинскій въ 1845 г.); но стоило уйти на полгода отъ своего книжнаго и кружковаго уединенія, стоило проколесить по Россіи тысячъ пять верстъ, чтобы убѣдиться, какъ безконечно далѣки отъ николаевской Россіи идеалы утопическаго социализма. Славянофиламъ (а послѣ нихъ—родоначальнику народничества, Герцену) казалось, что русская поземельная община есть уже отчасти осуществленіе идеаловъ коммунизма; но Бѣлинскій скептически относился къ этой вѣрѣ и видѣлъ въ ней отраженіе вліяній утопическаго социализма: „лучшіе изъ славянофиловъ—писалъ онъ къ Анненкову 15 февр. 1848 г.—смотря на народъ совершенно такъ, какъ мой вѣрующій другъ¹⁾; они высосали эти понятія изъ социалистовъ“... Бѣлинскій видѣлъ, что въ русской дѣйствительности того времени на очереди стояло вовсе не осуществленіе коммунистическихъ идеаловъ, а уничтоженіе крѣпостнаго права; въ проблемахъ и рѣшеніяхъ европейскаго социализма „нашего только то, что примѣнимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ... У себя, въ себѣ, вокругъ себя—вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ и ихъ рѣшенія“,—приведемъ мы еще разъ слова Бѣлинскаго. Потерявъ вѣру въ утопическій социализмъ, Бѣлинскій тѣмъ сильнѣе ухватился за неотложныя проблемы русской дѣйствительности.

Но дѣйствительность эта не радовала; и въ то же время безъ вѣры Бѣлинскій жить не могъ. Тяжело отозвалась на немъ эта потеря вѣры въ самоосвобожденіе народа, въ ближайшее счастье человѣчества; въ письмахъ 1846—1847 г. мы снова встрѣчаемъ глубоко пессимистическія ноты былого невѣрія въ жизнь. Жить не стоитъ. Не изъ-за чего хлопотать. „Жизнь наполнена ужаснаго юмора“. „Тяжело и грустно! Чортъ возьми, иной разъ, право, дѣлается легко и весело отъ мысли, что жизнь—фантасмагорія, что, какъ мы ни волнуемся, а придѣтъ же время, когда и кости наши обратятся въ пыль“...

¹⁾ „Вѣрующимъ другомъ“ Бѣлинскій сталъ называть Бакунина послѣ своей встрѣчи съ нимъ въ Парижѣ лѣтомъ 1847 г. (см. въ письмѣ къ Анненкову отъ 19 сент. нов. ст. 1847 г.), Бакунинъ „вѣрилъ“ въ народъ, въ его скорое самоосвобожденіе, въ близкое торжество социалистическихъ идеаловъ.

(письмо къ Кавелину отъ 7 дек. 1847 г.). Но и этотъ ударъ и эту потерю вѣры вынесъ и выдержалъ БѢлинскій, о немъ можно было бы повторить то, что самъ онъ въ началѣ 1846 года сказалъ въ одной изъ своихъ статей: „какъ ни жестокъ былъ ударъ, поразившій его въ самое сердце, но онъ вынесъ его, не закрылъ глазъ своихъ на природу и жизнь, не оглохъ къ ихъ обаятельнымъ призывамъ, не ушелъ внутрь себя, не забился въ какія-нибудь сладковато-мистическія утѣшенія, какъ это дѣлаютъ послѣ несчастія нравственно-слабыя натуры. Нѣтъ, онъ взялъ свое горе съ собою, бодро и мощно понесъ его по пути жизни, какъ дорогую, хотя и тяжкую ношу, не отказываясь въ то же время отъ жизни и ея радостей“... (т. III, стр. 655). БѢлинскій понесъ съ собою тяжелую ношу сознанія, что грядущее счастье человѣчества—только мечта, которою онъ обманывалъ себя и которая такъ же мало оправдываетъ горе и муки настоящаго, какъ и всякая „сладковато-мистическая“ вѣра въ будущее земное или небесное блаженство. И подобно тому какъ въ 1840—1 гг., отказавшись отъ вѣры въ абсолютную „разумную дѣйствительность“ міра и жизни, БѢлинскій пришелъ къ признанію правъ единичной личности, такъ и теперь, въ 1846 году, отказавшись отъ мысли оправдывать міръ и жизнь грядущимъ разумнымъ устроеніемъ человѣчества, БѢлинскій снова вернулся къ признанію самодовлѣющаго значенія за человѣческой личностью. Уже въ первой своей статьѣ въ „Современникѣ“ БѢлинскій возвращается къ вопросу о личности и подробно говоритъ о томъ, о чемъ не говорилъ уже лѣтъ пять, съ тѣхъ поръ какъ „личность“ была для него заслонена „человѣчествомъ“. Въ цѣломъ рядѣ писемъ 1847—1848 гг. БѢлинскій снова и снова разрабатываетъ вопросъ о личности и съ этической и съ соціальной точки зрѣнія.

„Человѣкъ—самъ себѣ цѣль“: такъ говорилъ БѢлинскій въ письмѣ къ М. Бакунину еще десятью годами ранѣе (21 ноября 1837 г.). Мысль эту онъ особенно часто повторялъ и подчеркивалъ въ своихъ статьяхъ 1841 года (см. ст. №№ 24, 30, 32; особенно т. II, стр. 171, примѣчаніе); теперь онъ снова возвращается къ ней. Человѣкъ—самоцѣль: это признаніе можетъ стать новой вѣрой, новымъ Богомъ БѢлинскаго, ибо, по его же извѣстнымъ намъ словамъ, человѣкъ безъ Бога—трупъ холодный, жизнь человѣка—въ Богѣ, въ Немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ... И этимъ Богомъ снова становилась теперь для БѢлинскаго реальная человѣческая личность, страдающей и блаженствующей человѣкъ, человѣкъ-самоцѣль. Гдѣ оправданіе этихъ человѣческихъ страданій? — объективнаго оправданія имъ нѣтъ,

но субъективное оправданіе лежитъ въ самой жизни: такъ теперь сталъ думать БѢлинскій. Объективная цѣлесообразность, разумность міра и жизни, совершенство его *sub specie aeternitatis* — все это, когда-то признававшееся БѢлинскимъ, теперь ненавистно ему: „совершенство есть идея абстрактнаго трансцендентализма, — пишетъ онъ Боткину 17 февр. 1847 г., — и потому оно — подлѣйшая вещь въ мірѣ. Человѣкъ смертенъ, подверженъ болѣзни, голоду, долженъ отстаивать съ бою жизнь свою—это его несовершенство, но имъ-то и великъ онъ, имъ-то и мила и дорога ему жизнь его“...

Такова этическая сторона вопроса о личности въ пониманіи БѢлинскаго; но не меньше вниманія удѣляетъ онъ и соціальной сторонѣ этого вопроса. БѢлинскій беретъ не изолированную личность, а личность, связанную съ настоящимъ, прошлымъ и будущимъ; немедленно вслѣдъ за только-что приведенными фразами изъ письма 17 февраля 1847 г. онъ говоритъ объ „историческомъ прогрессѣ, живой связи, проходящей живымъ нервомъ по живому организму исторіи человѣчества“... И второе не противорѣчитъ первому—индивидуализмъ и общественность не только не противорѣчатъ, но даже и обуславливаютъ другъ друга; мы видимъ это и изъ статей БѢлинскаго въ „Современникѣ“ 1847—1848 гг., и изъ его писемъ этой эпохи. Во вступительныхъ замѣткахъ къ статьямъ №№ 62, 65 и 66 мы подробно касаемся этого вопроса; здѣсь мы прослѣдимъ только дальнѣйшую эволюцію этихъ соціальныхъ воззрѣній БѢлинскаго. Въ концѣ 1847 года БѢлинскій совершилъ еще одинъ, послѣдній этапъ на пути своей „вѣчной подвижности“; этимъ послѣднимъ шагомъ былъ окончательный отказъ отъ былой „вѣры въ народъ“ и признаніе исключительной роли личности въ будущемъ освобожденіи народа.

Насъ не долженъ удивлять этотъ быстрый, но неизбежный поворотъ во взглядахъ БѢлинскаго: вѣдь мы знаемъ, что развитіе его взглядовъ всегда совершалось, по его же словамъ, „зигзагами“, мы знаемъ, что БѢлинскій всегда былъ „человѣкомъ экстремы“, по выраженію Герцена. „Мнѣ не суждено попадать въ центръ истины, откуда въ равномъ разстояніи видны всѣ крайнія точки ея круга: нѣтъ, я какъ-то всегда очутюсь на самомъ краю“... „Ты знаешь мою натуру: она вѣчно въ крайностяхъ и никогда не попадаетъ въ центръ идеи. Я съ трудомъ и болью разстаюсь со старою идеею, отрицаю ее донельзя, а въ новую перехожу со всѣмъ фанатизмомъ прозелита“, — такъ говорилъ о себѣ въ письмахъ самъ БѢлинскій (къ Боткину, отъ 28 іюня и 8 сент. 1841 г.). Интересно отмѣтить, что въ статьяхъ своихъ БѢлинскій

крайне рѣзко отзывался о людяхъ, способныхъ стоять только на „крайнихъ“ точкахъ зрѣнія: „крайность есть нелѣпость, плодъ ограниченности ума и мелкости духа“; „только посредственность и ограниченность способны фанатически предаться какой-нибудь односторонности и упрямо закрывать глаза на весь остальной Божій міръ, противорѣчащій исключительности ихъ тѣснаго убѣжденія“... (см. т. I, стр. 563 и 566). И это Бѣлинскій убѣжденно высказывалъ тогда, когда, самъ того не сознавая, съ головою сидѣлъ въ односторонности ошибочно истолкованнаго гегеліанства ¹⁾... Уже отсюда видно, что Бѣлинскій былъ не правъ: односторонность и крайность совмѣстимы съ широтою ума, съ глубиною духа, съ яркимъ талантомъ, съ горячимъ убѣжденіемъ; и тѣмъ цѣннѣе тогда та доля истины, которая заключена въ этой крайности...

Уйти отъ „крайностей“ Бѣлинскій не могъ, и въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни подошелъ къ новой „односторонности“ въ своемъ взглядѣ на общество и его ближайшія задачи. Разочаровавшись въ социализмъ, Бѣлинскій перешелъ къ обсужденію реальныхъ задачъ современной ему русской дѣйствительности—главнымъ образомъ крѣпостного права; онъ тщательно слѣдилъ за проблесками движенія въ этомъ направленіи и правительства и общества: онъ отмѣчаетъ попытки правительства (напримѣръ, указъ 2 апр. 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ), собираетъ слухи объ отношеніи къ этому вопросу Николая I, восхищается направленной противъ крѣпостного права статьей Заблоцкаго-Десятковского (въ №№ 5—6 „Отеч. Записокъ“ 1847 г.; см. ст. № 66) и заявляетъ въ письмѣ конца 1847 г. къ Анненкову, что „видно по всему, что патріархально-сонный бытъ весь изжитъ, и надо взять иную дорогу“... Эта новая вѣра оживляла Бѣлинскаго—вѣра не въ далекое грядущее блаженство и разумное устройство всего человѣчества, а въ ближайшее освобожденіе отъ рабства русскаго народа. Но какъ свершится это освобожденіе? Бѣлинскій долгое время думалъ и надѣялся, что народъ самъ освободитъ себя; это убѣжденіе было въ немъ сильно еще лѣтомъ 1847 года, во время его заграничной поѣздки. Въ Парижѣ Бѣлинскій встрѣтился съ М. Бакунинымъ, вѣра котораго въ народныя силы доходила до фанатизма; но именно эта фанатическая вѣра и поколебала убѣжденіе Бѣлинскаго. „Станный я человѣкъ!—воскликаетъ полугодомъ позднѣе Бѣлинскій:—когда въ мою голову забьется

какая-нибудь мистическая нелѣпость, здоровымъ мыслящимъ людямъ рѣдко удастся выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непременно нужно сойтись съ мистиками, піетистами и фантазерами, помѣшанными на той же мысли,—тутъ я и назадъ“... И онъ прибавляетъ: „мой вѣрующій другъ (т.-е. Бакунинъ, — И.-Р.) и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности“... (письмо къ Анненкову отъ 15 февр. 1848 г.). Къ этому въ другомъ мѣстѣ онъ прибавлялъ, что всегда и все дѣлалось черезъ средній слой общества—*буржуазію*.

XVII.

Буржуазія—вотъ на кого возложилъ свои реальные надежды Бѣлинскій въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни; это было окончательнымъ проявленіемъ его разрыва съ утопическимъ социализмомъ. Прежде, вѣра въ социализмъ, вѣра въ силы самого народа, Бѣлинскій былъ ярымъ врагомъ буржуазіи и вполне соглашался со своимъ „вѣрующимъ другомъ“, М. Бакунинымъ, который доказывалъ, что „избави де Богъ Россію отъ буржуазіи“... Теперь, съ осени 1847 года, Бѣлинскій понемногу склоняется къ противоположной точкѣ зрѣнія. Въ это самое время въ „Современникѣ“ были напечатаны „Письма изъ Avenue Marigny“ Герцена, писавшіяся отчасти во время пребыванія Бѣлинскаго въ Парижѣ; въ письмахъ этихъ Герценъ обрушивается на французскую буржуазію, разбѣдающую собою социальное тѣло Франціи, и вообще высказываетъ рядъ положеній о буржуазіи, которыя потомъ легли во главу угла всего его міровоззрѣнія. Эти мнѣнія Герцена о буржуазіи привели въ негодованіе московскихъ друзей Бѣлинскаго—Боткина, Корша, Грановскаго, и Боткинъ въ письмѣ къ Бѣлинскому назвалъ взглядъ Герцена неоспоримо ошибочнымъ и нестоящимъ возраженія. Бѣлинскій возсталъ противъ такой оцѣнки взгляда Герцена, и въ большемъ письмѣ къ Боткину отъ начала декабря 1847 года высказываетъ свой взглядъ на французскую буржуазію. Бѣлинскій вполне присоединяется къ тому, что „bourgeoisie — сифилитическая рана на тѣлѣ Франціи“, но весь odium этого онъ хочетъ возложить только на крупныхъ капиталистовъ: „не на буржуазію вообще, а на большихъ капиталистовъ надо нападать, какъ на чуму и холеру современной Франціи“, средняя же буржуазія является всегда великой въ борьбѣ и приносящей во время

¹⁾ Впрочемъ, и позднѣе не разъ Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ осуждалъ „фанатическое увлеченіе крайностями, эту болѣзнь одностороннихъ умовъ“, — см., напр., т. II, стр. 459.

борьбы пользу всему народу¹⁾. „Я не принадлежу — заключаетъ БѢлинскій — къ числу тѣхъ людей, которые утверждаютъ за аксіому, что буржуазіи — зло, что ее надо уничтожить, что только безъ нея все пойдетъ хорошо. Такъ думаетъ нашъ нѣмецъ — Мишель“²⁾;... я съ этимъ соглашусь только тогда, когда на опытѣ увижу государство, благоденствующее безъ средняго класса... Пока буржуазіи есть и пока она сильна — я знаю, что она должна быть и не можетъ не быть. Я знаю, что промышленность — источникъ великихъ золь, но знаю, что она же — источникъ и великихъ благъ для общества“...

А если такъ, то и для Россіи можно было только пожелать скорѣйшаго появленія и укрѣпленія буржуазіи. Бакунинъ доказывалъ БѢлинскому, что „избави Богъ Россію отъ буржуазіи“, а БѢлинскій заявляетъ теперь (въ письмѣ къ Анненкову отъ 15 февр. 1848 г.), что „внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію“. Вотъ почему въ послѣдней своей статьѣ, писавшейся одновременно съ этимъ письмомъ (см. вторую часть ст. № 66 и нашу вступительную замѣтку ко всей этой статьѣ), БѢлинскій съ такимъ сочувствіемъ отзывается о героѣ Гончарова, дворянинѣ и важномъ чиновникѣ Адуевѣ-старшемъ, который является въ то же время владѣльцемъ фабрики — а значитъ и представителемъ „буржуазіи“... Всѣ эти взгляды крайне характерны для БѢлинскаго послѣднихъ мѣсяцевъ жизни; и нельзя отказать этимъ взглядамъ въ глубокой проницательности: дѣйствительно, „внутренній процессъ гражданскаго развитія Россіи“ шелъ путемъ ослабленія русскаго помѣщичьяго дворянства и роста городской буржуазіи. Но БѢлинскій самъ зналъ, что это процессъ длительный, измѣряющійся не годами, а десятилѣтіями; а потому всю свою надежду на ближайшее будущее, на уничтоженіе крѣпостного права онъ возложилъ на отдѣльныя личности.

Народъ самъ себя освободить не можетъ — это такъ же невозможно предположить, какъ и то, что „живущіе въ русскихъ лѣсахъ волки соединятся въ благоустроенное государство, заведутъ у себя сперва абсолютную монархію, потомъ конституціонную и, наконецъ, перейдутъ въ республику“ — писалъ БѢлинскій все въ томъ же письмѣ къ Анненкову. Нуженъ

новый Петръ Великій, который сдвинетъ Россію съ „патріархально-соннаго“ пути ея въ николаевское царствованіе. „Для меня Петръ — моя философія, моя религія, мое откровеніе во всемъ, что касается Россіи“, — писалъ въ концѣ 1847 года БѢлинскій Кавелицу; это значило, что, по мысли БѢлинскаго, великую реформу освобожденія могъ произвести только властный человѣкъ, стоящій во главѣ правительства. „Для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій“, — говоритъ БѢлинскій въ другомъ письмѣ того же времени. Но Петра I не было — и БѢлинскій готовъ былъ возложить свои надежды на Николая I... Въ письмѣ отъ декабря 1847 г. къ Анненкову БѢлинскій съ видимымъ сочувствіемъ передаетъ рядъ слуховъ о тѣхъ или иныхъ поступкахъ и шагахъ Николая I, направленныхъ къ ослабленію крѣпостного права... И за какія только мелочи ни хватался БѢлинскій, чтобы поддержать въ себѣ эту вѣру! Меншиковъ — противникъ освобожденія крестьянъ, Киселевъ — сторонникъ (разсказываетъ БѢлинскій): „недавно Государь Императоръ былъ въ Александровскомъ театрѣ съ Киселевымъ и оттуда взялъ его съ собою къ себѣ пить чай: фактъ, прямо относящійся къ освобожденію крестьянъ“...

Въ связи съ этой надеждой на правительство у БѢлинскаго растетъ вражда ко всякому рѣзкому проявленію общественнаго недовольства. Стоитъ прочесть, что пишетъ онъ на эту тему въ этомъ же письмѣ! — передъ нами прежній „неистовый Виссаріонъ“, ушедшій отъ одной крайности для того, чтобы попасть въ другую. Въ это время былъ осужденъ и отданъ въ солдаты великій украинскій поэтъ Шевченко, за рѣзкія стихотворенія, оставшіяся неизвѣстными БѢлинскому¹⁾; но все же БѢлинскій крайне враждебно отнесся къ этимъ „пасквилямъ“, по его выраженію. Въ Шевченкѣ онъ видѣлъ не мученика свободы, а „осла, дурака и пошлеца, а сверхъ того горькаго пьяницу, любителя горѣлки по патріотизму хохлацкому“... Нужно прибавить, что БѢлинскій вообще всегда отрицательно относился къ литературамъ небольшихъ славянскихъ народностей; малороссійскій языкъ онъ презрительно именовалъ „нарѣчіемъ“ — и это было еще до начала борьбы БѢлинскаго со славянофильствомъ (см., напр., т. I, стр. 414—415). Во время же этой борьбы БѢлинскій доходилъ до такихъ крайностей, какъ, напримѣръ, утвержденіе, что черногорцевъ надо вырѣзать всѣхъ до послѣднихъ

¹⁾ Эти же мысли БѢлинскій высказалъ по поводу „Писемъ изъ Avenue Maigny“ и въ своей послѣдней статьѣ (см. № 66).

²⁾ Бакунинъ. Въ этомъ же письмѣ БѢлинскій называетъ М. Бакунина „нѣмцемъ, который родился мистикомъ, идеалистомъ, романтикомъ и умереть имъ, ибо отказаться отъ философіи еще не значитъ перемѣнить свою натуру“...

¹⁾ Главное изъ нихъ „Сонъ“ въ настоящее время полностью напечатано въ „Кобзарѣ“ изд. 1907 г. (Спб.), стр. 166—182.

го ¹⁾... Тому, кто знает и любить „неистового Виссаріона“, тому дороги всѣ эти крайности Бѣлинскаго, потому что за ними видна вѣчно-мнущаяся душа и потому что всегда за этой „крайностью“ лежитъ какая-нибудь дорогая для Бѣлинскаго мысль. Такъ и теперь—Бѣлинскій весь поглощенъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ, хочетъ вѣрить, что правительство намѣрено дѣйствовать въ этомъ направленіи, а потому съ обычной своей неистовостью, яростью и ненавистью относится ко всѣмъ преградамъ на пути. Такой преградой онъ—авторъ безсмертнаго письма къ Гоголю!—считалъ теперь рѣзкое проявленіе общественнаго недовольства, и отсюда его ненависть къ Шевченкѣ. „Я питаю личную вражду къ такого рода либераламъ, — продолжаетъ негодовать въ своемъ письмѣ къ Анненкову Бѣлинскій: — это враги всякаго успѣха. Своими дерзкими глупостями они раздражаютъ правительство, дѣлаютъ его подозрительнымъ, готовымъ видѣть бунтъ тамъ, гдѣ нѣтъ ровно ничего, и вызываютъ мѣры крутыя и гибельныя для литературы и просвѣщенія ²⁾... Вотъ что дѣлаютъ эти скоты, безмозглые либералишки! Охъ, эти мнѣ хохлы!... Либеральничаютъ во имя галушекъ и варениковъ съ свинымъ саломъ! И вотъ теперь писать ничего нельзя: все мажутъ. А съ другой стороны, какъ и жаловаться на правительство?“. И Бѣлинскій начинаетъ прославлять цензоровъ—тотъ самый Бѣлинскій, который мѣсяцемъ раньше горько жаловался въ письмахъ на варварское искаженіе и „ошельмованіе“ своихъ статей! (см. вступительную замѣтку къ статьѣ № 65).

Все это очень и очень характерно. Бѣлинскій очевидно быстро приближался къ новой „крайности“, къ новой вѣрѣ, которая могла бы дать ему удовлетвореніе. Отъ былого утопическаго социализма—къ признанію большой и прогрессивной роли буржуазіи, отъ былой вѣры въ народъ—къ крайнему проявленію теоріи роли личности въ исторіи, отъ былой надежды на самоосвобожденіе народа—къ надеждѣ на либеральныя реформы правительства: вотъ путь, свершенный Бѣлинскимъ съ 1846 по 1848 г. Это было все большимъ и большимъ приближеніемъ къ политическому, социальному и всяческому иному реализму; въ области философской мысли мы видѣли тоже переходъ Бѣлинскаго отъ былыхъ „романтическихъ“ упованій на объективную разумность міра вообще и

на разумное устройство Человѣчества въ будущемъ—къ признанію только субъективной осмысленности міра и жизни для каждой реальной личности. Смерть не дала Бѣлинскому времени подвергнуть испытанію фактами этотъ его социальный и политическій реализмъ; но мы теперь можемъ опѣнить его, можемъ посмотрѣть, какъ оправдалась бы новая вѣра Бѣлинскаго.

Бѣлинскій медленно умиралъ въ то время, когда во Франціи разразилась февральская революція, перекинувшаяся вскорѣ и на другія страны. Къ революціи этой Бѣлинскій могъ отнестись только восторженно: вѣдь она была дѣломъ рукъ той самой средней буржуазіи, въ которой Бѣлинскій видѣлъ нервъ социальнаго и политическаго прогресса. Но Бѣлинскому не суждено было дожить до іюня мѣсяца этого же 1848 года, когда торжествующая буржуазія стала разстрѣливать тотъ самый народъ, который далъ ей побѣду. Теоретически Бѣлинскій звалъ, что это можетъ случиться, что это уже случилось во Франціи; въ цитированномъ выше письмѣ къ Боткину отъ декабря 1847 г. Бѣлинскій говорилъ, что средняя буржуазія „удивительно смысленно и ловко дѣйствовала во Франціи и, правду сказать, не разъ эксплуатировала народомъ: подожжетъ его, а потомъ и выплетъ Лафайета и Бабаи разстрѣливать пушками его же, т.-е. народъ же“... Это—почти пророчество того, что случилось въ іюнь 1848 года; и если Бѣлинскій теоретически предвидѣлъ возможность іюньской бойни, то врядъ ли простилъ бы онъ ее, если бы самъ дожилъ до этого событія. „Вечеромъ 26 іюня,—писалъ тогда Герценъ,—послѣ побѣды (буржуазіи), мы слушали правильные залпы съ небольшими разстановками и съ барабаннымъ боемъ... Вѣдь это разстрѣливаютъ! сказали мы въ одинъ голосъ и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу окна и молчалъ; за такія минуты ненавидѣть десять лѣтъ, мстять всю жизнь“... Такъ чувствовалъ, такъ думалъ умѣвшій владѣть собою Герценъ; что сказалъ и почувствовалъ бы „неистовый Виссаріонъ“? И что стало бы съ его упованіемъ на буржуазію? И чѣмъ замѣнилъ бы онъ свою вѣру въ „la République universelle et sociale“?

Не меньшій ударъ ждалъ его и съ другой стороны—со стороны російской дѣйствительности. Бѣлинскій ждалъ отъ Николая I освобожденія крестьянъ и вообще начала „либеральной“ политики—а между тѣмъ наступали кошмарные пятидесятые годы (1848—1855). „Вопросъ о крестьянахъ лопнулъ“—такъ вскорѣ послѣ февральской революціи отозвался Киселевъ въ разговорѣ съ Милютинымъ; это стало извѣстнымъ Грановскому, а стало быть, не могло остаться

¹⁾ См. воспоминанія Кавелина, собр. соч., т. III, стр. 1090.

²⁾ Быть можетъ, этимъ желаніемъ „гусей не раздражить“ объясняются нѣкоторыя мѣста въ статьяхъ Бѣлинскаго, слишкомъ расходящіяся съ его взглядами (см., напр., т. III, стр. 270, примѣчаніе). Возможно однако, что это вставки Краевского.

неизвѣстнымъ БѢлинскому. Надежда на освобожденіе крестьянъ отодвигалась, повидимому, въ неопредѣленную даль; врядъ ли бы кто повѣрилъ въ 1848 и слѣдующихъ годахъ, если бы сказали, что паденіе крѣпостного права осуществится черезъ десять-пятнадцать лѣтъ. Наступила пора необузданнаго реакціоннаго террора. Испуганное февральской революціей николаевское правительство приняло рядъ мѣръ, иногда самыхъ нелѣпыхъ; такъ, напримѣръ, въ Петербургѣ начали усиленно вооружать Петропавловскую крѣпость... Умиравшій БѢлинскій подтрунивалъ и говорилъ: „это изъ боязни, чтобы я ее не взял“... Но не до шутокъ ему было въ дѣйствительности, когда наступила эпоха цензурнаго и всяческаго террора. Издатели „Отеч. Записокъ“ и „Современника“ въ началѣ апрѣля 1848 г. были приглашены къ начальству и имъ было сдѣлано тамъ строгое внушеніе съ требованіемъ „измѣнить въ основаніи направленіе журналовъ“. Самъ БѢлинскій получилъ въ мартѣ 1848 г. отъ важнаго чиновника III-го Отдѣленія, М. М. Полова (это былъ когда-то школьный учитель БѢлинскаго—см. въ началѣ настоящей статьи), письмо, съ приглашеніемъ явиться въ III-е Отдѣленіе ¹⁾. БѢлинскій былъ сильно взволнованъ этимъ „приглашеніемъ“, не предвѣщавшимъ ничего добраго, но не могъ подчиниться ему, такъ какъ уже „съ трудомъ ходилъ по комнатѣ“ ²⁾.

Такъ передъ смертью видѣлъ БѢлинскій, какъ гибнуть его надежды на реформы свѣше; до разочарованія въ „буржуазіи“, изъ-за іюньскихъ дней 1848 года, онъ не дожилъ,—онъ умеръ нѣсколькими недѣлями раньше. Возможностью выздоровленія онъ себя не обольщалъ—онъ зналъ, что умираетъ, и на утѣшенія друзей отвѣчалъ: „полноте говорить вздоръ“... А надъ головой его между тѣмъ собирались тучи: правительство начало узнавать о знаменитомъ письмѣ БѢлинскаго къ Гоголю, которое уже расходилось по рукамъ въ спискахъ. Трудно представить себѣ, что сдѣлали бы за это письмо съ БѢлинскимъ, если за одно *чтеніе* этого письма приговаривали, въ 1849 году, къ *смертной казни!* (см. ст. № 64). Управляющій III-мъ Отдѣленіемъ, Дубельтъ, „яростно сожалеалъ“ о смерти БѢлинскаго, прибавляя: „мы бы его сгноили въ крѣпости“...

Смерть избавила БѢлинскаго отъ этого испытанія. Онъ умеръ 26 мая 1848 года, не доживъ нѣсколькихъ дней до полныхъ

37 лѣтъ. Онъ умеръ сравнительно молодымъ—и все-таки понятіе „молодости“ не приложимо къ БѢлинскому послѣднихъ лѣтъ жизни: слишкомъ много онъ пережилъ, слишкомъ много передумалъ, слишкомъ много перечувствовалъ, во многое страстно вѣрилъ, во многомъ горько разочаровался. Недаромъ прожилъ онъ свою недолгую жизнь—и заслужилъ этой мятущейся жизнью ненарушаемый „вѣчный покой“; намъ осталась—„вѣчная память“ о немъ.

XVIII.

„Благо тому, кто, *отличенный Зевеса любовью*, неугасимо носить въ сердцѣ своемъ прометеевъ огонь юности, всегда живо сочувствуя свободной *идеѣ* и никогда не покоряясь оцѣпняющему *времени* или мертвящему *факту*,—благо ему: ибо эта божественная способность нравственной подвижности есть столько же рѣдкій, сколько и драгоценный даръ неба, и немногимъ избраннымъ ниспосылается онъ!“ Ни къ кому другому эти слова БѢлинскаго (т. II, стр. 547) не примѣнимы съ такимъ правомъ, какъ къ самому БѢлинскому; „вѣчная подвижность“—была свойствомъ его души, алчущей и жаждущей истины и справедливости. Всю жизнь страстно билось его великое сердце въ поискахъ за справедливостью; всю жизнь томилась его великая душа въ стремленіи къ истинѣ. Если бы онъ былъ только великій литературный критикъ и историкъ литературы—его дѣятельность была бы почтенна, заслуживала бы глубокаго вниманія позднѣйшихъ литературныхъ критиковъ и историковъ литературы; но БѢлинскій сверхъ этого былъ еще и великимъ *религіознымъ искателемъ*—а потому жизнь и дѣятельность его имѣетъ до сихъ поръ не только историческій, но и глубокий современный интересъ, который живъ будетъ вѣчно. Съ ранней юности стали передъ нимъ тѣ вѣчные вопросы, на которые нѣтъ отвѣта и на которые каждый человекъ долженъ дать свой отвѣтъ. Мы видѣли, какую бурю произвело столкновение этихъ вопросовъ въ душѣ юноши БѢлинскаго: въ своей юношеской драмѣ „Дмитрій Калинин“ онъ вплотную подошелъ къ тому, что навсегда стало содержаніемъ всей его жизни, всей его литературной дѣятельности. Міромъ править ли Богъ, или отдалъ Онъ міръ свой на откупъ Дьяволу? Этотъ вопросъ отравилъ сердце юноши; а тому, кто отравленъ, кто задался этимъ вопросомъ—нѣтъ больше спокойствія въ жизни, пока не найдетъ онъ успокаивающей вѣры, или не сдѣлаетъ своею вѣрою невѣріе въ міръ и жизнь. Все это испыталъ БѢлинскій.

¹⁾ О причинахъ этого приглашенія см. статью П. Щеголева: „Эпизодъ изъ жизни В. Г. БѢлинскаго“ („Былое“ 1906 г., № 10).

²⁾ См. тамъ же письмо БѢлинскаго къ Попову отъ 27 марта 1848 г., повидимому послѣднее письмо, написанное БѢлинскимъ.

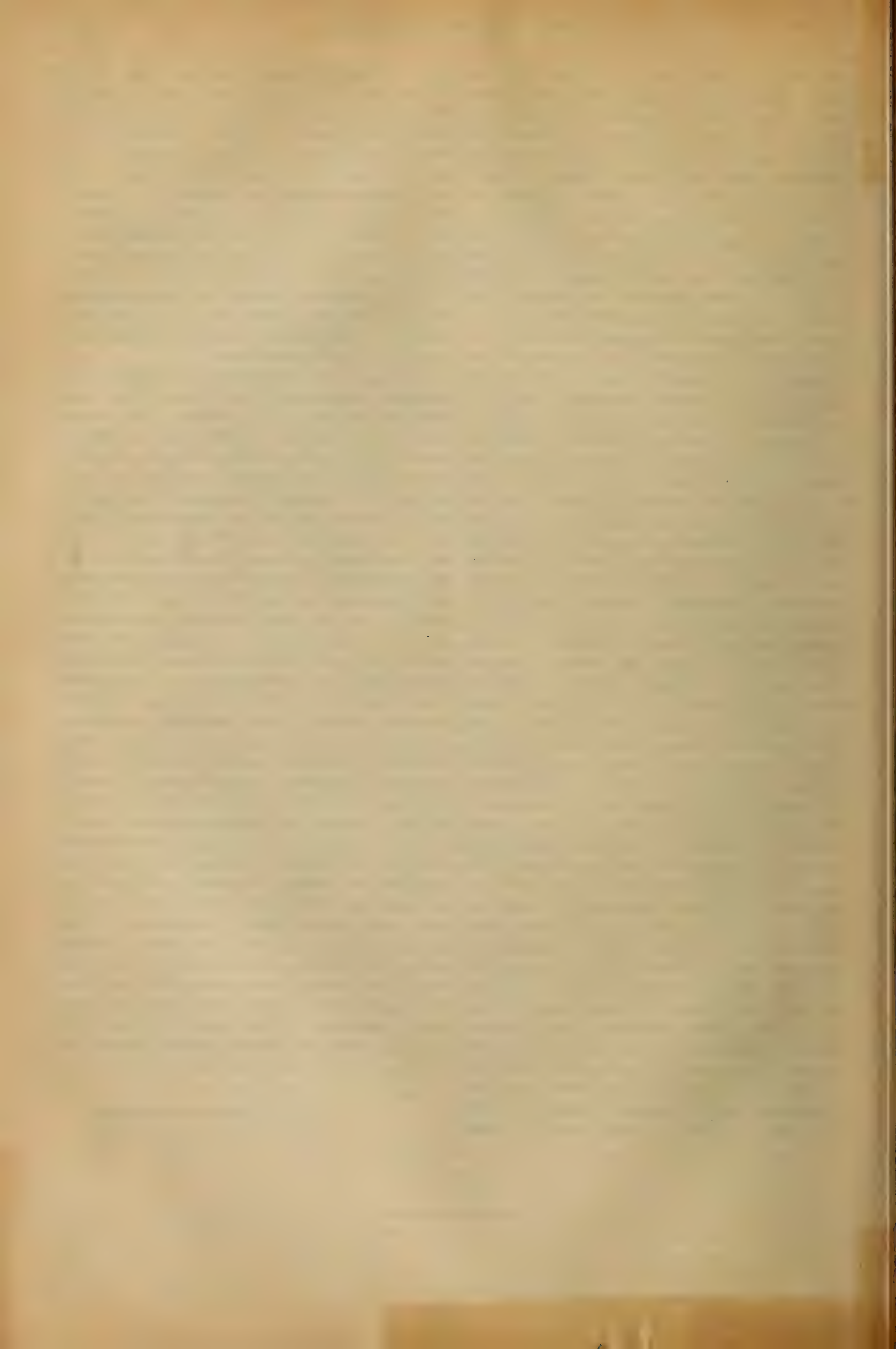
Страстно, мучительно, со всѣмъ напряженіемъ мысли и чувства, всю свою жизнь искалъ онъ Бога, находилъ и терялъ, любилъ и проклиналъ, вѣрилъ и отчаявался. Нѣтъ лучшаго эпиграфа ко всей жизни Бѣлинскаго, какъ библейская фраза, которую самъ онъ примѣнялъ къ себѣ: *ревность по Господу, снѣдающая человека*. „Читали ли вы когда Ветхій Заветъ?—писалъ онъ, какъ мы знаемъ, Н. Бакунину въ 1842 году, уже во время своего церковнаго атеизма:—знаете ли вы, чтò такое *ревность по Господу, снѣдающая человека*? Чтò человекъ безъ Бога?—Трупъ холодный. Его жизнь въ Богѣ, въ Немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ. А чтò такое Богъ, если не понятіе человека о Богѣ?“

Всю жизнь снѣдала Бѣлинскаго *ревность по Господу*, всю жизнь Бѣлинскій умиралъ и воскресалъ, страдалъ и блаженствовалъ въ своемъ Богѣ. Сперва это была вѣра въ Премудрую благодать, правящую міромъ, вѣра въ Абсолютный Духъ, въ абсолютную разумную дѣйствительность всего сущаго. Цѣлое десятилѣтіе, всѣ тридцатые годы, жилъ Бѣлинскій этой вѣрой; но на порогѣ сороковыхъ годовъ пришелъ мучительный кризисъ: вѣра эта пошатнулась, заколебалась и рухнула. Наступилъ двухлѣтній періодъ мятущихся исканій, мучительнаго невѣрія въ жизнь и въ ея силы; мы видѣли, какую тяжелую душевную трагедію пережилъ въ это время Бѣлинскій. Наконецъ пришла мало-по-малу новая вѣра въ новаго Бога—вѣра въ *человѣчество*, вѣра въ разумность будущаго его устроенія на землѣ, вѣра въ „соціализмъ“. Года четыре, лѣтъ пять жилъ Бѣлинскій этой новой вѣрой, объясняя ея всю жизнь въ ея цѣломъ, счастьемъ будущихъ поколѣній оправдывая несчастье живущихъ и раньше жившихъ. Но и этой вѣрѣ пришелъ конецъ; въ 1846 году въ душѣ Бѣлинскаго произошелъ новый кризисъ, новый переломъ; Человѣчество перестало быть его Богомъ. Все свое вниманіе обратилъ теперь Бѣлинскій на *Человѣка*, на реальную человѣческую личность. Бѣлинскій пересталъ искать абсолютныхъ отвѣтовъ на вопросы жизни, пересталъ искать объективнаго оправданія жизни въ Богѣ или Человѣчествѣ; пусть себѣ правитъ міромъ кто хочетъ, Богъ, или Дьяволъ, или никто; но не можетъ этотъ Правящій лишить жизнь человека ея великаго внутренняго содержа-

нія. „Совершенство — слышали мы слова Бѣлинскаго (1847 г.) — есть идея абстрактнаго трансцендентализма, и потому оно — подлѣйшая вещь въ мірѣ. Человекъ смертенъ, подверженъ болѣзни, голоду, долженъ отстаивать съ бою жизнь свою — это его несовершенство, но имъ-то и великъ онъ, имъ-то и мила и дорога ему жизнь его“... Смерть не дала Бѣлинскому времени твердо прийти къ этимъ новымъ взглядамъ и развить ихъ; это выпало на долю Герцена, который началъ съ того, чѣмъ кончилъ Бѣлинскій. Герценъ — это непосредственное продолженіе Бѣлинскаго въ исторіи русской общественной мысли.

Таковы были душевныя муки и духовныя скитанія Бѣлинскаго въ теченіе всей его недолгой жизни. Кто не знаетъ и не понимаетъ ихъ — тотъ не знаетъ и не понимаетъ всего Бѣлинскаго, не чувствуетъ души его произведеній, не сознаетъ смысла его дѣятельности. Великую историко-литературную работу взялъ на себя и совершилъ Бѣлинскій въ своей журнальной дѣятельности — и мы тщательно слѣдимъ за этой работой во вступительныхъ замѣткахъ къ его статьямъ; но сущность этой работы только тогда становится ясной, если понять внутреннюю жизнь Бѣлинскаго, его затаенныя переживанія, его страстныя исканія. Громадная умственная сила, соединенная съ громадной силой страсти — позволила Бѣлинскому на протяжении десятка лѣтъ пережить и переработать въ душѣ своей тѣ міровоззрѣнія, развитіе которыхъ выпало на долю послѣдующихъ поколѣній русской интеллигенции. Никогда не устарѣютъ, никогда не будутъ забыты, никогда не потеряютъ цѣны критическія сужденія и историко-литературныя взгляды Бѣлинскаго; но съ еще болѣшимъ правомъ это можно повторить о тѣхъ глубокихъ переживаніяхъ его, которыя объясняютъ намъ всю литературную дѣятельность великаго критика. Онъ былъ не только критикомъ, не только литераторомъ; Бѣлинскій былъ всю свою жизнь великимъ неустаннымъ искателемъ невѣдомаго Бога — въ Немъ онъ и умиралъ, и воскресалъ, и блаженствовалъ, и страдалъ. Исканія эти не умрутъ никогда — и вѣчно живъ будетъ Бѣлинскій.

Ивановъ-Разумникъ.

1. Литературныя Мечтанія.

(Элегія въ прозѣ).

„Литературныя Мечтанія“ — первое выступленіе Бѣлинскаго въ области критики, опредѣлившее собою всю дальнѣйшую дорогу „неистоваго Виссаріона“. Восторженная любовь къ искусству, жажда осмысленной и цѣльной жизни, тонкое пониманіе художественныхъ произведеній, борьба съ дутыми знаменитостями, вѣрная оцѣнка прошлаго и предвидѣніе будущаго, жгучая ненависть и любовь, стремленіе „къ правдѣ вѣчной“ — все отразилось въ этой статьѣ, являющейся великолѣпнымъ „предисловіемъ“ ко всей критической дѣятельности Бѣлинскаго. Въ знаменитыхъ статьяхъ о Пушкинѣ, написанныхъ десятью годами позднѣе (1843—1846 гг.), въ наиболѣе зрѣлый періодъ дѣятельности, Бѣлинскій далъ намъ какъ бы „послѣсловіе“ къ ней (подобно тому, какъ своимъ письмомъ къ Гоголю онъ какъ бы далъ намъ свое „завѣщаніе“, по выраженію Герцена); но, несмотря на все различіе философскихъ воззрѣній и общественныхъ идеаловъ въ эти двѣ эпохи — литературные приговоры Бѣлинскаго остались по существу прежними и стали съ тѣхъ поръ достояніемъ учебниковъ словесности. Это, кстати замѣтить, показываетъ, что къ началу своего выступленія на критическомъ поприщѣ Бѣлинскій уже вполне закончилъ выработку своихъ литературныхъ взглядовъ, — что является разительнымъ контрастомъ его дальнѣйшему колебанію въ области вопросовъ философскихъ и социальныхъ. Хотя въ пылкой „элегіи“ юнаго критика были и ошибки, и увлеченія, и невѣрныя сужденія, отъ которыхъ Бѣлинскій въ послѣдствіи самъ отказался, но въ цѣломъ и основномъ взглядѣ „Литературныхъ Мечтаній“ — общіе наши взгляды; вотъ почему именно съ Бѣлинскаго и именно съ его „элегіи въ прозѣ“ ведетъ свое начало русская критика.

И до „Литературныхъ Мечтаній“ было не мало разныхъ литературныхъ „обозрѣній“

(какимъ съ вѣшной стороны является и статья Бѣлинскаго); въ этихъ обзорѣніяхъ и до Бѣлинскаго высказывалось не мало вполне вѣрныхъ критическихъ взглядовъ. Бестужевъ-Марлинскій еще за десять лѣтъ до „Литературныхъ Мечтаній“ высказывалъ нѣкоторые взгляды, повторенные Бѣлинскимъ; Полевой и еще болѣе Надеждинъ были замѣчательными предшественниками Бѣлинскаго въ области критики. Бѣлинскій не въ пустынѣ строился: онъ имѣлъ талантливыхъ предшественниковъ, имѣлъ и подготовленный матеріалъ для постройки; но почему же именно статьи Бѣлинскаго стали краеугольнымъ камнемъ зданія русской критики? Это зависитъ, конечно, и отъ степени таланта, и отъ упорной работы мысли, и отъ яркости проявленія чувства; но главное здѣсь — та органическая *цѣльность воззрѣній*, которая такъ характерна для Бѣлинскаго. И у Надеждина тоже были „цѣльныя воззрѣнія“ на искусство, на литературу, но они не были органически соединены со всѣмъ его существомъ. Для Бѣлинскаго же искусство, литература, наука, религія, общество, природа, вселенная — все это было одно органическое цѣлое, съ которымъ онъ былъ неразрывно связанъ, и которое онъ такъ ярко проявлялъ. Начиная именно съ Бѣлинскаго, критика перестаетъ быть узко-литературной и становится выраженіемъ и проявленіемъ *цѣльнаго міровоззрѣнія*.

„Литературныя Мечтанія“ начинаютъ собою рядъ статей Бѣлинскаго 1834—1836 гг. — эпохи конца русскаго шеллингианства; мысли, высказанныя въ своей „элегіи въ прозѣ“, Бѣлинскій развиваетъ и дополняетъ въ послѣдующихъ статьяхъ: „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“, „Ничто о ничемъ“, „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“. Всѣ эти статьи построены на одномъ и томъ же фунда-

ментъ, на одномъ и томъ же цѣльномъ воззрѣніи, которое мы теперь намѣтимъ въ общихъ чертахъ, обращаясь для этого къ знаменитой „элегіи въ прозѣ“.

Собственно-литературныя положенія этой статьи Бѣлинскаго крайне несложны. „Литературныя Мечтанія“ съ вѣшной стороны представляютъ изъ себя не что иное, какъ краткую исторію русской литературы, начиная съ петровской эпохи. Реформа Петра привела къ рѣзкому раздѣленію „общества“ отъ „народа“; русская словесность стала съ этихъ поръ выраженіемъ и отраженіемъ исключительно этого „общества“, въ то время какъ истинная литература должна быть типично „народною“, должна быть проявленіемъ національнаго, народнаго духа. Слѣдовательно—„у насъ нѣтъ литературы“: это основная тема всей „элегіи въ прозѣ“ Бѣлинскаго. Съ такой точки зрѣнія Бѣлинскій обзрѣваетъ всю русскую „изящную словесность“ послѣ-петровскаго времени,—„отъ Ломоносова, перваго ея генія, до г-на Кукольника, послѣдняго ея генія“... Шагъ за шагомъ разбирая и оцѣнивая литературу этого вѣкового періода, Бѣлинскій находитъ въ ней только немногихъ истинныхъ выразителей народнаго духа. Ихъ всего четверо: Державинъ — „великій, гениальный Русскій поэтъ“; Крыловъ—едва-ли не равный Державину, „гениальный поэтъ Русскій“; Грибоедовъ—„едва-ли не равный Пушкину“, и, наконецъ, самъ Пушкинъ—о которомъ „грѣшно говорить смиренною прозою“... Вотъ и вся русская литература, „вотъ всѣ ея представители,—говоритъ Бѣлинскій:—другихъ куда нѣтъ и не ищите ихъ. Но могутъ ли составить цѣлую литературу четыре человека, являвшіеся не въ одно время?“ А потому—„у насъ нѣтъ литературы: я повторяю это съ восторгомъ, съ наслажденіемъ, ибо въ сей истинѣ вижу залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ“...

Такова основная мысль „Литературныхъ Мечтаній“, мысль, которую мы должны и въ настоящее время признать вѣрною по существу—если только вѣрны исходные взгляды Бѣлинскаго. Дѣйствительно, вся русская литература была тогда еще въ будущемъ, ибо только съ Пушкина проявляется во всей своей силѣ та „народная“ (въ смыслѣ Бѣлинскаго) литература, литература Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Достоевскаго, Толстого, которая является „своимъ словомъ“ русскаго народа въ міровой культурной жизни. Но этотъ выводъ вѣренъ лишь постольку, поскольку вѣрны исходные пункты Бѣлинскаго, его взгляды на „народность“, его эстетическія теоріи. Въ этихъ положеніяхъ—сущность „Литературныхъ Мечтаній“, на которой надо особенно внимательно остановиться.

Литературно-критическіе выводы Бѣлинскаго основываются на продуманной и глубокой эстетической системѣ, пользовавшейся въ то время большою *народностью* (такъ говорили тогда, вмѣсто „популярностью“) — системѣ русскаго шеллингизма, проповѣдникомъ и апологетомъ которой былъ Бѣлинскій. Это было цѣльное мировоззрѣніе, духомъ котораго пропитана каждая мысль, каждое положеніе статьи великаго критика; горячее убѣжденіе и цѣльность воззрѣній сказываются на каждомъ шагѣ—даже въ области „полемиическихъ ошибокъ“ съ безпринципностью Сепковского, Булгарина, „Библиотеки для Чтенія“ и „Инвалидныхъ Прибавленій къ Литературѣ“ (такъ Бѣлинскій юмористически именовалъ журнальчикъ Воейкова—„Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду“). Все у Бѣлинскаго проникнуто цѣльнымъ настроеніемъ и цѣльной мыслью; цѣльное философское воззрѣніе скрывается у него подъ формою литературной критики. Въ рецензій (1835 г.) на романъ г-жи Монбюръ „Жертва“ Бѣлинскій ярко и опредѣленно высказалъ главную мысль своего мировоззрѣнія той эпохи: „жизнь человѣческая—восклицаетъ Бѣлинскій—есть не сонъ, не мечта, не греза; цѣль ея не наслажденіе, не счастье, не блаженство: нѣтъ, она есть великій даръ Провидѣнія. Безумный хватается за этотъ даръ, какъ за игрушку, и легкомысленно играетъ имъ, какъ игрушкою; мудрый принимаетъ его съ покорностію, но и съ трепетомъ, ибо знаетъ, что это есть драгоценный залогъ, который онъ долженъ будетъ нѣкогда возратить въ чистотѣ и цѣлости, что это есть тяжкій страдальческій крестъ, наградой котораго будетъ терновый вѣнецъ и чувство исполненнаго долга. Выразить достоинство человѣческое, проявить въ себѣ идею Божества—вотъ назначеніе смертнаго; и вотъ почему, вслѣдствіе справедливаго закона вѣчной премудрости, сила заключается въ слабости, величіе въ ничтожествѣ, безконечность въ ограниченности; и вотъ почему скудельный, волнуемый своекорыстными страстями, сосудъ человѣка можетъ быть жилищемъ Духа Святого. Безъ борьбы нѣтъ заслуги, безъ усилій нѣтъ побѣды. Два пути ведутъ человѣка къ его цѣли: путь *разумнія* и путь *чувства*, и благо ему, когда они оба сливаются въ пути *дѣятельности*!“

Это исповѣданіе вѣры кружка Станкевича періода шеллингизма читатели найдутъ ниже и въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“; эти же мысли высказаны тамъ Бѣлинскимъ не только по отношенію къ человеку, но и по отношенію къ человечеству; „выразить достоинство человѣческое, проявить въ себѣ идею Божества“—въ этомъ

назначеніе не только отдѣльнаго человѣка, но и цѣлаго народа. А внутренняя жизнь народа отражается и закрѣпляется въ его *литературѣ*: такъ подходит Бѣлинскій отъ основаній русскаго шеллингянства къ основной идеѣ своей статьи.

Что такое литература? Литература — отвѣчаетъ по-шеллингянски Бѣлинскій — есть собраніе художественно-словесныхъ произведеній гениевъ искусства, которые выражаютъ въ своемъ творчествѣ всю внутреннюю жизнь своего народа до ея сокровеннѣйшихъ глубинъ и бленій. Это опредѣленіе и пониманіе литературы тѣсно связываетъ ее съ воззрѣніями, во-первыхъ, философско-эстетическими и, во-вторыхъ—философско-соціологическими. Что такое искусство? что такое народъ? Бѣлинскій понимаетъ, что отвѣты на эти вопросы являются фундаментомъ всей его статьи; отвѣчая на нихъ, онъ набрасываетъ контуры цѣлаго философскаго воззрѣнія, и только уже на этомъ прочномъ основаніи строить свои литературно-критическіе выводы. Намъ необходимо выяснитъ эти основныя воззрѣнія Бѣлинскаго, которыя онъ дополнял и развивалъ во всѣхъ послѣдующихъ статьяхъ 1835—1836 года.

Вотъ эти воззрѣнія Бѣлинскаго. Искусство есть „выраженіе великой идеи Вселенной“, подобно тому, какъ сама вселенная есть только выраженіе „единой вѣчной идеи, проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ“. Проявленіе этой идеи — борьба между добромъ и зломъ, свѣтомъ и мракомъ, постепенное совершенствованіе человѣчества; отраженіе этой идеи — цѣль искусства. „Изображать, воспроизводить въ словѣ, въ звукѣ, въ чертахъ и краскахъ идею всеобщей жизни природы — вотъ единая и вѣчная тема искусства! Поэтическое одушевленіе есть отблескъ творящей силы природы“. И подобно тому, какъ эта творящая сила обнимаетъ собою все — и ужасное, и великое, и малое, и простое, такъ и поэзія, отблескъ этой силы, должна быть всеобъемлюща, „безпристрастна“ (объективна — скажетъ Бѣлинскій позднѣе). Поэзія не должна ограничивать себя рамками, заранѣе намѣченной цѣлью — „ибо поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя“; но въ то же время свободный духомъ и „безпристрастный“ поэтъ не долженъ быть „безстрастнымъ“: поэзія, какъ отблескъ творящей силы въ человѣкѣ, должна быть пронизана горячимъ чувствомъ, пламеннымъ сочувствіемъ, должна быть субъективна (по позднѣйшему же выраженію Бѣлинскаго). Поэтъ долженъ откликаться, подобно эхо, на все: въ этомъ объективизмъ поэзіи; но отклики эти должны пройти черезъ „пламенное сочувствіе“, черезъ горнило души поэта: въ этомъ его субъ-

ективизмъ. Сочетаніе этихъ двухъ элементовъ — вотъ идеаль поэта; такова мысль, проходящая черезъ всю статью Бѣлинскаго.

Это соединеніе „объективизма“ съ „субъективизмомъ“ тѣсно связано съ мыслью о *безцѣльности* искусства; за развитіемъ этой мысли намъ еще придется внимательно слѣдить. Цѣль у искусства есть („изображеніе идеи всеобщей жизни природы“), и въ то же время оно безцѣльно: не трудно узнать въ этихъ словахъ варіаціи на одно изъ положеній эстетики Канта (известное Бѣлинскому хотя бы изъ критическихъ статей Надеждина). „Красота есть форма *цѣлесообразности* предмета, поскольку она воспринимается безъ представленія цѣли“, — говорилъ Кантъ; прекрасное цѣлесообразно, не будучи представляемо, какъ цѣлесообразное: представленіе *цѣли* унижаетъ прекрасное и уничтожаетъ эстетическое дѣйствіе. Эти же мысли проводилъ и Шеллингъ, находя святость и чистоту искусства въ его абсолютной автономности. Вотъ источникъ утвержденій Бѣлинскаго (мы съ ними встрѣтимся ниже), что „творчество *безцѣльно съ цѣлію*“: это значитъ, что поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя — въ этомъ ея объективизмъ, и что въ то же время она должна быть „цѣлесоразмѣрна“ (соразмѣрна съ цѣлью въ самой себѣ) — и въ этомъ ея субъективизмъ.

Отсюда борьба Бѣлинскаго со всякой „намѣренностью“ въ искусствѣ. „Чувствуешь намѣреніе и теряешь настроеніе“ — сказалъ Гете, и слова эти одинаково относятся и къ процессу творчества и къ процессу эстетическаго восприниманія: цѣль уничтожаетъ эстетическое дѣйствіе. И хотя проявленіе единой вѣчной идеи въ нравственномъ мірѣ человѣка сказывается въ формахъ борьбы добра и зла, въ вѣчномъ совершенствованіи человечества, однако тотъ, кто вздумалъ бы сознательно проводить эти положенія въ творчествѣ — тотъ не поэтъ. То, что *прекрасно*, — ео ipso и нравственно и разумно; „эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности“. „Доколѣ поэтъ слѣдуетъ безотчетно мгновенной вспышкѣ своего воображенія, доколѣ онъ нравственъ, доколѣ онъ и поэтъ; но, какъ скоро онъ предположилъ себѣ цѣль, задалъ тему, онъ — уже философъ, мыслитель, моралистъ, онъ теряетъ надо мной свою чародѣйскую власть, разрушаетъ очарованіе и заставляетъ меня сожалѣть о себѣ, если, при истинномъ талантѣ, имѣетъ похвальную цѣль, и презирать себя, если силится опутать мою душу тенетами вредныхъ мыслей“. Если вспомнить при этомъ презрительное отношеніе русскихъ шеллингянцевъ кружка Станкевича къ „нравственной точкѣ зрѣнія“ или къ „морали“ (противопоставляемой „нравственности“ и

„полнотѣ жизни“—о чемъ см. выше въ нашей вступительной статьѣ), то эстетическія воззрѣнія Бѣлинскаго обрисуются передъ нами во всей своей цѣльности и послѣдовательности.

Таковы философско-эстетическія основанія, на которыхъ Бѣлинскій строить свое пониманіе и свое опредѣленіе литературы; но это только одна половина вопроса: мы видѣли, что второй половиной его являются положенія философско-соціологическія. Литература есть выраженіе въ художественномъ творествѣ внутренней жизни народа: но что же такое „народъ“, въ чемъ его внутренняя жизнь, что такое „народность“? На всѣ эти вопросы отвѣчало русское шеллингянство тридцатыхъ годовъ, и отвѣты эти въ слѣдующее десятилѣтіе были развиты въ славянофильствѣ; идеи Бѣлинскаго, эпохи „Литературныхъ Мечтаній“, очень близко подходятъ поэтому къ основнымъ положеніямъ позднѣйшаго славянофильства.

Народности суть индивидуальности чело-вѣчества—подробное развитіе этого шеллингянскаго положенія занимаетъ много мѣста въ статьѣ Бѣлинскаго. „Каждый народъ, сообразно съ своимъ характеромъ... играетъ въ великомъ семействѣ чело-вѣческаго рода свою особенную, назначенную ему Провидѣніемъ роль, и вноситъ въ общую сокровищницу его успѣховъ на поприщѣ самосовершенствованія свою долю, свой вкладъ; другими словами: каждый народъ выражаетъ собою одну какую-нибудь сторону жизни чело-вѣчества“. „Каждый народъ, вслѣдствіе непреложнаго закона Провидѣнія, долженъ выражать своею жизнью одну какую-нибудь сторону жизни цѣлаго чело-вѣчества; въ противномъ случаѣ этотъ народъ не живетъ, а только прозябаетъ, и его существованіе ни къ чему не служитъ“. Все это—основныя положенія шеллингянской философіи исторіи; славянофильская окраска этихъ мыслей заключается въ подчеркиваніи не единства чело-вѣчества, а различія путей составляющихъ его народностей. Чѣмъ болѣе народъ самобытенъ, тѣмъ цѣннѣе его вкладъ „въ общую сокровищницу успѣховъ чело-вѣчества“ (характеренъ съ этой точки зрѣнія эпиграфъ изъ „Горе отъ ума“ къ четвертой главкѣ „Литературныхъ Мечтаній“); само-бытность же эта заключается главнымъ образомъ въ народныхъ обычаяхъ. Исконный народный бытъ, соединенный съ „просвѣщеніемъ“—вотъ идеалъ историческаго развитія народа. Реформа, или, вѣрнѣе, революція, Петра попыталась искоренить народные обычаи, —но была въ состояніи только во-гнать кливъ между „народомъ“ и „обществомъ“; русская „изящная словесность“ стала проявленіемъ и отраженіемъ именно

этого „общества“,—а потому она и не литература. Только четыре гениальныхъ поэта сумѣли преодолѣть это раздѣленіе и отразить въ своихъ творческихъ произведеніяхъ внутреннюю жизнь народа до сокровеннѣйшихъ глубинъ и біеній.

Мы вернулись къ началу статьи Бѣлинскаго—и видимъ теперь, какая главная мысль проходить черезъ всѣ „Литературныя Мечтанія“: это—мысль о свободномъ творествѣ поэта, безсознательно проявляющаго въ своемъ творествѣ внутреннюю жизнь народа, къ которому онъ принадлежитъ. Мы видимъ теперь, что именно эта мысль—за дальнѣйшей разработкой которой у Бѣлинскаго мы еще будемъ слѣдить—позволяетъ критику закончить свою „элегію въ прозѣ“ бодрымъ и восторженнымъ пророчествомъ, что у насъ еще наступитъ „истинная эпоха искусства“, что у насъ еще будетъ литература, достойная великаго народа. Во взглядахъ Бѣлинскаго на народность и въ эстетическихъ теоріяхъ его заключена та основная мысль „Литературныхъ Мечтаній“, на которой строятся Бѣлинскимъ его литературно-критическіе выводы.

На этихъ критическихъ выводахъ и блестящихъ литературныхъ характеристикахъ, разсыпанныхъ по всей статьѣ, мы не будемъ здѣсь останавливаться: намъ придется въ дальнѣйшемъ говорить почти о каждомъ изъ болѣе или менѣе крупныхъ писателей XVIII и XIX вѣка, которыхъ характеризуетъ Бѣлинскій въ этой своей „элегіи въ прозѣ“, и которымъ онъ посвящалъ отдѣльные критическіе этюды въ теченіе своей послѣдующей литературной дѣятельности. Мы увидимъ тогда, какъ и въ какую сторону мѣнялась критическая оцѣнка Бѣлинскимъ того или иного писателя, какія мнѣнія онъ измѣнилъ, какіе приговоры оставилъ неприкосновенными. Здѣсь мы упомянемъ только объ отношеніи Бѣлинскаго къ Пушкину—къ тому самому Пушкину, о которомъ „грѣшно говорить смиренною прозою“... Это восторженное восклицаніе Бѣлинскаго относится только къ Пушкину двадцатыхъ годовъ: по мнѣнію Бѣлинскаго, 1830-мъ годомъ кончился Пушкинъ; 1830—1834 гг.—годы упадка его таланта. Въ нѣкоторыхъ изъ дальнѣйшихъ своихъ статей Бѣлинскій еще рѣзче, какъ мы это увидимъ, отозвался о Пушкинѣ—и только послѣ смерти его понялъ, кого въ немъ лишилась литература. О причинахъ такой ошибки великаго критика у насъ еще будетъ рѣчь; здѣсь же достаточно напомнить о знаменитыхъ позднѣйшихъ „пушкинскихъ“ статьяхъ Бѣлинскаго, которыми онъ воздвигъ достойный памятникъ и Пушкину и самому себѣ.

„Литературныя Мечтанія“ начинающаго

писателя произвели шумъ въ журнальномъ мірѣ Москвы и Петербурга. Хотя статья и не была подписана полнымъ именемъ (подпись гласила: —онъ —инскій), но, конечно, въ литературныхъ кругахъ всѣ знали, кто скрывается за этой подписью, а также и за буквами В. Б. (какъ тоже нерѣдко подписывался Бѣлинскій). Изъ переписки Станкевича извѣстно, какъ „взбѣлся“ Шевыревъ, слегка задѣтый въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“; еще болѣе озлобился Воейковъ, вскорѣ осыпавшій Бѣлинскаго цѣлымъ градомъ полемическихъ замѣтокъ. Булгаринъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ — уже черезъ годъ послѣ появленія статьи Бѣлинскаго — напалъ на нее съ беззубымъ остроуміемъ въ анонимной полемической статьѣ (Бѣлинскій отвѣчалъ ему короткой, но ядовитой „журнальной замѣткой“ въ № 47 „Молвы“ за 1835 г.). Наконецъ, появилась даже цѣлая повѣсть небезызвѣстнаго тогда романиста Ушакова, являющаяся прямымъ пасквилемъ на Бѣлинскаго („Піюша“, въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1835 г., № 7); разборъ этой повѣсти читатели найдутъ ниже въ статьѣ Бѣлинскаго „Ничто о ничемъ“. Все это показываетъ, что значеніе и силу юнаго критика сразу оцѣнили — и прежде всего, конечно, во вражескомъ станѣ. Но тутъ же надо упомянуть, что начинающій писатель

снискалъ не только лестную ненависть враговъ, но и сочувственное вниманіе такого человѣка, какъ самъ Пушкинъ; объ этомъ фактѣ у насъ еще будетъ, впрочемъ, рѣчь въ одной изъ слѣдующихъ замѣтокъ.

Нѣсколько словъ о нижеслѣдующемъ текстѣ „Литературныхъ Мечтаній“. Какъ извѣстно, статья эта появилась въ „Молвѣ“ 1834 года въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (съ сентября по декабрь), въ десяти номерахъ этого еженедѣльника. Эти десять частей Бѣлинскій отдѣлилъ одну отъ другой эпиграфами; мы позволили себѣ для удобства читателей обозначить эти главки цифрами. Затѣмъ мы оставили неприкосновенными изобильный курсивъ и не менѣе изобильное употребленіе прописныхъ буквъ — и то и другое заимствовано отъ Надеждина, при чемъ послѣднее характерно только для самыхъ первыхъ статей Бѣлинскаго. Курсивъ этотъ, по вѣрному замѣчанію С. А. Венгерова, очень часто замѣняетъ кавычки при употребленіи именъ собственныхъ и при цитированіи чьихъ-либо подлинныхъ выраженій — это слѣдуетъ имѣть въ виду читателямъ. Что же касается до прописныхъ буквъ, употребляемыхъ къ мѣсту и не къ мѣсту, то полтора года спустя самъ Бѣлинскій подшучивалъ надъ писателями, которые „кланяются большими буквами“ кому и чему ни попало... И.-Р.

I.

Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вотъ, братъ, реко-
мендую:

Какъ этакихъ людей учтивѣ зовутъ?...

Грибоѣдовъ (Горе отъ ума).

Есть ли у васъ хорошія книги?—Нѣтъ, но у насъ есть великіе писатели. — Такъ, по крайней мѣрѣ, у васъ есть словесность? Напротивъ, у насъ есть только книжная торговля.

Баронъ Брамбеусъ.

Помните ли вы то блаженное время, когда въ нашей литературѣ пробудилось было какое-то дыханіе жизни, когда появлялся талантъ за талантомъ, Поэма за Поэмою, Романъ за Романомъ, Журналъ за Журналомъ, Альманахъ за Альманахомъ; то прекрасное время, когда мы такъ гордились настоящимъ, такъ лелѣяли себя будущимъ, и, гордые нашею дѣйствительностію, а еще болѣе сладостными надеждами, твердо были увѣрены, что имѣемъ своихъ Байроновъ, Шекспировъ, Шиллеровъ, Вальтеръ Скоттовъ? Увы! гдѣ ты, о bon vieux temps, гдѣ вы мечты отрадныя, гдѣ ты надежда-обольститель! Какъ все перемѣнилось въ столь короткое время!

Какое ужасное, раздирающее душу разочарованіе, послѣ столь сильнаго, столь сладкаго обольщенія. Подломились ходульки нашихъ литературныхъ атлетовъ, рухнули соломенные подмостки, на кои, бывало, карабкалась золотая посредственность, а вмѣстѣ съ тѣмъ умолкли, заснули, исчезли и тѣ немногія и небольшія дарованія, которыми мы такъ обольщались во время оно. Мы спали, и видѣли себя Крезами, а проснулись Ирами! Увы! какъ хорошо идутъ къ каждому изъ нашихъ геніевъ и полугеніевъ сіи трогательныя слова Поэта:

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней!

Да — прежде и нынѣ, тогда и теперь! Великій Боже!... Пушкинъ. Поэтъ Русскій по преимуществу, Пушкинъ, въ сильныхъ и мощныхъ пѣсняхъ котораго впервые пахнуло вѣяніе жизни Русской, игривый и разнообразный талантъ котораго такъ любила и лелѣяла Русь, къ гармоническимъ звукамъ котораго она такъ жадно прислушивалась и на кои отзывалась съ такою любовью, Пушкинъ, авторъ *Полтавы* и *Годунова* — и Пушкинъ, авторъ *Анджело* и другихъ мертвыхъ, безжизненныхъ сказокъ!... Козловъ, задумчи-

вый пѣвецъ страданій Чернеца, стоявшихъ столько слезъ прекраснымъ читательницамъ, этотъ слѣпецъ, такъ гармонически передававшій намъ, бывало, свои роскошныя видѣнія, и *Козловъ* — авторъ *Балладъ* и другихъ стихотвореній, длинныхъ и короткихъ, напечатанныхъ въ Библиотекѣ для Чтенія, и о коихъ только и можно сказать, что въ нихъ все обстоитъ благополучно, какъ уже было замѣчено въ Молвѣ!.. какая разница!.. Много бы, очень много, могли мы прибрать здѣсь такихъ печальныхъ сравненій, такихъ горестныхъ контрастовъ, но... Словомъ, какъ говорить *Ламартинъ*:

Les dieux étaient tombés, les trônes étaient vides!

Какіе же новые боги заступили вакантныя мѣста старыхъ? Увы, они смѣнили ихъ, не замѣнивъ! Прежде наши Аристархи, заносившіеся юными надеждами, всѣхъ оболъщавшими въ то время, восклицали въ чадѣ дѣтскаго простодушнаго упоенія: *Пушкинъ* — *Съверный Байронъ*, представитель современнаго человечества! Нынѣ на нашихъ литературныхъ рынкахъ наши неутомимые герольды вопіютъ громко: *Кукольникъ*, великій *Кукольникъ*, *Кукольникъ* — *Байронъ*, *Кукольникъ* — отважный соперникъ *Шекспира*! на колѣна передъ *Кукольникомъ*! ¹⁾ Теперь *Баратынскихъ*, *Подолинскихъ*, *Языковыхъ*, *Туманскихъ*, *Ознобишиныхъ* смѣнили *и. Тимофеевы*, *Ершовы*; на поприщѣ ихъ замолкнувшей славы величаются *и. Брамбеусы*, *Буларины*, *Гречи*, *Калашниковы*, по пословицѣ: на безлюдь и *Оома* дворянинъ. Первые или подчуютъ насъ изрѣдка старыми погудками на старый же лады, или хранятъ скромное молчаніе; послѣдніе размѣниваются комплиментами, называютъ другъ друга геніями и кричатъ во всеуслышаніе, чтобы поскорѣе раскупали ихъ книги. Мы всегда были слишкомъ неумѣренны въ раздачѣ лавровыхъ вѣнковъ генія, въ похвалахъ корифеямъ нашей Поэзіи: это нашъ давнишній порокъ; по крайней мѣрѣ, прежде причиною этого было невинное оболъщаніе, происходившее изъ благороднаго источника — любви къ родному, нынѣ же рѣшительно все основано на корыстныхъ разсчетахъ; сверхъ того, прежде еще и было чѣмъ похвастаться; нынѣ же... Отнюдь не думая обижать прекрасный талантъ *и-на Кукольника*, мы все-таки не запинаясь можемъ сказать утвердительно, что между *Пушкинымъ* и имъ, *и-номъ Кукольникомъ*, пространство неизмѣримое, что ему, *и-ну Кукольнику*, до *Пушкина*,

Какъ до звѣзды небесной, далеко!

Да — *Крыловъ* и *и. Зилловъ*, *Юрій Милославскій Заюскина* и *Черная Женищина и-на Греча*, *Послѣдній Повикъ Лажечникова* и *Стрѣльцы и-на Масальскаго* и *Мазена и-на Буларина*, повѣсти *Одоевскаго*, *Марлинскаго*, *Гоголя* — и повѣсти, съ позволенія сказать, *и-на Брамбеуса!!!*... Что все это означаетъ! Какія причины такой пустоты въ нашей литературѣ? Или и въ самомъ дѣлѣ — у насъ нѣтъ литературы?...

II.

Pas de grâce!

Hugo. Marion de Lorme.

Да — у насъ нѣтъ литературы!

„Вотъ прекрасно! вотъ новости!“ слышу я тысячу голосовъ въ отвѣтъ на мою дерзкую выходку. „А наши журналы, неусыпно подвизающіеся за насъ на ловитвѣ Европейскаго просвѣщенія, а наши альманахи, наполненные геніальными отрывками изъ недоконченныхъ поэмъ, драмъ, фантазій, а наши библиотеки, биткомъ набитыя многими тысячами книгъ Россійскаго сочиненія, а наши Гомеры, Шекспиры, Гете, Вальтеръ-Скотты, Байроны, Шиллеры, Бальзаки, Корнели, Мольеры, Аристофаны? Развѣ мы не имѣемъ Ломоносова, Хераскова, Державина, Богдановича, Петрова, Дмитріева, Карамзина, Крылова, Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина, Баратынскаго и пр. и пр. А! что вы на это скажете?“

А вотъ что, милостивые государи: хотя я и не имѣю чести быть Барономъ, но у меня есть своя фантазія, вслѣдствіе которой я упорно держусь той роковой мысли, что, не смотря на то, что нашъ *Сумароковъ* далеко оставилъ за собою въ Трагедіяхъ *Господина Корнеля* и *Господина Расина*, а въ Притчахъ *Господина Лафонтена*; что нашъ *Херасковъ*, въ прославленіи на лирѣ громкой славы Россовъ, сравнился съ *Гомеромъ* и *Виргиліемъ*, и подъ щитомъ *Владиміра* и *Іоанна* по добру и здорову пробрался во храмъ безсмертія ¹⁾; что нашъ *Пушкинъ* въ самое короткое время успѣлъ стать на ряду съ *Байрономъ* и сдѣлаться представителемъ человѣчества; не смотря на то, что нашъ неистощимый *Оадей Венедиктовичъ Буларинъ*, истинный бичъ и гонитель злыхъ пороковъ, уже десять лѣтъ доказываетъ въ своихъ сочиненіяхъ, что не годится плутовать и мошенничать человѣку comme il faut, что пьянство и воровство суть грѣхи непростительные, и который своими право-описательными и нравственно-сатирическими (не правильнѣе ли, полицейскими)

¹⁾ Библиотека для Чтенія и Инвалидныхъ Прибавленія къ Литературѣ. Прим. Бѣлинскаго.

¹⁾ То-есть во Всеобщую Исторію *и-на Кайдинова*. Прим. Бѣлинскаго.

ромавами и народно-умористическими статейками на цѣлыя столѣтія двинулъ впередъ наше *юстенримное* отечество по части правоисправленія; не смотря на то, что нашъ юный левъ поэзіи, нашъ могущественный *Кукольникъ*, съ перваго прыжка догналъ всеобъемлющаго исполина *Гѣте*, и только со втораго поотсталъ немного отъ *Крюковского*; не смотря на то, что нашъ достопочтенный *Николай Ивановичъ Гречъ* (вкупѣ и влюбѣ съ *Фаддеемъ Венедиктовичемъ*) разанатомировалъ, разнялъ по суставамъ нашъ языкъ и представилъ его законы въ своей тройственной Грамматикѣ — этой истинной скиніи за вѣта, куда кромѣ его, *Николая Ивановича Греча*, и друга его, *Фаддея Венедиктовича*, еще доселѣ не ступала нога ни одного профана; тотъ *Николай Ивановичъ Гречъ*, который во всю жизнь свою не дѣлалъ грамматическихъ ошибокъ и только въ своемъ дивномъ поэтическомъ созданіи — *Черная Женищина* — еще въ первый разъ, по уликѣ чувствительнаго Князя *Шаликова*, поссорился съ Грамматикою, видно увлекшись слишкомъ разыгравшеюся фантазіею; не смотря на то, что нашъ *г. Калашиниковъ* заткнулъ за поясъ *Купера* въ роскошныхъ описаніяхъ безбрежныхъ пустынь Русской Америки, Сибири, и въ изображеніи ея дикихъ красотъ; не смотря на то, что нашъ гениальный *Баронъ Брамбеусъ* своею толстою *фантастическою* книгою на смерть приشلепнулъ *Шамполіона* и *Кювье*, двухъ величайшихъ шарлатановъ и надувателей, которыхъ невѣжественная Европа имѣла глупость почитать доселѣ великими учеными, а въ ѣдкомъ остроуміи смялъ подъ ноги *Вольтера*, перваго въ мірѣ остроумца и балагура; не смотря, говорю я, на убѣдительное и краснорѣчивое опроверженіе нелѣпой мысли, будто у насъ нѣтъ литературы, опроверженіе такъ умно и сильно провозглашенное въ Библіотекѣ для Чтенія глубокомысленнымъ Азіятскимъ критикомъ *Тютюнджи-Оглу*; — не смотря на все на это, повторяю: у насъ нѣтъ литературы!... Уфъ! усталъ! Дайте перевести духъ — совѣмъ задохнулся!... Право, отъ такого длиннаго періода поперхнется въ горлѣ даже и у *Барона Брамбеуса*, который и самъ мастакъ на великіе періоды...

Что такое литература?

Одни говорятъ, что подъ литературою какого-либо народа должно разумѣть весь кругъ его умственной дѣятельности, проявившейся въ письменности. Вслѣдствіе сего нашу, напримѣръ, литературу составятъ *Исторія Карамзина* и *Исторія п. Эмина* и *С. Н. Глинки*, историческія розысканія *Шлеизера*, *Эверса*, *Каченовскаго* и статьи *г. Сенковскаго* объ *Исландскихъ Сагахъ*, физики *Велланскаго* и *Павлова* и *Разрушеніе Коперниковой Си-*

стемы съ брошюркою о *клопахъ* и *тараканахъ*; *Борисъ Годуновъ Пушкина* и нѣкоторыя сцены изъ историческихъ драмъ со *итями* и *анисовкою*, *оды Державина* и *Александровскаго* и пр. Если такъ, то у насъ есть литература, и литература богатая громкими именами и не менѣе того громкими сочиненіями.

Другіе подъ словомъ литература понимаютъ собраніе извѣстнаго числа изящныхъ произведеній, то-есть, какъ говорятъ Французы, *chef d'oeuvres de litterature*. И въ этомъ смыслѣ у насъ есть литература, ибо мы можемъ похвалиться бѣльшимъ или меньшимъ числомъ сочиненій *Ломоносова*, *Державина*, *Хемницера*, *Крылова*, *Грибоедова*, *Батюшкова*, *Жуковскаго*, *Пушкина*, *Озерова*, *Загоскина*, *Лажечникова*, *Марлинскаго*, *кн. Одоевскаго* и еще нѣкоторыхъ другихъ. Но есть ли хотя одинъ языкъ на свѣтѣ, на коемъ бы не было сколькихъ-нибудь образцовыхъ художественныхъ произведеній, хотя народныхъ пѣсней? Удивительно ли, что въ Россіи, которая обширностію своею превосходитъ всю Европу, а народонаселеніемъ каждое Европейское Государство, отдѣльно взятое, удивительно ли, что въ этой новой Римской Имперіи явилось людей съ талантами болѣе, нежели, напр., въ какой-нибудь Сербіи, Швеціи, Даніи и другихъ крохотныхъ землякахъ? Все это въ порядкѣ вещей, и изъ всего этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы у насъ была литература.

Но есть еще третье мнѣніе, не похожее ни на одно изъ обоихъ предъидущихъ, мнѣніе, вслѣдствіе котораго литературою называется собраніе такого рода художественно-словесныхъ произведеній, которыя суть плодъ свободнаго вдохновенія и дружныхъ (хотя и неусловленныхъ) усилій людей, созданныхъ для искусства, дышащихъ для одного его и уничтожающихся внѣ его, вполне выражающихъ и воспроизводящихъ въ своихъ изящныхъ созданіяхъ духъ того народа, среди котораго они рождены и воспитаны, жизнью котораго они живутъ и духомъ котораго дышать, выражающихъ въ своихъ творческихъ произведеніяхъ его внутреннюю жизнь до сокровеннѣйшихъ глубинъ и біеній. Въ исторіи такой литературы нѣтъ и не можетъ быть скачковъ: напротивъ, въ ней все послѣдовательно, все естественно, нѣтъ никакихъ насильственныхъ или принужденныхъ переломовъ, происшедшихъ отъ какого-нибудь чуждаго вліянія. Такая литература не можетъ въ одно и то же время быть и Французскою и Нѣмецкою и Англійскою и Итальянскою. Это—мысль не новая: она давно была высказана тысячу разъ. Кажалось бы, не для чего и повторять ее. Но увы! Какъ много есть пошлыхъ истинъ, ко-

торыя у насъ должно твердить и повторять каждый день во всеуслышаніе! У насъ, у которыхъ такъ зыбки, такъ шатки литературныя мнѣнія, такъ темны и загадочны литературныя вопросы; у насъ, у которыхъ одинъ недоволенъ второю частію *Фауста*, а другой въ восторгѣ отъ *Черной Женщины*, одинъ бранитъ кровавые ужасы *Лукреціи Борджіа*, а тысячи улаждаютъ себя романами гг. *Бумарина* и *Орлова*; у насъ, у которыхъ публика есть настоящее изображеніе людей послѣ Вавилонскаго столпотворенія, гдѣ

Одинъ кричитъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ;

наконецъ, у насъ, у которыхъ такъ дешево продаются и покупаются лавровые вѣнки генія, у которыхъ всякая смысленность, вспомоществуемая дерзостію и безстыдствомъ, приобрѣтаетъ себѣ громкую извѣстность, нагло ругаясь надъ всѣмъ святымъ и великимъ человѣчества подъ какою-нибудь баронскою маскою; у насъ, у которыхъ купчая крѣпость на цѣлую литературу и всѣхъ ея геніевъ доставляетъ тысячи подписчиковъ на иной торговый журналъ; у насъ, у которыхъ нелѣпныя бредни, воскрешающія собою позабытую ученость *Тредьяковскихъ* и *Эминыхъ*, громогласно объявляются *всемирными* статьями, долженствующими произвести рѣшительный переворотъ въ Русской исторіи?... Нѣтъ: пиши, говори, кричи всякій, у кого есть хоть сколько-нибудь безкорыстной любви къ отечеству, къ добру и истинѣ; не говорю *познаній*, ибо многіе печальные опыты доказали намъ, что въ дѣлѣ истины познанія и глубокая ученость совсѣмъ не одно и то же съ безпристрастіемъ и справедливостію... ¹⁾).

Итакъ оправдываетъ ли наша словесность послѣднее опредѣленіе литературы, приведенное мною? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, бросимъ бѣглый взглядъ на ходъ нашей литературы отъ *Ломоносова*, перваго ея генія, до г-на *Кукольника*, послѣдняго ея генія.

III.

La verité! la verité! rien
plus que la verité!

— „Какъ, что такое? Неужели обзорѣніе?“—спрашиваютъ меня испуганные читатели.

Да, милостивые государи, оно хоть и не совсѣмъ обзорѣніе, а похоже на то. Итакъ—

¹⁾ Всѣ эти выпады направлены противъ журнала „Библіотека для Чтенія“ и его редактора, профессора-оріенталиста Сенковскаго, очень талантливаго, но совершенно безпринципнаго публициста, писавшаго подъ псевдонимами „Баронъ Брамбеусъ“, „Тю-тунджи-Оглу“, „О. О. О.“ и др.

silence!— Но что я вижу? Вы морщитесь, пожимаете плечами, вы хороми кричите мнѣ: „Нѣтъ, братъ, стара шутка — не надуешь... Мы еще не забыли и прежнихъ обзорѣній, отъ которыхъ намъ жутко приходилось! Мы, пожалуй, напередъ прочтемъ тебѣ наизустъ все то, о чемъ ты намъ будешь проповѣдывать. Все это мы и сами знаемъ не хуже тебя. Вѣдь нынѣ не то, что прежде; тогда хорошо было вашей братьи, не призваннымъ обзорѣвателямъ, морочить насъ, бѣдныхъ читателей, а теперь всякій обзавелся своимъ умишкомъ, и въ состояніи толковать вкось и вкривь о томъ и о семъ“...

Что мнѣ отвѣчать вамъ на это неизбѣжимое привѣтствіе?... Право, ума не приложу... Однакожъ... прочтите, хоть такъ, отъ скуки—вѣдь нынѣ, знаете, нечего читать, такъ оно и кстати... Можетъ быть—(вѣдь чѣмъ чортъ не шутитъ!)—можетъ быть, вы найдете въ моемъ краткомъ—(слышите ли—*краткомъ*!)—обзорѣ, если не слишкомъ хитрыя вещи, то и не слишкомъ нелѣпныя, если не слишкомъ новыя, то и не слишкомъ истертыя... Притомъ же, вѣдь чего-нибудь да стоятъ правда, безпристрастіе, благонамѣренность... Что, не вѣрите?—Отворачиваетесь отъ меня, качаете головой, машете руками, затыкаете уши?... Ну, Богъ съ вами: божиться не стану, хотите читайте, хотите нѣтъ; вѣдь и то сказать, вольному воля!... А впрочемъ, что же я расторговался съ вами? Нѣтъ—прошу не погнѣваться: рады или не рады, а прочесть должны: зачѣмъ же грамотѣ учились? И такъ, благословясь, къ дѣлу!

Вы, почтенные читатели, можетъ быть, ожидаете, что я, по похвальному обычаю нашихъ многоученыхъ и досужихъ аристарховъ, начну мое обзорѣніе съ начала всѣхъ началъ—съ яицъ Леды, дабы показать вамъ, какое вліяніе имѣли на Русскую литературу созданіе міра, грѣхопаденіе перваго человѣка, потомъ Греція, Римъ, великое переселеніе народовъ, Атилла, рыцарство, Крестовые Походы, изобрѣтеніе компаса, пороха, книгопечатанія, открытіе Америки, Реформація, тридцатилѣтняя война и пр., и пр.? Вы, можетъ статья, уже и не на шутку струхнули, ожидая, что я, безъ всякой вѣжливости, схвачу васъ за воротъ, потащу на *пароходѣ Джонъ-Булъ*, и на немъ, какъ на волшебномъ коврѣ-самолетѣ, полечу прямо въ Индію, въ эту дивную родину человѣчества, въ эту чудную страну Гиммалаевъ, слоновъ, тигровъ, львовъ, удавовъ, обезьянъ, золота, каменье и холеры; вы, можетъ быть, думаете, что я изложу вамъ содержаніе *Рамаяны* и *Махабхараты*, разберу неподражаемую красоту *Саконталы*, обнаружу передъ вами все богатство этой многослож-

ной и роскошной міѳологіи жрецовъ *Маадевы* и *Шивы* и распространю състати о поразительномъ сходствѣ *Санскритскаго* языка съ *Славянскимъ*? Нѣтъ, милостивые государи, не обманывайте себя столь лестною надеждою; она не сбудется, и, кажется, на вашу же радость; ибо—признаюсь вамъ откровенно—священные писмена *Ведъ* для меня сущая тарабарская грамота, а поэмъ и драмъ *Индійскихъ* я не видывалъ даже и въ переводахъ. Не ожидайте также, чтобы съ береговъ священнаго *Гангеса* я повелъ васъ на цвѣтушіе берега *Тигра* и *Евфрата*, гдѣ младенецъ-человѣкъ разбилъ идоловъ и поклонился огню; не ждите, чтобы дерзкою рукою сталъ я срывать дѣвственный покровъ съ таинствъ древнихъ *Маговъ* или жрецовъ *Озириса* и *Изиды* на берегахъ многоводнаго *Нила*; не думайте, чтобы я завелъ васъ мимоходомъ въ пустыни *Аравійскія*, чтобы на песчаномъ океанѣ, у журчащаго источника, подъ сѣнію широколиственной пальмы, объяснить вамъ семь славныхъ *Моаллакаты*. Правда, дорога въ эти страны мнѣ извѣстна не меньше всѣхъ нашихъ обозрѣвателей; но боюсь пускаться съ вами въ такую даль: жалко васъ—неравно устанете, или собьетесь съ пути. Не болѣе того услышите отъ меня о *Греціи* и ея изящной и богатой литературѣ; равнымъ образомъ пройду роковымъ молчаніемъ и вѣчный *Римъ*. Нѣтъ—не бойтесь! Не хочу—подражая нашимъ прошедшимъ, настоящимъ, а можетъ статься, и будущимъ обозрѣвателямъ, которые всегда начинаютъ на одинъ ладъ, съ лицъ *Леды*, и оканчиваютъ ровно ничѣмъ, которые, наскучивъ своимъ долговременнымъ и скромнымъ молчаніемъ, принатуживъ свои умственные способности, однимъ разомъ высыпаютъ изъ своихъ головъ весь неистощимый запасъ своихъ огромныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній и умѣщаютъ его на нѣсколькихъ страничкахъ пріятельскаго журнала или альманаха—не хочу ворошить костями *Гомеровъ* и *Виргиліевъ*, *Демосфеновъ* и *Цицероновъ*; и безъ меня довольно достается имъ бѣдненькимъ. Не только не стану наводить справокъ, съ какихъ родовъ начали писать или пѣть первобытные поэты, съ *гимновъ* или *молитвъ*; но даже не разыграю вамъ никакой прелюдіи о литературѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ, а начну прямо съ Русской. Этого мало: не буду толковать даже и о блаженной памяти *классицизмъ* и *романтизмъ*: вѣчная имъ память! ¹⁾.

Ну, рѣшите сами, любезные читатели!

¹⁾ Весь этотъ длинный абзацъ—ироническая пародія на одну изъ критическихъ статей Бестужева-Марлинскаго, появившуюся (въ „Московскомъ Телеграфѣ“) годомъ раньше „Литературныхъ Мечтаній“ Бѣлинскаго.

не чудакъ ли я, да и только? Какъ принять на себя важную должность обозрѣвателя и не воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ выказать свою глубокую ученость, взятую на прокатъ изъ Русскихъ журналовъ, высказать множество свѣтлыхъ, рѣзкихъ, хотя уже и давно всѣмъ извѣстныхъ и, какъ горькая рѣдька, надѣвшихъ истинъ, сдобрить всю эту микстуру, весь этотъ винигретъ, намеками на то и на се, разукрасить его каламбурами и пестрымъ калейдоскопическимъ слогомъ, хотя бы на переборъ здравому смыслу!... Что, милостивые государи, вы удивляетесь? То-то же, вѣдь говорилъ вамъ: прочтите, авось не будете каяться... Подумайте хорошенько, а между тѣмъ еще разъ повторю вамъ, что, къ крайнему вашему огорченію, ничего этого не будетъ—а почему, о томъ читайте ниже—и дивитесь.

Во-первыхъ: потому, что не хочу мучить васъ зѣвотою, отъ которой и самъ довольно страдаю.

Во-вторыхъ: потому, что не хочу шарлатанить, то-есть говорить свысока о томъ, чего не знаю, а если и знаю, то очень сбивчиво и неопредѣленно.

Въ-третьихъ: потому, что все это прекрасно на своемъ мѣстѣ, но къ Русской литературѣ, предмету моего обозрѣнія, ни мало не относится: надѣюсь открыть ларчикъ гораздо проще.

Въ-четвертыхъ: потому, что твердо помню премудрое правило бывшаго нашего критика, блаженной памяти *Никодима Аристарховича Надоумка*, что *лучше, для перенѣзда черезъ лужу на челнокъ, раскладывать передъ собою морскую карту*. Воля ваша, а я готовъ побожиться, что покойникъ говорилъ правду. Было время, когда всѣ затыкали уши отъ его невѣжливыхъ выходокъ противъ тогдашнихъ *геніевъ*, а теперь всѣ жалѣютъ, что уже некому припугнуть хорошенько нынѣшнихъ: изволь тутъ угодить на весь свѣтъ! Впрочемъ, я это сказалъ такъ, à propos—спѣшу къ началу.

Французы называютъ литературу *выраженіемъ общества*: это опредѣленіе не ново: оно давно намъ знакомо. Но справедливо ли оно? Это—другой вопросъ. Если подъ словомъ *общество* должно разумѣть избранный кругъ образованнѣйшихъ людей, или, короче сказать, *большой свѣтъ*, *beau monde*, тогда это опредѣленіе будетъ имѣть свое значеніе, свой смыслъ, и смыслъ глубокий, но только у однихъ Французовъ. Каждый народъ, сообразно съ своимъ характеромъ, происходящимъ отъ мѣстности, отъ единства или разнообразія элементовъ, изъ коихъ образовалась его жизнь, и историческихъ обстоятельствъ, при коихъ она развилась, играетъ

въ великомъ семействѣ человѣческаго рода свою особенную, назначенную ему Провидѣніемъ, роль и вносятъ въ общую сокровищницу его успѣховъ на поприщѣ самосовершенствованія свою долю, свой вкладъ; другими словами: каждый народъ выражаетъ собою одну какую-нибудь сторону жизни человѣчества. Такимъ образомъ, *Нѣмцы* завладѣли безпредѣльною областію умозрѣнія и анализа, *Англичане* отличаются практической дѣятельностію, *Италіянцы* художественнымъ направленіемъ. *Нѣмецъ* все подводитъ подъ общій взглядъ, все выводитъ изъ одного начала; *Англичанинъ* переплываетъ моря, прокладываетъ дороги, проводитъ каналы, торгуетъ со всѣмъ свѣтомъ, заводитъ колоніи и во всемъ опирается на опытъ, на расчетъ; жизнь *Италіянца* прежнихъ временъ была любовь и творчество, творчество и любовь. Направленіе *Французовъ* есть жизнь, жизнь практическая, кипучая, безпокойная, вѣчно движущаяся. *Нѣмецъ* творитъ мысль, открываетъ новую истину, *Французъ* ею пользуется, проживаетъ, издерживаетъ ее, такъ сказать. *Нѣмцы* обогащаютъ человѣчество идеями, *Англичане* изобрѣтеніями, служащими къ удобствамъ жизни; *Французы* даютъ намъ законы моды, предписываютъ правила обхожденія, вѣжливости, хорошаго тона. Словомъ: жизнь *Француза* есть жизнь общественная, паркетная; паркетъ есть его поприще, на которомъ онъ блистаетъ блескомъ своего ума, познаній, талантовъ, остроумія, образованности. Для *Французовъ* балъ, собраніе—то же, что для Грековъ была *площадь* или *игры Олимпійскія*: это—бита, турниръ, гдѣ, вмѣсто оружія, сражаются умомъ, острою, образованностію, просвѣщеніемъ, гдѣ честолюбіе отражается честолюбіемъ, гдѣ много ломается копій, много выигрывается и проигрывается побѣдъ. Вотъ отъ чего ни одинъ народъ не можетъ сравняться съ Французами въ этой обходительности, въ этой изящной ловкости и любезности, для выраженія которыхъ словами, опять-таки, способенъ только одинъ Французскій языкъ; вотъ отъ чего всѣ усилія Европейскихъ народовъ сравняться въ семъ отношеніи съ Французами всегда оставались тщетными; вотъ отъ чего всѣ другія общества всегда были, суть и будутъ смѣшными каррикатурами, жалкими пародіями, злыми эпиграммами на Французское общество; вотъ почему, говорю я, это опредѣленіе словесности, вслѣдствіе котораго она должна быть *выраженіемъ общества*, такъ глубоко и вѣрно у Французовъ. Ихъ литература всегда была вѣрнымъ отраженіемъ, зеркаломъ общества, всегда шла съ нимъ рука объ руку, забывая о массѣ народа, ибо ихъ общество есть высочайшее проявленіе ихъ народнаго

духа, ихъ народной жизни. Для писателей Французскихъ общество есть школа, въ которой они учатся языку, заимствуютъ образъ мыслей, и которое они изображаютъ въ своихъ твореніяхъ. Совѣтъ не такъ у другихъ народовъ. Въ Германіи, напр., не тотъ ученъ, кто богатъ или вхожъ въ лучшіе дома и блистательнѣйшія общества; напротивъ, гений Германіи любитъ чердаки бѣдняковъ, скромные углы студентовъ, убогія жилища пасторовъ. Тамъ все пишетъ или читаетъ, тамъ публика считается милліонами, а писатели тысячами; словомъ: тамъ литература есть выраженіе не общества, но народа. Такимъ же образомъ, хотя и не вслѣдствіе такихъ же причинъ, литературы и другихъ народовъ не суть выраженіе общества, но выраженіе духа народнаго; ибо нѣтъ ни одного народа, жизнь котораго преимущественно проявлялась бы въ обществѣ, и можно сказать утвердительно, что Франція составляетъ въ семъ случаѣ единственное исключеніе. Итакъ литература непременно должна быть выраженіемъ—символомъ внутренней жизни народа. Впрочемъ, это совѣтъ не есть ея опредѣленіе, но одно изъ необходимѣйшихъ ея принадлежностей и условій. Прежде, нежели я буду говорить о Россіи въ семъ отношеніи, почитаю необходимымъ изложить здѣсь мои понятія *объ искусствѣ* вообще. Я хочу, чтобы читатели видѣли, съ какой точки зрѣнія смотрю я на предметъ, о которомъ вызвался судить, и вслѣдствіе какихъ причинъ я понимаю то или другое такъ, а не этакъ.

Весь безпредѣльный, прекрасный Божій міръ есть не что иное, какъ дыханіе *единой*, вѣчной *идеи* (мысли единаго, вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи. Только пламенное чувство смертнаго можетъ постигать, въ свои свѣтлыя мгновенія, какъ велико *тѣло* этой души Вселенной, сердце котораго составляютъ громадныя солнца, жилы—пути млечные, а кровь—чистый эфиръ. Для этой *идеи* нѣтъ покоя: она живетъ безпрестанно, то-есть безпрестанно творитъ, чтобы разрушать, и разрушаетъ, чтобы творить. Она воплощается въ блестящее солнце, въ великолѣпную планету, въ блудящую комету; она живетъ и дышетъ—и въ бурныхъ приливахъ и отливахъ морей, и въ свирѣломъ ураганѣ пустынь, и въ шелестѣ листьевъ, и въ журчаніи ручья, и въ рыканіи льва, и въ слезѣ младенца, и въ улыбкѣ красоты, и въ волѣ человѣка, и въ стройныхъ созданіяхъ гения... Кружится колесо времени съ быстротою непостижимою, въ безбрежныхъ равнинахъ неба потухаютъ свѣтила, какъ истощившіеся вулканы, и зажигаются новыя;

на землѣ проходить роды и поколѣнія и замѣняются новыми, смерть истребляетъ жизнь, жизнь уничтожаетъ смерть; силы природы борются, враждуютъ и умиротворяются силами посредствующими, и гармония царствуетъ въ этомъ вѣчномъ броженіи, въ этой борьбѣ началъ и веществъ. Такъ—*идея* живетъ: мы ясно видимъ это нашими слабыми глазами. Она мудра, ибо все предвидитъ, все держитъ въ равновѣсіи; за наводненіемъ и за лавою ниспосылаетъ плодородіе, за опустошительною грозою чистоту и свѣжесть воздуха, въ пустыняхъ песчаной Аравіи и Африки поселила верблюда и страуса, въ пустыняхъ ледяного Сѣвера поселила оленя. Вотъ ея мудрость, вотъ ея жизнь физическая: гдѣ же ея любовь? Богъ создалъ *человѣка* и далъ ему умъ и чувство, да постигаетъ сію идею своимъ умомъ и знаніемъ, да приобщается къ ея жизни въ живомъ и горячемъ сочувствіи, да раздѣляетъ ея жизнь въ чувствѣ безконечной, зиждущей любви! Итакъ она не только мудра, но и любяща! Гордись, гордись, человѣкъ, своимъ высокимъ назначеніемъ; но не забывай, что Божественная *идея*, тебя родившая, справедлива и правосудна, что она дала тебѣ умъ и волю, которые ставятъ тебя выше всего творенія, что она въ тебѣ живетъ, а жизнь есть дѣйствование, а дѣйствование есть борьба; не забывай, что твое безконечное, высочайшее блаженство состоитъ въ уничтоженіи твоего *я* въ чувствѣ любви. Итакъ вотъ эти двѣ дороги, два неизбѣжные пути: отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами твое своекорыстное *я*, дыши для счастья другихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага, и тяжкимъ крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ, твое безсмертіе, которое должно состоять въ уничтоженіи твоего *я*, въ чувствѣ безпредѣльнаго блаженства!... Что? Ты не рѣшаешься? Этотъ подвигъ тебя страшитъ, кажется тебѣ не по силамъ?... Ну, такъ вотъ тебѣ другой путь, онъ шире, спокойнѣе, легче: люби самого себя больше всего на свѣтѣ; плачь, дѣлай добро лишь изъ выгоды; не бойся зла, когда оно приноситъ тебѣ пользу. Помни это правило: съ нимъ тебѣ вездѣ будетъ тепло! Если ты рожденъ сильнымъ земли, гни твой хребетъ, ползи змѣею между тиграми, бросайся тигромъ между овцами, губи, угнетай, пей кровь и слезы, чело обремени лавровыми вѣнцами, рамена согни подъ грузомъ незаслуженныхъ почестей и титуловъ. Весела и блестяща будетъ жизнь твоя; ты не узнаешь, что такое холодъ или голодъ, что такое угнетеніе и оскорбленіе, все будетъ трепетать тебя, вездѣ покорность и услужли-

вость, отовсюду лесть и хваленія, и поэтъ напишетъ тебѣ посланіе и оду, гдѣ сравнитъ тебя съ полубогами, и журналистъ прокричитъ во всеуслышаніе, что ты—покровитель слабыхъ и сирыхъ, столпъ и опора отечества, правая рука Государя! Какая тебѣ нужда, что въ душѣ твоей каждую минуту будетъ разыгрываться ужасная, кровавая драма, что ты будешь въ безпрестанномъ раздорѣ съ самимъ собою, что въ душѣ твоей будетъ слишкомъ жарко, а въ сердцѣ слишкомъ холодно, что вопли угнетенныхъ тобою будутъ преслѣдовать тебя и на свѣтломъ пиру и на мягкомъ ложѣ сна, что тѣни погубленныхъ тобою окружаютъ твой болѣзненный одръ, составляютъ около него адскую пляску и съ яростнымъ хохотомъ будутъ веселиться твоими послѣдними предсмертными страданіями, что передъ твоими взорами откроется ужасная картина правдивнаго уничтоженія за гробомъ, мукъ вѣчныхъ!... Э, любезный мой, ты правъ: жизнь сонъ, и не увидишь, какъ пройдетъ!... За то весело поживешь, сладко поѣшь, мягко поспишь, повластвуешь надъ своими ближними, а вѣдь это чего-нибудь да стоитъ!—Если же, при твоёмъ рожденіи, природа возложила на твое чело печать генія, дала тебѣ вѣщія уста пророка и сладкій голосъ поэта, если міродержавныя судьбы обрекли тебя быть двигателемъ человѣчества, апостоломъ истины и знанія, вотъ опять передъ тобою два неизбѣжные пути. Сочувствуй природѣ, люби и изучай ее, твори безкорыстно, трудись безвозмездно, отвержай души ближнихъ для впечатлѣнія благаго и истиннаго, избѣжай порока и невѣжество, терпи гоненіе злыхъ, ѣшь хлѣбъ, смоченный слезами, и не своди задумчиваго взора съ прекраснаго, родного тебѣ неба. Трудно? тяжело?... Ну, такъ торгуй твоимъ божественнымъ даромъ, положи цѣну на каждое вѣщее слово, которое ниспосылаетъ тебѣ Богъ въ святыя минуты вдохновенія: покупщики найдутся, будутъ платить тебѣ щедро, а ты лишь умѣй кадить кадиломъ лести, умѣй склонять во прахъ твое вѣнчанное чело, забудь о славѣ, о безсмертіи, о потомствѣ, довольствуйся тѣмъ, если услужливая рука торгаша-журналиста провозгласитъ о тебѣ, что ты великій поэтъ, геній, Байронъ, Гете!...

Вотъ нравственная жизнь вѣчной *идеи*. Проявленіе ея—борьба между добромъ и зломъ, любовію и эгоизмомъ, какъ въ жизни физической противоборство силы сжимательной и расширительной. Безъ борьбы нѣтъ заслуги, безъ заслуги нѣтъ награды, а безъ дѣйствованія нѣтъ жизни! Что представляютъ собою индивидуумы, то же представляетъ и человѣчество: оно борется ежеминутно и ежеминутно улучшается. Потоки варваровъ.

нахлынувшихъ изъ Азіи въ Европу, вмѣсто того, чтобы подавить жизнь, воскресили ее, обновили дряхлѣющій міръ; изъ гнилого трупа Римской Имперіи возникли мощные народы, сдѣлавшіеся сосудомъ благодати... Что означаютъ походы *Александровъ*, безпкойная дѣятельность *Цезарей*, *Карловъ*? — Движеніе вѣчной *идеи*, которой жизнь состоитъ въ безпрерывной дѣятельности.

Какое же назначеніе и какая цѣль искусства?... Изображать, воспроизводить въ словъ, въ звукъ, въ чертахъ и краскахъ идею всеобщей жизни природы: вотъ единая и вѣчная тема искусства! Поэтическое одушевленіе есть отблескъ творящей силы природы. Посему поэтъ болѣе, нежели кто-либо другой, долженъ изучать природу физическую и духовную, любить ее и сочувствовать ей; болѣе нежели кто-либо другой долженъ быть чистъ и дѣвственъ душою: ибо въ ея святилище можно входить только съ ногами обнаженными, съ руками омовенными, съ умомъ мужа и сердцемъ младенца, ибо только *сін насльдятъ царствіе небесное*, ибо только въ гармоніи ума и чувства заключается высочайшее совершенство человѣка! Чѣмъ выше геній поэта, тѣмъ глубже и обширнѣе обнимаетъ онъ природу и тѣмъ съ бѣльшимъ успѣхомъ представляетъ намъ ее въ ея высшей связи и жизни. Если *Байронъ* *взвѣсилъ ужасъ и страданье*, если онъ постигъ и выразилъ только муки сердца, адъ души, это значитъ, что онъ постигъ только одну сторону бытія Вселенной, что онъ вырвалъ и показалъ намъ только одну страницу онаго. *Шиллеръ* передалъ намъ тайны неба, показалъ одно прекрасное жизни, такъ, какъ онъ понималъ его самъ, пропѣлъ намъ только свои завѣтныя думы и мечтанія: злое жизни у него или невѣрно или искажено преувеличеніемъ; *Шиллеръ* въ семъ отношеніи равенъ *Байрону*. Но *Шекспиръ*, божественный, великій, недостижимый *Шекспиръ*, постигъ и адъ и землю и небо: царь природы, онъ взялъ равную дань и съ добра и съ зла, и подсмотрѣлъ въ своемъ вдохновенномъ ясно-видѣніи бѣеніе пульса Вселенной! Каждая его драма есть міръ въ миниатюрѣ: у него нѣтъ, какъ у *Шиллера*, любимыхъ идей, любимыхъ героевъ. Посмотрите, какъ безчеловѣчно смѣется онъ надъ этимъ бѣднымъ *Гамлетомъ*, съ замысломъ гиганта и волею ребенка, который на каждомъ шагу падаетъ подъ тяжестію подвига, предпринятаго не по силамъ!... Спросите у *Шекспира*, спросите у этого царя чародѣевъ: для чего онъ сдѣлалъ изъ *Лира* слабого, полуумнаго старичишку, а не идеальнѣшаго отца, какъ *Дюисъ* или *Гиндичъ*; для чего онъ представилъ въ *Макбетъ* человѣка, сдѣлавшагося злодѣемъ по слабости характера, а не по

влеченію ко злу, а въ *Леди Макбетъ* злодѣйку по чувству; для чего онъ сдѣлалъ изъ *Корделии* нѣжную, любящую дочь, съ мягкимъ женскимъ сердцемъ, а на ея сестеръ наслалъ фурій зависти, честолюбія и неблагодарности? Онъ сказалъ бы вамъ въ отвѣтъ, что такъ бываетъ въ мірѣ, что иначе быть не можетъ! — Да! это безпристрастіе, эта холодность поэта, который какъ будто говорить вамъ: *такъ было, а впрочемъ мнѣ какое дѣло!* есть высочайшій зенитъ художественнаго совершенства, есть истинное творчество, есть удѣлъ немногихъ избранныхъ, о коихъ говорятъ:

Съ природою одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье,
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ вы можете назвать то или другое явленіе прекраснымъ, а это безобразнымъ безъ отношеній?... Развѣ не одинъ и тотъ же духъ Божій создалъ кроткаго агнца и кровожаждущаго тигра, статную лошадь и безобразнаго кита, красавицу Черкешенку и урода Негра? Развѣ Онъ больше любитъ голубя, чѣмъ ястреба, соловья, чѣмъ лягушку, газель, чѣмъ удава? Для чего же поэтъ долженъ изображать вамъ одно прекрасное, одно умиляющее душу и сердце? Если *Ганъ Исландецъ* можетъ существовать въ природѣ, то я, право, не понимаю, чѣмъ онъ хуже какого-нибудь *Карла Моора*, или даже *Маркиза Позы*? Я люблю *Карла Моора*, какъ человѣка, обожаю *Позу*, какъ героя, и ненавижу *Гана Исландца*, какъ чудовище; но, какъ созданія фантазіи, какъ частныя явленія общей жизни, они для меня всѣ равно прекрасны. Если поэтъ изображаетъ вамъ, подобно какому-нибудь *Капитану Сю*, одно ужасное, одно злое природы, это доказываетъ, что кругозоръ его ума тѣсенъ, что его творческій геній ограниченъ, а ничуть не обнаруживаетъ въ немъ дурного, безнравственнаго человѣка. Вотъ, когда онъ своими сочиненіями старается заставить васъ смотрѣть на жизнь съ его точки зрѣнія, въ такомъ случаѣ онъ уже и не поэтъ, а мыслитель, и мыслитель дурной, злонамѣренный, достойный проклятія, ибо поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя. Доколѣ поэтъ слѣдуетъ безотчетно мгновенной вспышкѣ своего воображенія, дотолѣ онъ нравственъ, дотолѣ онъ и поэтъ; но, какъ скоро онъ предположилъ себѣ цѣль, задалъ тему, онъ — уже философъ, мыслитель, моралистъ, онъ теряетъ надомной свою чародѣйскую власть, разрушаетъ очарованіе и заставляетъ меня сожалѣть о себѣ, если, при истинномъ талантѣ, имѣетъ похвальную цѣль, и презирать себя, если

силится опутать мою душу тенетами вредных мыслей. Вамъ нравится ода Богъ *Державина*? Но этотъ же *Державинъ* написалъ *Мельника*. Вы осуждаете *Пушкина* за многія вольности въ *Русланъ* и *Людмилъ*? Но этотъ же *Пушкинъ* создалъ вамъ *Бориса Годунова*. Отъ чего же такія противорѣчія въ ихъ художественномъ направленіи? Отъ того, что они хорошо помнятъ правило:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!

Да — искусство есть выраженіе великой идеи Вселенной въ ея безконечно разнообразныхъ явленіяхъ! Прекрасно было гдѣ-то сказано, что повесть есть краткій эпизодъ изъ безконечной поэмы судебъ человѣческихъ! Подъ это опредѣленіе повѣсти подходятъ всѣ роды художественныхъ созданій. Все искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы поставить читателя на такую точку зрѣнія, съ которой бы ему видна была вся природа въ сокращеніи, въ миниатюрѣ, какъ земной шаръ на ландкартѣ, чтобы дать ему почувствовать вѣяніе, дыханіе этой жизни, которая одушевляетъ Вселенную, сообщить его душѣ этотъ огонь, который согрѣваетъ ее. Наслажденіе же изящнымъ должно состоять въ минутномъ забвеніи нашего я, въ живомъ сочувствіи съ общею жизнью природы; и поэтъ всегда достигнетъ этой прекрасной цѣли, если его произведеніе есть плодъ возвышеннаго ума и горячаго чувства, если оно свободно и безотчетно вылилось изъ его души...

IV.

Ахъ! если рождены мы все перенимать,
Хоть у Китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за Нѣмцевъ.

Горе отъ Ума. Дѣйств. III.

Итакъ, теперь должно рѣшить слѣдующій вопросъ: что такое наша литература, выраженіе общества, или выраженіе духа народнаго? Рѣшеніе этого вопроса будетъ исторіею нашей литературы и вмѣстѣ исторіею постепеннаго хода нашего общества со временъ Петра Великаго. Вѣрный моему слову, я не буду говорить, съ чего начинались литературы всѣхъ народовъ, и какъ онѣ развивались, ибо это должно быть общимъ мѣстомъ для всякаго читающаго человѣка.

Каждый народъ, вслѣдствіе непреложнаго закона Провидѣнія, долженъ выражать своею жизнью одну какую-нибудь сторону жизни цѣлаго человѣчества; въ противномъ случаѣ, этотъ народъ не живетъ, а только прозя-

баеть, и его существованіе ни къ чему не служить. Односторонность вредна для всякаго человѣка въ частности, вредна для всего человѣчества. Когда весь міръ сдѣлался Римомъ, когда всѣ народы начали мыслить и чувствовать по Римски, тогда прервался ходъ человѣческаго ума, ибо для него уже не стало болѣе цѣли, ибо ему казалось, что онъ уже дошелъ до Геркулесовскихъ столбовъ своего поприща. Утомленный властелинъ міра опочилъ на своихъ лаврахъ: жизнь его кончилась, ибо кончилась его дѣятельность, стремленіе къ которой проявлялось у него только въ однихъ безпутныхъ оргіяхъ. Онъ сдѣлалъ ужасную ошибку, думая, что внѣ Рима, наслѣдовавшаго, по праву завоеванія, сокровища Греческаго образованія, нѣтъ міра, нѣтъ свѣта, нѣтъ просвѣщенія! Бѣдственное заблужденіе! Оно было одною изъ важнѣйшихъ причинъ правдивой смерти сего великаго колосса. Для обновленія человѣчества надобно было, чтобы этотъ хаосъ смерти и тлѣнія огласился благодатнымъ словомъ Сына Человѣческаго: „Приидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и азъ упокою вы!“ Надобно было, чтобы толпы варваровъ разрушили это колоссальное могущество, размежевали его своимъ мечомъ на множество могуществъ, приняли Слово и пошли каждый своимъ особеннымъ путемъ къ единой цѣли.

Да — только идя по разнымъ дорогамъ, человѣчество можетъ достигнуть своей единой цѣли; только живя самобытною жизнью, можетъ каждый народъ принести свою долю въ общую сокровищницу. Въ чемъ же состоитъ эта самобытность каждаго народа? Въ особенномъ, одному ему принадлежащемъ образѣ мыслей и взглядѣ на предметы, въ религіи, языкѣ и болѣе всего въ *обычаяхъ*. Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно важны, тѣсно соединены между собою и обуславливаютъ другъ друга, и всѣ проистекаютъ изъ одного общаго источника — причины всѣхъ причинъ — *климата и мѣстности*. Между сими отличіями каждаго народа *обычаи* играютъ едва-ли не самую важную роль, составляютъ едва-ли не самую характеристическую черту оныхъ. Не возможно представить себѣ народа безъ религіозныхъ понятій, облеченныхъ въ формы богослуженія; не возможно представить себѣ народа, не имѣющаго одного общаго для всѣхъ сословій языка; но еще менѣе возможно представить себѣ народъ, не имѣющій особенныхъ, одному ему свойственныхъ обычаевъ. Эти обычаи состоятъ въ образѣ одежды, прототипъ которой находится въ климатѣ страны; въ формахъ домашней и общественной жизни, причина коихъ скрывается въ вѣрованіяхъ, повѣрьяхъ и понятіяхъ народа; въ формахъ

обращеніи между недѣлимыми государства, отѣнки которыхъ истекаютъ отъ гражданскихъ постановленій и различія сословій. Всѣ эти обычаи укрѣпляются давностію, освящаются временемъ и переходятъ изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ наслѣдіе потомковъ отъ предковъ. Они составляютъ физиономію народа, и безъ нихъ народъ есть образъ безъ лица, мечта небывалая и несбыточная. Чѣмъ младенченственнѣе народъ, тѣмъ рѣзче и цвѣтнѣе его обычаи, и тѣмъ болѣе полагаетъ онъ въ нихъ важность; время и просвѣщеніе подводятъ ихъ подъ общій уровень; но они могутъ измѣняться не иначе, какъ тихо, незамѣтно, и притомъ одинъ по одному. Надобно, чтобы самъ народъ добровольно отказывался отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и принималъ новые; но и тутъ своя борьба, свои битвы на смерть, свои старовѣры и раскольники, классики и романтики. Народъ крѣпко дорожитъ обычаями, какъ своимъ священнѣйшимъ достояніемъ, и посягательство на внезапную и рѣшительную реформу оныхъ безъ своего согласія почитаетъ посягательствомъ на свое бытіе. Посмотрите на Китай: тамъ масса народа исповѣдуетъ нѣсколько различныхъ вѣръ; высшее сословіе, мандарины, не знаютъ ни какой, и только изъ приличія исполняютъ религіозные обряды; но какое у нихъ единство и общность обычаевъ, какая самостоятельность, особность и характерность! какъ упорно они ихъ держатся! Да, обычаи — дѣло святое, неприкосновенное и неподлежащее никакой власти, кромѣ силы обстоятельствъ и успѣховъ просвѣщенія! Человѣкъ, самый развратный, закоренѣлый въ порокахъ, смѣющийся надъ всѣмъ святымъ, покоряется обычаямъ, даже внутренно смѣясь надъ ними. Разрушьте ихъ внезапно, не замѣнивъ тотчасъ же новыми: и вы разрушите всѣ опоры, разорвете всѣ связи общества, словомъ, уничтожите народъ. По чему это такъ? По тому же самому, по чему рыба привольно въ водѣ, птица въ воздухѣ, звѣрю на землѣ, гадинѣ полъ землю. Народъ, насильственно введенный въ чуждую ему сферу, похожъ на связаннаго человѣка, котораго бичомъ понуждаютъ къ бѣгу. Всякій народъ можетъ перенимать у другого, но онъ необходимо налагаетъ печать собственнаго генія на эти займы, которые у него принимаютъ характеръ *подражаній*. Въ этомъ-то стремленіи къ самостоятельности и оригинальности, проявляющемся въ любви къ роднымъ обычаямъ, заключается причина взаимной ненависти у народовъ младенчествующихъ. Вслѣдствіе сей-то причины, Русскій называлъ бывало Нѣмца нехристью, а Турокъ еще и теперь почитаетъ поганымъ всякаго Франка и не хочетъ ѣсть съ нимъ

изъ одного блюда: религія въ семъ случаѣ играетъ не исключительно главную роль.

На Востокъ Европы, на рубежѣ двухъ частей міра, Провидѣніе поселило народъ, рѣзко отличающійся отъ своихъ Западныхъ сосѣдей. Его колыбелью былъ свѣтлый Югъ; мечъ Азіатца-Русса далъ ему имя; издыхающая Византія завѣщала ему благодатное Слово Спасенія: оковы Татарина связали крѣпкими узами его разъединенныя части, рука Хановъ спаяла ихъ его же кровію: Іоаннъ III научилъ его бояться, любить и слушаться своего Царя, заставилъ его смотрѣть на Царя, какъ на Провидѣніе, какъ на верховную судьбу, карающую и милующую по единой своей волѣ и признающую надъ собою единую Божію волю. И этотъ народъ сталъ хладенъ и спокоенъ, какъ снѣга его родины, когда мирно жилъ въ своей хижинѣ; быстръ и грозенъ, какъ небесный громъ его краткаго, но палящаго лѣта, когда рука Царя показывала ему врага; улалъ и разгуленъ, какъ вьюги и непогоды его зимы, когда пировалъ на своей волѣ; неворотливъ и лѣнивъ, какъ медвѣдь его непроходимыхъ дебрей, когда у него было много хлѣба и браги; смысленъ, смѣтливъ и лукавъ, какъ кошка, его домашній пенатъ, когда нужда учила его ѣсть калачи. Крѣпко стоялъ онъ за Церковь Божію, за вѣру праотцевъ, непоколебимо былъ вѣренъ Батюшкѣ Царю Православному; его любимая поговорка была: *мы все Божіи да Царевы*. Богъ и Царь, воля Божія и воля Царева, слились въ его понятіи во едино. Свято хранилъ онъ простые и грубые нравы пращуровъ, и отъ чистаго сердца почиталъ иноземные о бы дьявольскимъ навожденіемъ. Но этимъ и о нчивалась вся поэзія его жизни: ибо умъ его былъ погруженъ въ тихую дремоту и никогда не выступалъ изъ своихъ завѣтныхъ рубежей; ибо онъ не преклонялъ колѣнъ передъ женщиною, и его гордая и дикая сила требовала отъ ней рабской покорности, а не сладкой взаимности; ибо быть его былъ однообразенъ, ибо только буйныя игры и удалая охота оцвѣтляли этотъ бытъ; ибо только одна война возбуждала всю мощь его холодной желѣзной души, ибо только на кровавомъ раздолѣ битвы она бушевала и веселилась на всей своей волѣ. Это была жизнь самобытная и характерная, но односторонняя и изолированная. Въ то время, когда дѣятельная кипучая жизнь старѣйшихъ представителей человѣческаго рода двигалась впередъ съ пестротою неимоверною, они ни однимъ колесомъ не зацѣплялись за пружины ея хода. Итакъ, этому народу надобно было приобщиться къ общей жизни человѣчества, составить часть великаго семейства человѣческаго рода. И вотъ у этого народа явился

Царь мудрый и великій, кроткій безъ сла-
бости, грозный безъ тиранства; онъ первый
замѣтилъ, что Нѣмецкіе люди не басурманы,
что у нихъ есть много такого, что пригоди-
лось бы и его подданнымъ, есть много та-
кого, что имъ совершенно ни къ чему не
годится. И вотъ онъ началъ ласкать людей
Нѣмецкихъ и прикармливать ихъ своимъ
хлѣбомъ-солью, указалъ своимъ людямъ пе-
ренимать у нихъ ихъ хитрыя художества.
Онъ построилъ ботикъ и хотѣлъ пуститься
въ море, доселѣ для его народа страшное
и невѣдомое; онъ приказалъ заморскимъ ко-
медіантамъ тѣшить свое Царское Величе-
ство, крѣпко на крѣпко заказавъ между
тѣмъ православному Русскому человѣку, подъ
опасеніемъ лишенія носа, нюхать табакъ,
траву поганую и проклятую. Можно сказать,
что въ его время Русь впервые почувала у
себя заморскій духъ, котораго дотолѣ было
видомъ не видать, слухомъ не слышать. И
вотъ умеръ этотъ добрый Царь, а на пре-
столъ взшелъ юный сынъ Его, который
подобно богатырямъ Владиміровыхъ временъ,
еще въ дѣтствѣ бросалъ за облака сто-
пудовыя палицы, гнулъ ихъ руками, ло-
малъ ихъ о колѣнки. Это была олицетво-
ренная мощь, олицетворенный идеалъ Рус-
скаго народа въ дѣятельныя мгновенія его
жизни; это былъ одинъ изъ тѣхъ исполиновъ,
которые поднимали на рамена свои шаръ
земной. Для его желѣзной воли, не знавшей
препони, была только одна цѣль—благо на-
рода. Задумалъ онъ думу крѣпкую, а задум-
ать для него значило—исполнить. Увидѣлъ
чудеса и дива заморскія, и захотѣлъ переса-
дить ихъ на родную почву, не думая о томъ,
что эта почва была слишкомъ еще жестка для
иноземныхъ растений, что не по нимъ была
и зима Русская; увидѣлъ онъ вѣковые плоды
просвѣщенія, и захотѣлъ въ одну минуту
присвоить ихъ своему народу. Подумано—
сказано, сказано—сдѣлано: Русскій не лю-
битъ ждать. Ну—Русскій человѣкъ снаря-
жайся, *по Царскому наказу, боярскому при-
казу, по Нѣмецкому маниру...* Прочь досто-
почтенныя окладистыя бороды! Прости и
ты, простая и благородная стрижка волосъ
въ кружало, ты, которая такъ хорошо шла
къ этимъ почтеннымъ бородамъ! Тебя замѣ-
нили огромныя парики, осыпанные мукою!
Простите, долгополые охаби нашихъ бояръ,
выложенные, обшитые серебромъ и золотомъ!
Васъ замѣнили кафтаны и камзолы со шта-
нами и ботфортами! Прости и ты, прекрасный
поэтический сарафанъ нашихъ боярынь и
боярышень, и ты, кисейная рубашка съ пыш-
ными рукавами, и ты, высокій, униженный
жемчугомъ повойникъ—простой, чародѣйскій
нарядъ, который такъ хорошо шелъ къ вы-
сокимъ грудямъ и яркому румянцу нашихъ

бѣлоликихъ и голубоокихъ красавицъ! Тебя
замѣнили робы съ фижмами, робронцами и
длинными, предлинными хвостами! Бѣлила
и румяна, потѣснитесь немножко, дайте мѣ-
сто чернымъ мушкамъ! Простите и вы, за-
унывныя Русскія пѣсни, и ты, благородная
и граціозная пляска: не ворковать ужъ на-
шимъ красавицамъ голубками, не заливаться
соловьемъ, не плавать по полу павами! Итъ!
Пошли аріи и романсы съ выводомъ верх-
нихъ потоковъ:

.... Богъ мой,

Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!

пошла живописная ломка въ менуэтахъ, сла-
дострастное круженіе въ вальсахъ...

И все завертѣлось, все закружилось, все
помчалось стремглавъ. Казалось, что Русь
въ тридцать лѣтъ хотѣла вознаградить себя
за цѣлыя столѣтія неподвижности. Будто
по манію волшебнаго жезла, маленькій бо-
тикъ Царя Алексѣя превратился въ грозный
флотъ Императора Петра, непокорныя дру-
жины Стрѣльцовъ въ стройныя полки. На
стѣнахъ Азова была брошена перчатка Портѣ:
горе тебѣ, луна двурогая! На поляхъ Лѣс-
ного и берегахъ Ворсклы былъ жестоко
отомщенъ позоръ Нарвской битвы: спасибо
Меншикову, спасибо Данилычу! Каналы и
дороги начали прорѣзывать дѣвственную поч-
ву земли Русской, зашевелилась торговля;
застучали молоты, захлопали станы: зашеве-
лилась промышленность!

Да—много было сдѣлано великаго, полез-
наго и славнаго! Петръ былъ совершенно
правъ: ему некогда было ждать. Онъ зналъ,
что ему не два вѣка жить, и потому спѣшилъ
жить, а жить для него значило творить. Но
народъ смотрѣлъ иначе. Долго онъ спалъ, и
вдругъ могучая рука прервала его богатырскій
сонъ: съ трудомъ раскрылъ онъ свои отяже-
лѣвшія вѣжды и съ удивленіемъ увидѣлъ, что
къ нему ворвались чужеземные обычаи, какъ
незванные гости, не снявши сапогъ, не по-
молясь святымъ иконамъ, не поклонившись
хозяину; что они вѣдѣлились ему въ бороду,
которая была для него дороже головы, и
вырвали ее; сорвали съ него величественную
одежду и надѣли шутовскую, исказили и
испестрили его дѣвственный языкъ, и нагло
наругались надъ святыми обычаями его пра-
отцовъ, надъ его задушевыми вѣрованіями
и привычками: увидѣлъ—и ужаснулся... Не-
ловко, непривычно и неподручно было Рус-
скому человѣку ходить, заложивъ руки въ
карманы; онъ спотыкался, подходя къ руч-
камъ дамъ, падалъ, стараясь хорошенько
расшаркнуться. Занявъ формы Европеизма,
онъ сдѣлался только пародіею Европейца.
Просвѣщеніе, подобно завѣтному Слову Иску-
пленія, должно приниматься съ благоразум-

ною постепенностью, по сердечному убѣжденію, безъ оскорбленія святыхъ, праотческихъ нравовъ: таковъ законъ Провидѣнія!... Повѣрьте, что Русскій народъ никогда не былъ заклятымъ врагомъ просвѣщенія, онъ всегда готовъ былъ учиться; только ему нужно было начать свое ученіе съ Азбуки, а не съ Философіи, съ Училища, а не съ Академіи. Борода не мѣшаетъ считать звѣзды: это извѣстно въ Курскѣ ¹⁾).

Какое жъ слѣдствіе вышло изъ всего этого? Масса народа упорно осталась тѣмъ, что и была; но общество пошло по пути, на который ринула его мощная рука генія. Что жъ это за общество? Я не хочу вамъ много говорить объ немъ: прочтите *Недоросля*, *Горе отъ Ума*, *Евгенія Онегина*, *Дворянскіе Выборы* и новый романъ *Лажечникова*, когда онъ выйдетъ; прочтите, и вы узнаете его сами лучше меня...

Такъ, по крайней мѣрѣ, давайте же намъ ваше обозрѣніе Русской Литературы, которое вы сулите въ каждомъ номерѣ Молвы, и котораго мы еще по сію пору не видали! Судя по такимъ огромнымъ приступамъ, мы страхъ боимся, чтобы оно не было длиннѣе и скучнѣе Фантастическаго Путешествія Барона Брамбеуса.

Я и самъ не знаю, любезные читатели, какъ оно будетъ длинно. Можетъ быть, изъ него выйдетъ и преуморительный уродецъ: избушка на курьихъ ножкахъ, царь съ погонокъ, борода съ локотокъ, а голова съ пивной котель. Что дѣлать, не я первый, не я послѣдній; у насъ это такъ въ модѣ. Впрочемъ, если мои приступы не отбили у васъ охоты увидѣть заключеніе, если вы имѣете столько терпѣнія читать, сколько я писать, то увидите начало, а можетъ быть, и конецъ моего обозрѣнія.

V.

Впередъ, впередъ, моя исторія!
Пушкинъ.

Итакъ *народъ* или, лучше сказать, масса народа и *общество* пошли у насъ врозь. Первый остался при своей прежней грубой и полудикой жизни и при своихъ заунывныхъ пѣсняхъ, въ коихъ изливалась его душа въ горѣ и въ радости; второе же видимо измѣнялось, если не улучшалось, забыло все Русское, забыло даже *говорить Русскій языкъ*, забыло поэтическія преданія и вымыслы своей родины, эти прекрасныя пѣсни,

¹⁾ Въ газетахъ и журналахъ тридцатыхъ годовъ встрѣчается имя мѣстной курской знаменитости—купца Семенова, любителя астрономіи, устроившаго у себя въ Курскѣ примитивную домашнюю обсерваторію.

полныя глубокой грусти, сладкой тоски и разгулья молоденкаго, и создало себѣ литературу, которая была вѣрнымъ его зеркаломъ. Надобно замѣтить, что, какъ *масса народа*, такъ и *общество* подраздѣлялись, особливо послѣднее, на множество видовъ, на множество степеней. Первая показала нѣкоторые признаки жизни и движенія въ сословіяхъ, находившихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ *обществомъ*, въ сословіяхъ людей городскихъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ. Нужда и соперничество иноземцевъ, поселившихся въ Россіи, сдѣлали ихъ дѣятельными и оборотливыми, когда дѣло шло о выгодѣ; заставили ихъ покинуть старинную лѣнь и запечную недвижимость, и пробудили стремленіе къ улучшеніямъ и нововведеніямъ, дотолѣ для нихъ столь ненавистнымъ; ихъ фанатическая ненависть къ *Нѣмецкимъ людямъ* ослабѣвала со дня на день, и наконецъ теперь совсѣмъ исчезла; они кое-какъ понаучились даже грамотѣ и крѣпче прежняго уцѣпились обѣими руками за мудрое правило, завѣщанное имъ отъ праотцевъ: *ученье свѣтъ, а неученье тьма*. Это общаетъ много хорошаго въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что сіи сословія ни на волосъ не утратили своей народной фizioноміи. Что касается до нижняго слоя *общества*, т.-е. *средняго состоянія*, оно раздѣлилось въ свою очередь на множество родовъ и видовъ, между коими по своему большинству занимаютъ самое видное мѣсто такъ называемые *разночинцы*. Это сословіе наиболѣе обмануло надежды Петра Великаго: грамотѣ оно всегда училось на *желѣзные гроши*, свою Русскую смышленость и смѣтливость обратило на предосудительное ремесло *толковать указы*; выучившись кланяться и подходить къ ручкѣ дамъ, не разучилось своими благородными руками исполнять неблагородныя экзекуціи. Высшее же сословіе общества изъ всѣхъ силъ ударилося въ подражаніе, или лучше сказать, передражниванье иностранцевъ...

Но не о томъ дѣло. Говорятъ, что Музы любятъ тишину и боятся грома оружія: мысль совершенно ложная! Однако какъ бы то ни было, а царствованіе Петра оглашалось однѣми проповѣдями, которыя остались только въ памяти ученыхъ, а не народа; ибо это *пестрое мозаическое* краснорѣчіе, или, скорѣе, *разнорѣчіе*, было не что иное, какъ дурной прививокъ отъ гнилого дерева католическаго схоластицизма западнаго духовенства, а не живой убѣдительный голосъ святыхъ истинъ религіи. Оно у насъ еще не было рассмотрѣно и оцѣнено настоящимъ образомъ. Если вѣрить возгласамъ нашихъ литературныхъ учителей, то въ духовномъ краснорѣчьи мы едва ли не превосходимъ

всѣхъ Европейскихъ народовъ. Не берусь рѣшать этого вопроса, ибо говорю о немъ мимоходомъ, а рѣшю, какъ о дѣлѣ не прямо относящемся къ предмету моего обзора; да и сверхъ того я мало знакомъ съ памятниками нашего духовнаго краснорѣчія, которое, конечно, не безъ удачныхъ опытовъ.

Не стану также распространяться о *Кантемиръ*; скажу только, что я очень сомнѣваюсь въ его поэтическомъ призваніи. Мнѣ кажется, что его прославленные *сатиры* были скорѣе плодомъ ума и холодной наблюдательности, чѣмъ живого и горячаго чувства. И диво ли, что онъ началъ съ *сатиръ*—плода осенняго, а не съ *одъ*—плода весенняго? Онъ былъ иностранецъ, слѣдовательно, не могъ сочувствовать народу и раздѣлять его надеждъ и опасеній; ему было спола-горя смѣяться. Что онъ былъ не поэтъ, этому доказательствомъ служить то, что онъ забылъ. Старинный слогъ? пустое!... *Ипектира* сами англичане читаютъ съ комментаріями.

Тредьяковскій не имѣлъ ни ума, ни чувства, ни таланта. Этотъ человѣкъ былъ рожденъ для плуга или для топора; но судьба, какъ бы въ насмѣшку, нарядила его во фракъ: удивительно ли, что онъ былъ такъ смѣшонъ и уродливъ?

Да — первыя попытки были слишкомъ слабы и неудачны. Но вдругъ, по прекрасному выраженію одного нашего соотечественника, на берегахъ Ледовитаго Моря, подобно сѣверному сіянію, блеснулъ *Ломоносовъ*. Ослѣпительно и прекрасно было это явленіе! Оно доказывало собой, что человѣкъ есть человѣкъ во всякомъ состояніи и во всякомъ климатѣ, что геній умѣетъ торжествовать надъ всѣми препятствіями, какія ни противопоставляетъ ему враждебная судьба, что, наконецъ, Русскій способенъ ко всему великому и прекрасному не менѣе всякаго Европейца; но вмѣстѣ съ тѣмъ, говорю, это утѣшительное явленіе подтвердило, къ нашему несчастію, и ту неопровержимую истину, что ученикъ никогда не превзойдетъ учителя, если видитъ въ немъ образецъ, а не соперника, что геній народа всегда робокъ и связанъ, когда дѣйствуетъ не своеобразно, не самостоятельно, что его произведенія, въ такомъ случаѣ, всегда будутъ походить на поддѣльные цвѣты: ярки, красивы, роскошны, но не душисты, не ароматны, безжизненны. Съ *Ломоносова* начинается наша литература; онъ былъ ея отцомъ и пѣстуномъ; онъ былъ ея Петромъ Великимъ. Нужно ли говорить, что это былъ человѣкъ великій и ознаменованный печатію генія? Все это—истина несомнѣнная. Нужно ли доказывать, что онъ далъ направленіе, хотя и временное, нашему языку и нашей литературѣ? Это еще несомнѣннѣе. Но какое направленіе? Это

другой вопросъ. И не скажу ничего новаго о семъ предметѣ, и только, можетъ быть, повторю болѣе или менѣе извѣстныя мысли.

Но прежде всего почитаю нужнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. У насъ, какъ и уже и говорилъ, еще и по сію пору царствуетъ въ литературѣ какое-то жалкое, дѣтское благоговѣніе къ авторамъ; мы и въ литературѣ высоко чтимъ *табеля о раниахъ* и боимся говорить въ слухъ правду о *высокиахъ персонаахъ*. Говори о знаменитомъ писателѣ, мы всегда ограничиваемся одними пустыми возгласами и надутыми похвалами; сказать о немъ рѣзкую правду, у насъ святотатство. И добро бы еще это было вслѣдствіе убѣжденія! Нѣтъ, это просто изъ нелѣпаго и вреднаго приличія, или изъ боязни прослыть выскочкою, *романтикомъ*. Посмотрите, какъ поступаютъ въ семъ случаѣ иностранцы: у нихъ каждому писателю воздается по дѣламъ его; они не довольствуются сказать, что въ драмахъ г. NN есть много прекрасныхъ мѣстъ, хотя есть стихи негладкіе и нѣкоторыя погрѣшности, что оды г. NN превосходны, но элегіи слабы. Нѣтъ, у нихъ разсматривается весь кругъ дѣятельности того и другаго писателя, опредѣляется степень его вліянія на современниковъ и потомство, разбирается духъ его твореній вообще, а не частныя красоты или недостатки, берутся въ соображеніе обстоятельства его жизни, дабы узнать, могъ ли онъ сдѣлать больше того, что сдѣлалъ, и объяснить, почему онъ дѣлалъ такъ, а не этакъ; и уже, по соображенію всего этого, рѣшаютъ, какое мѣсто онъ долженъ занимать въ литературѣ и какою славою долженъ пользоваться. Читателямъ Телескопа должны быть знакомы многія подобныя критическія біографіи знаменитыхъ писателей. Гдѣ-жъ онѣ у насъ? Увы!... Сколько разъ, напримѣръ, слышали мы, что Вечернее и Утреннее Размышленіе о Величествѣ Божиѣмъ *Ломоносова* прекрасно, что строфы его одъ звучны и величественны, что періоды его прозы полны, круглы и живописны; но опредѣлена ли мѣра его заслугъ, показаны ли вмѣстѣ съ свѣтлыми его сторонами и темныя пятна? Нѣтъ—какъ можно! грѣшно, дерзко, неблагодарно!... Гдѣ же критика, имѣющая предметомъ образованіе вкуса, гдѣ истина, долженствующая быть дороже всѣхъ на свѣтѣ авторитетовъ?...

Много свѣдѣній, опытности, труда и времени нужно для достойной оцѣнки такого человѣка, каковъ былъ *Ломоносовъ*. Недостатокъ времени, мѣста, а можетъ быть и силъ, не позволяетъ входить мнѣ въ слишкомъ подробныя изслѣдованія: ограничусь однимъ общимъ взглядомъ. *Ломоносовъ*—это Петръ нашей литературы: вотъ, кажется мнѣ, самый вѣрный взглядъ на него. Въ са-

момъ дѣлѣ, не замѣчаете ли вы поразительнаго сходства въ образѣ дѣйствованія сихъ великихъ людей, равно какъ и въ слѣдствіяхъ сего образа дѣйствованія? На берегахъ Сѣвернаго Океана, въ царствѣ зимы и смерти, родился у бѣднаго рыбака сынъ. Ребенка мучить какой-то невѣдомый демонъ, не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, шепчетъ ему на ухо какія-то дивныя рѣчи, отъ которыхъ сильнѣе трепещетъ его сердце, жарче кипитъ его кровь; на чтѣ ни взглянетъ этотъ ребенокъ, ему хочется знать: откуда это, почему и какъ; безконечные вопросы давятъ и тяготятъ его юную душу — и пѣтъ отвѣтовъ! Онъ выучивается кое-какъ грамотѣ, тайныя внушенія его докучнаго демона раздаются въ его душѣ, какъ обольстительные звуки Вадимова колокольчика, и манятъ его въ туманную даль... И вотъ онъ оставляетъ отца своего и бѣжитъ въ Москву бѣлокаменную. Бѣги, бѣги, юноша! Тамъ узнаешь ты все, тамъ утолишь въ источникѣ знанія свою мучительную жажду! Но, увя! надежда обманула тебя: жажда твоя еще сильнѣе — ты только пуще раздражилъ ее. Дальше, дальше, смѣлый юноша! Туда, въ ученую Германію, тамъ сады райскіе, а въ тѣхъ садахъ древо жизни, древо познанія, древо добра и зла... Сладки плоды его — спѣши вкусить ихъ... И онъ бѣжитъ, онъ вступаетъ въ очаровательные сады, и видитъ искусительное древо, и жадно пожираетъ плоды его. Сколько чудесъ, сколько очарованій! Какъ жалѣетъ онъ, что не можетъ разомъ всего захватить съ собою и перенести въ *драгое отечество*, въ святую родину!... Однакожъ... нельзя ли какъ попытаться?... Вѣдь онъ Русскій: стало быть, ему все подъ силу, все возможно; вѣдь его ожидаетъ *Шуваловъ*: стало быть, ему нечего страшиться предразсудковъ, враговъ и завистниковъ!... И вотъ Русь оглашается одами, смотритъ на трагедіи, восхищается эпопеею, смѣется надъ побасенками, слушаетъ Цицерона и Демосфена, и важно разсуждаетъ объ электричествѣ и громовыхъ отводахъ: чего же медлить? Не правда ли, что и самъ Петръ воскликнулъ бы съ удовольствіемъ: *это по нашему!* Но и съ *Ломоносовымъ* случилось то же, что съ Петромъ. Прельщенный блескомъ иноземнаго просвѣщенія, онъ закрылъ глаза для родного. Правда, онъ выучилъ въ дѣтствѣ наизусть варварскія вирши *Симеона Полоцкаго*, но оставилъ безъ вниманія народныя пѣсни и сказки. Онъ какъ будто и не слыхалъ о нихъ. Замѣчаете ли вы въ его сочиненіяхъ хотя слабыя слѣды вліянія лѣтописей и вообще народныхъ преданій земли Русской? Нѣтъ — ничего этого не бывало. Говорятъ, что онъ глубоко постигъ свойство языка Русскаго! Не спорю —

его Грамматика — дивное, великое дѣло. Но для чего же онъ пилилъ и корчилъ Русскій языкъ на образецъ Латинскаго и Нѣмецкаго? Почему каждый періодъ его рѣчей набитъ безъ всякой нужды такимъ множествомъ вставочныхъ предложений и заостренъ на концѣ глаголомъ? Развѣ этого требовалъ геній языка Русскаго, разгаданный симъ великимъ человекомъ? Создать языкъ невозможно, ибо его творитъ народъ; филологи только открываютъ его законы и приводятъ ихъ въ систему, а писатели только творятъ на немъ сообразно съ сими законами. И въ семъ послѣднемъ случаѣ нельзя довольно надивиться генію *Ломоносова*: у него есть строфы и цѣлыя стихотворенія, которыя по чистотѣ и правильности языка весьма приближаются къ нынѣшнему времени. Слѣдовательно, его погубила слѣпая подражательность, слѣдовательно, она одна виною, что его никто не читаетъ, что онъ не признанъ и забытъ народомъ, и что о немъ помнятъ одни записные литераторы. Нѣкоторые говорятъ, что онъ былъ великій ученый и великій ораторъ, но совсѣмъ не поэтъ: напротивъ, онъ былъ больше поэтъ, чѣмъ ораторъ; скажу больше: онъ былъ великій поэтъ и плохой ораторъ. Ибо чтѣ такое его *похвальныя слова*? Наборъ громкихъ словъ и общихъ мѣстъ, частію взятыхъ на прокатъ изъ древнихъ витій, частію принадлежащихъ ему, плоды заказной работы, гдѣ одна только шумиха и возгласы, а отнюдь не выраженіе горячаго, живого и неподдѣльнаго чувства, которое одно бываетъ источникомъ истиннаго краснорѣчія. Нѣкоторые мѣста, прекрасныя по слогу, ничего не доказываютъ: дѣло въ томъ, каково цѣлое. И удивительно ли, что такъ случилось: мы и теперь очень мало нуждаемся въ краснорѣчіи, а тѣмъ меньше тогда нуждались въ немъ; слѣдовательно, оно родилось безъ всякой нужды, изъ одной подражательности, и по тому не могло быть удачнымъ. Но стихотворенія *Ломоносова* носятъ на себѣ отпечатокъ генія. Правда, у него и въ нихъ умъ преобладаетъ надъ чувствомъ, но это происходило не отъ чего инаго, какъ отъ того, что жажда къ знанію поглощала все существо его, была его господствующею страстью. Онъ всегда держалъ свою энергическую фантазію въ крѣпкой уздѣ холоднаго ума, не давалъ ей слишкомъ разыгрываться. *Вольтеръ* сказалъ, помнится, о *Корнелѣ*, что онъ въ сочиненіи своихъ трагедій похожъ на великаго *Конде*, который хладнокровно обдумывалъ планы сраженій и горячо сражался: вотъ *Ломоносовъ*! Отъ этого-то его стихотворенія имѣютъ характеръ ораторскій, отъ этого-то сквозь призму ихъ радужныхъ цвѣтовъ часто виденъ сухой

остовъ силлогизма. Это происходило отъ системы, а отнюдь не отъ недостатка поэтического генія. Система и рабская подражательность заставила его написать прозаическое Письмо о Пользѣ Стекла, двѣ холодныя и надутыя трагедіи, и, наконецъ, эту неуклюжую *Петриаду*, которая была самымъ жалкимъ заблужденіемъ его мощнаго генія. Онъ былъ рожденъ лирикомъ, и звуки его лиры, тамъ, гдѣ онъ не стѣснялъ себя системою, были стройны, высоки и величественны...

Что сказать о его соперникѣ, *Сумароковѣ*? Онъ писалъ во всѣхъ родахъ, въ стихахъ и прозѣ, и думалъ быть Русскимъ *Вольтеромъ*. Но, при рабской подражательности *Ломоносова*, онъ не имѣлъ ни искры его таланта. Вся его художническая дѣятельность была не что иное, какъ жалкая и смѣшная патяжка. Онъ не только не былъ поэтъ, но даже не имѣлъ никакой идеи, никакого понятія объ искусствѣ, и всего лучше опровергъ собой странную мысль Бюффона, что будто геній есть терпѣніе въ высочайшей степени. А между тѣмъ этотъ жалкій писакъ пользовался такою народностію! Наши *словесники* не знаютъ какъ и благодарить его за то, что онъ былъ отцемъ *Россійскаго театра*. Почему же они отказываютъ въ благодарности *Тредьяковскому* за то, что онъ былъ отцемъ *Россійской эпопеи*? Право одно отъ другаго не далеко ушло. Мы не должны слишкомъ нападать на *Сумарокова* за то, что онъ былъ хвастуны: онъ обманывался въ себѣ такъ же, какъ обманывались въ немъ его современники; *на безрыбьи и ракъ рыба*, слѣдовательно, это извинительно, тѣмъ болѣе, что онъ былъ не художникъ. Вотъ другое дѣло нынѣ... Конечно, смѣшно и жалко видѣть, какъ иные мальчики заставляютъ въ плохихъ драмахъ пророчествовать великихъ поэтовъ о своемъ пришествіи въ міръ ¹⁾...

VI.

Была пора: Екатерининъ вѣкъ,
Въ немъ ожила всей древней Руси слава;
Тѣ дни, когда громилъ Царь-Градъ Олегъ,
И былъ Дунай подъ лодкой Святослава;
Рымникъ, Чесма, Кагульскій бой,
Орлы во градѣ Леонида;
Возобновленная Таврида,
Дея Измаила роковой,
И въ Прагѣ, кровью залитой,
Москвы отмищенная обода!

Жуковскій.

Воцарилась Екатерина Вторая, и для Русскаго народа наступила эра новой лучшей жизни. Ея царствованіе—это эпопея, эпопея

гигантская и дерзкая по замыслу, величественная и смѣлая по созданію, обширная и полная по плану, блестящая и великолѣпная по изложенію, эпопея достойная Гомера или Тасса! Ея царствованіе—это драма, драма многосложная и запутанная по завязкѣ, живая и быстрая по ходу дѣйствія, пестрая и яркая по разнообразію характеровъ, Греческая трагедія по царственному величію и испанской силѣ героевъ, созданіе Шекспира по оригинальности и самоцвѣтности персонажей, по разнообразности картинъ и ихъ калейдоскопической подвижности, наконецъ, драма, зрѣлище которой исторгнетъ у васъ невольно крики восторга и радости! Съ удивленіемъ и даже съ какою-то недовѣрчивостію смотримъ мы на это время, которое такъ близко къ намъ, что еще живы нѣкоторые изъ его представителей; которое такъ далеко отъ насъ, что мы не можемъ видѣть его ясно, безъ помощи телескопа исторіи; которое такъ чудно и дивно въ лѣтописяхъ міра, что мы готовы почестъ его какимъ-то баснословнымъ вѣкомъ. Тогда въ первый еще разъ послѣ Царя Алексія проявился духъ Русскій во всей своей богатырской силѣ, во всемъ своемъ удаломъ разгульѣ, и, какъ говорится, *пошелъ писать*. Тогда-то народъ Русскій, наконецъ освоившійся кое-какъ съ тѣсными и несвойственными ему формами новой жизни, притерпѣвшійся къ нимъ и почти примирившійся съ ними, какъ бы покорясь приговору судьбы неизбежной и непреоборимой—волѣ Петра, въ первый разъ вздохнулъ свободно, улыбнулся весело, взглянулъ гордо—ибо его уже не гнали къ великой цѣли, а вели съ его спросу и согласія, ибо умолкло грозное слово и дѣло, и вмѣсто его раздается съ трона голосъ, говорившій: *лучше прошу десять виновныхъ нежели накажу одного невиннаго; мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы живемъ для нашего народа; сохрани Боже, чтобы какой-нибудь народъ былъ счастливейше Россійскаго; ибо съ Уставомъ о Рангахъ и Дворянскою Грамотою соедини... съ неприкосновенность правъ благородства; ибо, наконецъ, слухъ Руси лелѣется безпрестанными громами побѣдъ и завоеваній. Тогда-то проснулся Русскій умъ, и вотъ заводятся школы, издаются всѣ необходимыя для перво-*

умирающаго Тасса пророчествовать о появленіи самаго Кукольника въ слѣдующихъ словахъ:

Тогда въ снѣгахъ, въ туманномъ, хладномъ сердцѣ

Пробудится о мнѣ воспоминанье...
Тамъ юноша, холодный и суровый,
Отъ всѣхъ храня всѣ мысли и всѣ чувства,
Какъ друга своего, меня полюбилъ,
Шесть лѣтъ со мной онъ будетъ безъ разлуки.
Еще дитя, въ училищѣ, за книгой,
Онъ обо мнѣ начнеть мечтать и думать
И жизнь мою расскажетъ передъ свѣтомъ.

¹⁾ Бѣлинскій говоритъ здѣсь о Кукольникѣ, который въ своей трагедіи „Торквато Тассо“ заставилъ

начальнаго обученія книги, переводится все хорошее со всѣхъ Европейскихъ языковъ; разыгрался Русскій мечъ, и вотъ потрясаются монархіи въ своемъ основаніи, сокрушаются царства, и сливаются съ Русью!...

Знаете ли, въ чемъ состоялъ отличный характеръ вѣка Екатерины II, этой великой эпохи, этого свѣтлаго момента жизни Русскаго народа? Мнѣ кажется, въ *народности*. Да—въ *народности*, ибо тогда Русь, стараясь попрежнему поддѣлываться подъ чужой ладъ, какъ будто на зло самой себѣ, оставалась Русью. Вспомните этихъ важныхъ радушныхъ бояръ, дома которыхъ походили на всемірныя гостиницы, куда приходилъ званый и незваный, и, не кланяясь хлѣбосольному хозяину, садился за столы дубовые, за скатерти бранныя, за яства сахарныя, за питья медовыя; этихъ величавыхъ и гордыхъ вельможъ, которые любили жить на *распашку*, жилища которыхъ походили на царскія палаты Русскихъ сказокъ, которые имѣли свой штатъ царедворцевъ, поклонниковъ и ласкателей, которые сожигали фейерверки изъ облигацій Правительства; которые умѣли попить и повеселиться по старинному дѣдовскому обычаю, отъ всей Русской души, но умѣли и постоять за свою Матушку и мечемъ и перомъ: не скажете ли вы, что это была жизнь самостоятельная, общество оригинальное? Вспомните этого *Суворова*, который не зналъ войны, но котораго война знала, *Потемкина*, который грызъ ногти на пирахъ, и между шутокъ рѣшалъ въ умѣ судьбы народовъ; этого *Безбородко*, который, говоря, съ похмѣлья читалъ Матушкѣ на бѣлыхъ листахъ дипломатическія бумаги своего сочиненія; этого *Державина*, который въ самыхъ отчаянныхъ своихъ подражаніяхъ Горацию, противъ воли, оставался *Державинымъ*, и столько же походилъ на Августа поэта, сколько походить могучая Русская зима на роскошное лѣто Италіи: не скажете ли вы, что cadaго изъ нихъ природа отлила въ особенную форму и, отливши, разбила въ дребезги эту форму?... А можно ли быть оригинальнымъ и самостоятельнымъ, не будучи *народнымъ*?... Отчего же это было такъ? Оттого, повторяю, что уму Русскому былъ данъ просторъ, оттого, что гений Русскій началъ ходить съ развязанными руками, оттого, что Великая Жена умѣла сродниться съ духомъ своего народа, что она высоко уважала народное достоинство, дорожила всѣмъ Русскимъ до того, что сама писала разныя сочиненія на Русскомъ языкѣ, дирижировала журналомъ, и за презрѣніе къ родному языку казнила подданныхъ ужасною казнію—*Телемахидою*!...

Да—чудно, дивно было это время, но еще чуднѣе и дивнѣе было это общество! Какая

смѣсь, пестрота, разнообразіе! Сколько элементовъ разнородныхъ, но связанныхъ, по одушевленныхъ единымъ духомъ! Безбожіе и изуверство, грубость и утонченность, материализмъ и набожность, страсть къ новизнѣ и упорный фанатизмъ къ старинѣ, пиры и побѣды, роскошь и довольство, забавы и геркулесовскіе подвиги, великіе умы, великіе характеры всѣхъ цвѣтовъ и образовъ и, между ними, *Исдоросли*, *Простаковы*, *Тарасы Скотинины* и *Бригадиры*; дворянство, удивляющее Французскій дворъ своею свѣтскою образованностію, и дворянство, выходившее съ хопянами на разбой!...

И это общество отразилось въ литературѣ; два поэта, впрочемъ весьма неравные гениемъ, преимущественно были выраженіемъ онаго: громозвучныя пѣсни *Державина* были символомъ могущества, славы и счастья Руси; бѣдкія и остроумныя карикатуры *Фонъ-Визина* были органомъ понятій и образа мыслей образованнѣйшаго класса людей тогдашняго времени.

Державинъ—какое имя!... Да—онъ былъ правъ: только *Навинъ* могло быть ему подриему! Какъ идетъ къ нему этотъ полу-Русскій и полу-Татарскій нарядъ, въ которомъ изображаютъ его на портретахъ: дайте ему въ руки лилейный скипетръ Оберона, придайте къ этой собольей шубѣ и бобровой шапкѣ длинную сѣдую бороду: и вотъ вамъ Русскій чародѣй, отъ дыханія котораго таютъ снѣга и ледяные покровы рѣкъ и расцвѣтаютъ розы, чуднымъ словамъ котораго повинуются послушная природа и принимаетъ всѣ виды и образы, какихъ ни пожелаетъ онъ! Дивное явленіе! Бѣдный дворянинъ, почти безграмотный, дитя по своимъ понятіямъ; неразгаданная загадка для самого себя; откуда получилъ онъ этотъ вѣщій, пророческій глаголь, потрясающій сердца и восторгающій души, этотъ глубокий и обширный взглядъ, обхватывающій природу во всей ея безконечности, какъ обхватываетъ молодой орелъ мощными когтями трепещущую добычу? Или и въ самомъ дѣлѣ онъ повстрѣчалъ на *перепутьи* какого-нибудь *шестикрылаго Херувима*? Или и въ самомъ дѣлѣ *огненное чувство* ставитъ въ инныя минуты смертнаго, безъ всякихъ со стороны его усилій, наравнѣ съ природою, и, послушная, она открываетъ ему свои таинственныя нѣдра, даетъ ему подсмотрѣть біеніе своего сердца и почерпнуть въ лонѣ источника жизни эту *живую воду*, которая влагаетъ дыханіе жизни и въ металлъ и въ мраморъ? Или и въ самомъ дѣлѣ *огненное чувство* даетъ смертному *всезрѣнія очи* и уничтожаетъ его въ природѣ, а природу уничтожаетъ въ немъ, и, ея всемогущій властелинъ, онъ повелѣваетъ ею самовластно, и, вмѣстѣ съ нею, раски-

дывается, по своей волѣ, подобно Протею, на тысячи прекрасныхъ явленій, воплощается въ тысячи волшебныхъ образовъ, и тѣ образы называетъ потомъ своими *созданіями*?... *Державинъ*—это полное выраженіе, живая лѣтопись, торжественный гимнъ, пламенный диѳирамбъ вѣка Екатерины, съ его лирическимъ одушевленіемъ, съ его гордостію настоящимъ и надеждами на будущее, его просвѣщеніемъ и невѣжествомъ, его эпикуреизмомъ и жаждою великихъ дѣлъ, его пиршественною праздностію и неистощимою практическою дѣятельностію! Не ищите въ звукахъ его пѣсенъ, то смѣлыхъ и торжественныхъ, какъ громъ побѣды, то веселыхъ и шутливыхъ, какъ застольный говоръ нашихъ прадѣдовъ, то нѣжныхъ и сладостныхъ, какъ голосъ Русскихъ дѣвъ, не ищите въ нихъ тонкаго анализа челоѣка со всѣми изгибами его души и сердца, какъ у *Шекспира*, или сладкой тоски по небу и возвышенныхъ мечтаній о святомъ и великомъ жизни, какъ у *Шиллера*, или бѣшенныхъ воплей души пресыщенной и все еще несытой, какъ у *Байрона*: нѣтъ—намъ тогда некогда было анатомировать природу челоѣческую, некогда было углубляться въ тайны неба и жизни, ибо мы тогда были оглушены громомъ побѣды, ослѣплены блескомъ славы, заняты новыми постановленіями и преобразованіями; ибо тогда намъ еще некогда было пресытиться жизнію, мы еще только начинали жить и потому любили жизнь; и такъ не ищите ничего этого у *Державина*! Поищите лучше у него поэтической вѣсти о томъ, какъ велика была несравненная, богоподобная *Фелица Киргизъ-Кайсацкія орды*, какъ этотъ *Ангелъ во плоти* разливалъ и сѣялъ повсюду жизнь и счастье, и, подобно Богу, творилъ все изъ ничего; какъ были мудры ея слуги вѣрные, ея совѣтники усердные; какъ герой полуночи *чудо-богатырь* бросалъ за облака башни, какъ бѣжала тьма отъ его чела и пыль отъ его молодецкаго посвисту, какъ подъ его ногами трещали горы и кипѣли бездны, какъ предъ нимъ падали города и рушились царства, какъ онъ, при громахъ и молніяхъ, при ужасной борьбѣ разъяренныхъ стихій, сокрушилъ твердыни *Измаила*, или перешелъ чрезъ пропасти *Сент-Готара*; какъ жили и были вельможи Русскіе съ своимъ неистощимымъ *лабкомъ-солью*, съ своимъ *Русскимъ сибаритствомъ* и *Русскимъ умомъ*; какъ Русскія дѣвы своими пламенными взорами и соболиными бровями разятъ души львовъ и сердца орловъ, какъ блестятъ ихъ бѣлыя чела златыми лентами, какъ дышатъ ихъ нѣжныя груди подъ драгими жемчугами, какъ сквозь ихъ голубыя жилки переливается розовая кровь, а на ланитахъ любовь врѣзала огневые ямки!

Невозможно исчислить неисчислимыхъ красотъ созданій *Державина*. Онъ разнообразенъ, какъ Русская природа, но въ отличаются однимъ общимъ колоритомъ: во всѣхъ нихъ воображеніе преобладаетъ надъ чувствомъ и все представляется въ преувеличенныхъ, гиперболическихъ размѣрахъ. Онъ не взволнуетъ вашей груди сильными чувствомъ, не выдавитъ слезы изъ вашихъ глазъ, но, какъ орелъ добычу, схватываетъ васъ внезапно и неожиданно, и на крылахъ своихъ могучихъ строфъ мчитъ прямо къ солнцу, и, не давая вамъ опомниться, носитъ по безпредѣльнымъ равнинамъ неба; земля исчезаетъ у васъ изъ виду, сердце сжимается отъ какого-то пріятнаго изумленія, смѣшаннаго со страхомъ, и вы видите себя какъ бы ринутыми порывомъ урагана въ неизмѣримый океанъ; волна то увлекаетъ васъ въ бездны, то выбрасываетъ къ небу, и душѣ вашей отрадно и привольно въ этой безбрежности. Какъ громка и величественна его пѣснь Богу! Какъ глубоко подсмотрѣлъ онъ внѣшнее благолѣпіе природы, и какъ вѣрно воспроизвелъ его въ своемъ дивномъ созданіи! И однакожъ, онъ прославилъ въ немъ одну мудрость и могущество Божіе и только намекнулъ о любви Божіей, о той любви, которая воззвала къ челоѣкамъ: *пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и азъ упокою вы!* о той любви, которая съ позорнаго креста мученія взывала къ Отцу: *Отче, отпусти имъ: не вѣдѣтъ бо что творятъ!* Но не осуждайте его за это: тогда было не то время, что нынѣ, тогда былъ осьмнадцатый вѣкъ. Притомъ же не забудьте, что умъ *Державина* былъ умъ Русскій, положительный, чуждый мистицизма и таинственности, что его стихією и торжествомъ была природа внѣшняя, а господствующимъ чувствомъ патріотизмъ, что въ семъ случаѣ онъ былъ вѣренъ только своему безсознательному направленію, и слѣдовательно былъ истиненъ. Какъ страшна его Ода на смерть *Мещерскаго*: кровь стынетъ въ жилахъ, волосы, по выраженію *Шекспира*, встаютъ на головѣ встревоженною ратью, когда въ ушахъ вашихъ раздается вѣщій бой *магола время*, когда въ глазахъ мерещится ужасный остовъ смерти съ косою въ рукахъ! Какою энергическою и дикою красотою дышетъ его *Водопадъ*: это пѣснь угрюмаго *Сѣвера*, пропѣтая сребровласымъ *Скальдомъ* во глубинѣ священнаго лѣса, среди мрачной ночи, у пылающаго дуба, зажженнаго молнією, при оглушающемъ ревѣ водопада!

Его Посланія и Сатиры представляютъ совсѣмъ другой міръ, не менѣе прекрасный и очаровательный. Въ нихъ видна практическая философія ума *Русскаго*; по сему главное отличительное ихъ свойство есть *народность*,

народность, состоящая не въ подборѣ мужицкихъ словъ или насильственной поддѣлкѣ подъ ладъ пѣсенъ и сказокъ, но въ стигѣ ума Русскаго, въ Русскомъ образѣ взгляда на вещи. Въ семъ отношеніи *Державинъ* народенъ въ высочайшей степени. Какъ смѣшны тѣ, которые величаютъ его Русскимъ *Пиндаромъ*, *Горациемъ*, *Анакреономъ*; ибо самая эта тройственность показываетъ, что онъ былъ ни то, ни другое, ни третье, но все это вмѣстѣ взятое, и слѣдовательно выше всего этого отдѣльно взятаго! Не такъ же ли нелѣпо было бы называть *Пиндара* или *Анакрона* Греческимъ, или *Горация* Латинскимъ *Державинымъ*, ибо если онъ самъ не былъ ни для кого образцомъ, то и для себя не имѣлъ ни кого образцомъ? Вообще надобно замѣтить, что его *нелѣпство* было причиною его *народности*, которой впрочемъ онъ не зналъ цѣны; оно спасло его отъ подражательности, и онъ былъ оригиналенъ и народенъ, самъ не зная того. Обладая онъ всеобъемлющею ученостью *Ломоносова*—и тогда прости поэтъ! Ибо, чего добраго? онъ пустился бы, пожалуй, въ трагедіи и, всего вѣрнѣе, въ эпопею: его неудачные опыты въ драмѣ доказываютъ справедливость такого предположенія. Но судьба спасла его—и мы имѣемъ въ *Державинѣ* великаго, гениальнаго Русскаго поэта, который былъ вѣрнымъ эхомъ жизни Русскаго народа, вѣрнымъ отголоскомъ вѣка Екатерины II.

Фонъ-Визинъ былъ человѣкъ съ необыкновеннымъ умомъ и дарованіемъ; но былъ ли онъ рожденъ *комикомъ*—на это трудно отвѣчать утвердительно. Въ самомъ дѣлѣ, видите ли вы въ его драматическихъ созданіяхъ присутствіе *идеи вѣчной жизни*? Вѣдь смѣшной анекдотъ, переложенный на разговоры, гдѣ участвуетъ извѣстное число скотовъ—еще не комедія. Предметъ комедіи не есть исправленіе нравовъ или осмѣяніе какихъ-нибудь пороковъ общества; нѣтъ: комедія должна живописать несообразность жизни съ црлію, должна быть плодомъ горькаго негодования, возбуждаемаго униженіемъ человѣческаго достоинства, должна быть сарказмомъ, а не эпиграммою, судорожнымъ хохотомъ, а не веселою усмѣшкою, должна быть писана желчью, а не разведенною солью, словомъ, должна обнимать жизнь въ ея высшемъ значеніи, то-есть въ ея вѣчной борьбѣ между добромъ и зломъ, любовью и эгоизмомъ. Такъ ли у *Фонъ-Визина*? Его дураки очень смѣшны и отвратительны, но это потому, что они не созданія фантазіи, а слишкомъ вѣрные списки съ натуры; его умные суть не иное что, какъ выпускныя куклы, говорящія заученныя правила благодѣянія; и все это потому, что авторъ хотѣлъ учить и исправлять. Этотъ человѣкъ былъ очень смѣшливъ отъ

природы: онъ чуть не задохнулся отъ смѣху, слыша въ театрѣ звуки Польскаго языка; онъ былъ во Франціи и Германіи, и нашелъ въ нихъ одно смѣшное: вотъ вамъ и комизмъ его. Да—его комедіи суть не больше, какъ плодъ добродушной веселости, надъ всѣмъ издѣвавшейся, плодъ остроумія, но не созданіе фантазіи и горячаго чувства. Онъ явился въ пору, и потому имѣли необыкновенный успѣхъ; были выраженіемъ господствующаго образа мыслей образованныхъ людей, и потому нравились. Впрочемъ, не будучи художественными созданіями въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ все-таки несравненно выше всего, что ни написано у насъ по сію пору въ семъ родѣ, кромѣ *Горь отъ Ума*, о которомъ рѣчь впереди. Одно уже это доказываетъ дарованіе сего писателя. Прочія его сочиненія имѣютъ цѣну еще, можетъ быть, болшую, но и въ нихъ онъ является умнымъ наблюдателемъ и остроумнымъ писателемъ, а не художникомъ. Насмѣшка и шутливость составляютъ ихъ отличительный характеръ. Кромѣ неподдѣльнаго дарованія, онъ замѣчательны еще и по слогу, который очень близко подходитъ къ *Карамзинскому*: особенно же драгоценны онъ тѣмъ, что заключаютъ въ себѣ многія рѣзкія черты духа того любопытнаго времени.

Какъ забыть о *Богдановичѣ*? Какою славою пользовался онъ при жизни, какъ восхищались имъ современники, и какъ еще восхищаются имъ и теперь нѣкоторые читатели? Какая причина этого успѣха? Представьте себѣ, что вы оглушены громомъ, трескотнею пышныхъ словъ и фразъ, что всѣ окружающіе васъ говорятъ монологами о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, и вы вдругъ встрѣчаете человѣка съ простою и умною рѣчью: не правда ли, что вы бы очень восхитились этимъ человѣкомъ? Подражатели *Ломоносова*, *Державина* и *Хераскова* оглушили всѣхъ громкимъ одопѣніемъ; уже начинали думать, что Русскій языкъ неспособенъ къ такъ называемой *легкой поэзіи*, которая такъ цвѣла у Французовъ, и вотъ въ это-то время является человѣкъ съ сказкою, написанною языкомъ простымъ, естественнымъ и шутливымъ, слогомъ, по тогдашнему времени, удивительно легкимъ и плавнымъ: всѣ были изумлены и обрадованы. Вотъ причина необыкновеннаго успѣха *Душеньки*, которая, впрочемъ, не безъ достоинствъ, не безъ таланта. Скромный *Хемницеръ* былъ не понятъ современниками: имъ по справедливости гордится теперь потомство, и ставитъ его наравнѣ съ *Дмитріевымъ*. *Херасковъ* былъ человѣкъ добрый, умный, благонамѣренный и, по своему времени, отличный версификаторъ, но рѣшительно не поэтъ. Его дюжинныя: Россіяда и Влади-

міръ долго составляли предметъ удивленія для современниковъ и потомковъ, которые величали его Русскимъ Гомеромъ и Виргиліемъ, и проводили во храмъ безсмертія подъ щитомъ его длинныхъ и скучныхъ поэмъ; предъ нимъ благоговѣлъ самъ *Державинъ*; но, увы! ничто не спасло его отъ всепоглощающихъ волнъ Леты! *Петровъ* недостатокъ истиннаго чувства замѣнялъ напыщенностію и совершенно доконалъ себя своимъ варварскимъ языкомъ. *Княжнинъ* былъ трудолюбивый писатель и, въ отношеніи къ языку и формѣ, не безъ таланта, который особенно замѣтенъ въ комедіяхъ. Хотя онъ цѣликомъ бралъ изъ французскихъ писателей, но ему и то уже дѣлаетъ большую честь, что онъ умѣлъ изъ этихъ похищеній составлять нѣчто цѣлое, и далеко превзошелъ своего родича *Сумарокова*. *Костровъ* и *Бобровъ* были въ свое время хорошіе версификаторы.

Вотъ всѣ гении вѣка Екатерины Великой; всѣ они пользовались громкою славою, и всѣ, за исключеніемъ *Державина*, *Фонъ-Визина* и *Хемницера*, забыты. Но всѣ они замѣчательны, какъ первые дѣйствователи на поприщѣ русской словесности; судя по времени и средствамъ, ихъ успѣхи были важны; и преимущественно происходили отъ вниманія и ободренія Монархини, которая всюду искала талантовъ и всюду умѣла находить ихъ. Но между ними только одинъ *Державинъ* былъ такимъ поэтомъ, имя котораго мы съ гордостію можемъ поставить подлѣ великихъ именъ поэтовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, ибо онъ одинъ былъ свободнымъ и торжественнымъ выраженіемъ своего великаго народа и своего дивнаго времени.

VII.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

Первые дѣйствователи на поприщѣ литературы никогда не забываются; ибо талантливые или бездарные, они въ обоихъ случаяхъ лица историческія. Не въ одной исторіи Французской литературы имена *Ронсаровъ*, *Гарнье* и *Гарди* всегда предшествуютъ именамъ *Корнелей* и *Расиновъ*. Счастливые люди! какъ дешево достается имъ безсмертіе! Въ предшествовавшей статьѣ моей я впалъ въ непростительную ошибку, ибо, говоря о поэтахъ и писателяхъ вѣка Екатерины II, забылъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Посему теперь почитаю непремѣннымъ долгомъ исправить мою ошибку и упомянуть о *Понсовскомъ*, порядочномъ стихотворцѣ и прозаикѣ своего времени; *Майковъ*, который своими созданіями, относившимися во времена оны во всѣхъ пѣтикахъ къ какому-то роду *Комическихкихъ Поэмъ*, не мало способствовалъ къ

распространенію въ Россіи дурнаго вкуса, и заставилъ знаменитаго нашего драматурга, Кн. *Шаговскаго*, написать довольно не высокое стихотвореніе подъ названіемъ: *Расхищенныя Шубы*; *Аблесимовъ*, который какъ будто ненарочно, или по ошибкѣ, между многими плохими драмами, написалъ прекрасный народный водевиль: *Мельникъ*, произведеніе, столь любимое нашими добрыми дѣдами и еще и теперь не потерявшее своего достоинства; *Рубанъ*, которому, по милости и добротѣ нашихъ литературныхъ судей былыхъ временъ, безсмертіе досталось за самую дешевую цѣну; *Пелединскомъ*, въ пѣсняхъ котораго сквозь румяны сантиментальности проглядывало иногда чувство и блески таланта; *Ефимьевъ* и *Плавильщиковъ*, нѣкогда почитавшихся хорошими драматургами, но теперь, увы! совершенно забытыхъ, несмотря на то, что и самъ почтенный *Николай Ивановичъ Гречъ* не отказывалъ имъ въ нѣкоторыхъ будто бы достоинствахъ. Кромѣ сего, царствованіе Екатерины II было ознаменовано такимъ дивнымъ и рѣдкимъ у насъ явленіемъ, котораго, кажется, еще долго не дожидаться намъ грѣшнымъ. Кому не извѣстно, хотя по наслышкѣ, имя *Новикова*? Какъ жаль, что мы такъ мало имѣемъ свѣдѣній объ этомъ необыкновенномъ и, смѣю сказать, великомъ человѣкѣ! У насъ всегда такъ: кричатъ безъ умолку о какомъ-нибудь *Сумароковѣ*, бездарномъ писателѣ, и забываютъ о благодѣтельныхъ подвигахъ человѣка, котораго вся жизнь, вся дѣятельность была направлена къ общей пользѣ!...

Вѣкъ Александра Благословеннаго, какъ и вѣкъ Екатерины Великой, принадлежитъ къ свѣтлымъ мгновеніямъ жизни Русскаго народа, и, въ нѣкоторомъ отношеніи, былъ его продолженіемъ. Это была жизнь безпечная и веселая, гордая настоящимъ, полная надеждъ на будущее. Мудрыя узаконенія и нововведенія Екатерины укоренились и, такъ сказать, окрѣпли; новыя благодѣтельныя учрежденія Царя юнаго и кроткаго упрочивали благосостояніе Руси и быстро двигали ее впередъ на поприщѣ преуспѣянія. Въ самомъ дѣлѣ, сколько было сдѣлано для просвѣщенія! Сколько основано Университетовъ, Лицеевъ, Гимназій, Уѣздныхъ и Приходскихъ Училищъ! И образованіе начало разливаться по всѣмъ классамъ народа, ибо оно сдѣлалось болѣе или менѣе доступнымъ для всѣхъ классовъ народа. Покровительство просвѣщеннаго и образованнаго Монарха, достойнаго внука Екатерины, отыскивало повсюду людей съ талантами и давало имъ дорогу и средства дѣйствовать на избранномъ ими поприщѣ. Въ это время еще впервые появилась мысль о необходимости имѣть свою литературу. Въ царствованіе Екате-

рины литература существовала только при Дворѣ; ею занимались потому, что Государыня занималась ею. Плохо пришлось бы *Державину*, если бы Ей не понравились его Посланіе къ Фелицѣ и Вельможа; плохо бы пришлось *Фонъ-Визину*, если бы она не смѣялась до слезъ надъ его Бригадиромъ и Недорослемъ; мало бы оказывалось уваженія къ пѣвцу Бога и Водопада, если бы онъ не былъ *Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ и разнымъ Орденовъ Кавалеромъ*. При Александрѣ всѣ начали заниматься литературою и титулъ сталъ отдѣляться отъ таланта. Явилось явленіе новое и доселѣ неслыханное: писатели сдѣлались двигателями, руководителями и образователями общества; явились попытки создать языкъ и литературу. Но, увы! не было прочности и основательности въ этихъ попыткахъ; ибо попытка всегда предполагаетъ расчетъ, а расчетъ предполагаетъ волю, а воля часто идетъ наперекоръ обстоятельствамъ и разногласитъ съ законами здраваго смысла. Много было талантовъ и ни одного генія, и всѣ литературныя явленія рождались не вслѣдствіе необходимости, произвольно и безсознательно, не вытекали изъ событій и духа народнаго. Не спрашивали: что и какъ намъ должно было дѣлать? Говорили: дѣлайте такъ, какъ дѣлаютъ иностранцы, и вы будете хорошо дѣлать. Удивительно ли послѣ того, что, несмотря на всѣ усилія создать языкъ и литературу, у насъ не только тогда не было ни того, ни другого, но даже нѣтъ и теперь! Удивительно ли, что при самомъ началѣ литературнаго движенія у насъ было такъ много литературныхъ школъ и не было ни одной истинной и основательной; что всѣ онѣ рождались, какъ грибы послѣ дождя, и исчезали, подобно мыльнымъ пузырямъ; и что мы, еще не имѣя никакой литературы, въ полномъ смыслѣ сего слова, уже успѣли быть и классиками и романтиками, и Греками и Римлянами, и Французами и Италіянцами, и Нѣмцами и Англичанами?...

Два писателя встрѣтили вѣкъ Александра и справедливо почитались лучшимъ украшеніемъ начала онаго: *Карамзинъ* и *Дмитріевъ*. *Карамзинъ* — вотъ актеръ нашей литературы, который еще при первомъ своемъ дебютѣ, при первомъ своемъ появленіи на сцену былъ встрѣченъ и громкими рукоплесканіями и громкимъ свистомъ! Вотъ имя, за которое было дано столько кровавыхъ битвъ, произошло столько отчаянныхъ схватокъ, переломлено столько копій! И давно ли еще умолкли эти бранные вопли, этотъ звукъ оружія, давно ли враждующія партіи вложили мечи въ ножны и теперь сияются объяснить себѣ, изъ чего онѣ воевали? Кто изъ читающихъ строки сіи не былъ свидѣтелемъ этихъ ли-

тературныхъ побоищъ, не слышалъ этого оглушающаго рева похвалъ преувеличенныхъ и бессмысленныхъ, этихъ порицаній, частію справедливыхъ, частію нелѣпныхъ? И теперь, на могилѣ незабвеннаго мужа, развѣ уже рѣшена побѣда, развѣ восторжествовала та или другая сторона? Увы! еще нѣтъ! Съ одной стороны насъ, какъ *вѣрныхъ сыновъ отчизны*, призываютъ *молиться на могилѣ Карамзина и шептать его святое имя*¹⁾; а съ другой слушаютъ это воззваніе съ недоувѣрчивой и насмѣшливою улыбкою. Любопытное зрѣлище! Борьба двухъ поколѣній, не понимающихъ одно другого! И въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли думать, что побѣда останется на сторонѣ гг. *Иванчиныхъ-Писаревыхъ, Сомовыхъ* и т. п.? Еще нелѣпѣе воображать, что ее упрочить за собою г. *Аризыбинъ* съ братією.

Карамзинъ... mais je reviens toujours à mes moutons... Знаете ли, что наиболѣе вредило, вредить, и, какъ кажется, еще долго будетъ вредить распространенію на Руси основательныхъ понятій о литературѣ и усовершенствованій вкуса? *Литературное идоолопоклонство*! Дѣти, мы еще все молимся и поклоняемся многочисленнымъ богамъ нашего многолюднаго Олимпа, и ни мало не заботимся о томъ, чтобы справляться почаще съ метриками, дабы узнать, точно ли небеснаго происхожденія предметы нашего обожанія. Что дѣлать? Слѣпый фанатизмъ всегда бываетъ удѣломъ младенчествуобществъ. Помните ли вы, чего стоили *Мерзлякову* его критическіе отзывы о *Херасковѣ*? Помните ли, какъ пришлось г. *Каченовскому* его замѣчанія на Исторію Государства Россійскаго, эти замѣчанія старца, въ коихъ было высказано почти все, что говорили потомъ объ исторіи *Карамзина* юноши? Да — много, слишкомъ много нужно у насъ безкорыстной любви къ истинѣ и силы характера, чтобы посягнуть даже на какой-нибудь авторитетъ, не только что авторитетъ: развѣ пріятно вамъ будетъ, когда васъ во всеуслышаніе ославятъ ненавистникомъ отечества, завистникомъ таланта, бездушнымъ зоиломъ, *желтякомъ*? И кто же? Люди почти безграмотные, невѣжды ожесточенные противъ успѣховъ ума, упрямо держащіеся за свою раковинную скорлупку, когда все вокругъ нихъ идетъ, бѣжитъ, летитъ! И не правы они въ семъ случаѣ? Чего остается ожидать для себя, напримѣръ, г. *Иванчину-Писареву*,

¹⁾ Бѣлинскій говоритъ здѣсь про извѣстное четверостишіе Жуковскаго — „надпись на могилѣ Карамзина“:

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы,
Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
И будить въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ.

г. *Воейкову* или Кн. *Шаликову*, когда они слышатъ, что *Карамзинъ* не художникъ, не гений, и другія подобныя безбожныя мнѣнія? Они, которые питались крохами, падавшими съ трапезы этого человѣка, и на нихъ основывали зданіе своего безсмертія? Является Г. *Арицыбышевъ* съ критическими статьями, въ коихъ доказываетъ, что *Карамзинъ* часто и притомъ безъ всякой нужды отступалъ отъ лѣтописей, служившихъ ему источниками, часто по своей волѣ или прихоти искажалъ ихъ смыслъ; и что же?—Вы думаете, поклонники *Карамзина* тотчасъ принялись за сличку и изобличили г. *Арицыбышева* въ клеветѣ? Ничего не бывало. Странные люди! Къ чему вамъ толковать о зависти и зоилахъ, о каменщикахъ и скульпторахъ, къ чему вамъ бросаться на пустыя ничтожныя фразы въ сноскахъ, сражаться съ тѣнью и шумѣть изъ ничего? Пусть г. *Арицыбышевъ* и завидуетъ славѣ *Карамзина*: повѣрьте, ему не убить этимъ *Карамзина*, если онъ пользуется заслуженною слагою; пусть онъ съ важностію доказываетъ, что слогъ *Карамзина* неподобозвученъ—Богъ съ нимъ, это только смѣшно, а ничуть не досадно. Не лучше ли вамъ взять въ руки лѣтописи и доказать, что или г. *Арицыбышевъ* клеветаетъ, или промахи историка незначительны и ничтожны; а не то совсѣмъ ничего не говорить? Но, бѣдные, вамъ не подѣ силу этотъ трудъ; вы и въ глаза не видавали лѣтописей, вы плохо знаете исторію:

Такъ изъ чего же вы бѣснуетесь столько?

Однакожъ, что ни говори, а такихъ людей, къ несчастію, много.

И вотъ общественное мнѣніе!
И вотъ на чемъ вертится міръ!

Карамзинъ отмѣтилъ своимъ именемъ эпоху въ нашей словесности, его вліяніе на современниковъ было такъ велико и сильно, что цѣлый періодъ нашей литературы отъ девяностыхъ до двадцатыхъ годовъ по справедливости называется періодомъ *Карамзинскимъ*. Одно уже это достаточно доказываетъ, что *Карамзинъ*, по своему образованію, цѣлою головою превышалъ своихъ современниковъ. За нимъ еще и по сію пору, хотя нетвердо и неопредѣленно, кромѣ имени историка, остаются имена писателя, поэта, художника, стихотворца. Разсмотримъ его права на эти титулы. Для *Карамзина* еще не наступило потомство. Кто изъ насъ не утѣшался въ дѣтствѣ его повѣстями, не мечталъ и не плакалъ съ его сочиненіями? А вѣдь воспоминанія дѣтства такъ сладостны, такъ обольстительны: можно ли тутъ быть безпристрастнымъ? Однакожъ попытаемся.

Представьте себѣ общество разнохарак-

терное, разнородное, можно сказать, разнплеменное; одна часть его читала, говорила, мыслила и молилась Богу на Французскомъ языкѣ; другая знала наизусть *Державина* и ставила его наравнѣ не только съ *Ломоносовымъ*, но и съ *Петровымъ*, *Сумароковымъ* и *Херасковымъ*; первая очень плохо знала Русскій языкъ; вторая была приучена къ напыщенному, схоластическому языку автора *Россиады* и *Кадма* и *Гармоніи*; общій же характеръ обѣихъ состоялъ изъ полудикости и полубразованности; словомъ, общество съ охотою къ чтенію, но безъ всякихъ свѣтлыхъ идей объ литературѣ. И вотъ является юноша, душа котораго была отверста для всего благого и прекраснаго, но который, при счастливыхъ дарованіяхъ и большомъ умѣ, былъ обдѣленъ просвѣщеніемъ и ученою образованностію, какъ увидимъ ниже. Не ставши наравнѣ съ своимъ вѣкомъ, онъ былъ несравненно выше своего общества. Этотъ юноша смотрѣлъ на жизнь, какъ на подвигъ, и, полный силъ юности, алкалъ славы авторства, алкалъ чести быть споспѣшествователемъ успѣховъ отечества на пути къ просвѣщенію, и вся его жизнь была этимъ святымъ и прекраснымъ подвижничествомъ. Не правда ли, что *Карамзинъ* былъ человѣкъ необыкновенный, что онъ достоинъ высокаго уваженія, если не благоговѣнія? Но не забывайте, что не должно смѣшивать *человѣка* съ *писателемъ* и *художникомъ*. Будь сказано, впрочемъ безъ всякаго примѣненія къ *Карамзину*, этакъ, чего добраго! и *Ролленъ* попадетъ въ святые. Намѣреніе и исполненіе двѣ вещи различныя. Теперь посмотримъ, какъ выполнилъ *Карамзинъ* свою высокую миссію.

Онъ видѣлъ, какъ мало было у насъ сдѣлано, какъ дурно понимали его собратія по ремеслу, что должно было дѣлать, видѣлъ, что высшее сословіе имѣло причину презирать роднымъ языкомъ, ибо языкъ письменный былъ въ раздорѣ съ языкомъ разговорнымъ. Тогда былъ вѣкъ *фразеологіи*, гнались за словами, и мысли подбирали къ словамъ только для смысла. *Карамзинъ* былъ одаренъ отъ природы вѣрнымъ музыкальнымъ ухомъ для языка и способностію объясняться плавно и красно, слѣдовательно ему не трудно было преобразовать языкъ. Говорятъ, что онъ сдѣлалъ нашъ языкъ сколкомъ съ Французскаго, какъ *Ломоносовъ* сдѣлалъ его сколкомъ съ Латинскаго: это справедливо только отчасти. Вѣроятно, *Карамзинъ* старался писать, какъ говорится. Погрѣшность его въ семъ случаѣ та, что онъ презрѣлъ идиомами Русскаго языка, не прислушивался къ языку простолюдиновъ и не изучалъ вообще родныхъ источниковъ. Но онъ исправилъ эту ошибку въ своей Исторіи. *Карамзинъ* предположилъ

себѣ цѣлью — *приучить, приготовить Русскую публику къ чтенію*. Спрашиваю васъ: можетъ ли призваніе художника согласиться съ какой-нибудь заранѣе предположенной цѣлью, какъ бы ни была прекрасна эта цѣль? Этого мало: можетъ ли художникъ унизиться, нагнуться, такъ сказать, къ публикѣ, которая была бы ему по колѣна, и потому не могла бы его понимать! Положимъ, что и можетъ; тогда другой вопросъ: можетъ ли онъ въ такомъ случаѣ остаться художникомъ въ своихъ созданіяхъ? Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ. Кто объясняется съ ребенкомъ, тотъ самъ дѣлается на это время ребенкомъ. *Карамзинъ* писалъ для дѣтей и писалъ по-дѣтски: удивительно ли, что эти дѣти, сдѣлавшись взрослыми, забыли его, и, въ свою очередь, передали его сочиненія своимъ дѣтямъ? Это въ порядкѣ вещей: дитя съ довѣрчивостію и съ горячею вѣрою слушаетъ рассказы своей старой няни, водившей его на помочахъ, о мертвецахъ и привидѣніяхъ, а выросши смѣется надъ ея разказами. Вамъ порученъ ребенокъ: смотрите жъ, что этотъ ребенокъ будетъ отрокомъ, потомъ юношей, а тамъ и мужемъ, и потому слѣдите за развитіемъ его дарованій, и, сообразно съ нимъ, перемѣняйте методу вашего ученія, будьте всегда выше его; иначе вамъ худо будетъ: этотъ ребенокъ станетъ въ глаза смѣяться надъ вами. Уча его, еще больше учитесь сами, а не то онъ перегонитъ васъ: дѣти растутъ быстро. Теперь скажите, по совѣсти, *sine ira et studio*, какъ говорятъ наши записные ученые: кто виноватъ, что, какъ прежде плакали надъ Бѣдною Лизою, такъ нынѣ смѣются надъ нею? Воля ваша, гг. поклонники *Карамзина*, а я скорѣе соглашусь читать повѣсти *Барона Брамбеуса*, чѣмъ Бѣдную Лизу или Наталью Боярскую Дочь! Другія времена, другіе нравы! Повѣсти *Карамзина* приучили публику къ чтенію, многіе выучились по нимъ читать; будемъ же благодарны ихъ автору; но оставимъ ихъ въ покоѣ, даже вырвемъ ихъ изъ рукъ нашихъ дѣтей, ибо онѣ надѣлаютъ имъ много вреда: растлятъ ихъ чувство — приторною чувствительностью.

Кромѣ сего, сочиненія *Карамзина* теряютъ въ наше время много достоинства еще и оттого, что онъ рѣдко былъ въ нихъ искрененъ и естественъ. Вѣкъ *фразеологій* для насъ проходитъ; по нашимъ понятіямъ фраза должна прибираться для выраженія мысли или чувства; прежде мысль и чувство приискивались для звонкой фразы. Знаю, что мы еще и теперь не безгрѣшны въ этомъ отношеніи; по крайней мѣрѣ, теперь, если легко выставить мишуру за золото, ходили ума и потуги чувства за игру ума и пламень чувства, то не надолго, и чѣмъ живѣе обольщеніе, тѣмъ бываетъ мстительнѣе разочаро-

ваніе, чѣмъ больше благоговѣнія къ ложному божеству, тѣмъ жесточайшее поношеніе наказываетъ самозванца. Вообще нынѣ какъ-то стало откровеннѣе; всякій истинно образованный человѣкъ скорѣе сознается, что онъ не понимаетъ той или другой красоты автора, но не станетъ обнаруживать насильственного восхищенія. Посему нынѣ едва ли найдется такой добренькій простачекъ, который бы повѣрилъ, что обильные потоки слезъ *Карамзина* изливались отъ души и сердца, а не были любимымъ кокетствомъ его таланта, привычными ходульками его авторства. Подобная ложность и натянутость чувства тѣмъ жалостнѣе, когда авторъ человѣкъ съ дарованіемъ. Никто не подумаетъ осуждать за подобный недостатокъ, напри- мѣръ, чувствительнаго кн. *Шаликова*, потому что никто не подумаетъ читать его чувствительныхъ твореній. И такъ, здѣсь авторитетъ не только не оправданіе, но еще двойная вина. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли видѣть взрослого человѣка, хотя бы этотъ человѣкъ былъ самъ *Карамзинъ*, не странно ли видѣть взрослого человѣка, который проливаетъ обильные источники слезъ и при взглядѣ на кривой глазъ Великаго Мужа Грамматики, и при видѣ необозримыхъ песковъ, окружающихъ Кале, и надъ травками и надъ муравками, и надъ букашками и таракашками?... Вѣдь и то сказать:

Не все намъ рѣки слезныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ! ¹⁾

Эта слезливость, или, лучше сказать, плаксивость нерѣдко портитъ лучшія страницы его исторіи. Скажутъ: тогда былъ такой вѣкъ. Неправда: характеръ осмнадцатаго столѣтія отнюдь не состоитъ въ одной плаксивости; притомъ же здравый смыслъ старше всѣхъ столѣтій, а онъ запрещаетъ плакать, когда хочется смѣяться, и смѣяться, когда хочется плакать. Это просто было дѣтство смѣшное и жалкое, манія странная и неизъяснимая.

Теперь другой вопросъ: столько ли онъ сдѣлалъ, сколько могъ, или меньше? Отвѣчаю утвердительно: меньше. Онъ отправился путешествовать: какой прекрасный случай предстоялъ ему развернуть предъ глазами своихъ соотечественниковъ великую и обольстительную картину вѣковыхъ плодовъ просвѣщенія, успѣховъ цивилизаціи и общественнаго образованія благородныхъ представителей человѣческаго рода!... Ему такъ легко было это сдѣлать! Его перо было такъ краснорѣчиво! Его кредитъ у современниковъ былъ такъ великъ! И чтожъ онъ сдѣлалъ вмѣсто всего этого? Чѣмъ наполнены

¹⁾ Начальные стихи извѣстнаго въ свое время „Ильи Муромца“ *Карамзина*.

его Письма Русскаго Путешественника? Мы узнаемъ изъ нихъ, по большей части, гдѣ онъ обѣдалъ, гдѣ ужиналъ, какое кушанье подавали ему, и сколько взялъ съ него трактирщикъ; узнаемъ, какъ г. Б*** волюнчилъ за г-жею N, и какъ бѣлка оцарапала ему носъ; какъ восходило солнце надъ какою-нибудь Швейцарскою деревушкою, изъ которой шла пастушка съ букетомъ розъ на груди и гнала передъ собою корову... Стоило ли изъ этого ѣздить такъ далеко? Сравните въ семъ отношеніи Письма Русскаго Путешественника съ Письмами къ Вельможѣ Фонъ-Визина, письмами, написанными прежде: какая разница! Карамзинъ видѣлся со многими знаменитыми людьми *Германіи*, и что же онъ узналъ изъ разговоровъ съ ними? То, что всѣ они люди добрые, наслаждающіеся спокойствіемъ совѣсти и ясностію духа. И какъ скромны, какъ обыкновенны его разговоры съ ними! Во Франціи онъ былъ счастливѣе въ семъ случаѣ, по извѣстной причинѣ: вспомните свиданіе *Русскаго Скифа* съ *Французскимъ Платономъ*. Отчего же это произошло? Оттого, что онъ не приготовился надлежащимъ образомъ къ путешествію, что не былъ ученъ основательно. Но, несмотря на это, ничтожность его Писемъ Русскаго Путешественника происходитъ больше отъ его личнаго характера, чѣмъ отъ недостатка въ свѣдѣніяхъ. Онъ не совсѣмъ хорошо зналъ нужды Россіи въ умственномъ отношеніи. О стихахъ его нечего много говорить: это тѣ же фразы, только съ римами. Въ нихъ Карамзинъ, какъ и вездѣ, является преобразователемъ языка, а отнюдь не поэтомъ.

Вотъ недостатки сочиненій Карамзина, вотъ причина, что онъ такъ былъ скоро забытъ, что онъ едва не пережилъ своей славы. Справедливость требуетъ замѣтить, что его сочиненія тамъ, гдѣ онъ не увлекается сентиментальностію и говорить отъ души, дышать какою-то сердечною теплотою; это особенно замѣтно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ говоритъ о Россіи. Да, онъ любилъ добро, любилъ отечество, служилъ ему, сколько могъ; имя его бессмертно, но сочиненія его, исключая Исторіи, умерли, и не воскреснуть имъ, несмотря на всѣ возгласы людей, подобныхъ гг. *Иванчину - Писареву* и *Оресту Сомову*!...

Исторія Государства Россійскаго есть важнѣйшій подвигъ Карамзина; онъ отразился въ ней весь со всѣми своими недостатками и достоинствами. Не берусь судить о семъ произведеніи *ученымъ* образомъ, ибо, признаюсь откровенно, этотъ трудъ былъ бы далеко не подъ силу мнѣ. Мое мнѣніе (весьма не новое) будетъ мнѣніемъ любителя, а не знатока. Сообразивъ все, что было

сдѣлано для систематической исторіи до Карамзина, нельзя не признать его труда подвигомъ исполинскимъ. Главный недостатокъ онаго состоитъ въ его взглядѣ на вещи и событія, часто дѣтскомъ и всегда, по крайней мѣрѣ, не мужскомъ; въ ораторской шумихѣ и неумѣстномъ желаніи быть наставительнымъ, поучать тамъ, гдѣ сами факты говорятъ за себя; въ пристрастіи къ героямъ повѣствованія, дѣлающимъ честь сердцу автора, но не его уму. Главное достоинство его состоитъ въ занимательности разсказа и искусномъ изложеніи событій, не рѣдко въ художественной обрисовкѣ характеровъ, а болѣе всего въ слогѣ, въ которомъ Карамзинъ рѣшительно торжествуетъ здѣсь. Въ семъ послѣднемъ отношеніи у насъ и по сію пору не написано еще ничего подобнаго. Въ *Исторіи Г. Р.* слогъ Карамзина есть слогъ Русскій по преимуществу; ему можно поставить параллель только въ стихахъ Бориса Годунова *Пушкина*. Это совсѣмъ не то, что слогъ его мелкихъ сочиненій; ибо здѣсь авторъ черпалъ изъ родныхъ источниковъ, упитанъ духомъ историческихъ памятниковъ; здѣсь его слогъ, за исключеніемъ первыхъ четырехъ томовъ, гдѣ по большей части одна риторическая шумиха, но гдѣ все-таки языкъ удивительно обработанъ, имѣетъ характеръ важности, величавости и энергіи, и часто переходитъ въ истинное краснорѣчіе. Словомъ, по выраженію одного нашего критика, въ *Исторіи Г. Р.* языку нашему воздвигнуть такой памятникъ, о который время изломаетъ свою косу. Повторяю: имя Карамзина бессмертно, но сочиненія его, исключая Исторію, уже умерли и никогда не воскреснуть!...

Почти въ одно время съ Карамзинымъ выступилъ на литературное поприще и *Дмитріевъ (И. И.)*. Онъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи преобразователь стихотворнаго языка, и его сочиненія, до Жуковскаго и Батюшкова, справедливо почитались образцовыми. Впрочемъ, его поэтическое дарованіе не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Главный элементъ его таланта есть остроуміе, посему Чужой Толкъ есть лучшее его произведеніе. *Басни* его прекрасны; имъ не достаетъ только народности, чтобъ быть совершенными. Въ *Сказкахъ* же *Дмитріевъ* не имѣлъ себѣ соперника. Кромѣ сего, его талантъ возвышался иногда до лиризма, что доказывается прекраснымъ его произведеніемъ: *Ермакъ*, и особенно переводомъ, подражаніемъ или передѣлкою (назовите какъ угодно) піесы *Гете*, которая извѣстна подъ именемъ *Размышленія по Случаю Грома*...

Крыловъ возвелъ у насъ *Басню* до *pes plus ultra* совершенства. Нужно ли доказывать, что это—геніальный поэтъ Русскій, что онъ

неимѣримо возвышается надъ всѣми своими соперниками? Кажется, въ этомъ никто не сомнѣвается. Замѣчу только, впрочемъ не я первый, что басня оттого имѣла на Руси такой чрезвычайный успѣхъ, что родилась не случайно, а вслѣдствіе нашего народнаго духа, который страхъ какъ любитъ побасенки и примѣненія. Вотъ самое убѣдительнѣйшее доказательство того, что литература непременно должна быть народною, если хочетъ быть прочною и вѣчною! Вспомните, сколько было у иностранцевъ неудачныхъ попытокъ перевести *Крылова*. Слѣдовательно, тѣ жестоко ошибаются, которые думаютъ, что только рабскимъ подражаніемъ иностранцамъ можно обратить на себя ихъ вниманіе.

Озерова у насъ почитаютъ и преобразователемъ и творцемъ Русскаго Театра. Разумѣется, онъ ни то, ни другое; ибо Русскій Театръ есть мечта разгоряченнаго воображенія нашихъ добрыхъ патріотовъ. Справедливо, что *Озеровъ* былъ у насъ первымъ драматическимъ писателемъ съ истиннымъ, хотя и не огромнымъ талантомъ; онъ не создалъ театра, а ввелъ къ намъ Французскій театръ, т.-е. первый заговорилъ истиннымъ языкомъ Французской Мельпомены. Вирочемъ, онъ не былъ драматикомъ въ полномъ смыслѣ сего слова: онъ не зналъ человѣка. Приведите на представленіе *Шекспировой* или *Шиллеровой* драмы зрителя безъ всякихъ познаній, безъ всякаго образованія, но съ природнымъ умомъ и способностію принимать впечатлѣнія изящнаго: онъ, не зная исторіи, хорошо пойметъ, въ чемъ дѣло; не понявши историческихъ лицъ, прекрасно пойметъ человѣческія лица; но когда онъ будетъ смотрѣть на трагедію *Озерова*, то рѣшительно ничего не уразумѣетъ. Можетъ быть, это общій недостатокъ такъ называемой *классической трагедіи*. Но *Озеровъ* имѣетъ и другіе недостатки, которые происходили отъ его личнаго характера. Одаренный душою нѣжною, но не глубокою, раздражительною, но не энергическою, онъ былъ не способенъ къ живописи сильныхъ страстей. Вотъ отчего его женщины интереснѣе мужчинъ; вотъ отчего его злодѣи ни больше, ни меньше, какъ олицетвореніе общихъ, родовыхъ пороковъ; вотъ отчего онъ изъ *Фингала* слѣлалъ Аркадскаго пастушка и заставилъ его объясняться съ *Моиною* мадригалами, скорѣе приличными какому-нибудь *Эрасту Чертополохову*, чѣмъ грозному поклоннику *Одена*. Лучшая его пьеса, безъ сомнѣнія, есть *Эдинъ*, а худшая *Димитрій Донской*, эта надутая ораторская рѣчь, переложенная въ разговоры. Теперь никто не станетъ отрицать поэтическаго таланта *Озерова*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и едва ли кто

станетъ читать его, а тѣмъ болѣе восхищаться имъ.

Появленіе *Жуковскаго* изумило Россію и не безъ причины. Онъ былъ *Колумбомъ* нашего отечества: указалъ ему на *Нѣмецкую* и *Англійскую* литературы, которыхъ существованіе оно даже и не подозрѣвало. Кромѣ сего, онъ совершенно преобразовалъ стихотворный языкъ, а въ прозѣ шагнулъ далѣе *Карамзина*¹⁾: вотъ главныя его заслуги. Собственныхъ его сочиненій не много; труды его—или переводы, или передѣлки, или подражанія иностраннымъ. Языкъ смѣлый, энергическій, хотя и не всегда согласный съ чувствомъ, односторонняя мечтательность, бывшая, какъ говорятъ, слѣдствіемъ обстоятельствъ его жизни—вотъ характеристика сочиненій *Жуковскаго*. Ошибаются тѣ, которые почитаютъ его подражателемъ Нѣмцевъ и Англичанъ: онъ не сталъ бы иначе писать и тогда, когда-бъ былъ не знакомъ съ ними, если-бъ только захотѣлъ быть вѣрнымъ самому себѣ. Онъ не былъ сыномъ XIX вѣка, но былъ, такъ сказать, *прозелитомъ*: присокупите къ сему еще то, что его творенія, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ проистекали изъ обстоятельствъ его жизни, и вы поймете, отчего въ нихъ нѣтъ идей міровыхъ, идей человѣчества, отчего у него часто подъ самыми роскошными формами скрываются какъ будто *Карамзинскія* идеи (напр., „Мой другъ, хранитель, ангелъ мой!“ и т. п.), отчего въ самыхъ лучшихъ его созданіяхъ (какъ, напр., въ Пѣвцѣ во Станѣ Русскихъ Воиновъ) встрѣчаются мѣста совершенно риторическія. Онъ былъ заключенъ въ себѣ и вотъ причина его односторонности, которая въ немъ есть оригинальность въ высочайшей степени. По множеству своихъ переводовъ *Жуковский* относится къ нашей литературѣ, какъ *Фоссъ* или *Авг. Шлегель* къ Нѣмецкой литературѣ. Знатоки утверждаютъ, что онъ не переводилъ, а усваивалъ Русской Словесности созданія *Шиллеровъ*, *Баїроновъ* и пр.; въ этомъ, кажется, нѣтъ причины сомнѣваться. Словомъ: *Жуковский* есть поэтъ съ необыкновеннымъ энергическимъ талантомъ, поэтъ, оказавшій Русской литературѣ неоцѣненныя услуги, поэтъ, который никогда не забудется, котораго никогда не перестанутъ читать; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не такой поэтъ, котораго-бъ можно было назвать поэтомъ собственно Русскимъ, имя котораго можно-бъ было провозгласить на Европейскомъ турнирѣ, гдѣ соперничаютъ народными славами.

Многое изъ сказаннаго о *Жуковскомъ* можно сказать и о *Батюшковѣ*. Сей послѣдній рѣ-

¹⁾ Я разумѣю здѣсь мелкія сочиненія Карамзина. Прим. Бѣлинскаго.

шительно стоялъ на рубежѣ двухъ вѣковъ; поочередно плѣнялся и гнушался прошедшимъ, не призналъ и не былъ признавъ наступившимъ. Это былъ человѣкъ не геніальный, но съ большимъ талантомъ. Какъ жаль, что онъ не зналъ Нѣмецкой литературы: ему немногаго недоставало для совершеннаго литературнаго обращенія. Прочтите его статью о Морали, Основанной на Религіи, и вы поймете эту тоску души и ея порывы къ безконечному послѣ упоенія сладострастіемъ, которыми дышатъ его гармоническія созданія. Онъ писалъ о Жизни и Впечатлѣніяхъ Поэта, гдѣ между дѣтскими мыслями, проискриваются мысли какъ будто нашего времени, и тогда же писалъ о какой-то Легкой Поэзіи, какъ будто бы была поэзія тяжелая. Не правда ли, что онъ не принадлежалъ вполнѣ ни тому, ни другому вѣку? *Батюшковъ*, вмѣстѣ съ *Жуковскимъ*, былъ преобразователемъ стихотворнаго языка, т.-е. писалъ чистымъ, гармоническимъ языкомъ; проза его тоже лучше прозы мелкихъ сочиненій *Карамзина*. По таланту *Батюшковъ* принадлежитъ къ нашимъ второкласснымъ писателямъ и, по моему мнѣнію, ниже *Жуковскаго*; о равенствѣ же его съ *Пушкинымъ* смѣшно и думать. Тріумвирату, составленному нашими словесниками изъ *Жуковскаго*, *Батюшкова* и *Пушкина*, могли вѣрить только въ двадцатыхъ годахъ...

Мнѣ остается теперь упомянуть еще о *Мерзляковѣ*, и я окончу весь *Карамзинскій* періодъ нашей словесности, окончу перечень всѣхъ его знаменитостей, всей его аристократіи: останутся плебеи, о которыхъ нечего говорить много, развѣ только для доказательства зыбкости нашихъ прославленныхъ авторитетовъ. *Мерзляковъ* былъ человѣкъ съ необыкновеннымъ поэтическимъ дарованіемъ, и представляетъ собою одну изъ умиленнѣйшихъ жертвъ духа времени. Онъ преподавалъ Теорію Изыщнаго, и между тѣмъ эта теорія оставалась для него неразгаданною загадкою во все продолженіе его жизни; онъ считался у насъ оракуломъ критики и не зналъ, на чемъ основывается критика; наконецъ, онъ во всю жизнь свою заблуждался на счетъ своего таланта, ибо, написавши нѣсколько безсмертныхъ пѣсень, въ то же время написалъ множество одъ, въ коихъ гдѣ-гдѣ блистаютъ искры могущаго таланта, котораго не могла убить схоластика, и въ коихъ все остальное голая риторика. Несмотря на то, повторяю: это былъ талантъ мощный, энергическій: какое глубокое чувство, какая неизмѣримая тоска въ его пѣсняхъ! какъ живо сочувствовалъ онъ въ нихъ Русскому народу и какъ вѣрно выразилъ въ ихъ поэтическихъ звукахъ лирическую сторону его жизни! Это не пѣсенки

Дельвига, это не поддѣлки подъ народныя такты—пѣть: это живое, естественное изліяніе чувства, гдѣ все безыскусственно и естественно! Не правда ли, что, по прочтеніи, или по выслушаніи любой изъ его пѣсень, вы невольно готовы воскликнуть:

Ахъ! та пѣснь была заветная:
Рвала бѣлу грудь тоской,
А все слушать бы хотѣлось,
Не расстался бы вѣкъ съ ней! ¹⁾

И этотъ человѣкъ, который былъ знакомъ съ Нѣмецкимъ языкомъ и литературою, этотъ человѣкъ, съ душею поэтической, съ чувствомъ глубокимъ — писалъ торжественныя оды, перевелъ *Тасса*, говорилъ съ кафедръ, что только чудотворный геній *Нильсена* любитъ выставлять на сценѣ вистлицы, находилъ геній въ *Сумароковѣ* и былъ увлеченъ, очарованъ поддѣльною и нарумяненною поэзіею Французовъ въ то время, какъ читалъ *Гете* и *Шиллера*!... Онъ рожденъ былъ практикомъ поэзіи, а судьба сдѣлала его теоретикомъ; пламенное чувство влекло его къ пѣснямъ, а система заставила писать оды и переводить *Тасса*!...

Теперь вотъ прочіе замѣчательные по таланту или по авторитету литераторы *Карамзинскаго* періода.

Каннистъ принадлежитъ къ тремъ царствованіямъ. Нѣкогда онъ слылъ за поэта съ необыкновеннымъ дарованіемъ. *Г. Плетневъ* даже утверждалъ гдѣ-то и когда-то, что у *Канниста* есть что-то такое, чего будто бы не достаетъ *Ламартину*: le bon vieux temps! Теперь *Каннистъ* совершенно забытъ, вѣроятно, потому, что плакалъ въ своихъ стихахъ по правиламъ *порядочной хриіи*, а болѣе всего потому, что едва замѣтныя блестящія таланта еще не могутъ спасти писателя отъ всепоглощающихъ волнъ Леты. Онъ надѣлалъ много шума своею Ябедою; но эта прославленная Ябеда ни больше, ни меньше, какъ фарсъ, написанный языкомъ варварскимъ даже и по своему времени.

Гюндичъ и *Милоновъ* были истинные поэты: если ихъ теперь мало почитаютъ, то это потому, что они слишкомъ рано родились.

Г. Вейковъ (*Александръ Федоровичъ*, какъ значится въ литературномъ Адресъ-Календарѣ г. *Греча*, извѣстномъ подъ именемъ *Исторіи Русской Литературы*) игралъ нѣкогда въ нашей словесности роль знамени-

¹⁾ Любимое четверостишіе Бѣлинскаго изъ пѣсни Лажечникова („Сладко пѣлъ душа соловушко“), помѣщенной въ его романѣ „Послѣдній Новикъ“. Въ настоящемъ мѣстѣ Бѣлинскій „не совсемъ обстоятельно выразился“, такъ что можно было приписать эти стихи Мерзлякову, о которомъ идетъ рѣчь въ контекстѣ. Лажечниковъ отмѣтилъ это въ особомъ письмѣ въ редакцію „Молвы“, что и вызвало отвѣтное примѣчаніе Бѣлинскаго, которое читатели встрѣтятъ ниже.

тисъ. Онъ перевелъ *Демия* (котораго почиталъ не только поэтомъ, но и большимъ поэтомъ); онъ самъ собирався написать Дидактическую Поэму (въ то время всѣ вѣрили безусловно возможности Дидактической Поэзіи); онъ переводилъ (какъ умѣлъ) древнихъ; потомъ занялся изданіемъ разныхъ журналовъ, въ коихъ съ неутомимою ревностью выводилъ на свѣжую воду знаменитыхъ друзей гг. *Гречи* и *Булгарина* (нечего сказать—высокая миссія!); теперь, на старости лѣтъ, поочередно или, лучше сказать, понумерно, бранить *Барона Брамбеуса* и преклоняеть предъ нимъ колѣна, а пуще всего восхваляетъ *Александра Филиповича Смирдина* за то, что онъ дорого платитъ авторамъ; перепечатываетъ въ своемъ журналѣ старые стихи и статьи изъ *Молвы* за 1831 годъ. Что же дѣлать? Отъ великаго до смѣшнаго только шагъ, сказалъ Наполеонъ!...

Князь *Вяземскій*, Русскій *Карлъ Ноде*, писалъ стихами и прозою про все и обо всемъ. Его критическія статьи (т.-е. предисловія къ разнымъ изданіямъ) были необыкновеннымъ явленіемъ въ свое время. Между его безчисленными стихотвореніями многія отличаются блескомъ остроумія неподдѣльнаго и оригинальнаго, иныя даже чувствомъ; многія и натянуты, какъ, напр., „Какъ бы не такъ!“ и пр. Но вообще сказать, Князь *Вяземскій* принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ нашихъ поэтовъ и литераторовъ.

VIII.

Было время!...

Народная поговорка.

Въ прошедшей статьѣ я обозрѣлъ *Карамзинскій* періодъ нашей словесности, періодъ, продолжавшійся цѣлую четверть столѣтія. Цѣлый періодъ словесности, цѣлая четверть вѣка ознаменованы вліяніемъ одного таланта, одного человѣка, а вѣдь четверть вѣка много, слишкомъ много значить для такой литературы, которая не дожила еще пяти лѣтъ до своего второго столѣтія¹⁾. И что же произвелъ великаго и прочнаго этотъ періодъ? Гдѣ теперь геніи, которыми онъ бывало такъ красовался и величался? Изъ всѣхъ нихъ одинъ только великъ и бессмертенъ безъ всякихъ отношеній, и этотъ одинъ

не заплатилъ дани *Карамзину*, который бралъ свою обычную дань даже и съ такихъ людей, кои были выше его и по таланту и по образованію: говорю о *Крыловѣ*. Повторяю: что сдѣлано въ этотъ періодъ для бессмертія? Одинъ познакомилъ насъ нѣсколько, и притомъ одностороннимъ образомъ, съ Нѣмецкою и Англійскою литературою, другой съ Французскимъ театромъ, третій съ Французскою критикою XVIII столѣтія, четвертый... Но гдѣ же литература? Не ищите ея: напрасенъ будетъ вашъ трудъ; пересаженные цвѣты недолговѣчны: это истина неоспоримая. Я сказалъ, что въ началѣ этого періода впервые родилась у насъ мысль о литературѣ: вслѣдствіе того появились у насъ и журналы. Но что такое были эти журналы? Невинное препровожденіе времени, дѣло отъ бездѣлья, а иногда и средство нажить денежку. Ни одинъ изъ нихъ не слѣдилъ за ходомъ просвѣщенія, ни одинъ не передавалъ своимъ соотечественникамъ успѣховъ человѣчества на поприщѣ самосовершенствованія. Помню, что въ какомъ-то чувствительномъ журналѣ, кажется въ 1813 году, было напечатано, что въ Англіи явился новый поэтъ, *Биронъ*, который пишетъ въ какомъ-то *романтическомъ родѣ* и особенно прославился своею поэмою *Шильдъ Гарольдъ*: вотъ вамъ и все тутъ. Конечно, тогда не только въ Россіи, но отчасти и въ Европѣ смотрѣли на литературу не сквозь чистое стекло разума, а сквозь тусклый пузырь Французскаго классицизма; но движеніе тамъ уже было начато, и сами Французы, умиротворенные Реставраціей, много поумнѣли противъ прежняго и даже совершенно переродились. Между тѣмъ наши литературные наблюдатели дремали, и только тогда проснулись, когда непріятель ворвался въ ихъ дома и началъ въ нихъ своевольно хозяйничать; только тогда завопили они гласомъ великимъ: караулъ, рѣжутъ, разбой, романтизмъ!...

За *Карамзинскимъ* періодомъ нашей словесности послѣдовалъ періодъ *Пушкинскій*, продолжавшійся почти ровно десять лѣтъ. Говорю *Пушкинскій*, ибо кто не согласится, что *Пушкинъ* былъ главою этого десятилѣтія, что все тогда шло отъ него и къ нему? Впрочемъ, я не то здѣсь думаю, чтобы *Пушкинъ* былъ для своего времени совершенно то же, что *Карамзинъ* для своего. Одно ужъ то, что его дѣятельность была бессознательною дѣятельностію художника, а не практическою и

¹⁾ Литература наша, безъ всякаго сомнѣнія, началась въ 1739 году, когда *Ломоносовъ* прислалъ изъ-за границы свою первую Оду на Взятіе Хотина. Нужно ли повторять, что не съ *Кантемира* и не съ *Тредьяковскаго*, а тѣмъ болѣе не съ *Симеона Полоцкаго* началась наша литература? Нужно ли доказывать, что Слово о Полку Игоревомъ, Сказаніе о Донскомъ Побойщѣ, краснорѣчивое Посланіе Вассіана къ Іоанну III и другіе историческіе памятники, народныя пѣсни и схоластическое духовное краснорѣчіе,

имѣютъ точно такое же отношеніе къ нашей словесности, какъ и памятники допотопной литературы, если бы они были открыты, къ *Санскритской*, *Греческой* или *Латинской* литературѣ? Такія истины надобно доказывать только гг. *Гречу* и *Плаксину*, съ коими я не намѣренъ вступать въ ученныя состязанія.

предназначенною дѣятельностію писателя, полагаетъ большую разницу между имъ и *Карамзинымъ*. *Пушкинъ* владычествовалъ единственно силою своего таланта и тѣмъ, что онъ былъ сыномъ своего вѣка; владычество же *Карамзина* въ послѣднее время основывалось на слѣпомъ уваженіи къ его авторитету. *Пушкинъ* не говорилъ, что поэзія есть то или то, а наука есть это или это; нѣтъ: онъ своими созданіями далъ мѣрило для первой и до нѣкоторой степени показалъ современное значеніе другой. Въ то время, то-есть въ двадцатыхъ годахъ (1817—1824), у насъ глухо отдалось эхо умственного переворота, совершившагося въ Европѣ; тогда, хотя еще робко и неопредѣленно, начали поговаривать, что будто бы *тыяній дикарь Шекспиръ* неизмѣримо выше накрахмаленнаго *Расина*, что *Шлегель* будто бы знаетъ объ искусствѣ побольше *Ламарта*, что Нѣмецкая литература не только не ниже Французской, но даже несравненно выше; что почтенные гг. *Буало*, *Батте*, *Ламартъ* и *Мармонтель* безбожно оклеветали искусство, ибо сами мало смыслили въ немъ толку. Конечно, теперь въ этомъ никто не сомнѣвается, и доказывать подобныя истины значило бы навлечь на себя всеобщее посмѣяніе; но тогда, право, было не до смѣху; ибо тогда даже и въ Европѣ за подобныя безбожныя мысли угрожало инквизиторское *аутодафе*; на что же рѣшались въ Россіи люди, которые дерзали утверждать, что *Сумароковъ* не поэтъ, что *Херасковъ* тяжеловатъ, и пр.? Изъ сего ясно, что чрезмѣрное вліяніе *Пушкина* происходило оттого, что, въ отношеніи къ Россіи, онъ былъ сыномъ своего времени въ полномъ смыслѣ сего слова, что онъ шелъ наравнѣ съ своимъ отечествомъ, былъ представителемъ развитія его умственной жизни; слѣдовательно его владычество было законное. *Карамзинъ*, напротивъ, какъ мы видѣли выше, въ девятнадцатомъ вѣкѣ былъ сыномъ осемнадцатаго, и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, не вполне его выразилъ, ибо, по своимъ идеямъ, не возвысился даже и до него, слѣдовательно его вліяніе было законно только развѣ до появленія *Жуковского* и *Батюшкова*, начиная съ коихъ его могущественное вліяніе только задерживало успѣхи нашей словесности. Появленіе *Пушкина* было зрѣлищемъ умиленнымъ; поэтъ-юноша, благословенный помазаннымъ старцемъ *Державинымъ*, стоявшимъ на краю гроба и готовившимся склонить въ него свою лавровѣнчанную главу; поэтъ-мужъ, подающій къ нему руку, чрезъ неизмѣримую пропасть цѣлаго столѣтія, раздѣлявшаго, въ нравственномъ смыслѣ, два поколѣнія; наконецъ, ставшій подлѣ него, и вмѣстѣ съ нимъ образующій двойственное, лучезарное созвѣздіе

на пустынномъ небосклонѣ нашей литературы!... ¹⁾

Классицизмъ и *Романтизмъ* — вотъ два слова, коими огласился *Пушкинскій* періодъ нашей словесности; вотъ два слова, на кои были написаны книги, разсужденія, журнальныя статьи и даже стихотворенія, съ коими мы засыпали и просыпались, за коидрались на смерть, о коихъ спорили до слезъ, и въ классахъ и въ гостиныхъ, и на площадяхъ и на улицахъ! Теперь эти два слова сдѣлались какъ-то пошлыми и смѣшными; какъ-то странно и дико встрѣтить ихъ въ печатной книгѣ или услышать въ разговорѣ. А давно ли кончилось это *тогда* и началось это *теперь*? Какъ же послѣ сего не скажешь, что все летитъ впередъ на крыльяхъ вѣтра? Только развѣ въ какомъ-нибудь *Дагестанѣ* можно еще съ важностію разсуждать объ этихъ почившихъ страдальцахъ — *Классицизмъ* и *Романтизмъ* — и выдавать намъ за новость, что *Расинъ* немножко приторенъ, что *Энциклопедисты* немножко ввали, что *Шекспиръ*, *Гете* и *Шиллеръ* велики, а *Шлегель* говорилъ правду, и пр. И это нисколько не удивительно: вѣдь *Дагестанъ* въ Азіи!... ²⁾

Въ Европѣ *классицизмъ* былъ литературнымъ *католицизмомъ*. Въ *Папы* онаго былъ выбранъ, безъ его вѣдома и согласія, покойникъ *Аристотель*, какимъ-то непризнаннымъ *конклавомъ*; *инквизиціею* этого *католицизма* была Французская критика; великими *инквизиторами*: *Буало*, *Батте* и *Ламартъ* съ братіею; предметами обожанія: *Корнель*, *Расинъ*, *Вольтеръ* и другіе. Волею или неволею, гг. инквизиторы завербовали въ свой календаръ и древнихъ, а въ числѣ ихъ и вѣчнаго старца *Гомера* (вмѣстѣ съ *Виргиліемъ*), *Тасса*, *Аріоста*, *Мильтона*, кои (за исключеніемъ, можетъ быть, вставочнаго) не виноваты въ *классицизмѣ* ни душою, ни тѣломъ, ибо были естественны въ своихъ твореніяхъ. Такъ дѣлашли до XVIII столѣтія. Наконецъ все перевернулось: бѣлое стало чернымъ, а черное бѣлымъ. Лицемѣрный, развратный, приторный осьмнадцатый вѣкъ испустилъ свое послѣднее дыханіе, и съ девятнадцатымъ столѣтіемъ умъ и вкусъ возродились для новой, лучшей жизни. Подобно страшному метеору, въ началѣ его, возникъ сынъ судьбы, облеченный всею ея ужасающею мощью, или, лучше сказать, сама судьба явилась въ образѣ *Наполеона*, того *Наполеона*, который сдѣлался *власителемъ нашего думъ*, говоря о

¹⁾ Здѣсь Бѣлинскій перефразируетъ автобіографическую 2-ую строфу восьмой главы „Евгенія Онегина“.

²⁾ Выпадъ противъ указанной выше (см. наше примѣч. на стр. 17-ой) критической статьи Бестужева-Марлинскаго, написанной въ *Дагестанѣ*, какъ гласила подпись подъ статьей.

которомъ и самая посредственность возвышалась до поэзіи. Вѣкъ принялъ гигантскіе размѣры и облекся въ исполненное величіе; Франція устыдилась самой себя, и съ ругательнымъ смѣхомъ начала указывать пальцемъ на жалкія развалины минувшаго времени, которыя, какъ бы не замѣчая великихъ переворотовъ, совершавшихся передъ ихъ глазами, даже при роковомъ переходѣ черезъ *Березину*, взмоштившись на сукъ дерева, окостенѣлою рукою завивали свои букли и посыпали ихъ завѣтною пудрою, тогда какъ вокругъ нихъ бушевала зимняя вьюга мстительнаго сѣвера, и люди падали тысячами, оцѣпенѣнные страхомъ и холодомъ... И такъ Французы, слишкомъ пораженные этими великими событіями, сдѣлались постепеннѣе и посолонднѣе, перестали прыгать на одной ножкѣ; это было первымъ шагомъ къ ихъ обращенію къ истинѣ. Потомъ они узнали, что у ихъ сосѣдей, у неповоротливыхъ Нѣмцевъ, коихъ они всегда выставляли за образецъ эстетическаго безвкусія, есть литература, литература достойная глубокаго и основательнаго изученія, и вмѣстѣ съ тѣмъ узнали, что ихъ препрославленные поэты и философы совсѣмъ не поставили Геркулесовскихъ столбовъ генію человѣческому. Всѣмъ извѣстно, какъ все это сдѣлалось, и потому не хочу распространяться о томъ, что *Шатобрианъ* былъ крестнымъ отцомъ, а г-жа *Сталь* повивальною бабкою юнаго романтизма во Франціи. Скажу только, что этотъ романтизмъ былъ не иное что, какъ возвращеніе къ естественности, а слѣдственно самобытности и народности въ искусствѣ, предпочтеніе, оказанное идеѣ надъ формою, и сверженіе чуждыхъ и тѣсныхъ формъ древности, которыя къ произведеніямъ новѣйшаго искусства шли точно такъ же, какъ идетъ къ напудренному парикъ, шитому камзолу и выбритой бородѣ Греческій хитонъ или Римская тога. Отсюда слѣдуетъ, что этотъ такъ называемый романтизмъ былъ очень старая новость, а отнюдь не чадо XIX вѣка; былъ, такъ сказать, *народностью* новаго христіанскаго міра Европы. Германія была искони вѣковъ романтическою страной по преимуществу, какъ по феодальнымъ формамъ своего правленія, такъ и по идеальному направленію своей умственной дѣятельности. Реформація убила въ ней католицизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и классицизмъ. Эта же самая Реформація, хотя нѣсколько въ другомъ видѣ, развязала руки и Англіи: *Шекспиръ* былъ романтикъ. Очевидно, что романтизмъ былъ новостью только для одной Франціи и еще для тѣхъ государствъ, гдѣ совсѣмъ не было литературъ, т.-е., *Швеціи*, *Пушкинскій*. Можно сказать утвердительно, *Даніи* и т. п. И Франція бросилась на эту старую новизну со всею своею живостью и

увлекала за собой безлитературныя государства. Юная Словесность есть не иное что, какъ реакція старой; и какъ во Франціи общественная жизнь и литература идутъ обрѣзку, то и ни мало не удивительно, что нынѣшняя ихъ литература отличается изливствомъ: реакціи никогда не бывають умѣренны. Теперь во Франціи изъ одной моды всякой хочетъ быть глубокимъ и энергическимъ подобно какому-нибудь *Ферраису*, такъ, какъ прежде всякой изъ моды же хотѣлъ быть вѣтренымъ, безпечнымъ, легковѣрнымъ и ничтожнымъ.

И однакожъ, странное дѣло! никогда не проявлялось въ Европѣ такого дружнаго и сильнаго стремленія сбросить съ себя оковы классицизма, схоластицизма, педантизма, или *люцицизма* (это все одно и то же). *Байронъ*, другой *властитель нашихъ думъ*, и *Вальтеръ Скоттъ* раздавили своими твореніями школу *Попа* и *Блера*, и возвратили Англіи романтизмъ. Во Франціи явился *Викторъ Гюго* съ толпою другихъ мощныхъ талантовъ, въ Польшѣ *Мицкевичъ*, въ Италіи *Манцони*, въ Даніи *Эленсбергъ*, въ Швеціи *Тегнеръ*. Неужели только Россіи суждено было остаться безъ своего литературнаго *Лютера*?

Въ Европѣ классицизмъ былъ не что иное, какъ литературный католицизмъ: что же такое былъ въ Россіи? Не трудно отвѣчать на этотъ вопросъ: въ Россіи классицизмъ былъ ни больше, ни меньше, какъ слабый отголосокъ Европейскаго эха, для объясненія коего совсѣмъ не нужно ѣздить въ Индію на пароходѣ „*Джонъ-Булъ*“. *Пушкинъ* не натягивался, былъ всегда истиненъ и искрененъ въ своихъ чувствахъ, творилъ для своихъ идей свои формы: вотъ его романтизмъ. Въ этомъ отношеніи и *Державинъ* былъ почти такой же романтикъ, какъ и *Пушкинъ*; причина этому, повторяю, скрывается въ его *невъѣжествѣ*. Будь этотъ человекъ ученъ—и у насъ было бы два *Хераскова*, коихъ было бы трудно отличить другъ отъ друга.

И такъ, третіе десятилѣтіе XIX вѣка было ознаменовано вліяніемъ *Пушкина*. Чтò могу сказать я новаго объ этомъ человѣкѣ? Признаюсь: еще въ первый разъ поставилъ я себя въ затруднительное положеніе, взявшись судить о Русской литературѣ; еще въ первый разъ я жалѣю о томъ, что природа не дала мнѣ поэтическаго таланта, ибо въ природѣ есть такіе предметы, о коихъ грѣшно говорить смиренною прозою!

Какъ медленно и нерѣшительно шелъ, или, лучше сказать, хромалъ *Карамзинскій* періодъ, такъ быстро и скоро шелъ періодъ, что только въ прошлое десятилѣтіе проявилась въ нашей литературѣ жизнь, и какая

жизни! тревожная, кипучая, дѣятельная! Жизнь есть дѣйствованіе, дѣйствованіе есть борьба, а тогда боролись и дрались не на животъ, а на смерть. У насъ нападаютъ иногда на полемику, въ особенности *журнальную*. Это очень естественно. Люди, хладнокровные къ умственной жизни, могутъ ли понять, какъ можно предпочитать истину приличіямъ и изъ любви къ ней навлекать на себя ненависть и гоненіе? О! имъ никогда не постичь, что за блаженство, что за сладострастіе души, сказать какому-нибудь *генію въ отставку безъ мундира*, что онъ смѣшонъ и жалокъ съ своими дѣтскими претензіями на великость, растолковать ему, что онъ не себѣ, а крикуну-журналисту обязанъ своею литературною значительностію; сказать какому-нибудь ветерану, что онъ пользуется своимъ авторитетомъ на кредитъ, по старымъ воспоминаніямъ или по старой привычкѣ; доказать какому-нибудь литературному учителю, что онъ близорукъ, что онъ отсталъ отъ вѣка и что ему надо переучиваться съ азбуки; сказать какому-нибудь выходцу Богъ вѣсть откуда, какому-нибудь пройдохѣ и Видоку, какому-нибудь литературному торгашу, что онъ оскорбляетъ собою и эту словесность, которой занимается, и этихъ добрыхъ людей, кредитомъ коихъ пользуется, что онъ наругался и надъ святостію истины и надъ святостію знанія, заклеить его имя позоромъ отверженія, сорвать съ него маску, хотя бы она была и баронская, и показать его свѣту во всей его наготѣ!... Говорю вамъ, во всемъ этомъ есть блаженство неизъяснимое, сладострастіе безграничное! Конечно, въ литературныхъ сшибкахъ ¹⁾ иногда нарушаются законы приличія и общежительности: но умный и образованный читатель пропуститъ безъ вниманія пошлые намеки о *желтякахъ*, объ *утиныхъ носсахъ*, *семинаристахъ*, *гарь*, *полуарь*, *купцахъ* и *аршинникахъ*; онъ всегда сумѣетъ отличить истину ото лжи, человека отъ слабости, талантъ отъ заблужденія; читатели же невѣжды не сдѣлаются отъ того ни глупѣе, ни умнѣе. Будь все тихо и чинно, будь вездѣ комплименты и вѣжливости, тогда какой просторъ для безсовѣстности, шарлатанства, невѣжества: некому обличить, некому изречь грозное слово правды!...

И такъ, періодъ *Пушкинскій* былъ ознаменованъ движеніемъ жизни въ высочайшей

степени. Въ это десятилѣтіе мы перечувствовали, перемыслили и пережили всю умственную жизнь Европы, эхо которой отдавалось къ намъ чрезъ Балтійское море. Мы обо всемъ пересудили, обо всемъ переспорили, все усвоили себѣ, ничего не взростивши, не взлелѣявши, не создавши сами. За насъ трудились другіе, а мы только брали готовое и пользовались имъ: въ этомъ-то и заключается тайна неимоверной быстроты нашихъ успѣховъ и причина ихъ неимоверной непрочности. Этимъ же, кажется мнѣ, можно объяснить и то, что отъ этого десятилѣтія, столь живого и дѣятельнаго, столь обильнаго талантами и геніями, уцѣлѣло едва одинъ *Пушкинъ*, и, осиротѣлый, теперь съ грустію видить, какъ имена, вмѣстѣ съ нимъ взошедшія на горизонтъ нашей словесности, исчезаютъ одно за другимъ въ пучинѣ забвенія, какъ исчезаетъ въ воздухѣ недосказанное слово... Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же теперь эти юныя надежды, которыми мы такъ гордились? Гдѣ эти имена, о коихъ бывало только и слышно? Почему они всѣ такъ внезапно смолкнули? Воля ваша, а мнѣ сдается, что тутъ что-нибудь да есть! Или въ самомъ дѣлѣ, время есть самый строгій, самый правдивый Аристархъ?... Увы!... Развѣ талантъ *Озерова* или *Батюшкова* былъ ниже таланта, напримѣръ, г. *Баратынскаго* и г. *Подолинскаго*? Явился *Капнистъ*, *В.* и *А. Измайловы*, *В. Пушкинъ*, явился эти люди вмѣстѣ съ *Пушкинымъ*, во цвѣтѣ юности, и они право не были бы смѣшны и при тѣхъ скудныхъ дарованіяхъ, которыми наградила ихъ природа. Отчего же такъ? Оттого, что подобные таланты могутъ быть и не быть, смотря по обстоятельствамъ.

Подобно *Карамзину*, *Пушкинъ* былъ встрѣченъ громкими рукоплесканіями и свистомъ, которые только недавно перестали его преслѣдовать. Ни одинъ поэтъ на Руси не пользовался такою народностію, такою славою при жизни, и ни одинъ не былъ такъ жестоко оскорбляемъ. И кѣмъ же? Людми, которые сперва пресмыкались предъ нимъ во прахѣ, а потомъ кричали: *chute complète!* Людми, которые велегласно объявляли о себѣ, что у нихъ въ мизинцахъ больше ума, чѣмъ въ головахъ всѣхъ нашихъ литераторовъ: дивные мизинчики, любопытно бы взглянуть на нихъ. Но не о томъ дѣло. Вспомните состояніе нашей литературы до двадцатыхъ годовъ. *Жуковскій* уже совершилъ тогда большую часть своего поприща; *Батюшковъ* умолкъ навсегда; *Державинъ* восхищались вмѣстѣ съ *Сумароковымъ* и *Херасковымъ* по лекціямъ *Мерзлякова*. Не было жизни, не было ничего новаго; все тащилось по старой колѣѣ; какъ вдругъ появились *Русланъ* и *Людмила*, созданіе рѣшительно

¹⁾ Въ подлинникѣ и во всѣхъ извѣстныхъ намъ изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго въ этомъ мѣстѣ повторяется явная опечатка: „сшибкахъ“, вмѣсто „сшибкахъ“. Мы позволили себѣ исправить текстъ, такъ какъ слишкомъ ясно, что Бѣлинскій говоритъ здѣсь не о „литературныхъ сшибкахъ“ (?), а о литературной полемикѣ, повторяя этимъ слова Пушкина о „журнальныхъ сшибкахъ“ (см. „Евгеній Онѣгинъ“, гл. VIII, строфа 49).

не имѣвшее себѣ образца ни по гармоніи стиха, ни по формѣ, ни по содержанію. Люди безъ претензій на ученость, люди, вѣрившіе своему чувству, а не піитикамъ, или сколько-нибудь знакомые съ современною Европою, были очарованы этимъ явленіемъ. Литературные судіи, державшіе въ рукахъ жезлъ критики, съ важностію развернули Лицей (въ переводѣ г. *Мартынова* Лицей) *Лаирта* и Словарь Древня и Новыя Поэзіи г. *Остопонова*, и увидя, что новое произведеніе не подходило ни подъ одну изъ извѣстныхъ категорій, и что на Греческомъ и Латинскомъ языкѣ не было образца оному, торжественно объявили, что оно было незаконное чадо поэзіи, непростительное заблужденіе таланта. Не всѣ, конечно, тому повѣрили. Вотъ и пошла потѣха. Классицизмъ и романтизмъ вѣцпились другъ другу въ волосы. Но оставимъ ихъ въ покоѣ, и поговоримъ о *Пушкинѣ*.

Пушкинъ былъ совершеннымъ выраженіемъ своего времени. Одаренный высокимъ поэтическимъ чувствомъ и удивительною способностію принимать и отражать всѣ возможные ощущенія, онъ перепробовалъ всѣ тоны, всѣ лады, всѣ аккорды своего вѣка; онъ заплатилъ дань всѣмъ великимъ современнымъ событіямъ, явленіямъ и мыслямъ, всему, что только могла чувствовать тогда Россія, переставшая вѣрить въ несомнѣнность *вѣковыхъ правилъ*, самую мудростію извлеченныхъ изъ писаній великихъ *геніевъ*, и съ удивленіемъ узнавшая о другихъ мірахъ мыслей и понятій, и новыхъ, неизвѣстныхъ ей дотолѣ, взглядахъ на давно извѣстныя ей дѣла и событія. Несправедливо говорятъ, будто онъ подражалъ *Шенъ*, *Байрону* и другимъ: *Байронъ* владѣлъ имъ не какъ образецъ, но какъ явленіе, какъ властитель думъ вѣка, а я сказалъ, что *Пушкинъ* заплатилъ свою дань каждому великому явленію. Да—*Пушкинъ* былъ выраженіемъ современнаго ему міра, представителемъ современнаго ему человѣчества; но міра русскаго, но человѣчества русскаго. Что дѣлать? Мы всѣ *геніи-самоучки*; мы все знаемъ, ничему не учившись, все *пріобрѣли*, не проливши ни капли крови, а веселясь и играя; словомъ:

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Пушкинъ отъ шумныхъ оргій разгульной юности переходилъ къ суровому труду,

Чтобъ въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ
наравнѣ;

отъ труда опять къ молодымъ пирамъ, сладкому бездѣлью и легкокрылому похмелью. Ему недоставало только Нѣмецко-художественнаго воспитанія. Баловень природы, онъ шалая и играя похищалъ у ней плѣнитель-

ные образы и формы, и, снисходительная къ своему любимцу, она роскошно одѣляла его тѣми цвѣтами и звуками, за которые другіе жертвуютъ ей наслажденіями юности, которые покупаютъ у ней цѣною отреченія отъ жизни... Какъ чародѣй, онъ въ одно и то же время исторгаль у насъ и смѣхъ и слезы, играль по волѣ нашими чувствами... Онъ пѣлъ, и какъ изумлена была Русь звуками его пѣсенъ: и не диво, она еще никогда не слыхала подобныхъ; какъ жадно прислушивалась она къ нимъ: и не диво, въ нихъ трепетали всѣ нервы ея жизни! Я помню это время, счастливое время, когда въ глуши провинціи, въ глуши уѣзднаго городка, въ лѣтніе дни, изъ растворенныхъ оконъ, носились по воздуху эти звуки, *подобные шуму волнъ или журчанію ручья*...

Невозможно обозрѣть всѣхъ его созданій и опредѣлить характеръ каждаго: это значило бы перечестъ и описать всѣ деревья и цвѣты *Армидина* сада. У *Пушкина* мало, очень мало мелкихъ стихотвореній; у него по большей части все поэмы: его *поэтическія тризны надъ урнами великихъ*, то есть его Андрей Шенъ, его *могучая бесѣда съ Моремъ*, его *вѣщая дума о Наполеонѣ*—поэмы. Но самые драгоценные алмазы его поэтическаго вѣнка, безъ сомнѣнія, суть Евгенийъ Онегинъ и Борисъ Годуновъ. Я никогда не кончилъ бы, если бы началъ говорить о сихъ произведеніяхъ.

Пушкинъ царствовалъ десять лѣтъ: Борисъ Годуновъ былъ послѣднимъ великимъ его подвигомъ; въ третьей части полного собранія его стихотвореній замерли звуки его гармонической лиры. Теперь мы не знаемъ *Пушкина*; онъ умеръ или, можетъ быть, только обмеръ на время. Можетъ быть, его уже нѣтъ, а можетъ быть, онъ и воскреснетъ; этотъ вопросъ, это Гамлетовское *быть или не быть* скрывается во мглѣ будущаго. По крайней мѣрѣ, судя по его сказкамъ, по его поэмѣ Анжело и по другимъ произведеніямъ, обрѣтающимся въ Новосельѣ и Библиотекѣ для Чтенія, мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю. Гдѣ теперь эти звуки, въ коихъ слышалось бывало то удалое разгулье, то сердечная тоска, гдѣ эти вспышки пламеннаго и глубокаго чувства, потрясавшаго сердца, сжимавшаго и волновавшаго грудь, эти вспышки остроумія тонкаго и язвительнаго, этой ироніи вмѣстѣ злой и тоскливой, которыя поражали умъ своею игрою; гдѣ теперь эти картины жизни и природы, передъ которыми была блѣдна жизнь и природа?... Увы! вмѣсто ихъ мы читаемъ теперь стихи съ правильною цезурою, съ богатыми и полубогатыми римами, съ *пиитическими* вольностями, о коихъ такъ странно, такъ удовлетворительно и такъ

глубокомысленно разсуждали Архимандритъ *Аполлосъ* и г. *Остолоповъ*!... Странная вещь, непонятная вещь! Неужели *Пушкина*, котораго не могли убить ни изступленные похвалы энтузіастовъ, ни хвалебные гимны торгашей, ни сильные, нерѣдко справедливые, нападки и порицанія его антагонистовъ, неужели, говорю я, этого *Пушкина* убило Новоселье г. *Смирдина*? И однакожь, не будемъ слишкомъ поспѣшны и опрометчивы въ нашихъ заключеніяхъ; предоставимъ времени рѣшить этотъ запутанный вопросъ. О *Пушкинѣ* судить не легко. Вы вѣрно читали его Элегію въ Октябрьской книжкѣ Библіотеки для Чтенія? Вы вѣрно были потрясены глубокимъ чувствомъ, которымъ дышетъ это созданіе? Упомянутая Элегія, кромѣ утѣшительныхъ надеждъ, подаваемыхъ ею о *Пушкинѣ*, еще замѣчательна и въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ самую вѣрную характеристику *Пушкина*, какъ художника:

Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

Да, я свято вѣрю, что онъ вполне раздѣлялъ безотрадную муку отверженной любви черноокой *Черкешенки*, или своей плѣнительной *Татьяны*, этого лучшаго и любимѣйшаго идеала его фантазій; что онъ, вмѣстѣ съ своимъ мрачнымъ *Гиреемъ*, томился этою тоскою души, пресыщенной наслажденіями и все еще не вѣдавшей наслажденія; что онъ горѣлъ неистовымъ огнемъ ревности, вмѣстѣ съ *Зарею*ю и *Алеко* и упивался дикою любовію *Земфиры*; что онъ скорбѣлъ и радовался за свои идеалы, что журчаніе его стиховъ согласовалось съ его рыданіями и смѣхомъ... Пусть скажутъ, что это пристрастіе, идолопоклонство, дѣтство, глупость, но я лучше хочу вѣрить тому, что *Пушкинъ* мистифицируетъ Библіотеку для Чтенія, чѣмъ тому, что его талантъ погасъ. Я вѣрю, думаю, и мнѣ отрадно вѣрить и думать, что *Пушкинъ* подаритъ насъ новыми созданіями, которыя будутъ выше прежнихъ...

Вмѣстѣ съ *Пушкинымъ* появилось множество талантовъ, теперь большею частію забытыхъ, или готовящихся быть забытыми, но нѣкогда имѣвшихъ алтари и поклонниковъ; теперь, изъ нихъ

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ!

Г. *Баратынскаго* ставили на одну доску съ *Пушкинымъ*; ихъ имена всегда были неразлучны, даже однажды два сочиненія сихъ поэтовъ явились въ одной книжкѣ, подъ однимъ переплетомъ. Говоря о *Пушкинѣ*, я забылъ замѣтить, что только нынѣ его начинаютъ цѣнить по достоинству, ибо уже реакція кончилась, партіи поохолодѣли. И такъ, теперь даже и въ шутку никто не поста-

вить имени г. *Баратынскаго* подлѣ имени *Пушкина*. Это значило бы жестоко издѣваться надъ первымъ и не знать цѣны второму. Поэтическое дарованіе г. *Баратынскаго* не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Правда, онъ написалъ плохую поему *Пиры*, плохую поему *Эдда* (Бѣдную *Лизу* въ стихахъ), плохую поему *Наложницу*, но вмѣстѣ написалъ и нѣсколько прекрасныхъ элегій, дышащихъ неподдѣльнымъ чувствомъ, изъ коихъ на *Смерть Гете* можетъ назваться образцовою, нѣсколько посланій, отличающихся остроуміемъ. Прежде его возвышали не по заслугамъ; теперь, кажется, унижаютъ неосновательно. Замѣчу еще, что г. *Баратынский* обнаруживалъ во времена оны претензіи на критическій талантъ; теперь, я думаю, онъ и самъ разувѣрился въ немъ.

Козловъ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ талантамъ *Пушкинскаго* періода. По формѣ своихъ сочиненій онъ всегда былъ подражателемъ *Пушкина*, по господствующему же чувству оныхъ, кажется, находился подъ вліяніемъ *Жуковскаго*. Всѣмъ извѣстно, что несчастіе пробудило поэтический талантъ *Козлова*: посему какое-то грустное чувство, покорность волѣ Провидѣнія и упованіе на мздовозданіе за гробомъ составляютъ отличительный характеръ его созданій. Его *Чернецъ*, надъ коимъ было пролито столько слезъ прекрасными читательницами и который былъ сколкомъ съ *Байронова* *Джяура*, особенно отличается этимъ одностороннимъ характеромъ; послѣдовавшія за нимъ поэмы были постепенно слабѣе. Мелкія сочиненія *Козлова* отличаются неподдѣльнымъ чувствомъ, роскошною живописностью картинъ, звучнымъ и гармоническимъ языкомъ. Какъ жаль, что онъ писалъ баллады. Баллада безъ народности есть родъ ложный и не можетъ возбуждать участія. Притомъ же онъ силился создать какую-то *Славянскую* балладу. Славяне жили давно и мало извѣстны намъ; такъ для чего же выводить на сцену онѣмеченныхъ *Всемиръ* и *Остановъ*? *Козловъ* много повредилъ своей художнической знаменитости еще и тѣмъ, что иногда писалъ какъ будто отъ скуки: это въ особенности можно сказать о его нынѣшнихъ произведеніяхъ.

Языковъ и *Давыдовъ* (Д. В.) имѣютъ много общаго. Оба они примѣчательныя явленія въ нашей литературѣ. Одинъ, поэтъ-студентъ, безпечный и кипящій избыткомъ юнаго чувства, воспѣваетъ потѣхи юности, пирующей на праздникъ жизни, пурпуровыя уста, черныя очи, лилейныя перси и дивныя брови красавицы, огненные ночи и незабвенные края,

Гдѣ пролетѣла шумно, шумно
Лихая молодость его.

Другой, поэтъ-воинъ, со всею военною откровенностію, со всѣмъ жаромъ неохлажденнаго годами и трудами чувства, въ удалыхъ стихахъ рассказываетъ намъ о проказахъ молодости, объ ухарскихъ забавахъ, о лихихъ наѣздахъ, о гусарскихъ пирушкахъ, о своей любви къ какой-то гордой красавицѣ. Какъ тотъ, такъ и другой нерѣдко срываютъ съ своихъ лиръ звуки сильныя, громкіе и торжественныя; не рѣдко трогаютъ выраженіемъ чувства живаго и пламеннаго. Ихъ односторонность въ нихъ есть оригинальность, безъ которой нѣтъ истиннаго таланта.

Подолинскій подалъ о себѣ самыя лестныя надежды и, къ несчастію, не выполнилъ ихъ. Онъ владѣлъ поэтическимъ языкомъ и не былъ лишенъ поэтического чувства. Мнѣ кажется, что причина его неуспѣха заключается въ томъ, что онъ не созналъ своего назначенія и шелъ не по своей дорогѣ.

Θ. Н. Глинка... но что я скажу объ немъ? Вы знаете, какъ благоуханны цвѣты его поэзіи, какъ правдиво и свято его художественное направленіе: это хотъ кого такъ обезоружить. Но, воплѣ сознавая его поэтическое дарованіе, нельзя въ то же время не сознаться, что оно ужъ чрезчуръ односторонно; нравственность нравственностію, а вѣдь одно и то же прискучить. Θ. Н. Глинка писалъ много, и потому, между многими прекрасными пьесками, у него чрезвычайно много піесъ рѣшительно посредственныхъ. Причиною этого, кажется, то, что онъ смотритъ на творчество, какъ на занятіе, какъ на невинное препровожденіе времени, а не какъ на призваніе свыше, и вообще какъ-то низменно смотритъ на многіе предметы. Лучшими своими стихами онъ обязанъ религіознымъ вдохновеніемъ. Его поэма Карелія заключаетъ въ себѣ много красотъ, можетъ быть, еще больше недостатковъ.

Дельвигъ... но Дельвигу Языковъ написалъ прелестную поэтическую панихиду, но Дельвигъ Пушкинъ почитаетъ человѣкомъ съ необыкновеннымъ дарованіемъ: куда же мнѣ спорить съ такими авторитетами? Дельвигъ почитали нѣкогда огречившимся Нѣмцемъ: правда-ли это? *De mortuis aut bene, aut nihil*, и потому я не хочу обнаруживать моего собственнаго мнѣнія о семъ поэтѣ. Вотъ что нѣкогда было напечатано въ Московскомъ Вѣстникѣ о его стихотвореніяхъ: *ихъ можно прочитать съ легкимъ удовольствіемъ, но не болѣе*. Такихъ поэтовъ много было въ прошлое десятилѣтіе.

IX.

Берегъ! Берегъ!...

Истертое выраженіе.

Пушкинскій періодъ отличается необыкновеннымъ множествомъ стихотворцевъ-поэтовъ:

это рѣшительно періодъ стихотворства, превратившагося въ совершенную манію. Не говоря уже о стихотворцахъ бездарныхъ, авторахъ Киргизскихъ, Московскихъ и другихъ Плѣшниковъ, авторахъ Вельскихъ и другихъ Евгеніевъ подъ разными именами, сколько людей, если не съ талантомъ, то съ удивительною способностію, если не къ поэзіи, то къ стихотворству! Стихами и отрывками изъ поэмъ было наводнено многочисленное поколѣніе журналовъ и альманаховъ; опытами въ стихахъ, собраніями стиховъ и поэмами были наводнены книжныя лавки. И во всемъ этомъ былъ виноватъ одинъ Пушкинъ: вотъ едва-ли не единственный, хотя и неумышленный, грѣхъ его въ отношеніи къ Русской литературѣ! И такъ о бездарныхъ писакахъ много говорить нечего; бранить ихъ тоже нечего: мстительная Лета давно уже наказала ихъ. Поговорю лучше о людяхъ, отличившихся нѣкоторою степенью таланта или, по крайней мѣрѣ, способности. Отчего они такъ скоро утратили свою знаменитость? Или они выписались? Ничуть не бывало! Многіе изъ нихъ и теперь еще пишутъ, или, по крайней мѣрѣ, и теперь еще могутъ писать такъ же хорошо, какъ и прежде; но увѣ уже не могутъ возбуждать своими сочиненіями бывалаго энтузіазма въ читателяхъ. Отчего же? Оттого, повторяю, что они могли быть и не быть, что пылкость юности принимали за тревогу вдохновенія, способность принимать впечатлѣнія изящнаго за способность поражать другихъ впечатлѣніями изящнаго, способность описывать всякую данную матерію съ нѣкоторымъ подражательнымъ вымысломъ¹⁾ гармоническими стихами за способность воспроизводить въ словѣ явленія всеобщей жизни природы. Они заняли у Пушкина этотъ стихъ гармоническій и звучный, отчасти и эту поэтическую прелесть выраженія, которыя составляютъ только внѣшнюю сторону его созданій; но не заняли у него этого чувства глубокаго и страдательнаго, которыми они дышатъ, и которое одно есть источникъ жизни художественныхъ произведеній. По сему-то они какъ будто скользятъ по явленіямъ природы и жизни, какъ скользить по предметамъ блѣдный лучъ зимняго солнца, а не проникаютъ въ нихъ всю жизнь свою; по сему-то они какъ будто только описываютъ предметы, или разсуждаютъ о нихъ, а не чувствуютъ ихъ. И потому-то вы прочтете ихъ стихи иногда и съ удовольствіемъ, если не съ наслажденіемъ; но они никогда не оставляютъ въ душѣ вашей рѣзкаго впечатлѣнія, никогда не заронятся

¹⁾ См. Пятнадцатія Правила Аполлоса.

Прим. Бѣлинскаго.

въ вашу память. Присовокупите къ этому еще односторонность ихъ направленія и однообразіе ихъ завѣтныхъ мечтаній и думъ, и вотъ вамъ причина, отчего ни мало не шевелятъ вашего сердца эти стихи, нѣкогда столь плѣнявшіе васъ. Нынѣ не то время, что прежде: нынѣ только стихами, ознаменованными печатію высокаго таланта, если не генія, можно заставить читать себя. Нынѣ требуютъ стиховъ *выстраданныхъ*, стиховъ, въ коихъ слышались бы вопли души, исторгаемые неземными муками: словомъ, нынѣ

Плачь не естественный досадеи,
Смѣшно жеманное вытье.

Одинъ изъ молодыхъ замѣчательнѣйшихъ литераторовъ нашихъ, г. *Шевыревъ*, съ раннихъ лѣтъ своей жизни предавшійся наукѣ и искусству, съ раннихъ лѣтъ выступившій на благородное поприще дѣйствованія въ пользу общую, слишкомъ хорошо попялъ и почувствовалъ этотъ недостатокъ, столь общій почти всѣмъ его сверстникамъ и товарищамъ по ремеслу. Одаренный поэтическимъ талантомъ, что особенно доказываютъ его переводы изъ *Шиллера*, изъ коихъ многіе самъ *Жуковский* не постыдился бы назвать своими; обогащенный познаніями, коротко знакомый со Всеобщею Исторіею Литературъ, что доказывается многими его критическими трудами и, особенно, отлично исполняемою имъ должностію Профессора при Московскомъ Университетѣ,—онъ, какъ видно изъ его оригинальныхъ произведеній, рѣшился произвести реакцію всеобщему направленію литературы тогдашняго времени. Въ основаніи каждаго его стихотворенія лежитъ мысль глубокая и поэтическая, видны претензіи на *Шиллеровскую* обширность взгляда и глубину чувства, и надо сказать правду, его стихъ всегда отличался энергическою краткостію, крѣпостію и выразительностію. Но цѣль вредить поэзіи; притомъ же, назначивъ себѣ такую высокую цѣль, надо обладать и великими средствами, чтобы ее достойно выполнить. По сему большая часть оригинальныхъ произведеній г. *Шевырева*, за исключеніемъ весьма немногихъ, обнаруживающихъ неподдѣльное чувство, при всѣхъ ихъ достоинствахъ часто обнаруживаютъ болѣе усилія ума, чѣмъ изліяніе горячаго вдохновенія. Одинъ только *Веневитиновъ* могъ согласить мысль съ чувствомъ, идею съ формою, ибо, изъ всѣхъ молодыхъ поэтовъ *Пушкинскаго* періода, онъ одинъ обнималъ природу не холоднымъ умомъ, а пламеннымъ сочувствіемъ, и силою любви, могъ проникать въ ея святилище, могъ

Въ ея таинственную грудь,
Какъ въ сердце друга, заглянуть,

и потомъ передавать въ своихъ созданіяхъ высокія тайны, подсмотрѣнныя имъ на этомъ недоступномъ алтарѣ. *Веневитиновъ* есть единственный у насъ поэтъ, который даже современниками былъ понятъ и оцѣненъ по достоинству. Это была прекрасная утренняя заря, предрекавшая прекрасный день, въ этомъ согласились всѣ партіи. Долгъ справедливости заставляетъ меня упомянуть еще о *Полещисевѣ*, талантѣ, правда, одностороннемъ, но тѣмъ не менѣе и замѣчательномъ. Кому не извѣстно, что этотъ человекъ есть жалкая жертва заблужденій своей юности, несчастная жертва духа того времени, когда талантливая молодежь на почтовыхъ мчалась по дорогѣ жизни, стремилась упиваться жизнью, а не изучать ее, смотрѣла на жизнь, какъ на буйную оргію, а не какъ на тяжкій подвигъ? Не читайте его переводовъ (исключая *Ламартиновой* пьесы: *l'Homme, à Lord Byron*), которые какъ-то нейдутъ въ душу; не читайте его шутивыхъ стихотвореній, которыя отзываются слишкомъ трактирнымъ разгулемъ; не читайте его заказныхъ стиховъ: но прочтите тѣ изъ его произведеній, которыя имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ его жизни; прочтите *Думу на берегу Моря*, его *Вечернюю Зорю*, его *Провидѣнія*—и вы узнаете въ *Полещисевѣ* талантъ, увидите чувство!...

Теперь мнѣ остается сказать объ одномъ поэтѣ, не похожемъ ни на одного изъ всѣхъ упомянутыхъ мною, поэтѣ оригинальномъ и самобытномъ, не признавшемъ надъ собою вліянія *Пушкина*, и едва-ли не равномъ ему: говорю о *Грибодовѣ*. Этотъ человекъ слишкомъ много надеждъ унесъ съ собою во гробъ. Онъ былъ назначенъ быть творцемъ Русской комедіи, творцемъ Русскаго театра.

Театръ!... Любите ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, т.-е. всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? И въ самомъ дѣлѣ, не сосредоточиваются ли въ немъ всѣ чары, всѣ обаянія, всѣ обольщенія изящныхъ искусствъ? Не есть ли онъ исключительно самовластный властелинъ нашихъ чувствъ, готовый во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ возбуждать и волновать ихъ, какъ воздымаетъ ураганъ песчанья мятели въ безбрежныхъ степяхъ Аравіи?... Какое изъ всѣхъ искусствъ владѣетъ такими могущественными средствами поражать душу впечатлѣніями и играть ею самовластно... Лиризмъ, Эпоея, Драма: отдаете ли вы чему-нибудь изъ нихъ рѣшительное предпочтеніе, или все это любите

одинаково? Трудный выбор? Не правда ли? Въдѣ въ мощныхъ строфахъ богатыря *Державина* и въ разнообразныхъ напѣвахъ протѣя *Пушкина* предображается та же самая природа, что и въ поэмахъ *Байрона* или романахъ *Вальтера Скотта*, а въ сихъ послѣднихъ та же самая, что и въ драмахъ *Шекспира* и *Шиллера*? И однакоже, я люблю драму предпочтительно, и кажется, это общій вкусъ. Лиризмъ выражаетъ природу неопредѣленно и, такъ сказать, музыкально; его предметъ—вся природа во всей ея безконечности; предметъ же драмы есть исключительно человѣкъ и его жизнь, въ которой проявляется высшая, духовная сторона всеобщей жизни вселенной. Между искусствами драма есть то же, что исторія между науками. Человѣкъ всегда былъ и будетъ самымъ любопытнѣйшимъ явленіемъ для человѣка, а драма представляетъ этого человѣка въ его вѣчной борьбѣ съ своимъ я и съ своимъ назначеніемъ, въ его вѣчной дѣятельности, источникъ которой есть стремленіе къ какому-то темному идеалу блаженства, рѣдко имъ постигаемаго и еще рѣже достигаемаго. Сама эпопея отъ драмы занимаетъ свое достоинство: романъ безъ драматизма вялъ и скученъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ эпопея есть только особенная форма драмы. И такъ, положимъ, что драма есть если не лучшій, то ближайшій къ намъ родъ поэзіи. Что же такое театръ, гдѣ эта могущественная драма облекается съ головы до ногъ въ новое могущество, гдѣ она вступаетъ въ союзъ со всѣми искусствами, призываетъ ихъ на свою помощь и беретъ у нихъ всѣ средства, всѣ оружія, изъ коихъ каждое, отдѣльно взятое, слишкомъ сильно для того, чтобы вырвать васъ изъ тѣснаго міра суесть и ринуть въ безбрежный міръ высокаго и прекраснаго? Что же такое, спрашиваю васъ, этотъ театръ?... О, это истинный храмъ искусства, при входѣ въ который вы мгновенно отдѣляетесь отъ земли, освобождаетесь отъ житейскихъ отношеній! Эти звуки настраиваемыхъ въ оркестрѣ инструментовъ томятъ вашу душу ожиданіемъ чего-то чудеснаго, сжимаютъ ваше сердце предчувствіемъ какого-то неизъяснимо-сладостнаго блаженства; этотъ народъ, наполняющій огромный амфитеатръ, раздѣляетъ ваше нетерпѣливое ожиданіе, вы сливаетесь съ нимъ въ одномъ чувствѣ; этотъ роскошный и великолѣпный занавѣсъ, это море огней намекаютъ вамъ о чудесахъ и дивахъ, разсѣянныхъ по прекрасному Божію творенію и сосредоточенныхъ на тѣсномъ пространствѣ сцены! И вотъ грянулъ оркестръ—и душа ваша предощущаетъ въ его звукахъ тѣ впечатлѣнія, которыя готовятся поразить ее; и вотъ поднялся занавѣсъ—и передъ взорами ва-

шими разливается безконечный міръ страстей и судебъ человѣческихъ! Вотъ умоляющіе вопли кроткой и любящей *Дездемоны* мѣшаются съ бѣшенными воплями ревниваго *Отелло*; вотъ среди глубокой полночи появляется *Леди Макбетъ*, съ обнаженной грудью, съ растрепанными волосами, и тщетно старается стереть съ своей руки кровавыя пятна, которыя мерещатся ей въ мукахъ мстительной совѣсти; вотъ выходитъ бѣдный *Гамлетъ* съ его завѣтнымъ вопросомъ: *быть или не быть*; вотъ проходятъ передъ вами и божественный мечтатель *Поэза* и два райскіе цвѣтка—*Максъ* и *Текла*—съ ихъ небесною любовію, словомъ, весь роскошный и безграничный міръ, созданный плодотворною фантазіею *Шекспировъ*, *Шиллеровъ*, *Гете*, *Вернеровъ*... Вы здѣсь живете не своею жизнію, страдаете не своими скорбями, радуетесь не своимъ блаженствомъ, трепещете не за свою опасность; здѣсь ваше холодное я исчезаетъ въ пламенномъ эфирѣ любви. Если васъ мучитъ тягостная мысль о трудномъ подвигѣ вашей жизни и слабости вашихъ силъ, вы здѣсь забудете ее; если душа ваша алкала когда-нибудь любви и упоенія, если въ вашемъ воображеніи мелькалъ когда-нибудь, подобно легкому видѣнію ночи, какой-то плѣнительный образъ, давно вами забытый, какъ мечта несбыточная—здѣсь эта жажда вспыхнетъ въ васъ съ новою неукротимою силою, здѣсь этотъ образъ снова явится вамъ, и вы увидите его очи, устремленные на васъ съ тоскою и любовію, упьетесь его обаятельнымъ дыханіемъ, содрогнетесь отъ огненнаго прикосновенія его руки... Но возможно ли описать всѣ очарованія театра, всю его магическую силу надъ душею человѣческою?... О, какъ было бы хорошо, если бы у насъ былъ свой, народный, Русскій театръ!... Въ самомъ дѣлѣ—видѣть на сценѣ всю Русь, съ ея добромъ и зломъ, съ ея высокимъ и смѣшнымъ, слышать говорящими ея доблестныхъ героевъ, вызванныхъ изъ гроба могуществомъ фантазіи, видѣть бѣненіе пульса ея могучей жизни... О, ступайте, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете!...

Но, увы! все это поэзія, а не проза, мечты, а не существенности! Тамъ, т.-е. въ томъ большомъ домѣ, который называютъ Русскимъ театромъ, тамъ, говорю я, вы увидите пародіи на *Шекспира* и *Шиллера*; пародіи смѣшныя и безобразныя; тамъ выдаютъ вамъ за трагедію корчи воображенія; тамъ васъ подчуютъ жизнію, вывороченною на изнанку; словомъ, тамъ

...Мельпомены бурной
Протяжно раздаются вой,
Тамъ машетъ мантией мишурной
Она предъ хладною толпой!

Говорю вамъ: не ходите туда; это очень скучная забава!... Но не будемъ слишкомъ строги къ театру: не его вина, что онъ такъ плохъ. Гдѣ у насъ драматическая литература, гдѣ драматическіе таланты? Гдѣ наши трагики, наши комики? Ихъ много; очень много; ихъ имена всѣмъ извѣстны, и потому не хочу перебирать ихъ, ибо мои похвалы ничего не прибавятъ къ той громкой славѣ, которою они по справедливости пользуются. И такъ, обращаюсь къ *Грибодову*.

Грибодова комедія или драма (я не совсемъ хорошо понимаю различіе между этими двумя словами; значеніе же слова *трагедія* совсемъ не понимаю) давно ходила въ рукописи. О *Грибодовѣ*, какъ и о всѣхъ примѣчательныхъ людяхъ, было много толковъ и споровъ; ему завидовали нѣкоторые наши геніи, въ то же время удивляющіеся Ябедѣ *Канниста*; ему не хотѣли отдавать справедливости тѣ люди, кои удивлялись гг. АВ, СД, ЕФ и пр. Но публика разсудила иначе: еще до печати и представленія рукописная комедія *Грибодова* разлилась по Россіи бурнымъ потокомъ.

Комедія, по моему мнѣнію, есть такая же драма, какъ и то, что обыкновенно называется *трагедіею*; ея предметъ есть представленіе жизни въ противорѣчій съ идеею жизни; ея элементъ есть не то невинное остроуміе, которое добродушно издѣвается надъ всѣмъ изъ одного желанія позубоскалить; нѣтъ: ея элементъ есть этотъ желчный *гуморъ*, это грозное негодованіе, которое не улыбается шутливо, а хохочетъ яростно, которое преслѣдуетъ ничтожество и эгоизмъ не эпиграммами, а сарказмами. Комедія *Грибодова* есть истинная *divina comedia*! Это совсемъ не смѣшной анекдотецъ, переложенный на разговоры, не такая комедія, гдѣ дѣйствующія лица нарицаются *Добряковыми*, *Плутватинными*, *Обираловыми* и пр.; ея персонажи давно были вамъ извѣстны въ натурѣ, вы видѣли, знали ихъ еще до прочтенія *Горя отъ Ума*, и однакожь вы удивляетесь имъ, какъ явленіямъ совершенно новымъ для васъ: вотъ высочайшая истина поэтического вымысла! Лица, созданныя *Грибодовымъ*, не выдуманы, а сняты съ натуры во весь ростъ, почерпнуты со дна дѣйствительной жизни; у нихъ не написано на лбахъ ихъ добродѣтелей и пороковъ; но они заклеены печатію своего ничтожества, заклеены мстительною рукою палача-художника. Каждый стихъ *Грибодова* есть сарказмъ, вырвавшійся изъ души художника въ пылу негодованія; его слогъ есть *rag excellence* разговорный. Недавно одинъ изъ нашихъ примѣчательнѣйшихъ писателей, слишкомъ хорошо знающій общество, замѣтилъ, что только одинъ *Грибодовъ* умѣлъ

переложить на стихи разговоръ нашего общества: безъ всякаго сомнѣнія, это не стоило ему ни малѣйшаго труда; но тѣмъ не менѣе, это все-таки великая заслуга съ его стороны, ибо разговорный языкъ нашихъ комиковъ... Но я уже общался не говорить о нашихъ комикахъ... Конечно, это произведеніе не безъ недостатковъ въ отношеніи къ своей цѣлости, но оно было первымъ опытомъ таланта *Грибодова*, первую Русскую комедію; да и сверхъ того, каковы бы ни были эти недостатки, они не помѣшаютъ ему быть образцовымъ, геніальнымъ произведеніемъ и не въ Русской литературѣ, которая въ *Грибодовѣ* лишилась *Шекспира* комедіи...

Довольно о поэтахъ-стихотворцахъ, поговоримъ о поэтахъ-прозаикахъ. Знаете ли, чье имя стоитъ между ними первымъ въ *Пушкинскомъ періодѣ* словесности? Имя г. *Булгарина*, милостивые государи. Это и не удивительно. Г. *Булгаринъ* былъ начинщикомъ, а начинщики, какъ я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, всегда безсмертны, и потому беру смѣлость увѣрить васъ, что имя Г. *Булгарина* также безсмертно въ области Русскаго романа, какъ имя *Московского жителя Матвѣя Комарова* ¹⁾. Имя Петербургскаго Вальтера Скотта *Гаддея Венедиктовича Булгарина*, вмѣстѣ съ именемъ Московскаго Вальтера Скотта *Александра Анфимовича Орлова*, всегда будетъ составлять лучезарное созвѣздіе на горизонтѣ нашей литературы. Остроумный *Косичкинъ* уже оцѣнилъ, какъ слѣдуетъ, обоихъ сихъ знаменитыхъ писателей, показавъ намъ сравнительно ихъ достоинства ²⁾, и потому, не желая повторять *Косичкина*, я выскажу о г. *Булгаринѣ* мнѣніе, теперь для всѣхъ общее, но еще нигдѣ не высказанное печатно. Неужели и въ самомъ дѣлѣ г. *Булгаринъ* совершенно равенъ г. *Орлову*? Говорю утвердительно, что нѣтъ; ибо, какъ писатель вообще, онъ несравненно выше его, но, какъ художникъ собственно, онъ немного ниже его. Хотите ли знать, въ чемъ состоитъ главная разница между сими свѣтилами нашей словесности? Одинъ изъ нихъ много видѣлъ, много слышалъ, много читалъ, былъ и бываетъ вездѣ; другой, бѣдный! не только не былъ въ Испаніи, но даже и не выѣзжалъ за Русскую границу; при знаніи Латинскаго языка (знаніи, впрочемъ не доказанномъ ни какимъ

¹⁾ Автора *Полиціона*, Англійскаго Милорда и другихъ подобныхъ знаменитыхъ произведеній.

Прим. Булинскаго.

²⁾ Подъ именемъ „*Феофилakta Косичкина*“ Пушкинъ напечаталъ двѣ статьи, направленные противъ Булгарина; эти статьи до сихъ поръ остаются непревзойденнымъ образцомъ безпощаднаго остроумія въ „*полемиической сшибкѣ*“.

изданием *Горация*, ни съ своими, ни съ чужими примѣчаніями), не совѣмъ твердо владѣетъ и своимъ отечественнымъ, да и не мудрено: онъ не имѣлъ случая *прислушиваться къ языку хорошей компаніи*¹⁾. Итакъ, все дѣло въ томъ, что сочиненія одного выглажены и вылощены, какъ полъ гостиной, а сочиненія другого отзываются толкучимъ рынкомъ. Впрочемъ — удивительное дѣло! — несмотря на то, что оба они писали для разныхъ классовъ читателей, они нашли въ одномъ и томъ же классѣ свою публику. И надо думать, что эта публика будетъ благосклоннѣе къ *Александру Анфимовичу*, ибо онъ больше *поэтъ*, тогда какъ *Гаддей Венедиктовичъ* болѣе *философъ*, а поэзія доступнѣе философіи для всѣхъ классовъ.

Почти вмѣстѣ съ *Пушкинымъ* вышелъ на литературное поприще и г. *Марлинскій*. Это одинъ изъ самыхъ примѣчательнѣйшихъ нашихъ литераторовъ. Онъ теперь безусловно пользуется самымъ огромнымъ авторитетомъ: теперь передъ нимъ все на колѣнахъ; если еще не всѣ въ одинъ голосъ называютъ его *Русскимъ Бальзакомъ*, то потому только, что боятся унизить его этимъ и ожидаютъ, чтобы Французы называли *Бальзака Французскимъ Марлинскимъ*. Въ ожиданіи, пока совершится это чудо, мы похладнокровнѣе рассмотримъ его права на такой громадный авторитетъ. Конечно, страшно выходить на бой съ общественнымъ мнѣніемъ и возставать явно противъ его идоловъ; но я рѣшаюсь на это не столько по смѣлости, сколько по безкорыстной любви къ истинѣ. Впрочемъ, меня ободряетъ въ семъ случаѣ и то, что это страшное общественное мнѣніе начинаетъ мало-по-малу приходить въ память отъ оглушительнаго удара, произведеннаго на него полнымъ изданіемъ *Русскихъ Повѣстей и Разсказовъ г. Марлинскаго*; начинаютъ ходить толки о какихъ-то натяжкахъ, о скучномъ однѣмъ образѣ, и тому подобномъ. И такъ я рѣшаюсь, быть органомъ новаго общественнаго мнѣнія! Знаю, что это новое мнѣніе найдетъ еще слѣшкомъ много противниковъ, но какъ бы то ни было, а истина дороже всѣхъ на свѣтѣ авторитетовъ.

На безлюдьи истинныхъ талантовъ въ нашей литературѣ талантъ г. *Марлинскаго*, конечно, явленіе очень примѣчательное. Онъ одаренъ остроуміемъ неподдѣльнымъ, владѣетъ способностію разсказа, нерѣдко живого и увлекательнаго, умѣетъ иногда снимать съ природы картинки-заглядѣныя. Но вмѣстѣ съ этимъ нельзя не сознаться, что его талантъ чрезвычайно одностороненъ, и что его претензіи на пламень чувства весьма и по-

дозрительны, что въ его созданіяхъ нѣтъ никакой глубины, никакой философіи, никакого драматизма; что, вслѣдствіе этого, всѣ герои его повѣстей сбиты на одну колодку и отличаются другъ отъ друга только именами; что онъ повторяетъ себя въ каждомъ новомъ произведеніи; что у него болѣе фразъ, чѣмъ мыслей, болѣе риторическихъ возгласовъ, чѣмъ выражений чувства. У насъ мало писателей, которые бы писали столько, какъ г. *Марлинскій*: но это обиліе происходитъ не отъ огромности дарованія, не отъ избытка творческой дѣятельности, а отъ навыка, отъ привычки писать. Если вы имѣете хотя нѣсколько дарованія, если образовали себя чтеніемъ, если запаслись извѣстнымъ числомъ идей и сообщили имъ нѣкоторый отпечатокъ своего характера, своей личности, то берите перо и смѣло пишите съ утра до ночи. Вы дойдете наконецъ до искусства, во всякую пору, во всякомъ расположеніи духа, писать о чемъ вамъ угодно; если у васъ придумано нѣсколько пышныхъ монологовъ, то вамъ не трудно будетъ придѣлать къ нимъ романъ, драму, повѣсть; только позаботьтесь о формѣ и слогѣ: они должны быть оригинальные.

Вещи всего лучше познаются сравненіемъ. Если два писателя пишутъ въ одномъ родѣ и имѣютъ между собою какое-нибудь сходство, то ихъ не иначе можно оцѣнить въ отношеніи другъ къ другу, какъ выставивъ параллельныя мѣста: это самый лучший пробный камень. Посмотрите на *Бальзака*: какъ много написалъ этотъ человѣкъ, и несмотря на то, есть ли въ его повѣстяхъ хотя одинъ характеръ, хотя одно лицо, которое бы сколько-нибудь походило на другое? О, какое непостижимое искусство обрисовывать характеры со всѣми оттѣнками ихъ индивидуальности! Не преслѣдовалъ ли васъ этотъ грозный и холодный обликъ *Феррагуса*, не мерещился ли онъ вамъ и во снѣ и на яву, не бродилъ ли за вами неотступною тѣнью? О, вы узнали бы его между тысячами; и между тѣмъ въ повѣсти *Бальзака* онъ стоитъ въ тѣни, обрисованъ слегка, мимоходомъ, и застановленъ лицами, на коихъ сосредоточивается главный интересъ поэмы. Отчего же это лицо возбуждаетъ въ читателѣ столько участія и такъ глубоко врѣзывается въ его воображеніи? Оттого что *Бальзакъ* не выдумалъ, а создалъ его, оттого что онъ мерещился ему прежде, нежели была написана первая строка повѣсти, что онъ мучилъ художника до тѣхъ поръ, пока онъ не извелъ его изъ міра души своей въ явленіе, для всѣхъ доступное. Вотъ мы видимъ теперь на сценѣ и Другого изъ Тринадцати: *Феррагусъ* и *Монриво* видимо одного покроя: люди съ душою глубокою, какъ морское дно,

¹⁾ Извѣстная въ то время фраза о Булгаринѣ, вышучивавшаяся въ журналахъ.

съ силою воли непреодолимою, какъ воля судьбы; и однакожь, спрашиваю васъ: похожи ли они хоть сколько-нибудь другъ на друга, есть ли между ними что-нибудь общее? Сколько женскихъ портретовъ вышло изъ-подъ плодотворной кисти *Бальзака*, и между тѣмъ повторилъ ли онъ себя хоть въ одномъ изъ нихъ?... Таковы ли въ семъ отношеніи созданія г. *Марлинскаго*? Его *Амаллатъ-Бекъ*, его *Полковникъ В****, его герой Страшнаго Гаданія, его *Капитанъ Правинъ*—всѣ они родные братцы, которыхъ различить трудно самому ихъ родителю. Только развѣ первый изъ нихъ немного отличается отъ прочихъ своимъ азіятскимъ колоритомъ. Гдѣ же творчество? Притомъ, сколько натяжекъ! Можно сказать, что *натяжка* у г. *Марлинскаго* такой конекъ, съ котораго онъ рѣдко слѣзаетъ. Ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ его повѣстей не скажетъ ни слова просто, но вѣчно съ эпиграммою, или съ каламбуромъ, или съ подобіемъ; словомъ, у г. *Марлинскаго* каждая копейка ребромъ, каждое слово завиткомъ. Надо сказать правду: природа съ избыткомъ наградила его этимъ остроуміемъ, веселымъ и добродушнымъ, которое колетъ, но не язвитъ, щекочетъ, но не кусаетъ; но и здѣсь онъ часто пересаливаетъ. У него есть цѣлыя огромныя повѣсти, какъ, напр., *Наѣзды*, которыя суть не иное что, какъ огромныя натяжки. У него есть талантъ, но талантъ не огромный, талантъ обезсиленный вѣчнымъ принужденіемъ, избившійся и растрясшійся о пни и колоды выисканнаго остроумія. Мнѣ кажется, что романъ не его дѣло, ибо у него нѣтъ никакого знанія человѣческаго сердца, никакого драматическаго такта. Для чего, напримѣръ, заставилъ онъ Князя, для котораго всѣ радости земли и неба заключались въ устрицахъ, для котораго вкусный столъ всегда былъ дороже жены и ея чести, для чего заставилъ онъ его проговорить патетическій монологъ осквернителю его брачнаго ложа, монологъ, который сдѣлалъ бы честь и самому *Правину*? Это—просто натяжка, закулисная подставочка; автору хотѣлось быть нравственнымъ на манеръ г. *Булгарина*. Вообще онъ не мастеръ скрывать закулисныя машины, на коихъ вертится зданіе его повѣстей; онъ у него всегда на виду. Впрочемъ, въ его повѣстяхъ встрѣчаются иногда мѣста истинно прекрасныя, очерки истинно мастерскіе: таково, напримѣръ, описаніе Русскаго простонароднаго Мефистофеля и вообще всѣ сцены деревенскаго быта въ Страшномъ Гаданьи; таковы многія картины, снятыя съ природы, исключая, впрочемъ, Кавказскихъ очерковъ, которые натянуты до тошноты, до *pes plus ultra*. По мнѣ, лучшія его повѣсти суть Испытанія и Лейтенантъ Бѣлорозъ: въ нихъ можно отъ души

полюбоваться его талантомъ, ибо онъ въ нихъ въ своей тарелкѣ. Онъ смѣется надъ своимъ стихотворствомъ: но мнѣ переводъ его *Писенъ Горцевъ* въ *Амаллатъ-Бекъ* кажется лучше всей повѣсти: въ нихъ такъ много чувства, такъ много оригинальности, что и *Пушкинъ* не постыдился бы назвать ихъ своими. Равнымъ образомъ и въ его *Андрѣй Переяславскомъ*, особенно во второй главѣ, встрѣчаются мѣста истинно поэтическія, хотя цѣлое произведеніе слишкомъ отзывается дѣтствомъ. Всего страннѣе въ г. *Марлинскомъ*, что онъ съ удивительною скромностію недавно сознался въ такомъ грѣхѣ, въ которомъ онъ не виноватъ ни душою, ни тѣломъ; въ томъ, что будто онъ своими повѣстями отворилъ двери для народности въ Русскую литературу: вотъ что такъ ужъ неправда! Эти повѣсти принадлежатъ къ числу самыхъ неудачныхъ его попытокъ, въ нихъ онъ народенъ не больше *Карамзина*, ибо его *Русь* жестоко отзывается его завѣтною, его любимую *Ливонію*. Время и мѣсто не позволяютъ мнѣ подкрѣпить выписками изъ сочиненій г. *Марлинскаго* мое мнѣніе о его талантѣ: впрочемъ это очень легко сдѣлать. О слогѣ его не говорю. Нынѣ слово *слогъ* начало терять прежнее свое обширное значеніе, ибо его перестаютъ уже отдѣлять отъ мысли. Словомъ, г. *Марлинскій* писатель не безъ таланта, и былъ бы гораздо выше, если-бъ былъ естественнѣе и менѣе натягивался.

Пушкинскій періодъ былъ самымъ цвѣтущимъ временемъ нашей словесности. Его надобно-бъ было обозрѣть исторически и въ хронологическомъ порядкѣ; я не сдѣлалъ этого, потому что не то имѣлъ цѣлю. Можно сказать утвердительно, что тогда мы имѣли, если не литературу, то, по крайней мѣрѣ, призракъ литературы; ибо тогда было въ ней движеніе, жизнь, и даже какая-то постепенность въ развитіи. Сколько новыхъ явленій, сколько талантовъ, сколько попытокъ на то и на другое! Мы было уже и въ самомъ дѣлѣ отъ души стали вѣрить, что имѣемъ литературу, имѣемъ своихъ *Байроновъ*, *Шиллеровъ*, *Гете*, *Вальтеровъ-Скоттовъ*, *Томасовъ-Муровъ*; мы были веселы и горды, какъ дѣти праздничными обновами. И кто же былъ нашимъ разочарователемъ, нашимъ Мефистофелемъ? Кто явился сильною, грозною реакціею и гораздо поохладилъ наши восторги? Помните ли вы *Никодима Аристарховича Надоумку*; помните ли, какъ, выступивъ на сцену, на своихъ *скудельныхъ ножкахъ*, онъ разсѣялъ наши сладкія мечты своимъ добродушно-лукавымъ: *хе! хе! хе!* Помните ли, какъ мы всѣ уцѣпились за наши авторитеты и авторитетики, и руками и ногами отстаивали ихъ отъ нападеній грознаго *Аристарха*?

Не знаю какъ вы, а я очень хорошо помню, какъ всѣ сердились на него; помню, какъ я самъ сердился на него. И что же? Уже сбылась большая часть его злобѣщихъ предсказаній и теперь уже никто не сердится на покойника!... Да! *Николай Аристарховичъ* былъ замѣчательное лицо въ нашей литературѣ: сколько надѣлалъ онъ тревоги, сколько произвелъ кровопролитныхъ войнъ, какъ храбро сражался, какъ жестоко поражалъ своихъ противниковъ, и этимъ слогомъ, иногда оригинальнымъ до тривиальности, но всегда рѣзкимъ и мѣткимъ, и этимъ твердымъ силлогизмомъ, и этою насмѣшкою, простодушною и убійственною вмѣстѣ...

И гдѣ же твой, о, витязь, прахъ?
Какою взять могилу?...

Что скажу я о *журналахъ* тогдашняго времени? Неужели умолчу о нихъ? Они въ то время получили такую важность въ глазахъ публики, возбуждали къ себѣ такое живое участіе, играли такую важную роль!... Скажу, что почти всѣ они, волею и неволею, умышленно и неумышленно, способствовали къ распространенію у насъ новыхъ понятій и взглядовъ; мы по нимъ учились и по нимъ выучились. Всѣ они сдѣлали все, что могъ каждый по своимъ силамъ. Кто же больше? На это не могу отвѣчать утвердительно; ибо, по особеннымъ обстоятельствамъ, впрочемъ важнымъ только для одного меня, не могу говорить всего, что думаю. Я твердо помню благоразумное правило *Монтаня*, и многія истины крѣпко держу въ кулакѣ. Главное, я слишкомъ еще неопытенъ въ хамелеонистикѣ, и имѣю глупость дорожить своими мнѣніями, не какъ литератора и писателя (тѣмъ болѣе, что я покуда ни то, ни другое), а какъ мнѣніями честнаго и добросовѣстнаго человѣка, и мнѣ какъ-то совѣстно написать панигирикъ одному журналу, не отдавая справедливости другому... Что дѣлать, я еще по моимъ понятіямъ принадлежу къ *Аркадіи*!... Итакъ, ни слова о *журналахъ*! Теперь смотрю я на мой огромный столъ, на которомъ лежатъ эти покойники кучами и кипами, лежатъ на немъ, какъ во гробѣ, примиренные другъ съ другомъ моею лѣнностію и безпорядкомъ моей комнаты, въ смѣси, другъ на другѣ—гляжу на нихъ съ грустною улыбкою и говорю:

И все то благо, все добро!

Х.

Еще одно послѣднее сказанье,
И лѣтопись окончена моя!

Пушкинъ.

Тридцатый *холерный* годъ былъ для нашей литературы истиннымъ *чернымъ* годомъ, истинно роковою эпохою, съ коей начался

совершенно новый періодъ ея существованія, въ самомъ началѣ своемъ рѣзко отличавшійся отъ предыдущаго. Но не было никакого перехода между этими двумя періодами; вмѣсто него былъ какой-то насильственный перерывъ. Подобные противоестественные скачки, по моему мнѣнію, всего лучше доказываютъ, что у насъ нѣтъ литературы, а слѣдовательно нѣтъ и исторіи литературы; ибо ни одно явленіе въ ней не было слѣдствіемъ другого явленія, ни одно событіе не вытекало изъ другого событія. Исторія нашей словесности есть ни больше, ни меньше, какъ исторія неудачныхъ попытокъ, посредствомъ слѣпого подражанія иностраннымъ литературамъ, создать свою литературу; но литературу не создаютъ: она создается такъ, какъ создаются, безъ воли и вѣдома народа, языкъ и обычаи. И такъ, тридцатымъ годомъ кончился, или, лучше сказать, внезапно оборвался періодъ *Пушкинскій*, такъ какъ кончился и самъ *Пушкинъ*, а вмѣстѣ съ нимъ и его вліяніе; съ тѣхъ поръ почти ни одного бывалаго звука не сорвалось съ его лиры. Его сотрудники, его товарищи по художественной дѣятельности, допѣвали свои старыя пѣсенки, свои обычные мечты, но уже никто не слушалъ ихъ. Старинка пріѣхала и набила оскомину, а новаго отъ нихъ нечего было услышать, ибо они остались на той же самой чертѣ, на которой стали при первомъ своемъ появленіи, и не хотѣли сдвинуться съ ней. *Журналы* всѣ умерли, какъ будто бы отъ какого-нибудь апоплексическаго удара или дѣйствительно отъ холеры-морбуса. Причина этой внезапной смерти или этого мору заключалась въ томъ же, въ чемъ заключается причина того, что у насъ нѣтъ литературы. Они почти всѣ родились безъ всякой нужды, а такъ, отъ бездѣлья или отъ желанія пошумѣть, и потому не имѣли ни характера, ни самостоятельности, ни силы, ни вліянія на общество, и не оплаканные сошли въ безвременную могилу. Только для двухъ изъ нихъ можно сдѣлать исключеніе; только два изъ нихъ представляютъ любопытный, поучительный и богатый результатъ для наблюдателя. Одинъ, старецъ, водившій, бывало, на помочахъ наше юное общество, издавна пользовавшійся огромнымъ авторитетомъ и деспотически управлявшій литературными мнѣніями; другой, юноша, съ пламенною душою, съ благороднымъ рвеніемъ къ общей пользѣ, со всѣми средствами достичь своей прекрасной цѣли, и между тѣмъ не достигшій ея. „Вѣстникъ Европы“ пережилъ нѣсколько поколѣній, воспиталъ нѣсколько поколѣній, изъ коихъ послѣднее, взлелѣянное имъ, возстало съ ожесточеніемъ на него же; но онъ всегда оставался однимъ и тѣмъ же, не измѣнялся

и бился до послѣднихъ силъ: это была борьба благородная и достойная всякаго уваженія, борьба не изъ личныхъ мелочныхъ выгодъ, но изъ мнѣній и вѣрованій, душевныхъ и кровныхъ. Его убило время, а не противники! и потому его смерть была естественная, а не насильственная ¹⁾. „Московский Вѣстникъ“ имѣлъ большія достоинства, много ума, много таланта, много пылкости, но мало, чрезвычайно мало смѣтливости и догадливости, и потому самъ былъ причиною своей преждевременной кончины. Въ эпоху жизни, въ эпоху борьбы и столкновенія мыслей и мнѣній, онъ вздумалъ паблюдать духъ какой-то умѣренности и отчужденія отъ рѣзкости въ сужденіяхъ и, полный дѣльными и учеными статьями, былъ тощъ рецензіями и полемикою, кои составляютъ жизнь журнала, былъ бѣденъ повѣстями, безъ коихъ нѣтъ успѣха Русскому журналу, и, что всего ужаснѣе, не вѣлъ подробной и отчетливой лѣтописи модъ и не прилагалъ модныхъ картинокъ, безъ которыхъ плохая надежда на подписчиковъ Русскому журналисту. Что-жъ дѣлать? Безъ маленькихъ и повидимому пустыхъ уступокъ нельзя заключить выгоднаго мира. „Московский Вѣстникъ“ былъ лишенъ современности, и теперь его можно читать какъ хорошую книгу, никогда не теряющую своей цѣны, но журналомъ, въ полномъ смыслѣ

¹⁾ Любопытная вещь. Г. Каченовскій, который возстановилъ противъ себя *Пушкинское* поколѣніе и сдѣлался предметомъ самыхъ жесточайшихъ его преслѣдованій и нападковъ, какъ литературный дѣятель и судія, въ слѣдующемъ поколѣніи нашелъ себѣ ревностныхъ послѣдователей и защитниковъ, какъ ученый, какъ изслѣдователь отечественной исторіи. Впрочемъ это ничуть не удивительно: одинъ человекъ не можетъ вмѣстѣ въ себѣ всего; всеобъемлемость ума и многосторонность таланта дается не многимъ избраннымъ. По этому у г. Гоголя читайте его прекрасныя сказки, а у г. Каченовскаго—его, или написанныя подъ его вліяніемъ и руководствомъ, статьи о Русской Исторіи, и помните Латинскую поговорку: *sumit suique*, а болѣе всего мудрое правило нашего великаго *Баснописца*:

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги точать пирожникъ.

Я не ученый, и въ исторіи смыслу весьма не много; сузу не какъ знатокъ, но какъ любитель: но вѣдь не изъ любителей ли состоитъ и публика? Поэтому, всякое добросовѣстное мнѣніе любителя должно заслуживать нѣкоторое вниманіе, тѣмъ болѣе, если оно есть отголосокъ общаго, т.е. господствующаго мнѣнія. Теперь у насъ двѣ историческія школы: *Шлецера* и г. Каченовскаго. Одна опирается на давность, привычку, уваженіе къ авторитету ея основателя; другая, сколько я понимаю, на здоровомъ смыслѣ и глубиной учености. Будучи совершенно невиненъ въ послѣдней, я имѣю нѣкоторыя притязанія на первый, вслѣдствіе чего мнѣ кажется очень естественнымъ, что настоящее поколѣніе, чуждое воспоминаній старины и предубѣжденій авторитетовъ, горячо приняло историческія мнѣнія г. Каченовскаго. Впрочемъ, ученая литература не мое дѣло: я сказалъ это такъ, мимоходомъ, à propos.

Прим. Бѣлинскаго.

сего слова, онъ никогда не былъ. Журналы, какъ и поэты, рождаются и бываютъ ими по призванію. Я не хотѣлъ говорить о журналахъ и какъ-то противъ своей воли увлекся; посему, говоря о покойникахъ, скажу слова-два объ одномъ живомъ, не упоминая впрочемъ его имени, которое весьма не трудно угадать. Онъ уже существуетъ давно: былъ единичнымъ, двойственнымъ и наконецъ сдѣлался тройственнымъ, и всегда отличался отъ своей собратіи какого-то рода особенною безличностію. Въ то время, когда „Вѣстникъ Европы“ отстаивалъ святую старину и до послѣдняго вздоха бился съ ненавистною новизною, въ то время, когда юное поколѣніе новыхъ журналовъ сражалось, въ свою очередь, не на животъ, а на смерть, съ скучною, опостылѣвшею стариною, и съ благороднымъ самоотверженіемъ силилось водрузить хоругвь вѣка, — журналъ, о коемъ я говорю, составилъ себѣ новую эстетику, вслѣдствіе которой то твореніе было высоко и изящно, которое печаталось во множествѣ экземпляровъ и хорошо раскупалось, новую политику, вслѣдствіе коей писатель нынѣ былъ выше Байрона, а завтра претерпѣвалъ *chute complète*. Вслѣдствіе сей-то благоразумной политики нѣкоторые изъ нашихъ *Вальтеръ-Скоттовъ* писали повѣсти о *Никандрахъ Свистушкиныхъ*, авторахъ поэмъ: *Жиды и Воры*, и пр. и пр. Словомъ, этотъ журналъ былъ единственнымъ и безпримѣрнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ ¹⁾.

Итакъ, насталъ новый періодъ словесности. Кто же явился главою этого новаго, этого *четвертаго* періода нашей недорослой словесности? Кто, подобно *Ломоносову*, *Карамзину* и *Пушкину*, овладѣлъ общественнымъ вниманіемъ и мнѣніемъ, самодержавно правилъ послѣднимъ, положилъ печать своего генія на произведенія своего времени, сообщилъ ему жизнь и далъ направленіе современнымъ талантамъ? Кто, говорю я, явился солнцемъ этой новой міровой системы? Увы! никто, хотя и многіе претендовали на это высокое титуло. Еще въ первый разъ литература явилась безъ верховной главы, и изъ огромной монархіи распалась на множество мелкихъ, независимыхъ одно отъ другого государствъ, завистливыхъ и враждебныхъ одно другому. Головъ было много, но онѣ такъ же скоро падали, какъ скоро и возвышались; словомъ, этотъ періодъ есть періодъ нашей литературной исторіи въ темную годину междоцарствія и самозванцевъ.

Какъ противоположенъ былъ *Пушкинскій*

¹⁾ Бѣлинскій говоритъ здѣсь о журналахъ Греча и Булгарина. Никандръ Свистушкинъ — дѣйствующее лицо одной изъ повѣстей послѣдняго.

періодъ *Карамзинскому*, такъ настоящій періодъ противоположенъ *Пушкинскому*. Дѣятельность и жизнь кончились; громы оружія затихли, и утомленные бойцы вложили мечи въ ножны на лаврахъ, каждый приписывая себѣ побѣду и ни одинъ не выигравъ ея въ полномъ смыслѣ сего слова. Правда, въ началѣ, особенно первыхъ двухъ лѣтъ, еще бились отчаянно, но это была уже не новая война, а окончаніе старой: это была *тридцатилѣтняя война* послѣ смерти *Густава Адольфа* и гибели *Валленштейна*. Теперь кончилась и эта кровопролитная война, но безъ *Вестфальскаго мира*, безъ удовлетворительныхъ результатовъ для литературы. Періодъ *Пушкинскій* отличался какою-то бѣшеною маніею къ стихотворству; періодъ новый, еще въ самомъ своемъ началѣ, оказалъ рѣшительную склонность къ прозѣ. Но, увы! это было не шагъ впередъ, не обновленіе, а оскудѣніе, истощеніе творческой дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, дошло до того, что теперь уже утвердительно говорить, будто въ наше время самые превосходные стихи не могутъ имѣть никакого успѣха. Нелѣпое мнѣніе! Очевидно, что оно, какъ и всѣ, принадлежитъ не намъ, а есть вольное подражаніе мнѣніямъ нашихъ Европейскихъ сосѣдей. У нихъ часто повторяли, что въ нашъ вѣкъ эпопея не можетъ существовать, а теперь, кажется, сбиваются на то, что въ наше время и драма кончилась. Подобныя мнѣнія весьма странны и неосновательны. Поэзія у всѣхъ народовъ и во всѣ времена была одно и то же въ своемъ существѣ: перемѣнились только формы, сообразно съ духомъ, направленіемъ и успѣхомъ, какъ всего человѣчества вообще, такъ и cadaго народа въ частности. Раздѣленіе поэзіи на роды не есть произвольное: причина и необходимость онаго скрывается въ самой сущности искусства. Родовъ поэзіи только три и больше быть не можетъ. Всякое произведеніе, въ какомъ бы то ни было родѣ, хорошо во всѣ вѣка и въ каждую минуту, когда оно по своему духу и формѣ носитъ на себѣ печать своего времени и удовлетворяетъ всѣ его требованія. Гдѣ-то было сказано, что „*Фаустъ*“ *Гете* есть *Иліада* нашего времени: вотъ мнѣніе, съ которымъ нельзя не согласиться! И въ самомъ дѣлѣ, развѣ *Вальтеръ-Скоттъ* также не есть нашъ *Гомеръ*, въ смыслѣ *эпика*, если не выразителя полного духа времени? Такъ и у насъ теперь: явился новый *Пушкинъ*, но не *Пушкинъ* 1835 г., а *Пушкинъ* 1829 года, и Россія снова начала бы твердить стихи; но кто, кромѣ несчастныхъ читателей ех *офісіо*, даже подумаетъ и взглянуть на издѣлія новыхъ нашихъ стиходѣевъ: гг. *Ершовыхъ*, *Струговичицкихъ*, *Марковыхъ*, *Снегиревыхъ* и пр.?

Романтизмъ — вотъ первое слово, огласившее *Пушкинскій* періодъ; *народность* — вотъ альфа и омега новаго періода. Какъ тогда всякій бумагомаратель изъ кожи лѣзъ, чтобы прослыть *романтикомъ*; такъ теперь всякой литературный шутъ претендуетъ на титулъ *народнаго* писателя. *Народность* — чудное словечко! Чтò передъ нимъ вашъ *романтизмъ*! Въ самомъ дѣлѣ, это стремленіе къ народности весьма замѣчательное явленіе. Не говоря уже о нашихъ романистахъ и вообще новыхъ писателяхъ, взгляните, чтò дѣлаютъ заслуженные корифеи нашей словесности. *Жуковскій*, этотъ поэтъ, геній котораго всегда былъ прикованъ къ туманному Альбіону и фантастической Германіи, вдругъ забылъ своихъ паладиновъ, съ ногъ до головы закованныхъ въ сталь, своихъ прекрасныхъ и вѣрныхъ принцессъ, своихъ колдуновъ и свои очарованные замки — и пустился писать Русскія сказки... Нужно ли доказывать, что эти Русскія сказки такъ же не въ ладу съ Русскимъ духомъ, котораго въ нихъ слыхомъ не слышать и видомъ не видать, какъ не въ ладу съ Русскими сказками Греческій или Нѣмецкій гекзаметръ?... Но не будемъ слишкомъ строги къ этому заблужденію могущественнаго таланта, увлекаемого духомъ времени: *Жуковскій* вполне совершилъ свое поприще и свой подвигъ: мы больше не въ правѣ ничего ожидать отъ него. Вотъ другое дѣло *Пушкинъ*: странно видѣть, какъ этотъ необыкновенный человекъ, которому ничуть не стоило быть народнымъ, когда онъ не старался быть народнымъ, теперь такъ мало народенъ, когда рѣшительно хочетъ быть народнымъ; странно видѣть, что онъ теперь выдаетъ намъ за нѣчто важное то, что прежде бросалъ мимоходомъ, какъ избытокъ или роскошь. Мнѣ кажется, что это стремленіе къ народности произошло оттого, что всѣ живо почувствовали непрочность нашей подражательной литературы и захотѣли создать народную, какъ прежде силились создать подражательную. Итакъ, опять цѣль, опять усилія, опять старая погудка на новый ладъ? Но развѣ *Крыловъ* потому народенъ въ высочайшей степени, что старался быть народнымъ? Нѣтъ; онъ объ этомъ нимало не думалъ; онъ былъ народенъ, потому что не могъ не быть народнымъ: былъ народенъ безсознательно, и едва ли зналъ цѣну этой народности, которую усвоилъ созданіямъ своимъ безъ всякаго труда и усилія. По крайней мѣрѣ, его современники мало умѣли цѣнить въ немъ это достоинство: они часто упрекали его за *низкую природу* и ставили на одну съ нимъ доску прочихъ баснописцевъ, которые были несравненно ниже его. Слѣдовательно, наши литераторы, съ такою ревностію заботящіеся

о народности, хлопчуть по пустому. И въ самомъ дѣлѣ, какое понятіе имѣють у насъ вообще о *народности*? Всѣ, рѣшительно всѣ, смѣшиваютъ ее съ *простонародностію* и отчасти съ тривіальностію. Но это заблужденіе имѣетъ свою причину, свое основаніе, и на него отнюдь не должно нападать съ ожесточеніемъ. Скажу болѣе: въ отношеніи къ Русской литературѣ нельзя иначе понимать *народности*. Что такое народность въ литературѣ? Отпечатокъ народной фizioноміи, типъ народнаго духа и народной жизни; но имѣемъ ли мы свою народную фizioномію? Вотъ вопросъ трудный для рѣшенія. Наша національная фizioномія всего больше сохранилась въ низшихъ слояхъ народа; по-сему наши писатели, разумѣется, владѣющіе талантомъ, бываютъ народны, когда изображаютъ, въ романѣ или драмѣ, нравы, обычаи, понятія и чувствованія черни. Но развѣ одна чернь составляетъ народъ? Ничуть не бывало. Какъ голова есть важнѣйшая часть человѣческаго тѣла, такъ среднее и высшее сословіе составляютъ народъ по преимуществу. Знаю, что человѣкъ во всякомъ состояніи есть человѣкъ, что простолюдинъ имѣетъ такія же страсти, умъ и чувство, какъ и вельможа, и по-сему такъ же, какъ и онъ, достоинъ поэтическаго анализа; но высшая жизнь народа преимущественно выражается въ его высшихъ слояхъ, или, вѣрнѣе всего, въ цѣлой идеѣ народа. По-сему, избравъ предметомъ своихъ вдохновеній одну часть онаго, вы непременно впадаете въ односторонность. Равнымъ образомъ, вы не избѣжите этой крайности, и отмежевавъ для своей творческой дѣятельности нашу исторію до Петра Великаго. Высшіе же слои народа у насъ еще не получили опредѣленнаго образа и характера; ихъ жизнь мало представляетъ для поэзіи. Не правда ли, что прекрасная повѣсть *Безласнаго*: Княжна-Мими, немножко мелка и вяла? Помните ли вы ея эпиграфъ?—*Краски мои блѣдны, сказалъ живописецъ; что-жъ дѣлать? въ нашемъ городѣ нѣтъ лучшихъ!*— Вотъ вамъ самое лучшее оправданіе со стороны поэта, и вмѣстѣ самое лучшее доказательство, что въ сей повѣсти онъ народенъ въ высочайшей степени. Такъ неужели наша народность въ литературѣ есть мечта? Почти такъ, хотя и не совсѣмъ. Какой главный элементъ нашихъ произведеній, отличающихся народностію? Очерки или древне-Русской жизни (до Петра Великаго), или простонародной жизни, и отсюда неизбѣжныя поддѣлки подъ тонъ лѣтописей и народныхъ пѣсень, или подъ ладъ языка нашихъ простолюдиновъ. Но вѣдь въ этихъ лѣтописяхъ, въ этой жизни давно прошедшей, вѣетъ дыханіе общей человѣческой жизни, являющейся

подъ одной изъ тысячи ея формъ; умѣйте же уловить его вашимъ умомъ и чувствомъ, и воспроизвести вашею фантазіею въ своемъ художественномъ созданіи. Въ этомъ вся сила и важность. Но вамъ надо быть гениемъ, чтобы въ вашихъ твореніяхъ трепетала идея Русской жизни: это путь самый скользкій. Мы такъ отдѣлены, или, лучше сказать, оторваны эрою Петра Великаго отъ быта нашихъ праотцевъ, что вашему произведенію непременно должно предшествовать глубокое изученіе этого быта. Итакъ, соразмѣряйте ваши силы съ цѣлю и не слишкомъ самонадѣянно пишите: Русскіе въ такомъ-то или въ такомъ-то году¹⁾. Притомъ, еще надо замѣтить и то, что *Русская жизнь* до Петра Великаго была слишкомъ спокойна и односторонна, или, лучше сказать, она проявлялась своимъ, оригинальнымъ образомъ: вамъ легко будетъ оклеветать ее, придерживаясь *Вальтера-Скотта*. Писатель, который на любви оснуетъ планъ своего романа и цѣлю усилій героя поставить руку и сердце вѣрной красавицы, покажетъ явно, что онъ не понимаетъ Руси. Я знаю, что наши бояре лазили черезъ тыны къ своимъ прелестницамъ, но это было оскорбленіе и искаженіе величавой, чинной и степенной Русской жизни, а не проявленіе оной; такихъ рыцарей ночи наказывали ревнивцы плетью и кольями, а не раздѣлывались съ ними на благородномъ поединкѣ; такіе красавицы почитались безпутными бабами, а не жертвами страсти, достойными состраданія и участія. Наши дѣды занимались любовію съ *законнаго дозволенія*, или мимоходомъ, изъ шалости, и не сердце клали къ погамъ своихъ очаровательницъ, а показывали имъ заранѣе шелковую плетку и неуклонно слѣдовали мудрому правилу: *люби жену какъ душу, а трясси ее какъ грушу*, или *бей ее какъ шубу*. Вообще сказать, мы еще и теперь любимъ не совсѣмъ по-рыцарски, а исключенія ничего не доказываютъ.

Чтожъ касается до живого и сходнаго съ натурою изображенія сценъ простонародной жизни, то не слишкомъ обольщайтесь ими. Мнѣ очень нравится въ Рославлевѣ сцена на постояломъ дворѣ, но это потому, что въ ней удачно обрисованъ характеръ одного изъ классовъ нашего народа, характеръ, проявляющійся въ рѣшительную минуту отечества; пословицы, поговорки и ломаный языкъ, сами по себѣ, не имѣють ничего занимательнаго. Изъ всего сказаннаго мною выходитъ, что наша народность покуда состоитъ въ вѣрности изображенія кар-

¹⁾ Намекъ на романы Загоскина: „Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году“ и „Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году“. Объ этихъ романахъ см. слѣд. страницу.

тишь Русской жизни, но не въ особенномъ духѣ и направленіи Русской дѣятельности, которые бы проявлялись равно во всѣхъ твореніяхъ, независимо отъ предмета и содержанія оныхъ. Всѣмъ извѣстно, что Французскіе классики *офранцузивали* въ своихъ трагедіяхъ Греческихъ и Римскихъ героев: вотъ истинная народность, всегда вѣрная самой себѣ и въ искаженіи творчества! Она состоитъ въ образѣ мыслей и чувствованій, свойственныхъ тому или другому народу. Я свято вѣрю въ геніальность *Гете*, хотя по незнанію Нѣмецкаго языка чрезвычайно мало знакомъ съ нимъ; но, признаюсь, плохо вѣрю *эллинизму* его Ифигеніи: чѣмъ выше геній, тѣмъ болѣе онъ сынъ своего вѣка и гражданинъ своего міра, и подобныя попытки съ его стороны выразить совершенно чуждую ему народность всегда предполагаютъ поддѣлку, болѣе или менѣе неудачную. Итакъ, есть ли у насъ народность литературы въ этомъ смыслѣ? Нѣтъ, да покуда, при всѣхъ благородныхъ желаніяхъ просвѣщенныхъ патріотовъ, и быть не можетъ. Наше общество еще слишкомъ юно, еще не установилось, еще не освободилось отъ Европейской опеки; его фizioномія еще не выяснилась и не выформировалась. Кавказскаго Плѣнника, Бахчисарайскій Фонтанъ, Цыганъ могъ написать всякій Европейскій поэтъ, но Евгенія Онѣгина и Бориса Годунова могъ написать только поэтъ Русскій. *Безотносительная народность* доступна только для людей свободныхъ отъ чуждыхъ иноземныхъ вліяній, и вотъ почему народень *Державинъ*. Итакъ, *наша народность состоитъ въ вѣрности изображенія картинъ Русской жизни*. Посмотримъ, какъ успѣли въ этомъ поэты новаго періода нашей словесности.

Начало этого *народнаго* направленія въ литературѣ было сдѣлано еще въ *Пушкинскомъ* періодѣ; только тогда оно не такъ рѣзко выказалось. Зачинщикомъ былъ г. *Булгаринъ*. Но такъ какъ онъ не художникъ, въ чемъ теперь никто уже не сомнѣвается, кромѣ друзей его, то онъ принесъ своими романами пользу не литературѣ, а обществу, т.-е. каждымъ изъ нихъ доказалъ какую-нибудь практическую житейскую истину, а именно:

I. Иваномъ Выжигинымъ: вредъ, причиняемый Россіи заморскими выходцами и проидохами, предлагающими имъ свои продажныя услуги въ качествѣ гувернеровъ, управителей, а иногда и писателей;

II. Димитріемъ Самозванцемъ: кто мастеръ изображать мелкихъ плутовъ и мошенниковъ, тотъ не берись за изображеніе крупныхъ злодѣевъ;

III. Петромъ Выжигинымъ: *спустя лѣто, въ лѣсъ по малину не ходятъ*; другими словами: *куй желѣзо, пока горячо*.

Повторяю: *Оливей Бенедиктовичъ* не поэтъ, а философъ практическій, философъ жизни дѣйствительной. Поэтическая сторона его созданій проявляется только въ живомъ и вѣрномъ изображеніи мошенничества и плутовъ. Долгъ справедливости требуетъ замѣтить, что онъ необыкновеннымъ успѣхомъ своихъ романовъ, т.-е. ихъ необыкновенно удачнымъ *сбытомъ*, способствовалъ много къ оживленію нашей литературной дѣятельности и произвелъ безконечное поколѣніе романовъ. Ему же обязана Россійская публика и появленіемъ на литературное поприще *Александра Анфимовича Орлова*.

Народному направленію много способствовалъ г. *Погодинъ*. Въ 1826 году появилась его маленькая повѣсть Нищій, а въ 1829 Черная Немочь. Обѣ онѣ замѣчательны по вѣрному изображенію Русскихъ простонародныхъ нравовъ, по теплотѣ чувства, по мастерскому разсказу, а послѣдняя и по прекрасной, поэтической идеѣ, лежащей въ основаніи. Если бы г. *Погодинъ* прогрессивно возвышался въ своихъ повѣстяхъ, то Русская литература имѣла бы въ немъ такого писателя, которымъ по справедливости могла бы гордиться. Впрочемъ, не одному ему принадлежитъ честь начала народности въ повѣстяхъ: ее раздѣляли съ нимъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, и другіе замѣчательные таланты.

Юрій Милославскій былъ первымъ хорошимъ Русскимъ романомъ. Не имѣя художественной полноты и цѣлости, онъ отличается необыкновеннымъ искусствомъ въ изображеніи быта нашихъ предковъ, когда этотъ бытъ сходенъ съ нынѣшнимъ, и проникнутъ необыкновенною теплотою чувства. Присовокупите къ этому увлекательность разсказа, новостъ избраннаго поприща, на которомъ онъ не имѣлъ себѣ ни образца, ни предшественника: и вы поймете причину его необычайнаго успѣха. Рославлевъ отличается тѣми же красотами и тѣми же недостатками; отсутствіемъ полноты и цѣлости, и живыми картинами простонароднаго быта.

„Киргизъ-Кайсакъ“ г. *Ушакова* былъ явленіемъ удивительнымъ и неожиданнымъ: онъ отличается глубокимъ чувствомъ и другими достоинствами истинно-художественнаго произведенія, и между тѣмъ принадлежитъ автору Кота Бурмосѣка и длинныхъ и скучныхъ статей о театрѣ, о Польской *литературѣ*, о томъ и о семъ, отличающихся беззубымъ остроуміемъ и забавными претензіями на критическій талантъ и ученость. Чтожъ дѣлать? Киргизъ-Кайсакъ, въ семъ отношеніи, есть не единственное явленіе въ нашей литературѣ; развѣ *Аблесимовъ* не написалъ, можно сказать, *ненамного*, Мельника, а г. *Воейковъ*—Дома Сумасшедшихъ?...

Послѣдній періодъ былъ ознаменованъ появленіемъ двухъ новыхъ замѣчательныхъ талантовъ: гг. *Вельмана* и *Лажечникова*. Г. *Вельманъ* пишетъ въ стихахъ и въ прозѣ, и въ обоихъ случаяхъ обнаруживаетъ въ себѣ истинный талантъ. Его поэмы: *Бѣглець* и *Муромскіе Лѣса*, были анахронизмомъ и потому не имѣли успѣха. Впрочемъ, послѣдняя изъ нихъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, отличается яркими красотою; кто не знаетъ на память пѣсни разбойника: *Что отуманилась зоренька ясная?* Странникъ, за исключеніемъ излишнихъ претензій, отличается остроуміемъ, которое составляетъ преобладающій элементъ таланта г. *Вельмана*. Впрочемъ онъ возвышается у него и до высокаго: Искендеръ есть одинъ изъ драгоценнѣйшихъ алмазовъ нашей литературы. Самое лучшее произведеніе г. *Вельмана* есть *Кошечей Безсмертный*: изъ него видно, что онъ глубоко изучилъ старинную Русь въ лѣтописяхъ и сказкахъ, и какъ поэтъ понималъ ее своимъ чувствомъ. Это рядъ очаровательныхъ картинъ, на которыя нельзя довольно налюбоваться. Вообще, о г. *Вельманѣ* должно сказать, что онъ ужъ чересчуръ много и долго играетъ своимъ талантомъ, въ которомъ никто, кромѣ Библіотеки для Чтенія, не сомнѣвается. Пора бы ему наигратъ, пора подарить публику такимъ произведеніемъ, какого она вправѣ ожидать отъ него: у г. *Вельмана* такъ много таланта, такъ много остроумія и чувства, такъ много оригинальности и самобытности!

Г. *Лажечниковъ* не изъ новыхъ писателей: онъ давно уже былъ извѣстенъ своими *Положными Записками Офицера*. Это произведеніе доставило ему литературную извѣстность: но какъ оно было написано подъ *Карамзинскимъ* вліяніемъ, то, несмотря на нѣкоторыя свои достоинства, теперь забыто, да и самъ авторъ называетъ его грѣхомъ своей юности ¹⁾. Но какъ бы то ни было, а г. *Лажечниковъ* пользовался по немъ славою литератора, и потому всѣ ожидали его Новика. Г. *Лажечниковъ* не только не обманулъ сихъ надеждъ, но даже превзошелъ общее ожиданіе и по справедливости признанъ первымъ Русскимъ романистомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Новикъ есть произведеніе необыкновенное, ознаменованное печатію высокаго таланта. Г. *Лажечниковъ* обладаетъ всѣми средствами романиста: талантомъ, образованно-

стію, пламеннымъ чувствомъ и опытомъ лѣтъ и жизни. Главный недостатокъ его Новика состоитъ въ томъ, что онъ былъ первымъ, въ своемъ родѣ, произведеніемъ автора: отсюда двойственность интереса, мѣстами излишняя говорливость, и слишкомъ замѣтная зависимость отъ вліянія иностранныхъ образцовъ. Зато, какое смѣлое и обильное воображеніе, какая вѣрная живопись лицъ и характеровъ, какое разнообразіе картинъ, какая жизнь и движеніе въ рассказѣ! Эпоха, избранная авторомъ, есть самый романическій и драматическій эпизодъ нашей исторіи, и представляетъ самую богатую жатву для поэта. Но, отдавая полную справедливость поэтическому таланту г. *Лажечникова*, должно замѣтить, что онъ не вполне умѣлъ воспользоваться избранною имъ эпохою, что произошло, кажется, отъ его не совсѣмъ вѣрнаго на нее взгляда. Это особенно доказывается главнымъ лицомъ его романа, которое, по моему мнѣнію, есть самое худшее лицо во всемъ романѣ. Скажите, что въ немъ Русскаго, или, по крайней мѣрѣ, индивидуальнаго? Это просто образъ безъ лица и, скорѣе, челоуѣкъ нашего времени, чѣмъ XVII вѣка. Вообще въ Новикѣ много героевъ и нѣтъ ни одного главнаго. Виднѣе и занимательнѣе прочихъ *Паткуль*: онъ нарисованъ во весь ростъ и нарисованъ кистью мастерскою. Но самое интересное, самое любимѣйшее чадо его фантазіи есть, кажется, *Швейцарка Роза*; это одно изъ такихъ созданій, которымъ позавидовалъ бы и самъ *Бальзакъ*. Не имѣя ни времени, ни мѣста, я не войду въ полный разборъ Новика, хотя и много могъ бы сказать о немъ! Закрываю: онъ обнаруживаетъ въ авторѣ высокій талантъ, удерживаетъ за нимъ почетное мѣсто перваго Русскаго романиста; его недостатки происходятъ частію оттого, что, какъ мнѣ кажется, авторъ смотрѣлъ не совсѣмъ съ прямой точки на эпоху Петра Великаго, а главное оттого, что Новикъ былъ первымъ его произведеніемъ. Судя по отрывкамъ изъ его новаго романа, можно надѣяться, что онъ будетъ гораздо выше перваго и вполне оправдаетъ ту довѣренность, которую оказываетъ публика къ его таланту.

Теперь мнѣ остается сказать еще объ одномъ весьма примѣчательномъ лицѣ нашей литературы: это авторъ, подписывающійся *Безлоснымъ* и з. в. й. Говорятъ, что это... но какое намъ дѣло до имени автора, тѣмъ болѣе, когда онъ самъ не хочетъ выставить его на показъ? Такъ какъ онъ недавно самъ объявилъ о себѣ, что онъ ни А, ни В, ни С, то назову его хотъ О. Этотъ О. ¹⁾

¹⁾ При семъ прошу у почтеннаго автора Новика извиненія въ неумышленной винѣ противъ него. Я очень хорошо зналъ, что прекрасная пѣсня „*Сладко тѣлѣ души соловушко!*“ — принадлежитъ ему, ибо имѣлъ честь узнать это отъ самого него; вся вина моя въ томъ, что я не совсѣмъ обстоятельно выразился.

Прим. Бѣлинскаго.

См. выше наше примѣчаніе на стр. 58.

¹⁾ Кн. В. Одоевскій.

пишетъ уже давно, но въ послѣднее время его художественная дѣятельность обнаружилась въ большей силѣ. Этотъ писатель еще не оцѣненъ у насъ по достоинству и требуетъ особеннаго разсмотрѣнія, которымъ заняться теперь не позволяютъ мнѣ ни мѣсто, ни время. Во всѣхъ его созданіяхъ виденъ талантъ могущественный и энергическій, чувство глубокое и страдательное, оригинальность совершенная, знаніе человѣческаго сердца, знаніе общества, высокое образованіе и наблюдательный умъ. Я сказалъ: знаніе общества, прибавлю еще: въ особенности *высшаго*, и, сдается мнѣ, въ этомъ случаѣ онъ предатель... О, это страшный и мстительный художникъ! Какъ глубоко и вѣрно измѣрилъ онъ неизмѣримую пустоту и ничтожество того класса людей, который преслѣдуетъ съ такимъ ожесточеніемъ и такимъ неослабнымъ постоянствомъ! Онъ ругается ихъ ничтожествомъ, онъ клеймитъ ихъ печатію позора; онъ бичуетъ ихъ, какъ Немезида, онъ казнитъ ихъ за то, что они потеряли образъ и подобіе Божіе, за то, что промѣняли святыя сокровища души своей на позлащенную грязь, за то, что отреклись отъ Бога живаго и поклонились идолу суеты, за то, что умъ, чувства, совѣсть, честь замѣнили условными приличіями!... Онъ... но что вамъ много говорить о немъ? Если вы поймете мое энтузіастическое къ нему удивленіе, то лучше поймете и оцѣните художника; въ противномъ же случаѣ, не хочу терять словъ понапрасну... Вѣдь вы вѣрно читали его Баль, его Бригадира, его Насмѣшку Мертваго, его Какъ опасно дѣвушкамъ ходить по Невскому Проспекту?...

Г. *Гоголь*, такъ мило прикинувшійся *Пасичникомъ*, принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ талантовъ. Кому неизвѣстны его Вечера на хуторѣ близъ Диканьки? Сколько въ нихъ остроумія, веселости, поэзіи и народности? Дай Богъ, чтобы онъ вполне оправдалъ поданныя имъ о себѣ надежды...

Говорить ли мнѣ о прочихъ нашихъ романистахъ и сказочникахъ: гг. *Масальскомъ*, *Калашниковѣ*, *Гречѣ*, и др.? Всѣ они считаются у насъ почти геніями! и куда тягаться съ ними г. О., о которомъ я только что говорилъ выше. Благоговѣю, дивлюсь и умолкаю, ибо чувствую, что не въ силахъ достойно восхвалить ихъ.

Итакъ, я насчиталъ четыре періода нашей словесности: *Ломоносовскій*, *Карамзинскій*, *Пушкинскій* и *прозаическо-народный*; остается упомянуть еще о пятомъ, который начался съ появленіемъ на свѣтъ первой части *Новоселья*, и который можно и должно назвать *Смирдинскимъ*. Да — милостивые государи — я совсѣмъ не шучу, и повторяю, что этотъ періодъ словесности непременно должно на-

звать *Смирдинскимъ*; ибо А. Ф. *Смирдинъ* является главою и распорядителемъ сего періода. Все отъ него и все къ нему; онъ одобряетъ и ободряетъ юные и дряхлые таланты очаровательнымъ звономъ хлѣбныхъ монетъ; онъ даетъ направленіе и указываетъ путь этимъ геніямъ и полу-геніямъ, не даетъ имъ лѣниться, словомъ, производитъ въ нашей литературѣ жизнь и дѣятельность. Вы помните, какъ почтеннѣйшій А. Ф. *Смирдинъ*, движимый чувствомъ общаго блага, со всею откровенностію благороднаго сердца, объявилъ, что наши журналисты потому не имѣли успѣха, что надѣялись на свои познанія, таланты и дѣятельность, а не на живой капиталъ, который есть душа литературы; вы помните, какъ онъ кликнулъ кличъ по нашимъ геніямъ, крикнулъ да денежкой брякнулъ, и объявилъ таксу на всѣ роды литературнаго производства, и какъ вербовались наши производители толпами въ его компанію; вы помните, какъ великодушно и усердно взялъ онъ на откупъ всю нашу словесность и всю литературную дѣятельность ея представителей! Вспомоществуемый геніями гг. *Греча*, *Сенковского*, *Булгарина*, *Барона Брамбеуса* и прочихъ членовъ знаменитой компаніи, онъ сосредоточилъ всю нашу литературу въ своемъ массивномъ журналѣ¹⁾. И что же вышло изъ этого великаго патріотическо-торговаго предпріятія? Есть люди, которые утверждаютъ, что будто г. *Смирдинъ* убилъ нашу литературу, соблазнивъ барышами ея талантливыхъ представителей. Нужно ли доказывать, что это люди злонамѣренные и враждебные всякому безкорыстному предпріятію, имѣющему цѣлю оживленіе какой бы то ни было вѣтви народной промышленности? Я не принадлежу къ такимъ людямъ, и отъ души радуюсь, напр., *Энциклопедическому Лексикону*, хотя и знаю, что въ составленіи онаго участвуютъ гг. *Гречъ*, *Булгаринъ* и др., хотя и читалъ послужной списокъ *Ломоносова*, выдаваемый за біографію сего великаго мужа. Я имѣю удивительную способность видѣть во всемъ одну хорошую сторону, не замѣчая дурныхъ, и на что бы ни смотрѣлъ, всегда повторяю мой любимый стихъ:

И все то благо, все добро!

ибо я убѣжденъ сердечно и душевно, вѣрно свято и непоколебимо, вопреки г. Профессору *Сенковскому*, что родъ человѣческій, по волѣ бдящей надъ нимъ любви Божіей, идетъ къ своему совершенству, и что не остановитъ его на семъ пути ни фанатизму, ни невѣжеству, ни злобѣ, ни *Барону Брамбеусу*; ибо таковыя остановители добра суть истин-

¹⁾ „Библіотека для Чтенія“.

ные его двигатели. Уничтожьте зло, вы уничтожите и добро, ибо безъ борьбы нѣтъ заслуги. Итакъ, я смотрю на Библіотеку для Чтенія совсѣмъ съ другой точки зрѣнія: она ни на волосъ не возвысила нашей литературы, но и не уронила ее ни на волосъ. Творить все изъ ничего можетъ одинъ только Богъ, а не Библіотека для Чтенія; оживлять можно умирающаго, а не несуществующаго. Нельзя создать деньгами таланта, нельзя и убить его ими. Гдѣ бы ни написали, въ какомъ бы журналѣ ни помѣщали своихъ издѣлій и сколько бы ни получали за нихъ гг. Гречъ, Бумаринъ, Масальскій, Калашниковъ, Воейковъ: они всегда и вездѣ останутся тѣми же; но г. О. не измѣнитъ себѣ ни въ Новосельѣ, ни въ Библіотекѣ для Чтенія. Итакъ, по моему мнѣнію, Библіотека для Чтенія доказала практически, а *posteriori*, и слѣд. несомнѣнно, что у насъ нѣтъ литературы; ибо, имѣя всѣ средства, она ни въ чемъ не успѣла. Это не ея вина; ибо

Какъ можно, чтобы мерзлый паръ
Среди зимы рождать пожаръ?

Горе тому художнику, который пишетъ изъ денегъ, а не изъ безотчетной потребности писать! Но когда онъ вывелъ изъ міра души своей этотъ безплотный идеалъ, который томилъ и мучилъ его, когда вдоволь налюбовался и насладился своимъ твореніемъ, то почему не продать ему его?

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать ¹⁾.

Другое дѣло картина: продавши ее, художникъ разстается съ своимъ созданіемъ, лишается любимаго чада своей фантазіи; но словесное произведеніе, благодаря остроумному изобрѣтенію Гуттенберга, всегда при немъ: почему же дарами природы не вознаграждать несправедливости фортуны? Развѣ не деньгами Англійскіе и Французскіе журналы достигли той высокой степени совершенства, на которой мы теперь видимъ ихъ? Итакъ, Библіотека для Чтенія виновата не въ томъ, что дорого платитъ *Россійскимъ* авторамъ, а въ томъ, что надѣялась, разумѣется, для благосостоянія собственнаго своего кармана, надѣлать талантовъ посредствомъ денегъ. Одна изъ главныхъ обязанностей Русскаго журнала есть знакомить Русскую публику съ Европейскимъ просвѣщеніемъ. Какъ же знакомить съ нимъ насъ Библіотека для Чтенія? Она укорачиваетъ, обрубаешь, вытягиваетъ и передѣлываетъ на свой манеръ переводимыя ею изъ иностранныхъ журналовъ статьи, и еще хвалится

тѣмъ, что сообщаетъ имъ особеннаго рода, ей собственно принадлежащую, занимательность. Ей и на умъ не приходитъ, что публика хочетъ знать, какъ думаютъ о томъ или другомъ въ Европѣ, а отнюдь не то, какъ думаетъ о томъ или другомъ Библіотека для Чтенія. И потому переводныя статьи въ Библіотекѣ для Чтенія не имѣютъ никакой цѣны. Какія, напримѣръ, повѣсти переводить она? Издѣлія г-жъ *Мидфордъ* и другихъ пишущихъ въ родѣ покойника *Дюкре-дю-Мениля* и *Августа Лафонтена* съ братіею. Теперь, какова ея критика? Вамъ вѣрно извѣстны ея отзывы о сочиненіяхъ гг. *Бумарина*, *Греча*, *Калашникова*, и гг. *Хомякова*, *Вельтмана*, *Теплякова* и др. При разборѣ Черной Женищины критикъ Библіотеки изложилъ всю систему *анатоміи*, *физиологіи*, *электричества* и *магнетизма*, о коихъ и помину нѣтъ въ упомянутомъ романѣ: признаюсь—чудесная критика!

Какіе же геніи *Смирдинскаго* періода словесности? Это гг. *Баронъ Брамбеусъ*, *Гречъ*, *Кукольникъ*, *Воейковъ*, *Калашниковъ*, *Масальскій*, *Ершовъ* и мн. др. Чтò сказать о нихъ? Удивляюсь, благоговѣю—и безмолвствую! Замѣчу о первомъ только то, что послѣ извѣстной статьи въ *Телескопѣ*: Здравый Смыслъ и Баронъ Брамбеусъ, почтенный Баронъ сначала пріумолкъ, а потомъ пустился въ нравственность на манеръ г. *Булгарина*; и изъ подражателя Юной Словесности учинился подражателемъ автора *Выжигиныхъ*. Баронъ Брамбеусъ есть мизантропъ, сирѣчь челоуѣконенавистникъ: смѣсь *Руссо* съ *Поль-де-Кокомъ* и г. *Булгаринымъ*, онъ смѣется и издѣвается надъ всѣмъ и гонитъ особенно просвѣщеніе. Челоуѣконенавистники бываютъ двухъ родовъ: одни ненавидятъ челоуѣчество, потому что слишкомъ любятъ его; другіе потому, что, чувствуя свое ничтожество, какъ бы въ отмщеніе за себя изливаютъ свою желчь на все, чтò сколько-нибудь выше ихъ... Безъ всякаго сомнѣнія, Баронъ Брамбеусъ принадлежитъ къ первому роду челоуѣконенавистниковъ...

Послѣдній, т.-е. 1834 годъ былъ ознаменованъ только появленіемъ двухъ романовъ г. *Вельтмана* и Димитріемъ Самозванцемъ г. *Хомякова*: все остальное не стоитъ и упоминовенія. Г. *Хомяковъ* принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ талантовъ *Пушкинскаго* періода. Впрочемъ его драма есть замѣчательный шагъ впередъ для автора, а не для Русской литературы. Отличаясь многими лирическими красотами высокаго достоинства, она очень мало имѣетъ драматизма.

Итакъ, вотъ я рассказалъ вамъ всю исторію нашей литературы, перечелъ всѣ

¹⁾ У Бѣлинскаго ошибочно стоитъ вмѣсто „вдохновенье“—„сочиненье“. Мы всюду будемъ исправлять ошибочныя цитаты Бѣлинскаго, оговаривая это въ примѣчаніяхъ.

ея знаменитости отъ *Домошова*, перваго ея генія, до г. *Кукольника*, послѣдняго ея генія. Я началъ мою статью съ того, что у насъ нѣтъ литературы: не знаю, убѣдило ли насъ въ этой истинѣ мое обозрѣніе; только знаю, что если нѣтъ, то въ томъ виновато мое неумѣнье, а отнюдь не то, чтобы доказываемое мною положеніе было ложно. Въ самомъ дѣлѣ, *Державинъ*, *Пушкинъ*, *Крыловъ* и *Грибоедовъ* — вотъ всѣ ея представители; другихъ покуда нѣтъ и не ищите ихъ. Но могутъ ли составить цѣлую литературу четыре человѣка, являвшіеся не въ одно время? И притомъ, развѣ они были не случайными явленіями? Посмотрите на исторію иностранныхъ литературъ. Во *Франціи* вскорѣ послѣ *Корнеля* явились *Расинъ*, *Мольеръ*, *Лафонтенъ* и многіе другіе; потомъ, въ эпоху *Вольтера* сколько было знаменитостей литературныхъ! Теперь: *Гюго*, *Ламартинъ*, *Делавинъ*, *Барбье*, *Бальзакъ*, *Дюма*, *Жаненъ*, *Евгеній Сю*, *Жакобъ Библіофилъ* и столько другихъ. Въ *Германи*: *Лессингъ*, *Клопштокъ*, *Гердеръ*, *Шиллеръ*, *Гете* были современниками. Въ *Англіи*, въ послѣднее время *Байронъ*, *Вальтеръ-Скоттъ*, *Томасъ Муръ*, *Колриджъ*, *Сутей*, *Вордсвортъ*, и столько другихъ, явились почти въ одно время. Такъ ли у насъ? Увы!... Библіотека для Чтенія доказала великую и плачевную истину. Кромѣ двухъ или трехъ статей г. О., что вы прочли въ ней заслуживающаго хотя какое-нибудь вниманіе? Ровно ничего. Итакъ, соединенные труды всѣхъ нашихъ литераторовъ не произвели ничего выше золотой посредственности! Гдѣ же, спрашиваю васъ, литература? У насъ было много талантовъ и талантиковъ, но мало, слишкомъ мало художниковъ по призванію, т.-е. такихъ людей, для которыхъ писать и жить, жить и писать — одно и то же, которые уничтожаются внѣ искусства, которыми не нужно протекцій, не нужно меценатовъ, или, лучше сказать, которые гибнутъ отъ меценатовъ, которыхъ не убиваютъ ни деньги, ни отличія, ни несправедливости, которые до послѣдняго вздоха остаются вѣрными своему святому призванію. У насъ была эпоха схоластицизма, была эпоха плаксивости, была эпоха стихотворства, эпоха романовъ и повѣстей, теперь наступила эпоха драмы; но еще не было эпохи искусства, эпохи литературы. Стихотворство наше кончилось; мода на романы видимо проходить; теперь терзаемъ драму. И все это безъ причины, все это изъ подражательности: когда же наступитъ у насъ истинная эпоха искусства?

Она наступитъ, будьте въ томъ увѣрены! Но для этого надо сперва, чтобы у насъ образовалось общество, въ которомъ бы вы-

разилась физіономія могучаго Русскаго народа, надобно, чтобы у насъ было просвѣщеніе, созданное нашими трудами, возвращенное на родной почвѣ. У насъ нѣтъ литературы: я повторяю это съ восторгомъ, съ наслажденіемъ, ибо въ сей истинѣ вижу залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ. Присмотритесь хорошенько къ ходу нашего общества, и вы согласитесь, что я правъ. Посмотрите, какъ новое поколѣніе, разочаровавшись въ геніальности и безсмертіи нашихъ литературныхъ произведеній, вмѣсто того, чтобы выдавать въ свѣтъ недозрѣлыя творенія, съ жадностію предается изученію наукъ и черпаетъ живую воду просвѣщенія въ самомъ источникѣ. Вѣкъ ребячества проходитъ видимо. И дай Богъ, чтобы онъ прошелъ скорѣе! Но еще болѣе, дай Богъ, чтобы поскорѣе всѣ разувѣрились въ нашемъ литературномъ богатствѣ! Благородная нищета лучше мечтательнаго богатства! Придетъ время, просвѣщеніе разольется въ Россіи широкимъ потокомъ, умственная физіономія народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будутъ на всѣ свои произведенія налагать печать Русскаго духа. Но теперь намъ нужно ученье! ученье! ученье! Скажите, Бога ради, можетъ ли въ наше время обратить на себя вниманіе какой-нибудь недоучившійся мальчикъ, хотя бы онъ былъ надѣленъ отъ природы и умомъ и чувствомъ и талантомъ? Эготъ вѣчный старецъ *Гомеръ*, если онъ точно существовалъ на свѣтѣ, конечно не учился ни въ Академіи, ни въ Портикѣ; но это потому, что тогда ихъ и не было; это потому, что тогда учились изъ великой книги природы и жизни; а *Гомеръ*, если вѣрить преданіямъ, ревностно изучалъ природу и жизнь, обошелъ почти весь извѣстный тогда свѣтъ, и сосредоточилъ въ лицѣ своемъ всю современную мудрость. *Гете*, вотъ *Гомеръ*, вотъ прототипъ поэта нынѣшняго времени!

Итакъ, намъ нужна не литература, которая безъ всякихъ съ нашей стороны усилій явится въ свое время, а просвѣщеніе! И это просвѣщеніе не закоснитъ, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ мудраго Правительства. Русскій народъ смышленъ и понятливъ, усерденъ и горячъ ко всему благому и прекрасному, когда рука Царя-Отца указываетъ ему на цѣль, когда Его державный голосъ призываетъ его къ ней! И намъ ли не достигнуть этой цѣли, когда Правительство являетъ собою такой единственный, такой безпримѣрный образецъ попечительности о распространеніи просвѣщенія, когда оно издерживаетъ такіа громадныя суммы на содержаніе учебныхъ заведеній, ободряетъ блестящими наградами труды учащихся и учащихъ, открывая обра-

зованному уму и таланту путь къ достиженію всѣхъ отличій и выгодъ! Проходитъ ли хотя одинъ годъ безъ того, чтобы со стороны неусыпнаго Правительства не было совершенно новыхъ подвиговъ во благо просвѣщенія, или новыхъ благодѣяній, новыхъ щедротъ въ пользу ученаго сословія? Одно учрежденіе сословія *домашнихъ наставниковъ и учителей* должно повлечь за собой неисчислимыя блага для Россіи, ибо избавляетъ ее отъ вредныхъ слѣдствій иноземнаго воспитанія. Да! у насъ скоро будетъ *свое* Русское, народное просвѣщеніе; мы скоро докажемъ, что не имѣемъ нужды въ чуждой умственной опеке. Намъ легко это сдѣлать, когда знаменитые сановники, сподвижники Царя на трудномъ поприщѣ народоправленія, являются посреди любознательнаго юношества, въ центральномъ храмѣ Русскаго просвѣщенія, возвѣщать ему священную волю Монарха, указывать путь къ просвѣщенію, въ духѣ *православія, самодержавія и народности...*

Наше общество также близко къ своему окончательному образованію. Благородное дворянство наконецъ вполне увѣрилось въ необходимости давать своимъ дѣтямъ образованіе прочное, основательное, въ духѣ вѣры, вѣрности и національности. Наши молодчики, наши *деджи*, не имѣющіе никакихъ познаній, кромѣ навыка легко болтать всякій вздоръ по Французски, становятся смѣшными и жалкими анахронизмами. Съ другой стороны, не видите ли вы, какъ, въ свою очередь, быстро образуется купеческое сословіе и сближается въ семь отношеній съ высшимъ? О, повѣрьте, не напрасно держались они такъ крѣпко за свои почтенныя, окладистыя бороды, за свои долгополые кафтаны и за обычаи праотцевъ! Въ нихъ наиболѣе сохранилась Русская фizioномія, и, принявши просвѣщеніе, они не утратятъ ее, сдѣлаются типомъ народности. Равно взгляните, какое дѣятельное участіе начинаетъ принимать въ святомъ дѣлѣ отечественнаго просвѣщенія и наше духовенство... Да! въ настоящемъ времени зрѣютъ сѣмена для будущаго! И они взойдутъ и расцвѣтутъ, расцвѣтутъ пышно и великолѣпно, по гласу чадолюбивыхъ Монарховъ! И тогда будемъ мы имѣть *свою* литературу, явимся не подражателями, а соперниками Европейцевъ...

И вотъ я не только у берега, а уже на самомъ берегу, и, стоя на немъ, съ гордостію и удовольствіемъ озираю пройденное мною пространство. Нечего сказать, не близкій путь! Зато ужъ какъ я усталъ, какъ утомился! Дѣло непривычное, а дорога трудная. Но, любезный читатель, прежде нежели я совсѣмъ раскланяюсь съ вами, хочу сказать вамъ еще словечка два. Кто берется судить о другихъ, тотъ подвергается и самого себя еще строжайшему суду. Къ тому же авторское самолюбіе щекотливѣе и мстительнѣе всѣхъ другихъ родовъ самолюбія. Начавъ писать эту статью, я имѣлъ въ предметѣ позубоскалить надъ современною нашею литературою, и самъ не знаю, какъ зашелъ въ такую даль. Началъ за здравіе, а свелъ за упокой. Это перѣдко случается въ дѣлахъ жизни. Итакъ, признаюсь откровенно: не ищите въ моей Элегіи въ Прозѣ строгаго логическаго порядка. Элегисты никогда не отличались большою правильностью мышленія. Я имѣлъ цѣлю высказать нѣсколько истинъ, частію уже сказанныхъ, частію мною самимъ замѣченныхъ; но не имѣлъ времени хорошенько обдумать и обработать свою статью; у меня есть любовь къ истинѣ и желаніе общаго блага, но, можетъ быть, нѣтъ основательныхъ познаній. Что-жъ дѣлать? Эти два качества рѣдко сходятся въ одномъ лицѣ. Впрочемъ, я не говорилъ ни слова о томъ, что было выше моего понятія, и поэтому не коснулся до нашей *ученой* литературы. Думаю и вѣрю, что для споспѣшествованія успѣхамъ наукъ и словесности всякій можетъ смѣло и откровенно высказать свои мнѣнія, тѣмъ болѣе, если они, справедливыя или ложныя, суть слѣдствіе его убѣжденія, а не какихъ-нибудь корыстныхъ видовъ. Итакъ, если найдете, что я ошибался, то выскажите печатно ваше мнѣніе и уличите меня въ ложномъ взглядѣ на вещи: я прошу этого, какъ доказательства вашей любви къ истинѣ, и уваженія лично ко мнѣ, какъ къ человѣку; но не сердитесь на меня, если думаете не такъ. За симъ, любезный читатель: поздравляю васъ съ новымъ годомъ и новымъ счастьемъ... Простите!

Чембаръ

1834, Декабря 12 дня.

2. Сочиненія въ прозѣ и стихахъ Константина Батюшкова.

Спб., изд. второе, 1834 г.

Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій далъ блестящій, но мимолетный обзоръ всей русской литературы отъ Ломоносова до Пушкина; въ знаменитыхъ статьяхъ о Пушкинѣ, написанныхъ десятью годами позднѣе и составляющихъ кульминаціонный пунктъ критической дѣятельности Бѣлинскаго, мы снова имѣемъ классическій и на этотъ разъ болѣе подробный обзоръ—своего рода исторію русской литературы до-пушкинскаго періода. Въ десятилѣтнемъ промежуткѣ между „Литературными Мечтаніями“ и цикломъ статей о Пушкинѣ Бѣлинскій въ небольшихъ рецензіяхъ и отдѣльныхъ статьяхъ разобралъ почти всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся русскихъ писателей послѣ-петровскаго времени. Кантемиръ, Державинъ, Грибоѣдовъ, Бестужевъ-Марлинскій, Баратынскій, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь и др.—всѣмъ имъ посвящены отдѣльные разборы, большія статьи Бѣлинскаго, которыя читатель найдетъ ниже.

Батюшкову посвящена только настоящая небольшая рецензія, написанная черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ „Литературныхъ Мечтаній“. Въ этой рецензіи Бѣлинскій еще не нашелъ вѣрнаго тона для характеристики выдающагося дарованія Батюшкова, точно такъ же, какъ и въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ онъ посвятилъ ему только нѣсколько довольно холодныхъ строкъ (см. выше, стр. 57). Въ рецензіи Бѣлинскій дважды подчеркиваетъ „щеголеватость“ поэзіи Батюшкова, жеманство и кокетство въ отдѣлкѣ стихотвореній—качества, которыя были ненавистны Бѣлинскому. Въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“ (1836 г.) Бѣлинскій заявлялъ: „мы уважаемъ *благородство* въ литературѣ, но не терпимъ *паркетности*, высоко цѣнимъ *изящество*, но ненавидимъ *щегольство*“. Мнимая „щеголеватость“ Батюшкова заставила Бѣлинскаго отнестись такъ строго къ этому поэту. Правда, Бѣлинскій тутъ же отмѣчаетъ „пластицизмъ формъ“, красоту стиля и стиха—все то, чѣмъ восхищались въ Батюшковѣ его современники (1810—1820 г.). Бѣлинскій признаетъ въ Батюшковѣ *искусство*, но не видитъ въ немъ *чувства*, видитъ развитіе формы въ ущербъ

содержанію и противопоставляетъ ему въ этомъ отношеніи Жуковскаго, соединявшаго въ себѣ и то и другое.

Въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ Бѣлинскій отчасти измѣнилъ, отчасти развилъ высказанныя въ этой рецензіи положенія и поставилъ Батюшкова на заслуженную имъ высоту. Бѣлинскій въ этихъ статьяхъ воздалъ должное великолѣпному стиху Батюшкова, его „пластичности“ и „скульптурности“: „хочется ощупать извивы и складки мраморной драпировки стиха“—воскликаетъ Бѣлинскій и признаетъ, что Батюшковъ „заслуживаетъ удивленія“. Снова сравнивая его съ Жуковскимъ, онъ снова повторяетъ прежнюю мысль о томъ, что „Жуковский сдѣлалъ для содержанія русской поэзіи то, что Батюшковъ сдѣлалъ для формы“; но зато онъ мѣтко характеризуетъ и „паѳосъ“ поэзіи Батюшкова—„изящное сладострастіе“. Наконецъ, Бѣлинскій снова повторяетъ и развиваетъ ту мысль своей рецензіи, что „Батюшковъ былъ вполне сынъ своего времени“, и ту мысль изъ „Литературныхъ Мечтаній“, что Батюшковъ „стоялъ на рубежѣ двухъ вѣковъ“.

Такимъ образомъ въ статьѣ 1843 года Бѣлинскій развилъ тѣ же самыя мысли о Батюшковѣ, впервые высказанныя въ 1834—1835 г., исправивъ только свою прежнюю, недостаточно справедливую оцѣнку таланта Батюшкова, въ которомъ онъ теперь видитъ ближайшаго предшественника пушкинской формы. Это показываетъ, во-первыхъ, какъ неустанно шелъ впередъ Бѣлинскій въ своемъ критическомъ развитіи, и во-вторыхъ—какъ настойчиво повторялъ онъ, исправляя, тѣ критическія сужденія, которыя были имъ высказаны еще въ первой юношеской „элегіи въ прозѣ“.

Настоящая рецензія написана Бѣлинскимъ по поводу появленія второго (очень неполнаго) изданія сочиненій Батюшкова—почти что „посмертнаго“ изданія, такъ какъ тяжелая душевная болѣзнь Батюшкова, продолжавшаяся съ 1821 г. до самой смерти поэта (1855 г.), заживо вычеркивала его изъ списка живущихъ; оттого и Бѣлинскій всюду говоритъ о немъ въ прошедшемъ времени. Замѣтимъ кстати, что только полъ-вѣка

спустя послѣ настоящей рецензіи Бѣлинскаго вышло въ свѣтъ дѣйствительно полное, строго научное и достойное имени Батюшкова собраніе его сочиненій (1887 г., подъ редакціей и съ примѣчаніями Л. Майкова и В. Саитова, въ трехъ томахъ). Незаслуженное забвеніе, которымъ теперь окружено имя Батюшкова, быть можетъ, хотъ

немного разсѣялось бы, если бы мы имѣли, кромѣ этого громоздкаго изданія, общедоступное и комментированное собраніе лучшихъ произведеній этого большого поэта, быть можетъ, неуступающаго Жуковскому въ силѣ и степени дарованія, — какъ это призналъ въ концѣ концовъ и самъ Бѣлинскій.

И.-Р.

Наша литература, чрезвычайно богатая громкими авторитетами и звонкими именами, бѣдна до крайности истинными талантами. Вся ея Исторія шла такимъ образомъ: вмѣстѣ съ какимъ-нибудь свѣтиломъ, истиннымъ или ложнымъ, появлялось человѣкъ до десяти бездарныхъ людей, которые, обманывая сами въ своемъ художественномъ призваніи, обманывали неумышленно и добродушную и довѣрчивую нашу публику, блистали по нѣскольку мгновеній, какъ воздушные метеоры, и тотчасъ погасали. Сколько пало самыхъ громкихъ авторитетовъ съ 1825 года по 1835? Теперь даже и боги этого десятилѣтія, одинъ за другимъ, лишаются своихъ алтарей и погибаютъ въ Лѣтѣ съ постепеннымъ распространеніемъ истинныхъ понятій объ изящномъ и знакомства съ иностранными литературами. Тредьяковскій, Поповскій, Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ, Богдановичъ, Бобровъ, Капнистъ, г. Воейковъ, г. Катенинъ, г. Лобановъ, Висковатовъ, Крюковской, С. Н. Глинка, Бунина, братья Измайловы, В. Пушкинъ, Майковъ, кн. Шапиловъ — всѣ эти люди не только читались и приводили въ восхищеніе, но даже почитались поэтами; этого мало, нѣкоторые изъ нихъ слыли гениями первой величины, какъ-то: Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ и Богдановичъ; другіе были удостоены тогда почетнаго, но теперь потерявшаго смыслъ, титула образцовыхъ писателей¹⁾. Теперь, увы! имена однихъ изъ нихъ извѣстны только по преданіямъ о ихъ существованіи, другихъ потому только, что они еще живы, какъ люди, если не какъ поэты... Имя самого Карамзина уважается теперь какъ имя незабвеннаго дѣйствителя на поприщѣ образованія и двигателя общества, какъ писателя съ умомъ и рвеніемъ къ добру, но уже

не какъ поэта-художника... Но хотя авторская слава такъ часто бываетъ не прочна, хотя удивленіе и хвала толпы бываютъ такъ часто ложны, однако, слѣдая, она иногда какъ будто невзначай преклоняетъ свои колѣна предъ истиннымъ достоинствомъ. Но, повторяю, она часто дѣлаетъ это по слѣпотѣ, невзначай, ибо превозноситъ художника за то, за что порицаетъ его потомство, и, наоборотъ, порицаетъ его за то, за что превозноситъ его потомство. Батюшковъ служилъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ сей истины. Что этотъ человѣкъ былъ истинный поэтъ, что у него было большое дарованіе, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но за что превозносили его похвалами современники, чему удивлялись они въ немъ, почему превозгласили его образцовымъ (въ то время то же, что нынѣ гениальнымъ) писателемъ?... Отвѣчаю утвердительно: правильный и чистый языкъ, звучный и легкій стихъ, пластицизмъ формъ, какое-то жеманство и кокетство въ отдѣлкѣ, словомъ, какая-то классическая щеголеватость — вотъ что плѣняло современниковъ въ произведеніяхъ Батюшкова. Въ то время о чувствѣ не хлопотали, ибо почитали его въ искусствѣ лишнимъ и пустымъ дѣломъ, требовали искусства, а это слово имѣло тогда особенное значеніе и значило почти одно и то же съ вычурностію и неестественностію. Впрочемъ была и другая важная причина, почему современники особенно полюбили и отличили Батюшкова. Надобно замѣтить, что у насъ классицизмъ имѣлъ одно рѣзкое отличіе отъ Французскаго классицизма: какъ Французскіе классики старались щеголять звонкими и гладкими, хотя и надутыми, стихами и вычурно-обточенными фразами, такъ наши классики старались отличаться варварскимъ язы-

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, что писалъ о Майковѣ знаменитый драматургъ нашъ кн. Шаховской, въ краткомъ предисловіи къ своей Иронико-комической поэмѣ „Расхищенныя Шубы“, помѣщенной въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Россійскаго Слова 1811 года“: „На нашемъ языкѣ Василій Ивановичъ Майковъ сочинилъ Елисея, шуточную поэмку въ 4 пѣсняхъ. Отличныя дарованія сего поэта и прекраснѣйшіе стихи (!), которыми наполнено (чѣмъ: отличными дарованіями или прекраснѣйшими стихами?) его сочиненіе, заслуживаютъ справедливыя похвалы всѣхъ любителей Рус-

скаго слова; но содержаніе поэмы, взятое изъ само простонародныхъ происшествій, и буйственныя дѣйствія его героя не позволяютъ причесть сіе острое и забавное твореніе къ роду Иронико-Комическихъ поэмъ, необходимо требующихъ благопристойной шутливости“ (стр. 46). Такъ какъ это было давно, то я привожу это мнѣніе не въ укоръ знаменитому и многоуважаемому мною драматургу, а какъ фактъ для Исторіи Русской Литературы и доказательство, какъ непрочно удивленіе современниковъ къ авторамъ.

Прим. Бѣлинскаго.

комъ, истинною амальгамою славянщины и искаженного Русскаго языка, обрубали слова для мѣры, выламывали дубовыя фразы и называли это *иитическою вольностію*, которой во всѣхъ эстетикахъ посвящалась особая глава. *Батюшковъ* первый изъ Русскихъ поэтовъ былъ чуждъ этой *иитической вольности* — и современники его разахались. Мнѣ скажутъ, что *Жуковский* еще прежде *Батюшкова* выступилъ на поприще литературы: такъ, но *Жуковского* тогда плохо разумѣли, ибо онъ былъ слишкомъ не по плечу тогдашнему обществу, слишкомъ идеаленъ, мечтателенъ, и посему былъ заслоненъ *Батюшковымъ*. Итакъ, *Батюшкова* провозгласили образцовымъ поэтомъ и прозаикомъ и совѣтовали молодымъ людямъ, *упражняющимся* (въ часы досуговъ, отъ нечего дѣлать) *словесностію, подражать* ему. Мы, съ своей стороны, никому не посовѣтуемъ подражать *Батюшкову*, хотя и признаемъ въ немъ большое поэтическое дарованіе, а многія изъ его стихотвореній, несмотря на ихъ щеголеватость, почитаемъ драгоценными перлами нашей литературы. *Батюшковъ* былъ вполне сынъ своего времени. Онъ предощущалъ какую-то новую потребность въ своемъ художественномъ направленіи, но увлеченный классическимъ воспитаніемъ, которое основывалось на странномъ и безотчетномъ удивленіи къ Греческой и Латинской литературѣ, скованный слѣпымъ обожаніемъ Французской словесности и Французскихъ теорій, онъ не умѣлъ уяснить себѣ того, что предощущалъ какимъ-то темнымъ чувствомъ. Вотъ почему вмѣстѣ съ элегіею „Умирающій Тассъ“ — этимъ произведеніемъ, которое отличается глубокимъ чувствомъ, не поглощеннымъ формою, энергическимъ талантомъ, и которому въ параллель можно поставить только „*Андрея Шенье*“ *Пушкина*, онъ написалъ потомъ вялое, прозаическое посланіе „Къ Тассу“ (ч. II, стр. 98); вотъ почему онъ — творецъ *Элегии на развалинахъ замка въ Швеции, Тѣнь друга, Последняя весна, Омиръ и Гезіодъ, Къ другу, Къ Карамзину, И. М., М. А., къ Н., Переходъ черезъ Рейнъ* — подражалъ пошлому *Парни*, оставилъ намъ скучную сказку *Странствователь и Домосидъ*, отрывочный переводъ изъ *Тасса*, ужасающій *Херасковскими* ямбами, и множество стихотвореній рѣшительно плохихъ и, наконецъ, множество балласту, состоящаго изъ эпиграммъ, мадригаловъ и тому подобнаго; вотъ почему, признаваясь, что *Древніе герои подъ перомъ Фонтенеля нерѣдко преобразаются въ придворныхъ Людовика* времени, и напоминаютъ намъ *учтивыхъ пастуховъ* того же автора, которымъ недостаетъ *парика, манжетъ и красныхъ каблучковъ, чтобы шаркать въ Королевской передней* (ч. I,

стр. 101), онъ не видѣлъ того же самого въ сочиненіяхъ *Расина* и *Вольтера* и восхищался *Рюриками, Оскольдами, Олегами Муравьева*, въ которомъ благороднаго сановника, добродѣтельнаго мужа, умнаго и образованнаго челоѣка смѣшивалъ съ поэтомъ и художникомъ ¹⁾. Кромѣ поименованныхъ мною стихотвореній, нѣкоторыя замѣчательны по прелести стиха и формы, какъ напр.: *Воспоминаніе, Выздоровленіе, Мои Пенаты, Таврида, Источникъ, Пѣлѣный, Отрывокъ изъ Элегии* (стр. 75), *Мечта, къ П—ну, Разлука, Вакханка* и даже самыя подражанія *Парни*. Все остальное посредственно. Вообще отличительный характеръ стихотвореній *Батюшкова* составляетъ какая-то безпечность, легкость, свобода, стремленіе не къ *благороднымъ*, но къ *облагороженнымъ* наслажденіямъ жизни; въ семъ случаѣ они гармонируютъ съ первыми произведеніями *Пушкина*, исключая, разумѣется, тѣхъ, кои у сего послѣдняго проникнуты глубокимъ чувствомъ. Проза его любопытна, какъ выраженіе мнѣній и понятій одного изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Во всемъ прочемъ, кромѣ развѣ хорошаго языка и слога, она не заслуживаетъ никакого вниманія. Впрочемъ, лучшія прозаическія статьи суть: *Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи, о Поэзии и Поэтѣ, Прогулка въ Академію*, а самыя худшія: *О легкой поэзии, о сочиненіяхъ Муравьева* и въ особенности повѣсть: *Предслава и Добрыня*.

Теперь объ изданіи. Наружность онаго не только опрятна и красива, но даже роскошна и великолѣпна. Нельзя не поблагодарить отъ души г. *Смирдина* за этотъ прекрасный подарокъ, сдѣланный имъ публикѣ, тѣмъ болѣе, что онъ уже не первый, и, надѣмся, не послѣдній. Цѣна, по красотѣ изданія, самая умѣренная: въ Петербургѣ 15, а съ пересылкою въ другіе города 17 рублей ²⁾. Вотъ чѣмъ должны заслуживать общее уваженіе гг. книгопродавцы. Безкорыстныхъ подвиговъ мы можемъ желать отъ нихъ, но не *требовать*; цѣль дѣятельности купца есть барыши; въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, если только онъ пріобрѣтаетъ эти барыши честно и добросовѣстно, если онъ только не способствуетъ своими денежными средствами и своею излишнею падкостью къ выгодамъ,

¹⁾ *Муравьевъ*, какъ писатель, замѣчателенъ по своему нравственному направленію, въ которомъ просвѣчивалась его прекрасная душа, и по хорошему языку и слогу, который, какъ то можно замѣтить даже изъ отрывковъ, приведенныхъ *Батюшковымъ*, едва ли уступаетъ *Карамзинскому*.

Прим. Бѣлинскаго.

²⁾ Счетъ на ассигнаціи; это составляло приблизительно 4 руб. серебр.

распространенію дурныхъ книгъ и развращенію общественнаго вкуса.

Жаль только, что это изданіе, вполнѣ удовлетворяя требованія вкуса въ наружныхъ достоинствахъ, не удовлетворяетъ ихъ во внутреннихъ. Еще при выходѣ сочиненій *Державина* г. *Смирдину* было замѣчено въ одномъ Московскомъ журналѣ, что стихотворенія должны располагаться въ хронологическомъ порядкѣ, сообразно со временемъ ихъ появленія въ свѣтъ. Такого рода изданія

представляютъ любопытную картину постепеннаго развитія таланта художника и даютъ важные факты для Эстетика и для историка литературы. Напрасно г. *Смирдинъ* не обратилъ на это вниманія.

Изданіе украшено портретомъ и двумя виньетками превосходной отдѣлки. Первый рисунокъ г. *Кипренскимъ*, а послѣдній *Брюловымъ*; гравированы же тотъ и другія г. *Галактионовымъ*.

1835 г.

3. О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя.

(Арабески и Миргородъ).

Почти черезъ годъ послѣ „Литературныхъ Мечтаній“ Бѣлинскій написалъ статью „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“; въ статьѣ этой онъ снова развилъ основныя положенія, высказанныя имъ въ своей „элегіи въ прозѣ“, и примѣнилъ ихъ къ анализу творчества Гоголя,—или, по его собственному выраженію, къ основнымъ положеніямъ своей эстетики „приложилъ сочиненія г. Гоголя, какъ факты къ теоріи“.

Теорія эта намъ уже извѣстна; по формулировка ея въ этой статьѣ является новой. Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій, какъ мы знаемъ, проводилъ мысль о раздѣленіи и синтезѣ „субъективизма“ и „объективизма“ въ поэзіи—еще не употребляя этой терминологіи; въ настоящей статьѣ онъ говоритъ о такомъ же подраздѣленіи поэзіи на *идеальную* и *реальную*—что почти совершенно тождественно съ позднѣйшимъ дѣленіемъ ея на *романтическую* и *реалистическую*. „Идеальная“ поэзія является проявленіемъ субъективизма, „реальная“— проявленіемъ объективизма“ въ поэзіи: „поэтъ или пересоздаетъ жизнь по собственному идеалу, зависящему отъ образа его возрѣнія на вещи... или воспроизводитъ ее во всей ея наготѣ и истинѣ, оставаясь вѣренъ всѣмъ подробностямъ, краскамъ и оттѣнкамъ ея дѣйствительности. Поэтому поэзію можно раздѣлять... на *идеальную* и *реальную*“.

Итакъ, „идеальная“ поэзія, это—поэзія субъективная; это, по мнѣнію Бѣлинскаго, поэзія древняго міра по преимуществу, отраженіемъ и продолженіемъ которой въ настоящее время является лирическая поэзія. Наоборотъ, „реальная“ поэзія есть поэзія объективная, родоначальникомъ которой былъ Шекспиръ и которая къ XIX-му вѣку до-

стигла полного развитія: это „истинная и настоящая поэзія нашего времени“. Эта реальная поэзія должна быть „спокойнымъ и безпристрастнымъ зеркаломъ дѣйствительности“, въ которомъ „жизнь является какъ бы на позоръ, во всей наготѣ, во всемъ ея ужасающемъ безобразіи и во всей ея торжественной красотѣ“. Ни идеальной, ни реальной поэзіи нельзя дать окончательнаго преимущества, ибо „каждая изъ нихъ равна другой, когда удовлетворяетъ условіямъ творчества, т.-е. когда *идеальная* гармонируетъ съ чувствомъ, а *реальная*—съ истиною представляемой ею жизни“.

Съ этой мыслью объ объективности реальной поэзіи Бѣлинскій соединяетъ и другую уже извѣстную намъ мысль—о свободномъ творествѣ, о *безцѣльности* произведеній искусства. „Творчество безцѣльно съ цѣлію“—высказываетъ Бѣлинскій уже отмѣченное нами положеніе: поэтъ творитъ цѣлесообразно—въ этомъ его субъективизмъ, но въ то же время безцѣльно—въ этомъ его объективизмъ; тотъ не художникъ, кто ставитъ себѣ какую-либо моральную или утилитарную задачу. „Творчество безсознательно съ сознаніемъ“—говоритъ Бѣлинскій—поэтъ сознаетъ, что творитъ, но въ то же время лишь безсознательно отражаетъ въ своемъ творествѣ и всеобщую жизнь природы, и жизнь своего народа. Литература должна быть „народной“, а „народность“ проявляется въ творествѣ поэта только безсознательно. „Развѣ Крыловъ потому народенъ въ высочайшей степени, что старался быть народнымъ? Нѣтъ, онъ объ этомъ нимало не думалъ;... онъ былъ народенъ безсознательно“,—говорилъ Бѣлинскій еще въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ (см. выше, стр. 88). И ту же основ-

ную мысль своей „элегіи въ прозѣ“ онъ развиваетъ и въ настоящей статьѣ; мы уже знаемъ, что это мысль о *свободномъ творчествѣ* поэта, безсознательно проявляющаго въ своемъ „безцѣльномъ съ цѣлью“ творчествѣ внутреннюю жизнь своего народа. Эта основная мысль примѣняется теперь Бѣлинскимъ къ реальной поэзіи вообще и къ творчеству Гоголя въ частности.

О Гоголѣ Бѣлинскій впервые упомянулъ еще въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, посвятивъ ему тамъ мимоходомъ немного строкъ (см. выше, стр. 95). Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого появились новыя книги Гоголя, „Арабески“ и „Миргородъ“, въ которыхъ были помѣщены такія его вещи, какъ „Тарасъ Бульба“, „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Записки сумасшедшаго“ и др. Бѣлинскій немедленно откликнулся коротенькой рецензіей („Молва“, 1835 г., № 15), съ обѣщаніемъ поговорить въ ближайшемъ будущемъ подробнѣе о „новыхъ произведеніяхъ игривой и оригинальной фантазіи г. Гоголя“. Это обѣщаніе онъ и исполнилъ въ настоящей статьѣ, появившейся черезъ полгода. За эти полгода Бѣлинскій значительно измѣнилъ свое мнѣніе о Гоголѣ. Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ онъ называлъ его „подающимъ надежды“; въ отмѣченной выше рецензіи онъ говорилъ о томъ, что надежды эти отчасти исполняются; въ одновременной статейкѣ „И мое мнѣніе объ игрѣ г. Каратыгина“ Бѣлинскій заявлялъ, что „пока еще не видитъ генія въ г. Гоголѣ“, и что его повѣсть „Портретъ“ — „рѣшительно никуда не годится“. Это говорилось на страницахъ апрѣльскихъ №№ „Молвы“ 1835 г.; статья же „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“ была написана Бѣлинскимъ въ августѣ того же года. Въ этой статьѣ Бѣлинскій провозглашаетъ уже Гоголя „главою литературы, главою поэтовъ“, ставитъ его рядомъ съ Пушкинымъ и „на мѣсто, оставленное Пушкинымъ“. Бѣлинскій прекрасно понимаетъ, что и „Арабески“ и „Миргородъ“ только первые шаги Гоголя, что весь онъ еще въ будущемъ, — и тѣмъ не менѣе по этимъ первымъ штрихамъ узнаетъ и предвидитъ великаго писателя въ будущемъ. Критическая прозорливость Бѣлинскаго въ этомъ случаѣ граничитъ съ геніальностью.

Мы замѣтили только-что, что такое окончательное сужденіе о Гоголѣ Бѣлинскій закрѣпилъ на бумагѣ лишь въ августѣ 1835 г. и что еще въ апрѣлѣ того же года онъ относился къ Гоголю гораздо холоднѣе. Очевидно, что не одинъ разъ перечитывая повѣсти Гоголя лѣтомъ 1835 года, передъ тѣмъ какъ приняться за писаніе этой своей статьи Бѣлинскій почувствовалъ громадную силу нарождающагося таланта и понялъ возмож-

ное значеніе его въ будущемъ. Мы намѣренно подчеркиваемъ даты этихъ статей Бѣлинскаго, чтобы указать на совершенную самостоятельность его сужденій. Дѣло въ томъ, что весною 1835 года Надеждинъ уѣхалъ за границу, а Станкевичъ въ началѣ лѣта уѣхалъ въ деревню; около Бѣлинскаго не было, слѣдовательно, ни одного изъ тѣхъ двухъ людей, которые могли бы оказать на него хоть какое-нибудь вліяніе. Статья о Гоголѣ является поэтому блестящимъ доказательствомъ (для того, кому это нужно доказывать) самостоятельности литературныхъ взглядовъ Бѣлинскаго; мы уже имѣли случай замѣтить, что твердость и устойчивость критическихъ взглядовъ Бѣлинскаго является для него, вообще говоря, весьма характерной.

Но Бѣлинскій не только первый поставилъ Гоголя на надлежащую высоту; Бѣлинскій — и это гораздо важнѣе — первый вскрылъ въ этой же статьѣ „паѳосъ“ гоголевскаго творчества (по позднѣйшему излюбленному выраженію Бѣлинскаго), сущность его генія. „Комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія“ — это опредѣленіе поэзіи Гоголя Бѣлинскій трижды повторяетъ на протяженіи статьи; „слезными комедіями“ называетъ онъ его повѣсти: „онѣ смѣшны, когда вы ихъ читаете, и печальны, когда вы ихъ прочтете“, — говоритъ Бѣлинскій въ позднѣйшей статьѣ („О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“, мартъ 1836 года). Смѣхъ, побѣждаемый слезами, — вотъ „паѳосъ“ гоголевскаго творчества; и когда вполнѣ Гоголь говорилъ о своемъ видимомъ міру смѣхъ сквозь незримыя міру слезы, то онъ былъ не совсѣмъ правъ: его „незримыя слезы“ сразу узрѣлъ Бѣлинскій и сдѣлалъ эти слезы видимыми всему читающему міру.

Намъ осталось еще указать, какимъ образомъ Бѣлинскій прилагалъ „сочиненія г. Гоголя, какъ факты къ (своей) теоріи“, — теоріи, намѣченной нами выше. Мысли о свободномъ творчествѣ, о внѣшней „безцѣльности“ искусства, о безсознательной „народности“ художника — всѣ эти мысли Бѣлинскій прилагалъ къ произведеніямъ Гоголя, какъ теорію къ фактамъ. Онъ подчеркивалъ величайшую объективность этого писателя: Гоголь — говоритъ Бѣлинскій — „всегда одинаковъ, никогда не измѣняетъ себѣ, даже и въ такомъ случаѣ, когда увлекается поэзіею описываемаго имъ предмета. Безпристрастіе его идолъ“. И въ то же время его творчество лишено всякой внѣшней цѣли — нравоучительной, моральной, дидактической. „Нравственность въ сочиненіи должна состоять въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнрав-

ственную цѣль“, — замѣчаетъ Бѣлинскій, и именно потому видитъ ненамѣренную „чистѣйшую нравственность“ въ повѣстяхъ Гоголя, въ ихъ „спокойномъ гуморѣ“: „вотъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ правоученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и ему дѣла нѣтъ до того, каковы онѣ, и онъ рисуетъ ихъ безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать“... Это „безцѣльное“ творчество Гоголя является въ то же время и бессознательнымъ проявленіемъ „народности“: какъ и всѣ истинные художники, Гоголь народенъ бессознательно, произвольно, не можетъ не быть народнымъ. „Эта народность, — замѣчаетъ Бѣлинскій — очень похожа на Тѣнь въ баснѣ Крылова: г. Гоголь о ней нисколько не думаетъ, и она сама напрашивается къ нему, тогда какъ многіе изъ всѣхъ силъ гоняются за нею и ловятъ — одну тривиальность“...

Такъ прилагалъ Бѣлинскій свое основное эстетическое воззрѣніе, высказанное еще въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, къ творчеству великаго представителя „реальной поэзіи“. Эта эстетическая теорія скоро стала и для самого Бѣлинскаго и для всего русскаго общества превзойденной ступенью; черезъ нѣсколько лѣтъ Бѣлинскій отказался отъ своей „художественной точки зрѣнія“ и уже не говорилъ, будто Гоголь „рисуетъ вещи безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать“... Бѣлинскій понялъ, что такое крайнее эстетическое воззрѣніе не охватываетъ всей сущности дѣла — и измѣнилъ свои взгляды; но сущность творчества Гоголя была опредѣлена имъ разъ навсегда въ настоящей статьѣ. Въ статьяхъ 1842 г., по поводу „Мертвыхъ душъ“, Бѣлинскій еще разъ вплотную подошелъ къ анализу творче-

ства Гоголя, не говоря уже о томъ, что всегда пользовался случаемъ въ различныхъ своихъ статьяхъ возможно продолжительнѣе останавливаться на Гоголѣ. Такъ, напри- мѣръ, въ статьѣ о „Горѣ отъ ума“ Бѣлинскій почти столько же говоритъ о „Ревизорѣ“ и о Гоголѣ, сколько и о комедіи Грибоедова. Намъ еще не разъ придется останавливаться на отношеніи Бѣлинскаго къ Гоголю.

Въ настоящей статьѣ Бѣлинскій, изложивъ свои теоретическія воззрѣнія и прежде чѣмъ перейти къ повѣстямъ Гоголя, — дѣлаетъ краткій историческій обзоръ русской повѣсти вообще. Марлинскій, Одоевскій, Погодинъ, Полевой, Павловъ, Гоголь — вотъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, „полный кругъ исторіи русской повѣсти“. О Марлинскомъ, Одоевскомъ и Полевомъ Бѣлинскій далъ въ послѣдствіи, въ 1840—1847 г., отдѣльныя статьи; что же касается до повѣстей Погодина и Павлова, то къ нимъ Бѣлинскій вполне заслуженно отнесся равнодушно. Въ то время повѣсти Павлова произвели нѣкоторый шумъ своимъ „либерализмомъ“ (по тогдашнему времени), отрицательнымъ отношеніемъ и къ „большому свѣту“, и къ крѣпостному праву, но все это было очень не глубоко, холодно, надуманно, хотя и ловко „сдѣлано“. Бѣлинскій сразу почувствовалъ это. Повѣсти же Погодина были совершенно случайнымъ, хотя и любопытнымъ явленіемъ; Бѣлинскій далъ имъ точную и вѣрную характеристику.

Взгляды, выраженные Бѣлинскимъ въ этой статьѣ и въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, были повторены и развиты въ статьѣ „Ничто о ничемъ“, появившейся въ самомъ началѣ 1836 года; во вступительной замѣткѣ къ ней мы еще вернемся къ извѣстному уже намъ ряду основныхъ положеній Бѣлинскаго.

И.-Р.

Русская литература, несмотря на свою незначительность, несмотря даже на сомнительность своего существованія, которое теперь многими признается за мечту, Русская литература испытала множество чуждыхъ и собственныхъ вліяній, отличилась множественностью направленій. Такъ какъ это имѣетъ прямое отношеніе къ предмету моей статьи, то укажу, въ краткихъ очеркахъ, на главнѣйшія изъ этихъ вліяній и направленій. Литература наша началась вѣкомъ *схоластицизма*, потому что направленіе ея великаго основателя было не столько художественное, сколько ученое, которое отразилось и на его поэзіи, вслѣдствіе его ложныхъ понятій объ искусствѣ. Сильный авторитетъ его бездарныхъ послѣдователей, изъ коихъ главнѣй-

шими были Сумароковъ и Херасковъ, поддержалъ и продолжилъ это направленіе. Не имѣя ни искры генія Ломоносова, эти люди пользовались не меньшимъ и еще чуть ли не большимъ, чѣмъ онъ, авторитетомъ и сообщали юной литературѣ характеръ *тяжеловѣдантическій*. Самъ Державинъ заплатилъ, къ несчастію, слишкомъ большую дань этому направленію, чрезъ что много повредилъ и своей самобытности и своему успѣху въ потомствѣ. Вслѣдствіе этого направленія, литература раздѣлилась на „оду“ и „эническую, иначе героическую піэму“. Последняя въ особенности почиталась торжественнѣйшимъ проявленіемъ поэтическаго генія, вѣщомъ творческой дѣятельности, альфой и омегой всякой литературы, конечною цѣлюю

художественной дѣятельности каждаго народа и всего человѣчества ¹⁾). Петрида произвела достойныхъ себя чадъ — Россіаду и Владиміра; а эти, въ свою очередь, нѣсколько длинныхъ Петровъ и наконецъ пресловутую Александрониду... Потомъ, только и слышно было, какъ наши лирики, *униваясь одобрѣніемъ*, по выраженію одного изъ нихъ, въ своихъ громогласныхъ одахъ, взапуски заставляли *плясать рыки и скакать голмы*... Это было главное, характеристическое направленіе; еще тогда же и послѣ были другія, хотя и не столь сильныя: Крыловъ родилъ тѣмъ баснописцевъ, Озеровъ трагиковъ, Жуковскій балладистовъ, Батюшковъ элегистовъ. Словомъ, каждый замѣчательный талантъ заставлялъ плясать подъ свою дудку толпы бездарныхъ писателей. Еще вѣкъ тяжелаго схоластицизма не кончился, еще онъ былъ, какъ говорится, во всемъ своемъ разгарѣ, какъ Карамзинъ основалъ новую школу, далъ литературѣ новое направленіе, которое, вначалѣ, ограничило схоластицизмъ, а въ послѣдствіи совершенно убило его. Вотъ главная и величайшая заслуга этого направленія, которое было нужно и полезно, какъ реакція, и вредно, какъ направленіе ложное, которое, сдѣлавши свое дѣло, требовало, въ свою очередь, сильной реакціи. По причинѣ огромнаго и деспотическаго вліянія Карамзина и многосторонней его литературной дѣятельности, новое направленіе долго тяготѣло и надъ искусствомъ, и надъ наукой, и надъ ходомъ идей и общественнаго образованія. Характеръ этого направленія состоялъ въ *сантиментальности*, которая была одностороннимъ отраженіемъ характера Европейской литературы XVIII вѣка. Въ то время, когда это *сантиментальное* направленіе было во всемъ цвѣту своемъ, Жуковскій ввелъ литературный *мистицизмъ*, который состоялъ въ *мечтательности*, соединенной съ ложнымъ *фантастическимъ*, но который въ самомъ-то дѣлѣ былъ не что иное, какъ нѣсколько возвышенный, улучшенный и подновленный *сантиментализмъ*, и хотя породилъ тѣмъ бездарныхъ подражателей, но былъ великимъ шагомъ впередъ ²⁾). Съ половины второго десятилѣтія XIX вѣка совершенно кончи-

лась эта однообразность въ направленіи творческой дѣятельности: литература разбѣжалась по разнымъ дорогамъ. Хотя огромное вліяніе Пушкина (который, скажемъ мимоходомъ, составляетъ, на пустынномъ небосклонѣ нашей литературы, вмѣстѣ съ Державинымъ и Грибоедовымъ, пока единственное поэтическое созвѣздіе, блестящее для вѣковъ) и этому періоду нашей словесности сообщило какой-то общій характеръ: но, въ первыхъ, самъ Пушкинъ былъ слишкомъ разнообразенъ въ тонахъ и формахъ своихъ произведеній, потомъ, вліяніе старыхъ авторитетовъ еще не потеряло своей силы, и, наконецъ, знакомство съ Европейскими литературами показало новые роды и новый характеръ искусства. Вмѣстѣ съ поэмой *Пушкинскою* появились романъ, повѣсть, драма, усилилась элегія, и не были забыты баллада, ода, басня, даже самая эклога и идиллія.

Теперь совсѣмъ не то: теперь вся наша литература превратилась въ романъ и повѣсть. Ода, эпическая поэма, баллада, басня, даже такъ называемая, или, лучше сказать, такъ называвшаяся, *романтическая поэма*, поэма *Пушкинская*, бывало наводившая и потоплявшая нашу литературу—все это теперь не больше, какъ воспоминаніе о какомъ-то веселомъ, но давно минувшемъ времени. Романъ все убилъ, все поглотилъ, а повѣсть, пришедшая вмѣстѣ съ нимъ, изгладилла даже и слѣды всего этого, и самъ романъ съ почтеніемъ посторонился и далъ ей дорогу впереди себя. Какія книги больше всего читаются и раскупаются? Романы и повѣсти. Какія книги доставляютъ литераторамъ и дома, и деревни? Романы и повѣсти. Какія книги пишутъ всѣ наши литераторы, призванные и непризванные, начиная отъ самой высокой литературной аристократіи до неугомонныхъ рыцарей Толкуна и Смоленскаго рынка? Романы и повѣсти. Чудное дѣло! но это еще не все: въ какихъ книгахъ излагается и жизнь человѣческая, и правила нравственности, и философическія системы и, словомъ, всѣ науки? Въ романахъ и повѣстяхъ.

Вслѣдствіе какихъ же причинъ произошло это явленіе? Кто, какой геній, какой могущественный талантъ произвелъ это новое направленіе?... На этотъ разъ нѣтъ виноватаго; причина въ духѣ времени, во всеобщемъ, и, можно сказать, всемірномъ направленіи.

Правда, и здѣсь было вліяніе иностранныхъ литературъ, что очень естественно, ибо народъ, начинающій принимать участіе въ жизни образованной части человѣчества, не можетъ быть чуждымъ никакого общаго умственнаго движенія. По крайней мѣрѣ,

¹⁾ Это смѣшное и жалкое направленіе до того было сильно и такъ долго продолжалось, что многіе литераторы, въ 1813 г., совѣтовали г. *Иванчину-Писареву*, написавшему довольно фразистую „Написъ на полѣ Бородинскомъ“, написать—что бы вы думали?—*Эпическую поэму!*... *Прим. Бѣлинскаго.*

²⁾ Говоря о Жуковскомъ, я имѣю въ виду направленіе, произведенное имъ на литературу, а не оцѣнку его литературныхъ заслугъ, разумѣю его баллады и малое число оригинальныхъ пьесъ, а не переводы вообще, которыми наша литература по справедливости гордится. *Прим. Бѣлинскаго.*

это уже не было слѣдствіемъ успѣха или сильнаго авторитета одного какого-нибудь лица, но было слѣдствіемъ общей потребности. Правда, мы еще не забыли, хотя по имени, прадѣдушку нашихъ романовъ—Ивана Выжигина; но онъ былъ ихъ прадѣдушкою только по времени своего появленія, а не по внутреннему достоинству. Не успѣхъ его заставилъ всѣхъ писать романы, но онъ доказалъ общую потребность. Надобно же было кому-нибудь начать. Притомъ же, вопросъ состоялъ не въ томъ: будетъ ли имѣть успѣхъ на Руси романъ? Этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ, ибо тогда переводные Романы Вальтера Скотта уже начали разливаться по Россіи широкимъ потокомъ. Вопросъ состоялъ въ томъ: можетъ ли имѣть на Руси успѣхъ Русский романъ, написанный по-русски и почерпнутый изъ Русской жизни? Г. Булгарину случилось прежде другихъ рѣшить этотъ вопросъ: вотъ и все.

Романъ и теперь еще въ силѣ, и, можетъ быть, надолго или навсегда будетъ удерживать почетное мѣсто, полученное, или, лучше сказать, завоеванное имъ между родами искусства; но повѣсть во всѣхъ литературахъ теперь есть исключительный предметъ вниманія и дѣятельности всего, что пишетъ и читаетъ, нашъ дневной насущный хлѣбъ, наша настольная книга, которую мы читаемъ, смыкая глаза почью, читаемъ открывая ихъ поутру. Есть еще третій родъ поэзіи, который долженъ бы въ наше время раздѣлять владычество съ романомъ и повѣстью: это *драма*, хотя ея успѣхи и заслонены успѣхомъ романа и повѣсти. Вслѣдствіе этого всеобщаго направленія, и въ нашей литературѣ господствующими родами поэзіи сдѣлались романъ и повѣсть, и сдѣлались, повторяю, не столько вслѣдствіе слѣпого подражанія, или преобладанія какого-нибудь сильнаго дарованія, или, наконецъ, оболъщенія слишкомъ необыкновеннымъ успѣхомъ какого-нибудь творенія, сколько вслѣдствіе общей потребности господствующаго духа времени.

Въ чемъ же заключается причина этой общей потребности, этого господствующаго духа времени, которые всѣ литературы подвели подъ форму романовъ и повѣстей?

Поэзія двумя, такъ сказать, способами объемлетъ и воспроизводитъ явленія жизни. Эти способы противоположны одинъ другому, хотя ведутъ къ одной цѣли. Поэтъ или пересоздаетъ жизнь по собственному идеалу, зависящему отъ образа его воззрѣнія на вещи, отъ его отношеній къ міру, къ вѣку и народу, въ которомъ онъ живетъ, или воспроизводитъ ее во всей ея наготѣ и истинѣ, оставаясь вѣренъ всѣмъ подробностямъ, краскамъ и оттѣнкамъ ея дѣйствительности.

Поэтому, поэзію можно раздѣлить на два, такъ сказать, отдѣла — на *идеальную* и *реальную*. Объяснимся.

Поэзія всякаго народа въ началѣ своемъ бываетъ согласна съ *жизнію*, но въ раздорѣ съ *дѣйствительностію*, ибо у всякаго младенчествующаго народа, какъ и младенчествующаго человѣка, *жизнь* всегда враждуетъ съ *дѣйствительностію*. Истина жизни недоступна ни для того, ни для другого; ея высокая простота и естественность непонятна для его ума, неудовлетворительна для его чувства. Тѣ, что для народа возмужалого, какъ и для человѣка возмужалого, кажется торжествомъ бытія и высочайшею поэзіею, для него было бы горькимъ, безотраднымъ разочарованіемъ, послѣ котораго уже не зачѣмъ и не для чего жить. Разоблаченная и обнаженная отъ своихъ ложныхъ красокъ, жизнь представилась бы ему сухою, скучною, вялою и бѣдною прозою, какъ будто бы истина и дѣйствительность не совмѣстны съ поэзіею; какъ будто бы солнце менѣе великолѣпно и лучезарно, когда оно только простой и темный шаръ, а не торжественная колесница Феба; какъ будто бы лазурный куполъ неба менѣе прекрасенъ, когда онъ уже не звѣздный Олимпъ, жилище боговъ безсмертныхъ, а ограниченное нашимъ зрѣніемъ, безпредѣльное пространство, вмѣщающее въ себѣ міриады міровъ; какъ будто бы, наконецъ, земля, жилище человѣка, менѣе дивна, когда она лежитъ не на раменахъ Атланта, а держится и движется въ воздушномъ океанѣ, не поддерживаемая ничьею рукою, повинаясь одному простому закону тяготѣнія!... Такимъ-то образомъ первобытное человѣчество, въ лицѣ Грека, во всей полнотѣ кипящихъ силъ, во всемъ разгарѣ свѣжаго, живого чувства и юпаго, цвѣтущаго воображенія, объясняло явленія физическаго міра вліяніемъ высшихъ, таинственныхъ силъ. Такимъ же образомъ объясняло оно и явленія нравственнаго міра, подчинивъ ихъ вліянію какой-то грозной и неотразимой силы, которую оно назвало *Судьбою*. Для Грека не было законовъ природы, не было свободной воли человѣческой. И вотъ почему все, входящее въ кругъ обыкновенной жизни, все, объясняющееся простою причиною, почиталъ онъ недостойнымъ поэзіи, униженіемъ искусства, словомъ, *низкою природою* — выраженіе такъ глупо понятое, такъ нелѣпо принятое Французами XVIII столѣтія. Для него не существовало человѣка съ его свободою волею, его страстями, чувствами и мыслями, страданіями и радостями, желаніями и лишеніями, ибо онъ еще не созналъ своей индивидуальности, ибо его Я исчезало въ Я его народа, идея котораго трепещетъ и дышитъ въ его по-

этическихъ созданійхъ. Его лирическія пѣсни не носятъ на себѣ отпечатка воззрѣнія на міръ, слѣдовъ стремленія допытаться его тайнъ, въ нихъ нѣтъ унылой думы, грустной мечтательности: это—просто или торжественный гимнъ благодарности, или пламенный дионисіевъ радости, выраженіе безсознательной *хары*, ибо онъ смотрѣлъ на природу взоромъ любовника, а не мыслителя, любилъ ее, а не изслѣдовалъ и вполнѣ былъ доволенъ и очарованъ ею. При взглядѣ на нее не вопросы, а восторгъ тѣснился въ его душу, и онъ изливалъ этотъ восторгъ или въ благодарственномъ гимнѣ, или бѣшеномъ дионисіевѣ, или торжественной одѣ. Это его лиризмъ; теперь посмотримъ на его эпопею и драму. Чтò ему жизнь и судьба какого-нибудь частнаго человѣка—этотъ романъ, такъ простой и такъ обыкновенный? Давайте ему царя, полубога, героя! Чтò ему картина частной жизни, съ ея заботами и хлопотами, съ ея высокимъ и смѣшнымъ, съ ея горемъ и радостью, любовью и ненавистію—эта повѣсть, такъ мелочно-подробная, такъ суетно-ничтожная? Разверните передъ нимъ картину борьбы народа съ народомъ, представьте ему зрѣлище боевъ и кровопролитій, въ которыхъ принимаютъ участіе сами небожители и которыя оканчиваются по изволу и замыслу судьбы самовластной! Романъ и повѣсть для него пошлы—дайте ему поэму, поэму огромную, величественную, полную чудесъ, поэму, въ которой бы отражалась и виднѣлась вся жизнь его, со всѣми оттѣнками, какъ отражается и виднѣется въ чистомъ, спокойномъ зеркалѣ безбрежнаго океана лазоревое небо съ своими облаками,—дайте ему *Илиаду*!... Но проходитъ вѣкъ чудесъ, волею и неволею народъ сближается съ дѣйствительною жизнію и, вмѣсто поэмы, требуетъ драмы. Но онъ и тутъ не измѣняетъ себѣ: онъ только отдалился отъ прошедшаго, но онъ не забылъ его, не охладѣлъ къ нему, не развылся съ нимъ. Онъ уже начинаетъ приглядываться къ жизни, но, не довольный ею, не ее хочетъ перенести въ поэзію, но поэзію хочетъ перенести въ нее. Оставляя настоящее, онъ въ прошедшемъ ищетъ элементовъ для своей драмы; и потому его драма не *наша*, не *Шекспировская* драма, представительница жизни дѣйствительной, борьбы страстей съ волею человѣка,—нѣтъ: это родъ таинственнаго, религіознаго обряда, мрачная мистерія, жрица и пророчица Судьбы, словомъ, это *Трагедія*, трагедія высокая и благородная, въ царственномъ, героическомъ величіи, трагедія подъ маскою и на котурнѣ. Ея героемъ долженъ быть царь, полубогъ, герой, съ вѣнцомъ, вѣнкомъ или шлемомъ на головѣ, съ скипетромъ, мечемъ или щитомъ въ рукѣ,

въ длинной, волпующейся мантии; ея содержаніемъ долженъ быть жребій цѣлаго поколѣнія царей, полубоговъ или героевъ, тѣсно связанный съ судьбою какого-нибудь народа или какого-нибудь великаго событія, ибо участь простолюдина и подробности частной жизни оскорбили бы ея царственное величіе, исказили бы ея религіозный характеръ, ибо народъ хотѣлъ видѣть на сценѣ себя, свою жизнь, а не человѣка, не его жизнь. Для своей драмы, точно такъ же, какъ и для своей поэмы, выбираетъ онъ изъ жизни одно высокое, благородное и выбрасываетъ все обыкновенное, повседневное, домашнее, ибо его жизнь на площади, на полѣ брани, во храмѣ, въ судилищѣ, и тамъ его поэзія, а не въ домашнемъ кругу; персонажи его трагедіи должны говорить языкомъ высокимъ, облагороженнымъ, поэтическимъ, ибо они цари, полубоги, герои; его хоръ долженъ выражаться языкомъ таинственнымъ, мрачнымъ и вмѣстѣ торжественнымъ, ибо онъ есть органъ, истолкователь воли ужаснаго Рока.

Таковъ бываетъ характеръ поэзіи первобытныхъ народовъ; такова была поэзія Грековъ.

Но младенчество не вѣчно для человѣка, не вѣчно для народа, не вѣчно для человечества; за нимъ слѣдуетъ юность, потомъ возмужалость, а тамъ и старость. Поэзія также имѣетъ свои возрасты, которые всегда параллельны возрастамъ народа. Вѣкъ поэзіи идеальной оканчивается младенческимъ и юношескимъ возрастомъ народа, и тогда искусство должно или перемѣнить свой характеръ или умереть. Съ искусствомъ человечества нашего, новѣйшаго, случилось, какъ увидимъ ниже, первое; съ искусствомъ человечества древняго случилось послѣднее, ибо народу, котораго поэзія вначалѣ была идеальная, вслѣдствіе его идеальной жизни, невозможно перейти къ поэзіи реальной. Упрямо, на зло природѣ, держится онъ прошедшаго и въ духѣ и въ формахъ, и опытный мужъ, невооруженно утратившій вѣру въ чудесное, освоившійся съ опытомъ жизни, силится придать своимъ поэтическимъ созданіямъ колоритъ идеальный. Но такъ какъ у него поэзія не въ ладу съ жизнію, чего никогда не должно быть, то удивительно ли, что онъ становится на ходули, за малостію роста, румянится, за неимѣніемъ природнаго цвѣта юности, надувается, за недостаткомъ голоса, что его чудесное переходитъ въ холодную аллегорію, героизмъ въ донкихотство? Такова была поэзія Греческая, когда, кончивъ свой кругъ, блѣдною тѣнью промелькнула въ Александріи. Но чаще всего это случается съ народами, у которыхъ поэзія развилась не изъ жизни, а явилась вслѣд-

ствіе подражательности: она всегда бываетъ пародією на свой образецъ; ея величіе, благородство и идеальность похожи на паяца, въ мишурной порфирѣ и бумажной коронѣ, важно расхаживающаго надъ входомъ въ балаганъ. Такова была литература Латинская и Французская классическая (преимущественно драматическая). Мнимое благородство и возвышенность Французской классической трагедіи было не что иное, какъ мѣщанство во дворянствѣ, лакей во фракѣ барина, ворона въ павлиньихъ перьяхъ, обезьянское передражничество Грековъ, ибо оно не согласовалось съ жизнію. Но всего разительнѣе видно это въ поэмахъ. Иліада была создана народомъ, и въ ней отражалась жизнь Эллиновъ, она была для нихъ священной книгою, источникомъ религіи и нравственности—и эта Иліада бессмертна. Но скажите, Бога ради, что такое эти Энеиды, эти Освобожденные Іерусалимы, Потерянные Раи, Мессіады? Не суть ли это заблужденіе талантовъ, болѣе или менѣе могущественныхъ, попытки ума, болѣе или менѣе успѣвшія привести въ заблужденіе своихъ почитателей? Кто ихъ читаетъ, кто ими восхищается теперь? Не похожи ли они на старыхъ служивыхъ, которымъ отдають почтеніе не за заслуги, не за подвиги, а за старость лѣтъ? Не принадлежать ли они къ числу тѣхъ предразсудковъ, созданныхъ воображеніемъ, которые народъ уважаетъ, когда имъ вѣрить, и которые онъ щадитъ, когда уже имъ не вѣрить, щадитъ или за ихъ древность, или по привычкѣ, или по лѣности и неимѣнію свободного времени, чтобы разомъ разсмотрѣть ихъ окончательно и расшибить въ прахъ?... Но это вопросъ посторонній: обращаюсь къ дѣлу.

Младенчество Древняго міра кончилось; вѣра въ боговъ и чудесное умерла; духъ героизма исчезъ; насталь вѣкъ жизни дѣйствительной, и тщетно поэзія становилась на подмостки: въ ней уже не было этого высокаго простодушія, этого простого, благороднаго, спокойнаго и гигантскаго величія, причина которыхъ заключалась прежде въ гармоніи искусства съ жизнію, въ поэтической истинѣ. Міръ преобразился крестомъ, и обновленное и одухотворенное человѣчество пошло другою дорогою. Родилась идея человѣка, существа индивидуальнаго, отдѣльнаго отъ народа, любопытнаго безъ отношеній, въ самомъ себѣ... Унылая пѣснь трубадура, въ которой изливалось горе любви, жалоба тоскующей поселянки или заключенной принцессы, пѣснь торжества и побѣды, повѣсть любви, мщенія, подвига чести—все это получило отзывъ... Поэма превратилась въ романъ. Правда, этотъ романъ былъ рыцарскій, мечтательный, смѣсь бывалаго съ

небывалымъ, возможнаго съ невозможнымъ, по уже и не поэма, и въ немъ зрѣли сѣмена настоящаго романа. Наконецъ, въ XVI вѣкѣ совершилась окончательная реформа въ искусствѣ: Сервантесъ убилъ своимъ несравненнымъ Донъ-Кихотомъ ложно-идеальное направленіе поэзіи, а Шекспиръ навсегда помирилъ и сочеталъ ее съ дѣйствительною жизнію. Своимъ безграничнымъ и мірообъемлющимъ взоромъ проникъ онъ въ недоступное святилище природы человѣческой и истины жизни, подсмотрѣлъ и уловилъ таинственные біенія ихъ сокровеннаго пульса. Безсознательный поэтъ-мыслитель, онъ воспроизводилъ въ своихъ гигантскихъ созданіяхъ нравственную природу, сообразно съ ея вѣчными, неизбѣжными законами, сообразно съ ея первоначальнымъ планомъ, какъ будто бы онъ самъ участвовалъ въ составленіи этихъ законовъ, въ начертаніи этого плана. Новый Протей, онъ умѣлъ вдыхать *душу живу* въ мертвую дѣйствительность; глубокой аналитъ, онъ умѣлъ, въ самыхъ, повидимому, ничтожныхъ обстоятельствахъ и дѣйствіяхъ воли человѣка, находить ключъ къ разрѣшенію высочайшихъ психологическихъ явленій его нравственной природы. Онъ никогда не прибѣгаетъ ни къ какимъ пружинамъ или подставкамъ въ ходѣ своихъ драмъ; ихъ содержаніе развивается у него свободно, естественно, изъ самой своей сущности, по непреложнымъ законамъ необходимости. Истина, высочайшая истина—вотъ отличительный характеръ его созданій. У него нѣтъ идеаловъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова; его люди—настоящіе люди, какъ они есть, какъ должны быть. Каждая его драма есть символъ, отдѣльная часть міра, сосредоточенная фокусомъ фантазіи въ тѣсныхъ рамкахъ художественнаго произведенія и представленная какъ бы въ миниатюрѣ. У него нѣтъ симпатій, нѣтъ привычекъ, склонностей, нѣтъ любимыхъ мыслей, любимыхъ типовъ; онъ безстрастенъ, какъ

Думный дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
который

Спокойно зрѣтъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно.

Онъ былъ яркою зарею и торжественнымъ разсвѣтомъ эры новаго истиннаго искусства, и онъ нашелъ себѣ отзывъ въ поэтахъ новѣйшаго времени, которые возвратили искусству его достоинство, униженное, поруганное Французскими классиками. Еще въ концѣ XVIII вѣка, въ лицѣ Гёте и Шиллера—двухъ великихъ геніевъ, начавшихъ свое поприще изученіемъ Шекспира—они пошли по его слѣдамъ. Въ началѣ XIX вѣка явился новый великій геній, проникнутый его духомъ, который докончилъ соединеніе искусства съ

жизнию, взявъ въ посредники Исторію. Вальтеръ Скоттъ въ этомъ отношеніи былъ вторымъ Шекспиромъ, былъ главою великой школы, которая теперь становится всеобщей и всемірною. И кто знаетъ? можетъ быть, нѣкогда исторія сдѣлается художественнымъ произведеніемъ и смѣнить романъ такъ, какъ романъ смѣнилъ эпопею?... Развѣ уже и теперь не всѣ убѣждены, что Божіе твореніе выше всякаго человѣческаго, что оно есть самая дивная поэма, какую только можно вообразить, и что высочайшая поэзія состоитъ не въ томъ, чтобы украшать его, но въ томъ, чтобы воспроизводить его въ совершенной истинѣ и вѣрности?...

Итакъ, вотъ другая сторона поэзіи, вотъ поэзія *реальная*, поэзія жизни, поэзія дѣйствительности, наконецъ, истинная и настоящая поэзія нашего времени. Ея отличительный характеръ состоитъ въ вѣрности дѣйствительности; она не пересоздаетъ жизнь, но воспроизводитъ, возсоздаетъ ее, и, какъ выпуклое стекло, отражаетъ въ себѣ, подъ одною точкою зрѣнія, разнообразныя ея явленія, выбирая изъ нихъ тѣ, которыя нужны для составленія полной, оживленной и единой картины. Объемомъ и границами содержимаго этой картины должны опредѣляться великость и геніальность поэтическаго созданія. Чтобы докончить характеристику того, что я называю *реальною* поэзіею, прибавлю, что вѣчный герой, неизмѣнный предметъ ея вдохновеній, есть человѣкъ, существо самостоятельное, свободно дѣйствующее, индивидуальное, символъ міра, конечное его проявленіе, любопытная загадка для самого себя, окончательный вопросъ собственнаго ума, послѣдняя загадка своего любознательнаго стремленія... Разгадкою этой загадки, отвѣтомъ на этотъ вопросъ, рѣшеніемъ этой задачи—должно быть полное *сознаніе*, которое есть тайна, цѣль и причина его бытія!...

Удивительно ли, послѣ этого, что въ наше время преимущественно развилось это реальное направленіе поэзіи, это тѣсное сочтеніе искусства съ жизнью? Удивительно ли, что отличительный характеръ новѣйшихъ произведеній вообще состоитъ въ безпощадной откровенности, что въ нихъ жизнь является какъ бы на позоръ, во всей наготѣ, во всемъ ея ужасающемъ безобразіи и во всей ея торжественной красотѣ, что въ нихъ какъ будто вскрываютъ ее анатомическимъ ножомъ? Мы требуемъ не идеала жизни, но самой жизни, какъ она есть. Дурна ли, хороша ли, но мы не хотимъ ее украшать, ибо думаемъ, что, въ поэтическомъ представленіи, она равно прекрасна въ томъ и другомъ случаѣ, и потому именно, что истинна, и что гдѣ истина, тамъ и поэзія.

Итакъ, въ наше время невозможна *идеальная* поэзія? Нѣтъ, именно въ наше-то время и возможна она, и нашему времени предоставлено развить ее, только не въ томъ смыслѣ, какъ у Древнихъ. У нихъ поэзія была *идеальною* вслѣдствіе ихъ идеальной жизни; у насъ она существуетъ вслѣдствіе духа нашего времени. Говоря о поэзіи *реальной*, я упоминалъ только объ эпопеѣ и драмѣ и ничего не сказалъ о лиризмѣ. Чѣмъ отличается лиризмъ нашего времени отъ лиризма древнихъ? У нихъ, какъ я уже сказалъ, это было безотчетное изліяніе восторга, происходившаго отъ полноты и избытка внутренней жизни, пробуждавшагося при сознаніи своего бытія и воззрѣнія на внѣшній міръ и выражавшагося въ молитвѣ и пѣснѣ. Для насъ внѣшняя природа, безъ отношеній къ идеѣ всеобщей жизни, не имѣетъ никакого смысла, никакого значенія, мы не столько наслаждаемся ею, сколько стремимся постигнуть ее; для насъ наша жизнь, сознаніе нашего бытія, есть болѣе задача, которую мы ищемъ рѣшить, нежели даръ, которымъ бы мы спѣшили пользоваться. Мы приглядѣлись къ *ней*, мы свыклись съ *нею*; для насъ жизнь уже не веселое пиршество, не празднественное ликованіе, но поприще труда, борьбы, лишеній и страданій. Отсюда истекаетъ эта тоска, эта грусть, эта задумчивость и, вмѣстѣ съ ними, эта мыслительность, которыми проникнутъ нашъ лиризмъ. Лирический поэтъ нашего времени болѣе груститъ и жалуется, нежели восхищается и радуется, болѣе спрашиваетъ и изслѣдуетъ, нежели безотчетно восклицаетъ. Его пѣснь—жалоба, его ода—вопросъ. Если его пѣснь обращена на внѣшнюю природу, онъ не удивляется ей, не хвалитъ ее, а ищетъ въ ней допытаться тайны своего бытія, своего назначенія, своихъ страданій. Для всего этого ему кажутся тѣсны рамы древней оды, и онъ переноситъ свой лиризмъ въ эпопею и въ драму. Въ такомъ случаѣ, у него естественность, гармонія съ законами дѣйствительности—дѣло постороннее; въ такомъ случаѣ, онъ какъ бы заранѣе условливается, договаривается съ читателемъ, чтобы тотъ вѣрилъ ему на слово и искалъ въ его созданіи не жизни, а мысли. Мысль—вотъ предметъ его вдохновенія. Какъ въ оперѣ для музыки пишутся слова и придумывается сюжетъ, такъ онъ создаетъ, по волѣ своей фантазіи, форму для своей мысли. Въ этомъ случаѣ его поприще безгранично; ему открытъ весь дѣйствительный и воображаемый міръ, все роскошное царство вымысла, и прошедшее и настоящее, и исторія и басня, и преданіе, и народное суевѣріе и вѣрованіе, земля и небо и адъ! Безъ всякаго сомнѣнія, и тутъ есть своя логика, своя поэтическая

истина, свои законы возможности и необходимости, которымъ онъ остается вѣренъ, но только дѣло въ томъ, что онъ же самъ и творить себѣ эти условія. Эта новѣйшая *идеальная* поэзія ведетъ свое начало отъ Древней, ибо у нея заняла она благородство, величіе и поэтический, возвышенный языкъ, столь противоположный обыкновенному, разговорному, и уклончивость отъ всего мелочнаго и житейскаго. Чтобы не говорить много, скажу, что къ созданіямъ такого рода принадлежатъ, напримѣръ: „Фаустъ“ Гете, „Манфредъ“ Байрона, „Дядя“ Мицкевича, „Лалла-Рукъ“ Томаса Мура, Фантастическія видѣнія Жанъ-Поля, подражанія Гете и Шиллера Древнимъ („Ифигенія“, „Мессинская Невѣста“) и пр. Теперь думаю, что я довольно удовлетворительно объяснилъ различіе между тѣмъ, что я называю *идеальною* и *реальною* поэзіею.

Впрочемъ, есть точки соприкосновенія, въ которыхъ сходятся и сливаются эти два элемента поэзіи. Сюда должно отнести, во первыхъ, поэмы Байрона, Пушкина, Мицкевича, эти поэмы, въ которыхъ жизнь человѣческая представляется, сколько возможно, въ истинѣ, но только въ самыя торжественнѣйшія свои проявленія, въ самыя лирическія свои минуты; потомъ, всѣ эти юныя, незрѣлыя, но кипящія избыткомъ силы, произведенія, которыхъ предметъ есть жизнь дѣйствительная, но въ которыхъ эта жизнь какъ бы пересоздается и преображается, или вслѣдствіе какой-нибудь любимой, душевной мысли, или односторонняго, хотя и могучаго, таланта, или, наконецъ, отъ избытка пылкости, не дающей автору глубже и основательнѣе вникнуть въ жизнь и постичь ее такъ, какъ она есть, во всей ея истинѣ. Таковы „Разбойники“ Шиллера—этотъ пламенный, дикій диониромбъ, подобно лавѣ исторгнувшійся изъ глубины юной, энергической души—гдѣ событіе, характеры и положенія какъ будто придуманы для выраженія идей и чувствъ, такъ сильно волновавшихъ автора, что для нихъ были бы слишкомъ тѣсны формы лиризма. Нѣкоторые находятъ въ первыхъ драматическихъ произведеніяхъ Шиллера много фразъ; на примѣръ, говорятъ они, изъ всего огромнаго монолога ¹⁾ К. Моора, когда онъ объявляетъ разбойникамъ о своемъ отцѣ, человѣкъ въ подобномъ положеніи могъ бы сказать развѣ какихъ-нибудь два-три слова. По-моему, такъ

онъ не сказалъ бы ни слова, а развѣ только показалъ бы безмолвно рукою на своего отца, и однакожъ, у Шиллера, Мооръ говоритъ много, и однакожъ въ его словахъ нѣтъ и тѣни фразеологіи. Дѣло въ томъ, что здѣсь говоритъ не персонажъ, а авторъ; что въ цѣломъ этомъ созданіи нѣтъ истины жизни, но есть истина чувства; нѣтъ дѣйствительности, нѣтъ драмы, но есть бездна поэзіи; ложны положенія, неестественны ситуаціи, но вѣрно чувство, но глубока мысль; словомъ, дѣло въ томъ, что на Разбойниковъ Шиллера должно смотрѣть не какъ на драму, представительницу жизни, но какъ на лирическую поэму въ формѣ драмы, поэму огненную, кипучую. На монологъ Карла Моора должно смотрѣть не какъ на естественное, обыкновенное выраженіе чувствъ персонажа, находящагося въ извѣстномъ положеніи, но какъ на оду, которой смыслъ или предметъ есть выраженіе негодованія противъ изверговъ-дѣтей, попирающихъ святостію сыновняго долга. Вслѣдствіе такого взгляда, мнѣ кажется, должны исчезнуть всѣ фразы въ этомъ произведеніи Шиллера и уступить мѣсто истинной поэзіи.

Вообще можно сказать, что почти всѣ драмы Шиллера, больше или меньше, таковы (исключая „Маріи Стюартъ“ и „Вильгельма Теля“), ибо Шиллеръ былъ не столько великій драматургъ въ частности, сколько великій поэтъ вообще. Драма должна быть въ высочайшей степени спокойнымъ и безпристрастнымъ зеркаломъ дѣйствительности, и личность автора должна исчезать въ ней, ибо она есть по преимуществу поэзія *реальная*. Но Шиллеръ даже въ своемъ Валленштейнѣ выказывается, и только въ Вильгельмѣ Телѣ является истиннымъ драматикомъ. Но не обвиняйте его въ недостаткѣ генія или въ односторонности; есть умы, есть характеры, столь оригинальные и чудные, столь не похожіе на остальную часть людей, что кажутся чуждыми этому міру, и зато міръ кажется имъ чуждъ, и, недовольные имъ, они творятъ себѣ свой собственный міръ и живутъ только въ немъ: Шиллеръ былъ изъ числа такихъ людей. Покоряясь духу времени, онъ хотѣлъ быть *реальнымъ* въ своихъ созданіяхъ, но *идеальность* оставалась преобладающимъ характеромъ его поэзіи, вслѣдствіе влеченія его генія.

Итакъ, поэзію можно раздѣлить на *идеальную* и *реальную*. Трудно было бы рѣшить, которой изъ нихъ должно отдать преимущество. Можетъ быть, каждая изъ нихъ

ахъ содрогнулся бы предъ этимъ злодѣяніемъ.—Сынъ... отца своего!... О, посмотрите, посмотрите! онъ лишился чувствъ! въ этотъ погребъ ввергнулъ сынъ отца своего—холодъ, нагота, жажда!—посмотрите, посмотрите: это—мой отецъ!...

Прим. Валинскаго.

¹⁾ К. Мооръ. Неужели слезы этого старца не могли пробудить насъ! И вѣчный сонъ нарушился бы отъ нихъ! О, посмотрите, посмотрите! законы природы сдѣлались игрушкою злодѣя, узы природы разрушились! Сынъ убилъ отца своего!

Разб. Что говорятъ атаманы?

К. М. Нѣтъ! это слово еще уменьшаетъ его злодѣяніе! Нѣтъ! онъ не умертвилъ: онъ мучилъ, томилъ, колесовалъ—но всѣ эти слова недостаточны—и самый

равна другой, когда удовлетворяет условіямъ творчества, т.-е. когда *идеальная* гармонируетъ съ чувствомъ, а *реальная* съ истинною представляемой ею жизни. Но кажется, что послѣдняя, родившаяся вслѣдствіе духа нашего положительнаго времени, болѣе удовлетворяетъ его господствующей потребности. Впрочемъ, здѣсь много значить и индивидуальность вкуса. Но какъ бы то ни было, въ наше время та и другая равно возможны, равно доступны и понятны всѣмъ; но со всѣмъ этимъ, послѣдняя есть по преимуществу поэзія нашего времени, болѣе понятная и доступная для всѣхъ и каждаго, болѣе согласная съ духомъ и потребностію нашего времени. Теперь Мессинская Невѣста и Жанна д'Аркъ Шиллера найдутъ сочувствіе и отзывъ; но задушевными, любимыми созданіями времени всегда останутся тѣ, въ коихъ жизнь и дѣйствительность отражаются вѣрно и истинно.

Не знаю, почему въ наше время драма не оказываетъ такихъ большихъ успѣховъ, какъ романъ и повѣсть? Ужъ не потому ли, что она непременно требуетъ Гете, Шиллеровъ, если не Шекспировъ, на произведенія которыхъ природа особенно скупа, или потому, что драматическіе таланты вообще особенно рѣдки? Не умѣю рѣшить этого вопроса. Можетъ быть, романъ удобнѣе для поэтическаго представленія жизни. И въ самомъ дѣлѣ, его объемъ, его рамы до безконечности неопредѣленны; онъ менѣе гордъ, менѣе прихотливъ, нежели драма, ибо, плѣняя не столько частями и отрывками, сколько цѣлымъ, допускаетъ въ себя и такія подробности, такія мелочи, которыя при всей своей кажущейся ничтожности, если на нихъ смотрѣть отдѣльно, имѣютъ глубокий смыслъ и бездну поэзіи въ связи съ цѣлымъ, въ общности сочиненія; тогда какъ тѣсныя рамки драмы, прямо или косвенно, больше или меньше, но всегда покоряющейся сценическимъ условіямъ, требуютъ особенной быстроты и живости въ ходѣ дѣйствія и не могутъ допускать въ себя большихъ подробностей, ибо драма, преимущественно предъ всѣми родами поэзіи, представляетъ жизнь человѣческую въ ея высшемъ и торжественнѣйшемъ проявленіи. Итакъ, форма и условія романа удобнѣе для поэтическаго представленія человѣка, разсматриваемаго въ отношеніи къ общественной жизни, и вотъ, мнѣ кажется, тайна его необыкновеннаго успѣха, его безусловнаго владычества.

Но *повѣсть*? Ея значеніе, тайна ея владычества, теперь деспотическаго, своенравнаго, нетерпящаго соперничества? что такое и для чего эта повѣсть, безъ которой книжка журнала есть то же, что былъ бы человѣкъ въ обществѣ безъ сапогъ и галстука, эта

повѣсть, которую теперь всѣ пишутъ и всѣ читаютъ, которая воцарилась и въ будуарѣ свѣтской женщины и на письменномъ столѣ записнаго ученаго, наконецъ, эта повѣсть, которая какъ будто вытѣснила самый романъ?... Когда-то и гдѣ-то было прекрасно сказано, что *повѣсть есть эпизодъ изъ предѣльной поэмы судебъ человѣческихъ*. Это очень вѣрно; да, повѣсть — распавшійся на части, на тысячи частей романъ; глава, вырванная изъ романа. Мы люди дѣловые, мы безпрестанно суетимся, хлопчемъ, мы дорожимъ временемъ, намъ некогда читать большихъ и длинныхъ книгъ — словомъ, намъ нужна повѣсть. Жизнь наша, современная, слишкомъ разнообразна, многосложна, дробна: мы хотимъ, чтобы она отражалась въ поэзіи, какъ въ граненомъ, угловатомъ хрусталѣ, миллионы разъ повторенная во всѣхъ возможныхъ образахъ, и требуемъ повѣсти. Есть событія, есть случаи, которыхъ, такъ сказать, не хватило бы на драму, не стало бы на романъ, но которые глубоки, которые въ одномъ мгновеніи сосредоточиваютъ столько жизни, сколько не изжить ея и въ вѣка: повѣсть ловитъ ихъ и заключаетъ въ свои тѣсныя рамки. Ея форма можетъ вмѣстить въ себѣ все, что хотите — и легкій очеркъ нравовъ, и колкую саркастическую насмѣшку надъ человѣкомъ и обществомъ, и глубокое таинство души, и жестокую игру страстей. Краткая и быстрая, легкая и глубокая вмѣстѣ, она перелетаетъ съ предмета на предметъ, дробитъ жизнь по-мелочи и вырываетъ листки изъ великой книги этой жизни. Соедините эти листки подъ одинъ переплетъ, и какая обширная книга, какой огромный романъ, какая многосложная поэма составила бы изъ нихъ! Что въ сравненіи съ нею ваша безконечная Тысяча и одна ночь или обильная эпизодами Магабгарата и Рамаяны! Какъ бы хорошо шло къ этой книгѣ заглавіе: *Человѣкъ и Жизнь*!...

Въ Русской литературѣ повѣсть еще гостя, но гостя, которая, подобно ежу, вытѣсняетъ давнишнихъ и настоящихъ хозяевъ изъ ихъ законнаго жилища. Я уже говорилъ, въ началѣ моей статьи, и теперь повторяю, что романъ и повѣсть суть единственные роды, которые появились въ нашей литературѣ не столько по духу подражательности, сколько вслѣдствіе потребности. Думаю, что предыдущее разсужденіе содержитъ въ себѣ довольно удовлетворительное объясненіе причины ея появленія и успѣховъ. Теперь бросимъ взглядъ на ея ходъ въ нашей литературѣ.

Повѣсть наша началась недавно, очень недавно, а именно съ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. До того же времени она была чужеземнымъ растеніемъ, перевезен-

нымъ изъ-за моря по прихоти и модѣ, и насильственно пересаженнымъ на родную почву. Можетъ быть, поэтому она и не принялась. Карамзинъ первый, впрочемъ съ помощью Макарова, призналъ эту гостью, набѣленную и нарумяненную, какъ Русская купчиха, плаксивую и слезливую, какъ избалованное дитя-недотрога, высокопарную и надутую, какъ классическая трагедія, скучно-поучительную и приторно-нравственную, какъ лицемѣрная богомолка, воспитанницу мадамъ Жанлисъ, крестницу добренькаго *Флоріана*. Къ такому роду повѣстей принадлежатъ всѣ повѣсти, писавшіяся до двадцатыхъ годовъ, да ихъ, къ счастью, и немного было написано. „Марьяна Роща“ Жуковского, нѣсколько повѣстей покойнаго В. Измайлова и... право, не помню, какія еще.

Въ двадцатыхъ годахъ обнаружались первыя попытки создать истинную повѣсть. Это было время всеобщей литературной реформы, явившейся вслѣдствіе начинавшагося знакомства съ Нѣмецкою, Англійскою и новою Французскою литературами и съ здоровыми понятіями о законахъ творчества. Если повѣсть не оказала тогда настоящихъ успѣховъ, по крайней мѣрѣ обратила на себя всеобщее вниманіе по своей новості и необываемости. Чтобы не говорить много, скажу, что г. Марлинскій былъ первымъ нашимъ повѣствователемъ, былъ творцомъ, или, лучше сказать, зачинщикомъ Русской повѣсти.

Я уже имѣлъ случай высказать мое мнѣніе объ этомъ писателѣ, и такъ какъ потомъ, по собственномъ размышленіи и по соображеніи съ общимъ мнѣніемъ, не только не имѣлъ причинъ отказаться отъ него, но еще болѣе утвердился въ немъ, то теперь повторю уже сказанное мною прежде. Г. Марлинскій владѣетъ неотъемлемымъ и замѣтнымъ талантомъ, талантомъ разсказа, живого, остроумнаго, занимательнаго, но онъ не измѣрилъ своихъ силъ, не созналъ своего направленія и потому, доказавши, что имѣетъ талантъ, не сдѣлалъ почти ничего. Въ художественной дѣятельности есть своя добросовѣстность, и многіе авторы пришли бы въ большое замѣшательство, еслибы попросили ихъ разсказать исторію своихъ сочиненій, то-есть: побужденія, вслѣдствіе которыхъ онѣ написаны, обстоятельства, сопровождавшія ихъ появленіе на свѣтъ, а болѣе всего душевное, психическое состояніе автора въ то время, когда онъ писалъ. Вдохновеніе есть страдательное, можно сказать болѣзненное, состояніе души, и его симптомы теперь хорошо всѣмъ извѣстны. Человѣкъ въ горячкѣ, безъ труда, безъ усилій и безъ вреда себѣ поднимаетъ ужасныя тягости: это называется у медиковъ *энергіею*, или напряженнымъ состояніемъ жизненной дѣятель-

ности. Человѣкъ здоровый можетъ возбудить въ себѣ насильственно, до нѣкоторой степени, эту энергію, да бѣда въ томъ, что она должна дорого обойтись ему. Вдохновеніе, въ этомъ смыслѣ, есть энергія души, возбужденная не волею человѣка, но какимъ-то независящимъ отъ него вліяніемъ, и поэтому оно непринужденно и свободно. Есть еще другого рода вдохновеніе—вдохновеніе, усиленное волею, желаніемъ, цѣлью, расчетомъ, какъ будто приемомъ опиумъ. Плоды этого вдохновенія иногда блестящи на видъ, но ихъ блескъ есть блескъ фольги, а не золота, блескъ, тускнѣющій отъ времени. Правда, въ комъ нѣтъ таланта, тому нельзя придать даже и въ напряженный восторгъ, ибо напрягать можно только что-нибудь существующее, положительное, хотя и слабое; напрягать или натягивать чувство, фантазію, словомъ, талантъ, можетъ только тотъ, кто, хотя въ нѣкоторой степени, владѣетъ всѣмъ этимъ, и г. Марлинскій точно владѣетъ всѣмъ этимъ въ нѣкоторой степени, и, усиленнымъ, возбуждаетъ все это до высшей степени. Между множествомъ натяжекъ въ его сочиненіяхъ есть красоты истинныя, неподдѣльныя, но кому пріятно заниматься химическимъ анализомъ, вмѣсто того, чтобы наслаждаться поэтическимъ синтезомъ, и сверхъ того, кто можетъ довѣрчиво любоваться и истинною красотою, если и найдетъ такую, когда замѣтитъ множество поддѣльныхъ?.. Но это частности; что же касается до общности, цѣлости произведеній г. Марлинскаго, то объ нихъ еще менѣе можно сказать въ его пользу. Это не *реальная* поэзія—ибо въ нихъ нѣтъ истины жизни, нѣтъ дѣйствительности, такой, какъ она есть, ибо въ нихъ все придумано, все рассчитано по расчетамъ вѣроятностей, какъ это бываетъ при дѣланіи или сочиненіи машинъ; ибо въ нихъ видны нитки, коими сметано ихъ дѣйствіе, видны блоки и веревки, коими приводится въ движеніе ходъ этого дѣйствія: словомъ—это внутренность театра, въ которомъ искусственное освѣщеніе берется съ дневнымъ свѣтомъ и побѣждается имъ. Это не *идеальная* поэзія—ибо въ нихъ нѣтъ глубокости мысли, пламени чувства, нѣтъ лиризма, а если и есть всего этого понемногу, то напряженное и преувеличенное насильственнымъ усиленіемъ, что доказывается даже самою черезчуръ цвѣтистою фразеологіею, которая никогда не бываетъ слѣдствіемъ глубокаго, страдательнаго и энергическаго чувства.

Г. Марлинскій началъ свое поприще съ повѣстей Русскихъ, народныхъ, т.-е такихъ, содержаніе которыхъ берется изъ міра Русской жизни. Какъ опытъ, какъ попытка, онѣ были прекрасны, и въ свое время заслужили справедливое вниманіе; но, какъ произведе-

нія не созданныя, а сдѣланныя, они теперь утратили свою цѣну. Въ нихъ не было истины дѣйствительности, слѣдовательно, не было и истины Русской жизни. Народность ихъ состояла въ Русскихъ именахъ, въ избѣжаніи явнаго нарушенія вѣрности событій и обычаевъ и въ поддѣлкѣ подъ ладъ Русской рѣчи. въ поговоркахъ и пословицахъ, но не болѣе. Русскіе персонажи повѣстей г. Марлинскаго говорятъ и дѣйствуютъ, какъ Нѣмецкіе рыцари; ихъ языкъ риторическій, въ родѣ монологовъ классической трагедіи; и посмотрите съ этой стороны на Бориса Годунова Пушкина—то ли это?.. Но несмотря на все это, повѣсти г. Марлинскаго, не прибавивши ничего къ суммѣ Русской поэзіи, доставили много пользы Русской литературѣ, были для нея большимъ шагомъ впередъ. Тогда въ нашей литературѣ было еще полное владычество XVIII вѣка, Русскаго XVIII вѣка; тогда еще всѣ повѣсти и романы оканчивались счастливо; тогда нашу публику могли занять похождения какого-нибудь выходца изъ собачей конуры, тысяча первой пародіи на Жилблаза, негодяя, который смолodu подличалъ, обманывалъ, вдавался самъ въ обманъ, обольщалъ женщинъ и самъ былъ ихъ игрушкою, а потомъ изъ негодяя дѣлался вдругъ порядочнымъ человѣкомъ, влюблялся по расчету, женился счастливо и богато, и, съ миллиономъ въ карманѣ, принимался проповѣдывать пошлую мораль о блаженствѣ подъ соломенною кровлею, у свѣтлаго источника, подъ тѣнью развѣсистой березы. Въ повѣстяхъ г. Марлинскаго была новѣйшая Европейская манера и характеръ; вездѣ былъ виденъ умъ, образованность, встрѣчались отдѣльныя прекрасныя мысли, поражающія и своею новостью и своею истинною; прибавьте къ этому его слогъ, оригинальный и блестящій въ самыхъ натяжкахъ, въ самой фразеологіи—и вы не будете болѣе удивляться его чрезвычайному успѣху.

Почти въ то самое время, какъ Русская публика переходила съ изумленіемъ отъ новости къ новости, часто принимала новость за достоинство, равно удивлялась и Пушкину, и Марлинскому, и Булгарину, въ то самое время начали появляться разные литературные опыты кн. Одоевскаго. Эти опыты состояли большею частью изъ аллегорій и всѣ отличались какимъ-то необщимъ выраженіемъ своего характера. Основной элементъ ихъ составлялъ дидактизмъ, а характеръ—гуморъ¹⁾. Этотъ дидактизмъ проявлялся не въ сентенціяхъ, но былъ всегда какою-то *arrière pensée*, идеею невидимою и, вмѣстѣ

съ тѣмъ, осязаемою; этотъ гуморъ состоялъ не въ веселомъ расположеніи, понуждающемъ человѣка добродушно и невинно подшучивать надъ всѣмъ, что ни попадется на глаза, но въ глубокомъ чувствѣ негодованія на человѣческое ничтожество во всѣхъ его видахъ, въ затаенномъ и сосредоточенномъ чувствѣ ненависти, источникомъ которой была любовь. Поэтому, аллегоріи кн. Одоевскаго были исполнены жизни и поэзіи, несмотря на то, что самое слово *аллегорія* такъ противоположно слову поэзіи. Первою его повѣстью, помнится, былъ „Элладій“: жалѣю, что у меня теперь нѣтъ подъ рукою этой повѣсти, а по прошлымъ впечатлѣніямъ судить боюсь! Не знаю, произвела ли она тогда какое-нибудь вліяніе на нашу публику, не знаю даже, была ли она замѣчена ею: но знаю, что, въ свое время, эта повѣсть была дивнымъ явленіемъ, въ литературномъ смыслѣ: несмотря на всѣ недостатки, сопровождающіе всякое первое произведеніе, несмотря на растянутость по мѣстамъ, происходившую отъ юности таланта, не умѣвшаго сосредоточивать и сжимать свои порывы, въ ней была мысль и чувство, былъ характеръ и фizioномія; въ ней въ первый разъ блеснули идеи нравственности XIX вѣка, новаго гостя на Руси: въ первый разъ была сдѣлана нападка на XVIII вѣкъ, слишкомъ загостившійся на святой Руси и получившій въ ней собственный, еще безобразнѣйшій характеръ. Впослѣдствіи кн. Одоевскій, вслѣдствіе возмужалости и зрѣлости своего таланта, далъ другое направленіе своей художественной дѣятельности. Художникъ—эта дивная загадка—сдѣлался предметомъ его наблюденія и изученій, плоды которыхъ онъ представлялъ не въ теоретическихъ разсужденіяхъ, но въ живыхъ созданіяхъ фантазіи, ибо художникъ для него былъ столько же загадкою чувства, сколько и ума. Высшія мгновенія жизни художника, разительнѣйшія проявленія его существованія, дивная и горестная судьба, были имъ схвачены съ удивительною вѣрностію и выражены въ глубокихъ, поэтическихъ символахъ. Потомъ онъ оставилъ аллегорію и замѣнилъ ихъ чисто-поэтическими фантазіями, проникнутыми необыкновенною теплотою чувства, глубиностью мысли и какою-то горькою и ѣдкой ироніею. Поэтому, не ищите въ его созданіяхъ поэтическаго представленія дѣйствительной жизни, не ищите въ его повѣстяхъ повѣсти, ибо повѣсть была для него не цѣлью, но, такъ сказать, средствомъ, не существенною формою, а удобною рамою. И не удивительно: въ наше время и самъ Ювеналъ писалъ бы не сатиры, а повѣсти, ибо если есть идеи времени, то есть и формы времени. Но объ этомъ я говорилъ выше; дѣло

¹⁾ Часто встрѣчающійся въ первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго терминъ „гуморъ“ означаетъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго, не „юморъ“, въ его современномъ значеніи, а скорѣе „сарказмъ“; см. стр. 157—160.

въ томъ, что кн. Одоевскій поэтъ міра идеального, а не дѣйствительнаго. Но вотъ что странно: есть нѣсколько фактовъ, которые не позволяютъ такъ рѣшительно ограничить поприще его художественной дѣятельности. Есть въ нашей литературѣ какой-то г. *Белласный* и какой-то дѣдушка *Ириней*¹⁾, люди совсѣмъ не идеальные, люди слишкомъ глубоко проникнувшіе въ жизнь дѣйствительную и вѣрно воспроизводящіе ее въ своихъ поэтическихъ очеркахъ; вы вѣрно не забыли курьёзной исторіи о томъ, какъ у почтеннаго городничаго города Ржева завелась въ головѣ жаба и какъ уѣздный лѣкарь хотѣлъ ее вырѣзать, и не менѣе курьёзной исторіи подъ названіемъ „Княжна Мими“ — этихъ двухъ вѣрныхъ картинъ нашего разнокалибернаго общества? Знаете ли что? Мнѣ кажется, будто эти люди пишутъ подъ вліяніемъ кн. Одоевскаго, даже чуть-ли не подъ его диктовку: такъ много у нихъ общаго съ нимъ и въ манерѣ, и въ колоритѣ, и во многомъ... Впрочемъ, это одно предположеніе, котораго прошу не принимать за утвержденіе; можетъ быть, я и ошибаюсь, подобно многимъ...

Слѣдуя хронологическому порядку, я долженъ теперь говорить о повѣстяхъ г. *Погодина*. Ни одна изъ нихъ не была историческою, но всѣ были народными, или, лучше сказать, *простонародными*. Я говорю это не въ осужденіе ихъ автору и не въ шутку, а потому, что въ самомъ дѣлѣ міръ его поэзіи есть міръ простонародный, міръ купцовъ, мѣщанъ, мелкопомѣстнаго дворянства и мужиковъ, которыхъ онъ, надо сказать правду, изображаетъ очень удачно, очень вѣрно. Ему такъ хорошо извѣстны ихъ образъ мыслей и чувствъ, ихъ домашняя и общественная жизнь, ихъ обычаи, нравы и отношенія, и онъ изображаетъ ихъ съ особенною любовію и съ особеннымъ успѣхомъ. Его „Нищій“ такъ естественно, вѣрно и просто-душно рассказывающій о своей любви и своихъ страданіяхъ, можетъ служить типомъ благородно-чувствующаго простолюдина. Въ „Черной Немочи“ бытъ нашего средняго сословія, съ его полу-дикимъ, полу-человѣческимъ образованіемъ, со всѣми его отгѣнками и родимыми пятнами, изображенъ кистью мастерскою. Этотъ купецъ, который такъ крѣпко держитъ въ ежевыхъ рукавицахъ и жену и сына, который, при милліонахъ, живетъ, какъ мужикъ, который чванится своимъ богатствомъ, какъ глупый баринъ своимъ дворянствомъ, который по прочтеніи реестра приданаго говоритъ, что „*Божьяго-то благословенія маловато*“, который, наконецъ, убиваетъ родного сына, изъ

родительской любви, и боится, какъ дьявольскаго павожденія, всякой человѣческой мысли, всякаго человѣческаго чувства, чтобы не погрѣшить противъ „чистѣйшей нравственности“, которой держались столько столѣтій его отцы и праотцы; эта купчиха глухая и толстая, которая такъ боится кулака и плети своего дрожайшаго сожителя, что не смѣетъ безъ его спросу выйти со двора, не смѣетъ сказать передъ нимъ лишняго слова и даже затаиваетъ въ его присутствіи свою материнскую любовь къ сыну; эта попадья, то бранящая батрака и распоряжающаяся на погребѣ, то мучимая женскимъ любопытствомъ, подслушивающая, сквозь замочную щель, разговоръ своего мужа съ купчихою, то продирающая пальцемъ дырочку на кулѣкѣ, принесенномъ ей купчихою, чтобы узнать, что въ немъ обрѣтается; эта сваха, *Савишна*, эта всемірная кумушка, сплетчица и сводчица, безъ которой Русскій человѣкъ, бывало, не умѣлъ ни родиться, ни жениться, ни умереть, которая торгуется счастьемъ и судьбою людей точно также, какъ лентами, запонками и шерстяными чулками, которая такъ мило увеселяетъ площадными эквивоками *честное компанство* бородатыхъ милліонщиковъ; эта невѣста, „дѣвочка низенькая, но толстая-пре-толстая, съ одутловатыми щеками, набѣленная, нарумяненная, разсеребренная, раззолоченная и всякими драгоценными камнями изукрашенная“, наконецъ, это сватовство, эти споры о приданомъ, вся эта жизнь подлая, гадкая, грязная, дикая, нечеловѣческая, изображена въ ужасающей вѣрности; прибавьте сюда этого попа, который выраженіе самыхъ священныхъ, самыхъ человѣческихъ чувствъ своихъ располагаетъ по правиламъ Бургіевой риторикѣ и самую краснорѣчивую рѣчь свою прерываетъ выходкою противъ плута-лавочника, отпущившаго дурного масла на лампадку, который рукой сморкается и рукой утирается; потомъ этого юношу, аристократа по природѣ, плебея по судьбѣ, агнца между волками — и вотъ вамъ полная картина одной изъ главныхъ сторонъ Русской жизни, съ ея положительнымъ и ея исключеніями. Самый языкъ этой повѣсти, равно какъ и „Нищаго“, отличается отсутствіемъ тривіальности, обезображивающей прочія повѣсти этого писателя. Итакъ, „Черная Немочь“ есть повѣсть совершенно народная и поэтически правоописательная — но здѣсь и конецъ ея достоинству. Главная цѣль автора была представить геніальнаго, отмѣченнаго перстомъ провидѣнія юношу въ борьбѣ съ подлою, животною жизнію, на которую осудила его судьба: эта цѣль не исполнѣ имъ достигнута. Замѣтно, что автора волновало какое-то чувство, что у него была

¹⁾ См. примѣчаніе на стр. 94.

какая-то любимая, задушевная мысль, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что у него не достало силы таланта воспроизвести ее; съ этой стороны, читатель остается неудовлетвореннымъ. Причина очевидна: талантъ г. Погодина есть талантъ правописателя низшихъ слоевъ нашей общественности, и потому опъ занимателенъ, когда вѣренъ своему направленію, и тотчасъ падаетъ, когда берется не за свое дѣло. „Невѣста на Ярмаркѣ“ есть какъ будто вторая часть „Черной Немочи“, какъ будто вторая галерея картинъ въ Теньеровскомъ родѣ, картинъ, непрерывно восходящихъ, чрезъ всѣ степени низшей общественной жизни, и тотчасъ прерывающихся, когда дѣло доходитъ до жизни цивилизованной или возвышенной. Словомъ, „Нищій“, „Черная Немочь“ и „Невѣста на Ярмаркѣ“ суть три произведенія г. Погодина, которыя, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія: о прочихъ умалчиваю.

Одно изъ главнѣйшихъ, изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между нашими повѣствователями (которыхъ впрочемъ очень немного) занимаетъ г. Полевой. Отличительный характеръ его произведеній составляетъ удивительная многосторонность, такъ что трудно подвести ихъ подъ общій взглядъ, ибо каждая его повѣсть представляетъ совершенно отдѣльный міръ. Чтѣсть общаго или сходнаго между „Симеономъ Кирдяпою“ и „Живописцемъ“, между „Разказами Русскаго Солдата“ и „Эммою“ между „Мѣшкомъ съ Золотомъ“ и „Блаженствомъ Безумія“? Правда, этихъ повѣстей немного и онѣ не всѣ одинаковаго достоинства, но можно сказать утвердительно, что каждая изъ нихъ ознаменована печатію истиннаго таланта, а нѣкоторыя останутся навсегда украшеніемъ Русской литературы. Въ „Симеонѣ Кирдяпѣ“, этой живой картинѣ прошедшаго, начертанной могучею и широкою кистью, поэзія Русской древней жизни еще въ первый разъ была постигнута во всей ея истинѣ, и въ этомъ созданіи историкъ-философъ слился съ поэтомъ. Прочія повѣсти всѣ отличаются теплотою чувства, прекрасною мыслию и вѣрностію дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните въ нихъ пристальнѣе, и вы увидите такія черты, схваченныя съ жизни, которыя вы часто можете встрѣтить въ жизни, но рѣдко въ сочиненіяхъ, увидите эту выдержанность и оригинальность характеровъ, эту вѣрность положеній, которыя основываются не на расчетахъ возможностей, но единственно на способности автора понимать всевозможныя положенія человѣческія, положенія, въ которыхъ онъ самъ, можетъ быть, никогда не былъ и не могъ быть. Профаны, люди, не посвященные въ тайна искусства, часто говорятъ: „Да, это

очень вѣрно, да и не могло быть иначе — авторъ такъ много страдалъ, следовательно писалъ по опыту, а не съ чужого голоса“. Мнѣніе нелѣпное! Если есть поэты, которые вѣрно и глубоко воспроизводили міръ собственныхъ, извѣданныхъ ими страстей и чувствъ, собственные страданія и радости — изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы поэтъ только тогда могъ пламенно и увлекательно писать о любви, когда былъ самъ влюбленъ, о счастіи, когда самъ находился въ благопріятныхъ обстоятельствахъ и пр. Напротивъ, это означаетъ скорѣе односторонность и ограниченность таланта, нежели его истинность. Отличительная черта, тѣ, чтѣ составляетъ, чтѣ дѣлаетъ истиннаго поэта, состоитъ въ его страдательной и живой способности, всегда и безъ всякихъ отношеній къ своему образу мыслей, понимать всякое человѣческое положеніе. И вотъ почему поэтъ такъ часто противорѣчитъ самому себѣ въ своихъ созданіяхъ, воспѣвая нынче прелести разгульной, эпикурейской жизни, завтра поетъ о живомъ трудѣ, о подвигѣ жизни, объ отреченіи отъ благъ земныхъ. Бальзакъ носить на фракѣ золотыя пуговицы, трость съ золотымъ набалдашникомъ (последняя степень прихотливой роскоши), живетъ какъ принцъ какой-нибудь, и между тѣмъ, его картины бѣдности и нищеты ledenяютъ душу своею ужасающею вѣрностію. Гюго никогда не былъ осужденъ на смертную казнь, но какая ужасная, раздирающая истина въ его „Послѣднемъ днѣ Осужденнаго“! Конечно невозможно, чтобы обстоятельства жизни самого поэта не имѣли большаго или меньшаго вліянія на его произведенія; но это вліяніе имѣетъ свое ограниченіе, и бываетъ, по большей части, какъ бы исключеніемъ изъ общаго правила. Эта способность понимать явленія жизни очень не чужда г. Полевому. Сколько истины въ его „Живописцѣ“ и „Эммѣ“! Дѣтство художника, его безсознательное стремленіе къ искусству, его любовь къ пустой дѣвчонкѣ, его недовольство собственными произведеніями, его безмолвное страданіе при сужденіяхъ глупой, бессмысленной толпы о лучшемъ, задушевномъ его произведеніи, его отчаяніе, когда онъ увидѣлъ въ своемъ идеалѣ не больше, какъ ребенка, который игралъ съ нимъ въ любовь; потомъ, этотъ старикъ-отецъ, всю жизнь недовольный сумасбродствомъ любимаго сына, проклинавшій, можетъ быть, отъ чистаго сердца и его страсть къ живописи, и самую живопись, и, наконецъ, предъ смертію, съ умиленіемъ смотрящій на его послѣднюю картину и рыдающій, не понимая ея; теперь, эта мечтательная мѣщанка, существо святое и чистое, но не имѣющее въ нашей Русской жизни

никакого смысла, никакого значенія, эта бѣдная дѣвушка, передъ которою подличаетъ богатая и знатная графиня, и которая, всею своею жизнію, возвращаетъ жизнь сумасшедшему, и потомъ, требуетъ, въ свою очередь, всей его жизни, чтобы не умереть самой, и, вмѣсто всего этого, видитъ съ его стороны одно холодное уваженіе, а со стороны графини худо скрытое чувство неблагодарности, тонъ покровительства, который, для души благородной, хуже самого жестокаго гоненія—все это не придумано, не разотчено, не вычислено, а вылилось прямо изъ души. „Блаженство Безумія“ отличается мѣстами теплотою чувства, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, излишнимъ владычествомъ мысли, какъ будто авторъ задалъ себѣ психологическую задачу и хотѣлъ рѣшить ее въ поэтической формѣ. Отъ этого въ ней какъ будто чего-то недостаетъ; впрочемъ много отдѣльныхъ прекрасныхъ мѣстъ.

Теперь, въ „Святочныхъ Разказахъ“ и „Разказахъ Русскаго Солдата“ сколько того, что называется *народностію*, изъ чего такъ хлопочутъ наши авторы, что имъ менѣе всего удастся, и что всего легче для истиннаго таланта! Это міръ совершенно отдѣльный, міръ полный страстей, горя и радостей, все человѣческихъ же, но только выражающихся въ другихъ формахъ, по-своему. Тутъ нѣтъ ни одной побранки, ни одного плоскаго слова, ни одной вульгарной картины, и между тѣмъ такъ много поэзіи, и, мнѣ кажется, именно потому, что авторъ старался быть вѣрнымъ больше истинѣ, чѣмъ народности, искалъ больше человѣческаго, нежели Русскаго и, вслѣдствіе этого, *народное* и *Русское* само пришло къ нему.

Прежде нежели перейду къ повѣстямъ г. Гоголя, главному предмету моей статьи, я долженъ остановиться еще на одномъ авторѣ повѣстей, недавно успѣвшемъ обратить на себя общее вниманіе — г. Павловъ, сколько потому, что его повѣсти суть явленіе пріятное, столько и потому, что о нихъ почти нигдѣ ничего не сказано. О рецензіи „Библіотеки для Чтенія“ умалчиваю; сказала ли о нихъ что-нибудь „Пчела“, не знаю; „Молва“ ограничилась почти простымъ библиографическимъ объявленіемъ, а изъ отзыва „Наблюдателя“ видно только то, что повѣсти г. Павлова написаны какимъ-то необычнымъ у насъ хорошимъ языкомъ и что авторъ *открылъ новые ящики въ многосложномъ бюро человѣческаго сердца* — выраженіе, сбивающееся на гиперболу въ восточномъ вкусѣ.

Трудно судить о повѣстяхъ г. Павлова, трудно рѣшить, что онѣ такое: дума умнаго и чувствующаго человѣка, плодъ мгновенной вспышки воображенія, произведеніе одной

счастливой минуты, одной благоприятной эпохи въ жизни автора, порожденіе обстоятельствъ, результатъ одной мысли, глубоко запавшей въ душу — или созданія художника, произведенія безусловныя, безотносительныя, свободное изліяніе души, удѣлъ которой есть творчество?.. Меня поймутъ, если я скажу, что эти повѣсти еще первый опытъ г. Павлова на новомъ для него поприщѣ; а какъ часто въ нашей литературѣ второй романъ, вторыя повѣсти уничтожали славу перваго романа, первыя повѣстей!.. Поприще г. Павлова еще только начато, но начато такъ хорошо, что не хочется вѣрить, чтобы оно кончилось дурно... Но предоставимъ времени рѣшить этотъ вопросъ, а теперь постараемся откровенно и безпристрастно высказать наше мнѣніе по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя уже имѣются.

Всѣ три повѣсти г. Павлова ознаменованы однимъ общимъ характеромъ, и только ихъ содержаніе придаетъ имъ чрезвычайное наружное несходство. Потому ли, что онѣ еще первый опытъ, носящій на себѣ всѣ недостатки перваго опыта, или почему другому, но только мнѣ кажется, что онѣ не проникнуты слишкомъ глубокою истинною жизни; въ нихъ есть эта вѣрность, которая заставляетъ говорить: „это точно списано съ *натуры*“, но эта вѣрность видна не въ ихъ цѣломъ, но въ частяхъ и подробностяхъ, и есть слѣдствіе наблюдательности, приобретенной прилежнымъ и внимательнымъ изученіемъ описываемаго имъ міра. Въ „Ятаганѣ“ есть черты, съ удивительною вѣрностію схваченныя: этотъ полковникъ, добрый, честный, но ограниченный по своему уму и чувству, который, принявъ намѣреніе жениться на княжнѣ, какъ-бы нечаянно раздумывается о трудностяхъ военной службы, о счастіи брачной жизни, о томъ, какъ хорошъ домъ и садъ князя, и какъ бы пріятно было прогуливаться по этому саду подъ руку съ молодою женою и пр.; эта княжна, которая, сидя съ своимъ милымъ солдатомъ, на докладъ лакея о пріѣздѣ полковника отвѣчаетъ протяжнымъ „что?“, которая такъ хорошо умѣетъ вести себя съ полковникомъ, не подавая ему никакой надежды и, въ то же время, не лишая его надежды—всѣ эти тонкія черты, эти рѣзкіе оттѣнки доказываютъ, что авторъ смотрѣлъ на жизнь проникательнымъ взоромъ, что онъ внимательно изучалъ ее, что много видѣлъ, много замѣтилъ и много уловилъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти же самые пассажи доказываютъ, что они плодъ больше наблюдательности, ума и высокой образованности, чѣмъ таланта, что они скорѣе списаны съ дѣйствительности, чѣмъ созданы фантазіею. Ибо, гдѣ же эта истина, эта вѣрность цѣлаго, столь замѣтная, столь

поразительная въ подробностяхъ? гдѣ же эти характеры, индивидуальныя и типическія, которые бы доказывали не одно знаніе общества, но и сердца человѣческаго?.. Ихъ нѣтъ, или, справедливѣе, они только что очерчены, но не оттушеваны и потому лишены почти всякой личности. Я вполне страдаю несчастьемъ корнета, но такъ, какъ бы я сострадалъ всякому человѣку въ подобномъ положеніи, даже и такому, котораго бы я никогда не видалъ, никогда не знавалъ, но о которомъ слышалъ, что онъ человѣкъ добрый и благородно мыслящій. Скажите, имѣетъ ли этотъ корнетъ какой-нибудь характеръ, какую-нибудь фیزیономію? Скажите мнѣ, какой у него образъ мыслей, какія у него страсти, желанія, чувства, стремленія, словомъ, все, что составляетъ человѣка, что даетъ его видѣть во весь ростъ. Всѣ его дѣйствія и слова самыя общія; по нимъ можно узнать касту, но не человѣка, не индивидуума. Также безхарактерна княжна, ибо въ ней видна больше свѣтская дѣвушка съ тонкимъ, инстинктуальнымъ чувствомъ приличія, нежели существо любящее, любящее по-своему, существо, которое бы можно было узнать изъ тысячи. Вообще „Ятаганъ“ есть анекдотъ мастерски рассказанный и, въ художественномъ отношеніи, замѣчательный больше частностями, нежели цѣлостію; кажется, какъ будто авторъ слышалъ отъ кого-нибудь анекдотическую исторію, сдѣлалъ изъ нея повѣсть, и, не зная лично ея дѣйствующихъ, не могъ вѣрно написать ихъ портретовъ. Но частности, но отдѣльныя мысли, отдѣльныя картины и описанія превосходны, исполнены поэзіи; а многія черты, какъ я уже и замѣтилъ, схвачены съ удивительною и поразительною вѣрностію, а мѣстами вспыхиваетъ и чувство, особливо тамъ, гдѣ авторъ увлекается поэзіею самыхъ фактовъ. Вообще „Ятаганъ“ повѣсть съ большими достоинствами, большими красотою въ частяхъ; но его цѣль обнаруживаетъ болѣе талантъ рассказа, нежели творчества. Если онъ многимъ нравится особенно предъ прочими двумя повѣстями, то причина этого заключается въ поэзіи самого содержанія, которое произвело бы всегда сильный эффектъ и въ простомъ изустномъ рассказѣ.

„Именины“ больше отличаются художественнымъ достоинствомъ, чѣмъ „Ятаганъ“. Въ этой повѣсти есть яркія проблески чувства, рѣзкія черты характеровъ (особенно въ главномъ персонажѣ), есть много истины въ ситуаціяхъ. Этотъ музыкантъ-плебей, который говоритъ: „Понимаете ли вы удовольствіе отвѣчать грубо на вѣжливое слово; едва кивнуть головой, когда учтиво снимаютъ передъ вами шляпу, и развалиться въ креслахъ передъ чопорнымъ баричемъ, предъ чин-

нымъ богачемъ?“ или: „Я уже умѣлъ довольно смѣло предстать предъ многочисленное собраніе гостиной. Когда я говорю: *довольно смѣло*, это значить, что уже ступалъ всею ногою, и ноги мои уже не путались, хотя еще не было въ нихъ этой красивой свободы, съ которою я теперь кладу ихъ одну на одну, подгибаю и стучу... Я могъ уже при многихъ перейти съ одного конца комнаты на другой, отвѣчать вслухъ; но все мнѣ было покойнѣе держаться около какого-нибудь угла; но все, желая пощеголять знаніемъ свѣтской вѣжливости, я къ каждому слову прибавлялъ еще: *съ*“; потомъ отчаяніе музыканта, который „лежалъ и взглядывалъ на Распятіе, стараясь вспомнить, что оно значить“ — во всемъ этомъ есть поэзія, есть истинное творчество.

„Аукціонъ“ есть живописный очеркъ, набросанный рукою небрежною, но твердою и опытною. Здѣсь авторъ особенно свободнѣе, вольнѣе и какъ будто больше, нежели гдѣ-нибудь, въ своей сферѣ. Его „Именины“ есть произведеніе прекрасное, но какъ будто случайное, какъ будто порывъ чувства; его „Ятаганъ“ есть родъ очерковъ высшаго общества, въ которомъ авторъ хотѣлъ или думалъ найти поэзію; его „Аукціонъ“ есть живой, мимолетный эпизодъ изъ жизни этого общества, и онъ въ немъ нашелъ поэзію, ибо взглянулъ на него съ точки зрѣнія болѣе истинной. Здѣсь какъ-то болѣе къ лицу и этотъ рассказъ свѣтскій, щегольской и немножко манерный при всей его наружной простотѣ; здѣсь болѣе кстати и этотъ періодъ обдѣланный, красивый и изящный, но, въ то же время немного и изысканный въ самой его небрежности. Вообще, замѣчу здѣсь кстати, что слогъ не составляетъ такой важности, какую вообще ему приписываютъ: форма всегда прекрасна, когда согласна съ идеею. За примѣрами ходить недалеко: возьму два выраженія изъ послѣдняго сочиненія г. Павлова, помѣщенного въ „Наблюдателѣ“ (№ 2): „Она, драгоценный камень въ роскошной оправѣ фантастическаго наряда“ или: „звѣзды, брилліанты неба“. Что въ нихъ хорошаго? первое есть натянутая пародія на выраженіе Шекспира объ Альбіонѣ, выраженіе, о которомъ, по крайней мѣрѣ, я узналъ не раньше, какъ съ первой лекціи г. Шевырева; второе просто не имѣетъ никакого смысла, а если и имѣетъ, то самый истертый. Что касается до правильности языка, до его плавности, чистоты, ясности и стройности, то эти качества, при большой зависимости отъ идеи, зависятъ и отъ навыка, упражненія, старанія, и ихъ точно можно причесть въ заслугу автору. Въ этомъ отношеніи г. Павловъ принадлежитъ къ не-многому числу нашихъ отличныхъ прозаи-

ковъ. Заключаю: талантъ г. Павлова подаетъ лестныя надежды, но его развитіе и степень силы теперь еще вопросъ, который рѣшатъ будущія его произведенія.

Итакъ, — Марлинскій, Одоевскій, Погодинъ, Полевой, Павловъ, Гоголь — здѣсь полный кругъ исторіи Русской повѣсти. Да — полный, можетъ быть, черезчуръ полный; но я говорилъ здѣсь о всѣхъ повѣстяхъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи примѣчательныхъ, а эта примѣчательность состоитъ не въ одной художественности, но и во времени появленія, и во вліяніи, хорошемъ или дурномъ, на литературу, и въ бѣльшей или меньшей степени таланта, и, наконецъ, въ самомъ характерѣ и направленіи. Поименованные мною авторы должны быть упомянуты въ исторіи Русской повѣсти, по всѣмъ этимъ отношеніямъ, и суть истинные ея представители. О другихъ, которыхъ много, очень много, умалчиваю, ибо, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, они не касаются предмета моей статьи, и потому перехожу къ г. Гоголю. Имъ заклучу исторію Русской повѣсти, имъ заклучу и мою статью, которая, противъ моей воли и ожиданія, сдѣлалась очень длинна.

Приступая къ разбору сочиненій г. Гоголя, я не безъ намѣренія распространился о поэзіи вообще, о повѣстяхъ, какъ о родѣ, и о повѣсти Русской: если я только умѣлъ развить мою мысль, то читатели увидятъ, что всѣ эти предметы находятся въ существенной связи между собою. Мнѣ кажется, что для надлежащей оцѣнки всякаго замѣчательнаго автора нужно опредѣлить характеръ его твореній и мѣсто, которое онъ долженъ занимать въ литературѣ. Первый можно объяснить не иначе, какъ теоріею искусства (разумѣется, сообразно съ понятіями судящаго); второе, сравненіемъ автора съ другими, писавшими или пишущими въ одномъ съ нимъ родѣ. Мы видѣли, что у насъ еще нѣтъ повѣсти, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Г. Марлинскій замѣчательнѣе, какъ первый, намекнувшій намъ о томъ, что такое повѣсть; для кн. Одоевскаго повѣсть есть только форма; два-три удачныхъ опыта г. Погодина еще не составляютъ авторитета, сколько потому, что ихъ достоинство одностороннее, столько и потому, что онѣ были для своего автора дѣломъ постороннимъ, отдыхомъ отъ ученыхъ занятій. Итакъ, остаются только г. Павловъ и г. Полевой; но г. Павловъ еще только началъ свое поприще, а какъ бы ни прекрасно было начало, по немъ нельзя произнести рѣшительнаго сужденія о писателѣ; слѣдовательно первенство поэта-повѣствователя остается за г. Полевымъ. Но въ его повѣстяхъ, или, справедливѣе, въ бѣльшей части его повѣстей,

есть одинъ важный недостатокъ, о которомъ я съ намѣреніемъ умолчалъ въ своемъ мѣстѣ. Этотъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ, какъ и въ его романахъ, при многихъ очевидныхъ признакахъ истиннаго творчества, истинной художественности, замѣтно и большое участіе ума, этого ума пытливаго, свѣтлаго и многосторонняго, который въ художнической дѣятельности ищетъ отдохновенія, и для котораго и самая фантазія есть какъ бы средство изучить природу и жизнь человѣка. Это, по бѣльшей части, синтетическія повѣрки аналитическихъ наблюденій надъ жизнію. Посмотримъ, нѣтъ ли между нашими такого поэта-повѣствователя, для котораго поэзія составляла бы цѣль жизни, а наука была бы ея отдохновеніемъ, для котораго повѣсть была бы *родомъ*, а не *формой*, родомъ столько же необходимымъ и безотносительнымъ, какъ повѣсть для Бальзака, пѣсня для Беранже, драма для Шекспира, который былъ бы только поэтъ, а не другое что-нибудь, поэтъ по призванію, поэтъ по невозможности не быть поэтомъ. Мнѣ кажется, что подъ этими условіями изъ современныхъ писателей ¹⁾ никого не можно назвать поэтомъ съ бѣльшею увѣренностію и нисла не задумываясь, какъ г. Гоголя,

Я уже сказалъ, что задача критики и истинная оцѣнка произведеній поэта непременно должны имѣть двѣ цѣли: опредѣлить характеръ разбираемыхъ сочиненій и указать мѣсто, на которое онѣ даютъ право своему автору въ кругу представителей литературы. Отличительный характеръ повѣстей г. Гоголя составляютъ — простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія. Причина всѣхъ этихъ качествъ заключается въ одномъ источникѣ: г. Гоголь — поэтъ, поэтъ жизни дѣйствительной.

Знаете ли, какой вообще недостатокъ находится въ нашей критикѣ? Она не совсѣмъ хорошо приноровлена къ нашимъ потребностямъ. Критикъ и публика — это два лица бесѣдующія: надобно, чтобы они заранѣе условились, согласились въ значеніи предмета, избраннаго для ихъ бесѣды. Иначе имъ трудно будетъ понять другъ друга. Вы разбираете сочиненіе, съ важностію говорите о законахъ творчества, прилагаете ихъ къ разбираемому сочиненію и, какъ $2 \times 2 = 4$, доказываете, что оно превосходно. И что-жъ? Публика восхищена вашею критикою и вполне соглашается съ вами, видя, что въ самомъ

¹⁾ Я не включаю въ это число Пушкина, который уже свершилъ кругъ своей художнической дѣятельности.
Прим. Вѣлинскаго.

дѣлѣ, пункты эстетическихъ законовъ подвѣдены правильно и что въ сочиненіи *все обстоитъ благополучно*. Но вотъ что худо: часто случается, что она забываетъ о превознесенномъ сочиненіи еще прежде, чѣмъ забудетъ о вашей критикѣ. Отчего же такъ? Оттого, что разбираемое вами сочиненіе была хитрая, галантерейная работа, а не изящное созданіе, что оно, можетъ быть, имѣло эстетическую форму, но было лишено духа жизни эстетической. У насъ еще такъ зыбки понятія объ изящномъ и вкусъ еще въ такомъ младенчествѣ, что наша критика по необходимости должна отступать въ своихъ пріемахъ отъ Европейской. Хотя нѣкоторые до сужіе наши эстетики и говорятъ, что будто бы законы изящнаго опредѣлены у насъ съ математическою точностію, но я думаю иначе; ибо, съ одной стороны, собственныя издѣлія этихъ эстетиковъ, слишкомъ отличающіяся топорною работою, рѣзко противорѣчатъ законамъ изящнаго, опредѣленнымъ съ математическою точностію, а съ другой стороны, законы изящнаго никогда не могутъ отличаться математическою точностію, потому что они основываются на чувствѣ, и у кого нѣтъ пріемлемости изящнаго, для того всегда кажутся незаконными. И притомъ, изъ чего должны выводиться законы изящнаго, какъ не изъ изящныхъ созданій? А много ли у насъ ихъ, этихъ изящныхъ созданій? Нѣтъ, пусть каждый толкуетъ по-своему объ условіяхъ творчества и подкрѣпляетъ ихъ фактами, это самый лучший способъ развивать теорію изящнаго. Цѣль Русскаго критика должна состоять не столько въ томъ, чтобы расширить кругъ понятій человѣчества объ изящномъ, сколько въ томъ, чтобы распространять въ своемъ отечествѣ уже извѣстныя, *осыдлыя* понятія объ этомъ предметѣ. Не бойтесь, не стыдитесь, что вы будете повторять зады и не скажите ничего новаго. Это *новое* не такъ легко и часто, какъ обыкновенно думаютъ: оно едва примѣтными атомами налипаетъ на глыбы стараго. Самое старое будетъ у васъ ново, если вы человѣкъ съ мнѣніемъ и глубоко убѣждены въ томъ, что говорите: ваша индивидуальность и вашъ способъ выраженія и самому вашему *старому* должны придать характеръ новости.

Итакъ, по моему мнѣнію, первый и главный вопросъ, предстоящій для разрѣшенія критика, есть — *точно ли это произведение изящно, точно ли этотъ авторъ поэтъ?* Изъ рѣшенія этого вопроса сами собою вытекаютъ отвѣты о характерѣ и важности сочиненія.

Способность творчества есть великій даръ природы; актъ творчества въ душѣ творящей есть великое таинство; минута творчества есть минута великаго священнодѣйствія; творчество безцѣльно съ цѣлію, безсозна-

тельно съ сознаніемъ, свободно съ зависимостію: вотъ основные его законы. Они будутъ очень ясны, когда выведутся изъ акта творчества.

Художникъ чувствуетъ потребность творить. Эта потребность приходитъ къ нему вдругъ, неожиданно, безъ спросу и совершенно независимо отъ его воли. ибо онъ не можетъ назначить ни дня, ни часа, ни минуты для своей творческой дѣятельности: вотъ свобода творчества, вотъ его независимость отъ лица творящаго! Потребность творить приводитъ за собою *идею*, которая залегаетъ въ душу художника, овладѣваетъ ею, тяготитъ ее. Эта идея можетъ быть одною изъ общихъ человѣческихъ идей, давно уже извѣстныхъ; но художникъ беретъ ее не по выбору, но невольно, беретъ ее не какъ предметъ ума созерцающаго, но воспринимаетъ ее въ себя своимъ чувствомъ, обладаемый трепетнымъ предчувствіемъ ея глубокаго, таинственнаго смысла. Это дѣйствіе прекрасно выражается непереводимымъ Французскимъ словомъ „concevoir“. Художникъ чувствуетъ въ себѣ присутствіе воспринятой (*conçue*) имъ идеи, но, такъ сказать, не видитъ ее ясно и томится желаніемъ сдѣлать ее осязаемою для себя и другихъ: вотъ первый актъ творчества. Положимъ, что эта идея есть идея *ревности* и будемъ слѣдить за ея развитіемъ въ душѣ поэта. Заботливо и томительно носить онъ ее въ сокровенномъ святилищѣ своего чувства, какъ носить мать младенца въ своей утробѣ; постепенно эта идея проясняется передъ его глазами, облекается въ живые образы, переходитъ въ *идеалы*, и ему, какъ бы въ туманѣ, видится пламенный *Африканецъ*, *Отелло*, съ его челомъ смуглымъ и изрытымъ морщинами, слышатся его дикіе вопли любви, ненависти, отчаянія и мщенія, видятся плѣнительныя черты кроткой любящей *Дездемоны*, слышатся ея тщетныя мольбы и стоны среди глухой полуночи. Эти образы, эти идеалы, въ свою очередь, вынашиваются, зрѣютъ, выясняются постепенно; наконецъ, поэтъ уже видитъ ихъ, говоритъ съ ними, знаетъ ихъ рѣчь, движенія, манеры, походку, черты лица, видитъ ихъ во весь ростъ, со всѣхъ сторонъ, видитъ обоими глазами и такъ ясно, какъ бы на яву, на самомъ дѣлѣ, видитъ ихъ прежде, нежели его перо дало имъ формы, точно такъ же, какъ Рафаэль видѣлъ передъ собою небесный нерукотворенный образъ Мадонны прежде, нежели его кисть приковала этотъ образъ къ полотну, точно такъ же, какъ Моцартъ, Бетховенъ, Гайднъ слышали вызванные ими изъ души дивныя звуки прежде, нежели ихъ перо приковало эти звуки къ бумагѣ. Вотъ второй актъ творчества. Потомъ поэтъ даетъ

своему созданію видимыя, доступныя для всѣхъ формы: это третій и послѣдній актъ творчества. Онъ не такъ важенъ, ибо есть слѣдствіе двухъ первыхъ.

Итакъ, главный, отличительный признакъ творчества состоитъ въ таинственномъ ясно-видѣніи, въ поэтическомъ сомнабулѣ. Еще созданіе художника есть тайна для всѣхъ, еще онъ не бралъ въ руки пера, а уже видѣть ихъ ясно, уже можетъ счесть складки ихъ платья, морщины ихъ чела, изображеннаго страстями и горемъ, а уже знаетъ ихъ лучше, чѣмъ вы знаете своего отца, брата, друга, свою мать, сестру, возлюбленную сердца; также онъ знаетъ и то, что они будутъ говорить и дѣлать, видѣть всю нить событій, которая обовѣетъ ихъ и свяжетъ между собою. Гдѣ же онъ видѣлъ эти лица, гдѣ слышалъ объ этихъ событіяхъ и что такое его творчество? слѣдствіе долговременнаго многосторонняго опыта, тонкой наблюдательности, глубокаго умѣнья схватывать сходства и обозначать ихъ рѣзкими чертами? Что же его идеалы? Неужели это различныя черты, разсѣяныя въ природѣ и собранныя въ одно для образованія извѣстныхъ типовъ, составленныхъ по мѣркѣ, заранее взятой, какъ думали и говорили добрые и почтенные эстетики былыхъ временъ?.. О, ничего этого, ровно ничего!.. Онъ нигдѣ не видѣлъ созданныхъ имъ лицъ, онъ не копировалъ дѣйствительности, или нѣтъ: онъ видѣлъ все это въ вѣщемъ, пророческомъ снѣ, въ свѣтлыя минуты поэтического откровенія, въ эти минуты, знакомыя одному таланту, видѣлъ ихъ всезрящими очами своего чувства. И вотъ почему созданные имъ характеры такъ вѣрны, ровны, выдержаны; вотъ почему завязка, развязка, узлы и ходъ его романа или драмы такъ естественны, правдоподобны, свободны; вотъ почему, прочтя его созданіе, вы какъ будто были въ какомъ-то мірѣ, прекрасномъ и гармоническомъ, какъ міръ Божій; вотъ почему вы такъ хорошо осваиваетесь съ нимъ, такъ глубоко понимаете его и такъ крѣпко удерживаете его въ своей памяти. Тутъ нѣтъ противорѣчій, нѣтъ поддѣлокъ и изысканности; ибо тутъ не было расчета вѣроятностей, не было соображеній, не было старанія свести концы съ концами, ибо это произведеніе было не сдѣлано, не сочинено, а создано въ душѣ художника какъ бы наитіемъ какой-то высшей, таинственной силы, въ немъ самомъ и внѣ его находившейся; ибо въ этомъ отношеніи онъ самъ былъ какъ бы почвою, воспринявшею въ себя плодородное зерно, заброшенное рукою невѣдомою, прозябшее и разросшееся въ вѣтвистое, широколиственное дерево... Какого бы рода ни было такое произведеніе — *идеальное*,

реальное — оно всегда истинно, *истинно-поэтически*. „Буря“ Шекспира есть произведеніе нелѣпое, есть странная прихоть своего творца; въ немъ дѣйствуютъ и люди и духи безплотные, въ немъ дѣйствуетъ *Калибанъ*, созданіе чудовищное, плодъ любви демона съ колдуньею; но и это сочиненіе истинно, истинно поэтически; ибо читая его, вы всему вѣрите, все находите естественнымъ; ибо, прочтя его, никогда не забудете его, и передъ вашими взорами всегда будутъ носиться чуждые образы *Проспера*, *Миранды*, *Аріеллы*, образы воздушные, сотканные изъ ночныхъ тумановъ, облитые пурпуромъ зари, осеребренные лучемъ мѣсяца. Какого бы рода ни было такое созданіе, оно всегда совершенно и чуждо недостатковъ. Но отчего же и въ произведеніяхъ самыхъ гениальныхъ поэтовъ находятъ при великихъ красотахъ и великіе недостатки? Оттого, что такіа созданія или не выношены въ душѣ, не рождены, а выкинуты, какъ недоноски, прежде времени, или оттого, что авторы, вслѣдствіе цѣлей и разсчетовъ какихъ-нибудь, хитрили и мудрили, или писали иногда въ холодныя, прозаическія минуты, ибо поэтическія идеи и идеалы — эти небесныя тайны — должны и высказываться въ свѣтлыя минуты откровенія, которыя называются минутами вдохновенія, художническаго восторга. Словомъ, недостатки всегда тамъ, гдѣ оканчивается творчество и начинается работа.

Теперь, кажется, легко объяснить, что такое *безцѣльность съ цѣлію, безсознательность съ сознаниемъ*. Когда поэтъ творитъ, то хочетъ выразить, въ поэтическомъ символѣ, какую-нибудь идею, слѣдовательно имѣетъ цѣль и дѣйствуетъ съ сознаниемъ. Но ни выборъ идеи, ни ея развитіе не зависятъ отъ его воли, управляемой умомъ, слѣдовательно его дѣйствіе *безцѣльно и безсознательно*.

Теперь, что такое *свобода творчества отъ лица творящаго при зависимости отъ него*? — Поэтъ есть рабъ своего предмета, ибо не властенъ ни въ его выборѣ, ни въ его развитіи, ибо не можетъ творить ни по приказу, ни по заказу, ни по собственной волѣ, если не чувствуетъ вдохновенія, которое рѣшительно не зависитъ отъ него: слѣдовательно творчество свободно и независимо отъ лица творящаго, которое здѣсь является столько же страдательнымъ, сколько и дѣйствующимъ. Но отчего же въ созданіи художника отражается и вѣкъ и народъ и собственная его индивидуальность? Отчего въ немъ отражается и жизнь, и мнѣнія, и степень образованности художника? Слѣдовательно творчество зависитъ отъ него, слѣдовательно онъ столько же и господинъ его, сколько и рабъ его? Да — оно зависитъ отъ него, какъ

зависитъ душа отъ организма, какъ зависитъ характеръ отъ темперамента. Это всего лучше можно объяснить сномъ. Сонъ есть нѣчто свободное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и зависящее отъ насъ. Меланхолику снятся сны страшные, фантастическіе; флегматикъ и во снѣ спитъ или ѣстъ; актеръ слышитъ рукоплесканія, военный видитъ битвы, подъячій взятки и т. д. Такъ и художникъ выражается въ своихъ созданіяхъ. Герои Байрона — это типы гордости, съ нечеловѣческими страстями, желаніями и страданіями; созданія Гофмана — фантастическіе сны и т. д.

Очень не трудно ко всему этому приложить сочиненія г. Гоголя, какъ факты къ теоріи. Я подъ этимъ не разумѣю, чтобы этотъ поэтъ былъ равенъ Шекспиру, Байрону, Шиллеру и пр. Но здѣсь вопросъ не о степени, не о великости таланта, а о талантѣ; для генія и таланта одни законы, несмотря на все ихъ неравенство. Скажите, какое впечатлѣніе прежде всего производитъ на васъ каждая повѣсть г. Гоголя? Не заставляетъ ли она васъ говорить: „Какъ все это просто, обыкновенно, естественно и вѣрно, и, вмѣстѣ, какъ оригинально и ново!“ Не удивляетесь ли вы и тому, почему вамъ самимъ не пришла въ голову та же самая идея, почему вы сами не могли выдумать этихъ же самыхъ лицъ, такъ обыкновенныхъ, такъ знакомыхъ вамъ, такъ часто видѣнныхъ вами, и окружить ихъ этими самыми обстоятельствами, такъ повседневными, такъ общими, такъ наскучившими вамъ въ жизни дѣйствительной и такъ занимательными, очаровательными въ поэтическомъ представленіи? Вотъ первый признакъ истинно-художественнаго произведенія. Потомъ, не знакомитесь ли вы съ каждымъ персонажемъ его повѣсти такъ коротко, какъ будто вы его давно знали, долго жили съ нимъ вмѣстѣ? Не дополняете ли вы своимъ воображеніемъ его портрета, и безъ того уже нарисованнаго авторомъ во весь ростъ? Не въ состояніи ли прибавить къ нему новыя черты, какъ будто забытыя авторомъ, не въ состояніи ли вы рассказать объ этомъ лицѣ нѣсколько анекдотовъ, какъ будто бы опущенныхъ авторомъ? Не вѣрите ли вы на слово, не готовы ли вы побожиться, что все рассказанное авторомъ есть сущая правда, безъ всякой примѣси вымысла? Какая этому причина? Та, что эти созданія ознаменованы печатію истиннаго таланта, что они созданы по непреложнымъ законамъ творчества. Эта простота вымысла, эта нагота дѣйствія, эта скудость драматизма, самая эта мелочность и обыкновенность описываемыхъ авторомъ происшествій — суть вѣрные, необманчивые признаки творчества; это поэзія реальная, поэзія жизни дѣйствительной, жизни коротко знакомой намъ. Я

никогда не удивляюсь, подобно нѣкоторымъ, что г. Гоголь мастеръ дѣлать все изъ ничего, что онъ умѣетъ заинтересовать читателя пустыми, ничтожными подробностями, ибо не вижу тутъ ровно никакого умѣнья: умѣнье предполагаетъ расчетъ и работу, а гдѣ расчетъ и работа, тамъ нѣтъ творчества, тамъ все ложно и невѣрно при самой тщательной и вѣрной копировкѣ съ дѣйствительности. И чѣмъ обыкновеннѣе, чѣмъ пошлѣе, такъ сказать, содержаніе повѣсти, слишкомъ интересовавшей вниманіе читателя, тѣмъ болѣе талантъ со стороны автора обнаруживаетъ она. Когда посредственный талантъ берется рисовать сильныя страсти, глубокіе характеры, онъ можетъ стать на дыбы, натянуться, наговорить громкихъ монологовъ, наскзать *прекрасныхъ вещей*, обмануть читателя блестящею отдѣлкою, красивыми формами, самымъ содержаніемъ, мастерскимъ рассказомъ, цвѣтистою фразеологіею — плодами своей начитанности, ума, образованности, опыта жизни. Но возьмись онъ за изображеніе повседневныхъ картинъ жизни, жизни обыкновенной, прозаической — о, повѣрьте, для него это будетъ истиннымъ камнемъ преткновенія, и его вялое, холодное и бездушное сочиненіе уморитъ васъ зѣвотою. Въ самомъ дѣлѣ, заставить насъ принять живѣйшее участіе въ ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, насмѣшить насъ до слезъ глупостями, ничтожностію и юродствомъ этихъ живыхъ пасквилей на челоуѣчество — это удивительно, но заставить насъ потомъ пожалѣть объ этихъ идиотахъ, пожалѣть отъ всей души, заставить насъ разстаться съ ними съ какимъ-то глубоко-грустнымъ чувствомъ, заставить насъ воскликнуть вмѣстѣ съ собою: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ — вотъ, вотъ оно то божественное искусство, которое называется творчествомъ; вотъ онъ тотъ художническій талантъ, для котораго гдѣ жизнь, тамъ и поэзія!.. И возьмите почти всѣ повѣсти г. Гоголя: какой отличительный характеръ ихъ? что такое почти каждая изъ его повѣстей? Смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями, и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется *жизнію*. И таковы всѣ его повѣсти; сначала смѣшно, потомъ грустно! И такова жизнь наша: сначала смѣшно, потомъ грустно! Сколько тутъ поэзіи, сколько философіи, сколько истины!..

Въ каждомъ челоуѣкѣ должно различать двѣ стороны; общую, челоуѣческую и частную, индивидуальную; всякій челоуѣкъ прежде всего челоуѣкъ, и потомъ уже Иванъ, Сидоръ и т. д. Точно также и въ художественныхъ созданіяхъ должно различать два ха-

рактера: характеръ творчества, общій всѣмъ изящнымъ произведеніямъ, и характеръ колорита, сообщенный индивидуальностію автора. Я уже коснулся, въ общихъ чертахъ, перваго характера въ повѣстяхъ г. Гоголя: теперь разсмотрю его подробнѣе, потомъ буду говорить объ индивидуальномъ характерѣ его созданій, и, наконецъ, заключу мою статью бѣглымъ взглядомъ на тѣ изъ его повѣстей, о которыхъ можно будетъ сказать что-нибудь въ частности.

Я уже сказалъ, что отличительныя черты характера произведеній г. Гоголя суть простота вымысла, совершенная истина жизни, народность, оригинальность — все это черты общія; потомъ комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія — черта индивидуальная.

Простота вымысла, въ поэзіи реальной, есть одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ истинной поэзіи, истиннаго и притомъ зрѣлаго таланта. Возьмите любую драму Шекспира, возьмите, напримѣръ, его „Тимона Аѳинскаго“: эта пьеса такъ проста, такъ немногосложна, такъ скудна путаницею происшествій, что, право, невозможно и рассказать ея содержанія. Люди обманули человѣка, который любилъ людей, наругались надъ его святыми чувствами, лишили его вѣры въ человеческое достоинство, и этотъ человѣкъ возненавидѣлъ людей и проклялъ ихъ: вотъ вамъ и все тутъ, больше ничего нѣтъ. И что-жъ? Составили ли вы себѣ по моимъ словамъ какое-нибудь понятіе объ этомъ великомъ созданіи великаго гения? О, вѣрно, никакого! ибо эта идея слишкомъ обыкновенна, слишкомъ извѣстна всѣмъ, каждому, слишкомъ истерта и истреплена въ тысячахъ сочиненій, хорошихъ и дурныхъ, начиная отъ Софоклова Филоктета, обманутаго Улиссомъ и проклинающаго человѣчество, до „Тихона Михеевича“, обманутаго вѣроломною женою и плутомъ-родственникомъ¹⁾. Но форма, въ которой выражена эта идея, но содержаніе пьесы и ея подробности? Послѣднія такъ мелочны, такъ пусты и притомъ такъ всякому извѣстны, что я наскучилъ бы вамъ смертельно, еслибы вздумалъ ихъ пересказывать. И однакожъ, у Шекспира эти подробности такъ занимательны, что вы не оторветесь отъ нихъ, и однакожъ, у него мелочность и пустота этихъ подробностей приготовляетъ ужасную катастрофу, отъ которой волосы встаютъ дыбомъ — сцену въ лѣсу, гдѣ Тимонъ въ бѣшеныхъ проклятіяхъ, въ горькихъ, язвительныхъ сарказмахъ, съ сосредоточенною,

спокойною яростію, разсчитывается съ человечествомъ. И потомъ, какъ выразить вамъ то чувство, которое возбуждаетъ въ душѣ извѣстіе о смерти добровольнаго отверженца отъ людей! И вся эта ужасная, хотя и безкровная, трагедія, ужасная даже въ своей простотѣ, въ своемъ спокойствіи, приготовляется глупою комедією, отвратительною картиною, какъ люди обжираютъ человѣка, помогаютъ ему разориться и потомъ забываютъ о немъ, эти люди, которые:

Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей!

И вотъ вамъ жизнь, или, лучше сказать, прототипъ жизни, созданный величайшимъ изъ поэтовъ! Тутъ нѣтъ эффектовъ, нѣтъ сценъ, нѣтъ драматическихъ вычуръ, все просто и обыкновенно, какъ день мужика, который въ будень ѣстъ и пашетъ, спитъ и пашетъ, а въ праздникъ ѣстъ, пьетъ и напивается пьянъ. Но въ томъ-то и состоитъ задача реальной поэзіи, чтобы извлекать поэзію жизни изъ прозы жизни и потрясать души вѣрнымъ изображеніемъ этой жизни. И какъ сильна и глубока поэзія г. Гоголя въ своей наружной простотѣ и мелкости! Возьмите его „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“: что въ нихъ? Двѣ пародіи на человечество, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, пьютъ и ѣдятъ, ѣдятъ и пьютъ, а потомъ, какъ водится изстари, умираютъ. Но отчего же это очарованіе? Вы видите всю пошлость, всю гадость этой жизни, животной, уродливой, каррикатурной, и между тѣмъ принимаете такое участіе въ персонажахъ повѣсти, смѣтаетесь надъ ними, но безъ злости, и потомъ рыдаете съ Филемономъ о его Бавкидѣ, страдаете его глубокой, неземной горести и сердитесь на негодая-наслѣдника, промотавшаго достояніе двухъ простаковъ! И потомъ, вы такъ живо представляете себѣ актеровъ этой глупой комедіи, такъ ясно видите всю ихъ жизнь, вы, который, можетъ быть, никогда не бывалъ въ Малороссіи, никогда не видалъ такихъ картинъ и не слыхалъ о такой жизни! Отчего это? Оттого, что это очень просто и слѣдовательно очень вѣрно; оттого, что авторъ нашелъ поэзію и въ этой пошлой и нелѣпой жизни, нашелъ человеческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героевъ: это чувство — привычка. Знаете ли вы, что такое привычка, это странное чувство, о которомъ Пушкинъ сказалъ:

Привычка небомъ намъ дана:
Замѣна счастья она!

Можете ли вы предположить возможность мужа, который рыдаетъ надъ гробомъ своей

¹⁾ „Піюша“, повѣсть г. Ушакова, въ „Б. д. Ч.“

Прим. Бѣлинскаго.

Объ этой повѣсти (пасквилѣ на Бѣлинскаго) см. ниже въ статьѣ „Ничто о ничемъ“.

жены, съ которой сорокъ лѣтъ грызся, какъ кошка съ собакою? Понимаете ли вы, что можно грустить о дурной квартирѣ, въ которой вы жили много лѣтъ, къ которой вы привыкли, какъ душа къ тѣлу и съ которою у васъ соединяются воспоминанія о простой, однообразной жизни, о живомъ трудѣ и сладкомъ досугѣ и, можетъ быть, о нѣсколькихъ сценахъ любви и наслажденія, и которую вы мѣняете на великолѣпныя палаты? Понимаете ли вы, что можно грустить о собакѣ, которая десять лѣтъ сидѣла на цѣпи и десять лѣтъ вертѣла хвостомъ, когда вы мимо нея проходили?.. О, привычка великая психологическая задача, великое таинство души человѣческой. Холодному сыну земли, сыну заботъ и помысловъ житейскихъ замѣняетъ она чувства человѣческія, которыхъ лишила его природа или обстоятельства жизни. Для него она истинное блаженство, истинный даръ провидѣнія, единственный источникъ его радостей и (дивное дѣло!) радостей человѣческихъ! Но что она для человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова? Не насмѣшка ли судьбы! И онъ платитъ ей свою дань, и онъ прилѣпляется къ пустымъ вещамъ и пустымъ людямъ, и горько страдаетъ, лишаясь ихъ! И что же еще? Г. Гоголь сравниваетъ ваше глубокое, человѣческое чувство, вашу высокую, пламенную страсть съ чувствомъ привычки жалкаго получеловѣка, и говоритъ, что его чувство привычки сильнѣе, глубже и продолжительнѣе вашей страсти, и вы стоите передъ нимъ потупя глаза и не зная, что отвѣчать, какъ ученикъ, не знающій урока передъ своимъ учителемъ!.. Такъ вотъ гдѣ часто скрываются пружины лучшихъ нашихъ дѣйствій, прекраснѣйшихъ нашихъ чувствъ! О, бѣдное человечество! жалкая жизнь! И однакожъ вамъ все-таки жаль Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны! вы плачете о нихъ, о нихъ, которые только пили и ѣли и потомъ умерли! О, г. Гоголь истинный чародѣй, и вы не можете представить, какъ я сердитъ на него за то, что онъ и меня чуть не заставилъ плакать о нихъ, которые только пили и ѣли и потомъ умерли! ¹⁾).

Совершенная истина жизни, въ повѣстяхъ г. Гоголя тѣсно соединяется съ простотою вымысла. Онъ не льститъ жизни, но и не клеветаетъ на нее: онъ радъ выставить наружу все, что есть въ ней прекраснаго, человѣческаго, и въ то же время, не скры-

ваетъ нисколько и ея безобразія. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ вѣренъ жизни до послѣдней степени. Она у него настоящій портретъ, въ которомъ все схвачено съ удивительнымъ сходствомъ, начиная отъ экспрессіи оригинала до веснушекъ лица его; начиная отъ гардероба Ивана Никифоровича до Русскихъ мужиковъ, идущихъ по Невскому проспекту, въ сапогахъ, запачканныхъ известію; отъ колоссальной фізіономіи богатыря Бульбы, который не боялся ничего на свѣтѣ, съ люлькою въ зубахъ и съ саблею въ рукахъ, до стояческаго философа Хомы, который не боялся ничего на свѣтѣ, даже чертей и вѣдьмъ, когда у него люлька въ зубахъ и рюмка въ рукахъ.

„Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Онъ очень любить дыни. Это его любимое кушанье. Какъ только отобѣдаетъ и выйдетъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсъ, сейчасъ приказываетъ Ганкѣ принести дыни. И уже самъ разрѣжетъ, соберетъ сѣмена въ особую бумажку и начинаетъ кушать. Потомъ велитъ принести Ганкѣ чернилицу, и самъ, собственною рукою, сдѣлаетъ надпись надъ бумажкою съ сѣменами: *сія дыня сѣмена такого-то числа*. Если при этомъ былъ какой-нибудь гость, то: *участвовалъ такой-то*... Иванъ Никифоровичъ чрезвычайно любитъ купаться, и когда садеть по горло въ воду, велитъ поставить также въ воду столъ и самоваръ, и очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ“.

Скажите, Бога ради, можно ли язвительнѣе, злобнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добродушнѣе и любезнѣе наругаться надъ бѣднымъ человечествомъ?.. И все оттого, что слишкомъ вѣрно! А вотъ посмотрите на жизнь Филемона и Бавкиды:

„Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу *ты*, но всегда *вы*: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна.—Это вы продали стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?—Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я...“ Или: „Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: „А что, Пульхерія Ивановна, можетъ быть, пора закусить чего-нибудь?“—Чего же бы теперь закусить, Аѳанасій Ивановичъ? развѣ коржики съ саломъ, или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ быть, рыжиковъ соленыхъ?“—„Пожалуй хоть и рыжиковъ или пирожковъ, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ, и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками. За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку воды, заѣдалъ грибами, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать сѣли въ двѣнадцать часовъ. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду. „Мнѣ кажется, будто эта каша, говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ, немного пригорѣла; вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?“—„Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ; вы положите побольше масла, тогда она не будетъ пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соуса съ грибами и подлейте къ ней“.—„Пожалуй, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ и подставлялъ свою тарелку: попробуемъ, какъ оно будетъ“... „Вотъ попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ“.—„Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ крас-

¹⁾ Весь этотъ абзацъ о „привычкѣ“ направленъ противъ Шевырева, который въ своей статьѣ о Гоголѣ утверждалъ, что мысль Гоголя о привычкѣ разрушаетъ собою нравственное впечатлѣніе цѣлой повѣсти о „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“. См. объ этомъ ниже, въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя.“

ный, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, принимая по-рилочный ломоть: бываетъ, что и красный, да не хорошій“.

Замѣчаете ли вы здѣсь всю тонкость Аѳанасія Ивановича, который хочетъ разными околичностями отвести глаза своей сожительницы отъ своего ужаснаго аппетита, котораго онъ какъ-будто самъ стыдится? Но посмотримъ на его дальнѣйшіе подвиги.

„Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ сѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріею Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подлѣ наѣсома... Немного погодя онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной и говорилъ: „чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?“—„Чего же бы такого?“—говорила Пульхерія Ивановна:—развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли варениковъ съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить!—И то добре, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ... Или, можетъ быть, вы сѣли бы киселику?“—„И то хорошо“, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ. Послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, сѣдаемо. Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще кое-чего закушивалъ. Въ половинѣ десятаго сажались ужинать... Ночью иногда Аѳанасій Ивановичъ, ходя по спальнѣ ¹⁾, стоналъ. Тогда Пульхерія Ивановна спрашивала: „чего вы стонете, Аѳанасій Ивановичъ?“—„Богъ его знаетъ. Пульхерія Ивановна, такъ какъ будто немного животъ болитъ“, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. „Можетъ быть вы бы чего-нибудь сѣли, Аѳанасій Ивановичъ?“—„Не знаю, будетъ ли оно хорошо. Пульхерія Ивановна въпрочемъ, чего-жъ бы такого сѣсть?“—„Кислаго молочка, или жиденькаго узвару съ сушеными грушами“.—*„Пожалуй развѣ только попробоватъ“*, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. Сонная дѣвка отправлялась рыться по шкапамъ и Аѳанасій Ивановичъ сѣдалъ тарелочку. Послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ: „теперь такъ какъ будто сѣдѣлось легче“.

Какъ вы думаете объ этомъ? По-моему, такъ въ этомъ очеркѣ весь человѣкъ, вся жизнь его съ ея прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ! А супружеская любовь двухъ старцевъ,—а насмѣшки Аѳанасія Ивановича надъ своею сожительницею, касательно внезапнаго пожара въ ихъ домѣ, или, что еще ужаснѣе, касательно его намѣренія идти на войну; страхъ доброй Пульхеріи Ивановны, ея возраженія, ея легкая досада и, наконецъ, чувство самодовольствія, испытываемое Аѳанасіемъ Ивановичемъ при мысли, что ему удалось подшутить надъ своею дражайшею половиною! О, эти картины, эти черты—суть такіе драгоцѣнные перлы поэзіи, въ сравненіи съ которыми всѣ прекрасныя фразы нашихъ доморощенныхъ Бальзаковъ настоящій горохъ!.. И все это не придумано, не списано съ рассказовъ или съ дѣйствительности, но угадано чувствомъ, въ минуту поэтическаго откровенія. Еслибы

¹⁾ Такъ какъ подробныя выписки были бы длиннѣе самой статьи, которая и безъ того длинна, то я позволилъ себѣ дѣлать пропуски и, для связи, нѣкоторыя перемѣны въ словахъ. *Прим. Вѣлинскаго.*

я вздумалъ выписывать всѣ мѣста, доказывающія, что г. Гоголь уловилъ идею описываемой жизни и вѣрно воспроизвелъ ее, то мнѣ пришлось бы списать почти всѣ его повѣсти, отъ слова до слова.

Повѣсти г. Гоголя народны въ высочайшей степени; но я не хочу слишкомъ распространяться о ихъ народности, ибо народность есть не достоинство, а необходимое условіе истинно-художественнаго произведенія. Если подъ народностію должно разумѣть вѣрность изображенія нравовъ, обычаевъ и характера того или другого народа, той или другой страны. Жизнь всякаго народа проявляется въ своихъ, ей одной свойственныхъ, формахъ, слѣдовательно, если изображеніе жизни *вѣрно*, то и *народно*. Народность, чтобы отразиться въ поэтическомъ произведеніи, не требуетъ такого глубокаго изученія со стороны художника, какъ обыкновенно думаютъ. Поэтому стоитъ только мимоходомъ взглянуть на ту или другую жизнь, и она уже усвоена имъ. Какъ Малороссу, г. Гоголю съ дѣтства знакома жизнь Малороссійская, но народность его поэзіи не ограничивается одною Малороссіею. Въ его „Запискахъ Сумасшедшаго“, въ его „Невскомъ Проспектѣ“ нѣтъ ни одного Хохла, все Русскіе, и, вдобавокъ, еще Нѣмцы; а каково изображены имъ эти Русскіе и эти Нѣмцы! Каковъ Шиллеръ и Гофманъ? Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что, право, пора бы намъ перестать хлопотать о народности, также какъ пора бы перестать писать, не имѣя таланта: ибо эта народность очень похожа на Тѣнь въ баснѣ Крылова: г. Гоголь о ней ни мало не думаетъ, и она сама напрашивается къ нему, тогда какъ многіе изъ всѣхъ силъ гоняются за нею и ловятъ—одну тривиальность.

Почти то же самое можно сказать и объ *оригинальности*: какъ и народность, она есть необходимое условіе истиннаго таланта. Два человѣка могутъ сойтись въ заказной работѣ, но никогда въ творчествѣ, ибо если одно вдохновеніе не посѣщаетъ двухъ разъ одного человѣка, то еще менѣе одинаковое вдохновеніе можетъ посѣтить двухъ человѣкъ. Вотъ почему міръ творчества такъ неистощимъ и безграниченъ. Поэтъ никогда не скажетъ: „О чемъ мнѣ писать? ужъ все переписано!“ или:

О, боги, для чего я поздно такъ родился?

Одинъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ творческой оригинальности, или, лучше сказать, самаго творчества, состоитъ въ этомъ *типизмѣ*, если можно такъ выразиться, который есть гербовая печать автора. У истиннаго таланта каждое лицо—типъ, и каждый типъ, для читателя, есть *знакомый незнако-*

мощь. Не говорите: вотъ человѣкъ съ огромною душою, съ пылкими страстями, съ обширнымъ умомъ, но ограниченнымъ разсудкомъ, который до такого бѣшенства любитъ свою жену, что готовъ удавить ее руками при малѣйшемъ подозрѣніи въ невѣрности—скажите проще и короче: вотъ Отелло! Не говорите: вотъ человѣкъ, который глубоко понимаетъ назначеніе человѣка и цѣль жизни, который стремится дѣлать добро, но, лишенный энергіи души, не можетъ сдѣлать ни одного добраго дѣла и страдаетъ отъ сознанія своего безсилія—скажите: вотъ Гамлетъ! Не говорите: вотъ чиновникъ, который подлѣ по убѣжденію, зловреденъ благонамѣренно, преступенъ добросовѣстно—скажите: вотъ Фамусовъ! Не говорите: вотъ человѣкъ, который подличаетъ изъ выгодъ, подличаетъ безкорыстно, по одному влеченію души—скажите: вотъ Молчалинъ! Не говорите: вотъ человѣкъ, который во всю жизнь не вѣдалъ ни одной человѣческой мысли, ни одного человѣческаго чувства, который во всю жизнь не зналъ, что у человѣка есть страданія и горести, кромѣ холода, бессонницы, клоповъ, блохъ, голода и жажды, есть восторги и радости, кромѣ спокойнаго сна, сытнаго стола, цвѣточнаго чаю, что въ жизни человѣка бываютъ случаи поважнѣе сѣденной дыни, что у него есть занятія и обязанности, кромѣ ежедневнаго осмотра своихъ сундуковъ, анбаровъ и хлѣвовъ, есть честолубіе, выше увѣренности, что онъ первая персона въ какомъ-нибудь захолустѣ; о, не тратьте такъ много фразъ, такъ много словъ,—скажите просто: вотъ Иванъ Ивановичъ Перерепенко, или, вотъ Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ? И повѣрьте, васъ скоро же поймутъ всѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Онѣгинъ, Ленскій, Татьяна, Зарѣцкій, Репетиловъ, Хлестова, Тугоуховскій, Платонъ Михайловичъ Горичъ, княжна Мими, Пульхерія Ивановна, Аѳанасій Ивановичъ, Шиллеръ, Пискаревъ, Пироговъ: развѣ всѣ эти собственные имена теперь уже не нарицательныя? И, Боже мой! какъ много смысла заключаетъ въ себѣ каждое изъ нихъ! Это повѣсть, романъ, исторія, поэма, драма, многотомная книга, короче: цѣлый міръ въ одномъ, только въ одномъ словѣ! Что передъ каждымъ изъ этихъ словъ ваши завѣтныя: „qu'il mourût, Moi, Ахъ, я умираю“? И какой мастеръ г. Гоголь выдумывать такія слова! Не хочу говорить о тѣхъ, о которыхъ и такъ уже много говорилъ, скажу только объ одномъ такомъ его словечкѣ, это—Пироговъ!.. Святители! да это цѣлая каста, цѣлый народъ, цѣлая нація! О единственный, несравненный Пироговъ, типъ изъ типовъ, первообразъ изъ первообразовъ! Ты многообъемлюще, чѣмъ Шайлокъ, многозначителънѣе, чѣмъ Фаустъ!

Ты представитель просвѣщенія и образованности всѣхъ людей, которые „любятъ потолковать объ литературѣ, хвалятъ Буларина, Пушкина и Греча, и говорятъ съ презрѣніемъ и остроумными колкостями объ А. А. Орловъ“. Да, господа, дивное слово этотъ—Пироговъ! Это символъ, мистическій мифъ, это, наконецъ, кафтанъ, который такъ чудно скроенъ, что придетъ по плечамъ тысячи человѣкъ! О, г. Гоголь большой мастеръ выдумывать такія слова, отпускатъ такія bons mots! А отчего онъ такой мастеръ на нихъ? Оттого, что оригиналенъ. А отчего оригиналенъ? Оттого, что поэтъ.

Но есть еще другая оригинальность, протекающая изъ индивидуальности автора, слѣдствіе цвѣта очковъ, сквозь которые смотритъ онъ на міръ. Такая оригинальность у г. Гоголя состоитъ, какъ я уже сказали выше, въ комическомъ одушевленіи, всегда побѣждаемомъ чувствомъ глубокой грусти. Въ этомъ отношеніи Русская поговорка: „началь во здравіе, а свель за упокой“, можетъ быть девизомъ его повѣстей. Въ самомъ дѣлѣ, какое чувство остается у васъ, когда пересмотрите вы всѣ эти картины жизни, пустой, ничтожной, во всей ея наготѣ, во всемъ ея чудовищномъ безобразіи, когда досыта нахохочетесь, наругаетесь надъ нею? Я уже говорилъ о „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“—объ этой слезной комедіи во всемъ смыслѣ этого слова. Возьмите „Записки Сумасшедшаго“, этотъ уродливый гротескъ, эту странную, прихотливую грезу художника, эту добродушную насмѣшку надъ жизнію и человѣкомъ, жалкою жизнію, жалкимъ человѣкомъ, эту каррикатуру, въ которой такая бездна поэзіи, такая бездна философіи, эту психическую исторію болѣзни, изложенную въ поэтической формѣ, удивительную по своей истинѣ и глубокости, достойную кисти Шекспира: вы еще смѣетесь надъ простакомъ, но уже вашъ смѣхъ растворенъ горечью; это смѣхъ надъ сумасшедшимъ, котораго бредъ и смѣшить и возбуждаетъ состраданіе. Я уже говорилъ также и о „Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“ въ семъ отношеніи; прибавлю еще, что съ этой стороны эта повѣсть всего удивительнѣе. Въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ вы видите людей пустыхъ, ничтожныхъ и жалкихъ, но, по крайней мѣрѣ, добрыхъ и радушныхъ; ихъ взаимная любовь основана на одной привычкѣ: но вѣдь и привычка все же человѣческое чувство, но вѣдь всякая любовь, всякая привязанность, на чемъ бы она ни основывалась, достойна участія, слѣдовательно еще понятно, почему вы жалѣете объ этихъ старикахъ. Но Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ существа совершенно пустыя,

ничтожныя и притомъ нравственно гадкія и отвратительныя, ибо въ нихъ нѣтъ ничего человѣческаго; зачѣмъ же, спрашиваю я васъ, зачѣмъ вы такъ горько улыбаются, такъ грустно вздыхаете, когда доходите до трагикомической развязки? Вотъ она, эта тайна поэзіи! вотъ онѣ, эти чары искусства! Вы видите жизнь, а кто видѣлъ жизнь, тотъ не можетъ не вздыхать!..

Комизмъ или гуморъ г. Гоголя имѣетъ свой, особенный характеръ: это гуморъ чисто Русскій, гуморъ спокойный, простодушный, въ которомъ авторъ какъ бы прикидывается простакомъ. Г. Гоголь съ важностью говорить о бекешѣ Ивана Ивановича, и иной простакъ нешутя подумаетъ, что авторъ и въ самомъ дѣлѣ въ отчаяніи оттого, что у него нѣтъ такой прекрасной бекешы. Да, г. Гоголь очень мило прикидывается; и хотя надо быть слишкомъ глупымъ, чтобы не понять его проны, но эта проныя чрезвычайно какъ идетъ къ нему. Впрочемъ, это только манера, и истинный-то гуморъ г. Гоголя все-таки состоитъ въ вѣрномъ взглядѣ на жизнь, и, прибавлю еще, нисколько не зависятъ отъ карикатурности представляемой имъ жизни. Онъ всегда одинаковъ, никогда не измѣняетъ себѣ, даже и въ такомъ случаѣ, когда увлекается поэзіею описываемаго имъ предмета. Безпристрастіе его идолъ. Доказательствомъ этого можетъ служить „Тарасъ Бульба“, эта дивная эпопея, написанная кистію смѣлою и широкою, этотъ рѣзкій очеркъ героической жизни младенчеству ющаго народа, эта огромная картина въ тѣсныхъ рамкахъ, достойная Гомера. Бульба герой, Бульба человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, желѣзною волею: описывая подвиги его кровавой мести, авторъ возвышается до лиризма и, въ то же время, дѣлается драматикомъ въ высочайшей степени, и все это не мѣшаетъ ему по мѣстамъ смѣшивать васъ своимъ героемъ. Вы содрогаетесь Бульбы, хладнокровно лишающаго мать дѣтей, убивающаго собственною рукою родного сына, ужасаетесь его кровавыхъ тризнь надъ гробомъ дѣтей, и вы же смѣетесь надъ нимъ, дерущимся на кулачки съ своимъ сыномъ, пьющимъ горѣлку съ своими дѣтьми, радующимся, что въ этомъ ремеслѣ они не уступаютъ батюшкѣ, и изъясняющимъ свое удовольствіе, что ихъ добре пороли въ бурсѣ. И причина этого комизма, этой карикатурности изображеній заключается не въ способности или направленіи автора находить во всемъ смѣшныя стороны, но въ вѣрности жизни. Если г. Гоголь часто и съ умысломъ подшучиваетъ надъ своими героями, то безъ злобы, безъ ненависти; онъ понимаетъ ихъ ничтожность, но не сердится на нее; онъ даже какъ будто любитъ ее, какъ лю-

буется взрослый человѣкъ на игры дѣтей, которыя для него смѣшны своею наивностію, но которыхъ онъ не имѣетъ желанія раздѣлять. Но тѣмъ не менѣе, это все-таки гуморъ, ибо не падить ничтожества, не скрываетъ и не скрашиваетъ его безобразія, ибо, плѣняя изображеніемъ этого ничтожества, возбуждаетъ къ нему отвращеніе. Это гуморъ спокойный и, можетъ быть, тѣмъ скорѣе достигающій своей цѣли. И вотъ, замѣчу мимоходомъ, вотъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ правоученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и ему дѣла нѣтъ до того, каковы онѣ, и онъ рисуетъ ихъ безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать. Послѣ „Горе отъ Ума“ я не знаю ничего на Русскомъ языкѣ что бы отличалось такою чистѣйшею нравственностію и что бы могло имѣть сильнѣйшее и благотѣльнѣйшее вліяніе на нравы, какъ повѣсти г. Гоголя. О, предъ такою нравственностію я всегда готовъ падать на колѣна! Въ самомъ дѣлѣ, кто пойметъ Ивана Ивановича Перерепенко, тотъ вѣрно разсердится, если его назовутъ Иваномъ Ивановичемъ Перерепенкомъ. Нравственность въ сочиненіи должна состоять въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнравственную цѣль. Факты говорятъ громче словъ; вѣрное изображеніе нравственного безобразія могущественнѣе всѣхъ выходокъ противъ него. Однакожъ не забудьте, что такія изображенія только тогда вѣрны, когда безцѣльны, когда созданы, а создавать можетъ одно вдохновеніе, а вдохновеніе можетъ быть доступно одному таланту, слѣдовательно только одинъ талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ!

Итакъ, гуморъ г. Гоголя есть гуморъ спокойный, спокойный въ самомъ своемъ негодованіи, добродушный въ самомъ своемъ лукавствѣ. Но въ творчествѣ есть еще другой гуморъ, грозный и открытый; онъ кушаетъ до крови, впивается въ тѣло до костей, рубитъ со всего плеча, хлещетъ направо и налево своимъ бичемъ, свитымъ изъ шипящихъ змѣй, гуморъ желчный, ядовитый, беспощадный. Хотите ли видѣть его? Я покажу вамъ его — смотрите: вотъ балъ, куда собралась толпа мишурныхъ знаменитостей, ничтожнаго величія, чтобы убить время, своего всегдашняго врага, убійцу, толпа блѣдная, чудовищная, утратившая образъ и подобіе Божіе, позоръ людей и безсловесныхъ; вотъ балъ:

„Между толпами бродятъ разныя лица, подъ веселый напѣвъ коптоданса свиваются и развиваются тысячи интригъ и сѣтей; толпы подобостраст-

ныхъ аэролитовъ верялся вокругъ однодневной кометы; претатель униженно кланяется своей жертвѣ: здѣсь послышалось незначущее слово, при связанное къ глубокому долготѣнному плаву; здѣсь улыбка презрѣнія скатилась съ великолѣпнаго лица и оледенила какой-то умоляющій взоръ; здѣсь тихо ползутъ темныя гдѣхъ и торжественная подлость гордо носить на себѣ печать отверженія“...

Но вдругъ балъ приходитъ въ смущеніе, кричатъ:

„Вода! вода! Въ другомъ концѣ бала играетъ еще музыка, тамъ еще танцуютъ, тамъ еще говорятъ о будущемъ, тамъ еще думаютъ о вчера сдѣланной подлости, о той, которую надо сдѣлать завтра, тамъ еще есть люди, которые ни о чемъ не думаютъ... Но вскорѣ достигла страшная вѣсть, музыка прервалась, все смѣшалось... Отчего же поблѣднѣли всѣ эти лица?.. Какъ, мм. гг., такъ есть на свѣтѣ вѣчто кромѣ вашихъ ежедневныхъ интригъ, происковъ, расчетовъ? Неправда! пустое! все пройдетъ! опять наступитъ завтрашній день! опять можно будетъ продолжать начатое! свергнуть своего противника, обмануть своего друга, доползти до новаго мѣста!.. Но вы не слушаете, вы трепещете, холодный потъ обдаётъ васъ, вамъ страшно! И подлинно — вода все растётъ — вы отвергаете окошко, зовете о помощи, вамъ отвѣчаетъ свистъ бури и бѣлесоватыя волны, какъ разъяренныя тигры, кидаются въ свѣтлыя окна! — Да! въ самомъ дѣлѣ ужасно! еще минута, и взмокнутъ эти роскошныя, дымчатыя одежды вашихъ женщинъ! еще минута — и честолюбивыя украшенія на груди вашей лишь прибавятъ къ вашей тяжести и повлекутъ на холодное дно. — Страшно! страшно! Гдѣ же всемошныя средства науки, смѣющейся надъ усиліями природы? Мм. гг., наука замерла подъ вашимъ дыханіемъ. — Гдѣ же сила молитвы, двигающей горы? — Мм. гг., вы потеряли значеніе этого слова. — Что же остается вамъ? — смерть! смерть! смерть ужасная! медленная! Но ободритесь, что такое смерть — вы люди мудрые, благоразумные, какъ змѣи! неужели то, о чемъ посреди глубокихъ разсужденій вашихъ вы никогда и не помышляли, можетъ быть дѣломъ столь важнымъ? Призовите на помощь свою прзорливость, испытайте надъ смертью ваши обыкновенныя средства: испытайте, нельзя ли подкупить ее, оклеветать? не испугается ли она вашего холоднаго, грознаго взгляда?“... ¹⁾

Я не буду рѣшать, которому изъ этихъ двухъ видовъ гумора должно отдать преимущество. Вопросъ о подобномъ превосходствѣ былъ бы такъ же нелѣпъ, какъ вопросъ о превосходствѣ оды надъ элегіею, романа надъ драмою, ибо изящное всегда равно самому себѣ, въ какихъ бы видахъ ни проявлялось. Есть вещи столь гадкія, что стоитъ только показать ихъ въ собственномъ ихъ видѣ, или назвать ихъ собственнымъ ихъ именемъ, чтобы возбудить къ нимъ отвращеніе; но есть еще вещи, которыя, при всемъ своемъ существенномъ безобразіи, обманываютъ блескомъ наружности. Есть ничтожество грубое, низкое, нагое, неприкрытое, грязное, вонючее, въ лохмотьяхъ; есть еще ничтожество гордое, самодовольное, пышное, великолѣпное, приводящее въ со-

мѣненіе объ истинномъ благѣ самую чистую, самую пылкую душу, ничтожество, ѣздящее въ каретѣ, покрытое золотомъ, умно говорящее, вѣжливо кланяющееся, такъ что вы уничтожены передъ нимъ, что вы готовы подумать, что оно-то есть истинное величіе, что оно-то знаетъ цѣль жизни, и что вы-то обманываетесь, вы-то гоняетесь за призраками. Для того и другого рода ничтожества нуженъ свой, особенный бичъ, бичъ крѣпкій, ибо то и другое ничтожество покрыто тройною бровею. Для того и другого рода ничтожества нужна своя Немезида, ибо надобно же, чтобы люди иногда просыпались отъ своего бессмысленнаго усыпленія и вспоминали о своемъ человѣческомъ достоинствѣ; ибо надобно же, чтобы громъ иногда раздавался надъ ихъ головами и напоминалъ имъ о ихъ Творцѣ; ибо надобно же, чтобы, за пиршественнымъ столомъ, посреди остатковъ безумной роскоши, среди утѣхъ бѣснующейся масленицы, унылый и торжественный звукъ колокола возмущалъ внезапно ихъ безумное упоеніе и напоминалъ о храмѣ Божіемъ, куда всякій долженъ предстать съ раскаяніемъ въ сердцѣ, съ гимномъ на устахъ!..

Г. Гоголь сдѣлался извѣстнымъ своими „Вечерами на хуторѣ“. Это были поэтическіе очерки Малороссіи, очерки полныя жизни и очарованія. Все, что можетъ имѣть природа прекраснаго, сельская жизнь простодушиновъ обольстительнаго, все что народъ можетъ имѣть оригинальнаго, типическаго, все это радужными цвѣтами блеститъ въ этихъ первыхъ поэтическихъ грезахъ г. Гоголя. Это была поэзія юная, свѣжая, благоуханная, роскошная, упоительная, какъ поцѣлуй любви... Читайте вы его „Майскую ночь“; читайте ее въ зимній вечеръ у пылающаго камелька, и вы забудете о зимѣ съ ея морозами и мятелями: вамъ будетъ чудиться эта свѣтлая, прозрачная ночь словеннаго юга, полная чудесъ и тайнъ; вамъ будетъ чудиться эта юная, блѣдная красавица, жертва ненависти злой мачехи, это оставленное жилище съ однимъ раствореннымъ окномъ, это пустынное озеро, на тихихъ водахъ котораго играютъ лучи мѣсяца, на зеленыхъ берегахъ котораго пляшутъ вереницы безплотныхъ красавицъ... Это впечатлѣніе очень похоже на то, которое производитъ на воображеніе „Сонъ въ Лѣтнюю Ночь“ Шекспира. „Ночь предъ Рождествомъ Христовымъ“ есть цѣлая, полная картина домашней жизни народа, его маленькихъ радостей, его маленькихъ горестей, словомъ, тутъ вся поэзія его жизни. „Страшная Местъ“ составляетъ теперь pendant къ „Тарасу Бульбѣ“, и объ эти огромныя картины показываютъ, до чего можетъ возвышаться талантъ г. Гоголя. Но я никогда бы

¹⁾ Отрывокъ изъ произведенія кн. В. Одоевскаго.

не кончилъ, еслибы сталъ разбирать „Вечера на Хуторѣ“. „Арабески и Миргородъ“ посятъ на себѣ все признаки зрѣющаго таланта. Въ нихъ меньше этого упоенія, этого лирическаго разгула, но больше глубины и вѣрности въ изображеніи жизни. Сверхъ того, онъ здѣсь расширилъ свою сцену дѣйствія, и, не оставляя своей любимой, своей прекрасной, своей ненаглядной Малороссіи, пошелъ искать поэзіи въ нравахъ средняго сословія въ Россіи. И, Боже мой, какую глубокую и могучую поэзію нашелъ онъ тутъ! Мы, Москаля, и не подозрѣвали ея!.. „Невскій Проспектъ“ есть созданіе столь же глубокое, сколько и очаровательное; это двѣ полярныя стороны одной и той же жизни, это высокое и смѣшное о-бокъ другъ другу. На одной сторонѣ этой картины бѣдный художникъ, безпечный и простодушный, какъ дитя, замѣчаетъ на Невскомъ Проспектѣ женщину ангела, одно изъ тѣхъ дивныхъ созданій, которыя могло производить только его художническое воображеніе; онъ слѣдитъ за нею, онъ дрожитъ, онъ не смѣетъ дохнуть, ибо онъ еще не знаетъ ея, но уже обожаетъ ее, а всякое обожаніе робко и трепетно; онъ замѣчаетъ ея благосклонную улыбку и „кареты казались ему недвижны, мостъ растягивался и ломался на своей аркѣ, домъ стоялъ крышею внизъ, будка и алебарда часового, вмѣстѣ съ золотыми словами и нарисованными ножницами, блестя, казалось, на самой рѣсницѣ его глазъ“. Задыхаясь отъ упоенія и трепетнаго предчувствія блаженства, онъ входитъ за нею въ третій этажъ большого дома, и что же представляется ему?.. Она, все также прекрасная, очаровательная, она смотритъ на него глупо, нагло, какъ-бы говоря ему: „Ну! что же ты?“... Онъ бросается вонъ. Я не хочу пересказывать его сна, этого дивнаго, драгоцѣннаго перла нашей поэзіи, второго и единственнаго послѣ сна Татьяны Пушкина: здѣсь г. Гоголь поэтъ въ высочайшей степени. Кто читаетъ эту повѣсть въ первый разъ, для того въ этомъ дивномъ снѣ дѣйствительность и поэзія, реальное и фантастическое такъ тѣсно сливаются, что читатель изумляется, узнавши, что все это только сонъ. Представьте себѣ бѣднаго оборваннаго, запачканнаго художника, потеряннаго въ толпѣ звѣздъ, крестовъ и всякаго рода совѣтниковъ: онъ толкается между ними, уничтожающими его своимъ блескомъ, онъ стремится къ ней, и они безпрестанно разлучаютъ его съ ней, они, эти кресты и звѣзды, которые смотрятъ на нее безъ всякаго упоенія, безъ всякаго трепета, какъ на свои золотыя табакерки... И какое пробужденіе послѣ этого сна, и какъ можно жить послѣ такого пробужденія? И онъ точно не

живетъ болѣе въ дѣйствительности, онъ весь въ грезахъ... Наконецъ, въ его душѣ блеснулъ обманчивый, но радужный лучъ надежды: онъ рѣшается на самоотверженіе, онъ хочетъ принести ей въ жертву, какъ Молоху, даже честь свою... „А я только-что теперь проснулась, меня привезли въ семь часовъ утра, я была совсѣмъ пьяна“ — это говоритъ ему она, все такъ же прекрасная, очаровательная... Послѣ этого можно ли было жить даже и въ грезахъ?.. И нѣтъ художника, онъ сошелъ въ темную могилу, никѣмъ не оплаканный, и міръ не зналъ, какая высокая и ужасная драма была разыграна въ этой грѣшной, страдальческой душѣ...

На другой сторонѣ этой картины вы видите Пирогова и Шиллера, того Пирогова, о которомъ я уже говорилъ, того Шиллера, который хотѣлъ отрѣзать себѣ носъ, чтобы избавиться отъ излишнихъ расходовъ на табакъ: того Шиллера, который говоритъ съ гордостію, что онъ Швабскій Нѣмецъ, а не Русская свинья и что у него есть король въ Германіи; того Шиллера, который „еще съ двадцатилѣтняго возраста, съ того времени, которое Русскій живетъ на фуфу, измѣрилъ всю свою жизнь и положилъ себѣ, въ теченіи 10 лѣтъ, составить капиталъ изъ 50 тысячъ и у котораго это было уже такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба, потому что скорѣе чиновникъ позабудетъ заглянуть въ швейцарскую своего начальника, нежели нѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово“, наконецъ, того Шиллера, который „положилъ цѣловать жену свою въ сутки не болѣе двухъ разъ, и чтобы какъ-нибудь не поцѣловать лишній разъ, никогда не клалъ перцу болѣе одной ложечки въ свой супъ“. Чего вамъ еще? Тутъ весь человѣкъ, вся исторія его жизни!.. А Пироговъ?.. О, объ немъ объ одномъ можно написать цѣлую книгу!.. Вы помните его волокитство за глупою блондинкою, съ которою онъ составляетъ такую отличную пару, его ссору и отношенія съ Шиллеромъ; помните, какіе ужасные побои претерпѣлъ онъ отъ флегматическаго Отелло, помните, какимъ негодованіемъ, какою жаждою мести закипѣло сердце поручика, и помните, какъ скоро прошла его досада отъ сѣдненныхъ кондитерскихъ пирожковъ и проченія „Пчелы“?.. Чудные пирожки! Чудная „Пчела“! Пискаревъ и Пироговъ—какой контрастъ! Оба они начали въ одинъ день, въ одинъ часъ преслѣдованія своихъ красавицъ, и какъ различны для обоихъ нихъ были слѣдствія этихъ преслѣдованій! О, какой смыслъ скрытъ въ этомъ контрастѣ! И какое дѣйствіе производитъ этотъ контрастъ! Пискаревъ и Пироговъ, одинъ въ могилѣ, другой доволенъ и счастливъ, даже послѣ

неудачнаго волокитства и ужасныхъ побоевъ!.. Да, господа, скучно на этомъ свѣтѣ!..

„Портретъ“ есть неудачная попытка г. Гоголя въ фантастическомъ родѣ. Здѣсь его талантъ падаетъ, но онъ и въ самомъ паденіи остается талантомъ. Первой части этой повѣсти невозможно читать безъ увлеченія; даже, въ самомъ дѣлѣ, есть что-то ужасное, роковое, фантастическое въ этомъ таинственномъ портретѣ, есть какая-то непобѣдимая прелесть, которая заставляетъ васъ насильно смотрѣть на него, хотя вамъ это и страшно. Прибавьте къ этому множество юмористическихъ картинъ и очерковъ во вкусѣ г. Гоголя; вспомните квартальнаго надзирателя, разсуждающаго о живописи; потомъ эту мать, которая привела къ Черткову свою дочь, чтобы снять съ нея портретъ, и которая бранить балы и восхищается природою,—и вы не откажете въ достоинствѣ и этой повѣсти. Но вторая ея часть рѣшительно ничего не стоитъ; въ ней совсѣмъ не видно г. Гоголя. Это явная придѣлка, въ которой работалъ умъ, а фантазія не принимала никакого участія.

Вообще надо сказать, фантастическое какъ-то не совсѣмъ дается г. Гоголю, и мы вполне согласны съ мнѣніемъ г. Шевырева, который говорить, что „ужасное не можетъ быть подробно: призракъ тогда страшенъ, когда въ немъ есть какая-то неопредѣленность, если же вы въ призракѣ умѣете разглядѣть слезистую пирамиду, съ какими-то челюстями вмѣсто ногъ и языкомъ вверху, тутъ ужъ не будетъ ничего страшнаго, и ужасное переходитъ просто въ уродливое“. Но зато картины Малороссійскихъ нравовъ, описаніе бурсы (впрочемъ немного напоминающее бурсу Нарѣжнаго), портреты бурсаковъ и особенно этого философа Хомы, философа не по одному классу семинаріи, но философа по духу, по характеру, по взгляду на жизнь. О, несравненный *Dominus* Хома! какъ ты великъ въ своемъ стоическомъ равнодушіи ко всему земному, кромѣ горѣлки! Ты потерпѣлся и горя и страху, ты чуть не попался въ когти чертямъ, но ты все забываешь за широкою и глубокою ендовою, на днѣ которой схоронена твоя храбрость и твоя философія; ты, на вопросъ о видѣнныхъ тобою страстяхъ, машешь рукою и говоришь: „Много на свѣтѣ всякой дряни водится!“; у тебя половина головы посѣдѣла въ одну ночь, а ты оттопываешь трепака, да такъ, что добрые люди, смотря на тебя, плюютъ и восклицаютъ: „Вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ!“ Пусть судить всякій какъ хочетъ, а по мнѣ такъ философъ Хома стоитъ философа Сковороды! Потомъ, помните ли вы невольное путешествіе философа Хомы, помните ли попойку въ шинкѣ, этого Дороша,

который, нагрузившись пѣнникомъ, вдругъ захотѣлъ узнать, непременно узнать, чему учать въ бурсѣ (шуточное дѣло!), этого резонёра, который божился что „все должно оставить такъ, какъ есть, что Богъ знаетъ, какъ нужно“ и, наконецъ, этого казака съ сѣдыми усами, который рыдалъ о томъ, что остался круглымъ сиротою... А эти поучительныя бесѣды на кухнѣ, гдѣ „обыкновенно говорилось обо всемъ, и о томъ, кто пошилъ себѣ новыя шаровары, и что находится внутри земли, и кто видѣлъ волка?“ А сужденія этихъ умныхъ головъ о чудесахъ въ природѣ? А портретъ пана сотника? и кто перечтетъ?.. Нѣтъ, несмотря на неудачу въ фантастическомъ, эта повѣсть есть дивное созданіе. Но и фантастическое въ ней слабо только въ описаніи привидѣній, а чтенія Хомы въ церкви, возстаніе красавицы, явленіе Вія безподобны.

Я еще мало говорилъ о „Тарасѣ Бульбѣ“ и не буду слишкомъ распространяться о немъ, ибо, въ такомъ случаѣ, у меня вышла бы еще статья, не менѣе самой повѣсти... „Тарасъ Бульба“ есть отрывокъ, эпизодъ изъ великой эпопеи жизни цѣлаго народа. Если въ наше время возможна гомерическая эпопея, то вотъ вамъ ея высочайшій образецъ, идеаль и прототипъ!.. Если говорятъ, что въ „Иліадѣ“ отражается вся жизнь Греческая въ ея героическій періодъ, то развѣ одни піитики и риторики прошлаго вѣка запретятъ сказать то же самое и о „Тарасѣ Бульбѣ“ въ отношеніи къ Малороссіи XVI вѣка!.. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ здѣсь не все Козачество, съ его странною цивилизаціею, его удаюю, разгульною жизнію, его безпечностію и лѣнью, неутомимостію и дѣятельностію, его буйными оргіями и кровавыми набѣгами?.. Скажите мнѣ, чего нѣтъ въ этой картинѣ? чего недостаетъ къ ея полнотѣ? Не выхвачено ли все это со дна жизни, не бьется ли здѣсь огромный пульсъ всей этой жизни? Этотъ Богатырь Бульба со своими могучими сыновьями, эта толпа Запорожцевъ, дружно отдирающая на площади трепака, этотъ Козакъ, лежащій въ лужѣ, для показанія своего презрѣнія къ дорогому платью, которое на немъ надѣто, и какъ-бы вызывающій на драку всякаго дерзкаго, кто бы осмѣлился дотронуться до него хоть пальцемъ; этотъ кошевой, поневолѣ говорящій краснорѣчивую, витіеватую рѣчь о необходимости войны съ бусурманами, потому что „многіе Запорожцы позадолжались въ шинки Жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры не беретъ“, эта мать, которая является какъ-бы мимоходомъ, чтобы живо оплакать дѣтей своихъ, какъ всегда являлась въ тотъ вѣкъ женщина и мать въ козацкой жизни... А Жиды и Ляхи, а лю-

бровь Андрія и кровавая мечь Бульбы, а казнь Остапа, его воззваніе къ отцу и „слышу“¹⁾ Бульбы, и наконецъ, героическая гибель стараго фанатика, который не чувствовалъ своихъ ужасныхъ мукъ, потому что чувствовалъ одну жажду мести къ враждебному народу?.. И это не эпопея?.. Да что же такое эпопея?.. И какая кисть, широкая, размашистая, рѣзкая, быстрая! какія краски, яркія и ослѣпительныя!.. И какая поэзія, энергическая, могучая, какъ эта Запорожская Сѣчь, „то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, откуда разливается воля и козачество на всю Украину!..“

Что еще сказать вамъ? можетъ быть, вы мало удовлетворены и тѣмъ, что я уже сказалъ: что дѣлать? Гораздо легче чувствовать и понимать прекрасное, нежели заставлять другихъ чувствовать и понимать его! Если одни изъ читателей, прочтя мою статью, скажутъ: „это правда“, или, по крайней мѣрѣ: „во всемъ этомъ есть и правда“; если другіе, прочтя ее, захотятъ прочесть и разобранныя въ ней сочиненія,—мой долгъ выполненъ, цѣль достигнута.

Но какой же общій результатъ выведу я изъ всего сказаннаго мною? Что такое г. Гоголь въ нашей литературѣ? Гдѣ его мѣсто въ ней? Чего должно ожидать намъ отъ него, отъ него, еще только начавшаго свое поприще, и какъ начавшаго! Не мое дѣло раздавать вѣнки безсмертія поэтамъ, осуждать на жизнь или смерть литературныя произведенія; если я сказалъ, что г. Гоголь поэтъ, я уже все сказалъ, я уже лишилъ себя права дѣлать ему судейскіе приговоры. Теперь у насъ слово „поэтъ“ потеряло свое значеніе: его смѣшали съ словомъ „писатель“. У насъ много писателей, нѣкоторые даже съ дарованіями, но нѣтъ поэтовъ. Поэтъ высокое и святое слово; въ немъ заключается неумирающая слава! Но дарованіе имѣетъ свои степени; Козловъ, Жуковский, Пушкинъ, Шиллеръ: эти люди поэты, но равны ли они? Развѣ не спорятъ еще и теперь, кто выше: Шиллеръ или Гёте?

¹⁾ Впрочемъ я не ставлю въ слишкомъ большую заслугу г. Гоголю это „слышу“ и не думаю, подобно нѣкоторымъ, что еслибы г. Гоголь и не изобрѣлъ ничего другого, кромѣ этого славнаго „слышу“, то однимъ имъ могъ бы заставить молчать злонамѣренность критики; ибо, во-первыхъ, злонамѣренность критики нельзя обезоружить изящными созданіями, чему примѣромъ можетъ служить этотъ же самый г. Гоголь, нѣкоторыми благонамѣренными критиками пожалованный въ Поль-де-Кокки; потомъ, это славное „слышу“ не имѣло бы никакого смысла, безъ отношенія къ цѣлой повѣсти и безъ связи съ нею; и, наконецъ, теперь уже прошло то время, когда въ примѣръ высокаго представляли: *Qu'il mourût, Moi, Ah, я Эдитъ, я Россъ* и т. п.: зачѣмъ же обогащать педантовъ новымъ примѣромъ *высокаго въ выраженіи*?

Прим. Бѣлинскаго.

Развѣ общій голосъ не называлъ Шекспира царемъ поэтовъ, единственнымъ и несравненнымъ? И вотъ задачи критики: опредѣлить степень, занимаемую художникомъ въ кругу своихъ собратій. Но г. Гоголь еще только началъ свое поприще; слѣдовательно наше дѣло высказывать свое мнѣніе о его дебютѣ и о надеждахъ въ будущемъ, которыя подаетъ этотъ дебютъ. Эти надежды велики, ибо г. Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время онъ является главою литературы, главою поэтовъ; онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ. Предоставимъ времени рѣшить, чѣмъ и какъ кончится поприще г. Гоголя, а теперь будемъ желать, чтобы этотъ прекрасный талантъ долго сіялъ на небосклонѣ нашей литературы, чтобы его дѣятельность равнялась его силѣ.

Въ „Арабескахъ“ помѣщены два отрывка изъ романа. Объ этихъ отрывкахъ нельзя судить какъ объ отдѣльномъ и цѣломъ созданіи; но о нихъ можно сказать, что они исполнѣ могутъ служить залогомъ тѣхъ надеждъ, о которыхъ я говорилъ. Поэты бываютъ двухъ родовъ: одни только доступны поэзіи, и она у нихъ бываетъ болѣе способностію, чѣмъ даромъ или талантомъ, и много зависитъ отъ вѣншихъ обстоятельствъ жизни; у другихъ даръ поэзіи есть нѣчто положительное, нѣчто составляющее нераздѣльную часть ихъ бытія. Первые, иногда одинъ разъ въ цѣлую жизнь, выскажутъ какую-нибудь прекрасную поэтическую грезу, и, какъ будто обезсиленные тяжестью свершеннаго ими подвига, ослабѣваютъ и падаютъ въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ; и вотъ отчего у нихъ первый опытъ, по большей части, бываетъ прекрасенъ, а послѣдующіе постепенно подрываютъ ихъ славу. Другіе съ каждымъ новымъ произведеніемъ возвышаются и крѣпнютъ: г. Гоголь принадлежитъ къ числу этихъ послѣднихъ поэтовъ: этого довольно!

Я забылъ еще объ одномъ достоинствѣ его произведеній; это лиризмъ, которымъ проникнуты его описанія такихъ предметовъ, которыми онъ увлекается. Описываетъ ли онъ бѣдную мать, это существо высокое и страждущее, это воплощеніе святого чувства любви—сколько тоски, грусти и любви въ его описаніи! Описываетъ ли онъ юную красоту—сколько упоенія, восторга въ его описаніи! Описываетъ ли онъ красоту своей родной, своей возлюбленной Малороссіи—это сынъ, ласкающійся къ обожаемой матери! Помните ли вы его описаніе безбрежныхъ степей Днѣпровскихъ? Какая широкая, размашистая кисть! Какой разгулъ чувства! Какая роскошь и простота въ этомъ описа-

ни! Чортъ васъ возьми, стени, какъ вы хороши у г. Гоголя!..

Въ одномъ журналѣ было изъявлено странное желаніе, чтобы г. Гоголь попробовалъ своихъ силъ въ изображеніи высшихъ слоевъ общества: вотъ мысль, которая въ наше время отзывается ужаснымъ анахронизмомъ! Какъ! неужели поэтъ можетъ сказать себѣ: дай опишу то или другое, дай попробую себя въ томъ или другомъ родѣ?.. И притомъ, развѣ предметъ дѣлаетъ что-нибудь для достоинства сочиненія? Развѣ это не аксіома: гдѣ жизнь, тамъ и поэзія? Но мои „развѣ“ никогда бы не кончились, еслибы я захотѣлъ высказать ихъ всѣ, безъ остатка. Нѣтъ, пусть г. Гоголь описываетъ то, что велитъ ему описывать его вдохновеніе, и пусть страшится описывать то, что велятъ ему описывать или его воля, или гг. критики. Свобода художника состоитъ въ гармоніи его собственной воли съ какою-то

вышней, независящей отъ него волею, или, лучше сказать, его воля есть вдохновеніе!..¹⁾

1835 г.

¹⁾ Я очень радъ, что заглавіе и содержаніе моей статьи избавляетъ меня отъ непріятной обязанности разбирать ученыя статьи г. Гоголя, помѣщенныя въ „Арабескахъ“. Я не понимаю, какъ можно такъ необдуманно компрометировать свое литературное имя. Неужели перевести, или, лучше сказать, перефразировать и перепародировать нѣкоторые мѣста изъ исторіи Миллера, перемѣшать ихъ съ своими фразами, значитъ написать ученую статью?.. Неужели дѣтскія мечтанія объ архитектурѣ ученысть?.. Неужели сравненіе Шлецера, Миллера и Гердера, ни въ какомъ случаѣ не идущихъ въ сравненіе, тоже ученысть?.. Если подобныя этюды ученысть, то избави насъ Богъ отъ такой ученысти! Мы и безъ того богаты ею. Отдавая полную справедливость прекрасному таланту г. Гоголя, какъ поэта, мы, движимые чувствомъ той же самой справедливости, того же самага безпристрастія, желаемъ, чтобы кто-нибудь разобралъ подробности его ученыя статьи.

Прим. Бѣлинскаго.

4. Стихотворенія Владиміра Бенедиктова.

Спб. 1835.

Появившійся въ 1835 г. сборникъ стихотвореній Бенедиктова произвелъ, что называется, фуроръ и среди массы читателей, и среди поэтовъ, и среди критиковъ. Читающая публика въ нѣсколько мѣсяцевъ расхватала все изданіе стихотвореній; изъ поэтовъ только одинъ Пушкинъ (если вѣрить воспоминаніямъ Панаева) остался равнодушнымъ къ новой „восходящей звѣздѣ“; среди критиковъ первый Бѣлинскій, при всеобщемъ негодованіи читателей (по воспоминаніямъ Тургенева), высказалъ свое рѣзко-отрицательное мнѣніе о поэзіи Бенедиктова.

Не прошло и четверти вѣка, какъ это парадоксальное мнѣніе (ибо парадоксально все, идущее противъ общепринятыхъ взглядовъ массы) стало общимъ мѣстомъ. Уже въ сороковыхъ годахъ Бенедиктова стали мало-малу забывать, а въ 1858 г. Добролюбовъ въ своей рецензіи на новыя стихотворенія Бенедиктова только дословно повторилъ уже общепринятое мнѣніе Бѣлинскаго. Теперь Бенедиктовъ забытъ окончательно; мало кому извѣстно даже позднѣйшее собраніе стихотвореній Бенедиктова 1884 г. Въ исторіи развитія вышней формы стиховъ, версификаціи — Бенедиктовъ сыгралъ нѣкоторую роль — это отмѣчено многими за послѣднее время; но версификація — еще не поэзія: въ развитіи этой мысли и состоитъ вся настоящая статья

Бѣлинскаго. А потому и мнѣніе его о стихотвореніяхъ Бенедиктова остается во всей своей силѣ до настоящаго — да и для будущаго — времени.

Бѣлинскій, кромѣ настоящей статьи, далъ еще три небольшія рецензіи о сборникахъ стиховъ Бенедиктова — въ 1836, 1838 и 1842 гг.; рецензіи эти являются по существу варіаціями на темы настоящей статьи. Въ рецензіи 1842 года Бѣлинскій уже рѣшительно и рѣзко подтверждаетъ оправдавшійся критическій діагнозъ своей первой статьи о Бенедиктовѣ: „о достоинствѣ и значеніи поэзіи г. Бенедиктова споръ уже конченъ“, заявляетъ критикъ въ послѣдней своей рецензіи, и великолѣпно опредѣляетъ поэзію Бенедиктова, какъ „поэзію среднихъ кружковъ бюрократическаго народонаселенія Петербурга“. Это опредѣленіе стало классическимъ и удержалось до самага послѣдняго времени (см. напр. статью Б. Садовскаго „Поэтъ-чиновникъ“, „Русск. Мысль“ 1909 г., № XI). О Бенедиктовѣ см. еще статьи — Я. Полонскаго (въ указанномъ выше изданіи 1884 г.), С. Венгерова (въ „Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ“, т. II, стр. 398 — 418), Ю. Айхенвальда (въ сборной „Ист. русск. лит. XIX в.“, изд. „Міръ“) и др.

Возвращаясь къ Бѣлинскому, замѣтимъ,

что между 1835 и 1842 г. Бѣлинскій не упускалъ случая повторить и подтвердить свое мнѣніе о стихахъ Бенедиктова: читатели еще не одинъ разъ встрѣтятся съ выпадами критика противъ этой поэзіи, блестящей по формѣ, но холодной по чувству и ничтожной по мысли. Въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“, а также въ статьяхъ о Лермонтовѣ Бѣлинскій мимоходомъ рѣзко нападалъ на Шевырева, находившаго, что поэзія Бенедиктова проникнута мыслию, и что Лермонтовъ подражаетъ Бенедиктову...

Изъ различныхъ частныхъ настоящей статьи Бѣлинскаго необходимо обратить вниманіе на слѣдующія: интересно сравнить, во-первыхъ, вступительныя строки этой статьи съ первыми страницами написанной черезъ нѣсколько мѣсяцевъ статьи „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“. И тутъ и тамъ идетъ рѣчь о томъ, что такое критика, но во второй статьѣ отвѣтъ дается значительно болѣе подробный и даже нѣсколько иной по существу. Во-вторыхъ, необходимо отмѣтить настойчивое повтореніе Бѣлинскимъ основной своей мысли шеллингянскаго періода — о первенствѣ эстетическаго чувства надъ этическимъ, объ абсолютной нравственности художественнаго произведенія: „только одинъ истинный талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ“ — пишетъ и подчеркиваетъ Бѣлинскій. Мы встрѣчали эту

же центральную мысль въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ и снова встрѣтимся съ нею въ статьяхъ „Ничто о ничемъ“ и „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“. Въ-третьихъ, наконецъ, заслуживаютъ вниманія нѣсколько строкъ настоящей статьи — объ основныхъ идеяхъ поэмъ Пушкина: въ нихъ кратко выражено то самое, что десять лѣтъ спустя Бѣлинскій развилъ въ циклѣ своихъ статей о Пушкинѣ: это лишній разъ подтверждаетъ высказанное нами положеніе о рѣдкой устойчивости и постоянствѣ литературно-критическихъ воззрѣній Бѣлинскаго.

Настоящая статья о Бенедиктовѣ, несмотря на ея небольшой размѣръ — одна изъ очень цѣнныхъ въ литературномъ наслѣдствѣ Бѣлинскаго; въ ней онъ показалъ во всемъ блескъ свою критическую проницательность и тонкость своего эстетическаго чувства. Для тонкой, художественной организации Бѣлинскаго „гремучіе напѣвы“ Бенедиктова звучали и черезчуръ рѣзко и фальшиво — особенно послѣ „божественной гармоніи“ поэзіи Пушкина. И время всецѣло подтвердило суровое сужденіе Бѣлинскаго. „Мы никому не навязываемъ своего мнѣнія, — писалъ Бѣлинскій во второй рецензіи на стихи Бенедиктова (1838 г.): — справедливо оно — намъ честь; ложно — тѣмъ хуже намъ, а не поэту: истина рано или поздно должна оправдаться, а ложь постыдиться“...

И.-Р.

Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ-ли чтеца?
Гоненье-ль низкаго невѣжды?
Иль восхожденіе глупца?

Пушкинъ.

Что такое критика? Оцѣнка художественнаго произведенія. При какихъ условіяхъ возможна эта оцѣнка, или, лучше сказать, на какихъ законахъ должна она основываться? На законахъ изящнаго, отвѣчаютъ записные ученые. Но гдѣ кодексъ этихъ законовъ? Кѣмъ онъ изданъ, кѣмъ утвержденъ и кѣмъ принятъ? Укажите мнѣ на этотъ сводъ законовъ изящнаго, на это уложеніе искусства, котораго начала были бы вѣчны и неизмѣнны, какъ начала творчества въ душѣ человѣческой; котораго параграфы подходили бы подъ всѣ возможные случаи и представляли бы собою стройную систему законодательства, обнимающаго собою весь безконечный и разнообразный міръ художественной дѣятельности во всѣхъ ея видахъ и измѣненіяхъ! Давно ли „украшенное подражаніе природѣ“ было краеугольнымъ камнемъ эстетическаго уложенія? Давно ли эта формула равнялась въ своей глубокости, истинѣ

и непреложности первому пункту магометанскаго ученія: *Нѣтъ Бога, кромѣ Бога — и Мухамедъ пророкъ Его*? Давно ли три знаменитыя единства почитались фундаментомъ, безъ котораго поэма или драма была бы храминою, построенною на пескѣ? Давно ли Корнель, Расинъ, Мольеръ, Буало, Лафонтенъ, Вольтеръ, давно ли эта чета талантовъ почиталась лучезарнымъ созвѣздіемъ поэтической славы, блистающимъ немерцающимъ свѣтомъ для вѣковъ? Давно ли Буало, Батте и Лагарпъ почитались верховными жрецами критики, непогрѣшительными законодателями изящнаго, вѣщими оракулами, изрекавшими непреложные приговоры?.. А что теперь?.. „Украшенное подражаніе природѣ“ и знаменитое „трѣединство“ причислено къ числу вѣковыхъ заблужденій человечества, неудачныхъ попытокъ ума: ученые и свѣтскіе боги Французскаго Парнаса были помрачены и навсегда заслонены *пьянымъ дикаремъ* ¹⁾ Шекспиромъ, а оракулы критики

¹⁾ Въ „Сѣверной Пчелѣ“ обвиняютъ меня, между многими литературными преступленіями, въ томъ, что я называю Шекспира *пьянымъ дикаремъ*. Стяжусь оправдываться въ этомъ передъ публикою, и только

поступили въ архивъ рѣшенныхъ и забытыхъ дѣлъ. И давно ли все это совершилось?.. Давно ли бились на смерть покойники классицизмъ и романтизмъ?.. Гдѣ же, спрашиваю я, гдѣ же эта мѣрка, этотъ аршинъ, которымъ можно мѣрить изящныя произведенія; гдѣ этотъ масштабъ, которымъ можно безошибочно измѣрять градусы ихъ эстетическаго достоинства? Ихъ нѣтъ — и вотъ какъ непрочно литературные кодексы! Какъ съ постепеннымъ ходомъ жизни народа измѣняется его законодательство чрезъ отмѣненіе старыхъ законовъ и введеніе новыхъ, сообразно съ современными требованіями общества; такъ измѣняются и законы изящнаго съ полученіемъ новыхъ фактовъ, на которыхъ они основываются. И развѣ мы получили всѣ факты; развѣ мы изучили всѣ литературы, подъ этими безчисленными національными, вѣковыми и историческими фізіономіями; развѣ мы изслѣдовали жизнь каждаго художника порознь? Развѣ въ этомъ отношеніи для будущаго уже ничего не остается?.. Нѣтъ—еще долго дожидаться полнаго и удовлетворительнаго кодекса искусствъ, какъ долго дожидаться этого совершеннаго гражданскаго законоположенія, которое должно осуществить мечты о золотомъ вѣкѣ Астрей. Стало быть, нѣтъ законовъ изящнаго, по которымъ можно и должно судить произведенія искусствъ? Есть: потому что, если теперь не вполне постигнуть весь міръ изящнаго, то уже извѣстны многіе изъ его законовъ, извѣстны самыя его основанія, но будущему времени предоставлено открыть существующія отношенія между этими законами и основаніями и привести ихъ въ полную и гармоническую систему. Критику должны быть извѣстны *современныя* понятія о творчествѣ, иначе онъ не можетъ и не имѣетъ права ни о чемъ судить.

Но этого еще мало. Часто случается, что критикъ, изложивши свой взглядъ на условія творчества сообразно съ современными понятіями объ этомъ предметѣ, прилагаетъ его ложно, и вѣрно описавши характеръ Греческаго ваянія, показываетъ вамъ разбитый глиняный горшокъ, въ которомъ варили щи, и божится и клянется, что это Греческая ваза. Отчего это? Оттого, что эстетика не алгебра, что она, кромѣ ума и образованности, требуетъ этой пріемлемости изящнаго, которая составляетъ своего рода

талантъ и дается не всѣмъ. Прислушайтесь внимательнѣе къ нашимъ литературнымъ толкамъ и сужденіямъ—и вы согласитесь со мною. Развѣ у насъ нѣтъ людей съ умомъ, образованіемъ, знакомыхъ съ иностранными литературами, и которые, несмотря на все это, отъ души убѣждены, что Жуковский выше Пушкина; которые иногда восхищаются восьмикопѣчными стихотвореніями и талантами гг. А. Б. С. и т. д.? Отчего это? Оттого, что эти люди часто руководствуются въ своихъ сужденіяхъ однимъ умомъ, безъ всякаго участія со стороны чувства, оттого, что принимаютъ за поэзію свои любимыя мысли, или видятъ удобный случай приложить и оправдать свои собственныя мысли объ изящномъ; а эти мысли часто бываютъ парадоксами и предразсудками. Въ предметахъ человѣческаго чувства умъ безъ чувства всегда ведетъ за собою предразсудки и строить парадоксы. Умъ очень самолюбивъ и упрямо довѣрчивъ къ себѣ; онъ создалъ систему и лучше рѣшится уничтожить здравый смыслъ, нежели отказаться отъ нея; онъ гнетъ все подъ свою систему и что не подходитъ подъ нее, то ломаетъ. Въ этомъ случаѣ онъ похожъ на Мольеровыхъ лѣкарей, которые говорили, что они лучше рѣшатся уморить больного, чѣмъ отступить хоть на іоту отъ предписаній Древнихъ. Въ дѣлѣ изящнаго сужденіе тогда только можетъ быть правильно, когда умъ и чувство находятся въ совершенной гармоніи. И вотъ отчего такая разногласица въ сужденіяхъ о литературныхъ сочиненіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ: одному нравятся „Цыгане“ Пушкина и не нравится сказка о Бовѣ Королевичѣ, а другой въ восхищеніи отъ Бовы Королевича и не видитъ ни малѣйшаго достоинства въ „Цыганахъ“ Пушкина. Кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ? Говоря собственно, они оба совершенно правы: сужденіе того и другого основано на чувствѣ, и никакая эстетика, никакая критика не можетъ быть посредницей въ этомъ дѣлѣ. Да! тонкое поэтическое чувство, глубокая пріемлемость впечатлѣній изящнаго—вотъ что должно составлять первое условіе способности къ критицизму, вотъ посредствомъ чего съ перваго взгляда можно отличать поддѣльное вдохновеніе отъ истиннаго, риторическія вычурныя выраженія чувства, галантерейную работу формъ отъ дыханія эстетической жизни, и только вотъ при чемъ сильный умъ, обширная ученость, высокая образованность имѣютъ свой смыслъ и свою важность. Въ противномъ случаѣ изучите всѣ языки земного шара, отъ Китайскаго до Самоѣдскаго, изучите всѣ литературы, отъ Санскритской до Чухонской,—вы все будете мѣтить невпопадъ, говорить некстати, пропускать мимо глазъ

движимый состраданіемъ къ жалкому невѣднѣи „С. Пчелы“, объявляю ей за новостъ (для нея), что это выраженіе принадлежит Вольтеру, обокрадававшему Шекспира, а мною оно употребляется въ шутку. Бѣдная „Пчела“, какъ еще много пустыхъ вещей, недоступныхъ для ея мушиной любознательности!

Прим. Бѣлинскаго.

См. выше, стр. 61.

слоновъ и приходять въ восторгъ отъ буквешекъ. Развѣ тяжелая „Россіяда“ не подходила подѣ эстетическіе законы добраго стараго времени; развѣ скучный и водяной „Дмитрій Самозванецъ“ г. Булгарина не отличается общео манерою и замашками историческаго романа? Развѣ въ свое время трудно было доказать художественное достоинство того и другаго произведенія эстетическими правилами двухъ эпохъ времени, т.-е. семидесятыхъ годовъ прошлаго и двадцатыхъ текущаго столѣтія? О, нѣтъ ничего легче? Но вотъ что очень было трудно: спасти ихъ отъ чахоточной смерти. Вотъ отчего такъ часто бывають неудачны попытки иныхъ высокоученыхъ, но лишенныхъ эстетическаго чувства, критиковъ уронить истинный талантъ, не подходящій подѣ школьную мѣрку и возвысить мишурнаго фразера.

У насъ еще и теперѣ тайна искусства есть истинная тайна, въ буквальный смыслъ этого слова, для многихъ людей, посвящающихъ себя этому искусству или по влеченію, или ex-officio, или отъ нечего дѣлать. Цвѣтистая фраза, новая манера—и вотъ уже готовъ поэтическій вѣнокъ изъ *калужера и мяты*, нынче зеленѣющій, а завтра желтѣющій. Цвѣтистая фраза принимается за мысль, за чувство, новая манера и стихотворныя гримасы—за оригинальность и самобытность. Помните ли вы остроумный апологъ, рассказанный въ одномъ нашемъ журналѣ, какъ *человѣкъ съ умомъ на три страницы* хотѣлъ отъ скуки бросить лавровый вѣнокъ поэта первому прошедшему мимо его окна, и какъ онъ бросилъ его чрезъ форточку бездарному стихотворцу, который на этотъ разъ проходилъ мимо окошка человѣка съ умомъ на три страницы?.. Вотъ вамъ объясненіе, почему въ нашей литературѣ бездна самыхъ огромныхъ авторитетовъ. И хорошо еще, если человѣкъ-то, раздающій поэтическіе вѣнки, точно съ умомъ хоть на три страницы: тутъ нѣтъ еще большаго зла, потому что онъ можетъ, одумавшись или разсердившись на свое неблагодарное созданіе, уничтожить его такъ же легко, какъ онъ его и создалъ, чему у насъ и бывали примѣры ¹⁾).

¹⁾ Бѣлинскій говоритъ о Сенковскомъ и о Кукольникѣ: Сенковский, рецензируя крайне слабую драму Кукольника „Торквато Тассо“, пришелъ отъ нея въ дѣлавный восторгъ и заявилъ: „я громко восклицаю: *великій Кукольникъ!* передъ его видѣніемъ Тасса и кончиною Лукреціи, какъ восклицаю: *великій Байронъ!* передъ многими мѣстами твореній Байрона“ („Библ. для Чтенія“, 1834 г., № 1; ср. выше, стр. 11). Вскорѣ послѣ этого между Сенковскимъ и Кукольникомъ произошла по случайному поводу „литературная ошибка“ (см. объ этомъ ниже, въ статьѣ Бѣлинскаго „Ничто о ничемъ“), и Сенковский объявлялъ Кукольника ничтожествомъ, а свой былой восторженный отзывъ о „великомъ Кукольникѣ“ довольно цинично объяснилъ въ слѣдующемъ „апологѣ“: одинъ человѣкъ,

Это даже можетъ быть и забавно, если сдѣлано умно и ловко. Но вотъ эти добрые и *безназвѣтные* критики, которые, въ сердечной простотѣ своей, не шути принимаютъ Русскій горохъ за Эллинскіе цвѣты, сѣверный чертополохъ и крапиву за райскіе кринны: они-то истинно и вредны. Души добрыя и честныя, приобретають когда-то и какъ-то какое-нибудь вліяніе на общественное мнѣніе, они добродушно обманываютъ самихъ себя и невинно вводятъ и другихъ въ обманъ.

„Но что-жъ въ этомъ худого?“ можетъ быть, спросятъ иные. О, очень много худого, милостивые государи! Если превознесенный поэтъ есть человѣкъ съ душою и сердцемъ, то неужели не грустно думать, что онъ долженъ идти не по своей дорогѣ, сдѣлаться записнымъ фразеромъ, и послѣ мгновеннаго успѣха, эфемерной славы видѣть себя заживо похороненнымъ, видѣть себя жертвою литературнаго безславія? Если это человѣкъ пустой, ничтожный, то неужели не досадно видѣть глупое чванство литературнаго павлина, видѣть незаслуженный успѣхъ и, такъ какъ нѣтъ глупца, который не нашелъ бы глупѣе себя, видѣть нелѣпое удивленіе добрыхъ людей, которые, можетъ быть, не лишены нѣкотораго вкуса, но которые не смѣютъ имѣть своего сужденія? А святость искусства, унижаемаго бездарностию?.. Милостивые государи! если вамъ понятно чувство любви къ истинѣ, чувство уваженія къ какому-нибудь задушевному предмету, то будете ли вы осуждать порывъ человѣка, который, иногда къ своему вреду, вызываетъ на себя и мнѣніе самолюбій и общественное мнѣніе, имѣя полное право *не вмѣшиваться*, какъ говорится на святой Руси, *не въ свое дѣло*?.. Долженъ ли этотъ человѣкъ оскорбляться или пугаться того, что люди посредственные, холодные къ дѣлу истины, лишены огня Прометеева, провозгласятъ его *крикуномъ* или *ругателемъ*? Вамъ понятно ли это чувство? Вамъ понятна ли эта запальчивость, для васъ справедлива ли она въ самой своей несправедливости?.. А понимаете ли вы блаженство взбѣсить жалкую посредственность, расшевелить мелочное самолюбіе, возбудить къ себѣ ненависть не-

„который въ нуждѣ могъ собрать ума въ головѣ своей на три страницы“ (т.-е. самъ Сенковский!), „вздумалъ сдѣлать колоссальную репутацію первому плохому стихотворцу, который пройдетъ мимо его дома. Случилось, что на это время проходилъ мимо его окошъ одинъ плохой стихотворецъ“ (т.-е. Кукольникъ). „Человѣкъ съ умомъ на три страницы сдѣлать, забавляясь, колоссальную поэтическую славу и бросилъ ее въ форточку. Плохой стихотворецъ подобралъ брошенную ему колоссальную славу и пошелъ съ нею въ люди..“ („Библ. для Чтенія“, 1835 г., № 9). Бѣлинскій неоднократно возмущался этимъ яркимъ образцомъ литературнаго паясничества и безпринципности.

нависшаго, злобу злого?.. „Но какая же изъ всего этого польза?“ А общественный вкусъ къ изящному, а здравыя понятія объ искусствѣ? „Но увѣрены ли вы, что ваше дѣло направлять общественный вкусъ къ изящному и распространять здравыя понятія объ искусствѣ; увѣрены ли вы, что ваши понятія здравы, вкусъ вѣренъ?“ Такъ, я знаю, что тотъ былъ бы смѣшонъ и жалокъ, кто бы сталъ увѣрять въ своемъ превосходствѣ другихъ; но, во-первыхъ, вещи познаются по сравненію, и дѣла другихъ заставляютъ иногда человѣка приниматься самому за эти дѣла; во-вторыхъ, если каждый изъ насъ будетъ говорить: „да мое ли это дѣло, да идѣ мнѣ, да куда мнѣ, да что я за выскочка!“ то никто ничего не будетъ дѣлать. Гадокъ наглій самохвалъ; но не менѣе гадокъ и человѣкъ безъ всякаго сознанія какой-нибудь силы, какого-нибудь достоинства. Я терпѣть не могу ни Скалозубовъ, ни Молчаливыхъ.

Я слишкомъ хорошо знаю нашъ литературный міръ, наши литературныя отношенія и потому почти каждая новая книга возбуждаетъ во мнѣ такія думы и ведетъ къ такимъ размышленіямъ, какія она не во всѣхъ возбуждаетъ, и вотъ почему у меня вступленіе или мысли *à propos* почти всегда составляютъ главную и самую большую часть моихъ рецензій. Къ числу такихъ книгъ принадлежатъ стихотворенія г. Бенедиктова; они возбудили въ моей душѣ множество элегій, до которыхъ я большой охотникъ; но обстоятельства, сопровождавшія ея появленіе, и безотчетные крики, встрѣтившіе ее, только одни заставили меня взяться за перо. Правда, стихотворенія г. Бенедиктова не принадлежатъ къ числу этихъ дюжинныхъ и бездарныхъ произведеній, которыми теперь особенно наводняется наша литература; напротивъ, въ этой печальной пустотѣ они обращаютъ на себя невольное вниманіе, и съ перваго взгляда легко могутъ показаться чѣмъ-то совершенно выходящимъ изъ круга обыкновенныхъ явленій. Но это-то самое и заставляетъ рецензента, отложивъ въ сторону пошлыя оговорки и околичности, прямо и рѣзко высказать о нихъ свое мнѣніе. Это будетъ не критика, а отзывъ, простое мнѣніе, или, какъ говорятъ, рецензія, потому что тутъ критикѣ нечего дѣлать. Дѣло коротко, просто и ясно, а вопросъ болѣе о разныхъ обстоятельствахъ, касающихся дѣла, нежели о самомъ дѣлѣ.

Я сказалъ, что стихотворенія г. Бенедиктова обращаютъ на себя невольное вниманіе: прибавлю, что это происходитъ не столько отъ ихъ независимаго достоинства, сколько отъ различныхъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, много ли надо таланта, чтобы обратить на

себя вниманіе *стихами* въ наше прозаическое время? Кромѣ того, стихотворенія г. Бенедиктова обнаруживаютъ въ немъ человѣка со вкусомъ, человѣка, который умѣетъ всему придать колоритъ поэзіи; иногда обнаруживаютъ превосходнаго версификатора, удачнаго описателя; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ видна эта дѣтскость силы, эта безпрестанная невыдержанность мысли, стиха, самого языка, которые обнаруживаютъ отсутствіе чувства, фантазіи, а слѣдовательно и поэзіи. Сказавши, надо доказать, и я не вижу для этого никакого другого средства, кромѣ анализа и сравненія.

Кажется, въ наше время никто не долженъ сомнѣваться въ томъ, что въ истинно художественномъ произведеніи не можетъ быть погрѣшностей и недостатковъ, какъ думаютъ школяры и люди посредственные. Чтò создано фантазіею, а не холоднымъ умомъ, то всегда истинно, вѣрно и прекрасно; погрѣшности же тамъ, гдѣ фантазія уступаетъ свое мѣсто уму, и умъ работаетъ безъ участія чувства, по источникамъ изобрѣтенія. Въ романѣ, въ драмѣ, словомъ, во всякомъ большомъ сочиненіи недостатки едва ли избѣжны, потому что поэту надо имѣть слишкомъ гигантскую фантазію, чтобы не допустить никакого вліянія со стороны ума, разсчета, труда. Но лирическое сочиненіе есть плодъ мгновенной вспышки фантазіи, мгновенное изліяніе чувства; слѣдовательно, въ немъ всякое неестественное или вычурное выраженіе, всякій прозаическій стихъ обличаетъ недостатокъ фантазіи. Я никакъ не умѣю понять, что за поэтъ тотъ, у кого не достанетъ фантазіи на 20 или на 40 стиховъ, кто съ стихами вдохновенными мѣшаетъ стихи дѣланые. Какъ въ романѣ или драмѣ невыдержанность характеровъ, неестественность положеній, неправдоподобность событій обличаютъ работу, а не творчество; такъ въ лиризмѣ неправильный языкъ, яркая фигура, цвѣтистая фраза, неточность выраженія, изысканность слога обличаютъ ту же самую работу. Простота языка не можетъ служить исключительнымъ и необманчивымъ признакомъ поэзіи; но изысканность выраженія всегда можетъ служить вѣрнымъ признакомъ отсутствія поэзіи. Стихъ, переложенный въ прозу и обращающійся отъ этой операціи въ натяжку, также какъ и темныя, затѣйливыя мысли, разложенныя на чистыя понятія и теряющія отъ этого всякій смыслъ, обличаетъ одну риторическую шумиху, наборъ общихъ мѣстъ. Я представлю вамъ теперь нѣсколько фразъ изъ большей части стихотвореній г. Бенедиктова, обращенныхъ мною въ прозаическія выраженія, со всею добросовѣстностію, безъ малѣйшаго искаженія—и сдѣлаю вамъ нѣсколько вопро-

совѣ, поставивъ судьбою въ этомъ дѣлѣ вашъ собственный здравый смыслъ.

— Юноша сорвалъ розу и украсилъ этою пламенною жатвою чело дѣвы. — Вы были ли, прекрасные дни, когда сверкали они веселья; небесныя звѣзды очами судей выпали на землю съ лазурнаго свода (??); милая дикость равняла людей (?!). — Любовь не *излилась въ утробы сердца*, но, повсюду раскрывая и *сверкая вѣтъ въ очи* (??), надѣвала на міръ всеобщій вѣнецъ. — Дѣва, у которой уста кокетствуютъ улыбкою, изобличается гибкій станъ и все, что дано прихотямъ, то украшено рѣзцемъ любви (?!). — Ребенокъ (на пожарѣ) простираетъ свои ручки къ жаламъ неустовыхъ огненныхъ змѣй (т.-е. къ огню). — Передъ завистливою толпою я вносилъ твой станъ, на огненной ладони, въ *вихрь* круженія (т.-е. вальсировалъ съ тобою). — Струи времени возрастили *мохъ забвенія на развалинахъ любви* (!..). — Въ твоёмъ гибкомъ, эфирномъ станѣ я утоплялъ горячую ладонь. — За жизненнымъ концемъ (?) есть лучшій міръ — тамъ я *обручусь съ тобой кольцомъ вѣчности*. — Любовь преломлялась, блестя цвѣтными огнями сердечнаго неба. — Чудная дѣва *магнитными прелестями* влекла къ себѣ *желѣзныя сердца*. — Къ кому прикинуть головою, гдѣ *растопитъ свинецъ несчастья*. — Фантазія вдуваетъ разсудку свой сладкій дымъ! — Море опоясалось мечемъ молній. — Солнце вонзило въ дождевыя капли пламя своего луча. — Въ черныхъ глазахъ Адели могила безстрастія и колыбель блаженства. Искра души прихотливо подлетѣла къ парѣ червеныхъ глазъ и умильно посмотрѣла въ окна своей хранины. — Матильда, сидя на жеребцѣ (!), гордится красивымъ и *плотнымъ усѣтомъ*, а жеребецъ подъ дѣвою топчется, хрипитъ и пляшетъ. — Грудь станетъ свинцовымъ гробомъ, и въ немъ лежить прахъ моей любви. — Конь повеселитъ меня вдаль *на молніяхъ отчаяннаго бѣга*. — Любовь есть капля меду на остромъ жалѣ красоты. — Ея тихая мысль, зрѣя въ свѣтломъ разумѣ, разгоралася искрою, и потомъ, оперенная словомъ, вылетала изъ ея устъ плѣнительнымъ голубемъ. — На первомъ жизни пирѣ возникалъ поспѣвъ грѣха. — Да не падетъ на *пламя красоты морозный паръ безстрастнаго дыханія*. — Могучею рукою вонзится сталь правды въ шипучее (?) сердце порока. — Его рука перевила лукавою змѣею станъ молодой дѣвы, вползла на грудь и на груди уснула. —

Что это такое? неужели поэзія, неужели вдохновеніе, юное, кипучее, тревожное, пламенное, полное глубины мысли?.. И столько фразъ на какихъ-нибудь *ста шести* страницахъ, или *пятидесяти трехъ* листкахъ!.. Въ четырехъ частяхъ мелкихъ стихотвореній Пушкина, хорошихъ и дурныхъ, въ трехъ частяхъ поэмъ заключается около *двухъ тысячъ* страницъ: найдите же мнѣ хоть пять такихъ выраженій ¹⁾, и я позволю печатно назвать себя клеветникомъ, ругателемъ, человекомъ, ничего не смыслящимъ въ дѣлѣ искусства! Но я дурно и, можетъ быть, недобросовѣстно поступилъ, указавъ на Пушкина: прошу извиненія у великаго поэта и у публики. Возьмите Жуковского, возьмите даже Козлова, Языкова, Туманскаго, Баратынскаго — найдите у всѣхъ нихъ хоть по-

ловинное число такихъ вычуръ — и я сознаюсь побѣжденнымъ. Вы скажете: „Это не доказательство: это обнаруживаетъ только не выработанный талантъ, не укрѣпившееся перо, словомъ, литературную неопытность“; хорошо, но вы, милостивые государи, какъ понимаете искусство? Неужели ему можно выучиться, пользуясь безпристрастными и благоразумными замѣчаніями опытныхъ писателей? Талантъ можетъ зрѣть не отъ навыка, не отъ выучки, но отъ опыта жизни; а лѣта и опытъ жизни могутъ возвысить взглядъ поэта на жизнь и природу, могутъ сосредоточить его энергію и пламень чувства, но не усилить ихъ, могутъ придать глубину его мысли, но не сдѣлать ее живѣе и тревожнѣе. А когда, какъ не въ первой молодости художника чувство его бываетъ живѣе и пламеннѣе, фантазія игривѣе и радужнѣе? А гдѣ, какъ не въ первыхъ произведеніяхъ поэта кипитъ и горитъ и колышется бурною волною его свѣжее чувство? Слѣдовательно, какія же, какъ не первыя его произведенія болѣе вѣрны, истинны, не натянуты, живы, вдохновенны, чужды вычуръ и гримасъ риторическихъ?.. Помните ли вы юнаго поэта Веневитинова? Посмотрите, какая у него точность и простота въ выраженіи, какъ у него всякое слово на своемъ мѣстѣ, каждая рима свободна и каждый стихъ рождаетъ другой безъ принужденія? Развѣ онъ обдумывалъ или обдѣлывалъ свои поэтическія думы? Тѣ ли мы видимъ у г. Бенедиктова? Посмотрите, какъ неудачны его нововведенія, его изобрѣтенія, какъ неточны его слова? Человѣкъ у него *витаютъ* въ рощахъ; волны грудей у него превращаются въ *грудныя волны*; *камень лопаетъ* (вм. *лопается*); *преклоняется къ заплечью красавицы, сидящей въ креслахъ*; *степь безпредметна*; *стоитъ безлалоленъ*; *сердце пляшетъ*; *солнце сентябревое*; *валы лижутъ* пяты утеса; *тирная роскошь* и *веселіе*; *прелестная сердцегубка* и пр. Такія фразы и ошибки противъ языка и здраваго смысла никогда не могутъ быть ошибками вдохновенія: это ошибки ума, и только въ одной Персидской поэзіи могутъ онѣ составлять красоту.

Гдѣ-то было сказано, что въ стихотвореніяхъ г. Бенедиктова владычествуетъ мысль: мы этого не видимъ ¹⁾. Г. Бенедиктовъ воспѣваетъ все, что воспѣваютъ молодые люди: красавицъ, горе и радости жизни; гдѣ же онъ хочетъ выразить мысль, то или бываетъ слишкомъ теменъ, или становится холоднымъ риторомъ. Вотъ примѣръ:

¹⁾ Боюсь только четвертой части, которой еще не видалъ и за которую, поэтому, не отвѣчаю.

Прим. Бѣлинскаго.

¹⁾ См. объ этомъ ниже, въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“; „мысль“ у Бенедиктова находилъ Шевыревъ.

Утесъ.

Отвсюду облитый равниною моря,
Утесъ гордо высится,—мраченъ, суровъ,
Незыблемъ стоитъ онъ, въ могуществѣ спори
Съ прибоемъ волнъ и съ напоромъ вѣковъ.
Валы только лижутъ могучаго ятмъ,
Отъ времени только бразды вдоль чела;
Мохъ сѣрый ползетъ на широкіе скаты,—
Съдая вершина престоль для орла.

Какъ въ плащъ исполнивъ весь во мглу завер-
нулся;
Поникъ, будто въ думахъ косматой главой;
Безстрашно надъ моремъ встѣмъ станомъ на-
нулся

И грозно повиснулъ надъ бездной морской;
Вы ждете,—падетъ онъ,—не ждите паденья!
Наклонно (?) онъ сталъ, чтобы сверху взирать
На слабы волны съ усмѣшкой презрѣнья
И смертнаго взоры отвагой пугать!

Онъ хладенъ, но жаръ въ немъ закованъ при-
родный:

Во дни чудодѣйства зиждительныхъ силъ
Онъ силой огня—сынъ огня первородный—
Изъ сердца земли мощно выдвинуть былъ!—
Взлетѣлъ и застылъ онъ твердой гранита.

Ему не жителенъ солнечный лучъ;
Для нѣгъ его грудь вѣковая закрыта;
И дикъ и угрюмъ онъ: зато онъ могучъ!

Зато онъ неистовой радостью блещетъ,
Какъ вѣтры помчатся въ разгульный свой путь,
Когда въ него море бурунами хлещетъ
И прыгаетъ жадно гиганту на грудь.—
Вотъ молніи пламя надъ нимъ засверкало,
Перунъ свой ударъ ему въ темя нанесъ—
Что-жь? огненный змѣй изломилъ свое жало,
И весь неврединный хохочетъ утесъ.

Скажите, что тутъ хорошаго? Во-первыхъ, тутъ не выдержана метафора: сперва утесъ является покрытымъ только мхомъ, а потомъ уже *косматымъ*, т.-е. покрытымъ кустарникомъ и даже деревьями; во-вторыхъ, это не поэтическое возсозданіе природы, а наборъ громкихъ фразъ; это не солнце, которое освѣщаетъ и вмѣстѣ согрѣваетъ; а воздушный метеоръ, забавляющій человѣка своимъ ложнымъ блескомъ, но не согрѣвающий его. Очень понятно, что авторъ хотѣлъ выразить здѣсь идею *величія въ могуществѣ*; но здѣсь идея не сливается съ формою; ея не чувствуешь, но только догадываешься о ней. Мицкевичъ, одинъ изъ величайшихъ міровыхъ поэтовъ, хорошо понималъ это великолѣпіе и гиперболизмъ описаній, и потому въ своихъ „Крымскихъ Сонетахъ“ очень благоразумно прикидывался правовѣрнымъ мусульманиномъ; и въ самомъ дѣлѣ, это гиперболическое выраженіе удивленія къ Чатырдагу кажется очень естественнымъ въ устахъ поклонника Мугтаммеда, сына Востока. Вообще, громкія, великолѣпныя фразы еще не поэзія. При всемъ моемъ энтузіастическомъ удивленіи къ Пушкину, мнѣ ничто не помѣшаетъ видѣть фразы, если онѣ есть, даже и въ такихъ его стихотвореніяхъ, въ которыхъ есть и истинная поэзія, и я, въ первой половинѣ его „Андрея Шенье“, до того мѣста, гдѣ поэтъ

представляетъ Шенье говорящимъ, вижу фразы и декламацию. Вотъ, напримѣръ, найдите мнѣ стихотвореніе, въ которомъ бы твердость и упругость языка, великолѣпіе и картинность выраженій были доведены до бѣльшаго совершенства, какъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Видалъ ли очи львицы гладной,
Когда идетъ она на брань,
Или съ весельемъ ногой хладной
Вонзаетъ въ трепетную лань?
Ты зрѣлъ гienну съ лютымъ зѣвомъ,
Когда грызетъ она затворъ.
Какъ раскаленъ упорнымъ гнѣвомъ
Ея окровавленный взоръ!
Тебѣ случилось въ мракѣ ночи,
Во весь опоръ пустивъ коня,
Внезапно волчьей встрѣтить очи,
Какъ два недвижные огня!
Ты помнишь, какъ твой замеръ голосъ,
Какъ потухалъ въ крови огонь,
Какъ подымался дыбомъ волосъ
И подымался дыбомъ конь!
Тѣ очи—страшныя явленія!
Но видѣлъ я и тѣхъ страшнѣй:
Не позабыть душѣ моей
Ихъ рокового впечатлѣнія!
Изъ всѣхъ огней и всѣхъ отравъ
Огня тѣхъ взоровъ не составить
И лишь безумно обезславить
Наукъ всевѣдущій уставъ!
Отъ нихъ все чувство каменѣть,
Ихъ огонь и жжетъ и холодитъ;
При мысли сердце вновь горитъ
И стихъ, робѣя, леденѣть.
Моли всѣхъ ангеловъ вселенной,
Чтобъ въ жизни не видать своей
Неправой местию раздраженной
Коварной женщины очей!

И между тѣмъ, спрашиваю васъ, неужели это поэзія, а не стихотворная игрушка; неужели эти выраженія вылились въ вдохновенную минуту изъ души взволнованной, потрясенной, а не прибраны и не придуманы, въ напряженномъ и неестественномъ состояніи духа; неужели это безсознательное изліяніе чувства, а не наборъ фразъ, написанныхъ на тему, заданную умомъ?.. И взгляните пристальнѣе въ этотъ фальшивый блескъ поэзіи: что вы найдете въ немъ? Одно умѣнье, навыкъ, литературную опытность и вкусъ. Посмотрите, какъ искусно г. стихотворецъ умѣлъ придать ложный колоритъ поэзіи самымъ прозаическимъ выраженіямъ, съ семнадцатаго стиха до двадцать пятаго. Было время, когда подобныя натяжки принимались за поэзію; но теперь—извините!

Обращаюсь къ мысли. Я рѣшительно нигдѣ не нахожу ея у г. Бенедиктова. Что такое мысль въ поэзіи? Для удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ должно рѣшить сперва, что такое чувство. Чувство, какъ самое этимологическое значеніе этого слова показываетъ, есть принадлежность нашего организма, нашей плоти, нашей крови.

Чувство и чувственность разнятся между собою тѣмъ, что послѣднее есть тѣлесное ощущение, произведенное въ организмъ какимъ-нибудь матеріальнымъ предметомъ, а первое есть тоже тѣлесное ощущение, но только произведенное *мыслію*. И вотъ отчего человѣкъ, занимающійся какими-нибудь вычислениями или сухими мыслями, подносить руку ко лбу, и вотъ почему человѣкъ, потрясенный, взволнованный чувствомъ, подноситъ руку къ груди или сердцу, ибо въ этой груди у него замираетъ дыханіе, ибо эта грудь у него сжимается или расширяется и въ ней дѣлается или тепло или холодно, ибо это сердце у него и млѣетъ и трепещетъ и порывисто бьется; и вотъ почему онъ отступаетъ и дрожитъ и поднимаетъ руки, ибо по всему его организму, отъ головы до ногъ, проходитъ огненный холодъ и волосы становятся дыбомъ. Итакъ, очень понятно, что сочиненіе можетъ быть съ мыслію, но безъ чувства; и въ такомъ случаѣ есть ли въ немъ поэзія? И наоборотъ, очень понятно, что сочиненіе, въ которомъ есть чувство, не можетъ быть безъ мысли. И естественно, что чѣмъ глубже чувство, тѣмъ глубже и мысль и наоборотъ. „Вселенная безконечна“, говорю я вамъ: эта мысль велика и высока, но въ этихъ словахъ еще не заключается художественнаго произведенія, и не будетъ его, еслибы я распространилъ эту мысль хоть на десяти страницахъ. Но „Die Grösse der Welt“ это стихотвореніе Шиллера, въ которомъ облечена въ поэтическую форму эта же самая мысль, и которое такъ прекрасно, полно и вѣрно передано на Русскій языкъ г. Шевыревымъ, дышитъ глубокою поэзіею, и въ немъ мысль уничтожается въ чувствѣ, а чувство уничтожается въ мысли: изъ этого взаимнаго уничтоженія рождается высокая художественность. А отчего? Оттого, что эта мысль, родившись въ головѣ поэта, дала, такъ сказать, толчокъ его организму, взволновала и зажгла его кровь и зашевелилась въ груди. Таковъ „Демонъ“ Пушкина, это стихотвореніе, въ которомъ такъ неизмѣримо глубоко выражена идея *сомнѣнія*, рано или поздно бывающаго удѣломъ всякаго чувствующаго и мыслящаго существа; такова же его дивная „Сцена изъ Фауста“, выражающая почти ту же идею; таковъ его „Бахчисарайскій Фонтанъ“ гдѣ, въ лицѣ Гирея, выражена мысль, что чѣмъ шире и глубже душа человѣка, тѣмъ менѣе способенъ онъ удовлетворить себя чувственными наслажденіями; таковы его „Цыганы“, гдѣ выражена идея, что пока человѣкъ не убьетъ своего эгоизма, своихъ личныхъ страстей, до тѣхъ поръ онъ не найдетъ для себя на землѣ истинной свободы ни посреди цивилизаціи,

ни въ таборахъ кочующихъ дѣтей вольности ¹⁾. Я не говорю о другихъ его произведеніяхъ, я не говорю о его „Онѣгинѣ“, этомъ созданіи великомъ и бессмертномъ, гдѣ что стихъ, то мысль, потому что въ немъ что стихъ, то чувство.

Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой поколѣнья,
По тайной волѣ провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падаютъ;
Другія имъ вслѣдъ идутъ...
Такъ наше вѣтреное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу пращѣдовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки, въ добрый часъ,
Изъ міра вытѣснятъ и насъ!

или:

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой!
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

Вотъ вамъ мысль въ поэзіи! Это не разсужденіе, не описаніе, не силлогизмъ—это восторгъ, радость, грусть, тоска, отчаяніе, вопль! Но мое любимое правило—*вещи познаются всего лучше чрезъ сравненіе*; итакъ, возьмите стихотвореніе Жуковскаго „Русская Слава“ и стихотвореніе Пушкина „Клеветникамъ Россіи“, сравните ихъ: или, лучше, противопоставьте „Русской Славѣ“ эти немногіе стихи изъ „Онѣгина“

Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной,
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя

¹⁾ Вспомните эти слова отца Земфиры:
Ты для себя лишь хочешь воли.

Или эти стихи, которыми оканчивается эпилогъ:

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны!
И ваши сѣни кочевья
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣды.
И всюду страсти роковыя
И отъ судьбы защиты нѣтъ!

Прим. Бѣлинскаго.

Къ нему съ повинной головою.
 Не праздникъ, не приемышъ даръ.
 Она готовила пожаръ
 Петербургскому герою.
 Отсебѣ, въ думу погруженъ,
 Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

тогда вы вполне поймете, что такое мысль въ поэзіи и что такое въ ней чувство, и что одно безъ другого быть не можетъ, если только данное сочиненіе художественно. Теперь, укажите мнѣ хоть на одно стихотвореніе г. Бенедиктова, которое бы заключало въ себѣ мысль въ изложенномъ значеніи, въ которомъ бы эта мысль томила душу, тѣснила грудь; въ которомъ былъ бы хотя одинъ сильный, энергическій стихъ, невольно западающій въ память и никогда не остающійся ея! „Полярная Звѣзда“ по красотѣ стиховъ — чудо: этому стихотворенію можно противопоставить только „Ганимеда“ г. Теплякова; но оно сбивается на описаніе, и я не вижу въ немъ никакой мысли; а это, не забудьте, единственное, по стихамъ, стихотвореніе г. Бенедиктова. Кстати объ описаніяхъ: описаніе—вотъ основной элементъ стихотвореній г. Бенедиктова; вотъ гдѣ старается онъ особенно выказать свой талантъ, и въ отношеніи ко внѣшней отдѣлкѣ, къ прелести стиха ему это часто удается. Но это все прекрасныя формы, которымъ недостаетъ души. Въ старину (которая, впрочемъ, очень недавно кончилась) всѣ питали теплую вѣру въ описательную поэзію, а старовѣры, всегда вѣрные старопечатнымъ книгамъ и стародавнимъ преданіямъ, и теперь еще признаютъ существованіе описательной поэзіи. Объ этомъ спорить нечего—вопросъ давно рѣшенный! Описательной поэзіи нѣтъ и быть не можетъ, какъ отдѣльнаго вида, въ которомъ бы проявлялось изящное; но описательная поэзія можетъ быть вездѣ въ частяхъ и подробностяхъ. Описаніе красотъ природы создается, а не списывается; поэтъ изъ души своей воспроизводитъ картину природы, или воссоздаетъ видѣнную имъ; въ томъ и другомъ случаѣ эта красота выводится изъ души поэта, потому что картины природы не могутъ имѣть красоты абсолютной; эта красота скрывается въ душѣ, творящей или созерцающей ихъ. Поэтъ одушевляетъ картину своимъ чувствомъ, своею мыслию; надобно, чтобы онъ или любовался ею, или ужасался ее, если онъ хочетъ прельстить или ужаснуть насъ ею. Картины Кавказа и Таврическихъ ночей у Пушкина плѣнительны, потому что онъ одушевилъ ихъ своимъ чувствомъ, потому что онъ рисовалъ ихъ съ этимъ упоеніемъ, съ которымъ, юноша описываетъ красоту своей любезной. Можетъ быть, увидя Кавказъ и слича дѣйствительность съ поэтическимъ представленіемъ, вы не найдете никакого сходства: это очень

естественно—все зависитъ отъ расположенія нашего духа, потому что жизнь и красота природы таятся въ сокровищницѣ души нашей; природа отражается въ ней, какъ въ зеркалѣ: тускло зеркало, тусклы и картины природы; свѣтло зеркало, свѣтлы и картины природы. Я, право, не вижу почти никакого достоинства въ описательныхъ картинахъ г. Бенедиктова, потому что вижу въ нихъ одно усиліе воображенія, а не внутреннюю полноту жизни, все оживляющей собою. Вотъ, напримѣръ, эта картина имѣетъ свой смыслъ, потому что вышла прямо изъ души:

День угаснулъ — потемнѣли
 Воды, рощи и поля;
 Какъ младенецъ въ колыбели
 Спитъ прекрасная земля.
 Сонъ ея благоговѣно
 Добрый геній сторожить;
 Все такъ мирно, все молчитъ,
 Только вѣтеръ тиховѣйный,
 Въ часъ, какъ дремлетъ долъ и садъ,
 Розмариновый и лилейный
 Переноситъ ароматъ.
 Вотъ и онъ — красавецъ почи—
 Мѣсяцъ по небу взошелъ,
 И на спящую навелъ
 Онъ серебряныя очи.
 Рѣже сумракъ, свѣтъ темнѣй,
 И какъ будто изъ лучей
 Вдругъ соткалось покрывало
 И на грудь земли упало.

О, мѣсяцъ, мѣсяцъ, сколько разъ
 Ты въ небѣ весело сіяешь,
 Но какъ же мало свѣтлыхъ глазъ,
 Какъ много слезъ ты озаряешь!
 Тебя не тотъ съ тоскою ждетъ,
 Кто не извѣдалъ съ рокомъ битвы,
 Кто благодарныя молитвы
 За день свой ночью отдастъ!
 Но отъ восхода до заката
 Тотъ глазъ не сводитъ отъ тебя,
 Чья жизнь утратами богата,
 Кто часто плакать про себя! и проч. ¹⁾.

Въ стихотвореніяхъ г. Бенедиктова все не досказано, все не полно, все поверхностно, и это не потому, чтобы его талантъ еще не созрѣлъ; но потому что онъ, очень хорошо понимая и чувствуя поэзію воспѣваемыхъ имъ предметовъ, не имѣетъ этой силы фантазіи, посредствомъ которой всякое чувство высказывается полно и вѣрно. У него нельзя отнять таланта стихотворческаго; не онъ не поэтъ. Читая его стихотворенія, очень ясно видишь, какъ они дѣланы. Если г. Бенедиктовъ будетъ продолжать свои занятія по стихотворной части, то онъ со временемъ *вытѣмнется*, овладѣетъ поэзією выраженія, выработаетъ свой стихъ, не будетъ дѣлать этихъ дѣтскихъ промаховъ, на которые я указалъ выше; словомъ, будетъ писать такъ же хорошо, какъ г. Трилунный, г. Шевыревъ, г. М. Дмитріевъ, но едва-ли когда-нибудь

¹⁾ Изъ Борскаго, поэмы г. Подолинскаго.

Прим. Бѣлинскаго.

будетъ онъ поэтомъ. Первые стихи поэта похожи на первую любовь: они живы, пламенны, естественны, чужды изысканности, вычурности, натяжекъ; но таковы ли первые стихи г. Бенедиктова? Дай Богъ, чтобы мое предсказаніе оказалось ложнымъ и нелѣпымъ, чтобы мои основанія, которыми я руководствовался въ моемъ служеніи, были опровергнуты фактомъ: мнѣ было бы очень пріятно обмануться такимъ образомъ! Но до тѣхъ поръ, пока это не сбудется, я остаюсь твердъ въ своемъ мнѣніи, которое не есть слѣдствіе личности или какихъ-нибудь расчетовъ, но слѣдствіе любви къ истинѣ. Въ заключеніе скажу, что какъ ни неестественно обмануться стихами г. Бенедиктова, но изданная имъ книжка, въ наше прозаическое время, многими можетъ быть принята за поэзію. Словомъ, если г. Бенедиктовъ не оставитъ своихъ стихотворныхъ занятій, онъ скоро приобрететъ себѣ большой авторитетъ; его стихи будутъ приниматься съ радостію во всѣхъ журналахъ, во многихъ будутъ расхваливаться, по крайней мѣрѣ года два: а что будетъ послѣ?... То же, что стало теперь съ стихотворцами, которыхъ такъ много было въ прошломъ десятилѣтіи, и изъ которыхъ многіе обладали талантомъ выше г. Бенедиктова... Увы! что дѣлать! Рѣка времени все уноситъ, все истребляетъ, и немного, очень немного всплываетъ на ея сокрушительныхъ волнахъ!..

Многія изъ стихотвореній г. Бенедиктова очень милы, какъ весьма справедливо замѣчено въ одномъ журналѣ. Ихъ съ удовольствіемъ можно прочесть отъ нечего дѣлать; они не дадутъ душѣ поэтического наслажденія, но и не оскорбятъ, не возмутятъ ея безвкусіемъ или нелѣпостію; нѣкоторыя даже будутъ пріятны для читателя, какъ апельсинъ въ лѣтній день, или чашка кофе послѣ обѣда. Зато есть (хотя и очень немного) и такія, которыхъ бы рѣшительно не слѣдовало печатать. Такого „Наѣздница“; мы не выписываемъ его, потому что наша цѣль доказать истину, а не повредить автору. У кого есть въ душѣ хоть искра эстетическаго вкуса, а въ головѣ хоть капля здраваго смысла, тотъ, вѣрно, согласится съ нами. Мы не требуемъ отъ поэта нравственности; но мы вправѣ требовать отъ него граціи въ самыхъ его шалостяхъ; и, подъ этимъ условіемъ мы ни одного стихотворенія г. Языкова не почитаемъ безнравственнымъ, и, подъ этимъ же условіемъ, мы почитаемъ упомянутое стихотвореніе г. Бенедиктова очень неблагопрістойнымъ и, сверхъ того, видимъ въ немъ рѣшительное отсутствіе вся-

каго вкуса. То же можно сказать и о многихъ мѣстахъ нѣкоторыхъ другихъ его стихотвореній. Мы очень рады, что этотъ фактъ можетъ служить подтвержденіемъ истины, всѣми признанной, что *только одинъ истинный талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ*. Въ поэтическихъ шалостяхъ *грація* — великое дѣло, потому что безъ нея эти шалости могутъ показаться отвратительными; а эта грація есть удѣлъ одного вдохновенія. Мы сказали, что нѣкоторыя стихотворенія г. Бенедиктова очень милы, какъ поэтическія игрушки: такими почитаемъ мы „Къ полярной Звѣздѣ“, „Озеро“, „Прощаніе съ саблею“, „Ореллана“, „Незабвенная“, „Къ Н—му“; но особенно намъ понравилось „Два Видѣнія“, которое и выписываемъ здѣсь вполнѣ.

Я дважды любилъ: двѣ волшебницы-дѣвы
Сіяли мнѣ въ жизни средь Божьихъ чудесъ:
Онѣ мнѣ внушали живые напѣвы,
Знакомили душу съ блаженствомъ небесъ.
Одну я любилъ, какъ слезою печали
Ланита прекрасной была нажжена;
Другую, когда ея очи блистали
И сладко, роскошно смѣялась она.

Исчезло, чѣмъ прежде я былъ *разволнованъ*,
Но слѣдъ волнованья остался во мнѣ;
Довынѣ ихъ образъ чудесный закованъ
На сердцѣ желѣзномъ въ *грудной глубинѣ*.
Когда-жъ я въ глубокомъ тонѣ размышленьи
О темномъ значеніи грядущаго дня,—
Незапно меня посѣщаетъ видѣнье
Одной изъ двухъ дѣвъ, чаровавшихъ меня.

И первой любви моей дѣва приходитъ,
Какъ ангелъ скорбящій, блѣдна и грустна,
И влажныя очи на небо возводитъ,
И къ персямъ, тоскою разбитымъ, она
Крестомъ прижимаетъ лплейныя руки;
Каштановый волосъ струями разлитъ...
Явленіе дѣвы, исполненной муки,
Мнѣ день благодатный въ грядущемъ сулитъ.

Когда-жъ мнѣ является дѣва другая,
Черты ея буйнымъ весельемъ горятъ,
Глаза ея рыщутъ, какъ пламя, сверкая,
Уста, напрягаясь, какъ струны, дрожатъ;—
И дѣва та дико, безумно хохочетъ,
Колышась, ея надрывается грудь:
И это видѣнье мнѣ горе пророчитъ,
Паденіе терній на жизненный путь.

Предъ лаской судьбы и грозой ея гнѣва
Одва изъ предвѣстницъ всегда прилетитъ;
Но рѣдко мнѣ видится первая дѣва,—
Послѣдняя часто мнѣ смѣхомъ гремитъ;
И въ жизни я вижу не многія розы,
По многу блуждаю въ тернистыхъ путяхъ:
Но въ радостяхъ рѣдкихъ даются мнѣ слезы.
При частыхъ страданьяхъ есть хохотъ въ устахъ.

Мы думаемъ, что это стихотвореніе можетъ служить лучшимъ доказательствомъ нашего мнѣнія вообще о стихотвореніяхъ г. Бенедиктова.

1835 г.

5. Стихотворенія Кольцова.

Москва, 1835.

Небольшая брошюрка „Стихотворенія А. Кольцова“ была издана въ 1835 году Станкевичемъ; въ нее вошло всего 18 піесъ „поэта-прасола“, выбранныхъ Станкевичемъ, впервые случайно „открывшимъ“ Кольцова въ воронежской глуши. Настоящая статья БѢлинскаго о Кольцовѣ появилась одновременно съ предыдущей его статьей о Бенедиктовѣ, такъ что неизбежно напрашивалось сопоставленіе между этими двумя столь противоположными поэтами, сопоставленіе, слегка намѣченное БѢлинскимъ.

Въ этой статьѣ БѢлинскій относится къ Кольцову сравнительно очень сдержанно, хотя и считаетъ его „истиннымъ поэтомъ“, по-

этомъ реальной жизни, и безсознательнымъ выразителемъ „народности“: мы знаемъ, что все это центральныя мысли БѢлинскаго, начинающая съ его первой статьи. Въ послѣдующихъ своихъ статьяхъ БѢлинскій неоднократно говоритъ о Кольцовѣ и все теплѣе и сочувственнѣе относится къ этому самообытному большому таланту. Послѣ смерти Кольцова (1842 г.) БѢлинскій написалъ большую вступительную статью къ посмертному собранію его стихотвореній (1846 г.); она помѣщена въ III томѣ настоящаго изданія. Тамъ же и мы подробнѣе останавливаемся на вопросѣ о характеристикѣ и оцѣнкѣ поэзіи Кольцова БѢлинскимъ.

И.-Р.

Даръ творчества дается немногимъ избраннымъ любимцамъ природы, и дается имъ не въ равной степени. У однихъ степень его силы зависитъ рѣшительно отъ одной природы; у другихъ она зависитъ сколько отъ природы, столько и отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Есть художники, произведенія которыхъ обстоятельства ихъ жизни могутъ сообщить тотъ или другой характеръ, но на творческій талантъ которыхъ они не имѣютъ никакого вліянія: это художники-геніи. Отличительный признакъ ихъ геніальности состоитъ въ томъ, что они властвуютъ обстоятельствами и всегда видятъ глубже и дальше черты, отчерченной имъ судьбою, и подъ общими внѣшними формами, свойственными ихъ вѣку и ихъ народу, проявляютъ идеи, общія всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ. Шекспиръ и при дворѣ Лудвига XIV остался бы Шекспиромъ; его генія не задушилъ бы заразительный воздухъ двора этого блистательнаго, но отнюдь не великаго короля Франціи; его геніальнаго взгляда на жизнь—этой природной философіи—не убило бы мишурное величіе *золото* вѣка Французской словесности; его могущественныхъ порывовъ не оковали бы схоластическія понятія объ изящномъ. Но Расинъ и при дворѣ Елизаветы былъ бы придворнымъ поэтомъ, перелагалъ бы дворскія сплетни въ трагедіи и писалъ бы по той мѣркѣ, которую давали бы ему люди, общественное мнѣніе, приличіе, или вкусъ королевы и лордовъ. Творенія геніевъ вѣчны, какъ природа, потому что основаны на законахъ творчества, которые вѣчны и

незыблемы какъ законы природы, и которыхъ кодексъ скрытъ въ глубинѣ творческой души, а не на преходящихъ и условныхъ понятіяхъ объ искусствѣ того или другого народа, той или другой эпохи; потому что въ нихъ проявляется великая идея человѣка и человечества, всегда понятная, всегда доступная нашему человѣческому чувству, а не идеи двора или общества въ то или другое время, у того или другого народа. Геній есть торжественнѣйшее и могущественнѣйшее проявленіе сознающей себя природы и потому есть явленіе рѣдкое; немногіе вѣка озарялись этими роскошными солнцами, у многихъ сіяло на небосклонѣ по нѣскольку этихъ солнцевъ... Но ежели вся цѣпь созданія есть не что иное, какъ восходящая лѣстница сознанія безсмертнаго и вѣчнаго духа, живущаго въ природѣ, то и служители искусства представляютъ собою ту же самую лѣстницу, которая восходитъ, или нисходитъ, смотря по тому, съ начала или съ конца будете вы обозрѣвать ее. Безконечная и всегда неразрывная цѣпь! Есть художники, которыхъ вы не рѣшитесь почитать высокимъ именемъ геніевъ, но которыхъ вы поколеблетесь отнести къ талантамъ; которые какъ-бы начинаютъ собою нисходящую ступень лѣстницы и какъ-бы принадлежатъ къ этому дивному поколѣнію духовъ, которыми пламенное воображеніе младенствующихъ народовъ населило и лѣса и горы, и воды и воздухъ, изъ которыхъ назвало сильфами и пери, и поставило ихъ на чертѣ между высшими небесными духа-

ми и человѣкомъ. Наконецъ, есть еще эти художники, ознаменованные большею или меньшею степенью таланта творческаго, эти люди, на которыхъ небо взираетъ, какъ на любимыхъ, хотя и занимающихъ свое мѣсто послѣ духовъ безплотныхъ, чадъ своихъ. Хвала и поклоненіе наше генію, хвала и удивленіе высокому таланту!—Но не откажемъ же хотя во вниманіи и этому меньшому и юнѣйшему сыну неба! Не равно лучезарны лучи, сіяющіе на ихъ главахъ, но всѣ они дѣти одного и того же неба, всѣ они служители одного и того же алтаря. Пусть одинъ будетъ ближе, другой дальше къ алтарю—воздадимъ каждому почтеніе наше по мѣсту, занимаемому имъ; но уважимъ всякаго, кому дано свыше высокое право служенія алтарю...

Я хочу сказать, что художникъ по призванію есть всегда предметъ достойный вниманія нашего, на какой бы ступени художественнаго совершенства ни стоялъ онъ, какъ-бы ни было невелико его творческое дарованіе. Если онъ точно художникъ, если точно природа помазала его при рожденіи на служеніе искусству, если онъ только не дерзкій самозванецъ, непосвященно и самовольно присвоившій себя право служенія божеству,—то, говорю я, не пройдемъ мимо его съ холоднымъ невниманіемъ, но остановимся передъ нимъ и посмотримъ на него испытующимъ взоромъ: можетъ быть, на его челѣ подглядимъ мы печать высокой думы, которая не для всѣхъ замѣтна; можетъ быть, въ его очахъ мы уловимъ этотъ лучъ вдохновенія, который всегда бываетъ гостемъ небеснымъ; можетъ быть, его уста выскажутъ намъ какую-нибудь святую тайну, взволнуютъ нашу грудь какимъ-нибудь сладкимъ, хотя и тихимъ чувствомъ...

Такимъ псѣтомъ почитаемъ мы г. Кольцова: съ такой точки зрѣнія смотримъ мы на талантъ его; онъ владѣетъ талантомъ небольшимъ, но истиннымъ, даромъ творчества не глубокимъ и не сильнымъ, но неподдѣльнымъ и не натынутымъ, а это, согласитесь, не совсѣмъ обыкновенно, не весьма часто случается. Поспѣшимъ же встрѣтить новаго поэта съ живымъ сочувствіемъ, съ привѣтомъ и ласкою...

Я сказалъ, что геній-художникъ независимъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, что эти обстоятельства даютъ тотъ или другой характеръ его созданіямъ, но не возвышаютъ и не ослабляютъ силы его фантазіи. Не таковы обыкновенные таланты: ихъ нельзя разсматривать внѣ обстоятельствъ ихъ жизни, потому что этими обстоятельствами объясняется иногда и ихъ чрезвычайный успѣхъ и ихъ паденіе, этими обстоятельствами опредѣляется, что они могли бы сдѣлать и почему

они сдѣлали столько, а не столько, такъ, а не этакъ, и, слѣдовательно, опредѣляется важность и степень ихъ таланта. Чтобы написать въ наше время нѣсколько строфъ, не уступающихъ въ звучности и великолѣпіи нѣкоторымъ строфамъ Ломоносова, нужно одно умѣніе и навѣкъ, а въ то время, въ которое жилъ Ломоносовъ, для этого нуженъ былъ талантъ. И развѣ самъ Шекспиръ не становится выше въ нашихъ глазахъ отъ того самаго, что онъ жилъ въ XVI, а не въ XIX вѣкѣ? Представьте себѣ Державина, поэта вѣка Екатерины II, поэтомъ вѣка Петра Великаго: развѣ ваше удивленіе къ нему не удвоится? И развѣ самъ Ломоносовъ не геній уже по одному тому, что онъ былъ Холмогорскимъ рыбакомъ? Развѣ Слѣпушкинъ и другіе, совершенно не будучи поэтами, не обратили на себя общаго вниманія потому только, что они принадлежали къ низшему классу общества и самими себѣ были обязаны тѣмъ образованіемъ, которое какъ они сами, такъ и публика приняли за даръ творчества?.. Кольцовъ тоже принадлежитъ къ числу этихъ поэтовъ-самоучекъ, съ тою только разницею, что онъ владѣетъ истиннымъ талантомъ.

Кольцовъ—Воронежскій мѣщанинъ, ремесломъ прасоль. Окончивъ свое образованіе приходскимъ училищемъ, т.-е. выучивъ букварь и четыре правила ариметики, онъ началъ помогать честному и пожилому отцу своему въ небольшихъ торговыхъ оборотахъ и трудиться на пользу семейства. Чтеніе Пушкина и Дельвига въ первый разъ открыло ему тотъ міръ, о которомъ томилась душа его, оно вызвало звуки, въ ней заключенные. Между тѣмъ домашнія дѣла его шли своимъ чередомъ; проза жизни смѣняла поэтическіе сны; онъ не могъ вполне предаться ни чтенію, ни фантазіи. Одно удовлетворенное чувство долга награждало его и давало ему силы переносить труды чуждые его призванію. Можетъ быть, и еще другое чувство охраняло поэзію этой души, которая всего чаще высказывала свое горе въ степяхъ, у огня,

Подъ пѣснь родную чумака.

Какъ тутъ было созрѣть таланту? Какъ могъ выработаться свободный, энергическій стихъ? И бочевая жизнь, и сельскія картины, и любовь, и сомнѣнія попеременно занимали, тревожили его; но всѣ разнообразныя ощущенія, которыя поддерживаютъ жизнь таланта, уже созрѣвшаго, уже воспитавшаго свои силы, лежали бременемъ на этой неопытной душѣ; она не могла похоронить ихъ въ себѣ и не находила формы, чтобы дать имъ внѣшнее бытіе.

Эти немногія данныя объясняютъ и до-

стоинства, и недостатки, и характеръ стихотвореній Кольцова. Немного напечатано ихъ изъ большой тетради, присланной имъ, не всё и изъ напечатанныхъ равнаго достоинства; но всё они любопытны, какъ факты его жизни. Природа дала Кольцову безсознательную потребность *творить*, а нѣкоторыя вычитанныя изъ книгъ понятія о творчествѣ заставили его *сблать* многія стихотворенія. Изъ помѣщенныхъ въ изданіи найдется два-три слабыхъ, но ни одного такого, въ которомъ не было бы хотя нечаяннаго проблеска чувства, хотя одного или двухъ стиховъ, вырвавшихся изъ души. Большая часть положительно и безусловно прекрасна. Почти всё они имѣютъ близкое отношеніе къ жизни и впечатлѣніямъ автора, и потому дышатъ простотою и наивно-стію выраженія, искренностію чувства, не всегда глубокаго, но всегда вѣрнаго, не всегда пламеннаго, но всегда теплаго и живого. Но при всемъ этомъ они разнообразны, какъ впечатлѣнія, которыхъ плодомъ они были. Въ „Великой Тайнѣ“ читатель найдетъ удивительную глубину мысли, соединенную съ удивительною простотою и благородствомъ выраженія, какое-то младенчество и простодушіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возвышенность и ясность взгляда. Это дума Шиллера, переданная Русскимъ простолюдиномъ, съ Русскою отчетливостію, ясностію и съ простодушіемъ младенческаго ума. Въ „Пѣснѣ Старика“, „Удалыцѣ“, „Совѣтѣ Старца“ дышитъ этотъ разгулъ юнаго чувства, которое просится наружу, выражается широко и раздольно, и которое составляетъ основу Русскаго характера, когда онъ, какъ говорится, *расходится*.

Мнѣ ли молодцу
Разудалому,
Зиму-зимскую
Жить за печкою?

Мнѣ-ль поля пахать?
Мнѣ-ль траву косить?
Затошлять овинъ?
Молотить овесъ?

Мнѣ поля—не другъ;
Коса—мачиха;
Люди добрые—
Не сосѣди мнѣ.

Еслибъ молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатный ножъ,
Да темны лѣса!

Любо въ тѣхъ лѣсахъ
Вольной волей жить...
Но душой за кровь
Злодѣй платится!

Лучше-жъ воинномъ,
За Царевъ законъ,
За крещеный міръ!
Сложить голову.

Въ „Пирушкѣ Русскихъ поселянъ“, „Размышленіи Поселянина“ и „Пѣснѣ Пахари“ выражается поэзія жизни нашихъ простолюдиновъ. Вотъ этакую *народность* мы высоко цѣнимъ: у Кольцова она благородна, не оскорбляетъ чувства ни цинизмомъ, ни грубостію; и въ то же время она у него неподдѣльна, не ватянута и истинна. Простота выраженія и картинъ, прелесть того и другого у него не подражаемы. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ мы не имѣли никакого понятія объ этомъ родѣ народной поэзіи, и только Кольцовъ познакомилъ насъ съ нимъ. Но что составляетъ цвѣтъ и вѣнецъ его поэзіи, это тѣ стихотворенія, въ которыхъ онъ изливаетъ свое тихое и безотрадное горе любви; они слѣдующія: „Люди добрые скажите“; „Ты не пой соловей“; „Первая Любовь“; „Не шуми ты, рождѣ“; „Къ Н.“ Четвертое особенно прелестно; вотъ оно:

Не шуми ты, рождѣ,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь!

Прочилъ молодецъ,
Прочилъ доброе,
Не своей душѣ,
Душѣ-дѣвицѣ.

Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи полныя
Полюбовныхъ думъ,

И тѣ ясныя
Очи стухнули,
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна дѣвица!

Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи,
Легла на сердце
Дума черная!

Сколько тоски, сколько грусти, сколько благородства, простоты и поэзіи въ этой пѣснѣ!

Ахъ, та пѣснь была завѣтная—
Рвала бѣлу грудь тоской,
А все слушать бы хотѣлося,
Не разстался бы вѣкъ съ ней! ¹⁾.

Теперь, послушайте еще разъ этого крестьянина, который выражаетъ тоску любви своей уже другимъ напѣвомъ, другимъ тономъ:

Что душу въ юности плѣнило,
Что сердце въ первый разъ
Такъ пламенно, такъ нѣжно полюбило—
И полюбило не на часъ,
То все я силюся предать забвенью,
И сердцу пылкому и страстному томленью
Хочу другую цѣль найти,
Хочу другое также полюбить!

¹⁾ См. выше, примѣчанія на стр. 58 и 93.

Напрасно все: тѣнь прежней милой
 Нельзя забыть! —
 Уснешь — непостижимой силой
 Она тихонько къ ложу льнетъ,
 Печально руку мнѣ даетъ,
 И сладкою мечтой вновь сердце очаруетъ,
 И очи томныя къ моимъ очамъ прикуетъ!..
 И вновь любви привѣтный гласъ
 Я внемлю страждущей душою..
Когда-жъ ударитъ часъ
Забвенья о тебѣ, или вѣчности съ тобою?...

И это не поэзія?...

Не знаю, будутъ ли имѣть успѣхъ стихотворенія Кольцова, обратитъ ли на нихъ публика то вниманіе, котораго они заслуживаютъ, будутъ ли умѣть наши журналы отдать имъ должную справедливость, — все это покажетъ время. Но мы не можемъ не признаться, что Кольцовъ является съ своими прекрасными стихотвореніями не во-время, или, лучше сказать, въ дурное время. Хорошо еще для него, если бы онъ явился среди всеобщаго затишья нашихъ неугомонныхъ лиръ, а то вотъ бѣда, что онъ является среди дикаго и нескладнаго рева, которымъ терзаютъ уши публики Гг. непривзванные поэты, преизобильно и преисправно наполняющіе, или, лучше сказать, наводняющіе нѣкоторые журналы; является въ то время, когда хриплое карканье ворона и грязныя картины будто бы народной жизни съ торжествомъ выдаются за поэзію. Грустная мысль! неужели и въ самомъ дѣлѣ гудокъ, волынка и балалайка должны заглушить звуки арфы? Неужели и въ самомъ дѣлѣ стихотворное паясничество и кривлянье должны заслонить собою истинную поэзію?... Чего добраго! поэзія Кольцова такъ проста, такъ неизысканна и, что всего хуже, такъ истинна! Въ ней нѣтъ ни дикихъ, напыщенныхъ фразъ объ утесахъ и другихъ страшныхъ вещахъ; въ ней нѣтъ ни моху забвенія на развалинахъ любви, ни плотныхъ усѣстовъ, въ ней не гнѣздится любовь въ ущельяхъ сердецъ, въ ней нѣтъ ни другихъ подобныхъ диковинокъ ¹⁾. Толпа слѣпа: ей нуженъ блескъ и трескъ, ей нужна яркость красокъ, и ярко-красный цвѣтъ у ней самый любимый... Но нѣтъ—этого быть не можетъ! Вѣдь есть же и у самой толпы какое-то чутье, которому она слѣдуетъ наперекоръ самой себѣ и которое у ней всегда вѣрно! Вѣдь есть же люди, которые, пред-

почитая Пушкину и того и другого поэта, тверже всѣхъ поэтовъ знаютъ наизусть Пушкина и чаще всѣхъ читаютъ его?... Кажется, теперь бы и должно быть этому времени, въ которое все оцѣнивается вѣрно и безошибочно?—Увидимъ!

Не знаемъ, разовьется ли талантъ Кольцова, или падетъ подъ игомъ жизни?—Этотъ вопросъ рѣшить будущее, намъ остается только желать, чтобы этотъ талантъ, котораго дебютъ такъ прекрасенъ, такъ полонъ надеждъ, развился вполне. Это много зависитъ и отъ самого поэта; да не падетъ же его духъ подъ бременемъ жизни, или убитый ею, или обольщенный ея ничтожностію, да будетъ для него всегдашнимъ правиломъ эта высокая мысль борьбы съ жизнью и побѣды надъ нею, которую онъ такъ прекрасно выразилъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Къ другу.

Развеселись, забудь, что было!
 Чего ужъ нѣтъ—не будетъ вновь!
 Все-ль намъ на свѣтѣ измѣнило,
 И все-ль взяла съ собой любовь?
 Еще отрадъ у жизни много,
 У ней мы снова погостимъ:
 Съ однимъ развелъ насъ опытъ строгій,
 Поладимъ, можетъ быть, съ другимъ!
 И что мы въ жизни потеряли,
 У жизни снова мы найдемъ!
 Что намъ мгновенныя печали?
 Мы-ль ихъ съ тобою не снесемъ?
 Что грусть земли? Ужель за гробомъ
 Ни жизни, ни награды нѣтъ?
 Ужели тамъ, за синимъ сводомъ,
 Ничтожество и тьма живетъ?
 Ахъ, нѣтъ! кто мучится душою,
 Кто въ мірѣ заживо умретъ,
 Тотъ тамъ, за дальней синевою,
 Награды вѣрныя найдетъ.
 Не вѣрь истлѣнія кумиру,
 Не вѣрь себѣ, не вѣрь людямъ,
 Не вѣрь пророчащему міру,
 Но вѣруй, вѣруй небесамъ!
 И пусть меня людская злоба
 Всего отраднаго лишитъ,
 Пусть съ колыбели и до гроба
 Лишь зломъ и мучитъ и страшитъ:
Предъ ней душою не унижусь,
Въ мечтахъ не разуверюсь я;
Могилой тлѣнью въ прахъ низринусь,
Но скорби не отдамъ себя!

Мы отъ души убѣждены, что до тѣхъ поръ, пока г. Кольцовъ будетъ сохранять подобныя чувства и будетъ основывать на нихъ неизмѣнное правило жизни, его талантъ не угаснетъ!...

¹⁾ См. выше статью Бѣлинскаго о Бенедиктовѣ.

1835 г.

6. Ничто о ничемъ

или отчетъ г. издателю „Телескопа“ за послѣднее полугодіе (1835)
русской литературы.

Начиная съ 1841 года и до конца своей литературной дѣятельности, Бѣлинскій ежегодно помѣщалъ (сперва въ „Отечеств. Запискахъ“, а потомъ въ „Современникѣ“) обзоры литературы минувшаго года; настоящая статья является первымъ опытомъ Бѣлинскаго дать такой обзоръ литературныхъ явленій 1835 года. Но какъ и въ позднѣйшихъ обзорахъ, такъ и въ этомъ Бѣлинскій не ограничивается сухимъ перечнемъ произведеній минувшаго года, а даетъ цѣльное воззрѣніе на всю русскую литературу. Въ этой статьѣ „Ничто о ничемъ“, появившейся въ началѣ 1836 года, Бѣлинскій повторяетъ и развиваетъ взгляды, высказанные имъ годомъ раньше въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, а затѣмъ въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“.

„Литература есть народное самосознаніе, и тамъ, гдѣ нѣтъ этого самосознанія, тамъ литература есть или скороспѣлый плодъ, или средство къ жизни, ремесло извѣстнаго класса людей. Если и въ такой литературѣ есть прекрасныя и изящныя созданія, то они суть исключительныя, а не положительныя явленія, а для исключеній нѣтъ правила“... Эти заключительныя строки статьи „Ничто о ничемъ“ резюмируютъ собою содержаніе всей статьи и въ то же самое время являются главнымъ положеніемъ „Литературныхъ Мечтаній“. Теоретическое обоснованіе этой мысли,—закрывающееся, какъ мы знаемъ, въ принципъ свободного творчества, въ первенствѣ эстетическаго чувства и въ безсознательномъ проявленіи „народности“,—еще и еще разъ подтверждается въ настоящей статьѣ. „Эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности,—снова повторяетъ Бѣлинскій: —... гдѣ нѣтъ владѣчества искусства, тамъ люди не добродѣтельны, а только благоразумны, не нравственны, а только осторожны“... Истинно нравственнымъ можетъ быть только „безцѣльное“ искусство, искусство, не ставящее себѣ никакой предвзятой моральной цѣли. И въ этомъ „безцѣльномъ“ искусствѣ не можетъ не отразиться — но совершенно „безсознательно“ — „народность“ истиннаго художника. Ибо — „что такое народность въ литературѣ? Отраженіе индивидуальности, характеристики народа, выраженіе духа вну-

тренней и внѣшней его жизни, со всѣми ея типическими оттѣнками, красками и родимыми пятнами — не такъ ли?“ — спрашиваетъ Бѣлинскій, и продолжаетъ: — „если такъ, то, мнѣ кажется, нѣтъ нужды ставить такой народности въ обязанность истинному таланту, истинному поэту; она сама собой непременно должна проявляться въ творческомъ созданіи... Если личность поэта должна отражаться въ его твореніяхъ, то можетъ ли не отражаться въ нихъ его народность?“ Какъ видимъ, все это является настойчивымъ повтореніемъ главныхъ положеній эстетической теоріи Бѣлинскаго: „безцѣльное творчество“ и „безсознательная народность“ поэта.

Что касается до собственно критическихъ сужденій Бѣлинскаго о текущей русской литературѣ, то въ настоящей статьѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ великолѣпная характеристика „Библиотеки для Чтенія“. Бѣлинскій справедливо призналъ громадное вліяніе этого журнала на широкую массу читающей публики, вліяніе, слѣды котораго сказываются еще и въ настоящее время: даже орфографія „Библиотеки для Чтенія“ очень скоро стала общепринятою во всей читающей Россіи, перешла во всѣ остальные журналы и примѣняется нами до сихъ поръ. Мало кто знаетъ, что даже обычное теперь въ научныхъ трудахъ отдѣленіе апострофомъ русскихъ падежныхъ окончаній отъ иностранныхъ именъ собственныхъ (напр.: „явленіе, открытое *Wundt'омъ*“, „законъ *Hertz'a*“ и т. п.) было нововведеніемъ „Библиотеки для Чтенія“ и ея редактора Сенковского. Эти характерныя мелочи указываютъ на степень распространенности и вліянія (конечно, вліянія чисто внѣшняго) „Библиотеки для Чтенія“; недаромъ самъ Бѣлинскій признавалъ, что журналъ этотъ проникъ даже въ такіе углы матушки-Россіи, гдѣ раньше можно было встрѣтить только буквари да сонники... Это тѣсно связано съ той *провинціальностью*, въ которой Бѣлинскій видитъ причину успѣховъ этого журнала. Вся эта характеристика „Библиотеки для Чтенія“ донинѣ остается классической и блестящей.

Бѣлинскій останавливается на одной изъ повѣстей, помѣщенной въ этомъ журналѣ

въ серединѣ 1835 года; подробный пересказ этой слабой повѣсти („Піюша“) былъ сдѣланъ Бѣлинскимъ по той причинѣ, что въ ней подъ именемъ „Висяши“, Виссаріона Кривошеина, выведенъ самъ онъ, Бѣлинскій (см. выше, стр. 9). Сочинитель этого пасквиля, довольно извѣстный тогда Ушаковъ, авторъ чрезмѣрно расхваленнаго критиками—и Бѣлинскимъ въ томъ числѣ—романа „Киргизъ-Кайсакъ“, былъ жестоко оскорбленъ, во-первыхъ, отзывомъ о себѣ Бѣлинскаго въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ (см. выше, стр. 92), а во-вторыхъ—рецензіей Бѣлинскаго на новую книгу Ушакова „Досуги Инвалида“. Уже въ предисловіи къ этой своей книгѣ Ушаковъ со скрытой злобою оповѣщалъ читателей, что-де онъ имѣетъ счастье не нравиться нѣкоторымъ „ученымъ“ журналамъ—имѣя въ виду „Телескопъ“ и „Молву“. Бѣлинскій въ своей рецензіи иронически отнесся и къ этому заявленію Ушакова и къ самой его книгѣ. „Ни одной свѣтлой мысли,—писалъ Бѣлинскій,—ни одного занимательнаго положенія, ни одной хорошей картины нѣтъ въ его скучномъ и вяломъ разсказѣ; все такъ обще, истерто, старо, что никакъ не можешь примириться съ мыслью, что читаешь произведеніе автора Киргизъ-Кайсака“. Эта рецензія Бѣлинскаго появилась въ началѣ апрѣля 1835 года („Молва“, № 13); а въ іюльскомъ томѣ „Библіотеки для Чтенія“ уже была напечатана повѣсть Ушакова „Піюша“, съ подзаголовкомъ: „Карриатура“. Въ карикатурномъ видѣ выводится здѣсь Виссаріонъ Кривошеинъ, нахальный юноша, исключенный изъ университета и занимающійся частными уроками, недоучившійся студентъ, плѣнившійся ученіемъ Шеллинга и дерзающій судить-рядить обо всемъ. „Когда вы читаете хорошую книгу и, наслаждаясь ею, въ душѣ говорите спасибо автору, и вдругъ вамъ приносятъ журналъ, въ которомъ та же книга оцѣнена ниже поношенныхъ лаптей—повѣрьте, что эта оцѣнка сдѣлана Висяшею“,—говорилъ въ своей повѣсти Ушаковъ; очевидно, что эта „хорошая книга“—„Досуги Инвалида“ самого Ушакова, а оцѣнка этой книги „ниже поношенныхъ лаптей“, это—рецензія Виссаріона Бѣлинскаго, переименованнаго авторомъ въ *Виссаріона Кривошеина* (какъ извѣстно, Бѣлинскій былъ сутуловатъ). Этотъ недостойный пасквиль Ушакова былъ первымъ „не литературнымъ“ выпадамъ противниковъ Бѣлинскаго; впоследствии ему не одинъ разъ приходилось встрѣчаться съ аналогичными позднѣйшими не-литературными выходками его литературныхъ враговъ. Интересно привести для сравненія одинъ изъ такихъ позднѣйшихъ пасквилей, появившійся уже въ 1843 году.

Въ романѣ „Жизнь, какъ она есть“ одного бездарнѣйшаго графомана той эпохи, нѣко-его Л. Бранта, выводится между прочимъ на сцену въ карикатурномъ видѣ рядъ литераторовъ—Сенковский, Гречъ, Краевскій, Панаевъ и др.; въ числѣ ихъ находится и Бѣлинскій, къ которому Л. Брантъ питалъ ненависть за безпощадные отзывы о своихъ произведеніяхъ. Вотъ портретъ Бѣлинскаго (разумѣется, не названнаго по имени): „... тотъ, что пониже ростомъ, немного косою, съ лицомъ, свороченнымъ въ одну сторону—главный критикъ энциклопедіи, чловѣкъ не совсѣмъ глупый и не безъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, но съ такими превратными понятіями о вещахъ и съ такимъ страннымъ, ошибочнымъ направленіемъ ума, что лучше было бы для ближнихъ и для него самого, если бъ онъ былъ совершеннымъ глупцомъ и невѣждой...“ Далѣе этотъ критикъ именуется „молдчикомъ“, съ которымъ „стыдятся говорить даже собратія по ремеслу“, и т. п. Въ этомъ пасквилѣ заслуживаетъ вниманія только одна черта: „лицо, свороченное въ одну сторону“: сопоставляя съ этимъ названіе „Кривошеина“ изъ пасквиля Ушакова, написаннаго почти десятью годами ранѣе, мы получаемъ, повидимому, объективную черту наружности Бѣлинскаго—ту, которую Кавелинъ смягчалъ словами: „онъ былъ сутуловатъ“. Къ слову сказать, къ выпадамъ Л. Бранта Бѣлинскій отнесся съ такимъ же спокойнымъ презрѣніемъ, какъ и къ „карриатурамъ“ Ушакова: онъ подробно выписалъ изъ обоихъ „произведеній“ всѣ задѣвающія его мѣста и предоставилъ ихъ судить читателямъ¹⁾.

Въ заключеніе необходимо остановиться на выясненіи одной обычной ошибки историковъ литературы, ошибки, связанной съ заглавіемъ настоящей статьи, ея начальными фразами и отношеніемъ Бѣлинскаго этой эпохи къ Пушкину. Отношеніе это, какъ мы уже отмѣтили выше (въ замѣткѣ о „Литературныхъ Мечтаніяхъ“), было двойственнымъ во всѣхъ статьяхъ Бѣлинскаго „телескопскаго періода“. Съ одной стороны Пушкинъ именуется великимъ поэтомъ, о которомъ „грѣшно говорить смиренною прозою“, а съ другой стороны провозглашается, что „1830-мъ годомъ кончился Пушкинъ“; до 1830 года Пушкинъ—великій художникъ, послѣ 1830 года онъ временно или навсегда замеръ. Еще въ 1829-мъ году Надеждинъ обрушился на Пушкина за его „Графа Нулина“, заявивъ, что произведеніе это вполне соответствуетъ носимому имъ имени, что изъ ничего ничего не бываетъ, что „Нулинъ“

¹⁾ О. Л. Брантъ см. подробности въ статьѣ № 59 (т. III).

есть нуль, совершенное ничто... Обыкновенно предполагается, что начальныя строки статьи Бѣлинскаго „Ничто о ничемъ“ (а также и самое заглавіе) отражаютъ собою вліяніе этихъ надеждинскихъ нападеній на Пушкина. „Помните ли вы, — спрашиваетъ Бѣлинскій, обращаясь къ Надеждину, — какъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ писателей, изъ первостатейныхъ гениевъ, угомонилъ на смерть свою литературную славу тѣмъ, что вздумалъ писать о *ничемъ* и весь вылился въ *ничто*?...“ И далѣе: „если я не пользуюсь ни тѣнію той лучезарной славы, которою сіялъ нѣкогда помянутый великій писатель, то вмѣстѣ не имѣю и искры его гения, который нашелся, хотя и къ конечной гибели своей репутаціи, высказаться въ *ничемъ* на нѣсколькихъ страницахъ“. Въ этомъ обыкновенно видятъ рѣзкое нападеніе Бѣлинскаго на Пушкина и намеки на его „Графа Нулина“.

Все это сплошное недоразумѣніе. Бѣлинскій не могъ говорить, что Пушкинъ „угомонилъ на смерть свою литературную славу“, не могъ говорить о „конечной гибели репутаціи“ того самаго Пушкина, о которомъ „грѣшно говорить смиренною прозою“. Бѣлинскій говоритъ здѣсь вовсе не о Пушкинѣ, а иронизируетъ надъ *Булгаринымъ*, который въ 1833 г. помѣстилъ въ смиренскомъ альманахѣ „Новоселье“ (часть первая, стр. 405—416) небольшую статейку подъ заглавіемъ „*Ничто*, или альманажная статейка о *ничемъ*“. Въ этой статейкѣ—какъ и въ самомъ заглавіи ея—часто встрѣчается сочетаніе тѣхъ двухъ словъ, которыя Бѣлинскій взялъ для заглавія настоящей статьи. Наши модные авторы—говоритъ, напримѣръ, Булгаринъ—„не два и не три часа говорятъ *ничто*, но всю жизнь будутъ говорить и писать *ничто* и о *ничемъ*“ (стр. 410): это буквально заглавіе статьи Бѣлинскаго. И далѣе Булгаринъ на протяженіи всей статейки склоняетъ „ничто“ на всѣ лады, занимаясь по пути и самовосхваленіемъ, и самооправданіемъ, и разными обычными булгаринскими выходками. Бѣлинскій имѣлъ полное основаніе замѣтить, что этой статейкой о „ничемъ“ на нѣсколькихъ страницахъ Булгаринъ,—этотъ „знаменитѣйшій писатель“ и „первостатейный гений“, — „угомонилъ на смерть свою литературную славу“, ибо журналы того времени (въ томъ числѣ и „Телескопъ“ и „Молва“) очень сурово отнеслись къ этой статейкѣ „знаменитаго“ писателя; Полевой въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1833 г. ядовито отозвался, что „г. Булгаринъ весь вылился въ *Ничто*“. Эти слова Полевого Бѣлинскій дословно повторяетъ въ приведенной выше фразѣ, саркастически именуя Булгарина „первостатейнымъ гениемъ“, сіяю-

щимъ „лучезарною славою“ и т. п. Какъ могли до сихъ поръ относить эти слишкомъ явныя насмѣшки къ Пушкину—совершенно непонятно, тѣмъ болѣе непонятно, что самъ Бѣлинскій въ послѣдствіи не одинъ разъ вспоминалъ объ этой статейкѣ Булгарина и ядовитыхъ словахъ Полевого („Отеч. Записки“, 1840 г., № 2; id., № 4 и друг.; въ „Собр. сочин. Бѣлинскаго“, ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 166, 234 и др.).

Но зато—и это тоже еще не было замѣчено—въ другомъ мѣстѣ этой своей статьи „Ничто о ничемъ“ Бѣлинскій, дѣйствительно, косвенно задѣлъ Пушкина, рассказывая о томъ, какъ русскіе поэты XVIII вѣка воспѣвали меценатовъ и вельможъ, какъ поэты эти „надѣли на себя ливреи людей богатыхъ и важныхъ, и, за ихъ столами, въ *восторгѣ радости, запѣли тѣсни дивныя, живыя*“. Казалось бы, что это не имѣетъ отношенія къ Пушкину; но дѣло въ томъ, что когда Пушкинъ написалъ свое великолѣпное посланіе „Къ вельможѣ“ (1830 г.), то Полевой обвинилъ Пушкина въ низкопоклонствѣ и, пародируя одно изъ пушкинскихъ стихотвореній, писалъ, что поэтъ „какъ орелъ“—

Съ земли далеко улетѣлъ,
Въ передней у вельможи сѣлъ,
И пѣсни дивныя, живыя
Въ восторгѣ радости запѣлъ.

Эти недостойные стихи Бѣлинскій теперь повторяетъ—правда, примѣняя ихъ не къ Пушкину; въ послѣдствіи, въ своихъ пушкинскихъ статьяхъ, Бѣлинскій восхищался посланіемъ „Къ вельможѣ“ и возмущался, что нѣкоторые „крикливые глупцы“ осмѣлились оскорбить поэта нелѣпыми полемическими выходками.

Мы подробно останавливаемся здѣсь на отношеніи Бѣлинскаго къ Пушкину, такъ какъ ниже намъ придется слѣдить за перемѣной взглядовъ Бѣлинскаго на послѣдній періодъ жизни и дѣятельности Пушкина. Объ отношеніи Пушкина къ Бѣлинскому у насъ будетъ рѣчь въ слѣдующей замѣткѣ. Теперь же несомнѣнно одно: хотя и въ заглавіи, и въ начальныхъ фразахъ статьи „Ничто о ничемъ“ Бѣлинскій нападаетъ все не на Пушкина, однако, онъ позволяетъ себѣ косвенные (быть можетъ, не намѣренныя) намеки на мнимо-отрицательныя стороны Пушкина, признавая его въ то же время великимъ, гениальнымъ поэтомъ. Только два года спустя Бѣлинскій взглянулъ болѣе правильно на творчество великаго поэта, какъ мы это еще увидимъ.

Въ концѣ статьи „Ничто о ничемъ“ Бѣлинскій, охарактеризовавъ петербургскіе журналы, переходитъ къ характеристикѣ московскихъ,—вѣрнѣе, одного изъ нихъ: „Московского Наблюдателя“. „Критика въ На-

блюдетелѣ такъ странно, такъ удивительна, — замѣчаетъ между прочимъ Бѣлинскій, — что стоитъ особеннаго, подробнаго разсмотрѣнія“. Это „разсмотрѣніе“ читатель найдетъ въ

статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“, непосредственно слѣдующей за настоящей статьей.
И.-Р.

I.

Вы обязали меня сдѣлать легкій и короткий обзоръ хода нашей литературы, во время вашего пребыванія за границей, и привели меня тѣмъ въ крайнее затрудненіе. Развѣ вамъ не извѣстно, что *ничто не ново подъ луною*? Какихъ же хотите вы новостей отъ русской литературы, и въ такой короткий періодъ ея существованія? „Тѣмъ лучше для васъ, тѣмъ меньше вамъ труда“, скажете вы. Нѣтъ, вы не правы: труда отъ этого мнѣ не только не меньше, но предстоитъ истинно геркулесовскій подвигъ: я долженъ написать статью, а изъ чего я вамъ напишу ее, о чемъ буду повѣствовать вамъ въ ней? О *ничемъ*?... Итакъ, надо сдѣлать *что-нибудь изъ ничего*? — Помните ли вы, какъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ писателей, изъ первостатейныхъ геніевъ, уgomонилъ на смерть свою литературную славу тѣмъ, что вздумалъ писать о *ничемъ*, и весь вылился въ *ничто*?... Конечно, я не пользуюсь литературною славою, и слѣдовательно не подвергаюсь опасности посадить ее на мель рокового *ничто*; но у меня другой страхъ, и очень основательный. Если я не пользуюсь ни тѣнію той лучезарной славы, которою сіялъ нѣкогда помянутый великій писатель, то вмѣстѣ не имѣю и искры его генія, который нашелся, хотя и къ конечной гибели своей репутаціи, высказаться въ *ничемъ* на нѣсколькихъ страницахъ. Притомъ же, хотя я, въ отсутствіе ваше, волею или неволею, игралъ роль сторожа на нашемъ Парнасѣ, окликая всѣхъ проходящихъ и отдавая имъ своею аллебардою честь по ихъ званію и достоинству, хотя неутомимо и неусыпно стоялъ на своемъ посту; однакожъ многое ускользнуло отъ моей бдительности. Бывало, нахлынетъ цѣлая толпа — и тутъ некогда было спрашивать каждаго порознь; стукнешь аллебардою по всѣмъ и пропустишь. А теперь неужели мнѣ надо дѣлать поголовную переключку, бѣгать по всѣмъ закоулкамъ и собирать народъ православный? Нѣтъ — отрекаюсь отъ этого труда; и такъ было много хлопотъ и, можетъ быть, много шуму изъ пустяковъ! — Да и притомъ возможное ли это дѣло? Много ли изъ тѣхъ, которые промчались мимо моей сторожки, остались теперь въ живыхъ?... Итакъ, я скажу вамъ только развѣ о тѣхъ лицахъ, которыя особенно врѣзались въ моей памяти, буду повѣствовать только

о тѣхъ событіяхъ и случаяхъ, которые особенно поражали мое вниманіе. Мой обзоръ будетъ отрывчатъ, безпорядоченъ и несвязенъ, какъ всякій рассказъ наскоро о предметѣ многосложномъ, разнообразномъ и ничтожномъ.

Итакъ, я *обозрѣваю*, становлюсь *обозрѣвателемъ*! — *Обозрѣвать, обозрѣватель* — вы помните, какъ громко звенѣли нѣкогда эти два слова въ нашей литературѣ? — Кто не обозрѣвалъ тогда? Гдѣ не было обозрѣній? Какой журналъ, какой альманахъ не имѣлъ своего штатнаго обозрѣвателя? — И это была должность не трудная, легкая, казенная; за нее брался всякій, не запасаясь дорогимъ лорнетомъ учености, даже иногда вовсе безъ очковъ грамматики и здраваго смысла! — Отъ чего-жъ теперь такъ мало пишется обозрѣній? Куда дѣвались всѣ эти обозрѣватели? — Я прошу у васъ позволенія заняться предварительно разрѣшеніемъ этого любопытнаго вопроса, хотя по крайней мѣрѣ для того, чтобъ наполнить мою статью объясненіемъ причинъ, почему она не можетъ быть *ничто*? —

Обозрѣнія всякаго рода бываютъ результатомъ или сознанія силы, или сомнѣнія въ ней. Кто часто пересчитываетъ свои деньги, повѣряетъ счета и подводитъ итоги, тотъ или богатѣетъ день-отодня, или бѣднѣетъ; само собою разумѣется, что въ первомъ случаѣ онъ хочетъ удостовѣриться въ улучшеніи своего состоянія и опредѣлить степень этого улучшенія, а во второмъ случаѣ хочетъ измѣрить глубину своего паденія, хочетъ взглянуть въ бездну, отверстую передъ нимъ, какъ бы съ намѣреніемъ приучить себя заранѣе къ ея ужасному виду, или какъ будто находя жестокое наслажденіе въ сознаніи своего бѣдственнаго положенія, веселясь собственнымъ своимъ отчаяніемъ. У насъ была уже литература, былъ Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Хемницеръ, Богдановичъ, Капнистъ; потомъ, Карамзинъ, Дмитриевъ, Крыловъ, Озеровъ, Мерзляковъ и, наконецъ, Батюшковъ и Жуковскій: всѣ эти люди пользовались почти равнымъ участкомъ славы, всѣми ими восхищались почти въ равной степени, по крайней мѣрѣ, всѣ они слыли равно за *художниковъ* и геніевъ (или, по тогдашнему, за *образцовыхъ писателей*). Критиковать тогда значило хвалить, восхищаться, дѣлать возгласы, и много-много, если

указывать на нѣкоторые неудачные стихи въ цѣломъ сочиненіи, или на нѣкоторыя слабая мѣста, съ совѣтомъ поэту, какъ ихъ *починить*. Понятія о творчествѣ тогда были готовыя, взятыя напрокатъ у французовъ; критики не было, потому что критика болѣе или менѣе есть сестра сомнѣнію, а тогда царствовало полное убѣжденіе въ богатствѣ нашей литературы, какъ по количеству, такъ и по качеству; литературныхъ обзорѣній тогда тоже не было и не могло быть, потому что въ обзорѣніе всегда входитъ критика, а вмѣсто ихъ иногда случались по временамъ, и то рѣдко, реестры писателей и ихъ писаній, перемѣшанные съ извѣстнымъ числомъ хвастливыхъ восклицаній. Мерзляковъ вздумалъ-было напасть на авторитетъ Хераскова, и, взявши ложныя основанія, высказалъ много умнаго и дѣльнаго, но какъ его критицизмъ былъ явнымъ анахронизмомъ, то и не принесъ никакихъ плодовъ. Но вдругъ все перемѣнилось: явился Пушкинъ, и вмѣстѣ съ нимъ такъ называемый *романтизмъ*. Въ чемъ состоялъ этотъ романтизмъ? Въ отношеніи къ Пушкину этотъ романтизмъ состоялъ въ томъ, что изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ Пушкина одного можно было назвать поэтомъ-художникомъ и не ошибиться; что онъ, вмѣсто того, чтобы писать громкія и торжественныя оды на современныя событія, обыкновенно или теряющія свою прелесть для потомства, или представляющіяся ему въ другомъ свѣтѣ, сталъ говорить намъ о чувствахъ общихъ, человѣческихъ, всѣмъ болѣе или менѣе доступныхъ, всѣми болѣе или менѣе испытанныхъ; что онъ попалъ на истинный путь и, будучи рожденъ поэтомъ, свободно слѣдовалъ своему вдохновенію. Да! воля ваша, а я крѣпко убѣжденъ, что *народъ* или *общество* есть самый лучшій, самый непогрѣшительный критикъ. Я однажды высказалъ, или, лучше сказать, повторилъ чужую мысль, что *Державина спасло его невѣжество*: отрекаюсь торжественно отъ этой мысли, какъ совершенно ложной ¹⁾. Державинъ не былъ ученъ, но находился подъ вліяніемъ современной ему учености, раздѣлялъ вѣрованія и мнѣнія своего времени объ условіяхъ творчества и, на зло своему генію, всю жизнь свою шелъ по ложному пути. Поэтому, тѣ изъ его созданій, которыя противорѣчили современной ему эстетикѣ, отличаются истинною поэзіею. Возьмите напр. „Водопадъ“: похоже ли это на оду, диѳирамбъ, кантату? Это просто элегія, которая, по своей формѣ и своему духу, только тѣмъ отличается отъ элегій даже самыхъ крошечныхъ нашихъ поэтиковъ, что запечатлѣна

геніемъ Державина. И зато, какъ прекрасна и глубока эта элегія!—Но возьмите его торжественныя оды: что это такое? Посмотрите, какъ онъ въ нихъ никогда не могъ поддерживать до конца своего напряженного восторга, какъ онъ въ концѣ каждой изъ нихъ падалъ и, начавши высоко и громко, оканчивалъ ровно ничѣмъ!—И кто станетъ теперь читать эти торжественныя оды?... Измаилъ, Прага, Римникъ, Кагулъ—всѣ эти имена напоминаютъ о дѣйствіяхъ великихъ; но то ли они, эти великія дѣйствія, для насъ, чѣмъ были для современниковъ? Мы, юноши нынѣшняго вѣка, мы, бывши младенцами, слышали отъ матерей нашихъ не объ Измаилѣ, не о Кагулѣ, не о Римникѣ, а объ двѣнадцатомъ годѣ, о Бородинской битвѣ, о сожженіи Москвы, о взятіи Парижа. Эти событія и ближе къ намъ по времени и поважнѣе прежнихъ въ своей сущности; да и они слабѣютъ уже въ нашемъ воображеніи, заглушаемыя громами Араратскими, Забалканскими, Варшавскими. Но поэзія всѣхъ этихъ великихъ происшествій сама по себѣ такъ необъятна, что ее трудно уловить, увѣковѣчить въ звукахъ. Сверхъ того, мы уже увѣрились теперь, что фактъ или событіе сами по себѣ ничего не значатъ: важна идея, выражаемая ими. Итакъ, что же значатъ всѣ эти торжественныя оды, какой интересъ могутъ имѣть для потомства всѣ эти громогласныя описанія? Скажутъ: это питаетъ народную гордость, даетъ наслажденіе святому чувству любви къ отечеству. Русскіе брали непреодолимыя твердыни и всему свѣту доказали свою храбрость; это подвиги, которые поэзія должна передавать потомству: очень хорошо! но вѣдь храбрость есть неотъемлемое свойство русскихъ; но вѣдь они доказывали ее всегда и вездѣ, какъ только былъ случай; но вѣдь ничтожная-жъ горсть русскихъ удержала за Россіею Грузію и уничтожила всѣ попытки персидской арміи; но вѣдь ничтожная же горсть русскихъ отбила Арменію и защитила ее противъ Персіи и Турціи?... Эти подвиги у насъ такъ часты, такъ обыкновенны; они составляютъ ежедневную жизнь народа русскаго... Да! Державинъ шелъ путемъ слишкомъ тѣснымъ: онъ льстилъ современности, нападалъ на интересы частныя, современные, и рѣдко прибѣгалъ къ интересамъ общимъ, никогда не старѣющимъ, никогда не измѣняющимся—къ интересамъ души и сердца человѣческаго! И въ этомъ виновата ученость вѣка, которой онъ былъ непричастенъ, но подъ вліяніемъ которой онъ всегда находился. Не зная по-латыни, онъ подражалъ Горацію, потому что тогда всѣ подражали Горацію; не постигнувъ духа и возвышенной простоты псалмовъ Давида, онъ

¹⁾ См. выше, стр. 43.

перелагалъ ихъ съ прозы на громкіе, напыщенные стихи, потому что всѣ наши поэты, начиная съ Ломоносова, дѣлали это, не говоря уже о французахъ. Гораций воздвигнулъ себѣ *памятникъ*, Державинъ тоже; но что у перваго было, вѣроятно, вдохновеніемъ, то у втораго было подражаніемъ. Обратимся назадъ. Итакъ, романтизмъ въ отношеніи къ Пушкину состоялъ въ томъ, что онъ искалъ поэзіи не въ современныхъ и переходящихъ интересахъ, а въ вѣчномъ, неизмѣняемомъ интересѣ души человѣческой ¹⁾. Въ отношеніи къ другимъ поэтамъ, вышедшимъ вслѣдъ за Пушкинымъ, романтизмъ состоялъ въ томъ, что ода была рѣшительно замѣнена элегіей, высокопарность уныlostью, жесткій, ухабистый и неуклюжій стихъ гармоническимъ, плавнымъ, гладкимъ. Въ отношеніи къ цѣлой литературѣ романтизмъ состоялъ въ томъ, что было отвергнуто, какъ нелѣпость, драматическое тріединство, хотя не было написано ни одной хорошей драмы. Итакъ, вотъ весь нашъ романтизмъ! Тогда явилось множество поэтовъ (стихотворцевъ и прозаиковъ), стали писать въ такихъ родахъ, о которыхъ въ русской землѣ дотолѣ было вѣдомъ не видать, слыхомъ не слыхать. Тогда-то наши критики пустились въ обзорѣнія: они увидѣли, что у насъ есть писатели и въ классическомъ и въ романтическомъ родѣ, и захотѣли повѣрить свое родное богатство, подвести его итоги. Это была эпоха очарованія, упоенія, гордости: новость была принята за достоинство, и эти поэты, которыхъ мы теперь забыли и имена и творенія, казались чѣмъ-то необыкновеннымъ и великимъ. И это было очень естественно: новость направленія и духа сочиненій всегда бываетъ камнемъ преткновенія для критики.

Итакъ, очень ясно, что раннее очарованіе, непрочныя надежды родили гордость и самоувѣренность въ нашихъ критикахъ, а гордость и самоувѣренность породили множество обзорѣній. Только одинъ Пушкинъ былъ предметомъ достойнымъ и обзорѣній, и критикъ, и споровъ, а между тѣмъ все шло заурядъ въ обзорѣнія. И разумѣется, эти обзорѣнія были важны, горды и веселы, какъ молодыя надежды, какъ неопытная юность, гордящаяся силами, еще не удостоившаяся въ нихъ. Новость за новостью, поэма за поэмою, романъ за романомъ, повѣсть за повѣстью, альманахъ за альманахомъ, журналъ за журналомъ, а элегіи и отрывки безъ

числа, безъ мѣры, и все это возбуждало участіе, восторгъ, удивленіе, потому что все это было ново. Слѣдовательно, обзорѣвателю было что обзорѣвать, было о чемъ потолковать. Одна голая и сухая перечень годовыхъ явленій литературнаго міра могла составить статейку; а разведенная фразами, разжиженная чувствованьями, одобренная теоріями и идеями, эта перечень превращалась въ большую статью. И эту статью читали наперерывъ, и съ гордостью повторяли находившіеся въ ней итоги и возгласы.

Между тѣмъ начиналась уже и критика. Такъ какъ романтизмъ привелъ за собой эманципацію, то естественнымъ образомъ начало закрадываться сомнѣніе насчетъ достоинства писателей прежней школы. Нападая на классицизмъ, стали нападать и на классиковъ, не подозревая, что, съ немногими исключеніями, выигрышъ состоялъ только въ Пушкинѣ, а что все остальное была та же старина, только на новый ладъ. Но, пока управлялись со стариками, и новички успѣли состарѣться и наскучить. Разумѣется, это совершилось не вдругъ, а постепенно. Тогда обзорѣнія начали терять свой кредитъ, и вмѣсто ихъ начала усиливаться основательная критика.

Итакъ, теперь—что теперь обзорѣвать? Новаго ужъ нѣтъ ничего, все старо. У меня страстная охота писать, и я, во что бы то ни стало, хочу написать романъ—но что же? Я во всемъ предупрежденъ! Хочу писать романъ историческій—старо; перерываю всѣ эпохи русской исторіи—старо; хочу писать романъ правоописательный и нравственно-историческій—но и это старо и пошло; хочу писать романъ географическій, статистическій, топографическій—опять старо; вздумалъ-было однажды нравственно-фантастическій—но и тутъ какой-то злодѣй предупредилъ меня; хочу писать подземный, представить людей маленькихъ съ мизинецъ и потомъ большихъ съ коломенскую версту—куда! этимъ еще восемнадцатый вѣкъ воспользовался, а я ничего не хочу имѣть общаго съ восемнадцатымъ вѣкомъ; но вотъ вдругъ блеснула свѣтлая мысль: хочу вывести людей допотопныхъ и потомъ людей ходящихъ, мыслящихъ и говорящихъ вверхъ ногами—и тутъ предупредила меня игривая фантазія барона Брамбеуса. Ну, повѣрите ли, почтенный издатель Телескопа, куда я ни бросался, какъ ни ломалъ свою бѣдную голову, а кончилъ тѣмъ, что пришелъ въ отчаяніе, и рѣшился не писать ничего по части поэзіи. Но наши писатели не такъ робки и, можетъ быть, не такъ горды и самолюбивы въ этомъ отношеніи, какъ я: они, зная свое—тормозятъ старину и слушать не хотятъ ни публики, ни рецензеп-

¹⁾ Этотъ вопросъ будетъ подробно разсмотрѣнъ нами въ особенной статьѣ о Пушкинѣ, которая уже пишется. *Прим. Бѣлинскаго.*

Общаніе это осталось невыполненнымъ. Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ не о тѣхъ „пушкинскихъ статьяхъ“, которыя появились въ 1843—1846 гг.

товъ. Честь и слава ихъ храбрости, но каково публикѣ-то отъ этой храбрости?—Но публикѣ подѣломъ: кто ее заставляетъ пробавляться истертою стариной!—А каково рецензентамъ-то?—Но и имъ подѣломъ: кто ихъ заставляетъ писать рецензіи и горячиться изъ пустяковъ?—А каково обозрѣвателямъ-то—что имъ остается обозрѣвать?—А кто ихъ заставляетъ обозрѣвать, когда нечего обозрѣвать?—Они и не обозрѣваютъ!... И слава Богу!...

И послѣ этого вы, милостивый государь, требуете отъ меня—чего же?—обозрѣнія!... Но, видно, дѣлать нечего—и я, въ угожденіе вамъ, посвящаюсь въ обозрѣватели!...

Увы! миновалось то золотое, прекрасное время, когда наши краснорѣчивые обозрѣватели, въ сердечной простотѣ, съ теплою вѣрою, съ полнымъ убѣжденіемъ, что они дѣлаютъ дѣло, а не порютъ вздоръ, начинали свои обозрѣнія взглядами на состояніе земного шара, когда еще на немъ не было людей, или съ ницъ Леды, или съ потопа, или, по крайней мѣрѣ, съ Греціи и Рима, чтобы прошедшимъ объяснить настоящее ¹⁾. Обозрѣвателю нашихъ дней не для чего залетать такъ далеко: онъ долженъ начать съ предмета самаго близкаго къ сердцу всѣхъ и cadaго, самаго необходимаго въ жизни—съ кармана... Да! въ карманѣ долженъ видѣть онъ таинственный рычагъ этой литературной дѣятельности, которая промышляетъ и оптомъ и по мелочи; въ немъ долженъ искать онъ рѣшенія на всѣ мудренныя загадки современной русской литературы. Увы! миновалъ золотой вѣкъ нашей литературы, наступилъ желѣзный, а

...Въ сей вѣкъ желѣзный,

Безъ денегъ, слава—ничего! ²⁾

Что дѣлать! покоримся судьбѣ—видно, такъ должно быть, а чему быть, тому не миновать! Теперь всѣ пустились въ литературу, всѣ сдѣлались поэтами, романистами и повѣствователями. Классическій періодъ нашей литературы былъ не умнѣе, но какъ-то благороднѣе нынѣшняго; тогда пускались въ литературу изъ славы, изъ извѣстности, и притомъ только люди, по крайней мѣрѣ, знавшіе грамматику, знакомые съ литературнымъ тактомъ своего времени, не чуждые здраваго смысла; теперь же романтизмъ освободилъ насъ и отъ грамматики, и отъ приличія, и отъ здраваго смысла. Тогда литература была удѣломъ какого-то привилегированнаго класса; теперь же пишутъ и са-

пожники, и пирожники и подъячіе, и лакеи, и сидѣльцы *овощныхъ* и *мужскихъ* лавокъ, словомъ, всѣ, которые только умѣютъ чертить на бумагѣ каракульки. Откуда набралась эта сволочь? Отчего она расхрибалась? Гдѣ рычагъ этой внезапной и живой литературной дѣятельности? Я уже сказалъ, что его надо искать въ карманѣ... Знаете ли что, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! Я душевно люблю православный русскій народъ, и почитаю за честь и славу быть ничтожной песчинкой въ его массѣ; но моя любовь сознательная, а не слѣпая. Можетъ быть, вслѣдствіе очень понятнаго чувства, я не вижу пороковъ русскаго народа, но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ видѣть его странностей, и я не почитаю за грѣхъ пошутить, подъ веселый часъ, добродушно и незлобиво, надъ его странностями, какъ всякій порядочный человѣкъ не почитаетъ для себя за униженіе посмѣяться иногда надъ собственными своими недостатками. Знаете ли вы, въ чемъ состоитъ главная странность вообще русскаго человѣка? Въ какомъ-то своеобразномъ взглядѣ на вещи и упорной оригинальности. Его упрекаютъ въ подражательности и безхарактерности; я самъ, грѣшный, вслѣдъ за другими взводилъ эту небылицу (въ чемъ и каюсь); но этотъ упрекъ неоснователенъ: русскому человѣку вредитъ совсѣмъ не подражательность, а напротивъ, излишняя оригинальность. Пробѣгите въ умѣ вашемъ всю его исторію—и доказательства явятся передъ глазами. Вотъ они... Но постойте, чтобы яснѣе выразить мою мысль, я долженъ прибавить, что русскій человѣкъ, съ чрезвычайною оригинальностью и самобытностью, соединяетъ и удивительную недовѣрчивость къ самому себѣ, и, вслѣдствіе этого, страхъ какъ любить перенимать чужое, но, перенимая, кладетъ типъ своего генія на свои заимствованія. Такъ, еще въ давніе вѣки прослышалъ русскій человѣкъ, что за моремъ хороша вѣра и пошелъ за нею за море. Въ этомъ случаѣ онъ, по счастью, не ошибся; но какъ поступилъ онъ съ истинной, божественной вѣрой? Перенесъ ея священные имена на свои языческіе предразсудки: Св. Власію поручилъ должность бога Волоса, Перуновы громы и молніи отдалъ Ильѣ-Пророку, и т. д. Итакъ, вы видите: перемѣнились слова и названія, а идеи остались все тѣ же! Потомъ, явился на Руси Царь умный и великій, который захотѣлъ русскаго человѣка умыть, причесать, обрить, отучить отъ лѣни и невѣжества: взвылъ русскій человѣкъ гласомъ велимъ и замахалъ руками и ногами; но у Царя была воля желѣзная, рука крѣпкая, и потому русскій человѣкъ, волею или неволею, а засѣлъ за

¹⁾ См. выше, примѣчаніе на стр. 17.

²⁾ У Пушкина (въ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ“) иначе:

... въ сей вѣкъ желѣзный

Безъ денегъ и свободы нѣтъ.

азбуку, началъ учиться и шить, и кроить, и строить, и рубить. И въ самомъ дѣлѣ, русскій человѣкъ сталъ походить съ виду какъ будто на человѣка: и умытъ, и причесанъ, и одѣтъ по формѣ, и знаетъ грамоту, и кланяется съ пришаркиваньемъ, и даже подходитъ къ ручкѣ дамъ. Все это хорошо, да вотъ что худо: кланяясь съ пришаркиваньемъ, онъ, говорятъ, расшибалъ носъ до крови, а подходя къ ручкамъ прелестныхъ дамъ, наступалъ на ихъ ножки, цѣпляясь за свою шпагу и не умѣя справляться съ трехуголкою; выучивъ наизусть правила, начертанныя на зеркалѣ рукою великаго Царя, онъ не забылъ, не разучился спрягать глаголъ *братъ* подъ всѣми видами, во всѣ времена, по всѣмъ лицамъ безъ изъятія, по всѣмъ числамъ безъ исключенія; надѣвши мундиръ, онъ смотрѣлъ на него не какъ на форму идеи, а какъ на форму парада, и не хотѣлъ слушать, когда мудрое правительство толковало ему, что правосудіе не средство къ жизни, что присутственное мѣсто не лавка, гдѣ отпускаютъ и права и совѣсть оптомъ и по мелочи, что судья не воръ и разбойникъ, а защитникъ отъ враговъ и разбойниковъ. Потомъ былъ на Руси другой Царь, умный и добрый; видя, что добро не можетъ пустить далеко корня тамъ, гдѣ нѣтъ науки, онъ подтвердилъ русскому человѣку учиться, а за ученіе обѣщалъ ему и большой чинъ и знатное мѣсто, думая, что приманка выгоды всего сильнѣе; но что-жъ вышло?... Правда, русскій человѣкъ смысленъ и понятливъ; коли захочетъ, такъ и самого нѣмца заткнетъ за поясъ... И точно, русскій принялся учиться, но только, получивъ чинъ и мѣсто, бросалъ тотчасъ книги, и принимался за карты — оно и лучше!... Итакъ, не ясно ли послѣ этого, что русскій человѣкъ самобытенъ и оригиналенъ, что онъ никогда не подражалъ, а только бралъ изъ-за границы формы, оставляя тамъ идеи, и одѣвалъ въ эти формы свои собственныя идеи, завѣщанныя ему предками. Конечно, къ этимъ доморощеннымъ идеямъ не совсѣмъ шель заморскій нарядъ, но къ чему нельзя привыкнуть, къ чему нельзя приглядѣться?...

Обратимся къ литературѣ. Съ нею русскій человѣкъ поступилъ точно такъ же, какъ и со всѣмъ тѣмъ, о чемъ я уже говорилъ. Какъ все прочее, она у него — цвѣтокъ пересаженный, и надо сказать, какъ все хощее, не имъ самимъ, а правительствомъ. Литература наша началась при Елисаветѣ, а получила нѣкоторую осѣдлость при Екатеринѣ II. Намъ извѣстно, что, въ царствованіе этой великой Жены, наша литература находилась, подобно почти всѣмъ европейскимъ литературамъ, подъ вліяніемъ фран-

цузской. Французская литература была тогда полнымъ выраженіемъ XVIII вѣка, а что такое XVIII вѣкъ, объ этомъ всякій знаетъ. Мы скажемъ только, что XVIII вѣкъ былъ малый веселый и разгульный, любилъ мягко поспать, сладко поѣсть, пьяно попить и ни о чемъ не тужить. *Веселиться* — была его цѣль, и всѣ средства почиталъ онъ позволенными къ достиженію этой цѣли. Всѣмъ извѣстна мудрая русская пословица: „богатый на деньги, а голъ на выдумки“. Поэты и вообще литераторы были тогда люди бѣдные и неважные, но это не помѣшало имъ веселиться наравнѣ съ людьми богатыми и веселыми: они надѣли на себя ливреи людей богатыхъ и важныхъ, и, за ихъ столами, въ восторгъ радости, запѣли пѣсни дивныя, живыя. Кого-жъ они воспѣвали? Героевъ тогда не было; греческая литература была плохо понимаема, но хорошо была понята литература латинская — и стали воспѣвать меценатовъ! Да какъ было и не воспѣвать ихъ? Люди они были богатые, поэтовъ кормили сладко, хотя иногда и употребляли ихъ вмѣсто плевалъницъ, но что-жъ за бѣда — вѣдь утереться не трудно. Этого было довольно для русскаго человѣка: онъ такъ хорошо, на этотъ разъ, сошелся съ французомъ, что взялъ и идею и форму, и, слѣдовательно, еще въ первый разъ явился совершеннымъ подражателемъ. Тогда-то пошли наши оды, съ любимымъ словечкомъ: „о ты“, и пр. Но въ мірѣ все оканчивается, кончился и XVIII вѣкъ, кончился вездѣ, а у насъ еще здравствовалъ, и только въ одной литературѣ сталъ измѣняться. Въ этомъ отношеніи мы должны съ благодарностью произносить имя Жуковского, познакомившаго насъ съ германскою литературой и передавшаго намъ нѣсколько благоуханныхъ цвѣтовъ ея. Были дарованія, но инныя изъ нихъ шли не своею дорогою, сбиваемыя XVIII вѣкомъ, и остались только въ литературныхъ обзорѣніяхъ, а не въ памяти народа; другія, по своей незначительности, успѣли добиться только эфемерной славы. Идея искусства и потребность искусства проявились только въ началѣ третьяго десятилѣтія настоящаго вѣка; но кромѣ Пушкина и Грибоѣдова не было поэтовъ; зато, какъ я уже и говорилъ выше, было много обзорѣній.

Какое-жъ слѣдствіе изъ всего этого? А вотъ какое: сначала наша литература родилась вслѣдствіе мысли правительства и симпатіи характера русскаго народа къ господствовавшему тогда характеру французовъ; потомъ она сдѣлалась подражательницей вдругъ нѣсколькихъ литературъ; теперь... теперь... — Но позвольте мнѣ послѣ вывести полный и удовлетворительный результатъ

Я такъ уже усталъ, а впереди предстоитъ большой трудъ: трудно обозрѣть цвѣтущую долину, но еще труднѣе — безплодную аравійскую степь.

II.

Начинаю мое обозрѣніе съ журналовъ, потому что какъ ни мало теперь у насъ журналовъ, но все больше, чѣмъ книгъ. Разумѣется, на тѣ и другія я смотрю, какъ обозрѣватель, которому нужны матеріалы для обозрѣнія и для котораго важно только то, о чемъ онъ что-нибудь можетъ сказать; каковы бы ни были наши журналы, о нихъ все-таки можно сказать много и *за* и *противъ*; но книгъ, стоющихъ вниманія, въ какомъ бы то ни было отношеніи, вышло безъ васъ не болѣе двухъ или трехъ. Здѣсь я опять долженъ употребить оговорку: такъ какъ моему разсмотрѣнію подлежатъ книги только по части художественной и притомъ оригинальныя, то и не удивительно, что я нахожу такъ мало книгъ, вышедшихъ въ послѣднее полугодіе прошлаго года. Итакъ, обращаюсь къ журналамъ, и приступаю къ дѣлу.

Но съ какихъ журналовъ должно мнѣ начать? Съ московскихъ или съ петербургскихъ? И потомъ, съ какого именно? — Начинаю — по старшинству и важности — съ „Библіотеки для Чтенія“, а за нею брошу взглядъ и на прочіе петербургскіе журналы. У меня есть причина, и причина очень достаточная, для этого предпочтенія въ пользу „Библіотеки для Чтенія“: журналъ, владѣющій бѣльшимъ противъ своихъ собратій числомъ подписчиковъ и въ продолженіе не одного уже года поддерживаемый постояннымъ вниманіемъ публики, такой журналъ, говорю я, можетъ быть, не лучшій, но, безъ сомнѣнія, долженъ быть важнѣйшій, потому что все, что пользуется авторитетомъ, заслуженнымъ или незаслуженнымъ, все, что имѣетъ на публику большое вліяніе, хорошее или вредное, все то важно и достойно вниманія и прилежнаго изслѣдованія; а „Библіотека для Чтенія“, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, есть первый и важнѣйшій въ Россіи журналъ, и, слѣдовательно, обозрѣватель съ него долженъ начинать свой разборъ. О прочіихъ петербургскихъ журналахъ я буду говорить тотчасъ послѣ „Библіотеки“ и прежде московскихъ изданій, не для соблюденія порядка, а тоже вслѣдствіе основательной и важной причины: всѣ петербургскіе журналы, какъ я покажу это ниже, имѣютъ въ своемъ направленіи, духѣ и правилахъ много общаго съ „Библіотекою“, хотя, въ то же время, они суть не болѣе, какъ жалкія пародіи на этотъ соблазнительный для нихъ

образецъ: тѣ же цѣли, тѣ же замашки, тѣ же усилія, хотя и не та ловкость, не то умѣнье, не та сила, не то исполненіе! — Да! не даромъ петербургская книжная производительность не въ ладу съ московскою: каждая изъ нихъ, несмотря на видимое разногласіе съ самой собою, имѣетъ общій характеръ, одно направленіе, одно основаніе, и, вслѣдствіе совершенной противоположности другъ съ другомъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, обѣ онѣ должны находиться одна къ другой въ естественной непріязни, какъ теперь прямодушный турокъ къ хитрому персіянину, какъ нѣкогда тяжелый англичанинъ къ легкому французу. И я постараюсь показать, сколько возможно, отличительныя черты, отличающія ихъ одну отъ другой и поставляющія ихъ въ непріязненное отношеніе одну къ другой.

„Библіотека для Чтенія“ начинается уже *третьей* годъ своего существованія, и, что очень важно, она нисколько не измѣняется ни въ объемѣ, ни въ достоинствѣ своихъ книжекъ, ни въ духѣ и характерѣ своего направленія; она всегда вѣрна себѣ, всегда равна себѣ, всегда согласна съ собою; словомъ, идетъ шагомъ ровнымъ, поступью твердою, всегда по одной дорогѣ, всегда къ одной цѣли; не обнаруживаетъ ни усталости, ни страха, ни непостоянства. Все это чрезвычайно важно для журнала, все это составляетъ необходимое условіе существованія журнала и его постоянного кредита у публики; въ то же время это показываетъ, что „Библіотекою“ дирижируетъ одинъ человекъ, и человекъ умный, ловкій, смѣтливый, дѣятельный — качества, составляющія необходимое условіе журналиста; ученость здѣсь не мѣшаетъ, но не составляетъ необходимаго условія журналиста, для котораго въ этомъ отношеніи гораздо важнѣе, гораздо необходимѣе универсальность образованія, хотя бы и поверхностнаго, многосторонность познаній, хотя бы и верхоглядныхъ, энциклопедизмъ, хотя бы и мелкій. О „Библіотекѣ“ писали и пишутъ, на нее нападали и нападаютъ, сперва враги, а наконецъ и друзья, поклявшіеся ей въ вѣрности до гроба, пожертвовавшіе ей собственными выгодами, разумѣется, въ чаяніи бѣльшихъ отъ союза съ сильнымъ и богатымъ собратомъ; а „Библіотека“ все-таки здравствуетъ, смѣется (большею частію молча) надъ нападками своихъ противниковъ! — Въ чемъ же заключается причина ея неимовернаго успѣха, ея неслыханнаго кредита у публики? — Если бы я сталъ утверждать, что „Библіотека“ журналъ плохой, ничтожный, это значило бы смѣяться надъ здравымъ смысломъ читателей и надъ самымъ собою: факты говорятъ лучше доказательствъ;

и первенство и важность „Библиотеки“ такъ ясны и неоспоримы, что противъ нихъ нечего сказать. Гораздо лучше показать причины ея могущества, ея авторитета. На „Библиотеку“, на Брамбеуса и на Тю-тюджи-оглу (что все почти тождественно) было много нападокъ, часто безсильныхъ, иногда сильныхъ, было много атакъ, часто невѣрныхъ, иногда впадъ, но всегда бесполезныхъ. Не знаю, правъ я или нѣтъ, но мнѣ кажется, что я нашелъ причину этого успѣха, столь противорѣчащаго здравому смыслу, и такъ прочнаго, этой силы, такъ носящей въ самой себѣ зародышъ смерти, и такъ постоянной, такъ не слабѣющей. Не выдаю моего открытія за новость, потому что оно можетъ принадлежать многимъ; не выдаю моего открытія и за орудіе, долженствующее быть смертельнымъ для разсматриваемаго мною журнала, потому что истина не слишкомъ сильное орудіе тамъ, гдѣ еще нѣтъ литературнаго общественнаго мнѣнія. „Библиотека“ есть журналъ *провинциальный*: вотъ причина ея силы. Разсмотримъ это. Но я долженъ взять нѣсколько повыше, долженъ упомянуть о ея началѣ, ея зарожденіи на свѣтъ. Всякому извѣстно, что этотъ журналъ основанъ книгопродавцемъ, который пріобрѣлъ у публики большую довѣренность, и пріобрѣлъ по справедливости, по заслугѣ; всякому извѣстно, что этотъ книгопродавецъ ¹⁾ ведетъ торговлю большую и, слѣдовательно, въ состояніи дѣлать большіе обороты и пускаться въ важныя предпріятія; это обстоятельство ручалось за исправный выходъ книжекъ, за ихъ типографическое достоинство, за хорошую и честно выполняемую плату сотрудникамъ журнала. Правда, это обстоятельство, съ одной стороны благопріятствуя зарождавшемуся предпріятію, съ другой могло и повредить ему, потому что публика знала, что владелецъ журнала не могъ быть ни его издателемъ, ни его редакторомъ, ни даже его сотрудникомъ, что, поэтому, онъ долженъ былъ поручать изданіе своего журнала разнымъ лицамъ, одному послѣ другого, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего должно быть разногласіе въ мнѣніяхъ, противорѣчіе въ духѣ и направленіи изданія: притомъ публикѣ были извѣстны въ числѣ редакторовъ имена гг. Греча и Булгарина, издателей очень посредственныхъ журналовъ и авторовъ очень плохихъ романовъ, и она лишь въ послѣдствіи могла увидѣть, что гг. Гречъ и Булгаринъ были и остались только вкладчиками своихъ статей и корректорами „Библиотеки“, что Тю-тюджи-оглу не имѣлъ ничего общаго

съ ними въ своей ловкости, умѣ, остроуміи, что самый языкъ и правописаніе всѣхъ статей, особенно послѣднее, принадлежали ему же, а не имъ; но нашей публикѣ до этого не было нужды; ей обѣщаны были толстыя книги и участіе почти всѣхъ знаменитостей—этого для нея было достаточно. Итакъ, одно уже то обстоятельство, что новый журналъ былъ собственностью богатаго и честнаго книгопродавца, было одною изъ сильнѣйшихъ причинъ его успѣха. Потомъ, это участіе почти всѣхъ знаменитостей нашего письменнаго міра, эти имена, выставленные въ программѣ и на оберткахъ „Библиотеки“, какъ залогъ того, что вся литературная дѣятельность должна сосредоточиться въ одномъ изданіи, чего никогда не бывало, о чемъ самая мысль всегда казалась несбыточною—какая приманка для *нашей* довѣрчивой публики!... Правда, нѣкоторые изъ авторовъ, имена которыхъ двѣнадцать разъ въ годъ повторялись на оберткахъ журнала, не подарили его ни одною статьею; правда, нѣкоторые изъ знаменитостей сошли съ обертки, къ немалому вреду репутаціи журнала; правда, и половина оставшихся именъ при второмъ годѣ совсѣмъ исчезла съ обертки; правда, большая часть этихъ знаменитостей была совсѣмъ не знаменита, и между этими знаменитостями многія были сдѣланы на скорую руку, ради предстоящей потребности, многія незначительности были произведены въ знаменитости, произведены самимъ этимъ журналомъ, ради предстоящей нужды; но *нашей* публикѣ не было до того нужды: она попрежнему встрѣчала постоянно нѣкоторыя имена, или въ самомъ дѣлѣ любимыя ею, или къ которымъ она приглядѣлась, что для нея все равно, и, довѣрчивая, невзыскательная, питала теплую вѣру ко всему, что выдавали ей за талантъ и геній сами эти же таланты и геніи. Дѣло было сдѣлано, а русскій человѣкъ вообще сговорчивъ, и въ литературныхъ дѣлахъ за неустойкой не гонится, если вы исполнили хоть часть условій—такъ мало избалованъ онъ полными устойчивами. Присоедините къ этому его уваженіе къ авторитетамъ, къ громкимъ именамъ, его довѣрчивость ко всему, что другими или самимъ собою провозглашается за дарованіе. Итакъ, вотъ вторая и очень важная причина успѣха „Библиотеки“ при самомъ ея началѣ. Теперь слѣдуетъ третья, не менѣе важная: кто не помнитъ хвастливаго и, можно сказать, безстыдно-самохвальнаго объявленія объ изданіи „Библиотеки“? кто не помнитъ возгласовъ „С. Пчелки“, которая прожужжала всѣмъ уши, что, кто не подпишется на „Библиотеку“, тотъ не патріотъ, тотъ не любить отечества, не желаетъ ему добра.

¹⁾ А. Ф. Смирдинъ, о которомъ см. выше, въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, стр. 95—96.

что тотъ ренегатъ, измѣнникъ?—И что же?— Это хвастливое объявленіе, эти вопли, эти возгласы во всякомъ другомъ обществѣ были бы почтены, по крайней мѣрѣ, за неприличныя, возбудили бы подозрѣніе, недо- вѣрчивость и убили бы предпріятіе въ са- момъ его зародышѣ; но у насъ это-то чуть- ли и не есть вѣрнѣйшее средство успѣха. Я часто замѣчалъ за самимъ собою, что когда мнѣ случалось ходить для покупокъ въ го- родъ и когда слухъ мой оглушался, а мое человеческое достоинство оскорблялось не- вѣжливой и грубою политикою нашей на- ціональной коммерціи, громко и неистово превозносящей свои товары, и нагло и по- чти насильно затаскивающей покупателя въ свою лавку, то я замѣчалъ, что чуть ли не всегда попадалъ я въ самую горластую, въ самую наглую лавку: что дѣлать—человѣкъ русский!—Проклинаешь это азіатское само- хвалство, эту предательскую вѣжливость, сбивающуюся на униженіе, эту безстыдную наглость, и къ ней-то именно и попадаешь, какъ рыба на удочку—на Руси такъ из- стари ведется!... Итакъ, вотъ три причины, сдѣлавшія „Библиотеку“ сильною, когда еще „Библиотеки“ не было на свѣтѣ!

Теперь посмотримъ, какими средствами умѣла она поддержать себя во мнѣніи пу- блики, или, лучше сказать, какими сред- ствами умѣла сдѣлать себя необходимою для публики и, всѣми осуждаемая, всѣми ненавидимая, сдѣлать всѣхъ своими под- писчиками? Я сказалъ, что тайна постоян- наго успѣха „Библиотеки“ заключается въ томъ, что этотъ журналъ есть по преиму- ществу журналъ провинціальный, и въ этомъ отношеніи невозможно не удивляться той ловкости, тому умѣнью, тому искусству, съ какими онъ приноравливается и поддѣлы- вается къ провинціи. Я не говорю уже о постоянномъ, всегда правильномъ выходѣ книжекъ, одномъ изъ главнѣйшихъ досто- инствъ журнала; остановлюсь на числѣ кни- жекъ и продолжительности срока ихъ вы- хода. Я думалъ прежде, что это должно обратиться во вредъ журналу; теперь вижу въ этомъ тонкій и вѣрный расчетъ. Пред- ставьте себѣ семейство степного помѣщика, семейство, читающее все, что ему попадет- ся, съ обложки до обложки; еще не успѣ- ло оно дочитатьъ до послѣдней обложки, еще не успѣло перечестъ, гдѣ принимается подписка и оглавленіе статей, составляю- щихъ содержаніе номера, а ужъ къ нему летитъ другая книжка, и такая же толстая, такая же жирная, такая же болтливая, сло- воохотливая, говорящая вдругъ однимъ и нѣсколькими языками. И въ самомъ дѣлѣ, какое разнообразіе! — Дочка читаетъ стихи гг. Ершова, Гогніева, Струговщикова, и

повѣсти гг. Загоскина, Ушакова, Панаева, Калашникова и Масальскаго; сынокъ, какъ членъ новаго поколѣнія, читаетъ стихи г. Тимофеева и повѣсти барона Брамбеуса; батюшка читаетъ статьи о двухпольной и трехпольной системахъ, о разныхъ способахъ удобренія земли, а матушка о новомъ спо- собѣ лѣчить чахотку и красить нитки; а тамъ еще остается для желающихъ критика, литературная лѣтопись, изъ которыхъ можно черпать горстями и пригоршнями готовыя (и часто умныя и острыя, хотя рѣдко справедливыя и добросовѣстныя) сужденія о современной литературѣ; остается пестрая, разнообразная смѣсь; остаются статьи уче- ныя и новости иностранныхъ литературъ. Не правда ли, что такой журналъ—кладъ для провинціи?...

Но постоитъ, это еще не все: разнообра- зіе не мѣшаетъ и столичному журналу, и не можетъ служить исключительнымъ при- знакомъ провинціального. Бросимъ взглядъ на каждое отдѣленіе „Библиотеки“ особен- но и по порядку. Стихотворенія занимаютъ въ ней особое и большое отдѣленіе: подъ многими изъ нихъ стоятъ громкія имена, каковы Пушкина, Жуковскаго; подъ боль- шею частію стоятъ имена знаменитостей, выдуманныхъ и сочиненныхъ наскоро самою „Библиотекою“; но нѣтъ нужды: тутъ все идетъ за знаменитость; до достоинства сти- ховъ тоже мало нужды: имена, подъ ними подписанныя, ручаются за ихъ достоинство, а въ провинціяхъ этого ручательства слиш- комъ достаточно. То же самое въ отноше- ній именъ должно сказать и о русскихъ повѣстяхъ: иностранныя подписаны именами, которыя для провинцій непременно должны казаться громкими, хотя бы и не были гром- ки на самомъ дѣлѣ; подписаны именами журналовъ, громкихъ и извѣстныхъ во всемъ мірѣ. То же должно сказать и о прочихъ отдѣленіяхъ „Библиотеки“. Теперь скажите, не большая ли это выгода для провинцій?— Вамъ извѣстно, какъ много и въ столицахъ людей, которыхъ вы привели бы въ край- нее замѣшательство, прочтя имъ стихотво- реніе, скрывши имя его автора и требуя отъ нихъ мнѣнія, не высказывая своего; какъ много и въ столицахъ людей, которые не смѣютъ ни восхититься статьею, ни осердиться на нее, не заглянувъ на ея под- писъ. Очень естественно, что такихъ людей въ провинціяхъ еще больше, что люди съ самостоятельнымъ мнѣніемъ попадаютъ туда случайно и составляютъ тамъ самое рѣдкое исключеніе. Между тѣмъ, и провин- ціалы, какъ и столичные жители, хотятъ не только читать, но и судить о прочитан- номъ, хотятъ отличать въкусомъ, блистать образованностью, удивлять своими сужде-

ніями, и они дѣлають это, дѣлають очень легко, безъ всякаго опасенія компрометировать свой вкусъ, свою разборчивость, потому что имена, подписанныя подъ стихотвореніями и статьями „Библіотеки“, избавляютъ ихъ отъ всякаго опасенія посадить на мель свой критицизмъ и обнаружить свое безвкусіе, свою необразованность и невѣжество въ дѣлѣ изящнаго. А это не шутка!— Въ самомъ дѣлѣ, кто не признаетъ проблесковъ генія въ самыхъ сказкахъ Пушкина, потому только, что подъ ними стоитъ это магическое имя „Пушкинъ“? То же и въ отношеніи къ Жуковскому. А чѣмъ ниже Пушкина и Жуковского гг. Тимоѣевъ и Ершовъ? Ихъ хвалятъ „Библіотека“, лучший русскій журналъ, и принимаетъ въ себя ихъ произведенія? — Можетъ ли быть посредственна или нехороша повѣсть г. Загоскина? Вѣдь г. Загоскинъ авторъ „Мило-славскаго“ и „Рославлева“; а въ провинціи никому не можетъ придти въ голову, что эти романы, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, теперь уже не то, чѣмъ были, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ казались нѣкогда. Можетъ ли быть не превосходна повѣсть г. Ушакова, автора „Киргизъ-Кайсака“, „Кота Бурмосѣка“, бывшаго сотрудника „Московского Телеграфа“, сочинителя длинныхъ, скучныхъ и ругательныхъ статей о театрѣ? Провинція и подозрѣвать не можетъ, чтобъ знаменитый г. Ушаковъ теперь былъ уволенъ изъ знаменитыхъ въ чистую. — Кто усумнится въ достоинствѣ повѣстей гг. Панаева, Калашникова, Масальскаго?—Да, въ этомъ смыслѣ „Библіотека“—журналъ провинціальный!

III.

Теперь я буду слѣдить за „Библіотекою“ шагъ за шагомъ; я обнаружу всю ея политику, изъясню подробнѣе причины ея могущества. Я не буду пускаться о „Библіотекѣ“ въ излишнія разсужденія, буду представлять одни факты, а тамъ пусть понимаютъ ихъ, какъ угодно. До сихъ поръ я сдѣлалъ только предисловіе, опредѣлилъ точку зрѣнія, съ которой гляжу на „Библіотеку“; теперь покажу, что я вижу въ ней. Прошу васъ не забывать, что основная мысль моя о „Библіотекѣ“ состоитъ въ томъ, что этотъ журналъ провинціальный, что онъ издается для провинціи и силенъ одною провинціею. Итакъ, приступаю къ подробнѣйшему объясненію признаковъ ея привилегированнаго провинціализма. Я не почитаю за нужное слишкомъ распространяться о стихотворномъ отдѣленіи „Библіотеки“. Пора стиховъ миновала въ нашей литературѣ; наступила пора смиренной прозы. Хо-

рошихъ стиховъ теперь не достанешь ни за какія деньги, и потому „Библіотека“ не виновата, что помѣщаетъ дурные стихи; но она виновата въ томъ, что выдаетъ ихъ за хорошіе ¹⁾. Это съ ея стороны расчетъ, расчетъ, въ который входитъ преимущественно провинція. Итакъ, о стихахъ нечего много говорить; но можно побольше поговорить о прозаическомъ отдѣленіи русской словесности.

Разумѣется, это отдѣленіе состоитъ преимущественно изъ повѣстей и можетъ называться по преимуществу провинціальнымъ. Пересматриваю „Библіотеку“, и чьи имена встрѣчаю въ отдѣленіи повѣстей русской фабрики?—Во-первыхъ, гг. Загоскина, Ушакова: въ „Библіотекѣ“ это знаменитости первой величины, авторитеты, лучезарнымъ свѣтомъ которыхъ она озаряется съ особеннымъ удовольствіемъ, съ особенною хвастливостью; потомъ повѣсти гг. Степанова, Маркова и многихъ другихъ, именъ которыхъ я не могу упомянуть, по причинѣ ихъ множества; это знаменитости недавнія, авторитеты юные. Чтобы яснѣе развить мою мысль, я долженъ разсмотрѣть попристальнѣе нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей. Въ такомъ случаѣ мнѣ надо-бъ было начать съ г. Загоскина, какъ первой знаменитости „Библіотеки“, въ которой онъ помѣстилъ двѣ повѣсти: „Вечера на Хопрѣ“ и „Три жениха, провинціальныя очерки“; но первой я совсѣмъ не читалъ, а о второй упомянулъ слегка при отзывѣ о „Недовольныхъ“, и, мнѣ кажется, довольно удачно уловилъ ея характеристику, что, разумѣется, очень не трудно было сдѣлать ²⁾. Итакъ, не желая, повторять одно и то же, замѣчу только, что г. Загоскинъ очень удачно назвалъ свою повѣсть „Провинціальными очерками“: этимъ названіемъ онъ написалъ на нее самую лучшую критику а priori, а помѣщеніемъ ея въ „Библіотекѣ“ сдѣлалъ на нее самую лучшую критику а posteriori!... Обращаюсь къ г. Ушакову.

¹⁾ Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что между множествомъ плохихъ стихотвореній знаменитыхъ и не знаменитыхъ авторовъ въ „Библіотекѣ“ было помѣщено два-три стихотворенія г. Козлова, отъ которыхъ вѣетъ прежнимъ благоуханіемъ его поэзии. Особенно замѣчательна піеска „Къ Невѣрной“.

Прим. Бѣлинскаго.

²⁾ Въ указанномъ Бѣлинскимъ мѣстѣ находятся слѣдующія строки объ этой повѣсти: „у г. Загоскина любимая замашка — утрировать. Такъ, на примѣръ, въ своей повѣсти „Три Жениха“ онъ представилъ либерала, который безпрестанно толкуетъ о правахъ челоѣчества, вопіетъ противъ феодальнаго тиранизма, и который въ то же время держитъ своего мальчишку въ желѣзномъ ошейникѣ, бьетъ его не щадя изъ своихъ рукъ плетью, и который, наконецъ, такъ неостороженъ, такъ простъ, что не умѣетъ скрыть своихъ варварскихъ поступковъ и позволяетъ застать себя на дѣлѣ“...

Вамъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, извѣстенъ гибкій и универсальный талантъ г. Ушакова; вы, вѣрно, еще не забыли, что онъ писалъ пѣсню предлинныя, преисполненныя славянскаго остроумія и прескучныя статьи о театрѣ; вы помните также, что онъ, г. Ушаковъ, писалъ презлыя, хотя ужъ и черезчуръ холодныя, сатирическія аллегоріи, и въ этомъ родѣ явился основателемъ и главой важной, хотя и безлюдной школы: я разумѣю „Кота Бурмосѣка“; потомъ знаете, что онъ написалъ очень порядочный романъ „Киргизъ-Кайсакъ“. Да, все это должно быть вамъ давно извѣстно, но вотъ чего вы навѣрное не знаете: г. Ушаковъ не удовольствовался пріобрѣтенною славою въ этихъ трехъ родахъ, пошелъ далѣе, какъ и слѣдуетъ всякому сильному дарованію. Сперва онъ сдѣлалъ попытку воскресить на Руси духъ покойнаго Августа Лафонтена и написалъ повѣсть „Марихенъ“, но этотъ опытъ не удался: „Марихенъ“ не только не разбудила Августа Лафонтена, но и сама заснула съ нимъ сномъ непробуднымъ. Эта неудача не лишила однако бодрости г. Ушакова: какъ просвѣщенный и опытный литераторъ, онъ понялъ, что нельзя идти противъ духа времени, и бросился въ другую сторону, въ которой вполнѣ созналъ свое направленіе и свое назначеніе: онъ рѣшился сдѣлаться *народнымъ*. Разсказавши намъ довольно увлекательно о страданіяхъ юной аристократки, разсказавъ о страданіяхъ Киргизъ-Кайсака, плебея по рожденію, но аристократа по мысли и чувству, онъ теперь бросился совершенно въ противоположную сторону и принялся за плебеевъ, плебеевъ по рожденію, плебеевъ по уму, чувству и образованности. Уже не балы, а вечеринки рисуетъ теперь намъ его чудотворная кисть, и само собою разумѣется, что отъ этихъ вечеринокъ слухъ нашъ поражается не звуками кадрили и мазурокъ, зрѣніе не блестящими люстрами и кенкетами, обоняніе не благовонными парфюмами, а побранками и плоскими шутками, чадомъ сальныхъ свѣчей и запахомъ водки, ерофеича, разнаго сорта наливокъ, а иногда и простой сивухи, сельдей, икры паюсной и зернистой, луку зеленого и рѣпчатого, жареной печени, и пр. и пр.; вмѣсто князей, кавалеристовъ, дамъ, теперь онъ выводитъ и скромныхъ отставныхъ пѣхотинцевъ, и купцовъ третьей гильдіи, и мѣщанъ всѣхъ разрядовъ, словомъ—все, что носитъ бороду, одѣвается въ зипунъ, или въ длиннополый сюртукъ съ высокимъ лифомъ, въ тѣлогрѣйку, или даже въ поняву, а голову повязываетъ бумажнымъ или парчевымъ платкомъ. Короче сказать: почтеннѣйшій г. Ушаковъ сдѣлался теперь прозаическимъ г. Измайловымъ. Пере-

ходъ удивительный; метаморфоза чудесная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень понятная: г. Ушаковъ покорился духу времени и увлекся народностью.

Народность въ литературѣ!... Позвольте мнѣ, почтенный издатель „Телескопа“, сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе отъ матеріи и оставить на минутку-другую г. Ушакова. Я хочу сказать или, скорѣе, повторить уже сказанное мною когда-то о народности; этотъ предметъ занимаетъ теперь всѣхъ, вы сами пишете объ немъ, и потому я считаю теперь кстати подать и свой голосъ. Что такое народность въ литературѣ? — Отраженіе индивидуальности, характерности народа, выраженіе духа внутренней и внѣшней его жизни, со всѣми ея типическими оттѣнками, красками и родимыми пятнами—не такъ ли? — Если такъ, то, мнѣ кажется, нѣтъ нужды поставлять такой народности въ обязанность истинному поэту; она сама собою непременно должна проявляться въ творческомъ созданіи. Вы признаете большее или меньшее вліяніе индивидуальности поэта на его произведенія, какъ бы они разнообразны ни были! Вы не станете отрицать, что чѣмъ дарованіе поэта сильнѣе, тѣмъ оно оригинальнѣе! Итакъ, если личность поэта должна отражаться въ его твореніяхъ, то можетъ ли не отражаться въ нихъ его народность? Развѣ всякій поэтъ, прежде чѣмъ онъ *человѣкъ*, не есть Русскій, Французъ или Нѣмецъ? — Возьмемъ поэта русскаго: онъ родился въ странѣ, гдѣ небо сѣро, свѣга глубоки, морозы трескучи, вьюги страшны, лѣто знойно, земля обильна и плодородна: развѣ все это не должно положить на него особеннаго характеристическаго клейма? Онъ въ младенчествѣ слышалъ сказки о могучихъ богатыряхъ, о храбрыхъ витязяхъ, о прекрасныхъ царевнахъ и княжнахъ, о злыхъ колдунахъ, о страшныхъ домовыхъ; онъ съ малолѣтства пріучилъ свой слухъ къ жалобному, протяжному пѣнію родныхъ пѣсенъ; онъ читалъ исторію своей родины, которая не похожа на исторію никакой другой страны въ мірѣ; онъ провелъ лѣта своей юности среди общества, которое не похоже ни на какое другое общество; онъ принадлежитъ къ народу, который еще не живетъ полною жизнью, но у котораго настоящее уже интересно, какъ шагъ, какъ переходъ къ прекрасному будущему, у котораго это будущее еще въ зародышѣ, еще въ зернѣ, но уже такъ богато надеждами... Потомъ, если онъ поэтъ, поэтъ истинный, то не долженъ ли сочувствовать своему отечеству, раздѣлять его надежды, болѣть его болѣзнями, радоваться его радостями?... Кто не согласится съ этимъ, кто будетъ противорѣчить этому? — Итакъ, спрашиваю: можетъ ли истинный

русскій поэтъ не быть русскимъ поэтомъ, русскимъ не по одному рожденію, а по духу, по складу ума, по формѣ чувства, какъ бы ни глубоко былъ онъ пропитанъ европеизмомъ? — Да, почтеннѣйшій издатель, если поэтъ владѣетъ истиннымъ талантомъ, онъ не можетъ не быть народнымъ, лишь бы только творилъ изъ души, а не мудрилъ умомъ, не бралъ работою!... Возьмите Крылова: оставляя покуда въ сторонѣ вопросъ о баснѣ, какъ художественномъ произведеніи, и смотря на него самого, даже не какъ на поэта, а какъ на краснобая, не видите ли вы въ немъ чистѣйшей народности, безъ всякой примѣси тривіальности; не доказывається ли его народность и живымъ сочувствіемъ къ нему народа русскаго, и его непереводимостью ни на какой языкъ въ мірѣ? — Теперь, возьмемъ другую сторону, совершенно противоположную этой, возьмемъ „Онѣгина“, лучшее произведеніе Пушкина: развѣ эта Татьяна, Ольга, этотъ Ленскій, эти старики Ларины, эти провинціальныя фигуры, Буяновы, Пѣтушковы, Зарѣцкіе, самый Онѣгинъ — развѣ они, будучи лицами типическими, человѣческими и, слѣдовательно, всемірными, не принадлежать исключительно къ русскому міру, не взяты изъ русской жизни; развѣ, перемѣнивъ имъ имена на Адольфовъ, Генріеттъ, Эрнестовъ, Амалій, вы не уничтожите ихъ смысла, ихъ значенія? Но — скажутъ, можетъ быть, иные — это доказываетъ только, что поэтъ, зная хорошо свое общество, вѣрно описалъ его, а не то, чтобы онъ былъ народенъ, потому что онъ такъ же бы вѣрно могъ описать и нѣмецкое общество, слѣдовательно народность состоитъ во взглядѣ на вещи и формахъ проявленія чувствъ и мыслей! — Такъ, милостивые государи, вы почти правы, но вотъ въ чемъ дѣло: могъ ли бы поэтъ вѣрно описать свое общество, если бѣ онъ не симпатизировалъ ему, если бѣ не былъ участникомъ его жизни, повѣреннымъ его тайнъ? Если-жъ онъ такъ же вѣрно могъ изобразить какой-нибудь эпизодъ изъ европейской жизни, это значитъ только, что мы, русскіе, такъ же причастны и европейской жизни, какъ своей собственной. Что касается до народности собственно поэта, то вамъ стоитъ только пристальнѣе взглянуть въ „Онѣгина“, чтобы въ мысляхъ и чувствахъ самого автора увидѣть всѣ элементы народности; чтобы признать, что только русскій поэтъ, и притомъ въ извѣстный моментъ русской жизни, могъ такъ мыслить и чувствовать и такъ выражать свои мысли и чувства! — Наконецъ, возьмемъ еще третью сторону, совершенно не похожую на обѣ первыя, возьмемъ сочиненія г. Гоголя. Въ нихъ поэтизируется по большей части жизнь собственно народа,

жизнь массы, и автору очень естественно было бы впасть въ простонародность, но онъ остался только народнымъ, и въ томъ же самомъ смыслѣ, въ которомъ народенъ Пушкинъ. Отчего-жъ это? Оттого, что г. Гоголь поэтъ, что онъ владѣетъ высокимъ и могучимъ талантомъ; оттого, что въ его описаніи какой-нибудь глупой ссоры двухъ идіотовъ или пошлой жизни двухъ простаковъ я вижу взглядъ на жизнь, взглядъ грустно-шутливый; я воображаю, сколько въ мірѣ людей, которыхъ жизнь проходитъ въ мелочахъ эгоизма, въ ѣдѣ, питьѣ и снѣхѣ, и которые думаютъ, что они живутъ и дѣлаютъ должное; воображаю, и мнѣ становится грустно... Самыя такъ называемыя сальности и плоскости, которыя у всякаго другого были-бъ неминуемо отвратительны, въ повѣстяхъ г. Гоголя отличаются какою-то граціею, смягчаются какою-то наивностью; встрѣчая самыя рѣзкія изъ нихъ, вы прощаете ихъ автору, какъ прощаете гримасу прекрасной и любимой женщины! — Что же слѣдуетъ изъ всего этого? А то, что у кого есть талантъ, кто поэтъ истинный, тотъ не можетъ не быть народнымъ!

Но у кого нѣтъ таланта, и кто захочетъ быть народнымъ, тотъ всегда будетъ просто-народнымъ и тривіальнымъ; тотъ, можетъ быть, вѣрно спишетъ всю отвратительность низшихъ слоевъ народа, кабака, площади, избы, словомъ, черни, но никогда не уловитъ жизни народа, не постигнетъ его поэзіи. Самымъ лучшимъ и самымъ живымъ доказательствомъ этой истины можетъ служить г. Ушаковъ. Онъ народенъ въ пошло-понимаемомъ смыслѣ этого слова, но избавь насъ Богъ отъ такой народности — она и такъ ужъ надоѣла намъ! — Оставляя въ покоѣ народность твореній г. Ушакова, я покажу здѣсь только ихъ провинціальность и, слѣдовательно, ихъ важность для „Библіотеки для Чтенія“. Очень жалѣю, что у меня нѣтъ теперь подъ рукой той книжки „Библіотеки“, гдѣ помѣщена повѣсть г. Ушакова „Сельцо Дятлово“. То-то славная, то-то чудная повѣсть! Вотъ ужъ истинно народная и совершенно провинціальная! Въ ней описывается прежалостная исторія, а провинція такъ любитъ жалостныя исторіи; развязка ея счастливая, а провинція еще больше любитъ счастливыя развязки. Если я только не совсѣмъ забылъ, то дѣло, изволите видѣть, вотъ въ чемъ: одинъ помѣщикъ взялъ къ себѣ на воспитаніе двухъ сиротокъ, мальчика и дѣвочку; едва дѣвочка успѣла сдѣлаться дѣвушкою, какъ злодѣй лишилъ ее невинности. Она отъ него, кажется, скрылась, и пропала изъ глазъ его лѣтъ на десять. Что же? Онъ, кажется, опять пошелъ служить и, мучимый совѣстью, искалъ свою

жертву, чтобъ какъ-нибудь загладить свое преступленіе. Наконецъ, будучи уже маіоромъ, узналъ ее въ толстой богатой вдовѣ-купчихѣ, женился на ней, началъ пить вмѣстѣ ерофенчъ, браниться съ ней по-военному, а она съ нимъ по-купчески; иногда доходило и до драки: онъ, какъ водится, справлялся съ своею дражайшею половиною кулаками и пинками, а она, какъ водится, отдѣлывалась отъ атакъ своего сожителя когтями и ухватами; проспавшись, они мирились, и такимъ образомъ въ мирѣ и любви прожили до глубокой старости. Братъ ея былъ отданъ въ полкъ, и старый маіоръ писалъ къ нему поучительныя посланія, исполненныя нравственности овощныхъ лавочекъ, отличавшіяся канцелярско-мѣщанскимъ слогомъ. Все это у г. Ушакова ужасъ какъ мило и занимательно и поучительно для всѣхъ вообще читателей, для провинціальныхъ въ особенности. Потомъ, въ седьмой книжкѣ „Библіотеки“ уже за прошлый годъ, безъ васъ, помещена другая повѣсть г. Ушакова: „Піюша“; эта повѣсть названа почтеннымъ авторомъ каррикатурою, и названа такъ не безосновательно. Ею-то займусь я здѣсь въ особенности, потому что она для васъ должна быть новостью.

Быль-жилъ въ Москвѣ Тихонъ Михеевичъ, сынъ небольшого чиновника, который оставилъ своему сыну душъ съ полсотни, плодъ взяточничества. Хотя почтенный г. Ушаковъ и не скрываетъ отъ своихъ читателей, что батюшка героя его повѣсти былъ воръ, однако замѣчаетъ, что онъ „пользовался расположеніемъ и одобреніемъ своихъ покровителей, дружбою своихъ товарищей и уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его“. Послѣ чего почтеннѣйшій г. Ушаковъ съ удивительною наивностью прибавляетъ: „этотъ капиталецъ стоить нѣсколькихъ ревизскихъ душъ!“ Нечего сказать — хорошъ капиталецъ, хороша и логика!... Тихонъ Михеевичъ до сорока пяти лѣтъ волочился за дѣвушками, но путешницы всегда измѣняли ему, и онъ послѣ каждой измѣны со вздохомъ восклицалъ: „ахъ, измѣнница!“ Когда-жъ ему минуло сорокъ пять лѣтъ, онъ не шутя задумалъ жениться на кубической, или, какъ замѣчаетъ остроумный авторъ, эллипсоидической дурищѣ, Липашѣ. Несмотря на то, что Тихонъ Михеевичъ не зналъ „французскаго языка и теорій изящнаго, онъ зналъ хорошо дѣла, любилъ чтеніе, въ особенности былъ страстенъ къ стихамъ, говорилъ хорошо, судилъ здраво и мастерски писалъ дѣловыя бумаги“. Мы должны прибавить еще, что онъ не только былъ мастеръ на дѣловыя бумаги и любилъ стихи, но и самъ былъ въ душѣ глубокой поэтъ, чему доказательствомъ можетъ служить слѣдующее четверостишіе его

работы, сдѣланное имъ для своей глупой и уродливой невѣсты:

Кривошеенна прелестна,
Лѣзя-ль тебя мнѣ не любить?
Безъ тебя въ груди мнѣ тѣсно,
Не могу тебя забыть.

Несмотря на то, что Тихонъ Михеевичъ былъ чрезвычайно смѣшной и уродливой наружности, длиненъ до нельзя ростомъ, „онъ былъ человѣкъ умный, добрый и честный“. Не правда ли, что такой герой для провинціальной повѣсти лучше всякаго Ахилла и Джяура? Не правда ли также, что для столицы онъ рѣшительно не годится?—О! „Библіотека“ знаетъ, какія нужны для провинціи повѣсти, а г. Ушаковъ знаетъ, какія нужны для „Библіотеки“ повѣсти!...

Тихонъ Михеевичъ женился, и вышла прекрасная пара: жена была мала ростомъ и толста, зато мужъ былъ длиненъ и худощавъ; оба были глупы, какъ нельзя больше, и мужъ съ большимъ резонансомъ могъ бы пропѣть этотъ куплетъ изъ одной старинной пѣсни:

Оекла, ты каррикатура,
Гуръ, нетесанный чурбакъ;
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ!

Женясь, наши дурачки такъ разнѣжались, что жена мужа стала называть *Тихиею*, а мужъ жену *Піюшею*, и вотъ отчего повѣсть получила названіе „Піюши“; это же слово произведено отъ Олимпиады, а не отъ пьяницы (Піюша уже впоследствии сдѣлалась пьяницей, когда, къ немалому удовольствію своего сожителя, пристрастилась къ пиву). Какъ любилъ Тихонъ Михеевичъ свою дражайшую половину, Боже мой, какъ онъ любилъ ее! Она была его утѣхою, радостью, игрушкою; она бросалась со всего размаха на его тощія ноги, прыгала ему на шею, скакала по комнатѣ, такъ что дребезжали окна. Но земное счастье не прочно, рано или поздно, а долженъ же быть ему конецъ, и онъ насталъ, этотъ роковой конецъ счастья нѣжнаго мужа. И что лишило блаженства добраго Тихона Михеевича: болѣзнь или смерть жены, чума или холера? О, нѣтъ, все не то! вѣкъ будете думать, а все не придумаете; только чудотворная фантазія г. Ушакова могла изобрѣсть такую ужасную и непредвидѣнную катастрофу супружескаго счастья. Слушайте и дивитесь — дивитесь, какъ изобрѣтательна, какъ смѣла бываетъ провинціальная фантазія...

Однажды, когда Тихонъ Михеевичъ сидѣлъ въ туфляхъ, во фланелевой фуфайкѣ и любовался, какъ прыгала его ненаглядная Піюша, а она, говоритъ авторъ, „прыгала такъ увѣсисто, что каждымъ ея прыжкомъ можно было вколотить сваю на вершокъ“,

ему вдругъ пришла въ голову охота записать:

— Піюша! Піюшечка моя! Піюсеночекъ!
— Ну, что?
— Дай мнѣ табачку понюхать, моя милочка!
— Вишь какой! гдѣнъ самому встать!
— Изъ твоихъ пальчишекъ мнѣ пріятнѣе, мой котеночекъ!

— Хорошо! хорошо!
И Піюша сунула ему табакъ въ носъ.
— Какъ пріятно! — какъ вкусно! — говорилъ Тиша, протягивая губы къ толстымъ пальцамъ Піюши. Любишь ли ты меня?

— Люблю.
— А вотъ, сейчасъ узнаемъ!... А... а... а... а... чихъ!... правда, правда!

— Ну, такъ не люблю!
— Не любишь?... Нѣтъ, неправда. Не чихается!
— Понюхай еще!

— И Піюша забила ему такую щепоть, что Тиша, еще не донюхавши, расчихался.

— Ха, ха, ха! Вотъ видишь!
— По... постой!... а... чихъ!... а... пос... той!... Вотъ... а чихъ!... Вотъ я тебя!

— Я убѣгу!
— А я поймаю!

И Тихонъ Михеевичъ, расширивъ руки и ноги въ сажень, началъ передвигаться направо и налево, ловя Піюшу, которая такъ прыгала, что стѣны дрожали.

— Поймалъ, поймалъ!... Постой же, подь арестъ тебя, подь караулъ!

Онъ усадилъ ее въ небольшія кресла, или табуретъ, стоявшій въ углу.

— Сиди тутъ смирно!... Пока я не позову. Смирно!
И, скорчившись, онъ началъ пятиться до самой двери, приговаривая: сидѣть! сидѣть! — Тутъ онъ, все скорчившись, приподнялъ обѣ задони противъ лица, и началъ манить пальцами, крича: цыпъ, цыпъ, цыпъ, сюда, сюда!

На этотъ крикъ Піюша вскочила и побѣжала.

— Ахъ!
— Что случилось?
— Ахъ!... ой!...

Случилась бѣда, и какая бѣда! Вотъ здѣсь-то надо видѣть всю широту, всю размахистость кисти г. Ушакова, и удивляться ей! Дѣло вотъ въ чемъ: вамъ ужъ извѣстно, что Тиша посадилъ свою Піюшу въ табуретъ, который былъ съ ручками, какъ кресла, и такъ какъ содержащее было ограниченнѣе содержимаго, то, когда Піюша побѣжала къ мужу, содержащее какъ будто обхватило содержимое и приросло къ нему. Какая картина! Дорого бы я далъ, чтобъ увидѣть ее въ натурѣ! О, г. Ушаковъ обладаетъ изобрѣтательнымъ геніемъ! Не всякому бы пришла въ голову такая чудная идея!

Піюша разсердилась и назвала своего мужа „толстолапымъ медвѣдемъ“. Въ дверяхъ раздался хохотъ, излетавшій изъ горла молодого человѣка съ усами, отвратительно нахальнаго вида. Это былъ Виссаріонъ Кривошеинъ, двоюродный братъ Піюши. Чудное лицо этотъ Виссаріонъ Кривошеинъ или попросту Висяша! Онъ злодѣй—что передъ нимъ Францъ Мооръ? въ

ученики не годится. Да, фантазія Шиллера должна замерзнуть передъ фантазіей г. Ушакова! Вы не можете представить, какъ я радъ, что русскій поэтъ побѣдилъ нѣмецкаго. А вѣдь знаете ли что? одна и та же причина произвела Франца Моора и Висяшу Кривошеина—ненависть къ пороку! Висяша былъ благодѣтельствованъ отцемъ Піюши, который его, сироту, выучилъ „французскому языку и другимъ наукамъ“, и отдалъ въ университетъ. Висяша не учился, пилъ и буянилъ въ трактирахъ, за что и былъ исключенъ изъ университета; но нисколько не унылъ отъ этого, а только называлъ съ презрѣніемъ своихъ наставниковъ „отсталыми“. Потомъ онъ поступилъ въ военную службу, кое-какъ дослужился до офицерскаго чина, послѣ чего былъ выгнанъ и изъ военной службы за свое нахальство и дерзость. Потомъ обаялъ своими дерзкими сужденіями одного помѣщика, который возымѣлъ высокое понятіе о его достоинствахъ, поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей; но такъ какъ Висяша сдѣлалъ ихъ негодяями, то и былъ выгнанъ изъ дому. Эта исторія повторилась съ нимъ и въ другомъ домѣ. Не правда ли, что Висяша мерзкій, негодный человѣкъ? Впрочемъ, не удивительно, что онъ былъ такимъ: „Висяша судилъ и рядилъ о Фихте и о Гегелѣ, и былъ такъ убѣжденъ въ тождествѣ міровъ идеальнаго и реального, что смѣло называлъ презрѣнными невѣждами тѣхъ, которые не понимали знаменитаго тождества. Въ особенности плѣнился Висяша Шеллинговымъ Я“. Теперь дѣло, кажется, очень ясно: можетъ ли быть не буяномъ, не пьяницею и не нахаломъ человѣкъ, который читаетъ Фихте, Гегеля и Шеллинга, разсуждаетъ объ идентитетѣ и о Я?...

Почтеннѣйшіе, за что такая ненависть къ философіи? Или—хорошъ виноградъ, да зеленъ—набьешь оскомину?—Перестаньте подрывать у дуба корни, поднимите ваши глаза вверхъ, если только вы можете поднимать ихъ вверхъ, и узнайте, что на этомъ-то дубѣ растутъ ваши желуди...

Обратимся къ Висяшѣ. Ему нечего было ѣсть, онъ вспомнилъ, что его кузина вышла замужъ за достаточнаго человѣка, и отправился къ ней. Онъ былъ принятъ Тишею радушно, Піюшею тоже, и, въ благодарность, началъ толковать Тишѣ, что онъ живетъ для того только, чтобъ жить, и пр., а Піюшу сталъ вразумлять, что ея мужъ дуракъ. Потомъ сманилъ Піюшу и увезъ это сокровище отъ его обожателя. Тиша съ горя умеръ, и пр. и пр.

Что-жъ за идею хотѣлъ выразить г. Ушаковъ своимъ Висяшею? А вотъ какую:

Мой Висяша существо не выдуманное и не заимствованное изъ карикатуры Гюи-де-Карп.

Нѣтъ, онъ существуетъ и духомъ и плотью, но существуетъ не въ одномъ лицѣ, а въ тысячѣ, въ сотняхъ тысячъ лицъ. Геніемъ царить онъ надъ просвѣщенной Европою, и силится доказать, что онъ не богъ и не менѣе, какъ духъ времени, представитель успѣховъ разума новѣйшаго и лучшаго поколѣнія.

Но что-жъ тутъ худого? Если такъ, то, право, Висяша славный малый; и мы не понимаемъ ненависти къ нему почтеннаго г. Ушакова. Но, постойте, я сейчасъ найду ключъ къ разрѣшенію этого недоразумѣнія.

Висяша теперь всѣмъ недоволенъ, даже и тѣмъ, что солнце свѣтитъ. Такъ, почтенный читатель, когда вы въ театрѣ, сидя въ креслахъ, съ удовольствіемъ смотрите на пьесу и на игру актеровъ и слышите, что позади васъ кто-то ропщетъ, презрительно насмѣхается и говоритъ вполголоса, по-русски: что за мерзость! по-французски: *quelle horreur!* вы, не оглядываясь, знайте, что за вами сидитъ Висяша. Когда вы читаете хорошую книгу и наслаждаетесь ею въ душѣ, говорите спасибо автору, и вдругъ вамъ приносятъ журналъ, въ которомъ та же книга оцѣнена ниже поношенныхъ лаптей, повѣрьте, что эта оцѣнка сдѣлана Висяшею.

А такъ вотъ что! Вотъ въ чемъ вся бѣда-то! Понимаемъ!... Г. Ушаковъ теперь ужъ не критикъ, не рецензентъ; это ремесло не далось ему, и онъ оставилъ его; онъ теперь писатель, онъ ужъ не судья, а подсудимый! Конечно, чего бояться хорошему автору? Какъ бы ни была злонамѣренна критика, но она никогда не уронитъ хорошаго сочиненія, особенно художественнаго. Вѣдь и на Байрона нападали съ ожесточеніемъ. Вѣдь и Гете преслѣдовали запальчиво, а все-таки Байронъ остался Байрономъ, а Гете—Гете. За что-жъ это ожесточеніе противъ рецензентовъ? Не есть ли это сознаніе своей посредственности, ропотъ авторитета, чувствующаго свое паденіе?... Къ тому же, давно ли почтенный г. Ушаковъ былъ такимъ грознымъ, такимъ неумолимымъ гонителемъ бѣднаго нашего театра? Давно ли онъ былъ такимъ неутомимымъ рыцаремъ противъ классиковъ и осыпалъ ихъ, бѣдныхъ, съ ногъ до головы картечью своихъ *тяжелословенскихъ* остротъ, за неимѣніемъ чисто-русскихъ?... Что-жъ это такое? Или сознаніе несправедливости своихъ прежнихъ мнѣній?... Нѣтъ! не то означаетъ это отступничество отъ самого себя, это возвращеніе къ классицизму, это покровительство посредственности; тутъ есть двѣ другія причины; первая: г. Ушаковъ увидѣлъ, что онъ, въ излишней запальчивости, колотилъ *своихъ*; вторая: онъ хотѣлъ написать повѣсть для „Библіотеки“ и, слѣдовательно, для провинціи; и тутъ и тамъ онъ, вѣроятно, успѣлъ. Итакъ, поздравляемъ!...

Есть еще въ „Библіотекѣ“ курьезная повѣсть „Бѣда, если бъ не Медвѣдь“: съ этою я познакомлю васъ какъ можно короче.

Прапорщикъ Рамирскій влюбился въ княгиню Златопольскую, прекрасную и молодую вдову. Будучи семнадцати лѣтъ, прелестная Марія вышла за семидесятилѣтняго скареда. Мужъ ея вскорѣ заболѣлъ, а она передъ его смертію уѣхала въ Италію. Въ ея отсутствіе вкралась въ довѣренность изыскающаго скелета капитанша Дарья Климовна Борщъ, и, вслѣдствіе ея плутней, князь сдѣлалъ такое завѣщаніе, что если княгиня выйдетъ замужъ по выбору капитанши, то наслѣдуетъ миллионъ двѣсти тысячъ, въ противномъ же случаѣ должна удовольствоваться только стами тысячами, а остальные пойдутъ къ законнымъ наслѣдникамъ. Капитанша имѣла очень важную причину способствовать такому распоряженію со стороны стараго сластолюбца: у ней былъ племянникъ въ родѣ Митрофанушки, и за него-то прочила она княгиню. Эта, разумѣется, отказалась, взяла свои сто тысячъ, и очень скоро ихъ промотала. Между тѣмъ ея любезный Рамирскій возвратился изъ польской кампаніи уже поручикомъ, увѣшанный орденами, и началъ наступательно требовать руки княгини. Княгиня рѣшилась застрѣлиться, а передъ смертію задать пиръ на славу. Надобно сказать, что у капитанши былъ задушевный другъ, маіоръ Фроль Силычъ Торопенко, который питалъ удивительную симпатію къ скотамъ и любилъ ихъ выкармливать; такъ выкормилъ онъ медвѣженка и тайкомъ отъ капитанши держалъ его въ домѣ. Капитанша, напившись шампанскаго до несостоянія держаться на своихъ капитанскихъ ногахъ и намазавъ себѣ щеки мастикою своего изобрѣтенія, растворенною въ меду, легла въ комнатѣ, смежной съ комнатою маіора. Вдругъ раздался крикъ: спасите! спасите!... умираю! — Въ комнату ввалила толпа, а съ нею и Рамирскій—и что-жъ представилось изумленнымъ глазамъ зрителей?

Одна изъ любопытнѣйшихъ сценъ частной жизни. Медвѣдь, привлеченный медовымъ запахомъ мастики, изволилъ облапить Дарью Климовну и прехладнокровно облизывалъ ея тучныя ланиты.

Какова сцена?... И для кого она?... Ужъ, конечно, не для столицы, а для провинціи! — Но посмотримъ, чѣмъ кончилось дѣло?

Рамирскій бросился въ комнату княгини, которой онъ отдалъ на сохраненіе свои пистолеты. Вбѣгаетъ, что-жъ? Княгиня лежитъ на полу, распростертая передъ образомъ, а подлѣ нея, на полу, пистолетъ со взведеннымъ куркомъ. Ужасъ, да и только! Женищина, которая, первая изъ своего пола, хочетъ попробовать застрѣлиться! — Очевидно, что и этотъ эффектъ совершенно въ провинціальномъ духѣ, потому что и провинціальное воображеніе тоже находитъ не-

изъяснимую, таинственную прелесть въ ужасномъ (ужасномъ въ его вкусѣ).

А потомъ что? Разумѣется, Рамирскій заставилъ капитаншу дать слово, что она не будетъ противорѣчить княгинѣ въ выборѣ жениха, и застрѣлили медвѣдя. Ужась, какъ мило и затѣйливо!

Въ этой же повѣсти авторъ, описывая Петергофскій праздникъ перваго іюля и замѣчая, что въ этотъ день въ Петергофѣ заняты людьми даже щели, говорить:

Я хотѣлъ однажды описать, что дѣлается въ этихъ щеляхъ, но мнѣ сказали, что все это уже описано Поль-де-Кокомъ.

Жаль, право, жаль! А это бы очень пригодилося для „Библіотеки“ и, слѣдовательно, для провинцій.

Читали-ль вы еще остроумную повѣсть г. Тимофеева „Утрехтскія Происшествія“? Очень занимательная повѣсть: въ провинціяхъ, я думаю, всѣ безъ ума отъ ней. Въ ней описанъ бунтъ женщинъ противъ мужчинъ, которыхъ онѣ, при помощи какой-то волшебницы, спровадили подъ землю. Но что-жъ вышло? Женщины скоро восчувствовали необходимость мужчинъ и поняли ихъ значеніе; перессорились между собою изъ лоскутковъ, раздѣлились на двѣ партіи; дѣло дошло до генеральнаго сраженія, обѣ враждующія стороны явились на мѣсто битвы съ оружіемъ въ рукахъ, но бросили это оружіе, а вцѣпились другъ другу въ волосы и принялись въ потасовку. Здѣсь авторъ весьма основательно удивляется силѣ природы. Дѣло кончилось тѣмъ, что мужчины были возвращены. Какая злая и умная насмѣшка надъ Сен-Симонистами и надъ госпожею Дюдеванъ!... ¹⁾

Приведу еще примѣръ, который, какъ самый сильный, я съ умысломъ берегъ къ концу, чтобъ оправдать пословицу: „конецъ вѣнчаетъ дѣло“. Есть въ „Библіотекѣ“ повѣсть г. Шидловскаго: „Уѣздная Казначейша“. Въ этой повѣсти между прочимъ повѣствуется, какъ толпа гулявшихъ вечеромъ по городу дамъ и кавалеровъ шла мимо казначеева огорода, плетень котораго во многихъ мѣстахъ обвалился, шла въ то время, когда въ огородѣ, въ густой и высокой крапивѣ, казначейша объяснялась въ любви какому-то мелкому уѣздному чиновнику, и какъ любопытная исправница, смекнувъ дѣломъ, поползла на четверенькахъ, чтобы поближе разсмотрѣть неясно представлявшійся вечеромъ предметъ, и какъ собесѣдникъ казначейши влѣпилъ исправницѣ въ лобъ полѣно...

Но я чувствую, что зашелъ далеко, что слишкомъ глубоко разрылъ эту кучу пере-

рѣлаго и фосфорическаго навоза, что моимъ читателямъ можетъ сдѣлаться дурно; но я не виноватъ въ этомъ, я не выдумываю, а только представляю экстракты изъ тѣхъ изящныхъ произведеній, которыми лучший русскій журналъ потчуетъ нашу публику...

IV.

Перехожу къ отдѣленію „Иностранной Литературы“ въ „Библіотекѣ“. Это почти то же, что отдѣленіе „Русской Литературы“. Всѣ иностранныя повѣсти, подобно русскимъ, отъ первой строки до послѣдней, провизнуты провинціализмомъ. Все, что составляетъ послѣдніе ряды французской литературы, все, что составляетъ балластъ французскихъ, иногда и англійскихъ журналовъ, что чуждо всякой изящности, что отзывается пустотою, посредственностью, мелочностью, и что отзывается провинціальнымъ остроуміемъ, провинціальною забавностью, все это переводится въ „Библіотекѣ“. Тщетно стали бы вы искать въ этихъ повѣстяхъ анализа души и сердца человѣческаго, идей вѣка, взгляда на жизнь, глубокаго чувства, роскошной фантазіи; тщетно стали бы вы искать между этими повѣстями такой, которая бы заставила васъ или воскликнуть въ порывѣ восторга: „прекрасна жизнь!“ или воскликнуть въ тоскѣ: „скучно жить на свѣтѣ!“ Скорѣй вы воскликните, прочтя нѣсколько переводныхъ повѣстей „Библіотеки“: „скучно читать повѣсти въ „Библіотекѣ“, очень скучно!“... Такъ какъ я обѣщался ничего не говорить безъ доказательства, все подкрѣплять фактами, то приведу примѣра два, какъ ни скучно и ни тяжело для меня это. Въ одной, на примѣръ, повѣсти описывается, какъ одинъ чудакъ купилъ себѣ домъ, которымъ не могъ наравоваться. Въ самомъ дѣлѣ, домъ былъ настоящее чудо, да вотъ бѣда, что онъ стоялъ на какомъ-то перекрестномъ пунктѣ, котораго нельзя было миновать, куда бы вы ни ѣхали изъ тѣхъ мѣстъ, куда вамъ надо ѣздить, и, вслѣдствіе этого, къ чудаку стали заѣзжать въ гости и его и женина родня, и оставались у него по недѣлѣ и больше, чѣмъ, разумѣется, и разоряли его и надоѣдали ему безмѣрно, такъ что онъ принужденъ былъ бросить свой домъ. Чудная, прелюбопытная и преподучительная повѣсть!—Въ другой описывается, какъ одинъ французъ, начитавшись въ „путешествіяхъ“ о прекрасныхъ чугуновыхъ дорогахъ, о превосходныхъ паровыхъ дилижансахъ, объ отличныхъ трактирахъ въ Англіи, рѣшилъ посмотрѣть все это собственными глазами, и что жъ?... Въмѣсто прекрасныхъ чугуновыхъ дорогъ, онъ нашелъ мерзкую, тряскую, изрытую рытвинами дорогу; вмѣсто

¹⁾ Жоржъ-Зандъ.

превосходныхъ паровыхъ дилижансовъ, онъ принужденъ былъ ѣхать въ одной повозкѣ, въ которой избилъ себѣ голову и намялъ бока, на тощихъ клячахъ, которыя, ступивши два шага впередъ, отступали шагъ назадъ; вмѣсто отличныхъ трактировъ, онъ провелъ часовъ шесть въ вонючей крестьянской лачугѣ, гдѣ чуть было не умеръ съ голоду. Вотъ и все тутъ. Какое же слѣдствіе долженъ вывести провинціальный читатель изъ этой повѣсти? А то, что чугунныя дороги Англии существуютъ только въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, и что *славны бубны за горами!*—Вообще надо замѣтить, что эта поговорка принята „Библиотекою“ за тезисъ, который она и развиваетъ самымъ ловкимъ образомъ. Провинція этому сочувствуетъ, это одобряетъ, и не удивительно: человѣкъ безграмотный съ особеннымъ удовольствіемъ слушаетъ брань на грамотность, потому что эта грамотность есть его позоръ и безславіе. Лѣстить толпѣ всего выгоднѣе, это—игра на вѣрняка. Кажется, „Библиотека“ очень хорошо поняла эту истину. И зато, мнѣ извѣстно изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что „Библиотека“ проникла даже въ такія мѣста, куда едва проникали доселѣ азбуки и календари. Итакъ, честь и слава ея ловкости, ея дѣятельности!...

За отдѣленіемъ русской и иностранной словесности слѣдуетъ въ „Библиотекѣ“ ученое отдѣленіе, подъ рубрикою „Науки и Художества“. Это отдѣленіе самое лучшее: въ немъ встрѣчаются иногда статьи истинно заслуживающія вниманія, истинно прекрасныя и любопытныя. Разумѣется, лучшія изъ этихъ статей, по большей части, переводныя, но случаются иногда хорошія и изъ оригинальныхъ. Такъ, напр., мы прочли нѣсколько занимательныхъ и мастерски написанныхъ отрывковъ изъ „Записокъ Дениса Васильевича Давыдова“; прочли статью, кажется, подъ названіемъ „Воспоминанія о Сиріи“, статью интересную, живую, проникнутую чувствомъ. Говорятъ, что сочинитель ея есть не кто иной, какъ редакторъ „Библиотеки“: мнѣ до этого нѣтъ дѣла; чья бы ни была статья, она прекрасна, этого для меня довольно. Итакъ, отдѣленіе „Наукъ и Художествъ“ есть лучшее въ „Библиотекѣ“, но оно имѣетъ одинъ недостатокъ и очень важный: къ этому отдѣленію нельзя имѣть полной довѣренности, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ переводнымъ статьямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если читателямъ этого журнала извѣстно, что онъ не только поправляетъ и передѣлываетъ Бальзака, но даже укорачиваетъ выпусками и оригинальныя статьи, какъ то было сдѣлано имъ съ статей г. Шевырева „Сикстъ V“, то кто-жъ имъ поручится, что, читая статью иностраннаго уче-

наго, они получаютъ понятіе о взглядѣ на извѣстный предметъ этого ученаго, а не какого-нибудь неизвѣстнаго (или, пожалуй, и извѣстнаго) рыцаря, который изъ-за знаменитаго имени выставляетъ имъ свою не знаменитую личность?... Это предположеніе тѣмъ основательнѣе, что всѣ статьи „Библиотеки“, ученые и неучены (исключая немногихъ оригинальныхъ), отличаются какимъ-то общимъ характеромъ и во взглядѣ и въ изложеніи, а этотъ общій характеръ отличается какимъ-то провинціальнымъ брамбейзмомъ. Такая манера намъ кажется очень недобросовѣстною. Возьму, для примѣра, повѣсть Бальзака „Дѣдъ Горіо“. Для кого переводятся въ журналахъ иностранныя повѣсти? Для людей, или незнающихъ иностранныхъ языковъ, или знающихъ, но не имѣющихъ средствъ пользоваться иностранными книгами. Теперь для чего эти люди читаютъ иностранныя повѣсти? Я думаю, не для одной забавы, даже и не для одного эстетическаго наслажденія, но и для образованія себя, чтобъ имѣть понятіе, чтѣ пишетъ тотъ или другой иностранный писатель, и какъ писать? Какое же понятіе получаетъ онъ о Бальзакѣ, прочтя его повѣсть въ „Библиотекѣ“? — Но „Библиотекѣ“ до этого нѣтъ дѣла: она себѣ на умѣ, она смѣло придѣлываетъ къ „Старику Горіо“ пошло-счастливое окончаніе, дѣлая Растиньяка милліонеромъ, она знаетъ, что провинція любитъ счастливыя окончанія въ романахъ и повѣстяхъ. Напротивъ, если она встрѣчаетъ въ иностранной статьѣ какую-нибудь плоскость во вкусѣ провинціи, то не выпуститъ ее; нѣтъ! она скорѣй еще свою прибавитъ. Такъ, въ шестой книжкѣ этого журнала, въ отдѣленіи „Иностранной Словесности“ есть статья, очень забавная и занимательная „Амброзіянскія Ночи“. Въ ней двое пріятелей, Скотоводъ и Нортъ, разговариваютъ о безсмертіи души, а потомъ переходятъ къ переселенію душъ, и Скотоводъ сказалъ, что прежде, чѣмъ сдѣлался Скотоводомъ, онъ былъ львомъ, и очень мило началъ рассказывать исторію своей львиной жизни:

Нортъ. Скажи, пожалуй, правда ли, что левъ предпочитаетъ человѣчье мясо всякому другому, и, отвѣдавъ его однажды, обыкновенно дѣлается антропофагомъ?

Скотоводъ. Онъ можетъ дѣлаться и можетъ не дѣлаться антропофагомъ, потому что я не знаю, что такое антропофагъ. Что касается до предпочтенія, оказываемаго имъ человѣческому мясу, то это много зависитъ отъ его качества и доброты. Я, напримѣръ, никогда не могъ безъ принужденія съѣсть старой бабы, какъ бы она жирна ни была, не говоря ужъ о старикахъ. *A la longue*, предпочиталъ я серну даже самой молоденькой и мягкой дѣвушкѣ. Дѣвчатица хороша въ двѣ, въ три недѣли разъ, а всякій день надоѣсть до смерти...

Спрашивается: для кого, какъ не для

провинціи, переведена, или, что вѣроятно, придѣлана послѣдняя фраза?...

Но я началъ говорить объ ученомъ отдѣленіи „Библіотеки“; возвращаюсь къ нему, чтобы сказать слова-два объ одной изъ его статей: „Способности и мнѣнія новѣйшихъ путешественниковъ по Востоку“. Это статья оригинальная, мы даже знаемъ, кому она принадлежитъ¹⁾, хотя подъ ней и не стоитъ никакого имени. Странно заглавіе этой статьи, но еще страннѣе ея содержаніе, и если бы я не попалъ на счастливую идею основанія, цѣли, усилій и успѣховъ „Библіотеки“, выражаемыхъ однимъ словомъ „провинція“ — то былъ бы принужденъ возложить на свои уста перстъ молчанія и сознаться, что умъ мой сталъ коротокъ, или, другими словами, сѣлъ на пятки. Но Аллахъ-керимъ! теперь я догадался, такъ ничему не дивлюсь, и все понимаю. Знаете ли вы, Николай Ивановичъ, какая главная, основная мысль этой статьи?... А вотъ какая: всѣ путешественники по Востоку врутъ и порютъ дичь, не понимая въ особенности Турціи, и именно не догадываясь, что Турція въ тысячу разъ цивилизованнѣе и образованнѣе Европы, что она пользуется не искусственною, фальшивою цивилизаціею, а истинною, основанною на нравственномъ достоинствѣ всѣхъ индивидуумовъ, составляющихъ эту имперію... Мысль, поистинѣ, смѣлая и совершенно новая!... Знаете ли, что было-сдѣлала со мной эта статья? Меня уже одинъ разъ и такъ обвиняли въ *рenegатствѣ*²⁾, какъ вамъ извѣстно, и обвиняли напрасно; но когда я прочелъ эту статью, то — дивитесь — чуть-было и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлался ренегатомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и чуть было не укатилъ въ благословенную Турцію.. Правда, мнѣ хорошо, очень хорошо и въ своемъ отечествѣ; правда, живя въ немъ, я каждый вечеръ засыпаю спокойно, въ полной увѣренности, что встану поутру живъ, что если могу умереть ночью, то по волѣ Божіей, а не по прихоти или злобѣ людской; правда, я всегда смѣло хожу по улицамъ, не боясь, что меня кто-нибудь хватитъ кинжаломъ въ бокъ, да и былъ таковъ, или что начальникъ города велитъ посадить меня на колъ для своего удовольствія, или отдуть по пятамъ для наставленія на путь истинный; правда, я всегда увѣренъ, что если буду вести себя какъ слѣдуетъ благородному человѣку и не буду мѣшаться не въ свои дѣла, то никогда не узнаю даже, что такое заключеніе, тюрьма. Да! все это я знаю и во всемъ этомъ сердечно увѣренъ;

но страна, гдѣ люди всѣ справедливы въ высшемъ значеніи этого слова, гдѣ они не дѣлаютъ зла, не потому, чтобы боялись наказанія, а потому, что ненавидятъ зло... спрашиваю васъ, у кого же не родится сильнаго, непреодолимаго желанья взглянуть на эту страну хоть однимъ глазкомъ?... А у меня, каюсь въ грѣхѣ, родилось даже преступное желаніе водвориться тамъ навѣки... Сказать правду, мнѣ приходило на мысль — во-первыхъ, сажаніе на колъ, потомъ палочное щекотаніе по пятамъ, далѣе, прибиваніе гвоздемъ за ухо къ дереву, съ размалевкою лица медомъ, для накормленія наѣдокъ — наконецъ, погруженіе женщинъ въ мѣшкахъ на дно морей и океановъ... Но что-жъ, подумалъ я, можетъ быть, мы, европейцы, принимаемъ въ этомъ случаѣ слова за вещи, забывая, что восточные жители, обладающіе пламеннымъ воображеніемъ, любятъ выражаться иносказательно, что *сажать на колъ* у нихъ означаетъ, можетъ быть, возносить человека на верхъ почестей и славы; *бить по пятамъ* — посвящать въ кавалеры какого-нибудь ордена; что *прибиваніе гвоздемъ за ухо* значитъ симпатическій способъ леченія отъ какой-нибудь болѣзни, напр., отъ водянки, или полнокровія; что *бросить женщину на дно моря, завязанную въ мѣшокъ*, значитъ завязать женщину въ мѣшокъ любви и бросить на дно сердца, или что-нибудь подобное... По счастью, я вѣрю и вѣрилъ всегда, что какъ всякій народъ въ частности, такъ и человѣчество вообще, могутъ быть одолжены своимъ *нравственнымъ* совершенствомъ только благодѣтельному вліянію христіанской вѣры, единой истинной вѣры на землѣ, а не чувственному и грубому мухаммеданизму. Эта увѣренность удержала меня, и только ей обязаны вы, что не лишились своего дѣятельнаго сотрудника, а отечество вѣрнаго сына; безъ ней я посылъ бы теперь чалму, и, можетъ быть, имѣлъ бы случай на опытѣ перевести на прозаическій языкъ поэтическія выраженія жителей Востока. Впрочемъ, надо вамъ сказать, что соблазнъ такъ силенъ, что я долго еще колебался; оставилъ же совершенно свое намѣреніе не прежде, какъ попалъ на счастливую мысль, что „Библіотека“ журналъ *провинціальный*, и что она часто съ умысломъ отпускаетъ провинціальныя *bons-mots*, къ числу которыхъ принадлежитъ и статья „Способности и мнѣнія новѣйшихъ путешественниковъ по Востоку“.

За отдѣленіемъ „Наукъ и Художествъ“ слѣдуетъ отдѣленіе „Промышленности и Сельскаго Хозяйства“: о немъ я умалчиваю, какъ о предметѣ для меня не интересномъ и совершенно мнѣ незнакомомъ. Слѣдующія за нимъ отдѣленія: „Критика“ и „Литера-

¹⁾ Сенковскому.

²⁾ Булгаринъ, въ статейкѣ, о которой мы упоминали на стр. 9-й.

турная Лѣтопись“, вызываютъ меня — и я сѣшу къ нимъ.

„Критика“ есть самое жалкое, самое плохое отдѣленіе, а „Литературная Лѣтопись“ одно изъ немногихъ отдѣленій, которыми „Библіотека“ по справедливости можетъ гордиться. Странное противорѣчіе!... Какъ хотите, однакожь, такъ въ самомъ дѣлѣ, и это опять не совсѣмъ удивительно: есть люди, у которыхъ ума хватаетъ на статью въ нѣсколько страницъ, но есть также люди, у которыхъ ума хватаетъ только на нѣсколько строкъ ¹⁾. Причина этому заключается въ раздѣлѣ труда, на который природа обращаетъ вниманія гораздо больше, чѣмъ политическая экономія. Притомъ же *иному талантъ, иному два...*

Я не хочу нападать на явное отсутствіе добросовѣстности и благонамѣренности въ критическомъ отдѣленіи „Библіотеки“, не хочу указывать на безпрестанныя противорѣчія, на какое-то хвастовство умѣньемъ смѣяться надъ всѣмъ, надъ приличіемъ и истинною: обо всемъ этомъ много говорили другіе и мнѣ почти не оставили сказать. Скажу только, что недобросовѣстность критики „Библіотеки“ заключается въ какой-то непонятной и высшей причинѣ, кромѣ обыкновенныхъ и пошлыхъ журнальныхъ отношеній. Г. Тютюнджи-Оглу ненавидитъ всякій родъ истинной славы, гонитъ съ ожесточеніемъ все, что ознаменовано талантомъ, и оказываетъ всевозможное покровительство посредственности и бездарности: гг. Булгаринъ и Гречъ у него писатели превосходные, таланты первостепенные, а г. Гоголь есть русскій Поль-де-Кокъ, и, конечно, не идетъ ни въ какое сравненіе съ этими гениями. Но это все ужъ старо и довольно пошло и скучно для повторенія: приведу примѣръ поновѣе и посвѣжѣе. Выходитъ новый романъ г. Лажечникова, произведеніе, конечно, не гениальное, не великое, не безсмертное, но ознаменованное печатью истиннаго дарованія, но дышущее живою, неподдѣльною теплотою, кипящее благороднымъ жаромъ, словомъ, плодъ искренней, задушевной и образованной мысли; и въ то-жъ почти время выходитъ какое-то бездарное произведеніе, подъ именемъ „Записокъ Горянова“. Что же? Критикъ „Библіотеки“ берется разсматривать въ *одной* статьѣ оба эти произведенія, отпускаетъ нѣсколько плоскихъ острофъ насчетъ перваго и превозноситъ до небесъ послѣднее!... Конечно, это шутка, и для г. забавника очень удачная, потому что умные тотчасъ догадаются, что онъ „изволить потѣшаться“, и не придутъ въ сомнѣніе насчетъ его ума и вкуса, а глу-

пые подивятся его уму и вкусу и повѣрятъ ему на слово: въ томъ и другомъ случаѣ расчесть вѣрный, и шутка хоть куда!—Все такъ, но можетъ ли и долженъ ли человѣкъ, для котораго истина что-нибудь значить, который имѣетъ уваженіе къ своему человѣческому достоинству, можетъ ли и долженъ ли онъ такъ шутить?... Нѣтъ, воля ваша, а тутъ что-нибудь да не то! — Этотъ таинственный г. Тютюнджи-Оглу — кто онъ?... Ужъ не турокъ ли онъ и въ самомъ дѣлѣ? Ужъ не для того ли онъ усвоилъ себѣ европейскую образованность и знаніе нашего языка и нашихъ обычаевъ, чтобы отомстить намъ за униженіе своего отечества, сбивая съ прямого пути образованія наши провинціи, смѣясь такъ злодѣйски и надъ правдою и надъ ними самими?... Чего добраго — съ нами крестная сила!... Но не одной недобросовѣстностью удивляетъ отдѣленіе „Критики“ въ „Библіотекѣ“: оно, сверхъ того, носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то посредственности, какой-то скудости, негибкости и нерастяжимости ума, котораго не становится даже на нѣсколько страницъ. Но нашъ критикъ умѣетъ этому помочь: на двѣ строки своего сочиненія онъ выписываетъ двѣ, три, четыре страницы изъ разбираемой книги, и этимъ часто избавляетъ себя отъ большихъ затрудненій. Да и въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ бы онъ сталъ писать, онъ, для котораго не существуетъ никакихъ теорій, никакихъ системъ, никакихъ законовъ и условій изящнаго? Намъ скажутъ, что всего этого не существуетъ и для знаменитаго Жюль-Жанена, который, несмотря на то, говоритъ обо всемъ, даже и о томъ, о чемъ не имѣетъ никакого понятія; намъ скажутъ, что остаются еще личныя впечатлѣнія, и что критикъ можетъ ихъ излагать. Все это такъ, да вѣдь личныя впечатлѣнія, получаемыя образованнымъ человекомъ отъ какого-нибудь произведенія, непременно должны быть согласны съ тою или другою теоріею, системою, или, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ или другимъ закономъ изящнаго, потому что, даже оставляя въ сторонѣ теоріи и системы, теперь извѣстны многіе законы, выведенные изъ самой сущности творчества; притомъ, можно ли говорить хорошо о прекрасныхъ впечатлѣніяхъ отъ такой книги, которая нагнала на васъ скуку?... Нѣтъ, очень понятно, отчего критики г. Тютюнджи-Оглу такъ тощи, сухи и скудны даже источниками изобрѣтенія, даже общими мѣстами. Онъ написалъ только двѣ критики, которыя могутъ служить образцомъ журнальной политики и ловкости. Первая на „Черную Женщину“ г. Греча, гдѣ критикъ очень ловко и занимательно изложилъ теорію анатоміи, фізіологіи, электричества, магнетизма человѣческаго тѣла, и, не ска-

¹⁾ См. наше примѣчаніе на стр. 173—4.

завѣ ничего о романѣ, сказалъ только, что онъ говоритъ о всякой книгѣ, которую хочешь пустить въ ходъ—что онъ ни на одномъ языкѣ земного шара не читалъ такого прекраснаго произведенія. И что-жъ было слѣдствіемъ этой критики? Разумѣется, провинція, думая найти въ романѣ г. Греча всѣ чудеса, которыхъ она не понимаетъ и о которыхъ такъ хорошо говорилъ критикъ, раскупила „Черную Женщину“. Оно и прекрасно: критикъ и себя показалъ и пріятеля одолжилъ!—Вторая, на романъ г. Булгарина „Мазепу“, гдѣ критикъ какъ будто нападаетъ на автора за духъ новѣйшаго литературнаго неистовства, а между тѣмъ изложеніемъ содержанія и выписками изъ романа показываетъ, что разбираемое имъ сочиненіе написано въ совершенно неистовомъ духѣ, такъ соблазнительномъ для провинціи. Слѣдствіе критики было опять то же самое!—Позвольте, виновать, я еще забылъ третью на „Роксолану“ г. Кукольника: эта критика не только умно и основательно написана, но даже и добросовѣстна. Странно только, что г. критикъ, уничтожая въ прахъ эту драму, осыпаетъ ея автора съ головы до ногъ комплиментами, которые напоминаютъ стихъ изъ „Горя отъ Ума“:

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ.

Слѣдствія этой критики были совсѣмъ другія, нежели двухъ прежнихъ: г. Кукольникъ нашелся принужденнымъ защищать и хвалить самъ себя въ „С. Пчелѣ“¹⁾.

Итакъ, за цѣлые два года въ „Библіотекѣ“ была только одна критика и умная и безпристрастная вмѣстѣ, критика на „Роксолану“, да двѣ критики недобросовѣстныя, но очень ловкія, на „Черную Женщину“ и „Мазепу“. Всѣ прочія, исключая недобросовѣстность, чрезвычайно неловки, неудачны, холодны, водяны и состоятъ большей частью изъ выписокъ изъ разбираемыхъ сочиненій. Конечно, это самый легкій способъ писать въ самое короткое время самыя большія критики, и, сказать правду, критикъ „Библіотеки“ въ высочайшей степени владѣетъ этимъ искусствомъ!

Теперь слѣдуетъ „Литературная Лѣтопись“. Какъ плохо въ „Библіотекѣ“ отдѣленіе критики, такъ хороша ея „Литературная Лѣтопись“. Въ этомъ отдѣленіи рецензентъ хотя также угождаетъ провинціи, но имѣетъ въ виду и столицу. О добросовѣстности и безпристрастїи „Литературной Лѣтописи“ много говорить нечего; находить въ ней что-нибудь удивительное и чрезвычайное было бы странно; но ей нельзя отказать въ одномъ, очень важномъ достоинствѣ: въ лов-

кости, умѣнїи, знаніи литературной манеры, въ шутливости и часто остроумїи. Въ „Сынѣ Отечества“ утверждаютъ, что передъ авторомъ „Литературной Лѣтописи“ ни гроша не стоитъ ни *Менцель, уступающій ему въ обширности и глубокости свѣдѣній*, ни *Жюль Жаненъ, который славится остроуміемъ и не имѣетъ сотой доли насмѣшливости критика* „Библіотеки для Чтенія“. Я не шучу: эти слова, право, напечатаны въ „Сынѣ Отечества“. Но я этому не дивлюсь, не дивитесь и вы: я знаю, кто написалъ эти строки¹⁾. Въ мірѣ физическомъ есть существа столь маленькія, что для нихъ все горы да утесы; вы помните басню Крылова, въ которой крыса извѣщаетъ свою куму, что врагъ ихъ, кошка, попала въ когти льву, но кума не повѣрила, говоря, что сильнѣе кошки звѣря нѣтъ?... Итакъ, дѣло не о томъ. Что касается до учености, ея нынче трудновато обморожить; всѣ знаютъ, откуда она почерпается и какими средствами составляется. Напишите намъ книгу съ систематическимъ изложеніемъ предмета съ новой точки зрѣнія, и тогда мы взвѣсимъ вашу ученость и поклонимся ей; а на три страницы у кого не станетъ учености и ума? Что-жъ касается до удивительнаго остроумія критика „Библіотеки“, то мы все-таки не видимъ, почему *Жюль-Жаненъ* долженъ сократиться въ нуль передъ его остроуміемъ. Тайна остроумія рецензента „Библіотеки“, значительности и занимательности „Литературной Лѣтописи“ заключается больше въ современности способа выраженія и знаніи литературнаго такта, нежели въ истинномъ остроумїи. Чтобъ дѣло было яснѣе, укажу на „С. Пчелу“, этотъ неистощимый рудникъ тупоумныхъ рецензій. Выходитъ трагедія г. Лобанова, „Пчела“ начинаетъ жужжать: „Злополучный Борисъ! Развѣ мало тебѣ, что при жизни терпѣлъ ты отъ козней бояръ, отъ преслѣдованій враждебной тебѣ судьбы, отъ злыхъ навѣтовъ и отъ Гришки! Тебѣ и за гробомъ нѣтъ спокойствія! Начиная съ Нарѣжнаго и кончая М. Г. Лобановымъ²⁾, всякій поднимаетъ тебя изъ могилы, бѣдный старецъ; выводитъ на позорище, заставляетъ говорить такія вещи, которыхъ тебѣ никогда и въ голову не приходило. Бѣдный Борисъ!“—Бѣдная „Пчела“! скажемъ мы отъ себя... Выходитъ казарменный романъ, и она пускается въ предлинное и прескучное

¹⁾ Эти строки написалъ тотъ самый г. В. В. В. (В. Строевъ), о которомъ Бѣлинскій говоритъ на слѣдующей страницѣ.

²⁾ Отчего-жъ тутъ пропущенъ г. Булгаринъ, отъ котораго Годунову чуть-ли не больше всѣхъ досталось?

Прим. Бѣлинскаго.

Рѣчь идетъ о романѣ Булгарина „Дмитрій Самозванецъ“.

¹⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

поученіе о томъ, что книги должны издаваться опрятно, потому что ихъ читаютъ дамы. Въ рецензіяхъ „Библіотеки“ нельзя найти такихъ пошлостей, такихъ беззубыхъ остротъ, такой тупоумной шутливости, такихъ истертыхъ, истасканныхъ общихъ мѣстъ. „Библіотека“ смѣется не всегда остроумно, но всегда умно, или, по крайней мѣрѣ, никогда глупо. Жаль только, что ея рецензентъ иногда покупаетъ свое остроуміе незаконными средствами. Мы, право, не понимаемъ, что хорошаго или забавнаго въ томъ, что онъ смѣшиваетъ глупаго автора, или пошлаго издателя чужихъ сочиненій съ содержателемъ типографіи, въ которой напечатана дурная книга. Такъ, на примѣръ, онъ укорялъ г. Степанова, нашего почтеннаго типографщика, шестой годъ служащаго своими неутомимыми станками „Телескопу“ и „Молвѣ“, будто онъ, г. Степановъ, вмѣстѣ съ г. Гурьяновымъ, подалъ лакеямъ дурной примѣръ присвоенія чужой собственности и пропѣлъ *piuossimo* неблагопріобрѣтенныя пьесы изданнаго послѣднимъ сборника?... Стыжусь вчужѣ, напоминая о такомъ жалкомъ поступкѣ г. рецензента: какъ онъ, при всемъ своемъ умѣ и всей своей смѣтливости, не понималъ, что клевета не есть остроуміе, и что въ этомъ отношеніи его рецензія пропѣта *preziano, prezianissimo*?... Не понимаемъ также, что за странная замашка у г. рецензента „Библіотеки“, выписывая отрывокъ изъ разбираемой имъ книги, вставлятъ въ выписку пошлости своего изобрѣтенія и приписывать ихъ автору разбираемаго имъ сочиненія, какъ онъ сдѣлалъ это, на примѣръ, съ г. Кони, при разборѣ его водевиля „Иванъ Савельичъ?“ — Повторяемъ опять, неужели клевета есть остроуміе? Если остроуміе, то ужъ, безъ сомнѣнія, *провинціальное*, а не столичное.

„Смѣсь“ составляетъ послѣднее отдѣленіе „Библіотеки“, одно изъ лучшихъ, изъ самыхъ занимательныхъ и самыхъ полныхъ. Тутъ вы найдете все: и брань на французскую литературу, и остроты надъ французскими водевилями, остроты цѣликомъ взятыхъ изъ французскихъ же журналовъ, и ученныя извѣстія, и пр. и пр. Я думаю, что такое отдѣленіе необходимо для всякаго журнала, какъ десертъ для стола. Конечно, чтобы хорошо составлять подобную смѣсь, нужно быть только *великимъ человекомъ на малыя дѣла*; но журналъ странная вещь, и если для него нужны люди, способные на что-нибудь прекрасное и даже великое, то не менѣе ихъ нужны и *великіе люди на малыя дѣла*. Редакторъ „Библіотеки“ хорошо понималъ это, и, новый Протей, преобразается по своей волѣ и въ повѣствователя, и въ ученаго, и въ критика, и въ рецензента, и

въ составителя смѣси; жаль только, что во всемъ этомъ онъ сохраняетъ одинъ тонъ, одну манеру, одинъ духъ, употребляетъ одиѣ замашки...

Довольно—я у берега! Пора оставить „Библіотеку для Чтенія“, оставить во всѣхъ отношеніяхъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Но какое же слѣдствіе выведу я изъ всего сказаннаго мною объ этомъ журналѣ? Слѣдствіе у меня должно сойтись съ приступомъ: „Библіотека“ есть журналъ *провинціальный*, и въ этомъ заключается тайна ея могущества, ея силы, ея кредита у публики. Выкинь она стихотворное отдѣленіе, выкинь повѣсти гг. Загоскина, Ушакова, Тимофеева, Брамбеуса, Булгарина, Масальскаго, Маркова, Степанова и другихъ, замѣни ихъ повѣстями г. Марлинскаго, Одоевскаго, Павлова, Полевого, Гоголя; переводы повѣсти лучшихъ писателей современной Европы; перемѣни свой циническій тонъ, введи критику строгую, безпристрастную, основательную—и трехъ четвертей подписчиковъ у ней какъ не бывало!... Впрочемъ, нельзя не дивиться вѣрному разсчету, съ которымъ она основана, неизмѣняемости и постоянству ея направленія, вѣрности самой себѣ, аккуратности въ изданіи, и, надо сказать правду, хорошему языку, особливо въ переводныхъ статьяхъ, въ чемъ ей должны уступить всѣ наши журналы; наконецъ, ея дѣятельности, проворству, а болѣе всего—ея безсмѣнному и настоящему редактору...¹⁾

Теперь мнѣ должно говорить о „Сынѣ Отечества“; но я ничего не могу о немъ сказать, потому что не только не читалъ, даже не видалъ его, какъ ни старался объ этомъ. „Сынъ Отечества“ у насъ въ Москвѣ считается какимъ-то призракомъ-невидимкою, о существованіи котораго всѣ знаютъ, но котораго никто не видитъ. „Сынъ Отечества“ самъ замѣтилъ, самъ созналъ эту странность и сомнительность своего существованія, и вздумалъ нынѣшній годъ *возродиться*, т.-е. перемѣнить цвѣтъ своей обложки и блеснуть критикою—да, критикою!... Этой диковинки я кое-какъ добился. И что-жъ? въ самомъ дѣлѣ, *возрожденный* журналъ размахнулся со всего плеча критическою статейкою, въ которой началъ похвалиться—чѣмъ бы вы думали?—безпристрастіемъ!... Какова же эта критика, спросите вы? Отвѣчаю вамъ: ее написалъ г. ВВВ., авторъ очень плохихъ повѣстей, жалкій перелагатель Бальзака на русско-мѣщанскіе нравы, рецензентъ „С. Пчелы“ и, наконецъ, *отставной* сотрудникъ „Библіотеки“, какъ

¹⁾ Ср. позднѣйшее мнѣніе Бѣлинскаго о „Библіотекѣ для Чтенія“ и ея редакторѣ въ статьѣ № 12; тамъ же подробный отзывъ Бѣлинскаго о вліяніи Сениковского на русскій языкъ.

увѣряетъ въ этомъ публику сама „Библиотека“... Итакъ, довольно о критикѣ *возрожденнаго* „Сына Отечества“: есть вещи, которыя стоитъ только назвать по имени, чтобъ дать о нихъ настоящее понятіе!... Перехожу къ „Пчелѣ“.

Вамъ извѣстно, что „Пчела“ жужжитъ уже давно, что она любитъ и ужалить, въ чемъ ей, разумѣется, никогда не удастся, потому что жало ея тупо. Вамъ извѣстно также, что этотъ журналъ есть двойчатка: одну половину его составляютъ политическія извѣстія, а другую разныя разности. Бѣда большая пришла бы этимъ разнымъ разностямъ, если бы отъ нихъ отнять политическія извѣстія! Вы, почтенный Николай Ивановичъ, не читаете „Пчелы“ (ее и многіе давно ужъ не читаютъ), но вы нѣкогда ее читали: она все та же, надъ нею тяготеетъ все тотъ же уровень золотой посредственности, попрежнему она судить и рядить обо всемъ, бранить и хвалить одну и ту же книгу, отъ чего, разумѣется, для книги ни лучше, ни хуже; словомъ, „Пчела“ журналъ ежедневный, нуждается въ оригиналѣ, такъ готова помѣстить брань на все, кромѣ самой себя. Я не буду слишкомъ распространяться о „Пчелѣ“, я укажу только на одну ея характеристическую черту. Авторъ критическаго размаха *возрожденнаго* „Сына Отечества“ ужасно расхваливаетъ „Пчелу“ и находитъ въ ней только одинъ порокъ. „Пчела“, говоритъ онъ, „вообще отличается безпристрастіемъ (!), и ее можно только укорить въ излишней добротѣ: она печатаетъ слишкомъ много похвалъ! Впрочемъ, хотите ли имѣть талисманъ, чтобъ узнавать, какая статья принята по доброй волѣ и какая статья подсунута ей насильными просьбами? Это очень просто: подъ статьями послѣдняго рода всегда пишется роковое слово: *сообщено*“. Что это такое? Насмѣшка надъ публикою, ругательство надъ здравымъ смысломъ? Какъ? Стало-быть, журналистъ имѣетъ право расхвалить дурную книгу и разбранить хорошую, если поставитъ подъ своей статьею словечко „сообщено“?... Стало-быть, онъ имѣетъ право принять въ свой журналъ чужое и притомъ нелѣпое мнѣніе о той или другой книгѣ, не читавши этой книги, или думая о ней иначе, и правъ, когда поставитъ подъ глупой рецензіею „сообщено“?... Послѣ этого, можно ли даже упоминать о „Пчелѣ“?...

А знаете ли вы о войнѣ, которую „Пчела“ ведетъ противъ „Библиотеки“? Вотъ потѣха-то! Ну, такъ и рвется, что есть мочи! Бѣдная! мнѣ жаль ее! Какимъ тупымъ оружіемъ сражается она съ мощнымъ врагомъ, который не удостоиваетъ ее даже взгляда, какъ неловко, неуклюже нападаетъ на него она, которая недавно, очень недавно такъ

низко кланялась ему, такъ усердно прославляла его!

Враги!—давно ли другъ отъ друга Ихъ жажда *злати* отвела?...

Въ одномъ изъ нумеровъ *возрожденнаго* старца помѣщена критическая статейка нѣкоего г. Павла Крутенева, автора очень плоской книжонки, на Барона Брамбеуса: прочтите ее, когда вамъ будетъ слишкомъ грустно. Можетъ быть, вы заплачете, только не отъ горя, а отъ смѣху...

Теперь бы мнѣ слѣдовало говорить еще объ одномъ литературномъ петербургскомъ журналѣ, да я его и въ глаза не видалъ. Вы догадываетесь, что я говорю о „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Ипвалиду“, которыя справедливѣе-бы было назвать „Инвалидными Повтореніями Литературы“? Скорѣе можно отрыть въ Москвѣ допотопную мамонтову кость, чѣмъ найти этотъ журналъ. И между тѣмъ „Московскія Вѣдомости“ и „Пчела“ увѣдомляли о его изданіи на пынѣшній годъ: стало-быть, онъ существуетъ. Говорятъ, что почтенный издатель этого журнала-невидимки очень сильно ратуетъ противъ „Библиотеки для Чтенія“ и вашего журнала: можетъ быть! да почему-жъ бы и не такъ? Почтенный старецъ самъ пишетъ, самъ и читаетъ, слѣдовательно, никому зла не дѣлаетъ, слѣдовательно его бранныя выходки суть не что иное, какъ невинная забава на старости лѣтъ. Итакъ, въ часъ добрый!—пусть продолжаетъ тѣшиться!—

И вотъ всѣ *литературные* петербургскіе журналы! Несмотря на разность ихъ направленія и неравенство въ силахъ, всѣ они стремятся къ одной цѣли, къ мирному и единодушному преуспѣянію въ наградѣ за труды и хлопоты, и потому всѣ они очень не любятъ беспокойныхъ крикуновъ, мѣшающихъ ихъ мирнымъ и любовнымъ сдѣлкамъ между собою и съ публикою. Они стараются жить въ ладу другъ съ другомъ, и если у нихъ бываютъ между собою размолвки, то всегда не изъ пустяковъ какихъ-нибудь, не изъ вздорныхъ мнѣній объ изящномъ, о безпристрастіи, добросовѣстности и другихъ подобныхъ бездѣлкахъ, но всегда изъ чего-нибудь важнаго, существеннаго и необходимаго въ жизни. Одни изъ нихъ—такъ какъ ихъ немного, то и не считаю за нужное называть по именамъ—плывутъ на всѣхъ парусахъ, дѣлаютъ обороты большіе, оптовые; другіе, не столь сильные, изворачиваются и такъ и сякъ, и иногда въ мутной водѣ вынимаютъ ловы довольно счастливые. Если-жъ мелкіе извороты имъ не удаются, если кредитъ ихъ у публики падаетъ, то они приобѣгаютъ къ *возрожденію*, или къ перерожденію, смотря по обстоя-

тельствамъ. Если у нихъ нѣтъ чего другого, зато они могутъ похвалиться постоянствомъ, дѣятельностью, устойчивою въ условіяхъ, разумѣтся, виѣшнихъ, касающихся до выхода номеровъ, качества бумаги, цвѣта обложки и тому подобнаго. Однимъ словомъ, одни оптомъ, другіе по мелочи—но, какъ бы ни было, всѣ болѣе или менѣе успѣваютъ въ своихъ намѣреніяхъ.

Совсѣмъ другое зрѣлище представляютъ московскіе журналы настоящаго времени. Въ нихъ можно замѣтить и мысль, и какіе-то порывы благородные и чуждые виѣшнихъ расчетовъ, большое усердіе къ своему дѣлу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда неудачу, неуспѣхъ, какую-то медленность, и, вслѣдствіе этого, неустойку во виѣшнихъ условіяхъ программы; словомъ, московскіе журналы—люди добрые и честные, но какіе-то *злуполучные*, какъ будто бы подъ несчастною звѣздою рожденные, и съ самаго начала своего существованія осужденные на бѣдствія. Всмотритесь въ нихъ пристальнѣе: что это такое! Идутъ, кажется, къ цѣли опредѣленной, видимой, а все не доходятъ до ней, а все сбиваются съ пути, ворочаются назадъ, начинаютъ свое путешествіе снова, а все ни шагу впередъ!... Всегда постоянные въ цѣли, они никогда не постоянны въ средствахъ, противорѣчатъ сами себѣ, не вѣрны своей идеѣ, хотя и никогда не измѣняютъ ей. А злые-то петербургскіе собратія тому и рады: видя неудачи, смѣются; слыша себѣ громкіе и справедливые укоры, выставляютъ въ отвѣтъ числа своихъ подписчиковъ. Странное дѣло! То ли были московскіе журналы назадъ тому не больше, какъ два года? Что тогда были передъ ними петербургскіе журналы? Притча во языцѣхъ, предметъ посмѣянія!—А теперь, кажется, произошелъ размѣнъ въ роляхъ... Грустно, и однакожь справедливо!...

Но къ чему я пою такую жалобную прелюдію? Не будетъ ли эта прелюдія длиннѣе самой пѣсни, эта присказка длиннѣе самой сказки? Гдѣ они, эти московскіе журналы, о которыхъ я собираюсь говорить? Много ли ихъ?... Передо мною носится, какъ бы на крылахъ бури, множество призраковъ; но все это тѣни бойцовъ умершихъ... А живые... о, грустно!...

О какихъ же московскихъ журналахъ буду я говорить? Много ли ихъ? Мнѣ бы слѣдовало начать съ „Телескопа“ и „Молвы“, подражая петербургскимъ журналамъ. Тамъ на этотъ счетъ не слишкомъ застѣнчивы и скромны. „Библіотека для Чтенія“ давно ужъ объявила, что такой журналъ, какъ она, „былъ настоящею потребностью публики“. Если бы писавшій эти строки прибавилъ „провинціальной“, то мы нимало не подивились бы его откровенности, которой онъ

самъ дивится. „Пчела“ безъ зазрѣнія совѣсти объявила, что она между газетами то же, что „Библіотека“ между журналами, что ея рецензіи прекрасны и всѣ статьи превосходны. Соблазнительный примѣръ откровенности! Но, говоритъ пословица, *что городъ, то норовъ, что село, то обычай*: въ Петербургѣ изстари заведено между журналами и литераторами хвалить себя самихъ, если другіе не хвалятъ, въ Москвѣ же, напротивъ, это всегда почиталось неприличнымъ и смѣшнымъ. И потому я, слѣдуя московскому обычаю, умалчиваю о „Телескопѣ“ и „Молвѣ“. Вы сами, почтеннѣйшій Издатель, вслѣдствіе вашего отсутствія, имѣете полное право быть судьей этихъ журналовъ, какъ они издавались безъ васъ. Я поручусь только за добросовѣстность и усердіе свое; объ исполненіи судите сами. Поспѣшу къ „Московскому Наблюдателю“.

Петербургскіе журналы увѣряютъ, что „Наблюдатель“ основанъ съ цѣлью уронить „Библіотеку“, и видятъ въ этомъ большую злонамѣренность. Мы этому не вѣримъ, во-первыхъ, потому, что уронить „Библіотеку“ трудно: книга большая, толстая, *жирная*, какъ увѣряла насъ сама „Библіотека“, а какъ жиръ и сало тождественны, то и *сальная*, прибавимъ мы отъ себя; во вторыхъ, мы скорѣе можемъ предположить, что „Наблюдатель“ основанъ съ цѣлью сдѣлать реакцію дурному и вредному вліянію „Библіотеки“ на *нашу* публику, и въ этомъ мы не только не видимъ ничего худого или предосудительнаго, но видимъ много хорошаго и благороднаго. По объявленію „Наблюдателя“ было замѣтно, что это будетъ журналъ дѣятельный, настойчивый, упорный, журналъ съ мнѣніемъ, направленіемъ, характеромъ. Имена участниковъ въ изданіи утверждали насъ въ этой вѣрѣ. Мы ждали „Наблюдателя“ съ нетерпѣніемъ, какъ торжества Москвы надъ Петербургомъ, какъ побѣды честной литературной дѣятельности надъ литературною промышленностью. Въ самомъ дѣлѣ, журналъ новый, юный, съ свѣжими, неистощимыми силами, съ прекрасными именами, съ хорошею репутаціею еще до своего рожденія—чего мы не были въ правѣ надѣяться отъ него?... Правда, искушенные холоднымъ опытомъ, обманутые не разъ въ самыхъ лучшихъ своихъ надеждахъ, утратившіе вѣру въ авторитеты, мы иногда задумывались грустно, улыбались недовѣрчиво; но неужели же „Библіотека“, литературная промышленность и посредственность должны торжествовать, неужели же голосъ правды уже безсиленъ, уже заглушенъ кликами *къ намъ! къ намъ! у насъ лучше?* восклицали мы, и ласково, съ улыбкою посматривали на объявленіе о новомъ

журналъ. Наконецъ онъ появился: вышла книжка—Петербургъ привсталъ; вышла другая—Петербургъ пріосанился и улыбнулся; вышла третья, четвертая—Петербургъ захохоталъ, смотря на пронесшюся мимо него бурю; Москва пріуныла—и наши надежды разлетѣлись въ прахъ!... Да, господа, прекрасно очарованіе, мила вѣра въ достоинство всего, что хочется видѣть хорошимъ, но и холодный, угрюмый скептицизмъ имѣетъ свою добрую сторону: если съ нимъ слишкомъ мучаетъ васъ зѣвота, зато съ нимъ не попадешь въ дурачки, а быть въ дурачкахъ всего хуже!...

Прежде нежели мы объяснимъ, почему „Наблюдатель“, обладая всѣми средствами, необходимыми для журнала, нисколько не оправдалъ надеждъ, которыя подавалъ о себѣ, мы должны сказать, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ предпріятіемъ честнымъ, добросовѣстнымъ, благонамѣреннымъ, что редація его употребляла и употребляетъ всѣ средства сдѣлать его лучшимъ, что она не щадитъ для этого ни издержекъ, ни труда. Роскошное, великолѣпное изданіе, полнота книжекъ, мелкій шрифтъ статей доказываетъ это. Со стороны своей благонамѣренности „Наблюдатель“ не измѣнилъ своей программѣ; но благонамѣренность и талантъ или умѣнье, къ несчастію, не одно и то же!..

Журналъ долженъ имѣть прежде всего фізіономію, характеръ; альманачная безличность для него всего хуже. Фізіономія и характеръ журнала состоятъ въ его направленіи, его мнѣніи, его господствующемъ ученіи, котораго онъ долженъ быть органомъ. У насъ въ Россіи могутъ быть только два рода журналовъ—ученые и литературные; говоря, могутъ быть, я хочу сказать—могутъ приносить пользу. Журналы собственно ученые у насъ не могутъ имѣть слишкомъ обширнаго круга дѣйствія; наше общество еще слишкомъ молодо для нихъ. Собственно литературные журналы составляютъ настоящую потребность нашей публики; журналы учено-литературные, искусно дирижируемые, могутъ приносить большую пользу. Теперь, какія мнѣнія, какое ученіе должно господствовать въ нашихъ журналахъ, быть главнымъ ихъ элементомъ? Отвѣчаемъ, не задумываясь: литературныя, до искусства, до изящнаго относящіяся. Да—это главное! Вы хотите издавать журналъ съ тѣмъ, чтобы дѣлать пользу своему отечеству, такъ узнайте-жъ прежде всего его главныя, настоящія, текущія потребности. У насъ еще мало читателей: въ нашемъ отечествѣ, составляющемъ особенную, шестую часть свѣта, состоящемъ изъ шестидесяти милліоновъ жителей, журналъ, имѣющій пять тысячъ подписчиковъ, есть рѣд-

кость неслыханная, диво дивное. Итакъ, старайтесь умножить читателей: это первая и священнѣйшая ваша обязанность. Не пренебрегайте для этого никакими средствами, кромѣ предосудительныхъ, наклоняйтесь до своихъ читателей, если они слишкомъ малы ростомъ, пережевывайте имъ пищу, если они слишкомъ слабы, узнайте ихъ привычки, ихъ слабости и, соображаясь съ ними, дѣйствуйте на нихъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не отдать справедливости „Библіотекѣ“: она надѣлала много читателей; жаль только, что она безъ нужды слишкомъ низко наклоняется, такъ низко, что въ рядахъ своихъ читателей не видитъ никого уже ниже себя; крайности во всемъ дурны: умѣйте наклонить и заставьте думать, что вы наклоняетесь, хоть вы стоите и прямо. Потомъ, вторая ваша обязанность, развивая и распространяя вкусъ къ чтенію, развивать вмѣстѣ и чувство изящнаго. Это чувство есть условіе чловѣческаго достоинства: только при немъ возможенъ умъ, только съ нимъ ученый возвышается до міровыхъ идей, понимаетъ природу и явленія въ ихъ общности; только съ нимъ гражданинъ можетъ нести въ жертву отечеству и свои личныя надежды и свои частныя выгоды; только съ нимъ чловѣкъ можетъ сдѣлать изъ жизни подвигъ и не сгибаться подъ его тяжестью. Безъ него, безъ этого чувства, нѣтъ генія, нѣтъ таланта, нѣтъ ума—остается одинъ пошлый „здравый смыслъ“, необходимый для домашняго обихода жизни, для мелкихъ разсчетовъ эгоизма. Кто откликается на одну плясовую музыку, откликается не сердцемъ, а ногами, чью грудь не томить, чью душу не волнуетъ музыка; кто видитъ въ картинѣ только галантерейную вещь, годную для украшенія комнаты и дивится въ ней одной отдѣлкѣ; кто не полюбилъ стиховъ смолodu, кто видитъ въ драмѣ только театральную пьесу, а въ романѣ сказку, годную для занятія отъ скуки: тотъ не чловѣкъ, хотя бы онъ умѣлъ болтать о Россіи, о Робертѣ-Дьяволѣ, о чугунныхъ дорогахъ и паровыхъ машинахъ. Эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности. Пусть процвѣтаетъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ гражданское благоденствіе, пусть цивилизація дошла до послѣдней степени, пусть тюрьмы тамъ пусты, трибуналы праздны, но если тамъ, какъ увѣряютъ насъ, нѣтъ искусства, нѣтъ любви къ изящному, я презираю этимъ благоденствіемъ, я не уважаю этой цивилизаціи, я не вѣрю этой нравственности, потому что это благоденствіе искусственно, эта цивилизація безплодна, эта нравственность подозрительна. Гдѣ нѣтъ владычества искусства, тамъ люди не добро-

дѣтельны, а только благоразумны, не нравственны, а только осторожны; они не борются со зломъ, а избѣгаютъ его, избѣгаютъ его не по ненависти къ злу, а изъ разсчета. Цивилизація тогда только имѣетъ цѣну, когда помогаетъ просвѣщенію, а, слѣдовательно, и добру—единственной цѣли бытія человѣка, жизни народовъ, существованія челоѣчества. Погодите, и у насъ будутъ чугунныя дороги и, пожалуй, воздушныя почты, и у насъ фабрики и мануфактуры дойдутъ до совершенства, народное богатство усилится; но будетъ ли у насъ религіозное чувство, будетъ ли нравственность—вотъ вопросъ! Будемъ плотниками, будемъ слесарями, будемъ фабрикантами; но будемъ ли людьми—вотъ вопросъ!

Чувство изящнаго развивается въ челоѣкѣ самымъ изящнымъ, слѣдовательно, журналъ долженъ представлять своимъ читателямъ образцы изящнаго; потомъ, чувство изящнаго развивается и образуется анализомъ и теоріею изящнаго, слѣдовательно журналъ долженъ представлять критику. Тамъ, гдѣ есть уже охота къ искусству, но гдѣ еще зыбки и шатки понятія объ немъ, тамъ журналъ есть руководитель общества. Критика должна составлять душу, жизнь журнала, должна быть постояннымъ его отдѣленіемъ, длиною, не прерывающеюся и не оканчивающеюся статьею. И это тѣмъ важнѣе, что она для всѣхъ приманчива, всѣми читается жадно, всѣми почитается украшеніемъ и душой журнала. Первая ошибка „Наблюдателя“ состоитъ въ томъ, что онъ не созналъ важности критики, что онъ какъ бы изрѣдка и неохотно принимается за нее. Онъ выключилъ изъ себя библіографію, эту низшую, практическую критику, столь необходимую, столь важную, столь полезную и для публики и для журнала. Для публики здѣсь та польза, что, питая довѣренность къ журналу, она избавляется и отъ чтенія и отъ покупки дурныхъ книгъ, и въ то-жъ время, руководимая журналомъ, обращаетъ вниманіе на хорошія; потомъ, развѣ по поводу плохого сочиненія нельзя высказать какой-нибудь дѣльной мысли, развѣ къ разбору вздорной книги нельзя привязать какого-нибудь важнаго сужденія? Для журнала библіографія есть столько же душа и жизнь, сколько и критика. „Библіотека“ очень хорошо поняла эту истину, и зато, браните ее какъ угодно, а у ней всегда будетъ много читателей. Теперь я сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній на „Наблюдателя“, а потомъ перейду къ его критикѣ.

„Наблюдатель“ есть журналъ *энциклопедическій*: и вотъ еще одинъ изъ главныхъ его недостатковъ, одна изъ причинъ, мѣшающихъ его успѣху. Мы не говоримъ уже

о томъ, что энциклопедизмъ бесполезенъ, вреденъ, что онъ теперь, къ нашему несчастію, овладѣлъ нами и кружитъ наши головы, мы не говоримъ, что энциклопедизмъ есть не универсальность, а скорѣе односторонняя поверхностность; мы спрашиваемъ только, сообразенъ ли планъ и границы „Наблюдателя“ съ энциклопедизмомъ? „Библіотека“ имѣетъ полное право быть энциклопедическимъ журналомъ: въ книгѣ изъ двадцати слишкомъ листовъ можно поговорить о многомъ. Но и „Библіотека“ раздѣлена на извѣстное число отдѣленій, и въ каждой книгѣ ея вы видите одно и то же расположеніе, одни и тѣ же отдѣленія, и въ одинаковомъ числѣ; и потому, если вы не занимаетесь, на примѣръ, сельскимъ хозяйствомъ, то можете его отдѣленіе оставлять неразрѣзаннымъ—для васъ и такъ много останется, чего почитать. Въ „Наблюдателѣ“, напротивъ, такой энциклопедизмъ невозможенъ. Положимъ, статья г. Давыдова „О Свекловичносахарномъ Производствѣ“ есть статья превосходная, европейская, да она имѣетъ интересъ частный, она тяжела для такого журнала, какъ „Наблюдатель“; ея мѣсто въ „Земледѣльческомъ Журналѣ“ или, что всего лучше, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, у которыхъ, говорятъ, около десяти тысячъ подписчиковъ. Притомъ, мы не видимъ полнаго энциклопедизма въ „Наблюдателѣ“: его поприще ограничивается очень немногими и опредѣленными предметами: литературою, исторіею, сельскимъ хозяйствомъ и политическою экономіею. Напротивъ, намъ кажется, что его энциклопедизмъ состоитъ въ какомъ-то отсутствіи общности, порядка, характера. Это альманахъ, это тетради, гдѣ сшиваются и дурныя, и посредственныя, и хорошія, и отличныя статьи. Только періодическій выходъ его книжекъ дѣлаетъ его журналомъ. Конечно, въ немъ бывають статьи превосходныя, но эти статьи не составляютъ регулярнаго войска, это настоящая милиція, которая идетъ неровнымъ шагомъ, нападаетъ не дружно, не впопадъ, не стройно, и, сильная своимъ многочисленіемъ, своею храбростію, вездѣ проигрываетъ сраженія, вездѣ отступаетъ. Поэтому, я не буду пересчитывать статей „Наблюдателя“ и отдавать въ каждой изъ нихъ отчеты. „Наблюдатель“ особенно щеголяетъ стихотвореніями, но въ этомъ онъ недалеко ушелъ отъ „Библіотеки“. Кромѣ того, что въ немъ было не болѣе двухъ или трехъ порядочныхъ стихотвореній, въ немъ есть множество такихъ, которыя рѣшительно не дѣлають чести его вкусу, какъ, напр., „Своя Семья“, уродливая и грязная карикатура на поэзію. Собственно изъ изящныхъ про-

изведеній замѣчательны: „Иванъ Барабашъ“ г. Срезневскаго, „Маскарадъ“ г. Павлова и „Себастьянъ Бахъ“ г. Безгласнаго, а изъ теоретическихъ: „Взглядъ на Направленіе Исторіи“ г. Ястребцова. О переводныхъ умалчиваю: между ними есть и очень хорошія и очень посредственныя. Обращаюсь къ критикѣ.

Критика въ „Наблюдателѣ“ такъ странна, такъ удивительна, что стоитъ особеннаго, подробнаго разсмотрѣнія, для котораго я теперь не имѣю времени, да и у васъ не достанетъ мѣста. Надобно сказать, что эта критика характерная, вѣрная самой себѣ, добросовѣстная и убѣжденная, если можно такъ выразиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ не достигающая своей цѣли, не приносящая пользы, не понимаемая публикою. Причина этому заключается въ томъ, что она не современна, что она отзывается классицизмомъ, не имѣетъ никакого основного начала, никакого центра, изъ котораго бы выходила, что она, наконецъ, похожа на аббата Баттѣ во фракѣ XIX вѣка. Знаю, что я сказалъ слишкомъ много, что подобныя вещи или вовсе не говорятся, или говорятся съ доказательствами: я представлю ихъ въ особенной статьѣ „О критикѣ Московскаго Наблюдателя“. Пусть какъ хотятъ судять о моемъ поступкѣ, но я твердо убѣжденъ, что можно уважать чужія мнѣнія и быть съ ними несогласнымъ, что уваженіе уваженіемъ, приличіе приличіемъ, а правда правдою, что комплименты и мадригалы хороши въ гостиной, на паркетѣ, а не въ журналѣ, гдѣ всего важнѣе честное, независимое, чуждое личностей, но и твердое, стойкое мнѣніе.

Этимъ пока оканчиваю мои замѣчанія о литературныхъ журналахъ. Что-жъ касается до книгъ, относящихся къ изящной словесности, то въ Петербургѣ въ ваше отсутствіе не вышло ни одной достойной вни-

манія; въ Москвѣ вышелъ „Ледяной Домъ“, новый романъ И. И. Лажечникова. Этотъ романъ былъ истиннымъ подаркомъ русской публикѣ, прекрасною, лучезарною звѣздою на пустынномъ небосклонѣ нашей литературы. Но я не буду говорить о немъ: онъ стоитъ подробнаго разсмотрѣнія; и такъ какъ *meus tard, que jamais*, то въ „Телескопѣ“, безъ сомнѣнія, будетъ помѣщенъ полный отчетъ объ этомъ примѣчательномъ произведеніи. Не мало надѣлало шуму появленіе „Стихотвореній г. Бенедиктова“: одни увидѣли въ нихъ зарю новой поэтической жизни въ нашей литературѣ, другіе не признаютъ въ нихъ даже таланта версификаціи; середины между этими двумя крайностями нѣтъ; публика такъ же раздѣлена, какъ и журналы въ отношеніи къ г. Бенедиктову. Вамъ извѣстно объ немъ мое мнѣніе: можетъ быть, оно несправедливо, но оно было плодомъ убѣжденія, чуждаго всякой личности. Какъ бы то ни было, но я рѣшился не говорить болѣе объ этомъ предметѣ; пусть рѣшить этотъ вопросъ время, лучшій рѣшитель такихъ вопросовъ. Къ числу пріятныхъ явленій нашей бѣдной литературы принадлежатъ „Стихотворенія г. Кольцова“, которыя вамъ также извѣстны. Но г. Кольцову не такъ посчастливилось, какъ г. Бенедиктову.

И вотъ я кончилъ... А слѣдствіе?... Къ чему его выводить, когда оно и такъ ясно? Факты говорятъ иногда краснорѣчивѣе разсужденій. Литература есть народное самосознаніе, и тамъ, гдѣ нѣтъ этого самосознанія—тамъ литература есть или скороспѣлый плодъ, или средство къ жизни, ремесло извѣстнаго класса людей. Если и въ такой литературѣ есть прекрасныя и изящныя созданія, то они суть исключительныя, а не положительныя явленія; а для исключеній нѣтъ правила...

1836 г.

7. О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ „Московскаго Наблюдателя“.

„Критика въ „Наблюдателѣ“ такъ странна, такъ удивительна, что стоитъ особеннаго, подробнаго разсмотрѣнія“,—говорилъ Бѣлинскій въ заключеніи статьи „Ничто о ничемъ“. И онъ дѣйствительно далъ въ ближайшихъ нумерахъ „Телескопа“ подробное разсмотрѣніе критическихъ приемовъ Шевырева, присяжнаго критика „Московскаго На-

блюдателя“; этому „разсмотрѣнію“ посвящена настоящая статья Бѣлинскаго.

Въ чемъ заключается „странность“ и „удивительность“ критики Шевырева—это Бѣлинскій блестяще вскрылъ въ этой своей статьѣ, настолько блестяще, что Шевыревъ сталъ „самъ отъ себя отрекаться“ (какъ сообщалъ Станкевичъ въ письмѣ къ Бѣлин-

скому). Дѣйствительно, Бѣлинскій шагъ за шагомъ показывалъ читателямъ нелѣпость основныхъ мнѣній Шевырева о современной литературѣ, о русской женщинѣ, о сущности таланта Гоголя, о задачахъ и цѣли критики, о необходимости просодической реформы, о Бенедиктовѣ, о „свѣтскости“ въ литературѣ и т. п. Удары были настолько мѣткіе, что Шевыревъ не могъ ничего отвѣтить на статью Бѣлинскаго, а только затаилъ вражду къ „недоучившемуся студенту“, такъ дерзко напавшему на ученаго профессора. Въ началѣ сороковыхъ годовъ вражда эта прорвалась въ ожесточенныхъ нападкахъ „славянофила“ Шевырева на „западника“ Бѣлинскаго. Мы еще увидимъ, что Бѣлинскій не остался въ долгу: рядъ заслуженныхъ ударовъ, нанесенныхъ имъ Шевыреву въ сороковыхъ годахъ, далеко превзошелъ по своей силѣ и рѣзкости довольно мягкіе выпады настоящей статьи.

Остановимся на нѣкоторыхъ частностяхъ этой статьи Бѣлинскаго. Мы уже указывали (см. выше, стр. 169) на интересную параллель между первыми страницами этой статьи и началомъ помѣщенной выше статьи о стихотвореніяхъ Бенедиктова. И тутъ и тамъ рѣчь идетъ о критикѣ, о „законахъ изящнаго“, но отвѣты на эти вопросы даются не вполне тождественные: въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“ мы имѣемъ дальнѣйшее, нѣсколько измѣненное развитіе взглядовъ, высказанныхъ въ вышеуказанной рецензіи: мы еще будемъ имѣть случай отмѣчать дальнѣйшую эволюцію взглядовъ Бѣлинскаго на сущность, цѣль и задачи критики. Отмѣтимъ только, что въ словахъ Бѣлинскаго о „ремеслѣ критика“ слышится рѣчь *pro domo sua*, убѣжденіе въ высокости миссіи критика: „сколько условій сходится въ этомъ талантѣ (критика),—говоритъ Бѣлинскій:—и глубокое чувство, и пламенная любовь къ искусству, и строгое многостороннее изученіе, и объективность ума, которая есть источникъ безпристрастія, способность не поддаваться увлеченію; съ другой стороны—какова высокость принимаемой имъ на себя обязанности!“ Бѣлинскій говоритъ здѣсь о критикахъ вообще; но мы знаемъ теперь, что изъ всѣхъ современныхъ ему критиковъ—только къ нему одному можно было примѣнить эти его же слова.

Такимъ же *pro domo sua* является и первое возраженіе Бѣлинскаго Шевыреву—по вопросу о гонимыхъ писателяхъ, по вопросу о „гривенникахъ“. Какъ извѣстно, въ этомъ случаѣ близкіе друзья Бѣлинскаго иногда стояли почти что на шевыревской точкѣ зрѣнія: стоитъ вспомнить письмо Бакунина къ Бѣлинскому и отвѣтъ Бѣлинскаго (16 авг.

1837 года): Бѣлинскаго задѣло за живое пренебрежительное отношеніе его обезпеченнаго друга къ „гривенникамъ“. Возможно, что и раньше у Бѣлинскаго бывали разговоры на такую тему; по крайней мѣрѣ въ отвѣтъ Шевыреву ясно звучатъ эти мотивы *pro domo sua*: „нѣтъ, г. критикъ, будемъ радоваться отъ искренняго сердца тому, что теперь талантъ и трудолюбіе даютъ (хотя и не всѣмъ) честный кусокъ хлѣба“...

Изъ другихъ частныхъ слѣдуетъ отмѣтить защиту Бѣлинскимъ французской литературы отъ нападковъ Шевырева: это очень характерно, какъ контрастъ съ будущимъ „французѣдствомъ“ Бѣлинскаго черезъ какихъ-нибудь полтора-два года (см. ниже статью № 13). Заслуживаетъ вниманія также мѣткая характеристика поэзіи Языкова и Хомякова, данная мимоходомъ, въ нѣсколькихъ строкахъ; Языковъ—„поэтъ изящнаго матеріализма“, Хомяковъ—„блистательный поэтъ выраженія и только выраженія, поддѣлывающійся подъ мысль“: здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ дана яркая характеристика, которую не трудно было позднѣе развить въ особую статью¹⁾.

Но не въ этихъ частностяхъ дѣло; всѣ эти блестящія характеристики, мѣткіе полемическіе выпады противъ Шевырева и т. п. не должны закрывать отъ насъ того основанія, на которомъ построена вся статья. Мы все время слѣдили за красной нитью, проходящей черезъ всѣ первыя статьи Бѣлинскаго; мы видѣли, что „безцѣльное творчество“ и „безсознательная народность“—это тѣ два тѣсно связанныхъ принципа, на которыхъ Бѣлинскій строить все зданіе своей критики „телескопскаго“ періода. И въ настоящей статьѣ эти принципы тщательно подчеркиваются Бѣлинскимъ. Оспаривая взгляды Шевырева на задачу критики, какъ на согласованіе искусства и науки и какъ на попеременное подчиненіе перваго второй и наоборотъ—Бѣлинскій снова и снова повторяетъ основную свою мысль о первенствѣ искусства, снова и снова высказываетъ главное положеніе своей эстетики. „Основной законъ творчества, что оно сообразно съ цѣлью безъ цѣли, безсознательно съ сознаніемъ,—говоритъ Бѣлинскій,—опровергаетъ всѣ теоріи и системы, кромѣ той, которая основана на немъ, выведенная изъ законовъ человѣческаго духа и вѣковыхъ опытовъ надъ произведеніями искусства... Не наука создала искусство, а искусство создало особенную науку—теорію изящнаго; слѣдовательно искусство только тогда истинно и изящно, когда вѣрно себѣ, а не наукѣ... Когда искусство было свободно отъ науки,

¹⁾ См. т. II, ст. №№ 33 и 49.

оно было полно жизни, истинны, красоты эстетической... И этот примат искусства не только не отрицает собою истины, нравственности, народности, но, напротивъ, обуславливает ихъ. „Не хлопчите о воплощеніи идей: если вы поэтъ — въ вашихъ созданіяхъ будетъ идея, даже безъ вашего вѣдома; не старайтесь быть народными: слѣдуйте свободно своему вдохновенію — и будете народны, сами не зная какъ; не заботьтесь о нравственности, но творите, а не дѣлайте — и будете нравственны, даже на зло самимъ себѣ, даже усиливаясь быть безнравственными!“ Все это — вариации на тему, впервые высказанную Бѣлинскимъ въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“; мы видѣли, какъ повторялъ и развивалъ эти мысли Бѣлинскій въ статьяхъ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“, „Ничто о ничемъ“; теперь онъ повторяетъ ихъ въ настоящей статьѣ. Статья эта „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“ завершаетъ собою такимъ образомъ циклъ статей, связанныхъ одной общей идеей и относящихся къ „телескопскому“ періоду дѣятельности Бѣлинскаго. Осенью 1836 года Бѣлинскій напечаталъ въ Телескопѣ еще одну большую статью (о книгѣ „Опытъ системы нравственной философіи“), но она стоитъ совершенно особнякомъ въ литературной дѣятельности Бѣлинскаго и въ исторіи его развитія, являясь кратковременнымъ „фихтианскимъ“ переходомъ между шеллингианствомъ Бѣлинскаго 1834—1836 г. и его гегелианствомъ 1838—1841 годовъ. Циклъ крупныхъ статей Бѣлинскаго эпохи шеллингианства ограничивается четырьмя перечисленными выше и разобранными нами на предыдущихъ страницахъ.

Всѣ эти замѣчательныя статьи, начиная съ „Литературныхъ Мечтаній“, не могли не обратить самого пристального внима-

нія и читающей публики и литературныхъ круговъ на такъ блестяще начинающаго критика. Мы уже отмѣтили, какъ озлобились на Бѣлинскаго разные Булгарины и Воейковы, какъ „взбѣсился“ Шевыревъ, какъ Ушаковъ разразился пасквилемъ; извѣстно также, какъ Панаевъ, Лажечниковъ и другіе восхищались „Литературными Мечтаніями“, какъ на молодого критика обратилъ вниманіе самъ Пушкинъ, задумавшій пригласить Бѣлинскаго сотрудникомъ въ „Современникъ“ (тогда только что основанный Пушкинымъ). Въ маѣ 1836 года Пушкинъ провелъ около трехъ недѣль въ Москвѣ, — какъ разъ тогда, когда вышли №№ 5 и 6 „Телескопа“, съ помѣщенной въ нихъ статьей Бѣлинскаго „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“. Хотя въ этой статьѣ продолжается холодное отношеніе къ Пушкину тридцатыхъ годовъ („какъ будто бы кто-нибудь сомнѣвался въ жизни таланта Пушкина!“ — восклицалъ Шевыревъ, а Бѣлинскій отвѣтилъ: „а кто-жъ, смѣемъ спросить, не сомнѣвался въ этомъ?“), однако Пушкинъ былъ выше мелкихъ счетовъ и цѣнилъ въ Бѣлинскомъ его критическій талантъ. Вернувшись въ Петербургъ, Пушкинъ писалъ Нащокину: „я оставилъ у тебя два порожнихъ экземпляра *Современника*. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому (тихонько отъ Наблюдателей) и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться“ (письмо отъ 27 мая 1836 года). „Тихонько отъ Наблюдателей“ — это значитъ въ тайнѣ отъ Шевырева и Погодина, съ которыми Пушкина связывало старое знакомство и внѣшняя дружба... Это показываетъ, что Пушкинъ оцѣнилъ и Бѣлинскаго вообще, и въ частности эту его статью „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“. И.-Р.

Что такое критика? Простая оцѣнка художественнаго произведенія, приложение теоріи къ практикѣ, или усиліе создать теорію изъ данныхъ фактовъ? Иногда то и другое, чаще все вмѣстѣ. Потомъ, чѣмъ критика должна быть? Частнымъ выраженіемъ мнѣнія того или другого лица, принимающаго на себя обязанность судьи изящнаго, или выраженіемъ господствующаго мнѣнія эпохи, въ лицѣ ея представителей, которое есть результатъ прежде бывшихъ мнѣній, прежде бывшихъ опытовъ и наблюденій? Безъ сомнѣнія, она имѣетъ право быть тѣмъ и другимъ, но въ первомъ случаѣ она должна быть шагомъ впередъ, открытіемъ новаго, расширеніемъ предѣловъ знанія, или даже совершеннымъ его измѣненіемъ ¹⁾,

должна быть дѣломъ генія; во второмъ случаѣ она меньше рискуетъ, но зато можетъ быть увѣреннѣе въ самой себѣ, можетъ быть всегда истинною въ отношеніи къ своему времени. Итакъ, критика перваго рода есть исключеніе изъ общаго правила, явленіе великое и рѣдкое; критика второго рода есть усиліе уяснить и распространить господствующія понятія своего времени объ изящ-

¹⁾ Къ настоящему мѣсту статьи Бѣлинскаго, „издатель“ (т. е. Надеждинъ) сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „что и сдѣлалъ Кантъ съ искусствомъ, открывъ основные его законы въ своей превосходной Критикѣ Силы Судительной“ (по современной терминологіи — „Критикѣ Способности Сужденія“). Это примѣчаніе Надеждина объясняетъ нижеслѣдующую фразу Бѣлинскаго, что „основные законы творчества уже найдены“.

номъ. Въ наше время, когда основные законы творчества уже найдены, это есть единственная цѣль критики. Уяснить эти законы теоретически, подтверждать ихъ истину практически, вотъ ея значеніе. Теорія есть систематическое и гармоническое единство законовъ изящнаго; но она имѣетъ невыгоду, что заключается въ извѣстномъ моментѣ времени, а критика безпрестанно движется, идетъ впередъ, собираетъ для науки новые матеріалы, новыя данныя. Это есть движущаяся эстетика, которая вѣрна однимъ началамъ, но которая ведетъ насъ къ нимъ разными путями и съ разныхъ сторонъ, и въ этомъ-то заключается ея прогрессъ. Вотъ почему критика такъ важна, такъ всеобща; вотъ почему она завладѣла общимъ вниманіемъ и приобрѣла такой авторитетъ, такое могущество. Дарованіе критика есть дарованіе рѣдкое и потому высоко цѣнимое; если мало людей, надѣленныхъ отъ природы бѣльшимъ или меньшимъ участкомъ эстетическаго чувства, способныхъ принимать впечатлѣнія изящнаго, то какъ же должно быть мало людей, обладающихъ въ высшей степени этимъ эстетическимъ чувствомъ и этою пріемлемостью впечатлѣній изящнаго?... Ошибаются тѣ люди, которые почитаютъ ремесло критика легкимъ и болѣе или менѣе всякому доступнымъ: талантъ критика рѣдокъ, путь его скользокъ и опасенъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, сколько условій сходится въ этомъ талантѣ: и глубокое чувство, и пламенная любовь къ искусству, и строгое многостороннее изученіе и объективность ума, которая есть источникъ безпристрастія, способность не поддаваться увлеченію; съ другой стороны, какова высота принимаемой имъ на себя обязанности! На ошибки подсудимаго смотрятъ какъ на что-то обыкновенное; ошибка судьи наказывается двойнымъ посмѣяніемъ.

Предметъ критики есть приложеніе теоріи къ практикѣ. Всякое критическое разсмотрѣніе, имѣющее своимъ предметомъ не прямо изящное, а что-нибудь имѣющее къ нему отношеніе, есть не критика, а полемика, какъ бы оно ни было скромно, вѣжливо, тихо и безжизненно. Статья о мнѣніяхъ какого-нибудь журнала объ изящномъ есть критика; статья о самомъ журналѣ есть полемика или просто сужденіе. Статья о сочиненіяхъ истиннаго поэта, въ которой доказывается, почему онъ есть истинный поэтъ, или статья о сочиненіяхъ поэта-самозванца, въ которой доказывается, почему онъ есть поэтъ-самозванецъ, такая статья есть критика; статья о произведеніи чело-вѣка, котораго никто не думалъ почитать поэтомъ и котораго сочиненія не идутъ подъ повѣрку теоріи есть полемика. Подъ словомъ

„полемика“ я разумѣю здѣсь не брань, не споры, а все, что называется рецензією и простымъ выраженіемъ мнѣнія о какомъ-нибудь литературномъ предметѣ. Цѣль критики высокая—повѣрка фактовъ умозрѣніемъ, и наоборотъ, цѣль полемики низшая—защита здраваго смысла. Критика опирается на умозрѣніи, полемика на здравомъ смыслѣ. Я почелъ необходимымъ сдѣлать это раздѣленіе: у насъ всякая статья, въ которой судится о какомъ-нибудь литературномъ предметѣ, называется критикою.

Всякое дѣло должно быть сообразно съ обстоятельствами, въ ладу съ отношеніями. Такъ и критика. Мы сказали, что она такое; теперь мы должны сказать, чѣмъ она должна у насъ быть въ Россіи. Въ Германіи, странѣ критики, критика идеальна, умозрительна; во Франціи критика положительная, историческая. Какова же должна быть критика въ Россіи?... Но можетъ ли быть у насъ даже какая-нибудь критика, когда у насъ нѣтъ литературы? Г. Шевыревъ однажды коснулся этого вопроса и рѣшилъ, что у насъ критика должна, какъ у нѣмцевъ, предшествовать литературѣ. Мнѣніе, можетъ быть, не вѣрное, но остроумное! Не хочу разсматривать его; скажу только, что, по моему мнѣнію, нашей литературѣ должна предшествовать нѣкоторая образованность вкуса, или, другими словами, у насъ сперва должны явиться читатели, *dilettanti*, а потомъ уже и литература. Нѣмцы сдѣлались критиками вслѣдствіе своего характера, своего умозрительнаго направленія, слѣдовательно, у нихъ критика родилась сама; у насъ она есть усиліе или подражаніе, также какъ и литература. Я не знаю политической экономіи и потому не могу рѣшить, продуктъ ли родитъ потребителей, или потребители рожаютъ продуктъ; по крайней мѣрѣ, у насъ сперва должны явиться требователи на литературу, а потомъ уже и литература. А то—смѣшное дѣло! Хотятъ, чтобы у насъ были поэты, когда ихъ еще некому читать. Цвѣтущее состояніе нашей книжной торговли не только не опровергаетъ этого положенія, но еще подтверждаетъ его: тамъ, гдѣ съ равной жадностью читается и хорошее и дурное, гдѣ равный успѣхъ имѣютъ и „пѣсенники“ г. Гурьянова и стихотворенія Пушкина, тамъ видна охота къ чтенію, но не потребность литературы. Когда наша читающая публика сдѣлается многочисленна, взыскательна и разборчива, тогда явится и литература.

Изъ этого ясно видно назначеніе критики въ Россіи. У насъ принесетъ пользу критика высшая, трансцендентальная: она необходима; но она у насъ должна являться многорѣчивою, говорливою, повторяющею

саму себя, толковитою. Ея цѣлью долженъ быть не столько успѣхъ науки, сколько успѣхъ образованности. Наша критика должна быть гувернёромъ общества и на простомъ языкѣ говорить высокія истины. Въ своихъ началахъ она должна быть нѣмецкою, въ своемъ способѣ изложенія—французскою. Нѣмецкая теорія и французскій способъ изложенія—вотъ единственный способъ сдѣлать ее и глубокою и общедоступною. Нѣмцы обладаютъ умозрѣніемъ, но не мастера посвящать профановъ въ свои таинства, ихъ можетъ понимать ихъ же каста—ученые; французы зыбки и мелки въ умозрѣніи, но мастера мирить званіе съ жизнью, обобщать идеи. Подражать же исключительно нѣмцамъ пока бесполезно, французамъ—вредно, потому что, съ одной стороны, идея всегда должна быть зерномъ ученія, но не должна пугать своею глубиною, должна быть доступна; съ другой стороны, практическія начала безъ основной идеи—пустой орѣхъ, котораго не стоитъ труда грызть. Во всякомъ случаѣ, не надо забывать, что русскій умъ любитъ просторъ, ясность, опредѣленность: чистое умозрѣніе его не отуманить, но отвратить отъ себя; фактизмъ можетъ сдѣлать его мелкимъ, поверхностнымъ.

У насъ любятъ критику—объ этомъ нѣтъ спора. Книжка журнала всегда разогнута на критикѣ, первая разрѣзанная статья въ журналѣ есть критика; какъ бы ни былъ дуренъ журналъ, въ какомъ бы онъ ни былъ упадкѣ, но если въ немъ случится хоть одна замѣчательная критическая статья, она будетъ прочтена, заключающая ее книжка вынетъ изъ-подъ спуда и увидитъ свѣтъ Божій; критикѣ больше всего бываетъ обязанъ журналъ своею силою. Безъ критики журналъ есть образъ безъ лица, анатомическій препаратъ, а не живое органическое существо. Почему же такъ? Тутъ скрывается много причинъ: и оскорбленное самолюбіе и личныя отношенія, но болѣе всего *жажда образованности*. Теперь очень ясно, чѣмъ должна быть въ Россіи критика, какаю ея цѣль и какимъ путемъ должна она идти къ своей цѣли. Равнымъ образомъ, теперь ясно видно, какъ важна у насъ критика, какъ благотѣльно вліяніе хорошей критики и какъ вредно дурной.

Окончивъ эти предварительныя объясненія, которыя я почиталъ необходимыми, приступаю къ самому дѣлу.

Я не безъ намѣренія сказалъ о различіи критики отъ полемики, не безъ намѣренія далъ моей статьѣ заглавіе не просто „О критикѣ Московскаго Наблюдателя“, но „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“: если бы я сталъ говорить только о его критикѣ, то мнѣ было бы

не о чемъ говорить, потому что собственно критическихъ статей въ „Наблюдатель“ было не больше двухъ или трехъ, остальные всѣ полемическія, въ томъ смыслѣ, какой я даю полемикѣ. Я буду разсматривать всѣ статьи по порядку, буду слѣдить всѣ мнѣнія шагъ за шагомъ.

Г. Шевыревъ есть исключительный и привилегированный критикъ „Московскаго Наблюдателя“: его статьи составляютъ лучшее украшеніе и даютъ нѣкоторую жизнь и движеніе этому журналу, который такъ бѣденъ жизнью и движеніемъ. Поэтому на его статьи я долженъ обратить особенное вниманіе. Г. Шевыревъ литераторъ дѣятельный, добросовѣстный, оригинальный во мнѣніяхъ и слогѣ, литераторъ съ дарованіемъ и авторитетомъ: тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ его критическія мнѣнія, а всякое вниманіе, будетъ ли оно поддержкою или реакціею, есть признакъ уваженія. Опровергать можно только то, что имѣетъ вліяніе на публику, а имѣть это вліяніе можетъ только талантъ. Вотъ что заставило меня взяться за перо, вотъ съ какимъ чувствомъ и вслѣдствіе какой причины приступаю я къ разбору мнѣній г. Шевырева.

Г. Шевыревъ дебютировалъ въ „Наблюдатель“ статью „Словесность и Торговля“. Это была статья не критическая, а полемическая. Г. Шевыревъ изъясняетъ въ ней сожалѣніе, что наша литература превратилась въ промышленность, что она „подружилась съ книгопродавцемъ, продала ему себя за деньги и поклялась въ вѣчной вѣрности“. Это выраженіе есть остроумная и чрезвычайно вѣрная характеристика современной нашей литературы. Вообще вся статья отличается какимъ-то грустнымъ чувствомъ негодованія и колкимъ остроуміемъ въ выраженіи. Въ ней много справедливаго, глубоко истиннаго и поразительно вѣрнаго; но выводъ ея рѣшительно ложенъ. Авторъ доказалъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ доказать, какъ увидимъ ниже. Послѣдуемъ за нимъ въ его статьѣ:

...Нашъ писатель то, что можно сказать однимъ словомъ, выражаетъ предложеніемъ; а предложеніе, достаточное для мысли, вытягиваетъ въ длинный, предлинный періодъ, періодъ въ убористую страницу, страницу въ огромный листъ печатный... Его слогъ, какъ проволока, можетъ до безконечности вытягиваться. — Но въ чемъ тайна всего этого? — Въ томъ, что цѣна печатнаго листа есть 200 или 300 рублей; что каждый эпитетъ въ статьѣ его цѣнится, можетъ быть, въ гривну, каждое предложеніе есть рубль; каждый періодъ, смотря по длинѣ, есть синяя или красная ассигнація!..

Все это очень остроумно и вѣрно; но сдѣлаемъ еще нѣсколько выписокъ.

Итакъ, болтливость нашего слога, безконечные плеоназмы, необдѣланные періоды, ряды синони-

мовъ, существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ на выборъ, всѣ эти свойства скорониси, одолеваяющей нашу литературу, имѣють начало свое въ томъ, что нѣтъ слова — имени, и слога чѣмъ грузнѣе, тѣмъ выроднѣе. Отъ такого слога растегъ статьи, толстѣють листки книги, вздувается самая книга, какъ калачъ у пекаря, наблюдающаго выгоды припеки.

На журналы я смотрю, какъ на капиталистовъ. „Библиотека для Чтенія“ имѣетъ для меня чять тысячъ душъ подписчиковъ. „Северная Пчела“ можетъ (быть вдвое¹⁾). Замѣчательно, что эти журналы еще въ томъ сходятся съ богачами, что любить хвастаться всенародно своимъ богатствомъ. И эти души подписчиковъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ твои оброчныя: за ними никогда нѣтъ недоимки; онѣ платятъ впередъ, и всегда чистыми деньгами, и всегда на ассигнаціи. Вотъ ѣдетъ литераторъ въ новыхъ саняхъ: ты думаешь, это сани. Нѣтъ, это статьи „Библиотеки для Чтенія“, получившая видъ саней, покрытыхъ медвѣжьей полостью, съ богатыми серебряными когтями. Вся эта бронза, этотъ коверъ, этотъ лакъ чистый и опрятный — все это листы этой до ого заплаченной статьи, принявшіе разные виды саннаго издѣлія. Литераторъ хочетъ дать обѣдъ, и жалуется, что у него нѣтъ денегъ. Ему говорятъ: да напиши повѣсть и пошли въ „Библиотеку“ — вотъ и обѣдъ.

Вызови на страшный судъ того писателя, котораго первый романъ, внушенный вдохновеніемъ честнымъ и приготовленный долгимъ трудомъ, завоевалъ вниманіе публики! Спроси совѣсть его о второмъ, о третьемъ, о четвертомъ его романѣ! Вслѣдствіе чего они явились? Не насильно ли выпросилъ онъ ихъ у непокорнаго вдохновенія, у невнимательной исторіи? Не торопился ли онъ всѣмъ напряженіемъ силъ своихъ, противъ условій Музы, чтобы только воспользоваться свѣжестію перваго успѣха! Его насильственное второе, болѣе насильственное третье и четвертое вдохновеніе не было ли плодомъ того безотчетнаго, но сладкаго чувства, что романъ теперь самая вѣрная спекуляція?

Повторяю, въ этихъ выпискахъ заключается самое вѣрное изображеніе современной литературы. Но что же этимъ хотѣлъ сказать почтенный критикъ? Не противорѣчитъ ли онъ самому себѣ? Теперь наши литераторы въ чести, живутъ своимъ ремесломъ, а не посторонними и чуждыми ихъ призванію трудами; это прекрасно, это должно радовать. Теперь талантъ есть богатое наслѣдство, онъ уже не ропщетъ на несправедливость судьбы, онъ уже не завидуетъ праву знатнаго происхожденія, доставляющаго всѣ выгоды, всѣ блага жизни: это утѣшительно, это отрадно!.. Но, полно, правда ли, что „наша литература даетъ обѣды, живетъ въ чертогахъ, ходитъ по коврамъ, ѣздитъ въ каретахъ, въ лаковыхъ саняхъ, кутается въ медвѣжью шубу, въ бекеши съ бобровымъ воротникомъ, возвышаетъ голосъ на аукціонахъ Опекунскаго Совѣта, покупаетъ имѣнія?..“ Нѣтъ ли въ этихъ словахъ преувеличенія, гипербола?

Не слишкомъ ли далеко увлекся авторъ въ своемъ благородномъ негодованіи? Или не смѣшиваетъ ли онъ вещей, ложно принимая одну за другую? Правда, намъ извѣстны два или три романиста, которые обезпечили на всю жизнь свое состояніе своими первыми романами, но это было еще до основанія „Библиотеки“: за что-жъ взводить на нее небывалыя вины, когда у ней бывалыхъ много? „Иванъ Выжигинъ“ явился въ то время, когда еще наша литература не была торговлею, когда она была во всемъ цвѣтѣ своемъ. Вслѣдъ за „Иваномъ Выжигинымъ“ появились „Юрій Милославскій“, „Дмитрій Самозванецъ“, „Рославлевъ“, „Послѣдній Навикъ“, а „Библиотека“ явилась уже послѣ всѣхъ нихъ. Повѣстями же и журнальными статьями, даже при усиленной дѣятельности можно только жить кое-какъ, но объ обезпеченіи своего состоянія нельзя и думать. Спрашиваю г. Шевырева: изъ участвующихъ въ „Библиотеку“ помѣстилъ ли хоть кто-нибудь болѣе двухъ или трехъ статей въ годъ?.. А на три статьи, какъ бы онѣ дороги не были, право, не наживешь *чертоговъ*, не заведешь кареты, много-много развѣ купишь сани, да безъ лошадей на нихъ далеко не уѣдешь... Гдѣ-жъ логика, гдѣ справедливость? Странное дѣло, какъ сильно овладѣла г. Шевыревымъ ложная мысль, что въ нашъ вѣкъ поэты и литераторы превратились въ какихъ-то Великихъ Моголовъ!.. Но объ этомъ будетъ ниже, когда дойдетъ до его статьи о „Чатертонѣ“. Нѣтъ, г. критикъ, будемъ радоваться отъ искренняго сердца и тому, что теперь талантъ и трудолюбіе даютъ (хотя и не всѣмъ) честный кусокъ хлѣба!.. И въ этомъ отношеніи „Библиотека для Чтенія“ заслуживаетъ благодарность, а не упрекъ. Но вы видите въ этомъ вредъ для успѣховъ литературы, вы говорите, что наши вторые романы бываютъ какъ-то хуже первыхъ, третьи хуже вторыхъ, что наши повѣсти водяны, періоды длинны, обременены безъ нужды эпитетами, глаголами, дополненіями: все это правда, во всемъ этомъ я согласенъ съ вами, да вы ошибаетесь въ причинѣ этого явленія. Помните, что каждый стихъ Пушкина обходился книгопродавцамъ въ красненькую, если не больше, а вѣдь стихи Пушкина отъ этого нисколько не были хуже; вспомните, что за „Пиковую Даму“ и „Княжну Мими“ „Библиотека“ заплатила деньгами, ассигнаціями, а вы сами хвалите эти повѣсти. Вотъ вамъ самый простой и самый убѣдительный фактъ. Онъ доказываетъ, что *истинный талантъ не убиваютъ деньги*, что

Не продается вдохновеніе,
Но можно рукопись продать!¹⁾

¹⁾ Фактъ очень невѣрный! У „Пчелы“ нѣтъ и четвертой доли подписчиковъ „Библиотеки“, да и которыхъ она имѣетъ, и тѣ, говорятъ, съ каждымъ годомъ уменьшаются въ числѣ.

Прим. Бѣлинскаго.

¹⁾ См. примѣчаніе стр. 97.

Конечно, вѣрная пожина отъ литературныхъ трудовъ умножаетъ число непризванныхъ литераторовъ, наводняетъ литературу потокомъ дурныхъ сочиненій; но это зло необходимое. Литература, какъ и общество, имѣетъ своихъ плебеевъ, свою чернь, а чернь вездѣ бываетъ и невѣжественна, и нагла, и безстыдна. Обращаюсь опять къ Пушкину: ему платили дорого, очень дорого, но посмотрите на его литературное поприще: его „Кавказскій Плѣнникъ“ былъ хорошъ, но „Бахчисарайскій Фонтанъ“ лучше, но „Цыганы“ еще лучше, а тамъ еще остаются „Евгеній Онегинъ“, „Борисъ Годуновъ“, „Полтава“: что-жъ вы говорите намъ о вторыхъ и третьихъ романахъ?.. Эти вторые и третьи романы были хуже первыхъ оттого, что успѣхъ первыхъ-то былъ основанъ не на талантѣ, не на истинномъ достоинствѣ, а на разныхъ постороннихъ обстоятельствахъ: одинъ гладко и грамотно написалъ, другой блеснулъ новостью рода, третій какъ-то нечаянно обмолвился: вотъ вамъ и вся тайна, вся загадка; она не мудрена и надъ ней не для чего ломать головы. Вы очень вѣрно изобразили состояніе современной литературы, но вы невѣрно объяснили причины этого состоянія: у насъ нѣтъ литераторовъ, а деньгами нельзя надѣлать литераторовъ: вотъ что вы доказали, хотя и думали доказать совсѣмъ другое. Вы сами были вкладчикомъ „Библіотеки“, вы сами украсили ее статью, такъ неужели ваша статья должна быть хуже оттого, что вы получили за нее деньги?.. Повѣрьте, что еслибы теперь нельзя было ни копѣйки добиться литературными трудами, наша литература отъ этого не была бы ни на волосъ лучше.

Въ этой же статьѣ г. Шевыревъ взводитъ странное обвиненіе на нашихъ писателей, говоря, что „наши пишущіе спекуляторы (въ подражаніе Европѣ) дарятъ насъ, по большей части, въ родѣ разочарованномъ или ужасномъ“. Полно, правда ли и это? Мнѣ такъ кажется, наши романы съ этой стороны не заслуживаютъ ни малѣйшаго упрека.

По поводу этой мысли г. Шевыревъ объясняетъ причину разочарованнаго и отчаяннаго характера европейскихъ романовъ, говоря, что она заключается въ вѣковой опытности и разочарованіи челоуѣчества. Это такъ, но тутъ есть и другія причины: вліяніе Байрона, стремленіе къ истинѣ, покорность модѣ, желаніе вѣрнаго успѣха и въ славѣ и въ деньгахъ, и пр. Вѣдь не всякій романъ, не всякая повѣсть есть поэзія, есть творчество: а если романъ или повѣсть есть не работа, а плодъ вдохновенія, то изображенная въ нихъ жизнь непремѣнно должна быть или ужасна, или крайне смѣшна.

Отъ этой полемической статьи перехожу къ двумъ собственно критическимъ статьямъ г. Шевырева. Первая изъ этихъ статей есть разборъ „Князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго“, драмы г. Кукольника, вторая—„Трехъ Повѣстей“ г. Павлова. Въ этихъ статьяхъ г. Шевыревъ является критикомъ, дѣлаетъ насъ участникомъ своихъ критическихъ вѣрованій и даетъ намъ средство оцѣнить свой критическій талантъ. Эти двѣ статьи, еще при самомъ своемъ появленіи, удивили насъ до крайности, показались намъ неразрѣшимыми загадками; теперь мы имъ еще больше удивляемся, еще больше ихъ не понимаемъ. Критика на драму г. Кукольника и критика большая, въ двухъ книжкахъ журнала!.. Мнѣ кажется, что такая критика *себѣ дорожке*... Но что намъ до этого: всякій воленъ тратить свое добро на что хочетъ; посмотримъ лучше, какъ исполнилъ свое дѣло г. Шевыревъ.

Онъ начинаетъ краткимъ изложеніемъ хода событій эпохи, изъ которой почерпнуто содержаніе драмы г. Кукольника, и мимоходомъ изъясняетъ сожалѣніе, что Карамзинъ не могъ окончить этой картины.

Какъ часто, дочитывая послѣднюю страницу XII тома, которая такъ чудно рисуетъ русскій хаосъ междоусобицъ, при послѣднихъ словахъ „Оршкѣ не сдавался“, вмѣстѣ съ картиною эпохи я воображалъ картину самого историка. Представьте себѣ его въ двадцатипятилѣтнихъ крѣслахъ (?), свидѣтеляхъ его труда неутомимаго; одинъ (?), чуждый помощи (?), сильной рукой приподымаетъ онъ тяжелую завѣсу минувшаго, сшитую изъ ветхихъ хартій и устремляетъ на великую эпоху Россіи глубокомысленныя очи, а другою рукою пишетъ съ нею живую картину, возвращая минувшее настоящему... и внезапно холодная коса смертная касается неутомимой руки писателя на самомъ широкомъ ея разбѣгѣ... перо выпало изъ перстовъ, вслѣдъ затѣмъ свинцовая завѣса закрыла отъ насъ Исторію Россіи — свинцовая потому, что послѣ могучей руки Карамзина никто еще до сихъ поръ не осмѣлился достойно (?) поднять ее, хотя и были нѣкоторые усилія... Славныя кресла Карамзина до сихъ поръ еще праздны, къ стыду нашей литературы!

Не правда ли, что эти строки очень странны? Мы не хотимъ упрекать г. Шевырева въ излишнемъ пристрастіи къ Карамзину: послѣ того, какъ насъ призывали молиться на могилѣ незабвеннаго мужа и шептать его святое имя ¹⁾, насъ трудно удивить чѣмъ-нибудь въ этомъ отношеніи. Конечно, г. Шевыревъ какъ по своимъ лѣтамъ, такъ и по своему образованію не долженъ былъ бы принадлежать къ литературнымъ старовѣрамъ; но это другой вопросъ, который самъ собою рѣшится подробнымъ разсмотрѣніемъ всѣхъ критическихъ и литературныхъ мнѣній г. Шевырева... Покуда насъ

¹⁾ См. примѣчаніе стр. 48.

удивляетъ только неловкость комплимента, сдѣланнаго г. Шевыревымъ памяти Карамзина. Хвалить вообще не такъ легко, какъ думаютъ; тутъ надо большое умѣнье, чтобъ нише насмѣшники не сказали:

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!

Во-первыхъ: что за двадцатипятилѣтнія кресла? Развѣ они принадлежатъ къ преданіямъ нашей литературы, развѣ о нихъ всѣ знаютъ? Развѣ это точно фактъ, что Карамзинъ двадцать пять лѣтъ сидѣлъ въ однихъ креслахъ? Если же это просто риторическая фигура, то довольно забавная... — „Одинъ“ — да развѣ исторію пишутъ вдвоемъ? „Чуждый помощи“ — это неправда: Карамзину помогали труды многихъ изыскателей. „Сильной рукой приподымаетъ онъ тяжелую завѣсу минувшаго, сшитую изъ ветхихъ ларій“, и устремляетъ на великую эпоху Россіи глубокомысленныя очи, а другою рукою пишетъ съ нея живую картину“... Помилуйте: да зачѣмъ же онъ подымалъ эту завѣсу! Чтò онъ за нею видѣлъ? Вѣдь эта завѣса была сшита изъ лѣтописей, такъ, стало-быть, онъ на ней, а не за ней долженъ былъ видѣть минувшее? И притомъ, что за странная фантазія представить Карамзина въ такомъ неловкомъ и принужденномъ положеніи: одной рукою держится за тяжелый занавѣсъ, а другою пишетъ! Пускай эти руки были могучія, а все трудно... Воля ваша, а здѣсь не выдержана метафора, и потому страждетъ здравый смыслъ. Да впрочемъ излишне пылкое воображеніе всегда было врагомъ здраваго смысла... Что же такое значить „осмѣлиться достойно поднять руку“ для написанія исторіи — этого мы рѣшительно не понимаемъ.

Но этотъ неловкій комплиментъ составляетъ въ статьѣ г. Шевырева родъ небольшого, хотя и эмфатическаго отступленія; обращаюсь къ главному предмету.

Кончивъ изложеніе или очеркъ событій эпохи, избранной драматикомъ, г. Шевыревъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе, выражающее его основное понятіе о творчествѣ:

Кажется, исторія сама чертитъ путь драматіку, сама даетъ главные событія и характеры, сама располагаетъ дѣйствія.

Что это такое? Не обманываютъ ли меня глаза?... Какъ! такъ сама исторія даетъ художнику планъ драматическаго созданія, а ему, художнику, остается только „не искажать ея, быть вѣрнымъ ей, отгадывать кое-что угаданное временемъ и лѣтописью“?.. Полно, не ошибся ли я? Перечитываю — такъ, точно такъ!.. Какъ? такъ, стало-быть, я пишу историческую драму, онъ пишетъ, вы пишете, они пишутъ — и всѣ мы, какъ ни много насъ, напишемъ поневолѣ одно и

то же? Гдѣ же свобода художника? Что же его вдохновеніе, его творчество?.. Признаюсь, чудный рецептъ писать драмы! Удивляюсь, какъ послѣ этой статьи г. Шевырева не явилось нѣсколькихъ дюжины историческихъ драмъ!.. Только избѣгая длинныхъ выписокъ, не выписываю этого длиннаго рецепта слишкомъ въ двѣ страницы мелкой печати, гдѣ критикъ по пальцамъ высчитываетъ, чтò и чтò долженъ выставить въ своей драмѣ поэтъ, который бы избралъ для своей драмы эту эпоху. Жаль, что г. Шевыревъ не показалъ намъ того закона творчества, на которомъ онъ основывалъ право исторіи и свое собственное чертить путь фантазіи художника; жаль, что этотъ интересный законъ эстетики остается доселѣ тайною!.. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, всѣ пункты эстетическаго уложенія, на которомъ опираются мнѣнія г. Шевырева, доселѣ остаются для публики тайною. Мы, съ своей стороны, всегда думали, что поэтъ не можетъ и не долженъ быть рабомъ исторіи, такъ же какъ онъ не можетъ и не долженъ быть рабомъ дѣйствительной жизни, потому что въ томъ и другомъ случаѣ онъ былъ бы списчикомъ, копистомъ, а не творцомъ. Поздравляемъ поэта, если горой его романа или драмы совершенно сходенъ съ героемъ исторіи, котораго онъ выводитъ въ своемъ созданіи; но это можетъ быть только въ томъ случаѣ, когда поэтъ угадаетъ историческое лицо, когда его фантазія свободно сойдется съ дѣйствительностью. Разумѣется, это будетъ случай, а не расчетъ, удача, а не намѣреніе. Поэтъ читаетъ хроники, исторію, повѣряетъ, соображаетъ, сдружается съ избранною эпохою, съ избранными лицами; изученіе для него необходимо, но не это изученіе составляетъ актъ творчества: поэтъ ищетъ историческое лицо, зоветъ его къ себѣ и не видитъ его, пока оно само не придетъ къ нему, незванное и неожиданное, въ свѣтлую минуту поэтическаго откровенія, можетъ быть, тогда, какъ онъ уже бросалъ и хроники и исторію... То же и съ планомъ, ходомъ и всею композиціею созданія. Ему нужны только нѣкоторыя мгновенія изъ жизни героя, ему нужны только нѣкоторыя черты эпохи: онъ въ правѣ дѣлать пропуски, неважные анахронизмы, въ правѣ нарушать фактическую вѣрность исторіи, потому что ему нужна идеальная вѣрность. Возьмите трехъ, четырехъ превосходныхъ историковъ той или другой эпохи, того или другого историческаго лица: эта эпоха, это лицо у каждаго изъ нихъ, при всемъ сходствѣ, будетъ отличаться особенными противорѣчащими оттѣнками. Значитъ, и въ исторіи есть свое творчество, значитъ,

и историкъ создаетъ себѣ идеалъ. Хроники однѣ, а идеалы, составленные по нимъ, различны. Иногда же художникъ (особенно, когда его талантъ субъективенъ) имѣетъ полное право нарушить исторію въ исторической драмѣ, взявъ исторію только рамою для своей идеи. Филиппъ и донъ-Карлосъ Шиллера нисколько не похожи на Филиппа и донъ-Карлоса исторіи, но, невѣрные исторической истинѣ, они въ высочайшей степени вѣрны вѣчной истинѣ человеческой души, человеческого сердца, вѣрны истинѣ поэтической, потому что не выдуманы, не придуманы, а родились сами!.. А какъ? этого не сказали бы вамъ и самъ поэтъ, если бы вы его спросили, отослалъ бы, можетъ быть, васъ съ вашимъ вопросомъ къ Шлегелю, къ Зольгеру, къ Шеллингу...

Второй части этой критики не буду разбирать подробно. Въ ней критикъ доказываетъ не то, чтобы поэтъ погрѣшилъ противъ творчества, а то, что онъ не пошелъ по пути, начерченному самою исторіею. Потомъ исчисляетъ его промахи противъ здраваго смысла, а именно, что у него героемъ драмы является Ляпуновъ, а Скопинъ-Шуйскій играетъ самую жалкую и ничтожную роль, что отравленіе Скопина на пиру есть *тупоумное* злодѣйство и пр. Разумѣется, это не касается законовъ изящнаго, потому что драма совсѣмъ не изящна; разумѣется, легко выставить всѣ ея ошибки, потому что когда умъ творитъ безъ участія чувства и фантазіи, то всегда дѣлаетъ нелѣпости и промахи противъ здраваго смысла. Перехожу ко второй критической статьѣ г. Шевырева.

Эта статья еще удивительнѣе. Въ ней г. Шевыревъ разсуждаетъ о разныхъ предметахъ и, между прочими, о какой-то „*свѣтской*“ повѣсти, и называетъ повѣсти г. Павлова „*свѣтскими*“. Что это такое — „*свѣтская*“ повѣсть? Не понимаемъ: въ нашей эстетикѣ не упоминается о „*свѣтскихъ*“ повѣстяхъ. Да развѣ есть повѣсти мужицкія, мѣщанскія, подъяческія? А почему-жъ бы имъ и не быть, если есть повѣсти „*свѣтскія*“?.. Ну, пусть ихъ будутъ—посмотримъ, что дальше. Сначала критикъ говоритъ, что у насъ рѣдко появляются хорошія повѣсти: это мы знаемъ. Потомъ, что повѣсть есть вывѣска современной литературы: и объ этомъ мы тоже слышали. Причину этого критикъ находитъ въ томъ, что „у всякаго есть своя жизнь, свой анекдотъ, свой разсказъ, однимъ словомъ: у всякаго своя повѣсть“. Но вѣдь, скажемъ мы, и прежде было то же: отчего-жъ прежде повѣстей не писали? Потомъ критикъ говоритъ, что „съ тѣхъ поръ какъ стало такъ легко быть авторомъ“, по-

явилось много дурныхъ повѣстей и романовъ: истина неоспоримая! „Повѣсть тѣмъ болѣе доступна для всѣхъ и каждаго, что *ея форма есть та же проза*, которую всѣ говорятъ“: признаемся—мы съ этимъ не совсѣмъ согласны. Потомъ критикъ говоритъ, что „жизнь есть какое-то складное бюро, со множествомъ ящиковъ, между которыми есть одинъ глубокий тайный ящикъ съ пружиною“, что въ этомъ ящикѣ лежитъ женское сердце, что авторъ „Трехъ Повѣстей“ слегка коснулся этого ящика, и что есть надежда, что когда-нибудь онъ и совсѣмъ откроетъ его. Послѣ этой прекрасной и поэтической аллегоріи въ восточномъ вкусѣ критикъ говоритъ намъ, что авторъ вынулъ изъ ящика записку, смыслъ которой состоитъ въ томъ, что человекъ вездѣ достоинъ вниманія, что сильныя страсти и рѣзкіе характеры встрѣчаются и въ убогихъ хижинахъ крестьянъ. „Въ этихъ словахъ, говоритъ критикъ, заключается теорія автора и тайна современной повѣсти“. Для кого же эта тайна есть тайна, объ этомъ критикъ умалчиваетъ. Потомъ, критикъ говоритъ, что есть люди, которые „ищутъ повѣстей за тридевять земель, на горахъ Кавказа, въ степяхъ Африки, въ жизни великихъ людей, въ своей фантазіи (?). Нѣтъ, продолжаетъ онъ, найдите повѣсть здѣсь, около себя“. Мы не понимаемъ, почему поэтъ долженъ ограничить себя только окружающею его жизнью, почему онъ не можетъ искать ея на Кавказѣ, въ Африкѣ, и въ жизни великихъ людей, и болѣе всего въ своей фантазіи. Намъ, напротивъ, кажется, что онъ именно только въ своей фантазіи долженъ искать повѣсти: жизнь у всѣхъ подъ руками, всѣ ея видятъ, многіе даже наблюдаютъ и понимаютъ, но воспроизводить могутъ только тѣ, у которыхъ есть фантазія. Потомъ говоритъ, что въ „*свѣтской*“ повѣсти г. Павлова „Ятаганъ“ все просто, неизысканно, безъ внезапностей, что въ ней характеровъ немного, но что эти характеры глубоки, что повѣствователь долженъ быть психологомъ: со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться.

Теперь слѣдуетъ у него упрекъ автору за женщину, противъ которой онъ, будто-бы, погрѣшилъ въ своей повѣсти „Аукціонъ“. Онъ называетъ ее „неизгладимымъ проступкомъ передъ лицомъ женскаго пола и непозволительнымъ злоупотребленіемъ таланта писателя“. Признаемся откровенно: мы и такъ уже нашли много непонятнаго и удивительнаго во мнѣніяхъ г. Шевырева, но это мнѣніе даже пугаетъ насъ: мы боимся, что оно непонятно намъ вслѣдствіе своей глубины и ограниченности нашей мыслительной способности. Онъ даже нападаетъ въ этомъ отношеніи на „Ятаганъ“, въ кото-

ромъ княжна кокетничаетъ съ соперникомъ своего избранника не изъ какой другой цѣли, какъ изъ любви къ этому невинному занятію... „Эта княжна, говоритъ онъ, лукаво помнить о какихъ-то ядовитыхъ бездѣлкахъ общества, о каретѣ, въ которой нельзя ѣздить ей солдату...“ Пусть думаетъ г. критикъ какъ угодно ему, но мы понимаемъ это иначе: намъ кажется, что здѣсь-то именно авторъ „Трехъ Повѣстей“ показалъ самымъ блистательнымъ образомъ свое знаніе и свѣта и человѣческаго сердца. въ этой чертѣ мы признаемъ высокую художественность. Мы желаемъ не меньше всякаго, чтобы люди были хороши, но хотимъ, чтобы ихъ показывали такими, каковы они есть; истина и разочарованіе терзаютъ насъ не меньше всякаго, но мы ищемъ ея, этой истины, но мы находимъ въ ея терзаніяхъ радость, наслажденіе своего рода, и насъ удивляетъ и смѣшитъ аркадская вѣра въ совершенство міра сего...

Нѣтъ, не такова женщина у насъ въ Россіи! Она едва ли не лучше мужчины; она его образованнѣе, потому ли, что образованіе женское не такъ сложно, какъ мужское: потому ли, что ей больше досуга предаваться свободнымъ занятіямъ ума, чѣмъ мужчинамъ, рапо увлекаемому службою...

Часъ-отъ-часу не легче!.. Женщина едва ли не образованнѣе мужчины, потому что „женское образованіе не такъ сложно, какъ мужское“?.. Но вѣдь образованіе нашихъ крестьянокъ еще малосложнѣе, такъ слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы наши крестьянки въ полосатыхъ понявахъ были идеаломъ женщины? — И неужели высочайшее совершенство образованія состоитъ въ несложности образованія?.. Женщины у насъ едва ли не образованнѣе мужчинъ, потому что „ей болѣе досуга предаваться свободнымъ занятіямъ ума, чѣмъ мужчинамъ“?.. Но блѣдо-румянымъ, черно-зубымъ и тучнымъ сожителницамъ нашихъ брадатыхъ торговцевъ еще болѣе времени предаваться свободнымъ занятіямъ ума?.. И онѣ точно предаются „свободнымъ“ занятіямъ!.. Воля ваша, а здѣсь нѣтъ логики! — Но послушаемъ еще критика.

Если когда мужчина въ Россіи будетъ достоинъ своего назначенія, это будетъ даръ женщины, плодъ ея заботливости о немъ. Посмотрите, какъ она посвятила у насъ себя воспитанію дѣтей, какъ она отказывается отъ веселій свѣта, какъ она сама себѣ создаетъ свободный гнѣсцей, какъ любитъ дѣтскую и живетъ въ ней своими мыслями и чувствами!

Честь и хвала г. Шевыреву! Онъ нашелъ, наконецъ, эту утопію, эту землю обѣтованную, гдѣ женщина презираетъ мелочамъ суетности и самолюбія, гдѣ она велика исполненіемъ своихъ священнѣйшихъ обязанностей въ скромномъ уголкѣ семейной

жизни, отмежеванномъ ей природою, гдѣ она жена и мать, а не свѣтская женщина, не *femme savante*, не поэтъ!.. Поздравляемъ его съ находкою... Мы бы сказали объ этомъ болѣе, но такъ какъ это ни относится ни къ критикѣ, ни къ литературѣ, то заключаемъ наше замѣчаніе стихомъ Грибоѣдова:

Блаженъ кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ!

Слѣдующая за этимъ мысль поражаетъ свою вѣрностью и глубиной, и намъ очень пріятно ее выписывать, хотя она тоже не относится ни къ критикѣ, ни къ литературѣ.

Изобразите мнѣ, г. повѣствователь, ту женщину, о которой вы сами говорите, что она оторвется отъ великолѣпной жизни, отъ родныхъ и пойдетъ за вами въ Сибирь, на край свѣта, повсюду, гдѣ только можетъ умереть за васъ... Изобразите мнѣ женщину еще выше этой, потому что къ высокимъ пожертвованіямъ мы часто бываемъ способны, но не бываемъ способны къ пожертвованіямъ ежедневнымъ, обыкновеннымъ, не сопряженнымъ ни съ какимъ говоромъ славы, чуждымъ всякаго подозрѣнія въ тщеславіи, въ притязаніи на публичное мнѣніе; изобразите мнѣ во время пышнаго бала, который и пылаетъ, и гремитъ, и блещетъ, и ждетъ женщины... изобразите мнѣ ее во время такого бала въ своей дѣтской, у колыбели, съ младенцемъ у ея груди, въ ту очаровательную полночь, когда все о ней думаетъ, все полно ею...

Да! это истинная женщина, и мы увѣрены, что всѣ наши повѣствователи будутъ изображать ее, когда она сдѣлается не фениксомъ, не исключительнымъ, подобно гению, но обыкновеннымъ явленіемъ. До того же блаженного времени совѣтъ г. Шевырева останется безплоднымъ.

Потомъ г. критикъ хвалитъ слогъ автора „Трехъ Повѣстей“; его слогъ, въ самомъ дѣлѣ, цвѣтокъ благоухающій и прекрасный; мы вполне согласны въ этомъ съ г. критикомъ, но намъ кажется страннымъ, что онъ называетъ его періодъ *округленнымъ*, его фразу *обточенной*: по нашему мнѣнію, эта похвала хуже брани. „Новый повѣствователь, говоритъ онъ еще, романистъ въ классическихъ формахъ. Его фраза—фраза Шатобриана по щегольству и отдѣлкѣ, но украшенная простотою“. Если это такъ, то, по нашему мнѣнію, это опять-таки не похвала, а порицаніе: мы уважаемъ *благородство* въ литературѣ, но не терпимъ *паркетности*, высоко цѣнимъ *изящество*, но ненавидимъ *щегольство*.

Вообще г. критикъ въ своей статьѣ довольно ясно высказалъ и прямо и околичностями, и общими мѣстами, что повѣсти г. Павлова прекрасны; но что такое онѣ въ нашей литературѣ, какой ихъ особенный характеръ—объ этомъ онъ умолчалъ, и потому мы имѣемъ право и эту его статью отнести къ роду статей полемическихъ.

Теперь слѣдуетъ статья о „Миргородѣ“ г. Гоголя. Почтенный критикъ со всею добро-совѣстностью отдаетъ справедливость та-

ланту г. Гоголя; но намъ кажется, что онъ невѣрно его понялъ. Онъ находитъ въ немъ только стихію смѣшного, стихію комизма. Мы думаемъ иначе. Смѣшное выражается многообразно, многохарактерно, такъ сказать. Въ этомъ отношеніи оно похоже на остроуміе: есть остроуміе пустое, ничтожное, мелочное, умѣющее найти сходство между Расиномъ и деревомъ, производя то и другое отъ „корня“, остроуміе, играющее словами, опирающееся на „какъ бы не такъ“ и тому подобномъ ¹⁾, остроуміе, глотающее иголки ума, которыми можетъ и само подавиться, какъ мы уже и видѣли примѣры этому въ нашей литературѣ; потомъ есть остроуміе, происходящее отъ умѣнія видѣть вещи въ настоящемъ видѣ, схватывать ихъ характеристическія черты, выказывать ихъ смѣшныя стороны. Отстроуміе перваго рода есть удѣлъ великихъ людей на малыя дѣла; остроуміе второго рода или дается природою, или пріобрѣтается горькими опытами жизни или вслѣдствіе грустнаго взгляда на жизнь: оно смѣшитъ, но въ этомъ смѣхѣ много горечи и горести. Остроуміе перваго рода есть каламбуръ, шарада, тріолетъ, мадригалъ, буриме; остроуміе второго рода есть сарказмъ, желчь, ядъ, другими словами, оно есть отрицательный силлогизмъ, который не доказываетъ и не опровергаетъ вещи, но уничтожаетъ ее тѣмъ, что слишкомъ вѣрно характеризуетъ ее, слишкомъ рѣзко выказываетъ ее безобразіе, или удачнымъ сравненіемъ, или удачнымъ опредѣленіемъ, или просто вѣрнымъ представленіемъ ея, такъ, какъ она есть. Смѣшное или комическое также точно раздѣляется: оно или водевиль, или „Горе отъ Ума“. Мы думаемъ, что смѣшное и остроумное перваго рода принадлежитъ барону Брамбеусу, повѣсти котораго не лишены литературнаго достоинства, хотя и лишены всякой художественности, какъ и повѣсти всѣхъ рассказчиковъ-балагуровъ; а смѣшное г. Гоголя относится ко второй категоріи комизма. Мы опираемся въ этомъ случаѣ на то, что его повѣсти смѣшны, когда вы ихъ читаете, и печальны, когда вы ихъ прочтете. Онъ представляетъ вещи не каррикатурно, а истинно: въ его „Вечерахъ на Хуторѣ“, въ повѣстяхъ: „Невскій проспектъ“, „Портретъ“, „Тарасъ Бульба“ смѣшное перемѣшано съ серьезнымъ, грустнымъ, прекраснымъ и высокимъ. Комизмъ отнюдь не есть господствующая и перевѣшивающая стихія его таланта. Его талантъ состоитъ въ удивительной вѣрности изображенія жизни въ ея неуловимо-разнообраз-

ныхъ проявленіяхъ. Этого-то и не хотѣлъ понять г. Шевыревъ: онъ видитъ въ созданіяхъ г. Гоголя одинъ комизмъ, одно смѣшное, и высказалъ нѣсколько мыслей вообще о смѣшномъ. Эти мысли кажутся намъ очень невѣрными, и мы сейчасъ же повѣримъ ихъ. Но прежде сдѣлаемъ замѣчаніе объ одномъ чрезвычайно странномъ его мнѣніи. Хваля цѣлое и подробности „Старосвѣтскихъ Помѣщикова“, онъ говоритъ:

Мнѣ не нравится тутъ одна только мысль, убійственная мысль о привычкѣ, которая какъ будто разрушаетъ нравственное впечатлѣніе цѣлой картины. И бы вымаралъ эти строки...

Мы никакъ не можемъ понять этого страха, этой робости передъ истиной! Критикъ не доказываетъ ни однимъ словомъ ложности этой мысли, напротивъ, какъ будто признаетъ ея справедливость, и въ то же время пегодуетъ на нее!.. Странно!.. ¹⁾. Что касается до насъ, мы уже пережили этотъ аркадскій періодъ человѣческаго возраста, когда глаза страшатся свѣта истины, а потѣшаются ложными цвѣтами мыльных пузырей!..

Смѣшное есть безсмыслица безвредная... Человѣкъ шелъ по улицѣ и упалъ... Вы смѣетесь его неловкости, потому что неловкость есть въ своемъ родѣ безсмыслица; но если вы замѣтили, что онъ вывихнулъ ногу и стопетъ... Тутъ вамъ не до смѣху.. Чувство состраданія изгоняетъ чувство смѣха... Табъ точно въ страстяхъ и порокахъ: они смѣшны до тѣхъ поръ, пока безвредны.. Ревнивецъ смѣшонъ въ Арнольдѣ Моцера и ужасенъ въ Отелло... Сумасшедшій смѣшонъ до тѣхъ поръ, пока не опасенъ себѣ и другимъ... *Безвредная безсмыслица—вотъ стихія комическаго, вотъ истинно смѣшное.*

Г. Шевыревъ довольно пространно и отчетливо развиваетъ намъ свою теорію комизма: въ ней много справедливыхъ и дѣльных замѣтокъ, но основаніе рѣшительно ложно. Что такое „безвредная безсмыслица“? — ничего больше, какъ безсмыслица! Давно уже рѣшено, что основаніе смѣшного есть несообразность, противорѣчіе идеи съ формою или формы съ идеею ²⁾. Это доказываетъ примѣръ, приведенный самимъ г. Шевыревымъ. Человѣкъ шелъ и упалъ—это смѣшно, безъ сомнѣнія. Но отчего? Оттого, что идущій человѣкъ долженъ идти, а не лежать: слѣдовательно въ случайности его паденія заключается противорѣчіе и съ его цѣлью и съ положеніемъ человѣка идущаго. Вы встрѣчаете на улицѣ мужика, который идя ѣстъ калачъ—вамъ не смѣшно, потому что эта походная трапеца не противорѣчитъ идеѣ мужика; но еслибы вы встрѣтили на улицѣ съ калачемъ въ рукахъ человѣка

¹⁾ Намекъ на шуточные куплеты кн. Вяземскаго „Какъ бы не такъ“, помѣщенные въ смирдинскомъ альманахѣ „Новоселье“.

¹⁾ См. объ этомъ выше, стр. 150—151 и наше примѣчаніе на стр. 151-ой.

²⁾ Кантъ и мн. др.

свѣтскаго, человѣка *comme il faut* — вы расхохотались бы, потому что принятое и утвержденное условіями нашей общественности понятіе о свѣтскомъ человѣкѣ противорѣчить идеѣ походной трапезы среди улицы.

О замѣчаніи г. Шевырева касательно фантастической повѣсти г. Гоголя „Вій“ я имѣлъ случай говорить. Это замѣчаніе очень справедливо и основательно ¹⁾.

Статья о „Миргородѣ“ есть лучшая изъ статей г. Шевырева, помѣщенныхъ въ „Наблюдателѣ“ и болѣе другихъ можетъ назваться критикою: въ ней онъ, по крайней мѣрѣ, разсуждаетъ о смѣшномъ и фантастическомъ, предметахъ прямо относящихся къ искусству; но мнѣніе его вообще о характерѣ повѣстей г. Гоголя и о смѣшномъ кажется намъ невѣрнымъ.

Теперь слѣдуетъ пятая статья г. Шевырева „О критикѣ вообще и у насъ въ Россіи“. Въ началѣ этой статьи г. Шевыревъ какъ-бы мимоходомъ дѣлаетъ замѣчаніе на счетъ чьего-то мнѣнія, что „у насъ нѣтъ еще словесности, а есть уже критика“ и потомъ задаетъ себѣ вопросъ: „можетъ ли существовать критика тамъ, гдѣ нѣтъ еще словесности?“ На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ утвердительно, ссылаясь на нѣмецкую литературу, въ которой „Лессингъ, Винкельманъ и Гердеръ предшествовали Шиллеру, Гёте и Жанъ-Полю“. Вслѣдствіе этого онъ думаетъ, что и у насъ можетъ быть тоже самое. Я еще въ началѣ этой статьи сказалъ мое мнѣніе на счетъ этой мысли. Потомъ онъ переходитъ къ важности критики у насъ въ Россіи и говоритъ, что „словесность наша до тѣхъ поръ не достигнетъ высокихъ созданій національнаго вкуса, а будетъ ограничиваться отрывками и мелкими произведеніями, пока не водворится у насъ критика національная, воспитанная своею наукою и основанная на глубокомъ изученіи исторіи словесности“. Мы съ этимъ не согласны: мы думаемъ, что у насъ тогда будетъ литература, когда явится вдругъ нѣсколько талантовъ. Пушкинъ, Грибоѣдовъ и Гоголь явились, не дожидаясь критики. Слѣдующая за этимъ мысль кажется намъ еще удивительнѣе. Г. Шевыревъ сначала говоритъ, что наука и преданіе враждебны другъ другу, первая, какъ нововводительница, безпрестанно движущаяся впередъ, второе, какъ цѣпь, мѣшающая ходу человѣчества; мысль, можетъ быть, не новая, но глубоко вѣрная! Потомъ онъ говоритъ, что есть еще борьба искусства съ наукою и преданіемъ, и что въ этой борьбѣ заключается жизнь искусства.

Словесность производящая сплится нарушить всѣ законы и уничтожить совершенно науку и

преданіе. Наука хочетъ умертвить всякую живую силу въ своемъ строгомъ законѣ и подчинить ее урокамъ опыта и правиламъ, ею постановленнымъ. Еслибы въ этой борьбѣ которая-нибудь изъ силъ восторжествовала, что весьма возможно — то равновѣсіе и гармонія литературнаго міра были бы совершенно нарушены. При исключительномъ торжествѣ науки, уничтожилась бы всякая новая жизнь въ мірѣ творящаго слова и на мѣсто ея воцарилось бы мертвое и холодное подражаніе. Восторжествовавъ сила производящая: безначаліе, хаосъ, уничтоженіе всѣхъ законовъ красоты могло бы быть слѣдствіемъ такого торжества въ литературномъ мірѣ. И откуда бы могло послѣдовать возрожденіе жизни словеснаго міра и возстановленіе осиленаго начала, еслибы, кромѣ этихъ двухъ враждующихъ силъ, не присутствовала третья, которая занимаетъ средину между тою и другою силою и является примирителемъ, равно наблюдающимъ права каждой изъ нихъ? — Вотъ мѣсто, которое по моему мнѣнію должна занимать критика въ литературѣ. Однимъ словомъ, согласить законъ и жизнь, не нарушать перваго и не попустить убійства второй: вотъ дѣло истинной критики! Торжествуетъ исключительно наука: освободить искусство; буйствуетъ искусство: возстановить на него науку — вотъ ея назначеніе.

Вотъ понятіе г. Шевырева о критикѣ. Но мы съ нимъ несогласны, оно намъ кажется ложнымъ, потому что выведено изъ ложнаго начала. Между искусствомъ и наукою точно есть борьба, да только эта борьба есть не жизнь, а смерть искусства. Вдохновенію не нужна наука, оно ученіе науки, оно никогда не ошибается. Основной законъ творчества, что оно сообразно съ цѣлію безъ цѣли, безсознательно съ сознаніемъ, опровергаетъ всѣ теоріи и системы, кромѣ той, которая основана на немъ, выведенная изъ законовъ человѣческаго духа и вѣковыхъ опытовъ надъ произведеніями искусства. Слѣдовательно, не наука создала искусство, а искусство создало особенную науку — теорію изящнаго; слѣдовательно искусство только тогда истинно и изящно, когда вѣрно себѣ, а не наукѣ, а если наукѣ, то имъ же самимъ созданной. Правда, наука всегда силилась покорить искусство, но какое было слѣдствіе этого? Смерть искусства, какъ то доказываетъ классическая французская литература. Но когда искусство было свободно отъ науки, оно было полно жизни, истины, красоты эстетической: достаточно указать на одного Шекспира, чтобы сдѣлать это положеніе неопровержимымъ. Я, право, не знаю, какое вліяніе теорія, система, пѣтика, наука (назовите это какъ угодно) имѣла на Байрона, Вальтеръ-Скотта, Купера, Гёте, Шиллера?.. Г. Шевыревъ указываетъ на новѣйшую французскую литературу, какъ на плачевный примѣръ буйства искусства, освободившагося отъ науки: но, во-первыхъ, я никакъ не могу понять въ чемъ состоитъ это буйство; во-вторыхъ, точно ли новѣйшія произведенія французской литературы суть плоды искусства, творчества; не покорены

¹⁾ См. выше, стр. 163.

ли они болѣе или менѣе духу моды, подражанія, разсчета, особеннаго рода системы, что для искусства не менѣе гибельно науки? Критика не есть посредникъ и примиритель между искусствомъ и наукою: она есть приложеніе теоріи къ практикѣ, есть та же наука, созданная искусствомъ, а не создающая искусство. Ея вліяніе простирается не на искусство, а на вкусъ публики; она не для гениал-творца, который всегда вѣренъ ей, не думая и не стараясь быть ей вѣрнымъ, а для направленія общественнаго вкуса, который можетъ измѣнять ей, сдѣлаемый съ толку ложно-изящнымъ или ложными системами.

Остальная и большая часть этой статьи состоитъ изъ обличеній критика „Библіотеки для Чтенія“. Эти обличенія во всевозможныхъ неправдахъ, противорѣчіяхъ самому себѣ, наивномъ шарлатанствѣ, явной и откровенной недобросовѣстности, умышленныхъ нелѣпостяхъ, дышать благороднымъ негодованіемъ, неподдѣльнымъ жаромъ, остротою въ выраженіи, рѣзкостью и силою слога. Все это прекрасно, но знаете ли что? Мнѣ, наконецъ, и только сейчасъ, сію минуту, пришла въ голову чудная мысль, что не должно и не изъ чего нападать на Барона Брамбеуса и Тютюнджи-Оглу: кто-то изъ нихъ недавно объявилъ, что „Москва не шутитъ, а ругается“, и я вывелъ изъ этого объявленія очень дѣльное слѣдствіе, что какъ почтенный баронъ, такъ и татарскій критикъ „не ругаются, а шутятъ“ или, лучше сказать, „пзволять потѣшаться“. Теперь это уже ни для кого не тайна, и тѣхъ, для которыхъ оба вышереченные мужи еще опасны своимъ вреднымъ вліаніемъ, тѣхъ уже нѣтъ средствъ спасти. Пойдите—виноваты! *Эврика! эврика!* Есть средство, есть, я нашелъ его, честь и слава мнѣ! Для этого надобно, чтобъ нашелся въ Москвѣ человекъ со всѣми средствами для изданія журнала, съ вещественнымъ и невещественнымъ капиталомъ, т.-е. деньгами, вкусомъ, познаніями, талантомъ публициста, свѣтлостью мысли и огнемъ слова, дѣятельный, весь преданный журналу, потому что журналъ, также какъ искусство и наука, требуетъ всего человека, безъ раздѣла, безъ измѣнъ себѣ; надобно, чтобы этотъ человекъ умѣлъ возбудить общее участіе къ своему журналу, завоевать въ свою пользу общественное мнѣніе, надѣлать себѣ тысячи читателей... Тогда „Библіотека для Чтенія“—поминай, какъ звали, а покуда... дѣлать нечего... ¹⁾

Нечего и говорить, какъ основателемъ и справедливымъ упрекъ г. Шевырева критику „Библіотеки для Чтенія“, что онъ судить о литературныхъ произведеніяхъ по личнымъ впечатлѣніямъ и отвергаетъ возможность положительныхъ законовъ искусства; но намъ страннымъ кажется то, что основанія изящнаго, которыми руководствуется самъ г. Шевыревъ, остаются для насъ доселѣ тайною. Мы разсмотрѣли уже пять статей его и только въ одной нашли нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о комическомъ или смѣшномъ и фантастическомъ. Мы нисколько не сомнѣваемся въ добросовѣстности г. Шевырева, мы увѣрены въ его вкусѣ, но намъ бы хотѣлось знать и его литературное ученіе въ приложеніи къ разбираемымъ имъ книгамъ...

Послѣ статьи г. Шевырева „О критикѣ вообще и у насъ въ Россіи“ слѣдуетъ разборъ одного изъ безчисленныхъ сочиненій, или, лучше сказать, одной изъ безчисленныхъ статей Аретина современной французской критики, знаменитаго Жюль-Жанена „Romans, Contes et Nouvelles litteraires; Histoire de la Poésie chez tous les peuples“. Я не читалъ и даже не видѣлъ этой книги; можетъ быть и не буду читать, не предвидя отъ ней особенной пользы, какъ отъ компиляціи, въ чемъ самъ авторъ очень наивно признается. Онъ написалъ ее для дѣтей и, потому ли, или почему другому, взялся знакомить своихъ читателей даже съ восточными литературами, которыхъ не знаетъ, рѣшаясь на это именно потому, что и „другіе объ этомъ не больше его знаютъ“. Причина очень достаточная, оправданіе очень резонное, по крайней мѣрѣ, для Жанена! Что-жъ касается до насъ, то мы думаемъ, что здѣсь Жаненъ, какъ говорится, превзошелъ самого себя въ этомъ миломъ невѣжествѣ, которымъ онъ гордится, какъ достоинствомъ, какъ заслугою: честь и слава ему! Итакъ, я не буду повѣрять мнѣнію г. Шевырева касательно Жаненовой книги: они очень справедливы; не буду защищать ее отъ ожесточенныхъ нападокъ нашего критика: они очень дѣльны, хотя немного и утрированы, потому что Жанена оправдываетъ нѣсколько его откровенность и потому что отъ автора не должно требовать больше того, что онъ самъ обѣщаетъ. Если можно его обвинять, и обвинять сильно, какъ обвиняетъ г. Шевыревъ, такъ это за то, что онъ взялся не за свое дѣло; но и на это онъ можетъ отвѣчать: почему-жъ никто не сдѣлалъ ничего въ этомъ родѣ лучше меня, а я вы-

¹⁾ Это предсказаніе Бѣлинскаго исполнилось, когда, три года спустя, въ Петербургѣ возникли „Отечественныя Записки“, которымъ Бѣлинскій былъ „преданъ весь, безъ раздѣла“. Въ сороковыхъ годахъ, во

время расцвѣта „Отечественныхъ Записокъ“, „Библіотека для Чтенія“ все болѣе и болѣе клонилась къ упадку.

поинилъ, какъ умѣлъ, то, что общалъ. Короче сказать: касательно мнѣнія о самой книгѣ мы почти согласны съ г. Шевыревымъ и прикладываемъ руку къ его приговору, даже и не читавши этого опального произведенія литературнаго повѣсы Жанена. Но мы рѣшительно не согласны съ г. Шевыревымъ насчетъ его мнѣнія о самомъ Жаненѣ; его взглядъ на этого писателя былъ бы очень справедливъ, если бы не отзывался какимъ-то безотчетнымъ и безусловнымъ предубѣжденіемъ противъ всей современной французской литературы, предубѣжденіемъ, которое очень понятно въ татарскомъ критикѣ „Библіотеки для Чтенія“, отводящемъ глаза православному русскому народу отъ своихъ проказъ, по которое советамъ непонятно въ г. Шевыревѣ, не имѣющемъ никакой нужды придерживаться такого образа мыслей. Дѣло вотъ въ чемъ: г. Шевыревъ говоритъ, что весь Жанень заключается въ газетномъ фельетонѣ, что вся сила, все могущество его таланта заключается въ слогѣ, имъ самимъ созданнымъ и никому другому недоступнымъ, не исключая даже гг. Брамбеуса и Тютюнджи-Оглу, которые, слясь подражать ему, только каррикатурно передражниваютъ его. Да, это очень справедливо: журнальная проза составляетъ главную стихію Жаненова таланта, главную, но не исключительную, какъ мы думаемъ. Жанень не ученый, не критикъ, а просто литераторъ, высочайшей степени, обладающій талантомъ говорить на бумагѣ, литераторъ, каждая статья котораго есть бесѣда (*conversation*) умнаго, образованнаго и остраго человѣка, разговоръ бѣглый, живой, перелетный какъ бабочка, трескучій какъ догорающій огонекъ камина, дробящій предметъ какъ граненый хрусталь; присовокупите къ этому неподражаемую легкость и болтливость языка, легкомысленность въ сужденіи, неистощимую, огненную дѣятельность, всегдашнюю готовность говорить о чемъ угодно, даже и о томъ, чего не знаетъ, но, въ томъ и въ другомъ случаѣ, говорить умно, остро, увлекательно, граціозно, мило, хотя часто и неосновательно, вздорно, безстыдно: и вотъ вамъ причина народности Жанена. Что Беранже въ поэзіи, то Жанень въ журнальной литературѣ. Мы этимъ не думаемъ равнять великаго и истиннаго поэта современной Франціи съ журнальнымъ болтуномъ: мы только хотимъ сказать, что и тотъ и другой суть выраженіе своего народа и потому его исключительные любимцы. Но Жанень, какъ французъ по преимуществу, имѣетъ и другія качества, свойственныя одному ему и больше никому: онъ мило безстыденъ, простоудушно пагль, гордо невѣ-

жественъ, простиительно безсовѣстенъ, кокетливо продаженъ и непостояненъ во мнѣніяхъ. Эта умышленная и сознательная невѣрность самому себѣ, эта измѣчивость во мнѣніяхъ была бы возмутительно-отвратительна въ англичанинѣ, особливо въ нѣмцѣ; но въ Жаненѣ, какъ во французѣ, она простительна, мила даже, какъ кокетство въ прекрасной женщинѣ. Онъ лжетъ, хочетъ васъ обмануть, вы это замѣчаете—и только смѣетесь, а не оскорбляетесь, не возмущаетесь. Жанень имѣетъ на это исключительную привилегію, и этой-то привилегіи не хотѣлъ замѣтить г. Шевыревъ. Онъ съ ожесточеніемъ нападаетъ на легкомысліе, съ какимъ Жанень за все хватается, на недобросовѣстность, съ какою все выполняетъ, и на какое-то хвастовство и недобросовѣстностью и невѣжествомъ; но онъ не хотѣлъ уяснить себѣ идеи, выражаемой словомъ „Жанень“, не хотѣлъ увидѣть, что Жанень есть родъ журнальнаго паяца, который тѣшитъ публику и, между тѣмъ, безнаказанно даетъ щелчки тому и другому, пускаетъ въ оборотъ и дѣльную мысль, и умышленный софизмъ, и все это часто въ одного невиннаго желанія покаясничать, потѣшиться. Но пусть будетъ такъ: мы не хотимъ спорить насчетъ этого съ г. Шевыревымъ, но насъ крайне изумило его мнѣніе, что Жанень будто бы „плохой романистъ“... Плохой романистъ!.. Помилуйте: вѣдь это слишкомъ много значить, вѣдь это что-то чрезвычайно смѣшное, чрезвычайно жалкое, вѣдь плохой романистъ, какъ и плохой поэтъ, есть посмѣшище, притча во языцѣхъ, рыцарь печальнаго образа въ полномъ смыслѣ этого слова. Неужели такимъ считается во Франціи авторъ „Барнава“?.. У всякаго свой вкусъ, и мы не хотимъ переувѣрять г. Шевырева насчетъ истиннаго достоинства романовъ Жанена, но мы осмѣливаемся имѣть и свой вкусъ и почитать романы Жанена хорошими, а не плохими; равнымъ образомъ смѣемъ увѣрить нашихъ читателей, что и во Франціи, какъ и во всей Европѣ, не всѣ думаютъ о романахъ Жанена согласно съ г. Шевыревымъ. Что касается до насъ лично, мы имѣемъ вообще о французской литературѣ, а слѣдовательно и о романахъ Жанена, понятіе современное, всѣми признанное, для всѣхъ вообще и ни для кого не новое. Мы думаемъ, что французской литературѣ недостаетъ чистаго, свободнаго творчества, вслѣдствіе зависимости отъ политики, общественности и вообще національнаго характера французовъ, что ей вредитъ скорописность, духъ не столько вѣка, сколько дня, обаяніе суетности и тщеславія, жажда успѣха во что бы то ни стало. Все это

можно приложить и къ романамъ и повѣстимъ Жанена и вслѣдствіе всего этого можно найти въ нихъ важные недостатки; но невозможно не признать въ нихъ слѣдовъ яркаго и сильнаго таланта. Жаненъ романистъ и повѣствователь, точь-въ-точь, какъ всѣ модные французскіе романисты и повѣствователи, и мы только безусловнымъ предубѣжденіемъ г. Шевырева противъ всей французской литературы можемъ объяснить его немилость къ Жанену и слишкомъ смѣлый эпитетъ, придаваемый имъ ему, какъ романисту. Поэтому, мы почли за долгъ заступиться за Жанена, какъ за романиста, сколько изъ любви къ истинѣ, столько и потому, что для нашей публики слишкомъ достаточно возгласовъ „Библіотеки для Чтенія“ противъ французской словесности: зачѣмъ же отбивать у этого журнала пасущій хлѣбъ и помогать ему въ цѣли, которой онъ и безъ всякой чужой помощи, вѣроятно, успѣшно достигаетъ?.. Прибавимъ къ этому еще, что окончаніе статьи г. Шевырева привело насъ въ ужасъ: въ самомъ дѣлѣ, кто не почтетъ слѣдующихъ словъ какъ бы взятыми на выдержку изъ „Библіотеки для Чтенія“?

Вотъ какъ составляются пныя книги во Франціи! Вотъ чѣмъ угощаютъ французское юношество! Вотъ какъ извѣстный литераторъ наряжается добровольно въ доску чужихъ трудовъ и самъ передъ своею публикою добровольно сознается въ этомъ!.. Что за нравственность въ той литературѣ, гдѣ безчинная хищность имѣетъ еще смѣлость быть мило откровенною?..

Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобъ подозрѣвать г. Шевырева въ симпатіи съ барономъ Брамбеусомъ насчетъ французской литературы, но мы не можемъ понять, какъ можно по одному примѣру и по одному литератору дѣлать такое невыгодное заключеніе о цѣлой литературѣ и произносить ей такой грозный приговоръ?.. И что худого, что авторъ, издавая компиляцію, самъ предувѣдомляетъ читателя, что это компиляція?.. Что касается до чужихъ доскутьевъ, то въ нихъ и у насъ любятъ рядиться; только не любятъ въ этомъ сознаваться: а это развѣ лучше?.. Право, слишкомъ уже приторны эти безотчетные, ни на чемъ не основанные возгласы о безнравственности литературы цѣлаго народа, литературы, которая имѣетъ Шатобріановъ и Ламартиновъ, и мы очень бы желали, чтобъ наши нравоучители или растолковали намъ, въ чемъ именно состоитъ эта безнравственность, или поукротили бы свое негодованіе!.. Эти возгласы, какія бы причины ни производили ихъ, тѣмъ досаднѣе, что простодушная неосновательность во мнѣніяхъ часто можетъ имѣть одни слѣдствія съ хитрою неблагонамѣренностью, и что, вслѣдствіе того,

иной добросовѣстный литераторъ можетъ попасть въ одну категорію съ витязами „Библіотеки для Чтенія“...

Теперь мнѣ слѣдуетъ рассмотреть седьмую статью г. Шевырева, которая можетъ назваться и критическою, и полемическою, и филологическою, и художественною: разумѣю переводъ седьмой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“. Да, я смотрю на этотъ переводъ не иначе, какъ на журнальную статью, въ которой есть немного критики, очень много полемки, а больше всего шуму и грому. Дѣло въ томъ, что этотъ переводъ снабженъ чѣмъ-то въ родѣ предисловія, въ которомъ г. Шевыревъ не шутиа грозитъ произвести ужасную реформу въ нашемъ стихосложеніи, изгнать наши бойкіе ямбы, наши звучные, металлическіе хорей, наши гармоническіе дактили, амфибрахьи, анапесты, и замѣнить ихъ—чѣмъ бы вы думали?—тоническимъ риемомъ нашихъ народныхъ пѣсенъ, этимъ риемомъ, столь роднымъ нашему языку, столь естественнымъ и музыкальнымъ?.. нѣтъ! — *итальянскою октавою!*..

Статейка начинается жалобою на какого-то журналиста, который не хотѣлъ помѣстить въ одномъ номерѣ своего журнала всего перевода седьмой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“, а помѣстилъ его, въ видѣ отрывковъ, въ нѣсколькихъ номерахъ, чѣмъ повредилъ его доброму впечатлѣнію на публику. „Переводчикъ, говоритъ г. Шевыревъ, тогда отсутствовалъ, а отсутствовавшіе всегда виноваты, по извѣстной поговоркѣ“. Сначала этотъ упрекъ, какъ ни казался основательнымъ, удивилъ меня немного своею горечью, но когда я прочелъ октавы, то вполне раздѣлилъ благородное негодованіе г. Шевырева на злого журналиста и хотѣлъ сгоряча написать на него презлую статью. Въ самомъ дѣлѣ, *перекроить въ отрывки экономическимъ расчетомъ журнала* такой опытъ, которымъ затѣвалась такая важная реформа и который весь состоялъ изъ такихъ звучныхъ гармоническихъ октавъ, какъ слѣдующія:

Кружить шаги широкими кругами,
Стѣснѣвъ доспѣхъ, мечемъ махая праздно;
Межъ тѣмъ Танкредъ, хоть утомленъ путями,
Илетъ и напираетъ безотвязно,
И всякій шагъ, соперника стопами
Уступленный, пріемлетъ неотказно,
И все къ нему тѣснится сгоряча,
Въ глаза сверкая молніей меча.

Потомъ кружить отселъ и оттолъ,
И вновь кружить отголъ и отселъ,
И всякій разъ вскиная болъ и болъ,
Разить врага тяжелъ и тяжелъ,
Все, что есть силъ въ горячей гнѣвомъ волъ,
Въ искусствѣ опытномъ и въ ветхомъ тѣлѣ,
Все ко вреду Черкеса съединяетъ,
И счастье и небо заклинаятъ.

О! только бы узнать мнѣ имя этого варвара-журналиста, а то не уйти ему отъ меня!..¹⁾ Но пока послѣдуемъ за г. Шевыревымъ въ его объясненіяхъ затѣваемой имъ реформы.

Онъ говоритъ, что тогда его опытъ явился въ неблагопріятное время, потому что „слухъ нашъ лѣлся какою-то нѣкою однообразныхъ звуковъ, мысль спокойно дремала подъ эту мелодію и языкъ превращалъ слова въ одни звуки“ (?), а въ октавахъ его „нарушались всѣ условныя правила нашей просодіи, объявлялся совершенный разводъ мужескимъ и женскимъ рѣчамъ, хорей вступался въ ямбъ, двѣ гласныя принимались за одинъ слогъ“.

Понятно теперь для васъ, въ чемъ состоитъ реформа г. Шевырева?..

Думаю, что это понятно.

Но нужна ли она и возможна ли?..

Какъ ни непріятно и ни скучно заниматься разбирательствомъ такихъ вопросовъ, но я обрекъ себя на это и долженъ выполнить начатое во что бы то ни стало.

Для чего намъ октавы? Для того же, для чего намъ были нужны эпическія поэмы, оды, а теперь романы; для того же, для чего намъ нужны были героическіе гекзаметры, да еще съ спондеями, и элегическіе пентаметры. У всѣхъ народовъ были эпическія поэмы—стало быть, и намъ нужно было имѣть ихъ, да еще не одну, а дюжину; во всѣхъ европейскихъ литературахъ лиризмъ проявлялся въ формѣ надутыхъ одъ—стало быть, и нашимъ лирикамъ надо было надуваться; у грековъ и римлянъ поэмы писаны были гексаметрами, а элегіи гексаметрами и пентаметрами попеременно—стало быть, и намъ надо было гексаметровъ и пентаметровъ, во что бы то ни стало, а такъ какъ ихъ не было въ языкѣ, то ради предстоящей потребности сработали кое-какъ свои, замѣнивъ спондей хореемъ²⁾; теперь у итальянцевъ есть октавы—какъ же не быть имъ у насъ?.. Вы скажете, что ихъ октавы родились изъ духа и просодіи ихъ языка, что онѣ родились сами, а не изобрѣтены, что русскій языкъ не итальянскій, что два слога за одинъ можно принимать только въ пѣніи, а не въ чтеніи, для котораго преимущественно пишутся стихи, и Богъ знаетъ, чего

вы еще не скажете!.. Я самъ думалъ доселѣ, что размѣръ не есть дѣло условное, что наши ямбы и хорей не чистые ямбы и хорей, что они близки къ тонизму нашего народного риома и потому такъ подружились съ нашей поэзіею; а дактили, амфибрахи и анапесты совершенно согласны съ духомъ нашего языка, потому что въ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются цѣлые стихи дактилическіе, амфибрахические и анапестические. Равнымъ образомъ, я всегда думалъ, что гекзаметръ есть метръ искусственный, и потому тяжелый, утомительный для чтенія и никогда не могущій привиться къ нашему стихосложенію. Какъ же хотѣтъ заставить насъ писать октавами, которыя должно читать какъ прозу, въ которыхъ нѣтъ сочетанія, гдѣ объявляется разводъ мужескимъ и женскимъ рѣчамъ?.. Впрочемъ, я еще думалъ и то, что размѣръ не составляетъ сущности искусства, въ которомъ главное дѣло творчество, изящество, красота; что поэтъ имѣетъ право писать и ямбами, и хорейми, и дактилями, и амфибрахиями, и анапестами, и гексаметрами, и пентаметрами, и даже октавами, лишь бы только хорошо писалъ. Но г. Шевыревъ рѣшительно разувѣрилъ меня во всѣхъ моихъ теплыхъ вѣрованіяхъ насчетъ русскаго стихосложенія неопровержимыми доказательствами. Съ моей стороны осталось было одно только возраженіе противъ него: я думалъ, что когда нововведеніе въ духѣ языка, то должно имѣть успѣхъ, а г. Шевыревъ не нашелъ ни одного послѣдователя: но и это возраженіе уничтожается само собою: мы узнаемъ, что

Давно мы не слышимъ бывалыхъ стиховъ. Если и слышимъ, то изрѣдка. Читаемъ все прозу и прозу. Можетъ быть, это безмолвіе, господствующее въ мірѣ нашей поэзіи, эта чудная тишина, эта пустыня пророчить какой-нибудь переворотъ въ нашемъ стихотворномъ языкѣ, въ формахъ нашей просодіи. Благодаря этой тишинѣ, слухъ нашъ отвыкнетъ отъ прежней монотоніи; первы его окрѣпнутъ, выльчатся отъ расслабленія—и онъ будетъ способенъ выносить звуки и сильнѣе и тверже. Теперь, едва ли не совершается у насъ время перехода, ознаменованное бездѣйствіемъ почти всѣхъ нашихъ поэтовъ, которые въ послѣднее время, вода слегка привычными пальцами по струнамъ, дремали, дремали, и теперь заснули на своихъ лирахъ и снятъ до новаго пробужденія!

Итакъ—спокойной ночи, пріятнаго сна гг. поэтамъ!.. Пока они проснутся отъ скрипа

Пусть говорятъ галломаны, что мы не имѣемъ спондеевъ!

Мы ихъ найдемъ, исчисляя дѣянія Россіи:
Галль, Персъ, Пруссъ, Хинъ, Шведъ, Венгръ,
Турокъ, Сарматъ и Саконецъ,—
Всѣхъ побѣдили мы, всѣхъ мы спасли, и всѣхъ охраняемъ!

Въ „Современникѣ“ 1859 г., т. LXXIII, помѣщена статья Е. Колбасина о Воейковѣ; въ статьѣ между прочимъ указывается, что „Воейковъ очень много трудился по части открытія спондеевъ въ русскомъ стихосложеніи“.

¹⁾ Этимъ „варваромъ-журналистомъ“ былъ издатель „Телескопа“, Надеждинъ...

²⁾ Одинъ изъ литераторовъ и поэтовъ, нынѣ забытыхъ, а прежде считавшихся знаменитыми, изобрѣлъ было и спондей; но его изобрѣтеніе имѣло одну участь съ изобрѣтеніемъ гексаметровъ „профессоромъ элоквиціи, а паче всего хитростей пѣтическихъ“, Василиемъ Кирилловичемъ Тредіаковскимъ.

Прим. Бѣлинскаго.

Бѣлинскій говоритъ здѣсь о А. Ѳ. Воейковѣ, который еще въ началѣ XIX вѣка создалъ слѣдующее курьезное и знаменитое въ то время четверостишіе:

октавъ г. нововводителя, мы рѣшимъ и безъ нихъ, почему эти октавы не произвели никакихъ слѣдствій: потому что явились немного рано, во время перехода, а не по его окончаніи. Нашъ слухъ только окрѣпаетъ, но еще не окрѣитъ: новыя октавы немного дерутъ его. Но погодите, скоро онъ прислушается къ этому, особливо когда молодое поколѣніе, внявъ голосу г. реформатора, придетъ къ нему на помощь. Подвигъ великій, интересъ всеобщій, вопросъ мировой! Дѣло идетъ о судьбѣ искусства въ Россіи, которое непременно погибнетъ безъ октавъ: такъ молодому ли поколѣнію оставаться празднымъ, когда его дѣятельности предстоитъ такое обширное поле!..

Не хотите ли знать, какъ пришла г. Шевыреву эта прекрасная мысль? Послушаемъ его самого:

Съ послѣдними звуками нашей монотонной музыки въ ушахъ я уѣхалъ въ Италію... Долго я не слышалъ русскихъ стиховъ, которые памяты мнѣ были только однимъ однозвучіемъ (?!!)... Вслушивался въ сильную гармонію Данта и Тасса... Обратился къ нашимъ первымъ мастерамъ—нашелъ въ нихъ силу... устыдился изнѣженности, слабости и скудости нашего современнаго языка русскаго... Всѣ свои чувства и мысли объ этомъ я выразилъ тогда въ моемъ посланіи къ А. С. Пушкину, какъ представителю нашей поэзіи¹⁾. Я предчувствовалъ необходимость переворота въ нашемъ стихотворномъ языкѣ: мнѣ думалось, что сильныя, огромныя произведенія Музы не могутъ у насъ явиться въ такихъ тѣсныхъ, скудныхъ формахъ языка; что намъ нуженъ большій просторъ для новыхъ подвиговъ. Безъ этого переворота ни создать свое великое, ни переводить творенія чужія мнѣ казалось и кажется до сихъ поръ невозможнымъ (???). Но я догадывался также, что для такого переворота надо всѣмъ замолчать на нѣсколько времени, надо отучить слухъ публики отъ дурной привычки... Такъ теперь и дѣлается. Поэты молчатъ. Первая половина моего предчувствія сбылась: авось сбудется и другая.

Пока сбудется вторая половина предчувствія г. Шевырева, подивимся, какъ много новыхъ истинъ заключается въ немногихъ его строкахъ, выписанныхъ нами! Мы думали, что, на примѣръ, стихи Пушкина памяты всякому образованному русскому своимъ высокимъ художественнымъ достоинствомъ, а не однимъ своимъ однозвучіемъ; теперь ясно, что мы ошибались! Потомъ, мы думали, что „сильныя, огромныя произведенія Музы“ могутъ являться такъ же хорошо и въ „тѣсныхъ и скудныхъ формахъ языка“, какъ въ широ-

кихъ и богатыхъ, основываясь на примѣрѣ Шекспира и Байрона, которые заковывали свои исполнскія созданія въ бѣдныя и однообразныя метры англійскаго стихосложенія, и которые, право, не ниже хотъ, на примѣръ, господина Виргилія, отца немного тощей мысли „Энеиды“, хотя писанной богатымъ, роскошнымъ гекзаметромъ: и это наше мнѣніе оказалось ложнымъ. Наконецъ, „надо всѣмъ замолчать на нѣсколько времени (вотъ въ этомъ-то мы вполне согласны съ г. Шевыревымъ!), надо отучить слухъ публики отъ дурной привычки... Такъ теперь и дѣлается... Поэты молчатъ“. А! такъ вотъ почему они молчатъ?.. Они ожидали реформы, а не по немнѣнію голоса?.. Боже мой! какъ много новаго можно иногда сказать въ немногихъ словахъ!..

Я самъ знаю недостатки моей копіи. Стихи мои слишкомъ рѣзки, часто жестки и даже грубы.

Мы съ этимъ совсѣмъ несогласны, но не хотимъ опровергать скромнаго переводчика, потому что приведенныя нами въ примѣръ двѣ октавы его могутъ служить самымъ убѣдительнымъ опроверженіемъ этихъ словъ... Но довольно объ октавахъ!..

Теперь слѣдуетъ разборъ г. Шевырева стихотвореній г. Бенедиктова... Этотъ разборъ замѣчателенъ: онъ доставилъ новому стихотворцу большую извѣстность, по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ. И неудивительно: этотъ разборъ есть истинный дифирамбъ, истинное изліяніе восторженнаго чувства: это доказываетъ и непомѣрное обиліе точекъ послѣ cadaго періода, и необыкновенная цвѣтистость языка... Тѣмъ строжайшему разбору долженъ бы подвергнуться этотъ разборъ; но, съ одной стороны, у кого достанетъ духа холодною прозою разсудка опровергать пламенную поэзію чувства, плодомъ котораго былъ этотъ вдохновенный разборъ; съ другой же стороны я твердо рѣшился ничего больше не говорить о стихотвореніяхъ г. Бенедиктова, тѣмъ болѣе, что моя рѣшительность сдѣлалась еще тверже, когда я прочелъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ новое стихотвореніе этого поэта „Кудри“, гдѣ онъ говоритъ какъ пріятно *наматывать на палецъ кудри и припекать ихъ поцѣлуями*: что можно сказать противъ такой поэзіи?

Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ о стихотвореніяхъ г. Бенедиктова, взглянемъ на статью г. Шевырева, взглянемъ хладнокровно и даже холодно: мы не остудимъ этимъ ея теплоты. Сначала критикъ радуется звукамъ новой лиры, внезапно раздавшейся среди всеобщаго затишья нашихъ лиръ. И такъ, еще старые поэты спятъ (да продлитъ Господь ихъ сонъ!), они еще не проснулись, а ужъ явился новый поэтъ — съ чѣмъ же? съ октавою?.. О, нѣтъ! съ прежними моно-

¹⁾ Не знаемъ, не вслѣдствіе ли ужъ этого посланія Пушкинъ написалъ октавами свою шуточную и остроумную бездѣлку „Домикъ въ Коломиѣ“; только октавы Пушкина состоятъ въ одномъ расположеніи рима и осьмистишіи строфъ, а во всемъ прочемъ онъ не что иное, какъ правильные цезурные пятистопные ямбы; въ нихъ нѣтъ даже развода мужескимъ и женскимъ стихамъ, а только разрѣшеніе наглагольной римы. Вообще это стихотвореніе есть шутка, написанная безъ всякихъ претензій на важность и нововведеніе.

тонкими ямбами, хорееми, амфибрахиями — но зато „съ глубокою мыслью на челѣ, съ чувствомъ нравственнаго цѣломудрія, и даже съ нѣкоторымъ опытомъ жизни“. Такъ, стало быть, и безъ октавъ можно еще быть глубокимъ въ мысляхъ и, следовательно, глубокимъ въ чувствахъ?.. Потомъ, критикъ спрашиваетъ себя, что ему дѣлать отъ такой внезапной радости: поздравить ли русскую публику съ великимъ поэтомъ, или сохранить строгую неподвижность, какъ будто недоступную никакому насилію впечатлѣнія, сказать только: *хорошо, но посмотримъ!* и тѣмъ взять на себя „душегубство неразвившагося таланта“?.. Критикъ не долго думалъ и, разумѣется, рѣшился на первое, а мы пока оставимся на „душегубствѣ“.

Есть странное мнѣніе, что строгій и рѣзкій приговоръ можетъ убить неразвившееся дарованіе. Правда ли это? Положимъ, если и можетъ — тогда что-жъ за бѣда такая?.. Въ чему эти поэты, которыхъ заставляетъ замолчать первая выходка критики, какъ раскричавшагося ребенка лоза няньки? — Истиннаго и сильнаго таланта не убьетъ суровость критики, такъ же какъ незначительнаго не подыметъ ея привѣтъ. Поэтомъ можетъ назваться только тотъ, кто не можетъ не писать, кто не въ силахъ удерживать вѣчно пламенныхъ порывовъ своей фантазіи. Вспомните, какъ встрѣченъ былъ Байронъ; вспомните, какъ встрѣченъ былъ нашъ Пушкинъ: что-жъ — испугался ли тотъ и другой? Первый отвѣчалъ желчною сатирою и „Чайльдъ-Гарольдомъ“, второй тоже продолжалъ идти впередъ, и, какъ будто тѣшась надъ своими аристархами, припечаталъ ихъ поученія ко второму изданію „Руслана и Людмилы“. Въ истинномъ поэтѣ предполагается глубокая вѣра въ свое призваніе; притомъ же, если критика несправедлива, она встрѣчаетъ сильную оппозицію въ публикѣ.

Въ западной Европѣ еще можетъ имѣть смыслъ это мнѣніе, у насъ же рѣшительно никакого; тамъ, если освистано первое произведеніе не развившагося таланта, этотъ талантъ можетъ умереть съ голоду, прежде нежели напишетъ второе произведеніе, которое должно поднять его во мнѣніи публики; у насъ, слава Богу, никто съ голоду не умираетъ, и вопросъ о жизни и смерти не рѣшается изданіемъ книжки стихотвореній. Нѣтъ, не нужно намъ поэтовъ, которыхъ талантъ можетъ убить первая строгая или несправедливая критика; у насъ и такъ ихъ много; если критика заставитъ хоть одного изъ нихъ благоразумно замолчать, то сдѣлаетъ очень доброе дѣло...

Послѣ могучаго, первоначальнаго періода созданія языка, расцвѣтъ въ нашей поэзіи періодъ формъ самыхъ изящныхъ, самыхъ утонченныхъ... Это

былъ періодъ картинъ, роскошныхъ описаній, гармоніи чудесной, живой, хотя однообразной, вѣги, иногда глубины чувства, растворенной тоскою о прошломъ... Однимъ словомъ, это была эпоха *изящнаго матеріализма* въ нашей поэзіи... Слухъ нашъ дрожалъ отъ какой-то роскоши раздражительныхъ звуковъ... упивался ими, скользилъ по нимъ, иногда не вслушиваясь въ нихъ... Воображеніе наслаждалось картинами, но болѣе *чувственными*... Иногда только внутреннее чувство, чувство сердечное, и особенно чувство грусти неземной вѣяло чѣмъ-то духовнымъ въ поэзіи... Но *матеріализмъ торжествовалъ... Формы убивали духъ*...

Вотъ приступъ г. Шевырева къ похвальному слову г-ну Бенедиктову. Послѣ этого приступа онъ говоритъ:

Есть другая сторона въ поэзіи, другой міръ — міръ мысли, міръ идеи поэтической, которая скрыта глубоко. Въ нѣкоторыхъ современныхъ поэтахъ проявлялось стремленіе къ мысли, но было частію сдѣланнымъ не столько поэтическаго, сколько философическаго направленія, привитаго къ намъ изъ Германіи... Для формъ мы уже сдѣлали много, для мысли еще мало, почти ничего. Періодъ формъ, періодъ матеріальный, языческій, однимъ словомъ, періодъ *стиховъ* и пластицизма уже кончился въ нашей литературѣ сладкозвучною сказкою: пора наступитъ другому періоду, духовному, періоду мысли!

Нужно ли говорить, кто у г. Шевырева является главою этого ожидаемаго періода мысли въ исторіи нашей литературы?.. Довольно — остановимся на этомъ.

Итакъ, первый русскій поэтъ, созданія котораго проникнуты мыслию, есть г. Бенедиктовъ!.. Поздравляемъ г. Шевырева съ открытіемъ, а публику съ пріобрѣтеніемъ!.. У насъ шутить не любятъ; какъ примутся хвалить, такъ какъ-разъ въ боги запишутъ и храмъ соорудятъ. Но пусть такъ — похвала отъ убѣжденія не бѣда; но вѣдь убѣжденіе-то должно же быть согласно съ здравымъ смысломъ?.. Но отдавая должное г. Бенедиктову, г. Шевыревъ долженъ же былъ, по своему-жъ убѣжденію, не обижать заслуженныхъ корифеевъ нашей литературы?.. Такъ г. Бенедиктовъ выше Пушкина, Жуковскаго, Грибоѣдова, не говоря уже о Козловѣ, Подлинскомъ, Веневитиновѣ, Ѳ. Глинкѣ и другихъ?.. Когда у насъ былъ этотъ „періодъ картинъ роскошныхъ описаній“, эта „эпоха изящнаго матеріализма“?.. Кто ея представители?.. Гг. Языковъ и Хомяковъ, изъ которыхъ первый есть неоспоримо поэтъ, поэтъ истинный, но поэтъ именно картинъ, роскошныхъ описаній, поэтъ изящнаго матеріализма, второй же блистательный поэтъ выраженія, и только выраженія, поддѣлывающійся подъ мысль, но сильный однимъ только выраженіемъ?.. Если такъ, то мы совершенно согласны съ г. Шевыревымъ, но вѣдь гг. Языковъ и Хомяковъ не суть представители всей нашей поэзіи, но вѣдь они стоятъ и не въ первомъ ряду нашихъ поэтовъ, которыхъ, впрочемъ, такъ немного, но вѣдь остаются еще Пушкинъ, Жуковский,

Грибоѣдовъ, впереди которыхъ нѣтъ никого и за которыми стоятъ еще и другія дарованія, кромѣ гг. Языкова и Хомякова. Пушкинъ можетъ принадлежать къ періоду „изящнаго матеріализма“ только „Русланомъ и Людмилою“. Развѣ въ Черкешенкѣ его „Кавказскаго Плѣнника“ нѣтъ идеи, нѣтъ мысли? Развѣ его Зарема, Марія, Гирей, его Алеко, Земфира, словомъ, вся поэма „Дыганъ“ не суть произведенія мысли глубокой, могучей, поэтической? А Марія, Мазепа, Кочубей „Полтавы“ — въ нихъ тоже нѣтъ мысли? А „Годуновъ“ — неужели въ немъ меньше мысли, чѣмъ въ стихотворныхъ набрякушкахъ г. Бенедиктова? А „Онѣгинъ“, этотъ живой, движущійся міръ лицъ, мыслей, чувствъ?.. Теперь о Жуковскомъ. Конечно, многія его пьесы, какъ-то: „Пѣвецъ во станѣ Русскихъ Воиновъ“, „Пѣвецъ на Кремлѣ“, „Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ-Побѣдителей“, большая часть посланій, нѣкоторые переводы, какъ, напр., „Пиршество Александра“ изъ Драйдена, большая часть балладъ — конечно, все это не поэзія въ собственномъ смыслѣ, все это не больше, какъ прекрасные стихи, которые все-таки въ миліонъ разъ лучше стиховъ г. Бенедиктова; но за Жуковскимъ остаются еще его элегіи, романсы, пѣсни, переводныя и оригинальныя, его „Ахиллъ“, и „Эолова Арфа“, его переводъ „Іоанны д'Аркъ“: развѣ во всемъ этомъ нѣтъ мысли, нѣтъ идеи, развѣ все это относится къ періоду „изящнаго матеріализма, періоду формъ, поглощавшихъ идеи“?.. Странно!.. „Горе отъ Ума“ тоже прекрасно однѣми формами и лишено мысли, идеи?.. Не понимаемъ!.. Итакъ, даже самъ Пушкинъ ниже г. Бенедиктова?.. Поздравляемъ!.. Вотъ вамъ заслуга, вотъ намъ слава ваша, поэты!

Вотъ ваши строгіе цѣнители и судьи!

Да впрочемъ, что-жъ тутъ непріятнаго для поэтовъ? Они могутъ отвѣчать намъ стихомъ изъ той же комедіи:

А судьи—кто?..

Повторяю—убѣжденіе прекрасно, но оно должно быть основано, по крайней мѣрѣ, хоть на здоровомъ смыслѣ, если не на чувствѣ, не на умѣ, иначе это убѣжденіе будетъ хуже неспособности имѣть какое-либо убѣжденіе. Въ этомъ случаѣ, мы говоримъ смѣло и твердо: мы опираемся на публику, на всѣхъ образованныхъ людей, на здравый смыслъ, на умъ, на чувство. Другое дѣло—достоинство стихотвореній г. Бенедиктова: оно еще можетъ быть, до нѣкоторой степени и для нѣкоторыхъ людей, спорнымъ вопросомъ; но такія гиперболическія похвалы—воля ваша—онѣ похожи на оду какого-нибудь Гафиза или Саади персидскому шаху..

Но этимъ не все кончилось: вотъ еще

мысль г. Шевырева, которая удивляетъ своею странностью, по крайней мѣрѣ, насъ:

Я съ полнымъ убѣжденіемъ вѣрю въ то, что только два способа могутъ содѣйствовать къ искупленію нашей нашей поэзіи: во первыхъ мысль; во-вторыхъ, глубокое своенаходное изученіе произведеній древнихъ и новыхъ народовъ.

Нѣтъ, эти два способа сами по себѣ ничего не значатъ; они могутъ имѣть смыслъ только при третьемъ способѣ: при появленіи на поприщѣ литературы истинныхъ и великихъ поэтовъ, которыхъ нельзя сдѣлать никакими способами.

Послѣ этого г. Шевыревъ говоритъ, что первая отличительная черта стихотвореній г. Бенедиктова есть мысль, и въ доказательство выписываетъ плохенькое стихотвореніе „Цвѣтокъ“ и знаменитый „Утесъ“. Второю отличительною чертою стихотвореній г. Бенедиктова онъ полагаетъ „могучее нравственное чувство добра, слитое съ чувствомъ цѣломудрія“¹⁾. Потомъ слѣдуютъ комплименты и выписки пѣсней.

Теперь дохожу до статьи г. Шевырева о драмѣ Альфреда де Виньи „Чаттертонъ“. Критикъ разсматриваетъ ее съ двухъ сторонъ: сперва въ отношеніи къ ея идеѣ, потомъ въ отношеніи ея художественнаго исполненія. Мы особенно займемся первою частью его статьи, которая и полнѣе, и подробнѣе, и гораздо важнѣе въ томъ смыслѣ, что въ ней съ горячимъ убѣжденіемъ выдается за непреложную истину ужасный парадоксъ. Во второй части статьи сказано очень мало и сказано то, что можно сказать объ этой драмѣ даже и не читавши ея, но зная характеръ и господствующую идею въ твореніяхъ де Виньи и соображаясь съ сужденіями французскихъ критиковъ. Г. Шевыревъ отдаетъ справедливость автору за его умѣренность въ ужасахъ, на которые такъ неумѣренна вообще вся современная французская литература, за простоту и естественность въ ходѣ его пьесы, чуждой всѣхъ натяжекъ, подставокъ и театральныхъ эффектовъ искусственной музы Виктора Гюго. Г. Шевыревъ говоритъ, что отличительный характеръ нынѣшней французской литературы состоитъ въ ея зависимости отъ всѣхъ европейскихъ литературъ, такъ какъ прежде отличительный характеръ всѣхъ европейскихъ литературъ состоялъ въ зависимости отъ французской; но въ то же время г. Шевыревъ признается, что французы, беря чужое, любятъ переиначивать его по-своему, или, какъ онъ говоритъ, преувеличивать

¹⁾ Это чувство цѣломудрія особенно выразилось въ его пьесѣ „Наѣздинца“, которой мы не выписываемъ, хотя бы это было теперь и негати, потому что имѣемъ свои понятія о чувствѣ цѣломудрія и боимся оскорбить въ нашихъ читателяхъ это чувство.

(*exagérer*), и что, поэтому, отличительный характеръ ихъ произведеній состоитъ въ *преувеличеніи* (*exagération*). По его мнѣнію, поэзія Виктора Гюго есть „вогнутое зеркало, гдѣ искажилась поэзія Шекспира, Гете и Байрона, гдѣ романтизмъ (?) британо-германскій взбилъ хохоль до потолка, вытянулъ лицо и всталъ на дыбы, и совершенно обезобразилъ свое естественное, выразительное лицо“, и что поэтому она есть „клевета не только на романтизмъ (?), но и на природу человѣческую“. Это совершенная правда, но крайней мѣрѣ въ отношеніи къ драмамъ Гюго, которыя суть истинная клевета на природу человѣческую и на творчество; но въ подражаніи ли, въ зависимости ли отъ Шекспира, Гете и Байрона заключается причина этого?.. Намъ кажется, что эта причина гораздо ближе, что она въ господствѣ идеи, которая не связана съ формою, какъ душа съ тѣломъ, но для которой форма прибравается по прихоти автора, у котораго идея всегда одна, всегда готовая, всегда отрѣшенная отъ всякаго образнаго представленія, никогда не проходящая чрезъ чувство, слѣдовательно чисто философская, задача ума, рѣшаемая логически, и у котораго форма составляется послѣ идеи, вырабатывается отдѣльно отъ ней, составляетъ для ней не живое и органическое тѣло, съ уничтоженіемъ котораго уничтожается и идея, а одежду, которую можно и надѣть, и опять снять, и перекроить, и перешить, и въ которой главное дѣло въ томъ, чтобы она была впору, сидѣла плотно, безъ складокъ и морщинъ. Въ Гюго нельзя отрицать поэтическаго элемента, но онъ совсѣмъ не драматикъ, онъ идетъ по пути ложному, избранному вслѣдствіе системы, а не безотчетнаго стремленія. И это очень понятно: онъ явился въ эпоху умственного переворота, въ годину реформы въ понятіяхъ объ изящномъ, и потому часто творилъ не для творчества, а для оправданія своихъ понятій объ искусствѣ; словомъ, Гюго есть жертва этого нелѣпаго романтизма, подъ которымъ разумѣли эмансипацію отъ ложныхъ законовъ, забывъ, что онъ долженъ былъ состоять въ согласіи съ вѣчными законами творящаго духа. Странное дѣло! Объ этомъ романтизмѣ толковали и спорили и въ Германіи и въ Англіи, но онъ тамъ не сдѣлалъ никакого вреда. Вѣроятно, потому, что его тамъ понимали настоящимъ образомъ. Обратимся къ Альфреду де Виньи. У него есть тоже идея и идея постоянная, но эта идея у него въ сердцѣ, а не въ головѣ, и потому не вредитъ его творчеству. Какъ всякій поэтъ съ истиннымъ дарованіемъ, онъ простъ, неизысканъ, естественъ, добросовѣстенъ, и потому болѣе поэтъ, нежели Гюго. Что же

касается вообще до всей французской литературы, то намъ кажется, что несмотря на всю свою народность, она не народна, что всѣ ея корифеи какъ будто не въ своей тарелкѣ, и потому, при всей блистательности своихъ талантовъ, не могутъ создать ничего вѣчнаго, безсмертнаго. Французъ весь въ своей жизни, у него поэзія не можетъ отдѣляться отъ жизни, и потому его родъ не драма, не комедія, не романъ, а водевиль, пѣсня, куплетъ, и развѣ еще повѣсть. Беравже есть царь французскій поэзіи, самое торжественное и свободное ея проявленіе; въ его пѣснѣ и шутка, и острота, и любовь, и вино, и политика, и между всѣмъ этимъ, какъ бы внезапно и неожиданно сверкнетъ какая-нибудь человѣческая мысль, промелькнетъ глубокое или восторженное чувство, и все это проникнуто веселостью отъ души, какимъ-то забвеніемъ самого себя въ одной минутѣ, какою-то застольною беззаботливостью, пиршественною безпечностью. У него политика поэзія, а поэзія политика, у него жизнь поэзія, а поэзія жизнь. И вотъ поэзія француза: другой для него не существуетъ. Онъ мастеръ еще рассказывать, какъ справедливо замѣтилъ г. Шевыревъ; но его не станетъ на долгій рассказъ, его рассказъ — мимолетный эпизодъ, черта изъ жизни — и не романъ, а повѣсть его законный родъ. И посмотрите, какъ эта повѣсть удалась ему, какъ она властвуетъ надъ его досугомъ, его мыслию. Но это опять-таки повѣсть французская, синтетическая картина внѣшней жизни, а не аналитическая исторія души, сосредоточенной въ самой себѣ, какъ у нѣмцевъ, и при томъ не въ фантастическихъ попыткахъ, не въ психическихъ опытахъ, которые всегда неудачны, а въ представленіи внѣшней, общественной жизни. Герой нѣмца сидитъ на бѣдномъ чердакѣ и, мученикъ мысли, то выпытываетъ изъ своей головы теорію звука, тайну его вліянія на душу, то, мученикъ своего разстроеннаго воображенія, представляетъ себя жертвою какого-то враждебнаго духа, то создаетъ себѣ идеалъ женщины и, воспламененный имъ, возвышается до геніальной дѣятельности въ искусствѣ, и потомъ, нашедши осуществленіе этого идеала не въ ангелѣ, не въ пери, а въ смертной женщинѣ, сдѣлавшись ея обладателемъ, начинаетъ ненавидѣть ее, своихъ дѣтей, самого себя, и оканчиваетъ все это сумасшествіемъ: вспомните „Кремонскую Скрипку“, „Песочнаго человѣка“, „Живописца“ Гофмана. У француза герой представляется иногда на чердакѣ, или въ какомъ-нибудь мѣщанскомъ пансіонѣ *матушки* Вокеръ, но съ этого чердака душа его стремится не на небо, не въ преисподнюю, не въ міръ волшебства и фантазіи,

жаждетъ не внутренней жизни, не любви сосредоточенной, затворнической, вѣ жизни, не тѣснаго міра вдвоемъ, томится не мыслию, не идеею, а рвется на балъ, на паркетъ, гдѣ море огня, гдѣ блескъ и радость, громъ музыки и танцы, гдѣ герцогини и маркизы, жаждетъ эффектовъ, хочетъ блистать, удивлять, желаетъ любви, но открытой, но могущей доставить ему торжество, возбудить къ нему зависть... Да, пусть будетъ все такъ, какъ должно быть, тогда все будетъ хорошо и прекрасно. Не хлопчите о воплощеніи идей: если вы поэтъ — въ вашихъ созданіяхъ будетъ идея, даже безъ вашего вѣдома; не старайтесь быть народными: слѣдуйте свободно своему вдохновенію — и будете народны, сами не зная какъ; не заботьтесь о нравственности, но творите, а не дѣлайте — и будете нравственны, даже на зло самимъ себѣ, даже усиливаясь быть безнравственными!

Альфредомъ де Виньи овладѣла мысль о бѣдственномъ положеніи поэта въ обществѣ, о его враждебномъ отношеніи къ обществу, которому онъ служитъ, и которое, въ награду за то, допускаетъ его умереть съ голоду. Эту идею онъ выразилъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи „Стелло“. Мы еще не успѣли изгладить грустныхъ впечатлѣній, произведенныхъ на насъ судьбою Чаттертона, какъ его творецъ дарить насъ опять тѣмъ же Чаттертономъ, но только въ новой формѣ, уже въ драмѣ, а не въ повѣсти. Вѣ мысли Альфреда де Виньи много истины. Но не такую показала она г. Шевыреву, и онъ напалъ на нее стремительно, опровергаетъ ее съ какимъ-то ожесточеніемъ, какъ явную нелѣпость, какъ клевету на общество. Разсмотримъ этотъ вопросъ.

Не имѣя подъ рукою драмы де Виньи, мы принуждены воспользоваться нѣсколькими строками перевода г. Шевырева изъ предисловія автора:

Развѣ вы не слышите звуковъ уединенныхъ пистолетовъ? Ихъ удары краснорѣчивѣе, чѣмъ мой слабый голосъ. Не слышите ли вы, какъ эти отчаянные юноши просятъ насущнаго хлѣба, и никто не платитъ имъ за работу? Какъ? Ужели націи до такой степени лишены избытка? Ужели отъ двorcовъ и милліоновъ, нами расточаемыхъ, не остается у насъ ни чердака, ни хлѣба для тѣхъ, которыхъ безпрестанно покушаются насильно идеализировать ихъ націи? Когда перестанемъ мы отвѣчать имъ „desperar and die! (отчаявайся и умирай!)“. Дѣло законодателя излѣчить эту рану, самую живую, самую глубокую рану на тѣлѣ нашего общества и пр.

Первая половина мысли Альфреда де Виньи очень вѣрна, вторая очень ложна. Поэтъ природою поставленъ во враждебныя отношенія съ обществомъ; общество предполагаетъ нѣчто положительное, матеріальное, а царство поэта не отъ міра сего. Те-

перь, возможно ли примирить поэта съ жизнію, не поссоривъ его съ поэзіей? Поэтъ погибаетъ часто жертвою общества, и общество въ этомъ нисколько не виновато. Объяснимся.

Является поэтъ съ истиннымъ талантомъ. Кто судья его таланта? Общество. Теперь, можетъ ли оно судить всегда безошибочно и безпристрастно? Но общество имѣетъ своихъ представителей: слѣдовательно, на нихъ лежитъ отвѣтственность за гибель поэта! Хорошо: но развѣ эти представители также не могутъ ошибаться насчетъ его достоинства, особливо когда онъ не приобрѣлъ еще никакого авторитета? Какъ назначать они ему пенсію, если онъ еще не показалъ своего таланта во всей его силѣ? А когда онъ покажетъ его, ему уже не нужно пенсіи: его творенія расходятся. Неужели общество должно кормить всякаго, кто только назоветъ себя поэтомъ? Въ такомъ случаѣ оно само умерло бы съ голоду. И всегда ли общество является гонителемъ и врагомъ поэта? Оно изгнало Тасса, но не за поэзію, а за любовь, на которую не почитало его въ правѣ; оно изгнало Данта, но не за поэзію, а за участіе въ политическихъ дѣлахъ; оно низко оцѣнило Мильтона, зато какъ лелѣяло Расина и Мольера! Если Мильтонъ точно великій поэтъ, то общество потому не оцѣнило его, что, по своему образованію, было не въ силахъ этого сдѣлать. Чѣмъ же оно виновато въ отношеніи къ поэту? Ничѣмъ. И между тѣмъ поэтъ все-таки умираетъ, умираетъ и будетъ умирать съ голоду, среди его, среди этого общества, столь благоклоннаго къ нему, столь лелѣющаго его. Въ чемъ же причина этого противорѣчія?..

Альфредъ де Виньи показываетъ Чаттертона, питающагося почти подаяніемъ, выпивающаго склянку съ ядомъ; Жильбера, при смерти проклинающаго своего отца и мать, за то, что они выучили его грамотѣ и тѣмъ оторвали отъ плуга и обратили къ перу; Шенье, на гильотинѣ; ссылается на пистолетные выстрѣлы, на вопль: „хлѣба! хлѣба!“

Г. Шевыревъ говоритъ, что все это преувеличено даже въ отношеніи къ прежнимъ временамъ, и совершенно ложно въ отношеніи къ настоящему времени; что нынѣ поэтъ богачъ, весь въ золотѣ, окруженный мраморомъ и бронзою, не только всѣми удобствами цивилизаціи, но и всѣми ея прихотями, и, въ доказательство своего мнѣнія, съ торжествомъ указываетъ на Вальтеръ-Скотта, Гёте, Байрона, даже на самого де Виньи, который, по его мнѣнію, клеветаетъ на общество, заступаетъ за бѣднаго собрата въ кабинетѣ, украшенномъ всею роскошью парижской промышленности, лежа на бархатной подушкѣ, и, когда кончилъ свою повѣсть о бѣдствіяхъ Чаттертона,

весьма сытно и вкусно поужиналъ, въ полномъ удовольствіи отъ своего труда.

Вальтеръ-Скоттъ, Гёте и Байронъ!... Да—это примѣры блистательные, но, къ несчастью, не доказательные. Вальтеръ-Скоттъ точно было-разбогатѣлъ, и разбогатѣлъ своими литературными трудами; но зато надолго ли? Онъ умеръ почти банкротомъ. Богатство Гёте зависѣло не столько отъ его литературной дѣятельности, сколько отъ особеннаго стеченія обстоятельствъ; не всякому, какъ Гёте, удастся выхлопотать у всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ привилегію противъ контрафакцій, и такимъ образомъ сдѣлаться монополистомъ своихъ произведеній; а безъ этой мѣры нѣмецкій литераторъ не разбогатѣетъ. Что касается до Байрона—о немъ и говорить нечего; Байронъ былъ лордъ Британіи!... Г. Шевыревъ продолжаетъ:

Развѣ вы не помните процесса Виктора Гюго съ его книгопродавцемъ, процесса, который кончился не къ славѣ перваго поэта Франціи?... Г. де-Ламартину, вѣроятно, съ большимъ барышемъ окупилась всѣ издержки его путешествія на Востокъ?... Давно ли Дюма, нищимъ пришедшій въ Парижъ, давалъ балы для своихъ друзей и парижскихъ красавицъ?... Не драмы ли его дали ему средства объѣздить Швейцарію и Италію?... Какой изъ современныхъ поэтовъ Франціи не ведетъ обширныхъ счетовъ съ Евгеніемъ Рандюлемъ? Какой изъ нихъ не ѣздитъ въ каретахъ, не живетъ въ комнатахъ бронзовыхъ, зеркальных и бархатныхъ?...

Все это прекрасно, но все это, къ несчастью, мечты, а не дѣйствительность! Всѣ литературныя знаменитости современной Франціи живутъ въ довольствѣ, но не въ богатствѣ, живутъ, какъ порядочные *bourgeois*, и занимаютъ квартиры, удобныя и просторныя, хорошо и со вкусомъ меблированныя, но простыя и обыкновенныя, а не дворцы; нѣкоторые, можетъ быть, имѣютъ и свои кареты, но большая часть катается въ наемныхъ; золото же, мраморъ и бархаты они видятъ и часто, но только не у себя дома. Это можно сказать смѣло. Чтобъ жить такъ роскошно, какъ описываетъ г. Шевыревъ, надо получать полмилліона ежегоднаго дохода: а кто изъ нихъ ежегодно получить и пятую долю этой суммы? Нѣтъ, что ни говорите, а огромный домъ въ Сентъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ и родовое имѣніе, дающее въ годъ сто или двѣсти тысячъ ливровъ, вѣрнѣе и надежнѣе всякаго таланта, всякаго генія, какъ бы тотъ и другой великъ ни былъ. Тамъ только получай и пользуйся, ни о чемъ не думая и не унижая своего человѣческаго достоинства житейскими хлопотами желудка ради; здѣсь непрерывный трудъ и работа, часто уклоненіе отъ своего назначенія, иногда потеря души для удовлетворенія бѣдной человѣческой природы, требованій прихотей и обще-

житія. Чтобы увидѣть во всей ясности всю неосновательность мнѣнія г. Шевырева, стоить только указать на поѣздку Дюма въ Швейцарію, которую онъ приводитъ, какъ доказательство несмѣтнаго богатства, стяжаннаго талантомъ: намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что мѣсто въ дилижансѣ, отъ Парижа до Базеля, стоить *шестьдесятъ франковъ* и что потомъ *шесть сотъ франковъ* слишкомъ достаточно, чтобъ объѣздить всю Швейцарію; а Дюма ходилъ пѣшкомъ, что еще дешевле. Гдѣ же логика?...

Правда, въ нашъ вѣкъ поэтъ не есть сынъ общества, напротивъ, онъ его любимое, балованное дитя; толпа уже не косится на него съ презрѣніемъ или лаемъ, но съ почтеніемъ разступается предъ нимъ и даетъ дорогу, даже не понимая, что онъ такое. Даже и у насъ на святой Руси сильный, богатый баринъ почитаетъ за честь знакомство съ извѣстнымъ поэтомъ, читаетъ его стихи, прислушивается къ говору сужденій, чтобъ умѣть сказать при случаѣ слова-два о его стихахъ, словомъ, смотритъ на поэта не только не какъ на бесполезную, но даже какъ на очень полезную мебель для украшенія своей гостиной на нѣсколько часовъ. И у насъ, говорю я, богатый и знатный баринъ, привилегированный гражданинъ модныхъ залъ, бѣется изъ всѣхъ силъ, низко кланяется журналисту, чтобы тотъ помѣстилъ въ своихъ листкахъ его стишки и далъ ему право назваться *поэтомъ*. По крайней мѣрѣ, подобныя явленія теперь не рѣдки. Но вотъ въ чемъ бѣда-то: общество иногда озолотитъ какого-нибудь Бальзака и допуститъ умереть съ голоду какого-нибудь Шиллера; надѣнетъ вѣнокъ на голову какого-нибудь г. Бальвера и равнодушно пройдетъ мимо какого-нибудь Байрона. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что оно уважаетъ идею поэта; но всегда ли оно безошибочно въ выборѣ своихъ кумировъ?... Истинное чувство не для всѣхъ доступно, глубокая мысль не для всѣхъ понятна; яркость красокъ, мастерская обработка формъ скорѣе бросаются въ глаза толпѣ, составляющей общество, и сильнѣе раздражаютъ ея зрительный нервъ: потому что въ этой толпѣ больше найдется людей со вкусомъ—этимъ плодомъ образованности и навыка, нежели съ чувствомъ—этимъ даромъ природы. Это можно приложить не къ одному искусству. Если вы съ жаромъ и убѣжденіемъ излагаете ваше душевное мнѣніе, съ тѣмъ чтобы пріобрѣсть этимъ извѣстность, обратить на себя общее вниманіе, а не изъ чистой, безкорыстной любви къ истинѣ—то не хлопчите лучше: васъ никогда не замѣтятъ, вы всегда останетесь въ заднихъ рядахъ, васъ оцѣнятъ только немногіе, только избранные, а эти

немногіе, эти избранные, не составляютъ общества, которое дарить славою и авторитетомъ. Да! не хлопочите, или перемѣните свой образъ дѣйствія: замѣните основательную мысль звонкою фразою, теплое чувство громкою декламациею, благородную простоту выраженія цвѣтистою вычурностью, паркетною манерностью, изъ горячаго проповѣдника мысли сдѣлайтесь ловкимъ литераторомъ, который обо всемъ умѣетъ найтись сказать и прилично, и умно, и красно: тогда толпа ваша — властвуйте надъ нею! Эта мысль очень вѣрна: самъ г. Шевыревъ утверждаетъ ее, сказавши, что общество развращаетъ поэта, что, взаимѣнь своихъ милостей, своихъ даровъ, оно отнимаетъ у него независимость въ образѣ дѣйствованія, заставляетъ его поддѣлываться подъ свой характеръ, дѣлаетъ его своимъ лъстецомъ. Да! нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что поэтъ и общество стоятъ во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, что они естественные враги между собою. Съ одной стороны, общество его душистъ, прежде чѣмъ узнаетъ о его достоинствахъ; съ другой стороны, оно развращаетъ его своею благосклонностью. Конечно, у насъ есть и защита противъ него: въ первомъ случаѣ какое-нибудь счастливое обстоятельство, дающее ему средство придти, увидѣть и побѣдить; во второмъ случаѣ, геній, или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ большой талантъ, слишкомъ вѣрный инстинктъ творчества. Да! генія не убиваетъ обаяніе выгоды; оно убиваетъ Бальзаковъ, Жаненовъ, Дюма, но не Байроновъ, не Гёте, не Вальтеръ-Скоттовъ. Эти геніи могутъ быть даже людьми низкими, душами продажными — и все-таки золото безсильно надъ ихъ вдохновеніемъ. Чѣмъ платилъ Гёте своимъ высокимъ ласкателямъ? Двустипшіями на балы, плохими гекзаметрами, а не „Вертеромъ“, не „Вильгельмомъ Мейстеромъ“, не „Фаустомъ“. На чемъ сбили Вальтеръ-Скотта экономическіе расчеты и выкладки? На исторіи, а не на романахъ.

Странно и непонятно, какъ г. Шевыревъ не хотѣлъ видѣть, что въ наше время истинный талантъ и даже геній не можетъ точно умереть съ голоду, обезсиленный отчаянною борьбою съ внѣшнею жизнью, непризнанный, поруганный!... Неужели онъ не читалъ или забылъ прекрасную статью „Литературное Сотрудничество“, помѣщенную въ четвертой книжкѣ того журнала, въ которомъ онъ принимаетъ такое дѣятельное участіе? Если бы выписка не пришлась въ три или четыре страницы, мы представили бы изъ этой статьи такой сильный и ужасный фактъ, передъ которымъ должна пасть всякая теорія, всякое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Авторъ этой статьи Фран-

цузъ, онъ писалъ по собственному опыту, писалъ съ неподдѣльнымъ жаромъ и убѣжденіемъ. Онъ представляетъ юношу, котораго природа назначила быть поэтомъ, а отецъ велѣлъ ему быть медикомъ. Юноша сначала принуждаетъ себя, но природа беретъ свое, и онъ рѣшительно бросаетъ ненавистную науку. „Ты хочешь быть независимымъ ни отъ кого въ своихъ занятіяхъ, пишешь къ нему отецъ, будь же независимъ ни отъ кого и въ своемъ содержаніи“. Молодой человѣкъ въ отчаяніи: внѣшняя жизнь опутываетъ его своими сѣтями, нищета и голодъ раздѣляютъ его высокій чердакъ, садятся съ нимъ за его шаткій столъ, ложатся съ нимъ на его жесткомъ ложѣ. У него нѣтъ денегъ, но есть талантъ, а слѣдовательно и надежда: его голова горитъ, грудь тѣснится, и онъ торопится излить на бумагу тяготящее ихъ бремя, онъ работаетъ день и ночь. Драма готова; она, можетъ быть, отличается всѣми недостатками перваго опыта, всею уродливостью, происходящею отъ несосредоточенности силъ, но она пламенна, жива, геніальна. Онъ несетъ ее къ директору театра, но директоръ поручаетъ ее на разсмотрѣніе чиновнику театральнаго правленія, который, по недосугамъ, отдаетъ ее своей женѣ. Наконецъ пьеса одобряется; но она, какъ произведеніе молодого человѣка, должна быть *поправлена* театральнымъ *поправщикомъ*; а этотъ *поправщикъ* имѣетъ похвальное обыкновеніе оставлять развѣ третью часть труда автора, а двѣ приклеиваетъ свои. Молодой человѣкъ въ негодованіи беретъ назадъ свою драму и уходитъ домой. Еще прежде этого написалъ онъ прекрасный романъ: принесъ его къ книгопродавцу, который, какъ человѣкъ благовоспитанный, принялъ его очень ласково и предложилъ ему триста франковъ, замѣтя однако, что въ условіи будетъ сказано: двѣ тысячи, чтобъ „не оскорбить самолюбія автора“. Какъ отъ книгопродавца, такъ и отъ директора театра молодой человѣкъ уходитъ съ своею рукописью домой, а дома его ждетъ хозяинъ съ требованіемъ платы за квартиру, трактирщикъ съ счетомъ, лавочникъ съ другимъ; за ними рисуется изображеніе голодной смерти и смотритъ на него, какъ на вѣрную добычу, а изъ-за этого скелета выглядываетъ, какъ примиритель и посредникъ, неясная мысль о самоубійствѣ... Юноша гордъ, какъ всѣ люди съ сознаніемъ таланта, благороденъ, какъ всѣ цыклія души, міръ для него отвратителенъ, люди гадки, жизнь гнусна; и вотъ раздается „уединенный выстрѣлъ пистолета“, и вотъ умираетъ поэтъ среди общества, котораго онъ назначенъ былъ составлять славу, среди избытка роскоши и

успѣховъ цивилизаціи, среди шумнаго говора славы и изобилія, дѣлющихъ такое множество его собратій по ремеслу, которые, можетъ быть, всѣ ниже его своимъ талантомъ. И это еще во Франціи, а что же въ Англіи, гдѣ кусокъ насущнаго хлѣба такъ дорогъ, гдѣ борьба съ внѣшнею жизнью такъ ужасна, требуетъ такихъ великихъ силъ, гдѣ люди такъ холодны, такіе эгоисты, такъ погружены въ себя и въ свои расчеты!... Вѣдь не у всѣхъ же поэтовъ отцы богаты или достаточны, не у всѣхъ поэтовъ отцы не почитаютъ поэзіи пустымъ дѣломъ и не насилуютъ воли своихъ дѣтей, да иные поэты и не имѣютъ вовсе отцовъ, а бѣдный вездѣ виноватъ... О! много, много должно раздаваться „уединенныхъ выстрѣловъ пистолета“!... Альфредъ де Виньи, конечно, правъ!...

Эта исторія очень естественна и сбывается, эта катастрофа очень возможна и не удивительна!... Но Огюсть Люше, авторъ статьи, на которую я ссылаюсь, представляетъ эту катастрофу иначе, описываетъ самоубійство другого рода, болѣе ужасное и позорное, чѣмъ то, возможность котораго представилъ я отъ себя. У него молодой человѣкъ принимается за сотрудничество, входитъ во всѣ литературныя сдѣлки и подряды, дѣлаетъ свой талантъ средствомъ, искусство ремесломъ, лишается перваго, теряетъ способность понимать второе, и съ гордостью повторяетъ: „Моихъ актовъ играно до ста, а такого-то только семьдесятъ восемь, несмотря на то, что онъ прежде меня сталъ заниматься этимъ дѣломъ!“... Такое нравственное самоубійство не гибельнѣе ли физическаго?... О! Альфредъ де Виньи очень правъ!

Назвавъ идею Альфреда де Виньи ложною, г. Шевыревъ говоритъ, что ея неосновательность повредила и художественному исполненію драмы: скажите, Бога ради, можетъ ли это быть?... Ложность основной идеи можетъ повести къ ложнымъ выводамъ въ какомъ-нибудь логическомъ изслѣдованіи, что, напр., и сдѣлалось съ г. Шевыревымъ въ статьѣ о драмѣ де Виньи; но въ художественномъ произведеніи идея всегда истинна, если вышла изъ души. Да и какое дѣло поэту, вѣрна или нѣтъ его идея? Развѣ онъ философъ, изслѣдователь? Шекспиръ въ своемъ „Отелло“ выразилъ идею ревности, показалъ намъ ревность, не рѣшая, хорошее или дурное это чувство. Возьмите любую застольную пѣсню Беранже, въ которой онъ подъ вдохновеніемъ веселости, въ прекрасныхъ, гармоническихъ стихахъ, не шутя, увѣряетъ васъ, что, кромѣ вина и любви, все на свѣтѣ вздоръ, которымъ глупо заниматься: мысль, само собою разумѣется, лож-

ная, но пѣсня отъ того нисколько не хуже. Поэтъ весь зависитъ отъ минуты, которая навѣваетъ на него вдохновеніе; Шиллеръ былъ душа пламенно вѣрующая, а посмотрите, какое безотрадное, ужасное отчаяніе проглядываетъ въ каждомъ стихѣ его дивнаго „Resignation“... Если бы идея Альфреда де Виньи была и ложная, его драма отъ того не могла быть хуже, потому что его идея ложна для васъ, для меня и для кого угодно, но не для него, который убѣжденъ въ ней и умомъ и чувствомъ, и потому мнѣ кажется очень неумѣстнымъ насмѣшливое предположеніе г. Шевырева, что „его сіятельство, графъ Альфредъ де Виньи, въ ту семнадцатую ночь, когда убилъ своего героя полу-голодною смертію, весьма сытно и вкусно поужиналъ, въ полномъ удовольствіи отъ своего труда“. Да! эта шутка мнѣ кажется тѣмъ болѣе неумѣстною, что де Виньи поэтъ съ истиннымъ талантомъ, поэтъ добросовѣстный и что самъ г. Шевыревъ отдаетъ похвалу его драмѣ: а можетъ ли быть хорошо художественное произведеніе, когда оно не выстрадано, не вычувствовано, а хладнокровно придумано головою, отъ нечего дѣлать? Гдѣ-жъ логика?...

Теперь остается поговорить еще о двухъ статьяхъ г. Шевырева: въ одной заключается его отчетъ публикѣ о спектакляхъ гг. Каратыгиныхъ въ ихъ послѣдній пріѣздъ въ Москву прошлаго года; другая содержитъ въ себѣ то, чего я тщетно ищу доселѣ — объясненіе направленія, вѣрованія, литературнаго ученія, задушевной идеи „Московского Наблюдателя“; эта драгоценная для меня находка содержится въ первомъ номерѣ этого журнала за нынѣшній годъ и ее я разсмотрю послѣ всѣхъ, ея заключу мою статью и изъ ней выведу результатъ моихъ изслѣдованій касательно критики и литературныхъ мнѣній „Московского Наблюдателя“.

Г. Шевыревъ отдаетъ отчетъ въ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на него пріѣздомъ четы Каратыгиныхъ: этотъ отчетъ, разумѣется, очень благопріятенъ для петербургскихъ артистовъ. И немудрено: это артисты высшего тона и „Наблюдателю“ невозможно не симпатизировать съ ними и не превознести ихъ до седьмого неба. Въ самомъ дѣлѣ, какая грація въ манерахъ, какая живопись въ позахъ, какая торжественная декламація! Все это такъ вѣрно напоминаетъ золотыя времена классицизма, немного напыщеннаго, немного на ходулькахъ, но зато благороднаго, бонтонаго, аристократическаго, съ гладкимъ и выглаженнымъ стихомъ, съ пѣвучею дикціею, съ менуэтною выступкою! Правду сказать, въ нихъ только и превосходно, что эта внѣшняя сторона искусства,

которая, конечно, важна въ артистѣ, но отнюдь не составляетъ его сущности, успѣхъ въ которой достигается изученіемъ, навѣкомъ, рутинною, вкусомъ... Пойдите — „вкусъ“! — остановимся на „вкусѣ“: давно я добирался до этого слова и до смерти радъ, что наконецъ добрался до него. Часто случается намъ читать и слышать выраженія: этотъ поэтъ отличается „вкусомъ“, этотъ критикъ обладаетъ „вкусомъ“, у этого человѣка есть „вкусъ“. Такія выраженія выводятъ меня изъ терпѣнія; я ненавижу слово „вкусъ“, когда оно прилагается не къ столу, не къ галантерейнымъ вещамъ, не къ покрою платья, не къ водевилямъ и балетамъ, а къ произведеніямъ искусства. Это слово есть собственность, принадлежность XVIII вѣка, когда слово „искусство“ было равносильно слову „savoir-faire“, когда „творить“ значило „отдѣлывать, выглаживать“. Нашъ вѣкъ замѣнилъ слово „вкусъ“ словомъ „чувство“. Объяснимъ это примѣромъ. Вотъ картина, произведеніе великаго художника! Стоитъ передъ нею человѣкъ со вкусомъ: посмотрите, какъ умно и вѣрно судить онъ о ея перспективѣ, о ея отдѣлкѣ въ цѣломъ и частяхъ, о расположеніи группъ, о соотношеніи частей съ цѣлымъ, о колоритѣ; посмотрите, какъ быстро замѣтилъ онъ, что рука у этой фигуры не на своемъ мѣстѣ и длиннѣе, чѣмъ должна быть, что вотъ здѣсь слишкомъ густа тѣнь, а здѣсь недостаетъ свѣта. Его судъ вѣренъ, но холоденъ, какъ судъ о паштетѣ или бургонскомъ. И что дало ему возможность судить такъ о картинѣ? Свѣтская образованность, привычка видѣть много хорошихъ картинъ и слышать сужденія о нихъ знатоковъ, навѣкъ, рутинна, словомъ — *вкусъ*! Теперь на эту же картину смотритъ человѣкъ съ *чувствомъ*, хотъ и не знатокъ: онъ безмолвно, благоговѣйно смотритъ на нее, теряясь, утопая въ своемъ восторженномъ созерцаніи, и не можетъ отдать себѣ отчета, что его плѣняетъ въ ней: но зато какъ восторгъ его полонъ, чистъ, святъ, божественъ! Человѣкъ со *вкусомъ* станетъ восхищаться каждою бездѣлкою, бросающеюся въ глаза тонкостью своей отдѣлки и удовлетворяющею всѣмъ требованіямъ внѣшней стороны искусства, но пройдетъ безъ вниманія мимо произведенія гениальнаго, если оно не причесано и не прихолоно по условнымъ правиламъ приличія. Человѣкъ съ *чувствомъ* не ошибается въ достоинствѣ художественнаго произведенія: онъ холоденъ къ такому, отъ котораго всѣ въ восторгѣ, онъ обвиняетъ себя въ невѣжествѣ, почитаетъ себя неправымъ и, на зло самому себѣ, не можетъ найти въ немъ той красоты, которая такъ бросается всѣмъ въ глаза; но зато онъ въ восхищеніи

отъ такого произведенія, къ которому всѣ равнодушны, и здѣсь опять можетъ обвинять себя въ невѣжествѣ, въ „безвкусіи“, но, на зло самому себѣ, не можетъ переменить своего мнѣнія. Я здѣсь представляю человѣка съ чувствомъ безъ образованія, безъ данныхъ для сужденія, безъ способности критицизма. И между художниками есть свои „люди со вкусомъ“, одолженные своимъ талантомъ, своими успѣхами одному вкусу, словомъ, созданные вкусомъ — этимъ плодомъ образованности, просвѣщенія, ума, но не чувствомъ — этимъ даромъ одной природы, который образованностью, просвѣщеніемъ и умомъ возвышается, но не дается ими. Да простятъ нашей смѣлости: къ такимъ художникамъ причисляемъ мы г. Каратыгина и г-жу Каратыгину. Они удачно усвоили себѣ внѣшнюю сторону искусства, они вѣрнымъ глазомъ измѣрили сцену, хорошо разочли эффекты, они въ высочайшей степени овладѣли искусствомъ блѣднѣть, краснѣть, падать въ обморокъ, возвышать и понижать голосъ, дѣйствовать жестами, играть слѣпыхъ, больныхъ — но не больше. А развѣ это не талантъ? развѣ такіе люди не рѣдки? скажутъ намъ. А развѣ вкусъ тоже не талантъ? развѣ люди со вкусомъ также не рѣдки? отвѣчаемъ мы.

Мнѣніе г. Шевырева о гг. Каратыгиныхъ давно уже всѣмъ извѣстно: еще три года назадъ тому бился онъ за нихъ съ поднятымъ забраломъ, какъ прилично благородному рыцарю съ соперникомъ безъ герба и девиза, съ забраломъ опущеннымъ, но съ рукою тяжелою, съ ударами мѣткими. Г. Шевыревъ сошелъ съ турнира прежде своего соперника, но не побѣжденный имъ, а только раздосадованный его упрямымъ инкогнито. Кто изъ нихъ правъ, кто ошибается, не беремся рѣшить, но признаемся, что невольно симпатизируемъ съ таинственнымъ рыцаремъ, потому ли, что таинственность всегда возбуждаетъ къ себѣ участіе, или потому, что наѣздники безъ щита и герба, не вписанные въ герольдію, къ намъ какъ-то ближе. Какъ-бы то ни было, только во второй пріѣздъ г. Шевыревъ не сталъ сражаться, хотя неизвѣстный его соперникъ и опять вызывалъ его на бой. На этотъ разъ онъ безъ боя превознесъ своихъ любимыхъ артистовъ до седьмого неба и выразилъ свое къ нимъ удивленіе множествомъ точекъ послѣ cadaго періода и каждой фразы, какъ онъ всегда дѣлаетъ, когда хочетъ выразить къ чему-нибудь свое удивленіе.

Въ этой статьѣ брошено кстаті нѣсколько мыслей о „Ермакѣ“, драмѣ г. Хомякова. Г. Шевыревъ сперва говоритъ, что эта драма есть подражаніе „Разбойникамъ“ Шиллера, потомъ, что это не драма, но что

въ ней виденъ зародышъ драмы, наконецъ, что „изъ ея лиризма выдвигаются (?) три могучія чувства, на которыхъ задуманъ колоссальный (??) и фантастическій (???) образъ Ермака“. Все это такъ справедливо, глубокомысленно и вѣрно, что противъ этого невозможно ничего возразить. Да, именно, здѣсь поневолѣ умолкаетъ всякая *неблагодарность* критики и прекращаетъ нехотя *наветы*... По крайней мѣрѣ, критика была бы слишкомъ зла, слишкомъ неблагонамѣренна, если бѣ вздумала пользоваться такими для себя находками... Итакъ—довольно; покажемъ, что мы умѣемъ и помолчать тамъ, гдѣ бы много могли поговорить.

Изъ критическихъ статей „Московского Наблюдателя“, не принадлежащихъ г. Шевыреву, нѣкоторыя очень примѣчательны: назовемъ ихъ: „Музыкальная Лѣтопись“ г. Мельгунова, въ которой онъ отдаетъ отчетъ за всѣ примѣчательныя явленія нашего музыкальнаго міра въ началѣ прошлаго года, есть одна изъ такихъ статей, въ какихъ именно нуждаются наши журналы и какими они такъ бѣдны; она написана ловко, умно, живо, съ знаніемъ дѣла. „Брамбеусъ и Юная Словесность“, статья г. Н. П-щ-на содержитъ въ себѣ обвиненія Брамбеуса въ похищеніи идей и зымысловъ изъ французской литературы, которую онъ такъ не жалуется. Тамъ, гдѣ авторъ статьи говоритъ вообще о продѣлкахъ почтеннаго барона, тамъ онъ и остеръ, и увлекателенъ, но гдѣ онъ сравниваетъ статьи Брамбеуса съ ихъ оригиналами, тамъ становится скученъ и утомителенъ. Вообще эта статья не произвела большого впечатлѣнія на публику. Причина этому заключается, вѣроятно, въ томъ, что публика давно уже знала о похвальной привычкѣ барона ловко и безъ спросу пользоваться чужою собственностью, давно уже понимала, что онъ не пишетъ, а „изволить потѣшаться“: слѣдовательно усилія г. критика казались ей напрасными и были ею приняты холодно. Но особенно примѣчательны двѣ статьи, подписанныя буквою „—о—“: одна разборъ извѣстной оперы „Аскольдова Могила“, другая новой комедіи г. Загоскина „Недовольные“. Поговоримъ объ этихъ статьяхъ.

Въ первой статьѣ „Аскольдова Могила“ разбирается не какъ музыкальное произведеніе, а какъ драма. Авторъ статьи въ нѣсколькихъ строкахъ передаетъ мнѣніе публики, отголосокъ большинства голосовъ о новой музыкѣ г. Верстовскаго: отъ себя же онъ говоритъ о другихъ, имѣющихъ отношеніе къ пьесѣ, предметахъ. Вообще у него нѣтъ вѣрныхъ и глубокихъ идей объ оперѣ, выведенныхъ логически изъ идей искусства вообще. Сначала онъ утверждаетъ, что опе-

ра непременно должна имѣть смыслъ независимо отъ музыки, вопреки мнѣнію тѣхъ, которые позволяютъ ей обходиться безъ смысла, ссылаясь на примѣръ итальянцевъ. Это вопросъ важный; но авторъ статьи ничѣмъ не рѣшаетъ его, а если и рѣшаетъ, то очень неудовлетворительно, однимъ намекомъ. Если мы не ошибаемся, намъ кажется, что, по его мнѣнію, опера должна быть фантастическимъ созданіемъ. Если онъ имѣлъ точно эту мысль, то она достойна вниманія и гораздо большаго и удовлетворительнѣйшаго развитія: на нее можно бы написать огромную статью, если не книгу. Если опера должна быть фантастическимъ созданіемъ, то, безъ сомнѣнія, она должна имѣть смыслъ, такъ же, какъ его имѣютъ самыя, повидимому, бессмысленныя повѣсти Гофмана. Мы думаемъ только, что для этого гармоническаго единства двухъ искусствъ поэзіи и музыки нужна въ художникѣ и двойственность генія; но возможна ли она, какъ явленіе положительное, а не исключеніе, и въ послѣднемъ случаѣ. состоитъ ли она въ равновѣсіи генія въ обоихъ этихъ искусствахъ?... Потомъ авторъ говоритъ, что содержаніе оперы должно браться изъ народныхъ преданій, чтобъ имѣть силу очарованія; что „Аскольдова Могила“ грѣшитъ противъ этого правила; что времена Святослава далеки отъ насъ, какъ времена Навуходоносора, и такъ же непонятны намъ. Все это высказано весьма увлекательно и искусно. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе содержанія оперы. И все! ¹⁾).

¹⁾ Замѣчательна въ этой статьѣ выходка автора противъ русскаго *кулака*. Здѣсь я обращаюсь къ вамъ, почтенный издатель „Телескопа“, я вамъ подаю апелляцію на васъ самихъ. Вы недавно сдѣлали возраженіе противъ этой выходки, которое мнѣ кажется не совсѣмъ справедливымъ. Во-первыхъ, вы несправедливо обвиняете „Московского Наблюдателя“ въ ожесточеніи противъ Загоскина: онъ совершенно одного мнѣнія съ вами насчетъ этого писателя. Въ „Молвѣ“ когда-то сказано было, что авторъ „Юрія Милославскаго“ есть слава и гордость Россіи; „Наблюдатель“ не говоритъ этого, и вѣрно никогда не скажетъ, но онъ признаетъ „Юрія Милославскаго“ *первымъ* русскимъ историческимъ романомъ (разумѣется, не по старшинству происхожденія, а по достоинству; въ первомъ смыслѣ „Выжигинъ“ его старѣе), а *первое* во всемъ есть неоспоримо слава и гордость народа. Потомъ—о русскомъ *кулакѣ*: я противъ него. Конечно, прежде надо условиться въ значеніи этого слова, а потомъ уже спорить. Вы смотрите на *кулакъ*, какъ на орудіе силы, совершенно тождественное съ шпагою, штыкомъ и пулею. Оно такъ, но все-таки между этими орудіями силы есть существенная разность: *кулакъ*, равно и дубина, есть орудіе дикаго, орудіе невѣжды, орудіе челоука грубаго въ своей жизни, грубаго въ своихъ понятіяхъ, кулакъ требуетъ одной животной силы, одного животнаго остервенѣнія и больше ничего. Шпага, штыкъ и пуля суть орудія челоука образованнаго, они предполагаютъ искусство, ученіе, методу, слѣдовательно, зависимость отъ идеи. Звѣрь сражается когтемъ и зубомъ, естественными его ору-

Статья о „Недовольныхъ“ написана съ тою же ловкостью, съ тѣмъ же искусствомъ, съ тою же увлекательностью, какъ и объ „Аскольдовой Могилѣ“. Но и въ ней искусство также въ сторонѣ; много дѣльнаго высказано *à propos*; но самое дѣло, то-есть искусство, не тронуто.

Изъ прочихъ статей примѣчательна: „Историческіе и Филологическіе Труды Русскихъ Оріенталистовъ“ г. Григорьева. Это, какъ показываетъ самый титулъ статьи, есть сборникъ утѣшительныхъ извѣстій объ успѣхахъ въ Россіи оріентализма. Потомъ „Народныя Спѣванки или Свѣтскія Пѣсни Словаковъ въ Венгріи“ г. І. Бодянского, котораго г. Руссовъ недавно причислялъ къ мѣстамъ, въ родѣ Гомера. Эта статья написана съ талантомъ, знаніемъ и любовью, заключаетъ въ себѣ много дѣльных и чрезвычайно любопытныхъ фактовъ касательно своего предмета. Намъ не понравились въ ней только двѣ вещи: употребленіе извѣстныхъ учено-юридическихъ словечекъ и одно выраженіе, вмѣстѣ и скромное и хвастливое. Вотъ оно:

Мы еще такъ молоды въ семъ случаѣ, такъ недовѣрчивы къ себѣ, хотъ, можетъ быть, и сѣмѣли бы кой-что сказать наперекоръ другимъ, что

діями; кулакъ тоже естественное орудіе звѣря-человѣка; человѣкъ общественный сражается орудіемъ, которое создаетъ себѣ самъ, но котораго не имѣетъ отъ природы. Если-жъ бываютъ безславные удары стилетомъ изъ-за угла, если были безчестные удары негодной шпажонки восемнадцатаго вѣка—это ничего не доказываетъ: бываютъ безчестные удары и кулакомъ, изъ-за угла, въ темную ночь, въ глухомъ переулкѣ. А притомъ, и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ (говоря словами автора критики), „зачѣмъ льстить этому классу народа, который, несмотря на великаго преобразователя Россіи, до сихъ поръ еще гордо поглаживаетъ за угломъ свою бороду и за угломъ радъ похвастать своими кулаками! Кулаки не помогли подъ Нарвой, и не кулаки, а *обученное* войско смѣло подъ Полтавой пятно стыда кровью своего прежняго побѣдителя! Не кулакамъ обязаны мы, что знаемъ теперь, звѣнокъ ли чугуна на Аустерлицкомъ мосту, когда казачій конь бьетъ о него подковой, и красива ли Сена, когда отражаются въ ней русскіе штаны“.

Прим. Бѣлинскаго.

Это примѣчаніе Бѣлинскаго написано имъ по слѣдующему поводу: Надеждинъ напечаталъ въ „Телескопѣ“ 1836 года статью „Европеизмъ и народность“, въ которой между прочимъ противопоставлялъ „русскій кулакъ“ луку Вильгельма Телля и шпагѣ Наполеона. Лажечниковъ, въ письмѣ къ Бѣлинскому отъ 18 марта 1836 года, выразилъ свое негодованіе противъ такой „вещественно-патріотической выходки“ (см. Пыпинъ, „Бѣлинскій“, изд. 2-ое, стр. 127); а Бѣлинскій, писавшій настоящую статью какъ-разъ въ мартѣ 1836 года, повторилъ мысль Лажечникова въ настоящемъ примѣчаніи—обращаясь къ самому Надеждину. Надеждинъ, почетно отступая, тутъ же отвѣтилъ въ подстрочномъ примѣчаніи: „я почитаю излишнимъ пускаться въ метафизику *кулака*; скажу только, что, по моему мнѣнію, всякое орудіе драки, естественное и искусственное, равно недостойно человека, которому природа дала другое средство борьбы и побѣды—мысль и слово!“

лучше позаимствуемся *отъиуду* (?), представимъ чужое, но, по насъ, дѣльное, чего не успѣли сами добыть, нежели, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ, пускать пыль въ глаза православнымъ.

Воля ваша, господа, а по-нашему, такая скромность хуже хвастовства. Къ чему эти оговорки? Если знаете—говорите смѣло, не знаете—молчите. А то вы какъ-то невольно напоминаете русскаго человѣка съ бородкою, который, почесывая у себя въ затылкѣ, съ лукаво-простодушнымъ видомъ говоритъ: „*идѣ-ста намъ? мы дураки; вотъ ваша милость другое дѣло*“...

Статья „Взглядъ на Системы Философіи XIX вѣка во Франціи“ еще не кончена. До сихъ поръ она можетъ обратить на себя вниманіе двумя, тремя идеями, совершенно современными, показывающими, что авторъ ея понимаетъ истины, еще для многихъ у насъ недоступныя. Проникнутый, или еще проникаемый духомъ новой философіи, онъ вѣрно судитъ (тамъ, гдѣ судить, а въ этой статьѣ сужденій немного) о попыткахъ французовъ примириться съ религіею. Онъ говоритъ, что Франціи недостаетъ знанія, совѣтуетъ ей болѣе ознакомиться съ Германіею, указываетъ на послѣдователей Гегеля, развившихъ его религіозныя идеи. „*Понять или умереть*“—вотъ законъ нашего вѣка, говоритъ онъ. Надобно однакожъ замѣтить, что до сихъ поръ въ этой статьѣ больше ссылокъ, нежели мыслей, что авторъ какъ-то несмѣлъ въ своихъ приговорахъ, что, не одобряя эклектизма, онъ все-таки слишкомъ снисходителенъ къ нему, что, наконецъ, языкъ его чрезвычайно тяжелъ. Но несмотря на все это, нѣсколько не мудреныхъ, но вѣрныхъ идей, заставляютъ насъ возложить на автора благія надежды: явная потребность и совершенный недостатокъ философическаго знанія въ Россіи должны поощрить его къ трудамъ, болѣе серьезнымъ. Правда, занятіе философіею болѣе, нежели какою-нибудь другою наукою требуетъ того, что называютъ *самозабвеніемъ*; но зато она больше, нежели какая-нибудь другая наука даетъ на это средствъ: сладко забыться въ чистой идеѣ, посвятить себя на служеніе ей и воспитать другихъ для этого служенія. Немногіе одобряютъ эту жизнь для „*отвлеченностей*“, но авторъ знаетъ, что такое „*конкретное*“. Настоящее понятіе о „*конкретномъ*“ смирить порывы житейской суетности и убьетъ умствованія пошлаго „*здраваго смысла*“, для котораго конкретное—навозъ и картофель. Но повторяемъ: отъ человѣка, который выходитъ у насъ съ какимъ-нибудь намекомъ на свои философскія познанія, мы въ правѣ требовать большаго, требовать труда *для насъ*, если еще не наступилъ часъ автору

трица для себя. Поэтому, мы считаемъ эту статью эпизодомъ занятій автора, плодомъ досуга, которому онъ самъ, вѣрно, не придаетъ большого значенія. Что-жъ касается до „Наблюдателя“—очевидно, эта статья въ немъ случайная и не должна имѣть мѣста въ сужденіи о немъ самомъ.

Вотъ все, что показалось намъ примѣчательнымъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, по части чисто литературной критики „Московского Наблюдателя“, въ прошломъ году. Можетъ быть, мы что-нибудь и пропустили; это ужъ не наша вина. Есть вещи, о которыхъ даже грѣшно говорить вслухъ; и потому мы умалчиваемъ, напримѣръ, о статьѣ „Не Выдержки, а почти Выдержки изъ Большихъ Записокъ о Прошлыхъ Временахъ“ какого-то г. Авенпра-Народнаго; только позволяемъ себѣ замѣтить, что эта статья вѣроятно взята „Наблюдателемъ“ изъ „Покоющагося Трудюбца“ или „Парнасскаго Щепетильника“, а можетъ быть, и изъ другого какого-нибудь допотопнаго журнала: въ наше время трудно найти человека, который могъ бы написать такую статью, и еще труднѣе журналъ, который бы ее принялъ въ себя. Итакъ, оставляемъ пропущенное или недосмотрѣнное и обращаемся къ послѣдней статьѣ г. Шевырева, которая должна объяснить намъ идею „Московского Наблюдателя“ и цѣль его литературныхъ усилій.

Эта статья называется „Перечень Наблюдателя“, и украшаетъ собою первый номеръ этого журнала за нынѣшній годъ Г. Шевыревъ начинаетъ ее признаніемъ, что читатели журнала настойчиво требуютъ библіографіи, и оправдывается въ причинѣ невниманія къ ихъ требованію. Для этого онъ очень остроумно дѣлитъ этихъ читателей на три класса. Къ первому у него относятся тѣ, которые „съ невиннымъ чистосердечіемъ ввѣряютъ себя совѣсти журналиста“ и требуютъ его мнѣнія о книгѣ для рѣшенія простого вопроса, купить ее или нѣтъ? Ко второму—люди лѣнныя, которые книгъ не читаютъ, а судить о нихъ хотятъ. Къ третьему—люди движенія, люди безпокойные, которымъ не сидится на мѣстѣ“, которые „не любятъ, чтобы на улицахъ было всегда смирно, чтобы долго не случалось пожаровъ“.

Читателей первого разряда „Наблюдатель“ не хотѣлъ удовлетворять потому, что онъ совершенно чуждъ всякихъ карманныхъ отношеній, и что оставаться въ накладѣ при покупкѣ книги есть достойное наказаніе для невѣжества. Мнѣніе очень благородное! Но мы имѣемъ на этотъ счетъ свое, которое если не такъ благородно, зато заключаетъ въ себѣ побольше здраваго смысла. Мы ду-

маемъ, что литературный спекулянтъ, наказывающій невѣжество контрибуціею за дурныя книги, ничѣмъ не честиѣ молодцовъ, которые наказываютъ разсѣянность зѣвакъ, лишая ихъ кошелька или часовъ; долженъ ли же журналистъ своимъ молчаніемъ способствовать успѣхамъ литературныхъ спекулянтовъ?... Нѣтъ, по нашему простому, плебейскому мнѣнію, журналистъ долженъ поставить себя за священнѣйшую обязанность неусыпно преслѣдовать надувателей невѣжества, препятствовать успѣхамъ мелкой литературной промышленности, столь гибельной для распространенія вкуса и охоты къ чтенію. Онъ не долженъ забывать, что книги, особенно догматическія, пишутся для невѣждъ, что дурная книга сообщаетъ превратныя понятія и дѣлаетъ невѣжду еще невѣжественнѣе. Представьте себѣ степного провинціала, который сроду ничего не читывалъ, кромѣ календаря и писемъ отъ своей родни и знакомыхъ, но который долженъ покупать книги для своихъ дѣтей, которые хотятъ все читать; кто будетъ его руководителемъ въ выборѣ книгъ? газетныя объявленія или собственное соображеніе? А вѣдь эти дѣти принадлежатъ къ молодымъ поколѣніямъ, которые должны нѣкогда явиться честными и способными дѣятелями на служеніи отечеству, а вѣдь направленіе ихъ дѣятельности зависитъ отъ книгъ, по которымъ они учатся, или которые они читаютъ! Неужели же и эти поколѣнія, юныя и жаждущія образованія, должны наказываться за невѣжество своихъ отцовъ?... Нѣтъ, милостивые государи, люди просвѣщенные и образованные не столько нуждаются въ вашихъ совѣтахъ, сколько невѣжды; допустить спекулянтовъ издѣваться надъ невѣжествомъ значитъ способствовать его усиленію, значитъ отвращать его отъ свѣта знанія, отъ блеска образованности. Мы глубоко убѣждены, что библіографія есть одно изъ важнѣйшихъ, необходимѣйшихъ и полезнѣйшихъ отдѣленій благонамѣреннаго журнала, и что смѣяться надъ добродушною довѣрчивостью читателей къ своему журналу значитъ не имѣть къ себѣ уваженія. Если другіе журналы дѣйствуютъ недобросовѣстно, неблагонамѣренно, это не даетъ вамъ права самимъ ничего не дѣлать, это, напротивъ, должно васъ обязать къ усиленной дѣятельности. Читателей второго разряда „Наблюдатель“ не хотѣлъ удовлетворять потому, что „его сотрудники не намѣрены никому навязывать своихъ мнѣній“. Вотъ прекрасно! да кто-жъ васъ просилъ навязывать публикѣ свой журналъ, въ которомъ такъ много вашихъ же мнѣній?... Читателей третьяго разряда „Наблюдатель“ не хотѣлъ удовлетво- рять потому, что „его критика никогда не

угождала ихъ безпокойной страсти къ зрѣлищамъ всякаго рода“. Помилуйте — какъ никогда? А статьи противъ „Библіотеки для Чтенія“, противъ барона Брамбеуса! Если на нихъ не сбѣгались какъ на пожаръ, такъ это потому, что ихъ огонь горѣлъ слишкомъ тускло, давалъ больше дыму, чѣмъ поломя, а не потому, чтобы онѣ были писаны умѣренно и скромно. Воля ваша, а это тактика „Библіотеки“, которая каждый мѣсяцъ бранить полемику, упрекаетъ за нее другіе журналы, и въ то же время сама ругается очень неблагопристойно... Нѣтъ, этихъ причинъ намъ недостаточно, мы нашли другую: библіографія дѣло очень хлопотное, съ нею каждый день наживаешь по врагу, который готовъ вредить вамъ и клеветою и всѣми средствами; благоразумное же молчаніе избавляетъ отъ этихъ непріятностей; и вотъ причина, почему „Наблюдатель“ не хочетъ отдавать публикѣ отчета въ новыхъ книгахъ. Оно и лучше!... Но всего забавнѣе послѣ этихъ объясненій встрѣтить слѣдующія строки:

Несмотря на это, должно говорить подробно почти обо всѣхъ произведеніяхъ литературы нашей, потому что этого требуютъ. Всякая книга есть для публики вопросъ, на который ожидаютъ отвѣта въ журналѣ. Публика не любитъ оставаться въ недоумѣніи; она не любитъ умолчаній или недомолвокъ. Дѣло журнала — угождать иногда ея слабостямъ.

Вотъ въ этомъ мы согласны съ авторомъ статьи; но чему же должно вѣрить въ его словахъ: первому или послѣднему? не умѣемъ отвѣчать на этотъ мудреный вопросъ. Видно, у всякаго своя логика, видно дважды два иногда бываетъ три, а иногда и четыре?... Вслѣдствіе этой прекрасной логики г. Шевыревъ обѣщается давать публикѣ отчетъ въ нѣкоторыхъ книгахъ и начинаетъ съ „Князя Скопина Шуйскаго“, романа, написаннаго дамою ¹⁾.

Отчетъ въ этомъ произведеніи начинается сожалѣніемъ г. Шевырева о томъ, что наши дамы принимаютъ мало участія въ литературныхъ трудахъ, что наша словесность есть общество слишкомъ исключительно мужское, отчего „обхожденіе и разговоръ въ сословіи литераторовъ отзывается до нестерпимаго (?) трубкою и пуншемъ“. Въ самомъ дѣлѣ, это очень жаль, но, къ счастью, бѣду еще можно поправить: г. Шевыревъ нашелъ для этого вѣрное средство:

¹⁾ Этотъ романъ самъ по себѣ весьма замѣчательнъ; онъ имѣетъ большія достоинства.

Прим. Бѣлинскаго.

Десятью годами позднѣе, въ рецензіи на романъ „Проконій Ляпуновъ“ того же автора, Бѣлинскій писалъ: „Скопинъ-Шуйскій г-жи Шишкиной явился въ 1835 году... Романъ г-жи Шишкиной былъ не безъ достоинствъ, особенно для того времени“... (1845 г.).

„Появленіе многихъ дамъ въ сословіи писателей, говоритъ онъ, могло бы имѣть, какъ я думаю, полезное вліяніе на общежитіе и нравы нашей литературы“. Можетъ быть, это справедливо, только мы не понимаемъ, что такое „общежитіе и нравы литературы?“ Притомъ, развѣ литература — гостиная, развѣ она не цвѣтъ цѣлой цивилизаціи народа, не результатъ историческаго развитія всей его жизни?... Развѣ въ литературѣ требуется что-нибудь другое, кромѣ изящества, учености, достоинства и развѣ эта качества зависятъ не отъ таланта и генія, а отъ любезности писателей?... Развѣ тамъ, гдѣ женщины-писательницы толпами являются въ литературѣ, нѣтъ пошлыхъ и дикихъ поэтовъ, нѣтъ невѣжливыхъ и криводушныхъ журналистовъ?... Но я вижу, что моимъ „развѣ“ конца не будетъ... А! вотъ въ чемъ дѣло! Изъ нашей литературы хотятъ устроить бальную залу и уже зазываютъ въ нее дамъ, изъ нашихъ литераторовъ хотятъ сдѣлать свѣтскихъ людей въ модныхъ фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, энергію хотятъ замѣнить вѣжливостью, чувство приличіемъ, мысль модною фразою, изящество щеголеватостью, критику комплиментами; короче — къ намъ снова зовутъ восемнадцатый вѣкъ, этотъ золотой вѣкъ свѣтской (*profane*) литературы, этотъ вѣкъ Лагарповъ и Баттѣ, когда въ трагедію допускались не люди, а выше чѣмъ люди, когда въ нее могъ попасть только полубогъ, или герой, или, по крайней мѣрѣ, герцогъ и баронъ, что конечно не меньше; когда лицо трагедіи должно было говорить не иначе, какъ принявши важную осанку, выступивъ ногою, вытянувъ руку, и непременно высокимъ паркетнымъ слогомъ! А! такъ вотъ почему намъ съ нѣкотораго времени такъ часто толкуютъ о какихъ-то „свѣтскихъ“ повѣстяхъ и „свѣтскихъ“ романахъ!... Такъ вотъ гдѣ скрывалась задушевная идея, которую съ такимъ жаромъ развиваетъ „Наблюдатель“? Признаюсь, есть изъ чего и хлопотать! Но посмотримъ, что дальше.

Дальше слѣдуетъ вторичное воззваніе къ дамамъ, вторичное приглашеніе дамъ взяться за перо и приняться за „свѣтскій романъ“. Итакъ — *place aux dames!*...

Я думалъ бы скорѣе, что романъ „свѣтскій“ будетъ областью женщины. Современное общество — это ея царство, ея жизнь; здѣсь утонченный взглядъ ея и вѣрное чувство могли бы уловить такіе краски и оттѣнки на картинѣ общества, которые всегда останутся недоступны для насильственныхъ пріемовъ писателя мужчины. У женщинъ есть этотъ особенный органъ „свѣтскаго“ осизанія, передъ которымъ тупы чувства мужскія. Такимъ романомъ, я думаю, женщина могла бы имѣть благотворное вліяніе и на наше общество.

Убѣдились ли вы этими неопровержимыми доводами? — Я убѣдился, и теперь отъ

души изываю „*place aux dames!*“ Но я иду еще дальше, я не могу остановиться на одной литературѣ, потому что въ данномъ случаѣ вліяніе женщинъ на наше общество все-таки будетъ слишкомъ односторонне и слабо. Если наше общество должно быть обязано своимъ образованіемъ не ученымъ и литераторамъ, не таланту, не генію, не наукѣ, не тяжкому труду избранныхъ, а женщинамъ—то было бы слишкомъ несправедливо такъ ограничивать поприще ихъ дѣятельности: для такой высокой цѣли нужна полная эмансипація женщины. Полумѣры нигде не годятся, съ золотою серединою недалеко уйдешь. Итакъ, я составилъ свой собственный проектъ касательно улучшенія нашего общества: онъ прекрасенъ, но первоначальная идея его все-таки принадлежитъ не мнѣ, а г. Шевыреву, слѣдовательно ему честь и слава, а мнѣ хоть спасибо. Вотъ въ чемъ состоитъ мой проектъ. Наши дамы начнутъ писать „свѣтскіе“ романы; но онѣ не должны и не могутъ остановиться на этомъ: таково свойство человѣческаго генія, онъ идетъ все впередъ. Итакъ, дамы примутся современемъ и за историческій романъ: но чтобы писать историческіе романы, надо знать исторію, а исторія наука; итакъ, вотъ шагъ въ область науки! Но наука одна, науки суть не что иное, какъ искусственныя ея подраздѣленія; науки смежны, соприкосновенны другъ къ другу; исторію нельзя знать безъ археологіи, хронологіи, географіи, географія непонятна безъ математики, математическая географія такъ близка къ астрономіи, физическая—къ естествознанію. Итакъ, почему бы дамамъ нашимъ не пуститься и въ науку, тѣмъ болѣе, что этотъ переходъ естественъ, что отъ „свѣтскаго“ романа до философіи нѣтъ скачка?... Особенно имъ слѣдовало бы заняться математикою: какія благотворныя слѣдствія повлекло бы это за собою? Математики всѣ люди угрюмые, нелюбезные, и часто очень грубые! Что если бы дамы стали съ каедръ преподавать всѣ знанія человѣческія! О, съ какою бы жадностью слушали ихъ студенты, какъ бы смягчились университетскіе нравы, какіе успѣхи оказало бы просвѣщеніе въ Россіи! Итакъ, гг. профессора всѣхъ четырехъ факультетовъ, не исключая и медицинскаго, будьте догадливы и вѣжливы — *place aux dames!*... Но науки соприкасаются съ жизнью и практика въ преподаваніи иногда замѣняетъ теорію—такова наука правъ; почему-жъ бы дамамъ не заняться судопроизводствомъ не въ однихъ тѣсныхъ предѣлахъ аудиторій, но и въ судилищахъ, почему бы имъ не быть сенаторами, предсѣдателями, совѣтниками?... Какое бы благотворное вліяніе оказалось тогда надъ нашимъ обще-

ствомъ! Кончилось бы взяточничество, по крайней мѣрѣ, деньгами, ябеда превратилась бы въ сплетни, съ просителями обращались бы вѣжливо, съ подсудимыми кротко... А почему-жъ бы дамамъ не заняться и военною службою, которая больше всѣхъ нуждается въ умягченіи нравовъ и урокахъ общежитія?... Здѣсь ужъ я и не въ силахъ вычислить всѣхъ благотворныхъ вліяній на общество: какое войско не одержитъ побѣды, когда имъ будетъ командовать прекрасная дама въ образѣ Беллоны; какая война не будетъ человѣколюбива, кротка, когда будетъ вестись дамами, какіе солдаты не сдѣлаются вѣжливыми, деликатными и ловкими, повинувшись такимъ милымъ начальникамъ?... Конечно, можетъ быть, отъ этого пострадаетъ дисциплина, поразстроится порядокъ, потому что начальство иногда будетъ манкировать своей должности, занятое балами, нарядами, а иногда и скованное такими обстоятельствами, въ которыхъ виновата одна природа, и именно природа дамская, но вѣдь и мужчины подвергаются болѣзнямъ, а на природу нѣтъ апелляцій...

Я, право, не шучу. Литературные сенсимонисты намъ говорятъ, что женщина имѣетъ право писать, потому что она человѣкъ; что она обладаетъ тѣми же способностями, какъ и мужчина; политическіе сенсимонисты опираются на томъ же, доказывая, что женщина должна и имѣть право заниматься общественными должностями. Такъ какъ я согласенъ съ первыми, то ужъ естественно не могу не согласиться со вторыми. Въ противномъ случаѣ, я показалъ бы, что во мнѣ нѣтъ логической послѣдовательности здраваго смысла, а я имѣю большія претензіи на здравый смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, если эмансипація, то ужъ полная, а то не изъ чего и хлопотать. Итакъ, гг. поэты, литераторы, профессора, судьи, генералы! будьте догадливы, будьте вѣжливы! *place aux dames!*...

Послѣ этой глубокой и прекрасной мысли г. Шевыревъ очень занимательно изслѣдуетъ важный вопросъ о томъ, можетъ ли дама успѣть въ историческомъ романѣ, кромѣ „свѣтскаго“: по его теоріи выходитъ, что не можетъ, но опытъ разувѣрилъ его въ этомъ. Въ извѣстномъ романѣ г-жи Коттенъ „Матильда и Крестовые Походы“, въ этомъ романѣ, который ужъ мѣсяца два читаетъ мой камердинеръ и не можетъ нахвалиться, г. критикъ не видитъ большого историческаго достоинства, потому что въ немъ „чувство и воображеніе господствуетъ надъ исторіею“; онъ не могъ иначе оцѣнить геніальнаго произведенія г-жи Коттенъ и по другой еще причинѣ; но послушаемъ его самого.

У меня же была еще въ свѣжей памяти эта чудная „Елена“ миссъ Эджвортъ, это созданіе иѣжное, идеаль британской женщины. Я помню, какъ, читая этотъ романъ, я, казалось, жилъ въ лучшемъ обществѣ, гдѣ и мысли и чувства становились благороднѣе, гдѣ узнавалъ я силу каждаго слова въ обществѣ и научался его взвѣшивать. Прочитавъ „Елену“, я какъ-то почувствовалъ себя лучше; во мнѣ прибыло какой-то нравственной силы для того, чтобы дѣйствовать въ обществѣ (какомъ? ужъ, вѣрно, въ свѣтскомъ!). Вотъ слѣдствіе „свѣтскаго“ романа, написаннаго перомъ „геніальной“ женщины. (Въ самомъ дѣлѣ, удивительное слѣдствіе!). Такимъ романомъ воспитывается общество (какое—свѣтское?), и литература (какая—свѣтская?) сильно подвигаетъ его нравственный успѣхъ.

Г. Шевыревъ говоритъ все это не шутя; и я поговорю насчетъ этого безъ шутокъ. Я не возстаю противъ того, что онъ еще не забылъ „Матильды“ г-жи Коттенъ, давно уже перешедшей изъ гостиной въ переднюю и дѣвичью: есть что-то умиленное въ защитѣ слабаго, что-то рыцарское въ покровительствѣ тому, что всѣми признано за нелѣпость; но миссъ Эджвортъ не требуетъ особенной защиты: ея романы извѣстны всей Европѣ и превозносятся до небесъ барономъ Брамбеусомъ. Я не отрицаю, что представители дѣвичьей и передней могутъ становиться благороднѣе и возвышеннѣе въ своихъ чувствахъ и мысляхъ не только отъ „Матильды“ или „Елены“, но и отъ Курганова „Письмовника“ и романовъ Александра Анфимовича Орлова, но я, собственно я, а не кто-нибудь другой, могу возвышаться душою только отъ художественныхъ, а не „свѣтскихъ“ романовъ. Художественный и „свѣтскій“ не суть слова однозначія, такъ же дворянинъ и благородный человѣкъ. Художественность доступна для людей всѣхъ сословій, всѣхъ состояній, если у нихъ есть умъ и чувство; „свѣтскость“ есть принадлежность касты. Художественность есть творчество, а творчество изображаетъ человѣка съ его страстями, его порывами къ добру и злу, его радостями и страданіями; „свѣтскость“ же уничтожаетъ страсти, порывы, радости и горести, она подводитъ все это подъ уровень посредственности, равнодушія, ничтожности и скуки. Я этимъ совсѣмъ не думаю доказывать, чтобы между людьми высшаго общества не было людей съ душою и сердцемъ, людей съ талантомъ и доблестью: подобная мысль въ наше время была бы жалкимъ и смѣшнымъ анахронизмомъ. Я говорю не о „свѣтскихъ“ людяхъ въ частности, а о „свѣтскомъ“ обществѣ вообще, гдѣ умолкаетъ умъ, боясь оскорбить своимъ превосходствомъ глупость, гдѣ притаивается чувство, боясь оскорбить приличіе, гдѣ самый геній спѣшитъ принять на себя видъ посредственности и ничтожества, чтобы не показаться

смѣшнымъ и страннымъ. „Свѣтскость“ еще сходится съ образованностью, которая состоитъ въ знаніи всего понемножку, но никогда она не сойдется съ наукою и творчествомъ: то и другое необходимо должно изсушиться и обмелѣть, жертвуя своимъ временемъ на выполненіе ея ничтожныхъ условій, дыша несвойственною ему атмосферою. Аристократія таланта не есть аристократія общества: Шекспиръ не на паркетѣ приобрѣлъ свой мірообъемлющій взглядъ на человѣческую природу; Шиллеръ не на паркетѣ нашелъ небо и рай своихъ божественныхъ видѣній, которыя онъ передалъ намъ подъ человѣческими именами Амалій, Луизъ, Текль, Карловъ, Фердинандовъ, Позъ, Максавъ, Телей. Романъ долженъ быть изображеніемъ человѣческой жизни, а не паркетныхъ сплетней, и только идея человѣческой жизни, а отнюдь не идея паркетныхъ сплетней, можетъ возвысить и облагородить *человѣческую* душу. Романъ миссъ Эджвортъ „Елена“ есть не что иное, какъ пошлая рама для выраженія пошлой мысли, что „дѣвушка не должна лгать и въ шутку“, есть пятитомный и убійственно скучный сборъ ничтожныхъ правоученій гостиной. Говорятъ, что главное достоинство этого романа состоитъ въ вѣрномъ изображеніи всѣхъ тонкостей, всѣхъ оттѣнковъ высшаго англійскаго общества, недоступныхъ для непосвященныхъ въ таинства гостиныхъ. Если это такъ, то тѣмъ хуже для романа. Я человѣкъ не свѣтскій, слѣдовательно, не могу понять свѣтской стороны романа, но я всегда могу понять его человѣческую и его художественную сторону. Въ какихъ бы формахъ ни проявлялась человѣческая жизнь, она понятна всегда и для всѣхъ, потому что преходяща форма, но вѣчна идея эстетическаго творенія. Прометей Эсхила, прикованный къ горѣ, терзаемый коршуномъ и съ горделивымъ презрѣніемъ отвѣчающій на упреки Зевеса, есть форма чисто греческая, но идея непоколебимой человѣческой воли и энергіи души, гордой и въ страданіи, которая выражается въ этой формѣ, понятна и теперь: въ Прометей я вижу человѣка, въ коршунѣ страданіе, въ отвѣтахъ Зевесу мощь духа, силу воли, твердость характера. Какое мнѣ дѣло, что у индійцевъ въ дѣла человѣческія вмѣшиваются боги и духи: это мнѣ нисколько не мѣшаетъ понимать Сакунталу; я оставляю въ сторонѣ все индійское и вижу одно человѣческое, а это человѣческое равно и одинаково и у индійцевъ, и у русскихъ, и у нѣмцевъ. Почему-жъ я не понимаю „свѣтскаго“ въ романѣ миссъ Эджвортъ? — Потому что въ немъ нѣтъ ничего человѣческаго, слѣдовательно ничего и художествен-

наго. Читая этотъ романъ, я невольно твержу стихи поэта:

И даже глухости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

А я могу повѣрить этому поэту; онъ знаетъ свѣтъ не по слуху. Еще хорошо бы, если бы миссъ Эджевортъ представила мнѣ свѣтъ такъ, какъ онъ есть, въ сходствѣ съ этимъ изображеніемъ, которое сдѣлано чело-вѣкомъ, тоже знающимъ свѣтъ не по слуху.

Между толпами бродятъ разные лица, поди-веселый наѣвъ контраданса свиваются и разви-ваются тысячи интригъ и сѣтей: толпа подобо-страстныхъ аэрозитовъ вертится вокругъ одно-дневной кометы; предатель униженно кланяется своей жертвѣ; здѣсь послышалось незнающее сло-во, привязанное къ глубокому долготѣнному плану; здѣсь улыбка презрѣнія скатилась съ великолѣп-наго лица и оледенила какой-то умоляющій взоръ; здѣсь тихо ползутъ темные грѣхи и торжествен-ная подлость гордо носитъ на себѣ печать отвер-женія ¹⁾).

Вотъ поэтическая сторона большого свѣ-та, которую я очень люблю въ художествен-номъ представленіи; миссъ Эджевортъ уло-вила только одну ничтожность и скуку боль-шого свѣта, и потому, просимъ не взыскать, ея романъ намъ кажется и пошлымъ, и без-таланннымъ, и ничтожнымъ, ничѣмъ не выше дряхлыхъ романовъ госпожъ Коттенъ и Жан-лисъ. Мы не вѣримъ, чтобъ были такія души, которыя бы могли возвышаться отъ „Елены“ миссъ Эджевортъ или отъ романовъ дѣвицы Маріи Извѣковой.

Переходя къ „Вастолѣ“, г. Шевыревъ уди-вляется, какъ могутъ быть такіе люди, ко-торые сомнѣваются: Пушкина ли это поэма, или нѣтъ ²⁾. А что-жъ тутъ удивительнаго, если смѣемъ спросить? На поэмѣ стоитъ имя Пушкина: для меня этого довольно, чтобъ имѣть право приписать ему эту поэму. Вы говорите, что Пушкинъ не въ состояніи на-писать такого дурного произведенія, а по-чему-жъ такъ? Вѣдь онъ написалъ же „Анджело“ и нѣсколько другихъ плохихъ сказокъ? Да и какихъ чудесъ на свѣтѣ не бываетъ? Погодите, можетъ быть, Пушкинъ подарить насъ еще и октавами изъ Тасса. Г. Шевыревъ негодуетъ на „Библиотеку“ за то, что она „завлекательно объявила, что Пушкинъ воскресъ въ этой поэмѣ“ (какъ будто бы кто-нибудь сомнѣвался въ жизни его таланта) — а кто-жъ, смѣемъ спросить, не сомнѣвался въ этомъ?... Развѣ только одинъ „Московский Наблюдатель“, и то по-тому, что Пушкинъ принадлежитъ къ числу его сотрудниковъ? Равнымъ образомъ, мы не

видимъ ничего предосудительнаго и въ томъ, что „Библиотека“ стала укорять Пушкина въ томъ, что онъ издалъ такое произведеніе: если позволительно упрекать книгопродавцевъ за изданіе дурныхъ книжонокъ, то почему же поэтъ долженъ быть свободенъ отъ этого упрека?...

Издать дурную поэму — въ волѣ всякаго, кто имѣетъ лишніе деньги. Отчего же отнимать это право и у Пушкина? Читатель, понимающій толкъ въ поэмахъ, развернувъ книгу, угадаетъ, что поэма не Пушкина, и не купитъ ея. Тотъ же, который не отгадаетъ, пусть купитъ: невѣжеству только и наказанія, что остаться въ накладѣ.

Хороша мораль — нечего сказать! Можетъ быть, въ свѣтѣ надувать кого бы то ни было, хотя бы невѣжество, почитается нравствен-нымъ? Мы этого не знаемъ; мы люди про-стые, не свѣтскіе, и обманъ почитаемъ во всякомъ случаѣ дѣломъ предосудительнымъ. Притомъ же вспомните о провинціалахъ, между которыми есть и не невѣжды, но ко-торые не имѣютъ возможности развернуть книги, не выписавши ея сперва и не запла-тивши за нее впередъ деньги; для нихъ до-статочно имени великаго и перваго поэта русскаго, чтобъ не имѣть никакого подозрѣ-нія въ обманѣ...

Потомъ, г. Шевыревъ говоритъ о „Пѣс-няхъ“ г. Тимофеева и высказываетъ обина-ками, что онѣ не имѣютъ никакого досто-инства и не стоятъ вниманія. Это очень справедливо, но насъ удивляютъ слѣдующія строки:

Мы готовы думать, что эти пѣсни принадле-жатъ не тому же автору, котораго имя встрѣча-ли мы подъ нѣкоторыми пріятными статьями въ прозѣ...

Что это такое? Это — „свѣтскій“ компли-ментъ! Г. Тимофеевъ такой же прозаикъ, какъ и поэтъ, но онъ недавно помѣстилъ въ „На-блюдателѣ“ статейку своей работы „Любовь Поэта“. А — понимаемъ!...

Отъ г. Тимофеева г. Шевыревъ перехо-дитъ къ книгѣ Сильвіо Пеллико „О Должно-стяхъ Человѣка“, переведенной въ Одессѣ г. Хрусталевымъ. Читателямъ „Телескопа“ извѣстно наше мнѣніе объ этой книгѣ ¹⁾. Сильвіо Пеллико много страдалъ, и стра-далъ съ тѣмъ рѣдкимъ терпѣніемъ, кото-рое свойственно только или слишкомъ силь-нымъ, или слишкомъ слабымъ душамъ. Не беремся рѣшать, къ который изъ этихъ двухъ категорій относится Сильвіо Пеллико, од-нако думаемъ, что душа сильная могла бы

¹⁾ См. выше, стр. 158—159.

²⁾ „Вастола“ — поэма нѣкоего Люценко, изданная Пушкинымъ. См. собр. сочин. Пушкина, изд. „Про-свѣщенія“, 1903 г., т. VI, стр. 88 и 615.

¹⁾ Въ небольшой рецензій начала 1836 года на эту книгу Бѣлинскій говорилъ, что „Сильвіо Пеллико есть взрослый ребенокъ, который съ наивнымъ убѣ-жденіемъ предлагаетъ самыя простыя и самыя ходя-чія житейскія правила; онъ можетъ быть очень по-лезенъ нашимъ взрослымъ дѣтямъ, которыхъ у насъ много“...

вынести изъ своего заключенія что-нибудь посылпѣе и поглубже дѣтскихъ разсужденій о томъ, что $2 \times 2 = 4$. Конечно, эти старыя истины онъ предлагаетъ своимъ добродушнымъ читателямъ и почитателямъ съ искреннимъ убѣжденіемъ, отъ чистаго сердца, но отъ этого его книга ничуть не лучше. Г. Шевыревъ говоритъ, что Сильвіо Пеллико имѣлъ право говорить общія мѣста и преподавать сухіе, произвольно догматическіе уроки послѣ столькихъ страданій и послѣ своей книги „Prigioni“; не споримъ, у всякаго свой взглядъ на вещи. а, по-нашему, общія мѣста — всегда общія мѣста, кѣмъ бы они ни были сказаны, честнымъ человѣкомъ или негодяемъ. Затѣмъ г. Шевыревъ приводитъ нѣсколько страницъ изъ книги Пеллико: эти выписки всего лучше могутъ оправдать наше мнѣніе объ этой книгѣ.

Статья заключается разборомъ „Записокъ Титулярнаго Совѣтника Чухина“ г. Булгарина. Въ этомъ разборѣ г. Шевыревъ очень мило и храбро нападаетъ на г. Булгарина за его невѣжливость къ дамамъ. Какъ счастливы наши дамы! Сколько у нихъ ревностныхъ защитниковъ и почитателей! За нихъ сражаются, имъ служатъ и въ журналахъ и въ вѣдомостяхъ!... Дѣло вотъ въ чемъ: г. Булгаринъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего предисловія, что „женщины нѣжныѣ, сострадательныѣ, великодушныѣ мужчинъ“, а четырьмя страницами выше такимъ образомъ объясняетъ, почему литературный умъ не можетъ ужиться съ обществомъ: „А дамы: о дамахъ я ничего не смѣю говорить. *Place aux dames!* — Вѣдь умныхъ любятъ только умные люди, слѣдовательно литературному уму и тѣсно и душно въ свѣтскихъ обществахъ“. Что бы, кажется, дурного въ этой мысли? По нашему сужденію, эта мысль есть аксіома, и, безъ сомнѣнія, лучше всего романа г. Булгарина. Но не такъ смотреть на это дѣло г. Шевыревъ; послушайте, что онъ говоритъ:

Каковъ комплиментъ и свѣтскому обществу и въ особенности дамамъ, которыя составляютъ лучшую часть его! Послѣ этого вѣрьте автору, когда онъ превозноситъ женщинъ... Мы не знаемъ, когда изъ-подъ его пера капаетъ правда, но здѣсь видимъ что-то въ родѣ чернильнаго пятна или неучтивости.

Послѣ этого, разумѣется, роману г. Булгарина достается порядкомъ. Намъ самимъ этотъ романъ кажется очень плохимъ и плоскимъ произведеніемъ, только по другой причинѣ: вслѣдствіе отсутствія таланта въ авторѣ, а не вслѣдствіе его неуваженія къ прекрасному полу. Мы тоже очень уважаемъ прекрасный полъ, но защищать его не намѣрены, потому что и въ одномъ князѣ Шаликовѣ онъ

имѣетъ очень сильнаго защитника, что же говорить о другихъ...

Слава Богу! наконецъ-то я добрался до идеи „Наблюдателя“! Онъ хлопочетъ не о распространеніи современныхъ понятій объ изящномъ: теорія изящнаго не входитъ въ него, искусство у него въ сторонѣ: онъ старается о распространеніи свѣтскости въ литературѣ, о введеніи литературнаго приличія, литературнаго общежитія; онъ хочетъ, во что бы то ни стало, одѣть нашу литературу въ модный фракъ и бѣлыя перчатки, ввести ее въ гостиную и подчинить зависимости отъ дамъ: цѣль истинно похвальная: кто не поревнуетъ ей! По крайней мѣрѣ, теперь мы знаемъ, о чемъ хлопочетъ „Наблюдатель“, какая его идея; по крайней мѣрѣ, мы теперь знаемъ, что онъ имѣетъ значеніе и смыслъ, а я только этого и добивался, и только чрезъ первый номеръ его на нынѣшній годъ добился этого. Упреди я моею статьею послѣднюю статью г. Шевырева — и идея „Наблюдателя“ осталась бы для всѣхъ тайною. Пріятно думать, что теперь наши журналы издаются если не съ мыслью, то съ смысломъ опредѣленнымъ и яснымъ. Хорошо ли, дурно ли (не смѣю и не имѣю права судить объ этомъ) — „Телескопъ“ и „Молва“ хлопочутъ объ искусствѣ и литературѣ въ чисто литературномъ смыслѣ, безъ постороннихъ цѣлей. „Московскій Наблюдатель“ проповѣдуетъ свѣтскость и элегантность въ литературѣ, смотритъ на искусство и литературу съ свѣтской точки зрѣнія. „Библіотека для Чтенія“ развиваетъ ту мысль, что умозрительныя знанія и все, проникнутое идеею, не только бесполезно, но и вредно, что нѣмецкая философія — бредъ, что только положительныя, фактическія знанія еще годятся на что-нибудь, что ничему не должно учиться, что для того, чтобы все знать, довольно выписывать „Библіотеку для Чтенія“ и „Энциклопедическій Словарь“. „С. Пчела“ и „Сынъ Отечества“ одни чужды всякой мысли и даже всякаго смысла; но и у нихъ есть цѣль, опредѣленная и постоянная, это — подписчики...

Мнѣ бы слѣдовало еще поговорить о переводныхъ критическихъ статьяхъ „Московского Наблюдателя“¹⁾, но это совсѣмъ бесполезно, потому что онѣ нисколько не гармонируютъ съ цѣлью этого журнала. Тамъ, въ западной Европѣ, свѣтскость не новость, рыцарство, даже и литературное, давно уже сдѣлалось пошлостью. Но у насъ — другое дѣло; мы еще недавно надѣли бѣлыя перчатки, и потому ходимъ

¹⁾ Изъ нихъ примѣчательна въ особенности статья Низара о Викторѣ Гюго. *Прим. Вьянскаго.*

поднявши руки вверхъ, чтобъ всѣ ихъ видѣли: мы еще недавно перемѣнили охабень на фракъ, и потому безпрестанно охорашиваемся и оглядываемъ себя со всѣхъ сторонъ; мы еще недавно перестали бить нашихъ женъ и пляску въ присядку перемѣнили на танцы, и потому кричимъ громко „*place aux dames!*“, какъ бы похваляясь своею вѣжливостью, и танцуемъ французскую кадрили съ такою важностью, какъ будто городъ беремъ... Это явленіе понятное и необходимое, но, кажется, уже и у насъ пора бы ему сдѣлаться анахронизмомъ... Говоря безъ шутокъ, оно и есть анахронизмъ, смѣшной и жалкій...

Въ заключеніе почитаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о странномъ и опасномъ положеніи человѣка, который у насъ судить о чемъ бы то ни было, и судить не въ пользу судимаго. „Скажи правду—потеряй дружбу“: мудрая пословица. У насъ особенно всѣ авторитеты щекотливы и притязательны, точь въ точь мелкіе уѣздные чиновники. У насъ еще важность авторитета опредѣляется не заслугою, а выслугою, не достоинствомъ, а лѣтами. Кто началъ свое литературное поприще съ *двадцатыхъ годовъ* и началъ его надутыми стишками, продолжалъ журнальными статейками — тотъ уже авторитетъ, тотъ уже смотритъ на человѣка, осмѣливагося сказать ему правду, какъ на буя-

на, приставаго къ нему на улицѣ... Но всего горестнѣе, что у насъ еще не могутъ понять того, что можно уважать человѣка, любить его, даже быть съ нимъ въ знакомствѣ, въ родствѣ — и преслѣдовать постоянно его образъ мыслей, ученый или литературный: всего досаднѣе, что у насъ не умѣютъ еще отдѣлять человѣка отъ его мысли, не могутъ повѣрить, чтобы можно было терять свое время, убивать здоровье и наживать себѣ враговъ изъ привязанности къ какому-нибудь задушевному мнѣнію, изъ любви къ какой-нибудь отвлеченной, а не житейской мысли... Но какая нужда до этого? Развѣ должно прибѣгать къ божбѣ для увѣренія въ чистотѣ и безкорыстїи своихъ дѣйствій? Развѣ за благородный порывъ должно требовать награды отъ общественнаго мнѣнія? Развѣ мысль не есть высокая и прекрасная награда тому, кто служитъ ей?... О, нѣтъ! пусть толкуютъ ваши дѣйствія, кому какъ угодно; пусть не хотятъ понять ихъ источника и цѣли, но если мысль и убѣжденіе доступны вамъ — идите впередъ, и да не совратятъ васъ съ пути ни расчеты эгоизма, ни отношенія личныя и житейскія, ни боязнь непрїязни людской, ни обольщенія ихъ коварной дружбы, стремящейся взаимѣнъ своихъ ничтожныхъ даровъ лишить васъ лучшаго вашего сокровища — независимости мнѣнія и чистой любви къ истинѣ!...

1836 г.

8. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Сочиненіе Ксенофонта Полевого. Москва, 1836.

Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ БѢлинскій посвятилъ Ломоносову нѣсколько безпристрастныхъ страницъ. Признавая Ломоносова великимъ человѣкомъ и Петромъ Великимъ русской литературы, БѢлинскій въ то же время подчеркнул, что теперь значеніе Ломоносова чисто историческое, что о немъ помнятъ одни записные литераторы, что хотя онъ и великій для своего времени поэтъ, но поэтъ со слабо развитымъ чувствомъ и воображеніемъ (см. выше, стр. 33—37). Этотъ отзывъ почти совпадаетъ съ тѣмъ, который былъ еще раньше сдѣланъ Пушкинымъ, еще болѣе подчеркнутымъ отрицательныя стороны литературнаго значенія Ломоносова; впрочемъ, этотъ отзывъ Пушкина о Ломоносовѣ сталъ извѣстенъ БѢлинскому только въ 1841 году, послѣ появленія XI тома посмертнаго собранія

сочиненій Пушкина. Подобный строго историческій взглядъ на Ломоносова не былъ въ то время общепризнаннымъ; еще въ 1840 году Императорская Россійская Академія, издавая сочиненія Ломоносова, видѣла въ нихъ „образцы и правила поэзіи и витїйства“ для „распространенія истиннаго вкуса и просвѣщенія“.

Черезъ полтора года послѣ „Литературныхъ Мечтаній“ БѢлинскій въ настоящей статьѣ подробнѣе остановился на Ломоносовѣ, рецензируя книгу К. Полевого. Книга эта представляетъ изъ себя нѣчто среднее между біографіей и повѣстью, — по выраженію БѢлинскаго, это — „поэтическая біографія“; БѢлинскій указываетъ, что такое соединеніе является „изобрѣтеніемъ“ Ксенофонта Полевого (брата знаменитаго публициста), „совершенно новымъ и оригинальнымъ родомъ“,

законность котораго Бѣлинскій горячо отстаиваетъ. Родъ этотъ дѣйствительно удержался въ русской литературѣ, но сталъ достояніемъ исключительно дѣтскихъ писателей, разрабатывающихъ въ формѣ повѣстей „Отроческіе годы Пушкина“, жизнь Гоголя, Петра Великаго и др. (См. современныя повѣстбиографіи В. Авенариуса для юношества.) И это сдѣлано, можно сказать, съ благословенія Бѣлинскаго, который эту книгу К. Полевого „особенно рекомендовалъ молодому поколѣнію“. Что касается самой этой книги, то она дѣйствительно заслуживала вниманія съ указанной выше точки зрѣнія. Когда семь лѣтъ спустя Николай Полевой передѣлалъ эту біографію-повѣсть своего брата въ напыщенную „драматическую повѣсть въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ и стихахъ“, то Бѣлинскій, рѣзко осуждая эту драму Николая Полевого, съ одобреніемъ вспоминалъ о книгѣ Ксенофонта Полевого, называя ее интересной и „искусно-изложенной“.

Однако, значеніе настоящей рецензіи заключается, конечно, не въ отзывѣ на книгу К. Полевого, а въ пониманіи Бѣлинскимъ самого Ломоносова. На первый взглядъ отношеніе Бѣлинскаго къ Ломоносову въ этой статьѣ представляется преувеличенно-восторженнымъ по сравненію съ отмѣченнымъ выше мѣстомъ изъ „Литературныхъ Мечтаній“. Попрежнему именуя Ломоносова Петромъ Великимъ русской литературы — сравненіе, кстати замѣтить, впервые употребленное еще Батюшковымъ, — Бѣлинскій теперь неоднократно подчеркиваетъ *гениальность* Ломоносова, называетъ его „великимъ гениемъ“ своей страны; статья мало-по-малу обращается въ панегирикъ Ломоносову.

Не надо, однако, упускать изъ вида, что, превознося Ломоносова, какъ человѣка, восхищаясь его силой воли, его характеромъ, Бѣлинскій даетъ ему, какъ поэту, еще менѣе благосклонную характеристику, чѣмъ въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“. Тамъ онъ называлъ его „великимъ поэтомъ“, здѣсь онъ заявляетъ: „мы даже думаемъ, что Ломоносовъ былъ человѣкъ съ рѣшительнымъ талантомъ къ поэзіи“, и находитъ „немногіе проблески истинной поэзіи“ въ его стихотвореніяхъ. Это еще ближе къ правильному пониманію Ломоносова, еще ближе къ отзыву о немъ Пушкина. И когда въ 1842 году литературные обскуранты обвиняли „безыменнаго критика“ (Бѣлинскаго) въ неуваженіи къ Ломоносову:

Нѣтъ твой подвигъ не похвалень,
Онъ Россіи не привѣтъ!
Карамзинъ тобой ужалень,
Ломоносовъ не поэтъ!

то Бѣлинскій дословно выписалъ „замѣчательное“ мнѣніе о Ломоносовѣ Пушкина,

всѣцѣло съ нимъ соглашаясь (см. наст. изд. т. II, № 42). Тогда же, въ статьѣ „Русская литература въ 1841 году“, Бѣлинскій называлъ Ломоносова „великимъ характеромъ“, „примѣчательнѣйшимъ человекомъ“, но „не поэтомъ, не лирикомъ, не трагикомъ, не ораторомъ, потому что реторика — не поэзія и не ораторство“, Ломоносовъ для литературы только „интересный *историческій фактъ*“, подчеркиваетъ Бѣлинскій (id., т. II, № 33). Такія же мысли высказывалъ Бѣлинскій и двумя годами ранѣе, въ рецензіи на названное нами выше собраніе сочиненій Ломоносова, изданное Россійскою Академіею (1840 г.): „общее мнѣніе о Ломоносовѣ, какъ поэтѣ, ученомъ и писателѣ вообще, — писалъ тогда Бѣлинскій, — уже начинается: оно не отнимаетъ у него искръ поэзіи, но не оставляетъ за нимъ и имени поэта“. Наконецъ, въ первой изъ статей о Пушкинѣ Бѣлинскій въ немногихъ словахъ суммируетъ все наиболѣе существенное, сказанное имъ до того времени о Ломоносовѣ, какъ писателѣ. Теперь эти взгляды можно найти въ каждомъ учебникѣ словесности.

Что же касается до преувеличенно-восторженнаго отношенія Бѣлинскаго къ Ломоносову, какъ человѣку, особенно восторженнаго въ настоящей статьѣ, то надо сказать, что оно не удержалось въ позднѣйшей литературѣ о Ломоносовѣ. Критическое изученіе жизни и дѣятельности Ломоносова началось въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка — по поводу столѣтія со дня смерти этого замѣчательнаго дѣятеля (1865). Къ этому году относится цѣлый рядъ статей о Ломоносовѣ; обширнѣйшая біографія его была позднѣе напечатана Пекарскимъ (см. его „Исторію Императорской Академіи Наукъ“, тт. I—II, 1870 и 1873 г.). Эти изслѣдованія дали полный портретъ Ломоносова, со всѣми его свѣтлыми и темными сторонами; одно-сторонній панегирикъ К. Полевого и Бѣлинскаго (въ настоящей статьѣ) потерялъ всякую историческую цѣнность. Читателей, желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ и съ литературой о Ломоносовѣ вообще, отсылаемъ къ указанной выше работѣ Пекарскаго, къ работамъ Будиловича „Ломоносовъ, какъ писатель“ и Пономарева „Матеріалы для бібліографіи литературы о Ломоносовѣ“ (въ „Сборникѣ отдѣленія русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ“, т. VIII, 1872 г.); дополненія къ бібліографіи читатели найдутъ въ „Исторіи русск. литературы“ Пыпина, т. III. Что же касается до собранія сочиненій Ломоносова, то мы имѣемъ ихъ въ прекрасномъ изданіи Академіи Наукъ (съ 1891 по 1909 г. вышло шесть томовъ).

Возвращаясь въ заключеніе къ настоя-

щей статьи, отмѣтимъ одну частности, показывающую связь этой статьи съ предыдущими и послѣдующими статьями БѢлинскаго: мы имѣемъ въ виду то мѣсто статьи, гдѣ БѢлинскій говоритъ о двухъ дорогахъ жизни (см. ниже, стр. 322). По существу это не что иное, какъ сжатое повтореніе аналогичныхъ мыслей изъ „Литературныхъ Мечтаній“ (см. выше, стр. 21—22), по формѣ же здѣсь впервые намѣчается БѢлинскимъ фихтианская терминологія кружка

Станкевича: противопоставленіе *внѣшней жизни и внутренней жизни*. Настоящая статья написана БѢлинскимъ въ 1836 году, когда онъ, вслѣдъ за Станкевичемъ и Бакунинымъ, подходилъ къ философіи Фихте; вплотную подошелъ онъ къ ней въ статьѣ о брошюрѣ „Опытъ системы нравственной философіи“. Такимъ образомъ настоящая статья относится къ эпохѣ промежуточной между шеллингианствомъ и фихтианствомъ въ жизни БѢлинскаго. И. Р.

Геній есть самое торжественное проявленіе силы человѣческаго духа. Ниспосылаемый на землю, какъ рѣшитель препятствій, затрудняющихъ ходъ человѣчества и народовъ, онъ есть какъ-бы фокусъ сознанія современнаго ему человѣчества или своего народа. Невстоимый въ силахъ и средствахъ, непобѣдимый въ борьбѣ, загадка для самого себя, то идолъ, то жертва людей, мученикъ своего призванія,—какое высокое и умиленное зрѣлище представляетъ онъ своею жизнью! И люди жадно смотрятъ на это зрѣлище, когда поймутъ и сознаютъ его величіе, громко и съ восторгомъ рукоплещутъ умершему актеру, котораго освистывали при его жизни, поклоняются, какъ идолу, закланной ими жертвѣ. И это очень естественно, очень понятно: съ одной стороны, только въ борьбѣ и битвахъ съ жизнью творится великое, и въ такомъ случаѣ, люди безсознательно служатъ пружиною дѣятельности генія; съ другой стороны, только издалека грѣютъ и освѣщаютъ лучи солнца, а вблизи они, можетъ быть, жгли бы и ослѣпляли; не весною и не лѣтомъ, а осенью, не въ пышномъ и благоухающемъ цвѣтѣ, а въ печальной и увядающей зелени приносятъ дерево свой плодъ. И какъ обвинять людей, что они рѣдко оцѣниваютъ генія при его жизни? Имъ мѣшаютъ хладнокровно и безпристрастно всматриваться въ его жизнь и отношенія личныя, и страсти и страстишки. и самолюбіе эпохи, а сверхъ того, они вообще великановъ почитаютъ уродами и ищутъ предметовъ обожанія себѣ по плечу. Но какъ бы то ни было, а истина, наконецъ, возстановляется, хотя и поздно, справедливость воздается, хотя и за гробомъ: закатившійся геній сіяетъ людямъ ровнымъ и тихимъ свѣтомъ, не ослѣпляя ихъ глазъ и не скрывая отъ нихъ пятенъ, и люди съ благоговѣніемъ поклоняются тѣни великаго, изучаютъ его жизнь и дѣла, чтобы добраться по нимъ, что такое были они сами въ то время, когда онъ представлялъ ихъ собою, т.-е. мыслилъ, чувствовалъ, страдалъ и дѣлалъ за нихъ. Рѣдко являются на землю

эти посланники неба, не каждый вѣкъ и не каждый народъ гордится ими. Несмотря на свое родственное сходство, несмотря на тождество идеѣ, выражаемой ихъ явленіемъ, они стоятъ не всегда на одной ступени величія, отличаются не всегда равною силою. Но это часто зависитъ отъ обстоятельствъ, среди которыхъ они являются въ міръ. Александры, Цезари, Карлы, Лютеры, Наполеоны дѣйствуютъ прямо на все человѣчество, даютъ другое направленіе дѣламъ всего міра; Генрихи, Кольберты, Петры дѣйствуютъ на человѣчество и его будущую судьбу не прямо, а черезъ свой народъ, подготавливая въ немъ новаго дѣйствителя на сценѣ міра.

Нашъ Ломоносовъ принадлежитъ къ числу этихъ скромныхъ, но тѣмъ не менѣе великихъ геніевъ послѣдняго рода. Европа едва знала о его существованіи, отечество знало, и то въ лицѣ немногихъ, только имя Ломоносова, но не понимало идеѣ, значенія этого имени. И теперь, когда уже наступило время безпристрастнаго сужденія объ этомъ человѣкѣ, многіе ли понимаютъ всю огромность его генія, многіе ли даже уважаютъ его по сознанію, по убѣжденію, а не по привычкѣ, не по урокамъ школы, врѣзавшимся въ память, не по нелѣпымъ возгласамъ педантовъ, прожужжавшимъ уши всему читающему міру?... Да и за что, въ самомъ дѣлѣ, уважать Ломоносова? Что онъ сдѣлалъ?—Ровно ничего, если угодно!—Гдѣ дѣла его?—Нигдѣ, если хотите!—Но, спросимъ мы, въ свою очередь, что сдѣлалъ Петръ Великій, гдѣ дѣла его?—И на повѣрку выйдетъ опять-таки ничто и нигдѣ!... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нынѣшній Петербургъ—его Петербургъ, нынѣшняя Россія—его Россія?... Такъ, не его, не та, совсѣмъ другая: но безъ него она не была бы такою, какою мы ее видимъ...

Между Ломоносовымъ и Петромъ большое сходство: тотъ и другой положилъ начало великому дѣлу, которое потомъ пошло другимъ путемъ, другимъ образомъ, но которое не пошло бы безъ нихъ. Дать ходъ

идеѣ, пробудить жизнь въ автоматѣ — великое дѣло, на которое мало здраваго смысла, мало ума, мало таланта, на которое нуженъ геній, а геній есть олицетвореніе, проявленіе идеи цѣлаго человѣчества, цѣлаго народа въ лицѣ одного человѣка. Геній не есть, какъ сказалъ Бюффонъ, терпѣніе въ высочайшей степени, потому что терпѣніе есть добродѣтель посредственности, бездарности, но онъ есть сильная воля, которая все побѣждаетъ, все преодолеваетъ, которая не можетъ погнуться, не можетъ отступить, хотя и можетъ переломиться, пасть, но въ такомъ случаѣ она уже не переживаетъ себя. Да — сила воли есть одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ генія, есть его мѣрка.

И какъ изумительно, какъ чудесно проявилась эта дивная сила въ Ломоносовѣ! Чтобы понять это вполнѣ, надо забыть наше время, наши отношенія, надо перенестись мыслью въ ту эпоху жизни Россіи, когда грамотныхъ людей можно было перечестъ по пальцамъ, когда ученіе было чѣмъ-то тождественнымъ съ колдовствомъ; когда книга была рѣдкостью и неоцѣненнымъ сокровищемъ. И въ это-то время на берегу Ледовитаго океана, на рубежѣ природы, въ царствѣ смерти, родился у рыбака сынъ, который съ чего-то забралъ себѣ въ голову, что ему надо, непременно надо учиться, что безъ ученія жизнь не въ жизнь. Ему этого никто не толковалъ, какъ толкуютъ это нынче, его даже били за охоту къ ученю, какъ нынче бьютъ за отвращеніе къ наукѣ. Чуденъ былъ этотъ мальчикъ, не походилъ онъ на добрыхъ людей, и добрые люди, глядя на него, пожимали плечами. Всѣ, и старше его, и моложе его, и ровесники, всѣ смотрѣли на вещи глазами „здраваго смысла“ и, по привычкѣ видѣть ихъ каждый день, не видѣли въ нихъ ничего необыкновеннаго: солнце имъ казалось большимъ фонаремъ, свѣтившимъ имъ полгода, а чудное сіяніе въ полугодовую ночь отблескомъ большого зажженного костра дровъ; необозримое море они почитали за большой рыбный садокъ, словомъ, этимъ благоразумнымъ людямъ все казалось обыкновеннымъ, кромѣ денегъ и хлѣба. Но мальчикъ смотрѣлъ на все это другими глазами: въ полугодовой ночи онъ видѣлъ что-то чудное, скрывавшее въ себѣ таинственный смыслъ, океанъ манилъ его въ свою неистощную даль, какъ бы обѣщая ему объяснить все непонятное, все, что сообщало его душѣ странные порывы, волновало его грудь неизъяснимою и сладкою тоскою, возбуждало въ его умѣ вопросы за вопросами... Да, мальчикъ былъ любимое дитя природы, родной сынъ между миллионами пасынковъ, а между любимымъ сыномъ и любящею ма-

терью всегда существуетъ симпатическое чувство, которымъ они молча понимаютъ другъ друга... Но мальчику мало было *понимать чувствомъ*, онъ хотѣлъ понять разумомъ; ему мало было любоваться на прекрасную природу, онъ хотѣлъ заставить ее говорить съ собою, открыть себѣ ея завѣтныя тайны, словомъ, ему хотѣлось чего-то такого, чего онъ не умѣлъ назвать и чего боялся... И вотъ онъ, покорный внутреннему голосу, оставляетъ любимаго отца и ненавистную мачиху, бѣжитъ въ Москву... Зачѣмъ? — *учиться!* Странный мальчикъ! чего онъ надѣялся, чего онъ добивался! Тогда еще не давали за знаніе чиновъ, тогда наука еще не была дойною коровою, и не золото, и не почести, а бѣдность, горестъ и униженіе сулили они безумному... Говорятъ, что есть свои наслажденія въ наукѣ, потому только, что она наука, свое блаженство въ истинѣ, потому только, что она истина; говорятъ, что внѣшняя жизнь не удовлетворяетъ даже тѣхъ людей, которые исключительно для нея созданы, потому что, среди избытка земныхъ благъ, эти люди желаютъ еще большихъ, которыхъ земля уже не въ состояніи имъ дать, и что будто бы эта ненасытимостъ есть доказательство невозможности удовлетворенія себя однимъ земнымъ; говорятъ, что, напротивъ, внутренняя жизнь вполнѣ удовлетворяетъ человѣка, внимательнаго къ ея таинственному зову, что духовная пища насыщаетъ, не обременяя, услаждаетъ, не производя отвращенія; говорятъ еще, что будто бы есть свое счастье въ несчастіи, свое блаженство въ страданіи, свое сладострастіе въ лишеніяхъ и жертвахъ для истиннаго, благого и прекраснаго... Да — это говорятъ и пишутъ, но только нынѣ, и говорятъ это не одни мудрые вѣка, но и люди обыкновенные, говорятъ не какъ истины вѣроятныя, но какъ аксіомы непреложныя; но тогда, во въ то время въ самой Европѣ эти истины постигались только избранными, только *солью земли*, и постигались темнымъ чувствомъ, а не сознательнымъ разумѣніемъ; въ Россіи же никто и не подозрѣвалъ ихъ, никто и не догадывался о нихъ. Кто-жъ сказалъ о нихъ нашему бѣдному, необразованному юношѣ, нашему Холмогорскому мужику, человѣку *низкаго* происхожденія? — Никто, кромѣ этого внутреннего голоса, который слышится душѣ избранной, никто, кромѣ этой глубокой вѣры, которая двигаетъ горы съ мѣста на мѣсто!... Кто далъ ему средство идти съ такимъ упорствомъ къ своей цѣли? — Никто, кромѣ этой могучей воли, которая есть орудіе генія!... Иди же въ свой путь, стремись на свое великое дѣло, юный геній! Борись съ людьми, страдай отъ нихъ, для ихъ же

счастія, жми руку богачу, склоняя чело предъ вельможею, но не для нихъ и не для себя, а ради приращенія науки въ лю-безномъ отечествѣ, и не забывай, что это не долгъ, а жертва съ твоей стороны, что ты не долженъ ради суеты земной или раболѣпнаго удивленія къ блестящей ничтожности, къ позлащеннымъ кумирамъ унижать предъ сынами земли, любимцами слѣплого счастія, своего достоинства, своего великаго сана, своего высокаго рода, ты, избранникъ Божій, гражданинъ неба, вельможа вселенной!...

И Ломоносовъ не измѣнилъ своему назначенію: вся жизнь его была прекраснымъ подвигомъ, непрерывною борьбою, непрерывною побѣдою. Голова ходитъ кругомъ отъ мысли, что было сдѣлано въ Россіи до Ломоносова, и что онъ долженъ былъ сдѣлать, и что сдѣлалъ. Петръ Великій, прежде нежели завелъ въ Россіи первую типографію, долженъ былъ самъ нарисовать формы новыхъ буквъ, прежде нежели увидѣлъ первый печатный листъ, долженъ былъ своими державными руками править корректуру; прежде нежели увидѣть обученное войско, долженъ былъ собою показать идеаль солдата, идеаль повиновенія, прежде нежели увидѣлъ успѣхъ военныхъ укрѣпленій и флота, долженъ былъ самъ быть и кузнецомъ, и плотникомъ, и слесаремъ, и столяромъ, словомъ — всѣмъ. Такъ и Ломоносовъ: онъ все долженъ былъ самъ сдѣлать, всему положить начало: строя домъ, долженъ былъ дѣлать и подмостки, обжигать кирпичи и растворять известъ. До него существовала только русская азбука, но не было русскаго языка, и только послѣ него сталъ возможенъ въ Россіи раздѣлъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ. И вотъ онъ пишетъ грамматику, которая уже не годится для нашего времени, но лучше которой еще не являлось у насъ ¹⁾; даетъ законы языку и утверждаетъ ихъ образцами. Какой же можно требовать художественности отъ его стихотвореній и его похвальныхъ словъ, когда они писаны были не столько по призыву вдохновенія, не столько изъ безсознательной потребности творить, сколько по призыву нужды, сколько по сознательному желанію дать образцы ли-

¹⁾ Я сказалъ страшное слово: за него досталось уже и автору „Михаила Васильевича Ломоносова“: одинъ *грамматическій* журналистъ очень разсердился на его прекрасное произведеніе, вѣроятно, за мысль, что у насъ еще и теперь нѣтъ грамматики, которая была бы лучше Ломоносовой. Въ самомъ дѣлѣ: Ломоносовъ и *грамматическій* журналистъ — соперники, а похвалить одного соперника значить обидѣть другого: какъ же быть такимъ неосторожнымъ!...

Прим. Бѣлинскаго.

Намекъ на Греча.

тературы и повѣрить на практикѣ теорію языка и стихосложенія. И какъ онъ успѣлъ въ послѣднемъ! Введенное имъ стихосложеніе осталось навсегда въ русскомъ стихотворствѣ, и стихи его, по гармоніи, гладкости, правильности языка, гораздо выше его прозы, въ которой онъ старался поддѣлаться подъ складъ и конструкцію латинской прозы. Мы даже думаемъ, что Ломоносовъ былъ человѣкъ съ рѣшительнымъ талантомъ къ поэзіи: кромѣ яркихъ, хотя и немногихъ, проблесковъ истинной поэзіи, въ его одахъ есть строфы какъ будто написанныя десять лѣтъ назадъ тому. Конечно, въ наше время звучный и гладкій стихъ уже не есть несомнѣнный признакъ таланта, но тогда, во времена Кантемировъ, Тредьяковскихъ, Сумароковыхъ, тогда одно внѣшнее достоинство Ломоносовыхъ стиховъ могло ручаться за неподдѣльное внутреннее достоинство. Въ самомъ дѣлѣ, когда у насъ стали даже и бездарные люди писать гладкими и звучными стихами? Послѣ Пушкина — и я заключаю изъ этого, что даже внѣшняя сторона искусства доступна только одному таланту, и уже не прежде, какъ послѣ его подвига, она дѣлается достояніемъ рутинеровъ. Риторика Ломоносова тоже была великою заслугою для своего времени; если она теперь забыта, то не потому, чтобы мы имѣли риторики выше ея по достоинству, а потому, что теперь риторика, въ томъ значеніи, какое даютъ ей какъ наукѣ, обучающей красно писать, сдѣлалась исключительнымъ достояніемъ педагоговъ, глупцовъ, и считается за такую же науку, какъ алхимія и астрологія. Ломоносовъ былъ не только поэтомъ, ораторомъ и литераторомъ, но и великимъ ученымъ. Обширная область естествознанія сильно манила его пытливый умъ, и не вотще, по прекрасному выраженію г. Полевого, „въ видѣ Ломоносова, Россія стучалась въ двери Вольфа, съ жаждою науки и знанія“... Онъ всѣмъ занимался съ жаромъ, любовью и успѣхомъ. И сколько трудовъ долженъ былъ во всемъ преодолѣть! Онъ пристрастился, на примѣръ, къ мозаикѣ, и что-жъ? приужденъ былъ самъ отливать разноцвѣтные стекла! Кромѣ того, самъ дѣлалъ, какъ позволяли ему средства, физическіе инструменты. Тогда не то, что нынѣ, тогда Академія Наукъ была бѣднѣе всякой нынѣшней гимназіи. Да объ Академіи тогда и не очень заботились, она была, какъ и самое просвѣщеніе, родъ какого-то парада для торжественныхъ дней — форма, вывезенная изъ Европы безъ идеи. Планъ основанія Академіи принадлежитъ Петру Великому, и если бы провидѣніе допустило его осуществить этотъ планъ, тогда Академія видѣла бы заботы и попеченія о

себѣ и, по крайней мѣрѣ, не нуждалась бы въ пособіяхъ; но послѣ Петра, до Екатерины II, смотрѣли на Академію, какъ на мѣсто, въ которомъ говорятъ торжественныя рѣчи въ торжественные дни, не больше. Даже просвѣщенное покровительство благороднаго Шувалова немного давало Ломоносову средствъ къ возвышенію этого единственнаго ученаго общества въ Россіи. Шуваловъ также не всегда могъ защищать Ломоносова отъ подлецовъ-рутинеровъ, Тредьяковскихъ и проч. Академическая канцелярія была сильнѣе цѣлой Академіи, подъячіе были сильнѣе Академиковъ...

Не прекрасна ли такая жизнь? не интересенъ ли такой человѣкъ? Или, лучше сказать, не должны ли такіе люди составлять предметъ живѣйшаго любопытства, глубокаго благоговѣнія для всѣхъ народовъ вообще и для своего въ особенности? Не есть ли Ломоносовъ одна изъ самыхъ яркихъ народныхъ славъ. Ученый, поэтъ и литераторъ не по случаю, а по призванію, онъ преодолѣлъ тысячи препятствій, и во всю жизнь остался человѣкомъ, ученымъ труженикомъ, а не сдѣлался, когда улыбнулось ему мірское счастье, вельможею, знатнымъ бариномъ... Какъ рѣзка разница между гениемъ и простымъ дарованіемъ! Карамзинъ былъ съ большимъ дарованіемъ, много сдѣлалъ для русской литературы, но какъ Ломоносовъ-то былъ выше его! Одинъ, безъ средствъ, безъ способовъ, находитъ все самъ, борется на каждомъ шагу; другой, воспитанникъ Новикова, подготовленный къ нѣмецкому образованію, сбивается съ своего пути, и, знакомый съ нѣмецкою и англійскою литературами, увлекается пустымъ блескомъ „свѣтской“ французской литературы, „свѣтской“ французской учености, и остается ей вѣренъ при общемъ переворотѣ ученыхъ и литературныхъ идей, при рѣшительномъ отступничествѣ Франціи самой отъ себя и рѣшительномъ перевѣсѣ германской мыслительности. Потомъ, одинъ съ пустыми вспоможеніями, съ малымъ достаткомъ, проводитъ всю жизнь въ укромной тиши кабинета и выходитъ изъ него только къ Шувалову и то въ надеждѣ „какого-нибудь обрадованія по своимъ справедливымъ для пользы отечества прошеніямъ“, трудится надъ полемъ глухимъ, заросшимъ, къ которому отъ вѣка не прикасалась нога человѣческая, и творитъ изъ ничего; другой, со всѣми средствами, принимается за поле еще необработанное, не засѣянное, но уже подвергшееся хотя первоначальной разработкѣ, продолжаетъ свое прекрасное дѣло съ успѣхомъ, который замѣчаютъ, ободряютъ, и онъ, взысканный признательностью и милостями, оканчиваетъ свое дѣло ужъ какъ бы ex-offi-

сіо, дѣлается свѣтскимъ человѣкомъ, вельможею...

Доселѣ у насъ не было біографіи Ломоносова, всѣ извѣстія о его жизни являлись въ разбросанныхъ отрывкахъ, тамъ и сямъ. Г. Кс. Полевой рѣшился пополнить этотъ важный недостатокъ въ нашей литературѣ и выполнилъ свое намѣреніе съ блестящимъ успѣхомъ. Его книга не романъ и не біографія въ точномъ смыслѣ этого слова. Настоящей біографіи Ломоносова не можетъ и быть, потому что этотъ необыкновенный человѣкъ не оставилъ по себѣ никакихъ записокъ, современники его тоже не позаботились объ этомъ. Да и какъ требовать отъ нихъ этого: они смотрѣли на Ломоносова не какъ на гениальнаго человѣка, а какъ на безпокойную и опасную для общественнаго благосостоянія голову: посредственность ничѣмъ такъ жестоко не оскорбляется, какъ истиннымъ превосходствомъ, и во всякаго рода превосходствѣ видитъ буйство и зажигательство... Итакъ, можетъ быть только хронологическій перечень сочиненій Ломоносова, съ обозначеніемъ главныхъ событій его жизни, но полная картина жизни гениальнаго человѣка исчезла навсегда. Чтобы представить ее, нужно дополнить, расцвѣтить воображеніемъ извѣстные факты, оттушевать фантазією сухой очеркъ. Такъ и сдѣлалъ г. Полевой. Онъ не позволилъ себѣ ни одного вымышленнаго факта: у него есть вымыселъ, но онъ состоитъ въ расцвѣтленіи живыми подробностями какого-нибудь извѣстнаго факта. Объяснимъ это примѣромъ: извѣстно, по одному дошедшему до насъ письму Ломоносова къ Шувалову, что этотъ вельможа хотѣлъ помирить его съ Сумароковымъ: г. Полевой описываетъ это происшествіе, какъ оно представилось его воображенію.

Вотъ письмо Ломоносова:

„Никто въ жизни меня не изобидѣлъ, какъ Ваше Высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ: я думалъ, можетъ быть, какія-нибудь обрадованія будутъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! То-есть, сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ и вы сами не рады. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другого не говоритъ, какъ только всѣхъ бранить, себя хвалить, и бѣдное свое римичество выше всего человѣческаго знанія ставить. Тауберта и Миллера для того только бранить, что не печатаютъ его сочиненій, а не ради общей пользы. Я забываю всѣ его озлобленія, и мститъ не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружить и об-

ходиться съ нимъ никоимъ образомъ не могу, испытать чрезъ многіе случаи и знаю, каково въ крапиву голой сѣсть. Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе, только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, несмотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, который мнѣ былъ въ жизнь защитникомъ и никогда не оставилъ, когда я пролилъ предъ нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше Высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю; мститъ за обиды и не думаю, и только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Будь онъ чловѣкъ знающій и искусный, пускай дѣлаетъ въ пользу отечеству; я по моему малому таланту также готовъ стараться. А съ такимъ чловѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, который всѣ прочія знанія позорить, которыхъ и духу не смыслить. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ. Г. Сумароковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столько всякаго вздору наговорилъ, что на весь мой вѣкъ станетъ, и радъ, что его Богъ отъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть дома, и не желаютъ съ комедіантами обхожденія. Я пустой болтун и самохвальства не люблю слышать. И по сіе время ужились мы во единомудшіи. Теперь, по вашему миротворству, должны мы вступить въ новую дурную атмосферу. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи, ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти, постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеній, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте. Ожидая отъ васъ справедливаго отвѣта, съ древнимъ высокопочитаніемъ пребываю, и проч.“.

Вотъ представленіе самого происшествія, или вымыселъ отъ лица автора:

„...Ломоносовъ былъ въ ожиданіи, когда однажды Шуваловъ прислалъ просить его къ себѣ обѣдать. Обрадованный поэтъ, обѣщая себѣ добрыя вѣсти, спѣшилъ на приглашеніе.

Нѣсколько изумило его собраніе, которое нашелъ онъ у своего покровителя. Тутъ были знатные люди, вельможи, нѣсколько

знакомыхъ лицъ и наконецъ Сумароковъ! Непріятное чувство втѣснилось на сердце Ломоносова. Но что почувствовалъ онъ, когда Шуваловъ отвелъ его къ сторонѣ и сказалъ: — Михайло Васильевичъ! Знаешь ли, зачѣмъ я призвалъ тебя?... Помиришь съ Сумароковымъ! Онъ признается, что былъ несправедливъ къ тебѣ, и самъ проситъ мира.

Ломоносовъ не зналъ что отвѣчать на эти неожиданныя слова; но Шуваловъ, не дожидаясь отвѣта его, сказалъ громко:

— Александръ Петровичъ! Вотъ вамъ рука моего пріятели, что онъ забываетъ все прежнее и будетъ отнынѣ вашимъ добрымъ знакомцемъ. Сумароковъ тотчасъ подскочилъ къ Ломоносову, схватилъ его руку и, пожимая ее, заговорилъ быстро:

— Очень радъ, Михайло Васильевичъ, очень радъ, что мы будемъ съ вами теперь пріятелями. Я самъ просилъ Его Высокопревосходительство свести насъ, потому что за что намъ ссориться? Мы оба пишемъ стихи? Такъ что-жъ? Я пишу хорошо, и вы не хуже! И, сударь, читалъ вашу поэму, и тотчасъ сказалъ, что вы великій поэтъ! Да-съ, безъ утайки скажу это, при цѣломъ свѣтѣ. Ваша поэма полна красотъ! Какіе прекрасные стихи, картины, вымыслы! Лавровый вѣнокъ вамъ, лавровый вѣнокъ. Есть, правда, грѣхи противъ языка, и я могъ бы замѣтить вамъ... Но вы сами сочинили грамматику: не мнѣ учить васъ! Прекрасно, сударь, прекрасно! Только вы, я думаю, не скоро dokonчите вашъ трудъ. Есть ли у васъ еще въ готовности хоть одна піеса?

Эта рѣка словъ разлилась такъ быстро, что Ломоносовъ не могъ ничего не сообразить въ словахъ Сумарокова, ни отвѣчать на нихъ, и только растворилъ ротъ, какъ собесѣдникъ его снова говорилъ:

— А я такъ предпринялъ переложить въ стихи всѣ псалмы Давида. Труда много, да я не боюсь его. Не хочу соперничать съ вами, и пишу только для прославленія Россійскаго слова. Какъ хотите, а мы съ вами уже не будемъ соперниками. Да вотъ, ровно годъ назадъ, вашъ и мой переводъ оды господина Руссо *На счастье* былъ напечатанъ въ *Полезномъ увеселеніи*. Чей лучше? Судить не мое дѣло, а признайтесь, что я перевелъ гораздо повѣрнѣе васъ. Я постигъ французскихъ писателей, и лучше меня не будутъ переводить ихъ и черезъ сто лѣтъ. Я еще недавно получилъ письмо отъ г. Вольтера... Позвольте, оно, кажется, со мной...

Покуда Сумароковъ шарилъ въ карманахъ, Ломоносовъ отиралъ потъ, который выступилъ на лицѣ его отъ досады на эту шутовскую сцену. Въ самомъ дѣлѣ, двухъ литературныхъ враговъ окружали многіе господа и съ улыбкою смотрѣли на ихъ встрѣчу.

Ломоносовъ бѣсился отъ этого и молчалъ, а Сумароковъ, не обращая вниманія ни на что, воскликнулъ:

— Какая досада! забылъ дома!... Ну, да все равно. Вы повѣрите и на слово, что г. Вольтеръ отдаетъ мнѣ полную справедливость. Онъ даже удивляется: какъ могу я писать трагедіи на русскомъ языкѣ.

„Мнѣ однакожь странно,—возразилъ Ломоносовъ, выведенный изъ терпѣнія этою болтовней,—странно, какъ г. Вольтеръ беретъ судить о такомъ предметѣ, котораго не можетъ понимать. Вѣдь онъ не знаетъ по-русски?“

— Да я развѣ говорю, что онъ знаетъ? Напротивъ, онъ даже не вѣритъ, что на русскомъ языкѣ можно писать трагедіи. А вы знаете, — прибавилъ Сумароковъ съ довольнымъ видомъ, — написалъ ли я трагедіи, и каковы онѣ! Вы и сами дѣлали попытку, да вы не знаете театральныхъ эффектовъ; оттого и трагедіи ваши не попали на театр. Зато ваша поэма единственна!

Сумароковъ продолжалъ говорить безпрестанно, покуда не позвали всѣхъ къ столу. Онъ хотѣлъ-было сѣсть подлѣ Ломоносова, но тотъ уклонился отъ этой тяжелой для него чести и сѣлъ по другую сторону стола. Сумароковъ и тутъ находилъ средство безпрестанно обращаться къ новому своему другу, который или не отвѣчалъ ничего, или отвѣчалъ какъ можно короче.

Хозяинъ былъ чрезвычайно любезенъ со всѣми, но особенное вниманіе обращалъ на своихъ ученыхъ гостей. Замѣчая, что они худо сближаются, онъ старался завести общій разговоръ, гдѣ Ломоносовъ могъ бы выказать свой умъ и свои познанія. Но поэтъ былъ угрюмъ. Тѣсно было его душѣ среди этого свѣтскаго, чуждаго для него общества; а всего больше досаждалъ ему Сумароковъ, навязываясь съ своею дружбою.

Наконецъ, пышный обѣдъ кончился, и гости перешли въ другую залу. Сумароковъ уже былъ подлѣ Ломоносова, потчивалъ его табакомъ, и опять завелъ рѣчь о прежнемъ, то есть, о своихъ стихахъ и литературныхъ успѣхахъ.

— Я страхъ сердить на гг. Миллера и Тауберта! — сказалъ онъ между прочимъ. — Это, сударь, себялюбцы, непросвѣщенные люди, грубіяны. Вдругъ не стали имъ нравиться мои стихи! Да повѣрю ли я этому? Вѣдь прежде они съ радостью принимали ихъ? Миллеръ печаталъ, а Таубертъ пропускать. Тутъ другая причина!... Да я и не нуждаюсь. Я живу въ такомъ кругѣ, гдѣ умѣютъ цѣнить дарованія. Знаете ли, Михайло Васильевичъ — прибавилъ онъ — что вамъ бы не худо быть почаще въ нашемъ общественномъ кругѣ, то-есть, вотъ, посѣ-

щать бы меня, познакомиться съ моимъ семействомъ. Право, пріѣзжайте ко мнѣ, и позвольте также нашимъ женамъ сблизиться. Я почту за честь познакомиться съ г-жею коллежскою совѣтницею, не знаю имени и отчества супруги вашей...

— Благодарю, — сказалъ Ломоносовъ. — Жена моя простая женщина, нѣмка, и не привыкла обращаться въ свѣтѣ. Она всегда сидитъ дома!

— Но почему же не развлекать себя иногда? Слава Богу, ваше званіе, ваше имя даютъ доступъ во всѣ лучшіе дома. А мы бы съ вами между тѣмъ разсуждали о Россійской словесности. Вотъ, батюшка, предметъ неистощимый! У насъ все новостъ. Я, напримѣръ, недавно изумилъ одно знатное общество. Утверждали, что на русскомъ языкѣ нельзя писать нѣжныхъ стиховъ. Я заспорилъ, и въ доказательство тутъ же написалъ имъ сто двадцать двестишій, любовныхъ, пастушескихъ и всякихъ. Да вѣдь вотъ что странно. Читали, восхищались русскими стихами, а начали хвалить по-французски!... Господа, сказалъ я имъ: развѣ у насъ нѣтъ своего, русскаго языка? А они стали смѣяться. Жалкая, сударь, эта страсть къ чужому языку, и она видимо усиливается.

Ломоносовъ совершенно потерялъ терпѣніе и воспользовался первою удобною минутою убѣжать отъ нестерпимаго для него человека.

Знатные господа усѣлись играть въ карты, Сумароковъ поймалъ какого-то гвардейскаго офицера и началъ ему читать наизусть отрывки изъ новой своей трагедіи, а Ломоносовъ, тихонько, незамѣтно ни для кого, ушелъ, проклиная этотъ несчастный день.

„Что это дѣлаетъ со мною Иванъ Ивановичъ!“ думалъ онъ. „Какъ ему не совѣстно связываться съ этимъ человѣкомъ, и еще сводить насъ, мирить, какъ будто злыхъ собакъ! О, эти бояре!“ Онъ невольно топнулъ. „Самый лучшій изъ нихъ остается вѣренъ своей кастѣ. Они почитаютъ все дозволеннымъ для себя. Они думаютъ, что имъ стоитъ только пожелать, и все исполнится. Нѣтъ, господа, вы ошибаетесь. Вамъ не помирить огня съ водой, человѣка съ дуракомъ и Ломоносова съ Сумароковымъ!“

Намъ кажется, что приведенный нами отрывокъ можетъ дать самое лучшее понятіе о манерѣ автора, его искусствѣ и талантѣ. Вотъ въ чемъ состоитъ его изобрѣтеніе, которое намъ кажется совершенно позволительнымъ и законнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое умѣніе поэтизировать свой предметъ, какая вѣрность живописи! Ломоносовъ—весь въ этомъ отрывкѣ, таковъ, какъ виденъ въ своемъ письмѣ къ Шувалову—этомъ образцѣ благородства и прямодушія. А Сумароковъ!

о, и онъ весь, со всѣмъ своимъ самохвальствомъ, пустотою и ничтожностью! Но это не лучшее мѣсто въ книгѣ: юность Ломоносова, постепенное развитіе его генія и сознаніе своего призванія, жизнь въ Германіи, любовь, женитьба, бѣгство въ Россію, первые успѣхи, борьба съ невѣжествомъ—словомъ, весь Ломоносовъ, вся жизнь его изображены такъ просто, благородно, увлекательно, съ такимъ одушевленіемъ. Вы читаете не компиляцію, не сборъ фактовъ, а видите живую и полную картину, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе приковывающую къ себѣ ваши глаза. И не могло быть иначе: все созданіе проникнуто идеею, и вы вездѣ, какъ въ общности, такъ и въ малѣйшихъ подробностяхъ, видите эту идею, а эта идея—внутренняя жизнь *человѣка и генія*. Взглядъ на Ломоносова самый вѣрный, по крайней мѣрѣ, для насъ, всѣ сужденія о каждомъ отдѣльномъ трудѣ Ломоносова обнаруживаютъ здравыя литературныя понятія; нѣтъ ни малѣйшихъ отступленій отъ истины. Мы разумѣемъ здѣсь истину высшую, истину идеи, которая сообщаетъ истину и изложенію и подробностямъ. Языкъ вездѣ изящный и благородный, по мѣстамъ искусно и удачно поддѣлывающійся подъ старину. Все созданіе проникнуто истинною художественностью, достойною своего высокаго предмета.

Мы уже сказали, что это не романъ и не біографія въ точномъ смыслѣ этихъ словъ;

но это дѣло и ума и фантазіи, это—*поэтическая біографія*, принадлежащая и къ наукѣ и къ искусству—родъ совершенно новый, оригинальный.

Да—мы чистосердечно и добросовѣстно можемъ сказать, что книга г. Ксенофонта Полевого есть пріятное явленіе въ нашей литературѣ, прекрасный подарокъ публикѣ. Мы особенно рекомендуемъ ее молодому поколѣнію, изъ среды котораго готовятся будущіе дѣятели на нивѣ *человѣческой мысли*: оно найдетъ для себя высокіе уроки въ этой книгѣ, оно увидитъ въ жизни Ломоносова свой долгъ и свое назначеніе, оно узнаетъ изъ нея, что только въ честной и безкорыстной дѣятельности заключается условіе *человѣческаго достоинства*, что только въ силѣ воли заключается условіе нашихъ успѣховъ на избранномъ поприщѣ. Не всякому природа даетъ геній, не всякому назначено быть Ломоносовымъ, но и безъ генія у *человѣка* можетъ быть стремленіе къ благу и добрая, если не сильная воля, а съ стремленіемъ къ благу и доброю волею всякій можетъ выполнить свое назначеніе на поприщѣ дѣятельности, отмежеванномъ природою и указанномъ сознаніемъ своей способности! Зрѣлище жизни великаго *человѣка* есть всегда прекрасное зрѣлище: оно возвышаетъ душу, миритъ съ жизнью, возбуждаетъ дѣятельность!...

1836 г.

9. Опытъ системы нравственной философіи.

Сочиненіе магистра *Алексыя Дроздова*. Спб. 1835.

Небольшая статья Бѣлинскаго о незначительной брошюркѣ Дроздова является характернымъ моментомъ развитія русской мысли тридцатыхъ годовъ вообще и Бѣлинскаго въ частности: она знаменуетъ собою начало „*фихтианскаго*“ періода въ жизни Бѣлинскаго. Во вступительной статьѣ мы подробнѣе останавливаемся на этомъ промежуточномъ періодѣ между русскимъ шеллингианствомъ и гегелианствомъ; въ настоящей замѣткѣ мы коснемся только самой статьи Бѣлинскаго и ея наиболѣе интересныхъ частей.

Съ настоящей статьи начинается періодъ вліянія Бакунина на Бѣлинскаго—вліянія въ области философской мысли; статья эта, кстати замѣтить, написана Бѣлинскимъ въ Прямухинѣ, деревнѣ Бакуниныхъ. Бакунинъ „*втащилъ*“ Бѣлинскаго въ „*фихтиан-*

скую отвлеченность“ и познакомилъ его съ философіей Фихте въ серединѣ 1836 года; можно предполагать, что онъ имѣлъ въ рукахъ книгу Фихте „*Vorlesungen über die Bestimmung des Menschen*“—ту книгу, которую Станкевичъ читалъ весною 1836 года (см. его письма къ Невѣрову отъ апрѣля этого же года). Общій духъ ученія Фихте былъ схваченъ друзьями въ общемъ правильно, хотя въ частностяхъ они варьировали Фихте на свой ладъ—такъ же, какъ раньше Шеллинга, а позднѣе—Гегеля; и если отъ нѣмецкихъ романтиковъ и Шеллинга они заимствовали основныя эстетическія положенія, то Фихте далъ имъ точку опоры для обоснованія ученія о нравственности. Интересно однако, что о главномъ, исходномъ элементѣ фихтевской морали—о *свободѣ*—Бѣлинскій въ настоящей статьѣ

даже и не упоминаетъ; но зато онъ особенно подчеркиваетъ, согласно Фихте (и Канту), необходимую связь морали съ *сознаніемъ*. Только тотъ поступокъ нравствененъ, который совершенъ не по какимъ-либо стороннимъ побужденіямъ, а исключительно по сознательной оцѣнкѣ нравственности этого поступка; можно дѣлать добро случайно или повинаясь авторитету — но такіе поступки вовсе не будутъ нравственно добрыми. Эти мысли Фихте вполне усвоилъ Бѣлинскій, вслѣдъ за Бакунинымъ. „Истинно добръ только тотъ, кто разуменъ, — говоритъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ: — слѣдовательно только тѣ поступки, которые происходятъ подъ вліяніемъ сознающаго разума, могутъ назваться добрыми, а не тѣ, которые проистекаютъ изъ животнаго инстинкта; иначе вѣрная собака и послушная лошадь были бы существами самыми добродѣтельными“. Отсюда объясняется отрицательное отношеніе, почти презрѣніе Бѣлинскаго и Бакунина къ „добрымъ людямъ“ — къ массѣ людей, бессознательно добрыхъ, бессознательно злыхъ; терминъ „добрый малый“ считался крайне обиднымъ для русскихъ философскихъ романтиковъ періода фихтианства, и причины этого Бѣлинскій объясняетъ въ настоящей статьѣ.

Другая мысль статьи, то же буквально заимствованная отъ Фихте — опредѣленіе совѣсти. Согласно Фихте, совѣсть есть гармонія или дисгармонія нашего духа, состояніе согласованности или несогласованности насъ съ нами самими, отношеніе сознанія нашего поступка къ нашей внутренней свободѣ (см. его „System der Sittenlehre“, несомнѣнно также известную Бакунину). Бѣлинскій въ настоящей статьѣ даетъ такое же опредѣленіе совѣсти, только попрежнему умалчиваетъ о свободѣ и попрежнему связываетъ нравственность съ сознаніемъ: злая совѣсть — по его выраженію — „приводитъ нашъ духъ въ неравенство, въ дисгармонію съ самимъ собою, вслѣдствіе безсознанія“; вообще же совѣсть есть „сознаніе гармоніи или дисгармоніи своего духа“ (см. ниже, стр. 345). Это не только мысль Фихте, но и подлинное его выраженіе.

Наконецъ, не безъ вліянія Фихте написаны и заключительныя страницы статьи, содержащія пылкую проповѣдь о цѣлесообразности всего существующаго; убѣжденіе это, высказанное еще въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, получило позднѣе обоснованіе въ гегелианствѣ Бѣлинскаго, какъ мы это еще увидимъ (см. нашу замѣтку къ статьѣ № 10). Теперь это было только горячимъ порывомъ, вполне въ духѣ ученія Фихте.

Но если Бѣлинскій вступалъ теперь въ періодъ фихтианства, то это не значитъ, что

онъ разорвалъ со своимъ былымъ шеллингианствомъ: слѣдуя за Фихте въ области этики, онъ продолжалъ проповѣдывать романтическую эстетику шеллингианства. Снова повторяетъ онъ свое прежнее отождествленіе добра, истины и красоты („науки и искусства суть также служеніе верховному добру, которое вмѣстѣ есть верховная истина и красота“), хотя и не провозглашаетъ болѣе примата эстетики, какъ это онъ дѣлалъ въ предыдущихъ статьяхъ и будетъ дѣлать въ послѣдующихъ. Попрежнему онъ убѣжденъ, что „поэзія есть бессознательное выраженіе творящаго духа“; попрежнему не признаетъ поэзіи „ни въ чемъ, что имѣло цѣль“, мало того — ни въ чемъ, что было сознательнымъ произведеніемъ воли, что не было откровеніемъ свыше въ моментъ поэтическаго вдохновенія, экстаза. Въ предыдущихъ статьяхъ Бѣлинскаго мы часто встрѣчались съ этимъ его основнымъ убѣжденіемъ и отмѣчали его во вступительныхъ замѣткахъ.

Главный, отличительный признакъ творчества состоитъ въ таинственномъ ясновидѣніи, въ поэтическомъ сомнабулизмѣ — говорилъ Бѣлинскій въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“ (выше, стр. 145); въ статьѣ о стихотвореніяхъ Бенедиктова Бѣлинскій утверждалъ, что истинный поэтъ не обдумываетъ и не обдѣлываетъ свои произведенія (см. стр. 178). И теперь Бѣлинскій снова подчеркиваетъ это свое мнѣніе, признавая „ложными“ всѣ поэтическія произведенія, которые не подходятъ подъ этотъ законъ „необдуманности“ и „необдѣланности“. Года два спустя самъ Бѣлинскій иронически вспоминалъ объ этомъ своемъ мнѣніи: „нѣкогда я думалъ, — пишетъ онъ Бакунину (12 окт. 1838 г.), — что поэтъ не можетъ перемѣнить ни стиха, ни слова; мнѣ говорили, что черновыя тетради Пушкина доказываютъ противное, а я отвѣчалъ: если бы самъ Пушкинъ увѣрялъ меня въ этомъ — я бы не повѣрилъ“... Вотъ лучший отвѣтъ Бѣлинскаго Бѣлинскому. Въ настоящей статьѣ читатель найдетъ слѣдующій діалогъ Бѣлинскаго съ воображаемымъ оппонентомъ: „...такія-то и такія-то произведенія не подходятъ подъ этотъ законъ? — Слѣдовательно они ложны, отвѣчаю я. — Но вѣрно ли ваше начало? — Опровергните его!“ Опровергнуть было бы не трудно именно ссылкой на Пушкина: либо лучшія его поэтическія вдохновенія „ложны“, ибо всѣ они „обдѣланы“ (мы знаемъ теперь, какой громадный трудъ вкладывалъ Пушкинъ въ свои черновики), либо ложенъ псевдо-законъ нѣмецкой романтической эстетики, воспринятый Бѣлинскимъ. Сдѣлать выборъ было не трудно.

Итакъ, нарождающееся фихтианство въ этикѣ, продолжающееся шеллингианство въ

эстетикѣ — вотъ теченія, отразившіяся въ настоящей статьѣ Бѣлинскаго, первой его статьѣ „фихтианскаго“ періода. Но этой первой его статьѣ суждено было быть послѣдней статьёй въ „Телескопѣ“, который черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ появленія этой статьи Бѣлинскаго подвергся полному разгрому (за помѣщеніе „Философическаго письма“ Чаадаева). Литературная дѣятельность Бѣлинскаго была такимъ образомъ насильственно прервана; только полтора года спустя, съ весны 1838 года, онъ снова по-

лучаетъ возможность принятыя за журнальную работу въ реформированномъ „Московскомъ Наблюдателѣ“, органѣ яраго гегеліанства Бѣлинскаго и его друзей. Такимъ образомъ періодъ развитія фихтианскихъ идей Бѣлинскаго лежитъ внѣ журнальной его дѣятельности; во вступительной статьѣ мы подробнѣе останавливаемся на этомъ періодѣ, лежащемъ между настоящей статьёй и статьёй о „Гамлетѣ“, которую читатели найдутъ ниже.

И.-Р.

У насъ вообще не только совсѣмъ не распространено знаніе философіи, но и самое стремленіе къ нему едва начинаетъ пробуждаться, и то отрывочно, не дружно, какими-то порывами, безъ постоянства. Но тѣмъ не менѣе оно уже пробуждается, несмотря на отчаянные вопли профановъ науки, истощающихъ всѣ усилія своей „свѣтской“ діалектики противъ „логическихъ построеній“. Особенно это стремленіе замѣтно въ нашемъ духовенствѣ, которое съ любовью и замѣтнымъ успѣхомъ занимается этою великою наукою. Брошюрка, заглавіе которой выписано въ началѣ этой статьи, написанная духовнымъ и изданная духовнымъ, служитъ тому доказательствомъ.

Разумѣется, объ ней нигдѣ ничего не было сказано, да и намъ самимъ она попала случайно. Мы прочли ее съ удовольствіемъ, которымъ и спѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями. Вѣрный взглядъ на многіе предметы, прекрасное, проникнутое чувствомъ изложеніе идей, добросовѣстность въ сужденіи, простота и ясность составляютъ достоинство этого сочиненія; а отсутствіе строгой системы, происшедшее отъ невѣрности общему началу, и вслѣдствіе того частныя противорѣчія, вотъ ея недостатки. Въ томъ и другомъ случаѣ, какъ важность предмета, такъ и уваженіе къ добросовѣстному и безкорыстному труду побуждаютъ насъ поговорить о немъ поподробнѣе.

Почтенный авторъ начинаетъ, какъ и должно, съ опредѣленія идеи „нравственной философіи“, которую онъ иначе называетъ „дѣятельною“; различіе ея отъ „умозрительной“ онъ полагаетъ въ томъ, что предметъ послѣдней есть *истина*, а первой *добро*. Между тою и другою онъ находитъ „координатію“, которая, не дѣлая ихъ отдѣльными знаніями, предполагаетъ возможность ихъ обработыванія независимо одна отъ другой.

Вслѣдъ за тѣмъ авторъ говоритъ, что „нравственная философія не можетъ вывести началъ своихъ изъ *опытовъ историче-*

скихъ, или изъ какихъ-нибудь правдоподобныхъ правилъ, но требуетъ точныхъ и основательныхъ свѣдѣній о томъ, что само въ себѣ истинно, хорошо и справедливо“. Уже одного этого достаточно, чтобы видѣть въ этой книжкѣ нѣчто достойное вниманія, а въ авторѣ человека понимающаго свой предметъ. Есть два способа изслѣдованія истины: *a priori* и *a posteriori*, т.-е. изъ чистаго разума и изъ опыта. Много было споровъ о преимуществѣ того и другого способа, и даже теперь нѣтъ никакой возможности примирить эти двѣ враждующія стороны. Одни говорятъ, что познаніе, для того чтобы быть вѣрнымъ, должно выходить изъ самаго разума, какъ источника нашего сознанія, слѣдовательно, должно быть субъективно, потому что все сущее имѣетъ значеніе только въ нашемъ сознаніи и не существуетъ само для себя; другіе думаютъ, что познаніе тогда только вѣрно, когда выведено изъ фактовъ, явленій, основано на опытѣ. Для первыхъ существуетъ одно сознаніе и реальность заключается только въ разумѣ, а все остальное бездушно, мертво и бессмысленно само по себѣ, безъ отношенія къ сознанію; словомъ, у нихъ разумъ есть царь, законодатель, сила творческая, которая даетъ жизнь и значеніе несуществующему и мертвому. Для вторыхъ реальное заключается въ вещахъ, фактахъ, въ явленіяхъ природы, а разумъ есть не что иное, какъ поденщикъ, рабъ мертвой дѣйствительности, принимающій отъ ней законы и измѣняющійся по ея прихоти, слѣдовательно, мечта, призракъ. Вся вселенная, все сущее есть не что иное, какъ единство въ многообразіи, безконечная цѣпь мистификацій одной и той же идеи; умъ, теряясь въ этомъ многообразіи, стремится привести его въ своемъ сознаніи къ единству, и исторія философіи есть не что иное какъ исторія этого стремленія. Яйца Леды, вода, воздухъ, огонь, принимавшіеся за начала и источникъ всего сущаго, доказываютъ, что и младенческій умъ проявлялся въ томъ же стремленіи, въ ка-

комъ онъ проявляется и теперь. Непрочность первоначальныхъ философскихъ системъ, выведенныхъ изъ чистаго разума, заключается совсѣмъ не въ томъ, что онѣ были основаны не на опытѣ, а напротивъ, въ ихъ зависимости отъ опыта, потому что младенческій умъ беретъ всегда за основной законъ своего умозрѣнія не идею въ немъ самомъ лежащую, а какое-нибудь явленіе природы, и слѣдовательно выводить идеи изъ фактовъ, а не факты изъ идей. Факты и явленія не существуютъ сами по себѣ: они всѣ заключаются въ насъ. Вотъ, напримѣръ, красный четверугольный столъ: красный цвѣтъ есть произведеніе моего зрительнаго нерва, приведеннаго въ сотрясеніе отъ созерцанія стола; четверугольная форма есть типъ формы, произведенный моимъ духомъ, заключенный во мнѣ самомъ и придаваемый мною столу; самое же значеніе стола есть понятіе, опять-таки во мнѣ же заключающееся и мною же созданное, потому что изобрѣтенію стола предшествовала необходимость стола, слѣдовательно, столъ былъ результатомъ понятія, созданнаго самимъ человѣкомъ, а не полученнаго имъ отъ какого-нибудь внѣшняго предмета. Внѣшніе предметы только даютъ толчокъ нашему Я и возбуждаютъ въ немъ понятія, которыя оно придаетъ имъ. Мы этимъ отнюдь не хотимъ отвергнуть необходимость изученія фактовъ: напротивъ, допускаемъ вполне необходимость этого изученія; только съ тѣмъ вмѣстѣ хотимъ сказать, что это изученіе должно быть чисто умозрительное, и что факты должно объяснять мыслью, а не мысли выводить изъ фактовъ. Иначе матерія будетъ началомъ духа, а духъ работою матеріи. Такъ и было въ осьмнадцатомъ вѣкѣ, этомъ вѣкѣ опыта и эмпиризма. И къ чему привело это его? Къ скептицизму, матеріализму, безвѣрію, разврату и совершенному невѣдѣнію истины при обширныхъ познаніяхъ. Чтѣ знали энциклопедисты? Какіе были плоды ихъ учености? Гдѣ ихъ теоріи? Онѣ всѣ разлетѣлись, полопались, какъ мыльные пузыри. Возьмемъ одну теорію изящнаго, теорію, выведенную изъ фактовъ и утвержденную авторитетами Буало, Баттѣ, Лагарпа, Мармонтеля, Вольтера: гдѣ она, эта теорія, или, лучше сказать, чтѣ она такое теперь? Не больше какъ памятникъ безсилія и ничтожества человѣческаго ума, который дѣйствуетъ не по вѣчнымъ законамъ своей дѣятельности, а покоряется оптическому обману фактовъ. Къ чему повела эта теорія? Къ современной гибели и уничтоженію искусства, низведеннаго ею на степень простого ремесла. А отчего? Оттого, что эти люди хотѣли создать идеалъ искусства по безсмертнымъ образцамъ, завѣщаннымъ древностью, а не

вывести изъ своего духа. Скажутъ, они знали только греческую и римскую словесность, а потому и судили только по произведеніямъ этихъ литературъ, но не знали Шекспира, не были знакомы съ литературою среднихъ вѣковъ, литературами восточныхъ народовъ, жили прежде Шиллера, Гёте, Байрона. Ну, такъ что-жъ? Имъ не нужно было знать всего этого, потому что у нихъ было нѣчто надежнѣе произведеній Шиллера, Гёте и Байрона, у нихъ былъ разумъ, въ нихъ былъ сознающій себя духъ человѣческій, а въ этомъ разумѣ, въ этомъ духѣ заключался идеалъ искусства, заключалось темное и трепетное предчувствіе истинныхъ произведеній творчества. Если произведенія древности не подходили подъ этотъ идеалъ, это значило, что или они не такъ понимали эти произведенія, или что эти произведенія ложны и не художественны. Чтобы представить это яснѣе, возьмемъ какой-нибудь примѣръ. Я убѣжденъ, что поэзія есть безсознательное выраженіе творящаго духа, и что, слѣдовательно, поэтъ въ минуту творчества есть существо болѣе страдательное, нежели дѣйствующее, а его произведеніе есть уловленное видѣніе, представшее ему въ свѣтлую минуту откровенія свыше, слѣдовательно, оно не можетъ быть выдумкою его ума, сознательнымъ произведеніемъ его воли. Взявши это основаніе за абсолютное, я не признаю поэзіи ни въ чемъ, чтѣ создано не по этому закону, ни въ чемъ, чтѣ имѣло цѣль или было результатомъ подражанія. Но, скажутъ мнѣ, такія-то и такія-то произведенія не подходятъ подъ этотъ законъ?—Слѣдовательно, они ложны, отвѣчаю я.—Но вѣрно ли ваше начало?—Опровергните его!—Теперь пойдемъ далѣе. Я убѣжденъ, что эпическая поэма, чтобъ быть истинно художественнымъ произведеніемъ, должна отражать въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, жизнь цѣлаго народа; потомъ, чтобъ быть такою, она должна быть произведена по закону творчества, о которомъ я уже говорилъ, т.-е. должна быть безсознательнымъ выраженіемъ творящаго духа, независимымъ отъ сознательной воли человѣка, слѣдовательно, въ высочайшей степени оригинальнымъ, въ высочайшей степени чуждымъ всякаго подражанія. Такова „Иліада“—произведеніе ли она цѣлаго народа, или какого-нибудь слѣпца Гомера,—которая есть символъ идеи героической Греціи; таковъ „Фаустъ“ Гете, созданіе одного человѣка, который самъ былъ полнѣйшимъ выраженіемъ Германіи, и который въ своемъ созданіи представилъ символъ духа своего отечества, въ формѣ оригинальной и свойственной его вѣку. Но не таковы „Энеида“, „Освобожденный Іерусалимъ“, „Потерянный Рай“, „Мес-

сіада“; потому что они созданы не безотчетно, не самобытно, а вслѣдствіе „Иліады“, слѣдовательно, живутъ не своею, а чужою жизнью. Поэтому въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть ни полной картины жизни народа, которому они принадлежатъ, ни вѣрнаго отраженія духа времени, въ которое они произошли. Конечно, въ нихъ есть великія частныя красоты; но тѣмъ не менѣе это произведенія ложныя и ошибочныя.— Однако они признаны всѣми вѣками?—Такъ: попустъ докажутъ, что мои основанія ложны; въ такомъ случаѣ я сознаюсь, что вѣка говорили дѣло. Только тогда для меня ужъ не будетъ поэзіи: поэзія превратится въ ремесло, въ забаву, въ невинное препровожденіе времени, въ родъ карточной игры или танцевъ. Приведемъ еще примѣръ. Недавно какъ-то въ одномъ журналѣ отстаивали отъ жестокихъ нападокъ здраваго смысла плохенькую пріятельскую книжонку¹⁾, для чего не нашли лучшаго способа, какъ отвергнуть возможность поэзіи у необразованныхъ и невѣжественныхъ народовъ, какъ будто поэзія есть плодъ науки и цивилизации, а не свободный плодъ человѣческаго духа. Для этого рыцарь пріятельской книжки уцѣпился руками и ногами за русскую пѣсню:

Какъ у нашего двора
Пріукатана гора—

и доказалъ ея, какъ $2 \times 2 = 4$, что въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ поэзіи, потому-де, что онѣ сложены безграмотными мужиками, а не „свѣтскими“ людьми, не кандидатами, магистрами и докторами, не позаботясь даже догадаться, что приведенная имъ въ примѣръ пѣсня не есть совсѣмъ пѣсня, а голосъ пѣсни, родъ припѣва, гдѣ часто собираются слова, не имѣющія никакого смысла, только для голоса, какъ, напр., „ай люли, ай люли!“ и т. п. Вотъ что значить основываться на фактахъ безъ мысли! И оттого-то, читая эту статью, не знаешь, чтó читаешь: статью ли о поэзіи, или о новомъ способѣ унавоживать поля для посѣва картофеля... Смѣшно и жалко!...

Но я началъ о осьмнадцатомъ вѣкѣ и о французахъ, и самъ не замѣтилъ, какъ перешелъ къ девятнадцатому вѣку и къ намъ, русскимъ; это отъ того, что осьмнадцатый вѣкъ еще и теперь здравствуетъ во многихъ нашихъ книгахъ и журналахъ, особливо „свѣтскихъ“, а французы по сию пору водятъ насъ, какъ дѣтей, на помочахъ своего эмпиризма, выдавая его за эклектизмъ.

¹⁾ Статья въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1836 г. о книгѣ Шевырева „Исторія поэзіи“, т. I. 1835 г.; Бѣлинскій несправедливо называетъ эту книгу „плохенькой книжонкой“: для своего времени она была довольно замѣтнымъ литературнымъ явленіемъ.

Человѣчество только отъ нѣмцевъ узнало, чтó такое искусство и чтó такое философія, тогда какъ французы вмѣсто искусства показали намъ что-то въ родѣ башмачнаго ремесла, а вмѣсто философіи что-то въ родѣ игры въ бирюльки. Умозрѣніе всегда основывается на законахъ необходимости, а эмпиризмъ на условныхъ явленіяхъ мертвой дѣйствительности. Поэтому первое есть зданіе, построенное на камнѣ; второе — зданіе, построенное на пескѣ, которое тотчасъ валится, если вѣтеръ сдуетъ хоть одну изъ песчинокъ, составляющихъ его зыбкое основаніе. Математика есть наука по преимуществу положительная и точная, и между тѣмъ нисколько не эмпирическая, а выведенная изъ законовъ чистаго разума, чтó одно и то же: что $2 \times 2 = 4$, эта истина узнана не изъ опыта, а изъ духа перенесена въ опытъ. Чтó такое всѣ гипотезы, на которыхъ основана астрономія, какъ не умозрѣніе; а между тѣмъ развѣ астрономія наука не положительная? Два величайшія открытія въ области нашего вѣдѣнія — Америка и планетная система — сдѣланы а priori. Надъ Колумбомъ и Галилеемъ смѣялись, какъ надъ сумасшедшими, потому что опытъ явно опровергалъ ихъ, но они вѣрили своему разуму, и разумъ былъ оправданъ ими.

Но еще страннѣе намъ кажется мысль о какомъ-то современномъ соединеніи умозрительнаго и эмпирическаго способа изслѣдованія истины: помилуйте, это сущая нелѣпость, которою уничтожается цѣлый кругъ знанія, возможность всякой науки, потому что этимъ отрицается дѣйствительность не только умозрѣнія, но и самого опыта: если умозрѣніе нуждается въ помощи опыта, значитъ оно недостаточно; если опытъ нуждается въ помощи умозрѣнія, значитъ и онъ недостаточенъ. Признавая недостаточность опыта, мы уничтожаемъ реальность фактовъ, независимую отъ нашего сознанія, и утверждаемъ тѣмъ, что посредствомъ опыта рѣшительно ничего не можно узнать; признавая недостаточность умозрѣнія, превращаемъ нашъ разумъ въ фантомъ и утверждаемъ, что и посредствомъ разума ничего невозможно узнать. Слѣдовательно, къ чему же поведетъ это соединеніе? Только два однородные предмета могутъ составить одно цѣлое. Другое дѣло—повѣрка умозрѣнія опытомъ, приложеніе умозрѣнія къ фактамъ: это дѣло возможное. Если умозрѣніе вѣрно, то опытъ непременно долженъ подтверждать его въ приложеніи, потому что, какъ мы уже сказали, и самое опытное знаніе есть необходимо умозрительное, вслѣдствіе того, что фактъ имѣетъ жизнь и значеніе не самъ по себѣ, а только по тому понятію, которое онъ пробуждаетъ въ нашемъ сознаніи, и которое

мы къ нему прилагаемъ. Слѣдовательно, если факты поняты вѣрно, они непременно должны подтверждать умозрѣніе, потому что умозрѣніе не противорѣчитъ умозрѣнію.

Итакъ, сочиненіе г. Дроздова принадлежитъ къ области умозрѣнія, что и даетъ ему необходимо важность и силу въ глазахъ людей мыслящихъ. Но, отдавая ему должную справедливость, мы тѣмъ болѣе должны быть безпристрастны и къ его недостаткамъ. А главный его недостатокъ, какъ мы уже и замѣтили, состоитъ въ противорѣчій автора съ самимъ собою, вслѣдствіе его невѣрности умозрѣнію, которое онъ самъ признаетъ единственнымъ законнымъ способомъ изслѣдованія истины.

Въ § 13 своей книги г. Дроздовъ говорить:

Если высочайшій законъ нравственности долженъ имѣть истинное достоинство и нравственную цѣну, то онъ долженъ происходить: а) изъ идеи высочайшаго добра; б) обнимать всю область нравственной жизни, слѣд. имѣть характеръ безусловной всеобщности; в) долженъ имѣть прямое и преимущественное направленіе къ нашему чувству, потому что только это чувство зависитъ отъ воли во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Но когда станемъ требовать отъ высочайшаго нравственнаго закона того, чтобы онъ всегда научалъ, какъ долженъ поступать нравственно добрый человѣкъ въ каждомъ особенномъ, непредвидѣнномъ случаѣ — или будемъ требовать отъ него совершенно невозможнаго, или мораль должна превратиться въ такъ называемую „казуистику“.

Все это очень вѣрно и дѣлаетъ большую честь мышленію автора, но вслѣдъ затѣмъ встрѣчается и противорѣчіе, ложная мысль, которую очень непріятно встрѣтить послѣ такихъ прекрасныхъ и истинныхъ мыслей:

Въ такомъ случаѣ, чтобы не разстроить связи и единства дѣятельной философіи, лучше всего предоставить различіе добра и зла самому произволу человѣка.

Нѣтъ, мы думаемъ, что всѣ частные вопросы должны необходимо вытекать изъ основной идеи нравственности и рѣшаться ею: въ противномъ случаѣ, человѣкъ, представленный своему произволу, самъ сдѣлается казуистомъ. Эта ошибка повела автора къ другой, важнѣйшей: заставила его, противъ воли, сдѣлать изъ нравственной философіи настоящую казуистику. Вторая часть его сочиненія заключаетъ въ себѣ „частную нравственную философію“, то-есть именно приложеніе нравственной философіи къ частнымъ случаямъ, которые, какъ и должно, нисколько не вяжутся ни съ цѣлымъ сочиненіемъ, ни другъ съ другомъ.

Подобныхъ противорѣчій можно-бъ было найти и болѣе. Но не это цѣль наша: мы хотѣли обратить на сочиненіе г. Дроздова вниманіе публики, на которое оно имѣетъ законныя права, и потому, безпристрастно

высказавши наше мнѣніе о его недостаткахъ, слѣшимъ выставить на видъ то, что показалось намъ въ немъ особенно достойнымъ вниманія.

Доброе есть религіозная идея, такъ же, какъ истинное и прекрасное. Человѣческій духъ составляетъ Бога первоначальнымъ источникомъ столько же всего добраго, сколько всего истиннаго и прекраснаго, слѣд. вѣчная идея добраго имѣетъ тѣсную, предвѣчную связь съ Богомъ, существомъ всесвятѣйшимъ. Ибо все доброе принимаетъ характеръ истиннаго добра не иначе, какъ отъ своего участія въ превѣчномъ добрѣ и превѣчной истинѣ. Поэтому-то все нравственно-доброе и запечатлѣно печатію величія и святости, возбуждающихъ въ человѣкѣ безконечное благоговѣніе. Ибо оно есть отраженіе высочайшаго добра—Бога.

Доброе имѣетъ также тѣснѣйшее сродство съ истиннымъ и прекраснымъ. Ибо и оно такъ же, какъ истинное и прекрасное, не подлежитъ никакой перемѣнѣ; вѣчно равное самому себѣ, оно никогда не теряетъ высокаго значенія своего для человѣческаго духа.

Нравственно-доброе становится изящнымъ, когда обнаруживается въ насъ, какъ любовь къ Богу и человѣчеству. Поэтому каждый добрый поступокъ человѣка есть вмѣстѣ истинный и прекрасный поступокъ (§ 10).

Вотъ истинныя понятія о нравственно-доброемъ и къ сожалѣнію такъ рѣдко встрѣчаемыя въ нашихъ мыслителяхъ! Конечно, ученый, безкорыстно орошающій потомъ чела своего ниву знанія, поставившій въ трудѣ цѣль и счастье своей жизни и находящій въ самомъ этомъ трудѣ свою вышнюю, свою конечную награду, есть жрецъ, служитель Бога; художникъ, въ ту минуту, когда воспроизводитъ, въ словѣ, краскѣ или звукѣ, дивныя явленія, таинственно сопричастующія его душѣ, есть также жрецъ, служитель Бога. Недаромъ въ древности у всѣхъ народовъ жрецы были вмѣстѣ и хранителями знаній и служителями искусства: это доказываютъ не одни брамины и маги, египетскіе и греческіе жрецы; это доказываютъ и левиты еврейскіе, которые въ то же время были и книжниками, т.-е. хранителями и представителями народной мудрости. Въ средніе вѣка свѣтъ просвѣщенія пламенѣлъ только въ уединеніи монастырскихъ келій, и только одни монахи, служители и мученики вѣры, были хранителями этого священнаго огня, не дали ему погаснуть до тѣхъ поръ, пока онъ не перешелъ и къ свѣтскимъ сословіямъ. Да придетъ же то время, когда люди убѣдятся, что науки и искусства суть также служеніе верховному добру, которое вмѣстѣ есть верховная истина и красота! Гердеръ есть типъ и предвозвѣстникъ этого времени, когда книга, перо, лира, кисть, рѣзецъ будутъ кадиломъ Божеству, орудіями священнослуженія истинѣ, добру и красотѣ, совершаемаго тремя элементами нашего духа: разумомъ, волею и чувствомъ.

Понятіе и два рода совѣсти. Совѣсть есть первоначальное чувство добра и зла, основанное на существѣ духовной природы человѣка. Она развивается въ человѣкѣ вмѣстѣ съ развитіемъ ума и обнаруживается, какъ совѣсть добрая, во всемъ чистомъ и справедливомъ образѣ дѣятельности и характера человѣка, но она становится совѣстью злою, угрызающею при всякомъ незаконномъ чувствованіи или поступкѣ существа свободнаго и разумнаго.

Примѣч. Совѣсть, разсматриваемая въ двухъ вышеупомянутыхъ отношеніяхъ, раздѣляется на предыдущую и послѣдующую. Первая предшествуетъ поступку и состоитъ въ сознаніи нравственнаго закона и обязанностей, возлагаемыхъ имъ на свободу воли нашей: послѣдняя слѣдуетъ за поступкомъ, и оправдываетъ или осуждаетъ человѣка, производя въ немъ сознаніе свободнаго исполненія, или преступленія закона.

Здѣсь мы опять невольно принуждены остановиться и спросить автора: изъ какихъ началъ и вслѣдствіе какой необходимости вывелъ онъ это подраздѣленіе? Оно кажется намъ совершенно произвольнымъ, а слѣдовательно и неправильнымъ; то, что авторъ называетъ „сознаніемъ нравственнаго закона и обязанностей, возлагаемыхъ имъ на свободу воли нашей“, есть дѣло разума, а отнюдь не совѣсти; слѣдовательно, его „предыдущая“ совѣсть принадлежитъ къ казуистикѣ, а не къ нравственной философіи.

Должно смотрѣть на совѣсть, какъ на существенную принадлежность нашей природы. Совѣсть принадлежитъ къ существеннымъ свойствамъ духовной природы человѣка, и никакъ не можетъ быть слѣдствіемъ воспитанія, или какихъ-нибудь общественныхъ господствующихъ привычекъ. Если бы то или другое было справедливо, то могли бы когда-нибудь обойтись безъ этого внутренняго судіи. Но опытъ увѣряетъ, что хотя можно усыпить совѣсть, но никакъ нельзя совершенно искоренить ее въ человѣческомъ духѣ. Изъ одного міра она сопровождаетъ насъ въ другой.

Есть люди, которые отрицаютъ существованіе совѣсти и почитаютъ ее за предразсудокъ, основываясь на безконечной разности понятій о добрѣ и злѣ у разныхъ народовъ. „У насъ, говорятъ они, уваженіе къ родителямъ и къ старости есть одна изъ священнѣйшихъ обязанностей, нарушеніе которой влечетъ за собою угрызеніе совѣсти: но у многихъ дикихъ народовъ дѣти вѣшаютъ на деревья своихъ престарѣлыхъ родителей и исполняютъ это варварское дѣло, какъ предписаніе закона или религіи, неисполненіе котораго влечетъ за собою угрызеніе совѣсти; у насъ человѣколюбіе оказывается даже личнымъ врагамъ: дикіе мучатъ и ѣдятъ своихъ плѣнниковъ; у насъ мщеніе есть порокъ: у варваровъ оно добродѣтель; слѣдовательно, что-жъ такое совѣсть, если она въ одномъ мѣстѣ награждаетъ за то, за что наказываетъ въ другомъ, и наоборотъ?“ Здѣсь явная ошибка, происходящая оттого, что слѣдствіе принято за причину, т.-е. совѣсть за разумъ. Опредѣлимъ, что такое совѣсть. Че-

ловѣкъ созданъ для сознанія и потому можетъ быть счастливъ только вслѣдствіе сознанія; слѣдовательно, сознаніе есть его нормальное, естественное, а потому и блаженное состояніе, которое проявляется въ равновѣсіи человѣка самому себѣ, въ мирѣ и гармоніи съ самимъ собою; безсознательность же есть состояніе неестественное, болѣзненное, разрушающее равенство человѣка съ самимъ собою, миръ и гармонію его духа, слѣдовательно, разрушающее его счастье. Итакъ, совѣсть добрая есть состояніе сознанія, злая—состояніе безсознанія. Первая условливаетъ наше счастье, даже и въ случаѣ потерь, лишеній, страданій, горестей, потому что, лишаясь счастья внѣшняго, мы не лишаемся счастья внутренняго, происходящаго отъ сознанія и состоящаго въ спокойствіи и гармоніи духа; вторая же, и при внѣшнемъ счастьи, состоящемъ въ исполненіи нашихъ эгоистическихъ желаній, лишаетъ насъ внутренняго счастья, которое одно истинно и удовлетворительно, потому что приводитъ нашъ духъ въ неравенство, въ дисгармонію съ самимъ собою, вслѣдствіе безсознанія. Выньте рыбу изъ воды, она издохнетъ, потому что вода есть стихія, которою она дышетъ; лишите человѣка сознанія, онъ будетъ несчастливъ, потому что сознаніе есть стихія его духовной жизни. И потому, когда человѣкъ дѣлаетъ то, чего по его сознанію ему не должно дѣлать, онъ разрушаетъ свою внутреннюю гармонію, потому что поступаетъ противъ сознанія. Если человѣкъ наслаждается полнымъ счастьемъ, и внѣшнимъ и внутреннимъ, и если, не имѣя твердости лишиться внѣшнихъ выгодъ, условливающихъ его счастье, онъ для сохраненія ихъ поступитъ недобросовѣстно, то непременно лишается не только своего внутренняго счастья, но и внѣшняго, потому что не внѣшнимъ счастьемъ условливается внутреннее, а внутреннимъ внѣшнее. Напротивъ, хотя человѣкъ, который оставилъ своего отца, мать, братьевъ и сестеръ, жену и дѣтей, составлявшихъ счастье его жизни, оставилъ свое достояніе, обезпечивающее его жизнь, и оставилъ бы для того, чтобы не поступить противъ своего убѣжденія и подлостью не купить обладанія условіями своего счастья, словомъ, для того, чтобы не нарушить заповѣди Спасителя: „иже любитъ отца или мать паче мене, нѣсть мене достоинъ; и иже любитъ сына или дочь паче мене, нѣсть мене достоинъ; и иже не приметъ креста своего, и въ слѣдъ мене не ирдетъ, нѣсть мене достоинъ“; хотя, говорю, такой человѣкъ и былъ бы мученикомъ, страдальцемъ, но все не лишился бы своего внутренняго блаженства, т.-е. все бы остался равенъ самому себѣ, въ мирѣ и гар-

моніи съ самимъ собою и еще въ большей гармоніи, нежели былъ прежде, потому что въ самомъ страданіи нашелъ бы новое высокое блаженство, состоящее въ сознаніи исполненнаго долга поддержаннаго человѣческаго достоинства, хотя страданіе тѣмъ не менѣе осталось бы страданіемъ. Итакъ, вотъ что совѣсть: сознаніе гармоніи или дисгармоніи своего духа. Очевидно, что она есть только слѣдствіе сознанія хорошаго или дурного поступка, а не самое сознаніе, и потому не можетъ направлять нашей дѣятельности, которая должна управляться непосредственно самимъ разумомъ или сознаніемъ; другими словами, мы не совѣстью понимаемъ, что хорошо или дурно, а сознаніемъ. Если дикарь душилъ своего престарѣлаго отца, то онъ дѣлаетъ это не по внушенію своей совѣсти, а по неправильнымъ понятіямъ своего разума; и потому-то онъ бываетъ правъ передъ своей совѣстью, и очень естественно, что она не только не наказываетъ его за подобный поступокъ, но еще награждаетъ, потому что совѣсть никогда не бываетъ во враждѣ съ убѣжденіемъ, будетъ ли оно истинно или ложно. Итакъ, у всѣхъ народовъ могутъ быть различныя понятія о добрѣ и злѣ, смотря по степени ихъ сознанія, но совѣсть вездѣ одна и та же, и отрицать ея существованіе различіемъ правилъ нравственности у разныхъ народовъ значитъ еще несомнѣннѣе утверждать ея существованіе.

Какія нужны побужденія для нравственно-добраго поступка. Для того, чтобы поступокъ былъ совершенно добрымъ, требуется, чтобы побудительными причинами для дѣятельности нравственно разумнаго существа были: 1) познаніе добра и 2) любовь къ добру и первообразу всего добраго.

Ибо не только внѣшнее дѣйствіе должно быть добрымъ, но и самое чувствованіе или, что одно и то же, самое намѣреніе, которое составляетъ душу поступка. Поэтому совершенно добрый поступокъ есть принадлежность только человѣка съ образованнымъ умомъ и сердцемъ. Впрочемъ, само собою разумѣется, что доброе намѣреніе не можетъ оправдать худого поступка; ибо добрая цѣль не можетъ облагородить низкаго средства (§ 30).

Понятіе поступковъ нравственно-безразличныхъ. Нѣтъ въ нравственномъ смыслѣ поступковъ безразличныхъ, т.-е. нѣтъ никакого свободнаго поступка, который бы не былъ ни добръ, ни худъ. Ибо въ области нравственной всѣ возможныя отношенія жизни нашей должны быть опредѣлены чистотою чувствованія. Здѣсь все зависитъ оттого, съ какимъ намѣреніемъ мы поступаемъ; но намѣреніе никогда не можетъ быть безразличнымъ, потому что оно всегда должно быть направлено къ высочайшему добру: слѣд. невозможно никакое дѣйствіе въ нравственномъ отношеніи безразличное.

Только тѣ поступки могутъ считаться безразличными, которые не имѣютъ никакого отношенія къ свободѣ, но они поэтому не относятся къ нравственному бытію человѣчества (§ 31).

Все это прекрасно и вѣрно, потому что выведено изъ законовъ необходимости, а не изъ опыта. Особенно замѣчательны двѣ мысли. „Совершенно добрый поступокъ есть принадлежность только человѣка съ образованнымъ умомъ и сердцемъ“, говоритъ авторъ, и говоритъ глубокую истину. Есть люди съ зародышемъ въ душѣ всего великаго и прекраснаго, но не развившіе этого зародыша сознаніемъ, и потому они способны только къ мгновеннымъ порывамъ къ добру и дѣлаютъ поступки, которые противорѣчатъ всей остальной ихъ жизни. Добрые поступки у нихъ безсознательны, и потому не имѣютъ никакого достоинства, никакой цѣны, потому что они не суть слѣдствіе ихъ воли, а слѣдствіе ихъ организма. Зародышъ всего прекраснаго можетъ скрываться въ нашемъ организмѣ, и пока онъ не разовьется сознаніемъ, всѣ хорошіе поступки будутъ плодомъ его животности, будутъ безсознательны. Только тотъ чувствуетъ человѣчески, а не животное, кто понимаетъ свое чувство и сознаетъ его. У такого человѣка прекрасный организмъ есть средство, а не причина его совершенства, потому что причина совершенства должна заключаться въ сознаніи и волѣ. И потому-то справедливо, что истинно добръ только тотъ, кто разуменъ; слѣдовательно, только тѣ поступки, которые происходятъ подъ вліяніемъ сознающаго разума, могутъ называться добрыми, а не тѣ, которые происходятъ изъ животнаго инстинкта; иначе вѣрная собака и послушная лошадь были бы существами самыми добродѣтельными. И потому, по нашему мнѣнію, нѣтъ ничего жалче и ничтожнѣе тѣхъ людей, въ похвалу которыхъ нельзя сказать ничего, кромѣ того, что они „добрые люди“. Вѣрно всякому случилось называть кого-нибудь вслухъ пустымъ малымъ и слышать въ защищеніе его тысячу голосовъ, которые кричатъ: „да онъ добрый человѣкъ!“ Конечно, такой „добрый человѣкъ“ точно добрый человѣкъ, но только въ смыслѣ французскаго выраженія „bon homme“, и очень хорошо напоминаетъ собою вѣрную собаку и послушную лошадь.

„Нѣтъ никакого свободнаго поступка, который бы не былъ ни добръ, ни худъ, потому что поступокъ есть результатъ намѣренія, а намѣреніе никогда не можетъ быть безразлично“, говоритъ авторъ, и опять говоритъ глубокую истину. Если поступокъ вышелъ изъ сознательнаго желанія сдѣлать добро, онъ добръ, хотя бы и не достигъ своей цѣли и не произвелъ никакихъ благихъ слѣдствій; если же въ намѣреніе примѣшивался расчетъ эгоизма, поступокъ дуренъ, безнравственъ, хотя бы и произвелъ благія слѣдствія. Добро тогда только добро, когда оно само себѣ пѣль. Бѣлое не можетъ

быть чернымъ, а черное бѣлымъ; кто не уменъ, тотъ глупъ, кто не благороденъ, тотъ подлъ; съ истиной не можетъ и не должно быть торга, договоровъ, условій и уступокъ. Когда богатъ, спрашивавшій Христа о средствахъ къ спасенію, не согласился раздать бѣднымъ своего богатства и идти вслѣдъ за Спасителемъ, онъ былъ лишенъ царствія Божія, хотя отъ юности строго выполнялъ всѣ правила закона. Кто сознаетъ необходимость усовершенствованія и ежеминутно не улучшается столько, сколько можетъ, тотъ подлъ, хотя бы онъ былъ выше тысячи людей, хотя бы цѣлыя тысячи признавали въ немъ идеалъ благородства, подлъ передъ самимъ собою, виноватъ и преступенъ передъ высшимъ судомъ нравственности, передъ судомъ своей совѣсти. Кто говоритъ: „я знаю то и то, съ меня довольно этого“, или: „я возвысился до такой степени, что я лучше многихъ, съ меня этого довольно“, тотъ богохульствуетъ, потому что идеалъ человѣческаго совершенства есть Христосъ, а всякій обязанъ стремиться къ возвышенію себя до идеала. Достигнетъ ли онъ его, или нѣтъ, это не его дѣло; по крайней мѣрѣ, онъ долженъ работать надъ собою каждую минуту, чтобы съ лихвою возратить Господу полученный отъ него талантъ. Кто же отрицаетъ въ себѣ способность къ усовершенствованію по слабости ума и недостатку чувства, тотъ отрицаетъ, что онъ созданъ по образу и по подобию Божію, тотъ отказывается отъ человѣческаго достоинства и не имѣетъ права называть людей своими ближними и братьями.

Молитва. Молиться значитъ жить въ присутствіи Божества, потому что молитва есть бесѣда нашего духа съ Богомъ. Она бываетъ или внутренняя, когда заключается въ тихомъ созерцаніи Божества, созерцаніи, глубину котораго не въ состояніи выразить никакія слова, или внѣшняя, когда изливается въ словѣ, когда языкъ невольно движется отъ избытка сердечныхъ чувствованій.

Въ обоихъ случаяхъ молитва питаетъ умъ и сердце человѣка, просвѣщаетъ разсудокъ и укрѣпляетъ волю, потому что, кромѣ того, что духъ нашъ не можетъ не дѣлаться совершеннѣе, возвышаясь къ идеалу всѣхъ совершенствъ, во всѣ времена и всѣми народами признаваема была необходимость молитвы, и пренебреженіе ея почиталось признакомъ совершеннаго упадка духа и чрезвычайной его привязанности къ земному (§ 37).

Здѣсь мы опять невольно останавливаемся, но уже для того, чтобы вполне согласиться съ почтеннымъ авторомъ и отдать должную справедливость его мышленію. Онъ сказалъ о молитвѣ очень немного, но какъ въ этомъ немногомъ заключается опредѣленіе молитвы, выведенное изъ разума и основанное на законѣ необходимости, то это немногое заключаетъ въ себѣ безконечный рядъ послѣдовательныхъ идей, которыя можно изъ него вывести, словомъ, заключаетъ

въ себѣ цѣлую теорію молитвы, какъ малое зерно заключаетъ въ себѣ огромное дерево.

Теперь мы думаемъ, что довольно познакомили нашихъ читателей съ брошюрой г. Дроздова; но хотимъ сдѣлать изъ ней еще одно извлеченіе и поговорить по поводу этого извлеченія, содержаніе котораго касается одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ нравственной философіи. Въ его „частной или прикладной“ нравственной философіи есть глава подъ титуломъ: „нравственная жизнь, рассматриваемая въ гармоніи съ нами самими“.

Основаніе этой гармоніи. Согласіе нравственнаго бытія съ нашею собственною личностью происходитъ изъ благочестивой увѣренности въ томъ, что мы не принадлежимъ исключительно намъ самимъ, но составляемъ собственность Божества и человечества. Въ этомъ случаѣ нравственное чувство разливаютъ свой свѣтъ, свою жизнь на тѣло и духъ человѣка, имѣя непосредственнымъ предметомъ тотъ долгъ, которымъ мы обязываемся сохранять себя и облагораживать.

Человѣкъ долженъ стремиться къ своему совершенству и поставлять свое блаженство только въ томъ, что сообразно съ его долгомъ: вотъ основной законъ нравственности. Причина этого закона заключается въ немъ же самомъ, т.-е. въ томъ, что человѣкъ есть человѣкъ, органъ сознанія природы, сосудъ духа Божія, и еще въ томъ, что человѣкъ есть членъ великаго семейства, которое называется „человѣчествомъ“. Итакъ, этотъ законъ совершенно обуславливаетъ и опредѣляетъ значеніе человѣка и его обязанности. Человѣкъ носитъ въ душѣ своей всѣ зародыши, всѣ элементы той степени сознанія, до которой ему назначено достигнуть; но развитіе этого сознанія невозможно для него самого отдѣльно взятаго, потому что оно требуетъ толчковъ и побужденій извнѣ, а эти толчки и внѣшнія побужденія происходятъ изъ симпатіи, связывающей людей между собою, и взаимныхъ отношеній, существующихъ между ними. Симпатія человѣка къ людямъ происходитъ отъ его родственности съ ними, отъ тождественности его стремленія и цѣли съ ихъ стремленіемъ и цѣлью, такъ что въ нихъ онъ любитъ себя, а ихъ любить въ себѣ; другими словами: его сознаніе любитъ ихъ сознаніе, т.-е. онъ любитъ сознаніе самого себя въ другомъ субъектѣ, потому что любовь есть сознаніе, сознающее само себя и въ актѣ сознанія самого себя ощущающее блаженство. Иначе чѣмъ бы объяснили мы, что человѣкъ естественно любитъ только тѣхъ людей, которые стоятъ съ нимъ на болѣе или менѣе равной степени сознанія, и что онъ не только совершенно равнодушенъ и холоденъ къ людямъ, которые стоятъ на несравненно низшей степени развитія, или вовсе не обна-

руживаютъ никакого стремленія къ развитію, но даже чувствуетъ къ нимъ отвращеніе, родъ ненависти, такъ что ему несносенъ ихъ видъ, тяжела ихъ бесѣда, словомъ, мучительно всякое соприкосновеніе съ ними? Взаимныя отношенія людей условливаются разностью степеней и разносторонностью сознанія, посредствомъ которыхъ люди взаимно дѣйствуютъ другъ на друга. Каждый человѣкъ развиваетъ собою одну сторону сознанія и развиваетъ ее до извѣстной степени; а возможно конечное и возможно всеобщее сознаніе должно произойти не иначе, какъ вслѣдствіе этихъ разностороннихъ и разнообразныхъ сознаній. И поэтому одному человѣку невозможно достигнуть полного и совершеннаго развитія своего сознанія, которое возможно только для цѣлаго человечества и которое будетъ результатомъ соединенныхъ трудовъ, вѣковой жизни и историческаго развитія человеческого духа. Слѣдовательно, всякій индивидъ есть членъ, есть часть этого великаго цѣлаго, есть сотрудникъ и споспѣшествователь его къ достиженію его цѣли, потому что, развивая свое собственное сознаніе, онъ необходимо отдаетъ, завѣщааетъ его въ общую сокровищницу человеческого духа. Каждый человѣкъ долженъ любить человечество, какъ идею полного развитія сознанія, которое составляетъ и его собственную цѣль, слѣдовательно, каждый человѣкъ долженъ любить въ человечествѣ свое собственное сознаніе въ будущемъ, а любя это сознаніе, долженъ споспѣшествовать ему. И вотъ его долгъ, его обязанности и его любовь къ человечеству. Эта сладкая вѣра и это святое убѣжденіе въ безконечномъ совершенствованіи человеческого рода должны обязывать насъ къ нашему личному, индивидуальному совершенствованію, должны давать намъ силу и твердость въ стремленіи къ нему. Иначе, что же была бы наша земная жизнь? Какой бы смыслъ имѣла наша жажда улучшенія и обновленія? Не было ли бы все это калейдоскопическою игрою безсмысленныхъ тѣней, пустымъ оборотомъ колеса около оси, утвержденной на воздухѣ?

Нѣтъ! не напрасно лучезарное солнце такъ величественно обтекаетъ голубое, далекое небо и проливаетъ на насъ и свѣтъ и теплоту, и жизнь и радость; не напрасно мерцаютъ для насъ звѣзды таинственнымъ блескомъ и томятъ душу нашу тоскою, какъ воспоминаніе о милой родинѣ, съ которою мы давно разлучены и къ которой рвется душа наша; не напрасно всѣ міры связаны между собою электрическою цѣпью любви и сочувствія, и все живущее, все дышущее составляетъ звено въ этой безконечной цѣпи; не напрасно человѣкъ и рождается и умираетъ,

и веселится и скорбитъ, и горячо любить милое, и горько рыдаетъ лишаясь его, и не переживаетъ своихъ склонностей, и, стоя на прагѣ вѣчности, вспоминаетъ объ нихъ еще живѣе, и рыдаетъ объ нихъ еще горше, и сладки ему слезы его; не напрасно человекъ стремится къ какому-то блаженству и ищетъ его всю жизнь, ищетъ его и въ шумныхъ наслажденіяхъ юности, и въ безумномъ упоеніи пировъ, и въ ужасахъ кровавыхъ битвъ, и въ тревогахъ опасностей, и въ обольщеніи славы, и въ очарованіи власти, и въ нѣгѣ бездѣйствія, и въ сладости труда, и въ свѣтѣ знанія, и въ наслажденіи искусствами, и въ любви другого сердца, и... нерѣдко въ тиши монастырской кельи, въ борьбѣ съ своими желаніями, въ печальномъ наслажденіи заживо рыть себѣ могилу своими собственными руками!... И горе ему, если онъ искалъ этого блаженства путемъ ложнымъ, если думалъ обрѣсти его въ исполненіи своихъ безсознательныхъ эгоистическихъ желаній; и благо ему, если онъ искалъ его тамъ, гдѣ оно есть, искалъ его въ сознаніи и путемъ сознанія!... Нѣтъ, еще разъ! вѣчность не мечта, не мечта и жизнь, которая служить къ ней ступенью! Много въ ней дурного, но еще больше прекраснаго; есть въ ней слабости, пороки и злодѣянія, но есть и слезы раскаянія, жгучія и вмѣстѣ отрадныя, слезы раскаянія, въ глухую полночь, передъ крестомъ Распятаго за насъ; есть паденіе, но есть и возстаніе; есть стремленіе, но есть и достиженіе; есть минуты горькія, убійственныя, минуты сомнѣнія и отчаянія, минуты разрушительной дисгармоніи съ самимъ собою, отвращенія отъ жизни, но есть и упоительныя минуты вѣры, когда въ груди бываетъ такъ тепло, на душѣ такъ свѣтло, жизнь становится такъ прекрасна, такъ полна, такъ тождественна съ блаженствомъ; есть страданія глубокія, невыносимыя, есть бѣдствія, переполняющія мѣру терпѣнія и превращающія для насъ землю въ адъ, гдѣ слышенъ скрежетъ зубовъ, откуда вѣетъ хладною могильною сыростью, гдѣ нѣтъ ни исхода, ни конца; но изъ этого міра разрушенія и смерти слышится душѣ отрадный голосъ: *„приидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы; возьмите иго мое на себе и научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ; иго бо мое благо, и бремя мое легко есть“*. Тогда душа снова наполняется блаженствомъ неизъяснимымъ, и смрадное кладбище гнющей жизни превращается для нея въ тихую долину успокоенія, гдѣ могилы покрыты травою и цвѣтами, осынены печальными кипарисами, гдѣ журчаніе свѣтлаго ручья сливается съ унылымъ ропотомъ вѣтерка — а

вдали, за горою, видѣется край вечерѣющаго неба, осіяннаго, облитого багряними лучами заходящаго солнца — и ей мнится, что въ этой торжественной тишинѣ она созерцаетъ тайну вѣчности, что она видитъ новую землю, новое небо!

1836, сентября 13-го.

10. Гамлетъ, драма Шекспира.

Статья о „Гамлетѣ“, появившаяся весною 1838 года въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, новомъ журналѣ БѢлинскаго и его друзей, является первой статьёй „гегеліанскаго періода“ жизни БѢлинскаго. Когда БѢлинскій писалъ эту статью (въ декабрѣ—январѣ 1837—1838 г.), онъ былъ еще неофитомъ гегеліанства, въ которое его посвящали Бакунинъ, Катковъ и Боткинъ; въ настоящей статьѣ БѢлинскій восторженно говоритъ о „той мірообъемлющей и послѣдней философіи нашего вѣка, которая, развернувшись, какъ величественное дерево изъ одного зерна, покрыла собою и заключила въ себѣ, по свободной необходимости, всѣ моменты развитія духа“... Но рядомъ съ этой восторженностью неофита идетъ и робость неофита, „не посвященнаго въ таинства этой философіи и приподнявшаго только край завѣсы, скрывающей отъ глазъ конечности міръ безконечнаго“; БѢлинскій въ это время трепетно вступалъ въ царство абсолютной истины, какою ему представлялась гегелевская философія. Онъ уже усвоилъ гегеліанскую терминологию—слѣды этого видны и въ приведенныхъ выше цитатахъ—и хотя говорилъ еще о человѣкѣ, какъ „отблескъ Божества“, а объ окружающемъ мірѣ, какъ „дыханіи одной общей жизни“ (ср. выше, стр. 20 и 23), но эти термины былого шеллингіанства появлялись теперь случайно и были, что называется, на исходѣ. (Мы увидимъ, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ шеллингіанство у БѢлинскаго амальгамировалось съ гегеліанствомъ—и это замѣтно даже въ статьяхъ сороковыхъ годовъ; см., напр., статью № 28 наст. изд., т. II, стр. 73). Теперь БѢлинскій переходитъ къ терминологіи гегеліанства, которая и остается въ его статьяхъ почти до самаго конца его дѣятельности, даже послѣ его внутренняго разрыва съ гегеліанствомъ; въ эту терминологию онъ иногда вкладываетъ не вполне гегелевское пониманіе. Такъ, напримѣръ, и въ настоящей статьѣ и въ послѣдующихъ онъ считаетъ тождественными часто употребляемыми имъ выраженія: „абсолютное“, „абсолютная идея“, „абсолютный духъ“, въ то время какъ по Гегелю эти понятія вовсе

не тождественны (см. объ этомъ у Куно Фишера, „Ист. нов. филос.“, т. VIII, „Гегель“, ч. I, кн. II, гл. XXII). Часто въ настоящей статьѣ встрѣчаются фразы о „моментѣ исторіи“ и „моментѣ развитія“, съ тѣхъ поръ твердо установившіяся въ русской литературѣ (объ этомъ см. наст. изд., т. II, стр. 72); впервые высказывается мысль о цѣпи органическаго развитія, впоследствии подробно разработанная БѢлинскимъ въ „Идеѣ искусства“ и другихъ связанныхъ съ нею статьяхъ. Наконецъ, и къ самому Гамлету БѢлинскій подходитъ съ гегеліанской мѣркой, считая его слабость воли антитезисомъ его діалектическаго развитія отъ безсознательной гармоніи (тезисъ), черезъ распаденье, дисгармонію и борьбу (анти-тезисъ), къ сознательной гармоніи духа (синтезъ). Какъ видимъ, БѢлинскій уже и въ этой статьѣ твердо стоялъ на впервые открывшейся ему почвѣ гегеліанства.

„Итакъ, вотъ идея Гамлета: *слабость воли, но только вслѣдствіе распаденія, а не по природѣ*“,—пишетъ и подчеркиваетъ БѢлинскій, указывая, что первая часть этой формулы была дана еще Гёте. Въ одномъ изъ нашихъ примѣчаній къ настоящей статьѣ читатель найдетъ ниже это опредѣленіе Гёте и увидитъ изъ него самостоятельность мысли БѢлинскаго, который опредѣлялъ Гамлета не только по гегеліанской формулѣ, но и по терминологіи своего кружка, въ выработкѣ которой самъ онъ принималъ дѣятельное участіе. Мы знаемъ, что эта выработка началась еще въ эпоху фиктіанства, а теперь только продолжалась подъ эгидою философіи Гегеля; мы помнимъ, какъ еще въ началѣ эпохи фиктіанства БѢлинскій презрительно относился къ „добрымъ малымъ“, не желающимъ подняться на высшую ступень развитія (см. статью № 9 и нашу замѣтку къ ней—выше, стр. 333). Теперь БѢлинскій примѣняетъ этотъ терминъ къ цѣлому ряду дѣйствующихъ лицъ „Гамлета“—къ Лаерту, къ Полонію, къ Горацію; нельзя не замѣтить, что это общее опредѣленіе нѣсколько сглаживаетъ индивидуальности этихъ лицъ. Такъ, напримѣръ, „Лаертъ, это—*добрый малый*, больше ничего,—говоритъ БѢлинскій

и продолжаетъ:—теперь обратимся къ Полонію. Это уже не отрицательное, но положительное, хотя и гадкое понятіе... Что же такое этотъ Полоній? — да просто *добрый малый*“...

Гамлетъ выше этого круга людей, но все-таки еще не представитель высшей „абсолютной жизни“, „полной жизни духа“; нѣтъ, онъ только „прекрасная душа“, но еще не дѣйствительный, не конкретный человѣкъ“. Это буквальное выраженіе Гёте и Гегеля, который въ своей „Феноменологіи Духа“ выводилъ понятіе „прекраснодушія“ (Schönseeligkeit) изъ понятія совѣсти: „прекрасная душа“, являющаяся воплощеніемъ теоретической, недѣйтельной совѣсти, боится дѣятельности, боится дѣйствительности, пребываетъ на высотахъ абстрактности, стремится сохранить свою чистоту, а потому при тяжеломъ столкновеніи съ дѣйствительностью оказывается безсильной и предается lamentaціямъ — вотъ „прекрасная душа“, вотъ Гамлетъ (Hegels Sämmtliche Werke, B. II, p. 480—1). Всѣ эти мысли дословно повторяетъ Бѣлинскій и такимъ образомъ дополняетъ гётевское опредѣленіе Гамлета гегелевскимъ его опредѣленіемъ ¹⁾.

Но въ чемъ же тогда самостоятельность мысли Бѣлинскаго? И въ чемъ же значеніе этой статьи о „Гамлетѣ“? Значеніе ея—въ яркой формулировкѣ того міровоззрѣнія, которое на нѣсколько лѣтъ крѣпко утвердится въ душѣ Бѣлинскаго; и здѣсь же—самостоятельность его мысли. Это міровоззрѣніе—примиреніе съ дѣйствительностью—не надо понимать въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ оно иногда понимается: тутъ главное не въ примиреніи съ русской дѣйствительностью, не съ дѣйствительностью даже вообще, тутъ главное въ *принятіи міра* въ его цѣломъ, выражаясь современнымъ терминомъ, въ признаніи высшей объективной разумности міра и жизни, въ признаніи объективнаго смысла существованія жизни и міра. Убѣжденной проповѣдью этой вѣры проникнута вся эта статья Бѣлинскаго, какъ и всѣ его слѣдующія статьи 1838—1840 гг.; въ „Гамлетѣ“, какъ и во всемъ Шекспирѣ, Бѣлинскій видитъ лучшее доказательство того, что въ жизни нѣтъ „ничего случайнаго, ничего произвольнаго, но одно необходимое“ — послѣ чего зритель или читатель неизбежно „примиряется съ дѣйствительностью“... „Все благо, все добро!“—неоднократно восклицаетъ въ этой статьѣ Бѣлинскій; все—даже смерть Офеліи—миритъ его съ жизнью, и изъ ряда трагическихъ ужа-

совъ онъ выноситъ чувство примиренія съ жизнью, просвѣтленный взглядъ на нее. Во вдохновенномъ, пылкомъ проповѣданіи этой вѣры—все значеніе настоящей статьи Бѣлинскаго; *принятіе міра*—вотъ основной философскій смыслъ проповѣдуемой имъ теоріи „разумной дѣйствительности“. Примиреніе со всякой реальной дѣйствительностью—это уже дальнѣйшее и ошибочное развитіе и примѣненіе этого основного взгляда, но оно не должно закрывать отъ насъ глубокой важности исходнаго пункта. Вѣдь и позднѣйшій разрывъ Бѣлинскаго съ дѣйствительностью далеко не былъ разрывомъ только съ „гнусной расейской дѣйствительностью“, но былъ началомъ цѣльнаго міровоззрѣнія *непріятія міра*, какъ мы это подчеркивали во вступительной статьѣ. И тотъ, и другой взглядъ имѣютъ опредѣленное общественное значеніе; но чтобы понять это значеніе, надо понимать философскій эквивалентъ этихъ взглядовъ. Въ яркой формулировкѣ перваго изъ этихъ двухъ взглядовъ—принятія міра—главное значеніе настоящей статьи Бѣлинскаго; великая трагедія Шекспира была удобнымъ поводомъ и матеріаломъ для уясненія читателямъ этой горячей вѣры Бѣлинскаго. И въ прежнихъ его статьяхъ, начиная съ „Литературныхъ Мечтаній“, всюду звучатъ эти же мотивы принятія міра, достигая особенной силы въ послѣднихъ страницахъ статьи о брошюрѣ Дроздова (см. выше, стр. 349—352); но только въ настоящей статьѣ впервые подводится подъ эту горячую вѣру фундаментъ строгой философской системы—системы Гегеля.

Таково значеніе этой статьи при изученіи развитія взглядовъ Бѣлинскаго, для характеристики его міровоззрѣнія; но не меньшее значеніе имѣетъ она и для пониманія самого Гамлета, самого Шекспира. Бѣлинскій былъ первымъ русскимъ шекспирологомъ, тщательно изучившимъ (во французскомъ, довольно хорошемъ и близкомъ переводѣ) произведенія этого величайшаго гения всемірной литературы; его пониманіе Гамлета составило эпоху и донныѣ сохранило всю свою силу. Мы не можемъ останавливаться здѣсь на русской шекспирологической литературѣ—отсылаемъ читателя для этого къ сочиненіямъ Шекспира въ изданіи Брокгаузъ-Ефрона; замѣтимъ только, что послѣ статей Бѣлинскаго лучшей русской книгой о Шекспирѣ является книга Л. Шестова „Шекспиръ и его критикъ Брандесъ“. И интересно, что въ этой книгѣ, написанной черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ статьи Бѣлинскаго, мы имѣемъ по существу тотъ же самый взглядъ на Гамлета, на Шекспира, который былъ впервые высказанъ Бѣлинскимъ.

¹⁾ Ср. все это съ довольно наивной характеристикой Гамлета въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“—выше, стр. 155.

Настоящая статья, кромѣ заглавія: „Гамлетъ, драма Шекспира“, имѣетъ еще подзаголовокъ: „Мочаловъ въ роли Гамлета“. Мы опустили этотъ подзаголовокъ, такъ какъ не помѣщаемъ въ настоящемъ изданіи вторую половину этой статьи, подробно останавливающуюся на исполненіи Мочаловымъ роли Гамлета въ 1837 году; къ тому же многочисленныя статьи Бѣлинскаго о театрѣ вообще не включены въ настоящее изданіе, ибо представляютъ изъ себя только частную иллюстрацію къ литературнымъ воззрѣніямъ Бѣлинскаго.

Въ началѣ настоящей статьи Бѣлинскій такъ вкратцѣ намѣчалъ предполагаемое ея содержаніе: „мы поговоримъ и о самой пьесѣ, и объ игрѣ Мочалова, и о переводѣ; но публика будетъ главнѣйшимъ вопросомъ нашего разсужденія“ (см. ниже, стр. 358). Но онъ не выполнилъ двухъ пунктовъ этой программы: почти ничего не сказалъ о публикѣ, этомъ якобы „главнѣйшемъ предметѣ“ своей статьи, и ничего не сказалъ о переводѣ (Н. Полевого), изъ котораго сдѣлалъ такъ много выписокъ. Послѣдній пропускъ былъ выполненъ имъ въ слѣдующемъ же томѣ „Московского Наблюдателя“, гдѣ была помѣщена особая статья Бѣлинскаго о двухъ переводахъ „Гамлета“ — Н. Полевого и Вронченки. Переводъ Полевого Бѣлинскій пазвалъ „прекраснымъ, поэтическимъ, но не художественнымъ“, „одной изъ самыхъ блестящихъ заслугъ г. Полевого русской литературѣ“; но тутъ же онъ указалъ на цѣлый рядъ искаженій, допущенныхъ Полевымъ. Одно изъ нихъ особенно знаменито: „страшно, за человѣка страшно мнѣ!“ — въ этомъ сочиненномъ Полевымъ стихѣ Бѣлинскій видѣлъ истинно-шекспировское выраженіе; и оно дѣйствительно удержалось до сихъ поръ. Вообще же Бѣлинскій слишкомъ переоцѣнилъ переводъ Полевого; нѣсколько лѣтъ спустя онъ впалъ въ противоположную крайность: въ одной изъ статей 1840 года (о третьей книгѣ „Репертуара Русскаго

Театра“) онъ издѣвается надъ этимъ переводомъ Полевого и называетъ „Гамлета“ въ его переводѣ — „водевилемъ“. Ни то, ни другое не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: переводъ Полевого — вполне литературный переводъ, но съ совершенно произвольными измѣненіями переводчика, пожелавшаго „пригладить“ оригиналъ; по этой причинѣ онъ является не столько переводомъ, сколько передѣлкой, не имѣющей вслѣдствіе этого въ наше время никакой цѣнности.

Настоящая статья Бѣлинскаго о Гамлетѣ послужила началомъ литературной полемики Бѣлинскаго съ Полевымъ; въ отвѣтъ на эту статью Полевой почему-то напечаталъ въ своемъ журналѣ („Сынъ Отечества“, 1838 г., № 2) враждебный отзывъ о ней нѣкогого А. М.; Бѣлинскій отвѣчалъ статьей „Литературное объясненіе“. Это первые выстрѣлы въ наступающей войнѣ Бѣлинскаго съ Полевымъ, котораго Бѣлинскій, съ вѣчной своей „неистовостью“, сталъ ненавидѣть за измѣну былымъ литературнымъ убѣжденіямъ и за союзъ съ Булгаринымъ и Гречемъ. Намъ еще придется говорить объ отношеніи Бѣлинскаго къ Полевому (см., напр., въ этомъ томѣ статью № 19).

Возвращаясь къ настоящей статьѣ Бѣлинскаго, резюмируемъ вкратцѣ ея значеніе: это первая заслуживающая вниманія русская статья о Шекспирѣ и первый классическій анализъ его трагедіи; это первая статья гегеліанскаго періода жизни Бѣлинскаго, показывающая знакомство его и съ общимъ духомъ системы Гегеля и съ нѣкоторыми ея частностями; наконецъ — и это самое главное — это одна изъ самыхъ блестящихъ его статей, въ которой съ громаднымъ подъемомъ и неизгладимой яркостью обосновывается главное убѣжденіе Бѣлинскаго этого періода — убѣжденіе въ объективной осмысленности жизни и во внутренней цѣлесообразности міра. Въ послѣднемъ — весь смыслъ, все значеніе статьи.

И.-Р.

Несмотря на множество фактовъ, доказывающихъ, что эстетическое образованіе нашего общества есть не болѣе, какъ мода, привычка и обычай, и то не свой, а заимствованный духомъ подражательности изъ чуждаго источника; несмотря на то, у насъ иногда промелькиваютъ явленія, заставляющія пріудержаться рѣшительнымъ приговоромъ на этотъ предметъ и самымъ положительнымъ образомъ убѣждающія въ той истинѣ, что темная атмосфера нашей эстетической жизни освѣщалась, хотя и изрѣдка, самыми яркими проблесками дарованій, и

что въ нашемъ обществѣ есть всѣ элементы, а слѣдовательно, и живая потребность изящнаго. Стоитъ только заглянуть въ исторію нашей письменности: посмотрите, какъ слабо привился къ свѣжему и мощному русскому духу гнилой и безсильный французскій классицизмъ: едва Пушкинъ, предшествуемый Жуковскимъ, растолковалъ намъ тайну поэзіи, едва наши журналы открыли намъ литературную Германію и Англію и — гдѣ нашъ классицизмъ, гдѣ наши дюжинныя поэмы, гдѣ протяжный вой, мишурная мантия и деревянный кинжалъ Мельпомены? Посмотрите,

напротивъ, въ какое короткое время и какъ тѣсно сроднились съ русскимъ духомъ живыхъ вдохновеній Германіи и Англіи; посмотрите, какую всеобщность, какую народность¹⁾ приобрѣли роскошныя и полныя юной и дѣвственной жизни созданія Пушкина еще при самомъ появленіи его на поэтическое поприще, еще во время полного владычества бездушнаго французскаго классицизма и нелѣпой французской теоріи искусства? Этого мало: ежели на свѣжую русскую жизнь не имѣлъ почти никакого вліянія гнилой французскій классицизмъ, то еще менѣе имѣлъ на нее вліянія лихорадочный, пьяный французскій романтизмъ. Посмотрите только, увлекся ли кто-нибудь изъ нашихъ талантливыхъ, уважаемыхъ публикою писателей этими неестественными, но произведенными хмелемъ и безумствомъ, конвульсіями такъ называемой, Богъ знаетъ почему, *юной*, но въ самомъ-то дѣлѣ той же дряхлой, но только на новый ладъ, французской литературы?²⁾ Кто ей подражалъ? литературные подражатели, чернь литературная — больше никто! Не показываетъ ли все это вѣрнаго эстетическаго чувства въ нашемъ юномъ обществѣ? Можетъ быть, намъ укажутъ, въ опроверженіе, на незаслуженное равнодушіе со стороны нашего общества къ созданіямъ Державина, Озерова, Батюшкова; несмотря на все наше желаніе защититься противъ этого довода, мы не будемъ входить ни въ какія подробности, потому что онѣ могли бы слишкомъ далеко завести насъ, а скажемъ только то, что если геній или талантъ и точно были достояніемъ этихъ поэтовъ, то общество все-таки имѣло *свое право* на равнодушіе къ нимъ, потому что, въ союзѣ со временемъ, оно есть самый непогрѣшительный критикъ, и если оно часто принимаетъ мишуру за чистое золото, то не больше какъ на минуту.

Все, что мы сказали, клонится къ оправданію нашей публики въ несправедливомъ обвиненіи въ ея будто бы холодности къ изящному вообще и къ отечественной литературѣ въ особенности. Со дня на день новые факты заставляютъ отнести эти обвиненія къ числу тѣхъ запоздалыхъ предубѣжденій, которыя повторяются по привычкѣ какъ общія мѣста и, подобно всѣмъ общимъ мѣстамъ, не имѣютъ никакого смысла. Къ числу этихъ утѣшительныхъ фактовъ, которыми особенно богато настоящее время, принадлежитъ *представленіе на московской сценѣ Шекспирова Гамлета*.

Уже болѣе года, какъ играется эта пьеса на московской сценѣ и какъ самый переводъ ея напечатанъ: слѣдовательно, всѣ впечатлѣнія теперь — уже только воспоминаніе, всѣ сужденія и толки — уже одно общее мнѣніе, разумѣется, рѣшенное большинствомъ голосовъ, и потому теперь намъ должно быть не органомъ одной минуты восторга, но спокойнымъ историкомъ литературнаго событія, важнаго по самому себѣ и по своимъ слѣдствіямъ и поэтому сосредоточеннаго на одной идеѣ и представляющаго какъ бы нѣчто цѣлое и характеристическое. Мы поговоримъ и о самой пьесѣ, и объ игрѣ Мочалова, и о переводѣ; но публика будетъ главнѣйшимъ вопросомъ нашего разсужденія.

Гамлетъ!... понимаете ли вы значеніе этого слова? — оно велико и глубоко: это жизнь человѣческая, это человѣкъ, это вы, это я, это каждый изъ насъ, болѣе или менѣе, въ высокомъ или смѣшномъ, но всегда въ жалкомъ и грустномъ смыслѣ... Потомъ, Гамлетъ — этотъ блистательнѣйшій алмазъ въ лучезарной коронѣ царя драматическихъ поэтовъ, увѣнчаннаго цѣлымъ человечествомъ и ни прежде, ни послѣ себя не имѣющаго себѣ соперника — *Гамлетъ Шекспира на московской сценѣ!*... Что это такое? спекуляція на міровое имя, жалкая самонадѣянность, слѣпое обольщеніе самолюбія, долженствовавшее въ наказаніе лишиться восковыхъ крылъ своихъ отъ палящаго сіянія солнца, къ которому оно такъ легкомысленно осмѣлилось приблизиться?... *Гамлетъ-Мочаловъ*, Мочаловъ, этотъ актеръ, съ его, конечно, прекраснымъ лицомъ, благородною и живою фizioноміею, гибкимъ и гармоническимъ голосомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и небольшимъ ростомъ, не граціозными манерами, и часто пѣвучею дикціею; актеръ, конечно, съ большимъ талантомъ, съ минутами высокаго вдохновенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда и ни одной роли не выполнившій вполнѣ и не выдержавшій въ цѣломъ ни одного характера; сверхъ того, актеръ, съ талантомъ одностороннимъ, назначеннымъ исключительно для ролей только пламенныхъ и изступленныхъ, но не глубокихъ и многозначительныхъ, — и этотъ Мочаловъ хочетъ выйти на сцену въ роли Гамлета, въ роли глубокой, сосредоточенной, меланхолически-желчной и безконечной въ своемъ значеніи... Что это такое? добродушная и невинная бенефицианская продѣлка?... Такъ или почти такъ думала публика, и чуть ли не такъ думали и мы, пишущіе теперь эти строки подъ вліяніемъ тѣхъ могущественныхъ впечатлѣній, которыя, поразивши однажды душу человѣка, никогда не изглаживаются въ ней, и которыя привести на память — значитъ снова возобновить ихъ въ

¹⁾ Т.-е. „популярность“; см. выше, стр. 4.

²⁾ Объ отношеніи Бѣлинскаго этой эпохи къ французской литературѣ см. ниже нашу замѣтку къ статьѣ № 13.

душѣ съ всею роскошью и со всею свѣжестью ихъ сладостныхъ потрясеній... Мы надѣялись насладиться двумя-тремя проблесками истиннаго чувства, двумя-тремя проблесками высокаго вдохновенія, но въ цѣлой роли думали увидѣть пародію на Гамлета и—обманулись въ своемъ предположеніи: въ игрѣ Мочалова мы увидѣли если не полнаго и совершеннаго Гамлета, то потому только, что въ превосходной вообще игрѣ у него осталось нѣсколько невыдержанныхъ мѣстъ; но онъ бросилъ въ глазахъ нашихъ новый свѣтъ на это созданіе Шекспира и далъ намъ надежду увидѣть настоящаго Гамлета, выдержаннаго отъ перваго до послѣдняго слова роли.

Нельзя говорить объ игрѣ актера, не сказавши ничего о пьесѣ, въ которой онъ игралъ, тѣмъ болѣе, если эта пьеса есть великое произведеніе творческаго генія, а между тѣмъ инымъ извѣстна только по наслышкѣ, а инымъ и вовсе неизвѣстна. Итакъ, мы сперва поговоримъ о самомъ „Гамлетѣ“ и изложимъ его содержаніе, потомъ отдадимъ отчетъ въ игрѣ Мочалова, а въ заключеніе, скажемъ наше мнѣніе о переводѣ Полевого.

Кому неизвѣстно, хотя по наслышкѣ, имя Шекспира, одно изъ тѣхъ міровыхъ именъ, которыя принадлежатъ цѣлому человечеству? Слишкомъ было бы смѣло и странно отдать Шекспиру рѣшительное преимущество предъ всѣми поэтами человечества, какъ собственно поэту, но какъ драматургу онъ и теперь остается безъ соперника, имя котораго можно-бъ было поставить подлѣ его имени. Обладая даромъ творчества въ высшей степени и одаренный мірообъемлющимъ умомъ, онъ въ то же время обладаетъ и этою объективностью генія, которая сдѣлала его драматургомъ по преимуществу и которая состоитъ въ этой способности понимать предметы такъ, какъ они есть, отдѣльно отъ своей личности, переселиться въ нихъ и жить ихъ жизнью. Для Шекспира нѣтъ ни добра, ни зла: для него существуетъ только жизнь, которую онъ спокойно созерцаетъ и сознаетъ въ своихъ созданіяхъ, ни чѣмъ не увлекаясь, ни чему не отдавая преимущества. И если у него злодѣй представляется палачемъ самого себя, то это не для назидательности и не по ненависти ко злу, а потому, что это такъ бываетъ въ дѣйствительности, по вѣчному закону разума, вслѣдствіе котораго кто добровольно отвергся отъ любви и свѣта, тотъ живетъ въ удушливой и мучительной атмосферѣ тьмы и ненависти. И если у него добрый въ самомъ страданіи находитъ какую-то точку опоры, что-то такое, что выше и счастья и бѣдствія, то опять не для назидательности и

не по пристрастію къ добру, а потому, что это такъ бываетъ въ дѣйствительности, по вѣчному закону разума, вслѣдствіе котораго любовь и свѣтъ есть естественная атмосфера человѣка, въ которой ему легко и свободно дышать даже и подъ тяжкимъ гнетомъ судьбы. Впрочемъ, эта объективность совсѣмъ не есть безстрастіе: безстрастіе разрушаетъ поэзію, а Шекспиръ великій поэтъ. Онъ только не жертвуетъ дѣйствительностью своимъ любимымъ идеямъ, но его грустный, иногда болѣзненный взглядъ на жизнь доказываетъ, что онъ дорогою цѣною искупилъ истину своихъ изображеній.

Есть два рода людей: одни прозябаютъ, другіе живутъ. Для первыхъ жизнь есть сонъ, и если этотъ сонъ видится имъ на мягкой и теплой постели, они удовлетворены вполне. Для другихъ же, людей собственно, жизнь есть подвигъ, выполненіе котораго, безъ противорѣчія съ благопріятностью внѣшнихъ обстоятельствъ, есть блаженство; а при условіи добровольныхъ лишеній и страданій должно быть блаженствомъ и точно есть блаженство, но только тогда, когда человѣкъ, уничтоживъ свое Я во внутреннемъ созерцаніи или сознаніи абсолютной жизни, снова обрѣтаетъ его въ ней. Но для этого внутренняго просвѣтленія нужно много борьбы, много страданія, и для него много званныхъ, но мало избранныхъ. Для всякаго человѣка есть эпоха младенчества, или этой безсознательной гармоніи его духа съ природою, вслѣдствіе которой для него жизнь есть блаженство, хотя онъ и не сознаетъ этого блаженства. За младенчествомъ слѣдуетъ юношество, какъ переходъ въ возмужалость: этотъ переходъ всегда бываетъ эпохою распаденья, дисгармоніи, слѣдовательно грѣха. Человѣкъ уже не удовлетворяется естественнымъ сознаніемъ и простымъ чувствомъ: онъ хочетъ знать, а такъ какъ до удовлетворительнаго знанія ему должно перейти черезъ тысячи заблужденій, нужно бороться съ самимъ собою, то онъ и падаетъ. Это непреложный законъ какъ для человѣка, такъ и для человечества. Для человѣка эта эпоха настаетъ двоякимъ образомъ: для одного она начинается сама собою, вслѣдствіе избытка и глубины внутренней жизни, требующей знанія во что бы то ни стало—вотъ *Фаустъ*; для другого она ускоряется какими-нибудь внѣшними обстоятельствами, хотя ея причина и заключается не во внѣшнихъ обстоятельствахъ, а въ духѣ самого этого человѣка—вотъ *Гамлетъ*. Для жизни законы одни, но проявленія ихъ безконечно различны: распаденье Гамлета выразилось слабостью воли при сознаніи долга. Итакъ, „слабость воли при сознаніи долга“—вотъ идея этого гигантскаго созданія Шекспира,—

идея, впервые высказанная Гёте въ его „Вильгельмъ Мейстеръ“ и теперь сдѣлавшаяся какимъ-то общимъ мѣстомъ, которое всякій повторяетъ по-своему ¹⁾. Но Гамлетъ выходитъ изъ своей борьбы, т.-е. побѣждаетъ слабость своей воли, слѣдовательно, эта слабость воли есть не основная идея, но только проявленіе другой, болѣе общей и болѣе глубокой идеи—идеи распадения, вслѣдствіе сомнѣнія, которое, въ свою очередь, есть слѣдствіе выхода изъ естественнаго сознанія. Все это мы объяснимъ подробнѣе, для чего и спѣшимъ перейти къ изложенію содержанія и хода всей пьесы.

Въ Даніи жилъ когда-то доблестный король Гамлетъ съ женою своею Гертрудою, которую онъ любилъ страстно и которою самъ былъ любимъ страстно. Кромѣ жены, у него былъ сынъ, принцъ Гамлетъ, и братъ Клавдій. Вдругъ этотъ король умираетъ скоростижно, а братъ его Клавдій дѣлается королемъ и, еще не давши пройти и двумъ мѣсяцамъ послѣ братниной смерти, женится на его вдовѣ, своей невѣсткѣ. Сынъ покойнаго короля, юный принцъ Гамлетъ, долго учился въ Виттенбергѣ, „въ этихъ Германскихъ университетахъ, гдѣ уже метафизика доискивалась до начала вещей, гдѣ уже жили въ мірѣ идеальномъ, гдѣ уже мечтательность доводила человѣка до внутренней жизни. Настроенный такимъ образомъ, онъ возвращается ко двору грубому и развратному въ своихъ удовольствіяхъ, и дѣлается свидѣтелемъ смерти своего отца и скорого забвенія, которое бываетъ удѣломъ умершихъ“ ²⁾. Онъ обожалъ покойнаго короля, какъ отца, какъ человѣка, какъ героя—и глубоко былъ оскорбленъ соблазнительнымъ поведеніемъ своей матери. Вѣра въ человѣческое достоинство въ немъ поколеблена, лучшія мечты его о благѣ разрушены. Если мы къ этому прибавимъ еще то, что онъ любитъ Офелію, дочь министра Полонія, то читатель нашъ будетъ совершенно на той точкѣ, отъ которой отправляется дѣйствіе драмы. Друзья Гамлета, Бернардо, Франциско, Марцеллій и Гораціо, стоя на стражѣ у галлерей королевскаго замка, видятъ тѣнь покойнаго короля и, условившись рассказать объ этомъ Гамлету, расходятся. Вотъ въ чемъ состоитъ первая сцена пер-

ваго акта. Во второй сценѣ являются король, королева, Гамлетъ, Полоній, Лаертъ и другіе придворные. Король въ хитросплетенной рѣчи благодаритъ придворныхъ за то, что они одобрили его бракъ, потомъ посылаетъ двухъ придворныхъ послами къ Норвежскому королю для переговоровъ. Наконецъ соглашается на просьбу Лаерта, сына Полонія, возвратиться во Францію, откуда онъ пріѣхалъ на коронацію. Рѣшивши все это, король, вмѣстѣ съ королевою, проситъ Гамлета перестать печалиться о потерѣ отца и не ѣхать въ Виттенбергъ, а остаться въ Даніи. Гамлетъ отвѣчаетъ имъ коротко и отрывочно, съ грустною ироніею; обѣщаетъ исполнить ихъ просьбу. Всѣ уходятъ, онъ остается одинъ:

Для чего

Ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ—
О, для чего ты крѣпко, тѣло человѣка!
И если бы Всевышній намъ не запретилъ
Самоубійства... Боже мой, великій Боже!
Какъ гнусны, бесполезны, какъ ничтожны
Дѣянья человѣка на землѣ!
Жизнь! что ты? Садъ, заглохшій
Подъ дикими, безплодными травами!...
Едва лишь шесть недѣль прошло, какъ нѣтъ его,
Его, властителя, героя-полубога
Предъ этимъ повелителемъ ничтожнымъ,
Предъ этимъ мужемъ матери моей—
Его, любившаго ее любовью
Столь пламенною—небо и земля!
Могу-ль забыть?... Она, столь страстная супруга...
Однимъ лишь мѣсяцемъ—я не смѣю мыслить...
О, женщины! ничтожество вамъ имя!
Какъ? мѣсяцемъ... Башмаковъ она еще не
износила,

Въ которыхъ шла за гробомъ мужа,
Какъ бѣдная вдова, въ слезахъ... и вотъ—она,
Она... О, Боже! звѣрь безъ разума и чувства
Грустилъ бы болѣе—она супруга дяди,
Который такъ походитъ на отца,
Великаго Гамлета, короля, какъ я на Геркулеса—
И мѣсяць только! Слезъ ея коварныхъ
Слѣды не высохли—она жена другого!
Проклятая поспѣшность! Провидѣнье
Такого брака не могло благословить—
Быть худу, быть бѣдамъ. Но сокрушайся, сердце,
Когда языкъ мой говорить не смѣетъ!...

Приходятъ Гораціо и Марцеллій; Гамлетъ спрашиваетъ о причинѣ ихъ пріѣзда изъ Виттенберга.

ГОРАЦИО.

Принцъ! я хотѣлъ отдать послѣдній долгъ:
На погребенье вашего отца.

ГАМЛЕТЪ.

Не смѣйся

Надо мной, товарищъ—говори: спѣшилъ пріѣхать
На свадьбу вашей матери.

ГОРАЦИО.

Да, правда, принцъ:

Одно послѣ другого не замедлило.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ что-жь!

Хозяйственное здѣсь распоряженіе было:
Отъ похоронъ осталось много блюдъ,
Такъ ихъ на свадьбѣ поспѣшили съѣсть...

¹⁾ „Время вышло изъ коленъ своей. Горе мнѣ, рожденному на то, чтобы заставить его войти въ прежнюю колею!—Въ этихъ словахъ, мнѣ кажется, мы имѣемъ ключъ ко всему образу дѣйствій Гамлета, и мнѣ становится ясно, что Шекспиръ хотѣлъ изобразить: великое дѣло, возложенное на душу, которой оно не по силамъ. И этотъ-то именно смыслъ проникаетъ всю пьесу“. (Гете, „Ученическіе годы Вильгельма Мейстера“, кн. IV, гл. XIII).

²⁾ Гизо, въ предисловіи къ „Гамлету“.

Прим. Бѣлинскаго.

Теперь уже вы видите состояніе души Гамлета: она глубоко уязвлена ядовитой стрѣлою; слова его отзываются желчью, негодование высказывается въ сарказмахъ. Что-жъ почувствовалъ Гамлетъ, когда Горацио объявилъ ему о чудномъ явленіи тѣни отца его! Онъ рѣшается провести съ ними ночь на стражѣ и, прося ихъ о молчаніи, отпускаетъ.

Третье явленіе перваго дѣйствія происходитъ въ домѣ Полонія. Лаертъ, отправляясь во Францію, прощается съ Офелією и совѣтуетъ остерегаться Гамлета и смотрѣть на его любовь, какъ на пустое увлеченіе. Входитъ Полоній и даетъ Лаерту свои послѣдніе совѣты, въ которыхъ виденъ вельможа и пошлый человѣкъ, который ни о чемъ не имѣетъ понятія, а между тѣмъ думаетъ о себѣ, что онъ очень уменъ и глубоко проникъ въ жизнь, потому только, что много прожилъ на бѣломъ свѣтѣ, т.-е. больше другихъ успѣлъ надѣлать глупостей. Выслушавши съ должнымъ уваженіемъ родительскія наставленія, Лаертъ уходитъ, сказавши сестрѣ:

Прощай, Офелія, и помни мой совѣтъ!

Я заперла его на сердцѣ—ключъ.
Возьми съ собой, Лаертъ—

отвѣчаетъ ему Офелія. Полоній привязывается къ ея словамъ и требуетъ у нея отчета въ ея отношеніяхъ къ Гамлету. Даетъ ей благоразумные совѣты; увѣряетъ ее, что Гамлетъ дурачится, *„что ему, какъ принцу, извинительно“*, но къ ней вовсе не идетъ. Наконецъ, запрещаетъ ей принимать отъ него письма и подарки и велитъ доносить себѣ о всякомъ его поступкѣ съ нею: любящая дѣвушка дѣлается покорною дочерью и общается въ точности исполнять приказанія своего батюшки.

Четвертая сцена перваго дѣйствія происходитъ на террасѣ передъ замкомъ. Гамлетъ является съ Горацио и Марцелліемъ. Раздается отдаленный звукъ трубъ.—Что это такое?—спрашиваетъ Горацио. Гамлетъ отвѣчаетъ:

Что? веселый пиръ
Великаго властителя, и каждый разъ,
Какъ онъ стаканъ вина подноситъ ко рту,
Звукъ трубный возвѣщаетъ свѣту подвигъ
Героя-короля.

Наконецъ является тѣнь. Гамлетъ обращается къ ней съ монологомъ, слишкомъ длиннымъ для его положенія и немного риторическимъ; но это не вина ни Шекспира, ни Гамлета: это болѣзнь XVI вѣка, характеръ котораго, какъ говоритъ Гизо, составляла гордость отъ множества познаній, недавно пріобрѣтенныхъ, расточительность въ разсужденіяхъ и неумѣренность въ умство-

ваніяхъ. Онъ же справедливо замѣчаетъ, что Лаертъ самую искреннюю горестъ о потерѣ отца и сестры выражаетъ самою надутую риторикою, а мужикъ, копающій могилу, играетъ роль философа своей деревеньки.

Тѣнь манитъ за собою Гамлета, который, въ своемъ изступленіи, слѣдуетъ за нею, отвѣтивъ угрозами на представленія друзей, пытавшихся удержать его. Горацио и Марцеллій, подумавъ нѣсколько, рѣшаются слѣдовать за нимъ. Тѣнь и Гамлетъ снова являются на сценѣ, и, остановившись, тѣнь рассказываетъ Гамлету о своей смерти, и ея рассказъ проникнуть лирическою цвѣтистостью языка и истинно Шекспировскою поэзією. Гамлетъ узнаетъ, что его отецъ былъ отравленъ своимъ братомъ, а его дядю, теперешнимъ королемъ, мужемъ его матери, который въ то время, какъ король спокойно спалъ въ саду, влилъ ему въ ухо ядъ, отъ котораго онъ и умеръ въ страшныхъ мукахъ, а такъ какъ эта внезапная смерть застигла его въ грѣхахъ, не приготовившагося покаяніемъ, то онъ и осужденъ днемъ горѣть въ адскомъ огнѣ, а ночью блуждать по землѣ, доколѣ его убійца не будетъ наказанъ. Тѣнь исчезаетъ; Гамлетъ остается одинъ.

О, небо! и земля! и что еще!
Или и самый адъ призвать я долженъ?
Не бейся, сердце! не старѣй, тѣло!
И укрѣпитесь въ новыхъ силахъ!
Помните о тебѣ... Отецъ несчастный!
Я буду помнить, пока память будетъ!
Помните о тебѣ... Да, я изглажу
Изъ памяти моей все, что я помнилъ,
Всѣ мысли, чувства, всѣ мечты, всю жизнь,
И запишу на ней твои слова,
Твои велѣнья—и ничто вѣки
Не соединится съ ними! Небо и земля!
О, мать моя! чудовище порока...
Гдѣ мои замѣтки? Я запишу на нихъ:
„Улыбка и злодѣйство вмѣстѣ могутъ быть“.
И что еще? Я запишу его слова:
„Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!“
Клянусь: я помню!

За сценою раздаются голоса Горацио и Марцеллія, которые въ безпокойствѣ ищутъ Гамлета.

ГАМЛЕТЪ.

Здѣсь, малютки! Сюда! сюда! я здѣсь!

МАРЦЕЛЛО.

Что съ вами, принцъ?

ГОРАЦИО.

Что новаго?

ГАМЛЕТЪ.

О, чудеса!

ГОРАЦИО.

Скажите, принцъ, скажите!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ!

Ты всѣмъ расскажешь!

ГОРАЦИО.
Нѣтъ! Клянемся!

ГАМЛЕТЪ.
Что говоришь ты: я повѣрю людямъ?
Ты все откроешь!

ГОРАЦИО И МАРЦЕЛЛО.

Нѣтъ! клянемся небомъ!

ГАМЛЕТЪ.
Такъ знайге-жь: въ Даніи бездѣльникъ каждый
Есть въ то же время плутъ негодный. Да!

Теперь поймите положеніе Гамлета. Это душа, рожденная для добра и еще въ первый разъ увидѣвшая зло во всей его гнусности, и какое зло? и надъ кѣмъ совершившееся? — надъ героемъ, великимъ человекомъ, представителемъ добра, отцомъ его, этого Гамлета!... И отъ кого узналъ онъ объ этомъ? — отъ самой тѣни своего отца, столь глубоко имъ любимаго, столь ужасно погибшаго. Не обращайтесь вниманія на сверхъестественное посредство умершаго человека: не въ этомъ дѣло, дѣло въ томъ, что Гамлетъ узналъ о смерти своего отца, а какимъ образомъ — вамъ нѣтъ нужды. Но вмѣсто этого разверните драму и подивитесь, какъ поэтъ умѣлъ воспользоваться даже этимъ „чудеснымъ“, чтобы развернуть во всемъ блескѣ свой драматическій геній: его тѣнь жива; въ ея словахъ отзывается боль страждущаго тѣла и страждущаго духа... О, какая высокая драма! какая истина въ положеніи! Въ разговорѣ съ тѣнью каждое слово Гамлета проникнуто любовью къ отцу, безконечно глубокою, безконечно страждущею. Въ разговорѣ съ Гораціо и Марцелліемъ, по уходѣ тѣни, каждое слово Гамлета есть острая стрѣла, облитая ядомъ, въ каждомъ выраженіи его отзывается и мучительное бѣшенство противъ злодѣйства и мучительная горестъ отъ того, что оно совершилось. Жребій брошенъ: само провидѣніе избираетъ его мстителемъ — и онъ клянется мстить, страшно мстить; но это только порывъ... Погоди, Гамлетъ: ты любишь добро, ненавидишь зло, ты сынъ, но ты и человекъ.

Въ головѣ его мгновенно промелькнулъ планъ. Онъ закликаетъ своихъ друзей хранить молчаніе, что бы онъ ни дѣлалъ, глубокое молчаніе даже и тогда, если бъ ему вздумалось *прикинуться сумасшедшимъ*. Три раза заставляетъ онъ ихъ клясться въ молчаніи на своемъ мечѣ, и три раза раздается изъ-подъ земли гробовой голосъ тѣни: „клянитесь!“; наконецъ клятва взята, и Гамлетъ уходитъ съ своими друзьями; послѣднія слова его:

Преступленіе

Проклятое! Зачѣмъ рожденъ я наказать тебя!

въ переводѣ г. Вронченко, кажется, ближе выражаютъ смыслъ подлинника:

Нашъ вѣкъ разстроенъ: о, несчастный жребій!
Зачѣмъ же я рожденъ его исправить!

Слышите ли: „Зачѣмъ же я рожденъ его исправить?“ Видите ли: онъ понялъ, что мщеніе его святой долгъ, котораго онъ безъ презрѣнія къ себѣ не могъ бы не выполнить; онъ даже рѣшился на мщеніе и, по видимому, рѣшился твердо, даже съ какою-то дикою радостью; но въ то же время онъ падаетъ подъ тяжестью собственнаго рѣшенія. Въ этихъ словахъ: „Зачѣмъ же я рожденъ его исправить?“ заключена основная мысль цѣлой драмы. Всеобъемлющій умъ Гёте первый замѣтилъ это: геній понялъ генія ¹⁾.

Первое явленіе второго дѣйствія открывается Полоніемъ, который отпускаетъ во Францію слугителя для надзора за Лаертомъ и даетъ ему подробную инструкцію, по которой онъ долженъ дѣйствовать, чтобы развѣдать о поведеніи его сына. Въ этой инструкціи высказывается весь характеръ Полонія, составленный изъ хитрости и благоразумія; обнаруживается его взглядъ на нравственность, какъ на понятіе чисто условное.

И можешь многое сказать — лишь не дурное,
Боже сохрани — нѣтъ, нѣтъ, а знаешь,
Всякій вздоръ, что молодежи не грѣшно
И извинительно... Вотъ, вотъ...

РЕЙНОЛЬДО.

Ну, карты, напрімѣръ?

ПОЛОНІЙ.

Пожалуй — карты, вино, драчливость, ссоры,
Волокитство...

РЕЙНОЛЬДО.

Да не пороки-ль это?

ПОЛОНІЙ.

Пороки! Все зависитъ отъ того,
Какъ станешь говорить. Не называя прямо,
Что онъ игрокъ, буянъ, представь его
На волѣ юношей, съ горячей кровью
И съ вольной головой... Тутъ надо такъ искусно...

Вдругъ входитъ Офелія, вся встревоженная, и, на вопросъ Полонія о причинѣ ея волненія, отвѣчаетъ:

Я въ комнатѣ своей сплѣла за шитьемъ,
Принцъ Гамлетъ вдругъ вошелъ ко мнѣ,
Безъ шляпы, весь растрепанъ, блѣденъ,
Дрожитъ, и видъ его былъ такъ ужасенъ,
Какъ будто адскую узналъ онъ тайну...

ПОЛОНІЙ.

Рехнулся отъ любви къ тебѣ!

ОФЕЛІЯ.

Не знаю,

Но, кажется, онъ помѣшался.

ПОЛОНІЙ.

Что такое

Онъ говорилъ?

¹⁾ См. выше наше примѣч. на стр. 361-ой.

ОФЕЛІЯ.

Онъ за руку схватилъ меня
И крѣпко руку мнѣ пожалъ: другой рукою
Закрывъ глаза, вогъ такъ—и долго
(смотрѣлъ въ лицо мнѣ, и потомъ вздохнулъ)
Такъ тяжко, будто съ этимъ вздохомъ
Душа его хотѣла улетѣть. Потомъ
Онъ покачалъ три раза головою,
И вопъ пошелъ, но не спуская глазъ съ меня,
Не думая куда идти...

ПОЛОНИЙ.

Довольно!

Скорѣ къ королю. Безумство это—
Любовное безумство, понимаю!
Любовь всего скорѣи съ ума насъ сводить.
Жаль, очень жаль мнѣ принца! Вѣрно,
Ты грубо отвѣчала на его любовь?

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ, только, слѣдуя приказу,
Я писемъ отъ него не принимала больше,
И запретила видѣться со мной.

ПОЛОНИЙ.

Вотъ онъ и одурѣлъ отъ этого! Какъ жаль,
Что поступилъ я слишкомъ скоро, строго;
Да вѣдь я думалъ, что онъ шутитъ! Могъ ли
Предвидѣть слѣдствія—потерялся—глупо!
Все недовѣрчивость проклятая причиною—
Мы, старики, упрямые.

Погоди, Полоній: это еще не послѣдній твой промахъ: придетъ время, и еще не такъ промахнешься, со всѣмъ твоимъ благоразуміемъ, со всѣмъ твоимъ знаніемъ жизни, которыми ты такъ тщеславишься. Ты много жилъ на свѣтѣ, и твоя опытность такъ же велика, какъ длинна твоя сѣдая борода; но ты еще многого не знаешь, старый ребенокъ! Ты ловко умѣешь править своею утлою ладьею на грязномъ болотѣ мелочныхъ интересовъ внѣшней жизни; ты знаешь, какъ провести за носъ и недруга и друга, когда это тебѣ нужно; ты умѣешь кланяться низко и говорить сладко передъ сильнѣйшими тебя; держать себя достойно и прилично передъ равными себѣ, и снисходительно и ласково уничтожать своимъ мишурнымъ величіемъ низшихъ себя; но скоро горестнымъ опытомъ увѣришься ты, что ты ничего не зналъ, ничего не понималъ, и твоя опытная мудрость, твое извѣданное благоразуміе и осторожность не только не спасутъ тебя отъ роковой минуты, но еще помогутъ тебѣ сдѣлать неизбежное *salto mortale*. Да, бѣдный Полоній, твоя собственная дочь и Гамлетъ скоро растолкуютъ тебѣ все это, хотя и бесполезно и поздно для тебя, старый ребенокъ, глупый умникъ...

Во *второмъ* явленіи *второго* акта король и королева просятъ двухъ придворныхъ, бывшихъ товарищей по ученію и друзей Гамлета, Розенкранца и Гильденштерна, разсѣять грусть молодого принца. Гильденштернъ и Розенкранцъ общаются употребить всѣ свои силы вывѣдать причину его грусти и разсѣять ее. Входитъ Полоній и

объявляетъ королю двѣ новости: первую, что Вольтимандъ и Корнелій, отправленные послами къ Норвежскому королю, дядѣ молодого Фортинбраса, возвратились съ успѣхомъ, и вторую, что онъ, Полоній, отъ прозорливости котораго ничто въ мірѣ не можетъ укрыться, открылъ причину Гамлетова разстройства, которую и объявить ему, когда онъ отпуститъ пословъ. По отпускѣ пословъ начинается сцена, въ которой особенно выражается весь характеръ Полонія. Онъ предлагаетъ королю устроить встрѣчу Гамлета съ своею дочерью и подслушать его разговоръ съ нею. Король и королева соглашаются и уходятъ. Полоній идетъ на встрѣчу Гамлету и заводитъ съ нимъ разговоръ, изъ котораго, увы, ничего не узнаетъ положительнаго, и только еще болѣе увѣряется въ пріятной для его самолюбія мысли, что Гамлетъ по уши влюбленъ въ его дочь. Это одна изъ превосходнѣйшихъ сценъ. Гамлетъ притворяется сумасшедшимъ и ловко сбиваетъ съ толку Полонія своими неожиданными отвѣтами, проникнутыми желчною ироніею, грустью и презрѣніемъ къ Полонію, котораго онъ глубоко понимаетъ. „Принцъ, позвольте взять смѣлость проститься съ вами“, говоритъ наконецъ Полоній. „Изъ всего, что вы можете взять у меня, ничего не уступлю я вамъ такъ охотно, какъ жизнь мою, жизнь мою, жизнь мою“, отвѣчаетъ Гамлетъ: о, видно эта жизнь сдѣлалась для него ужъ слишкомъ тяжелою ношею!...

Съ этимъ начинается другая превосходнѣйшая сцена: разговоръ Гамлета съ Гильденштерномъ и Розенкранцомъ. Гамлетъ продолжаетъ представлять изъ себя помѣшаннаго и злобно дурачить этихъ двухъ пошляковъ своими неожиданными лукавыми и желчными отвѣтами и вопросами; наконецъ заставляеть ихъ признаться, что они подсланы къ нему королемъ и королевою. Изобличенные и одураченные, они сворачиваютъ рѣчь на комедіантовъ, только-что прибывшихъ ко двору.

Гамлетъ. Да какіе это комедіанты?

Розенкранцъ. Тѣ самые, принцъ, которые нѣкогда вамъ очень нравились, и будутъ очень довольны, если и теперь понравятся вамъ.

Гамлетъ. Почему же не такъ? Тутъ еще не будетъ такихъ чудесъ, какія сдѣлались съ моимъ дядей, нынѣшнимъ датскимъ королемъ: тѣ, кто считалъ его ничтожнымъ при жизни моего отца, платятъ теперь 10, 20, 40 дукатовъ за маленькій портретъ его. Тутъ надобно бы философіи постараться открыть: отчего маленькіе человѣчки становятся великими, когда великіе переводятся.

Входятъ комедіанты; главный изъ нихъ, по вызову Гамлета, читаетъ монологъ изъ плохой трагедіи, въ которомъ надутыми стихами описывается неистовство Пирра и бѣдствіе Гекубы. Гамлетъ спрашиваетъ глав-

наго комедіанта, можетъ ли онъ предста-
вить „Смерть Гонзага“, и можно ли ему,
Гамлету, вставить въ эту пьесу стиховъ
десятокъ своихъ? Получивши удовлетвори-
тельный отвѣтъ, отпускаетъ комедіантовъ и
всѣхъ, находящихся на сценѣ, и остается
одинъ.

Богъ съ вами! Я одинъ теперь...

Какое я ничтожное созданье!

Комедіантъ, наемщикъ жалкій, и въ дурихъ
стихахъ,

Мнѣ выражая страсти, плачетъ и блѣднѣетъ,

Дрожитъ, трепещетъ... Отчего?

И что причина? Выдумка пустая,

Какая-то Гекуба!

Что-жъ ему Гекуба?

Зачѣмъ онъ дѣлитъ слезы, чувства съ нею?

Что, если бѣ страсти онъ имѣлъ причину,

Какую я имѣю? залилъ бы слезами

Онъ весь театръ, и воплемъ растерзалъ бы
слухъ,

И преступленіе ужаснулъ, и въ жилахъ

У зрителей онъ заморозилъ кровь!

А я?

Ничтожный я, презрѣнный человѣкъ,
Безчувственный—молчу, молчу, когда я знаю,
Что преступленіе погубило жизнь и царство
Великаго властителя-отца!... Или я трусь?

Кто смѣетъ словомъ оскорбить меня,

Или нанести мнѣ оскорбленіе безъ того,

Чтобъ за обиду не вступился я,

Не растерзалъ обидчика, не кинулъ

На растерзанье вранамъ трупъ его? И что же?

Чудовище разврата и убійцу вижу я,

И самый адъ зоветъ меня къ отмщенію,

А я—безплодно изливаю гнѣвъ въ слезахъ.

И онъ безвреденъ, онъ, когда я живъ,

Я, сынъ убитаго отца, свидѣтель

Безславья матери!... О, Гамлетъ! Гамлетъ!

Позоръ и стыдъ тебѣ!... Размыслимъ:

Слыхалъ я, что порокъ и преступленіе,

Увидѣвъ страшную себя картину

Въ грѣхъ искуснаго художника, невольно

Высказывали стыдъ свой и позоръ

И сознавались въ преступленьяхъ. Да,

Безъ языка, безъ словъ все будетъ ясно.

Актеровъ этихъ я играть заставляю

Изображеніе ужаснаго убійства,

Подобнаго злодѣйству дяди,

И стану замѣчать—и если

Смутится онъ—я знаю, что мнѣ дѣлать!

Быть можетъ, привидѣніе это было

Мечта, коварство духа тьмы?

Онъ можетъ въ разныхъ образахъ являться;

Онъ, можетъ быть, влечетъ меня на грѣхъ,

И духъ мой, подозрительный и слабый,

Употребляетъ сѣтью для погибели души?

Остерегусь—и хитрость пусть моя

Мнѣ выскажетъ всю совѣсть короля!

Въ этомъ монологѣ, вырвавшемся изъ
глубины души, какъ вырывается потокъ
лавы изъ глубины земли, высказался весь
Гамлетъ. Онъ сравниваетъ себя съ комедіан-
томъ и сравниваетъ такъ невыгодно для
своей личности; онъ отвергаетъ предполо-
женіе о своей трусости, говоря, что за лич-
ную обиду онъ готовъ мстить кровью; на-
конецъ, онъ хочетъ узнать истину посред-
ствомъ актеровъ: видите ли, онъ не вѣритъ
духу. Но здѣсь представляется вопросъ: по-

тому ли онъ медлитъ мщеніемъ, что не вѣ-
рить духу, или потому не вѣритъ духу, что
медлитъ мщеніемъ? Мы сейчасъ увидимъ,
что онъ уже несомнѣнно вѣритъ духу, но
еще долго не увидимъ, что онъ не медлитъ
болѣе мщеніемъ... Бѣдный Гамлетъ!...

Первое явленіе *третьяго* акта открывается
разговоромъ короля и королевы съ Гильден-
штерномъ и Розенкранцемъ, которые доно-
сятъ имъ о неуспѣхѣ своей рекогносцировки
при Гамлетѣ. Встрѣча Гамлета съ Офеліею
уже улажена Полоніемъ. Король высылаетъ
королеву и придворныхъ, а самъ скрывается
за дверь, чтобы подслушать разговоръ Гам-
лета съ Офеліею. Офелія прохаживается по
сценѣ съ книгою въ рукахъ, какъ будто углу-
бившись въ чтеніе.

Является Гамлетъ.

Быть или не быть—вотъ въ чемъ вопросъ.

Что доблестнѣе для души: сносить

Удары оскорбительной судьбы,

Или вооружиться противъ моря золь

И побѣдить его, исчерпавъ разомъ?

Умереть—уснуть—не больше, и окончить сномъ

Страданья сердца, тысячи мученій—

Наслѣдство тѣла—какъ не пожелать

Такого окончанья!... Умереть, уснуть—

Уснуть, быть можетъ—грезить. Вотъ и

затрудненіе!

Да! въ этомъ смертномъ снѣ какія сновидѣнья

Намъ будутъ, когда буря жизни пролетитъ?

Вотъ остановка, вотъ для чего хотимъ мы

Влечься лучше въ долгой жизни—

И кто бы перенесъ обиды, злобу свѣта,

Тирановъ гордость, сильныхъ оскорбленья,

Любви отверженной тоску, тщету законовъ,

Судей безстыдство и презрѣнье это

Заслуги терпѣливой за дѣянья чести.

Когда покоемъ подарить насъ можетъ

Одинъ ударъ? И кто понесетъ бы это иго,

Съ проклятіемъ, слезами, тяжелой жизни?...

Но страхъ: что будетъ тамъ?—Тамъ,

Въ той безвѣстной сторонѣ, откуда

Нѣтъ пришельцовъ... Трепещетъ воля

И тяжко заставляетъ насъ страдать.

Но не бѣжать къ тому, что такъ безвѣстно.

Ужасное сознанье робкой думы!

И яркій цвѣтъ могучаго рѣшенья

Блѣднѣетъ передъ мракомъ размышленья,

И смѣлость быстрого порыва гибнетъ,

И мысль не переходитъ въ дѣло... Тише!

Милая Офелія!... О, нимфа!

Помини грѣхи мои въ молитвахъ!...

За этимъ начинается его разговоръ съ
Офеліею, въ которомъ онъ, оскорбительными
и саркастическими насмѣшками надъ нею,
высказываетъ болѣзненное состояніе своего
духа и заставляетъ ее выносить на себѣ
его презрѣніе къ женщинѣ, возбужденное
въ немъ матерью. Король выходитъ изъ-за
своей засады и говоритъ, что не любовь, а
что-нибудь другое причиною разстройства
Гамлетова: совѣсть короля догадливѣе ди-
пломатической тонкости Полонія. „Такъ рѣ-
шено, говоритъ король, Гамлетъ поѣдетъ въ
Англію“. Полоній не противорѣчитъ этой
мѣрѣ, но предлагаетъ еще и свою: послѣ

представленія, на которое Гамлетъ пригласилъ короля и королеву, позвать его къ королевѣ, которая бы его поразспросила, а ему, Полонію, подслушать ихъ разговоръ, и если онъ изъ него ничего не узнаетъ, тогда уже и отправить его въ Англію.

Второе явленіе третьей акта заключается въ себѣ разрѣшеніе Гамлетова сомнѣнія, разрѣшеніе, которое для Гамлета горше и тяжелѣе прежняго сомнѣнія. Эта сцена гнететъ ужасомъ душу зрителя, какъ какое-то неясное могильное видѣніе: въ ней выражено все ужасное цѣлой драмы, сосредоточенное въ одномъ моментѣ. Но объ этомъ мы поговоримъ послѣ, потому что глубокая и сосредоточенная сила этой сцены понята и переживута нами не столько въ чтеніи, сколько въ представленіи: великій актеръ объяснилъ намъ Шекспира въ этой сценѣ, которой, безъ посредства этого актера, невозможно постигнуть во всей безконечности ея скрытой и подавляющей душу силы.

Гамлетъ даетъ совѣты актеру, какъ ему должно играть. Потомъ, объявляя нѣсколько о своемъ планѣ Гораціо, умоляетъ его наблюдать за королемъ.

Входятъ король и королева, въ сопровожденіи двора. Гамлетъ прикидывается сумасшедшимъ весельчакомъ, и въ этой ужасной веселости осыпаетъ сарказмами короля и Полонія. Всѣ садятся; Гамлетъ противъ короля и королевы, у ногъ Офеліи, на которую изливаетъ свою саркастическую желчь.

Офелія. Вы веселы, принцъ?

Гамлетъ. Кто? Я?

Офелія. Да, вы, принцъ.

Гамлетъ. Да, я иду въ ваши шуты. Чего лучше какъ не веселиться? Посмотрите на мать мою, какая она веселая. А отецъ мой умеръ за два часа.

Офелія. Развѣ?... за два мѣсяца.

Гамлетъ. Такъ давно уже? Хорошо, я самъ ношу трауръ, потому что онъ мнѣ очень идетъ. Скажите! Два мѣсяца и еще не забыты! Стало быть, можно надѣяться на полгода людской памяти, а тамъ все равно, что человѣкъ, что овечка.

Схоронили

Позабыли!

Начинается представленіе. На сценѣ дряхлый король, сидя въ креслахъ, разговариваетъ съ своей женою. Его томить предчувствіе о близкой смерти, и онъ съ грустью вспоминаетъ о тридцати годахъ блаженства, проведеннаго имъ въ супружествѣ съ нею. Королева отвѣчаетъ ему желаніемъ, чтобы ихъ взаимное блаженство продолжилось еще на столько же лѣтъ. Король возражаетъ предчувствіемъ скорой смерти и желаніемъ, чтобы вторичная любовь осчастливила спутницу его жизни. Надутыми, гиперболическими клятвами отрицаетъ королева возможность вторичной любви для себя. Они расстаются; король засыпаетъ въ креслахъ.

Гамлетъ (королеву). Какъ вы находите комедию, королева?

Королева. Мнѣ кажется, она слишкомъ много надавала общаній.

Гамлетъ. О, да вѣдь она ихъ сдержитъ!

Король. Извѣстно ли тебѣ содержаніе комедій? Пѣтъ ли тутъ чего-нибудь оскорбительнаго?

Гамлетъ. Ничего! ничего! Тутъ немножко отравляютъ, такъ, для шутки!

Король. А названіе какъ?

Гамлетъ. Мышеловка. Почему? спросите вы. Это риторическая фигура, метафора. Представляется убійство, которое было гдѣ-то въ Италіи. Старика зовутъ Гонзаго, а королеву Бапטיста. Вы тотчасъ увидите... самое гадкое дѣло, да что намъ до этого! У васъ и у меня совѣсть чиста, и до насъ не касается. Кричи тотъ, кого это щекочетъ.

Между тѣмъ на сцену входитъ злодѣй съ чашкою, наполненною ядомъ, который онъ и вливаетъ въ ухо спящему королю.

Гамлетъ. Онъ отравляетъ его, когда тотъ спитъ въ саду, чтобы завладѣть его королевствомъ. Его зовутъ Гонзаго. Это былъ—я самъ читалъ ее по-итальянски. Вы сейчасъ увидите, какъ убійца успѣетъ овладѣть сердцемъ вдовы отравленнаго короля.

Король встаетъ съ гнѣвомъ. Общее смятеніе. Всѣ выходятъ.

Гамлетъ (вскакивая).

Оленя ранили стрѣлой,
Тотъ охаетъ, другой смѣется;
Одинъ хохочетъ—плачь другой,
И такъ на свѣтѣ все ведется!

За эти стихи, стоитъ только одѣться въ платье комедіанта, меня примутъ въ лучшіе актеры.

Гораціо. На половинное жалованье?

Гамлетъ. Пѣтъ! на полное.

Былъ у насъ въ чести немало
Левъ, да часть его пришелъ —
Счастье львиное пропало,
И теперь въ чести... пѣтухъ!

Гораціо. Послѣдняя рѣша не годится, принцъ.

Гамлетъ. О, добрый Гораціо! теперь слова привидѣнія я готовъ покупать на вѣсь золота! Замѣтилъ ли ты!

Гораціо. Очень замѣтилъ, принцъ.

Гамлетъ. Только что дошло до отравленія...

Гораціо. Это было слишкомъ явно!

Гамлетъ. Ха, ха, ха! Эй! музыкантовъ сюда, флейтчиковъ!

Когда король комедій не полюбитъ,

Такъ онъ—да просто, онъ комедій не любитъ!

Входитъ Гильденштернъ и объявляетъ Гамлету, что королева, мать его, желаетъ съ нимъ говорить. Эта сцена превосходна, и мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать изъ нея хоть отрывка.

Гамлетъ. Мнѣ кажется, будто вы слишкомъ гоняетесь за мною?

Гильденштернъ. Повѣрьте, принцъ, что всему причиною любовь моя къ вамъ и усердіе къ королю.

Гамлетъ. Я что-то не совсѣмъ это понимаю. Сыграй мнѣ что-нибудь (подаетъ ему флейту).

Гильденшт. Не могу, принцъ.

Гамлетъ. Сдѣлай одолженіе!

Гильденшт. Право, не могу, принцъ!

Гамлетъ. Ради Бога, сыграй!

Гильденшт. Да я совсѣмъ не умѣю играть на флейтѣ.

Гамлетъ. А это такъ же легко, какъ лгать. Возьми флейту такъ, губы приложи сюда, пальцы туда—и заиграетъ.

Гильденшт. Я вовсе не учился.

Гамлетъ. Теперь суди самъ: за кого же ты меня принимаешь? Ты хочешь играть на душѣ моей, а вотъ не умѣешь сыграть даже чего-нибудь на этой дудкѣ? Развѣ я хуже, простѣе, нежели эта флейта? Считаю меня чѣмъ тебѣ угодно: ты можешь мучить меня, но не играть мною.

Послѣ представленія король рѣшилъ, что ему надо сбыть съ рукъ Гамлета, во что бы то ни стало. Мученія совѣсти страшно раздираютъ его душу, и онъ высказываетъ ихъ въ одномъ изъ тѣхъ монологовъ, въ которыхъ поэзія и лиризмъ выражений и образовъ удивительно сливаются съ самымъ высшимъ драматизмомъ, и которые умѣлъ писать только одинъ Шекспиръ—одинъ онъ и больше никто. Опасаясь сдѣлать статью нашу слишкомъ большою, мы не выписываемъ этого превосходнаго монолога. Въ немъ послѣ продолжительной борьбы король не рѣшается отказаться отъ выгодъ своего злодѣйства, т.-е., отъ короны и королевы, но рѣшается—молиться и становится на колѣна. Въ это время входитъ Гамлетъ; минута благопріятна: одинъ ударъ шпагою—и совершенъ подвигъ и нѣтъ камня на душѣ... Онъ такъ и хочетъ сдѣлать, но вдругъ ему приходитъ въ голову превосходная мысль.

И съ молитвой

Погибнетъ онъ! Отмщенье-ль это будетъ!
Остановись, подумай! Твоего отца
Зарѣзалъ онъ. Ты, сынъ, ты, мститель смерти,
Въ раскаяннѣ засталъ его, и смерть теперь
Ему благодѣянье, но не мщенье будетъ!
Нѣтъ, не мщенье!...

Онъ брата погубилъ въ грѣхахъ,
Въ безпечномъ усыпленьи чувства,
И тяжекъ былъ погибшему разсчетъ.
Отмщу ли я, когда молитвой онъ
Готовъ на путь далекій, невозвратный?
Нѣтъ, нѣтъ!

(*влагаетъ кинжалъ въ ножны*).

Въ ножны, мститель. Твой ударъ ужасенъ
будетъ,
Когда его заставу пьянымъ, спящимъ, гнѣвнымъ,
И въ нечестивомъ пиршествѣ грѣха,
Въ игрѣ, въ божбѣ, въ такомъ души порывѣ,
Когда гибель за могилою вѣрна,
Тогда ударъ его повергнетъ вверхъ пятами,
Чтобъ съ кровью черною душа его упала
Въ адъ темный, какъ грѣхи его темны!
Мать ждетъ меня—живи, но безъ надежды,
Чтобъ жизнь твоя продлилась—ты мертвецъ!

Остановите ваше вниманіе на этомъ монологѣ: онъ покажетъ вамъ, что если прекрасная душа не можетъ и не умѣетъ обманывать другихъ, то можетъ и умѣетъ обманывать себя, и свою нерѣшительность и слабость объяснять себѣ жаждою мести, которая должна быть ужаснѣе и удовлетвори-тельнѣе, когда ей предстанетъ удобнѣйшій случай. А между тѣмъ, его слова не пустая фраза: напротивъ, они исполнены силы и

поэзіи, потому что онъ вѣритъ своей мысли, по крайней мѣрѣ въ эту минуту. Не забудьте къ этому, что послѣ представленія недовѣрчивость къ духу уже кончилась...

Итакъ, Гамлетъ, сказавши эти слова, уходитъ, вполне убѣжденный, что для того только отсрочилъ месть, чтобы сдѣлать ее ужаснѣе, а совсѣмъ не по недостатку силы воли... Король, окончивъ свою молитву, встаетъ съ убѣжденіемъ, что

Слова на небо—мысли на землѣ!

Безъ мысли слово недоступно къ Богу!

Вотъ уже и *третье* явленіе *третьяго* дѣйствія; драма идетъ все кресчендо: сейчасъ только убѣдился Гамлетъ въ ужасной истинѣ насчетъ смерти своего отца, сейчасъ только колебался онъ между своею нерѣшительностью и порывомъ мщенія; и вотъ ему предстоитъ рѣшительный разговоръ съ матерью. Полоній, давши королевѣ совѣтъ быть съ Гамлетомъ строже, украдкой отъ нея прячется за занавѣской; старый дуралей не предчувствуетъ, что лѣзетъ въ западню, которую самъ себѣ устроилъ, на зло своему благоразумію и своей опытности. Входитъ Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что вамъ угодно, мать моя? Скажите.

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ! ты оскорбилъ меня жестоко.

ГАМЛЕТЪ.

Мать моя, отецъ мой вами оскорбленъ жестоко.

КОРОЛЕВА.

Ты говоришь со мной, какъ сумасшедшій.

ГАМЛЕТЪ.

А вы со мной, какъ злая мать.

КОРОЛЕВА.

Что говоришь ты, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Что угодно вамъ?

КОРОЛЕВА.

Ты позабылъ, кто я?

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! не забылъ, клянусь!

Вы, королева, вы супруга дяди,
И—о, зачѣмъ мнѣ должно досказать—
Вы мать моя...

КОРОЛЕВА.

Я говорить съ тобой заставлю
Другихъ; они твое безумство укротятъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Сядь и ни съ мѣста
Ты не сойдешь, пока тебѣ я не представлю
Такого зеркала, гдѣ всѣ души твоей изгибы
Наружу будутъ!

КОРОЛЕВА.

Что ты дѣлаешь, мой сынъ!

Ты хочешь умертвить меня... О! помогите,
Помогите!

полоний (за ковром).

Помогите!

ГАМЛЕТЪ.

Что там? мышь?

(онъ ударяетъ шпатою въ коверъ).

Убить! Червонецъ обь закладъ—убить!

ПОЛОНИЙ.

Охъ! умираю!

(падаетъ).

КОРОЛЕВА.

Ахъ! что ты сдѣлалъ, сынъ мой?

ГАМЛЕТЪ.

Что? Не знаю.

Король?

(подымаетъ коверъ и вытаскиваетъ трупъ Полонія).

КОРОЛЕВА.

О, какой кровавый, сумасшедшій твой поступокъ!

ГАМЛЕТЪ.

Кровавый?—Чѣмъ же, маменька, онъ хуже
Того—убить супруга и съ убійцей обвиняться?

КОРОЛЕВА.

Убить супруга!

ГАМЛЕТЪ.

Да! я говорю тебѣ—убить!

А ты, глупецъ, дуракъ, болванъ! Прости меня—
Я думалъ, что тутъ спрятался другой, умнѣе—
обвиняй

Судьбу свою—ты видишь, что услуга
Другимъ не безъ опасности бываетъ...
Зачѣмъ ломать такъ руки? Успокойтесь, сядьте —
Я сердце ваше изломаю—я расшевелю его,
Когда оно еще не вовсе стало камнемъ,
И навывкомъ на зло не обратилось въ сталь,
Когда ему доступно хоть одно
Какое-нибудь чувство...

КОРОЛЕВА.

Что я сдѣлала такое,

За что ты такъ жестокъ ко мнѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Такое дѣло,

Которымъ погубила скромность ты?

Изъ добродѣтели ты сдѣлала коварство — цвѣтъ
любви

Ты облила смертельнымъ ядомъ—клятву,
Предъ алтаремъ тобою данную супругу,
Ты въ клятву игрока преобратила —
Ты погубила вѣру въ душу человека —
Ты посмѣялась святости закона,
И небо отъ твоихъ злодѣйствъ горитъ!
Да, видишь ли, какъ все печально и уныло,
Какъ будто наступаетъ страшный судъ!

КОРОЛЕВА.

Ахъ, что такое, говори? Что хочешь
Ты высказать въ безумномъ изступленьи?

ГАМЛЕТЪ.

А, вотъ они, вотъ два портрета—посмотри:
Какое здѣсь величіе, краса и сила,
И мужество, и умъ—таковъ орелъ,
Когда съ вершины горъ полетъ свой къ небу
Направить—совершенство божьяго созданья—
Онъ былъ твой мужъ!—но посмотри еще—
Ты видишь ли траву гнилую, зелье,
Сгубившее великаго—взгляни, гляди—
Или слѣпая ты была, когда
Въ болото смрадное разврата пала?
Говори: слѣпая ты была?
Не поминай мнѣ о любви: въ твои лѣта

Любовь уму послушною бываетъ —
Гдѣ жъ былъ твой умъ? гдѣ былъ разсудокъ?
Какой же адекинъ демонъ овладѣлъ
Тогда умомъ твоимъ и чувствомъ—зрѣньемъ просто?
Стыдъ женщины, супруги, матери забыть...
Когда и старость падаетъ такъ страшно,
Что-жъ юности осталось? Страшно,
За человека страшно мнѣ ¹⁾.

Королева подавлена этою страстною си-
лою истины и убѣжденія: она уже не оправды-
вается—она проситъ у сына снисхожденія,
пощады; она уже не преступная, но слабая
женщина, не королева, но мать. Вдругъ
является тѣнь Гамлетова отца; она пришла
возбудить силы своего сына на мщеніе и
повелѣваетъ ему сильнѣе дѣйствовать на
душу матери. Въ Гамлетѣ борются два про-
тивоположныя чувства: ужасъ къ сверхъ-
естественному явленію и любовь къ отцу.

Крылами вашими меня закройте,
Вы, ангелы небесъ... Скажи, чего ты хочешь,
Страдалецъ!

КОРОЛЕВА.

Онъ съ ума сошелъ?

ГАМЛЕТЪ.

Или явился ты

Упреками осыпать сына
За медленность его въ отмщеньи? Говори!
(молчаніе).

Что съ вами, королева?

КОРОЛЕВА.

Что съ тобой, Гамлетъ?

Зачѣмъ твой взоръ блуждаетъ въ пустотѣ?
Съ кѣмъ говоришь ты въ воздухѣ пустомъ?
И вся душа въ твои переселилась очи,
И дыбомъ волосы твои. Мой милый сынъ,
Утиши порывы чувствъ. Кого ты видишь?

ГАМЛЕТЪ.

Его, его! Смотри, какъ блѣденъ онъ!
Его ужасное явленье
И въ камень чувства передать!
Нѣтъ: не смотри такъ грустно и печально,
Поколебать мою рѣшимость можешь ты,
И я не кровью стану мстить—слезами!

Итакъ, явленіе тѣни, вмѣсто того, чтобъ
дать Гамлету новую силу, лишаетъ его и
прежней... Бѣдный Гамлетъ!...

Королева хочетъ увѣрить его, что это
мечта его разстроенаго воображенія; Гам-
летъ отвѣчаетъ ей, что его пульсъ бьется
такъ же, какъ и у ней, что онъ видитъ и слы-
шитъ такъ же, какъ и она, что онъ можетъ
пересказать въ порядкѣ всѣ слова тѣни;
упрекаетъ ее, что она хочетъ приписать его
безумію то, что должна приписать своимъ
грѣхамъ и преступлениямъ; умоляетъ ее
покаяться, закликаетъ ее не осквернять
себя прикосновеніемъ его дяди; говоритъ
ей, что привычка—чудовище, но что она же
можетъ быть и спасеніемъ человѣку, когда
онъ твердо рѣшится привыкать къ добру;

¹⁾ Объ этой фразѣ см. нашу вступительную за-
мѣтку на стр. 355-ой.

и, наконецъ, такъ заключаетъ эту выходку, полную страсти, огня, любви:

И разъ еще—о, мать моя! Прости мнѣ—
Я былъ къ тебѣ жестокъ, безчеловѣченъ,
Но я хотѣлъ, я долженъ быть таковъ,
Чтобъ матери отдать вновь чувства человѣка...
Да, слова два...

КОРОЛЕВА.

Скажи, что дѣлать мнѣ?

Этотъ вопросъ показалъ Гамлету, что понапрасну выходилъ онъ изъ себя, что его прекрасныя и полныя жизни сѣмена пали на каменистую почву, что слезы и признанія его матери были не раскаяніемъ души сильной и энергической, которая если глубоко падаетъ, то и мощно возстаетъ, а слезами слабой женщины, на которую прикрикнули, плачемъ дитяти, которому погрозили лозою за шалость. Тогда презрѣніе и бѣшенство, глубокое, сосредоточенное, болѣзненное бѣшенство замѣнило въ душѣ Гамлета воскресшую на мгновение любовь къ матери:—Что?... спрашиваетъ онъ ее тихимъ, а потомъ продолжаетъ глухимъ, тихимъ и задушаемымъ голосомъ:

Ничего не дѣлай, и не вѣрь
Тому, что говорилъ я. Пусть король
Опять тебя въ свои объятія приметъ;
Открой ему всю тайну; расскажи,
Что не безумецъ въ самомъ дѣлѣ Гамлетъ,
Но сумасшедшимъ только притворился—
И какъ же вамъ, прекрасной, умной, доброй,
Счастливой королевѣ, не сказать
Летучей мысли этой, жабѣ,
Совѣ полуночной, какъ не сказать всего?
Такая вѣсть его обезопаситъ,
Порадуется—а тамъ, что нужды,
Когда сама себѣ ты шею повихнешь!

Да, онъ сказалъ ей это глухимъ, тихимъ и задушаемымъ голосомъ, потому что мы не одинъ разъ слышали этотъ ужасный голосъ, и каждый разъ при воспоминаніи о немъ у насъ стынетъ кровь въ жилахъ... Наконецъ, видя, что съ нею нечего толковать о томъ, чего она не можетъ понять, онъ говоритъ ей о своемъ отъѣздѣ въ Англію, куда должны провожать его двое друзей, которымъ онъ вѣритъ, какъ ящерицамъ.

Счастливый путь—поѣдемъ, поглядимъ,
Кто похитрѣй кого взорветъ на воздухъ—
Противъ подкопа поведу подкопъ,
И это утѣшаетъ, веселитъ меня,
Когда умы работаютъ людскіе
На гибель друга, будто лютый звѣрь!
А этого я сирячу молодца...
Спокойной ночи!

Что ты молчаливъ,
Такъ скромнень, такъ угрюмъ, скажи, пріятель,
Ты, цѣлый вѣкъ болтавшій безъ умолку?
Пойдемъ—съ тобой что много толковать!

(*тащитъ Полонія*).

Спокойной ночи, королева!

Первое явленіе четвертаго акта открывается разговоромъ короля съ королевою о

смерти Полонія. Король говоритъ, что и онъ бы могъ такъ погибнуть и что, поэтому, Гамлета должно удалить; потомъ спрашиваетъ о немъ королеву, гдѣ онъ? Королева отвѣчаетъ:

Онъ потащилъ убитаго Полонія.
Среди безумія, какъ искры злата
Средь грубой смѣси руды—сверкаютъ въ немъ
И умъ и сердце—онъ рыдаетъ—поздно!...

Бѣдный Гамлетъ! У него было такъ много ума и души, что отъ него не могло скрыться ни достоинство, ни пошлость, и онъ умѣлъ понимать и презирать пошляковъ, но должность палача была ему не по натурѣ, а между тѣмъ, судьба сдѣлала его палачемъ...

По повелѣнію короля, Розенкранцъ спрашиваетъ Гамлета:

Что сдѣлали вы, принцъ, съ тѣломъ Полонія?
Гамлетъ. Отдалъ его роднѣ—землѣ отдалъ я его.

Розенкранцъ. Гдѣ же оно? Надобно взять его и похоронить.

Гамлетъ. Не вѣрьте этому.

Розенкранцъ. Чему не вѣрить?

Гамлетъ. Тому, что, умѣя сохранять ваши тайны, я не умѣю сохранить моихъ тайнъ. Что будетъ отвѣчать сынъ короля, если его спрашиваетъ губка?

Розенкранцъ. Развѣ я губка, принцъ?

Гамлетъ. Да, губка, которая впитываетъ въ себя милости, ласки и власть своего короля. Но вы самые лучшіе слуги для королей. Короли берегутъ васъ на закуску, какъ обезьяны лакомый кусочекъ. Чуть понадобится взять обратно то, чѣмъ вы напитались, васъ пожмутъ, и—вы сухи, какъ губка!

Розенкранцъ. Я васъ не понимаю, принцъ.

Гамлетъ. Очень радъ. У кого въ ухѣ спокойно спитъ насмѣшка, тотъ дуракъ.

Розенкранцъ. Скажите, гдѣ положили вы тѣло, и потомъ пожалуйста къ королю.

Гамлетъ. Тѣло бываетъ королемъ, но король не долженъ быть тѣломъ. Король есть нѣчто.

Розенкранцъ. Нѣчто, принцъ?

Гамлетъ. Или ничто. Пойдемъ къ королю. Впередъ лисицы, а собака за ними.

Наконецъ, самъ король спрашиваетъ Гамлета:

Ну, Гамлетъ, гдѣ же Полоній?

Гамлетъ. На ужинѣ.

Король. Какъ на ужинѣ?

Гамлетъ. Да, гдѣ не онъ ѣстъ, а его ѣдятъ. Къ нему собралось множество премудрыхъ червяковъ. Вы знаете, что всѣ наши ужины дѣлаются для червяковъ: мы откармливаемъ животныхъ, чтобы откормить себя, а себя откармливаемъ, чтобы откормить червяковъ. Король и нищій—что это такое? Два разныхъ блюда для нихъ, и оба будутъ на одномъ столѣ—одинъ конецъ обоимъ!

Король. Великій Боже!

Гамлетъ. Человѣкъ ловитъ рыбу на червяка, который, можетъ быть, позавтракалъ королемъ, и ѣстъ рыбу, которая позавтракала этимъ червякомъ.

Король. Что хочешь ты сказать этимъ?

Гамлетъ. Ничего—я только хочу вамъ показать, что нищій можетъ съѣсть короля.

Король. Гдѣ Полоній?

Гамлетъ. На небесахъ—пошлите справиться. Если не найдутъ тамъ, пошлите сыскать его въ другомъ мѣстѣ. А если не найдете его нигдѣ, то

черезъ мѣсяць онъ скажется вамъ благовоиѣмъ
подъ лѣстницею галлерей.

Король. Поспѣшите туда.

Гамлетъ. Зачѣмъ спѣшить—онъ подождетъ.

Передъ отправленіемъ Гамлета въ Англію,
черезъ Данію проходило норвежское войско,
подъ предводительствомъ Фортинбраса, для
завоеванія клочка земли у Польши. Гамлетъ
съ нимъ встрѣчается.

Какъ все противъ меня возстало
За медленное мнѣніе!.. Что ты человѣкъ,
Когда ты только означаешь дни
Сномъ и обѣдомъ? Звѣрь, не больше ты.
Да, Онъ, создавшій насъ съ такимъ умомъ, что мы
Прошедшее и будущее видимъ—Онъ не для того
Насъ одарилъ божественнымъ умомъ,
Чтобъ погубили мы его безплодно,
И если робкое сомнѣніе медлитъ дѣломъ
И гибнетъ въ нерѣшительной тревогѣ—
Три четверти здѣсь трусости постыдной
И только четверть мудрости святой.
Къ чему мнѣ жить? Твердить: я долженъ сдѣлать,
И медлить, если силы есть, и воля, и причины,
И средства исполненія! Вотъ примѣръ.
Здѣсь юный вождь ведетъ съ собою войско,
Могучее и сильное; вождь смѣлый;
Онъ все приноситъ въ жертву чести, славы,
Все отдаетъ погибели и смерти
И для чего? за что? Яичной скорлупы
Завоеваніе не стоитъ. Честь не велика,
Не велика и слава жертвовать собою
Ничтожному дѣянію. Но на что причина?
Ее дѣянія наши оправдаютъ...
А я—отецъ убитъ, безславіе матери удѣлъ—
Какъ крови не кипѣть, уму не волноваться,
А я—бездѣйствую, когда, на мой позоръ,
На смерть идетъ здѣсь двадцать тысячъ войска,
И многіе не знаютъ, для чего идутъ,
И тысячи бѣгутъ за тѣнью славы,
И той земли, за что они погибнуть—
На ихъ могилы мало!.. Нѣтъ! отъ сей поры
Кровь будетъ мысль единая—плѣть вовсе
Во мнѣ не будетъ мысли ни единой!

Мы не могли удержаться, чтобъ не вы-
писать этого монолога, сколько потому, что
въ немъ видна практическая философія
Шекспира, и видно, какіе вопросы и думы
занимали этотъ гениальный умъ; столько и
потому, что въ этомъ же монологѣ Гамлетъ
является уже сознающимъ свое безсиліе,
уже не оправдывающимъ его разными бла-
говидными предлогами; но горько оплаки-
вающимъ его...

Во *второмъ* явленіи *четвертаго* акта
Гамлетъ скрывается отъ нашего вниманія,
которое переводитъ на себя Офелія, но
какая и въ какомъ положеніи?... Но посмо-
трите на нее сами—вотъ она вбѣгаетъ къ
королевѣ.

Гдѣ, гдѣ она, прекрасная владычица?

Королева. Офелія! что, что съ тобою?

Офелія (*поетъ*).

Моего вы знали-ль друга?

Онъ былъ бравый молодецъ,

Въ бѣлыхъ перьяхъ, статный воинъ,

Первый Даніи боецъ.

Королева. Ахъ, бѣдная Офелія! что ты поешь?

Офелія. Что я пою? Послушайте, какая пѣсня—

Но далеко, за морями,
Въ страшной онъ лежить могилѣ;
Холмъ на немъ лежитъ тяжелый,
Ложе—хладная земля!

Королева. Милая Офелія...

Офелія. Да слушайте же пѣсню!

Бѣлымъ саваномъ обвили,
Гробъ усыпали цвѣтами,
И въ могилу опустили
Со слезами, со слезами.

Королева (*входящему королю*). Пожалѣйте о
бѣдняжкѣ, государь, посмотрите.

Король. Что ты, Офелія?

Офелія. А что я? Ничего. Покорно благодарю.
Знаете ли, что совушка была дѣвушка, а потомъ
стала сова? Ты знаешь, что ты теперь, а не знаешь,
чѣмъ ты будешь. Здравствуй! Добро пожаловать!

Король. Бѣдная! Она не можетъ забыть отца.

Офелія. Отца! Вотъ какой вздоръ—совѣмъ не
отца, а видите что: она пришла на самомъ раз-
свѣтѣ Валентинова дня и говоритъ:

Милый другъ, съ разсвѣтомъ яснымъ

Я пришла къ тебѣ тайкомъ.

Валентиномъ будь прекраснымъ,

Выглянь—здѣсь я, подъ окномъ!

Онъ поспѣшно одѣвался,

Тихо двери растворилъ,

Быть ей вѣрнымъ страшно клялся,

Обманулъ и—разлюбилъ.

Король. Полно, Офелія!

Офелія. Да, онъ ее обманулъ—это ничего; да
зачѣмъ онъ клялся? Грѣшно ему!

Плохо съ совѣстью людскою

Друга сердцемъ полюбить—

Онъ смѣется надо мною,

Чтѣ мнѣ дѣлать? какъ мнѣ быть?

Другу дѣвица сказала:

„Ты всѣ клятвы измѣнилъ—

Я тебя не забывала,

Ты за что меня забылъ?“

Другъ съ усмѣшкой отвѣчаетъ:

Клятвъ моихъ я не забылъ—

Развѣ дѣвица не знаетъ:

Я шутилъ—вѣдь я шутилъ!

Король. Давно ли съ ней это сдѣлалось?

Офелія. Все это будетъ ладно, повѣрьте—
только потерпите, а все мнѣ хочется плакать, какъ
подумаю, что его зарыли въ холодную землю.
Братъ все это узнаетъ, а васъ благодарю за со-
вѣтъ. Скорѣе карету! Доброй ночи, моя милая,
доброй ночи!..

Увы, буря сломила и измѣяла этотъ пре-
красный, благоухающій цвѣтокъ: онъ еще
отзывается прежнимъ ароматомъ, но жизни
въ немъ уже нѣтъ...

Является Лаертъ. Не успѣлъ онъ еще
вдоволь натѣшиться въ своемъ любезномъ
Парижѣ, какъ прилично образованному и
знатному молодому человѣку—и вотъ извѣ-
стіе о смерти отца призвало его въ Данію.
Подозрѣвая короля виновникомъ въ ужас-
номъ для него событіи, онъ собираетъ сво-
ихъ друзей и, съ шпагою въ рукѣ, требуетъ
у него своего отца, говоря, что „безславіе и
безчестіе будетъ его удѣломъ, если онъ
останется спокоенъ“. Король хитросплетен-
ными рѣчами слагаетъ вину на Гамлета и
обѣщаетъ Лаерту удовлетвореніе. Вдругъ
входитъ Офелія, странно убранная соломой
и цвѣтами—и Лаертомъ овладѣваетъ истин-

ная горестъ, уже не вслѣдствіе понятій о чести и приличіи.

Изсохни, мозгъ мой, лейтесь, мои слезы!
Сестра моя! твое безумство будетъ
Заплачено злодѣю—другъ, сестра,
Офелія! Да, лучше быть безумнымъ,
Когда намъ все, что было драгоценно,
Все измѣнило—счастье и любовь.

Офелія (*поетъ*).

Схоронили его съ непокрытымъ лицомъ,
Собирались они надъ могильнымъ холмомъ,
И горючія слезы кипѣли ручьемъ,
Какъ прощались они съ старикомъ.

Прощай, голубчикъ!

Лаертъ. Если бы въ полномъ умѣ ты побу-
ждала меня мстить—я менѣе былъ бы подвигнутъ
къ отищенію, нежели теперь—сестра несчастная!

Офелія. Вы пойте между тѣмъ „Долой, злодѣй!
на казнь, злодѣй“. Славная пѣсепка! Вы знаете?
Это о томъ нажѣ, который похитилъ дочь рыцаря.

Лаертъ. Ея безуміе лишаетъ меня ума!

Офелія (*перебирая цвѣты*). Вотъ розмаринъ,
это воспоминаніе. Душечка, миленькій! вспомни
обо мнѣ! А вотъ незабудка—не забудь меня!

Лаертъ. Память пережила умъ несчастной!

Офелія. Вотъ вамъ тминъ, вотъ ноготки, вотъ
рута, горькая травка—вамъ и мнѣ. Вы носите ее
только по праздникамъ—горе праздникъ человѣку.
Ахъ, вотъ и маргаритка—фіалокъ нѣтъ—извините—
все завяли, съ тѣхъ поръ, какъ отецъ мой умеръ.
Да не бойтесь, вѣдь онъ умеръ покойно—

Радость-душечка пропала,
Какъ мила друга не стало!

Лаертъ. Мечта и печаль, и страсть, и самое
безуміе въ ней очаровательны!

Офелія (*поетъ*).

Онъ не придетъ, онъ не придетъ,
Его мы больше не увидимъ.
Нѣтъ, умеръ онъ,
Похороненъ!
Его мы больше не увидимъ!

Вѣтъ вѣтеръ на могилѣ,

Гдѣ зарыли старика,

И три ивы, три березы посадили;

Онѣ плачутъ, какъ печаль моя, тоска.

Не плачьте, не плачьте, молитесь объ немъ.

Покой его, Боже мой! праведнымъ сномъ!

И души всѣхъ, кто умеръ... Молитесь за него—
и Богъ съ вами!

Король пользуется этою раздирающею
душу сценою, чтобы еще болѣе поджечь
Лаерта на мщеніе Гамлету. Вдругъ Гораціо
получаетъ два письма—одно къ себѣ, дру-
гое къ королю; и въ первомъ узнаетъ о его
возвращеніи. Король составляетъ планъ по-
губить Гамлета другимъ средствомъ. Онъ
объясняетъ Лаерту, что любовь королевы и
народа къ Гамлету дѣлаетъ невозможнымъ
мщеніе законами и что надо хитростью до-
стичь той же цѣли. Поджигши еще болѣе не-
нависть Лаерта къ Гамлету, предлагаетъ ему
вызвать Гамлета на поединокъ, но дружески,
какъ соперника въ искусствѣ биться на шпа-
гахъ, а между тѣмъ общаетъ шпагу Лаерта
обмочить смертельнымъ ядомъ. Разумѣется,
послѣдній отказывается отъ этого, какъ отъ
тайнаго убійства, несовмѣстнаго съ понятіемъ
о чести, но вдругъ приходитъ королева и
объявляетъ имъ о смерти Офеліи:

Тамъ, гдѣ, на воды ручья склоняясь, ива
Стоитъ и отражается въ водахъ,
Офелія плела вѣнки и пѣла.
Вѣнки свои ей вздумалось развѣсить
На ивѣ—гибкій обломился сукъ,
И въ воду, бѣдная, упала и въ водѣ,
Не чувствуя опасности и смерти,
Все пѣла и вѣнки свои плела.
Пока ея одежда не промокла,
И бѣдную не повлекло на дно...

Какой поэтичeskій и граціозный рассказы!
Какой поэтичeskій и умиляющій душу образъ
смерти! Офелія и умерла, какъ жила—пре-
красно, и смерть ея миритъ насъ съ жизнью,
а не бунтуетъ противъ нея, какъ у этихъ
мнимыхъ поборниковъ и послѣдователей
Шекспира, этихъ близорукихъ и микроско-
пическихъ геніевъ такъ называемой юной
литературы Франціи...

Первое явленіе пятаго акта происходитъ
на кладбищѣ—сцена ужасная! Двое мужиковъ
копаютъ могилу для Офеліи—и по-своему,
съ этимъ равнодушіемъ, которое дается при-
вычкою и невѣжествомъ, разсуждаютъ о ея
смерти. Входятъ Гамлетъ и Гораціо. Пер-
вый унылъ и грустенъ, какъ человѣкъ, безъ
интереса предпринявшій важную борьбу
и предвидящій ея роковое и неизбежное
для себя окончаніе. Мысль о смерти, о концѣ
и преходящности всего въ мірѣ овладѣваетъ
имъ. Зрѣлище кладбища усиливаетъ ее. Онъ
вступаетъ въ разговоръ съ могильщикомъ,
и грубые, но иногда ловкіе отвѣты послѣд-
няго дѣлаютъ этотъ разговоръ похожимъ
на стукъ молотка, которымъ заколачиваютъ
гробъ. „Не копай глупостей изъ могилы, прія-
тель“, говоритъ Гамлетъ могильщику. „О! я
не копаю, а закапываю ихъ“, отвѣчаетъ ему
могильщикъ, въ полной увѣренности, что онъ
очень забавно шутитъ, и нимало не подо-
зрѣвая, что отъ такой шутки мерзнетъ кровь
въ жилахъ... Могильщикъ выкапываетъ че-
репъ изъ могилы, бросаетъ его на полъ и
говоритъ Гамлету, что это черепъ Иорика..
„Бѣдный Иорикъ!“ восклицаетъ Гамлетъ и
говоритъ Гораціо о томъ, что этотъ Иорикъ
нашивалъ его на рукахъ, что онъ былъ
острякъ и забавникъ, а теперь у него не
осталось ни одной остроты, чтобы посмѣяться
надъ собственнымъ безобразіемъ. Потомъ пе-
реходитъ къ мысли, что прахъ Александра
Македонскаго и Цезаря теперь—глина, упо-
требленная на замазку стѣны въ хижинѣ
селянина.

Великолѣпный Цезарь нынѣ прахъ и тлѣнь.
И на поправку онъ истроченъ стѣнъ:
Живая глина землю потрясала,
А мертвая замазкой печь стала!

Вдругъ появляется похоронная процессія:
несутъ гробъ Офеліи, который провожаютъ
король, королева и нѣсколько придворныхъ.
Гамлетъ въ изумленіи; наконецъ, онъ узнаетъ

ужасную тайну и, на проклетія и стenanія Лаерта, отвѣчаетъ:

Кто хнычетъ тутъ? Кто смѣетъ плакать?

ЛАЕРТЬ.

Будь проклятъ ты, убійца!

ГАМЛЕТЬ.

Тише, тише!

Зачѣмъ за горло схватывать меня?

Бороться не тебѣ со мной, пріятель!

КОРОЛЬ.

Остановите ихъ!

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ, мой сынъ, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЬ.

Нѣтъ! я не уступлю ему, пока я живъ!

Онъ хочетъ удивить меня печалью—

Но я любилъ ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ

Любить не могутъ!

КОРОЛЕВА.

Онъ съ ума сошелъ.

ГАМЛЕТЬ.

Чего ты хочешь? Плакать, драться, умирать,

Быть съ ней въ одной могилѣ? Что за чудеса!

Да я на все готовъ, на все, на все—

Получше брата я ее любилъ...

Второе явленіе *пятого* дѣйствія происходитъ во дворцѣ, между Гамлетомъ и Гораціо.

ГАМЛЕТЬ.

Да, я ихъ обманулъ, Гораціо, я отвратилъ
погибель,

И обратилъ ее на голову злодѣевъ.

Безумцемъ притворяясь, было мнѣ легко

Похитить грамоты, ихъ прочитатъ, поддѣлать.

По счастью, у меня была печать

Отца покойнаго; печатью этой

Я запечаталъ—хочешь ли ты знать,

Что было въ грамотахъ?

ГОРАЦИО.

Принцъ, я желалъ бы...

ГАМЛЕТЬ.

Приказъ—казнить меня не медля! Не дивись,
Мой другъ! Въ подарокъ Розенкранцу съ

Гильденштерномъ,

Я написалъ взаимно ихъ казнить,

Едва они достигнутъ англійской земли.

Пусть они увидятъ, какъ опасно

Стать между двухъ мечей, когда свирѣпый

Бой начался межъ сильными людьми!

Видите ли: слова Гамлета, сказанныя имъ его матери: „Поѣдемъ, поглядимъ, кто похитрѣй кого взорветъ на воздухъ“, не были ни пустымъ хвастовствомъ, ни уловкою слабого человѣка, старавшагося обмануть самого себя; нѣтъ, этотъ *теоретическій* Гамлетъ перехитрилъ, провелъ за носъ, одурачилъ всѣхъ этихъ *практическихъ* людей, какъ замѣчаетъ Гизо. Нѣтъ, Гамлетъ не слабое, безсильное дитя, когда надо дѣйствовать свободно, по внутреннему побужденію, даже когда надо губить людей, если только бѣшенство противъ нихъ даетъ достаточно силы на ихъ погубленіе. Онъ только упрекаетъ себя въ томъ, что

у него нѣтъ столько бѣшенства противъ убійцы его отца, оболстителя его матери, хищника короны, сколько нужно бѣшенства для того, чтобы убійство показалось не долгомъ, не обязанностью, а удовлетвореніемъ душевной потребности, которое во всякомъ случаѣ должно быть, по крайней мѣрѣ, легко. Одна-кожъ, съ той минуты, когда онъ узналъ о злодѣйскомъ умыслѣ короля на собственную жизнь, его рѣшеніе кажется тверже, хотя онъ и попрежнему еще много говоритъ о немъ, что не совсѣмъ сообразно съ твердымъ рѣшеніемъ:

Съ нимъ рѣшено теперь—

Убійца моего отца, престола хищникъ,
И матери моей безчестный соблазнитель,
Коварно умышлявшій погубить меня,
Погибнуть долженъ—совѣсть мнѣ велитъ
Казнить злодѣя—преступленье будетъ
Его оставить на позоръ земли.

ГОРАЦИО.

Онъ скоро разгадаетъ хитрость вашу.

ГАМЛЕТЬ.

Онъ не успѣетъ разгадать—его минуты
Изотчены.—Но совѣстью теперь тревожусь я
За оскорбленіе Лаерта—я забылся,
Я долженъ былъ печаль его уважить—
Его судьба моей судьбѣ подобна...

Входитъ одинъ изъ придворныхъ, Осрикъ, и самымъ искуснымъ, самымъ придворнымъ образомъ предлагаетъ Гамлету, отъ имени короля, вызовъ Лаерта, и увѣдомляетъ его, что король держитъ за него, противъ Лаерта, шесть превосходныхъ коней, Лаертъ же, за себя, шесть драгоцѣнныхъ шпагъ и шесть кинжаловъ, а споръ состоитъ въ томъ со стороны короля, что изъ двѣнадцати разъ Лаертъ не дастъ Гамлету и трехъ ударовъ, а со стороны Лаерта, что онъ изъ девяти разъ дастъ Гамлету три удара. Вся эта сцена превосходна въ высшей степени: въ ней нѣтъ ничего придуманнаго, натянутого или изысканнаго для насильственной развязки, за неимѣніемъ естественной, какъ то часто бываетъ у обыкновенныхъ талантовъ. У Шекспира, напротивъ, развязка выходитъ необходимо изъ сущности дѣйствія и индивидуальности характеровъ, и все это просто, обыкновенно, естественно. Умѣнье и легкость, съ какими Осрикъ ведетъ довольно трудное дѣло, показываютъ, что Шекспиръ равно хорошо зналъ и царей, и придворныхъ, и могильщиковъ. Гамлетъ *грустно* издѣвается надъ придворною лстивостью Осрика; но онъ задумывается прежде, нежели даетъ свое согласіе на вызовъ и, по уходѣ ловкаго посла, говоритъ Гораціо о предчувствіи, которое его невольно смущаетъ: какая глубина и истина во всемъ этомъ!

Гораціо. Если душа ваша что-нибудь подсказываетъ, не презирайте этимъ увѣдомленіемъ души. Я пойду извѣститъ, что вы теперь не расположены.

Гамлетъ. Нѣтъ! это глупость. Презрѣмъ всякія предчувствія. Безъ воли провидѣнія и воробей не погибнетъ. Чему быть сегодня, того не будетъ потомъ. Чему быть потомъ, того не будетъ сегодня—не теперь тому быть, такъ послѣ. Быть всегда готову—вотъ все! Если никто не знаетъ того, что съ нимъ будетъ—оставимъ всему быть такъ, какъ ему быть назначено.

Изъ этихъ словъ видно, что Гамлетъ не только прекрасная, но и великая душа: тотъ великъ, кто такъ умѣетъ понимать міродержавный промыселъ и такъ умѣетъ ему покоряться, потому что только сила, а не слабость умѣютъ такъ понимать провидѣніе и такъ покоряться ему. Замѣьте изъ этого, что Гамлетъ уже не слабъ, что борьба его оканчивается: онъ уже не силится рѣшиться, но рѣшается въ самомъ дѣлѣ, и отъ этого у него нѣтъ уже бѣшенства, нѣтъ внутренняго раздора съ самимъ собою, осталась одна грусть, но въ этой грусти видно спокойствіе, какъ предвѣстникъ новаго и лучшаго спокойствія.

Гамлетъ дерется съ Лаертомъ и наноситъ ему ударъ; король пьетъ за здоровье Гамлета и предлагаетъ ему кубокъ, но онъ отказывается до окончанія боя и еще даетъ ударъ Лаерту. Королева пьетъ за здоровье Гамлета, и король, не успѣвши остановить ее, говоритъ про себя: „Она погибла—въ кубкѣ ядъ“. Этотъ кубокъ былъ приготовленъ для Гамлета: король очень хитеръ и остороженъ—въ случаѣ неудачи одной смерти, онъ приготовилъ Гамлету другую, но судьба издѣвается надъ жалкимъ слѣпцомъ и дѣлаетъ свое. Королева предлагаетъ Гамлету раздѣлить съ нею кубокъ; но судьба дѣлаетъ свое, и Гамлетъ снова отказывается до окончанія боя. Лаертъ даетъ ударъ Гамлету, который въ то же мгновеніе выбиваетъ его рапиру и бросаетъ свою. Лаертъ въ бѣшенствѣ схватываетъ гамлетову рапиру, а Гамлетъ подымаетъ его: судьба дѣлаетъ свое, а люди думаютъ, что они дѣлаютъ свое. Королева лишается чувствъ: ядъ начинается въ ней дѣйствовать.

ЛАЕРТЪ.

Что это? Я раненъ—

Гамлетъ моей рапирой бился—я погибъ!

(Смятеніе. Лаертъ едва держится на ногахъ).

ГАМЛЕТЪ.

Мать моя! ты испугалась за меня!

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ! ядъ,
Ядъ въ кубкѣ былъ—ядъ—о, мой милый сынъ!

(Умираетъ)

ГАМЛЕТЪ.

Злодѣйство! Заприте двери! Никого не выпускать, Искать злодѣя!

ЛАЕРТЪ (падаетъ).

Онъ передъ тобою,

Гамлетъ! Ты раненъ на смерть—

Ядъ въ твоей крови—я умираю за измѣну—
Рапира—была—отравлена—въ твоихъ рукахъ
Орудіе гибели обоихъ—
Тебя и королеву погубилъ—
Король—король...

ГАМЛЕТЪ.

Ядъ! на работу!

(Колетъ короля).

КОРОЛЬ.

Помогите!

ОСРІКЪ И ДРУГІЕ.

Измѣна!

ГАМЛЕТЪ.

Что—скажи: каковъ мой кубокъ,
Убійца, отравитель? Пей мою погибель!
(Король падаетъ и умираетъ).

ЛАЕРТЪ.

Онъ заслужилъ гибель—онъ насъ погубилъ!
Прости мнѣ, Гамлетъ, смерть твою, прости,
Какъ я тебѣ прощаю смерть отца!

(Умираетъ).

ГАМЛЕТЪ.

Усни спокойно!—Смерть! такъ вотъ она,
Гораціо?... А вы, свидѣтели злодѣйства,
Вы, блѣдные, трепещущіе люди!
Когда бы смерть языкъ мой не вязала,
Я вамъ сказалъ бы... Смерть неумолима!
Гораціо! ты оправдаешь предъ людьми меня...

ГОРАЦІО.

Нѣтъ! въ кубкѣ есть остатокъ—онъ мой!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, Гораціо, ты долженъ жить,
Ты долженъ оправдать Гамлета имя!
Ты имъ расскажешь страшныя дѣла,
Ты имя Гамлета спасешь отъ поношенія...
(Слышенъ маршъ).

А! это возвращенье Фортинбраса—
Судьба ему передаетъ вѣнецъ—
Гораціо! ты все ему расскажешь.

Входитъ Фортинбрасъ; Гораціо передаетъ ему завѣщаніе Гамлета и общаетъ объяснить тайну кроваваго зрѣлища. Фортинбрасъ велитъ вынести тѣло Гамлета; слышна унылая музыка.

Излагая содержаніе драмы, мы не имѣли гордаго намѣренія ввести читателя въ сферу Шекспира и показать этого великана поэзіи во всемъ блескѣ его поэтического величія. Подобное предпріятіе было бы неисполнимо. Посмотрите на чудный міръ божій: въ немъ все прекрасно и премудро: и червь, ползущій по травѣ; и левъ, оглашающій ревомъ африканскую степь и приводящій въ ужасъ все живое и дышащее; и вѣяніе зефира въ тихій майскій вечеръ; и ураганъ, воздымающій песчаную аравійскую пустыню; и свѣтлая рѣчка, отражающая въ своихъ струяхъ голубое небо; и безбрежный океанъ, поражающій душу человѣка чувствомъ безконечности; и капля росы, которая зыблется на цвѣткѣ; и лучезарная звѣзда, которая трепещетъ въ дальнемъ небѣ!... Вездѣ красота,

вездѣ величіе, вездѣ гармонія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вездѣ *ничто*, а не *все*. Взгляните на ночное небо: какимъ безчисленнымъ множествомъ свѣтилъ усыяно оно! Но что же!—это только частица, только уголокъ безпредѣльной вселенной, и за этимъ безчисленнымъ множествомъ звѣздъ, которое мы видимъ, находится ихъ безчисленное множество такихъ же безчисленныхъ множествъ, которыхъ мы не видимъ. Чтобы постигнуть безпредѣльность, красоту и гармонію созданія въ его цѣломъ, должно, отрѣшившись отъ всего частнаго и конечнаго, слиться съ вѣчнымъ духомъ, которымъ живетъ это тѣло безъ границъ пространства и времени, и ощутить, сознать себя въ немъ: только тогда исчезнетъ многообразие, уничтожится всякая частность, всякая конечность, и явится для просвѣтленнаго и свободнаго духа одно великое цѣлое... Всякое проявленіе духа, какъ извѣстная степень его сознанія, есть прекрасно и велико; но видимая вселенная, будучи безконечною, живетъ динамически и механически, сама не зная этого, и только въ человѣкѣ—этомъ отблескѣ Божества—духъ проявляется свободно и сознательно, и только въ немъ обрѣтаетъ онъ свою субъективную личность. Прошедши черезъ всю цѣпь органическаго обособленія и дошедши до человѣка, духъ начинаетъ развиваться въ человѣчествѣ, и каждый моментъ исторіи есть извѣстная степень его развитія, и каждый такой моментъ имѣетъ своего представителя. Шекспиръ былъ однимъ изъ этихъ представителей. Вселенная есть прототипъ его созданій, а его созданія суть повтореніе вселенной, но уже сознательнымъ и потому свободнымъ образомъ. Каждая драма Шекспира представляетъ собою цѣлый, отдѣльный міръ, имѣющій свой центръ, свое солнце, около котораго обращаются планеты съ ихъ спутниками. Но Шекспиръ не заключается въ одной которой-нибудь изъ своихъ драмъ, такъ же, какъ вселенная не заключается въ одной которой-нибудь изъ своихъ міровыхъ системъ; но цѣлый рядъ драмъ заключается въ себѣ Шекспира—слово символическое, значеніе и содержаніе котораго велико и безконечно, какъ вселенная. Чтобы разгадать вполнѣ значеніе этого слова, надо пройти черезъ всю галерею его созданій, эту оптическую галерею, въ которой отразился его великій духъ, и отразился въ необходимыхъ образахъ, какъ конкретное тождество идеи съ формою; *отразился*, говоримъ мы, потому что міръ, созданный Шекспиромъ, не есть ни случайный, ни особенный, но тотъ же, который мы видимъ и въ природѣ, и въ исторіи, и въ самихъ себѣ, но только какъ бы вновь воспроизведен-

ный свободною самодѣтельностью сознающего себя духа. Но и здѣсь еще не конецъ удовлетворительному изученію Шекспира: для этого мало, какъ сказали мы, пройти всю галерею его созданій, для этого надо сперва отыскать въ этомъ безконечномъ разнообразіи картинъ, образовъ, лицъ, характеровъ и положеній, въ этой борьбѣ, столкновеніи и гармоніи конечностей и частныхъ—надо найти во всемъ этомъ одно общее и цѣлое, гдѣ, какъ въ фокусѣ зажигательнаго стекла лучи солнца, сливаются всѣ частности, не теряя въ то же время своей индивидуальной дѣйствительности; словомъ, надо уловить въ этой игрѣ жизней дыханіе одной общей жизни—жизни духа: а этого невозможно сдѣлать иначе, какъ, опять-таки, совлекшись всего призрачнаго и случайнаго, возвыситься до созерцанія мірового и въ своемъ духѣ ощутить трепетаніе міровой жизни. Но и это будетъ только полное и совершенное самоощущеніе себя въ мірѣ Шекспировой поэзіи, но не полное и отчетливое сознаніе себя въ ней. Мы почитаемъ себя слишкомъ далекими даже отъ перваго акта сознанія: второй же предоставленъ той мірообъемлющей и послѣдней философіи нашего вѣка, которая, развернувшись, какъ величественное дерево, изъ одного зерна, покрыла собою и заключила въ себѣ, по свободной необходимости, всѣ моменты развитія духа, и не принимая въ себя ничего чуждаго, но живя собственной жизнью изъ своихъ же нѣдръ развитою, во всякомъ, даже конечномъ, развитіи видитъ развитіе абсолютнаго духа, конкретно слитаго съ явленіемъ, и къ которой Шекспиръ, вмѣстѣ съ Гёте, другимъ исполиномъ искусства, относится, какъ та же самая истина, но только другимъ путемъ и параллельно съ нею проявившаяся. Повторяемъ: не посвященные въ ея таинства и приподнявшіе только край завѣсы, скрывающей отъ глазъ конечности міръ безконечнаго, мы почтемъ себя счастливыми, если дадимъ чьей-нибудь дремлющей душѣ почувствовать, какъ прекрасенъ и чудесенъ этотъ дивный міръ, и возбудимъ въ ней стремленіе узнать его ближе, и въ этомъ знаніи найти свое высшее блаженство. И потому, при всемъ нашемъ нежеланіи и опасеніи впасть въ какое-нибудь субъективное мнѣніе, вмѣсто логическаго развитія объективной истины, мы все-таки боимся не высказать удовлетворительно даже и того, что мы хорошо чувствуемъ, и почтемъ себя счастливыми, ежели въ желаніи подѣлиться съ другими не многими, но прекрасными ощущеніями найдемъ свое оправданіе...

Итакъ, мы изложили содержаніе „Гамлета“ не для того, чтобы показать этимъ достоин-

ство этого глубокаго созданія, но для того, чтобы имѣть, такъ сказать, данныя для сужденія о немъ, чего нельзя иначе сдѣлать, какъ отдавъ отчетъ въ нашемъ понятіи о каждомъ или, по крайней мѣрѣ, о главныхъ характерахъ драмы. Разумѣется, *наше* о нихъ понятіе только въ такомъ случаѣ будетъ истинно, когда оно будетъ понятіемъ необходимымъ и въ сущности этихъ характеровъ заключающимся, потому что субъективное мнѣніе критика не есть истина и не имѣетъ ничего общаго съ критикой, вопреки тѣмъ господамъ, которые любятъ высказывать *свои мнѣнія* и отрицаютъ абсолютность изящнаго.

Говоря о характерѣ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ, намъ должно выставить на видъ эту дѣйствительность шекспировскихъ лицъ, эту конкретность выражающагося въ нихъ духа жизни съ проявленіемъ жизни. Каждое лицо Шекспира есть живой образъ, не имѣющій въ себѣ ничего отвлеченнаго, но какъ бы взятый цѣликомъ и безъ всякихъ поправокъ и передѣлокъ изъ повседневной дѣйствительности. Французы нѣкогда думали (да и теперь еще думаютъ то же, хотя и увѣряютъ въ противномъ), что *идеаль* есть собраніе воедино разсѣянныхъ по всей природѣ чертъ одной идеи; по этому прекрасному положенію, злодѣй долженствовалъ быть соединеніемъ всѣхъ злодѣйствъ, а добродѣтельный — всѣхъ добродѣтелей и, слѣдовательно, не имѣть никакой личности. Таковъ, на примѣръ, „Эней благочестивый“ Виргилія, это порожденіе вѣка гнилого и развратнаго, для котораго добродѣтель была мертвымъ абстрактомъ, а не живою дѣйствительностью. Шекспиръ есть совершенная противоположность этой жалкой теоріи, и потому-то французы даже и теперь еще не могутъ съ нимъ сродниться, хотя и воображаютъ себя его энтузіастами.

Гамлетъ представляет собою цѣлый отдѣльный міръ дѣйствительной жизни, и посмотрите, какъ просто, обыкновененъ и естествененъ этотъ міръ при всей своей необыкновенности и высоте. Но и самая исторія человечества не потому ли и высока и необыкновенна она, что проста, обыкновенна и естественна? Вотъ молодой человекъ, сынъ великаго царя, наслѣдникъ его престола, увлекаемый жаждою знанія, проживаетъ въ чуждой и скучной странѣ, которая ему не чужда и не скучна, потому что только въ ней находитъ онъ то, чего ищетъ — жизнь знанія, жизнь внутреннюю. Онъ отъ природы задумчивъ и склоненъ къ меланхоли, какъ всѣ люди, чьихъ жизнь заключается въ нихъ самихъ. Онъ пылокъ, какъ всѣ благородныя души; все злое возбуждаетъ въ немъ энергическое негодованіе,

все доброе дѣлаетъ его счастливымъ. Его любовь къ отцу доходитъ до обожанія, потому что онъ любитъ въ своемъ отцѣ не пустую форму безъ содержанія, но то прекрасное и великое, къ которому страстна его душа. У него есть друзья, его спутники къ прекрасной цѣли, но не собутыльники, не участники въ буйныхъ оргіяхъ. Наконецъ, онъ любитъ дѣвушку, и это чувство даетъ ему и вѣру въ жизнь и блаженство жизнью. Не знаемъ, былъ ли бы онъ великимъ государемъ, которому назначено составить эпоху въ жизни своего народа, но мы знаемъ, что счастливить все, зависящее отъ него, и давать ходъ всему доброму — значило бы для него *царствовать*. Но Гамлетъ, такой, какимъ мы его представляемъ, есть только соединеніе прекрасныхъ элементовъ, изъ которыхъ должно нѣкогда образоваться нѣчто опредѣленное и дѣйствительное; есть только *прекрасная душа*, но еще не дѣйствительный, не конкретный человекъ. Онъ пока доволенъ и счастливъ жизнью, потому что дѣйствительность еще не расходилась съ его мечтами; онъ еще не знаетъ того, что прекрасно только то, что есть, а не то, что бы должно быть по его личному, субъективному взгляду на вещи. Такое состояніе есть состояніе нравственнаго младенчества, за которымъ непременно должно послѣдовать распаденіе: это общая и неизбежная участь всѣхъ *порядочныхъ* людей; но выходъ изъ этого дисгармоническаго распаденія въ гармонію духа, путемъ внутренней борьбы и сознанія, есть участь только *лучшихъ* людей. И вотъ наша *прекрасная душа*, нашъ задумчивый мечтатель вдругъ получаетъ извѣстіе о смерти обожимаго отца. Грусть по немъ онъ почитаетъ священнымъ долгомъ для всѣхъ близкихъ къ царственному покойнику и что же? — онъ видитъ, что его мать, эта женщина, которую его отецъ любилъ такъ пламенно, такъ нѣжно, что „запрещалъ небеснымъ вѣтрамъ дуть ей въ лицо“, эта женщина не только не почла своею обязанностью душевнаго траура по мужу, но даже не почла за нужное надѣть на себя личины, уважить приличіе, и, забывъ стыдъ женщины, супруги, матери, отъ гроба мужа поспѣшила къ брачному алтарю, и съ кѣмъ? — съ роднымъ братомъ умершаго, съ своимъ деверемъ, и принесла ему въ приданое — престолъ государства! Тутъ Гамлетъ увидѣлъ, что мечты о жизни и самая жизнь совсѣмъ не одно и то же, что изъ двухъ одно должно быть ложно: и въ его глазахъ ложь осталась за жизнью, а не за его мечтами о жизни. Чтò-жъ стало съ нашею прекрасною душою, когда она отъ самой тѣни своего отца услышала и страшную повѣсть о братоубійствѣ, и намекъ о

страшных замогильных тайнах, и страшный завѣтъ о мщеніи? О, она прокляла все доброе и злое—прокляла жизнь! Его мать—женщина слабая, ничтожная, преступная,—и женщина погибла въ его понятіи. Онъ втопталъ въ грязь свое прекрасное чувство; онъ обременяетъ предметъ своей любви всею тяжестью позора и презрѣнія, которое заслуживаетъ въ его глазахъ женщина; онъ говоритъ Офеліи такія слова, какихъ женщина не должна ни отъ кого слышать, а тѣмъ меньше отъ того, кого любитъ; онъ дѣлаетъ ей такія оскорбленія, за которыя отъ женщины нѣтъ прощенія мужчинѣ, какъ бы ни любила она его. Вѣра была жизнью Гамлета и эта вѣра убита или, по крайней мѣрѣ, сильно поколеблена въ немъ—и отчего же?—оттого, что онъ увидѣлъ міръ и человѣка не такими, какими бы онъ хотѣлъ ихъ видѣть, но увидѣлъ ихъ такими, каковы они суть въ самомъ дѣлѣ. Любовь была его второю жизнью, и онъ отрекается отъ нея, потому что презираетъ женщину—почему же?—потому, что его мать заслуживаетъ презрѣніе, какъ будто недостойнство его матери уничтожаетъ достоинство женщины вообще. Присовокупите къ этому, что Гамлетъ нисколько не отдѣляетъ своего царственного достоинства отъ своего человѣческаго достоинства, что не поклонничества, но любви и сочувствія требуетъ онъ отъ людей, а между тѣмъ видитъ въ нихъ только раболопныхъ придворныхъ, которые спекулируютъ своимъ подданничествомъ,—и вамъ будетъ еще понятнѣе это разочарованіе. Но потерять вѣру въ людей, вслѣдствіе какого-нибудь горькаго опыта, еще не значитъ потерять все и потерять безвозвратно: такая потеря кажется потерей только вслѣдствіе мгновеннаго ожесточенія, которое можетъ продолжаться болѣе или менѣе, но не можетъ быть всегдашнимъ достояніемъ великой души; но потерять вѣру въ самого себя, увидѣть свои убѣжденія въ совершенномъ разладѣ съ своею жизнью—это потеря, и потеря ужасная. Таково было состояніе Гамлета. Онъ узналъ о гибели отца изъ устъ тѣни этого самаго отца, онъ выслушалъ отъ него завѣтъ мести, онъ убѣжденъ, что эта месть его священный долгъ; въ первомъ порывѣ взволнованнаго чувства онъ клянется и небомъ и землею летѣть на мщеніе, какъ на свиданіе любви—и вслѣдъ за этимъ сознаетъ свое безсиліе выполнить и долгъ, и клятву... Отчего въ немъ это безсиліе?—оттого ли, что онъ рожденъ любить людей и дѣлать ихъ счастливыми, а не карать и губить ихъ, или, въ самомъ дѣлѣ, отъ недостатка этой силы духа, которая умѣетъ соединить въ себѣ любовь съ ненавистью и изъ однихъ и тѣхъ же устъ изрекать людямъ и

слова милости и счастья, и слова гнѣва и кары; повторяемъ: какъ бы то ни было, но мы видимъ *слабость*. Однако, эта слабость должна же имѣть какой-нибудь смыслъ, если она избрана такимъ великимъ гениемъ, каковъ Шекспиръ, основною идеею одного изъ лучшихъ его созданій, и если она такъ сильно, такъ мощно останавливается на себѣ мысль человѣка?—Объективность не можетъ быть единственнымъ достоинствомъ художественнаго произведенія: тутъ нужна еще и глубокая мысль. Слабость человѣка не есть понятіе отвлеченное, но въ то же время и не въ ней заключается жизнь духа, проявляющаяся въ человѣкѣ, и, слѣдовательно, не она должна быть предметомъ творческой дѣятельности мірового, абсолютнаго гения. Не забудьте, что Гамлетъ есть главное лицо драмы, въ которомъ выражена ея основная мысль, и на которомъ, поэтому, сосредоточенъ ея интересъ. И что за особенное наслажденіе смотрѣть на зрѣлище человѣческой слабости и ничтожества? И гдѣ же, въ такомъ случаѣ, былъ бы абсолютный взглядъ Шекспира на жизнь? И почему бы эта пьеса возбуждала въ душѣ читателя или зрителя такое спокойное, примирительное и глубокое чувство? Напротивъ, въ такомъ случаѣ она должна-бы была возбуждать въ немъ чувство отчаянія, отвращенія къ жизни, какъ эти чудовищныя произведенія *духовно-маломысленныхъ* гениевъ юной французской литературы. Нѣтъ, это не то! Гамлетъ выражаетъ собою слабость духа—правда; но надо знать, что значитъ эта слабость. Она есть распадѣніе, переходъ изъ младенческой, безсознательной *гармоніи* и *самонаслажденія* духа въ дисгармонію и борьбу, которыя суть необходимое условіе для перехода въ *мужественную* и *сознательную* гармонію и самонаслажденіе духа. Въ жизни духа нѣтъ ничего противорѣчащаго, и потому дисгармонія и борьба суть вмѣстѣ и ручательства за выходъ изъ нихъ: иначе человѣкъ былъ бы слишкомъ жалкимъ существомъ. И чѣмъ человѣкъ выше духомъ, тѣмъ ужаснѣе бываетъ его распадѣніе, и тѣмъ торжественнѣе бываетъ его побѣда надъ своею конечностью, и тѣмъ глубже и святѣе его блаженство. Вотъ значеніе гамлетової слабости. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите: что привело его въ такую ужасную дисгармонію, ввергло въ такую мучительную борьбу съ самимъ собою?—*несообразность дѣйствительности съ его идеаломъ жизни*, вотъ что. Изъ этого вышла и его слабость и нерѣшительность, какъ необходимое слѣдствіе дисгармоніи. Потомъ, посмотрите: что возвратило ему гармонію духа?—очень простое убѣжденіе, что „быть всегда готову—вотъ все“. Вслѣдствіе этого убѣжденія онъ нашелъ въ себѣ и силу и рѣшительность:

смерть дяди была рѣшена имъ, и онъ убилъ бы его, если бы новыя злодѣйства послѣдняго снова не возмутили и не взволновали на минуту его души. Онъ *прощаетъ* Лаерту свою смерть и говоритъ: „Смерть! такъ вотъ она, Гораціо“; потомъ, завѣщавши своему другу открытіемъ истинны спасти его имя отъ поношенія, умираетъ, и мысль о его смерти сливается для зрителя съ звуками унылой музыки, душа, просвѣтленная созерцаніемъ абсолютной жизни, невольно передается грусти, но эта грусть спокойна и торжественна, потому что душа зрителя уже не видитъ въ жизни ничего случайнаго, ничего произвольнаго, но одно необходимое, и примиряется съ дѣйствительностью.

Итакъ, вотъ идея Гамлета: *слабость воли, но только вслѣдствіе распадена, а не по его природѣ*. Отъ природы Гамлетъ человѣкъ сильный: его желчная иронія, его мгновенныя вспышки, его страстныя выходки въ разговорѣ съ матерью, гордое презрѣніе и нескрываема ненависть къ дядѣ — все это свидѣлствуетъ объ энергіи и великости души. Онъ великъ и силенъ въ своей слабости, потому что сильный духомъ человѣкъ и въ самомъ паденіи выше слабаго человѣка въ самомъ его возстаніи. Эта идея столько же проста, сколько и глубока, а это и старались мы показать. Въ изложеніи содержанія драмы наши читатели уже видѣли выполненіе этой идеи, видѣли всѣ оттѣнки, переходы, волненія и колебанія души Гамлета, подслушали и подсмотрѣли его сокровенныя движенія и мысли и поняли ихъ лучше, нежели онъ самъ понималъ ихъ: поэтому, намъ уже не нужно болѣе говорить о простотѣ, естественности и этой дѣйствительности, которою отличается вся роль Гамлета и которою проникнуты каждое его слово, каждое его положеніе. Впрочемъ, мы скоро перейдемъ къ игрѣ Мочалова, который растолковалъ намъ Гамлета своею неподражаемою игрою: подробный отчетъ о его игрѣ новыми чертами дополнить наше изображеніе Гамлета. Теперь же перейдемъ къ другимъ лицамъ, составляющимъ цѣлое драмы.

Офелія занимаетъ въ драмѣ второе лицо послѣ Гамлета. Это одно изъ тѣхъ созданій Шекспира, въ которыхъ простота, естественность и дѣйствительность сливаются въ одинъ прекрасный, живой и типическій образъ. Сверхъ того, это лицо женское, а кто хочетъ знать женщину, какъ конкретную идею, какъ существо, опредѣляемое самою ея жизнью, тотъ долженъ видѣть ее въ изображеніяхъ Шекспира. Офелія есть одно изъ лучшихъ его изображеній. Представьте себѣ существо кроткое, гармоническое, любящее, въ прекрасномъ образѣ женщины; существо, которое совершенно чуждо всякой

сильно потрясающей страсти, но которое создано для чувства тихаго, спокойнаго, но глубокаго; существо, которое не способно вынести бурю бѣдствія, которое умретъ отъ любви отверженной или, что еще скорѣе, отъ любви сперва раздѣленной, а послѣ презрѣнной, но которое умретъ не съ отчаяніемъ въ душѣ, а угаснетъ тихо, съ улыбкою и благословеніемъ на устахъ, съ молитвою за того, кто погубилъ его; угаснетъ, какъ угасаетъ заря на небѣ въ благоухающій майскій вечеръ: вотъ вамъ Офелія. Это не Дездемона, которая, будучи существомъ столь же женственнымъ и слабымъ, сильна въ своей женственной слабости; это не юная, прекрасная и обольстительная Дездемона, которая умѣла отдаться своей любви вполне, навсегда, безъ раздѣла, и въ старомъ и безобразномъ маврѣ умѣла полюбить *великаго* Отелло; не Дездемона, для которой любовь сдѣлалась чувствомъ высшимъ, поглотившимъ въ себѣ всѣ другія чувства, всѣ другія склонности и привязанности; не Дездемона, которая на слова своего престарѣлаго и нѣжно ею любимаго отца — „выбирай между мною и имъ“ — при цѣломъ сенатѣ Венеціи сказала твердо, что она любитъ отца, но что мужъ для нея дороже, и что она хочетъ подражать своей матери, повинаясь мужу болѣе, нежели отцу; которая, наконецъ, умирая, невинно задушенная когтями африканскаго тигра, сама себя обвиняетъ, предъ Эмилиєю, въ своей смерти, и проситъ ее оправдать передъ супругомъ. Нѣтъ, не такова Офелія: она любитъ Гамлета, но въ то же время любитъ и отца, и брата, и все, что къ ней близко, и для ея счастья недостаточно жизни въ одномъ Гамлетѣ: ей нужна еще жизнь и въ отцѣ и въ братѣ. Она любитъ Гамлета, любить истинно и глубоко, запираетъ въ сердцѣ благоразумные совѣты брата и ключъ отдаетъ ему; передаетъ отцу письма и подарки Гамлета и, однимъ словомъ, ведетъ себя какъ нельзя аккуратнѣе. А какъ она любитъ своего отца? такъ, просто — какъ отца; чтобы любить его, ей не нужно знать его хорошихъ, человѣческихъ сторонъ, — ей нужно только не знать его пошлыхъ сторонъ, да если бы она и ихъ замѣтила, то стала бы плакать объ немъ, но не перестала бы любить его. Такъ же она любитъ и своего брата. Простодушная и чистая, она не подозреваетъ въ мірѣ зла и видитъ добро во всемъ и вездѣ, даже тамъ, гдѣ его нѣтъ. Ей нѣтъ нужды до Полонія и Лаерта, какъ до людей: она ихъ знаетъ и любитъ — одного, какъ отца, другого — какъ брата. Въ сарказмахъ Гамлета, обращенныхъ къ ней, она не подозреваетъ ни измѣны, ни охлажденія, а видитъ сумасшествіе, болѣзнь и

горюетъ молча. Но когда она увидѣла окровавленный трупъ своего отца и узнала, что его смерть есть дѣло человѣка, такъ нѣжно ею любимаго—она не могла снести тяжести этого двойного несчастія, и ея страданіе разрѣшилось сумасшествіемъ... И вотъ въ головѣ ея смутно мелькаютъ двѣ мысли: то о какомъ-то старикѣ, который былъ

Съ бѣлой, какъ снѣгъ, бородой,
Съ волосами, какъ чесаный ленъ,

и который

Во гробѣ лежалъ съ непокрытымъ лицомъ,
Съ непокрытымъ, съ открытымъ лицомъ ¹⁾;

то о какой-то дѣвушкѣ, обманутой своимъ любезнымъ...

Что за люди на свѣтѣ, Пречистая мать!
Какъ въ нихъ совѣсти много святой!
Положись на мужчинъ: они всѣ, какъ одинъ!
Пусть имъ будетъ Господь судіей! ²⁾

Вотъ она является въ своемъ горестномъ и все-таки граціозномъ безуміи и поетъ пѣсню о миломъ другѣ, который насмѣялся надъ ея любовью; потомъ она выходитъ, убранная цвѣтами и соломой, какъ будто для встрѣчи своего милаго, и поетъ пѣсню, въ которой поэзія смѣшана съ непристойностями, не подозревая ея оскорбительнаго смысла... Нѣтъ, Гамлетъ, послѣ страшной тайны, задавившей его душу, могъ бы сказать этой чистой, гармонической душѣ:

Взгляни, мой другъ: по небу голубому,
Какъ легкій дымъ, несутся облака:
Такъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
Его, какъ тѣнь, касаясь слегка.
О, милый другъ, твои молодые годы
Прекрасный цвѣтъ души твоей спасутъ:
Оставь же мнѣ и громъ и непогоды—
Они твое блаженство унесутъ.
Прости, забудь, не требуй объясненій:
Тебѣ судьбы моей не раздѣлить.
Ты рождена для тихихъ упоеній,
Для слезъ любви, для счастья любить! ³⁾

Мы предположили Гамлета, говорящимъ Офеліи эти стихи, для того, чтобы этимъ окончательно очертить характеръ Офеліи такъ, какъ мы его понимаемъ; а мы понимаемъ его столько же дѣйствительнымъ (слово *возможный* не выразило бы нашей мысли), сколько и прекраснымъ. Это существо столько же не выдуманное поэтомъ, сколько и не списанное съ натуры, но созданное такъ конкретно, какъ можетъ творить только одна природа. И если въ дѣй-

ствительной жизни мы не встрѣтимъ Офеліи, то потому, что одно и то же явленіе не повторяется дважды; а совсѣмъ не потому, чтобы это созданіе принадлежало къ міру идеальному. Прекрасное одно, но оно многообразно до безконечности въ своихъ проявленіяхъ. Сверхъ того, какъ все необыкновенное и великое, оно рѣдко, и для того, чтобы видѣть его, надо имѣть глаза, одаренные ясновидѣніемъ прекраснаго...

Отъ Гамлета и Офеліи, какъ самыхъ важныхъ лицъ въ драмѣ и представителей высшаго міра, перейдемъ къ Лаерту, какъ представителю міра средняго, а отъ него къ Полонію, королю и королевѣ, какъ представителямъ міра низшаго. Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы у Шекспира были подобныя дѣленія міровъ—для него существовалъ одинъ міръ—прекрасный божій міръ, въ которомъ добро и зло существуетъ только для индивидовъ, находящихся еще въ состояніи конечности, но въ которомъ собственно нѣтъ ни добра, ни зла, какъ понятій относительныхъ и одно другое условливающихъ, а есть жизнь духа, вѣчнаго и истиннаго. Въ его драмѣ драма заключается не въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ, а въ игрѣ взаимныхъ отношеній и интересовъ всѣхъ лицъ драмы, отношеній и интересовъ, вытекающихъ изъ его личности. Главное лицо въ его драмѣ только сосредоточиваетъ на себѣ ея интересъ, но не заключаетъ въ себѣ ея. Такъ это есть и въ исторіи: исторія эпохи, отмѣченной именемъ Наполеона, не есть исторія одного человѣка, но цѣлаго народа въ извѣстную эпоху.

Лаертъ—это, какъ говорится, малый добрый, но пустой. Онъ не глупъ, но и не уменъ; не золъ, но и не добръ: это какое-то отрицательное понятіе. Какъ всѣ молодые люди, онъ пылокъ, но эта пылкость устремлена на мелочи. Изъ Парижа пріѣхалъ онъ въ Данію на коронацію, и по окончаніи ея опять просится въ Парижъ, а зачѣмъ? Да такъ—*кутить*, т.-е. за тѣмъ, за чѣмъ и теперь ѣздятъ туда веселые люди, которые Парижемъ ограничиваютъ свои путешествія, и только потому заглядываютъ въ скучную для нихъ Германію, что черезъ нея нельзя же перепрыгнуть въ шумную столицу наслажденій. Лаертъ любилъ отца, но какъ?—не больше, какъ добраго, снисходительнаго отца, который, не отказываясь отъ своей отеческой власти, не мѣшалъ ему веселиться вволю, вслѣдствіе общности своихъ понятій о *веселіи* съ сыновними. Онъ любилъ Офелію, но уже не по одной привычкѣ, но и не потому, чтобы могъ оцѣнить ее. Онъ чувствовалъ, что могъ гордиться своею сестрою, но не понималъ, что въ ней

¹⁾ Бѣлинскій всегда восхищался этимъ двуступенчатымъ и повтореніемъ словъ „съ непокрытымъ, съ открытымъ“, не подозревая, что этого нѣтъ у Шекспира, и что это тоже прибавленіе Полевого. См. выше, прим. на стр. 376, а также т. II, стр. 8.

²⁾ Изъ перевода г. Вронченко.

Прим. Бѣлинскаго.

³⁾ Стихотвореніе г. Красова.

Прим. Бѣлинскаго.

именно хорошаго. Смерть отца поразила его особенно тѣмъ образомъ, какимъ она случилась, и еще тѣмъ, что его отецъ похороненъ просто, какъ человѣкъ частный, а не съ аристократическою пышностью. Смерть сестры подѣйствовала на него иначе, потому что у него точно было доброе сердце. По слабости характера позволилъ онъ королю сдѣлать изъ себя орудіе убійства, по добротѣ души и притомъ видя себя наказаннымъ за свою продѣлку, онъ просилъ у Гамлета прощенія и открылъ ему все, прежде нежели умеръ. Однимъ словомъ, это былъ *добрый малый*, но больше ничего.

Теперь обратимся къ Полонію. Это уже не отрицательное, но положительное, хотя и гадкое понятіе. И не мудрено: Полоній такъ много жилъ на свѣтѣ, что имѣлъ время опредѣлиться вполнѣ, тогда какъ Лаертъ былъ еще слишкомъ молодъ для этого. Что же такое этотъ Полоній? — да просто — *добрый малый* — *bon vivant*, какъ говорятъ французы. Смолоду онъ былъ шалунъ, вѣтреникъ, повѣса; потомъ, какъ водится, перебѣсился, остепенился и сталъ

Старикъ, по старому шутившій —
Отмѣнно ловко¹⁾ и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшво.

Полоній человѣкъ способный къ администраціи, или, что гораздо вѣрнѣе, умѣющій казаться способнымъ къ ней. Сверхъ того, онъ умѣетъ развеселить своего государя острымъ словечкомъ, даже говоря съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ. Также онъ любитъ кстати и *тряхнуть стариною*, какъ говоритъ русская поговорка, т.-е. представить изъ себя грѣшнаго старичка. Не говоря уже о его собственныхъ намекахъ на этотъ предметъ, вспомните, что сказалъ о немъ Гамлетъ актеру: „Продолжай, другъ мой! онъ засыпаетъ, если не слышитъ шутокъ или непристойностей“²⁾. Но этимъ еще не ограничиваются дарованія Полонія: онъ еще одинъ изъ тѣхъ придворныхъ, которыхъ Гамлетъ называетъ *зубкою*. Словомъ, Полоній — добрый малый, умный и опытный человѣкъ. Вспомните только, какіе прекрасные совѣты даетъ онъ своему сыну, отпуская его во Францію: онъ даже совѣтуетъ ему, „подружившись, быть вѣрнымъ въ дружбѣ“: онъ знаетъ, что знатному человѣку, сыну вельможи, *полезно* быть вѣрнымъ въ дружбѣ, такъ же, какъ и быть вѣрнымъ въ своемъ словѣ, потому что сынъ придворнаго не то, что простой человѣкъ, который не знаетъ *примчій и хорошаго тона*. О, По-

лоній столько же нѣжный отецъ, сколько и умный, опытный человѣкъ, глубоко изучившій трудную науку жизни! Онъ очень хорошо знаетъ, что въ жизни есть богатство, почести, знатность, вкусный столъ, мягкая постель, спокойный сонъ, волокитство, обольщеніе, но не знаетъ, что въ этой же самой жизни есть нѣчто выше всего этого — есть жизнь въ истинѣ и духѣ, дающая человѣку такое сокровище, котораго ни ржа источить, ни воръ похитить не можетъ; есть любовь двухъ душъ, которая, уничтожая отдѣльное существованіе человѣка въ другомъ, создаетъ ему новое и преображенное бытіе; наконецъ, есть мщеніе за поруганное добро, за убитаго предательски отца... Да, бѣдный Полоній не знаетъ всего этого; впрочемъ, онъ былъ добрый малый.

Король и королева такъ же благоразумны, какъ и Полоній; какъ и онъ, они видятъ въ жизни только богатство, почести и власть, а больше ничего. Ни одного изъ нихъ нельзя назвать злодѣемъ. Королева просто слабая женщина. Она любила искренно своего покойнаго мужа и была истинно счастлива его любовью. Только ея любовь имѣла *свой* характеръ, потому что любовь одна, но она характеризуется степенью нравственнаго развитія и силою души человѣка. Поэтому, и ея проявленія различны; поэтому, есть люди, которые могутъ любить только одинъ разъ въ жизни и, лишась предмета любви своей, умираютъ для всякаго другого подобнаго чувства; и потому же самому есть люди, которые могутъ любить два, три и болѣе разъ въ жизни, и ихъ любовь такъ же истинна по своей сущности, какъ и любовь тѣхъ сильныхъ и глубокихъ душъ, которыя могутъ любить только однажды въ жизни; разница въ характерѣ и степени любви: у однихъ она принимаетъ характеръ всеобщій, міровой; у другихъ — характеръ частности и большей или меньшей, смотря по силѣ духа и степени развитія субъекта, ограниченности. Итакъ, королева еще при жизни своего мужа полюбила его брата за то, что онъ моложе и румянѣ лицомъ: это слабость, но не злодѣйство. Увлеченная своимъ обольстителемъ, она не знала и даже не подозрѣвала ужасной тайны братоубійства. Она искренно, матерински любитъ своего сына, любитъ его потому только, что она родила его, что онъ ея сынъ, а совѣмъ не потому, чтобы она видѣла въ немъ проблески чело-вѣческаго достоинства. Какъ бы то ни было, только она любитъ своего сына, и любитъ его искренно. Его печаль, которой она не подозрѣваетъ причины, тяжело легла на ея сердце. Въ *первомъ* явленіи *второго* дѣйствія, когда Полоній хлопочетъ устроить встрѣчу Гамлета съ своею дочерью, коро-

¹⁾ У Пушкина — „тонко“ („Евг. Он.“, VIII, 24).

²⁾ Въ переводѣ Полевого этой фразы нѣтъ; Бѣлинскій взялъ ее изъ перевода Вронченко.

лева, увидѣвъ вдали Гамлета, идущаго съ книгою въ рукахъ, говорить:

Посмотрите: вотъ онъ идетъ, читаетъ что-то —
какъ умиль!

Въ послѣднемъ явленіи послѣдняго акта, во время дуэли Гамлета съ Лаертомъ, она всѣми силами старается показать ему свое участіе: говорить ему ласковыя слова и пьетъ за его здоровье. И самъ Гамлетъ искренно любить свою мать, хотя и понимаетъ ея ничтожество, и это-то, замѣтимъ мимоходомъ, было еще одною изъ причинъ его слабости.

„Мать моя, ты испугалась за меня!“—говоритъ онъ ей послѣ роковой дуэли, и въ его словахъ отзывается такъ много любви и нѣжности, несмотря на то, что это слова человѣка умирающаго, вѣроломно отравленнаго и идущаго на страшный и послѣдній расчетъ съ своимъ жесточайшимъ врагомъ...

Итакъ, королева не злодѣйка, и даже не столько преступная, сколько слабая женщина. Она любитъ сына, отъ всей души желаетъ ему всякаго счастья, и соединеніе его съ Офеліею есть ея любимѣйшая мечта, а для себя она проситъ только пощады, снисхожденія, только того, чтобы смотрѣли сквозь пальцы на ея проступокъ, изъ котораго былъ только одинъ выходъ—разорвать преступную связь, чего она не въ силахъ была сдѣлать.

Король тоже не злодѣй, но только слабый человѣкъ, а если и злодѣй, то по слабости характера, а не по ожесточенію сильной души. Онъ даже очень добрый человѣкъ: онъ отъ души желаетъ счастья всѣмъ и каждому; онъ дастъ вамъ денегъ, если вы бѣдны, онъ похлопочетъ о вашей свадьбѣ, если вы влюблены; онъ любитъ даже Гамлета и былъ бы имъ счастливъ, какъ добрый отецъ милымъ сыномъ, своею сладкою надеждою. Впрочемъ, у него не можетъ быть ни сильныхъ привязанностей, ни сильныхъ ненавистей, почему отличительная черта его характера, какъ всѣхъ пошлыхъ людей, есть безразличная доброта. Посмотрите на Яго: вотъ *злодѣй* въ истинномъ смыслѣ этого слова, злодѣй-художникъ, который веселится всякимъ своимъ ужаснымъ дѣломъ, какъ художникъ веселится своимъ произведеніемъ. Онъ понимаетъ всѣ изгибы душъ благородныхъ, и обязанъ этимъ не близорукому опыту, но своему внутреннему созерцанію, вслѣдствіе котораго онъ умѣетъ себя ставить во всякое человѣческое положеніе. Въ немъ были всѣ элементы добраго, но не было силы развить ихъ; для него была эпоха распаденья, борьбы, и въ этой борьбѣ онъ палъ, побѣжденный своимъ эгоизмомъ. Онъ понимаетъ, глубоко понимаетъ блаженство добра

и, видя, что оно не для него, онъ мститъ за всякое превосходство надъ собою, какъ за личную обиду. Это человѣкъ конечный, но съ сильною душою. И потому, когда всѣ его злодѣйства выходятъ наружу, и когда Отелло и другіе спрашиваютъ его о причинахъ такихъ злодѣйствъ,—онъ отвѣчалъ имъ спокойно, въ своемъ сатанинскомъ величіи: „Я сдѣлалъ свое; вы знаете, что знаете; больше я ничего не скажу“. Нѣтъ, не таковъ Клавдій: онъ сдѣлалъ злодѣйство не по убѣжденію, сдѣлалъ его рукою трепещущею, съ лицомъ блѣднымъ и отвращеннымъ отъ своей жертвы, отъ которой убѣждалъ, не удостовѣрившись въ ея гибели, чтобы скрыться и отъ людей и отъ самого себя. Онъ не отбилъ корону брата, какъ разбойникъ, но укралъ ее, какъ воръ. И чѣмъ она, эта корона, такъ прельстила его? Не мыслю объ этой царственной дѣятельности, въ которой привольно жить душѣ сильной; не потребностью осуществлять на дѣлѣ внутренній міръ своихъ помысловъ; нѣтъ: она прельстила его блескомъ своего золота, своихъ каменьевъ, своею фигурою, прельстила его, какъ игрушка прельщаетъ дитя. Онъ любитъ поѣсть и попить, но не просто, а такъ, чтобы каждый глотокъ его сопровождался звуками трубъ; онъ любитъ пиры, но такъ, чтобы быть героемъ ихъ; онъ любитъ не рабство, но лъстивыя рѣчи, низкіе поклоны, знаки глубокаго и благоговѣйнаго уваженія, какъ любятъ ихъ всѣ выскочки. Присовокупите къ этому еще и его любовь къ женѣ своего брата: каково бы ни было это чувство, но если оно не просвѣтлено, оно мучительно и для удовлетворенія себя заставляетъ человѣка быть неразборчивымъ на средства. Душа истинно благородная умѣетъ желать сильно и мучительно, но умѣетъ и оставаться при одномъ желаніи, если удовлетвореніе его сопряжено съ преступленіемъ, потому что истинно благородная душа въ самой себѣ находитъ и отпоръ или противодѣйствіе своему желанію, и вознагражденіе за неудовлетвореніе своего желанія. Не таковъ Клавдій: у него въ душѣ было пусто—и онъ сдался на голосъ своего желанія, а славшись, сдѣлался мученикомъ. Онъ хочетъ быть добрымъ, справедливымъ, и точно добръ и справедливъ, но только до тѣхъ поръ, пока пиры, почести и королева оставляются за нимъ безспорно; но какъ скоро Гамлетъ намекнулъ ему о незаконности его владѣнія и тѣмъ и другимъ, онъ тотчасъ увидѣлъ, что ему невозможно ограничиться однимъ злодѣйствомъ, и что кто разъ пошелъ по этой дорогѣ, тотъ или погибай, или не останавливайся. Но онъ не понялъ, что какъ ни велика наша мудрость, но она не можетъ измѣнить, по своей волѣ,

порядка событій и обратить ихъ въ нашу пользу, и что въ этомъ отношеніи есть нѣчто такое, что смѣется надъ нашею мудростью и обращаетъ ее въ глупость, на нашу же погибель.

Кромѣ этихъ лицъ, особенно примѣчательно лицо Гораціо: это добрый малый, который любитъ добро по инстинкту, не разсуждая объ немъ; человѣкъ честный и откровенный. Онъ любитъ Гамлета, какъ добраго, благороднаго человѣка, но и не подозрѣваетъ въ немъ великой души, осужденной на адскую борьбу съ самой собою. Поэтому, Гамлетъ дѣлится съ нимъ своею внутреннею жизнью не больше, какъ столько, сколько она доступна для добраго Гораціо, и открываетъ ему свои тайны больше по необходимости, нежели по чувству дружбы. Такіе люди, какъ Гамлетъ, безсознательно умѣютъ понимать cadaго на своемъ мѣстѣ и, вслѣдствіе этого, съ каждымъ опредѣлить свои отношенія.

Я за то тебя люблю,
Что ты терпѣть умѣешь. Въ счастья,
Въ несчастья равенъ ты, Гораціо.

Такъ говоритъ ему Гамлетъ, и въ этихъ словахъ заключается полная характеристика Гораціо и объясненіе взаимныхъ отношеній другъ къ другу этихъ двухъ лицъ.

О прочихъ лицахъ драмы мы не будемъ говорить, не потому, чтобы каждое изъ нихъ не было ни конкретнымъ, ни дѣйствительнымъ, ни необходимымъ для цѣлости драмы, но потому, что наша статья и безъ того сдѣлалась слишкомъ длинна; сверхъ того, говоря о характерахъ лицъ, мы имѣли въ виду показать простоту, естественность и дѣйствительность содержанія и хода драмы, образующей собою цѣлый, отдѣльный міръ дѣйствительной жизни. Не знаемъ, успѣли ли мы въ этомъ, но почитаемъ необходимымъ прибавить ко всему сказанному нами на этотъ предметъ, что во всѣхъ драмахъ Шекспира есть одинъ герой, имени котораго онъ не выставляетъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, но котораго присутствіе и первенство зритель узнаетъ уже по опущеніи занавѣса. Этотъ герой есть—жизнь, или, лучше сказать, вѣчный духъ, проявляющійся въ жизни людей и открывающійся въ ней самому себѣ. Этому-то незримо присутствующему герою и главному лицу всѣхъ своихъ драмъ обязанъ Шекспиръ своею вѣчно неумирающею славою, потому что въ немъ заключается его абсолютность. Вглядитесь попристальнѣе въ лица, образующія собою драму „Гамлетъ“: что вы увидите въ каждомъ изъ

нихъ?—Субъективность, конечность, сосредоточеніе на личныхъ интересахъ. Посмотрите на самого Гамлета: всѣ прочія лица драмы или враги ему, или друзья. Онъ называетъ свою мать „чудовищемъ порока“, тогда какъ она не больше, какъ слабая женщина; короля онъ тоже ставитъ на какія-то ходули, почитая его ужаснымъ, чудовищнымъ злодѣемъ, тогда какъ онъ только жалокъ и ничтоженъ; наконецъ, Гамлетъ даже въ Полоніи видитъ какого-то для себя врага, тогда какъ тотъ изъ всѣхъ силъ хлопотеть о его женитьбѣ на своей дочери. Уже къ концу пьесы выходитъ онъ, въ торжественную минуту просвѣтленія, изъ своей личности и возвышается до абсолютнаго созерцанія истины, но тогда оканчивается и драма. Что дѣлаетъ король?—старается обезпечить себѣ похищенную корону, обладаніе королевою и удовольствіе пить вино при звукахъ трубъ. А королева?—примиреніемъ съ любимымъ, но не понятымъ ею сыномъ доставить себѣ возможность весело жить съ новымъ мужемъ. А эта кроткая, прекрасная и гармоническая Офелія?—она занята своими думами любви и горестью о несбывшихся надеждахъ. А Полоній?—онъ хлопотеть породниться съ царскою кровью. А Лаерть?—сперва онъ весь въ мысли о своемъ любезномъ Парижѣ и его веселостяхъ, а потомъ въ бѣшенствѣ на Гамлета за смерть отца и помѣшательство сестры. А прочіе придворные?—они заняты своимъ страннымъ положеніемъ между Гамлетомъ, какъ *будущимъ* королемъ, и между Клавдіемъ, какъ *настоящимъ* королемъ, и своими дѣйствіями выражаютъ жидовскую поговорку: *помози, Боже, и вашимъ и нашимъ*.

Итакъ, всѣ эти лица находятся въ заколдованномъ кругу своей личности, нимало не догадываясь, что они, живя для себя, живутъ въ общемъ и, дѣйствуя для себя, служатъ цѣлому драмы. И вотъ опускается занавѣсъ: Гамлетъ погибъ, Офелія погибла, король также; нѣтъ ни добраго, ни злого—все погибло. Какое мучительное чувство должно бы возбудить въ душѣ зрителя это кровавое зрѣлище! А между тѣмъ, зритель выходитъ изъ театра съ чувствомъ гармоніи и спокойствія въ душѣ, съ просвѣтленнымъ взглядомъ на жизнь и примиренный съ нею, и это потому, что въ борьбѣ конечностей и личныхъ интересовъ онъ увидѣлъ жизнь общую, міровую, абсолютную, въ которой нѣтъ относительнаго добра и зла; но въ которой все—безусловное благо!...

11. Литературная хроника.

Одновременно со статьей о „Гамлетѣ“ появилась и настоящая статейка Бѣлинскаго, намѣчающая принципы новой редакціи „Московского Наблюдателя“, а потому и очень характерная для пониманія настроенія Бѣлинскаго и содержанія его статей 1838—1839 г. Бѣлинскій отказывается впредь отъ „полемическихъ браней и схватокъ“; онъ обѣщаетъ читателямъ попрежнему „смѣло называть хорошее хорошимъ, а дурное дурнымъ“, но останавливаться только на первомъ, а второе „проходить краснорѣчивымъ молчаніемъ“. Такъ начиналъ понимать Бѣлинскій свое „примиреніе съ дѣйствительностью“; это настроеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начало настоящей статьи получаютъ объясненіе изъ письма Бѣлинскаго къ Бакунину (отъ 1 ноября 1837 года); въ письмѣ этомъ, говоря о возможномъ переходѣ „Московского Наблюдателя“ въ руки новой редакціи, Бѣлинскій замѣчаетъ: „если это состоится, то ты не узнаешь меня въ моихъ статьяхъ, именно потому, что я разувѣрился въ достоинствѣ отрицательной любви къ добру и чувствую въ себѣ больше снисходительности къ подлостямъ и глупостямъ литературной братіи, но зато и больше ревности противоположнымъ образомъ дѣйствованія доказывать истину. Не велика польза доказать, что Сенковскій—подлецъ, а „Библиотека“—гадкій журналъ: публика это давно знаетъ и подписывается на „Библиотеку“ не за то, что она гадкій журналъ, а за то, что нѣтъ лучшаго журнала; такъ гораздо лучше дать ей хорошій журналъ, нежели бранить „Библиотеку“. Поэтому полемика рѣшительно изгоняется изъ нашего журнала. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы и правда изгонялась изъ него, но дѣло въ манерѣ и тонѣ... Я имѣлъ несчастіе обратить на себя вниманіе правительства не тѣмъ, чтобы въ моихъ статьяхъ было что-нибудь противное его видамъ, но единственно рѣзкимъ тономъ, и это очень глупо; впередъ буду умнѣе“... (Пыпинъ, „Бѣлинскій“, стр. 215). И дѣйствительно, въ статьяхъ „Московского Наблюдателя“ Бѣлинскій строго выдерживалъ эту столь несвойственную ему программу полемической умѣренности и аккуратности; мало того, иногда онъ пытался находить хорошее даже въ дурномъ или посредственномъ—какъ можно видѣть изъ его статьи о сочиненіяхъ Греча (см. ниже, статью № 12). Поэтому *profession de foi*, высказанное Бѣлинскимъ въ приведенномъ письмѣ и въ на-

чалѣ настоящей статьи, является очень характернымъ для цѣлой полосы дѣятельности Бѣлинскаго, какъ редактора „Московского Наблюдателя“.

Главное значеніе статьи однако вовсе не въ этомъ, а въ новомъ отношеніи къ Пушкину, такъ непохожемъ на бывшее отношеніе 1834—1836 гг.; настоящая статья является гранью, является первымъ камнемъ того памятника Пушкину, который воздвигъ ему Бѣлинскій въ своихъ позднѣйшихъ знаменитыхъ „пушкинскихъ статьяхъ“. Мы уже отмѣчали въ нашихъ замѣткахъ (№№ 1, 6, 7) двойственное отношеніе Бѣлинскаго въ первыхъ его статьяхъ къ Пушкину: считая Пушкина величайшимъ русскимъ поэтомъ-художникомъ, Бѣлинскій въ то же время говорилъ о паденіи его таланта съ 1830 года. Причины послѣдняго взгляда намѣчаетъ самъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ и рѣшительно возстаетъ противъ подобнаго „смѣшного и жалкаго“ мнѣнія разныхъ „добрыхъ людей“ о мнимомъ паденіи таланта Пушкина; „...да и кто не былъ, въ свою очередь, *добрымъ человекомъ?*...“ — съ горечью восклицаетъ Бѣлинскій, имѣя въ виду самого себя, не такъ давно восклицавшаго: „а кто же, смѣемъ спросить, не сомнѣвался въ этомъ?“ (т.-е. въ паденіи таланта Пушкина; см. выше, стр. 254 и 311). Мы поймемъ смыслъ этого самобичеванія, если вспомнимъ значеніе термина „добрый человекъ“, „добрый малый“, употребленнаго Бѣлинскимъ впервые въ статьѣ о книжкѣ Дроздова и повтореннаго въ статьѣ о „Гамлетѣ“ (см. наши замѣтки и статьи №№ 9 и 10). Въ связи съ этимъ станетъ понятно и выраженіе Бѣлинскаго о быломъ своемъ „жалкомъ воззрѣніи, съ какимъ смотрѣло на этотъ предметъ (на лучшія произведенія Пушкина) дѣтское прекраснодушіе, которое, выглядывая изъ узкаго окошечка своей ограниченной субъективности, мѣрится дѣйствительность своимъ фальшивымъ аршиномъ“...

Теперь Бѣлинскій понялъ, кого лишилась въ Пушкинѣ Россія. Начиная съ этой статьи, преклоненіе Бѣлинскаго передъ Пушкинымъ все возрастаетъ вплоть до его „пушкинскихъ статей“; и если въ настоящей статьѣ Бѣлинскій еще съ оговоркой признаетъ міровое значеніе Пушкина („какъ поэтъ, Пушкинъ принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ міровымъ, хотя и не перво-степеннымъ геніямъ“), то черезъ какихъ-нибудь два года онъ уже безъ всякой ого-

ворки назоветъ Пушкина „великимъ міровымъ поэтомъ“¹⁾). Конечно, въ этомъ преклоненіи предъ Пушкинымъ главное значеніе имѣла эстетическая оцѣнка его произведений; но если въ серединѣ сороковыхъ годовъ Бѣлинскій, какъ мы увидимъ, охладѣлъ къ Пушкину по причинамъ *общественнаго* характера, то не надо удивляться, что и настоящее его преклоненіе передъ Пушкинымъ вызвано прежде всего сходствомъ *философскихъ* взглядовъ Пушкина и Бѣлинскаго на міръ и на жизнь. Теперь Бѣлинскому было дорого въ Пушкинѣ его *пріятіе міра*, его „просвѣтленный взглядъ“ на жизнь, на міръ, на человѣка. „Чтобы постигнуть всю глубину этихъ геніальныхъ картинъ,—говоритъ теперь Бѣлинскій о цѣломъ рядѣ произведений Пушкина,—разгадать вполнѣ ихъ таинственный смыслъ и войти во всю полноту и свѣтлозарность ихъ могучей жизни, должно пройти чрезъ мучительный опытъ *внутренней* жизни и выйти изъ борьбы прекраснодушія

въ гармонію просвѣтленнаго и примиреннаго съ дѣйствительностью духа. Повторяемъ: примиреніе путемъ объективнаго созерцанія жизни — вотъ характеръ этихъ послѣднихъ произведений Пушкина“. Если отвлечься отъ гегелианской терминологіи, то нельзя не видѣть въ этомъ вполнѣ вѣрнаго опредѣленія сущности пушкинскаго творчества и міровоззрѣнія; близость его къ настоящему настроенію Бѣлинскаго ясна изъ всего предъидущаго. Даже въ самой смерти Пушкина Бѣлинскій видѣлъ благо, восклицая: „кто дерзнетъ отрицать, что жизнь человѣческая не есть высокая драма во всѣхъ ея много-различныхъ проявленіяхъ, и что самое страданіе и бѣдствіе не есть въ ней благо!“ Это „дерзнулъ отрицать“ самъ Бѣлинскій тремя годами позднѣе, отказавшись отъ вѣры во вѣшнюю цѣлесообразность міра и въ Абсолютный Духъ, правящій его судьбами.

Итакъ, настоящая статья можетъ считаться предисловіемъ къ будущимъ статьямъ Бѣлинскаго о Пушкинѣ; въ ней намѣчается правильный въ общемъ взглядъ на великаго поэта, и кладется грань между былымъ невѣрнымъ пониманіемъ и будущей блестящей оцѣнкой произведений Пушкина и его значенія въ русской литературѣ.

Н. Р.

¹⁾ См. статью „Русская литература въ 1840 году“ (№ 26). Яркое сравненіе Пушкина и Шекспира находится въ рецензій на третью книжку „Пантеона Русскаго и всѣхъ Иностранныхъ Театровъ“ (1840 г.). Въ серединѣ сороковыхъ годовъ Бѣлинскій немного охладѣлъ къ Пушкину, по причинамъ, которыя будутъ нами отмѣчены въ своемъ мѣстѣ.

Описывая, не мудрствуя лукаво.
Пушкинъ.

Начиная четвертый годъ своего существованія, „Московский Наблюдатель“ хочетъ, наконецъ, поправить передъ публикою свою вину, истинную или мнимую, отвратить отъ себя ея упрекъ, заслуженный или незаслуженный: полная по возможности библиографія отнынѣ будетъ его постоянною статьею. Не знаемъ, интересно ли будетъ публикѣ—этому грозному властелину-невидимкѣ, присутствіе котораго всякій видитъ во всемъ и вездѣ, а никто не можетъ указать, въ чемъ и гдѣ оно именно, этому образу безъ лица, которому всякій по своей волѣ и прихотямъ даетъ и предписываетъ и волю и прихоти; не знаемъ, интересно ли будетъ публикѣ въ каждой новой книжкѣ журнала находить себѣ новое доказательство, что для нея книгъ пишется много, а читать ей попрежнему нечего. Но... намъ что до этого? „Публика этого хочетъ“, говорятъ намъ—и мы хотимъ исполнить ея желаніе. Намъ часто случалось еще слышать и читать, что публика требуетъ отъ журнала не одной критики и библиографіи, но и полемическихъ браней и схватокъ; но мы никогда этому не вѣрили, сколько по ува-

женію къ *публикѣ*, которую мы всегда отдѣляли отъ *толпы*, столько и потому, что мы никогда не любили разсчитывать своихъ успѣховъ на счетъ своихъ убѣжденій, а низкую угодливость смѣшивать съ добросовѣстнымъ усердіемъ. Поэтому, благомыслящіе читатели попрежнему могутъ брать нашъ журналъ въ руки, не боясь замарать ихъ... Обозрѣвая область литературной дѣятельности, мы смѣло будемъ называть хорошее хорошимъ, а дурное дурнымъ, съ удовольствіемъ останавливаясь на первомъ и стараясь проходить краснорѣчивымъ молчаніемъ второе, особливо если оно принадлежитъ къ тѣмъ мимолетнымъ и призрачнымъ явленіямъ, которыя не производятъ никакого вліянія и не оставляютъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Равнымъ образомъ, мы попрежнему предоставляемъ другимъ отыскивать промахи и ошибки своихъ собратій по журнальному ремеслу, и попрежнему не отказываемся отъ благороднаго спора, чуждаго личности и желанія мелкаго торжества. Сдѣлать замѣчаніе, или даже и возраженіе, на мысль, которая намъ кажется ложною, и подавлять, какъ добычу для дневного пропитанія, чужіе обмолвки или промахи — двѣ вещи совершенно различныя.

Мы должны бы начать наше обозрѣніе

съ литературныхъ явленій настоящаго года; но на первый разъ мы позволимъ себѣ небольшое уклоненіе отъ предположеннаго плана въ пользу нѣсколькихъ болѣе или менѣе примѣчательныхъ произведеній прошлаго года, о которыхъ намъ пріятно поговорить. Начинаемъ съ „Современника“: не говоря о томъ, что это періодическое изданіе болѣе похоже на альманахъ въ четырехъ частяхъ, нежели на журналъ, оно влечетъ къ себѣ наше вниманіе предметомъ, близкимъ къ русскому сердцу: мы разумѣемъ стихотворныя произведенія и отрывки Пушкина, напечатанные въ „Современникѣ“ послѣ смерти ихъ великаго творца. Предметъ отрадный и грустный въ то же время! Съ одной стороны—мысль, что эти посмертныя произведенія свидѣлствуютъ о новомъ, просвѣтленномъ періодѣ художественной дѣятельности великаго поэта Россіи, объ эпохѣ высшаго и мужественнѣйшаго развитія его геніальнаго дарованія; а съ другой стороны—мысль о томъ жалкомъ возрѣніи, съ какимъ смотрѣло на этотъ предметъ дѣтское прекраснодушіе, которое, выглядывая изъ узкаго окошечка своей ограниченной субъективности, мѣрять дѣйствительность своимъ фальшивымъ аршиномъ и, осудивши поэта на жизнь подъ соломенною кровлею, на берегу свѣтлаго ручейка, не хочетъ признавать его поэтомъ на всякомъ другомъ мѣстѣ: какое противорѣчіе, и сколько отраднато и горькаго въ этомъ противорѣчіи!...

Мнимый періодъ паденія таланта Пушкина начался для близорукаго прекраснодушія съ того времени, какъ онъ началъ писать свои сказки. Въ самомъ дѣлѣ, эти сказки были неудачными опытами поддѣлаться подъ русскую народность; но, несмотря на то, и въ нихъ былъ виденъ Пушкинъ, а въ „Сказкѣ о рыбацѣ и рыбкѣ“ онъ даже возвысился до совершенной объективности и сумѣлъ взглянуть на народную фантазію орлинымъ взоромъ Гёте. Но если бы эти сказки и всѣ были дурны, одной „Элегіи“, напечатанной въ „Б. для Ч.“ за 1834 годъ¹⁾, достаточно было, чтобы показать, какъ смѣшны и жалки были безпокойства добрыхъ людей о паденіи поэта; но... да и кто не былъ, въ свою очередь, добрымъ человекомъ?... Стихотворенія, явившіяся въ „Современникѣ“ за 1836 годъ, не были оцѣнены по достоинству: на нихъ лежала тѣнь мнимаго паденія. Такъ, напр., сцены изъ комедіи „Скупой Рыцарь“ едва были замѣчены, а между тѣмъ, если правда, что, какъ говорятъ, это оригинальное произведеніе Пушкина, онѣ принадлежатъ къ лучшимъ его созданіямъ. А его „Капитанская Дочка“? О, такихъ повѣстей

еще никто не писалъ у насъ, и только одинъ Гоголь умѣетъ писать повѣсти еще болѣе дѣйствительныя, болѣе конкретныя, болѣе творческія—похвала, выше которой у насъ нѣтъ похвалы!

Первое, что съ особенною, раздирающею душу грустью поражаетъ читателя въ V томѣ прошлагодняго „Современника“, это письмо В. А. Жуковскаго къ отцу поэта о смерти сына... О, какую сладкую грустью трогаютъ душу эти подробности о послѣдней, мучительной борьбѣ съ жизнью, о послѣдней торжественной битвѣ съ несчастьемъ души глубокой и мощной, эти подробности, переданныя со всею отчетливостію, какую только могло внушить удивленіе къ высокому зрѣлищу кончины великаго и близкаго къ сердцу человѣка,—удивленіе, котораго не побѣждаетъ въ благодатной душѣ и самая тяжкая скорбь!... А это трогательное участіе въ судьбѣ великаго поэта, которымъ отзывалась на его несчастье русская душа, въ лицѣ всѣхъ сословій народа, отъ вельможи до нищаго!... А это умиляющее и возвышающее душу вниманіе Монарха къ умирающему страдальцу, это отеческое вниманіе, которымъ вѣнценосный Отецъ народа поспѣшилъ усладить послѣднія минуты Своего поэта и пролить въ его болѣющую душу отрадный елей благодарности, мира и спокойствія о судьбѣ осиротѣлыхъ любимцевъ его сердца!.. О, кто послѣ этого дерзнетъ осуждать неисповѣдимые пути провидѣнія!... кто дерзнетъ отрицать, что жизнь человѣческая не есть высокая драма во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ, и что самое страданіе и бѣдствіе не есть въ ней благо!...

Вотъ перечень посмертныхъ сочиненій Пушкина, помѣщенныхъ въ четырехъ томахъ „Современника“: три поэмы—„Мѣдный всадникъ“, „Русалка“ и „Галубъ“, изъ которыхъ только первая вполнѣ окончена; двѣ пьесы прозою и стихами вмѣстѣ—„Сцены изъ рыцарскихъ временъ“ и „Египетскія ночи“; два прозаическихъ отрывка: „Арапъ Петра Великаго“ и „Лѣтопись села Горохина“; потомъ примѣчательная критическая статья: „О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ Потеряннаго Рая“; кромѣ того, нѣсколько мелкихъ стихотвореній, частью не dokonченныя, и отдѣльныхъ мыслей и замѣчаній.

Мы не будемъ критически разсматривать этихъ произведеній, потому что, если ужъ говорить о нихъ, то надо все говорить, для чего мы не имѣемъ ни времени, ни мѣста. Мы скажемъ или, лучше, повторимъ о нихъ уже сказанное нами—что по ихъ количеству и величинѣ они составляютъ собою цѣлый томъ, а этотъ томъ будетъ представителемъ совершенно новаго періода высшей, про-

¹⁾ Элегія „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“.

свѣтленой художнической дѣятельности Пушкина. По этому самому, они не для всѣхъ доступны, и въ этомъ самомъ и заключается причина послѣдшаго приговора толпы о паденіи поэта. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы постигнуть всю глубину этихъ геніальныхъ картинъ, разгадать вполнѣ ихъ таинственный смыслъ и войти во всю полноту и свѣтлозарность ихъ могучей жизни, должно пройти чрезъ мучительный опытъ *внутренней жизни* и выйти изъ борьбы прекраснодушія въ гармонію просвѣтленнаго и примиреннаго съ дѣйствительностью духа. Повторяемъ: примиреніе путемъ объективнаго созерцанія жизни — вотъ характеръ этихъ послѣднихъ произведеній Пушкина. Не почитаемъ за нужное прибавлять, что *народность*, въ высшемъ значеніи этого слова, какъ выраженіе *субстанции* народа, а не тривиальной *простонародности*, составляетъ также характеръ этихъ послѣднихъ звуковъ этого замогильнаго голоса: Пушкинъ всегда былъ самобытенъ, всегда былъ русскимъ поэтомъ, даже и тогда, когда находился подъ чуждымъ вліяніемъ.

Формы его произведеній все такъ же художественны, но это уже не тотъ бойкій стихъ, который, какъ разсыпавшійся лучъ солнца, сверкалъ и игралъ по жизни, нѣтъ, послѣдніе стихи Пушкина—это волны бытія, проходящія передъ упоеннымъ взоромъ зрителя въ спокойномъ величіи. Если вы не читали „Мѣднаго Всадника“, то, чтобы заставить васъ прочесть его, просимъ васъ взглянуть въ неисчерпаемую глубину сокровенной красоты его, хоть вотъ въ этомъ отрывкѣ:

... Боже, Боже! тамъ —
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почти у самаго залива —
Заборъ некрашенный, да пва
И ветхій домикъ: тамъ онѣ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во снѣ
Онъ это видитъ? Иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?
И онъ какъ будто околдованъ,
Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода—и больше ничего!
И обращенъ къ нему спиною
Въ колебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

А этотъ хоръ русалокъ —

Веселой толпою
Съ глубокаго дна
Мы ночью всплываемъ;
Насъ грѣетъ луна.
Любо намъ порой почвою
Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,

Подавать другъ другу голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхивать.

Не правда ли, что этотъ дивный хоръ— совершенно новое явленіе все той же неистощимой жизни, совершенно новый аккордъ все той же неисчерпаемой любви?... Но мы еще передернемъ декорацию жизни и покажемъ ея новыя стороны: вотъ рыцарская баллада

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный.
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму;
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.

Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ;
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Онъ себѣ на шею четки
Выѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.

И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву паладины,
Именуя громко дамъ, —

Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ, дикъ и рванъ,
И, какъ громъ, его угроза
Поражала мусульманъ.

Возвратясь въ свой замокъ дальный,
Жилъ онъ строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

Съ такой глубиной, съ такою вѣрностью, и въ такой небольшой пьескѣ схватить одну изъ главнѣйшихъ сторонъ Среднихъ вѣковъ, этого религіознаго періода человечества, когда и слава, и мужество, и любовь, и все, все было религіею!... Кто могъ это сдѣлать?—Пушкинъ!

Читали ли вы его „Галуба“? Вотъ отецъ, чеченецъ, хоронитъ своего могучаго сына, удалого наѣздника, опору своей старости; кладетъ съ нимъ въ гробъ все его оружіе,

Чтобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чтобъ могъ на зовъ онъ Азрапла
Исправнымъ воиномъ возстать.

Схоронивши одного сына, Галубъ встрѣчаетъ другого: его привелъ къ нему старецъ, воспитывавшій его. Но Галубъ вскорѣ недоволенъ своимъ другимъ сыномъ. Однажды узнаетъ онъ, что сынъ его встрѣтилъ въ своихъ разбѣздахъ армянина и не привелъ его на

арканѣ съ добычею. Въ другой разъ узнаетъ онъ, что сынъ его встрѣтилъ бѣжавшаго раба и оставилъ его невредимымъ.

Щебть, мыслить онъ, не замѣнить
Онъ никогда другого брата:
Не научился мой Тазитъ,
Какъ шашкой добываютъ злата;
Ни стада моихъ, ни табуновъ
Не надѣлать его разѣзды;
Онъ только знаетъ безъ трудовъ
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
А не въ набѣгахъ отбивать
Коней съ погайскими быками
И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать“.

Въ третій разъ Галубъ узнаетъ, что Тазитъ встрѣтилъ убійцу своего брата.

отецъ.

Убійцу сына моего?
Тазитъ! гдѣ голова его?
Дай нагляжусь!

сынъ.

Убійца былъ
Одинъ, израненъ, безоруженъ...

отецъ.

Ты долга крови не забылъ?
Врага ты навзничъ опрокинулъ?
Не правда ли, ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ
И трижды тихо повернулъ?
Упился ты его стenanьемъ,
Его змѣинымъ издыханьемъ?...
Гдѣ-жъ голова? подай... нѣтъ силъ...

Отецъ проклялъ своего сына и прогналъ его отъ себя.

Въ Черкесскомъ селѣ праздникъ; молодежь забавляется воинскими потѣхами; жены и дѣвѣ поютъ.

Но между дѣвами одна
Молчитъ, уныла и блѣдна...

Они въ толпѣ четою странной
Стоять, не видя ничего.
И горе имъ: онъ—сынъ изгнанный,
Она—любовница его...
О, было время!... съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ,
Онъ пилъ огонь отравы сладкой,
Въ ея смятеніи, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ,
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу,
Съ подружкой рѣзвой говоря,
И вдругъ сядила и блѣднѣла,
И, отвѣчая, не глядѣла,
И разгоралась, какъ заря —
Или у водъ когда стояла,
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
И долго кованный кувшинъ
Волною звонкой наполняла...

„Египетскія ночи“ принадлежатъ также къ самымъ дивнымъ произведеніямъ Пушкина, и въ лицѣ его Чарскаго догадливые читатели найдутъ для себя много данныхъ для разгадки поэта...

Всѣ мелкія стихотворенія отличаются тѣмъ же общимъ чувствомъ просвѣтленія

примиреннаго съ самимъ собою духа, выплывающаго съ честью изъ опасной борьбы. И кто бы усомнился въ этомъ, прочтя эту трогательную исповѣдь души страждущей и блаженной въ своемъ страданіи —

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольныхъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ.
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальныя великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о, Боже, прегрѣшенія,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденія,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

Но особеннаго вниманія заслуживаетъ стихотвореніе „Герой“, напечатанное въ „Телескопѣ“ 1831 года и написанное въ ту минуту тяжкаго испытанія для Россіи, когда свирѣпствовала въ ней холера, и когда нашъ царь, не дожидаясь отъ медиковъ рѣшенія вопроса о заразительности этого морового повѣтрія, пріѣхалъ ободрить унылую Москву, древнюю и вѣрную столицу Своихъ отцовъ... Это стихотвореніе, кромѣ своего высокаго поэтическаго достоинства, драгоцѣнно еще и какъ доказательство благородныхъ, истинно русскихъ чувствованій Пушкина, и только по смерти его стало извѣстно, что оно принадлежитъ ему...

„Арапъ Петра Великаго“ есть отрывокъ изъ предполагавшагося Пушкинымъ романа, и, какъ отрывокъ, онъ уже не новость, потому что былъ давно напечатанъ въ какомъ-то альманахѣ, а въ „Современникѣ“ онъ помѣщенъ въ большемъ видѣ, почему и составляетъ собою новость. Какъ жаль, что Пушкинъ не кончилъ этого романа! Какая простота и вмѣстѣ глубокость, какая кисть, какія краски! Да, если бы Пушкинъ кончилъ этотъ романъ, то русская литература могла бы поздравить себя съ истинно-художественнымъ романомъ. „Лѣтопись села Горохина“ въ своемъ родѣ чудо совершенства, и если бы въ нашей литературѣ не было повѣстей Гоголя, то мы ничего лучшаго не знали бы.

Статья Пушкина „О Мильтонѣ и Шатобриановомъ переводѣ Потеряннаго Рая“ чрезвычайно интересна: она знакомитъ насъ съ Пушкинымъ не столько какъ съ критикомъ, сколько какъ съ человекомъ, у котораго былъ вѣрный взглядъ на искусство, вслѣдствіе его вѣрнаго и безконечнаго эстетическаго чувства. Въ этой статьѣ мѣтко и рѣзко показываетъ онъ отсутствіе именно этого чувства у господъ Французовъ, и въ доказательство представляетъ факты, какъ

безбожно терзали бѣднаго Мильтона корифеи французской литературы — дикій г. Гюго, въ своей „чудовищной и нелѣпой“ драмѣ „Кромвель“, и чопорный аббатикъ XIX вѣка, графъ де Виньи, въ своемъ „облизанномъ“ романѣ „Saint-Mars“. Ёдко смѣется Пушкинъ надъ послѣднимъ, когда тотъ заставляеть бѣднаго Мильтона читать отрывки изъ своей поэмы на вечерѣ у Маріи де Лормъ.

Хорошо (говорить Пушкинъ); да какъ же французы, не зная англійскаго языка, поймутъ мильтовы стихи? Очень просто: мѣста, которыя онъ будетъ читать, переведены на французскій языкъ, переписаны на особыхъ листочкахъ, и списки розданы гостямъ. Милтъонъ будетъ декламировать, а гости слѣдовать за нимъ. Да зачѣмъ же ему беспокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть, Милтъонъ великій декламаторъ, или звуки англійскаго языка чрезвычайно любопытны? а какое дѣло графу де Виньи до всѣхъ этихъ нелѣпыхъ несообразностей; ему надобно, чтобъ Милтъонъ читалъ въ парижскомъ обществѣ свой „Потерянный Рай“ и чтобъ Французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэта.

Милтъонъ, несмотря на то, что назначенныя мѣста для чтенія переведены, и что онъ долженъ читать ихъ по порядку, ищетъ въ памяти своей то, что, по его мнѣнію, болѣе произведетъ дѣйствія на слушателей, не заботясь о томъ, поймутъ ли его, или нѣтъ. Но посредствомъ какого-то чуда (неизъяснимаго г-мъ де Виньи) всѣ его понимаютъ. Де Барло находитъ его приторнымъ; Сюдери скучнымъ и холоднымъ; Марія де Лормъ очень тронута описаніемъ Адама въ первобытномъ его состояніи: Мольеръ, Корнель и Декартъ осыпаютъ его комплиментами и пр. и пр.

Или мы очень ошибаемся, или Милтъонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не сталъ бы показывать себя, какъ заѣзжій фигляръ, и въ домѣ непотребной женщины забавлять общество чтеніемъ стиховъ, писанныхъ на языкѣ, неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя ихъ въ потолокъ. Разговоры его съ Де Ту, съ Корнелемъ и Декартомъ не были бы пошлымъ и изысканнымъ пустословіемъ, а въ обществѣ игралъ бы онъ роль, ему приличную, скромную — роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодого человѣка.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де Виньи хотите ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ „Вудстокѣ“ встрѣчу одного изъ дѣйствующихъ лицъ съ Милтъономъ въ кабинетѣ Кромвеля.

Французскій романистъ конечно не довольствовался бы такимъ незначашимъ и естественнымъ изображеніемъ. У него Милтъонъ, занятый государственными дѣлами, непременно терялся бы въ пѣническихъ мечтаніяхъ и на поляхъ какого-нибудь отчета намаралъ бы нѣсколько стиховъ изъ „Потеряннаго Рая“. Кромвель бы это подмѣтилъ, разбранилъ бы своего секретаря, назвалъ бы его стихоплетомъ, вралею и пр., и изъ того бы вышелъ эффектъ, о которомъ бѣдный Вальтеръ-Скоттъ и не подумалъ!

Жалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ болѣе дѣлать выписокъ изъ этой превосходной статьи. Но не можемъ удержаться, чтобы не выписать слѣдующаго мѣста изъ „анекдотовъ и замѣчаній“:

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразныя и многосложныя характеры. У Мольера скупой скупъ — и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, смѣтливъ, мститель, чадолубивъ, остроуменъ. У Мольера лицемеръ волочится за женою своего благодѣтеля, лицемеря; принимаетъ пмѣніе подъ храненіе, лицемеря. У Шекспира лицемеръ провозноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостью, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ оболыщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью набожности и волокитства. Анджело лицемеръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ! А какая глупина въ этомъ характерѣ!

Повторяемъ: во всемъ этомъ виденъ не критикъ, опирающійся въ своихъ сужденіяхъ на извѣстныя начала, но гениальный человѣкъ, которому его вѣрное и глубокое чувство, или, лучше сказать, богатая субстанція открываетъ истину вездѣ, на что онъ ни взглянетъ. А какъ поэтъ Пушкинъ принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ міровымъ, хотя и не первостепеннымъ, гениямъ. Да и много ли этихъ первостепенныхъ гениевъ искусства? — Омиръ (миѣическое имя), Шекспиръ, Гёте, Бетховенъ, и не знаемъ, право, кто въ живописи. И несмотря на то, читая, а особенно слушая сужденія многихъ о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ и какъ о поэтѣ, невольно вспоминаешь его же стихи, которыми оканчивается его превосходное стихотвореніе „Полководецъ“ —

О, люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

Изъ не-пушкинскихъ стихотвореній очень мало хорошихъ въ „Современникѣ“: изъ оригинальныхъ заслуживаетъ особенное вниманіе „Цвѣтокъ“ Жуковскаго. Послѣ этого благоухающаго ароматомъ поэзіи „Цвѣтка“ нельзя не замѣтить стихотворенія Ѳ. Н. Глинки „Ангелъ“. Изъ переводныхъ стихотворныхъ пьесъ замѣчательны — „Органъ“ изъ Гердера А. П. Глинки, и мы пользуемся здѣсь случаемъ повторить изъ „Современника“ пріятное извѣстіе, что переводчица шиллеровой „Пѣсни о колоколѣ“ готовится къ изданію 19 легендъ Гердера. Переводы г. Губера изъ „Фауста“ также примѣчательны; г. Губеръ печатаетъ вполне переведеннаго имъ „Фауста“.

Изъ прозаическихъ не-пушкинскихъ статей особенно замѣчательна: „Солдатскій портретъ“ Грицьки Основьяненка, прекрасно переведенный съ малороссійскаго г. Луган-

скимъ. Такъ-то лучше: а то мы, москали, немного горды, а еще болѣе того лѣнны, чтобы принуждать себя къ пониманію красоты малороссійскаго нарѣчія, если дѣло идетъ не о народной поэзіи. Вѣдь Гоголь умѣетъ же рисовать намъ малороссіянъ русскимъ языкомъ? Увѣряемъ почтеннаго Грицьку Основьяненка, что если бы онъ написалъ свои прекрасныя повѣсти по-русски, то, несмотря на мудреную для выговора фамилію своего автора, онѣ доставили бы

ему гораздо болѣшую извѣстность, нежели какою онъ пользуется на Руси, пиша по-малороссійски. Кромѣ „Солдатскаго портрета“, мы прочли съ удовольствіемъ „Сильфиду“ кн. Одоевскаго; „Петербургскія записки“ неизвѣстнаго, шутку, въ которой мило и игриво высказано много правды на счетъ обѣихъ нашихъ столицъ; и, наконецъ, „Письма совоспитанницъ“, сочиненіе дамы.

1833 г.

12. Сочиненія Николая Греча.

Спб. 1838. Пять частей.

Въ замѣткѣ къ предыдущей статьѣ мы привели отрывокъ изъ письма Бѣлинскаго, характерный для его „примирительнаго“ настроенія этой эпохи; настоящая статья является лучшей иллюстраціей къ положеніямъ этого письма и къ вступительнымъ строкамъ предыдущей статьи, въ которыхъ развиваются эти „примирительныя“ мысли. Бѣлинскій теперь не только воздерживается отъ рѣзкихъ отзывовъ и полемическихъ выпадовъ, но даже мирится съ самыми отрицательными явленіями литературы, съ самыми противоположными его личному убѣжденію мнѣніями — и все потому, что, согласно гегелевской тріадѣ, высшая истина есть синтезъ двухъ противоположныхъ и доведенныхъ до абсурда низшихъ истинъ. Такъ, напримѣръ, теперь Бѣлинскій мирится съ „Библиотекой для Чтенія“, считая этотъ журналъ „полезнымъ“, „заслуживающимъ успѣха“: „все благо, все добро!“ — неоднократно восклицаетъ Бѣлинскій. Правда, и въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій, презирая „Библиотеку для Чтенія“ и ея редактора, говорилъ о нихъ въ совершенно тождественныхъ выраженіяхъ: „я имѣю удивительную способность — писалъ тамъ Бѣлинскій — видѣть во всемъ одну хорошую сторону, не замѣчая дурныхъ, и на что бы ни смотрѣлъ, всегда повторяю мой любимый стихъ:

И все то благо, все добро!

ибо я убѣжденъ сердечно и душевно, вѣрю свято и непоколебимо, вопреки г. профессору Сенковскому, что родъ человѣческій, по волѣ бдящей надъ нимъ любви Божіей, идетъ къ своему совершенству“... (см. выше, стр. 96). Это повторялъ Бѣлинскій и позднѣе, въ статьѣ „Ничто о ничемъ“, гдѣ такъ

много мѣста посвящено „Библиотека для Чтенія“; это же повторяетъ и теперь, но съ совершенно другой точки зрѣнія — съ точки зрѣнія синтеза двухъ низшихъ истинъ. „Московскій Наблюдатель“ редакціи Бѣлинскаго — журналъ „умозрительный“, философскій; „Библиотека для Чтенія“, журналъ Сенковскаго — „непримиримый врагъ умозрѣнія, философіи, (и) это не порокъ, а достоинство, — говоритъ Бѣлинскій: — представляя собою въ этомъ отношеніи діаметральную противоположность редактору „Библиотеки“, мы тѣмъ болѣе уважаемъ этотъ журналъ. Безъ разности и противоположности во мнѣніяхъ не было бы ни жизни, ни движенія, ни прогресса. Во всякой мысли, во всякомъ ученіи есть своя сторона истины, и все благо, все добро!“

Неудивительно, что при такомъ отношеніи къ мнѣніямъ противниковъ Бѣлинскій такъ мягко отнесся и къ рецензируемому имъ собранію сочиненій Греча. „Ты не узнаешь меня въ моихъ статьяхъ“ — писалъ Бѣлинскій Бакунину, въ указанномъ нами выше письмѣ; и дѣйствительно, трудно узнать въ настоящей статьѣ „неистоваго Виссаріона“, такъ рѣзко отрицательно относившагося къ Гречу и раньше и впослѣдствіи. Это, повторяемъ, неудивительно; гораздо удивительнѣе то, какъ вѣрно сумѣлъ охарактеризовать Греча Бѣлинскій въ этой своей не по заслугамъ одобрительной статьѣ. Разные романы и повѣсти Греча относились къ роду публицистической беллетристики, точно такъ же, какъ всѣ его записки, путешествія, письма — къ роду беллетристической публицистики, публицистики въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ это слово Бѣлинскій. Слово это не имѣло еще въ то время достаточно установившагося значенія, а по-

тому, употребивъ слово „публицистъ“ всего одинъ разъ, Бѣлинскій замѣняетъ его словомъ „литераторъ“, говоря о Гречѣ; имѣя въ виду эту замѣну, мы поймемъ настоящий смыслъ характеристики Греча, которую надо признать блестящей (см. ниже, стр. 423). Во всемъ остальномъ оцѣнка Греча Бѣлинскимъ слишкомъ снисходительна: въ настоящее время это по заслугамъ забытый писатель, отъ котораго осталось одно интересное только для историковъ литературы произведение („Записки моей жизни“, 1886 г.). Известность Греча въ литературѣ — отрицательная: онъ запятналъ себя дружбой и единомыслиемъ съ Булгаринымъ, неприличное предисловіе котораго къ собранію сочиненій Греча Бѣлинскій приводитъ въ настоящей статьѣ. Черезъ немного лѣтъ Бѣлинскій воздалъ должное этимъ „Братьямъ-Разбойникамъ“ русской литературы (ходившую по рукамъ пародію этой поэмы Пушкина, въ примѣненіи къ Булгарину и Гречу, Бѣлинскій въ 1842 году прислалъ въ письмѣ къ Боткину). 14-го марта 1840 года Бѣлинскій писалъ изъ Петербурга Боткину: „живя въ Москвѣ, я даже стыдился много и говорить о Гречѣ, считая его призракомъ, но въ Питерѣ онъ авторитетъ больше Сенковского“. Если имѣть въ виду, что настоящая статья появилась въ сентябрѣ 1838 года, то ясно, что еще въ Москвѣ Бѣлинскій скоро измѣнилъ свое мнѣніе о Гречѣ. А въ письмѣ отъ 30 декабря 1840 г. Бѣлинскій уже писалъ: „о, Боткинъ, если бы ты зналъ, хотя приблизительно, что такое Гречъ: вѣдь это апофеозъ расейской дѣйствительности, это литературный Ванька-Каинъ“... И онъ началъ вести ожесточенную борьбу съ Гречемъ и Булгаринымъ, этими двумя литературными „братьями-разбойниками“, которыхъ обезсмертилъ еще Пушкинъ въ знаменитыхъ статьяхъ Оеофилакта Косичкина (1831).

Настоящая статья интересна еще одной очень важной чертой, которая впоследствии получить значительное развитіе въ статьяхъ Бѣлинскаго. Именно, подходя къ характеристикѣ Греча и указывая на „публицистическій“ (въ смыслѣ Бѣлинскаго) родъ его беллетристики, Бѣлинскій, не употребляя этихъ терминовъ, ясно разграничиваетъ „публицистику“ отъ искусства. Въ художественномъ романѣ — творчество, фантазія, идеи, огонь поэзіи, вдохновеніе; въ романѣ

„публицистическомъ“ — занимательность, воображеніе, сентенціи, теплота чувства, одушевленіе. Первый родъ относится къ искусству, и къ нему, по мнѣнію Бѣлинскаго, остается примѣнимымъ все то, что онъ раньше говорилъ объ искусствѣ и что снова выскажетъ о немъ: безсознательность съ сознаниемъ, безцѣльность съ цѣлью (см. наши замѣтки №№ 1—7); въ статьѣ о „Менцелѣ“ Бѣлинскій разовьетъ эти кантовскія и шеллингианскія положенія съ новой, гегелианской точки зрѣнія. Но рядомъ съ искусствомъ, рядомъ съ художественнымъ произведеніемъ Бѣлинскій признаетъ теперь право существованія и за „публицистической беллетристикой“ — взглядъ, который впоследствии былъ высказанъ имъ въ иной формѣ, но съ тѣмъ же смысломъ. Уже въ статьѣ о „Русской литературѣ въ 1840 году“ Бѣлинскій разграничилъ „литературу“ и „словесность“ и развилъ это ограниченіе въ статьѣ „Общее значеніе слова литература“ (которую мы относимъ къ 1843 году, — см. наст. изд. т. II, статья № 29). Въ статьяхъ 1841 года о русской народной поэзіи (наст. изд. т. II, статья № 30) Бѣлинскій разграничилъ „искусство“ и „беллетристику“, заявивъ, что „въ беллетристикѣ внѣшняя цѣль можетъ имѣть и большую пользу и важное значеніе, тогда какъ въ искусствѣ одна цѣль — само искусство“. Въ письмѣ къ Боткину отъ 16 апрѣля 1840 г. Бѣлинскій писалъ: „теперь я вполнѣ созналъ, что слово *художественный* — великое слово и что съ нимъ надо обращаться осторожно и вѣжливо, даже въ приложеніи и къ Пушкину съ Гоголемъ, и въ ихъ твореніяхъ отличать поэтическое отъ художественнаго и даже беллетристическаго“; подробное развитіе этой мысли Бѣлинскій далъ въ одновременной статьѣ о сочиненіяхъ Марлинскаго (см. ниже, статью № 20) и въ цѣломъ рядѣ мелкихъ рецензій. Наконецъ, въ статьѣ 1845 года о книгѣ Никитенко „Опытъ исторіи русской литературы“, Бѣлинскій формулировалъ раздѣленіе „литературы“ и „беллетристики“ — что удержалось до позднѣйшаго времени. Мы видимъ теперь, что исторія развитія этихъ очень важныхъ для пониманія Бѣлинскаго мыслей восходитъ къ настоящей статьѣ о Гречѣ, написанной еще въ начальный періодъ гегелианства Бѣлинскаго.

И.-Р.

„Нѣтъ правды на свѣтѣ!“ — восклицаютъ и утвердительно угрюмые скептики, иные разочарованные опытомъ, иные ожесточенные неудачами, иные просто по сознанію собственной неправдивости. Съ такими людьми нечего и спорить: они слѣпы отъ рожденія,

и зрячіе никогда не увѣрятъ ихъ, что на небѣ каждый день ходитъ *красное* солнышко и разгоняетъ темноту ночи, и что самыя ночи часто освѣщаются *краснымъ* мѣсяцемъ. Но есть другіе скептики, не столько важные, но не менѣе упрямые: эти отъ всей души

убѣждены въ дерзкой мысли, что будто бы „нѣтъ правды въ журналахъ“. Господи Боже мой, что за свѣтъ такой нынче сталъ: ничему не вѣрятъ, во всемъ сомнѣваются, даже — могу ли выговорить безъ ужаса! — даже — въ журналахъ! Но шутки въ сторону; поговоримъ серьезно. Лжи умысленной и неумысленной въ журналахъ такъ же много, какъ и во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, но въ нихъ же много и святой истины, хотя и гораздо меньше, чѣмъ лжи. Но живетъ одна истина, и дѣйствительна только одна истина: ложь есть призракъ, — и если бываетъ дѣйствительна, то не иначе, какъ отрицательная истина, какъ служительница истинѣ. Міръ такъ чудно устроенъ, что во всѣхъ процессахъ его жизни видишь большею частью одну ложь, и рѣдко-рѣдко святую истину; но результатомъ этихъ процессовъ *всегда* бываетъ только истина, и *никогда* ложь. То же и въ журналахъ. Было время, когда нападки на Пушкина сдѣлались какимъ-то критическимъ удалствомъ и щегольствомъ. Дѣло зашло такъ далеко, что одинъ журналистъ (не помнимъ его имени) въ *седьмой* главѣ „Онѣгина“ увидѣлъ — что бы вы думали? — *совершенное паденіе, chute complète*, и второпяхъ, на радости, неосторожно поспѣшилъ провозгласить его на двухъ языкахъ: русскомъ и французскомъ ¹⁾. Другой журналистъ того же разбора встрѣтилъ появленіе „Бориса Годунова“, это громадное созданіе великаго генія, драгоцѣннѣйшее достояніе отечественной литературы, встрѣтилъ его плоскимъ пасквилемъ въ дурныхъ виршахъ:

И Пушкинъ сталъ намъ скучень,
И Пушкинъ надоѣлъ;
И стихъ его не звучень,
И геній охладѣлъ.
„Бориса Годунова“
Онъ выпустилъ въ народъ:
Убогая обнова,
Увы! на новый годъ! ²⁾

Но что же? — все это послужило не къ униженію, а къ возвышенію поэта: споры, толки и крики заставили глубже взглядѣться въ его творенія и тѣмъ вѣрнѣе оцѣнить ихъ; а ожесточенное гоненіе показало только то, что чѣмъ огромнѣе слонъ, тѣмъ сильнѣе претензіи мосекъ на храбрость. Это былъ, а теперь мы скажемъ сказку, для доказательства той же истины. Этого нѣтъ, но

предположимъ, что это есть; предположимъ, что нѣсколько журналовъ, какъ будто бы стакнувшись, изо всѣхъ силъ хлопотали объ униженіи, напимѣрь, хотъ Гоголя, увѣряя, что все его достоинство состоитъ въ комизмѣ, и то тривіальномъ. Что же? — Вы думаете: публика повѣритъ журналистамъ? Нѣтъ: въ ихъ крикахъ она услышитъ оханья отъ царапинъ, нанесенныхъ маленькому самолюбію какою-нибудь журнальною статьею въ родѣ литературнаго обзора или отчета; въ ихъ вопляхъ она услышитъ стоны отъ глубокихъ ранъ, нанесенныхъ самолюбивой посредственности гордымъ дарованіемъ; услышитъ скрежетъ зубовъ блѣдной зависти, раздраженной презирающимъ ее достоинствомъ; слѣдовательно, въ самой лжи публика откроесть истину. Слава Богу, что все это только предположеніе, а не фактъ; но если бы это былъ фактъ, то журналисты, которыхъ мы предположили, ошиблись бы въ своемъ намѣреніи, и на зло самимъ себѣ способствовали бы утверженію истины ¹⁾. Все, что ни живетъ, ни дѣйствуетъ, все служить духу истины; только одни служатъ ему съ цѣлью служить именно ему, слѣдовательно, сознательно, а другіе служатъ ему, думая служить своимъ конечнымъ, мелочнымъ цѣлямъ.

Отдѣленіе критики и библіографіи въ журналѣ многіе считаютъ не только бесполезнымъ, но и вреднымъ, потому что, говорятъ они, это-то отдѣленіе журнала и есть фокусъ его пристрастія, недобросовѣстности, лжей, клеветъ; тутъ раздаются похвалы и вѣнки безсмертія писателямъ своего прихода, и тутъ же унижаются и уничтожаются всѣ чужіе, не наши. Эта картина преувеличена, но въ ней есть и правда. Повторяемъ: гдѣ люди, тамъ и несправедливости, ошибки, пристрастіе, ложь, но тамъ же и истина. Умѣйте только открыть ее въ самой лжи, и васъ не обмануть. Вы дались въ обманъ; — сами виноваты. Что-жъ дѣлать, если иной читатель, прочтя насмѣшливую похвалу какой-нибудь книжонкѣ, которой журналистъ не разбираетъ, но надъ которою онъ тѣшится, приметъ брань за похвалу и купитъ книгу? Въ одномъ журналѣ книгу хвалятъ, въ другомъ ее бранятъ: кто же правъ? — Рѣшайте сами. Если вы не въ состояніи отличить холодныхъ похвалъ, вынужденныхъ расчетомъ или обстоятельствами, и

¹⁾ Бѣлинскій очень часто цитировалъ эти ставшія безсмертными слова Булгарина (изъ № 35-го „Сѣверной Пчелы“ 1830 года) о седьмой главѣ „Онѣгина“: „ни одной мысли въ этой водянистой VII главѣ, — восклицалъ Булгаринъ, — ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія! Совершенное паденіе, *chute complète*!“

²⁾ Эта эпиграмма впервые появилась въ „Сѣверномъ Меркуріи“ 1831 г., № 1.

¹⁾ Весь этотъ ироническій выпадъ направленъ противъ Сенковского и Булгарина, которые были жестоко обижены анонимной статьей „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.“, помѣщенной въ первомъ томѣ пушкинскаго „Современника“ за 1836 годъ и принадлежавшей, какъ всѣмъ было извѣстно, перу Гоголя. Съ этихъ поръ начинается недоброжелательное отношеніе къ Гоголю „Библіотеки для Чтенія“ и „Сѣверной Пчелы“.

состоящихъ въ общихъ мѣстахъ и форменныхъ комплиментахъ, отъ похвалы задушевной, искренней, теплой, вышедшей изъ одушевленія предметомъ похвалы—то опять вы же виноваты. Если вы не умѣете отличить хитросплетеній пристрастія отъ прямодушнаго отзыва—то опять-таки вините не журналы, а самихъ себя. Кромѣ того, разноголасіе журналовъ въ отзывахъ о книгахъ происходитъ гораздо болѣе отъ разности ихъ взгляда на вещи, нежели отъ умышленнаго пристрастія. Зачѣмъ вездѣ видѣть одну недобросовѣстность? Я берусь вамъ доказать неопровержимыми фактами, что изъ *тысячи* сочиненій, разобранныхъ въ продолженіе года нашими журналами—не оцѣненныхъ или похуленныхъ вслѣдствіе недоброжелательства къ авторамъ, пристрастія и разсчета, наберется едва ли 100, а если изъ остальныхъ 900 не всѣ оцѣнены по достоинству, то не умышленно, а по свойственной людямъ слабости—ошибаться въ истинѣ. Слѣд. $\frac{1}{10}$ умышленной лжи на $\frac{9}{10}$ добросовѣстности, хотя и не чуждой промаховъ и ошибокъ: согласитесь, что зло еще далеко не такъ сильно надъ добромъ, какъ думаютъ! А какъ часто случается читать въ нашихъ журналахъ единодушные отзывы объ иной книгѣ. Нѣтъ! все благо, все добро! Читатели, покупающіе книги по рекомендаціи журналовъ, не полагаясь на собственное сужденіе, по недостатку данныхъ, не напрасно такъ поступаютъ: самые несмѣтливые изъ нихъ избавляютъ себя этимъ отъ многихъ обмановъ книжной производительности, а смѣтливые и совсѣмъ избѣгаютъ ихъ. И потому-то теперь библиографическое отдѣленіе сдѣлалось неперемѣннымъ условіемъ всякаго журнала, и первое, прежде другихъ статей журнала, разрѣзывается и прочитывается нетерпѣливою публикою. Кто что ни говори, а *необходимость и потребность* всегда возмуть свое.

Нѣкоторые изъ читателей, опытныхъ въ дѣлѣ журналистики, часто заранее знаютъ, какой приговоръ послѣдуетъ въ томъ или другомъ журналѣ той или другой книгѣ. Такъ, на примѣръ, мы увѣрены, что многіе изъ читателей, приступивъ къ чтенію нашей статьи, или еще только увидѣвъ въ ея началѣ титулъ сочиненій г. Греча, скажутъ—иные съ улыбкой удовольствія: „посмотримъ, какъ его тутъ отдѣляли!“ а иные, съ улыбкою недовѣрчивости и презрѣнія: „посмотримъ, какъ тутъ грызутся“. Но мы очень рады обмануть ожиданіе тѣхъ и другихъ и доказать фактомъ, что не всѣ предсказанія сбываются, и что въ нашемъ журналѣ высказываются мнѣнія не о *лицахъ*, а о *сочиненіяхъ*.

Во всякомъ отчетѣ о литературныхъ тру-

дахъ первымъ и главнымъ дѣломъ должно быть опредѣленіе взгляда, точки зрѣнія на разсматриваемыя сочиненія. Въ упущеніи изъ виду этого правила и состоитъ ошибочность сужденій критиковъ и рецензентовъ. Обыкновенно прочтутъ романъ и, не найдя въ немъ художественнаго произведенія, осуждаютъ его на аутодафе, не подумавъ о томъ, что авторъ и не думалъ претендовать на титулъ поэта, а хотѣлъ просто написать былль или сказку для удовольствія и пользы читателей, и совершенно достигъ своей цѣли, потому что нашелъ себѣ многочисленныхъ читателей и почитателей. Что нужды, если въ романѣ нѣтъ творчества, но есть вымыселъ, занимательность; нѣтъ фантазіи—есть воображеніе; нѣтъ глубокихъ идей—есть вѣрныя практическія замѣчанія о жизни, плодъ опытности и знакомства съ жизнью не по однѣмъ книгамъ; нѣтъ огня поэзіи—есть теплота чувства; нѣтъ вдохновенія—есть одушевленіе; нѣтъ образовъ—есть портреты; нѣтъ художественности въ обработкѣ—есть слогъ, языкъ? Что нужды, что это произведеніе не вѣковое, не безсмертное?—авторъ и не имѣлъ на это претензіи: онъ хотѣлъ доставить своимъ современникамъ средство къ благородному или полезному развлеченію,—и достигъ своей цѣли. Отъ автора должно требовать ни больше, ни меньше того, что онъ обѣщалъ. Забывая это правило, бранятъ книгу, которая имѣла заслуженный успѣхъ и тѣмъ оподазриваютъ у публики и себя и критику. Другое дѣло, когда бездарный бумагомаратель или даже и писатель не безъ достоинствъ, но не поэтъ и не ученый, является съ претензіями на художническую или ученую гениальность и, какъ говорится, садится не въ свои сани: тогда долгъ критики указать ему его настоящее мѣсто.

Итакъ, прежде всего скажемъ, какъ смотримъ мы на литературные труды г. Греча, какое мѣсто даемъ ему въ русской литературѣ. Въ этомъ будетъ состоять и нашъ отчетъ о сочиненіяхъ г. Греча.

Г. Гречъ написалъ два романа и одну повѣсть, но мы тѣмъ не менѣе почитаемъ его *совершенно* чуждымъ сферы поэзіи, понимая подъ этимъ словомъ искусство, творчество, художество; но это не мѣшаетъ намъ смотрѣть на его романы какъ на пріятный подарокъ публикѣ, какъ на сочиненія, имѣющія *большое* литературное достоинство. Вообще, по нашему мнѣнію, г. Гречъ не поэтъ, не ученый, но литераторъ, по достоинству занимающій въ нашей литературѣ одно изъ видныхъ мѣстъ и оказавшій ей большія услуги. Что такое литераторъ?—Публицистъ, литературный факторъ при публикѣ, человекъ, который, не произведя ничего проч-

наго, безусловнаго, имѣющаго всегдашнюю цѣну, пишетъ много такого, что имѣетъ цѣну современности; не научая, даетъ средства научиться; не восторгая, доставляетъ удовольствіе. Онъ пишетъ статью и о современномъ событіи, отдаетъ отчетъ о книгѣ, издаетъ журналъ, или участвуетъ въ немъ; онъ историкъ, ораторъ, переводчикъ, путешественникъ, комментаторъ, издатель чужихъ сочиненій съ своими предисловіями, участникъ въ литературныхъ предпріятіяхъ, корректоръ; пишетъ книги, которыя не принадлежатъ къ области учености, но на которыя всѣ ссылаются и которыми всѣ пользуются, какъ вспомогательными способами для собственныхъ сочиненій, даже ученыхъ. Словомъ, литераторъ *все*, что вамъ угодно, и собственно *ничего*, потому что, ставши *чѣмъ-нибудь*, онъ дѣлается или поэтомъ, или ученымъ въ какой-нибудь сферѣ знанія. Но это нисколько не унижаетъ званія литератора: литераторъ есть лицо необходимое, чело-вѣкъ дѣйствительный, и если онъ приобрѣлъ вліяніе на публику, то играетъ въ современности роль историческую, въ большей или меньшей степени. Его имя принадлежитъ исторіи литературы народа, а слѣдовательно и его просвѣщенія, поколику литература есть выраженіе, сознаніе умственной жизни народа.

Г. Гречъ написалъ нѣсколько грамматикъ, изъ которыхъ хотя ни одна не уничтожаетъ живѣйшей потребности лучшихъ учебныхъ книгъ, но которыя всѣ принадлежатъ къ лучшимъ сочиненіямъ въ этомъ родѣ. Скажемъ болѣе: его грамматики суть важныя явленія въ исторіи нашего языка, и съ нихъ начинается основательнѣйшее его изученіе. Прежде при изложеніи правилъ русскаго языка болѣе обращали вниманіе на языкъ. Г. Гречъ обратилъ вниманіе на *русскій* языкъ, на его видовыя особенности, и потому его грамматики—драгоценная сокровищница, неисчерпаемый рудникъ матеріаловъ для изученія русскаго языка и составленія грамматикъ. Это самая блестящая его заслуга, самое важнѣйшее его участіе въ дѣлѣ отечественнаго просвѣщенія. Г. Гречъ издалъ „Учебную книгу русской словесности“, въ которой въ первый разъ была оставлена школьная риторическая теорія и сдѣлана попытка—дать понятіе о всѣхъ родахъ сочиненій такъ, чтобы юношество могло судить о литературѣ не по школьному образу мыслей, а по тому, который господствуетъ въ обществѣ; и дать правила, руководствуясь которыми, юношество могло бы выучиться написать и письмо, и дѣловую бумагу, и записку, словомъ, все, что требуется въ жизни, а не хриі, порядковыя и автоніоновскія, которыя пишутся въ классахъ на

заданныя темы, а въ жизни и литературѣ ни къ чему не служатъ, а только дѣлаютъ изъ людей тяжелыхъ педантовъ. Конечно, понятія, изложенныя въ этой учебной книгѣ, не всѣ новы, не всѣ сообразны съ современнымъ взглядомъ на искусство и литературу, не отличаются наукообразнымъ изложеніемъ и строгостью системы; но книга заслуживаетъ вниманія уже по одному тому, что не похожа на всѣ бывшіе и до нея и послѣ нея опыты въ этомъ родѣ. Авторъ его сдѣлалъ свое дѣло и въ правѣ сказать своимъ порицателямъ: „сдѣлайте лучше“. Приложенная при книгѣ хрестоматія, составляющая самую значительную ея часть, если не отличается строгостью въ выборѣ пьесъ, зато знакомитъ почти со всѣми писателями, игравшими сколько-нибудь значительную роль въ нашей литературѣ. Авторъ присовокупилъ даже къ своей исторіи литературы отрывки изъ древнихъ и старинныхъ сочиненій, отрывки изъ переложеній псалмовъ Симеономъ Полоцкимъ, изъ сатиръ Кантемира, „Телемахиды“ и „Деидаміи“ Тредьяковскаго. Самая исторія литературы есть драгоценный сборникъ матеріаловъ для исторіи русской литературы, ручная настольная книга для литератора и всякаго любителя отечественной литературы, справочный адресъ-календаръ дѣйствователей на поприщѣ русскаго слова. Трудъ не блестящій, но безцѣнный и стоившій своему автору большихъ трудовъ. Какъ жаль, что во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ, послѣ 1822 года, эта исторія сокращена авторомъ. Какой бы драгоценный подарокъ сдѣлалъ г. Гречъ русской литературѣ, если бы значительнополнилъ этотъ трудъ, и издалъ его особенною книжкою!

Возьмите *пятую* часть полнаго собранія сочиненій г. Греча; она вся состоитъ изъ отдѣльныхъ статей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое достоинство и по содержанію и по изложенію. Между ними вы особенно замѣтите слѣдующія: „Взглядъ на Исторію Русскаго Театра“, драгоценный матеріалъ для исторіи русскаго театра, собраніе фактовъ, которые могли бы совершенно затеряться, трудъ, для котораго надо имѣть много терпѣнія и много средствъ, а главное—много охоты, которую рѣдкіе имѣютъ; „Некрологи“, которые представляютъ краткій фактический обзоръ литературной и ученой дѣятельности Карамзина, Шуберта, Федорова; „Литературные очерки и воспоминанія“, въ которыхъ найдете обзоръ русской литературы за нѣсколько лѣтъ и факты и подробности о Гнѣдичѣ, Мартыновѣ, Сомовѣ, Сухтеленѣ, нѣмецкой писательницѣ Элизѣ фонъ-деръ-Рекке, Крюковскомъ, Никольскомъ. Тутъ вы найдете статью „Мо-

сковскія письма“, гдѣ замѣтите пріятный рассказъ, многія удачно схваченныя черты нашихъ обѣихъ столицъ, нѣсколько рѣзкихъ и вѣрныхъ замѣтокъ и мыслей о томъ и о семъ. Все это изложено прекраснымъ языкомъ, умно, живо, занимательно. Вотъ что такое литераторъ и вотъ что такое—Гречъ¹⁾.

Г. Гречъ написалъ два романа, принадлежащіе къ позднѣйшей литературной его дѣятельности. Онъ заплатилъ ими дань времени. Теперь всѣ пишутъ романы или повѣсти. Оно и легко и выгодно. Но и въ романахъ Гречъ остался самимъ собою—литераторомъ. „Черная женщина“ есть второй его романъ; но такъ какъ это полное собраніе его сочиненій начинается ею, то мы прежде скажемъ слова два о ней. Романъ, какъ говорится, *сказка добрая*. Онъ читается скоро и съ удовольствіемъ. Главный его недостатокъ состоитъ въ романической запутанности на манеръ романовъ XVIII вѣка. Это вліяніе старины, очень понятное въ пожиломъ человѣкѣ. Будь романъ проще и короче, онъ былъ бы гораздо лучше. Герой романа добрый, но слабый до пошлости человѣкъ, который вѣчно страдаетъ отъ своей безхарактерности, котораго не бьетъ только лѣнливый, и который, поэтому, не возбуждаетъ къ себѣ никакого участія. Но вокругъ него толпятся интересные портреты, вѣрно списанные съ общества того времени. Въ лицѣ *Алимари* авторъ заплатилъ дань идеальности, которая совсѣмъ не въ характерѣ его таланта. Оттого изъ этого лица и вышелъ какой-то фантомъ, составленный изъ риторства, резонерства и мистицизма. Основная мысль цѣлаго романа есть оправданіе возможности духовидѣній. Но этой-то мысли романъ г. Греча и обязанъ преимущественно своимъ успѣхомъ. Не входя въ отчетливыя объясненія по этому предмету, которыя бы могли завести насъ далеко, мы скажемъ только, что для насъ собственно самый изступленный и, слѣдовательно, самый болѣзненный мечтатель лучше, нежели разсудительный человѣкъ, для котораго все въ жизни ясно и опредѣленно, какъ $2 \times 2 = 4$. Вѣра въ чудесное есть добрый элементъ въ человѣкѣ, признакъ благоговѣйнаго и трепетнаго предощущенія таинства жизни; только надо, чтобы эта вѣра была просвѣтлена мыслью, иначе она можетъ перейти въ суевѣріе и изуверство. Во всякомъ случаѣ, успѣхъ романа г. Греча „Черная женщина“, по нашему мнѣнію, говоритъ много въ пользу нашего общества, какъ доказательство, что

въ немъ есть живая потребность внутренней жизни. Если бы романъ былъ проще и короче, мы прочли бы его еще съ большимъ удовольствіемъ; а то ничтожность главнаго лица, запутанность и натяжки въ запутываніи и распутываніи происшествій часто ужасно утомляютъ читателя. Напримѣръ: таинственный Алимари даетъ Кемскому бумажку, говоря, что она ему пригодится. Кемскій, получа въ сраженіи жестокую рану, падаетъ и вынимаетъ изъ-за пазухи записную книжку, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на медальонъ съ портретомъ своей жены; изъ книжки выпала записка Алимари, и Кемскій *по какому-то инстинкту* (по какой-то натяжкѣ, по нашему мнѣнію) прочелъ ее вслухъ. Французскій полковникъ спасаетъ его отъ смерти. Такихъ хитросплетеній въ „Черной женщинѣ“ гораздо больше, нежели сколько ихъ было бы нужно для простоты и естественности въ рассказѣ событій. Равнымъ образомъ, есть много сценическихъ натяжекъ на манеръ романовъ бабушки Жанлисъ; монологи Алимари и Кемскаго часто черезчуръ длинны и фразисты. Алимари рассказываетъ свою исторію, и чуть дѣло дойдетъ до воспоминанія о его женѣ, онъ непременно остановится, чтобы утереть слезу, задуть вздохъ, а иногда и расплакаться. Но несмотря на все это, прекрасный рассказъ, многія удачно и вѣрно схваченныя черты съ общества и времени, множество дѣльных мыслей, замѣчаній, мѣстами искусство, мѣстами даже теплота разсказа—все это дѣлаетъ то, что „романъ читается“.

„Поѣздка въ Германію, романъ въ письмахъ“, была дебютомъ г. Греча на романическомъ поприщѣ, и дебютомъ столь удачнымъ и успѣшнымъ, что какъ-то невольно жалѣешь, зачѣмъ г. Гречъ не остался при одномъ дебютѣ. „Поѣздка въ Германію“ несравненно выше „Черной женщины“. Простота происшествія, простота и, вмѣстѣ съ нею, одушевленіе, игривость разсказа, вѣрность, естественность въ картинахъ, въ изображеніи характеровъ, прекрасный, *образцовый* языкъ—все это дѣлаетъ „Поѣздку въ Германію“ однимъ изъ примѣчательныхъ явленій русской литературы. Представьте себѣ, что къ вамъ пришелъ на вечеръ умный, образованный, любезный, пожилой и опытный человѣкъ, словомъ, одинъ изъ *бывалыхъ* людей, и притомъ обладающій даромъ разсказа; представьте себѣ, что онъ хочетъ занять васъ однимъ изъ многочисленныхъ своихъ воспоминаній, и безъ всякихъ авторскихъ претензій рассказываетъ вамъ простую быль, простое, но тѣмъ болѣе интересное событіе дѣйствительной жизни; вызываетъ давно знакомые образы, даетъ имъ жизнь, заставляетъ

¹⁾ Во всей этой характеристикѣ слово „литераторъ“ соотвѣтствуетъ современному значенію слова „публицистъ“; см. объ этомъ нашу вступительную замѣтку къ настоящей статьѣ.

ихъ снова дѣйствовать, волноваться, стремиться, желать, любить... Вы не видите, какъ прошелъ вечеръ, вы не замѣчаете, что ужъ давно полночь... рассказъ конченъ, а вы все еще слушаете... и со вздохомъ и улыбкою грустнаго удовольствія подаете доброму рассказчику руку и отъ души жмете его руку... Вотъ впечатлѣніе отъ прочтенія „Поѣздки въ Германію“ и вотъ лучшая ея характеристика; по крайней мѣрѣ, мы не умѣемъ сдѣлать лучшей. Герой этого рассказа—лицо нисколько не идеальное, но тѣмъ болѣе интересное (идеальность надоѣла намъ). Это простой, неглупый, образованный и благородный человѣкъ, у котораго есть и душа и характеръ. Героиня тоже простая дѣвушка, безъ всякой идеальности, но въ которую тѣмъ больше можно влюбиться безъ памяти. Картины петербургскаго чиновничества, семейнаго быта петербургскихъ нѣмцевъ, очерки нѣкоторыхъ оригиналовъ, достолюбезныхъ чудаковъ, а главное—простота въ происшествіи, въ рассказѣ, въ чувствахъ, въ языкѣ, но простота, которая соединена съ одушевленіемъ, сердечною теплотою—все это такъ мило, такъ занимательно, что и не видишь, какъ переворачивается листъ за листомъ, а прочтя послѣдній, съ досадою встрѣчаешь „конецъ“. О языкѣ нечего и говорить: молодые люди, которые, не посвящая себя литературѣ, хотятъ знать отечественный языкъ, а тѣмъ болѣе молодые литераторы, которые хотятъ хорошо писать на немъ, найдутъ чему поучиться у Греча. *Cum* и *ибо* (оныхъ г. Гречъ не употребляетъ, хотя и горячо отстаиваетъ ихъ отъ г. Сенковского) не составляютъ дѣйствительнаго и важнаго недостатка въ слогѣ г. Греча, особенно для меня: читая хорошую книгу, даже вслухъ, я вмѣсто *сихъ*, *ибо* и *оныхъ* произношу *эти*, *потому что*, *они*, и такъ привыкъ къ этому, что часто хвалю книгу за отсутствіе въ ней нелюбимыхъ мною словъ. Совѣтую всѣмъ враждующимъ противъ *сихъ*, *ибо* и *оныхъ* воспользоваться моимъ изобрѣтеніемъ.

„Поѣздка во Францію, Германію и Швейцарію въ 1817 году, письма къ А. Е. Измаилову“ и „Дѣйствительная поѣздка въ Германію въ 1835 году“ составляютъ содержаніе четвертаго тома, а наблюдательность и занимательность составляютъ главныя достоинства этихъ двухъ „поѣздокъ“. Нынѣ трудно сказать что-нибудь новаго въ своемъ путешествіи, и точно, въ „поѣздкахъ“ г. Греча встрѣчаешь все старое, давно извѣстное, но принимаешь все это за новое, потому что во всемъ этомъ, кромѣ прекраснаго изложенія, виденъ оригинальный, самобытный взглядъ человѣка умнаго и наблюдательнаго. Напримѣръ,—какъ пріятно встрѣтить подобныя замѣчанія:

...Онѣ (палерольскія пимфы) одѣты по послѣдней модѣ, смѣлье и, новидимому, умѣе и образованнѣе другихъ. Но мнимая эта образованность происходитъ отъ общаго распространенія познаній и свѣтскаго воспитанія во всѣхъ сословіяхъ французскаго народа. Одинъ изъ нѣмѣцкихъ русскихъ путешественниковъ назвалъ весьма удачно это поверхностное распространеніе образованія *расхожимъ умомъ*. У французовъ есть нѣсколько общихъ фразъ, которыя въ употребленіи у всѣхъ безъ разбора—у глупыхъ и умныхъ, у невѣждъ и ученыхъ, такъ что съ перваго взгляда очень трудно различить, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Заговорите съ ученымъ англичаниномъ или нѣмцемъ *варуъ* о какомъ-нибудь предметѣ, онъ остановится, подумаетъ и съ робостью произнесетъ отвѣтъ, сомнѣваясь, понялъ ли васъ и такъ ли отвѣчаетъ. Англичанинъ еще, говоря по-французски, *перепробуетъ* всѣ гласныя буквы, *é—i—o—a—est* *ce que vous portez bien*. Французъ въ мигъ отвѣчаетъ вамъ своими общими фразами, смотря по *тону*, а не по *содержанію* вашего вопроса, и потомъ немедленно самъ спроситъ о чемъ-нибудь, впопадъ или невпопадъ! Живая энциклопедія, но подите далѣе—все пусто, все звонъ, все блески.

Болѣе всего поразительно и пріятно для пріѣзжаго въ Гамбургъ—общее довольство. Одинъ путешественникъ замѣтилъ, что на лицѣ каждаго гамбургца написано: я *сытъ*. Простой народъ дѣятеленъ, веселъ и вѣжливъ. Черни нѣтъ, нищихъ не встрѣтите. Въ Гамбургѣ существуетъ старинный законъ, по которому всякій, кто подастъ на улицѣ нищему милостыню, повиненъ, по объявленіи о томъ нищаго, заплатить штрафъ пять талеровъ, изъ которыхъ половину получаетъ доносчикъ.

Въ Гамбургѣ дешевы всѣ вещи, всѣ потребности жизни; дорога только работа рукъ человѣческихъ. „Мы охотно платимъ вдвое нашимъ ремесленникамъ, сказалъ мнѣ одинъ богатый купецъ, и радуемся ихъ довольству“. Предмѣстья Гамбурга состоятъ изъ непрерывнаго ряда невысокихъ домовъ, выкрашенныхъ подъ кирпичъ, необыкновенно опрятныхъ и уютныхъ. Изъ-за свѣтлыхъ стеколъ въ окна видны товары или произведенія жилья: сапоги, жестяныя вещи, оловянная посуда и пр.; у другого окна сидитъ хозяйка въ чистомъ платьѣ, въ бѣленькомъ чепчикѣ; вокругъ нея играютъ милостивыя, здоровыя дѣти, на окнахъ пышные розы; въ клѣткѣ канарейки. Черная работа производится въ надворьѣ. Улицы хорошо выметены. Прогуливаясь по предмѣстью Св. Георгія, я воображалъ себя перенесеннымъ въ городъ, построенный на основаніи геснеровыхъ идиллій.

Правленіе въ Гамбургѣ чисто аристократическое. Исполнительная, судебная и полицейская власть находится въ рукахъ сената, состоящаго изъ четырехъ бургомистровъ и двадцати четырехъ сенаторовъ. Три бургомистра и одиннадцать сенаторовъ должны быть юристами, остальные суть купцы. Въ важныхъ случаяхъ, при введеніи новыхъ законовъ, при образованіи старыхъ, сенатъ сзываетъ гражданъ, составляющихъ нѣсколько сословій, старшинъ (*Oberalten*) шестидесяти и ста восьмидесяти адъюнктовъ, раздѣляющихся по пяти приходоу города. Однажды только случилось, что гражданскія сословія не согласились съ мнѣніемъ сената; назначенъ былъ особый комитетъ, и онъ рѣшилъ въ пользу послѣдняго. Вообще дѣла общественныя идутъ въ Гамбургѣ тихо, благочинно, къ общему удовольствію. Участіе народа въ правленіи ничтожно. Онъ даже не имѣетъ голоса въ выборѣ сенаторовъ; по смерти одного изъ нихъ остальные сами выбираютъ себѣ преемника. Въ Гамбургѣ увѣрился я еще болѣе, нежели прежде, что пра-

вѣненіе всякаго народа, всякой земли должно составиться мало-по-малу теченіемъ времени, требованіями мѣстныхъ обстоятельствъ и народнаго характера. Гамбургъ благоденствуетъ подъ сѣмъ правленіемъ, существующимъ нѣсколько сотъ лѣтъ, составившимся на дѣлѣ, а не на бумагѣ, и благоденствуетъ особенно потому, что обитатели его суть нѣмцы, народъ разсудительный, кроткій, довольный малымъ, совѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей, безмолвно повинующійся законамъ. Дайте это правленіе французамъ—увидите, какая выйдетъ суматоха! Гамбургская республика есть лучшее свидѣтельство того, что простому народу не должно давать не только воли, но и голоса въ дѣлахъ общественныхъ. Въ 1830 году, когда вся Европа почувствовала сотрясеніе отъ знаменитыхъ дней Іюльскихъ, которые въ самой Франціи отнесены теперь въ отдѣленіе древней исторіи, жители гамбургскаго предмѣстья св. Георгія, увлеченные примѣромъ Бельгіи, Саксоніи, Гессена и пр. и подстрекаемые иностранными эмиссарами, вздумали толковать о деспотизмѣ сената, и требовали у него сравненія въ правахъ съ обывателями стараго города. Сенатъ выгналъ присланныхъ къ нему депутатовъ, приказалъ вывести войско (2000 чел., подъ командою храбраго русскаго полковника Стефани), зарядить пушки, и объявилъ, чтобы жители предмѣстья безусловно и въ тотъ же часъ покорились. Нечего было дѣлать. Демагоги умолкли. Войска воротились въ казармы. Прошелъ годъ въ тишинѣ и повиновеніи. Тогда сенатъ самъ предложилъ предмѣстью прислать депутатовъ съ представленіями о желаніяхъ обывателей, выслушалъ ихъ и согласился на *покорныя просьбы*. Нѣмцамъ свойственна, въ высшей противу другихъ народовъ степени, изящная гражданская добродѣтель: *чувство исполненія своихъ обязанностей* (Pflichtgefühl). Нигдѣ, я думаю, нельзя найти такихъ исправныхъ, трудолюбивыхъ и совѣстныхъ должностныхъ людей и вообще гражданъ, какъ въ Германіи. Взятки у нихъ вещь неслыханная. Бываютъ ошибки, случается пристрастіе, происходятъ злоупотребленія, но это исключенія изъ правила. Я слышалъ въ Гамбургѣ единогласную хвалу безкорыстію, честности и безпристрастію тамошнихъ судей и чиновниковъ. То же можно сказать и о другихъ земляхъ германскихъ, преимущественно о Пруссіи.

Жалѣемъ, что тѣсныя предѣлы рецензіи не позволяютъ намъ сдѣлать выписокъ объ общественныхъ заведеніяхъ Гамбурга, которыя, какъ *факты*, подтверждаютъ мысль почтеннаго путешественника, какъ-то: о пожарныхъ учрежденіяхъ, о сословіи *спасителей* (Menschenretter), которые пробираются въ захваченные пламенемъ дома и стараются спасти людей, не успѣвшихъ выбраться; о градской больницѣ, о множествѣ челолюбивыхъ заведеній, основанныхъ частными людьми на свои средства; о сиротскомъ домѣ, о *младенческихъ школахъ* (Warteschulen), о *дикомъ домѣ* (das rauhe Haus), куда отдаются на исправленіе дѣти съ испорченною нравственностью. Мы не намѣрены писать подробнаго разбора путешествій г. Греча; но желали бы упомянуть обо всемъ этомъ, какъ доказательствѣ, что его взглядъ на гамбургское правленіе, какъ выраженіе народнаго духа гамбургцевъ, вѣренъ и свѣтелъ. Но вотъ еще маленькая выписка—последняя; она заключаетъ въ себѣ одно изъ тѣхъ

простыхъ практическихъ замѣчаній, которыя должны повторяться и распространяться благонамѣренными людьми:

Болѣе всего поражаетъ странника въ Пруссіи общее благоустройство: во всемъ виденъ порядокъ, стройное дѣйствіе всѣхъ пружинъ правленія, безпристрастное правдушество, кроткую снисходительность къ слабостямъ людскимъ и строгое преслѣдованіе порока и преступленій. Это происходитъ отъ личныхъ достоинствъ короля, отъ твердости государственныхъ постановленій и сообразности ихъ съ цѣлью государства, и отъ распространенія образованности, на которой основана общая нравственность. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ выше, и врожденное нѣмцамъ правосудіе въ исполненіи обязанностей во многомъ способствуетъ успѣшному достиженію намѣреній благолюбиваго правительства. Въ Пруссіи всякъ можетъ удостовѣриться, что такъ называемыя репрезентативныя или представительныя формы отнюдь не составляютъ необходимости благоустроеннаго и счастливаго государства. Здѣсь нѣтъ парламентовъ и палатъ, въ которыхъ, по прихоти несмысленной, а иногда подкупленной толпы, выбирающей своихъ представителей, министры королевскіе обременяются упреками и оскорбленіями; здѣсь нѣтъ журналовъ, въ которыхъ буйные, злонамѣренныя, а чаще всего сребролюбивыя писакки, своею нескромностью, дерзостью и живостью, на каждомъ шагу останавливаютъ дѣйствія верховной власти, и самыя благія ея намѣренія представляютъ въ видѣ превратномъ и ненавистномъ. Здѣсь государь окруженъ избранными имъ, благонамѣренными, просвѣщенными, добродѣтельными сановниками, которые совѣстно исправляютъ велѣнія высшей воли посредствомъ чиновниковъ образованныхъ и честныхъ; здѣсь не возбраняется никому говорить, что ему угодно; но коль скоро это позволеніе употребляется во зло, правительство ставитъ ему предѣлы. Сравните спокойное дѣйствіе государственнаго организма Пруссіи, благое вліяніе ея на сосѣдственныя державы, съ крикомъ, визгомъ и трескомъ представительной паровой машины французской, которая жаромъ и кипяткомъ обдаётъ и чужихъ и своихъ!

Теперь остается намъ сказать нѣсколько словъ о статьѣ, въ видѣ предисловія приложенной къ V тому, подъ титуломъ „Къ портрету Николая Ивановича Греча“. Она писана пріятельскою рукою ¹⁾, которая, заступаясь за друга передъ врагами, истинными и мнимыми, не забыла и себя. Во всемъ этомъ мы не видимъ худа, но—видите ли?—дѣло часто не въ самомъ дѣлѣ, а въ манерѣ, съ которою выполняется. По манерѣ узнаютъ сословіе, къ которому принадлежит челолюбъ; по манерѣ узнаютъ и школу, къ которой принадлежит писатель. Манерою Александръ Анфимовичъ ²⁾ отличается отъ всѣхъ писателей, и многіе изъ нихъ только манерою и выше его, тогда какъ разница, повидимому, въ талантѣ. Да, манера великое дѣло. Послушайте:

Пусть станетъ передъ нами кто-нибудь и скажетъ, что Гречъ отказалъ ему въ помощи, въ содѣйствіи, въ совѣтѣ, съ пожертвованіемъ собствен-

¹⁾ Страницею ниже Бѣлинскій указываетъ, что авторомъ этого предисловія былъ Булгаринъ.

²⁾ См. выше, стр. 78—79.

наго труда и времени, а часто и достоянія, когда видѣлъ въ предпріятіи пользу, честь и славу литературы! Весьма часто случалось, что эта готовность къ помощи ближнему была перетолкована въ дурную сторону, и что тѣ, которыхъ онъ поставилъ на ноги, дѣлались его врагами, находя въ томъ свои собствѣнные выгоды. Смѣлю скажу, что изъ всѣхъ русскихъ литераторовъ никто больше Греча не дѣйствовалъ въ пользу другихъ (въ самомъ дѣлѣ смѣлю сказано!) и никто болѣе его не испытывалъ неблагодарности. Но это не сдѣлало его человѣкомъ ненавистникомъ. Посердясь въ первыя минуты, онъ обыкновенно заключаетъ дѣло эпиграммою или каламбуромъ, и никогда мести не приходила ему въ голову. Сердце его всегда открыто для добрыхъ людей, а бумажки для неимущихъ. Тѣ крайне ошибаются, которые разсчитываютъ, что Гречъ имѣетъ столько, сколько онъ могъ бы имѣть, если бъ не былъ тѣмъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ. (Странно слышать о живомъ авторѣ такіа домашнія подробности!). У него, по русской пословицѣ, послѣдняя копѣйка ребромъ! Главный его (т.-е. нашъ) недостатокъ есть тотъ, что мы *думаемъ вслухъ*, и всѣ вещи называемъ *по имени*! Ни глѣта, ни разсудокъ, ни опытность, ни претерпѣнныя нами горести не исправили насъ, и на насъ сбылась пословица: *горбатого исправитъ могила*. Мы безпрестанно совѣтуемъ другъ другу придержать язычекъ—и грѣшимъ, такъ сказать, забываясь. Но никогда не жалили мы эпиграммою чести, правды, заслуги, истиннаго достоинства и таланта, никогда не насмѣхались надъ полезнымъ, высокимъ, благороднымъ! Зато не попадайся *ворона въ павшихъ перьяхъ, лиса въ лвиной шкурѣ* или *волкъ въ пастушескомъ нарядѣ*. Тотчасъ разоблачимъ! Винаваты—извините, такова натура!

Конечно, все, можетъ быть, и правда, особенно, когда дѣло идетъ не о „мы“, а объ „онъ“; конечно, все это очень откровенно; но, во-первыхъ, если сознаніе своего личнаго достоинства очень позволительно, то судъ о себѣ вслухъ и въ свою пользу, знаете... неловко какъ-то... во-вторыхъ—манера, манера, манера!... Другой сказалъ бы то же, да не такъ... Впрочемъ и то сказать: всякій долженъ быть самимъ собою, чтобъ тѣмъ легче было узнать его...

Въ заключеніе скажемъ, что это изданіе сочиненій г. Греча если не роскошно, то опрятно и красиво. Оно украшено пятью прекрасно выгравированными картинками (изъ которыхъ три представляютъ сцены изъ романовъ, четвертая видъ Эльфельда, пятая видъ Рейнскаго водопада) и портретомъ автора. Намъ очень нравятся и эпиграфы: они всѣ изъ старыхъ писателей, изъ которыхъ нѣкоторые только выступили въ молодости Греча, а другіе гремѣли въ его время, и потому связаны съ лучшими и пріятнѣйшими его воспоминаніями.

Отъ полнаго собранія сочиненій Н. И. Греча перейдемъ къ его брошюркѣ—„Литературныя поясненія“.

Въ апрѣльской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ нынѣшняго года, въ отдѣленіи „Литературная Лѣтопись“, напечатана статья о новоизданныхъ моихъ сочиненіяхъ, написанная умно, учтиво и съ боль-

шимъ ко мнѣ снисхожденіемъ. Имѣя всѣ причины быть довольнымъ ею, и благодарить ея автора, считаю однако нужнымъ сдѣлать къ ней примѣчанія, которыя кажутся мнѣ не излишними, и сверхъ того могутъ пояснить предметъ, очень для насъ важный и любезный—свойства и требованія милаго намъ языка русскаго.

Такъ начинается брошюрка г. Греча, и это начало даетъ понятіе о ея содержаніи. Оно въ самомъ дѣлѣ двойное: г. Сенковский и русскій языкъ раздѣляютъ въ немъ вниманіе читателя.

Г. Булгаринъ, въ біографіи друга своего, Н. И. Греча, сказалъ о немъ, что онъ „формально былъ избранъ петербургскими литераторами въ редакторы Б. для Ч.“. Г. Сенковский возразилъ на это, что „Б. для Ч. никогда не издавалась отъ имени всѣхъ русскихъ литераторовъ“. Въ опроверженіе г. Сенковского Н. И. ссылается на слова г. Булгарина, сказанныя имъ печатно въ 1833 г., что „г. Смирдинъ рѣшился соединить *всѣхъ* литераторовъ въ одномъ предпріятіи, и съ этою цѣлью вознамѣрился издавать журналъ „Библіотека для Чтенія“, сотрудниками котораго согласились быть *всѣ русскіе писатели*, всѣ поэты и прозаики, пріобрѣтшіе славу, извѣстность или просто благоволеніе публики“. Г. Гречъ прибавляетъ къ этому, что если бы въ словахъ г. Булгарина заключалась неправда или преувеличеніе, то писатели не преминули бы тогда же возразить на это. Съ этимъ нельзя не согласиться. Далѣе г. Гречъ говоритъ, что, не будучи избранъ въ редакторы *формально*, онъ принялъ предложеніе г. Смирдина—надзирать за слогомъ и языкомъ его журнала и, вмѣстѣ съ г. Сенковскимъ, сдѣлался его редакторомъ. Въ февралѣ 1834 г. Сенковский отказался отъ званія редактора и остался одинъ г. Гречъ, который въ свою очередь отказался отъ этого редакторства, сдѣлавшись редакторомъ „Энциклопедическаго Лексикона“. „Тогда, говоритъ онъ, исчезли и имена сотрудниковъ съ главнаго листа, между тѣмъ какъ въ объявленіяхъ о продолженіи „Библіотеки“ повторялось, что всѣ прежніе литераторы въ ней участвуютъ. Тщетно нѣкоторые изъ нихъ объявляли, что давно уже прекратили всякое съ нею сообщеніе...“ Возражая г. Сенковскому на замѣчаніе, что г. Гречъ только *слегка* исправлялъ слогъ въ статьяхъ „Б. для Ч.“, послѣдній замѣчаетъ, что онъ точно не позволялъ себѣ измѣнять мыслей автора, не дерзалъ ничего исключать, а тѣмъ менѣе навязывать своего, словомъ, передѣлывать или пародировать, а только исправлялъ слогъ, очищая его отъ барбаризмовъ, солецизмовъ и другихъ жестокихъ грамматическихъ ошибокъ. Мы, съ своей стороны, такое уваженіе къ чужому труду почитаемъ

благороднымъ качествомъ; но думаемъ, что г. Гречъ слишкомъ увлекся своею мыслью. Почему не передѣлать статьи, если авторъ на это согласенъ? Безъ согласія же авторскаго и г. Сенковскій, извѣстный своею страстію передѣлывать чужія статьи, на это, вѣроятно, не рѣшается: иначе кто же бы согласился помѣщать свои статьи въ его журналъ?

Г. Булгаринъ сказалъ, что слогъ въ первомъ году „Б. для Ч.“, во время редакторства Н. И. Греча, былъ какъ жемчугъ: Н. И., понимая цѣну такой похвалы, называетъ ее дружескимъ преувеличеніемъ, или, говоря языкомъ нынѣшнихъ реформаторовъ, амикальной экзажерациєю. Изъ булыжнаго камня, прибавляетъ онъ, жемчужины не выточить—дѣлано было, что можно.

Второй спорный пунктъ брошюрки заключается въ отзывѣ г. Сенковского о слогѣ г. Греча въ „Черной женщинѣ“, выраженномъ въ слѣдующихъ словахъ: „Языкъ въ „Черной женщинѣ“, по пристрастію автора къ нѣкоторымъ мертвымъ словамъ, можетъ показаться теперь въ глазахъ девяти десятыхъ Россіи нѣсколько устарѣлымъ и даже дикимъ“. Въ отвѣтъ на это обвиненіе г. Гречъ выписываетъ похвалы, которыми, назадъ тому четыре года, встрѣтилъ г. Сенковскій его романъ: „пріятный, свѣтлый слогъ“ (стр. 20); „прекрасныя мысли, выраженные съ очаровательною простотою“ (тамъ же); „заманчивость слога и содержанія“ (стр. 43); „страницы высокаго краснорѣчія“ (стр. 44). Здѣсь г. Гречъ останавливается и съ недоумѣніемъ восклицаетъ:

Теперь не прошло четырехъ лѣтъ, а ужъ этотъ самый пріятный, свѣтлый, очаровательный, заманчивый, краснорѣчивый слогъ—обветшалъ и одичалъ! Итакъ, въ русскомъ языкѣ произошли въ это время важныя перемѣны? Возникли новые оригинальные писатели и вытѣснили прежнихъ литераторовъ; появились книги, написанныя слогомъ, который оставилъ далеко за собою слогъ писателей прежняго времени? Нѣтъ, ничего этого не было. Въ эти годы мы испытали одиѣ утраты: писатели, содѣйствовавшіе болѣе другихъ къ усовершенію и обогащенію языка, преждевременно сошли въ могилу. Гдѣ же эти усовершенствованія, это обновленіе русскаго языка?—Критикъ не заставляетъ насъ долго томиться недоумѣніемъ. Съ невыразимымъ простодушіемъ сознательнаго генія онъ прямо говоритъ: Это несчастье (обветшалость и одичаніе гречева слога), которому мы отчасти причиною“.

Итакъ дѣло дошло до вопроса о преобразованіи русскаго языка г. Сенковскимъ. Почитая дѣло русскаго языка близкимъ къ себѣ по многимъ отношеніямъ, г. Гречъ рѣшается окончательно изслѣдовать вопросъ о преобразованіи, къ чему и приступаетъ слѣдующимъ сужденіемъ о „Библиотекѣ для Чтенія“:

„Б. для Ч.“ есть безспорно одинъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ. Въ ней принимаютъ участіе многіе хорошіе писатели: въ ней помѣщаются переводы прекрасныхъ статей, ученыхъ и литературныхъ, изъ журналовъ иностранныхъ; въ ней есть много, разнообразіе. Неправильность ея выхода обратилась въ пословицу. Ищутся на пезанимательность многихъ статей, помѣщаемыхъ вмѣсто балласту, на цинизмъ и безвкусіе нѣкоторыхъ мыслей, картинъ и выраженій, на странныя выходки противъ философіи и учености германской, на безпрерывныя насмѣшки и тупыя энграммы, которыми испещряются даже ученые и серьезныя статьи. Но угодны ли на всѣхъ; есть люди, есть читатели „Библиотеки“, которымъ именно нравится то, что другіе порицаютъ. Дѣйствительный порокъ этого журнала, пренятствующій ему рѣшительно дѣйствовать на публику, заключается въ дурномъ его слогѣ и варварскомъ языкѣ. Изъ этого, разумѣется, должно исключить помѣщаемыя въ „Библиотекѣ“ статьи постороннихъ авторовъ, которыхъ редація коснуться не смѣетъ. Оригинальныя статьи „Библиотеки“ кажутся дурными переводами съ какого-то неизвѣстнаго намъ языка. Слогъ въ нихъ шероховатый, грубый, тяжелый и до крайности неправильный. И между тѣмъ „Библиотека“ (позвольте употребить эту метонимию для избѣжанія собственныхъ именъ) громогласно объявляетъ, что она очищаетъ языкъ русскій, что она одна хорошо пишетъ по-русски, что русскіе писатели, старающіеся наблюдать въ своихъ сочиненіяхъ чистоту, правильность, благородство, гармонію—несчастные, запоздалые, заблудившіеся странники въ монгольскихъ степяхъ русскаго слова. И Карамзинъ, и Пушкинъ и Державинъ, и Грибоедовъ—жалкіе пигмеи предъ великимъ барономъ Брамбеусомъ! Разберемъ это поближе.

Отъ этого г. Гречъ переходитъ къ гоненію, воздвигнутому г. Сенковскимъ на *сін* и *оныя*, говоря мимоходомъ, что это гоненіе отнюдь не новое, что оно уже было предпринималось слѣплыми поклонниками Карамзина, и до такой степени, что лѣтъ за сорокъ назадъ употреблять *сін* и *оныя* значило объявить себя человекомъ безъ вкуса. Затѣмъ слѣдуютъ доказательства въ пользу *сихъ* и *онихъ*.

Остановимся на этомъ и выскажемъ со всею искренностью, со всѣмъ безпристрастіемъ къ обѣимъ спорящимъ сторонамъ, съ которыми обѣими мы несогласны, наше мнѣніе. Начнемъ съ нашего мнѣнія о „Библиотекѣ для Чтенія“, перейдемъ къ реформѣ г. Сенковского и кончимъ *сими* и *оними*. Споръ совсѣмъ не такъ маловаженъ, какъ думаютъ¹⁾.

Мы не хотимъ писать разбора или критики на „Библиотеку для Чтенія“, но мы хотимъ въ нѣсколькихъ словахъ выговорить наше мнѣніе о ней, чтобы тѣмъ лучше рѣшить вопросъ о *сихъ* и *онихъ*, какъ это сдѣлалъ и самъ Н. И. Гречъ. По нашему мнѣнію, „Б. для Ч.“ прежде всего журналъ

¹⁾ Все послѣдующее ср. съ статьей „Ничто о ничемъ“ и съ нашей вступительной замѣткой къ этой статьѣ (выше, стр. 195—196, 211—240 и наше примѣчаніе на стр. 240).

полезный, и мы отъ всей души желаемъ ей продолженія того же успѣха у публики, которымъ она такъ заслуженно всегда пользовалась. Разнообразіе и полнота содержанія, аккуратный выходъ книжекъ, безъ сомнѣнія, много способствуютъ ея успѣху; но она одолжена имъ еще двумъ качествамъ, гораздо больше значительнымъ и важнѣйшимъ, и которыя очень походятъ на недостатки, и потому служатъ предметомъ жесточайшихъ нападокъ и порицаній ея противниковъ. Это—ея самобытность до односторонности и языкъ. Давно уже рѣшено и не требуетъ никакихъ доказательствъ то, что журналъ долженъ имѣть свой характеръ, свой образъ мнѣній, свою, такъ сказать, личность, вслѣдствіе мысли, которая служитъ основаніемъ всѣхъ его дѣйствій. Безпристрастная абсолютность и универсальность вредитъ журналу, потому что безъ парціальности (*partialité*) онъ безцвѣтенъ, холоденъ, мертвъ. И у „Б. для Ч.“ есть свой характеръ, потому что есть мысль, которую можно назвать *положительностью въ искусствѣ и въ знаніи*. Поэтому „Библиотека“ непримиримый врагъ умозрѣнія, философіи. Повторяемъ: это не порокъ, а достоинство. Представляя собою въ этомъ отношеніи діаметральную противоположность редактору „Библиотеки“, мы тѣмъ болѣе уважаемъ этотъ журналъ. Безъ разности и противоположности во мнѣніяхъ не было бы ни жизни, ни движенія, ни прогресса. Во всякой мысли, во всякомъ ученіи есть своя сторона истины, и все благо, все добро! Пусть думаетъ всякій, какъ хочетъ; просторъ и уваженіе всѣмъ мнѣніямъ, всѣмъ ученіямъ! Дорога мысли широка; пусть всякій идетъ своей дорогою, не зацѣпляя другихъ; пусть всякій развиваетъ свои понятія, уважая чужой образъ мыслей, хотя бы и не раздѣлялъ его. Есть большая разница между самобытностью и задорливою односторонностью, которая не столько хочетъ заставить себя слушать, сколько хочетъ заставить замолчать другихъ. Итакъ, у „Б. для Ч.“ есть свой оригинальный образъ мыслей, которымъ проникнута всякая статья ея, всякая строка, который составляетъ главную ея силу и опору. Эмпиризмъ не сухой и пошлый, но проникнутый жизнью мысли, есть душа этого журнала. И повторяемъ: потому самому, что мы почитаемъ себя поборниками совершенно противоположнаго ученія, потому самому и интересенъ для насъ этотъ эмпирический журналъ: въ немъ есть своя сторона истины, слѣдовательно, своя дѣйствительность. Но что составляетъ его главное достоинство, то самое составляетъ его главный недостатокъ: парціальная односторонность доводитъ его до крайней нетерпимости. Проповѣдуя уваженіе къ чужому мнѣнію,

„Библиотека“ не уважаетъ рѣшительно ничего мнѣнія. Ни всемірная слава, ни европейскій авторитетъ, ни заслуги, ни ученость, ничто не защита отъ ея ожесточенныхъ нападокъ. Она не постыдилась унизиться до брани противъ Велланскаго, почтеннаго старца, славнаго своею глубокою ученостью—плодомъ дѣятельной жизни, посвященной служенію истины. Шеллингъ и Гегель въ ея глазахъ не больше, какъ шарлатаны, или много-много если сильные умы, помѣшавшіеся на сумасбродныхъ идеяхъ. И все оттого, что эти люди не эмпирики, а раціональные мыслители, которые, сверхъ того, не только не вѣрятъ „Библиотекѣ“, но и не читаютъ ея. Что дѣлать?—истина и заблужденіе такъ близко граничатъ другъ съ другомъ въ дѣлахъ человѣческихъ, что часто одно необходимо предполагаетъ другое. Ограниченность есть условіе всякой силы!...

Другое достоинство „Б. для Ч.“—это ея языкъ. Н. И. Гречъ, въ своей брошюркѣ, выписываетъ изъ журнала г. Сенковскаго фразы, которыя грѣшатъ противъ духа русскаго языка и часто противъ основныхъ правилъ русскаго синтаксиса, и на этомъ основываетъ свои доказательства, что редакторъ „Библиотеки“ не умѣетъ писать по-русски и не совершенствуется, не преобразовывается, а только портитъ нашъ прекрасный языкъ. Это кажется намъ преувеличеннымъ. У какого писателя не найдете вы обмолвокъ противъ языка, особенно при срочной журнальной работѣ, и тѣмъ болѣе у такого, который пишетъ не на своемъ родномъ языкѣ? Что касается собственно до меня, то, очень хорошо видя самъ много такихъ обмолвокъ, и очень важныхъ, я, въ то же время, во всѣхъ статьяхъ „Б. для Ч.“ вижу какую-то легкость, разговорность, такъ что иногда невольно увлекаюсь чтеніемъ статей даже по части сельскаго хозяйства, которыя нисколько не могутъ меня интересовать своимъ содержаніемъ. И очень многіе согласны со мною въ этомъ. Да, можно сказать смѣло и почему же не сказать?—всякому свое!—можно сказать смѣло, что г. Сенковскій сдѣлалъ значительный переворотъ въ русскомъ языкѣ; это его неотъемлемая заслуга. Какъ всѣ реформаторы, онъ увлекся односторонностью и вдался въ крайность. Изгнавши,—(да, *изгнавши*: самъ г. Гречъ признается, что, къ сожалѣнію, увлеклись этимъ потокомъ и молодые люди съ талантомъ) изъ языка разговорнаго, общественнаго, такъ сказать, комнатнаго, *си* и *оныя*, онъ хочетъ совсѣмъ изгнать ихъ изъ языка русскаго, равно какъ и слова: *объемлющій*, *злато*, *младой*, *очи*, *ланиты*, *уста*, *чело*, *рамена*, *стопы* и пр. Увлечшись своею мыслью, онъ не хочетъ видѣть, что слогъ въ самомъ дѣлѣ не одинъ, что

самый драматическій языкъ, выражая потрясенное состояніе души, разнится отъ простого разговорнаго языка, равно какъ драматическій языкъ необходимо разнится отъ языка проповѣди. Не говоримъ уже о различіи стихотворнаго языка отъ прозаическаго.

Но въ любви юности соединялось все святое и прекрасное человѣка: ея роскошнымъ огнемъ жила жизнь его, какъ блестящій, благоухающій алдезъ подъ опалю солнцемъ; юности были родными тѣ минуты, когда надъ мыслью проходитъ *дыханіе бурно*, тѣ минуты, въ которыя живутъ вѣка; когда ангелы *присутствуютъ таинству* души человѣческой и зародыши будущихъ поколѣній со страхомъ внимають рѣшенію судьбы своей¹⁾.

Не правда ли, что это превосходный отрывокъ высокаго, поэтическаго краснорѣчія, хотя, между тѣмъ, такимъ языкомъ и никто не говоритъ?

И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазена, сей страдалецъ хилый,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.

или:

Сей остальной изъ стан славной
Екатерининскихъ орловъ!

Здѣсь слово *сей* незамѣнимо, и *этотъ*, если бы оно и подошло подъ мѣру стиха, только бы все испортило. Но вотъ и еще примѣръ:

И знойный островъ заточенья
Полвочный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На *ономъ* камнѣ начертитъ, и пр.

Въ послѣднемъ стихѣ слово „этомъ“ подошло бы даже и подъ метръ; но тысячи *этимъ* не замѣнили бы здѣсь одного *онаго*; это такъ, потому что такъ, какъ говоритъ г. Гречъ. Есть вещи, о которыхъ трудно спорить, которыя не поддаются мысли, когда чувство молчитъ. И на *сѣи* и *онья* въ стихахъ могутъ рѣшаться только истинные поэты: ихъ поэтическій инстинктъ всегда и безошибочно покажетъ имъ не возможность, но необходимость употребленія этихъ словъ тамъ, гдѣ есть эта необходимость. Но *сѣи* и *онья*, употребляемые въ прозѣ, хотя бы то было и прозѣ самого Пушкина, доказываютъ или предубѣжденіе и желаніе дѣлать вопреки не истинѣ, а человѣку, который сказалъ истину, или неумѣніе управиться съ языкомъ. Конечно, отрадно и умилительно для души прочесть на воротахъ дома: „Сей домъ отдается въ наймы, съ сараями и безъ *онныхъ*“, но вѣдь это слогъ дворниковъ. Мы никакъ не можемъ понять, почему *сей*, которымъ начинается исторія Карамзина, не

можетъ быть замѣнено словомъ *этотъ*, какъ утверждаетъ г. Гречъ.

Нѣтъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, что ни говорите, а нельзя отринуть важнаго и сильнаго вліянія „Библіотеки“ на русскій языкъ. Если она ошибается, думая, что богословскія и философскія истины должны излагаться такимъ же языкомъ, какъ статьи о сельскомъ хозяйствѣ и ея „Литературная Лѣтопись“, то она права, доказывая, что въ романѣ, повѣсти, журнальной статьѣ *сѣи* и *онья* никуда не годятся, и что изгнаніе ихъ изъ общественнаго языка должно служить къ его гибкости, заставивъ искать новыхъ оборотовъ, которые помогутъ обойтись безъ книжныхъ словъ. Вы сами говорите, что этимъ словамъ не можетъ быть мѣста въ комедіяхъ, въ повѣстяхъ, подражающихъ изустному разсказу, въ разговорахъ, въ дружескихъ письмахъ и т. п.; *теперь* и не одни вы это говорите, *теперь* это всѣ говорятъ; но кто причиною, что это теперь *всѣ* говорятъ? Вы говорите, что слово *сей* должно быть терпимо въ книгахъ историческаго и дидактическаго содержанія, въ дѣловыхъ бумагахъ, а почему? Развѣ духъ такого рода сочиненій требуетъ этого; развѣ въ нихъ живое слово *этотъ* слабѣе, сбивчивѣе, темнѣе выражаетъ мысль, и развѣ оно въ нихъ *страннѣе, диче*, нежели книжное слово *сей*? Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ простое, непосредственное чувство лучше всего рѣшаетъ вопросъ: какъ-то неловко произнести это слово, читая книгу, когда его нельзя безъ смѣху произнести, говоря.

Вы называете *сей* и *оний* мѣстоименіями, а по какому праву? Уважаемъ ваше глубокое знаніе духа и свойствъ русскаго языка, ваши важныя заслуги по этой части, но на слово не повѣримъ вамъ. Мѣстоименіе замѣняетъ имя, и потому можетъ быть подлежащимъ въ рѣчи, не заставляя подразумѣвать *при себѣ* имени, но заставляя подразумѣвать *за себя* имя; но *сей* и *оний*, равно какъ *тотъ* и *этотъ*, всегда имѣютъ при себѣ имя, которое *опредѣляютъ* собою, или заставляютъ его подразумѣвать при себѣ. Очевидно, что это слова опредѣлительныя. Вы говорите еще, что *оний* необходимо для различенія въ именительномъ и винительномъ падежахъ именъ предметовъ личныхъ и неодушевленныхъ, и что *оное* въ этомъ случаѣ не можетъ быть замѣнено *его*,—прекрасно, но если никто не прибѣгаетъ къ этому средству для ясности? Вольно, отвѣчаете вы. Нѣтъ, не вольно, а невольно, возражаемъ мы вамъ: филологи, грамматики и литераторы не творятъ языка, а только сознаютъ его законы и приводятъ ихъ въ ясность; языкъ творится самъ собою, и даже не народомъ, а изъ народа.

¹⁾ Изъ пьесы вн. Одоевскаго „Насмѣшка Мертваго“.

Не говоря о слогѣ, посмотрите, что у насъ дѣлается въ правописаніи, которое у всякаго журнала, почти у всякой книги *свое*. Что это значитъ?—То, что языкъ еще не установился ни въ какомъ отношеніи. И гдѣ же ему установиться, когда у насъ пишутъ уже давно, а говорить только еще начинаютъ. Безъ живого участія общества одни литераторы не сдѣлаютъ всего, а общество наше по-французски знаетъ лучше, чѣмъ по-русски. Но самая разногласица въ орѳографіи показываетъ уже движеніе единства. Нелѣпыя попытки уничтожатся сами собою, а удачныя, въ духѣ языка сдѣланныя нововведенія, удержатся и примутся всѣми. Поэтому, кому какое дѣло до другихъ; пусть всякій пишетъ, какъ признаетъ за лучшее. Но вотъ фактъ: давно ли произошла эта разногласица въ орѳографіи? И вотъ другой фактъ: въ этой разногласицѣ уже не начинается ли какое-то единогласіе, т.-е., уже не приняты ли нѣкоторыя правила всѣми безъ исключенія? И вотъ еще третій фактъ: въ новомъ изданіи вашихъ сочиненій, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, нѣтъ ли въ орѳографіи значительныхъ противъ прежняго измѣненій? Кажется, что есть?—справьтесь-ка. А кто причиною этого измѣненія въ правилахъ орѳографіи, со стороны опытнаго учителя русскаго языка?—Предоставляю вамъ самимъ угадать...

Брошюрка г. Греча есть образецъ сильной, энергической и, въ то же время, благородной полемики. Увлекаясь иногда страстіемъ, авторъ говоритъ много и истиннаго, глубокоувѣрнаго о языкѣ вообще и русскомъ въ особенности. Совѣтуемъ всѣмъ молодымъ людямъ читать его брошюрку, а для доказательства, что нашъ совѣтъ полезенъ, выписываемъ изъ нея еще отрывокъ.

Только тотъ изъ писателей можетъ подвинуть языкъ, кто имъ обладаетъ въ совершенствѣ, кто всосалъ его съ молокомъ матери, кто на этомъ языкѣ думаетъ, кого другой языкъ не смущаетъ и не сбиваетъ съ толку. И этотъ писатель тогда только будетъ успѣшно дѣйствовать на языкъ, когда онъ, какъ мы выше сказали, напишетъ творенія и по содержанію своему достойныя перейти въ потомство. Такъ дѣйствовали въ свое время и дѣйствуютъ на свой языкъ Кантемиръ, Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Озеровъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Жуковский. Въ нихъ творчество соединилось съ совершеннымъ знаніемъ языка, знаніемъ не пріобрѣтеннымъ, не вычитаннымъ, не нахватавшимся, а врожденнымъ, воспитаннымъ съ ними самими.

Всякій языкъ состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть *матеріальная*, есть данное ему количество словъ, предметъ лексикографіи. Вторая *формальная*, окончанія, измѣненія, сочетанія данныхъ

словъ, дѣло грамматики. Третья часть *духовная*, метафизика языка, духъ его, органическая его жизнь, неосознательное, невидимое, таинственное насладіе народа. Вы можете выучить всѣ слова языка, можете знать всѣ его формы, всегдашнія и неизмѣняющіяся, но при всемъ томъ не будете въ состояніи выражаться этимъ языкомъ, если не вникните въ духъ его. Въ первыхъ двухъ отношеніяхъ я могу сказать вамъ „это слово не употребительно; посмотрите, его нѣтъ въ лексиконѣ; изберите, вотъ это“, или „это окончаніе неправильно на основаніи такого-то параграфа грамматики; напишите вотъ такъ“. Въ третьемъ—нѣтъ доказательствъ печатныхъ. Это духъ, страсть, любовь. Это такъ, потому что такъ.

Да, это сильно, энергически, даже краснорѣчиво. Тутъ вы видите человѣка, вошедшаго въ свою сферу, живо затронутого въ томъ, что составляетъ сущность, дѣйствительность его жизни.

Несправедливо было бы требовать у „Библиотеки“ строгаго отчета о языкѣ въ послѣднемъ его отношеніи. Мы съ нею не поняли бы другъ друга.

Такъ заключаетъ Гречъ свои мысли о языкѣ, и это отчасти справедливо; но тѣмъ болѣе чести иноплеменнику, который до того успѣлъ въ чуждомъ ему языкѣ, что почелъ себя вправѣ (хотя и преувеличенно, но не совсѣмъ безосновательно) объявить себя его преобразователемъ.

„Не требуемъ, говоритъ Гречъ въ концѣ своей брошюрки, не требуемъ, чтобъ директоръ „Библиотеки“ и его сотрудники писали лучше, чище, правильнѣе: всякъ пишетъ, какъ можетъ, но можемъ требовать, чтобы этотъ варварскій языкъ не былъ называемъ образцовымъ и обработаннымъ; чтобъ въ „Библиотекѣ для Чтенія“ не осыпали насмѣшками, не оскорбляли гордымъ презрѣніемъ тѣхъ изъ русскихъ писателей, которые не поклоняются златому тельцу барона Брамбеуса“. Требованіе справедливое!—прибавимъ мы отъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, если бы г. Сенковский имѣлъ и оказывалъ побольше вниманія и уваженія къ чужому мнѣнію и чужой личности, если бы онъ не вдавался въ исключительную односторонность и не дѣлалъ часто шуму изъ пустяковъ, т.-е. изъ какихъ-нибудь *сикъ* и *онихъ*, попавшихся ему въ плохой книжонкѣ, и не лишалъ хорошаго сочиненія заслуженной хвалы только за *си* и *оня*, то его справедливыя и дѣльныя мысли о преобразованіи русскаго языка были бы приняты всѣми съ большимъ уваженіемъ. Фанатизмъ, въ чемъ бы то ни было, самъ себѣ вредить. Впрочемъ, истина не замедлитъ отдѣлиться отъ лжи и потому—все хорошо, господа!...

1838 г.

13. [О критикѣ].

Полное собраніе сочиненій Д. И. Фонвизина.

Москва, 1838.

Юрій Милославскій, или русскіе въ 1612 году.

Сочиненіе М. Заюскина. Москва, 1838.

Въ статьѣ о сочиненіяхъ Греча Бѣлинскій призналъ право существованія за цѣлымъ родомъ произведеній „публицистической беллетристики“; ему оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы объяснить и оправдать существованіе вообще *всѣхъ* литературныхъ явленій. Этотъ шагъ онъ и дѣлаетъ въ настоящей статьѣ.

Ошибочно было бы объяснять это исключительно „примирительнымъ“ настроеніемъ Бѣлинскаго этого періода: вѣдь само „настроеніе“ явилось только слѣдствіемъ гегelianства Бѣлинскаго, слѣдствіемъ его знакомства съ „діалектическимъ ходомъ развитія абсолютной идеи“. Діалектическій методъ, являющійся въ своей сущности методомъ *историческимъ*, заставилъ Бѣлинскаго оцѣнивать литературныя явленія съ исторической точки зрѣнія—съ этого Бѣлинскій начинаетъ и этимъ заканчиваетъ настоящую статью. Прежде, начиная съ „Литературныхъ Мечтаній“, онъ огульно осуждалъ, за небольшими исключеніями, всю русскую литературу XVIII вѣка съ своей точки зрѣнія абсолютнаго искусства, подходилъ къ этой литературѣ съ критеріемъ абсолютной художественности. Теперь онъ признаетъ значительность такихъ литературныхъ произведеній, „которые могутъ быть важны, какъ моменты въ развитіи не искусства вообще, но искусства у какого-нибудь народа, и сверхъ того, какъ моменты историческаго развитія и развитія общественности у народа“. Съ этой точки зрѣнія Бѣлинскій намѣревался разсмотрѣть въ настоящей статьѣ комедіи Фонвизина и съ этой же точки зрѣнія призналъ „важное значеніе“ Кантемира, Сумарокова, Хераскова, Богдановича и др. Съ подобной же точки зрѣнія Бѣлинскій хотѣлъ разобрать и романъ Загоскина, взявъ его, какъ моментъ развитія русской литературы, но указывая въ то же время „на его отрицательныя стороны, *которые и открываются именно въ историческомъ развитіи*“. Съ этой точки зрѣнія Бѣлинскій признавалъ необходимость даже романовъ Булгарина, даже повѣстужекъ А. Орлова, даже „Георга, милорда Англинскаго“: всѣ они имѣютъ свою

публику, всѣ они важны для пониманія общественнаго развитія страны, всѣ они являются опредѣленными моментами историческаго развитія литературы. Но именно въ этомъ историческомъ развитіи и открываются ихъ отрицательныя стороны, путемъ доведенія ихъ до абсурда и путемъ синтеза двухъ низшихъ истинъ въ одной высшей. Всѣ эти взгляды вытекаютъ изъ основной вѣры Бѣлинскаго въ „разумную дѣйствительность“—въ цѣлесообразность и объективную осмысленность міра и жизни, какъ мы это уже указали выше, въ нашей замѣткѣ къ статьѣ № 10. „Или міръ есть вѣчто отрывочное, само себѣ противорѣчащее,—повторяетъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ,—или единое цѣлое, но только въ безконечномъ разнообразіи являющееся; въ первомъ случаѣ онъ недоступенъ знанію и не есть проявленіе вѣчнаго разума, который себѣ не противорѣчитъ; во второмъ случаѣ онъ долженъ быть разумнымъ явленіемъ“... Неразумнаго, объективно нецѣлесообразнаго—нѣтъ и быть не можетъ; примѣняя это общее положеніе къ литературнымъ явленіямъ, Бѣлинскій неизбѣжно долженъ былъ прійти къ исторической точкѣ зрѣнія и даже довести ее до крайняго развитія.

Такова основная мысль этой статьи, тѣсно примыкающей къ предыдущимъ статьямъ „Московского Наблюдателя“. Приступая къ развитію этой мысли, Бѣлинскій почувствовалъ необходимость новаго опредѣленія понятія *критики*: раньше, въ эпоху своего шеллингианства и фихтианства, онъ базировалъ критику исключительно на принципахъ эстетики (см. начало статьи № 7 и др.); теперь это основаніе кажется ему слишкомъ шаткимъ, слишкомъ субъективнымъ. Эту субъективную *эстетическую критику* Бѣлинскій готовъ оставить условно; въ послѣдующей статьѣ о романахъ Лажечникова онъ пишетъ: „пока мы условимся, что дѣло критики есть отдѣленіе красотъ отъ недостатковъ въ произведеніи искусства, а мѣрка при этомъ химическомъ процессѣ—личное ощущеніе критика“. Но дѣйствительное пониманіе Бѣлинскимъ критики совсѣмъ иное,

какъ самъ онъ это подчеркиваетъ; это пониманіе онъ излагаетъ въ настоящей статьѣ, слѣдуя за нѣмецкимъ критикомъ-гегеліанцемъ Ретшеромъ, статью котораго онъ здѣсь излагаетъ (см. также послѣднія страницы статьи № 16: тамъ находится краткое резюме всѣхъ этихъ мыслей Бѣлинскаго о критикѣ). Онъ устанавливаетъ понятіе *философской критики*, критики абсолютной, суду которой могутъ подлежать только высшія художественныя произведенія. „Намъ еще долго ждать такой критики и такого критика“, — прибавляетъ Бѣлинскій, — очевидно даже и не предполагая, что самъ онъ былъ представителемъ именно такой критики, хотя бы, напримѣръ, въ своей статьѣ о „Гамлетѣ“, такъ какъ сущность этой статьи именно заключается въ выясненіи философской мысли трагедіи, а вовсе не въ уясненіи ея характеровъ. Последнее является задачей *психологической критики*, которая должна существовать на ряду съ философской. Что же касается до произведеній не всецѣло художественныхъ, то къ нимъ должна прилагаться критика *разрушающая*, которая указываетъ на ту высшую истину, одной частью которой является такое произведеніе. Исходя отсюда, Бѣлинскій и говоритъ объ исторической критикѣ, какъ мы это отмѣтили выше.

Не останавливаемся на частностяхъ, въ родѣ подраздѣленія философской критики на стадіи аналитической и синтетической: мы хотѣли подчеркнуть только главную мысль Бѣлинскаго въ его изложеніи Ретшера. Этотъ второстепенный эстетикъ—гегеліанецъ былъ долгое время большимъ авторитетомъ для Бѣлинскаго и его друзей; мы увидимъ, что уже въ сороковыхъ годахъ Бѣлинскій, осуждая Ретшера за его „филистерство“, все же продолжалъ во многомъ придерживаться его взглядовъ. Въ статьѣ 1841 года „Идея искусства“ (см. наст. изд. т. II, статья № 28) Бѣлинскій, опредѣляя искусство, какъ „непосредственное созерцаніе истины, или мышленіе въ образахъ“, прибавилъ: „это опредѣленіе еще въ первый разъ произносится на русскомъ языкѣ“. Говоря такъ, онъ очевидно забылъ о настоящей статьѣ, гдѣ это же опредѣленіе было выражено имъ, вслѣдъ за Гегелемъ и Ретшеромъ, почти тѣми же словами. „Чувство есть непосредственное созерцаніе истины“, а „поэзія есть мышленіе въ образахъ“, — говоритъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ; тремя годами позднѣе онъ буквально повторилъ это опредѣленіе, распространивъ его на искусство вообще. Замѣтимъ кстати, что теперь, въ началѣ своего увлеченія Гегелемъ, Бѣлинскій болѣе строго слѣдовалъ за нимъ, чѣмъ впослѣдствіи, три года спустя; въ настоя-

щей статьѣ онъ считаетъ *непосредственное* низшей ступенью къ *опосредственному*, считаетъ, слѣдуя за Гегелемъ, чувство „безсознательнымъ разумомъ“, а разумъ „сознательнымъ чувствомъ“; а въ указанной статьѣ 1841 года онъ возвышаетъ непосредственное надъ опосредствованнымъ и тѣмъ возвращается къ шеллингианской интуиціи, интеллектуальному воззрѣнію. (См. объ этомъ нашу замѣтку къ статьѣ № 28).

Слѣдуетъ остановиться еще на одномъ характерномъ пунктѣ настоящей статьи — на подробномъ сопоставленіи нѣмецкой и французской критики, нѣмецкаго и французскаго національнаго духа. Этотъ мотивъ часто звучалъ въ статьяхъ Бѣлинскаго — укажемъ хотя бы на статьи №№ 26, 29, 44 и др., — но звучалъ онъ въ разное время совершенно по разному. Въ эпоху „телескопскихъ“ статей Бѣлинскій защищалъ французскую мысль, французскую литературу отъ огульных нападокъ Шевырева и Сенковского (см. выше, стр. 275—277), хотя и не сочувствовалъ французскому „эмпиризму“ въ философіи; теперь, вступивъ въ гегеліанскій періодъ своей жизни, онъ одновременно вступилъ въ періодъ ожесточенной ненависти къ французамъ. Вспомнимъ начало статьи о „Гамлетѣ“, съ обильно разсыпанной бранью противъ „гнилого, безсильнаго, бездушнаго французскаго классицизма“ и „конвульсій лихорадочнаго, пьянаго французскаго романтизма“; вспомнимъ, съ какой радостью Бѣлинскій приводитъ выписки изъ писателей, съ той или иной стороны неодобрительно отзывающихся о французахъ (см. выше, стр. 357, 413 и 428). За чтó Бѣлинскій такъ ненавидѣлъ „французскій духъ“ — это онъ достаточно подробно разъясняетъ въ настоящей статьѣ; онъ чувствовалъ въ французахъ — антиподовъ своему пониманію искусства, жизни, вселенной. Оптимистическому признанію разумной дѣйствительности міра, свойственному нѣмецкой философіи не только съ Канта, но даже съ Лейбница и вплоть до Гегеля, „французскій духъ“ противопоставлялъ пессимистическій скептицизмъ, начиная съ эпохи энциклопедистовъ; это было ненавистно Бѣлинскому, и онъ ударился въ противоположную крайность, въ доведеніе до абсурда теоріи разумной дѣйствительности, въ примѣненіе ея къ самымъ темнымъ сторонамъ окружающаго его міра. Такъ съ философской почвы вопросъ скоро перешелъ на политическую, на соціальную — какъ мы это увидимъ ниже на статьяхъ Бѣлинскаго 1839—1840 гг.; но основаніе его продолжало лежать на философской почвѣ. До какой степени ненависти доходилъ Бѣлинскій въ этомъ своемъ „французофдствѣ“, говоря словами Берне о Менцелѣ, видно хотя бы изъ тѣхъ строкъ

настоящей статьи, въ которыхъ Бѣлинскій говоритъ о французахъ: „народъ безъ религіозныхъ убѣжденій, безъ вѣры въ таинство жизни (курсивъ нашъ) — все святое оскверняется отъ его прикосновенія, жизнь мретъ отъ его взгляда...“ Отсюда видно, чѣмъ былъ оскорбленъ Бѣлинскій въ святая-святыхъ своего воззрѣнія на міръ и на жизнь...

Въ настоящей статьѣ намѣчается и другой предметъ новой ненависти Бѣлинскаго — Шиллеръ, „этотъ странный полу-художникъ и полу-философъ“, котораго Бѣлинскій сравниваетъ, разумѣется, *toutes proportions gardées*, съ авторомъ „Юрія Милославскаго“, Загоскинымъ! „Съ Шиллеромъ я совсѣмъ разсорился, — пишетъ Бѣлинскій Станкевичу, 8 ноября 1838 г., т.-е. одновременно съ настоящей статьёй: — Богъ съ нимъ — потѣшился онъ надо мной!“ Годомъ позже Бѣлинскій писалъ Станкевичу: „Шиллеръ *тогда* былъ мой личный врагъ и мнѣ стоило труда обуздывать мою къ нему ненависть и держаться въ предѣлахъ возможнаго для меня приличія. За что эта ненависть? За субъективно-нравственную точку зрѣнія, за страш-

ную идею долга, за абстрактный героизмъ, за прекраснодушную войну съ дѣйствительностью, за все за это, отъ чего страдалъ я во имя его“... Въ Шиллерѣ онъ ненавидѣлъ самого себя эпохи фихтианства, ознаменованной первой вспышкой политическаго радикализма Бѣлинскаго, о чемъ мы подробно говорили въ нашей вступительной статьѣ. Здѣсь мы только отмѣчаемъ характерное отношеніе Бѣлинскаго къ Шиллеру, впервые прорвавшееся въ настоящей статьѣ и продолжающееся въ послѣдующихъ статьяхъ Бѣлинскаго до 1839—1840 года.

Настоящая статья должна была составлять вступленіе къ двумъ слѣдующимъ статьямъ о Фонвизинѣ (вторая статья) и Загоскинѣ (третья статья); но эта вторая и третья статьи такъ и остались ненаписанными. Поэтому настоящая статья носитъ заглавіе совершенно не отвѣчающее ея содержанію, и мы позволили себѣ, сохранивъ заглавіе Бѣлинскаго, дать ей (въ скобкахъ) болѣе общее и отвѣчающее ея содержанію заглавіе: „О критикѣ“.

И.-Р.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Многимъ, не безъ основанія, покажется страннымъ соединеніе въ одной критической статьѣ произведеній двухъ писателей различныхъ эпохъ, съ различнымъ направленіемъ талантовъ и литературной дѣятельности. Мы имѣемъ на это причины, изложеніе которыхъ и должно составить содержаніе этой первой статьи. Двѣ вторыя будутъ содержать самый разборъ сочиненій.

Начинаемъ ее повтореніемъ много уже разъ повторенной нами мысли, что всякій успѣхъ всегда необходимо основывается на заслугѣ и достоинствѣ, хотя неуспѣхъ не только не всегда есть доказательство отсутствія достоинства и силы, но еще иногда и служить явнымъ доказательствомъ того и другого. Въ свое время и „Иванъ Выжигинъ“ имѣлъ необыкновенный успѣхъ, и строгіе критики, вмѣсто того, чтобы хладнокровно изслѣдовать причину такого явленія поспѣшили сдѣлать опрометчивое заключеніе, что всякое литературное произведеніе, раскупленное въ короткое время и въ большомъ числѣ экземпляровъ, непременно дурно, потому что понравилось толпѣ. Толпа! — но вѣдь толпа раскупала и Байрона, и Вальтеръ-Скотта, и Шиллера, и Гёте; толпа же въ Англіи ежегодно празднуетъ день рожденія своего великаго Шекспира. Въ сужденіяхъ надо избѣгать крайностей. Всякая крайность истинна, но только какъ одна

сторона, *отвлеченная* отъ предмета; полная истина только въ той мысли, которая объемлетъ всѣ стороны предмета и, самообладая собою, не даетъ себѣ увлечься ни одною исключительно, но видитъ ихъ всѣ въ ихъ конкретномъ единствѣ. И потому, видя передъ собою успѣхъ Байрона, Вальтеръ-Скотта, Шиллера и Гёте, не забудемъ Мильтона, при жизни своей отвергнутаго толпою, а слишкомъ черезъ столѣтіе превознесеннаго ею; вспомнимъ миѳическаго старца Омира, безпріютнаго странника при жизни и кумира тысячелѣтій. Теперь намъ слѣдовало бы перечестъ всѣ эти славы и знаменитости, при жизни ихъ превознесенныя и по смерти забытыя, но... реестръ былъ бы длиненъ до утомительности. Вмѣсто этого безконечнаго исчисленія мы лучше скажемъ, что не только не должно отзываться съ презрѣніемъ объ этихъ недолговѣчныхъ и даже эфемерныхъ славахъ и знаменитостяхъ, но еще должно съ любопытствомъ и вниманіемъ изучить ихъ. Если вы въ какой-нибудь деревенькѣ найдете бородатаго Одиссея, который вертитъ общимъ мнѣніемъ и владычествуетъ надъ всѣми не начальническою властью, а только своимъ непосредственнымъ вліяніемъ, авторитетомъ своего имени, — это явный знакъ, что этотъ бородатый Улиссъ есть выраженіе, представитель этой маленькой толпы, которую вы можете узнать и опредѣлить по немъ, въ силу пословицы „каковъ попъ, таковъ и приходъ“. Эта истина тѣмъ рази-

тельно въ высшихъ сферахъ и въ обширнѣйшихъ кругахъ жизни, что въ нихъ пріобрѣтеніе авторитета несравненно труднѣе. Что бы вы ни говорили, а человѣкъ, умственные труды котораго читаются цѣлымъ обществомъ, цѣлымъ народомъ, есть явленіе важное, вполне достойное изученія. Какъ бы ни кратковременна была его сила, но если она была—значить, что онъ удовлетворилъ своевременной, хотя бы то было и мгновенной, потребности своего времени или, по крайней мѣрѣ, хоть одной сторонѣ этой потребности. Слѣдовательно, по немъ вы можете опредѣлить моментальное состояніе общества, или хотя одну его сторону. Теперь никто не станетъ восхищаться не только трагедіями Сумарокова, но даже и Озерова, а между тѣмъ оба эти писателя навсегда останутся въ исторіи русской литературы. Сумароковъ своими трагедіями далъ возможность для учрежденія въ Россіи театра на прочномъ основаніи, т.-е. на охотѣ публики къ театру. Скажутъ: „Что за заслуга быть первымъ только по счету—это сдѣлалъ бы всякій“. Очень хорошо, но кромѣ Сумарокова этого никто не сдѣлалъ, хотя были трагики и кромѣ него. Херасковъ въ свое время пользовался огромнымъ авторитетомъ и написалъ множество трагедій и *слезныхъ драмъ*, но имъ, равно какъ и трагедіямъ Ломоносова, всегда предпочитались трагедіи Сумарокова. И тотъ же Херасковъ торжествовалъ надъ всѣми своими соперниками, какъ эпикъ. Водевиль Аблесимова „Мельникъ“ и комедіи Фонвизина убили, въ свою очередь, всѣ комическія знаменитости, включая сюда и Сумарокова. Вспомнимъ также высокое уваженіе современниковъ къ „Ябедѣ“ Капниста, теперь совершенно забытой комедіи. Наконецъ явился Озеровъ—и слава Сумарокова, какъ трагика, была уничтожена, потому что поддерживалась только *отсталями*. Значить: общество живо симпатизировало всѣмъ этимъ людямъ, а если такъ, значить: эти люди угадали потребности своего времени и удовлетворили имъ, чего они не могли бы сдѣлать, если бы сами они не были выраженіемъ духа своего времени, представителями своихъ современниковъ. А это значитъ—занимать въ обществѣ высокое мѣсто. Что успѣхъ этихъ людей нисколько не ручается за ихъ художническое призваніе—объ этомъ нечего и говорить: ранняя смерть отрицаетъ поэтическій талантъ; но что это не были люди ничтожные, бездарные, принимая слово „дарованіе“ не въ одномъ художническомъ значеніи—это также ясно. И вотъ точка зрѣнія, съ которой всѣ эти люди имѣютъ важное значеніе, достойное всякаго вниманія. И въ ихъ время было много плодовитыхъ бездарностей, но эти без-

дарности никогда не пользовались ни славою, ни извѣстностью. Не нужно говорить, что и въ эфемерной славѣ есть свои градаціи—это разумѣется само собою: главное дѣло въ томъ, что нѣтъ явленія безъ причины, нѣтъ успѣха не по праву, и что всякое явленіе и всякій успѣхъ, выходящій изъ предѣловъ повседневной обыкновенности, заслуживаютъ вниманіе. Было въ Россіи время—мы помнимъ его, хотя, кажется, и отдѣлены отъ него какъ будто цѣлымъ вѣкомъ, было время, когда всѣмъ наскучило читать въ романахъ только иноземныя похожденія и захотѣлось посмотреть на свои родныя. И вотъ является романъ ¹⁾, герои котораго называются русскими фамиліями, *по имени и отчеству*, мѣсто дѣйствія въ Россіи, обычаи, условія общественнаго быта *какъ будто* русскіе. Конечно, все это было русскимъ только по именамъ лицъ и мѣстъ и по увѣреніямъ автора; но на первыхъ порахъ показалось для всѣхъ русскимъ на самомъ дѣлѣ, и было принято за русское. Тутъ еще была и другая причина: романъ былъ правоописательный и сатирическій, и главная нападка въ немъ была устремлена на лихоимство. Этому были обязаны своимъ успѣхомъ многія сочиненія Сумарокова, Нахимова и „Ябеда“ Капниста. Сверхъ того, романъ хотя былъ произведеніемъ иноплеменика, но отличался правильнымъ, чистымъ и плавнымъ русскимъ языкомъ,—достоинство, которымъ могли хвалиться немногіе и изъ русскихъ писателей, даже пользовавшихся большою извѣстностью. Вотъ вамъ и причина успѣха романа. Если онъ и теперь имѣетъ еще *свою* публику, и то не даромъ, а за дѣло. Какъ не правы люди, которые нѣкогда истощали свое остроуміе надъ романами А. А. Орлова: у него *своя* публика, которая находила въ его произведеніяхъ то, чего искала и требовала для себя, и въ *извѣстной* литературной сферѣ онъ одинъ, между множествомъ пользовался *истинною* славою, *заслуженнымъ* авторитетомъ.

Всякій народъ есть нѣчто цѣлое, особое, частное и индивидуальное; у всякаго народа своя жизнь, свой духъ, свой характеръ, свой взглядъ на вещи, своя манера понимать и дѣйствовать. Въ нашей литературѣ теперь борются два начала—французское и нѣмецкое. Борьба эта началась уже давно, и въ ней-то выразилось рѣзкое различіе направленія нашей литературы. Разумѣется, что намъ такъ же не къ лицу идти быть нѣмцами, какъ и французами, потому что у насъ есть своя національная жизнь—глубокая, могучая, оригинальная; но назначеніе Россіи есть—принять въ себя всѣ элементы

¹⁾ „Иванъ Выжигинъ“ Булгарина.

не только европейской, но мировой жизни, на что достаточно указываетъ ея историческое развитіе, географическое положеніе и самая многосложность племени, вошедшихъ въ ея составъ и теперь перекаляющихся въ горнилѣ великорусской жизни, которой Москва есть средоточіе и сердце, и приобщающихся къ ея сущности. Разумѣется, принятіе элементовъ всемирной жизни не должно и не можетъ быть механическимъ или эклектическимъ, какъ философія Кузена, сшитая изъ разныхъ лоскутковъ, а живое, органическое, конкретное:—эти элементы, принимаясь русскимъ духомъ, не остаются въ немъ чѣмъ-то постороннимъ и чуждымъ, но перерабатываются въ немъ, преобразуются въ его сущность и получаютъ новый, самобытный характеръ. Такъ въ живомъ организмѣ *разнообразная* пища процессомъ пищеваренія обращается въ *единую* кровь, которая животворитъ *единый* организмъ. Чѣмъ многосложнѣе элементы, тѣмъ богатѣе жизнь. Неудовимо безконечны стороны бытія, и чѣмъ болѣе сторонъ выражаетъ собою жизнь народа, тѣмъ могучѣе, глубже и выше народъ. Мы, Русскіе—наслѣдники цѣлаго міра, не только европейской жизни, и наслѣдники по праву. Мы не должны и не можемъ быть ни Англичанами, ни Французами, ни Нѣмцами, потому что мы должны быть Русскими, но мы возьмемъ, какъ свое, все, что составляетъ исключительную сторону жизни каждаго европейскаго народа, и возьмемъ ее—не какъ *исключительную* сторону, а какъ элементъ для пополненія нашей жизни, *исключительная* сторона которой должна быть—многосторонность, не отвлеченная, а живая, конкретная, имѣющая свою собственную народную физіономію и народный характеръ. Мы возьмемъ у Англичанъ ихъ промышленность, ихъ универсальную практическую дѣятельность, но не сдѣлаемся *только* промышленниками и дѣловыми людьми; мы возьмемъ у Нѣмцевъ науку, но не сдѣлаемся *только* учеными; мы уже давно беремъ у Французовъ моды, формы свѣтской жизни, шампанское, усовершенствованія по части высокаго и благороднаго повареннаго искусства; давно уже учимся у нихъ любезности, ловкости свѣтскаго обращенія, но пора уже перестать намъ брать у нихъ то, чего у нихъ нѣтъ: знаніе, науку. Ничего нѣтъ вреднѣе и нелѣпѣе, какъ не знать, гдѣ чѣмъ можно пользоваться.

Вліяніе Нѣмцевъ благотѣльно на насъ во многихъ отношеніяхъ—и со стороны науки и искусства, и со стороны духовно-нравственной. Не имѣя ничего общаго съ Нѣмцами въ частномъ выраженіи своего духа, мы много имѣемъ съ ними общаго въ основѣ, сущности, субстанціи нашего духа. Съ Фран-

цузами мы находимся въ обратномъ отношеніи: хорошо и охотно сходясь съ ними въ формахъ общественной (свѣтской) жизни, мы враждебно противоположны съ ними по сущности (субстанціи) нашего національнаго духа.

Мы начали съ того, что у каждаго народа, вслѣдствіе его національной индивидуальности, свой взглядъ на вещи, своя манера понимать и дѣйствовать. Это всего разительнѣе видно въ абсолютныхъ сферахъ жизни, къ которымъ принадлежитъ и искусство. Понятія объ искусствѣ, равно какъ и самая идея его—взяты нами у Французовъ, и только съ появленіемъ Жуковскаго литература и искусство наше начали освобождаться отъ вліянія французскаго, извѣстнаго подъ именемъ классицизма (мнимаго). Реакція французскому направленію была произведена нѣмецкимъ направленіемъ. Во второмъ десятилѣтіи текущаго вѣка эта реакція совершила полный свой кругъ: классицизмъ французскій былъ убитъ совершенно. Но съ третьяго десятилѣтія, теперь оканчивающагося, Французы снова вторглись въ нашу литературу, но уже во имя романтизма, который состоитъ въ изображеніи дикихъ страстей и вообще животности всякаго рода, до какой только можетъ ниспастъ духъ человѣческій, оторванный отъ религиозныхъ убѣжденій и преданный на свой собственный произволъ. Владычество было не долго-временно; но результаты этого владычества остались: теперь уже мало уважаютъ произведенія юной французской школы, но на искусство снова смотрятъ во французскія очки. Между тѣмъ, съ другой стороны, нѣмецкій элементъ слишкомъ глубоко вошелъ въ наши литературныя вѣрованія, и борется съ французскимъ. Бросимъ взглядъ на тотъ и другой.

Для насъ въ особенности существуютъ двѣ критики—нѣмецкая и французская, столько же различныя между собою и враждебныя другъ другу, какъ и націи, которымъ принадлежать. Разница между ними ясна и очевидна съ перваго, даже самаго поверхностнаго взгляда, и происходитъ отъ различія духа того и другого народа. Различіе это заключается въ томъ, что духовному созерцанію Нѣмцевъ открыта внутренняя, таинственная сторона предметовъ знанія, доступенъ тотъ невидимый, сокровенный духъ, который ихъ оживляетъ и даетъ имъ значеніе и смыслъ. Для нѣмца всякое явленіе жизни есть таинственный іероглифъ, священныи символъ, или, наконецъ, органическое, живое созданіе,—и для Нѣмца понять явленіе бытія, значитъ проникнуть въ источникъ его жизни, прослѣдить біеніе его пульса, трепетаніе внутренней, сокровенной

жизни, найти его соотношеніе къ общему источнику жизни и въ частномъ увидѣть проявленіе общаго. Французъ, напротивъ, смотритъ только на внѣшнюю сторону предмета, которая одна и доступна ему. Форма, взятая сама-по-себѣ, а не какъ выраженіе идеи; явленіе, взятое само-по-себѣ, безъ отношенія къ общему, частность не въ ряду безчисленнаго множества частныхъ, выражающихъ единое общее, а въ *кучѣ* частныхъ, безъ порядка набросанныхъ — вотъ взглядъ Француза на явленія міра. И потому пока еще дѣло идетъ о предметахъ, познаваемыхъ разсудкомъ, подлежащихъ опыту, наглядкѣ, соображенію — Французы имѣютъ свое значеніе въ наукѣ, и дѣлаются отличными математиками, медиками, обогащаютъ науку наблюденіями, опытами, фактами. Но какъ скоро дѣло дойдетъ до сокровеннѣйшаго и глубочайшаго значенія предметовъ, до ихъ соотношенія другъ къ другу, какъ цѣли, лѣтвицы явленій, вытекающихъ изъ одного общаго источника жизни и представляющихъ собою единство въ безконечномъ разнообразіи, — Французы или впадаютъ въ произвольность понятій и риторичку, или начинаютъ возставать противъ общаго и единаго, какъ противъ мечты, а таинственное стремленіе къ уразумѣнію жизни изъ одного и общаго начала, стремленіе, заключенное въ глубинѣ нашего духа и выражающееся, какъ трепетное предощущеніе таинства жизни, называютъ пустою мечтательностью. Для Нѣмца безконечный міръ Божій есть проявленіе въ живыхъ образахъ и формахъ духа Божія, все произведшаго и во всемъ являющагося, книга съ семью печатями; а знаніе — храмъ, куда входитъ онъ съ омовленными ногами, съ очищеннымъ сердцемъ, съ трепетомъ благоговѣнія и любви къ Источнику всего. И потому-то и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни у Нѣмцевъ все запечатлѣно характеромъ религіозности и для нихъ жизнь есть святое и великое таинство, которое понимается откровеніемъ, и уразумѣніе котораго дается, какъ благодать Божія. Для Француза все въ мірѣ ясно и опредѣленно, какъ $2 \times 2 = 4$; явленія жизни для него не имѣютъ общаго источника, одного великаго начала — они выросли въ его головѣ, какъ грибы послѣ дождя, и наука у него не храмъ, а магазинъ, гдѣ разложены товары не по внутреннему ихъ отношенію, а по внѣшнимъ случайнымъ признакамъ: стобитъ прочесть ярлычки, наклеенные на нихъ, и ихъ употребленіе, значеніе и цѣна извѣстны ему. Это народъ внѣшности; онъ живетъ для внѣшности, для показу, и для него не столько важно быть великимъ, сколько казаться великимъ, быть счастливымъ, сколько казаться такимъ. По-

смотрите, какъ слабы, ничтожны во Франціи узы семейственности, родства; въ ихъ домахъ внутренніе покои пристроиваются къ салону и домашняя жизнь есть только приготовленіе къ выходу въ салонъ. какъ закулисныя хлопоты и суетливость есть приготовленіе къ выходу на сцену. Французъ живетъ не для себя — для другихъ; для него не важно, что онъ такое, а важно, что о немъ говорятъ; онъ весь во внѣшности, и для нея жертвуетъ всѣмъ — и человѣческимъ достоинствомъ, и личнымъ своимъ счастьемъ. Самая высшая точка духовнаго развитія этой націи, цвѣтъ ея жизни — есть *понятіе о чести*.

Честь въ самомъ дѣлѣ есть понятіе высокое, и въ самомъ дѣлѣ для Француза честь не пустой звукъ, но глубокое убѣжденіе, за которое онъ готовъ жертвовать всѣмъ. Но тутъ есть два обстоятельства, которыя значительно сбавляютъ цѣну съ этого чувства. Во-первыхъ — понятіе о чести не есть религіозное, слѣдовательно, оно условно; во-вторыхъ, — все ли оканчивается для человѣка понятіемъ о чести, и неужели понятіе о чести есть вѣнецъ зданія, разгадка всей жизни?...

Есть книга, въ которой все сказано, все рѣшено, послѣ которой ни въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, книга безсмертная, святая, книга вѣчной истины, вѣчной жизни — Евангеліе. Весь прогрессъ человѣчества, всѣ успѣхи въ наукахъ, въ философіи заключаются только въ большемъ проникновеніи въ таинственную глубину этой божественной книги, въ сознаніи ея живыхъ, вѣчно непреходящихъ главъ.

Въ этой книгѣ ничего не сказано о чести. Честь есть краеугольный камень человѣческой мудрости. Основаніе Евангелія — откровеніе истины чрезъ посредство любви и благодати.

Но евангельскія истины не глубоко вошли въ жизнь Французовъ: они взвѣсили ихъ своимъ разсудкомъ и рѣшили, что должна быть мудрость выше евангельской, истина — выше любви. Любовь постигается только любовью; чтобы познать истину, надо носить ее въ душѣ, какъ предощущеніе, какъ чувство: вѣра есть свидѣтельство духа и основа знанія; безконечное доступно только чувству безконечнаго, которое лежитъ въ душѣ человѣка, какъ предчувствіе. У Французовъ, у нихъ во всемъ конечный, слѣпой разсудокъ, который хорошъ на своемъ мѣстѣ, т.-е. когда дѣло идетъ объ уразумѣніи обыкновенныхъ житейскихъ вещей, но который становится *буйствомъ предъ Господомъ*, когда заходить въ высшія сферы знанія. Народъ безъ религіозныхъ убѣжденій, безъ вѣры въ таинство жизни — все святое оскверняется

отъ его прикосновенія, жизнь мреть отъ его взгляда. Такъ оскверняется для вкуса прекрасный плодъ, по которому проползла гадина.

Изъ этого-то различія между національнымъ духомъ Нѣмцевъ и Французовъ происходитъ и различіе искусства и взгляда на искусство того и другого народа. Французскій классицизмъ вытекъ прямо изъ ихъ конечнаго разсудка, какъ признака нищенства ихъ духа. Теперешнее романтическое бѣснованіе такъ называемой *юной французской литературы* имѣетъ своимъ началомъ тотъ же источникъ. Но ихъ критика — что это такое? То же, что и всегда была — біографія писателя, разсматриваемая съ внѣшней стороны. Для французовъ произведеніе писателя не есть выраженіе его духа, плодъ его внутренней жизни; нѣтъ, это есть произведеніе *внѣшнихъ* обстоятельствъ его жизни. Французы во всемъ вѣрны своимъ началамъ.

Не такова нѣмецкая критика. Будучи даже эмпирическою, она обнаруживаетъ стремленіе законами духа объяснить и явленіе духа.

Многіе читатели жаловались на помѣщеніе нами статьи Рётшера „О философской критикѣ художественнаго произведенія“, находя ее темною, недоступною для пониманія. Пользуемся здѣсь случаемъ опровергнуть несправедливость такого заключенія: это относится къ предмету нашего разсужденія гораздо ближе, нежели какъ кажется съ перваго взгляда. Прежде всего мы скажемъ, что не всѣ статьи помѣщаются въ журналахъ *только* для удовольствія читателей; необходимы иногда и статьи ученаго содержанія, а такіа статьи требуютъ труда и размышленія.

Рётшеръ дѣлитъ критику на *философскую и психологическую*. Постараемся сколько можно проще изложить его начало. Всякое *художественное* произведеніе есть *конкретная* идея, *конкретно* выраженная въ изящной формѣ, и представляетъ особый, въ самомъ себѣ замкнутый міръ. Когда мы вполнѣ насладились изящнымъ произведеніемъ, вполнѣ насытили и удовлетворили свое непосредственное чувство, у насъ рождается желаніе еще глубже проникнуть въ его сущность, объяснить себѣ причину нашего восторга. Тогда *непосредственное* чувство, производимое впечатлѣніемъ, уступаетъ свое мѣсто *посредству* мысли,—и мы беремъ въ *посредство* между собою и художественнымъ произведеніемъ *мысль*, чтобы вполнѣ съ нимъ слиться, чтобы наше понятіе вполнѣ съ нимъ соотвѣтствовало, другими словами, чтобы понятіе было тождественно съ понимаемымъ. Но прежде нежели объяснимъ, какъ дѣлается этотъ процессъ, мы должны

сказать о недостаточности одного непосредственнаго пониманія произведеній искусствъ и о необходимости прибѣгать къ посредству мысли.

Всякое явленіе есть мысль въ формѣ. Формы неуловимы и безчисленны по своей безконечной разнообразности; одна и та же идея является въ безконечномъ множествѣ и разнообразіи формъ; всѣ же идеи суть не иное что, какъ одна движущаяся, развивающаяся идея бытія, которая проходитъ чрезъ всѣ ступени, всѣ моменты своего развитія. Это движеніе въ развитіи представляетъ собою непрерывную цѣпь, каждое звено которой есть отдѣльная мысль, прямо и непосредственно вытекшая изъ предшествовавшей идеи, или предшествовавшего звена, и по закону необходимости выводящая изъ себя другую, послѣдующую идею, которая есть ея же продолженіе, или другое послѣдующее звено. Въ этомъ движеніи, въ этомъ развитіи единой вѣчной идеи состоитъ жизнь міра, потому что безъ движенія нѣтъ жизни, а движеніе должно имѣть цѣлью развитіе, потому что движеніе безъ разумной цѣли есть пустое, хаотическое броженіе, а не жизнь. Итакъ, если всѣ идеи суть не иное что, какъ логически, по законамъ разумной необходимости, единая, сама изъ себя развивающаяся идея, то, слѣдовательно, задача философіи есть открытіе, сознаніе этого движенія идеи, и если это сознаніе возможно, то возможно и сознаніе всего сущаго, какъ проявленія одной движущейся идеи, которая есть сущность, духъ и жизнь своихъ формъ. Если это сознаніе невозможно, то невозможна и всякая попытка живого знанія, потому что разнообразность явленій какъ формъ, неуловима, и кромѣ того, безъ знанія идеи формы самая форма мертва для знанія и недоступна ему. Здѣсь ясно видно заблужденіе эмпириковъ, которые опытнымъ наблюденіями частныхъ явленій хотятъ возвыситься до сознанія общаго, абсолютнаго, а между тѣмъ по необходимости запутываются въ ихъ безконечномъ разнообразіи, не имѣя въ рукахъ аріадниной нити. Явленіе (фактъ), оставаясь непонятымъ въ своей сущности, которая есть его идея, ничего не откроетъ, ничего не рѣшитъ; а идея частнаго явленія, отдѣльно взятая, не можетъ быть понята. Слѣдовательно, эмпирики хлопочутъ попустому. Эмпиризмъ принесъ великую пользу философіи: онъ собралъ для нея матеріалы не какъ данныя для вывода, а какъ данныя для отрѣшенія отъ непосредственности впечатлѣнія, какъ данныя для опроверженія конечныхъ системъ, выдаваемыхъ за абсолютныя, наконецъ, какъ данныя для побужденія къ дальнѣйшему углубленію въ сущность вещей. Слѣдовательно, эмпиризмъ служилъ все умо-

арбію же, а самъ для себя не только ничего не сдѣлать, но всегда быть собственнымъ своимъ разрушителемъ, подавая на самого себя оружіе противорѣчащимъ разнообразіемъ фактовъ.

Или міръ есть нѣчто отрывочное, само себя противорѣчащее; или единое цѣлое, но только въ безконечномъ разнообразіи являющееся. Въ первомъ случаѣ — онъ недоступенъ знанію и не есть проявленіе вѣчнаго разума, который себя не противорѣчитъ; во второмъ случаѣ — онъ долженъ быть разумнымъ явленіемъ, которое въ сознаніи отождествляется съ разумомъ. Здѣсь является новый родъ враговъ знанія — люди, которые, имѣя чувство безконечнаго и душу живу, не могутъ примирить знанія съ чувствомъ, видя въ разумѣ и чувствѣ два враждебныя другъ другу начала. Это заблужденіе свойственно иногда самымъ глубокимъ и сильнымъ умамъ.

Чувство есть непосредственное созерцаніе истины — *чувственное* пониманіе истины. Безъ чувства нѣтъ разума: у кого нѣтъ чувства, у кого только конечный разсудокъ, а не разумъ, для того невозможно высшее пониманіе жизни. Но человѣкъ не животное, и потому не можетъ и не долженъ оставаться при одномъ *чувственномъ, инстинктивномъ* пониманіи: онъ долженъ понимать *сознательно*, т.-е. свои непосредственныя ощущенія переводить на понятія и выговаривать ихъ. Тогда не будетъ противорѣчія между умомъ и чувствомъ, но чувство будетъ *безсознательнымъ умомъ*, а разумъ *сознательнымъ чувствомъ*. Такъ точно любовь есть пониманіе, а пониманіе есть любовь, потому что любовь есть присутствіе въ сокровенной сущности любимаго предмета, а присутствіе одного субъекта въ другомъ есть не что иное, какъ пониманіе этого другого субъекта. Понимать предметъ только чувствомъ, еще не значитъ быть въ немъ, потому что одно непосредственное чувство часто бываетъ обманчиво и, вслѣдствіе нашей субъективности, придаетъ предмету *наше* понятіе, а не видитъ въ немъ *его* понятія, т.-е. того значенія, которое онъ имѣетъ въ самомъ дѣлѣ. Основаніе христіанской религіи есть любовь къ ближнему до самопожертвованія. Съ другой стороны, пониманіе однимъ разумомъ, безъ участія чувства, есть пониманіе мертвое, безжизненное и ложное, и насколько не *разумное*, а только *разсудочное*. И если въ религіи довѣріе къ одному непосредственному чувству доводитъ до фанатизма, то довѣріе одному только разсудку доводитъ до невѣрія, которое есть отреченіе отъ своего человѣческаго достоинства, есть нравственная смерть.

Итакъ, чувство есть *безсознательный ра-*

зумъ, а разумъ есть *сознательное чувство*, и то и другое отнюдь не враждебныя другъ другу элементы, но должны быть единымъ, цѣлымъ, органическимъ, конкретнымъ. Человѣкъ не есть только духъ и не есть только тѣло, но его тѣло есть явленія духа. Но между тѣмъ, борьба чувства и мысли въ человѣкѣ тѣмъ не менѣе не подвержена сомнѣнію: только это отнюдь не опровергаетъ сказаннаго нами. Борьба эта необходима: она есть процессъ развитія, безъ котораго нѣтъ жизни. Въ комъ кончилась эта борьба, въ глазахъ кого предметы уже не дwoятся, наука не противорѣчитъ вѣрѣ, — тотъ достигъ живого, конкретного знанія, и въ томъ чувство есть безсознательный разумъ, и разумъ есть сознательное чувство. Только это не всѣмъ дается, и не всѣмъ дается поровну, но *овому талантъ, овому два*; и еще это не дается даромъ, а достигается борьбою, усиленіемъ: *просите и дастся вамъ, толците и отверзется*.

Процессъ этого отождествленія совершается черезъ мысль, которая является посредницею между нами и предметомъ нашего изслѣдованія, чтобы, отрѣшивши насъ отъ непосредственнаго чувства и тѣмъ избавивши насъ отъ субъективнаго заключенія, снова возвратитъ насъ къ чувству, но уже проведенному черезъ мысль. Это необходимо во всѣхъ сферахъ знанія, — въ пониманіи произведеній искусства также. Эта-то мысль и составляетъ содержаніе первой статьи Рётшера. Онъ говоритъ, что нельзя понять художественнаго произведенія, не понявши его въ цѣломъ (тоталитетѣ), и не увидѣвши въ немъ частнаго, конечнаго проявленія общей, безконечной идеи. Идея есть содержаніе художественнаго произведенія и есть общее; форма есть частное проявленіе этой идеи. Не постигнувши идеи, нельзя понять и формы и насладиться ею, а постичь идею можно только чрезъ отвлеченіе идеи отъ формы, т.-е. чрезъ уничтоженіе живого, органическаго, конкретного созданія, черезъ разъятіе его, какъ трупа. Форма, поглощая въ себя идею, дѣлаетъ изъ общаго частное (индивидуальное) явленіе и лишаетъ возможности оцѣнить самоё себя, потому что живетъ одно общее, а частное живетъ по-толику, поколику оно есть выраженіе общаго. Чтобы понять это общее, надо оторвать идею отъ формы и найти абсолютное значеніе этой идеи въ ряду всѣхъ идей, найти мѣсто этой идеи въ діалектическомъ движеніи общей идеи, какъ звено въ цѣпи. Надо содержаніемъ оправдать форму. Здѣсь первая задача: конкретна ли идея, взятая за основаніе художественнаго произведенія, т.-е. истинна ли она, исполнѣ ли соотвѣтствуетъ себѣ и исполнѣ ли выражаетъ себя,

потому что только конкретная идея может воплотиться въ конкретный поэтический образъ. Поэзія есть мышленіе въ образахъ, и потому, какъ скоро идея, выраженная образомъ, не конкретна, ложна, неполна, то и образъ по необходимости не художественъ. Итакъ, оторвать идею отъ формы художественнаго созданія, развить ее изъ самой себя и оправдать ее самой собою, какъ ступень, какъ звено, какъ моментъ діалектическаго движенія общей единой идеи,—вотъ первая задача философской критики. Но этимъ еще не все оканчивается: кромѣ мышленія, нужна еще для критика сила фантазіи, которою бы онъ могъ провести по образамъ разбираемаго имъ художественнаго созданія оторванную отъ него идею, снова потерять ее въ формѣ, и видѣть самому и показать ее другимъ въ ея органическомъ единствѣ съ формою, въ этихъ свѣтлыхъ, игривыхъ переливахъ жизни, которая сквозитъ въ формѣ, какъ лучъ солнца въ граненомъ хрусталѣ. Со всею поэтической прелестью выраженія и со всею энергіею могучей мысли Рётшеръ выражаетъ свою мысль сравненіемъ, которое подаетъ ему мнѣ о Палладѣ, которая изъ тѣла Діонисія Загрея, растерзаннаго титанами, спасла его еще трепетавшее сердце и передала его Зевсу, чтобы отецъ безсмертныхъ и смертныхъ возжегъ изъ него новую жизнь. Рётшеръ критика-мыслитель, который отторгаетъ идею отъ художественнаго произведенія и тѣмъ разрушаетъ его, сравниваетъ съ Палладою, которая вырываетъ изъ груди Діонисія Загрея его быющее сердце; а критика-творца, какимъ онъ становится во второмъ актѣ критическаго процесса, сравниваетъ съ Зевсомъ, который изъ растерзаннаго сердца Діонисія возжигаетъ новую жизнь. „Не довольно еще, говоритъ онъ, сохраненія *общей* жизни конкретной идеи,—это дѣло *мудрости*; но еще кромѣ мудрости необходима *творческая* дѣятельность, которая бы возстановила благолѣпное устройство божественнаго тѣла и чрезъ то возвратила бы сохраненные въ огнѣ мышленія образы въ новомъ, просвѣтленномъ видѣ“.

Повторимъ въ короткихъ словахъ все сказанное нами.

Художественное произведеніе есть органическое выраженіе конкретной мысли въ конкретной формѣ. Конкретная идея есть полная, всѣ свои стороны обнимающая, вполне себя равная и вполне себя выражающая, истинная и абсолютная идея,—и только конкретная идея может воплотиться въ конкретную, художественную форму. Мысль въ художественномъ произведеніи должна быть конкретно слита съ формою, т.-е. составлять съ ней одно, теряться, исче-

зать въ ней, проникать ее всю. Поэтому, ошибаются тѣ, которые думаютъ, что ничего нѣтъ легче, какъ сказать, *какая* идея лежитъ въ основаніи художественнаго созданія. Это дѣло трудное, доступное только глубокому эстетическому чувству, сроднившемуся съ мыслительностью; но это всего легче въ не-конкретныхъ, мнимо-художественныхъ произведеніяхъ, гдѣ не форма предшествовала при созданіи идеи и заслоняла собою идею отъ самого творца, но къ извѣстной идеѣ придумана форма. Далѣе, первый процессъ философской критики долженъ состоять въ отвлеченіи найденной въ твореніи идеи отъ ея формы и оправданіи конкретности этой идеи, чрезъ развитіе ея изъ самой себя. Когда идея выдержитъ философское испытаніе, тогда форма оправдывается содержаніемъ, потому что какъ невозможно, чтобы неконкретная идея могла воплотиться въ художественную форму, такъ невозможно, чтобы въ основаніи не-художественнаго произведенія могла лежать конкретная идея.

Второй процессъ философской критики состоитъ въ органическомъ сочлененіи разорваннаго произведенія, въ сочлененіи, въ которомъ бы всѣ части его, будучи живо соединены, представляли бы собою единое цѣлое (тоталитетъ), какъ выраженіе единой, цѣлой и конкретной идеи, и каждая изъ нихъ, имѣя собственное значеніе, собственную жизнь и красоту, необходимо служила бы для значенія жизни и красоты цѣлаго, какъ части человѣческаго тѣла представляютъ собою единое, живое, органическое тѣло, не теряя и частнаго своего значенія, жизни и красоты. Цѣлостность (тоталитетъ) художественнаго произведенія зависитъ отъ идеи, лежащей въ его основаніи и такъ проникающей его, что даже и его части, повидимому, чуждыя этой главной основной идеѣ, всѣ служатъ къ ея же выраженію. Такъ, на примѣръ, въ „Отелло“ Шекспира только главное лицо выражаетъ идею ревности, а всѣ прочія заняты совершенно другими интересами и страстями; но несмотря на то, основная идея драмы есть *идея ревности*, и *все* лица драмы, каждое имѣя свое особое значеніе, служатъ къ выраженію основной идеи. Итакъ, второй актъ процесса философской критики состоитъ въ томъ, чтобы показать идею художественнаго созданія въ ея конкретномъ проявленіи, прослѣдить ее въ образахъ и найти цѣлое и единое въ частностяхъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ сущность и значеніе философской критики. Это критика абсолютная, и ея задача—найти въ частномъ и конечномъ проявленіи общаго, абсолютнаго. Ея суду могутъ подлежать только

произведенія вполнѣ художественныя, т.-е. такія, въ которыхъ все необходимо, все конкретно, и всѣ части органически выражаютъ единое цѣлое, т.-е. *конкретную идею*. Разумѣется, что *такой* критикъ долженъ стоять на ряду съ вѣкомъ, быть обладателемъ современнаго ему знанія, и, кромѣ того, имѣть качества, необходимо условливающія собственно критика. Нужно ли говорить, что намъ еще долго ждать такой критики и такого критика?... Въ самой Германіи такая критика еще только началась, какъ результатъ послѣдней философіи вѣка. Но тѣмъ не менѣе полезно знать ее, и имѣть ея идеаль...

Психологическая критика ограниченнѣе въ своихъ условіяхъ и доступнѣе для усилій посвящающихъ себя критикѣ. Ея цѣль—уясненіе характеровъ отдѣльных лицъ художественнаго произведенія. Это поприще блестящее, поле, дающее богатую жатву,—и радушно, съ любовью привѣтствуетъ Рётшеръ *психологическую* критику, отдавая ей полное превосходство передъ критикою непосредственнаго чувства, состоящую въ *отрывочномъ восторгѣ* мѣстами и частностями и въ *отрывочно* порицаніи мѣстъ и частей художественнаго произведенія; но онъ же говоритъ, что этой критики недостаточно для уразумѣнія *цѣлаго* художественнаго произведенія. Психологическая критика, говоритъ онъ, можетъ посвятить насъ въ таинства души Гамлета, Офеліи, Порції, но не объяснить намъ, почему именно эти, а не другіе характеры необходимы въ „Гамлетѣ“ и „Венеціанскомъ Купцѣ“; она можетъ разоблачить процессъ безумія Лира во всей его цѣлости, но не можетъ рѣшить: какъ можетъ быть художественно оправдано изображеніе этого состоянія духа (безумія) и какое мѣсто занимаетъ онъ въ тоталитетѣ. Тоталитетъ невозможно уловить непосвященному въ таинства отвлеченной абсолютной идеи. Всякое явленіе есть выраженіе идеи, но идея доступна только перешедшему черезъ область абстракціи (отвлеченія). Абстракція не есть сама себѣ цѣль, но безъ нея невозможно конкретное пониманіе. Знаніе мертвитъ жизнь, отдѣляя идеи отъ прекрасныхъ живыхъ явленій; но оно мертвитъ ее съ тѣмъ, чтобы послѣ увидѣть ее воскресшею въ новомъ, лучшемъ, просвѣтленномъ видѣ. Здѣсь опять напоминаемъ нашимъ читателямъ мнѣ о Палладѣ, которая исторгаетъ изъ груди Діонисія трепещущее его сердце и подаетъ его Зевсу, чтобы отецъ боговъ и человѣковъ возжегъ изъ него новое пламя прекрасной, юной жизни. Испытующій разумъ, философія—Минерва, вырывающая сердце жизни; фантазія—Юпитеръ, возжигающій въ немъ но-

вую жизнь. Выше мы уже говорили, что идея доступна знанію только въ отрѣшенной чистотѣ своей, оторванная отъ явленій; исканіе абсолютной идеи въ явленіяхъ и чрезъ явленія есть эмпиризмъ. Конечно, всякое изученіе съ мыслью не есть уже сухое, мертвое, эмпирическое. Напротивъ, оно принадлежитъ уже къ области живого рационализма, и если имъ вооружается человекъ съ душою глубокою и сильною, хотя и не философъ, то приноситъ богатые плоды въ живомъ пониманіи вѣчной истины; но не должно, однакожъ, забывать, что все должно имѣть свою цѣну, и что кто хочетъ чистой и холодной воды, тотъ долженъ черпать ее въ самомъ источникѣ. Полное и совершенное пониманіе произведеній искусства возможно только чрезъ философскую критику. Тоталитетъ художественнаго созданія заключается въ общей идеѣ, а общая идея открывается только вполнѣ овладѣвшему царствомъ абсолютной идеи, которое завоевалъ онъ тяжкимъ трудомъ и борьбою съ мертвымъ скелетомъ абстракціи...

Далѣе, Рётшеръ даетъ критикѣ названіе *отрицающей* или *разрушающей*, которая является такою въ отношеніи къ произведеніямъ художественной дѣятельности, стоящей на первой и низшей ступени.

Потомъ онъ указываетъ особенную дѣятельность для критики въ отношеніи къ произведеніямъ, не имѣющимъ полнаго художественнаго достоинства, или, говоря его сжатымъ, энергическимъ языкомъ, къ произведеніямъ, которыя находятся въ существенной связи съ идеею и ея абсолютными требованіями, и въ которыхъ содержаніе и форма имѣютъ какое-либо субстанціальное достоинство, но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключаютъ въ себѣ стороны отрицательныя, т.-е. принадлежащія или къ какому-нибудь опредѣленному времени, или къ ограниченной сферѣ какого-нибудь субъекта. Вмѣсто всякихъ поясненій этой и безъ того очень ясной мысли, мы прибавимъ отъ себя только, что желали бы видѣть такую критику на лучшія произведенія Шиллера, этого страннаго полу-художника и полу-философа. Прочія его произведенія, то-есть не лучшія, должны скорѣе подлежать суду критики отрицающей и разрушающей, нежели этой, которая, говоря словами Рётшера, „должна открывать положительное въ отрицательномъ, очищать зерно отъ скорлупы“.

„Самое блестящее поприще открывается для той критики, которая отыскиваетъ положительное въ отрицательномъ, когда она, видя въ художественномъ произведеніи *моментъ историческаго развитія*, раскрываетъ съ этой стороны его общее и субстанціальное значеніе. Критика, понимая отдѣльное

произведение или какого-нибудь художника въ ихъ историческомъ значеніи, беретъ, въ первыхъ, свой объектъ въ его абсолютномъ смыслѣ, какъ моментъ мірового развитія, и, во-вторыхъ, въ той же мѣрѣ указываетъ его отрицательныя стороны, *которые и открываются именно въ историческомъ развитіи*“. Здѣсь опять мы повторимъ, что суду такой критики подлежатъ произведенія Шиллера. Мы постараемся, сколько будемъ въ силахъ, развить эту мысль въ третьей статьѣ, которая будетъ посвящена исключительно разсмотрѣнію „Юрія Милославскаго“, который принадлежитъ къ одному роду съ художественными произведеніями Шиллера и относится къ нимъ, какъ развитіе Россіи относится къ міровому развитію цѣлаго человѣчества. „Юрій Милославскій“ не лишенъ большого поэтическаго, если не художественнаго, значенія, но въ историческомъ отношеніи этотъ романъ имѣетъ еще болѣе значеніе.

„Даже и тѣ произведенія, которыя не соотвѣтствуютъ понятію искусства, имѣютъ здѣсь положительное значеніе, если только въ нихъ открывается *необходимый моментъ развитія*“. Здѣсь Рётшеръ разумѣетъ моментъ въ развитіи самого искусства и указываетъ на изваянія древне-эллинскаго или гіератическаго стиля, какъ на переходъ отъ символическаго востока къ греческому искусству. Равнымъ образомъ, онъ указываетъ и на произведенія Галлеровъ, Уцовъ и Крамеровъ, по его мнѣнію, имѣющихъ положительное достоинство, которое состояло въ освобожденіи искусства отъ чисто-моральнаго направленія. Если бы, говоритъ онъ, эти произведенія явились позднѣе, то не имѣли бы никакого значенія и никакой цѣны; но явившись въ свое время, они выразили необходимый моментъ въ развитіи искусства. Но, по нашему мнѣнію, которое, какъ намъ кажется, нисколько не противорѣчитъ мысли Рётшера, есть еще и такія произведенія, которыя могутъ быть важны какъ моменты въ развитіи не искусства вообще, но искусства у какого-нибудь народа, а сверхъ того, какъ моменты историческаго развитія и развитія общественности у народа. Съ этой точки зрѣнія „Недоросль“, „Бригадиръ“ Фонвизина, и „Ябеда“ Капниста получаютъ важное значеніе, равно какъ и такого рода явленія, каковы Кантемиръ, Сумароковъ, Херасковъ, Богдановичъ и прочіе. Во второй статьѣ мы разсмотримъ съ этой точки зрѣнія комедіи Фонвизина.

Съ этой же точки зрѣнія и французская историческая критика получаетъ свое относительное достоинство. Главное существенное отличіе нѣмецкой критики отъ французской состоитъ въ томъ, что первая, ка-

кова бы она ни была, даже будучи эмпирическою, если не всегда смотритъ на свой предметъ со стороны его духа и внутренняго, сокровеннаго значенія, то хотя обнаруживаетъ претензію на такой взглядъ. Не такова критика Французовъ: для нея не существуютъ законы изящнаго и не о художественности произведенія хлопочетъ она. Она беретъ произведение, какъ бы заранѣе условившись почитать его истиннымъ произведеніемъ искусства, и начинаетъ отъискивать на немъ клеймо вѣка, не какъ историческаго момента въ абсолютномъ развитіи человѣчества, или даже и одного какого-нибудь народа, а какъ момента гражданскаго и политическаго. Для этого она обращается къ жизни поэта, его личному характеру, его внѣшнимъ обстоятельствамъ, воспитанію, женитьбѣ, всѣмъ подробностямъ его семейнаго, гражданскаго быта, вліянію на него современности въ политическомъ, ученомъ и литературномъ отношеніи, и изъ всего этого силится вывести причину и необходимость того, почему онъ писалъ такъ, а не иначе. Разумѣется, это не критика на изящное произведение, а комментарий на него, который можетъ имѣть болѣшую или меньшую цѣну, но только какъ комментарий. Кому не интересно знать подробности частной жизни великаго художника, какъ и всякаго великаго человѣка? — Но здѣсь удовлетвореніемъ этого любопытства вполне ограничивается и достиженіе цѣли: подробности жизни поэта нисколько не поясняютъ его твореній. Законы творчества вѣчны, какъ законы разума, и Гомеръ написалъ свою „Иліаду“ по тѣмъ же законамъ, по которымъ Шекспиръ написалъ свои драмы, а Гёте своего „Фауста“; при разборѣ произведеній этихъ исполиновъ искусства отдѣленныхъ одинъ отъ другого тысячелѣтіями и вѣками, критикъ будетъ поступать одинаковымъ образомъ. Чтò мы знаемъ о жизни Шекспира? — Почти ничего, а между тѣмъ его творенія отъ этого не меньше ясны, не меньше говорятъ сами за себя. На что намъ знать, въ какихъ отношеніяхъ Эсхилъ или Софокль были къ своему правительству, къ своимъ гражданамъ, и чтò при нихъ дѣлалось въ Греціи? Чтобы понимать ихъ трагедіи, намъ нужно знать значеніе греческаго народа въ абсолютной жизни человѣчества; нужно знать, что Греки выразили собою одинъ изъ прекраснѣйшихъ моментовъ живого, конкретнаго сознанія истины въ искусствѣ. До политическихъ событій и мелочей намъ нѣтъ дѣла. Въ приложеніи къ художественнымъ произведеніямъ французская критика не заслуживаетъ и названія критики: это просто пустая болтовня, въ которой все произвольно и въ которой

все можно понять ¹⁾), кромѣ значенія разбиаемаго въ ней произведенія. Но когда *такую* критикою разсматриваются нехудожественныя, но несмотря на то, имѣющія свое историческое значеніе произведенія, тогда французская критика имѣетъ свою цѣну, свое достоинство и заслуживаетъ всякаго уваженія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вы будете критиковать сочиненія, напримѣръ, Вольтера, изъ которыхъ ни одно не художественно, ни одно не перешло въ потомство, но всѣ имѣли огромное вліяніе на своихъ современниковъ? — Разумѣется, съ французской точки зрѣнія. Конечно, если Вольтеръ былъ явленіемъ мировымъ, то и на него можно взглянуть съ философской

¹⁾ И то очень рѣдко: гдѣ произвольность, тамъ все непонятно. Для доказательства ссылаемся на статью Низара о Ламартина, помѣщенную въ „С. Отечества“.

Прим. Бѣлинскаго.

точки зрѣнія, хотя и совѣтъ не какъ на художника; но при подробномъ разсмотрѣніи непременно впадете въ колею исторической критики. И эта критика всегда должна имѣть свое участіе при разсмотрѣніи такихъ произведеній, которыя, назначаясь своими творцами для сферы искусства, имѣютъ только историческое значеніе. Разумѣется, что и здѣсь французская критика, какъ что-то положительное и особенное, не можетъ имѣть мѣста, но только какъ односторонній взглядъ можетъ входить въ настоящую критику, которая, какой бы ни носила характеръ, обнаруживаетъ постоянное стремленіе изъ общаго объяснять частное и фактами подтверждать дѣйствительность своихъ началъ, а не изъ фактовъ выводить свои начала и доказательства.

1838 г.

14. Ледяной домъ.

Сочиненіе И. Лажечникова. Москва. 1835—7.

Басурманъ.

Сочиненіе И. Лажечникова. Москва. 1838.

На первыхъ страницахъ статьи „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“, Бѣлинскій подробно остановился на вопросѣ о развитіи въ западно-европейской и русской литературѣ формы романа, особенно романа историческаго. Дѣйствительно, первая половина XIX вѣка была эпохою пышнаго расцвѣта историческаго романа, въ связи съ расцвѣтомъ романтизма; Вальтеръ-Скоттъ въ этомъ отношеніи былъ родоначальникомъ и главой цѣлой школы. Въ предыдущихъ статьяхъ Бѣлинскаго и въ указанной его статьѣ читатели неоднократно встрѣчались съ восторженнымъ отношеніемъ Бѣлинскаго къ Вальтеръ-Скотту, этому „нашему Гомеру“, „выразителю полнаго духа времени“, „второму Шекспиру“ и т. п. (выше, стр. 87, 123 и др.); такіе же отзывы о Вальтеръ-Скоттѣ и Куперѣ читатели найдутъ и во всѣхъ послѣдующихъ статьяхъ Бѣлинскаго (см., напр., наст. изд. т. II, стр. 17—27, 40—42 и мн. др.). Въ настоящее время, когда Вальтеръ-Скоттъ и Куперъ стали, въ слегка переработанномъ видѣ, исключительно писателями для юношества, такое восторженное отношеніе къ нимъ кажется страннымъ: отъ Вальтеръ-Скотта или Купера до

Гомера или Шекспира—дистанція громаднаго размѣра; но въ то время такое восторженное отношеніе было общераспространеннымъ. Причины этого отчасти разъяснены Бѣлинскимъ на указанныхъ выше первыхъ страницахъ статьи „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“.

Къ началу тридцатыхъ годовъ въ русской литературѣ появился рядъ историческихъ повѣстей и романовъ: „Юрій Милославскій“ Загоскина, „Дмитрій Самозванецъ“ Булгарина, „Послѣдній Новикъ“ Лажечникова. Изъ этихъ трехъ писателей Лажечниковъ, несомнѣнно, былъ наиболѣе талантливымъ, хотя никакого художественнаго значенія его романы не имѣли и не могли имѣть: въ нихъ есть извѣстная доля занимательности и въ свое время они читались легко. Несмотря на личныя дружескія отношенія съ Лажечниковымъ и даже на свои горячія похвалы его романамъ, Бѣлинскій все же понималъ, что къ нимъ нельзя предъ-являть никакихъ строгихъ требованій эстетики; въ то же время внѣшняя занимательность этихъ романовъ увлекала Бѣлинскаго. Эта „двойственность“ была необъяснима для Бѣлинскаго, пока онъ не пришелъ къ мысли

о законности „публицистической беллетристики“ (см. нашу замѣтку къ статьѣ № 12); „только тогда можно вполне насладиться литературнымъ произведеніемъ, — говоритъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ, — когда поставишь его на свое мѣсто и не будешь требовать отъ него ни больше, ни меньше того, что оно можетъ дать“... И, разумѣется, только съ такой точки зрѣнія и можно подходить къ произведеніямъ Лажечникова; несмотря на преувеличенныя похвалы ему въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ (см. выше, стр. 93 — 94) и въ настоящей статьѣ — Бѣлинскій въ сущности всегда смотрѣлъ на Лажечникова именно съ этой точки зрѣнія. Въ статьѣ „Ничто о ничемъ“ Бѣлинскій справедливо отзывался о романахъ Лажечникова, какъ о произведеніяхъ, конечно, не гениальныхъ, не великихъ, не бессмертныхъ, но являющихся плодомъ „искренней, задушевной и образованной мысли“ (выше, стр. 235). Романы Лажечникова, дѣйствительно, оказались „не бессмертными“: они были забыты уже въ сороковыхъ-пятидесятыхъ годахъ; въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Аполлонъ Григорьевъ въ своихъ критическихъ статьяхъ говорилъ уже о „допотопномъ значеніи Лажечникова“, о томъ, что его романы являются уже „омертвѣлыми пластами“ русской литературы; а въ настоящее время уже мало кто знаетъ о собраніи сочиненій Лажечникова 1884 года, хотя и до сихъ поръ Лажечниковъ остался писателемъ для юношества. Изъ литературнаго наслѣдства Лажечникова гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія его „Замѣтки для біографіи Бѣлинскаго“, впервые напечатанныя въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1859 года (№№ 17 и 32).

Изъ частныхъ настоящей статьи слѣдуетъ обратить вниманіе на отношеніе Бѣлинскаго къ историческому роману вообще. Еще въ одной изъ самыхъ первыхъ своихъ рецензій на романъ „Посельщикъ, соч. Н. Щ.“ (въ „Молвѣ“ 1835 г.) Бѣлинскій опредѣлилъ цѣль историческаго романа, какъ художественный синтезъ былой жизни народа, интуитивное уловленіе его духа; вѣрность историческимъ фактамъ, точное слѣдованіе за хронологіей событій — дѣло сравнительно второстепенное. Эту мысль Бѣлинскій нѣсколько смягчаетъ въ настоящей статьѣ, но все-таки требуетъ отъ историческаго романа соблюденія только художественной, а не исторической истины. Это мнѣніе теперь отброшено: отъ историческаго романа мы требуемъ соединенія истины и исторической и художественной, хотя художнику предо-

ставляется широкая возможность субъективнаго освѣщенія историческихъ фактовъ: „Война и миръ“ Толстого является во всѣхъ этихъ отношеніяхъ образцомъ историческаго романа. Но и въ эпоху Бѣлинскаго русская литература имѣла уже великіе образцы этого рода творчества: самъ Бѣлинскій восторженно отзывался о недоконченномъ пушкинскомъ „Арапѣ Петра Великаго“ и его „Капитанской дочкѣ“, гдѣ историческая истина тѣсно переплетается съ истиной художественной (см. выше, статью № 11, а въ третьемъ томѣ настоящаго изданія — послѣднюю изъ статей о Пушкинѣ).

Отмѣтимъ еще въ настоящей статьѣ эпизодическое отступленіе — сравненіе „идеальной“ и „чувственной“ любви, характерное для Бѣлинскаго 1838 — 1839 гг., когда Бѣлинскій и въ этомъ вопросѣ сталъ переходить на точку зрѣнія „дѣйствительности“ отъ былого „прекраснодушнаго идеализма“: подробное изслѣдованіе этого вопроса читатель найдетъ въ статьѣ П. Милюкова „Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“. Въ статьѣ о „Римскихъ элегіяхъ“ Гёте (наст. изд. т. II, статья № 32) выяснится позднѣйшее отношеніе Бѣлинскаго къ этому вопросу. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще тѣсную связь настоящей статьи со всѣми предыдущими, начиная съ самыхъ первыхъ, въ вопросѣ объ объективности художника и о несовмѣстимости „моральной точки зрѣнія“ съ поэзіей. Въ эпоху признанія разумной дѣйствительности міра былой объективизмъ Бѣлинскаго приобрѣлъ новую точку опоры и сталъ проповѣдываться имъ все съ большей и большей силою, какъ мы это еще увидимъ изъ статьи о „Менцелѣ“.

Настоящая статья является послѣдней изъ болѣе или менѣе крупныхъ статей Бѣлинскаго въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, хотя изданіе послѣдняго продолжалось послѣ этого еще полгода (до середины 1839 г.), но Бѣлинскій не написалъ за это время ни одной критической статьи, а помѣстилъ только въ этомъ журналѣ свою очень слабую пятиактную драму „Пятидесятилѣтній дядюшка“ и съ полъ-сотни мелкихъ рецензій. Мелкими же рецензіями онъ дебютировалъ со второй половины 1839 года въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Краевскаго, продолжая въ нихъ ту полосу гегеліанства, которая началась въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ и которая достаточно ярко характеризуется статьями №№ 10 — 14 настоящаго изданія.

И.-Р.

Вотъ уже третій романъ изданъ г. Лажечниковымъ, — и слава его растетъ все болѣе и болѣе. Общій голосъ утвердилъ за нимъ почетное титуло *перваго* русскаго романиста, и добросовѣстная критика, чуждая личныхъ отношеній и литературнаго пристрастія, всегда подтвердитъ приговоръ публики, если только она — добросовѣстная критика. Разумѣется, это первенство по сущности своей есть относительное, хотя по хронологіи исторіи нашей литературы и безусловное. Мы хотимъ этимъ сказать, что, говоря о г. Лажечниковѣ, какъ о первомъ русскомъ романистѣ, мы отнюдь не имѣемъ въ виду писателей повѣстей, но только однихъ романистовъ, и отнюдь не видимъ въ немъ идеала романистовъ, но только лучшаго русскаго романиста. Мы не будемъ сравнивать его съ Вальтеръ-Скоттомъ и Куперомъ, потому что можно и не тягаясь съ этими двумя вѣковыми исполинами-художниками быть примѣчательнымъ романистомъ вообще и первымъ, то-есть, лучшимъ во всякой литературѣ, кромѣ англійской. Мы не будемъ также говорить съ лукавою ироніею, что романы г. Лажечникова лучше романовъ Евгенія Сю, Виктора Гюго, Бальзака и прочихъ, потому что если бы его романы были не только хуже, но даже не были бы лучше романовъ этихъ корифеевъ безпутной французской литературы, то мы не почли бы ихъ слишкомъ завиднымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы и не стали бы о нихъ много хлопотать. Еще менѣе намѣрены мы, выписавши изъ романовъ г. Лажечникова нѣсколько изысканныхъ выраженій или вычурныхъ фразъ, которыхъ они въ самомъ дѣлѣ очень не чужды, изречь ему грозный приговоръ, или — что еще хуже — побранивши его за недостатки, похвалить за достоинства, какъ учитель бранить и хвалить своего ученика за ученическую задачу, пополамъ съ грѣхомъ оконченную. Отъ послѣдней продѣлки съ нашей стороны г. Лажечникова защищаетъ его огромная извѣстность и громкій авторитетъ у публики, а еще болѣе одно повидимому маленькое, но въ самомъ-то дѣлѣ очень важное обстоятельство, а именно: мы сами не пишемъ романовъ, и г. Лажечниковъ не перебываетъ у насъ дороги. Вотъ, если бы мы вздумали написать, или (все равно!) дописать какой-нибудь романъ, что-нибудь въ родѣ Евгенія Сю, примыренного съ Августомъ Лафонтеномъ, и въ этомъ романѣ вывели бы героемъ какого-нибудь недопеченнаго поэта, который „хочетъ заняться чѣмъ-нибудь высокимъ“ и жалуется, что „свѣтская чернь его не понимаетъ“, бранить гражданское устройство, которое мѣшаетъ безъ актовъ и записей жениться, однимъ словомъ, презираетъ бѣд-

ную землю, на которой если забудешь дней пятокъ поѣсть, то непременно умрешь, и смотритъ заживо на небо, гдѣ нѣтъ ни формъ, ни обрядовъ... О, тогда плохо бы пришлось отъ насъ г. Лажечникову: мы умѣли бы его отдѣлать въ коротенькой библиографической статейкѣ...¹⁾ Но чего нѣтъ, о томъ нечего и говорить, и такъ какъ намъ ничто не мѣшаетъ наслаждаться прекраснымъ поэтическимъ талантомъ г. Лажечникова и цѣнить его, то и приступимъ къ дѣлу, — назовемъ хорошее хорошимъ, а дурное дурнымъ; за первое отъ души поблагодаримъ автора, а за второе отъ души извинимъ его, ради перваго.

Въ самомъ дѣлѣ, при оцѣнкѣ романовъ г. Лажечникова главный и первый трудъ долженъ состоять въ отдѣленіи достоинствъ отъ недостатковъ. Намъ скажутъ: да въ этомъ-то и состоитъ задача всякой критики. Не будемъ возражать на подобное возраженіе: у насъ понятія о критикѣ совсѣмъ другія, но мы пока побережемъ ихъ про себя, потому что излишняя отчетливость повела бы насъ слишкомъ далеко и отбила бы отъ предмета. И потому, пока мы условимся, что дѣло критики есть отдѣленіе красотъ отъ недостатковъ въ произведеніи искусства, а мѣрка при этомъ химическомъ процессѣ — личное ощущеніе критика²⁾. Дюпенъ издалъ карту народнаго просвѣщенія Франціи, отбѣнивъ колоритомъ отношенія образованности въ различныхъ департаментахъ, т.-е. самые образованные департаменты означивъ свѣтлою краскою, а невѣжественные — темною. Вотъ такую карту желаемъ мы составить изъ нашей критической статьи для романовъ г. Лажечникова. Пусть всякій повѣряетъ наше мнѣніе собственнымъ своимъ мнѣніемъ.

Еще не успѣли мы забыть удовольствія, которымъ насладились при чтеніи „Ледяного Дома“, вышедшаго въ 1835 году, какъ взялись, кажется, за третье, если не за четвертое чтеніе этого романа, по случаю второго его изданія въ концѣ прошлаго года, — и прочли его еще съ большимъ удовольствіемъ, нежели въ первый разъ: лица, которые начали уже, отъ времени, представляться нашимъ глазамъ подъ какими-то туманными дымками, снова ожили передъ нами, и мы радушно и весело встрѣтились со старыми знакомцами, и нашли ихъ такъ же интересными, милыми и любезными, какъ и въ пору перваго знакомства; прекрасныя ощущенія, которыя, отъ времени, уже начинали терять свою предметность и повто-

¹⁾ Рѣчь идетъ о романѣ Полевого „Абадонна“ и о рецензіи его же на романъ Лажечникова.

²⁾ См. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 13.

рялись въ душѣ нашей, какъ напѣвы какой-то забытой, но прекрасной пѣсни, вновь воскресли въ ней, живыя, свѣжія, могучія, и снова взволновали ее своими очаровательными потрясеніями... И однакожъ — странное дѣло! — при послѣднемъ чтеніи романъ доставилъ намъ несравненно большее наслажденіе, чѣмъ при первомъ; но при первомъ чтеніи мы ставили его гораздо выше, давали ему гораздо большее значеніе, болшую цѣну, нежели какія даемъ ему теперь... Помню, какъ мучилъ меня этотъ „Ледяной Домъ“, какъ какая-то неразгаданная загадка, какъ собирался я тогда написать о немъ огромную статью, а въ ней тепло, живо и увлекательно раскрыть всѣ его красоты, и какъ — не могъ написать ни строки... Тяжесть подвига подавляла силы... По крайней мѣрѣ, такъ казалось мнѣ *тогда*... Помню, что больше всего меня затрудняла и мучала *двойственность* романа: то представлялся онъ мнѣ выше всего, чтѣ можно себѣ представить въ этомъ родѣ, то я не видѣлъ въ немъ почти ничего... Первое ощущеніе оправдывалось моимъ сознаніемъ, которому я не вѣрилъ, какъ дьявольскому наводненію, и упрекалъ себя въ немъ, какъ въ грѣхѣ... Странно, а понятно: только тогда можно вполне насладиться литературнымъ произведеніемъ, когда поставишь его на свое мѣсто и не будешь требовать отъ него ни больше, ни меньше того, чтѣ оно можетъ дать; такъ точно можно ужиться со всякимъ человѣкомъ, если только поймешь его на его мѣстѣ и будешь требовать отъ него ни больше, ни меньше того, чтѣ можно и должно отъ него требовать. Какая истинная и, въ то же время, простая мысль, а между тѣмъ, какъ трудно и какъ не скоро понимается она!...

Не будемъ излагать содержанія „Ледяного Дома“: оно и безъ того всякому образованному читателю знакомо и перезнакомо, но поговоримъ о лицахъ, образующихъ своими соотношеніями его драму. Герой — Волынский. Какъ историческое лицо, онъ и теперь еще загадка. Одни видятъ въ немъ героя, мученика за правду; другіе отрицаютъ въ немъ не только патріота, но и порядочнаго человѣка. Но мы оставимъ *историческаго* Волынскаго, — намъ до него нѣтъ дѣла: мы пишемъ не объ исторіи, а о романѣ. Тутъ представляется другой вопросъ: имѣетъ ли право поэтъ исказить историческое лицо? *Да и нѣтъ*, отвѣчаемъ мы. Да будетъ проклятъ, кто бы нанесъ святотатственную руку на искаженіе Петра Великаго и умышленно осмѣлился бы сдѣлать уродливаго карлу изъ великана человѣчества; но анахронизмы, искаженіе событій, вслѣдствіе требованій ткани и механизма

романа, — но только безъ искаженія идеи лица, — могутъ казаться непозволительными или преступными только вникающему разсудку, а не живому эстетическому чувству. Что же касается до сомнительныхъ или неважныхъ историческихъ лицъ, то и говорить нечего: въ произведеніи искусства должно искать соблюденія художественной, а не исторической истины. Что за важность, что Шиллеръ изъ Карлоса, непокорнаго сына и дурного человѣка, сдѣлалъ идеаль возвышеннаго, благороднаго человѣка? Худо не это, а то, что его драма есть произведеніе риторики, а ея лица — риторическія аллегоріи, а не живыя созданія. Что намъ за нужда, что Гёте изъ восьмидесятилѣтняго старика Эгмонта, отца многочисленнаго семейства, сдѣлалъ молодого, кипящаго избыткомъ жизни юношу? Онъ хотѣлъ изобразить не Эгмонта, а кипящаго избыткомъ душевныхъ силъ юношу въ положеніи Эгмонта. Исторія услужила ему только „поэтическимъ положеніемъ“, а главное дѣло въ томъ, что его драма — великое произведеніе великаго художника. Кто хочетъ знать исторію, тотъ учись ей не по романамъ и драмамъ. Поэтому, для насъ смѣшны нападки нѣкоторыхъ аристарховъ на г. Лажечникова, что онъ снялъ десятка два или три лѣтъ съ плечъ Волынскаго (добро бы еще исказилъ историческій характеръ!). Чтѣ же такое Волынский Лажечникова? — Это человѣкъ глубокий, могучій духомъ, пламенный патріотъ, душа чистая, благородная, но легкій, вѣтранный; тонкій политикъ и — мальчикъ, не умѣющій совладѣть съ самимъ собою; государственный мужъ и — волокита, гуляка праздный. Соединеніе такихъ противоположностей въ одномъ человѣкѣ очень возможно, — и задача творчества именно въ томъ и состоитъ, чтобы эти противоположности не бросались въ глаза читателю, но составляли бы одно цѣлое, слитое. Характеръ Волынскаго у г. Лажечникова очерченъ мѣстами очень удачно, но мѣстами онъ двоятся. Это произошло, сколько мы понимаемъ, совсѣмъ не оттого, чтобы у автора не достало таланта, но отъ нравственной точки зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на человѣка. То, чтѣ въ Волынскомъ было играніемъ жизни, широкимъ размахомъ души, съ бѣшеннымъ восторгомъ и безграничнымъ упоеніемъ отъзывавшейся назовъ обольстительницы жизни, — на то авторъ смотрѣлъ глазами Ментора, какъ на слабости, на заблужденія, и какъ будто бы самъ колебался во мнѣніи о героѣ своего романа. Отъ этого любовь Волынскаго къ Маріорицѣ далеко не возбуждаетъ въ читателѣ того участія, какое бы она должна была возбуждать. Вы смотрите на нее, какъ

на школьническую шалость взрослого человека. Мы очень понимаемъ, что любовь къ Маріорицѣ Волинскаго, женатаго на прекрасной, страстно любящей его и прежде нѣжно любимой имъ женщинѣ, должна была тревожить его какъ преступленіе и, доставляя ему минуты высочайшаго, упоительнаго блаженства, давать ему лютыя минуты вниканія въ себя; скажемъ больше—Волинскій былъ бы существо чисто безнравственное, неспособное возбудить участія къ себѣ, если бы онъ не чувствовалъ своей вины передъ женою, и не страдалъ отъ ея сознанія. Гдѣ любовь, тамъ нѣтъ эгоизма, а гдѣ нѣтъ эгоизма, тамъ всегда есть сознаніе своей вины, хотя бы и невольной, передъ другими; любящее сердце страдаетъ за всѣхъ, а тѣмъ больше за тѣхъ, кого оно само заставило страдать; *безнравственность* только тамъ, гдѣ нѣтъ любви. Итакъ, мы нападаемъ на автора не за то, что его герой чувствуетъ свою вину передъ женою, но за то, что онъ сознаетъ свою вину какъ бы не самъ, не своею волею, а по приказу автора. Всякое лицо, созданное поэтомъ, должно быть для него предметомъ (объектомъ), совершенно ему внѣшнимъ, и задача автора состоитъ въ томъ, чтобы представить этотъ предметъ (объектъ) какъ можно вѣрнѣе, соотвѣтственнѣе ему, т.-е. самому предмету (объекту), что и называется *объективнымъ* изображеніемъ, т.-е. такимъ, въ которое авторъ не вноситъ ничего своего—ни понятій, ни чувствъ. Но пока довольно о Волинскомъ. Мы еще обратимся къ нему.

Второе—самое лучшее—лицо въ романѣ есть Маріорица. Дитя пламеннаго юга, дочь цыганки, питомица гарема, дивный цвѣтокъ востока, расцвѣтшій для нѣги, упоенія чувствъ, и перенесенный на хладный сѣверъ—эта Маріорица, по идеѣ, чудное созданіе. Нѣсколько типическихъ чертъ, еще два-три взмаха художническаго рѣзца—и это былъ бы одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ въ сокровищницѣ нашей литературы. Но не дивная красота, не роскошь и нѣга движеній, не молнія черныхъ глазъ, зовущихъ къ наслажденію и восторгамъ, составляютъ ароматическое благоуханіе этого пышнаго цвѣта восточныхъ странъ; но.... да нѣтъ!—мы лучше словами самого автора опишемъ вамъ плѣнительную Маріорицу. „Отъ христіанской вѣры, въ которой она родилась, остались у ней тайныя понятія и золотой крестъ на груди. Какимъ образомъ этотъ крестъ попалъ къ ней, она не помнила; только не забыла, что женщина, которая вынесла ее изъ пожара, когда горѣлъ отцовскій домъ, строго наказывала ей никогда не покидать святого знаменія Христа и, какъ она говорила, благословенія отцов-

скаго. Эта самая женщина продала ее хотинскому пашѣ. Француженка (учительница Маріорицы въ гаремѣ паша), узнавъ, что Маріорица родилась христіанкою, старалась бесѣдами на языкѣ, непонятномъ для черныхъ стражей, ознакомить ученицу свою съ главными догматами своей вѣры. Отъ этого ученія и гаремнаго воспитанія ея сочетались въ душѣ Маріорицы, пламенной, мечтательной, и фатализмъ магометанскій, и мистицизмъ православія, такъ что въ небѣ, созданномъ ею, обитали и чистѣйшіе духи и обольстительныя дѣвы пророка, а на землѣ всѣ дѣйствія человека подчинялись предопредѣленію“.

Читателямъ знакома эта обворожительная Маріорица, знакома имъ и ея чудная судьба. Дочь цыганки и молдаванскаго князя, она воспитывалась сперва въ цыганскомъ таборѣ, потомъ подкинута была своею матерью къ своему отцу, а наконецъ была продана ею хотинскому пашѣ, который берегъ ее въ подарокъ султану, ничего не щадилъ для ея воспитанія, любовался ею, сдерживая желанія дряхлой старческой души, сносилъ ея прихоти, свойственныя женщинѣ и избалованному ребенку вмѣстѣ. По взятіи Хотина Минихомъ она попалась плѣнницею знаменитому вождю, а имъ была подарена Государынѣ Аннѣ Ивановнѣ, которая любовалась ею, какъ игрушкою, и любила ее, какъ дочь. Фатализмъ былъ источникомъ любви Маріорицы къ Волинскому—прекрасная, поэтическая мысль, которая могла родиться только въ прекрасной, поэтической душѣ... Года за два до ея плѣна, когда Русскіе вели съ Турками переговоры въ Немировѣ, старый паша говорилъ въ шутку Маріорицѣ, что онъ уступитъ ее русскому послу Волинскому, о которомъ слава прошла тогда до Хотина. Надобно было, чтобы этотъ самый Волинскій, ловкій, статный, красивый, съ черными кудрями, рассыпающимися по плечамъ, съ пронзающими взорами, первый изъ мужчинъ встрѣтилъ ее по пріѣздѣ ея въ Петербургъ. „Примени Волинскаго княжна затрепетала. Фатализмъ, которымъ она съ малолѣтства была напитана, сказалъ ей, что это самый *тотъ*, неизбежный ею, суженный ей рокомъ, что она введена съ пепелища отцовскаго дома въ Хотинъ и оттуда въ страну, о которой и не мыслила никогда, потому единственно, что еще при рожденіи назначено ей любить русскаго, именно Волинскаго“. Такъ говоритъ авторъ, и мы очень жалѣемъ, что вслѣдъ за этими простыми, но много заключающими въ себѣ словами, онъ, увлекшись духомъ прошлаго вѣка, прибавляетъ о какомъ-то рецептѣ любви, прописанномъ маленькимъ докторомъ въ блондиновомъ па-

ричкѣ и съ двумя крылышками за плечами...

Къ Волынскому, на святкахъ, подъ видомъ друзей забрались переряженные враги; между ними былъ измѣнникъ, который шепнулъ ему о продѣлкѣ. Лихой, разгульный Волынскій шепнулъ слугамъ отослать ихъ кучеровъ, отпочиваль дорожныхъ гостей дорогими винами, посадилъ на свои сани и велѣлъ слугамъ отвезти ихъ на Волково поле и тамъ бросить, а самъ, наряженный кучеромъ, повезъ оттуда брата Бирона и, пристыженного, униженного, ссадилъ его у дворца, давши ему этимъ добрый урокъ шутить осторожнѣе. Потомъ Волынскій два раза проѣхалъ мимо дворца, гдѣ жила его Маріорица. Вдругъ слышитъ голоса—это дѣвушки; одна спрашиваетъ его: „Какъ тебя зовутъ, дружокъ?“ Волынскій задрожалъ отъ звуковъ этого голоса и, снявши шапку, отвѣчалъ: „Артеміемъ, сударыня!“ — Артемій! смѣясь, закричали дѣвушки. какое дурное имя! — Неправда! оно мнѣ нравится! — подхватила княжна. А Волынскій? — Лихой ямщикъ, онъ вздохнулъ, надѣлъ шапку набекрень и, тронувъ шагомъ лошадей, затянулъ пріятнымъ голосомъ.

Вдоль по улицѣ мятелица мятеть,
За мятелицей и милый другъ идетъ.
„Ты постой, постой, красавица моя!
Еще дай ты насмотрѣться на себя,
На твою, радость, прекрасну красоту;
Красота твоя съ ума меня свела,
Сокрушила добра молодца меня!“

Это природа чисто русская, это русскій баринъ, русскій вельможа старыхъ временъ!... Вообще вся эта глава (VII) одно изъ лучшихъ мѣстъ романа и не испортила бы никакого и ничьего романа.

Итакъ, Маріорица уже успѣла перенять русскіе святочные обычаи, они понравились ей пылкому, суевѣрному воображенію... Проѣзжій ямщикъ назвался Артеміемъ — новая причина любить Артемія Петровича Волынского, новое доказательство, что она рождена для него, обречена ему рокомъ!... Фатализмъ чудеситъ!...

Какъ же любила она его?

Вотъ что писала она къ нему въ одномъ изъ писемъ своихъ: „Я вся твоя! Имѣй сто женъ, сто любовницъ,—я твоя, ближе, чѣмъ кора при деревѣ, растение при землѣ. Дѣлай изъ меня, что хочешь, какъ изъ вещи, которая тебя утѣшаетъ и которую, измѣявши, можешь покинуть, какъ изъ плода, который ты воленъ высосать и—бросить!... Я создана на это; мнѣ это опредѣлено при рожденіи моемъ“.

Она любила его, какъ восточная женщина, любила его какъ существо высшее и какъ о недосыгаемомъ блаженствѣ мечтала быть его

рабою, служить его прихотямъ, безропотно повиноваться его волѣ...

А онъ?—Онъ не любилъ, онъ былъ только увлеченъ ею на время. Это чувство было для него не вся жизнь съ ея радостями и страданіями, не вся судьба, а мгновенная вспышка, прихоть сердца, играніе жизни... Авторъ называетъ его любовь *чувственной*.

Здѣсь мы рады придраться къ случаю, чтобы сказать, что мы рѣшительно не вѣримъ ни *идеальной*, ни *чувственной* любви. Та и другая существуетъ, но обѣ онѣ ложны, какъ двѣ противоположныя крайности, двѣ противоположныя отвлеченности. Такъ называемая *идеальная* любовь есть палочка, на которой ѣздятъ верхомъ школьники, воображая, что они скачутъ на богатырскомъ конѣ; это своего рода донъ-кихотство. Такъ называемая *чувственная* любовь есть удѣлъ животныхъ съ человѣческимъ образомъ. Но всякое чувство, что бы оно ни было—любовь или увлеченіе, мгновенная прихоть сердца,—но если только оно волнуетъ душу сладкимъ восторгомъ и расставляетъ ее трепетнымъ ощущеніемъ таинства жизни, если оно возбуждено созерцаніемъ идеи абсолютной красоты въ живомъ образѣ,—это чувство уже любовь, а не чувственность. Всякая любовь есть одухотворенная чувственность; любовь одна, но степени ея безконечно разнообразны, и съ каждой степенью измѣняется ея характеръ, а степени ея состоятъ въ постепенно большемъ и большемъ проникновеніи чувственности духовнымъ просвѣтленіемъ. Есть люди, которые отъ всей души убѣждены, что красота возбуждаетъ чувственность: бѣдные не понимаютъ, что красота есть явленіе духа, и что гдѣ красота рождаетъ любовь, тамъ уже нѣтъ чувственности. Для животныхъ красота не существуетъ—это составляетъ одно изъ преимуществъ человѣка надъ животными. *Только* красота не составляетъ условія любви, но безъ красоты любовь невозможна.

Характеръ Маріорицы обрисованъ удачнѣе всѣхъ прочихъ. Это рѣшительно лучшее лицо во всемъ романѣ. Она нигдѣ не измѣняетъ себѣ. Она сходитъ со сцены, какъ вошла на нее: какъ звѣзда любви, которая ярче и прекраснѣе всѣхъ небесныхъ свѣтилъ—и вечеромъ, когда является, и утромъ, когда скрывается. Последнее ея свиданіе съ Волынскимъ было апотеозомъ всей ея жизни, и мы рѣшительно отрицаемъ всякое человѣческое, не только эстетическое, чувство въ томъ, кто бы, увлеченный сухимъ, какъ ариѳметика, морализмомъ, увидѣлъ въ последнемъ мгновеніи ея жизни паденіе, а не просвѣтленіе, не торжественное свершеніе подвига жизни... Словомъ,

Маріорица есть самый красивый, самый душистый цвѣтокъ въ поэтическомъ вѣнкѣ нашего даровитаго романиста.

Послѣ этихъ двухъ лицъ съ особенною любовью и стараніемъ обрисовано лицо цыганки Маріуллы, матери Маріорицы. По нашему мнѣнію, это лицо такъ же дурно, какъ хороша Маріорица. Авторъ хотѣлъ олицетворить идею матери; но вѣдь олицетворить значитъ — отвлеченную идею воплотить въ образъ, а этого-то и не сдѣлалъ авторъ: его цыганка-мать осталась отвлеченною идеею. Все, что ни говоритъ она, ни чувствуетъ, все это нисколько не сообразно ни съ ея званіемъ, ни съ ея положеніемъ, а главное — ничему этому какъ-то не вѣрится. Изуродованіе лица крѣпкою водкою, чѣмъ авторъ хотѣлъ показать образецъ самоотверженія и высокой любви матери, возбуждаетъ не участіе, а отвращеніе. Вообще, эта цыганка есть лицо совершенно лишнее, которое не помогаетъ ходу романа, а только путаетъ и затрудняетъ его. Безъ нея романъ былъ бы короче, сжатѣе и лучше. Ея слуга и товарищъ, цыганъ Василій, несравненно лучше, но тоже совершенно лишнее лицо въ романѣ. То же думаемъ мы и о лекаркѣ, ея дочери, и о всей IV главѣ второй части. Конечно, все это характеризуетъ Петербургъ тогдашняго времени; но подобныя характеристики должны выходить изъ хода романа, изъ сущности дѣла, и авторъ не имѣетъ права прибѣгать для нихъ къ натяжкамъ.

Теперь о другихъ лицахъ. Превосходно обрисованъ Остерманъ, сынъ бѣднаго нѣмецкаго пастуха, въ молодости своей студентъ Іенскаго университета, повѣса и волокита, а потомъ сподвижникъ великаго преобразователя Россіи, вице-канцлеръ, дипломатъ, интриганъ. Онъ играетъ въ романѣ роль менѣе, чѣмъ второстепенную, но гдѣ ни является, вездѣ является живымъ лицомъ, и это лицо одно изъ лучшихъ созданій нашего поэта.

Биронъ, въ романѣ, вездѣ вѣренъ самому себѣ и тоже принадлежитъ къ удачнымъ изображеніямъ автора; но это лицо только слегка очерчено карандашемъ, и по прочтеніи романа для читателя остается загадкою и историческій и романическій Биронъ. Что онъ такое, этотъ человѣкъ, изъ курляндскаго конюха преобразившійся въ курляндскаго герцога? — Не будемъ обвинять его, тѣмъ болѣе, что и его *благородный* соперникъ, патриотъ Волынский — остается еще загадкою (мы говоримъ это въ историческомъ значеніи). Клеветы Бирона очерчены очень удовлетворительно; жаль только, что всѣмъ имъ авторъ придалъ и рыжіе волосы и рты до ушей. Злодѣйство и порокъ безобразны, но

только не въ такомъ смыслѣ. Одинъ художникъ нарисовалъ дьявола красавцемъ, но самъ сошелъ съ ума, взглянувъ въ ужасное безобразіе этой красоты.

Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ мы встречаемъ двухъ шутовъ — Кульковскаго и Тредяковскаго. Оба они были бы прекрасно изображены, если бы авторъ не сердился на нихъ и не выказывалъ къ нимъ своего отвращенія и презрѣнія. Повторяемъ: поэтъ не судья, а свидѣтель, и свидѣтель безпристрастный. Онъ говоритъ: такъ было, а хорошо или худо — не мое дѣло! Для него всѣ люди и хороши и интересны, онъ всѣмъ любитъ, всѣхъ любитъ, и любитъ ихъ такими, каковы они есть. Такъ натуралистъ не брезгаетъ никакою гадinou, равно до рожить чучелою отвратительной лягушки, какъ и чучелою миловиднаго голубя. Какъ хорошъ у г. Лажечникова этотъ Тредяковский — его образъ выраженія, манеры — словомъ, все превосходно; но насмѣшки автора надъ педантомъ разрушаютъ все очарованіе. Моральная точка зрѣнія на жизнь и поэтический взглядъ на нее — это вода и огонь, взаимно себя уничтожающіе. Безспорно, Тредяковский былъ душонка низенькая: образцовая бездарность, соединенная съ чудовищными претензіями на гениальность, необходимо предполагаютъ въ человѣкѣ или глупца, или подлеца. Но загляните въ „Ревизора“ Гоголя: дивный художникъ не сердится ни на кого изъ своихъ оригиналовъ, сквозь грубыя черты ихъ невѣжества и лихоимства онъ умѣлъ выказать и какую-то доброту, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ. Загляните въ его дивную „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, посмотрите, съ какою любовью описалъ онъ этихъ чудаковъ, съ какимъ сожалѣніемъ разстался онъ съ ними, а между тѣмъ и нисколько не прикрасилъ, но показалъ ихъ совершенно „въ натурѣ“.

Подачкинъ и матушка его „барская барыня“ изображены превосходно.

Эйхлеръ и Зуда рисуются на первомъ планѣ романа. По идеѣ оба превосходны, но исполненіемъ нельзя удовлетвориться. Сонный, долговязый и чѣмъ-то особенно *странный* Эйхлеръ еще мерещится въ глазахъ вашихъ и послѣ прочтенія романа; но съ тѣхъ поръ, какъ срываетъ съ себя маску притворства, — онъ теряетъ всякую личность. Зуда съ трудомъ помнится даже и при чтеніи романа.

Изъ соучастниковъ Волынскаго особенно хорошъ Щурховъ: никогда не забудете вы этого милаго, благороднаго чудака, въ его фуфайкѣ изъ синеполосатаго тика и въ красномъ шолковомъ колпакѣ, окруженнаго че-

тырьмя польскими собаками, мѣшающаго въ печи кочергою угля и бесѣдующаго съ своимъ слугою, дядькою и наставникомъ вмѣстѣ.

Заключимъ наше сужденіе о романѣ общимъ взглядомъ на него. Онъ раздѣленъ на главы, которыя можно раздѣлять на три разряда: главы, написанныя превосходно; главы, въ которыхъ золото перемѣшано съ большимъ количествомъ руды, и главы, состоящія изъ одной руды, развѣ съ нѣсколькими блестками золота. Къ послѣднимъ принадлежатъ безъ исключенія всѣ тѣ, въ которыхъ выходитъ на сцену цыганка Мариулла: натянутость положеній и фразистость выраженія составляютъ ихъ отличительное свойство. Главы второго разряда ознаменованы участіемъ Зуды, любовью Волынскаго и нѣкоторыми растянутостями. Главы первого разряда суть тѣ, въ которыхъ является Волынскій, какъ противникъ Бирона, потомъ всѣ, гдѣ является сама Императрица. Таковы слѣдующія главы: „Смотръ“, „Ледяная статуя“, „Переряженные“, „Западня“, „Сцена на Невѣ“, „Съ передняго и съ задняго крыльца“, „Соперники“, „Во Дворцѣ“, „Ледяной домъ“, „Родины козы“, „Любовь повѣренная“, „Ударъ“. Не менѣе прекрасны, хотя и въ другомъ значеніи, и слѣдующія: „Фатализмъ“, „Педантъ“, „Обезьяна герцога“, „Куда вѣтеръ подуетъ“, „Свадьба шута“ и „Ночное свиданіе“. Но „Ледяная статуя“, „Соперники“, „Родины козы“ и „Ночное свиданіе“—выше всякихъ похвалъ. Читая главы, которыя такъ рѣзко отличаются отъ исчисленныхъ нами, и видя, съ какою нерѣшительностью, какъ бы оцупью, идетъ этотъ талантъ, невольно изумляешься, видя его возставшимъ въ какомъ-то львиномъ могуществѣ... Читателямъ извѣстно, какую важную роль играетъ въ романѣ ледяная статуя, они живо помнятъ это энергическое лицо малороссіянина, такъ рѣзко и могуче очерченное двумя-тремя штрихами, какъ будто невзначай наброшенными, помнятъ они и сцену обливанія, въ которой авторъ умѣлъ изобразить ужасное событіе, не сдѣлавъ его отвратительнымъ. А „Соперники“? Вспомните этого хитраго политика Остермана въ гостяхъ у Бирона, эту бесѣду лисицы съ волкомъ, гдѣ лиса такъ искусно умѣетъ недослышать, жалуясь на глухоту, и не договорить, жалуясь на подагру въ ногѣ. И вдругъ входитъ рьяный Волынскій, заводитъ шумъ въ домѣ врага своего, ругаетъ нѣмцевъ и уступаетъ дорогу доблестному Миниху, говоря ему:

— Опять скажу вамъ, графъ, что или меня худо понимаютъ, или на меня клеветаютъ. Не люблю выходцевъ; ничтожныхъ своими душевными качествами и, между тѣмъ, откупившихъ себя тай-

ною монополіей. пензѣтими народу услугами, или страдальческимъ многотерпѣніемъ, право грабить, казнить и миловать насъ, Русскихъ! Пере- скажите это—промолвилъ Артемій Петровичъ, обратясь къ Кудьковскому, подслушавшему разговоръ; если вамъ угодно, я повторю.—Но, продолжалъ онъ, идя далѣе черезъ залу, пришелецъ въ мое отечество, будь онъ хоть нѣмецъ и любя Россію, пригнѣвшую его, питающую его своею грудью; служи ей благородно, по разуму и совѣсти—не презирай хоть ея,—и я всегда признаю въ немъ своего собрата. Вы знаете, отдавалъ ли я искреннюю дань уваженія Остерману, министру Петра Великаго—не пынѣвшему, Боже сохрани!—Брюсу и другимъ, имъ подобнымъ?... Презираю иностранца, ползающаго передъ какимъ-нибудь козырнымъ вальетомъ, который съ помощью кровавыхъ тузовъ хочетъ выйти въ короли; но менѣ ли достойна презрѣнія эта русская челядь (онъ указалъ на толпу, стоявшую униженно около стѣны, опираясь на свои трости)? Посмотрите на эти подлыя, согнутыя въ дугу фигуры, на эти выстрадавшія отъ ожиданія лица... Скомандуйте имъ лечь на земь крыжомъ, по-польски; повѣрьте, они это мигомъ исполняютъ. Мало?—велите имъ сбить яблоко не только съ головы сына... съ младенца у груди жены, и поманите ихъ калачомъ, на которомъ золотыми буквами напишутъ: *милость Бирона*—и они цѣлый пукъ стрѣлъ избудутъ, лишь бы попасть въ заданную цѣль.

„Родины Козы“ не меньше этой превосходная глава. На родинахъ козы, жены шута Педрилло, присутствуетъ сама Государыня, которая искала разсѣянія отъ мучившихъ ее тѣлесныхъ и душевныхъ страданій.—тутъ же были Биронъ, Волынскій и множество придворныхъ. Вдругъ являются Щурховъ, Перокинъ и Суминъ-Купшинъ, чтобы обличить злодѣя предъ Государынею и открыть ей глаза на истинное состояніе Россіи. Но благородный порывъ остался безплоднымъ.

Зага опустѣла, и стало въ ней такъ тихо, какъ въ хижинѣ поселенна, когда онъ со всею семьею своею отходитъ въ поле. Остались только трое друзей, на ступеняхъ трона, въ прежнемъ положеніи, на кофѣняхъ, опустивъ печально голову, и посреди сцены Волынскій, прежній Волынскій, во всемъ величій и красотѣ благороднаго негодованія, выросшій, казалось, на нѣсколько вершковъ, отрясая свои кудри, какъ гнѣвный левъ свою гриву, поднявъ нахмуренное чело и пламенные взоры къ небу, послѣдней защитѣ отечеству противъ ея притѣснителя. На постелѣ лежала еще бѣдная, связанная козочка и подлѣ нея, прикованная къ кровати страхомъ, повивальная бабка, карлица, одѣтая по-козьему.

Наконецъ три друга встали, пославъ дружескигорестный взглядъ кабинетъ-министру, съ которымъ примирилъ ихъ его благородный характеръ. Онъ подошелъ къ нимъ. Всѣ молча пожали другъ другу руку.

Мысль, положеніе, слогъ—здѣсь все это согласно: высоко, глубоко и просто!

О главѣ „Ночное свиданіе“ мы не будемъ распространяться, и скажемъ только, что чисто-романическая часть романа развита и оправдана въ ней совершенно. Волынскій тутъ является опять двусмыслен-

нымъ лицомъ, какъ и во всей исторіи своей любви; но Маріорица возстаетъ тутъ со всѣмъ величіемъ любящей женщины, для которой любовь есть цѣль и подвигъ жизни. Конечно, ея любовь не есть идеалъ любви, она любила по-своему; ей не было нужды до мифій, вѣрованій ея милого; взаимный обмѣнъ мыслей и убѣжденій не былъ нуженъ для ея чувства, какъ масло для лампы; повторяемъ — она любила по-своему, но любила истинно и глубоко, потому что все принесла въ жертву своему чувству, и кромѣ его ничего не понимала и не видѣла въ жизни. И послѣ событія въ ледяномъ домѣ Маріорица умерла: больше ей незначѣмъ было жить, потому что она взяла у жизни все, что только могла ей дать жизнь...

И вотъ моя дюпеневская карта кончена. Романъ г. Лажечникова не представляетъ собою цѣлаго зданія, части котораго заранѣе вышли бы, въ головѣ художника, изъ единой и общей идеи: въ немъ много пристроекъ, сдѣланныхъ послѣ. Но теплое, поэтическое чувство, которымъ проникнуто все сочиненіе, множество отдѣльныхъ превосходныхъ картинъ, прекрасныхъ частныхъ, основная мысль — все это дѣлаетъ „Ледяной Домъ“ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ русской литературѣ и, вмѣстѣ съ „Послѣднимъ Новикомъ“, украшаетъ чело своего автора прекраснымъ поэтическимъ вѣнкомъ.

Теперь о „Басурманѣ“.

Въ этомъ романѣ авторъ вышелъ на совершенно новое для себя поприще, вступилъ въ состязаніе съ г. Загоскинымъ, какъ авторомъ „Юрія Милославскаго“, и г. Полевымъ, какъ авторомъ „Клятвы при гробѣ Господнемъ“. Исторія Россіи перерѣзана Петромъ Великимъ на двѣ части, столь не похожія одна на другую, что онѣ представляютъ собою какъ бы два различныхъ міра. Для двухъ первыхъ своихъ романовъ г. Лажечниковъ взялъ содержаніе изъ эпохи, начатой Петромъ; въ третьемъ онъ рѣшился перенестись своимъ воображеніемъ дальше и глубже, въ эпоху, гдѣ вся надежда на одну фантазію, гдѣ собственное свидѣтельство или рассказы отца, дѣда невозможны. Признаемся, это было для насъ не совсѣмъ добрымъ предвѣстіемъ. Изобразить въ романѣ Россію при Іоаннѣ III совсѣмъ не то, что изобразить ее въ исторіи: долгъ романиста — заглянуть въ частную, домашнюю жизнь народа, показать, какъ въ эту эпоху онъ и думалъ, и чувствовалъ, и пилъ, и ѣлъ, и спалъ. А какіе у насъ для этого факты... Гдѣ литература, гдѣ мемуары того времени?... Остаются лѣтописи — но съ ними далеко не уѣдешь, потому что онѣ факты для исторіи, а не для романа. Но для ху-

дожника достаточно одного факта, одного намека, чтобы живо представить себѣ полную картину жизни народа въ извѣстную эпоху. Такъ... но это такъ относится только къ тому, кто оправдалъ дѣломъ свою мысль. Посмотримъ, какъ оправдалъ ее г. Лажечниковъ въ новомъ своемъ романѣ.

Русская исторія есть неисощимый источникъ для романиста и драматика; многіе думаютъ напротивъ, но и это потому, что они не понимаютъ русской жизни и мѣряютъ ее нѣмецкимъ аршиномъ. Какъ писатели XVIII вѣка изъ русскихъ *Малашекъ* дѣлали *Меланій*, а русскихъ пастуховъ заставляли состязаться въ игръ на свирѣляхъ въ подражаніе эклогамъ *Виргилія*, — такъ и теперь многіе наши романисты съ русскою жизнью дѣлаютъ то же, что *Вальтеръ-Скоттъ* дѣлалъ съ шотландскою. Вездѣ есть герой, который и храбръ, и красавецъ, и благороденъ, непремѣнно влюбленъ и послѣ — или, побѣдивши всѣ препятствія, женится на своей возлюбленной, или „смертью оканчиваетъ жизнь свою“. А вѣдь никому не придетъ въ голову представить лихого молодца, который сперва пламенно любилъ свою зазнобушку (что, впрочемъ, не мѣшало ему и колотить ее временемъ), а потомъ, обливаясь кровавыми слезами, бросилъ ее, чтобы жениться на богатой и пригожей, т. е. румяной и дородной, но нисколько не любимой имъ дѣвушкѣ, и черезъ то достигнуть цѣли своихъ пламенныхъ желаній, а между тѣмъ сослужить службу царю-батюшкѣ и обнаружить могучую душу. Какъ можно это? — нисколько, не поэтически, хотя и совершенно въ духъ русской жизни, въ которой любовь издревле была контрабандою и никогда не почиталась условіемъ брака. Оттого-то у насъ и нѣтъ еще ни одного истинно-русскаго романа, и оттого-то герои почти всѣхъ нашихъ романовъ лишены всякой силы характера, всякаго индивидуальнаго колорита. Русская жизнь до Петра Великаго имѣла свои формы — поймите ихъ и тогда увидите, что она заключаетъ въ себѣ для романа и драмы такіе же богатые матеріалы, какъ и европейская. Да что говорить о романистахъ, когда и историки наши ищутъ въ русской исторіи приложеній къ идеямъ Гизо о европейской цивилизаціи, и первый періодъ мѣряютъ норманскимъ футомъ, вмѣсто русскаго аршина!...¹⁾ Боже мой, а какія эпохи, какія лица! Да ихъ стало бы нѣсколькимъ Шекспирамъ и *Вальтеръ-Скоттамъ*. Вотъ періодъ до *Ярослава* — это періодъ сказочный и полусказочный. Г. Вельтманъ первый наметнулъ, какъ должна пользоваться имъ фантазія поэта.

¹⁾ Намекъ на Полевого и его „Исторію русскаго народа“, см. объ этомъ ниже, въ статьяхъ №№ 19 и 20.

Вотъ періодъ удѣловъ, періодъ, въ который великанъ - младенецъ, путемъ раздробленія, разбрасывался въ длину и ширину и захватывалъ себѣ побольше мѣста на Божьемъ свѣтѣ, чтобъ было гдѣ ему развернуться и поразгуляться, когда придетъ его время...

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота, океанъ-море!
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе!

Вотъ періодъ татарщины—этой внѣшней силы, которая должна была сдвинуть Русь, спаять ее ея же кровью, пробудивъ въ ней чувство единовѣрія и единокровности... А характеры?... Вотъ могучій Іоаннъ III, *первый* царь русскій, замыслившій идею единовластія и самодержавія, установившій придворный этикетъ, сокрушившій представителей издыхавшаго удѣльничества и поставившій власть царскую наравнѣ съ волею Божіею... Вотъ Іоаннъ IV, этотъ Петръ I, не въ-время явившійся и грозою dokonчившій идею своего великаго дѣда... Вотъ добрый Ѳеодоръ I, отшельникъ и постникъ на престолѣ... Вотъ хитрый, ловкій Годуновъ, жертва неудачной попытки попасть въ великіе... Вотъ удалецъ Димитрій... Вотъ Шуйскій, низкій на престолѣ, гордый въ паденіи... И чѣмъ дальше, тѣмъ жизнь кипитъ больше и больше, характеры толпятся — и наконецъ, много ли было у Петра дней, изъ которыхъ cadaго не хватило бы на романъ или драму?...

Г. Лажечниковъ, кажется, самъ чувствовалъ невыгоду своего положенія въ избранной для своего романа эпохѣ, и потому герой его романа — нѣмецъ. Не будемъ пересказывать содержанія, тѣмъ болѣе, что оно, мы увѣрены, всякому извѣстно. Дѣйствіе романа не только двоится—троится даже. Оно начинается съ темницы внука Іоанна, несчастнаго Димитрія, который къ роману нисколько не относится. Впрочемъ, это одна только глава. Потомъ дѣйствіе происходитъ въ Богемію, оттуда идетъ въ Италію, чтобъ снова возвратиться въ Богемію. Для сущности романа оно тянется слишкомъ долго и медленно и вообще роману, кромѣ обширности, ничего не придаетъ. Герой романа лицо совершенно безцвѣтное, безхарактерное. Авторъ говоритъ намъ, что Антонъ Эренштейнъ любилъ науку, былъ прекрасенъ, храбръ, уменъ, великодушенъ, но сами мы ничего этого не видимъ и вѣримъ автору на слово. Онъ влюбляется въ Анастасію, дочь боярина Образца, а она влюбляется въ него, и любовь эта возбуждаетъ въ читателѣ слишкомъ слабое участіе. Если хотите, она описана очень, даже слишкомъ подробно, но въ этомъ описаніи нѣтъ этихъ рѣзкихъ типическихъ чертъ, которыя, повидимому, ничего не показывая, все даютъ видѣть, и еще такъ, что,

посмотрѣвши на нихъ разъ, никогда не забудешь. Конечно, тутъ есть черты, очень вѣрно схваченныя. Напримѣръ, влюбленная Анастасія думаетъ, что басурманъ сглазилъ, околдовалъ ее, и рѣшается идти къ нему просить его, чтобы онъ сжалился надъ нею—отворожилъ ее отъ себя. Черта прекрасная—безспорно; но вѣдь это черта народная, общая, а въ поэзіи требуется, чтобы общія народныя черты проявлялись въ частныхъ лицахъ, индивидахъ, а не были бы привязаны, или, лучше сказать, *навязаны* какимъ-то именамъ безъ лицъ. Вообще, надо признаться, что всѣ почти лица въ новомъ романѣ г. Лажечникова какъ-то безцвѣтны, такъ что самыя лучшія изъ нихъ—силуэты, а не портреты. Знаменитый Аристотель Фіоравенте, архитекторъ, размыслъ, литейщикъ и каменщикъ Іоанна III, говоритъ, какъ художникъ; но ему какъ-то не вѣрится, въ его словахъ видишь самого автора, а не лицо романа. Сынъ его Андриша, что-то такое, чего невозможно ни вообразить себѣ при чтеніи, ни вспомнить послѣ чтенія романа. Коли хотите, каждое изъ этихъ лицъ не противорѣчитъ самому себѣ, т.-е. говоритъ одно и то же, въ словахъ не путается, да только все и ограничивается у нихъ одними словами. Изъ лицъ лучшія — бояринъ Образецъ и сынъ его, Хабаръ, особенно первый, съ его патриархальностью, чистою жизнью и ненавистью къ нѣмцамъ. Очень удачно обрисованъ еще бояринъ Русалка.

Самая лучшая сторона въ романѣ—историческая, а самое лучшее лицо—Іоаннъ III. Душа отдыхаетъ и оживаетъ, когда выходитъ на сцену этотъ могучій человекъ, съ его гениальною мыслью, его желѣзнымъ характеромъ, непреклонною волею, электрическимъ взоромъ, отъ котораго слабонервныя женщины падали въ обморокъ... Въ немъ мы снова увидѣли сильный талантъ г. Лажечникова. Онъ глубоко вѣрно понялъ идею Іоанна и вѣрно очертилъ его характеръ.

Софія, супругъ Іоанна, нѣмецкій посолъ подарилъ попугая, котораго хитрая и честолюбивая царица и научила называть своего мужа *царемъ*.

— Видно вѣщая птица, господине, — отвѣчалъ хитрый царедворецъ, подставляя къ окну скамейку, а потомъ подъ ноги великаго князя колодку, обитую золотомъ, и коверъ. Все это исполнялось по движенію глазъ и посоха властителя, столь быстро, что едва можно было за ними слѣдовать. Но дворецкій и тутъ не плошалъ. Откуда взялась пруть у хилова старика, въ которомъ, повидимому, едва душа держалась.

На полавочникѣ были вышиты львы, терзающіе змѣя, а на алтабасской (парчевой) колодкѣ двуглавый орелъ. Эда новинка не избѣгла замѣчанія великаго князя: черныя очи его зажглись удовольствіемъ. Долго любовался онъ державными звѣрями и птицею; и прежде нежели сѣлъ на скамейку и

съ бережью положилъ ногу на колоду, заскоро сказалъ:

— И ты нынѣ, старый пестъ, видно, сговорился съ Фомининой потѣшить меня.

Дворецкій низко поклонился, охоловъ кулакомъ свою ошипанную, остроконечную бородку.

— Охъ, охъ, — продолжалъ великій князь, — легко припасти всѣ эти царскія снадобья, обкласть себя суковными львами и алтабасными орлами, заставить понугаевъ величать себя, чѣмъ душѣ угодно; да настоящимъ-то царемъ, словомъ и дѣломъ, быть не легко! Самъ вѣдаешь, чего мнѣ стоить возиться съ роденькой. Засѣли за большой столъ на большихъ мѣстахъ, да и крохоборничаютъ: и лжицы не даю, и ковшами обносятъ, а все себѣ сидятъ, будто приросли къ своимъ мѣстамъ.

— Что-жъ, господине, коли чести не знаютъ...

— Такъ по шапкѣ, да изъ за стола вонь! Воистину такъ, пора. — Пускай себѣ кричатъ: грѣха не ставятъ, родныхъ обираетъ, дастъ на томъ свѣтѣ отвѣтъ. Нѣтъ, не дамъ. Прежде, нежели я братъ, дядя, шуринъ, я государь всея Руси. Когда явлюсь на страшный судъ Христовъ, онъ навѣрно спроситъ меня: печаловался ли ты о землѣ Русской, надъ которою я поставилъ тебя владыкою и отцомъ; соединилъ ли воедино, укрѣпилъ ли эту Русь, хилую, разрозненную, ободранную? Вотъ что спроситъ онъ, а не то что: пилъ ли изъ одного ковша съ братьями и сватями, тѣшилъ ли ихъ, гладилъ ли по головѣ за то, что они съ своими и чужими сосали кровь русскую!

Иванъ Васильевичъ замолчалъ и посмотрѣлъ на дворецкова, какбы вызывая его на отвѣтъ.

Этотъ понялъ его и сказалъ съ низкимъ поклономъ: Пожалуй меня, господине, князь великой, своего слугу, молвить глупое слово.

— Молви умное, а за глупое скажу тебѣ дурака.

Опять поклонъ, Русалка приправилъ его сѣдующею рѣчью: — Вступлющимъ въ бракъ Господь наказываетъ оставить отца своего и мать и прилѣпиться къ женѣ. Въ такой же бракъ вступилъ и ты, государь всея Руси, принявъ по рожденію и отъ святительской руки въ дому Божьемъ благословеніе на царство. Приложение сдѣлай самъ, господине. Умнѣе на твою рѣчь сказать не счумъю: я не дьякъ и не грамотей.

— Грамота у тебѣ въ головѣ, Михайло!... Ладно...

Произнесъ послѣднее слово, великій князь оперся подбородкомъ на руки, скрещенныя на посохъ, и погрузился въ глубокую думу. Такъ пробылъ онъ нѣсколько минутъ, въ которыя дворецкій не смѣлъ пошевеливаться. Нельзя сказать, что въ эти минуты тихій ангелъ влетѣлъ: нѣтъ, въ нихъ пролетѣлъ грозный духъ брани. Рѣшена судьба Твери, бывшей сильной соперницы Москвы.

Такимъ-то вездѣ является у г. Лажечникова Іоаннъ III: умъ глубокий, характеръ желѣзный, но все это въ формахъ простыхъ и грубыхъ.

Кромѣ того, описанія пріема пословъ, казней, политическихъ операцій Іоанна, разныхъ русскихъ обычаевъ того времени составляютъ одну изъ блестящихъ сторонъ новаго романа. Поэтическихъ мѣстъ много; интересъ вездѣ поддержанъ. Не понимаемъ, для чего авторъ опять повелъ своихъ читателей въ Богемію: романъ кончился въ Москвѣ...

Заключая нашъ разборъ увѣреніемъ, что новый романъ г. Лажечникова есть болѣе, нежели пріятный подарокъ для публики, обратимся къ предмету, чуждому поэзіи и самому прозаическому.

Мы хотимъ сказать слова два о новомъ, небываломъ и до чрезвычайности странномъ правописаніи автора „Басурмана“. Положимъ, что окончаніе прилагательныхъ на *ова* и *ева*, вмѣсто *аю*, *яю* и *ею*, имѣетъ свое основаніе, и даже, когда къ этому привыкнуть, можетъ быть принято всѣми; что же касается до „можетбыть“, „можетстаться“, „какскоро“ и тому подобныхъ — то мы не знаемъ, что и сказать объ этомъ. Будь это принято всѣми, тогда сбудется сказка о старухѣ, которая, замѣтивъ, что ея госпожа, колдунья, молодѣетъ отъ какого-то элексира, такъ несоразмѣрнохватила его, что сдѣлалась семилѣтнимъ ребенкомъ...

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ „Колдуна на Сухаревой башнѣ“: въ этомъ романѣ авторъ снова будетъ въ своей сферѣ и напомнитъ намъ имъ „Новика“ и „Ледяной Домъ“. Кстати о напominаніи: пользуемся случаемъ напомнить, отъ лица публики, даровитому автору, что за нимъ есть должокъ — и очень большой: на 74-ой стр. IV части „Ледяного Дома“ онъ обѣщалъ разсказать исторію Линара и мужа Анны Леопольдовны, а на 75-ой про чудесную смерть С***вой и про сердце ея, выставленное въ церкви на золотомъ блюдѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ, и пр.

Не легко отказаться отъ такихъ обѣщаній, и кому же будетъ писать, если писатели съ такимъ талантомъ, какъ авторъ „Новика“ и „Ледяного Дома“, будутъ оставаться только при обѣщаніяхъ!

15. Бородинская годовщина.

В. Жуковскаго. Москва. 1839.

Письмо изъ Бородина отъ безрукаго къ безногому инвалиду.

Москва. 1839.

Статьей объ этихъ двухъ брошюркахъ Бѣлинскій дебютировалъ (если не считать десятка мелкихъ рецензій) въ „Отечественныхъ Запискахъ“ осенью 1839 года. Черезъ два мѣсяца, въ декабрѣ этого же года, онъ помѣстилъ большую статью о книгѣ Ѳ. Глинки „Очерки бородинскаго сраженія“, являющуюся непосредственнымъ развитіемъ и продолженіемъ настоящей статейки. Въ замѣткѣ объ этой большой статьѣ (ниже, № 16) мы одновременно коснемся и настоящей, служащей ей предисловіемъ; здѣсь же отмѣтимъ только, что основной мыслью настоящей статьи является *мистичность идеи самодержавія*. Мысль эта здѣсь только высказана; обосновать ее — было задачей статьи объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія“.

Эти двѣ статьи являются примѣненіемъ къ области социальной и политической основного философскаго убѣжденія Бѣлинскаго въ объективной цѣлесообразности міра, въ разумной дѣйствительности: общій философскій принципъ долженъ былъ оправдываться во всѣхъ областяхъ жизни и мысли. И Бѣлинскій смѣло приложилъ этотъ принципъ къ самымъ, казалось бы, отрицательнымъ явлениямъ дѣйствительности и убѣдилъ самъ себя, что эти явления необходимы и разумны; онъ убѣдилъ въ этомъ не только себя, но и своихъ друзей, которые, по его словамъ, „все восхитились“ этой его статейкой о „Бородинской Годовщинѣ“ и „больно восхищались“ статьей объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія“. Однако не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ Бѣлинскій, доведя до крайности эту свою мысль, увидѣлъ, насколько

его теорія противорѣчитъ „дѣйствительности“; увидѣвъ это, онъ сначала робко, а затѣмъ рѣзко отказался отъ своей бывшей философской вѣры.

Одновременно съ этимъ онъ отказался и отъ этихъ своихъ статей. „Что же сказать о моемъ нелѣпѣйшемъ и натянутомъ вступленіи въ разборъ брошюрокъ о бородинской битвѣ, которымъ все восхитились? — пишетъ Бѣлинскій Боткину (3 февр. 1840 г.): — дорого далъ бы я, чтобы истребить его...“ Здѣсь Бѣлинскій отказывается только отъ „вступленія“ рецензій, отъ первой страницы статьи; причина этого въ томъ, что Гречъ въ концѣ 1839-го и въ началѣ 1840-го года печатно и устно (въ публичныхъ лекціяхъ „О русскомъ языкѣ“) высмѣивалъ между прочимъ это вступленіе и приводилъ изъ него фразы объ усвоеніи „объективной особенности въ субъективную собственность“, о субстанціальной родственности факта исторіи съ духомъ созерцающаго, о просвѣтленіи до прозрачности таинственной сущности этого факта и т. п. Но уже черезъ два мѣсяца, въ письмѣ къ тому же Боткину отъ 16 апр. 1840 г., Бѣлинскій начисто отказывается не отъ одного „вступленія“, но отъ всей статейки: „глупая статейка о брошюркахъ Жуковскаго и Глинки (Скобелева? см. ниже, прим. на стр. 489-ой), надъ которою смѣялся весь Пѣтеръ и публично тѣшился Гречъ“... Проидетъ еще немного времени — и Бѣлинскій будетъ вспоминать объ этихъ статьяхъ, „задыхаясь отъ негодованія“...

И.-Р.

Ничто такъ не расширяетъ духа человѣческаго, ничто не окрыляетъ его такимъ могучимъ орлинымъ полетомъ въ безбрежныя равнины царства безконечнаго, какъ созерцаніе міровыхъ явленій жизни. Поэтому, исторія человѣчества, какъ объективное изображеніе, какъ картина и зеркало общихъ, міровыхъ явленій жизни, доставляетъ человѣку наслажденіе безграничное,

полное роскошнаго, трепетно-сладкаго восторга; созерцая эти движущіяся, олицетворявшіяся судьбы человѣчества, въ лицѣ народовъ и ихъ благородныхъ представителей; ставъ лицомъ къ лицу съ этими полными трагическаго величія событіями, духъ человѣка то падаетъ передъ ними во прахъ, проникнутый мятежнымъ и непокорнымъ его самообладанію чувствомъ ихъ царствен-

ной грандиозности, и подавленный обременительною полнотою собственного упоения, — то, покоряя свой восторгъ разумнымъ проникновениемъ въ ихъ сокровенную сущность, самъ возстаетъ въ мощномъ величии, гордо сознавая свое родство съ ними. Вотъ гдѣ скрывается абсолютное значеніе исторіи и вотъ почему занятіе ею есть такое блаженство, какого не можетъ замѣнить человѣку ни одна изъ абсолютныхъ сферъ, въ которыхъ открывается его духу сущность сущаго и родственно сливается съ нимъ до блаженного уничтоженія его индивидуальной единичности. Да, кто способенъ выходить изъ внутренняго міра своихъ душевныхъ, субъективныхъ интересовъ, чей духъ столько могучъ, что въ силахъ переступить за черту заколдованнаго круга прекрасныхъ, обаятельныхъ радостей и страданій своей человѣческой личности, вырваться изъ ихъ милыхъ, лелѣящихъ объятій, чтобы созерцать великія явленія объективнаго міра, и ихъ объективную особность усвоить въ субъективную собственность чрезъ сознаніе своей съ ними родственности, — того ожидаетъ высокая награда, безконечное блаженство: засверкаютъ слезами восторга очи его, и весь онъ будетъ — настроенная арфа, бряцающая торжественную пѣснь своего освобожденія отъ оковъ конечности, своего сознанія духомъ въ духъ... Но когда міровое историческое событіе есть въ то же время и фактъ отечественной исторіи, и его субстанціальная родственность съ духомъ созерцающаго просвѣтитъ до прозрачности его таинственную сущность, — о, тогда его блаженство будетъ еще шире, безконечнѣе, потому что на родной призывъ отзовутся новыя струны, сокрытыя въ самыхъ недоступныхъ глубинахъ его сердца!... Къ такимъ-то великимъ міровымъ явленіямъ принадлежитъ *битва бородинская* — истинная битва гигантовъ, гдѣ, съ одной стороны, исполнитель міровыхъ судебъ, влекомый безсознательнымъ стремленіемъ наполнить страшную, бездонную пропасть своего необъятнаго духа, мнилъ послѣднимъ подвигомъ остановить свою блуждающую звѣзду и стать у темной цѣли своего таинственного пути, а съ другой — великій народъ, подъ знаменемъ креста и державной власти, сталъ за свое существованіе и за честь своихъ царей,

И равенъ былъ неравный споръ...

Дивное зрѣлище! Умъ изнемогаетъ, силясь объять его во всей безконечности его значенія!...

И тому прошло уже двадцать семь лѣтъ, и новыя поколѣнія смѣнили старыя, и уже многихъ нѣтъ изъ знаменитыхъ сподвижниковъ, и лавровѣнчанья главы оставшихся

покрыты священной сѣдиною, и уже давно исцѣлились раны молодого царства, и уже давно цвѣтетъ оно и новою жизнію, и новыми силами, и новою славою, — а между тѣмъ все это какъ будто вчера было...

Да, оно и въ самомъ дѣлѣ было не двадцать семь лѣтъ назадъ, а недавно, очень недавно, если не вчера, потому что только теперь, только ставши прошедшимъ, явилось оно намъ во всемъ своемъ свѣтѣ, уже не ослѣпляя своимъ блескомъ нашихъ бранныхъ очей, но радуя ихъ отдаленнымъ сіяніемъ своего безсмертнаго величія, какъ радуетъ очи торжественная, объявляющая полнеба, но тихо мерцающая заря вечера или утра...

Великое прошедшее родило великое настоящее...

Царственно-высокій духъ русскаго царя, созерцая минувшія судьбы вѣреннаго ему Богомъ народа, остановился на полѣ славы своего державнаго брата, на полѣ славы своего народа, и его монаршей волѣ было достойно воздать дань благодарности и славы великому подвигу сподвижниковъ Благословеннаго... И вотъ частное владѣніе становится даромъ царя своему будущему преемнику, и въ Бородинѣ ¹⁾, „отъ храма Господня до хижины земледѣльца, все преобразовано, перелажено и представляетъ собою обширную дачу съ устроенными, для сообщенія, мостами, дорогами и улицами, и въ верстѣ отъ Бородина, на бывшей батареѣ Раевского, величественно и гордо возвышается безсмертный памятникъ, заключающій въ себѣ восьмиугольную пирамиду“ ²⁾.

¹⁾ Подлинныя слова изъ „Письма изъ Бородина отъ Безрукаго къ Безногому Инвалиду“.

Прим. Бѣлинскаго.

²⁾ Хотя надписи на этомъ монументѣ и извѣстны всѣмъ изъ „Живописнаго Обзорія“, „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Инвалида“, но мы не можемъ отказать себѣ въ наслажденіи выписать ихъ здѣсь, какъ образецъ благородной простоты и возвышенной поэзіи при величии содержанія:

Лицомъ къ позиціи, занимавшейся неприятелемъ, вставленъ образъ Спасителя съ надписью: „Въ немъ спасеніе! — Бородинское сраженіе было 1812 августа 26 числа“. Съ правой стороны образа и далѣе, одна подлѣ другой, слѣдующія надписи:

I. Кутузовъ, Барклай-де-Толли, Багратіонъ. Русскихъ было въ строю: пѣхоты 85.000 челов., конницы 18.200 челов., казаковъ 7.000, ополченія 10.000 челов., орудій 640.

II. Умерли за отечество полководцы: Багратіонъ, Тучковъ 1-й, Тучковъ 4-й, графъ Кутайсовъ. Всѣмъ прочимъ слава!

III. Властолюбіе неограниченное изумило Европу; успокоилось посреди пустыни океана. Москва занята неприятелемъ 2-го сентября 1812 года, Александръ I вступилъ въ Парижъ 19-го марта 1814 года.

IV. Франція, Италія, Виртембергъ, Саксонія, Вестфалія, Польша, Швейцарія и Германскій-Союзъ, всѣхъ 20 языковъ. Вывели въ строй пѣхоты 145.000 чел., конницы 40.000, орудій 1.000.

V. Европа оплакала паденіе храбрыхъ сыновъ

И вотъ, по творческому, властительному слову, на священныхъ поляхъ Бородина, принявшихъ въ нѣдра свои кости и кровь героевъ великой драмы, стало подъ ружьемъ *сто сорокъ тысячъ* новыхъ героевъ... И вотъ въ вѣчно памятный день 26-го августа, съ разсвѣтомъ дня, въ рядахъ прочтенъ былъ царскій приказъ:

„Ребята!

„Передъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славномъ подвигѣ вашихъ товарищей! Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ передъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, стоявшее за вѣру, Царя и отечество! — Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ — и мы вошли въ Парижъ.

„Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ Императору Александру I. Его твердою волею спасена Россія. Вѣчная слава падшимъ геройскою смертью товарищамъ нашимъ, и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ намъ и позднѣйшему потомству! — Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему Государю и общей матери нашей, Россіи!“

И ряды грянули русское „ура!“ и оно не умолкало отъ *пятого* до *восьмого* часа дня...

„Извѣстно, что съ этого же самага времени загремѣлъ военный кличъ въ началѣ смертоносной битвы: посему грозное утро въ памяти стариковъ воскресло, полуумершія сердца затрепетали и полузастывшая ихъ кровь снова закипѣла. „Теперь хоть бы снова на бусурмана“ — шепнули инвалиды. „Далеко кулику до петрова дня“ — молвили другіе: „пройдутъ вѣка, высохнутъ моря и рѣки, а врагъ сюда и носа не покажетъ!“

Это слова безрукаго инвалида, который оставшеюся рукою перомъ владѣетъ какъ и штыкомъ. Нужно ли его имя?... ¹⁾ Послушаемъ

своихъ на поляхъ бородинскихъ. Непріятеля убито: генераловъ 9, воиновъ до 20.000; ранено: генераловъ 30, воиновъ 40.000.

VI. Отступили съ честью, чтобы вѣрнѣе побѣдить. — Вторгнулись въ Россію 554.000 человекъ, возвратилось 79.000 человекъ.

VII. 1838 годъ. Благодарное отечество положившимъ животъ на полѣ чести. Русскихъ убито: генераловъ 3, воиновъ до 15.000; ранено: генераловъ 12; воиновъ 30.000.

Мелка и лишена искры Божіей душа того, кто не увидитъ въ этихъ немногихъ строкахъ глубокаго смысла и обширнаго содержанія, заключенныхъ въ двуполитическую форму, безконечно много говорящую въ своей благородной простотѣ, энергической сжатости и величавой грандіозности!... *Прим. Бѣлинскаго.*

¹⁾ Этотъ „безрукій инвалидъ“ — генералъ Скобелевъ, комендантъ Петропавловской крѣпости; о немъ и Бѣлинскомъ см., между прочимъ, „Былое и думы“ Герцена, гл. XXV, а также письмо Бѣлинскаго къ К. Аксакову отъ 14 авг. 1837 г.

же далѣе этого краснорѣчиваго въ своей воинской простотѣ историка великаго событія:

„Войска вокругъ памятника составили огромное, величественное каре. Всѣ отставные генералы, штаб- и оберъ-офицеры, участвовавшіе въ бородинскомъ дѣлѣ, помѣщались у памятника за рѣшеткой. День былъ свѣтлый, солнце однакожь не показывалось; но лишь святія хоругви, въ сопровожденіи московскаго митрополита, съ многочисленною духовною процессіею, Государемъ Императоромъ встрѣченныя, приблизились къ памятнику, оно явилось и скрылось. По совершеніи панихиды начался молебенъ, а когда царь и воины стали на колѣни, солнце снова просіяло, общая радость заблестала, а между старыми героями пронесся говоръ: „Такъ надѣ главою Кутузова неожиданно воспарилъ орелъ при осмотрѣ бородинскихъ укрѣпленій 25 августа 1812 года.“ — „Съ нами Богъ! Разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!“ — Вслѣдъ за симъ огласилась пѣснь: „Тебѣ Бога хвалимы!“ громъ пушекъ и „ура“ все еще гремѣли, и роковой 1812 годъ — откликнулся!

„Въ заключеніе этого знаменитаго, дивнаго и торжественнаго явленія Государь Императоръ, провожая прежнимъ порядкомъ святія хоругви, повелѣлъ всѣмъ войскамъ мимо памятника проходить церемониальнымъ маршемъ, сомкнутыми полковыми колоннами; въ головѣ всѣхъ колоннъ ѣхали генералы, непринадлежащіе къ составу собранныхъ войскъ.

„Покойно и благоговѣнно отсалютовалъ русскій Царь сооруженному имъ и освященному двесъ памятнику; симъ рѣдкимъ примѣромъ, въ лицѣ всей Россіи принеся должную дань величію Бога, онъ воздалъ честь заслугамъ человека. Высокій примѣръ!

„Бородинская битва, по благотворнымъ слѣдствіямъ, составляетъ священнѣйшій предметъ всей Россіи, а бородинскія поля, пролитую на нихъ кровью, сроднились съ миллионами русскихъ людей. Чье же сердце не возрадуется, кто изъ глубины души не вознесетъ усердной теплою молитвы къ подателю всѣхъ благъ о здравіи Отца-Монарха, увѣковѣчившаго событіе, вмѣщающее въ себя честь Россіи, и почтившаго память падшихъ героевъ! — Жизнь воина — жертва славы! Тотъ у цѣли, кто стяжалъ себѣ славную память.

„Государь Императоръ, какъ отецъ обширнаго семейства, съ начала до конца жилъ въ палаткѣ посреди войска; по утрамъ ежедневно Его Величество или осматривалъ, или училъ какую-нибудь часть и всѣмъ былъ чрезвычайно доволенъ. Вечеромъ на всѣхъ линейкахъ и во всѣхъ селеніяхъ, въ коняхъ расположена была кавалерія, гремѣла музыка и заливались пѣсни. Публики, и даже дамъ, съѣхалось — хоть бы въ столицу, а веселья было хоть бы 1-го мая на гуляньѣ.

„Произведенными 29-го числа на бородинской позиціи маневрами повторялись движенія точь въ точь за 27 лѣтъ въ смертоносную битву бывшія: то же дѣйствіе артиллеріи, та же быстрая кавалерійскихъ атакъ; на лицахъ воиновъ можно было прочесть то же рвеніе, усердіе и добрую волю, но съ лучшими, разумѣется, устройствомъ и порядкомъ: однимъ словомъ, картина была дивная: безъ малѣйшей суеги и безобразія, которыхъ въ настоящемъ дѣлѣ избѣжать почти невозможно. Извѣстно, что въ жаркомъ бою заставить русскаго солдата отступить — весьма трудно: измѣнилъ штыкъ онъ тузить врага прикладомъ; сокрушился прикладъ, молодецъ пускаетъ въ работу кулаки; безъ страха и трепета онъ встрѣчаетъ смерть грудью; — и, угомона басурмана, умираетъ съ радостью... по-русски!

.....

Наконецъ нѣсколько словъ собственно о нашихъ братьяхъ, оставшихъ и послужащихъ инвалидахъ: всѣ они, по мѣрѣ приближенія къ Бородину, нѣмѣли счастье быть представленными лично Государю Императору, Наслѣднику и Великому князю Михаилу Павловичу; всѣ удостоены монаршаго привѣтствія... Въ день открытія памятника, какъ сказалъ я выше, они помѣщались за рѣшеткою, и съ того же времени ежедневно приглашались во дворецъ, за гофъ-маршальскій столъ, а 30-го числа, въ день тезоименитства Государя Наслѣдника, удостоены кушать вмѣстѣ съ Государемъ¹⁾. Всѣмъ нуждающимся была оказана денежная помощь, не забыты отставные и нижніе чины, изъ разныхъ мѣстъ прибывшіе. Всѣхъ денегъ, какъ я мелькомъ слышалъ, въ награду служащимъ и въ пособіе отставнымъ, изъ царскихъ мѣшковъ въ карманы солдатъ и прочихъ вѣрнопопавшихъ переползло болѣе трехсотъ тысячъ серебряныхъ рублей²⁾; короче сказать, награды здѣсь сыпались градомъ, но всѣ онѣ — капля въ мѣрѣ съ авеніи съ наградой, какую Царь-Отецъ оказалъ всей Россіи предпринятымъ и совершившимся великимъ дѣломъ³⁾.

Чтобы закончить историческую картину этого великаго событія, сдѣлаемъ еще выписку изъ брошюры безрукаго инвалида:

„Всѣми войсками командовалъ фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій; Ихъ Императорскія Высочества: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій; генералы: Потаповъ, графъ Крейцъ и Нейдгартъ.

„Весело и сладко было русскому сердцу увидѣть здѣсь знатнѣйшихъ, по безсмертнымъ подвигамъ въ отечественную войну, извѣстнѣйшихъ, полную благодарность и искреннюю любовь увѣковѣчившихъ героевъ нашихъ: принца Евгенія Виртембергскаго, князя Варшавскаго, графа И. О. Паскевича-Эриванскаго, князя Д. В. Голицына, графа М. С. Воронцова, князя П. М. Волконскаго, А. П. Ермолова, графа П. П. Палена, графа К. О. Толя, графа А. И. Чернышева, графа В. В. Орлова-Денисова, князя А. И. Горчакова, князя И. Л. Шаховскаго, П. М. Капцевича, А. П. Никитина, князя А. Г. Щербатова, П. Ф. Левенштерна, М. Е. Храповицкаго, графовъ Ц. А. Крейца и А. П. Ожаровскаго и П. А. Тучкова³⁾; изъ отставныхъ: Пышницкаго, Карпенко, Всеславина, и, сверхъ того, болѣе трехсотъ человекъ генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ, поснѣжившихъ къ минутѣ этого вѣковаго событія изъ разныхъ странъ Россіи, презирая лѣта, раны и недуги, съ тѣмъ собственно, чтобы еще разъ послѣдній потухающій взоръ бросить на родное поле, увлажненное родною ихъ кровью, гдѣ за 27 лѣтъ передъ симъ грохотъ пушекъ, щебетъ мелкаго огнестрѣльнаго оружія, крикъ на мгновеніе побѣдившихъ и на столько же побѣжденныхъ, стоны раненыхъ и умирающихъ, звукъ трубъ, литавровъ и барабановъ, командныя слова, ура!, ободрительные возгласы начальства, говоръ людей, ржаніе лошадей, сливаясь въ одинъ громкій гулъ, прикрытый густыми, дымящими облаками пороха, представлялъ, въ полномъ смыслѣ

слова, совершенный адъ; — гдѣ кровь лилась рѣками, жизнь людей угасала цѣлыми полками; гдѣ смерть носилась, суетилась и спѣшила клеймить судьбою опредѣленные ей жертвы; но гдѣ съ бою чудо богатыри русскаго Царя не уступили пяди святой русскаго земли, тамъ почтеннѣйшимъ ветеранамъ судилъ Богъ увидѣть славнымъ подвигамъ своимъ вѣчный, немерцающій символъ!“

Да, это было великое зрѣлище, достойное того, которое должно было собою напомнить! Эти были отгулъ звучно-отгрянувшій отъ умершаго великаго прошедшаго и воскресившій его; но отгулъ безъ крови, безъ страданій, а только со славою, блескомъ и величіемъ перваго гула... Этимъ торжественнымъ дѣйствіемъ прошедшее связано неразрывно съ настоящимъ и будущимъ, царскія дружины пріяли въ себя новый элементъ жизни, который будетъ передаваться изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію — да знаетъ благородное сословіе защитниковъ отечества свою славу черезъ славу своихъ предшественниковъ, и да не умираетъ въ немъ ихъ высокій духъ, но обновленный и вѣчно юный да пребудетъ твердымъ оплотомъ и незыблемымъ основаніемъ народнаго могущества и славы!... Подвигъ, достойный великой души нашего Царя, который въ славѣ народа своего полагаетъ свою собственную славу, и котораго неутомимый духъ находитъ только отдыхъ и наслажденіе въ подвигахъ, долженствующихъ имѣть такое великое вліяніе на грядущія времена... Истинно-царственная драма, во всемъ величій и во всемъ очарованіи всемірно-историческаго зрѣлища, достойная улаживать духъ царей и народовъ!...

Да, великое событіе совершилось передъ нами, событіе *народное*, но народное не въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово неприванные опекуны человѣческаго рода, заграничные крикуны. Для насъ, Русскихъ, нѣтъ событій народныхъ, которыя бы не выходили изъ живого источника высшей власти. Великое было событіе 1612 года, но предки наши имъ не гордились, и не радовались, а скорбѣли и печалились, доколѣ домъ Романовыхъ не далъ имъ царя, — и только отъ сей великой минуты имъ возвращена была ихъ слава, потому что уже явилось царское имя, освятившее ее, и *безыменному* подвигу давшее и имя, и цѣль, и значеніе... Пусть будетъ велико наше народное торжество, пусть, какъ волны океана, сольется въ него все народонаселеніе необъятной Россіи, но если бы эта неизсчислительная громада народа не видала впереди себя своего Царя, который въ спокойномъ, царственномъ величій привѣтствуетъ ея восторженные клики, и на лицѣ котораго она читаетъ и грозу, и милость, и царскую доблесть, и великій мощный духъ, на который

1) „Послѣ стола Его Величество, подойдя къ отставнымъ, изволилъ изъяснить имъ Высочайшее благоволеніе за прибытіе и участіе въ дѣлѣ, которое такъ близко къ русскому сердцу“.

2) „И сверхъ того, всѣмъ служащимъ изъ бывшихъ въ бородинской битвѣ присвоенъ окладъ жалованья, какое получали они въ то время“.

3) „Представителя двухъ падшихъ здѣсь героевъ, родныхъ его братьевъ“.

спокойно и самоуверенно опирается ея счастье въ настоящемъ и надежды въ будущемъ,—тогда для нея торжество было бы не торжествомъ, а бессмысленною сходкою празднаго народа, и въ священномъ не было бы священнаго!... Оттого-то молодѣетъ нашъ старый, нашъ державный Кремль, и кипитъ народомъ, и оглашается своимъ вѣковымъ „ура“, когда надъ дворцомъ гордо развѣвается широкій флагъ — залогъ присутствія того, кто есть и жизнь и душа своего народа... Да, въ словѣ „Царь“ чудно слито сознание русскаго народа, и для него это слово полно поэзіи и таинственнаго значенія... И это не случайность, а самая строгая, самая разумная необходимость, открывающая себя въ исторіи народа русскаго. Ходъ нашей исторіи обратный въ отношеніи къ европейской: въ Европѣ точкою отправленія жизни всегда была борьба и побѣда низшихъ ступеней государственной жизни надъ высшими: феодализмъ боролся съ королевскою властью и, побѣжденный ею, ограничилъ ее, явившись аристократіею; среднее сословіе боролось и съ феодализмомъ, и съ аристократіею, демократія—съ среднимъ сословіемъ; у насъ совсѣмъ наоборотъ: у насъ правительство всегда шло впереди народа, всегда было звѣздою путеводною къ его высокому назначенію; царская власть всегда была живымъ источникомъ, въ которомъ не изсякали воды обновленія, солнцемъ, лучи котораго, исходя отъ центра, разбѣгались по суставамъ исполинской корпораціи государственнаго тѣла и проникали ихъ жизненною теплотою и свѣтомъ¹⁾. Въ царѣ наша свобода, потому что отъ него наша новая цивилизація, наше просвѣщеніе, такъ же, какъ отъ него наша жизнь. Одинъ великій царь освободилъ Россію отъ Татаръ и соединилъ ея разединенные члены; другой — еще большій — ввелъ ее въ сферу новой обширнѣйшей жизни; а наслѣдники того и другого довершили дѣло своихъ предшественниковъ. И потому-то всякій шагъ впередъ русскаго народа, каждый моментъ развитія его жизни всегда былъ актомъ царской власти; но эта власть никогда не была абстрактною и произвольно случайною, потому что она всегда таинственно сливалась съ волею Провидѣнія—съ разумною дѣйствительностью, мудро угадывая потребности государства, сокрытыя въ немъ, безъ вѣдома его самого, и приводя

ихъ въ сознаніе. Отсюда происходитъ эта дивная симпатія, сдѣлавшая единое и цѣлое изъ двухъ началъ, это всегдашнее и безусловное повиновеніе царской волѣ, какъ волѣ самого Провидѣнія. Итакъ, не будемъ толковать и разсуждать о необходимости безусловнаго повиновенія царской власти: это ясно и само по себѣ; нѣтъ, есть нѣчто важнѣе и ближе къ сущности дѣла: это — привести въ общее сознаніе, что безусловное повиновеніе царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзія нашей жизни, наша *народность*, если подъ словомъ „народность“ должно разумѣть актъ слитія частныхъ индивидуальностей въ общемъ сознаніи своей государственной личности и самости. И наше русское народное сознаніе вполне выражается и вполне исчерпывается словомъ „Царь“, въ отношеніи къ которому „отечество“ есть понятіе подчиненное, слѣдствіе причины. Итакъ, пора уже привести въ ясное, гордое и свободное сознаніе то, что въ продолженіе многихъ вѣковъ было непосредственнымъ чувствомъ и непосредственнымъ историческимъ явленіемъ: пора сознать, что мы имѣемъ разумное право быть горды нашею любовью къ царю, нашей безграничной преданностью его священной волѣ, какъ горды Англичане своими государственными постановленіями, своими гражданскими правами, какъ горды Сѣверо-Американскіе Штаты своею свободою. Жизнь всякаго народа есть разумно необходимая форма общемировой идеи, и въ этой идеѣ заключается и значеніе, и сила, и мощь, и поэзія народной жизни; а живое, разумное сознаніе этой идеи есть и цѣль жизни народа и вмѣстѣ ея внутренній двигатель. Петръ Великій, приобщивъ Россію европейской жизни, далъ черезъ это русской жизни новую, обширнѣйшую форму, но отнюдь не измѣнилъ ея субстанціального основанія, точно такъ же, какъ представители новаго европейскаго міра, усвоивъ себѣ роскошные плоды, завѣшанные ему древнимъ міромъ, отнюдь не сдѣлались ни Греками, ни Римлянами, но развились въ собственныхъ, самобытныхъ формахъ, развившихся изъ субстанціального зерна ихъ жизни. Вотъ взглядъ—истинный и единый, который долженъ взять за основаніе историкъ русскаго народа, чтобы не заблудиться въ дремучемъ лѣсу абстрактныхъ умствованій ложно понятаго „русскаго европеизма“. И потому-то, отдавая должную справедливость и должную дань хвалы и удивленія всему истинному у нашихъ западныхъ сосѣдей, будемъ далеки отъ ослѣпленія—признавать за предметъ подражанія то, что относится собственно къ формѣ ихъ народной, а не обще-человѣческой жизни, а

¹⁾ Отношеніе же высшихъ сословій къ низшимъ прежде состояло въ патріархальной власти первыхъ и патріархальной подчиненности вторыхъ, а теперь въ спокойномъ пребываніи каждаго въ своихъ законныхъ предѣлахъ, и еще въ томъ, что высшія сословія мирно передаютъ образованность низшимъ, а низшія мирно ее принимаютъ. Прим. Бюлинскаго.

еще тѣмъ болѣе будемъ далеки отъ ослѣпленія—признавать за великое дурныя стороны ихъ жизни, которыя, какъ случайности, или какъ крайности, необходимо существуютъ въ жизни каждаго народа. Равнымъ образомъ и не будемъ забывать собственного достоинства, будемъ умѣть быть гордыми собственною національностью, основными стихіями своей народной индивидуальности; но будемъ умѣть быть гордыми безъ тщеславія, которое закрываетъ глаза на собственные недостатки и есть врагъ всякаго движенія впередъ, всякаго преуспѣянія въ добрѣ и славѣ... Необъятно пространство Россіи, велики ея юныя силы, безпредѣльна ея мощь—и духъ замираетъ въ трепетномъ восторгѣ отъ предощущенія ея великаго назначенія, ея — законной наслѣдницы жизни трехъ періодовъ человѣчества! Есть чему радоваться, есть чѣмъ быть блаженными и гордыми въ нашемъ народномъ сознаніи; но не забудемъ же, что достиженіе цѣли возможно только черезъ *разумное* развитіе не какого-нибудь чуждаго и внѣшняго, а substantialнаго, родного начала народной жизни, и что таинственное зерно, корень, сущность и жизненный пульсъ нашей народной жизни выражается словомъ „царь“. Будемъ прислушиваться и къ порицанію недруговъ и завистниковъ, извлекая изъ нихъ полезные уроки и пользуясь ими; а на кривые толки, бессмысленные возгласы и громкія, но пустыя фразы безмозглыхъ преобразователей человѣческаго рода, непризванныхъ посредниковъ въ чужихъ семейныхъ дѣлахъ, будемъ отвѣчать презрительнымъ молчаніемъ, а если ужъ слишкомъ раскричатся, то отвѣтимъ имъ словами нашего великаго поэта:

Вы грозны на словахъ: попробуйте на дѣлѣ!...

Мы увѣрены, что эти строки не почтутъ наши читатели отступленіемъ отъ предмета, подавшаго къ нимъ поводъ: бородинское торжество нынѣшняго года невольно навело насъ на эти мысли: оно было *мыслію Царя, перешедшею въ торжество народа*...

Брошюры, заглавіе которыхъ выписано въ началѣ нашей статьи, обязаны своимъ появленіемъ бородинскому торжеству, которое нашло себѣ органы въ знаменитомъ поэтѣ, лавровѣнчанномъ ветеранѣ нашей поэзіи, и въ знаменитомъ воинѣ-инвалидѣ, къ военной славѣ своей присовокупившемъ славу безыскусственного, но сильнаго сердечнымъ краснорѣчіемъ литератора. О его брошюрѣ мы не будемъ говорить: выписанныя нами изъ нея мѣста достаточно свидѣлствуютъ о ея достоинствахъ. — „Бородинская годовщина“ есть новая пѣснь пѣвца русской славы, который въ годину великаго испы-

танія, родившаго настоящее торжество, былъ органомъ славы падшимъ и подвизавшимся героямъ великой драмы, и въ которомъ лѣта не охладили поэтического жара. Конечно, какъ стихотвореніе, обязанное своимъ появленіемъ не прихотливому порыву фантазіи, а навѣянное современнымъ событіемъ и ограниченное во времени своего появленія, — оно не должно подвергаться въ цѣломъ строгой критикѣ, — но въ немъ много сильныхъ и прекрасныхъ строфъ и стиховъ, которые нельзя читать безъ умиленія, а недостаточность другихъ вознаграждается поэзіею содержания. Не говоря уже о талантѣ поэта, само торжество на мѣстѣ торжества, сама мѣстность, вся дышащая воспоминаніемъ, не могли не родить поэзіи однимъ простымъ своимъ представленіемъ.

Читателямъ нашего журнала уже извѣстно новое произведеніе Жуковскаго; но какъ оно напечатано и отдѣльно, то рецензентъ почитаетъ себя въ правѣ повторить изъ него то, что особенно ему нравится. — Воспоминая ужасы бородинской битвы, поэтъ переходитъ къ настоящему времени:

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Блещетъ жатва по холмамъ.

И на пиръ помпозовенья
Рать другого поколѣнья
Новымъ, славнымъ ужъ Царемъ
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна,
Такъ же мужество въ ней сильно,
Тѣ-жъ орлы, тѣ-жъ знамена
И полковъ тѣ-жъ имена, —
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали,
Прежнимъ данной ей царемъ,
Не видать ужъ ни на комъ.

За симъ онъ переходитъ къ грустному воспоминанію о падшихъ вождяхъ, тѣхъ самыхъ, паденіе которыхъ онъ воспѣвалъ въ иное время, и наконецъ восклицаетъ:

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій Императоръ,
Міра свѣтлая звѣзда!
И твоя пришла чреда!

Вдругъ... отъ всѣхъ честей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ плачущей женой,
Нашъ владыка, нашъ герой,
Гаснетъ царь благословенный;
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся имперія идетъ.

И какъ поразителенъ переходъ отъ этого священнаго воспоминанія о Царѣ-спасителѣ къ тому, отъ кого спасена была Россія!

И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало!...
Есть далекая скала;
Вкругъ скалы морская мгла;
Съ моремъ степь слилась другая —
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ:
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Закключаемъ нашу статью послѣдними словами поэта, сливая съ ними и свою собственную мысль:

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятъ
Простираетъ въ глубь земли;
Нашу Русь вы намъ спасли.
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать!

1839 г.

16. Очерки бородинскаго сраженія.

Воспоминанія о 1812 годѣ. Сочиненіе *Θ. Глинки*. Москва. 1839.

Предыдущая статья о „Бородинской годовщинѣ“ является непосредственнымъ предисловіемъ къ настоящей статьѣ объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія“. Тамъ была высказана мысль о мистичности идеи самодержавія; здѣсь эта мысль развивается и обосновывается, но кромѣ того здѣсь высказывается цѣлый рядъ другихъ положеній, крайне важныхъ для характеристики взглядовъ Бѣлинскаго этой эпохи.

Прежде всего необходимо отмѣтить одно обстоятельство, большей частью недостаточно отмѣняемое — именно то, что въ этихъ статьяхъ Бѣлинскій по справедливости можетъ считаться однимъ изъ родоначальниковъ *славянофильства*, которое приняло опредѣленные формы два-три года спустя. Даже тѣ изслѣдователи, которые, подобно Пыпину, подчеркиваютъ прежде всего не сходство, а различіе этихъ взглядовъ Бѣлинскаго отъ славянофильства — даже они ищутъ эта различіе, такъ сказать, въ *динамикѣ*, а не въ *статикѣ* этихъ воззрѣній, не въ сущности установившихся мнѣній, а въ процессѣ ихъ выработки (см. Пыпинъ, „Бѣлинскій“, стр. 265—266). Сущность же этихъ воззрѣній чрезвычайно близка. Вопросы философіи исторія, вопросы социальныя и политическіе — все это Бѣлинскій разрабатываетъ именно въ томъ направленіи, въ какомъ позднѣе ихъ будутъ развивать славянофилы.

Онъ начинаетъ съ повторенія былыхъ своихъ шеллингианскихъ взглядовъ (которые перешли и въ гегелианство) на народъ, какъ на личность, какъ на индивидуальность человечества — о чемъ онъ говорилъ еще въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“. Народъ есть личность; и подобно тому, какъ личность человеческая есть въ существѣ своемъ мисти-

тайна, *откровеніе*. Священнѣйшимъ и таинственнѣйшимъ явленіемъ народной и общественной жизни является царская власть: такъ въ настоящей статьѣ Бѣлинскій подходитъ къ темѣ своей предыдущей статьи, въ которой онъ писалъ, что „въ словѣ *Царь* чудно слито сознаніе русскаго народа“, что „это слово полно поэзіи и таинственнаго значенія“, что „таинственное зерно, корень, сущность и жизненный пульсъ нашей народной жизни выражается словомъ *царь*“ (см. выше, стр. 493). Эти же мысли Бѣлинскій почти дословно повторяетъ и въ настоящей статьѣ.

Но не только это явленіе общественной жизни таинственно и священо: нѣтъ, „всякая разумность священна, т.-е. имѣетъ свою мистическую, таинственную сторону“... Всякая разумность священна; а такъ какъ „что есть, то разумно, необходимо и дѣйствительно, а что разумно, необходимо и дѣйствительно, то только и есть“ (какъ писалъ Бѣлинскій въ одновременной статьѣ о „Менцелѣ“), то, слѣдовательно, разумно и священо все существующее. Съ этой точки зрѣнія Бѣлинскій признаетъ разумность даже крѣпостного права — именно таковъ смыслъ крайне характернаго примѣчанія Бѣлинскаго, которое читатели видѣли выше, на стр. 493-ей: указывая, что на Западѣ исторія двигалась борьбою сословій и классовъ, Бѣлинскій восхищается „патріархальностью“ Россіи и „мирнымъ“ сотрудничествомъ ея сословій.. Въ этомъ онъ видитъ „собственные, самобытныя формы“ русской жизни и въ порывѣ восторга предсказываетъ Россіи „великое назначеніе“ — быть „законной наследницей жизни трехъ періодовъ человечества“ (см. выше, стр. 495 и ср. аналогичное мѣсто на стр. 449-ой). Все это отъ слова

и до слова повторилось въ послѣдующемъ славянофильствѣ.

Уже изъ приведенныхъ цитатъ можно видѣть, какъ далеко зашелъ Бѣлинскій въ своемъ примиреніи съ „разумной дѣйствительностью“ и въ своемъ преклоненіи предъ нею. Это было послѣдовательнымъ примѣненіемъ теоріи объективной цѣлесообразности міра и жизни къ области наиболѣе острыхъ социальныхъ и политическихъ вопросовъ. Все благо, все добро, все истина—доказываетъ Бѣлинскій въ этихъ своихъ статьяхъ (см. особенно статью о „Менцелѣ“); ложь и зло есть призракъ, миражъ—доказывалъ онъ въ статьѣ о Гречѣ (см. выше, стр. 419). Примѣняя все это къ русской дѣйствительности, онъ долженъ былъ или признать ее за ложь и призракъ, или признать ее благомъ, истиною, „разумной дѣйствительностью“; онъ избралъ послѣдній путь. Самодержавіе—разумно, крѣпостное право—разумно; но почему же разумно?—потому, что исторически необходимо. Это отождествленіе „историческая необходимость = разумная дѣйствительность“ (отождествленіе, противъ котораго особенно возставалъ самъ Гегель) Бѣлинскій очень ярко и отчетливо высказалъ въ одной небольшой рецензіи конца 1839 г., разбирая „Стихотворенія Владислава Горчакова“. „Признакъ разумности всякаго явленія есть его необходимость“—вся указанная рецензія составляетъ развитіе этихъ первыхъ ея строкъ. Но, конечно, такого отождествленія было мало для апологіи крѣпостного права или самодержавія: вѣдь исторически необходимой была и великая французская революція, которую въ это время такъ ненавидѣлъ Бѣлинскій. И поэтому Бѣлинскій дѣлаетъ слѣдующій шагъ: онъ отождествляетъ „разумную дѣйствительность“ съ „реальной дѣйствительностью“, съ окружающей его дѣйствительностью. Если разумно и дѣйствительно „все, что есть“, то этимъ оправдывается разъ навсегда всякое зло, безправіе, насиліе, деспотизмъ, и не только оправдываются, а даже обращаются въ добро, законъ и справедливость.

Нечего и говорить, что все это якобы гегеліанство было въ сущности совершенно произвольнымъ и невѣрнымъ толкованіемъ основныхъ принциповъ философіи Гегеля; Бѣлинскій какъ будто совершенно упустилъ изъ вида сущность хорошо извѣстнаго ему діалектическаго процесса развитія. Годъ спустя послѣ настоящей статьи онъ писалъ Боткину (11 дек. 1840 г.): „Конечно, идея, которую я силился развить въ статьѣ по случаю книги Глинки „Очерки бородинскаго сраженія“, вѣрна въ своихъ основаніяхъ; но должно было бы развить и идею отрицанія, какъ историческаго права, не менѣе пер-

ваго священнаго и безъ котораго исторія человечества превратилась бы въ стоячее и вонючее болото“... Самъ Бѣлинскій вскрылъ здѣсь свою главную ошибку въ пониманіи Гегеля; но онъ оставилъ неисправленными цѣлый рядъ мелкихъ ошибокъ настоящей статьи. Такъ, напримѣръ, повторяя аргументы Гегеля противъ Руссо и его теоріи общественнаго договора, Бѣлинскій въ то же время проповѣдуетъ свою теорію мистическаго самодержавія, которая была (какъ и весь мистицизмъ) еще болѣе ненавистна Гегелю. Повидимому, Бѣлинскій не зналъ, что въ этихъ своихъ статьяхъ онъ повторяетъ по существу аргументы извѣстнаго въ то время идеолога Священнаго Союза и реставраціи—Галлера, который въ своемъ „Ученіи о государствѣ“ пытался возстановить и развить теорію мистичности власти. Гегель въ своей „Философіи права“ рѣзко полемизировалъ съ Галлеромъ, называя его теорію „безсмысленной“; это, очевидно, не было извѣстно Бѣлинскому. Есть цѣлый рядъ другихъ пунктовъ статьи Бѣлинскаго, въ которыхъ сказалось невѣрное пониманіе имъ философіи Гегеля; въ видѣ примѣра можно указать на первыя страницы настоящей статьи Бѣлинскаго, гдѣ онъ говоритъ о происхожденіи государства изъ семьи, племени, народа и общества. Эта реалистическая точка зрѣнія совершенно противоположна принципу философіи Гегеля: хотя у Гегеля *понятіе* государства дѣйствительно развивается изъ понятій семьи и общества, но это развитіе *не временное, а логическое*, не во времени, а въ понятіи; въ дѣйствительности же государство является первымъ началомъ (Hegels Werke, B. VIII, § 256). Этой основной мысли Гегеля о діалектическомъ развитіи не во времени, а въ понятіи—никогда не понималъ, быть можетъ, даже не зналъ Бѣлинскій; приведенный примѣръ неопровержимо доказываетъ, что философію Гегеля Бѣлинскій понималъ *реалистически*, несмотря на постоянное употребленіе гегелевской терминологіи объ „абсолютномъ духѣ“, и „идеѣ“ и т. п.

До сихъ поръ мы говорили о первой половинѣ настоящей статьи Бѣлинскаго, о той половинѣ, которая является продолженіемъ и развитіемъ статьи о „Бородинской годовщинѣ“; теперь обратимся ко второй половинѣ, еще болѣе важной для характеристики воззрѣній Бѣлинскаго. „Доселѣ,—начинаетъ эту вторую половину настоящей статьи Бѣлинскій,—доселѣ мы смотрѣли на общество, какъ на нѣчто единое и цѣлое: теперь взглянемъ на него, какъ на единство противоположностей“... Иначе говоря, Бѣлинскій обращается теперь къ анализу понятій *личности* и *общества*, къ попыткѣ ихъ прими-

ренія и синтеза. Вопросъ этотъ, въ той или иной его формѣ, давно уже стоялъ передъ Бѣлинскимъ. Напомнимъ, что въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“ Бѣлинскій указалъ на проявленіе идеи личности въ современной реальной поэзіи; въ древнемъ мірѣ, говорилъ тамъ Бѣлинскій, человѣкъ „еще не созналъ своей индивидуальности, ибо его Я исчезало въ Я его народа“; и только въ христіанствѣ „родилась идея человѣка, существа индивидуальнаго, отдѣльнаго отъ народа, любопытнаго безъ отношеній, въ самомъ себѣ...“ (см. выше, стр. 118 — 123; эти же мысли читатель найдетъ и ниже, въ статьѣ о „Менцелѣ“, а также и въ позднѣйшей статьѣ „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“, т. II, стр. 41). Тутъ-то и возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ примирить съ обществомъ эту сознавшую себя личность? Эту вѣчную проблему индивидуализма Бѣлинскій и пытается рѣшить въ настоящей статьѣ; рѣшеніе его носитъ двойственный характеръ. Съ одной стороны онъ признаетъ права личности, права конкретнаго человѣка; „всякій человѣкъ есть самъ себѣ цѣль“, говоритъ Бѣлинскій, и эту фразу мы еще неоднократно встрѣтимъ въ его дальнѣйшихъ статьяхъ; но тутъ же, въ этой же статьѣ Бѣлинскій говоритъ о „случайной личности, до которой никому нѣтъ дѣла и которая сама по себѣ—очень неважная вещь...“ Въ концѣ концовъ Бѣлинскій несомнѣнно склоняется къ отрицанію правъ личности, къ ея подавленію „Общимъ“, хотя и не формулируетъ это съ достаточной рѣзкостью.

Годъ-другой спустя Бѣлинскій диаметрально измѣнилъ эти свои взгляды на цѣнность человѣческой личности—и вмѣстѣ съ этимъ отказался и отъ своего былого воззрѣнія на міръ и на жизнь. Теперь, въ 1839 году, для Бѣлинскаго все благо, все добро, все разумно, все цѣлесообразно само въ себѣ; страданія и гибель человѣческой личности—ничтожный „субъективный“ фактъ, входящій въ общую мировую гармонію. Въ 1841 году этотъ „ничтожный“ фактъ разстроить для Бѣлинскаго всю мировую гармонію, и Бѣлинскій откажется отъ своей оптимистической философіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ откажется и отъ своего былого примиренія съ дѣйствительностью. Единственное, что останется прочнымъ завоеваніемъ и Бѣлинскаго и всей послѣдующей исторіи русской мысли—это то положеніе настоящей статьи, что общество есть прежде всего не ограниченіе, а расширеніе человѣческой индивидуаль-

ности. Эта мысль ляжетъ краеугольнымъ камнемъ дѣятельности Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ, когда и человѣческая личность и благо народа будутъ одинаково для него дороги.

Закljučаемъ нашу замѣтку отзывомъ самого Бѣлинскаго объ этой своей статьѣ. „Тебѣ не понравилась моя статья,—пишетъ Бѣлинскій Боткину (18 февраля 1840 г.): —...я это зналъ. Въ самомъ дѣлѣ, не вытанцовалась. А странное дѣло, писалъ съ такимъ увлеченіемъ, съ такою полнотою, что и сказать нельзя..., а какъ напечаталась, такъ не могъ и перечестъ... Признаюсь въ грѣхѣ—я, было, крѣпко приунылъ. Хотѣлось мнѣ въ ней, главное, намекнуть пояснѣе на субстанціальное значеніе идеи общества, но какъ я писалъ къ сроку и спѣху, сочиняя и пиша въ одно и то же время, и какъ хотѣлъ непременно сказать и о томъ, и о другомъ—то и не вытанцовалось. Теперь я ту же бы пѣсенку да не такъ бы спѣлъ. Что она тебѣ не понравилась—это такъ и должно быть...; но досадно, что и людъ-то божій ею недоволенъ...“ Последнее замѣчаніе очень интересно: оно показываетъ, что Бѣлинскій, не находившій отпора крайнихъ взглядовъ этой статьи ни среди своихъ друзей (Боткинъ порицалъ только стиль статьи и ея „апатичность“), ни среди редакціи „Отечественныхъ Записокъ“, нашелъ отпоръ среди „люда божьяго“—читающей публики. Герценъ—единственный изъ друзей, рѣзко полемизировавшій въ эту эпоху съ Бѣлинскимъ—передаетъ рассказъ самого Бѣлинскаго о встрѣчѣ его у Краевского съ какимъ-то инженернымъ офицеромъ: „хозяинъ спросилъ его, хочетъ ли онъ со мною познакомиться (разсказывалъ Бѣлинскій). — Это авторъ статьи о бородинскомъ сраженіи? — спросилъ его на ухо офицеръ.—Да.—Нѣтъ, благодарю покорно, — сухо отвѣчалъ онъ...“ О ссорѣ изъ-за этихъ вопросовъ Бѣлинскаго съ Герценомъ мы скажемъ въ замѣткѣ къ слѣдующей статьѣ; теперь же укажемъ только, что годъ спустя Бѣлинскому было „тяжело и больно вспомнить“ о своихъ „бородинскихъ“ статьяхъ: „конечно, — писалъ онъ Боткину (11 декабря 1840 г.), — нашъ китайско-византійскій монархизмъ до Петра Великаго имѣлъ свое значеніе, свою поэзію, словомъ, свою историческую законность; но изъ этого бѣднаго и частнаго историческаго момента сдѣлать абсолютное право и примѣнять его къ нашему времени—фай!—неужели я говорилъ это?“

И.-Р.

Народъ не есть отвлеченное понятіе: народъ есть живая особность, духовная организація, которой разнообразныя жизненныя отправления служатъ къ единой цѣли. Народъ есть *личность*, какъ отдѣльный человѣкъ. Какимъ образомъ *люди* стали *народами*, частныя индивидуальности слились въ общія массы и, такъ сказать, исчезли въ нихъ?... Вотъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ не подлежитъ ни историческимъ разысканіямъ, ни изслѣдованіямъ разсудка, опирающимся на опытъ. Спросите человѣка, какъ онъ явился на свѣтъ: можетъ ли онъ вамъ отвѣтить на этотъ вопросъ? Онъ существовалъ еще во чревѣ своей матери, но не зная о своемъ существованіи; онъ существовалъ еще бессмысленнымъ и безсловеснымъ ребенкомъ, но не зная о своемъ существованіи; онъ даже не помнилъ своего младенчества, когда уже языкъ его лепеталъ несвязныя рѣчи, а юная душа принимала уже разнообразныя впечатлѣнія бытія; онъ едва-едва помнитъ себя даже выходящимъ изъ младенчества, уже развивающимся своими духовными способностями; его сознательное существованіе начинается съ черты, разграничивающей отрочество и юношество. Вотъ почему каждый человѣкъ всегда начинаетъ свою исторію словами: „съ тѣхъ поръ, какъ я началъ себя помнить“, и вотъ почему самая эпоха его сознанія еще такъ неопредѣленна, представляя собою какой-то утренній полусумракъ, и только въ періодъ юношества дѣлается яснымъ и свѣтлымъ утромъ. Такъ точно и народъ не въ состояніи отвѣчать самому себѣ на вопросъ: откуда онъ произошелъ, какъ онъ явился? Намъ скажутъ, что людей свели взаимныя нужды, заставившія ихъ взаимными уступками, для обоюдной выгоды, ограничить свою свободу и принять общественную форму. Прекрасно, но вѣдь и дитя не бѣжитъ отъ своихъ родителей, отъ своего семейства, бессознательно чувствуя свою нужду въ нихъ, хотя и отвращаясь лозы и власти ихъ, а между тѣмъ оно все-таки не помнитъ, какъ это сдѣлалось, что оно стало членомъ своего семейства, а чрезъ него и членомъ своего государства. Другіе намъ скажутъ—и это будетъ еще справедливѣе—что исходнымъ пунктомъ соединенія людей въ общество было бессознательное влеченіе человѣка къ человѣку, врожденное ему отъ природы, а взаимная нужда другъ въ другъ только укрѣпила и довершила это соединеніе. Прекрасно, но вѣдь и младенецъ, прежде нежели онъ почувствовалъ нужду въ своей матери или нянькѣ, влекся къ нимъ бессознательнымъ чувствомъ, а между тѣмъ, ставши полнымъ человѣкомъ, онъ все-таки не помнитъ, какъ это сдѣлалось, и даже не помнитъ черты,

раздѣляющей конецъ его бессознательности съ началомъ его сознательности. Очевидно, что народъ рождается бессознательно, проходитъ всѣ возрасты человѣка, т.-е. сперва бываетъ зародышемъ или *возможностью*, изъ которой, какъ растеніе изъ сѣмени, организуется младенецъ, лелѣемый матерью-природою, изъ младенца дѣлается отрокомъ и наконецъ доживаетъ до того момента своего существованія, съ котораго начинается говорить: „съ тѣхъ поръ, какъ я началъ себя помнить“. Вотъ почему начало или, лучше сказать, *зачатіе* всѣхъ народовъ рѣшительно ускользаетъ отъ взоровъ исторіи, и всѣ усилія разсудочныхъ мыслителей схватить его остаются тщетными; вотъ почему въ исторіи каждаго народа есть періодъ баснословный и полубаснословный, или доисторическій и полуисторическій, который такъ незамѣтно сливается съ историческимъ, что невозможно уловить черты, раздѣляющей ихъ.

Много было теорій о происхожденіи политическихъ обществъ, особенно много ихъ было у Французовъ, въ ихъ „философскомъ“ XVIII вѣкѣ. Эти теоріи принесли великую пользу, доказавъ бесполезность и нелѣпость стремленія объяснить опытомъ подлежащее опыту, сдѣлать яснымъ разсудку недоступное для разсудка. Такимъ же точно образомъ силились объяснить происхожденіе языка. Сознавъ, что слово основано на непреложныхъ законахъ разума, заключили изъ этого, что явленіе слова было результатомъ сознанія его законовъ, т.-е. что оно было сочинено, придумано, изобрѣтено, какъ, напр., паровыя машины сочинены, придуманы и изобрѣтены вслѣдствіе сознанія силы паровъ. Нелѣпая мысль была распространена до того, что стали хлопотать о сочиненіи или учрежденіи универсальнаго языка, въ которомъ были бы всѣ свойства, составляющія особенность каждаго языка отдѣльно, и который, поэтому, замѣнилъ бы всѣ языки и былъ бы общимъ ученымъ языкомъ. Разумѣется, это предпріятіе кончилось тѣмъ же, чѣмъ кончилось строеніе вавилонскаго столба: не осталось даже и обломковъ гордаго зданія, имѣвшаго цѣлью соединить небо съ землею. Кромѣ того силились найти первобытный человѣческій языкъ, и пустили въ ходъ сказку о Псамметихѣ, прибѣгнувшемъ къ странному способу для разрѣшенія этого неразрѣшимаго вопроса, и допытывавшемся черезъ него, что первобытный языкъ былъ — *фригійскій*. Потомъ основали образованіе языка изъ междометій и почитали себя въ состояніи ясно, опредѣлительно показать весь историческій ходъ развитія языка, какъ собранія *условныхъ знаковъ* для выраженія понятій. Остановите ваше вниманіе на эпитетѣ „условный“, и вы поймете причину этого заблуж-

женія! Всякое условіе бываетъ сознательно и есть заранѣе предположенное намѣреніе, предположенная цѣль, наконецъ договоръ. Человѣкъ почувствовалъ необходимость со-общить свои мысли подобнымъ себѣ: вотъ и давай *условливать*ся, лошадь называть ло-шадью, собаку—собакою, и такъ далѣе. Пре-красно; но развѣ въ цѣломъ обществѣ людей только одному предоставлено было право предлагать условія, а всѣмъ прочимъ только принимать ихъ, да кланяться, приговаривая: „такъ-съ, батюшка, такъ—слушаемъ-съ: это лошадь, а это собака“?... И какъ одинъ че-ловѣкъ могъ согласить многихъ? А если многіе вздумали соглашать многихъ, то какъ же они успѣли согласиться? Кромѣ того, какъ бы это ни вышло, черезъ одного или многихъ, но если эти „условія“ не имѣли причины въ самихъ себѣ, т.-е. не основыва-лись на непреложной внутренней необходи-мости, то они были случайны, а слѣдова-тельно, и бессмысленны; но мы знаемъ, что каждый языкъ, отдѣльно взятый, основанъ на непреложныхъ законахъ, и что всѣ языки, несмотря на ихъ различіе, основаны на однихъ и тѣхъ же началахъ, почему чело-вѣкъ одного народа и можетъ выучиваться языку другого народа. Нѣтъ, языкъ былъ данъ человѣку какъ *откровеніе*, а не най-денъ имъ, какъ *изобрѣтеніе*. Если человѣкъ явился въ мірѣ существомъ разумнымъ, то необходимо и словеснымъ, потому что слово есть разумъ въ явленіи. Человѣкъ владѣлъ словомъ еще прежде, нежели узналъ, что онъ владѣетъ словомъ; точно такъ же дитя говоритъ правильно, грамматически, еще и не зная грамматики, слѣдовательно еще не зная, что оно говоритъ правильно, грамма-тически. Слово человѣческое есть одно изъ тѣхъ явленій дѣйствительности, которыя въ самихъ себѣ скрываютъ причину своего явле-нія, которыя органически возникаютъ и раз-виваются изъ себя, и внѣ себя не имѣютъ причины, и которыхъ рожденіе есть, поэтому, тайна. Дѣйствительность, какъ явившійся, отѣлесившійся разумъ, всегда предшествуетъ сознанию, потому что прежде нежели созна-вать, надо имѣть предметъ для сознанія. Вотъ почему естествознаніе, или ученіе о природѣ явилось гораздо послѣ самой при-роды, грамматика послѣ языка, исторія послѣ пережитой народами жизни. Все, что ни есть—есть или являющійся разумъ (разумъ въ явленіи), или сознающій разумъ (разумъ въ сознаніи). Дѣло сознающаго разума—со-знавать дѣйствительность, а не творить ее, и потому разумъ пишетъ грамматику, а не сочиняетъ языка, пишетъ трактатъ объ ор-ганизации общества, а не создаетъ общества. Какъ невозможно сочинить языка, такъ не-возможно и устроить гражданского общества,

которое устроится само собою, безъ сознанія и вѣдома людей, изъ которыхъ оно сла-гается. Всякое явленіе дѣйствительности, изъ самого себя возникшее, рождается и раз-вивается органически; всякое изобрѣтеніе дѣлается механически. Первое есть вдохно-венный порывъ духа осуществиться въ дѣй-ствительности; второе есть расчетъ разсудка, основанный на соображеніи вѣроятностей. Матеріалисты XVIII вѣка хотѣли объяснить происхожденіе міра механическимъ сцѣпле-ніемъ атомовъ, механическимъ процессомъ взаимодействія тяжести и выходящихъ изъ ея математическихъ законовъ стремленій; но это *объясненіе* только *затемнило* сущность дѣла, потому что, *отличаясь* внѣшнею яс-ностью, отличалось *внутреннимъ* мракомъ. И какъ же тутъ быть свѣту, а не мраку, когда они въ мірозданіи видѣли только ка-кіе-то блоки, веревки, гвозди и клей, а не горячую кровь и полные электричества нер-вы—мертвый скелетъ, а не живой организмъ, какъ выраженіе движущагося въ немъ духа жизни? Автоматъ дѣлается механически, и потому онъ трупъ безъ жизни; организмъ человѣка развивается динамически, и потому въ немъ вѣетъ, движется духъ жизни. Въ зародышѣ, изъ котораго рождается чело-вѣкъ, заключенъ духъ жизни, самодѣтельно, изъ самого себя развивающійся въ опредѣ-ленные формы, во чревѣ матери, какъ раз-вивается динамически, т.-е. собственно само-дѣтельностью, зерно, положенное въ землю, и становится деревомъ. То и другое требуетъ для своего развитія внѣшняго вещества—питанія, но это внѣшнее перерабатываютъ и претворяютъ въ свою собственность, въ свои соки, кровь и плоть, и это внѣшнее опять развиваютъ изъ себя: такъ точно про-исходитъ и народъ. Его духовная организа-ція параллельна тѣлесной организаціи мла-денца и дерева, примѣры которыхъ мы на-рочно привели. Сущность жизни въ зернѣ жизни, а это зерно—божественная идея, изъ сферы возможности переходящая въ сферу дѣйствительности, изъ *небытія* осуществляю-щаяся въ *бытіе*, по глаголу священнаго пи-санія: Богъ создалъ міръ сей изъ *ничего*...

Начиная отъ временъ, о которыхъ мы знаемъ только изъ исторіи, до нашего вре-мени, не было и нѣтъ ни одного народа, соста-вившагося и образовавшагося по взаимному сознательному условію извѣстнаго числа лю-дей, изъявившихъ желаніе войти въ его со-ставъ, или по мысли одного какого-нибудь хотя бы и гениальнаго человѣка. Намъ, мо-жетъ быть, укажутъ на Сѣверо-Американ-скіе Штаты — на этотъ народъ безъ имени и названія, на этого сына безъ отца, потомка безъ предковъ, на это политическое обще-ство, какъ-будто искусственно явившееся,

механически соединенное изъ разнородныхъ началъ? Мы отвѣтимъ, что все это только кажется такимъ для поверхностнаго взгляда, но совсѣмъ не таково на самомъ дѣлѣ. Во-первыхъ, Сѣверо-Американскіе Штаты явились по условію только *государствомъ*, а не *народомъ*: между же государствомъ и народомъ большая разница: народъ можетъ не быть государствомъ, но государство не можетъ не быть народомъ, народъ можетъ сдѣлаться государствомъ, но государство не можетъ сдѣлаться народомъ, потому что оно было народомъ прежде еще, чѣмъ слѣлалось государствомъ. Большая и главная часть народонаселенія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ — природные англичане; господствующій языкъ — англійскій; направленіе въ религіи, политикѣ и гражданскомъ устройствѣ явно отзывается британизмомъ. Слѣдовательно, Сѣверо-Американскіе Штаты не безъ родни, не безъ предковъ, не безъ отца и матери. Сначала они были англійскими колоніями, слѣдственно, имѣли уже готовыми всѣ матеріалы для государственной жизни: образованный языкъ съ богатою литературою, религію, въ высшей степени развитую гражданственность и т. д. Такъ какъ изъ колонистовъ, въ теченіе времени, образовалось изъ Англичанъ какъ бы особое племя, вслѣдствіе вліянія климата и страны на духъ, — племя, отличававшееся отъ жителей Великобританіи, какъ отличаются романы геніальнаго Купера отъ романовъ геніальнаго Скотта, хотя и писанныхъ на одномъ языкѣ, — то нѣкоторымъ образомъ и образовался какъ бы особый народъ, которому уже немудрено было стать государствомъ. Да и самый процессъ перехода народа въ государство совершился не механически, не условно, а зарождался, зрѣлъ и обнаружился исторически, такъ что причины его далеко скрываются во времени, и исторію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ должно начинать съ эпохи религіозно-политической реформы въ самой Англіи.

Исходный пунктъ жизни каждаго народа скрывается въ географическихъ, этнографическихъ, геологическихъ и климатическихъ условіяхъ. Когда человѣкъ выходитъ изъ своего естественнаго состоянія, онъ начинаетъ борьбу съ природою, покоряетъ ее себѣ и даже измѣняетъ могуществомъ своей разумности; но до тѣхъ поръ онъ — ея рабъ. Мощно дѣйствуютъ на него ея впечатлѣнія, и его темпераментъ имѣетъ кровное сродство съ материкомъ, на которомъ онъ родился, съ небомъ, подъ которымъ онъ родился; а его характеръ есть результатъ его темперамента. Законъ родства крови и плоти есть законъ самого духа!... Сначала всякое человѣческое обще-

ство существуетъ какъ племя, потомъ — какъ народъ; немного племенъ извѣстно исторіи: состояніе человѣческаго общества, какъ племени, есть первый и самый естественный моментъ его существованія, это какъ будто развѣтвившіеся отпрыски единого ствола, какъ будто размножившіеся члены единого семейства, давно потерявшаго память о своемъ прародителѣ, уже не только родные, но двоюродные, троюродные и такъ далѣе, составляющіе отдѣльные круги семейства. Племена не имѣютъ не только законовъ, даже обычаевъ, освященныхъ временемъ, но живутъ какъ бы руководимые какимъ-то инстинктомъ. Имъ нужна пища — и у нихъ есть стрѣла и лукъ или сѣть для рыбъ: вотъ всѣ ихъ потребности и всѣ точки соприкосновенія между ними. Но вотъ племя сталкивается съ другимъ племенемъ, и, какъ всякой естественной индивидуальности другая индивидуальность враждебна, между ними начинается кровавая борьба; каждое племя плотнѣе соединяется, родственнѣе сжимается, яснѣе сознаетъ свою индивидуальную особность; рождаются понятія о славѣ и безславіи, о геройствѣ и малодушіи, о ненависти ко враждебному племени, какъ священномъ долгѣ; являются военачальники и нѣкоторая подчиненность. Но этимъ все и оканчивается, потому что только столкновение съ народомъ или государствомъ можетъ быть причиною развитія племени въ народъ и государство, или чрезъ подпаденіе подъ власть его и исчезновение въ немъ, или чрезъ перенятіе его идей. И потому у племенъ власть военачальника блѣдна, безцвѣтна и неопредѣленна, не утверждена и не освящена никакою идеею, не имѣетъ даже силы преданія (*tradio*), не только закона; жречество основано на мистическомъ страхѣ непонятнаго ихъ уму, и потому пугающаго его, и развѣ еще на нѣкоторыхъ врожденныхъ человѣку слабыхъ и неопредѣленныхъ идеяхъ о божествѣ. Въ такомъ видѣ представляются вамъ всѣ дикія племена Европы, Азии и Африки, и наконецъ дикія племена цѣлыхъ частей свѣта — Америки и Океаніи. Это какія-то инфузоріи политическихъ обществъ, безсильныя принять опредѣленную и единственно разумную форму человѣческаго общества — форму государственную. Чтò бы ни было причиною этого: низшая въ сравненіи съ нашею организація, изолированность отъ образованнаго міра, недавность ихъ происхожденія и близость къ природѣ, или какія-нибудь чисто внѣшнія, случайныя причины, или все это вмѣстѣ взятое; но только можно съ вѣроятностью заключать, что всѣ изъ извѣстныхъ намъ государствъ, бывшихъ и нынѣ находящихся, начали свое существованіе съ со-

стоянія племени, состоянія, которое, какъ какъ родство крови и плоти, и духовное безсознательное, не могли помнить, а слѣдовательно и забыть. Въ Америкѣ Испанцы, кромѣ множества племенъ, застали два народа—мексиканскій и перуанскій, изъ примѣра которыхъ можно видѣть, какъ общество переходитъ во второй свой моментъ—изъ племени дѣлается народомъ. У народа уже начинается исторія, которой нѣтъ у племени, хотя эта исторія еще только преданіе, изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію переходящее. У народа уже есть зародыши всѣхъ формъ государственной жизни: утвержденная духовная власть, іерархія чиновъ, раздѣленіе на сословія и пр.; но только все это еще какъ преданіе, какъ обычай, освященный временемъ, какъ безсознательно существующій фактъ, а не какъ что-нибудь выговоренное, какъ законъ, и утвержденное законою формою. Народъ тогда только дѣлается государствомъ, когда законность, освященная временемъ и отъ времени получившая свою силу, приобретаетъ формальность, народная жизнь получаетъ опредѣленные, выговоренные или написанные утвержденныя формы, и эти формы переходятъ въ законъ. Государство есть высшій моментъ общественной жизни и ея высшая и единая разумная форма. Только ставши членомъ государства, человѣкъ перестаетъ быть рабомъ природы но дѣлается ея повелителемъ, и только, какъ членъ государства, является онъ существомъ истинно разумнымъ. Племена близки къ животнымъ, и потому минута, когда узнаетъ о ихъ существованіи государство, есть минута ихъ истребленія, порабощенія и перерожденія въ новомъ и чуждомъ имъ духѣ, въ новыхъ и чуждыхъ имъ формахъ.

Всякая разумность, чтобъ сдѣлаться разумностью, должна явиться сперва какъ естественность, какъ непосредственное откровеніе. Всякая разумность священна, т.-е. имѣетъ свою мистическую, таинственную сторону, и причина этой таинственности скрывается опять въ близости къ источнику всего сущаго, къ божественной идеѣ, первоначально осуществляющейся во всеобщей родовой матеріи, въ сущномъ (субстанціальномъ) началѣ. Какая глубина мысли и какая поэзія въ русскомъ выраженіи „мать сыра земля“! Въ самомъ дѣлѣ, она мать намъ, наша родная мать, ибо она есть первоначальная, перво-сущная форма духа, хранительница всѣхъ силъ, всей сущности (субстанцій) творящей природы! Изъ ея материнскаго лона вышелъ человѣкъ, и въ ея материнскихъ нѣдрахъ покоится онъ на вѣчность! Точно таково же и родство людей между собою: всѣ люди родня другъ другу по духу; но это духовное родство сперва проявляется въ нихъ

какъ родство крови и плоти, и духовное родство потому и свято, что выходитъ изъ кровно плотскаго. Точно такъ же, потому же самому, и государство есть разумное, а потому и священное явленіе, что его начало скрывается въ естественно семейственномъ родствѣ людей, перешедшемъ потомъ въ родство племенное, а наконецъ въ народное. Какъ въ отдѣльных семействахъ мы замѣчаемъ часто сходство чертъ лица, голоса, манеры говорить и дѣйствовать, словомъ, сходства характера, духа, даже при несходствѣ направленій,—такъ и всякій народъ отличается единствомъ языка, а слѣдовательно и характера мысли, взгляда на вещи и способа понимать ихъ (потому что языкъ есть осуществившееся, явившееся понятіе), единствомъ религіи, образа правленія, родовымъ сходствомъ въ образѣ внѣшней жизни, наконецъ семейственнымъ сходствомъ фizioноміи составляющихъ его индивидуумовъ, такъ что трудно не узнать по одному лицу Англичанина, Француза, Нѣмца, Итальянца, Татарина, и т. д. Это сходство, это единство, это родство священные, потому что основаніе ихъ плоть и кровь, какъ первосущныя (субстанціальныя) формы духа. И вотъ почему космополитъ есть какое-то ложное, двусмысленное, странное и непонятное явленіе, какой-то блѣдный, туманный призракъ, а не яркая и живая дѣйствительность; вотъ почему, напри-мѣръ, Русскій, случайно проведеншій въ Парижѣ свое младенчество и въ чуждой его родной сущности (субстанціи) странѣ принявшій первыя живыя впечатлѣнія бытія, представляетъ изъ себя какого-то амфибія, уродливаго и отвратительнаго, какъ всѣ амфибіи; вотъ почему человѣкъ, для котораго *ubi bene ibi patria*, есть существо безнравственное и бездушное, недостойное называться священнымъ именемъ человѣка; вотъ почему, наконецъ, измѣнивъ своему отечеству, предатель своей родины есть злодѣй, при видѣ котораго содрогается человѣческое сердце, отъ котораго съ омерзѣніемъ отвращается человѣчество, и который, если только онъ не идіотъ (не въ реторическомъ, а въ физиологическомъ смыслѣ этого слова), скитается по землѣ, подобно Каину, съ печатью проклятія на челѣ и ненавистью къ собственному существованію!... Если бы общественныя узы были не плоть и кровь, а только взаимный договоръ для общихъ выгодъ, тогда въ идеѣ государства не было бы ничего священнаго, и предательство отечества было бы проступкомъ противъ чести и морали (*Moralität*), а не преступленіемъ противъ нравственности (*Sittlichkeit*); промѣнять свое отечество на другое было бы не несчастіемъ, а простымъ

разчетомъ перемѣны хорошаго на лучшее. сопровождается судорожными потрясеніями. Какъ не можемъ мы представить себѣ человека вдругъ и Богъ вѣсть откуда явившагося полнымъ, возмужалымъ и разумнымъ человекомъ, такъ не можемъ себѣ представить и общества, вдругъ возникшаго по условному договору извѣстнаго числа индивидуумовъ. Какъ священно существо человека, потому что его рожденіе и развитіе есть тайна для него самого, такъ священно и существованіе общества, потому что его начало и развитіе есть тайна. Чтобы полнѣе и яснѣе выразить нашу мысль, укажемъ на самое важнѣйшее и самое священнѣйшее явленіе общественной жизни.

Спросите какого-нибудь французскаго говоруна, какого-нибудь либеральнаго аббата-Француза: откуда и какъ произошла царская власть?—и онъ непременно скажетъ вамъ, что это сдѣлалось слѣдующимъ простымъ образомъ: „когда люди лишились своей естественной невинности, стали злы и развратны, то увидѣли себя въ горькой необходимости выбрать изъ среды себя человека и вручить ему неограниченную власть надъ собою“. Для поверхностнаго взгляда абстрактныхъ головъ, въ глазахъ которыхъ идеи и явленія не заключаютъ въ самихъ себѣ своей причины и необходимости, но вырастаютъ какъ грибы послѣ дождя, но только безъ почвы и корней, а на воздухѣ,—для такихъ головъ нѣтъ ничего проще и удовлетворительнѣе такого объясненія; но для людей, духовному ясновидѣнію которыхъ открыта глубина и внутренняя сущность вещей, не можетъ быть ничего нелѣпѣе, смѣшнѣе и безсмысленнѣе. Все, что не имѣетъ причины въ самомъ себѣ и является изъ какого-то чуждаго ему *внѣ*, а не *изнутри* самого себя,—все такое лишено разумности, а слѣдовательно и характера священности. Коренныя государственныя постановленія священны потому, что они суть основныя идеи не какого-нибудь извѣстнаго народа, но каждаго народа, и еще потому, что они, перешедши въ явленія, ставши фактомъ, діалектически развивались въ историческомъ движеніи, такъ что самыя ихъ измѣненія суть моменты ихъ же собственной идеи. И потому коренныя постановленія не бываютъ закономъ, изреченнымъ отъ человека, но являются, такъ сказать, *довременно*, и только выговариваются и сознаются человекомъ. Равнымъ образомъ, коренныя постановленія государства никогда не измѣняются въ смыслѣ замѣны однихъ другими, но измѣняются въ смыслѣ расширенія или ограниченія, сообразно съ временными требованіями исторической жизни народа. Измѣненіе это всегда чувствуется въ государственномъ тѣлѣ какъ сотрясеніе и часто

сопровождается судорожными потрясеніями цѣлаго его состава, ибо мысль, чтобы осуществиться, должна перейти въ дѣло, въ фактъ, въ явленіе, а всякое явленіе совершается какъ бы въ плоти и крови. Такъ, на прим., реформа, произведенная въ жизни Россіи Петромъ Великимъ, совершилась въ борьбѣ и потрясеніяхъ всего государственнаго организма, но потому-то она такъ крѣпко и утвердилась и перешла въ законъ, и чѣмъ больше пролетитъ столѣтій отъ этого событія, тѣмъ болѣе законность и священность будетъ приобрѣтать дѣло Петра. Мы хотимъ этимъ сказать, что сила вѣковаго преданія и священная таинственность всего, теряющагося въ довременности, имѣютъ глубокое значеніе, и только одни освящаютъ явленія, какъ свидѣтельство, что эти явленія—непосредственное откровеніе, а не человѣческія выдумки. Человѣческіе уставы могутъ быть полезны, а не священны: только непосредственно Богомъ явленное священно. Нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога, но всякая власть отъ Бога—говоритъ св. писаніе, и эти слова заключаютъ въ себѣ глубокую мысль и непреложную истину.

Азія есть колыбель человѣческаго рода,—его отечество; въ ней начало всѣхъ вѣрованій, всѣхъ человѣческихъ обществъ; въ ней начало всего довременнаго, всего непосредственно-явившагося. И св. писаніе, и исторія, и даже сама современность указываютъ намъ на Азію, какъ на страну патріархальности. Китай—эта едва ли не первобытнѣйшая политическая форма общества,—и по сию пору есть государство по преимуществу патріархальное. Всѣ мусульманскія государства носятъ въ своемъ основномъ построеніи печать древней патріархальности. Аравія и теперь еще представляетъ собою первобытный типъ племенъ, управляемыхъ патріархами. Св. писаніе говоритъ намъ о первыхъ патріархахъ, какъ царяхъ людей, жившихъ въ законѣ естественномъ. Что такое былъ Іаковъ, переселившійся въ Египетъ, какъ не отецъ семейства, до того размножившагося, что маститый старецъ сдѣлался и отцомъ и прапрадѣдомъ вмѣстѣ, такъ что для своихъ праправнуковъ, по закону колѣннаго отдаленія, казался столько же правителемъ, царемъ, сколько родственникомъ и родоначальникомъ? Отсюда ясно, что мистическая и священная идея отца-родоначальника была живымъ источникомъ истекшей изъ нея идеи царя. Только безсловесныя животныя живутъ безъ властей; но человекъ даже въ своемъ естественномъ состояніи, даже еще не развратившись, не сдѣлавшись злымъ, признавалъ власть и жилъ въ разумныхъ формахъ повелительства и подчиненности, задолго до того, какъ созналъ ихъ значеніе, или ихъ

нужду; чувство, вмѣстѣ съ нимъ родившееся, сказало ему, что отецъ выше сына, и что сынъ долженъ повиноваться, слѣдовательно, признавать власть отца. Вотъ почему во всѣхъ племенахъ родоначалничество есть первый моментъ общественнаго сознанія, а право первородства—самое священное право. Законы челоуѣчества вездѣ одни и тѣ же, потому что они законы разума, а разумъ одинъ, какъ одинъ Богъ: американскіе дикари, по законамъ вѣжливости, всякаго старшаго себя называютъ „своимъ отцомъ“, а равнаго себѣ по лѣтамъ „своимъ братомъ“. Нельзя вывести изъ опыта, какимъ образомъ изъ отеческой власти явилась царская власть, *отецъ* сталъ *царемъ*; но въ умозрѣніи это очень понятно. Исторія не можетъ показать картины развитія идеи отца въ идею царя, исторія не помнитъ этого, потому что это явленіе довременное. Но тѣмъ яснѣе, что кто внушилъ челоуѣку чувство мистическаго, религіознаго уваженія къ виновнику дней своихъ, освятилъ санъ и званіе отца, тотъ освятилъ санъ и званіе царя, превознесъ его главу превыше всѣхъ смертныхъ и земную участь его поставилъ внѣ зависимости отъ случайной воли людской, сдѣлавъ личность его священной и неприкосновенною. Челоуѣчество не помнитъ, когда преклонило оно колѣни передъ царскою властью, потому что эта власть была не его установленіемъ, но установленіемъ Божиимъ, не въ извѣстное и опредѣленное время совершившимся, но отъ вѣка въ божественной мысли пребывавшимъ. Поэтому царь есть намѣстникъ Божій, а царская власть, замыкающая въ себѣ всѣ частныя воли, есть проображеніе единодержавія вѣчнаго и довременнаго разума. Достоинство монарха есть священство, и въ таинствѣ помазанія совершается непосредственная передача власти царю отъ Бога, и „сердце царево въ руцѣ Божіей“, и, какъ говоритъ шекспировъ Ричардъ II:

Елей съ помазаннаго короля
Не могутъ смыть всѣ воды океана!
Дыханіе земныхъ людей не можетъ
Съ избраннаго намѣстника Творца
Снять санъ его!...

Вотъ почему, отдавая подданному приказаніе идти, монархъ не оглядывается назадъ, чтобы удостовѣриться, исполняется ли его приказаніе, вотъ почему его слово—законъ, маніе руки его—повелѣніе, взглядъ очей—гроза или милость. Онъ творитъ, какъ „власть имѣющій“ ¹⁾, и власть его не отъ него, но свыше. Вотъ почему, когда слѣпое своеволие воздвигаетъ бури мятежа, онъ съ безтрепетнымъ, грознымъ челомъ является, одинъ и

безоружный, и въ комнатѣ Шекловитаго, и на площади, усыпанной мятежными толпами, которыхъ и самый страхъ оружія и смерти былъ безсиленъ привести къ повиновенію,—является и, вмѣсто увѣщаній и просьбъ, однимъ словомъ властительныхъ устъ, однимъ мановеніемъ державной руки повергаетъ передъ собою во прахъ сонмище губителей, оцѣпенѣвшихъ отъ одного его появленія: ибо онъ творитъ, „какъ власть имѣющій“... Превосходно у Шекспира то мѣсто въ „Ричардѣ II“, гдѣ отложившійся отъ короля герцогъ Йоркскій, увидѣвъ Ричарда, осажденнаго и почти побѣжденнаго безъ надежды на возстаніе, увидѣвъ его восходящимъ на стѣну замка, въ гордомъ сознаніи его царственнаго величія, возмущается духомъ въ сознаніи виновной совѣсти и восклицаетъ:

Смотрите! о, смотрите! самъ король Ричардъ,
Какъ негодующее солнце всходитъ,
Багровое на огненномъ востока прагѣ,
Замѣтивъ, что завистливыя облака
Стремятся потемнить его сіянье
И запятнать собою лучезарный путь
Къ странѣ заката. Но онъ смотритъ какъ

король;

Смотрите: очи какъ орла сверкаютъ,
И въ нихъ могучее величество горитъ!
О, Боже! ихъ ли горе потемнить!

Какая безконечная глубина мысли заключена въ этомъ невольномъ изліяніи, въ этой насильственной исповѣди виновнаго вассала, такъ молніеносно и въ такихъ немногихъ словахъ выраженной величайшимъ геніемъ, котораго всезрящему оку доступна была сущность міровой жизни, ея основные законы! И сколько глубины и истины въ этомъ обращеніи короля къ вассалу:

Мы удивляемся: стоять такъ долго
И ожидать, чтобъ въ страхѣ преклонились
Твои колѣни, потому что мы себя
Твоимъ законнымъ королемъ считаемъ!
И если такъ: какъ смѣютъ твои члены
Забывать предъ нами подданнаго долгъ?
Когда же не король я,—покажи
Насъ развѣнчавшую десницу Бога!
Мы знаемъ, что рука изъ крови и костей
Не можетъ захватить священный скиптръ,
Не святотатствуя и не воруя.
И думаешь ли ты, что всѣ Британцы,
Какъ ты, отъ насъ сердцами отвратились,
Что мы и безъ друзей и безъ защиты?...
То знай: Господь мой, всемогущій Богъ
За облаками держитъ ополченіе язвы,
Въ защиту намъ; она убьетъ дѣтей
Невышедшихъ еще на свѣтъ отъ тѣхъ,
Кто на главу мою вассала руку
Дерзнетъ занести и вздумаетъ грозить
Сіянью драгоценнаго вѣнца!
Скажи же Болингброку ¹⁾ (кажется, онъ тамъ),
Что каждый шагъ его на нашей почвѣ—
Опасная измѣна. Онъ пришелъ
Сломать печать на пурпурномъ завѣтѣ

¹⁾ Ев. отъ Матѣ, гл. VII, ст. 29.

Прим. Бѣлинскаго.

¹⁾ Двоюродный братъ Ричарда II, герцогъ герфордскій, впослѣдствіи король англійскій, Генрихъ IV.

Прим. Бѣлинскаго.

Кровавыхъ войнъ. Но прежде, чѣмъ коропа,
 Къ которой онъ стремится, на его челѣ
 Возляжетъ мирно, десять тысячъ разъ
 Кровавое чело сыновъ заставить
 Лить слезы матерей, обезобразить
 Лицъ Англіи цвѣтущей, превратить
 Цвѣтъ мира дѣвственный и блѣдный
 Въ багровое негодование, ороситъ
 Луга Британіи ея же кровью! ¹⁾

Президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ есть особа почтенная, но не священная: какъ представитель общества по условію самого общества, онъ есть высшій чиновникъ его, на которомъ лежитъ большая противъ другихъ отвѣтственность и который за то пользуется большимъ противъ другихъ жалованьемъ и почетомъ, а не царь, который выше суда человѣческаго и съ которымъ подданные связаны кровными, неразрывными узами духа и нравственного закона. Личность президента есть призракъ, дѣйствительно одно званіе его, и потому тотъ или другой—все равно. Вслѣдствіе этого, идея этого государства есть условный символъ, безъ сущности и личности, тогда какъ въ монархіяхъ образъ государя есть личность государства, и подданный, служа монарху, служитъ своему государству. Имя монарха для подданныхъ есть слово мистическое, таинственное, священное: оно заставляетъ магическою силою заключенной въ немъ идеи признавать цѣлый народъ какъ единого человѣка, и безконечное множество индивидуальных особенностей сливается во единое тѣло, въ единую живую душу, имѣющую въ своемъ актѣ сознанія единое я. Отсюда ясно видно, какое великое значеніе имѣетъ для вѣнценосцевъ древность рода и происхожденія, теряющаяся въ непроницаемости мистическаго мрака временъ и вѣчности. Царь долженъ родиться царемъ, и право рожденія есть его первѣйшее и священнѣйшее право. Изъ милліоновъ людей онъ одинъ избранъ Богомъ, и милліоны не могутъ ревновать его избранію, и добровольно преклоняются передъ нимъ колѣни, какъ передъ существомъ высшаго рода, и охотно повинуются ему, отказывая въ такомъ повиновеніи равнымъ себѣ, ибо власть ихъ считаютъ случайною. Это-то, видно, и было причиною паденія всѣхъ самозванцевъ и похитителей, хотя многіе изъ нихъ и были люди великаго ума, способностей и силы характера. Какъ снято съ самозванца царское имя, которымъ онъ осѣнилъ какъ правомъ—и будь онъ геній, окажи народу великія заслуги, но уже нѣтъ на немъ багряницы, и обнаженный трупъ его лежитъ добычею небесныхъ птицъ... Другимъ образомъ, но тотъ же конецъ бываетъ и для

похитителей. Благодаря своему геніальному инстинкту, свойственному всѣмъ истинно великимъ людямъ, Наполеонъ глубоко чувствовалъ эту истину. Раздаватель коронъ и скипетровъ, могущественнѣйшій монархъ въ мірѣ, по свободному признанію цѣлаго народа, великій геній, самъ создавшій себѣ и тронъ и свое колоссальное счастье, кажется, имѣвшій полное право гордиться своимъ нецарскимъ происхожденіемъ, онъ, несмотря на все это, безпокоился и о своей судьбѣ и о судьбѣ своего рода; онъ понималъ, что для твердости и дѣйствительности его власти недостаточно и его геніальности, и его подвиговъ, и помазанія католическимъ первосвященникомъ,—и искалъ, какъ своего спасенія, вступить въ бракъ съ женою царскаго рода. И вотъ онъ разводится съ женою, которую страстно любилъ, которую короновалъ какъ императрицу, и вступаетъ въ новый брачный союзъ съ принцессою древняго царскаго рода, съ дочерію цесарей. Свѣтскіе мудрецы, люди, которые легко разсуждаютъ о тяжелыхъ предметахъ, которымъ достаточно четверти часа, чтобы съ сигарою во рту, пересудить всѣхъ и все и перестроить міръ на свой ладъ, такіе люди глубокомысленно объявляютъ, что Наполеонъ этимъ союзомъ унижилъ величіе своего генія и, увлекшись тщеславіемъ, сдѣлалъ безразсудный поступокъ, роковую ошибку, которая и погубила его. Нѣтъ! это была мысль геніальная, свойственная только великому человѣку, глубоко-понимавшему законы разумной дѣйствительности, глубоко постигавшему таинственную и сокровенную для обыкновеннаго зрѣнія сущность вещей. Мысль Наполеона стоитъ всѣхъ его побѣдъ и подвиговъ: онъ въ ней такъ же великъ, какъ и въ нихъ. Не мелкое тщеславіе, не суетное желаніе украсить заимствованнымъ блескомъ и пурпуромъ чуждой ему багряницы, рѣшило его на этотъ союзъ, но глубокое сознаніе, что этотъ бракъ наброситъ на него въ глазахъ царей и народовъ, современниковъ и потомства тотъ религіозно-таинственный свѣтъ, который составляетъ необходимое условіе дѣйствительности царственного достоинства. Онъ понималъ, что если у него будетъ сынъ, то хотя бы этотъ сынъ, наслѣдовавъ его престолъ, не наслѣдовалъ и слабаго отблеска его генія, словомъ, былъ бы самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, и тогда бы онъ тверже своего великаго отца сидѣлъ на оставленномъ ему тронѣ, онъ—сынъ великаго отца и вѣнценосной матери. Чтò онъ слышалъ въ восторженныхъ кликахъ своей старой гвардіи?—любовь къ ея великому полководцу, ея маленькому капрану... Но могъ явиться и другой полководецъ, озарить новымъ блескомъ имя же прославленныхъ орловъ и при-

¹⁾ Изъ ненапечатаннаго перевода „Ричарда II“ А. П. Кронеберга. Прим. Бѣлинскаго.

своить себѣ клики воинственныхъ привѣтствій. Что онъ слышалъ въ восторженныхъ кликахъ народа?—благодарность за оказанныя ему услуги, громкій аплодисманъ за успѣхъ, за которымъ могли раздаваться—какъ оно и случалось—оскорбительные свисты сбившемуся съ роли актеру. Не забудьте изреченія Наполеона: „я продолжитель не королевства Гуго-Капета, но имперіи Карла Великаго“. Видите ли: онъ призываетъ себѣ на помощь не одинъ союзъ брака съ вѣнецною женою, но и союзъ исторіи, союзъ вѣковъ, союзъ преданія,—и на Марсовыхъ поляхъ силится напомнить священное и мистическое прошедшее и связать съ нимъ настоящее... О, господа глубокомысленные политики! Наполеонъ понималъ кое-что не хуже и не меньше вашего, и самые его ошибки и промахи разумнѣе и поучительнѣе вашихъ прекрасныхъ умствованій...

Все, сказанное нами, клонится къ тому, чтобы показать, что общество или народъ не есть отвлеченное понятіе, но живая личность, единое тѣло и единая душа; что оно рождается не случайно, не по человѣческому условію и произволу, но по волѣ Божіей; что оно не есть только необходимая форма развитія человѣчества и не имѣетъ причины въ нуждѣ и пользѣ людей, но есть само себѣ цѣль, въ самой себѣ носящая свою причину; что оно развивается не механически, но динамически, т. е. собственно самодѣятельностью жизненной силы, составляющей его сущность, не чрезъ палипаніе и сращеніе извиѣ, но внутренно (имманентно) изъ самого себя, органически, какъ дерево изъ зерна...

Доселѣ мы смотрѣли на общество, какъ на нѣчто единое и цѣлое: теперь взглянемъ на него какъ на единство противоположностей, которыхъ борьба и взаимныя отношенія составляютъ его жизнь. Общество состоитъ изъ людей, изъ которыхъ каждый человѣкъ принадлежитъ и себѣ и обществу, есть индивидуальная и самоцѣльная особность и членъ общества, часть цѣлаго, принадлежащая не себѣ, а обществу. Прежде всего, всякій человѣкъ есть особность, есть личность, индивидуальность, которая есть исходный пунктъ всѣхъ его дѣйствій и необходимое условіе его дѣйствительности. Какъ особность, онъ стремится къ своему личному удовлетворенію; но лишь только сдѣлаетъ онъ шагъ къ этому удовлетворенію, какъ встрѣчаетъ себѣ препятствіе внѣ себя, гдѣ онъ видитъ множество существъ, подобныхъ ему, такъ же, какъ и онъ, стремящихся къ личному удовлетворенію. Что полезно ему, то полезно и другому; а какъ иногда для многихъ полезно одно, то каждый, стараясь воспользоваться имъ одинъ,

старается лишить его всѣхъ другихъ,—борьба личностей и индивидуальных особенностей. Далѣе, что полезно одному, то вредно другому, и этотъ другой старается не допустить перваго,—опять борьба личностей. Это зрѣлище представляетъ въ себѣ все твореніе, которое есть безконечное многообразие особностей; это зрѣлище представляютъ собою бессмысленныя животныя; но въ людяхъ, какъ существахъ разумныхъ, это же самое зрѣлище, имѣющее своимъ основаніемъ сознаніе своей единичности каждымъ лицомъ, есть только исходный пунктъ жизни, которая есть борьба, по результаты которой представляютъ новое зрѣлище. Человѣкъ, какъ особность, естественно видитъ въ другихъ людяхъ, какъ особностяхъ же, нѣчто враждебное себѣ; но въ то же время онъ доходитъ своимъ разумомъ до сознанія, что каждая изъ этихъ враждебныхъ ему особностей имѣетъ такое же право на личное удовлетвореніе, какъ и онъ, и что, слѣдовательно, если онъ требуетъ отъ нихъ уступокъ и нуждается въ ихъ помощи, то и онѣ въ правѣ требовать отъ него уступокъ и помощи. Вотъ законъ любви, которая есть чувственный, такъ сказать, разумъ или безсознательная разумность! Изъ закона любви вытекаетъ законъ нравственный, который создается изъ столкновенія внутренняго (субъективнаго) міра человѣка съ внѣшнимъ (объективнымъ) міромъ. Всякій человѣкъ есть самъ себѣ цѣль, и жизнь дана ему какъ удовлетвореніе, какъ счастье, какъ блаженство, къ которымъ, слѣдовательно, онъ имѣетъ полное право стремиться, особенно съ своими личными потребностями, наклонностями и средствами. Внутри себя носить онъ таинственный и безконечный міръ, полный желаній, порывовъ, стремленій, страданій и радостей, и только чрезъ удовлетвореніе этого своего міра можетъ онъ достигнуть счастья. Это міръ внутренній, міръ субъективный человѣка, сфера, въ которой онъ самъ себѣ цѣль и, кромѣ себя и личнаго своего удовлетворенія, имѣетъ право никого и ничего не знать. Субъективная сторона человѣка истинна и, слѣдовательно, дѣйствительна: но всякая односторонняя истина, доведенная до крайности, впадаетъ въ нелѣпость. Субъективность, оставаясь субъективностью, въ сферѣ знанія превратится въ ограниченность и произвольность понятій, въ сферѣ чувства—въ сухой и безнравственный эгоизмъ, въ сферѣ дѣйствія—въ преступленіе и злодѣйство. Субъектъ есть личность; но что же такое эта личность, кого выражаетъ и опредѣляетъ она? Субъективная личность есть выраженіе и опредѣленіе духа, а духъ безконеченъ: слѣдовательно, субъективная личность не должна

быть ограниченностью, духъ истиненъ, слѣдовательно субъективная личность не должна быть эгоистическою. А между тѣмъ, ограниченность есть условіе всякой субъективности. Въ чемъ же примиреніе этого противорѣчія, гдѣ выходъ изъ него? въ столкновеніи субъективной личности человѣка съ объективнымъ (въ его находящимся) міромъ. Человѣкъ есть частное и случайное по своей личности, и необходимое по духу, выраженіемъ котораго служитъ его личность. Отсюда выходитъ двойственность его положенія и его стремленій, его борьба между своимъ я и тѣмъ, что находится внѣ его я, составляетъ его не-я. Въ отношеніи къ его индивидуальной особности міръ не-я, міръ объективный, есть враждебный ему міръ; но въ отношеніи къ его духу, какъ проблеску безконечнаго и общаго, міръ его не-я, міръ объективный, есть родной ему міръ. Чтобы быть дѣйствительнымъ человѣкомъ, а не призракомъ, онъ долженъ быть *частнымъ выраженіемъ общаго, или конечнымъ проявленіемъ безконечнаго*. Вслѣдствіе этого онъ долженъ отрѣшиться отъ своей субъективной личности, признавъ ее ложью и призракомъ, долженъ смириться передъ міровымъ, общимъ, признавъ только его истинною и дѣйствительностью. Но какъ это *міровое* или *общее* находится не въ немъ, а въ объективномъ мірѣ, онъ долженъ сродниться, слиться съ нимъ, чтобы послѣ, усвоивъ объективный міръ въ свою субъективную собственность, стать снова субъективною личностью, но уже дѣйствительною, уже выражающею собою не случайную частность, а общее, міровое, словомъ, стать духомъ во плоти. Въ сферѣ жизни, въ сферѣ дѣйствія, столкновеніе субъективной личности съ объективнымъ міромъ совершается дѣятельно же, не какъ житейская опытность, но какъ разумный опытъ жизни. Почва, на которой вырастаютъ благотворные плоды разумаго опыта, есть нравственное чувство. Субъектъ, сознавая свою особность, свою самоцѣльность, и слѣдуя инстинктивному стремленію къ личному удовлетворенію, чувствуетъ себя на каждомъ своемъ шагѣ и въ каждомъ своемъ дѣйствіи какъ бы связаннымъ какими-то внѣшними отношеніями; онъ говоритъ себѣ: „я самъ себѣ цѣль, и хочу жить для жизни, жить для себя“; но внѣшній міръ говоритъ ему: „ты не для себя созданъ, ты мнѣ принадлежишь, каждую твою радость, каждое твое наслажденіе ты можешь получить только съ моего позволенія“. Съ ужасомъ и ненавистью внимаетъ юный человѣкъ этому страшному голосу какого-то призрака, котораго онъ не видитъ, но котораго могучія объятія обхватили его со всѣхъ сторонъ и

не позволяютъ ему ни одного свободного движенія. Въ этомъ невидимомъ сторукомъ исполицѣ онъ видитъ существо совершенно внѣшнее и враждебное себѣ; но разумный опытъ жизни, цѣною страшной борьбы, противорѣчій, страданій, перемѣшанныхъ съ торжествомъ побѣды, примиреніемъ и радостями, увѣряетъ его наконецъ, что этотъ колоссальный и враждебный ему призракъ есть его же родное, его же внутреннее, словомъ, законы его же собственного разума, его же субъективнаго духа, но только осуществившіеся во внѣ его, какъ явленія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ видитъ, что онъ есть единичная личность, которая сама себѣ цѣль, но онъ же видитъ, что у него есть отецъ, мать, братья, сестры, родственники, друзья, знакомые, наконецъ, отечество, правительство, и что со всѣми этими предметами (объектами) его субъективная личность связана не условными узами, но узами крови и плоти, а слѣдовательно и духа. Онъ понимаетъ, что если бы они сами захотѣли отрѣшиться отъ него, сдѣлать его свободнымъ отъ нихъ, онъ потерялъ бы всякое значеніе въ собственныхъ глазахъ, очутился бы въ собственныхъ глазахъ призракомъ безъ почвы, въ которую уперлась бы его нога, безъ воздуха, которымъ освѣжилась бы грудь его, безъ имени, которымъ бы онъ обозначилъ себя въ нѣмой бесѣдѣ съ самимъ собою. Въ духовномъ развитіи человѣка моментъ отрицанія необходимъ, потому что кто никогда не ссорился съ истинною, у того и миръ съ нею не очень проченъ; но это отрицаніе должно быть именно только моментомъ, а не цѣлою жизнію: ссора не можетъ быть цѣлью самой себѣ, но имѣетъ цѣлью примиреніе. Всякій духовный процессъ совершается съ болью и страданіемъ, и столкновеніе субъективной личности человѣка съ объективнымъ міромъ сперва необходимо является, какъ борьба и страданіе. Но дорогое и покупается дорогою цѣною, и благо тому, кто цѣною страданія пріобрѣтаетъ истину, которая одна даетъ блаженство, его же ржа не тлится, и тать не похищаетъ. Но горе тѣмъ, которые ссорятся съ обществомъ, чтобы никогда не примириться съ нимъ: общество есть высшая дѣйствительность, а дѣйствительность или требуетъ полного мира съ собою, полного признанія себя со стороны человѣка, или сокрушаетъ его подъ свинцовой тяжестью своей исполинской длани. Кто отторгся отъ нея безъ примиренія, тотъ дѣлается призракомъ, кажущимся *ничто*, и погибаетъ. Алеко Пушкина поссорился съ обществомъ и думалъ навсегда избавиться отъ него, приставъ къ бродячей толпѣ дѣтей природы и вольности, но общество и

тамъ нашло его и страшно отомстило ему за себя черезъ него же самого. Такъ какъ, несмотря на всѣ его мудрствованія, оно жило въ немъ безсознательно и кровно, то онъ и вздумалъ, вопреки своимъ понятіямъ, наложить на полудикихъ дѣтей природы тѣ же самыя стѣснительныя условія общестственности, противъ которыхъ самъ возставалъ, и два трупа лежали передъ нимъ, какъ необходимые результаты его ложнаго положенія въ отношеніи къ самому себѣ, и навсегда унесли съ собою въ могилу всякую надежду его на счастье и миръ души въ этой жизни...

Но борьба есть условіе жизни: жизнь умираетъ, когда оканчивается борьба. Субъективный человѣкъ въ вѣчной борьбѣ съ объективнымъ міромъ и, слѣдовательно, съ обществомъ,—но въ борьбѣ не въ смыслѣ возстанія, а въ смыслѣ своего безпрестаннаго стремленія то въ ту, то въ другую сторону. Объяснимъ это примѣромъ. Петръ Великій былъ человѣкъ, слѣдовательно, у него былъ свой субъективный міръ, въ которомъ онъ принадлежалъ только себѣ, а не государству: онъ былъ супругъ, отецъ, братъ, словомъ — семьянинъ; онъ вкушалъ въ нѣдрахъ своего семейства тѣ же радости, которыя вкушалъ и послѣдній изъ его подданныхъ. Онъ имѣлъ друзей, какъ, напримѣръ, Меншикова, котораго горячо любилъ. Это его субъективный міръ. Но онъ же не имѣлъ почти минуты времени, чтобы забыться въ милыхъ, обаятельныхъ радостяхъ семейственности и дружбы:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронъ вѣчный былъ работникъ.

Вотъ его объективный міръ. Но и этотъ объективный міръ не былъ чуждымъ и внѣшнимъ ему, не былъ однимъ суровымъ долгомъ, но былъ его задушевымъ, кровнымъ, и, дѣйствуя на его поприщѣ, онъ вкушалъ блаженство, которому нѣтъ предѣловъ и для выраженія котораго нѣтъ словъ. Но если это было такое блаженство, котораго ему не могъ дать субъективный міръ, за то и субъективный міръ давалъ ему такое блаженство, котораго не могъ ему дать объективный міръ. Сверхъ того, субъективныя радости даются легче, нежели объективныя: эти дома, онѣ всегда съ нами, а для достиженія тѣхъ нужна борьба, усилія, трудъ въ потѣ чела; нужно иногда на роковую ставку судьбы поставить все. Притомъ же дѣйствованіе въ объективномъ мірѣ не можетъ всегда быть только наслажденіемъ, но часто должно быть однимъ долгомъ, и минуты блаженства, доставляемыя имъ, рѣдки, и бываютъ большею частью результатомъ успѣха.

Пируетъ Петръ. И гордь, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ:
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Да, это торжество, незнакомое простымъ смертнымъ: это торжество, извѣстное только богамъ, царямъ, героямъ и народамъ! Но сколько огорченій, досадъ, сомнѣній, мукъ душевныхъ, тревогъ и заботъ предшествовало этому дивному торжеству!... Чтобы лучше показать двойственность человѣка въ субъективномъ и объективномъ мірѣ, напомнимъ Петра въ другія двѣ минуты. Вспыхиваетъ стрѣлецкій бунтъ, и душа заговора—родная сестра царя-исполина: братъ о ней плачетъ, а царь ее судитъ и караетъ... Надежда великаго царя, боявшагося и трепетавшаго только одной смерти—смерти своей идеи реформы,—тотъ, кто могъ и продолжить и укрѣпить, или прекратить и изгнать ее, его родной, его единственный сынъ, возстаетъ на отца и царя, и возстаетъ именно, какъ на преобразователя... Всѣ суды готовы: на одной сторонѣ естественная любовь родителя, на другой—судьба народа... Народъ побѣдилъ—страшная, величественная и торжественная минута!... Солнце должно остановиться въ своемъ вѣчно-до-временномъ теченіи, природа притаить дыханіе, пульсъ мировой жизни прерваться, въ ожиданіи страшнаго рѣшенія, чтобы потомъ забыться новою, удвоенною жизнью, потечь новымъ, ускореннымъ теченіемъ отъ чувства торжества... Великій подвигъ великаго человѣка!—воскличете вы въ гордомъ сознаніи торжества достоинства человѣческой природы. Міръ объективный побѣдилъ міръ субъективный, общее побѣдило частное! Отчего же такъ велика эта побѣда?—Оттого, что власть естественнаго влеченія сердца безгранична надъ волею человѣка, и когда торжествуетъ надъ нимъ законъ нравственный, человѣкъ является героемъ, полубогомъ, представителемъ человѣчества, осуществившимъ своею личностью все могущество цѣлаго человѣчества; оттого, что права субъективнаго человѣка безконечно-сильны надъ душою и побѣждаются только самоотверженіемъ въ пользу общаго... Итакъ, у одного человѣка двѣ жизни, изъ которыхъ каждая поочередно овладѣваетъ имъ, которыя борются между собою, и въ этой борьбѣ его жизнь...

Общество слагается изъ множества людей, и у cadaго изъ нихъ свой горизонтъ понятій, своя сфера жизни, свой кругъ дѣйствія, наконецъ, свой субъективный и свой

объективный міръ. Одинъ больше частное явленіе, т.-е. больше принадлежитъ себѣ, другой больше общее явленіе, т.-е. больше сливается съ интересами объективными, выходящими изъ сферы его частной жизни; но каждый раздѣленъ между собою и обществомъ, и каждый соединенъ съ обществомъ, т.-е. находитъ себя въ обществѣ. Иной, по ограниченности своей натуры, даже не понимаетъ слова „отечество“, но если онъ вписанъ въ сословіе, въ цехъ—у него уже есть свой объективный міръ. Вотъ откуда истекаетъ живое единство общественной организаціи, которой безчисленные и разнообразныя нервы, проходя взадъ и впередъ и перепутываясь въ тѣлѣ, сходятся въ одномъ пунктѣ и образуютъ собою органъ сознанія—единого личнаго Я. Каждый изъ членовъ общества имѣетъ свою исторію жизни, а общество имѣетъ свою, и еще гораздо послѣдовательнѣйшую, гораздо полнѣйшую, разумнѣйшую и понятнѣйшую. Какъ единый человѣкъ, оно переходитъ всѣ моменты развитія: начавъ бытіе свое безсознательно и довременно, вдругъ пробуждается для сознанія, но для сознанія еще естественнаго, непосредственнаго ¹⁾; наконецъ наступаетъ для него эпоха выхода изъ естественной непосредственности, оно отрицаетъ родство крови и плоти во имя родства духа, чтобы потомъ черезъ духъ снова признать родство крови и плоти, но уже просвѣтленное духомъ—свѣтомъ божественной мысли. Какъ у единого человѣка, у него бываютъ болѣзни, и фазы болѣзней, и переходъ въ здоровое состояніе. Словомъ, это живая, единичная личность, огромное тѣло, съ безчисленнымъ множествомъ головъ, но съ единою душою, единымъ индивидуальнымъ я. И никогда его единство не бываетъ такъ поразительно, какъ въ тѣхъ грустно или радостно торжественныхъ его положеніяхъ, когда или рѣшается вопросъ о его жизни и смерти, или общая радость заставляетъ сильно биться его исполинское сердце. Все въ немъ усыплено въ какомъ-то дремотномъ спокойствіи, все такъ обыкновенно и ежедневно: судья ходитъ въ судъ, чтобы брать жалованье и жить имъ, воинъ исполняетъ свои обязанности, какъ долгъ службы, составляющій условія его обезпеченія, купецъ думаетъ о барышахъ, словомъ—все занято

¹⁾ Здѣсь слово „непосредственный“ употреблено въ значеніи отсутствія посредства мысли въ сознаніи. Младенецъ или простолюдинъ можетъ быть добрѣ, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о добрѣ, ни о злѣ—доброта *непосредственная*; другой можетъ обнаруживать своими дѣйствіями и инстинктивно вѣрными заключеніями удивительную истинность, никогда не думавши о томъ, что такая истина—*непосредственное* познаніе истины.

Прим. Бѣлинскаго.

собою: кто родится, кто умираетъ, кто женится, кто разводится, и всякій—Иванъ да Петръ, Сидоръ да Лука. Но вотъ буря иноплемennаго нашествія пронесется по усыпленному народу и разражается громомъ и молніею надъ его безпечною головою—и нѣтъ больше людей: является народъ, нѣтъ больше личныхъ и частныхъ интересовъ: все дума объ отечествѣ, пестрыя толпы слились въ одну общую массу, во главѣ которой является царь. И тѣ, которые удивляли васъ своею мелкостью и пошлостью, оскорбляли бездушіемъ, тѣ часто поражаютъ васъ и львиною храбростью, и благородствомъ поступковъ, и великодушною готовностью принести себя на жертву за общее дѣло, даже не думая, чтобы ихъ жертва имѣла какую-нибудь цѣну. Для того-то и насыщается буря, чтобы очищался воздухъ и орошенная земля чреватѣла плодородіемъ и давала плодъ сторицею... Такое зрѣлище представляла собою Русь на мамаевскомъ побоищѣ; такое зрѣлище представляла она въ годину междоусобицы, когда умирающее сознаніе ея я было пробуждено и оживлено голосомъ келаря Палицына, святителя Гермогена, мясника Минина и дѣятельнымъ участіемъ князя Пожарскаго... Отчего видна такая забота на лицахъ всѣхъ и каждого? Отчего по одному направленію движутся, отъ мѣста до мѣста, густыя массы народа, отчего, говоря словами поэта,

Въ погребальный слившись ходъ,
Вся имперія плетъ?...

Умеръ Благословенный... Отчего въ первопрестольномъ градѣ, отъ заставы до стѣнъ священнаго кремля, тянутся по обѣимъ сторонамъ густыя толпы безчисленнаго народа, едва удерживаемыя въ порядкѣ двойнымъ рядомъ солдатъ, лѣпятся на помостахъ, покрываютъ заборы и кровли домовъ? Кто созвалъ ихъ сюда? Никто, даже тѣ, которые имѣютъ право сзывать народъ, скорѣе озабочены тѣмъ, чтобы число его не было во вредъ ему самому. Отчего лица всѣхъ свѣтлы и радостны, чужды всякой житейской заботы, всякой мысли о себѣ? Отчего глаза всѣхъ съ томленіемъ и трепетомъ ожиданія, обращены въ одну сторону? Отчего вдругъ, при царственномъ гулѣ колоколовъ и громѣ пушекъ, воздухъ потрясся отъ стонущаго „ура“, какъ бы выходящаго изъ единой груди и единыхъ устъ?... Новый Царь вступаетъ въ древнюю Москву для вѣнчанія на царство...

Много славныхъ и блестящихъ мгновеній пережила молодая Россія—молодая и юная, несмотря на свою девятилѣтнюю жизнь; много перетерплено было ею славныхъ бѣдъ, много перепраздновано славныхъ торжествъ; но всѣ они помрачаются 1812 го-

домъ. И въ самый знаменитый 1612 годъ за нее спорили и жизнь и смерть; но тогда спасеніе казалось чудомъ, которому тогда только повѣрили, когда оно уже совершилось; но въ 1812 г. споръ жизни съ смертью казался еще страшнѣе, а въ спасеніи никто не отчаявался, никто не сомнѣвался давно. Бѣда была торжествомъ: чтò же самое торжество?... Великое вліяніе имѣли на Россію нашествіе Наполеона и послѣдняя борьба ея съ нимъ: уже не разъ опытомъ блестящихъ побѣдъ и славныхъ торжествъ сознавала она свои исполинскія силы; но чтò всѣ эти опыты передъ эпохою XII и XIV годовъ?... Народная фантазія, въ союзъ съ преданіемъ, создала могучаго богатыря, въ миѳическомъ образѣ котораго видится образъ самого народа и вмѣстѣ символъ его судьбы — Илью Муромца, который, лишенный ногъ, *тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ, а на тридцать первый поцѣлать пошелъ*. И дѣйствительно: добрый молодецъ расходился и разгулялся... Съ самой эпохи татарскаго ига Россія была оторвана отъ европейскаго міра и развивалась сама въ себѣ изолированно, формировалась внутри и извиѣ и крѣпла въ силахъ своей исполинской корпорации; но въ отношеніи къ общему развитію человѣчества она сидѣла сиднемъ, погруженная въ дрему непробудную. И вдругъ исполинъ ростомъ и силою вровень съ нею поставилъ ее на ноги, разбудилъ отъ вѣковой дремоты — и она встала и пошла. Съ самаго того мгновенія, какъ царственный младенецъ началъ тѣшиться въ Селѣ Преображенскомъ съ своею потѣшною ротою и потомъ могучею дланью крѣпко ухватился за бразды правленія, Россія не имѣла минуты свободной, чтобы вздремнуть, чтобы забыться покоемъ отъ ратныхъ и гражданскихъ подвиговъ, отъ торжествъ побѣды и славы, отъ триумфовъ завоеваній и приобрѣтеній. Но чтò вся эта бодрственная, недреманная, полная трудовъ и дѣятельности жизнь передъ тою, для которой снова какъ бы пробудилась она страшнымъ кликомъ: „непріятель идетъ на Москву“? чтò всѣ прежнія ея возстанія отъ сна передъ тѣмъ, которое совершилось при заревѣ пылающей Москвы — этой очистительной жертвы за спасеніе цѣлаго народа, этого феникса, вновь возродившагося изъ своего священнаго пепла?... И послѣ того, какой блистательный рядъ торжествъ!... Дѣло шло уже не о новой приобрѣтенной провинціи, не о клочкѣ земли, отбитой у враговъ и моря для построенія города, ни даже о завоеваніи царства и царствъ: дѣло шло сперва о собственномъ спасеніи, а потомъ о спасеніи всей Европы, слѣдовательно — всего міра. Россія тѣсно примыкается къ исторіи Европы, знакомится съ

ея бытомъ и домашнею жизнью, — и Царь русскій,

Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій Императоръ,
Міра свѣтлая звѣзда —

является посредникомъ между царями и народами, Готфредомъ крестоваго похода новыхъ вѣковъ, изрекаетъ пощаду и милость гордой столицѣ народа, почитающаго себя первымъ народомъ въ мірѣ, и въ свѣтломъ торжествѣ и триумфѣ проходитъ по столицамъ спасенной имъ Европы!... Явленіе безпримѣрное въ исторіи человѣчества и могшее совершиться только въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ — въ это время чудесъ и гигантовъ!...

У всякаго человѣка есть своя исторія, а въ исторіи свои критическіе моменты: и о человѣкѣ можно безошибочно судить только, смотря по тому, какъ онъ дѣйствовалъ и какимъ онъ является въ эти моменты, когда на вѣсахъ судьбы лежала его и жизнь, и честь, и счастіе. И чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ исторія его грандіознѣе, критическіе моменты ужаснѣе, а выходъ изъ нихъ торжественнѣе и поразительнѣе. Такъ и у всякаго народа — своя исторія, а въ исторіи свои критическіе моменты, по которымъ можно судить о силѣ и величіи его духа, и, разумѣется, чѣмъ выше народъ, тѣмъ грандіознѣе царственное достоинство его исторіи, тѣмъ поразительнѣе трагическое величіе его критическихъ моментовъ и выхода изъ нихъ съ честью и славою побѣды. Духъ народа, какъ и духъ частнаго человѣка, выказывается вполне только въ критическія минуты, по которымъ однимъ можно безошибочно судить не только о его силѣ, но и о молодости и о свѣжести его силъ. Бородинская битва, самымъ Наполеономъ названная *битвою шантовъ*, была самымъ торжественнымъ, самымъ трагическимъ актомъ великой драмы XII-го года. Взглянемъ на нее со стороны автора книги, подавшей поводъ къ этой статьѣ, и участника и очевидца въ великомъ дѣлѣ.

„Солдаты ваши желали, просили боя. Подходя къ Смоленску, они кричали: „Мы видимъ *борода нашихъ отцовъ*, пора драться!“ Узнавъ о счастливомъ соединеніи всѣхъ корпусовъ, они объяснялись по-своему: вытягивая руку и разгибая ладонь съ *раздѣленными пальцами* — „прежде мы были такъ!“ (т.-е. корпуса въ арміи, какъ пальцы на рукѣ, были раздѣлены), „теперь мы“ — говорили они, сжимая пальцы и свертывая ладонь въ кулакъ: „вотъ такъ! такъ пора же (замахиваясь дюжимъ кулакомъ), такъ пора же дать французу раза: вотъ *этакъ!*“ — Это сравненіе разныхъ эпохъ нашей арміи съ распростертою рукою и свернутымъ кулакомъ было очень по-русски, по крайней мѣрѣ, очень *по-солдатски*, и весьма у мѣста.

„Мудрая воздержность Барклая-де-Толли не могла быть оцѣнена въ то время. Его война отступательная была собственно война завлекатель-

ная. Но общій голосъ арміи требовалъ иного. Этотъ голосъ мужественный, громкій встрѣтился съ другимъ, еще болѣе громкимъ, болѣе возвышеннымъ—съ голосомъ Россіи. Народъ видѣлъ наши воиска стройныя, могучія, видѣлъ вооруженіе огромное, Государя твердаго, готоваго всѣмъ жертвовать за цѣлость, за честь своей имперіи, видѣлъ все это—и втайнѣ чувствовалъ, что (хотя было все) недоставало еще кого-то, *недоставало полководца русскаго*. Зато переездъ Кутузова изъ Санкт-Петербурга къ арміи походилъ на какое-то торжественное шествіе. Преданія того времени передаютъ намъ великую поэтическую повѣсть о безпредѣльномъ сочувствіи, пробужденномъ въ народѣ высочайшимъ назначеніемъ Михаила Ларіоновича въ званіе главноначальствующаго въ арміи. Жители городовъ, оставляя всѣ дѣла расчета и торгова, выходили на большую дорогу, гдѣ мчалась безостановочно почтовая карета, которой всѣ малѣйшія примѣты заранее извѣстны были всякому. Почетнѣйшіе граждане выносили хлѣбъ-соль; духовенство напутствовало предводителя армій молитвами; окольные монастыри высылали къ нему на дорогу инокъ съ иконами и благословеніями отъ святыхъ угодниковъ, а народъ, не находя другого средства къ выраженію своихъ простыхъ душевныхъ порывовъ, прибѣгалъ къ старому, радужному обычаю—отпрягалъ лошадей и везъ карету на себѣ. Жители деревень, оставляя сельскія работы (ибо это была пора косы и серпа), сторожили также подъ дорогою, чтобы взглянуть, поклониться и въ избыткѣ усердія поцѣловать горячій слѣдъ, оставленный колесомъ путешественника. Самовидцы рассказывали мнѣ, что матери издалека бѣжали съ грудными младенцами, становились на колѣни и, между тѣмъ какъ старцы кланялись сѣдыми головами, онѣ съ безотчетнымъ воплемъ подымали младенцевъ своихъ вверхъ, какъ будто поручая ихъ защитѣ верховнаго воеводы! Съ такою огромною въ него вѣрою окруженный славою прежнихъ походовъ, прибылъ Кутузовъ къ арміи (стр. 5, 6 и 7).

„Наканунѣ дня бородинскаго, главнокомандующій велѣлъ пронести ее (икону Смоленской Божіей Матери) по всей линіи. Это живо напоминало приготовленіе къ битвѣ куликовской. Духовенство шло въ ризахъ, кадила дымились, свѣчи теплились, воздухъ оглашался пѣніемъ и святая икона шествовала. Сама собою, по влеченію сердца, стотысячная армія падала на колѣни и припадала челомъ къ землѣ, которую готова была упить до сытости своей кровью. Вездѣ творилось крестное знаменіе, по мѣстамъ слышались рыданія. Главнокомандующій, окруженный штабомъ, встрѣтилъ икону и поклонился ей до земли. Когда кончилось молебствіе, нѣсколько головъ поднялось вверхъ и послышалось: „орелъ парить!“ Главнокомандующій взглянулъ вверхъ, увидѣлъ плавающего въ воздухѣ орла и тотчасъ обнажилъ свою сѣдую голову. Ближніе къ нему закричали „ура!“ и этотъ крикъ повторился всѣмъ войскомъ.

„Орелъ продолжалъ плавать; семидесятилѣтній вождь, принимая доброе предвѣстіе, стоялъ съ обнаженною головою. Это была картина единственная! Михаилъ Кутузовъ, главный повелитель всѣхъ воинскихъ силъ имперіи, явился тутъ во всей красѣ военачальника. Въ прострѣленной головѣ его былъ умъ, прозрѣвавшій въ теченіе 70 лѣтъ; въ его умѣ была опытность, постигшая всѣ тайны политической жизни гражданскихъ обществъ и народовъ. Надъ нимъ парилъ орелъ, на немъ была икона Казанской Божіей Матери, сто тысячъ Русскихъ кричало „ура!“, а судьба завтрашняго дня угадывала жребій въ таинственную урну свою.. (стр. 39 и 40).

Да, это было великое зрѣлище, это была картина міровой жизни, непосредственно явившая, волею Божіею, откровеніе вѣчнаго духа жизни, воочію совершившаяся! Тутъ являлась личность народа, поглотившая въ себѣ всѣ частныя личности; всѣ умы были полны одною мыслью, сердца однимъ чувствомъ, и бились въ тактъ, какъ бы то было сердце одного человѣка... Немного подобныхъ минутъ хранить исторія на своихъ заветныхъ страницахъ, но потому-то и велики и священны такія минуты: ихъ не можетъ произвести и устроить воля человѣческая, но онѣ являются сами, какъ разумная необходимость... Скажите, какая была нужда цѣлому народу до одного человѣка—того семидесятилѣтняго вождя, съ сѣдою головою и прострѣленнымъ глазомъ? Развѣ онъ былъ тому отецъ, другому братъ, третьему родня дальняя? развѣ онъ могъ того сдѣлать счастливымъ, другому дать денегъ, третьяго исцѣлить отъ неизлѣчимой болѣзни? Нѣтъ! Эти люди были ему чужды, какъ и онъ былъ чуждъ имъ; они были для него—все незнакомыя лица, хотя его лицо и было извѣстно имъ развѣ только по портретамъ. Но почему же его лицо распалось на такое множество портретовъ? почему эти портреты всѣмъ извѣстны? Потому что этотъ человѣкъ есть не частное явленіе, а одинъ изъ выразителей сущности народной жизни, одинъ изъ представителей нравственнаго могущества своего народа, не Михаилъ и не Ларіоновичъ, а просто Кутузовъ—имя символическое, изъ собственного сдѣлавшееся нарицательнымъ; потому что онъ не случайное выраженіе частной идеи, а необходимо разумное выраженіе общенародной и человѣчественно-міровой идеи, высшее явленіе высшей дѣйствительности, сынъ не случая, но судьбы... Глубоко замѣчаніе автора „Очерковъ Бородинскаго Сраженія“, что *нуженъ былъ русскій полководецъ, съ русскимъ именемъ*: подвигъ Барклая-де-Толли великъ, участь его трагически печальна и способна возбудить негодованіе въ великомъ поэтѣ¹⁾; но мыслитель, благословляя память Барклая-де-Толли и благоговѣя передъ его священнымъ подвигомъ, не можетъ обвинять и его современниковъ, видя въ этомъ явленіи ра-

¹⁾ „Полководецъ“—одно изъ величайшихъ созданій гениальнаго Пушкина, оканчивающееся слѣдующими стихами:

О, родъ людской, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ, въ грядущемъ поколѣньи,
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленіе!

Прим. Бѣлинскаго.

Ошибка въ началѣ цитаты; у Пушкина: „О, люди! жалкій родъ, достойный...“ и т. д. См. выше, стр. 414.

зумную и непреложную необходимость... Отчего же изъ всѣхъ русскихъ генераловъ только на Кутузовѣ остановились вниманіе и довѣренность царя, безсознательно и какъ бы инстинктивно подтвержденныя упованіемъ и вѣрою народа? Здѣсь мы понимаемъ глубокой смыслъ изреченія св. писанія: „гласъ Божій — гласъ народа“ — изреченіе, которое только и понимается въ торжественныя минуты народной жизни, когда исчезаютъ люди и является только народъ.

„Рокоть барабановъ, рѣзкіе звуки трубъ, музыка, пѣсни и крики несвязные (привѣтный кличъ войска Наполеону) слышались у французовъ. Священное молчаніе царствовало на нашей линіи. Я слышалъ, какъ квартиргеры громко сзывали къ порціи: „Водку привезли: кто хочетъ, ребята! ступай къ чаркѣ!“ Никто не шелохнулся. По мѣстамъ вырывался глубокой вздохъ и слышались слова: „Спасибо за честь! не къ тому изготавились: не такой завтра день!“ И съ этимъ многіе старики, освѣщенные догорающими огнями, творили крестное знаменіе и приговаривали: „Мать Пресвятая Богородица! помоги постоять намъ за землю свою!“

Если бы въ книгѣ г. Глинки не было ни одного изъ тѣхъ достоинствъ, о которыхъ будемъ еще говорить ниже, то за одинъ этотъ фактъ, передаваемый ею во всеобщую извѣстность, она достойна названія народной книги. Никогда явленія духа не бывають такъ мистически поразительны, никогда они не производять въ душѣ такого живого, яснаго и трепетно священнаго созерцанія своей таинственной сущности, какъ открываясь чрезъ эти массы самаго низшаго народа, лишеннаго всякаго умственнаго развитія, загрубѣлаго отъ тяжкихъ нуждъ и тяжелыхъ работъ жизни. Солдаты наши требовали сраженія; мысль, что Москва будетъ отдана непріятелю, заставляла ихъ громко роптать — ихъ, которые, по своему національному духу и Богомъ данному имъ инстинкту истины и здраваго разсудка, всегда отличаются безпредѣльною довѣренностью къ высшей власти и молчаливымъ выполненіемъ велѣній. Бородинская битва была дана для нихъ. Скажите: что такое Москва этому грубому солдату, ему, который никогда не видалъ ея, а только смутно носилъ, въ ограниченномъ кругѣ своихъ понятій, какую-то безсвязную мысль о ея сорока сорокахъ церквей, ея Кремль и бѣлокаменные палатахъ?... Почему же мысль о занятіи ея врагомъ тяжелѣе для него всѣхъ смертей?... Недовольно ли было бы ему ограничиться простымъ и безмолвнымъ выполненіемъ своей обязанности стать, гдѣ велятъ стать, и умереть, гдѣ велятъ умереть, не желая и не требуя сраженія, когда „командиры“ не хотятъ его, и не называясь, можетъ быть, на вѣрную и неизбѣжную смерть?... Вотъ самое поразительное и самое очевидное доказа-

тельство того, что все живетъ въ духѣ и служить духу и сильно однимъ духомъ: и мудрецъ, глубоко проникшій въ сокровенныя причины вещей, и свѣтскій чловѣкъ, имѣющій обо всемъ легкія понятія, и грубый поселянинъ, котораго ограниченный кругозоръ понятій не простирается далѣе низкихъ нуждъ матеріальной жизни. Вотъ самое поразительное и самое очевидное доказательство того, что всякій чловѣкъ, на какой бы ступени нравственнаго развитія ни стоялъ онъ, не есть какая-то особность, сама по себѣ существующая, но есть живая часть живого цѣлаго, которая страдаетъ, когда страдаетъ цѣлое, которая тотчасъ сознаетъ свое кровное родство съ тою общностью, которая есть альфа и омега его бытія, какъ скоро настанетъ для нея торжественная минута. Вотъ, наконецъ, самое поразительное и самое очевидное доказательство того, что чловѣческое общество, народъ или государство есть не искусственная машина, механически движущаяся, но живое тѣло, кровь и плоть, одушевляемая духомъ. Мы попросили бы кстати *мудрыхъ въка сего* доказать намъ, что въ мірѣ есть какая-то матеріальная сила, какой-то чловѣческій произволъ, который разсчитанною хитростью побѣждаетъ силу духовную, образованность и геній... Мы попросили бы ихъ кстати объяснить намъ, какая слѣпая воля чловѣческая производитъ явленія, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, непосредственно является самъ Богъ; какъ она собственно силою творить возможное только Богу, и насиліемъ производитъ въ грубыхъ массахъ любовь, вдохновеніе, самопожертвованіе, единство цѣлей и стремленій, словомъ, то, что можетъ производить только духъ...

Обратимся собственно къ книгѣ О. Н. Глинки. Она не есть сочиненіе ученое ни въ военномъ, ни въ историческомъ смыслѣ, и не обогатитъ ни военнаго писателя, ни историка новыми фактами. Она даже не имѣетъ достоинства разсказа, въ порядкѣ и картинно изложеннаго. Сперва авторъ начинаетъ повѣствовать о бородинскомъ дѣлѣ по днямъ (потому что на Бородинскомъ полѣ дрались 23, 24 и 25 августа), потомъ отдѣльно описываетъ собственно бородинское сраженіе, бывшее 26 августа, и, описавъ его коротко въ цѣломъ, начинаетъ описывать его же по часамъ, почему необходимо повторяетъ одно и то же и вѣсколько сбиваетъ строгаго, холоднаго читателя. Но его книга, не будучи ни военною, ни историческою, можетъ назваться *поэтической*. Если она не впечатлѣетъ въ умъ нашъ полной, художественно-оконченной и замкнутой картины бородинской битвы, зато она покажетъ вамъ

всю поэзію, всю мистическую таинственную сторону его, дать самое вѣрное понятіе о его всемірно-историческомъ значеніи; наведетъ васъ на глубокую, возвышенную думу о человѣчествѣ, о царяхъ и народахъ, вѣкахъ и событіяхъ; вознесетъ васъ въ ту превыспреннюю сферу, гдѣ вашей головы не кружатъ ядовитыя и смрадные испаренія мелкаго эгоизма, жалкихъ заботъ о своей личности и низкихъ пуждъ жизни; возведетъ васъ на ту высокую гору, съ которой исчезаетъ все мелкое и ежедневное, все частное и случайное, но видятся только народы и царства, цари и герои — помазанники и избранныки Божіи, своею судьбою осуществляющіе довременныя судьбы міра, отъ вѣка почивавшія въ лонѣ божественной идеи... Изъ книги Ѳ. Н. Глинка вы не узнаете бородинской битвы въ стратегическомъ отношеніи, но вы узнаете, что съ тѣхъ поръ, какъ люди начали между собою войну, еще не было такой битвы не на жизнь, а на смерть, гдѣ частныя сшибки производились массами, которыя въ прежнія и еще недавнія времена почитались страшными арміями, гдѣ на тѣсномъ пространствѣ гремѣло безпрерывно 1.700 орудій, дралось отчаянно 300.000 человѣкъ; гдѣ умирающіе дорѣзывали оружіемъ, добивали кулакомъ, догрызали зубами умирающихъ подлѣ нихъ враговъ, гдѣ лопались орудія и взрывались зарядные ящики, воздухъ былъ — дымъ и огонь, рукопашный бой и натискъ непріятельской кавалеріи считались отдыхомъ за прекращеніемъ адскаго дѣйствія непріятельской артиллеріи; гдѣ безъ отдыха дрались *пятнадцать* часовъ, и гдѣ, наконецъ, осталось 29.999 труповъ; вы узнаете, что это была битва *гомерическая*, гдѣ каждый дѣйствовалъ какъ бы отъ себя, дрался за свое личное дѣло, за свою личную обиду, гдѣ отдѣльно подвигались и *огнедышащій* Ней, и левъ русской арміи — Багратіонъ, и гарцующій Мюратъ, и русскій Баярдъ Милорадовичъ, и Коновницыны, и Тучковы, и гдѣ Барклай-де-Толли, сей

... устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой, Свинца веселый свистъ слышавшій впервой, Бросался онъ въ огонь, ища желанной смерти, — Вотще!...¹⁾

гдѣ спокойно, орлинымъ взоромъ слѣдилъ за судьбою битвы тотъ престарѣлый вождь, на священной сѣдинѣ котораго лежало спасеніе Россіи; гдѣ не разъ погружался въ думу и недоумѣніе сынъ судьбы, „могучій баловень побѣдъ“, и въ первый разъ оказалъ не свойственную ему нерѣшительность и упустилъ нѣсколько драгоцѣнныхъ мгно-

веній... Въ книгѣ Ѳ. Н. Глинка вы найдете живую кистью начертанные портреты героевъ битвы и мастерски набросанные отдѣльные ея картины и очерки. Въ приведенныхъ выше мѣстахъ изъ его книги читатели могутъ судить о поэтической увлекательности и живости его языка; но мы напишемъ еще нѣсколько мѣстъ, которыя дадутъ еще лучшее понятіе о книгѣ нечитавшимъ ея, и о характерѣ „битвы гигантовъ“.

„...Большой центральный редутъ былъ рѣшительно захваченъ. Синія и пестрые толпы Французовъ суетились около пушекъ, но два человѣка, постигнувъ всю важность потери и рассуждая, что отнятое центральное укрѣпленіе, оставшись долѣ въ рукахъ непріятеля, рѣшить судьбу цѣлаго дня и отворить ворота въ самомъ центрѣ линіи, положили на мѣрѣ отнять редутъ и съ нимъ ключъ позиціи. Поле далеко было покрыто разсыянными единицами. Два человѣка, о которыхъ мы сказали, взяли третій баталіонъ Уфимскаго полка (изъ корпуса Дохтурова) и повели его къ цѣли. Одного изъ этихъ храбрыхъ видѣлъ я наканунѣ, на большой батарее при Бородинѣ. Онъ былъ еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, съ привлекательными чертами лица; товарищи и подчиненные не могли налюбоваться его храбростью, его великими дарованіями. Глядя на него, такъ легко было вспомнить о молодомъ паладинѣ среднихъ вѣковъ! Юность, осанка, мужество — все соединялось въ живомъ, бодромъ воинѣ: это былъ графъ Кутайсовъ, командиръ всей артиллеріи при Бородинѣ. Другой, въ лѣтахъ болѣе зрѣлыхъ, осанистый, могучій, съ атлетическими формами, съ лицомъ и мужествомъ львинымъ, ѣхалъ рядомъ съ названнымъ выше воиномъ. И то былъ генералъ Ермоловъ, тогдашній начальникъ штаба. Оба въ мундирахъ конной артиллеріи. Не успѣли они двинуться съ мѣста, какъ примѣръ ихъ началъ дѣйствовать благотворно. Единицы стали быстро соединяться въ десятки, сотни, тысячи, и скоро увидѣли колонну, которая не уступала въ длинѣ и плотности знаменитой колоннѣ въ битвѣ фонтенейской. Но эта самосоставная колонна изъ солдатъ разныхъ службъ, разныхъ полковъ, разныхъ мундировъ, не имѣла никакого единства, никакой правильности. У ней было однакоже единство цѣли! Два мужественныхъ вождя, далеко впереди всѣхъ, вели эту толпу храбрыхъ. Французы, незаконные владѣльцы редута, видѣли приближающуюся бурю и не дремали на своихъ трофеяхъ. Съ фасовъ редута засверкала ужасный огонь. Великодушная колонна рѣдѣла, волновалась. Была минута, солдаты задумались, остановились. И тутъ-то Ермоловъ употребилъ средство, о которомъ рассказъ и теперь остается въ числѣ любимыхъ солдатскихъ преданій о незабвенномъ днѣ. По обдуманному ли намѣренію, или нечаянно, у него, какъ у начальника штаба, случился запасъ георгіевскихъ солдатскихъ крестовъ въ мундирномъ кармаѣ. Воспользовавшись минутою, онъ вынулъ горсть крестовъ, закричалъ: „Ребята, за нами! кто дойдетъ, тотъ возьметъ!“ и вслѣдъ затѣмъ началъ кидать кресты далеко впереди себя. Это средство обаятельно подѣйствовало на солдатъ: они кинулись къ крестамъ и пошли впередъ! Генералы подвигались скоро, кресты мелькали, толпа бѣжала, „ура“ гремѣло. И такимъ образомъ, отъ креста до креста, подошли къ самому редуту. Редутъ зѣвнулъ дымомъ и пламенемъ, высалъ бурю картечи, брызнулъ косымъ дождемъ пуль; ряды пали, другіе стѣснились и ворвались въ укрѣпленіе. Изъ двухъ предводителей не досчитались одного: графъ Кутайсовъ исчезъ. Россія

¹⁾ На мѣстѣ подчеркнутаго Бѣлинскимъ „онъ“ у Пушкина — „ты“.

и товарищи не могли предать землѣ съ честью его тѣла, котораго не доискались подъ грудами убитыхъ; только вѣрный конь его прибѣжалъ къ своимъ. Генераль-майоръ Ермоловъ раненъ въ шею, но продолжалъ сражаться" (стр. 45—48).

"... Вотъ тутъ-то послѣдовало то важное событіе, о которомъ мы уже слегка говорили. Постигнувъ намѣреніе маршаловъ и видя грозное движеніе французскихъ силъ, князь Багратіонъ замыслилъ важное дѣло. Приказанія отданы, и все лѣвое крыло наше, по всей длинѣ своей двинулось съ мѣста и пошло скорымъ шагомъ въ штыки. Сошлись!... У насъ нѣтъ языка, чтобъ описать эту свалку, этотъ сшибъ, этотъ проглатный трескъ, это послѣднее бореніе тысячъ! Всякій хватался за чашу роковыхъ вѣсовъ, чтобъ перетянуть ихъ на свою сторону. Но окончательнымъ слѣдствіемъ этого упорнаго сраженія было раздробленіе! Тысячи разсѣлись на единицы и каждая кружилась, дѣйствовала, дралась! Это была личная, частная вражда человѣка съ человѣкомъ, война съ воиномъ, и русскіе не уступили на вершокъ мѣста. Но судьбы вышнія склонили чашу вѣсовъ на сторону Французовъ. Мы вдругъ стали терять нашихъ предводителей. Послѣ цѣлаго ряда генераловъ, раненъ и самъ князь Багратіонъ.

Видите ли вы здѣсь, въ сторонѣ, у подошвы высоты Семеновской, раненаго генерала? Мундиръ на немъ растегнутъ, бѣлье и платье въ крови, сапогъ съ одной ноги снятъ; большое красное пятно выше колѣна обличаетъ мѣсто раны. Волосы въ беспорядкѣ, обрызганы кровью, лицо, осмугленное пороховъ, блѣдно, но спокойно. То князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ. Его поддерживаетъ, обхватя руками сзади, преображенскій полковникъ Берхманъ. Лѣвая рука раненаго лежитъ на плечѣ склонившагося къ нему адъютанта, правой жметъ онъ руку отличнаго, умнаго начальника 2-й арміи, генерала Сень-Пріеста, и вмѣстѣ съ послѣднимъ прощаніемъ отдаетъ свой послѣдній приказъ. Изнеможенный отъ усталости и потери крови, князь Багратіонъ еще весь вперед, весь носится передъ своими дивизіями. Видите ли, какъ онъ, забывъ боль и рану, вслушивается въ отдаленные перекаты грома? Ему хочется разгадать судьбу сраженія, — и судьба сраженія становится сомнительною. По линіи разнеслась страшная вѣсть о смерти 2-го главнокомандующаго, и руки у солдатъ опустились" (стр. 72—73).

По этимъ образчикамъ читатели могутъ безошибочно судить о благородной простотѣ и поэтической живости слога, равно какъ и о важности книги Ѳ. Н. Глинки для русской публики. Это книга народная, въ полномъ значеніи этого слова, потому что, при великой важности содержанія, она всеѣмъ равно доступна. Теперь, когда Русскіе уже не стыдятся, но гордятся быть Русскими; теперь, когда знакомство съ родною славою и роднымъ духомъ сдѣлалось общею потребностью и общею страстью, стыдно русскому не имѣть книги Ѳ. Н. Глинки, единственной книги на русскомъ языкѣ, въ которой одинъ изъ величайшихъ фактовъ отечественной славы рассказанъ такъ живо, увлекательно и такъ общедоступно! Но книга Ѳ. Н. Глинки, при большихъ достоинствахъ, не чужда и нѣкоторыхъ недостатковъ, которые долгомъ почитаемъ замѣтить, въ надеждѣ, что почтенный авторъ при второмъ

изданіи своего прекраснаго сочиненія, изданіи, которое, вѣроятно, скоро потребуется, не оставитъ воспользоваться нашими замѣчаніями, если найдетъ ихъ справедливыми. Въ цѣломъ его сочиненія мы желали бы видѣть больше единства и послѣдовательности въ изложеніи событія, и меньше дробности и разнообразія въ манерахъ и приѣмахъ рассказывать. Равнымъ образомъ, намъ очень непріятно, что благородная простота слога автора „Очерковъ Бородинскаго Сраженія“ иногда пятнается то изысканными и натянутыми сравненіями, какъ, напримѣръ, сшибающихся рядовъ съ разбивающимся стекломъ, потомъ съ рабочею храминою химика, сравненіями, которыя, нисколько не поясняя сущности дѣла, только затемняютъ его; то изысканными и натянутыми выраженіями, какъ, напр., *пріурочить*, *вм. отнести* или *присоединить* и другихъ тому подобныхъ; въ одномъ мѣстѣ мы даже встрѣтили слово „объективный“, совершенно неумѣстно употребленное, и потому неимѣющее никакого значенія. Но что всего непріятнѣе и досаднѣе въ „Очеркахъ“, это мѣста, выказывающія ложный, разсудочный и виѣшній мистицизмъ, который видитъ таинство не въ сущности идеи, а въ случайныхъ столкновеніяхъ обстоятельствъ, случайномъ числѣ какомъ-нибудь. Напримѣръ, прекрасно сравнивая Кутайсова съ паладиномъ среднихъ вѣковъ, авторъ подтверждаетъ это сравненіе тѣмъ, что сраженіе при Креси происходило 26-го же августа, въ которое палъ Кутайсовъ. Потомъ замѣчаетъ, что въ бородинскомъ побоищѣ участвовало съ обѣихъ сторонъ *шесть Михайловъ*, какъ будто Михайлъ было имя привилегированное, и число шесть сколько-нибудь относилось къ сущности дѣла или поясняло его.

Мы сказали, что книга Ѳ. Н. Глинки есть единственная народная книга о бородинскомъ сраженіи, разумѣя подъ этимъ ея чисто *литературный* характеръ и нисколько не думая давать ей преимущество передъ *учеными* сочиненіями объ эпохѣ XII года генераловъ Михайловскаго-Данилевскаго, Бутурлина и другихъ военныхъ писателей. Чтобы дать полное понятіе о характерѣ книги Ѳ. Н. Глинки, выпишемъ его прекрасное и поэтическое предисловіе, которое можетъ служить самою вѣрною оцѣнкою его сочиненія:

„Людямъ XII года.

(Вмѣсто предисловія).

Три девятилѣтія прошло съ того дня, какъ отгремѣла битва бородинская. Грустно перелистывать списковъ лицъ и чиновъ, бывшихъ участниковъ въ битвѣ великановъ (la bataille des géants): такъ называла ее Наполеонъ. Мало осталось людей XII-го года, еще менѣе людей бородинскихъ! Два-

днать семь лѣтъ стоять сраженія! Сколько храбрыхъ, красовавшихся ранами XII-го года, перешли на ту сторону жизни!

И тебя не стало, нашъ Государь XII-го и XIV-го годовъ, — эпохъ сожженія Москвы и пощадъ Парижа! И ты, отслуживъ вѣрно и праведно своей Россіи 25 лѣтъ (урочный срокъ простого воина) со скипетромъ и шпагою, и ты отошелъ къ вѣщеннымъ отцамъ своимъ. Мужественный, твердый, ты былъ неподвижнымъ столпомъ, на который оперлась уязвленная Россія. Помазаніе горѣло на главѣ твоей, судьбы Вышняго почивали надъ нею. И тебя не стало!...

Увлеченная потокомъ современности, Россія уже забыла о своемъ XII годѣ. Мало гдѣ говорили о годинѣ грустной и славной, почти забыли о *Бородинѣ!*

Но вотъ Государь нашъ замыслилъ дѣло, достойное временъ рыцарскихъ: онъ желаетъ *возсоздать битву бородинскую* на родномъ ея полѣ и обезсмертить это поле сооруженіемъ *памятника*, достойнаго падшихъ и соорудителя. И вотъ отчего стала оживать память о быломъ, воскресли разговоры о XII годѣ. Уже торговля, промышленность и любопытство спѣшатъ изъ столицъ въ *историческое* помѣстье Государя Цесаревича, въ надеждѣ выгоды и зрѣлища.

Слѣдуя за общимъ движеніемъ, сосредоточилъ и я въ душѣ моей послѣдній огонь, недогашенный бурями жизни, вспомнилъ великое былое и взялъ оставленное перо, чтобы описать битву бородинскую во всѣхъ ея видахъ, во всѣхъ подробностяхъ. Но обстоятельства, отъ меня независимыя, не дозволили этого сдѣлать. Я не могъ найти достаточныхъ пособій для *сравненій* и *выводовъ*. Итакъ, видя себя среди двухъ крайностей, между невозможностью сдѣлать, *что бы желалъ*, и желаніемъ сдѣлать *что-нибудь*, я сдѣлалъ *что могъ*. Несмотря на совершенный недостатокъ матеріаловъ и краткость времени, старался я вызвать изъ памяти прошедшее и, подкрѣпя дѣло памяти собственными и другихъ лицъ „записками“, которые нигдѣ еще напечатаны не были, я составилъ „Очерки Бородинскаго Сраженія“.

Люди битвы исполнинской! вы знаете, что такое *Поле Бородинское!* — Дымъ и огонь были воздухомъ этого поля, гдѣ видѣлось истинное изображеніе послѣдняго дня!... Только огнемъ и кровью, если бы можно употребить ихъ вмѣсто красокъ, можетъ быть написана картина битвы бородинской. Люди *того* времени! вамъ лучше, нежели кому-нибудь, извѣстно, можно ли было уловить перомъ, даже памятью всѣ переходы этой битвы, гдѣ тысячи, обезнамятѣвъ отъ грома и зноя великаго, двигались въ угарѣ сраженія, съ мѣста на мѣсто, часто сами не зная куда, по указанію обстоятельствъ, и обстоятельства не измѣнялись ли почти ежеминутно?

Итакъ, простите мнѣ *ошибки*, невольно и, можетъ быть, во множествѣ вѣснвившіяся въ мои „Очерки“, которые по слогу простому и общепонятному желалъ я сдѣлать доступными всѣмъ и каждому.

Люди XII-го года наводите лучи славы вашей на трудъ мой слабый, но усердный и, смѣю сказать, *добросовѣстный*. Ваше благосклонное одобреніе будетъ лучшею наградою для меня, малѣйшаго участника въ величайшей изъ битвъ!“

По примѣру краснорѣчиваго автора поэтическихъ „Очерковъ“, и мы хотимъ сказать отъ себя нѣсколько словъ нашимъ читателямъ. Можетъ быть, многіе изъ нихъ упрекнутъ насъ въ томъ, что въ критикѣ „Очерковъ Бородинскаго Сраженія“ большее

мѣсто заняли выводы и разсужденія о родахъ, нежели взглядъ на самую битву бородинскую, подавшую къ нимъ поводъ... Всякое явленіе можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ — со стороны идеи, выражаемой имъ, и со стороны самого выраженія идеи. Но какъ основаніе и сущность всякаго явленія заключаются въ идеѣ, выражаемой имъ, то самое выраженіе (фактъ) не можетъ быть понятно, когда разсматривается само по себѣ, внѣ скрывающейся въ немъ мысли. Критика есть сознаніе общихъ законовъ частнаго явленія, разсматриваемаго ею: слѣдовательно, идеи, какъ первообразы вѣчныхъ и переходящихъ законовъ разума, должны быть ея главнымъ и исключительнымъ предметомъ, а само явленіе (фактъ) должно служить ей только средствомъ для приложенія общихъ законовъ къ частному явленію. Подробности о бородинской битвѣ читатели найдутъ въ самихъ „Очеркахъ“, слѣдовательно, пересказывать ихъ отъ лица критика — лишній трудъ, когда дѣло идетъ о книгѣ литературной и общепонятной, а пересказывать ихъ отъ лица автора — значило бы наполнить статью выписками и, по примѣру нѣкоторыхъ критиковъ, *легкимъ образомъ* блистать чужимъ умомъ и на чужой счетъ ¹⁾. Поэтому, намъ хотѣлось дать читателямъ *нашу* точку зрѣнія на бородинскую битву не какъ на случайное явленіе, безъ начала и конца, безъ причины и слѣдствія, но какъ на необходимое проявленіе народной жизни, какъ на непосредственное осуществленіе и откровеніе воли Божіей, и тѣмъ указать на мистическую и таинственную сущность этого великаго событія, — а этого нельзя было иначе сдѣлать, какъ отправившись отъ первоначальной идеи всепроизводящей и всезидущей изъ собственной творящей силы. Мы думаемъ и убѣждены, что уже проходитъ въ нашей литературѣ время безотчетныхъ возгласовъ съ „ахами“ и восклицательными знаками и точками, для выраженія глубокихъ идей безъ всякаго смысла; что проходитъ уже время великихъ истинъ, съ диктаторскою важностію изрекаемыхъ, и ни на чемъ неосновывающихся, ничѣмъ неподтверждающихся, кромѣ личнаго мнѣнія и произвольныхъ понятій мнимаго мыслителя. Публика начинаетъ требовать не *мысли*, а мысли. Мнѣніе есть произвольное понятіе, основанное на поговоркѣ: „мнѣ такъ кажется“; какое же дѣло публикѣ до того, что и какъ кажется тому или другому господину?... При томъ одинъ и тотъ же предметъ одному кажется такъ, другому иначе, а большей части обыкновенно вверхъ ногами. Вопросъ

¹⁾ Намекъ на Сенковского.

не въ томъ, какъ кажется, а въ томъ—какъ *есть* въ самомъ дѣлѣ, и этотъ вопросъ можетъ рѣшаться не мнѣніемъ, а мыслью. Мнѣніе опирается на случайномъ убѣжденіи случайной личности, до которой никому нѣтъ дѣла, и которая сама по себѣ — очень неважная вещь; мысль опирается на самой себѣ, на собственномъ внутреннемъ развитіи изъ самой себя, по законамъ логики. Давно уже прошло то блаженное время, когда разобраніе критически художественное произведение значило разобрать нѣкоторыя фразы, или удачно составленные, или погрѣшающія противъ языка; теперь безвозвратно проходитъ и то блаженное время, когда непризнанный критикъ, какъ бы издѣваясь надъ публикою, объявлялъ, что личныя ощущенія — высшій критеріумъ изящнаго, и, сказавъ, что то или другое сочиненіе „принадлежитъ къ лучшимъ явленіямъ литературнаго года“, что оно „ему очень понравилось“, что онъ „многое прочелъ въ немъ съ особеннымъ наслажденіемъ“, — сказавъ это въ десяти строкахъ, дѣлалъ десять или двадцать страницъ выписокъ, и смѣло, крупными литерами ставилъ въ заглавіи этихъ выписокъ громкое слово „критика“. Да,

безвозвратно проходитъ уже пора, такъ сказать, мороченья публики подобными штуками. Достоинство и важность *мысли* начинаютъ признаваться всѣми. Что касается лично до насъ, мы такъ глубоко убѣждены, что истина не въ людскихъ „мнѣніяхъ“, не въ личныхъ убѣжденіяхъ, а только въ мысли, что, если бы въ опроверженіе этого указали на наши собственные статьи, мы скорѣе бы согласились въ томъ, что или тѣ, которымъ онѣ кажутся недоказательными, не доросли ни до потребности, ни до пониманія „мысли“, или что въ самомъ дѣлѣ въ нашихъ статьяхъ заключаются причины ихъ недоказательности, — чѣмъ согласиться въ томъ, чтобы могущество и очевидность истины заключались не въ „мысли“. Во всякомъ случаѣ „Отечественныя Записки“ старались и будутъ стараться удовлетворить по возможности общей потребности идеи, предоставляя другимъ угощать публику „своими мнѣніями“, если только публикѣ въ самомъ дѣлѣ большая нужда знать, каковы мнѣнія у *сею* или *этого* господина, такъ называемаго критика.

1839 г.

17. Менцель, критикъ Гете.

Статья о „Менцелѣ“ написана въ тотъ же періодъ воинствующаго гегелианства Бѣлинскаго, какъ и двѣ его предыдущія статьи: въ тѣхъ статьяхъ онъ развивалъ идеи мистичности царской власти, „субстанціальности“ народа, синтеза личности и общества, а въ настоящей статьѣ онъ сосредоточилъ свое вниманіе на идеѣ искусства. Крайне интереснымъ является поэтому сравненіе теперешнихъ мыслей Бѣлинскаго объ искусствѣ съ тѣми, которыя онъ проповѣдывалъ въ своихъ первыхъ статьяхъ эпохи шеллингианства.

Однако прежде надо устранить одно недоразумѣніе, связанное со статьями Бѣлинскаго этого періода: ихъ считаютъ апогеемъ „примирительнаго“ настроенія Бѣлинскаго. Это вѣрно, но въ болѣе глубокомъ значеніи, чѣмъ это понимаютъ обыкновенно—мы уже говорили объ этомъ въ нашей замѣткѣ къ статьѣ № 13. „Примирительное настроеніе“ Бѣлинскаго къ окружающей дѣйствительности есть фактъ, но фактъ уже вторичный, производный, въ основѣ котораго лежитъ вѣра Бѣлинскаго въ объективную цѣлесообразность міра—вотъ смыслъ „разумной дѣй-

ствительности“. И когда Бѣлинскій восхищается тѣмъ, что Гёте „принимаетъ“ весь міръ въ его цѣломъ и что Пушкинъ въ концѣ концовъ „примирился съ дѣйствительностью“, то это надо понимать *прежде всего* въ философскомъ смыслѣ „пріятія міра и жизни“, признанія объективной цѣлесообразности всемірной жизни. Примиреніе съ окружающей дѣйствительностью есть только слѣдствіе такого міропониманія, его практическое приложеніе—и къ тому же слѣдствіе далеко не необходимое, не строго логическое: можно принимать міръ и въ то же время бороться съ окружающей дѣйствительностью. Къ такому взгляду Бѣлинскій и пришелъ черезъ немного лѣтъ; а теперь изъ пріятія „разумной дѣйствительности“ (т.-е. объективной цѣлесообразности) онъ выводилъ примиреніе съ окружающей его реальной дѣйствительностью: въ этомъ заключается сущность всѣхъ его статей этого періода и въ томъ числѣ его статьи о „Менцелѣ“.

Въ этихъ его статьяхъ много мѣста занимаетъ ожесточенная полемика противъ людей такъ или иначе возстающихъ на дѣй-

ствительность—либо на окружающую реальную действительность, социальную и политическую, либо на „разумную действительность“ мира. Первые борются съ социальными и политическими укладами жизни, вторые отрицаютъ объективную цѣлесообразность мира вообще; и съ тѣми и съ другими ожесточенно воюетъ Бѣлинскій. Ему ненавистны „заграничные крикуны“, „кривые толки, бессмысленные возгласы и громкія, но пустыя фразы безмозглыхъ преобразователей человеческого рода“ (см. выше, стр. 492 и 495); ему ненавистна всякая оппозиція, всякій протестъ противъ существующихъ условий. Отсюда его ненависть къ „рефлектированной поэзіи“ Шиллера, которому онъ посвящаетъ страницу въ настоящей статьѣ и революціонныя трагедіи котораго онъ признаетъ „рѣшительно безнравственными“; отсюда его презрѣніе къ Жоржъ-Зандъ, которая пишетъ романы „одинъ другого нелѣпѣе и возмутительнѣе“ и идеи которой ведутъ къ „уничтоженію священныхъ узъ брака, родства, семейственности“ (см. виже, стр. 560); отсюда, наконецъ, и его пренебрежительное отношеніе къ Менцелю, этому „депутату оппозиціонной стороны“. Бѣлинскій очевидно и не подозрѣвалъ, что этотъ нѣкогда оппозиціонный дѣятель еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ обратился въ крайняго консерватора и такимъ образомъ совершилъ, *mutatis mutandis*, ту самую эволюцію, которая стала удѣломъ Бѣлинскаго годъ спустя. Поэтому ошибочны слова Бѣлинскаго, что „Менцель родился совершенно готовымъ“: нѣтъ, онъ настолько измѣнилъ своему первоначальному радикализму и такъ рьяно началъ борьбу противъ либераловъ и „французскихъ говоруновъ“, что дождался даже ѣдкаго памфлета Бёрне: „Menzel der Franzosenfresser“ („Менцель-Французоѣдъ“), появившагося еще въ 1837 году. Если бы Бѣлинскій зналъ, какого союзника онъ имѣетъ въ своемъ „французоѣдствѣ“ (о чемъ см. нашу замѣтку № 13) и въ своей борьбѣ противъ „заграничныхъ крикуновъ“ и „безмозглыхъ преобразователей“! И если бы онъ могъ предчувствовать, что годъ-другой спустя онъ самъ станетъ на рѣзко „оппозиціонную“ точку зрѣнія!

Еще болѣе ненавистны были Бѣлинскому тѣ „крикуны“, тѣ „маленькіе великіе люди“, которые не только указывали на возмутительность существующихъ социально-политическихъ условий, но даже вообще отрицали разумную действительность и объективную цѣлесообразность мира. Изъ друзей Бѣлинскаго только одинъ Герценъ соединялъ социально-политическій радикализмъ съ философскимъ пессимизмомъ — и на этой почвѣ между Герценомъ и Бѣлинскимъ произошелъ

рѣзкій споръ и ссора въ концѣ 1839 года. „Знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія,—сказалъ я ему (пишетъ Герценъ), думая поразить его моимъ революціоннымъ ультиматумомъ,—вы можете доказать, что самодержавіе, подѣ которымъ мы живемъ, разумно?—Безъ всякаго сомнѣнія, — отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ *Бородинскую Годовщину* Пушкина... Отчаянный бой закипѣлъ между нами... Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ, и оттуда далъ по насъ послѣдній яростный залпъ въ статьѣ, которую назвалъ *Бородинской Годовщиной*“ („Былое и думы“, гл. XXV). Въ этихъ словахъ Герцена намъ важно отмѣтить три неточности: во-первыхъ, Бѣлинскій прочелъ ему, конечно, „Бородинскую Годовщину“ Жуковскаго, а не Пушкина (въ „Бородинской Годовщинѣ“ котораго почти нѣтъ и упоминанія о царѣ); во-вторыхъ, „яростный залпъ“ противъ Герцена былъ данъ Бѣлинскимъ не столько въ рецензіи на „Бородинскую Годовщину“, сколько въ статьѣ объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія“. Наконецъ, въ-третьихъ, и это самое главное,—названные статьи Бѣлинскаго вовсе не были *послѣднимъ* выпадамъ противъ Герцена, такъ какъ въ статьѣ о „Менцелѣ“ эти выпады продолжаютъ съ еще большей рѣзкостью. Мы полагаемъ, что именно противъ Герцена направлена та тирада изъ „Очерковъ бородинскаго сраженія“, въ которой Бѣлинскій презрительно говоритъ о „свѣтскихъ мудрецахъ, людяхъ, которые легко разсуждаютъ о тяжелыхъ предметахъ, которымъ достаточно четверти часа, чтобы, съ сигарою во рту, пересудить всѣхъ и все и перестроить міръ на свой ладъ“ (см. выше, стр. 516): тутъ не забыта даже излюбленная герценовская сигара. Мы полагаемъ, что прямо противъ Герцена направлена обширная выходка первыхъ страницъ настоящей статьи о „маленькихъ-великихъ людяхъ“, для которыхъ „не существуетъ міродержавнаго Промысла“, которые вѣрятъ въ возможность случайности и „разстроеному воображенію которыхъ представляется, что—вотъ облака упадутъ на землю и подавятъ ее, вотъ огнедышащее солнце спалитъ своими лучами все живущее на ней...“ Здѣсь въ умышленно-карикатурномъ видѣ выводится постоянная философія Герцена, которую Хомяковъ называлъ „свирѣпѣйшей имманенціей“ и которую читатели найдутъ въ „Дневникѣ“ Герцена и въ первой главѣ его „Съ того берега“ (см. тамъ мысли Герцена о возможности „геологическаго катаклизма“, о томъ, что „какая-нибудь перемѣна въ солнцѣ вызоветъ катаклизмъ“ и т. п.). Все это позволяетъ намъ съ увѣренностью заключить, что отмѣченные выше выпады Бѣлинскаго отно-

сятся именно къ Герцену, въ которомъ Бѣлинскому былъ тогда одновременно ненавистенъ и политическій либерализмъ и философскій пессимизмъ: и то и другое было рѣзкимъ отрицаніемъ „разумной дѣйствительности“.

Обращаемся къ главному вопросу настоящей статьи—къ вопросу объ искусствѣ, который былъ главнымъ вопросомъ также и статей Бѣлинскаго 1834—1836 годовъ. Въ нашихъ замѣткахъ къ этимъ статьямъ мы указывали, что мысль о самоцѣли искусства, о безцѣльности творчества, о всеобъемлемости эстетическаго чувства, заключающаго въ себѣ и истину и добро—была центральной мыслью статей Бѣлинскаго въ „Телескопѣ“¹⁾. Теперь, въ періодъ гегеліанства, Бѣлинскій повторяетъ, обосновываетъ и развиваетъ свое бывшее пониманіе искусства; настоящая статья является съ этой стороны наиболѣе подробнымъ и наиболѣе яркимъ исповѣданіемъ вѣры „неистоваго Виссаріона“. Рѣзко возстаетъ онъ противъ двухъ ненавистныхъ ему взглядовъ—противъ „нравственной точки зрѣнія на искусство“ и противъ мысли, что „искусство должно служить обществу“. Нравственная точка зрѣнія на искусство, по мнѣнію Бѣлинскаго, ложна потому, что красота, истина и добро—только разныя стороны одной и той же сущности: „отдѣлить вопросъ о нравственности отъ вопроса объ искусствѣ такъ же невозможно, какъ разложить огонь на свѣтъ, теплоту и силу горѣнія...“ И Бѣлинскій окончательно формулируетъ свои давнія мысли въ слѣдующихъ словахъ: „что художественно, то уже и нравственно; что не художественно, то уже можетъ быть не безнравственно, но не можетъ быть нравственно. Вслѣдствіе этого, вопросъ о нравственности поэтическаго произведенія долженъ быть вопросомъ вторымъ и вытекать изъ отвѣта на вопросъ—дѣйствительно ли оно художественно“.

Все это—старыя мысли Бѣлинскаго; но теперь онѣ строятся имъ на основѣ гегеліанства и получаютъ твердую точку опоры въ понятіи объективизма художественнаго творчества. Мы видѣли выше, что для Бѣлинскаго этой эпохи все „необходимое“—разумно, все случайное—безсмысленно; въ то же время все объективное—необходимо, все субъективное—случайно; слѣдовательно все объективное—разумно, все субъективное—безсмысленно. Этотъ силлогизмъ является ключемъ къ пониманію эстетическихъ воззрѣній Бѣлинскаго этой эпохи. Художественное произведеніе должно быть „объектив-

нымъ“, даже субъективное должно быть изображено объективно; „вопли самого поэта... не могутъ быть художественны, ибо кто вопить отъ страданія, тотъ не выше своего страданія—слѣдовательно и не можетъ видѣть его разумной необходимости, но видитъ въ немъ случайность, а всякая случайность оскорбляетъ духъ и приводитъ его въ раздоръ съ самимъ собою, слѣдовательно и не можетъ быть предметомъ искусства“ (намекъ на трагедіи Шиллера). Вотъ та философская основа, на которой Бѣлинскій строилъ теперь свое пониманіе искусства; отсюда вытекаетъ еще одинъ принципъ, который примыкаетъ къ старымъ, подводитъ подъ нихъ фундаментъ: „какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ нѣтъ прекрасныхъ формъ безъ прекраснаго содержанія“—говоритъ Бѣлинскій въ заключительныхъ строкахъ настоящей статьи. Прекрасная форма—это красота, прекрасное содержаніе—это добро и истина; тріединство ихъ, проповѣдывавшееся Бѣлинскимъ еще съ 1834 года, получаетъ теперь въ гегеліанствѣ новую точку опоры. Въ одномъ изъ писемъ именно этой эпохи къ Станкевичу (сентябрь—октябрь 1839 г.) Бѣлинскій самъ рассказываетъ о своемъ восторгѣ, когда ему „открылись“ всѣ эти истины: „Бакунинъ первый тогда же (1838 г.) провозгласилъ, что истина только въ объективности, и что въ поэзіи субъективность есть отрицаніе поэзіи; что безконечнаго должно искать въ каждой точкѣ, что въ искусствѣ оно открывается черезъ форму, а гдѣ наоборотъ—тамъ нѣтъ искусства. Я осwirѣпѣлъ, опьянѣлъ отъ этихъ идей...“ Статья о „Менцелѣ“ и является пламеннымъ манифестомъ новаго ученія, подводящаго твердыя основанія подъ старыя эстетическія воззрѣнія эпохи шеллингианства.

Эту статью считаютъ обыкновенно крайнимъ проявленіемъ проповѣди „искусства для искусства“; а такъ какъ теорія эта съ тѣхъ поръ и почти до конца XIX в. считалась теоріей „реакціонной“, несомѣстной съ общественными теченіями, то и настоящая статья Бѣлинскаго была отвергнута дальнѣйшимъ развитіемъ общественной мысли—а прежде всего была отвергнута самимъ Бѣлинскимъ, послѣ его душевнаго перелома 1840—1841 гг. Мы будемъ слѣдить за развитіемъ эстетическихъ воззрѣній Бѣлинскаго и увидимъ тогда, что въ настоящей статьѣ, быть можетъ, больше истины, чѣмъ въ позднѣйшихъ взглядахъ Бѣлинскаго на искусство. Правда, это истина односторонняя: она впадаетъ въ эстетизмъ и пытается измѣрять жизнь искусствомъ; недаромъ годъ спустя послѣ статьи о „Менцелѣ“ Бѣлинскій съ негодованіемъ вспоминалъ: „искусство задушило, было, меня“ (письмо къ Боткину,

¹⁾ Вторая главная мысль этого періода дѣятельности Бѣлинскаго—мысль о „безсознательной народности“ поэта—вновь была затронута Бѣлинскимъ въ статьяхъ сороковыхъ годовъ; см., напр., статью № 30.

16 января 1841 г.). Но не менѣе ложна и та точка зрѣнія, при которой общественность душистъ искусство во имя той или иной морализирующей тенденціи. Вотъ почему никогда не потеряетъ значенія горячая борьба Бѣлинскаго въ настоящей статьѣ противъ морализма вообще и противъ морализма въ искусствѣ въ особенности (различеніе „нравственности“ и „морали“ проведено Бѣлинскимъ строго по гегеліански). Вотъ почему Бѣлинскій также совершенно правъ, когда отказывается подчинить и искусство общественности и общественность искусству. „Одинъ завопитъ: общество! все погибай, что не служитъ къ пользѣ общества! — а другой зарычитъ: искусство! все погибай, что не живетъ въ искусствѣ“, — такъ противопоставляетъ Бѣлинскій двѣ крайнія точки зрѣнія и тутъ же высказываетъ свою точку зрѣнія: „да живетъ общество и да процвѣтаетъ искусство!“

Это замѣчательное мѣсто почему-то совершенно замалчивается большинствомъ историковъ литературы, заводящихъ рѣчь о „Менцелѣ“. Именно поэтому необходимо особенно подчеркнуть, что Бѣлинскій *совершенно правъ*, когда говоритъ, что „искусство не должно служить обществу иначе, какъ служа самому себѣ“; но онъ ошибочно пытается въ то же время ограничить поле дѣятельности самого художника. Скоро онъ понялъ, что идеаль художника — быть всечеловѣкомъ, откликаться, подобно эхо, на всѣ голоса жизни; и когда онъ понялъ это, то снова оцѣнилъ величіе Шиллера, принялъ Жоржъ Зандъ и призналъ вліяніе общественности на искусство. Мы еще увидимъ, что на этомъ пути онъ скоро впалъ въ крайность, противоположную прежнему эстетизму; но это не мѣшаетъ намъ признать правильнымъ тотъ взглядъ на искусство и художника, который былъ впервые ясно высказанъ еще Пушкинымъ: *цѣль искусства — въ искусствѣ, но цѣль художника — въ самой жизни*. Въ своемъ „Менцелѣ“ Бѣлинскій ярко освѣтилъ первую половину этой формулы; нѣсколько позднѣе онъ пришелъ ко второй ея половинѣ, между тѣмъ какъ лишь соединеніе ихъ въ одно цѣлое даетъ возможность широкаго воззрѣнія на жизнь и на искусство. Когда Бѣлинскій былъ въ первой крайности — онъ воевалъ съ Менцелемъ и восхищался политическимъ индифферентизмомъ Гёте, какъ знакомъ „объективности“; перейдя во вторую крайность, онъ рѣзко провозгласилъ (въ письмѣ къ Н. Бакунину, въ началѣ 1841 г.), что „Гёте великъ, какъ художникъ, но отвратителенъ, какъ личность“, — вполне примыкая къ столь поносимому имъ раньше Менцелю... „Богъ съ нимъ, съ этимъ Гёте, — писалъ Бѣлинскій тому же Бакунину два года спустя: —

онъ великій челоѣкъ, я благоговѣю передъ его гениемъ, но тѣмъ не менѣе я терять его не могу“... И даже въ концѣ 1840 года Бѣлинскій уже писалъ Боткину (30 дек. 1840 г.): „къ Гёте начинаю чувствовать родъ ненависти, и, ей-Богу, у меня рука не подымется противъ Менцеля, хотя сей мужъ и попрежнему остается въ глазахъ моихъ идиотомъ... Боже мой, какіе прыжки, какіе зигзаги въ развитіи! Страшно думать!“ Мы еще увидимъ, что впоследствии Бѣлинскій пытался синтезировать объективизмъ и субъективизмъ въ искусствѣ; въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“ (см. т. III) Бѣлинскій попытался сформулировать свой окончательный взглядъ на искусство, одинаково далекій отъ этихъ двухъ крайностей.

„Художественная точка зрѣнія довела бы меня до послѣдней крайности, до нелѣпости“, — писалъ Бѣлинскій въ только-что цитированномъ письмѣ, черезъ годъ послѣ появленія въ печати „гадкой статьи о Менцелѣ“, какъ онъ сталъ ее называть (см. письмо къ Боткину отъ 11 декабря 1840 г.). Тогда же Бѣлинскій увидѣлъ и ошибочность своего основного эстетическаго принципа этого періода: нѣтъ прекрасныхъ формъ безъ прекраснаго содержанія и наоборотъ: „глупъ я былъ съ моею художественностію, изъ-за которой не понималъ, что такое содержаніе“, — пишетъ онъ Боткину еще годомъ позднѣе (17 марта 1842 г.). А когда Бѣлинскій увидѣлъ и понялъ это, то рѣзко переимѣнилъ свои бывшѣе взгляды на искусство и началъ строить новую теорію на новой почвѣ. Не надо только забывать, что въ основѣ всего этого переворота лежитъ эволюція философскихъ воззрѣній Бѣлинскаго и что эстетическія теоріи являются только производными и вторичными выводами этихъ воззрѣній.

Но этотъ переворотъ начался годомъ позднѣе; теперь же Бѣлинскій былъ очень доволенъ этой своей статьёй о „Менцелѣ“, былъ „очень радъ“, что она понравилась Боткину, и писалъ послѣднему (18 февраля 1840 г.), что „въ ней есть цѣлость, и если бы осель Фрейгангъ (цензоръ) не надѣлалъ въ ней выпусковъ и не лишилъ ее смысла на стр. 53—54, — замѣть это, — она была бы очень и очень недурна“. Указанныя страницы журнала соотвѣтствуютъ стр. 573-ей настоящаго изданія; въ другомъ письмѣ, отъ 3 февраля, Бѣлинскій жаловался Боткину, что въ этомъ мѣстѣ „недостаетъ почти страницы, и смыслъ выпущенъ весь“, и что вообще „статья о Менцелѣ искажена цензурой“. Въ слѣдующихъ статьяхъ 1840 года продолжается развитіе тѣхъ же мыслей, которыя были высказаны Бѣлинскимъ въ этихъ первыхъ „дебютныхъ“ его статьяхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. И.-Р.

Главный недостатокъ критики Менцеля, какъ мнѣ кажется, состоитъ въ подчиненіи поэзіи и вообще словесности политикѣ, или даже понятіямъ и духу политической партіи. Менцель депутатъ оппозиціонной стороны. Этимъ объясняются его строгіе приговоры Іоанну Мюллеру, Гегелю, Гёте и др.; отъ этого же происходитъ оппозиціонный духъ его книги, и пр.

В. К., переводчикъ книги Менцеля.

Менцель есть собственное имя одного человѣка, сдѣлавшееся нарицательнымъ, какъ-то, на примѣръ, имена Ира, Оерсиса, Креза, Зоила и т. п. Это обстоятельство придаетъ большую и важную значительность Менцелю, какъ представителю цѣлаго разряда людей, которые были и до него, есть еще и теперь, и, къ сожалѣнію, будутъ всегда. Такъ, на примѣръ, какое-нибудь пошлое, ничтожное, пустое лицо дѣлается многозначительнымъ и реальнымъ въ художественномъ произведеніи, какъ выражающее собою цѣлую сторону дѣйствительной жизни, представляющее своею индивидуальностью цѣлый разрядъ, цѣлую толпу индивидуумовъ одной и той же идеи. Это подало намъ поводъ поговорить о Менцелѣ, какъ о представителѣ критиковъ извѣстнаго рода, не обращая вниманія на частности и подробности, относящіяся къ его лицу, или исключительно къ нѣмецкой литературѣ. Года съ полтора назадъ тому, сочиненіе Менцеля о нѣмецкой литературѣ явилось въ прекрасномъ русскомъ переводѣ, съ выпускомъ всего, собственно неотносящагося къ литературѣ. Такъ какъ, говоря о Менцелѣ, мы хотимъ говорить о критикѣ, имѣя въ виду собственно русскую публику, то и возьмемъ этотъ переводъ за фактъ, за данную для сужденія, чтобы каждый изъ нашихъ читателей самъ могъ быть судьей въ этомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, предлагаемая статья отнюдь не есть разборъ книги Менцеля, но скорѣе разсужденіе или трактатъ объ отношеніяхъ критики вообще къ искусству, по поводу извѣстнаго рода критическаго направленія, котораго представитель Менцель.

Слава—вещь обольстительная, и къ ней одинъ путь. Но многіе смѣшиваютъ славу съ извѣстностью, и съ этой точки зрѣнія пути къ ней умножаются до безконечности. По настоящему, слава есть видовое понятіе извѣстности, а извѣстность относится къ славі, какъ родъ къ виду. Гомеръ извѣстенъ человечеству своимъ творческимъ гениемъ, Зоиль—ограниченностью и низостью своего духа въ дѣлѣ творчества, Крезъ—богатствомъ, Иръ—бѣдностью. Парисъ—красотою, Елизисъ—безобразіемъ. Можно сдѣлаться из-

вѣстнымъ всему свѣту умомъ и глупостью, благородствомъ и подлостью, храбростью и трусостью. Чтобы обезсмертить себя въ потомствѣ, великій художникъ, на диво міру, создалъ въ Эфесѣ великолѣпный храмъ „златолунной“ Артемидѣ; чтобы обезсмертить себя въ потомствѣ, Геростратъ сжегъ его. И оба достигли своей цѣли: имена обоихъ безсмертны, но съ тою только разницею, что одно и извѣстно и славно, а другое только извѣстно. Слава есть патентъ на величіе, выдаваемый цѣлымъ человечествомъ одному человѣку, великимъ подвигомъ доказавшему свое величіе; извѣстность есть внесеніе имени въ полицейскій реестръ, въ которомъ записываются всеневныя событія, выходящія изъ порядка обыкновенности и ежедневности. Слава всегда есть награда и счастье; извѣстность часто бываетъ наказаніемъ и бѣдствіемъ.

Къ числу извѣстныхъ людей, претендующихъ на славу, принадлежитъ Нѣмецъ Менцель. Имя его извѣстно въ Германіи, Англіи, Франціи, Россіи, и еще недавно почитался онъ главою партіи, однимъ изъ представителей Германіи, имѣлъ послѣдователей, хвалителей, даже враговъ, безъ которыхъ слава—не слава, и извѣстность—не извѣстность. Конечно, теперь этотъ славный господинъ Менцель не больше, какъ жалкій представитель устарѣвшихъ мнѣній, который на ихъ развалинахъ, съ ожесточенною дерзостію, отстаиваетъ свое эфемерное и мишурное величіе, символъ эстетическаго безвкусія, человѣкъ, имя котораго—литературное прицаніе, какъ имя какого-нибудь Зоила, но тѣмъ не менѣе у него все-таки была своя апогея славы. Какимъ же образомъ пріобрѣлъ онъ эту славу? Видите ли: онъ издавалъ журналъ, а журналъ есть вѣрное средство прославиться для человѣка дерзкаго, безстыднаго и ловкаго. Представься только ему случай захватить въ свои руки журналъ,—и слава его сдѣлана. Путей и средствъ много, и они разнообразны до безконечности; но главное тутъ—хорошо начертанный планъ и неукоснительная вѣрность ему во всѣхъ дѣйствіяхъ, до малѣйшихъ подробностей. Основною же непременно должна быть посредственность, которая всѣмъ по плечу, всѣмъ нравится, всѣмъ льститъ, и слѣдовательно, овладѣваетъ массами и толпами, возбуждая негодованіе только въ нѣкоторыхъ—не званыхъ, а избранныхъ. Но какъ этихъ „избранныхъ“ можетъ удовлетворить только сила, основывающаяся на талантѣ, гении, умѣ, знаніи, и какъ число этихъ „избранныхъ“ такъ ограничено, что не можетъ принести обильную жатву подписки,—то о нихъ нечего и думать; толпа любитъ посредственность, и посредственность должна

угождать толпѣ. Для этого *ловкій* журналистъ долженъ исключительно выбирать только посредственность. Этого народа много, да онъ и стоворчивъ. Мнѣнія журнала, который имъ хорошо платить и еще лучше ихъ хвалить — всегда будутъ ихъ кровными и душевными мнѣніями — до первой ссоры, которая всегда бываетъ при первой кости. Смотрите же, не жалѣйте похвалъ: надо, чтобы въ вашемъ журналѣ все участвовали гении да великіе таланты — иначе вашего журнала не будутъ ни уважать, ни покупать. Въ выборѣ не затрудняйтесь: чѣмъ безталаннѣе, тѣмъ лучше для васъ — лишь бы не былъ чуждъ нѣкотораго внѣшняго смысла, лоска, блеска, которые толпа всегда принимаетъ за гениальность, потому что ей они по плечу, и она ихъ понимаетъ, — а что для нея понятно, то и велико. Вотъ идетъ къ вамъ „поэтъ“, который можетъ вдохновляться на подрядъ и къ каждому номеру журнала, съ точностью и аккуратностью, поставить какое вамъ угодно число элегій, одъ и даже мистерій; хватайтесь за него обѣими руками: это для васъ кладъ, и скорѣе кричите, что этотъ „юный гений“, произведеніями котораго „постоянно“ украшается нашъ журналъ, счастливо избралъ себѣ дорогу близехонько, о бокъ дорогѣ, напимѣрь, какого-нибудь Гёте и совершенно можетъ замѣнить для *вашихъ читателей* великаго германскаго поэта, котораго *ваши* читатели бранятъ за „непонятливость“¹⁾. Ежели въ твореніяхъ *вашего* Гёте часто будетъ недоставать даже и внѣшняго смысла — не бѣда: поправляйте сами, обглаживайте и сглаживайте; это ремесло нетрудное. Является молодой талантѣ, или юное дарованіе съ драмою, или другимъ чѣмъ, и обращаетъ на себя нѣкоторое вниманіе публики: захваливайте его въ пухъ, не жалѣйте чернилъ и гиперболю, кричите: „я упалъ на колѣни передъ NN, воскликнулъ: великій Гёте! великій NN!“ Если этотъ NN вздумаетъ послѣ вздернуть носъ, забывши, что онъ сталъ великимъ черезъ васъ — и это не бѣда: напишите притчу, апологъ объ отогрѣтой за пазухою змѣѣ, о „человѣкѣ съ умомъ на двѣ страницы“, который, для потѣхи, кинулъ въ форточку окна славу первому прохожему...²⁾ Будьте увѣрены, что г. NN снова будетъ въ вашихъ ежовыхъ рукавицахъ и самъ придетъ съ поклономъ, тогда скажите, что вы пошутили, или что вы говорили совсѣмъ не о немъ,

¹⁾ Бѣлинскій имѣетъ въ виду Тимофеева, присяжнаго поэта „Библиотеки для Чтенія“, произведеннаго ею въ „русскаго Гёте“; вообще весь настоящій абзацъ направленъ противъ „Библиотеки для Чтенія“ и ея главнаго руководителя, Сенковского (см. наши замѣтки къ статьямъ №№ 6 и 12).

²⁾ См. выше наше примѣчаніе на стр. 173—174.

а о другомъ. Толпа разсѣбается, найдетъ васъ не пошлымъ, а только забавнымъ; а кто ее забавляетъ, тому она не скупится платить. Что касается до повѣстей, не забывайте одного: заказывайте „забавныя“, такія, которыя не всѣми читаются явно, о которыхъ не при всѣхъ говорится вслухъ, да велите доставлять себѣ ихъ рукописи съ большими полями и пробѣлами между строкъ, чтобы вамъ было гдѣ подбавлять своего „юмора“ и своихъ „забавныхъ“ картинъ; благословясь, черкайте, крестите, вписывайте свое, а главное — не робѣйте ни отъ какой плоскости, ни отъ какой неприличности, помня, что у Поль-де-Кока несравненно больше читателей, чѣмъ у Вальтера Скотта. Кстати, чтобы авторитетъ Вальтера Скотта не помѣшалъ успѣху вашихъ „забавныхъ“ повѣстей, объявите, что историческіе романы великаго Британца дурны и пошлы, потому что они — незаконный плодъ отъ соединенія исторіи съ вымысломъ, или выразитесь какъ-нибудь этакъ, позатѣйливѣе и „позабавнѣе“. Если кто-нибудь изъ вашихъ абонированныхъ пувелистовъ будетъ такъ смѣлъ и дерзокъ, что осмѣлится издать всѣ свои повѣсти, помѣщавшіяся въ вашемъ журналѣ, въ ихъ первобытномъ видѣ, безъ вашихъ поправокъ и передѣлокъ, и черезъ то лишитъ ихъ многого „забавнаго“, разругайте ихъ безпощадно; а для тѣхъ, которые помнятъ, что читали ихъ въ вашемъ журналѣ, скажите, что въ немъ онѣ были „отлично хороши“, хотя написаны и дурно, и что это оттого, что у васъ есть волшебная машина, въ которую вы положите дурную повѣсть, а повернувъ ключикомъ, вынимаете оттуда хорошую, т. е. „забавную“. Толпа расхохочется, ибо найдетъ это объясненіе „забавнымъ“, а слѣдовательно и вполне удовлетворительнымъ для себя. Въ вашемъ журналѣ непременно должна быть и критика, потому что критику любятъ и требуютъ отъ журнала. Истинная критика требуетъ *мысли*, а толпа любитъ „забавляться“, а не мыслить, и потому, вмѣсто „истинной“ критики, создайте „забавную“ критику. Для этого объявите, что изящное есть понятіе совершенно условное и относительное, а отнюдь не абсолютное (ужасное слово для *толпы!*), что оно зависитъ отъ условій климата, страны, народа, cadaго человѣка, его пищеваренія, здоровья и подобныхъ „непредвидѣнныхъ“ обстоятельствъ. Скажите, что въ искусствѣ хорошо то, что *вамъ* нравится, и худо то, что *вамъ* не доставляетъ удовольствія. Вамъ замѣтятъ: какое же вы имѣете право называть превосходнымъ произведеніемъ то, что, по условію личности cadaго, многимъ покажется совсѣмъ не превосходнымъ, а для иныхъ и совершенно дурнымъ? Отвѣчайте: я правъ и они правы, у всякаго-

барона своя фантазія. Такая критика очень легка и нравится толпѣ, которая вообще любить все, что вровень съ нею и не оскорбляетъ ея маленькаго самолюбія своею „непонятливостію“. Побольше фразъ отъ себя, и еще больше выписокъ изъ будто бы критикуемаго вами сочиненія, и у васъ въ одинъ вечеръ готово десять „забавныхъ“ критикъ, которыя понравятся тысячамъ и оскорбятъ десятки, тогда какъ иногда мало десяти вечеровъ, чтобы написать „истинную“ критику, которая удовлетворитъ десятки и оскорбитъ тысячи. Тонъ „забавной“ критики непременно долженъ быть рѣзкій, наглый, нахальный: иначе толпа не будетъ вамъ вѣрить. Когда разбираете книгу автора чужого прихода, или человѣка, котораго вы не любите, боитесь или другое что, дѣлайте изъ его книги выписки такихъ мѣстъ, какихъ въ его книгѣ нѣтъ, приписывайте ему такія мнѣнія, которыхъ онъ и не думалъ имѣть, словомъ, клеветайте, но только смѣлѣе и рѣшительнѣе: толпа того и слушаетъ, тому и вѣритъ, у кого горло широко и замашки наглѣе. Не забывайте при этомъ чаще говорить о своей добросовѣстности, благонамѣренности, объ уваженіи къ собственной личности, недопускаящемъ васъ до неприличныхъ браней и полемики, о своихъ талантахъ и другихъ похвальныхъ качествахъ вашего ума и сердца; о своихъ соперникахъ кричите, что они и глупы, и безталанны, и недобросовѣстны, а главное, что они завидуютъ вамъ, какъ всѣ посредственные люди завидуютъ генію. Возьмите девизомъ своимъ „смѣлость города беретъ“—и будьте увѣрены, что всѣ карманы сдадутся вашей смѣлости.

Есть еще другой способъ къ пріобрѣтенію журнальной славы, котораго частью можно держаться и при первомъ, но который иногда и одинъ доводитъ до цѣли: это нападать на утвержденныя понятія, на утвержденныя авторитеты и славы. Толпу иногда можно запугать, чтобы заставить удивляться себѣ. Скажите толпѣ дикую рѣзкость и, не дожидаясь ея отвѣта и не давая ей прійти въ себя отъ первой рѣзкой нелѣпости, говорите другую, третью, и говорите съ увѣренностію въ непреложности своихъ мыслей, смотрите на толпу прямо, во всѣ глаза, не мигая и не моргая. Напримѣръ, слава Пушкина въ своей апогеѣ и все передъ нимъ на колѣняхъ: начните „ругать“ его въ буквальномъ значеніи этого слова, и говорите, что его произведенія мелки и ничтожны, хотя и не лишены блесковъ таланта, внѣшней отдѣлки и т. п. Вы думаете, это трудно сдѣлать? Ничего не бывало, только больше смѣлости. Разверните, напримѣръ, хоть „Полтаву“, выпишите слова измѣнника Мазепы о Петрѣ Великомъ и воскликните: „каковъ

портретъ Петра!“, какъ будто его такимъ изобразилъ самъ поэтъ, отъ своего лица: слова Мазепы же о Карлѣ XII тоже выдайте за портретъ, начерченный самимъ поэтомъ, и рѣшите, что всѣ характеры въ поэмѣ лишены всякаго величія. Толпа не будетъ справляться и повѣритъ вамъ на-слово. Выкупите себѣ какой-нибудь странный, полуславянскій дикій языкъ, который бросался бы въ глаза своею калейдоскопическою пестротою и казался бы вполне оригинальнымъ и глубоко таинственнымъ: она, пожалуй, сдѣлаетъ видъ, что и понимаетъ его, стыдятся сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Вотъ вы уже и поколебали авторитетъ Пушкина; идите дальше и утверждайте, что Байронъ и Гёте не истинные художники, ибо-де они на алтарь чистыхъ дѣвъ (т.-е. *музъ*, которыхъ Тредьяковскій называлъ *мусами*) неомовенными руками возлагали *возрѣбія нечистыя и уметы поганые*, которые доставали они изъ возкрай лужи, и т. п. Но вотъ проходитъ время, а съ нимъ и ложь: образъ Пушкина является въ новомъ и еще лучезарнѣйшемъ свѣтѣ; Байрона и Гёте уже никто не ругаетъ,—а вамъ что? вы свое сдѣлали, карманъ вашъ обезпеченъ, а притомъ вы исподтишка искусно можете запѣть новую пѣсню,—старая забыта, и вы уже на кредитъ пользуетесь славою „отлично-умнаго человѣка“... ¹⁾

А вотъ чудесное средство противъ враговъ: оно въ большемъ употребленіи въ Парижѣ, этомъ городѣ партій и подкоповъ всякаго рода. Мы говоримъ о публичныхъ лекціяхъ. Это одно изъ надежныхъ средствъ уронить репутацію даже журнала, не только писателя. О чемъ больше всего и вездѣ читаются публичныя лекціи?—Разумѣется, о словесности и языкѣ, потому что ни объ одномъ предметѣ нельзя такъ много говорить *общимъ мнѣніемъ* и учить другихъ, не учась ничему и ничего не зная. Извѣстно, что Парижане большіе охотники до всего публичнаго и любятъ позѣвать на всякое зрѣлище; вотъ они отъ нечего дѣлать и идутъ посмотрѣть фокусовъ-покусовъ какого-нибудь говоруна, на кредитъ пользующагося извѣстностію „отлично-умнаго человѣка“. Зала публичнаго чтенія не университетская аудиторія: въ ней собираются не *слушать*,

¹⁾ По указанію самого же Бѣлинскаго весь этотъ абзацъ относится къ Надеждину (см. слѣдующее примѣчаніе). Надеждинъ, во время своего сотрудничества въ „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго, придерживался славянизмовъ, стиля и орѳографіи послѣдняго. Въ „Вѣстн. Евр.“ 1830 года (№ 1) Надеждинъ помѣстилъ переводъ отрывка изъ своей латинской диссертации о романтической поэзии: тамъ, выражая свое „омерзѣніе“ къ „лже-романтическимъ изгребіямъ“, Надеждинъ восклицалъ: „доколѣ на алтарь *чистыхъ дѣвъ* будутъ возвергаться скверные уметы руками неомовенными?“

а слышать, чтобъ потомъ не *подумать*, а *поболтать* въ обществѣ. Посему, ловкій „лекторъ“ избѣгаетъ всего, въ чемъ есть мысль, и хлопочетъ только о словахъ. Вотъ онъ беретъ книгу непріязненнаго ему писателя, выбираетъ изъ нея нѣсколько фразъ, которыхъ не понимаетъ, потому что эти фразы состоятъ не изъ общихъ мѣстъ, составляющихъ насущный хлѣбъ цѣлой его жизни, а выражаютъ собою мысль, требующую для своего пониманія ума и чувства. Сверхъ того, въ фразахъ могутъ встрѣтиться слова, которыхъ не слышалъ лекторъ, учившійся какъ-нибудь и чему-нибудь на желѣзные гроши—и вотъ онъ читаетъ эти фразы, какъ образецъ галиматѣи и искаженія языка. Толпа вездѣ весела, въ Парижѣ особенно,—и вотъ она смѣется и рукоплещетъ своему лектору. Но горе книгѣ, если въ вырванныхъ изъ нея фразахъ заключается не только мысль, но еще и новая мысль, выраженная новымъ словомъ или новымъ терминомъ!... Какое ей дѣло до того, что въ языкѣ и образѣ выраженія осмѣянной болтуномъ книги можетъ быть уже занимается заря новой эпохи литературы, новыхъ понятій объ искусствѣ, новаго взгляда на жизнь и науку? Какое дѣло до того, что тотъ, чью литературную репутацію силится запятнать лекторъ, приносилъ людямъ плодъ горячаго восторга, безкорыстной любви къ истинѣ—то, что перечувствовалъ и перемыслилъ онъ, чѣмъ живетъ его душа, чѣмъ бьется его сердце?... Болтунъ прочелъ двѣ-три фразы изъ его статьи, прочелъ, разумѣется, съ искаженіемъ смысла, съ фарсами и гримасами, и въ заключеніе прибавилъ: „право, божусь вамъ, это галиматѣя!“—и толпа рада вѣрить ему: она было заснула отъ одной необходимости *слушать*, и ее вдругъ будятъ такимъ милымъ и забавнымъ фарсомъ: какъ же ей не смѣяться!... Да, ей надо смѣяться уже изъ одной благодарности, что ее выводятъ изъ тяжелаго и страннаго положенія дѣлать серьезную мину... Въ Парижѣ всѣ говорятъ *bons-mots*, даже записные глупцы; черезъ *bons-mots* тамъ приобрѣтаютъ славу, черезъ *bons-mots* и теряютъ ее. Нерѣдко честь и доброе имя зависятъ тамъ отъ *bon-mot* какого-нибудь записного бонмотиста... Таковъ ужъ городъ Парижъ!... ¹⁾

Менцель перепробовалъ всѣ эти способы добывать журналомъ и „лекціями“ славу

себѣ и дѣлать вредъ своимъ врагамъ. Онъ сочинялъ выписки изъ разбираемыхъ книгъ, приписывалъ своимъ противникамъ мнѣнія, которыхъ они и не думали имѣть, раздавалъ вѣнцы славы и безсмертія людямъ бездарнымъ, гаерствовалъ и клеветалъ на гевія, талантъ и всякаго рода заслугу, всякаго рода силу и всякаго рода достоинство. Но главная причина его позорной извѣстности—дерзкіе и наглые нападки на Гёте. Онъ прицѣпилъ свое маленькое имечко къ великому имени поэта, какъ въ баснѣ Крылова паукъ прицѣпился къ хвосту орла—и мощный орелъ вознесъ его на вершину опоясаннаго облаками Кавказа... Но съ нимъ кончилось, какъ съ паукомъ: пахнулъ вѣтеръ—и бѣдный паукъ опять очутился на низменной долинь, а орелъ, взмахнувъ широкими крылами, съ горныхъ громадъ гордо и отважно ринулся въ знакомыя ему безбрежныя пространства эмира... Менцель теперь явился въ Россіи въ прекрасномъ переводѣ, за который русская литература должна быть весьма благодарна переводчику. Въ самомъ дѣлѣ, пора намъ взглянуть прямо въ лицо этому пресловутому мужу, котораго имя еще обаятельно дѣйствуетъ у насъ на нѣкоторыхъ, и къ которому еще недавно кто-то простеръ братскія объятія за то, что онъ нападаетъ на Гегеля, Гёте и Мюллера... ¹⁾ Les beaux esprits se rencontrent! Всѣ другіе русскіе журналы холодно и грубо приняли незваннаго гостя, хотя и сами себѣ не могли отдать отчета въ своей враждебности къ нему. Пора перестать основываться на безотчетномъ чувствѣ, пора мыслить сознательно.

Разумѣется, что въ Менцелѣ нельзя отрицать и нѣкоторой заслуги, которая состояла въ преслѣдованіи пошлой нѣмецкой сентиментальности и другихъ дурныхъ сторонъ нѣмецкой литературы, которыя онъ преслѣдовалъ рѣзко и дерзко. Но побить нѣсколько дрянныхъ романовъ и хотя множество глупыхъ книжонокъ, еще не великое дѣло,—и если бы подобные хорошіе рецензенты плохихъ книгъ могли претендовать на гениальность, то Европа не обобралась бы гевіями, какъ грибами послѣ дождя. Чтобы хорошо писать о дурныхъ книгахъ, нужна начитанность, нѣкоторая литературная образованность, нѣсколько вкуса и изощренной навывкомъ способности владѣть языкомъ; но чтобы хорошо

¹⁾ Разумѣется, Парижъ тутъ ни при чемъ: все это относится къ Гречу и къ его публичнымъ лекціямъ „О русскомъ языкѣ“, читавшимся какъ-разъ тогда, когда заканчивалась и набиралась настоящая статья Вѣлинскаго; о насмѣшкахъ Греча надъ одной изъ статей Вѣлинскаго—см. нашу замѣтку къ статьѣ № 15. Въ письмѣ къ К. Аксакову отъ 10 янв. 1840 г. Вѣлинскій писалъ про свою статью о Менцелѣ: „въ

началѣ ея—NB: первая оплеуха—Сенковскому, вторая—Надеждину, а третья—Гречу, который на своихъ публичныхъ чтеніяхъ тѣшилъ публику фразами изъ моей статьи, какъ образчиками галиматѣи“.

¹⁾ Этотъ „кто-то“—Полевой, о которомъ Вѣлинскій въ своей послѣдней статьѣ „Московского Наблюдателя“—„Русскіе журналы“—писалъ: „редакторъ „Сына Отечества“ виднѣ въ Менцелѣ великаго критика“...

писать о книгахъ умныхъ и сочиненіяхъ ученыхъ, нужно имѣть глубокую натуру, развитую ученіемъ и мыслию, и даръ слова отъ природы. Но натура Менцеля очень мелка, умъ ограниченъ, а учился онъ на мѣдныхъ деньги, почерпнувъ свои свѣдѣнія изъ журналовъ, а между тѣмъ пустился судить и рядить о предметахъ, выходящихъ изъ ограниченаго круга доступныхъ ему идей, — именно объ искусствѣ и наукѣ, о Гёте и Гегелѣ. Въ маленькихъ дѣлахъ онъ былъ великъ, а на великія его не стало. Нашлись люди, которые указали ему его мѣсто; онъ разсердился на нихъ и сталъ вымещать на Гёте и Гегелѣ. Къ оскорбленному и раздраженному самолюбію присоединились нѣкоторые одностороннія убѣжденія, которымъ ограниченные люди всегда предаются фанатически, не столько по любви къ истинѣ, сколько по любви и высокому уваженію къ самимъ себѣ. Это явленіе общее — и вотъ съ какой точки зрѣнія имя Менцеля есть имя нарицательное, понятіе родовое. Взглянемъ на эти одностороннія убѣжденія ограниченаго человѣка.

Есть особый родъ сердобольныхъ людей, которые болѣе занимаются другими, нежели самими собою, а потому всегда несчастны, всегда обременены хлопотами и заботами. Имъ кажется, что и въ мірѣ все идетъ худо, что и отечество ихъ вотъ сейчасъ готово погибнуть жертвою превратнаго хода дѣлъ, а вслѣдствіе такого взгляда на вещи имъ кажется, что они призваны и міръ исправить, и отечество спасти, — для чего тому и другому нужно только повѣрить ихъ мудрости и неуклонно выполнять ихъ совѣты. Для этихъ маленькихъ-великихъ людей государство не есть живой организмъ, котораго части находятся въ зависимомъ другъ отъ друга взаимодѣйствіи, котораго развитіе и жизнь условливаются непреложными законами, въ его же сущности заключенными; для нихъ государство не есть живая, индивидуальная личность, сама по себѣ и сама для себя сущая, имѣющая свою свободную волю, которая выше воли частныхъ лицъ; для нихъ государство не имѣетъ ни почвы, ни климата, ни географіи, ни исторіи, ни прошедшаго, ни настоящаго; для нихъ оно не есть живое осуществленіе довременной божественной идеи, ставшей изъ возможности явленіемъ и стремящейся развиться изъ самой себя во всей своей безконечности; для нихъ не существуетъ міродержавнаго Промысла, который управляетъ судьбами царствъ и народовъ и, въ разумно-свободной необходимости, указываетъ на путь, *его же не преидеши...* Нѣтъ! для этихъ маленькихъ-великихъ людей государство есть искусственная машина, которою по

произволу можетъ вертѣть всякій маленькій-великій человѣчекъ. Они осуждаютъ Петровъ и Наполеоновъ, съ важностію указывая на ихъ ошибки и не шутя давая знать, что на мѣстѣ этихъ, впрочемъ, дѣйствительно великихъ людей они бы не сдѣлали такихъ промаховъ. Они говорятъ: Петръ сдѣлалъ тогда-то вотъ то-то, между тѣмъ какъ ему слѣдовало бы въ то время сдѣлать вотъ это; они говорятъ, что Наполеонъ палъ потому, что не стоялъ за права человѣчества, а думалъ только о своей личной власти. Жалкіе слѣпцы! Петръ сдѣлалъ именно то, для чего послалъ его, что поручилъ ему Богъ, — ему, своему посланнику и помазаннику свыше; онъ угадалъ волю духа времени, — и не свою, а волю пославшаго его выполнилъ онъ, — потому-то онъ и великій человѣкъ. Только маленькіе-великіе люди таращатся выполнить свою случайную волю: воля великихъ людей всегда совпадаетъ съ волею Божіею, которою и сильны они, которою и удаются имъ дѣла ихъ. Наполеонъ палъ потому же, почему и возсталъ: та же могучая десница низвергла, которая и вознесла его. Онъ совершилъ свою миссію — и палъ не отъ слабости, а отъ тяжести своей силы, которая уже не находила болѣе для себя дѣла. Смѣшны и жалки эти великіе-маленькіе люди!... Вообразите себѣ сумасшедшаго, котораго разстроенному воображенію представляется, что — вотъ облака упадутъ на землю и подавятъ ее, вотъ огнедышащее солнце спалитъ своими лучами все живущее на ней, вотъ зима истребитъ его своимъ губительнымъ холодомъ... Напрасно солнце *утромъ* восходитъ въ такомъ торжественномъ величіи и пробуждаетъ къ ликованію все твореніе, отъ былинки до человѣка; *въ полдень* такъ роскошно осіяваетъ нетлѣннымъ золотомъ лучей своихъ и голубой куполъ неба, и свою любимую дочь, многотарную землю; а *вечеромъ*, въ новой торжественности, какъ побѣдитель, утомленный побѣдою, сходитъ съ своей вѣчно неизмѣнной дороги и блѣдными лучами даетъ послѣдніе замирающіе поцѣлуи своей любимицѣ, и скрывается за розовымъ занавѣсомъ мерцающей зари, высылая на смѣну и блѣдноликую луну, и міриады лучезарныхъ звѣздъ... Да! напрасно, съ того незапамятнаго довременнаго мгновенія, какъ творящее „да будетъ!“ воззвало небытіе къ бытію, до нашего времени, напрасно солнце ни раза не взошло вечеромъ и не скрылось утромъ, ни раза не вышло съ запада и не закатилось на востокъ; напрасно за успокоительною смертію зимы слѣдуетъ всегда воскрешающая весна, за весною знойное лѣто, за лѣтомъ богатая дарами плодовъ осень, которой послѣдніе, запоздалые жел-

тые колосья и листья наконец покрываются серебристым и алмазным инеем зимы... Напрасно океанъ, скованный берегами, не может вырваться изъ своего бездоннаго ложа, и его громадные волны, грозящія землѣ и небу, съ воемъ и ревомъ, въ безсильной ярости, разбиваются о несокрушаемую твердыню гранитныхъ скалъ... Напрасно рѣки, какъ обычную дань, несутъ къ морю волны свои, и не текутъ вспять... Напрасно все!... Не слышна ему музыка сферъ и міровъ; глухъ онъ къ гармоническому хору, который образуетъ своимъ стройнымъ чиномъ, своими неизмѣняемыми законами, своимъ несмущаемымъ теченіемъ къ предустановленной отъ вѣка цѣли твореніе предвѣчнаго Художника!... Нѣтъ, ему слышатся только диссонансы, мерещится одинъ раздоръ: тучи грозятъ отнять свѣтъ, громъ—разбить землю, молнія—испепелить все живущее на ней, — и, бѣдный сумасбродъ, онъ хватается за топоръ, обтесываетъ свои колышки и тычинки, и хлопочетъ подпереть ими съ трескомъ разрушающееся зданіе вселенной...

Такое же зрѣлище представляютъ собою и эти маленькіе-великіе люди, о которыхъ мы говоримъ. Добровольные мученики,—имъ нѣтъ покоя, для нихъ нѣтъ радости, нѣтъ счастья: тамъ гаснетъ свѣтъ просвѣщенія, тутъ гибнетъ добродѣтель и нравственность, здѣсь подавляется цѣлый народъ;—и съ воплемъ указываютъ они на виновниковъ такого ужаснаго зла, какъ-будто бы люди, или человѣкъ, въ состояніи остановить ходъ міра, измѣнить участь народа; какъ-будто бы нѣтъ провидѣнія, и судьбы земнородныхъ предоставлены слѣпому случаю или слѣпой волѣ одного человѣка. Сумасброды! внимательно заглядывайте въ священную книгу судебъ человѣчества, въ вѣчную „книгу царствъ“ — въ исторію, по которой поверхностно скользятъ ваши взоры, отуманенные предубѣжденіями и заранѣе заготовленными произвольными понятіями вашей ограниченной личности. Умираетъ прекрасная Греція, отчизна Гомеровъ и Платоновъ, опустѣли ея дивные храмы, сброшены съ пьедесталовъ ея мраморныя статуи; храмы сокрушились и ихъ развалины заросли травою, а статуи взяла желѣзная рука варваро-побѣдителя;—но развѣ умерла для насъ она, эта прекрасная Греція? Развѣ развалины ея храмовъ и обломки ихъ колоннъ не свидѣтельствуютъ намъ о гармоніи ихъ размѣровъ, о первобытной красотѣ роскошныхъ ихъ формъ? Развѣ эти чудныя статуи, пережившія тысячелѣтія, не предстали Винкельману во всемъ очарованіи вѣчной юности и не открыли ему сокровенныхъ тайниковъ исчезнувшей жизни свѣтлыхъ чадъ Эллады,

и не повѣдали ему дивныхъ тайнъ творчества? Развѣ для насъ „Іліада“ — мертвая буква, нѣмой памятникъ навѣки умершаго и навсегда потерявшаго свой смыслъ и свое значеніе прошедшаго, а не источникъ живого блаженства, величайшаго разумнаго наслажденія изящнѣйшимъ созданіемъ общемірового искусства? Развѣ жизнь Грековъ не вошла въ нашу, какъ элементъ? развѣ не получили мы ее, какъ законное наслѣдіе?... Кто же говорить, что Греція умерла навсегда, падши отъ натиска варварства и невѣжества? — Пережитые человѣчествомъ моменты не исчезаютъ въ вѣчности, какъ звукъ, теряющійся въ пустынѣ; но навсегда дѣлаются его законнымъ владѣніемъ въ сознаніи, которое одно дѣйствительно, одно есть истинная жизнь духа, а не призракъ. Не только для возмужалаго человѣка, — и для старца, если только его старость ясна, какъ вечеръ прекраснаго весенняго дня, воспоминаніе о свѣтломъ утрѣ своего младенчества, о знойномъ полуднѣ своей юности составляетъ одно изъ отраднѣйшихъ наслажденій его старости; но человѣчество выше человѣка, моменты его жизни есть высшая, разумнѣйшая дѣйствительность, чѣмъ моменты жизни человѣка, — такъ оно ли забудетъ греческую жизнь, этотъ роскошный цвѣтъ своего младенчества, или средніе вѣка, этотъ роскошный цвѣтъ своей юности, изъ которыхъ образовался роскошный плодъ его мужества?... Омаръ сжегъ Александрійскую Библіотеку: проклятіе Омару—онъ навѣки погубилъ просвѣщеніе древняго міра! Погодите, милостивые государи, проклинать Омара! просвѣщеніе чудная вещь—будь оно океаномъ и высуши этотъ океанъ какой-нибудь Омаръ,—все останется подъ землею невидимый и сокровенный родникъ живой воды, который не замедлитъ пробиться наружу свѣтлымъ ключомъ и превратится въ океанъ. Просвѣщеніе безсмертно, ибо оно не имѣетъ внѣ себя никакой цѣли, обыкновенно называемой „пользою“, но есть само себѣ цѣль, и въ самомъ себѣ заключаетъ свою причину, какъ внутренняя жизнь сознающаго себя духа. Удовлетвореніе духа, стремящагося къ сознанію, есть внутренняя причина и цѣль просвѣщенія; а его внѣшняя польза для человѣчества есть уже его необходимый результатъ. Неужели солнце есть не самостоятельная планета, символъ Божіей славы, а фонарь для освѣщенія нашей маленькой земли, хотя оно и свѣтитъ намъ и грѣетъ?... Омаръ сжегъ Александрійскую Библіотеку, но не сжегъ Гомера и Платона, Эсхила и Демосфена, которыхъ мы знаемъ. Но вотъ, варвары разрушили Западную Римскую Имперію—погибла цивилизація, исчезла мудрая гражданственность? Нѣтъ, не

погибла она: въ вѣчномъ городѣ, столицѣ политическаго міра, снова явился вѣчный городъ, столица духовнаго міра. Потомъ нашелся затерянный варварствомъ и вѣками кодексъ Юстиніана—и жизнь древняго міра сдѣлалась нашимъ законнымъ наслѣдіемъ, вошла въ нашу жизнь, какъ элементъ. Но вотъ самый разительный примѣръ. Народъ нашего времени, особенно богатый маленькими-великими людьми, забывъ, что у него есть исторія, есть прошедшее, что онъ народъ новый и христіанскій, вздумалъ сдѣлаться Римляниномъ. Явилось множество маленькихъ-великихъ людей и, съ школьными тетрадками въ рукахъ, стало около машинки, названной ими *la sainte guillotine*, и начало всѣхъ передѣлывать въ Римлянъ. Поэтамъ приказали они, во имя свободы, воспѣвать республиканскія добродѣтели, думая, что искусство должно служить обществу; мыслителямъ *повелѣли*, тоже во имя свободы, доказывать равенство правъ, а кто бы изъ поэтовъ или мыслителей, слѣдуя свободѣ вдохновенія или мысли, осмѣлился воспѣвать и доказывать противное,—тѣмъ, во имя свободы, рубили головы. Искусство и знаніе погибли—нѣтъ больше развитія идей, остановленъ навсегда ходъ ума... Но погодите отчаиваться: та же воля, которая пустила возстать злу, та же невидимая, но могучая воля и истребила зло,—и чудовище пало жертвою самого себя, какъ скорпіонъ, умертвивши себя собственнымъ жаломъ; затѣя школьничковъ не удалась, тетрадки осмѣяны, кровавая комедія освистана—и кѣмъ же?—сыномъ революціи, однимъ человѣкомъ, сотворившимъ волю пославшаго его... Кто могъ предвидѣть, кто могъ предсказать это? Вѣдь ужъ все погибало... Но маленькіе-великіе люди не понимаютъ этого, и отъ всей души убѣждены, что если міръ еще какъ-нибудь держится, то не иначе, какъ ихъ мудростію и усердіемъ къ общему благу.

Къ числу такихъ-то маленькихъ-великихъ людей принадлежитъ и Менцель. Ему не нравится порядокъ дѣлъ въ Германіи, и онъ придумалъ на досугъ свой планъ для ея благосостоянія; но какъ она не осуществляетъ этого благодѣтельнаго плана, не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ своего историческаго развитія, ни отъ своей національной индивидуальности, да еще, какъ кажется, не будучи въ состояніи постичь всей премудрости г. Менцеля, и не вѣритъ ей, а на самого его смотритъ, какъ на журнальнаго крикуна и политическаго полишинеля, то онъ и возстаетъ на нее со всѣмъ ожесточеніемъ фанатика и представляетъ собою отвратительное и возмутительное зрѣлище сына, бьющаго по щекамъ родную мать свою. Другими словами: ему досадно, зачѣмъ Гер-

манія есть то, что она есть, а не то, чѣмъ бы ему хотѣлось ее видѣть—требованіе, столь же справедливое, какъ и то, зачѣмъ у васъ волосы русые, а не черные, когда *мнѣ* именно хочется, чтобы у васъ были черные волосы!... И поэтому, ему все не нравится въ Германіи, и ея книжность, и ея ученость, и ея патріархальные обычаи и нравы. Но болѣе всего онъ возстаетъ на нее въ лицѣ ея геніальныхъ представителей, которыми она гордится, и которые доставили ей умственное владычество надъ всею просвѣщенною частью земного шара. Философія Гегеля признала монархизмъ высшею разумною формою государства, и монархія, съ утвержденными основаніями, изъ исторической жизни народа развившимися, была для великаго мыслителя идеаломъ государства. Менцель думаетъ объ этомъ совершенно иначе, и потому онъ объявилъ, что Гегель сумасбродъ, дикій фанатикъ, и его философія—бѣснованіе полоумнаго человѣка. Еще большому ожесточенію съ его стороны подвергся Гёте. Великій поэтъ жилъ при веймарскомъ дворѣ, пользовался благосклонностію многихъ вѣнценосныхъ особъ и даже гордился дружбою къ себѣ многихъ изъ нихъ. Вотъ первое преступленіе германскаго поэта Гёте противъ добродѣтельнаго Римлянина Менцеля, который по одному этому предмету разродился двумя глупостями. Во-первыхъ, жить при дворѣ или не жить при немъ—это рѣшительно все равно, потому что въ обоихъ случаяхъ можно быть равно великимъ и равно добродѣтельнымъ человекомъ. Во-вторыхъ, не только несправедливо, но и справедливо нападая на *человѣка*, отнюдь не должно смѣшивать его съ *художникомъ*, равно какъ, разсматривая художника, отнюдь не слѣдуетъ касаться *человѣка*. У искусства есть свои законы, на основаніи которыхъ и должно разсматривать его произведенія. Мысль, выраженная поэтомъ въ созданіи, можетъ противорѣчить личному убѣжденію критика, не переставая быть истинною и общею, если только созданіе дѣйствительно художественно, ибо *человѣкъ*, какъ ограниченная частность, можетъ заблуждаться и питать ложныя убѣжденія, но поэтъ, какъ органъ общаго и мірового, какъ непосредственное проявленіе духа, не можетъ ошибаться и говорить ложь. Конечно, платя дань своей *человѣческой натурѣ*, и онъ можетъ впасть въ заблужденія, но это тогда, когда онъ измѣняетъ своей творческой натурѣ, становится невѣрнымъ самому себѣ и перестаетъ быть поэтомъ, допуская своей личности вмѣшиваться въ свободный процессъ творчества, и впадая въ резонёрство, символизмъ и аллегорію. Слѣдовательно, чтобы узнать, вѣрна ли мысль,

выраженная поэтомъ въ его произведеніи, должно сперва узнать, дѣйствительно ли художественно его созданіе. Но этотъ вопросъ рѣшается непосредственнымъ впечатлѣніемъ созданія на непосредственное чувство критика (разумѣется, если его чувство доступно изящному, глубоко и всеобъемлюще), повѣреннымъ потомъ діалектикою мысли на непреложныхъ основаніяхъ искусства, а отнюдь не полицейскими справками о трезвости поведенія и аккуратности поэта въ платежѣ долговъ, или освѣдомленіями о томъ, какъ отзывалась о немъ бабушка, довольна ли была имъ тетушка, и хорошо ли онъ жилъ съ женою, а еще менѣе произвольными убѣжденіями случайной личности критика. Основная идея критики Менцеля есть та, что искусство должно служить обществу. Если хотите, оно и служить обществу, выражая его же собственное сознаніе и питая духъ составляющихъ его индивидуумовъ возвышенными впечатлѣніями и благородными помыслами благого и истиннаго; но оно служить обществу не какъ что-нибудь для него существующее, а какъ нѣчто существующее по себѣ и для себя, въ самомъ себѣ имѣющее свою цѣль и свою причину. Когда же мы будемъ требовать отъ искусства споспѣшествованія общественнымъ цѣлямъ, а на поэта смотрѣть, какъ на подрядчика, которому можно заказывать въ одно время — воспѣвать святость брака, въ другое — счастье жертвовать своею жизнію за отечество, въ третье — обязанность честно платить долги, то вмѣсто изящныхъ созданій наводнимъ литературу риемованными диссертациями объ отвлеченныхъ и разсудочныхъ предметахъ, сухими аллегоріями, подъ которыми будетъ скрываться не живая истина, а мертвое резонѣрство, или, наконецъ, угарными исчадіями мелкихъ страстей и бѣснованія партій. То и другое было во французской литературѣ. Сперва ея произведенія были декламаторскимъ резонѣрствомъ, которое, въ звучныхъ и гладкихъ стихахъ то расплывалось пошлыми сентенціями, какъ въ сочиненіяхъ Корнеля, Расина, Буало, Мольера, Фенелона (автора „Телемака“), то разсыпалось мелкимъ бѣсомъ въ пошлыхъ остротахъ и наглomъ кощунствѣ надъ всѣмъ святымъ и заветнымъ для человѣчества, какъ въ сочиненіяхъ Вольтера; теперь ея произведенія — буйное безуміе, которое, обоготворивъ неистовство животныхъ страстей, выдаетъ, подобно Гюгò, Дюма, Эжену Сю, мясничество за трагедію и романъ, а клеветы на человѣческую натуру за изображеніе настоящаго вѣка и современнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ нынѣшняя французская литература? Отраженіе мелкихъ сектъ, ни-

чтожныхъ системъ, эфемерныхъ партій, дневныхъ вопросовъ. Г-жа д'Юдеванъ, или извѣстный, но отнюдь не славный, Жоржъ Зандъ, пишетъ цѣлый рядъ романовъ, одинъ другого нелѣпѣе и возмутительнѣе, чтобы приложить къ практикѣ идеи сенъ-симонизма объ обществѣ. Какія же это идеи? О, безподобныя! — Именно: индустріальное направленіе должно взять верхъ надъ идеальнымъ и духовнымъ; должно распространяться равенство не въ смыслѣ христіанскаго братства, которое и безъ того существуетъ въ мірѣ со времени первыхъ двѣнадцати учениковъ Спасителя, а въ смыслѣ какого-то масонскаго или квакерскаго сектантства; должно уничтожить всякое различіе между полами, разрѣшивъ женщину на *вся тяжкая* и допустивъ ее, наравнѣ съ мужчиною, къ отправленію гражданскихъ должностей, а главное — предоставивъ ей завидное право мѣнять мужей по состоянію своего здоровья... Необходимый результатъ этихъ глубокихъ и превосходныхъ идей есть уничтоженіе священныхъ узъ брака, родства, семейственности, словомъ, совершенное превращеніе государства сперва въ животную и безчинную оргію, а потомъ — въ призракъ, построенный изъ словъ на воздухѣ. Альфредъ де-Виньи, другой маленькій-великій человѣчекъ, ударился въ другую крайность: онъ изъ всѣхъ силъ хлопочетъ о возстановленіи французской монархіи въ томъ видѣ, въ какомъ она была до кардинала Ришельё — Франціи феодально-монархической. Для этого *онъ поправляетъ* исторію, выдумывая никогда не существовавшіе факты, клеветаетъ на Наполеона, заставляя какого-то глупаго пажа подслушивать его небывалый разговоръ съ папою Піемъ VII, а чтобы унижить кардинала Ришельё, ненавидимаго имъ какъ врага выродившейся феодальной аристократіи, противопоставляетъ ему въ своемъ романѣ пустого и ничтожнаго Сенъ-Мара, дѣлая его героемъ и великимъ человекомъ. А между тѣмъ, „идеальный“ Ламартинъ хлопочетъ, въ водяныхъ медитаціяхъ, приторно-чувствительныхъ элегіяхъ и надутыхъ-риторическихъ поэмахъ воскресить католицизмъ среднихъ вѣковъ, котораго онъ не понимаетъ. Вышелъ во Франціи новый уголовный законъ, а завтра является сотня дюжинныхъ романовъ, въ которыхъ *примѣромъ* рѣшается справедливость или несправедливость закона; вышло новое постановленіе хоть о налогахъ, о рекрутствѣ, акціяхъ — опять завтра же длинная вереница романовъ, которая нынче читается съ жадностью, а завтра забывается. Не такова истинная поэзія: ея содержаніе не вопросы дня, а вопросы вѣковъ, не интересы страны, а интересы міра, не участь партій, а судьбы че-

ловѣчества. Не таковъ художникъ: въ дивныхъ образахъ осуществляетъ онъ божественную идею для нея самой, а не для какой-либо внѣшней и чуждой ей цѣли. Толпа *менцелей* не смутитъ его дикими воплями и укорами въ бесполезности его существованія—онъ гордо отвѣтитъ ей:

Подите прочь: какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменныя смѣло,
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы, какъ гробы;
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры:
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Смѣтаютъ соръ—полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?
*Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвы—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!*

Вдохновеніе художника такъ свободно, что самъ онъ не можетъ повелѣвать имъ, но повинуется ему, ибо оно въ немъ, но не отъ него. Онъ не можетъ выбирать темъ для своихъ созданій, ибо безъ его вѣдома возникаютъ въ душѣ его таинственныя явленія, которыя показываетъ онъ потомъ на диво міру. Онъ творитъ не когда хочетъ, но когда можетъ; онъ ждетъ минуты вдохновенія, но не приводитъ ея по волѣ своей, и потому-то —

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется —
Душа поэта вострепнется.
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Вѣжитъ онъ, гордый и суровый,
И звуковъ и смятенія полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

Менцель поставляетъ Гёте въ великую вину и тяжкое преступленіе, что онъ молчалъ во время французской революціи и ни однимъ стихомъ не выразилъ своего мнѣнія объ этомъ событіи, потрясемъ весь міръ. Въ самомъ дѣлѣ, великое преступленіе! Такъ точно, въ одномъ русскомъ журналѣ, кто-то ставилъ Пушкину въ вину, что онъ, воротясь изъ-за Кавказа, гдѣ былъ свидѣтелемъ славы русскаго оружія, напечаталъ VII-ю

главу „Онѣгина“, а не собраніе „торжественныхъ одъ“: подлинно—les beaux esprits se repaissent!... ¹⁾ И какая легкая, удобопонятная пѣнстика: во время революціи поэтъ непременно долженъ или хвалить или хулить ее въ своихъ стихахъ, а во время войны—прославлять подвиги соотечественниковъ!... И какъ для „менцелей“ попятно, что Пушкинъ, возвратясь съ Кавказа, привезъ съ собою „Кавказскаго Плѣнника“, и какъ непонятно для нихъ, что Грибоѣдовъ съ того же Кавказа привезъ „Горе отъ Ума“—злую сатиру на современное московское (а не кавказское) общество... Бѣдные люди!...

Каждое слово Гёте принималось какъ изреченіе оракула; но онъ никогда не начиналъ рѣчи, чтобы напомнить Германцамъ о народной ихъ чести, либо чтобы одушевить ихъ на какой-нибудь благородный помыслъ или подвигъ. Равнодушно пропускалъ онъ мимо себя событія всемірной исторіи, или только сердился, что военныя тревоги подчасъ нарушали сладкія минуты поэтическихъ его наслажденій. До французской революціи дремала Германія. Это грозное событіе пробудило наше отечество ужаснымъ образомъ. Какія чувствованія должно было оно породить въ сердцѣ перваго нашего поэта? Новая эра возбудила восторгъ въ Шпллерѣ; Гёрресъ, сгорая стыдомъ отъ измѣны отчизнѣ и отъ глубокаго ея униженія, напоминалъ соотечественникамъ про прежнюю честь и прошлое величіе Германіи. Чтѣ же сдѣлалъ Гёте? Написалъ нѣсколько легкомысленныхъ комедій. Потомъ явился Наполеонъ. Чтѣ долженъ былъ думать о немъ, сказать про него первый германскій поэтъ? Онъ долженъ былъ, какъ Аристъ и Кёрнеръ, проклинать губителя своей отчизны и сдѣлаться главою союза добродѣтели, или, ежели по привычкѣ Нѣмцевъ онъ былъ больше воспоминать, чѣмъ патріотъ, то по крайней мѣрѣ, какъ Байронъ, долженъ былъ уразумѣть глубоко-трагическое значеніе великаго героя и его дивной судьбы (Ч. II, стр. 408—409).

Сколько лжей и пошлостей въ немногихъ словахъ этой ограниченной нѣмецкой головы! У каждаго народа необходимо двѣ стороны: дѣйствительная, сущная, и, какъ конечное ея отраженіе, пошлая и смѣшная; поэтому и Нѣмцевъ можно раздѣлить на *Германцевъ*, каковы: Лессингъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шиллеръ и Гёте, и на *Нѣмцевъ*, каковы: Клаурентъ, Коцебу, Августъ Лафонтенъ, Фанъ-дербъ-Фельде, Баумейстеръ, Кругъ, Бахманъ и пр. Къ этимъ-то достопочтеннымъ и достополезнымъ *Нѣмцамъ-филлистерамъ*, отъ которыхъ пахнетъ кнастеромъ и пивомъ, принадлежитъ и нашъ сердитый господинъ Менцель. Спросите его, съ чего онъ взялъ, что Гёте равнодушно

¹⁾ Этотъ „кто-то“ — Булгаринъ, высказавшій приведенное Бѣлинскимъ мнѣніе въ „Сѣверной Пчелѣ“, 1830 г., № 35. Надеждинъ перепечаталъ этотъ отзывъ Булгарина въ „Вѣстникѣ Европы“ (1830 г., № 7), со своими ироническими комментаріями. Бѣлинскій не разъ вспоминалъ впоследствии объ этой выходкѣ Булгарина (см., напр., наст. изд. т. III, статья № 59).

пропускалъ событія всемірной исторіи? Неужели какая-нибудь кумушка-старушка, которая съ своими сосѣдками день и ночь колотила языкомъ по зубамъ, толкуя о реляціяхъ наполеоновскихъ походовъ и побѣдъ, или какой-нибудь фельетонистъ по копейкѣ со строки, надсаживавшій себѣ грудь громкими фразами о томъ же предметѣ. неужели они больше интересовались и глубже понимали эти великія событія, нежели великій поэтъ, который, по словамъ самого Менцеля, былъ полнѣйшимъ отраженіемъ, вѣрнѣйшимъ зеркаломъ своего великаго вѣка? Кто сказалъ ему, что Гёте не останавливался въ безмолвномъ созерцаніи, полномъ любви, мысли и благоговѣнія, передъ таинственными судьбами, въ такомъ величій совершавшимися въ его глазахъ, онъ, въ которомъ все жило и который во всемъ жилъ, который все въ себѣ ощущалъ и на все откликался струнами своего духа, этой звуковой арфы вселенной, этого гармоническаго органа міровой жизни?...

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна!

Неужели изъ того, что Гёте не воспѣвалъ великихъ современныхъ событій, слѣдуетъ, чтобы они не касались его, что онъ не чувствовалъ ихъ? Развѣ Гомеръ въ своей „Иліадѣ“ воспѣлъ современное ему событіе, а не за два столѣтія до него совершившееся? Развѣ Шекспиръ въ своихъ драмахъ представилъ тоже современный ему міръ? Помилуйте, господа менцели, только какой-нибудь школьникъ съ тетрадкою въ рукѣ, какой-нибудь Сень-Жюсть могъ расписать по мѣсяцеслову вдохновеніе поэта, заставивъ его въ апрѣлѣ воспѣвать дружбу, въ маѣ любовь, въ іюнѣ бракъ, а въ іюлѣ добродѣтели!... Мы этимъ отнюдь не хотимъ сказать, чтобы поэту нельзя было отзываться пѣснью на современные событія; нѣтъ, это значило бы впасть въ противоположную крайность, а каждая крайность есть нелѣпость, плодъ ограниченности ума и мелкости духа. Вдохновеніе не справляется съ календаремъ. Оно часто молчитъ, когда всѣ ожидаютъ его. Но мы однако думаемъ, что поэтъ всего менѣе способенъ отзываться на современность, которая для него есть начало безъ середины и конца, явленіе безъ полноты и цѣлости, закрытое туманомъ страстей, предубѣжденій и пристрастій партій, и потому его вдохновеніе больше любитъ жить въ вѣкахъ минувшихъ и пробуждать исполинскія тѣни Ахилловъ и Гекторовъ, Ричардовъ и Генриховъ, или изъ нѣдръ собственнаго духа воспроизводить

свои гигантскіе образы, каковы — Гамлетъ, Макбетъ, Отелло... Менцель говоритъ, что новая эра, начатая французскою революціею, пробудила восторгъ въ Шиллерѣ: зачѣмъ же онъ такъ безсовѣстно умолчалъ, что если Шиллеръ съ восторгомъ привѣтствовалъ начало французской революціи, то съ отвращеніемъ смотрѣлъ на ея продолженіе и конецъ, и съ негодованіемъ отвергнулъ дипломъ на Гражданина Французской Республики, который предлагалъ ему Конвентъ за его трагедію „Фіеско“ — очень плохенькое твореньице въ художественномъ отношеніи?... Или рассказать фактъ вполнину иногда необходимо, чтобы поддержать ложь?... И какъ понятно, что Гёте не могъ поступить подобно Шиллеру, ибо Гёте былъ геній несравненно высшій, геній чисто художнический, а потому неспособный увлекаться никакими односторонностями, но обвинявшій все въ оконченной цѣлости, на все смотрѣвшій не снизу вверхъ, а сверху внизъ. Вся цѣль стремленій самого Шиллера была — достигнуть мірообъемлющей объективности Гёте; только при концѣ своего поприща онъ болѣе или менѣе достигъ этого, и оттого послѣднія его произведенія и выше и глубже, чѣмъ произведенія его юности, полной пожирающаго пламени, а вмѣстѣ съ нимъ и дыма, и чада, и угара... Чтò могло дѣлать честь Шиллеру, то унизило бы Гёте. Съ чего взялъ *господинъ* Менцель, что Гёте долженъ былъ подобно *господамъ* Аридту и Кёрнеру, проклинать Наполеона, какъ губителя своей отчизны?... Это еще чтò за новость?... Когда Менцель заставляеть Гёте подражать Шиллеру — въ этомъ еще есть немножко смысла, потому что Шиллеръ все-таки былъ великій духъ, если не такой же художникъ; но заставляеть орла дѣлать то, чтò дѣлали комары?... Для выполненія временныхъ требованій и цѣлей какой-нибудь ограниченной эпохи есть маленькіе-великіе люди, есть Аридты и Кёрнеры, а у истинно великихъ людей, исполиновъ челоуѣчества — другое время и другія цѣли — міръ и вѣчность... Съ чего взялъ Менцель, что Гёте долженъ былъ сдѣлаться главою Тугендбунда, составившагося изъ школьниковъ и духовно-малолѣтнихъ дѣтей, и смѣшного для людей взрослыхъ и возмужавшихъ духомъ?...

Все это показываетъ только, что Менцель не понимаетъ ни значенія, ни сущности искусства, а взявшись говорить о томъ, чего не смыслишь, невольно будешь говорить вздоръ; если же къ этому присоединится духъ партіи и оскорбленное самолюбіе, то, вмѣсто истины, будешь изрыгать ругательства и проклятія... Изъ всего этого видно одно: Менцель золъ на Гёте за то, что тотъ не хотѣлъ быть ни крикуномъ, ни началь-

никомъ какой-либо политической партіи, что онъ не требовалъ невозможнаго сплоченія раздробленной Германіи въ одно политическое тѣло. У генія всегда есть инстинктъ истины и дѣйствительности: что есть, то для него разумно, необходимо и дѣйствительно, а что разумно, необходимо и дѣйствительно, то только и есть. Поэтому, Гёте не требовалъ и не желалъ невозможнаго, но любилъ наслаждаться необходимо-сущимъ. Для него необходимость раздробленности Германіи была такимъ же убѣжденіемъ и такою же вѣрою, какъ у Пушкина было убѣжденіе и вѣра, что не русское море изсякнетъ, а „славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ“. Только какой-нибудь Мицкевичъ можетъ заключиться въ ограниченное чувство политической ненависти и оставить поэтическія созданія для римованныхъ памфлетовъ; но это-то и достаточно намекаетъ на „міровое величіе“ его поэтического генія: Менцель вѣрно на колѣняхъ передъ нимъ, а это самая злая и ругательная критика для поэта.

Наконецъ, Менцель положительно и окончательно обнаруживаетъ свой взглядъ на Гёте, приводя противъ него слѣдующія слова Платона о Гомерѣ:

„Мнѣ должно наконецъ высказать мою мысль, хотя по какой-то нѣжности къ Гомеру и застенчивости передъ нимъ, которая нимаю съ самой молодости, мнѣ трудно рѣшиться говорить объ этомъ поэтѣ, ибо онъ, кажется, глава и предводитель всѣхъ хорошихъ трагическихъ стихотворцевъ. Но какъ не должно человѣка ставить выше истины, то и принужденъ высказать, что думаю. Итакъ, любезный Главконъ, если ты встрѣтишь людей, превозносящихъ Гомера, которые говорятъ, что этотъ поэтъ былъ наставникомъ цѣлой Греціи, и что онъ стоитъ тщательнаго изученія, потому что отъ него можно научиться хорошо управлять дѣлами человѣческаго рода и хорошо обращаться съ ближними; что, по этой причинѣ, должно располагать и вести свою жизнь сообразно съ его предписаніями, то на такихъ людей, конечно, нельзя сердиться; имъ, безъ сомнѣнія, должно оказывать всякую любовь и дружбу. Они, сколько могутъ, стараются всемірно быть людьми честными; нельзя также не согласиться съ ними, что Гомеръ есть геній, въ высшей степени поэтической, и глава трагическихъ поэтовъ. При этомъ надлежитъ, однако, замѣтить, что въ государствѣ не должно допускать никакихъ твореній поэзии, кромѣ нѣспонѣній въ похвалу боговъ и въ славу доблестныхъ подвиговъ. Коль скоро ты допустишь туда нѣжную и сладостную лиру каковаго бы ни было рода, лирическаго или эпическаго, то произвольныя волненія веселія или печали станутъ тамъ царствовать вмѣсто закона и ума (Ч. II, стр. 442—443).

Итакъ—долой Гомера, долой Шекспира, долой искусство: они вредятъ обществу! Давно бы такъ! Въ такомъ случаѣ не для чего было нападать на Гёте и писать цѣлую вздорную книгу; сказать бы прямо, коротко и ясно: долой искусство! Тогда всякій понималъ бы, что бѣдному Гёте нѣчего дѣлать на

бѣломъ свѣтѣ. Менцель, въ простотѣ ума и сердца, думаетъ, что онъ сошелся съ Платономъ, не видя въ словахъ величайшаго философа-поэта древности противорѣчія съ самимъ собою и не понимая причины этого противорѣчія. Платонъ первый открылъ своимъ геніемъ причину красоты въ самой красотѣ, назвавъ все сущее воплощеніемъ божественныхъ идей, отъ вѣка въ себѣ пребывавшихъ и въ себѣ заключающихъ свою причину,—и тотъ же Платонъ уничтожаетъ міръ искусства, который есть міръ красоты!... Отчего это противорѣчіе? — Оттого, что въ древнемъ мірѣ общество уничтожало въ себѣ людей, и частнаго человѣка признавало не какъ существующаго самого по себѣ и для себя, а какъ только своего члена, свою часть и своего слугу. Тогда *гражданинъ* былъ выше *человѣка*; а какъ поэзія есть удовлетвореніе внутренней потребности духа, знакоющаго и себя и міръ, то Платонъ, при всемъ своемъ геніи, и не могъ примирить этого противорѣчія, которое было примирено христіанствомъ и дальнѣйшимъ развитіемъ человѣчества въ исторіи. Всякая философія въ своемъ началѣ есть противорѣчіе, и только, свершивъ свой полный кругъ, дѣлается примиреніемъ, какъ философія нашего времени, философія Гегеля. Хотя Платонъ понималъ существующее больше какъ поэтъ, нежели какъ философъ, т.-е. не діалектикою мысли, а полнотою внутренняго созерцанія, но онъ уже *мыслилъ*, а не *творилъ*, и потому разрушающая сила разсудка необходимо вошла въ его мірообъемлющія воззрѣнія, какъ начало разрушенія полной и гармонической жизни Грековъ. Это разрушеніе въ Сократѣ проявилось уже рѣзко, какъ философія разсудка, противоположная поэтическому взгляду народа-художника, за что великій мудрецъ и погибъ жертвою оскорбленнаго имъ національнаго духа, еще не могшаго сознать въ Сократѣ начало новой для себя жизни. И посмотрите, съ какимъ уваженіемъ, съ какою любовью и какою благородною скромностью вооружается противъ Гомера этотъ великій духъ! Смотрите, какъ боится онъ обаятельной силы нѣжной и сладостной лиры: о, онъ знаетъ, что не устоялъ бы противъ ея чародѣйственнаго обольщенія, онъ въ самомъ себѣ чувствовалъ своего предателя, ежеминутно готоваго измѣнить ему! Такъ противорѣчатъ себѣ умы геніальные: только посредственность и ограниченность способны фанатически предаться какой-нибудь односторонности и упрямо закрывать глаза на весь остальной Божій міръ, противорѣчащій исключительности ихъ тѣснаго убѣжденія...

Нашъ Менцель не Платонъ: что не подходитъ подъ его маленькую идею—онъ под-

гибаетъ подъ нее, а не гнется—онъ ломается. Искусство не далось ему, не подошло подъ тѣсныя рамки его идеальнаго построения—долой искусство—оно грѣхъ, преступленіе, безнравственность!... Вотъ такъ-то: что долго думать! А другой какой-нибудь чудакъ готовъ уничтожить общество, разрушить промышленность, торговлю, словомъ, всю практическую сторону жизни, чтобы обратить людей къ исключительному служенію искусству и подѣлать изъ нихъ художниковъ и аматоровъ. Дайте имъ только возможность и силу приложить къ жизни свою теорію.—Одинъ завопитъ: „общество! все погибай, что не служитъ къ пользѣ общества!“, а другой зарычитъ: „искусство! все погибай, что не живетъ въ искусствѣ!...“ Но истинно-мудрый кротко и безъ крика говоритъ: „Да живетъ общество и да процвѣтаетъ искусство: то и другое есть явленіе одного и того же разума, единого и вѣчнаго, и то и другое въ самомъ себѣ заключаетъ свою необходимость, свою причину и свою цѣль!“

Да! общество не должно жертвовать искусству своими существенными выгодами, или уклоняться для него отъ своей цѣли. Искусство не должно служить обществу иначе, какъ служа самому себѣ. Пусть каждое идетъ своею дорогой, не мѣшая другъ другу.

Дѣло Питтовъ, Фоксовъ, О'Конелей, Талейрановъ, Кауницевъ и Меттерниховъ участвовать въ судьбѣ народовъ и испытывать свое вліяніе въ политической сферѣ человѣчества. Дѣло художниковъ—созерцать „полное славы твореніе“ и быть его органами, а не вмѣшиваться въ дѣла политическія и правительственныя. Иначе придется воскликнуть:

Бѣда, коль пироги начнетъ печь сапожникъ,
А сапоги точать пирожникъ!

Все велико на своемъ мѣстѣ и въ своей сферѣ, и всякій имѣетъ значеніе, силу и дѣйствительность только въ своей сферѣ, а заходя въ чуждую, дѣлается призракомъ, иногда только смѣшнымъ, иногда отвратительнымъ, а иногда смѣшнымъ и отвратительнымъ вмѣстѣ, подобно Менцелю. Можетъ быть, Менцель былъ бы хорошимъ чиновникомъ при посольствѣ, или даже и депутатомъ города или сословія, потому что, можетъ быть, онъ въ этомъ и знаетъ что-нибудь и способенъ на что-нибудь; но онъ не можетъ быть даже и посредственнымъ критикомъ, потому что ровно ничего не смыслить въ искусствѣ, не имѣетъ никакого органа для принятія впечатлѣній изящнаго. Онъ судить объ искусствѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ, глухой о музыкѣ. Воду нельзя мѣрять саженьями, а дорогу ведрами: нельзя по политикѣ судить объ искусствѣ, ни по

искусству о политикѣ, но каждое должно судиться на основаніи своихъ собственныхъ законовъ.

Есть еще и другая фальшивая мѣрка для искусства—тоже принятая Менцелемъ, который въ отношеніи къ ней имѣлъ, имѣетъ и всегда будетъ имѣть еще болѣе подражателей. Мы говоримъ о *нравственной точкѣ зрѣнія на искусство*.

Это вопросъ глубокой и важный. Сколько позволяютъ предѣлы статьи, напомнимъ на его безконечное значеніе.

Нравственность принадлежитъ къ сферѣ человѣческихъ дѣйствій, и въ отношеніи къ волѣ человѣка есть то же самое, что истина въ мышленіи, что красота въ искусствѣ. Основаніе нравственности лежитъ въ глубинѣ духа—источника всего сущаго. Все, что выходитъ изъ одного начала, изъ одного общаго источника—все то родственно, единокровно и нераздѣльно въ своей сущности, хотя и различается средствомъ, путемъ и формою своего проявленія. Слѣдовательно, отдѣлить вопросъ о нравственности отъ вопроса объ искусствѣ такъ же невозможно, какъ и разложить огонь на свѣтъ, теплоту и силу горѣнія. Но по этому-то самому и должно раздѣлить эти два вопроса. Когда вамъ сказали, что въ каминѣ разведенъ огонь—вы вѣрно не спросите, обожжетъ ли этотъ огонь ваши руки, если вы положите ихъ на него, и будутъ ли вамъ видны предметы, освѣщенные имъ. Такой вопросъ приличенъ только или ребенку, едва начинающему говорить, или человѣку сумасшедшему. Когда вамъ говорятъ, что женщина родила дитя—вы вѣрно не спросите, есть ли у этого дитяти тѣло, или есть ли у него душа: когда онъ живъ, у него есть и душа и тѣло, ибо онъ самъ есть не что иное, какъ явившійся или воплотившійся духъ. Но вы можете сдѣлать вопросъ объ огнѣ—разведенъ ли онъ въ каминѣ, чтобы могъ и грѣть и освѣщать, или еще только разводится; а о младенцѣ—живъ ли онъ, или родился мертвымъ, или умеръ родившись. Итакъ, видите ли: вы раздѣляете два вопроса именно потому, что они нераздѣлимы, что отвѣтъ на одинъ есть уже необходимо и отвѣтъ на другой, хотя бы вы другого и не дѣлали. Такъ и въ искусствѣ: что художественно, то уже и нравственно; что нехудожественно, то можетъ быть не безнравственно, но не можетъ быть нравственно. Вслѣдствіе этого, вопросъ о нравственности поэтическаго произведенія долженъ быть вопросомъ вторымъ и вытекать изъ отвѣта на вопросъ—дѣйствительно ли оно художественно. Произведеніе искусства, художественность котораго не выдержитъ высшей пробы вкуса и критики, можетъ быть положительно-безнравственно,

какъ оскорбляющее нравственность, и можетъ быть отрицательно-безнравственно, какъ только неоскорбляющее нравственности; но всякое истинно или дѣйствительно художественное произведеніе не можетъ не быть положительно-нравственнымъ. Доказать, что произведеніе искусства положительно-безнравственно—значить доказать, что оно положительно-нехудожественно, а для этого сперва должно разсмотрѣть его въ его собственной сферѣ, т.-е. въ сферѣ искусства, и доказать, изъ него же самого, что оно нехудожественно, или, по крайней мѣрѣ, прежде вопроса о нравственности принять это за утвержденное и очевидное. Единосущное не противорѣчитъ единосущному, и истина не раздѣляется на самое же себя, чтобы уничтожать самое же себя.

Намъ возразятъ, что наше воззрѣніе противорѣчитъ опыту, ибо есть множество произведеній искусства, которыя цѣлыми вѣками и народами признаны за художественныя, но которыя тѣмъ не менѣе безнравственны, и наоборотъ, есть множество произведеній, слабыхъ съ художественной стороны, но въ высшей степени нравственныхъ.

Для отвѣта на подобное возраженіе, имѣющее всю силу *внѣшней* очевидности, должно условиться въ значеніи словъ „художественное“ и „нравственное“. Но какъ рѣшеніе подобнаго важнаго и глубокаго вопроса повело бы насъ слишкомъ далеко, то и ограничимся только тѣмъ, что слегка поговоримъ о значеніи „нравственнаго“, оставляя безъ разрѣшенія „художественное“, какъ-будто опредѣленное и всѣмъ извѣстное.

Не все то принадлежитъ къ сферѣ „нравственнаго“, что называютъ „нравственнымъ“ (Sittlichkeit), смѣшивая съ нимъ понятіе „моральнаго“ (Moralität). Нравственность относится къ моральности, какъ разумный опытъ жизни къ житейской опытности, какъ высокое къ обыкновенному, трагическое къ повседневному, какъ разумъ къ разсудку, мудрость къ хитрости, искусство къ ремеслу. Жизнь человѣческая раздѣляется на будни, которыхъ въ ней много, и праздники, которыхъ въ ней мало. Въ жизни человѣка бываютъ торжественныя минуты, въ которыя все—побѣда, или все—паденіе, и нѣтъ середины. Это минуты борьбы его индивидуальной личности, требующей личнаго счастья, или личнаго спасенія, съ долгомъ, говорящимъ ему, что онъ въ правѣ стремиться къ счастью, или спасенію, но не на счетъ несчастія или гибели ближняго, имѣющаго равное съ нимъ право и на счастье, если оно ему представляется, и на спасеніе, если ему грозитъ бѣда. Воля человѣка свободна: онъ *въ правѣ* выбрать тотъ или другой путь, но онъ дол-

женъ выбрать тотъ, на который указываетъ ему разумъ. Если онъ послушается голоса своей личности, требующей всего *себѣ*, и останется спокоенъ въ духѣ своемъ—онъ будетъ правъ въ отношеніи къ самому себѣ, хотя и виноватъ въ отношеніи къ разуму, котораго законовъ онъ не въ состояніи постигать: тогда не будетъ осуществленія *нравственнаго* закона, за нарушеніе котораго кара *внутри* человѣка, но тогда, можетъ быть, осуществится только *моральный* законъ, за нарушеніе котораго наказаніе *внѣ* человѣка, какъ возмездіе гражданскаго закона, или какъ личное мщеніе со стороны оскорбленнаго. Объяснимъ это примѣромъ, который сдѣлалъ бы нашу мысль осязаемою очевидностью. Молодой человѣкъ увлекся мимолетнымъ и скоропреходящимъ чувствомъ любви къ дѣвушкѣ, которая могла только доставить ему нѣсколько минутъ блаженнаго упоенія, но не удовлетворить вполне всѣхъ потребностей его духа, но не быть половиною души его, жизнью сердца,—словомъ, которая могла быть только его любовницею, но не женою. Теперь положимъ, что эта дѣвушка, не имѣя такой глубокой натуры, какъ онъ, и будучи ниже его и своими понятіями, чувствованіями, потребностями и образованіемъ, тѣмъ не менѣе была бы существомъ, достойнымъ всякаго уваженія, могла бы составить счастье цѣлой жизни равнаго себѣ по натурѣ и образованію человѣка, быть вѣрною, любящею женою и матерью, уважаемою въ обществѣ женщиною. Дѣвушка эта, не видя и не понимая своего духовнаго неравенства съ этимъ молодымъ человекомъ, однакожъ любить его страстно, предана ему до самоотверженія, до безумія, и уже мать его дитяти. Она не подозреваетъ и возможности конца своему счастью, ея любовь все сильнѣе и сильнѣе, а онъ уже просыпается отъ сладкаго упоенія страсти, онъ уже съ ужасомъ не находитъ въ себѣ прежней любви, онъ уже не въ силахъ отвѣчать на ея горячія лобзанія, на ея ласки, прежде столь обаятельныя, столь могучія для него... Она вся любовь, упоеніе, нѣга; онъ весь тяжелая дума, тревожное безпокойство. Наконецъ, ему нѣтъ больше силъ притворяться, тяжело ее видѣть, страшно о ней вспомнить. А между тѣмъ, какъ-бы на зло самому себѣ, какъ-бы для усугубленія своихъ страданій, онъ понимаетъ все ея достоинства, цѣнитъ всю ея любовь и преданность къ нему, даже видитъ въ ней больше, нежели что она есть въ самомъ дѣлѣ. Онъ проклинаятъ и презираетъ себя, не видитъ въ мірѣ никого гнуснѣе и преступнѣе себя: онъ называетъ себя обманщикомъ, воромъ, подло укравшимъ любовь и честь женщины; о прошлыхъ своихъ увѣреніяхъ и клятвахъ любви онъ

воспоминаетъ какъ объ умышленномъ, обдуманномъ вѣроломствѣ, забывъ, что въ то время восторговъ и упоеній онъ говорилъ и клялся искренно, горячо вѣрилъ дѣйствительности своего чувства. Отчего же этотъ внутренний раздоръ, отчего это внутреннее раздвоеніе съ самимъ собою, этотъ жгучій огонь въ груди, эта мука, эта пытка души?... Вѣдь эта дѣвушка только тихо плачетъ, безмолвно изнываетъ въ безотрадной тоскѣ отвергнутого и оскорбленнаго чувства? Вѣдь она не грозитъ ему законами, не преслѣдуетъ его упреками, не беспокоитъ его требованіями, и потому страшная тайна останется между ними, и ему нечего страшиться ни мщенія гражданскаго закона, ни даже суда общественнаго мнѣнія?—Но отъ всѣхъ этихъ *утишеній* его страданія только глубже и мучительнѣе: безропотное страданіе жертвы возбуждаетъ въ немъ только большее уваженіе къ ней и большее презрѣніе къ себѣ; а безопасность внѣшняго наказанія только больше увеличиваетъ въ его глазахъ собственное преступленіе. Отчего же это?—Оттого, что сердце этого молодого человека есть почва, въ которую законъ нравственнаго духа такъ глубоко пустилъ свои корни, что онъ можетъ ихъ вырвать только съ кровью и тѣломъ, а слѣдовательно и съ потерю собственной жизни. Онъ оскорбилъ не ходячія нравственныя сентенціи: онъ оскорбилъ достоинство собственного духа, нарушилъ незримо, но ощутительно пребывающіе въ его сущности законы его же собственного разума. Чтò же ему останется дѣлать? Жениться на ней—скажете вы? Но для *такихъ* людей чувствовать подлѣ себя біеніе сердца, трепещущаго любовью, чувствовать сжатіе чьихъ-то горячихъ объятій и оставаться холоднымъ, мертвымъ... ужасно!... Для трупа объятія живого существа то же, что для живого существа объятія трупа... Когда мы не связаны съ существомъ, на любовь котораго не можемъ отвѣчать, мы уважаемъ его, сострадаемъ ему, плачемъ и молимся о немъ; но когда мы связаны съ нимъ неразрывными узами брака и его страстная любовь вызываетъ нашу, которой въ насъ нѣтъ, мы отвѣчаемъ на нее ненавистью... Чтò же тутъ дѣлать?... Иногда подобныя трагическія столкновенія разрѣшаются просто, во вкусѣ мѣщанской драмы: красавица пострадаетъ, а потомъ допустить утѣшить себя другому, который заставитъ ее забыть горе для радости; но чтò, ежели въ то время, какъ онъ борется съ собою и носить въ душѣ своей адъ, въ самомъ разгарѣ этой безвыходной борьбы до слуха его дойдетъ страшная вѣсть, что она умерла, благословляя его, и его имя было ея послѣднимъ словомъ?... Неужели послѣ этого

для него возможно счастье на землѣ? А если и возможно, неужели на немъ не будетъ какого-то мрачнаго оттѣнка? Неужели въ часы упоенія любви изъ-за того юнаго, прекраснаго и полнаго жизни существа, которое такъ роскошно ослѣпило лицо его волнами длинныхъ локоновъ, ему не будетъ иногда являться какой-то блѣдный, страдальческій призракъ, съ любовью въ очахъ, съ благословеніемъ на устахъ?... Изъ той же возможности могла родиться и другая дѣйствительность: онъ могъ, идя по улицѣ, увидѣть толпу народа около какого-то трупа женщины, сейчасъ вытащенного изъ рѣки... Страшно!... Человѣческая природа содрогается передъ такимъ бѣдствіемъ!... Чтò же значитъ это бѣдствіе? Вѣдь онъ могъ не признать трупа, могъ пройти мимо, не боясь мщенія закона?... Нѣтъ, есть другой законъ, еще ужаснѣе закона гражданскаго, законъ *внутренній*, въ немъ самомъ пребывающій, законъ *нравственности*, — и этотъ-то законъ караетъ его. Бывали примѣры, что преступники, убійцы являлись въ судъ и признавались въ преступленіяхъ давно совершенныхъ, давно забытыхъ, въ которыхъ ихъ и тогда никто не подозрѣвалъ, и, какъ облегченія своихъ страданій, просили казни. Видите ли, какой страшный законъ, этотъ нравственный законъ, и какъ страшно его наказаніе: самая казнь въ сравненіи съ нимъ есть облегченіе, милость!... Но, повторяемъ, онъ не для всѣхъ существуетъ, потому что онъ въ духѣ человека, а не внѣ его, и въ духѣ только глубоко и могуче... Обратимся къ нашей исторіи. Она могла бы кончиться и не такъ эффектно, но не менѣе ужасно. Молодой человекъ могъ бы рѣшиться пожертвовать собою для искупленія своей вины,—страшная рѣшимость! Но что, если бы онъ услышалъ такой отвѣтъ на свое великодушное предложеніе: „я хочу любви, а не жертвы; я лучше умру, нежели быть въ тягость тому, кого люблю?...“ Вотъ тутъ уже совершенно нѣтъ выхода изъ двухъ крайностей: и себя погубилъ и ее погубилъ... А между тѣмъ, эта погибель совсѣмъ не внѣшняя, не случайная, но есть осуществленіе возможности, которую онъ же самъ родилъ своимъ поступкомъ. Мы выше сказали, что дѣло точно такъ же могло кончиться очень хорошо для обѣихъ сторонъ, какъ кончилось худо: изъ этого видно, что сущность дѣла не въ *совершеніи*, а въ *возможности совершенія*. Проступокъ оскорблялъ нравственный законъ, слѣдовательно, необходимо условливалъ возможность наказанія, хотя оно могло бы и миновать. Итакъ, въ „возможности“ лежитъ внутренняя, дѣйствительная сторона событія, потому что только

внутреннее дѣйствительно, и только дѣйствительное велико. Отсюда важность и трагическое величіе осуществленія нравственного закона. Кончись эта исторія хорошо—и молодой человѣкъ счастливъ, и никто бы не осудилъ его, кончилось оно дурно—и всѣ голоса противъ него...

Но есть люди, которыхъ совѣсть сговорчивѣе, которые боятся суда уголовнаго, но не боятся суда духовнаго...

Главное и существенное различіе *нравственности* отъ *моральности* состоитъ въ томъ, что первая есть законъ разума, въ таинственной глубинѣ духа пребывающій, а послѣдняя всегда бываетъ разсудочнымъ понятіемъ о нравственности же, но только людей неглубокихъ, вѣшнихъ, неносящихъ въ нѣдрахъ своего духа закона нравственности, а между тѣмъ чувствующихъ его необходимость. Поэтому, нравственность есть понятіе обще-міровое, непреходящее, безусловное (абсолютное), а моральность часто бываетъ понятіемъ условнымъ, измѣняющимся. Было время, когда воинъ, пролившій за отечество лучшую часть своей крови, покрытый ранами и честными знаками отличій, обнаружилъ бы себя въ глазахъ общества безчестнымъ человѣкомъ, если бы отказался отъ дуэли съ какимъ-нибудь мальчишко-негодяемъ, и особенно, если бы, по христіанскому чувству, простилъ его оскорбленіе. И такъ думали во имя нравственности, которую, по счастью, очень удачно замѣнили французскимъ словомъ *moralité*!... Моральность относится къ низшей или практической сторонѣ жизни, равно какъ и вытекающее изъ нея понятіе о чести; но тѣмъ не менѣе и она есть истина, когда не противорѣчить нравственности,—и кто нравственъ, тотъ необходимо и мораленъ и честенъ, но не наоборотъ, ибо иногда самые моральные, и честные, и благородные, въ силу общественнаго мнѣнія, люди бываютъ самыми безнравственными людьми ¹⁾.

Тѣ, которые смотрятъ на искусство съ нравственной точки зрѣнія, обыкновенно смѣшиваютъ нравственность съ моральностію, а какъ моральныя понятія зависятъ отъ ограниченной личности и случайнаго произвола каждаго, то каждый и судить по-своему о произведеніяхъ искусства требуя, отъ нихъ то того, то другого, но никогда не требуя именно того, чего должно отъ нихъ требовать. Исключительность и односторонность господствуютъ въ этомъ взглядѣ. Чего не понимаетъ господинъ моралистъ или госпо-

¹⁾ Къ настоящему абзацу относится слѣдующее мѣсто изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину (отъ 3 февр. 1840 г.): „статья моя о Менцелѣ искажена цензурою, особенно мѣсто о различіи нравственности и морали—недостаетъ почти страницы, и смыслъ выпущенъ весь“.

динъ резонёръ, то и объявляетъ безправственнымъ. Эти моралисты-резонёры хотятъ видѣть въ искусствѣ не зеркало дѣйствительности, а какой-то идеальный, никогда не существовавшій міръ, чуждый всякой возможности, всякаго зла, всякихъ страстей, всякой борьбы, но полный усыпительнаго блаженства и резонёрскаго правоученія; требуютъ не живыхъ людей и характеровъ, а ходячихъ аллегорій съ ярлычками на лбу, на которыхъ было бы написано: умѣренность, аккуратность, скромность и т. п. Вслѣдствіе такого прекраснаго взгляда на сущность жизни, романъ, поэма, драма непременно должны кончиться счастливо для „добродѣтельныхъ“, дабы всѣ видѣли, что „добродѣтель награждается“, и несчастно для порочныхъ, дабы всѣ видѣли, что „порокъ наказывается“. Близорукіе и косые, они не понимаютъ, что добродѣтель всегда награждается и зло всегда наказывается, но только *внутренно*: а *внѣшнимъ образомъ* торжество чаще остается за зломъ, нежели за добромъ. Они не понимаютъ, что добро есть лучшая награда за добро, и зло жесточайшее наказаніе за зло. Въ душѣ человѣка и его небо и его адъ. Прочтите, напр., высоко-художественное созданіе Вальтера Скотта „Ламмермурскую Невѣсту“—эту великую трагедію, достойную генія самого Шекспира, эту высоко-поразительную картину, въ формѣ романа, осуществившую трагическую борьбу, разрѣшившуюся въ торжество нравственного закона. Мать губить собственную дочь для удовлетворенія своей суетности и грѣховныхъ побужденій холодной и искаженной души; обманомъ и хитростью разрываетъ она святой духовный союзъ юнаго дѣвственнаго существа съ избраннымъ ею сердца, съ родною ей душою. Бѣдную, кроткую дѣвушку увѣрили, что милый измѣнилъ ей, что жданный и желанный не придетъ уже къ ней, и указали безотвѣтной жертвѣ на чуждаго ей человѣка, какъ на жениха, а молчаніе ея умышленно приняли за согласіе. И вотъ коварство и злоба восторжествовали: брачный контрактъ уже подписанъ безотвѣтною жертвою, священникъ уже тутъ, а милый сердца далеко-далеко, за синимъ моремъ, на чужой землѣ, подъ чуждымъ небомъ... Резонеры готовы вопіять противъ поэта, говоря, что онъ сдѣлалъ зло сильнымъ и торжествующимъ, а добро немощнымъ и погибающимъ... Но вотъ раздастся на дворѣ замка топотъ коня—и въ залу входитъ человѣкъ, закрытый плащомъ и шляпою... Вотъ онъ открываетъ лицо—и мать въ бѣшенствѣ бросается къ нему съ вопросомъ: какъ онъ осмѣлился нанести ихъ дому это новое оскорбленіе?... Видите ли: зло покарало зло—нравственный законъ осуществился; коварство, такъ глу-

боко обдуманное, такъ легко и непредвидѣнно разрушилось... Братъ Люсіи вызываетъ его на дуэль, женихъ тоже; онъ не отказывается, но спокойно проситъ у матери позволенія объясниться съ дочерью... „Ваша ли рука это, Люсіа? безъ принужденія ли вы подписали этотъ контрактъ?“—Люсіа блѣднѣетъ и умирающимъ голосомъ отвѣчаетъ: „Безъ принужденія“... Отчего же она поблѣднѣла? Оттого, что и на ней совершилось осуществленіе нравственнаго закона, и она наказана за вину собственною виною, ибо въ миломъ сердца своего увидѣла своего грознаго судію. Она не имѣла права подписывать контракта и нести чуждому ей человѣку холодную душу, мертвое сердце, блѣдное лицо и потухшія очи, ибо и церковь, освящающая своимъ благословеніемъ союзъ сердець, изрекаетъ его только на условіи свободнаго выбора сердца; повиновеніе волѣ родительской не есть причина для нарушенія воли Божіей: Богъ выше родителей!... „Такъ возвратите же мнѣ половину моего кольца, Люсіа“... Она тщетно силилась дрожащею рукою вынуть шнурокъ, на которомъ хранилось на груди кольцо; мать помогаетъ ей и Равенсвудъ бросаетъ обѣ половинки переломленнаго кольца въ каминъ и тихо выходитъ... Долго ѣхалъ онъ шагомъ, но лишь исчезъ изъ глазъ смотрѣвшихъ на него враговъ, какъ молніею помчался на своемъ конѣ. Леди Астонъ снова восторжествовала; вотъ конченъ и обрядъ; вотъ тянется отъ церкви къ замку блестящій поѣздъ, и три вѣдьмы, три нищія толкуютъ между собою о событіи, а одна пророчить близкія похороны. Вотъ начался и балъ; онъ уже во всемъ разгарѣ, но вдругъ въ спальнѣ новобрачныхъ раздается вопль... выламываютъ дверь: новобрачный лежитъ на постели съ перерѣзаннымъ горломъ, а сумасшедшую новобрачную едва нашли въ каминѣ, и черезъ два дня новый поѣздъ отъ замка къ церкви и отъ церкви къ замку... Поздравляемъ васъ, гордая и благородная леди Астонъ! вы побѣдили, вы торжествуете, вы поставили на своемъ; вы даже пережили и мужа, и всѣхъ дѣтей, и того, кто одинъ могъ сдѣлать счастливою дочь вашу; вы остались однѣ въ цѣломъ свѣтѣ, какъ надгробный памятникъ нѣсколькихъ вырытыхъ вами могилъ; говорятъ, что вы держали себя все такую же гордою, такую же непреклонною, какъ и прежде, что никто не слышалъ отъ васъ ни стона, ни жалобы, ни раскаянія; но къ этому прибавляютъ, что на вашемъ благородномъ и гордомъ лицѣ читали что-то другое, нежели что хотѣли вы показать, и что ваше присутствіе оледеняло улыбку на лицѣ младенца, умерщвляло всякую радость, всякое чувство человеческое, и оцѣняло души

людей, какъ появленіе мертвеца или страшнаго призрака... И вотъ въ чемъ торжество нравственности, а не въ счастливой развязкѣ!... Поэту нужно было *показать*, а не *доказать*, — въ искусствѣ что *показано*, то уже и *доказано*. Поэту не нужно было излагать своего мнѣнія, которое читатель и безъ того *чувствуетъ* въ себѣ по впечатлѣнію, которое произвелъ на него рассказъ поэта. Моральныя сентенціи и правоученія со стороны поэта только ослабили бы силу впечатлѣнія, которое одно тутъ и нужно и дѣйствительно. Да! въ дѣйствительности зло часто торжествуетъ надъ добромъ, но вѣчная Любовь никогда не оставляетъ чадъ своихъ: когда страданіе переполняетъ чашу ихъ терпѣнія, является успокоительный ангелъ смерти и братскимъ поцѣлуемъ освобождаетъ „добрыхъ“ отъ бурной жизни, и кроткою рукою смежаетъ ихъ очи, и мы читаемъ на просіявшемъ лицѣ страдальцевъ тихую улыбку, какъ-будто уста ихъ, договаривая свою теплую молитву прощенія врагамъ, привѣтствуютъ уже тотъ новый міръ блаженства, предошущеніе котораго они всегда носили въ себѣ... И надъ ихъ могилою совершается торжество примиренія: человечество благословляетъ ихъ память, и повѣстію о ихъ страданіяхъ не возмущается противъ жизни, а мирится съ нею въ умиленномъ сердцѣ, и укрѣпляется въ силѣ великодушно бороться съ бурями бѣдствій... А злые? Страшно ихъ торжество, и только безсмысленные могутъ завидовать ему... Но резонеры говорятъ свое — ихъ ничѣмъ не увѣришь, потому что они чужды духа и духъ чуждъ ихъ; они понимаютъ одно внѣшнее и безсильны заглянуть въ таинственную лабораторію чувствъ и ощущеній; они готовы любить добро, но за вѣрную мзду въ здѣшней жизни, и мзду земными благами. Они громче всѣхъ кричатъ о Богѣ, — но потребуй отъ нихъ Богъ жертвы, пошли на нихъ тяжелое испытаніе — они перейдутъ на сторону Ваала и поклонятся до земли тельцу златому...

Все, что есть, то необходимо, разумно и дѣйствительно. Посмотрите на природу, прикиньте съ любовью къ ея материнской груди, прислушайтесь къ біенію ея сердца — и увидите въ ея безконечномъ разнообразіи удивительное единство, въ ея безкопечномъ противорѣчій удивительную гармонію. Кто можетъ найти хоть одну погрѣшность, хоть одинъ недостатокъ въ твореніи предвѣчнаго Художника? Кто можетъ сказать, что вотъ эта былинка не нужна, это животное лишнее? Если же міръ природы, столь разнообразный, столь, повидимому, противорѣчивый, такъ разумно дѣйствителенъ, то неужели высшій его — міръ исторіи есть не такое же разумно

дѣйствительное развитіе божественной идеи, а какая-то безсвязная сказка, полная случайныхъ и противорѣчащихъ столкновений между обстоятельствами?... И однакожь, есть люди, которые твердо убѣждены, что все идетъ въ мірѣ не такъ, какъ должно. Мы выше сего указывали на этихъ людей, представителемъ которыхъ можетъ служить Менцель. Отчего они заблуждаются? Оттого, что свою ограниченную личность противопоставляютъ личности Божіей; оттого, что безконечное царство духа мѣряютъ маленькимъ масштабомъ своихъ моральныхъ положений, которыя они ошибочно принимаютъ за нравственныя. Посмотрите, какъ они судятъ историческія лица: забывая въ нихъ историческихъ дѣятелей, представителей человечества, они впадаютъ, подобно пивкамъ, въ ихъ частную жизнь, и ею силятся опровергнуть ихъ историческое величіе. Какое имъ дѣло до личнаго характера какого-нибудь Талейрана? можетъ быть, этого человека и во многомъ осудить его духовникъ — единственный призванный и признанный судія его совѣсти; но они-то, эти моральные-то люди, развѣ они сами свободны отъ этого суда?... Не лучше ли имъ было бы судить Талейрана какъ государственнаго человека, по мѣрѣ его вліянія на судьбу Франціи, оставивъ частнаго человека, неимѣющаго права на мѣсто въ исторіи? Удивительно ли послѣ этого, что исторія у нихъ является то сумасшедшимъ, то смиреннымъ домомъ, то темницею, наполненною преступниками, а не пантеономъ славы и безсмертія, полнымъ ликовъ представителей человечества, исполнителей судебъ Божіихъ. Хороша исторія!... Такіе *кривые* взгляды, иногда выдаваемые за *высшіе*, происходятъ отъ разсудочнаго пониманія дѣйствительности, необходимо соединеннаго съ отвлеченностью и односторонностью. Разсудокъ умѣетъ только отвлекать идею отъ явленія и видѣть одну какую-нибудь сторону предмета; только разумъ постигаетъ идею нераздѣльно съ явленіемъ и явленіе нераздѣльно съ идеею, и схватываетъ предметъ со всѣхъ его сторонъ, повидимому одна другой противорѣчащихъ и другъ съ другомъ несомѣстныхъ, — схватываетъ его во всей его полнотѣ и цѣльности. И потому разумъ не создаетъ дѣйствительности, а сознаетъ ее, предварительно взявъ за аксіому, что все, что есть, все то и необходимо, и законно, и разумно. Онъ не говоритъ, что такой-то народъ хорошъ, а всѣ другіе, непохожіе на него, дурны, что такая-то эпоха въ исторіи народа или человека хороша, а такая-то дурна, но для него всѣ народы и всѣ эпохи равно велики и важны, какъ выраженія абсолютной идеи, діалектически въ нихъ

развивающейся. Для него возникновеніе и паденіе царствъ и народовъ не случайно, а внутренне-необходимо, и самая эпоха римскаго разврата есть не предметъ осужденія, а предметъ изслѣдованія. Онъ не скажетъ съ какимъ-нибудь Вольтеромъ, что крестовые походы были плодомъ невѣжества и предпріятіемъ нелѣпымъ и смѣшнымъ, но увидитъ въ нихъ разумно-необходимое, великое и поэтическое событіе, совершившееся въ свою пору и свое время и выразившее моментъ юности человечества, какъ всякой юности, исполненной благородныхъ порывовъ, безкорыстныхъ стремлений и идеальной мечтательности. Такъ же точно смотритъ разумъ и на всѣ явленія дѣйствительности, видя въ нихъ необходимыя явленія духа. Блаженство и радость, страданіе и отчаяніе, вѣра и сомнѣніе, дѣятельность и бездѣйствіе, побѣда и паденіе, борьба, раздоръ и примиреніе, торжество страстей и торжество духа, самыя преступленія, какъ бы они ни были ужасны, все это для него явленія одной и той же дѣйствительности, выражающія необходимыя моменты духа, или отклоненія его отъ нормальности, вслѣдствіе внутреннихъ и вѣшнихъ причинъ. Но разумъ не остается только въ этомъ объективномъ безпристрастіи: признавая всѣ явленія духа равно необходимыми, онъ видитъ въ нихъ безконечную ¹⁾ лѣстницу, не лежащую горизонтально, а стоящую перпендикулярно отъ земли къ небу, и въ которой ступени прогрессивно возвышаются одна надъ другой.

Искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности; слѣдовательно, его задача не поправлять и не прикрашивать жизнь, а показывать ее такъ, какъ она есть въ самомъ дѣлѣ. Только при этомъ условіи поэзія и нравственность тождественны. Произведенія неистовой французской литературы не потому безнравственны, что представляютъ отвратительныя картины прелюбодѣянія, кровосмѣшенія, отцеубійства и сыноубійства, но потому, что они съ особенною любовью останавливаются на этихъ картинахъ и, отвлекая отъ полноты и цѣлости жизни только эти ея стороны, дѣйствительно ей принадлежащія, исключительно выбираютъ ихъ. Но такъ какъ въ этомъ выборѣ, уже ложномъ по своей односторонности, литературные санюлоты руководствуются не требованіями искусства, которое само для себя существуетъ, а для подтвержденія своихъ личныхъ убѣжденій, то ихъ изображенія и не имѣютъ никакого достоинства вѣроятности и истины, тѣмъ болѣе, что они съ умы-

¹⁾ Въ другихъ извѣстныхъ намъ изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго здѣсь повторяется явная ошибка, совершенно искажающая смыслъ: „безполезную“ вмѣсто „безконечную“.

словъ клеветаютъ на человѣческое сердце. И въ Шекспирѣ есть тѣ же стороны жизни, за которыя неистовая литература такъ исключительно хватается, но въ немъ онѣ не оскорбляютъ ни эстетическаго, ни нравственнаго чувства, потому что вмѣстѣ съ ними у него являются и противоположныя имъ, а главное потому, что онъ не думаетъ ничего развивать и доказывать, а изображаетъ жизнь, какъ она есть.

Искусство издавна навлекало на себя нападки и ненависть моралистовъ, этихъ вампировъ, которые мертвятъ жизнь холодомъ своего прикосновенія и селятся заковать ея безконечность въ тѣсныя рамки и клѣточки своихъ *разсудочныхъ*, а не *разумныхъ* опредѣленій. Но изъ всѣхъ поэтовъ Гёте наиболѣе возбуждалъ ихъ ожесточеніе. Геній и безнравственность — его неотъемлемыя качества въ ихъ глазахъ. Въ Менцелѣ эта моральная точка зрѣнія на искусство нашла полнѣйшаго своего выразителя и представителя. Причина очевидна: Гёте былъ духъ во всемъ жившій и все въ себѣ ощущавшій своимъ поэтическимъ ясновидѣніемъ, слѣдовательно — неспособный предаться никакой односторонности, ни пристать ни къ какому исключительному ученію, системѣ, партіи. Онъ многостороненъ, какъ природа, которой такъ страстно сочувствовалъ, которую такъ горячо любилъ и которую такъ глубоко понималъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какъ природа противорѣчива, а слѣдовательно и безнравственна, по воззрѣнію резонёровъ: у полюсовъ она дышитъ хладомъ и смертью зимы, а подъ экваторомъ сожигаетъ изнурительною теплотою; на сѣверѣ она скупа на свои дары и заставляетъ человѣка все брать трудомъ, кровавымъ пѣтомъ и вѣчною борьбой съ собою, а на югѣ щедра дарами, но богата и смертоносными заразами, ядовитыми гадами и свирѣпыми звѣрями; въ срединѣ Африки она разметнулась безбрежною степью — цѣлымъ океаномъ песка, гибельнаго для путешественниковъ, а въ Голландіи явилась топкимъ болотомъ... Слѣдовательно, въ одномъ мѣстѣ она говоритъ одно, а въ другомъ утверждаетъ совсѣмъ противное; какая, право, безнравственная! Таковъ и Гёте — ея вѣрное зеркало. Во дни своей кипучей юности обвѣянный духомъ художественной древности и обаянный роскошью природы и жизни поэтической Италіи, онъ писалъ „Римскія элегіи“, этотъ дивный апотеозъ древней жизни и древняго искусства, и въ то же время воскресилъ въ своемъ „Гёцѣ“ жизнь рыцарской Германіи, свелъ съ ума всю Европу повѣстію о „Страданіяхъ Вертера“ и создалъ въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ“ апотеозъ человѣка, который ничего полезнаго не дѣлаетъ на бѣломъ свѣтѣ,

и живетъ только для того, чтобы наслаждаться жизнью и искусствомъ, любить, страдать и мыслить. Потомъ, въ лѣта болѣе зрѣлыя, онъ въ „Прометее“ воспроизвелъ художнически моментъ возстанія сознающаго духа противъ непосредственности на вѣру признанныхъ положеній и авторитетовъ, а въ „Фаустѣ“ — жизнь субъективнаго духа, стремящагося къ примиренію съ разумною дѣйствительностію путемъ сомнѣнія, страданій, борьбы, отрицаній, паденія и возстанія, но подлѣ него помѣстилъ Маргариту, идеаль женственной любви и преданности, покорную и безропотную жертву страданія, смерть которой была для нея спасеніемъ и искупленіемъ ея вины, въ христіанскомъ значеніи этого слова... Уловить Гёте въ какое-нибудь коротенькое опредѣленіе трудновато и не для Менцеля, Менцель и осердился на него и назвалъ его чѣмъ-то въ родѣ безнравственной безличности. Нашлось много людей, которые, въ простотѣ ума и сердца, воскликнули:

Ай, моська! Знать она сильна,
Коль лаеъ на слона!

и промѣняли слона на моську...

Чтобы унизить Гёте, Менцель противопоставляетъ ему Шиллера не какъ художника, а какъ человѣка „отличнѣйшаго поведенія“. *Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!*... Чтобы сдѣлать Гёте образцомъ безнравственности, Менцель призналъ въ Шиллерѣ образъ нравственности. И Шиллеръ въ самомъ дѣлѣ былъ духъ столь же великій, сколько и нравственный: величіе и нравственность нераздѣльны, какъ теплота и свѣтъ въ огнѣ. Кто грѣшилъ противъ нравственности, стремясь къ нравственности — тотъ нравственнѣе того, который родился и умеръ нравственнымъ; точно такъ же, кто заблуждался въ истинѣ, стремясь къ истинѣ, больше любитъ истину, нежели тотъ, который родился и умеръ правымъ противъ нея. Какъ благородные порывы пламенной, неистощимой любви къ человѣчеству, первыя произведенія Шиллера, каковы: „Разбойники“, „Коварство и Любовь“, нравственны; но въ отношеніи къ безусловной истинѣ и высшей нравственности они рѣшительно безнравственны. Въ нихъ онъ хотѣлъ осуществить вѣчныя истины, — и осуществилъ свои личныя и ограниченныя убѣжденія, отъ которыхъ потомъ самъ отказался. Такъ какъ онъ въ нихъ задалъ себѣ задачу и назначилъ цѣль внѣ искусства, то изъ нихъ и вышли поэтическіе недоноски и уроды, явленія совершенно ничтожныя въ области искусства, хотя и великія въ сферѣ феноменологіи духа. Истинно художественное произведеніе возвышаетъ и расширяетъ духъ

человѣка до созерцанія безконечнаго, примиряетъ его съ дѣйствительностью, а не возстановляетъ противъ нея,—и укрѣпляетъ его на великодушную борьбу съ невзгодами и бурями жизни. Искусство достигаетъ этого тогда только, когда въ частныхъ явленіяхъ показываетъ общее и разумно необходимое, и когда представляетъ ихъ въ объективной полнотѣ, цѣлости и оконченности, замкнутыми въ самихъ себѣ. Если въ трагедіи гибель и смерть ея героевъ явилась какъ внутренняя необходимость изъ ихъ характеровъ и дѣйствій, какъ разрѣшеніе ими же произведенной дисгармоніи въ гармонической сферѣ духа, для осуществленія нравственнаго закона,—мы примираемся съ нею, и умиленною душою предаемся тихой и глубокой думѣ о поразительномъ урокѣ; но когда гибель и смерть героевъ трагедіи является вслѣдствіе страсти поэта къ ужаснымъ и поражающимъ эффектамъ, какъ у какого-нибудь Гюго, или по другой, внѣшней, случайной, а слѣдовательно и бессмысленной причинѣ,—это возбуждаетъ въ насъ отвращеніе и омерзѣніе, какъ зрѣлище казни или пытки. Такъ точно и страданія субъективнаго духа могутъ быть предметомъ искусства, а слѣдовательно и не оскорблять нравственности, если они изображены объективно, просвѣтлены мыслію, свидѣтельствующею о разумной необходимости ихъ явленія. Но когда они суть вопли самого поэта, то и не могутъ быть художественны, ибо кто вопить отъ страданія, тотъ не выше своего страданія,—слѣдовательно, и не можетъ видѣть его разумной необходимости, но видитъ въ немъ случайность, а всякая случайность оскорбляетъ духъ и приводитъ его въ раздоръ съ самимъ собою, слѣдовательно, и не можетъ быть предметомъ искусства. Гёте въ своемъ „Вертерѣ“, по собственному признанію, выразилъ моментальное состояніе своего духа, тяжело страдавшаго; „Вертеромъ“, по собственному же его признанію, онъ и вышелъ изъ своего мучительнаго состоянія. И вотъ истинная причина, почему чтеніе „Вертера“ производитъ на душу тоже тяжкое, дисгармоническое впечатлѣніе, не улаждая, а только терзая ее; вотъ почему „Вертеръ“ и представляется чѣмъ-то неполнымъ, какъ бы неоконченнымъ. Это не художественное произведеніе, а рѣжущій, скрипучій диссонансъ духа. Поэтому, если онъ не есть безнравственное произведеніе, то и нисколько не есть нравственное произведеніе; Гёте измѣнилъ въ немъ самому себѣ, явился невѣрнымъ своей художественской натурѣ. Но кто же поставить ему въ вину то, что онъ на минуту не понималъ самого себя и изъ художника явился человѣкомъ?... И неужели одинъ не-

удачный опытъ можетъ затмить такую богатую и обширную художественскую дѣятельность?...

Никакой человѣкъ въ мірѣ не рождается готовымъ, т.-е. вполне сформировавшимся; но вся жизнь его есть не что иное, какъ непрерывно движущееся развитіе, безпрестанное формированіе. Истина не дается ему вдругъ: чтобы достичь ея, онъ будетъ сомнѣваться, впадать въ ложь и противорѣчіе, страдать и падать. *Дорого да мило, дешево да гнило!* говоритъ мудрая русская пословица. Чѣмъ глубже натура человѣка, тѣмъ глубже и его паденіе и его заблужденіе, его противорѣчія и отрицанія; тѣмъ рѣзче его переходы отъ одного убѣжденія къ другому. Но есть люди, какъ бы родящіеся съ готовыми понятіями,—люди, которые въ старости думаютъ и понимаютъ точно такъ же, какъ думали и понимали въ дѣтствѣ. Это натуры бѣдныя и жалкія, равнодушныя къ истинѣ и чуждыя всякаго духовнаго движенія, умы мелкіе и ограниченные. Вотъ отъ этихъ-то „духовно-малолѣтнихъ“ мы всегда и слышите забавно самолюбивое возраженіе: „какъ, не вы ли тогда-то думали совершенно иначе, а теперь говорите совсѣмъ другое?—стало быть, вы ошибаетесь“. Къ такимъ-то натурамъ принадлежитъ и Менцель: онъ родился совершенно готовымъ, и въ одномъ мѣстѣ своей книги съ препотѣшною гордостію ставитъ себѣ въ великую заслугу, что никогда не измѣнялъ своихъ убѣжденій. Для поэта другой ходъ въ движеніи истины, чѣмъ для людей обыкновенныхъ: безъ борьбы и противорѣчій, руководимый полнотою своей ясновидящей натуры, переходитъ онъ съ лѣтами отъ низшихъ явленій жизни къ высшимъ, отъ „Руслана и Людмилы“ доходитъ до „Бориса Годунова“ или „Каменнаго Гостя“. Менцель этого не понимаетъ,—и посмотрите, какъ растолковано это дивно поэтическое признаніе великаго художника:

Die Feinde, sie bedrohen dich,
Das mehrt von Tag zu Tage sich,
Wie dir doch gar nicht graut!
Das seh ich Alles unbewegt.
Sie zerren an der Schlangenhaut,
Die jüngst ich abgelegt:
Und ist die nächste reif genug,
Abstreif' ich die sogleich
Und wandle neu belebt und jung
Im frischen Götterreich.

Тебѣ грозятъ твои враги и съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивается. Какъ ты не боишься! Я смотрю на все это хладнокровно; они терзаютъ ту кожу, которую я недавно сбросилъ съ себя; коль скоро замѣнившая ее достаточно созрѣетъ—я и эту сброшу немедленно; обновленный, помолодѣвъ опять, явлюсь въ вѣчно цвѣтущемъ царствѣ боговъ.

Менцель это объясняетъ тѣмъ, что для

Гёте не было ничего святого и заветнаго, что онъ всё забавлялся... Угадалъ!...

Менцель, впрочемъ, не до конца прогибался на Гёте: онъ не отнимаетъ у него огромнаго таланта — внѣшней поэтической формы безъ всякаго содержанія... О, почтенный нѣмецкій филистеръ! какъ пристала бы къ нему мандаринская шапка съ тремя желтенькими шариками, при его собственныхъ ушахъ!... Чтобъ быть критикомъ, надо родиться критикомъ, надо получить отъ природы обширное и глубокое созерцаніе, или внутреннее ясновидѣніе всего, что составляетъ содержаніе искусства; надо получить инстинктъ и тактъ для пониманія изящнаго. Мы не можемъ понимать и знать ничего такого, что не лежитъ, какъ возможность, въ сокровенныхъ тайникахъ нашего духа. Наука развиваетъ только данное намъ природою, и внѣ себя мы только узнаемъ находящееся въ насъ. Нѣсколько друзей по-

шло въ картинную галерею, и всё остановились передъ „Мадонною“ Рафаэля, какъ вдругъ одинъ вскричалъ съ восхищеніемъ: „славная рама! я думаю, рублей пятьсотъ стоитъ!“ Растолкуйте же ему, что какъ бы ни хороша была эта рама, хотя бы она стоила миллионъ, хотя бы была сдѣлана изъ цѣльнаго алмаза — и тогда была бы грошевою вещь въ сравненіи съ картиною, которая въ нее вставлена... Растолкуйте Менцелю или менцелямъ, что какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ нѣтъ прекрасныхъ формъ безъ прекраснаго содержанія, т.-е. мысли, которая есть духъ жизни, ставшій въ нихъ видимою, очевидно дѣйствительностію, и что ей-то и своею вѣчно юною жизнію и одолжены эти прекрасныя формы и своею обаятельною красотою и своимъ неотразимымъ и сладостнымъ могуществомъ надъ душою людей!...

1840 г.

18. Горе отъ ума.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Второе изданіе. Спб. 1839.

Одновременно со статьей о „Менцелѣ“ въ январскомъ номерѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1840 годъ появилась настоящая статья Бѣлинскаго, писавшаяся одновременно съ „Менцелемъ“ въ послѣдніе мѣсяцы 1839 года (см. объ этомъ письма Бѣлинскаго къ Краевскому отъ 5 іюля, 19 и 24 авг. 1839 г.), т.-е. въ періодъ наиболѣе воинственнаго гегеліанства Бѣлинскаго, въ періодъ его наивысшаго „примиренія съ дѣйствительностію“. Разумѣется, это не могло не отразиться на отношеніи Бѣлинскаго къ геніальной комедіи, съ ея непримиримымъ отношеніемъ къ окружающей дѣйствительности; вотъ почему настоящая статья является только переходнымъ сужденіемъ Бѣлинскаго о комедіи Грибоѣдова, сужденіемъ, вскорѣ рѣзко измѣненнымъ, какъ мы это еще отмѣтимъ.

Прежде всего надо однако отмѣтить, что въ этой статьѣ — одной изъ самыхъ большихъ статей Бѣлинскаго — о самой комедіи говорится крайне мало: рѣчь о ней занимаетъ менѣе четверти объема статьи. Тѣмъ значительнѣе богатство содержанія непомѣрно разросшагося вступленія: въ немъ не только детально разбирается главная тема статьи — вопросъ о комедіи вообще, но и намѣчается попутно цѣлый рядъ новыхъ темъ, новыхъ вопросовъ, которые Бѣлин-

скій будетъ развивать на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ. Такъ, напримѣръ, цѣлый рядъ начальныхъ страницъ настоящей статьи является какъ бы приготовленіемъ къ статьѣ 1841 года „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“ (наст. изд., статья № 27); можно сказать, что эта послѣдняя статья является сжато изложенной на нѣсколькихъ страницахъ настоящей статьи (см. ниже, стр. 591, 605 и 606). Далѣе, страница 594-ая настоящей статьи, гдѣ рѣчь идетъ объ одухотворяющемъ значеніи греческаго творчества, была положена въ основу другой статьи 1841 года — о „Римскихъ элегіяхъ“ Гете (наст. изд., статья № 32). Наконецъ, встрѣчающееся въ настоящей статьѣ гегеліанское опредѣленіе искусства, какъ „истины въ созерцаніи“, тождественное съ этимъ опредѣленіемъ поэзіи и характеристика поэтическаго творчества, какъ „мышленія образами“ (см. ниже, стр. 593 и 602) — все это впослѣдствіи было подробно развито Бѣлинскимъ въ статьѣ объ „Идеѣ искусства“ (наст. изд., статья № 28). Такимъ образомъ въ настоящей статьѣ были намѣчены темы для цѣлаго ряда позднѣйшихъ статей Бѣлинскаго. Въ то же время, разумѣется, настоящая статья была тѣсно связана и съ предыдущими статьями Бѣлинскаго геге-

лианскаго періода; достаточно указать, что только-что отмѣченное опредѣленіе искусства и поэзіи было высказано Бѣлинскимъ еще въ статьѣ 1838 года о критикѣ (см. выше, статья № 13). Изъ этой же статьи почти буквально заимствована страница о французской и нѣмецкой критикѣ; отсюда же идетъ крайне пристрастное отрицательное отношеніе къ французской литературѣ и т. п., и т. п. Но эта связь съ предыдущими статьями Бѣлинскаго доходитъ и дальше—она восходитъ до „телескопскихъ“ статей Бѣлинскаго: въ началѣ настоящей статьи Бѣлинскій проводитъ старую свою мысль, заимствованную еще отъ Надеждина, о синтезѣ классицизма и романтизма въ современной поэзіи, поэзіи реальной, „поэзіи дѣйствительности“. Эта же мысль будетъ еще развита Бѣлинскимъ въ статьяхъ 1841 года о русской народной поэзіи (наст. изд., статья № 30; см. нашу вступительную замѣтку, т. II, стр. 139). Точно такъ же и та основная мысль настоящей статьи, что „объективность, какъ необходимое условіе творчества, отрицаетъ всякую моральную цѣль“ (см. ниже, стр. 615)—является главной мыслью „телескопскихъ“ статей Бѣлинскаго, мыслью, подробно развитою теперь въ статьѣ о „Менцелѣ“. Наконецъ, одно изъ главныхъ положеній этой статьи—опредѣленіе „трагическаго“ и „комическаго“—тоже тѣсно связываетъ настоящую статью и съ предыдущими и съ послѣдующими. Опредѣляя здѣсь „смѣшное и комическое“, какъ „противорѣчіе явленія съ его собственной сущностью, или идеи съ формою“, Бѣлинскій только повторялъ старую формулировку, данную имъ еще въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“ (см. выше, стр. 270); также повторялъ онъ старую формулировку и въ опредѣленіи трагическаго, какъ „столкновенія естественнаго влеченія сердца съ идеею долга и проистекающей изъ того борьбы“. Въ статьѣ 1842 года о стихотвореніяхъ Майкова (наст. изд., статья № 34) Бѣлинскій подробно развилъ это свое пониманіе трагическаго.

Итакъ, настоящая статья является тѣсно связанной и съ предыдущими и съ послѣдующими статьями Бѣлинскаго; это важно отмѣтить потому, что слишкомъ часто считаютъ статьи Бѣлинскаго 1839—1840 гг. какимъ-то временнымъ недоразумѣніемъ въ его критической дѣятельности, „чернымъ пятномъ“, изолированнымъ и отъ предыдущаго и отъ послѣдующаго. Мы уже знаемъ, что это невѣрно. Новою была гегеліанская форма; но съ предыдущимъ Бѣлинскаго продолжало соединять его эстетическое воззрѣніе, его взглядъ на искусство; съ послѣ-

дующимъ же его соединило *реалистическое пониманіе гегеліанской „дѣйствительности“*. Въ настоящей статьѣ полнѣе, чѣмъ въ другихъ, изложено это пониманіе „дѣйствительности“ Бѣлинскимъ.

Мы знаемъ, что означало принятіе Бѣлинскимъ „разумной дѣйствительности“. Это означало принятіе имъ міра, признаніе объективной разумности и цѣлесообразности міра и жизни. „Души нормальныя и крѣпкія находятъ свое блаженство въ живомъ сознаніи живой дѣйствительности, и для нихъ прекрасенъ Божій міръ, и само страданіе есть только форма блаженства, а блаженство — жизнь въ безконечномъ“, — говоритъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ. И эту „дѣйствительность“ Бѣлинскій понимаетъ въ реалистическомъ смыслѣ: онъ противопоставляетъ ей всякую „мечтательность“ (см. ниже, стр. 604), всякій „романтизмъ“ и „идеализмъ“; въ послѣдствіи это ярко выразилось въ одной изъ послѣднихъ статей Бѣлинскаго, въ его критическомъ разборѣ „Обыкновенной исторіи“ Гончарова (см. въ третьемъ томѣ статью „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“; см. также нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 21). При такомъ реалистическомъ пониманіи „дѣйствительности“ все гегеліанство получало у Бѣлинскаго окраску реалистической системы; хотя въ статьѣ объ „Идеѣ искусства“ и въ другихъ статьяхъ Бѣлинскій и опредѣляетъ міръ и природу, какъ „мышленіе“ (наст. изд. т. II, стр. 77—79), однако ясно, что „мышленіемъ“ онъ называетъ внутреннюю сущность, а не внѣшнюю реальность. Если бы Бѣлинскому были хорошо извѣстны тѣ параграфы „Логики“ Гегеля, въ которыхъ излагается ученіе о „сущности“ (о сущности an sich, какъ „рефлексіи“; о сущности, какъ „явленіи“; о сущности, какъ „истинно-дѣйствительномъ“ — „Wissenschaft der Logik“, §§ 112—159), то Бѣлинскій зналъ бы, что, по Гегелю, „наличное бытіе“, т.-е. чувственный міръ, есть міръ призрачный, „призракъ“ (Schein). Но Бѣлинскій въ гегеліанствѣ искалъ спасенія какъ-разъ отъ подобной „фихтианской отвлеченности“, а потому и понималъ гегеліанство реалистически, отождествивъ „наличное бытіе“ (Dasein) съ „истинно-дѣйствительнымъ“. Поэтому и въ настоящей статьѣ Бѣлинскій, вопреки Гегелю, считаетъ „дѣйствительнымъ“ все, что есть: „міръ видимый и міръ духовный, міръ фактовъ и міръ идей“ (см. ниже, стр. 608); въ то же время Бѣлинскій считаетъ все это дѣйствительное разумнымъ, и, строго по Гегелю, все неразумное — *призрачнымъ* (ibid.). Оставался нерѣшеннымъ вопросъ — что же считать „неразумнымъ“? Для Гегеля отвѣтъ вытекалъ изъ объективно-логическихъ построе-

ній, для БѢлинскаго — изъ субъективно-психологическихъ настроеній: то, что въ статьяхъ 1839 года онъ превозносилъ, какъ „разумное“, два года спустя стало для него „гнуснымъ“ и „неразумнымъ“. Съ этой точки зрѣнія особенно интересны горячія страницы настоящей статьи, посвященные характеристики „дѣйствительнаго“ и „призрачнаго“.

Еще болѣе интересны онѣ для пониманія главной задачи настоящей статьи БѢлинскаго — его характеристики комедіи вообще и „Горя отъ ума“ въ особенности. „Элементы комическаго“ БѢлинскій находитъ „въ призрачности, только имѣющей объективную дѣйствительность, въ отрицаніи жизни“; отсюда и сущность комедіи: „она изображаетъ отрицательную сторону жизни, призрачную дѣйствительность“. При этомъ художественная комедія „должна представлять собою особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ“, должна вся развиваться изъ лежащей въ ея основѣ идеи, должна быть цѣльной, единой, и въ то же время не должна имѣть никакой посторонней цѣли внѣ себя: мы знаемъ, что все это — давнишніе и постоянные члены эстетическаго символа вѣры БѢлинскаго. И вотъ съ высоты этихъ взглядовъ БѢлинскій приступаетъ къ разбору и оцѣнкѣ двухъ величайшихъ комедій русской литературы: „Горя отъ ума“ и „Ревизора“. Разборъ „Ревизора“, занимающій два десятка страницъ, является съ перваго взгляда только пересказомъ его; да, это пересказъ, но настолько блестяще комментированный пересказъ, что стоитъ всякаго критическаго разбора; слѣдя за развитіемъ основной идеи „Ревизора“, БѢлинскій доказываетъ, что произведеніе это является образцомъ единой, цѣльной, самодовлѣющей художественной комедіи.

Все это, однако, является только введеніемъ *a contrario* къ разбору „Горя отъ ума“ и къ его подробному пересказу. Нѣкоторые изъ комментаторовъ недоумѣваютъ, для чего БѢлинскій вздумалъ подробно излагать это слишкомъ извѣстное произведеніе; они упускаютъ изъ вида, что, пересказывая комедію Грибоѣдова, БѢлинскій стремится показать отсутствіе *единой идеи* въ этомъ произведеніи, отсутствіе цѣльности, а слѣдовательно и *нехудожественности* этой комедіи! А произведеніе не художественное, для БѢлинскаго этой эпохи, уже не относилось къ искусству, къ литературѣ: оно принадлежало къ области „беллетристики“, дидактической поэзіи...

Отсюда рѣзко отрицательное отношеніе БѢлинскаго къ величайшей русской комедіи. Въ этой комедіи „нѣтъ цѣлаго, потому что нѣтъ идеи“, — заявляетъ БѢлинскій; „идея Грибоѣдова была сбивчива и неясна самому

ему, а потому и осуществилась какимъ-то недоноскомъ“. Это произведеніе не художественное, ибо „художественное произведеніе есть само себѣ цѣль и внѣ себя не имѣетъ цѣли“, а Грибоѣдовъ „ясно имѣлъ внѣшнюю цѣль — осмѣять современное общество“. А между тѣмъ „общество всегда правѣе и выше частнаго человека, и частная индивидуальность только до той степени и дѣйствительность, а не призракъ, до какой она выражаетъ собою общество“. Стоя на этой точкѣ зрѣнія признанія окружающей дѣйствительности, БѢлинскій направляетъ главные свои удары на Чацкаго. Чацкій, это — „комическая фигура“, „какъ бы вырвавшійся изъ сумасшедшаго дома“, „полоумный“, „смѣшное лицо“, „мальчикъ на палочкѣ верхомъ“, а потому и вся комедія есть „бура въ стаканѣ воды“... ¹⁾

До такой степени ложно понялъ и не сумѣлъ оцѣнить великую комедію БѢлинскій со своей предвзятой точки зрѣнія. И благодаря громадному критическому авторитету БѢлинскаго (особенно послѣ изданія его сочиненій въ 1859 году), этотъ ошибочный взглядъ сталъ одно время общепринятымъ и попалъ даже въ учебники словесности. Лишь мало-по-малу, послѣ опубликованія Пыпинымъ писемъ БѢлинскаго, въ которыхъ идетъ рѣчь о негодованіи самого БѢлинскаго сороковыхъ годовъ на эту его статью, о которой ему „тяжело вспомнить“, послѣ появленія въ семидесятыхъ годахъ знаменитаго этюда Гончарова „Милліонъ терзаній“, послѣ изученія трехъ періодовъ дѣятельности БѢлинскаго, послѣ всего этого — стала очевидной ошибочность отношенія БѢлинскаго къ комедіи Грибоѣдова. Еще Чернышевскій, въ знаменитыхъ своихъ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“, заслуженно признавая настоящую статью БѢлинскаго „блестящей“, указалъ, что въ ней и разборъ „Ревизора“, и разборъ „Горя отъ ума“ сдѣланъ исключительно съ „художественной точки зрѣнія, а на то, какое значеніе для жизни имѣетъ „Ревизоръ“ и имѣло „Горе отъ ума“ — не обращено почти никакого вниманія“ („Современникъ“, 1856 г., № 10).

Надолго внеся въ массу читающей публики это свое ошибочное пониманіе комедіи Грибоѣдова, БѢлинскій самъ скоро призналъ свою ошибку; онъ призналъ узость исключительно одного эстетическаго критерія. Уже въ концѣ 1840 года онъ, какъ мы знаемъ, возненавидѣлъ свою „гадкую статью о Менцелѣ“; послѣ нея ему было „всего тяжелѣе вспомнить о «Горѣ отъ ума», ко-

¹⁾ О томъ, что, говоря о Чацкомъ, БѢлинскій цѣлилъ въ Бакунина — см. нашу книгу „Великія исканія“, стр. 132 и 166.

торое я—писаль Бѣлинскій Боткину 11-го дек. 1840 г.—осудилъ съ художественной точки зрѣнія и о которомъ говорилъ свысока, съ пренебреженіемъ, не догадываясь, что это—благороднѣйшее, гуманическое произведеніе, энергическій (и притомъ еще первый) протестъ противъ гнусной расейской дѣйствительности, противъ чиновниковъ, взяточниковъ, баръ, развратниковъ, противъ нашего онанистическаго свѣтскаго общества, противъ невѣжества, добровольнаго холопства и пр., и пр., и пр.“.

Теперь Бѣлинскій, не отказываясь пока отъ эстетическаго критерія, понимая, что нельзя говорить только объ одномъ художественномъ значеніи „Ревизора“ или „Горя отъ ума“. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ концѣ того же 1840 года, Бѣлинскій, въ статьѣ о сочиненіяхъ Дениса Давыдова (см. ниже, ст. № 25), заговорилъ въ совершенно иномъ тонѣ о „великомъ твореніи Грибоѣдова“; черезъ два мѣсяца, въ статьѣ „Русская литература въ 1840 г.“, Бѣлинскій называетъ комедію Грибоѣдова „благороднѣйшимъ созданіемъ гениальнаго человѣка“. Наконецъ, еще черезъ два мѣсяца, въ началѣ 1841 года, въ статьѣ „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“, Бѣлинскій снова повторяетъ это свое новое мнѣніе о комедіи Грибоѣдова; наиболее рѣзкое мѣсто изъ этого новаго отзыва его было зачеркнуто цензурою (см. объ этомъ наше примѣчаніе на стр. 64-ой второго тома настоящаго изданія). Но все-таки Бѣлинскому удалось достаточно ярко высказать свое новое и окончательное мнѣніе о „Горѣ отъ ума“, какъ о „благороднѣйшемъ созданіи гениальнаго человѣка“ (ibid.); итакъ, въ сущности Бѣлинскій вернулся къ своему прежнему взгляду, высказанному еще въ „Ли-

тературныхъ Мечтаніяхъ“ (см. выше, стр. 77—78). Далѣе, въ статьѣ „Русская литература въ 1841 году“ (наст. изд., статья № 33) Бѣлинскій посвятилъ комедіи Грибоѣдова страницу; отмѣчая попрежнему отсутствіе „полноты художественности“ и опредѣленности идеи и другія погрѣшности комедіи, Бѣлинскій въ то же время восхищается ею и видитъ ея „пагубу“—въ „негодovanіи на дѣйствительность“. Наконецъ, въ восьмой изъ „пушкинскихъ статей“ (1844 г.) Бѣлинскій снова возвращается къ этой комедіи, заявляя, что она „до сихъ поръ высится въ нашей литературѣ геркулесовскими столбами, за которые никому еще не удалось заглянуть“; и далѣе онъ продолжаетъ рѣчь о „Горѣ отъ ума“ въ такомъ же восторженномъ тонѣ, тонко отмѣчая связь Грибоѣдова съ Крыловымъ и называя комедію Грибоѣдова „первымъ образцомъ поэтическаго изображенія русской дѣйствительности въ обширномъ значеніи слова“. И этотъ послѣдній рядъ мнѣній Бѣлинскаго, теперь общепризнанныхъ, закрылъ собою неудачный приговоръ Бѣлинскаго о великой комедіи въ настоящей статьѣ.

Немедленно вслѣдъ за появленіемъ настоящей статьи Боткинъ писалъ Бѣлинскому, что „въ ней много хорошаго, но въ цѣломъ—уродъ“, съ чѣмъ Бѣлинскій былъ „совершенно согласенъ“ (см. его письмо къ Боткину отъ 18 февр. 1840 г.). Въ дѣйствительности же какъ-разъ наоборотъ: много уродливаго и невѣрнаго въ частностяхъ этой статьи, но въ цѣломъ—это одна изъ наиболѣе стройныхъ, цѣльныхъ, блестящихъ статей Бѣлинскаго.

И.-Р.

Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ вышедшій и вѣкъ минувшій:
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!
Грибоѣдовъ. „Горе отъ ума“.

Было время, когда теорія искусства представлялась съ математическою точностію, такъ что для постиженія искусства не нужно было имѣть отъ природы чувства изящнаго, а слѣдовательно и развивать его наукою и ученіемъ. Стоило присѣсть на часокъ, да прочесть любую піитику—и потомъ разсуждать объ искусствѣ вдоль и поперекъ. Въ этихъ піитикахъ основою была—идея искусства, какъ подражанія природѣ, съ приличными, впрочемъ, украшеніями, въ родѣ мушекъ, бѣлилъ и румянъ, или въ родѣ подстриженныхъ аллей регулярнаго сада. Объяснивъ такъ премудро и такъ глубоко значеніе искусства, приступали къ раздѣле-

нію его на роды. Поэзія раздѣлялась на лирическую, эпическую, драматическую, дидактическую, описательную, эпистолярную, пастушескую, сатирическую, эпиграмматическую, и проч. и проч.,—всего не перечтешь. На чемъ основывалось это раздѣленіе?—На вышедшихъ признакахъ, на условной формѣ, существовавшей отвлеченно отъ идеи, изъ которой необходимо должна выходить всякая форма. Что такое, на примѣръ, драматическая поэзія? Вы думаете, что это вопросъ важный, для рѣшенія котораго требуется время, размышленіе, изученіе, наука, о которомъ можно написать разсужденіе, цѣлую книгу?—Ничего не бывало! не успѣете перечесть по пальцамъ десяти, какъ вамъ уже и готовъ самый точный и самый удовлетворительный отвѣтъ. По мнѣнію однихъ—не слишкомъ бойкихъ—драматическая поэзія

есть театральное зрѣлище, съ нѣкоторымъ подражаніемъ природѣ, къ наставленію и увеселенію служащее; другіе — поэмысловатѣе и въ піитическихъ хитростяхъ наиболѣе искусственныя — говорятъ, что драматическая поэзія есть выраженіе настоящаго времени, какъ эпическая — прошедшаго, а лирическая — будущаго. Коротко и ясно! Но, милостивые государи, мужи ученостію и древностію лѣтъ знаменитые! положимъ, что эпическая поэзія воспѣваетъ хриплымъ голосомъ дѣла минувшія, а драма представляетъ бывшее настоящимъ; но лирическая-то поэзія какъ успѣла у васъ забѣжать впередъ самой себя и выражать то, чего и не было и нѣтъ, а только еще будетъ? Напротивъ, старцы достопочтенные! *virī doctissimi atque sapientissimi!* лирическая-то поэзія и есть по преимуществу выраженіе настоящаго момента въ духѣ поэта, настоящаго, мимолетнаго ощущенія. Подновленные мнимымъ романтизмомъ, какъ бѣлилами и румянами устарѣлыя гетеры, нѣкоторые истые классики замѣтили эту натяжку и „изъ глубины сознающаго духа“ новою нелѣпостію украсили старую: лирическая поэзія, говорятъ они, выражаетъ настоящее время; эпическая — прошедшее, а драматическая — будущее, ибо де (о, неисчерпаемая глубина сознающаго духа!) она представляетъ людей не такими, каковы они суть, но какими должны быть!!!... Эту новую нелѣпость вытащилъ изъ глубины своего сознающаго духа одинъ Нѣмецъ, псевдо-философъ *Бахманъ*, котораго безтолковая эстетика, къ сожалѣнію, прекрасно переведена была, лѣтъ десять назадъ тому, на русскій языкъ. Но объ обновленныхъ классикахъ послѣ; обратимся къ почіющимъ въ мирѣ. Раздѣливъ поэзію на роды, они приступали къ подраздѣленію родовъ на виды. Чтѣ такое *трагедія*? — *Опредѣленій* они не любили дѣлать, потому что опредѣленіе должно основываться на разумномъ началѣ и заключать въ себѣ, какъ зерно растительную силу изъ самого себя, возможность внутренняго (имманентнаго) развитія изъ самого же себя, — и потому прибѣгали къ *описаніямъ*, которыя гораздо легче. Итакъ, опишемъ съ ихъ голоса всѣ виды драматической поэзіи. Если драматическое произведеніе писано шестистопными рифмованными ямбами съ *піитическими вольностями* (необходимое условіе!), если его дѣйствующія лица — цари и ихъ наперсники, царицы и ихъ наперсницы, механизмъ дѣйствія движется чрезъ „вѣстниковъ“, которые, краснорѣчиво и съ приличною выступкою, на сценѣ, гдѣ ничего не дѣлается, рассказываютъ, чтѣ дѣлается за кулисами, а пятый актъ кончится рѣзною, — то знайте, что это „трагедія“; если же оно писано прозою и содержитъ въ себѣ *трогательное* и

назидательное происшествіе изъ частной жизни, и кончится свадьбою *любовниковъ* и наказаніемъ *разлучниковъ*, — знайте, что это „драма“ или „слезная комедія“, или „мѣщанская трагедія“ — чтѣ все одно и то же; если же драматическое произведеніе *имѣетъ въ предметъ осмѣяніе пороковъ и исправленіе нравовъ*, и написано шестистопными тяжелыми ямбами съ піитическими вольностями, возбуждающими смѣхъ, а въ пятѣ актѣ кончится позоромъ негоднѣвъ и чудаковъ и торжествомъ резонѣровъ, — знайте, это „комедія“, съ ея *отцами и любовниками*, съ ея *субретками и резонѣрами*; если же оно съ пѣніемъ и музыкою — то „опера“.

Согласитесь, что все это очень просто, и развѣ только рѣшительные глупцы не въ состояніи были постичь всѣхъ этихъ премудростей за одинъ присѣсть. Такъ мольеровъ „Мѣщанинъ въ дворянствѣ“ въ одну минуту узналъ, что стихи есть стихи, а проза есть проза, и что онъ, съ тѣхъ поръ какъ началъ говорить, все говорилъ прозою. Французы мастера и толковать и понимать; быстрота соображенія соединяется у нихъ съ необыкновенною ясностію изложенія. Недоразумѣній по части искусства въ оное блаженное время не было, а если бы они и возникли, стоило только раскрыть кодексъ изящнаго — „*L'art poétique*“ Буало и піитику Баттѣ. „Лицей“, или „Ликей“ Лагарпа, котораго наши остряки прошлаго вѣка, безсознательно, но очень впопадъ, называли въ шутку „Лакеемъ“, былъ уже приложеніемъ теоріи сихъ великихъ мужей къ практикѣ; образцы искусства были утверждены и признаны въ произведеніяхъ Корнеля, Расина и Мольера, съ надбавкою къ нимъ Вольтера, Кребилльона и Дюсиса — шекспирова парикмахера и камердинера. Все было рѣшено и опредѣлено: наука не могла идти далѣе. Славное время, чудное время! И давно ли оно свирѣпствовало у насъ на святой Руси? Давно ли Сумароковъ слылъ „россійскимъ господиномъ Расиномъ“? давно ли Мерзляковъ — человекъ даровитый и умный, душа поэтическая — съ важностію, нисколько не думая шутить или мистифицировать публику, разбиралъ неподражаемыя красоты творца дубовитаго „Синава“ и свирѣпаго „Димитрія Самозванца“!...

Дѣды, помню васъ и я!...

И вдругъ нахлынулъ потокъ новыхъ мнѣній. Легкая молодость, всегда жадная къ новости, ниспровергла прежнихъ идоловъ искусства, разрушила ихъ капища и наругалась надъ жертвоприношеніемъ. Тщетно почтенные филистеры классицизма, застигнутые въ своихъ *вольтеровскихъ креслахъ* внезапною бурей, кричали ниспровергнутымъ

болванамъ: „выдибай, боже!“ Деревянные божки потонули въ Дѣпрѣ нововведенія: мишурная позолота потянула ихъ ко дну и погубила безвозвратно. Куда Сумароковъ! не хотимъ знать и Озерова. Чтò Озеровъ! смѣемся мы надъ Корнелемъ и Расиномъ!— Кого же вамъ надо, господа?— Шекспира, Байрона, Шиллера, Гёте, Виктора Гюго— мы романтики!...

А! романтизмъ!... Просимъ покорно—вотъ сюда, поближе: намъ надо разсмотрѣть васъ хорошенько. Вы смѣялись надъ стариками: посмотримъ, не смѣшны ли вы сами, молодой человѣкъ съ растрепанными чувствами и измятою наружностію...

Ахъ, господа, это пресмѣшная исторія— я вамъ расскажу ее. Но сперва мнѣ надо поговорить серьезно.

Всемирную исторію искусства, т.-е. искусства не какого-нибудь народа, а цѣлаго человѣчества, раздѣляютъ на два великіе періода, обозначая ихъ именами классическаго и романтическаго. Собственно классическое искусство существовало только у Грековъ— этого народа, который своею жизнію отпировалъ праздникъ древняго міра. Всѣ народы Азіи и Африки выразили собою какую-нибудь одну сторону духа:—въ лицѣ Грековъ всѣ эти односторонности явились въ живомъ и слитномъ единствѣ. Всѣ народы сѣяли на нивѣ развитія слезами и кровью: Греки пожали только роскошные плоды, развивъ ихъ изъ своего многосторонняго, универсальнаго, абсолютнаго духа. Истина открылась человѣчеству впервые— въ искусствѣ, которое есть истина въ созерцаніи, т.-е. не въ отвлеченной мысли, а въ образѣ, и въ образѣ не какъ условномъ символѣ (что было на востокѣ), а какъ въ воплотившейся идѣ, какъ полномъ, органическомъ и непосредственномъ ея явленіи въ красотѣ формъ, съ которыми она такъ нераздѣльно слита, какъ душа съ тѣломъ. Поэтому, самая религія Грековъ вышла изъ творящей фантазіи, и мысль о божествѣ явилась въ очаровательныхъ созданіяхъ искусства. Греческое творчество было освобожденіемъ человѣка изъ-подъ ига природы, прекраснымъ примиреніемъ духа и природы, дотолѣ враждовавшихъ между собою. И потому греческое искусство облагородило, просвѣтлило и одухотворило всѣ естественныя склонности и стремленія человѣка, которыя дотолѣ являлись въ отвратительномъ безобразіи своей животности. Вотъ почему духъ нашъ не только не оскорбляется, но возвышается и облагораживается эпизодомъ изъ „Иліады“, гдѣ лилейнораменная Гера, державная супруга громовержца Зевеса, обольщаетъ чарами любви и наслажденія своего грознаго супруга, чтобы въ ея объятіяхъ отецъ боговъ

и человѣковъ не отвратилъ гибели отъ ненавистныхъ ей Данаевъ и не наслалъ ея на любезныхъ ей Ахейцевъ...¹⁾ Вотъ почему такую благородную, такую величественно-граціозную картину представляетъ собою Афродита— „милыхъ хитростей мать грозная“²⁾, которая собственною рукою возводитъ прекрасную Елену на ложе бѣжавшаго отъ копы менелаева боговиднаго царя Александра— Париса Пріаида... Всѣ формы природы были равно прекрасны для художнической души Эллина; но какъ благороднѣйшій сосудъ духа— человѣкъ, то на его прекрасномъ станѣ и роскошномъ изяществѣ его формъ и остановился съ упоеніемъ и гордостію творческій взоръ Эллина, и благородство, величіе и красота человѣческаго стана и формъ явились въ безсмертныхъ образахъ Аполлона Бельведерскаго и Венеры Медицейской. Посмотрите: сколько красокъ, сколько пластики въ описаніяхъ наружности и разнообразныхъ положеній человѣческаго стана въ пѣсняхъ пѣвца „Иліады“, съ какимъ наслажденіемъ останавливается онъ на этихъ пластическихъ картинахъ, съ какою любовію, съ какою неистощимою роскошью творчества отдѣлываетъ ихъ своимъ волшебнымъ рѣзцомъ... Статуи Грековъ изображались нагими: то, что для другихъ показалось бы безстыднымъ оскорбленіемъ человѣческаго достоинства, въ древнемъ мірѣ было цѣломудренною поэзіею и сознаніемъ человѣческаго достоинства,—и вотъ почему ваяніе достигло у Грековъ такого высшаго развитія, принесло такіе роскошные плоды. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о важнѣйшихъ произведеніяхъ древняго рѣзца—каменя, барельефъ, медаль, посуда въ формѣ человѣческой или львиной головы, каждая бездѣлка въ этомъ родѣ есть художественное произведеніе, и въ тысячу разъ выше лучшей статуи даже Кановы. У Грековъ родилось ваяніе— съ ними и умерло оно, потому что только у нихъ совершенство человѣческой фигуры могло имѣть такое міровое значеніе. Вотъ почему характеръ самой поэзіи Грековъ есть пластичность образовъ, такъ что хочется ощупать рукою этотъ волнистый, мраморный гексамеръ, который, излетѣвъ изъ устъ, становится передъ глазами вашими отдѣльною статуею или движущеюся картиною. Причина этого явленія—уравновѣшеніе идеи съ формою, изъ которыхъ каждая потеряла свою особность и которыя слились въ неразрывномъ тождествѣ уже, а не единствѣ только. Далѣе, какое было содержаніе греческаго искусства? Для Грековъ, какъ лишенныхъ

¹⁾ См. развитіе этой мысли въ статьѣ о „Римскихъ элегіяхъ“,—наст. изд. т. II, статья № 32.

²⁾ Стихъ Мерзлякова.

Прим. Бѣлинскаго.

христіанскаго откровенія, была темная, мрачная сторона жизни, которую они нарекли судьбою (*fatum*), и которая, какъ неотразимая враждебная сила, тяготѣла надъ самими богами. Но благородный, свободный Грекъ не преклонился, не палъ передъ этимъ страшнымъ призракомъ, а въ великодушной и гордой борьбѣ съ судьбою пашель свой выходъ, и *трагическимъ* величіемъ этой борьбы просвѣтлil мрачную сторону своей жизни; судьба могла лишить его счастья и жизни, но не унизить его духа, могла сразить его, но не побѣдить. Эта идея мелькаетъ еще и въ „Іліадѣ“, а въ трагедіяхъ является уже во всемъ блескѣ своего царственного величія. Древній міръ былъ міръ внѣшній, объективный, въ которомъ *все* значило общество и *ничего* не значилъ человѣкъ. Вотъ почему дѣйствующими лицами въ греческой трагедіи могли быть только боги, полубоги, цари и герои—представители общества, народа, а не частныя лица. Дивный, очаровательно-прекрасный, роскошно-упойтельный міръ! Великій моментъ человѣчества, моментъ примиренія, брачнаго союза духа съ природою въ искусствѣ, по превосходству *художественномъ*, слѣдовательно, въ искусствѣ по преимуществу, которому равнаго уже не будетъ, но котораго безсмертныя творенія, вопреки безмысленному мнѣнію ограниченныхъ головъ, невѣждъ и самоучекъ, всегда будутъ для насъ полны значенія и обаятельной силы, потому что для человѣчества не теряется ни одинъ моментъ его развитія, а тѣмъ болѣе не можетъ забыться такая высокая ступень духа, на которой были Греки!... Исчезаютъ только конечныя формы, а формы искусства вѣчны и непреходящи, ибо въ ихъ конечности является безконечное...

Но кончился онъ, этотъ прекрасный міръ просвѣтленной чувственности, одухотворенныхъ формъ и героической борьбы человѣка съ неотразимою силою рока; кончился этотъ періодъ роскошнаго цвѣтенія искусства—умеръ народъ-художникъ! Уже и варваръ-Римлянинъ исчерпалъ всю свою жизнь—задача его была рѣшена: онъ простеръ надъ міромъ свою желѣзную длань, сливъ его въ механическомъ единствѣ своихъ гражданственныхъ формъ; онъ уже издалъ и кодексъ своихъ правъ, развитыхъ имъ изъ своей жизни и своею жизнію. Окруженный дивными произведеніями искусства, вывезенными изъ ограбленной имъ Греціи, онъ зѣвалъ отъ пресыщенія и скуки, и кормилъ рабами чудовищныхъ рыбъ... Древній міръ одряхлѣлъ; содержаніе его жизни было истощено... изнеможенное человѣчество алкало и жаждало обновленія или смерти. А между тѣмъ, въ забытомъ уголку міра давно уже раздавался божественный голосъ, кротко и

любовно вzywавшій: „Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные — и я успокою васъ! Возьмите иго мое на себя, и научитесь отъ меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ: и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго мое благо и бремя мое легко“. И пришелъ часъ — народы познали гласъ Пастыря, положившаго душу свою за овцы, и міръ осѣнилъ знаменемъ креста. Новые, кипящіе избыткомъ юной жизни народы обновили древній міръ, и настала новыи періодъ человѣчества, періодъ религіозный, періодъ *романтический*. Справедливо называютъ его періодомъ юности человечества: это безпрестанное стремленіе куда-то, въ какую-то неопредѣленную даль, эта безпрерывная жажда дѣятельности—что все это, какъ не кипѣніе молодой крови, какъ не тревога юнаго духа, мучимаго избыткомъ силъ своихъ? Изъ этого безпокойнаго стремленія къ движенію, хотя бы даже безъ всякой цѣли, но только къ движенію, вышло бродячее рыцарство въ желѣзныхъ доспѣхахъ, вѣчно на конѣ, вѣчно въ битвахъ, если не съ врагами, такъ съ самимъ собою въ кровавыхъ расприхъ и на потѣшныхъ турнирахъ. Но прямымъ и непосредственнымъ источникомъ всей этой романтической жизни было христіанство. Нѣкоторые поверхностные мыслители говорили и писали, что будто христіанство отрицаетъ государство, общественность, науку и искусство, потому что въ евангеліи ни о чемъ этомъ не говорится. Что христіанство не отрицаетъ государства, какъ необходимой формы существованія человѣчества—это ясно изъ словъ Спасителя: „Воздадите кесарева кесареви, Божія Богови“, и изъ многихъ мѣстъ евангелія, гдѣ говорится о земныхъ властяхъ. Но и это еще не главное, еще не причина, а только слѣдствіе: все дѣло въ сущности основной идеи: такъ какъ основная идея евангелія—идея божественной любви, осуществившаяся страданіемъ и кровью за чадъ своихъ; такъ какъ эта идея есть идея всеобъемлющая, все въ себѣ заключающая, все собою условливающая, и въ самой себѣ носящая, какъ зерно растительную силу, всѣ свои будущіе моменты и проявленія,—то благодатно оплодотворенная ею почва человѣческаго развитія и произращала, и произращаетъ, и никогда не перестанетъ произращать всѣ цвѣты и всѣ плоды небесные. Потому-то христіанская религія и дала обновленному міру такое богатое содержаніе жизни, котораго не изжить ему въ вѣчность; потому-то все, что ни есть теперь, чѣмъ ни гордится, чѣмъ ни наслаждается современное человѣчество,—все это вышло изъ плодотворнаго сѣмени вѣчныхъ, непреходящихъ глаголовъ божественной книги

новаго завѣта. Только въ ней и можно и должно искать сокровенной причины торжества христіанской Европы надъ всѣмъ остальнымъ, нехристіанскимъ міромъ, слабымъ и ничтожнымъ въ своей громадной величинѣ передъ этою малѣйшею частью свѣта. Не изъ христіанства ли вышло все гражданское устройство среднихъ вѣковъ? Римляне завѣщали имъ гражданское право, вышедшее изъ чисто отвлеченной мысли, и юридическія формы; но уваженіе къ личности человѣка, котораго самъ Богъ нарекъ сыномъ своимъ, уваженіе къ внутреннему человѣку вышло изъ евангелія, изъ идеи равенства людей передъ судомъ Божиимъ, изъ идеи равенства права на отеческую любовь и милость Божию. Въ евангеліи ничего не говорится объ искусствѣ, но Божественный Спаситель называлъ себя сыномъ царственного пѣвца и пророка Давида, и христіанству обязано своими блистательнѣйшими вдохновеніями искусство среднихъ вѣковъ; ему обязаны своимъ возникновеніемъ и высокимъ развитіемъ готическая архитектура—этотъ образъ безконечнаго стремленія въ царство духа, и живопись съ музыкою—эти по преимуществу (особливо послѣдняя) романтическія искусства. Христіанству же обязано своимъ возвышеннымъ, благороднымъ характеромъ и юношеское безпокойство одухотвореннаго имъ человѣчества: рыцари были защитники вдовъ и сиротъ, поборники религіи, воины Христовы. Оно же возвратило женщинамъ права ея; изъ него же вышло рыцарское благоговѣніе къ достоинству женщины, и отношенія обоихъ половъ получили такой возвышенно идеальный характеръ, ибо родшая Бога была Матерь и Дѣва—сочетаніе материнской любви съ дѣвственною чистотою, а бракъ былъ названъ Спасителемъ „тайною великою“...

Итакъ, смиреніе передъ Богомъ, какъ отрицаніе своей конечной личности въ пользу вѣчной истины, смиреніе, простирающееся до энтузіастической готовности идти, какъ на свѣтлое торжество, на смерть за свое убѣжденіе, и несмотря ни на какую мѣру страданія, признавать благою и правою волю Божию, сознавая свою грѣховность (*résignation*); при необходимомъ неравенствѣ на лѣствицѣ общественной іерархіи, совершенное равенство передъ крестомъ Распятаго, въ смыслѣ христіанскаго братства,—а отсюда любовь и уваженіе къ человѣческой личности, великодушное мужество, жертвующее всѣми своими силами и самою жизнію за угнетенныхъ и гонимыхъ; идеальное обожаніе женщины, какъ представительницы на землѣ любви и красоты, какъ свѣтлаго генія гармоніи, мира и утѣшенія; тревожное стремленіе въ сумрачную даль безконечнаго, ко

всему таинственному и мистическому:—вотъ романтическіе элементы, изъ которыхъ сложилась богатая жизнь среднихъ вѣковъ. Эта эпоха была пробужденіемъ, возстаніемъ духа. Чтобы сознать себя, ему надобно было отрѣшиться отъ природы, которая есть его же собственная сторона, но которая единствомъ съ нимъ (въ смыслѣ древнихъ), такъ сказать, затемняла его, поглощая собою его невидимую жизнь и, прелестію формъ, отводя бранныя очи отъ его таинственной сущности. Духу надо было явиться только духомъ, отвлеченно отъ слитнаго явленія. И онъ возсталъ въ своемъ страшномъ величій, онъ отвергся природы, какъ врага своего, какъ діавола. Отсюда вышли: обѣты цѣломудрія, отрѣшеніе отъ благъ земныхъ, отшельничество; обаятельныя радости древняго міра уступили мѣсто посту, молитвѣ, покаянію, бичеванію,—религія стала католицизмомъ. Отсюда и романтическій характеръ искусства. Живопись сдѣлалась орудіемъ религіи, ея служительницею; возникла музыка—искусство романтическое по самой своей сущности, какъ выраженіе внутренней жизни субъективнаго духа, и ея гармонія гремѣла гимномъ Богу. Поэзія воспѣвала подвиги и любовь храбрыхъ рыцарей и прекрасныхъ дамъ, и ея формы улетучивались въ туманной мистикѣ содержанія. Не спрашивали: какъ выполнено художественное произведеніе, но спрашивали: что выражаетъ оно; *содержаніе* отдѣлилось отъ *формы* и стало выше ея. Это не значитъ, чтобы произведенія романтическаго искусства были аллегоріями или символами: въ истинныхъ художникахъ общая страсть времени къ аллегоріямъ и символамъ побѣждалась, болѣе или менѣе, полнотою ихъ художественной натуры, и идея становилась *ощутительною* только черезъ форму; но какъ въ древнемъ мірѣ *красота формы*, обязанная своимъ явленіемъ скрытой въ ней идеѣ, довольствовалась собою духъ и не производила въ немъ страстнаго порыва проникнуть въ ея сущность, такъ въ романтическомъ мірѣ *идея*, поглощая собою вниманіе и удовлетворяя духъ, дѣлала форму вопросомъ второстепеннымъ. Искусство уже утратило свою самостоятельность, потому что религія—сознаніе истины въ непосредственномъ откровеніи, какъ высшее, всеобщее средство знанія,—подчинила себѣ искусство, которое, поэтому, перестало уже быть вышею всеобщею формою всеобщей истины. И вотъ въ этомъ-то смыслѣ греческое искусство только одно и есть истинное искусство, искусство какъ искусство, и, слѣдовательно, высшее и совершеннѣйшее искусство,—и въ этомъ-то заключается для насъ и его достоинство и его недостатокъ: содержаніе его для насъ

неудовлетворительно, а возвыситься до его формы мы не можемъ, не отдавъ формѣ предпочтенія передъ идеею.

Итакъ, классическое искусство есть полное и гармоническое *уравновѣшеніе идеи съ формою*, а романтическое—*перевѣсъ идеи надъ формою*. Подъ первымъ разумѣется искусство Грековъ, и—не по достоинству, а по общему характеру пластицизма—поэзія Римлянъ; подъ вторымъ—искусство среднихъ вѣковъ, включая сюда и нѣкоторыхъ новѣйшихъ поэтовъ, какъ, напр., Шиллера.

Изъ этого ясно видно, что называть классиками поэтическихъ уроковъ, каковы были: Корнель, Расинъ, Буало, Мольеръ, Кребильонъ, Вольтеръ, Дюсисъ, Аддисонъ, Понпе, Альфіери и подобные имъ, или называть романтиками Шекспира, Сервантеса, Байрона, Вальтеръ Скотта, Купера, Гёте, Пушкина могутъ только люди, воздвоенные французскими идеями объ искусствѣ и незнающіе первыхъ началъ, *азовъ* науки изящнаго. Наше новѣйшее искусство, начатое Шекспиромъ и Сервантесомъ, не есть ни классическое, потому что „мы не Греки и не Римляне“¹⁾, и не романтическое, потому что мы не рыцари и не трубадуры среднихъ вѣковъ. Какъ же его назвать? *Новѣйшимъ*. Въ чемъ его характеръ? Въ примиреніи классическаго и романтическаго, въ тождествѣ, а слѣдственно и въ различіи отъ того и другого, какъ двухъ крайностей. Происходя исторически непосредственно отъ второго, наслѣдовавъ всю глубину и обширность его безконечнаго содержанія и обогатя его дальнѣйшимъ развитіемъ христіанской жизни и приобрѣтеніемъ новаго знанія, оно примирило богатство своего романтическаго содержанія съ пластицизмомъ классической формы.

Теперь обратимся къ смѣшной исторіи.

Очевидно, что классицизмъ, какъ его понимали французы, и какъ онъ перешелъ отъ нихъ къ намъ, былъ псевдо-классицизмъ²⁾, столько же походившій на греческій, сколько маркизы XVIII вѣка походили на боговъ, царей и героев древней Греціи. Неспособные, по своему національному духу, проникнуть въ сущность свѣтлаго міра древнихъ Грековъ,—они взяли нѣчто отъ внѣшнихъ формъ, и думали, что, введя въ свою quasi-трагедію царей, наперсниковъ и вѣстниковъ,

сдѣлають ее греческою. Христіанскій міръ есть міръ внутренній, духовный, субъективный, въ которомъ личность чловѣка благородна и священна потому уже, что онъ чловѣкъ: вслѣдствіе этого въ шекспировской драмѣ шутъ короля Лира имѣетъ такое же право на свое мѣсто, какъ и самъ Лиръ на свое; а въ древней трагедіи, какъ мы уже замѣтили выше, могли имѣть мѣсто только представители политическаго общества, народа. Смотрѣть на внѣшность мимо ея значенія значить впасть въ случайность. Возвышенную простоту Грековъ, ихъ поэтическій языкъ, выходявшій изъ пластическаго лиризма ихъ жизни, Французы думали замѣнить натянутою декламаціею и риторическою шумихою. Они сами себя называли классиками, и имъ всѣ повѣрили! Такъ какъ основаніемъ этого псевдо-классицизма была внѣшность и формальность, то понятно, отчего французская теорія изящнаго была такъ проста и опредѣленна: ничего нѣтъ легче, какъ судить о вещахъ по внѣшнимъ признакамъ.

Но такъ называемые романтики ушли не дальше ихъ, и только впали въ другую крайность: отвергнувъ псевдо-классическую форму и чопорность, они полагали романтизмъ въ безформенности и дикомъ неистовствѣ. *Дикость* и *мрачность* они провозгласили отличительнымъ характеромъ поэзіи Шекспира, смѣшавъ съ ними его глубину и безконечность, и не понявъ, что формы шекспировыхъ драмъ совсѣмъ не случайности, но обуславливаются идеею, которая въ нихъ воплотилась. Есть еще и теперь люди, которые Бетховена называютъ *дикимъ*, добродушно не понимая, что дикость есть униженіе, а не достоинство генія, и что энергія и глубокость совсѣмъ не то, что дикость. Они не поняли, что въ лирическихъ произведеніяхъ Гёте пластицизмъ формъ подходитъ къ древнему, и что ихъ художественное достоинство недоступно съ перваго взгляда со стороны идеи, но прежде всего поражаетъ роскошнымъ изяществомъ своихъ формъ. Если классики походили на напудренныхъ маркизовъ прошлаго вѣка, то романтики походили на нагихъ Австралійцевъ, одурѣвшихъ отъ чловѣческой крови, или отправляющихъ свои отвратительныя торжества. Отвергнуть устарѣлыя и случайныя формы искусства, еще не значить постигнуть сущность искусства. Последнее можно сдѣлать, только оставивъ въ сторонѣ внѣшности и углубившись въ начала искусства. Но это романтическое неистовство было нужно, какъ отрицаніе ложнаго классицизма: сдѣлавъ свое дѣло, оно, въ свою очередь, стало такъ же смѣшно, какъ и классическая чопорность. Въ сущности же всѣ крайности

¹⁾ См. наше примѣчаніе на страницѣ 176-ой второго тома наст. изданія.

²⁾ По указанію самого Бѣлинскаго, терминъ „псевдо-классицизмъ“ принадлежитъ Надеждину; г. Венгеровъ полагаетъ, что терминъ этотъ изобрѣтенъ самимъ Бѣлинскимъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что Бѣлинскій сильно способствовалъ введенію какъ этого термина, такъ и аналогичнаго ему „псевдо-романтизма“, особенно частаго въ статьяхъ 40-хъ годовъ (см., напр., т. II, стр. 154 и сл.).

равны и ни одна не лучше другой. Мы смѣемся надъ классическими раздѣленіями поэзіи на роды и драматической на виды; но понимаемъ ли мы сами это дѣло лучше ихъ? Мы говоримъ: „драма, трагедія, комедія“, а не думаемъ, въ чемъ состоитъ значеніе этихъ словъ и чѣмъ они другъ отъ друга отличаются. Кровавый конецъ для насъ еще и теперь признакъ *трагедіи*, веселость и смѣхъ—признакъ *комедіи*, а то и другое вмѣстѣ и съ благополучнымъ окончаніемъ—*драма*. Все тѣ же внѣшніе и случайные признаки, невыходящіе изъ идеи; мы все тѣ же классики, только *классики романтическіе*.

Кстати: позвольте объяснить вамъ подробно, что такое *романтическій классицизмъ*: это прямо относится къ предмету нашей статьи и представляетъ собою очень интересный предметъ, по крайней мѣрѣ, очень забавный.

Романтическій классикъ есть представитель *электическаго* примиренія классицизма съ романтизмомъ, въ которомъ кое-что удерживается изъ классицизма и кое-что берется изъ романтизма. Разумѣется, все дѣло тутъ вертится на отвлеченныхъ, внѣшнихъ формахъ. При разсматриваніи поэтическаго произведенія первая задача классика—опредѣлить его родъ, и если его форма такъ странна, дика и такая небывалая, что классикъ недоумѣваетъ о его родѣ, то объявляетъ это сочиненіе вздорнымъ и нелѣпымъ, хотя и не лишеннымъ блесковъ таланта. Такъ антипоэтическій Вольтеръ отзывался о Шекспирѣ. Особенно въ этомъ отношеніи для классиковъ хуже чумы тѣ авторы, которые не выставляютъ на своихъ сочиненіяхъ словъ: *поэма, трагедія, драма, комедія, водевиль, ода, эклога, элегія* и пр. Для нихъ это просто убійство! Здѣсь классики очень сходны съ натуралистами: нашедши новый предметъ изъ животнаго, растительнаго или минеральнаго царства, натуралистъ прежде всего хлопочетъ о *родѣ* и *видѣ*, и если не узнаетъ съ раза ни того, ни другого, то старается подвести свою находку подъ какой-нибудь извѣстный *родъ* въ качествѣ новооткрытаго *вида*. Но вотъ гдѣ и ужасная разниа между классиками и натуралистами: если рода не находится для новооткрытаго предмета, а самъ онъ не помѣщается въ цѣпи системы, какъ родъ, то натуралистъ все-таки не исключаетъ его изъ цѣпи созданій Божіихъ, но, тщательно описавъ его признаки, надѣется, что впоследствии найдется для него мѣсто; классикъ же, не думая долго, объявляетъ изящное произведеніе вздоромъ за то только, что оно не подходитъ подъ *извѣстные ему* роды произведеній искусства. Но лучше ли поступаютъ въ этомъ отно-

шеніи господа романтики? Давно ли одинъ журналистъ¹⁾, съ гордостію и до сихъ поръ называющій себя романтикомъ и всегда преслѣдовавшій классицизмъ, какъ уголовное преступленіе, отступился отъ „Каменнаго Гостя“ Пушкина и нашелъ лишь хорошіе стишки въ этомъ великомъ созданіи, потому только, что пришелъ въ недоумѣніе—что это такое: не то драматическій рассказъ, не то испанское имброгло, не то Богъ знаетъ что! Не форма ли тутъ играетъ прежнюю свою роль, не классицизмъ ли это, хотя и подновленный, подкрашенный романтизмомъ? А какъ вамъ кажется вотъ эта продѣлка: догадавшись о нелѣпости раздѣленія поэзіи на роды, основаннаго на трехъ формахъ времени и дѣлающаго лирическую поэзію выраженіемъ будущаго времени, нѣмецкій хитрецъ драматическую поэзію заставилъ выражать будущее время, ибо-де драма представляетъ людей не такими, каковы они суть, а такими, каковы должны быть, слѣдовательно, какими будутъ. „О, тонкая штука! Экъ, куда метнулъ! какого тумана напустилъ! разбери, кто хочетъ!...“ И всѣ толки, всѣ положенія нашихъ романтиковъ похожи на это, какъ двѣ капли воды: это тѣ же классическія нелѣпости, но только перехитренные и перемудренные; словомъ, это романтическій классицизмъ, старая погудка на новый ладъ. Онъ также смотритъ на предметъ извнѣ, а не изнутри, и потому хоть ему и кажется, что онъ прытко бѣжитъ, а въ самомъ-то дѣлѣ онъ все на одномъ мѣстѣ вертится вокругъ самого себя. Пора приняться за дѣло посерьезнѣе, пора взять за основаніе своихъ теорій не произвольныя, субъективныя понятія, а мысль, развивающуюся изъ самой себя. Мы не принадлежимъ ни къ классикамъ, ни къ романтикамъ, и равно смѣемся надъ тѣмъ и другимъ названіемъ, не находя смысла ни въ томъ, ни въ другомъ. Мы не ручаемся за вѣрность нашихъ основаній, но ручаемся, что въ нашихъ выводахъ будемъ логически вѣрны своимъ основаніямъ, и что, если читатели не согласятся съ нами, по крайней мѣрѣ поймутъ то, что мы хотимъ сказать. Задача, которую мы предлагаемъ себѣ въ этой статьѣ—вывести раздѣленіе драматической поэзіи на трагедію и комедію не по внѣшнимъ признакамъ, а изъ ихъ сущности, и на этихъ основаніяхъ сдѣлать критическую оцѣнку знаменитому произведенію Грибоѣдова.

Поэзія есть истина въ формѣ созерпанія; ея созданія—воплотившіяся идеи, видимыя, *созерцаемыя* идеи. Слѣдовательно, поэзія есть та же философія, то же мышленіе, потому

¹⁾ Полевой въ „Сынѣ Отечества“ 1839 года.

что имѣть то же содержаніе—абсолютную истину, но только не въ формѣ діалектическаго развитія идеи изъ самой себя, а въ формѣ непосредственнаго явленія идеи въ образѣ. Поэтъ мыслить образами; онъ не *доказываетъ* истины, а *показываетъ* ее. Но поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя—она сама себѣ цѣль; слѣдовательно, поэтическій образъ не есть что-нибудь внѣшнее для поэта, или второстепенное, не есть средство, но есть цѣль: въ противномъ случаѣ онъ не былъ бы образомъ, а былъ бы символомъ. Поэту представляются образы, а не идея, которой онъ изъ-за образовъ не видитъ, и которая, когда сочиненіе готово, доступнѣе мыслителю, нежели самому творцу. Посему поэтъ никогда не предполагаетъ себѣ развить ту или другую идею, никогда не задаетъ себѣ задачи: безъ вѣдома и безъ воли его возникаютъ въ фантазіи его образы, и, очарованный ихъ прелестью, онъ стремится изъ области идеаловъ въ возможности перенести ихъ въ дѣйствительность, т.-е. видимое одному ему сдѣлать видимымъ для всѣхъ. Высочайшая дѣйствительность есть истина; а какъ содержаніе поэзіи—истина, то и произведенія поэзіи суть высочайшая дѣйствительность. Поэтъ не украшаетъ дѣйствительности, не изображаетъ людей, какими они должны быть, но каковы они суть. Есть люди,—это все они же, все романтическіе же классики,—которые отъ всей души убѣждены, что поэзія есть мечта, а не дѣйствительность, и что въ нашъ вѣкъ, какъ *положительный* и *индустріальный*, поэзія невозможна. Образцовое невѣжество! нелѣпость первой величины! Что такое мечта? Призракъ, форма безъ содержанія, порожденіе разстроеннаго воображенія, празднои головы, колобродствующаго сердца! И такая мечтательность нашла своихъ поэтовъ въ Ламартинахъ и свои поэтическія произведенія въ идеально чувствительныхъ романахъ, въ родѣ „Абадонны“¹⁾, но развѣ Ламартинъ поэтъ, а не мечта,—и развѣ „Абадонна“ поэтическое произведеніе, а не мечта?... И что за жалкая, что за устарѣлая мысль о *положительности* и *индустріальности* нашего вѣка, будто бы враждебныхъ искусству? Развѣ не въ нашемъ вѣкѣ явились Байронъ, Вальтеръ Скоттъ, Куперъ, Томасъ Муръ, Уордсвортъ, Пушкинъ, Гоголь, Мицкевичъ, Гейне, Беравже, Эленшлегеръ, Тегнеръ и другіе? Развѣ не въ нашемъ вѣкѣ дѣйствовали Шиллеръ и Гёте? Развѣ не нашъ вѣкъ оцѣ-

нилъ и понялъ созданія классическаго искусства и Шекспира? Неужели это еще не факты? Индустріальность есть только одна сторона многосторонняго XIX вѣка, и она не помѣшала ни дойти поэзіи до своего высочайшаго развитія въ лицѣ поименованныхъ нами поэтовъ, ни музыкѣ, въ лицѣ ея Шекспира—Бетховена, ни философіи, въ лицѣ Фихте, Шеллинга и Гегеля. Правда, нашъ вѣкъ врагъ мечты и мечтательности, но потому-то онъ и великій вѣкъ! Мечтательность въ XIX вѣкѣ такъ же смѣшная, пошла и приторная, какъ и сантиментальность. *Дѣйствительность*—вотъ пароль и лозунгъ нашего вѣка, дѣйствительность во всемъ—и въ вѣрованіяхъ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни. Могучій, мужественный вѣкъ, онъ не терпитъ ничего ложнаго, поддѣльнаго, слабаго, расплывающагося, но любитъ одно мощное, крѣпкое, существенное. Онъ смѣло и безтрепетно выслушалъ безотрадныхъ пѣсни Байрона, и вмѣстѣ съ ихъ мрачнымъ пѣвцомъ лучше рѣшился отречься отъ всякой радости и всякой надежды, нежели удовольствоваться нищенскими радостями и надеждами прошлаго вѣка. Онъ выдержалъ разсудочный критицизмъ Канта, разсудочное положеніе Фихте; онъ перестрадалъ съ Шиллеромъ всѣ болѣзни внутренняго, субъективнаго духа, порывающагося къ дѣйствительности путемъ отрицанія. И зато въ Шеллингѣ онъ увидалъ зарю безконечной дѣйствительности, которая въ ученіи Гегеля осіяла міръ роскошнымъ и великолѣпнымъ днемъ, и которая, еще прежде обоихъ великихъ мыслителей, непонятая, явилась непосредственно въ созданіяхъ Гёте... Только въ нашъ вѣкъ искусство получило полное свое значеніе, какъ примиреніе христіанскаго содержанія съ пластицизмомъ классической формы, какъ новый моментъ уравниванія идеи съ формою. Нашъ вѣкъ есть вѣкъ примиренія, и онъ такъ же чуждъ романтическаго искусства, какъ и классическаго. Средніе вѣка были моментомъ нецѣльнымъ, неслитнымъ, но отвлеченнымъ; мы видимъ въ немъ только романтическіе элементы, которыми человечество запасалось на будущую жизнь, и которые только теперь явились въ своей слитной дѣйствительности и проникли нашу частную, домашнюю и даже практическую сторону жизни, такъ-что одна сторона не отрицаетъ другой, но обѣ являются въ непрерывномъ единствѣ, взаимно проникнувъ одна другую. Этого-то слитнаго единства и не было въ дѣйствительности среднихъ вѣковъ, которыхъ романтическіе элементы обозначались въ какой-то отвлеченной личности. И вотъ почему рыцарь иногда при одномъ подозрѣніи въ невѣрности жены или безжалостно

¹⁾ Извѣстный нѣмецкій романъ какого-то господина идеальштюкмахера. Прим. Вѣлинскаго.

Повидимому, это тоже выпадъ противъ Полевого, какъ автора слащаваго романа въ сантиментально-нѣмецкомъ вкусѣ подъ заглавіемъ: „Абадонна“ (ср. выше, стр. 467 и наше примѣчаніе на стр. 468-ой).

Раздѣленіе поэзіи на три рода—лирическую, эпическую и драматическую, выходитъ изъ ея значенія, какъ *сознанія истины* и, слѣдовательно, изъ взаимныхъ отношеній сознающаго духа—*субъекта*, къ предмету сознанія—*объекту*. *Лирическая* поэзія выражаетъ субъективную сторону чело­вѣка, открываетъ нашему взору *внутренняго* чело­вѣка, и потому вся она—ощущеніе, чувство, музыка. *Эпическая* поэзія есть объективное изображеніе совершившагося во времени

Прим. Бюлинскаго.

и какъ-бы даже не предполагается существовавшей, потому что въ драмѣ и событіе говоритъ само за себя, современно представляясь совершающимся, и каждое изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ само за себя, современно развиваясь и съ внутренней и съ внѣшней стороны своей.

Драматическую поэзію обыкновенно раздѣляютъ на два вида: *трагедію* и *комедію*. Разовьемъ необходимость этого раздѣленія изъ сущности идеи поэзіи, а не изъ внѣшнихъ формъ и признаковъ. Для этого мы должны раздѣлить на двѣ стороны самую поэзію, какаю бы она ни была, лирическая, эпическая или драматическая: на *поэзію положительныхъ или дѣйствительности* и *поэзію отрицанія или призрачности*¹⁾.

Предметъ поэзіи есть *дѣйствительность* или *истина въ явленіи*. Тѣ, которые думаютъ, что ея предметъ — мечты и вымыслы никогда и нигдѣ небывалаго, кромѣ воображенія поэта, сбиваются словами „идеаль“ и „идеализированіе дѣйствительности“. Конечно, созданія поэта не суть списки или копии съ дѣйствительности, но они сами суть дѣйствительность, какъ *возможность*, получившая свое *осуществленіе*, и получившая это осуществленіе по непреложнымъ законамъ самой строгой необходимости: идея, рождающаяся въ душѣ поэта, есть тайна, какъ младенецъ, зачинающійся во чревѣ матери: кто можетъ угадать заранѣе индивидуальную форму той или другого? и та и другая не есть ли *возможность*, стремящаяся получить свое *осуществленіе*, не есть ли совершенно никогда и нигдѣ небывалое, но долженствующее быть сущимъ? Идеаль не есть собраніе разсѣянныхъ по природѣ чертъ одной идеи и сосредоточенныхъ на одномъ лицѣ, потому что собраніе не можетъ не быть механическимъ, — а это противорѣчитъ динамическому процессу творчества. Еще менѣе идеаль можетъ быть воображеніемъ того, чего и нѣтъ и быть не можетъ, т.-е. мечтою, или украшенною природою и усовершенствованными людьми — людьми, не какъ они суть, а какими будто бы они должны быть. Идеаль есть общая (абсолютная) идея, отрицающая свою общность, чтобы стать частнымъ явленіемъ, а ставши имъ, снова возвратиться къ своей общности. Объяснимъ это примѣромъ. Какая идея шекспирова „Отелло“? Идея ревности, какъ слѣдствія обманутой любви и оскорбленной вѣры въ любовь и достоинство женщины. Эта идея

не была сознательно взята поэтомъ въ основаніе его творенія, но безъ вѣдома его, какъ незримо-падшее въ душу зерно, развивалась въ образы Отелло и Дездемоны, т.-е. совоклась своей безусловной и отвлеченной общности, чтобы стать частными явленіями, личностями Отелло и Дездемоны. Но какъ лица Отелло и Дездемоны не суть лица какого-нибудь извѣстнаго Отелло и какой-нибудь извѣстной Дездемоны, а лица типическія, благодаря общей идеѣ, воплотившейся въ нихъ, то слѣдуетъ второе отрицаніе идеи или возвращеніе общей идеи къ самой себѣ. Слѣдовательно, идеализировать дѣйствительность значитъ совсѣмъ не украшать, но являть ее, какъ божественную идею, въ собственныхъ нѣдрахъ своихъ носящую творческую силу своего осуществленія изъ небытія въ живое явленіе. Другими словами, „идеализировать дѣйствительность“ значитъ въ частномъ и конечномъ явленіи выражать общее и безконечное, не списывая съ дѣйствительности какія-нибудь случайныя явленія, но создавая *типическіе* образы, обязанные своимъ типизмомъ общей идеѣ, въ нихъ выражающейся. Портретъ, чей бы онъ ни былъ, не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ, ибо онъ есть выраженіе частной, а не общей идеи, которая одна способна явиться типически; но лицо, въ которомъ бы, на примѣръ, всякій узналъ *скупого*, есть идеаль, какъ типическое выраженіе общей родовой идеи скупости, которая заключаетъ въ себѣ возможность всѣхъ своихъ случайныхъ явленій; поэтому, какъ скоро она стала образомъ, то въ этомъ образѣ всякій видитъ портретъ не *какого-нибудь* скупца, но портретъ всякаго *какого-нибудь* скупца, хотя бы этотъ *какой-нибудь* и имѣлъ совершенно другія черты лица.

Подъ словомъ „дѣйствительность“ разумѣется все, что есть — міръ видимый и міръ духовный, міръ фактовъ и міръ идей. Разумъ въ сознаніи и разумъ въ явленіи, словомъ, открывающійся самому себя духъ, есть *дѣйствительность*; тогда какъ все частное, все случайное, все неразумное есть *призрачность*, какъ противоположность дѣйствительности, какъ ея отрицаніе, какъ *кажущееся*, но не *сущее*. Человѣкъ, пьетъ, ѣстъ, одѣвается — это міръ *призраковъ*, потому что въ этомъ нисколько не участвуетъ духъ его; человѣкъ чувствуетъ, мыслить, сознаетъ себя органомъ, сосудомъ духа, конечною частностью общаго и безконечнаго — это міръ *дѣйствительности*. Человѣкъ служитъ царю и отечеству вслѣдствіе возвышеннаго понятія о своихъ обязанностяхъ къ нимъ, вслѣдствіе желанія быть орудіемъ истины и блага, вслѣдствіе сознанія себя, какъ части общества, своего кровнаго и духовнаго родства съ нимъ — это міръ

¹⁾ Мы увѣрены, что это слово никому не покажется страннымъ, хоть оно и ново. Всякій, понимающій слово „призракъ“, вѣрно пойметъ и „призрачность“, означающую совокупность свойствъ призрака, точно такъ же, какъ „разумъ“ и „разумность“, и проч.

дѣйствительности. „Овому талантъ, овому два“, — и потому, какъ бы ни была ограничена сфера дѣятельности человѣка, какъ бы ни незначительно было мѣсто, занимаемое имъ не только въ человѣчествѣ, но и въ обществѣ, но если онъ, кромѣ своей конечной личности, кромѣ своей ограниченной индивидуальности, видитъ въ жизни нѣчто общее, и въ сознаніи этого общаго, по степени своего разумѣнія, находитъ источникъ своего счастья, — онъ живетъ въ дѣйствительности и есть дѣйствительный человѣкъ, а не призракъ, — истинный, *сущій*, а не *кажущійся* только человѣкъ. Если человѣку недоступны объективные интересы, каковы жизнь и развитіе отечества, ему могутъ быть доступны интересы своего сословія, своего городка, своей деревни, такъ что онъ находитъ какое-то, часто странное и непонятное для самого себя, наслажденіе для ихъ выгодъ лишаться собственныхъ личныхъ выгодъ — и тогда онъ живетъ въ дѣйствительности. Если же онъ не возвышается и до такихъ интересовъ, — пусть будетъ онъ супругомъ, отцомъ, семьяниномъ, любовникомъ, но только не въ животномъ, а въ человѣческомъ значеніи, источникъ котораго есть любовь, какъ бы ни была она ограничена, лишь бы только была отрицаніемъ его личности, — онъ опять живетъ въ дѣйствительности. На какой бы степени ни проявился духъ, онъ — дѣйствительность, потому что онъ любовь или безсознательная разумность, — а потомъ разумъ, или любовь, созная себя.

Мы шли отъ высшихъ ступеней къ низшимъ; пойдѣмъ обратно, и увидимъ, что въ сознаніи истины, высшая дѣйствительность есть религія, искусство и наука; въ жизни — историческое лицо, геній, проявившій свою дѣятельность въ которой-нибудь изъ этихъ абсолютныхъ сферъ, въ которыхъ все — призракъ. Практическая дѣятельность историческаго лица, имѣвшаго вліяніе на судьбу народа и человѣчества, не исключается изъ этихъ сферъ, потому что сознаніе идеи его дѣятельности возможно только въ этихъ сферахъ.

Не все то, что есть, только есть. Всякій предметъ физическаго и умственнаго міра есть или вещь *по себѣ*, или вещь и *по себѣ* (*an sich*) и для себя (*für sich*). Дѣйствительно есть только то, что есть и *по себѣ* и для себя, только то, что знаетъ, что оно есть и *по себѣ* и для себя, и что оно есть для себя въ общемъ. Кусокъ дерева есть, но онъ есть не для себя, а только по себѣ: онъ существуетъ только какъ объектъ, а не какъ объектъ-субъектъ, и человѣкъ знаетъ о немъ, что онъ есть, а не онъ самъ знаетъ о себѣ. Это же явленіе представляетъ собою и человѣкъ, когда его сознаніе, или его субъек-

тивно-объективное существованіе заключено только въ смыслѣ или конечномъ разсудкѣ, наглухо заперто въ соображеніи своихъ личныхъ выгодъ, въ эгоистической дѣятельности, — а не въ разумѣ какъ въ сознаніи себя только черезъ общее, какъ въ частномъ и преходящемъ выраженіи общаго и вѣчнаго: онъ призракъ, *ничто*, хотя и кажется *чѣмъ-то*. Вы уже въ порѣ мужества, въ вашей душѣ есть любовь и вамъ доступно общее, человѣческое: обратите ваши взоры на свое прошлое, что вы тамъ увидите? Конечно, ваша память не представитъ вамъ ни платья, которое вы износили, ни кушаній, которыми вы лакомились, ни минутъ, когда удовлетворено было ваше тщеславіе или другія мелкія страстишки и пошлыя чувствованія; но вы вспомните тѣ минуты, когда васъ поражающаго видъ восходящаго солнца, вечерняя заря, буря и вѣдро, и всѣ явленія роскошно-великолѣпной природы, этого храма Бога живаго; вы вспомните минуты, когда вы тепло молились, плакали слезами раскаянія, любви, чистой радости, когда васъ поражала новая мысль, словомъ, всѣ моменты, всѣ феномены вашего духа, не исключая отсюда и уклоненій отъ истины, если они были моментами отрицанія, необходимыми для познанія истины. Конечно, вы, можетъ быть, вспомните и платье, которое особенно восхищало вашу младенческую душу, и самоваръ, который собиралъ вокругъ себя вашего отца, мать, сестеръ и братьевъ, и садъ, въ которомъ вы играли, и калитку, изъ которой во дни юности выходили украдкою на сладкое свиданіе; но не платье, не самоваръ, не калитка, не всѣ эти пустыя частности исторгнуть грустно-сладостную слезу воспоминанія изъ вашихъ глазъ, а тотъ „букетъ“ жизни, тотъ аромат блаженства, который освятилъ ихъ для васъ... Чистая радость и блаженство своимъ бытіемъ, хотя бы характеръ ихъ былъ и дѣтскій, суть дѣйствительность, потому что если они выходятъ и не изъ разумаго сознанія, то изъ разумнаго ощущенія себя въ лонѣ вѣчнаго духа. Дѣйствительность есть во всемъ, въ чемъ только есть движеніе, жизнь, любовь; все мертвое, холодное, неразумное, эгоистическое есть *призрачность*.

Но призрачность получаетъ характеръ необходимости, если мы, оставивъ человѣка съ его субъективной стороны, взглянемъ на него объективно, какъ на члена общества. Все служить духу, и истина идетъ всѣми путями, часто не разбирая ихъ. Иной удовлетворяетъ только низкимъ нуждамъ своей жизни, насыщаетъ свою страсть къ любостыженію, и между тѣмъ дѣлаетъ пользу обществу, нисколько не думая о его пользѣ, споспѣшествуетъ его развитію и благосостоя-

нію, оживляя торговлю, кругообращеніе капиталовъ — одинъ изъ столбовъ, поддерживающихъ зданіе общества, эту необходимую форму для развитія человѣчества. Но дѣло въ томъ, что одинъ служить истинѣ для удовлетворенія потребности собственнаго духа, личнаго стремленія къ счастью; другой служить ему невольно и безсознательно, думая служить себѣ. Такъ бродящій по полю воли, споспѣшествуя плодородію земли, дѣлаетъ большую пользу, но кто же ему поклонится за это, скажетъ спасибо, почувствуетъ къ нему уваженіе? А между тѣмъ безъ такихъ *воловъ* общество было бы невозможно, и представить его безъ нихъ значило бы представить домъ, построенный изъ камня на воздухѣ.

Дѣйствительность есть положительное жизни, призрачность ея *отрицаніе*. Но, будучи случайностію, призрачность дѣлается необходимостію, какъ уклоненіе отъ нормальности вслѣдствіе свободы человѣческаго духа. Такъ здоровье необходимо условливаетъ болѣзнь, свѣтъ — темноту. Цѣлое заключаетъ въ себѣ всѣ свои возможности, и осуществленіе этихъ возможностей, какъ имѣющее свои причины, слѣдовательно, свою разумность и необходимость — есть дѣйствительность. Если мы возьмемъ человѣка, какъ явленіе разумности — идея человѣка будетъ неполна: чтобъ быть полною, она должна заключать въ себѣ всѣ возможности, слѣдовательно, и уклоненіе отъ нормальности, т.-е. паденіе. И потому, пустой, глупый человѣкъ, сухой эгоистъ есть призракъ; но идея глупца, эгоиста, подлеца есть дѣйствительность, какъ необходимая сторона духа, въ смыслѣ его уклоненія отъ нормальности.

Отсюда являются двѣ стороны жизни — *дѣйствительная*, или *разумная дѣйствительность*, какъ *положеніе жизни*, и *призрачная дѣйствительность*, какъ *отрицаніе жизни*. Отсюда же выходитъ и наше раздѣленіе поэзіи, какъ воспроизведеніе дѣйствительности, на двѣ стороны — положительную и отрицательную. Чтобы придать нашему созерцанію осязательную очевидность, бросимъ бѣглый взглядъ на два произведенія поэта, выражающія каждое одну изъ этихъ сторонъ жизни.

Вы возвышаетесь духомъ и предаетесь глубокой и важной думѣ, читая „Тараса Бульбу“; вы смѣетесь и хохочете, читая курьезную „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“: отчего эта противоположность впечатлѣнія отъ двухъ произведеній одного и того же художника? — Отъ сущности дѣйствительности, возсозданной въ томъ и другомъ, оттого, что первое изображаетъ положеніе жизни, а другое — ея отрицаніе. Что

такое Тарасъ Бульба? Герой, представитель жизни цѣлаго народа, цѣлаго политическаго общества въ извѣстную эпоху жизни. Что вы видите въ этой поэмѣ? что особенно поражаетъ васъ въ ней? Общество, составленное изъ пришельцевъ разныхъ странъ, изъ удалыхъ головъ, бѣжавшихъ, кто отъ нищеты, кто отъ родительскаго проклятія, кто отъ меча закона, и, между тѣмъ, общество, имѣющее одинъ общій характеръ, твердо сплоченное и связанное какимъ-то крѣпкимъ цементомъ. Въ чемъ эта связь? — въ православіи? — но оно такъ безтребовательно, такъ ограничено и бѣдно въ своей сущности, что мало походитъ на религію. — „Они проходили сюда, какъ будто возвращались въ свой собственный домъ, изъ котораго только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ: „Здравствуй. Что — во Христа вѣруешь?“ — Вѣрую! — отвѣчалъ приходившій. „И въ Троицу святую вѣруешь?“ — Вѣрую! — „И въ церковь ходишь?“ — Хожу. — „А ну, перекрестись!“ Пришедшій крестился. „Ну, хорошо“, отвѣчалъ кошевой: „ступай же въ который самъ знаешь курень“. Этимъ оканчивалась вся церемонія“. — Нѣтъ, тутъ была другая, сильнѣйшая связь: это удалство, которому жизнь — копейка, голова — наживное дѣло; это жажда дикихъ натуръ, людей кипящихъ избыткомъ исполинскихъ силъ, — жажда наполнить свою жизнь, тяготимую бездѣйствіемъ и праздностію: что лучше могло наполнить ее, удовлетворить дикій духъ человѣка могучаго, но безъ идей, безъ образованности, почти полу-дикаря, какъ не кровавая сѣча, какъ не отчаянное удалство во время войны, и не бѣшеная гульба во время мира? Оттого-то и въ этой гульбѣ нѣтъ ничего оскорбляющаго чувство, но такъ много поэтическаго; оттого-то эта гульба была, какъ превосходно выразился поэтъ, *широкимъ результатомъ души*. Итакъ, вотъ гдѣ основа и источникъ казацкой жизни и Запорожской Сѣчи, „того гнѣзда, откуда вылетали тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы“, и вотъ гдѣ основная идея поэмы Гоголя. Тарасъ Бульба является у него представителемъ этой жизни, идеи этого народа, апотеозомъ этого *широкаго размета души*. Дурной мужъ, какъ всѣ люди полудикой гражданственности, онъ любитъ своихъ сыновей, потому что изъ нихъ должны выйти *важные львицы*, и онъ не любилъ бы и презиралъ бы дочерей своихъ, если бы имѣлъ ихъ, потому что онъ никакъ не могъ понять, что хорошаго въ человѣкѣ, если онъ негодится въ *львицы*. Онъ былъ христіанинъ и православный по преданію, въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ; рѣдко видалъ церковь Божію, и въ правилахъ жизни своей

руководствовался обычаемъ и собственными страстями, а не религіею — и между тѣмъ зарѣзалъ бы родного сына за малѣйшее слово противъ религіи, и фанатически ненавидѣлъ басурмановъ. Онъ любилъ свою родную Украину и ничего не зналъ выше и прекраснѣе удалого казачества, потому что чувствовалъ то и другое въ каждой каплѣ крови своей, и духъ того и другого нашелъ въ немъ свой настоящій сосудъ, рѣзкими, рельефными чертами выпечатлѣлся на его полудикой фizioноміи и во всей его полудикой личности. Народную вражду онъ смѣшалъ съ личною ненавистію, и когда къ этому присоединился дикій фанатизмъ отвлеченной религіозности, то мысль о *поганомъ католициствѣ*, какъ называлъ онъ Поляковъ, представлялась ему въ формѣ дымящейся крови, предсмертныхъ стонѣвъ и зарева пылающихъ городовъ, селъ, монастырей и костеловъ... Это лицо совершенно трагическое; его комизмъ только въ противоположности формъ его индивидуальности съ нашими — комизмъ чисто внѣшній. Вы смѣетесь, когда онъ дерется на кулачки съ роднымъ сыномъ и пресерьезно совѣтуетъ ему тузить всякаго, какъ онъ тузилъ своего батьку; но вы уже и не улыбаетесь, когда видите, что онъ попался въ плѣнъ, потянувшись за грошевою люлькою; но вы содрогаетесь, только еще видя, что онъ, въ яростной битвѣ, приближается къ оторопѣвшему сыну — сердце ваше предчувствуетъ трагическую катастрофу; но у васъ замираетъ духъ отъ ужаса, когда въ вашемъ слухѣ раздается этотъ *комическій* вопросъ: „что, сынку?"; но вы болѣзненно раздѣляете это мимолетное умиленіе желѣзнаго характера, выразившееся въ словахъ Бульбы: „Чѣмъ бы не казакъ былъ? — и станомъ высокій, и чернобровый, и лицо какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою — пропалъ, пропалъ безъ славы!..." А эта страшная жажда мести у Бульбы противъ красавицы польки, по мнѣнію его чарами погубившей его сына, и потомъ — это море крови и пожаровъ, объявившее враждебный край и среди него грозная фигура стараго фанатика, совершавшаго страшную тризну въ память сына; наконецъ, это омертвѣніе могучей души, оглушенной двукратнымъ потрясеніемъ, потерю обоихъ сыновей: „Неподвижный сидѣлъ онъ на берегу моря, шевеля губами и произнося: „Остапъ мой, Остапъ мой!" Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усь его серебрился и слезы капали одна за другою..." А это безконечно-знаменательное „слышу, сынку!" и эта вторая страшная тризна мщенія за второго сына, кончившаяся смертію мстителя,

и какою смертію — привязанный желѣзною цѣпью къ стоящему бревну, съ пригвожденною рукою, кричалъ онъ своимъ „хлопцамъ" что имъ надо дѣлать, чтобы спастись отъ непріятеля, и изъявлялъ свой восторгъ отъ ихъ удалства и проворства... Видите ли: у этого человѣка была идея, которою онъ жилъ и для которой онъ жилъ; видите ли: онъ не пережилъ ея, онъ умеръ вмѣстѣ съ нею... Для нея убилъ онъ собственною рукою милаго сына, для нея онъ умеръ и самъ... Въ его душѣ жила одна идея, и всѣ другія были ему недоступны, враждебны и ненавистны. А жизнь въ субъективной идеѣ до претворенія ея въ объективную стихію жизни — есть жизнь въ разумной дѣйствительности, въ положеніи, а не въ отрицаніи жизни. Грубость и ограниченность Бульбы принадлежать не къ его личности, но къ его народу и времени. Сущность жизни всякаго народа есть великая дѣйствительность — въ Тарасѣ Бульбѣ эта сущность нашла свое полнѣйшее выраженіе.

Совсѣмъ другой міръ представляетъ намъ ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Это міръ случайностей, неразумности: это отрицаніе жизни, пошлая, грязная дѣйствительность. Но какимъ же образомъ могла она сдѣлаться содержаніемъ художественнаго произведенія, и не унижилъ ли художникъ своего таланта, сдѣлавъ изъ него такое употребленіе? Резонеры, которымъ доступна одна внѣшность, а не мысль, отвѣтятъ вамъ утвердительно на этотъ вопросъ. Мы думаемъ напротивъ. Какъ мы уже сказали, частное явленіе отрицанія жизни возбуждаетъ одно отвращеніе и есть призракъ; но какъ идея, какъ необходимая сторона жизни, призрочность получаетъ характеръ дѣйствительности и, слѣдовательно, можетъ и должна быть предметомъ искусства. Тутъ задача въ томъ, чтобы въ основаніи художественнаго произведенія лежала общая идея, и чтобы изображенія поэта были не списками съ частныхъ явленій (эти списки — суть призраки), но идеалы, для того перешедшіе въ дѣйствительность явленія, чтобы каждый изъ нихъ былъ выраженіемъ идеи, представителемъ цѣлаго ряда, безконечнаго множества явленій одной идеи, и, будучи въ этомъ значеніи общимъ, былъ бы въ то же время единымъ — живою, замкнутою въ самой себѣ особностью. Всякая частность есть случайность, и если ея значеніе низко и пошло — она оскорбляетъ человѣческое, эстетическое чувство; но общее, хотя бы и отрицательной стороны жизни, уже дѣлается предметомъ знанія и теряетъ свою случайность. Вотъ если бы поэтъ въ изображеніяхъ такого рода явленій вздумалъ оправдывать свои субъективныя убѣ-

жденія, и грязь жизни выдавать субъективно за поэзію жизни,—тогда бы его изображенія были отвратительны; но тогда бы онъ уже и пересталъ быть поэтомъ. Они существуютъ для него *объективно*, всѣ они внѣ его, но онъ самъ въ нихъ, потому что поэтическимъ ясновидѣніемъ своимъ онъ провидитъ ихъ идею и, проведя ихъ чрезъ свою творческую фантазію, просвѣтляетъ этою идеею ихъ естественную грубость и грязность. Объективность, какъ необходимое условіе творчества, отрицаетъ всякую моральную цѣль, всякое судопроизводство со стороны поэта. Изображая отрицательныя явленія жизни, поэтъ нисколько не думаетъ писать сатиры, потому что сатира не принадлежитъ къ области искусства и никогда не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ. Рисуя нравственныхъ уродовъ, поэтъ дѣлаетъ это совсѣмъ не скрѣпя сердце, какъ думаютъ многіе¹⁾; нельзя сердиться и творить въ одно и то же время; досада портитъ желчь и отравляетъ наслажденіе, а минута творчества есть минута высочайшаго наслажденія. Поэтъ не можетъ ненавидѣть свои изображенія, каковы бы они ни были; напротивъ, скорѣе онъ ихъ любитъ, потому что они представляются ему уже просвѣтленными идеею.

Были два пріятеля-сосѣда, соединенные другъ съ другомъ неразрывными узами взаимной пошлости, привычки и праздности. Мы не будемъ ихъ описывать послѣ изображенія, сдѣланнаго поэтомъ; если читали, вы помните и знаете Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Были они искренними друзьями, и вдругъ сдѣлались страшными врагами и прожили все свое имѣніе, стараясь доѣхать другъ друга судомъ. А отчего? Стоитъ привести по нѣскольку чертъ характера cadaго — и вы поймете причину этого страннаго явленія. Иванъ Ивановичъ былъ человѣкъ весьма солидный, самаго тонкаго обращенія, терпѣть не могъ грубыхъ или непристойныхъ словъ, и когда потчивалъ кого-нибудь знакомаго табакомъ, то говорилъ: „смѣю ли просить, государь мой, объ одолженіи?“ а если незнакомаго, то: „смѣю ли просить, государь мой, не имѣя чести знать чина, имени и отчества, объ одолженіи?“ Онъ любилъ лежать на солнцѣ подъ навѣсомъ въ одной рубашкѣ только послѣ обѣда, а вечеромъ надѣвалъ бекешъ, выходя со двора; но самая рѣзкая черта его характера

была та, что, съѣвши дыню, онъ завертывалъ въ бумажку сѣмена и надписывалъ: „Сія дыня съѣдена такого-то числа“, а если при этомъ былъ гость, то: „участвовалъ такой-то“. Присовокупите къ этому портрету страшную скупость и высокую цѣну, придаваемую земнымъ благамъ — и Иванъ Ивановичъ весь передъ вами. Иванъ Никифоровичъ отличался отъ своего друга толстою и любилъ употреблять въ разговорѣ непристойныя слова, къ крайнему неудовольствію достойнаго Ивана Ивановича; любилъ въ жаркіе дни выставить на солнце спину, садиться по горло въ воду, куда ставилъ столъ и самоваръ и пилъ чай; любилъ въ комнатѣ лежать *въ натурѣ*, и когда потчивалъ кого изъ своей табакерки табакомъ, то просто говорилъ: „одолжайтесь“. Теперь вы видите всю эту жизнь, понятную только въ произведеніи художника, но случайную, бессмысленную и глупо-животную въ дѣйствительности. Оба героя призраки (въ томъ смыслѣ, который мы выше придали этому слову), и все, чтò они ни дѣлаютъ, есть призракъ, пустота, бессмыслица. Въ ихъ характерахъ уже лежитъ, какъ необходимость, ихъ ссора. Ивану Ивановичу захотѣлось имѣть у себя ружье Ивана Никифоровича; зачѣмъ? — не спрашивайте: онъ самъ этого не знаетъ. Мы думаемъ, что это было безсознательнымъ желаніемъ чѣмъ-нибудь наполнить свою праздную пустоту, потому что пустота, вслѣдствіе праздности, тяжка и мучительна для всякаго человѣка, какъ бы ни былъ онъ пошлъ. Иванъ Никифоровичъ, по такой же причинѣ, не хотѣлъ уступить ему своего ружья, хотя тотъ и обѣщалъ ему за него приличное вознагражденіе — бурю свинью и мѣшокъ гороха. Завязался *крупный разговоръ*, въ которомъ Иванъ Никифоровичъ, грубый въ своихъ выходкахъ, называлъ Ивана Ивановича, этого до крайности деликатнаго и щекотливаго со стороны своей чести и аттенціи человѣка, называлъ его — о, ужасъ! — *гусакомъ*...

Великая, безконечно великая черта художническаго генія этотъ гусакъ! Если бы поэтъ причиною ссоры сдѣлалъ дѣйствительно оскорбительныя ругательства, пощечину, драку — это испортило бы все дѣло. Нѣтъ, поэтъ понялъ, что въ мірѣ призраковъ, которому онъ давалъ объективную дѣйствительность, и забавы, и занятія, и удовольствія, и горести, и страданія, и самое оскорбленіе — все призрачно, бессмысленно, пусто и пошло. Не думайте, чтобы эти два чудака были отъ природы созданы такими: нѣтъ, природа справедлива къ людямъ — она каждому даетъ въ мѣру чего и сколько ему нужно. Конечно, эти чудаки и отъ природы были небожкіе люди, но и имъ

¹⁾ Въ письмѣ къ Панаеву отъ 10 авг. 1838 года — т.-е. еще за годъ до написанія настоящей статьи — Бѣлинскій говорилъ: „какъ я смѣялся, прочтя въ „Прибавленіяхъ“ (въ „Литер. прибавл. къ Русскому Инвалиду“), что Гоголь *скрѣпя сердце* рисуетъ своихъ оригиналовъ“... См. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 37.

нашлась бы своя ступенька на безконечной лѣствицѣ человѣческой и гражданской дѣйствительности: они могли-бъ быть хорошими мужьями, отцами, хозяевами и имѣть, сообразно съ занимаемымъ ими мѣстечкомъ въ цѣпи явленій духа, свою благообразность формы; но воспитаніе, животная лѣнь, праздность, невѣжество—вотъ что сдѣлало ихъ такими. Ихъ хотятъ примирить и почти было успѣли въ этомъ; уже Иванъ Никифоровичъ полѣзъ въ карманъ, чтобы достать рожокъ и сказать „одожайтесь“, но вдругъ лукавый дернулъ его замѣтить, что не стоитъ сердиться изъ пустого слова „гусакъ“. Видите ли: если бы онъ гусака замѣнилъ птицею или выразился какъ-нибудь иначе, они снова были бы друзьями; но роковое слово было сказано, и снова прадѣдовскіе карбованцы полетѣли изъ желѣзныхъ сундуковъ въ карманы подъячихъ, и имѣніе, внѣшнее и внутреннее благосостояніе, вся жизнь была истощена въ тяжбѣ. Десять лѣтъ прошло, головы ихъ убѣлились сѣдиною, и поэтъ восклицаетъ: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“

Да! грустно думать, что человѣкъ, этотъ благороднѣйшій сосудъ духа, можетъ жить и умереть призракомъ и въ призракахъ, даже и не подозрѣвая возможности дѣйствительной жизни! И сколько на свѣтѣ такихъ людей, сколько на свѣтѣ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей!..

Начиная говорить о „Тарасѣ Бульбѣ“ и „Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“, мы не думали писать критики на эти два великія произведенія поэзіи: это не относилось къ нашему предмету и далеко превзошло бы наши силы. Мы только взглянули на нихъ мимоходомъ, и только съ одной стороны—съ той, которая непосредственно относится къ предмету нашей статьи. Мы показали, что элементы трагическаго находятся въ дѣйствительности, въ положеніи жизни, такъ сказать; а элементы комическаго въ призрачности, только имѣющей объективную дѣйствительность, въ отрицаніи жизни. Трагедія можетъ быть и въ повѣсти, и въ романѣ, и въ поэмѣ, и въ нихъ же можетъ быть комедія. Что же такое, какъ не трагедія, „Тарасъ Бульба“, „Цыганы“ Пушкина, и что же такое „Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“, „Графъ Нулинъ“ Пушкина, какъ не комедія?.. Тутъ разница въ формѣ, а не въ идеѣ. Но перейдемъ къ трагедіи и комедіи, и взглянемъ на нихъ поближе.

Трагическое заключается въ столкновении естественнаго влеченія сердца съ идеею долга, въ проистекающей изъ того борьбѣ и, наконецъ, побѣдѣ или паденіи. Изъ этого видно, что кровавый конецъ тутъ ровно ни-

чего не значить: Иванъ Ивановичъ могъ бы зарѣзать Ивана Никифоровича, а потомъ и себя, но комедія все бы осталась комедіею. Объяснимъ это примѣромъ. Андрій, сынъ Бульбы, полюбилъ дѣвушку изъ враждебнаго племени, которой онъ не могъ отдаться, не изменивъ отечеству: вотъ столкновение (коллизія), вотъ сшибка между влеченіемъ сердца и нравственнымъ долгомъ. Борьбы не было; пылкая натура, кипящая юными силами, отдалась безъ размышленія влеченію сердца. Будете ли вы осуждать ее, имѣете ли право на это? Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ. Поймите безконечно глубокую идею суда Спасителя надъ блудницею и не поднимайте камня. А, между тѣмъ, Андрій все-таки виноватъ предъ нравственнымъ закономъ. Но если бы въ жизни не было такихъ столкновений, то не было бы и жизни, потому что жизнь только въ противорѣчіяхъ и примиреніи, въ борьбѣ воли съ долгомъ и влеченіемъ сердца, и въ побѣдѣ или паденіи. Чтобы подать людямъ великій и поразительный примѣръ процесса осуществленія развивающейся идеи и урока нравственности, судьба избираетъ благороднѣйшіе сосуды духа и дѣлаетъ ихъ уже не преступниками, но очистительными жертвами, которыми искупается истина. Отелло потому и свершилъ страшное убійство невинной жены и палъ подъ тяжестью своего проступка, что онъ былъ могучъ и глубокъ: только въ *такихъ* душахъ кроется возможность трагической коллизіи, только изъ *такой* любви могла выйти *такая* ревность и *такая* жажда мести. Онъ думалъ отмстить своей женѣ столько же за себя, сколько и за поруганное ея мнимымъ преступленіемъ человѣческое достоинство.

Человѣкъ живетъ въ двухъ сферахъ, въ субъективной, со стороны которой онъ принадлежитъ только себѣ и больше никому, и въ объективной, которая связываетъ его съ семействомъ, съ обществомъ, съ человечествомъ. Эти двѣ сферы противоположны: въ одной онъ господинъ самого себя, никому неотдающій отчетъ въ своихъ стремленіяхъ и склонностяхъ; въ другой онъ весь въ зависимости отъ внѣшнихъ отношеній. Но такъ какъ этотъ объективный міръ суть законы его же собственнаго разума, только внѣ его осуществившіеся, какъ явленія; такъ какъ этотъ объективный міръ требуетъ отъ него того же самаго, чего и онъ требуетъ для себя отъ объективнаго міра,—то онъ и связанъ съ нимъ неразрывными узами крови и духа. Вслѣдствіе этихъ-то кровно-духовныхъ узъ нравственность выходитъ изъ гармоніи субъективнаго человѣка съ объективнымъ міромъ, и если та и другая сторона позволяютъ ему предаться влеченію сердца, нѣтъ столкновений, ни борьбы, ни

побѣды, ни паденія, но есть одно свѣтлое торжество счастья. Когда же они расходятся, и одна влечетъ его въ сторону, а другая въ другую,—является столкновение, и чѣмъ бы человекъ ни вышелъ изъ этой битвы—побѣжденнымъ или побѣдителемъ—для него нѣтъ уже полного счастья: онъ застигнутъ судьбою. Если онъ увлекся влеченіемъ сердца и оскорбилъ нравственный законъ, изъ этого оскорбленія вытекаетъ, какъ необходимый результатъ, его наказаніе, потому что отношенія его къ объективному міру тѣмъ глубже и священнѣе, чѣмъ онъ больше человекъ. Въ собственной душѣ его корни нравственного закона, и онъ самъ свой судья и свое наказаніе: если бы борьба и не разрѣшилась кровавою катастрофою, его блаженство уже отравлено, уже неполно, потому что сознание его незаконности не только въ людяхъ, показывающихъ на него пальцами, но въ собственномъ его духѣ. Еще прежде, нежели Бульба убилъ Андрія, Андрій былъ уже наказанъ: онъ поблѣднѣлъ и задрожалъ, увидѣвъ отца своего. Одно уже то, что онъ нашелъ себя въ страшной необходимости занести убійственную руку на соотечественниковъ, наконецъ, на отца, было наказаніемъ, которое стоило смерти, и которое смерть сдѣлала для него выходомъ, спасеніемъ, а не карою. И самое блаженство его—не отравлялось ли оно какою-то мрачною, тяжелою мыслию? Мы сказали, что Андрій увидѣлъ себя въ страшной необходимости лить кровь своихъ соотечественниковъ, своихъ единовѣрцевъ: да, въ необходимости, которая, какъ слѣдствіе изъ причины, логически проистекла изъ его поступка. Макбетъ, томимый жаждою властолюбія, достигнувъ престола убійствомъ своего законнаго короля, своего родственника и благодѣтеля, мужа кроткаго и благороднаго, думалъ, можетъ быть, снять съ себя вину цареубійства, мудро управляя народомъ и даровавъ ему внѣшнюю безопасность и внутреннее благоденствіе, но ошибся въ своихъ расчетахъ: не внѣшній случай былъ его карою, но самъ онъ наказалъ себя, во всѣхъ онъ видѣлъ своихъ враговъ, даже въ собственной тѣни, и скоро самъ созналъ это, увидѣвъ логическую необходимость новыхъ злодѣйствъ, и сказавъ:

Кто зломъ посѣялъ—зломъ и поливай!

Кровавая катастрофа въ трагедіи не бываетъ случайною и внѣшнею: зная характеръ Бульбы, вы уже впередъ знаете, какъ онъ поступитъ съ сыномъ, если встрѣтится съ нимъ: сыноубійство для васъ уже заранѣе очевидная необходимость. Но сущность трагического не въ кровавой развязкѣ, которая можетъ произвести только чувство по-

давляющаго ужаса, смѣшаннаго съ отвращеніемъ, а въ идеѣ необходимости кровавой развязки, какъ актѣ нравственного закона, отмщающаго за свое нарушеніе, и вотъ почему, когда занавѣсъ скрываетъ отъ васъ сцену, покрытую трупами, вы уходите изъ театра съ какимъ-то успокаивающимъ чувствомъ, съ тихою и глубокою думою о тайнствѣ жизни. По тому же самому вы примиряетесь и съ благородными жертвами, человѣчески понимая, какъ трудно было имъ пройти безвредно между Сциллою сердечнаго влеченія и Харибдою нравственного закона, удовлетворить вмѣстѣ и субъективнымъ требованіямъ и объективнымъ обязанностямъ.

Само собою разумѣется, что когда герой трагедіи выходитъ изъ борьбы побѣдителемъ, то развязка можетъ обойтись безъ крови, но что драма отъ этого не теряетъ своего трагического величія. Чтò можетъ быть выше, какъ зрѣлище человекъ, который отрекся отъ того, чтò составляло условіе, сферу, воздухъ, жизнь его жизни, свѣтъ его очей, для котораго навсегда потеряна надежда на полноту блаженства, и для котораго остается одинъ выходъ—сосредоточивъ въ себѣ бремя несчастья, нести его въ благородномъ молчаніи, тихой грусти и сознании великодушной побѣды?.. Равно величественное зрѣлище представляетъ собою человекъ, падшій жертвою своей побѣды: таковъ былъ бы Гамлетъ, который для того, чтобъ исполнить долгъ мщенія за отца, отказался отъ блаженства любви, если бы въ его дѣйствіяхъ было видно больше рѣшительности и полноты натуры.

Трагедія выражаетъ не одно положеніе, но и отрицаніе жизни,—только отрицаніе трагического характера. Мы разумѣемъ тѣ страшныя уклоненія отъ нормальности, къ которымъ способны только сильныя и глубокия души. Макбетъ Шекспира—злѣйшій, но злѣйшій съ душою глубокою и могучею, отчего онъ, вмѣсто отвращенія, возбуждаетъ участіе: вы видите въ немъ человекъ, въ которомъ заключалась такая же возможность побѣды, какъ и паденія, и который при другомъ направленіи могъ бы быть другимъ человекомъ. Но есть злѣйшіе какъ будто по своей натурѣ, есть демоны человѣческой природы, по выраженію Рётшера: такова леди Макбетъ, которая подала кинжалъ своему мужу, подкрѣпила и вдохновила его сатанинскимъ величіемъ своего отверженія отъ всего человѣческаго и женственнаго, своимъ демонскимъ торжествомъ надъ законами человѣческой и женственной натуры, адскимъ хладнокровіемъ своей рѣшимости на мрачное злодѣйство. Но для слабаго сосуда женской организаціи былъ слишкомъ не въ мѣру такой сатанинскій духъ, и со-

крушилъ его своею тяжестью, разрѣшивъ безумство сердца помѣшательствомъ разсудка, тогда какъ самъ Макбетъ встрѣтилъ смерть подобно великому человѣку, и этимъ помирилъ съ собою душу зрителя, для котораго въ его паденіи совершилось торжество нравственного духа. Вообще, демоны чело-вѣческой натуры возбуждаютъ въ нашей душѣ больше трагическаго ужаса, нежели чело-вѣческаго участія: только ихъ гибель мирить васъ съ ними. Въ нихъ есть своя безконечность, свое величіе, потому что всякая безконечная сила духа, хотя бы проявляющая себя въ одномъ злѣ, носитъ на себѣ характеръ величія, но величія чисто-объективнаго, которое невольно хочешь созерцать, какъ невольно смотришь на удава или гремучаго змѣя, но котораго себѣ не пожелаешь. Итакъ, предметомъ трагедіи можетъ быть и отрицательная сторона жизни, но являющаяся въ силѣ и ужасѣ, а не въ мелкости и смѣхѣ, — въ огромныхъ размѣрахъ, а не въ ограниченности, — въ страсти, а не въ страстишкахъ, — въ преступленіи, а не въ проступкѣ, — въ злодѣйствѣ, а не въ плутняхъ.

Обратимся къ комедіи, составляющей главный предметъ нашей статьи. Ея значеніе и сущность теперь ясны: она изображаетъ отрицательную сторону жизни, призрачную дѣйствительность. Какъ величіе и грандіозность составляютъ характеръ трагедіи, такъ смѣшное составляетъ характеръ комедіи. Грандіозность трагедіи вытекаетъ изъ нравственного закона, осуществляющагося въ ней судьбой ея героевъ-людей возвышенныхъ и глубокихъ, или отверженцевъ чело-вѣческой природы, падшихъ ангеловъ; смѣшное комедіи вытекаетъ изъ безпрестаннаго противорѣчія явленій съ законами высшей разумной дѣйствительности. Какъ основа трагедіи на *трагической* борьбѣ, возбуждающей, смотря по ея характеру, ужасъ, состраданіе или заставляющей гордиться достоинствомъ чело-вѣческой природы и открывающей торжество нравственного закона, такъ и основа комедіи — на *комической* борьбѣ, возбуждающей смѣхъ; однакожъ въ этомъ смѣхѣ слышится не одна веселость, но и мщеніе за униженное чело-вѣческое достоинство, и такимъ образомъ, другимъ путемъ, нежели въ трагедіи, но опять-таки открывается торжество нравственного закона.

Всякое противорѣчіе есть источникъ смѣшного и комическаго. Противорѣчіе явленій съ законами разумной дѣйствительности обнаруживается въ призрачности, конечности и ограниченности — какъ въ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ; противорѣчіе явленія съ собственною его сущностію, или идеи съ формою, представляется то какъ проти-

ворѣчіе поступковъ чело-вѣка съ его убѣжденіями — *Чацкий*; то какъ представленіе себя не тѣмъ, что есть — титулярный совѣтникъ *Поприщинъ* (У Гоголя, въ „Запискахъ Сумасшедшаго“), воображавшій себя Фердинандомъ VIII, королемъ испанскимъ; то какъ достолюбезность или смѣшная форма вслѣдствіе воспитанія, привычекъ, субъективной ограниченности, односторонности понятій, странной наружности, манеръ, при достоинствѣ содержанія, — эта сторона комическаго есть въ самомъ Тарасѣ Бульбѣ. Вообще не должно забывать, что элементы трагическаго и комическаго въ поэзіи смѣшиваются такъ же, какъ и въ жизни; почему въ драмахъ Шекспира вмѣстѣ съ героями являются шуты, чудаки и люди ограниченные. Такъ точно и въ комедіи могутъ быть лица благородные, характеры глубокіе и сильные. Различіе трагедіи и комедіи не въ этомъ, а въ ихъ сущности. Противорѣчіе явленія съ собственною его сущностію, или идеи съ формою, можетъ быть и въ трагедіи, но тамъ оно есть уже источникъ не смѣшного и комическаго, а ужаснаго и грандіознаго, если выражается въ героѣ, долженствующемъ осуществить нравственный законъ. *Алеко* Пушкина — чело-вѣкъ съ душою глубокою и сильною, по крайней мѣрѣ, съ огнедышащими страстями и ужасною волею для свершенія ужаснаго:

... Нѣтъ, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеніемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когда-бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя;
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго-бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гуль.

Но что онъ представляетъ собою, какъ не противорѣчіе идеи съ формою? Онъ враждуетъ съ чело-вѣческимъ обществомъ за его предразсудки, противные правамъ природы, за его стѣснительныя условія, и между тѣмъ самъ вноситъ эти предразсудки къ бѣднымъ дѣтямъ природы, эти стѣснительныя условія къ полудикимъ дѣтямъ вольности; однакожъ изъ этого противорѣчія выходитъ не смѣхъ, а убійство и ужасъ трагическій — торжество нравственного закона. *Чацкий* Грибоѣдова представляетъ собою то же противорѣчіе идеи съ формою; онъ хочетъ исправить общество отъ его глупостей: и чѣмъ же? своими собственными глупостями, разсуждая съ глупцами и невѣждами о „высокомъ и прекрасномъ“, читая проповѣди и диспутации на балахъ, и

всякаго ругая, какъ вырвавшійся изъ сумасшедшаго дома. И его противорѣчіе смѣшно, потому что оно буря въ стаканѣ воды, тогда какъ противорѣчіе *Алеко* — страшная буря на океанѣ. Герои трагедіи — герои человѣчества, его могущественнѣйшія проявленія; герои комедіи — люди обыкновенные, хотя бы даже и умные и благородные. Міръ трагедіи — міръ безконечнаго въ страстяхъ и волѣхъ человѣка; міръ комедіи — міръ ограниченности, конечности. Если въ комедіи, между дѣйствующими лицами, есть герой человѣчества, онъ играетъ въ ней обыкновенную роль, такъ что въ немъ никто не видитъ, а развѣ только подозрѣваетъ въ возможности героя человѣчества. Но какъ скоро онъ является такимъ героемъ и осуществляетъ своею судьбою торжество нравственнаго закона, то хотя бы всѣ остальные лица были дураки и смѣшили васъ до слезъ своимъ противорѣчіемъ съ разумною дѣйствительностію — драматическое произведеніе уже не комедія, а трагедія.

Но есть еще нѣчто среднее между трагедіею и комедіею. Можетъ быть такое произведеніе, которое, не представляя собою трагической коллизіи, какъ осуществленія нравственнаго закона, тѣмъ не менѣе выражаетъ собою положительную сторону бытія, явленіе разумной дѣйствительности, жизнь духа. Мы выше сказали, что на какой бы степени ни явился духъ — его явленіе есть уже дѣйствительность въ разумномъ и положительномъ смыслѣ этого слова. Какъ двѣ полярности одной и той же силы, какъ двѣ противоположныя крайности одной и той же идеи — идеи дѣйствительности, мы представили „Тараса Бульбу“ и „Ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“, теперь мы должны для уясненія нашей мысли указать на третье произведеніе того же поэта — „Старосвѣтскіе помѣщики“. Вы смѣетесь, читая изображеніе незатѣйливой жизни двухъ милыхъ оригиналовъ, — жизни, которая протекаетъ въ ежеминутномъ „покушиваніи“ разныхъ разностей; вы смѣетесь надъ этою простодушною любовію, скрѣпленною могуществомъ привычки и потомъ превратившеюся въ привычку, но вашъ смѣхъ весело-добродушенъ, и въ немъ нѣтъ ничего досаднаго, оскорбительнаго; но васъ поражаетъ родственною горестію смерть доброй Пульхеріи Ивановны, и вы, послѣ, болѣзненно сочувствуете безотрадной горести стараго младенца, апоплексически замершаго душевно и тѣлесно отъ утраты своей няньки, лелѣвшей его безтребовательную жизнь и сдѣлавшейся ему необходимою, какъ свѣтъ для очей; и вамъ, наконецъ, тяжело становится при видѣ ниспроверженія домашнихъ пенатовъ хлѣ-

босольной четы, которое произвелъ глупый племянникъ, прицѣнявшійся на ярмаркахъ къ оптовымъ цѣнамъ, а покупавшій только кремешки и огнивки. Отчего же такъ привязываютъ васъ къ себѣ эти люди, добродушные, но ограниченные, даже и неподозрѣвающие, что можетъ существовать сфера жизни, высшая той, въ которой они живутъ, и которая вся состоитъ въ спаньѣ или въ потчиваніи и кушаніи? Оттого, что это были люди, по своей натурѣ неспособные ни къ какому злу, до того добрые, что всякаго готовы были угостить на-смерть, — люди, которые до того жили одинъ въ другомъ, что смерть одного была смертію для другого, смертію, въ тысячу разъ ужаснѣйшею, нежели прекращеніе бытія; слѣдовательно, основою ихъ отношеній была любовь, изъ которой вышла привычка, укрѣплявшая любовь. Эта любовь еще на слишкомъ низкой ступени своего проявленія, но вышедшая изъ общаго, родового, вовѣки неизсякающаго источника любви. Это уже явленіе духа, хотя еще слабое и ограниченное, ступень духа, хотя еще и низшая; но уже явленіе не призрака, а духа, уже положеніе, а не отрицаніе жизни; — словомъ, своего рода разумная дѣйствительность. Мы жалѣемъ, что не можемъ указать ни на одно произведеніе такого рода въ драматической формѣ: оно было бы именно такимъ, которое не есть ни трагедія, ни комедія, но то среднее между ними, о которомъ мы говоримъ. Такого рода произведенія назывались въ старину „слезными комедіями“ и „мѣщанскими трагедіями“, а потомъ „драмами“. Они обыкновенно заключали въ себѣ трогательное и даже „бѣдственное“ происшествіе, „благополучно окончившееся“. Плодовитая досужестъ Коцебу въ особенности снабжала XVIII вѣкъ этими „драмами“, которыя были бы именно тѣмъ, о чемъ мы говоримъ, если бъ были художественны. И въ самомъ дѣлѣ, такія среднія между трагедіею и комедіею „драмы“, по своей сущности, удобнѣе къ такъ называемой „благополучной развязкѣ“, хотя эта „счастливая развязка“ и отнюдь не составляетъ ни ихъ сущности, ни ихъ необходимаго условія. Мы выше сказали, что кровавая развязка не есть непремѣнное условіе даже самой трагедіи; но трагедія необходимо требуетъ жертвъ — кто бы они ни были, добрые или злые, и что бы ими ни были, чрезъ смерть или утрату надежды на счастье жизни, ибо только въ борьбѣ можетъ исполнѣ и торжественно осуществиться торжество нравственнаго закона, которое есть высочайшее торжество духа и величайшее явленіе міровой жизни; почему и трагедія есть высшая сторона, цвѣтъ и торжество драматической поэзіи. Изъ этого

ясно видно, что „драма“ можетъ изображать явленіе разумной дѣйствительности на всѣхъ ея ступеняхъ, а не только на первыхъ, какъ въ приведенныхъ нами въ примѣръ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“. Отъ комедіи она существенно разнится тѣмъ, что представляетъ не отрицательную, а положительную сторону жизни; а отъ трагедіи она существенно разнится тѣмъ, что, даже и выражая торжество нравственного закона, дѣлаетъ это не чрезъ трагическое столкновение, въ самомъ себѣ неизбежно заключающее условіе жертвъ, и слѣдовательно лишена трагическаго величія и не достигаетъ до высшихъ міровыхъ сферъ духа. Мы думаемъ, что вслѣдствіе такого умозрительнаго построения можно причислить къ „драмамъ“, на примѣръ, шекспирова „Венеціанскаго Купца“ и Пушкинскаго „Анджело“, и въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ видѣтъ въ эпическомъ родѣ соотвѣтственное ей явленіе.

Итакъ, мы нашли три вида драматической поэзіи—*трагедію*, *драму* и *комедію*, выводя ихъ не по внѣшнимъ признакамъ, а изъ идеи самой поэзіи. Для большей определенности въ этихъ техническихъ словахъ мы должны сказать еще нѣсколько словъ о сбивчивомъ употребленіи слова „драма“. Словомъ „драма“ выражаютъ и общее родовое понятіе произведеній цѣлаго отдѣла поэзіи, такъ что всякая пьеса въ драматической формѣ—трагедія ли то, комедія, или даже водевиль, есть уже драма; потомъ, подъ словомъ же „драма“ разумѣютъ высшій родъ драматической поэзіи—трагедію. Поэтому пьесы Шекспира называютъ то драмами, то трагедіями, но въ обоихъ случаяхъ означая этими словами высшій драматическій родъ, то, что Нѣмцы называютъ Trauerspiel. Другіе хотятъ ихъ называть только „драмами“, оставляя названіе „трагедія“ за греческими произведеніями этого рода, и желая словомъ „драма“ отличить христіанскую трагедію—герой которой есть субъективная личность внутренняго и самоцѣльнаго человѣка—отъ языческой трагедіи, герой которой народъ, въ лицѣ царей и героевъ, какъ представителей народа, какъ объективныхъ личностей, и потомъ, какъ трагедіи въ маскѣ и на котурнѣ, и съ хоромъ—органомъ таинственнаго и незримс-присутствующаго героя—колоссальнаго призрака *судьбы*. Нѣкоторые хотятъ присвоить названіе „трагедіи“ особенному роду произведеній новѣйшаго искусства, ведущаго свое начало отъ „мистерій“ среднихъ вѣковъ,—драмамъ лирическимъ, каковы суть: „Фаустъ“ Гёте, герой которой есть цѣлое человѣчество въ лицѣ одного человѣка, а „Орлеанская Дѣва“ Шиллера, герой которой есть цѣлый народъ, таинственно-спасаемый выс-

шими силами въ лицѣ чудной дѣвы, которой имя и явленіе необъяснимо утверждено исторіей. Намъ кажется, что каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ свое основаніе, и наша цѣль была не указать на справедливѣйшее, но дать знать о существованіи всѣхъ. Кто пойметъ идею этихъ мнѣній, для того не будетъ казаться сбивчивымъ различное употребленіе слова „драма“.

Трагедія или комедія, какъ и всякое художественное произведеніе, должна представлять собою особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, т.-е. должна имѣть единство дѣйствія, выходящее не изъ внѣшней формы, но изъ идеи, лежащей въ ея основаніи. Она не допускаетъ въ себя ни чуждыхъ своей идеѣ элементовъ, ни внѣшнихъ толчковъ, которые бы помогали ходу дѣйствія, но развивается *имманентно*, т.-е. изнутри самой себя, какъ дерево развивается изъ зерна. Поэтому, всякая пьеса въ драматической формѣ, вполнѣ выражающая и вполнѣ исчерпывающая свою идею, цѣлая и оконченная въ художественномъ значеніи, т.-е. представляющая собою отдѣльный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ, есть или трагедія, или комедія, смотря по сущности ея содержанія, но нисколько не смотря на ея объемъ и величину, хотя бы она простиралась не далѣе пяти страницъ. Такъ, на примѣръ, пьесы Пушкина: „Моцартъ и Сальери“, „Скупой Рыцарь“, „Русалка“, „Борисъ Годуновъ“ и „Каменный Гость“—суть трагедіи во всемъ смыслѣ этого слова, какъ выражающія въ драматической формѣ идею торжества нравственного закона и представляющія, каждая въ отдѣльности, совершенно особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ комедія можетъ представлять собою особый замкнутый въ самомъ себѣ міръ, для чего бросимъ бѣглый взглядъ на высоко-художественное произведеніе въ этомъ родѣ,—на комедію Гоголя „Ревизоръ“.

Въ основаніи „Ревизора“ лежитъ та же идея, что и въ „Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“: въ томъ и другомъ произведеніи поэтъ выразилъ идею отрицанія жизни, идею призрачности, получившую, подъ его художническимъ рѣзцомъ, свою объективную дѣйствительность. Разница между ними не въ основной идеѣ, а въ моментахъ жизни, схваченныхъ поэтомъ, въ индивидуальностяхъ и положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Во второмъ произведеніи мы видимъ пустоту, лишенную всякой дѣятельности; въ „Ревизорѣ“—пустоту, наполненную дѣятельностію мелкихъ страстей и мелкаго эгоизма. Чтобы произведенія его были художественны, т.-е. представляли со-

бою особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, онъ взялъ изъ жизни своихъ героев такой моментъ, въ которомъ сосредоточивалась вся цѣлостность ихъ жизни, ея значенія, сущность, идея, начало и конецъ: въ первомъ — ссору двухъ пріятелей, во второмъ — ожиданіе и пріемъ ревизора. Все чуждое этой ссорѣ и этому ожиданію и пріему ревизора не могло войти въ повѣсть и комедію, и та и другая начаты съ начала и кончены въ концѣ: намъ не нужно знать подробности дѣтства обоихъ друзей-враговъ, ни того, что было съ ними послѣ, какъ ихъ видѣлъ поэтъ, мы знаемъ это изъ повѣсти, потому что знаемъ этихъ героев съ головы до ногъ, знаемъ всю сущность ихъ жизни, вполне исчерпанную поэтомъ въ описаніи ихъ ссоры. Такъ точно, на что намъ знать подробности жизни городничаго до начала комедіи? Ясно и безъ того, что онъ въ дѣтствѣ былъ ученъ на мѣдныхъ деньги, игралъ въ бабки, бѣгалъ по улицамъ, и какъ сталъ *входить въ разумъ*, то получилъ отъ отца уроки въ житейской мудрости, т.-е. въ искусствѣ *нагрѣвать руки и хоронить концы въ воду*. Лишенный въ юности всякаго религіознаго, нравственнаго и общественнаго образованія, онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца и отъ окружающаго его міра слѣдующее правило вѣры и жизни: въ жизни надо быть счастливымъ, а для этого нужны деньги и чины, а для пріобрѣтенія ихъ взяточничество, казнокрадство, низкопоклонничество и подличанье передъ властями, знатностію и богатствомъ, лманье и скотская грубость передъ низшими себя. Простая философія! Но замѣтите, что въ немъ это не развратъ, а его нравственное развитіе, его высшее понятіе о своихъ объективныхъ обязанностяхъ: онъ мужъ, слѣдовательно, обязанъ прилично содержать жену; онъ отецъ, слѣдовательно, долженъ дать хорошее приданое за дочерью, чтобы доставить ей хорошую партію и, тѣмъ устройвъ ея благосостояніе, выполнить священный долгъ отца. Онъ знаетъ, что средства его для достиженія этой цѣли грѣшны передъ Богомъ, но онъ знаетъ это отвлеченно, головою, а не сердцемъ, и онъ оправдываетъ себя простымъ правиломъ всѣхъ пошлыхъ людей: „не я первый, не я послѣдній, всѣ такъ дѣлаютъ“. Это практическое правило жизни такъ глубоко вкоренено въ немъ, что обратилось въ правило нравственности; онъ почелъ бы себя *выскачкою*, самолюбивымъ гордецомъ, если бы, хоть *позабывшись*, повелъ себя честно въ продолженіе недѣли. Да оно и страшно быть „выскачкою“: всѣ пальцы устаются на васъ, всѣ голоса подымутся противъ васъ; нужна большая сила души и глубокіе корни

нравственности, чтобы бороться съ общественнымъ мнѣніемъ. И не Сквозники-Дмухановскіе увлекаются могучимъ водоворотомъ этой магической фразы „всѣ такъ дѣлаютъ“ и, какъ Молоху, приносятъ ей въ жертву и таланты, и силы души, и внѣшнее благосостояніе. Нашъ городничій былъ не изъ бойкихъ отъ природы, и потому „всѣ такъ дѣлаютъ“ было слишкомъ достаточнымъ аргументомъ для успокоенія его мозолистой совѣсти; къ этому аргументу присоединился другой, еще сильнѣйшій для грубой и низкой души: „жена, дѣти, казеннаго жалованья не стааетъ на чай и сахаръ“. Вотъ вамъ и весь Сквозникъ-Дмухановскій до начала комедіи. Что касается до формъ, въ какихъ онъ выражался и проявлялся до того, онъ всѣ тѣ же, все его же, какъ и во время комедіи. Такъ же нетрудно понять, что съ нимъ было и по окончаніи комедіи, какъ онъ дожилъ свой вѣкъ. Художественная обрисовка характера въ томъ и состоитъ, что если онъ данъ намъ поэтомъ въ извѣстный моментъ своей жизни, вы уже сами можете рассказать всю его жизнь и *до* и *послѣ* этого момента. Конецъ „Ревизора“ сдѣланъ поэтомъ опять непроизвольно, но вслѣдствіе самой разумной необходимости: онъ хотѣлъ показать намъ Сквозника-Дмухановскаго всего, какъ онъ есть, и мы видѣли его всего, какъ онъ есть. Но тутъ скрывается еще другая, не менѣе важная и глубокая причина, выходящая изъ сущности пьесы. Въ комедіи, какъ выраженіи случайностей, все должно выходить изъ идеи случайностей и призраковъ, и только чрезъ это получать свою необходимость: почтенный нашъ городничій жилъ и вращался въ мірѣ призраковъ, но какъ у него необходимо были свои понятія о дѣйствительности, хотя и отвлеченныя, и сверхъ того самый основательный страхъ дѣйствительности, извѣстной подъ именемъ *уголовнаго суда*, то и должно было выйти комическое столкновеніе, какъ ошибка естественнаго влеченія сердца къ воровству и плутнямъ съ страхомъ наказанія за воровство и плутни, страхомъ, который увеличивался еще и нѣкоторымъ безпокойствомъ совѣсти. У страха глаза велики, говоритъ мудрая русская пословица: удивительно ли, что глупый мальчишка, промотавшійся въ дорогѣ трактирный денди, былъ принятъ городничимъ за ревизора? Глубокая идея! Не грозная дѣйствительность, а призракъ, фантомъ, или, лучше сказать, тѣнь отъ страха виновной совѣсти, должны были наказать *человѣка призраковъ*. Городничій Гоголя — не карриатура, не комическій фарсъ, не преувеличенная дѣйствительность, и въ то же время нисколько не дуракъ, но по-своему

очень и очень умный человекъ, который въ своей сферѣ очень дѣйствителенъ, умѣетъ ловко взяться за дѣло — своровать и концы въ воду схоронить, подсунуть взятку и за- добрить опаснаго ему человека. Его приступы къ Хлестакову, во второмъ актѣ, — образецъ подъяческой дипломатіи. Итакъ, конецъ комедіи долженъ совершиться тамъ, гдѣ городничій узнаетъ, что онъ былъ наказанъ призракомъ, и что ему еще предстоитъ наказаніе со стороны дѣйствительности, или, по крайней мѣрѣ, новые хлопоты и убытки, чтобы увернуться отъ наказанія со стороны дѣйствительности. И потому приходъ жандарма съ извѣстіемъ о приѣздѣ истиннаго ревизора прекрасно оканчиваетъ пьесу и сообщаетъ ей всю полноту и всю самостоятельность особаго, замкнутаго въ самомъ себѣ міра. Въ художественномъ произведеніи нѣтъ ничего произвольнаго и случайнаго, но все необходимо и логически вытекаетъ изъ его идеи. Каждое лицо въ немъ, способствуя развитію главной идеи, въ то же время есть и само себѣ цѣль, живетъ своею особою жизнью. Далѣе мы изъ „Ревизора“ разовьемъ подробно эту идею, а пока замѣтимъ мимоходомъ, что вслѣдствіе этого взгляда на искусство Мольеръ — такой же художникъ, какъ гомеровъ Тирсисъ — красавецъ, и такъ же похожъ на Шекспира, какъ титулярный совѣтникъ Поприщинъ на Фердинанда VIII, короля испанскаго. Конечно, Французы правы, что ставятъ Мольера выше Корнеля и Расина: онъ дѣйствительно былъ человекъ съ большимъ талантомъ, съ неистощимою живостію и остротою французскаго ума; онъ истощилъ все богатство разговорнаго французскаго языка, воспользовался всею его граціозною игривостію для выраженія смѣшныхъ противорѣчій; онъ подмѣтилъ и вѣрно схватилъ многія черты своего времени. Но онъ великъ въ частностяхъ, а не въ цѣломъ; но его дѣйствующія лица не дѣйствительныя существа, а карикатуры, такъ же какъ его произведенія — сатиры, а не комедіи, такъ же какъ самъ онъ *поэтъ мѣстами*, а не художникъ, который потому художникъ, что творитъ цѣлое, стройное зданіе, выросшее изъ одной идеи. Напримѣръ, въ его „Скупомъ“ Гарпагонъ, конечно, хорошъ, какъ мастерски написанная карикатура, но всѣ другія лица — резонёры, ходячія сентенціи о томъ, что скупость есть порокъ; ни одно изъ нихъ не живетъ своею жизнью и для самого себя, но всѣ *придуманы*, чтобы лучше отгѣнить собою героя quasi-комедіи. То же и въ „Тартюфѣ“: всѣ лица *присочинены* для главнаго, и самъ Тартюфъ такъ не хитеръ, что могъ обмануть только одного человека, и то потому, что этотъ одинъ — пошлый ду-

ракъ. Завязка и развязка мнимыхъ комедій Мольера никогда не выходитъ изъ основной идеи и взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ, но всегда придумывается, какъ рама для картины, не создается, какъ необходимая форма. Это оттого, что у него никогда не было идеи, и поэзія для него никогда не была сама себѣ цѣль, но средство *исправлять общество осмѣяніемъ пороковъ*. Какой это художникъ!..

Многіе находятъ страшную натяжкою и фарсомъ ошибку городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора, тѣмъ болѣе, что городничій человекъ по-своему очень умный, т.-е. плуть перваго разряда. Странное мнѣніе, или, лучше сказать, странная слѣпота, недопускающая видѣть очевидность! Причина этого заключается въ томъ, что у cadaго человека есть два зрѣнія — физическое, которому доступна только внѣшняя очевидность, и духовное, проникающее внутреннюю очевидность, какъ необходимость, вытекающую изъ сущности идеи. Вотъ, когда у человека есть только физическое зрѣніе, а онъ смотритъ имъ на внутреннюю очевидность, то и естественно, что ошибка городничаго ему кажется натяжкою и фарсомъ. Представьте себѣ воришку-чиновника такого, какимъ вы знаете почтеннаго Сквозника-Дмухановскаго: ему видѣлись во снѣ двѣ *какія-то необыкновенныя крысы*, какихъ онъ никогда не видывалъ — черныя, неестественной величины — пришли, понюхали и пошли прочь. Важность этого сна для послѣдующихъ событій была уже кѣмъ-то очень вѣрно замѣчена ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, обратите на него все ваше вниманіе: имъ открывается цѣль призраковъ, составляющихъ дѣйствительность комедіи. Для человека съ такимъ образованіемъ, какъ нашъ городничій, сны — мистическая сторона жизни, и чѣмъ они несвязнѣе и бессмысленнѣе, тѣмъ для него имѣютъ большее и таинственнѣйшее значеніе. Если бы послѣ этого сна ничего важнаго не случилось, онъ могъ бы и забыть его; но, какъ нарочно, на другой день онъ получаетъ отъ пріятеля увѣдомленіе, что „отправился *инкогнито* изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обривизовать въ губерніи все относящееся по части гражданскаго управленія“. Сонъ въ руку! Суевѣріе еще болѣе запугиваетъ и безъ того запуганную совѣсть; совѣсть усиливаетъ суевѣріе. Обратите особенное вниманіе на слова „инкогнито“ и „съ секретнымъ предписаніемъ“. Петербургъ есть таинственная страна для нашего городничаго, міръ фантастическій, котораго формъ

¹⁾ Смотри „Литературныя Прибавленія къ Ивалиду“ 1839. № 3. Т. II. Прим. Бѣлинскаго.

онъ не можетъ и не умѣетъ себѣ представить. Нововведенія въ юридической сферѣ, грозящія уголовнымъ судомъ и ссылкой за взяточничество и казнокрадство, еще болѣе усугубляютъ для него фантастическую сторону Петербурга. Онъ уже допытывается у своего воображенія, какъ пріѣдетъ ревизоръ, чѣмъ онъ прикинется и какія пули будетъ онъ отливать, чтобы развѣдать правду. Слѣдуютъ толки у честной компаніи объ этомъ предметѣ. Судья-собачникъ, который беретъ взятки борзыми щенками, и потому не боится суда, который на своемъ вѣку прочелъ пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодумецъ, находитъ причину присылки ревизора, достойною своего глубокомыслия и начитанности, говоря, что „Россія хочетъ вести войну, и потому *министерія* нарочно отправляетъ чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны“. Городничій понялъ нелѣпость этого предположенія и отвѣчаетъ: „Гдѣ нашему уѣздному городишкѣ? Если бы онъ былъ пограничнымъ, еще бы какъ-нибудь возможно предположить, а то стоитъ чортъ знаетъ гдѣ—въ глуши... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь“. Засимъ онъ даетъ совѣтъ своимъ сослуживцамъ быть поосторожнѣе и быть готовыми къ пріѣзду ревизора; вооружается противъ мысли о грѣшкахъ, т.-е. взяткахъ, говоря, что „нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ за собою какихъ-нибудь грѣховъ“, что „это уже такъ самимъ Богомъ устроено“ и что „*вольтеріанцы* напрасно противъ этого говорятъ“; слѣдуетъ маленькая перебранка съ судьей о значеніи взятокъ; продолженіе совѣтовъ; ропотъ противъ проклятаго *инкогнито*. „Вдругъ заглянетъ: а! вы здѣсь, голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья? — Тяпкинь-Ляпкинь. А подать сюда Тяпкина-Ляпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?—Земляника. А подать сюда Землянику! Вотъ что худо!“... Въ самомъ дѣлѣ, худо! Входитъ наивный почтмейстеръ, который любитъ распечатывать чужія письма, въ надеждѣ найти въ нихъ „разныя этакіе пассажи... назидательные даже... лучше, нежели въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Городничій даетъ ему плутовскіе совѣты „немножко распечатывать и прочитывать всякое письмо, чтобы узнать—не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія *или просто переписки*“. Какая глубина въ изображеніи! Вы думаете, что фраза „или просто переписки“ безсмыслица, или фарсъ со стороны поэта: нѣтъ, это неумѣніе городничаго выражаться, какъ скоро онъ хоть немного выходитъ изъ родныхъ сферъ своей жизни. И таковъ языкъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи! Наивный почтмейстеръ, не понимая, въ чемъ дѣло,

говоритъ, что онъ и такъ это дѣлаетъ. „Я радъ, что вы это дѣлаете“, отвѣчаетъ плутоватый городничій простяку-почтмейстеру: „это въ жизни хорошо“, и види, что съ нимъ обидками немного возьмешь, напрямки просить его—всякое извѣстіе доставлять къ нему, а жалобу или донесеніе просто задерживать. Судья потчуетъ его собаченкою, но онъ отвѣчаетъ, что ему теперь не до собакъ и зайцевъ: „У меня въ ушахъ только и слышно, что *инкогнито* проклятое; такъ и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ“...

И въ самомъ дѣлѣ, двери отворяются съ шумомъ и вбѣгаютъ Петры Ивановичи Бобчинскій и Добчинскій. Это городскіе шуты, уѣздные сплетники; ихъ всѣ знаютъ, какъ дураковъ, и обходятся съ ними или съ видомъ презрѣнія, или съ видомъ покровительства. Они безсознательно это чувствуютъ, и потому изо всей мочи передъ всѣми подличаютъ, и, чтобы только ихъ терпѣли, какъ собакъ и кошекъ въ комнатѣ, всѣмъ подслуживаются новостями и сплетнями, составляющими субъективную, объективную и абсолютную жизнь уѣздныхъ городковъ. Вообще съ ними обращаются безъ чиновъ, какъ съ собаками и кошками: надоѣдаютъ—выгоняютъ. Ихъ дни проходятъ въ шатаньи и собираніи новостей и сплетней. Обогащаясь подобною находкой, они вдругъ вырастаютъ сознаниемъ своей важности, и уже бѣгутъ къ знакомымъ смѣло, въ увѣренности хорошаго приема. „Чрезвычайное происшествіе!“ кричитъ Бобчинскій. „Неожиданное извѣстіе!“ восклицаетъ Добчинскій, вбѣгая въ комнату городничаго, гдѣ всѣ настроены на одинъ ладъ, а особенно самъ городничій весь сосредоточенъ на *idée fixe*. „Что такое?“—Приходимъ въ гостиницу—восклицаетъ Добчинскій. Приходимъ въ гостиницу—перебиваетъ его Бобчинскій. Начинается рассказъ самый обстоятельный, самый подробный, отъ начала до конца: зачѣмъ пошли въ гостиницу, гдѣ, какъ, когда, при какихъ обстоятельствахъ, словомъ, по всѣмъ правиламъ топиковъ или общихъ мѣстъ старинныхъ реторикъ. Чудаки перебиваютъ другъ друга; каждому хочется насладиться своею важностію, быть центромъ общаго вниманія, а вмѣстѣ и занять себя, наполнить свою пустоту пустымъ содержаніемъ. Забавнѣе всего то, что имъ самимъ хочется какъ можно скорѣе добраться до эффектнаго конца, а между тѣмъ и хочется продолжить свое торжество и рассказать все съ начала и подробнѣе. Бобчинскій овладѣваетъ рассказомъ, говоря, что у Добчинскаго „и зубъ со свистомъ и слога такого нѣту“, и Добчинскому осталось только помогать жестами рассказу счастливаго Бобчинскаго, изрѣдка

обѣгать его нѣкоторыми фразами, которыя тотъ снова перехватываетъ и продолжаетъ свой разсказъ. Наконецъ дошли до „молодого человѣка недурной наружности въ партикулярномъ платьѣ“. Представьте себѣ, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ „молодой человѣкъ недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ“ на воображеніе городничаго, уже и безъ того настроенное ожиданіемъ проклятаго „инкогнито“! И вотъ, наконецъ, Бобчинскій передаетъ донесеніе трактирщика Власа: „Молодой человѣкъ, чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга — Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію, и что *чрезвычайно странно себя аттестуетъ*: больше полуторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и денегъ хоть бы копѣйку заплатилъ“. Слѣдуетъ остроумная смѣтка проникательнаго Бобчинскаго: „Съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога лежитъ Богъ знаетъ куда—въ Саратовскую губернію? Это вѣрно не кто другой, какъ самый тотъ чиновникъ“. Не естественъ ли послѣ этого ужасъ городничаго?

Городничій. Что вы говорите? не можетъ быть! Да нѣтъ, это вамъ такъ показалось. Это кто-нибудь другой.

Бобчинскій. Помилуйте, какъ не онъ! И денегъ не платитъ, и не ѣдетъ—кому же быть, какъ не ему? И съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ?

Понимаете ли вы хотя въ возможности эту чудную логику, эти резоны, эти доводы? на какихъ законахъ разума основаны они? Вотъ онъ—вотъ источникъ комическаго и смѣшнаго! Видите ли вы, какая драма, какое столкновеніе противоположныхъ интересовъ, проистекающихъ изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимныхъ отношеній, выразилось въ этихъ двухъ монологахъ! Городничій уже вѣритъ страшному извѣстію, и какъ утопающій хватается за соломинку, такъ онъ пустымъ вопросомъ хочетъ какъ бы отдалить на время сознаніе горькой истины, чтобы дать себѣ время опомниться; Бобчинскій, напротивъ, всѣми силами старается поддержать и въ другихъ и въ самомъ себѣ увѣренность въ справедливости извѣстія, которое вдругъ придадо ему такую важность. Да, въ этой комедіи нѣтъ ни одного слова, строгой и непреложной необходимости котораго нельзя-бъ было доказать изъ самой сущности идеи и дѣйствительности характеровъ. Но вотъ Бобчинскій по тѣмъ же причинамъ, какъ и его достойный другъ, и съ такою же основательностію и очевидностію подаетъ голосъ о несомнѣнности факта:

Онъ, онъ!.. ей-Богу онъ!.. Я ставлю Богъ знаетъ что... Такой наблюдательный: все обсмотрѣлъ и

по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ тарелки наши полюбопытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани...

Послѣ такого довода нѣтъ больше сомнѣнія! Такой наблюдательный, что даже въ тарелки заглядывалъ! Боже мой, да если бы въ эту минуту бѣдному городничему сказали о наблюдательности его кучера, онъ принялъ бы его за ревизора, отличительнымъ признакомъ котораго въ его испуганномъ воображеніи непременно должна быть *наблюдательность*...

Видите ли, съ какимъ искусствомъ поэтъ умѣлъ завязать эту драматическую интригу въ душѣ человѣка, съ какою поразительною очевидностію умѣлъ онъ представить необходимость ошибки городничаго? Если и теперь не видите—перечтите комедію, или, что еще лучше—посмотрите ее на сценѣ; если и тутъ не увидите—такъ это уже вина вашего зрѣнія, а мы не беремъ на себя трудной обязанности научить слѣпого безошибочно судить о цвѣтахъ. Если нужны еще доказательства, не изъ сущности идеи произведенія почерпнутыя, а внѣшнія, практическія, разсудочныя и резонёрскія, безъ которыхъ многіе люди ничего не понимаютъ, замѣтимъ имъ, что подобные случаи часто бываютъ въ жизни: сосредоточьтесь на идеѣ, отъ которой зависитъ ваша участь, — вы начнете говорить о ней съ первымъ встрѣчнымъ на улицѣ, принявъ его за своего пріятеля, къ которому вы шли говорить о ней. По крайней мѣрѣ, это очень возможно.

Пропускаемъ остальную половину перваго акта—отчаяніе городничаго при мысли, что ревизоръ въ полторы недѣли могъ узнать о невинно высѣченной имъ унтеръ-офицерской женѣ, о покражѣ у арестантовъ провизіи, о нечистотѣ на улицахъ; его радость при мысли, что ревизоръ—*молодой человѣкъ*; его распоряженія; сцену съ квартальными; просьбу Добчинскаго взять его съ собою, или хотъ позволить „бѣжать за дрожками пѣтушкомъ, пѣтушкомъ“, чтобы только посмотрѣть въ щелочку „такъ, знаете, изъ дверей только увидѣть, какъ тамъ онъ... больше сущность и поступки его, а я ничего“; замѣчаніе городничаго квартальному, что онъ „не по чину беретъ“; сцену съ частнымъ приставомъ, донесшимъ о квартальномъ Держимордѣ, который поѣхалъ, по случаю драки, для порядка и воротился пьянъ; дальнѣйшія распоряженія городничаго; его животные переходы отъ раскаянія къ ругательствамъ на купцовъ, недогадавшихся подарить ему новой шпаги, хотя и видѣли, что старая уже не годится; его обѣщаніе поставить такую свѣчу, какой никто еще не ставилъ, и угрозу „на cadaго бестію-купца наложить по три пуда воска“,

когда бѣда минетъ; сцену Анны Андреевны, разспрашивающей мужа за дверью о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами; брань ея на дочь, которая своею кокетливостію при туалетѣ лишила ее возможности поскорѣе разузнать о ревизорѣ; эту пикировку съ дочерью, въ которой поблеклая кокетка уѣзднаго города представляется какъ бы видящею въ молодой дочери свою соперницу: скажемъ коротко, что во всемъ этомъ, какъ и въ предшествовавшемъ, поэтъ остался вѣренъ своей идеѣ, не измѣнилъ ей ни словомъ, ни чертою; что все это больше, нежели портретъ или зеркало дѣйствительности, но болѣе походить на дѣйствительность, нежели дѣйствительность походить сама на себя, ибо все это—художественная дѣйствительность, замыкающая въ себѣ всѣ частныя явленія подобной дѣйствительности...

Передъ нами Осипъ—герой лакейской природы, представитель цѣлаго ряда безчисленныхъ явленій, изъ которыхъ онъ ни на одно не похожъ, какъ двѣ капли воды, но изъ которыхъ каждое похоже на него, какъ двѣ капли воды. Въ своемъ большомъ монолוגѣ, гдѣ, между прочимъ, читаетъ онъ нравоученіе самому себѣ для своего барина, онъ высказываетъ всего себя, свои отношенія къ барину и наконецъ самого барина. Вы видите деревенскаго слугу, который пожилъ въ Петербургѣ, постигъ достоинство столичной жизни и *галантерейнаго обращенія*, но, по пословицѣ, „сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ“, предпочитаетъ мирную деревенскую жизнь тревоженіямъ столицы, въ которой худо безъ денегъ, иной разъ славно наѣшья, а въ другой чуть не лопнешь съ голода. Въ истинно художественномъ произведеніи всегда видно, какъ взаимныя отношенія персонажей дѣйствуютъ на самый ихъ характеръ, и потому вамъ тотчасъ станетъ ясно, что Осипъ грубиянъ столько же по натурѣ, сколько и по презрѣнію къ своему барину, котораго глупость онъ понимаетъ по-своему. Этотъ баринъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ *пустышниками*. Онъ франтъ и щеголь, потому что дуракъ и столичный житель: глупцы скорѣе всего перенимаютъ внѣшнія стороны высшей ихъ жизни. Отецъ содержитъ его прилично, но онъ мотааетъ батюшкины денежки, чтобы наполнить свою пустоту, занять свою праздность и удовлетворить мелкому тщеславію, а потомъ спускаетъ платье на рынкѣ, до новой присылки денегъ. „Онъ дѣйствуетъ и говоритъ безъ всякаго соображенія; не въ состояніи остановить постоянного вниманія на какой-нибудь мысли; рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ совершенно неожиданно“. Онъ слышалъ, что есть на свѣтѣ вещь, ко-

торая называется литературою, и въ его пустой головѣ въ безпорядкѣ улеглись имена сочиненій и названіе журналовъ и сочинителей: Брамбеусъ и Смирдинъ, „Библіотека для Чтенія“ и „Сумбека“, „Юрій Милославскій“ и „Фенелла“. Онъ денди не по одному модному платью, но и по манерамъ, денди трактирный, одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя красуются на вывѣскахъ московскихъ трактировъ, цирюленъ и портныхъ. Въ Пензѣ его обыгралъ на-чистую пѣхотный капитанъ: онъ за это досадуетъ на случай и несчастье, но не на капитана, къ которому онъ благодаритъ, какъ дилеттантъ къ художнику, потому что, „что ни говори, а удивительно бестія штосы срѣзываетъ: всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ и все обобралъ—славно играетъ!“ Великое достоинство въ его глазахъ!

Посмотрите, какъ робко и какими косвенными вопросами хочетъ онъ узнать отъ Осипа, есть ли у нихъ табакъ: о, онъ боится его нравоученій и его грубости! Посмотрите, какъ онъ подличаетъ передъ трактирнымъ прислужникомъ, справляясь о его здоровьи и о числѣ пріѣзжающихъ въ ихъ трактиръ, и какъ ловко проситъ его поторопиться принести ему обѣдать! Какая сцена, какія положенія, какой языкъ!

Хлест. А соуса почему нѣтъ?

Слуга. Соуса нѣтъ.

Хлест. Отчего же нѣтъ? я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, какъ готовилась рыба и котлеты.

Слуга. Да это, можетъ быть, для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлест. Ахъ ты дуракъ!

Слуга. Да-съ.

Хлест. Поросенокъ ты скверный!.. Какъ же они ѣдятъ, а я не ѣмъ? Отчего же я, чортъ меня возьми, не могу также? Развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ и я?

Слуга. Да ужъ извѣстно, что не такіе.

Хлест. Какіе же?

Слуга. Обнаковенно какіе! они ужъ извѣстно: они деньги платятъ.

Гдѣ подсмотрѣлъ, гдѣ подслушалъ поэтъ эти сцены и этотъ языкъ? И почему только одинъ онъ *такъ* подсмотрѣлъ и *такъ* подслушалъ? Можетъ быть, потому, что онъ подсматривалъ и подслушивалъ, какъ и всѣ, то-есть не подсматривая и не подслушивая, да въ фантазіи-то его это отразилось не такъ, какъ у всѣхъ. А вѣдь и эти *все*—тоже поэты и художники, и какъ блины пекутъ и трагедіи, и драмы, и оперы, и комедіи, и водевили...

Входитъ Осипъ и говоритъ барину, что „тамъ *чего-то* пріѣхалъ городничій, освѣдомляется и спрашиваетъ о васъ“: новое комическое столкновение! У Хлестакова воображеніе настроено на мысли о жалобахъ трактирщика, о тюрьмѣ... Онъ испугался тюрьмы; но утѣшился мыслию, что если по-

ведутъ его туда благороднымъ образомъ, то ничего; но мысль о двухъ купеческихъ дочеряхъ и офицерахъ, которыхъ онъ видѣлъ на улицѣ, снова приводитъ его въ отчаяніе... Можете представить, въ какой *настроенности* его воображенія входитъ къ нему городничій... Въ высшей степени комическое положеніе!.. Но мы пропускаемъ эту превосходную сцену — она говоритъ сама за себя, а для кого она нѣма, тѣмъ немного помогутъ наши толкованія. Скажемъ только, что въ этой сценѣ городничій является во всемъ своемъ блескѣ: съ одной стороны, какъ чуждый фантастическому для него понятію петербургскаго чиновника и весь сосредоточенный на мысли о „проклятомъ инкогнито“, онъ всѣ глупости Хлестакова принимаетъ за *тонкія штуки*, а съ другой, преловко и прехитро выкидываетъ свои *тонкія штуки* и улаживаетъ дѣло.

Третье дѣйствіе, а Анна Андреевна все еще у окна съ своею дочерью — въ высшей степени комическая черта! Тутъ не одно праздное любопытство пустой женщины: ревизоръ молодъ, а она кокетка, если не больше... Дочь говоритъ, что кто-то идетъ — мать сердится: „Гдѣ идетъ? у тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи; ну да, идетъ“. Потомъ вопросъ, кто идетъ: дочь говоритъ, что это Добчинскій — мать опять не соглашается и опять упрекаетъ дочь ни въ чемъ: „Какой Добчинскій? тебѣ всегда вдругъ *вообразится* этакое! совсѣмъ не Добчинскій. Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!“ Наконецъ обѣ разглядываютъ; дочь говоритъ: — А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій! Мать отвѣчаетъ: „Ну да, Добчинскій, теперь я вижу — изъ чего же ты споришь?“ Можно ли лучше поддержать достоинство матери, какъ не быть всегда правою передъ дочерью и не дѣлая всегда дочь виноватою передъ собою? Какая сложность элементовъ выражена въ этой сценѣ: уѣздная барыня, устарѣлая кокетка, смѣшная мать! Сколько оттѣнковъ въ каждомъ ея словѣ, какъ значительно, необходимо каждое ея слово! Вотъ что значитъ проникать въ таинственную глубину организациі предмета, и во внѣшность выводить то, что кроется въ самыхъ недоступныхъ для зрѣнія тканяхъ и нервахъ внутренней организациі! Поэтъ заставляетъ насквозь видѣть эти характеры и внутри находить причины всего внѣшняго, являющагося. Сцена Анны Андреевны съ Добчинскимъ: та и другой являются тутъ во всей своей прозрачности. Она спрашиваетъ его, тотъ ли это ревизоръ, о которомъ увѣдомляли ея мужа: „*Настоящій*! я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Пвановичемъ“. Потомъ онъ пересказываетъ свиданіе городничаго съ Хлестаковымъ такъ, какъ оно

отразилось въ его понятіи и какъ должно было отразиться въ понятіи городничаго, и заключаетъ, что онъ тоже „перетрухнулъ немножко“. „Да вамъ-то чего бояться — вѣдь вы не служите?“ спрашиваетъ она его. „Да такъ, знаете, когда вельможа говорить, то чувствуешь страхъ“ — отвѣчаетъ простакъ. На вопросъ городничихи о наружности ревизора онъ его описываетъ такъ, какъ онъ отразился въ его узкой головѣ: „Молодой, молодой человѣкъ: лѣтъ двадцати-трехъ; а говорить совершенно какъ старикъ. Извольте, говорить, я поѣду: и туда, и туда... (*размахиваетъ руками*), такъ это все славно“. Видите ли въ этихъ бессмысленныхъ словахъ немножко идиотское неумѣніе отдать себѣ отчетъ въ собственномъ впечатлѣніи и выразить его словомъ? Далѣе: „Я, говорить, и пописать и почитать люблю, но мѣшаетъ, что въ комнатѣ, говорить, немножко темно“. Видите ли изъ этого, что чѣмъ Хлестаковъ былъ пошлѣе, безсвязнѣе въ своихъ фразахъ, трактирнѣе въ своихъ манерахъ, тѣмъ большее придавалъ онъ себѣ значеніе не только въ глазахъ Добчинскаго, но и самого городничаго? Есть люди, которые почитаютъ въ книгахъ глубокимъ и мудрымъ все, чего они не понимаютъ; приведите къ нимъ какого-нибудь глупца или ловкаго мистификатора, какъ автора этой умной книжки: чѣмъ нелѣпѣе онъ будетъ выражаться, тѣмъ больше они будутъ ему удивляться. Для городничаго ревизоръ былъ слишкомъ премудрою книгою, потому уже только, что онъ ревизоръ — съ этой точки зрѣнія его трудно было сдвинуть, и потому все, что Хлестаковъ ни вралъ послѣ къ явной своей невыгодѣ, только еще болѣе поддерживало городничаго въ его заблужденіи, вмѣсто того, чтобы вывести изъ него и открыть ему глаза.

Сцена матери и дочери, совѣтующихся о туалетѣ, чтобы ихъ не осмѣяла какая-нибудь „столичная штучка“, и споръ о левомъ платьѣ, которое, по мнѣнію матери, къ лицу ей, такъ какъ у ней самые темные глаза, потому что „она и гадаетъ всегда на треновую даму“, и возраженіе дочери, что къ ней не идетъ цвѣтное платье, потому что она „больше червовная дама“ — эта сцена и этотъ споръ окончательно и рѣзкими чертами обрисовываютъ сущность, характеры и взаимныя отношенія матери и дочери, такъ что послѣдующее уже нисколько не удивляетъ въ нихъ васъ, какъ не удивляетъ сумма *четырехъ*, вышедшая изъ умноженія *двухъ* на *два*. Вотъ въ этомъ-то состоитъ *типизмъ* изображенія: поэтъ беретъ самыя рѣзкія, самыя характеристическія черты живописуемыхъ имъ лицъ, выпуская всѣ случайныя, которыя не способствуютъ къ оттѣненію ихъ индивидуальности. Но онъ

выбираетъ не по сортировкѣ, не по соображенію и сличенію болѣе годныхъ съ менѣе годными, онъ даже и не думаетъ, не заботится объ этомъ, но все это выходитъ у него само собою, потому что изображаемыя имъ на бумагѣ лица прежде всего изобразились у него въ фантазіи, и изобразились во всей полнотѣ своей и цѣлости, со всѣми родовыми примѣтами, отъ цвѣта волосъ до родимаго пятнышка на лицѣ, отъ звука голоса до покроя платья. Положить ихъ на бумагу — для него уже актъ второстепенный, почти механическій трудъ. И посмотрите, какъ легко у него все выходитъ: въ этой коротенькой, какъ бы слегка и небрежно наброшенной сценѣ, вы видите прошедшее, настоящее и будущее, всю исторію двухъ женщинъ, а между тѣмъ она вся состоитъ изъ спора о платьѣ, и вся какъ бы мимоходомъ и нечаянно вырвалась изъ-подъ пера поэта!..

Сцена явленія Хлестакова въ домѣ городничаго, въ сопровожденіи свиты изъ городского чиновничества и самого Сквозника-Дмухановскаго; представленіе Анны Андреевны и Марьи Антоновны; любезничанье и вранье Хлестакова: каждое слово, каждая черта во всемъ этомъ, общность и характеръ всего этого — торжество искусства, чудная картина, написанная великимъ мастеромъ, никогда нежданное, никѣмъ не подозрѣвавшееся изображение всѣми видѣннаго, всѣмъ знакомаго, и, несмотря на то, всѣхъ удивившаго и поразившаго своею новостію и небывалостію!.. Здѣсь характеръ Хлестакова — этого второго лица комедіи — развертывается вполнѣ, раскрывается до послѣдней видимости своей микроскопической мелкости и гигантской пошлости. Къ сожалѣнію, это лицо понято меньше прочихъ лицъ, и еще не нашло для себя достойнаго артиста на театрахъ обѣихъ столицъ. Многимъ характеръ Хлестакова кажется рѣзокъ, *утрированъ*, если можно такъ выразиться, его болтовня, напоминающая *не любо, не слушай — врать не мешай*, — изысканно неправдоподобною. Но это потому, что всякій хочетъ видѣть, и, слѣдовательно, видитъ въ Хлестаковѣ свое понятіе о немъ, а не то, которое существенно заключается въ немъ. Хлестаковъ является къ городничему въ домъ послѣ внезапной переменъ его судьбы: не забудьте, что онъ готовился идти въ тюрьму, а между тѣмъ нашелъ деньги, почетъ, угощеніе, что онъ послѣ невольнаго и мучительнаго голода наѣлся досыта, отъ чего и безъ вина можно придти въ какое-то полупьяное разслабленіе, а онъ еще и подпилъ. Какъ и отчего произошла эта внезапная переменъ въ его положеніи, отчего передъ нимъ стоятъ всѣ на вытяжку — ему

до этого нѣтъ дѣла; чтобы понять это, надо подумать, а онъ не умѣетъ думать, онъ влечется, куда и какъ толкаютъ его обстоятельства. Въ его полупьяной головѣ, при обремененномъ желудкѣ, все передвоилось, все перемѣстилось — и Смирдинъ съ Брамбеусомъ, и „Библиотека“ съ „Сумбекою“, и Маврушка съ посланниками. Слова вылетаютъ у него вдохновенно; оканчивая послѣднее слово фразы, онъ не помнитъ ея перваго слова. Когда онъ говорилъ о своей значительности, о связяхъ съ посланниками, — онъ не зналъ, что онъ вретъ, и нисколько не думалъ обманывать: сказавъ первую фразу, онъ продолжалъ какъ бы противъ воли, какъ камень, толкнутый съ горы, катится уже не посредствомъ силы, а собственною тяжестію. „Меня даже хотѣли сдѣлать вице-канцлеромъ (*звываетъ во всю мотку*). О чемъ бишь я говорилъ?“¹⁾ Если бы ему сказали, что онъ говорилъ о томъ, какъ отецъ сѣкалъ его розгами, онъ навѣрное удѣпился бы за эту мысль и началъ бы не говорить, а какъ будто продолжать, что это очень больно, что онъ всегда кричалъ, но что „при нынѣшнемъ образованіи этимъ ничего не возмешь“.

Многіе почитаютъ Хлестакова героемъ комедіи, главнымъ ея лицомъ. Это несправедливо. Хлестаковъ является въ комедіи не самъ собою, а совершенно случайно, мимоходомъ, и при томъ не самимъ собою, а *ревизоромъ*. Но кто его сдѣлалъ ревизоромъ? *страхъ городничаго*, слѣдовательно, онъ созданіе испуганнаго воображенія городничаго, призракъ, тѣнь его совѣсти. Поэтому онъ является во второмъ дѣйствіи и исчезаетъ въ четвертомъ, — и никому нѣтъ нужды знать, куда онъ поѣхалъ и что съ нимъ стало: интересъ зрителя сосредоточенъ на тѣхъ, которыхъ страхъ создалъ этотъ фантомъ, а комедія была бы не кончена, если бы окончилась четвертымъ актомъ. Герой комедіи — городничій, какъ представитель этого міра призраковъ²⁾.

Въ „Ревизорѣ“ нѣтъ сценъ лучшихъ, потому что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно образующія собою единое цѣлое, округленное внутреннимъ содержаніемъ, а не внѣш-

¹⁾ Въ окончательной редакціи „Ревизора“ это мѣсто измѣнено; то же самое можно замѣтить и относительно нѣсколькихъ другихъ цитатъ этого пересказа.

²⁾ Въ письмѣ къ Гоголю отъ 20 апр. 1842 г. (о которомъ см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 37), Бѣлинскій писалъ: „...во мнѣ много новаго съ тѣхъ поръ, какъ въ 1840 году въ послѣдній разъ вралъ я о вашихъ повѣстяхъ и Ревизорѣ. Теперь я понялъ, почему вы *Хлестакова* считаете героемъ вашей комедіи и понялъ, что онъ точно герой ея...“ Подробнѣе объ этихъ новыхъ взглядахъ Бѣлинскаго см. въ статьѣ № 37.

нею формою, и потому представляющее собою особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ. Скрѣпя сердце, пропускаемъ VII, VIII, IX и X явленія третьяго акта, и остановимся только на оцѣпенѣннѣи городничаго, какъ бы кто ударилъ его обухомъ по головѣ: „такъ совсѣмъ ошеломило! страхъ такой напалъ, еще такого важнаго человѣка никогда не видалъ (*задумывается*); съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ, какъ будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить“... Это говоритъ уѣздный чиновникъ, служака, начавшій службу по-старинному, что называлось „тянуть лямку“; а вотъ голосъ чиновницы *новаго времени*, которая всегда образованнѣе своего мужа: „А я никакой совершенно не ощутила робости, я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, *высшаго тона* человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ“. Безподобна и эта выходка *философствующаго* городничаго: „Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькій, поджаристый такой. Никакъ не узнаешь, что онъ важная особа“. Это голосъ стараго чиновника, врасплохъ застигнутаго новымъ временемъ: онъ уже и прежде слышалъ, а теперь собственными глазами удостоверился, что нынче-де уже по головѣ, а не по брюху дѣлаются важными особами.

Въ первыхъ сценахъ четвертаго акта Хлестаковъ бесѣдуетъ съ самимъ собою и является все тѣмъ же, все самимъ же собою, и не измѣняетъ себѣ ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ. Послѣ дивныхъ сценъ съ чиновниками города, у которыхъ онъ набралъ денегъ, онъ еще въ первый разъ догадывается, что его принимаютъ не за то, что онъ есть, а за великаго государственнаго человѣка. Причина этого явленія и могущія выйти изъ него слѣдствія не въ силахъ остановить на себѣ его вниманія. Это одна изъ тѣхъ головъ, которыя не въ состояніи переварить самаго простаго понятія, и глотаютъ не жевавши. Онъ очень радъ, что его приняли за важную особу: „Я это люблю. Мнѣ нравится, если меня почитаютъ за важнаго человѣка. Въ моей физіономіи точно есть что-то такое внушающее“... и не докончилъ, сколько потому, что это фраза слышанная, а не своя, столько и потому, что вдругъ перепрыгнулъ къ другому предмету... „Это съ ихъ стороны тоже благородная черта, что они готовы дать займы денегъ“. Видите ли: его приняли за важную особу оттого, что „у него въ физіономіи есть что-то внушающее“; это должная дань его личнымъ достоинствамъ, а не другая, болѣе важная для чи-

новниковъ причина; что ему надавали денегъ, это не взятки, а заемъ, и онъ на ту минуту, какъ говорить, вполне убѣжденъ, что возвратитъ имъ свой долгъ. Но Осипъ умнѣе своего барина; онъ все понимаетъ, и ласково, тоже какъ будто мимоходомъ, совѣтуетъ ему уѣхать, говоря: „Погуляли здѣсь два денька, ну—и довольно; что съ ними связываться! плюньте на нихъ! неровенъ часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ“, и обольщаетъ его тройкою лихихъ лошадей съ колокольчикомъ. Эта приманка, равно какъ и мимоходомъ сказанное предостереженіе, что „батюшка будетъ гнѣваться за то, что такъ замѣшкались“, и рѣшила Хлестакова послѣдовать благоразумному совѣту. Слѣдуетъ сцена съ купцами, въ которой вы видите какъ на ладони это купечество уѣзднаго городка, которое выучилось кое-какъ зашибать деньгу, а еще не обрилось и не умылось, чтобы отъ его бородки не пахло капустою; которое плохо знаетъ грамотку и живетъ на „авось“, т.е. гдѣ выторговаль, а гдѣ надуль, и съ которымъ, по всему этому, городничій обходится безъ чиновъ: „схватитъ за бороду, говорить, ахъ ты, Татаринъ“; которое, наконецъ, любитъ коли давать, такъ давать—возьми и подносики, и головку сахара, и кулечекъ съ винами, и не триста,—что триста! —пятьсотъ, только дѣло сдѣлай. Языкъ неподражаемо вѣренъ. Хлестаковъ опять не измѣняетъ себѣ—беретъ займы, о взяткахъ слышать не хочетъ, и если гдѣ приходитъ въ маленькое недоумѣніе, тамъ толкаетъ его Осипъ и заставляетъ не быть безъ дѣйствія. Но вотъ входитъ Марья Антоновна: она въ комнатѣ чужого молодого человѣка ищетъ маменьки... Ея приходъ *толкаетъ* Хлестакова, т.е. заставляетъ дѣлать то, чего онъ не думалъ дѣлать. Онъ франтъ, она „барышня“: слѣдовательно, ему должно волочиться за нею. Что изъ этого выйдетъ—такая мысль не можетъ прійти въ его пустую голову, которая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ внѣшняго обстоятельства, подъ впечатлѣніемъ настоящей минуты. „Барышня“ глупа, пуста и пошла, но она уже прочла нѣсколько романовъ, и у ней есть альбомъ, въ который Хлестаковъ долженъ написать какіе-нибудь *этакіе новенькіе* „стишки“. О, ему это ничего не стоитъ—онъ много знаетъ наизусть стиховъ; напр. „О, ты, что въ горести напрасно“, и проч. И вотъ онъ на колѣняхъ передъ нею. Уйди она—онъ черезъ минуту забылъ бы объ этой сценѣ, какъ совсѣмъ небывалой; но входитъ мать и *толкаетъ* его „просить руки“ Марьи Антоновны. Онъ уѣзжаетъ въ полной увѣренности, что онъ женихъ и что все сдѣлалось какъ должно; но извозчикъ крикнулъ, колокольчикъ за-

лился—и Хлестаковъ готовъ спросить себя: „На чемъ бишь я остановился“.

Первыя сцены пятаго акта представляютъ намъ городничаго въ полнотѣ его грубаго блаженства животной натуры. Здѣсь поэтъ является глубокимъ анатомикомъ души человѣческой, проникаетъ въ самые недоступныя тайники ея и выводитъ наружу все крившееся въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ пятомъ актѣ городничій является въ своемъ апотеозѣ, полнымъ опредѣленіемъ своей сущности, вполне опредѣлившееся возможностью: все темное, грязное, низкое и грубое, что крылось въ его природѣ, развивалось воспитаніемъ и обстоятельствами, все это всплыло со дна наверхъ, изнутри явилось наружу, и явилось такъ добродушно, такъ комически, что вы невольно смѣетесь тамъ, гдѣ бы должны были ужасаться. „Что, говоритъ онъ женѣ, тебѣ и во снѣ не видѣлось: просто изъ какой-нибудь городничихи, и вдругъ, фу ты канальство! Съ какимъ дьяволомъ породнились!“ — „Какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! А, Анна Андреевна! высококаго полета, чортъ побери!“ Изъ труса онъ дѣлается нахаломъ, мѣщаниномъ, который вдругъ попалъ въ знатные люди; страхъ Сибири прошелъ—онъ уже не общается Богу пудовой свѣчи, и грозитъ еще жить и обирать купцовъ; велитъ кричать о своемъ счастьи всему городу, „валать въ колокола; коли торжество такъ торжество, чортъ возьми!“; его дочь выходитъ замужъ за такого человѣка „что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городъ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочешь“. Боже мой! къ лицу ли ему генеральство! А онъ въ неистовомъ восторгѣ, въ бѣшеной комической страсти отъ мысли, что будетъ генераломъ... „Вѣдь почему хочется быть генераломъ? потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь, фельдъегери и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, *городничіи*, а ты себѣ и въ усъ не дуешь; общаешься гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ: стой *городничій*! Ха, ха, ха! Вотъ что, канальство, заманчиво!“

Такъ проявляются грубыя страсти животной натуры! Это страсть—и страсть бѣшенная: у нашего городничаго сверкаютъ глаза, въ голосѣ тонъ изступленія, движенія порывисты. Если не вѣрите—посмотрите на Щепкина въ этой роли. Въ комедіи есть свои страсти, источникъ которыхъ смѣшонъ, но результаты могутъ быть ужасны. По понятію нашего городничаго, быть генераломъ значитъ видѣть предъ собою униженіе и подлость отъ низшихъ, гнѣсти всѣхъ не генераловъ своимъ чванствомъ и надменностію:

отнять лошадей у человѣка нечиповнаго или меньшаго чиномъ, по своей подорожной имѣющаго равное на нихъ право; говорить *братецъ* и *ты* тому, кто говоритъ ему *ваше превосходительство* и *вы*, и проч. Сдѣлайся нашъ городничій генераломъ—и когда онъ живетъ въ уѣздномъ городѣ, горе *маленькому* *человѣку*, если онъ, считая себя „неимѣющимъ чести быть знакомымъ съ г. генераломъ“, не поклонится ему, или на балу не уступить мѣста, хотя бы этотъ *маленькій* *человѣкъ* готовился быть *великимъ* *человѣкомъ*!... тогда изъ комедіи могла бы выйти трагедія для „маленькаго человѣка“... ¹⁾).

Приходъ купцовъ усиливаетъ волненіе грубыхъ страстей городничаго: изъ животной радости онъ переходитъ въ животную злобу. Сначала хочетъ говорить тихо, съ сосредоточенною яростію и злобною ироніею; но животная натура не даетъ ему выдержать этой роли, власть надъ собою принадлежитъ только образованнымъ людямъ; онъ постепенно приходитъ въ бѣольшую и бѣольшую ярость и раздражается ругательствами. Онъ пересчитываетъ Абдулину свои благодѣянія, т.-е. напоминаетъ случаи, гдѣ они вмѣстѣ казну обкрадывали... Купцы являются тѣми же купцами, они низко кланяются; низко подличаютъ. Великодушный городничій смягчается, но на условіи, чтобы „засушенные бороды, аршинники, самоварники, протоканаліи и архибестіи“ не думали „отбояриться отъ него какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахара“, ибо-де „онъ выдаетъ дочку свою не за какого-нибудь дворянина“...

Начинаютъ собираться гости. Городничій снова въ своемъ пѣтушьемъ величіи. Передъ нимъ всѣ подличаютъ, какъ передъ знатною особою; поздравляютъ вслухъ съ „необыкновеннымъ благополучіемъ“, и ругаютъ вполголоса. Городничиха, какъ и съ самаго начала пятаго акта, играетъ роль случайной дамы, которая, однако, нисколько не удивлена своимъ счастьемъ, какъ по праву принадлежащимъ ея достоинствамъ и какъ давно привычнымъ ей. Она показываетъ, что равнодушна къ нему. Но устарѣлая кокетка беретъ верхъ надъ знатною дамою: она почти оспариваетъ жениха у своей дочери. Входитъ простодушный почтмейстеръ и пренаивно открываетъ всѣмъ глаза на счетъ мнимаго ревизора, доказавъ очевидно, что онъ „и не уполномоченный и не особа“. Сцена чтенія письма Хлестакова—въ высшей степени комическая. Но что же нашъ городничій?—Вы думаете, ему стыдно, мучительно

¹⁾ Все это, вѣроятно, отчасти и личные впечатлѣнія Бѣлинскаго отъ его столкновенія въ Пятигорскѣ съ генераломъ Скобелевымъ—о чемъ см. письмо Бѣлинскаго къ К. Аксакову отъ 14 авг. 1837 г.; ср. выше наше примѣчаніе на стр. 489-ой.

стыдно видѣть себя такъ жестоко одурачен-нымъ собственною ошибкою, такъ тяжело наказаннымъ за свои грѣхи? Какъ бы не такъ! Бездарность, посредственность или даже обыкновенный талантъ, тотчасъ бы воспользовались случаемъ заставить городничаго раскаяться и исправиться; но талантъ необыкновенный глубже понимаетъ натуру вещей и творить не по своему произволу, а по закону разумной необходимости. Городничій пришелъ въ бѣшенство, что допустилъ обмануть себя мальчишкѣ, вертопраху, у котораго молоко на губахъ не обсохло, онъ, который „тридцать лѣтъ жилъ на службѣ“, котораго „ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣлывалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!“ — Вы думаете: ему совѣстно, мучительно совѣстно смотрѣть на тѣхъ людей, передъ которыми онъ сейчасъ только такъ ломался, которые унижались и подличали передъ его мнимою знатностію? Ничего не бывало! Когда дражайшая его половина обнаруживаетъ всю свою глупость наивнымъ вопросомъ: „Какъ же?... вѣдь это не можетъ быть... Онъ совсѣмъ вѣдь обручился съ нашей Машенькой?“ — онъ не только не старается замаять позорнаго для нихъ обоихъ объясненія, но еще съ досадою на ея недогадливость очень ясно толкуетъ ей въ чемъ дѣло: „А развѣ ты не видишь, что у него все это фу-фу? Пусть-шій человекъ, чортъ бы побралъ его! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отниметъ разумъ. Ну, что въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за важнаго человека или вельможу? Пусть бы имѣлъ онъ что-нибудь внушающее уваженіе, а то чортъ знаетъ что: дрянъ, сосулька! Тоньше сѣрной спички!“ За симъ обманутые чудаки бросаются съ ругательствами на Петровъ Ивановичей, какъ первыхъ вѣстовщиковъ о пріѣздѣ ревизора. Брань сыплется на нихъ градомъ; они сваливаютъ вину другъ на друга, какъ вдругъ явленіе жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прерываетъ эту комическую сцену и, какъ громъ, разразившійся у ихъ ногъ, заставляетъ ихъ окаменѣть отъ ужаса, и такимъ образомъ превосходно замыкаетъ собою цѣлость пьесы.

Все, сказанное нами о „Ревизорѣ“, отнюдь не есть разборъ этого превосходнаго произведенія искусства. Подробный разборъ хода всей пьесы, характеровъ ея дѣйствующихъ лицъ, ихъ взаимныя отношенія и ихъ взаимодѣйствія другъ на друга завели бы насъ далеко и отвлекли бы отъ главнаго предмета, „Горе отъ Ума“, а наша статья и безъ того вышла слишкомъ велика. Скрѣпя сердце и

обуздывая руку, мы не показали подробно развитія дѣйствія, а наскоро пробѣжали его, не останавливались на отдѣльныхъ лицахъ, но, такъ сказать, зацѣплялись за нихъ. Наша цѣль была — намекнуть на то, чѣмъ должна быть комедія художественно созданная. Для этого мы старались намекнуть на идею „Ревизора“, а вслѣдствіе ея не только на естественность, но и на необходимость ошибки городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора, ошибки, составляющей завязку, интригу и развязку комедіи, а чрезъ все это указать, по возможности, на цѣлость (Totalität) пьесы, какъ особаго, въ самомъ себѣ замкнутаго міра. Не намъ судить, до какой степени выполнили мы все это; по крайней мѣрѣ, теперь читатели могутъ ясно видѣть наши требованія отъ искусства и нашъ критеріумъ для сужденія о комедіи.

Русская комедія начиналась задолго еще до Фонвизина, но началась только съ Фонвизина. Его „Недоросль“ и „Бригадиръ“ надѣлали страшнаго шума при своемъ явленіи, и навсегда останутся въ исторіи русской литературы, если не искусства, какъ одно изъ примѣчательнѣйшихъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ, эти двѣ комедіи суть произведенія ума сильнаго, остраго, человека даровитаго; но онѣ мастерскія сатиры на современное общество, а слѣдовательно, не художественныя произведенія, слѣдовательно, и не комедіи. Ни одна изъ нихъ не представляетъ собою цѣлаго замкнутаго собою міра, возникшаго изъ творческаго зачатія, но представляетъ пресмѣшную карикатуру на глупость и невѣжество; въ нихъ нѣтъ основной идеи, въ философическомъ значеніи этого слова, но есть намѣреніе, цѣль, и цѣль внѣ, а не внутри ихъ заключенная. Поэтому каждая изъ нихъ раздѣлена на двѣ части, на смѣшную и серьезную, потому что дѣйствующія лица раздѣлены на два разряда: на дураковъ и умныхъ. Дураки очень милы и потѣшны, а умники — скучные резонеры. Завязка, интрига и развязка — общее мѣсто, старая объективная форма, какъ въ комедіяхъ Мольера. Правда, въ изображеніи дураковъ видна нѣкоторая объективность и что-то похожее на поэтическую обрисовку, потому что каждый изъ дураковъ глупъ по-своему; но это слабо, и индивидуальныя особенности глупцовъ больше внѣшнія, чѣмъ внутреннія, изъ идеи вытекающія; а главное, изъ карикатурныхъ образовъ этихъ дураковъ всегда болѣе или менѣе выглядываетъ смѣющаяся фигура самого автора. Однимъ словомъ, „Недоросль“ и „Бригадиръ“ — превосходныя, хотя и не безъ большихъ недостатковъ, произведенія литературы, но отнюдь не произведенія искусства.

Послѣ комедіи Фонвизина много надѣлала шума „Ябеда“ Капниста; но это произведение даже и въ литературномъ смыслѣ не заслуживаетъ никакого вниманія. Успѣхъ его былъ основанъ не на его литературномъ или какомъ-либо достоинствѣ, но на цѣли, которая состояла въ нападкѣ на лихоимство. Завязка, интрига и развязка [пошлыя, стихи дубовые, языкъ варварски-книжный.

Съ 1823 года начала ходить по рукамъ публики рукописная комедія Грибоѣдова „Горе отъ Ума“. Она надѣлала ужаснаго шума, всѣхъ удивила, возбудила негодованіе и ненависть во всѣхъ, занимавшихся литературою ех officio, и во всемъ старомъ поколѣніи; только немногіе изъ молодого поколѣнія и не принадлежавшіе къ записнымъ литераторамъ и ни къ какой литературной партіи были восхищены ею. Десять лѣтъ ходила она по рукамъ, распавшись на тысячи списковъ; публика выучила ее наизусть, враги ея уже потеряли голосъ и значеніе, уничтоженные потокомъ новыхъ мнѣній, и она явилась въ печати тогда уже, когда у ней не осталось ни одного врага, когда не восхищаются ею, не превозносятъ ее до небесъ, не признавать геніальнымъ произведеніемъ считалось образцовымъ безвкусіемъ. И вдругъ въ одномъ петербургскомъ журналѣ, въ 1835 году, какой-то (говорили и печатали тогда, будто московскій) критикъ объявилъ, что „Горе отъ Ума“ такое слабое произведение, что хуже даже „Недовольныхъ“... ¹⁾. Разумѣется, публика приняла это за одну изъ тѣхъ милыхъ шуточекъ, до которыхъ такъ страстны иные журналы. Но вотъ недавно, по случаю выхода въ свѣтъ второго изданія „Горе отъ Ума“, въ другомъ петербургскомъ журналѣ (современномъ заднимъ числомъ) объявлено, что „Горе отъ Ума“ должно стоять подлѣ комедій Фонвизина, и что тѣ, которые, подобно издателю комедіи Грибоѣдова (г. Ксенофонту Полевому), видятъ въ ея авторѣ „чело-

вѣка съ большимъ дарованіемъ“, только прячутся за его имя ¹⁾.

Такова судьба комедіи Грибоѣдова. Но все это доказываетъ только, что „Горе отъ Ума“ есть явленіе необыкновенное, произведение таланта сильнаго, могучаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что для нея уже настало время оцѣнки критической, основанной не на знакомствѣ съ ея авторомъ и даже не на знаніи обстоятельствъ его жизни, а на законахъ изящнаго, всегда единыхъ и неизмѣняемыхъ.

„Горе отъ Ума“ принято было съ враждою и ожесточеніемъ и литераторами и публикою. Иначе не могло и быть: литературныя знаменитости тогдашняго времени состояли изъ людей прошлаго вѣка, или образованныхъ по понятіямъ прошлаго вѣка. Не забудьте, что въ то время самъ Мерзляковъ, человекъ съ большимъ талантомъ и поэтическою душою, разбиралъ съ каеэды неподражаемыя красоты трагедіи Сумарокова и подсмѣивался надъ Шекспиромъ, Шиллеромъ и Гёте, какъ надъ представителями эстетическаго безвкусія, а въ Обществѣ Любителей *Россійской* Словесности читалъ свои трактаты о трагедіи, производя ее отъ козла. Великими писателями считались тогда люди, которые теперь неизвѣстны даже по именамъ. Пушкинъ еще только удивлялъ однихъ и бѣсилъ другихъ. Словомъ, это было послѣднее время французскаго классицизма въ нашей литературѣ. Представьте же себѣ, что комедія Грибоѣдова, во-первыхъ, была написана не шестиногими ямбами съ піитическими вольностями а вольными стихами, какъ до того писались однѣ басни; во-вторыхъ, она была написана не книжнымъ языкомъ, которымъ никто не говорилъ, котораго не зналъ ни одинъ народъ въ мірѣ, а Русскіе особенно слыхомъ не слыхали, видомъ не видали, но живымъ, легкимъ разговорнымъ русскимъ языкомъ; въ-третьихъ, каждое слово комедіи Грибоѣдова дышало комическою жизнію, поражало быстротою ума, оригинальностію оборотовъ, поэзіею образовъ, такъ что почти каждый стихъ въ ней обратился въ пословицу или поговорку и годится для примѣненія то къ тому, то къ другому обстоятельству жизни,— а по мнѣнію русскихъ классиковъ, именно тѣмъ и отличавшихся отъ французскихъ, языкъ комедіи, если она хочетъ прослыть *образцовою*, непременно долженъ былъ щеголять тяжелостію, неповоротливостію, тупостію, изысканностію остротъ, прозаизмомъ выраженій и тяжелою скукою впечатлѣній; въ-четвертыхъ, комедія Грибоѣдова отвергла искусственную любовь, резонёровъ, разлучниковъ, и весь пошлый, истертый механизмъ

¹⁾ Этотъ „московскій“ критикъ — Полевой, „петербургскій журналъ“ — „Библіотека для Чтенія“, въ которой Полевой сталъ сотрудничать въ 1836 году; въ этомъ году (а не въ 1835-омъ, какъ стоитъ у Бѣлинскаго) была напечатана въ „Библ. для Чтенія“ статья Полевого о комедіи Загоскина „Недовольные“ (см. выше, стр. 218). „Я послалъ редактору (Сенковскому) статью о комедіи М. Н. Загоскина, — рассказываетъ самъ Полевой, — гдѣ говорилъ и о комедіи Грибоѣдова, изъявляя безпристрастно мнѣніе мое и отдавая справедливость и прекрасному произведенію М. Н. Загоскина, и превосходному произведенію Грибоѣдова. — Редакторъ прибавилъ брань на „Ревизора“, комедію г. Гоголя и придалъ моимъ словамъ о Грибоѣдовѣ такой смыслъ, что ими оскорбилъ всѣхъ почитателей памяти Грибоѣдова и прежде всѣхъ — перваго меня“... Это объясненіе помѣщено Полевымъ въ предисловіи къ его „Очеркамъ русской литературы“ (см. ниже ст. № 19), рецензію о которыхъ Бѣлинскій написалъ раньше настоящей статьи. Слѣдовательно, ему было извѣстно это объясненіе Полевого.

¹⁾ Это объявилъ тотъ же Н. Полевой въ „Сынѣ Отечества“ 1839 года.

старинной драмы; а главное и самое непростительное въ ней было — талантъ, талантъ яркій, живой, свѣжій, сильный, могучій... Да, литераторамъ не могла понравиться комедія Грибоѣдова, они должны были ожесточиться противъ нея!... За что же общество такъ сильно осердилось на нее? За то, что она была самою злою сатирою на это общество. Она заклеила остатки XVIII вѣка, духъ котораго бродилъ еще, какъ заколдованная тѣнь, ожидая себѣ осиноваго кола, которымъ и было „Горе отъ Ума“. Новое поколѣніе вскорѣ не замедлило объявить себя за блестящее произведение Грибоѣдова, потому что вмѣстѣ съ нимъ оно смѣялось надъ старымъ поколѣніемъ, видя въ „Горе отъ Ума“ злую сатиру на него и не подозревая въ немъ еще злѣйшей, хотя и безумышленной сатиры на самого себя, въ лицѣ полумнаго Чацкаго...

За что же теперь такъ жестоко, такъ бездоказательно, такъ произвольно, и, надо сказать, такъ дерзко и неуважительно начинаютъ нападать на такое прекрасное, дѣлающее истинную честь отечественной литературѣ произведение?... Тутъ двѣ причины. Во-первыхъ, кто нападаетъ? Люди ли, которые мѣряютъ изящныя произведенія своею неизящною стряпнею, и, на смѣхъ всему міру, таращатся видѣть въ Грибоѣдовѣ соперника себѣ, они, которые, какъ ни высоко загибаютъ голову, чтобы достать до его лица, но обиваютъ себѣ кулаки только о его колѣни, выше которыхъ даже и на цыпочкахъ не могутъ достать?... Во-вторыхъ: въ дерзости этихъ людей, кромѣ оскорбленнаго, микроскопическаго самолюбія, выражается еще и требованіе времени опредѣлить достоинство „Горе отъ Ума“ не на основаніи личныхъ мнѣній, но на основаніи законовъ изящнаго, и не при посредствѣ личнаго пристрастія, а при посредствѣ разумной мысли, холодной и мертвой для всякихъ личныхъ отношеній, но пламенной и живой для ищущихъ истины.

Теперь у насъ въ литературѣ господствуютъ и борются два рода критики — *французская и нѣмецкая* ¹⁾. Первая смотритъ на произведение съ исторической точки зрѣнія, т.-е. объясняетъ его и произноситъ ему оцѣнку вслѣдствіе разбора его отношеній къ современному обществу и къ частной жизни самого автора. Извѣстно, что французы увлекаются дневными интересами (*les intérêts du jour*), и каждое литературное и поэтическое произведение у нихъ есть рѣшеніе дневнаго вопроса (*la question du jour*), т.-е. того, о чемъ говорятъ нынче. Нѣмецкая

критика смотритъ на художественное произведение какъ на нѣчто безусловное, въ самомъ себѣ посящее свою причину, свое оправданіе и свою оцѣнку, по мѣрѣ того, какъ оно выражаетъ собою общіе законы духа, явленія разума, и мѣряетъ его масштабомъ разумной мысли. Извѣстно, что Нѣмцы мало занимаются эфемерными интересами текущаго дня, но сосредоточиваютъ все свое вниманіе на интересахъ общихъ, міровыхъ, непреходящихъ. Всякому свое! Но и французская критика имѣетъ свое значеніе при разсматриваніи такихъ произведеній литературы, которыя, имѣя большое влияніе на общество, не принадлежатъ къ искусству, каковы, напримѣръ, повѣсти Карамзина, комедіи Фонвизина, и т. п. Однакоже рѣшеніе вопроса: художественно или не художественно то или другое произведение литературы подлежитъ совсѣмъ не французской, а нѣмецкой критикѣ, потому что рѣшеніе такого вопроса относится совсѣмъ не къ исторіи, а къ наукѣ изящнаго, имѣющей своимъ основаніемъ законы изящнаго, выводимые изъ разумной мысли. Мы уже мимоходомъ взглянули на „Горе отъ Ума“ съ исторической точки зрѣнія, взглянемъ теперь на него со стороны искусства, чтобы опредѣлить, художественное ли оно произведение.

Всякое художественное произведение рождается изъ единой общей идеи, которой оно обязано и художественностію своей формы, и своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ единствомъ, черезъ которое оно есть особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ. Какая основная идея „Горе отъ Ума“? — Это можно узнать только изъ самой комедіи; почему и взглянемъ на ея содержаніе.

Дочь барина-чиновника, въ минуту бorenія утренняго свѣта съ темнотою ночи, въ своей спальнѣ, *занимается музыкою* съ молодымъ человѣкомъ, чиновникомъ своего отца. Горничная передъ спальнею стоитъ на часахъ, и, чтобы кто не узналъ о ихъ несвоевременномъ занятіи музыкою и не перетолковалъ въ дурную сторону такой безкорыстной любви къ искусству, напоминаетъ имъ, что уже свѣтаетъ, и, чтобы вывести ихъ изъ меломаническаго самозабвенія, переводитъ часовую стрѣлку. Вдругъ входитъ самъ баринъ и отецъ, Фамусовъ, и начинаетъ волочиться за горничной своей дочери, которая въ то время доигрывала послѣдній дуэтъ. Фамусовъ уходитъ; являются Софья и Молчалинъ; Лиза упрекаетъ ихъ за долгое временное пребываніе въ гармоніи, рассказываетъ о приходѣ барина и о томъ, какъ она струсилла. Входитъ Фамусовъ и застаегъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Слѣдуютъ допросы, упреки и нападки на *Кузнецкій Мостъ*.

¹⁾ Все дальнѣйшее ср. со стр. 450 и сл. настоящаго тома.

Софья рассказывает свой сонъ, желая на-мекнуть имъ на свою любовь къ какому-то робкому и бѣдному молодому человѣку, отецъ прерываетъ ее:

Ахъ, матушка, не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара!

Въ заключеніе совѣтуетъ ей соснуть и идетъ съ Молчалинымъ подписывать бумаги. Софья наединѣ съ Лизою. Изъ ихъ разговора мы узнаемъ, что она безъ памяти отъ „скромнаго“ Молчалина и не очень дорожитъ своимъ добрымъ именемъ и общественнымъ мнѣніемъ. Лиза возстаетъ противъ ея любви, которая добромъ не кончится, и напоминаетъ ей о Чацкомъ, который нѣжно любилъ ее съ дѣтства и котораго она любила; но Софья отзывается о Чацкомъ съ враждебностію, находя въ немъ только злословіе и больше ничего. Вообще служанка обращается съ своею барышнею запросто потому что, какъ помощница въ ея низкой связи, держитъ въ рукахъ своихъ ея участь. Вообще всѣ эти сцены написаны мастерски и служатъ превосходною интродукціею въ комедію; характеры и ихъ взаимныя отношенія обрисованы рѣзко и искусно. Вдругъ лакей докладываетъ о пріѣздѣ Чацкаго, который тотчасъ и является.

Чацкій воспитывался въ домѣ Фамусова и любилъ его дочь съ дѣтства. Три года путешествовалъ онъ и не видалъ ея, теперь спѣшитъ увидѣться. Чацкій человѣкъ *свѣтскій* и человѣкъ *глубокій*; отсюда должны выходить приличіе и поэзія его свиданія съ Софьею. Какъ *свѣтскій* человѣкъ, онъ не долженъ разсыпаться въ нѣжныхъ и страстныхъ монологахъ; скорѣе долженъ онъ начать шутить и говорить о незначущихъ предметахъ, обо всемъ, кромѣ любви своей; но, какъ у *глубокаго* человѣка, въ его шуткахъ должно, какъ бы противъ его воли, проискриваться его чувство, и, какъ *aggrèe pensèe*, оно не должно незримо присутствовать въ его болтовнѣ о разныхъ пустякахъ. Но что же? Во-первыхъ, онъ заѣзжаетъ въ домъ ея отца и требуетъ свиданія съ ней, прямо съ дороги, не заѣхавъ домой, чтобы обрѣться и переодѣться,—и заѣзжаетъ когда же? — въ *шесть часовъ утра*! Воля ваша — не *по-свѣтски*, не умно и не эстетически!.. Первое, что онъ начинаетъ говорить съ нею, — это о томъ, что она холодно принимаетъ его, тогда какъ онъ скакалъ сломя голову сорокъ пять часовъ, не прищуря глазомъ, терпѣлъ отъ бури, растерялся, падалъ нѣсколько разъ!.. Софья холодно надъ нимъ издѣвается, — и онъ начинаетъ спрашивать у ней о знакомыхъ и дѣлать противъ нихъ сатирическія выходки. Истиннаго и глубокаго чувства любви не видно ни въ

одномъ его словѣ. Входитъ Фамусовъ. Софья пользуется случаемъ ускользнуть. Чацкій разсѣянно отвѣчаетъ на пошлости Фамусова и безпрестанно заводитъ съ нимъ рѣчь о Софѣ; наконецъ спохватывается, что ему пора домой, и уходитъ. Фамусовъ силится объяснить сонъ дочери и на кого изъ двухъ она мѣтитъ — на Молчалина или на Чацкаго: одинъ нищій, другой франтъ, мотъ и сорванецъ, и заключаетъ свою думу, а вмѣстѣ съ нею и первый актъ комедіи, комическимъ восклицаніемъ.

Что за коммиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!

Фамусовъ приказываетъ Петрушкѣ читать календарь и отмѣчать, куда и когда баринъ отозванъ обѣдать. Превосходный монологъ! Тутъ Фамусовъ весь высказывается. Приходитъ Чацкій и его безпрестанныя обращенія къ Софѣ Павловнѣ заставляютъ Фамусова спросить его — не хочетъ ли онъ на ней жениться, — и замѣтить, что для того ему надо хорошенько управлять имѣніемъ, а главное *послужить*.

Служить бы радъ, прислуживаться тошно! отвѣчаетъ ему Чацкій. Фамусовъ говоритъ, что „всѣ вы гордецы“, что „спросили бы какъ дѣлали отцы, учились бы на старшихъ глядя“. Чацкій радъ вызову и разливается потокомъ энергическихъ выходокъ противъ стараго времени, въ которыхъ Фамусовъ не понимаетъ ни полслова. Эта сцена была бы въ высшей степени комическою, если бы изображена была объективно, какъ столкновение двухъ чудаковъ; но какъ этого нѣтъ, какъ авторъ не думалъ нисколько, что его Чацкій — полоумный, то она смѣшна, но не въ пользу автора. Слуга докладываетъ о Скалозубѣ, и Фамусовъ проситъ Чацкаго, ради чужого человѣка, не заноситься завиральными идеями, и спѣшитъ навстрѣчу къ Скалозубу. Чацкій изъ его поспѣшности подозрѣваетъ, ужъ не прочитъ ли онъ этого гостя въ женихи своей дочери. Слѣдуетъ превосходная сцена Фамусова съ Скалозубомъ, гдѣ эти два ничтожные характера развиваются творчески.

А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва!

восклицаетъ, въ лирическомъ одушевленіи пошлости, Фамусовъ.

Дистанція огромнаго размѣра!

отвѣчаетъ ему *лаконическій* Скалозубъ. До сихъ поръ сцена шла превосходно, развита была творчески; но вотъ Фамусовъ распространяется о Москвѣ монологомъ въ 54 стиха, гдѣ, мѣстами очень оригинально высказывая самого себя, мѣстами дѣлаетъ, за Чацкаго, выходки противъ общества, какія

могли бы прійти въ голову только Чацкому. Чацкій радехонекъ, вмѣшивается въ разговоръ и начинаетъ читать проповѣди и ругать Фамусова. Сцена удивительно смѣшная, но только не въ похвалу комедіи... Ни съ того, ни съ сего Фамусовъ говоритъ Скалозубу, что будетъ ждать его въ кабинетѣ, и оставляетъ ихъ. Скалозубъ, сказавъ Чацкому монологъ, въ которомъ онъ чудесно высказывается, тоже уходитъ. Тутъ слѣдуетъ паденіе Молчалина съ лошади, обморокъ Софьи и подозрѣнія Чацкаго. Кажется, чего бы еще подозрѣвать? Софья ведетъ себя такъ неосторожно въ отношеніи къ Молчалину и такъ нагло враждебно въ отношеніи къ Чацкому, что, кажется, совсѣмъ бы нечего подозрѣвать. Дѣло очень ясно; при бѣдѣ одного она падаетъ въ обморокъ, а другого, забывъ всякое приличіе, ругаетъ. Чацкій уходитъ. Софья приглашаетъ Скалозуба на вечеръ, гдѣ будутъ всѣ домашніе друзья и танцы подъ фортепьяно, и тотъ уходитъ. Софья изъясняетъ свой страхъ за Молчалина, Лиза упрекаетъ ее въ неосторожности, и Молчалинъ беретъ ея сторону противъ Софьи. Оставшись наединѣ съ Лизою, Молчалинъ волочится за нею, говоря, что онъ любитъ барышню „по должности“. Молчалинъ уходитъ, а Софья опять является, говоря Лизѣ, что она не выйдетъ къ столу, и приказывая ей послать къ себѣ Молчалина.

Вотъ и конецъ второго акта. Чтò въ немъ существеннаго, относящагося къ дѣлу? Обморокъ Софьи и, вслѣдствіе его, ревность Чацкаго; все остальное существуетъ само по себѣ; безъ всякаго отношенія къ цѣлому комедіи. Всѣ говорятъ, и никто ничего не дѣлаетъ. Конечно, въ монологахъ дѣйствующихъ лицъ высказываются ихъ характеры, но это *высказываніе* въ художественномъ произведеніи должно происходить изъ его идеи и совершаться въ дѣйствіи. И въ „Ревизорѣ“ каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя каждымъ своимъ словомъ, но совсѣмъ не съ цѣлью высказываться, а принимая необходимое участіе въ ходѣ пьесы. Каждое слово, сказанное каждымъ лицомъ, тамъ относится или къ ожиданію ревизора, или къ его присутствію въ городѣ. Лицо ревизора есть источникъ, изъ котораго все выходитъ и въ который все возвращается. И потому-то тамъ каждое слово на своемъ мѣстѣ, каждое слово необходимо, и не можетъ быть ни измѣнено, ни замѣнено другимъ. Оттого-то и комедія Гоголя представляетъ собою цѣлое художественное произведеніе, особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ, и можетъ подлежать только разсмотрѣнію нѣмецкой умозрительной критики, а отнюдь не французской исторической. Лица поэта нѣтъ въ этомъ созданіи, и потому,

чтобы понять „Ревизора“, намъ совсѣмъ не нужно знать ни образа мыслей, ни обстоятельствъ жизни его творца.

Чацкій рѣшается допытаться отъ Софьи, кого она любитъ, Молчалина или Скалозуба. Странное рѣшеніе—къ чему оно! Другое бы еще дѣло: допытаться, любитъ ли она его. Что ему за радость узнать отъ нея, что она любитъ не Молчалина, а Скалозуба, или что она любитъ не Скалозуба, а Молчалина? Не все же ли это равно для него? Да и стоитъ ли какого-нибудь вниманія, какихъ-нибудь хлопотъ дѣвушка, которая могла полюбить Скалозуба или Молчалина? Гдѣ же у Чацкаго уваженіе къ святому чувству любви, уваженіе къ самому себѣ? Какое же послѣ этого можетъ имѣть значеніе его восклицаніе въ концѣ четвертаго акта:

... Пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ?

Какое же это чувство, какая любовь, какая ревность? Буря въ стаканѣ воды!... И на чемъ основана его любовь къ Софьѣ? Любовь есть взаимное, гармоническое разумѣніе двухъ родственныхъ душъ, въ сферахъ общей жизни, въ сферахъ истиннаго, благого, прекраснаго. На чемъ же могли они сойтись и понять другъ друга? Но мы и не видимъ этого требованія, или этой духовной потребности, составляющей сущность глубокаго человѣка, ни въ одномъ словѣ Чацкаго. Всѣ слова, выражающія его чувство къ Софьѣ, такъ обыкновенны, чтобы не сказать пошлы! И чтò онъ нашелъ въ Софьѣ? Мѣркою достоинства женщины можетъ быть мужчина, котораго она любитъ, а Софья любитъ ограниченнаго человѣка, безъ души, безъ сердца, безъ всякихъ человѣческихъ потребностей, мерзавца, низкопоклонника, ползающую тварь, однимъ словомъ—Молчалина. Онъ ссылается на воспоминанія дѣтства, на дѣтскія игры; но кто же въ дѣтствѣ не влюблялся и не называлъ своею невѣстою дѣвочки, съ которою вмѣстѣ учился и рѣзвился, и неужели дѣтская привязанность къ дѣвочкѣ должна непременно быть чувствомъ возмужалаго человѣка? Буря въ стаканѣ воды—больше ничего!.. И вотъ онъ приступаетъ къ объясненію. Вы думаете, что онъ сдѣлаетъ это какъ *свѣтскій* и какъ *глубокій* человѣкъ, какъ-нибудь намеками, со всевозможнымъ уваженіемъ и къ своему чувству, и къ личности той, которую, какова бы она ни была, онъ любитъ? Ничего не бывало! Онъ прямо спрашиваетъ ее:

Дознаться мнѣ нельзя ли
Хоть и не кстати, нужды нѣтъ:
Кого вы любите?

И этотъ человѣкъ волнуется любовію и ревностію! И это разговоръ, который дол-

женъ рѣшить участь его жизни! Наконецъ, онъ прямо заводитъ рѣчь о Молчалинѣ!!! Да намекнуть дѣвушкѣ, не любитъ ли она Молчалина, все равно, что намекнуть ей, не любитъ ли она лакея или кучера своего отца... Софья расхваливаетъ Молчалина, а Чацкій убѣждается изъ этого, что она его и не любитъ и не уважаетъ... Догадливъ!... Гдѣ-жъ ясновидѣніе внутренняго чувства?... Лиза подходитъ къ барышнѣ своей и шепчетъ ей на ухо, что ее ждетъ Молчалинъ, и та хочетъ уйти. Чацкій проситъ у ней позволенія побыть минутой въ ея комнатѣ, но она пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается, оставляя его съ носомъ. Чацкій, оставшись одинъ, опять ни съ того, ни съ сего увѣряется, что Софья любитъ Молчалина, и вымещаетъ свою досаду остротами. Потомъ онъ заводитъ разговоръ съ Молчалинымъ, и тутъ слѣдуетъ превосходнѣйшая сцена, гдѣ Молчалинъ вполнѣ высказывается. Но вотъ собираются гости, и слѣдуетъ рядъ картинъ тогдашняго и, можетъ быть, отчасти и нынѣшняго московскаго общества,—картинъ, написанныхъ мастерскою кистію. Наталья Дмитріевна съ своимъ мужемъ Платономъ Михайловичемъ Горичемъ, этимъ „высокимъ идеаломъ московскихъ всѣхъ мужей“, ихъ взаимныя отношенія; князь Тугоуховскій и княгиня съ шестью дочерьми; графини Хрюмины, бабушка и внучка; Загорѣцкій, Хлестова—все это типы, созданные рукою истиннаго художника; а ихъ рѣчи, слова, обращеніе, манеры, образъ мыслей, пробивающійся изъ-подъ нихъ—геніальная живопись, поражающая вѣрностію, истинною и творческою объективностію; но все это какъ-то не связано съ цѣлымъ комедіи, представляется само собою, особно и отдѣльно. Молчалинъ услуживаетъ, составляетъ партію въ вистъ, подличаетъ. Чацкій язвительно колетъ имъ Софью, у которой вдругъ блеснула мысль отомстить ему, ославивъ его сумасшедшимъ. Вѣсть эта съ быстротою молніи переходитъ отъ одного къ другому и тотчасъ превращается въ доказанную очевидность, потому что всѣ принимаютъ ее на вѣру съ свѣтскою основательностію и свѣтскимъ доброжелательствомъ къ ближнему. У графини-бабушки происходятъ пресмѣшныя сцены по поводу шума о сумасшествіи Чацкаго, съ Натальей Дмитріевной (?), Загорѣцкимъ и княземъ Тугоуховскимъ, а у Фамусова съ Хлестовой. Входитъ Чацкій, и всѣ отшатываются отъ него, какъ отъ сумасшедшаго; Фамусовъ совѣтуетъ ему ѣхать домой, говоря, что онъ нездоровъ, и Чацкій отвѣчаетъ ему:

Да, мочи нѣтъ! Милліонъ терзаній,
Грудь отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній;

А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!

(Подходитъ къ Софьѣ)

Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многочислѣхъ я потерянь, самъ не свой.
Нѣтъ, недоволенъ я Москвою.

Скажите послѣ этой, положимъ что поэтической, но уже совершенно неумѣстной выходки Чацкаго, не въ правѣ ли было все общество окончательно и положительно удостоверить въ его сумасшествіи? Кто, кромѣ помѣшаннаго, предается такому откровенному и душевному изліянію своихъ чувствъ на балѣ, среди людей, чуждыхъ ему? Да если бы это были и не Фамусовы, не Загорѣцкіе, не Хлестовы, а люди отлично умные и глубокіе, и тѣ приняли бы его за помѣшаннаго! Но Чацкій этимъ не довольствуется—онъ идетъ далѣе. Софья лукаво дѣлаетъ ему вопросъ, на что онъ такъ сердитъ? и Чацкій начинаетъ свирѣпствовать противъ общества, во всемъ значеніи этого слова. Безъ дальнихъ околичностей начинаетъ онъ рассказывать, что вонъ въ той комнатѣ встрѣтилъ онъ Французика изъ Бордо, который, „надсаживая грудь, собралъ вокругъ себя родъ вѣча“ и рассказывалъ, какъ онъ снаряжался въ путь въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами, и встрѣтилъ ласки и привѣтъ, не слышитъ русскаго слова, не видитъ русскаго лица, а все французскіе, какъ будто онъ и не выѣзжалъ изъ своего отечества, Франціи. Вслѣдствіе этого Чацкій начинаетъ неистово свирѣпствовать противъ рабскаго подражанія Русскихъ иноземцамъ, совѣтуетъ учиться у Китайцевъ „премудрому незнанью иноземцевъ“, нападаетъ на сюртуки и фраки, замѣнившіе величавую одежду нашихъ предковъ, на „смѣшныя, бритые, сѣдые подбородки“, замѣнившіе окладистыя бороды, которыя упали по манію Петра, чтобы уступить мѣсто просвѣщенію и образованности; словомъ, несетъ такую дичь, что всѣ уходятъ, а онъ остается одинъ, не замѣчая того,—чѣмъ и оканчивается третій актъ.

Вообще, если бы выкинуть Чацкаго, этотъ актъ самъ по себѣ, какъ дивно-созданная картина общества и характеровъ, былъ бы превосходнымъ созданіемъ искусства.

Картина разъѣзда съ бала, въ четвертомъ актѣ, есть также сама по себѣ, какъ нѣчто отдѣльное, дивное произведеніе искусства. Одинъ Репетиловъ чего стоитъ! Это лицо типическое, созданное великимъ творцомъ!... Чацкому не найдутъ его кучера; онъ задержанъ въ сѣняхъ и поневолѣ подслушиваетъ толки о своемъ сумасшествіи. Это его изумляетъ: онъ далекъ отъ мысли, что онъ сумасшедшій. Вдругъ онъ слышитъ голосъ Софьи, которая, надъ лѣстницей, во второмъ

этажѣ, со свѣчею въ рукахъ, вполголоса зоветъ Молчалина. Лакей приходитъ и докладываетъ о каретѣ, но Чацкій прогоняетъ его и прячется за колонну. Лиза стучится въ дверь къ Молчалину и вызываетъ его; Молчалинъ выходитъ и по-своему любезничаетъ съ Лизою, не подозрѣвая, что Софья все видитъ и слышитъ. Онъ говоритъ открыто, что любитъ Софью „по должности“ и заключаетъ обращеніемъ къ горничной:

Пойдемъ дѣлить любовь печальной нашей кралн!
Дай обниму тебя отъ сердца полноты!...

(Лиза не дается).

Зачѣмъ она не ты?

Софья является, подлецъ падаетъ ей въ ноги и валяется у ней въ ногахъ. Софья приказываетъ ему встать, и чтобы заря не застала его въ домѣ, иначе она все расскажетъ отцу. Она заключаетъ изъявленіемъ радости, что сама все узнала, и что не было тутъ свидѣтелей, подобно тому, какъ былъ Чацкій во время ея давишняго обморока.

Онъ здѣсь, притворщица!

кричитъ Чацкій, бросаясь къ ней изъ-за колонны.

Скажите, Бога ради, какой бы порядочный, по крайней мѣрѣ, не сумасшедшій человѣкъ, на мѣстѣ Чацкаго, не удалился тихонько, узнавъ горькую истину?... Но ему надо было произвести трагическій эффектъ, а вышла преуморительная комическая сцена, гдѣ самое смѣшное лицо—г. Чацкій.. Нѣтъ, не то: ему надо было еще прочесть нѣсколько проповѣдей... Безъ этого комедія, по крайней мѣрѣ, кончилась бы на мѣстѣ, а тутъ она еще тянется, Богъ знаетъ для чего. Окончаніе извѣстно, и мы не будемъ о немъ говорить.

Итакъ, въ комедіи нѣтъ цѣлаго, потому что нѣтъ идеи. Намъ скажутъ, что идея, напротивъ, есть, и что она—противорѣчіе умнаго и глубокаго человѣка съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ. Позвольте: что это за новый Анахарсисъ, побывавшій въ Аѳинахъ и возвратившійся къ Скиѳамъ?... Неужели представители русскаго общества все—Фамусовы, Молчалины, Софьи, Загорѣцкіе, Хлестовы ¹⁾, Тугоуховскіе, и имъ подобные? Если такъ, они правы, изгнавши изъ своей среды Чацкаго, съ которымъ у нихъ нѣтъ ничего общаго, равно какъ и у него съ ними. Общество всегда правѣе и выше частнаго человѣка, и частная индивидуальность только до той степени и дѣйствительность, а не призракъ, до какой она выражаетъ собою общество. Нѣтъ, эти люди не были представителями русскаго общества,

а только представителями одной стороны его, слѣдственно, были другіе круги общества, болѣе близкіе и родственные Чацкому. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ лѣзъ къ нимъ и не искалъ круга болѣе по себѣ? Слѣдовательно, противорѣчіе Чацкаго случайное, а не дѣйствительное; не противорѣчіе съ обществомъ, а противорѣчіе съ кружкомъ общества. Гдѣ-жъ тутъ идея? Основною идеею художественнаго произведенія можетъ быть только такъ называемая на философскомъ языкѣ „конкретная“ идея, т.-е. такая идея, которая въ самой себѣ заключаетъ и свое развитіе, и свою причину, и свое оправданіе, и которая только одна можетъ стать разумнымъ явленіемъ, параллельнымъ своему діалектическому развитію. Очевидно, что идея Грибоѣдова была сбивчива и неясна самому ему, а потому и осуществилась какимъ-то недоноскомъ. И потому: что за глубокий человѣкъ Чацкій? Это просто крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говорить. Неужели войти въ общество и начать всѣхъ ругать въ глаза дураками и скотами значить быть глубокимъ человѣкомъ? Чтò бы вы сказали о человѣкѣ, который, войдя въ кабакъ, сталъ бы съ одушевленіемъ и жаромъ доказывать пьянымъ мужикамъ, что есть наслажденіе выше вина—есть слава, любовь, наука, поэзія, Шиллеръ и Жанъ-Поль Рихтеръ?... Это новый Донъ-Кихоть, мальчикъ на палочкѣ верхомъ, который воображаетъ, что сидитъ на лошади... Глубоко вѣрно оцѣнилъ эту комедію кто-то, сказавшій, что это горе,—только не отъ ума, а отъ умничанья. Искусство можетъ избрать своимъ предметомъ и такого человѣка, какъ Чацкій, но тогда изображеніе долженствовало-бъ быть объективнымъ, а Чацкій лицомъ комическимъ; но мы ясно видимъ, что поэтъ не шутя хотѣлъ изобразить въ Чацкомъ идеаль глубокаго человѣка въ противорѣчій съ обществомъ, и вышло Богъ знаетъ что.

Когда въ произведеніи искусства нѣтъ основной идеи, то и характеры дѣйствующихъ лицъ не могутъ быть вѣрны, по крайней мѣрѣ всѣ. Что такое Софья? Свѣтская дѣвушка, унизившаяся до связи почти съ лакеемъ. Это можно объяснить воспитаніемъ—дуракомъ отцомъ, какою-нибудь *мадамою*, допустившею себя переманить за лишніхъ 500 рублей. Но въ этой Софѣ есть какая-то энергія характера: она отдала себя мужчине, не обольстась ни богатствомъ, ни знатностію его, словомъ, не по расчету, а напротивъ, ужъ слишкомъ по нерасчету; она не дорожитъ ни чѣмъ мнѣніемъ, и когда узнала, чтò такое Молчалинъ, съ презрѣніемъ отвергаетъ его, велитъ завтра же

¹⁾ Въ другихъ изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго повторяется ошибка: „Хлестаковы“, вмѣсто „Хлестовы“.

оставить домъ, грозя въ противномъ случаѣ все открыть отцу. Но какъ она прежде не видѣла, что такое Молчалинъ?—Тутъ противорѣчіе, котораго нельзя объяснить изъ ея лица, а всѣ другія объясненія не могутъ, какъ внѣшнія и произвольныя, имѣть мѣста при разсматриваніи созданнаго поэтомъ характера. И потому Софья не дѣйствительное лицо, а призракъ. Кромѣ Чацкаго, ни на что непохожаго, всѣ прочія лица живы и дѣйствительны; но и они частенько измѣняютъ себѣ, говоря противъ себя эпиграммы на общество.

Фамусовъ лицо типическое, художественно созданное. Онъ весь высказывается въ каждомъ своемъ словѣ. Это гоголевскій городничій этого круга общества. Его философія та же. Знатность, вслѣдствіе чиновъ и денегъ—вотъ его идеалъ жизни. Чтобы не накопилось у него много дѣлъ, у него обычай: „подписано, такъ съ плечъ долой“. Онъ очень уважаетъ родство—

...Я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ,
Сышу ее на днѣ морскомъ.
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки.
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то за тѣмъ, что дѣловой.
Какъ будешь представлять къ крестичку или
мѣстечку,
Ну, какъ не порадовать родному человѣчку?

Но нигдѣ не высказывается онъ такъ рѣзко и такъ полно, какъ въ концѣ комедіи; онъ узнаетъ, что дочь его въ связи съ молодымъ человѣкомъ, что ея, слѣдовательно, и его доброе имя опозорено, не говоря уже о тяжелой, жгучей душу мысли быть отцомъ такой дочери—и что-жъ?—ничего этого и въ голову не приходитъ ему, потому что ни въ чемъ этомъ онъ не видитъ существеннаго: онъ весь жилъ и живетъ внѣ себя; его богъ, его совѣсть, его религія—мнѣніе свѣта, и онъ восклицаетъ въ отчаяньи:

Моя судьба еще ли не плачевна:
Ахъ, Боже мой! что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!...

Но этотъ Фамусовъ, столь вѣрный самому себѣ въ каждомъ своемъ словѣ, измѣняетъ иногда себѣ цѣлыми рѣчами.

Беремъ же побродягъ и въ домъ и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить—всему:
И танцамъ, и пѣвню, и пѣжностямъ, и вздохамъ,
Какъ-будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ.

Это говоритъ не Фамусовъ, а Чацкій устами Фамусова, и это не монологъ, а эпитафия на общество.

Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь,
Дверь отперта для званныхъ и незванныхъ.
Особенно изъ иностранныхъ:
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ равнехонько—про всѣхъ готовъ обѣдъ.

А наши старички? какъ ихъ возьметъ заборъ,
Засудятъ о дѣлахъ, что слово—приговоры!
Вѣдь столбовые всѣ, въ усъ никому не дуютъ,
И о провитѣлствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что если бѣ кто подслушалъ ихъ—бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда!
Спаси ихъ Боже! нѣтъ! а придержется
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ, и.... разойдутся.

А дочки?
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому, что патріотки!

Нужно ли доказывать, что Фамусовъ слишкомъ глупъ для такихъ язвительныхъ эпитаграммъ, и такъ добродушно преданъ пошлой сторонѣ своего общества, что считаетъ за грѣхъ отъ другого услышать противъ него выходку; что, наконецъ, все это Фамусовъ говоритъ не отъ себя, а по приказу автора?... Мало этого: самъ Скалозубъ острить, да еще какъ!—точь-въ-точь, какъ Чацкій. Не вѣрите?—такъ прочтите:

Позвольте, расскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
Наѣздица-вдова, но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ—
На дняхъ расшиблась въ пухъ;
Жокей не поддержалъ—считалъ онъ видно мухъ.
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа;
Теперь ребра недостаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Каковъ Скалозубъ! Чѣмъ хуже Чацкаго?... Впрочемъ, Лиза не безъ основанія такъ остроумно, такою эпитафмою, замѣтила о немъ:

Шутить и онъ гораздъ—вѣдь нынче кто не шутитъ!

Но нигдѣ субъективность автора не проявлялась такъ рѣзко, такъ странно и такъ во вредъ комедіи, какъ въ очеркѣ характера Молчалина, который онъ заставляетъ дѣлать самого же Молчалина:

Мнѣ завѣщалъ отецъ,
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятія:
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Слугѣ его, который чиститъ платья,
Швейцару, дворнику—для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была!

А Лиза отвѣчаетъ ему на эту оригинальную выходку эпитафмою, которая сдѣлала бы честь остроумію самого Чацкаго:

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Скажите, Бога ради, станетъ ли какой-нибудь подлецъ называть себя при другихъ подлецомъ?—Вѣдь Молчалинъ глупъ, когда дѣло идетъ о чести, благородствѣ, наукѣ, поэзии и подобныхъ высокихъ предметахъ; но онъ уменъ, какъ дьяволъ, когда дѣло идетъ о его личныхъ выгодахъ. Онъ живетъ въ домѣ знатнаго барина, допущенъ въ его свѣтскій кругъ и совсѣмъ не болтливъ, но

очень молчаливъ: такъ кстати ли ему подавать оружіе на себя горничной, такъ протодушно хвастаясь своею подлостію?...

Но если вычеркнуть мѣста изъ монологовъ, гдѣ дѣйствующія лица проговариваются, изъ угожденія автору, противъ себя—это будутъ, за исключеніемъ Софьи, лица типическія, характеры художественно-созданныя, хотя и несоставляющіе комедіи своими взаимными отношеніями; — не говоримъ уже о Репетиловѣ, этомъ вѣчномъ прототипѣ, котораго собственное имя сдѣлалось нарицательнымъ, и который обличаетъ въ авторѣ исполинскую силу таланта. Вообще, „Горе отъ Ума“ не комедіа, въ смыслѣ и значеніи художественнаго созданія, цѣлаго, единого, особнаго и замкнутаго въ себѣ міра, въ которомъ все выходитъ изъ одного источника — основной идеи, и все туда же возвращается, въ которомъ, поэтому, каждое слово необходимо, неизмѣнимо и незамѣнимо; въ которомъ все превосходно и ничего нѣтъ слабаго, лишняго, ненужнаго, словомъ—въ которомъ нѣтъ достоинствъ и недостатковъ, но одни достоинства. Художественное произведеніе есть само себѣ цѣль и внѣ себя не имѣетъ цѣли, а авторъ „Горе отъ Ума“ ясно имѣлъ внѣшнюю цѣль — осмѣять современное общество въ злой сатирѣ, и комедію избралъ для этого средствомъ. Оттого-то и ея дѣйствующія лица такъ явно и такъ часто проговариваются противъ себя, говоря языкомъ автора, а не своимъ собственнымъ; оттого-то и любовь Чацкаго такъ пошла, ибо она нужна не для себя, а для завязки комедіи, какъ нѣчто внѣшнее для нея; оттого-то и самъ Чацкій какой-то образъ безъ лица, призракъ, фантомъ, что-то небывалое и неестественное. Но какъ не художественно созданное лицо комедіи, а выраженіе мыслей и чувствъ своего автора, хотя и некстати, странно и дико вмѣшавшагося въ комедію, самъ Чацкій представляется уже съ другой точки зрѣнія. У него много смѣшныхъ и ложныхъ понятій, но всѣ они выходятъ изъ благороднаго начала, изъ бьющаго горячимъ ключемъ источника жизни. Его остроуміе вытекаетъ изъ благороднаго и энергическаго негодованія противъ того, что онъ, справедливо или ошибочно, почитаетъ дурнымъ и унижающимъ человѣческое достоинство,—и потому его остроуміе такъ колко, сильно и выражается не въ каламбурахъ, а въ сарказмахъ. И вотъ почему всѣ бранятъ Чацкаго, понимая ложность его, какъ поэтическаго созданія, какъ лица комедіи,—и всѣ наизусть знаютъ его монологи, его рѣчи, обратившіяся въ пословицы, поговорки, примѣненія, эпиграфы, въ афоризмы житейской мудрости. Есть люди, которыхъ разстроенныя или отъ природы слабыя головы не въ силахъ пере-

варить этого противорѣчія,—и которые, поэтому, или до небесъ превозносятъ комедію Грибоѣдова, или считаютъ ее годною только для защиты какихъ-то рождъ, подверженныхъ оплеухамъ.

Выведемъ окончательный результатъ изъ всего сказаннаго нами о „Горе отъ Ума“, какъ оцѣнку этого произведенія. „Горе отъ Ума“ не есть комедія, по отсутствію или, лучше сказать, по ложности своей основной идеи; не есть художественное созданіе, по отсутствію самоцѣльности, а слѣдовательно и объективности, составляющей необходимое условіе творчества. „Горе отъ Ума“—сатира, а не комедія: сатира же не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ. И въ этомъ отношеніи „Горе отъ Ума“ находится на неизмѣримомъ, безконечномъ разстояніи ниже „Ревизора“, какъ вполне художественнаго созданія, вполне удовлетворяющаго высшимъ требованіямъ искусства и основнымъ философскимъ законамъ творчества. Но „Горе отъ Ума“ есть въ высшей степени *поэтическое* созданіе, рядъ отдѣльныхъ картинъ и самобытныхъ характеровъ, безъ отношенія къ цѣлому, художественно-нарисованныхъ кистію широкою, мастерскою, рукою твердою, которая если и дрожала, то не отъ слабости, а отъ кипучаго, благороднаго негодованія, которымъ молодая душа еще не въ силахъ была совладѣть. Въ этомъ отношеніи „Горе отъ Ума“, въ его цѣломъ, есть какое-то уродливое зданіе, ничтожное по своему назначенію, какъ, напр., сарай, но зданіе, построенное изъ драгоцѣннаго паросскаго мрамора, съ золотыми украшеніями, дивною рѣзьбою, изящными колоннами... И въ этомъ отношеніи „Горе отъ Ума“ стоитъ на такомъ же неизмѣримомъ и безконечномъ пространствѣ выше комедій Фонвизина, какъ и ниже „Ревизора“.

Грибоѣдовъ принадлежитъ къ самымъ могучимъ проявленіямъ русскаго духа. Въ „Горе отъ Ума“ онъ является еще пылкимъ юношею, но общающимъ сильное и глубокое мужество,—младенцемъ, но младенцемъ, задушающимъ, еще въ колыбели, огромныхъ змѣй, младенцемъ, изъ котораго долженъ явиться дивный Иракль. Разумный опытъ жизни и благодѣтельная сила лѣтъ уравновѣсила бы волнованія кипучей натуры, погасъ бы ея огонь и исчезло бы его пламя, а осталась бы теплота и свѣтъ, взоръ прояснился бы и возвысился до спокойнаго и объективнаго созерцанія жизни, въ которой все необходимо и все разумно,—и тогда *поэтъ* явился бы *художникомъ*, и завѣщаль потомству не лирическіе порывы своей субъективности, а стройныя созданія, объективныя воспроизведенія явленій жизни... Почему Грибоѣдовъ не написалъ ничего послѣ

„Горе отъ Ума“, хотя публика уже и въ правѣ была ожидать отъ него созданий зрѣлыхъ и художественныхъ?—это такой вопросъ, рѣшенія котораго стало бы на огромную статью, и который все бы не рѣшился. Можетъ быть служба, которой онъ былъ преданъ не какъ-нибудь, не мимоходомъ, а *дѣйствительно*, вступила въ соперничество съ поэтическимъ призваніемъ; а можетъ быть и то, что въ душѣ Грибоѣдова уже зрѣли гигантскіе зародыши новыхъ созданий, которыя осуществить не допустила его ранняя смерть. Кто въ немъ одержалъ бы побѣду — дипломатъ или художникъ — это могла рѣшить только жизнь Грибоѣдова, но не могутъ рѣшить никакія умозрѣнія, и потому предоставляемъ рѣшеніе этого вопроса мастерамъ и охотникамъ выдавать пустыя гаданія фантазіи за дѣйствительные выводы ума; сами повторимъ только, что „Горе отъ Ума“ есть произведеніе таланта могучаго, драгоценный перлъ русской литературы, хотя и непредставляющее комедію въ художественномъ значеніи этого

слова,—произведеніе, слабое въ цѣломъ, но великое своими частностями.

Теперь намъ слѣдовало бы сказать что-нибудь о предисловіи, приложенномъ къ изданію „Горе отъ Ума“, написанномъ его издателемъ и занимающемъ ровно *сто* страницъ. Въ немъ содержится біографія Грибоѣдова и критическая оцѣнка „Горе отъ Ума“. Что сказать объ этомъ предисловіи?—Оно написано умнымъ литераторомъ, и написано живо, прекраснымъ языкомъ. Что же касается до взгляда на искусство, а вслѣдствіе этого и на произведеніе Грибоѣдова,—это сужденія въ духѣ французской критики и „Московского Телеграфа“. Авторъ предисловія правъ съ своей точки зрѣнія, и мы спорить съ нимъ не будемъ, а только повторимъ стихи Грибоѣдова, взятые нами эпиграфомъ къ нашей статьѣ, и заключимъ ее ими:

Какъ посравнить да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій:
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...

1840 г.

19. Очерки русской литературы.

Сочиненіе *Николая Полевого*. Спб. 1839.

„Нынѣшній день оканчиваю обширное „похвальное слово“ другу моему, Николаю Алексѣевичу Полевому“, — писалъ Бѣлинскій 5-го іюля 1839 года Краевскому, имѣя въ виду настоящую статью; напечатана она была полгода спустя, одновременно со статьями о „Менцелѣ“ и „Горѣ отъ Ума“, писавшимися тоже одновременно съ нею. Статьей этой Бѣлинскій былъ очень доволенъ, что съ нимъ рѣдко бывало. „Трепещу за участь моей статьи о Полевомъ, — писалъ Бѣлинскій Краевскому 24 августа 1839 г.:— я писалъ ее долго и съ задоромъ; одна переписка замучила меня: досадно будетъ, если не пропустятъ или слишкомъ искажать“... Наканунѣ выхода въ свѣтъ январскаго номера „Отеч. Зап.“ 1840 г., Бѣлинскій писалъ (10 января) К. Аксакову: „одна изъ рецензій о Критическихъ очеркахъ Полевого почти 1½ листа. Если пропустятъ, то увѣренъ, что послѣдняя не только понравится тебѣ, но и приведетъ тебя въ восторгъ“... Наконецъ, въ письмѣ къ Боткину отъ 18 февр. 1840 г. Бѣлинскій спрашиваетъ: „что же ты не сказалъ мнѣ ни слова о моей статейкѣ объ Очеркахъ Полевого? Ею я больше всѣхъ доволенъ... Повѣришь ли, Боткинъ, что Полевой сдѣлался гнуснѣе Булгарина“...

Въ послѣднихъ словахъ ясно указана причина возникшей ненависти Бѣлинскаго къ Полевому. Прогрессивный журналистъ, издатель и главный руководитель либеральнаго „Московского Телеграфа“, разгромленнаго въ 1834 году привительствомъ, Полевой, разоренный и упавшій духомъ, рѣзко измѣнилъ направленіе своей литературной дѣятельности въ „Сынѣ Отечества“, издававшемся имъ въ Петербургѣ съ 1838 года. Онъ сталъ, по выраженію Бѣлинскаго, „дѣйствовать *новымъ и особеннымъ* противъ прежняго образомъ“, сталъ писать „навыворотъ по-телеграфски“, началъ печатать въ своемъ журналѣ „умилительныя и дружескія посланія г. Булгарину“, называя его единственнымъ русскимъ литераторомъ, съ которымъ ему, Полевому, еще можно имѣть дѣло („Сынъ Отечества“ 1839 г., № 4, стр. 118). Эта перемѣна фронта, неискренняя и вынужденная куска хлѣба ради, приводила въ неистовство Бѣлинскаго, который судилъ по себѣ и такъ высоко цѣнилъ свою „литературную совѣсть“, что заявлялъ: „во всемъ Петербургѣ нѣтъ и приблизительной суммы для ея купли“... И съ 1838 года начинается постепенная перемѣна отношенія Бѣлинскаго къ Полевому; съ этихъ поръ и до самой смерти Полевого Бѣлинскій безпо-

щадно его преслѣдуетъ, ненавидитъ его настолько же, насколько раньше любилъ. Только смерть Полевого (1846 г.) заставила Бѣлинскаго безпристрастно оцѣнить болѣе значеніе Полевого въ исторіи русской журналистики и воздать должное этому незаурядному человѣку. Во вступительной замѣткѣ къ этой статьѣ Бѣлинскаго (наст. изд., статья № 61) мы еще вернемся къ вопросу объ окончательной оцѣнкѣ Бѣлинскимъ значенія Полевого.

Но и сказаннаго выше достаточно, чтобы заключить, что многія сужденія о Полевомъ настоящей статьи являются недостаточно безпристрастными. Несправедливъ отзывъ Бѣлинскаго о „дюсисовской передѣлкѣ шекспирова Гамлета“ Полевымъ, переводъ котораго двумя годами раньше Бѣлинскій такъ высоко оцѣнилъ (см. выше нашу замѣтку на стр. 355—356). Еще менѣе справедливъ отзывъ Бѣлинскаго о Полевомъ, какъ о бездарномъ историкѣ и объ его „Исторіи русскаго народа“, какъ о „безграмотной парадфразировкѣ великаго труда Карамзина“ (см. ниже, въ началѣ статьи № 20): вышедшіе семь томовъ этой Исторіи были большимъ шагомъ впередъ отъ Карамзина и были „первой попыткой приложить новый философско-историческій взглядъ къ объясненію явленій русской исторіи“ (см. П. Милюковъ, „Главныя теченія русской исторической мысли“, изд. 2-ое, стр. 342—357). Наконецъ, болѣе справедливъ Бѣлинскій въ своей оцѣнкѣ самихъ „Очерковъ русской литературы“ Полевого: помѣщенные въ нихъ статьи о Державинѣ, Жуковскомъ и Пушкинѣ были въ свое время замѣчательными образцами блестящихъ критическихъ статей. Въ Полевомъ Бѣлинскій могъ видѣть блестящаго представителя „французской критики“, значеніе которой самъ же онъ признавалъ въ своей статьѣ о „Горѣ отъ Ума“ и въ предыдущихъ статьяхъ; но и въ этой области Бѣлинскій недооцѣнилъ Полевого, отнесся къ нему слишкомъ строго. Тѣмъ не

менѣе интересны тѣ характеристики Державина, Жуковского и Пушкина, которыя Бѣлинскій мимоходомъ даетъ въ настоящей статьѣ въ противовѣсъ характеристикамъ Полевого. Мы не будемъ однако останавливаться на нихъ, такъ какъ коснемся этого вопроса при соотвѣтственныхъ статьяхъ Бѣлинскаго (наст. изд., статьи №№ 44 и 56); замѣтимъ только, что многія черты этихъ своихъ характеристикъ Бѣлинскій развилъ два года спустя въ статьѣ „Русская литература въ 1841 году“. Замѣтимъ также, что изъ-за пристрастнаго, иногда даже придирчиваго отношенія къ Полевому въ настоящей статьѣ всюду проглядываетъ принципиальная разность эстетическихъ и философскихъ убѣжденій Полевого и Бѣлинскаго, а потому эта рѣзко полемическая статья является цѣнной и для освѣщенія извѣстныхъ уже намъ воззрѣній Бѣлинскаго. Еще болѣе значенія имѣетъ она, какъ блестящій литературный памфлетъ, для характеристики литературныхъ отношеній тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ. Съ этой точки зрѣнія прямымъ дополненіемъ къ настоящей статьѣ являются мелкія полемическія замѣтки Бѣлинскаго, разсѣяанныя въ „Отеч. Зап.“ 1842—1845 гг. (наст. изд., статьи №№ 42, 46).

Обращаемъ вниманіе читателей на примѣчаніе Бѣлинскаго въ настоящей статьѣ: въ немъ ясно намѣчена программа будущихъ „Пушкинскихъ статей“; къ осуществленію этой программы Бѣлинскій приступилъ только три года спустя. Если вспомнить, что въ статьѣ о „Горѣ отъ Ума“ Бѣлинскій, какъ мы указали, также намѣтилъ темы двухъ-трехъ будущихъ статей, то станетъ ясно, что, начиная работу въ „Отечественныхъ Запискахъ“, Бѣлинскій уже имѣлъ широко выработанный планъ и богатый запасъ темъ, изъ которыхъ, подъ гнетомъ журнальной поденщины, далеко не всѣ ему удалось обработать.

И.-Р.

Г. Полевой не поэтъ и не ученый, но писатель и литераторъ, и притомъ замѣчательный въ полномъ значеніи этого слова. Слишкомъ двадцать лѣтъ дѣйствовалъ онъ на литературномъ поприщѣ, и участіе его въ литературѣ было чувствуемо, видимо и даже богато результатами, которые имѣютъ видъ бѣльшей или меньшей заслуги. Теперь поприще его почти кончено: онъ самъ говоритъ это въ предисловіи къ своимъ „Очеркамъ“ (стр. XIV). Продолжая дѣйствовать вновь и часто новымъ и особеннымъ противъ прежняго образомъ, онъ однако отсталъ отъ

новаго поколѣнія. Слѣдовательно, для него настало время суда и оцѣнки, словомъ—сознанія.

Ничего нѣтъ труднѣе, какъ судить о произведеніяхъ писателя, разбросанныхъ по журналамъ, или появившихся въ разъединенныхъ изданіяхъ, по-штучно: только полное собраніе ихъ даетъ возможность обозрѣть дѣятельность писателя въ ея общности и совокупности и произнести ей сужденіе, подъ вліяніемъ полнаго и цѣлостнаго впечатлѣнія. Самъ г. Полевой понималъ это, — и, сознавая конецъ своего поприща, предпринялъ изда-

ніе своихъ критическихъ статей, разсѣянныхъ по „Телеграфу“, „Библіотекѣ для Чтенія“ и „Сыну Отечества“. Его предупредительность въ этомъ отношеніи такъ велика, что онъ даже озаботился познакомить публику съ своею частною жизнію, и произвести себѣ полную оцѣнку. „Въ романѣ, въ драмѣ, въ исторіи, критикѣ я всегда былъ одинъ и тотъ же (говоритъ онъ въ предисловіи). *Мечтатель* въ повѣсти, *безпристрастный изслѣдователь* въ исторіи, иногда строгій критикъ *чужого* произведенія, я ошибался и думалъ, можетъ быть невѣрно, но никогда не измѣнялъ добру, и никогда не подымалась рука моя сорвать вѣнокъ съ заслугъ, никогда голосъ мой не возвышался противъ дарованія истиннаго“ (стр. XIII). Всеу этому мы охотно вѣримъ—и какъ не вѣрить, когда насъ увѣряетъ въ этомъ самъ г. Полевой, который себя знаетъ лучше другихъ?—Но мы въ то же время думаемъ, что судъ о себѣ принадлежитъ другимъ, а не самому себѣ, и что подобныя увѣренія очень похожи на оправданія въ винѣ, въ которой насъ никто не уличалъ. Особенно интересны и умилительны увѣренія г. Полевого въ чистотѣ его души и незлобіи сердца—въ томъ, что ему всегда были чужды низкія чувства, каковы зависть, противорѣчіе съ своимъ убѣжденіемъ; что это подтверждаютъ втайнѣ самыя враги его; что многіе изъ бывшихъ его врагами, узнавъ его покороче, крѣпко жали ему руку и дѣлались его искренними друзьями, и пр. и пр. (стр. IX). И этому всему мы охотно вѣримъ—изъ вѣжливости; но все это пріятнѣе было бы намъ услышать о г. Полевомъ отъ кого-нибудь другого, чѣмъ отъ него самого. Не говоря о томъ, что судъ о самомъ себѣ не всегда бываетъ чуждъ пристрастія,—законы приличія запрещаютъ занимать публичное вниманіе своею особою, а тѣмъ болѣе похвалами ей... Въ одномъ мѣстѣ предисловія откровенность г. Полевого передъ публикою дошла до того, что онъ признался ей по секрету, что, простивъ всѣмъ своимъ врагамъ, никакъ не могъ простить *четверыхъ*... (стр. XI). Чтò сказать обо всемъ этомъ? Гёте безъ зазрѣнія совѣсти говорилъ о себѣ, какъ о геніи—и всѣ вѣрили ему, слушали его съ благоговѣніемъ. Та же исторія была и съ Суворовымъ... Позвольте, позвольте!.. Вспоминаемъ... Въ IV № „Сына Отечества“ за прошедшій годъ было напечатано умилительное и дружеское посланіе г. Полевого къ г. Булгарину, въ которомъ г. Полевой говоритъ о себѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Великій Гёте говорилъ, помнится, Эккерману, что надобно дѣлать чтò можно и никогда не рассчитывать на великое и огромное, ибо великое и огромное явится само собою, если только Богъ

далъ намъ для него способность. Великій Суворовъ отвѣчалъ кому-то, кто спрашивалъ (его?), какъ онъ могъ одержать столько побѣдъ и сдѣлаться столь великимъ полководцемъ? „Помилуй Богъ, просто: я всегда воображалъ себѣ, что я прапорщикъ и несу голову за первый крестикъ; другіе осторожны, помилуй Богъ—*ретирады, деплояды*—а отъ того они *хорошіе* полководцы, а я *великій* полководецъ!“ Я всегда былъ увѣренъ въ истинѣ словъ Гёте и Суворова, и потому бросался страху прямо въ глаза, увѣренный, что если Богъ далъ мнѣ средства на *великое, великое* явится само собою“ (стр. 111 и 112). Не забудьте, что г. Полевой, упоминая о Гёте и Суворовѣ, говоритъ о своихъ драматическихъ пьесахъ... Чтò-жъ тутъ удивительнаго?—Сознаніе собственнаго величія свойственно всякому великому человѣку... Это еще довольно скромно, а вотъ былъ на святой Руси человѣкъ, который печатно сказалъ о себѣ: „я знаю Русь, и Русь меня знаетъ“. Кто бы, вы думали, былъ этотъ великій человѣкъ... Конечно, Петръ Великій, который мощною рукою вдвинулъ Россію во всемірную исторію, указалъ ей въ будущемъ всемірное и первое мѣсто, и тѣмъ измѣнилъ грядущія судьбы цѣлаго міра, цѣлаго человечества?.. Или Суворовъ, этотъ чудо-богатырь, выигравшій столько же побѣдъ, сколько давшій сраженій, опора и рушитель царствъ, онъ, котораго видѣвшіе еще живы, и который сталъ уже какимъ-то мифомъ, какимъ-то фантастическимъ героемъ фантастической поэмы?.. Или, можетъ быть, Пушкинъ, въ художественныхъ созданіяхъ котораго бьется пульсъ русской жизни, и котораго поэтический геній, еще въ его колыбели, крылатая молва народнаго сознанія нарекла великимъ и національнымъ?.. Нѣтъ, не *они* сказали о себѣ эту громкую фразу, а все *онъ же*, все господинъ же Полевой... Повторяемъ, тутъ нѣтъ ничего страннаго—тутъ одно только сознаніе своего величія... Намъ, можетъ быть, возразятъ, что когда подобное сознаніе выговариваетъ о себѣ геній, то выговариваетъ его какъ „власть имѣющій“, и потому его сознаніе не только не оскорбляетъ чувство другихъ, но еще и возвышаетъ его; но что когда въ отвѣтъ ему раздаются смѣхъ и свистки, оно означаетъ неумѣстное самохваленіе; что не всякій—великій человѣкъ, кто только показывается публикѣ съ небритою бородою и въ халатѣ на распашку, и говоритъ съ нею запросто, какъ свой со своимъ, и что геніемъ себя признавалъ не одинъ Гёте, но и Александръ Петровичъ Сумароковъ... Чтòбы не заходить далеко, мы не будемъ отвѣчать на это возраженіе, а приступимъ къ дѣлу...

Въ числѣ причинъ, побудившихъ г. По-

левого издать собраніе написанныхъ имъ журнальныхъ статей, было еще и желаніе—оправдаться передъ публикою въ тѣхъ изъ сихъ статей, которыя были напечатаны въ „Библіотекѣ для Чтенія“, и которыя были до того измѣнены произволомъ редактора этого журнала, что г. Полевой не можетъ признать ихъ своими. Редакторъ „Библіотеки“ своевольно поправлялъ статьи г. Полевого, урѣзывалъ ихъ, дѣлалъ свои приставки и вставки, которыя состояли въ брани на Гоголя и потѣхахъ надъ всѣмъ, что не нравилось г. редактору... (стр. XV—XIX). Тяжело и грустно говорить о дѣлахъ будто бы литературныхъ, а между тѣмъ принадлежащихъ вовсе не къ литературѣ, а къ другому вѣдомству!...

Во всякомъ случаѣ, „Очерки Русской Литературы“ г. Полевого—книга въ высшей степени интересная, достойная полного вниманія и стоящая оцѣнки важной и безпристрастной. Г. Полевой можетъ назваться представителемъ мнѣній объ искусствѣ и наукѣ цѣлаго періода нашей литературы. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на свое время, произвелъ переворотъ въ мертвой журналистикѣ того времени, оживилъ литературу, далъ быстрое теченіе обмѣну мнѣній, сбавилъ цѣны со многихъ авторитетовъ, не со всѣмъ по праву стоявшихъ слишкомъ высоко, уничтожилъ множество знаменитостей по преданію и на кредитъ. Его дѣятельность была многосторонняя и неистощима; какъ понималъ, онъ передавалъ русской публикѣ все новое въ Европѣ; ни одно примѣчательное явленіе не ускользнуло отъ его недремлющаго вниманія. Что же онъ въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоятъ его заслуги, до какой степени простирается важность сдѣланнаго имъ, какіе были результаты его дѣятельности, гдѣ ея начало и предѣлы, какое мѣсто долженъ онъ занимать въ нашей литературѣ?—вотъ вопросы, которые мы задали себѣ для рѣшенія при библіографическомъ отчетѣ о книгѣ г. Полевого. Постараемся рѣшить ихъ безпристрастно—*sine ira et studio*, какъ говорятъ записные ученые.

Лучшія и примѣчательнѣйшія изъ критическихъ статей г. Полевого суть—о Державинѣ, Жуковскомъ и Пушкинѣ, представителяхъ русской поэзіи. На эти три статьи можно смотрѣть какъ на сводъ мнѣній и понятій ихъ автора объ изящномъ и русской поэзіи. Въ нихъ онъ высказался весь; это его литературное и критическое *profession de foi*, въ которомъ онъ вдругъ и разомъ сказалъ все, о чемъ говорилъ каждый двѣ недѣли на пестрыхъ страницахъ своего журнала въ продолженіе слишкомъ семи лѣтъ. Статья о Державинѣ—лучшая,

о Жуковскомъ—изъ лучшихъ; ихъ и теперь можно читать съ услажденіемъ и пользою. Онѣ отличаются если не всегда глубокимъ, то часто вѣрнымъ и, по-тогдашнему, *новымъ* взглядомъ, множествомъ замѣчаній тонкихъ и дѣльныхъ, изложеніемъ мастерскимъ, увлекающимъ, одушевленнымъ. Никто до г. Полевого не судилъ лучше о Державинѣ и Жуковскомъ, никто до него не былъ ближе къ истинѣ при оцѣнкѣ этихъ двухъ великихъ представителей русской поэзіи. Особенно въ Державинѣ подмѣтилъ онъ много сторонъ, которыхъ въ немъ никто прежде не подмѣчалъ, указалъ въ немъ на многое, на что прежде никто не смотрѣлъ, и прощелъ основательнымъ молчаніемъ многое, на что дотолъ всѣ указывали (по привычкѣ и преданію), какъ на самыя могущественныя проявленія великаго генія Державина. Но со всѣмъ тѣмъ, исполни ли вѣренъ его взглядъ на Державина и Жуковского, опредѣлил ли онъ положительно ихъ цѣну, мѣру ихъ заслуги, указалъ ли ихъ настоящее мѣсто въ исторіи русскаго творчества?... Нѣтъ, далеко нѣтъ! Все, что ни сказалъ онъ о нихъ истиннаго, вѣрнаго,—все это понято имъ было его непосредственнымъ чувствомъ и передано, какъ непосредственное чувство: мысль осталась для него недоступною, и потому все, что ни говоритъ онъ, должно принимать на вѣру, увлекаясь живостію и силою изложенія. Слѣдовательно, всѣ его опредѣленія—не больше, какъ *личныя мнѣнія* чело­вѣка, основанныя на личномъ его чувствѣ, а не опредѣленія, основанныя на самомъ предметѣ изслѣдованія чрезъ постиженіе и развитіе выраженной ими мысли. Поэтому, замѣчая и вѣрно схватывая одну сторону, онъ пропускаетъ безъ вниманія другую, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою и, слишкомъ много приписывая Державину, не отдаетъ должной справедливости Жуковскому. По этому же самому вы безпрестанно встрѣчаете у него ложныя опредѣленія, вслѣдствіе предубѣжденій, которыя заключаются не въ личныхъ отношеніяхъ, но въ убѣжденіяхъ и мнѣніи эпохи. Такъ, напр., онъ очень вѣрно подмѣтилъ въ Державинѣ сторону *народности*, которой до него не подозрѣвали въ этомъ поэтѣ. Это заслуга, и заслуга важная! Но сколько упущено имъ изъ вида другихъ сторонъ въ Державинѣ и другихъ вопросовъ о немъ! Онъ говоритъ, что вся жизнь Державина была—борьба между непонимавшимъ себя поэтомъ и мнимо дѣловымъ чело­вѣкомъ. Прекрасно! но вѣдь это еще только фактъ: какая же мысль скрывается въ этомъ фактѣ? Если бы эта борьба не отрицалась въ произведеніяхъ Державина,—она была бы явленіемъ эпохи, въ которую онъ жилъ,

и въ которую не понимали ни *поэта*, ни *человѣка*, а только *чиновника*; но какъ эта борьба повредила его признанію и отразилась въ его твореніяхъ (совсѣмъ не въ пользу ихъ), — не значитъ ли это, что Державинъ не имѣлъ самостоятельнаго и сильнаго генія творчества, который разрываетъ всѣ стѣснительныя узы временныхъ понятій?... Отчего языкъ Державина такъ недалеко ушелъ отъ языка Ломоносова? Отчего у Державина реторика составляетъ такой основной и необходимый элементъ поэзіи, что у него нѣтъ ни одной вполне выдержанной пьесы, но каждая представляетъ какую-то смѣсь алмазовъ поэзіи съ стразами реторики?... Намъ скажутъ: „тогдашнія понятія объ искусствѣ, шитика Буало, Баттѣ“ и пр. Милостивые государи, да развѣ во время Шекспира понятія объ искусствѣ были лучше, чѣмъ во время Державина? развѣ тогда также не было непремѣнныхъ требованій толпы отъ поэта? И что же? Только люди, неспособные проникнуть въ организацію художественнаго произведенія и понять значеніе философской мысли, могутъ говорить, что Шекспиръ, изъ угожденія вкусу времени, испортилъ хотя одно изъ своихъ созданій ненужною вставкою, или выкинулъ изъ него необходимое въ цѣломъ. Геній всегда остается вѣренъ законамъ разума, нисколько не думая и не стараясь имъ слѣдовать. Онъ не слѣдуетъ ничѣмъ и никакимъ правиламъ, но даетъ ихъ своими созданіями. Геній всегда начинаетъ собою новую эпоху, являясь съ твореніями въ столь новыхъ формахъ, что никто и не подозрѣвалъ ихъ возможности, — и онъ дѣлаетъ это смѣло, не справляясь съ мнѣніемъ вѣка и толпы. Не для сравненія, а для примѣра, укажемъ на два явленія нашей литературы. Теперь многіе пишутъ и романы и повѣсти въ такъ называемомъ комическомъ родѣ; изъ множества пишущихъ въ немъ есть даже люди съ большимъ дарованіемъ: ихъ всѣхъ, даровитыхъ и бездарныхъ, называютъ подражателями Гоголя, до котораго, дѣйствительно, никто не писалъ у насъ и даже никто не подозрѣвалъ и возможности такого рода поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите „Вечера на хуторѣ“ и „Миргородъ“ — и укажите въ европейской, или въ русской литературѣ, хоть что-нибудь похожее на эти *первые опыты молодого человѣка*, хоть что-нибудь, что бы могло натолкнуть его на мысль писать такъ. Не есть ли это, напротивъ, совершенно новый, небывалый міръ искусства?... Что въ русской литературѣ могло бы предсказать появленіе „Руслана и Людмилы“ и „Кавказскаго Плѣнника“? — Да и самъ Жуковскій, насчетъ котораго критикъ такъ возвышаетъ Державина, — не началъ ли

онъ писать языкомъ такимъ правильнымъ и чистымъ, стихами такими мелодическими и плавными, которыхъ возможность до него никому не могла и во снѣ пригрезиться? Не ринулся ли онъ отважно и смѣло въ такой міръ дѣйствительности, о которомъ если и знали и говорили, то какъ о мірѣ искаженномъ и нелѣпомъ — въ мірѣ нѣмецкой и англійской поэзіи? Не былъ ли онъ для своихъ современниковъ истиннымъ Колумбомъ?... А Державина еще могъ предвѣщать Ломоносовъ, потому что если Державина нѣтъ въ Ломоносовѣ, то весь Ломоносовъ въ Державинѣ... Почему г. критикъ не обратилъ всего своего вниманія на то, что *народнаго* Державина теперь никто не читаетъ, кромѣ записныхъ литераторовъ? Почему такъ странно было бы увидѣть женщину, читающую Державина? А вѣдь истинно глубокая женщина можетъ читать и понимать Шекспира!... Не правда ли, что это вопросъ — и очень важный?... ¹⁾ Мы думаемъ, что Державинъ былъ великій и могучій талантъ, но отнюдь не міровой геній, какимъ называетъ его г. Полевой. Въ созданіяхъ Державина вы безпрестанно встрѣчаете могучіе проблески великаго таланта, дивно роскошныя красоты поэзіи, — но все это порывы, вспышки, перемѣшанные съ рѣимованною прозою и реторикою; цѣлаго, которое одно дѣлаетъ произведеніе *художественнымъ*, никогда нѣтъ. Да и какъ ему быть, когда Державинъ лирическія произведенія — эти мгновенныя плоды горячаго чувства — писалъ по планамъ, заранѣе составленнымъ и *обдуманымъ*?... И что мірового сказалъ Державинъ? Развѣ мысль о тлѣнности всего въ мірѣ, — мысль, которая особенно вдохновляла его, какъ человѣка XVIII вѣка, и еще Русскаго XVIII вѣка?... Державинъ одно изъ самыхъ могучихъ проявленій русскаго духа, чудо-богатырь русской поэзіи; изучать его и отрадно и необходимо — и его изучаютъ тѣ, для которыхъ искусство и исторія искусства есть предметъ изученія. Все, что ни говоритъ о немъ г. Полевой, не есть сужденіе, а только факты для сужденій, факты богатые, дѣлающіе честь критикѣ, но еще ожидающіе сужденія. Критикъ какъ бы чувствовалъ недоступность для себя мысли, на самой себѣ основывающейся и изъ себя развивающейся, и потому безпрестанно мѣшалъ *поэтамъ съ человѣкомъ*, стараясь одного объяснить другимъ, и отъ возрѣній отправлялся къ жизни Державина, требуя отъ нея помощи... Вотъ его слова о Державинѣ, въ родѣ заключительнаго вывода изъ критики: „онъ всюду мо-

¹⁾ Подробное развитіе этой мысли см. въ статьѣ № 33.

гущь, богатъ, звученъ, самобытенъ, великъ и въ самомъ паденіи, поучителенъ въ самыхъ ошибкахъ, необходимъ историку, изучающему Россію XVIII вѣка, поэту, соревнующему славу его, юношѣ, который тревожится вдохновеніемъ, ужасается прозы нашей жизни и пустоты нашей поэзіи, старцу, который живетъ воспоминаніями“ (стр. 83). Неужели это оцѣнка, опредѣленіе поэта, а не риторическія фразы? неужели это мысль, а не наборъ словъ?...

Еще менѣе удовлетворительна статья о Жуковскомъ. Вообще г. критикъ не благоволяетъ къ Жуковскому, но потому что этотъ поэтъ не соответствуетъ его личнымъ убѣжденіямъ объ искусствѣ, а не по какому-нибудь чувству личности, ибо тонъ всей статьи самый благородный, а во многихъ мѣстахъ видна горячая любовь къ поэту, которою критикъ какъ бы невольно, вопреки своимъ возрѣніямъ, увлекается. И какъ не любить горячо этого поэта, котораго каждый изъ насъ съ благодарностію признаетъ своимъ воспитателемъ, развившимъ въ его душѣ всѣ благодарныя сѣмена высшей жизни, все святое и завѣтное бытія? Это непрерывное стремленіе куда-то, это томительное порываніе въ какую-то туманную даль, которою тускло мерцаетъ заря лучшей жизни; эта вѣчная грусть по какомъ-то недостижимомъ идеалѣ блаженства, тоскливое воспоминаніе о миломъ „прежде“, въ которомъ жизнь была такъ прекрасна, такъ полна надеждъ и удовлетворенія; это всегдашнее недовольство настоящимъ, которое богато только утратами и страданіемъ; эта благородная покорность волѣ провидѣнія; эта гордая и твердая вѣра въ вѣчность любви и жизни — *непреходящая того, что выражается въ преходящихъ явленіяхъ*; это грустное наслажденіе роскошью прекрасной природы, это всегдашнее прощаніе съ обаятельными радостями земного и перенесеніе всѣхъ упованій по ту сторону жизни, *туда*, гдѣ совершеніе всѣхъ обѣтовъ души и мистическихъ предчувствій полнаго любви и страданія сердца, гдѣ вѣчная весна, неувядающіе цвѣты радости, гдѣ нѣтъ разлуки съ милымъ: — что это такое, какъ не первое пробужденіе духа, сознаваго себя духомъ?... И въ какихъ дивныхъ образахъ, прозрачно сотканныхъ изъ волнующихся тумановъ, вечерняго сумрака и алой зари, въ какихъ мелодическихъ звукахъ, похожихъ то на звуки золотой арфы, пробуждаемые дуновеніемъ зефира, то на ропотъ гремячаго ручья, — передалъ намъ ихъ нашъ унылый пѣвецъ?... Есть въ жизни человѣка моментъ, когда онъ вырывается изъ объятій матери-природы, отвергается ея упоительныхъ наслажденій, — и душа его груститъ безъ всякой причины къ горю, сердце жи-

мается страданіемъ, безъ всякой виѣшней причины, — и сладка ему грусть его, и любить онъ свое страданіе, и лелѣетъ его, и жаль ему разстаться съ нимъ... Юному человеку скучно и тѣсно на землѣ, и крыльевъ бы, крыльевъ ему — онъ полетѣлъ бы за ея таинственный занавѣсъ, облетѣлъ бы всѣ эти лучезарныя звѣзды, такъ привѣтливо, такъ родственно манящія его къ себѣ своимъ алмазнымъ блескомъ!... Можетъ быть, тамъ онъ увидѣлся бы съ какою-нибудь родною ему душою, съ милымъ сердцу, утраченнымъ на землѣ... Что же такое эта кроткая грусть, что же такое это сладкое страданіе? что же такое эта унылая мечта о тихомъ снѣ въ хладныхъ нѣдрахъ земли, — когда же? въ порѣ кипящей надеждами и силами юности, въ порѣ веселія и наслажденія? что же такое это недовольство землею, это томительное, безконечное стремленіе въ ту сторону, которой нѣтъ имени, нѣтъ предѣловъ? — Это пробужденіе духа, переставшаго быть тѣломъ; это порывъ къ безконечному, это стремленіе къ тому, что скрывается за дѣйствительностію!... Но развѣ оно, это таинственное *искомое*, развѣ оно не въ дѣйствительности, если скрывается внутри ея же явленій? зачѣмъ же эта ссора съ дѣйствительностію, это добровольное отрываніе себя отъ полноты ея прекрасныхъ и полныхъ жизни явленій?... Увы! горе тому, кто не перешелъ черезъ эту добровольную ссору, кто не испыталъ этой тихой грусти, не извѣдалъ этого сладкаго страданія, и не зналъ этого тоскливаго, страстнаго порыванія *туда, туда*, выше и дальше отъ земли!... Горе тому, кому не мила была мысль о смерти, кто не любилъ для того, чтобы только любить, чья любовь къ женщинѣ не была только грустію, только молитвою, робкая, стыдливая, дѣвственная, безмолвная, чуждая всякаго желанія, смущающаяся отъ встрѣчи съ милымъ взоромъ, отъ тихаго пожатія руки! Да, горе ему: онъ никогда не будетъ человѣкомъ, онъ никогда не узнаетъ дѣйствительности, какъ откровенія таинства жизни, какъ ощущенія безконечнаго блаженства: его дѣйствительность будетъ грубая, матеріальная, практическая, *полезная*, понятная какъ $2 \times 2 = 4$, сухая и пошлая, какъ эта аксіома!... Дѣйствительность не постигается вдругъ и вполне: она открываетъ сначала только свои стороны, какъ крайности и противоположности, — и юный человѣкъ сперва отвлекаетъ отъ нея ея же собственныя стороны, переживаетъ полною жизнію въ ихъ отвлеченныхъ крайностяхъ, а потомъ уже, въ порѣ мужества, мощными объятіями созрѣвшаго разума охватываетъ ее во всей ея слитной полнотѣ и единствѣ. И въ жизни человѣчества былъ такой же моментъ, который длился *дѣсна-*

дѣлать столѣтій: — мы говоримъ о среднихъ вѣкахъ, о *романтической* юности человѣческаго рода, когда запасался онъ *романтическими* элементами на будущую богатую жизнь. Жизнь есть великое таинство, начинающая отъ рожденія и смерти человѣка, отъ сферы его чувствъ и понятій, до явленій природы, до развитія изъ зерна малѣйшей былинки. Для юнаго человѣка вся природа жива, всѣ ея явленія олицетворены, и то благосклонны, то враждебны ему, и онъ то любить, то страшится ихъ. Съ ними слиты для него и таинственныя силы, управляющія его судьбами. Онъ олицетворяетъ и природу, и собственные страсти и чувства, онъ олицетворяетъ и самыя случайности своей жизни, — и милая, прекрасная дѣвушка, найденное дитя, воспитанное среди дикой природы, въ отчужденіи отъ міра и людей, является ему *Ундиной*, сердитый потокъ — ея дядею *Струемъ*... Отсюда выходитъ все фантастическое царство таинственныхъ силъ, мрачныхъ привидѣній и выходцевъ изъ гроба, которыхъ такъ любить муза Жуковскаго, часто мѣняющая свѣтлые и прозрачные образы на мрачные и страшные, тихіе, мелодическіе звуки тоскующей любви на скрипъ флюгера на башнѣ замка, на полуночное завываніе совы, свистъ вѣтра и борьбу стихій, предрекающую *недоброе*... Фантастическое есть тоже одинъ изъ романтическихъ элементовъ духа, который долженъ быть развитъ въ человѣкѣ, чтобъ онъ былъ *человѣкомъ*. — Все это, или почти все это, находятъ Г. Полевой отличительнымъ характеромъ поэзіи Жуковскаго, и все это восхищаетъ его въ ней; но все это у него только фактъ, мысль котораго непонятна для него. И потому онъ не можетъ простить Жуковскому отсутствіе *народности*... Забавное обвиненіе!... Жуковский не народный поэтъ, и немногіе попытки его на народность были неудачны — правда; но это совсѣмъ не недостатокъ, а скорѣе честь и слава его. Онъ призванъ былъ на другое великое дѣло: осуществить черезъ поэзію въ своемъ отечествѣ необходимый моментъ въ развитіи духа, — моментъ, выраженный въ жизни Европы средними вѣками, одухотворить отечественную поэзію и литературу *романтическими* элементами. Жуковский по преимуществу *романтикъ*, такъ какъ Державинъ по преимуществу *классикъ*, во внутреннемъ значеніи этихъ словъ. Какъ сѣверное сіяніе, роскошны и великолѣпны картины природы у Державина, но такъ же и *внѣшніи* и холодны, какъ сѣверное сіяніе. Жуковский вводитъ васъ во внутреннее святилище природы, дѣлаетъ для васъ слышимымъ бѣшеніе ея сердца, осязательнымъ теплѣе ея дыханіе... Въ изображеніяхъ природы у Державина вы не услышите *прозябанія*

долгой лозы; Жуковский вводитъ васъ въ сокровенную лабораторію силъ природы, — и у него природа говоритъ съ вами дружнымъ языкомъ, повѣряетъ вамъ свои тайны. дѣлать съ вами горе и радость, утѣшаетъ васъ... Жуковский выразилъ собою столько же необходимый, сколько и великій моментъ въ развитіи духа цѣлаго народа, — и онъ навсегда останется воспитателемъ юныхъ душъ, полныхъ стремленія ко всему благому, прекрасному, возвышенному, ко всему святому и завѣтному жизни, ко всему таинственному, духовному и небесному земного бытія. Недаромъ Пушкинъ называлъ Жуковскаго своимъ учителемъ въ поэзіи, наперсникомъ, пѣстуномъ и хранителемъ своей вѣтровой музыки: безъ Жуковскаго Пушкинъ былъ бы невозможенъ и не былъ бы понятъ. Въ Жуковскомъ, какъ и въ Державинѣ, нѣтъ Пушкина, но весь Жуковский, какъ и весь Державинъ въ Пушкинѣ, и первый едва-ли не важнѣе былъ для его духовнаго образованія. О Жуковскомъ говорятъ, что у него мало своего, но почти все переводное: ошибочное мнѣніе! — Жуковский поэтъ, а не переводчикъ: онъ возсоздаетъ, а не переводитъ, онъ беретъ у Нѣмцевъ и Англичанъ только свое, оставляя въ подлинникахъ неприкосновеннымъ ихъ собственное, и потому его такъ называемые переводы очень несовершенны, какъ переводы, но превосходны, какъ его собственные созданія. Почему же онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ заимствуетъ у Нѣмцевъ и Англичанъ? — Потому, отвѣчаемъ, что тамъ, а не у насъ дома, были средніе вѣка человѣчества, и ихъ, а не наша и не другая какая поэзія возникла изъ романтическаго искусства. Г. Полевой ставитъ Жуковскому въ вину, что въ его переводахъ изъ Шиллера, изъ Байрона и Гёте одинъ и тотъ же колоритъ: мы видимъ въ этомъ только, что Жуковский вездѣ былъ вѣренъ самому себѣ, своей великой идеѣ, своему великому призванію, и ставимъ ему это въ великую заслугу. Отъ всѣхъ поэтовъ онъ *отвлекалъ* свое или на ихъ темы разыгрывалъ собственные мелодіи, бралъ у нихъ содержаніе и, переводя его черезъ свой духъ, претворялъ въ свою собственность. Г. Полевой ставитъ Жуковскому въ вину, что онъ не понимаетъ „Гамлета“, почитая это великое произведеніе чудовищнымъ и уродливымъ (слова самого Жуковскаго въ „Телеграфѣ“ за 1827 годъ, № 1, стр. 25). Опять фактъ, необъясненный мыслию! Жуковский не понимаетъ „Гамлета“ и не долженъ — не по недостатку чувства изящнаго, не по недостатку образованія, а по особенному свойству и направленію своего духа: любя Шекспира, онъ отказался бы отъ среднихъ вѣковъ, отъ романтизма, слѣдовательно, отказался бы отъ

самого себя. Кто изъ кипящихъ юношей въ романтическую пору своей жизни, въ эпоху гордыхъ и высокихъ идеаловъ, не предпочтетъ Шиллера Шекспиру, не поставитъ Шиллера высоко надъ Шекспиромъ? Мало этого: кто изъ юношей не увидитъ въ Шиллерѣ величайшаго художника, и кто изъ нихъ что-нибудь увидитъ въ Шекспирѣ? Почему это? Потому что Шиллеръ поэтъ *романтический* по преимуществу, слѣдственно, поэтъ юности; а что для Германіи Шиллеръ, то для Россіи Жуковский. И какъ самъ Шиллеръ понималъ Шекспира, если рѣшился перевести „Макбета“ *съ нѣкоторыми перемѣнами!* Шекспиръ — поэтъ новаго времени, новаго искусства — поэтъ не идеаловъ, а *дѣйствительности*, и потому его понимаетъ только духъ многосторонній, и не юноши, а мужи. Есть люди, которые на всю жизнь остаются дѣтьми, и есть люди, которые на всю жизнь остаются юношами, не въ пошломъ, а въ высокомъ значеніи этихъ словъ: Гомеръ въ своей „Иліадѣ“ младенецъ; нашъ Крыловъ умеръ юношею, хотя по лѣтамъ и давно уже былъ мужъ; Жуковский и въ глубокой старости останется тѣмъ же юношей, какимъ явился на поприще литературы. Жуковский одностороненъ — это правда, но онъ одностороненъ не въ ограниченномъ, а въ глубокомъ и обширномъ значеніи этого слова, какъ были односторонни Греки, какъ были односторонни всѣ великіе художники среднихъ вѣковъ, какъ односторонни новѣйшіе поэты — Шиллеръ, Жанъ-Поль Рихтеръ, Байронъ, которыхъ величіе заключается въ ихъ односторонности, какъ величіе Шекспира и Гёте заключается въ ихъ всеобъемлющей многосторонности. Когда единая и отвлеченная сторона духа есть выраженіе необходимаго момента въ жизни человѣка и челоѣчества, — она велика и безконечна: *односторонній* Жуковский явился органомъ великаго момента духа — романтизма и идеализма въ искусствѣ и въ жизни.

Итакъ, г. Полевой нашелъ въ поэзіи Жуковского недовольство земнымъ, стремленіе къ небесному, юношескую мечтательность, идеальную любовь и пр. и пр., что и другіе, больше или меньше, лучше или хуже, находили въ ней; но онъ не сказалъ, что такое это *найденное* имъ, и оно осталось для него *искомымъ*. Такъ какъ объясненія найденнаго и расхваленнаго имъ въ поэзіи Жуковского онъ искалъ не въ философской мысли, а въ своихъ личныхъ мнѣніяхъ, — то это найденное и расхваленное и явилось чѣмъ-то случайнымъ и, слѣдственно, бессмысленнымъ. Удивительно ли послѣ этого, что поэзія Жуковского стала у г. Полевого кругомъ виновата за то именно, чѣмъ онъ въ ней восхи-

щается, слѣдственно *безъ вины виновата?*... Это ли критика? это ли оцѣнка поэта? Задача истинной критики — отыскать въ созданіяхъ поэта общее, а не частное; челоѣческое, а не людское; вѣчное, а не временное; необходимое, а не случайное, — и опредѣлить, на основаніи общаго, т.-е. идеи, цѣлу, достоинство, мѣсто и важность поэта. А то ли сдѣлалъ г. Полевой, такъ много наговоривъ о Жуковскомъ?...

Статью о Державинѣ назвали мы *лучшею*, о Жуковскомъ — *одною изъ лучшихъ*; но о статьѣ о Пушкинѣ рѣшительно не знаемъ что и сказать. Въ первой, если не видно единой идеи, изъ себя развивающейся, зато видна общность взгляда, производящая въ читателѣ общность впечатлѣнія; во второй можно догадаться, о чемъ и почему именно такъ говоритъ критикъ, и въ ея изложеніи много увлекательности и жизни; но въ третьей ничего не поймете, и не встрѣтите ни одного живого мѣста, ни одного сильнаго выраженія. Это какой-то хаосъ крутящихся понятій, которыя сталкиваются другъ съ другомъ и дерутся, и сквозь нихъ промелькиваютъ такіе іероглифы, которыхъ объясненія должно искать въ журнальныхъ сшибкахъ того времени. Г. критикъ ни въ чемъ не отдаетъ отчета, судитъ пошемякински, хотя и началъ, по своему обыкновенію, съ вѣчнаго классицизма и романтизма, о которыхъ толки обратились у него въ общія мѣста и сдѣлались такъ же скучны и истерты, какъ и вѣчныя выраженія покойнаго „Московского Телеграфа“: *идти въ рядъ съ вѣкомъ, отстать отъ вѣка*. Чего не найдете вы въ этой статьѣ! И о XIX вѣкѣ, такъ хорошо знакомомъ г. критику, и о Байронѣ, и о Викторѣ Гюго! Въ ней даже прочтете вы удивительно глубокой, необыкновенно удовлетворительный, хотя и очень краткій и мимоходомъ набросанный разборъ одного изъ величайшихъ созданій Шекспира — „Король Ричардъ II“. И потому, мы не будемъ распутывать этой путаницы словъ и фразъ, написанныхъ явно въ безпокойномъ духѣ, а ограничимся выставкою на видъ только нѣсколькихъ перловъ, съ бѣглыми на нихъ замѣтками ¹⁾. Во-первыхъ, мы

¹⁾ О Пушкинѣ надо или все говорить, или ничего не говорить. Читатели „Отечественныхъ Записокъ“ встрѣчали въ нихъ такъ много и такихъ рѣзкихъ отзывовъ о великости Пушкина, какъ поэта, что въ правѣ требовать отъ насъ доказательной и отчетливой оцѣнки его художнической дѣятельности, и потому, при выходѣ послѣднихъ томовъ посмертныхъ сочиненій Пушкина „Отеч. Записки“ представляютъ своимъ читателямъ цѣлый рядъ статей объ этомъ поэтѣ, въ которыхъ мы, развивъ значеніе и основанія творчества, перейдемъ къ критическому разбору твореній Державина, Жуковского и Батюшкова, какъ предшественниковъ Пушкина, и заключимъ подробнымъ разборомъ

узнаемъ изъ этой *глубоко философской* статьи, что Пушкинъ есть представитель XIX вѣка въ русской поэзіи, но именно русской — и не болѣе, но что Пушкинъ — поэтъ, обладающій дарованіемъ обширнымъ (!), душою *глубоко раздражительною* (?), восторженною, даромъ слова удивительнымъ (!!); что карамзинизмъ повредилъ даже совершеннѣйшему изъ его созданій — „Борису Годунову“ (стр. 157, 162), что первая глава „Онѣгина“ пестра, безъ тѣней (?), *насмѣшлива, почти лишена поэзіи* (!), вторая — впадаетъ въ мелкую сатиру, въ шестой поэтъ снова впадаетъ въ прежній тонъ насмѣшки, эпиграмму, и то же слѣдуетъ въ седьмой; но что поединокъ Ленскаго съ Онѣгинымъ выкупаетъ все (стр. 165); что руссизмъ „Руслана и Людмилы“ была та несчастная, щеголеватая народность, *флоріановскій манеръ*, по которому Карамзинъ написалъ „Илью Муромца“, „Наталью боярскую дочь“ и „Марѳу Посадницу“, Нарѣжный — „Славянскіе вечера“, а Жуковский обрусилъ „Ленору“, „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ и сочинилъ свою „Марыну рошу“ (стр. 161), что его „Кавказскій Плѣнникъ“ *блѣденъ и ничтоженъ* (!?), „Бахчисарайскій Фонтанъ“ и „Цыганы“ *нѣтъ ничего*, „Евгеній Онѣгинъ“ *легокъ* (стр. 163). Г. Полевой совѣтуетъ Пушкину (статья была написана въ 1833 году) выкинуть изъ собранія своихъ сочиненій „Дорожныя жалобы“ и „Къ Вельможѣ“, какъ пьесы, недостойныя его (стр. 167)... Какъ жаль, что Пушкинъ не послушался *господина Полевого* и не отрекся отъ „Дорожныхъ жалобъ“ — этой пьесы, проникнутой грустною ироніею, этой геніальною шуткою, — и отъ „Вельможи“, произведенія, въ которомъ такую мощною и широкою кистью, съ такою полнотою, глубокостію и вѣрностію изобразилъ нашъ поэтъ характеръ, духъ и поэзію, словомъ, творчески воспроизвелъ идею русскаго XVIII вѣка, полного славы и величія, пировъ и роскоши, сомнѣній ума и жажды наслажденій!.. Да, вообще Пушкину много повредило то, что онъ не слушался совѣтовъ и наставленій г. Полевого... Нѣтъ силъ выписывать его мнѣнія о мелкихъ стихотвореніяхъ Пушкина: не знаешь — смѣяться или сердиться!

твореній самого Пушкина, такъ что эта критика будетъ вмѣстѣ и очеркомъ исторіи русской поэзіи, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ же году намѣреваемся оправдать, въ особой статьѣ, и наши отзывы о Гоголѣ. Время отзывовъ, въ похвалу или въ порицаніе писателей, проходитъ въ нашей литературѣ: настаетъ время основательной критики и потому въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Отеч. Записокъ“ читатели наши найдутъ отчетливое и подробное оправданіе нашихъ отзывовъ о Марлинскомъ, котораго полное собраніе сочиненій издано въ прошломъ году.

Прим. Бѣлинскаго.

Повѣрите ли, въ „Андрѣя Шенье“ и „Наполеонѣ“ г. Полевой видитъ лучшія лирическія созданія Пушкина, и ставитъ ихъ несравненно выше *Подражаній древнимъ, Подражаній Корану*, и такихъ пьесъ, какъ „Предчувствіе“, „Кавказъ“, „Трудъ“, „Узникъ“, „Анчаръ“ и даже „Бѣсы“!.. Что сказать объ этомъ? Видите ли, въ чемъ дѣло: когда г. Полевой началъ читать, Державинъ былъ уже весь изданъ, и его могучіе звуки первые поразили впечатлѣніями поэзіи душу нашего критика — и статья г. Полевого о Державинѣ лучшая его статья; Жуковского онъ уже изучалъ, потому что для пониманія его долженъ былъ дѣлать себѣ усиліе, отрѣшаться отъ многихъ уже врѣзавшихся въ него одностороннихъ убѣжденій, — и онъ оцѣнилъ его уже менѣе впопадъ; но Пушкинъ явился уже совсѣмъ не во время: онъ опоздалъ для г. Полевого, или г. Полевой уже опоздалъ для него, — и потому, пока Пушкинъ былъ еще только авторомъ „Руслана и Людмилы“ и „Кавказскаго Плѣнника“, пока еще онъ написалъ только „Андрея Шенье“, „Къ Овидію“, „Къ Ч—у“, „Наполеона“, г. Полевой удивлялся ему, провозглашалъ его *сѣвернымъ Байрономъ, представителемъ современнаго человечества*; а когда геній Пушкина началъ мужать и возмужалъ, г. Полевой поспѣшилъ взять назадъ свои критическіе приговоры. Пока „Онѣгинъ“ былъ еще недоконченною повѣстью, слѣдственно не имѣлъ полноты и цѣлости, а основная идея его была еще тайною, — г. Полевой не скупился на похвалы; когда же „Онѣгинъ“ явился полнымъ, оконченнымъ, замкнутымъ въ себѣ художественнымъ созданіемъ, въ дивныхъ образахъ выразившимъ глубокую идею, — г. Полевой такъ оцѣнилъ его: „Вотъ послѣдняя глава, конецъ „Онѣгина“! Чѣмъ же кончилась эта исторія, сказка или романъ — спросятъ читатели. Чѣмъ?.. да чѣмъ обыкновенно кончится все въ мірѣ? И Богъ знаетъ! Иной живетъ лѣтъ восемьдесятъ, а жизни его было всего лѣтъ тридцать. Такъ и „Евгеній Онѣгинъ“: его не убили, и самъ онъ еще здравствовалъ, когда поэтъ задернулъ завѣсъ на судьбу своего героя“ („Телеграфъ“ 1832, XLIII, стр. 448). За этою замысловатою и насмѣшливою оговоркою слѣдуетъ выписка нѣсколькихъ строкъ, съ *примичною похвалою онымъ*!.. А не угодно ли полюбоваться, какъ оцѣнилъ г. Полевой третью часть мелкихъ сочиненій Пушкина, которая вышла въ 1832 году, и которая столько же выше первыхъ двухъ, сколько возмужавшій геній выше еще невозмужавшаго? Слушайте — и дивитесь:

Теперь спросимъ у самихъ себя: того ли Пушкина видимъ мы въ третьей части его стихотво-

реній, того ли поэта, котораго полюбила публика паша, и которымъ восхищалась она, читая первыя двѣ части его стиховъ? Повторяемъ, что въ *наружной отдушкѣ* онъ все тотъ же: *сладкозвученъ, плънителенъ, ширивъ* (!?.); но это не творецъ посланія „Къ Ч—ву“, „Андрея Шенье“, „Наполеона“, „Къ морю“, и пр. и пр. Направленіе его, *взглядъ*, самое одушевленіе совершенно измѣнилось. Это не прежній задумчивый и грозный, сильный и пламенный выразитель думъ и мечтаній своихъ ровесниковъ: это *нарядный, блестящій и умный свѣтскій человекъ, обладающій необыкновеннымъ даромъ стихотворенія* (Телеграфъ 1832. Ч. LXIII, стр. 570).

Очень-съ хорошо! Это говорится о той третьей части, въ которой помѣщены: „Кавказъ“, „Обвалъ“, „Монастырь на Казбекѣ“, „Делибашъ“, „На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла“, „Не плѣняйся бранной славою“, „Донъ“, „Олеговъ Щитъ“, „Поѣдемъ, я готовъ“, „Когда твои младяя лѣта“, „Я васъ любилъ“, „Зима“, „Что дѣлать намъ въ деревнѣ“, „Зимнее утро“, „Дорожныя жалобы“, „Калмычкѣ“, „Что въ имени тебѣ моемъ“, „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, „Въ часы забавъ иль праздной скуки“, „Къ вельможѣ“, „Поэту“, „Отвѣтъ анониму“, „Пью за здравіе Мери“, „Пиръ во время чумы“, „Бѣсы“, „Труды“, „Мопартъ и Сальери“, „Цыганы“, „Мадонна“, „Эхо“, „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская Годовщина“, „Узникъ“, „Зимній вечеръ“, „Даръ напрасный“, „Анчаръ“, „Подъѣзжая подъ Ижору“, „Примѣты“, и наконецъ „Собраніе насѣкомыхъ“ — стихотвореніе, которое особенно не нравится тонкому и чуткому вкусу нашего критика, но очень примѣчательное и важное, если подумаешь, какіе есть на свѣтѣ критики!...

Мы передали публикѣ фактъ о критикѣ г. Полевого—судить и доказывать не будемъ: есть факты, которые сами за себя громко говорятъ. И что же?—Мы очень далеки отъ того, чтобы подозрѣвать г. Полевого въ пристрастіи къ Пушкину: есть большая разниа между ошибкою вслѣдствіе личной враждебности и ошибкою вслѣдствіе простодушнаго невѣдѣнія или блѣдности эстетическаго вкуса.

Статья о Пушкинѣ въ изданныхъ нынѣ „Очеркахъ“ есть разборъ „Бориса Годунова“. Какъ же оцѣнилъ г. Полевой это великое созданіе Пушкина?—А вотъ посмотрите: „Прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ *карамзинскаго* Годунова: *этимъ словомъ рѣшена участь драмы Пушкина*. Ему не пособятъ уже ни его великое дарованіе, ни сила языка, какою онъ обладаетъ“ (стр. 184). Теперь ясно и понятно ли, что это за оцѣнка?.. Вотъ если бы Пушкинъ изобразилъ намъ Годунова съ голоса знаменитой, но недоконченной „Исторіи Русскаго Народа“ — тогда его „Борисъ

Годуновъ“ былъ бы хоть куда и даже удостоился бы очень лестныхъ похвалъ со стороны „Московского Телеграфа“... Вообще, г. Полевой очень не благоволитъ къ Карамзину. Ему даже не нравится слогу „Исторіи Россійскаго Государства“—эта дивная рѣзба на мѣди и мраморѣ, которой не сложенъ ни время, ни зависть, и подобную которой можно видѣть только въ историческомъ опытѣ Пушкина: „Исторіи Пугачевскаго Бунта“. Уже только похвалить Карамзина—значить попасть подъ опалу г. Полевого. За что такое неблаговоленіе?—За то, что Карамзинъ своими идеями принадлежалъ къ тому времени, въ которое родился и воспитался, а не къ тому, въ которое умеръ; — забавное обвиненіе! Не знаемъ, потому ли, что мы не доросли до „высшихъ взглядовъ“ г. Полевого, или потому, что переросли ихъ, но только мы видимъ въ Карамзинѣ писателя, оказавшаго великія и безсмертныя услуги своему отечеству, писателя, который выразилъ духъ своего времени, но не заднимъ числомъ, а показавъ его своимъ современникамъ, какъ *новое* для нихъ время; а въ г. Полевомъ видимъ дѣятельнаго писателя, обладаемаго больше тревогою, чѣмъ вдохновеніемъ, за все бравшагося и ничего неокончившаго, разрушившаго многія старыя предубѣжденія и не сказавшаго ничего новаго, оказавшаго большія заслуги отрицательно и никакихъ положительныхъ, наконецъ, критика, который, думая идти наравнѣ съ вѣкомъ, шелъ только наравнѣ съ толпою: толпа хвалила Пушкина—и онъ хвалилъ его; толпа охладѣла къ Пушкину—и онъ охладѣлъ къ нему; смерть Пушкина поразила общее вниманіе—и г. Полевой явился въ „Библіотекѣ для Чтенія“ съ статьею о Пушкинѣ, въ которой много наговорилъ общихъ риторическихъ мѣстъ о *поэтѣ* и *человѣкѣ*, а ровно ничего не сказалъ о Пушкинѣ...

Да, г. Полевой опоздалъ для Пушкина: удивительно ли, что Гоголь для него—темная вода во облацѣхъ?... Всему свое время и своя чередъ,—и счастливъ тотъ, кто, во-время начавъ, умѣлъ и во-время кончить!...

Пропускаемъ статьи, не относящіяся къ искусству, и укажемъ на послѣднюю въ I-й части „Очерковъ“ — разборъ „Двумужницы“ кн. Шаховскаго. Кто помнитъ этотъ разборъ, тотъ знаетъ, что г. Полевой судилъ заслуженнаго нашего драматурга за „Двумужницу“ какъ за уголовное преступленіе противъ искусства, что онъ даже передразнилъ его, тутъ же написавъ злую пародію на его пьесу. Конечно, пьеса кн. Шаховскаго произведеніе не художественное, не превосходное, но и не безъ достоинствъ, а главное — она рѣшительно выше всѣхъ.

опытовъ г. Полевого въ драматической поэзии, начиная отъ его дюсисовской передѣлки шекспирова „Гамлета“ и оригинальной трагедіи „Уголино“ до „Ужаснаго Незнакомца“, не имѣвшаго никакого успѣха на сценѣ. Какъ помирить это противорѣчіе?.. Мы жалѣемъ, что г. Полевой за критикою „Двумужницы“ не помѣстилъ тотчасъ своего письма къ г. Булгарину („Сынъ Отечества“ 1839 № IV), въ которомъ онъ высказалъ свои понятія о драматической поэзии и о своихъ трудахъ по этой части. Не знаемъ, какъ сообразить и согласить взглядъ его на произведеніе князя Шаховскаго и на его собственныя созданія въ драматическомъ родѣ!.. Взглянемъ на это письмо, чтобы поправить упущеніе г. Полевого, не напечатавшаго его рядомъ съ критикою „Двумужницы“. Это тѣмъ болѣе необходимо для насъ, что можетъ быть окончательною оцѣнкою г. Полевого, какъ критика и окончательнымъ разборомъ его критическихъ основаній.

Поводомъ къ этому письму г. Полевого къ г. Булгарину былъ разборъ какого-то драматическаго отрывка г. Полевого, написанный г. Булгаринымъ, который, между прочимъ, очень дѣльно, основательно и безпристрастно опредѣляетъ литературную дѣятельность г. Полевого слѣдующимъ образомъ:

Почтенный Н. А. Полевой пишетъ, какъ говорятъ, полосами. О чемъ рѣчь въ публикѣ, за то принимается почтенный Н. А. Полевой. Была эпоха журналовъ, Н. А. издавалъ журналъ; была мода на шеллингову философію и политическую экономію—онъ писалъ о философіи и политической экономіи. Настала мода на романы, онъ сталъ писать романы. Альманахи ввели въ моду оригинальныя повѣсти—Н. А. Полевой сталъ писать повѣсти. Заговорили объ исторіи—вотъ есть и исторія; наконецъ, вкусъ высшаго сословія и публики явно обратился къ театру, и Н. А. Полевой пишетъ трагедіи, драмы, драматическія представленія, драматическія были и водевили. Пишетъ онъ такъ много, что мы не можемъ постигнуть, когда онъ выбираетъ время, чтобы читать и учиться! Н. А. Полевой человѣкъ умный и удивительно смысленный. Онъ не можетъ написать ничего рѣшительно дурного, а между тѣмъ написалъ онъ много хорошаго. Что онъ ни напишетъ, во всемъ пробивается то талантъ, то смѣтливость, то ловкое подражаніе, и все приковано къ понятіямъ большинства.

Эта безпристрастная и вѣрная оцѣнка, съ которою мы вполне согласны, какъ будто бы она была произнесена самими нами, заключается такъ:

Невозможно быть безпристрастнымъ насъ къ Н. А. Полевою, и, не взирая на прошедшее, мы всегда отдаемъ справедливость его таланту, уму, трудолюбію, а болѣе всего его смѣтливости, въ которой онъ не имѣетъ равнаго въ нашей литературѣ.

Не будемъ разбирать всѣхъ возраженій г. Полевого, написанныхъ въ отвѣтъ на это безпристрастное и вѣрное мнѣніе о немъ

г. Булгарина, но обратимъ вниманіе только на два, въ которыхъ самымъ рѣзкимъ образомъ выразились понятія г. Полевого о наукѣ и искусствѣ. Г. Полевой, доказывая, что онъ шелъ не за другими, а впереди другихъ, такъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ философіи и политической экономіи: „Я усердно споспѣшествовалъ той и другой наукѣ, ознакомившись съ ними при самомъ началѣ моего литературнаго поприща, и не только не отвергаюсь ихъ теперь, но увѣренъ, что для прочнаго образованія какаго угодно *объ науки* должны быть положены краеугольнымъ камнемъ въ основаніи: одна какъ зерно всѣхъ идей человѣческихъ, другая какъ важнѣйшее дополненіе исторіи, какъ необходимое знаніе въ практической жизни, которымъ разрѣшаются важнѣйшіе вопросы общественныя“ (С. О. 1839 № IV, стр. 107). Какая поверхностность и сколько сбивчивости, противорѣчій и ложности въ этихъ немногихъ строкахъ! Когда и чѣмъ споспѣшествовалъ г. Полевой успѣхамъ философіи? и какъ онъ могъ споспѣшествовать ей, не зная ея, но повторяя о ней фразы, взятые на выдержку изъ французскихъ журналовъ! Онъ говоритъ, что ознакомился съ нею при самомъ началѣ своего литературнаго поприща: это, вѣрно, передъ изданіемъ „Московскаго Телеграфа“! Вотъ что значитъ заблаговременно запастись нужнымъ матеріаломъ! Но мы этому рѣшительно не вѣримъ, потому что философіею нельзя заниматься только въ извѣстное время и къ извѣстному сроку: должно посвятить ей всю жизнь свою, или совсѣмъ за нее не браться; философію можно изучать, но нельзя ее выучить; ибо философія есть не только зерно, какъ говоритъ г. Полевой, но и развитіе идей, какъ разумно-необходимой *возможности* всего сущаго, ставшаго явленіемъ въ природѣ и въ исторіи, сознаніе той сферы сверхчувственнаго и сверхъопытнаго, гдѣ бытіе равно небытію, возможность равна явленію... Кто началъ изучать философію, тотъ никогда не остановится въ этомъ изученіи: иначе никогда не сниметъ съ дѣйствительности таинственнаго покрывала Изиды. Поэтому, ничего нѣтъ забавнѣе тѣхъ господъ, которые, вмѣсто: „я изучилъ Шеллинга“ говорятъ: „я прочелъ Шеллинга“, или которые говорятъ: „я знаю философію и могу говорить о ней, потому что *тогда-то* учился ей“. Первые изъ этихъ господъ, т.-е. тѣ, которые не изучаютъ, а перелистываютъ Шеллинга, похожи на дѣтей, для которыхъ сѣсть верхомъ на палочку и скакать на лошади—все равно, и которыя, сѣвъ верхомъ на палочку, легко могутъ увѣрить себя, что они стремглавъ несутся на рыномъ конѣ. Вторые изъ этихъ господъ похожи на ка-

кого-нибудь Кутейкина, который, вспомнив *оное* блаженное время, когда онъ, убоясь бездны премудрости, возвратился вспять, говорить съ полнымъ убѣжденіемъ: „я твердо выучилъ философію—ища и теперь помню“. Потомъ, скажите, Бога ради, какимъ образомъ политическая экономія стала об-руку съ философіею—наукою наукъ. — какъ равное ей знаніе? Если политическая экономія есть наука, а не опытное знаніе, то она должна только основываться на философіи, занимая свое мѣсто въ энциклопедіи философіи, но отнюдь не тягаться въ равенствѣ съ нею. Кто листъ противопоставляетъ дереву, окошко или печную трубу—зданію, особенно, если это дерево—кедръ, и это зданіе—храмъ? А что такое значить фраза г. Полевого, что „политическая экономія есть важнѣйшее дополненіе исторіи“? Теорія развитія народнаго богатства, безъ сомнѣнія должна занимать и интересоваться историка, какъ одна изъ многихъ сторонъ его предмета, но чтобы политическая экономія была какимъ-то дополненіемъ исторіи—это такъ непонятно, что для уразумѣнія подобной загадки надо *перелистовать* Шеллинга и *выучить* философію...

Изъ этого можно видѣть, что г. Полевой не только глубоко знаетъ философію и политическую экономію, но и дѣйствительно много споспѣшествовалъ ихъ успѣхамъ въ нашемъ отечествѣ...

Теперь бросимъ взглядъ на понятія г. Полевого о драматической поэзіи.

Въ то же грустное время жизни, когда я сочинялъ „Аббадону“ (подлинно грустное, судя по роду развлеченія!),—Шекспиръ, *старый другъ мой, соблазнилъ меня* переводить „Гамлета“ (вотъ ужъ подлинно *соблазнитель* на свою же гибель!) и привести притомъ въ исполненіе мысль мою о сценической передачѣ его твореній (стр. 110). Публика лучше журналистовъ и теоретиковъ поняла дѣло, и это рѣшило меня на драматическій опытъ еще, а потомъ на другой и на третій опытъ (*ibid.*).

Эти немногія строки многимъ радуютъ душу читателя — и тѣмъ, что Шекспиръ другъ г. Полевому, и тѣмъ, что г. Полевой хочетъ передать на русскій языкъ всѣ произведенія своего друга; но гдѣ же доказательства того, что публика поняла дѣло? неужели въ томъ, что она вызвала переводчика, какъ она вызываетъ всѣхъ передѣльвателей французскихъ водевилей? или въ томъ, что, восхищенная игрою Мочалова и Каратыгина, часто смотрѣла на нихъ въ роли Гамлета, несмотря на искаженный и облизанный переводъ, крайне дурную постановку и выполненіе пьесы?.. Потомъ, какое отношеніе имѣютъ къ переводу драмы Шекспира и собственныя театральныя издѣлія г. Полевого? Неужели то и другое — *драматическій опытъ*? Какъ? „Гамлетъ“ Шекспира—

и „Уголино“ и „Ужасный Незнакомецъ“ г. Полевого—драматическіе опыты?.. Какъ?.. Но.. Извините—мы и забыли, что г. Полевой съ Шекспиромъ за-просто—свои люди, сочтутся сами; а наше дѣло—сторона...

Не буду пересказывать здѣсь исторію *драмы и сцены*, и, думаю, вы согласитесь безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, что нашъ вѣкъ не сыскалъ еще современной ему драмы...

Каково предложеніе? Согласиться безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, что нашъ вѣкъ не сыскалъ еще современной драмы, и пребывается чужою? Не все ли это равно, что попросить кого-нибудь согласиться, что $2 \times 2 = 5$, а не 4?.. Въ XIX вѣкѣ замѣнитѣйшія драмы—Шиллера и Гёте. Дѣло ясно: если эти драмы *художественны*, то зачѣмъ же ему, нашему вѣку, мимо драмъ, которыя у него *есть*, искать драмъ, которыхъ у него *нѣтъ*? Отъ добра добра не ищутъ, говоритъ мудрая русская поговорка. Если же драмы Шиллера и Гёте не художественны, а другихъ художественныхъ не является: значить, ихъ нѣтъ, а „на нѣтъ и суда нѣтъ“, говоритъ другая мудрая русская поговорка. Не смѣшно ли искать того, чего нѣтъ?..

.... а русская словесность и сцена еще менѣе сыскала ее. Какая должна быть *современная* драма? Какая должна быть драма у каждаго народа? И даже должна ли быть отдѣльная драма русская, французская, нѣмецкая?

Что за глубокіе вопросы! на днѣ ихъ и свѣта не видно!.. Русская сцена нашла современную драму-комедію *отчасти* въ „Горѣ отъ Ума“ Грибоѣдова и *вполнѣ* въ „Ревизорѣ“ Гоголя. Конечно, это еще одна сторона сцены, и этого еще немного; но вопросъ не въ количествѣ, а въ сущности, въ первообразѣ предмета. Русская же словесность нашла свою современную драму *отчасти* въ „Горѣ отъ Ума“ Грибоѣдова и *вполнѣ* въ „Борисѣ Годуновѣ“, въ „Сальери и Моцартѣ“, „Скупомъ Рыцарѣ“, въ „Русалкѣ“, въ „Каменномъ Гостѣ“ Пушкина, и въ „Ревизорѣ“ Гоголя. „Какая должна быть современная драма?“ спрашиваетъ г. Полевой: вотъ предостолобезный вопросъ! Право, подобные вопросы напоминаютъ нѣжныхъ супруговъ, которые до слезъ спорятъ—одинъ, что у нихъ родится сынъ, а другая, что у нихъ родится дочь... Такія вещи не выводятся а priori, и стремленіе вывести ихъ, равно какъ и историческіе факты въ будущемъ—не философія, а философическое пересыпаніе изъ пустого въ порожнее. У отца есть сынъ — и онъ можетъ сказать, каковы наружность и характеръ его сына; но если этотъ сынъ его ожидается, то всѣ вопросы о его наружности и характерѣ будутъ походить на вопросъ: „какова должна быть

русская драма? Если поименованные нами драматическія произведенія Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя г. Полевой почитаетъ художественными, то онъ уже долженъ знать, какова должна быть русская драма; если же онъ не признаетъ ихъ художественными, то всѣ его усилія рѣшить этотъ вопросъ будутъ походить на усилія человѣка, который желаетъ разгадать, что будетъ находиться черезъ пять тысячъ лѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ его домъ. Въ мышленіи немаловажная задача опредѣлить — что можетъ и что не можетъ быть мыслимо. Что же касается до вопроса, должна ли быть отдѣльная драма, русская, французская, нѣмецкая, — мы можемъ утвердительно отвѣчать г. Полевому на этотъ *важный и глубокий* вопросъ: должна, непременно должна... еще разъ, тысячу, миллионъ разъ — *должна*, но должна съ условіемъ, чтобы прежде, нежели быть русскою, французскою или нѣмецкою драмою — быть *художественною* драмою. Последнее условіе гораздо важнѣе перваго: если соблюдено это последнее, то первое, безъ всякихъ усилій и хлопотъ со стороны поэта, исполняется само собою. Если „Борисъ Годуновъ“ Пушкина не художественная драма, то она и не русская и никакая драма; а если художественная, то необходимо и русская, потому что написана русскимъ поэтомъ, на русскомъ языкѣ, да и самое содержаніе ея взято изъ русской исторіи.

Я увѣренъ, что современная намъ драма не осуществлена ни французскими классиками (*пора утвердиться!*...) и романтиками (*пора!*), ни германскою драмою Гёте (*вотъ какъ!*...), Шиллера, Вернера, Грильпарцера, Мюльнера, и что Шекспиръ *и т.п.* также не современная наша драма (*на колѣни, читатели!*...), какъ *и т.п.* Кальдеронъ, Софокль и Корнель. Далѣе идетъ другой рядъ вопросовъ о соглашеніи *нашей драмы*, сообразной нравамъ, понятіямъ, образованію (*чимъ?*) съ идеею *современной драмы вообще*. Наконецъ, третій рядъ вопросовъ о примиреніи *сцены* съ драмою, или *теоріи* съ *практикою*.

Превосходно! Во-первыхъ, что за чудное смѣшеніе именъ: Гёте и Шекспиръ перемѣшаны съ Грильпарцерами, Вернерами и Мюльнерами; Кальдеронъ и Софокль — съ Корнелемъ; о французскихъ классикахъ романтикахъ говорится вмѣстѣ съ Гёте, Шекспиромъ и Софокломъ!.. Далѣе, каковы понятія объ органической цѣлости и художественной замкнутости изящныхъ произведеній: Шекспиръ и Софокль *и т.п.* не годятся, а ихъ надо облизывать и уродовать, или, по крайней мѣрѣ, передѣлывать, какъ, напримѣръ, передѣланъ „Гамлетъ“ Дюсисомъ, и гг. Сумароковымъ, Висковатовымъ и Полевымъ!.. Второго и третьяго ряда вопросовъ мы совершенно не понимаемъ, какъ будто бы они были изложены на китайскомъ

языкѣ. „Все это вопросы важные, и, можетъ быть, да и, кажется, навѣрное мы умремъ, не рѣшивши ихъ“ — заключаетъ г. Полевой. Жаль, очень жаль! А вопросы, дѣйствительно важные — право-съ! Бога ради, рѣшайте ихъ поскорѣе, г. Полевой! Вѣдь вы ихъ *сочинили*, вы ихъ и рѣшайте, а наше дѣло — сторона.

И г. Полевой рѣшаетъ:

Но что же намъ дѣлать: сложить руки и сидѣть? Нѣтъ, надобно начать рѣшеніе, положить отъ себя нѣсколько данныхъ, къ которымъ потомъ приложить еще. Начать рѣшеніе должно *думая теоретически и дѣлая практически*...

Видите ли: ларчикъ просто открывался! У насъ нѣтъ драмы, такъ *сдѣлаемъ* драму, вмѣсто того, чтобы сидѣть сложа руки. Положимъ, что теперь зима и на дворѣ свирѣпствуютъ *морозы*, а намъ нужно, чтобы у насъ цвѣли *розы*. Но розы въ это время не цвѣтутъ; что-жъ еще не большое горе: вмѣсто того, чтобы сидѣть сложа руки, мы пошлемъ въ магазинъ, гдѣ дѣлаютъ изъ тканей какіе угодно цвѣты и розы; вотъ мы и съ розами, да еще съ такими, которыя никогда не увядаютъ, а развѣ только рвутся и пачкаются. Каковы понятія о творящей силѣ природы! нѣтъ ароматической красавицы, пышной царицы садовъ — *сдѣлаемъ* ее изъ тряпокъ!... Каковы понятія о творящей силѣ художественнаго духа: у насъ нѣтъ драмъ Шекспира, — такъ есть драмы друга его, г. Полевого!..

Примемся за опыты: одна теорія недостаточна видѣ — въ этомъ я увѣренъ, а одной практики также мало. Думать о драмѣ и спенѣ имѣлъ я время, принимаясь за ихъ практику на *сороковомъ* году отъ рожденія, изучивъ предварительно исторію ихъ у всѣхъ народовъ.

Ну, господа, давайте, примемся всѣ за работу, а чтобы она шла успѣшнѣе, раздѣлимся на двѣ половины: одна будетъ дѣлать теорію лучшаго сорта... другая — самыя отличнѣйшія драмы, то-есть, практику-съ. Хорошо; но вотъ условіе — *sine qua non*: кто не имѣлъ счастья дожить до полныхъ сорока лѣтъ, того мы не примемъ въ члены нашей драматической фабрики. Пусть это будетъ напоминать злую сатирическую статейку г. Полевого „Общество беззубыхъ Литераторовъ“; но что до этого! Конечно, оно будетъ немножко смѣшно, но зато очень полезно: у насъ будетъ теорія и практика... Не пугайтесь также необходимости предварительнаго изученія драмы у *всѣхъ* народовъ: дѣло не такъ страшно, какъ кажется. Можетъ быть, вы слишкомъ добросовѣстны, и вамъ кажется недостаточнымъ всей жизни для свершенія подобнаго подвига: увѣряю васъ, что это излишняя робость. Научитесь изъ примѣра г. Полевого, что подобный

подвигъ можно совершить между другими гораздо важнѣйшими дѣлами, какъ-то: изученіемъ философіи Шеллинга, политической экономіи, изученіемъ всѣхъ литературъ въ мірѣ, изданіемъ журнала, сочиненіемъ разныхъ исторій въ нѣсколькихъ томахъ, сочиненіемъ нѣсколькихъ романовъ, множества журнальных статей. Для этого даже не нужно ни глубокаго эстетическаго чувства, ни глубокихъ познаній, ни даже какихъ-нибудь понятій объ искусствѣ: гораздо нужнѣе всего этого отвага и самоувѣренность...

И все, что до сихъ поръ отзано мною на сцену, я не считаю ни чѣмъ другимъ (о, грамматика! о, православный русскій языкъ! — что съ вами дѣлаютъ?...), какъ только *добросовѣстными* опытами, игрою *en banque* на мою литературную извѣстность (Очень-съ скромно!). Не мнѣ судить себя (вотъ ужъ это напрасно-съ!), но признаюсь (а!.. а!..), не могу не порадоваться нѣкоторымъ успѣхамъ моихъ опытовъ, хотя приписываю ихъ снисхожденію публики только за *искренность* трудовъ моихъ, которую она вполне оцѣняетъ, и которая можетъ многое замѣнить въ писателѣ (умѣренность и аккуратность!). Опыты мои были разнообразны: въ „Уголино“ мнѣ *хотѣлось испытать на сценѣ* идею судьбы, ожививъ ее религіознымъ духомъ; въ „Дѣдушкѣ Русскаго Флота“ — очеркъ исторической картины и русское народное чувство (*хотѣлось испытать на сценѣ* — очеркъ исторической картины и русское народное чувство!); въ „Иголкинѣ“ — простое изображеніе фанатическаго чувства любви къ отечеству, безъ всякихъ декораций сценическихъ (*хотѣлось испытать на сценѣ* — простое изображеніе фанатическаго чувства любви къ отечеству, безъ всякихъ „декораций сценическихъ!“); въ „Смерти или Чести“ — нѣмецкую Trauerspiel и предѣлъ перехода изъ повѣсти въ драму (?!...); въ „Русскомъ Человѣкѣ“ — сцену, сведенную на самыя простыя событія и чувства ежедневныя, въ которыхъ многіе не находятъ предмета для художника (Не забываютъ, что г. Полевой — художникъ!..). Такъ, въ одномъ изъ новыхъ приготовляемыхъ мною для сцены опытовъ моихъ, подъ названіемъ „Ода Премудрой Царевнѣ Фелицѣ“, мнѣ хотѣлось бы показать *поэтическую сторону прозаической жизни Державина*; въ другомъ, „Еленѣ Глинской“, испытать бытъ русской старинны въ идеалѣ художника (?); въ третьемъ „Сирѣнѣвѣ“ — простое изо-

браженіе русскаго быта и опыты на сценѣ языка нашихъ предковъ; въ „Эспаньолегго“ *попытаюсь на сценѣ на изображеніе итальянскихъ страстей*; въ „Прасковѣ Ляпуновой“ *опять (?) коснуться простого изображенія любви дѣтской*, которая провела простую дѣвушку изъ сѣговъ Сибири къ царскому престолу, для испрошенія милости виновному отцу ея.

Читаешь — и глазамъ не вѣришь! Точь-въ-точь, какъ будто читаешь сводъ предисловій Виктора Гюго къ его драмамъ: тутъ я хотѣлъ высказать такую мысль; здѣсь я задалъ себѣ для разрѣшенія такую-то задачу; тамъ хотѣлъ доказать неоспоримость такого-то положенія, — какъ будто поэзія все равно, что математика! какъ будто поэтъ можетъ повелѣвать своимъ вдохновеніемъ!... Только предисловія Виктора Гюго изложены покрасивѣе въ отношеніи къ языку, если и отличаются *таковою* же мыслительностью... Жаль только, что при сей вѣрной оказіи г. Полевой не повторилъ, что онъ предпринялъ столько полезныхъ трудовъ изъ глубокаго убѣжденія, что драмы Шиллера и Гёте, ни самого Шекспира *цѣликомъ*, не годятся для нашего времени, и изъ великодушнаго желанія помочь вѣку въ его горѣ...

И вотъ вамъ сводъ литературныхъ убѣжденій г. Полевого и его понятій объ искусствѣ... Удивительно ли, что онъ такъ вѣрно оцѣнилъ Пушкина и такъ хорошо понималъ Гоголя? Больше мы ничего не скажемъ, и не будемъ выводить заключенія изъ нашей рецензій, которая, противъ нашей воли, и безъ того вышла слишкомъ длинна. Пусть по тому, что сказали мы, судятъ о томъ, что хотѣли мы сказать; а кому этого мало, то до слѣдующихъ двухъ томовъ „Очерковъ“: еще будетъ о чемъ поговорить и что сказать, а сказанное пусть приметъ только за предисловіе...

1840 г.

20. Полное собраніе сочиненій А. Марлинскаго.

Двѣнадцать частей. Спб. 1838.—1839.

Декабристъ А. Бестужевъ, писавшій подъ псевдонимомъ „Марлинскаго“, былъ убитъ на Кавказѣ въ 1837 году; черезъ годъ вышло полное собраніе его сочиненій, пользовавшихся громаднымъ успѣхомъ. Еще въ серединѣ тридцатыхъ годовъ, когда шумная извѣстность „Марлинскаго“ и его эфемерная слава достигали своего зенита, Бѣлинскій писалъ о немъ въ своихъ „Литературныхъ

Мечтаніяхъ“: „теперь передъ нимъ все на колѣнахъ“. И тутъ же Бѣлинскій далъ яркую и безпристрастную характеристику этого писателя: онъ призналъ его талантъ „очень примѣчательнымъ“, указалъ на его сильныя стороны, но вмѣстѣ съ этимъ указалъ и на такіе „недостатки“ этого таланта, которые неизбѣжно должны были отодвинуть его во вторые и третьи ряды русской литературы.

Претензіи на пламень чувства; отсутствіе „философіи“, глубины, драматизма; замѣна выраженій чувства риторическими возгласами; отсутствіе индивидуальности у героинь и героев—все это БѢлинскій проицательно отмѣтилъ въ произведеніяхъ Бестужева-Марлинскаго. „Время и мѣсто — прибавилъ БѢлинскій — не позволяютъ мнѣ подкрѣпить выписками изъ сочиненій г. Марлинскаго мое мнѣніе о его талантѣ: впрочемъ это очень легко сдѣлать“ (см. выше стр. 79—82). Настоящая статья, написанная почти черезъ шесть лѣтъ послѣ „Литературныхъ Мечтаній“, является въ сущности только выполненіемъ этого плана, только подкрѣпленнымъ выписками развитіемъ всѣхъ этихъ положеній первой статьи БѢлинскаго. Если прибавить къ этому, что наканунѣ своей смерти, въ 1848 году, БѢлинскій снова повторилъ и подкрѣпилъ свое прежнее мнѣніе о Бестужевѣ-Марлинскомъ (въ рецензій на второе полное собраніе сочиненій Марлинскаго), то мы будемъ имѣть въ этомъ лишнюю иллюстрацію неоднократно отмѣчавшагося нами постоянства художественныхъ и литературныхъ взглядовъ БѢлинскаго.

Однако, несмотря на одинаковое содержаніе этихъ трехъ статей 1834, 1840 и 1848 годовъ, нельзя не отмѣтить нѣкотораго различія въ тонѣ БѢлинскаго, въ рѣзкости его отношенія къ повѣстямъ Бестужева. Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ БѢлинскій впервые высказалъ — а въ статьѣ слѣдующаго года „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“ повторилъ (см. выше стр. 129 — 131) отрицательное сужденіе о повѣстяхъ Марлинскаго, отмѣчая тутъ же и нѣкоторыя положительныя стороны критикуемаго писателя. Мнѣніе БѢлинскаго было замѣчено, возбудило негодованіе поклонниковъ Бестужева, но во всякомъ случаѣ не повліяло на восторженное отношеніе широкой публики къ этому блестящему беллетристу. Тогда БѢлинскій, въ 1840 году, усиливаетъ нападеніе: настоящую статью онъ предназначаетъ именно для самой „широкой публики“. „Съ статьи о Марлинскомъ — писалъ БѢлинскій Боткину (3 февр. 1840 г.) — пишу не для васъ и не для себя, а для публики“... И двѣ недѣли спустя снова повторяетъ въ письмѣ (отъ 18 февр.) къ тому же Боткину: „статья о Марлинскомъ тебѣ не понравится, но именно такіа-то статьи я и буду отнынѣ писать, потому что только такіа статьи и доступны и полезны для нашей публики“... Дѣйствительно, настоящая статья написана очень просто, общедоступно, съ несложными критическими приѣмами — и именно потому она и явилась въ высшей степени убѣдительною для самой широкой публики, которой были малодоступны болѣе

сложныя статьи БѢлинскаго, о которыхъ эта „публика“ пренебрежительно отзывалась: „тамъ такая все гиль, пичего не разберешь! Все о субъектахъ, да объектахъ толкуютъ. Философія съ ума свела!“ (письмо И. Панаева къ БѢлинскому отъ 11 окт. 1838 г.). Настоящая статья попала въ цѣль; и самъ БѢлинскій, безконечно далекій отъ всякаго хвастовства, считалъ ее въ послѣдствіи не послѣдней причиной быстрого паденія славы Марлинскаго въ сороковыхъ годахъ. „Въ концѣ прошлаго и началъ нынѣшняго десятилѣтія — писалъ БѢлинскій въ указанной выше рецензій 1848 года, намекая на настоящую статью — новая критика сдѣлала Марлинскому рѣшительный вызовъ; бой былъ непродолжителенъ: колоссальная слава, уже подрытая въ основаніи временемъ, разлетѣлась въ минуту“...

Только послѣ такой окончательной побѣды БѢлинскій могъ взглянуть на Бестужева-Марлинскаго съ полнымъ безпристрастіемъ. Въ 1840 году, въ эпоху настоящей статьи, БѢлинскій былъ увлеченъ борьбой и слишкомъ строго отнесся къ Марлинскому, какъ „идолу петербургскихъ чиновниковъ и образованныхъ лакеевъ“, какъ онъ писалъ Боткину (30 дек. 1840 г.); поэтому и настоящую статью БѢлинскаго въ послѣдствіи осуждали за недостатокъ „исторической точки зрѣнія“ на значеніе Бестужева въ русской литературѣ. Говорившіе такъ не замѣчали отсутствія исторической точки зрѣнія у самихъ себя, въ ихъ отношеніи къ настоящей статьѣ БѢлинскаго: нельзя исторически оцѣнивать то, что есть, съ чѣмъ ведешь борьбу. Но даже и въ этой статьѣ БѢлинскій подчеркивалъ необходимость исторической точки зрѣнія на литературу и одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ громадное значеніе Бестужева въ исторіи русской критики: „Марлинскій немного дѣйствовалъ, какъ критикъ, но много сдѣлалъ, — говоритъ БѢлинскій: — его заслуги въ этомъ отношеніи незабвенны и гораздо существеннѣе, чѣмъ достоинство его препрославленныхъ повѣстей, хотя о первыхъ никто не говоритъ, а отъ послѣднихъ всѣ безъ ума“. Это основное положеніе БѢлинскаго всецѣло сохраняетъ свою силу и для нашего времени, несмотря на строго-историческое отношеніе къ Марлинскому и его повѣстямъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ настоящей статьи БѢлинскій мимоходомъ (въ статьѣ о сочиненіяхъ Дениса Давыдова, см. ниже № 25) еще разъ коснулся значенія Марлинскаго въ русской литературѣ. Марлинскій, — говоритъ онъ тамъ — „очень примѣчательное лицо въ исторіи нашей литературы... Его сочиненія принесли великую пользу тѣмъ, что уничтожили въ глазахъ публики всякую цѣну прежняго

направленія въ романѣ и повѣсти, сдѣлавъ ихъ смѣшными и пошлыми... Если повѣсти Марлинскаго теперь, будучи изданы вторично (первое, неполное изданіе появилось еще въ 1832—1834 гг.,—*И.-Р.*), имѣли такой блестящій успѣхъ, то какой же восторгъ производили онѣ своею новостію и оригинальностію, какое движеніе и какую жизнь давали нашей литературѣ и нашей публикѣ! Эта мысль, вмѣстѣ съ постояннымъ мнѣніемъ Бѣлинскаго о *псевдо-романтизмѣ* произведеній Бестужева—исчерпывается, въ сущности, всю позднѣйшую „историческую“ точку зрѣнія на этого писателя.

„Идолъ петербургскихъ чиновниковъ“—говоритъ Бѣлинскій о Бестужевѣ; Бѣлинскій же, какъ мы знаемъ, опредѣлялъ Бенедиктова, какъ поэта „среднихъ кружковъ бюрократическаго народонаселенія Петербурга“ (см. выше стр. 168). Эти опредѣленія тождественны и безусловно справедливы; но тутъ же надо подчеркнуть и громадную разницу въ значеніи Бенедиктова и Марлинскаго: первый выступилъ со своей взвинченной и шумящей поэзіей *послѣ* Пушкина, а второй, съ такими же внѣшне блестящими повѣстями—*прежде* Гоголя. Оттого-то историческое значеніе поэзіи Бенедиктова совершенно отрицательно и ничтожно, а Марлинскій въ исторіи русской повѣсти имѣетъ хотя и небольшое, но положительное значеніе. Отсылаемъ читателей къ подробной монографіи Н. Котляревскаго „А. А. Бестужевъ“ (въ книгѣ „Декабристы“, стр. 105—416; см. также книгу И. Замотина „Романтический идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30-хъ годовъ XIX столѣтія“, стр. 162—268; подробную библіографію см. въ „Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ“ С. А. Венгрова, т. III, стр. 147—177); въ указанной монографіи читатели найдутъ между прочимъ характеристику повѣстей Бестужева-Марлинскаго и оцѣнку ихъ историческаго значенія, какъ подготовленія къ повѣстямъ Гоголя. Это отмѣтилъ еще Бѣлинскій въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“, называя Марлинскаго „первымъ нашимъ повѣствователемъ“, „творцомъ или, лучше сказать, зачинщикомъ русской повѣсти“, продолжателемъ которой былъ Гоголь (см. выше стр. 129 и 142). Но Бѣлинскій же отмѣтилъ (въ рецензіи 1848 года) и то обстоятельство, что именно появленіе Гоголя нанесло страшный ударъ всей „марлиновщинѣ“ и что именно съ этихъ поръ „Марлинскій, доселѣ шедшій, повидимому, впереди всѣхъ, вдругъ очутился назади“.

Причины этого, помимо размѣра дарованій Гоголя и Марлинскаго, лежатъ и въ характерѣ ихъ талантовъ. Гоголь былъ родо-

начальникомъ „натуральной школы“, величайшимъ представителемъ художественнаго реализма; Бестужевъ-Марлинскій хотѣлъ быть представителемъ „романтической“ школы, но былъ только представителемъ того *псевдо-романтизма*, по выраженію Бѣлинскаго, который царилъ въ русской литературѣ двадцатыхъ годовъ. И въ этомъ—причина художественной второстепенности произведеній Бестужева-Марлинскаго, и это—чутко замѣтилъ Бѣлинскій еще въ началѣ своей критической дѣятельности. Онъ замѣтилъ въ повѣстяхъ Марлинскаго зерна реализма, но зерна заглушенные придуманностью, намѣренностью, мертвой схематичностью этихъ повѣстей; но въ то же время произведенія Марлинскаго, по вѣрному замѣчанію Бѣлинскаго, вовсе не принадлежали и къ области „романтизма“ („идеальной поэзіи“—по тогдашнему выраженію Бѣлинскаго). Повѣсти Марлинскаго, говорилъ Бѣлинскій, не романтизмъ, ибо „въ нихъ нѣтъ глубокости мысли, пламени чувства, нѣтъ лиризма, а если и есть всего этого понемногу, то напряженное и преувеличенное насильственнымъ усиленіемъ, что доказывается даже самою черезчуръ цвѣтистою фразеологіею, которая никогда не бываетъ слѣдствіемъ глубокаго, страдательнаго и энергическаго чувства“ (см. выше стр. 130). Этотъ *псевдо-романтизмъ* Марлинскаго былъ крайне характернымъ и для его творчества, и для всей эпохи двадцатыхъ годовъ, и Бѣлинскій былъ глубоко правъ, заканчивая свою рецензію 1848 года о Марлинскомъ указаніемъ на то, что „его сочиненія останутся навсегда любопытнымъ памятникомъ той литературной эпохи, которая такъ рѣзко отразилась въ нихъ“. И въ настоящей статьѣ проводится по существу та основная точка зрѣнія на Марлинскаго, которую мы намѣтили выше; это дѣлаетъ настоящую статью Бѣлинскаго сохраняющей все свое значеніе до нашихъ дней. Не говоримъ уже о той громадной роли, которую она сыграла въ свое время, время преклоненія передъ Марлинскимъ, и которую съ законной гордостью вспоминалъ впоследствии, какъ мы видѣли, самъ Бѣлинскій.

Настоящая статья, подобно другимъ статьямъ Бѣлинскаго 1839—1840 г. въ „Отеч. Запискахъ“, затронула цѣлый рядъ вопросовъ, которые Бѣлинскій намѣренъ былъ развивать въ своихъ дальнѣйшихъ статьяхъ (см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 18). Въ настоящей статьѣ снова намѣчается историческій взглядъ на литературу, затрагивается вопросъ о „міровомъ“ значеніи русской литературы, о значеніи народной поэзіи: все это вопросы, которые Бѣлинскій будетъ разрабатывать въ послѣ-

дующихъ статьяхъ 1840 — 41 года; первая страницы настоящей статьи являются какъ бы предисловіемъ къ написанному черезъ годъ обзору „Русская литература въ 1840 году“,

который явился какъ бы сводкой всѣхъ мнѣній Бѣлинскаго, напечатанныхъ за этотъ первый годъ его сотрудничества въ „Отечественныхъ Запискахъ“. И.-Р.

Давно уже критика сдѣлалась потребностью нашей публики. Ни одинъ журналъ или газета не можетъ существовать безъ отдѣла критики и библіографіи; эти страницы разрѣзываются и пробѣгаются нетерпѣливыми читателями даже прежде повѣстей, безъ которыхъ никакое періодическое изданіе не можетъ держаться и при самой критикѣ ¹⁾. Что означаетъ это явленіе? — Отвѣчаемъ утвердительно: оно есть живое свидѣтельство, что въ нашей литературѣ настаетъ эпоха сознанія. „Но“, скажутъ намъ, „предметъ сознанія есть явленіе, и потому всякое явленіе предшествуетъ сознанію, а всякое сознаніе есть, такъ сказать, слѣдствіе явленія; что же мы будемъ сознать? Неужели наша литература такъ богата, что мы уже доходимъ до необходимости перечитать, переимѣнить и переименовать ея сокровища? Неужели мы столько насладились ея избытками, что для насъ наступаетъ уже время другого наслажденія—сознанія перваго наслажденія? И когда же успѣла совершить свой кругъ эта юная литература, которая еще только въ недавно-прошедшемъ 1839 году переступила за столѣтіе своей жизни?“ ²⁾. Чтобы отвѣчать на такое возраженіе, должно предварительно условиться въ значеніи слова „литература“. Прежде всего подъ „литературою“ разумѣется письменность народа, весь кругъ его умственной дѣятельности, отъ народной пѣсни, перваго младенческаго лепета поэзіи, до художественныхъ созданій — этихъ зрѣлыхъ плодовъ творчества, достигшаго полнаго своего развитія; отъ глубокаго ученаго сочиненія до легкой газетной статьи или брошюрки объ устройствѣ овиновъ или объ истребленіи таракановъ. Потомъ подъ „литературою“ разумѣютъ собственно поэтическія произведенія, наконецъ — все легкое, служащее къ забавѣ и развлеченію, и доступное даже профанамъ въ наукѣ и искусствѣ. Но во всякомъ случаѣ и во всѣхъ этихъ значеніяхъ литература есть сознаніе народа, цвѣтъ и плодъ его духовной жизни. Теперь спрашивается: подходит ли русская литература подъ всѣ сіи опредѣленія, или подъ которое-нибудь изъ нихъ исключительно? — Отвѣчаемъ — да, за исключеніемъ, впрочемъ, стороны соб-

ственно ученой. Россія еще не успѣла обнаружить самостоятельной дѣятельности на поприщѣ науки, но обнаруживаетъ только живое стремленіе къ знанію и живую понятливость ученика. Однакожъ и здѣсь найдется нѣсколько блестящихъ исключеній, особенно въ литературѣ математики, естествознанія, путешествій, гордящейся не однимъ блестящимъ русскимъ именемъ. И какъ понятно, что наша ученая дѣятельность могла положительно проявляться только въ знаніяхъ точныхъ, а не въ умозрительныхъ: первая во всякое время имѣютъ свою безотносительную истину; вторыя же Россія застала въ эпоху усиленнаго и быстрого движенія, когда онѣ въ одно десятилѣтіе переживали столѣтія. Укажемъ только на теорію искусства: до двадцатыхъ годовъ въ нашей литературѣ царствовалъ французскій классицизмъ, а съ этого времени одни заговорили о трактатѣ Канта „о высокомъ и прекрасномъ“, другіе о братьяхъ Шлегеляхъ, объ Астѣ, а нѣкоторые и о Шеллингѣ; но, говоря о нихъ, они не понимали другъ друга, ни даже самихъ себя; ихъ — неприготовленныхъ, застигъ сильный переворотъ въ идеяхъ, развившихся въ Германіи исторически, а къ намъ перешедшихъ въ какомъ-то пестромъ безпорядкѣ. И потому эти господа не знали, на чемъ остановиться, на что опереться, что принять за основное и непреходящее, ибо что вчера считалось утвержденнымъ и новымъ, то завтра объявлялось у нихъ опровергнутымъ и устарѣвшимъ. И до сихъ поръ еще относительно теоріи искусства царствуетъ въ нашей литературѣ какой-то хаосъ; одни требуютъ критики, основанной на разумныхъ и, такъ сказать, апріорныхъ началахъ искусства, въ ихъ современномъ состояніи; другіе, сознавъ свое безсиліе достигнуть въ этомъ стремленіи какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ, снова обратились къ произвольной французской эстетикѣ, и, съ грѣхомъ пополамъ, перебиваются старою рухлядью, которую нѣкогда сами рвали и истребляли во имя новаго, плохо ими понятаго. Les beaux esprits se rencontrent, — и потому эти послѣдніе подали руку тѣмъ самымъ, которыхъ нѣкогда учили для обнаруженія истины, тѣмъ самымъ, которые требуютъ исключительнаго господства своихъ бѣдненькихъ мнѣній, совершенно чуждыхъ искусству, но вдвойнѣ для нихъ пріятныхъ и выгодныхъ — какъ потому, что

¹⁾ Это — обычное отношеніе Бѣлинскаго къ критикѣ и библіографіи; см., напр., выше стр. 420—421 и мн. др. мѣста въ послѣдующихъ статьяхъ.

²⁾ См. примѣчаніе на стр. 59—60 настоящаго тома.

эти „мнѣнія“ по плечу ихъ ограниченности, и удерживаютъ за ними вліяніе надъ толпою, такъ и потому, что эти „мнѣнія“ доставляютъ имъ на счетъ толпы существенную пользу. И вотъ примирившіеся, соединившіеся и понявшіе другъ друга новые друзья, застигнутые врасплохъ потокомъ новыхъ идей, хотятъ непонятное для ихъ ограниченности выставить за непонятное для всѣхъ, выдавая его за искаженіе языка, которому они будто бы оказали великія, хотя и никому неизвѣстныя услуги¹⁾. Какъ же тутъ явиться какому-нибудь ученому сочиненію по части теоріи искусства?—Надо, чтобы сперва установилось броженіе идей и очистился эстетическій вкусъ публики; а для этого надо, чтобы пошлыя и торговыя мнѣнія объ искусствѣ замѣнились „мыслями“ объ искусствѣ; чтобы литературные промышленники, объявляющіе законы искусства своею благонамѣренностію и усердіемъ въ пользѣ „почтеннѣйшей“ публики, уступили мѣсто тѣмъ, которые говорятъ объ искусствѣ потому, что любятъ и понимаютъ его; чтобы устарѣвшія идеи заклеились печатію общаго отверженія, а отсталые враги всего, въ чемъ есть жизнь, движеніе, сила и достоинство, потеряли всякое вліяніе даже надъ чернію общества, на которую одну опирается теперь ихъ шаткій авторитетъ. Это можетъ сдѣлать только *критика* при посредствѣ журнала, основаннаго съ чисто литературною и ученою, а не торговою цѣлію, и поддерживаемаго участіемъ людей благородномыслящихъ и даровитыхъ, а не литературныхъ спекулянтовъ, во всю жизнь подвизавшихся на заднемъ дворѣ литературы и на кредитъ пользующихся извѣстностію „отлично-умныхъ людей“ и „отличнѣйшихъ сочинителей“. Тогда можно будетъ подумать и о наукообразномъ сознаніи законовъ искусства.

То же зрѣлище представляетъ и наша историческая литература. Карамзинъ былъ полнымъ выраженіемъ установившихся и вполнѣ опредѣлившихся идей своего времени, и потому его „Исторія Государства Россійскаго“ есть твореніе зрѣлое, монументъ прочный и великій, хотя и начатый скромно, безъ криковъ, безъ униженія своихъ предшественниковъ, даже безъ штукмейстерскаго объявленія о подпискѣ. Такъ какъ твореніе Карамзина было плодомъ глубокаго изученія историческихъ источниковъ, основательнаго и отличнаго по тому времени образованія,—твореніе таланта великаго, труда добросовѣстнаго и безкорыстнаго, совершавшагося въ священной тишинѣ кабинета, далекаго

отъ всѣхъ литературныхъ рынковъ, на которыхъ издаются пышныя программы и забираются съ довѣрчивой публики деньги на *не-написанныя* сочиненія во многихъ томахъ, то „Исторія Государства Россійскаго“ съ каждымъ томомъ являлась созданіемъ болѣе зрѣлымъ, болѣе глубокимъ, болѣе великимъ, и если осталась недоконченною, то единственно по причинѣ смерти своего благороднаго творца, а не потому, чтобы у него не стало силъ на исполинскій подвигъ, или чтобы имъ впередъ взяты были деньги съ подписчиковъ, привлеченныхъ программой. Но послѣ Карамзина чтò явилось сколько-нибудь примѣчательнаго въ нашей исторической литературѣ? Развѣ какая-нибудь пышная программа о подпискѣ на какую-нибудь небывалую исторію въ восемнадцати томахъ?.. Или, вмѣсто этихъ *восемнадцати, семь* томовъ „высшихъ взглядовъ“, изложенныхъ дурнымъ языкомъ и высокопарными фразами безъ всякаго содержанія, однимъ словомъ—бездарная и, часто, безграмотная парафразировка великаго труда Карамзина, нещадно разруганнаго, при сей вѣрной оказіи, въ выноскахъ, занимающихъ половину каждой страницы?..¹⁾ Конечно, были другія попытки, болѣе благородныя и болѣе удачныя, но въ меньшемъ размѣрѣ, и нисколько не приближающіяся ни своимъ назначеніемъ, ни своимъ достоинствомъ къ бессмертному творенію Карамзина. А между тѣмъ великій трудъ Карамзина, какъ и всякій великій трудъ, отнюдь не отрицаетъ ни необходимости, ни возможности другого великаго труда въ этомъ родѣ, который такъ же бы удовлетворилъ своему времени, какъ его трудъ своему. Но этотъ новый трудъ будетъ возможенъ тогда только, когда новыя историческія *идеи* перестанутъ быть *мнѣніями* и *взглядами*, хотя бы и „высшими“, сдѣлаются наукообразнымъ сознаніемъ исторіи какъ науки, словомъ—*философіею исторіи*...

Не такова была судьба нашей поэзіи, потому что и вездѣ не такова судьба поэзіи. Наука есть плодъ умственного развитія народа, плодъ его цивилизаціи, результатъ сознательныхъ усилій со стороны людей, которые ей посвящаютъ себя; тогда какъ поэзія есть прямое, непосредственное сознаніе народа. У народа нѣтъ еще письма, нѣтъ даже слова для выраженія идеи искусства, но есть уже искусство—*народная поэзія*. И даже тогда, какъ народъ уже вышелъ изъ состоянія безсознательности, и поэзія его, изъ *непосредственной* или *народной*, сдѣлалась

¹⁾ Бѣлинскій имѣетъ здѣсь въ виду Полевого, Булгарина, Греча и чтенія послѣдняго „О русскомъ языкѣ“—см. выше наше примѣчаніе на стр. 551-ой

¹⁾ Опять выпадъ противъ Полевого и объявленной имъ восемнадцати-томной „Исторіи русскаго народа“, которой вышло всего семь томовъ.

художественною или общею, міровою въ самой своей національности,—и тогда ея ходъ независимъ отъ хода науки. Такъ, поэзія Англичанъ, народа положительнаго и эмпирическаго по своему національному духу, совершенно чуждаго философіи (какъ безусловнаго знанія),—поэзія Англичанъ не видитъ равной себѣ ни у одного изъ новѣйшихъ народовъ, даже у самыхъ Нѣмцевъ, и по праву можетъ стать на-ряду, какъ равная съ равною, съ поэзією древнихъ Грековъ. Въ Греціи Платонъ явился тогда, какъ уже Гомеръ давно сдѣлался миѳическимъ лицомъ, и когда самая драматическая поэзія совершила уже полный свой кругъ: Шекспиръ явился въ Англіи, не дожидаясь Шеллинговъ и Гегелей. Самая германская поэзія, идущая объ руку съ философією, выигрывая отъ того въ содержаніи, часто теряетъ въ формѣ, превращаясь въ какое-то поэтическое развитіе философскихъ идей и впадая въ символистику и аллегоріку. Вслѣдствіе этой общей независимости творчества отъ науки, и наша поэзія успѣла совершить такой великій и блестящій кругъ развитія, пока наука едва успѣла сдѣлать только нѣсколько неровныхъ порывовъ къ движенію...

Да, мы уже имѣемъ поэзію, которою смѣло можемъ соперничествовать съ поэзією всѣхъ народовъ Европы. „Но возможно ли“, возразятъ намъ: „чтобы въ какія-нибудь столѣтія наша поэзія могла стать на такую неизмѣримую высоту?“ — Прежде, нежели отвѣтимъ на этотъ вопросъ, попросимъ тѣхъ, кому угодно будетъ его сдѣлать, отвѣтить намъ на нашъ вопросъ: какимъ образомъ, въ продолженіе едва-ли не полутора столѣтій наше отечество изъ государства, едва извѣстнаго въ Европѣ, тѣснимаго и раздражаемаго и Крымцами, и Поляками, и Шведами, сдѣлалось могущественнѣйшею монархією въ мірѣ, приняло въ свою исполинскую корпорацію и отторгнутую отъ нея родную ей Малороссію, и враждебный Крымъ, и родственную Бѣлороссію, и прибалтійскія шведскія области, и отодвинуло свое владычество за древній Араратъ? Какимъ образомъ въ столь короткое время, не имѣя печатнаго букваря, приобрѣло оно себѣ литературу, успѣло переимѣнить даже азіатскіе нравы на европейскіе, такъ что о временахъ Митрофанушекъ и Скотининыхъ вспоминаетъ теперь, какъ о чемъ-то бывшемъ тысяча лѣтъ тому назадъ?.. Мы думаемъ, что причина этого дивнаго явленія заключается въ глубинѣ и могуществѣ духа народа, въ сокровенномъ источникѣ его внутренней жизни, который горячимъ ключомъ бьетъ во внѣшность. Для духа нѣтъ условій времени, когда настанетъ минута его пробужденія.

Это доказываетъ и богатая германская литература (мы разумѣемъ собственно изицную), которая началась почти вмѣстѣ съ нашею, и еще такъ недавно утратила своего полного и великаго представителя—Гёте. Французская же литература, въ XVII столѣтіи отпраздновавшая свой первый золотой вѣкъ, представителями котораго были Корнель, Расинъ и Мольеръ,—въ XVIII—своей второй золотой вѣкъ, представителемъ котораго былъ Вольтеръ съ энциклопедическимъ причетомъ, а въ XIX—своей третій вѣкъ, *романтический*,—теперь отъ нечего дѣлать поетъ вѣчную память всѣмъ тремъ своимъ золотымъ вѣкамъ, какъ-то невзначай разсматривая, что всѣ они были не настоящаго, а сусальнаго золота... Слѣдовательно, вопросъ не во времени нашей поэзіи, а въ ея дѣйствительности. Здѣсь мы не войдемъ ни въ подробности, ни въ объясненія, ни въ доказательства, которыя отвлекли бы насъ только отъ предмета статьи, и прямо выговоримъ наше убѣжденіе, предоставляя себѣ въ будущемъ оправдать его дѣйствительность критикою. Наша народная или *непосредственная* поэзія не уступитъ въ богатствѣ ни одному народу въ мірѣ, и только ждетъ трудолюбивыхъ дѣятелей, которые собрали бы ея сокровища, таящіяся въ памяти народа. Не говоря уже о пѣсняхъ,—одишь сборникъ народныхъ рапсодій, извѣстный подъ именемъ „Древнихъ стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ“, есть живое свидѣтельство обильной творческой производительности, которою одарена наша народная фантазія. Между тѣмъ наша художественная поэзія, въ созданіяхъ Пушкина, стала на-ряду съ поэзією всѣхъ вѣковъ и народовъ. Историческое ея развитіе блещитъ великими именами мощнаго Державина, народнаго Крылова, романтическаго Жуковскаго, пластическаго Батюшкова, юмористическаго Грибоѣдова, бессмертнаго переводчика „Иліады“ Гомера—Гнѣдича. Такъ какъ литература не есть явленіе случайное, но вышедшее изъ необходимыхъ внутреннихъ причинъ, то она и должна развиваться исторически, какъ нѣчто живое и органическое, непонятное въ своихъ частностяхъ, но понятное только въ хронологической полнотѣ и цѣлости своихъ процессовъ: съ этой точки зрѣнія не только важны въ исторіи нашей поэзіи имена такихъ, болѣе или менѣе блестящихъ и сильныхъ талантовъ, каковы Ломоносовъ, Фонвизинъ, Хемницеръ, Капнистъ, Карамзинъ (какъ стихотворецъ и романистъ), Мерзляковъ, Озеровъ, Дмитріевъ, кн. Вяземскій, Глинка (О. Н.), Хомяковъ, Баратынскій, Языковъ, Давыдовъ (Денисъ), Дельвигъ, Полежаевъ, Козловъ, Вронченко, Кольцовъ, Нарѣжный, Загоскинъ, Даль (ка-

закъ Луганскій), Основьяненко, Александровъ (Дурова), Вельтманъ, Лажечниковъ, Павловъ (Н. Ф.), кн. Одоевскій и другіе, но даже и ошибавшихся въ своемъ призваніи тружениковъ, каковы: Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ, Княжнинъ, Богдановичъ и пр.—Объяснимся.

Разсматривая литературу какого бы то ни было народа, невозможно отдѣлить ея развитіе отъ развитія общества. Это особенно должно относиться къ русской литературѣ, если вспомнимъ, что она явилась у насъ вслѣдствіе нашего сближенія съ Европою, какъ *нововведеніе*. Посему, мало было того, чтобы явился поэтъ: сперва нужно, чтобы было для кого явиться ему, чтобы были люди, которые уже слышали и кое-какъ понимали, что за человѣкъ—поэтъ. И вотъ, является какой-нибудь „профессоръ элоквенціи, а наипаче хитростей піитическихъ“, Василій Кирилловичъ Тредіаковскій, и пишетъ піимы и разныя стихословныя штуки; его понимаютъ, онъ нравится, и многіе уже имѣютъ идею *піиты*. Потомъ является Александръ Петровичъ Сумароковъ, російскій Расинъ, Лафонтенъ, Мольеръ и *Вольтеръ*: и общество узнаетъ, что такое ода, элегія, эклога, трагедія, комедія, *слезная* драма, что такое театръ, и все это начинаетъ включать въ число своихъ забавъ.

Херасковъ—нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни
брани,
Россіи торжество, паденіе Казани,—

растолковываетъ, что такое „героическая поэма“. Общество благоговѣтъ передъ Ломоносовымъ, но больше читаетъ Сумарокова и Хераскова: они понятнѣе для него, болѣе по плечу ему. Является Державинъ, и всѣ признаютъ его первымъ и величайшимъ русскимъ поэтомъ, не переставая, впрочемъ, восхищаться и Сумароковымъ, и Херасковымъ, и Петровымъ. Но у общества есть уже на счетъ Державина какая-то задушевная мысль, есть къ нему какое-то особенное чувство, которое часто находится въ прямой противоположности съ сознаніемъ: Херасковъ написалъ двѣ преобладающія „героическія піимы“ (родъ, считавшійся вѣнцомъ поэзіи), слѣдственно, Херасковъ выше Державина, пишущаго небольшія пьесы; но со всѣмъ тѣмъ, отъ имени Державина вѣяло какимъ-то особеннымъ и таинственнымъ значеніемъ. Въ драматической поэзіи Княжнинъ довершаетъ дѣло Сумарокова и приготовляетъ обществу—Озерова. Первые два холодно удивляли общество: Озеровъ трогалъ и заставлялъ его плакать сладкими слезами эстетическаго восторга и умиленія,—и потому въ немъ думали видѣть великаго генія, а въ его сантиментально-реторическихъ тра-

гедіяхъ—торжество поэзіи. Явился Жуковский: одни увидѣли въ его поэзіи новый міръ, и жизнь души и сердца, и таинство поэзіи, другіе—талантливаго стихотворца, увлекающагося подражаніемъ уродливымъ образцамъ эстетическаго безвкусія Нѣмцевъ и Англичанъ. Батюшковъ больше Жуковского по плечу, потому что называлъ себя классикомъ и подражалъ великимъ и малымъ писателямъ французской литературы. Но молодое поколѣніе не *видѣло*, но *чувствовало* въ немъ, какъ и въ Жуковскомъ, уже нѣчто другое, именно намекъ на истинную поэзію. Время невидимо работало. Старики уже начинали надоедать. Мерзляковъ нанесъ первый ударъ Хераскову, и хотя онъ же восхищался Сумароковымъ, но сего піиту уже давно не читали, а развѣ только подсмѣивались надъ нимъ. Тѣмъ не менѣе, такіе люди, какъ Сумароковъ, Херасковъ и Петровъ, достойны уважительнаго вниманія и даже изученія, какъ лица историческія. Если они не имѣли ни искры положительнаго таланта поэзіи, они имѣли несомнѣнное дарованіе версификаторовъ—достоинство, теперь ничтожное, но тогда очень важное. Образованіемъ своимъ они были несравненно выше своихъ современниковъ и показали имъ новыя умственные области. Нѣтъ усилія, который былъ бы незаслуженнымъ; нѣтъ авторитета, который бы не основывался на силѣ, а эти люди пользовались удивленіемъ, восторгомъ и поклоненіемъ отъ своихъ современниковъ и, хотя недолго, даже и потомства. Ихъ читали и перечитывали, ихъ называли образцами для подражанія, законодателями вкуса, жрецами изящнаго. Но главная и дѣйствительная заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они отрицательно доказали положительную истину: черезъ нихъ понять былъ Державинъ такъ же, какъ потомъ черезъ Державина были они поняты, хотя онъ оказалъ имъ этимъ и совсѣмъ другого рода услугу, чѣмъ они ему. Они приготовили Державину читателей, публику, которая безсознательно, но скоро поняла, что онъ выше ихъ, а потомъ, сравнивая его съ ними, постепенно доходила до сознанія, что чѣмъ болѣе онъ истинный поэтъ, тѣмъ болѣе они—лже-поэты. Да, люди, подобные Сумарокову, Хераскову, Петрову, Княжнину, Богдановичу, необходимы въ историческомъ развитіи литературы, какъ писатели, отрицательно дѣйствующіе на сознаніе общества въ сферѣ положительной истины. Много было въ ихъ время поэтовъ, написавшихъ цѣлыя томы, какъ, напр. Станевичъ, Николаевъ, Сушковъ и подобные имъ; но ихъ имена забыты, какъ случайности, тогда какъ имена Сумарокова, Хераскова, Петрова, Княжнина, Богдановича навсегда останутся въ исторіи русской ли-

тературы и будутъ достойны уваженія и изученія. Каждый изъ нихъ—лицо типическое, выражающее общую идею, подъ которую подходит цѣлый рядъ родовыхъ явленій.

Къ числу такихъ-то примѣчательныхъ и важныхъ въ литературномъ развитіи отрицательныхъ дѣятелей принадлежитъ и Марлинскій. Его разница съ ними и его превосходство надъ ними, конечно, много состоитъ и въ степени дарованія, по которому его невозможно и сравнивать съ ними, но много заключается и въ чисто внѣшнихъ причинахъ. Тѣ были русскіе классики, отличавшіеся отъ своихъ образцовъ—французскихъ классиковъ, школьною тяжеловатостію въ выраженіи, искусственнымъ, а потому неправильнымъ и дурнымъ языкомъ:—Марлинскій явился на поприще литературы тѣмъ самымъ, что называлось тогда *романтизмомъ*. Какъ Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ, Богдановичъ и Княжнинъ хлопотали изъ всѣхъ силъ, чтобы отдалиться отъ дѣйствительности и естественности въ изобрѣтеніи и слогѣ,—такъ Марлинскій всѣми силами старался приблизиться къ тому и другому. Тѣ избирали для своихъ снотворныхъ пѣснопѣній только героевъ, историческихъ и мифологическихъ, этотъ — людей; тѣ почитали для себя за униженіе говорить живымъ языкомъ и поставляли себѣ за честь выражаться языкомъ школьнымъ: этотъ силился подслушать живую общественную рѣчь и, во имя ея, раздвинуть предѣлы литературнаго языка. Посему очень понятно, что тѣхъ теперь никто не станетъ читать, кромѣ серьезно изучающихъ отечественную литературу, а Марлинскій еще долго будетъ имѣть читателей и почитателей.

Появленіе Марлинскаго на поприщѣ литературы было ознаменовано блестящимъ успѣхомъ. Въ немъ думали видѣть Пушкина прозы. Его повѣсть сдѣлалась самою надежною приманкою для подписчиковъ на журналы и для покупателей альманаховъ, и только одинъ журналъ ¹⁾, какъ бы осужденный злосчастною судьбою на паденіе, не могъ воскреснуть отъ помѣщеннаго въ немъ „Фрегата Надежды“... Но когда появились въ „Телеграфѣ“ его „Искуситель“ и „Аммалать-Бекъ“, — слава его дошла до своего *plus ultra*. Общій голосъ рѣшилъ, что онъ великій поэтъ, геній перваго разряда, и что нѣтъ ему соперниковъ въ русской литературѣ. Журналисты громкими фразами подкрѣпляли мнѣніе толпы; но никому изъ нихъ не приходило въ голову поговорить о Марлинскомъ въ отдѣльной статьѣ, хотя они въ длинныхъ статьяхъ разсуждали вкось и вкривь о многихъ писателяхъ, и не столь,

по ихъ мнѣнію, великихъ и важныхъ. Такая огромная слава на кредитъ, такой громадный авторитетъ на честное слово не могли стоять твердо и неизбежно. Часть публики явно отложила отъ предмета общаго удивленія. Въ нѣкоторыхъ журналахъ стали промелькивать фразы, то робкія, то рѣзкія, то косвенныя, то прямыя, въ которыхъ выражалось то сомнѣніе въ геніальности Марлинскаго, то положительное отрицаніе въ немъ всякаго таланта. Наконецъ дѣло дошло до того, что тѣ же самые, которые первые провозгласили его геніемъ первой величины, начали, въ неизбѣжныхъ случаяхъ, отзываться о немъ уже не столько громко, даже нерѣшительно и какъ можно короче, какъ будто мимоходомъ. Но и тѣ, которые поневолѣ должны видѣть въ Марлинскомъ высшую творческую силу вслѣдствіе обширности и глубокости своего эстетическаго *чутья*, за отсутствіемъ *чувства*,—даже и они начинаютъ упрекать его въ излишней игривости и пѣнистой шипучести языка, которая породила неудачныхъ подражателей, искажающихъ русскій языкъ. Впрочемъ, сіи послѣдніе, несмотря на то, не перестаютъ повторять, въ похвалу отставнаго генія, свои и чужія громкія фразы, тѣмъ болѣе, что онъ уже не можетъ мѣшать имъ въ сбытѣ ихъ товара, но еще можетъ служить имъ орудіемъ для униженія истинныхъ талантовъ, *забавно пишущихъ и вѣрно списывающихъ съ натуры* ¹⁾. Между тѣмъ, подражатели Марлинскаго доходятъ до послѣдней крайности, изображая дикимъ и надутымъ языкомъ разныя сильныя ощущенія, и тѣмъ самымъ уясняютъ вопросъ совсѣмъ не въ пользу своего образа.

Но это излишество похвалъ, это множество подражателей, самое излишество порицаній—все несомнѣнно доказываетъ, что Марлинскій — явленіе примѣчательное въ литературѣ, выходящее изъ колеи пошлой обыкновенности. Изъ сего противорѣчія, естественно, вытекаетъ необходимость — опредѣлить значеніе и цѣнность его, какъ писателя, указать въ литературѣ его истинное мѣсто. Постараемся же рѣшить этотъ вопросъ, основываясь не на произволѣ личнаго „мнѣнія“, которое чаще всего бываетъ личнымъ „предубѣжденіемъ“, но опираясь на здравый смыслъ и эстетическое чувство нашихъ читателей, и такимъ образомъ не себѣ, а имъ предоставляя право суда.

Марлинскій принадлежитъ къ числу тѣхъ литераторовъ, которые явились на литературное поприще какъ враги классицизма и поборники романтизма. Вслѣдствіе этого онъ дѣйствовалъ не только какъ романистъ

¹⁾ „Сынъ Отечества“ Греча.

¹⁾ Слова Полевого о Гоголѣ.

или пувелисть, но и какъ критикъ. Въ XI части его „Сочинений“ помѣщены его годовые отчеты за литературу 1823, 1824 и частью 1825 годовъ, очеркъ исторіи древней и новой литературы до 1825 года, и разборъ романа г. Полевого „Клятва при Гробѣ Господнемъ“. Не знаемъ почему, но только эти статьи въ полномъ собраніи сочиненій Марлинскаго названы *полемическими*, тогда какъ въ нихъ нѣтъ и тѣни полемики: въ нихъ авторъ ни на кого не нападаетъ, и ни съ кѣмъ не споритъ, а положительно высказываетъ свои понятія о литературѣ вообще и произведеніяхъ отечественной словесности. Равнымъ образомъ, не понимаемъ, почему въ это полное собраніе не внесены истинно-полемическія статьи Марлинскаго, разсѣяныя по книжкамъ „Сына Отечества“ двадцатыхъ годовъ, и крайне интересныя, какъ факты интереснѣйшаго времени нашей литературы, времени, въ которое началась война покойника классицизма съ теперешнимъ покойникомъ романтизмомъ. Эти полемическія статейки Марлинскаго были его журнальными схватками съ тогдашними литературными старовѣрами и отличаются вѣрностію взгляда на предметы, остроуміемъ и живостію. Вообще Марлинскому, какъ критику, литература наша многимъ обязана. Это было важною заслугою съ его стороны, заслугою, которая теперь забыта самими его поклонниками, и которую намъ тѣмъ пріятнѣе выставить на видъ. Въ своихъ погодныхъ и по-полугодныхъ обзорѣніяхъ литературы, имѣвшихъ въ двадцатыхъ годахъ такой успѣхъ, Марлинскій не отличается глубокимъ взглядомъ на искусство, не представляетъ о немъ ни одной глубокой идеи, но почти вездѣ обнаруживаетъ эстетическое чувство и вѣрный вкусъ человѣка умнаго и образованнаго. Всѣ они отличаются языкомъ по тому времени совершенно новымъ, чуждымъ большею частью изысканности и вычурности, полнымъ жизни, движенія, выразительности, оборотами новыми и смѣлыми, игривыми, живописными, образными. Конечно, въ этихъ „обзорѣніяхъ“ часто встрѣчаются похвалы такимъ сочиненіямъ и такимъ „сочинителямъ“, имена которыхъ теперь сдѣлались допотопными, ископаемыми рѣдкостями; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ встрѣчаются и чистыя отставки заржавѣвшимъ и заплѣсне-вѣвшимъ знаменитостямъ того времени, и истинныя оцѣнки старыхъ и новыхъ талантовъ, особенно Державина, Жуковскаго и Пушкина. Надо знать и помнить критику того времени, чтобы оцѣнить подобныя характеристики, въ которыхъ Марлинскій изобразилъ этихъ мощныхъ представителей нашей поэзіи. Вспомните привѣтствія, которыми онъ, напримѣръ, встрѣтилъ появленіе

„Московского Телеграфа“ и которыми въ немногихъ словахъ такъ рѣзко и вѣрно охарактеризовалъ и начало, и середину, и конецъ этого изданія: „Въ Москвѣ явился двухнедѣльный журналъ „Телеграфъ“, изд. г. Полевымъ. Онъ заключаетъ въ себѣ все, извѣщаетъ и судитъ обо всемъ, начиная отъ безконечно-малыхъ въ математикѣ до пѣтушкихъ гребешковъ въ соусѣ или до бантиковъ на новомодныхъ башмачкахъ. Неровный слогъ, самоувѣренность въ сужденіяхъ, рѣзкій тонъ въ приговорахъ, вездѣ охота учить и частое пристрастіе — вотъ знаки сего телеграфа, а „смѣлымъ Богъ владѣтъ“ — его девизъ“ (стр. 203).

Въ критической статьѣ о „Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ“ Марлинскій является уже совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ къ ея автору. Эта статья была написана въ 1833 году, а въ восемь лѣтъ много воды утекло: удивительно ли, что два автора, критиковавшіе сочиненія одинъ другого, поняли другъ друга, къ обоюдной пользѣ, по пословицѣ: „рука руку моетъ — обѣ чисты“?... Во всякомъ случаѣ, эта статья весьма примѣчательна¹⁾. Критикъ начинаетъ съ яиць Леды, уцѣпляется за неизбѣжный въ то время *классицизмъ* и *романтизмъ*, садится на пароходъ *Джонъ-Булъ* и везетъ своихъ читателей въ Индію, оттуда (сухимъ путемъ) въ Персію, заѣзжаетъ мимоходомъ въ Аравію и Египетъ, оттуда ѣдетъ (моремъ) въ Грецію, которую онъ понимаетъ довольно поверхностно — съ телеграфской точки зрѣнія; изъ Греціи отправляется въ Римъ, и изъ Рима — прямо въ средніе вѣка. Тутъ идутъ толки о баронахъ и вассалахъ, о крестовыхъ походахъ, о менестреляхъ, наконецъ, о Шекспирѣ, о Вальтерѣ Скоттѣ, Куперѣ, Байронѣ, *Викторѣ Гюго*, который, по мнѣнію критика, знаетъ чело-вѣческую природу не хуже Шекспира (!!...) и гораздо лучше Эсхила и Софокла (!!...); далѣе толкуется о XVIII и XIX вѣкахъ и о Наполеонѣ, а изъ всего этого выходитъ, что мы — *романтики*, и что г. Полевой — великій романтикъ и еще большій романистъ (!!...). Ложная идея ложнаго романтизма до того овладѣла нашимъ *романтическимъ* критикомъ, что у него и Державинъ романтикъ, и Карамзинъ, и Вельтманъ, словомъ, все талантливое, даровитое, все — романтики. Романтизмъ въ глазахъ Марлинскаго есть альфа и омега истины, краеугольный камень міра, ключъ ко всякой мудрости, рѣшеніе всего и на землѣ и подъ землею, причина всѣхъ причинъ, начало всѣхъ началъ, разгадка всевозможныхъ загадокъ, отъ бородавки на носу старушки до тайной думы генія. Вслѣдствіе всего этого,

¹⁾ Объ этой статьѣ см. выше стр. 17.

въ статьѣ довольно софизмовъ и произвольныхъ, ни на чемъ неоснованныхъ мѣній. Въ слогѣ мѣстами колетъ глаза читателю вычурность. Особенно замѣтно желаніе шутить, которое проявляется иногда тамъ, гдѣ, кромѣ журналовъ, издающихся только для шутки, никто еще не шутилъ. Вотъ образчикъ такой натянутой и нимало не остроумной шутливости: „И вотъ мы въ Греціи, въ странѣ боговъ, подобныхъ людямъ, въ странѣ богоподобныхъ мужей! Я увѣренъ, что этотъ salto mortale не удивитъ васъ: *развѣ не учились вы прыгать въ манежѣ?* Что касается до меня, вы сами видите, что я *вольтижирую на конькѣ своемъ не хуже Франкони сына*“ (т. XI, стр. 264). И эта неумѣстная и невеселая шутка замѣшалась въ страницу, блестящую дѣльными мыслями и прекраснымъ языкомъ... Или, напримѣръ, какъ вамъ покажется вотъ еще эта милая шуточка: „Исторія была всегда, совершалась всегда. Но она ходила сперва неслышно, *будто кошка*, подкрадывалась невзначай, какъ тать (*и справедливо, и остроумно!*). Она *буянила* и прежде“ и пр. (стр. 254). Но вмѣстѣ съ этими мыслями незрѣлыми, поверхностными и ложными, при этой неострой шутливости, при этихъ вычурныхъ фразахъ, при этомъ явномъ пристрастіи къ пріятельскому издѣлію, — сколько въ этой статьѣ свѣтлыхъ мыслей, вѣрныхъ замѣтокъ, сколько страницъ и мѣстъ, горящихъ, сіяющихъ, блещущихъ живымъ, увлекательнымъ краснорѣчіемъ, рѣзкими, многозначительными, хотя и краткими очерками, брилліантовымъ языкомъ! сколько истиннаго остроумія, неподдѣльной игривости ума! Такъ, напримѣръ, сколько правды высказалъ Марлинскій о „Самозванцѣ“ и „Петрѣ Выжигинѣ“ г. Булгарина! Въ первомъ, говоритъ онъ, авторъ изобразилъ „не Русь, а газетную Россію“ и „натянуть тамъ, гдѣ дѣло идетъ на чувства, на сильныя вспышки страстей“, что въ немъ „характеръ Годунова очерненъ, характеръ Самозванца не выдержанъ, а государственные люди черезчуръ просты и трусливы“; что авторъ „слишкомъ романизировалъ похождения своего героя, и прибѣгъ къ чудесному, очень уже изношенному, заставилъ колдунью пророчить Годунову самымъ пошлымъ образомъ надъ змѣями и жабами, которыхъ (между нами будь сказано) не найти въ мартѣ мѣсяцѣ ни за какія деньги“; что „въ „Петрѣ Выжигинѣ“ историческая часть вовсе чахотна“, что „увѣрять, что Наполеонъ пошелъ въ Россію, обманутый Коленкуромъ, будто его примутъ съ отверстыми объятіями, можно было въ 1812 году, не позже; да и тогда этимъ слухамъ вѣрили только въ гостинномъ дворѣ“; что „Наполеонъ занимаетъ въ „Выжигинѣ“ больше

мѣста, чѣмъ самъ герой повѣсти“ и пр. (стр. 317—318). При вѣрности взгляда какая удивительная память у критика: онъ не только прочелъ романы г. Булгарина — даже упомянулъ, о чемъ и какъ въ нихъ разсказывается... Затѣмъ слѣдуютъ очень остроумныя оцѣнки романовъ гг. Загоскина и Лажечникова, которые, однакожъ, по пріязни къ автору „Клятвы“, онъ ставитъ ниже этого, разумѣется, неоконченнаго произведенія. Сколько критическаго такта и вотъ въ этихъ немногихъ словахъ: „Я не поставлю Державина на одну доску съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, потому что первый изумилъ всѣхъ подобно кометѣ, но исчезъ въ пучинѣ воздуха безъ слѣда; а два послѣдніе были двигателями нашей словесности и затаврили своимъ духомъ цѣлыя табуны подражателей!“ (стр. 310). Посмотрите, сколько вѣрности во взглядѣ и игривости въ выраженіи въ этомъ краткомъ очеркѣ французскаго классицизма: „Зажмурьте глаза, и вы не узнаете, кто говоритъ: Оросманъ или Альзира, китайская сирота или камеръ-юнкеръ Людовика XIV. Малютку-природу, которая имѣла неисправимое несчастіе быть недворянкою — по приговору академіи вы проводили за заставу, какъ потаскушку. А здравый смыслъ, точно бѣдный проситель, съ трепетомъ держался за ручку дверей, между тѣмъ какъ швейцаръ-классикъ павлинился передъ нимъ своею ливреею и преважно говорилъ ему: „приди завтра!“ И какъ долго не пришло это завтра, а все оттого, что Французы нашли Божій свѣтъ слишкомъ площаднымъ для себя, а живой разговоръ слишкомъ простонароднымъ, и вздумали *украшать природу, облагородить, установить языкъ!* И стали нелѣпы оттого, что черезчуръ умничали“ (стр. 263). Это было сказано и доказано назадъ тому семь лѣтъ, а между тѣмъ люди, живущіе заднимъ умомъ, по уставу того времени, когда даже и они слыли за умниковъ, и теперь приходятъ въ ужасъ отъ выраженія, что Корнель, Расинъ, Буало, Вольтеръ, Кребилльонъ, Дюсисъ и пр. — *поэтическіе уроды!*... Хотъ бы Марлинскаго-то перечитывали эти почтенные флистеры въ плисовыхъ сапогахъ и вязаныхъ колпакахъ!... Чтобы помочь слабости ихъ памяти и другихъ способностей, выпишемъ для нихъ и еще нѣсколько строкъ изъ этой статьи Марлинскаго: „Ломая алтари, Франція не тронула точеныхъ ходулей классицизма: она отреклась вѣры и осталась вѣрна преданіямъ Баттѣ, стихамъ Делиля, такъ что, когда русскій казакъ сѣлъ на даровое мѣсто въ Одеонѣ, въ 1814 году, онъ зѣвалъ отъ тѣхъ же длинныхъ, длинныхъ монологовъ, отъ которыхъ зѣвать изволилъ Людовикъ XIV, съ тою только разницею, что ре-

волюціонеръ Тальма осмѣлился не *пѣть*, а *говорить* стихи, проглатывать цезуры и ходить *по-человѣчески*, а не *гусинымъ шагомъ*" (стр. 296). Сколько вѣрности во взглядѣ и игривости въ выраженіи вотъ и въ этой характеристикѣ одной части русскаго народа: „Матеріальная Европа хлынула на Россію, когда Петръ Великій сломалъ стѣну, ихъ дѣлившую, но вѣку Петра некогда было заниматься словесностію: его поэзія проявлялась въ подвигахъ, не въ словахъ. Долгое бездѣйствіе пало на Русь съ кончиною его кипучей дѣятельности, а въ часъ досуга русскій баринъ любилъ чужестранныя сказки; онъ искони отличался необыкновенною уступчивостію своихъ нравовъ, необыкновенною пріемлемостію чужихъ. Онъ пилъ кумысъ съ ханами Золотой Орды; онъ носилъ контушъ при самозванцѣ. За бороду, правда, онъ спорилъ долго, будто-бъ она приросла у него къ сердцу; но разъ въ мундирѣ, онъ грудью полѣзъ въ Нѣмцы" (стр. 299—300). Отъ страницы 323 до 333 авторъ съ неподражаемою оригинальнію основательно и вѣрно говоритъ о національных элементахъ русскаго романа, о родныхъ стихіяхъ, жизни русскаго народа, у котораго, по его словамъ: „каждое слово завиткомъ и послѣдняя копейка ребромъ". При оцѣнкѣ самого романа, занимающей едва-ли десятую часть статьи, критикъ, по всему видно, болѣе руководился личными отношеніями къ автору-пріятелю, чѣмъ истиною, и потому въ этой длинной и скучной повѣсти видитъ міровое, или, говоря его понятіями, *романтическое* произведеніе. Еще не приступая къ оцѣнкѣ романа г. Полевого, онъ оцѣнилъ его *недоконченную* „Исторію Русскаго Народа". Какъ рѣдкій образчикъ пріятельской критики, выписываемъ эту диковинную оцѣнку: „Полевой издалъ 3 тома своей „Исторіи Русскаго Народа". То уже не былъ златопернатый разсказъ Карамзина, но повѣствованіе пернатое свѣтлыми идеями (*ужъ по-длинно—свѣтлыми: отъ блеска ихъ часто и смысла не видишь!*...). Не изъ толпы и не съ приходской колокольни (*а вѣрно съ телеграфной каланчи?*...) смотрѣлъ онъ на торжественный ходъ вѣковъ, но съ выси горъ (*а!*...). Взоръ его проникалъ въ сердце народовъ, обнималъ все ристалище човѣчества" и проч. Но еще не этимъ оканчивается пріятельская критика — послушайте далѣе: „Полевой отвѣчалъ новыми услугами за новыя насмѣшки. Ему вспало на умъ: *досказать* русскую *исторію* — *повѣстью*... Вслѣдствіе этого онъ написалъ сперва повѣсть „Симеонъ Кирдяпа", и теперь „Клятву при Гробѣ Господнемъ, русскую быль XV вѣка..." Эврика! эврика! Вотъ открытіе-то! Новое, важное открытіе! Вѣдь недоконченная „Исто-

рія Русскаго Народа" г. Полевого докончена: „Симеонъ Кирдяпа" и „Клятва при Гробѣ Господнемъ" суть не что иное, какъ ея послѣдніе томы,—тѣ самые, которые были обѣщаны публикѣ нашимъ историкомъ, въ числѣ восемнадцати, но которые, впрочемъ, продавались отдѣльно!... Господа подписчики на *восемнадцать* томовъ „Исторіи Русскаго Народа", получившіе ея только *семь* томовъ! купите „Клятву при Гробѣ Господнемъ", выдерите изъ „Телеграфа" „Симеона Кирдяпу", да и переплетите ихъ подъ одинъ переплетъ съ семью томами исторіи — вотъ вы и съ концомъ... Не поспкуитесь: „Клятва" стоитъ недорого—гораздо дешевле „Исторіи Русскаго Народа", за которую вы или отцы ваши заплатили впередъ деньги!...

Но наша оцѣнка Марлинскаго, какъ критика, кончена. Выведемъ итогъ изъ всего сказаннаго нами, — а мы, какъ читатели сами могутъ видѣть, говорили не *мнѣніями*, а *фактами*, и, выставяя на видъ ошибки и пристрастіе, не скрывали отъ нихъ, а прямо выставяли на видъ и блестящія, истинныя стороны разбираемаго нами автора. Оставляя въ сторонѣ ложность или поверхностность многихъ мыслей, заключающихся въ неизбѣжныхъ условіяхъ времени, — мы не будемъ обвинять за нихъ Марлинскаго, тѣмъ болѣе, что ни самъ онъ и никто другой не думалъ выдавать ихъ за непреложныя; пройдемъ молчаніемъ неудачныя и неумѣстныя претензіи на остроуміе и оригинальность выраженія; но скажемъ, что многія свѣтлыя мысли, часто обнаруживающееся вѣрное чувство изящнаго, и все это, высказанное живо, пламенно, увлекательно, оригинально и остроумно, составляютъ неотъемлемую и важную заслугу Марлинскаго русской литературѣ и литературному образованію русскаго общества. Не забудемъ также, что онъ былъ первый, сказавшій въ нашей литературѣ много новаго, такъ что все, писавшееся потомъ въ „Телеграфѣ", было повтореніемъ уже сказаннаго имъ въ его литературныхъ обзрѣніяхъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служить его примѣчательная и, — несмотря на отсутствіе внутренней связи и послѣдовательности, на неумѣстность толковъ о всякой всячинѣ, неидущей къ дѣлу, несмотря на множество софизмовъ и явное пристрастіе, — прекрасная статья о „Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ": „Телеграфъ" во все время своего существованія ни на одну іоту не сказалъ больше сказаннаго Марлинскимъ, и только развѣ отсталъ отъ него, обратившись къ устарѣвшимъ мнѣніямъ, которыя прежде самъ преслѣдовалъ. Да, Марлинскій немного дѣйствовалъ, какъ критикъ, но много сдѣлалъ, — его заслуги въ этомъ отношеніи незабвенны и го-

раздо существиѣ, чѣмъ достоинство его препрославленныхъ повѣстей, хотя о первыхъ никто не говоритъ, а отъ послѣднихъ всѣ безъ ума. — Перейдемъ же къ этимъ повѣстямъ...

Художественны ли повѣсти Марлинскаго, т.-е. принадлежать ли онѣ къ произведеніямъ искусства, или только къ произведеніямъ литературы? Надобно напередъ сказать, что мы полагаемъ большую разность не только между художественнымъ и литературнымъ произведеніемъ, но и художественнымъ и поэтическимъ: литературное произведение можетъ быть и поэтическимъ, а поэтическое — и художественнымъ; но есть произведенія литературы, которыхъ нельзя назвать ни поэтическими, ни художественными ¹⁾. Вѣдь и „Танька, разбойница растокпнская или Царскіе Терема“, и „Черная Желтица“, и разныя „поѣздки“ и „прогулки“, и „Похожденія англійскаго Милорда“, и „Похожденія Совѣтскаго большаго носа“ — все это, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ литературѣ, но не имѣетъ никакого отношенія къ искусству. Мы не будемъ ни опредѣлять значенія слова „художественность“, ни подробно разсматривать его, а въ короткихъ словахъ опишемъ признаки „художественности“.

Художественное произведение рѣдко поражаетъ душу читателя сильнымъ впечатлѣніемъ съ перваго раза: чаще оно требуетъ, чтобы въ него постепенно вглядывались и вдумывались; оно открывается не вдругъ, такъ что чѣмъ больше его перечитываешь, тѣмъ дальше углубляешься въ его организацію, уловляешь новыя, незамѣченныя прежде черты, открываешь новыя красоты, и тѣмъ больше ими наслаждаешься. Прогрессъ этого разумѣнія и наслажденія нѣтъ предѣловъ, нѣтъ границъ: онъ безконеченъ... Все, истинно-художественное недоступно маѣ и толпѣ, какъ все, что ей не по плечу: оно доступно только немногимъ, но избраннымъ, — и когда время сдѣлаетъ свое дѣло, упрямительно рѣшивъ вопросъ о великости художника, толпа съ голоса этихъ избранныхъ кричитъ о его геніальности, но понимаетъ его такъ же плохо, какъ и при его появленіи... Кто теперь не убѣжденъ въ громадностъ генія Шекспира, и много ли людей предъутъ его драму какому-нибудь водевилю, и пустой и ничтожной мелодрамѣ, списанной изъ чувствительныхъ эффектовъ?... Когда Пушкинъ явился въ свѣтъ съ „Русланомъ и Людмилою“, „Кавказскимъ Пльнотомъ“, первою главою „Онегина“, съ „Аннею Шенъ“,

„Наполеономъ“, посланіемъ къ „Овидію“, къ „Лицинію“ и другими дѣйствительно поэтическими, но не художественными произведеніями, — масса публики увидѣла въ немъ генія первой величины, а когда онъ представилъ ей „Полтаву“, „Бориса Годунова“ и „Онегина“, какъ цѣлое художественное созданіе, а уже не сказку о томъ и о сѣмъ, — масса публики рѣшила, что Пушкинъ палъ... И между первыми его произведеніями дѣйствительно поэтическими, доставившими ему такой огромный успѣхъ, многіе ли и теперь еще замѣтили и оцѣнили его истинно художественныя подражанія древнимъ и Корану?... Все, что нехудожественно, но по намѣренію автора должно относиться къ искусству, съ перваго раза производитъ самое рѣзкое и сильное впечатлѣніе, бросаясь въ глаза и раздражая зрительный нервъ густотою и яркостію красокъ. Такія мнимо художественныя произведенія скорѣе всего захватываютъ вниманіе массы, увлекаая ихъ своею доступностію, которая возможна даже для ограниченности и невѣжества. Все рѣзкое, блестящее, особенно если оно къ тому же и ново, хотя бы было и странно, и дико оригинально, имѣетъ, при своемъ началѣ, великій успѣхъ въ толпѣ, и часто увлекаетъ даже и людей съ эстетическимъ чувствомъ, но чувствомъ, невозвысившимся чрезъ развитіе, чрезъ изученіе до эстетическаго вкуса. Однакожь рано или поздно — истина всегда беретъ свое: ей помогаетъ время, этотъ великій и непогрѣшительный критикъ. Если у человѣка есть хоть нѣсколько эстетическаго чувства, — произведение, восхищавшее его при каждомъ повторительномъ чтеніи, все болѣе и болѣе теряетъ цѣну въ глазахъ его, и наконецъ наскучаетъ ему и дѣлается противно. Сама толпа приглядывается къ нему — и лишь только явится ей другая новостъ въ этомъ родѣ, она сперва, по привычкѣ и по преданію, будетъ еще, зѣвая, превозносить его, а потомъ и совсѣмъ забудетъ, кинувшись на новинку. Итакъ, художественное произведение открывается не вдругъ, а постепенно: чѣмъ болѣе его читаютъ, тѣмъ понятнѣе оно становится, и тѣмъ больше наслажденія доставляетъ, выигрывая такимъ образомъ съ теченіемъ времени, обновляясь и юнѣя отъ полноты лѣтъ, — между тѣмъ какъ мнимохудожественныя произведенія, часто ослѣпляя своею новостію и приобрятая отъ этого всеобщій и громкій успѣхъ, все болѣе и болѣе блѣднѣютъ и тускнутъ отъ каждаго новаго чтенія, а наконецъ гибнутъ отъ старости, которую обыкновенно называютъ *устарѣlostію*. Вѣчность выносить на своихъ волнахъ только одно обще міровое и обще человѣческое, никогда непереходящее, но

¹⁾ См. выше статью № 12 и у вступительную замѣтку къ ней.

вѣчно юное, и топить въ бездонной пропасти своей все частное и ограниченное условіями обстоятельствъ и требованіями мѣстности и современности...

Истинно художественное произведеніе всегда поражаетъ читателя своею истинною, естественностію, вѣрностію, дѣйствительностію, до того, что, читая его, вы безсознательно, но глубоко убѣждены, что все, рассказываемое или представляемое въ немъ, происходило именно такъ, и совершиться иначе никакъ не могло. Когда вы его окончите, — изображенныя въ немъ лица стоятъ передъ вами какъ живыя, во весь ростъ, со всѣми малѣйшими своими особенностями — съ лицомъ, съ голосомъ, съ поступью, съ своимъ образомъ мышленія; они навсегда и неизгладимо впечатлѣваются въ вашей памяти, такъ что вы никогда уже не забудете ихъ. Цѣлое пьесы обхватываетъ все существо ваше, проникаетъ его насквозь, а частности ея памятны и живы для васъ только по отношенію къ цѣлому. И чѣмъ больше читаете вы такое художественное созданіе, тѣмъ глубже, ближе и неразрывнѣе совершается въ васъ внутреннее и душевное освоеніе и сдруженіе съ нимъ. Простота есть необходимое условіе художественнаго произведенія, по своей сущности отрицающее всякое внѣшнее украшеніе, всякую изысканность. Простота есть красота истины, — и художественныя произведенія сильны ею, тогда какъ мнимо-художественныя часто гибнутъ отъ нея, и потому по необходимости прибѣгаютъ къ изысканности, запутанности и необыкновенности. Оттого-то, когда пылкій юноша прочтетъ художественное произведеніе, — онъ готовъ спросить себя: „почему онъ не написалъ его? вѣдь оно такъ просто и обыкновенно: кажется, только стоило бы присѣсть и написать“, — но мнимо-художественныя произведенія почти всегда съ перваго раза возбуждаютъ удивленіе: они кажутся такъ поразительно новы, такъ неподражаемо оригинальны, такъ высоко мудрены, — и юная, неопытная душа не смѣетъ и думать рѣшиться на подвигъ соперничества, и съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ смиряется въ сознаніи своего безсилія произвести что-нибудь подобное... Вотъ почему устарѣвшіе юноши или духовно малолѣтніе люди, вслѣдствіе бѣдности, мелкости и ограниченности своей натуры, къ тому же еще неразвитой ученіемъ и образованіемъ, видятъ, напримѣръ, въ Гоголѣ „забавнаго писателя, вѣрно списывающаго съ натуры“¹⁾ и какъ будто ставятъ ему это въ униженіе. Добрые люди, — они не понимаютъ, что

вѣрно списывать съ дѣйствительности невозможно, но можно вѣрно воспроизводить дѣйствительность силою творческаго духа, а то, что они называютъ на своемъ простонародномъ нарѣчій — *вѣрно списывать съ натуры*, значитъ вѣрно творить, и есть не недостатокъ, не порокъ, а высочайшее достоинство и необходимое условіе творческой силы въ поэтѣ. Въ искусствѣ все, невѣрное дѣйствительности, есть ложь и обличаетъ не талантъ, а бездарность. Искусство есть выраженіе истины, и только одна дѣйствительность есть высочайшая истина, а все внѣ ея, т.-е. всякая выдуманная какимъ-нибудь „сочинителемъ“ дѣйствительность есть ложь и клевета на истину...

Въ истинно художественномъ произведеніи всѣ образы новы, оригинальны, ни одинъ не повторяетъ другого, но каждый живетъ своею особою жизнію. Какъ бы ни были многочисленны и разнообразны творенія художника, — онъ ни въ одномъ изъ нихъ и ни одною чертою не повторитъ себя.

Разсмотрите повѣсти Марлинскаго на основаніи изложенныхъ нами мыслей о художественности въ искусствѣ: что выйдетъ?..

Основные стихіи повѣстей Марлинскаго, приписываемыя имъ общимъ голосомъ, суть — народность, остроуміе и живопись трагическихъ страстей и положеній. Посмотримъ, справедливо ли это, и если справедливо, то до какой степени. Начнемъ съ „Испытанія“ — первой повѣсти въ первомъ томѣ, и перелистнемъ ее. Повѣсть начинается описаніемъ гусарской пирушки на именинахъ эскадроннаго начальника Гремина. Разговоръ началъ *томиться*, и смѣхъ, *эта клепатрина жемчужина, растаявъ въ бокалахъ*. Изъ гостей, майоръ Стрѣлинскій завтра ѣдетъ въ Петербургъ, — хозяинъ вызываетъ его на тайное объясненіе и дѣлаетъ ему порученіе, по смыслу котораго названа и повѣсть.

„Послушай, Валеріанъ! — сказалъ ему Греминъ: — ты, я думаю, помнишь ту черноглазую даму, съ золотыми колосьями на головѣ, которая свела съ ума всю молодежь на балѣ у французскаго посланника три года тому назадъ, когда мы оба служили въ гвардіи.“

— Я скорѣе забуду, съ которой стороны садиться на лошады! — вспыхнувъ, отвѣчалъ Стрѣлинскій: — она цѣлыя двѣ ночи снилась мнѣ, и я въ честь ея проигралъ кучу денегъ на трефовой дамѣ, которая сроду мнѣ не рутировала. Однакожь страсть моя, какъ прилично благородному гусару, выкипѣла въ недѣлю, и съ тѣхъ поръ — но далѣе; ты былъ влюбленъ въ нее?

„*Былъ и есмь*. Подвиги мои на яву простирались далѣе твоихъ сновидѣній. Мнѣ отвѣчали взаимностію, меня ввели въ домъ ея мужа...“

— Такъ она замужемъ?

„По несчастью, да. *Разсчетливость родныхъ приковала ее къ живому трупу, къ ветхому надгробію челоуѣческаго и графскаго достоинства*.“

¹⁾ Слова о Гоголѣ Полевого, уже приведенныя выше.

Надо было покориться судьбѣ и *питаться искрами влассовъ и омытом надежды*. Но между тѣмъ какъ мы издыхали, семидесятилѣтній супругъ башлялъ — и наконецъ врачи посоветовали ему схватъ за границу, надеясь, вѣроятно, минеральными водами выцѣдить изъ его кошелька побольше золота.

— Да здравствуютъ воды! И готовъ помириться за это съ водой, хотя календарскій знакъ Водолея на столѣ вѣчно кидаетъ меня въ лихорадку. Поздравляю, поздравляю, *mon cher Nicolas*; разумѣется, дѣла твои пошли какъ нельзя лучше!..

„Вложи въ познны свои поздравленія. Старикъ взялъ ее съ собою.

— Съ собою? Ахъ онъ чудо-юдо! таскать по кислымъ ключамъ молодую жену, чтобы золотить ему нилюди — вмѣсто того, чтобы, остави ее въ столицѣ, украсить свое родословное дерево золотыми яблоками! Это *умерщвительное* незнаніе жить въ свѣтѣ.

„Скажи лучше, упрямство умереть кстати. Онъ воображалъ, постепенно разрушаясь, что обновить себя переменною мѣстѣ. При разлукѣ мы были неутѣшны и помѣнялись, какъ водится, кольцами и обѣтами неизмѣнной вѣрности. Съ первой станціи она писала ко мнѣ дважды; съ третьяго ночлега еще одно письмо; съ границы поручила одному встрѣчному знакомцу мнѣ кланяться, а съ тѣхъ поръ ни отъ ней, ни объ ней никакого извѣстія: словно въ воду канула!

— Ужели-жъ ты не писалъ къ ней? Любовь безъ глупостей на письмѣ и на дѣлѣ все равно, что разводъ безъ музыки. Бумага все терпитъ.

„Да я-то не терплю бумаги. Притомъ, куда бы мнѣ адресовать свои брандскугельныя посланія? *Витеръ плохой проводникъ для нѣжности, а животный магнетизмъ не открылъ мнѣ мѣста ея процвѣтанія*. Потомъ нѣныя заботы по службѣ и своимъ дѣламъ не давали мнѣ досуга заняться сердцемъ. Признаюсь тебѣ, я ужъ сталъ было забывать мою прекрасную Алину. *Время замѣчаетъ даже ядовитыя раны ненависти: мудрено ли жъ ему выдумать фосфорное пламя любви?* Но вчерашняя почта освѣжила вдругъ мою страсть и надежды. *Репетиловъ* въ числѣ столичныхъ новостей пишетъ мнѣ, что Алина возвратилась изъ-за границы въ Петербургъ — *мила, какъ сердце, и умна, какъ свѣтъ*, — что она *сверкаетъ звѣздой на модномъ горизонтѣ*, что уже дамы, несмотря на соперничество, переменяли у ней какой-то чудесный манеръ ридикюля, а мужчины выучились пришепывать, страхъ какъ пріятно. Однимъ словомъ, что начиная отъ нижняго этажа модныхъ магазиновъ, до вѣтрянаго чердака стихокронателей она привела у нихъ въ движеніе все иглы, языки и перья“.

— Тѣмъ хуже для тебя, любезный Николай! Память прежней привязанности никогда не бывала въ числѣ карманныхъ добродѣтелей у баловницъ большого свѣта.

„Въ этомъ-то все и дѣло, любезнѣйшій! Отлучка полкового командира привязала меня къ службѣ; между тѣмъ какъ я сижу здѣсь спянемъ, она, можетъ, измѣняетъ мнѣ. Сомнѣніе для меня тяжеле самой неблагоприятной извѣстности. Послушай, Валеріанъ! я тебя знаю давно, и люблю тебя такъ же давно, какъ знаю. Коротко и просто: *испытай вѣрность Алины*. Ты молодъ и богатъ; ты милъ и ловокъ — однимъ словомъ, никто лучше тебя не умѣетъ проиграть деньги по расчету и выиграть сердце безумною пылкостью. Дай слово — и съ Богомъ!“

А, такъ вотъ въ чемъ дѣло, и вотъ что значить — „испытаніе“! Разумѣется, Стрѣлинскій отговаривается, а наконецъ согла-

шается — и ѣдетъ. Разумѣется, что Стрѣлинскій знакомится съ Алиною Александровною Звѣздицъ, сначала волочится за нею по порученію друга, потомъ влюбляется въ нее по-уши, самую высокою *платоническою* страстію, равно какъ и она въ него. Разумѣется, Гремивъ приходитъ въ бѣшенство, узнавъ о ихъ близкой свадьбѣ, пріѣзжаетъ, объясняется съ нимъ; они говорятъ другъ другу оскорбительныя остроты и условиваются о мѣстѣ *рокового* поединка. Разумѣется, что Гремивъ, пріѣхавъ на объясненіе къ Стрѣлинскому, увидѣлъ его *прелестную и невинную* сестру, которой онъ послалъ съ братомъ поклонъ въ своемъ дружескомъ съ нимъ разговорѣ, невыписанномъ нами до конца, длинноты его ради. Разумѣется, Гремивъ влюбился въ нее, а она влюбилась въ него, смекнула о дуэли и, какъ ангель-примиритель, во-время явилась на мѣстѣ поединка, — и повѣсть заключилась двумя свадьбами. Въ произведеніяхъ такого рода по началу можно знать и середину и конецъ, потому что въ такихъ произведеніяхъ все — общія мѣста и истертыя пружины. Итакъ, оставимъ въ сторонѣ подробный разборъ повѣсти, и вмѣсто него сдѣлаемъ читателю нѣсколько вопросовъ.

Выписанное нами изъ повѣсти мѣсто есть введеніе въ повѣсть; авторъ васъ знакомитъ съ ея дѣйствующими лицами, и ихъ разговоромъ завязываетъ интригу повѣсти. Спрашиваемъ: если Стрѣлинскій былъ задушевнымъ другомъ Гремину, такъ что тотъ почиталъ себя въ правѣ сдѣлать ему такое порученіе, — то зачѣмъ же онъ, въ самую минуту порученія, сталъ рассказывать ему о своей любви? Неужели его другъ не зналъ о ней прежде? Да для того, — отвѣчаемъ мы же сами, — чтобы читатели узнали, въ чемъ дѣло; только въ художественныхъ созданіяхъ лица знакомятъ себя читателю дѣйствіемъ, а не рассказами о себѣ въ родѣ слѣдующихъ: „характеръ у меня такой-то, отъ рода имѣю столько-то лѣтъ, влюбленъ въ такую-то, и вотъ какъ это случилось“. Спрашиваемъ: каково бы ни было чувство мужчины, если только въ немъ человѣческая душа и человѣческое сердце, — во всякомъ случаѣ не должно ли въ его чувствѣ непременно быть хотя сколько-нибудь этого дѣвственнаго цѣломудрія, вслѣдствіе уваженія и къ себѣ и къ достоинству женщины, этого дѣвственнаго цѣломудрія, которое открываетъ свою задушевную тайну нехотя, робко, говоритъ о ней не прямо, а какъ бы намеками, немногословно, а отрывисто, не громко, а тихо, какъ бы боясь, чтобы его не подслушали самыя стѣны? Такъ ли объяснялся объ этомъ щекотливомъ предметѣ Гремивъ?... Боже мой, сколько въ его словахъ претензій

на остроуміе, которое отъ этого самого такъ натянуто! И это ли языкъ чувства, весь склеенный изъ азбучныхъ афоризмовъ, ходячихъ сентенцій и остротъ, вычитанныхъ изъ плохихъ романовъ! Какая въ разговорѣ Гремينا безсердечность, холодность! Какое отсутствіе всякой естественности! И чтò похожего на истину въ самомъ порученіи! Оно гораздо приличнѣе школьникамъ, недавно вышедшимъ изъ пансіона, чѣмъ удалымъ и храбрымъ гусарамъ. Когда вы прочитываете этотъ разговоръ,—западетъ ли вамъ въ душу хотя одно слово изъ него? останется ли въ вашей памяти одна черта этихъ двухъ безличныхъ лицъ и безхарактерныхъ характеровъ?..

А подробности, а краски повѣсти?.. У насъ нѣтъ ни мѣста, ни времени, ни охоты выписывать, напримѣръ, *остроумное* описаніе Сѣнной Площади наканунѣ Рождества, гдѣ „ощипанные гуси, забывъ капитолійскую гордость, словно выглядываютъ изъ воевъ, ожидая покупателя, чтобы у него погрѣться на вертелѣ; цѣлыя племена свиней всѣхъ поколѣній, на всѣхъ четырехъ ногахъ и съ загнутыми хвостиками, впервые послушные дисциплинѣ, стройными рядами ждутъ ключницъ и дворецкихъ, чтобы у нихъ на запяткахъ совершить смиренный визитъ на поварню, и, кажется, съ гордостью любуясь своею бѣлизною, говорятъ вамъ: „я разительный примѣръ усовершенствованности природы: бывъ до смерти упрямъ и неопрятенъ, становлюсь эмблемою вкуса и чистоты, заслуживаю лавры на свои окорока, сохраняю платья вашимъ модникамъ и зубы вашимъ красавицамъ“ и прочее, и прочее. Все въ такомъ же родѣ—и о простосердечномъ баранѣ—*этой четвероногой идиотки*, и объ эгоистахъ телятахъ и т. д.; перечтите сами, и потомъ сами себѣ отдайте отчетъ, до какой степени все это замысловато, игриво, мило и смѣшно. Перечитывать и отдавать себѣ отчетъ въ перечитанномъ очень полезно: это избавляетъ отъ многихъ убѣжденій, составленныхъ по первому впечатлѣнію, рѣдко истинныхъ и поддерживаемыхъ привычкою, памятью, авторитетомъ, общимъ говоромъ. И потому совѣтуемъ вамъ и просимъ васъ повнимательнѣе заглянуть въ „Испытаніе“ отъ 34 до 46 страницы, чтобы спросить самихъ себя, до какой степени описанный въ нихъ разговоръ въ маскарадѣ *свѣтской* женщины съ *свѣтскимъ* мужчиною отличается „свѣтскостію“, и не выхваченъ ли онъ изъ того кружка общества, котораго свѣтскость есть болѣе или менѣе неудачное подражаніе „свѣтскости“?... Право, перечтите,—а мы, чтобы не утомлять васъ длинными выписками, ограничиваемся вотъ этими немногими строками:

„Вы мечтаете“—сказала графиня, возвращаясь на мѣсто.

—И мечтой моею на яву были—вы. Я любовался вами, прекрасная графиня, когда, склонивъ очи къ землѣ, будто озаряя порхающіе стопы свои, вы, казалось, готовы были улѣтѣть въ свою родину—въ небо!

Конечно, любезность близко граничитъ съ свѣтскостію, но ужъ, вѣроятно, любезность легкая и вдохновенная, какъ импровизація, простая и естественная, какъ салонный разговоръ, а не книжная, не взятая цѣликомъ на прокатъ изъ общихъ мѣстъ плохого романа. Есть разница между пѣхотнымъ прапорщикомъ-мечтателемъ, который слыветъ въ извѣстномъ кружку общества за образованнаго и начитаннаго *кавалера*, и говоритъ *барышнямъ* любезности, взятые на прокатъ изъ повѣстей Марлинскаго, и между блестящимъ гусаромъ, принадлежащимъ къ высшему кругу общества... А какъ вамъ покажутся подобныя фразы: „разговоръ склонился на летучія новости, которыми *всегда* *испещрена* *столичная атмосфера*“; „амуръ былъ настройщикомъ этого лада“; „между тѣмъ *очи* обоихъ вели столь сильный перекрестный огонь, что онъ не только имъ, но и стороннимъ могъ казаться *потѣшнымъ*“ (дѣйствительно *потѣшны*!); „возвратить *улитку* разговора на...“

Не знаю, какъ для васъ,—у всякаго свой вкусъ,—но для меня нѣтъ ничего въ мірѣ неслыханнѣе, какъ читать, въ повѣсти или драмѣ, вмѣсто *разговора*—*рѣчи*, изъ которыхъ спивались *поэтическими уродами* классическія трагедіи. Поэтъ берется изображать мнѣ людей не на трибунѣ, не на кафедрѣ, а въ домашнемъ быту ихъ частной жизни, передаетъ мнѣ разговоры, подслушанные имъ у нихъ въ комнатѣ, разговоры, часто оживляемые страстію, которая можетъ измѣнять и самый разговорный языкъ, но которая ни на минуту не должна лишать его разговорности и дѣлать тирадами изъ книгъ,—и я, вмѣсто этого, читаю рѣчи, составленные по правиламъ старинныхъ реторикъ. Согласитесь, что это просто невыносимо и перечтите въ „Испытаніи“ страницы 73—74 и 121—124: въ первомъ мѣстѣ молоденькая пансіонерка *по книжному* разсуждаетъ о Генрихѣ IV, „отцѣ и другѣ своихъ подданныхъ“, и о Петрѣ Великомъ, „скромномъ въ счастіи и непоколебимомъ въ бѣдѣ“—только видно, что она еще не успѣла забыть „Всеобщей Исторіи“ г. Кайданова! а во второмъ просто является героиню расиновской трагедіи. Послушайте: „Но знайте, князь Греминъ, *если рѣчь* *правды* и *природы* *недоступна душамъ*, воспитаннымъ кровавыми *предразсудками*, то вы не иначе достигнете до моего брата, какъ сквозь это сердце: не пожалѣвъ славы—я не пожалѣю жизни!“

Скажите, Бога ради, кто, когда и гдѣ говорить такимъ языкомъ? неужели это натура, дѣйствительность?..

Итакъ: ни характеровъ, ни лицъ, ни образовъ, ни истины положеній, ни правдоподобія въ интригѣ,—а между тѣмъ все-таки просвѣчиваетъ какой-то талантъ разсказа, иногда большое умѣніе блеснуть эффектомъ, и сказка, *въ первый разъ*, читается до конца, хотя и съ пропусками растянутыхъ мѣстъ и неидущихъ къ дѣлу вставокъ. Что-жъ—и то хорошо:

Для смазки и того довольно,
Коль слушаютъ ее безъ скуки, добро-
вольно;

Перейдемъ отъ „Испытанія“ къ „Фрегату Надеждѣ“ — повѣсти, пользующейся особенною знаменитостію и славой, и написанной гораздо съ большими претензіями на глубину и силу изображенныхъ въ ней страстей. Княгиня Вѣра*** пишетъ письма къ своей родственницѣ въ Москву, письма совершенно пансіонскія, безпрестанно блестящія фразами въ родѣ слѣдующихъ: „Я такъ пышно скучала, такъ разсѣянно грустила, такъ *неистово* радовалась, что ты бы сочла меня за Отаитянку на парижскомъ балѣ“; „вздутъ сравненіе до гиперболы“: „вплетать въ гирлянду разсказа кой-какіе вопросы“ и пр. Дѣло, какъ извѣстно всему читающему русскому міру, въ томъ, что Вѣра*** увидѣла на фрегатѣ „Надежда“ очень интереснаго капитана, котораго „одно слово, одинъ взглядъ двигали громаду корабля—*эту гениальную мысль, одѣтую въ дубъ и желѣзо, окриленную полотномъ*“, и извѣщаетъ о томъ свою пріятельницу, называя ее *милочкою, душечкою* и другими пансіонскими нѣжностями. Эта княгиня Вѣра*** не имѣетъ и признака того, что называется въ искусствѣ характеромъ. Она родная сестра всѣмъ женскимъ портретамъ, вышедшимъ изъ-подъ однообразнаго пера Марлинскаго. Впрочемъ, эта безхарактерность есть общій характеръ всей многочисленной семьи лицъ, выдуманныхъ Марлинскимъ, и мужчинъ и женщинъ: самъ ихъ сочинитель не могъ бы различить ихъ одно отъ другого даже по именамъ, а угадывалъ бы развѣ только по платью. Едва-едва можете вы догадываться, что хотѣлъ онъ изобразить въ томъ или другомъ лицѣ, а когда догадаетесь по его *описаніямъ* (а не *изображеніямъ*), то удивляетесь неглубокости ея взгляда на человѣческую природу, который никогда не проникалъ въ ея глубь, но всегда скользилъ по поверхности, зацѣпляясь только за ея неровности и рѣзкости. Во всѣхъ герояхъ и героиняхъ этого плодovitаго нувеллиста только резонерство и чувственность, но ни

малѣйшей тѣни чувства. Женщины его совершенно чужды того, что должно составлять идею, сущность, ореолъ, кроткое сіяніе ихъ пола; того, въ чемъ заключается и нѣжность, и мягкость ихъ чувства, при самой его глубокости и энергіи, при самой даже страстности,—и прелесть и грація ихъ плѣнительныхъ движеній, соединенныя съ благородствомъ и достоинствомъ, которыя, даже и беззащитныхъ, окружаютъ ихъ хранительнымъ эиромъ благоговѣнія, непонятною робостію и смущеніемъ, смиряющимъ самую дерзость и наглость; словомъ, того, почему женщина есть представительница на землѣ любви и красоты, и безъ чего она—не женщина: въ нихъ нѣтъ такъ называемой Нѣмцами *женственности* (Weiblichkeit)¹⁾. Всѣ мужчины его—какія-то отвлеченныя и безличныя олицетворенія бѣшеныхъ страстей фосфорической природы, чуждой всякой глубокости, неспособной возвыситься ни до какого чувства... Итакъ, княгиня Вѣра*** ни больше, ни меньше, какъ пансіонерка, рано начитавшаяся романовъ и потому фразерка въ поступкахъ и словахъ своихъ. Перечтите ея письма къ родственницѣ и найдите въ нихъ хотя слабый проблескъ чувства, хотя одну черту женскаго ума и характера. Нѣтъ, вмѣсто всего этого, вы увидите сатирическія выходки, натянутыя остроты противъ свѣта, фразы, какъ будто выбранныя изъ ученическихъ упражненій пансіонерки, и ни признака живого трепета юнаго и женственнаго сердца, радостно и весело откликающагося на всякое новое для него явленіе въ прекрасномъ Божіемъ мірѣ. Канониръ упалъ за бортъ въ море... но не бойтесь: его спасетъ храбрый капитанъ, вдохновенный любовію къ княгинѣ Вѣрѣ***, и онъ въ самомъ дѣлѣ бросился и чуть не утонулъ и самъ. Княгиня, какъ и слѣдуетъ героинѣ повѣсти, падаетъ въ обморокъ, и когда открываетъ глаза, передъ нею — *онъ*... Какая дѣтски-добродушная и, притомъ, устарѣвшая манера завязывать интригу романа и повѣсти! Но вотъ Правинъ на вечерѣ у княгини. Какъ морякъ, онъ не привыкъ къ свѣту, робокъ и застѣнчивъ: вошедъ въ залу, онъ смутился отъ уставленныхъ на него наглыхъ лорнетовъ; но когда—пишетъ онъ къ своему другу—„хозяйка, привставъ съ дивана, такъ ободрительно меня привѣтствовала, что душа моя распрямилась вдругъ... я гордо поднялъ голову, я окинулъ *всѣхъ свѣтлымъ окомъ*: что значила для меня невзгода (?) всѣхъ

¹⁾ „Женственность“, точно такъ же, какъ „призрачность“ и „разумность“—неологизмы, впервые введенные въ русскій литературный обиходъ Бѣлинскимъ (см. выше примѣчаніе Бѣлинскаго на стр. 607-ой). Слово „женственность“ попадалось намъ, кромѣ того, еще въ статьяхъ Шевырева.

пустоцветовъ и *пустозвоновъ* гостиней, когда я былъ уже обласканъ тою, чья единственно ласка дорога мнѣ! Онъ садится подлѣ книжки, окруженной гостями, и начинаетъ съ ней по книжному резонерствовать о постоянствѣ моряковъ и любви къ отечеству,—и всѣ приходятъ отъ него въ восторгъ, какъ будто салонъ допускаетъ и дѣльныя сужденія взрослыхъ людей, не только заученныя наизусть умствованія школьниковъ... Этимъ умнымъ ребенкомъ такъ восхитились, что кто-то называлъ его *морскимъ львомъ*, а *левъ*, на свѣтскомъ нарѣчьи, великое титуло; но вдругъ одинъ дипломатъ, думая, что „левъ“ не знаетъ по-французски, тогда какъ тотъ только изъ патріотизма говорилъ по-русски, сказалъ почти вслухъ: „Et cette fois il n'est pas si bête qu'il en a l'air“... Тогда нашъ романическій герой „бросилъ пожирающій взглядъ на наглеца, наклонился къ нему и вполголоса произнесъ (а не сказалъ — потому что всѣмъ извѣстно: *говорятъ* только въ низкомъ слогѣ, а въ высокомъ *произносятъ*): Si bon vous semble, mr., nous faisons notre assaut d'esprit demain à 10 heures passés. Libre à vous de choisir telle langue qu'il vous plaira—celles, de fer et de plomb y comprises. Vous me saurez gré, j'espère, de m'entendre vous dire en cinq langues européennes, que vous êtes un lache“. Итакъ, сперва резонерство, потомъ ссора, и наконецъ — драка: недоставало только за волосы... Прекрасное общество, истинный салонъ... Разумѣется, дипломатъ оказался на дуэли трусомъ, а Правинъ, порисовавшись и попѣтушившись передъ нимъ, оставилъ ему жизнь изъ одного презрѣнія... И вотъ мы уже прочли 73 страницы повѣсти, а повѣсти все еще нѣтъ: это пока только введеніе, растянутое донельзя неидущими къ дѣлу вставками и разсужденіями. Но главное уже сдѣлано, хотя и слишкомъ поздно: авторъ свелъ своихъ героевъ и поставилъ ихъ на короткую ногу другъ съ другомъ. Правинъ любить, да еще какъ любить! „Океанъ взлелѣялъ и сохранилъ его дѣвственное сердце, какъ многоцѣнную перлу—и его-то, за милый взглядъ, бросилъ онъ, подобно Клеопатрѣ, въ *укусъ страсти*!“ Вслѣдствіе этого, встрѣтившись съ княгиней въ Эрмитажѣ, онъ имѣлъ съ нею разговоръ, столько же длинный, сколько и страстный, произнесъ ей нѣсколько витѣватыхъ „рѣчей“, изъ которыхъ въ одной сравниваетъ свое сердце съ *Грановитой Палатой*, и говоритъ, что онъ будетъ всѣмъ, чѣмъ ни велитъ она ему быть—и поэтомъ, и музыкантомъ, и живописцемъ, и героемъ, а въ послѣднемъ случаѣ, *сожжетъ ея сердце лучами своей славы* (стр. 122). Затѣмъ они поцѣловались и расстались. И все это длинное дѣйствіе, занимающее *восемь* страницъ (118—

126), было разыграно въ *Эрмитажѣ*!.. Слѣдствіемъ этой правдоподобной и превосходной сцены было предлинное разсужденіе автора о любви, обнаруживающее его личный взглядъ на это чувство. Онъ называетъ *платонизмъ* (до пошлости изношенное слово!) *милымъ каплуномъ* и *Калліостро*, и совѣтуетъ дамамъ и юношамъ не слишкомъ довѣрять ему, чтобъ не „проснуться отъ угара съ *измятымъ чепчикомъ* и, можетъ быть, съ лишнимъ раскаяніемъ“ (стр. 129—136). Далѣе, на нѣсколькихъ страницахъ слѣдуютъ объясненія автора, почему то и другое въ его повѣсти случилось такъ, какъ случилось. Подобныя объясненія всегда бываютъ утомительны и скучны: они — вѣрное ручательство, что повѣсть не создана, а сшита на живую нитку. Въ творчествѣ дѣйствіе само за себя говоритъ и не нуждается въ объясненіяхъ поэта. Въ такой повѣсти или драмѣ говорятъ и дѣйствующія лица, но только не съ читателемъ, а другъ съ другомъ, и каждое для самого себя и за самого себя; но тогда-то читатель и понимаетъ ихъ. Прочтите „рѣчь“, которую произнесъ Правинъ своей Вѣрѣ на цѣлыхъ двухъ страницахъ (148—150), и спросите себя: говорится ли такъ въ дѣйствительности, и для себя, или для читателя продекламировалъ ее герой повѣсти? И есть ли въ этой „рѣчи“ хотя одно задушевное выраженіе — отголосокъ взволнованнаго чувства, которое говорило бы чувству? Вотъ нѣсколько строкъ для образчика этой „рѣчи“: „У меня доброе сердце—и можетъ ли быть злобно сердце, полное любовью, любовью къ тебѣ!!.. Зато у меня буйная кровь... у меня кровь — жидкій пламень: она *бичуетъ змѣями мое воображеніе*, она *палитъ молніями умъ*!.. Я ли виноватъ въ этомъ? Я ли создалъ себя? За каждую каплю твоихъ слезъ я бы готовъ отдать послѣднія *песчинки* моего бытія, *послѣднюю перлу* моего счастья! Да; нѣтъ мнѣ отнынѣ счастья! На одной *вѣткѣ распустились сердца наши* — вмѣстѣ должны-бъ они цвѣсть; но судьба разрываетъ, рознитъ насъ! Пускай же океанъ протечетъ между нами — онъ не зальетъ моей любви, лишь бы ты, ты, сокровище души моей, была невредима отъ этого пожара“. Скажите, ради самого Бога: неужели эти красивыя, щегольскія фразы, эта блестящая риторическая мишура есть голосъ чувства, изліяніе страсти, а не выраженіе затаеннаго желанія рисоваться, кокетничать своимъ чувствомъ, или своею страстію? И добро бы всѣ эти фразы были въ письмѣ, а то въ разговорѣ, въ монологѣ!.. Правинъ оставилъ передъ бурей свой фрегатъ, чтобы провести ночь въ объятіяхъ любви и наслажденія, а буря страшно разразилась громомъ и молніями и заставила его проговорить такую рѣчь:

„Ты моя! Вѣра моя! Что-жъ мнѣ нужны до всего остального — пускай гибнутъ люди, пускай весь свѣтъ разлетится въ дребезги! Я полному тебя надъ обломками и послѣдній вздохъ мой разрушится поцѣлуемъ!.. О, какъ пылки, какъ жгучи твои уста въ эту минуту, очаровательница!.. Знаешь ли, промолвилъ онъ тише, *сверкая и вращая очами, какъ опытный* (какая возмущающая душу и оскорбляющая чувство картина!) — ты должна любить меня, поклоняться мнѣ болѣе, чѣмъ когда-нибудь.. знаешь ли, что я богаче теперь Ротшильда, самовластѣе англійскаго короля, что я обладаю въ гибельную силу, какъ судьба? — Да, я могу сорить головами людей по своей прихоти, и за каждый твой поцѣлуй платить сотней жлзней — не жизнью враговъ — о, нѣтъ, это можетъ всякій разбойникъ. Это слишкомъ обыкновенно... нѣтъ, говорю тебѣ, я бросаю на вѣтеръ жизнь моихъ любимыхъ товарищей, моихъ друзей и братьевъ — а за нихъ во всякое другое время готовъ бы я *источить кровь по каплѣ, изрѣзать сердце въ локутки* (стр. 189)“.

И это поэзія, а не риторика?... И это вдохновеніе таланта?... Если хотите, тутъ дѣйствительно есть и поэзія, и талантъ, и вдохновеніе: иначе бы это и не могло такъ нравиться большинству публики; но *какая поэзія, какой талантъ, какое вдохновеніе?* — вотъ вопросъ! Это поэзія, но поэзія не мысли, а блестящихъ словъ, не чувства, но лихорадочной страсти; это талантъ, но талантъ чисто *внѣшній*, не изъ мысли создающій образы, а изъ матеріи выдѣлывающій красивыя вещи; это вдохновеніе, но не то внутреннее вдохновеніе, которое, неожиданное, безъ воли человѣка, озаряетъ его разумъ внезапнымъ откровеніемъ истины, вдохновеніе тихое и кроткое, широкое и глубокое, какъ море въ ясный и безвѣтренный день, — но вдохновеніе насильственное, мятежное, бурливое, раздражительное, возбужденное волею человѣка, какъ бы отъ приѣма опиума. А между этими вдохновеніями большая разница — такая же, какъ между мелодіею тихаго чувства и ревущими диссонансами страсти, между гармоніею свѣтлаго восторга и нестройнымъ крикомъ буйной вакханаліи, мутнымъ и нечистымъ упоеніемъ сладострастной оргіи... Переполненное чувство безмолвствуетъ и даетъ себя чувствовать немногими, но многозначущими словами, которыя подсказываются вдохновеніемъ. Самая буря страстей выражается не „рѣчами“, а отрывистою рѣчью, похожею на рокотъ грома, — и ревущій потокъ ея отрывистыхъ рѣчей вытекаетъ изъ вдохновенія. Поэтъ можетъ изображать и страсть, потому что она есть явленіе дѣйствительности, но, изображая страсть, поэтъ не долженъ быть въ страсти: страсть должна быть предметомъ его поэтического созерцанія въ минуту творчества, но не имъ самимъ. Истинное вдохновеніе всегда спокойно-созерцательно: оно вполне обладаетъ своимъ предметомъ, но не даетъ ему овладѣть собою, хотя и видитъ и чув-

ствуетъ его. Изображаемое поэтому, оно, разъ овладѣвъ имъ, увлекаетъ его за собою, изъ свободныхъ творческихъ образовъ становится изложеніемъ его личныхъ чувствъ и мнѣній, до которыхъ никому нѣтъ дѣла. И въ такомъ случаѣ, чѣмъ живѣе и ближе въ натурѣ изображеніе страсти, тѣмъ большее возбуждаетъ оно отвращеніе, вмѣсто того, чтобы восхищать и трогать — и нечисты, грѣшны его впечатлѣнія на душу читателя, если только онъ поддается имъ... Сначала чтеніе такихъ блестящихъ и увлекательныхъ произведеній приводитъ душу въ раздражительное состояніе, многими принимаемое за восторженное; но послѣ на душѣ остается какая-то усталость, какъ бы послѣ безпокойнаго сна или тяжелой работы. Чтобы прочесть во второй разъ, неостанетъ силъ. Подобныя произведенія не удовлетворяютъ разума, потому что въ нихъ все произвольно, все условно: — вы видите, что это такъ, но видите, что могло бы быть совсѣмъ иначе, и недоумѣваете, почему это представлено такъ, а не иначе. И вотъ откуда происходитъ, въ подобныхъ произведеніяхъ, такое множество отступленій, вставокъ, разглагольствованій и ораторскихъ рѣчей: авторъ говоритъ за свою повѣсть, а не повѣсть говоритъ сама за себя. Тутъ автору полная воля, совершенный просторъ, и потому удивительно ли, если у него мужъ княгини Вѣры ***, до 191 страницы только ѣвшій и пившій, какъ безсловесное животное, на 191 страницѣ вдругъ дѣлается и гордъ, и благороденъ, и уменъ, и на полутора страницахъ говоритъ экспромптомъ „рѣчь“, сочиненіе которой сдѣлало бы честь самому Правину?... Вообще, если вы зажмурите глаза, слушая „рѣчи“ дѣйствующихъ лицъ во всѣхъ повѣстяхъ Марлинскаго, то, право, никакъ не разгадаете, кто говоритъ — морской офицеръ, дикій Черкесь, ливонскій рыцарь, русскій князь временъ междоусобія, русскій бояринъ XV или XVI вѣка, мужчина или женщина, старикъ или юноша, Аммалать-Бекъ или будочникъ-ораторъ... А между тѣмъ, повторяемъ, не только вдохновляться, но и раздражаться не всякій можетъ. Есть разница между рыбьею натурою иного человѣка, который живетъ, какъ дремлетъ, и кипучею, живою, хотя и неглубокою натурою человѣка, котораго жизнь похожа на водоворотъ, неперемѣняющій мѣста, но всегда бурливый и безпокойный. И внѣшній талантъ имѣетъ свое достоинство, потому что не всякій можетъ имѣть и его. Пишутъ многіе и много, но успѣхомъ, даже и въ толпѣ, пользуются очень немногіе, — и эти пользующіеся всегда цѣлою головою выше тѣхъ, которые имъ удивляются.

Изъ повѣстей Марлинскаго, изображаю-

щихъ сильныя страсти, лучшая, безъ всякаго сомнѣнія, „Страшное Гаданіе“. Ея идея принадлежитъ не ему: она была уже истерта многими, но, кажется, на Руси узнали о ней изъ „Ночи на Рождество“ Цшюкке. Цѣлаго въ „Страшномъ Гаданіи“, какъ и во всѣхъ повѣстяхъ Марлинскаго, нѣтъ, но есть мѣста истинно-поэтическія, какъ бы не въ примѣръ всему остальному, написанному тѣмъ же авторомъ,—блестящія признаками неподдѣльнаго дарованія. Повѣдка героя повѣсти, сцена въ крестьянской избѣ, многія подробности гаданья,—все это прекрасно и увлекательно. Даже обращеніе къ лунѣ, начинающееся словами: „Тихая сторона мечтаний“ (стр. 226), отзывается чувствомъ. Только характеръ дьявола уже слишкомъ носить на себѣ признаки тогдашней моды изображать чертей: теперь онъ не вездѣ страшенъ, и мѣстами смѣшонъ. Но цѣлое повѣсти... Позвольте, начнемъ съ начала.

„...Я былъ тогда влюбленъ, влюбленъ до безумія! О, какъ обманывались тѣ, которые, глядя на мою насмѣшливую улыбку, на мои разсѣянные взоры, на мою небрежность рѣчей въ кругу красавицъ, считали меня равнодушнымъ и хладнокровнымъ. Не видали они, что *глубокія чувства рѣдко проявляются именно потому, что они глубоки*; но если бы они могли заглянуть въ мою душу и, увидя, понять ее—они бы ужаснулись! *Все, о чемъ такъ любятъ болтать поэты, чѣмъ такъ легкомысленно играютъ женщины, въ чемъ такъ стараются притворяться любовники, во мнѣ кинѣло, какъ расплавленная жидь, надъ которою и самыя пары, не находя истока, зажилились пламенемъ.* Но мнѣ всегда были смѣшны до жалости приторные вздыхатели съ своими пряничными сердцами; мнѣ были жалки до презрѣнія записные волокиты съ своимъ зимнимъ восторгомъ, своими заученными изъясненіями; и *попасть въ число ихъ для меня казалось всего страшнѣе.*

Нѣтъ, не таковъ былъ я: въ любви моей было много страннаго, чудеснаго, даже дикаго; я могу быть понять, или непонятенъ, но смѣшонъ никогда. *Пылая, могучая страсть катится, какъ лава, она увлекаетъ и жжетъ все встрѣчное; разрушая сама, разрушаетъ въ пепелъ препоны, и хоть на мигъ, но превращаетъ въ кипучій котелъ даже холодное море.*

Весь этотъ отрывокъ пародія на одно мѣсто въ „Джяурѣ“ Байрона. Но байроновъ джяуръ—сынъ пламеннаго востока, Азіатецъ душою и тѣломъ, а потому и тигръ, слѣдственно животное благородное и поэтическое, хоть тѣмъ не менѣе все-таки животное... Онъ говоритъ о своей кипучей крови и знойныхъ страстяхъ совсѣмъ не для того, чтобы *рисоваться* ими, но на смертномъ одрѣ, исповѣдуясь передъ монахомъ, и для того, чтобы неистовствомъ звѣрскихъ страстей своихъ хотя нѣсколько оправдать свои кровавыя грѣхи. Этотъ джяуръ былъ христіанинъ, и потому не могъ, хотя на краю могилы, не смотрѣть на свои страсти, какъ на несчастіе. Вообще, сила страстей отнюдь не то же са-

мое, что глубокость души; эта сила скорѣе бываетъ признакомъ мелкости натуры при кипучей крови. Потомъ, всякая страсть, хотя дикая, не говорить о себѣ, не острить надъ пряничными сердцами и не боится попасть въ ихъ число... Какъ въ дѣйствительности, такъ и въ искусствѣ, все говоритъ само за себя, т.-е. дѣломъ, а не словами и не увѣреніями. Что не равно своему идеалу, но силится дотянуться до него,—то необходимо натягивается. Вотъ отчего во многихъ повѣстяхъ такъ много бываетъ натяжекъ. Но обратимся къ повѣсти. Хотя герой ея и божится, что его страсть глубока, какъ море, но мы видимъ въ ней одну чувственность, и больше ничего. Вотъ почему ему видѣлся образъ таянущей Полины, и вотъ почему мучила его мысль, что она слушаетъ ласкательства какого-нибудь счастливца, который вертится съ нею, и, можетъ быть, отвѣчаетъ на нихъ (стр. 203): только истинное, высокое чувство чуждо ревности и полно взаимнаго довѣрія. Оно не жжетъ, но грѣетъ; оно не пылаетъ пожаромъ, но теплится кроткимъ свѣтомъ. Въ немъ все одухотворено, и самое желаніе чисто и дѣйствительно. Въ немъ нѣтъ громкихъ фразъ, нѣтъ пышнаго многословія: взглядъ, брошенный украдкой, недоговоренное слово, кроткая улыбка замѣняютъ въ немъ „рѣчи“, а если оно заговорить—его рѣчь будетъ полна глубокой, энергической, но, въ то же время, и свѣтлой, тихой, благоуханной поэзіи, гдѣ все—теплота и свѣтъ, но безъ огня, дыма и чада... Повторяемъ, и страсть имѣетъ свою поэзію и можетъ быть предметомъ поэтическаго изображенія; но только поэтъ долженъ изображать ее, какъ предметъ, внѣ его и самъ по себѣ существующій, а не пѣть ей гимны, не выдавать ее, съ божбою и клятвами, за высшій цвѣтъ человѣческаго чувства, и не дѣлать изъ нея апотеоза.—Посмотрите, что это такое:

„Не умѣю описать, что со мною случилось, когда, обвивая тонкій станъ ея рукою, трепетною отъ наслажденія, я пожималъ другой ея прелестную ручку: казалось, кожа перчатокъ приняла жизнь, передавала бѣненіе каждой фибры... казалось, *весь составъ Полины прыщетъ искрами!* Когда помчались мы въ бѣшеномъ вальсѣ, ея летающіе душистые локоны касались иногда губъ моихъ; я вдыхалъ ароматный *пламень* ея дыханія; *мои блуждающіе взгляды проникали сквозь дымку*—я видѣлъ, какъ бурно вздымались и опадали *блоснѣжные полушары (!?)*, волнующие мои вздохами, видѣлъ, какъ пылали щеки ея моимъ жаромъ, видѣлъ—нѣтъ, я ничего не видалъ... полъ исчезалъ подъ ногами; казалось, я лечу по воздуху, съ сладостнымъ замираніемъ сердца (стр. 235).

Чтобы окончательно выразить нашу мысль, слѣлаемъ въ pendant къ этой выпискѣ другую.

„Испытали ли вы жажду крови? Дай Богъ, чтобы никогда не касалась она сердцамъ вашимъ; но, по несчастію, я зналъ ее во многихъ и самъ

извѣдалъ на себѣ. Природа наказала меня неистовыми страстями, которыхъ не могли обуздать ни воспитаніе, ни навыкъ; огненная кровь текла въ жилахъ моихъ. Долго, неизмѣнно долго могъ я хранить хладную умѣренность въ рѣчахъ и поступкахъ при обидѣ, но зато она исчезала мгновенно, и бѣшенство овладевало мною. Особенно видъ пролитой крови, вмѣсто того, чтобы угасить ярость, былъ масломъ на огнѣ, и я, съ какою-то тигровою жадностію, готовъ былъ источить ее изъ врага капля по каплѣ, подобенъ тигру, вкусившему ненавистнаго напитка“ (стр. 246).

Истинный романтизмъ, какъ понимали его у насъ назадъ тому лѣтъ пятнадцать! Читаете, и невольно переноситесь въ лѣса, гдѣ живутъ тигры, медвѣди и волки, съ ихъ неистовыми страстями, съ ненасытною жаждою крови. Геній Виктора Гюгъ—сего свирѣпаго архиромантика—уже пускался было на изображеніе медвѣжьихъ чувствъ и мыслей, сдѣлавъ бѣлаго медвѣдя героемъ перваго своего романа; его подражатели, не столь смѣлые, ограничились изображеніемъ звѣрей подъ человѣческими именами, съ человѣческими обликами, оставивъ имъ только ихъ животныя страсти, чтобы выдавать ихъ за глубокія ощущенія глубокихъ, *сатаническихъ* душъ.

Гораздо болѣе былъ въ своей колеѣ талантъ Марлинскаго въ „Лейтенантъ Бѣлоръ“—этомъ живомъ, легкомъ и шутливомъ рассказѣ, безъ особенныхъ претензій. Это настоящій родъ таланта Марлинскаго, и, несмотря на то, что въ повѣсти нѣтъ ни лицъ, ни характеровъ хоть сколько-нибудь художественно-очерченныхъ, а слѣдовательно, нѣтъ и признаковъ голландской народности,—ибо купецъ, кстати и не кстати говорящій при каждомъ словѣ „два аршина съ четвертью“, еще не Голландецъ, такъ же какъ купчиха, которой вся жизнь сосредоточена на кухнѣ, еще не Голландка (перемѣните ихъ имена, и они будутъ принадлежать къ какой вамъ угодно націи); несмотря на то, что любовь героевъ повѣсти ужъ черезчуръ сладковата и слишкомъ походить на канареечную, а представитель французской націи, Монтанъ Люссакъ, ужъ черезчуръ и подлъ, и глупъ, и пошлъ: несмотря на ужасную растянутость и множество ненужныхъ вставокъ и разглагольствованій,—веселенькій рассказецъ читается до конца и не безъ удовольствія. Въ немъ много премиленькихъ подробностей; особенно забавны матросскіе разговоры, и вообще въ тонѣ рассказа много добродушія и непритворной шутливости. Къ числу такихъ же удачныхъ рассказовъ въ этомъ родѣ должно отнести „Военный Антикварій“ и „Мореходъ Никитинъ“.

Собственно русскія повѣсти Марлинскаго, содержаніе которыхъ онъ бралъ изъ русской старины, не выдержатъ никакой критики,

даже самой снисходительной. Таковы суть: „Наѣзды“, „Романъ и Ольга“, „Измѣнникъ“, и пр. Въ нихъ рѣчь, повидимому, русская, и имена русскія, даже много русскихъ обычаевъ, повѣрій и ссылокъ на исторію, но ни русскаго лица, ни русской души. Это—рашиновскія трагедіи въ формѣ рассказовъ. Снимите съ дѣйствующихъ лицъ ихъ охабни и фаты, выбросьте изъ ихъ рѣчей немногое число русскихъ поговорокъ и пословицъ, и передъ вами очутятся тѣ безличныя образы, которымъ къ лицу всякое платье и всякое имя, и которые столько же Русскіе, сколько и Греки, и Нѣмцы, и Англичане, и Татары. То же должно сказать и о рыцарско-ливонскихъ рассказахъ Марлинскаго: его нѣмецкіе рыцари и дамы ничѣмъ не отличаются отъ новгородскихъ молодцовъ и молодлицъ, которые ничѣмъ не отличаются отъ его нѣмецкихъ рыцарей и дамъ. Перечтите „Замокъ Эйзенъ“, Замокъ Нейгаузенъ“, „Латника“, „Замокъ Венденъ“, „Ревельскій Турниръ“, и вы увидите въ нихъ поразительную бѣдность изобрѣтенія, удивительное однообразіе въ манерѣ рассказывать, и чрезвычайное сходство въ дѣйствующихъ лицахъ, особенно въ ихъ „рѣчахъ“, изъ которыхъ спиты эти рассказы. Лучшій изъ нихъ „Ревельскій Турниръ“: въ немъ мало сильныхъ страстей, много добродушія и веселости, а потому онъ и читается съ удовольствіемъ, какъ занимательная сказка.

Читатели, можетъ быть, ждутъ отъ насъ подробнаго разбора кавказскихъ повѣстей Марлинскаго, особенно „Аммалатъ-Бека“ и „Муллы-Нура“: увы, мы не въ состояніи выполнить ихъ ожиданія! По праву добросовѣстнаго критика, мы хотѣли прочесть эти повѣсти, принимались нѣсколько разъ, но—всякой силѣ есть предѣлы, и мы послѣ многократныхъ пріемовъ и невѣроятныхъ усилій принуждены были сознаться въ своемъ безсиліи для свершенія подобнаго подвига. Конечно, въ нихъ—особенно въ „Аммалатъ-Бекѣ“—есть удачныя страницы, хотя и въ слишкомъ ограниченномъ числѣ, есть превосходные стихи—переводъ черкесскихъ пѣсенъ; но цѣлое такъ натянуто, такъ перетянута и въ изобрѣтеніи, и въ изложеніи, что впечатлѣніе, производимое на душу читателя, очень походить на давленіе кошмара. Чтò касается до Муллы-Нура, этого *татарскаго Карла Моора*, то вотъ онъ вамъ весь—извольте любоваться, сколько душѣ угодно:

„Что на свѣтѣ тайнаго кромѣ нашего сердца? Разсвѣтаетъ ночь, крывшая злодѣйство, дремучій лѣсъ находитъ голосъ на обвиненіе; разступается хлябь моря и выдаетъ утопленное хищниками добро. Могилы, самыя могилы не скрываютъ во мракѣ своемъ преступленій, и съ червями зарождаются въ ней мстители. Я видѣлъ: Русскіе узнавали по внутренностямъ тѣлѣ прошлое, какъ идоло-

поклонники предки наши угадывали по нимъ будущее. А когда можно заставить говорить мертвецовъ, кто заставитъ молчать живыхъ?... Тайное скоро становится явнымъ, и базарная молва нерѣдко трубитъ о томъ, что было шепотомъ сказано между двоими.—Нѣтъ, моя жизнь не тайна, мои похождения можетъ рассказать тебѣ послѣдній мальчикъ въ Кубѣ.—Онъ убилъ своего дядю и бѣжалъ въ горы! Вотъ вся повѣсть обо мнѣ, и она не ложь, но полна ли она? но справедливо ли судить меня по этимъ словамъ всякій, кто ихъ слышитъ? На это могу отвѣчать только я. Пусть отрубятъ мнѣ голову, что-жъ найдетъ въ этой головѣ судья для объясненія моего преступленія? Пусть вырѣжутъ сердце, какъ отгадаютъ въ немъ пружины, которыя двинули на убійство?... А въ этомъ вся важность для меня! Только это зову я на судъ совѣсти, все остальное дѣло случая, все остальное пусть какъ хотятъ судятъ въ людскомъ диванѣ. Тяжело мнѣ думать объ этомъ, еще тяжелѣе рассказывать, и между тѣмъ оно меня душитъ!... мучительно вырывать зубчатую стрѣлу изъ раны, но и оставлять въ пей нестерпимо...

Кто это говоритъ: ливонскій рыцарь, итальянскій разбойникъ, или французскій литераторъ романтической школы?... Нѣтъ, это рѣчь кавказскаго Татарина... Умный Татарина! ужъ и видно, что наукамъ учился, особенно реторикѣ...

Въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ Марлинскій довелъ до крайности основные элементы своего таланта, т.-е. изображеніе неистовыхъ страстей и неистовыхъ положеній, изображеніе высшаго общества, на которое онъ смотрѣлъ изъ-за Кавказа, русскую народность, остроуміе и изысканность языка. Приведемъ образчики нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ, доведенныхъ до *pes plus ultra*.

Если хотите имѣть понятіе о высшемъ обществѣ на балѣ у австрійскаго посланника,—прочтите отрывокъ „Местъ“: тутъ вы увидите, какъ „свѣтскій“ капитанъ Змѣевъ отпускаетъ лагерныя любезности Надеждѣ Петровнѣ Зоричъ, поминутно называя ее „сударыня“, и какъ Надежда Петровна Зоричъ отвѣчаетъ сему храброму капитану любезностями полковой маркитантши, начитавшейся „свѣтскихъ“ романовъ русскаго издѣлія. Въ статьѣ „Новый Русскій Языкъ“ вы увидите, какъ говорятъ русскіе купцы; впрочемъ, не трудитесь перечитывать этой „юмористической“ статьи; довольно для васъ и этого образчика: „Такъ-съ, виновать-съ, дѣло дорожное-съ! Я вѣдь впрочемъ не для ради чего иного прочаго, а такъ изъ компанства, хотѣлъ только утрудивъ, побезпокоя васъ, просить соблаговоленія, чтобы нашему чайнику возымѣть соединяемое купносообщеніе съ этимъ самоваромъ-съ. По просту такъ сказать-съ, малую толику водицы-съ!“ (т. XII, стр. 76). Такимъ языкомъ проситъ на станціи купецъ у офицера воды изъ самовара для чайника: какая наблюдательность, какъ все это вѣрно подслушано и вѣрно передано,

безъ всякаго преувеличенія, безъ всякой натяжки!... Для образчика остроумія перечтите статьи: „Исторія серебрянаго рубля“ и „Исторія знаковъ препинанія“: увѣряемъ васъ, что самъ отчаянный поставщикъ газетнаго мусора позавидовалъ бы, въ своихъ правоописательныхъ и нравственно-сатирическихъ статейкахъ, ихъ остроумію и затѣйливости... Для выписокъ дикихъ фразъ и натянутого высокаго и страстнаго слога у насъ недостаетъ ни силъ, ни терпѣнія... Потрудитесь сами, а мы и безъ того устали.

Такой конецъ авторскаго поприща очень естествененъ: онъ необходимое слѣдствіе его начала. Только истинные таланты зрѣютъ и мужають съ лѣтами, только въ ихъ произведеніяхъ исчезаетъ съ годами дымный юношескій пламень и уступаетъ мѣсто ровной теплотѣ и не ослѣпительному, но лучезарному свѣту—и конецъ ихъ поприща ознаменовывается твореніями глубокими, какъ море, и величественными, какъ звѣздное небо въ тихую и ясную ночь. Внѣшній талантъ скоро выказывается весь, истощаетъ бѣдный запасъ своего внутренняго содержанія, и скоро доходитъ до необходимости перебиваться собственными крохами, собственною ветошію, обновляя ихъ бѣлилами и румянами изысканной фразеологіи дикаго языка. Почти всегда подвергается онъ горькой участи пережить свою славу, умереть послѣ ея кончины, и видѣть въ числѣ своихъ поклонниковъ только людей, которые являются послѣдними участниками въ пирѣ, доканчивая въ заднихъ апартаментахъ остатки барскаго обѣда... Но, несмотря на все сказанное, такіе *внѣшніе* таланты необходимы, полезны, а слѣдовательно и достойны всякаго уваженія. Только незаслуженная слава и преувеличенныя похвалы вооружаютъ противъ нихъ, потому что свидѣлствуютъ объ испорченности вкуса публики. Но отдавать имъ должное пріятно по чувству человѣческому и полезно для истины. Для массы общества все внѣшнее доступнѣе внутренняго,—и она бросается на внѣшнее, а черезъ это въ ней обращаются идеи и проводится въ нее образованность. Но главная заслуга внѣшнихъ талантовъ состоитъ въ томъ, что они отрицательнымъ образомъ воспитываютъ и очищаютъ эстетическій вкусъ публики: пресыщаясь ихъ произведеніями, многіе обращаются къ истиннымъ произведеніямъ искусства, и научаются цѣнить ихъ. Кто не восхищался романами Радклифъ, Дюкре-дю-Мениля, Августа Лафонтена, г-жъ Жанлисъ и Коттенъ, и даже не предпочиталъ ихъ сначала романамъ Вальтеръ-Скотта и Купера? И эти многіе потому только и поняли впослѣдствіи достоинство британскаго и американскаго романистовъ, что сперва восхищались романами сихъ гос-

подъ и госножъ, а черезъ Вальтера-Скотта и Купера поняли ихъ истинную цѣну. Что же касается до тѣхъ, которые не пошли далѣе Радклифъ и Дюкре-дю-Мениля съ братією— пусть себѣ читають во здравіе! Что бы ни читать, все лучше, чѣмъ играть въ карты или сплетничать. Слуга донашиваетъ платье своего господина: оно и старо и потерто, но все служить ему защитой и отъ наготы, и отъ холода...

Мы уже говорили о критическихъ статьяхъ Марлинскаго и указали на нихъ, какъ на важную заслугу русской литературѣ со стороны ихъ автора; съ такою же похвалою должны мы упомянуть и о его собственно-литературныхъ статьяхъ, каковы: „Отрывки изъ разсказовъ о Сибири“, „Шахъ-Гуссейнъ“, „Письмо къ докору Эрдманну“, „Сибирскіе нравы Исыхъ“, и пр. Во всѣхъ сихъ статьяхъ виденъ необыкновенно умный, блестяще-образованный человѣкъ и талантливый писатель, и почти всѣ онѣ отличаются, въ противоположность повѣстямъ, языкомъ простымъ, живымъ и прекраснымъ безъ изысканности. Марлинскій пробовалъ свой талантъ почти во всѣхъ родахъ литературныхъ упражненій, и потому писалъ и стихи, но впрочемъ скоро самъ призналъ въ себѣ отсутствіе положительнаго таланта для этого поприща. Мелкія его стихотворенія рѣдко отличаются даже

плавностію стиховъ, а переводы изъ Гёте такъ же мало даютъ понятія о достоинствѣ своихъ оригиналовъ, какъ дебелый переводъ Кострова „Иліады“, или тяжелый переводъ Мерзлякова тассова „Освобожденнаго Іерусалима“, или разжиженный сахарнымъ сиропомъ переводъ г. Раича того же творенія и поэмы Аріоста. Марлинскій, слѣдуя тогдашнему направленію, написалъ стихами поэму „Андрей Переяславскій“—произведеніе не стоющее критики и отвергнутое самимъ авторомъ, но мѣстами блестящее искорками поэтического чувства.

Мы уже говорили о поэтическомъ достоинствѣ черкесскихъ пѣсень, переведенныхъ въ „Аммалатъ-Бекъ“.

И вотъ мы кончили нашъ разборъ произведеній Марлинскаго: вывести результатъ изъ всего сказаннаго нами о немъ, какъ о писателѣ, предоставляемъ нашимъ читателямъ. Мы говорили откровенно и прямо, *sine ira et studio*; но пояснять больше не будемъ, „чтобъ гусей не раздражить“,—а гуси, какъ слышно, уже и безъ того на насъ сердятся за то, что мы видимъ божій свѣтъ не въ одномъ болотѣ съ муравчатымъ бережкомъ, на которомъ они такъ шумно пасутся всю жизнь свою и добываютъ себѣ обычную пищу.

1840 г.

21. Двѣ сказки Гофмана

для большихъ и маленькихъ дѣтей. Спб. 1840.

Дѣтскія сказки дѣдушки Иринея.

Спб. 1840.

Съ самаго начала своей критической дѣятельности БѢлинскій обращалъ глубокое вниманіе на вопросы *педагогич* въ широкомъ смыслѣ, вопросы совершенно неразработанные въ то время въ русской литературѣ. Еще въ „Молвѣ“ 1835 года онъ писалъ о дѣтскихъ книгахъ (о географіи Гейма); въ той же „Молвѣ“ начала 1836 года (№ 5) БѢлинскій помѣстилъ коротенькую рецензію на „Дѣтскую книжку“ и въ этой рецензіи высказалъ почти всѣ тѣ свои „педагогическія“ воззрѣнія, которыя развились впослѣдствіи. Еще годомъ позже, отвѣчая на предложеніе К. Аксакова писать дѣтскія книги, БѢлинскій (въ письмѣ отъ 14 авг. 1837 г.) отказывается отъ этой работы, указывая на ея трудность: „какъ много нужно условій

для дѣтской книжки! Цѣлью ея должно быть—возбудить въ дѣтяхъ истину не въ поученіяхъ, не сознательную, но истину въ представленіи, въ ощущеніи, и для этого нужно то спокойствіе, та гармонія духа, которая дается человѣку только любовью“... Прибавимъ здѣсь кстати, что впослѣдствіи, въ 1841 году, БѢлинскій собирался заняться передѣлкой для дѣтей „исторіи Робинзона Крузо“, а также хотѣлъ „передѣлать въ книгу“ настоящую статью (см. письмо къ Краевскому отъ 16 іюня 1841 г. въ „Отчетѣ Импер. Публичн. Библ. за 1889 г.“). Возвращаясь назадъ, укажемъ, что въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1838 года (т. XVI, кн. II, стр. 302—321) БѢлинскій помѣстилъ цѣлую статейку о дѣтскихъ книгахъ, изъ

которой перенесъ теперь дословно цѣлыя страницы въ настоящую статью 1840 года, которая и является центральной статьей Бѣлинскаго по этому вопросу. Но и послѣ настоящей статьи Бѣлинскій неоднократно возвращался къ вопросу о дѣтскихъ книгахъ; мы видѣли, что три года спустя онъ задумывалъ даже развить эту свою статью въ цѣлую книгу. Въ 1844 году онъ снова сражается въ рецензіяхъ съ различными бездарными составителями дѣтскихъ книжекъ и продолжаетъ эту борьбу въ рядѣ рецензій слѣдующаго года, но при этомъ во многомъ измѣняетъ свои прежніе взгляды на задачу дѣтскихъ книгъ, какъ мы это отмѣтимъ ниже; особенно характерны въ этомъ отношеніи рецензіи 1846 года. Наконецъ, въ „Современникѣ“ 1847 и 1848 годовъ мы снова встрѣчаемъ рядъ рецензій на дѣтскія книги: изъ общаго числа тридцати статей этихъ годовъ разборъ дѣтскихъ книгъ посвящено семь; это показываетъ, какъ много вниманія продолжалъ обращать Бѣлинскій на этотъ вопросъ. И послѣдней его статьей въ „Современникѣ“ 1848 года была рецензія о „Разсказахъ дѣтямъ изъ древняго міра“; Бѣлинскій умираетъ, когда она печаталась...

Итакъ, съ начала и до самаго конца своей критической дѣятельности Бѣлинскій упорно разрабатывалъ вопросъ о *воспитаніи*—къ этому, въ сущности, сводились всѣ его статьи и рецензіи о дѣтскихъ книгахъ; настоящая статья является, какъ мы уже замѣтили, центральной. Но тутъ же надо отмѣтить, что она стоитъ на рубежѣ перелома, какимъ вообще былъ для Бѣлинскаго 1840—1841 годъ. Въ настоящей статьѣ мы найдемъ синтезъ всѣхъ „педагогическихъ“ взглядовъ Бѣлинскаго эпохи 1834—1840 годовъ; въ слѣдующіе же годы Бѣлинскій измѣнилъ эти свои взгляды въ очень существенномъ отношеніи, въ вопросѣ, составляющемъ одну изъ главныхъ сторонъ настоящей статьи: мы говоримъ объ отношеніи Бѣлинскаго къ области *фантастическаго*. Бѣлинскій былъ „весь земной“, типичный „реалистъ“ въ своемъ міровоспріятіи; философію Гегеля, какъ мы знаемъ, онъ понималъ реалистически и даже одно время „дѣйствительность“ отождествлялъ съ внѣшнимъ міромъ. Но несмотря на это, еще сильны были въ гегеліанцѣ-Бѣлинскомъ отзвуки былого шеллингианства, этого геніальнаго проявленія романтизма въ философіи. Даже теперь, въ 1840 году, Бѣлинскій не замыкалъ себя въ одномъ реализмѣ, а стремился синтезировать его съ элементами романтизма; „фантастическое—писалъ онъ въ статьѣ объ „Очеркахъ“ Полевого—есть одинъ изъ романтическихъ элементовъ духа,

который долженъ быть развитъ въ человѣкѣ, чтобъ онъ былъ человѣкомъ“. И это убѣжденіе его было настолько сильно, что онъ даже Гегеля обвинялъ въ узости за его вражду къ такимъ романтическимъ элементамъ духа: „Гегель—писалъ Бѣлинскій Боткину (5 сент. 1840 года)—не благоволилъ ко всему фантастическому, какъ прямо противоположному опредѣленно дѣйствительному. Катковъ говоритъ, что это—ограниченность. Я съ нимъ согласенъ“... Правда, это писалось уже въ началѣ разрыва съ Гегелемъ, но въ настоящей статьѣ (которая писалась въ январѣ—февралѣ 1840 г.) Бѣлинскій еще всецѣло стоитъ на своей крайней гегеліанской точкѣ зрѣнія—и все-таки ратуетъ за „фантастическое“, восторгается произведеніями одного изъ величайшихъ романтиковъ всѣхъ временъ—Гофмана.

Интересно, что въ эпоху начала своей ссоры съ „фихтианской отвлеченностью“, при первыхъ проблескахъ гегеліанской „дѣйствительности“, въ 1837 году, Бѣлинскій очень не благоволилъ къ фантастикѣ Гофмана. „Мечтай, фантазируй, восхищайся, трогайся,—писалъ онъ К Аксакову (21 іюня 1837 г.),—только забудь о двухъ нелѣпыхъ вещахъ, которыя тебя губятъ—магнетизмъ и фантастизмъ. Это глупыя вещи. Я сильно начинаю разочаровываться въ Гофманѣ, потому что никакъ не могу объяснить себѣ этой поэзіи, сумасшедшей и болѣзненной“... Однако уже въ своей отмѣченной нами выше статьѣ о дѣтскихъ книгахъ въ „Моск. Наблюдателѣ“ 1838 года, Бѣлинскій подчеркиваетъ, что фантазія, особенно въ дѣтствѣ, есть „преобладающая способность и сила души“, являющаяся проявленіемъ „чувства безконечнаго“; эти же мысли Бѣлинскій дословно повторяетъ и въ своей настоящей статьѣ. И теперь Бѣлинскій снова понялъ и оцѣнилъ Гофмана. „Чудный и великій геній этотъ Гофманъ!—писалъ онъ Боткину (16 апр. 1840 г.), уже послѣ появленія настоящей статьи:—въ первый еще разъ понималъ я мыслію его фантастическое. Оно—поэтическое олицетвореніе таинственныхъ враждебныхъ силъ, скрывающихся въ нѣдрахъ нашего духа. Съ этой точки зрѣнія болѣзненность Гофмана у меня исчезла, осталась одна поэзія“... И въ настоящей статьѣ мы находимъ восторженную оцѣнку Гофмана, какъ „величайшаго поэта“, „высшаго идеала писателя для дѣтей“, „годнаго и для людей всѣхъ возрастовъ. „Гофманъ—поэтъ фантастическій, живописецъ невидимаго внутренняго міра, ясновидящій таинственныхъ силъ природы и духа“,—говоритъ Бѣлинскій; въ разсказахъ Гофмана онъ видитъ „апоѳеозъ фантастическаго, какъ необходимаго элемента въ духѣ человѣка“:

„фантастическое есть одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ богатой натуры, ... слѣдственно, его развитіе необходимо для юной души,—и вотъ почему называемъ мы Гофмана воспитателемъ юношества“. Но тутъ же БѢлинскій настойчиво указываетъ, что одно-стороннее развитіе этого элемента увлекаетъ человѣка „въ сферу призраковъ и мечтаній“, отрываетъ его „отъ живой и полной дѣйствительности“; одновременно съ Гофманомъ надо давать юношеству и произведенія „представителей разумной дѣйствительности, поэтически воспроизведенной въ великихъ художественныхъ созданіяхъ“: романы Вальтеръ-Скотта и Купера, „Юрія Милославскаго“ („въ которомъ столько душевной теплоты, столько патріотическаго чувства“), басни Крылова, избранныя стихотворенія Пушкина (даже „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинскую годовщину“: это миѣніе связываетъ настоящую статью съ статьями конца 1839 года).

Если исключить кое-какія частности, то все остальное воззрѣніе БѢлинскаго всецѣло сохраняетъ свою силу и для нашего времени: да, надо развивать всѣ элементы дѣтской души, не сдавливая ее заранѣе опредѣленными тисками, реалистическими или романтическими — безразлично. Но БѢлинскій не остановился на этой точкѣ зрѣнія. Послѣ своего душевнаго перелома 1840—1 г., послѣ разрыва съ „разумной дѣйствительностью“, БѢлинскій, какъ мы это увидимъ, въ то же время еще ближе подошелъ къ строго реалистическому міровоззрѣнію. „Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностію!“ — восклицалъ БѢлинскій черезъ полгода послѣ появленія настоящей статьи; онъ вообще отказался отъ признанія „разумной дѣйствительности“, отъ „пріятія міра“; но это не помѣшало ему продолжать въ 1841—1848 гг. борьбу за „дѣйствительность“ въ совершенно иномъ смыслѣ, въ смыслѣ *реализма*. Отсюда вражда БѢлинскаго сороковыхъ годовъ ко всему романтическому, подъ которымъ онъ сталъ теперь понимать и мистицизмъ, и фантастику, и сентиментальность, и мечтательность и тому подобное, зачатки чего мы уже видѣли въ статьѣ о „Горѣ отъ ума“ (см. выше стр. 603).

Очевидно, что вслѣдствіе этого БѢлинскій долженъ былъ совершенно переимѣнить свои взгляды и на Гофмана, и на значеніе „романтическихъ элементовъ“ въ воспитаніи ребенка. Такъ и случилось. Если въ статьѣ „Моск. Наблюдателя“ 1838 года и въ настоящей статьѣ БѢлинскій вполнѣ понималъ, „какъ сильно у дѣтей стремленіе ко всему фантастическому“ и самъ указывалъ, „какъ жадно слушаютъ дѣти рассказы о мертве-

цахъ, привидѣніяхъ, волшебствахъ“, видя въ этомъ „потребность безконечнаго, предощущеніе таинства жизни, начало чувства поэзіи“, — то въ одной изъ рецензій начала 1844 года онъ уже не совѣтуетъ давать дѣтямъ русскія сказки или рассказы о домовыхъ, лѣшихъ „и тому подобныхъ вздорахъ, которыми только засоряютъ понятіе и запугиваютъ воображеніе дѣтей“; „сказки пусть слушаютъ отъ старыхъ нянекъ тѣ бѣдныя дѣти, которыхъ воспитаніе невниманіемъ или невѣжествомъ родителей поручается сообществу холоповъ“, — еще опредѣленнѣе замѣтилъ БѢлинскій тремя годами позднѣе („Современникъ“ 1847 г., № 5). И это БѢлинскій говоритъ о тѣхъ самыхъ русскихъ сказкахъ, о которыхъ Пушкинъ, слушая сказки „холопки“ Арины Родіоновны, еще четвертью вѣка ранѣе сказалъ: „...слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!“ Кто здѣсь былъ правъ, Пушкинъ или БѢлинскій — для насъ слишкомъ очевидно. Неудивительно послѣ этого, что и къ Гофману БѢлинскій отнесся теперь и строго, и несправедливо: недоброжелательные отзывы о Гофманѣ мы найдемъ уже въ статьяхъ 1842 года — см. статьи №№ 38, 39 и наши примѣчанія въ нихъ. Позднѣе БѢлинскій отозвался о Гофманѣ еще строже: „мы очень уважаемъ Гофмана, — говоритъ БѢлинскій въ вышеуказанной рецензій 1847 года, — и если видимъ въ немъ чудака и безумца, то все же геніальнаго; и однакожь считаемъ его для дѣтей столько же или еще и болѣе вреднымъ, нежели Поль-де-Кока, хотя и вовсе другимъ образомъ. Для дѣтей страшно вредно все, что развиваетъ и возбуждаетъ фантазію на счетъ другихъ интеллектуальныхъ способностей“... А потому БѢлинскій предлагаетъ даже (въ этой же рецензій, а также и въ болѣе ранней — см. „Отеч. Зап.“ 1846 г., № 1) совершенно лишить дѣтей художественнаго чтенія до двѣнадцатилѣтняго возраста: „до семи лѣтъ пусть дитя ѣстъ, пьетъ, спитъ, играетъ и говоритъ, а съ семи пусть оно, сверхъ всего этого, еще и учится“, а въ промежуткахъ — занимается гимнастикой, ибо „сказочки и повѣсти... сильно возбуждаютъ въ дѣтяхъ самую опасную изъ душевныхъ способностей — фантазію“... Къ тому же, учась, ребенокъ поневолѣ читаетъ, переводитъ съ иностранныхъ языковъ, а Корнелій Непотъ или Саллюстій такъ же интересны, какъ любой романъ. Съ двѣнадцати лѣтъ ребенку можно дать первый романъ — „Юрія Милославскаго“ Загоскина (ср. настоящ. статью!), а затѣмъ понемногу — романы Вальтеръ-Скотта и Купера. Вообще „дѣтскія книги

не только бесполезны, но и положительно вредны, и если дѣтямъ должно читать что-нибудь кромѣ учебниковъ, такъ это книги, которыя читаются и взрослыми, разумѣется при условіи строгаго выбора“.

Безполезно было бы доказывать совершенную ложность этихъ послѣднихъ взглядовъ Бѣлинскаго, объясняющихся отчасти скудостью и убогостью тогдашней дѣтской литературы. „Ты знаешь мою натуру, — писалъ онъ Боткину еще въ 1841 году: — она вѣчно въ крайностяхъ и никогда не попадаетъ въ центръ идеи“... Не даромъ Герценъ называлъ его „человѣкомъ экстремы“. Но если Бѣлинскій когда-либо попалъ въ центръ идеи, то это именно въ настоящей статьѣ 1840 года: въ ней онъ высказалъ широкій и вѣрный взглядъ на дѣтскія книги, на необходимость развитія всѣхъ элементовъ души ребенка; эти взгляды не могутъ быть поколеблены ошибочными въ данномъ вопросѣ воззрѣніями Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ. Мы уже видѣли (во вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 17), что въ иныхъ вопросахъ Бѣлинскій былъ ближе къ истинѣ именно въ своихъ „гнусныхъ“ (по его выраженію) статьяхъ 1839—1840 г., которыхъ онъ впоследствии такъ стыдился; настоящая статья является новой иллюстраціей этого.

Но вопросъ о развитіи воспитаніемъ реалистическихъ и романтическихъ элементовъ души человѣка не исчерпываетъ содержания настоящей статьи; мы такъ подробно остановились на немъ только въ виду его большого значенія для характеристики эволюціи самого Бѣлинскаго. Гораздо болѣе важнымъ для „педагогикѣ“ является второй главный и болѣе общій вопросъ—о принципахъ воспитанія, и рѣшеніе этого главнаго вопроса Бѣлинскій не перемѣнялъ никогда, въ теченіе всей своей критической дѣятельности; это рѣшеніе дѣлаетъ Бѣлинскаго великимъ родоначальникомъ всей новой рус-

ской педагогической школы. „Орудіемъ и посредникомъ воспитанія должна быть любовь, — говоритъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ, — а цѣлью — *человѣчность*... Мы разумѣемъ здѣсь первоначальное воспитаніе, которое важнѣе всего. Всякое частное или исключительное направленіе, имѣющее опредѣленную цѣль въ какой-нибудь сторонѣ общественности, можетъ имѣть мѣсто только въ дальнѣйшемъ, окончательномъ воспитаніи. Первоначальное же воспитаніе должно видѣть въ дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но *человѣка*, который могъ бы впоследствии быть тѣмъ или другимъ, не переставая быть *человѣкомъ*“... Это основная, постоянная мысль Бѣлинскаго, и мы еще не разъ встрѣтимся съ нею; и когда въ 1856 году Пироговъ напечаталъ свои знаменитые „Вопросы жизни“, то въ нихъ онъ только буквально повторилъ и эту мысль Бѣлинскаго, и его другія мысли о принципахъ воспитанія. Эти педагогическія идеи, по замѣчанію авторитетнаго педагога, В. П. Острогорскаго, „Бѣлинскій съ такой страстью провозгласилъ среди общаго мрака, задолго раньше Пирогова и Ушинскаго. Эти идеи вложилъ онъ и въ свои разборы дѣтскихъ книгъ, и тѣмъ положилъ основы русской вообще педагогической литературы и критики литературы дѣтской, которая пошла за нимъ, какъ пошла за нимъ вслѣдъ и всѣ лучшіе наши педагогическіе дѣятели“ („Бѣлинскій, какъ педагогъ“, въ сборникѣ „Памяти Бѣлинскаго“, М., 1899 г., стр. 71; см. также рядъ юбилейныхъ статей 1898 года о Бѣлинскомъ, какъ педагогѣ—въ журналахъ „Вѣстникъ Воспитанія“, „Русская Школа“, „Русская Мысль“ и др.). Пироговъ, Ушинскій, Стоюнинъ, Водовозовъ, Острогорскій— всѣ они въ этой области были и признавали себя только вѣрными учениками Бѣлинскаго, и именно Бѣлинскаго — автора настоящей статьи 1840-го года.

И.-Р.

О воспитаніи дѣтей вообще. — Какъ должны писаться дѣтскія книги, по ихъ отношенію къ воспитанію. — О двухъ дѣтскихъ сказкахъ Гофмана. — О дѣтскихъ книгахъ на русскомъ языкѣ и «Дѣтскихъ сказкахъ дѣдушки Иринея».

Самые, повидимому, простые и обыкновенные предметы часто бываютъ въ своей сущности самыми важными и великими. Всѣ говорятъ, напримѣръ, о важномъ вліяніи воспитанія на судьбу человѣка, на его отношенія къ государству, къ семейству, къ ближнимъ и къ самому себѣ; но многіе ли понимаютъ то, что говорятъ? Слово еще не есть дѣло; всякая истина, какъ бы ни была она несомнѣнна, но если не осуществляется въ

дѣлахъ и поступкахъ произносящихъ ее — она есть только слово, пустой звукъ, — та же ложь. Посмотрите внимательнѣе на отношеніе родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ, словомъ, посмотрите внимательнѣе на воспитаніе — и у васъ сердце обольется кровью. Ребенокъ ѣстъ что ни попало и сколько хочетъ: что нужды! говорятъ нѣжные родители: вѣдь онъ еще дитя! Ребенокъ мучитъ собаку или колотитъ двороваго мальчишку: что нужды! восклицаютъ заботливые родители: вѣдь онъ еще дитя! Дѣти ссорятся, кричатъ между собою, и если ихъ крикъ, брань и слезы не мѣшаютъ папенькѣ и маменькѣ соснуть послѣ обѣда, или поговорить

съ гостями, — что нужды — вѣдь они дѣти, пусть себѣ ссорятся и кричатъ: вырастутъ велики, не будутъ ссориться и кричать! Перебранившись, а иногда и передравшись другъ съ другомъ, дѣти прибѣгаютъ къ отцу и матери съ жалобою другъ на друга—и! помилуйте! стоитъ ли разбирать дѣтскія ссоры! Если вы строги, дайте всѣмъ по щелчку, или пересѣките всѣхъ розгами, *чтобъ никому не было завидно*; если вы добры къ дѣтямъ, или воспитываете ихъ *на благородную ногу*, — дайте имъ игрушекъ или сладостей, да, перецѣловавъ ихъ, вышлите отъ себя, чтобы они опять пошли браниться и драться. Ребенокъ не учится, не хочетъ и слышать, чтобы взять въ руки книгу: что за нужда, вѣдь онъ еще дитя — подрастетъ, будетъ поумнѣе, такъ станетъ и учиться! Ребенокъ хватается за всякую книгу, какая ему ни попадется, хотя бы то была анатомія съ картинками, или Аретинъ съ гравюрами: что за нужда—вѣдь онъ еще дитя! благо, что охота къ книгамъ есть—пусть лучше навывается читать, чѣмъ рѣзвиться! Учитель говоритъ отцу, что грамматика, которую онъ купилъ для сына, не годится, что она или ужъ устарѣла, или безтолкова, бессмысленна, что ея не понимаетъ самъ авторъ, незнающій ни духа, ни характера языка: это еще что за новости! восклицаетъ опытный и благоразумный родитель: вѣдь онъ дитя — для него всякая книга годится, а за эту я заплатилъ деньгами, стало-быть, хороша!.. А между тѣмъ, заговорите съ „дражайшими родителями“ о дѣтяхъ и воспитаніи: сколько общихъ фразъ, сколько ходячихъ истинъ наговорятъ или *нарезонѣрствуютъ* они вамъ! „Ахъ, дѣти! да, какъ тяжело имѣть дѣтей! сколько заботъ! надо вырастить да и воспитать! Мы ничего не щадимъ для воспитанія своихъ дѣтей! Изъ послѣднихъ силъ бьемся! Я отдалъ своихъ въ училище, покупаю книги—тыма расходовъ! А мы для своихъ пріискали *мадамъ* (или *мамзель* — провинціальныя названія *гувернантъ!*), чтобы они и по-французски знали и на фортопьянахъ играли!“ Въ добрый часъ, дражайшіе родители!..

Но это еще только одна сторона воспитанія, или того, что такъ ложно называютъ воспитаніемъ. Это еще только воспитаніе, какъ обыкновенно говорится, на волю Божию, а въ самомъ-то дѣлѣ, на волю случая, — воспитаніе природное, воспитаніе не въ переносномъ, а въ этимологическомъ значеніи этого слова, т.-е. *воскармливаніе*, — воспитаніе простонародное, мѣщанское. Есть еще воспитаніе попечительное, деликатное, строгое, благородное. Въ немъ на все обращено вниманіе, ни одна сторона не забыта. При этомъ воспитаніи дитя ѣстъ и въ-время и въ мѣру, передъ обѣдомъ непременно ходитъ гулять съ

гувернеромъ или гувернантой, умѣренно рѣзвится, занимается гимнастическими упражненіями на красивыхъ вѣшалкахъ, столбахъ, перекладинахъ, по часамъ учится, въ определенную пору встаетъ и ложится. Физическое воспитаніе въ гармоніи съ нравственнымъ: развитію здоровья и крѣпости тѣла соответствуетъ развитіе умственныхъ способностей и приобрѣтеніе познаній. А форма — о, это самое изящество! При опрятности царствуетъ простота и неизысканность, соединенныя съ благородствомъ, достоинствомъ, хорошимъ вкусомъ и хорошимъ тономъ. И это отражается во всемъ: и въ одеждѣ, и въ манерахъ. Одно то чего стоитъ, что дитя умѣетъ уже скрывать свои чувства, не хвататься жадно за то, чего жадно желаетъ, не обнаруживать удивленія и радости къ тому, что возбуждаетъ въ немъ удивленіе и радость, словомъ—приличію и тону жертвовать всѣми своими чувствами, даже самыми святыми, самыми человѣческими!... Короче: даже китайскіе мандарины, эти высокіе идеалы и образцы природы искаженной и умершей отъ искусственности, даже китайскіе мандарины ничто предъ этими милыми, благовоспитанными дѣтьми!.. И если жизнь человѣческая есть театральная сцена или салонъ, и если *казаться* есть цѣль человѣческой жизни, то въ этомъ образѣ воспитанія мы нашли норму воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть прекраснѣе и очаровательнѣе, на примѣръ, свѣтской дѣвушки. — Она скорѣе согласится тысячу разъ умереть, нежели одинъ разъ въ жизни въ глазахъ свѣта показаться смѣшною, т.-е. прійти въ восторгъ отъ созданія искусства, отъ созерцанія явленій природы, или отъ рассказа о высокомъ подвигѣ, и всего, отъ чего плачутъ и чѣмъ восхищаются люди дурного тона. Она столько же развязна и свободна, сколько и граціозна; ничему не удивляясь, она ничего не испугается и ни отъ чего не прійдетъ въ смущеніе. Въ ней всегда такое спокойствіе, такая ровнота духа, все такъ соразмѣрно и прилично!.. А сколько въ ней талантовъ, которыхъ она не выставляетъ на видъ, какъ какая-нибудь провинціалка, но за которые она часто слышитъ себѣ „*charmant!*“ Ко всему этому, какая у ней чистая душа, какое нравственное сердце: она уже не вѣста, — а кромѣ Бульи и Беркена еще ничего не читала, и произнесите при ней имя Шекспира, она съ милою наивностію спроситъ васъ: *mais qu'est ce que c'est?* — а когда вы начнете говорить о Шекспирѣ, она съ такою милою разсѣянностію, съ такимъ достоинствомъ и такъ неожиданно для васъ повернетъ разговоръ на погоду или на послѣдній балъ. Виктора Гюго и Поль-де-Кока она будетъ читать уже послѣ замужества, а пока довольно

съ нея Булли и Беркена. Оно и хорошо: Шиллеръ, Гёте, Байронъ, Гофманъ, Шекспиръ, Вальтеръ-Скоттъ, Пушкинъ — опасны для юнаго дѣвственнаго сердца: чего добраго! они взволнуютъ его какими-то странными желаніями, неясными мечтаніями, произведутъ въ дѣвушкѣ экстазъ, экзальтацію, дадутъ ей какую-то внутреннюю поэтическую жизнь, — и вотъ долго ли до грѣха! — дѣвушка встрѣчаетъ на землѣ какую-то родную душу, безъ копѣйки за душою —

И жизнь могучая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ —

какъ сказалъ Пушкинъ... Мечтать и любить — предаться человѣческой страсти — да что же скажетъ свѣтъ?.. Нѣтъ, не такова благовоспитанная дѣвушка высшаго тона: она можетъ выдвинуться изъ толпы, но красотою, если Богъ наградилъ ея, нарядомъ, если ея *papa* богаче другихъ, но не душою, не сердцемъ и не другими мѣщанскими странностями. Она выйдетъ замужъ; — даже если и другіе не похлопочутъ объ этомъ, сама все устроитъ, но это замужество будетъ блестящее, способное возбуждать зависть, а не толки. Вотъ что дѣлаетъ истинное воспитаніе изъ дѣвушекъ! А юноши? — О, объ нихъ я боюсь и говорить: всѣ они и умные и глупые, и ученые и невѣжды — всѣ они съ такимъ философскимъ равнодушіемъ смотрятъ на жизнь, въ которой для нихъ нѣтъ ничего ни таинственнаго, ни удивительнаго, ни непостижнаго; всѣ они съ такою „львиною“ наглостію наводятъ на васъ свой лорнетъ... прекрасные молодые люди!.. А какъ свободно, съ какою небрежностію говорятъ они по-французски — словно на родномъ языкѣ, и какъ мило не умѣютъ связать двухъ русскихъ фразъ, написать русской строки безъ орфографическихъ ошибокъ — педантизма въ нихъ нѣтъ ни тѣни!..

Мы представили двѣ крайности одной и той же стороны; но есть еще середина, которая, какъ всѣ почти середины, часто бываетъ хуже крайностей. Мы говоримъ о воспитаніи того класса общества, который на низшіе смотритъ съ благороднымъ презрѣніемъ и чувствомъ собственного достоинства, а на высшіе съ благоговѣніемъ. Оно изъ всѣхъ силъ хлопочетъ быть ихъ вѣрною копіею; но, на зло себѣ, остается какимъ-то среднимъ пропорціональнымъ членомъ, съ собственною характеристикой, которая состоитъ въ отсутствіи всякаго характера, всякой оригинальности и которую всего вѣрнѣе можно выразить *мѣщанствомъ во дворянствѣ*. Непринужденность и милая наглость переходить у него въ жеманство и кривлянье. Хорошій тонъ въ обезьянничество. Смѣшно и жалко смотреть,

Какъ негодяй официантъ
Ломаешь барина въ передней!

Но это въ сторону: дѣло въ томъ, что въ этомъ кругу общества воспитаніе состоитъ въ томъ, чтобы убить въ дѣтяхъ всякую жизнь и живость, сдѣлать изъ нихъ попугаевъ и милыхъ куколъ, о которыхъ бы всѣ говорили: ахъ, какъ хорошо они воспитываются!..

Воспитаніе! Оно вездѣ, куда ни посмотрите, и его нѣтъ нигдѣ, куда ни посмотрите ¹⁾. Конечно, вы его можете увидѣть даже во всѣхъ слояхъ общества, отъ самаго высшаго до самаго низшаго, но какъ рѣдкость, какъ исключеніе изъ общаго правила. Отчего же это? Да оттого, что на свѣтѣ бездна родителей, множество *papas et mamas*, но мало отцовъ и матерей. „Вотъ прекрасно!“ — восклицаете вы: — „какая же разница между родителями и отцомъ и матерью?“ — Какъ какая? — взгляните лѣтомъ на мухъ: какая бездна родителей, но гдѣ же отцы и матери? Грибоѣдовъ давно уже скалъ —

Чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума недоставало!

Право рожденія — священное право на священное имя отца и матери — противъ этого никто и не спорить; но не этимъ еще все оканчивается: тутъ человѣкъ еще не выше животнаго; есть высшее право — родительской любви. „Да какой же отецъ или какая мать не любитъ своихъ дѣтей?“ — говорите вы. Такъ, но позвольте васъ спросить, что вы называете любовью? какъ вы понимаете любовь? — Вѣдь и овца любитъ своего ягненка: она кормитъ его своимъ молокомъ и облизываетъ языкомъ; но какъ скоро онъ мѣняетъ ея молоко на злакъ полей — ихъ родственныя отношенія оканчиваются. Вѣдь и г-жа Простакова любила своего Митрофанушку: она нещадно била по щекамъ старую Еремѣвну и за то, что дитя много кушало, и за то, что дитя мало кушало; она любила его такъ, что если бы онъ вздумалъ ее бить по щекамъ, она стала бы горько плакать, что милое, ненаглядное дѣтище больно обколотить объ нея свои ручки. Итакъ, развѣ чувство овцы, которая кормитъ своимъ молокомъ ягненка, чувство г-жи Простаковой, которая, бывши и овцою и коровою, готова еще сдѣлаться и лошадкою, чтобы возить въ колясочкѣ свое двадцатилѣтнее дитя, — развѣ все это не любовь? — Да, любовь, но какая? Любовь чувственная, животная, которая въ овцѣ, какъ въ животномъ, отличающемся и животною фигурою, имѣетъ свою истинную, разумную, прекрасную и восхи-

¹⁾ Здѣсь разумѣется только воспитаніе частное или домашнее. Прим. Бѣлинскаго.

щающую сторону, но которая въ г-жѣ Простаковой, какъ въ животномъ, отличающемся человѣческою фигурою, вмѣсто овечьей, — безсмысленна, безобразна и отвратительна. Далѣе: вѣдь и Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ любилъ свою дочь, Софью Павловну: посмотрите, какъ онъ хлопочетъ, чтобы по-выгоднѣе сбыть ее съ рукъ, подороже продать... Продать? — какое ужасное слово!.. Отецъ продаетъ свою дочь, торгуетъ ею, конечно не по мелочи, но одинъ разъ навсегда, и не больше, какъ для одного человѣка, который будетъ называться ея мужемъ!.. Но вѣдь это онъ дѣлаетъ не для себя, а для ея же счастья? — скажутъ многіе. Прекрасно! Но послѣ этого и разбойникъ, который для приданого дочери зарѣжетъ предъ ея свадьбою нѣсколькихъ человѣкъ, будетъ правъ, потому что сдѣлаетъ это изъ любви къ дочери? Послѣ этого и иная матушка, которая, не желая видѣть въ нищетѣ свою нѣжно любимую дочь, научить, или принудить ее сдѣлать выгодный промыселъ изъ своей красоты, — тоже будетъ права, потому что поступить такъ изъ любви къ дочери?.. И развѣ этого не бываетъ въ самомъ дѣлѣ? Развѣ старый подъячій, закоренѣвшій въ лихоимствѣ и казнокрадствѣ, не поставлялъ первымъ и священнымъ долгомъ своего родительскаго званія передать свое подлое ремесло нѣжно-любимому сынку? — Мы опять соглашаемся, что источникъ всего этого любовь, но *какая* — вотъ вопросъ! Откуда она истекаетъ, куда она стремится, къ кому обращается? Зачѣмъ звѣрь рветъ и губитъ подобныхъ себѣ, а въ голодѣ пожираетъ собственныхъ дѣтей? — Затѣмъ, что онъ любить себя, а любовь къ себѣ есть условіе всякой индивидуальности, которая, въ свою очередь, есть условіе всякаго бытія, основа и законъ жизни. Зачѣмъ собака грызется съ другою изъ-за брошенной кости? — Опять затѣмъ, что любить себя. И насъ не оскорбляетъ это въ животныхъ; по крайней мѣрѣ, мы не винимъ ихъ за это, и не считаемъ злодѣями и преступниками, потому что они живутъ и дѣйствуютъ подъ невольнымъ, рабскимъ вліяніемъ животнаго инстинкта и, кромѣ сохранения и возрожденія своей индивидуальности, не имѣютъ никакихъ обязанностей. И человѣкъ, подобно животному, замкнуть въ своей индивидуальности, и безсознательно слѣдуетъ данному ему природою инстинкту самосохраненія и стремленію къ улучшенію своего положенія; но неужели этимъ все и должно въ немъ оканчиваться? — Нѣтъ, разница человѣка съ животными именно въ томъ и состоитъ, что онъ только начинается тамъ, гдѣ животныя уже оканчиваются. Кромѣ обязанностей къ себѣ, онъ имѣетъ еще обязанности къ ближнимъ; кромѣ инстинкта,

который есть у животныхъ, онъ имѣетъ еще чувство, разсудокъ и разумъ, которыхъ нѣтъ у животныхъ; будучи существомъ и растительнымъ и животнымъ, будучи плотскимъ организмомъ, онъ есть еще и духъ — искра и обликъ Духа Божія. Слѣдовательно, и его любовь должна быть высшею ступенію той любви, которую мы видимъ во всей природѣ, — отъ сродства стихій, — отъ ихъ безмолвнаго организмованія въ минералъ, заключенный въ нѣдрахъ земли, отъ прозябанія дольней лозы, возникающей изъ зерна, — до животнаго, которое добровольно лишается жизни, съ яростію защищая своихъ дѣтей. Человѣкъ есть міръ въ маломъ видѣ: въ его организмѣ всѣ стихіи природы, первосущныя ея силы, вся минеральная природа — металлы и земли; въ жизни его организма всѣ процессы природы и минеральное сращеніе извнѣ, и прозябаемая растительность и животное развитіе изнутри. Онъ является на свѣтъ животнымъ, которое кричитъ, спитъ, ѣстъ и инстинктивно хватается за грудь, и инстинктивно сердится, когда его отъ нея отнимаютъ. Но уже съ того мгновенія, какъ языкъ его отъ безразличныхъ междометій начинаетъ постепенно переходить къ членораздѣльнымъ звукамъ и лепетать первыя слова, — въ немъ уже оканчивается животное и начинается человѣкъ, вся жизнь котораго, до поры полного мужества, есть не что иное, какъ непрерывное формированіе, дѣланіе, становленіе (*das Werden*) полнымъ человѣкомъ, для полного наслажденія и обладанія силами своего духа, какъ средствами къ разумному счастью. Еще младенецъ, припавъ къ источнику любви — къ груди своей матери, онъ останавливается на ней не безсмысленный взглядъ молодого животнаго, но горящій свѣтомъ разума, хотя и безсознательнаго; онъ улыбается своей матери, — и въ его улыбкѣ свѣтитъ лучъ божественной мысли. Во всѣхъ проявленіяхъ его любви просвѣчивается не простое, инстинктивное, но уже нечуждое смысла и разумности чувство: еще ноги его слабы, онъ не можетъ сдѣлать ими шага для вступленія въ жизнь, но уже любовь его выше любви животной. Такъ неужели, послѣ этого, любовь родителей, — существъ вполне развившихся, должна оставаться при своей естественности и животности, неспособныхъ отдѣлиться отъ самихъ себя и перейти за околдованную черту заменой въ себѣ индивидуальности? Нѣтъ, всякая человѣческая любовь должна быть чувствомъ, просвѣтленнымъ разумною мыслію, чувствомъ одухотвореннымъ. Но что же такое любовь? — Это жизнь, это духъ, свѣтъ луча; безъ нея все — смерть, при самой жизни, все — матерія, при самомъ органическомъ

развитіи, все — мракъ, при самомъ зрѣніи. Любовь есть высшая и единая дѣйствительность, внѣ которой все — призраки, обманывающіе зрѣніе, формы безъ содержанія, пустота въ кажущихся границахъ. Какъ огонь есть вмѣстѣ и свѣтъ и теплота, такъ и любовь есть осуществившійся, явленный разумъ, осуществившаяся, явленная истина. Ею все держится и весь міръ — ея явленіе. Въ природѣ она разлита какъ электричество; въ духѣ является разумною мыслию, въ самой себѣ носящую силу своего проявленія въ благомъ дѣйствиіи. И потому человѣкъ полный ея сильнѣе Самсона: съ мучениками первыхъ временъ христіанской церкви безтрепетно шель къ дикимъ звѣрямъ и, объятый пожирающимъ пламенемъ, пѣлъ гимны Богу живому и безсмертному; онъ изъ рыбака становился ловцомъ человѣковъ. Любовь столь сильна, что творитъ непостижимое, торжествуетъ надъ вѣчно-неизмѣнными условіями пространства и времени, надъ безсиліемъ плоти, младенцу даетъ львиную силу. Самъ Богъ есть любовь и источникъ любви, изъ котораго все исходитъ и въ который все возвращается. „Возлюбленные! станемъ любить другъ друга; ибо любовь отъ Бога, и всякій, кто любитъ, рожденъ отъ Бога, и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что *Богъ есть любовь*. — Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ; и Богъ въ немъ“, говоритъ св. апостолъ Іоаннъ (перв. пос. гл. IV, ст. 7, 8 и 16). И потому всякая власть и всякая сила только въ любви. И потому слово, проникнутое любовью, горитъ огнемъ неотразимаго убѣжденія, и согрѣваетъ теплотою умиленія сердце услышавшее его, и даетъ ему миръ и счастье; но слово, лишенное любви, и святыя истины дѣлаютъ холоднымъ и мертвымъ правоученіемъ и потону безсильно надъ умомъ и сердцемъ ¹⁾).

Истина выше человѣка, какъ личности: чтобъ быть достойнымъ имени человѣка, онъ долженъ сдѣлаться сосудомъ истины. Но истина не дается человѣку вдругъ, какъ его законное обладаніе: онъ долженъ достигать ея трудомъ, борьбою, лишеніями и страданіемъ, — и вся жизнь его должна быть стремленіемъ къ истинѣ. Личность человѣческая есть частность и ограниченность: только истина можетъ сдѣлать ее общимъ и безконечнымъ. Поэтому первое и основное условіе достиженія истины есть для человѣка отлученіе отъ самого себя въ пользу истины. Отсюда происходятъ добровольныя

лишенія, борьба съ желаніями и страстями, неумолимая строгость къ своему самолюбію, готовность къ самообвиненію предъ истиною, самоотверженіе и самопожертвованіе: кто не зналъ и не испыталъ въ своей жизни ничего этого — тотъ не жилъ въ истинѣ, не жилъ въ любви.

Теперь взглянемъ съ этой точки на любовь родительскую.

Отецъ и мать любятъ свое дитя потому, что оно ихъ рожденіе. Родство крови есть первая и, въ то же время, священная основа любви, ея исходный пунктъ, отъ котораго движется ея развитіе. Возставать противъ этого могутъ только или отвлеченные умы, разсудочные люди, неспособные проникнуть ни въ какую живую, явленную истину, или сердца холодныя, сухія, мертвыя; если не порочныя и не развратныя. Но, повторяемъ, естественная любовь, основывающаяся на одномъ родствѣ крови, еще далеко не составляетъ того, чѣмъ должна быть человѣческая любовь. Изъ родства крови и плоти должно развиться родство духа, которое одно прочно, крѣпко, одно истинно и дѣйствительно, одно достойно высокой и благородной человѣческой природы. Посмотрите: сколько на свѣтѣ дурныхъ дѣтей, которые теряютъ къ родителямъ всякую любовь, но оказываютъ къ нимъ только внѣшнее, формальное уваженіе, какъ скоро избавляются, лѣтами и обезпеченіемъ своего состоянія, отъ ихъ власти и вліянія, и къ тому же не ждуть себѣ никакого наслѣдства послѣ ихъ смерти. Сколько бываетъ въ свѣтѣ ужасныхъ примѣровъ дѣтей, неоказывающихъ родителямъ даже и внѣшняго уваженія, требуемаго общественными приличіями, — даже дѣтей, оскорбляющихъ своихъ родителей, если тѣ не рѣшаются прибѣгнуть къ гражданскому закону... Страшное, возмущающее душу зрѣлище! Вѣдныя родители, несчастныя дѣти! Да, *несчастныя*, — и, желѣя о первыхъ, не спѣшите проклинать послѣднихъ, но подумайте о томъ — природа ли создаетъ изверговъ или воспитаніе и жизнь дѣлаютъ ихъ такими? Мы не отвергаемъ, чтобы природа не производила людей, наклонныхъ къ пороку, но мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпко убѣждены, что такія явленія возможны какъ исключенія изъ общаго правила, и что нѣтъ столь дурного человѣка, котораго бы хорошее воспитаніе не сдѣлало лучшимъ. Горе дурнымъ дѣтямъ! почему бы они ни сдѣлались такими — отъ дурного ли воспитанія, по винѣ родителей, или отъ случайныхъ обстоятельствъ, — но они несчастны, потому что не знаютъ счастья сыновней любви и не могутъ имѣть надежду вкусить счастье любви родительской. Но тѣмъ не менѣе должно вни-

¹⁾ Впоследствии Бѣлинскій еще разъ вернулся къ этой темѣ, развивъ ее въ статьѣ о русской народной поэзіи; см. наст. изд. т. II, стр. 169—171.

катъ въ причины ихъ нравственнаго искаженія, если не для оправданія ихъ, то для оправданія истины, которая выше всего, даже родителей, и для поучительнаго примѣра, въ предотвращеніе такихъ возмущающихъ душу явленій. Мы сказали, что отецъ любить свое дитя, потому что оно его рожденіе; но онъ долженъ любить его еще какъ будущаго *человѣка*, котораго Богъ нарекъ сыномъ Своимъ и за спасеніе котораго Онъ принялъ на крестѣ страданіе и смерть. При самомъ рожденіи отецъ долженъ посвятить свое дитя служенію Богу въ духѣ и истинѣ, — и посвященіе это должно состоять не въ отторженіи его отъ живой дѣйствительности, но въ томъ, чтобы вся жизнь и каждое дѣйствіе его въ жизни было выраженіемъ живой, пламенной любви къ истинѣ, въ которой является Богъ. Только такая любовь къ дѣтямъ истинна и достойна называться любовью; всякая же другая есть эгоизмъ, холодное самолюбіе. Вся жизнь отца и матери, всякій поступокъ ихъ долженъ быть примѣромъ для дѣтей, и основою взаимныхъ отношеній родителей къ дѣтямъ должна быть любовь къ истинѣ, но не къ себѣ. Есть отцы, которые любятъ дѣтей для самихъ себя, — и въ этой любви есть своя истинная и разумная сторона; есть отцы, которые любятъ своихъ дѣтей для нихъ самихъ, — и эта любовь выше, истиннѣе, разумнѣе; но при этихъ двухъ родахъ любви есть еще высшая, истиннѣйшая и разумнѣйшая любовь къ дѣтямъ — любовь въ истинѣ, въ Богѣ. Любить ли отецъ своего сына, если заставляетъ его смотрѣть съ уваженіемъ на свои дурные и безнравственные поступки, какъ на благородные и разумные? Не все ли это равно, что требовать отъ дитяти, чтобы оно, вопреки своему зрѣнію, бѣлое называло чернымъ, а черное бѣлымъ? Тутъ нѣтъ любви, тутъ есть только самолюбіе, которое свою личность ставитъ выше истины. А между тѣмъ, у ребенка всегда будетъ столько смысла, чтобы, видя, какъ его маменька колотитъ по щекамъ дѣвокъ, или какъ его папенька напивается пьянъ и дерется съ маменькою, понимать, что это дурно. Конечно, приучая къ такимъ сценамъ съ малолѣтства и толкуя, что это хорошо, можно наконецъ увѣрить ребенка, что въ семь-то и состоитъ истинная жизнь; но это значитъ развратить, погубить его: гдѣ-жъ тутъ любовь? — тутъ только самолюбіе, которое въ своихъ дѣтяхъ хочетъ видѣть собственное безобразіе, чтобы не имѣть въ нихъ себѣ строгихъ, хотя и безмолвныхъ судей. Вопреки законамъ природы и духа, вопреки условіямъ развивающейся личности, отецъ хочетъ, чтобы его дѣти смотрѣли и видѣли не своими, а его глазами; преслѣдуетъ и

убиваетъ въ нихъ всякую самостоятельность ума, всякую самостоятельность воли, какъ нарушеніе сыновняго уваженія, какъ возстаніе противъ родительской власти, — и бѣдныя дѣти не смѣютъ при немъ рта разинуть, въ нихъ убита энергія, воля, характеръ, жизнь, они дѣлаются почтительными статуями, заражаются рабскими пороками — хитростію, лукавствомъ, скрытностію, лгутъ, обманываютъ, вывертываются... Китайцы, поставляющіе красоту женскихъ ногъ въ миньятюрности, зашивають у дѣвочекъ ноги въ сырую воловью шкуру и снимають ее, когда уже дѣвочки становятся дѣвушками: ножки въ самомъ дѣлѣ крошечныя, только кривы, изогнуты, уродливы, и женщина можетъ ходить только въ комнатѣ и то опираясь о стѣны и на мебель. Таковы результаты остановленной въ свободномъ развитіи природы! Таковы же бывають и результаты остановленнаго въ естественномъ и самобытномъ развитіи духа! Но что сказать о тѣхъ родителяхъ, которые имѣють несчастное убѣжденіе, что для пользы и счастія своихъ дѣтей они обязаны управлять тѣми ихъ склонностями, которыя рѣшаютъ счастіе или несчастіе цѣлой жизни человѣка? И какъ часто случается, что прекрасная дѣвушка, съ глубокою душою, любящимъ сердцемъ, по какому-нибудь случаю получившая, на свою пагубу, хорошее воспитаніе, созданная украсить, озолотить, осчастливить жизнь избраннаго ею, который бы понималъ ее, выдается силою родительской власти за какое-нибудь грубое животное съ человѣческимъ обликомъ, и гибнетъ безмолвною жертвою тайнаго, никѣмъ непонятаго страданія!.. Бѣдная, ей даже не на кого и жаловаться: ее погубили изъ любви же къ ней, изъ искренняго желанія ей добра и счастія... Горе человѣку, когда его участь въ рукахъ злодѣевъ, и такое же горе ему, когда его участь въ рукахъ добрыхъ, но пошлыхъ и глупыхъ людей!.. Бѣдныя женщины чаще всего испытываютъ на себѣ несомнѣнность этой горькой истины... Молодой человѣкъ, принужденный избрать чуждую своему призванію дорогу жизни, рано или поздно, хоть съ утратою силъ души, хоть съ обрѣзанными крыльями, но еще вылетаетъ на желанную свободу, а женщины!.. Но что сказать о тѣхъ родителяхъ, которые торгуютъ счастіемъ своихъ дѣтей, спекулируютъ ими на богатство, на знатность, да еще дѣйствуютъ при этомъ во имя нравственности, любви и своихъ священныхъ родительскихъ обязанностей къ дѣтямъ?.. Но оставимъ этотъ ужасный предметъ, отъ котораго возмущается и содрогается человѣческая природа, будто при видѣ удава или гремучей змѣи.

Разумная любовь должна быть основою взаимныхъ отношеній между родителями и дѣтьми. Любовь предполагаетъ взаимную довѣренность, — и отецъ долженъ быть столько же отцомъ, сколько и другомъ своего сына. Первое его попеченіе должно быть о томъ, чтобы сынъ не скрывалъ отъ него ни малѣйшаго движенія своей души, чтобы къ нему первому шелъ онъ и съ вѣстью о своей радости или горѣ, и съ признаніемъ въ проступкѣ, въ дурной мысли, въ нечистомъ желаніи, и съ требованіемъ совѣта, участія, сочувствія, утѣшенія. Какъ грубо ошибаются многіе, даже изъ лучшихъ отцовъ, которые почитаютъ необходимымъ раздѣлять себя съ дѣтьми строгостію, суровостію, недоступною важностію! Они думаютъ этимъ возбудить къ себѣ въ дѣтяхъ уваженіе, и въ самомъ дѣлѣ возбуждаютъ его, но уваженіе холодное, боязливое, трепетное, и тѣмъ отвращаютъ ихъ отъ себя и невольно приучаютъ къ скрытности и лживости. Родители должны быть уважаемы дѣтьми, но уваженіе дѣтей должно происходить изъ любви, быть ея результатомъ, какъ свободная дань ихъ превосходству, безъ требованія получаемая. Ничто такъ ужасно не дѣйствуетъ на юную душу, какъ холодность и важность, съ которыми принимается горячее изліяніе ея чувства, ничто не обливаетъ ее такимъ умерщвляющимъ холодомъ, какъ благоразумные совѣты и наставленія тамъ, гдѣ ожидаетъ она сочувствія. Обманутая такимъ образомъ въ своемъ стремленіи разъ и другой, она затворяется въ самой себѣ, сознаетъ свое одиночество, свою отдѣльность и особность отъ всего, что такъ любовно и родственно еще недавно окружало ее, и въ ней развивается эгоизмъ, она приучается думать, что жизнь есть борьба эгоистическихъ личностей, азартная игра, въ которой торжествуетъ хитрый и безжалостный и гибнетъ неловкій или совѣстливый. Открытая душа младенца или юноши — свѣтлый ручей, отражающій въ себѣ чистое и ясное небо; запертая въ самой себѣ, она — мрачная бездна, въ которой гнѣздятся нетопыри и жабы... Если же не это, можетъ случиться другое: индивидуальность человѣческая, по своей природѣ, не терпитъ отчужденія и одиночества, жаждетъ сочувствія и довѣренности подобныхъ себѣ, — и дѣти сдружаются между собою, составляютъ родъ общества, имѣющаго свои тайны, общими и соединенными силами скрываемаго, что никогда до добра не доводитъ. Это бываетъ еще опаснѣе, когда друзья избираются между чужими, и тѣмъ болѣе, когда избранный другъ старше избравшаго: онъ беретъ надъ нимъ верхъ, пріобрѣтаетъ у него авторитетъ и передаетъ ему всѣ свои наклонности и привычки, — что же, если онъ

дурны и порочны?... Нѣтъ! первое условіе разумной родительской любви — владѣть полною довѣренностію дѣтей, и счастливы дѣти, когда для нихъ открыта родительская грудь и объятія, которыя всегда готовы принять ихъ и правыхъ и виноватыхъ, и въ которыя они всегда могутъ броситься безъ страха и сомнѣнія!

Юная душа, неиспытанная еще отчужденія и сомнѣнія, вся открыта наружу; она не умѣетъ любить въ-мѣру, но предается предмету своей любви беззавѣтно и безусловно, видитъ въ немъ идеальное всевозможнаго совершенства, высшій образецъ для своихъ дѣйствій, вѣритъ ему со всѣмъ жаромъ фанатика. И что же, если такая любовь устремлена къ родителямъ, соединяясь съ естественною, кровною любовью къ нимъ! О, для такихъ дѣтей высочайшее счастье какъ можно чаще быть въ присутствіи родителей, наслаждаться ихъ разговорами, сопровождать ихъ въ прогулкѣ, имѣть свидѣтелями своихъ игръ и рѣзвостей, обращаться къ нимъ въ недоразумѣніяхъ, избирать ихъ въ посредники между собою въ своихъ маленькихъ ссорахъ и неудовольствіяхъ! Нужно ли доказывать, что при такомъ воспитаніи родители одною ласкою могутъ дѣлать изъ своихъ дѣтей все, что имъ угодно; что имъ ничего не стоитъ приучить ихъ съ малолѣтства къ выполненію долга — къ постоянному, систематическому труду въ опредѣленные часы каждаго дня (важная сторона въ воспитаніи: отъ упущенія ея много губится въ человѣкѣ!)? Нужно ли говорить, что такимъ родителямъ очень возможно будетъ обратить трудъ въ привычку, въ наслажденіе для своихъ дѣтей, а свободное отъ труда время — въ высшее счастье и блаженство? Еще менѣе нужно доказывать, что при такомъ воспитаніи совершенно бесполезны всякаго рода унижительныя для человѣческаго достоинства наказанія, подавляющія въ дѣтяхъ благородную свободу духа, уваженіе къ самимъ себѣ, и растлѣвающія ихъ сердца подлыми чувствами униженія, страха, скрытности и лукавства? Суровый взглядъ, холодно-вѣжлиное обращеніе, косвенный упрекъ, деликатный намекъ и уже много-много, если отказъ въ прогулкѣ съ собою, въ участіи слушать повѣсть или сказку, которую будетъ читать или рассказывать отецъ или мать, наконецъ, арестъ въ комнатѣ, — вотъ наказанія, которыя, будучи употреблены соразмѣрно съ виною, производятъ и сознаніе, и раскаяніе, и слезы, и исправленіе. Нѣжная душа доступна всякому впечатлѣнію, даже самому легкому: у ней есть тонкій инстинктъ, по которому она сама догадывается о неловкости своего поведенія, если подала къ нему поводъ; душа

грубая, привыкшая къ сильнымъ наказаніямъ, ожесточается, черствѣетъ, мозолится, дѣлается безстыдно-безсовѣстною, — и ей ужь скоро ни по чемъ всякое наказаніе. Нужно ли говорить, что *такое* воспитаніе — легко и возможно, но требуетъ всего человѣка, всего его вниманія, всей его любви? Отцы, которыхъ вся жизнь сосредоточена въ дѣтяхъ, отдана имъ безъ раздѣла — рѣдкія явленія: но для нихъ-то и говоримъ мы, къ нимъ и обращаемъ рѣчь нашу, — и дай Богъ, чтобы она принята была ими съ такою же любовью и искренностію, съ какими мы обращаемся къ нимъ!.. Всѣ же *не-такіе* могутъ намъ не вѣрить и даже смѣяться надъ нами, если имъ это заблагоразсудится... Въ добрый часъ!..

Воспитаніе—великое дѣло; имъ рѣшается участь человѣка. Молодые поколѣнія суть гости настоящаго времени и хозяева будущаго, которое есть ихъ настоящее, получаемое ими какъ наслѣдство отъ старѣйшихъ поколѣній. Какъ зародышъ будущаго, которое должно сдѣлаться настоящимъ, каждое изъ нихъ есть новая идея, готовая смѣнить старую идею. Это и есть условіе хода и процесса человѣчества. „Не вливаютъ вина молодого въ мѣхи старые“, сказалъ нашъ божественный Спаситель, и Онъ же изрекъ о дѣтяхъ, приведенныхъ къ нему для благословенія: „Таковыхъ есть царствіе небесное“. Но новое, чтобы быть дѣйствительнымъ, должно исторически развиться изъ стараго, — и въ этомъ законѣ заключается важность воспитанія, и имъ же обуславливается важность тѣхъ людей, которые берутъ на себя священную обязанность быть воспитателями дѣтей.

Правительство, неусыпно пекущееся о нашемъ благѣ, ничего не щадитъ для утвержденія на прочныхъ основаніяхъ общественнаго образованія. Несмотря на безчисленное множество уже существующихъ учебныхъ заведеній, оно не перестаетъ учреждать новыя на лучшихъ основаніяхъ, а старыя преобразовывать, соотвѣтственно потребностямъ времени; употребляетъ на нихъ огромныя суммы, замѣщаетъ вакантныя мѣста молодыми людьми, болѣе старыхъ способными удовлетворить современнымъ требованіямъ, — и кто вникалъ со вниманіемъ въ эту отрасль администраціи, тотъ не могъ не дивиться быстрымъ перемѣнамъ въ ней къ лучшему, богатымъ прекрасными результатами. Но общественное образованіе, преимущественно имѣющее въ виду развитіе умственныхъ способностей и обогащеніе ихъ познаніями, совсѣмъ не то, что воспитаніе домашнее: то и другое равно необходимы, и ни одно другого замѣнить не можетъ. Вотъ что говорить объ этомъ великій гер-

манскій мыслитель Гегель, въ своей торжественной рѣчи на актѣ Нюрнбергской Гимназіи, обязанной его кратковременному управленію теперешнимъ своимъ процвѣтаніемъ: „Въ связи съ этимъ находится еще другой важный предметъ, который ставитъ школу еще въ болѣшую необходимость опираться на домашнія отношенія учениковъ — это *дисциплина*. Я здѣсь отличаю *воспитаніе* нравовъ отъ ихъ *образованія*. Цѣлю учебнаго заведенія можетъ быть не воспитаніе, не дисциплина нравовъ въ собственномъ смыслѣ, а образованіе ихъ и притомъ не со всѣми средствами, къ нему ведущими. Учебное заведеніе должно предполагать добрую нравственность въ своихъ ученикахъ. Мы должны требовать, чтобы ученики, вступающіе къ намъ въ школу, уже получили предварительное воспитаніе. По духу нравовъ нашего времени непосредственное воспитаніе не есть, такъ, какъ у Спартанцевъ, публичное, государственное; обязанность и забота воспитанія лежитъ на родителяхъ. Другое дѣло — сиротскіе дома или семинаріи и вообще всѣ заведенія, которыя обнимаютъ цѣлое существованіе юноши“¹⁾.

Такъ! на родителяхъ, на однихъ родителяхъ лежитъ священнѣйшая обязанность сдѣлать своихъ дѣтей *человѣками*; обязанность же учебныхъ заведеній — сдѣлать ихъ учеными, гражданами, членами государства на всѣхъ его ступеняхъ. Но кто не сдѣлался прежде всего *человѣкомъ*, тотъ плохой *гражданинъ*, плохой слуга государю. Изъ этого видно, какъ важенъ, великъ и священъ санъ воспитателя: въ его рукахъ участь цѣлой жизни человѣка. Первыя впечатлѣнія могущественно дѣйствуютъ на юную душу: все дальнѣйшее ея развитіе совершается подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Всякій человѣкъ, еще не родившись на свѣтъ, въ самомъ себѣ носитъ уже возможность той формы, того опредѣленія, какое ему нужно. Эта возможность заключается въ его организмѣ, отъ котораго зависитъ и его темпераментъ, и его характеръ, и его умственные средства, и его наклонность и способность къ тому или другому роду дѣятельности, къ той или другой роли въ общественной драмѣ, — словомъ, вся его индивидуальная личность. По своей природѣ никто ни выше, ни ниже самого себя: Наполеономъ или Шекспиромъ должно родиться, но нельзя сдѣлаться: хорошій офицеръ часто бываетъ плохимъ генераломъ, а хорошій водевилистъ дурнымъ трагикомъ.

¹⁾ Такъ называемыя „директорскія“ или „гимназическія“ рѣчи Гегеля были напечатаны въ переводѣ М. Бакунина и съ его знаменитымъ предисловіемъ — въ первомъ номерѣ „Московского Наблюдателя“ редакціи Бѣлинскаго (1838 г.).

Это уже судьба, передъ которою безсильна и человѣческая воля и самая счастливая обстоятельства. Назначеніе человѣка — развить лежащее въ его натурѣ зерно духовныхъ средствъ, стать вровень съ самимъ собою; но не въ его волѣ и не въ его силахъ приобрести трудомъ и усиленіемъ сверхъ даннаго ему природою, сдѣлаться выше самого себя, равно какъ и быть не тѣмъ, чѣмъ ему назначено быть, какъ на примѣръ, художникомъ, когда онъ родился быть мыслителемъ и т. д. И вотъ здѣсь воспитаніе получаетъ свое истинное и великое значеніе. Животное, родившись отъ льва и львицы, дѣлается львомъ, безъ всякихъ стараній и усилий съ своей стороны, безъ всякаго вліянія счастливаго стеченія обстоятельствъ; но человѣкъ, родившись не только львомъ или тигромъ, но даже человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова, можетъ сдѣлаться и волкомъ, и осломъ, и чѣмъ угодно. Часто, одаренный великими средствами на великое, онъ обнаруживаетъ только дикую силу, которая служить ему не къ чему иному, какъ къ разрушенію всего окружающаго его и даже самого себя. И если бывають такіа богатая и могучія натуры, которыя собственно глубокостію и силою спасаются отъ гибели или искаженія вслѣдствіе ложнаго, неестественнаго развитія и дурного воспитанія, — то все-таки нельзя же сомнѣваться въ томъ, что тѣ же самыя натуры, но при нормальномъ развитіи и разумномъ воспитаніи прямѣе дошли бы до своей цѣли, съ силами свѣжими и неистощенными въ тяжелой и бесплодной борьбѣ съ случайными противорѣчіями. Разумное воспитаніе и злого по натурѣ дѣлаетъ или менѣе злымъ, или даже и добрымъ, развиваетъ до известной степени самыя тупыя способности и по возможности очеловѣчиваетъ самую органическую и мелкую натуру: такъ дикое, лѣсное растеніе, когда его пересажать въ садъ и подвергнуть уходу садовника, дѣлается и пышнѣе цвѣтомъ, и вкуснѣе плодомъ. Не всѣ рождаются героями, художниками, учеными; геній есть явленіе рѣдкое, рѣдкое; сильныя таланты тоже похожи на исключенія изъ общаго правила, — и въ этомъ случаѣ человечество есть армія, въ которой можетъ быть до милліона рядовыхъ солдатъ, но только одинъ фельдмаршалъ, и въ каждомъ полку только одинъ полковникъ, и на сто рядовыхъ одинъ офицеръ. Въ такой же пропорціи находится къ большинству, или толпѣ, и число людей съ глубокою и безконечною натурою, которыхъ назначеніе — не проявиться въ какомъ-нибудь родѣ дѣятельности, составляющемъ призваніе генія и таланта, но все понимать, всему сочувствовать, и все облагораживать и счастливить своимъ непо-

средственнымъ вліяніемъ. Природа не скупа, но экономна въ своихъ дарахъ — и, какъ явленіе вѣчнаго разума, она строго соблюдаетъ свой іерархическій порядокъ, свою *табелю о рангахъ*. Но всякое назначеніе природы имѣетъ параллельное себѣ назначеніе въ человечествѣ и въ гражданскомъ обществѣ, — почему всякій человѣкъ, съ какими бы то ни было способностями, находитъ свое мѣсто въ томъ и другомъ. Не мѣста людей, но люди мѣста унижаютъ. Самое приличное мѣсто человѣку — то, къ которому онъ призванъ, а свидѣтельство призванія — его способности, степень ихъ, склонность и стремленіе. Кто призванъ на великое въ человечествѣ, совершай его; ему честь и слава, ему вѣнецъ генія; кому же назначена тихая и неизвѣстная доля — умѣй найти въ ней свое счастье, умѣй съ пользою дѣйствовать и на маломъ поприщѣ, умѣй быть достойнымъ, почтеннымъ и въ скромной дѣятельности. Всякое желаніе невозможнаго есть ложное желаніе; всякое стремленіе быть выше себя, выше своихъ средствъ есть не благородный порывъ сознающей себя силы, а претензія жалкой посредственности и бѣднаго самолюбія украситься внѣшнимъ блескомъ. Цѣль нашихъ стремленій есть удовлетвореніе, и всякій удовлетворяется ни больше, ни меньше, какъ тѣмъ, что ему нужно; а кто нашелъ свое удовлетвореніе на ограниченномъ поприщѣ, тотъ счастливѣе того, кто, обладая большими духовными средствами, не можетъ найти своего удовлетворенія. Честный и, по-своему, умный сапожникъ, который въ совершенствѣ обладаетъ своимъ ремесломъ и получаетъ отъ него все, что нужно ему для жизни, выше плохого генерала, хотя бы онъ былъ самъ Меласъ, выше педанта, ученаго, выше дурного стихотворца. Главная задача человѣка во всякой сферѣ дѣятельности, на всякой ступени въ лѣстницѣ общественной іерархіи, быть — *человѣкомъ*. Но умѣренная на произведеніе великихъ явленій духовнаго міра, природа щедра до безконечности на произведеніе людей и съ душою, и съ способностями, и дарованіемъ, словомъ, со всѣмъ, что нужно человеку, чтобы быть достойнымъ высокаго званія человѣка. Люди бездарные, ни къ чему неспособные, тупоумные, суть такое же исключеніе изъ общаго правила, какъ уроды, и ихъ такъ же мало, какъ и уродовъ. Множество же ихъ происходитъ отъ двухъ причинъ, въ которыхъ природа нисколько не виновата: отъ дурнаго воспитанія и вообще ложнаго развитія и еще оттого, что рѣдко случается видѣть человѣка на своей дорогѣ и на своемъ мѣстѣ. Сознаніе своего назначенія трудное дѣло, и часто если не натолкнуть человѣка на чуждую ему дорогу

жизни, онъ самъ сойдетъ по ней, руководимы или безсознательностію, или претензіями. Но если бы возможно было равное для всѣхъ нормальное воспитаніе, — число обиженныхъ природою такъ ограничилось бы, что дѣйствительно обиженные ею прямо поступали бы въ кунсткамеру въ банки со спиртомъ. И потому воспитаніе по отношенію къ большинству пріобрѣтаетъ еще болѣшую важность: оно все—и жизнь и смерть, спасеніе и гибель.

Но воспитаніе, чтобъ быть жизнію, а не смертію, спасеніемъ, а не гибелью, должно отказаться отъ всякихъ претензій своевольной и искусственной самодѣятельности. Оно должно быть помощникомъ природѣ — не больше. Обыкновенно думаютъ, что душа младенца есть бѣлая доска, на которой можно писать, что угодно, забывая, что каждый человѣкъ есть индивидуальная личность, которая можетъ дѣлаться и хуже и лучше—только по-своему, *индивидуально*. Воспитаніе можетъ сдѣлать человѣка только худшимъ, исказить его натуру; лучшимъ оно его не дѣлаетъ, а только помогаетъ дѣлаться. Если душа младенца и въ самомъ дѣлѣ есть бѣлая доска, то качество и смыслъ буквъ, которыя пишетъ на ней жизнь, зависятъ не только отъ пишущаго и орудія писанія, но и отъ качества самой этой доски. Человѣкъ ничего не можетъ узнать, чего бы не было въ немъ, ибо вся дѣйствительность, доступная его разумѣнію, есть не что иное, какъ осуществившіеся законы его же собственного разума. И потому-то есть такъ называемыя *врожденные идеи*, которыя суть непосредственное созерцаніе истины, заключающееся въ таинствѣ человѣческаго организма. Ребенка нельзя увѣрить, что $2 \times 2 = 5$, а не 4. А между тѣмъ, есть истины и выше этой, которыхъ сѣмя въ душѣ человѣка, еще и не думавшаго о нихъ!...

Нѣтъ, не бѣлая доска душа младенца, а дерево въ зернѣ, человѣкъ въ возможности! Какъ ни старо сравненіе воспитателя съ садовникомъ, но оно глубоко вѣрно, и мы не затрудняемся воспользоваться имъ. Да, младенецъ есть молодой, блѣдно-зеленый ростокъ, едва выглянувшій изъ своего зерна; а воспитатель есть садовникъ, который ходитъ за этимъ нѣжнымъ, возникающимъ растеніемъ. Посредствомъ прививки и дикую лѣсную яблоню можно заставить, вмѣсто кислыхъ и маленькихъ яблокъ, давать яблоки садовые, вкусные и большіе; но тщетны были бы всѣ усилія искусства заставить дубъ приносить яблоки, а яблоню—жолуди. А въ этомъ-то именно и заключается, по большей части, ошибка воспитанія: забываютъ о природѣ, дающей ребенку наклонности и способности, и опредѣляющей его

значеніе въ жизни, и думаютъ, что было бы только дерево, а то можно заставить его приносить что угодно, хоть арбузы вмѣсто орѣховъ.

Для садовника есть правила, которыми онъ необходимо руководствуется при хожденіи за деревьями. Онъ соображается не только съ индивидуальною природою каждого растенія, но и со временами года, съ погодою, съ качествомъ почвы. Каждое растеніе имѣетъ для него свои эпохи возрастанія, сообразно съ которыми онъ и располагаетъ свои съ нимъ дѣйствія: онъ не сдѣлаетъ прививки ни къ стеблю, еще несформировавшемуся въ стволъ, ни къ старому дереву, уже готовому засохнуть. Человѣкъ имѣетъ свои эпохи возрастанія, не сообразуясь съ которыми можно затупить въ немъ всякое развитіе.

Орудіемъ и посредникомъ воспитанія должна быть любовь, а цѣлью—*человѣчность* (die Humanität) ¹⁾. Мы разумѣемъ здѣсь первоначальное воспитаніе, которое важнѣе всего. Всякое частное или исключительное направленіе, имѣющее опредѣленную цѣль въ какой-нибудь сторонѣ общественности, можетъ имѣть мѣсто только въ дальнѣйшемъ, окончательномъ воспитаніи. Первоначальное же воспитаніе должно видѣть въ дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но *человѣка*, который могъ бы въ послѣдствіи быть тѣмъ или другимъ, не переставая быть *человѣкомъ*. Подъ *человѣчностью* мы разумѣемъ живое соединеніе въ одномъ лицѣ тѣхъ общихъ элементовъ духа, которые равно необходимы для всякаго человѣка, какой бы онъ ни былъ націи, какого бы онъ ни былъ званія, состоянія, въ какомъ бы возрастѣ жизни и при какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, — тѣхъ общихъ элементовъ, которые должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгѣйшее сокровище, и безъ которыхъ онъ не человѣкъ. Подъ этими общими элементами духа мы разумѣемъ доступность всякому человѣческому чувству, всякой человѣческой мысли, смотря по глубокости натуры и степени образованія cadaго. Человѣкъ есть разумно-сознательная сущность и органъ всего сущаго,—и отсюда получаетъ свое глубокое и высокое значеніе извѣстное выраженіе: „*Homo sum, nihil mihi alienum humani puto*“, т.-е. „Я человѣкъ—и ничего человѣческаго не считаю чуждымъ мнѣ“. Чѣмъ глубже натура и развитіе человѣка, тѣмъ болѣе онъ человѣкъ, и тѣмъ доступнѣе ему все человѣческое. Онъ пойметъ и радостный крикъ дитяти при видѣ пролетѣвшей птички, и бур-

¹⁾ Ср. со словами „разумность“, „призрачность“, „женственность“ и см. наше примѣчаніе въ предъидущей статьѣ о введенныхъ Бѣлинскимъ неологизмахъ. См. также выше примѣчаніе Бѣлинскаго на стр. 607-ой.

ное волненіе страстей въ вулканической груди юноши, и спокойное самообладаніе мужа, и созерцательное упоеніе старца, и жгучее отчаяніе, и дикую радость, и безмолвное страданіе, и затаенную грусть, и восторги счастливой любви, и тоску разлуки, и слезы отринутаго чувства, и нѣмую мольбу взоровъ, и высоту самоотверженія, и сладость молитвы, и все, что въ жизни, и въ чемъ есть жизнь. Опытъ и опытность не суть необходимое условіе такой всеобъемлющей доступности: чтобы понять и младенца, и юношу, и мужа, и старца, и женщину, ему не нужно быть вмѣстѣ и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ: ему не нужно даже быть въ томъ положеніи, которое интересуется его въ каждомъ изъ нихъ: лишь бы представилось ему явленіе, а ужъ его чувство безсознательно откликнется на него и пойметъ его. На все будетъ у него и привѣтъ и отвѣтъ, и участіе и утѣшеніе, чистая радость о счастіи ближняго, и состраданіе въ его горѣ, и улыбка на полный блаженства взоръ, и слеза на горькія слезы! Ему понятна и возможность не только слабостей и заблужденій, но и самыхъ пороковъ, самыхъ преступленій: презирая слабости и заблужденія, онъ будетъ жалѣть о слабыхъ и заблуждающихся; проклиная пороки и преступленія, онъ будетъ сострадать порочнымъ и преступнымъ. Его грудь равно открыта и для задушевной тайны друга, и для робкаго признанія юнаго, страждущаго существа, и для души, томящейся обременительной полнотою блаженства, и для растерзаннаго страданіемъ сердца, и для рыдающаго раскаянія, и для самой ужасной повѣсти страстей и заблужденій. Онъ уважитъ чувство и друга и не-друга: для него святы горе и радость знакомаго и незнакомаго человѣка. Съ нимъ такъ тепло и отрадно и своему и чужому: онъ во всѣхъ внушаетъ такую довѣрчивость, такую откровенность! Въ его душѣ столько теплоты и *елейности*¹⁾, въ его словахъ такая кротость и задумчивость, въ его манерахъ столько мягкости и деликатности! Какъ отрадно бываетъ встрѣтить въ старикѣ, который былъ лишенъ всякаго образованія, провелъ всю жизнь свою въ практической дѣятельности, совершенно чуждой всего идеальнаго, мечтательнаго и поэтическаго,—какъ отрадно встрѣтить теплое чувство, неподавленное бременемъ годовъ и желѣзными заботами жизни, любовь и снисхожденіе къ юности, къ ея вѣтреннымъ забавамъ, ея шумной радости, ея мечтамъ, и грустнымъ и свѣтлымъ, и пламен-

нымъ и гордымъ! какъ отрадно увидѣть на его устахъ кроткую улыбку удовольствія, чистую слезу умиленія отъ пѣсни, отъ стихотворенія, отъ повѣсти!... О, станьте на колѣни передъ такимъ старикомъ, почтите за честь и счастіе его ласковый привѣтъ, его дружеское пожатіе руки: въ немъ есть человѣчность! Онъ въ миллионъ разъ лучше этихъ сомнѣвающихся и разочарованныхъ юношей, которые увяли не расцвѣвши,—этихъ почтенныхъ лысинъ и сѣдинъ, которыхъ рутинною хотятъ замѣнить умъ и дарованія, холоднымъ резонерствомъ теплое чувство, внѣшнимъ и заимствованнымъ блескомъ отличій внутреннюю пустоту и ничтожность, а важными и строгими разсужденіями о нравственности — сухость и мертвенность своихъ деревянныхъ сердецъ!..

Чтобы не повторять одного и того же, мы перейдемъ теперь къ дѣтскимъ книгамъ— главному предмету нашей статьи, и ихъ характеристикой довершимъ нашу характеристику воспитанія вообще.

На дѣтскія книги обыкновенно обращаютъ еще менѣе вниманія, чѣмъ на самое воспитаніе. Ихъ просто презираютъ, и если покупаютъ, то развѣ для картинокъ. Есть даже люди, которые почитаютъ чтеніе для дѣтей больше вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Это грубое заблужденіе, варварскій предразсудокъ. Книга есть жизнь нашего времени. Въ ней всѣ нуждаются—и старые, и молодые, и дѣловыя, и ничего недѣлающіе; дѣти—также. Все дѣло въ выборѣ книгъ для нихъ, и мы первые согласны, что читать дурно выбранныя книги для нихъ и хуже и вреднѣе, чѣмъ ничего не читать: первое зло—положительное, второе только отрицательное. Такъ, наприимѣръ, въ дѣтяхъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ должно развивать чувство изящнаго, какъ одинъ изъ первѣйшихъ элементовъ человѣчности; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы имъ можно было давать въ руки романы, стихотворенія и проч. Нѣтъ ничего столь вреднаго и опаснаго, какъ неестественное и несвоевременное развитіе духа. Дитя должно быть дитятею, но не юношею, не взрослымъ человѣкомъ. Первые впечатлѣнія сильны,—и плодомъ неразборчиваго чтенія будетъ преждевременная мечтательность, пустая и ложная идеальность, отвращеніе отъ бодрой и здоровой дѣятельности, наклонность къ такимъ чувствамъ и положеніямъ въ жизни, которыя несвойственны дѣтскому возрасту. Юноши, переходящіе въ старость мимо возмужалости—отвратительны, какъ старички, которые хотятъ казаться юношами. Все хорошо и прекрасно въ гармоніи, въ соотвѣтственности съ самимъ собою. Всему своя чреда. Неестественно и

¹⁾ Разумѣется, это слово надо понимать не въ нынѣшнемъ его отрицательномъ значеніи. По поводу употребленія этого слова ср. предыдущее примѣчаніе.

преждевременно развившіяся дѣти—нравственные уроды. Всякая преждевременная зрѣлость похожа на растлѣніе въ дѣтствѣ. Искусство въ той мѣрѣ дѣйствительно для каждаго, сколько каждый находитъ въ немъ истолкованіе того, что живетъ въ немъ самомъ какъ чувство,—что знакомо ему, какъ потребность его души. Когда же онъ этого не находитъ въ искусствѣ, то видитъ въ немъ фразы, увлекается ими, и изъ простого, добраго человѣка становится высокопарнымъ болтуномъ, пустымъ и докучнымъ фразѣромъ. Что же сказать о дѣтяхъ, которыя, по своему возрасту, не могутъ найти въ поэзіи отраженія внутренняго міра души своей? Разумѣется, они или увлекаются отвратительнымъ въ ихъ лѣта фразерствомъ и резонерствомъ, или перетолковываютъ по своему недоступныя для нихъ чувства и превращаютъ ихъ для себя въ неестественныя и ложныя ощущенія и побужденія. Но въ пользу дѣтей должно исключить изъ числа недоступныхъ имъ искусствъ—музыку. Это искусство, невыговаривающее опредѣленно никакой мысли, есть какъ бы отрѣшившаяся отъ міра гармонія міра, чувство безконечнаго, воплотившееся въ звуки, возбуждающее въ душѣ могучіе порывы и стремленіе къ безконечному, возносящее ее въ ту превыспреннюю, подзвѣздную сферу высокихъ помысловъ и блаженнаго удовлетворенія, которая есть свѣтлая отчизна живущихъ долу, и изъ которой слышатся имъ довременные глаголы жизни... Вліяніе музыки на дѣтей благодатно, и чѣмъ равнѣ начнутъ они испытывать его на себѣ, тѣмъ лучше для нихъ. Они не переведутъ на свой дѣтскій языкъ ея невыговариваемыхъ глаголовъ, но запечатлѣютъ ихъ въ сердца,—не перетолкуютъ ихъ по-своему, не будутъ о ней резонерствовать; но она наполнитъ гармонією міра ихъ новыя души, разовьетъ въ нихъ предощущеніе таинства жизни, совлеченной отъ случайностей, и дастъ имъ легкія крылья, чтобы отъ низменнаго дола возноситься горѣ—въ свѣтлую отчизну душъ.. Не можемъ удержаться, чтобы не выписать здѣсь мѣста изъ статьи одного мало читавшагося журнала, статьи, проникнутой мыслию и благороднымъ одушевленіемъ: „Жалко сказать, въ какомъ положеніи находится у насъ музыкальное образованіе. У насъ учатъ музыкѣ не потому, что музыка есть великое искусство, которое возвышаетъ, облагораживаетъ душу, развиваетъ въ ней безконечный внутренній міръ, а потому, что стыдно же дѣвушкамъ не играть на фортепьяно, не спѣть романса—это въ жизни хорошо“; какъ не блеснуть въ обществѣ своей игрой, своей музыкаль-

ностью! ¹⁾—и у насъ музыка обратилась въ какую-то роскошь воспитанія: папенька тратится и платитъ деньги музыкальному учителю, считая это уже необходимымъ зломъ для своего кармана. По большей части дѣвушки наши занимаются музыкою только до замужества, а такъ какъ па музыку смотрятъ, какъ на средство сдѣлать выгодную партію, или даже просто—поскорѣе выйти замужъ,—цѣль достигнута, и музыка оставлена, фортепьяно держится въ домѣ, какъ необходимая мебель. Да впрочемъ извѣстно и то, что благородной дѣвицѣ неприлично наслаждаться какою-то превыспреннею любовію, и находить свое счастье въ природѣ, въ искусствѣ, въ мысли; совсѣмъ нѣтъ: природа, поэзія и умныя сужденія должны быть украшеніями, забавами жизни, а вовсе не сущностію ея.—Пусть бы оставляли музыку для занятій и попеченій материнскихъ (хотя мы думаемъ, напротивъ, что въ долѣ и попеченія матери музыка должна входить первая: она первая должна быть благодатною росой для растительной жизни дитяти, солнечнымъ свѣтомъ для пробуждающейся юной души, она развиваетъ и укрѣпляетъ цвѣтокъ духовной жизни для плода... впечатлѣнія музыки на душу младенца и плоды ихъ неисчислимы); но дамы наши мало думаютъ объ этомъ, и музыка оставляется для другихъ, важнѣйшихъ предметовъ—нарядовъ, выѣздовъ, собраній, свѣтской литературы; но тихой, задумчивой музыкѣ неловко въ такомъ блистательномъ, шумномъ обществѣ—она улетааетъ...“ („Моск. Набл.“ 1838, стр. 332) ²⁾.

Но что же можно читать дѣтямъ? Изъ сочиненій, писанныхъ для всѣхъ возрастовъ, давайте имъ „Басни“ Крылова, въ которыхъ

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, кому не хочется блеснуть своею музыкальністю?—И вотъ и въ музыку также ввели моду, какъ и въ костюмы и въ свѣтскіе обычаи. Пожалуйте намъ Черни, Герца, Тальбега, Шопена: какъ можно даже говорить о старикахъ Моцартѣ и Бетховенѣ... Соната Бетховена—fi donc!—какъ это старо!... Въ самомъ дѣлѣ, вы стары, простодушные художники!... Посмотрите на природу, какъ она состарѣлась—вѣдь ужъ сколько тысячъ лѣтъ живетъ она!.. Шекспиру слишкомъ 200 лѣтъ, а Гомеръ даже сдѣлался мѣомъ... Да, правда—всѣ вы стары, всѣ вы не годитесь теперь; вами вовсе нельзя блеснуть въ обществѣ: вы требуете много труда, размышленія, уединенія; а что жъ вы даете за это?—Какую-нибудь внутреннюю гармонію, одушевленіе, растворяете душу блаженствомъ и жаждою безконечнаго,—намъ совсѣмъ не этого нужно... Но я, право, не знаю, что нужно такимъ артистамъ, и, говоря это, я вовсе не имѣлъ намѣренія говорить о старыхъ германскихъ мастерахъ, и высказалъ это такъ, къ слову, потому что мнѣ всегда очень забавно слышать такіе приговоры въ сферѣ искусства; но Богъ съ ними, съ этими любителями!... *Прим. Былинскаго.*

²⁾ Изъ статьи В. Боткина: „Оле-Буль. Брейтингъ. Sing-Akademie“.

даже практическія, житейскія мысли облечены въ такіе плѣнительные поэтическіе образы, и все такъ рѣзко запечатлѣно печатью русскаго ума и русскаго духа; давайте имъ „Юрія Милославскаго“ г. Загоскина, въ которомъ столько душевной теплоты, столько патріотическаго чувства, который такъ простъ, такъ наивенъ, такъ чуждъ возмущающихъ душу картинъ, такъ доступенъ дѣтскому воображенію и чувству; давайте „Овсяный Кисель“, эту наивную, дышащую младенческою поэзіею пьесу Гребеля, такъ превосходно переведенную Жуковскимъ; давайте имъ нѣкоторыя изъ народныхъ сказокъ Пушкина, какъ, на прим., „О Рыбакѣ и Рыбкѣ“, которая, при высокой поэзіи, отличается, по причинѣ своей безконечной народности, доступностію для всѣхъ возрастовъ и сословій, и заключаетъ въ себѣ нравственную идею. Не давая дѣтямъ въ руки самой книги, можно читать имъ отрывки изъ нѣкоторыхъ поэмъ Пушкина, какъ, на прим., въ „Кавказскомъ Пльнникѣ“ изображеніе черкесскихъ нравовъ, въ „Русланѣ и Людмилѣ“ эпизоды битвъ, о полѣ, покрытомъ мертвыми костями, о богатырской головѣ; въ „Полтавѣ“ описаніе битвы, появленіе Петра Великаго, наконецъ, нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній Пушкина, каковы: „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“, „Женихъ“, „Пиръ Петра Великаго“, „Зимній Вечеръ“, „Утопленникъ“, „Бѣсы“; нѣкоторыя изъ пѣсенъ западныхъ Славянъ, а для болѣе взрослыхъ — „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинскую Годовщину“. Не заботьтесь о томъ, что дѣти мало тутъ поймутъ, но именно и старайтесь, чтобы они какъ можно менѣе понимали, но больше чувствовали. Пусть ухо ихъ пріучается къ гармоніи русскаго слова, сердца преисполняются чувствомъ изящнаго; пусть и поэзія дѣйствуетъ на нихъ, какъ и музыка — прямо черезъ сердце, мимо головы, для которой еще не станетъ свое время, свой чередъ. Очень полезно, и даже необходимо знакомить дѣтей съ русскими народными пѣснями, читать имъ, съ немногими пропусками, стихотворныя сказки Кирши Данилова. Народность обыкновенно выпускается у насъ изъ плана воспитанія: часто не только юноши, но и дѣти знаютъ наизусть отрывки изъ трагедій Корнеля и Расина, и умѣютъ пересказывать десятокъ анекдотовъ о Генрихѣ IV, о Лудовикѣ XIV, а между тѣмъ не имѣютъ и понятія о сокровищахъ своей народной поэзіи, о русской литературѣ, и развѣ отъ дѣдекъ и мамокъ узнаютъ, что былъ на Руси великій царь — Петръ I. Давайте дѣтямъ больше и больше созерцаніе общаго, человѣческаго, мірового; но преимущественно старайтесь знакомить ихъ съ этимъ чрезъ

родныя и національныя явленія: пусть они сперва узнаютъ не только о Петрѣ Великомъ, но и о Іоаннѣ III, чѣмъ о Генрихахъ, Карлахъ и Наполеонахъ. Общее является только въ частномъ: кто не принадлежитъ своему отечеству, тотъ не принадлежитъ и человѣчеству.

Книги, которыя пишутся собственно для дѣтей, должны входить въ планъ воспитанія, какъ одна изъ важнѣйшихъ его сторонъ. Наша литература особенно бѣдна книгами для воспитанія, въ обширномъ значеніи этого слова, т.-е. какъ *учебными*, такъ и *литературными* дѣтскими книгами. Но эта бѣдность нашей литературы покуда еще не можетъ быть для нея важнымъ упрекомъ. Посмотрите на богатія литературы Французовъ, Англичанъ и даже самихъ Нѣмцевъ: у всѣхъ у нихъ дѣтскихъ книгъ много, но читать дѣтямъ нечего, или по крайней мѣрѣ очень мало. У Французовъ, на прим., писали для дѣтей Беркенъ, Бульи, г-жа Жанлисъ и прочіе, написали бездну; но дѣти отъ этого нисколько не богаче книгами для своего чтенія. И это очень естественно: должно *родиться*, а не *сдѣлаться* дѣтскимъ писателемъ. Это своего рода призваніе. Тутъ требуется не только талантъ, но и своего рода геній... Да, много, много нужно условій для образованія дѣтскаго писателя: нужна душа благодатная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески-простодушная, умъ возвышенный, образованный, взглядъ на предметы просвѣтленный, и не только живое воображеніе, но и живая, поэтическая фантазія, способная представить все въ одушевленныхъ, радужныхъ образахъ. Разумѣется, что любовь къ дѣтямъ, глубокое знаніе потребностей, особенностей и отлѣяковъ дѣтскаго возраста есть одно изъ важнѣйшихъ условій.

Цѣлю дѣтскихъ книжекъ должно быть не столько занятіе дѣтей какимъ-нибудь дѣломъ, не столько предохраненіе ихъ отъ дурныхъ привычекъ и дурного направленія, сколько развитіе даннаго имъ отъ природы элементовъ человѣческаго духа, — развитіе чувства любви и чувства безконечнаго. Прямое и непосредственное дѣйствіе такихъ книжекъ должно быть обращено на чувство дѣтей, а не на ихъ разсудокъ. Чувство предшествуетъ знанію; кто не почувствовалъ истины, тотъ и не понялъ и не узналъ ея. Въ дѣтскомъ возрастѣ чувство и разсудокъ въ рѣшительной противоположности, въ рѣшительной враждѣ, и одно убиваетъ другое: преимущественное развитіе чувства даетъ имъ полноту, гармонію и поэзію жизни; преимущественное развитіе разсудка губить въ ихъ сердцахъ пышный цвѣтъ чувства и выращаетъ въ нихъ пырей и белену

резонерства. Дѣтскій умъ, предаваясь отвлеченности, въ живыхъ явленіяхъ природы и жизни видитъ одни мертвыя формы, лишеныя духа и сущности, и логическія опредѣленія для него — скорлупа гнилого орѣха, о которую только портятся зубы. Конечно, односторонность вредна и въ воспитаніи, и дѣтскій разумъ требуетъ развитія, какъ и чувство; но развитіе разсудка въ дѣтяхъ предоставляется другой сторонѣ воспитанія—ученію, школѣ. Садясь за грамматику, ребенокъ уже вступаетъ въ міръ отвлеченностей и логическихъ построеній и опредѣленій. Всему свое мѣсто, и ни одна сторона духа не должна мѣшать другой: пусть въ классѣ развивается разсудокъ ребенка и пріучается постепенно къ строгости логической дисциплины; пусть ребенокъ разсуждаетъ съ учебникомъ въ рукахъ, готовясь къ классу; но лишь затворится за нимъ дверь класса, пусть онъ входитъ въ поэтическій міръ дѣйствительныхъ, образныхъ явленій жизни, въ „полное славы твореніе“! Книга пусть будетъ у него книгою, а жизнь жизнью, и одно да не мѣшаетъ другому! Увы, прійдетъ время—и скроется отъ него этотъ поэтическій образъ жизни, съ розовыми ланитами, съ сіяющими отъ веселья взорами, съ обольстительною улыбкою счастья на устахъ: подозрительный и недоувѣрчивый разсудокъ разложитъ его на мускулы, кровь, нервы и кости, и, вмѣсто прежняго плѣнительнаго образа, покажетъ ему отвратительный скелетъ. Въ душѣ раздадутся тревожные вопросы—и какъ, и отчего, и почему, и зачѣмъ? Живыя явленія дѣйствительности превратятся въ отвлеченныя понятія... Поздравимъ его, если онъ съ честію выдержитъ эту внутреннюю борьбу: если изъ порожденных разрывающею силою разсудка противорѣчій снова войдетъ въ новое и высшее прежняго, разумно-сознательное созерцаніе полноты жизни. Пожалѣемъ о немъ, если ему суждено будетъ на вѣкъ остаться въ односторонней ограниченности разсудочнаго созерцанія жизни... Но пока онъ еще дитя, дадимъ ему вполне насладиться первобытнымъ раемъ непосредственной полноты бытія, этою полною жизнію чистой младенческой радости, источникъ которой есть простодушное и цѣломудренное единство съ природою и дѣйствительностію.

Итакъ, если вы хотите писать для дѣтей, не забывайте, что они не могутъ *мыслить*, но могутъ только *разсуждать*, или, лучше сказать, *резонерствовать*, а это очень худо! Если несносенъ взрослый человѣкъ, который все великое въ жизни мѣряетъ маленькимъ аршиномъ своего разсудка, и о религіи, искусствѣ и знаніи разсуждаетъ, какъ о по-

свѣхъ хлѣба, паровыхъ машинахъ или выгодной партіи, то еще отвратительнѣе ребенокъ-резонеръ, который „разсуждаетъ“, потому что еще не можетъ „мыслить“. Резонерство иссушаетъ въ дѣтяхъ источники жизни, любви, благодати; оно дѣлаетъ ихъ молоденькими старичками, становить на ходули. Дѣтскія книжки часто развиваютъ въ нихъ эту несчастную способность резонерства, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать ея возникновенію и развитію. Чѣмъ обыкновенно отличаются, напримѣръ, повѣсти для дѣтей?—дурно склееннымъ рассказомъ, пересыпаннымъ моральными сентенціями. Цѣль такихъ повѣстей—обманывать дѣтей, искажая въ ихъ глазахъ дѣйствительность. Тутъ обыкновенно хлопочатъ изъ всѣхъ силъ, чтобы убить въ дѣтяхъ всякую живость, рѣзвость и шаловливость, которыя составляютъ необходимое условіе юнаго возраста, вмѣсто того, чтобы стараться дать имъ хорошее направленіе и сообщить характеръ доброты, откровенности и граціозности. Потомъ стараются пріучить дѣтей обдумывать и взвѣшивать всякій свой поступокъ, словомъ, сдѣлать ихъ благоразумными резонерами, которые годятся только для классической комедіи или трагедіи; а не думаютъ о томъ, что все дѣло во внутреннемъ источникѣ духа, что если онъ полонъ любовію и благодатію, то и внѣшность будетъ хороша, и что, наконецъ, нѣтъ ничего отвратительнѣе, какъ мальчишка-резонеръ, свысока разсуждающій о морали, заложивъ руки въ карманы. А потомъ, что еще?—потомъ стараются увѣрять дѣтей, что всякій проступокъ наказывается и всякое хорошее дѣйствіе награждается. Истина святая—не споримъ; но объяснять дѣтямъ *наказаніе* и *награжденіе* въ буквальномъ, внѣшнемъ, а слѣдовательно и случайномъ смыслѣ, значитъ обманывать ихъ. А по смыслу и разумѣнію (конечно, *крайнему*) большей части дѣтскихъ книжекъ, награда за добро состоитъ въ долготѣи, богатствѣ, выгодной женитьбѣ... Прочтите хоть, напримѣръ, повѣсти Коцебу, написанныя имъ для собственныхъ его дѣтей. Но дѣти только неопытны и простодушны, а отнюдь не глупы—и отъ всей души смѣются надъ своими мудрыми наставниками. И это еще спасеніе для дѣтей, если они не позволяютъ такъ грубо обманывать себя; но горе имъ, если они повѣрятъ: ихъ разуверитъ горькій опытъ и наброситъ въ ихъ глазахъ темный покровъ на прекрасный Божій міръ. Каждый изъ нихъ собственнымъ опытомъ узнаетъ, что безстыдный лѣнтяй часто получаетъ похвалу насчетъ прилежнаго, что наглый затѣйникъ шалости непризнательностію отдѣлывается отъ наказанія, а чистосердечно признавшійся въ шалости нещадно наказыв-

вается; что честность и правдивость часто не только не даютъ богатства, но повергаютъ еще въ нищету. Да, къ несчастію, каждый изъ нихъ узнаетъ все это; но не каждый изъ нихъ узнаетъ, что наказаніе за худое дѣло производится самымъ этимъ дѣломъ и состоитъ въ отсутствіи изъ души благодатной любви, мира и гармоніи—единственныхъ источниковъ истиннаго счастья; что награда за доброе дѣло опять-таки происходитъ отъ самого этого дѣла, которое даетъ человѣку сознаніе своего достоинства, сообщаетъ его душѣ спокойствіе, гармонію, чистую радость, и чрезъ то дѣлаетъ ее храмомъ Божиимъ, потому что Богъ тамъ, гдѣ безмятежная чистая радость, гдѣ любовь. А обо всемъ этомъ должны бы дѣтямъ говорить дѣтскія книжки! Онѣ должны внушать имъ, что счастье не во внѣшнихъ и призрачныхъ случайностяхъ, а въ глубинѣ души, — что не блестящій, не богатый, не знатный человѣкъ любимъ Богомъ, но „сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнномъ украшеніи кроткаго и спокойнаго духа, чтò драгоцѣнно предъ Богомъ“, какъ говоритъ св. апостолъ Петръ. Онѣ должны показать имъ, что міръ и жизнь прекрасны такъ, какъ они суть, но что независимость отъ ихъ случайностей состоитъ не въ коврѣ-самолетѣ, не въ волшебномъ прутикѣ, мановеніе котораго воздвигаетъ дворцы, вызываетъ легіоны хранительныхъ духовъ съ пламенными мечами, готовыхъ наказывать злыхъ преслѣдователей и обидчиковъ, но въ свободѣ духа, который силою божественной, христіанской любви торжествуетъ надъ невзгодами жизни и бодро переноситъ ихъ, почерпая силу въ этой любви. Онѣ должны знакомить ихъ съ таинствомъ страданія, показывая его, какъ другую сторону одной и той же любви, какъ блаженство своего рода, и не какъ непріятную случайность, но какъ необходимое состояніе духа, не извѣдавъ котораго, человѣкъ не извѣдаетъ и истинной любви, а, слѣдовательно, и истиннаго блаженства. Онѣ должны показать имъ, что въ добровольномъ и свободномъ страданіи, вытекающемъ изъ отреченія отъ своей личности и своего эгоизма, заключается твердая опора противъ несправедливости судьбы и высшая награда за нее. И все это дѣтскія книжки должны передавать своимъ маленькимъ читателямъ не въ истертыхъ сентенціяхъ, не въ холодныхъ нравоученіяхъ, не въ сухихъ разсказахъ, а въ повѣствованіяхъ и картинахъ, полныхъ жизни и движенія, проникнутыхъ одушевленіемъ, согрѣтыхъ теплотою чувства, написанныхъ языкомъ легкимъ, свободнымъ, игривымъ, цвѣтущимъ въ самой простотѣ своей,—и тогда онѣ могутъ служить однимъ изъ самыхъ прочныхъ основаній и самыхъ

дѣйствительныхъ средствъ для воспитанія. Пишите, пишите для дѣтей, но только такъ, чтобы вашу книгу съ удовольствіемъ прочелъ и взрослый, и, прочтя, перенесся бы легкою мечтою въ свѣтлые годы своего младенчества... Главное дѣло, — какъ можно меньше сентенцій, правоученій и резонерства: ихъ не любятъ и взрослые, а дѣти просто ненавидятъ, какъ и все, наводящее скуку, все сухое и мертвое. Они хотятъ видѣть въ васъ друга, который забывался бы съ ними до того, что самъ становился бы младенцемъ, а не угрюмаго наставника; требуютъ отъ васъ наслажденія, а не скуки, разсказовъ, а не поученій. Дитя веселое, доброе, живое, рѣзвое, жадное до впечатлѣній, страстное къ разсказамъ, не столько *чувствительное*, сколько *чувствующее*—такое дитя есть дитя Божіе: въ немъ играетъ юная, благодатная жизнь, и надъ нимъ почиетъ благословеніе Божіе. Пусть дитя шалитъ и проказитъ, лишь бы его шалости и проказы не были вредны и не носили на себѣ отпечатка физическаго и нравственнаго цинизма; пусть оно будетъ безразсудно, опрометчиво, — лишь бы оно не было глупо и тупо; мертвенность же и безжизненность хуже всего. Но ребенокъ разсуждающій, ребенокъ благоразумный, ребенокъ-резонеръ, ребенокъ, который всегда остороженъ, никогда не сдѣлаетъ шалости, ко всѣмъ ласковъ, вѣжливъ, предупредителенъ,—и все это по разсчету... горе вамъ, если вы сдѣлали его такимъ!... Вы убили въ немъ чувство и развили разсудокъ; вы заглушили въ немъ благодатное сѣмя безсознательной любви и возрастили—резонерство... Бѣдныя дѣти, сохрани васъ Богъ отъ оспы, кори и сочиненій Беркена, Жанлисъ и Були!...

Основу, сущность, элементъ высшей жизни въ человѣкѣ составляетъ его внутреннее чувство безконечнаго, которое, какъ *чувство*, лежитъ въ его организаціи. Чувство безконечнаго есть искра Божія, зерно любви и благодати, живой проводникъ между человекомъ и Богомъ. Степени этого чувства различны въ людяхъ, по глаголу Спасителя: „И далъ одному пять талантовъ, другому два, третьему одинъ, *каждому по его силѣ*“; но мѣрою глубины этого чувства измѣряется достоинство человѣка и близость его къ источнику жизни — къ Богу. Все человѣческое знаніе должно быть выговариваніемъ, переведеніемъ въ понятія, опредѣленіемъ, короче—*сознаніемъ* таинственныхъ проявленій этого чувства, безъ котораго, поэтому, всѣ наши понятія и опредѣленія суть слова безъ смысла, форма безъ содержанія, сухая безплодная и мертвая отвлеченность. Безъ чувства безконечнаго въ человѣкѣ не можетъ быть и внутренняго, духовнаго созерцанія

истины, потому что непосредственное созерцаніе истины, какъ на фундаментѣ, основывается на чувствѣ безконечнаго. Это чувство есть даръ природы, результатъ счастливой организациі, и потому оно свойственно и дѣтямъ, въ которыхъ лежитъ какъ зародышъ, — и развитія этого-то зародыша требуемъ мы отъ воспитанія и дѣтской литературы.

Мы сказали, что живая, поэтическая фантазія есть необходимое условіе, въ числѣ другихъ необходимыхъ условій, для образованія писателя для дѣтей: чрезъ нее и посредствомъ ея долженъ онъ дѣйствовать на дѣтей. Въ дѣтствѣ фантазія есть преобладающая способность и сила души, главный ея дѣятель и первый посредникъ между духомъ ребенка и внѣ его находящимся міромъ дѣйствительности. Дитя не требуетъ діалектическихъ выводовъ и доказательствъ, логической послѣдовательности: ему пужны образы, краски и звуки. Дитя не любитъ отвлеченныхъ идей: ему нужны исторіи, повѣсти, сказки, рассказы, — и посмотрите, какъ сильно у дѣтей стремленіе ко всему фантастическому, какъ жадно слушаютъ они рассказы о мертвецахъ, привидѣніяхъ, волшебствахъ. Чтò это доказываетъ? — потребность безконечнаго, предощущеніе таинства жизни, начало чувства поэзіи, которыя находятъ для себя удовлетвореніе пока еще только въ одномъ чрезвычайномъ, отличающемся неопредѣленностію идеи и яркостію красокъ. Чтобы говорить образами, надо быть если не поэтомъ, то, по крайней мѣрѣ, рассказчикомъ и обладать фантазіею живою, рѣзвою и радужною. Чтобы говорить образами съ дѣтьми, надо знать дѣтей, надо самому быть взрослымъ ребенкомъ, не въ пошломъ значеніи этого слова, но родиться съ характеромъ младенчески-простодушнымъ. Есть люди, которые любятъ дѣтское общество и умѣютъ занять его и разговоромъ, и даже игрою, принявъ въ ней участіе; дѣти, съ своей стороны, встрѣчаютъ этихъ людей съ шумною радостію, слушаютъ ихъ со вниманіемъ, и смотрятъ на нихъ съ откровенною довѣрчивостію, какъ на своихъ друзей. Про всякаго изъ такихъ у насъ, на Руси, говорятъ: *это дѣтскій праздникъ*. Вотъ такихъ-то „дѣтскихъ праздниковъ“ нужно и для дѣтской литературы. Да, — много, очень много условій! Такіе писатели, подобно поэтамъ, рождаются, а не дѣлаются...

Но резонерамъ крайне не нравятся подобныя требованія. Въ самомъ дѣлѣ, кому пріятно выслушивать свой смертный приговоръ, свое исключеніе изъ списка живущихъ? Вѣроятно, по этой же причинѣ плохіе стихотворцы терпѣть не могутъ разсужденій о высшихъ требованіяхъ искусства:

въ нихъ они видятъ свое уничтоженіе. Отнимите у резонера право пересыпать изъ пустого въ порожнее моральными сентенціями, — чтò же ему останется дѣлать на бѣломъ свѣтѣ? Вѣдь жизни, любви, одушевленія, таланта не поднимаешь съ улицы, не купишь и за деньги, если природа отказала въ нихъ. А резонерствовать такъ легко: стоитъ только запастись бумагою, перомъ и чернилами, да присѣсть — а оно ужъ польется само! Какой поклонникъ Бахуса не въ состояніи ораторствовать о пагубномъ влияніи крѣпкихъ напитковъ на тѣло и душу, и о пользѣ трезвости и воздержности? Какой развратникъ не наговоритъ короба три громкихъ фразъ о нравственности? Какой бездушный и холодный человѣкъ не въ состояніи вкось и вкривь разсуждать о любви, благочестіи, благотворительности, самопожертвованіи и о прочихъ священныхъ чувствахъ, которыхъ у него нѣтъ въ душѣ? Жизнь, теплота, увлекательность и поэзія — суть свидѣтельства того, что человѣкъ говоритъ отъ души, отъ убѣжденія, любви и вѣры, и онъ-то электрически сообщаются другой душѣ. Мертвенность, холодность и скука показываютъ, что человѣкъ говоритъ о томъ, чтò у него въ головѣ, а не въ сердцѣ, чтò не составляетъ лучшей части его жизни и чуждо его убѣжденію. Но повторяемъ — для нѣкоторыхъ людей разсуждать легче, чѣмъ чувствовать, и прѣсная вода резонерства, которой у нихъ вдоволь, для нихъ лучше и вкуснѣе шипучаго нектара поэзіи, котораго — бѣдняки! — они и не пробовали никогда. И вотъ одинъ хочетъ увѣрить дѣтей, что вставать рано очень полезно, ибо-де одинъ мальчикъ, имѣвшій привычку вставать съ солнцемъ, нашелъ на полѣ кошелекъ съ деньгами; а другой хочетъ увѣрить дѣтей, что надо вставать поздно, ибо-де одна дѣвочка, вставши рано, пошла гулять въ садъ, простудилась да и умерла. Одинъ говоритъ дѣтямъ — будьте поспѣшны, другой — не торопитесь, третій — будьте откровенны, ничего не скрывайте, четвертый — не все говорите, чтò знаете. Кому вѣрить, кому слѣдовать?.. Забавнѣе же всего, что всѣ эти глубокія мысли подтверждаются случайными примѣрами, ровно ничего не доказывающими. Нѣтъ, моральныя сентенціи не только отвратительны и безплодны сами по себѣ, но и портятъ даже прекрасныя и полныя жизни сочиненія для дѣтей, если вкрадываются въ нихъ! Вы рассказываете дѣтямъ сказку или повѣсть: спрячьтесь за нее, чтобъ васъ было невидно, пусть все въ ней говоритъ само за себя, непосредственнымъ впечатлѣніемъ. У васъ есть нравственная мысль — прекрасно; не выговаривайте же ея дѣтямъ, но дайте ее почувствовать, не

дѣлайте изъ нея вывода въ концѣ вашего разсказа, но дайте имъ самимъ вывести: если разсказъ имъ понравился, или они читаютъ его съ жадностію и наслажденіемъ—вы сдѣлали свое дѣло. Здѣсь мы повторимъ мысль, уже высказанную въ нашемъ журналѣ и возбуждавшую негодованіе и ужасъ резонеровъ: „Не пужно никакихъ нагихъ мыслей, и какъ язвы берегитесь нравственныхъ сентенцій. Пусть основная мысль вашего разсказа дѣятельно движется, но не давайте ей, для ней же самой, пробиваться наружу и выводить дѣтскую душу изъ полноты жизни, изъ борьбы и столкновенія частностей, на отвлеченную высоту, гдѣ воздухъ рѣдокъ и удушливъ для слабой груди еще несозрѣвшаго человѣка; пусть мысль кроется во внутренней, недоступной лабораторіи, и тамъ перерабатываетъ свое содержаніе въ жизненные соки, которые неслышно и незамѣтно разольются по вашему разсказу“¹⁾. Не говорите дѣтямъ о томъ, чего они еще не въ состояніи понять своимъ умомъ; дайте имъ простое *катехизическое* понятіе о Богѣ, по ученію православной церкви, но не пускайтесь съ ними въ діалектическія тонкости философскихъ опредѣленій, а старайтесь больше заставить дѣтей полюбить Бога, который является имъ и въ ясной лазури неба, и въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, и въ торжественномъ великолѣпнѣ возстающаго дня, и въ задумчивомъ величіи наступающей ночи, и въ ревѣ бури, и въ раскатахъ грома, и въ цвѣтахъ радуги, и въ зелени лѣсовъ, и въ журчаніи ручья, и въ шумѣ моря, и во всемъ, что есть въ природѣ живого, такъ безмолвно и вмѣстѣ такъ краснорѣчиво говорящаго душѣ юной и свѣжей,—и, наконецъ, во всякомъ благородномъ порывѣ, во всякомъ движеніи ихъ младенческаго сердца. Не разсуждайте съ дѣтьми о томъ только, какое наказаніе полагаетъ Богъ за такой-то грѣхъ; но учите ихъ смотрѣть на Бога, какъ на отца, безконечно любящаго своихъ дѣтей, которыхъ Онъ создалъ для блаженства и которыхъ блаженство Онъ искупилъ мученіемъ и смертію на крестѣ. Внушайте дѣтямъ страхъ Божій, какъ начало премудрости, но дѣлайте такъ, чтобы этотъ страхъ вытекалъ изъ любви же, и чтобы не рабскій ужасъ наказанія, а сыновняя боязнь оскорбить отца благого и любящаго, а не грознаго и мстящаго, производила этотъ страхъ, и чтобы не лишеніе земныхъ благъ, а отвращеніе отъ виновныхъ лица отчаго почитали они наказаніемъ. Обращайте ваше вниманіе не столько на истребленіе недостатковъ и по-

роковъ въ дѣтяхъ, сколько на наполненіе ихъ животворящею любовію: будетъ любовь—не будетъ пороковъ. Истребленіе дурного безъ наполненія хорошимъ—безплодно: это производить пустоту, а пустота безпрестанно наполняется пустотою же: выгоните одну, явится другая. Любви, безконечной любви!—все остальное ничтожно! „Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ“. Равнымъ образомъ, не искажайте дѣйствительности ни клеветами на нее, ни украшеніями отъ себя, но показывайте ее такую, какова она есть въ самомъ дѣлѣ, во всемъ ея очарованіи и во всей ея неумолимой суровости, чтобы сердце дѣтей, научаясь ее любить, привыкало въ борьбѣ съ ея случайностями находить опору въ самомъ себѣ. Въ одной истинѣ и жизни и благо: истина не требуетъ помощи у лжи. И потому конецъ вашей повѣсти можетъ быть и несчастный, въ которомъ добродѣтель страждетъ, а порокъ торжествуетъ; но вы вполне достигнете вашей нравственной цѣли, если юныя сердца вашихъ маленькихъ читателей станутъ за страждущихъ и не позавидуютъ торжествующимъ, если на вопросъ—на чьемъ бы хотѣли они быть мѣстѣ?—они не колеблясь отвѣтятъ, что на мѣстѣ страждущихъ, но добрыхъ. Не упускайте изъ вида ни одной стороны воспитанія: говорите дѣтямъ и объ опрятности, о внѣшней чистотѣ, о благородствѣ и достоинствѣ манеръ и обращенія съ людьми; но выводите необходимость всего этого изъ общаго и изъ высшаго источника—не изъ условныхъ требованій общественнаго званія, или сословія, но изъ высоты человѣческаго званія, не изъ условныхъ понятій о приличіи, но изъ вѣчныхъ понятій о достоинствѣ человѣческомъ. Внушайте имъ, что внѣшняя чистота и изящество должны быть выраженіемъ внутренней чистоты и красоты, что наше тѣло должно быть достойнымъ сосудомъ духа Божія... Уваженіе къ имени человѣческому, безконечная любовь къ человеку за то только, что онъ человекъ, безъ всякихъ отношеній къ своей личности и къ его національности, вѣрѣ или званію, даже личному его достоинству, или недостоинству, словомъ, безконечная любовь и безконечное уваженіе къ человечеству даже въ лицѣ послѣднѣйшаго изъ его членовъ (*die Menschlichkeit*) должны быть стихіею, воздухомъ, жизнію человѣка, а высокое выраженіе поэта—

При мысли великой, что я человекъ,
Всегда возвышаюсь душою¹⁾

—девиномъ всей его жизни...

¹⁾ „Отеч. Записки“ 1839, т. V, отд. „Совр. Библиогр. Хроники“, стр. 179. Прим. Бѣлинскаго.

¹⁾ Изъ пьесы Жуковскаго „Теонъ и Эсхинъ“. Прим. Бѣлинскаго

Но повѣсти и рассказы не суть еще единственная и исключительная форма бесѣды съ дѣтьми. Вы можете еще и обогащать ихъ познаніями, расширять кругъ ихъ созерцанія дѣйствительности, знакомя ихъ съ безконечнымъ разнообразіемъ явленій прекраснаго Божіяго міра. Но и здѣсь одна цѣль—знакомство не съ фактами, а съ тѣмъ, такъ сказать, букетомъ жизни и духа, который скрывается въ нихъ и составляетъ ихъ сущность и значеніе. Да, вамъ предстоитъ обширное и богатое поле: не говорю уже объ источникѣ собственной вашей фантазіи,—религія, исторія, географія, естествознаніе—умѣйте только пожинать! Для дѣтей предметы тѣ же, что и для взрослыхъ; только ихъ должно излагать сообразно съ дѣтскимъ понятіемъ, а въ этомъ-то и заключается одна изъ важнѣйшихъ сторонъ этого дѣла! Какіе богатые матеріалы представляетъ одна исторія! Показать душѣ юной, чистой и свѣжей примѣры высокихъ дѣйствій представителей человѣчества, дѣйствительность добра и призрачность зла—не значитъ ли возвысить ее?... Провести дѣтей по всѣмъ тремъ царствамъ природы, пройти съ ними по всему земному шару, съ его многочисленнымъ населеніемъ и обширными пустынями, съ его сушею и океанами, показать имъ Божій міръ въ картинѣ человѣческихъ племенъ и обществъ, съ ихъ правами и обычаями, съ ихъ понятіями и вѣрованіями—не значитъ ли это показать имъ Творца въ его твореніи, заставить ихъ возлюбить Его и возблаженствовать этою любовью?... Но для этого надо одушевить для нихъ весь міръ и всю природу, заставить говорить языкомъ любви и жизни и нѣмой камень, и полевою былинку, и журчащій ручей, и тихо-вѣющій вѣтеръ, и порхающую по цвѣтамъ бабочку... Надо дать дѣтямъ почувствовать, что все это безконечное разнообразіе имѣетъ единую душу, живетъ одною жизнію, и что жизнь природы является не только подъ тропиками, но и у полюсовъ, не только на землѣ, но и въ нѣдрахъ ея... Вотъ, на примѣръ, это писано для взрослыхъ, но мы увѣрены, что музыка этого языка будетъ доступна и для дѣтей: „Тамъ снѣжная, мертвая пустыня полюсовъ... Безотраднѣ тамъ жизнь. Но эти пустыни имѣютъ свои музыкальныя вьюги, гуляющія съ серебристою пылью по звонкимъ, чистымъ, необозримымъ льдамъ. Тамъ массивная лава металловъ борется съ могучимъ пламенемъ внутри земли... Она можетъ пугать, но и самый испугъ этотъ великъ для души. Лава реветъ, клокочетъ съ шумомъ неподражаемой глубокой октавы, и съ изумительнымъ грохотомъ и великолѣпіемъ извергается изъ безднъ своего тайнаго жилища. Вотъ глубь океана. Чувствуете ли,

что океанъ можно только любить? что душѣ хотѣлось бы его измѣрить, постигнуть и заглянуть въ пропасть морей? душѣ весело, упоительно, что эта глубь воды не лежитъ въ мертвой тишинѣ, что въ ней родина цѣлой половины существъ одушевленныхъ, быстрыхъ, могучихъ; имъ легко въ путь сквозь плотно-слиянную массу волнъ; эти волны текутъ, то уходя на безвѣстное дно, то съ плескомъ, слышимымъ нами, лобзая гранитъ береговъ, и снова уносясь въ неизмѣримый свой путь шумно и торжественно... Вотъ могущественный, вѣчно-свободный вѣтеръ: наблюдайте этотъ вѣтеръ, возметающій прахъ земли: онъ изумляетъ своими музыкальными вихрями, бурей и быстротою самую скорую мысль; волнуется вершина лѣсовъ, поднимаетъ горы средь океана, несетъ на своемъ хребтѣ дикія облака, улетаетъ изъ-подъ громовъ съ воємъ и свистомъ и—исчезаетъ“¹⁾.

Самымъ лучшимъ писателемъ для дѣтей, высшимъ идеаломъ писателя для нихъ можетъ быть только поэтъ. И такимъ явился одинъ изъ величайшихъ германскихъ поэтовъ—Гофманъ, въ своихъ двухъ сказкахъ: „Неизвѣстное Дитя“ и „Щелкунъ Орѣховъ и Царекъ Мышей“, хотя и написанныхъ не для дѣтей собственно и годныхъ для людей всѣхъ возрастовъ. Нисколько не удивительно, что странный, причудливый и фантастическій геній Гофмана ниспустился до сферы дѣтской жизни: въ немъ самомъ такъ много дѣтскаго, младенческаго, простодушнаго, и никто не былъ столько, какъ онъ, способенъ говорить съ дѣтьми языкомъ поэтическимъ и доступнымъ для нихъ! Сверхъ того, Гофманъ есть по-прежнему воспитатель людей, поэтъ юношества—почему жъ бы ему не быть и поэтомъ дѣтства? Да, съ тѣхъ поръ, какъ дѣти начинаютъ переставать быть дѣтьми и становятся юношами, Гофманъ долженъ быть ихъ поэтомъ по преимуществу. Гофманъ поэтъ фантастическій, живописецъ невидимаго внутренняго міра, ясновидящій таинственныхъ силъ природы и духа. Фантастическое есть предчувствіе таинства жизни, противоположный полюсъ пошлой разсудочной ясности и опредѣленности, которая въ жизни видитъ математику, индустриальность, или сытный обѣдъ съ трюфлями и шампанскимъ. Фантастическое есть одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ богатой натуры, для которой счастье только во внутренней жизни; слѣдственно, его развитіе необходимо для юной души,—и вотъ почему называемъ мы Гофмана воспитателемъ юношества. Но онъ

¹⁾ Повидимому, этотъ отрывокъ принадлежитъ перу кн. В. Одоевскаго, хотя его и нѣтъ въ собраніи (очень неполномъ) его сочиненій изд. 1844 г.

вмѣстѣ съ тѣмъ бываетъ и губителемъ его, односторонне увлекая его въ сферу призраковъ и мечтаній и отрывая отъ живой и полной дѣйствительности. Чтобы дать юной душѣ равновѣсіе, Гофману не должно противопоставлять пошлую повседневность и ея дюжинныхъ представителей; но молодымъ людямъ должно читать всѣ безъ исключенія романы Вальтера Скотта и Купера, которые, по свѣтлому и вѣрному взгляду на жизнь, по гениальной глубокости, а вмѣстѣ съ тѣмъ, спокойствію и елейности духа, заслуживаютъ названіе представителей разумной дѣйствительности, поэтически воспроизведенной въ великихъ художественныхъ созданіяхъ, и непремѣнно должны быть воспитателями юности, хотя равно существуютъ и для возмужалости и для старости.

Мы не будемъ ничего говорить о художественномъ достоинствѣ двухъ дѣтскихъ сказокъ Гофмана, ибо этотъ вопросъ несколько не относится къ предмету нашей статьи; но взглянемъ на нихъ только какъ на высокіе образцы повѣстей для дѣтскаго чтенія.

Жилъ-былъ когда-то г. Тадеусъ Брокель, съ женою и двумя дѣтьми, въ маленькой деревушкѣ, доставшейся ему отъ отца. Повседневною одеждою онъ не отличался отъ своихъ крестьянъ (ровнымъ счетомъ четыре души), но по праздникамъ надѣвалъ красивый зеленый кафтанъ и красный жилетъ, обложенный золотыми галунами—что, говоритъ Гофманъ, очень къ нему шло. Домишко его крестьяне называли, изъ вѣжливости, замкомъ. Но послушаемъ немного самого Гофмана, чтобы не опрозить его поэтического языка:

Всякій, конечно, знаетъ, что замокъ есть большое зданіе, со многими окнами и дверьми, часто даже съ башнями и блестящими флюгерами. Но ничего похожего не было видно на холмѣ, гдѣ стояли березы. Тамъ былъ только одинъ низенькій домикъ, со многими окошками, такими маленькими, что ихъ нельзя было разсмотрѣть иначе, какъ подойдя близко къ нимъ. Но если мы остановимся передъ высокими стѣнами большого замка, то холодный вѣтеръ, вырывающійся оттуда, охватываетъ насъ: мрачные взоры чудныхъ фигуръ, приклоненныхъ къ стѣнамъ, какъ бы для охраненія входа, поражаютъ насъ; мы теряемъ охоту войти туда, и предпочитаемъ воротиться. Совершенно противное тому чувствуешь при входѣ въ маленький домикъ г. Тадеуса Брокеля. Еще въ роицѣ стройныя березы простирали свои зеленныя вѣтви, какъ будто желая обнять васъ, и привѣтствовали своимъ веселымъ шепотомъ: передъ домомъ же вамъ казалось, что пріятные голоса приглашали васъ изъ свѣтлыхъ какъ зеркало окошекъ; а изъ темной, густой зелени винограда, который покрывалъ стѣны до самой крыши, слышно было: „Войди, войди, милый, установи путешественникъ: все здѣсь хорошо и гостепріимно!“ То же самое подтверждали своимъ веселымъ щебетаніемъ засточки, то влетая въ свои гнѣзда, то вылетая изъ нихъ;—а старикъ и важный антъ, смотря на васъ съ серьезнымъ и умнымъ

видомъ съ вершины трубы, кажется, говорилъ: „Давно я живу здѣсь лѣтомъ, но лучшаго мѣста не находилъ нигдѣ, и если бы я могъ преодолѣть врожденную страсть свою къ путешествіямъ, и если бы зимою не было здѣсь такъ холодно, а дрова такъ дороги, то я не тронулся бы съ этого мѣста!“

Такъ хорошо и такъ пріятно было жилище г. Брокеля, хотя оно и не было замкомъ.

Какая чудесная, роскошная картина, какъ все въ ней просто, паивно и, вмѣстѣ, безконечно! Каждое слово такъ многозначительно, такъ полно жизни: изъ широкихъ воротъ большого замка такъ и вѣетъ на васъ холодомъ и мракомъ, а маленький домикъ, съ его березами и виноградникомъ, такъ и манитъ васъ къ себѣ! Этотъ языкъ для дѣтей еще доступнѣе, чѣмъ для взрослыхъ: дайте имъ прочесть,—и клики ихъ радости покажутъ вамъ, что они поняли все, что нужно понять...

Однажды утромъ въ домѣ г. Брокеля была большая суматоха: г-жа Брокель пекла пироги, г. Брокель чистилъ свое праздничное платье, а дѣти надѣвали свои лучшія платьица. Однако дѣтямъ было какъ-то неловко въ своихъ нарядныхъ платьяхъ, они смотрѣли въ окно съ какимъ-то тоскливымъ стремленіемъ. Но когда Султанъ, большая дворовая собака, съ крикомъ и лаемъ началъ прыгать передъ окошкомъ, бѣгать по дорожкѣ и назадъ, какъ бы желая сказать Феликсу: „Зачѣмъ не идешь ты въ лѣсъ? Что ты тамъ дѣлаешь въ душевной комнатѣ?“—то Феликсъ не выдержалъ и началъ проситься въ лѣсъ. Но г-жа Брокель рѣшительно запретила это дѣтямъ, говоря, что они измараютъ и издерутъ себѣ платье, а дядюшка, котораго они съ часа на часъ ждали, назоветъ ихъ крестьянскими ребятишками. Феликса это взорвало, и онъ сказалъ матери: „Если нашъ любезный дядюшка называетъ крестьянскихъ дѣтей гадкими, то онъ вѣрно не видалъ ни Петра Фольрада, ни Анны-Лизы Гепштель, ни другихъ дѣтей нашей деревни; я не знаю, могутъ ли быть дѣти лучше ихъ“. „Конечно, вскричала Кристиба, какъ бы проснувшись: „а Маргарита, дочь деревенскаго судьи, развѣ не хороша, хоть у нея и нѣтъ такихъ чудесныхъ красныхъ бантовъ, какъ у меня?“—Наконецъ „дядюшка“ пріѣхалъ въ великолѣпной, раззолоченной каретѣ. Онъ былъ высокій и сухой человѣкъ, жена его толстая и низенькая женщина, съ ними двое дѣтей. Феликсъ и Кристиба подошли къ дядюшкѣ и тетускѣ съ заученнымъ привѣтствіемъ, но передъ дѣтьми остановились въ недоумѣніи. Мальчикъ былъ чудесно одѣтъ, при боку у него висѣла сабля, но лицо его было желто, и заспаные глаза какъ-то робко смотрѣли вокругъ. Дѣвочка также была прекрасно одѣта; паверху ея искусно заплетен-

нихъ волосъ блестяла маленькая корона. Кристлиба хотѣла взять ее за руку, но та отдернула ее съ кислою миною. Феликсъ хотѣлъ взять было за саблю своего кузена, чтобы разсмотрѣть ее, но тотъ началъ кричать: „моя сабля, моя сабля!“ и спрятался за отца. „Мнѣ не нужно твоей сабли, маленькій глупецъ!“ — съ досадою сказалъ Феликсъ. Отецъ его смутился отъ этихъ словъ, и то разстегивалъ, то застегивалъ свой кафтанъ. Наконецъ пошли въ комнату; дядюшка подъ руку съ тетушкою, а Германъ и Адельгейда держались за ихъ платья. „Теперь почнуть пироги!“ — шепталъ Феликсъ на ухо сестрѣ. „Ахъ, да, да!“ — отвѣчала та весело. „А потомъ мы побѣдимъ въ лѣсъ“, — продолжалъ Феликсъ. Какое намъ дѣло до этихъ чучелокъ!“ — прибавила Кристлиба.

И вотъ повѣсть уже завязалась; характеры очерчены предъ вами. Всѣ дѣйствуютъ, а никто не говоритъ. Феликсу и Кристлибѣ не понравились ихъ разодѣтые родственники: на свѣжія и чистыя души пахнуло гнилостію и принужденіемъ. Они весело ѣли пироги, котораго нельзя было ѣсть маленькимъ гостямъ, — имъ дали сухарей.

Сухой господинъ, двоюродный братъ г. Тадеуса Брокеля, былъ графъ и носилъ не только на каждомъ своемъ платьѣ, даже на пудромантелѣ большую серебряную звѣзду. За годъ передъ симъ онъ заѣзжалъ къ г. Брокелю одинъ, безъ жены и дѣтей. „Послушай, любезный дядюшка, ты вѣрно сдѣлался королемъ“ — сказалъ Феликсъ, который въ своей книжкѣ съ картинками видѣлъ короля съ такою же звѣздою. Дядя очень смѣялся надъ этимъ вопросомъ и отвѣчалъ: „Нѣтъ, мой милый, я не король; но самый вѣрный слуга короля и его министръ, который управляетъ многими людьми. Если бы ты былъ изъ рода графовъ Брокелей, то также современемъ могъ бы имѣть такую звѣзду; но ты только простой дворянинъ, который никогда не будетъ знатнымъ чело-вѣкомъ“. Феликсъ ничего не понялъ, что говорилъ дядя, а Тадеусъ Брокель и не почиталъ этого важнымъ. Не правда ли, что въ этихъ немногихъ строкахъ очень много сказано: дядя гофратъ, — и необразованный, но *человѣчный*, если можно такъ выразиться, Тадеусъ Брокель — оба передъ вами, какъ на ладони. Знатные супруги взапуски кричатъ: „о, милая природа! о, сельская невинность!“ и даютъ дѣтямъ по свертку конфетъ, которыя Феликсъ начинаетъ грызть. Дядюшка толкуетъ ему, что ихъ надо держать во рту, пока не растаятъ, а не грызть; но Феликсъ со смѣхомъ отвѣчаетъ ему, что онъ не ребенокъ и что у него не слабѣе зубы. Отецъ и мать конфузятся, послѣдняя даже сказала Феликсу на ухо: „не скрипи такъ зубами,

негодный мальчишка!“ Тогда Феликсъ вынулъ изъ рта конфетку, положилъ въ бумагу и отдалъ дядѣ назадъ, говоря, что онъ ему не нужны, если онъ не можетъ ихъ ѣсть. Сестра его сдѣлала то же. Брокели извиняются бѣдностію въ невѣжествѣ дѣтей. Сіятельные съ улыбкою самодовольствія говорятъ объ „отличнѣйшемъ“ воспитаніи своихъ дѣтей, — и графъ начинаетъ предлагать имъ разные вопросы, на которые они отвѣчаютъ скоро и бойко. Онъ спрашиваетъ ихъ о многихъ городахъ, рѣкахъ и горахъ, которые находились за нѣсколько тысячъ миль, объ иностранныхъ растеніяхъ, о сраженіяхъ и пр. Адельгейда говорила даже о звѣздахъ, и утверждала, что на небѣ находятся различныя странныя животныя и другія фигуры. Феликсу стало страшно отъ всѣхъ этихъ разсужденій, и онъ почелъ ихъ чепухою. Чтобы утѣшить бѣдныхъ родителей, графъ обѣщалъ прислать ученаго чело-вѣка, который даромъ будетъ учить ихъ дѣтей. „Любите ли вы игрушки, mon cher?..“ спросилъ Германъ у Феликса, ловко кланяясь: „я привезъ вамъ самыхъ лучшихъ“. Феликсу было отчего-то грустно и, держа машинально ящикъ съ игрушками, онъ бормоталъ, что его зовутъ Феликсомъ, а не mon cher, и что ему говорятъ *ты*, а не *вы*. Кристлиба также скорѣе готова была плакать, чѣмъ смѣяться, принимая отъ Адельгейды ящикъ съ конфектами. У дверей прыгалъ и лаялъ Султанъ; Германъ его такъ испугался, что началъ кричать и плакать, и Феликсъ сказалъ ему: „Зачѣмъ такъ кричишь и плачешь? это просто собака, а ты видалъ самыхъ страшныхъ звѣрей! Да если бы онъ и бросился на тебя, у тебя есть сабля“. — Наконецъ гости уѣхали. Г. Брокель тотчасъ скинулъ свое праздничное платье и вскричалъ: „ну, слава Богу, уѣхали!“ Дѣти тоже перодѣлись и стали веселы; Феликсъ закричалъ: „въ лѣсъ, въ лѣсъ!“ Мать спросила ихъ, развѣ они не хотятъ сперва посмотрѣть игрушки, и Кристлиба сдавалась — было на голосъ женскаго любопытства, но Феликсъ не хотѣлъ и слышать, говоря: „Что могъ привезти намъ хорошаго этого глупый мальчикъ съ своею сестрою въ лентахъ? Что же касается до наукъ, онъ объ нихъ хорошо болтаетъ; онъ толкуетъ о львахъ и медвѣдяхъ, знаетъ какъ ловятъ слоновъ, а самъ боится моего Султана! У него виситъ съ боку сабля, а онъ плачетъ, кричитъ и прячется подъ столъ! Славный же изъ него будетъ егеръ!“ Однако Феликсъ сдался на желаніе сестры пересмотрѣть игрушки. Едва упросила его Кристлиба, чтобы онъ не выкидывалъ за окно конфетъ, но онъ бросилъ нѣсколько изъ нихъ Султану, который, по-нюхавши, отошелъ съ отвращеніемъ. „Ви-

дишь ли, Кристлиба“—вскричалъ Феликсъ, торжествуя: „даже Султанъ не хочетъ ѣсть эту дрянц!“ Болѣе всего поправился ему охотникъ, который прицѣливался ружьемъ, когда его дергали за маленькій шнурокъ, спрятаанный подъ платьемъ, и стрѣлялъ въ цѣль, придѣланную въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ него; потомъ ружье и охотничій ножъ, сдѣланные изъ дерева и высеребренные, и гусарскій киверъ съ пашкою. Забравъ игрушки, дѣти пошли гулять въ лѣсъ. Вдругъ Кристлиба замѣтила Феликсу, что его арфистъ играетъ вовсе нехорошо, и что птицы, выглядывая изъ-за кустовъ, кажется, смѣются надъ дряннымъ музыкантомъ, который хочетъ подражать ихъ пѣнію. Феликсъ отвѣчалъ, что это правда, и что ему стыдно передъ рябчикомъ, который такъ плутовски на него смотритъ. Чтобы заставить его пѣть лучше, онъ такъ дернулъ пружину, что вся игрушка разломалась, и Феликсъ забросилъ музыканта, говоря: „этотъ дуракъ скверно игралъ и дѣлалъ такія гримасы, какъ мой двоюродный братъ Германъ“. Потомъ онъ хотѣлъ заставить своего егеря стрѣлять не въ одно и то же мѣсто, а куда онъ назначитъ ему,—и егеря постигла та же участь, что и арфиста. „Ага!“ вскричалъ Феликсъ: „въ компаніѣ ты хорошо попадаешь въ цѣль, а въ лѣсу, настоящемъ мѣстѣ для егеря, это тебѣ не удастся. Ты вѣрно тоже боишься собакъ, и если бъ на тебя напала какая-нибудь, то ты убѣжалъ бы съ своимъ ружьемъ, какъ маленький двоюродный братъ съ своею саблею! Ахъ ты, дрянной егеръ, негодный егеръ!..“ Видите ли, для Феликса все мертвое, бездушное и пошлое похоже на двоюроднаго брата: юная душа безъ разсужденій, однимъ непосредственнымъ чувствомъ, поняла фальшивую позолоту, блестящую мишуру ложнаго образованія, прикрывавшаго собою чинность и отсутствіе жизни. Какъ мальчикъ, онъ ничего такъ не можетъ простить, какъ трусости ¹⁾. Вотъ дѣти побѣжали, но—о, ужасъ! Кристлиба увидѣла, что платье ея прекрасной куклы было изорвано хворостомъ, а хорошенькаго воскового личика какъ не бывало. Она заплакала, но Феликсъ сказалъ ей въ утѣшеніе: „Теперь ты видишь, какія дрянныя вещи привезли намъ эти дѣти. Какая глупая кукла! она не можетъ даже съ нами бѣгать, не изорвавши и не изломавши всего! Подай-ка ее сюда!“—и кукла полетѣла въ прудъ. Туда же слѣдомъ отправилось и ружье, потому что изъ него нельзя стрѣлять, и охотничій ножъ за то, что онъ не колетъ и не рѣжетъ. У Феликса своя философія, внушенная ему природою: все

поддѣльное, фальшивое, искусственное не нравилось ему; живая природа, лѣсъ и поле, съ своими птичками, букашками и бабочками, громче говорили его сердцу, и онъ лучше понималъ ихъ. Но Кристлиба—дѣвочка, и ей жаль было своей прекрасной куклы, хотя и ея сердцу природа говорила такъ же громко. Гофманъ удивительно вѣрно схватилъ въ дѣтяхъ мужской и женскій характеръ: Феликсъ не задумывается долго надъ рѣшеніемъ; разрушительный геній, онъ ломаетъ, что ему не нравится; но Кристлиба положила бы въ сторону или спрятала бы свою куклу, если бъ она ей надоѣла, даже подарила бы ее другой дѣвочкѣ, но ломать не стала бы.

Когда дѣти возвратились домой печальныя, и Феликсъ откровенно разсказалъ матери о своемъ распоряженіи съ игрушками, мать начала его бранить, но отецъ, съ *примѣтнымъ удовольствіемъ слушавшій разсказъ Феликса*, сказалъ: „пусть дѣти дѣлаютъ, что хотятъ; я таки очень радъ, что они избавились отъ этихъ игрушекъ, которыя только затрудняли ихъ“. Ни г-жа Брокель, ни дѣти не поняли, что г. Брокель хотѣлъ этимъ сказать. Мы такъ думаемъ, что г. Брокель и самъ хорошо не зналъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, но что его добрая, любящая натура очень хорошо дѣйствовала за его неразвитый умъ. Пока сіятельные родственники были съ нимъ, онъ и конфузился и робѣлъ, но лишь они уѣхали, ему стало и легко и хорошо, словно онъ избавился отъ давленія кошмара.

На другой день дѣти ранехонько отправились въ лѣсъ, чтобы въ послѣдній разъ наигратъ, ибо имъ надо было много читать и писать, чтобы не стыдно было учителя, котораго скоро ожидали. Вдругъ имъ отчего-то стало скучно, и они приписали это тому, что у нихъ нѣтъ ужъ прекрасныхъ игрушекъ, а свое неумѣніе обращаться съ ними—незнанію наукъ. Кристлиба начала плакать, а за нею и Феликсъ, и оба кричали такъ, что по всему лѣсу раздавалось: „Бѣдныя мы дѣти, мы не знаемъ наукъ!“

Но вдругъ они остановились и спросили другъ друга съ удивленіемъ: „Видишь ли, Кристлиба?“—Слышишь ли, Феликсъ?

Въ самомъ темномъ мѣстѣ густаго кустарника, который находился передъ ними, сіялъ чудный свѣтъ, и подобно кроткому лучу мѣсяца скользилъ по трепещущимъ листьямъ; а въ тихомъ шелестѣ деревьевъ слышался дивный аккордъ, подобный тому, когда вѣтеръ пробѣгаетъ по струнамъ арфы и будитъ снѣжаніе въ ней звуки. Дѣти почувствовали что-то странное: печаль ихъ исчезла, но на глазахъ появились слезы отъ сладостнаго чувства, котораго они никогда еще не испытывали. Чѣмъ ярче становился свѣтъ въ кустѣ, тѣмъ громче раздавались дивные звуки, и тѣмъ сильнѣе билось у дѣтей сердце. Они гляѣли внимательно на свѣтъ, и увидѣли прелестнѣйшее въ

¹⁾ Въмѣсто „простить“ по смыслу должно было бы стоять здѣсь что-нибудь въ родѣ „презирать“.

миръ дитя, которое имъ пріятно улыбалось и дѣлало знаки. „О, прійди къ намъ, милое дитя“, вскричали вмѣстѣ Феликсъ и Кристлиба, вставая и протягивая къ нему свои ручонки съ невыразимымъ чувствомъ. „Я иду, иду!“ отвѣчалъ пріятный голосъ изъ куста, и какъ бы несомое утреннимъ вѣтеркомъ, неизвѣстное дитя спутилось къ Феликсу и его сестрѣ.

За симъ слѣдуетъ цѣлая глава о томъ, какъ неизвѣстное дитя играло съ Феликсомъ и Кристлибою, какъ оно упрекало ихъ въ сожалѣніи о дрянныхъ игрушкахъ и указало имъ на чудныя сокровища, разсыпанные вокругъ нихъ, какъ тогда Феликсъ и Кристлиба увидѣли, что изъ густой травы какъ бы выглядывали блестящими глазами разныя чудныя цвѣты, а между ними искрились цвѣтные камни и блестящія раковины, золотые жуки прыгали и тихо распѣвали пѣсенки; какъ послѣ того неизвѣстное дитя стало строить Феликсу и Кристлибѣ дворецъ изъ цвѣтныхъ камней, съ колоннами, крышею и золотымъ куполомъ; какъ потомъ крыша дворца обратилась въ крылья золотыхъ насѣкомыхъ, колонны — въ серебристый ручей, на берегу котораго росли красивыя цвѣты, то съ любопытствомъ смотрясь въ воды, то покачивая своими маленькими головками, слушая невинное журчаніе ручья; какъ потомъ неизвѣстное дитя надѣлало изъ цвѣтовъ живыхъ куколъ, и куклы рѣзвились около Кристлибы, ласково говоря ей: „полюби насъ, добрая Кристлиба!“ и егеря загребли ружьями, затрубили въ рога и крича „Галло! галло! на охоту! на охоту!“ помчались за зайцами, которые повыскакали изъ-за кустовъ и побѣжали; какъ неизвѣстное дитя понесло Феликса и Кристлибу по воздуху—и чудеса, которыя они видѣли въ этомъ воздушномъ путешествіи. Въ этой главѣ каждое слово, каждая черта—чудная поэзія, блестящая самыми дивными цвѣтами, самыми роскошными красками: это вмѣстѣ и поэзія и музыка,—и какая глубокая мысль скрывается въ нихъ!.. Пропускаемъ главу, гдѣ г. и г-жа Брокель разсуждаютъ о неестественности видѣнія дѣтей, и первый указываетъ свою прекрасную натуру въ ея грубой корѣ, а вторая свою добродушную ограниченность. Пропускаемъ также и дальнѣйшія свиданія Феликса и Кристлибы съ неизвѣстнымъ дитятею, и его фантастическій разсказъ о зломъ министрѣ при дворѣ царицы фей: сокращать ихъ невозможно—не подымется рука, а выписывать вполнѣ намъ тоже не хочется, чтобы не испортить впечатлѣніе для тѣхъ, которые послѣ нашей прозаической статьи станутъ читать эту поэтическую повѣсть.

Но вотъ, наконецъ, пріѣхалъ и давно ожидаемый учитель, магистръ Тинте, маленькаго роста, съ четвероугольною головою,

безобразнымъ лицомъ, толстымъ брюхомъ на тоненькихъ паучковыхъ ножкахъ—воплощенный педантизмъ и резонерство. Встрѣча его съ дѣтьми, ихъ къ нему отвращеніе, его съ ними обращеніе, все это у Гофмана — живая, одушевленная картина, полная мысли. Вотъ они сѣли учиться, — и имъ все слышится голосъ неизвѣстнаго дитяти, которое зоветъ ихъ въ лѣсъ, а магистръ бьетъ по столу и кричитъ; „шт, шт, брр, брр... тише! что это такое?“ а Феликсъ не выдержалъ и закричалъ: „Убирайтесь вы съ вашими глупостями, г. магистръ; я хочу идти въ лѣсъ. Ступайте съ этимъ къ моему двоюродному брату; онъ любитъ эти вещи!“ Дѣти побѣжали, магистръ за ними; но Султанъ, добрая собака, съ перваго раза получившій къ педанту и резонеру неодолимое отвращеніе, схватилъ его за воротникъ. Педантъ поднялъ крикъ, но г. Брокель освободилъ его и упротилъ ходить съ дѣтьми въ лѣсъ. Педанту лѣсъ не понравился, потому что въ немъ не было дорожекъ, и птицы своимъ пискомъ не давали ему слова порядочнаго сказать. „Ага, г. магистръ“, сказалъ Феликсъ: „я вижу, ты ничего не понимаешь въ ихъ пѣснѣ, и не слышишь даже, какъ утренній вѣтеръ разговариваетъ съ кустами, а старый ручей рассказываетъ прекрасныя сказки!“ Кристлиба замѣтила, что вѣрно г. магистръ не любитъ и цвѣтовъ, и магистра отъ этихъ словъ покорило; онъ отвѣчалъ, что любитъ цвѣты только въ горшкахъ, въ комнатѣ... Пропускаемъ множество самыхъ поэтическихъ подробностей, дышащихъ глубокою мыслию цѣлаго разсказа, и скажемъ, что г. Брокель наконецъ рѣшился его выгнать; но магистръ обратился мухой и началъ летать — насилу успѣли задѣть его хлопнушкою и прогнать. Дѣти повеселѣли, пошли въ лѣсъ, но дитяти тамъ не было. Поломанныя ими куклы оживаютъ, осыпаютъ ихъ упреками и грозятъ магистромъ. Слѣдуетъ чудесное описаніе бури, обморокъ дѣтей, потомъ прекрасное вѣдро. Отецъ самъ пошелъ съ ними въ лѣсъ и разсказалъ имъ, что и онъ въ дѣтствѣ зналъ неизвѣстное дитя. Вскорѣ послѣ того г. Брокель умеръ, дѣти остались сиротами, и въ ту минуту, когда имъ было особенно тяжело и они горько плакали, имъ явилось неизвѣстное дитя и утѣшило ихъ, и сказало имъ, что пока они будутъ его помнить, имъ нечего бояться злого духа Песнера, мухи-магистра. Дружески принялъ ихъ къ себѣ родственникъ и „все сдѣлалось такъ, какъ предсказало имъ неизвѣстное дитя. Что бы Феликсъ и Кристлиба ни предпринимали, удавалось вполнѣ: они и мать ихъ сдѣлались веселы и счастливы, и долго въ отрадныхъ мечтахъ играли съ неизвѣст-

нымъ дитятею, которое показывало имъ чуждеса своей родины“.

Основная мысль этой чудесной, поэтической повѣсти, этой свѣтлой и роскошной фантазіи есть та, что первый воспитатель дѣтей — природа и ея благодатныя впечатлѣнія. И первобытное человѣчество воспитывалось природою, и душѣ нашей такъ отрадно читать всѣ преданія о юномъ человѣчествѣ, ее такъ сладостно убаюкиваютъ и священныя сказанія о пастушеской жизни патриарховъ, и колыбельная пѣсня старца Гомера о царяхъ-пастыряхъ и простодушныхъ герояхъ сѣдой древности... Увы, заботы и суеты жизни, искусственная городская жизнь заслоняють отъ насъ природу, и мы видимъ на небѣ фонари, а на землѣ полезныя и вредныя травы, прибыльные для торговли лѣса,—а многіе ли изъ насъ знаютъ, что природа жива, что вѣтеръ разговариваетъ съ кустами, и старый ручей рассказываетъ прекрасныя сказки?... Неужели же и чистыя младенческія души должны быть глухи къ живому голосу прекрасной природы и не знать „неизвѣстнаго дитяти“, которое есть ихъ же собственный откликъ на зовъ природы, свѣтлая радость и чистое блаженство ихъ же собственныхъ младенческихъ сердець?...

Если въ „Неизвѣстномъ Дитяти“ развита мысль о гармоніи младенческой души съ природою, какъ объ основѣ воспитанія и условіи будущаго счастья дѣтей, то „Щелкунъ и Царекъ Мышей“ есть апофеозъ фантастическаго, какъ необходимаго элемента въ духѣ человѣка, и цѣль этой сказки—развитіе въ дѣтяхъ элемента фантастическаго. Когда мы приближаемся къ общему, родовому началу жизни, разлитой въ природѣ, насъ объемлетъ какой-то пріятный страхъ, мы чувствуемъ какое-то сладостное замираніе сердца. Кто не испытывалъ этого при входѣ въ большой темный лѣсъ, или на берегу моря? Шумъ листьевъ и колебаніе волнъ говорятъ намъ какимъ-то живымъ языкомъ, котораго значеніе мы уже забыли и тщетно стараемся вспомнить; лѣсъ и море кажутся намъ живыми, индивидуальными существами. И вотъ откуда произошли у Грековъ живыя, поэтическія олицетворенія явленій природы, ихъ дріады и наяды, и ихъ черновласый царь Посидаонъ, съ трезубцемъ въ рукѣ—

Сей, обнимающій землю, земли колебатель могучій!

Жизнь есть таинство, ибо причина ея явленія въ ней самой; переходы общей жизни въ частныя индивидуальныя явленія и потомъ возвращеніе ихъ въ общую жизнь—тоже великое таинство, а впечатлѣніе всякаго таинства—страхъ и ужасъ мистическій.

Вотъ почему миѣмъ младенчествующихъ народовъ дышать такою фантастическою мрачностью, и всѣ отвлеченныя понятія являются у нихъ въ странныхъ образахъ. Искусство освобождаетъ духъ отъ рабскаго ужаса, просвѣтляя его предметы свѣтомъ мысли и эстетической жизни. Образованный человѣкъ не боится суевѣрныхъ видѣній кладбища, по это нѣмое кладбище тѣмъ не менѣе вѣетъ на него таинственною жизнію, отъ которой сладостно волнуется его духъ неопредѣленнымъ чувствомъ пріятнаго страха. Бываетъ состояніе души, когда и обыкновенныя вещи оживотворяются и воскресають фантастическою жизнію: какъ-будто выражаемыя этими вещами понятія, отрѣшавшись отъ своей отвлеченности, припимають на себя живые образы, начинаютъ мыслить и чувствовать. Духъ нашъ во всемъ предчувствуетъ жизнь и даетъ ей опредѣленные индивидуальныя образы. Такъ и въ „Щелкунѣ“ и „Царекъ Мышей“ оживаютъ куклы и ведутъ войну съ мышами, и самъ Щелкунъ дѣлается рыцаремъ мыши и носитъ ея цвѣтъ. Щелкунъ проводитъ ее въ рукавъ шубы,—и тамъ открывается передъ нею леденцовое поле съ конфетными городами, которые населены конфетными людьми—и въ этихъ городахъ гремитъ музыка, ликуетъ радость, кипитъ жизнь. Мы не будемъ пересказывать содержанія этого чуднаго созданія чуднаго генія—оно не пересказуемо, и намъ пришлось бы перенисать его все, отъ слова до слова, а подробный разборъ сдѣлалъ бы нашу статью вдвое больше. Скажемъ только, что художественная жизнь образовъ, очевидное присутствіе мыслей при совершенномъ отсутствіи всякихъ символовъ, аллегорій и прямо высказанныхъ мыслей или сентенцій, богатство элементовъ—тутъ и сатира, и повѣсть, и драма, удивительная обрисовка характеровъ—противорѣчіе поэзіи съ пошлою повседневностью, нераздѣльная слитность дѣйствительности съ фантастическимъ вымысломъ,—все это представляетъ богатый и роскошный пиръ для дѣтской фантазіи. Заманчивость, увлекательность и очарованіе разказа невыразимы. Благодарность переводчику, издавшему отдѣльно эти двѣ превосходныя сказки Гофмана—единственныя во всемірной человѣческой литературѣ! Желаемъ, чтобы родители обратили на нихъ все свое вниманіе, и чтобы не было ни одного грамотнаго дитяти, который не могъ бы ихъ пересказать почти слово въ слово.

Въ Россіи писать для дѣтей первый началъ Карамзинъ, какъ и много прекраснаго началъ онъ писать первый. Къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ прилагались листки его „Дѣтскаго Чтенія“, въ которомъ замѣча-

тельна „Переписка отца съ сыномъ о деревенской жизни“. Много читателей впоследствии доставилъ Карамзинъ и себѣ и другимъ, подготовивъ этимъ „Дѣтскимъ Читаніемъ“. Послѣ онъ издалъ „Дѣтское Утѣшеніе“, которое и теперь еще не изгладилось у насъ изъ памяти, хотя мы читали его въ дѣтскомъ возрастѣ; а это большая похвала для дѣтской книжки: память хранить въ себѣ только то, что поразило душу сильнымъ впечатлѣніемъ.

Но въ настоящее время русскія дѣти имѣютъ для себя въ *дѣдушки Ириней* такого писателя, которому позавидовали бы дѣти всѣхъ націй. Узнавъ его, съ нимъ не расстанутся и взрослые. Мы находимъ въ немъ одинъ недостатокъ, и очень важный: старикъ или очень старъ и ужъ не въ состояніи держать перо въ рукѣ, или лѣнится на старости лѣтъ, оттого мало пишетъ. А какой чудесный старикъ! какая юная, благодатная душа у него! какою теплотою и жизнію вѣетъ изъ его рассказовъ, и какое необыкновенное искусство у него заманить воображеніе, раздражить любопытство, возбудить вниманіе иногда самымъ, повидимому, простымъ рассказомъ! Совѣтуемъ, любезныя дѣти, лучше познакомиться съ дѣдушкой Иринеемъ. Не бойтесь его старости: онъ не принадлежитъ къ тѣмъ брюзгливымъ старикамъ, которые своимъ ворчаньемъ и наставленіями отнимаютъ у васъ каждую минуту веселости, отравляютъ всякую вашу радость. О, вѣтъ! это самый милый старикъ, какого только вы можете представить себѣ: онъ такъ добръ, такъ ласковъ, такъ любитъ дѣтей; онъ не смутитъ вашего шумнаго веселья, не помѣшаетъ вамъ играть, но съ такою снисходительностію и любовію приметъ участіе въ вашей веселости, вашихъ играхъ, научитъ васъ играть въ новыя, неизвѣстныя вамъ и прекрасныя игры. Если вы пойдете съ нимъ гулять—васъ ожидаетъ величайшее удовольствіе: вы можете бѣгать, прыгать, шумѣть, а онъ между тѣмъ будетъ рассказывать вамъ, какъ называется каждая травка, каждая бабочка, какъ онѣ рождаются, растутъ, и, умирая, снова воскресаютъ для новой жизни. Вы заслушаетесь его рассказовъ, вы сами не захотите шумѣть и бѣгать, чтобы не проронить ни одного слова!

Лучшія пьесы въ „Дѣтскихъ Сказкахъ Дѣдушки Ириней“—„Червякъ“ и „Городокъ въ Табакеркѣ“. Въ первой рассказывается исторія червячка, сдѣлавшагося бабочкою—самый интересный актъ возрожденія природы въ насѣкомыхъ. Мы не будемъ говорить о поэтической прелести этого рассказа, которой намъ невозможно было бы иначе передать, какъ переписавъ его вполнѣ; но чтобы хоть намекнуть на важность его со-

держанія и очаровательность изложенія, выпишемъ нѣсколько строкъ, которыми онъ оканчивается:

... Наконецъ скинулъ онъ (червячокъ) свою узорчатую шубку, примолвивъ: „тамъ въ ней не будетъ нужды“ и заснулъ сномъ покойнымъ. Не стало червяка, лишь на листкѣ качался его безжизненный гробокъ и свернутая въ комокъ шубка.

Но не долго спалъ червячокъ! Вдругъ, онъ чувствуетъ, забилося въ немъ новое сердце, маленькія почки пробились изъ-подъ брюшка, и на спинкѣ что-то зашевелилось; еще минута—и распалась его могила; червячокъ смотритъ: онъ не червякъ, ему не надобно ползати по землѣ и цѣпляться за листки; развились у него большія радужныя крылья; онъ живъ, онъ свободенъ, онъ гордо поднимается въ воздухъ.

Такъ бываетъ и не съ однимъ червячкомъ, любезныя дѣти; нерѣдко видите вы, что тотъ, съ которымъ вы вмѣстѣ рѣзались и играли на мягкомъ дугу, завтра лежитъ блѣдный, бездыханный; надъ нимъ плачутъ родные, друзья—и онъ не можетъ имъ улыбнуться; его кладутъ въ сырую могилку,—и вашего друга какъ не бывало! Но не вѣрьте! вашъ другъ не умеръ: раскрывается его могила, и онъ, невидимо для васъ, въ образѣ свѣтлаго ангела возлетаетъ на небо.

Отецъ показалъ сыну табакерку, на которой былъ изображенъ городокъ съ восходящимъ надъ нимъ солнцемъ. Табакерка была сверхъ того съ музыкою. Мишѣ захотѣлось побывать въ ней—и онъ вошелъ. Тамъ увидѣлъ онъ цѣлое царство говорящихъ мальчиковъ-колокольчиковъ, своды, галлерей и прочее, словомъ—весь механизмъ маленькаго органа, выходилъ его всего, понялъ какъ онъ устроенъ, и... проснулся. Жалѣемъ, что заговорили объ этой поэтической пьескѣ, которую можно понять только изъ нея самой, а не отзывомъ о ней. Она принадлежитъ къ разряду фантастическихъ повѣстей: черезъ нее дѣти поймутъ жизнь машины, какъ какого-то живого индивидуальнаго лица, и подъ нею не странно было бы увидѣть имя самого Гофмана. За этими двумя пьесами должны слѣдовать „Анекдоты о муравьяхъ“—въ высшей степени живая и интересная пьеска, способная развивать въ дѣтяхъ любознательность, наблюдательность и любовь къ природѣ. „Разбитый Кувшинъ“, ямайская сказка, обнаруживаетъ въ авторѣ глубокое знаніе дѣтскаго характера; въ ней развивается практическая истина о необходимости доброты, скромности и послушанія, а между тѣмъ она—волшебная сказка, но въ томъ и высокое ея достоинство: она дѣйствуетъ на фантазію дѣтей, а не на ихъ разсудокъ, и потому практическая истина является въ ней не моральною сентенціею, но живымъ чувствомъ. Къ тому же роду должно отнести и „Царь-Дѣвицу“, трагедію для маріонетокъ, въ которой, въ волшебной сказкѣ, авторъ очень удачно намекнулъ дѣтямъ на могущество человѣческаго разума,

побѣдившаго, черезъ книгопечатаніе, пороховъ и паровыя машины, законы мертвой, матеріальной дѣйствительности. Три драматическія пьесы: „Маленькій Фарисей“, „Переносица, или хитрость противъ хитрости“ и „Воскресенье“, вводятъ дѣтей въ міръ житейской дѣйствительности и практической мудрости жизни. Простота и естественность содержанія спорятъ въ нихъ съ заманчивостію интриги и увлекательностію драматическаго изложенія; характеры очеркнуты въ нихъ живо, сентенцій нѣтъ, дѣйствіе говорить само за себя. Кромѣ интереснаго чтенія, эти комедійки — кладъ дѣтямъ и для домашняго театра, этого прекраснаго и полезнаго наслажденія. Другія пьесы: „Бѣдный Гнѣдко“, „Индійская сказка о четырехъ глухихъ“, „Столяръ“ и „Сирота“ также представляютъ дѣтямъ пріятное чтеніе. Но „Отрывки изъ журнала Маши“ не такъ нравятся намъ; эта пьеса слишкомъ односторонняя, въ ней слишкомъ много *житейской*, разсудочной мудрости. Да и неестественно, чтобы маленькая дѣвочка могла вести свой журналъ, и еще такой умный и написанный такимъ прекраснымъ языкомъ, какимъ у насъ пишутъ немногіе даже и изъ знаменитыхъ литераторовъ и опекуновъ русскаго языка. Героиня записокъ, Маша, мало возбуждаетъ къ себѣ участія: она слишкомъ благоразумна, а это въ дѣтяхъ большой недостатокъ, потому что въ нихъ величайшее достоинство—игра молодой жизни. Избытокъ практическихъ замѣтокъ и нравственныхъ уроковъ тоже не принадлежитъ къ числу достоинствъ этой пьесы. Самъ дѣдушка Приней сказалъ: „Сказки пишутся не для того, чтобы учить дѣтей, а только, чтобы возбуждать ихъ вниманіе и любопытство“; мы распространяемъ это правило на всякаго

рода сочиненія для дѣтей, а не на однѣ сказки. Впрочемъ, и въ „Отрывкахъ изъ журнала Маши“ много прекрасныхъ частей; только общее впечатлѣніе пьесы не совсѣмъ въ ея пользу.

Поздравляемъ дѣтей съ прекраснымъ подаркомъ, который предстоитъ имъ получить отъ своихъ родителей: „Дѣтскія Сказки Дѣдушки Приней“ скоро выйдутъ въ свѣтъ всѣ въполнѣ. Много, много чистыхъ радостей доставить имъ этотъ подарокъ; многими богатными впечатлѣніями усладить онъ ихъ юныя души. Повторяемъ: такой подарокъ былъ бы рѣдкостію во всякой литературѣ, а въ нашей онъ просто драгоценность.

Любезный и почтенный Дѣдушка! Изъ уваженія къ вашимъ лѣтамъ не смѣемъ думать, чтобы вы такъ мало писали по лѣности, но тѣмъ не менѣе не можемъ и не сердиться на васъ. Прежде нежели представите намъ причины, оправдывающія васъ, войдите и въ наше положеніе, и не сердитесь на насъ: кому же и писать для дѣтей, какъ не людямъ, которымъ Богъ далъ все, что нужно для этого: и талантъ, и душу живу, и поэтическую фантазію, и знаніе дѣла? А дѣло это ничуть не ниже и не маловажнѣе тѣхъ, которыми бы угодно было вамъ оправдываться, каковы бы они ни были. Какъ хотите, а мы не дадимъ вамъ покоя, если вы не будете дарить ежегодно по такому подарку своимъ маленькимъ друзьямъ. Не то, мы ихъ поднимемъ на васъ, — и тогда посмотримъ, какъ-то вы устоите... А пока обращаемся съ искреннею просьбою ко всѣмъ вашимъ знакомымъ, которые пекутся о воспитаніи своихъ дѣтей, чтобы они обязали васъ подпискою—писать, писать и писать!

1840 г.

22. Басни Ивана Крылова.

Сороковая тысяча. Спб. 1840.

Еще въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій, отрицая существованіе русской литературы, признавалъ въ то же время, что она имѣетъ всего четырехъ случайныхъ, но великихъ представителей; однимъ изъ этихъ четырехъ былъ, по его мнѣнію, Крыловъ — „гениальный поэтъ Русскій“, который „возвелъ у насъ басню до нес plus ultra совершенства“ (см. выше стр. 3, 54 и 99). Послѣ этого Бѣлинскій неоднократно возвращался къ Крылову и давалъ ему все ту же прежнюю

характеристику. Въ „Моск. Наблюдателѣ“ 1838 года (въ статьѣ „Литературная хроника“) онъ мимоходомъ высказываетъ о басняхъ Крылова мысли, повторенныя въ настоящей статьѣ — о томъ, что „басня есть поэзія разсудка“, что каждая изъ басенъ Крылова есть маленькая цѣльная драма, что языкъ Крылова — изумителенъ, что „самъ Пушкинъ не полонъ безъ Крылова въ этомъ отношеніи“ и т. д. Въ статьѣ „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“ Бѣлинскій, охаракте-

ризовавъ басню, называть Крылова „истинно-гениальнымъ творцомъ народныхъ басенъ, въ которыхъ выразилась вся полнота практическаго ума, смысленности, повидимому простодушной, но язвительной насмѣшки русскаго народа“ (см. т. II, стр. 46). Укажемъ затѣмъ на особенно интересную рецензію 1844 года („Отеч. Зап.“, № 1) по случаю новаго изданія басенъ Крылова: въ ней Бѣлинскій перечисляетъ лучшія, по его мнѣнію, изъ этихъ басенъ. „Едва-ли не лучшей изъ всѣхъ басенъ Крылова“ онъ считаетъ басню „Крестьянинъ и Овца“, а затѣмъ считаетъ лучшими—„Совѣтъ мышей“, „Мельникъ“, „Мотъ и ласточка“, „Свинья подъ дубомъ“, „Лисица и Осель“, „Муха и Пчела“, „Волкъ и Мышеносъ“, „Два мужика“, „Двѣ собаки“, „Кошка и Соловей“, „Рыбы пляски“, „Прихожанинъ“, „Ворона“, „Левъ состарѣвшійся“, „Бѣлка“, „Щука“, „Кукушка и Орелъ“, „Бритвы“, „Бѣдный богачъ“, „Вулатъ“, „Купецъ“, „Пушки и паруса“, „Осель“, „Миронъ“, „Волкъ и Котъ“, „Три мужика“. Нельзя не отмѣтить, что въ этомъ любопытномъ перечнѣ преобладаютъ басни общественнаго и политическаго содержанія, что очень характерно для Бѣлинскаго середины и конца сороковыхъ годовъ. Въ этой же рецензіи Бѣлинскій вѣрно предсказалъ, что прозвище „дѣдушки“ — „сдѣлается народнымъ именемъ Крылова во всей Руси“. Въ послѣдній разъ Бѣлинскій говорилъ о Крыловѣ уже въ 1848 году („Современникъ“, № 1), рецензируя „полное“ собраніе его сочиненій; въ этой рецензіи онъ повторилъ свои прежнія сужденія о Крыловѣ. Кстати замѣтить, это „полное“ собраніе сочиненій 1847 года было совершенно не полнымъ; наиболѣе полнымъ изданіемъ въ настоящее время является четырехтомное изданіе 1904 г. подъ редакціей В. Каллаша.

Настоящая рецензія является самой подробной изъ всѣхъ о басняхъ Крылова; въ ней соединено все то, что Бѣлинскій и раньше говорилъ и позднѣе повторялъ о произведеніяхъ этого „истинно-гениальнаго творца

народныхъ басенъ“. Излюбленный методъ критики Бѣлинскаго — историческій: и настоящую статейку онъ начинаетъ сжатымъ, но рельефнымъ историческимъ обзоромъ русской басни, разсыная мимоходомъ жѣткія характеристики Хемницера, Дмитріева, Измайлова. Что же касается Крылова, этого единственнаго у насъ „истиннаго и великаго баснописца“, то лучшую характеристику его басенъ мы имѣемъ въ приведенныхъ выше строкахъ изъ статьи „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды“; эта общепринятая и ланидарная характеристика („полнота практическаго ума, смысленности“ и „повидимому простодушная, но язвительная насмѣшка“) съ болѣею подробностью выражена въ настоящей статьѣ. Въ этихъ свойствахъ творчества Крылова Бѣлинскій всегда видѣлъ — и неустанно это подчеркивалъ, отъ „Литературныхъ Мечтаній“ и до рецензіи 1847 года — величайшую *народность* Крылова: въ выясненіи этого свойства — главная задача настоящей рецензіи. Характеристика Крылова — какъ почти всѣ характеристики Бѣлинскаго — сдѣлалась классической; повтореніе ея можно найти въ любомъ курсѣ русской литературы. Точно также сдѣлалось классическимъ и тонкое сопоставленіе Крылова и Грибоѣдова, отмѣченное уже нами во вступительной замѣткѣ къ статьѣ № 18; въ настоящей статейкѣ Бѣлинскій отмѣчаетъ это мимоходомъ, а въ 1844 году, въ восьмой изъ „пушкинскихъ статей“ онъ развилъ эту мысль подробнѣе.

Изъ характерныхъ частныхъ настоящей статьи отмѣтимъ снова встрѣчающееся противопоставленіе Бѣлинскимъ „беллетристики“ и „искусства“; намъ уже приходилось говорить объ этомъ (см. выше статья № 12) и еще придется говорить ниже (см. статьи №№ 26, 29 и др.) „Мы должны отложить объясненія по сему предмету до другого времени“, — замѣчаетъ здѣсь Бѣлинскій; ближайшее выполненіе этого обѣщанія мы найдемъ въ статьѣ „Русская литература въ 1840 году“.

И. Р.

Баснѣ особенно посчастливилось на святой Руси. Отецъ русской литературы, самъ Ломоносовъ, низшелъ съ своего лирико-эпико-драматическаго *котурна* (прозаически называемаго теперь *ходулями*), чтобы написать басенку — „Волкъ въ пастушьей одеждѣ“. Плодовитая и досужая бездарность Сумарокова наводнила современную ему литературу уродливыми „притчами“. Наконецъ явился талантливый Хемницеръ и написалъ своего превосходнаго „Метафизика“, который и донинѣ и всегда будетъ превосхо-

денъ, какъ ловко написанная эпиграмма; но мы не знаемъ, можно ли одною эпиграммою, хотя бы и отличною, составить себѣ безсмертіе. Кромѣ „Метафизика“, Хемницеръ написалъ еще басни двѣ или три, отличающіяся хорошимъ, по-тогдашнему, языкомъ и какою-то наивною игривостію ума; потомъ сочинилъ еще басни двѣ или три, примѣчательныя тѣми же достоинствами, но уже съ грѣхомъ пополамъ; потомъ еще десятка два или три басенъ, въ которыхъ, кромѣ дурнаго языка и отсутствія таланта, ничего

не имѣется. Недавно Хемницеръ какъ-то попалъ въ моду, его стали издавать въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Разумѣется, порядочныхъ изданій было по одному въ обѣихъ столицахъ, и потомъ вышло еще нѣсколько площадныхъ, на оберточной бумагѣ, съ лубочными картинками, изъ типографій гг. Кузнецова и Кирилова. Не помнимъ, къ которому изъ нихъ, впрочемъ, кажется, къ обоимъ, старые и почтенные литераторы приписали по предисловію, гдѣ изложили кстати біографію Хемницера и вообще разсуждали о немъ съ приличною важностію, словно о какомъ-нибудь Гомерѣ или Шекспирѣ. То же самое учинилъ другой кто-то ¹⁾ въ одномъ отставшемъ и мѣсяцами и книжками журналѣ, помѣстивъ цѣлую статью о Хемницерѣ, которую, для пущей важности, назвалъ „критикою“. Чтò дѣлать? — у всякаго свой герой: Гомеръ пѣлъ героя Ахиллеса, а Виргилій ханжу Энея. Но какъ бы то ни было, а Хемницеръ все-таки удержится въ исторіи нашей литературы, и дѣти никогда не перестанутъ смѣяться отъ его „Метафизика“. Ужъ за одно то большая ему честь, что съ него началась русская басня. Басни Дмитріева — искусственные цвѣты въ нашей литературѣ. Эти растенія явно пересажены съ родной почвы на чужую и возвращены въ теплицѣ. Въ нихъ блистаетъ салонный умъ XVIII вѣка; въ нихъ языкъ нашъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ. Конечно, мы уже не можемъ восхищаться баснями Дмитріева, и даже никогда не чувствуемъ охоты перечестъ ихъ; но съ ними связаны самыя сладостныя воспоминанія о золотой порѣ нашего дѣтства, и наши дѣти, пока будутъ дѣтьми, не перестанутъ ими восхищаться. Нѣкоторые забавники и теперь еще сказки Дмитріева ставятъ выше „Онѣгина“ Пушкина, и мы увѣрены, что многіе старики отъ души соглашались съ этими забавниками. *Suum cuique!*... Однакожъ басня все-таки многимъ обязана Дмитріеву. — Потомъ писали В. Л. Пушкинъ, В. Измайловъ, и нѣкоторые изъ ихъ басенъ не уступаютъ въ достоинствѣ баснямъ Дмитріева. Но выше ихъ обоихъ Александръ Измайловъ, который заслуживаетъ особенное вниманіе по своей оригинальности: тогда какъ первые подражали Хемницеру и Дмитріеву, онъ создалъ себѣ особый родъ басенъ, герои которыхъ: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофенчъ, сивуха, пиво, паюсная икра, лукъ, соленая севрюжина; мѣсто дѣйствія — изба, кабакъ и харчевня. Хотя многія изъ его басенъ возмущаютъ эстетическое чувство своею тривіальностію, зато нѣкоторые отличаются истиннымъ та-

лантомъ и плѣняютъ какою-то мужиковатою оригинальнію. Таковы, напримѣръ: „Священникъ и крестьянинъ“, „Пьянчипкинъ, отставной квартальный“, и пр. По лучшее его произведеніе, доставившее ему особенную славу, есть „Павлушка мѣдный лобъ“. Графъ Хвостовъ и Маздорфъ написали множество басенъ и съ равнымъ успѣхомъ. Послѣдній печаталъ свои басни въ „Вѣстникѣ Европы“, а особо не издалъ. Много можно бы начестъ и еще баснописцевъ, но мы забыли ихъ имена, а справляться некогда, да и ненужно: и безъ того видно, что басня была нѣкогда любимымъ родомъ поэзіи и процвѣтала на Руси преимущественно передъ всѣми родами поэзіи.

Но истиннымъ своимъ торжествомъ на святой Руси басня обязана Крылову. Онъ одинъ у насъ истинный и великій баснописецъ: всѣ другіе, даже самые талантливые, относятся къ нему, какъ беллетристы къ художнику. Кстати: можетъ быть, многіе спросятъ насъ, чтò мы понимаемъ подъ словомъ „беллетристика“? Здѣсь не мѣсто объяснять это, и мы поневолѣ должны отложить объясненія по сему предмету до другого времени, а пока замѣтимъ только, что беллетристика относится къ искусству, какъ статуйки для украшенія каминовъ, столовъ, этажерокъ и оконъ, бюстики Шиллера, Гёте, Пушкина, Вольтера, Жанъ-Жака Руссо, Франклина, Тальйони, Фанни Эльслеръ и проч., относятся къ Аполлону Бельведерскому, Венерѣ Медичейской и другимъ памятникамъ древняго рѣзца, — и какъ эстампы относятся къ оригинальнымъ картинамъ великихъ мастеровъ.

Басня есть поэзія разсудка. Она не требуетъ глубокаго вдохновенія, которое производится внезапнымъ проникновеніемъ въ таинство абсолютной мысли; она требуетъ того одушевленія, которое такъ свойственно людямъ съ тихою и спокойною натурою, съ безпечнымъ и въ то же время наблюдательнымъ характеромъ, и которое бываетъ плодомъ природной веселости духа. Содержаніе басни составляетъ житейская, обиходная мудрость, уроки повседневной опытности въ сферѣ семейнаго и общественнаго быта. Иногда басня прямо высказываетъ свою цѣль, но не холоднымъ резонерствомъ, не бездушными моральными сентенціями, а игривымъ оборотомъ, который обращается въ пословицу, поговорку. Басня не есть аллегорія и не должна быть ею, если она хорошая, поэтическая басня; но она должна быть маленькою повѣстью, драмою, съ лицами и характерами, поэтически очеркнутыми. Самыя олицетворенія въ баснѣ должны быть живыми, поэтическими образами. Такъ, у Крылова всякое

¹⁾ Полевой въ „Сынѣ Отечества“.

животное имѣть свой индивидуальный характеръ, — и проказница-мартышка, участвуетъ ли она въ квартетѣ, ворочаетъ ли изъ трудолюбія чурбанъ, или примѣриваетъ очки, чтобы умѣть читать книги; и лисица у него вездѣ хитрая, уклончивая, безсовѣстная и больше похожая на человѣка, чѣмъ на лисицу *съ пушкомъ на рыльцѣ*; и косолапый мишка вездѣ добродушно честный, неповоротливо-сильный, левъ — грозно-могучій, величественно-страшный. Столкновение этихъ существъ у Крылова всегда образуетъ маленькую драму, гдѣ каждое лицо существуетъ само по себѣ и само для себя, а всѣ вмѣстѣ образуютъ собою одно общее и цѣлое. Это еще съ большею характерностію, болѣе типически и художественно совершается въ тѣхъ басняхъ, гдѣ героями — толстый откупщикъ, который не знаетъ, куда ему дѣваться отъ скуки съ своими деньгами, и бѣдный, но довольный своею участію сапожникъ; поваръ-резонёръ; недоученый философъ, оставшійся безъ огурцовъ отъ излишней учености; мужики-политики, и пр. Тутъ ужъ настоящая комедія. А между тѣмъ, во всемъ явное преобладаніе разсудка и практическаго ума, котораго поэзія въ томъ и состоитъ, чтобы разыгаться лучами остроумія, сверкать фейерверочнымъ огнемъ шутки и насмѣшки. И разумѣется, во всемъ этомъ есть своя поэзія, какъ и во всякомъ непосредственномъ, образномъ передаваніи какой бы то ни было истины, хотя бы и практической. Самыя поговорки и пословицы народныя, въ этомъ смыслѣ, суть поэзія, или, лучше сказать, начало, первый исходный пунктъ поэзіи; а басня въ отношеніи къ поговоркамъ и пословицамъ есть высшій родъ, высшая поэзія, или поэзія народныхъ поговорокъ и пословицъ, дошедшая до крайняго своего развитія, дальше котораго она идти не можетъ.

Во времена псевдо-классицизма басню почитали однимъ изъ важнѣйшихъ родовъ поэзіи, и Лафонтена ставили ничуть не ниже Гомера. Изъ басенъ брали, въ реторикахъ и пиитикахъ, образцы низкаго, средняго и высокаго слога, — брали, вѣроятно, потому, что тогда вѣрили существованію низкаго, средняго и высокаго слога. Теперь другое время. Однакожъ, и теперь никто не сомнѣвается, что басня есть поэтическое произведение, а баснописецъ — поэтъ, который мѣстами даже можетъ, такъ сказать, выходить изъ ограниченнаго характера басни и впадать въ высшую поэзію, смотря по предметамъ своихъ изображеній. Такъ, на примѣръ, сколько идиллической поэзіи въ этомъ описаніи пѣсни соловья:

Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался,

То пѣжно онъ ослабѣвалъ,
И тоной вдаль свирѣло отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичьи хоры
И прилегли стала.
Чуть-чуть дыша пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.

Или вотъ это описаніе бури, которымъ такъ поэтически замыкается басня „Дубъ и Трость“, и которое наши классики съ такою гордостію выставляли въ образецъ *высокаго слога*:

Вдругъ мчитъ съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ, и съ дождемъ, шумящій аквизонъ.
Дубъ держится, — къ землѣ тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ, — и вырвалъ съ корнемъ воя
Того, кто небесамъ главою своей касался
И въ области тѣней ниткою умирался.

Въ басняхъ Крылова можно найти еще и лучшіе примѣры поэтической силы и образности въ выраженіяхъ.

Но басни Крылова, кромѣ поэзіи, имѣютъ еще другое достоинство, которое, вмѣстѣ съ первымъ, заставляетъ забыть, что онѣ — басни, и дѣлаетъ его великимъ русскимъ поэтомъ: мы говоримъ о народности его басенъ. Онъ вполне исчерпалъ въ нихъ и вполне выразилъ ими цѣлую сторону русскаго національнаго духа: въ его басняхъ, какъ въ чистомъ, полированномъ зеркалѣ, отражается русскій практическій умъ, съ его кажущеюся неповоротливостію, но и съ острыми зубами, которые больно кусаются; съ его смѣтливостію, острою и добродушно-саркастическою насмѣшливостію; съ его природною вѣрностію взгляда на предметы, и способностію коротко, ясно и вмѣстѣ кудряво выражаться. Въ нихъ вся житейская мудрость, плодъ практической опытности, и своей собственной, и завѣщанной отцами изъ рода въ родъ. И все это выражено въ такихъ оригинально-русскихъ, непередаваемыхъ ни на какой языкъ въ мірѣ образахъ и оборотахъ; все это представляетъ собою такое неисчерпаемое богатство идиомовъ, руссизмовъ, составляющихъ народную физиономію языка, его оригинальныя средства и самобытное, самородное богатство, что самъ Пушкинъ не полонъ безъ Крылова въ этомъ отношеніи. О естественности, простотѣ и разговорной легкости его языка нечего и говорить. Языкъ басенъ Крылова есть прототипъ языка „Горя отъ ума“ Грибоѣдова, — и можно думать, что если бы Крыловъ явился въ наше время, онъ былъ бы творцомъ русской комедіи и по количеству не меньше, а по качеству больше Скриба обогатилъ бы литературу превосходными произведеніями въ родѣ легкой комедіи. Хотя онъ и бралъ содержаніе нѣкоторыхъ своихъ басенъ изъ Лафонтена, но пе-

реводчикомъ его называть нельзя: его исключительно-русская натура все перерабатывала въ русскія формы и все проводила черезъ русскій духъ. Честь, слава и гордость нашей литературы, онъ имѣетъ право сказать: „Я знаю Русь и Русь меня знаетъ“¹⁾, хотя никогда не говорилъ и не говоритъ этого. Въ его духѣ выразилась сторона духа цѣлаго народа; въ его жизни выразилась сторона жизни миллионовъ. И вотъ почему еще при жизни его выходитъ *сороковая тысяча* экземпляровъ его басенъ, и вотъ за что современемъ каждое изъ многочисленныхъ изданій его басенъ будетъ состоять изъ десятковъ тысячъ экземпляровъ. Вотъ и причина, почему всѣ другіе баснописцы, въ началѣ пользовавшіеся не меньшею извѣстностію, теперь забыты, а нѣкоторые даже пережили свою славу. Слава же Крылова все будетъ расти и пышнѣе расцвѣтаетъ до тѣхъ поръ, пока не умолкнетъ звучный и богатый языкъ въ устахъ великаго и могучаго народа русскаго. Нѣтъ нужды говорить о великой важности басенъ Крылова для воспитанія дѣтей: дѣти безсознательно и непосредственно напитаваются изъ нихъ русскимъ духомъ, овладѣваютъ русскимъ языкомъ, и обогащаются прекрасными впечатлѣніями почти единственно-доступной для нихъ поэзіи. Но Крыловъ поэтъ не для однихъ дѣтей; съ книгою его басенъ невольно забудется и взрослый и снова перечтеть ужъ читанное имъ тысячу разъ.

Теперь объ изданіи *сороковой тысячи*. Оно опрятно и украшено портретомъ автора, виньеткою, прекрасно сдѣланными, и двадцатью-четырьмя превосходными политипажками. Можетъ быть, многимъ странно покажется, что изъ *трехсотъ семи* басенъ только къ двадцати-четыремъ приложены политипажи. Эти картинки взяты съ великолѣпнаго парижскаго изданія: оттого и лица на нихъ и костюмы явно иностранные, а на нѣкоторыхъ замѣтите вы французскія надписи, которыя издатель не догадался стереть. Разумѣется, что политипажи приложены только къ тѣмъ баснямъ, которыхъ содержаніе или взято изъ басенъ Лафонтена, или сходно съ ними; но какъ-то дико видѣть при русскихъ, при крыловскихъ басняхъ эти *нѣмецкіе* лица и костюмы. А политипажи при басняхъ Лафонтена превосходны: не говоря уже о чудесной работѣ, какая прекрасная мысль—одѣть животныхъ въ платья и сдѣлать въ нихъ что-то среднее между мордою животнаго и лицомъ человѣческимъ. Вотъ хоть этотъ толстый господинъ въ сюртукѣ, съ бычачьею фizioноміею

и рогами, который такъ гордо смотритъ на низенькаго франта во фракѣ съ лягушечьею мордою, брюхомъ и тоненькими ножками; франтъ, закинувъ голову, надувается, чтобы сравняться въ ростѣ и дородности съ толстымъ господиномъ быкомъ! Въ изобрѣтеніяхъ такого рода французскій гений торжествуетъ: никто лучше Француза не сочинитъ карикатуры, виньетки, гротеска какого-нибудь, никто лучше Француза не придастъ этой бездѣлкѣ столько ума, граціи, жизни. У насъ есть и свои художники съ дарованіемъ—и при этомъ мы невольно вспомнили объ очеркахъ г. Сапожникова къ извѣстному изданію басенъ Крылова in quarto: сколько въ этихъ очеркахъ таланта, оригинальности, жизни! какой русскій колоритъ въ каждой чертѣ! И что же?—Нашимъ художникамъ пока еще нечего дѣлать: во-первыхъ, у насъ нѣтъ хорошихъ гравировщиковъ, и мы по необходимости посылаемъ въ Лондонъ собственные рисунки, а во-вторыхъ, наша публика мало читаетъ русскія книги и еще меньше покупаетъ ихъ. Къ этому присоединяется излишняя довѣрчивость ко всему иностранному, излишняя недовѣрчивость ко всему русскому,—и, надо сказать, то и другое не всегда бываетъ безъ основанія. У насъ вообще никто еще не приучился хорошо дѣлать и при средствахъ. Напр., какія огромныя средства даны были для изданія Пушкина, и что же? Пушкинъ дурно напечатанъ, на оберточной бумагѣ, съ страшными опечатками, съ выпускомъ важныхъ пьесъ (напр., „Демона“, „Къ Морфею“), съ ложнымъ размѣщеніемъ по родамъ: пущенъ по неимовѣрно высокой и нисколько не соотвѣтственной съ безобразіемъ изданія цѣнѣ, и при томъ безъ цѣлой трети сочиненій Пушкина, за которыя надо платить новыя деньги, и которыхъ Богъ знаетъ, когда дождется наша публика! Вотъ и еще новый и притомъ самый свѣжій примѣръ сказаннаго нами—*сороковая тысяча* басенъ Крылова: бумага хорошая, печать тоже; портретъ автора, виньетка, политипажи, хоть и чужіе,—но цѣна умѣренная (5 р. асс.): видно, что у издателя были средства и онъ не щадилъ ихъ: но что за безвкусіе—поля узенькія, шрифтъ черезчуръ крупень—и что за аккуратность!—посмотрите басню „Скупой“, и вы прочтете въ концѣ 256 страницы слѣдующіе четыре стиха:

Такъ на прощаньѣ, въ знакъ пріязни,
Мои сокровища принять не откажись!

Такъ на прощаньѣ, въ знакъ пріязни,
Мои сокровища принять не откажись!

Два стиха повторены! Боже мой! кому поручаютъ издатели смотрѣніе за своими изданіями!...

1840 г.

¹⁾ Фраза Полевого о самомъ себѣ; см. выше въ статьѣ № 19.

23. Герой нашего времени.

Сочиненіе М. Лермонтова. Спб. 1840.

„Въ № 18 Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Ивалиду (1838 г.) мы прочли прекрасное стихотвореніе «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова». Не знаемъ имени автора этой пѣсни, ...но если это первый опытъ молодого поэта, то не боимся попасть въ живые предсказатели, сказавши, что наша литература приобретаетъ сильное и самобытное дарованіе», — такъ писалъ Бѣлинскій еще въ „Моск. Наблюдателѣ“ 1838 года (т. XVI, стр. 621). Черезъ годъ, отмѣчая въ томъ же журналѣ появленіе въ „Отеч. Запискахъ“ „Бѣлы“ Лермонтова, Бѣлинскій восхищался „необыкновеннымъ талантомъ“ и „высокимъ поэтическимъ дарованіемъ“ этого въ то время никому неизвѣстнаго поэта (ibid., 1839 г., ч. II, стр. 131—136). Читая въ серединѣ этого же года въ „Отеч. Запискахъ“ стихотворенія Лермонтова и отдѣльныя главы изъ его „Героя нашего времени“, Бѣлинскій писалъ Краевскому (24 авг. 1839 г.): „Боже мой! Какой роскошный талантъ! Право, въ немъ таится что-то великое!“ А мѣсяцемъ позже (29 сент. 1839 г.) онъ писалъ Станкевичу: „на Руси явилось новое могучее дарованіе — Лермонтовъ“... И это писалось почти въ то самое время, когда Полевой снисходительно замѣчалъ, что „г. Лермонтовъ“ написалъ „полдюжины піесокъ, весьма недурныхъ“, а что все, написанное имъ въ прозѣ, было-де „очень плохо“ („Сынъ Отечества“, ноябрь 1839 г.).

Если бы нужно было доказывать тонкое пониманіе, чуткую отзывчивость и художественное проникновеніе Бѣлинскаго, то одного этого случая было бы достаточно. Но этотъ фактъ не нуждается въ доказательствахъ, а потому достаточно только указать, что когда „Герой нашего времени“ вышелъ въ началѣ 1840 г. отдѣльнымъ изданіемъ, то Бѣлинскій немедленно отозвался на это произведеніе настоящей громадной статьёй — одной изъ самыхъ большихъ своихъ статей послѣ „Литературныхъ Мечтаній“. Когда полгода спустя вышла книжка „Стихотворенія М. Лермонтова“, то Бѣлинскій и ей тотчасъ же посвятилъ обширную статью, которую въ настоящемъ изданіи мы помѣщаемъ непосредственно вслѣдъ за настоящей. Во вступительной замѣткѣ къ этой статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова мы подробно остановимся и на настоящей статьѣ, такъ какъ только

тщательно изучивъ взглядъ Бѣлинскаго на Лермонтова, какъ поэта, можно приступить къ разсмотрѣнію его отношенія къ „Герою нашего времени“. Замѣтимъ кстати, что къ настоящей статьѣ мы присоединяемъ еще маленькую статейку Бѣлинскаго о второмъ изданіи „Героя нашего времени“, вышедшемъ въ свѣтъ уже послѣ смерти Лермонтова; эта статейка является какъ бы надгробнымъ словомъ Бѣлинскаго Лермонтову.

Здѣсь мы только остановимся на виѣшней формѣ и на нѣкоторыхъ частностяхъ настоящей статьи. Виѣшняя форма ея — та же самая, какую мы уже отмѣтили въ статьѣ о „Горѣ отъ ума“ и какая была уже примѣнена Бѣлинскимъ въ первой половинѣ его статьи о „Гамлетѣ“: подробное изложеніе разбираемаго произведенія. Подробно излагая на полусотнѣ страницъ романъ Лермонтова, Бѣлинскій преслѣдовалъ ту же цѣль, какъ и при такомъ же подробномъ изложеніи „Ревизора“ въ статьѣ о „Горѣ отъ ума“ (см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 18): и тутъ и тамъ надо было доказать *художественное единство* произведенія, его „замкнутость“, по выраженію Бѣлинскаго въ настоящей статьѣ. „Мы должны прослѣдить въ его содержаніи, уже хорошо извѣстномъ читателямъ, развитіе основной мысли“ для того, чтобы уяснить себѣ „*индивидуальную общность* романа“, — говоритъ Бѣлинскій въ настоящей статьѣ и дважды подчеркиваетъ „тяжесть“ принятой на себя обязанности — „излагать содержаніе художественнаго произведенія“; но этотъ путь — единственный для достиженія поставленной критикомъ цѣли. Это изложеніе приводитъ Бѣлинскаго къ попутнымъ яркимъ характеристикамъ Максима Максимыча, Грушницкаго, Печорина и другихъ; вообще же это, какъ мы уже замѣтили, говоря о „Горѣ отъ ума“ и „Ревизорѣ“ — не простое, рабское изложеніе, а блестяще комментированный пересказъ, сразу бросающій опредѣленный свѣтъ на разбираемое произведеніе.

Доказывая это художественное единство, эту „замкнутость“ произведенія, Бѣлинскій все время стоитъ на почвѣ гегеліанской эстетики и даже пользуется ея терминологіей; но тутъ же надо отмѣтить и наслоенія былого шеллингианства, которое навсегда вошло элементомъ въ философско-эстетическія воззрѣнія Бѣлинскаго. Опредѣляя „замкнутость“,

Бѣлинскій объясняетъ ее *внутреннимъ созерцаніемъ, внутреннимъ ясновидѣніемъ истины*, въ которомъ не трудно узнать шеллинговскій Anschauung, „геніальную интуицію“; въ свою очередь объясненіе этого „созерцанія“ *тождествомъ познающаго съ познаваемымъ* является тоже основной шеллингианской мыслью, перешедшей и въ гегелианство. Въ написанной годомъ позднѣе статьѣ „Идея искусства“ (наст. изд., ст. № 28) Бѣлинскій, какъ увидимъ, въ опредѣленіи искусства соединилъ именно эти гегелианскія и шеллингианскія положенія (см. т. II, стр. 72—73); кстати будетъ поэтому отмѣтить, что цѣлый рядъ мѣстъ настоящей статьи былъ дословно перенесенъ Бѣлинскимъ въ статью „Идея искусства“. — Огмѣтимъ еще изъ частныхъ настоящей статьи постоянно подчеркиваемое Бѣлинскимъ раздѣленіе беллетристики и искусства: мы слѣдимъ за этимъ раздѣленіемъ, начиная со статьи Бѣлинскаго о сочиненіяхъ Греча (№ 12), и будемъ слѣдить еще долго; вопросъ этотъ важенъ потому, что сороковые годы были для Бѣлинскаго эпохой постепеннаго перехода отъ „художественности“ къ „беллетристичѣ“, какъ мы это еще увидимъ.

Настоящая статья писалась лѣтомъ 1840 г., въ эпоху зарождавшагося кризиса въ душѣ Бѣлинскаго, во время назрѣвавшаго разрыва съ бывшей философій „разумной дѣйствительности“; Бѣлинскій начиналъ уже думать по-новому, но продолжалъ писать по-старому; онъ находился въ періодѣ нерѣшительности, періодѣ подготовлявшагося кризиса. Вотъ причина сдержаннаго тона настоящей статьи и въ то же время прежнихъ утвержденій, что все благо, все добро, все разумная необходимость, что, напримѣръ, „нѣтъ дур-

ныхъ вѣковъ, ни одинъ вѣкъ не хуже и не лучше другого, потому что онъ есть необходимый моментъ въ развитіи человѣчества или общества“... Рядъ подобныхъ же прежнихъ утвержденій мы отмѣтимъ еще во вступительной замѣткѣ къ слѣдующей статьѣ; и все это Бѣлинскій печаталъ тогда же, когда письма его къ друзьямъ были уже переполнены „воплями отчаянія“ и невѣрія въ жизнь. Огрывки изъ этихъ писемъ приведены въ нашей вступительной статьѣ и тамъ же выяснены причины этой „двойственности“ Бѣлинскаго; здѣсь намъ достаточно привести нѣсколько словъ изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину отъ 12 авг. 1840 г., въ которомъ идетъ рѣчь какъ-разъ о настоящей статьѣ Бѣлинскаго. Онъ сообщаетъ Боткину, что Катковъ познакомилъ его со скептической брошюркой Фрауенштедта и иронически восклицаетъ: „молодецъ Фрауенштедтъ! Послѣ его брошюрки пропадетъ охота не только резонерствовать или мыслить, но и что-нибудь утверждать... Очепь радъ, что тебѣ понравилась вторая статья моя о Лермонтовѣ (т.-е. вторая половина настоящей статьи, напечатанной въ №№ 6 и 7 „Огеч. Записокъ“—начинающаяся съ разбора „Княжны Мэри“,—И.-Р.); кроткій тонъ ея—результатъ моего состоянія духа: я не могу ничего ни утверждать, ни отрицать, и поневолѣ стараюсь держаться середины“... Этой „средины“ Бѣлинскій однако не держался въ своихъ *литературныхъ* взглядахъ и характеристикахъ: и на „Героя нашего времени“, и на поэзію Лермонтова у него былъ вполне опредѣленный и нисколько не „серединный“ взглядъ, о которомъ мы скажемъ въ нашей вступительной замѣткѣ къ слѣдующей статьѣ.

И.-Р.

Отличительный характеръ нашей литературы состоитъ въ рѣзкой противоположности ея явленій. Возьмите любую европейскую литературу, и вы увидите, что ни въ одной изъ нихъ нѣтъ скачковъ отъ величайшихъ созданій до самыхъ пошлыхъ: тѣ и другія связаны лѣстницею со множествомъ ступеней, въ нисходящемъ или восходящемъ порядкѣ, смотря по тому, съ котораго конца будете смотрѣть. Послѣ геніальнаго художественнаго созданія вы увидите множество созданій, принадлежащихъ сильному художническому талантамъ; за ними безконечный рядъ превосходныхъ, примѣчательныхъ, порядочныхъ и т. д. беллетристическихъ произведеній, такъ что доходите до порожденій дюжинной посредственности не вдругъ, а постепенно и незамѣтно. Самые посредственные произведенія иностранной беллетристики носятъ на

себѣ отпечатокъ бѣлой или меньшей образованности, знанія общества или, по крайней мѣрѣ, грамотности авторовъ. И потому-то всѣ европейскія литературы такъ плодотворны и богаты, что ни на мигъ не оставляютъ своихъ читателей безъ достаточнаго запаса умственнаго наслажденія. Самая французская литература, бѣдная и ничтожная художественными созданіями, едва-ли еще не богаче другихъ беллетристическими произведеніями, благодаря которымъ она и удерживаетъ свое исключительное владычество надъ европейскою читающею публикою. Напротивъ того, наша молодая литература по справедливости можетъ гордиться значительнымъ числомъ великихъ художественныхъ созданій, и до нищеты бѣдна хорошими беллетристическими произведеніями, которыя, естественно, должны бы далеко превосходить первыя въ количествѣ. Въ

вѣкъ Екатерины литература наша имѣла Державина—и никого, кто бы хотя нѣсколько приближался къ нему; полузабытый нынѣ Фонвизинъ и забытые Хемницеръ и Богдановичъ были единственно примѣчательными беллетристами того времени. Крыловъ, Жуковский и Батюшковъ были поэтическими корифеями вѣка Александра I; Каннистъ, Карамзинъ (говоримъ о немъ не какъ объ историкѣ), Дмитріевъ, Озеровъ и еще немногіе блестящимъ образомъ поддерживали беллетристику того времени. Съ двадцатыхъ до тридцатыхъ годовъ настоящаго вѣка литература наша оживилась: еще далеко не кончили своего поэтического поприща Крыловъ и Жуковский, какъ явился Пушкинъ, первый великій народный русскій поэтъ, вполнѣ художникъ, сопровождаемый и окруженный толпою болѣе или менѣе примѣчательныхъ талантовъ, которыхъ неоспоримымъ достоинствамъ мѣшаетъ только невыгода быть современниками Пушкина. Но зато пушкинскій періодъ необыкновенно (сравнительно съ предшествовавшими и послѣдующимъ) былъ богатъ блестящими беллетристическими талантами, изъ которыхъ нѣкоторые въ своихъ произведеніяхъ возвышались до поэзіи, и хотя другіе теперь уже и не читаются, по въ свое время пользовались большимъ вниманіемъ публики и сильно занимали ее своими произведеніями, болѣею частію мелкими, помѣщавшимися въ журналахъ и альманахахъ. Начало четвертаго десятилѣтія ознаменовалось романическимъ и драматическимъ движеніемъ и—несбывшимися яркими надеждами: „Юрій Милославскій“ подалъ большія надежды, „Торквато Тассо“ тоже подалъ большія надежды.. и многіе подавали большія надежды, только теперь оказались совершенно безнадёжными... Но и въ этомъ періодѣ надеждъ и безнадёжностей блеститъ яркая звѣзда великаго творческаго таланта,—мы говоримъ о Гоголѣ, который, къ сожалѣнію, послѣ смерти Пушкина ничего не печатаетъ, и котораго послѣднія произведенія русская публика прочла въ „Современникѣ“ за 1836 годъ, хотя слухи о новыхъ его произведеніяхъ и не умолкаютъ... Тридцатый годъ былъ роковымъ для нашей литературы ¹⁾: журналы начали прекращаться одинъ за другимъ, альманахи наскучили публикѣ и прекратились, и въ 1834 году „Библиотека для Чтенія“ соединила въ себѣ труды почти всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ поэтовъ и литераторовъ, какъ бы нарочно для того, чтобы показать ограниченность ихъ дѣятельности и бѣдность русской литературы... Но обо всемъ этомъ мы скоро поговоримъ въ особой статьѣ ²⁾; на этотъ разъ прямо выска-

жемъ нашу главную мысль, что отличительный характеръ русской литературы—внезапные проблески сильныхъ и даже великихъ художническихъ талантовъ и, за немногими исключеніями, вѣчная поговорка читателей: „книгъ много, а читать пѣчего...“ Къ числу такихъ сильныхъ художественныхъ талантовъ, неожиданно являющихся среди окружающей ихъ пустоты, принадлежитъ талантъ г. Лермонтова.

Въ „Библиотека для Чтенія“ на 1834 годъ напечатано было нѣсколько (очень немного) стихотвореній Пушкина и Жуковского; послѣ того русская поэзія нашла свое убѣжище въ „Современникѣ“, гдѣ, кромѣ стихотвореній самого издателя, появлялись нерѣдко и стихотворенія Жуковского и немногихъ другихъ, и гдѣ помѣщены: „Капитанская Дочка“ Пушкина, „Носъ“, „Коляска“ и „Утро дѣловаго челоуѣка“, сцена изъ комедіи Гоголя, не говоря уже о нѣсколькихъ замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ и критическихъ статьяхъ. Хотя этотъ полу-журналъ и полу-альманахъ только годъ издавался Пушкинымъ; но какъ въ немъ долго печатались посмертныя произведенія его основателя, то „Современникъ“ и долго еще былъ единственнымъ убѣжищемъ поэзіи, скрывшейся изъ періодическихъ изданій съ началомъ „Библиотеки для Чтенія“. Въ 1835 году вышла маленькая книжка стихотвореній Кольцова, послѣ того постоянно печатающаго свои лирическія произведенія въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ до сего времени. Кольцовъ обратилъ на себя общее вниманіе, но не столько достоинствомъ и сущностію своихъ созданій, сколько своимъ качествомъ поэта-самоучки, поэта-прасола. Онъ и доселѣ не понять, не оцѣнить, какъ поэтъ, въ его личныхъ обстоятельствахъ, и только немногіе знаютъ всю глубину, обширность и богатырскую мощь его таланта, и видятъ въ немъ не эфемерное, хотя и примѣчательное явленіе періодической литературы, а истиннаго жреца высокаго искусства. Почти въ одно время съ изданіемъ первыхъ стихотвореній Кольцова явился съ своими стихотвореніями и г. Бенедиктовъ. Но его муза гораздо больше произвела въ публикѣ толковъ и восклицаній, нежели обогатила нашу литературу. Стихотворенія г. Бенедиктова явленіе примѣчательное, интересное и глубоко поучительное: они отрицательно поясняютъ тайну искусства, и въ то же время подтверждаютъ собою ту истину, что всякій внѣшній талантъ, ослѣпляющій глаза внѣшнею стороною искусства и выходящій не изъ вдохновенія, а изъ легко-воспламеняющейся натуры, такъ же тихо и

¹⁾ Ср. выше стр. 83—84.

²⁾ Это обѣщаніе ВѢЛИНСКІЙ выполнилъ въ статьѣ

„Русская литература въ 1841 году“ и въ другихъ своихъ годовыхъ обзорахъ литературы.

незамѣтно сходитъ съ арены, какъ шумно и блистательно является на нее. Благодаря странной случайности, вслѣдствіе которой въ „Библіотеку для Чтенія“ попали стихи г. Красова и явились въ ней съ именемъ г. Бернета. г. Красовъ, до того времени печатавшій свои произведенія только въ московскихъ изданіяхъ, получилъ общую извѣстность. Въ самомъ дѣлѣ, его лирическія произведенія часто отличаются пламеннымъ, хотя и неглубокимъ чувствомъ, а иногда и художественною формою. Послѣ г. Красова заслуживаютъ вниманія стихотворенія подѣ фирмою —*о*—; они отличаются чувствомъ скорбнымъ, страдальческимъ, болѣзненнымъ, какою-то однообразною оригинальностію, нерѣдко счастливыми оборотами постоянно господствующей въ нихъ идеи раскаянія и примиренія, иногда плѣнительными поэтическими образами. Знакомые съ состояніемъ духа, которое въ нихъ выражается, никогда не пройдутъ мимо нихъ безъ душевнаго участія; находящіеся въ томъ же самомъ состояніи духа, естественно, преувеличатъ ихъ достоинства; люди же, или незнакомые съ такимъ страданіемъ, или слишкомъ нормальные духомъ, могутъ не отдать имъ должной справедливости: таково вліяніе и такова участь поэтовъ, въ созданіяхъ которыхъ общее слишкомъ заслонено ихъ индивидуальностію. Во всякомъ случаѣ, стихотворенія —*о*— принадлежатъ къ примѣчательнымъ явленіямъ современной имъ литературы, и ихъ историческое значеніе не подвержено никакому сомнѣнію ¹⁾).

Можетъ быть, многимъ покажется странно, что мы ничего не говоримъ о г. Кукольникѣ, поэтѣ столь плодовитомъ и столь превознесенномъ „Библіотекою для Чтенія“. Мы вполне признаемъ его достоинства, которыя не подвержены никакому сомнѣнію, но о которыхъ новаго нечего сказать. Поэтическія мѣста не выкупаютъ ничтожности цѣлаго созданія, точно такъ же, какъ два-три счастливые монолога не составляютъ драмы. Пусть въ драмѣ, состоящей изъ 3000 стиховъ, наберется до тридцати, или, если хотите, и до пятидесяти хорошихъ лирическихъ стиховъ, но драма отъ того не менѣе скучна и утомительна, если въ ней нѣтъ ни дѣйствія, ни характеровъ, ни истины. Многочисленность написанныхъ кѣмъ-либо драмъ также не составляетъ еще достоинства и заслуги, особенно, если всѣ драмы похожи одна на дру-

гую какъ двѣ капли воды. О талантѣ ни слова, пусть онъ будетъ; но степень таланта—вотъ вопросъ! Если талантъ не имѣетъ въ себѣ достаточной силы стать въ уровень съ своими стремленіями и предпріятіями, онъ производитъ только пустоцвѣтъ, когда вы ждете отъ него плодовъ.—Чтобы насъ не подозрѣвали въ пристрастіи, мы, пожалуй, упомянемъ еще и о г. Бернетѣ, во многихъ стихотвореніяхъ котораго иногда проблескивали яркія искорки поэзіи; но ни одно изъ нихъ, какъ изъ большихъ, такъ и изъ маленькихъ, не представляло собою ничего цѣлаго и оконченаго. Къ тому же, талантъ г. Бернета идетъ сверху внизъ, и послѣднія его стихотворенія послѣдовательно слабѣе первыхъ, такъ что теперь уже перестаютъ говорить и о первыхъ. Можетъ быть, мы пропустили еще нѣсколько стихотворцевъ съ проблескомъ таланта; но стоитъ ли останавливаться надъ однолѣтними растеніями, которыя такъ не рѣдки, такъ обыкновенны, и цвѣтутъ одно мгновеніе? стоитъ ли останавливаться надъ ними, хоть они и цвѣты, а не сухая трава? Нѣтъ,

Спящій въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

И потому, обратимся къ *живымъ*. Но и изъ нихъ только одинъ Кольцовъ общаетъ жизнь, которая не боится смерти, ибо его поэзія есть не современно важное, но безотносительно-примѣчательное явленіе. Никого изъ явившихся вмѣстѣ съ нимъ и послѣ него нельзя поставить съ нимъ я-ряду, и долго стоялъ онъ въ просторномъ отдаленіи отъ всѣхъ другихъ, какъ вдругъ на горизонтѣ нашей поэзіи возшло новое яркое свѣтило и тотчасъ оказалось звѣздою первой величины. Мы говоримъ о Лермонтовѣ, который, безъ имени, явился въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ 1838 года, съ поэмою „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова“, а съ 1839 года постоянно продолжаетъ являться въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Поэма его, несмотря на ея великое художественное достоинство, совершенную оригинальность и самобытность, не обратила на себя особеннаго вниманія всей публики и была замѣчена только немногими; но каждое изъ его мелкихъ произведеній возбуждало общій и сильный восторгъ. Всѣ видѣли въ нихъ что-то совершенно новое, самобытное; всѣхъ поражало могущество вдохновенія, глубина и сила чувства, роскошь фантазій, полнота жизни и рѣзко осязательное присутствіе мысли въ художественной формѣ. Пока оставляя въ сторонѣ сравненія, мы замѣтимъ теперь только то, что, при всей глубинѣ мыслей, энергіи выраженія, разнообразіи содержанія, по которымъ Кольцову едва-ли можно бояться чьего-нибудь соперничества,

¹⁾ Подѣ псевдонимомъ —*о*— писалъ московскій товарищъ Бѣлинскаго, И. П. Ключниковъ. Года черезъ два-три самъ Бѣлинскій призналъ ошибочность этой своей крайне преувеличенной оцѣнки этого третьестепеннаго поэта; въ письмѣ къ Боткину отъ 31 марта 1843 года Бѣлинскій съ ироніей вспоминалъ: „у меня, коли кто, бывало, прослезится отъ пабостныхъ стишоновъ Ключникова, тотъ уже и глубокая натура“.

форма его стихотвореній, несмотря на свою художественность, всегда однообразна, всегда одинаково безыскусственна. Кольцовъ не есть только *народный* поэтъ: вѣтъ, онъ стоитъ выше, ибо если его *пѣсни* понятны всякому простолюдину, то его *думы* недоступны никому; но, въ то же время, онъ не можетъ назваться и поэтомъ національнымъ, ибо его могучій талантъ не можетъ выйти изъ магическаго круга народной непосредственности. Это гениальный простолюдинъ, въ душѣ котораго возникаютъ вопросы, свойственные только людямъ, развитымъ наукою и образованіемъ, и который высказываетъ эти глубокіе вопросы въ формѣ народной поэзіи. Поэтому онъ не переводимъ ни на какой языкъ, и понятенъ только у себя дома, только своимъ соотечественникамъ. „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова“ показываетъ, что Лермонтовъ умѣетъ явленія непосредственной русской жизни воспроизводить въ народно-поэтической формѣ, единственно свойственной имъ, тогда какъ прочія его произведенія, проникнутыя русскимъ духомъ, являются въ той обще-міровой формѣ, которая свойственна поэзіи, перешедшей изъ естественной въ художественную, и которая, не переставая быть національною, доступна для всякаго вѣка и всякой страны ¹⁾.

Въ то время, какъ какія-нибудь два стихотворенія, помѣщенные въ первыхъ двухъ книжкахъ „Огеч. Записокъ“ 1839 года, возбуждали къ Лермонтову столько интереса со стороны публики, утвердили за нимъ имя поэта съ большими надеждами, Лермонтовъ вдругъ является съ повѣстью „Бѣла“, написанною въ прозѣ. Это тѣмъ пріятнѣе удивило всѣхъ, что еще болѣе обнаружило силу молодого таланта и показало его разнообразіе и многосторонность. Въ повѣсти Лермонтовъ явился такимъ же творцомъ, какъ и въ своихъ стихотвореніяхъ. Съ перваго раза можно было замѣтить, что эта повѣсть вышла не изъ желанія заинтересовать публику исключительно любимымъ ею родомъ литературы, не изъ слѣпого подражанія дѣлать то, что всѣ дѣлаютъ, но изъ того же источника, изъ котораго вышли и его стихотворенія—изъ глубокой творческой натуры, чуждой всякихъ побужденій, кромѣ вдохновенія. Лирическая поэзія и повѣсть современной жизни соединились въ одномъ талантѣ. Такое соединеніе повидимому столь противоположныхъ родовъ поэзіи не рѣдкость въ наше время. Шиллеръ и Гёте были лириками, романи-

стами и драматургами, хотя лирический элементъ всегда оставался въ нихъ господствующимъ и преобладающимъ. Самъ „Фаустъ“ есть лирическое произведеніе въ драматической формѣ. Поэзія нашего времени по преимуществу романъ и драма; но лиризмъ все-таки остается общимъ элементомъ поэзіи, потому что онъ есть общій элементъ человеческого духа. Съ лиризма начинается почти каждый поэтъ, такъ же, какъ съ него начинается каждый народъ. Самъ Вальтеръ-Скоттъ перешелъ къ роману отъ лирическихъ поэмъ. Только литература Сѣверо-Американскихъ Штатовъ началась романомъ Купера, и это явленіе такъ же странно, какъ и общество, въ которомъ оно произошло. Можетъ быть, это оттого, что сѣверо-американская литература есть продолженіе англійской. Наша литература представляетъ тоже совершенно особенное явленіе: мы вдругъ переживаемъ всѣ моменты европейской жизни, которые на Западѣ развивались послѣдовательно. Только до Пушкина наша поэзія была по преимуществу лирическою. Пушкинъ недолго ограничивался лиризмомъ и скоро перешелъ къ поэмѣ, а отъ нея—къ драмѣ. Какъ полный представитель духа своего времени, онъ также покушался на романъ: въ „Современникѣ“ 1837 года помѣщено шесть главъ (съ началомъ седьмой) изъ неоконченнаго романа его подъ названіемъ „Арапъ Петра Великаго“, изъ которыхъ четвертая глава была первоначально помѣщена въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1829 года. Повѣсти Пушкинъ началъ писать уже въ послѣдніе годы своей недоконченной жизни. Однакожъ, очевидно, что настоящимъ его родомъ былъ лиризмъ, стихотворная повѣсть (поэма) и драма, ибо его прозаическіе опыты далеко не равны стихотворнымъ. Самая лучшая его повѣсть, „Капитанская Дочка“, при всѣхъ ея огромныхъ достоинствахъ, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ его поэмами и драмами. Это не больше, какъ превосходное беллетристическое произведеніе съ поэтическими и даже художественными частностями. Другія его повѣсти, особенно „Повѣсти Бѣлкина“, принадлежатъ исключительно къ области беллетристики. Можетъ быть, въ этомъ заключается причина того, что и романъ, такъ давно начатый, не былъ конченъ. Лермонтовъ и въ прозѣ является равнымъ себѣ, какъ и въ стихахъ, и мы увѣрены, что съ болѣшимъ развитіемъ его художнической дѣятельности онъ непременно дойдетъ до драмы. Наше предположеніе непроизвольно: оно основывается сколько на полномъ драматическомъ движеніи, замѣтнаго въ повѣстяхъ Лермонтова, столько же и на духѣ настоящаго времени, особенно благоприятнаго соединенію въ одномъ лицѣ всѣхъ формъ поэзіи. Послѣднее

¹⁾ Такъ какъ стихотворенія Лермонтова скоро выйдутъ въ свѣтъ особою книжкою, то мы и поговоримъ о нихъ поподробнѣе въ свое время и въ особой статьѣ.

обстоятельство очень важно, ибо и у искусства всякого народа есть свое историческое развитие, вследствие которого определяется характер и род деятельности поэта. Может быть, и Пушкин был бы таким же великим романистом, как лириком и драматургом, если бы явился позже и имел подобнаго себѣ предшественника.

„Бэла“, заключая въ себѣ интересъ отдѣльной и оконченной повѣсти, въ то же время была только отрывкомъ изъ большого сочиненія, равно какъ и „Фаталистъ“ и „Тамань“, впоследствии напечатанные въ „Отечественныхъ же Запискахъ“. Теперь они являются, вмѣстѣ съ другими, съ „Максимомъ Максимычемъ“, „Предисловіемъ къ журналу Печорина“ и „Княжною Мери“ подъ однимъ общимъ заглавіемъ „Героя Нашего Времени“. Это общее названіе—не прихоть автора; равнымъ образомъ, по названію не должно заключать, чтобы содержащіяся въ этихъ двухъ книжкахъ повѣсти были рассказами какого-нибудь лица, на котораго авторъ навязалъ роль рассказчика. Во всѣхъ повѣстяхъ одна мысль, и эта мысль выражена въ одномъ лицѣ, которое есть герой всѣхъ рассказовъ. Въ „Бэлѣ“ онъ является какимъ-то таинственнымъ лицомъ. Героиня этой повѣсти вся передъ вами, но герой—какъ будто бы показывается подъ вымышленнымъ именемъ, чтобы его не узнали. Изъ-за отношеній его по Бэлѣ вы невольно догадываетесь о какой-то другой повѣсти, заманчивой, таинственной и мрачной. И вотъ авторъ тотчасъ показываетъ вамъ его при свиданіи съ Максимомъ Максимычемъ, который рассказалъ ему повѣсть о Бэлѣ. Но ваше любопытство не удовлетворено, а только еще болѣе раздражено, и повѣсть о Бэлѣ все еще остается для васъ загадочною. Наконецъ, въ рукахъ автора журнала Печорина, въ предисловіи къ которому авторъ дѣлаетъ намекъ на идею романа, но намекъ, который только болѣе возбуждаетъ ваше нетерпѣніе познакомиться съ героемъ романа. Въ высшей степени поэтическомъ рассказѣ „Тамань“ герой романа является автобіографомъ, но загадка отъ этого становится только заманчивѣе, и отгадка еще не тутъ. Наконецъ, вы переходите къ „Княжнѣ Мери“, и туманъ разсѣвается, загадка разгадывается, основная идея романа, какъ горькое чувство, мгновенно овладѣвшее всѣмъ существомъ вашимъ, пристаётъ къ вамъ и преслѣдуетъ васъ. Вы читаете наконецъ „Фаталиста“, и хотя въ этомъ рассказѣ Печоринъ является не героемъ, а только рассказчикомъ случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, хотя въ немъ вы не находите ни одной новой черты, которая дополнила бы вамъ портретъ „героя нашего времени“, но, странное дѣло! вы еще болѣе понимаете его, болѣе

думаете о немъ, и ваше чувство еще грустнѣе и горестнѣе...

Эта полнота впечатлѣнія, въ которомъ всѣ разнообразныя чувства, волновавшія васъ при чтеніи романа, сливаются въ единое общее чувство, въ которомъ всѣ лица, каждое столько интересное само по себѣ, такъ полно образованное, становятся вокругъ одного лица, составляютъ съ нимъ группу, которой средоточіе есть это одно лицо,—вмѣстѣ съ вами смотрятъ на него, кто съ любовью, кто съ ненавистію—какая причина этой полноты впечатлѣнія? Она заключается въ единствѣ мысли, которая выразилась въ романѣ, и отъ которой произошла эта гармоническая соотвѣтственность частей съ цѣлымъ, это строго-соразмѣрное распредѣленіе ролей для всѣхъ лицъ, наконецъ, эта оконченность, полнота и *замкнутость* цѣлаго.

Сущность всякаго художественнаго произведенія состоитъ въ органическомъ процессѣ его явленія изъ возможности бытія въ дѣйствительность бытія. Какъ невидимое зерно, западаетъ въ душу художника мысль, и изъ этой благодатной и плодородной почвы развертывается и развивается въ опредѣленную форму, въ образы, полные красоты и жизни, и наконецъ является совершенно особымъ, цѣльнымъ и замкнутымъ въ самомъ себѣ міромъ, въ которомъ всѣ части соразмѣрны цѣлому, и каждая, существуя сама по себѣ и сама собою, составляя замкнутый въ самомъ себѣ образъ, въ то же время существуетъ для цѣлаго, какъ его необходимая часть, и способствуетъ впечатлѣнію цѣлаго. Такъ точно живой человѣкъ представляетъ собою также особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ: его организмъ сложенъ изъ безчисленнаго множества органовъ, и каждый изъ этихъ органовъ, представляя собою удивительную цѣлость, оконченность и особность, есть живая часть живого организма, и *все* органы образуютъ *единый* организмъ, единое недѣлимое существо—*индивидуумъ*. Какъ во всякомъ произведеніи природы, отъ ея низшей организаціи—минерала, до ея высшей организаціи—человѣка, нѣтъ ничего ни недостаточнаго, ни лишняго; но всякій органъ, всякая жилка, даже недоступная невооруженному глазу, необходима и находится на своемъ мѣстѣ, такъ и въ созданіяхъ искусства не должно быть ничего ни недоконченнаго, ни недостающаго, ни лишняго; но всякая черта, всякій образъ и необходимъ, и на своемъ мѣстѣ. Въ природѣ есть произведенія неполныя, уродливыя, вследствие несовершенства организаціи; если они, несмотря на то, живутъ—значитъ, что получившіе ненормальное образованіе органы не составляютъ важнѣйшихъ частей организма, или что ненормальность ихъ не важна для цѣлаго организма. Такъ и въ ху-

дожественныхъ созданіяхъ могутъ быть недостатки, причина которыхъ заключается не въ совершенно правильномъ ходѣ процесса ихъ явленія, т.-е. въ большемъ или меньшемъ участіи личной воли и разсудка художника, или въ томъ, что онъ недостаточно выносилъ въ своей душѣ идею созданія, не далъ ей вполне сформироваться въ опредѣленные и оконченные образы. И такія произведенія не лишаются чрезъ подобіе недостатки своей художественной сущности и цѣнности. Но какъ въ произведеніяхъ природы слишкомъ неправильное развитіе органовъ производитъ уродовъ, которые, родясь, тотчасъ и умираютъ, такъ и въ сферѣ искусства есть произведенія, непереживающія минуты своего рожденія. Вотъ такія-то произведенія искусства могутъ быть и передѣлымаемы, и припоровляемы къ случаю и къ обстоятельствамъ, и о такихъ-то произведеніяхъ говорится, что въ нихъ есть и красоты и недостатки. Но истинно-художественныя произведенія не имѣютъ ни красотъ, ни недостатковъ: для кого доступна ихъ цѣлость, тому видится одна красота. Только близорукость эстетическаго чувства и вкуса, неспособная обнять цѣлое художественнаго произведенія и теряющаяся въ его частяхъ, можетъ въ немъ видѣть красоты и недостатки, приписывая ему собственную свою ограниченность.

Все, что ни есть въ дѣйствительности, есть обособленіе общаго духа жизни въ частномъ явленіи. Всякая организація есть свидѣтельство присутствія духа: гдѣ организація, тамъ и жизнь, а гдѣ жизнь, тамъ и духъ. И потому, какъ всякое произведеніе природы, отъ минерала и былинки до человѣка, есть обособленіе общаго духа жизни въ частномъ жизни, такъ и всякое созданіе искусства есть обособленіе общей міровой идеи въ частный образъ, въ самомъ себѣ замкнутый. Организація есть сущность того процесса, чрезъ который является все живое и нерукотворное, слѣдовательно, и всѣ произведенія природы и искусства. И потому-то тѣ и другія такъ цѣлостны, такъ полны, окончены, словомъ, *замкнуты въ самихъ себѣ*.

Но что же такое эта „замкнутость“? спросятъ насъ наконецъ. Отвѣчаемъ: это вещь столько же простая, сколько и мудреная,—и удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ столько же легко, сколько и трудно. Что такое духъ? Что такое истина? Что такое жизнь? Какъ часто предлагаются такіе вопросы, и какъ часто даются на нихъ отвѣты! Вся жизнь человѣческая есть не что иное, какъ подобные вопросы, стремящіеся къ разрѣшенію. И что же?—для многихъ ли рѣшена загадка и найдено слово? Отчего же такъ? Да оттого, что всѣ вопросы и предлагаются и рѣшаются *словомъ*, а слово есть

или мысль, или пустой звукъ: кто въ самой натурѣ своей, внутри самого себя, въ таинственномъ святилищѣ духа своего носитъ возможность рѣшенія такихъ вопросовъ,—возможность, которая называется *предощущеніемъ, предчувствіемъ, чувствомъ, внутреннимъ созерцаніемъ, внутреннимъ ясновидѣніемъ истины, врожденными идеями*, и проч.,—для того слово есть мысль, и, услышавъ его, онъ принимаетъ въ себя значеніе, заключенное въ этомъ словѣ. Причина такой *понятливости* заключается въ сродствѣ, или, лучше сказать, въ тождествѣ познающаго съ познаваемымъ. Но и самое это тождество требуетъ большаго развитія: иначе *понятливость* тупѣетъ, и вопросы остаются безотвѣтны. Но у кого нѣтъ этого тождества съ предметами его познаванія, для того слово — пустой звукъ: ухо его услышитъ слово, но разумъ останется глухъ для него. Вотъ почему вопросы, о которыхъ мы говоримъ, столько же просты, сколько и мудрены, и отвѣчать на нихъ столько же легко, сколько и трудно. Однакожъ, мы попытаемся здѣсь навести читателей на идею того, что мы называемъ въ природѣ и искусствѣ *замкнутостію*. Посмотрите на цвѣтущее растеніе: вы видите, что оно имѣетъ свою опредѣленную форму, которою отличается оно не только отъ существъ въ другихъ царствахъ природы, но даже и отъ растеній разнаго съ нимъ рода и вида; его листики расположены такъ симметрически, такъ пропорціонально, каждый изъ нихъ такъ тщательно, съ такою заботливостію, съ такимъ безконечнымъ совершенствомъ отдѣленъ и изукрашенъ до малѣйшихъ подробностей... Какъ роскошно прекрасенъ его цвѣтокъ, сколько на немъ жилочекъ, оттѣнковъ, какая нѣжная и яркая пыль... И какое, наконецъ, упоительное благоуханіе!.. Но все ли тутъ? О, нѣтъ! Это только внѣшняя форма, выраженіе внутренняго: эти чудныя краски вышли изнутри растенія, этотъ обаятельный ароматъ есть его бальзамическое дыханіе... Тамъ, внутри его ствола, цѣлый новый міръ: тамъ самодѣятельная лабораторія жизненности, тамъ, по тончайшимъ сосудцамъ дивно-правильной отдѣлки, течетъ влага жизни, струится невидимый эфиръ духа... Гдѣ же начало и причина этого явленія? Въ немъ самомъ: оно было уже, когда еще не было растенія, когда было только зерно. Уже въ этомъ зернѣ заключался и корень, и стволъ, и красивые листочки, и пышный ароматическій цвѣтъ! Видите ли, въ этомъ цвѣткѣ все, что ему нужно: и жизнь, и источникъ жизни, и явленіе, и причина явленія, и растительность, и всѣ орудія, органы и сосуды растительности, а между тѣмъ, гдѣ вы усмотрите начало или конецъ всего этого? Вы видите, что это растеніе полно и совершенно

само въ себѣ, не имѣетъ ничего недостающаго ему и ничего лишняго, что оно живо и индивидуально, но гдѣ же пружина его жизни, исходный пунктъ его индивидуальности? гдѣ? Они *замкнуты* въ немъ, и потому оно есть совершенно цѣлое, оконченное, словомъ — *замкнутое въ самомъ себѣ* органическое существо. Но растеніе связано съ землею, въ которой первоначально развивается и изъ которой получаетъ питаніе, дающее ему матеріалы для развитія и поддержанія его бытія; посмотрите на животное: оно одарено способностію произвольнаго движенія, оно всего носить себя съ самимъ собою: оно есть и растеніе, которое растетъ изъ почвы и на почвѣ, оно есть и почва, изъ которой и на которой растетъ. Смотри на него извнѣ, мы видимъ явленіе; вскрывъ его организмъ, мы видимъ источникъ явленія: тамъ кости связаны сухими жилками, сгибы членовъ смазаны пѣскою, которая заготавливается въ особыхъ жѣлезяхъ, мускулы протканы нервами... Но и тутъ вы еще не все видите: возьмите микроскопъ, увеличивающій въ миллионъ разъ — и васъ поразитъ благоговѣйнымъ изумленіемъ эта безконечность организаци: вы увидите, что и тысячи вашихъ жизней недостаточно, чтобы только перечислить эти тончайшія нити, полныя первосущныхъ силъ природы, — и каждая ниточка, каждая фибра необходима для цѣлаго, и не можетъ быть ни исключена, ни замѣнена безъ искаженія цѣлой формы: между малѣйшими органами нѣтъ и такого пустого пространства, гдѣ бы могъ улечься невидимый для простого глаза атомъ; все внутреннее такъ тѣсно и неразрывно слито съ внѣшнею формою, что одно замыкаетъ въ себѣ другое, а цѣлое есть замкнутое въ самомъ себѣ существо... Человѣкъ представляетъ въ этомъ отношеніи несравненно высшее и поразительнѣйшее зрѣлище: сообщенный и слитый со всею природою и тайною жизни природы, — онъ во всемъ, внѣ себя, видитъ осуществившіеся законы собственнаго разума, и великое *все* нашло въ немъ свой органъ, отдѣлившись въ немъ отъ самого себя, чтобы взглянуть на себя и сознать себя. *Общее и безразличное* стало въ немъ *частнымъ и особымъ*, чтобы черезъ эту *частность и особность* снова возвратиться къ своей *общности*, сознавъ ее. Законъ *обособленія* и *замкнутости* въ частномъ явленіи общаго есть основной законъ міровой жизни!.. И въ искусствѣ онъ открывается съ такимъ же полновластіемъ, какъ и въ природѣ; въ уразумѣніи тайны закона обособленія заключается разгадка тайны искусства. Творческая мысль, запавъ въ душу художника, *организируется* въ полное, цѣлостное, оконченное, особое и замкнутое въ себѣ художественное произведеніе. Обратите все ваше вниманіе на слово „организируется“:

только органическое развивается изъ самого себя, только развивающееся изъ самого себя является цѣлостнымъ и особнымъ съ частями пропорціонально и живо-сочлененными и подчиненными одному общему. Вотъ почему, напр., романъ Вальтера Скотта, наполненный такимъ множествомъ дѣйствующихъ лицъ, нисколько непохожихъ одно на другое, представляющій такое сцѣпленіе разнообразныхъ происшествій, столкновений и случаевъ, поражаетъ васъ однимъ *общимъ* впечатлѣніемъ, даетъ вамъ созерцаніе чего-то единаго, — вмѣсто того, чтобы спутать и сбить васъ этимъ калейдоскопическимъ множествомъ характеровъ и событій. По той же причинѣ и каждое лицо въ романѣ существуетъ для васъ само по себѣ; вы видите его передъ собою во весь ростъ, во всей его характеристической особности, и никогда уже не забудете его, а если и забудете, то, перечитывая романъ вновь, хотя бы черезъ двадцать лѣтъ, тотчасъ увидите, что это лицо вамъ знакомо, что вы гдѣ-то уже видѣли его. Но *цѣлое* романа — его колоритъ, его индивидуальная особенность, его *нѣчто*, для выраженія котораго нѣтъ слова, — еще памянѣе вамъ, нежели каждое слово въ особности; уже и лица всѣхъ романовъ и содержанія ихъ изгладились изъ вашей памяти, но съ словами: „Ламермурская Невѣста“, „Иванго“, „Шотландскіе Пуритане“ и пр., никогда не перестанутъ для васъ соединяться совершенно различныя понятія... Какъ какое-то неясное видѣніе, какъ аккордъ, внезапно въ вышинѣ раздавшійся, какъ благоуханіе, мимо васъ мгновенно пронесшееся, будетъ вамъ, какъ въ туманѣ, представляться *индивидуальная общность* каждаго романа...

Все сказанное вами очень нетрудно приложить къ роману г. Лермонтова. Для этого мы должны прослѣдить въ его содержаніи, уже хорошо извѣстномъ читателямъ, развитіе основной мысли. ✕

Романъ начинается описаніемъ переѣзда автора изъ Тифлиса чрезъ Кайшаурскую Долину. Не утомляя скучными подробностями, знакомить онъ насъ съ мѣстностію. Очерки его столько же кратки, сколько и рѣзки, а главное — они набросаны какъ будто бы мимоходомъ. Въ то время, какъ его телѣжку тащили въ гору шесть быковъ и нѣсколько Осетинъ, онъ замѣтилъ, что за его телѣжкой двигалась другая, которую тащили четыре быка, а за нею шель ея хозяинъ, курия изъ маленькой трубочки. Это былъ офицеръ, лѣтъ пятидесяти, съ смуглымъ лицомъ и преждевременно посѣдѣвшими усами, которые не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Авторъ подошелъ къ нему и поклонился; тотъ молча отвѣсилъ на его поклонъ, пустивъ огромный клубъ дыма.

Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

„Вы вѣрно ѣдете въ Ставрополь?“

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

„Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащатъ шута, а мою пустую шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощію этихъ Осетинъ?“

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня. — Вы вѣрно недавно на Кавказъ?

„Съ годъ“ — отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

„А что-жъ?“

— Да такъ-съ ужасные бестіи эти Азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричать? А чортъ ихъ знаетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнуть по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что-жъ съ нихъ возьмешь?.. Любятъ деньги драть съ проезжающихъ... Избаловали мошенниковъ! увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ!

„А вы давно здѣсь служите?“

— Да, я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ, отвѣчалъ онъ пріосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на линію, я былъ подпоручикомъ — прибавилъ онъ — и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ Горцевъ.

„А теперь вы?“

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?

Я сказалъ ему.

Такимъ образомъ завязалось у автора знакомство съ однимъ изъ интереснѣйшихъ лицъ его романа — съ *Максимомъ Максимычемъ*, съ этимъ типомъ стараго кавказскаго служаки, закаленного въ опасностяхъ, трудахъ и битвахъ, котораго лицо такъ же загорѣло и сурово, какъ манеры простоваты и грубы, но у котораго чудесная душа, золотое сердце. Это типъ чисто русскій, который художественнымъ достоинствомъ созданія напоминаетъ оригинальнѣйшіе изъ характеровъ въ романахъ Вальтера Скотта и Купера, но который, по своей новосте, самобытности и чисто русскому духу, не походитъ ни на одинъ изъ нихъ. Искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы развить на дѣлѣ задачу: какъ данный природою характеръ долженъ образоваться при обстоятельствахъ, въ которыхъ поставитъ его судьба. Максимъ Максимычъ получилъ отъ природы человѣческую душу, человѣческое сердце, но эта душа и это сердце отлились въ особую форму, которая такъ и говоритъ вамъ о многихъ годахъ тяжелой и трудной службы, о кровавыхъ битвахъ, о затворнической и однообразной жизни въ недоступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ человѣческихъ лицъ, кромѣ подчиненныхъ солдатъ да заходящихъ для мѣны Черкесовъ. И все это высказывается въ немъ не въ грубыхъ поговоркахъ, въ родѣ „чортъ возьми“, и не въ военныхъ восклицаніяхъ, въ родѣ „тысяча бомбъ“, безпрестанно повторяемыхъ, не въ попойкахъ и не въ куреніи табака, а во взглядѣ на вещи, пріобрѣтенномъ навыкомъ и родомъ жизни, и

въ этой манерѣ поступковъ и выраженія, которые должны быть необходимымъ результатомъ взгляда на вещи и привычки. Умственный кругозоръ Максима Максимыча очень ограниченъ; но причина этой ограниченности не въ его натурѣ, а въ его развитіи. Для него „жить“ значитъ „служить“, и служить на Кавказѣ; „Азіаты“ его природные враги: онъ знаетъ по опыту, что всѣ они большіе плуты, и что самая ихъ храбрость есть отчаянная удаля разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа; онъ не дается имъ въ обманъ, и ему смертельно досадно, если они обманутъ новичка и еще выманятъ у него на водку. И это совсѣмъ не потому, чтобы онъ былъ скупъ, — о, нѣтъ! онъ только бѣденъ, а не скупъ, и сверхъ того, кажется, и не подозрѣваетъ цѣны деньгамъ, но онъ не можетъ видѣть равнодушно, какъ плуты „Азіаты“ обманываютъ честныхъ людей. Вотъ чуть ли не все, что онъ видитъ въ жизни, или, по крайней мѣрѣ, о чемъ чаще всего говорить. Но не спѣшите вашимъ заключеніемъ о его характерѣ; познакомьтесь съ нимъ получше, — и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нѣжное сердце бьется въ желѣзной груди этого повидимому очерствѣвшаго человѣка; вы увидите, какъ онъ какимъ-то инстинктомъ понимаетъ все человѣческое и принимаетъ въ немъ горячее участіе; какъ, вопреки собственному сознанію, душа его жаждетъ любви и сочувствія, — и вы отъ души полюбите простого, добраго, грубаго въ своихъ манерахъ, лаконическаго въ словахъ Максима Максимыча.

Опытный штабсъ-капитанъ не ошибся: Осетинцы обступили неопытнаго офицера и громко требовали на водку. Но Максимъ Максимычъ грозно прикрикнулъ на нихъ и заставилъ разбѣжаться. „Вѣдь этакой народъ“, сказалъ онъ: „и хлѣба по-русски называть не умѣетъ, а выучилъ: „офицеръ, дай на водку!“... Ужъ Татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...“

Вотъ наконецъ путешественники наши добрались до станціи и вошли въ саклю, переднее отдѣленіе которой было наполнено коровами и овцами, а другое людьми, сидѣвшими возлѣ огня, разложеннаго на землѣ. По полу разстилался дымъ, обратно вталкиваемый вѣтромъ изъ отверстія въ потолокъ. Наши путники закурили трубки, внимая привѣтливому шипѣнію чайника.

„Жалкіе люди! — сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолевленіи.“

— Преглупый народъ! — отвѣчалъ онъ. Повѣрите ли, ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши Кабардинцы или Чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки, а у этихъ и къ

оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго ни на комъ не увидишь. *Ужъ подлинно Осетини!*

„А долго были въ Чечнѣ?“

— Да, я лѣтъ десятокъ стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода,—знаете.

„Слыхалъ“.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы; нынче, слава Богу, смириѣе, а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косяматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зашѣвася, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылокъ. *А молодцы!..*

„А, чай, много съ вами бывало приключеній?“ сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался.

И вотъ Максимъ Максимычъ весь передъ вами, съ своимъ взглядомъ на вещи, съ своимъ оригинальнымъ способомъ выраженія! Вы еще такъ мало видѣли его, такъ мало познакомились съ нимъ, а уже передъ вами не призракъ, волею или неволею принужденный авторомъ служить связью, или вертѣть колесо его разсказа, а типическое лицо, оригинальный характеръ, живой человекъ! Такъ осуществляютъ свои идеалы истинные художники: двѣ-три черты — и передъ вами, какъ живая, словно наяву, стоитъ такая характеристическая фигура, которой вы уже никогда не забудете... „Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался“: какъ много сказано въ этихъ немногихъ, простыхъ словахъ, какую рѣзкую черту проводятъ они по физиономіи Максима Максимыча, какъ много общаются, какъ сильно разманиваютъ любопытство читателя!..

Принявъ поданный ему стаканъ чая, Максимъ Максимычъ отхлебнулъ и сказалъ какъ-будто про себя: „да, бывало!“ Но мы еще должны нѣсколько поговорить словами самого автора:

Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые Кавказцы любятъ поговорить, порассказать; имъ такъ рѣдко это удается: другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ-нибудь въ захолустьи съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ *здравствуйте* (потому что фельдфебель говоритъ *здравія желаю*). А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, каждый день опасность, случаи бываютъ чудные, и тутъ поневолѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

„Не хотите ли подбавить рома? — сказалъ я моему собесѣднику:—у меня есть бѣлый изъ Тифлиса, теперъ холодно.“

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

„Что такъ?“

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога, вотъ мы и вышли передъ фронтъ навеселѣ, да ужъ и досталось намъ, когда Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи какъ онъ разсердился! Чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка—пропадшій человекъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть Черкесы, — продолжалъ онъ: какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоро-

нахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу поги унесъ, а еще у мирнова князя былъ въ гостяхъ.

„Какъ же это случилось?“

Вотъ начало поэтической исторіи „Бѣлы“. Максимъ Максимычъ разсказалъ ее по-своему, своимъ языкомъ; но отъ этого она не только ничего не потеряла, но бесконечно много выиграла. Добрый Максимъ Максимычъ, самъ того не зная, сдѣлался поэтомъ, такъ что въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ выраженіи заключается бесконечный міръ поэзіи. Не знаемъ, чему здѣсь болѣе удивляться: тому ли, что поэтъ, заставивъ Максима Максимыча быть только свидѣтелемъ разсказываемаго имъ событія, такъ тѣсно слилъ его личность съ этимъ событіемъ, какъ будто бы самъ Максимъ Максимычъ былъ его героемъ; или тому, что онъ сдумѣлъ такъ поэтически, такъ глубоко взглянуть на событіе глазами Максима Максимыча и разсказать это событіе языкомъ простымъ, грубымъ, но всегда живописнымъ, всегда трогательнымъ и потрясающимъ даже въ самомъ комизмѣ своемъ?..

Когда Максимъ Максимычъ стоялъ въ крѣпости за Терекомъ, къ нему вдругъ явился офицеръ, прикомандированный къ его крѣпости.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ Печоринимъ, славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко странень. Вѣдь, наприимѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнуть, устанутъ, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ: вѣтеръ пахнетъ — увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрагиваетъ и поблѣднѣетъ, а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ-на-одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зато ужъ иногда, какъ начнетъ разсказывать, такъ животинки надорвешь со смѣха. Да-съ, съ большими странностями, и должно быть, богатый человекъ; сколько у него было разныхъ дорогихъ вещей!..

„А долго ли онъ съ вами жилъ?“ — спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну да ужъ зато памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ много хлопотъ, не тѣмъ будь помянуть! Вѣдь есть, право, такіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

„Необыкновенныя!“ воскликнулъ я, съ видомъ любопытства, подливая ему чай.

— А вотъ я вамъ разскажу.

Недалеко отъ крѣпости жилъ мирной князь, сынъ котораго, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился ѣздить въ крѣпость. Печоринъ и Максимъ Максимычъ любили и баловали его. Это былъ прототипъ Черкеса, безъ преувеличенія и безъ искаженія. Головорѣзъ, *проворный на все*, по словамъ Максима Максимыча: онъ поднималъ шапку на всемъ скаку, мастерски стрѣлялъ изъ ружья, и былъ ужасно падохъ на деньги. Если его дразнили, глаза его наливались кровью, а рука хваталась за кинжалъ. „Эй, Азаматъ, — говаривалъ ему Максимъ Максимычъ: — не сносить тебѣ головы: яманъ будетъ твоя башка!“

Однажды старшій князь пріѣхалъ въ крѣпость и позвалъ Максима Максимыча и Печорина на свадьбу своей дочери. Когда они пріѣхали въ аулъ, прятавшіяся отъ нихъ женщины не показались красавицами Печорину. „Погодите, сказалъ я, усмѣхаясь (говорилъ Максимъ Максимычъ). У меня было свое на умѣ“.

Изъ этого мѣста разсказа Максима Максимыча можно получить самое вѣрное понятіе о правахъ и обыкновеніяхъ дикихъ Черкесовъ, хотя для ихъ описанія онъ и не дѣлаетъ отступленій. Какъ къ почетному гостю, къ Печорину подошла меньшая дочь хозяина, прекрасная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему...

Какъ-бы сказать?.. въ родѣ комплимента.

„А что-жъ такое она пропѣла, не помните ли?“

— Да, кажется, вотъ такъ: „Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними; только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду.“

Печоринъ всталъ, приложилъ руку ко лбу и сердцу, а Максимъ Максимычъ перевелъ ей его отвѣтъ, ибо онъ хорошо зналъ *по-ихнему*. „Какова?“ шепнулъ онъ Печорину. — Прелесть! А какъ ее зовутъ? — Бѣлою“.

„И точно (говорилъ Максимъ Максимычъ), она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и заглядывали вамъ въ душу“. Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, но не одинъ онъ смотрѣлъ на нее. Въ числѣ гостей былъ черкесъ Казбичъ. Онъ былъ и мирнымъ и немирнымъ, смотря по обстоятельствамъ; подозрѣній было на него множество, хотя онъ не былъ замѣченъ ни въ какой шалости. Но мы почитаемъ необходимымъ вполне обрисовать это лицо, и именно словами Максима Максимыча. „Говорили про него, что онъ любить таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ,—и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣзтники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная какъ смоль, ноги—струнки, и глаза не хуже, чѣмъ у Бѣлы, а какая сила! скачи хотъ на 50 верстъ; а ужъ выѣзжана — какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ, голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойническая лошадь!..“

Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмымъ обыкновеннаго, и Максимъ Максимычъ, замѣтивъ, что у него подъ бешметомъ надѣта

кольчуга, тотчасъ подумалъ, что это не даромъ. Такъ какъ въ саклѣ стало душно, онъ вышелъ освѣжиться, и вздумалъ кстати провѣдать лошадей. Тутъ, за заборомъ, онъ подслушалъ разговоръ: Азаматъ похваливалъ лошадь Казбича, на которую давно зарился, а Казбичъ, подстрекнутый этимъ, разсказывалъ о ея достоинствахъ и услугахъ, которыя она ему оказала, не разъ спасая его отъ вѣрной смерти. Это мѣсто повѣсти вполне знакомитъ читателя съ Черкесами, какъ съ племенемъ, и въ немъ могучею художническою кистію обрисованы характеры Азамата и Казбича, этихъ рѣзкихъ типовъ черкесской народности. „Если бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылъ, то отдалъ бы весь за твоего карагѣза“, сказалъ Азаматъ. — *Йокъ*, не хочу — равнодушно отвѣчалъ Казбичъ. Азаматъ льститъ ему, обѣщаетъ украсть у отца лучшую винтовку или пашку, которая, только приложи руку къ лезвію, сама вливается въ тѣло, кольчугу. Въ его словахъ такъ и дышетъ знойная, мучительная страсть дикаря и разбойника по рожденію, для котораго цѣтъ ничего въ мірѣ дороже оружія или лошади, и для котораго желаніе—медленная пытка на маломъ огнѣ, а для удовлетворенія, жизнь собственная, жизнь отца, матери, брата — ничто. Онъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ увидѣлъ карагѣза, когда онъ кружился и прыгалъ подъ Казбичемъ, раздумывая поздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, что съ тѣхъ поръ въ его душѣ сдѣлалось что-то непонятное, все ему опостылѣло... Можно подумать, что онъ разсказывалъ о любви или ревности, чувствахъ, которыхъ дѣйствіе часто бываетъ такъ страшно и въ людяхъ образованныхъ, а тѣмъ страшнѣе въ дикаряхъ. „На лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ (говорилъ Азаматъ), стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ является вороной скакунъ твой, съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!“ Проговоривъ это дрожащимъ голосомъ, онъ заплакалъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Максиму Максимычу, который зналъ Азамата, какъ преупрямаго мальчишку, у котораго ничѣмъ нельзя было вышибить слезъ, когда онъ былъ и моложе. Но въ отвѣтъ на слезы Азамата послышалось что-то въ родѣ смѣха. „Послушай!“ сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ: „видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ—чудо! Не бывало такой

жены и у турецкаго падишаха... Неужели не стоит Баба твоего скакуна?..“

Казбичь долго молчалъ и, наконецъ, вмѣсто отвѣта, затянулъ вполголоса старинную пѣсню, въ которой коротко и ясно выражена вся философія Черкеса:

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ,
Сладко любить ихъ, завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купить четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ стени не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

Напрасно Азамать упрасивалъ, плакалъ, льстилъ ему. „Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ! На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ о камни!“ „Меня!“ крикнулъ Азамать въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло о кольчугу. Казбичь оттолкнулъ его такъ, что онъ упалъ и ударился головою о плетень. „Будетъ потѣха!“, подумалъ М. М., взнуздаль коней и вывелъ ихъ на задній дворъ. Между тѣмъ, Азамать вбѣжалъ въ саклю въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичь хотѣлъ его зарѣзать. Поднялся гвалтъ, раздались выстрѣлы, но Казбичь уже вертѣлся на своемъ конѣ среди улицы, и ускользнулъ.

„Никогда себѣ не прощу одного: чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся—такой хитрый! а самъ задумалъ кое-что.

—А что такое? расскажите пожалуйста.

„Ну ужъ нечего дѣлать, началъ рассказывать, такъ надо продолжать“.

Дня черезъ четыре пріѣхалъ въ крѣпость Азамать. Печоринъ началъ ему расхваливать лошадь Казбича. У Татарченка засверкали глаза, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; М. М. заговорить о другомъ, а Печоринъ сведетъ разговоръ на лошадь. Это продолжалось недѣли три; Азамать видимо блѣднѣлъ и чахнулъ. Короче: Печоринъ предложилъ ему чужого коня за его родную сестру; Азамать задумался: не жалость къ сестрѣ, а мысль о мщеніи отца потревожила его, но Печоринъ колынулъ его самолюбіе, назвавъ ребенкомъ (названіе, которымъ всѣ дѣти очень оскорбляются!), а карагѣзъ такая чудная лошадь!.. И вотъ однажды Казбичь пріѣхалъ въ крѣпость и спрашиваетъ, не надо ли барановъ и меда. Максимъ Максимычъ велѣлъ привести на другой день. „Азамать! сказалъ Печоринъ, завтра карагѣзъ въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Баба не будетъ здѣсь, не видать тебѣ коня“. Хорошо, сказалъ Азамать, поскакалъ въ аулъ, и въ тотъ же вечеръ Печоринъ возвратился въ крѣпость вмѣстѣ съ Азаматомъ, у котораго, поперекъ сѣдла (какъ видѣлъ часовой), лежала женщина, съ связанными ногами и

руками, съ головою, опутанною чадрой. На другой день Казбичь явился въ крѣпости съ своимъ товаромъ; М. М. попотчивалъ его чаемъ, и потому что (говорилъ онъ) хотя разбойникъ онъ, „а все-таки былъ моимъ кунакомъ“. Вдругъ Казбичь посмотрѣлъ въ окно, вздрогнулъ, поблѣднѣлъ, и съ крикомъ: „моя лошадь! лошадь!“ выбѣжалъ вонъ, перескочилъ черезъ ружье, которымъ часовой хотѣлъ загородить ему дорогу. Вдали скакалъ Азамать; Казбичь выхватилъ изъ чехла ружье, выстрѣлилъ и, увѣрившись, что далъ промаха, завизжалъ, въ дребезги разбилъ ружье о камень, повалился на землю и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Такъ пролежалъ онъ до поздней ночи и цѣлую ночь, не дотрогиваясь до денегъ, которыя велѣлъ положить подлѣ него М. М. за барановъ. На другой день, узнавши отъ часового, что похититель былъ Азамать, онъ засверкалъ глазами и отправился отыскивать его. Отца Бабы въ это время не было дома, а возвратившись, онъ не нашелъ ни дочери, ни сына...

Какъ только Максимъ Максимычъ узналъ, что Черкешенка у Печорина, онъ надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему. Здѣсь слѣдуетъ сцена такая прекрасная, что мы не можемъ удержаться, чтобы не пересказать ея устами самого Максима Максимыча:

— Онъ лежалъ въ первой комнатѣ на постели, подложивъ одну руку подъ затылокъ, а въ другой держа погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта, и ключа въ замѣкъ не было. Я все это тотчасъ замѣтилъ... Я началъ кашлять и постучивать каблуками о порогъ, только онъ притворился, будто не слышитъ.

„Господинъ прапорщикъ!“ сказалъ я какъ можно строже... „Развѣ вы не видите, что я къ вамъ пришелъ?“

— Ахъ, здравствуйте, Максимъ Максимычъ! Не хотите ли трубку? отвѣчалъ онъ, не приподымаясь.

„Извините! Я не Максимъ Максимычъ: я штабсъ-капитанъ.“

— Все равно. Не хотите ли чаю? Если бъ вы знали, какая меня мучитъ забота!

„Я все знаю“—отвѣчалъ я, подошедъ къ кровати.

— Тѣмъ лучше: я не въ духѣ рассказывать.

„Г. прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...“

— И, полноте! что-жъ за бѣда? Въдѣ у насъ давно все пополамъ.

„Что за шутки! пожалуйста вашу шпагу.“

— Митька, шпагу!

Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: „Послушай, Григорій Александровичъ, признайся, что нехорошо.“

— Чтѣ нехорошо?

„Да то, что ты увезъ Бабу... Ужъ эта мнѣ бестія Азамать!... Ну, признайся“—сказалъ я ему.

— Да когда она мнѣ правится!..

„Ну, чтѣ прикажете отвѣчать на это? Я сталъ въ тупикъ. Однакожъ, послѣ нѣкотораго молчанія я ему сказалъ, что если отецъ станетъ требовать, надо будетъ ее отдать.“

— Въовсе не надо!

„Да онъ узнаетъ, что она здѣсь?“

А какъ онъ узнаетъ?

И опять сталъ въ тупикъ. Послушайте, Максимъ Максимычъ! сказалъ Печоринъ, приподнявшись: „видъ вы добрый человѣкъ, а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ, или проласть. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шнагу...“

„Да покажите мнѣ ее“—сказалъ я.

— Она за этою дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть: сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ: пуглива, какъ дикая серна. Я напиль нашу духаницу, она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и приучитъ ее къ мысли, что она моя, потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня“—прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. И въ этомъ согласился... Что же прикажете дѣлать! Есть люди, съ которыми непременно должно согласиться.

Итъ ничего тяжеле и непріятнѣе, какъ излагать содержаніе художественнаго произведенія. Цѣль этого изложенія не состоитъ въ томъ, чтобъ показать лучшія мѣста: какъ бы ни было хорошо мѣсто сочиненія, оно хорошо по отношенію къ цѣлому, слѣдовательно, изложеніе содержанія должно имѣть цѣлю — прослѣдить идею цѣлаго созданія, чтобы показать, какъ вѣрно она осуществлена поэтомъ. А какъ это сдѣлать? Цѣлаго сочиненія переписать нельзя; но каково же выбирать мѣста изъ превосходнаго цѣлаго, пропускать иныя, чтобы выписки не перешли должныхъ границъ? И потомъ, каково связывать выписанныя мѣста своимъ прозаическимъ рассказомъ, оставляя въ книгѣ тѣни и краски, жизнь и душу, и держась одного мертваго скелета? Теперь мы особенно чувствуемъ всю тяжесть и неудобоисполнимость взятой нами на себя обязанности. Мы и до сего мѣста терялись во множествѣ прекрасныхъ частностей, а теперь, когда начинается важнѣйшая часть повѣсти, теперь намъ такъ и хотѣлось бы выписать отъ слова до слова весь рассказъ автора, въ которомъ каждое слово такъ безконечно-значительно, такъ глубокознаменательно, дышитъ такою поэтическою жизнію, блеститъ такимъ роскошнымъ богатствомъ красокъ; а между тѣмъ, мы по-прежнему принуждены *пересказывать* по-своему, сколько возможно держась выраженій подлинника и выписывая мѣста.

Холодно смотрѣла Бѣла на подарки, которые каждый день приносилъ ей Печоринъ, и гордо отталкивала ихъ. Долго безуспѣшно ухаживалъ онъ за нею. Между тѣмъ, онъ учился по-татарски, а она начинала понимать по-русски. Она стала изрѣдка и посматривать на него, но все исподлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни вполголоса, „такъ что (говорилъ Максимъ Максимычъ), бывало, и мнѣ становилось грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты“. Уговаривая ее полюбить себя, Печоринъ спро-

силъ ее, не любить ли она какого-нибудь Чеченца, и прибавилъ, что въ такомъ случаѣ онъ сейчасъ отпустить ее домой. Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой... „Или я тебѣ совершенно ненавиственъ?“ Она вздохнула, „Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня?“ Она поблѣднѣла и молчала. Потомъ онъ ей сказалъ, что Аллахъ одинъ для всѣхъ племенъ, и что если онъ ему позволилъ полюбить ее, то почему же запретить ей полюбить его. Этотъ доводъ, казалось, поразилъ ее, и въ глазахъ ея выразилось желаніе убѣдиться. „Если ты будешь грустить, говорилъ онъ ей: я умру. Скажи, ты будешь веселѣй?“ Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ, потомъ улыбнулась и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ее руку и сталъ ее уговаривать, чтобы она его поцѣловала: она слабо защищалась и только повторяла: „*поджалуста, поджалуста, не нада, не нада!*“ Какая граціозная и, въ то же время, какая вѣрная натурѣ черта характера! Природа нигдѣ не противорѣчитъ себѣ, и глубокость чувства, достоинство и граціозность непосредственности такъ же иногда поражаютъ и въ дикой Черкешенкѣ, какъ и въ образованной женщинѣ высшаго тона. Есть манеры столь граціозныя, есть слова столь благоухающія, что одного или одной изъ нихъ достаточно, чтобы обрисовать всего человѣка, выказать наружу все, что кроется внутри него. Не правда ли: слыша это милое, простодушное „*поджалуста, поджалуста, не нада, не нада!*“ вы видите передъ собою эту очаровательную, чернооую Бѣлу, полудикую дочь вольныхъ ущелій, и васъ такъ обаятельно поражаетъ въ ней эта гармонія, эта особенность женственности, которая составляетъ всю прелесть, все очарованіе женщины?...

Онъ сталъ настаивать, она задрожала и заплакала. „Я твоя плѣнница, твоя раба“—говорила она: „конечно, ты можешь меня принудить“—и опять слезы. „Дьяволъ, а не женщина!“—сказалъ онъ Максиму Максимычу: „только я даю вамъ мое честное слово, что она будетъ моя...“

Однажды онъ вошелъ къ ней, одѣтый по-черкесски и вооруженный, и сказалъ ей, что онъ виноватъ передъ нею, что онъ оставляетъ ее хозяйкой всего, что имѣетъ, даетъ ей волю, и самъ идетъ, куда глаза глядятъ, можетъ быть, подъ пулю...

„Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только, стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо: и мнѣ стало жаль, такая смертельная блѣдность покрывала это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери; онъ дрожалъ, и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ

его знает! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то-есть, знаете, не то чтобъ заплакалъ, а такъ, глупость!...

Штабсъ-капитанъ замолчалъ.

— Да, признаюсь, сказалъ онъ потомъ, теребя усы: мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила.

Скоро узналъ счастливый Печоринъ, что Бѣла полюбила его съ перваго взгляда. Да, это была одна изъ тѣхъ глубокихъ женскихъ натуръ, которыя любятъ мужчину тотчасъ, какъ увидятъ его, но признаются ему въ любви не тотчасъ, отдадутся не скоро, а отдавшись, уже не могутъ больше принадлежать ни другому, ни самимъ себѣ... Поэтъ не говорить объ этомъ ни слова, но потому-то онъ и поэтъ, что, не говоря *иного*, даетъ звать *все*...

Они были счастливы, но не завидуйте имъ, читатель: кто смѣетъ надѣяться на прочное счастье въ этой жизни?... Минута ваша, ловите же ее, не надѣясь на будущее... Не долго продолжалось и твое блаженство, бѣдная, милая Бѣла!...

Вскорѣ Печоринъ и Максимъ Максимычъ узнали, что отецъ Бѣлы былъ убитъ Казбичемъ, подозрѣвавшимъ его въ участіи въ похищеніи карагѣза. Отъ Бѣлы долго скрывали это, пока она не привыкла къ своему положенію; когда же ей сказали, она дня два поплакала, а потомъ забыла.

Четыре мѣсяца все шло хорошо. Печоринъ такъ любилъ Бѣлу, что забылъ для нея и охоту, и не выходилъ за крѣпостной валъ. Но вдругъ сталъ онъ задумываться, ходить по комнатѣ, заложивъ руки на спину. Однажды, никому не сказавшись, отправился на охоту и пропадалъ цѣлое утро, потомъ опять, и все чаще и чаще. „Нехорошо (подумалъ Максимъ Максимычъ): вѣрно, между ними пробѣжала черная кошка!“ Одно утро онъ зашелъ къ нимъ, и увидѣлъ Бѣлу такую блѣдную, такую печальною, что испугался. Онъ сталъ ее утѣшать. Сообщая ему свои страхи и опасенія, она сказала ему:

„А вѣдь мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ“.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать! Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

„Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, я княжеская дочь!...“

Утѣшая ее, Максимъ Максимычъ замѣтилъ ей, что если она будетъ грустить, то скорѣе наскучитъ Печорину.

„Правда, правда, отвѣчала она: я буду весела! И съ хохотомъ схватила свой бубень, начала пѣть, и плясать, и прыгать около меня; только и это не было продолжительно, она упала на постель и закрыла лицо руками.“

— Что было мнѣ съ нею дѣлать? Я, знаете,

никогда съ женщинами не обращался: думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренебрежительное положеніе-съ!

Вышедши съ нею прогуляться за крѣпость, Максимъ Максимычъ увидѣлъ Черкеса, который вдругъ выѣхалъ изъ лѣса и, сажаяхъ во сто отъ нихъ, началъ какъ бѣшеный кружиться: Бѣла узнала въ немъ Казбича...

Наконецъ Максимъ Максимычъ объяснился съ Печоринымъ насчетъ его охлажденія къ Бѣлѣ, и вотъ какой получилъ отъ него отвѣтъ:

„Послушайте, Максимъ Максимычъ: у меня несчастный характеръ: воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ, не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе, только дѣло въ томъ, что это такъ! Въ первой моей молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ, и былъ любимъ, но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться, науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—невѣжды, а слава—удача, и чтобъ добиться ея, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно... Вскорѣ перевелъ меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями—напрасно; чрезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанію и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ, и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду. Когда я увидѣлъ Бѣлу въ своемъ домѣ, когда въ первый разъ, держа ее на колѣняхъ, цѣловалъ ея черныя локоны, я, глупецъ, подумалъ, что она ангелъ, посланный мнѣ сострадательною судьбою... Я опять ошибся; любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни; невѣжество и простосердечіе одной такъ же надоѣдаютъ, какъ кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь, только мнѣ съ нею скучно... Глупецъ я или злодѣй, не знаю; но то вѣрно, что я также очень достойнъ сожалѣнія, можетъ быть больше, нежели она: во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало: къ печали я такъ же легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день ото дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь только не въ Европу, избави Боже! поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію, авось гдѣ-нибудь умру на дорогѣ! По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе не скоро истощится съ помощію бурь и дурныхъ дорогъ“. Такъ онъ говорилъ долго, и его слова врѣзались у меня въ память, потому что въ первый разъ я слышалъ такіа вещи отъ 25-лѣтняго человѣка, и, Богъ дастъ, въ послѣдній... Что за диво! Скажите-ка, пожалуйста, продолжалъ штабсъ-капитанъ, обращаясь ко мнѣ, вы вотъ, кажется, бывали въ столицѣ, и недавно: неужто тамошняя молодежь вся такова?

И отвѣчалъ, что много есть людей, говорящихъ то же самое: что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что впрочемъ разочарованіе, какъ всѣ моды, начавъ съ высшихъ слоевъ общества, спустилось къ низшимъ, которые его донатаиваютъ, и что нынче тѣ, которые больше всѣхъ и въ самомъ дѣлѣ скучаютъ, стараются скрыть это несчастіе, какъ порокъ. Штабсъ-капитанъ не понималъ этихъ тонкостей, покачалъ головою и улыбнулся лукаво:

— А все, чай, Французы ввели моду скучать?

„Нѣтъ, Англичане“.

— А-га! вотъ что!... — отвѣчалъ онъ, да вѣдь они всегда были отъявленные пьяницы!

Итакъ, Печоринъ охладѣлъ къ Бѣдной Бѣлѣ, которая любила его еще больше. Онъ не знаетъ самъ причины своего охлажденія, хотя и силится найти ее. Да нѣтъ ничего труднѣе, какъ разбирать языкъ собственныхъ чувствъ, какъ знать самого себя! И объясненія автора для насъ такъ же неудовлетворительны, какъ и для Максима Максимыча, которому онъ ихъ сообщилъ. Можетъ быть, и тутъ та же причина, и въ отношеніи къ автору, и въ отношеніи къ намъ: нѣтъ ничего труднѣе, какъ знать и понимать самихъ себя!... Но тѣмъ не менѣе, мы предложимъ и наше рѣшеніе, или, лучше сказать, и наше гаданіе объ этомъ столько же общемъ, сколько и грустномъ феноменѣ человѣческаго сердца, который особенно частъ и поразителенъ въ современномъ обществѣ. Въ числѣ причинъ скорого охлажденія Печорина къ Бѣлѣ не было ли причиною его и то, что для безсознательнаго, чисто-естественнаго, хотя и глубокаго чувства Черкешенки Печоринъ былъ полнымъ удовлетвореніемъ, далеко превосходящимъ самыя дерзкія ея требованія; тогда какъ духъ Печорина не могъ найти своего удовлетворенія въ естественной любви полудикаго существа. Къ тому же, вѣдь одно наслажденіе далеко еще не составляетъ всѣхъ потребностей любви, и что могла дать Печорину любовь, кромѣ наслажденія? О чемъ могъ онъ говорить съ нею? Чтò оставалось для него въ ней неразгаданнаго? Для любви нужно разумное содержаніе, какъ масло для поддержки огня; любовь есть гармоническое сліяніе двухъ родственныхъ натуръ въ чувство безконечнаго. Въ любви Бѣлы была сила, но не могло быть безконечности: сидѣть съ-глаза-на-глазъ съ возлюбленнымъ, ласкаться къ нему, принимать его ласки, предугадывать и ловить его желанія, млѣть отъ его лобзаній, замирать въ его объятіяхъ,—вотъ все, чего требовала душа Бѣлы; при такой жизни и вѣчность показалась бы для нея мгновеніемъ. Но Печорина такая жизнь могла увлечь не больше какъ на четыре мѣсяца, и еще надо удивляться силѣ его любви къ Бѣлѣ, если она была такъ продолжительна. Сильная потребность любви часто принимается за самую любовь, если представится предметъ,

на который она можетъ устремиться; препятствія превращаютъ ее въ страсть, а удовлетвореніе уничтожаетъ. Любовь Бѣлы была для Печорина полнымъ бокаломъ сладкаго напитка, который онъ и выпилъ заразъ, не оставивъ въ немъ ни капли; а душа его требовала не бокала, а океана, изъ котораго можно ежеминутно черпать, не уменьшая его...

Однажды Печоринъ отправился съ Максимомъ Максимычемъ на охоту за кабаномъ. Съ ранняго утра часовъ до десяти напрасно искали они его; Максимъ Максимычъ уговаривалъ своего товарища воротиться, не тутъ-то было: несмотря ни на зной, ни на усталость, тотъ не хотѣлъ воротиться безъ добычи. „Такъ ужь былъ человекъ: чтò задумаетъ, подавай; видно, въ дѣтствѣ былъ маленькій избалованъ“. Однакожъ, послѣ полудня они безъ ничего подѣзжали къ крѣпости. Вдругъ выстрѣлъ: оба они взглянули другъ на друга и опрометью поскакали на выстрѣлъ. Солдаты въ кучку собрались на валу и указывали въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Это былъ Казбичъ, похитившій неосторожную Бѣлу, которая вышла за крѣпость къ рѣкѣ. Печорину удалось ранить въ ногу его коня. Казбичъ занесъ руку надъ Бѣлою, Максимъ Максимычъ выстрѣлилъ и, кажется, ранилъ его въ плечо; дымъ разсѣялся—на землѣ лежала раненая лошадь и возлѣ нея Бѣла, а Казбичъ, какъ кошка, карабкался на утесъ, и скоро скрылся. Они къ Бѣлѣ—она была ранена, и кровь лилась изъ раны ручьями...

„И Бѣла умерла?“

— Умерла; только долго мучилась, и мы уже съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя: мы сидѣли у постели: только-что она открыла глаза, начала звать Печорина.—Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка (то-есть, по-нашему, душенька), отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку.—„Я умру!“—сказала она. Мы начали ее утѣшать, говорили, что лѣкарь обѣщаль ее вылѣчить непременно;—она покачала головою и отвернулась къ стѣнѣ! ей не хотѣлось умирать!...

— Ночью она вачала бредить; голова ея горѣла, по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки; она говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ: ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ, давая ему разныя нѣжныя названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

— Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки: но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его: въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою—не знаю; что до меня, то я ничего жалче этого не видывалъ.

Къ утру, когда прошелъ бредъ, она начала печалиться о томъ, что она не христіанка, и что на томъ свѣтѣ душа ея никогда не встрѣтится съ душою Печорина, и что иная женщина будетъ въ раю его подругою... Максимъ Максимычъ предложилъ ей окре-

ститися; долго она молчала въ нерѣшимости и, наконецъ, отвѣчала, что умереть въ той вѣрѣ, въ какой родилась. Такъ прошелъ день—страданія ужасно измѣнили ея прекрасное лицо. Когда боль утихала, и она переставала стонать, то уговаривала Печорина идти спать, цѣловала его руку...

— Передъ утромъ она стала чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась, и начала просить Печорина, чтобъ онъ ее поцѣловалъ. Онъ сталъ на колѣни возлѣ кровати, приподнял ея голову съ подушки и прижалъ свои губы къ ея холодѣющимъ губамъ; она крѣпко обвила его шею дрожащими руками, будто въ этомъ поцѣлуѣ хотѣла передать ему свою душу... *Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! Ну, что бы съ ней случилось, если бы Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось рано или поздно...*

Передъ смертью хриплымъ голосомъ закричала она: „воды! воды!“

— Онъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подаль ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву, не помню, какую... Да, батюшка, видалъ я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія, только все это не то, совсѣмъ не то!.. Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертію ни разу не вспомнила обо мнѣ; а кажется, я ее любилъ какъ отецъ.. Ну, да Богъ ее проститъ!.. И вправду молвить, что же я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?..

— Только-что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ—гладко!..—Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки за спину; его лицо ничево не выражало особеннаго и мнѣ стало досадно. Я бы на его мѣстѣ умеръ съ горю. Наконецъ онъ сѣлъ на землѣ, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднималъ голову и засмѣялся.. У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха. Я пошелъ заказывать гробъ.

— На другой день, рано утромъ, мы ее похоронили за крѣпостью, у вала, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея могилы разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ-было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была не христіанка...

„А что Печоринъ?“—спросилъ я.

— Печоринъ былъ долго нездоровъ, исхудалъ, бѣдняжка; только никогда съ этихъ поръ мы не говорили о Балѣ: я видѣлъ, что это будетъ ему непріятно, такъ зачѣмъ же?—Мѣсяца три спустя, его назначили въ е...й полкъ. Мы съ тѣхъ поръ не встрѣчались... Да, помнится, кто-то недавно мнѣ говорилъ, что онъ возвратился въ Россію, но въ приказахъ по корпусу не было.—Впрочемъ, до нашего брата вѣсти поздно доходить.

— Тутъ онъ пустился въ длинную диссертацию о томъ, какъ непріятно узнавать новости годомъ позже—вѣроятно для того, чтобы заглушить печальныя воспоминанія.

Я не перебивалъ его, и не слушалъ.

Просимъ извиненія за множество выписокъ, и у автора, и у тѣхъ изъ читателей, которые прочтутъ нашу статью прежде ро-

мана: заманчивость перваго чтенія, сила и прелесть перваго впечатлѣнія будутъ для нихъ навсегда потеряны. Впрочемъ, едва-ли кто и не читалъ „Балы“; она напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ еще въ прошедшему году, да и самый романъ давно уже вышелъ въ свѣтъ. Что же касается до тѣхъ, которые прочтутъ эту статью уже послѣ романа, у нихъ черезъ это почти ничего не отнимается; напротивъ, если мы только хорошо сдѣлали наше дѣло, они вновь переживутъ уже испытанное наслажденіе, и еще съ болѣею силою. Во всякомъ случаѣ, памъ не было никакой возможности избѣжать этихъ выписокъ. Мы хотѣли, чтобы въ нашемъ изложеніи содержанія романа видны были и характеры дѣйствующихъ лицъ, и сохранена была внутренняя жизненность разсказа, равно какъ и его колоритъ; а этого невозможно было сдѣлать, показавъ одинъ скелетъ содержанія или его отвлеченную мысль. Да и въ чемъ содержаніе повѣсти? Русскій офицеръ похитилъ Черкешенку, сперва сильно любилъ ее, но скоро охладѣлъ къ ней; потомъ Черкесъ увезъ-было ее, но видя себя почти пойманнымъ, бросилъ ее, нанеся ей рану, отъ которой она умерла: вотъ и все тутъ. Не говоря о томъ, что тутъ очень немного, тутъ еще нѣтъ и ничего ни поэтического, ни особеннаго, ни занимательнаго, а все обыкновенно до пошлости, истерто. Но что же необыкновеннаго или поэтического, наприкладъ, и въ содержаніи шекспирова „Отелло“? Мавръ убилъ страстно любимую имъ жену изъ ревности, которую съ умысломъ возбудилъ въ немъ хитрый злодѣй: развѣ и это тоже не истерто и не обыкновенно до пошлости? Развѣ не было написано тысячи повѣстей, романовъ, драмъ, содержаніе которыхъ—мужъ или любовникъ, убивающій изъ ревности невинную жену или любовницу? Но изъ всей этой тысячи, только одного „Отелло“ знаетъ міръ и одному ему удивляется. Значитъ: содержаніе не во внѣшней формѣ, не въ сцѣпленіи случайностей, а въ замыслѣ художника, въ тѣхъ образахъ, въ тѣхъ тѣняхъ и переливахъ красотъ, которыя представлялись ему еще прежде, нежели онъ взялся за перо, словомъ—въ творческой концепціи. Художественное созданіе должно быть вполне готово въ душѣ художника прежде, нежели онъ возьмется за перо: написать для него уже—второстепенный трудъ. Онъ долженъ сперва видѣть передъ собою лица, изъ взаимныхъ отношеній которыхъ образуется его драма или повѣсть. Онъ не обдумываетъ, не расчисляетъ, не теряется въ соображеніяхъ: все выходитъ у него само собою, и выходитъ такъ, какъ должно. Событіе развертывается изъ идеи, какъ растеніе изъ зерна. Потому-то и читатели видятъ въ его

лицахъ живые образы, а не призраки, радуются ихъ радостями, страдаютъ ихъ страданиями, думаютъ, разсуждаютъ и спорятъ между собою о ихъ значеніи, ихъ судьбѣ, какъ будто дѣло идетъ о людяхъ, дѣйствительно существовавшихъ и знакомыхъ имъ. Этого нельзя сдѣлать, сперва придумавши отвлеченное содержаніе, т.-е. какую-нибудь завязку и развязку, а потомъ уже придумавши лица и волею или неволею заставивши ихъ играть сообразныя съ сочиненною цѣлю роли. Вотъ почему изложеніе содержанія такъ затруднительно для критика, и безъ выписокъ нельзя ему обойтись: надо сдѣлать его кратко и заставить говорить само за себя разбираемое твореніе.

Глубокое впечатлѣніе оставляетъ послѣ себя „Бѣла“: вамъ грустно, но грусть ваша легка, свѣтла и сладостна; вы летите мечтою на могилу прекрасной, но эта могила не страшна: ее освѣщаетъ солнце, омываетъ быстрый ручей, котораго ропотъ, вмѣстѣ съ шелестомъ вѣтра въ листьяхъ бузины и бѣлой акаціи, говоритъ вамъ о чемъ-то таинственномъ и безконечномъ, и надъ нею, въ свѣтлой вышинѣ, летаетъ и носится какое-то прекрасное видѣніе, съ блѣдными ланитами, съ выраженіемъ укора и прощенія въ черныхъ очахъ, съ грустною улыбкою... Смерть Черкешенки не возмущаетъ васъ безотраднымъ и тяжелымъ чувствомъ, ибо она явилась не страшнымъ скелетомъ, по произволу автора, но вслѣдствіе разумной необходимости, которую вы предчувствовали уже, и явилась свѣтлымъ ангеломъ примиренія. Диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ, и вы съ умиленіемъ повторяете простыя и трогательныя слова добраго Максима Максимыча: „Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! ну, что бы съ ней случилось, если бѣ Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось рано или поздно!...“

И съ какимъ безконечнымъ искусствомъ обрисованъ граціозный образъ плѣнительной Черкешенки! Она говоритъ и дѣйствуетъ такъ мало, а вы живо видите ее передъ глазами во всей опредѣленности живого существа, читаете въ ея сердцѣ, проникаете всѣ изгибы его.

А Максимъ Максимычъ, этотъ добрый простакъ, который и не подозреваетъ, какъ глубока и богата его натура, какъ высокъ и благороденъ онъ? Онъ, грубый солдатъ, любитъ Бѣлою, какъ прекраснымъ дитятею, любитъ ее, какъ милую дочь—и за что—спросите его, такъ онъ отвѣтитъ вамъ: „не то, чтобы любилъ, а такъ—глупосты!“ Ему досадно, что его ни одна женщина не любила такъ, какъ Бѣла Печорина; ему грустно, что она не вспомнила о немъ передъ смертію, хоть онъ и самъ сознается, что это съ его

стороны не совѣтъ справедливое требованіе... Остановившись ли на этихъ чергахъ, столь полныхъ безконечностію? Нѣтъ, онѣ говорятъ сами за себя; а тѣ, для кого онѣ нѣмы, тѣ не стоятъ, чтобы тратить съ ними слова и время. Простая красота, которая есть одна истинная красота, не для всѣхъ доступна: у большей части людей глаза такъ грубы, что на нихъ дѣйствуетъ только пестрота, узорочность и красная краска, густо и ярко намазанная...

Характеры Азамата и Казбича—это такіе типы, которые будутъ равно понятны и Англичанину, и Нѣмцу, и Французу, какъ понятны они Русскому. Вотъ что называется рисовать фигуры во весь ростъ, съ національною физиономіею и въ національномъ костюмѣ!...

Обратите еще вниманіе на эту естественность разсказа, такъ свободно развивающагося, безъ всякихъ натяжекъ, такъ плавно текущаго собственною силою, безъ помощи автора. Офицеръ, возвращающійся изъ Тифлиса въ Россію, встрѣчается въ горахъ съ другимъ офицеромъ; одиночество дорожнаго положенія даетъ одному право начать разговоръ съ другимъ и такъ естественно доводитъ ихъ до знакомства. Одинъ предлагаетъ чай съ ромомъ—тотъ отказывается, говоря, что по одному случаю онъ зарекся пить. Очень естественно, что, сидя въ дымной и гадкой саклѣ, путешественникъ заводитъ съ товарищемъ разговоръ объ обитателяхъ сакли: товарищъ этотъ—пожилой офицеръ, много лѣтъ проведшій на Кавказѣ, естественно, очень охотно разговаривалъ объ этомъ предметѣ. Вопросъ молодого офицера: „А что, много съ вами бывало приключеній?“ такъ же естественъ, какъ и отвѣтъ пожилого: „Какъ не бывать! бывало...“ Но это не приступъ къ повѣсти, а только еще, какъ и должно, слабая надежда услышать повѣсть: авторъ не погоняетъ обстоятельствъ, какъ лошадей, но даетъ имъ самимъ развиваться. Онъ предлагаетъ Максиму Максимычу чай съ ромомъ; тотъ отказывается отъ рома, говоря, что зарекся пить. Вопросъ: „почему“ молодого офицера такъ же не можетъ быть сочтенъ натяжкой, какъ откликъ человѣка, когда его зовутъ. Отвѣтъ Максима Максимыча, въ которомъ онъ говоритъ о случаѣ, заставившемъ его заречься пить вино, уже ожидается самимъ читателемъ. Случай этотъ чисто кавказскій: офицеры пировали, какъ вдругъ сдѣлалась тревога. Но разсужденіе Максима Максимыча, что иногда годъ живи—тревоги нѣтъ, „да какъ тутъ еще водка—пропадшій человѣкъ“ отнимаетъ всякую надежду на повѣсть; какъ вдругъ онъ обращается къ Черкесамъ, которые, если напьются бузы, такъ и начнутъ рубиться, и очень естественно вспоминаетъ одинъ случай. Онъ и расположенъ его разсказать, но какъ-

бы не хотеть навязываться съ разсказами. Молодой офицеръ, котораго любопытство давно уже сильно возбуждено, но который умѣть умѣрить его приличіемъ, съ притворнымъ равнодушіемъ спрашиваетъ: „какъ же это случилось?—Вотъ изволите видѣть“—и повѣсть началась. Исходный пунктъ ея—страстное желаніе мальчика-Черкеса имѣть лихого коня,—и вы помните эту дивную сцену изъ драмы между Азаматомъ и Казбичемъ. Печоринъ человѣкъ рѣшительный, алчущій тревогъ и бурь, готовый рискнуть на все для выполненія даже прихоти своей, — а здѣсь дѣло шло о чемъ-то гораздо болѣе, чѣмъ прихоть. Итакъ, все вышло изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, по законамъ строжайшей необходимости, а не по произволу автора. Но еще повѣсть была простымъ анекдотомъ, и новые знакомые уже пустились въ разсужденія по поводу его, какъ вдругъ Максимъ Максимычъ, у котораго воспоминаніе оживило и потребность сообщить его другому возбудилась, какъ бы говоря съ самимъ собою, прибавилъ: „Никогда себѣ не прощу одного: чортъ дернулъ меня, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся,—такой хитрый! — а самъ задумалъ кое-что“. Что можетъ быть естественнѣе, проще всего этого? Такая естественность и простота никогда не могутъ быть дѣломъ разсчета и соображенія: онъ плодъ вдохновенія.

Итакъ, исторія Бѣлы кончилась; но романъ еще только начался, и мы прочли одно вступленіе, которое, впрочемъ, и само по себѣ, отдѣльно взятое, есть художественное произведеніе, хотя и составляетъ только часть цѣлаго. Но пойдемъ далѣе. Во Владикавказѣ авторъ опять сѣхался съ Максимомъ Максимычемъ. Когда они обѣдали, на дворъ въѣхала щегольская коляска, за которою шелъ человѣкъ. Несмотря на грубость этого человѣка, „балаваннаго слуги лѣниваго барина“, Максимъ Максимычъ допросился у него, что коляска принадлежитъ Печорину. „Что ты? Что ты? Печоринъ?... Ахъ, Боже мой!.. да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?“ Въ глазахъ Максима Максимыча сверкала радость. „Служилъ, кажется, да я у нихъ недавно, отвѣчалъ слуга. „Ну, такъ!.. такъ!.. Григорій Александровичъ?.. Такъ вѣдь его зовутъ? Мы съ твоимъ бариномъ были пріятелями“ — прибавилъ Максимъ Максимычъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться... — Позвольте, сударь: вы мнѣ мѣшаете—сказалъ тотъ, нахмурившись. „Экой ты, братецъ!.. Да знаешь ли? Мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ... Да гдѣ-жъ онъ самъ остался?“ Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н***. „Да не зайдетъ ли онъ вече-

ромъ сюда?“—сказалъ Максимъ Максимычъ: „или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему за чѣмъ-нибудь? Коли пойдешь, такъ скажи, что ядѣсь Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я дамъ тебѣ восьми-гривенный на водку...“ Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако, увѣрилъ Максима Максимыча, что исполнить его порученіе. „Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!..“ сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ: „пойду за ворота его дожидаться... Эхъ, жалко, что я незнакомъ съ Н***!“

Итакъ, Максимъ Максимычъ ждетъ за воротами. Онъ отказался отъ чашки чая, и наскоро выпивъ одну, по вторичному приглашенію, опять выбѣжалъ за ворота. Въ немъ замѣтно было живѣйшее безпокойство, и явно было, что его огорчало равнодушіе Печорина. Новый его знакомый, отворивъ окно, звалъ его спать: онъ что-то бормоталъ, а на вторичное приглашеніе ничего не отвѣтилъ. Уже поздно ночью вошелъ онъ въ комнату, бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить, бывать въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался... „Не клопы ли васъ кусаютъ?“ — спросилъ его новый пріятель.—Да, клопы...—отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ сидѣлъ онъ за воротами. „Мнѣ надо сходить къ коменданту“, сказалъ онъ: „такъ пожалуйста, если Печоринъ прійдетъ, пришлите за мной“. Но лишь ушелъ онъ, какъ предметъ его безпокойства явился. Съ любопытствомъ смотрѣлъ на него нашъ авторъ, и результатомъ его внимательнаго наблюденія былъ подробный портретъ, къ которому мы возвратимся, когда будемъ говорить о Печоринѣ, а теперь займемся исключительно Максимомъ Максимычемъ. Надо сказать, что когда Печоринъ пришелъ, лакей доложилъ ему, что сейчасъ будутъ закладывать лошадей. Здѣсь мы снова должны прибѣгнуть къ длинной выпискѣ.

Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастью, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему: „если вы захотите еще немного подождать“ — сказалъ я, „то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ...“

— Ахъ, точно! — быстро отвѣчалъ онъ: мнѣ вчера говорили, — но гдѣ же онъ? — Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые влочки сѣдыхъ волосъ вырвались изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорину, но тотъ довольно холодно, хотя съ пріятливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остоянѣлъ, но

потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ. Ну, какъ вы поживаете? — сказалъ Печоринъ.

„А ты?... а вы?“ — пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ... „Сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?“

— Вѣду въ Персію — и дальше...

„Неужто сейчасъ?... Да подождите, дражайшій!.. Неужто сейчасъ разстанемся?... Столько времени не видались...“

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ, — былъ отвѣтъ.

„Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?... Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставку?... какъ?... что подѣлывали?“

— Скучаль! — отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь...

„А помните наше житье-бытье въ крѣпости?... Славная страна для охотниковъ!.. Вѣдь, вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бѣла...“

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

— Да, помню! — сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ...

Максимъ Максимычъ сталъ его упрасивать остаться съ нимъ еще часа два. „Мы славно побѣдаемъ“ — говорилъ онъ: „у меня есть два фазана: а кахетинское здѣсь прекрасное... разумѣется, не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... вы мнѣ расскажете про свое житье въ Петербургѣ... А?“

— Право, мнѣ нечего рассказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако, прощайте, мнѣ пора... я спѣшу.. Благодарю, что не забыли.. прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. „Забытъ!“ — проворчалъ онъ: „я-то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами!.. Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...“

— Ну, полно, полно! — сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески: неужели я не тотъ же?... что дѣлать?... Всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться — Богъ знаетъ!.. Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ уже началъ подбирать вожжи.

„Постой! постой!“ — закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски: „совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... что мнѣ съ ними дѣлать?“

— Что хотите! — отвѣчалъ Печоринъ. Прощайте...

„Такъ вы въ Персію?... а когда вернетесь?“ — кричалъ вслѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко; но Печоринъ сдѣлалъ знакъ рукой, который можно было перевести слѣдующимъ образомъ: врядъ ли, да и незачѣмъ!..

Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, — а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости...

Довольно! не будемъ выписывать длиннаго и безсвязнаго монолога, который проговорилъ огорченный старикъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ и сверкала на его рѣсницахъ. Довольно: Максимъ Максимычъ и такъ уже весь передъ вами... Если бы вы нашли его, познакомились съ нимъ, двадцать лѣтъ прожили съ нимъ въ одной крѣпости, и тогда бы не узнали его лучше. Но мы больше уже не увидимся съ нимъ, а онъ такъ интересенъ, такъ прекра-

сенъ, что грустно такъ скоро разстаться съ нимъ, и потому взглянемъ на него еще разъ, уже послѣдній...

„Максимъ Максимычъ — сказалъ я, подошедши къ нему, — а что это за бумаги оставилъ вамъ Печоринъ?“

— А Богъ его знаетъ! какія-то записки...

„Что вы изъ нихъ сдѣлаете?“

— Что? — я велю падѣлать патроновъ.

„Отдайте ихъ лучше мнѣ.“

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы, и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь: въ его дощадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко.

— Вотъ онъ всѣ, — сказалъ онъ: поздравляю васъ съ находкою...

„И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?“

— Хотя въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?... Что, я развѣ другъ его какой или родственникъ?... Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?...

Схватя и унеся поскорѣе бумаги изъ опасенія, чтобы Максимъ Максимычъ не раскаялся, нашъ авторъ собрался въ дорогу, онъ уже надѣлъ шапку, какъ штабсъ-капитанъ вошелъ... Но нѣтъ, воля ваша! а ужъ надо проститься съ Максимомъ Максимычемъ какъ слѣдуетъ, то-есть, не прежде, какъ выслушавъ его послѣднее слово... Что дѣлать, есть такіе люди, съ которыми, разъ познакомившись, вѣкъ бы не разстался...

„А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?“

— Нѣтъ-съ.

„А что такъ?“

— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кой-какія казенныя вещи...

„Да вѣдь вы же были у него?“

— Былъ, конечно, — сказалъ онъ, заминаясь: да его дома не было... а я не дождался...

Я понялъ его: бѣдный старикъ, въ первый разъ отъ рода, можетъ быть, бросилъ дѣла службы для *собственной надобности*, говоря языкомъ бумажнымъ, — и какъ же онъ былъ награжденъ!

„Очень жаль, — сказалъ я ему: „очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.“

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!.. вы молодежь свѣтская, гордая: еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

„Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.“

— Да я, знаете, такъ къ слову говорю; а впрочемъ желаю вамъ всякаго счастья и веселой дороги.

Засимъ они довольно сухо разстались; но вы, любезный читатель, вѣрно не сухо разстались съ этимъ старымъ младенцемъ, столь добрымъ, столь милымъ, столь *человѣчнымъ*, и столь неопытнымъ во всемъ, что выходило за тѣсный кругозоръ его понятій и опытности? Не правда ли, вы такъ свыклись съ нимъ, такъ полюбили его, что никогда уже не забудете его, и если встрѣтите — подъ грубою наружностію, подъ корою зачерствѣлости отъ трудной и скудной жизни — горячее сердце, подъ

простою, *мьщанскою* рѣчью—теплоту души, то, вѣрно, скажете: „это Максимъ Максимычъ“?... И дай Богъ вамъ побольше встрѣтить, на пути вашей жизни, *Максимовъ Максимычей!*...

И вотъ, мы разсмотрѣли двѣ части романа—„Бѣлу“ и „Максима Максимыча“: каждая изъ нихъ имѣетъ свою особность и замкнутость, почему каждая и оставляетъ въ душѣ читателя такое полное, цѣлостное и глубокое впечатлѣніе. Героевъ той и другой повѣсти мы видѣли въ торжественнѣйшихъ положеніяхъ ихъ жизни и коротко ихъ знаемъ. Первая—повѣсть; вторая—эскизъ характера, и каждая равно полна и удовлетворительна, ибо въ каждой поэтъ умѣлъ исчерпать все ея содержаніе и въ типическихъ чертахъ вывести вовнѣ все внутреннее, крывшееся въ ней какъ возможность. Чтò намъ за нужда, что во второй нѣтъ романическаго содержанія, что она представляетъ собою не жизнь, а отрывокъ изъ жизни человѣка? Но если въ этомъ отрывкѣ весь человѣкъ, то чего же больше. Поэтъ хотѣлъ изобразить характеръ и превосходно успѣлъ въ этомъ: его *Максимъ Максимычъ* можетъ употребляться не какъ собственное, но какъ варицательное имя, наравнѣ съ *Оптыныни*, *Ленскими*, *Зарыкини*, *Иванами Ивановичами*, *Иванами Никифоровичами*, *Аввасіями Ивановичами*, *Чацкини*, *Фамусовыми*, и пр. Мы познакомились съ нимъ еще въ „Бѣлѣ“ и больше уже не увидимся. Но въ обѣихъ этихъ повѣстяхъ мы видѣли еще одно лицо, съ которымъ, однакожъ, незнакомы. Это таинственное лицо не есть герой этихъ повѣстей, но безъ него не было бы этихъ повѣстей: онъ герой романа, котораго эти двѣ повѣсти только части. Теперь пора намъ съ нимъ познакомиться, и уже не черезъ посредство другихъ лицъ, какъ прежде; всѣ они его не понимаютъ, какъ мы уже видѣли; равнымъ образомъ, и не черезъ поэта, который хотъ и одинъ виноватъ въ немъ, но умываетъ въ немъ руки; а черезъ его же самого: мы готовимся читать его записки. Поэтъ написалъ отъ себя предисловіе только къ запискамъ Печорина. Это предисловіе составляетъ родъ главы романа, какъ его существеннѣйшая часть, но, несмотря на то, мы возвратимся къ нему послѣ, когда будемъ говорить о характерѣ Печорина, а теперь прямо приступимъ къ „запискамъ“.

Первое отдѣленіе ихъ называется „Тамань“ и, подобно первымъ двумъ, есть отдѣльная повѣсть. Хотя оно и представляетъ собою эпизодъ изъ жизни героя романа, но герой по-прежнему остается для насъ лицомъ таинственнымъ. Содержаніе этого эпизода слѣдующее: Печоринъ въ Тамани остановился въ скверной хатѣ, на берегу моря, въ которой онъ нашелъ только слѣпого мальчика

лѣтъ 14-ти, и потомъ таинственную дѣвушку. Случай открываетъ ему, что эти люди контрабандисты. Онъ ухаживаетъ за дѣвушкою, и въ шутку грозитъ ей, что допесетъ на нихъ. Вечеромъ въ тотъ же день она приходитъ къ нему, какъ сирена, обольщаетъ его предложеніемъ своей любви и назначаетъ ему ночное свиданіе на морскомъ берегу. Разумѣется, онъ является, но какъ страпность и какая-то таинственность во всѣхъ словахъ и поступкахъ дѣвушки давно уже возбудили въ немъ подозрѣніе, то онъ и запасся пистолетомъ. Таинственная дѣвушка пригласила его сѣсть въ лодку—онъ было-поколебался, но отступить было уже не время. Лодка помчалась, а дѣвушка обвилась вокругъ его шеи, и что-то тяжелое упало въ воду... Онъ хватъ за пистолетъ, но его уже не было... Тогда завязалась между ними страшная борьба: наконецъ мужчина побѣдилъ; посредствомъ осколка весла, онъ добрался кое-какъ до берега и, при лунномъ свѣтѣ, увидѣлъ таинственную ундину, которая, спасшись отъ смерти, отряхалась. Черезъ нѣсколько времени она удалилась съ Янко, какъ видно, своимъ любовникомъ и однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ контрабанды: такъ какъ посторонній узнать ихъ тайну, имъ опасно было оставаться болѣе въ этомъ мѣстѣ. Слепой тоже пропалъ, укравъ у Печорина шкатулку, шашку съ серебряной оправой и дагестанскій кинжалъ.

Мы не рѣшились дѣлать выписокъ изъ этой повѣсти, потому что она рѣшительно не допускаетъ ихъ: это словно какое-то лирическое стихотвореніе, вся прелесть котораго уничтожается однимъ выпущеннымъ, или измѣненнымъ не рукою самого поэта стихомъ: она вся въ формѣ; если выписывать, то должно бы ее выписать всю отъ слова до слова; пересказываніе ея содержанія дастъ о ней такое же понятіе, какъ рассказъ, хотя бы и восторженный, о красотѣ женщины, которой вы сами не видѣли. Повѣсть эта отличается какимъ-то особеннымъ колоритомъ: несмотря на прозаическую дѣйствительность ея содержанія, все въ ней таинственно, лица—какія-то фантастическія тѣни, мелькающія въ вечернемъ сумракѣ, при свѣтѣ зари или мѣсяца. Особенно очаровательна дѣвушка: это какая-то дикая, сверкающая красота, обольстительная, какъ сирена, неуловимая, какъ ундина, страшная, какъ русалка, быстрая, какъ прелестная тѣнь или волна, гибкая, какъ тростникъ. Ее нельзя любить, нельзя и ненавидѣть, но ее можно только и любить и ненавидѣть вмѣстѣ. Какъ чудно хороша она, когда, на крышѣ своей кровли, съ распущенными волосами, защитивъ глаза ладонью, пристально всматривается въ даль, и то смѣется и разсуждаетъ сама съ собою, то запѣваетъ эту полную раздолья и отваги удалую пѣсню:

Какъ по волной волюшкѣ
По зеленому морю,
Ходить все кораблики
Бѣлопарусники.
Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка,
Лодочка пещанная,
Двухвѣсельная;
Бури ль разыграется —
Старые кораблики
Приподымутъ крылышки,
По морю размечутся.
Стану морю кланяться
И низехонько:
„Ужъ не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:
Везетъ моя лодочка
Вещи драгоценныя,
Правитъ ея въ темну ночь
Буйная головушка.“

Что касается до героя романа — онъ и тутъ является тѣмъ же таинственнымъ лицомъ, какъ и въ первыхъ повѣстяхъ. Вы видите человѣка съ сильною волею, отважнаго, неблѣднѣющаго никакой опасности, напрашивающагося на бури и тревоги, чтобы занять себя чѣмъ-нибудь и наполнить бездонную пустоту своего духа, хотя бы и дѣйтельностью безъ всякой цѣли.

Наконецъ, вотъ и „Княжна Мери“. Предисловіе нами прочитано, теперь начинается для насъ романъ. Эта повѣсть разнообразнѣе и богаче всѣхъ другихъ своимъ содержаніемъ, но зато далеко уступаетъ имъ въ художественности формы. Характеры ея или очерки, или силуэты, и только развѣ одинъ — портретъ. Но что составляетъ ея недостатокъ, то же самое есть и ея достоинство, и наоборотъ. Подробное разсмотрѣніе ея объяснить нашу мысль.

Начинаемъ съ *седьмой* страницы. Печоринъ, въ Пятигорскѣ, у елисаветинскаго источника, сходится съ своимъ знакомымъ — юнкеромъ *Грушницкимъ*. По художественному выполненію это лицо стѣдитъ Максима Максимыча: подобно ему этотъ типъ — представитель цѣлаго разряда людей, имя нарицательное. Грушницкій — *идеальный молодой человекъ*, который щеголяетъ своею идеальностію, какъ записные франты щеголяютъ моднымъ платьемъ, а „львы“ ослиною глупостію. Онъ носитъ солдатскую шинель изъ толстаго сукна; у него георгіевскій солдатскій крестикъ. Ему очень хочется, чтобы его считали не юнкеромъ, а разжалованнымъ изъ офицеровъ: онъ находитъ это очень эффектнымъ и интереснымъ. Вообще, „производить эффектъ“ — его страсть. Онъ говоритъ вычурными фразами. Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ людей, которые особенно плѣняютъ чувствительныхъ, романтическихъ и романтическихъ провинціальныхъ *барышень*, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ, по прекрасному выраженію автора записокъ, „не трогаетъ просто прекрасное и которые важно

драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія. — „Въ ихъ душѣ“ — прибавляетъ онъ: „часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ пѣззи“. Но вотъ самая лучшая и полная характеристика такихъ людей, сдѣланная авторомъ же журнала: „подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами, — иногда тѣмъ и другимъ“. Мы къ этому очерку прибавимъ отъ себя только то, что они страхъ какъ любятъ сочиненія Марлинскаго, и чуть зайдетъ рѣчь о предметахъ, сколько-нибудь нежитейскихъ, стараются говорить фразами изъ его повѣстей. Теперь вы вполне знакомы съ *Грушницкимъ*. Онъ очень не долюбиваетъ Печорина за то, что тотъ его понималъ. Печоринъ тоже не любить Грушницкаго и чувствуетъ, что когда-нибудь они столкнутся, и одному изъ нихъ не слобовать.

Они встрѣтились какъ знакомые, и у нихъ начался разговоръ. Грушницкій началъ на общество, съѣхавшееся въ этотъ годъ на воды. „Нынѣшній годъ, — говоритъ онъ, — изъ Москвы только одна княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними незнакомъ; моя солдатская шинель какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, — тяжело, какъ милостыня“. Въ это время прошли мимо нихъ къ колодцу двѣ дамы, и Грушницкій сказалъ, что то княгиня Лиговская съ дочерью *Мери*. Онъ съ ними незнакомъ, потому что „этой гордой знати нѣтъ дѣла, есть ли умъ подъ нумерованной фуражкой и сердце подъ толстою шинелью!“ Звонкою фразою, громко сказанною по-французски, онъ обратилъ на себя вниманіе княгини. Печоринъ сказалъ ему: „эта княгиня Мери прехорошенькая. У нея такіе бархатные глаза, — именно бархатные; я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря о ея глазахъ; — нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза — безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя глядятъ... Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго... а что, у нея зубы бѣлы? Это очень важно! жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу! — Ты говоришь о хорошенькой женищинѣ, какъ объ англійской лошади, — сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ. Они разошлись.

Возвращаясь мимо того мѣста, Печоринъ, невидимый, былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Грушницкій былъ раненъ, или хотѣлъ казаться раненымъ, и потому хромалъ на одну ногу. Уронивъ стаканъ на песокъ, онъ напрасно усиливался поднять его. Легче птички подлетѣла къ нему княжна и, поднявъ стаканъ, подала ему его съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести. Изъ этого

выходить цѣлый рядъ смѣшныхъ сценъ, худо кончившихся для Грушницкаго. Онъ идеализируетъ—Печоринъ надъ нимъ тѣшится. Онъ хочетъ ему показать, что въ поступкѣ княжны не видитъ для Грушницкаго никакой причины къ восторгу, или даже просто къ удовольствію. Печоринъ приписываетъ это своей страсти къ противорѣчію, говоря, что присутствіе энтузіаста обдаётъ его крещенскимъ холодомъ, а частыя сношенія съ флегматикомъ могутъ сдѣлать его страстнымъ мечтателемъ. Напрасное обвиненіе! Такое чувство противорѣчія понятно во всякомъ человѣкѣ съ глубокою душою. Дѣтская, а тѣмъ болѣе фальшивая идеальность оскорбляетъ чувство до того, что пріятно увѣрить себя на ту минуту, что совсѣмъ не имѣешь чувства. Въ самомъ дѣлѣ, лучше быть совсѣмъ безъ чувства, нежели съ *такимъ* чувствомъ. Напротивъ, совершенное отсутствіе жизни въ человѣкѣ возбуждаетъ въ насъ невольное желаніе увѣриться въ собственныхъ глазахъ, что мы не похожи на него, что въ насъ много жизни, и сообщаетъ намъ какую-то восторженность. Указываемъ на эту черту ложнаго самообвиненія въ характерѣ Печорина, какъ на доказательство его противорѣчія съ самимъ собою вслѣдствіе непониманія самого себя, причины котораго мы объяснимъ ниже.

Теперь выходитъ на сцену новое лицо—медикъ Вернеръ. Въ беллетрическомъ смыслѣ это лицо превосходно, но въ художественномъ довольно блѣдно. Мы больше видимъ, что хотѣлъ сдѣлать изъ него поэтъ, нежели что онъ сдѣлалъ изъ него въ самомъ дѣлѣ.

Жалѣемъ, что предѣлы статьи не позволяютъ намъ выписать разговора Печорина съ Вернеромъ: это образецъ граціозной шутиливости и, вмѣстѣ, полного мысли остроумія (стр. 28—37). Вернеръ сообщаетъ ему свѣдѣнія о пріѣхавшихъ на воды, а главное—о Лиговскихъ. „Что вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?“—спросилъ Печоринъ.—Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?—„Совершенно убѣжденъ“.—Почему?—„Потому что княжна спрашивала о Грушницкомъ“.—У васъ большой даръ соображенія—отвѣчалъ Вернеръ. Затѣмъ онъ сообщилъ, что княжна почитаетъ Грушницкаго разжалованнымъ въ солдаты за дуэль. „Надѣюсь, вы ее оставили въ этомъ пріятномъ заблужденіи?“—Разумѣется.—„Завязка есть!“—закричалъ Печоринъ въ восторгѣ: „объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно судьба заботится о томъ, чтобы мнѣ не было скучно.“ Далѣе Вернеръ сообщилъ Печорину, что княгиня его знаетъ, потому что встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ его исторія (какая—этого не объясняется въ романѣ) надѣлала много шума. Говоря о ней, княгиня къ свѣтскимъ сплетнямъ приплетала свои, а дочка слухала

со вниманіемъ; въ ея воображеніи Печоринъ (по словамъ Вернера) сдѣлался героемъ романа въ новомъ вкусѣ. Вернеръ вызывается представить его княгинѣ. Печоринъ отвѣчаетъ, что героевъ не представляютъ, и что они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ вѣрной смерти свою любезную. Въ шуткахъ его проглядываетъ намѣреніе. Мы скоро узнаемъ о немъ: оно началось отъ нечего дѣлать, а кончилось... но объ этомъ послѣ. Вернеръ сказалъ о княжнѣ, что она любитъ разсуждать о чувствахъ, о страстяхъ и пр. Потомъ, на вопросъ Печорина, не видѣлъ ли онъ кого-нибудь у нихъ, онъ говоритъ, что видѣлъ женщину—блондинку, съ чахоточнымъ видомъ лица, съ черною родинкою на правой щекѣ. Примѣты эти видимо взволновали Печорина, и онъ долженъ былъ признаться, что нѣкогда любилъ эту женщину. Затѣмъ онъ проситъ Вернера не говорить ей о немъ, а если она спроситъ—отнестись о немъ дурно. „Пожалуй!“ отвѣчалъ Вернеръ, пожавъ плечами, и ушелъ.

Оставшись наединѣ, Печоринъ думаетъ о предстоящей встрѣчѣ, которая беспокоитъ его. Ясно, что его равнодушіе и иронія—больше свѣтская привычка, нежели черта характера. „Нѣтъ въ мірѣ человѣка (говоритъ онъ), надъ которымъ бы прошедшее пріобрѣтало такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ! ничего не забываю—ничего!“

Вечеромъ онъ вышелъ на бульваръ. Сошедшись съ двумя знакомыми, онъ началъ имъ рассказывать что-то смѣшное; они такъ громко хохотали, что любопытство переманило на его сторону нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну. Ояъ, какъ выражается самъ, продолжалъ увлекать публику до захождения солнца. Княжна нѣсколько разъ проходила мимо него съ матерью, — и ея взглядъ, стараясь выразить равнодушіе, выражалъ одну досаду. Съ этого времени у нихъ началась открытая война: въ глаза и за-глаза язвили они другъ друга насмѣшками, злыми намеками. Верхъ всегда былъ на сторонѣ Печорина, ибо онъ велъ войну съ должнымъ присутствіемъ духа, безъ всякой запальчивости. Его равнодушіе бѣсило княжну и, на зло ей самой, только дѣлало его интереснѣе въ ея глазахъ. Грушницкій слѣдилъ за нею какъ звѣрь, и лишь только Печоринъ предрекъ скорое знакомство его съ Лиговскими, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ случай заговорить съ княжною и сказать какой-то комплиментъ княжнѣ. Вслѣдствіе этого онъ началъ докучать Печорину, почему онъ не познакомится съ этимъ домомъ, лучшимъ на водахъ? Печоринъ увѣряетъ идеаль-

наго шута, что княжна его любитъ: Грушницкій конфузится, говоритъ: „какой вздоръ!“ и самодовольно улыбается. „Другъ мой, Печоринъ“ — говорилъ онъ: „я тебя не поздравлю; ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жалъ! потому что Мери очень мила!“ — „Да, она недурна!“ — сказалъ съ важностію Печоринъ: только берегись, Грушницкій! — Тутъ онъ сталъ ему давать совѣты и дѣлать предсказанія съ ученымъ видомъ знатока. Смыслъ ихъ былъ тотъ, что княжна изъ тѣхъ женщинъ, которыя любятъ, чтобы ихъ забавляли; что если съ Грушницкимъ будетъ ей скучно двѣ минуты сряду — онъ погибъ; что, накокетничавшись съ нимъ, она выйдетъ за какого-нибудь урода, изъ покорности къ маменькѣ, а послѣ и станетъ увѣрять себя, что она несчастна, что она одного только человека и любила, т.-е. Грушницкаго, но что небо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстой сѣрой шинелью билось сердце страстное и благородное... Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. „Я внутренно хохоталъ (слова Печорина), и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастью, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшней работы... Я сталъ его разсматривать, и что же?.. мелкими буквами имя *Мери* было вырѣзано на внутренней сторонѣ, и рядомъ — число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у него признаній; я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренныя, — и тутъ-то я буду наслаждаться!“

На другой день, гуляя по виноградной аллеѣ и думая о женщинѣ съ родинкой, онъ въ гротѣ встрѣтился съ нею самою. Но здѣсь мы должны выпискою дать понятіе о ихъ отношеніяхъ.

„Вѣра!“ — вскрикнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла. — Я знала, что вы здѣсь, — сказала она. Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по ея жиламъ при звукѣ этого милого голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами, — въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ.

„Мы давно не видались!“ — сказалъ я.

— Давно, и перемѣнились оба во многомъ.

„Стало быть, ужъ ты меня не любишь?“

— Я замужемъ!.. — сказала она.

„Опять? Однако нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта причина также существовала, но между тѣмъ...“

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

„Можетъ быть, ты любишь своего второго мужа?“

Она не отвѣчала и отвернулась.

„Или онъ очень ревнивъ?“

Молчаніе.

„Что жъ? онъ молодъ, хорошъ, особенно, вѣрно, богатъ, и ты боишься...“ Я взглянулъ на нее и испу-

гался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе, на глазахъ сверкали слезы.

— Скажи мнѣ, — наконецъ прошептала она: тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ, кромѣ страданій?.. Ея голосъ задрожалъ, она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

„Можетъ быть“ — подумалъ я — „ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда!“

Я ее крѣпко обнялъ, и такъ мы оставались долго. Наконецъ губы наши сблизились и слились въ жаркій, упоительный поцѣлуй; ея руки были холодны, какъ ледъ, голова горѣла. Тутъ между нами начался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые на бумагѣ не имѣютъ смысла, которыхъ повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значеніе звуковъ замѣняется и дополняется значеніе словъ, какъ въ итальянской оперѣ.

Вѣра никакъ не хотѣла, чтобы Печоринъ познакомился съ ея мужемъ; но такъ какъ онъ дальній родственникъ Лиговской и какъ потому Вѣра часто бываетъ у ней, то она и взяла съ него слово познакомиться съ княгиней.

Такъ какъ „Записки“ Печорина есть его автобіографія, то и невозможно дать полнаго понятія о немъ, не прибѣгая къ выпискамъ, а выписокъ нельзя дѣлать, не переписавши большей части повѣсти. Посему мы принуждены пропускать множество подробностей самыхъ характеристическихъ, и слѣдить только за развитіемъ дѣйствія.

Однажды, гуляя верхомъ, въ черкесскомъ платьѣ, между Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ, Печоринъ спустился въ оврагъ, закрытый кустарникомъ, чтобы напоить коня. Вдругъ онъ видитъ — приближается кавалькада: впереди ѣхалъ Грушницкій съ княжной Мери. Онъ былъ довольно смѣшонъ въ своей сѣрой солдатской шинели, сверхъ которой у него надѣта была шашка и пара пистолетовъ. Причина такого вооруженія та (говоритъ Печоринъ), что дамы на водахъ еще вѣрятъ нападенію Черкесовъ.

„И вы нѣкую жизнь хотите остаться на Кавказѣ?“ — говорила княжна.

— Что для меня Россія? — отвѣчалъ ея кавалеръ: страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь, — здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...

„Папрогивъ...“ — сказала княжна, покраснѣвъ. Лицо Грушницкаго выражало удовольствіе. Онъ продолжалъ: — Здѣсь моя жизнь протечетъ шумно, незамѣтно и быстро, подъ пулями дикарей, и если бы Богъ мнѣ каждый годъ посылалъ одинъ свѣтлый жемчужный взглядъ, одинъ подобный тому...

Въ это время они поравнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста.

„Mon Dieu, un Circassien!“ — вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобъ ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по-французски, слегка наклонясь:

— Ne craignez rien, madame, — je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier.

Княжна смутилась отъ этого отвѣта. Ве-

черомъ того же дня Печоринъ встрѣтился съ Грушницкимъ на бульварѣ.

„Откуда?“ — Отъ княгини Лиговской, — сказалъ онъ очень важно. — Какъ Мери поетъ! — „Знаешь ли что?“ сказалъ я ему: „я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный“.

— Быть можетъ! Какое мнѣ дѣло!.. — сказалъ онъ разсѣянно.

„Нѣтъ, я только такъ это говорю...“

— А знаешь ли, что ты нынче ужасно ее разсердилъ? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты не могъ имѣть намѣренія ее оскорбить; она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ; что ты вѣрно о себѣ самага высокаго мнѣнія.

„Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступить?“

— Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...

Ого! подумалъ я: у него видно есть уже надежда...

— Впрочемъ, для тебя же хуже — продолжалъ Грушницкій: теперь тебѣ трудно познакомиться съ ними, а жаль! это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю...

Я внутренне улыбнулся. „Самый пріятный домъ для меня теперь мой“, сказалъ я, зѣвая, и всталъ, чтобы идти.

— Однако, признайся, ты раскаяваешься?

„Какой вздоръ! если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...“

— Посмотримъ.

„Даже, чтобъ тебѣ сдѣлать удовольствіе, стану волочиться за княжной.“

— Да, если она захочетъ говорить съ тобою.

„Я подожду только той минуты, когда твой разговоръ ей наскучитъ...“ Прощай!..

— А я пойду шататься, я ни за что теперь не засну... Послушай, пойдемъ лучше въ ресторацію, тамъ игра... Мнѣ нужны нынче сильныя ощущенія.

„Желаю тебѣ пропгратся“. Я пошелъ домой.

На балѣ, въ рестораціи, Печоринъ услышалъ, какъ одна толстая дама, толкнутая княжною, бранила ее за гордость и изъясняла желаніе, чтобы ее проучили, и какъ одинъ услужливый драгунскій капитанъ, кавалеръ толстой дамы, сказалъ ей, что „за этимъ дѣло не станетъ“. Печоринъ попросилъ княжну на вальсъ, — и княжна едва могла подавить на устахъ своихъ улыбку торжества. Сдѣлавши съ нею нѣсколько туровъ, онъ завелъ съ нею разговоръ въ тонѣ кающагося преступника. Хохотъ и шушуканье прервали этотъ разговоръ, — Печоринъ обернулся: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла группа мужчинъ и среди нихъ драгунскій капитанъ потиралъ отъ удовольствія руки. Вдругъ выходитъ на середину пьяная фигура съ усами и красной рожей, невѣрными шагами подходитъ къ княжнѣ, и, заложивъ руки на спину, уставивъ на смущенную дѣвушку мутно-сѣрые глаза, говоритъ ей хриплымъ дискантомъ: „Пермете... ну, да, что тутъ!.. просто ангажирую васъ на мазурку...“ Матери княжны не было вблизи; положеніе княжны было ужасно, она готова была упасть въ обморокъ. Печоринъ подошелъ къ пьяному

господину и попросилъ его удалиться, говоря, что княжна дала уже ему слово танцевать съ нимъ мазурку. Разумѣется, слѣдствіемъ этой исторіи было формальное знакомство Печорина съ Лиговскими. Въ продолженіе мазурки Печоринъ говорилъ съ княжною, и нашелъ, что она очень мило шутила, что разговоръ ея былъ остеръ, безъ притязанія на остроуту, живъ и свободенъ, ея замѣчанія иногда глубоки. Запутанною фразою далъ онъ ей замѣтить, что она давно ему нравится.

Она наклонила голову и слегка покраснѣла. „Вы странный человѣкъ!“ сказала она потомъ, поднявъ на меня свои бархатные глаза, и принужденно засмѣявшись.

— Я не хотѣлъ съ вами познакомиться, — продолжалъ я: потому что васъ окружаетъ слишкомъ густая толпа поклонниковъ, и я боялся въ ней исчезнуть совершенно.

„Вы напрасно боялись! Всѣ они прескучны...“

— Всѣ! Неужели всѣ?

Она посмотрѣла на меня пристально, стараясь будто припомнить что-то, потомъ опять слегка покраснѣла, и наконецъ произнесла рѣшительно: *вѣтъ!*

— Даже мой другъ Грушницкій?

„А, онъ вашъ другъ?“ — сказала она, показывая нѣкоторое сомнѣніе.

— Да.

„Онъ, конечно, не входитъ въ разрядъ скучныхъ...“

— Новъ разрядъ несчастныхъ, сказалъ я, смѣясь.

„Конечно! А вамъ смѣшно? Я бъ желала, чтобъ вы были на его мѣстѣ...“

— Чтò жъ? я былъ самъ нѣкогда юнкеромъ, и, право, это самое лучшее время моей жизни!

„А развѣ онъ юнкеръ?..“ — сказала она быстро, и потомъ прибавила: „а я думала...“

— Чтò вы думали?

„Ничего!.. кто эта дама?“

Этотъ разговоръ былъ программой той продолжительной интриги, въ которой Печоринъ игралъ роль *соблазнителя отъ нечего дѣлать*; княжна, какъ птичка, билась въ сѣтяхъ, разставленныхъ искусною рукою, а Грушницкій по-прежнему продолжалъ свою шутовскую роль. Чѣмъ скучнѣе и несноснѣе становился онъ для княжны, тѣмъ смѣлѣе становились его надежды. Вѣра безпокоилась и страдала, замѣчая новыя отношенія Печорина къ Мери; но при малѣйшемъ укорѣ или намекѣ должна была умолкать, покоряясь его обаятельной власти, которую онъ такъ тираннически употреблялъ надъ нею. Но чтò же Печоринъ? неужели онъ полюбилъ княжну? — нѣтъ. Стало быть, онъ хочетъ обольстить ее? — нѣтъ. Можетъ быть, жениться? — нѣтъ. Вотъ чтò онъ самъ говоритъ объ этомъ: „Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я совсѣмъ не хочу, и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство? Вѣра меня любить больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда-нибудь; если бъ она мнѣ казалась непобѣдимой красавицей, то, можетъ быть, я

бы завлекся трудностію предпріятія... Изъ чего же я хлопочу? изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобы имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить? Мой другъ, со мной было то же самое! и ты видишь, однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно, и, надѣюсь, съумѣю умереть безъ крика и слезъ!"

Потомъ онъ продолжаетъ, — и тутъ особенно раскрывается его характеръ:

А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодою, едва раскустившейся души! Она какъ цвѣтокъ, котораго лучший ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ досыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчаю на своемъ пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я болѣе не способенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ, ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ; возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданій и радости, не имѣя на то никакого положительнаго права, не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? насыщенная гордость. Если бъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого: идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобы онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности; идеи—созданія органическія — сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ; отъ этого гений, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара.

Такъ вотъ причины, за которыя бѣдная Мери такъ дорого должна поплатиться!.. Какой страшный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельность ищетъ пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка! „Эгоистъ, злодѣй, извергъ, безнравственный человѣкъ!..“ — хоромъ закричать, можетъ быть, строгіе моралисты. Ваша правда, господа; но вы-то изъ чего хлопочете? за что сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣли за столъ, за которымъ вамъ не

поставлено прибора... Не подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападите на него съ такою запальчивою храбростію: онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенныхъ лицахъ вашихъ всѣ прочтутъ судъ вашъ. Вы предаете его анафемѣ не за пороки, — въ васъ ихъ больше и въ васъ они чернѣе и позорнѣе, — но за ту смѣлую свободу, за ту желчную откровенность, съ которою онъ говоритъ о нихъ. Вы позволяете человѣку дѣлать все, что ему угодно, быть всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, вы охотно прощаете ему и безуміе, и низость, и развратъ; но, какъ пошлину за право торговли, требуете отъ него *моральныхъ сентенцій* о томъ, какъ долженъ человѣкъ думать и дѣйствовать, и какъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ и не думаетъ и не дѣйствуетъ... И зато ваше инквизиторское аутодафе готово для всякаго, кто имѣетъ благородную привычку смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, не опуская своихъ глазъ, называть вещи настоящими ихъ именами, и показывать другимъ себя не въ бальномъ костюмѣ, не въ мундирѣ, а въ халатѣ, въ своей комнатѣ, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, въ домашнемъ разсчетѣ съ своею совѣстію... И вы правы; покажитесь передъ людьми хоть разъ въ своемъ позорномъ negligee, въ своихъ засаленныхъ ночныхъ колпакахъ, въ своихъ оборванныхъ халатахъ, люди съ отвращеніемъ отвернутся отъ васъ и общество извергнетъ васъ изъ себя. Но этому человѣку нечего бояться: въ немъ есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется и что онъ есть только въ настоящую минуту. Да, въ этомъ человѣкѣ есть сила духа и могущество воли, которыхъ въ васъ нѣтъ; въ самыхъ порокахъ его проблескиваетъ что-то великое, какъ молнія въ черныхъ тучахъ, и онъ прекрасенъ, полноъ поэзіи даже и въ тѣ минуты, когда человеческое чувство возстаетъ на него... Ему другое назначеніе, другой путь, чѣмъ вамъ. Его страсти — бури, очищающія сферу духа; его заблужденія, какъ ни страшны они, острыя болѣзни въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь. Это лихорадки и горячки, а не подагра, не ревматизмъ и геморрой, которыми вы, бѣдные, такъ бесплодно страдаете... Пусть онъ клеветаетъ на вѣчные законы разума, поставляя высшее счастье въ насыщенной гордости; пусть онъ клеветаетъ на человеческую природу, видя въ ней одинъ эгоизмъ; пусть клеветаетъ на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитіе и смѣливая юность съ возмужалостію, — пусть!.. Настанетъ торжественная минута, и противорѣчіе разрѣшится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются въ одинъ гармонич-

ческій аккорды!.. Даже и теперь онъ проговаривается и противорѣчитъ себѣ, уничтожая одною страницей всѣ предыдущія: такъ глубока его натура, такъ врожденна ему разумность, такъ силенъ у него инстинктъ истины! Послушайте, что говоритъ онъ тотчасъ послѣ того мѣста, которое, вѣроятно, такъ возмущаетъ моралистовъ:

Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи: онѣ принадлежатъ юности сердца, и глумецъ тотъ, кто думаетъ ими иѣлую жизнь любоваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. *Но это спокойствіе часто признакъ великой, хотя скрытой силы: полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ порывовъ: душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее иссушитъ; она проникается своей собственной жизнью, лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимого ребенка. Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человекъ можетъ оцѣнить правосудіе Божіе.*

Но пока (прибавимъ мы отъ себя), пока человекъ не дошелъ до этого высшаго состоянія самопознанія, — если ему назначено дойти до него, — онъ долженъ страдать отъ другихъ и заставлять страдать другихъ, возставать и падать, падать и возставать, отъ заблужденія переходить къ заблужденію и отъ истины къ истинѣ. Всѣ эти отступленія суть необходимые маневры въ сферѣ сознанія: чтобы дойти до мѣста, часто надо дать большою крюкъ, совершить длинный обходъ, воротаться съ дороги назадъ. Царство истины есть обѣтованная земля, и путь къ ней — аравійская пустыня. Но, скажете вы, за что же другіе должны гибнуть отъ такихъ страстей и ошибокъ? А развѣ мы сами не гибнемъ иногда какъ отъ собственныхъ, такъ и отъ чужихъ? Кто вышелъ изъ горнила испытаній чистъ и свѣтелъ, какъ золото, натура того — благородный металлъ; кто сгорѣлъ или не очистился, натура того — дерево или желѣзо. И если многія благородныя натуры погибаютъ жертвами случайности, разрѣшеніе на этотъ вопросъ даетъ религія. Для насъ ясно и положительно одно: безъ бурь нѣтъ плодородія, и природа изнываетъ; безъ страстей и противорѣчій нѣтъ жизни, нѣтъ поэзіи. Лишь бы только въ этихъ страстяхъ и противорѣчіяхъ была разумность и человѣчность, и ихъ результаты вели бы человека къ его цѣли, — а судъ принадлежитъ не намъ: для каждаго человека судъ въ его дѣлахъ и ихъ слѣдствіяхъ! Мы должны требовать отъ искусства, чтобы оно показывало намъ дѣйствительность, какъ она есть, ибо какова бы она ни была, эта дѣйствительность, она больше скажетъ намъ, больше научитъ насъ, чѣмъ всѣ выдумки и поученія моралистовъ...

Но — скажутъ, можетъ быть, резонеры — зачѣмъ рисовать картины возмутительныхъ страстей, вмѣсто того, чтобы плѣнять воображеніе изображеніемъ кроткихъ чувствованій природы и любви, и трогать сердце и поучать умъ? — Старая пѣсня, господа, такъ же старая, какъ и „Выйду ль я на рѣченьку, посмотрю на быстрюю!..“ Литература восемнадцатаго вѣка была по преимуществу *моральною* и *разсуждающею*, въ ней не было другихъ повѣстей, какъ *contes moraux* и *contes philosophiques*; однакожь эти нравственные и философскія книги никого не исправили, и вѣкъ все-таки былъ по преимуществу *безнравственнымъ* и *развратнымъ*. И это противорѣчіе очень понятно. Законы нравственности въ натурѣ человека, въ его чувствахъ, и потому они не противорѣчатъ его дѣламъ; а кто чувствуетъ и поступаетъ согласно съ своимъ чувствомъ, тотъ мало говоритъ. Разумъ не сочиняетъ, не выдумываетъ законовъ нравственности, но только *сознаетъ* ихъ, принимая ихъ отъ чувства какъ *данныя*, какъ *факты*. И потому *чувство* и *разумъ* суть не противорѣчащіе, не враждебные другъ другу, но родственные, или, лучше сказать, тождественные элементы духа человѣческаго. Но когда человеку или отказано природою въ нравственномъ чувствѣ, или оно испорчено дурнымъ воспитаніемъ, безпорядочною жизнью, — тогда его *разсудокъ* изобрѣтаетъ свои законы нравственности. Говоримъ: *разсудокъ*, а не *разумъ*, ибо *разумъ* есть сознавшее себя чувство, которое даетъ ему въ себѣ предметъ и содержаніе для мышленія; а *разсудокъ*, лишенный дѣйствительнаго содержанія, по необходимости прибѣгаетъ къ произвольнымъ построеніямъ. Вотъ происхожденіе *морали*, и вотъ причина противорѣчія между словами и поступками записныхъ моралистовъ. Для нихъ дѣйствительность ничего не значитъ: они не обращаютъ никакого вниманія на то, что есть, и не предчувствуютъ его необходимости; они хлопочутъ только о томъ, что и какъ должно быть. Это ложное философское начало породило и ложное искусство еще задолго до XVIII вѣка, искусство, которое изображало какую-то небывалую дѣйствительность, создавало какихъ-то небывалыхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, неужели мѣсто дѣйствія корнелевскихъ и расиновскихъ трагедій — земля, а не воздухъ, ихъ дѣйствующія лица — люди, а не маріонетки? Принадлежатъ ли эти *цари*, *герои*, *наперсники* и *въстники* какому-нибудь вѣку, какой-нибудь странѣ? говорилъ ли кто-нибудь отъ созданія міра языкомъ, похожимъ на ихъ языкъ?.. Восемнадцатый вѣкъ довелъ это разсудочное искусство до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости: онъ только о томъ и хлопоталъ, чтобы искусство шло наыворотъ дѣйствительности, и сдѣлалъ изъ нея *мечту*, которая

и въ нѣкоторыхъ добрыхъ старичкахъ нашего времени еще находятъ своихъ манчскихъ витязей. Тогда думали быть поэтами, воспѣвая *Хлоя*, *Филлида*, *Дорисъ* въ фижахъ и мушкахъ, и *Меналковъ*, *Даметовъ*, *Титировъ*, *Миконковъ*, *Миртилицовъ* и *Мелибеевъ* въ шитыхъ кафтаняхъ; восхваляли мирную жизнь подъ соломенною кровлею, у свѣтлаго ручейка — *Лидона*, съ милою подругою, невинною пастушкою, въ то время какъ сами жили въ раззолоченныхъ палатахъ, гуляли въ стриженныхъ аллеяхъ, вмѣсто одной пастушки имѣли по тысячѣ *овечекъ*, и для доставленія себѣ *оныхъ* благъ готовы были на *всяческая*...

Нашъ вѣкъ гнушается этимъ лицемерствомъ. Онъ громко говоритъ о своихъ грѣхахъ, но не гордится ими; обнажаетъ свои кровавыя раны, а не прячетъ ихъ подъ нищенскими лохмотьями притворства. Онъ понимаетъ, что сознаніе своей грѣховности есть первый шагъ къ спасенію. Онъ знаетъ, что дѣйствительное страданіе лучше мнимой радости. Для него польза и нравственность только въ одной истинѣ, а истина — въ сущемъ, т.-е. въ томъ, что есть. Потому, и искусство нашего вѣка есть воспроизведеніе разумной дѣйствительности. Задача нашего искусства — не представить событія въ повѣсти, романѣ или драмѣ, сообразно съ *предположенною* *заранне* *цѣлюю*, но развить ихъ сообразно съ *законами* *разумной* *необходимости*. И въ такомъ случаѣ, каково бы ни было содержаніе поэтического произведенія, — его впечатлѣніе на душу читателя будетъ благодатно, и, слѣдовательно, нравственная цѣль достигнется сама собою. Намъ скажутъ, что безнравственно представлять ненаказаннымъ и торжествующимъ порокъ: мы противъ этого и не споримъ. Но и въ дѣйствительности порокъ торжествуетъ только *внѣшнимъ* образомъ: онъ въ самомъ себѣ носитъ свое наказаніе и гордою улыбкою только подавляетъ внутреннее терзаніе. Такъ точно и новѣйшее искусство: оно показываетъ, что судъ человѣка — въ дѣлахъ его; оно, какъ необходимость, допускаетъ въ себя диссонансы, производимые въ гармоніи нравственного духа, но для того, чтобы показать, какъ изъ диссонанса снова возникаетъ гармонія, — черезъ то ли, что раззвучная струна снова настраивается, или разрывается вслѣдствіе ея своевольнаго разлада. Это міровой законъ жизни, а слѣдовательно и искусства ¹⁾. Вотъ другое дѣло, если поэтъ захочетъ въ своемъ произведеніи доказать, что результаты добра и зла одинаковы для людей, — оно будетъ безнравственно, но тогда уже оно и не будетъ произведеніемъ

искусства, — и, какъ крайности сходятся, то оно, вмѣстѣ съ моральными произведеніями, составитъ одинъ общій разрядъ непозгическихъ произведеній, писанныхъ съ опредѣленною цѣлю. Далѣе мы изъ самаго разбираемаго нами сочиненія докажемъ, что оно не принадлежитъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, и въ основаніи своемъ глубоко нравственно. Но пора намъ обратиться къ нему.

Пришелъ Грушницкій и бросился мнѣ на шею — онъ произведенъ въ офицеры. Мы выпили шампанскаго. Докторъ Вернеръ вошелъ вслѣдъ за нимъ. „Я васъ не поздравляю“ — сказала онъ Грушницкому. — Отчего? — „Оттого, что солдатская шинель къ вамъ очень идетъ, и признайтесь, что армейскій пѣхотный мундиръ, сшитый здѣсь на водахъ, не придастъ вамъ ничего интереснаго... Видите ли, вы до сихъ поръ были исключеніемъ, а теперь пододѣдете подъ общее правило.“

— Толкуйте, толкуйте, докторъ! вы мнѣ не понимаете радоваться. „Онъ не знаетъ“ — прибавилъ Грушницкій мнѣ на ухо: „сколько надеждъ придали мнѣ эти эпoletы... О, эпoletы, эпoletы! ваши звѣздочки — путеводительныя звѣздочки... Нѣтъ! я теперь совершенно счастливъ“.

На отлогости Машука, въ верстѣ отъ Пятигорска, есть провалъ. Въ одинъ день тамъ назначено было гулянье и родъ бала подъ открытымъ небомъ. Печоринъ спросилъ Грушницкаго, идетъ ли онъ къ провалу, и тотъ отвѣчалъ, что ни за что въ свѣтѣ не явится передъ княжною прежде, нежели будетъ готовъ его мундиръ, и просилъ его не предувѣдомлять ее о его производствѣ.

— Скажи мнѣ однако, какъ твои дѣла съ нею?..

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать, — и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любить ли она тебя?..

„Любить ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія? какъ можно такъ скоро?.. Да если даже она и любить, то порядочная женщина этого не скажетъ...“

— Хорошо! и вѣроятно по-твоему порядочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?..

„Эхъ, братецъ! На все есть манера; многое не говорится, а отгадывается...“

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...

„Она?..“ отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбувшись: „мнѣ жаль тебя, Печоринъ!“

Многочисленное общество отправилось вечеромъ къ провалу. Взираясь на гору, Печоринъ подаль руку княжнѣ, и она не покидала ее въ продолженіе всей прогулки. Разговоръ ихъ начался злословіемъ. Желчь Печорина взволновалась — и, начавши шутя, онъ кончилъ искреннею злостью. Сперва это забавляло княжну, а потомъ испугало. Она сказала ему, что лучше желала бы попасться подъ ножъ убійцы, чѣмъ ему на язычекъ. Онъ на минуту задумался, а потомъ, принявъ на себя глубоко тронутый видъ, началъ жа-

¹⁾ Последнія двѣ страницы являются отзвукомъ того, что было сказано на эту же тему Бѣлинскимъ въ его статьѣ о „Менцелѣ“.

ловаться на свою участь, которая, по его словамъ, такъ жалка съ самаго его дѣтства:

Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки другихъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали—и они родились. Я былъ скромнѣе—меня обвиняли въ лукавствѣ; я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли,—я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ—другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ,—меня ставили ниже, и сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ—меня никто не понималъ; и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и съ свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду—мнѣ не вѣрили; я началъ обманывать; узнавъ хорошо свѣтъ и дружныя общества, я сталъ искренъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣмъ выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе,—не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета,—но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушною улыбкой, и сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испортилась, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ, тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины; но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными; но мнѣ нѣтъ, особенно когда вспоминаю, что подъ ними похоятся. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшно—пожалуйста, смѣйтесь—предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ нисколько.

Отъ души ли говорилъ это Печоринъ, или притворялся?—Трудно рѣшить опредѣлительно: кажется, что тутъ было и то и другое. Люди, которые вѣчно находятся въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ и съ самими собою, всегда недовольны, всегда огорчены и желчны. Огорченіе есть постоянная форма ихъ бытія, и что бы ни попало имъ на глаза, все служить имъ содержаніемъ для этой формы. Мало того, что они хорошо помнятъ свои истинныя страданія,—они еще неистощимы въ выдумываніи небывалыхъ. Вздумайте ихъ утѣшать—они разсердятся; покажите имъ причины ихъ горестей въ настоящемъ ихъ свѣтѣ—они оскорбятся. Помогите имъ бранить самихъ себя, взведите на нихъ небывалыя обиды жизни, отыщите небывалые недостатки и пороки въ ихъ характерѣ—вы польстите имъ и выиграете ихъ расположеніе. Если вы попадете на человѣка недостаточно глубокаго и сильнаго,—будьте осторожны: вы можете или оскорбить его самолюбіе такъ, что возбудите къ себѣ его ненависть, или убить въ немъ всякую увѣренность въ себя и возродить отчаяніе,—и тогда вамъ предстоитъ горькая и мучительно скучная роль утѣшителя и повѣреннаго однихъ и тѣхъ же жалобъ. Если же это человѣкъ глубокий и сильный,—не бойтесь слишкомъ далеко зайти

въ нападкахъ на него и на жизнь: у него есть лазейка изъ этой западни: „я дуренъ, но вѣдь и всѣ таковы“. А вы знаете, что, по пословицѣ, при людяхъ и смерть не страшна,—и какъ бы вы ни представлялись себѣ дурны, но если и лучшій изъ людей не лучше васъ,—ваше самолюбіе спасено. И вотъ почему такіе люди такъ неистощимы въ самообвиненіи: оно обращается имъ въ привычку. Обманывая другихъ, они прежде всего обманываютъ себя. Истинная или ложная причина ихъ жалобъ,—имъ все равно, и желчная горестъ ихъ равно искренна и непритворна. Мало того: начиная лгать съ сознаніемъ, или начиная шутить,—они продолжаютъ и оканчиваютъ искренно. Они сами не знаютъ, когда лгутъ и когда говорятъ правду, когда слова ихъ—воплъ души, или когда они—фразы. Это дѣлается у нихъ вмѣстѣ и болѣзнію души, и привычкою, и безумствомъ, и кокетничаньемъ. Во всей выходкѣ Печорина вы замѣчаете, что у него страждетъ самолюбіе. Отчего родилось у него отчаяніе?—Видите ли: онъ узналъ хорошо свѣтъ и дружныя общества, сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣмъ выгодами, которыхъ онъ такъ неутомимо добивался. Какое мелкое самолюбіе! восклицаете вы. Но не торопитесь вашимъ приговоромъ: онъ клеветаетъ на себя; повѣрьте мнѣ, онъ и даромъ бы не взялъ того счастья, которому завидовалъ у этихъ *другихъ* и котораго добивался. Но княжнѣ отъ этого было не легче: она все приняла за наличную монету. Печоринъ не ошибся, сказавъ, что въ немъ два человѣка; въ то время, какъ одинъ такъ горько жаловался *ни на что*, другой наблюдалъ и за нимъ и за княжною, и вотъ что замѣтилъ за послѣднее:

Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала, щеки пылали; ей было жаль меня!—Состраданіе, чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была разсѣяна, ни съ кѣмъ не кокетничала,—а это великій признак!..

Бѣдная Мери! Какъ систематически, съ какою рассчитанною точностію ведетъ ее злой духъ по пути гибели! Подошедши къ провалу, всѣ дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не оставляла руки Печорина; остроты тамошнихъ денди не смѣшили ее; крутизна обрыва, у котораго она стояла, не пугала ее, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза. На возвратномъ пути она была разсѣяна, грустна. „Любили ли вы?“ спросилъ ее Печоринъ; она пристально на него посмотрѣла, покачала головой, и снова задумалась... Казалось, что-то хотѣлось сказать, но она не знала съ чего начать; грудь ея волновалась.—„Не правда ли, я была сегодня

очень любезна?" — сказала она, при разставании, съ принужденною улыбкою. Печоринъ, вмѣсто нея, отвѣтилъ самому себѣ: „Она недовольна собою, она себя обвиняетъ въ холодности... о, это первое, главное торжество! Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужъ знаю наизусть — вотъ что скучно!“ — Вѣдная Мери!..

Между тѣмъ, Вѣра мучилась ревностію и мучила ея Печорина. Она взяла съ него слово уѣхать въ Кисловодскъ и нанять себѣ квартиру возлѣ того дома, верхъ котораго она займетъ съ мужемъ, а низъ — княгиня Лиговская, которая собирается туда еще черезъ недѣлю. Вечеръ того же дня Печоринъ провѣлъ у Лиговскихъ, и веселился, замѣчая успѣхи чувства въ княжнѣ. Вѣра все это видѣла и страдала. Чтобы утѣшить ее, онъ разсказалъ вслухъ исторію своей любви съ нею, разумѣется, прикрывъ все вымышленными именами. „Я — говоритъ онъ — такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мои безпокойства, восторги; я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжною“.

На другой день — балъ въ рестораціи. За полчаса до бала къ Печорину явился Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго мундира. — Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за мою княжною? — сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на Печорина. „Гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить!“ — отвѣчалъ тотъ. Затѣмъ Грушницкій попросилъ у него духовъ, несмотря на замѣчанія Печорина, что отъ него и такъ несетъ розовою помадою; налилъ полстклянки за галстухъ, въ носовой платокъ и на рукава, и заключилъ опасеніемъ, что ему придется начинать съ княжною мазурку, тогда какъ онъ не знаетъ почти ни одной фигуры. На вопросъ Печорина: „А ты звалъ ее на мазурку?“ онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и поспѣшилъ дожидаться ея у подъѣзда. Разумѣется, на балу бѣдный Грушницкій разыгралъ, благодаря Печорину, очень смѣшную роль. Княжна очень разсѣянно его слушала, и отвѣчала насмѣшками на его трагикомическія выходки. „Нѣтъ, говорилъ онъ, — лучше бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ...“ — Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу, — отвѣчала княжна и, замѣтивъ подошедшаго къ нимъ Печорина, обратилась къ нему съ вопросомъ о его мнѣніи объ этомъ предметѣ. „Я съ вами несогласенъ“ — отвѣчалъ Печоринъ: „въ мундирѣ онъ еще моложавѣе“. Этотъ злой намекъ на лѣта мальчика, который хотѣлъ бы, чтобы на его лицѣ читали слѣды сильныхъ страстей, взбѣсилъ Грушницкаго; онъ топнулъ ногою и отошелъ. Все осталь-

ное время онъ преслѣдовалъ княжну: танцовалъ или съ нею, или vis-à-vis, вздыхалъ и падоудалъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрили она ужъ его ненавидѣла.

„Я этого не ожидалъ отъ тебя“ — сказали онъ, пододня ко мнѣ и взявъ меня за руку.

— Чего?

„Ты съ нею танцуешь мазурку?“ — спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ. „Она мнѣ призналась...“

— Ну такъ что жъ? а развѣ это секретъ?

„Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвочки... отъ кокетки... Ужъ я отомщу!“

— Пеняй на свою шинель, или на свои эполеты, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата, что ты ей больше не нравишься?..

„Зачѣмъ же подавать надежды?“

— Зачѣмъ же ты надѣлся?

Печоринъ достигъ своей цѣли: Грушницкій отошелъ отъ него съ чѣмъ-то въ родѣ угрозы. Это его радовало и забавило, но что же за радость бѣсить добраго, пустого малаго, и для этого играть обдуманную роль, дѣйствовать по обдуманному плану? Что это: слѣдствіе праздности ума или мелкости души? Вотъ что думалъ объ этомъ онъ самъ, собираясь на балъ:

Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели, — думалъ я, мое единственное назначеніе — разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ-будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть, ни придти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольнo я разыгрывалъ роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?.. Ужъ не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, или въ сотрудники поставщику повѣстей, наиримѣръ, для „Библиотеки для Чтенія“?.. Почему зналъ?.. Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій, или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками?..

Мы нарочно выписали это мѣсто, какъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ двойственности Печорина. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ два человѣка: первый дѣйствуетъ, второй смотритъ на дѣйствія перваго и разсуждаетъ о нихъ, или, лучше сказать, осуждаетъ ихъ, потому что они дѣйствительно достойны осужденія. Причины этого раздвоенія, этой ссоры съ самимъ собою очень глубоки, и въ нихъ же заключается противорѣчіе между глубокостію натуры и жалкостію дѣйствій одного и того же человѣка. Ниже мы коснемся этихъ причинъ, а пока замѣтимъ только, что Печоринъ, ошибочно дѣйствуя, еще ошибочнѣе судитъ себя. Онъ смотритъ на себя, какъ на человѣка вполнѣ развившагося и опредѣлившагося: удивительно ли, что и его взглядъ на человѣка вообще мраченъ, желченъ и ложенъ?.. Онъ какъ-будто не знаетъ, что есть эпоха въ жизни человѣка, когда ему досадно, зачѣмъ дуракъ глупъ, подлецъ — низокъ, зачѣмъ толпа пошла, зачѣмъ на сотню пустыхъ людей едва встрѣтишь одного порядочнаго человѣка... Онъ

какъ-будто не знаетъ, что есть такіа пылкія и сильныя души, которыя въ эту эпоху своей жизни находятъ неизъяснимое наслажденіе въ сознаніи своего превосходства, мстятъ посредственности за ея ничтожность, вмѣшиваются въ ея расчеты и дѣла, чтобы мѣшать ей, разрушая ихъ... Но еще болѣе онъ какъ-будто бы не знаетъ, что для нихъ приходитъ другая эпоха жизни—результатъ первой, когда они или равнодушно на все смотрятъ, не сочувствуя добру, не оскорбляясь зломъ, или увѣряются, что въ жизни и зло необходимо, какъ и добро, что въ арміи общества человѣческаго рядовыхъ всегда должно быть больше, чѣмъ офицеровъ, что глупость должна быть глупа, потому что она глупость, а подлость подла, потому что она подлость, и они оставляютъ ихъ идти своею дорогою, если не видятъ отъ нихъ зла, или не видятъ возможности помѣшать ему и повторяютъ про себя, то съ радостною, то съ грустною улыбкою: „и все то благо, все добро!“ Увы, какъ дорого достается уразумѣніе самыхъ простыхъ истинъ!.. Печоринъ еще не знаетъ этого, и именно потому, что думаетъ, что все знаетъ.

Позабавившись надъ Грушницкимъ, онъ позабавился и надъ княжною, хотя совсѣмъ и другимъ образомъ.

Я два раза пожалъ ея руку... во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь,—сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

„Этому виноватъ Грушницкій“.

— О, нѣтъ!—И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ этотъ вечеръ непременно поцѣловать ея руку.

Стали разѣзжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ зало очень доволенъ собою.

Съ этого времени исторія круто поворотилась, и изъ комической начала переходитъ въ трагическую. Доселѣ Печоринъ сѣялъ—теперь настаетъ время пожинаать ему плоды посѣяннаго. Мы думаемъ, что въ этомъ и должна заключаться истинная нравственность поэтическаго произведенія, а не въ пошлыхъ сентенціяхъ.

Грушницкій наконецъ понялъ, что онъ одураченъ, но вмѣсто того, чтобы въ самомъ себѣ увидѣть причину своего позора, онъ увидѣлъ ее въ Печоринѣ. Къ нему присталъ драгунскій капитанъ и всѣ другіе, которыхъ оскорбляло превосходство Печорина,—и противъ Печорина начала составляться враждебная партія; но онъ не испугался, а обрадовался этому, увидѣвъ новую пищу для своей праздной дѣятельности... „Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, притворяться обманутымъ, и вдругъ однимъ толч-

комъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе изъ хитростей и замысловъ—вотъ что я называю жизнью!“ — Ошибочное названіе! — восклицаете вы,—и мы согласны съ вами; но сила всегда останется силою и всегда будетъ полна поэзіи, всегда будетъ восхищать и удивлять васъ, хотя бы она дѣйствовала и деревяннымъ мечемъ, вмѣсто булатнаго... Есть люди, въ рукахъ которыхъ и простая палка опаснѣе, чѣмъ у иныхъ шпага: Печоринъ изъ такихъ людей...

На другой день Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Печоринъ винить ее самое въ причинѣ ея жалобъ на него: она отказываетъ ему въ свиданіи наединѣ. „Авось—говорить онъ—ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы“. Вечеромъ онъ заходилъ къ Лиговскимъ и не видалъ княжны—она больна. Возвратясь домой, онъ замѣтилъ, что ему чего-то недостаетъ. „Я не видалъ ея! Она больна! Ужъ не влюбился ли я въ самомъ дѣлѣ?.. Какой вздоръ!“ — Видите ли: какъ увлекательна эта игра въ увлеченіе, какъ легко, увлекаая другихъ, увлечься и самому!.. Какъ ни старается Печоринъ выставить себя холоднымъ обольстителемъ безъ всякой цѣли, но отъ нечего дѣлать; однако для насъ его холодность очень подозрительна. Конечно, это еще не любовь, но вѣдь трудно разбирать и различать свои ощущенія: собственное сердце всякаго есть самый извилистый, самый темный лабиринтъ...

На другой день онъ засталъ ее одну. Она была блѣдна и задумчива. „Вы на меня сердитесь?“ Она заплакала и закрыла лицо руками. „Что съ вами?“ — Вы меня не уважаете!.. отвѣчала она. Онъ ей сказалъ что-то въ родѣ извиненія и тщеславной загадки на счетъ своего характера—и вышелъ; но, уходя, слышалъ, какъ она плакала. Бѣдная дѣвушка! стрѣла такъ глубоко вошла въ ея сердце, что дѣло не можетъ кончиться хорошо!.. Въ тотъ же день Печоринъ узналъ отъ Вернера, что ходятъ слухи, будто онъ женится на княжнѣ...

Наконецъ, дѣйствіе переносится въ Кисловодскъ. Однажды многочисленная кавалькада отправилась смотрѣть *Кольцо* — скалу, образующую ворота, верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска. Когда, на возвратномъ пути, переѣзжали черезъ *Подкумокъ*, у княжны закружилась голова, оттого, что она смотрѣла въ воду. — Мнѣ дурно! — проговорила она слабымъ голосомъ. Печоринъ обвилъ рукою ея гибкій станъ, щека ея почти касалась его щеки, отъ нея вѣяло пламенемъ... „Что вы со мною дѣлаете? Боже мой!“ говорила она; но онъ не обращалъ вниманія на ея слова—и губы его коснулись ея щеки... Выѣхавъ на берегъ, всѣ пустились рысью, княжна приостановила свою лошадь, и они опять поѣхали позади всѣхъ. Послѣ долгаго молчанія, умышленнаго со сто-

роны Печорина, она наконецъ сказала голосомъ, въ которомъ были слезы:

Или вы меня презираете, или очень любите! Можетъ быть, вы хотите посмѣяться надо мною, возмутить мою душу и потомъ оставить... Это было бы такъ низко, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ! не права ли, — прибавила она голосомъ нѣжной довѣренности: — не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, что бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же, я хочу слышать вашъ голосъ!

Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улыбнулся; къ счастью, начинало смеркаться.. Я ничего не отвѣчалъ.

— Вы молчите?—продолжала она; вы, можетъ быть, хотите, чтобы я первая сказала вамъ, что я васъ люблю?..

Я молчалъ.

— Хотите ли этого?—продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ... Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное...

„Вѣтъ?“—отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужъ она присоединилась къ обществу. До самого дома она говорила и смѣялась поминутно; въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. *Эта мысль мнѣ доставляетъ необытное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю Вампира!.. а еще слышу добрымъ малымъ, и добиваюсь этого названія.*

Что такое вся эта сцена? Мы понимаемъ ее только какъ свидѣтельство, до какой степени ожесточенія и безнравственности можетъ довести человѣка вѣчное противорѣчіе съ самимъ собою, вѣчно неудовлетворяемая жажда истинной жизни, истиннаго блаженства; но послѣдней черты ея мы рѣшительно не понимаемъ... Она кажется намъ преувеличеніемъ, умысленною клеветою на самого себя, чертою изысканною и натянутою; словомъ, намъ кажется, что здѣсь Печоринъ впалъ въ Грушницкаго, хотя и болѣе страшнаго, чѣмъ смѣшнаго... ¹⁾ И, если мы не ошибаемся въ своемъ заключеніи, это очень понятно: состояніе противорѣчія съ самимъ собою необходимо условливаетъ болшую или меньшую изысканность и натянутость въ положеніяхъ...

Возвращаясь домой слободкою, Печоринъ слышалъ изъ одного дома нестройный говоръ и шумные крики. Онъ слѣзъ съ коня и сталъ подслушивать. Говорили о немъ. Драгунскій капитанъ кричалъ, что его надо проучить, что эти петербургскія слетки зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу; что Печоринъ думаетъ, что онъ только одинъ и жилъ въ

свѣтъ оттого, что носить всегда чистыя перчатки и вычищенные сапоги, и что онъ долженъ быть трусъ. Грушницкій подтвердилъ достовѣрность послѣдняго предположенія, выдумавъ какое-то происшествіе, въ которомъ будто бы Печоринъ сыгралъ передъ нимъ не слишкомъ выгодную для своей чести роль. Почтенная компанія поджигаетъ Грушницкаго—имя княжны упоминается. Впрочемъ, драгунскій капитанъ хочетъ только позабавиться надъ Печоринымъ, заставивъ его обнаружить свою трусость. Онъ предлагаетъ Грушницкому вызвать его на дуэль, а себѣ предоставляетъ поставить ихъ въ шести шагахъ и въ пистолеты не положить пуль.

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что если бы не случай, то я могъ бы сдѣлаться посмѣищемъ этихъ дураковъ. *Если бы Грушницкій не согласился, я бросился бы ему на шею.* Но послѣ нѣкотораго молчанія онъ всталъ съ своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно: „хорошо, я согласенъ“.

Путру Печоринъ встрѣтилъ княжну у колодца. Это свиданіе было страшною развязкою пустой и ничтожной драмы, которая предшествовала другой драмѣ, не менѣе пустой и ничтожной въ сущности, но еще съ болѣе страшною развязкою.

„Вы больны?“—сказала она, пристально помотрѣвъ на меня.

— Я не спалъ ночь.

„И я также... я васъ обвиняла.. можетъ быть напрасно?—Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...“

— Все ли?

„Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ быть, вы боитесь пренятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего: когда они узнаютъ... (ея голосъ задрожалъ) я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣе, сжальтесь: вы меня не презираете, не правда ли?“

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры, и ничего не видала; но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія.

— Я вамъ скажу всю истину, — отвѣчалъ я княжнѣ: не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ: *я васъ не люблю.*

Ея губы слегка поблѣднѣли.

„Оставьте меня“—сказала она едва внятно.

Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ.

На этотъ разъ Печоринъ снисходительнѣе къ намъ; онъ приподнялъ таинственное покрывало, которымъ облекъ свое сатанинское величіе, и очень просто, хотя и прекрасною прозою, объяснилъ причину этой сцены, какъ бы желая оправдаться въ ней. Онъ говоритъ, что какъ бы страстно ни любилъ онъ женщину, но какъ скоро она дастъ ему почувствовать, что онъ долженъ на ней жениться—прости любовь!.. Этотъ страхъ ли-

¹⁾ Въ этомъ отрывкѣ Бѣлинскій повторяетъ слова Боткина изъ его письма къ Бѣлинскому отъ 21 мая 1840 г.; см. объ этомъ въ нашей вступительной запискѣ къ настоящей статьѣ.

шиться постылой и ни для чего ненужной ему свободы онъ приписываетъ предсказанію старушки, которая, когда еще онъ былъ ребенкомъ, гадала про него его матери и предрекла ему *смерть отъ злой жены...* Нѣтъ, это все не то!... Печоринъ не любилъ княжны: онъ оскорбилъ бы самого себя, если бы назвалъ любовью легонькое чувство, возбужденное его собственнымъ кокетствомъ и самолюбіемъ. Потому: бракъ есть дѣйствительность любви. Любить истинно можетъ только воплощъ созрѣвшая душа, и въ такомъ случаѣ любовь видитъ въ бракѣ свою высочайшую награду, и при блескѣ вѣнца не блекнетъ, а пышнѣе распускаетъ свой ароматный цвѣтъ, какъ при лучахъ солнца... Всякое чувство дѣйствительно въ отношеніи къ самому себѣ, какъ выраженіе моментальнаго состоянія духа: и первая любовь едва проснувшейся для жизни души отрока имѣетъ свою поэзію и свою истину; но, будучи дѣйствительна по своей сущности, она совершенно призрачна по своей формѣ, и въ сравненіи съ любовью возмужавшаго человѣка есть то же, что первое безсвязное лепетаніе младенца въ сравненіи съ разумною рѣчью мужа. Это больше потребность любви, чѣмъ самая любовь, и потому она обращается на первый предметъ, способный поразить юную фантазію истиннымъ или мнимымъ сходствомъ съ ея идеаломъ, и такъ же скоро погасаетъ, какъ и вспыхиваетъ. Такая любовь можетъ много разъ повториться въ жизни человѣка; она или ненавидитъ бракъ и отвращается его, какъ идеи, профанирующей ея идеальность, или представляетъ его высочайшимъ блаженствомъ и стремится къ нему только до тѣхъ поръ, пока онъ не представитъ къ ней съ своимъ строго испытующимъ, недовѣрчиво суровымъ взоромъ: тогда бѣдная любовь потупляетъ передъ нимъ свои глаза, какъ ребенокъ, застигнутый въ шалости строгимъ гувернѣромъ... Да, бракъ есть гибель такой любви, и вотъ почему такъ много бываетъ *несчастныхъ браковъ по любви...* Только дѣйствительное чувство не боится своего осуществленія, не трепещетъ своей повѣрки: только дѣйствительность смѣло смотритъ въ глаза дѣйствительности, не потупляя своихъ глазъ... И неужели Печоринъ, этотъ человѣкъ, столь глубокой и могучей, могъ почестъ свое чувство къ княжнѣ дѣйствительнымъ, и удивиться, что ея намекъ о бракѣ такъ же легко уничтожилъ его чувство, какъ видъ лозы уничтожаетъ рѣзвость ребенка?.. Нѣтъ! изъ всего этого опять-таки видно только одно, что Печоринъ еще рано почелъ себя допившимъ до дна чашу жизни, тогда какъ онъ еще и не сдулъ порядочно ея шипящей пѣны... Повторяемъ: онъ еще не знаетъ самого себя, и если не должно ему всегда вѣрить, когда онъ оправдываетъ себя, то еще менѣе должно

ему вѣрить, когда онъ обвиняетъ себя, или приписываетъ себѣ разныя нечеловѣческія свойства и пороки. Но винить ли его за это?—Вините, если въ глазахъ вашихъ юноша виновать тѣмъ, что онъ молодъ, а старецъ тѣмъ, что онъ старъ! Есть люди, въ которыхъ потребность жизни такъ сильна, что составляетъ ихъ мученіе до тѣхъ поръ, пока не удовлетворится,—и есть люди, которые долго живутъ и умираютъ неудовлетворенные, ибо дѣйствительны только потребности, а удовлетвореніе всегда зависитъ отъ случая, который такъ же можетъ сбыться, какъ и можетъ не сбыться. И вотъ, когда такіе люди бросаются всюду, ища удовлетворенія, и не находятъ его, — ихъ отчаяніе порождаетъ клеветы на вѣчные законы разумной дѣйствительности; но они правы передъ самими собою въ этихъ клеветахъ, хотя и неправы передъ дѣйствительностію. Можно ли винить ихъ за несчастіе? Можно ли винить ихъ и за то, что они съ такою жадностію бросаются на все, что волнуетъ душу призраками блаженства? Не всѣ же родятся съ этимъ апатическимъ безгоразуміемъ, источникъ котораго — гнилая и мертвая натура...

Въ Кисловодскъ пріѣхалъ фокусникъ. Разумѣется, на водахъ нельзя презирать никакимъ родомъ развлеченія,—и на первое представленіе всѣ бросились. Сама княгиня Лиговская, несмотря на то, что дочь ея была больна, взяла билетъ. Печоринъ получилъ отъ Вѣры записку, которою она назначала ему свиданіе въ 9 часовъ вечера, извѣщая его, что мужъ ея уѣхалъ въ Пятигорскъ до утра слѣдующаго дня, а людямъ, какъ своимъ, такъ и Лиговскихъ, она раздала билеты. Повертѣвшись на представленіи и замѣтивъ въ заднихъ рядахъ лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини, Печоринъ отправился на свиданіе. На дворѣ было темно. Вдругъ Печорину показалось, что кто-то идетъ за нимъ. Изъ предосторожности онъ обошелъ вокругъ дома, будто гуляя. Проходя мимо оконъ княжны, онъ снова услышалъ за собою шаги,—и человѣкъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо него. Печоринъ бросился на темную лѣстницу — дверь отворилась, и маленькая ручка схватила его руку...

Около двухъ часовъ пополуночи Печоринъ спустился изъ окна, съ верхняго балкона на нижній, посредствомъ двухъ связанныхъ шалей. У княжны горѣлъ огонь, и *что-то* толкнуло Печорина къ окну. Благодаря не совсѣмъ задернутому занавѣсу, вотъ что увидѣлъ онъ: „Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣняхъ руки; ея густые волосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ, обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики, и маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персид-

ских туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; передъ нею на столѣ была раскрыта книга, но глаза ея, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, въ сотни разъ пробѣгали одну и ту же страницу, тогда какъ мысли ея были далеко...

Какъ много говорить эти немногія и простые строки! Какую длинную и мучительную повѣсть оскорбленнаго женскаго достоинства, оскорбленной женской любви, затаенныхъ страданій и холодно-жгучаго отчаянія рассказываютъ онѣ!... Бѣдная Мери!...

Въ эту минуту кто-то шевельнулся за кустомъ; Печоринъ спрыгнулъ съ балкона на землю, и невидимая рука схватила его за плечо. „А-га!“ — сказалъ грубый голосъ: „попался!... Будешь у меня къ князьямъ ходить ночью!...“ — Держи его крѣпче! — кричалъ другой голосъ, — и Печоринъ узналъ Грушницкаго и драгунскаго капитана. Сильнымъ ударомъ по головѣ сшибъ онъ послѣдняго и бросился въ кусты. „Воры! караулъ!“ кричали преслѣдователи; раздался ружейный выстрѣлъ, и дымящійся пылъ упалъ почти къ ногамъ Печорина. Черезъ минуту онъ былъ уже у себя дома и лежалъ, раздѣтый, въ своей постели. Едва человѣкъ его успѣлъ запереть на замокъ дверь, какъ драгунскій капитанъ и Грушницкій начали стучаться, крича: „Печоринъ! вы спите? здѣсь вы?“ — Сплю! — отвѣчалъ онъ имъ сердито. „Вставайте! — воры... Черкесы...“ — У меня насморкъ, боюсь простудиться.

Они ушли. Между тѣмъ сдѣлалась тревога. Изъ крѣпости прискакалъ казакъ. Все зашевелилось, начали искать Черкесовъ, и на другой день всѣ были убѣждены въ ночномъ нападеніи Черкесовъ.

На другой день утромъ Печоринъ встрѣтился у колодца съ мужемъ Вѣры, съ которымъ и пошелъ въ ресторацію завтракать. Добрый старикъ рассказывалъ ему о страхахъ жены своей въ прошлую ночь. „Надобно жъ, чтобъ это случилось именно тогда, когда я въ отсутствіи!“ — говорилъ онъ. Они усѣлись завтракать у двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Итакъ, судьба снова доставила Печорину случай подслушать Грушницкаго. Эгого послѣдній за тайну открывалъ обществу, что причиною ночной тревоги были не Черкесы, а одинъ человѣкъ, имя котораго онъ долженъ утаить, и который былъ у княжны. „Какова княжна?“ — заключилъ онъ: „а? Ну, ужъ признаюсь, московскія барышни! послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить; только онъ вырвался, и какъ заяцъ бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ“. Замѣтивъ, что ему никто не вѣрилъ, онъ сталъ увѣрять чест-

нымъ словомъ въ справедливости рассказаннаго имъ, и, наконецъ, даже изъяснилъ готовность назвать виновника исторіи.

— Скажи, скажи, кто жъ онъ! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

„Печоринъ“, отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза — я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы уже дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе избавило бы васъ отъ лишней подлости.

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться. Печоринъ, разумѣется, сталъ требовать отъ него, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ. Грушницкій стоялъ передъ нимъ, потупивъ глаза, въ сильномъ волненіи; но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна, тѣмъ болѣе, что драгунскій капитанъ толкнулъ его локтемъ: не подымая глазъ на Печорина, снова подтвердилъ онъ ему истину своего обвиненія. Печоринъ отвелъ капитана и переговорилъ съ нимъ. На крыльцѣ рестораціи мужъ Вѣры схватилъ его за руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ, называлъ его благороднѣйшимъ человѣкомъ, а Грушницкаго — подлецомъ, и изъяснялъ свою радость, что у него нѣтъ дочерей... Бѣдный мужъ!...

Оттуда Печоринъ пошелъ къ Вернеру, рассказалъ ему все и попросилъ въ свои секунданты. Черезъ часъ Вернеръ пришелъ къ нему, уже переговоривши съ драгунскимъ капитаномъ. „Противъ васъ точно есть заговоръ“, сказалъ онъ ему. Пока Вернеръ снималъ въ передней калоши, онъ былъ свидѣтелемъ жаркаго спора капитана съ Грушницкимъ, изъ котораго понялъ, что Грушницкій не соглашался дурачить Печорина, но требовалъ, какъ обиженный, рѣшительной дуэли. Переговоры Вернера съ капитаномъ порѣшились на томъ, чтобы мѣстомъ дуэли было глухое ущелье верстахъ въ пяти отъ Кисловодска, и чтобы стрѣляться на другой день, въ четыре часа утра, въ шести шагахъ, а убитаго — на счетъ Черкесовъ. Затѣмъ Вернеръ сообщилъ свое подозрѣніе, что капитанъ намѣренъ положить пулю только въ пистолетъ Грушницкаго, и спросилъ Печорина, должно ли имъ показать, что они догадались, на что послѣдній рѣшительно не согласился, говоря, что онъ и безъ того разстроитъ ихъ планы.

Вечеромъ къ Печорину приходилъ лакей съ приглашеніемъ отъ княгини, но онъ отказался больнымъ. Всю ночь онъ не спалъ, въ головѣ его пробѣгали мысли за мыслями. Отъ угрозъ Грушницкому, котораго онъ почиталъ вѣрною жертвою своею, онъ перешелъ къ мысли о непостоянствѣ счастья, которое доселѣ неизмѣнно служило ему. „Что жъ“, думалъ онъ: „умереть такъ умереть! потеря для

міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужъ скучно. Я — какъ человѣкъ, зѣвající на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... Прощайте!..“

Затѣмъ онъ обращается на всю жизнь свою и ему невольно приходитъ въ голову вопросъ о цѣли его жизни. „Зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился? А вѣрно она существовала, и вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремлений — лучшій цвѣтъ жизни!..“

Поучительна нѣмая бесѣда съ самимъ собою человѣка, который завтра готовится быть или убитымъ или убителемъ!.. Мысль невольно обращается на себя, и сквозь мглу предразсуждений и умышленныхъ софизмовъ блещетъ лучъ ужасной истины... Но рѣшеніе принято, шагъ сдѣланъ, и возврата нѣтъ: само общество, которое смотритъ на кровавыя сдѣлки какъ на безнравственность, само общество, противорѣча себѣ, запрещаетъ этотъ возвратъ своимъ насмѣшливо-презрительнымъ взглядомъ, своимъ недвижно-остановившимся на жертвѣ перстомъ... Кровавая развязка дѣла доставляетъ ему средства читать себѣ для другихъ нравоученія, произнести ближнему приговоръ и надавать ему позднихъ совѣтовъ; отступленіе лишаетъ его занимательнаго анекдота, прекраснаго случая къ развлеченію на чужой счетъ. Чтò жъ тутъ дѣлать? разумѣется, идти впередъ, а чтобы выиканіе въ себя и въ сущность дѣла не лишило смѣлости, закрыть глаза на истину и обѣими руками ухватиться за первый представившійся софизмъ, котораго ложность самому очевидна... Печоринъ такъ и сдѣлалъ; онъ рѣшилъ, что не стоитъ труда жить, и онъ правъ передъ собою, или, по крайней мѣрѣ, не виноватъ передъ тѣми строгими судьями чужихъ поступковъ, которые сами не участвуютъ въ жизни, но на живущихъ смотрятъ какъ зрители на актеровъ, то аплодируя, то шикая...

Несмотря на тайное безпокойство, мучившее Печорина, онъ не только имѣлъ силы заставить себя взяться за романъ Вальтера Скотта „Шотландскіе Пуритане“, но еще и увлечся волшебнымъ вымысломъ.

Когда разсвѣло, онъ посмотрѣлся въ зеркало: тусклая блѣдность покрывала лицо его, хранившее слѣды мучительной бессонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. „Я, говоритъ онъ, остался доволенъ собою“. Купанье въ нарязнѣ сдѣлало его совершенно свѣжимъ и бодрымъ.

Возвратясь съ купанья, онъ нашелъ у себя Вернера. Они сѣли на лошадей и поѣхали. Тутъ слѣдуетъ мимоходомъ краткое, полное поэзіи описаніе прекраснаго кавказскаго утра.

„Я помню, говоритъ Печоринъ, въ этотъ разъ больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, я любилъ природу; какъ любопытно я всматривался въ каждую росинку, трепещущую на широкомъ листѣ виноградномъ и отражавшую миллионы радужныхъ лучей! Какъ жадно взоръ мой старался проникнуть въ дынную даль! Тамъ путь все становился уже, утесы синѣе и страшнѣе, и наконецъ они, казалось, сходились непроницаемою стѣною“.

Они ѣхали молча.

— Написали вы свое завѣщаніе? — вдругъ спросилъ Вернеръ.

„Нѣтъ“.

— А если будете убиты?

„Наслѣдники отыщутся сами“.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать послѣднее прощаніе?..

Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что-нибудь на память?..

„Хотите ли, докторъ“, отвѣчалъ я ему, „чтобы я раскрылъ вамъ мою душу?... Видите ли: я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умиряють, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочекъ напояженныхъ или непояженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ: нѣмѣ не дѣлають и этого. Друзья, которые завтра меня забудутъ, или, хуже, изведутъ на мой счетъ Богъ знаетъ какія небылицы; женщины, которыя, обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобы не возбудить въ немъ ревности къ усопшему. Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его; первый можетъ быть черезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, а второй... второй...“

Это признаніе обнаруживаетъ всего Печорина. Въ немъ нѣтъ фразъ, и каждое слово искренно. Безсознательно, но вѣрно выговорилъ Печоринъ всего себя. Этотъ человѣкъ не пылкій юноша, который гоняется за впечатлѣніями и всего себя отдаетъ первому изъ нихъ, пока оно не изгладится, и душа не запроситъ покаяна. Нѣтъ, онъ вполне пережилъ юношескій возрастъ, этотъ періодъ романческаго взгляда на жизнь: онъ уже не мечтаетъ умереть за свою возлюбленную, произнося ея имя и завѣщая другу клочокъ волосъ, не принимаетъ слова за дѣло, порывъ чувства, хотя бы самаго возвышеннаго и благороднаго, за дѣйствительное состояніе души человѣка. Онъ много перечувствовалъ, много любилъ и по опыту знаетъ, какъ непродолжительны всѣ чувства, всѣ привязанности; онъ много думалъ о жизни и по опыту знаетъ, какъ не надежны всѣ заключенія и выводы для

тѣхъ, кто прямо и смѣло смотритъ на истину, не тѣшитъ и не обманываетъ себя убѣжденіями, которымъ уже самъ не вѣритъ... Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и новыхъ думъ, сердце требуетъ новой привязанности: *дійствительность*—вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него; но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и, презирая старые, онъ все-таки по нимъ же судитъ о жизни. Отсюда это безвѣріе въ дѣйствительность чувства и мысли, это охлажденіе къ жизни, въ которой ему видится то оптический обманъ, то бессмысленное мельканіе китайскихъ тѣней. Это переходное состояніе духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человѣкъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ-то возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и „хандрою“, и „ипохондриею“, и „мнительностію“, и „сомнѣніемъ“, и другими словами, далеко не выражающими сущности явленія, и что на языкѣ философскомъ называется *рефлексіею*. Мы не будемъ объяснять ни этимологическаго, ни философскаго значенія этого слова, а скажемъ коротко, что въ состояніи рефлексіи человѣкъ распадается на два человѣка, изъ которыхъ одинъ живетъ, а другой наблюдаетъ за нимъ и судитъ о немъ. Тутъ нѣтъ полноты ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣйствіи: какъ только зародится въ человѣкѣ чувство, намѣреніе, дѣйствіе, тотчасъ какой-то скрытый въ немъ самый врагъ уже подсматриваетъ зародышъ, анализируетъ его, изслѣдуетъ, вѣрна ли, истинна ли эта мысль, дѣйствительно ли чувство, законно ли намѣреніе, и какая ихъ цѣль, и къ чему они ведутъ,—и благоуханный цвѣтъ чувства блекнетъ, не распустившись, мысль дробится въ безконечность, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ; рука, подъятая для дѣйствія, какъ внезапно окаменѣлая, останавливается на взмахѣ и не удаляетъ...

Такъ робкимъ всегда творитъ насъ совѣсть,
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнію тусклѣетъ размышленья,
И замысловъ отважныя порывы,
Отъ сеп препоны уклоняя бѣгъ свой,
Имень дѣяній не стяжаютъ...

говоритъ шекспировъ Гамлетъ, этотъ поэтический апотеозъ рефлексіи. Ужасное состояніе! Даже въ объятіяхъ любви, среди блаженнѣйшаго упоенія и полноты жизни возникаетъ этотъ враждебный внутренній голосъ, чтобы заставить человѣка думать

... въ такое время,
Когда не думаетъ никто,

и, вырвавъ изъ его рукъ очаровательный

образъ, замѣнить его отвратительнымъ скелетомъ...

Но это состояніе сколько ужасно, столько же и необходимо. Это одинъ изъ величайшихъ моментовъ духа. Полнота жизни въ чувствѣ, но чувство не есть еще послѣдняя ступень духа, дальше которой онъ не можетъ развиваться. При одномъ чувствѣ человѣкъ есть рабъ собственныхъ ощущеній, какъ животное есть рабъ собственного инстинкта. Достоинство безсмертнаго духа человѣческаго заключается въ его разумности, а послѣдній, высшій актъ разумности, есть — *мысль*. Въ мысли независимость и свобода человѣка отъ собственныхъ страстей и темныхъ ощущеній. Когда человѣкъ поднимаетъ въ гнѣвѣ руку на врага своего—онъ слѣдуетъ чувству, его одушевляющему, но только разумная мысль о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и о своемъ человѣческомъ братствѣ со врагомъ можетъ удержать порывъ гнѣва и обезоружить поднятую для убійства руку. Но переходъ изъ непосредственности въ разумное сознаніе необходимо совершается черезъ рефлексію, болѣе или менѣе болѣзненную, смотря по свойству индивидуума. Если человѣкъ чувствуетъ хоть сколько-нибудь свое родство съ человѣчествомъ и хоть сколько-нибудь сознаетъ себя духомъ въ духѣ,—онъ не можетъ быть чуждъ рефлексіи. Исключенія остаются только или за натурами чисто-практическими, или за людьми мелкими и ничтожными, которые чужды интересовъ духа, и которыхъ жизнь—апатическая дремота. И нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ рефлексіи, почему отъ нея не освобождены ни тѣ мирныя и счастливыя натуры, которыя съ глубокостію соединяютъ тихость и не возмущаемое спокойствіе, ни самыя практическія натуры, если онѣ не лишены глубокости. Отсюда значеніе цѣлой германской литературы: въ основаніи почти cadaго изъ ея произведеній лежитъ нравственный, религіозный или философскій вопросъ. „Фаустъ“ Гёте есть поэтический апотеозъ рефлексіи нашего вѣка. Естественно, что такое состояніе человѣчества нашло свой отзвукъ и у насъ; но оно отразилось въ нашей жизни особеннымъ образомъ, вслѣдствіе неопредѣленности, въ которую поставлено наше общество насильственнымъ выходомъ изъ своей непосредственности, черезъ великую реформу Петра. Дивно-художественная „Сцена Фауста“ Пушкина представляетъ собою высокій образъ рефлексіи, какъ болѣзненныхъ индивидуумовъ нашего общества. Ея характеръ—апатическое охлажденіе къ благамъ жизни, вслѣдствіе невозможности предаваться имъ со всею полнотою. Отсюда: томительная бездѣйственность въ дѣйствіяхъ, отвращеніе ко всякому дѣлу, отсутствіе всякихъ интересовъ въ душѣ, неопредѣленность

желаній и стремленій, безотчетная тоска, болѣзненная мечтательность при избыткѣ внутренней жизни. Это противорѣчіе превосходно выражено авторомъ разбираемаго нами романа въ его чудно-поэтической „Думѣ“, исполненной благороднаго негодованія, могучей жизни и поразительной вѣрности идей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить изъ нея слѣдующіе четыре стиха, въ которыхъ сказано больше, чѣмъ въ двѣнадцати томахъ много „господина-сочинителя“¹⁾:

И невидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови...

Печоринъ есть одинъ изъ тѣхъ, къ кому особенно должно относиться это энергическое воззваніе благороднаго поэта, котораго это самое и заставило назвать героя романа героемъ нашего времени. Отсюда происходитъ и недостатокъ опредѣленности, недостатокъ художественной рельефности въ изображеніи этого лица, но отсюда же выходитъ и его высочайшій поэтический интересъ для всѣхъ, кто принадлежитъ къ *нашему времени* не по одному году и числу мѣсяца, въ которые родился, — и то сильное неотразимо-грустное впечатлѣніе, которое онъ на нихъ производитъ... Но мы еще возвратимся къ этому предмету, когда кончимъ изложеніе содержанія романа.

Подробности свиданія противниковъ на мѣстѣ роковой раздѣлки переданы авторомъ съ ужасающею истиною и поэзіею. Чтобы разстроить безчестныя намѣренія своихъ враговъ, возбудивъ трусость въ Грушницкомъ, Печоринъ предложилъ ему стрѣляться на узенькой площадкѣ отвѣсной скалы, сажень въ тридцать вышины и съ острыми камнями внизу. „Каждый изъ насъ (говоритъ онъ Грушницкому) станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непремѣнно внизъ и разобьется въ дребезги; пулю докторъ вынетъ. И тогда можно будетъ очень-очень легко объяснить эту скоростижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объясняю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться“... Грушницкій былъ поставленъ въ затрудненіе—лицо его ежеми-

нотно мѣнялось. Теперь ему нельзя было отдѣлаться легкою раною, нанесенною противнику, или полученною имъ самимъ. Съ другой стороны, ему пришлось бы или выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцей, или отказаться отъ своего подлаго замысла. Капитанъ отвѣчалъ на вызовъ Печорина: „пожалуй!“ и Грушницкій принужденъ былъ кивнуть головою въ знакъ согласія. Однако онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить съ нимъ съ большимъ жаромъ. Печоринъ видѣлъ, какъ дрожали его посинѣлыя губы, и слышалъ, какъ капитанъ, отвернувшись отъ него съ презрѣніемъ, отвѣчалъ ему довольно громко: „ты дуракъ! ничего не понимаешь!“

Взошли на площадку, изображавшую почти треугольникъ. Условились, чтобы тотъ, которому первому достанется встрѣтить выстрѣлъ, сталъ на углу площадки, спиною къ пропасти; если же онъ не будетъ убитъ, противники должны были помѣняться мѣстами. Бросили жребій — Грушницкому досталось стрѣлять первому. Когда стали на мѣста, Печоринъ сказалъ Грушницкому, что если онъ промахнется, то не долженъ надѣяться промаха съ его стороны. Грушницкій покраснѣлъ: мысль убить человека безоружнаго, казалось, боролась въ немъ со стыдомъ признаться въ подломъ умыслѣ. Докторъ снова сталъ совѣтовать Печорину обнаружить ихъ умыселъ, и самъ было-хотѣлъ это сдѣлать. „Ни за что на свѣтѣ, докторъ!“ отвѣчалъ Печоринъ, удерживая его за руку: „вы все испортите, вы мнѣ дали слово не мѣшать... какое вамъ дѣло! Можетъ быть, и хочу быть убитымъ...“ — О! это другое!... только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь... — отвѣчалъ Вернеръ, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ.

Капитанъ зарядилъ пистолеты и подалъ одинъ Грушницкому, шепнувъ ему что-то, а другой Печорину. Печоринъ выдался впередъ, опершись рукою о колѣно, чтобы въ случаѣ легкой раны не полетѣть въ бездну; Грушницкій, съ блѣднымъ лицомъ, дрожащими колѣнами, сталъ наводить пистолетъ, мѣтя въ лобъ; но тутъ совершилось то, что необходимо должно было совершиться, вслѣдствіе слабости характера Грушницкаго, неспособнаго ни къ положительному добру, ни къ положительному злу: пистолетъ опустился, и блѣдный, какъ смерть, обратившись къ своему секунданту, Грушницкій сказалъ глухимъ голосомъ: „не могу!“ — Трусъ! — отвѣчалъ капитанъ, — выстрѣлъ раздался, пуля легко оцарапала колѣно Печорина, который невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ края. — Какая вѣрная черта человѣческой натуры, въ которой ни порывы самолюбія, ни жизненная сила воли не могутъ заглушить инстинкта самосохраненія!..

¹⁾ Несомнѣнный намекъ на Марлинскаго, о которомъ Бѣлинскій говорилъ въ одной полемической замѣткѣ 1840 года: „Марлинскій написалъ двѣнадцать небольшихъ, но плотно сбитыхъ книжекъ; его творенія перешли уже въ руки тѣхъ читателей, которые поэтовъ называютъ *господами-сочинителями*“.

Теперь настала очередь Печорина. Капитанъ сыгралъ сцену прощанія съ Грушницкимъ, едва удерживаясь отъ смѣха. Можно себя представить, какія чувства волновали Печорина при видѣ соперника, который теперь съ спокойною дерзостію смотрѣлъ на него и, кажется, удерживалъ улыбку, а за минуту хотѣлъ убить его какъ собаку... Какъ бы для очистки своей совѣсти, онъ предложилъ ему попросить у него прощенія, но услышавъ гордый отказъ, произнесъ слѣдующія слова съ разстановкою, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ: „Докторъ, эти господа, вѣроятно второпяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова,—и хорошенько! „Капитанъ старался казаться обиженнымъ, и утверждалъ, что это неправда; но Печоринъ заставилъ его замолчать, сказавъ, что если это такъ, то онъ и съ нимъ будетъ стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ. Грушницкій подалъ рѣшительный голосъ въ пользу перезарядженія пистолета. „Дуракъ же ты, братецъ!...—сказалъ капитанъ, плюнувъ и топнувъ ногою: „пошли дуракъ!.. Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... подѣломъ же тебѣ! околѣвай себя, какъ муха!..“ Печоринъ снова предложилъ Грушницкому признаться въ своей клеветѣ, обѣщаясь этимъ и кончить дѣло, и даже напомнивъ ему о ихъ прежней дружбѣ. Здѣсь предстоялъ автору прекрасный случай изобразить трогательную сцену примиренія враговъ и обращенія на путь истины заблудшаго человѣка, и тѣмъ премного утѣшить моралистовъ и любителей пряничныхъ эффектовъ; но глубоко-художническій инстинктъ истины, безсознательно открывающій поэтусамыя сокровенныя тайныства человѣческой природы, заставилъ его написать сцену совсѣмъ въ другомъ родѣ, сцену, которая поражается своею ужасною безпощадною истинностію и своею потрясающею эффектностію, при высочайшей простотѣ и естественности... Лицо Грушницкаго вспыхнуло, глаза засверкали. „Стрѣляйте!“ отвѣчалъ онъ: „я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...“

Да, это геніальная черта, смѣлый и мощный взмахъ художнической кисти!.. Не забудьте, что у Грушницкаго нѣтъ только характера, но что ватура его не чужда была нѣкоторыхъ добрыхъ сторонъ: онъ не способенъ былъ ни къ дѣйствительному добру, ни къ дѣйствительному злу; но торжественное, трагическое положеніе, въ которомъ самолюбіе его играло бы напропалую, необходимо должно было возбудить въ немъ мгновенный и смѣлый порывъ страсти. Самолюбіе увѣрило его въ небывалой любви къ княжнѣ

и въ любви княжны къ нему; самолюбіе заставило его видѣть въ Печоринѣ своего соперника и врага; самолюбіе рѣшило его на заговоръ противъ чести Печорина; самолюбіе не допустило его послушаться голоса своей совѣсти и увлечься своимъ добрымъ началомъ, чтобы признаться въ заговорѣ; самолюбіе заставило его выстрѣлить въ безоружнаго человѣка; то же самое самолюбіе и сосредоточило всю силу его души въ такую рѣшительную минуту и заставило предпочесть вѣрную смерть вѣрному спасенію черезъ признаніе. Этотъ человѣкъ—аптеозъ мелочного самолюбія и слабости характера: отсюда всѣ его поступки,—и, несмотря на кажущуюся силу его послѣдняго поступка, онъ вышелъ прямо изъ слабости его характера. Самолюбіе—великій рычагъ въ душѣ человѣка; оно рождаетъ чудеса! Бываютъ на свѣтѣ люди, которые, не блѣднѣя, какъ передъ чашкою чая, стоятъ передъ дуломъ своего противника, и которые прячутся подъ фуры во время сраженія...

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, Печоринъ замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго, — и невольно закрылъ глаза. Возвращаясь въ Кисловодскъ, онъ опустилъ поводья и далъ волю копы. Солнце уже садилось, когда, измученный на измученной лошади, пріѣхалъ онъ домой. Тамъ засталъ онъ двѣ записки—одну отъ доктора, другую отъ Вѣры.

Докторъ увѣдомлялъ его, что тѣло уже перевезено, но что, благодаря ихъ мѣрамъ, заранѣе взятымъ, подозрѣній нѣтъ никакихъ, и что онъ можетъ спать спокойно... если можетъ...

Долго не рѣшался онъ открыть вторую записку; тяжелое предчувствіе мучило его—и оно не обмануло его.

Письмо Вѣры начинается прощаніемъ навсегда. Мужъ рассказалъ ей о ссорѣ Печорина съ Грушницкимъ,—и это такъ поразило и взволновало ее, что она не помнила, что отвѣчала ему, и только догадывалась, что то было признаніе въ своей тайной любви, потому что мужъ оскорбилъ ее ужаснымъ словомъ, и вышелъ изъ комнаты, велѣлъ закладывать карету. Мысль о вѣчной разлукѣ увлекла ее къ объясненію своихъ отношеній къ Печорину,—и вотъ примѣчательнѣйшее мѣсто письма:

«Мы расстаемся навѣки; однакожь ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобы ты былъ лучше ихъ, о, нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая, никто не умѣетъ

такъ постоянно хотѣтъ быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно, ни чей взоръ не общается столько блаженства; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрять себя въ противномъ“.

Письмо заключается изъясненіемъ сомнительной увѣренности, что онъ не любитъ Мери и не женится на ней. „Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свѣтѣ...“

Велѣвъ осѣдлать измученнаго коня, какъ безумный, помчался Печоринъ въ Пятигорскъ. При возможности потерять Вѣру, она стала для него дороже всего на свѣтѣ — жизни, чести, счастія! Натискъ судьбы взволновалъ могучую натуру, изнемогавшую въ спокойствіи и мирѣ, и возбудилъ ея дремавшее чувство... Здѣсь невольно приходятъ на умъ эти стихи Пушкина:

О, люди! все похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Вась безпрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подвѣшай,
А безъ того вамъ рай не въ рай.

Стремглавъ скача и погоняя безпощадно, онъ сталъ замѣчать, что конь его тяжело дышетъ и спотыкается. Оставалось пять верстъ до Ессентуковъ, казачьей станицы, гдѣ бы могъ онъ пересѣсть на другую лошадь. Еще бы только десять минутъ, но конь рухнулся и издохъ... Печоринъ хотѣлъ идти пѣшкомъ, но изнуренный тревогами дня и бессонницею, онъ упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ... Напряженная гордость, холодная твердость — плодъ сухого отчаянія, софизмы свѣтской философіи — все исчезло и умолкло; уже не стало человѣка, волнующаго страстями, потрясимаго борьбою внутреннихъ противорѣчій — передъ вами бѣдное, безсильное дитя, слезами омывающее грѣхи свои, чуждое, на эту минуту, ложнаго стыда, и нежалующееся ни на судьбу, ни на людей, ни на самого себя...

„И долго лежалъ я неподвижно, и плакалъ горько, не стараясь удержать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли какъ дымъ; душа обезсилѣла, рассудокъ замолкъ; и если бы въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся“.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили его горящую голову, онъ разсудилъ, что горькій прощальный поцѣлуй немного бы прибавилъ къ его воспоминаніямъ, а разлука послѣ него была бы тяжелѣе, — и возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бро-

силъ въ постель и проспалъ мертвымъ сномъ до вечера.

Тутъ пришелъ къ нему Вернеръ и извѣстилъ его, что княжна Лиговская больна разслабленіемъ нервъ, что начальство догадывается объ истинныхъ причинахъ смерти Грушницкаго, и что ему должно взять свои мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день утромъ онъ получилъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N, гдѣ судьба и свела его съ Максимомъ Максимычемъ.

Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ княгинѣ Лиговской проститься. Она встрѣтила его, какъ человѣка, навѣрное явившагося къ ней, какъ къ матери, съ предложеніемъ на счетъ руки дочери. Тутъ слѣдуетъ превосходная комическая сцена, гдѣ княгиня, намекая Печорину, что ей извѣстны его отношенія къ Мери, даетъ ему знать, что не будетъ противиться ихъ соединенію, и охотно прощаетъ ему странность его поведенія въ отношеніи къ ея дочери. Нѣсколько разъ прервала она свой большой монологъ пыхтѣніемъ и вздохами, а наконецъ заплакала. Печоринъ попросилъ у нея позволенія наединѣ переговорить съ ея дочерью, на что княгиня принуждена была согласиться.

„Прошло пять минутъ: сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, старанія мои были напрасны.“

Вотъ дверь отворилась, и вошла она. Боже! какъ переѣжилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ея, — а давно ли?

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подаль ей руку и довелъ ее до креселъ.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большіе глаза, наполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду, ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться; ея нѣжныя руки, сложенные на коленяхъ, были такъ хилы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ея.

— Княжна, сказалъ я, вы знаете, что я надъ вами смѣялся!.. Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ: слѣдственно, вы меня любить не можете.

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

„Боже мой“ произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще минута, и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— Итакъ, вы сами видите, сказалъ я сколько могъ твердымъ голосомъ и съ принужденной усмѣшкою: вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Если бы вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись; мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ легко ее разувѣрить. Вы видите, я играю въ ваши глаза самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь;

вотъ все, что могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я передъ вами низокъ?.. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?..

Она обернулась ко мнѣ блѣдная, какъ мраморъ, только глаза ея чудно сверкали.

„Я васъ ненавижу...“ сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ“.

Нужно ли что-нибудь говорить объ этой сценѣ, гдѣ блѣдная Мери является въ такомъ безконечно поэтическомъ апотеозѣ страданія отъ обманутаго чувства и оскорбленнаго самолюбія и достоинства женщины, и гдѣ каждое ея движеніе, каждый звукъ ея голоса запечатлѣны такою неотразимою прелестью и истинною, а положеніе такъ трогательно и возбуждаетъ такое сильное и горестное участіе?.. Нѣтъ, кому эта сцена не скажетъ всего, тому наши слова ничего не пояснятъ...

Черезъ часъ скакалъ онъ на тройкѣ курьерскихъ изъ Кисловодска, и на дорогѣ увидѣлъ своего коня: сѣдло было снято и, вмѣсто него, два ворона сидѣли у него на спинѣ... Онъ вздохнулъ и отвернулся...

„И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслію прошедшее, спрашиваю себя, отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?.. Нѣтъ, я бы не ужился съ этою долею! Я какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьей брига: его душа слилась съ бурями и битвами, и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани...“

Такою лирическою выходкою, полною безконечной поэзіи и обнаруживающею всю глубину и мощь этого человѣка, замыкается журналъ Печорина. Теперь это таинственное лицо, такъ сильно волновавшее наше любопытство и въ исторіи Бѣлы, и при свиданіи съ Максимомъ Максимычемъ, и въ разсказѣ о собственномъ приключеніи въ Тамани,—теперь оно все передъ нами, во весь ростъ свой. Черезъ него самого познакомились мы со всѣми изгибами его сердца, со всѣми событіями его жизни, и теперь уже самъ онъ ничего новаго не въ состояніи сказать намъ о самомъ себѣ. Но между тѣмъ, прочтя „Княжну Мери“, мы все еще не разстались съ нимъ, и еще разъ встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ рассказчикомъ необыкновеннаго случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Мы не будемъ ни подробно излагать содержанія

этого разсказа, ни дѣлать изъ него выписокъ. Въ обществѣ офицеровъ зашелъ споръ о восточномъ фатализмѣ, и молодой офицеръ Вуличъ предложилъ пари противъ предопредѣленія, схватилъ со стѣны первый попавшійся ему изъ множества висѣвшихъ на стѣнѣ пистолетовъ, насыпалъ на полку пороха, приставилъ пистолетъ ко лбу, спустил курокъ—осѣчка!.. Захотѣли узнать, точно ли пистолетъ былъ заряженъ, выстрѣлили въ фуражку,—и когда дымъ разсѣлся, всѣ увидѣли, что фуражка была прострѣлена. Еще до выстрѣла Печорину въ лицѣ и голосѣ Вулича показалось что-то такое странное и таинственное, что онъ невольно убѣдился въ близкой смерти этого человѣка, и предрекъ ему смерть. Въ самомъ дѣлѣ, выходя изъ общества, Вуличъ былъ убитъ на улицѣ станицы пьянымъ казакомъ... Да здравствуетъ фатализмъ!.. Все, что мы пересказали въ нѣсколькихъ строкахъ, составляетъ въ романѣ порядочный отрывокъ съ превосходно изложенными подробностями, увлекательный по разсказу. Особенно хорошо обрисованъ характеръ героя—такъ и видите его передъ собою, тѣмъ болѣе, что онъ очень похожъ на Печорина. Самъ Печоринъ является тутъ дѣйствующимъ лицомъ, и едва-ли еще не болѣе на первомъ планѣ, чѣмъ самъ герой разсказа. Свойство его участія въ ходѣ повѣсти, равно какъ и его отчаянная, фаталистическая смѣлость при взятіи взбѣсившагося казака, если не прибавляютъ ничего новаго къ даннымъ о его характерѣ, то все-таки добавляютъ уже извѣстное намъ, и тѣмъ самымъ усугубляютъ единство мрачнаго и терзающаго душу впечатлѣнія цѣлаго романа, который есть біографія одного лица.—Это усиленіе впечатлѣнія особенно заключается въ основной идеѣ разсказа, которая есть—фатализмъ, вѣра въ предопредѣленіе, одно изъ самыхъ мрачныхъ заблужденій человѣческаго разсудка, которое лишаетъ человѣка нравственной свободы, изъ слѣпотаго случая дѣлая необходимость. Предразсудокъ—явно выходящій изъ положенія Печорина, который не знаетъ, чему вѣрить, на чемъ опереться, и съ особеннымъ увлеченіемъ хватается за самыя мрачныя убѣжденія, лишь бы только давали они поэзію его отчаянію и оправдывали его въ собственныхъ глазахъ.

Что же за человѣкъ этотъ Печоринъ?—Здѣсь мы должны обратиться къ „Предисловію“, написанному авторомъ романа къ журналу Печорина.

„Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня предать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому; но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ; слѣдовательно не могу питать къ

нему той непонятливой ненависти, которая, таясь подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобъ разразиться надъ его головою громомъ упрековъ, совѣтовъ, насмѣшекъ и сожалѣній“.

Несмотря на всю софистическую ложность этой горькой выходки, самая ея желчность свидѣтельствуется уже, что въ ней есть своя истинная сторона. Въ самомъ дѣлѣ, и дружба, подобно любви, есть роза съ роскошнымъ цвѣтомъ, упоительнымъ ароматомъ, но и съ колючими шипами. Каждая индивидуальность какъ бы по природѣ своей враждебна другой, и силится пересоздать ее по своему, и въ самомъ дѣлѣ, когда сходятся двѣ субъективности, онѣ, такъ сказать, чрезъ взаимное треніе другъ о друга сглаживаются и измѣняются, заимствуя одна отъ другой то, чего имъ не достаетъ. Отсюда это взаимное цензорство въ дружбѣ, эта страсть раздражаться надъ головою друга градомъ упрековъ, насмѣшекъ и сожалѣній. Самолюбіе тутъ играетъ свою роль, но если дружба основана не на дѣтской привязанности, или какой-нибудь внѣшней связи,—истинная привязанность, внутреннее человѣческое чувство всегда играетъ тутъ свою роль. Авторъ видитъ въ дружбѣ одни шипы,—и его ошибка не въ ложности, а въ односторонности взгляда. Онъ видимо находится въ томъ состояніи духа, когда въ нашемъ разумѣніи всякая мысль распадается на свои же собственные моменты, до тѣхъ поръ, пока духъ нашъ не созрѣетъ для великаго процесса разумнаго примиренія противоположностей въ одномъ и томъ же предметѣ. Вообще, хотя авторъ и выдаетъ себя за человѣка, совершенно чуждаго Печорину, но онъ сильно симпатизируетъ съ нимъ, и въ ихъ взглядѣ на вещи—удивительное сходство. Слѣдующее мѣсто изъ „Предисловія“ еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль:

„Можетъ быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ—заглавіе этой книги.—„Да это злая проія!...“—скажутъ они.—Не знаю“.

Итакъ, „Герой нашего времени“ — вотъ основная мысль романа. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого весь романъ можетъ почтяться злою ироніею, потому что большая часть читателей навѣрное воскликнетъ: „Хорошъ же герой!“—А чѣмъ же онъ дурень?—смѣемъ васъ спросить.

Зачѣмъ же такъ неблагоклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то-ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пыленъ душъ неосторожность,
Себялюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ.

Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глухость вѣтрена и зла.
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не страшна?

Вы говорите противъ него, что въ немъ нѣтъ вѣры. Прекрасно! но вѣдь это то же самое, что обвинять нищаго за то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и радъ имѣть его, да не дается оно ему. И притомъ, развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрію? развѣ онъ гордится имъ? развѣ онъ не страдалъ отъ него? развѣ онъ не готовъ цѣною жизни и счастья купить эту вѣру, для которой еще не настала часть его?.. Вы говорите, что онъ эгоистъ?—Но развѣ онъ не презираетъ и не ненавидитъ себя за это? развѣ сердце его не жаждетъ любви чистой и безкорыстной?.. Нѣтъ, это не эгоизмъ: эгоизмъ не страдаетъ, не обвиняетъ себя, но доволенъ собою, радъ себѣ. Эгоизмъ знаетъ мученія: страданіе есть удѣлъ одной любви. Душа Печорина не каменистая почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля: пусть взрыхлеть ее страданіе и ороситъ благодатный дождь, — и она произраститъ изъ себя пышные, роскошные цвѣты небесной любви... Этому человѣку стало больно и грустно, что его всѣ не любятъ,—и кто же эти „всѣ“?—пустые, ничтожные люди, которые не могутъ простить ему его превосходства надъ ними. А его готовность задушить въ себѣ ложный стыдъ, голосъ свѣтской чести и оскорбленнаго самолюбія, когда онъ за признаніе въ клеветѣ готовъ былъ простить Грушницкому, человѣку сейчасъ только выстрѣлившему въ него пулюю, и безстыдно ожидавшему отъ него холостого выстрѣла? А его слезы и рыданія въ пустынной степи, у тѣла издохшаго коня? — нѣтъ все это не эгоизмъ! Но его—скажете вы—холодная расчетливость, систематическая разсчитанность, съ которою онъ обольщаетъ бѣдную дѣвушку, не любя ея, и только для того, чтобы посмѣяться надъ нею и чѣмъ-нибудь занять свою праздность?—Такъ, но мы и не думаемъ оправдывать его въ такихъ поступкахъ, ни выставлать его образцомъ и высокимъ идеаломъ „чистѣйшей нравственности“: мы только хотимъ сказать, что въ человѣкѣ должно видѣть человѣка, и что идеалы нравственности существуютъ въ однѣхъ классическихъ трагедіяхъ и морально сантиментальныхъ романахъ прошлаго вѣка. Судя о человѣкѣ, должно брать въ разсмотрѣніе обстоятельства его развитія и сферу жизни, въ которую онъ поставленъ судьбою. Въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатою натурою. Его во многихъ отношеніяхъ дурное настоящее обѣщаетъ прекрас-

ное будущее. Вы восхищаетесь быстрымъ движеніемъ парохода, видите въ немъ великое торжество духа надъ природою — и хотите потомъ отрицать въ немъ всякое достоинство, когда онъ сокрушаетъ, какъ зерно жерновъ, неосторожныхъ, попавшихъ подъ его колеса: не значитъ ли это противорѣчить самимъ себѣ? опасность отъ парохода есть результатъ его чрезвычайной быстроты; слѣдовательно, порокъ его выходитъ изъ его достоинства. Бываютъ люди, которые отвратительны при всей безукоризненности своего поведенія, потому что она въ нихъ есть слѣдствіе безжизненности и слабости духа. Порокъ возмутителенъ и въ великихъ людяхъ; но наказанный, онъ приводитъ въ умиленіе вашу душу. Это наказаніе только тогда есть торжество нравственного духа, когда оно является не извинѣ, но есть результатъ самого порока, отрицаніе собственной личности индивидуума въ оправданіе вѣчныхъ законовъ оскорбленной нравственности. Авторъ разбираемаго нами романа, описывая наружность Печорина, когда онъ съ нимъ встрѣтился на большой дорогѣ, вотъ что говоритъ о его глазахъ: „Они не смѣялись, когда онъ смѣялся... Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей? Это признакъ—или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса, и могъ казаться дерзкимъ, если бъ не былъ столь равнодушно спокоенъ“.—Согласитесь, что какъ эти глаза, такъ и вся сцена свиданія Печорина съ Максимомъ Максимычемъ показываютъ, что если это порокъ, то совсѣмъ не торжествующій, и надо быть рожденнымъ для добра, чтобъ такъ жестоко быть наказану за зло!.. Торжество нравственного духа гораздо поразительнѣе совершается надъ благородными натурами, чѣмъ надъ злодѣями...

А между тѣмъ, этотъ романъ совсѣмъ не злая иронія, хотя и очень легко можетъ быть принятъ за иронію; это одинъ изъ тѣхъ романовъ,

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтательною преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

„Хорошъ же современный человѣкъ!“ вос-

кликнулъ одинъ правоописательный „сочинитель“, разбирая, или, лучше сказать, ругая седьмую главу „Евгенія Онегина“¹⁾. Здѣсь мы почитаемъ кстати замѣтить, что всякій современный человѣкъ, въ смыслѣ представителя своего вѣка, какъ бы онъ ни былъ дуренъ, не можетъ быть дуренъ, потому что нѣтъ дурныхъ вѣковъ, и чи одинъ вѣкъ не хуже и не лучше другого, потому что онъ есть необходимый моментъ въ развитіи человѣчества или общества.

Пушкинъ спрашивалъ самого себя о своемъ Онегинѣ:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
Кто жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ,—
Ужъ не пародія ли онъ?

И этимъ самымъ вопросомъ, онъ *разрѣшилъ загадку и нашелъ слово*. Онегинъ не *подражаніе*, а *отраженіе*, но сдѣлавшееся не въ фантазіи поэта, а въ современномъ обществѣ, которое онъ изображалъ въ лицѣ героя своего поэтического романа. Сближеніе съ Европою должно было особеннымъ образомъ отразиться въ нашемъ обществѣ, — и Пушкинъ гениальнымъ инстинктомъ великаго художника уловилъ это отраженіе въ лицѣ Онегина. Но Онегинъ для насъ уже прошедшее, и прошедшее невозвратно. Если бы онъ явился въ наше время, вы имѣли право спросить, вмѣстѣ съ поэтомъ:

Все тотъ же-ль онъ, иль усмирися?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представить онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится?—Мелмотомъ,
Космополитомъ, патриотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрымъ малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?

Печоринъ Лермонтова есть лучшій отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Это Онегинъ нашего времени, *герой нашего времени*. Несходство ихъ между собою гораздо меньше разстоянія между Онегию и Печорою. Иногда въ самомъ имени, которое истинный поэтъ даетъ своему герою, есть разумная необходимость, хотя, можетъ быть, и невидимая самимъ поэтомъ...

Со стороны художественнаго выполненія нечего и сравнивать Онегина съ Печоринымъ. Но какъ выше Онегинъ Печорина въ

¹⁾ Разумѣется, рѣчь идетъ о Булгаринѣ, который, выписавъ къ своей „критикѣ“ эти стихи, замѣтилъ: „стихи эти весьма замѣчательны. Правду сказать, что это весьма жалкое понятіе о современномъ человѣкѣ — но что дѣлать? Покоримся судьбѣ!“ („Свѣд. Пчела“, 1830 г., № 35).

художественномъ отношеніи, такъ Печоринъ выше Онѣгина по идеѣ. Впрочемъ, это преимущество принадлежитъ нашему времени, а не Лермонтову. Что такое Онѣгинъ? — Лучшею характеристикой и истолкованіемъ этого лица можетъ служить французскій эпиграфъ къ поэмѣ: „Petri de vanité il avait encore plus de cette espece d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire“. Мы думаемъ, что это превосходство въ Онѣгинѣ нисколько не было воображаемымъ, потому что онъ „вчужѣ чувства уважалъ“ и что въ „его сердцѣ была и гордость, и прямая честь“. Онъ является въ романѣ человѣкомъ, котораго убили воспитаніе и свѣтская жизнь, которому все приглядѣлось, все пріѣлось, все прилюбилось, и котораго вся жизнь состояла въ томъ,

Что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

Не таковъ Печоринъ. Этотъ человѣкъ не равнодушно, не апатически несетъ свое страданіе: бѣшено гоняется онъ за жизнью, ища ея повсюду; горько обвиняетъ онъ себя въ своихъ заблужденіяхъ. Въ немъ неумолчно раздаются внутренніе вопросы, тревожатъ его, мучатъ, и онъ въ рефлексіи ищетъ ихъ разрѣшенія: подсматриваетъ каждое движеніе своего сердца, разсматриваетъ каждую мысль свою. Онъ сдѣлалъ изъ себя самый любопытный предметъ своихъ наблюденій, и, стараясь быть какъ можно искреннѣе въ своей исповѣди, не только откровенно признается въ своихъ истинныхъ недостаткахъ, но еще и выдумываетъ небывалые, или ложно истолковываетъ самыя естественныя свои движенія. Какъ въ характеристикѣ современнаго человѣка, сдѣланной Пушкинымъ, выражается весь Онѣгинъ, такъ Печоринъ весь въ этихъ стихахъ Лермонтова:

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно.
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви.
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ

тайный,

Когда огонь кипитъ въ крови.

„Герой нашего времени“ — это грустная дума о нашемъ времени, какъ и та, которую такъ благородно, такъ энергически возобновилъ поэтъ свое поэтическое поприще, и изъ которой мы взяли эти четыре стиха...

Но со стороны формы изображеніе Печорина не совсѣмъ художественно. Однако причина этого не въ недостаткѣ таланта автора, а въ томъ, что изображаемый имъ характеръ, какъ мы уже слегка и намекнули, такъ близокъ къ нему, что онъ не въ силахъ былъ отдѣлится отъ него и объектировать его. Мы убѣждены, что никто не можетъ видѣть въ словахъ нашихъ желаніе выставить ро-

манъ г. Лермонтова автобіографіею. Субъективное изображеніе лица не есть автобіографія: Шиллеръ не былъ разбойникомъ, хотя въ *Карлѣ Моорѣ* и выразилъ свой идеалъ человѣка. Прекрасно выразился Фарнгагенъ, сказавъ, что на Онѣгина и Ленскаго можно бы смотрѣть, какъ на братьевъ Вульта и Вальта у Жанъ-Поля Рихтера, т.-е. какъ на разложеніе самой природы поэта, и что онъ, можетъ быть, воплотилъ двойство своего внутреннего существа въ этихъ двухъ живыхъ созданіяхъ. Мысль вѣрная, а между тѣмъ было бы очень нелѣпо искать сходныхъ чертъ въ жизни этихъ лицъ съ жизнью самого поэта.

Вотъ причина неопредѣленности Печорина и тѣхъ противорѣчій, которыми такъ часто опутывается изображеніе этого характера. Чтобы изобразить вѣрно данный характеръ, надо совершенно отдѣлится отъ него, стать выше его, смотрѣть на него какъ на нѣчто оконченное. Но этого, повторяемъ, невидно въ созданіи Печорина. Онъ скрывается отъ насъ такимъ же неполнымъ и неразгаданнымъ существомъ, какъ и является намъ въ началѣ романа. Оттого и самый романъ, поражая удивительнымъ единствомъ *ощущенія*, нисколько не поражаетъ единствомъ *мысли*, и оставляетъ насъ безъ всякой перспективы, которая невольно возникаетъ въ фантазіи читателя по прочтеніи художественнаго произведенія, и въ которую невольно погружается очарованный взоръ его. Въ этомъ романѣ удивительная замкнутость созданія, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданію чрезъ единство поэтической идеи, а происходящая отъ единства поэтическаго ощущенія, которымъ онъ такъ глубоко поражаетъ душу читателя. Въ немъ есть что-то неразгаданное, какъ бы недоговоренное, какъ въ „Вертерѣ“ Гёте, и потому есть что-то тяжелое въ его впечатлѣніи. Но этотъ недостатокъ есть въ то же время и достоинство романа г. Лермонтова: таковы бывають всѣ современные общественные вопросы, высказываемые въ поэтическихъ произведеніяхъ: это вопль страданія, но вопль, который облегчаетъ страданіе... ¹⁾.

Это же единство ощущенія, а не идеи, связываетъ и весь романъ. Въ „Онѣгинѣ“ всѣ части органически сочленены, ибо въ избранной рамкѣ романа своего Пушкинъ исчерпалъ всю свою идею, и потому въ немъ ни одной части нельзя ни измѣнить, ни замѣнить. „Герой нашего времени“ представляетъ собою нѣсколько рамокъ, вложенныхъ въ одну большую раму, которая состоитъ въ названіи романа и единствѣ героя. Части этого романа расположены сообразно съ вну-

¹⁾ По поводу этой мысли см. ниже нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 24.

требую необходимості; но какъ онѣ суть только отдѣльные случаи изъ жизни хотя и одного и того же человѣка, то и могли бы быть замѣнены другими, ибо вмѣсто приключенія въ крѣпости съ Бѣлою, или въ Тамани, могли бы быть подобныя же и въ другихъ мѣстахъ, и съ другими лицами, хотя при одномъ и томъ же героѣ. Но тѣмъ не менѣе, основная мысль автора даетъ имъ единство, и общность ихъ впечатлѣнія поразительна, не говоря уже о томъ, что „Бѣла“, „Максимъ Максимычъ“ и „Тамань“, отдѣльно взятыя, суть въ высшей степени художественныя произведенія. И какія типическія, какія дивно-художественныя лица—Бѣлы, Азамата, Казбича, Максима Максимыча, дѣвушки въ Тамани! Какія поэтическія подробности, какой на всемъ поэтической колоритъ!

Но „Княжна Мери“, и какъ отдѣльно взятая повѣсть, менѣе всѣхъ другихъ художественна. Изъ лицъ, одинъ Грушницкій есть истинно-художественное созданіе. Драгунскій капитанъ безподобенъ, хотя и является въ тѣни, какъ лицо меньшей важности. Но всѣхъ слабѣе обрисованы лица женскія, потому что на нихъ-то особенно отразилась субъективность взгляда автора. Лицо Вѣры особенно неуловимо и неопредѣленно. Это скорѣе сатира на женщину, чѣмъ женщина. Только что начинаете вы ею заинтересовываться и очаровываться, какъ авторъ тотчасъ же и разрушаетъ ваше участіе и очарованіе какою-нибудь совершенно произвольною выходкою. Отношенія ея къ Печорину похожи на загадку. То она кажется вамъ женщиною глубокою, способною къ безграничной любви и преданности, къ геройскому самоотверженію; то видите въ ней одну слабость, и больше ничего. Особенно ощутителенъ въ ней недостатокъ женственной гордости и чувства своего женственного достоинства, которыя не мѣшаютъ женщинѣ любить горячо и беззаветно, но которыя едва-ли когда допустятъ истинно-глубокую женщину сносить тиранство любви. Она любитъ Печорина, а въ другой разъ выходитъ замужъ, и еще за старика, слѣдовательно, по расчету, по какому бы то ни было; измѣнивъ для Печорина одному мужу, измѣняетъ и другому, и скорѣе по слабости, чѣмъ по увлеченію чувства. Она обожаетъ въ Печоринѣ его высшую природу, и въ ея обожаніи есть что-то рабское. Вслѣдствіе всего этого она не возбуждаетъ къ себѣ сильнаго участія со стороны автора и, подобно тѣни, проскальзываетъ въ его воображеніи. Княжна Мери изображена удачнѣе. Это дѣвушка неглупая, но и не пустая. Ея направленіе нѣсколько идеально, въ дѣтскомъ смыслѣ этого слова: ей мало любить человѣка, къ которому влекло бы ее чувство, непременно надо, чтобы онъ былъ несчастенъ и

ходилъ въ толстой и сѣрой солдатской шинели. Печорину очень легко было обольстить ее: стоило только казаться непонятнымъ и таинственнымъ, и быть дерзкимъ. Въ ея направленіи есть нѣчто общее съ Грушницкимъ, хотя она и несравненно выше его. Она допустила обмануть себя; но когда увидѣла себя обманутою, она, какъ женщина, глубоко почувствовала свое оскорбленіе и пала его жертвою, безответною, безмолвно-страдающею, но безъ униженія,—и сцена ея послѣдняго свиданія съ Печоринымъ возбуждаетъ къ ней сильное участіе и обливаетъ ея образъ блескомъ поэзіи. Но несмотря на это, и въ ней есть что-то какъ будто бы недосказанное, чему опять причиною то, что ея тяжбу съ Печоринымъ судило не третье лицо, какимъ бы долженъ былъ явиться авторъ.

Однако, при всемъ этомъ недостаткѣ художественности вся повѣсть насквозь проникнута поэзіею, исполнена высочайшаго интереса. Каждое слово въ ней такъ глубоко-знаменательно, самые парадоксы такъ поучительны, каждое положеніе такъ интересно, такъ живо обрисовано! Слогъ повѣсти—то блескъ молніи, то ударъ меча, то рассыпающийся по бархату жемчугъ! Основная идея такъ близка сердцу всякаго, кто мыслитъ и чувствуетъ, что всякій изъ *такихъ*, какъ бы ни противоположно было его положеніе положеніямъ, въ ней представленнымъ, увидитъ въ ней исповѣдь собственного сердца.

Въ „Предисловіи“ къ журналу Печорина авторъ, между прочимъ, говоритъ:

„Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ рассказываетъ всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на судъ свѣта, но теперь я не могу взять на себя эту отвѣтственность“.

Благодаримъ автора за пріятное обѣщаніе, но сомнѣваемся, чтобы онъ его выполнилъ: мы крѣпко убѣждены, что онъ навсегда разстался съ своимъ Печоринымъ. Въ этомъ убѣжденіи утверждаетъ насъ признаніе Гёте, который говоритъ въ своихъ запискахъ, что, написавъ „Вертера“, бывшего плодомъ тяжелаго состоянія его духа, онъ освободился отъ него, и былъ такъ далекъ отъ героя своего романа, что ему смѣшно было видѣть, какъ сходила отъ него съ ума пылкая молодежь... Такова благородная природа поэта, собственною силою своею вырывается онъ изъ всякаго момента ограниченности и летитъ къ новымъ, живымъ явленіямъ міра, въ полное славы творенье... Объектируя собственное страданіе, онъ освобождается отъ него; переводя на поэтическіе звуки диссонансы духа своего, онъ снова входитъ въ родную ему сферу вѣчной гармоніи... Если же г. Лермонтовъ и выполнитъ свое обѣщаніе, то мы увѣрены,

что онъ представить уже не стараго и знакомаго намъ, о которомъ онъ уже все сказалъ, а совершенно новаго Печорина, о которомъ еще можно много сказать. Можетъ быть, онъ покажетъ его намъ исправившимся, признавшимъ законы нравственности, но вѣрно ужъ не въ утѣшеніе, а въ пущее огорченіе моралистовъ: можетъ быть, онъ заставитъ его признать разумность и блаженство жизни, но для того, чтобы увѣриться, что это не для него, что онъ много утратилъ силъ въ ужасной борьбѣ, ожесточился въ ней, и не можетъ сдѣлать эту разумность и блаженство своимъ достояніемъ... А можетъ быть и то: онъ сдѣлаетъ его и причастникомъ радостей жизни,

торжествующимъ побѣдителемъ надъ злымъ гениемъ жизни... Но то или другое, а во всякомъ случаѣ искупленіе будетъ совершенно черезъ одну изъ тѣхъ женщинъ, существованію которыхъ Печоринъ такъ упрямо не хотѣлъ вѣрить, основываясь не на своемъ внутреннемъ созерцаніи, а на бѣдныхъ опытахъ своей жизни... Такъ сдѣлалъ и Пушкинъ съ своимъ Онѣгинымъ: отвергнутая имъ женщина воскресила его изъ смертнаго усыпленія для прекрасной жизни, но не для того, чтобы дать ему счастье, а для того, чтобы наказать его за невѣріе въ таинство любви и жизни, и въ достоинство женщины...

1840 г.

Герой Нашего Времени.

Сочиненіе *М. Лермонтова*. Изданіе второе. 1841 г.

Давно ли привѣтствовали мы первое изданіе „Героя Нашего Времени“ большою критическою статьею, и, полные гордыхъ, величавыхъ и сладостныхъ надеждъ, со всѣмъ жаромъ убѣжденія, основаннаго на сознаніи, указывали русской публикѣ на Лермонтова, какъ на великаго поэта въ будущемъ, смотрѣли на него, какъ на преемника Пушкина въ настоящемъ!.. И вотъ проходитъ не болѣе года, — мы встрѣчаемъ новое изданіе „Героя Нашего Времени“ горькими слезами о невозвратимой утратѣ, которую понесла осиротѣлая русская литература въ лицѣ Лермонтова!.. Несмотря на общее единодушное вниманіе, съ какимъ приняты были его первые опыты, несмотря на какое-то безусловное ожиданіе отъ него чего-то великаго, — наши восторженные похвалы и радостные привѣты новому свѣтилу поэзіи для многихъ благоразумныхъ людей казались преувеличенными... Слава ихъ благоразумію, такъ много теперь выигравшему, и горе намъ, такъ много утратившимъ!.. Въ сознаніи великой, невознаградившей утраты, въ полнотѣ бѣдлаго, грустнаго чувства, отравляющаго сердце, мы готовы великодушно увеличить торжество осторожнаго въ своихъ приговорахъ сомнѣнія и охотно сознаться, что, говоря такъ много о Лермонтовѣ, мы видѣли болѣе будущаго, нежели настоящаго Лермонтова, — видѣли Алкида, въ колыбели удушающаго змѣй зависти, но еще не Алкида, сражающаго ужасною палицею лернейскую гидру... Да, все написанное Лермонтовымъ еще недостаточно для упроченія колоссальной славы,

и болѣе значительно какъ предвѣстіе будущаго, а не какъ что-нибудь положительно и безотносительно великое, хотя и само по себѣ все это составляетъ важный и примѣчательный фактъ, рѣшительно выходящій изъ круга обыкновеннаго. Первые лирическія пьесы: „Русланъ и Людмила“ и „Кавказскій Пленникъ“, еще не могли составить славы Пушкина, какъ великаго мірового поэта; но въ нихъ уже видѣлся будущій создатель „Цыганъ“, „Онѣгина“, „Бориса Годунова“, „Моцарта и Сальери“, „Скупого Рыцаря“, „Русалки“, „Каменнаго Гостя“ и другихъ великихъ поэмъ... Толпа судить и дѣлаетъ свои приговоры заднимъ числомъ; она говоритъ, когда уже не боится проговориться. Толпа идетъ ощупью и о твердости встрѣченнаго ею предмета судить по силѣ толчка, съ которымъ наткнулась на него. Оставляя за толпою право видѣть вещи не иначе, какъ оборачиваясь назадъ, не будемъ отнимать права у людей заглядывать впередъ и — по настоящему предсказывать о будущемъ... Всякому свое: толпѣ кричать, людямъ мыслить... Пусть же кричитъ она, а мы снова повторимъ: новая великая утрата осиротила бѣдную русскую литературу!..

Самыя первыя произведенія Лермонтова были ознаменованы печатію какой-то особености: они не походили ни на что являвшееся до Пушкина и послѣ Пушкина. Трудно было выразить словомъ, что въ нихъ было особеннаго, отличавшаго ихъ даже отъ явленій, которыя носили на себѣ отблескъ истиннаго

и замѣчательнаго таланта. Тутъ было все—и самобытная, живая мысль, одушевлявшая обязательно прекрасную форму, какъ теплая кровь одушевляетъ молодой организмъ и яркимъ, свѣжимъ румянцемъ проступаетъ на ланитахъ юной красоты; тутъ была и какая-то мощь, горделиво владѣвшая собою и свободно подчинявшая идеѣ свои сноровки; тутъ была и эта оригинальность, которая въ простотѣ и естественности открываетъ собою новые дотолѣ невиданные міры и которая есть достояніе однихъ гениевъ; тутъ было много чего-то столь индивидуальнаго, столь тѣсно соединеннаго съ личностію творца,—много такого, что мы не можемъ иначе охарактеризовать, какъ назвавши „лермонтовскимъ элементомъ“... Какой избытокъ силы, какое разнообразіе идей и образовъ, чувствъ и картинъ! Какое сильное сліяніе энергіи и граціи, глубины и легкости, возвышенности и простоты! Читая всякую строку, вышедшую изъ-подъ пера Лермонтова, будто слушаешь музыкальные аккорды, и въ то же время слѣдишь взоромъ за потрясенными струнами, съ которыхъ сорваны они рукою невидимою... Тутъ, кажется, соприсутствуешь духомъ таинству мысли, рождающейся изъ ощущенія, какъ рождается бабочка изъ некрасивой личинки... Тутъ нѣтъ лишняго слова, не только лишней страницы; все на мѣстѣ, все необходимо, потому что все пережито прежде, чѣмъ сказано, все видѣно прежде, чѣмъ положено на картину... Нѣтъ ложныхъ чувствъ, ошибочныхъ образовъ, натянутого восторга, все свободно безъ усилія, то бурнымъ потокомъ, то свѣтлымъ ручьемъ излилось на бумагу... Быстрота и разнообразіе ощущеній покорены единству мысли: волненіе и борьба противоположныхъ элементовъ послушно сливаются въ одну гармонію, какъ разнообразіе музыкальных инструментовъ въ оркестрѣ, послушныхъ волшебному жезлу капельмейстера... Но главное—все это блещетъ своими незаимствованными красками, все дышетъ самобытною и творческою мыслию, все образуетъ новый, дотолѣ невиданный міръ... Только дикіе невѣжды, черствые педанты, которые за буквою не видятъ мысли и случайную внѣшность всегда принимаютъ за внутреннее сходство, только эти честные и добрые витязи букврей фоліантовъ могли бы находить въ самобытныхъ вдохновеніяхъ Лермонтова подражанія не только Пушкину или Жуковскому, но и гг. Бенедиктову и Якубовичу...

Повторяемъ: небольшая книжка стихотвореній Лермонтова, конечно, не есть колоссальный монументъ поэтической славы; но она есть живое, говорящее прорицаніе великой поэтической славы. Это еще не симфонія, а только пробные аккорды, но аккорды, взятые рукою юнаго Бетховена... Просвѣщен-

ный иностранецъ, знакомый съ русскимъ языкомъ, прочитавъ стихотворенія Лермонтова, не увидѣлъ бы въ ихъ малочисленности богатства русской литературы, но изумился бы силѣ русской фантазіи, даровитости русской натуры... Нѣкоторые изъ нихъ закономъ могли бы явиться въ свѣтъ съ подписью имени Пушкина и другихъ величайшихъ мастеровъ поэзіи... „Герой Нашего Времени“ обнаружилъ въ Лермонтовѣ такого же великаго поэта въ прозѣ, какъ и въ стихахъ. Этотъ романъ былъ книгою, вполне оправдывавшею свое названіе. Въ ней авторъ является рѣшителемъ важныхъ современныхъ вопросовъ. Его Печоринъ—какъ современное лицо—Онѣгинъ нашего времени. Обыкновенно наши поэты жалуются—можетъ быть и не безъ основанія—на скудость поэтическихъ элементовъ въ жизни русскаго общества; но Лермонтовъ, въ своемъ „Героѣ“, умѣлъ и изъ этой бесплодной почвы извлечь богатую поэтическую жатву. Не составляя цѣлаго, въ строгомъ художественномъ смыслѣ, почти всѣ эпизоды его романа образуютъ собою очаровательные поэтическіе міры. „Бѣла“ и „Тамань“ въ особенности могутъ считаться одними изъ драгоценнѣйшихъ жемчужинъ русской поэзіи; а въ нихъ еще остается столько дивныхъ подробностей и картинъ, въ которыхъ съ такою отчетливостію обрисовано типическое лицо Максима Максимыча! „Княжна Мери“ менѣе удовлетворяетъ въ смыслѣ объективной художественности. Рѣшая слишкомъ близкіе сердцу своему вопросы, авторъ не совсѣмъ успѣлъ освободиться отъ нихъ и, такъ сказать, нерѣдко въ нихъ путался; но это даетъ повѣсти новый интересъ и новую прелесть, какъ самый животрепещущій вопросъ современности, для удовлетворительнаго рѣшенія котораго нуженъ былъ великій переломъ въ жизни автора... Но, увы! этой жизни суждено было проблеснуть блестящимъ метеоромъ, оставить послѣ себя длинную струю свѣта и благоуханія и—исчезнуть во всей красѣ своей...

Прекрасное погнѣбло въ пышномъ цвѣтѣ...
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!
Губителемъ неслышнымъ и незримымъ,
Во всѣхъ путяхъ бѣда насъ сторожитъ,
Приюта нѣтъ главамъ, равно грозимымъ,
Гдѣ не была, тамъ будетъ и сразить.
Вотще дерзать въ борьбу съ необходимымъ:
Жизнейскаго никто не побѣдитъ.
Гнетомы всѣ единой грозной силой.
Намъ всѣмъ сказать о здѣшнемъ счастьѣ:
„было!“

Какъ всѣ великіе таланты, Лермонтовъ въ высшей степени обладалъ тѣмъ, что называется „слогомъ“. Слогъ отнюдь не есть простое умѣнье писать грамматически правильно, гладко и складно,—умѣнье, которое часто дается и безталантности. Подъ „слогомъ“ мы

разумѣемъ непосредственное, данное природою умѣнье писателя употреблять слова въ ихъ настоящемъ значеніи, выражаясь сжато высказывать много, быть краткимъ въ многословіи и плодовитымъ въ краткости, тѣсно сливать идею съ формою и на все налагать оригинальную, самобытную печать своей личности, своего духа. Предисловіе Лермонтова ко второму изданію „Героя Нашего Времени“ можетъ служить лучшимъ примѣромъ того, что значитъ „имѣть слогъ“. Выписываемъ это предисловіе:

„Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь; оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія, или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но обыкновенно читателямъ нѣтъ дѣла до нравственной цѣли и до журнальных началокъ и потому они не читаютъ предисловій. А жаль, что это такъ, особенно у насъ. Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находится правоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ ироніи; она просто дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое и тѣмъ не менѣе смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ: наша публика похожа на провинціала, который, подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ враждебнымъ дворамъ, остался бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной, нѣжливѣйшей дружбы.

„Эта книжка испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчивость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись—и не шутя—что имъ ставятъ въ примѣръ такого безправственнаго чело-вѣка, какъ герой нашего времени; другие же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ своей портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но видно Русь такъ ужъ сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ подобныхъ нелѣпостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва-ли избѣгаетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности.

„Герой нашего времени, милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного чело-вѣка; это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что чело-вѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ, а я вамъ скажу, что ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ злодѣевъ, — отчего же вы не вѣрите въ дѣйствительность Печорина? — Если вы любовались вымыслами гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пошлости? Уже не оттого ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?

„Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Извините. Довольно людей кормили сластями, у нихъ отъ этого испортился желудокъ: нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины. Но не думайте однако послѣ этого, чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему просто было весело рисовать современнаго чело-вѣка, какимъ онъ его понимаетъ, и, къ его и вашему несчастію, слыш-

комъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить — это ужъ Богъ знаетъ!“

Какая точность и опредѣленность въ каждомъ словѣ, какъ на мѣстѣ и какъ незамѣ-нимо другимъ каждое слово! Какая сжатость, краткость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, многозначительность! Читая строки, читаешь и между строками; понимая ясно все сказанное авторомъ, понимаешь еще и то, чего онъ не хотѣлъ говорить, опасаясь быть многорѣчивымъ. Какъ образны и оригинальны его фразы: каждая изъ нихъ годится быть эпиграфомъ къ большому сочиненію. Конечно, это „слогъ“, или мы не знаемъ, что такое „слогъ“...

Немного стихотвореній осталось послѣ Лермонтова. Найдется пьесъ десятокъ первыхъ его опытовъ, кромѣ большой его поэмы — „Демонъ“; пьесъ пять новыхъ, которыя подарилъ онъ редактору „Отеч. Записокъ“ передъ отъѣздомъ своимъ на Кавказъ.. Наслѣдіе не огромное, но драгоценное! „Отеч. Записки“ почтутъ священнымъ долгомъ скоро подѣлиться ими съ своими читателями. Лермонтовъ немного написалъ—безконечно меньше того, сколько позволялъ ему его громадный талантъ. Безпечный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣннѣй бытія, самый родъ жизни отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начала устаиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ спокойнѣе сталъ вглядываться въ глубь жизни. Уже затѣвалъ онъ въ умѣ, утомленномъ суетою жизни, созданія зрѣлыя; онъ самъ говорилъ намъ, что замыслилъ написать романтическую трилогію, три романа изъ трехъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣка Екатерины II, Александра I и настоящаго времени), имѣющіе между собою связь и нѣкоторое единство, по примѣру куперовской тетралогіи, начинающейся „Послѣдній изъ Могианъ“, продолжающейся „Путеводителемъ въ Пустынь“ и „Піонерами“ и оканчивающейся „Степами“... какъ вдругъ—

Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, пѣтъ прекрасный
Увялъ на угренней зарѣ!
Потухъ огонь на алтарѣ!..

Нельзя безъ печальнаго содроганія сердца читать этихъ строкъ, которыми оканчивается въ 63 № „Одесскаго Вѣстника“ статья г. Андреевскаго „Пятигорскъ“: „15 іюля, около 5-ти часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ: въ это самое время между горами Машукою и Бештау скончался лѣчившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ. Съ сокрушеніемъ смо-

трѣлъ я на привезенное сюда бездыханное
тѣло поэта“...

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ—
Увиалъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, вѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бури любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, заветныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,

Вы, сны поэзіи святой?
Быть можетъ, онъ для блага міра,
Нѣль хотѣ для славы быть рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣбахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домыслится гласъ временъ—
Благословенія племенъ!

1841 г.

24. Стихотворенія М. Лермонтова.

Спб., 1840.

Нѣсколько нарушая строгую хронологическую послѣдовательность, мы помѣщаемъ настоящую статью начала 1841 года (она писалась въ январѣ этого года) непосредственно вслѣдъ за статьей о „Героѣ нашего времени“, написанной полугодомъ ранѣе—въ виду тѣсной, неразрывной связи этихъ двухъ статей, какъ бы составляющихъ одно цѣлое. Правда, за эти полгода Бѣлинскій пережилъ самый острый періодъ своего нравственного кризиса—разрыва съ былымъ абсолютнымъ признаніемъ „разумной дѣйствительности“; но этотъ разрывъ отразился, какъ мы это отмѣтимъ, еще и въ первой изъ двухъ этихъ статей, такъ что тонъ и настроеніе и настоящей статьи и предыдущей вполне гармонируютъ и соотвѣтствуютъ другъ другу.

Но тутъ же, заходя нѣсколько впередъ, слѣдуетъ подчеркнуть, что новый тонъ и новое настроеніе состояли почти исключительно изъ признанія *права личности*, законности „вопли страданія“ ея противъ тяжелыхъ оковъ „разумной дѣйствительности“; въ этомъ Бѣлинскій справедливо увидѣлъ также и сущность поэзіи Лермонтова. Почти все остальное въ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго осталось на первый взглядъ безъ существенныхъ перемѣнъ—особенно его теоретическіе и философскіе взгляды на поэзію, на искусство, на ихъ цѣль, хотя новые взгляды и мысли замѣтно стали пробиваться сквозь старую формулировку. По-прежнему Бѣлинскій остался вѣренъ теоретической сущности философіи Гегеля, какъ онъ ее понималъ; по-прежнему на первыхъ же страницахъ настоящей статьи мы встречаемся съ цѣлымъ рядомъ уже знакомыхъ намъ эстетическихъ воззрѣній Бѣлинскаго: тутъ же цитаты изъ пушкинскихъ „Чер-

ни“ и „Поэта“, которыя годомъ раньше Бѣлинскій съ той же цѣлью приводилъ въ своей статьѣ о „Менцелѣ“; тутъ прежнее утвержденіе, что „преобладаніе внутренняго, субъективнаго элемента въ поэтахъ обыкновенно есть признакъ ограниченности таланта“,—утвержденіе, столько разъ примѣнявшееся Бѣлинскимъ къ Шиллеру. Но зато теперь мы слышимъ оговорку, которая въ корнѣ мѣняетъ мысль Бѣлинскаго: „въ талантѣ великомъ,—говоритъ онъ,—избытокъ внутренняго субъективнаго элемента есть признакъ гуманности“; и тутъ же Бѣлинскій восхищается „благороднымъ Шиллеромъ“ и какъ бы вскользь замѣчаетъ, что „въ наше время отсутствіе въ поэтѣ внутренняго, субъективнаго элемента есть недостатокъ. Въ самомъ Гётѣ не безъ основанія порицаютъ отсутствіе историческихъ и общественныхъ элементовъ, спокойное довольство дѣйствительностію, какъ она есть...“ Этими словами Бѣлинскій самъ зачеркиваетъ свою статью о „Менцелѣ“. Но тутъ же повторяется и подчеркивается постоянная мысль Бѣлинскаго, что „поэзія не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама себѣ есть цѣль, также какъ истина въ знаніи, какъ благо въ дѣйствіи. Подобно истинѣ и благу, красота есть сама себѣ цѣль, и по праву царствуетъ надъ вселенной только властію своего имени...“ Мы знаемъ, что это было основнымъ убѣжденіемъ Бѣлинскаго, начиная съ самыхъ первыхъ его статей (см. наши вступительныя замѣтки къ статьямъ №№ 1—7), съ той только разницей, что тогда Бѣлинскій высказывалъ приматъ эстетическаго чувства надъ истиной и нравственностью, а теперь онъ соединяетъ ихъ равноправно въ тріединую группу, что уже сдѣлалъ и раньше, въ

статьяхъ 1838 — 1840 гг., и повторить въ статьѣ о „Римскихъ Элегіяхъ“ Гёте (см. нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 32). Тутъ же Бѣлинскій снова повторяетъ прежнія свои мысли о раздѣленіи „разума“ и „разсудка“, о поэтическомъ вдохновеніи и экстазѣ; но тутъ же онъ высказываетъ совершенно новую и смѣлую мысль о томъ, что философія и искусство характеризуются отсутствіемъ общеобязательности. Все это достаточно иллюстрируетъ то положеніе, что, оставаясь пока въ общемъ при прежнихъ взглядахъ, Бѣлинскій нечувствительно переходилъ къ чему-то новому, иному.

Особенно характерны съ этой точки зрѣнія вступительныя страницы настоящей статьи, заключающія въ себѣ *опредѣленіе поэзіи*. На первый взглядъ это опредѣленіе Бѣлинскаго — „поэзія есть жизнь“ — представляется только развитіемъ стараго надеждинскаго тезиса „ubi vita, ibi poësis“, „гдѣ жизнь, тамъ и поэзія“, тезиса, неоднократно повторявшагося Бѣлинскимъ во всѣхъ его статьяхъ; но въ дѣйствительности мы имѣемъ здѣсь новое пониманіе, новое толкованіе старой формулы — стоитъ только вспомнить то письмо Бѣлинскаго, отрывкомъ изъ котораго мы закончили нашу предыдущую вступительную замѣтку. „Кроткій тонъ (статьи о Лермонтовѣ, — *И.-Р.*) — результатъ моего состоянія духа, — писалъ Бѣлинскій 12 авг. 1840 г., — я не могу ничего ни утверждать, ни отрицать и поневолѣ стараюсь держаться середины. Впрочемъ, будущія мои статьи должны быть лучше прежнихъ: вторая статья о Лермонтовѣ есть начало ихъ. Отъ теорій объ искусствѣ я снова хочу обратиться къ жизни и говорить о жизни...“ Вотъ объясненіе начала настоящей статьи, вотъ значеніе подробнаго развитія мысли, что „поэзія есть жизнь“. Такъ незамѣтно въ старыя формы вливалось новое содержаніе ¹⁾.

Но не въ этомъ была главная перемѣна въ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго, а въ признаніи законности права личности, какъ мы уже указали выше и о чемъ уже подробно говорили во вступительной статьѣ. Еще въ декабрѣ 1839 года, въ эпоху статей объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія“ и „Менцелѣ“, Бѣлинскій писалъ Боткину, самъ зачеркивая

этимъ вышепозванныя статьи: „права личнаго человека такъ же священны, какъ и мірового гражданина; кто на вопль и судорожное сжатіе личности смотритъ свысока, какъ на отпаденіе отъ Общаго, тотъ или мальчишья, или эгоистъ, или дуракъ, — а мнѣ тотъ, и другой, и третій равно несносны...“ А мѣсяцемъ позднѣе всѣ читатели могли узнать изъ статьи о „Менцелѣ“, что вопли поэта не могутъ быть художественны, ибо, „кто вопить отъ страданія, тотъ не выше своего страданія, слѣдовательно, и не можетъ видѣть его разумной необходимости“ (см. выше стр. 581): здѣсь выражень именно столь „несносный“ Бѣлинскому взглядъ „свысока“ на „судорожное сжатіе личности“. Это самопротиворѣчіе, неизбежное слѣдствіе и проявленіе наступавшаго душевнаго кризиса, уже не имѣло мѣста въ появившейся полугодомъ позднѣе статьѣ о „Героѣ нашего времени“: тутъ Бѣлинскій уже всецѣло признаетъ право поэта „вопить отъ страданій“, ибо такимъ воплемъ „бываютъ всѣ современные общественные вопросы, высказываемые въ поэтическихъ произведеніяхъ: это вопль страданія; но вопль, который облегчаетъ страданіе...“

Только съ этой точки зрѣнія можно было почувствовать и правильно освѣтить творчество Лермонтова, это воплощенное „судорожное сжатіе личности“. Бѣлинскій тѣмъ болѣе появлялъ теперь этотъ вопль, что самъ безумолчно „нопилъ“, какъ раненый звѣрь, во всѣхъ своихъ письмахъ 1839—1841 годовъ; онъ потерялъ почву подъ ногами, онъ терялъ вѣру въ „разумную дѣйствительность“, въ объективную осмысленность жизни; именно въ такомъ настроеніи онъ могъ принять и понять Лермонтова, котораго еще мало понималъ (хотя и высоко цѣнилъ) двумя годами ранѣе, называя „прекраснодушными“ наиболѣе мучительные вспли Лермонтова, вродѣ его „Думы“ („Моск. Наблюдатель“ 1839 г., ч. II, стр. 134; см. нашу вступительную замѣтку къ предыдущей статьѣ). Двумя-тремя годами ранѣе Бѣлинскій возненавидѣлъ бы Печорина, какъ представителя „умерщвляющей жизни рефлексіи“, невѣрія, отрицанія; теперь онъ понималъ его, потому что начиналъ понимать себя, потому что самъ пересталъ вѣрить въ жизнь, утверждать міръ. Именно поэтому въ настоящей статьѣ Бѣлинскій говорилъ о Лермонтовѣ, что „въ его грусти всякій узнаетъ свою грусть, въ его душѣ всякій узнаетъ свою“: именно это „заставило насъ, — говоритъ Бѣлинскій, — обратить особенное вниманіе на субъективныя стихотворенія Лермонтова и даже порадоваться, что ихъ больше, чѣмъ чисто художественныхъ. По этому признаку мы узнаемъ въ немъ поэта русскаго, *народнаго*... — поэта, въ которомъ выразился историческій моментъ русскаго об-

¹⁾ Интересно подчеркнуть, кстати, до сихъ поръ еще, кажется, недостаточно отмѣченную связь этихъ мыслей Бѣлинскаго и именно настоящей его статьи съ знаменитой диссертацией Чернышевскаго „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“, съ ея главнымъ тезисомъ — „прекрасное есть жизнь“. Но въ то время, какъ для Бѣлинскаго „искусство выше природы“ (эта мысль доказывается въ настоящей статьѣ), для Чернышевскаго — наоборотъ, природа выше искусства. Сравнивая настоящую статью Бѣлинскаго со статьей Чернышевскаго, не трудно убѣдиться въ сильномъ пониженіи уровня философской мысли и эстетическаго чувства за десятилѣтіе, протекавшее между этими двумя статьями.

щества". И то, въ чемъ Бѣлинскій увидѣлъ „наосъ" поэзіи Лермонтова — стало вскорѣ всеобщимъ, ходячимъ опредѣленіемъ творчества этого великаго поэта. Но это общеизвѣстное теперь опредѣленіе вѣрно лишь постольку, поскольку вѣрна была и точка зрѣнія Бѣлинскаго.

Точка зрѣнія Бѣлинскаго была та, что его, Бѣлинскаго, мучительныя переживанія, исканія, отрицанія — только переходный моментъ на пути къ нѣкоторому новому синтезу; и это же основное свое убѣжденіе онъ примѣнилъ и къ характеристикѣ творчества Лермонтова. Бѣлинскій мучительно хотѣлъ вѣрить, что за періодомъ ядовитой „рефлексіи" Лермонтова ждетъ успокоительное „разумное сознаніе", вѣра въ міръ и жизнь; онъ хотѣлъ вѣрить въ это потому, что самъ былъ именно въ такомъ же кругѣ воззрѣній и мучительно жаждалъ исхода; онъ вѣрилъ, что этимъ исходомъ снова будетъ „пріятіе міра" — и продолжалъ исповѣдывать его въ своихъ статьяхъ, тщательно скрывая отъ читателей всѣ свои муки, сомнѣнія, проклятія, которыя только и звучатъ въ его интимной перепискѣ этого періода. Въ своихъ статьяхъ онъ повторяетъ восхваленіе „разумной дѣйствительности", принимаетъ жизнь, оправдываетъ міръ. Въ статьѣ о „Героѣ нашего времени", восхищаясь „Бѣлой", Бѣлинскій восклицаетъ: „смерть Черкешенки не возмущаетъ васъ безотраднымъ и тяжелымъ чувствомъ, ибо она явилась не страшнымъ скелетомъ, по произволу автора, но вслѣдствіе разумной необходимости, которую вы предчувствовали уже, и явилась свѣтлымъ ангеломъ примиренія. Диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ...". Нѣсколькими страницами ниже Бѣлинскій повторяетъ, что „новѣйшее искусство, какъ необходимость, допускаетъ въ себя диссонансы, производимые въ гармоніи нравственнаго духа, но для того, чтобы показать, какъ изъ диссонанса снова возникаетъ гармонія — черезъ то ли, что раззвучная струна снова настраивается или разрывается вслѣдствіе ея своевольнаго разлада. Это міровой законъ жизни". И въ настоящей статьѣ, говоря о „рефлексіи" Лермонтова, Бѣлинскій замѣчаетъ: „человѣку необходимо должно перейти и черезъ это состояніе духа. Въ музыкѣ гармонія условливается диссонансомъ, въ духѣ — блаженство условливается страданіемъ...". Такъ Бѣлинскій продолжалъ проповѣдывать въ своихъ статьяхъ „пріятіе міра" и возводитъ „диссонансъ" (т.-е. слезы, злодѣяніе, горе, смерть) въ міровой законъ. И въ это же самое время, въ знаменитомъ письмѣ къ Боткину отъ 1 марта 1841 года, Бѣлинскій вдохновенно выражалъ рѣзкое „непріятіе міра" и восклицалъ: „говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи; можетъ быть это очень выгодно и усла-

дительно для меломановъ, но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участію идеи дисгармоніи...". А потому Бѣлинскій сталъ проклинать свое бывшее примиреніе съ „разумной дѣйствительностью" и сталъ „на всѣхъ вещахъ видѣть хвостъ діавола" (изъ того же письма); но онъ не могъ — нравственно не могъ, если бы даже и могъ фактически — проповѣдывать это свое послѣднее міровоззрѣніе для „малыхъ сихъ", какими Бѣлинскій считалъ читающую публику. И онъ продолжаетъ таить эту „послѣднюю истину" для себя, а въ статьяхъ продолжаетъ проповѣдывать „высшій синтезъ", „разумное сознаніе". — принятіе міра. Онъ продолжаетъ повторять въ настоящей статьѣ, что „что дѣйствительно, то разумно, и что разумно, то дѣйствительно — это великая истина", хотя и знаетъ теперь, что „не все то дѣйствительно, что есть въ дѣйствительности" (эту же самую оговорку мы можемъ найти и въ статьѣ о „Горѣ отъ ума", въ расчлененіи „дѣйствительности" и „призрачности"; дословно эту же фразу мы найдемъ и въ статьѣ о „Менцелѣ"). Въ статьѣ о „Героѣ нашего времени" Бѣлинскій сожалеетъ Печорина, который „не знаетъ", что въ концѣ концовъ люди неотвратимо приходятъ къ высшему синтезу, „увѣряются, что въ жизни и зло необходимо, какъ добро", и не видя возможности помѣшать злу, „повторяютъ про себя, то съ радостною, то съ грустною улыбкою: „и все то благо, все добро!" Увы! какъ дорого достается разумѣніе самыхъ простыхъ истинъ!" Наконецъ, въ настоящей статьѣ, говоря о „горестной и страшной участи благороднаго Калашникова", Бѣлинскій все же по-прежнему восклицаетъ: „...да перемѣнится печаль ваша на радость и да будетъ эта радость свѣтлымъ торжествомъ побѣды безсмертнаго надъ смертнымъ, общаго надъ частнымъ! Благословимъ непреложные законы бытія и міродержавныхъ судебъ...".

Мы уже останавливались на этой двойственности Бѣлинскаго, яркомъ проявленіи его душевнаго кризиса, и въ предыдущихъ вступительныхъ замѣткахъ и во вступительной статьѣ; здѣсь мы снова подробно разбираемъ этотъ вопросъ, такъ какъ именно въ статьяхъ о Лермонтовѣ рѣзче всего отразился этотъ кризисъ Бѣлинскаго и такъ какъ только вѣрное его пониманіе даетъ возможность правильно освѣтить толкованіе Бѣлинскимъ Лермонтова. Не желая примириться съ мыслью о томъ, что „мучительной рефлексіи" *можетъ не быть исхода*, Бѣлинскій старается видѣть и въ творествѣ Лермонтова, и въ своихъ мучительныхъ философскихъ исканіяхъ, и въ типѣ Печорина — *только переходъ* къ нѣкоторому „высшему синтезу", „разумному сознанію". Особенно характернымъ съ этой точки зрѣнія является предыдущая статья Бѣлин-

скаго—блестящая критическая характеристика Печорина. Мы остановимся здѣсь на этомъ вопросѣ, такъ какъ намѣренны не коснуться его въ нашей вступительной замѣткѣ къ предъидущей статьѣ.

„Вышли повѣсти Лермонтова, — писалъ Бѣлинскій Боткину 16 апр. 1840 года:— дьявольскій талантъ! Молодо-зелено, но художественный элементъ такъ и пробивается сквозь пѣну молодой поэзіи, сквозь ограниченность субъективно-салоннаго взгляда на жизнь“. Но уже черезъ два мѣсяца, отвѣчая Боткину на его мнѣніе о „натянутости и изысканности“ Печорина, Бѣлинскій рѣшительно отстаивалъ Лермонтова и уже не возражалъ противъ его „субъективно-салоннаго взгляда на жизнь“ (т.-е. противъ мучительной „рефлексіи“ поэта), но заявлялъ: „Лермонтовъ—великій поэтъ: онъ обьективировалъ современное общество и его представителей“. Это обьективированіе, по мысли Бѣлинскаго, заключалось въ художественномъ изображеніи мучительнаго распада человѣческой мысли на почвѣ отравляющей душу „рефлексіи“: въ этомъ состоитъ сущность пониманія Бѣлинскимъ творчества Лермонтова вообще и характера Печорина въ частности. „Переходъ изъ непосредственности въ разумное сознаніе необходимо совершается черезъ рефлексію, болѣе или менѣе болѣзненную“: въ этихъ словахъ Бѣлинскаго сконцентрирована вся сущность статьи о „Героѣ нашего времени“. Справедливо указывая въ этой своей статьѣ на близкое родство героя романа и самого автора („Печоринъ—это онъ самъ, какъ есть“, — писалъ тогда же Бѣлинскій Боткину, рассказывая о своемъ знакомствѣ съ Лермонтовымъ), Бѣлинскій снова повторяетъ, что авторъ „видимо находится въ томъ состояніи духа, когда въ нашемъ разумѣніи всякая мысль распадается на свои же собственные моменты, до тѣхъ поръ, пока духъ нашъ не созрѣетъ для великаго процесса разумнаго примиренія противоположностей въ одномъ и томъ же предметѣ“. Печоринъ—болѣзнь, и Бѣлинскій подчеркиваетъ это неоднократно; но тутъ же онъ указываетъ на тѣ скрытыя, потенциальныя силы, которыя таятся въ Печоринѣ—характеристика, ставшая съ тѣхъ поръ классической. Въ Печоринѣ,—замѣчаетъ Бѣлинскій,—есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется, и что онъ есть только въ настоящую минуту; люди благоразумной середины клеймятъ его и подхватываютъ его прямые признанія о самомъ себѣ: „не торопитесь вашимъ приговоромъ,—возражаетъ Бѣлинскій:—онъ клеветаетъ на себя; повѣрьте мнѣ, онъ и даромъ бы не взялъ того счастья, которому завидовалъ у этихъ *другихъ* и котораго добивался...“ „Повторяемъ: онъ еще не знаетъ самого себя, и если не

должно ему всегда вѣрить, когда онъ оправдываетъ себя, то еще менѣе должно ему вѣрить, когда онъ обвиняетъ себя, или приписываетъ себѣ разные нечеловѣческія свойства или пороки. Но винить ли его за это?..“ Печорина обвиняютъ въ томъ, что у него нѣтъ вѣры—вѣры въ жизнь „прекрасно! но вѣдь это то же самое, что обвинять нищаго за то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и радъ имѣть его, да оно не дается ему. И при томъ, развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрію? развѣ онъ гордится имъ? развѣ онъ не страдалъ отъ него? развѣ онъ не готовъ цѣною жизни и счастья купить эту вѣру, для которой еще не настала часъ его?..“ Конечно, не ту обычную вѣру, которой удовлетворяются „другіе“ и которую, по выраженію Бѣлинскаго, Печоринъ „и даромъ бы не взялъ“; въ этомъ Бѣлинскій видитъ проклятіе Печорина, „который не знаетъ, чему вѣрить, на чемъ опереться и съ особеннымъ увлеченіемъ хватается за самыя мрачныя убѣжденія, лишь бы только давали они поэзію его отчаянію и оправдывали его въ собственныхъ глазахъ“.

Вотъ глубоко продуманная, яркая характеристика „Героя нашего времени“, вскорѣ ставшая классической: распаденіе духа въ мучительной „рефлексіи“, раздвоенность чувства и сознанія—вотъ пронизательное опредѣленіе Бѣлинскимъ и Лермонтова и Печорина. Бѣлинскій вѣрилъ въ переходность такого состоянія, вѣрилъ въ исходъ, въ высшій синтезъ,—а потому усиленно подчеркивалъ, что Печоринъ (а значитъ и Лермонтовъ, а значитъ и самъ онъ, Бѣлинскій, какъ мы отмѣтили выше) еще выздоровѣетъ, что его „рефлексія“, его отчаяніе—только „острая болѣзнь въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь“. И въ настоящей статьѣ Бѣлинскій настойчиво повторяетъ, что Печоринъ (также какъ и пушкинскій Фаустъ) есть только „болѣзненный кризисъ, за которымъ должно послѣдовать здоровое состояніе лучше и выше прежняго. Та же рефлексія, то же размышленіе, которое теперь отравляетъ полноту всякой нашей радости, должно быть въ послѣдствіи источникомъ высшаго, чѣмъ когда-либо, блаженства, высшей полноты жизни“. Это настойчивое подчеркиваніе Бѣлинскимъ, что Печоринъ есть болѣзнь, и болѣзнь, требующая излѣченія, отразилось, какъ намъ кажется, въ полномъ скрытой и тонкой ироніи предисловіи Лермонтова ко второму изданію „Героя нашего времени“ (см. въ концѣ предыдущей статьи): „будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить—это ужъ Богъ знаетъ!“—иронически заключалъ Лермонтовъ это свое предисловіе. Слишкомъ ясно, что въ „болѣзни“ Печорина онъ видѣлъ не „переходъ“, какъ Бѣлинскій, а конечный этапъ пути; эта „болѣзнь“ для него

дороже всякаго здоровья, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ современный писатель, касаясь, хотя и съ нѣкоторыми фактическими ошибками, этихъ мыслей Бѣлинскаго и Лермонтова (см. *Л. Шестовъ*, предисловіе къ книгѣ „Достоевскій и Нитше“). Бѣлинскій боялся думать, что его „болѣзнь“, его отрицаніе „разумной дѣйствительности“, его „непріятіе міра“ могутъ быть не мимолетнымъ и преходящимъ, а постояннымъ, „нормальнымъ“ состояніемъ духа; но иногда и онъ сознавалъ, что для нѣкоторыхъ людей этотъ „преходящій моментъ“, „минутная дисгармонія духа“ могутъ длиться цѣлую жизнь.

Къ числу такихъ людей принадлежалъ Лермонтовъ, и самъ Бѣлинскій высказывалъ это въ тѣ минуты, когда переставалъ считать такое „дисгармоническое“ состояніе духа свое, Лермонтова, Печорина — только „временной болѣзью“. Разбирая въ настоящей статьѣ нѣкоторыя изъ наиболѣе горькихъ стихотвореній Лермонтова, Бѣлинскій восклицаетъ: „страшенъ этотъ глухой, могильный голосъ подземнаго страданія, нездѣшной муки, этотъ потрясающій душу реквиѣмъ всѣхъ надеждъ, всѣхъ чувствъ человѣческихъ, всѣхъ обаяній жизни! Отъ него содрогается человѣческая природа, стынетъ кровь въ жилахъ, и прежній свѣтлый образъ жизни представляется отвратительнымъ скелетомъ, который душитъ насъ въ своихъ костяныхъ объятіяхъ, улыбается своими костяными челюстями и прижимается къ устамъ нашимъ! Это не минута духовной дисгармоніи, сердечнаго отчаянія: это — похоронная пѣсня всей жизни!“ И эта похоронная пѣсня всей жизни тѣсно переплетается у Лермонтова со страстной любовью къ этой самой жизни — это тонко почувствовалъ и глубоко понялъ Бѣлинскій: онъ указываетъ и подчеркиваетъ въ настоящей статьѣ, что не одно стихотвореніе Лермонтова было внушено ему чувствомъ *тоски по жизни*; онъ указываетъ, что это сочетаніе кажущихся противоположностей есть и въ Печоринѣ, „который, съ одной стороны, томится жизнію, презираетъ и ее, и самого себя, не вѣритъ ни въ нее, ни въ самого себя... а съ другой — гонится за жизнію, жадно ловитъ ея впечатлѣнія, безумно упивается ея обаяніями...“ И въ самомъ Лермонтовѣ Бѣлинскій съ удивительной проницательностью видѣлъ такую же раздвоенность, онъ видѣлъ „въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей — сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого“ (письмо къ Боткину отъ 16 апр. 1840 г.).

Такъ понималъ Бѣлинскій Печорина, такъ понималъ онъ Лермонтова; и до сихъ поръ такое пониманіе должно сохранить всю свою силу: въ обширной литературѣ о Лермонтовѣ статьи Бѣлинскаго до сихъ поръ являются

непревзойденными ни по широтѣ и глубинѣ взгляда, ни по тонкости анализа. Изъ всей этой обширной литературы (библіографію которой читатель можетъ найти въ шеститомномъ собраніи сочиненій Лермонтова 1891 г. подъ редакціей П. Висковатова) стоитъ упомянуть только о трехъ-четырехъ произведеніяхъ: обширная монографія „М. Ю. Лермонтовъ“ Н. Котляревскаго, статья Михайловскаго „Герой безвременья“ (1891 г.) и статья Д. Мережковскаго „Лермонтовъ, поэтъ сверхчеловѣчества“ (1909 г.) — этимъ исчерпывается все заслуживающее, по той или иной причинѣ, вниманія. Такъ напримѣръ, названная статья Михайловскаго является анализомъ творчества Лермонтова съ точки зрѣнія „общественной“, что ясно уже и изъ самаго заглавія; Лермонтовъ изучается въ ней какъ человѣкъ опредѣленной эпохи, давившей личность и принуждавшей ее къ невольному бездѣйствію. Эта точка зрѣнія вызвала возраженія: какъ будто Лермонтовъ пересталъ бы „вопить“ отъ внутренней боли во всякую другую эпоху, хотя бы эпоху шестидесятыхъ годовъ (см. С. Андреевскій „Литературные очерки“). Бѣлинскій еще за полъ-вѣка до этого спора синтезировалъ его въ своихъ статьяхъ о Лермонтовѣ, соединяя въ своемъ пониманіи Лермонтова общественную точку зрѣнія съ философской. Почти одновременно съ появленіемъ статьи о „Героѣ нашего времени“ Бѣлинскій, цитируя Лермонтова, писалъ К. Аксакову (23 авг. 1840 г.): „жизнь . . . — пустая и глупая шутка! Да и какая намъ жизнь-то еще? Въ чемъ она, гдѣ она? Мы люди внѣ общества, потому что Россія не есть общество. У насъ нѣтъ ни политической, ни религіозной, ни ученой, ни литературной жизни. Скука, апатія, томленіе въ безплодныхъ порывахъ — вотъ наша жизнь. Что за жизнь человѣка внѣ общества!“ Здѣсь мы видимъ первое проявленіе той мысли, которая скоро стала главной мыслью Бѣлинскаго и которую, въ примѣненіи къ Лермонтову, повторилъ Михайловскій. Именно къ Лермонтову ее примѣнилъ и Бѣлинскій въ настоящей статьѣ: выражая надежду, что за „болѣзненнымъ кризисомъ“ Печориныхъ общество должно прійти къ еще высшему здоровью, Бѣлинскій восклицаетъ: „но горе тѣмъ, кто является въ эпоху общественнаго недуга! Общество живетъ не годами — вѣками, а человѣку данъ мигъ жизни; общество выздоровѣетъ, а тѣ люди, въ которыхъ выразился кризисъ его болѣзни, благороднѣйшіе сосуды духа, навсегда могутъ остаться въ разрушающемъ элементѣ жизни!..“ И это оправдалось на всѣхъ „герояхъ безвременья“ той эпохи, на всѣхъ такъ называемыхъ „лишнихъ людяхъ“ сороковыхъ годовъ, не исключая и Печорина, ибо и онъ выросъ на той же отравленной почвѣ.

Но Бѣлинскій понималъ, что ограничиться такой характеристикой—значить остановиться въ самомъ началѣ своей критической работы; онъ понималъ, что безсознательныя философскія воззрѣнія Лермонтова шли неизмѣримо глубже этой общественной почвы: онъ понималъ, что „отрицаніе“ Лермонтова было прежде всего философскимъ, а не общественнымъ, что сущность вопроса не въ „бездѣйствіи“ Лермонтова, не въ его враждѣ къ николаевскимъ жандармамъ („Прощай, немытая Россія...“), а въ его отрицаніи всего міра, всей жизни, въ его „съ небомъ гордой враждѣ“. Уже въ 1842 году, подводя итоги своего отношенія къ Лермонтову, Бѣлинскій писалъ Боткину (17 марта 1842 г.): „...содержаніе, добытое со дна глубочайшей и могущественной природы, исполинскій взмахъ, демонскій полетъ, *съ небомъ гордая вражда*—все это заставляетъ думать, что мы лишились въ Лермонтовѣ поэта, который по содержанію шагнулъ бы дальше Пушкина...“ И далѣе сравнивая юношескія произведенія Пушкина и Лермонтова, Бѣлинскій снова подчеркиваетъ, что произведенія Лермонтова „это—сатанинская

улыбка на жизнь, искривляющая младенческія еще уста, это—*съ небомъ гордая вражда*, это—презрѣніе рока и предчувствіе его неизбѣжности. Все это дѣтски, но страшно сильно и *взманисто*. Львиная натура! Страшный и могучій духъ!“ Вотъ на что обращалъ вниманіе Бѣлинскій, изучая Лермонтова—и былъ совершенно правъ. Необходимо выяснять социальныя условія, общественныя причины, породившія Онѣгина и Печорина. Пушкина и Лермонтова, но это только первый шагъ на пути къ пониманію писателя: опредѣливъ, такъ сказать, „соціологическій эквивалентъ“ философіи и міровоззрѣнія поэта, критикъ долженъ дать „философскій эквивалентъ“ выясненныхъ раньше соціологическихъ и общественныхъ условій; критика общественная должна быть только введеніемъ къ критикѣ философской, къ проникновенію въ міровоззрѣніе и міровосчувствованіе поэта. Въ своихъ „лермонтовскихъ статьяхъ“ именно на послѣднемъ сосредоточилъ все свое вниманіе великій критикъ—и именно потому эти его статьи навсегда связали имя Бѣлинскаго съ именемъ Лермонтова.

И. Р.

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай.
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!

Веневитиновъ.

Всѣ говорятъ о поэзіи, всѣ требуютъ поэзіи. Повидимому, это слово для всѣхъ имѣетъ такое ясное и опредѣленное значеніе, какъ, на примѣръ, слово „хлѣбъ“, или еще болѣе—слово „деньги“. Но когда только двое начнутъ объяснять одинъ другому, что каждый изъ нихъ разумѣетъ подъ словомъ „поэзія“, то и выходитъ на повѣрку, что одинъ называетъ поэзією воду, другой—огонь. Что жъ, если бы всѣ-то такъ называемые любители поэзіи заговорили о предметѣ своей любви! Это была бы настоящая картина вавилонскаго смѣшенія языковъ! П очень естественно: если трудно опредѣлить поэзію ученымъ образомъ, то еще труднѣе намекнуть на ея значеніе повседневымъ языкомъ общества, всѣмъ и каждому равно понятнымъ. Если бъ вамъ и удалось это, вы все-таки удовлетворите только людей, которые съ вами симпатизируютъ, которые одинаково съ вами настроены. Въ самомъ дѣлѣ, если я подъ словомъ „поэзія“ разумѣю разбѣренныя и зарпѣченныя строчки, заключающія въ себѣ правила добронравія и добродѣтели, то какъ вы убѣдите меня, что поэзія есть воспроизведеніе, живопись явленій жизни?—Если я подъ словомъ „идеализированіе“ разумѣю представленіе дѣйствительности совсѣмъ не такъ, какъ она есть—

ходили мысли, дыбы чувства, то какъ убѣдите вы меня, что „идеализированіе“ дѣйствительности есть только подчиненіе взятыхъ изъ нея матеріаловъ извѣстной цѣли, извлеченіе изъ нея, такъ сказать, ея сущности, и сочлененіе въ живое и органическое цѣлое различныхъ повидимому, частей?—Если я подъ словомъ „вдохновеніе“ разумѣю нравственное опьяненіе, какъ бы отъ приема опиума или дѣйствія виннаго хмеля, изступленіе чувствъ, горячку страсти, которыя заставляютъ непризнаннаго поэта изображать предметы въ какомъ-то безумномъ круженіи, выражаться дикими, натянутыми фразами, неестественными оборотами рѣчи, придавать обыкновеннымъ словамъ насильственное значеніе,—то какъ вразумите вы меня, что „вдохновеніе“ есть состояніе духовнаго ясновидѣнія, кроткаго, но глубокаго созерцанія таинства жизни, что оно, какъ-бы магическимъ жезломъ, вызываетъ изъ недоступной чувствамъ области мысли свѣтлые образы, полные жизни и глубокаго значенія, и окружающую насъ дѣйствительность, нерѣдко мрачную и нестройную, являетъ просвѣтленною и гармоническою?.. Поэзія и наука тождественны, если подъ наукою должно разумѣть не однѣ схемы знанія, но сознаніе кроющейся въ нихъ мысли. Поэзія и наука тождественны какъ постигаемая не одною какою-нибудь изъ способностей нашей души, но всею полнотою нашего духовнаго существа, выражаемою словомъ „разумъ“. Въ этомъ отношеніи онѣ рѣзкою чертою отдѣ-

лѣются отъ такъ называемыхъ „точныхъ“ наукъ, не требующихъ ничего, кромѣ разсудка, и развѣ еще воображенія. Можно быть очень умнымъ человѣкомъ и не понимать поэзіи, считать ее за вздоръ, за побрякушку риомъ, которою забавляются праздные и слабоумные люди; но нельзя быть умнымъ человѣкомъ и не сознавать въ себѣ возможности постичь значеніе, напр., математики и сдѣлать въ ней, при усиленномъ трудѣ, большіе или меньшіе успѣхи. Можно быть умнымъ, даже очень умнымъ человѣкомъ, и не понимать, что хорошаго въ „Иліадѣ“, „Макбетѣ“ или лирическомъ стихотвореніи Пушкина; но нельзя быть умнымъ человѣкомъ и не понимать, что два, умноженные на два, составляютъ четыре, или, что двѣ параллельныя линіи никогда не сойдутся, хотя бы продолжены были въ безконечность. Ясно, что подъ словомъ „точныхъ“ истинъ разумѣются тѣ истины, которыхъ очевидности и непреложности не можетъ не признать ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, не лишenny здраваго смысла, прежде всего отличающаго людей отъ животныхъ. Въ этомъ отношеніи наука, въ высшемъ ея значеніи, т. е. философія, и поэзія — повторяемъ — тождественны: та и другая равно далеки отъ того, что имѣетъ хотя видъ „точности“. Но въ хаотической борьбѣ и противоположности понятій, убѣжденій и вкусовъ насчетъ произведеній искусства внимательный взоръ открываетъ, какъ и во всѣхъ великихъ явленіяхъ жизни, торжество единства, которое тѣмъ выше и поразительнѣе торжества „точности“, чѣмъ, повидимому, неопредѣленнѣе и неувловимѣе для разсудка сущность искусства. Океанъ времени, смытый съ лица земли греческія республики, вынесъ имена: Гомера, Гезіода, Эсхила, Софокла, Пиндара, Анакреона. — и теперь всѣ, считающіе себя причастниками даровъ вдохновенія, охотно или поневолѣ, все-таки дивятся этимъ именамъ. Удачно сдѣланная копія съ Аполлона Бельведерскаго возбуждаетъ всеобщій восторгъ, а оригиналамъ, состоящимъ изъ двухъ кусковъ мрамора, нѣтъ цѣны. Неизбѣжно, зѣвнущіе отъ драмъ Шекспира и втайнѣ предпочитающіе имъ мыльные пузыри водевилей, вслухъ хвалятъ Шекспира и оскорбляются, если съ нимъ сравниваютъ кого бы то ни было. Но это работа времени: въ пестротѣ современности торжество единства мнѣнія еще поразительнѣе, ибо оно есть вмѣстѣ и торжество разумности надъ близорукою ограниченностію, надъ борьбою мелкихъ страстей. Пушкинъ явился у насъ во времена классической неподвижности, и потому какъ благосклонно и пріятливо встрѣтило его молодое поколѣніе, такъ непріязненно и сурово приняло его старое поколѣніе, и въ особенности записные поэты, и литераторы и словесники того вре-

мени. Но истина взяла свое, — и, несмотря на смѣшанные крики и ожесточенные споры, общее мнѣніе тотчасъ же превознесло имя молодого поэта превыше всѣхъ поэтическихъ лауреатовъ, прежде него и при немъ бывшихъ.

Но это торжество единства надъ разнообразіемъ и противорѣчіемъ во мнѣніяхъ о такомъ неопредѣленномъ и неточномъ предметѣ, каково искусство, выходитъ не изъ множества, не изъ толпы, но отъ немногихъ и избранныхъ переходитъ въ толпу. Не всѣ могутъ и не всѣ должны понимать изящное; его понимаютъ только немногіе, избранные. Кто по натурѣ своей есть духъ отъ духа, — тотъ по праву рожденія причастенъ всѣхъ даровъ духа, недоступныхъ плоти и ея душѣ — разсудку. *Разсудокъ* ставитъ человѣка выше всѣхъ животныхъ; но только *разумъ* дѣлаетъ его человѣкомъ по превосходству. Разсудокъ не шагаетъ далѣе „точныхъ“ наукъ и не понимаетъ ничего, выходящаго изъ тѣснаго круга „полезнаго“ и „наущнаго“; разумъ же объемлетъ безконечную сферу сверхъопытнаго и сверхчувственнаго, дѣлаетъ яснымъ непостижное, очевиднымъ — неопредѣленное, опредѣленнымъ — „неточное“. Искусство принадлежитъ къ этой сферѣ бытія, доступной только разуму — и потому понимать поэзію нельзя выучиться, такъ же, какъ нельзя выучиться писать стихи. Восприимлемость впечатлѣній изящнаго есть своего рода талантъ: она не пріобрѣтается ни наукою, ни образованіемъ, ни упражненіемъ, но дается природою. Постигненіе поэзіи есть откровеніе духа, а таинство откровенія сокрывается въ натурѣ человѣка; между тѣмъ, извѣстно, что натуры людей разнообразны до безконечности и представляютъ собою безконечную лѣстницу съ безконечными ступенями — снизу вверхъ или сверху внизъ, смотря по тому, съ котораго конца будете смотрѣть на нее. Поэзія первоначально воспринимается сердцемъ, и уже имъ передается головѣ. Потому, чье сердце жестко и черство отъ природы для воспріятія впечатлѣній изящнаго, — окружите его съ малолѣтства произведеніями искусства, толкуйте ему цѣлую жизнь о поэзіи, — онъ пріобрѣтетъ только навыкъ къ ея формамъ и пріучится судить о ихъ вѣншей отдѣлкѣ; но сущность творчества навсегда останется для него тайною, которой онъ и подозрѣвать не будетъ. И такихъ людей, чуждыхъ поэзіи по натурѣ своей, несравненно больше, чѣмъ людей, одаренныхъ инстинктомъ изящнаго. Почему же это? — Потому же, почему число художниковъ относится къ толпѣ, какъ единица къ миллиону. — А почему же существуетъ это отношеніе? На такой вопросъ даетъ превосходный отвѣтъ Моцартъ Пушкина, говоря Сальери:

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но вѣтъ: тогда бѣ не могъ
И мѣръ существовать; никто бѣ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни;
Все предалось бы вольному искусству,
Насъ мало избранныхъ счастливецъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единого прекраснаго жрецовъ.

Обыкновенно толпа такъ же холодна и
равнодушна къ искусству, какъ приверженна
и предана пользѣ;—и поэтъ имѣетъ полное
право, въ порывѣ благороднаго негодованія,
отвѣчать на ея бессмысленные крики:

Молчи, бессмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все—на вѣсь
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій:
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Такъ что же!
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь...

Но чѣмъ равнодушнѣе и холоднѣе толпа
къ дѣлу искусства, тѣмъ выше и порази-
тельнѣе торжество искусства надъ толпою:
невольнo подчиняясь вліянію избранниковъ
природы, оно признаетъ его *автономію*¹⁾,
несмотря на его „неточность“, и тѣмъ са-
мымъ дѣлаетъ явнымъ единодержавіе разума.
И поэтъ, существо, называющее пользу—
этотъ идолъ толпы—презрѣнною, поэтъ воз-
буждаетъ къ себѣ суевѣрное удивленіе толпы,
сбираетъ дань ея рукоплесканій, возбуждаетъ
въ ней восторгъ своимъ появленіемъ. Это
такое явленіе, передъ которымъ поневолѣ
задумается самый жаркій поклонникъ „полез-
наго“, постигшій всю глубину „точной“ пре-
мудрости...

Итакъ, оставимъ въ сторонѣ всѣхъ вра-
говъ изящнаго; забудемъ о равнодушіи толпы
къ дѣлу искусства и не будемъ бояться, что
одни насъ не поймутъ, другіе съ нами не
согласятся, а третьи будутъ надъ нами
смѣяться—и возвратимся къ вопросу, кото-
рымъ мы начали статью: что такое поэзія?
Только во дни кипучей и неискушенной опы-
тами жизни юности человѣку сродно питать
благородное, но несбыточное желаніе—увѣ-
рить весь свѣтъ въ истинѣ своихъ убѣжде-
ній, одинаковымъ языкомъ и одинаковымъ жа-
ромъ говорить со всѣми о томъ, что доступно
только нѣкоторымъ, и огорчаться, что нѣко-
торые не понимаютъ того, чего и не дано, и
не нужно имъ понимать... Будемъ говорить
для всѣхъ и всѣмъ, но будемъ надѣяться

только на отзывъ немногихъ... И что жъ—
развѣ это не великое счастье—пробудить по-
летъ къ высокому въ иной дремлющей душѣ?
развѣ это не великое счастье—родить въ себѣ
сочувствіе въ сердцѣ, котораго мы никогда
не знали и не узнаемъ, которое живетъ, мо-
жетъ быть, въ далекомъ отъ насъ уголку
этого міра, но которое отъ нашихъ строкъ
забьется въ ладъ съ нашимъ сердцемъ и, въ
общемъ человѣческомъ интересѣ, сознаетъ
свое родство съ нами по духу, въ ознамено-
ваніе торжества духа надъ условіями про-
странства и времени!..

Что же такое поэзія?—спрашиваете вы.
желая скорѣе услышать рѣшеніе интереснаго
для васъ вопроса, или, можетъ быть, лукаво
желая привести насъ въ смущеніе отъ со-
знанія нашего безсилія рѣшить столь важный
и трудный вопросъ... То или другое—все
равно; но прежде, чѣмъ мы вамъ отвѣтимъ,
сдѣлаемъ вопросъ и вамъ, въ свою очередь.
Скажите: какъ назвать то, чѣмъ отличается
лицо человѣка отъ восковой фигуры, которая
чѣмъ съ бѣльшимъ искусствомъ сдѣлана, чѣмъ
похожѣе на лицо живого человѣка, тѣмъ
большее возбуждаетъ въ насъ отвращеніе?
Скажите: чѣмъ отличается лицо живого че-
ловѣка отъ лица покойника?—Вѣдь форма
одинаково правильна въ томъ и другомъ, тѣ же
части и та же соотвѣтственность и строй-
ность въ частяхъ. Отчего эти глаза такъ
свѣтлы, такъ полны смысла и разумности,
что вы читаете въ нихъ какую-то мысль, что
они какъ-будто хотятъ сказать вамъ что-то
задушевное и любовное; а тѣ—такъ тусклы,
стеклянны!.. Дѣло ясное: въ первыхъ есть
жизнь, а во вторыхъ ея нѣтъ. Но что же
такое эта „жизнь“? Мы знаемъ процессы че-
ловѣческаго тѣла, знаемъ, что жизнь чело-
вѣка въ его организмѣ, что она продолжается
вмѣстѣ съ обращеніемъ крови въ его жилахъ
и прекращается вмѣстѣ съ прекращеніемъ
кровообращенія; но мы знаемъ также, что
нашъ организмъ не машина, которая заво-
дится или останавливается, подобно часамъ,
чрезъ извѣстное колесо, или извѣстный ор-
ганъ. И чѣмъ дальше углубимся мы въ та-
инство организма, чѣмъ, повидимому, ближе
будемъ къ тайнѣ жизни, тѣмъ на самомъ
дѣлѣ будемъ дальше отъ нея, тѣмъ неудо-
вимѣе будетъ она для насъ. Но мертвые бы-
ваютъ и между живыми, такъ же, какъ и жи-
вые между мертвыми, ибо что жизнь для жи-
вотнаго, то смерть для человѣка; что жизнь
для Ирокеза, то смерть для Европейца; что
жизнь для раба житейскихъ нуждъ и пользы,
который ничего не видитъ дальше удовлетво-
ренія потребностямъ голода и кармана, или
мелкаго тщеславія,—то смерть для человѣка
мыслящаго и чувствующаго. И что существуетъ
въ идеѣ, то выражается въ формахъ: посмо-

¹⁾ *Автономія* есть право предмета, основанное не на вѣншихъ уваженіяхъ, какъ-то пользѣ, преданіи (traditio) или постороннемъ авторитетѣ, но на сущности самого предмета. Впрочемъ, это слово довольно удовлетворительно объяснено даже въ русскомъ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“. Любопытные могутъ спра-
виться въ первомъ его томѣ.

трите, какое животное лицо у этого человека, съ сонными и мутными глазами, съ апатическимъ выраженіемъ, — толстаго, одержимаго одышкою, сейчасъ только плотно покушавшаго, — и посмотрите, какимъ огнемъ сверкаютъ черные глаза этого худощаваго, блѣднолицаго человека, какая подвижность въ его физиономію, сколько страсти въ его голосъ! Не правда ли, первый — мертвецъ; другой — полонъ жизни? Но жизнь безконечно разнообразна въ своихъ проявленіяхъ. Тигръ полонъ жизни въ сравненіи съ черепахою, но жизнь его все-таки чисто органическая, животная; ея источникъ — горячая кровь, обильные электричествомъ нервы. Такъ и въ иномъ человекѣ много жизни, но эта жизнь не покоряетъ васъ себѣ неотразимымъ обаяніемъ, и вы готовы сказать ей:

Въ ней признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣ жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!

Безконечное разстояніе раздѣляетъ человека страсти отъ человека чувства; но еще большее разстояніе раздѣляетъ человека, оставшагося при одномъ непосредственномъ чувствѣ, отъ человека, въ которомъ рабскій инстинктъ, хотя бы даже и благородныхъ наклонностей, перешелъ въ свободное сознаніе, котораго чувство просвѣтлено мыслию. Нигдѣ жизнь не является столько жизнію, какъ въ сферѣ духовныхъ интересовъ и разумаго сознанія, которые движутъ волею человека и поддерживаютъ ея неистощимую дѣятельность: это самый пышный цвѣтъ жизни, ея высшее развитіе, ея высшая ступень, это жизнь по превосходству; въ сравненіи съ нею всякая другая, низшая степень жизни есть настоящая смерть. Но жизнь всегда жизнь, въ чемъ бы ни проявлялась она, на какой бы степени развитія ни стояла. Неизмѣримо разстояніе, раздѣляющее духовную жизнь генія отъ безсознательныхъ явленій природы, но и въ природѣ, даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ ея развитія, жизнь является святымъ и великимъ таинствомъ. Духъ человѣческій съ безграничнымъ упоеніемъ прислушивается къ прозябанію дольней лозы, къ подводному ходу морского гада, къ шелесту листьевъ, колеблемыхъ въ знойный полдень лѣтнимъ вѣтеркомъ: онъ сознаетъ съ ними свое родство; онъ чуетъ въ нихъ незримое присутствіе, слышитъ въ нихъ вѣяніе того же бессмертнаго духа жизни, который, подобно огню Prometheus, живить и его собственное существованіе. Для живого человека природа всюду является одушевленною: онъ слышитъ ея голосъ и въ безмолвномъ образованіи металловъ, въ таинственной лабораторіи нѣдръ земныхъ, и въ завываніи вѣтра, — тамъ, у полюсовъ, въ царствѣ вѣчной зимы и смерти,

на звонкихъ льдахъ воздымающаго пушистыя вьюги; въ приливъ и отливъ воды онъ видитъ какъ бы тяжелое, напряженное дыханіе исполинской груди сѣдого старца-океана... Полонъ таинственной думы для души нашей чернѣйшійся вдали лѣсъ, и когда подходимъ мы къ нему, нами невольно овладѣваетъ какая-то дѣтская робость, какой-то мистическій, но полный обаянія ужасъ, — и мы повторяемъ съ поэтомъ:

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль?

Порой, во тьмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины его выходятъ
И на людей наводятъ страхъ.
Съ приходомъ дня уходятъ тѣни:
Слѣдовъ ихъ нѣтъ; лишь на вершинахъ
Остивъ туманъ, да, въ темной грусти,
Ночь безразсвѣтная лежитъ..
Какая жъ тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,
Въ забвеніе погружаетъ чувство
И тайны новыя рождаетъ?
Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ безсознательно живетъ,
Что въ царствѣ безотрадной смерти
Свое величье сознаетъ?..

Нѣтъ, не безсознательность, но чувство своего сродства, своей общности, своего тождества со всѣмъ великимъ царствомъ жизни заставляетъ нашъ духъ видѣть свое отраженіе въ таинственныхъ явленіяхъ природы!.. Повидимому, отторгнутый отъ общаго своею индивидуальностію, ставши въ человекѣ личностію, — духъ нашъ тѣмъ живѣе и глубже чувствуетъ свое таинственное единство съ безсознательною природою, которая не чувствуетъ своего единства съ нимъ... Въ природѣ нѣтъ нашего духа, но въ насъ есть духъ природы, ибо законъ бытія таковъ, что высшее необходимо заключаетъ въ себѣ низшее. Да, у духа нашего есть общее съ природою, — и это общее есть жизнь, и потому-то она говоритъ ему такимъ понятнымъ и родственнымъ языкомъ, и все въ ней влечетъ его къ себѣ, все —

И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растений,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи
Грузинки жарко-молодой..

Неисчислимы и разнообразны предметы міра, но въ нихъ есть единство, и всѣ они — частныя явленія общаго. Вотъ почему философія говоритъ, что существуетъ одно общее. Вздохи дышущей груди жизни — ея частныя явленія рождаются и умираютъ, приходятъ и переходятъ, а жизнь никогда не умираетъ,

никогда не переходит: такъ въ океанѣ рождаются волны, и волна гонитъ волну, волна смѣняетъ волну,—а океанъ все такъ же великъ и глубокъ, такъ же живетъ и движется на своемъ бездонномъ, необъятномъ ложѣ;—а въ его кристаллѣ все такъ же торжественно отражается лучезарное солнце, и все такъ же колышется и трепещетъ ночное небо, усыпанное мириадами звѣздъ. Каждый человѣкъ есть отдѣльный и особенный міръ страстей, чувства, желаній, сознанія; но эти страсти, это чувство, это желаніе, это сознаніе принадлежатъ не одному какому-нибудь человѣку, но составляютъ достояніе человѣческой природы, общее всѣхъ людей. И потому, въ комъ больше общаго, тотъ больше и живетъ; въ комъ нѣтъ общаго — тотъ живой мертвецъ. Чѣмъ же выражается причастность человѣка общему?—Въ доступности всему, что сродно человѣческой натурѣ, что составляетъ ея сущность и характеръ; въ правѣ сказать о себѣ: „я человѣкъ—и ничто человѣческое не чуждо мнѣ“. Кто причастенъ общему, для того личныя выгоды и потребности житейскія—интересы второстепенныя, а природа и человѣчество—главнѣйшіе интересы. Чья личность есть выраженіе общаго, тотъ жаждетъ сочувствія ближнихъ, трепетнаго упоенія любви, кроткаго счастья дружбы, жаждетъ волненій чувства, бурь и непогодъ жизни, борьбы съ препятствіями; тотъ все понимаетъ, на все откликается: и въ раззолоченныхъ палатахъ, среди богатства и роскоши, онъ слышитъ стоны нищеты и бѣдствія, и сердце его содрогаются, но не отвращается отъ ихъ пронзительныхъ диссонансовъ; окруженный всѣмъ, что горячо любить онъ, что зоветъ роднымъ и милымъ,—онъ откликается на вопль и слезы вѣчной разлуки и невозвратимой утраты, и плачетъ о чужомъ горѣ, котораго самъ не испыталъ; пылкій юноша, онъ умѣряетъ рѣзкость своихъ движеній, смягчаетъ силу своихъ порывовъ, и благоговѣйно, стыдливо, дѣвственно опускаетъ пламенные взоры въ присутствіи старца, на лицѣ котораго сіяетъ кроткій свѣтъ чувства, дрожащій голосъ котораго льется свѣтлою волною любви; согбенный лѣтами старецъ, онъ съ умиленіемъ смотритъ на рѣзвое дитя, которое по зеленому лугу гонится за цестрою бабочкою; онъ радуется его дѣтской радости, принимаетъ участіе въ младенческой печали; онъ прощаетъ заблужденіе пламенной юности, снисходителенъ къ кипѣнію ея порывистыхъ страстей, онъ понимаетъ мгновенный пламень и внезапную блѣдность на ланитахъ молодой дѣвушки, ея тоскующій взоръ и нѣмую горечь, волненія ея молодой груди, и печаль безъ горя, и страхъ безъ бѣды, и радость безъ причины... Съ благословеніемъ на устахъ, съ умиленіемъ во взорѣ смотритъ она на пыл-

кую юность, которая кружится въ вихрѣ жизни и, полная надеждъ и отваги, гордая сознаніемъ своей силы, спѣшитъ безъ оглядки навстрѣчу будущему, обольщаемая его заманчивою далью, не зная и не желая знать его предательскихъ обмановъ,—и передъ нимъ воскресаетъ прошедшее его собственной жизни, встаютъ милые призраки и знакомые образы невозвратно-протекшихъ лѣтъ, и вмѣсто резонерскихъ поученій и докучнаго ворчанія, онъ повторяетъ про себя съ грустно-радостною улыбкою:

Такъ было прежде
Во время оно и со мной!

Да, жить не значитъ столько-то лѣтъ бѣсть и пить, биться изъ чиновъ и денегъ, а въ свободное время бить хлопнушкою мухъ, зѣвать и играть въ карты; такая жизнь хуже всякой смерти, и такой человѣкъ ниже всякаго животнаго, ибо животное, повинаясь своему инстинкту, вполне пользуется всѣми средствами, данными ему отъ природы для жизни, и неуклонно выполняетъ свое назначеніе. Жить значитъ чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать; всякая другая жизнь—смерть. И чѣмъ больше содержанія объемлетъ собою наше чувство и мысль, чѣмъ сильнѣе и глубже наша способность страдать и блаженствовать, тѣмъ больше мы живемъ: мгновеніе такой жизни существеннѣе ста лѣтъ, проведенныхъ въ апатической дремотѣ, въ мелкихъ дѣйствіяхъ и ничтожныхъ цѣляхъ. Способность страданія усложняетъ въ насъ способность блаженства, и незнающіе страданія не знаютъ и блаженства, не плакавшіе не возрадуются. Когда Мефистофель предлагаетъ Фаусту всѣ блага, всѣ наслажденія, столь высоко цѣнимыя толпою,—Фаустъ отвѣчаетъ ему:

Не думалъ я о наслажденіяхъ.
Я кинуся въ бурный чадъ страстей,
Упыюсь восторгами мученій;
Я ненавижу любви, отраду огорченій
Слышу въ печальной жизни сей.
Святая истина отъ глазъ моихъ сокрыта,
Высокой мудрости уму не суждено.
Всѣмъ горестямъ отнынѣ грудь открыта,
И всѣмъ, что человѣчеству дано,
Въ самомъ себѣ хочу я насладиться
И въ адъ и въ небо погрузиться,
И грусть людей, и радость ихъ испытать,
Съ ихъ бытіемъ свое совокупить
И съ ними наконецъ въ уничтоженьѣ
слиться ¹⁾.

Да, все постичь духомъ, все обнять чувствомъ, всѣмъ возобладать и ничему исключительно не покориться—вотъ жизнь! Но эта жизнь есть достояніе тѣхъ немногихъ, которые стоятъ въ главѣ человѣчества, играютъ роль его представителей. Вотъ одинъ изъ нихъ:

¹⁾ Изъ перевода г. Губера. Прим. Бѣлинскаго.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату и въ царскій чертогъ.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручьи разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна.
И съ нимъ говорила морская волна.

Въ этихъ двѣнадцати стихахъ Баратынского о Гёте заключается высшій идеалъ человеческой жизни и все, что можно сказать о жизни *внутреннюю* человека.

Но, кромѣ природы и личнаго человека, есть еще общество и человечество. Какъ бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человека, какимъ бы горячимъ ключемъ ни была она вовнѣ, и какими бы волнами ни лилась черезъ край, — она неполна, если не усвоить въ свое содержаніе интересовъ внѣшняго ей міра, общества и человечества. Въ полной и здоровой натурѣ тяжело лежать на сердцѣ судьбы родины; всякая благородная личность глубоко сознаетъ свое кровное родство, свои кровныя связи съ отечествомъ. Общество, какъ всякая индивидуальность, есть нѣчто живое и органическое, которое имѣетъ свои эпохи возрастанія, свои эпохи здоровья и болѣзней, свои эпохи страданія и радости, свои роковые кризисы и переломы къ выздоровленію и смерти. *Живой* человекъ носить въ своемъ духѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей крови жизнь общества: онъ болѣетъ его недугами, мучится его страданіями, цвѣтетъ его здоровьемъ, блаженствуетъ его счастьемъ, виѣ своихъ собственныхъ, своихъ личныхъ обстоятельствъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ общество только беретъ съ него свою дань, отторгая его отъ него самого въ извѣстные моменты его жизни, но не покоряя его себѣ совершенно и исключительно. Гражданинъ не долженъ уничтожать человека, ни человекъ гражданина: въ томъ и другомъ случаѣ выходитъ крайность, а всякая крайность есть родная сестра ограниченности. Любовь къ отечеству должна выходить изъ любви къ человечеству, какъ частное изъ общаго. Любить свою родину значитъ пламенно желать видѣть въ ней осуществленіе идеала человечества и по мѣрѣ силъ своихъ споспѣшествовать этому. Въ противномъ случаѣ, патріотизмъ будетъ китизмомъ, который любитъ свое только за то, что оно свое, и ненавидитъ все чужое за то только, что оно чужое, и не на радуется собственнымъ безобразіемъ и уродствомъ. Романъ Англичанина Морьера „Хаджи-Баба“ есть превосходная и вѣрная картина подобнаго *квасного* (по счастливому выраженію князя Вяземскаго) патріотизма. Человѣческой

натурѣ сродно любить все близкое къ ней, свое родное и кровное; но эта любовь есть и въ животныхъ, слѣдовательно, любовь человека должна быть выше. Это превосходство любви человеческой передъ животною состоитъ въ разумности, которая тѣлесное и чувственное просвѣтляетъ духомъ, а этотъ духъ есть общее. Примѣръ Петра Великаго, говорившаго о родномъ сынѣ, что лучше чужой да хорошій, чѣмъ свой да негодный. — лучше всего поясняетъ и оправдываетъ нашу мысль. Конечно, изъ частнаго нельзя дѣлать правило для общаго, но можно черезъ сравненіе объяснять частнымъ общее. Можно не любить и родного брата, если онъ дурной человекъ, но нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было: только надобно, чтобы эта любовь была не мертвымъ довольствомъ тѣмъ, что есть, но живымъ желаніемъ усовершенствованія: словомъ — любовь къ отечеству должна быть вмѣстѣ и любовью къ человечеству.

И вотъ мы сказали о жизни все, что хотѣли сказать о ней, и хотя, повидимому, отделились черезъ это отъ нашего вопроса, но въ сущности только приблизились къ его рѣшенію.

Поэзія есть выраженіе жизни, или, лучше сказать, сама жизнь. Мало этого: въ поэзіи жизнь болѣе является жизнью, нежели въ самой дѣйствительности.

Отсюда вытекаетъ новый вопросъ, рѣшеніе котораго и будетъ рѣшеніемъ вопроса о поэзіи, — вопросъ: если сама жизнь заключаетъ въ себѣ столько поэзіи, такъ что въ сущности своей жизнь и поэзія тождественны, — то зачѣмъ же еще другая поэзія, и какую необходимость можетъ носить въ себѣ искусство, и какое самостоятельное значеніе можетъ имѣть оно?

Много прекраснаго въ *живой дѣйствительности*, или, лучше сказать, все прекрасное заключается только въ живой дѣйствительности; но чтобы насладиться этою дѣйствительностію, мы сперва должны овладѣть ею въ нашемъ разумѣніи, а это возможно только при двухъ условіяхъ: мы должны обнимать ее въ цѣлости и при томъ предметно, такъ чтобы наша личность, наши отношенія не заслоняли ее отъ насъ. И мы этимъ пользуемся, но только въ рѣдкія минуты восторга, въ неожиданныя мгновенія какого-то внезапнаго внутреннего откровенія; по большей части мы теряемся во множествѣ частныхъ и, не видя за ними цѣлаго, ничего въ нихъ не понимаемъ. Даже собственные наши чувства только тогда бываютъ предметомъ нашего наслажденія, когда мы освобождаемся отъ ихъ томящей тяжести, или отъ ихъ трепетнаго волненія, въ которомъ занимается дыханіе, теряется сознаніе, и когда мы возобновляемъ

ихъ въ воспоминаніи. Настоящее никогда не наше, ибо поглощаетъ насъ собою; и самая радость въ настоящемъ тяжела для насъ, какъ и горе, ибо не мы ея, но она нами преобладаетъ. Чтобъ насладиться ея, мы должны отойти отъ нея на извѣстное разстояніе, какъ отъ картины, по требованіямъ освѣщенія, — должны взглянуть на нее свободные отъ нея, какъ на нѣчто внѣ насъ находящееся, *предметное*. Вотъ отчего мы облегчаемся отъ томительной тяжести горя, какъ скоро сообщимъ его другому, или изольемъ его на бумагу для самихъ же себя: мы видимъ его отдѣленнымъ отъ нашей личности, наша личность не заслоняетъ его отъ насъ, — и тогда намъ мило наше горе, мы любимъ вспоминать о немъ, любимъ говорить о немъ, какъ воинъ о своихъ походахъ и опасностяхъ, которымъ онъ подвергался. Все прошедшее получаетъ для насъ новый колоритъ, является какъ бы преображеннымъ: счастье кажется лучшимъ, нежели тогда, какъ мы имъ наслаждались; въ самомъ несчастіи видимъ мы одну поэтическую сторону. Причина этому та, что отдаленность скрадываетъ отъ нашихъ глазъ всѣ неровности, случайности, нечистыя пятна, которыя вблизи первыя бросаются въ глаза. Въ дѣйствительности все покорено законамъ пространства и времени, естественнымъ требованіямъ: и герои ѣдятъ, пьютъ, чувствуютъ холодъ и голодъ, какъ и обыкновенные люди. Вы видите въ природѣ прекрасный ландшафтъ, но какъ? — непременно вдаль и при томъ съ извѣстной точки зрѣнія: отдаленность придаетъ ему живописную прелесть, точка зрѣнія придаетъ ему цѣлость. Сдѣлайте шагъ, перемѣните точку зрѣнія — и ландшафтъ исчезъ: передъ вами что-то нестройное, разбросанное, безъ начала, безъ конца и середины, безъ всякой общности, безъ всякой фizioноміи. Подойдите вблизи къ очаровавшему васъ ландшафту — и вы очутитесь у какой-нибудь негодной избушки, дрянной мельницы, ничтожнаго ручья, обыкновенной рощи, гдѣ на каждомъ шагу спотыкаетесь отъ неровностей, или попадаете въ лужу. А издалека все было такъ чисто, опрятно, красиво, цѣлостно, обрамлено, — настоящая картина! Итакъ, картина лучше дѣйствительности? Да, ландшафтъ, созданный на полотнѣ талантливымъ живописцемъ, лучше всякихъ живописныхъ видовъ въ природѣ. Отчего же? — Оттого, что въ немъ нѣтъ ничего случайнаго и лишняго, всѣ части подчинены цѣлому, все направлено къ одной цѣли, все образуетъ собою одно прекрасное, цѣлостное и индивидуальное. Дѣйствительность прекрасна сама по себѣ, но прекрасна по своей сущности, по своимъ элементамъ, по своему содержанію, а не по формѣ. Въ этомъ отношеніи дѣйствительность есть чистое золото, но не очищенное,

въ кучѣ руды и земли: наука и искусство очищаютъ золото дѣйствительности, перетопляютъ его въ изящныя формы. Слѣдовательно, наука и искусство не выдумываютъ новой и небывалой дѣйствительности, но у той, которая была, есть и будетъ, берутъ готовые материалы, готовые элементы, словомъ — готовое содержаніе; даютъ имъ приличную форму съ соразмѣрными частями и доступнымъ для нашего взора объемомъ со всѣхъ сторонъ. Что, Петръ Великій создалъ въ Россіи армію и флотъ — это фактъ исторической дѣйствительности; но исторія, излагая это дѣло, беретъ изъ него только главныя характеристическія черты, выпуская подробности: не ея дѣло описывать, какъ набирали солдатъ и матросовъ, какъ учили каждого изъ нихъ и прочее. Шекспиръ въ ограниченномъ объемѣ драмы сосредоточиваетъ всю жизнь историческаго лица, напр., какого-нибудь Ричарда II, или важнѣйшее событіе изъ жизни героя, которое въ дѣйствительности могло совершиться только въ нѣсколько лѣтъ. Онъ включаетъ въ свою драму только тѣ черты изъ жизни ея героя, только тѣ факты изъ событія, избраннаго для драматической картины, которые имѣютъ прямое отношеніе къ идеѣ его созданія, а все прочее, хотя бы само по себѣ и интересное, но не относящееся къ основной идеѣ его произведенія, онъ исключаетъ, какъ ненужное. Хотя рамы романа и несравненно обширнѣе стѣсненныхъ рамы драмы, хотя романистъ пользуется и несравненно ббльшею противъ драматурга свободою, но любой романъ Вальтера Скотта или Купера не отниметъ у насъ больше дня непрерывнаго чтенія, а подробное описаніе, въ родѣ мемуаровъ, года жизни каждого человѣка наполнило бы собою вдесятеро большее число томовъ, нежели цѣлая жизнь героя или важнѣйшее событіе изъ нея въ романѣ, состоящемъ изъ четырехъ небольшихъ книжекъ. Поэтъ не обязанъ описывать, какъ герой его романа обѣдалъ каждый разъ; но поэтъ можетъ изобразить одинъ изъ его обѣдовъ, если этотъ обѣдъ имѣлъ вліяніе на его жизнь, или если въ этомъ обѣдѣ можно представить характеристическія черты обѣдовъ извѣстнаго народа въ извѣстную эпоху. Если герой романа рыцарь, то поэту не для чего описывать всѣ его поединки и сраженія, которые у каждого рыцаря были такъ часты и обыкновенны, какъ у русскаго купца питье чая; но поэтъ можетъ описать важнѣйшіе поединки и сраженія своего героя, или даже и одинъ поединокъ, если только въ немъ духъ рыцарства выразился столь характеристически, что новое описаніе въ этомъ родѣ ничего не дополнитъ, или если характеръ героя въ немъ обозначился такъ полно и рѣзко, что мы по одному его поединку знаемъ уже, какъ бы

онъ сталъ сражаться въ тысячѣ другихъ. Для поэта не существуютъ дробныя и случайныя явленія, но только одни идеалы, или типическіе образы, которые относятся къ явленіямъ дѣйствительности, какъ роды къ видамъ, и которые, при всей своей индивидуальности и особенности, заключаютъ въ себѣ всѣ общія, родовыя примѣты цѣлаго рода явленій въ возможности, выражающихъ собою одну извѣстную идею. И потому каждое лицо въ художественномъ произведеніи есть представитель безчисленнаго множества лицъ одного рода, и потому-то мы говоримъ: этотъ человекъ настоящій Отелло, эта дѣвушка совершенная Офелія. Такія имена, какъ *Онъинъ*, *Ленскій*, *Татьяна*, *Ольга*, *Запорожскій*, *Фамусовъ*, *Скалозубъ*, *Молчалинъ*, *Репетиловъ*, *Хлестова*, *Сквозникъ-Дмухановскій*, *Бобчинскій*, *Добчинскій*, *Держиморда* и прочіе—суть какъ бы не собственные, а нарицательныя имена, общія характеристическія названія извѣстныхъ явленій дѣйствительности. И потому-то въ наукѣ и искусствѣ дѣйствительность больше похожа на дѣйствительность, чѣмъ въ самой дѣйствительности,—и художественное произведеніе, основанное на вымыслѣ, выше всякой были, а историческій романъ Вальтера Скотта въ отношеніи къ нравамъ, обычаямъ, колориту и духу извѣстной страны въ извѣстную эпоху, достовѣрнѣе всякой исторіи. Наука отвлекаетъ отъ фактовъ дѣйствительности ихъ сущность—идею; а искусство, заимствуя у дѣйствительности матеріалы, возводитъ ихъ до общаго родового, типическаго значенія, создаетъ изъ нихъ стройное цѣлое. Какъ по видимому ни нелѣпа мысль французскихъ эстетиковъ прошлаго вѣка, что искусство должно украшать природу, но въ ней есть своя часть истины: только они не поняли самихъ себя, и, по разсудочному противорѣчію, отрицая простое списываніе съ природы, приняли подражаніе природѣ, хотя и украшенной. И если ихъ подражанія были манерны, искусственны и мертвы, то не дальше ихъ ушли и эти quasi романтическія списыванія съ природы, въ которыхъ красуются мужицкія побранки и поговорки во всей ихъ неопрятной естественности. Можно очень натурально изобразить пытку, казнь, несчастную смерть человека, упавшаго въ нетрезвомъ видѣ въ помойную яму,—но всѣ эти изображенія будутъ возмутительны для души, не изящны и бессмысленны, ибо въ нихъ не будетъ никакой разумной мысли, никакой разумной цѣли. Но когда живописецъ представитъ вамъ естественно истязаніе человека за истину и въ лицѣ его выразитъ побѣду душевной твердости надъ физическимъ страданіемъ,—то чѣмъ больше въ картинѣ будетъ естественности, тѣмъ картина будетъ

изящнѣе и художественнѣе. ибо въ ней будетъ видна разумная цѣль и разумная мысль. Что дѣйствительно, то разумно, и что разумно, то и дѣйствительно: это великая истина; но не все то дѣйствительно, что есть въ дѣйствительности, а для художника должна существовать только разумная дѣйствительность. Но и въ отношеніи къ ней онъ не рабъ ея, а творецъ, и не она водитъ его рукою, но онъ вноситъ въ нее свои идеалы и по нимъ преобразуетъ ее.

Итакъ, поэзія есть жизнь по преимуществу, есть сущность, такъ сказать, тончайшій эфиръ, триплъ-экстрактъ, квинтъ-эссенція жизни. Поэзія не описываетъ розы, которая такъ пышно цвѣтетъ въ саду, но, отбросивъ грубое вещество, изъ котораго она составлена, беретъ отъ нея только ея ароматическій запахъ, нѣжные переливы ея цвѣта и создаетъ изъ нихъ свою розу, которая еще лучше и пышнѣе. Поэзія—это невинная улыбка младенца, его ясный взоръ, его звонкій смѣхъ и живая радость. Поэзія—это стыдливый румянецъ на ланитахъ прекрасной дѣвушки, кроткій блескъ ея глубокихъ, какъ море, какъ небеса, голубыхъ очей или яркій огонь ея черныхъ глазъ, волны кудрей, разбѣжавшихся по ея мраморнымъ плечамъ, волненіе ея нѣжной груди, гармонія ея серебрянаго голоса, музыка ея чарующихъ рѣчей, стройность ея стана, художественная рельефность и роскошь ея живыхъ формъ, граціозность и нѣга ея плѣнительныхъ движеній... Поэзія—это огненный взоръ юноши, кипящаго избыткомъ силъ; это его отвага и дерзость, его жажда желаній, неудержимые порывы его стремленія—сжать въ пламенныхъ объятіяхъ и небо и землю разомъ, осушить до дна неистощимую чашу жизни... Поэзія—это сосредоточенная, овладѣвшая собою сила мужа, вполне созрѣвшаго для жизни, искушеннаго ея опытами, съ уравновѣшенными силами духа, съ просвѣтленнымъ взоромъ, готоваго на битву и на подвигъ... Поэзія—это тихій блескъ безцвѣтныхъ глазъ старца, кроткое, какъ ласка, глубокое, какъ дума, выраженіе сіяющаго блескомъ нездѣшной жизни морщиноватаго лица, его спокойный и полный души звукъ его дрожащаго и прерывающагося голоса, его тихая и важная рѣчь, любящая и величающая улыбка его мудрыхъ устъ... Поэзія это свѣтлое торжество бытія, это блаженство жизни, неожиданно посѣщающія насъ въ рѣдкія минуты; это упоеніе, трепеть, млѣніе, нѣга страсти, волненіе и буря чувствъ, полнота любви, восторгъ наслажденія, сладость грусти, блаженство страданія, ненасытимая жажда слезъ; это страстное, томительное, тоскливое порываніе куда-то, въ какую-то всегда обольстительную и никогда недостигаемую сторону,—это вѣчная и никогда неудовлетворимая жажда все

обнять и со всѣмъ слиться; это тотъ божественный пафосъ, въ которомъ сердце наше бьется въ одинъ ладъ со вселенною, предъ упоеннымъ взоромъ летаютъ безъ покрова безплотныя видѣнія высшаго бытія, а очарованному слуху слышатся гармонія сферъ и міровъ,—тотъ божественный пафосъ, въ которомъ земное сіяетъ небеснымъ, а небесное сочетается съ земнымъ, и вся природа является въ брачномъ блескѣ разгаданнымъ іероглифомъ помирившагося съ нею духа... Весь міръ, всѣ цвѣты, краски и звуки, всѣ формы природы и жизни могутъ быть явленіями поэзіи; но сущность ея—то, что скрывается въ этихъ явленіяхъ, живить ихъ бытіе, очаровывается въ нихъ игрою жизни. Поэзія—это бѣніе пульса міровой жизни, это ея кровь, ея огонь, ея свѣтъ и солнце.

Поэтъ — благороднѣйшій сосудъ духа, избранный любимецъ небесъ, таинникъ природы, золова арфа чувствъ и ощущеній, органъ міровой жизни. Еще дитя, онъ уже сильнѣе другихъ сознаетъ свое родство со вселенной, свою кровную связь съ нею; юноша — онъ уже переводитъ на понятный языкъ ея вѣчную рѣчь, ея таинственный лепетъ... Но послушаемъ лучше самого поэта: свидѣтельство, которому нельзя не повѣрить... Онъ говоритъ:

Все волновало вѣжнѣйшій умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блиставье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ легалъ.
Мнѣ звуки дивныя шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава:
Въ ней грезы чудныя рождались,
Въ размѣры стройныя стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рѣмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихоръ буйный,
Иль пволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шонотъ рѣчи тихоструйной.

Есть еще другіе стихи Пушкина, болѣе чудные, болѣе глубокіе, и потому самому неизвестные толпою, извѣстные только немногимъ истиннымъ поклонникамъ и жрецамъ изящнаго; въ этихъ стихахъ заключается полнѣйшая характеристика поэта и высочайшая апофеоза художника. Поэтъ обращается къ *эву*:

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзывать... Таковъ
И ты, поэтъ!

Да, все, чѣмъ живетъ міръ и что живетъ въ мірѣ—находитъ свой отзвѣвъ во всеобъемлющей груди поэта; и ни одно существо на землѣ не имѣетъ большаго права примѣнять къ себѣ слова Фауста:

Всевышній духъ! Ты все, ты все мнѣ дашь,
О чемъ тебя я умолялъ:
Нѣ даромъ зрѣлся мнѣ
Твой ликъ сіяющій въ огнѣ.
Ты дашь природу мнѣ, какъ царство во владѣнье;
Ты дашь души моей
Даръ чувствовать ее, дашь силу наслажденія.
Иной едва скользитъ по ней
Холоднымъ взглядомъ удивленія:
Но я могу въ ея таинственную грудь,
Какъ въ сердце друга заглянуть¹⁾.

Но кто же онъ, самъ поэтъ, въ отношеніи къ прочимъ людямъ? — Это организація воспримчивая, раздражительная, всегда дѣятельная, которая при малѣйшемъ прикосновеніи даетъ отъ себя искры электричества, которая болѣзненнѣе другихъ страдаетъ, живѣе наслаждается, пламеннѣе любитъ, сильнѣе ненавидитъ; словомъ — глубже чувствуетъ; натура, въ которой развиты въ высшей степени обѣ стороны духа — и пассивная и дѣятельная. Уже по самому устройству своего организма поэтъ больше, чѣмъ кто-нибудь, способенъ вдаваться въ крайности, и, возносясь превыше всѣхъ къ небу, можетъ быть, ниже всѣхъ падаетъ въ грязь жизни. Но и самое паденіе его не то, что у другихъ людей: оно слѣдствіе ненасытимой жажды жизни, а не животной алчбы денегъ, власти и отличій. Эта жажда жизни въ немъ такъ велика, что за одну минуту упоенія страсти, за одинъ мигъ полноты чувства онъ готовъ жертвовать всѣмъ своимъ будущимъ, всѣми надеждами, всею остальною жизнію. У него — по выраженію Гезіода — *пѣнь всегда на умѣ, а въ груди сердце беззаботное*²⁾. Когда онъ чувствуетъ приближеніе бога и обдумываетъ за-рождающееся въ немъ новое созданіе, тогда—

Пройдя безъ шума близъ него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ сновъ!
Взгляни съ слезой благоговѣнья,
И молви: это сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья!

Когда онъ творитъ — онъ царь, онъ властелинъ вселенной, повѣренный тайнъ природы, прозирающій въ таинства неба и земли, природы и духа человѣческаго, только ему одному открыты: но когда онъ находится въ обыкновенномъ земномъ расположеніи — онъ *человѣкъ*, но *человѣкъ*, который можетъ быть ничтожнымъ, и никогда не можетъ быть низ-

¹⁾ Переводъ Веневитинова.

Прим. Бѣлинскаго.

²⁾ „Теорія Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ“ С. Шевырева, стр. 18.

Прим. Бѣлинскаго.

кимъ, который чаще другихъ можетъ падать, но который такъ же быстро возстаетъ, какъ падаетъ, — который всегда готовъ отозваться на голосъ, несущійся къ нему отъ его родины — неба. Но послушаемъ его собственной исповѣди:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчить его святая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ,
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людей чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенія полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ
Въ широкошумныя дубровы..

Какая цѣль поэзіи? — вопросъ, который для людей, обдѣленныхъ отъ природы эстетическимъ чувствомъ, кажется такъ важенъ и неудоборѣшимъ. Поэзія не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама себѣ есть цѣль, такъ же, какъ истина въ знаніи, какъ благо въ дѣйствіи. Не все ли намъ равно — знать или не знать, что не относится къ нашей жизни или нашимъ выгодамъ, что и высоко и далеко отъ насъ, какъ это небо, котораго и безконечно-малой частицы никогда не придвинемъ мы къ себѣ всѣми телескопами? Однакожъ астрономъ посвящаетъ всю жизнь свою этому небу, — и открытіе новой звѣзды, которая не прибавитъ ни полтины къ его годовому доходу, дѣлаетъ его счастливымъ и блаженнымъ. Развѣ потому мы должны любить добро, что насъ за него хвалятъ или награждаютъ? Развѣ мы должны отрекаться отъ него и сворачивать на широкую дорогу зла, какъ скоро увидимъ, что добро не только не приноситъ намъ никакихъ процентовъ, но еще подвергается насъ гоненіямъ и несчастіямъ? Подобно истинѣ и благу, красота есть сама себѣ цѣль и по праву царствуетъ надъ вселенной только властію своего имени, неотразимымъ обаяніемъ своего дѣйствія на души людей. Вотъ въ ярко-освѣщенную, великолѣпную залу входитъ красавица, — и трепещетъ пылкая юность, разглаживаются морщины на челѣ старости, улыбка радости проясняетъ сонныя отъ пустоты и скуки лица; кажется, царства мало за одинъ взглядъ ея; лавровый вѣнокъ героя, лучезарный ореолъ поэта готовы пасть къ ногамъ ея, лишь бы только захотѣла она замѣнить ихъ... А между тѣмъ, вы въ лицѣ ея тщетно отыскиваете выраженіе какой-нибудь опредѣленной идеи, оттѣнка какого-нибудь

опредѣленнаго чувства: ничего, ничего, кромѣ безбрежнаго моря красоты и граціи, въ которомъ тонуть ваши очарованные взоры, исчезаетъ все существо ваше... Объясните мнѣ: для чего такая красота, какая цѣль ея, — и я объясню вамъ со всевозможною ясностію и даже „точностію“, для чего существуетъ поэзія, какая цѣль ея... И если бы нашлись люди, надъ которыми красота не имѣетъ никакой власти, не будемъ спорить съ ними! Хладные скопцы (по выраженію Пушкина), лишены огня прометеева, — стоятъ ли они словъ, и имъ ли можно растолковать, почему дилеттантъ такъ благоговѣнно и цѣломудренно любитъ обнаженную красоту Венеры Медичейской, и за обломокъ древней капители, барельефа, или камію, готовъ жертвовать всѣмъ достояніемъ своимъ, съ безумною горячіюстію любовника, которому и жизни не жаль за одну улыбку возлюбленной...

Вотъ какъ понималъ красоту „божественный Платонъ“ и какъ во всѣ вѣка будутъ понимать ее умы благородные и возвышенные:

Наслажденіе красотою въ этомъ земномъ мірѣ возможно въ человѣкѣ только по воспоминанію той единой, истинной и совершенной красоты, которую душа припоминаетъ себѣ въ первоначальной ея родинѣ. Вотъ почему зрѣлище прекраснаго на землѣ, какъ воспоминаніе о красотѣ горней, способствуетъ тому, чтобъ окрылять душу къ небесному и возвращать ее къ божественному источнику всякой красоты.

Красота была свѣтлаго вида въ то время, когда мы, счастливымъ хоромъ, слѣдовали за Діемъ, въ блаженномъ видѣніи и созерцаніи, другіе же за другими богами: мы зрѣли и совершали блаженнѣйшее изъ всѣхъ таинствъ; приобщились ему всецѣльные, не причастные бѣдствіямъ, которыя въ позднее время насъ постигли; погружались въ видѣнія совершенныя, простыя, нестрашныя, но радостныя, и созерцали ихъ въ свѣтѣ чистомъ, сами будучи чисты и не запятаны тѣмъ, что мы, нынѣ влача съ собою, называемъ тѣломъ, мы, заключенные въ него, какъ въ раковину.

Красота одна получила здѣсь этотъ жребій: быть пресвѣтлою и достойною любви. Не исполнѣ посвященный, развратный стремится къ самой красотѣ, не взирая на то, что носитъ ея имя; онъ не благоговѣетъ передъ нею, а подобно четвероногому, ищетъ одного чувственнаго наслажденія, хочетъ слить прекрасное съ своимъ тѣломъ... Напротивъ того, вновь посвященный, увидѣвъ богамъ подобное лицо, изображающее красоту, сначала трепещетъ; его объемятъ страхъ; потомъ, созерцая прекрасное, какъ бога, онъ обожаетъ, и если бы не боялся, что назовутъ его безумнымъ, онъ принесъ бы жертву предмету любимому... ¹⁾.

Какъ красота, такъ и поэзія — выразительница и жрица красоты, сама себѣ цѣль, и

¹⁾ „Теорія Поэзіи въ ист. разв. у др. и нов. народовъ“. С. Шевырева, стр. 31—32.

Прим. Бѣлинскаго.

Эту цитату читатели еще нѣсколько разъ встрѣтятъ въ статьяхъ Бѣлинскаго 1841—1843 гг.; см. по этому поводу наше примѣчаніе на стр. 212—213 второго тома настоящаго изданія.

внѣ себя не имѣетъ никакой цѣли. Если она возвышаетъ душу человѣка къ небесному, настраиваетъ ее къ благимъ дѣйствіямъ и чистымъ помысламъ—это уже не цѣль ея, а прямое дѣйствіе, свойство ея сущности; это дѣлается само собою, безъ всякаго предначертанія со стороны поэта. Поэтъ есть живописецъ, а не философъ. Всегдашній предметъ его картинъ и изображеній есть „полное славы творенье“ — міръ со всею безконечностію и разнообразіемъ его явленій. Поэзія говоритъ душѣ образами,—и ея образы суть выраженіе той вѣчной красоты, первообразъ которой блещетъ въ мірозданіи и во всѣхъ частныхъ явленіяхъ и формахъ природы. Поэзія не терпитъ отвлеченныхъ идей въ ихъ безтѣлесной наготѣ, но самыя отвлеченныя понятія воплощаетъ въ живые и прекрасные образы, въ которыхъ мысль сквозитъ, какъ свѣтъ въ граненомъ хрусталѣ. Поэтъ видитъ во всемъ формы, краски, и всему даетъ форму и цвѣтъ, овеществляетъ невещественное, дѣлаетъ земнымъ небесное—да свѣтитъ земное небеснымъ свѣтомъ! Для поэта всѣ явленія въ мірѣ существуютъ сами по себѣ; онъ переселяется въ нихъ, живетъ ихъ жизнью, и съ любовію лелѣетъ ихъ на своей груди такъ, какъ они есть, не измѣняя по своему произволу ихъ сущности. Это не значитъ, чтобъ поэтъ не могъ отрываться отъ созерцанія міра, взятаго въ самомъ себѣ, и вносить въ него свой идеалъ, чтобъ лиру пѣснопѣнія, кинжалъ трагедіи и трубу эпопеи не могъ онъ мѣнять на громы благороднаго негодованія и даже на свистокъ сатиры; молитву оставлять для проповѣди, и прошедшее, міровое и вѣчное, забывать на минуту для современности и общества: но смѣшно требовать, чтобъ въ этомъ онъ увидѣлъ цѣль своей жизни и за долгъ себѣ поставилъ подчинить свое свободное вдохновеніе разнымъ „текущимъ потребностямъ“. Свободный какъ вѣтеръ, онъ повинуетъ только внутреннему своему признанію, таинственному голосу движущаго имъ бога, а на крики *тупой* черни, которая бы стала приставать къ нему въ своей дикой слѣпотѣ:

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребиай,
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, близняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя—

онъ можетъ и долженъ отвѣчать, если только стоитъ она отвѣта:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!

Въ развратѣ каменитѣе смѣло,
Не оживитъ васъ лиры гласъ.
Душѣ противны вы какъ гробы,
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Вичи, темницы, топоры:
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!

Поэтъ не подражаетъ природѣ, но соперничеству съ нею,—и его созданія исходятъ изъ того же источника, тѣмъ же самымъ процессомъ, какъ и всѣ явленія природы, съ тою только разницею, что на сторонѣ процесса его творчества есть еще и сознаніе, котораго лишена природа и ея дѣятельность. Вся природа со всѣми ея явленіями есть плодъ вдохновеннаго порыва духа—изъ идеальной области возможнаго перейти въ реальную область дѣйствительнаго, стать фактомъ, чтобъ потомъ, въ разумѣнномъ своемъ явленіи—человѣкѣ, взглянуть на себя, какъ на нѣчто особое, сознать себя. И всякое произведение искусства есть плодъ вдохновеннаго усилія художника—вывести наружу, осуществить вовнѣ внутренній міръ своихъ безплотныхъ идеаловъ. Итакъ, вдохновеніе есть источникъ всякаго творчества; но искусство выше природы настолько, насколько всякое сознательное и свободное дѣйствіе выше безсознательнаго и невольнаго. Но сознаніе, при актѣ творчества, есть не дѣятель, а только какъ-бы свидѣтель, дабы творчество было художнику въ наслажденіе и награду. Конечно, всякое дѣйствіе есть уже необходимо и сознаніе; но подъ сознаніемъ въ творествѣ не должно разумѣть дѣятельность разсудка, трудъ соображенія, разсчета и механическую работу: вдохновеніе, которое Платонъ называетъ *манією*,—вотъ единственный дѣятель творчества, а разсудокъ враждебенъ творчеству и мертвитъ его. „Кто—говоритъ Платонъ—безъ маніи, внушаемой музами, приходитъ къ вратамъ поэзіи, убѣжденный въ томъ, что искусствомъ (*ἐχτέλητης*) сдѣлается изъ него хорошій поэтъ, тотъ никогда не будетъ совершеннымъ, и поэзія его, какъ поэзія *благоразумнаго*, будетъ отличаться отъ поэзіи *безумствующихъ*“¹⁾).

Вообще, понятіе Платона о вдохновеніи такъ глубоко вѣрно и такъ поэтически, *вдохновенно* выражено, что, сообщивъ его, мы скажемъ о вдохновеніи все, что только можно сказать:

¹⁾ „Теорія Поэзіи“ С. Шевырева, стр. 33.

Прим. Бѣлинскаго.

..... Не искусствомъ (*тетникою*), но энтузіазмомъ и вдохновеніемъ великіе эпические поэты сочиняють свои прекрасныя произведенія. Славныя лирики также, подобно людямъ, возмущаемымъ безуміемъ корибантова, пляшущихъ внѣ себя, не остаются въ умѣ своемъ, когда творять изысканныя пѣснопѣнія: какъ скоро вошли они въ ладъ гармоніи и рима, то преисполняются безуміемъ, объемлются восторгомъ, подобнымъ восторгу вакханокъ, которыя въ минуту упоенія черпають въ рѣкахъ млеко и медъ, чего не бываетъ съ ними во время покоя. Въ душѣ поэтовъ лирическихъ на самомъ дѣлѣ совершается то, чѣмъ они хвалятся. Они говорятъ намъ, что черпають въ медовыхъ источникахъ, что, подобно пчеламъ, летаютъ они по садамъ и долинамъ музъ, и въ нихъ собирають пѣсни, которыя поютъ намъ. Они говорятъ правду. Поэтъ въ самомъ дѣлѣ есть существо легкое, крылатое и святое; онъ можетъ творить тогда только, когда восторгъ его обьметъ, когда онъ выйдетъ изъ себя и разсудокъ покинетъ его. Но пока имѣетъ онъ съ нимъ, человѣкъ неспособенъ творить все и произносить пророчества.

Итакъ, если не искусствомъ, а божественнымъ вдохновеніемъ творять поэты, то каждый изъ нихъ, по жребію Божию, успѣваетъ только въ томъ родѣ, къ которому муза его призываетъ. Одинъ превосходитъ въ днѣпрѣ, другой въ похвальной одѣ, третій въ плясовой пѣснѣ, четвертый въ эпосѣ, пятый въ ямбахъ, и всѣ будутъ слабы во всякомъ другомъ родѣ, потому что не искусство, а сила божественная внушаетъ ихъ. Если бы искусствомъ они умѣли творить, то могли бы успѣть въ разныхъ родахъ. А конецъ, на какой богъ, отъемля у нихъ смыслъ, употребляетъ ихъ какъ служителей своихъ паравнѣ съ пророками и гадателями, есть тотъ, чтобы мы, внимая имъ, познавали, что не сами собою они говорятъ намъ вещи дивныя, ибо они внѣ своего разума, но что самъ богъ чрезъ нихъ къ намъ глаголетъ¹⁾.

Этотъ взглядъ на вдохновеніе, такъ простодушно, въ духѣ младенческой древности выраженный, удивителенъ по своей глубокости. Ясно, что Платонъ „благоразуміемъ“ называетъ разсудочное, обыкновенное, будничное, такъ сказать, состояніе нашего духа; а подъ „безуміемъ“ разумѣетъ тотъ божественный паѳосъ, то состояніе вдохновеннаго ясновидѣнія, когда разумъ человѣка созерцаетъ таинство высшаго міра, а воля его движетъ горами. Въ самомъ дѣлѣ, восторгъ наслажденія, изступленіе радости, упоеніе страданія, тоска разлуки, трепетъ свиданія, обаяніе любви, отвага самага жертвованія, готовность пострадать за правое дѣло и истину, сладострастіе вдохновенія: — что все это, если не безуміе?.. Но это безуміе разумное, безуміе божественное, которое возноситъ человѣка превыше премудрыхъ міра сего и равняетъ его съ богами... А мертвое равнодушіе, затаенное въ формы приличія, разсчеты мелкаго самолюбія и эгоизма, размѣренные шаги къ ничтожной цѣли, отреченіе отъ истиннаго назначенія человѣческаго для

достиженія ея: — что все это, если не благоразуміе? Но не будемъ говорить о благоразуміи: оно врагъ поэзіи, а предметъ статьи — поэзія...

Все, сказанное нами о поэзіи вообще, легко приложить къ поэзіи Лермонтова.

Гдѣ вдохновеніе неподдѣльно, тамъ есть и поэзія, и чьей натурѣ сродно вдохновеніе, тотъ поэтъ, но и вдохновеніе имѣетъ свои степени, и въ каждомъ поэтѣ отличается особеннымъ характеромъ: въ одномъ оно искрится и пичитъ пѣною, какъ шампанское, и подобно шампанскому тотчасъ же оживаетъ легкимъ, но и скоропреходящимъ похмельемъ; въ другомъ оно льется свѣтлою, прозрачною рѣчкою, съ смѣющимися зелеными берегами; въ третьемъ оно бьетъ и стремится бурными волнами, съ громомъ, пѣною и брызгами, подобно піагарскому водопаду; въ четвертомъ оно подобно океану, безъ береговъ и дна, отражающему въ себѣ и небесный куполъ, съ его солнцемъ, луною и міриадами звѣздъ, и страшныя тучи, съ ихъ мракомъ и молніями — океану, который равно величественъ и въ тишину, и въ бурю, который несетъ на своихъ могучихъ волнахъ и утлый челнокъ рыбака, и огромныя флоты, и который въ необъятныхъ таинственныхъ нѣдрахъ своихъ заключаетъ цѣлыя міры живыхъ существъ, и великихъ и малыхъ, и горы раковинъ, и лѣса коралловъ. Жизнь одна и та же во всѣхъ своихъ явленіяхъ, но одно изъ нихъ объемлетъ собою только извѣстную часть ея, другое же заключаетъ въ себѣ безконечно великое содержаніе жизни. Таково же и отношеніе между поэтами: въ отношеніи къ акту творчества, къ процессу вдохновенія пѣсня Беранже совершенно равна любой драмѣ Шекспира, но въ отношеніи къ содержанію жизни, которое объемлетъ собою то и другое изъ упомянутыхъ произведеній, между ними безконечная разность въ важности, цѣнности и достоинствѣ. И эта разница существуетъ не только въ пьесахъ разнаго рода, какъ, наприм., застольная пѣсенка и высокая драма: она можетъ существовать и между двумя застольными пѣснями, написанными на одинъ и тотъ же предметъ, но только разными поэтами. И вотъ здѣсь-то можно видѣть превосходство одного поэта передъ другимъ; пѣсня одного читается съ наслажденіемъ, но рѣдко вспоминается и скоро забывается; другого — чѣмъ больше читается, тѣмъ больше наслажденія доставляетъ, и даже прочитанная разъ, навсегда остается въ памяти — если не словами своими, то своимъ колоритомъ, тѣмъ „нѣчто“ для выраженія котораго нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ. Сравните „Поэта“ Языкова съ „Поэтомъ“ Пушкина, котораго мы выпи- сали выше, въ нашей статьѣ, и съ его же

¹⁾ „Теорія Поэзіи“ С. Шевырева, стр. 35—36.

Прим. Вѣлинскаго.

стихотвореніемъ „Поэту“¹⁾: сначала вамъ можетъ показаться, что пьеса Лыкова выше обѣихъ пушкинскихъ; но вы скоро—если въ васъ есть эстетическое чувство—замѣтите въ первой, при всемъ ея блескѣ, нѣкоторую напряженность, съ какою она составлена. и благородную простоту, естественность, неизмѣримую глубину двухъ послѣднихъ и ихъ безконечное превосходство надъ первою... Причина этой разности есть разность сколько въ талантѣ, столько и въ натурахъ обонхъ поэтовъ: одинъ смотритъ на природу вещей извнѣ, видитъ только ея наружность; другой проникъ въ ея сущность и обратилъ ее въ свое достояніе, по праву законнаго властелина...

Немного поэтовъ, къ разбору произведеній которыхъ было бы нестрашно приступить съ такимъ длиннымъ предисловіемъ, съ предварительнымъ взглядомъ на сущность поэзіи: Лермонтовъ принадлежитъ къ числу этихъ немногихъ... Подробное разсмотрѣніе небольшой книжки его стихотвореній покажетъ, что въ ней кроются всѣ стихіи поэзіи, что она заключаетъ въ себѣ возможность въ будущемъ нѣсколькихъ и при томъ большихъ книгъ... Мы увидимъ, что свѣжесть благоуханія, художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и благородная простота образовъ, энергія, могучесть языка, алмазная крѣпость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразіе идей, необъятность содержанія—суть родовыя характеристическія примѣты поэзіи Лермонтова и залогъ ея будущаго, великаго развитія...

Чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ больше принадлежитъ онъ обществу, среди котораго родился, тѣмъ тѣснѣе связано развитіе, направленіе и даже характеръ его таланта съ историческимъ развитіемъ общества. Пушкинъ началъ свое поэтическое поприще „Русланомъ и Людмилою“—сочиненіемъ, котораго идея отзывается слишкомъ раннею молодостію, но которое кипитъ чувствомъ, блестя въ всѣхъ красками, благоухаетъ всѣми цвѣтами природы, созданіемъ неистощимо веселымъ, игривымъ... Это была шалость генія послѣ первой опорожненной имъ чаши на свѣтломъ пирѣ жизни... Лермонтовъ началъ историческою поэмою, мрачною по содержанію, суровою и важною по формѣ... Въ первыхъ своихъ лирическихъ произведеніяхъ Пушкинъ явился провозвѣстникомъ челоѣчности, пророкомъ высокихъ идей общественныхъ; но эти лирическія стихотворенія были столько же полны свѣтлыхъ надеждъ, предчувствія торжества, сколько силы и энергіи.

Въ первыхъ лирическихъ произведеніяхъ Лермонтова, разумѣется, тѣхъ, въ которыхъ онъ особенно является русскимъ и современнымъ поэтомъ, также виденъ избытокъ несокрушимой силы духа и богатырской силы въ выраженіи; но въ нихъ уже нѣтъ надежды, они поражаютъ душу читателя безотрадною, безвѣріемъ въ жизнь и чувства челоѣческія, при жадѣ жизни и избыткѣ чувства... Нигдѣ нѣтъ пушкинскаго разгула на пирѣ жизни; но вездѣ вопросы, которые мрачатъ душу, леденятъ сердце... Да, очевидно, что Лермонтовъ поэтъ совѣтъ другой эпохи, и что его поэзія—совѣтъ новое звено въ цѣпи историческаго развитія нашего общества¹⁾.

Первая пьеса Лермонтова напечатана была въ „Современникѣ“ 1837 года, уже послѣ смерти Пушкина. Она называется „Бородино“. Поэтъ представляетъ молодого солдата, который спрашиваетъ стараго служаку:

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнить вся Россія
Про день Бородина.

Вся основная идея стихотворенія выражена во второмъ куплетѣ, которымъ начинается отвѣтъ стараго солдата, состоящій изъ тринадцати куплетовъ:

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Эта мысль—жалоба на настоящее поколѣніе, дремлющее въ бездѣйствіи, зависть къ великому прошедшему, столь полному славы и великихъ дѣлъ. Дальше мы увидимъ, что эта *тоска по жизни* внушила нашему поэту не одно стихотвореніе, полное энергіи и благороднаго негодованія. Что же до „Бородина“—это стихотвореніе отличается простотою, безыскусственностію: въ каждомъ словѣ слышите солдата, языкъ котораго, не переставая быть грубо простодушнымъ, въ то же время благороденъ, силенъ и полонъ поэзіи. Ровность и выдержанность тона дѣлаютъ осязаемо оцутительною основную мысль поэта. Впрочемъ, какъ ни прекрасно это стихотвореніе, оно не могло еще показать, чего отъ его автора должна была ожидать наша поэзія. Въ 1838 году въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ была напечатана его

¹⁾ „Поэтъ! не дорожи любовью народной“.

Прим. Бѣлинскаго.

¹⁾ Замѣтимъ для большей ясности и „точности“, что, говоря объ обществѣ, мы разумѣемъ только чувствующихъ и мыслящихъ людей новаго поколѣнія.

Прим. Бѣлинскаго.

поэма „Пѣсня про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“; это произведение сдѣлало извѣстнымъ имя автора, хотя оно явилось и безъ подписи этого имени. Спрашивали: кто такой безымянный поэтъ? кто такой Лермонтовъ? писалъ ли онъ что-нибудь кромѣ этой поэмы? Но, несмотря на то, эта поэма все-таки еще не оцѣнена, толпа и не подозреваетъ ея высокаго достоинства. Здѣсь поэтъ отъ настоящаго міра неудовлетворяющей его русской жизни перенесся въ ея историческое прошлое, подслушалъ бѣніе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, простодушную суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкій размахъ его чувства, и, какъ-будто современникъ этой эпохи, принялъ условія ея грубой и дикой общественной, со всѣми ихъ оттѣнками, какъ будто бы никогда и не знавалъ о другихъ,—и вынесъ изъ нея вымышленную быль, которая достойнѣе всякой дѣйствительности, несомнѣннѣе всякой исторіи.

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
 Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
 Про твоего любимаго опричника,
 Да про смѣлаго купца про Калашникова:
*Мы сложили ее на старинный ладъ,
 Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ
 И причитывали, да присказывали.*
 Православный народъ ею тѣшился,
 А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
 Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго,
 А боярыня его бѣлолицая
 Поднесла намъ на блюдь серебряномъ
 Полотенце новос, шелкомъ шитое.
 Угощали насъ три дня, три ночи,
 И все слушали—не наслушались.

И подлинно, этой пѣсни можно заслушаться, и все нельзя ея довольно наслушаться: какъ маніемъ волшебнаго скипетра воскрешаетъ она прошлое—и мы не можемъ насмотрѣться на него, забываемъ для него свое настоящее, ни на минуту не сводимъ съ него взоровъ, боясь, чтобъ оно не исчезло отъ насъ. На первомъ планѣ видимъ мы Иоанна Грознаго, котораго память такъ кровава и страшна, котораго колоссальный обликъ живъ еще въ преданіи и въ фантазіи народа... Что за явленіе въ нашей исторіи былъ этотъ „мужъ кровей“, какъ называетъ его Курбскій? Былъ ли онъ Людовикомъ XI нашей исторіи, какъ говоритъ Карамзинъ?.. Не время и не мѣсто распространяться здѣсь о его историческомъ значеніи; замѣтимъ только, что это была сильная натура, которая требовала себѣ великаго развитія для великаго подвига; но какъ условія тогдашняго полу-азиатскаго быта и внѣшнія обстоятельства

отказали ей даже въ какомъ-нибудь развитіи, оставивъ ее при естественной силѣ и грубой мощи, и лишили ее всякой возможности пересоздать дѣйствительность,—то эта сильная натура, этотъ великій духъ повелѣлъ исказиться и нашли свой выходъ, свою отраду только въ безумномъ мщеніи этой ненавистной и враждебной имъ дѣйствительности... Тиранія Иоанна Грознаго имѣетъ глубокое значеніе, и потому она возбуждаетъ къ нему скорбѣе сожалѣніе, какъ къ падшему духу неба, чѣмъ ненависть и отвращеніе, какъ къ мучителю... Можетъ быть, это былъ своего рода великій человѣкъ, но только не во-время, слишкомъ рано явившійся Россіи,—пришедшій въ міръ съ призваніемъ на великое дѣло и увидѣвшій, что ему нѣтъ дѣла въ мірѣ: можетъ быть, въ немъ безсознательно кипѣли всѣ силы для измѣненія ужасной дѣйствительности, среди которой онъ такъ безвременно явился, которая не побѣдила, но разбила его, и которой онъ такъ страшно мстилъ всю жизнь свою, разрушая и ее и себя самого въ болѣзненной и безсознательной ярости... Вотъ почему изъ всѣхъ жертвъ его свирѣпства онъ самъ наиболѣе заслуживаетъ соболѣзнованія; вотъ почему его колоссальная фигура, съ блѣднымъ лицомъ и впалыми, сверкающими очами, съ головы до ногъ облита такимъ страшнымъ величіемъ, нестерпимымъ блескомъ такой ужасающей поэзіи... И такимъ точно является онъ въ поэмѣ Лермонтова: взглядъ очей его—молнія, звукъ рѣчей его—громъ небесный, порывъ гнѣва его—смерть и пытка; но сквозь всего этого, какъ молнія сквозь тучи, проблескиваетъ величіе падшаго, униженнаго, искаженнаго, но сильнаго и благороднаго по своей природѣ духа...

Поэма начинается картиною царскаго пира: въ золотомъ вѣнцѣ своемъ сидитъ грозный царь, окруженный стольниками, боярами, князьями и опричниками,

И пируетъ царь во славу Божію,
 Въ удовольствіе свое и веселіе.

Онъ велитъ наполнить золотой ковшъ заморскимъ виномъ, обнести пирующихъ—

И всѣ пили, царя славяли.

Лишь только одинъ изъ опричниковъ

Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ,
 и сидѣлъ съ крѣпкою думою на сердцѣ.
 Гнѣвно взглянулъ на него царь, словно
 ястребъ съ высоты небесъ на молодого голубя сизокрылаго,—

Да не подпалъ глазъ молодой боецъ.

Царь стукнулъ объ полъ своею палкою, съ желѣзнымъ наконечникомъ—палка на четверть вонзилась въ дубовый полъ, но и тутъ не дрогнулъ добрый молодецъ.

Вотъ промолвилъ царь слово грозное
И очнулся тогда добрый молодецъ.
„Гей ты, вѣрный нашъ слуга Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али слава нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискутила?
*Когда всходитъ мѣсяцъ—звѣзды раздуются,
Что свѣтлый имъ цѣлать по поднебесью;
А который въ тучку прячется,
Та стремглавъ на землю падаетъ...*
Не прилично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушаться;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютинной!..

Низко кланяясь, опричникъ просить у царя
извиненія, говоря:

*Сердца жаркаго не зальетъ виномъ,
Душу черную—не запотчивать!
А прощайвалъ я тебя—воля царская;
Прикажи казнить, рубить голову;
Тюмтитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.*

Царь спрашиваетъ о причинѣ печали, и
его вопросы—перлы народной нашей поэзіи,
полнѣйшее выраженіе духа и формъ русской
жизни того времени. Таковъ же и отвѣтъ,
или, лучше сказать, отвѣты опричника, по-
тому что, по духу русской національной по-
эзіи, онъ отвѣчаетъ почти стихомъ на стихъ.
Боясь длинноты, не выписываемъ этого мѣста;
но вторая половина рѣчи Кирибѣевича ды-
шетъ такою полнотою чувства, блещетъ та-
кими самоцвѣтными камнями народной поэзіи,
что мы не можемъ удержаться, чтобы не пе-
речестъ его вмѣстѣ съ нашими читателями.
Вина печали удалого бойца—молодушка, ко-
торая закрывается фатою, когда на него лю-
буются красныя дѣвушки:

На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходить плавно—будто лебедушка,
Смотритъ сладко—какъ голубушка,
Молвить слово—соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя.
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Носы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя.
По плечамъ бѣгутъ, извиваются.
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Въ семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой,
Опускаются руки смѣлыя,
Помрачаются очи бѣлыя;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые,
И ве надо мнѣ золотой казны:
Съ вѣмъ казною своею подѣлюсь теперь?
*Передъ кѣмъ покажу удайство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похваляюсь?*
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казачье.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье бусурманское,
И раздѣлють по себѣ злы Татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце браное черкасское.

*Мои очи слезами корнями выколютъ,
Мои кости сырыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...*

Какая сильная, могучая натура! Ея страсть—
лава, ея горестъ тяжела и трудна; это уда-
лое, разгульное отчаяніе, которое въ молоде-
чествѣ, въ подвигѣ крови и смерти ищетъ
своего утоленія! Сколько поэзіи въ словахъ
этого опричника, какая глубокая грусть ды-
шетъ въ нихъ,—эта грусть, которая разры-
ваетъ сильную душу, но не убиваетъ ея, эта
грусть, которая составляетъ основной эле-
ментъ, родную стихію, главный мотивъ нашей
національной поэзіи!

Со смѣхомъ отвѣчаетъ царь своему люби-
мому слугѣ, что его горю-бѣдѣ не мудрено
помочь, предлагаетъ ему яхонтовый перстень
и жемчужное ожерелье, велитъ сперва покло-
ниться „смышлёной“ свахѣ, а потомъ по-
слать къ своей Аленѣ Дмитріевнѣ дары драго-
цѣнные:

Какъ полюбишься—празднуй свадьбу,
Не полюбишься—не прогнѣвайся.
— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказали тебѣ правды истинной,
Не повѣдали тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣчана,
Перевѣчана съ молодымъ кунцомъ
По закову нашему христіанскому...

Какъ ударъ грома, какъ приговоръ смерти
поражаетъ душу читателя этотъ отвѣтъ
опричника,—и тщетно испуганный слухъ его
ждетъ, что скажетъ на это грозный царь:
поэтъ опускаетъ занавѣсъ на эту такъ траги-
чески-недоконченную картину, такъ страшно
прерванную сцену; передъ вами нѣтъ героевъ
поэмы, и вы съ трудомъ вѣрите, что видѣли
все это не на яву передъ собою, но что все
это—только рассказъ пѣсельниковъ...

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, нейте дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшите вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Но этотъ удалой припѣвъ, эти затѣйливыя
прибаутки народнаго остроумія не веселятъ
васъ; сердце ваше сжимается болѣзненною
тоскою: оно чуетъ горе, предвидитъ бѣду;
повѣсть превращается для васъ въ мрачную
драму, съ трагическою катастрофою, и завязка
уже готова, дѣйствіе уже зародилось. Вы
видите, что любовь Кирибѣевича—не шуточ-
ное дѣло, не простое волокитство, но страсть
натуры сильной, души могучей. Вы понимаете,
что для этого человѣка нѣтъ середины: или
получить, или погибнуть! Онъ вышелъ изъ-
подъ опеки естественной нравственности сво-
его общества, а другой, болѣе высшей, болѣе
человѣческой, не приобрѣлъ: такой развратъ,
такая безнравственность въ человѣкѣ съ силь-
ною натурою и дикими страстями опасны и

страшны. И при всемъ этомъ онъ имѣетъ опору въ грозномъ царѣ, который никого не пожалѣетъ и не пощадитъ, даже за обиду, не только за гибель своего любимца, хотя бы этотъ былъ рѣшительно виноватъ.

Занавѣсъ поднятъ—и передъ нами новая картина: молодой купецъ, статный молодецъ, Степанъ Парамоновичъ, по прозванію Калашниковъ, за прилавкою,

Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой онъ гостей заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.

Это другая сторона русскаго быта того времени; на сценѣ является представитель другого класса общества. Первое его появленіе на сцену располагаетъ васъ въ его пользу: почему-то вы чувствуете, что это одинъ изъ тѣхъ упругихъ и тяжелыхъ характеровъ, которые тихи и кротки только до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не расколыхаютъ ихъ, одна изъ тѣхъ желѣзныхъ натуръ, которыя и обиды не стерпятъ и сдачи дадутъ. Сильнѣе и сильнѣе щемитъ ваше сердце—чуется оно недоброе, тѣмъ больше, что „молодому купцу статному молодцу“ задался не добрый день.

Ходятъ мимо бояре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ...
Отзвонили вечерни во святыхъ церквахъ:
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо,—
Гонятъ ихъ мятлица распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостинный дворъ.

Калашниковъ запираетъ свою лавочку дубовою дверью. „да нѣмецкимъ замкомъ со пружиною“, привязываетъ на желѣзную цѣпь зубастаго пса,

И пошелъ онъ домой, *призадумавшись*,
Къ молодой хозяйкѣ за Москву-рѣку.

Отчего же онъ призадумался?—Или душа человека чуется шелестъ шаговъ незримо слѣдующей по пятамъ его судьбы, которая обрѣкла его въ свои жертвы?..

Пришедъ въ свой „высокій“ домъ, Степанъ Парамоновичъ дивится, что его не встрѣчаютъ ни молодая жена, ни малыя дѣтушки, что дубовый столъ не покрытъ бѣлою скатертью, и свѣча передъ образомъ еле теплится. Кличитъ онъ старуху Еремѣевну и спрашиваетъ, куда въ такой поздній часъ „дѣвалась, затаилась“ Алена Дмитріевна, и не заигрались ли его любезныя дѣти, что такъ рано уложились спать? И слышитъ въ отвѣтъ:

... Къ вечернѣ пошла Алена Дмитревна;
Вотъ ужъ ночь прошелъ съ молодой попадѣй,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать,—
А по-сю пору твоя хозяйшка
Изъ приходской церкви не вернулась.
А дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли—
Плачемъ плачутъ все, не унимаются.

Въ этихъ стихахъ полная картина домашняго быта и простыхъ, малосложныхъ, простодушныхъ, семейственныхъ отношеній у нашихъ предковъ.

Смутился Степанъ Парамоновичъ крѣпкою думою.

И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу —
А на улицѣ ночь темнехонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаешь слѣдъ человѣческій.
Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью
хлопнула,

Потомъ слышитъ шаги торопливые:
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молодая жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетеныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны;
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя,
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

Онъ спрашивалъ ее, гдѣ она шаталася: ужъ не гуляла ли, не пировала ли съ дѣтьми боярскими, что волосы ея такъ растрепаны и одежда изорвана.

Не на то передъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами мѣнялись!

Онъ грозитъ запереть ее за дубовую дверь окованную, за желѣзный замокъ, чтобъ она и свѣту Божьяго не видѣла, его имени честнаго не порочила.

Какъ осиновый листъ затряслася Алена Дмитріевна, упала мужу въ ноги, прося его выслушать ее и говоря, что она „не боится смерти лютыя, а боится его немилости“; въ двѣнадцати стихахъ полная картина супружескихъ отношеній варварскаго времени! Жена рассказываетъ мужу, что, шедши отъ вечерни домой, услышала за собою чьи-то шаги, „оглянулася—человѣкъ бѣжитъ“; этотъ человѣкъ схватилъ ее за руки, говоря ей, что онъ слуга царя грознаго, прозывается Кирибѣевичемъ, а изъ славныхъ семьи изъ Малютиной...

Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,
А цѣлуя все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ парицу я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать,
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!
И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Подъѣлуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитеу сосѣдушки,
Смѣялись, на насъ пальцемъ показывали...

Рванувшись изъ рукъ его, она оставила у него свою фату бухарскую и узорный пла-

токъ,—подарочекъ мужа. Заключение ея разсказа состоитъ въ жалобахъ на свой позоръ и въ просьбахъ мужу—не дать ея, свою вѣрную жену, въ поруганіе злымъ охульникамъ. Тогда Степанъ Парамоновичъ посылаетъ за своими двумя меньшими братьями и рассказываетъ объ обидѣ, нанесенной ему злымъ опричникомъ царскимъ:

*А такой обиды не стерпитъ души,
Да не вынести сердцу молодецкому!*

говорить имъ о своемъ намѣреніи биться на смерть съ опричникомъ на кулачномъ бою, который будетъ завтра на Москвѣ-рѣкѣ, при самомъ царѣ, и просить ихъ постоять за правду, если самъ будетъ побитъ.

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
„Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесы,
Туда мчатся и тучки послушныя,
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветь пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя роднаго не выдадимъ.“

Изъ этого отвѣта видно, что семья Калашниковыхъ хоть и не славилась столько, какъ Малютиныхъ, но состояла изъ сизаго орла съ орлятами... Превосходно очеркнулъ поэтъ въ этомъ отвѣтѣ, будто мимоходомъ, и простоту родственныхъ отношеній нашихъ предковъ, гдѣ право первородства было и правомъ власти, гдѣ старшій братъ заступалъ мѣсто отца для младшихъ. И это сдѣлано имъ не въ описаніи, а въ живой картинѣ, въ самомъ разгарѣ въ высшей степени драматическаго дѣйствія. Этою сценою семейнаго совѣщанія оканчивается вторая часть драматической поэмы: дѣйствующія лица и завязка дѣйствія уже рѣзко обозначились,—и сердце наше замираетъ отъ предчувствія горестной развязки...

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской, бѣлокаменной
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Въ небо чистое смотреть, улыбается.
*Ужъ зачѣмъ ты, алая заря просыпалася?
На какой ты радости разыралася?*

На Москву-рѣку сходились удалые молодцы, „разгуляться для праздника, потѣшиться“. Самъ царь пріѣхалъ съ дружиною, боярами и опричниками, и велѣлъ оцѣпить серебряною цѣпью мѣсто въ 25 сажень „для охотничкаго бою, одиночнаго“. Потомъ царъ велѣлъ вызывать охотниковъ:

Кто побьетъ кого, того царъ наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!

Выходитъ Кирибѣевичъ и съ похвальбою вызываетъ супротивниковъ, обѣщая „лишь по-

тѣшить царя батюшку, но для праздника отпустить живаго“.

Вдругъ раздалась толпа—и выходитъ Степанъ Парамоновичъ.

Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горять его очи соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

Кирибѣевичъ, не выходя изъ тона своей удалой молодецкой похвальбы, спрашиваетъ Калашникова о родѣ-племени и имени, „чтобъ знать по комъ панихиду служить, чтобъ было чѣмъ и похвастаться“.

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одному изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
*Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!*
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ:
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ оно — ужасное торжество совѣсти въ глубокой натурѣ, которая никогда не отрѣшится отъ совѣсти, какъ бы ни была искажена развратомъ, какъ бы ни страшно погрязла въ пороки!.. Всегда надъ нею грозная длань нравственнаго закона, грозный голосъ суда Божія, потому что она сама—свой нравственный законъ и свой неумолимый судъ!..

Начинается бой (мы пропускаемъ его подробности); правая сторона побѣдила,

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ за-мертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.

Не правда ли: вамъ жаль удалого, хотя и преступнаго бойца? съ невыразимою тоскою повторите вы за поэтомъ жалобную мелодію, которою выразилъ онъ его паденіе?.. А между тѣмъ, вы же сами желали побѣды благородному купцу и гибели его преступному оскорбителю?.. Таково обаяніе великихъ натуръ: какъ бы ни было велико ихъ преступленіе, но, наказанныя, онѣ привлекаютъ все удивленіе и всю любовь нашу:—мы видимъ въ нихъ жертвы неотразимой судьбы, и братскимъ по-

цѣлуемъ прощанія и прощенія въ холодныя, посинѣлыя уста ихъ запечатлѣваемъ торжество возстановленной ихъ смертію гармоніи общаго, которую нарушили-было они своей виною...

Грозный царь воспалился гнѣвомъ, и спрашиваетъ Калашникова: вольною волею или нехотя убилъ онъ его вѣрнаго слугу и лучшаго бойца? Вѣроятно Калашниковъ могъ бы еще спасти себя ложью, но для этой благородной души, дважды такъ страшно потрясенной — и позоромъ жены, разрушившимъ его семейное блаженство, и кровавою местию врагу, невозвратившею ему прежняго блаженства, — для этой благородной души жизнь уже не представляла ничего обольстительнаго, а смерть казалась необходимою для уврачеванія ея неисцѣлимыхъ ранъ... Есть души, которыя довольствуются кое-чѣмъ — даже остатками бывшаго счастья; но есть души, лозунгъ которыхъ — все или ничего, которыя не хотятъ запятнаннаго блаженства, разъ потемненной славы: такова была и душа удалого купца, статнаго молодца, Степана Парамоновича Калашникова! Онъ сказалъ царю всю правду, скрывъ, однако, причину своего мщенія:

А за что, про что — не скажу тебѣ!
Скажу только Богу единому!

Какая дивная черта глубокаго знанія сердца человѣческаго и древнихъ нравовъ! Какая высокая, трагическая черта! Онъ охотно идетъ на казнь, и лишь проситъ царя „не оставить своей милостью милыхъ дѣтушекъ, молодой жены да двухъ братьевъ его“. Въ отвѣтъ царя рѣзко, во всемъ страшномъ величьи, выказывается колоссальный образъ Грознаго:

Хорошо тебѣ, дѣтинушка
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и спроть твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему Царству Русскому шпрокому
Торговать безданию, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
*Я топоръ велю наточить, наострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Чтобъ знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...*

Какая жестокая иронія, какой ужасный сарказмъ! и мертвый содрогнулся бы отъ него во гробѣ! А между тѣмъ, въ согласіи на милость женѣ, покровительствѣ дѣтямъ и братьямъ осужденнаго проблескиваетъ лучъ благородства и величія царственной натуры, и какъ-бы невольное признаніе достоинства человѣка, который обреченъ судьбою безвременной и насильственной смерти!.. Какая страшная трагедія! сама судьба въ лицѣ Грознаго присутствуетъ предъ нами и управляетъ ея

ходомъ!.. И едва-ли во всей исторіи человѣчества можно найти другой характеръ, который могъ бы съ большимъ правомъ представлять лицо судьбы, какъ Іоаннъ Грозный!..

На площади собирается народъ; гудитъ-воетъ заунывный колоколъ; по высокому лобному мѣсту весело похаживаетъ палачъ, руки голыя потираючи:

Удалова бойца дожидается,
А лихой боецъ, молодой кунецъ, —
Съ родными братьями прощается.

Онъ велитъ имъ поклониться отъ него Аленѣ Дмитревнѣ да *заказать* ей меньше печалиться, а дѣтушкамъ про него не велитъ сказывать...

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Въ крови на плаху покатила.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ, промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ Тульской, Рязанской, Владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ-шумятъ вѣтры буйныя
Надъ его безыменной могилою.

И вотъ, занавѣсъ опустился, трагедія кончилась, колоссальные образы ея героевъ исчезли изъ глазъ нашихъ, прошедшее стало опять прошедшимъ —

И что жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?

Что? — могила, мрачное жилище тлѣнія и смерти; но надъ этою могилою вѣтъ жизнь, царитъ воспоминаніе, нѣмою рѣчью говорить преданіе:

И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,
Пройдетъ молодецъ — пріосанится,
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдутъ гуслары — споютъ пѣсенку.

Какія роскошныя дани, какія богатые жертвы приносятся этой могилѣ живыми! И она стоитъ ихъ, ибо не живые въ ней, мертвой, — но она, мертвая, рождаетъ жизнь въ живыхъ; заставляетъ ихъ и креститься, и пріосаниваться, и пригорюниваться, и пѣть пѣсни!.. Васъ огорчаетъ, заставляетъ страдать горестная и страшная участь благороднаго Калашникова; вы жалѣете даже и о преступномъ опричникѣ: понятное человѣческое чувство! Но безъ этой трагической развязки, которая такъ печалитъ ваше сердце, не было бы и этой могилы, столь краснорѣчивой, столь живой, столь полной глубокаго значенія, и не было бы великаго подвига, который такъ возвысилъ вашу душу, и не было бы чудной пѣсни поэта, которая такъ очаровала васъ... И потому, да перемѣнится печаль ваша на радость, и да будетъ эта радость свѣтлымъ торжествомъ побѣды безсмертнаго надъ смертнымъ, общаго надъ частнымъ! Благословимъ непреложные законы

бытія и міродержавныхъ судебъ, и повторимъ, за поэтомъ, музыкальный финалъ, которымъ, по старинному и достохвальному русскому обычаю, заставляеть онъ гусяровъ заключить свою поэтическую пѣсню:

Гей вы, ребята удаше.
Гусяры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали—красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.
Тароватому боярину слава!
И красавицъ боярынь слава!
И всему народу христіанскому слава!

Излагая содержаніе этой поэмы, уже извѣстной публикѣ, мы имѣли въ виду намекнуть на богатство ея содержанія, на полноту жизни и глубину идеи, которыми она запечатлѣна, что же до поэзіи образовъ, роскоши красокъ, прелести стиха, избытка чувства, охватывающаго душу огненными волнами, свѣжести колорита, силъ выраженія, трепетнаго, полнаго страсти одушевленія,—эти вещи не толкуются и не объясняются... Мы выписали цѣлую часть поэмы—пусть читають и судятъ сами: кто не увидитъ въ этихъ стихахъ того, что мы видимъ, для тѣхъ нѣтъ у насъ очковъ, и едва-ли какой оптикъ въ мірѣ поможетъ имъ.

Содержаніе поэмы, въ смыслѣ разсказа происшествія, само по себѣ полно поэзіи; если бы оно было историческимъ фактомъ, въ немъ жизнь являлась бы поэзіею, а поэзія жизнью. Но тѣмъ не менѣе онъ не существовалъ бы для насъ, нашли ли бы мы его въ простодушной хроникѣ старыхъ временъ, или, по какому-нибудь чуду, сами были его свидѣтелями—оно было бы для насъ мертвымъ матеріаломъ, въ который только поэтъ могъ бы вдохнуть душу живу, отдѣливъ отъ него все случайное, произвольное, и представивъ его въ гармоническомъ цѣломъ, поставленномъ и освѣщенномъ сообразно съ требованіями точки зрѣнія свѣта. И въ этомъ отношеніи нельзя довольно удивиться поэту: онъ является здѣсь опытнымъ, гениальнымъ архитекторомъ, который умѣетъ такъ согласить между собою части зданія, что ни одна подробность въ украшеніяхъ не кажется лишнею, по представляется необходимою и равно важною съ самыми существенными частями зданія, хотя вы и понимаете, что архитекторъ могъ бы легко вмѣсто нея сдѣлать и другую. Какъ ни пристально будете вы вглядываться въ поэму Лермонтова, не найдете ни одного лишняго или недостающаго слова, черты, стиха, образа; ни одного слабого мѣста: все въ ней необходимо, полно, сильно! Въ этомъ отношеніи ея никакъ нельзя сравнить съ народными легендами, носящими на себѣ имя ихъ собирателя—Кирши Данилова: то дѣтскій лепетъ, часто поэтический, но

часто и прозаическій, нерѣдко образный, но чаще символическій, уродливый въ цѣломъ, полный ненужныхъ повтореній одного и того же ¹⁾; поэма Лермонтова—созданіе мужественное, зрѣлое и столько же художественное, сколько и народное. Безыменные творцы этихъ безыскусственныхъ и простодушныхъ произведеній составляли одно съ вѣющимъ въ нихъ духомъ народности; они не могли отъ нея отдѣлиться, она заслоняла въ нихъ саму же себя; но нашъ поэтъ вошелъ въ царство народности какъ ея полный властелинъ и, проникнувшись ея духомъ, слившись съ нею, онъ показалъ только свое родство съ нею, а не тождество: даже въ минуту творчества онъ видѣлъ ее предъ собою, какъ предметъ, и такъ же по волѣ своей вышелъ изъ нея въ другія сферы, какъ и вошелъ въ нее. Онъ показалъ этимъ только богатство элементовъ своей поэзіи, кровное родство своего духа съ духомъ народности своего отечества; показалъ, что и прошедшее его родины такъ же присуще его натурѣ, какъ и ея настоящее; и потому онъ въ этой поэмѣ является не безыскусственнымъ пѣвцомъ народности, но истиннымъ художникомъ,—и если его поэма не можетъ быть переведена ни на какой языкъ, ибо колоритъ ея весь въ русско-народномъ языкѣ, то тѣмъ не менѣе она—художественное произведение, во всей полнотѣ, во всемъ блескѣ жизни воскресившее одинъ изъ моментовъ русскаго быта, одного изъ представителей древней Руси. Въ этомъ отношеніи послѣ Бориса Годунова больше всѣхъ посчастливилось Іоанну Грозному: въ поэмѣ Лермонтова колоссальный образъ его является изваяннымъ изъ мѣди или мрамора...

По внутреннему плану нашей статьи мы должны были сперва говорить о тѣхъ стихотвореніяхъ Лермонтова, въ которыхъ онъ является не безусловнымъ художникомъ, но внутреннимъ человѣкомъ, и по которымъ однимъ можно увидѣть богатство элементовъ его духа и отношенія его къ обществу. Мы такъ и начали, такъ и продолжаемъ: взгляды на чисто-художественныя стихотворенія его заключить нашу статью. И если мы остановились на „Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова“, которую сами признаемъ художественною, то потому, что, во-первыхъ, самая ея художественность болѣе или менѣе условна, ибо въ этой „Пѣсни“ онъ поддѣлывается подъ ладъ старинный и заставляеть гусяровъ пѣть ее; во-вторыхъ, эта „Пѣсня“ представляетъ собою фактъ о кровномъ родствѣ духа поэта съ народнымъ духомъ, и сви-

¹⁾ Объ отношеніи Бѣлинскаго къ народной поэзіи см. во второмъ томѣ настоящаго изданія статью № 30.

дѣлствуетъ объ одномъ изъ богатѣйшихъ элементовъ его поэзіи, намекающемъ на великость его таланта. Самый выборъ этого предмета свидѣлствуетъ о состояніи духа поэта, недовольнаго современною дѣйствительностію и перенесшагося отъ нея въ далекое прошлое, чтобы тамъ искать жизни, которой онъ не видитъ въ настоящемъ. Но это прошлое не могло долго занимать такого поэта; онъ скоро долженъ былъ почувствовать всю бѣдность и все однообразіе его содержанія и возвратиться къ настоящему, которое жило въ каждой каплѣ его крови, трепетало съ каждымъ біеніемъ его пульса, съ каждымъ вздохомъ его груди. Не отдѣлится ему отъ него! Оно вѣдрилось въ него, обвилося вокругъ него, оно сосетъ кровь изъ его сердца, оно требуетъ всей жизни его, всей дѣятельности! Оно ждетъ отъ него своего просвѣтленія, врачеванія своихъ язвъ и недуговъ. Онъ, только онъ можетъ совершить это, какъ полный представитель настоящаго, *другой властитель нашихъ думъ!* Въ созданіяхъ поэта, выражающихъ скорби и недуги общества, общество находитъ облегченіе отъ своихъ скорбей и недуговъ: тайна этого дѣлительнаго дѣйствія — сознаніе причины болѣзни чрезъ представленіе болѣзни, какъ мы говорили объ этомъ выше въ нашей статьѣ. Великую истину заключаютъ въ себѣ эти простодушные слова изъ „Гимна Музамъ“ древняго старца Гезіода: „Если кто чувствуетъ скорбь, свѣжую рану сердца, и сидитъ со своею горькою думою, а пѣвецъ, служитель музъ, запоетъ о славѣ первыхъ человѣковъ и блаженныхъ боговъ, на Олимпѣ живущихъ, въ тотъ же мигъ забываетъ несчастный горе и не помнитъ ни одной заботы: такъ скоро даръ боговъ измѣнилъ его“¹⁾. Но это сила поэзіи вообще, сила всякой поэзіи; дѣйствіе же поэзіи, воспроизводящей наши собственные страданія, еще чуднѣе оказывается на нашихъ же собственныхъ страданіяхъ: увидѣвъ ихъ внѣ насъ самихъ, очищенными и просвѣтленными общимъ значеніемъ скрывающагося въ нихъ таинственнаго смысла, мы тотчасъ же чувствуемъ себя облегченными отъ нихъ...

Нашъ вѣкъ — вѣкъ по преимуществу историческій. Всѣ думы, всѣ вопросы наши и отвѣты на нихъ, вся наша дѣятельность вырастаетъ изъ исторической почвы и на исторической почвѣ. Человѣчество давно уже пережило вѣкъ полноты своихъ вѣрованій; можетъ быть, для него наступить эпоха еще высшей полноты, нежели какую когда-либо прежде наслаждалось оно; но нашъ вѣкъ есть вѣкъ сознанія, философствующаго духа, размышле-

нія, „рефлексіи“¹⁾. *Вопросъ* — вотъ альфа и омега нашего времени. Ощутимъ ли мы въ себѣ чувство любви къ женщинѣ, вмѣсто того, чтобы роскошно упиваться его полнотою, мы прежде всего *спрашиваемъ* себя, что такое любовь, въ самомъ ли дѣлѣ мы любимъ? и пр. Стремясь къ предмету съ ненасытною жаждою желанія, съ тяжелою тоскою, со всѣмъ безумствомъ страсти, мы часто удивляемся холодности, съ какою видимъ исполненіе самыхъ пламенныхъ желаній нашего сердца, — и многіе изъ людей нашего времени могутъ примѣнить къ себѣ сцену между Мефистофелемъ и Фаустомъ, у Пушкина:

Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ *размысленье*
(А доказали мы съ тобой,
Что *размысленье* — скуки сѣмя).
И знаешь ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать ли?

ФАУСТЪ.

Говори. Ну, что?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты думалъ: агнецъ мой послушный!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣлѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она...
Что жъ грудь теперь моя полна.
Тоской и скукой ненавистой?...
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденіемъ,
Съ неодолимымъ отвращеніемъ:
Такъ безразсчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранить ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытись ею торопливо,
Развратъ коснется боязливо...

Ужасно!... Но это не смерть и даже не старость міра, какъ думаетъ старое поколѣніе, которое въ своей молодости такъ беззаботно пило и ѣло, такъ весело плясало, такъ безсознательно наслаждалось жизнію. Нѣтъ, это не смерть и не старость: люди нашего времени также или еще больше полны жаждою желаній, сокрушительною тоскою порываній и стремленій. Это только болѣзненный кризисъ, за которымъ должно послѣдовать здоровое состояніе лучше и выше прежняго. Та же рефлексія, то же размышленіе, которое теперь отравляетъ полноту всякой нашей

¹⁾ „Теорія Поэзіи въ историч. развитіи“ С. Шенгирева, стр. 19.

Прим. Бѣлинскаго.

¹⁾ Хотя слово „размышленіе“ и далеко не выражаетъ вполне слова „рефлексія“, но намекаетъ на его значеніе въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребилъ его Пушкинъ въ своей „Сценѣ изъ Фауста“. Французское слово *reflexion* ближе значеніемъ къ тому, что Нѣмцы разумѣютъ подъ словомъ *reflectiren* и *Reflexion*.
Прим. Бѣлинскаго.

радости, должно быть въслѣдствіи источникомъ высшаго, чѣмъ когда-либо, блаженства, высшей полноты жизни. Но горе тѣмъ, кто является въ эпоху общественнаго недуга! Общество живетъ не годами—вѣками, а человѣку данъ мигъ жизни: общество выздоровѣетъ, а тѣ люди, въ которыхъ выразился кризисъ его болѣзни, благороднѣйшіе сосуды духа, навсегда могутъ остаться въ разрушающемъ элементѣ жизни!..

Какъ бы то ни было, но нашъ вѣкъ есть вѣкъ размышленія. Поэтому, рефлексія (размышленіе) есть законный элементъ поэзіи нашего времени, и почти всѣ великіе поэты нашего времени заплатили ему полную дань: Байронъ въ „Манфредѣ“, „Каинѣ“ и другихъ произведенійхъ; Гёте особенно въ „Фаустѣ“; вся поэзія Шиллера по преимуществу *рефлектирующая*, размышляющая. Въ наше время едва-ли возможна поэзія въ смыслѣ древнихъ поэтовъ, созерцающая явленіе жизни безъ всякаго отношенія къ личности поэта (поэзія объективная), и въ наше время тотъ не поэтъ и особенно не художникъ, у котораго въ основаніи таланта не лежитъ созерцательность древнихъ и способность воспроизводить явленія жизни безъ отношеній къ своей личности; но въ наше время отсутствіе въ поэтѣ внутренняго (субъективнаго) элемента есть недостатокъ. Въ самомъ Гёте не безъ основанія порицаютъ отсутствіе историческихъ и общественныхъ элементовъ, спокойное довольство дѣйствительностію, какъ она есть. Это и было причиною, почему менѣе гётевской *художественная*, но болѣе *человѣчественная*, *гуманная* поэзія Шиллера нашла себѣ больше отзыва въ челоуѣчествѣ, чѣмъ поэзія Гёте.

Преобладаніе внутренняго (субъективнаго) элемента въ поэтахъ обыкновенныхъ есть признакъ ограниченности таланта. У нихъ субъективность означаетъ выраженіе личности, которая всегда ограничена, если является отдѣльно отъ общаго. Они обыкновенно говорятъ о своихъ нравственныхъ педугахъ, и всегда одно и то же; читая ихъ, невольно вспоминаешь эти стихи Лермонтова:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты, или нѣтъ,
На что намъ знать твои сомнѣнья.
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычною;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ
заботъ,
Слезы не встрѣтишь непримѣтной,—
А между тѣмъ изъ нихъ едва-ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измѣтый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья, или утраты!..
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой
укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечомъ картоннымъ...

Въ талантѣ великомъ избытокъ внутренняго, субъективнаго элемента есть признакъ гуманности. Не бойтесь этого направленія: оно не обманетъ васъ, не введетъ васъ въ заблужденіе. Великій поэтъ, говоря о себѣ самомъ, о своемъ я, говоритъ объ общемъ—о челоуѣчествѣ, ибо въ его натурѣ лежитъ все, чѣмъ живетъ челоуѣчество. И потому въ его грусти всякій узнаетъ свою грусть, въ его душѣ всякій узнаетъ свою и видитъ въ немъ не только *поэта*, но и *человѣка*, брата своего по челоуѣчеству. Признавая его существомъ несравненно высшимъ себя, всякій въ то же время сознаетъ свое родство съ нимъ.

Вотъ что заставило насъ обратить особенное вниманіе на субъективныя ¹⁾ стихотворенія Лермонтова, и даже порадоваться, что ихъ больше, чѣмъ чисто-художественныхъ. По этому признаку мы узнаемъ въ немъ поэта русскаго, *народнаго*, въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова,—поэта, въ которомъ выразился историческій моментъ русскаго общества. И всѣ такія его стихотворенія глубоки и многозначительны; въ нихъ выражается богатая дарами духа природа, благородная челоуѣческая личность.

Черезъ годъ послѣ напечатанія „Пѣсни про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова“, Лермонтовъ вышелъ снова на арену литературы, съ стихотвореніемъ „Дума“, изумившимъ всѣхъ алмазною крѣпостію стиха, громовою силою бурнаго одушевленія, исполинскою энергіею благороднаго негодованія и глубокой грусти. Съ тѣхъ поръ стихотворенія Лермонтова стали являться одни за другими безъ перемежки и съ его именемъ.

Поэтъ говоритъ о новомъ поколѣніи, что онъ смотритъ на него съ печалью, что его будущее „иль пусто, иль темно“, что оно должно состарѣться подъ бременемъ *познанья* и сомнѣнья; укоряетъ его, что оно изсушило умъ *безплодною наукою*. Въ этомъ нельзя согласиться съ поэтомъ: *сомнѣнья* — такъ; но излишества *познанія* и *науки*, хотя бы и „безплодной“, мы не видимъ, напротивъ, недостатокъ познанія и науки принадлежитъ къ болѣзнямъ нашего поколѣнія:

Мы всѣ учились попомногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь!

Хорошо бы еще, если бъ, взамѣнъ утраченной жизни, мы насладились хоть знаніемъ: былъ бы хоть какой-нибудь выигрышъ! Но сильное движеніе общественности сдѣлало насъ обладателями знанія безъ труда и

¹⁾ Повторяемъ, что слово „субъективность“ здѣсь принимается въ смыслѣ внутренняго элемента духа, а не выраженія ограниченной личности, какъ понимали его прежде. *Прим. Бѣлинскаго.*

ученія—и этотъ плодъ безъ корня, надо признаться, пришелся намъ горекъ: онъ только пресытилъ насъ, а не напиталъ, притупилъ нашъ вкусъ, но не усладилъ его ¹⁾. Это обыкновенное и необходимое явленіе во всѣхъ обществахъ, вдругъ вступающихъ изъ естественной непосредственности въ сознательную жизнь, не въ нѣдрахъ ихъ возросшую и созрѣвшую, а пересаженную отъ развившихся народовъ. Мы въ этомъ отношеніи—*безъ вины виноваты!*

Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизньъ ужъ насъ томить, какъ ровный путь
безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникъ чужомъ!

Какая вѣрная картина! Какая точность и оригинальность въ выраженіи! Да, умъ отцовъ нашихъ для насъ—*поздній умъ*: великая истина!

*И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничьимъ не жертвуя ни злѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!*
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ легкомысленный, ребяческій развратъ;
*И къ гробу мы спышимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.*
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Падъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
*Не бросивши въ камъ ни мысли плодотворной,
Ни гениемъ начатаго труда.*
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
*Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ!*

Эти стихи писаны кровью; они вышли изъ глубины оскорбленнаго духа: это вопль, это стонъ человѣка, для котораго отсутствіе внутренней жизни есть зло, въ тысячу разъ ужаснѣйшее физической смерти!.. И кто же изъ людей новаго поколѣнія не найдетъ въ немъ разгадки собственнаго унынія, душевной апатіи, пустоты внутренней, и не откликнется на него своимъ воплемъ, своимъ стономъ?.. Если подъ „сатирую“ должно разумѣть не невинное зубоскальство веселенькихъ остроумцевъ, а громы негодованія, грозу духа, оскорбленнаго позоромъ общества,—то „Дума“ Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный родъ поэзіи. Если сатиры Ювенала дышатъ такою же бурей чувства, такимъ же могуществомъ огненнаго слова, то Ювеналь дѣйствительно великій поэтъ!..

Другая сторона того же вопроса выражена въ стихотвореніи „Поэтъ“. Обдѣланный въ золото галантерейною игрушкою кинжалъ наводитъ поэта на мысль о роли, которую

это орудіе смерти и мщенія играло прежде... А теперь?.. Увы!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердіемъ не читаетъ...
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный, не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣніи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ пужень былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ виміамъ въ часы молитвы!
*Твой стихъ, какъ Божій духъ носился надъ толпой,
И отзвѣтъ мыслей благородныхъ*
*Звучалъ какъ колоколъ на башнѣ въичевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.*
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блески и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
Иль никогда, на голось мщенія,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?..

Вотъ оно, то бурное одушевленіе, та трепещущая, изнемогающая отъ полноты своей страсть, которую Гегель называетъ въ Шиллерѣ *наэросомъ*!.. Нѣтъ, хвалить такіе стихи можно только стихами, и при томъ такими же... А мысль?.. Мы не должны здѣсь искать статистической точности фактовъ; но должны видѣть выраженіе поэта,—и кто не признаетъ, что то, чего онъ требуетъ отъ поэта, составляетъ одну изъ обязанностей его служенія и призванія? Не есть ли это характеристика поэта—характеристика благороднаго Шиллера?..

„Не вѣрь себѣ“ есть стихотвореніе, составляющее триумвиратъ съ двумя предшествовавшими. Въ немъ поэтъ рѣшаетъ тайну истиннаго вдохновенія, открывая источникъ ложнаго. Есть поэты, пишущіе въ стихахъ и въ прозѣ, и, кажется, удивительно какъ сильно и громко; но чтеніе которыхъ дѣйствуетъ на душу какъ угаръ или тяжелый хмель, и ихъ произведенія, особенно увлекающія молодость, какъ-то скоро испаряются изъ головы. У этихъ людей нельзя отнять дарованія и даже вдохновенія, но

Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣ жизньъ въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!
Случится ли тебѣ, въ завѣтный, чудный мигъ,
Открыть въ душѣ давно-безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный,—
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенія.
Забрадется ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и въюгой:
Не выходи тогда на шумный пиръ людей,
Съ твоею бѣшеною подругой;

¹⁾ О слишкомъ простомъ пониманіи Бѣлинскимъ „отрицанія науки“ см. во второмъ томѣ нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 41.

Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И твоей душевныхъ ранъ надменно выставить
На диво черни простодушной.

Со времени появленія Пушкина въ нашей литературѣ показались какія-то неслыханныя прежде жалобы на жизнь, пошло въ оборотъ новое слово „разочарованіе“, которое теперь уже успѣло сдѣлаться и старымъ и приторнымъ. Элегія смѣнила оду и стала господствующимъ родомъ поэзіи. За поэтами даже и плохіе стихотворцы начали воспѣвать

Погибшій жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

Ясно, что это была эпоха пробужденія нашего общества къ жизни: литература въ первый разъ еще начала быть выраженіемъ общества. Это новое направленіе литературы вполнѣ выразилось въ дивномъ созданіи Пушкина—„Демонъ“:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія—
И взоры дѣвы, и шумъ дубровы,
И ночью шѣпъ соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь,—
Часы надеждъ и наслажденій,
Тоской внезапной осыпая,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи;
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветой
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Это демонъ сомнѣнія, это духъ размышленія, рефлексія, разрушающей всякую полноту жизни, отравляющей всякую радость. Странное дѣло: пробудилась жизнь, и съ нею объ-руку пошло сомнѣніе—врагъ жизни! „Демонъ“ Пушкина съ тѣхъ поръ остался у насъ вѣчнымъ гостемъ, и съ злою, насмѣшливою улыбкою показывается то тутъ, то тамъ... Мало этого: онъ привелъ другого демона, еще болѣе страшнаго, болѣе неразгаданнаго (Стихотворенія М. Лермонтова, стр. 109):

И скучно и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. Чтѣ пользы напрасно и вѣчно желать?..
А годы проходить—все лучшіе годы!
Любить... но кого же?.. На время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и мука, и все тамъ ничтожно!..
Чтѣ страсти?—вѣдь рано или поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка.

И жизнь—какъ посмотришь съ холоднымъ
вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка...

Страшенъ этотъ глухой, могильный голосъ не земного страданія, нездѣшной муки, этотъ потрясающій душу реквиемъ всѣхъ надеждъ, всѣхъ чувствъ человѣческихъ, всѣхъ обаяній жизни! Отъ него содрогается человѣческая природа, стынетъ кровь въ жилахъ, и прежній свѣтлый образъ жизни представляется отвратительнымъ скелетомъ, который душитъ насъ въ своихъ костяныхъ объятіяхъ, улыбается своими костяными челюстями и прижимается къ устамъ нашимъ! Это не минута духовной дисгармоніи, сердечнаго отчаянія: это—похоронная пѣсня всей жизни! Кому не знакомо по опыту состояніе духа, выраженное въ ней, въ чьей натурѣ не скрывается возможность ея страшныхъ диссонансовъ,—тѣ, конечно, увидятъ въ ней не больше, какъ маленькую пьеску грустнаго содержанія, и будутъ правы; но тотъ, кто не разъ слышалъ внутри себя ея могильный напѣвъ, а въ ней увидѣлъ только художественное выраженіе давно знакомаго ему ужаснаго чувства, тотъ припишетъ ей слишкомъ глубокое значеніе, слишкомъ высокую цѣну, дастъ ей почетное мѣсто между величайшими созданіями поэзіи, которыя когда-либо, подобно свѣточамъ Эвменидъ, освѣщали бездонныя пропасти человѣческаго духа... И какая простота въ выраженіи, какая естественность, свобода въ стихѣ! такъ и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собою, какъ потокъ слезъ, давно уже накипѣвшихъ, какъ струя горячей крови изъ раны, съ которой вдругъ сорвана перевязка...

Вспомните „Героя Нашего Времени“, вспомните *Печорина*—этого страннаго чело-вѣка, который, съ одной стороны, томится жизнью, презираетъ и ее и самого себя, не вѣритъ ни въ нее, ни въ самого себя, носитъ въ себѣ какую-то бездонную пропасть желаній и страстей, ничѣмъ ненасытимыхъ, а съ другой—гонится за жизнью, жадно ловитъ ея впечатлѣнія, безумно упивается ея обаяніями; вспомните его любовь къ Бэлѣ, къ Вѣрѣ, къ княжнѣ Мери, и потомъ поймите эти стихи:

Любить... но кого же?.. на время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно!

Да, невозможно! Но зачѣмъ же эта безумная жажда любви, къ чему эти гордые идеалы вѣчной любви, которыми мы встрѣчаемъ нашу юность, эта гордая вѣра въ неизмѣняемость чувства и его дѣйствительность?.. Мы знаемъ одну пьесу, которой содержаніе высказываетъ тайный недугъ нашего времени, и которая за нѣсколько лѣтъ предъ симъ

казалась бы даже бессмысленною, а теперь для *многих* слишком многозначительна. Вот она:

Я не люблю тебя: *мнѣ суждено судьбою*
Не полюбивши разлюбить;
 Я не люблю тебя: больною моею душою,
 Я никого не буду здѣсь любить.
 О, не кляни меня! Я обманулъ природу.
 Тебя, себя, когда, въ волшебныя миги,
 Я сердце праздное и бѣдную свободу
 Повергъ въ слезахъ у милыхъ ногъ твоихъ.
 Я не люблю тебя, но, любя другую,
 Я презирала бы горько самъ себя;
 И, какъ безумный, я и плачу и тоскую,
 И все о томъ, что не люблю тебя...

Неужели прежде этого не бывало? Или, можетъ быть, прежде этому не придавали большой важности: пока любилось—любили; разлюбилось—не тужили; даже соединясь какъ бы по страсти тѣми узами, которыя навсегда рѣшаютъ участь двухъ существъ, и потомъ увидѣвъ, что ошиблись въ своемъ чувствѣ, что не созданы одинъ для другого, вмѣсто того, чтобъ приходить въ отчаяніе отъ страшныхъ цѣпей, предавались лѣнивой привычкѣ, *свыкались*, и равнодушно изъ сферы гордыхъ идеаловъ, полноты чувства переходили въ мирное и почтенное состояніе пошлой жизни?.. Вѣдь у всякой эпохи свой характеръ... Можетъ быть, люди нашего времени слишкомъ многого требуютъ отъ жизни, слишкомъ необузданно предаются обаяніямъ фантазіи, такъ что послѣ ихъ роскошныхъ мечтаній дѣйствительность кажется имъ уже слишкомъ безцвѣтною, блѣдною, холодною и пустою?.. Можетъ быть, люди нашего времени слишкомъ серьезно смотрятъ на жизнь, даютъ слишкомъ большое значеніе чувству?.. Можетъ быть, жизнь представляется имъ какимъ-то высокимъ служеніемъ, священнымъ таинствомъ, и они лучше хотятъ совсѣмъ не жить, нежели жить какъ живется?.. Можетъ быть, они слишкомъ прямо смотрятъ на вещи, слишкомъ добросовѣстны и точны въ названіи вещей, слишкомъ откровенны насчетъ самихъ себя: протяжно зѣвая, не хотятъ называть себя энтузіастами, и ни другихъ, ни самихъ себя не хотятъ обманывать ложными чувствами и становиться на ходули?.. Можетъ быть, они слишкомъ совѣстливы и честны въ отношеніи къ участи другихъ людей, и, обѣщавъ другому существу любовь и блаженство, думаютъ, что непременно должны дать ему то и другое, а не видя возможности исполнить это, предаются тоскѣ и отчаянію?.. Или, можетъ быть, лишенные сочувствія съ обществомъ, сжатые его холодными условіями, они видятъ, что не въ пользу имъ щедрые дары богатой природы, глубокаго духа, и представляютъ собою младенца въ англійской болѣзни?.. Можетъ быть—чего не можетъ быть!..

„И скучно и грустно“ изъ всѣхъ пьесъ Лермонтова обратила на себя особенную неприязнь стараго поколѣнія. Странные люди! имъ все кажется, что поэзія должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тѣшить побрякушками, а не гремѣть правдою! Имъ все кажется, что люди—дѣти, которыхъ можно заговорить прибаутками или утѣшать сказочками! Они не хотятъ понять, что если кто *кое-что* знаетъ, тотъ смѣется надъ увѣреніями и поэта и моралиста, зная, что они сами имъ не вѣрятъ. Такія правдивыя представленія того, что есть, кажутся нашимъ чужакамъ безнравственными. Питомцы Бульи и Жанлисъ, они думаютъ, что истина сама по себѣ не есть высочайшая нравственность.. Но вотъ самое лучшее доказательство ихъ дѣтскаго заблужденія: изъ того же самаго духа поэта, изъ котораго вышли такіе безотрадные, леденящіе сердце человѣческое звуки, изъ того же самаго духа вышла и эта молитвенная, елейная мелодія надежды, примиренія и блаженства въ жизни жизнию (стр. 71):

Въ минуту жизни трудную,
 Тѣснится ль въ сердцѣ грусть,
 Одну молитву чудную
 Твержу я наизусть.
 Есть сила благодатная
 Въ созвучьи словъ живыхъ,
 И дышетъ непонятная,
 Святая прелесть въ нихъ.
 Съ души какъ бремя скатится,
 Сомнѣнье далеко,—
 И вѣрится, и плачется,
 И такъ легко, легко...

Другую сторону духа нашего поэта представляетъ его превосходное стихотвореніе „Памяти А. И. О-го“: это сладостная мелодія какихъ-то глубокихъ, но тихихъ думъ, чувства сильнаго, но цѣломудреннаго, замкнутаго въ самомъ себѣ... Есть въ этомъ стихотвореніи что-то кроткое, задушевное, отрадно успокоивающее душу...

Но до конца среди волненій трудныхъ,
 Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ,
 Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
 Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
 И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
 И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.
 Но онъ погибъ далеко отъ друзей..
 Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
 Покрытое землей чужихъ полей,
 Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
 Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
 Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
 Но съ твердостью. Таинственная дума
 Еще блуждала на челѣ твоемъ,
 Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ.
 И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
 Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый..
 И было ль то привѣтъ странѣ родной,
 Название ли оставленнаго друга,
 Или тоска по жизни молодой,
 Иль просто крикъ послѣдняго недуга,
 Кто скажетъ намъ? твои дѣла и мнѣнья,

И думы—все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ —
Куда они? зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спроситъ!..

И какую грандіозною, гармонирующею съ
гономъ цѣлаго картиною заключается это
стихотвореніе:

Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей стени—
И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
И вокругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившійся надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимал,
А Море Черное шумитъ не умолкая...

Вотъ истинно-безконечное и въ мысли и
въ выраженіи; вотъ то, что въ эстетикѣ
должно разумѣть подъ именемъ высокаго
(sublime)...

Не выписываемъ чудной „Молитвы“
(стр. 43), въ которой поэтъ поручаетъ Ма-
тери Божіей, „теплой заступницѣ холоднаго
міра“, невинную дѣву. Кто бы ни была эта
дѣва—возлюбленная ли сердца, или милая
сестра— не въ томъ дѣло; но сколько кроткой
задушевности въ тонѣ этого стихотворенія,
сколько нѣжности безъ всякой приторности;
какое благоуханное, теплое, женственное
чувство! Все это трогаетъ въ голубиной на-
турѣ человѣка; но въ духѣ мощномъ и гор-
домъ, въ натурѣ львиной—все это больше,
чѣмъ умирительно... Изъ какихъ богатыхъ
элементовъ составлена поэзія этого человѣка,
какими разнообразными мотивами и звуками
гремятъ и льются ея гармоніи и мелодіи!
Вотъ пьеса, означенная рубрикою „1-е Ян-
варя“: читая ее, мы опять входимъ въ со-
вершенно новый міръ, хотя и застаемъ въ
ней все ту же думу, то же сердце; словомъ—
ту же личность, какъ и въ прежнихъ. Поэтъ
говоритъ, какъ часто, при шумѣ пестрой
толпы, среди мелькающихъ вокругъ него
безддушныхъ лицъ — *стянутыхъ приличьемъ*
масокъ, когда холодныхъ рукъ его съ не-
брежною смѣлостью касаются *давно безтре-*
петныя руки модныхъ красавицъ, какъ часто
воскресаютъ въ немъ старинныя мечты, свя-
тые звуки погибшихъ лѣтъ...

И вижу я себя ребенкомъ: и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей,
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я: сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листья
Шумятъ подъ робкими шагами.

Только у Пушкина можно найти такіа
картины въ этомъ родѣ! Когда же, говоритъ
онъ, шумъ людской толпы *спунетъ мою*
мечту,

О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!..

Если бы всѣ стихотворенія Лермонтова были
одинаково *лучшія*, то это мы назвали бы
однимъ изъ лучшихъ.

„Журналистъ, Читатель и Писатель“ на-
поминаетъ и идею, и формою, и художе-
ственнымъ достоинствомъ „Разговоръ книго-
продавца съ поэтомъ“ Пушкина. Разговорный
языкъ этой пьесы—верхъ совершенства; рѣз-
кость сужденій тонкая и ѣдкая насмѣшка,
оригинальность и поразительная вѣрность
взглядовъ и замѣчаній—изумительны. Исповѣдь
поэта, которою оканчивается пьеса,
блеститъ слезами, горитъ чувствомъ. Лич-
ность поэта является въ этой исповѣди въ
высшей степени благородною.

„Ребенку“ — это маленькое лирическое
стихотвореніе заключаетъ въ себѣ цѣлую
повѣсть, высказанную намеками, но тѣмъ не
менѣе понятную. О, какъ глубоко-поучи-
тельна эта повѣсть, какъ сильно потрясаетъ
она душу!.. Въ ней глухія рыданія обману-
той любви, стоны исходящаго кровію сердца,
жестокія проклятія, а потомъ, можетъ быть,
и благословеніе смиреннаго испытаніемъ
сердца женщины... Какъ я люблю тебя, пре-
красное дитя! Говорятъ, ты похожъ на нее,
и хоть страданія измѣнили ее прежде вре-
мени, но ея образъ въ моемъ сердцѣ...

... А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрощенныя ласки?
Не слишкомъ часто ль я цѣлую твои глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла ль?
Смотри жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій рассказъ разсердитъ, иль встре-
вожитъ...

Но ты мнѣ все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней,—скажи: тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминая его... Что имя? — Звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если какъ-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его,—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

Отчего же тутъ нѣтъ раскаянія — спро-
сятъ моралисты. Надѣньте очки, господа, и
вы увидите, что герой пьесы спрашиваетъ
дитя—не учила ли *она* его молиться еще
за кого-то, не произносила ли, блѣднѣя,
теперь забытаго имъ имени?.. Онъ проситъ
ребенка не проклинать этого имени, если
узнаетъ о немъ. Вотъ истинное торжество
нравственности!

Поэтическая мысль можетъ иногда ро-
диться и вслѣдствіе какого-нибудь изъ тѣхъ
обстоятельствъ, изъ которыхъ слагается наша

жизнь; но чаще всего и почти всегда она есть не что иное, какъ случай дѣйствительности въ возможности, и потому въ поэзіи не имѣетъ никакого мѣста вопросъ: „было ли это?“; но она всегда должна положительно отвѣчать на вопросъ: „возможно ли это, можетъ ли это быть въ дѣйствительности?“ Самое обстоятельство можетъ только, такъ сказать, натолкнуть поэта на поэтическую идею и, будучи выражено имъ въ стихотвореніи, является уже совсѣмъ другимъ, новымъ и небывалымъ, но могущимъ быть. Потому, чѣмъ выше талантъ поэта, тѣмъ больше мы находимъ въ его произведеніяхъ примѣненій и къ собственной нашей жизни, и къ жизни другихъ людей. Мало этого: въ неиспытанныхъ нами обстоятельствахъ мы узнаемъ какъ будто коротко знакомое намъ по опыту,—и тогда понимаемъ, почему поэзія, выражая частное, есть выраженіе общаго. Прочтите „Сосѣда“ Лермонтова—и хотя бы вы никогда не были въ подобномъ обстоятельствѣ, по вамъ покажется, что вы когда-то были въ заключеніи, любили незримаго сосѣда, отдѣленного отъ васъ стѣною, прислушивались и къ мѣрному звуку шаговъ его, и къ унылой пѣсни его, и говорили къ нему про себя:

Я слушаю—и въ мрачной тишинѣ
Твои шапки раздаются...
О чемъ они—не знаю; по тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...
И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь
Въ груди моей все оживаютъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ—и слезы изъ очей,
Какъ звуки другъ за другомъ льются...

Эта тихая, кроткая грусть души сильной и крѣпкой, эти унылые, мелодическіе звуки, льющіеся другъ за другомъ, какъ слеза за слезою; эти слезы, льющіеся одна за другою, какъ звукъ за звукомъ,—сколько въ нихъ таинственнаго, невыговариваемаго, но такъ ясно понятнаго сердцу. Здѣсь поэзія становится музыкою: здѣсь обстоятельство является, какъ въ оперѣ, только поводомъ къ звукамъ, намекомъ на ихъ таинственное значеніе; здѣсь отъ случая жизни отнята вся его матеріальная внѣшняя сторона, и извлеченъ изъ него одинъ чистый эфиръ, солнечный лучъ свѣта, въ возможности скрывавшіеся въ немъ... Выраженное въ этой пьесѣ обстоятельство можетъ быть фактомъ, но сама пьеса относится къ этому факту, какъ относится къ натуральной розѣ поэтическая роза, въ которой нѣтъ грубаго вещества, составляющаго натуральную розу, но въ которой только нѣжный румянецъ и кроткое ароматическое дыханіе натуральной розы...

Гармонически и благоуханно высказы-

вается дума поэта въ пьесахъ: „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Разстались мы, но твой портретъ“, и „Отчего“,—и грустно, болѣзненно въ пьесѣ „Благодарность“. Не можемъ не остановиться на двухъ послѣднихъ. Онѣ коротки, повидимому лишены общаго значенія и не заключаютъ въ себѣ никакой идеи; но, Боже мой! какую длинную и грустную повѣсть содержитъ въ себѣ каждая изъ нихъ! какъ онѣ глубоко знаменательны, какъ полны мыслию!

Мнѣ грустно потому, что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день, иль сладкое мгновенье

Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому, что весело тебѣ.

Это вздохъ музыки, это мелодія грусти, это кроткое страданіе любви, послѣдняя дань нѣжно и глубоко любимому предмету отъ растерзаннаго и смиреннаго бурю судьбы сердца!.. И какая удивительная простота въ стихѣ! Здѣсь говоритъ одно чувство, которое такъ полно, что не требуетъ поэтическихъ образовъ для своего выраженія; ему не нужно убранства, не нужно украшеній, оно говоритъ само за себя, оно вполне высказалось бы и прозою...

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За мечь враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынь,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ...

Какая мысль скрывается въ этой грустной „благодарности“, въ этомъ сарказмѣ обманутаго чувствомъ и жизнію сердца? Все хорошо: и тайныя мученія страстей, и горечь слезъ, и всѣ обманы жизни; но еще лучше, когда ихъ нѣтъ, хотя безъ нихъ и нѣтъ ничего, что проситъ душа, чѣмъ живетъ она, что нужно ей, какъ масло для лампы!.. Это утомленіе чувствомъ; сердце проситъ покоя и отдыха, хотя и не можетъ жить безъ волненія и движенія... Въ pendant къ этой пьесѣ можетъ идти новое стихотвореніе Лермонтова, *Завѣщаніе*, напечатанное въ этой книжкѣ „Отеч. Записокъ“: это похоронная пѣснь жизни и всѣмъ ея обольщеніямъ, тѣмъ болѣе ужасная, что ея голосъ не глухой и не громкій, а холодно-спокойный; выраженіе не горитъ и не сверкаетъ образами, но небрежно и прозаично... Мысль этой пьесы: и худое и хорошее—все равно; сдѣлать лучше не въ нашей волѣ, и потому пусть идетъ себѣ какъ оно хочетъ... Это ужъ даже и не сарказмъ, не иронія и не жалоба: не на что сердиться, не на что жаловаться,—все равно! Отца и мать жаль огорчить... Возлѣ нихъ

есть сосѣдка—она не спроситъ о немъ, но нечего жалѣть пустого сердца—пусть поплачетъ: вѣдь это ей ни по чемъ! Страшно!.. Но поэзія есть сама дѣйствительность, и потому она должна быть неумолима и безпощадна, гдѣ дѣло идетъ о томъ, что есть или что бываетъ... А человѣку необходимо должно перейти и черезъ это состояніе духа. Въ музыкѣ гармонія условливается диссонансомъ, въ духѣ—блаженство условливается страданіемъ, избытокъ чувства сухостію чувства, любовь ненавистью, сильная жизненность отсутствіемъ жизни: это такія крайности, которыя всегда живутъ вмѣстѣ, въ одномъ сердцѣ. Кто не печалился и не плакалъ, тотъ и не возрадуется, кто не болѣлъ, тотъ и не выздоровѣетъ, кто не умиралъ заживо, тотъ и не возстанетъ... Жалѣйте поэта, или, лучше, самихъ себя: ибо, показавъ вамъ раны своей души, онъ показалъ вамъ ваши собственные раны; но не отчаявайтесь ни за поэта, ни за человѣка: въ томъ и другомъ бурю смѣняетъ ведро, безотрадность—надежда...

Надежда! — можетъ быть, подъ бременемъ годовъ,
Подъ снѣгомъ опыта и зимняго сомнѣнья,
Таятся сѣмена погибнувшихъ цвѣтовъ
И, можетъ быть, еще свершится прозябанье!

Два перевода изъ Байрона,—„Еврейская мелодія“ и „Въ Альбомѣ“, тоже выражаютъ внутренній міръ души поэта. Это боль сердца, тяжкіе вздохи груди; это надгробныя надписи на памятникахъ погибшихъ радостей...

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она,
Таплась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталь—теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти яда полный.

„Вѣтка Палестины“ и „Тучи“ составляютъ переходъ отъ субъективныхъ стихотвореній нашего поэта къ чисто художественнымъ. Въ обѣихъ пѣсахъ видна еще личность поэта, но въ то же время виденъ уже и выходъ его изъ внутренняго міра своей души въ созерцаніе „полнаго славы творенья“. Первая изъ нихъ дышетъ благодатнымъ спокойствіемъ сердца, теплотою молитвы, кроткимъ вѣяніемъ святости. О самой этой пѣснѣ можно сказать то же, что говорится въ ней о вѣткѣ Палестины:

Заботой тайною хранима,
Передъ иконою золотой,
Стоишь ты, вѣтвь Іерусалима,
Святости вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампы,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой...

Вторая пѣса „Тучи“ полна какого-то отраднаго чувства выздоровленія и надежды, и плѣняетъ роскошью поэтическихъ образовъ, какимъ-то избыткомъ умиленнаго чувства.

„Русалкою“ начнемъ мы рядъ чисто художественныхъ стихотвореній Лермонтова, въ которыхъ личность поэта исчезаетъ за роскошными видѣніями явленій жизни. Эта пѣса покрыта фантастическимъ колоритомъ, и по роскоши картинъ, богатству поэтическихъ образовъ, художественности отдѣлки, составляетъ собою одинъ изъ драгоценнѣйшихъ перловъ русской поэзіи. „Три Пальмы“ дышатъ знойною природою востока, переносятъ насъ на песчанья пустыни Аравіи, на ея цвѣтушіе оазисы. Мысль поэта ярко дается, — и онъ поступилъ съ нею какъ истинный поэтъ, не заключивъ своей пѣсы нравственною сентенціею. Самая эта мысль могла быть опозитизирована только своимъ восточнымъ колоритомъ и оправдана названіемъ „Восточное сказаніе“; иначе она была бы дѣтскою мыслию. Пластицизмъ и рельефность образовъ, выпуклость формъ и яркій блескъ восточныхъ красокъ сливаются, въ этой пѣснѣ, поэзію съ живописью: это картина Брюлова, смотря на которую, хочешь еще и осязать ее.

..... Вдали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые выюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой поднимали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукъ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы поднимался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой,
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ беспорядкѣ;
И съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ коня на скаку.

Нечего хвалить такіе стихи—они говорятъ сами за себя, и выше всякихъ похвалъ.

„Дары Терека“ есть поэтическая апоэоза Кавказа. Только роскошная, живая фантазія Грековъ умѣла такъ олицетворять природу, давать образъ и личность ея вѣчнымъ и разбросаннымъ явленіямъ. Нѣтъ возможности выписывать стихи изъ этой дивно художественной пѣсы, этого роскошнаго видѣнія богатой, радужной, исполинской фантазіи; иначе пришлось бы переписать все стихотвореніе. Терекъ и Каспій олицетворяютъ собою Кавказъ, какъ самыя характеристическія его явленія. Терекъ сулитъ Каспію дорогой подарокъ; но сладо-

страстно-лѣпный сибаритъ моря, покоясь
въ мягкихъ берегахъ, не внемлетъ ему, не
обольщаясь ни стадомъ валуновъ, ни тру-
помъ удалого Кабардинца; но когда Терекъ
сулитъ ему сокровенный даръ — безцѣннѣе
всѣхъ даровъ вселенной, и когда

... Надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косою размытой,
Колыхаясь всплыла, —
И старикъ во блескѣ власти
Всталъ могучій, какъ гроза,
И обликъ властоушной страсти
Темносиние глаза.
Онъ изыгралъ, веселья полный —
И въ объятіи свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви...

Мы не назовемъ Лермонтова ни Байрономъ,
ни Гёте, ни Пушкинымъ; но не думаемъ
сдѣлать ему гиперболической похвалы, ска-
завъ, что *такія* стихотворенія, какъ „Ру-
салка“, „Три Пальмы“ и „Дары Терека“,
можно находить только у такихъ поэтовъ,
какъ Байронъ, Гёте и Пушкинъ...

Не менѣе превосходна „Казачья колы-
бельная пѣсня“. Ея идея — мать; но поэтъ
умѣлъ дать индивидуальное значеніе этой
общей идеѣ: его — мать казачка, и потому
содержаніе ея колыбельной пѣсни выражаетъ
собою особенности и оттѣнки казачьяго
быта. Это стихотвореніе есть художествен-
ная апофеоза матери: все, что есть святого,
беззавѣтнаго въ любви матери, весь трепетъ,
вся нѣга, вся страсть, вся безконечность
кроткой нѣжности, безграничность беско-
рыстной преданности, какою дышетъ лю-
бовь матери, — все это воспроизведено по-
этомъ во всей полнотѣ. Гдѣ, откуда взялъ
поэтъ эти простодушные слова, эту умили-
тельную нѣжность тона, эти кроткіе и за-
душевные звуки, эту женственность и пре-
лестъ выраженія? Онъ видѣлъ Кавказъ, — и
намъ понятна вѣрность его картинъ Кавка-
за; онъ не видалъ Аравіи и ничего, что
могло бы дать ему понятіе объ этой сторонѣ
палящаго солнца, песчаныхъ степей, зеле-
ныхъ пальмъ и прохладныхъ источниковъ,
но онъ читалъ ихъ описанія: какъ же онъ
такъ глубоко могъ проникнуть въ тайны
женскаго и материнскаго чувства?

Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спую;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
.....
Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, слалко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать,

Стану нѣмъ день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой.
Да готовься въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю!

„Воздушный Корабль“ не есть собствен-
но переводъ изъ Зейдлица: Лермонтовъ
взялъ у нѣмецкаго поэта только идею, но
обработалъ ее по-своему. Эта пьеса, по своей
художественности, достойна великой тѣни,
которой колоссальный обликъ такъ гран-
діозно представленъ въ ней. — Какое тихое,
успокоительное чувство ночи послѣ зной-
наго дня вѣетъ въ этой маленькой пьесѣ
Гёте, такъ граціозно переданной нашимъ
поэтомъ:

Горныя вершины
Снять во тѣмѣ ночной,
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылить дорога,
Не дрожать листы...
Подожди немного —
Отдохнешь и ты.

Теперь намъ остается разобрать поэму
Лермонтова „Мцыри“. Плѣнный мальчикъ
Черкесъ воспитанъ былъ въ грузинскомъ мо-
настырѣ; выросши, онъ хочетъ сдѣлаться,
или его хотятъ сдѣлать монахомъ. Разъ
была страшная буря, во время которой Чер-
кесъ скрылся. Три дня пропадалъ онъ, а на
четвертый былъ найденъ въ степи, близъ
обитатели, слабый, больной, и умирающій пе-
ренесенъ снова въ монастырь. Почти вся
поэма состоитъ изъ исповѣди о томъ, что
было съ нимъ въ эти три дня. Давно ма-
нилъ его къ себѣ призракъ родины, темно
носившійся въ душѣ его, какъ воспоминаніе
дѣтства. Онъ захотѣлъ видѣть Божій міръ —
и ушелъ.

Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля, —
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала вась,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣждалъ. О! я, какъ братъ,
Обнялся съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взаимнѣ
Той дружбы краткой, но живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..

Уже изъ этихъ словъ вы видите, что за
огненная душа, что за могучій духъ, что за

исполинская натура у этого мцыри! Это любимый идеалъ нашего поэта, это отраженіе въ поэзіи тѣни его собственной личности. Во всемъ, что ни говоритъ мцыри, вѣтъ его собственнымъ духомъ, поражаетъ его собственной мощью. Это произведеніе субъективное.

Кругомъ меня цвѣтъ Божій садъ;
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ
И кудри виноградныхъ лозъ
Вилась, красуясь межъ деревь
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полныя на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ,
И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ.
Они шептались по кустамъ,
Какъ-будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный моления часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Все, что я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы—имъ ужъ нѣтъ слѣда;
Но я бѣ желалъ ихъ разсказать,
Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.
Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томился сталъ.

Вдругъ голосъ—легкій шумъ шаговъ...
Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
Невольнымъ трепетомъ объять,
Я подвѣлъ боязливый взглядъ,
И жадно вслушиваться сталъ,
И ближе, ближе все звучалъ
Грузинки голосъ молодой,
Такъ безыскусственно живой,
Такъ сладко вольный, будто онъ
Лишь звуки дружескихъ именъ
Произносить былъ приученъ.
Простая пѣня то была,
Но въ мысль она мнѣ залегла,
И мнѣ, лишь сумракъ настаетъ,
Незримый духъ ее поетъ
Держа кувшинъ надъ головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила къ берегу. Порой
Она скользила межъ камней,
Смѣясь неловкости своей.
И бѣденъ былъ ея нарядъ;
И шла она легко, назадъ
Изгибы длинные чадры
Откинувъ. Лѣтніе жары
Покрывли тѣнью золотой
Лицо и грудь ея; и зной
Дышалъ отъ устъ ея и щекъ,
И мракъ очей былъ такъ глубокъ,
Такъ полонъ тайнами любви,
Что думы пылкія мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звонъ, когда струя
Вливалась медленно въ него,

И порохъ... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила отъ сердца кровь,
Она была ужъ далеко;
И шла хоть тише—но легко,
Стройна подъ ношею своей,
Какъ тополь, царь ея полей!

Мцыри сбивается съ пути, желая пробраться въ родную сторону, воспоминаніе которой смутно живетъ въ душѣ его.

Напрасно въ бѣшенствѣ, порой,
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющомъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страницѣй и гуще каждый часъ;
И миллиономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сѣвось вѣтви каждаго куста...
Моя кружилась голова;
Я сталъ влѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ.
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горячею росой...
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... Я былъ чужой
Для нихъ на вѣкъ, какъ звѣрь стеной;
И если бѣ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ, клянусь, старикъ,
Я бѣ вырвалъ слабый мой языкъ.
Ты помнишь дѣтскіе года:
Слезы не зналъ я никогда:
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
Да мѣсяцъ, плившій средь небесъ!
Озарена его лучомъ
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена передо мной
Была полица. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, павзничъ на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость—
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ,—и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови... Да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ...
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удалцовъ...
Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный, какъ стонъ,
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердито ланой рыгъ песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшенный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,

Широкий лобъ его разсѣкъ...
 Онъ застоналъ какъ человѣкъ,
 И опрокинулся. Но вновь,
 Хотя лида изъ раны кровь
 Густой, широкою волной,—
 Бой закинулъ, смертельный бой!
 Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
 Но въ горло я успѣлъ воткнуть
 И тамъ два раза повернуть
 Мое оружье... онъ завылъ,
 Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
 И мы, елется, какъ пара змѣй.
 Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
 Упали разомъ и во мгла
 Бой продолжался на землѣ.
 И я былъ страшнѣе въ этотъ мигъ:
 Какъ барсъ пустынный, золь и дикъ,
 Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ:
 Какъ будто самъ я былъ рожденъ
 Въ семяхъ барсовъ и волковъ
 Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
 Казалось, что слова людей
 Забылъ я—и въ груди моей
 Родился тотъ ужасный крикъ,
 Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
 Къ иному звуку не привыкъ...
 Но врагъ мой сталъ изнемогать,
 Метаться, медленнѣй дышать,
 Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
 Зрачки его недвижныхъ глазъ
 Блеснули грозно—и потомъ
 Закрылся тихо вѣчнымъ сномъ;
 Но съ торжествующимъ врагомъ
 Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
 Какъ въ битвѣ сѣдуетъ бойцу!..

Блуждая въ лѣсу, голодный и умирающій,
 мцыри вдругъ увидѣлъ съ ужасомъ, что
 воротился опять къ своему монастырю. Вы-
 писываемъ окончаніе поэмы:

Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
 Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
 Знай: этотъ пламень съ юныхъ дней
 Таяся, жилъ въ груди моей;
 Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
 И онъ прожегъ свою тюрьму
 И возвратится вновь къ тому,
 Кто всѣмъ законной чередой
 Даетъ страданье и покой...
 Когда я стану умирать—
 И, вѣрь, тебѣ не долго ждать—
 Ты перенесъ меня вели
 Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
 Акацій бѣлыхъ два вуста...
 Трава межъ ними такъ густа,
 И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
 И такъ прозрачно-золотистъ
 Играющій на солнцѣ листъ!
 Тамъ положить вели меня.
 Сіяньемъ голубого дня
 Упыюся я въ послѣдній разъ.
 Оттуда виденъ и Кавказъ!
 Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
 Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
 Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
 И близъ меня передъ концомъ
 Родной опять раздастся звукъ!
 И стану думать я, что другъ,
 Иль братъ, склонившись надо мной,
 Отеръ внимательной рукой
 Съ лица кончины холодный потъ,
 И что вполголоса поетъ
 Онъ мнѣ про милую страну...
 И съ этой мыслью я засну,
 И никого не прокляну!

Изъ нашихъ выписокъ вполне видна
 мысль поэмы: эта мысль отзывается юно-
 шескою незрѣлостію, и если она дала воз-
 можность поэту разсыпаться передъ вашими
 глазами такое богатство самоцвѣтныхъ кам-
 ней поэзіи, то не сама собою, а точно какъ
 странное содержаніе иного посредственнаго
 либретто даетъ геніальному композитору
 возможность создать превосходную оперу.
 Недавно кто-то, резонерствуя въ газетной
 статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова, на-
 звалъ его „Пѣсню про царя Ивана Василье-
 вича, удалаго опричника и молодого купца
 Калашникова“ произведеніемъ дѣтскимъ, а
 „Мцыри“—произведеніемъ зрѣлымъ; глу-
 бокомысленный критиканъ, разсчитывая по
 пальцамъ время появленія той и другой
 поэмы, очень остроумно сообразилъ, что ав-
 торъ былъ тремя годами старше, когда на-
 писалъ „Мцыри“, и изъ этого казуса весьма
 основательно вывелъ заключеніе: ergo „Мцы-
 ри“ зрѣлѣе. Это очень понятно: у кого нѣтъ
 эстетическаго чувства, кому не говорить
 само за себя поэтическое произведеніе, тому
 остается гадать о немъ по пальцамъ или
 соображаться съ метрическими книгами...

Но, несмотря на незрѣлость идеи и нѣ-
 которую натянутость въ содержаніи „Мцы-
 ри“, подробности и изложеніе этой поэмы
 изумляютъ своимъ исполненіемъ. Можно
 сказать безъ преувеличенія, что поэтъ бралъ
 цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у
 молніи, грохотъ у громовъ, гулъ у вѣтровъ,—
 что вся природа сама несла и подавала ему
 матеріалы, когда писалъ онъ эту поэму...
 Кажется, будто поэтъ до того былъ отяго-
 щенъ обременительною полнотою внутрен-
 няго чувства, жизни и поэтическихъ обра-
 зовъ, что готовъ былъ воспользоваться первою
 мелькнувшею мыслию, чтобъ только освободиться
 отъ нихъ,—и они хлынули изъ души
 его, какъ горящая лава изъ огнедышущей
 горы, какъ море дождя изъ тучи, мгновенно
 объявшей собою распаленный горизонтъ,
 какъ внезапно прорвавшійся яростный по-
 токъ, поглощающій окрестность на далекое
 разстояніе своими сокрушительными вол-
 нами... Этотъ четырехстопный ямбъ съ од-
 ними мужескими окончаніями, какъ въ
 „Шильонскомъ Узникѣ“, звучитъ и отры-
 висто падаетъ, какъ ударъ меча, поражаю-
 щего свою жертву. Упругость, энергія и
 звучное, однообразное паденіе его удивительно
 гармонируютъ съ сосредоточеннымъ чув-
 ствомъ, несокрушимою силою могучей на-
 туры и трагическимъ положеніемъ героя
 поэмы. А между тѣмъ, какое разнообразіе
 картинъ, образовъ и чувствъ! тутъ и бури
 духа, и умиленіе сердца, и вопли отчаянія,
 и тихія жалобы, и гордое ожесточеніе, и
 вроткая грусть, и мраки ночи, и торже-

ственное величіе утра, и блескъ полудня, и таинственное обаяніе вечера!.. Многія положенія изумляютъ своею вѣрностію: таково мѣсто, гдѣ мцыри описываетъ свое замираніе подлѣ монастыря, когда грудь его пылала предсмертнымъ огнемъ, когда надъ усталою головою уже вѣяли успокоительные сны смерти и усилились ея фантастическія видѣнія. Картины природы обличаютъ кисть великаго мастера: онѣ дышутъ грандіозностію и роскошнымъ блескомъ фантастическаго Кавказа. Кавказъ взялъ полную дань съ музы нашего поэта... Странное дѣло! Кавказу какъ-будто суждено быть колыбелью нашихъ поэтическихъ талантовъ, вдохновителемъ и пѣстуномъ ихъ музы, поэтической ихъ родиною! Пушкинъ посвятилъ Кавказу одну изъ первыхъ своихъ поэмъ—„Кавказскаго Пльнника“, и одна изъ послѣднихъ его поэмъ—„Галубъ“ тоже посвящена Кавказу; нѣсколько превосходныхъ лирическихъ стихотвореній его также относятся къ Кавказу. Грибоедовъ создалъ на Кавказѣ свое „Горе отъ Ума“: дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзія ея сыновъ вдохновили его оскорбленное чело-вѣческое чувство на изображеніе апатическаго, ничтожнаго круга Фамусовыхъ, Скалозубовъ, Загорѣцкихъ, Хлестовыхъ, Тугоуховскихъ, Репетиловыхъ, Молчаливыхъ—этихъ каррикатуръ на природу чело-вѣческую... И вотъ является новый великій талантъ—и Кавказъ дѣлается его поэтической родиною, пламенно-любимою имъ; на недоступныхъ вершинахъ Кавказа, вѣнчанныхъ вѣчнымъ снѣгомъ, находитъ онъ свой Парнасъ; въ его свирѣпомъ Терекѣ, въ его горныхъ потокахъ, въ его цѣлебныхъ источникахъ находитъ онъ свой Кастальскій ключъ, свою Ипокрепу... Какъ жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова, дѣйствіе которой совершается тоже на Кавказѣ, и которая въ рукописи ходитъ въ публикѣ, какъ нѣкогда ходило „Горе отъ Ума“: мы говоримъ о „Демонѣ“. Мысль этой поэмы глубже и несравненно-зрѣлѣе, чѣмъ мысль „Мцыри“, и хотя исполненіе ея отзывается нѣкоторою незрѣлостію, но роскошь картинъ, богатство поэтическаго одушевленія, превосходные стихи, высота мыслей, обаятельная прелесть образовъ, ставитъ ее несравненно выше „Мцыри“ и превосходить все, что можно сказать въ ея похвалу. Это не художественное созданіе въ строгомъ смыслѣ искусства, но оно обнаруживаетъ всю мощь таланта поэта и общается въ будущемъ великімъ художественнымъ созданіемъ.

Говоря вообще о поэзіи Лермонтова, мы должны замѣтить въ ней одинъ недостатокъ: это иногда неясность образовъ и неточность въ выраженіи. Такъ, напр., въ „Дарахъ Те-

река“, гдѣ *сердитый потокъ* описываетъ Каспію красоту убитой казачки, очень неопредѣленно намекнуто и на причину ея смерти, и на ея отношенія къ гребенскому казаку:

По красотѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.
Осѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ полночь бою,
На книжалъ Чеченца злого
Сложить голову свою.

Здѣсь на догадку читателя оставляется три случая, равно возможные: или что Чеченецъ убилъ казачку, а казакъ обрекъ себя мщенію за смерть своей любезной; или что самъ казакъ убилъ ее изъ ревности и ищетъ себѣ смерти, или что онъ еще не знаетъ о гибели своей возлюбленной, и потому не тужитъ о ней, готовясь въ бой. Такая неопредѣленность вредитъ художественности, которая именно въ томъ и состоитъ, что говорить образами опредѣленными, выпуклыми, рельефными, вполне выражающими заключенную въ нихъ мысль. Можно найти въ книжкѣ Лермонтова пять-шесть неточныхъ выраженій, подобныхъ тому, которыми оканчивается его превосходная пьеса „Поэтъ“:

Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
Цль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Ржавчина презрѣнья—выраженіе неточное и слишкомъ сбивающееся на аллегорію. Каждое слово въ поэтическомъ произведеніи должно до того исчерпывать все значеніе требуемаго мыслию цѣлаго произведенія, чтобъ видно было, что нѣтъ въ языкѣ другого слова, которое тутъ могло бы замѣнить его. Пушкинъ и въ этомъ отношеніи величайшій образецъ: во всѣхъ томахъ его произведеній едва-ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выраженіе, даже слово... Но мы говоримъ не больше, какъ о пяти или шести пятнышкахъ въ книгѣ Лермонтова: все остальное въ ней удивляетъ силою и тонкостію художественнаго такта, полновластнымъ обладаніемъ совершенно покореннаго языка, истинно-пушкинскою точностію выраженія.

Бросая общій взглядъ на стихотворенія Лермонтова, мы видимъ въ нихъ всѣ силы, всѣ элементы, изъ которыхъ слагается жизнь и поэзія. Въ этой глубокой натурѣ, въ этомъ мощномъ духѣ все живетъ; имъ все доступно, все понятно; они на все откликаются. Онъ всевластный обладатель царства явленій жизни, онъ воспроизводитъ ихъ какъ истинный художникъ; онъ поэтъ русскій въ душѣ—

въ немъ живетъ прошедшее и настоящее русской жизни; онъ глубоко знакомъ и съ внутреннимъ міромъ души. Несокрушимая сила и мощь духа, смиреніе жалобъ, елеинное благоуханіе молитвы, пламенное, бурное одушевленіе, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордаго страданія, стоны отчаянія, таинственная нѣжность чувства, неукротимые порывы дерзкихъ желаній, цѣломудренная чистота, недуги современнаго общества, картины міровой жизни, хмельныя обаянія жизни, укоры совѣсти, умирительное раскаяніе, рыданія страсти и тихія слезы, какъ звукъ за звукомъ, льющіеся въ полнотѣ умирѣннаго бурей жизни сердца, упоенія любви, трепетъ разлуки, радость свиданія, чувство матери, презрѣніе къ прозѣ жизни, безумная жажда восторговъ, полнота упоивающагося роскошю бытія духа, пламенная вѣра, мука душевной пустоты, стонъ отвращающагося самого себя чувства замершей жизни, ядъ отрицанія, холодъ сомнѣнія, борьба полноты чувства съ разрушающею силою рефлексін, падшій духъ неба, гордый демонъ и невинный младенецъ, буйная вакханка и чистая дѣва—все, все въ поэзіи Лермонтова: и небо, и земля, и рай, и адъ... По глубинѣ мысли, роскоши поэтическихъ образовъ, увлекательной, неотразимой силѣ поэтическаго обаянія, полнотѣ жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненнымъ фонтаномъ, его созданія напоминаютъ собою созданія великихъ поэтовъ. Его поприще еще только начато, и уже какъ много имъ сдѣлапо, какое неистощимое богатство элементовъ обнаружено имъ: чего же должно ожидать отъ него въ будущемъ?... Пока еще не назовемъ мы его ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ, и не скажемъ, чтобъ изъ него современемъ вышелъ Байронъ, Гёте или Пушкинъ, ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ—*Лермонтовъ*... Знаемъ, что наши похвалы покажутся большинству публики преувеличенными; но мы уже обрекли себя тяжелой роли говорить рѣзко и опредѣленно то, чему сначала никто не вѣритъ, но въ чемъ скоро всѣ убѣждаются, забывая того, кто первый выговорилъ сознаніе общества и на кого оно за это смотрѣло съ насмѣшкою и неудовольствіемъ... Для толпы нѣмо и безмолвно свидѣтельство духа, которымъ запечатлѣны созданія вновь явившагося таланта: она составляетъ свое сужденіе не по самымъ этимъ созданіямъ, а по тому, что

о нихъ говорятъ сперва люди почтенные, литераторы заслуженные, а потомъ, что говорятъ о нихъ *всѣ*. Даже восхищаясь произведеніями молодого поэта, толпа косо смотритъ, когда его сравниваютъ съ именами, которыхъ значенія она не понимаетъ, но къ которымъ она прислушалась, которыхъ привыкла уважать на слово... Для толпы не существуютъ убѣжденія истины: она вѣритъ только авторитетамъ, а не собственному чувству и разуму—и хорошо дѣлаетъ... Чтобъ преклониться передъ поэтомъ, ей надо сперва прислушаться къ его имени, привыкнуть къ нему, и забыть множество ничтожныхъ именъ, которыя на минуту похищали ея бессмысленное удивленіе. *Procul profani!*

Какъ бы то ни было, но и въ толпѣ есть люди, которые высятся надъ нею: они поймутъ насъ. Они отличаютъ Лермонтова отъ какого-нибудь фразера, который занимается стукотнею звучныхъ словъ и *богатыхъ* риѣмъ, который вздумаетъ почитать себя представителемъ національнаго духа потому только, что кричитъ о славѣ Россіи (нисколько ненуждающейся въ этомъ) и вандальски смѣется надъ издыхающею, будто-бы, Европою, дѣлая изъ героевъ ея исторіи что-то похожее на нѣмецкихъ студентовъ... Мы убѣрены, что и наше сужденіе о Лермонтовѣ отличать они отъ тѣхъ производствъ въ „лучшіе писатели нашего времени, надъ сочиненіями которыхъ (будто бы) примирились всѣ вкусы и даже всѣ литературныя партіи“, такихъ писателей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ замѣчательное дарованіе, но лучшими могутъ казаться только для малаго кружка читателей того журнала, въ каждой книжкѣ котораго печатаютъ они по одной и даже по двѣ повѣсти... Мы убѣрены, что они поймутъ какъ должно и ропотъ стараго поколѣнія, которое, оставшись при вкусахъ и убѣжденіяхъ цвѣтушаго времени своей жизни, упорно принимаетъ неспособность свою почувствовать новому и понимать его за ничтожность всего новаго...

И мы видимъ уже начало истиннаго (*не шуточнаго*) примиренія всѣхъ вкусовъ и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова,—и уже не далеко то время, когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышимы въ повсѣдневномъ разговорѣ толпы, между толками ея о житейскихъ заботахъ.

1841 г.

25. Сочиненія Дениса Давыдова.

Второе изданіе. Спб. 1840.

Критическія статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появлялись безъ подписи авторовъ,—что, кстати замѣтить, давало поводъ журнальнымъ врагамъ Бѣлинскаго изощрять свои нападенія противъ „безымяннаго критика“ (см. наши вступительныя замѣтки къ статьямъ №№ 8, 36, 42, 46 и др.). Эта анонимность привела къ тому, что впоследствии нѣкоторыя статьи Бѣлинскаго стали приписываться другимъ сотрудникамъ журнала—Каткову, Галахову—и наоборотъ. Такъ, на примѣръ, настоящая статья до послѣдняго времени не считалась принадлежащей Бѣлинскому; впервые ее открылъ и доказалъ ея принадлежность Бѣлинскому С. Венгеровъ, въ VII томѣ своего „Полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго“ (т. VII, стр. 641—643). А между тѣмъ, статья эта представляетъ несомнѣнный историко-литературный интересъ и заставляетъ вспомнить почти совершенно забытаго теперь Дениса Давыдова, съ его не яркой, но оригинальной и цвѣтной поэзіей.

Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій поставилъ Д. Давыдова рядомъ съ Языковымъ, назвавъ ихъ „примѣчательными явленіями“ и указавъ, что „ихъ односторонность есть оригинальность, безъ которой нѣтъ истиннаго таланта“ (см. выше, стр. 70—71). И семь лѣтъ спустя, въ своемъ обзорѣ „Русской литературы въ 1841 году“ (см. статью № 33), Бѣлинскій снова нашелъ въ произведеніяхъ Д. Давыдова „истинную поэзію“, „несмотря на ихъ однообразность“; „вообще,—заключаетъ онъ,—въ поэзіи Давыдова есть какая-то достолюбезная оригинальность, свой собственный ха-

рактеръ“. Развитію этихъ же мыслей посвящена настоящая статья конца 1840 года, хотя тонъ въ ней взятъ нѣсколько выше и значеніе Давыдова нѣсколько переоцѣнено. „Давыдовъ, какъ поэтъ,—говоритъ здѣсь Бѣлинскій,—рѣшительно принадлежитъ къ самымъ яркимъ свѣтиламъ второй величины на небосклонѣ русской поэзіи и имѣетъ гораздо больше правъ на славу и удивленіе, нежели многіе, которые больше его пользуются тѣмъ и другимъ у большинства читающаго люда...“ Слѣдуетъ замѣтить, что и Пушкинъ очень высоко цѣнилъ Д. Давыдова: „онъ далъ мнѣ почувствовать, что можно быть оригинальнымъ“, говорилъ Пушкинъ. Но если даже это и слишкомъ высокая оцѣнка, то во всякомъ случаѣ талантъ Д. Давыдова ярче, оригинальнѣе и цвѣтнѣе таланта, хотя бы, на примѣръ, гораздо болѣе извѣстнаго П. Козлова съ его блѣдными перепѣвами Жуковскаго (см. статью № 31). А между тѣмъ Козловъ до сихъ поръ попадаетъ во всѣ исторіи русской литературы, какъ представитель „школы Жуковскаго“, въ то время какъ Д. Давыдова нѣтъ даже въ самой подробной изъ всѣхъ существующихъ исторій русской литературы XIX вѣка, и именно потому, что, съ одной стороны, его талантъ нельзя отнести ни къ какой „школѣ“, а съ другой—потому, что его самобытный талантъ слишкомъ второстепененъ, чтобы посвящать ему особую главу. Но лучшая изъ всѣхъ существующихъ до сихъ поръ исторій русской литературы—собраніе сочиненій Бѣлинскаго—пополняетъ этотъ пробѣлъ настоящей статьей.

Н.-Р.

Помните ли вы то время нашей литературы, когда она казалась такою живою, разнообразною, пестрою, богатою,—когда не было конца литературнымъ новостямъ, не было конца изумленію и наслажденію читателя? Прекрасное то было время! Тогда явился исполинъ нашей поэзіи, полный и могучій представитель русскаго духа въ искусствѣ—Пушкинъ. Каждое его новое стихотвореніе, показывавшееся то въ журналѣ, то въ альманахѣ, расшевеливало всѣ умы, настроенные ожиданіемъ чудесъ его поэзіи, было живою, чудною новостію, которая возбуждала любопытство и вызывала вниманіе даже стараго поколѣнія, сладко дремавшаго

за бостономъ и вистомъ. Не говоря уже о множествѣ мелкихъ произведеній Пушкина,—этотъ рядъ поэмъ: „Русланъ и Людмила“, „Братья Разбойники“, „Кавказскій Плѣнникъ“, „Бахчисарайскій Фонтанъ“, „Цыгане“, „Полтава“, наконецъ драма „Борисъ Годуновъ“, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ глава за главою дивнаго поэтическаго романа „Евгенія Онѣгина“, созданія чисто-оригинальнаго, исчерпавшаго до дна всю жизнь современной Руси,—согласитесь, что тутъ было отъ чего закружиться даже и молодымъ, не только старымъ головамъ, которые еще не совсѣмъ успѣли переварить въ себѣ и поэзію Жуковскаго:—столь странно и ди-

кою даже и она казалась имъ, еще съ почитеніемъ вспоминавшимъ о Сумароковѣ, съ мистическимъ благоговѣніемъ о Херасковѣ, и не умѣвшимъ вообразить ничего выше Ломоносова, Державина и Озерова! Всѣ теоріи перевернулись и перепрокинулись: классицизмъ единогласно былъ уволенъ въ чистую, за выслугою и дряхлостію, а романтизмъ плохо понимали и самые его поборники. Шумъ, крикъ, споры... Славное было то время! Чтò нужды, если спорившіе плохо разумѣли предметъ спора: разумѣніе является тогда, когда утихнетъ шумъ и крикъ, но оно все-таки есть результатъ этого шума и крика. Тогда шумѣли, кричали, спорили и даже *бранились*,—это, правда,—но не изъ подписчиковъ, единственной и исключительной причины полемики многихъ теперешнихъ журналовъ, а изъ мысли, изъ желанія защитить свое убѣжденіе, или узнать истину. Конечно, и тутъ, какъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, вмѣшивались и корыстные расчеты, и самолюбіе; но главнымъ рычагомъ всей тогдашней литературной дѣятельности и главною причиною шума, и криковъ, и даже браней было—живое стремленіе къ истинѣ... Но объ этомъ грустномъ предметѣ мы скоро поговоримъ въ особой статьѣ ¹⁾; а теперь намъ должно скорѣе дойти до предмета настоящей статьи—Давыдова.

Вслѣдъ за Пушкинымъ вышла на литературную арену цѣлая дружина молодыхъ талантовъ. Всѣ они пошли по направленію, данному имъ Пушкинымъ, и самый послѣдній изъ нихъ, безъ всякаго спора, гораздо выше, напримѣръ, гг. Тимоѣева и Кукольника, громко провозглашенныхъ въ одномъ журналѣ великими геніями русской литературы отъ 1834 года до сей минуты включительно ²⁾,—или г. Бернета, который, благодаря тому же журналу, смѣло сталъ подлѣ двухъ первыхъ. Кромѣ того, что каждый изъ талантовъ, появившихся вслѣдъ за Пушкинымъ, имѣлъ больше или меньше неотъемлемое достоинство, положительную силу,—не забудемъ, что каждый изъ нихъ тѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ на публику, что былъ для нея совершенно новымъ; уже одна новизна, небывалость и, въ отношеніи къ предшествовавшему періоду литературы, совершенная оригинальность могла быть принята и за талантъ, и за геній. Въ это время начало ходить по рукамъ въ рукописи великое твореніе Грибоѣдова „Горе отъ Ума“; въ это время чувствительныя души плакали надъ рукописнымъ „Чернецомъ“ Козлова, и

безпрестанно появлялись лирическія произведенія Козлова, Баратынскаго, Веневитинова, Полежаева, Вронченко, Подолинскаго, Языкова, Хомякова, Дельвига, Глинки (Ф. Н.), Тепловой, Теплякова, Ознобишина, Туманскаго, Шевырева (особенно, какъ талантливаго переводчика Шиллера), Шишкова 2-го (переводчика „Нѣмецкаго Театра“), Писарева (водевилиста) и пр. ¹⁾. При этомъ довольно значительномъ числѣ дарованій, дѣйствовавшихъ въ одно время и подъ вліяніемъ одного общаго свѣтила—Пушкина, дѣйствовалъ и великій талантъ стараго періода литературы—Жуковский, и дѣйствовалъ, казалось, съ новою силою. Даже изрѣдка являлись басни Крылова. Всегда игривая, остроумная, а нерѣдко и трогаящая грустнымъ чувствомъ муза князя Вяземскаго, казалось, получила новую жизнь. Мерзляковъ напоминалъ о себѣ въ это время своими русскими пѣснями, Гнѣдичъ—отрывками изъ „Иліады“, которая, наконецъ, и вполнѣ была издана въ 1830 году.

Мы говорили о стихотворцахъ; теперь перейдемъ къ прозаикамъ. Ихъ число, конечно, было не такъ велико, какъ число прозаиковъ съ 1834 года; но мы здѣсь говоримъ собственно не о стихотворцахъ или прозаикахъ, а о цѣлой литературѣ въ данный періодъ. При томъ же, количество не всегда то же, чтò качество, а посему и въ отношеніи къ прозаикамъ мы еще помедлимъ отдать перевѣсъ послѣднему времени литературы, начавшемуся съ 1834 года. Вмѣстѣ съ Пушкинымъ вышелъ на поприще литературы Марлинскій. Время произнесло свой судъ надъ этимъ писателемъ: лѣтъ пять назадъ онъ былъ ростомъ чуть не съ Шекспира, или съ Эльборуса, а теперь поступилъ на вакантное удивленіе и восторгъ той части публики, которая, отдавъ романамъ г. Булгарина полную дань удивленія и восторга, уже скучаетъ ими и требуетъ чего-нибудь получше. Какъ бы то ни было, но Марлинскій все-таки очень примѣчательное лицо въ исторіи нашей литературы. Его назначеніе было—дѣйствовать противъ заплѣсневѣлой старости. Онъ очень остроумно и энергически преслѣдовалъ мелкою журнальною дробью такъ называвшихся тогда „классиковъ“, а въ повѣстяхъ своихъ изъ всѣхъ силъ добивался оригинальности въ вымыслѣ и выраженіи, новыхъ блестящихъ оборотовъ въ слогѣ и въ новыхъ словахъ. Его сочиненія принесли великую поль-

¹⁾ Повтореніе обѣщанія, сдѣланнаго въ самомъ началѣ статьи № 23; обѣщаніе это было выполнено черезъ годъ въ статьѣ „Русская Литература въ 1841 году“ (№ 33).

²⁾ См. выше наше примѣчаніе на стр. 547-ой.

¹⁾ Достойны вниманія переводы и даже нѣкоторые оригинальныя произведенія гг. Ротчева, Тютчева, Маркевича, Вердеревскаго и даже г. Раича, очень недурно переведшаго „Буколики“ Виргилія и написавшаго нѣсколько стихотвореній, отличающихся гладкостію и бойкостію стиха. *Прим. Бѣлинскаго.*

зу тѣмъ, что уничтожили въ глазахъ публики всякую цѣну прежняго направленія въ романѣ и повѣсти, сдѣлавъ ихъ смѣшными и пошлыми, и возбудили въ публикѣ требованіе чего-то лучшаго, высшаго и истиннѣйшаго. Сначала публика думала, что нашла въ повѣстяхъ Марлинскаго осуществившійся идеаль современнаго романа и повѣсти; но, поприглядѣвшись къ нимъ, она признала ихъ почтенною, хотя и неудавшеюся попыткою, и съ рукъ на руки передала той части публики, которая, прочитавъ „Ивана Выжигина“, уже остроумно и колко подшучивала надъ „Милордомъ Англинскимъ“. Но дальнѣйшія подробности этого дѣла не относятся къ предмету нашей статьи: намъ нужно замѣтить только, что если повѣсти Марлинскаго теперь, будучи изданы вторично, имѣли такой блестящій успѣхъ, то какой же восторгъ производили онѣ своею новостію и оригинальнію, какое движеніе и какую жизнь давали нашей литературѣ и нашей публикѣ! И не забудьте, что онѣ были современны поэмамъ Пушкина, „Горю отъ Ума“ Грибоѣдова и всѣмъ выше исчисленнымъ нами поэтамъ. Кромѣ Марлинскаго, попытками на русскую повѣсть въ то время замѣчательны гг. Погодинъ и Полевой; ихъ повѣсти не только не лишены значительныхъ беллетрическихъ достоинствъ, особенно важныхъ для того времени, въ которое онѣ являлись, но онѣ возбуждали сильный интересъ въ тогдашней публикѣ. Г. Полевой, сверхъ того, приобрѣтшій большую извѣстность въ качествѣ журналиста, сдѣлалъ еще попытку и на историческій романъ, и въ его „Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ“ есть мѣста, отличающіяся занимательностію и означенными нѣкоторою степенью дарованія. Въ это же время вышелъ на литературную арену еще новый атлетъ, съ свѣжими силами, съ элементомъ новой жизни, совершенно новою мыслию въ новой оригинальной формѣ: мы говоримъ о князѣ Одоевскомъ, который создалъ себѣ особый родъ и не нашелъ себѣ въ немъ ни послѣдователей, ни соперниковъ. Трудно опредѣлить характеръ его такъ называемыхъ повѣстей, которыя скорѣе можно назвать поэтическими думами о жизни и фантастическими видѣніями. Въ нихъ преобладаетъ глубоко гуманическое начало; ихъ герой—внутренній человекъ, и всего чаще—художникъ въ борьбѣ съ враждебною дѣйствительностію. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преобладаетъ благородный юморъ, возбуждаемый созерцаніемъ противорѣчій жизни и искаженной человѣческой натуры, — и во всѣхъ господствуетъ дидактически-поэтическое стремленіе — пробуждать заснувшія въ грязи внѣшней жизни души для высшаго идеальнаго существова-

нія. Первымъ его литературнымъ опытомъ была повѣсть „Элладій“, потомъ нѣсколько аллегорій, напечатанныхъ въ „Мнемозинѣ“, но это были только пробы пера, — и тѣ, которыми извѣстны „Послѣдній Квартетъ Бетховена“, „Себастьянъ Бахъ“, „Насмѣшка Мертвеца“ и другія пьесы князя Одоевскаго, согласятся съ нами, что такой писатель имѣетъ не временное значеніе и важность. Какой же интересъ должны были возбуждать въ публикѣ эти произведенія при своемъ появленіи, какую жизнь должны были давать они литературѣ того прекраснаго времени! ¹⁾).

Такъ какъ мы, говоря о періодѣ русской литературы отъ 1819 до 1834 года, имѣемъ въ виду преимущественно ту жизнь, которой она въ это время была одушевлена и которою возбуждала такой сильный интересъ въ публикѣ, — то и должны упомянуть даже о явленіяхъ, которыя, будучи сами по себѣ совершенно ничтожны, своею новостію способствовали еще къ большому оживленію литературы и возбужденію живого интереса въ публикѣ. Къ такимъ явленіямъ принадлежатъ романы г. Булгарина, безспорно имѣющіе свое „литературно-историческое“ значеніе, хотя и чуждые всякаго поэтическаго и даже просто беллетрическаго достоинства по рѣшительному отсутствію внутренней жизни. Нужно ли говорить о томъ, можно сказать, волненіи, которое произвелъ въ нашей литературѣ „Юрій Милославскій“ г. Загоскина, эта теплая, добродушная попытка въ романическомъ родѣ, убившая наповаль сочинителя „Самозванца“? Равнымъ образомъ, нужно ли говорить о „Рославлевѣ“, этомъ добродушномъ повтореніи „Юрія Милославскаго“, омеѣ славы его автора, которой альфою былъ „Юрій Милославскій“?.. Въ это же время выступилъ на литературное поприще и единственный даровитый романистъ нашъ, г. Лажечниковъ, съ своимъ высоко-поэтическимъ „Новикомъ“. Тогда же публика радушно привѣтствовала и „Киргизъ-Кайсака“ г-на Ушакова, и „Сграница“ съ „Кашеемъ Безсмертнымъ“ г-на Вельмана. Самъ Гоголь явился съ своими дивно-художественными „Вечерами на Хуторѣ“ въ этотъ же живой и цвѣтущій періодъ нашей литературы, который мы на-

¹⁾ Какъ жаль, что князь Одоевскій медлитъ до сихъ поръ изданіемъ своихъ сочиненій, разбѣянныхъ по журналамъ и альманахамъ! Только тогда можно бы было увидѣть, какое важное значеніе имѣютъ они въ русской литературѣ.

Прим. Бѣлинскаго.

Весь предыдущій абзацъ является сжатымъ резюмированіемъ исторіи русской повѣсти и слегка измененнымъ изложеніемъ мыслей статьи „О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя“ (№ 3). Нѣсколько позднѣе Бѣлинскій развилъ эти мысли въ статьѣ „Русская литература въ 1843 году“ (№ 47).

чинаемъ съ 1820 года, а оканчиваемъ 1833 годомъ и который мы почитаемъ отличнымъ и справедливымъ назвать періодомъ *пушкинскимъ*¹⁾.

Вотъ къ этому-то періоду нашей литературы принадлежитъ и даровитый нашъ партизанъ поэтъ, Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Правда, ему было уже *пятнадцать* лѣтъ отъ роду, когда еще Пушкинъ только что родился, и онъ написалъ одно изъ первыхъ своихъ стихотвореній свое знаменитое посланіе къ Бурцову въ 1804 году, когда Пушкину было еще только пять лѣтъ отъ роду, но тѣмъ не менѣе, какъ поэтъ и литераторъ, Давыдовъ принадлежитъ къ пушкинскому періоду нашей литературы, о которомъ мы не безъ причины такъ распространились. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ, имѣя рѣшительное вліяніе на поэтовъ, вмѣстѣ съ нимъ или послѣ него явившихся, имѣлъ также сильное вліяніе и на нѣкоторыхъ поэтовъ предшествовавшаго, т.-е. *карамзинскаго* періода литературы, уже пріобрѣтшихъ опредѣленную извѣстность. Къ такимъ относимъ мы князя Вяземскаго, О. Глинку и въ особенности Дениса Давыдова; сличите стихотворенія этихъ поэтовъ, написанныя ими до появленія Пушкина, съ ихъ же стихотвореніями, написанными ими по появленіи Пушкина, — и вы увидите, какая безконечная разница не только въ языкѣ или фактурѣ стиха, но и въ колоритѣ, оборотахъ фразъ и мыслей! Таково вліяніе генія на современную ему литературу: его дѣятельность есть водоворотъ, все увлекающій въ своемъ непреодолимомъ стремленіи.

Давыдовъ принадлежитъ къ примѣчательнѣйшимъ людямъ блестящаго царствованія Александра Благословеннаго, царствованія столь богатаго и славнаго талантами на всѣхъ поприщахъ, блестящаго знаменитостями и славами всѣхъ родовъ. Давыдовъ примѣчателенъ и какъ поэтъ, и какъ военный писатель, и какъ вообще литераторъ, и какъ воинъ — не только по примѣрной храбрости и какому-то рыцарскому одушевленію, но и по таланту военачальничества, — и наконецъ онъ примѣчателенъ какъ человѣкъ, какъ характеръ. Онъ во всемъ этомъ знаменитъ, ибо во всемъ этомъ возвышается надъ уровнемъ посредственности и обыкновенности. Говоря о Давыдовѣ, мы преимуще-

ственно имѣемъ въ виду поэта; но чтобъ понять Давыдова, какъ поэта, надо сперва понять его какъ Давыдова, т.-е. какъ оригинальную личность, какъ чудный характеръ, словомъ, какъ всего человѣка, и потому сперва бросимъ взглядъ на его біографію.

Къ первому изданію его стихотвореній, сдѣланному въ 1832 году московскимъ книгопродавцемъ Салаевымъ, приложенъ легкій очеркъ его жизни, подъ названіемъ „Нѣкоторыя черты изъ жизни Дениса Васильевича Давыдова“. Въ краткомъ предисловіи издатель извѣстилъ публику, что этотъ очеркъ написанъ однимъ изъ сослуживцевъ Давыдова; но мы очень хорошо помнимъ, что тогда никто этому не повѣрилъ и всѣ журналы называли этотъ очеркъ автобіографіею, хотя самъ Давыдовъ или нѣкоторые изъ близкихъ къ нему литераторовъ и протестовали противъ этого, какъ противъ ошибки. При теперешнемъ изданіи сочиненій Давыдова опять приложенъ съ нѣкоторыми измѣненіями этотъ же самый очеркъ подъ названіемъ „Очерка жизни Дениса Васильевича Давыдова“, — и новый издатель, въ краткомъ предисловіи, извѣщаетъ публику, что авторъ этого Очерка — сослуживецъ Давыдова, покойный генераль-лейтенантъ О. Д. О—й и что многіе *ошибочно* приняли этотъ очеркъ за автобіографію, а въ доказательство приводитъ слова самого Давыдова, который въ письмѣ къ нему формально отрекается отъ сочиненія „Очерка“ и утвердительно приписываетъ его сослуживцу и другу своему генералу О. Д. О—му¹⁾. Какъ бы то ни было, но, несмотря на личное свидѣтельство самого Давыдова, дѣло остается „въ сильномъ подозрѣніи“: до такой степени носить на себѣ этотъ „Очеркъ“ родовыя примѣты пера Давыдова и отличается такимъ добродушіемъ, такою откровенностію, искренностію, такою удалою размашистостію и оригинальнію! Пробѣжимъ же эту автобіографію, или — если угодно — этотъ очеркъ жизни Давыдова, мѣстами говоря его собственными словами, а мѣстами скрѣпя сердце замѣняя поэтическое изложеніе оригинала нашимъ прозаическимъ пересказомъ.

Давыдовъ родился въ Москвѣ, 16-го іюля 1784 года. Съ малолѣтства, подобно большей части дѣтей, обнаруживалъ онъ страсть къ ружью и маршированію, страсть, которая получила высшее направленіе отъ случайнаго вниманія къ нему Суворова. Суворовъ при осмотрѣ полтавскаго полка, находившагося подъ командою отца Дениса Давыдова, замѣтилъ рѣзваго ребенка и, благословивъ его, сказалъ: „Ты выиграешь три сраженія!“ — Маленькій повѣса (слова Очерка) бросилъ

¹⁾ Началомъ или исходнымъ пунктомъ слѣдующаго затѣмъ періода нашей литературы было начало „Библіотеки для Чтенія“, какъ главнаго его героя и центра его дѣятельности. По характеру своему онъ можетъ назваться *книгопродавческимъ*, *промышленнымъ* или *торговымъ*, точно такъ же, какъ настоящее время нашей литературы можетъ назваться *апатическимъ*.

Примѣч. Бѣлинскаго.

Ср. выше, стр. 95—96.

¹⁾ Этотъ „генераль О. Д. О—й“ — самъ Давыдовъ.

псалтырь, замахалъ саблею, выкололъ глазъ дядькѣ, проткнулъ шлыкъ нянѣ и отрубилъ хвостъ борзой собакѣ, думая тѣмъ исполнить пророчество великаго человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, это событіе такъ глубоко врѣзалось въ душу Давыдова, что въ лѣта мужества онъ передалъ его со всѣми подробностями въ прекрасной статьѣ. Мы должны же говорить о Давыдовѣ, какъ о прозаикѣ, такъ вотъ кстати и образчикъ его прозы, а къ жизни его мы еще обратимся:

„За полчаса до полночи меня съ братомъ разбудили, чтобы видѣть Суворова или по крайней мѣрѣ слышать слова его, потому что ученіе началось за часъ до разсвѣта; а въ самую полночь, какъ насъ увѣрили, онъ выбѣжитъ нагой изъ своей палатки, ударить въ ладоши и прокричить пѣтухомъ: по этому сигналу трубачи затрубятъ „генераль-маршъ“, и войско станетъ сѣдлать лошадей, ожидая „сбора“, чтобы садиться на нихъ и строиться для выступленія изъ лагеря. Но не взирая на все наше вниманіе, мы не слышали ни хлопанья въ ладоши, ни крика пѣтукомъ. Говорили потомъ, что онъ не только въ ту ночь, но никогда, ни прежде, ни послѣ, этого не дѣлывалъ, и что все это была одна изъ выдумокъ и преувеличенныхъ странностей, которыя ему приписывали.

До разсвѣта войско выступило изъ лагеря, и мы, спустя часъ по ихъ выступленіи, поѣхали вслѣдъ за ними въ поле. Но угонишься ли за конницею, ведомою Суворовымъ? Бурные разливы ея всеминутно уходили у насъ изъ виду, оставляя за собою одинъ гулъ, болѣе и болѣе удалявшійся. Иногда между эскадронами, въ облакахъ пыли, показывается кто-то скачущій въ бѣлой рубашкѣ—и въ любопытномъ народѣ, высыпавшемъ въ поле для одного съ нами предмета, вырывались крики: „Вотъ онъ! вотъ онъ! Это онъ, нашъ батюшка, графъ Александръ Васильевичъ!“ Вотъ все, что мы видѣли и слышали...

Около десяти часовъ утра все зашумѣло вокругъ нашей палатки, закричало: „скачетъ! скачетъ!“ Мы выбѣжали и увидѣли Суворова во стѣ саженьяхъ отъ насъ, скачущаго во всю прыть въ направленіи мимо нашей палатки.

Я помню, что сердце мое тогда упало, какъ послѣ оно упало при встрѣчѣ съ любимой женщиной. Я весь былъ взоръ и вниманіе, весь былъ любопытство и восторгъ и какъ теперь вижу—толпу, составленную изъ четырехъ полковниковъ, изъ корпуснаго штаба, адъютантовъ и ординарцевъ и впереди Суворова на саврасомъ калмыцкомъ конѣ, принадлежавшемъ моему отцу, въ бѣлой рубашкѣ, въ довольно узкомъ полотняномъ нижнемъ платьѣ, въ сапогахъ въ родѣ тоненькихъ ботфортъ, и легкой, маленькой, солдатской каскѣ, формы того времени, нѣсколько сходной съ формою нынѣшнихъ касокъ гвардейскихъ конныхъ гренадировъ. На немъ не было ни ленты, ни крестовъ: это мнѣ очень памятно, какъ и черты сухощаваго лица его, покрытаго морщинами, достойными наблюденія Лафатера, какъ и поднятыя брови и нѣсколько опущенныя вѣки. Все это, несмотря на дѣтскія лѣта, напечатлѣлось въ моей памяти не менѣе его одежды. Вотъ почему мнѣ не нравится ни одинъ изъ его бюстовъ, ни одинъ изъ его портретовъ, кромѣ портрета, писаннаго въ Вѣнѣ, во время проѣзда его въ Италію и котораго вѣрнѣйшая копія находится у меня, да бюста Гишара, изваяннаго по слѣзку съ лица послѣ его смерти. Портретъ, искусно выгравированный Уткинымъ, не похожъ;

онъ безъ оригинальнаго выраженія его фізіономіи, соненъ и безжизненъ.

Когда онъ несея мимо насъ, любимый адъютантъ его Тищенко, человѣкъ совѣтъ необразованный, но котораго онъ передъ всѣми выставилъ за своего наставника и какъ будто слушался его наставленій, — Тищенко закричалъ ему: „Графъ! что вы такъ скачете? Посмотрите, вотъ дѣти Василья Денисовича!“ — „Гдѣ они? гдѣ они?“ спросилъ онъ и, увидя насъ, поворотилъ въ нашу сторону, подскочилъ къ намъ и остановился. Мы подошли къ нему ближе. Поздоровавшись съ нами, онъ спросилъ у отца моего наши имена, подозвалъ насъ къ себѣ еще ближе, благословилъ насъ весьма важно, протянулъ каждому изъ насъ свою руку, которую мы поцѣловали, и спросилъ меня: „любимъ ли ты солдатъ, другъ мой?“ Смѣлый и пылкій ребенокъ, я со всѣмъ порывомъ дѣтскаго восторга мгновенно отвѣчалъ ему: „Я люблю графа Суворова; въ немъ все — и солдаты, и побѣда, и слава!“ — „О, помилуй Богъ, какой удаю! — сказалъ онъ — это будетъ военный человѣкъ; я не умру, а онъ уже три сраженія выиграетъ! А этотъ (указавъ на моего брата) пойдетъ по гражданской службѣ!“ — Съ этимъ словомъ онъ вдругъ поворотилъ лошадь, ударилъ ее нагайкою и поскакалъ къ своей палаткѣ.

Суворовъ въ этомъ случаѣ не былъ пророкомъ: братъ мой весь свой вѣкъ служилъ въ военной службѣ и служилъ съ честью, что доказываютъ восемь полученныхъ ранъ, всѣ, кромѣ двухъ, отъ холоднаго оружія, — ранъ, издавна неполучаемыхъ; а я не командовалъ ни арміями, ни даже отдѣльными корпусами; слѣдовательно, не выигрывалъ и не могъ выиграть сраженій.

При всемъ томъ, слова великаго человѣка имѣли что-то магическое; когда, спустя нѣсколько лѣтъ, подошелъ для обоихъ насъ время службы, отцу моему предложили записать насъ въ Иностранную Коллегію; но я, полный словъ героя, не хотѣлъ другого поприща, кромѣ военнаго; братъ мой, озадаченный, можетъ быть, его предсказаніемъ, покорился своей судьбѣ, и, прежде чѣмъ поступилъ въ военное званіе, около году служилъ въ Archivѣ Иностранныхъ Дѣлъ юнкеромъ“.

На этомъ мѣстѣ должна бы кончиться наша выписка изъ статьи Давыдова; но, — очарованные его рассказомъ, столь живописнымъ, что все какъ будто видишь сію же минуту передъ глазами своими, и давнопрошедшее становится настоящимъ, — мы напишемъ еще о посѣщеніи Суворовымъ отца Давыдова. А чтобы выписка не была чересчуръ длинна, мы своими словами перескажемъ нѣкоторыя подробности о приготовленіяхъ къ приему великаго человѣка. По благосклонности къ отцу Давыдова Суворовъ самъ назвался къ нему на обѣдъ. Дѣло было въ какой-то постъ, — и потому на большомъ кругломъ столѣ въ гостиной стояли разныя постныя закуски, съ рюмкою „благороднаго размѣра“ и графиномъ водки. Въ столовой накрытъ былъ столъ на 23 прибора, безъ всякихъ украшеній посреди — безъ вазъ съ фруктами и вареньемъ, и безъ платѣ, какъ тогда водилось: Суворовъ ненавидѣлъ роскоши. Не было даже суповыхъ чашъ на столѣ — кушанья должны были подаваться прямо съ огня: такъ обыкновенно дѣлыва-

лось у Суворова. Въ одной изъ отдѣльныхъ комнатъ за столовой были приготовлены: ванна, нѣсколько ушатовъ съ холодною водою, нѣсколько чистыхъ простынь, перемѣнное бѣлье его и одежда, привезенная изъ лагеря. Изъ приглашенныхъ къ обѣду между прочими гостями была одна пожилая госпожа, знакомая хозяйкѣ дома и пріѣхавшая изъ Москвы; она съ перваго взгляда не понравилась Суворову и была предметомъ его насмѣшекъ и шутокъ во все время пребыванія у Давыдова. Теперь обратимся къ разсказу самого автора.

Маневры того дня кончились въ 7 часовъ утра, т.-е. въ 7 часовъ утра войска были уже на маршѣ къ лагерю. Отецъ мой, оставивъ свой полкъ на походѣ, поскакалъ въ лагерь во всю прыть своего черкесскаго коня, на которомъ былъ на маневрахъ, чтобы, перемѣнивъ его, скорѣе пріѣхать къ намъ и, до прибытія Суворова, исправить то, что требовало исправленія для его принятія. Уже онъ былъ на половинѣ пути отъ лагеря къ Грушеvkѣ, какъ вдругъ съ одного возвышенія увидѣлъ, около двухъ верстъ впереди себя, но нѣсколько въ боку, всадника съ другимъ всадникомъ, отставшимъ довольно далеко: оба они скакали во всѣ поводы по направленію къ Грушеvkѣ. Это былъ Суворовъ съ однимъ изъ своихъ ординарцевъ, скачущій туда прямо съ маневровъ. Отецъ мой усилилъ прыть своей лошади, но не успѣлъ пріѣхать къ нашему дому прежде шестидесятитрехлѣтняго старца-юноши. Онъ нашелъ его уже всего опыленнаго на крыльцѣ, трепавшаго саврасаго коня своего и выхвалявшаго качества его толпѣ любопытныхъ, которою былъ окруженъ. „Помилуй Богъ! славная лошадь! Я на такой никогда не ѣзжалъ. Это не двужильная, а трехжильная!“ Тутъ отецъ мой пригласилъ и провелъ его въ приготовленную комнату, а самъ занялся своимъ туалетомъ: подобно Суворову, онъ весь покрытъ былъ пылью, такъ что нельзя было угадать чертъ его лица.

Всѣ мы ожидали выхода Суворова въ гостиную. Это продолжалось около часа времени. Вдругъ растворились двери изъ комнатъ, отдѣленныхъ столовою отъ гостиной, и Суворовъ вышелъ оттуда чистъ и опрятенъ, какъ младенецъ послѣ святаго крещенія. Волосы у него убраны были, какъ представляются на его портретахъ. Мундиръ на немъ былъ генераль-аншефскій того времени, богато шитый серебромъ или золотомъ, не помню, нараспашку, съ тремя звѣздами. По бѣлому лѣтнему жилету лежала лента Георгія перваго класса: болѣе орденовъ не было. Лѣтнее, бѣлое, довольно узкое нижнее исподнее платье и сапоги, доходившіе до половины колѣна, въ родѣ легкихъ ботфортъ. Въ рукахъ ничего не было — ни шляпы, ни каски. Такъ я въ другой разъ увидѣлъ Суворова.

Отецъ мой вышелъ къ нему навстрѣчу, провелъ его въ гостиную и представилъ ему мать мою и насъ. Онъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее въ обѣ щеки, сказалъ ей нѣсколько словъ о покойномъ отцѣ ея, генераль-поручикѣ Щербининѣ, бывшемъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ намѣстникомъ Харьковской, Курской и Воронежской губерній; cadaго изъ насъ благословилъ снова, далъ намъ поцѣловать свою руку и сказалъ: „это мои знакомые“. Потомъ, оборотясь ко мнѣ, повторилъ: „О, этотъ будетъ военнымъ человекомъ! Я не умру, а онъ выиграетъ три сраженія!“ Тутъ отецъ мой представилъ ему родную сестру мою, трехлѣтняго ребенка. Онъ спросилъ ее: „что съ тобою, моя голубушка? что ты такъ худая и блѣдная?“

Ему отвѣчали, что у нея лихорадка. „Помилуй Богъ, это нехорошо! Надо эту лихорадку хорошенько выѣчь розгами, чтобы она ушла и не возвращалась къ тебѣ“. Сестра подумала, что сѣченье предлагается ей, а не лихорадкѣ, и едва не заплакала. Тогда, оборотясь къ пожилой госпожѣ, Суворовъ сказалъ: „А объ этой и спрашивать нечего; это вѣрно какая-нибудь *мадамка*!“ Эти слова сказаны были безъ малѣйшей улыбки и весьма хладнокровно, что возбудило въ насъ смѣхъ, отъ котораго едва мы воздержались; но онъ, не измѣняя фizioноміи, съ тѣмъ же хладнокровіемъ подошелъ къ столу, уставленному закусками, налилъ рюмку водки, выпилъ однимъ глоткомъ и такъ плотно принялся завтракать, что лобомъ.

Спустя нѣсколько времени отецъ мой пригласилъ его за обѣденный столъ. Всѣ размѣстились. Подали щи кипячія, какъ Суворовъ обыкновенно кушалъ: онъ часто любилъ ихъ хлебать изъ самаго горшка, стоявшаго на огнѣ. Я помню, что почти до половины обѣда онъ не занимался ничѣмъ кромѣ утоленія голода и жажды среди глубокаго молчанія, и что объ эти операціи производилъ, можно сказать, ревностно и прилежно. Около половины обѣда пришла очередь и разговорамъ. Но болѣе всего остались у меня въ памяти частыя насмѣшки его надъ пожилой госпожой, что насъ, дѣтей, чрезвычайно забавляло, да и старшихъ едва не увлекло къ смѣху. Въ теченіе всего обѣда Суворовъ при самыхъ интересныхъ разговорахъ не забывалъ ловить каждое движеніе ея, какъ скоро она обращалась въ противную отъ него сторону, и мгновенно бросалъ какую-нибудь шутку на ея счетъ. Когда она, услышавъ его голосъ, оборачивалась на его сторону, онъ, подобно школьнику-повѣсѣ, потуплялъ глаза въ тарелку, не то обращалъ ихъ къ бутылкѣ или стакану, показывая, будто занимается питьемъ или ѣдою, а не ею. Такъ, напримѣръ, взглянувъ однажды на нее тогда, какъ она всматривалась въ гостей, сидѣвшихъ въ концѣ стола, онъ сказалъ вполголоса, но довольно явственно: „какая тетеха!“ И едва успѣла она обратиться въ его сторону, какъ глаза его уже опущены были на рыбу, которую онъ кушалъ весьма внимательно. Въ другой разъ, замѣтивъ, что она продолжаетъ слушать разговоры тѣхъ же гостей, Суворовъ сказалъ: „какъ вытаращила глаза!“ Въ третій разъ, увидѣвъ то же, онъ произнесъ: „они тамъ говорятъ, а она сидитъ да глядитъ!“

Тищенко сказывалъ мнѣ, что изъ одного только уваженія къ моей матери Суворовъ ограничилъ подобными выходками нападки свои на пожилую госпожу, которая ему не понравилась, но что обыкновенно онъ, чтобы избавиться отъ присутствія противной ему особы, при первой встрѣчѣ съ нею восклицалъ: „Воняетъ! воняетъ! Курите, курите!“ И тогда привычные къ нему чиновники, зная уже, до кого рѣчь касается, тайно подходили къ той особѣ и просили ее выйти изъ комнаты. Тогда только прекращались его восклицанія.

Послѣ обѣда онъ завелъ рѣчь о лошади, на которой ѣздилъ на маневрахъ и пріѣхалъ къ намъ на обѣдъ; хвалилъ ея прыткость и силу, и увѣрялъ, что никогда не ѣзжалъ на подобной, кромѣ одного раза, въ сраженіи подъ Козлуджи. „Въ этомъ сраженіи, — сказалъ онъ — я былъ охваченъ и преслѣдуемъ Турками очень долго. Зная турецкій языкъ, я самъ слышалъ уговоръ ихъ между собою не стрѣлять по мнѣ и не рубить меня, а стараться взять живого: они узнали, что это былъ я. Съ этимъ намѣреніемъ они нѣсколько разъ настигали меня такъ близко, что почти руками хватались за куртку; но при каждомъ ихъ наскокѣ лошадь моя какъ стрѣла бросалась впередъ, и гнавшіеся за мною Турки отставали вдругъ на нѣсколько сажень. Такъ я спасся!“

Пробывъ у насъ около часа послѣ обѣда, весьма разговорчивымъ, веселымъ и безъ малѣйшихъ странностей, онъ отправился въ коляскѣ въ лагерь, и тамъ отдалъ слѣдующій приказъ:

„Первый полкъ отличный; второй полкъ хорошъ; про третій ничего не скажу; четвертый никуда не годится“.

Въ приказѣ полки означались собственнымъ именемъ каждаго; я назвалъ ихъ нумерами. Не могу умолчать однако, что первый нумеръ принадлежалъ полтавскому легко-конному полку.

По отданіи этого приказа Суворовъ немедленно сѣлъ на перекладную телѣжку и поскакалъ обратно въ Херсонъ.

Спусти нѣсколько мѣсяцевъ послѣ мирныхъ маневровъ конницы и насмѣшекъ надъ пожилою госпожею на берегахъ Днѣпра,—польское королевство стояло уже вверхъ дномъ и, залитая кровью, Прага курилась.

Одинъ изъ друзей Давыдова и нашихъ литераторовъ сдѣлалъ очень остроумное и правдоподобное объясненіе для оправданія пророчества Суворова на счетъ трехъ побѣдъ, которыя долженъ былъ одержать Давыдовъ. Приведенный нами примѣръ прозы Давыдова очень основательно можетъ быть принятъ за представителя одной изъ блестящихъ побѣдъ его, напророченныхъ Суворовымъ. Но обратимся къ жизни Давыдова и поищемъ въ ней объясненія двухъ послѣднихъ его побѣдъ.

До тринадцатилѣтняго возраста Давыдовъ учился болтать по-французски, танцовать, рисовать и музыкѣ, и повершилъ свой курсъ образованія съ арапникомъ въ рукахъ въ отѣзжемъ полѣ. Между *порошами* и *брызгами*, живя въ Москвѣ безъ дѣла, онъ познакомился съ нѣкоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда въ Университетскомъ пансіонѣ, и, благодаря имъ, прочелъ альманахъ Карамзина „Аониды“. Знакомыя имена подъ нѣкоторыми статейками заглянули его честолюбіе и заставили приняться за авторство. Очень интересенъ его первый опытъ въ поэзіи:

Пастушка Лиза, потерявъ
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
О, милая овечка! Когда я думала, что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы! по моему сердцу судя,
И не думала, что другу можно измѣнить!

Историческая строгость требуетъ замѣтить, что это стихотвореніе стоило Давыдову большихъ трудовъ и большого поту.

Въ началѣ 1801 года (т.-е. семнадцати лѣтъ) отправили Давыдова въ Петербургъ на службу. Малый ростъ препятствовалъ ему вступить въ кавалергардскій полкъ безъ затрудненія; однакожъ (говоритъ Очеркъ) „наконецъ привязали недоросля нашего къ огромному палашу, опустили его въ глубокіе ботфорты и покрыли святилище поэтического его генія мукѳю и трехугольною шляпою,—

и такимъ чудовищемъ сѣвши онъ къ двоюродному брату своему К—му, чтобы порадовать его своею радостію“. Но тутъ его ждало одно изъ тѣхъ благодѣтельныхъ разочарованій, которыя, потрясая до основанія даровитыя и самолюбивыя натуры, вызываютъ наружу всѣ ихъ силы и указываютъ предназначенный имъ путь. Кому не дано отъ природы, въ томъ и самыя благопріятныя обстоятельства ничего не откроютъ; но богатая натура пробуждается къ сознанію иногда отъ самыхъ пустыхъ внѣшнихъ случаевъ. Въмѣсто изъявленія восторговъ и поздравленій, родственникъ осыпалъ Дениса язвительными насмѣшками, указавъ ему на его рѣшительное невѣжество. Тогда Давыдовъ принялся за военныя книги и скоро пристрастился къ ихъ чтенію. Въ промежуткахъ дежурствъ своихъ, въ казармахъ, въ госпиталѣ, на столикѣ больного, на солдатскихъ нарахъ, даже въ эскадронной конюшнѣ бесѣдовалъ онъ съ музами и писалъ сатиры и эпиграммы, которыми началъ свое литературное поприще.

Въ 1804 году Давыдовъ принужденъ былъ выйти въ бѣлорусскій гусарскій полкъ, стоявшій тогда въ Кіевской губерніи. „Молодой гусарскій ротмистръ закрутилъ усы, покачнулъ киверъ на ухо, *затянулся*, *натянулся* и пустился плясать мазурки до упаду. Въ это бѣшеное время онъ писалъ стихи своей красавицѣ, которая ихъ не понимала, потому что была полячка, и сочинилъ извѣстное приглашеніе на пуншъ Бурцеву, который служилъ съ нимъ въ одномъ полку, и который, получивъ удалое посланіе, не могъ читать, потому что самъ писалъ *мысле*“.

Съ 1806 по 1815 годъ Давыдовъ участвуетъ во всѣхъ войнахъ и кампаніяхъ. Во время войны со Шведами онъ неотлучно находится при авангардѣ знаменитаго Кульнева. При началѣ великой войны 1812 года Давыдовъ поступаетъ въ ахтырскій гусарскій полкъ подполковникомъ и, до битвы подъ Бородинымъ, командуетъ первымъ баталіономъ этого полка. Тутъ онъ подаетъ мысль о выгодѣ партизанскаго образа дѣйствованія и съ 130 гусарами и казаками отправляется въ тылъ непріятеля и середину его обозовъ, командъ и резервовъ; дѣйствуетъ противъ нихъ десять сутокъ и, усиленный шестьюстами новыхъ казаковъ, сражается нѣсколько разъ въ окрестностяхъ и подъ стѣнами Вязьмы; раздѣляетъ подъ Ляховомъ славу съ графомъ Орловымъ-Денисовымъ, Фигнеромъ и Сеславинымъ, разбиваетъ трехтысячное кавалерійское депо подъ Копысомъ, разсѣваетъ непріятеля подъ Бѣлычанами и продолжаетъ *веселые* и *заметные* свои поиски до береговъ Нѣмана. Подъ Гродно нападаетъ

онъ на четырехтысячный отрядъ Фрейлиха, составленный изъ Венгерцевъ: — Давыдовъ въ душѣ гусарь и любитель природнаго гусарскаго напитка: за стукомъ сабель застучали стаканы и — городъ нашъ!

За этимъ послѣдовало кратковременное затмѣніе счастія Давыдова; поступивъ подъ начальство генерала Винцингероде; пройдя съ нимъ черезъ Польшу, Силезію и вступивъ въ Саксонію, Давыдовъ рванулся впередъ и занялъ половину Дрездена, защищеннаго корпусомъ Дюрюта. За такую дерзость онъ лишень былъ команды и сосланъ въ главную квартиру; но справедливость Царя-покровителя была защитой безпокровнаго, — и Давыдовъ снова является на похищенное у него поприще. Во Франціи онъ командуетъ въ арміи Блюхера ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, а потомъ бригадою, составленною изъ ахтырскаго и бѣлорусскаго гусарскихъ полковъ, съ которыми онъ проходитъ чрезъ Парижъ. За отличіе въ сраженіи подъ Бриенномъ онъ производится въ генераль-майоры.

Вскорѣ послѣ того Давыдовъ получаетъ отпускъ въ Москву, гдѣ и предается исключительно литературнымъ занятіямъ. Въ 1819 онъ вступаетъ въ бракъ, а въ началѣ 1823 выходитъ въ чистую отставку.

Со вступленіемъ на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Давыдовъ принимаетъ участіе въ персидской кампаніи и является на той единственной пограничной чертѣ Россіи, которая еще не звучала подъ копытами его коня. Вырвавшись изъ объятій милаго ему семейства, черезъ десять дней Давыдовъ уже за Кавказомъ; еще нѣсколько дней, — и онъ за громадою Безобдала преслѣдуетъ, съ своимъ отрядомъ, отступающаго отъ него по Бамбакской Долинѣ непріятеля; наконецъ, еще однѣ сутки, — и онъ у подошвы заоблачнаго Алагѣза поражаетъ четырехтысячный отрядъ извѣстнаго Гассанъ-Хана и принуждаетъ его бѣжать къ Эриванской Крѣпости.

Кавказскій климатъ не былъ благопріятенъ здоровью Давыдова и заставилъ его возвратиться въ Россію. До 1831 года онъ живетъ въ своей приволжской деревнѣ и пользуется всѣми наслажденіями мирной, уединенной и семейственной жизни.

Обстоятельства 1831 года снова вызвали Давыдова на военное поприще. Для его дѣятельной, кипучей натуры громъ оружія былъ такъ же обязателенъ, какъ и стукъ пуншевыхъ чашъ въ пріятельскихъ бесѣдахъ: онъ не могъ владѣть собою, слыша тотъ или другой. Но польская кампанія, въ которой Давыдовъ отличился не однимъ блестящимъ дѣломъ, была его послѣднею кампаніею: откройся теперь война, — и ужъ Давыдовъ,

почувявъ бой, не помчится вихремъ изъ первыхъ на ратное поле; но это потому только, что Давыдова уже нѣтъ въ живыхъ...

Въ литературной дѣятельности Давыдовъ таковъ же, какъ и въ военной: и въ службѣ музъ онъ былъ только лихимъ наѣздникомъ и дѣйствовалъ не массами войскъ, какъ полководецъ, а летучими партизанскими отрядами, и при томъ быстро и неожиданно. Стихотворенія Давыдова не подлежатъ суду философской критики: они не суть явленіе того искусства, которое высокія идеи воплощаетъ въ живые, вѣчно юные и вѣчно прекрасные образы; ихъ нельзя назвать художественными, — и Давыдовъ, дѣйствуя въ сферѣ самого искусства, дѣйствовалъ въ другой и для другой сферы. Онъ былъ поэтъ въ душѣ: для него жизнь была поэзіею, а поэзія жизнью, — и онъ поэтизировалъ все, къ чему ни прикасался: въ его стихахъ *преужасные* пуншевые стаканы и чаши не оскорбляютъ образованнаго чувства, но звучатъ весело и отрадно; облака табачнаго дыма не выѣдаютъ глазъ, не першатъ въ горлѣ, но выются рѣзвыми, кудрявыми кругами; ярко свѣтитъ полоса гусарской сабли, которая служитъ лихому наѣзднику вмѣсто зеркала и помогаетъ ему расправлять широкій усь. Все, что у другихъ такъ пошло, приторно, безвкусно, оскорбительно для чувства, словомъ — всѣ эти лагерныя замашки, казарменное удалство, чѣмъ потчуютъ насъ многіе поэты, особенно господа сочинители повѣстей и романовъ, въ главѣ которыхъ стоитъ, впрочемъ, весьма небезталантливый Марлинскій, — все это у Давыдова получаетъ значеніе, преисполняется жизнію, облагораживается формою. Буйный разгулъ превращается у него въ удалую, но благородную шалость; грубость — въ откровенность воина; отчаянная смѣлость иного выраженія, которое не меньше читателя и само удивлено, увидѣвъ себя въ печати, хоть иногда и скрытое подъ точками, — становится энергическимъ порывомъ могучаго чувства, которое, сознавая свое достоинство, не заботится объ условномъ приличіи, но *хлещеть* чопорную пошлость и ничтожество прямо по лицу и чѣмъ попало. Вся эта сторона поэзіи Давыдова, которую мы здѣсь старались выставить на видъ читателю, колко и могуче выказалась сама въ его превосходной „Исповѣди Гусара“:

Я каюсь: я гусаръ, давно, всегда гусаръ,
И съ просѣдью усовъ, все рабъ младай привычки:
Люблю разгульный шумъ, умовъ, рѣчей пожаръ
И *громогласныя шампанскаго оттычки*.
Отъ юности моей врагъ чопорныхъ утѣхъ,
Мнѣ душно на пирахъ безъ воли и *распапки*.
Давай мнѣ хоръ Цыганъ! Давай мнѣ споръ и
смѣхъ,
И дымъ столбомъ отъ *трубочной затяжки*!

Бѣгу отъ сборища, гдѣ жизнь въ однѣхъ ногахъ,
Гдѣ благосклонности передаются вѣсомъ,
Гдѣ откровенность въ кандалахъ,
Гдѣ тѣло и душа подъ прессомъ;
Гдѣ спесь да подлости—вельможа да холопы;
Гдѣ заслоняютъ намъ вихрь танцевъ эполеты,
Гдѣ подъ подушками потѣетъ столько...
Гдѣ столько пузъ затянуто въ корсеты.

Долой, долой крючки отъ глотки до пупа!
Гдѣ трубки?—Вейся дымъ на удаломъ раздолѣ!
Роскошествуй веселая толпа
Въ живомъ и братскомъ своевольѣ!

Вотъ истинно-русская душа — широкая, свѣжая, могучая, раскидистая: коли пошла она гулять — такъ держитесь вы, мнимые моралисты, бездушные Китайцы, чопорные мандарины!... Мы согласны, что эти стихи не для дамъ, но дамы ихъ не станутъ и читать, не только не будутъ ими восхищаться: всякому свое, и гусарское не идетъ дамамъ, а дамское не всегда по сердцу гусарамъ. Вотъ такія стихотворенія, которыя нишутся для дамъ и которыхъ дамы не могли бы читать за ихъ тонъ, — такія стихотворенія мы первые готовы осудить на всеожженіе въ каминѣ, и даже назвать ихъ *безнравственными*. Все, въ чемъ есть жизнь, можетъ, а слѣдовательно и должно быть предметомъ поэзіи, ибо содержаніе всякой поэзіи есть жизнь. Жизнь одна, но формы и степени ея проявленій разнообразны до безконечности, — а чтобы жизнь ни въ чемъ не ускользала отъ нашего взора, чтобы мы замѣчали ее вездѣ, гдѣ только она есть, — мы не должны мѣрять ея на свой аршинъ, но у ней же самой должны брать этотъ аршинъ. Сущность всякаго факта не въ самомъ фактѣ, а въ его значеніи, — и если поэтъ сумѣлъ схватить значеніе факта и этимъ значеніемъ, какъ граненый хрусталь свѣтомъ, *просквозить* фактъ: этотъ фактъ всегда будетъ поэтиченъ, хотя бы онъ состоялъ въ изображеніи солдата, который, уставъ и назябнувшись въ походѣ, весело подносить ко рту стаканъ съ водкою. Вотъ почему мы сквозь пальцы и улыбаясь посмотримъ на *разудалое* стихотвореніе Давыдова „Герою битвъ, биваковъ, трактировъ и прочаго“, которое въ новомъ изданіи называется проще — „Храброму Повѣсѣ“ (стр. 24). Не станемъ читать его при дамахъ, и даже наединѣ, или въ дружеской бесѣдѣ, не расположены слишкомъ восхищаться имъ; но иногда, подъ веселую минуту, не безъ удовольствія прочтемъ и его, во имя Давыдова и въ живое воспоминаніе о немъ. Что же касается до его „Рѣшительнаго Вечера Гусара“ (стр. 15), — мы видимъ въ немъ столько комической достолюбезности, даже своего рода хмельной граціозности, что никогда не постыдимся прочесть его вслухъ и съ

удовольствіемъ въ самомъ Пекинѣ, при собраніи всѣхъ мандариновъ апатического царства.

Всѣмъ извѣстно удалое его посланіе къ Бурцову, въ которомъ такъ много жизни и разгула, и потому мы не выписываемъ его; но второе его посланіе къ Бурцову не пользуется такою извѣстностію, хотя вмѣстѣ съ другими въ этомъ родѣ стихотвореніями Давыдова и составляетъ какъ бы profession de foi истиннаго гусара стараго времени. Особенно замѣчательны въ немъ, по ѣдкому и цѣпкому юмору и обыкновенной веселой размашистости музы Давыдова, слѣдующіе стихи:

Пусть не сабельнымъ ударомъ
Пересѣчется жизнь моя!
Пусть я буду генераломъ,
Какихъ много видѣлъ я!
Пусть среди кровавыхъ боевъ
Буду блѣденъ, боязливъ,
А въ собраніи героевъ
Остръ, отваженъ, говорливъ!
Пусть фортуна для досады,
Къ умноженію всѣхъ бѣдъ,
Дастъ мнѣ чинъ.¹⁾
И Георгія за совѣты!
Пусть я буду вѣкъ въ заботахъ
Членомъ въ мемельскихъ расчетахъ,
Иль... пожарный капитанъ!
Пусть. . . но полная лохань
Ужъ сухая остается!
Носъ твой рѣдетъ, лобъ твой жметъ,
Отвѣчать тебѣ не въ мочь...
Ну, прощай же—добра ночь!

Всѣ эти ужасныя несчастія (которыя для многихъ кажутся самыми обольстительными счастіями) храбрый гусаръ призываетъ на свою удалую голову въ такомъ случаѣ, если онъ поблѣднѣетъ и дастъ тягу передъ неприятеlemъ, или даромъ (т.-е. безъ обмѣна) отдастъ сердце какой-нибудь миленькой плутовкѣ. Сухіе резонеры и ложные моралисты никакъ не видятъ, гдѣ оканчивается шутка и начинается дѣло, и гдѣ подъ шуткою высказывается дѣло, а подъ дѣломъ шутка: они понимаютъ только положительно-опредѣленное, какъ счетъ изъ овощной лавочки, и въ поэзіи требуютъ ариометическаго слога, а въ ея содержаніи — широко-вѣщательныхъ и многоглагольливыхъ моральныхъ сентенцій. Равнымъ образомъ они никакъ не могутъ понять, что слова безъ содержанія ничего не значатъ и дешевле дѣлъ, — и потому никакъ не могутъ взять въ толкъ, чтобы удалое разгулье, любовь къ шумнымъ пирамъ и веселой жизни, при шалостяхъ и повѣсничествѣ, могли соединяться съ высокостію чувствъ. А, кажется, мнимымъ моралистамъ и резонерамъ всего бы и легче было понять эту простую истину:

¹⁾ „Дастъ мнѣ чинъ за ретиряды“ — вторая половина этого стиха не пропускалась тогдашнюю цензурою.

вѣдь имъ больше, чѣмъ кому другому извѣстно, какъ можно расплываться въ моральныхъ сентенціяхъ, поминутно восхвалять добродѣтель,—и въ то же время быть Фарисеями, Тартюфами, сребролюбцами, лихоимцами, клеветниками и пр. Что касается до насъ,—мы не столько боимся всѣхъ *тайныхъ добродѣтелей* этихъ господъ, сколько ихъ безжизненнаго резонёрства; крѣпко затыкаемъ отъ него уши, и хоть не принадлежимъ къ почтенному сословію гусаровъ и не охотники до шумныхъ и разгульныхъ пировъ, но съ удовольствіемъ бываемъ на нихъ—въ живописныхъ стихахъ Давыдова, и порою съ живымъ увлеченіемъ восклицаемъ за нимъ къ Бурцову:

Ради Бога, трубку дай,
Ставь бутылки передъ нами,
Всѣхъ наѣздниковъ сзывай
Съ закрученными усами!
Чтобы хоромъ здѣсь гремѣлъ
Эскадронъ гусаръ летучихъ;
Чтобъ до неба возлетѣлъ
Я на ихъ рукахъ могучихъ;
Чтобы стѣны отъ ура
И тряслись и трепетали!

Бурцовъ, братъ, что за раздолье!
Пуншъ жестокий!... Хоръ гремитъ!
Бурцовъ! пью твое здоровье:
Будь, гусаръ, вѣкъ пьянъ и сытъ!
Понтируй, какъ понтируешь,
Фланкируй, какъ фланкируешь,
Ставь прическу дуракамъ,
Пока будешь съ нею самъ!
Въ мирныхъ дняхъ не унывай
И въ бояхъ качай-валяй!
Жизнь летитъ—не осрамися:
Не проспи ея полеть.
Пей, люби да веселися—
Вотъ мой дружескій совѣтъ!

Кому не извѣстно прекрасное стихотвореніе Давыдова—„Пѣсня Старого Гусара“—эта пѣсня, которую было бы прилично назвать похоронною, потому что онъ въ ней воспѣваетъ тѣхъ коренныхъ гусаръ, которые были, но которыхъ уже нѣтъ?...

Дѣды, помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами,
И сидящихъ вокругъ огня
Съ красно-сизыми носами!
На затылкѣ кивера,
Доломаны до колѣна,
Сабли, шашки у бедра,
И диваномъ—кипа сѣна.
Трубки черныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны—дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ,
И усы перебѣгаетъ...
Ни полслова... Дымъ столбомъ...
Ни полслова... Всѣ мертвецы
Пьютъ, и преклоняясь челомъ
Засыпаютъ молодецки.
Но едва проглянетъ день,
Каждый по полю порхаешь;
Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.
Конь впиить подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится...

Бой умолкъ—и вечеромъ
Снова ковшикъ шевелится.

Таковы были истые гусары стараго времени, тѣ, которые строго и набожно держались буквальнаго смысла гусарскаго корана; но новыя—увы, любезный читатель, какъ и у Давыдова, ваше сердце обольется кровью, и вамъ станетъ грустно, посмотрите, что это такое—

А теперь что вижу?—Страхъ!
И гусары въ модномъ свѣтѣ,
Въ виц-мундирахъ, въ башмакахъ,
Вальспрують на паркетѣ!
Говорятъ умнѣй они...
Но что слышимъ отъ любова?
„Жоинни да Жоинни!“
А объ водкѣ ни полслова!...

Но не бойтесь—гусары нашего времени не осердятся на Давыдова и останутся имъ довольны такъ же, какъ и гусары стараго времени;—правда, нашелся тогда одинъ *филистерь*, который, не догадавшись, что въ стихахъ Давыдова новыя гусары похвалены не меньше старыхъ, обидѣлся одинъ за всѣхъ, и пропѣлъ Давыдову резонёрскую рацею, изъ которой мы помнимъ нѣсколько стиховъ:

Вотъ и мы, друзья *младые*,
Отъ *сатиры* не ушли:
Наши дѣды дорогіе
Тѣмъ пороковъ въ насъ нашли.
Виноваты: не умѣемъ
Изъ лохани пить ковшомъ,
И *таланта* не имѣемъ
Услаждать себя виномъ.—

и прочая,—все такими же плохими стихами.

Муза Давыдова по превосходству военная. Нашему воину-поэту всѣ предметы представлялись сквозь призму военнаго быта.

Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!
...
За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!

восклицаетъ Давыдовъ,—и вся жизнь его была оправданіемъ этихъ словъ. Давыдову не было нужды божиться и клясться, что онъ патріотъ—ему можно было повѣрить и на слово. Это, повторяемъ, отразилось и въ его поэзіи: стихотворенія его, несмотря на ограниченность ихъ числа, разнообразны, но всѣ носятъ на себѣ отпечатокъ взгляда на вещи съ одной точки, и потому-то особенно дороги они: въ Давыдовѣ русская военная служба нашла себѣ достойнаго поэта, и онъ, какъ увидимъ ниже, доказалъ, что въ ней есть жизнь и поэзія, и возвысилъ ее до поэтическаго апотеоза. Его стихотворенія даже являлись на свѣтъ по-военному: были писаны на привалахъ, на днѣвкахъ, между двухъ дежурствъ, между двухъ сраженій, между двухъ войнъ; „это (прибавляетъ

„Очеркъ“) пробные почерки пера, чинимаго для писанія рапортовъ начальникамъ, приказаній подкомандующимъ“. „Нѣкоторыя стихотворенія (сказано въ „Очеркѣ“), исторгнутыя имъ изъ покрытыхъ уже прахомъ или изорванныхъ журналовъ, а другія, переходя изъ рукъ въ руки писцовъ, болѣе или менѣе грамотныхъ, измѣнились до того, что и самимъ авторомъ едва были узнаны. Не говоримъ уже о тѣхъ, которыя, прославляя удалую жизнь, не могли тогда и не могутъ теперь показаться на инспекторскій судъ цензурнаго комитета“.

Давыдовъ самъ отказывается отъ званія присяжнаго поэта:

Я не поэтъ—я партизанъ, казакъ,
Я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ
И беззаботно, кое-какъ,
Раскидывалъ передъ кастальскимъ токомъ
Мой независимый бивакъ.
Нѣтъ! не наѣздику пристало
Пѣть, въ креслахъ развѣсивъ, лѣнь, нѣгу и покой..
*Пусть грянетъ Русь военною грозой—
Я въ этой пѣснѣ запѣваю.*

Эта же мысль высказана Давыдовымъ и въ слѣдующемъ стихотвореніи, которое замѣчательно, какъ дополнительная черта къ поэтической физиономіи его творца:

На вьюкѣ, въ торокахъ цѣвницу я таскаю;
Она и подъ локтемъ, она подъ головой;
Межъ конскихъ ногъ позабываю,
Въ пыли, на влагѣ дождевой..
Такъ мнѣ ли ударять въ разлаженные струны
И пѣть любовь, луну, кусты душистыхъ розъ?
*Пусть загремятъ войны перуны—
Я въ этой пѣснѣ виртуозъ.*

Но несмотря на то, Давыдовъ былъ истиннымъ виртуозомъ и въ другой пѣснѣ—въ пѣснѣ любви; эта пѣсня у него полна чувства и разнообразія, но она вездѣ пѣсня солдата.

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусарь, питомецъ славы,
Любилъ лишь только бой кровавый
И былъ отступникомъ любви.
Амуръ не вѣчно пастушкомъ
Въ свирѣль безъ умолку играетъ:
Онъ часто, скучивъ посошкомъ,
Съ гусарской саблею гуляетъ!
Онъ часто храбрости огонь
Любовнымъ пламенемъ питаетъ—
И тѣмъ милѣй бываетъ онъ!
Онъ часто съ грознымъ барабаномъ
Мѣшаетъ звукъ любовныхъ словъ.
Онъ такъ и намъ подъ доломаномъ
Всеяетъ звѣрство и любовь.
Въ насъ сердце не всегда желаетъ
Услышать стонъ, увидѣть бой—
Ахъ, часто и гусарь вздыхаетъ,
И въ киверѣ его весной
Голубка гвѣздышко свиваетъ...

Давыдовская пѣсня любви принимаетъ разные тоны: то она шаловлива, какъ въ его шутивно-граціозной *анакреонтической* одѣ „Мудрость“, то солдатски-откровенна и

грубо-насмѣшлива, когда мститъ за отказъ, какъ въ этомъ стихотвореніи:

Неужто думаете вы,
Что я слезами обливаюсь,
Какъ бѣшеный кричу: *увы!*
И отъ измѣны измѣняюсь?
Я тотъ же атенетъ въ любви,
Какъ былъ и буду, увѣряю,
И чѣмъ рвать волосы свои,
Я—ваши къ вамъ же отсылаю.
А чтобъ впоследствии не быть
Передъ наслѣдникомъ въ отвѣтъ,
Все ваши клятвы: *вѣкъ любить*
Ему послалъ по эстафетѣ.
Простите! право, виноваты!
Но если бъ знали, какъ я радъ
Моей отставкѣ благодатной!
Теперь покойно ночи сплю,
Спокойно ѣмъ, спокойно пью,
И посреди собратыи ратной
Вновь славу и вино пою.
Чѣмъ чахнуть отъ любви унылой,
Ахъ! что здоровѣй можетъ быть,
Какъ подписать отставку милой,
Или отставку получить!

Но нашъ храбрый гусарь не всегда бываетъ такъ храбръ въ любви: отъѣзжая съ товарищемъ въ армію, онъ говоритъ ему:

... о тебѣ любовь горюетъ,
Счастливецъ! о тебѣ—я видѣлъ самъ—тоской
Завылъ... влажный взоръ стремился за тобой;
А обо мнѣ хотя бъ вздохнули,
Хотя бъ въ окошечко взглянули,
Какъ я на тройкѣ проскакалъ;
Когда, забывъ покой и нѣгу,
Въ курьерску завалясь телѣгу,
Гусарскіе усы слезами обливалъ.

Страсть есть преобладающее чувство въ пѣсняхъ любви Давыдова; но какъ благородна эта страсть, какой поэзіи и граціи исполнена она въ этихъ гармоническихъ стихахъ:

О, пощади!—зачѣмъ волшебство ласкъ и словъ,
Зачѣмъ сей взглядъ, зачѣмъ сей вздохъ глубокий,
Зачѣмъ скользить небрежно покровъ
Съ плечъ бѣлыхъ и груди высокой?
О, пощади, я гибну безъ того:

Я замираю, я нѣмѣю
При легкомъ шорохѣ прихода твоего;
Я звуку словъ твоихъ внимая цѣневѣю..
Но ты вошла—и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бѣшенство желанья
Бѣгутъ по вспыхнувшей крови

И разрывается дыханье!
Съ тобой летать, летать часы,
Языкъ безмолвствуетъ, однѣ мечты и грезы;
И мука сладкая, и восхищенныя слезы—
И взоръ впился въ твои красы
Какъ жадная пчела въ листокъ весенней розы!

Или, напримѣръ, какою поэтической, какою человѣческою страстію дышитъ это стихотвореніе, столь полное тихаго, трепетнаго блаженства любви:

Въ былыя времена она меня любила,
И тайно обо мнѣ подругамъ говорила,
Смушенная и очи опустила,
Какъ передъ матерью виновное дитя.
Ей нравился мой стихъ, порывистый, несвязный,
Стихъ безыскусственный, но жгучій и живой,

И чувства разстроенныхъ языкъ разнообразный,
И упоенный взглядъ любовью и тоской.
Она внимала мнѣ, она ко мнѣ ласкалась,
Улылая и думою полна,
Иль ободренная, какъ ангелъ, улыбалась
Надеждамъ и мечтамъ обманчиваго сна...
И долго взоръ ея изъ-подъ рѣсницъ стыдливыхъ
Бѣжалъ струей любви—и мягко упалъ
Мнѣ на душу—и на устахъ пылалъ
Готовый поцѣлуй для устъ неперифливыхъ...

Боже мой, какой гармоническій стихъ, какіе граціозно-пластическіе образы! Это стихотвореніе отзывается художественною отѣнкою.

Другая страсть кипитъ и пышетъ въ страстно-шутливомъ стихотвореніи „Поэтическая женщина“:

Что она?—Порывъ, смятеніе,
И холодность, и восторгъ,
И отпоръ, и увлеченье,
Смѣхъ и слезы, чортъ и¹⁾,
Пыль полуденнаго лѣта,
Урагана красота;
Изступленнаго поэта
Безпокойная мечта.
Съ нею дружба—упоенье!
Но спаси, Создатель, съ ней
Отъ любовнаго сношенія
И таинственныхъ вещей.
Огненна, славолюбива,
Я ручаюсь, что она
Неотвязчива, ревнива,
Какъ законная жена.

Есть люди, для которыхъ дальше буквы ничего не видно,—и они никакъ не въ состояніи понять, чтобы душа одного и того же человѣка была такъ широка и глубока, что могла вмѣщать въ себѣ элементы разнородные и часто, повидимому, противоположныя другъ другу. Сколько есть людей на бѣломъ свѣтѣ, которые, прочитавъ „Поэтическую женщину“, вполне останутся убѣждены, что для Давыдова не существовало другой поэтической женщины, что чужды ему были возвышенныя чувства одухотворенной любви! И въ самомъ дѣлѣ, самъ Давыдовъ съ такою достолюбезною наивностію сознается въ этомъ,—въ стихотвореніи, означенномъ лирами „С. А. К—ной“:

Вы личикомъ паэосскій богъ,
Вы молоды и стройны, какъ Аглая:
Но я гусарь... я бѣ васъ любить не могъ,
Простите: для меня вы слишкомъ неземная!
Къ вамъ свѣтской страстью, какъ къ другой,
Горѣть грѣшно!—Съ восторженной душой
Мы вамъ, какъ божеству, несемъ кадилъ куренье,
Обѣты чистые, и гимны, и моленье!

Но именно это-то откровенное признаніе и доказываетъ, что для Давыдова существовало отрицаемое имъ въ себѣ; что глу-

¹⁾ „Смѣхъ и слезы, чортъ и Богъ“; см. предыдущее примѣчаніе.

бокая натура его понимала все,—даже и то, что не было ея преобладающею потребностію. Ограниченность состоитъ въ неразумѣніи, въ непониманіи, и нѣкоторыми принимается за одно съ моральностію; а всеобъемлемость и многосторонность почитаются за одно съ безнравственностію, и потому Шекспиръ, Гёте, Пушкинъ въ глазахъ этихъ нѣкоторыхъ — безнравственные поэты, у которыхъ только одна внѣшняя художественность, безъ любви. Хотя Давыдовъ и не принадлежитъ къ всеобъемлющимъ поэтамъ, каковы Шекспиръ, Гёте и Пушкинъ, но тѣмъ не менѣе и ему многое человѣческое было доступно, а въ числѣ этого многого — и то чувство, которымъ обязаны мы красотѣ и граціи, въ образѣ женщины. Страстный по натурѣ, онъ иногда возвышался до чистѣйшей идеальности въ своихъ поэтическихъ видѣніяхъ:

Я былъ, я видѣлъ божество;
Я пѣлъ ей иѣсь съ восторгомъ новымъ;
И осянулъ вѣнкомъ лавровымъ
Ея высокое чело.
Я, какъ младенецъ, трепеталъ
У ногъ ея въ униженіи,
И омрачать богослуженье
Преступной мыслью не дерзалъ.
Ахъ! мнѣ ль божественной къ стопамъ
Нестъ обольщенія искусства?
Я весь былъ гимнъ, я весь былъ чувство,
Я весь былъ чистый энміамъ!

Эти куплеты взяты нами изъ прекраснаго стихотворенія „Душенька“; но вотъ окончаніе другого, еще лучшаго, стихотворенія, „Рѣчка“, которое подтверждаетъ нашу мысль:

Явлюсь, весь въ думу превращенный,
На берега твоихъ зыбей,
Въ обитель дѣвы незабвенной,
И тихо, странникъ потаенный,
Невидимымъ проникну къ ней.
И, неподвластный злымъ укорамъ
Я облеку ее собой,
Упыюсь ея стыдливимъ взоромъ,
И вдохновеннымъ разговоромъ,
И гармонической красой.
Ея—чья прелесть—увлеченье,
Свѣтла, небесна и чиста,
Какъ чувство ангела въ моленіи,
Какъ непорочно сновидѣнье,
Какъ юной граціи мечта!

Но особенную цѣнность должны имѣть тѣ стихотворенія Давыдова, которыхъ предметъ—любовь, и въ которыхъ личность его является такою рыцарскою, а его званіе воина пріобрѣтаетъ чрезъ то столько благородной, возвышенной поэзіи. Эти пьесы тѣмъ драгоцѣннѣе, что онѣ единственны въ нашей литературѣ, и не имѣютъ себѣ ни образцовъ, ни подражаній. Почти всѣ онѣ (впрочемъ ихъ очень немного) отличаются гармоническими стихами, между которыми иные могутъ назваться пластически-прекрасными; таковы, на примѣръ, эти:

А я?.. мой жребій пасть въ бояхъ,
Мечемъ побѣды пораженнымъ,
И, можетъ быть, врагомъ влеченный на поляхъ
Чертитъ кремнистый путь челою окровавлен-
нымъ!

Или:

О, Лиза! сколько разъ на миртовыхъ поляхъ,
Среди грозы боевъ, я, презирая страхъ,
Съ воспламененною душою
Тебя, какъ славу, призывалъ,
И въ пылъ сраженья мчалъ
Крылатые полки желѣзного стѣною...
Кто понуждалъ меня, скажи,
Отъ жизни радостной на жадну смерть стремиться?
Одно, одно мечтаніе души,
Что славы лучъ моей на милой отразится;
Что, можетъ быть, вънокъ, пріобрѣтенный мной
Въ бояхъ мечемъ нетерпѣливымъ,
Покроетъ лавромъ горделивымъ
Чело стыдливое подруги молодой!

Эти прекрасные стихи изъ извѣстной пьесы, которая такъ граціозно начинается:

Нѣтъ! полно пробѣгать, съ улыбкою любви,
Перстами легкими пѣвницу золотую!
Пускай другой поетъ и радости свои,
И жизни счастливой подругу молодую—

Такова же пьеса, которая начинается стихами—

Возьмите мечъ—я недостоинъ брани!
Сорвите лавръ съ чела—онъ страстью помраченъ!
О, боги Паѳоса! окуйте мощны длани
И робкимъ плѣнникомъ въ постыдный риньте плѣвъ!

и которой окончаніе дышетъ такою роскошью чувствъ и поэтическихъ красокъ—

Ахъ! пусть богъ Эракинъ мнѣ громомъ угрожаетъ,
И потрясая лавръ, манигъ еще къ боямъ—
Воспитанникъ побѣдъ прахъ ногъ ея лобзаешь,
И говоритъ „прости!“ торжественнымъ вънкамъ...

Но кто сей юноша блаженный,
Который будетъ пить дыханье воспаленно

На тающихъ устахъ,
Познаетъ мѣтныя чувства въ потупленныхъ очахъ
И на груди ея воздремлетъ утомленный?

Въ нынѣ вышедшемъ изданіи стихотвореній Давыдова помѣщена и его большая пьеса „Договоры“, написанная имъ еще въ 1806 или 1807 годахъ. Долго о ней не было никакого слуха, какъ вдругъ недавно была она перепечатана въ одномъ журналѣ съ такимъ объясненіемъ отъ автора, что ея прежде не понимали, считая за сантиментальное стихотвореніе, тогда какъ она—сатира. Мы на этотъ разъ не согласны съ авторомъ—да проститъ намъ тѣнь его! Мы думаемъ просто, что молодой и удалый гусаръ поддался на минуту духу сантиментальности, царствовавшей тогда въ русской литературѣ, и не имѣлъ смѣлости въ зрѣлую лѣта сознаться въ этомъ самому себѣ, забывъ, что *быль молодцу не укора*. Въ этой пьесѣ, явно выходящей изъ сферы таланта Давыдова, мало хорошаго; но вотъ лучшее—

... Что видимъ мы въ театрахъ?—Малый кругъ
Разумныхъ критиковъ, а прочіе—зѣваки,
Глупцы, насмѣшники, невѣжды, забіяки.

Открылся зававѣсь. Ненстояный герой
Завоеетъ „на стихахъ“, и въ бѣшенствѣ жеманномъ,
Дрожащую княжну дрожащею рукою
Ударитъ невольно кинжаломъ деревяннымъ;
Иль, небу и землѣ отмыщеніемъ грозя,
Пронзаетъ грудь и, выпуча глаза,
Весь въ клюквенномъ соку, кобелясь, умираетъ...
И уживать домой съ княжною утѣжаетъ.

Мы не безъ особеннаго намѣренія привели здѣсь эти стихи: читатель увидитъ въ нихъ классическую замашку и тяжелую ломоносовскую фактуру шестистопнаго ямбическаго стиха, — и пусть онъ сравнитъ его со стихами позднѣйшихъ стихотвореній Давыдова: какая безконечная разница! Нельзя довольно надивиться, какъ хорошъ стихъ у Давыдова, особенно если вспомнишь, какъ онъ писалъ всѣ свои стихи. Правда, въ его даже лучшихъ пьесахъ попадаются стихи черезчуръ неграціозные, жесткіе и прозаическіе, но когда же *казаку*, пишущему на привалахъ и бивуакахъ, думать о гладкости стиховъ и художественной отдѣлкѣ стихотвореній?—Сверхъ того, число слабыхъ и дурныхъ стиховъ очень незначительно у Давыдова, а хорошіе просто приводятъ въ изумленіе, какъ, напримѣръ, вотъ въ этой пьесѣ, которую, по мысли и формѣ, мы почитаемъ рѣшительно лучшимъ его стихотвореніемъ:

Вечеръ въ іюнѣ.

Томительный, палящій день
Сгорѣлъ. Полуирозрачна тѣнь
Нѣмого сумрака пріосѣняла дали,
Зарницы бѣгали за синюю горой,
И окропленные росой,
Луга и лѣсъ благоухали.
Луна во всей красѣ плыла на высоту
Таинственнымъ лучемъ мечтанія питая
И прислонясь къ лавровому кусту
Дышала роза молодая.

Если бы не досадное усѣченіе „полупрозрачна“, эта пьеса могла бъ назваться вполне художественною, и даже въ ряду аналогическихъ стихотвореній Пушкина и Батюшкова не утратила бы своего высокаго поэтического достоинства. Говоря объ отдѣльных стихотвореніяхъ, нельзя не вспомнить „Бородинскаго Поля“,—тѣмъ болѣе, что оно не пользуется тою извѣстностію, которой заслуживаетъ по своему достоинству:

Умолкшіе холмы, доль, нѣкогда кровавый!
Отдайте мнѣ вашъ день, день въковѣчной славы
И шумъ оружія и сѣчи и борьбу!
Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный въ бояхъ.
Ты голосомъ своимъ рождающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вожьдъ гомерическій, Багратионъ великій!
Простри мнѣ рать свою, Раевскій, мой герой!
Ермоловъ! я лечу,—веди меня, я твой—
О, обреченный быть побѣдъ любимымъ сыномъ,
Покрой меня, покрой твоихъ перуновъ дымомъ!

Но гдѣ вы?... Служаю... нѣтъ отзыва! Съ полей
Умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я, питомецъ вашъ, склоняюсь главою у плуга,
Завидую костямъ соратника и друга!

Число всѣхъ стихотвореній Давыдова не велико—около шестидесяти; изъ нихъ, можетъ быть, два или три слабыя, но каждое болѣе или менѣе примѣчательно или по поэтическому достоинству, или потому, что представляетъ собою черту для дополненія фizioноміи своего творца. „Полу-солдатъ“ особенно примѣчательно въ этомъ отношеніи: отличающійся высокимъ поэтическимъ достоинствомъ, оно, въ то же время, и превосходная автобіографія, и полный, вѣрный портретъ Давыдова, написанный имъ же самимъ,—что и заставляетъ насъ, при заключеніи, выписать эту пьесу вполнѣ.

„Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полу-солдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!“
„Вы видѣли: я не боюсь
Ни пуля, ни дротика Куртинаца:
Лечу стремглавъ, не дую въ усь,
На ножъ и шашку Кабардинца.
„Все такъ,—но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями
И хохотъ обуялъ толпой,
И клики вторятся горами.
„И все кипитъ, и все гремитъ,
А я межъ вами одинокой,
Нѣмою грустію убить,
Душой и мыслию далеко.
„Я не внимаю стуку чашъ
И спорамъ верругъ солдатской каши;
Улыбки нѣтъ на хохотъ вашъ,
Нѣтъ взгляда на проказы ваши!
„Таковъ ли былъ я въ вѣкъ златой
На буйной Вислѣ, на Балканѣ,
На Эльбѣ, на войнѣ родной,
На льдахъ Торнео, на Секванѣ?
„Бывало, слово: „другъ, явись!“
И ужъ Денисъ съ коня слѣзаетъ;
Лишь чашей стукнуть, и Денисъ
Какъ тутъ и чашу осушаетъ!
„На скачку, на борьбу—готовъ,
И чтимый выродкомъ глупцами,
Онъ расточитель острыхъ словъ,
Онъ хлещетъ прозой и стихами.
„Иль въ карты бьется до утра,
Раскинувшись на горской буркѣ;
Или верругъ свѣтлаго костра
Танцуетъ съ дѣвками мазурки.
„Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полу-солдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!“
Такъ говорилъ наѣздникъ нашъ,
Оторванный судьбы велѣньемъ
Отъ крова мирнаго, въ шалашъ,
На сѣчи, къ пламеннымъ сраженьямъ.
Араксъ шумитъ, Араксъ шумитъ,
Араксу вторить ключъ нагорный,
И Алагѣзъ, нахмурясь, спитъ,
И тонетъ въ влагѣ доль узорный;
И вѣетъ съ пурпурныхъ садовъ
Зефиръ восточнымъ ароматомъ,
И сквозъ сребристыхъ облаковъ
Луна плыветъ надъ Араратомъ.

Но воинъ нашъ неупоенъ
Ночною роскошью полуденнаго края

Съ Кавказа глазъ не сводить онъ,
Гдѣ подираетъ небосклонъ
Казбека гряда свѣговая.
На немъ знакомый вихрь, на немъ громада льда,
И надъ челомъ его, въ туманѣ мутномъ,
Какъ Русь святая, недоступномъ,
Горитъ родимая звѣзда!

Просимъ извиненія у читателей, если имъ покажется, что мы слишкомъ долго говорили о поэзии Давыдова: что дѣлать! есть вещи, о которыхъ, сколько ни говори, не наговоришься вдоволь. Какъ все истинно прекрасное, произведенія Давыдова оцѣнены и въ то же время нисколько не оцѣнены нашею публикою; оцѣнены, но безсознательно, потому что извѣстны всѣмъ, занимающимся чтеніемъ изъ удовольствія, нѣкоторыя даже заучены наизусть; и не оцѣнены сознательно, потому что о Давыдовѣ уже никто не говорить, удивляясь въ то же время самымъ пустымъ и ничтожнымъ литературнымъ явленіямъ. Вышли въ свѣтъ сочиненія Давыдова, и что же? всѣ журналы и газеты наши кто промолчалъ, кто отдѣлался общими мѣстами, а кто посмѣялся надъ ними¹⁾. Потому „Отечественныя Записки“ особенно обрадовались встрѣчѣ съ старымъ знакомцемъ, любимцемъ русской публики, и—удивительно ли, что заговорились съ нимъ? Перечитывая стихотворенія Давыдова, мы испытывали такое же наслажденіе, какое доставляетъ неожиданная встрѣча съ другомъ, съ которымъ давно разстались безъ надежды скорago свиданія. Мы нашли ихъ гораздо луч-

¹⁾ За что же другое, какъ не за насмѣшку, принять, наприимѣръ, подобный отзывъ о сочиненіяхъ Давыдова: „Не многіе бываютъ равно умны и въ стихахъ и въ прозѣ: для этого нужно имѣть особенную споровку, которая не всѣмъ дается, много разборчивости, и еще болѣе хладнокровія: нужно точно знать, что должно сказать стихами, а что прозою. Вообще то, чего не стоитъ говорить, надобно говорить стихами, надобно выровнять по нѣтическому ватерпасу, подкрасить эпитетами и стараться сплестить съ рукъ съ рѣчами: многіе, для рѣчи, купятъ и мысль, которой иначе не взяли бы и даромъ. Хорошія, дѣльные мысли, напротивъ, очень выгодно сбывать въ натурѣ, то-есть, въ прозѣ. Большая часть писателей, полагая по врожденному самолюбію, что всѣ ихъ мысли равно чудесны, пренебрегаютъ великимъ искусствомъ сортированія идей, куютъ безъ разбору дѣльные мысли свои въ стихи, пустяки въ прозу, и оттого проза и стихи ихъ выходятъ плохіе. Этимъ искусствомъ Давыдовъ обладалъ въ высокой степени: идей у него было немного, но онъ умѣлъ оцѣнить каждую изъ нихъ, зналъ, которыя годятся въ стихи,—этихъ было очень много, почти три четверти всего количества,—а которыя можно съ эффектомъ употребить въ прозу, и, такимъ образомъ, сдѣлалъ онъ равно пріятнымъ и равно примѣчательнымъ писателемъ въ стихахъ и въ прозѣ“.

Какова оцѣнка таланту Давыдова? Каковы понятія о творчествѣ, объ искусствѣ, объ идеяхъ?.. И это напечатано въ 1840 году!.. Мы не выдумали—право напечатано...

Прим. Влинтскаго.

По указанію г. Венгерова, это цитата изъ „Библіотеки для Чтенія“ (1840 г., т. XLI).

шими, нежели какими оставили ихъ, но не потому, чтобы они измѣнились, а потому, что мы сами сдѣлались способнѣе оцѣнить все простое и непритязательное, при истинномъ достоинствѣ. Давыдовъ, какъ поэтъ, рѣшительно принадлежитъ къ самымъ яркимъ свѣтиламъ второй величины на небосклонѣ русской поэзіи, и имѣетъ гораздо больше правъ на славу и удивленіе, нежели многіе, которые больше его пользуются тѣмъ и другимъ у большинства читающаго люда. Талантъ Давыдова, не великій, но замѣчательный, самобытный и яркій, которымъ и не столь бѣдная литература, какъ наша, должна была бы дорожить и гордиться. Для военныхъ людей стихотворенія Давыдова должны имѣть особенную цѣну: въ этихъ вольныхъ и разгульных вдохновеніяхъ они увидятъ поэзію своего быта, причину любить его, дорожить и гордиться имъ. Прозаическія произведенія Давыдова, по своему содержанію, такъ же важны для всякаго военного человѣка, какъ и стихотворенія. Однимъ словомъ, странно было бы не увидѣть сочиненій Давыдова у всякаго истинно-образованнаго воина,—воина не по одной службѣ, но и по душѣ...

Прозаическія сочиненія Давыдова большею частію—журнальныя статьи, въ родѣ мемуаровъ. Въ нихъ найдете вы живыя воспоминанія объ участіи автора въ разныхъ кампаніяхъ, особенно въ священной брани 1812—1814 годовъ; воспоминанія о герояхъ той великой эпохи—Каменскомъ, Кульневѣ, Раевскомъ и проч. Предоставляемъ военнымъ людямъ судить о военномъ достоинствѣ этихъ статей; что же касается до литературнаго, съ этой стороны онѣ—перлы нашей бѣдной литературы: живое изложеніе, доступность для всѣхъ и баждаго, интересъ, слогъ быстрый, живописный, простой и благородный, прекрасный, поэтический! Какъ прозаикъ, Давыдовъ имѣетъ полное право стоять на ряду съ лучшими прозаиками русской литературы. Какъ ни малъ взятый нами отрывокъ изъ статьи „Встрѣча съ великимъ Суворовымъ“, но и по немъ читатели могутъ судить о справедливости нашего мнѣнія касательно достоинства прозы Давыдова. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ литераторовъ остроумно и справедливо растолковалъ пророчество Суворова о Давыдовѣ, что онъ выиграетъ три сраженія, но эти три сраженія—

три славы Давыдова: слава воина, слава поэта и слава отличнаго прозаическаго писателя.

Не знаемъ, всѣ ли прозаическія статьи Давыдова помѣщены въ этомъ изданіи его сочиненій; но большого и важнѣйшаго его произведенія въ прозѣ—„Опытъ Теоріи Партизанскаго Дѣйствія“ въ немъ нѣтъ.

Давыдовъ умеръ въ 1839 году, въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца, еще въ порѣ и цвѣтѣ силъ своихъ, отъ которыхъ литература наша еще многого могла ожидать себѣ...

Заклучимъ нашу статью прекраснымъ очеркомъ личности Давыдова, которымъ оканчивается его біографія, писанная генераломъ О. О—мъ, и которая, по мнѣнію другихъ, не чуждому и намъ самимъ, есть не что иное, какъ автобіографія: „Давыдовъ не нюхаетъ табаку съ важностію, не смыкаетъ бровей въ задумчивости, не сидитъ въ углу въ безмолвіи. Голосъ его тонокъ, рѣчь жива и огненна. Онъ представляется намъ сочетателемъ противоположностей, рѣдко сочетающихся. Принадлежа старѣющему поколѣнію, и лѣтами и службою, онъ свѣжестію чувствъ, веселостію характера, подвижностію тѣлесною и ратоборствованіемъ въ послѣднихъ войнахъ собратствуетъ какъ однолѣтокъ и текущему поколѣнію. Его благословилъ великій Суворовъ; благословеніе это ринуло его въ боевыя случайности на полное тридцатилѣтіе,—но, кочуя и сражаясь тридцать лѣтъ съ людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, онъ въ то же время занимаетъ не послѣднее мѣсто въ словесности между людей, посвятившихъ себя исключительно словесности, и, охваченный вѣкомъ Наполеона, изрыгавшимъ всеокрушительными событіями, какъ Везувій лавою,—онъ пѣлъ въ пылу ихъ, какъ на кострѣ тамплиеръ Моле, объятый пламенемъ. Миръ и спокойствіе—и о Давыдовѣ нѣтъ слуха; его какъ бы нѣтъ на свѣтѣ;—но повѣсть войною—и онъ уже тутъ,—торчитъ среди битвъ, какъ казачья пика. Снова миръ, и Давыдовъ опять въ степяхъ своихъ, опять гражданинъ, семьянинъ, пахарь, ловчій, стихотворецъ, поклонникъ красоты въ ея отрасляхъ,—въ юной дѣвѣ ли, въ произведеніи художествъ, въ подвигахъ ли военномъ или гражданскомъ, словесности ли—вездѣ слуга ея, вездѣ рабъ ея, поэтъ ея; вотъ Давыдовъ!“

1840 г.

26. Русская литература въ 1840 году.

Еще въ 1836 году Бѣлинскій далъ „обозрѣніе“ литературы предшествовавшаго года въ статьѣ „Ничто о ничемъ, или отчетъ г. издателю „Телескопа“ за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы“. Теперь, начиная съ 1841 года, Бѣлинскій будетъ давать ежегодно такіе литературные обзоры минувшаго года, сперва въ „Отеч. Запискахъ“ (обзоры за 1840—1845 гг.), а затѣмъ въ „Современникѣ“ (обзоры за 1846 и 1847 гг.). Не ограничиваясь сухимъ перечнемъ и критической оцѣнкой литературныхъ явленій минувшаго года, Бѣлинскій всегда даетъ въ этихъ обзорахъ синтетическій взглядъ на всю русскую литературу въ ея цѣломъ, освѣщаетъ ея прошлую исторію, характеризуетъ ея настоящее, намѣчаетъ возможное будущее: поэтому эти ежегодные обзоры являются одними изъ наиболѣе интересныхъ и цѣнныхъ статей Бѣлинскаго.

Настоящій обзоръ является особенно интереснымъ съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія; въ немъ мы имѣемъ съ одной стороны какъ бы резюмирование всей предыдущей полосы дѣятельности Бѣлинскаго, а съ другой — намѣчающееся новое его направленіе, сконцентрированное въ статьяхъ Бѣлинскаго второго тома настоящаго изданія. Заканчивая настоящей статьёй свою критическую дѣятельность тридцатыхъ годовъ, Бѣлинскій, на порогѣ новаго десятилѣтія, вновь ставитъ старый вопросъ о существованіи русской литературы. Съ этимъ вопросомъ Бѣлинскій шестью годами ранѣе впервые выступилъ въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, о чемъ самъ онъ упоминаетъ въ настоящей статьѣ, въ которой обращается къ пересмотру этого вопроса. Вопросу этому Бѣлинскій придаетъ громадное значеніе; безъ ложной скромности онъ говоритъ, что съ этого вопроса „начинается новая эпоха нашей литературы и нашего общественнаго образованія, потому что онъ есть живое свидѣтельство потребности сознанія и мысли“.

Какъ же ставить теперь Бѣлинскій этотъ вопросъ и какъ рѣшаетъ его? Рѣшаетъ онъ его почти по-старому, но ставитъ по-новому. Рѣшеніе прежнее или почти прежнее: „у насъ нѣтъ литературы“, ибо „литература есть сознаніе народа“, а русская литература не является проявленіемъ этого сознанія; исключенія — Крыловъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, и колоссальнѣйшее исключеніе — Пушкинъ, съ котораго собственно и начинается русская литература и котораго Бѣлинскій считаетъ

теперь „великимъ міровымъ поэтомъ“. „Повторяемъ: у насъ еще нѣтъ литературы какъ выраженія духа и жизни народной, но она уже начинается, — а это въ такой короткій періодъ времени — успѣхъ, и успѣхъ великій, который не долженъ обольщать насъ въ настоящемъ, но который долженъ казаться залогомъ великихъ надеждъ въ будущемъ“, — эти заключительныя строки настоящей статьи почти дословно взяты изъ заключительныхъ словъ „Литературныхъ Мечтаній“ (см. стр. 100), съ той только разницей, что въ настоящемъ уже признается начало русской литературы. И еще цѣлый рядъ отдѣльных мѣстъ настоящей статьи, не говоря уже объ основной идеѣ, является буквальнымъ повтореніемъ или изложеніемъ соотвѣстныхъ мѣстъ первой статьи Бѣлинскаго. Это возвращеніе ко взглядамъ „Литературныхъ Мечтаній“ идетъ такъ далеко назадъ, что Бѣлинскій забываетъ даже, что отъ нѣкоторыхъ взглядовъ своей „элегіи въ прозѣ“ онъ потомъ отказался; такъ, напримѣръ, въ настоящей статьѣ онъ снова отказывается отъ исторической точки зрѣнія на русскую литературу: „гдѣ ея историческое развитіе? — спрашиваетъ онъ: — скажите, въ какомъ отношеніи между собою находятся эти поэты — Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковский, Батюшковъ? Докажите, что Жуковский непременно долженъ былъ явиться послѣ Карамзина, а не прежде!..“ Эта совершенно невѣрная точка зрѣнія является утрированнымъ возвращеніемъ къ взглядамъ „Литературныхъ Мечтаній“; Бѣлинскій какъ будто забывалъ, что въ своей статьѣ 1838 года о критикѣ (см. выше статью № 13 и нашу вступительную замѣтку къ ней) онъ отказался отъ этого своего прежняго неисторическаго воззрѣнія на русскую литературу и выдвинулъ впередъ историческое ея пониманіе. Но, конечно, Бѣлинскій не забылъ этой своей поправки, а намѣренно отказался отъ нея въ настоящей статьѣ. Въ указанной выше статьѣ о критикѣ, къ историческому взгляду его привело „примиреніе съ дѣйствительностью“ — и онъ „принялъ“ даже Греча и Сенковского, даже Булгарина и Орлова; теперь же, въ эпоху своего духовнаго перелома (настоящая статья писана въ декабрѣ 1840 года), въ эпоху разрыва съ „разумной дѣйствительностію“, непримиримое настроеніе Бѣлинскаго заставило его временно отринуть нѣкоторые даже и вѣрные свои взгляды эпохи „примиренія“. Вскорѣ Бѣлин-

скій отказался отъ этой своей ошибочной точки зрѣнія и окончательно пришелъ къ историческому пониманію развитія русской литературы.

Итакъ, въ рѣшеніи вопроса о существованіи русской литературы мы имѣемъ почти полное возвращеніе къ основнымъ положеніямъ „Литературныхъ Мечтаній“; но въ постановкѣ этого вопроса играютъ роль причины, совершенно не имѣвшія мѣста въ „элегіи въ прозѣ“ и характерныя только для Бѣлинскаго 1840—1 года. Эти причины Бѣлинскій намѣчаетъ еще въ томъ письмѣ къ К. Аксакову (отъ 23 авг. 1840 г.), которое мы приводили во вступительной замѣткѣ къ статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова. „Мы люди вѣ въ общества, — писалъ тогда Бѣлинскій, — потому что Россія не есть общество! У насъ нѣтъ ни политической, ни религіозной, ни ученой, ни литературной жизни“... Итакъ, причины отсутствія у насъ литературы — социальныя: у насъ нѣтъ общества, а потому нѣтъ и литературы. Въ этихъ мысляхъ сказывается новый Бѣлинскій — періода разрыва съ „разумной дѣйствительностью“, начинающагося періода социальности; и еще долго, вплоть до 1843 года, будутъ звучать у Бѣлинскаго ноты отрицанія литературы за отсутствіемъ ея питающей почвы — общества. Ограничимся двумя примѣрами: „увы, другъ мой, — пишетъ Бѣлинскій Боткину (27 іюня 1841 г.), — безъ общества нѣтъ ни дружбы, ни любви, ни духовныхъ интересовъ, а есть только порыванія ко всему этому... О чемъ писать?... О движеніи промышленности, администраціи, общественности, о литературѣ, наукѣ? — но у насъ ихъ нѣтъ“. Какъ видимъ, это все одно и то же прежнее положеніе — у насъ нѣтъ литературы; но причины этого лежатъ теперь уже въ социальной почвѣ. И два года спустя въ письмѣ къ тому же Боткину (отъ 31 марта 1843 г.) Бѣлинскій замѣчаетъ: „будь литература на Руси выраженіемъ общества, а слѣдовательно и потребностью его... ты написалъ бы горы“... Это является только повтореніемъ словъ настоящей статьи. Мы видимъ такимъ образомъ въ настоящей статьѣ тѣ мотивы „социальности“, которые станутъ доминирующими въ критическомъ творествѣ Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ.

И въ другихъ отношеніяхъ настоящая статья является одной изъ характерныхъ „рубежныхъ“ статей Бѣлинскаго, стоящихъ на рубежѣ между періодами его вѣмецкой „умозрительности“ и французской „социальности“. Съ этой точки зрѣнія особенно характерно то мѣсто настоящей статьи, гдѣ Бѣлинскій даетъ сравнительную характеристику Германіи, Франціи и Англіи, особенно первыхъ двухъ. Въ указанной выше статьѣ

1838 года о критикѣ Бѣлинскій также сопоставлялъ „различіе духа“ Нѣмцевъ и Французовъ; конечно, это сопоставленіе (см. выше стр. 450—453) оказалось крайне невыгоднымъ для Французовъ: мы знаемъ, что Бѣлинскій въ это время былъ ожесточеннымъ „французофдомъ“ и продолжалъ имъ быть и въ 1839 мѣ и въ 1840-мъ году. Но теперь, въ концѣ 1840 года, въ Бѣлинскомъ уже совершался поворотный кризисъ отъ „умозрительной“ и „художественной“ точки зрѣнія къ социальной; и именно въ декабрѣ 1840 года, когда писалась настоящая статья, Бѣлинскій восклицалъ въ письмѣ къ Боткину (отъ 11 дек. 1840 г.): „тяжело и больно вспомнить! А дичь, которую изрыгалъ я въ неистовствѣ, съ пѣною у рта противъ Французовъ — этого энергическаго, благороднаго народа, льющаго кровь свою за священнѣйшія права человѣчества!... Проснулся я — и страшно вспомнить мнѣ о моемъ свѣ“... Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ — и Бѣлинскій впадетъ въ противоположную крайность „нѣмцефдства“ и будетъ восклицать: „Аллахъ, Аллахъ, зачѣмъ ты сотворилъ Нѣмцевъ?!“ (1847 г.); но даже и теперь, въ началѣ 1841 года, Бѣлинскій выражаетъ надежду, что „Нѣмцамъ предстоитъ возможность сдѣлаться людьми, челоѣками и перестать быть Нѣмцами“ (письмо къ Боткину отъ 1 марта 1841 г.). Въ настоящей статьѣ Бѣлинскій стоитъ еще на рубежѣ совершающагося кризиса: онъ по-прежнему отрицаетъ художественное значеніе „эфемерной“ французской литературы, „восторженные бредни Жоржа Занда“ и т. п., но тутъ же подчеркиваетъ, какъ вѣчто положительное, „социальный характеръ“ французскаго искусства и признаетъ „огромное вліяніе“ французской литературы. Съ сопоставленіемъ Германіи и Франціи, почти буквально заимствованнымъ изъ настоящей статьи, мы еще неоднократно будемъ встрѣчаться въ послѣдующихъ статьяхъ Бѣлинскаго (см., напримѣръ, статьи №№ 29, 44 и др.) и будемъ отмѣчать тогда разницу въ этихъ взглядахъ Бѣлинскаго: теперь же намъ достаточно отмѣтить, что въ настоящей статьѣ мы имѣемъ первое возстаніе Бѣлинскаго противъ своего былого „французофдства“ и первое признаніе имъ „социальности“, какъ неизбежнаго и положительнаго фактора.

Отрицая художественное значеніе французской литературы, и все же признавая за ней „огромное вліяніе“, Бѣлинскій очевидно стоялъ все на той же, проводимой имъ еще со статьи о Гречѣ (№ 12) точкѣ зрѣнія о разграниченіи „искусства“ и „беллетристики“. Мы знаемъ, что это раздѣленіе настойчиво проводилось Бѣлинскимъ, начиная съ вышеуказанной его статьи 1838 года

(см., напримѣръ, первыя страницы статьи № 20,—выше, стр. 695—703,—являющіяся какъ бы предисловіемъ къ настоящей статьѣ; мы еще увидимъ, что оно не менѣе настойчиво продолжалось проводиться имъ до конца сороковыхъ годовъ; мы увидимъ также, какое большое значеніе имѣло это разграниченіе въ развитіи позднѣйшихъ воззрѣній Бѣлинскаго. Въ настоящей статьѣ Бѣлинскій подробно развиваетъ эти же мысли, пользуясь терминами „литература“, „письменность“ и „словесность“: опредѣленіе этихъ терминовъ, а также и нѣкоторыя мысли настоящей статьи, взяты Бѣлинскимъ изъ статьи Каткова объ „Исторіи древней русской словесности“ Максимовича; мы увидимъ, что это вліяніе отразилось еще и на позднѣйшей статьѣ Бѣлинскаго 1843 года—„Общее значеніе слова литература“ (см. статью № 29). Въ нашей вступительной замѣткѣ къ этой статьѣ мы покажемъ, что въ нее вошло въ переработанномъ видѣ настоящее обозрѣніе литературы за 1840 годъ; тамъ же мы еще разъ коснемся вопроса о раздѣленіи Бѣлинскимъ „искусства“ и „беллетристики“, съ той или другой терминологіей этихъ понятій; тамъ же, наконецъ, мы найдемъ болѣе правильное рѣшеніе Бѣлинскимъ вопроса о существованіи русской литературы. Но уже здѣсь мы можемъ указать, что, отрицая существованіе русской литературы, Бѣлинскій былъ и правъ, и неправъ. Онъ былъ неправъ,

такъ какъ уклонился отъ исторической точки зрѣнія на русскую литературу; но онъ былъ правъ, отрицая *міровое* значеніе современной ему русской литературы. Только одного Пушкина призналъ онъ *міровымъ* поэтомъ, но и то вскорѣ, какъ видимъ, взялъ это свое мнѣніе обратно.

Настоящая статья является заключеніемъ цѣлаго ряда предыдущихъ статей Бѣлинскаго и въ то же время введеніемъ къ новому ряду статей сороковыхъ годовъ; она стоитъ на рубежѣ разрыва съ невѣрно понятой гегеліанской теоріей „разумной дѣйствительности“ и примиренія съ идеей „соціальности“. Не надо однако думать, что Бѣлинскій отнынѣ вообще порвалъ съ гегеліанствомъ; наоборотъ, 1841—1843 гг. ознаменованы усиленнымъ вліяніемъ гегеліанства на Бѣлинскаго, какъ мы это увидимъ изъ первыхъ же статей второго тома настоящаго изданія, но это вліяніе будетъ теперь ограничено главнымъ образомъ теоріей искусства, хотя и въ этой области Бѣлинскій скоро подвергнется инымъ вліяніямъ. Въ области же общественныхъ и политическихъ вопросовъ Бѣлинскій рѣзко перейдетъ къ новой системѣ—„соціальности“ вообще и „соціализма“ въ частности; вѣра въ социализмъ скоро заступитъ у него мѣсто былой вѣры въ „разумную дѣйствительность“. Ввторой томъ настоящаго изданія покажетъ намъ Бѣлинскаго этого второго періода. И.-Р.

Дай оглянусь!

Пушкинъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ, безъ шума
и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодотворной,
Ни геніемъ начатаго труда;
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и
гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ
стихомъ,—
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ!

Лермонтовъ.

Лѣтъ десять тому назадъ, когда были въ большомъ ходу альманахи, безпрестанно появлялись такъ называвшіяся тогда „обозрѣнія литературы“. Частенько являлись они и въ журналахъ. Огъ этихъ „обозрѣній“ сыры-боры загорались, поднимались страшныя чернильныя войны; „обозрѣнія“ давали жизнь литературѣ—въ нихъ принимала жаркое участіе даже и публика, не только сами литераторы. Чѣмъ же за причина была этому наводненію отъ „обозрѣній“, этой страсти „обозрѣвать“? Или много литературныхъ

сокровищъ было, такъ что боялись потерять имъ счетъ? Или такъ мало было этихъ сокровищъ, что хотѣли знать навѣрное, чѣмъ именно владѣютъ и даже владѣютъ ли чѣмъ-нибудь?.. Совершенно противоположныя причины рождаютъ иногда одинаковое слѣдствіе. Если тогда не были дѣйствительно богаты, то считали себя богатыми: назади было свѣтлое торжество рѣшительной побѣды юнаго романтизма (какъ выражались тогда) надъ дряхлымъ и чахлымъ классицизмомъ; въ настоящемъ было если не дѣйствительное достоинство, то разнообразная, яркая пестрота все новыхъ и новыхъ явленій литературы: а въ будущемъ... о, какъ полно блестящихъ надеждъ было это будущее!.. И въ самомъ дѣлѣ, если тогда и слишкомъ обольщались своимъ богатствомъ, то все-таки потому, что преувеличивали его, а не потому, чтобъ не было богатства. Нѣтъ, оно было: одинъ Пушкинъ могъ бы своею поэгическою дѣятельностію наполнить цѣлый періодъ любой европейской литературы. Если ошибка заключалась въ томъ, что тогда думали имѣть не одного, а нѣсколькихъ Пушкиныхъ,—то все же предполагали это въ

людяхъ, которые, хотя далеко не были Пушкиными, однакожъ, сами по себѣ имѣли и теперь имѣютъ свое значеніе, свое неотъемлемое достоинство. Если тогда надежды въ будущемъ основывались частію на томъ, что всѣ журналы и альманахи наполнялись отрывками изъ большихъ, но еще неоконченныхъ поэмъ, драмъ, повѣстей, романовъ, и даже появлялись первые томы „исторій“, которымъ никогда не суждено было окончиться, хотя и суждено было собрать обильную жатву заблаговременной подписки ¹⁾, — то не забудьте, что это было время, когда о смерти Пушкина никто и не думалъ, когда Жуковский часто напоминалъ о себѣ превосходными произведеніями. При жизни Грибоедова, чего ни могли ожидать отъ творца „Горе отъ Ума“? Какою роскошною зарею занялся разсвѣтъ таланта Веневитинова, какой пышный полдень, какой обильный вечеръ предсказывало прекрасное утро его поэтической дѣятельности! А впоследствии, чего ни почитали себя въ правѣ ожидать отъ талантовъ, произведшихъ, не говоримъ „Новика“, „Кашея Безсмертнаго“, „Юрія Милославскаго“, но даже и „Киргизъ-Кайсакъ“?... ²⁾. Конечно, эти надежды поддержаны и оправданы только первымъ, и отчасти вторымъ; но, повторяемъ, въ то время естественно было ожидать чего-то великаго и отъ послѣднихъ двухъ. Если тогда иные выходили, какъ говорится, „въ люди“, и приобрѣтали громкое титло поэтовъ только за гладкіе стихи, то развѣ теперь не повторяется подобное явленіе, съ тою разницею, что даже и не за гладкія, а за шершавыя вирши, но только наполненные дикими, изысканными и безвкусными вычурами въ оборотѣ мыслей и фразъ?... Какъ бы то ни было, но тогда имѣли слишкомъ достаточныя причины „обозрѣвать“.

Нужны ли теперь „обозрѣнія“? Есть ли теперь чтò обозрѣвать?... Мы уже сказали, что иногда совершенно противоположныя причины производятъ одинакія слѣдствія; — и потому утвердительно отвѣчаемъ, что теперь снова настаетъ время „обозрѣній“. Если бы у насъ не было ничего, достойнаго обозрѣнія, то мы еще болѣе должны были бы обозрѣвать, потому что мы будемъ въ выигрышѣ даже и тогда, когда окончательно узнаемъ, что у насъ нѣтъ ничего: самое горькое сознаніе въ бѣдности лучше смѣшного хвастовства воображаемымъ богатствомъ. Если намъ кажется нѣсколько забавнымъ прошлое время, когда обольщались „отрывками неоконченныхъ сочиненій“, то не по-

дадимъ ли мы будущему времени болѣе основательныхъ причинъ смѣяться надъ нами, гордящимися—ничѣмъ?... Впрочемъ, кажется, еще нѣчего бояться итога, состоящаго изъ однихъ нулей: если мы взглянемъ пристальнѣе на современную литературу, то въ небольшомъ количествѣ ея стразь и болѣшомъ количествѣ булыжниковъ найдемъ нѣсколько и брилліантовъ. — Всею свое время: мы уже пережили періодъ самообольщенія, младенческихъ и юношескихъ восторговъ; намъ уже нужны не мечты, а дѣйствительность; для насъ уже мѣдный грошъ дороже милліоновъ рублей, вычеканенныхъ изъ воздуха: словомъ, для насъ настало время *сознанія*. Посему „обозрѣнія“ нашего времени должны быть основательнѣе, солиднѣе, такъ сказать: ибо ихъ цѣль не похвалы людямъ своего прихода и брань на другихъ прихожанъ, не лирическія изліянія чувства, гордящагося мгновеннымъ успѣхомъ; но приведеніе въ ясность существеннаго вопроса, сознаніе факта.

Вслѣдствіе этого мы и за дѣло должны приниматься не по-прежнему. Разсуждая о чемъ-нибудь, мы прежде должны привести себѣ въ ясность, о чемъ мы разсуждаемъ. Мы должны болѣе всего избѣгать словъ, которыхъ значеніе утверждено не мыслию, а общественнымъ употребленіемъ, временемъ и навыкомъ, и подъ которыми, посему, всякій разумѣетъ, чтò ему угодно, нимало не безпокоясь о томъ, чтò разумѣютъ подъ нимъ другіе. Къ такимъ-то неопредѣленнымъ и произвольнымъ словамъ принадлежитъ и слово „литература“.

За всякимъ очарованіемъ неизбѣжно слѣдуетъ разочарованіе—таковъ законъ жизни. Эпоха перехода изъ юношества въ мужество обыкновенно сопровождается разочарованіемъ. Обогащенный опытами жизни, извѣдавшій ея противорѣчія, переходящій въ мужество, человекъ уже не бросается въ крайности, не презираетъ стараго потому только, что оно старое, не обольщается новымъ потому только, что оно новое. Мало этого: часто случается, что онъ обращается къ старому, и, въ досаду всему новому, только въ прошедшемъ видитъ хорошее, а въ новомъ упрямо не хочетъ ничего видѣть. Настоящій моментъ русской литературы ознаменованъ именно этимъ направленіемъ. Повсюду слышится жалобы на настоящее, похвалы прошедшему. Конечно, тутъ играетъ важную роль и разочарованное самолюбіе, и другія *личныя* причины, но въ основаніи всего этого есть и часть истины; главная же причина—досада на себя за прошлое очарованіе, которое оказалось ложнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ на Руси печатаются книги, до настоящаго мгновенія, всѣ повторяютъ

¹⁾ См. выше, стр. 665 и наше примѣчаніе на стр. 698; см. также послѣднее примѣчаніе въ настоящей статьѣ, на стр. 1036.

²⁾ О „Кашеѣ Безсмертномъ“ Вельтмана и „Киргизъ-Кайсакъ“ Ушакова—см. выше, стр. 92—93.

„литература! литература! русская литература!“ не давъ себѣ отчета въ значеніи вообще слова „литература“, а слѣдовательно, и въ значеніи словъ „русская литература“. Обольщенные и ослѣвленные нѣсколькими, дѣйствительно, великими проявленіями творческой силы въ русскомъ духѣ, мы не позаботились опредѣлить ихъ отношенія къ такъ называемой русской литературѣ, и потому никакъ не могли догадаться, что произведенія нашихъ великихъ поэтовъ—сами по себѣ, а русская литература—сама по себѣ, что между ними нѣтъ ничего общаго, и ни одно изъ нихъ не доказываетъ существованія другого. Эта мысль не новая: она давно уже затаилась въ нѣкоторыхъ умахъ и временами пробивалась наружу, возбуждая удивленіе даже въ тѣхъ самихъ, которые ее выговаривали. Лѣтъ шесть тому назадъ вдругъ раздался рѣзко и громко вопросъ: есть ли у насъ литература? существуетъ ли русская литература? ¹⁾ Такъ какъ этотъ вопросъ выговоренъ былъ среди общаго очарованія, когда публика въ „Библиотекѣ для Чтенія“ думала найти пышный и роскошный цвѣтъ русской литературы, и такъ какъ этотъ вопросъ былъ совершенно неожиданъ, то тѣмъ сильнѣе и разнообразнѣе было произведенное имъ впечатлѣніе на всѣхъ и каждого. Одни приняли его за странность, имѣющую впрочемъ прелесть новости; *другіе* почли его за нелѣпый парадоксъ, за пошлую шутку надъ здравымъ смысломъ; *третьи* увидѣли въ немъ непреложную истину; *четвертые* приняли его за оскорбленіе чувства народной гордости. Кто былъ правъ, кто виноватъ?—Кажется, всѣ были правы и виноваты, кромѣ послѣднихъ, которые рѣшительно не правы, ибо истина выше всякихъ чувствъ—и частныхъ и народныхъ, и смиренныхъ и гордыхъ, а сомнѣніе есть первый шагъ и единственный путь къ истинѣ. Что же касается до вопроса о существованіи русской литературы,—много можно было бы сказать даже и въ пользу существованія ея; но мы хотимъ взглянуть поближе на отрицательную сторону вопроса и изслѣдовать ее основательнѣе. Для этого надобно прежде всего опредѣлить предметъ вопроса—значеніе слова „литература“. Запутанность споровъ, дѣлающая невозможнымъ примиреніе спорящихъ сторонъ, происходитъ чаще всего отъ несоблюденія этого правила: обыкновенно начинаютъ спорить, не сказавъ другъ другу о чемъ хотятъ спорить, и потому всѣ споры бывають большею частію за слова, а не за идеи.

Но прежде нежели приступимъ къ опре-

дѣленію вопросаго пункта,—намъ должно поговорить о предметѣ, который собственно чуждъ всякой внутренней связи съ нимъ, но который, по причинѣ общественнаго нашего образованія, долженъ составлять приступъ ко всякому разсужденію. Конечно, говори о немъ, мы будемъ имѣть въ виду совѣтъ не тѣхъ людей, которые знаютъ, что во всякой истинѣ главное дѣло—сама же истина, а не повтореніе пошлыхъ общихъ мѣстъ, которыя всѣ повторяютъ по привычкѣ, не вѣря имъ.

Нѣтъ ничего смѣшнѣе и нелѣпѣе, какъ находить дерзкимъ и даже преступнымъ сомнѣніе въ существованіи нашей литературы. Истина есть высочайшая дѣйствительность и высочайшее благо; только одна она даетъ дѣйствительное, а не воображаемое счастье. Самая горькая истина лучше самаго пріятнаго заблужденія. О, вы, чувствительныя существа, такъ крѣпко держащіяся за свои бѣдныя убѣжденія, предпочитающія самое грубое, но пріятное для вашихъ конфетныхъ сердецъ заблужденіе горькой истинѣ,—къ вамъ въ особенности обращаемъ мы рѣчь свою. Вы приходите въ домъ умалишенныхъ, и видите человека, который, нацѣвъ сверхъ своего вязаного колпака бумажную корону, почитаетъ себя властелиномъ: вѣдь онъ счастливъ своимъ убѣжденіемъ, такъ счастливъ, что вамъ, знающимъ всю тягость жизни, должно бѣ было отъ всей души завидовать его счастью—не правда ли?... Но отчего же вы смотрите на него съ невольнымъ сожалѣніемъ, и не можете безъ содроганія подумать о возможности для васъ самихъ подобнаго блаженства?... Видите ли, самая ужасная истина лучше самаго лестнаго заблужденія?... А между тѣмъ, какъ много на свѣтѣ такихъ бумажныхъ властелиновъ и не въ одаомъ домѣ умалишенныхъ, а въ своихъ собственныхъ и, при томъ, иногда очень богатыхъ домахъ, между людьми, которые пользуются извѣстностію отлично умныхъ головъ?... Геніальный Сервантесъ въ своемъ „Донъ-Кихотѣ“ творчески воспроизвелъ идею этихъ бумажныхъ рыцарей, для которыхъ пріятный обманъ дороже горькой истины... Какъ рады они своему несчастью, какъ горды своимъ позоромъ!... Неужели же имъ должно завидовать? Нѣтъ, вы смотрите на нихъ съ тѣмъ насмѣшливымъ состраданіемъ, которое упичижительнѣе, обиднѣе полнаго презрительнаго невниманія!... И потому, если бы результатомъ вопроса о существованіи нашей литературы было горькое убѣжденіе въ ея несуществованіи, и тогда мы были бы въ выигрышѣ, а не проигрышѣ, и обязаны были бы благодарностію и тому, кто сдѣлалъ этотъ вопросъ, и тому, кто рѣшилъ его. Лучшее благородная, сознательная нищета въ дѣй-

¹⁾ Разумѣется, Бѣлинскій говоритъ о своихъ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ 1834 года.

ствительности, нежели мишурное, шутовское богатство въ воображеніи. Изъ всѣхъ родовъ нищихъ самые жалкіе — испанскіе нищіе, потому что они просятъ у васъ не копѣйки Христа ради, а ста тысячъ піастровъ взаймы, и, получивъ отъ васъ копѣйку, гордо увѣряютъ васъ, что скоро возвратятъ вамъ съ благодарностію ваши сто тысячъ піастровъ...

Но намъ пѣчего бояться вопроса о существованіи нашей литературы и по другой причинѣ: безпристрастное рѣшеніе этого вопроса не сдѣлаетъ насъ нищими, а только оставитъ насъ при небольшомъ, но цѣнномъ сокровищѣ, и пооблегчитъ наши карманы отъ мѣди и мусора, въ кучѣ которыхъ зарыто наше чистое золото. Пусть даже останется и мѣдь, но только чтобъ мы отличали свое золото отъ мѣди, и не принимали мѣдь за золото! Вотъ результатъ, которымъ будемъ мы обязаны вопросу о существованіи нашей литературы, — результатъ прекрасный! Но, кромѣ того, и самъ по себѣ этотъ вопросъ долженъ радовать насъ: съ него начинается новая эпоха нашей литературы и нашего общественнаго образованія, потому что онъ есть живое свидѣтельство потребности сознанія и мысли. Пушкинъ не разъ изъяслялъ свое негодованіе на духъ неуваженія къ историческому преданію и заслуженнымъ авторитетамъ отечественной литературы, — неуваженія, которымъ обозначилось новѣйшее критическое движеніе: мы понимаемъ это оскорбленіе великаго поэта, но не раздѣляемъ его. Этотъ духъ неуваженія не случайность, и причина его заключается не въ буйствѣ, не въ невѣжествѣ, но въ разумной необходимости. Дѣйствительна одна истина, и только въ одной истинѣ благо и счастье; но истина сурова, неумолима и жестока до тѣхъ поръ, пока человѣкъ только спустится къ ней и еще не овладѣлъ ею. Первый шагъ къ ней, какъ мы уже сказали, — сомнѣніе и отрицаніе. Истина есть единство противоположностей, и пока человѣкъ переживаетъ ея моменты — онъ бросается изъ одной крайности въ другую, безпрестанно впадаетъ въ преувеличеніе, исключительность и односторонность, но какъ скоро процессъ совершился и различія разрѣшились въ гармоническое единство, то всѣ ограниченныя частности улетучиваются въ общее, ложь остается за временемъ, а истина за разумомъ. Слѣдовательно, пѣчего бояться истины, и лучше смотрѣть ей прямо въ глаза, нежели зажимиваться самимъ, и ложные, фантастическіе цвѣта принимать за дѣйствительные. Только робкіе и слабые умы страшатся сомнѣнія и изслѣдованія. Кто вѣруетъ въ разумъ и истину, тотъ не испугается никакого отрицанія. Мы видимъ въ Пушкинѣ великаго мірового

поэта; другіе видятъ въ немъ только великаго русскаго поэта (отрицая тѣмъ *міровое значеніе Россіи*), а иные находятъ въ немъ только отличнаго версификатора. Кто правъ, кто виноватъ? кого казнить, кого миловать?.. Никого, милостивые государи! Въ свободномъ царствѣ мысли не должно быть казней и ауто-да-фе! Пусть всякій свободно выговариваетъ свое убѣжденіе, если только оно свободно, т. е. чуждо личностей и меркантильнаго духа. О Пушкинѣ говорятъ и спорятъ: одно это уже показываетъ, что предметъ важенъ. Ложное мнѣніе и ошибочныя понятія о Пушкинѣ не повредятъ ему въ потомствѣ, но только скорѣе рѣшатъ вопросъ о немъ. Пушкинъ явится ни больше, ни меньше, какъ тѣмъ, что онъ есть въ самомъ дѣлѣ, и изъ всѣхъ различныхъ и противоположныхъ мнѣній о немъ утвердятся только одно — именно то, которое истинно. Конечно, отвратительно видѣть осла, который, помня когти и страшное рыканіе льва, нѣкогда приводившіе его въ трепетъ, лягаетъ могилу этого „геральдическаго льва“ своимъ „демократическимъ копытомъ“ (по выраженію самого Пушкина), — однакожь должно радоваться даже самымъ ложнымъ, но только независимымъ мыслямъ о великомъ поэтѣ: онѣ показываютъ потребность разума сознанія, которое всегда начинается отрицаніемъ непосредственнаго знанія, т. е. знанія по привычкѣ, или по преданію. Вотъ точка, съ которой должно смотрѣть на такъ называемый духъ неуваженія въ современной литературѣ. Этотъ духъ неуваженія предвѣстникъ, свѣтлая заря скорого и истиннаго духа уваженія, который будетъ состоять не въ минералогическихъ характеристикахъ поэзіи и не въ пустозвонныхъ фразахъ о потомкахъ Багрима ¹⁾, — фразахъ, подъ которыми, какъ подъ скорлупою гнилого орѣха, кроется пустота, и которыя тѣшатъ своими побрякушками дѣтское самолюбіе; но духа, который будетъ состоять въ вѣрной критической оцѣнкѣ каждаго писателя по его заслугѣ и достоинству, — оцѣнкѣ, произнесенной на основаніи науки объ изящномъ и перешедшей въ общественное сознаніе.

Мы сказали, что въ первый разъ сомнѣніе въ существованіи русской литературы было высказано лѣтъ шесть тому назадъ. Это было, помнится, въ концѣ перваго года существованія „Библіотеки для Чтенія“, слѣдовательно, случилось въ самое время, въ самую пору. Поразительно и грустно было видѣть, какъ мало представилъ такой плотный журналъ, соединившій въ себѣ дѣятельность почти всѣхъ извѣстныхъ, полу-

¹⁾ Выпадъ противъ Полевого и его статьи о Державинѣ; см. выше статьи №№ 19 и 20.

извѣстныхъ и неизвѣстныхъ русскихъ литераторовъ. Кто не помнить этого времени?.. Но здѣсь мы должны обратиться нѣсколько назадъ, желая быть понятными равно для всѣхъ читателей.

Недавно ¹⁾ мы говорили объ ошибочномъ употребленіи словъ „словесность“ и „литература“, которыя безсознательно смѣшивались и употреблялись одно за другое, какъ будто бы они были не синонимы, а два разныхъ слова для выраженія совершенно одной и той же идеи. Вслѣдствіе этой ошибки, у насъ существовала литература еще до Рюрика и благополучно процвѣтала до эпохи Петра Великаго, а отсюда начала новое существованіе, благодаря великому таланту Кантемира. Да, была словесность, которая есть вездѣ, гдѣ есть слово, языкъ, но которая состоитъ изъ произведеній случайныхъ, вичѣмъ между собою несвязанныхъ и для которой, поэтому, нѣтъ еще *исторіи*, а можетъ быть только *каталогъ*. Въ литературѣ совершается развитіе духа народа; литература—важная сторона исторіи народа. Въ произведеніяхъ словесности мы можемъ прослѣдить только развитіе языка, а не духа народнаго, который является въ ней въ неподвижности своего непосредственнаго, такъ сказать, безыскусственнаго явленія. Но въ нашей словесности нельзя слѣдить даже и за развитіемъ языка, потому что она выражалась не живымъ народнымъ словомъ, а какимъ-то книжнымъ парѣчиемъ, неподвижнымъ и мертвымъ. Однакожъ, лишь только данъ былъ толчокъ непосредственности народа, какъ въ самомъ книжномъ языкѣ оказалось движеніе,—и сатиры Кантемира въ самомъ дѣлѣ какъ будто открываютъ собою начало литературы. Но что это за литература! Кантемиръ былъ первый русскій поэтъ, и писалъ—*сатиры*! Поэзія всякаго народа начинается или эпопеею, какъ впервые пробудившимся въ народѣ поэтическимъ сознаніемъ его прошедшей жизни, или лирикою, какъ голосомъ непосредственнаго чувства, впервые пробудившагося. Явленіе же *сатиры* относится скорѣе къ исторіи общества, а не искусства, не поэзіи; оно скорѣе—результатъ созрѣвшей гражданственности, а не пѣснь молодого народа, и тѣмъ болѣе—не первый цвѣтъ молодого искусства. Очевидно, что сатиры Кантемира—явленіе чисто случайное; что духъ народный въ нихъ не участвовалъ; что онѣ вышли не изъ этого духа, не его выразили и не къ нему возвратились. Одно уже иностранное происхо-

жденіе ихъ автора показываетъ, что онѣ не имѣли въ самихъ себѣ никакой необходимости, могли и быть и не быть, а потому самому и были-то онѣ словно не были. Книга приняла ихъ въ себя, въ книгѣ и остались онѣ; ихъ знаютъ школы, а не общество; но и школамъ извѣстны онѣ какъ мертвый историческій фактъ, а не какъ живое явленіе, по законамъ внутренней необходимости возникшее изъ предшествовавшего ему явленія и оставившее послѣ себя какіе-нибудь результаты, которые въ свою очередь породили какія-нибудь явленія. Да и кто составлялъ публику сатиръ Кантемира?—Самъ авторъ ихъ. Онѣ не разсердили даже тѣхъ, на кого были писаны, потому что жертвы остроумія Кантемира, за неумѣніемъ грамотѣ, не могли читать ихъ. Хороша литература, для которой нѣтъ публики!.. Явился Василій Кирилловичъ Тредіаковскій, „профессоръ элоквенціи, а паче хитростей піитическихъ“, апотеозъ школьной бездарности,—и всѣ заслуги его языку состояли развѣ въ введеніи двухъ-трехъ новыхъ словъ (какъ, напр., слова „предметъ“), и еще въ томъ, что онъ искажалъ языкъ своею варварскою фразеологіею; а заслуги поэзіи только въ томъ, что онъ опрофанировалъ ее. Между тѣмъ, этотъ человѣкъ занимаетъ свое мѣсто въ исторіи русской литературы; о немъ говорятъ и судятъ, и даже въ наше время нашлись люди, которые очень осердились на Лажечникова за то, что онъ, въ своемъ „Ледяномъ Домѣ“, вывелъ шута шутомъ, а не человѣкомъ, достойнымъ уваженія!—Ломоносовъ положилъ начало первому періоду русской литературы,—и школы утвердили за нимъ титулъ отца. Въ самомъ дѣлѣ, онъ для поэзіи сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ для прозы собственно. Онъ первый установилъ фактуру стиха, ввелъ въ русское стихосложеніе метры, свойственные духу языка; языкъ его стихотвореній, несмотря на свою напыщенность и изобиліе *поэтическихъ вольностей*, естественнѣе, лучше языка его прозы; сквозь ихъ риторическую одежду изрѣдка блещутъ искры поэзіи, а среди звучныхъ и великолѣпныхъ фразъ иногда попадаются поэтическіе образы. Что же до его прозы—трудно рѣшить, больше вреда или больше пользы оказалъ онъ русскому языку, заковавъ его въ чуждое ему построеніе латинскихъ и нѣмецкихъ періодовъ. Въ томъ и другомъ онъ былъ законодателемъ и имѣлъ сильное вліяніе, какъ основатель какой-то школьной, схоластической литературы, мало имѣвшей (если не совсѣмъ неимѣвшей) отношенія къ обществу, но высоко уважаемой въ школахъ. Отсутствіе народныхъ элементовъ, рабская подражательность ложнымъ

¹⁾ „Отечественныя Записки“ 1840, т. IX, отдѣленіе Критики, статья объ „Исторіи Древней Русской Словесности“ г. Максимовича, стр. 37.

Прим. Бѣлинскаго.

Указанная статья принадлежит перу Кагкова.

образцамъ, слѣпое уваженіе къ единожды признаннымъ авторитетамъ и схоластическія формы — вотъ характеръ всѣхъ его литературныхъ произведеній: и тяжелыхъ трагедій, и „Петриадъ“, и высокопарныхъ рѣчей, и даже лирическихъ пьесъ ¹⁾. — Сумароковъ имѣлъ большое вліяніе на распространение въ полуграмотномъ обществѣ охоты къ чтенію, и его столь же справедливо называютъ отцомъ русскаго театра, какъ Ломоносова — отцомъ русской литературы. Сумароковъ, по положительной бездарности своей, оказалъ больше вреда, чѣмъ пользы зарождавшейся литературѣ; но нельзя отрицать, чтобъ онъ не оказалъ нѣкоторыхъ услугъ общественной образованности. Дѣятельность его была разнообразиѣе дѣятельности Ломоносова: онъ писалъ во всѣхъ родахъ, и если бы имѣлъ поменьше претензій на гениальность и побольше — не говоримъ таланта, а способности, не возносился бы въ недоступную для его ограниченности превыспренность, а писалъ бы въ легкомъ родѣ — комедіи, фарсы, сатиры, журнальныя статьи, — онъ былъ бы замѣчательнымъ для своего времени литераторомъ; и хотя его творенія также были бы забыты, но вліяніе ихъ на свое время было бы дѣйствительнѣе и полезнѣе. — Херасковъ также человекъ безъ всякаго поэтическаго призванія, еще больше утвердилъ направленіе, данное Ломоносовымъ литературѣ. Современники называли его русскимъ Гомеромъ и Виргиліемъ; Державинъ не смѣлъ думать даже о равенствѣ съ нимъ, не только о превосходствѣ надъ нимъ. — Надутый и холодный Петровъ былъ торжествомъ схоластической литературы. Самъ Державинъ, поэтъ по своей натурѣ и призванію, талантъ несравненно высшій Ломоносова, покорился этому схоластическому направленію, замѣтному даже въ лучшихъ его созданіяхъ... Итакъ, что же мы видимъ въ этомъ періодѣ русской литературы — пустое и бесплодное подражаніе, схоластическое, враждебное обществу и жизни направленіе, и случайные проблески дарованій — не больше. Видимъ словесность, но не видимъ литературы.

Ломоносовскій періодъ русской литературы былъ смѣненъ карамзинскимъ. вмѣсто подражанія Римлянамъ и Нѣмцамъ XVII-го и первой половины XVIII-го вѣка, мы стали подражать Французамъ. Языкъ свергъ съ себя латинско-германскія вериги и вмѣсто ихъ облекся въ шитый французскій кафтанъ прошлаго вѣка. Это было шагомъ впередъ:

¹⁾ Просимъ замѣтить, что здѣсь говорится о Ломоносовѣ только какъ о поэтѣ-литераторѣ, а не какъ объ ученомъ. Ученныя заслуги его безсмертны и еще не оценены надлежащимъ образомъ.

Прим. Бѣлинскаго.

языкъ приблизился къ языку живому, общественному; литература изъ надутно-героической сдѣлалась сантиментально-общественною и современною. „Бѣдная Лиза“ убила „Кадма и Гармонію“; стихи къ *Лилетамъ* и *Пинамъ* сбавили цѣпы съ громкихъ одъ. Трагедіи Озерова начали извлекать у зрителей слезы умиленія, вмѣсто того, чтобъ только возводить ихъ души на дыбу мишурныхъ фразъ. Между тѣмъ, независимо отъ Карамзина, является поэтический юноша, даетъ новый толчекъ языку и вводитъ въ русскую литературу туманы Альбіона и нѣмецкую мечтательность, а самостоятельная, художническая муза Батюшкова борется съ ложнымъ французскимъ направленіемъ — и то побѣждаетъ его, то побѣждается имъ. Вотъ въ краткомъ очеркѣ два періода русской литературы — ломоносовскій и карамзинскій, за которыми послѣдовалъ пушкинскій ¹⁾... Теперь взглянемъ на значеніе слова „литература“.

Слово „литература“ по-русски можетъ быть переведено словомъ „письменность“. Отсюда ясно, что литература есть совокупность словесныхъ произведеній, хранящихся не въ памяти и устахъ народа, но въ книгѣ и развивавшихся въ послѣдовательномъ порядкѣ и зависимости другъ отъ друга. Словесность есть кладъ, зарытый въ землѣ и немногими знаемый; литература есть общее достояніе. Занятіе словесностью есть родъ элевзинскихъ таинствъ; литературою — открытое дѣло, имѣющее прямое и опредѣленное значеніе. Произведенія словесности — тѣни, являющіяся на заклинаніе магика; произведенія литературы — живыя, всѣмъ извѣстныя и для всѣхъ равно доступныя лица съ опредѣленными именами. Арена словесности — келья монаха, кабинетъ мудреца, зала пиршествъ, темный лѣсъ, зеленая дуброва и широкія поля; оттуда выходили всѣ произведенія ея — хроники, лѣтописи, легенды, пѣсни, сказки и пр. Арена литературы имѣетъ опредѣленное мѣсто: это родъ сцены, на которой разыгрывается драма передъ лицомъ многочисленнаго собранія, изъясняющаго рукоплесканіями и кликами участіе свое и восторгъ. Письмо спасло произведенія словесности отъ забвенія и изъ хранилища памяти перевело ихъ въ хранилище рукописи; книга родила и упрочила возможность литературы и произведенія самой словесности сдѣлала принадлежностію литературы. Словесность существовала у всѣхъ народовъ, пока слово было достояніемъ цѣлаго народа, а не избранныхъ изъ среды лицъ, составляющихъ народъ: отъ

¹⁾ Все это — краткій пересказъ сущности „Литературныхъ Мечтаній“.

того-то и не известны творцы этих наивных и могущественных в своей цѣломудренной простотѣ народных пѣсень, легенд и сказокъ. Если сохранились имена лѣтописцевъ, — этимъ они обязаны искусству писанія, а не сокровищницѣ народной памяти, удерживавшей въ себѣ только пословицы и пѣсни, какъ произведенія отдѣльных лицъ, которыя превосходили всѣ прочія глубокостію своихъ натуръ, силою талантовъ, но не образованіемъ. И потому, лѣтописи, требовавши людей, которые бы превосходили современниковъ своимъ образованіемъ, уже представляютъ собою какъ бы начало литературы. Всѣ европейскія литературы начались въ среднихъ вѣкахъ богословскими сочиненіями и преимущественно богословскою полемикою; но только книгопечатаніе могло дать этой полмикѣ и обширнѣйшій кругъ дѣйствія, и большую энергію, и большее вліяніе, и большій интересъ: ибо только книгопечатаніе могло дать этой великой драмѣ приличную для нея сцену, съ которой всѣмъ равно были видны ея ходъ и развитіе. Отдѣльность, изолированность и сепаратность произведеній ума — характеристическая принадлежность словесности; общность, взаимная связь; зависимость и соотносительность — характеристическая принадлежность литературы.

Но все это только описаніе, признаки, а не опредѣленіе литературы, изъ котораго единственно можетъ быть видна сущность вопроса. Литература есть сознаніе народа: въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражается его духъ и жизнь; въ ней, какъ въ фактѣ, видно назначеніе народа, мѣсто, занимаемое имъ въ великомъ семействѣ человѣческаго рода, моментъ всемірно-историческаго развитія человѣческаго духа, который онъ выражаетъ своимъ существованіемъ. Источникомъ литературы народа можетъ быть не какое-нибудь внѣшнее побужденіе или внѣшній толчекъ, но только міросозерцаніе народа. Міросозерцаніе всякаго народа есть зерно, сущность (субстанція) его духа, тотъ инстинктивный внутренній взглядъ на міръ, съ которымъ онъ рождается, какъ съ непосредственнымъ откровеніемъ истины и который есть его сила, жизнь и значеніе, — та призма съ однимъ или нѣсколькими первосущными цвѣтами радуги, сквозь которую онъ созерцаетъ тайну бытія всего сущаго. Міросозерцаніе есть источникъ и основа литературы. Это фонъ, на которомъ рисуются ея картины, канва, по которой вышиваются ея узоры. Чтобы объяснить это примѣромъ, мы должны указать на литературы важнѣйшихъ въ развитіи человѣчества народовъ. Разумѣется, это будутъ не характеристики, а только легкіе намеки: опредѣлить міросозерцаніе народа — задача вели-

кая, трудъ гигантскій, достойный усилій величайшихъ гениевъ, представителей современнаго философскаго знанія. Это значитъ исчерпать всю жизнь народа, о которомъ идетъ рѣчь... Однакожъ, попытаемся сдѣлать хоть легкій очеркъ.

Оставляя въ сторонѣ санскритскую поэзію, въ испанскихъ и чудовищныхъ образахъ которой ярко свѣтится пантеистическое міросозерцаніе, которое поняло Бога въ его воплощеніи въ природѣ и ея великихъ процессахъ, — обратимся къ другому народу древности, болѣе близкому къ намъ, считающимъ себя Европейцами, — къ Грекамъ. Для выраженія нашей мысли достаточно будетъ одной легкой черты изъ „Пліады“ — этого вѣчно живого слова, субстанціальнаго источника жизни Грековъ, изъ котораго истекла вся дальнѣйшая ихъ литература и знаніе и въ отношеніи къ которому и трагики, и лирики ихъ и самъ философъ Платонъ — только его развитіе и дополненіе. Помните ли вы то мѣсто въ XVIII пѣснѣ „Пліады“, гдѣ Гефестъ хромоногий готовится къ принятію посѣтившей его обитель Теллиды, среброногой матери Ахиллеса, пришедшей молить его, да сдѣлаетъ по замысламъ творческимъ божественный художникъ новые доспѣхи ея любезному сыну:

Рекъ, и отъ наковальни Гефестъ законѣный
поднялся,
И, хромоногий, медленно голени слабыя двигая;
Снялъ отъ горна мѣха и снаряды, какими работалъ,
Собралъ всѣ, и вложилъ ихъ въ красивый ларецъ
среброкованный;
Губкою влажною вытеръ лицо, и могучія руки,
Выю дебелую, жилистый тылъ и косматые перси;
Ризой одѣлся, и толстымъ жезломъ подпираясь,
въ оверги
Вышелъ, хромая; прислужницы, подъ руки взявши
владыку,
Шли
Сбоку владыки онъ поспѣшалъ; а онъ, комыкаясь,
Къ мѣсту прибрежъ, гдѣ Теллида сидѣла на тронѣ
блестящемъ!..

Или то мѣсто, въ XX пѣснѣ, гдѣ боги, получившіе соизволеніе отъ Зевса сражаться за ту сторону, за которую кто хочетъ, спѣшатъ съ многохолмнаго Олимпа, кто къ рати Ахейцевъ, кто къ рати Данаевъ:

Съ ними къ судамъ и Гефестъ огромный, и пышущій
силой,
Шелъ, хромая; съ трудомъ волочилъ онъ увѣснныя
ноги.

Какая превосходная, дивно прекрасная картина — чего же? — не красоты, а безобразія!.. Какое поэтически прекрасное безобразіе!.. Такую черту можно подмѣтить только у народа, который на все смотрѣлъ и все понималъ сквозь призму красоты, котораго даже повседневная жизнь до того была проникнута чувствомъ красоты, что женщины, являвшіяся публично съ неубранными воло-

сами, подвергались взысканію по закону. Да, только народъ-художникъ, поклонникъ и служитель красоты, могъ изъ тѣлеснаго недостатка, изъ безобразія и уродства создать типъ такой оригинальной, такой обаятельной красоты!...

Теперь укажемъ на три современныхъ намъ великія націи — представительницы современного человѣчества. Германія и Франція представляютъ собою два противоположные полюса, двѣ противоположныя крайнія стороны духа человѣческаго; первая — вся мысль, вся идея, вся созерцаніе; вторая — вся дѣло, вся жизнь. Германія понимаетъ (созерцаетъ) жизнь, какъ сознаніе, — и отсюда мыслительно созерцательный, субъективно идеальный характеръ ея искусства и науки; отъ этого и само искусство ея не что иное, какъ параллель философіи, какъ особенная форма созерцательнаго мышленія, и отсюда же абсолютный, мірообъемлющій и вѣчно юный характеръ произведеній ея литературы вообще — и науки, и поэміи. Франція, напротивъ, понимаетъ (созерцаетъ) жизнь какъ развитіе общественности, какъ приложеніе къ обществу всѣхъ успѣховъ науки и искусства, — и отсюда положительный характеръ ея науки и общественный (соціальный) характеръ ея искусства. Для Нѣмца наука и искусство — сами себѣ цѣль и высшая жизнь, абсолютное бытіе; для Француза наука и искусство — средства для общественнаго развитія, для отрѣшенія личности человѣческой отъ тяготящихъ и унижающихъ ее оковъ преданія, моментальнаго опредѣленія и временныхъ (а не вѣчныхъ) общественныхъ отношеній. И вотъ причина, почему литература французская имѣетъ такое огромное вліяніе на всѣ образованные народы; вотъ почему ея летучія произведенія пользуются такою всеобщностію, такою извѣстностію; вотъ почему они такъ и недолговѣчны, такъ эфемерны. Ихъ содержаніе — интересы и вопросы настоящей минуты: съ нею они возрождаются, съ нею и проходятъ, ибо въ этой кипящей жизни завтра уже не интересуютъ то, что интересовало вчера. Что такое Корнель и Расинъ, какъ не поэты придворнаго этикета, придворной уточенности жизни? И что герои и героини ихъ такъ называемыхъ трагедій, эти пудренные Греки и Римляне, эти Гречанки и Римлянки, съ фижмами и мушками, какъ не представители выродившейся рыцарственности, любезные кавалеры и дамы блестящаго двора Людовика XIV?... Отцвѣла французская монархія, съ своими маркизами, контами и виконтами, съ своими париками и фижмами — и гениальныя трагедіи плѣняютъ только людей, чуждыхъ эстетическаго вкуса. Теперь настала другой вѣкъ: Вольтеръ и Руссо за-

быты, энциклопедисты уже не почитаются извергами человѣческаго рода, хотя — надо сказать правду — за покойниками и много водилось грѣшниковъ. Такъ называемая романтическая школа: Гюго, Сю, Жакенъ, Бальзакъ, Дюма, Жоржъ Зандъ и другіе, возникли и переходятъ на нашихъ глазахъ и готовятся къ смѣнѣ; по какъ еще недавно ярка была ихъ слава, какъ велико было ихъ вліяніе? И что же они? что такое „Послѣдній день осужденнаго къ смерти“, „Мертвый осель и гильйотинированная женщина“? что такое кровавыя пелѣности Александра Дюма? — протестъ человѣка противъ общества, апелляція человѣческой личности на общество, поданная ею этому же самому обществу. Что такое восторженные бредни Жоржа Занда? — *profession de foi* сенсимонизма въ формѣ повѣстей, драмъ и романовъ. Что такое „*Notre dame de Paris*“ и всѣ драмы Гюго? — усиліе доказать, что и въ самыхъ искаженныхъ человѣческихъ натурахъ есть прекрасныя стороны; что чудовище Казимодо можетъ нѣжно любить женщину, что развратная Маріонъ де-Лормъ можетъ возстать отъ униженія и возратить свое утраченное женственное достоинство чрезъ чувство любви, развратный шутъ Трибюле можетъ нѣжно любить свою дочь, а гнусное чудовище Лукреція Борджіа можетъ обнаруживать глубокое материнское чувство и т. п. Повторяемъ: вотъ причина, почему эфемерныя явленія французской литературы всегда имѣли и будутъ имѣть сильнѣйшее вліяніе на большинство публики всѣхъ образованныхъ народовъ и пользоваться большею извѣстностію, чѣмъ произведенія величайшихъ художниковъ. Тѣ, которые на нихъ нападаютъ, смотря на нихъ съ точки зрѣнія искусства, ищутъ въ нихъ не того, чего въ нихъ должно искать — и потому ошибаются, отрицая даровитость и достоинство въ людяхъ, обращающихъ на себя вниманіе цѣлаго міра. Короче: изъ міросозерцанія французскаго народа можно вывести и хорошія и дурныя стороны его литературы: и искренность пламеннаго чувства, живую симпатію къ интересамъ человѣчества, увлекательную, общедоступную форму, въ которую съ такою легкостію облекаетъ онъ перѣдко самыя отвлеченныя и юношескія — не скажу мысли, но мечты — и крайности, пелѣности, фразистость, любовь къ эффектамъ, риторическую шумиху, явленіе жалкихъ талантовъ, подобныхъ Ламартину, и проч.

Англичане представляютъ собою какъ бы примиреніе Германіи съ Франціею. Страна, по преимуществу общественная, практическая, Англія уважаетъ преданіе и борется съ нимъ и побѣждаетъ его на законномъ основаніи: съ соблюденіемъ формъ, расчи-

таннѣмъ и размѣреннѣмъ шагомъ, медленно, осторожно, прочно и вѣрно. Чуждая французской отвлеченности и юношеской способности увлекаться мечтами и идеями, Англія глубоко понимаетъ жизнь; отчизна Шекспира, она властвуетъ литературою, представляющею изъ себя существенныя (субстанціальныя) произведенія искусства, которыя германская мыслительность торжественно признаетъ абсолютными и вѣчными; но практическая и положительная Англія чужда всякой отвлеченности въ мышленіи, и всѣ ея попытки въ философіи всегда были ничтожны сами по себѣ и нисколько недостойны ея великихъ успѣховъ въ поэзіи.

Характеръ германскаго мышленія и поэзіи—превыспренность и идеальность. Остроуміе есть орудіе Французовъ во всемъ, даже въ возвышенной поэзіи, чему самымъ разительнымъ примѣромъ служатъ игривыя и шипучія, подобно національному ихъ напитку, созданія Беранжѣ. Юморъ лежитъ въ основаніи британскаго міросозерцанія.

Теперь, въ чемъ же состоитъ наше русское міросозерцаніе? Наука еще не сдѣлала у насъ никакого успѣха, и потому не въ ней должно искать нашего міросозерцанія (ибо міросозерцаніе выражается не въ математикѣ и другихъ положительныхъ наукахъ, а въ исторіи и философіи, которыхъ, какъ наукъ, у насъ еще нѣтъ). Станемъ же искать его въ поэзіи. Развернемъ наши народныя пѣсни и легенды: что найдемъ въ нихъ? Духъ силы, какого-то удалства, которому море по колѣно, какого-то широкаго размета души, незнающаго мѣры ни въ горѣ, ни въ радости. Но сила эта пока еще чисто матеріальная: она проявляется въ богатыряхъ, которымъ палица въ триста пудъ—что тросточка, которые кладутъ въ ротъ по ковригѣ и запиваютъ ушатомъ. Удалство и широкий разметъ души, опять таки, показываютъ сильную, свѣжую и здоровую натуру народа, но въ нихъ еще не видно никакого міросозерцанія. Правда, глубокая грусть, при этой исполинской силѣ, намекаетъ на какое-то темное ¹⁾ сознаніе противорѣчія судьбы народа съ его значеніемъ; но все это относится собственно къ его индивидуальности, а міросозерцаніе есть непосредственное разумѣніе общаго, вѣчнаго, непреходящаго. Но если бы и можно было отыскать въ нашей естественной (народной) поэзіи слѣды какого-нибудь міросозерцанія,—оно не могло ни развиться, ни произвести какія-либо слѣдствія, потому что Россія жи-

ла изолированною отъ человѣчества жизнію, чуждая интересовъ человѣчества, и до Петра Великаго была, подобно восточнымъ монархіямъ—не государствомъ, а народомъ-семействомъ. Слѣдовательно, тутъ нѣтъ и слова о литературѣ. Теперь, откуда же могла взяться литература послѣ Петра?... И ея, естественно, не было, потому что не могло быть. Намъ скажутъ, что Россія, приобщившись жизни европейской, приобщилась и ея интересамъ. Прекрасно; но эти интересы нельзя было перевезти съ товарами изъ-за границы; ихъ надо было развить изъ своей жизни, а Россіи было не до того: она хлопотала, какъ и слѣдовало, объ усвоеніи себѣ не содержанія, а пока только формъ европейской жизни. Поэтому, удивительно ли, что въ поэзіи Ломоносова нѣтъ никакой поэзіи, потому что нѣтъ никакого обще-человѣческаго (въ народной формѣ) содержанія? удивительно ли, что народъ остался къ ней равнодушенъ и доселѣ не знаетъ о ея существованіи? А между тѣмъ, въ Ломоносовѣ нельзя отрицать ни замѣчательнаго поэтического таланта, ни великаго ума, ни великой души. — Потомъ, Державинъ. Какое міросозерцаніе лежитъ въ основѣ его творчества? — Оно все высказалось въ его дивно-прекрасной одѣ („На смерть Мещерскаго“) — этомъ величайшемъ его созданіи, и особенно въ этихъ стихахъ:

Сынь роскоши, прохладѣ и нѣгѣ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился.
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—онъ тамъ!—Гдѣ тамъ?—не знаемъ.
Мы только плачемъ и зываемъ:
„О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“

Эта мысль о преходимости жизни, неизвѣстности за гробомъ, какъ громъ среди пиршества, *прохладѣ и нѣгѣ*, приводила въ оцѣпенѣніе игравшихъ жизнію дѣтей русскаго XVIII вѣка,—и въ одной этой мысли заключается все міросозерцаніе Державина. Вы ее увидите и въ другомъ великомъ его произведеніи „Водопадъ“. Даже въ послѣднихъ его стихахъ, написанныхъ уже хладѣющими отъ смерти перстами, выразилась все она же, все эта же мысль. Но откуда вышло это міросозерцаніе столь исключительное и одностороннее? Изъ народной ли жизни?—нѣтъ! оно было чуждо народа, чуждо даже среднихъ сословій его: оно перешло изъ Европы въ изношенномъ видѣ къ вельможеству того времени—единственному слою тогдашняго общества, который прежде всѣхъ пробудился къ жизни и приобщился, хотя и внѣшнимъ образомъ, къ интересамъ европейскаго существованія. Но вѣкъ тотъ прошелъ, а въ царствованіе Александра Благословеннаго пробудилось къ

¹⁾ Здѣсь разумѣется исторія народа отъ ея начала до времени Петра Великаго — времени, когда кончилась собственно-народная поэзія, и народу было указано его истинное, великое назначеніе.

жизни среднее дворянство, уже не заставшее этого вѣка. Удивительно ли послѣ этого, что наше общество доселѣ такъ упорно равнодушно къ Державину и не хочетъ его читать, хоть и признаетъ въ немъ великій талант?— Велики заслуги Карамзина русскому обществу, русскому образованію, русской литературѣ; безсмертно и велико имя его, по онъ сынъ своего времени, дѣйствительный своей эпохи,—и не содержаніе русской жизни развивалъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ, а знакомилъ Русскихъ съ содержаніемъ европейской жизни. — Мы сказали о значеніи Корнеля и Расина, какъ поэтовъ и трагиковъ; но, право, не умѣемъ сказать значенія Озерова: онъ былъ человѣкъ не безъ таланта и подражалъ французскимъ трагикамъ, — вотъ все. — Не менѣе Карамзина велика заслуга русскому обществу, образованію, литературѣ и со стороны Жуковского; но это опять знакомство Россіи съ Европою, а не Европы съ Россіею. — Не ищите также русскаго содержанія и въ художественной поэзіи Батюшкова: она чистый космополитизмъ; она понемногу и французская, и англійская, и древне-греческая, и никакая, а главное — нисколько не русская. Гдѣ жъ тутъ литература, какъ сознаніе народа, какъ выраженіе его міросозерцанія? Гдѣ ея историческое развитіе? Скажите, въ какомъ отношеніи между собою находятся эти поэты — Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковский, Батюшковъ? Докажите, что Жуковский непременно долженъ былъ явиться послѣ Карамзина, а не прежде — Озеровъ и Батюшковъ не прежде ихъ обоихъ!.. Нѣтъ, каждый изъ нихъ дѣйствовалъ самъ по себѣ и отъ себя, независимо отъ прошедшаго, не спрашиваясь у настоящаго. Это герои, — великія или замѣчательныя личности; но въ ихъ лицѣ незамѣтно историческихъ судебъ народа: герои сами по себѣ, народъ самъ по себѣ. Только одинъ изъ нихъ требуетъ исключенія: это — Крыловъ, и онъ всего лучше доказываетъ вѣрность нашего взгляда на этотъ предметъ. Его басни вышли изъ народнаго русскаго ума, изъ русскаго разсудочнаго созерцанія жизни. Зато въ лицѣ Крылова басня русская достигла своего высшаго развитія, — и народъ знаетъ Крылова: вѣдь кто-нибудь да раскупилъ же *сорокъ тысячъ* экземпляровъ его басенъ!..

Только съ Пушкина начинается русская литература, ибо въ его поэзіи бьется пульсъ русской жизни. Это уже не знакомство Россіи съ Европою, но Европы съ Россіею. Этотъ вопросъ однакожъ требуетъ изслѣдованія. Для насъ величайшее созданіе Пушкина — его „Каменный Гость“. Но какое содержаніе этого произведенія? Оно родилось въ Испаніи и взлелѣяно ею; его произ-

водилъ великій Моцартъ въ музыкѣ, великій Байронъ въ поэзіи. Русскій поэтъ воспроизвелъ его чуть ли еще не глубже и не глубже Байрона; по его великое созданіе — какое оно? — *европейское*. Будь Анахарсисъ великимъ поэтомъ, какъ Эсхилъ, — онъ создалъ бы „Прометея“, мифъ греческій, плодъ греческаго міросозерцанія, но твореніе было бы обще-человѣческое, и его оцѣнили бы Греки, а Скифы даже и не узнали бы о его существованіи. Съ этой же точки смотримъ мы на „Бахчисарайскій Фонтанъ“, „Цыганъ“, „Скупого Рыцаря“, „Моцарта и Сальери“, „Египетскія ночи“, и пр.: все это созданія великія, міровыя и чисто европейскія; но какому народу, какому вѣку принадлежатъ они? — Человѣчеству и вѣчности!.. Что такое, напримѣръ, Байронъ и Шиллеръ? Первый выразилъ собою переходъ отъ одного вѣка къ другому, другой былъ провозвѣстникомъ новаго вѣка. Тотъ и другой занимаютъ извѣстное и опредѣленное мѣсто во всемірно-историческомъ развитіи чело-вѣчества, и ни тотъ, ни другой не могъ бы явиться въ другое время, а если бъ и явился, то его поэзія носила бы на себѣ другой характеръ, выразила бы другую мысль, другое содержаніе. Поэзія Байрона — это вопль страданія, это жалоба, но жалоба гордая, которая скорѣе даетъ, чѣмъ проситъ, скорѣе снисходитъ, чѣмъ умоляетъ; это Прометей, прикованный къ Кавказу; это личность чело-вѣческая, возмущившаяся противъ общаго, и, въ гордомъ возстаніи своемъ, опершаяся на самоё себя. Отсюда эта исполинская сила, эта непреклонная гордыня, этотъ могучій стоицизмъ, когда дѣло касается до общаго, — и эта грустная любовь, эта кроткая задумчивость, эта нѣжность и мягкость при обращеніи къ несправедливо отягощенной страданіемъ личности. Шиллеръ адвокатъ чело-вѣчества, но полный любви и довѣренности къ общему, провозвѣстникъ высокихъ истинъ, голосъ, сзывающій братьевъ по чело-вѣчеству отъ земли къ небу, органъ неистощимой любви къ чело-вѣчеству; подобно Байрону, онъ весь въ созерцаніи правъ личнаго чело-вѣка, индивидуума, противъ эгоизма, общества, предрассудковъ и темныхъ, непросвѣтленныхъ разумнымъ сознаніемъ вѣроманій; но онъ полонъ любви и очарованія, полонъ надеждъ; его поэзія — явно моментъ, предшествующій поэзіи Байрона, и онъ выразилъ его въ духѣ своей націи. Оба они стоятъ на прагѣ, раздѣляющемъ XVIII вѣкъ отъ XIX-го, и для обоихъ нѣтъ другого мѣста, другого момента времени. Поэзія того и другого — страница изъ исторіи чело-вѣчества: вырвете ее — и цѣлость исторіи исчезла; останется пробѣлъ, ничѣмъ незамѣнимый. Гдѣ же

мѣсто Пушкина? какую страницу исторіи заняла его поэзія?... Не менѣ Байрона и Шиллера великий, отъ тѣмъ не менѣ могъ не быть, какъ и былъ,—и въ исторіи человечества отъ этого не сдѣлалось бы ни малѣйшаго пробѣла. Явленіе міровое и великое по своей творческой силѣ, оныя—*человѣкъ*, приобщившійся, по праву человѣческой природы, а не по историческому праву, человѣческихъ интересовъ, усвоившій ихъ себѣ и вплоть воспользовавшійся ими, какъ готовымъ содержаніемъ для своего исполненнаго гения... Здѣсь оныя еще не видно собственно русской литературы...

Но Пушкинъ былъ въ то же время и поэтъ русскій по преимуществу, однакожь, не въ „Полтавѣ“ и не въ „Борисѣ Годуновѣ“, въ которыхъ сама исторія дала ему готовое содержаніе и готовое міросозерцаніе, а въ „Евгеніи Онегинѣ“. Здѣсь оныя исчерпала до дна современную русскую жизнь, но—Боже мой!—какое это грустное произведеніе!.. Въ немъ жизнь является въ противорѣчій съ самой собою, лишенною всякой субстанціональной силы. Герой поэмы—Онегинъ, человѣкъ, чувствующій свое превосходство надъ толпою, рожденный съ большими силами души, но въ тридцать лѣтъ уже безжизненный, отцвѣтшій, чуждый всякихъ интересовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неспособный войти въ общую колею пошлой жизни, равно зѣвующій „среди модныхъ и старинныхъ залъ“... Въ концѣ романа оныя воскресаетъ къ жизни, ибо въ немъ воскресаетъ желаніе, но потому только, что оно невыполнимо,—и романъ оканчивается *ничѣмъ*. Героиня его, Татьяна, и второстепенное лицо Ленскій—чуждые, прекрасные человѣческіе образы, благороднѣйшія натуры; но уже по этому самому они чужды всего остального міра окружающихъ ихъ людей, связаны съ ними только внѣшними узами: между своими—они какъ будто между врагами, у себя дома—какъ будто въ неприятельскомъ станѣ; они—явленія отдѣльныя, исключительныя и какъ бы случайныя, какъ великіе таланты въ русской литературѣ... Окружающая ихъ дѣйствительность ужасна—и они гибнутъ ея жертвою, и тѣмъ скорѣе, что не понимаютъ, подобно Онегину, ея значеніе и довѣрчивы къ ней... Весь этотъ романъ—поэма несбыточныхъ надеждъ, недостигающихъ стремленій,—и будь въ ней то, что люди непонимающіе дѣла называютъ планомъ, полнотою и оконченностію,—она не была бы великимъ созданіемъ великаго поэта, и Русь не заучила бы ея наизусть... Это приводитъ насъ на память другое русское созданіе—„Невскій Проспектъ“ Гоголя, въ которомъ художникъ Пискаревъ погибъ жертвою сво-

его перваго столкновенія съ дѣйствительностію, а подпоручикъ Пироговъ, поѣхавши въ кондитерской сладкихъ пирожковъ и почтавши „Пчелки“, забылъ о мщеніи за кровную обиду..

Вотъ гдѣ видно только начало русской литературы, но еще не русская литература. Она только-что начинается, но ея еще нѣтъ,—и начинается она съ Пушкина, а до него рѣшительно не было русской литературы; вмѣсто нея была словесность—рядъ отдѣльных, ничѣмъ несвязанныхъ между собою явленій, вышедшихъ не изъ родной почвы русскаго духа, а изъ подражанія чужимъ образцамъ..

Не знаемъ, какъ покажется читателямъ нашъ взглядъ на русскую литературу; но что касается до насъ собственно—по пословицѣ: „что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“—мы и тому рады, что постарались рѣшить вопросъ ко взаимному удовольствію обѣихъ сторонъ—и той, которая не признаетъ существованія русской литературы, и той, которая держится за нее обѣими руками. Да, мы такъ этому рады, что продолжимъ наши доказательства, но теперь уже чисто практическими фактами, чтобъ всякій, имѣющій глаза, могъ видѣть.

Литература не можетъ существовать безъ публики, какъ и публика безъ литературы: это фактъ, столь же неоспоримый, какъ и почтенная истина, что дважды два—четыре. А есть ли у насъ публика?... Прежде, чѣмъ рѣшимъ этотъ вопросъ, опредѣлимъ сперва, что такое публика. Если подъ этимъ словомъ разумѣется извѣстное число людей, читающихъ и покупающихъ книги, то, конечно, и у насъ есть публика, хотя и небольшая относительно всей массы народонаселенія, точно такъ же, какъ если подъ „литературою“ должно разумѣть извѣстное количество печатныхъ книгъ, то у насъ есть литература, хотя и небольшая. Жители провинцій,—и это, право, почтенные люди,—пріѣзжая по дѣламъ въ Петербургъ или Москву, между другими, болѣе важными вещами, гостинцами для женъ, дочерей и сыновей, покупаютъ и книги; на макарьевской ярмаркѣ, дѣлая годовыя закупки чая, кофе, сахара и прочаго домашняго обихода, они запасаются и книгами. Журналы наши находятъ себѣ подписчиковъ, и даже очень много: у одного журнала, говорятъ, было ихъ нѣкогда—давно ужъ—около пяти тысячъ ¹⁾. Итакъ, у насъ есть публика!.. Но нѣкоторые подъ „публикою“ разумѣютъ другую сторону одного и того же народа, сознающаго себя въ литературѣ,—сторону, которая въ созданіяхъ пишущей стороны

¹⁾ У „Библіотеки для Чтенія“; см. выше стр. 259.

находить свой же собственный духъ, свою же собственную жизнь. По этому мѣнѣю, котораго и мы придерживаемся, публика находится въ живомъ соотношеніи съ своими писателями: тѣ—производители, она—потребитель; тѣ—актеры, она—зрители, награждающіе актеровъ своимъ сочувствіемъ, своими восторгами. Литература есть ея сокровище, ея добро: она судитъ о ея произведеніяхъ, назначаетъ имъ цѣну, не даетъ возвышаться жалкой посредственности, ни глохнуть въ забвеніи истинному таланту. Для публики занятіе литературою не есть отдохновеніе отъ заботъ жизни, не сладкая дремота въ эластическихъ креслахъ послѣ жирнаго обѣда, за чашкою кофе, — нѣтъ, занятіе литературою для нея *res publica*, дѣло общественное, великое, важное, источникъ высокаго нравственнаго наслажденія, живыхъ восторговъ. Несмотря на безконечное множество лицъ, составляющихъ публику, она сама есть нѣчто единое, единичная живая личность, исторически развившаяся, съ извѣстнымъ направленіемъ, вкусомъ, взглядомъ на вещи. Поэтому, публика видитъ въ литературѣ *свое*, плоть отъ плоти своей, кость отъ костей своихъ, а не что-нибудь чуждое, случайно наполнившее собою извѣстное число книгъ и журналовъ. Гдѣ есть публика, тамъ писатели выговариваютъ народное содержаніе, вытекающее изъ народнаго міросозерцанія, а публика, своимъ участіемъ, выраженіемъ своего восторга или неудовольствія показываетъ, до какой степени тотъ или другой писатель достигъ въ своемъ твореніи этой высокой цѣли. Гдѣ есть публика, тамъ есть и общественное мнѣніе, опредѣленно произнесенное, есть родъ непосредственной критики, которая отдѣляетъ пшеницу отъ плевелъ, награждаетъ истинное достоинство, наказываетъ жалкую бездарность или дерзкое шарлатанство. Публика есть высшее судилище, высшій трибуналъ для литературы. Мы не будемъ говорить, есть ли у насъ публика, или до какой степени она есть у насъ, но представимъ нѣсколько фактовъ, и старыхъ и новыхъ, по которымъ пусть всякій дѣлаетъ какое ему угодно заключеніе. У насъ былъ журналъ ¹⁾, старавшійся знакомить насъ съ современною Европою, распространявшій мысль о движеніи мысли по закону смѣненія стараго новымъ, объ отсталости и устарѣлости всего, что не слѣдитъ за успѣхами ума человѣческаго во времени. Вѣрный своему направленію, этотъ журналъ много пустилъ въ оборотъ дѣльныхъ понятій, много уничтожилъ незаслуженныхъ авторитетовъ, еще больше уничтожилъ заплѣсневѣлыхъ убѣжденій, лите-

ратурныхъ предразсудковъ, убилъ наповаль вліяніе на нашу литературу французскаго псевдо-классицизма. Большое дѣло было имъ сдѣлано! Правда, его заслуга была отрицательная: онъ много уничтожилъ дурного, и ничего не утвердилъ хорошаго; его призваніе было — разрушать, а не созидать, но если вы на мѣстѣ стараго, безобразнаго дома хотите выстроить новый и красивый — вамъ нельзя будетъ сдѣлать этого, если не сломаете стараго, а это трудъ не малый! И вотъ журналъ, о которомъ мы говоримъ, кончилъ свое дѣло вполне, такъ что ужъ сталъ повторять самого себя; не говоря ничего новаго, началъ становиться самъ въ ряды отсталыхъ, благодаря быстрому ходу и движенію всего новаго. Наконецъ, онъ прекратился. Надо сказать, что публика наша оцѣнила его, отличивъ его отъ другихъ: онъ былъ исключительнымъ ея любимцемъ, и у него доходило иногда, какъ говорятъ, до 1500, и никогда не бывало меньше 1200 подписчиковъ, въ то время, какъ его собратіи довольствовались и тремястами, а при шестистахъ подписчикахъ считали себя богачами и счастливыми... Вдругъ на его мѣсто является другой журналъ ¹⁾, и благодаря ловкой программѣ, оборотливости книгопродавца и содѣйствію пріятельской газеты, пріобрѣтаетъ вдругъ около 5000 подписчиковъ. Чтò же?—все думаютъ, что это будетъ журналъ съ мнѣніемъ, направленіемъ, что онъ пойдетъ дальше своего предшественника, будетъ высказывать что-нибудь положительное, будетъ зрѣлѣе, основательнѣе, глубже, словомъ—начнетъ съ того, на чемъ остановился его предшественникъ... Ничего не бывало! Новый журналъ дебютировалъ слѣдующими глубоко-философскими идеями: изящное не существуетъ само по себѣ, какъ абсолютная сущность, но есть понятіе относительное, которое основывается на личномъ ощущеніи всѣхъ и cadaго и выражается формулою: это хорошо, потому что мнѣ нравится, и это дурно, потому что мнѣ не нравится. Вотъ чтò называется идти съ вѣкомъ наравнѣ! Вотъ истинный шагъ впередъ!... Но этимъ проказа не кончилась: журналъ простеръ несравненно далѣе свое „изволятъ потѣшаться надъ публикою“. Онъ вдругъ провозгласилъ, что прогрессъ чело-вѣчества—вздоръ, что, слѣдовательно, исторія — тоже вздоръ; что разумъ — просто надуетъ чело-вѣчество; что знаніе невозможно, наука и ученье — ни къ чему не ведутъ; что историческіе романы Вальтера Скотта — плодъ незаконнаго совокупленія исторіи съ поэзіею, и пр. и пр. Вслѣдствіе всѣхъ сихъ мудрыхъ правилъ, этотъ журналъ поставилъ

¹⁾ „Московскій Телеграфъ“ Полевого.

¹⁾ „Библиотекка для Чтенія“ Сенковского.

на одну доску великаго Гёте съ господиномъ Кукольниковъ, упалъ передъ обоими ими на колѣни и, закрывъ глаза, въ восторгѣ началъ кричать: „Великій Гёте! Великій Кукольник!“ Это было сдѣлано имъ при разборѣ „Торквато Тассо“, произведенія г. Кукольника, отличавшагося нѣсколькими довольно удачными стихами и теперь совершенно забытаго ¹⁾. Вѣстѣ съ произведеніями Пушкина, Жуковского, князя Одоевскаго этотъ журналъ началъ печатать повѣстцы извѣстнаго рода *веселаго* содержанія, и стишки разныхъ господъ, неумѣвшихъ даже наизовъвать риомы. Не довольствуясь этимъ, онъ постоянно, съ какою-то систематическою разсчетливостію сталъ преслѣдовать все, въ чемъ есть хоть сколько-нибудь таланта и покровительствовать всему, что отличалось бездарностію или посредственностію. И что же? публика тотчасъ увидѣла, что надъ нею „изволятъ потѣшаться“, что ее „надувають“ за ея же деньги, и—перестала подписываться на этотъ журналъ?... Какъ бы не такъ! Несмотря на то, что съ обертки этого журнала, на другой же годъ его существованія, слетѣли всѣ блестящія имена, заманившія публику, несмотря на то, что всѣ литературныя знаменитости печатно отказались отъ участія въ изданіи,—публика російская продолжала восхищаться имъ около пяти лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока не заучили наизусть его милыхъ остротъ и пока онъ не пачалъ, истощивъ весь запасъ своего остроумія, повторять самого себя и потчевать ее „раздирательными“ остротами, за неимѣніемъ лучшихъ... Вотъ вамъ и публика!... Публика прочла Державина, Крылова, Батюшкова, Жуковского, заучила наизусть всего Пушкина, не говоря уже о Баратынскомъ, Козловѣ, Веневитиновѣ, Полежаевѣ, Языковѣ, Подолинскомъ и многихъ другихъ: надо было ожидать, что ея вниманіе можетъ обратить на себя только что-нибудь необыкновенное, а возбудить восторгъ только что-нибудь великое... И что же? она не только пришла въ восторгъ отъ умныхъ, но чуждыхъ вдохновенія и поэтической жизни драмъ довольно извѣстнаго въ журнальномъ мірѣ драматиста, но даже повѣрила кому-то, сказавшему ей, что г. NN—великій поэтъ, выше и Жуковского и Пушкина! Конечно, въ стихотвореніяхъ г. NN проблескивали иногда искорки дарованія, но, во-первыхъ, дарованія чисто внѣшняго, ограниченнаго, а во-вторыхъ, поэтическія искры его свѣтились сквозь глыбы дикихъ изысканныхъ и безвкусныхъ фразъ и образовъ,—и этимъ ли талантомъ было восхищаться при Пушкинѣ!.. Вотъ, едва прошло пять лѣтъ,—и стихи

г. NN не только не хвалить, даже и не бранять... ¹⁾ Дѣти мы, дѣти! намъ надо еще не изыщныхъ созданій Рафаэля, а игрушекъ съ яркими красными цвѣтами, съ блестящею позолотою!...

Тамъ, гдѣ есть публика, слова „литераторъ“ и „критикъ“ имѣютъ опредѣленное значеніе, и не присвоиваются себѣ всякимъ, кто только захочетъ, но приписываются только заслугѣ и достоинству. Тамъ нельзя провозгласить себя знаменитымъ писателемъ, опекуномъ языка и любимцемъ публики за нѣсколько жалкихъ сочиненій, въ которыхъ видна рутина и бездарность, и еще за постоянное двадцатипятилѣтнее маранье писчей и корректурной бумаги. Тамъ освистали бы за громкое титуло „критика“, самовольно присвоиваемое человѣкомъ, который признается печатно ²⁾, что не только не понимаетъ, почему Гёте называютъ великимъ гениемъ, но даже почему почитаютъ его и просто поэтомъ, а не безталантнымъ писателемъ ³⁾,—или который называетъ печатно плохимъ романомъ „Патфайндера“ Купера, это гениальное произведеніе, какимъ только ознаменовалась, послѣ Шекспира, творческая дѣятельность ⁴⁾,—или который утверждаетъ, что „Каменный Гость“, это высшее, художественнѣйшее созданіе Пушкина, замѣчательно только гладкими стихами ⁵⁾;—или который силится увѣрить весь свѣтъ, что вся заслуга Пушкина, какъ поэта, состоитъ въ усовершенствованіи версификаціи и легкой, игривой формѣ, способной увлекать только легкомысленныхъ людей ⁶⁾,—или который кричитъ, что Гоголь—забавный писатель, вѣрно списывающій съ натуры, что его „Ревизоръ“ рядъ смѣшныхъ каррикатуръ, а не комедія, проникнутая глубокимъ юморомъ и ужасающая своею вѣрностію дѣйствительности! ⁷⁾,—или который объявляетъ во всеуслышаніе, что „Горе отъ Ума“, это благороднѣйшее созданіе гениальнаго человѣка, ниже „Недовольныхъ“, плохой комедіи г. Загоскина ⁸⁾;—или который клянется, что Лермонтовъ пишетъ плохіе стихи;—или который утверждаетъ, что стихи годны только для сбыта вздорныхъ и нелѣпныхъ мыслей, которыя уважаются читателями только за риому, и что дѣльныя мысли должно беречь для прозы... ⁹⁾. За подобный

¹⁾ NN—вѣроятно или Кукольникъ или Тимофеевъ, о которыхъ см. наши примѣчанія на стр. 517-й.

²⁾ Все послѣдующее—о Сенковскомъ, Булгаринѣ и Полевомъ.

³⁾ Сенковский.

⁴⁾ Сенковский.

⁵⁾ Полевой; см. выше прим. на стр. 602-ой.

⁶⁾ Булгаринъ.

⁷⁾ Полевой; см. наши примѣчанія къ статьѣ № 20.

⁸⁾ См. наше примѣчаніе на стр. 617-ой.

⁹⁾ Сенковский; см. выше послѣднее примѣчаніе въ статьѣ № 25, стр. 988.

¹⁾ См. выше наше примѣчаніе на стр. 173—174.

образъ мыслей, печатно выражаемый, всѣхъ этихъ quasi-критиковъ или, лучше сказать—*критикановъ*, публика—только будь она—отвергла бы. Гдѣ есть публика, тамъ не будутъ вѣрить человѣку, который собственными сочиненіями всего лучше показалъ и доказалъ, что его душа чужда поэзіи, что въ его натурѣ не лежитъ никакого созерцанія поэзіи, какъ въ натурѣ глухого не лежитъ никакого созерцанія музыки, а въ натурѣ слѣпого—никакого созерцанія живописи. Еще менѣе стануть тамъ вѣрить человѣку, который въ одно и то же время, въ одной и той же газетѣ пишетъ объ одной и той же книгѣ, объ одномъ и томъ же авторѣ и pro и contra, который, наиримѣрь, въ одномъ номерѣ своего листка кричитъ, что драма его пріятеля—геніальное созданіе, достойное Шиллера, а черезъ два дня, въ той же газетѣ, объявляетъ, чтобы касательно оной драмы *сего* сочинителя ему не вѣрили, ибо де онъ написалъ объ ея достоинствахъ, увлекаясь кумовствомъ и „*camaraderie*“¹⁾. Словомъ, гдѣ есть публика,—тамъ уже нѣтъ мѣста господамъ Выбойкинымъ, Пройдохинымъ, Тряпичкинымъ, Задариннымъ.

„Вотъ прекрасно!“—воскликнетъ иной подмѣчатель чужихъ недомолвокъ, обмолвокъ и промаховъ:—„вотъ прекрасно! Стало-быть, у насъ нѣтъ совсѣмъ публики, а только одна толпа?“ Погодите, милостивые государи, умныхъ людей вездѣ меньше дюжинныхъ, но тѣмъ не менѣе умные люди есть вездѣ: такъ имъ ли не быть въ Россіи, этой землѣ юной и мощной, кипящей умами и талантами? Но въ томъ-то и состоитъ отличіе нашего теперешняго образованія, что у насъ все разсѣяно, все особно, все врозь, все въ смѣси. Вотъ юноша, изучающій Гегеля—сынъ отца, незнающаго грамоты; вотъ профессоръ, который дальше схоластическихъ реторикъ не пускался въ бездну премудрости, а его молодой товарищъ даже ужъ и не смѣется надъ реториками, но краснорѣчиво умалчиваетъ о ихъ существованіи, и т. д. Посмотрите на наше общество, какая калейдоскопическая пестрота! На иномъ вечерѣ увидишь и модный фракъ, и венгерку, и архалукъ, и длиннополый сюртукъ съ рыжею бородкою—

Какая смѣсь одеждъ и лицъ.
Племень, нарѣчій, состояній!

У насъ есть люди и умные отъ природы, и европейски-образованные, и при томъ въ такомъ количествѣ, что могли бы составить собою „публику“, да то бѣда, что они раз-

сѣяны по безконечному пространству необъятной Россіи,—и потому они одиноки во множествѣ, потеряны въ толпѣ; благородные голоса ихъ заглушаются нестройнымъ крикомъ и жужжаніемъ толпы, и не могутъ составить общаго, гармоническаго хора, который бы надъ всѣмъ властвовалъ и всему давалъ тонъ. Они одиноки среди поглотившей ихъ толпы, какъ великіе таланты среди литераторовъ и сочинителей. Но справедливость велитъ замѣтить, что и тутъ не безъ исключенія изъ общаго правила. Если у насъ еще и доселѣ существуютъ люди, которые благоговѣютъ передъ именами Сумароковыхъ, Херасковыхъ и Петровыхъ, то еще гораздо больше людей, которые послѣ Жуковского, Батюшкова и Пушкина утратили способность восхищаться даже Державиннымъ и Озеровымъ... Если толпа расхватала романы гг. Булгарина, Греча, Зогова, это не помѣшало же таланту Лажечникова быть оцѣненнымъ по достоинству, хотя Лажечниковъ и не издавалъ газеты, въ которой могъ бы хвалить самого себя... Если чуть-чуть не раскупили всего изданія сочиненій Марлинскаго, зато теперь трудно найти въ какой угодно книжной лавкѣ „Вечеровъ на Хуторѣ“ второго изданія, „Арабесокъ“, „Миргорода“ и „Ревизора“ Гоголя. А успѣхъ Пушкина, котораго каждый ненапечатанный стихъ принимался какъ ассигнація или вексель, и котораго творенія—богатое наслѣдство для его семейства?.. А „Горе отъ Ума“, еще въ рукописи выученное наизусть нѣсколькими поколѣніями?.. А между тѣмъ... но что бы мы ни сказали *за* или *противъ* этого пункта, все само собою приведется къ одному общему знаменателю: у насъ есть возможность публики, и со временъ Пушкина даже замѣтно начало зародышъ литературной публики; но у насъ еще литературной публики въ собственномъ и обширномъ значеніи этого слова нѣтъ. Перейдите отъ публики снова къ литературѣ—и увидите то же самое зрѣлище. Вопросъ о публикѣ рѣшаетъ вопросъ о литературѣ, и наоборотъ.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы вопросъ „есть ли у насъ литература?“ не казался страннымъ. По крайней мѣрѣ, отнынѣ всѣ возгласы о богатствѣ нашей литературы, о ея равенствѣ со всѣми европейскими литературами, даже о превосходствѣ надъ ними должны считаться или болтовнею, или бредомъ тщеславія, помѣшавшагося на своемъ мнимомъ достоинствѣ. Извѣстное и даже значительное число превосходныхъ художественныхъ произведеній не можетъ составить литературы: литература есть нѣчто цѣлое, индивидуальное; части ея сочленены между собою органически; самыя разно-

¹⁾ Извѣстный въ то время случай съ Булгаринымъ и съ его отзывомъ объ „Уголио“ Полевого: см. объ этомъ наше примѣчаніе къ восьмой изъ замѣтокъ статьи № 42, а также статью № 59.

образныя явленія ея находятся во взаимномъ другъ съ другомъ соотношеніи. Несмотря на всю неизмѣримость пространства, отдѣляющаго Вальтера Скотта отъ какого-нибудь Диккенса ¹⁾ или Марриета, вы видите въ нихъ нѣчто общее, и это общее есть—британская національность. Между Вальтеромъ Скоттомъ съ одной стороны и Диккенсомъ и Марриетомъ съ другой—сколько примѣчательныхъ талантовъ, большею частію совершенно неизвѣстныхъ у насъ на поприщѣ романистики! Подлѣ громаднаго генія Байрона блестятъ могучіе и роскошныя таланты Томаса Мура, Уорсуорта, Сутея, Купера и многихъ другихъ. И у насъ, назадъ тому двадцать лѣтъ, вышелъ было могучій атлетъ съ дружиною замѣчательныхъ, хотя и ставшихъ отъ него на неизмѣримомъ разстояніи талантовъ; но теперь, кажется, литературной дѣятельности суждено проявляться въ отдѣльных лицахъ, одиноко дѣйствующихъ и съ остальнымъ пишущимъ міромъ не имѣющихъ никакого соотношенія, ничего общаго... Съ 1832 по 1836 годъ писалъ Гоголь, и есть ли у насъ до сихъ поръ хоть что-нибудь, чтó, напоминая его, отличалось бы примѣчательнымъ талантомъ? Теперь Лермонтовъ и... никто, совершенно никто, если исключить два-три таланта, гораздо прежде его явившіеся и продолжающіе развиваться въ своей собственной и уже опредѣлившейся сферѣ. И посмотрите, какъ сонно тянется, а не развивается, то небольшое, совокупность чего называется у насъ литературою! Умеръ Пушкинъ—и мы до сихъ поръ еще не имѣемъ полного собранія его сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя еще нигдѣ и не были напечатаны!.. Въ 1832 году Гоголь издалъ свои „Вечера на Хуторѣ“, въ 1835 свои „Арабески“ и „Миргородъ“, въ 1836 „Ревизора“; потомъ напечаталъ въ „Современникѣ“ сцену изъ комедіи, „Коляску“ и „Носъ“,—да съ тѣхъ поръ—ни слова... Лермонтовъ еще напечаталъ только одинъ романъ и небольшую книжку стихотвореній. Такъ ли проявлялась первая дѣятельность у европейскихъ писателей? Изъ нашихъ лучшихъ писателей Пушкинъ написалъ едва-ли не больше всѣхъ; но все написанное имъ, собранное въ одну книгу, едва-ли сравнится (разумѣется, величиною книги) только съ поэмами Вальтера Скотта, собранными въ одну книгу,—съ поэмами, которыя составляютъ его второе, не столь важное,

какъ романы, право на славу, и которыя, несмотря на все высокое поэтическое свое достоинство, принадлежатъ къ второстепеннымъ или третьестепеннымъ сокровищамъ музея національной поэзіи; эти поэмы представляютъ собою уже роскошь, избытокъ необъятно богатой литературы... Но если Пушкинъ дѣлалъ слишкомъ мало, въ сравненіи съ неистощимыми средствами своего плодovitаго генія,—нѣтъ сомнѣнія, что онъ чрезвычайно много сдѣлалъ бы, если бы преждевременная смерть вмѣстѣ съ жизнію не прекратила и его дѣятельности; оставшіяся послѣ смерти его произведенія показываютъ, что геній его еще только вступилъ въ апогею своей дѣятельности. и что, дѣйствуя онъ еще хоть десять лѣтъ—компактное изданіе его сочиненій не уступило бы въ объемѣ этимъ огромнымъ, тяжелымъ книгамъ, въ два столбца мелкой печати, въ которыя собраны творенія Шекспира, Байрона, Гёте и Шиллера. Но другіе?.. Воля ваша, у насъ авторство—какая-то тяжелая, медленная и напряженная работа! Вотъ, на примѣръ, Лажечниковъ: какой богатый талантъ, какая страстная натура, какое горячее сердце, какая благородная, возвышенная душа отпечатлѣвается въ его романахъ! Сколько пользы русскому обществу могутъ приносить они, внося въ его жизнь идеальные элементы, побуждая гуманическимъ началомъ прозаическую черствость его нравовъ! И чтó же—въ *десять* лѣтъ только *три* романа!.. И добро бы еще это было вслѣдствіе неуспѣха, холоднаго пріема со стороны публики первыхъ романовъ Лажечникова; нѣтъ, первыя изданія „Новика“ и „Ледяного Дома“ были не раскуплены, а расхватапы, и скоро потребовались вторыя изданія обоихъ романовъ. Чтó ни напиши теперь Лажечниковъ—все будетъ имѣть большой успѣхъ... Между молодыми людьми нѣкоторые обнаружили, или обнаруживаютъ, въ большей или меньшей степени, значительные таланты въ повѣствовательномъ родѣ, и чтó же? — Написавъ повѣсть и ожививъ ею на мѣсяцъ нашу мертвую литературу, или издавъ двѣ-три повѣсти отдѣльною книжкою, каждый изъ нихъ уже и самъ не знаетъ, когда онъ напишетъ еще повѣсть, или издастъ еще книжку... Одна изъ тѣхъ повѣстей, которыя у cadaго англійскаго, нѣмецкаго и особенно французскаго пувеллиста являются вдругъ десятками, наполняютъ собою и журналы, и альманахи, и отдѣльно издаваемая книги,—у насъ геркулесовскій подвигъ, великое дѣло,—и наконецъ мы дошли до того, что журналъ, который не хочетъ пятнать своихъ чистыхъ страницъ дюжинными произведеніями посредственности, видитъ невозможность пред-

¹⁾ Впослѣдствіи Бѣлинскій ставилъ Диккенса очень высоко: впервые онъ назвалъ его „первымъ романистомъ Англіи“ въ статьѣ „Русская литература въ 1843 году“—см. тамъ наше примѣчаніе; ср. также отзывы о Диккенсѣ въ позднѣйшихъ статьяхъ Бѣлинскаго и отзывы въ письмахъ Бѣлинскаго къ Боткину отъ 8 марта и отъ декабря 1847 года.

ставлять своимъ читателямъ въ каждой изъ двѣнадцати книжекъ своихъ по двѣ, или даже по одной оригинальной повѣсти... тогда какъ французскіе журналы и даже газеты набиты оригинальными повѣстями...

Но если мы взглянемъ на другую сторону предмета, то увидимъ, что и самая посредственность у насъ бесплодна, — посредственность, которая, приходясь по плечу толпѣ, успѣвала иногда приобрѣтать успѣхи, свойственные только таланту и генію. Иной „сочинитель“ приобрѣлъ себѣ своими суздальскими картинами нравовъ, выдаваемыми имъ за романы, и извѣстность, и „денегъ малую толику“, что же? — вы думаете, увидѣвъ выгодную для себя отрасль промышленности въ романописаніи, онъ напекъ цѣлые десятки и сотни романовъ, которые ему такъ легко печь, благодаря обилію мусорныхъ матеріаловъ и топорной обдѣлкѣ? Нѣтъ, онъ напекъ ихъ всего-на-все какой-нибудь *пятокъ* въ продолженіе цѣлыхъ *пятнадцати лѣтъ*... Другой всего-на-все только пару... ¹⁾ Передъ всѣми ими посчастливилось одному „Милорду Англинскому“, который вотъ ужъ лѣтъ шестьдесятъ каждый годъ выходитъ новымъ изданіемъ, къ несказанному утѣшенію своихъ читателей и почитателей... Иной сплеча отмахивается драмы и водевили: всѣ дивятся легкости, съ какою онъ ихъ стряпаетъ, а повѣрьте — дѣло выйдетъ, что онъ въ три года настряпалъ не больше двухъ десятковъ... чего же? — такихъ тощихъ и такихъ бездарныхъ вещицъ, которыя ниже всякой возможной посредственности, и которыхъ цѣлую сотню легко наготовить въ одинъ мѣсяцъ ²⁾... О, литература!..

Заведите съ кѣмъ угодно споръ о причинахъ этой бесплодности, — вы всегда услышите одно и то же: производители обвиняютъ потребителей, а публика авторовъ и сочинителей. Та и другая сторона совершенно справедливы въ своихъ доказательствахъ, равно какъ совершенно справедливъ и тотъ, кто сказалъ бы, что некому и не на кого жаловаться, потому что и то и другое, т.-е. и наши авторы и наша литературная публика — существованія проблематическія, а не положительныя, что-то такое, о чемъ нельзя сказать ни того, чтобъ его совершенно не было, ни того, чтобъ оно и было дѣйствительно. Слѣдовательно, причина не въ авторахъ и не въ публикѣ, потому что они сами только результаты другой, болѣе общей причины. Многіе обвиняли нашу литературу въ томъ, что она не сближается съ обществомъ, а рисуетъ какіе-то, нигдѣ не существующіе образы, выдавая ихъ за портреты общества:

Съ кого они портреты пишутъ?

Гдѣ разговоры эти слышутъ?

А если и случилось имъ,

Такъ мы ихъ слышать не хотимъ, —

сказалъ поэтъ, и сказалъ великую правду, хотя и не разрѣшилъ этимъ вопроса. Въ XI-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ прошлаго года напечатана статья почтеннаго *титularнаго совѣтника въ отставку* Плакуна-Горюнова ¹⁾: „Записки для моего праправнука о русской литературѣ“. Въ ней авторъ очень основательно, оригинально и сильно обвиняетъ нашу литературу въ ея постоянной стрѣльбѣ мимо цѣли, когда она берется за изображеніе общества, особенно высшаго; но въ то же время прибавляетъ, что наши гостиныя — родъ Китая, царство апатіи. Это напоминаетъ великое слово Пушкина, что „сущность гостиной состоитъ въ томъ, что въ ней всѣ стараются быть ничтожными съ приличіемъ и достоинствомъ“. Гдѣ жъ вина литературы, если она не находитъ для своихъ портретовъ оригинальныхъ лицъ съ отпечаткомъ внутренней жизни? Литература должна быть выраженіемъ жизни общества, и общество ей, а не она обществу даетъ жизнь. Нападая на нее, не надо быть и несправедливымъ къ ней: посмотрите, какъ иногда крѣпко вливается она въ общество, словно дитя всасывается въ грудь своей матери, — и ея ли вина, если съ перваго слабого усилія она высасываетъ все молоко изъ этой бесплодной груди... Недостатокъ внутренней жизни, недостатокъ жизненнаго содержанія, отсутствіе міросозерцанія — вотъ причина... Гдѣ нѣтъ внутреннихъ, духовныхъ интересовъ, внутренней, сокровенной игры и переливовъ жизни, гдѣ все поглощено внѣшнею, матеріальною жизнію, — тамъ нѣтъ почвы для литературы, нѣтъ соковъ для питанія; тамъ остается только, какъ дѣлывали Ломоносовъ, Петровъ, Херасковъ и Державинъ, писать громкія оды, или, какъ это было лѣтъ десять назадъ, писать только элегіи — эти жалобные вопли разочарованія, эти грустные звуки жажды жизни, которая не находитъ себѣ ни удовлетворенія, ни исхода, и томится среди окружающей ее внутренней безжизненности...

Кончивъ съ литературою, обратимся опять къ публикѣ. Какое это неопредѣленное слово — „публика“! Что это такое? Собраніе людей, которые съ сентября до марта каждаго года покупаютъ книги и подписываются на журналы, а въ остальное время

¹⁾ Подъ этимъ псевдонимомъ скрытъ себя кн. В. Одоевскій: хотя указанной статьи и нѣтъ въ его трехтомномъ (крайне неполномъ) собраніи сочиненій, однако она несомнѣнно принадлежитъ его перу, такъ какъ — по указанію П. Н. Сакулина — черновикъ этой статьи имѣется въ переплетѣ № 9 изъ бумагъ кн. В. Одоевскаго, находящихся въ Публичной Библиотекѣ.

¹⁾ Бѣлинскій имѣетъ въ виду Булгарина и Греча.

²⁾ Намеки на Полевого; см. статью № 19.

года, на досугѣ, читають купленное? Говорятъ, наша публика больше всего требуетъ отъ журналовъ критики. Справедливо ли это? Да—отчасти, потому что больше всего любить она сказочки легкаго и веселаго содержания; да стишки, не слишкомъ хорошіе, не слишкомъ плохіе, такъ, чтобы была середка на половинѣ, а послѣ ихъ — и критику. Но что разумѣють у насъ подъ словомъ „критика“? Статью, въ которой „славно отдѣлали“ того или другого; статью, въ которой авторъ много наговорилъ, ничего не сказавъ, и если наговорилъ плавно, легко и такъ гладко, что нельзя споткнуться на мысли, не надъ чѣмъ задуматься и подумать, то критика хоть куда! Появляется въ журналѣ статья — плодъ глубокаго убѣжденія, горячаго чувства, выраженіе тѣхъ внутреннихъ духовныхъ интересовъ, которые занимають все существо человѣка наяву, тревожатъ его сонъ, отрываютъ его отъ выгодъ внѣшней жизни, отъ заботъ о своемъ житейскомъ благосостояніи, заставляютъ его приносить въ жертву всю свою жизнь, всѣ удобства въ настоящемъ, всѣ надежды въ будущемъ; въ статьѣ — новые взгляды, невысказанныя прежде идеи, — и что же? — на нее смотрятъ холодно; противъ нея кричатъ; одинъ недоволенъ тѣмъ, что она длинна (потому что ему некогда читать длинныхъ статей), другой сердитъ на то, что она заставляетъ думать (а онъ любитъ читать послѣ обѣда, для забавы и споспѣшествованія пищеваренію); третій кричитъ, что авторъ началъ издалика и о главномъ предметѣ сказалъ меньше, чѣмъ о побочныхъ, относящихся къ нему предметахъ. Положимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій и справедливы, что въ статьѣ есть недостатки, и даже очень важные; но развѣ горячее чувство, живое изложеніе, дѣльность и новость мыслей не въ состояніи выкупить этихъ недостатковъ! Развѣ такихъ статей такъ много, что вы можете выбирать только лучшее изъ хорошаго? — Ничего не бывало! въ слухѣ вашемъ еще въ первый разъ раздастся свѣжій голосъ; въ первый разъ слышите вы человѣка, который высказываетъ вамъ то, о чемъ онъ много думалъ, что горячо любилъ, чему пламенно вѣрилъ, чѣмъ исключительно жилъ¹⁾... Да если иная статья и понравится всѣмъ безусловно, то не собственнымъ достоинствомъ, которое бы всѣ поняли и оцѣнили, а такъ какъ-то, случайно: потому что, обругай ее какой-нибудь литературный торгашъ — всѣ ему повѣрятъ; а если авторъ статьи отвѣтитъ торгашу, опять всѣ повѣрятъ автору — до новаго ругательства со стороны торгаша... Тутъ не берется въ раз-

счетъ ни талантъ, ни личность, ни безукоризненность дѣятельности и жизни, ни убѣжденіе, ни чувство, ни умъ: мнѣніе всегда въ пользу того, кто въ полемической перепалкѣ послѣдній остался на аренѣ, т.-е. чья статья осталась безъ отвѣта.

И чего ожидать отъ толпы, если и отъ людей образованныхъ и благонамѣренныхъ слышатся иногда такіе упреки литераторамъ и такіе упреки критикѣ, что вполне понимаешь тщету и ничтожество всякой извѣстности, пустоту всякой дѣятельности, и изъ глубины души восклицаешь: „не изъ чего хлопотать, не для чего тратить время и силы!“ Такъ, напримѣръ, намъ случалось слышать упреки „Отечественнымъ Запискамъ“ именно отъ образованныхъ и благонамѣренныхъ людей, впрочемъ высоко цѣнящихъ это изданіе, — за что бы вы думали? — за то, что „Отечественныя Записки“ Пушкина называютъ мировымъ поэтомъ, въ произведеніяхъ Гоголя видятъ гениальную, творческую дѣятельность, а въ его „Ревизорѣ“ — великое художественное созданіе... Что же оскорбляетъ этихъ, впрочемъ умныхъ и благородныхъ людей въ нашихъ похвалахъ? — ихъ, говорятъ они, преувеличенность. Прекрасно! Но, милостивые государи, не противорѣчите ли вы сами себѣ, если, отнимая у журнала право самостоятельнаго взгляда на предметы, тѣмъ не менѣе хотите пользоваться сами этимъ правомъ? Почему же вы должны имѣть свой образъ мыслей, а журналъ не долженъ имѣть его? Неужели, произнося о чемъ-нибудь свое сужденіе, журналъ долженъ соображаться съ мнѣніемъ г. А., г. В., г. С. и т. д., или бѣгать къ тому и другому, спрашивать ихъ: „какъ прикажете написать вотъ о томъ или этомъ?“ Вѣдь вы сами согласны въ искренности, въ неподкупности нашихъ отзывовъ о помянутыхъ писателяхъ: почему же могутъ васъ оскорблять эти отзывы? Вы находите ихъ произвольными? но вамъ представляются причины, на которыхъ они основаны, доказательства, которыми они подтверждаются. Но эти причины и доказательства, можетъ быть, кажутся вамъ не довольно основательными и достаточными? Въ такомъ случаѣ вы имѣете полное право не согласиться съ ними, но ни въ какомъ случаѣ не имѣете права запрещать журналу имѣть свой взглядъ на предметы, свое убѣжденіе, и во всякомъ случаѣ должны уважать журналъ съ независимымъ мнѣніемъ и самобытною мыслию, хотя бы и противоположными вашимъ, и отличить его отъ журналовъ, въ которыхъ нѣтъ ни мнѣнія, ни мысли... Нѣкоторые называютъ похвалы „Отечественныхъ Записокъ“ Пушкину и Гоголю пристрастными. Что отвѣчать на это? Если это пристрастіе

¹⁾ Все это Бѣлинскій говоритъ несомнѣнно о самомъ себѣ.

къ лицамъ — оно не извинительно, предосудительно, — и какъ же „Отеч. Запискамъ“ оправдаться въ немъ передъ такими людьми, для которыхъ ничего не говоритъ за себя само дѣло, для которыхъ нѣмо свидѣтельство горячаго чувства, благороднаго одушевленія? Пусть подумаютъ они хоть о томъ, что Пушкина давно уже нѣтъ на свѣтѣ, и что онъ, поэтому, не можетъ быть ни вреденъ, ни полезенъ журналу; и что сочиненій Гоголя они не встрѣчали еще въ „Отеч. Запискахъ“. Если же это пристрастіе къ сочиненіямъ, то уважьте его, ибо если это и пристрастіе, то пристрастіе благородное и, къ несчастію, столь рѣдкое въ нашемъ холодномъ обществѣ, пристрастіемъ только къ выгодамъ внѣшней, матеріальной жизни, деньгамъ, — и въ нашей журналистикѣ пристрастной только къ подписчикамъ и выгодному сбыту своихъ издѣлій... А говорить ли о защитникахъ *своей* литературы и *своихъ* „сочинителей“, которые какъ будто лично оскорблены отзывами „Отеч. Записокъ“ о Марлинскомъ?.. Попробуйте растолковать имъ, что если бѣ журналъ былъ и неправъ въ мнѣніи о семъ сочинителѣ, то за нимъ все-таки остается право свободнаго и самобытнаго взгляда на всевозможныхъ сочинителей; что журналъ не обязанъ льстить толпѣ, повторяя ея устарѣлыя мнѣнія, и что *Amicus Plato, sed magis amica veritas*... Смѣшно и досадно, что у насъ еще надо толковать о такихъ простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ, о которыхъ уже не толкуютъ ни въ одной литературѣ... Да, мы начали съ конца, а не съ начала: мы вздумали „критиковать“, не объяснивъ сперва, что такое „критика“ и чѣмъ она отличается отъ полемики, отъ журнальныхъ перебранокъ, отъ журнальнаго пересыпанья изъ пустаго въ порожнее. Мы начали издавать книги, не позаботившись растолковать сперва, что такое книга и чѣмъ она отличается отъ колоды картъ...

Хорошо также, напримѣръ, обвиненіе противъ „Отечественныхъ Записокъ“ за употребленіе непонятныхъ словъ, именно: *безконечное, конечное, абсолютное, субъективное, объективное, индивидуумъ, индивидуальное*. Право, мы не шутимъ! Иной, пожалуй, скажетъ, что эти слова употреблялись еще въ „Вѣстникѣ Европы“, въ „Мнемозинѣ“, въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, въ „Атенѣ“, въ „Телеграфѣ“ и пр..., были всѣмъ понятны назадъ тому двадцать лѣтъ и не возбуждали ничьего ни удивленія, ни негодованія... Увы! что дѣлать! до сихъ поръ мы жарко вѣрили прогрессу, какъ ходу впередъ, а теперь приходится намъ повѣрить прогрессу, какъ попятному движенію назадъ... Да, теперь уже многого не

понимаютъ изъ того, что еще недавно очень хорошо понимали!.. А все благодаря журналамъ съ „раздирательными“ остротами и „уморительно-смѣшными“ повѣстями!.. Сверхъ упомянутыхъ словъ, „Отечественныя Записки“ употребляютъ еще слѣдующія, до нихъ никѣмъ не употреблявшіяся (въ томъ значеніи, въ какомъ онѣ принимаютъ ихъ) и неслыханныя слова: *непосредственный, непосредственность, имманентный, особый, обособленіе, замкнутый въ самомъ себѣ, замкнутость, созерцаніе, моментъ, опредѣленіе, отрицаніе, абстрактный, абстрактность, рефлексія, конкретный, конкретность* и пр. Въ Германіи, напримѣръ, эти слова употребляются даже въ разговорахъ между образованными людьми, и новое слово, выражающее новую мысль, почитается пріобрѣтеніемъ, успѣхомъ, шагомъ впередъ ¹⁾. У насъ на это смотрятъ наыворотъ, т. е. задомъ напередъ, — и всего грустнѣе причина этого: у насъ хотятъ читать для забавы, а не для умственного наслажденія, глазами, а не умомъ — требуютъ чего-нибудь легкаго и пустаго, а не такого, что вызвало бы на размышленіе, погружало въ созерцаніе высшей, идеальной жизни. И какъ же иначе? подумать лѣнь и некогда, а если не подумать — непонятно; непонятное же оскорбляетъ всякое мелкое самолюбіе. Слово отражаетъ мысль: непонятна мысль — непонятно и слово, а мыслей у насъ боятся больше всего, потому что онѣ требуютъ слишкомъ тяжелой и непривычной для многихъ работы — размышленія. И можно ли ожидать, чтобъ всѣ наши читатели понимали всѣ эти хитрости, если тѣ, которые снабжаютъ его умственною пищею, съ удивительнымъ добродушіемъ сознаются въ своемъ невѣдѣніи?.. Найдите въ Германіи хоть одного ученика изъ среднихъ учебныхъ заведеній, который не понималъ бы, что такое *вещь по себѣ* (Ding an sich) и *вещь для себя* (Ding für sich): а у насъ эти слова становятся въ тупикъ многихъ „опекуновъ языка“ и возбуждаютъ смѣхъ во многихъ „любимцахъ публики“, они даже не умѣютъ и переписать ихъ, ибо вмѣсто *für sich* пишутъ *zu sich*, подобно русскимъ солдатамъ, которые генерала Блюхера называли генераломъ Брюховымъ ²⁾.

Впрочемъ, нерасположеніе къ „Отече-

¹⁾ Впрочемъ, эти „непонятныя“ слова со дня на день становятся для всѣхъ понятными изъ употребленія. Хотя „Отеч. Записки“ всегда употребляли ихъ съ объясненіемъ и въ текстѣ, и въ выноскахъ, но скоро онѣ поговорятъ объ этихъ словахъ въ отдѣльной большой статьѣ, чтобъ сдѣлать ихъ ясными, какъ *дважды два — четыре*. Прим. Бѣлинскаго.

²⁾ Все это, а также и слѣдующій абзацъ — выпадъ противъ Греча: см. объ этомъ нашу вступительную замѣтку къ статьѣ № 15, а также примѣчаніе на стр. 551-ой.

ственнымъ Запискамъ" литературнаго люда имѣть еще и другую не менѣ важную причину: эти господа чувствуютъ, что истина рано или поздно беретъ свое—и успѣхъ „Отеч. Запис.“ служить имъ слишкомъ жестокимъ доказательствомъ этой истины. Эти господа, браня „Отеч. Записки“ и стараясь выказывать имъ всевозможное негодованіе свое, тѣмъ съ неменьшимъ вниманіемъ и постоянствомъ прочитываютъ каждую книжку страшнаго и ненавистнаго имъ журнала, и прочитываютъ ее, какъ говорится, отъ доски до доски: отчего же иначе имъ такъ твердо помнитъ всѣ опечатки въ „Отеч. Запискахъ“? Откуда же бы иначе могли они узнавать о существованіи неслыханныхъ ими *ученыхъ* словъ и новыхъ идей объ изящномъ и литературѣ, — идей, которыя сами собою никакъ не могли бы забрести въ ихъ почтенныя головы: вѣдь идеи ходятъ не съ закрытыми глазами и не заходятъ куда попало?.. Нѣкоторые изъ господъ, ратующихъ противъ „Отеч. Записокъ“ и явно и тайно, и литературно и не-литературно, даже невольно подчиняются ихъ духу, и смѣшно видѣть, какъ они мало-по-малу начинаютъ употреблять тѣ самыя *непонятныя* слова, которыя имъ столь ненавистны въ „Отеч. Запискахъ“; и еще смѣшнѣе видѣть, какъ они, вооружаясь противъ нихъ гусинымъ оружіемъ, повторяютъ ихъ мысли, стараясь увѣрить и „почтеннѣйшую публику“ и самихъ себя, что это — ихъ собственные мысли!.. Разумѣется, что они первые видятъ всю тщету своихъ усилій, и тѣмъ болѣе сердятся на „Отеч. Записки“. Въ самомъ дѣлѣ, презатруднительное положеніе: хотятъ потчевать публику своимъ—своего нѣтъ ничего, потому что все уже было сказано, и пересказано лѣтъ двадцать пять назадъ тому; хотятъ поддѣлаться подъ современность и попотчевать публику чужимъ, подслушаннымъ, — не то выходитъ, вмѣсто Блюхера является Брюховъ... Иной „любимецъ публики“, лѣтъ тридцать читая свое имя на оберткѣ и внутри издаваемыхъ имъ книженокъ и литературныхъ сплетней, вмѣсто журналовъ и газеты, и другихъ успѣлъ въ это время увѣрить, что онъ литераторъ, и самъ отъ полноты сердца повѣрилъ этому,—и вдругъ... о, ужасъ! ему доказываютъ, ясно и неопровержимо, что его литературная извѣстность составлена имъ на кредитъ, что онъ ничего не знаетъ, ничему не учился, что всѣ его сочиненія сшиты изъ чужихъ лоскутьевъ, что въ нихъ видны только терпѣніе и рутина, но не искры свѣтлаго ума, ни тѣни таланта!.. Каково ему?.. Поневолѣ придется употреблять противъ страшнаго врага всевозможныя средства... Такія продѣлки смѣшны, конечно, но и простибельны:

вѣдь у страха глаза велики, а смерть на носу придаетъ храбрость и зайцу; по крайней мѣрѣ, это фактъ, что баранъ, встрѣтившись съ волкомъ, прехрабро бьетъ о землю передними копытами...

Мы не безъ умысла распространились объ „Отеч. Запискахъ“. Статья наша должна быть обзорѣніемъ литературы русской за прошлый 1840 годъ, въ литературѣ же журналистика играетъ у насъ первую роль, а въ области журналистики „Отеч. Записки“ играютъ роль какого-то центра, куда направляются удары всѣхъ прочихъ повременныхъ изданій, и откуда *новыя слова* и *новыя мысли* переходятъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, въ прочія повременныя изданія. Кромѣ того „Отеч. Записки“ были центромъ современной журналистики еще и потому, что только въ нихъ слышанъ былъ свѣтскій ¹⁾ голосъ живой современности, а не повтореніе стараго и всѣмъ давно наскучившаго; только въ нихъ принимали дѣятельное участіе и люди, уже давно стяжавшіе себѣ славныя имена, и люди молодыхъ поколѣній, еще только выходящіе на поприще литературы. Мы не думаемъ сказать о себѣ слишкомъ много, сказавъ, что исторія современной журналистики и, частію, современной литературы русской есть исторія „Отеч. Записокъ“ ²⁾: вѣдь журналъ есть не одно то, что издается по подпискѣ и выходитъ книжками въ опредѣленное время, но и то, въ чемъ, при этихъ условіяхъ, есть жизнь, движеніе, новостъ, разнообразіе, свѣжесть, извѣстное направленіе, извѣстный взглядъ на вещи, словомъ—*характеръ* и *духъ*. А гдѣ же всѣ эти условія выполнены, если не въ „Отеч. Запискахъ“? — По крайней мѣрѣ, самые ожесточенные враги ихъ печатно сознаются въ томъ, что за нихъ можно заступаться и на нихъ можно нападать, какъ на нѣчто опредѣленно и дѣйствительно существующее... Боже мой! какихъ средствъ не было перепробовано противъ нихъ! Не только тайно посылались въ провинціи, но и въ самомъ Петербургѣ сколько разъ распространялись слухи, что „Отеч. Записки“ прекратятся то на *третьей*, то на *пятой*, то на *седьмой* книжкѣ; а онѣ шли себѣ да шли, съ вѣрностію хронометра являясь каждое *пятнадцатое* число мѣсяца, увѣсистыя

¹⁾ По справедливому указанію г. Венгерова — это навѣрное опечатка: вмѣсто „свѣтскій“ должно стоять „свѣжій“.

²⁾ Это сознаніе собственнаго значенія вызвало ожесточенный гнѣвъ литературныхъ враговъ Бѣлинскаго; см. объ этомъ въ нашей вступительной замѣткѣ къ ст. № 36. Кольцовъ писалъ Бѣлинскому изъ Москвы 27 янв. 1841 г.: „объ вашей статьѣ ходятъ сужденія разныя; одни — и весьма немногіе — говорятъ, что первая половина хороша, а вторая ужъ очень нахальна; а другіе удивляются, какъ ее напечатали“...

и плотныя отъ богатства матеріаловъ и — ужъ тоже не отъ бѣдности въ матеріальныхъ средствахъ... Вотъ вамъ и басня Крылова о „Слонѣ и Москѣ“ въ лицахъ...

Что же дѣлали въ это время другіе журналы?.. Какіе другіе журналы? Что такое журналъ? — изданіе, не выдающее въ срокъ обѣщанныхъ книжекъ? — Ну, если такъ, то они дѣлали свое дѣло очень исправно, кромѣ, впрочемъ, „Пчелы“, которая всегда выходила въ срокъ, съ извѣстіями, уже напечатанными въ другихъ газетахъ. Вообще, она съ прежнимъ усердіемъ и прежнимъ успѣхомъ занималась своимъ дѣломъ и, какъ всегда при началѣ подписки была въ большихъ хлопотахъ. Нѣкоторые изъ старыхъ толстыхъ журналовъ, отставая книжками, „раздирательно“ острили, и этотъ новый родъ остроумія уже никого не забавлялъ: sic transit gloria mundi! „Галатея“, послѣ неудачнаго дебюта, безъ вѣсти пропала въ то самое время, какъ ее вздумалъ-было оживлять въ Москвѣ какой-то досужій „любимецъ публики“. Спасибо „Галатеѣ“ хоть за то, что о ней есть что сказать, благодаря ей salto mortale... Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ печатались преимущественно стихотворенія гг. Кукольника и Губера. Первый напечаталъ въ ней двѣ драмы историческія и двѣ какія-то историческія же повѣсти: первыя очень хороши, но сухи и скучны, а вторыя — просто анекдоты, довольно неудачно рассказанные на нѣсколькихъ страницахъ. Въ „Сынѣ Отечества“ было напечатано три стихотворенія Пушкина, изъ которыхъ два интересны, какъ произведенія его дѣтской музы. Въ „Современникѣ“, какъ и прежде, было много интересныхъ оригинальныхъ статей, изъ которыхъ особенно замѣчательны статьи о Финляндіи г. Грота. Талантливый Основьяненко напечаталъ въ „Современникѣ“ нѣсколько интересныхъ повѣстей и живую, остроумную журнальную статью „Званные Гости“. Въ стихотворномъ отдѣленіи „Современника“ были прекрасныя стихотворенія гр — ни Р — ной; изъ нихъ особенно замѣчательно по теплотѣ чувства и прелести выраженія называющееся „Въ Москву!“

Съ именемъ „Отечественныхъ Записокъ“ неразрывно соединяется мысль о большей части замѣчательнѣйшихъ новостей по изящной литературѣ, потому что все новое и интересное или напечатано, или рассмотрѣно въ нихъ, въ отдѣленіи критики и библіографіи. Въ отдѣленіи словесности помѣщено два стихотворенія Пушкина; почти въ каждой книжкѣ печатались стихотворенія Лермонтова, Кольцова, Красова; между ними являлись стихотворенія кн. Вяземскаго, Баратынскаго, гр — ни Р — ной, — вой Глинки (Θ. Н.), Ознобишина, Полежаева; переводы изъ Гёте, Гейне и Рюккерта — Струговщикова,

Каткова, Аксакова; читатели, вѣрно, замѣтили также нѣкоторыя изъ стихотвореній — „—, Огарева и другихъ. Изъ оригинальныхъ повѣстей: „Косморама“ кн. Одоевскаго, отрывокъ изъ новаго романа Лажечникова „Колдунъ на Сухаревой Башнѣ“, „Тамань“ Лермонтова, „Большой Свѣтъ“ и семь главъ изъ „Тарантаса“ гр. Соллогуба; „Раздѣлъ Имѣнія“, „Бѣлая Горючка“ и „Прекрасный Человѣкъ“, Панаева; „Вѣрное Лѣкарство“, Гребенки; „Недоумѣніе“, А. Н. — составляли почти единственныя живыя и интересныя новости литературы прошлаго года. Не говоря о множествѣ переведенныхъ повѣстей, „Отеч. Записки“ съ гордостію могутъ указать на „Путеводителя въ Пустынь“, новый романъ Купера, переведенный съ англійскаго, какъ еще не былъ переведенъ по-русски ни одинъ романъ Вальтера Скотта или Купера. „Путеводитель“ на дняхъ вышелъ отдѣльною книгою, и потому представляетъ собою важную литературную новость и на 1841 годъ. Въ послѣдней книжкѣ „Отеч. Записокъ“ была напечатана переведенная съ нѣмецкаго фантастическая повѣсть Гоффмана — „Мейстеръ Фло“.

Изъ ученыхъ статей „От. Зап.“ прошлаго года читателями вѣроятно были особенно замѣчены: „О философіи“, М. Бакунина, „Общественная и частная жизнь Китайцевъ“ о. Іакинѣа, „О возобновленіи аѳинскихъ памятниковъ древности въ концѣ 1836 и началѣ 1837 года“, „О Пиццѣ“ Я. А. Чаруковскаго; „Звѣздное Небо“ Д. М. Перовщикова, и пр. Въ переводныхъ ученыхъ статьяхъ „Отеч. Записки“ имѣли въ виду преимущественно ознакомленіе публики съ представителями европейскихъ литературъ и художниковъ вообще, — и читателямъ, вѣрно, извѣстны статьи: „Э. Т. А. Гоффманъ, какъ музыкантъ“, „Обзоръ главнѣйшихъ мнѣній о Шекспирѣ, высказанныхъ европейскими писателями въ XVIII и XIX столѣтіяхъ“, „Четыре новыя драмы, приписываемыя Шекспиру“, соч. Ретшера; „Лессингъ, его жизнь и творенія“. Сверхъ того были напечатаны статьи историческаго содержанія: „О литературной взаимности между племенами и нарѣчіями славянскими“, „О сочиненіяхъ Венелина по славянской исторіи“, „Письмо князя Пожарскаго къ императору Максимилиану“, „Историческія извѣстія о Нижнемъ-Новгородѣ“, „Записки Князя Долгорукаго“ и пр.

Въ отдѣлѣ критики рассмотрѣны: „Горе отъ Ума“ комедія Грибоѣдова; „Полное собраніе сочиненій Марлинскаго“; „Подарокъ на новый годъ, двѣ сказки Гоффмана“, „Дѣтскія сказки Дѣдушки Принца“; „Исторія древней русской Словесности, соч. М. Максимовича“; „О жизни литературной, или

отвѣтъ на рецензіи Терапевтическаго Журнала и статей „о жизни“ соч. Ив. Зацѣпина“; „О Ганеманиѣ и Гомеопатіи, практическое сочиненіе Семена Вольскаго“; „Герой нашего времени, соч. Лермонтова“; „Путешествіе Барона Врангеля вдоль сѣвернаго берега Сибири и въ Ледовитомъ Морѣ, въ 1820—1824 годахъ“; „Сочиненія графини Сарры Толстой“, „Сочиненія въ стихахъ и прозѣ Дениса Давыдова, второе изданіе“; „Влахо-Болгарскія или Дако-Славянскія грамоты“.

Въ Библиографической Хроникѣ постоянно были разбираемы *всѣ* книги, издававшіяся въ Россіи на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, тотчасъ по ихъ выходѣ,—такъ что библиографическая хроника „Отеч. Записокъ“ есть самая полная и отчетливая лѣтопись современной русской литературы. Извѣстія о замѣчательныхъ явленіяхъ современной французской, нѣмецкой и англійской литературы составляли постоянную статью почти въ каждой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Матеріалы для исторіи, статистики, цѣлыя переводныя повѣсти, особо отъ помѣщаемыхъ въ отдѣлѣ словесности, постоянные отчеты о русскомъ и французскомъ, а иногда и англійскомъ театрахъ, новости по части наукъ, открытій, литературѣ въ Европѣ и у насъ, въ Россіи—вотъ содержаніе Смѣси „Отеч. Записокъ“.

Въ прошломъ году началъ издаваться драматическій альманахъ-журналъ „Пантеонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ Театровъ“. Успѣхъ этого повременнаго изданія, при существованіи „Репертуара“, показалъ, что и у насъ драма становится тѣмъ, чѣмъ недавно былъ романъ—исключительно любимымъ родомъ поэзіи. Въ то время, какъ „Репертуаръ“ потчевалъ свою публику невинными водевилями, частію переведенными, частію передѣланными съ французскаго, и чувствительными драмами домашняго печенія, „Пантеонъ“ подарилъ своихъ читателей „Бурею“ и „Цимбелиномъ“ Шекспира и нѣсколькими болѣе или менѣе примѣчательными драмами, переведенными съ нѣмецкаго, англійскаго и французскаго; изъ нихъ особенно примѣчательны: „Двадцать четвертое Февраля“, драма Вернера, превосходно переведенная съ подлинника г. Струговщиковымъ, и „Норманъ, морской капитанъ“, драма Больвера, переведенная съ англійскаго прозою; а изъ оригинальныхъ—„Торжество Добродѣтели“, драматическій очеркъ канцелярской жизни, г. Меншикова, „Благородные Люди“, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ его же, г. Меншикова, и „Петербургскія Квартіры“, комедія-водевиль г. Кони, примѣчательная въ цѣломъ, какъ веселая и оригинальная шутка, и превосходная своимъ

четвертымъ актомъ, составляющимъ какъ бы особую комедію въ комедіи. Если справедливы слухи, то на будущій годъ „Пантеонъ“ подаритъ русскую публику драмою Шекспира „Ромео и Юлія“, которая превосходно переведена съ подлинника, стихами. „Пантеонъ“ возбудилъ соревнованіе и въ „Репертуарѣ“, который подарилъ публику очень хорошимъ переводомъ въ прозѣ „Антонія и Клеопатры“, выдавъ эту драму Шекспира въ видѣ особаго приложенія къ одной изъ своихъ книжекъ.

Въ концѣ прошлаго года журнальное движеніе проявилось еще сильнѣе. Возобновляется старый журналъ „Русскій Вѣстникъ“, издававшийся извѣстнымъ литературнымъ ветераномъ и патріотомъ, С. Н. Глинкою, который будетъ имѣть сотrudниками цѣлыхъ три дѣйствующихъ лица: г. Гречъ, бывший нѣкогда владѣльцемъ и редакторомъ „Сынъ Отечества“ и издавшій въ прошломъ году, вмѣсто обѣщанныхъ 12 книжекъ, только одну книжку „Дѣтскаго Собесѣдника“, г. Полевой, бывший редакторъ „Сынъ Отечества“ и недокончившій его, г. Кукольникъ, бывший редакторъ „Художественной Газеты“, неиздавшій ни одного номера ея въ 1839 году ¹⁾. Странное явленіе — журналъ съ *четырьмя* редакторами! Дай Богъ, чтобы на немъ не сбылась пословица: *у семи нянекъ дитя безъ глазу!*.. Какое будетъ его направленіе, что скажетъ онъ намъ новаго—можно предвидѣть по именамъ редакторовъ, которые еще такъ недавно и съ такимъ блескомъ выказали свои журнальныя способности. Г. Булгаринъ, не участвующій въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, нынѣшній годъ дѣлается редакторомъ хозяйственнаго журнала „Экономъ“, который издается г. Песоцкимъ, издателемъ „Репертуара“.

Итакъ, журналовъ стало у насъ больше прежняго; но это только видимый выигрышъ со стороны литературы, а въ сущности дѣло остается все тѣмъ же, чѣмъ и было: имя не составляетъ вещи, и если одинъ и тотъ же человекъ издаетъ хоть десять журналовъ—эти десять равны единицѣ, раздѣленной на десять частей, и въ десять разъ раздѣлившей силы и дѣятельности редактора. Одно

¹⁾ Здѣсь кстати замѣтить, что если литераторы имѣютъ причины жаловаться на публику, то и публика, съ своей стороны, едва-ли еще не больше имѣетъ правъ жаловаться на литераторовъ. Кредитъ и довѣренность между той и другою стороною должны быть основою ихъ взаимныхъ отношеній; но какъ же требовать отъ публики, чтобы она довѣряла и подписывалась въ то время, какъ она не знаетъ, что ей дѣлать съ *билетами* на двѣ русскія исторіи и прочія предпріятія г. Полеваго, невыдавашаго публикѣ всего-на-все 22-хъ томовъ.—на „Россію“ и компактное изданіе сочиненій г. Булгарина, о которыхъ вѣтъ ни слуху, ни духу, на „Дѣтскаго Собесѣдника“ г. Греча, и пр. и пр.?

и то же направлѣніе, одинъ и тотъ же образъ мыслей и взглядъ на вещи только надоѣдаютъ, если повторяются въ нѣсколькихъ изданіяхъ. И потому къ помянутымъ нами *новымъ* журналамъ очень идетъ этотъ *старый* стихъ:

Ничто не ново подъ луною!

До 1831 года въ одной Москвѣ было больше журналовъ въ *сущности*, чѣмъ теперь въ обѣихъ столицахъ по *числу*. Не говоря уже о „Телеграфѣ“, котораго важная заслуга единодушно признана теперь и друзьями и недругами покойника; не говоря о „Московскомъ Вѣстникѣ“, знакомившемъ нашу публику съ германскою литературою и германскимъ воззрѣніемъ на жизнь, науку и искусство, — самый „Вѣстникъ Европы“, доживавшій тогда свои послѣдніе годы, былъ явленіемъ примѣчательнымъ и интереснымъ. Это была — умирающая мысль, отстаивающая себя въ отчаянной схваткѣ противъ враждебной новизны... Какое характеристическое изданіе было въ началѣ и въ концѣ своемъ — „Телескопъ“! Да, тогда имя было вмѣстѣ и дѣломъ, а теперь — только новыя имена журналовъ, а сущность остается все та же, все старая же...

Кстати о московскихъ журналахъ съ направлѣніемъ и характеромъ: въ Москвѣ издается съ нынѣшняго года новый журналъ „Москвитянинъ“... Главный редакторъ его — г. Погодинъ, главный сотрудник — г. Шевыревъ. Не беремся пророчить о судьбѣ новаго изданія, но смѣло можемъ поручиться, что онъ есть предпріятіе честное, добросовѣстное, благонамѣренное, чисто литературное и нисколько не меркантильное; что у него будетъ своя мысль, свое мнѣніе, съ которыми можно будетъ соглашаться и не соглашаться, но которыхъ нельзя будетъ не уважать, — противъ которыхъ можно будетъ спорить, но съ которыми нельзя будетъ браниться.

Отъ журналистики обратимся собственно къ литературѣ 1840 года, и посмотримъ, чѣмъ-то обогатила она насъ. Нельзя сказать, чтобъ по изящной литературѣ въ прошломъ году не вышло нѣсколькихъ примѣчательныхъ книгъ. „Римскія Элегіи“ Гёте, переведенныя размѣромъ подлинника г. Струговщиковымъ, „Котъ Мурръ“, романъ Гоффмана, и „Путеводитель въ Пустынь“ Купера — суть важныя приобрѣтенія, или, лучше сказать, *усвоенія* нашей литературы изъ сокровищницы литературы нѣмецкой и англійской, особенно первое, какъ переведенное стихами, достойными стиховъ подлинника. Къ числу этихъ приобрѣтеній должно отнести и „Подарокъ на Новый Годъ, двѣ сказки Гоффмана („Неизвѣстное Дитя“ и „Человѣкъ

Щелкушка“), очень хорошо переведенныя, тогда какъ первый переводъ ихъ (въ „Серапіоновыхъ Братьяхъ“) очень дуренъ. Кстати о переводахъ вообще, т.-е. и отдѣльно вышедшихъ, и помѣщенныхъ въ журналахъ, и даже нигдѣ не напечатанныхъ: наша литература принялась за Шекспира, несмотря на то, что публика еще не думаетъ серьезно приняться за него. Мы уже упоминали о „Бурѣ“, „Цимбелинѣ“, помѣщенныхъ въ „Пантеонѣ“, и „Антоніи и Клеопатрѣ“, вышедшей при „Репертуарѣ“ особенною книжкою; теперь упомянемъ о другомъ (въ стихахъ) переводѣ „Бури“ — Сатина, только-что вышедшемъ въ Москвѣ; сверхъ того, какъ слышно, печатаются два перевода „Сна въ Лѣтнюю Ночь“ — г. Вельтмана и г. Сатина; приготовлены къ печати (хотя и неизвѣстно навѣрное, будутъ ли напечатаны): „Король Іоаннъ“, „Ричардъ II“ и „Генрихъ IV“, переведенные въ прозѣ, съ подлинника, г. Кетчеромъ; „Ричардъ II“, „Двѣнадцатая Ночь или Что угодно“ и „Гамлетъ“, переведенные съ подлинника стихами, г. Кровебергомъ; „Ромео и Юлія“, переведенная съ подлинника, стихами, г. Катковымъ. Кромѣ того, говорятъ, переведены: „Коріоланъ“, „Много шума изъ пустяковъ“, и пр. Мы слышали даже, что одинъ молодой человѣкъ, посвятившій себя изученію Шекспира, и собственно для него изучившій англійскій языкъ, перевелъ стихами — страшно вымолвить! — *всего* Шекспира. Итакъ, важность вопроса о Шекспирѣ теперь состоитъ не въ томъ, какъ и кому переводить его, а въ томъ — *для кого*, а слѣдовательно, *какъ и кому* печатать его... Воля ваша, а странна наша литература!..

Оригинальныхъ изящныхъ произведеній въ прошломъ году вышло немного; но „Герой нашего времени“ и „Стихотворенія Лермонтова“ — эти двѣ книжки, которыя одинокими пирамидами высятся въ песчаной пустынѣ современной имъ литературы — дѣлаютъ 1840 годъ однимъ изъ плодороднѣйшихъ въ литературномъ отношеніи и даютъ ему цѣну хорошаго десятилѣтія. Къ этимъ же двумъ книжкамъ мы присоединили бы и сочиненія графини Сарры Толстой, если бы первая часть ихъ вышла въ прошломъ, а не въ 1839 году. Въ прошломъ же году вышли новыя повѣсти г-жи Жуковой, впрочемъ, уже извѣстныя публикѣ изъ журналовъ; „Панъ Халявскій“ Основьяненка — эта превосходная сатира, написанная рукою отличнаго мастера; три повѣсти г. Александрова (Дуровой) — „Ярчукъ“, „Уголь“ и „Кладъ“; новый романъ г. Вельтмана „Генераль-Каломерось“. Ко всему этому должно отнести „Одесскій Альманахъ“, которымъ почти начался прошлый годъ: онъ примѣ-

чателенъ многими прекрасными пьесами. Въ концѣ года появилась „Утренняя Заря“, которая уже принадлежитъ библиографіи наступившаго новаго года. Важнымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы считаемъ маленькую книжечку, изданную г. Сухановымъ, подъ названіемъ: „Древнія Русскія Стихотворенія, служація дополненіемъ къ Киршѣ Данилову“. Примѣчательна книжка г. Боричевского: „Повѣсти и Преданія Народовъ Славянскаго Племени“. Изъ старыхъ вышли вновь роскошное изданіе *Басенъ Крылова* и *Полное собраніе сочиненій Дениса Давыдова*.

Вотъ исчисленіе примѣчательныхъ явленій по части ученой литературы прошлаго года: „Путевыя Записки, веденныя во время пребыванія на Ионическихъ Островахъ, въ Греціи, Малой Азіи и Турціи въ 1835 году, Владиміромъ Давыдовымъ“, съ великолѣпнымъ атласомъ in folio; „Путешествіе по Египту и Нубіи въ 1834—1835 г. А. Норова“; „Путешествіе Маршала Мармона въ Венгрію, Трансильванію, Южную Россію, по Крыму и берегамъ Азовскаго моря, въ Константинополь, нѣкоторыя части Малой Азіи, Сирію, Палестину и Египетъ“. „Записки Александры Фуксъ о Чувашахъ и Черемисахъ“; „Очерки Россіи“, изд. В. Пасекомъ; „Описаніе посольства, отправленнаго въ 1659 отъ Царя Алексѣя Михайловича къ Фердинанду II-му, великому герцогу тосканскому“; „Записки Желябужскаго“; „Сборникъ Князя Оболенскаго“; „Влахо-Болгарскія Граматы, собранныя Ю. Венелинымъ“; „Оборона Лѣтописи Русской Несторовой, г. Буткова“; „Кіевлянинъ, г. Максимовича“; „Руководство къ Познанію Древней Исторіи С. Смагда“; „Изображеніе Переворотовъ въ Политической Системѣ Европейскихъ Государствъ, соч. Ансильона“ (т. II, *дурно переведенный*); „Первые Четыре Вѣка Христіанства“, „Первобытная Исторія Христіанской Церкви у Славянъ, Мацеѣвскаго“; „Естественная Исторія Оренбургскаго Края, соч. Эверсмана“, „Первобытный Міръ Россіи, соч. Эйхвальда“, „Основанія Чистой Химіи, Гесса“, изд. пятое; „Гальваноопластика, Якоби“; „Исторія Философіи Архимандрита Гавріила“, изд. второе; „Исторія Философіи Древнихъ Временъ Риттера“; „Введеніе въ Философію, г. Карпова“; „Система Логики, Бахмана“; „О мѣрѣ Наказаній, С. Баршева“. — Продолжались изданія „Дѣяній Петра Великаго, Голикова“, доведенныя до XIII т. включительно; „Живописнаго Путешествія по Азіи соч. Эйріе“, доведеннаго до конца; „Очерковъ съ произведеній Живописи“ изд. г. Тромонинымъ; „Записокъ Герцогини Абрантесъ“ (т. XV). — Вышло *четвертымъ* изданіемъ „Путешествіе къ Святымъ Мѣ-

стамъ“ и *третьимъ* — „Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ Русскимъ“. — Гг. Язвинскій и Ольдекопъ издали нѣсколько руководствъ къ языкоученію.

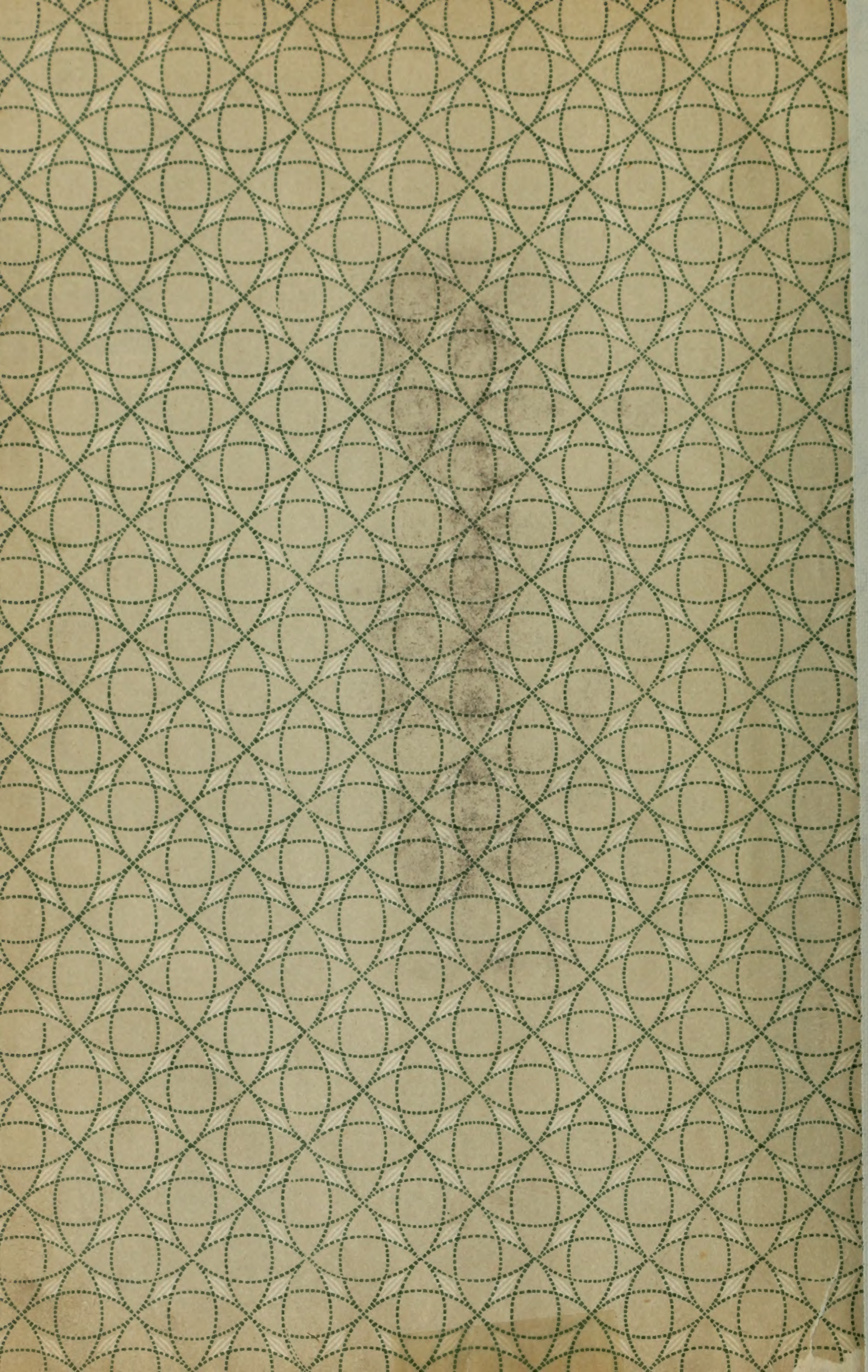
Кромѣ всѣхъ этихъ книгъ, можетъ быть, мы не упомянули и еще около десятка болѣе или менѣе примѣчательныхъ сочиненій, особенно по части математики, медицины и сельскаго хозяйства. Число же всѣхъ книгъ, вышедшихъ въ прошломъ году въ Россіи на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, беллетрическихъ и ученыхъ, превосходныхъ, хорошихъ и дурныхъ, — не составляетъ и *пятисотъ* нумеровъ, если не включать сюда журнальныя статьи, отпечатанныя особыми брошюрами, азбуки, молитвенники и проч... Да, немного!

Прошедшее нашей литературы неблестяще, настоящее тускло; но за будущее намъ нисколько не должно отчаяваться. У насъ нѣтъ литературы въ точномъ и опредѣленномъ значеніи этого слова, но у насъ есть уже начало литературы, и, соображаясь съ средствами, особенно же съ временемъ, нельзя не дивиться, какъ уже много сдѣлано. Какихъ-нибудь сто лѣтъ едва прошло съ того времени, какъ мы не знали еще грамоты, — и вотъ уже мы по справедливости гордимся могущественными проявленіями необъятной силы народнаго духа въ отдѣльныхъ лицахъ, каковы: Ломоносовъ, Державинъ, фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковский, Батюшковъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ и другіе. Нападая на нашу литературу, мы хотѣли только противоборствовать смѣшному самообольщенію, которое въ многомъ видитъ безконечно многое, и добродушно вѣрить, что русская литература превосходитъ и англійскую, и нѣмецкую, и французскую; мы хотѣли показать дѣло въ настоящемъ положеніи, не скрывая ни хорошихъ, ни дурныхъ его сторонъ, хотѣли разсмотрѣть безпристрастно вопросъ о существованіи русской литературы, не утаивая ни того, что можно сказать *противъ* него, ни того, что можно сказать *за* него. Повторяемъ: у насъ еще нѣтъ литературы, какъ выраженія духа и жизни народной, но она уже начинается, — а это въ такой короткій періодъ времени — успѣхъ, и успѣхъ великій, который не долженъ обольщать насъ въ настоящемъ, но который долженъ казаться залогомъ великихъ надеждъ въ будущемъ. Если сила и мощь отдѣльно дѣйствующихъ лицъ въ нашей литературѣ поражаютъ васъ невольнымъ удивленіемъ, то чѣмъ же должна быть наша литература, когда она сдѣлается выраженіемъ національнаго духа и національной жизни?.. И мы уже видимъ начало этого желаннаго времени... Да будетъ!..

1841 г.

Оглавление 1 тома.

	СТР.
<i>Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, вступительная статья Иванова-Разумника.</i>	
1. Литературныя мечтанія	1
2. Сочиненія въ прозѣ и стихахъ Константина Батюшкова	103
3. О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя	109
4. Стихотворенія Владиміра Бенедиктова	167
5. Стихотворенія Кольцова	187
6. Ничто о ничемъ, или отчетъ г. издателю «Телескопа» за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы	195
7. О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ «Московского Наблюдателя»	249
8. Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ	315
9. Опытъ системы нравственной философіи	331
10. Гамлетъ, драма Шекспира	351
11. Литературная хроника	403
12. Сочиненія Николая Греча	415
13. [О критикѣ]	441
14. Ледяной Домъ. Басурманъ	463
15. Бородинская годовщина	485
16. Очерки бородинскаго сраженія	497
17. Менцель, критикъ Гёте	557
18. Горе отъ ума	583
19. Очерки русской литературы	663
20. Полное собраніе сочиненій А. Марлинскаго	689
21. Двѣ сказки Гофмана. Дѣтскія сказки дѣдушки Иринея	731
22. Басни Ивана Крылова	785
23. Герой нашего времени	795
24. Стихотворенія М. Лермонтова	887
25. Сочиненія Дениса Давыдова	961
26. Русская литература въ 1840 году	991

LR
B9936 I

462770

Byelinsky, Vissarion Grigor'evich
Сообрание сочинений, под ред. Иванова-
Разумника. 2., изд.

T.1
[Title translit: Sobranie sochineny ...]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

